

DIXI ET ANIMAM LEVA VI.

**В. А. ИГНАТЪЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

Пермь, 2018

УДК 929
ББК 63.3(2Рос)
И26

И26 **Dixi et animam levavi. В. А. Игнатъев и его воспоминания.**
(Составитель В. Г. Бояршинов). – Москва: Издательство «Перо», 2018 –
2000 с.: илл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-00122-860-8

Воспоминания преподавателя и бытописателя Василия Алексеевича Игнатъева (1887-1971) о своей семье, об особенностях бытовой обстановки, учебном процессе и преподавателях, досуге и быте учащихся в духовных учебных заведениях, преподавательской работе в образовательных учреждениях, о малой родине и особенностях общественного уклада, о сослуживцах и знакомых. Издание адресовано историкам, архивистам, преподавателям, студентам и краеведам.

ISBN 978-5-00122-860-8

УДК 929
ББК 63.3(2Рос)

© Игнатъев В.А., Бояршинов В. Г., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ	24
<i>Предисловие к Части I.</i>	42
<i>Предисловие к Части II.</i>	44
<i>Предисловие к Части III.</i>	49
<i>Предисловие к Части IV.</i>	59
<i>Предисловие к Части V.</i>	67
<i>Предисловие к Части VI.</i>	69
<i>Предисловие к Части VII.</i>	72
<i>Предисловие к Части VIII.</i>	78
<i>Предисловие к Части IX.</i>	80
<i>Предисловие к Части X.</i>	89
<i>Благодарности.</i>	92
Часть I. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИГНАТЬЕВЫХ	94
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИГНАТЬЕВЫХ	94
<i>Patres nostri</i>	94
Отец, его родословная	94
Мать, её родословная	97
Брак родителей и первые годы семейной жизни	99
Основной, теченский период семейной жизни	101
<i>Антонина Ивановна Тетюева</i>	108
<i>Александр Алексеевич Игнатъев</i>	114
<i>Мария Владимировна</i>	122
<i>Александра Алексеевна Игнатъева</i>	126
<i>Алексей Алексеевич Игнатъев</i>	131
<i>Николай Алексеевич и Юлия Алексеевна Игнатъевы</i>	142
<i>Иван Алексеевич Игнатъев</i>	145
<i>Сергей Александрович Игнатъев</i>	149
ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПЕТИ ИКОННИКОВА	150
<i>Из записной книжки П. А. Иконникова</i>	164
НАШЕ ДЕТСТВО И ТЕЧЕНСКИЕ «ШТАТЫ» (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА)	169
ДРУЗЬЯ НАШИХ ДЕТСТВА И ЮНОШЕСТВА ИЗ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХ И МИРА ЖИВОТНЫХ (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА)	184

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ I	207
Часть II. КАМЫШЛОВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	215
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА	215
<i>ИСТОРИЯ КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА (СПРАВКА)</i>	215
<i>[ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ]</i>	216
Михаил Николаевич Флоров [(смотритель)]	216
Пётр Николаевич Лавров [(помощник смотрителя)]	220
Василий Захарович Присёлков [(помощник смотрителя)]	224
Иван Николаевич Ставровский [(надзиратель)]	226
Николай Павлович Дубровин [(надзиратель)]	228
Пётр Васильевич Хавский	229
Иван Кузьмич Сахаров	232
Александр Андреевич Наумов	235
Вячеслав Алексеевич Садовский	236
Иван Иванович Устинов	236
Михаил Даниилович Симановский	237
О[тец] Димитрий Победоносцев	237
Михаил Михайлович Щеглов	238
<i>[СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА]</i>	249
Учение бурсаков	249
Быт «бурсаков»	252
Распорядок дня	252
Питание	254
Гигиена и санитария	256
Одежда «бурсаков»	258
«Родимые» пятна старой бурсы в нашем училище и «благочестивые» размышления по поводу них	259
Борьба за культуру на «бурсе»	271
Любимые игры «бурсаков»	273
Наступление на «бурсу», или «Кикимора» отступает	278
Отдельные замечательные явления и события в жизни бурсы	283

<i>Ляпустины (к истории Камышловского дух[овного] уч[илища]</i>	289
<i>«Их» судьба</i>	291
<i>Выпуск 1902 г.</i>	298
УЧЕНИЕ ПЕТИ ИКОННИКОВА В КАМЫШЛОВСКОМ ДУХОВНОМ УЧИЛИЩЕ	303
<i>[Приготовительный класс]</i>	306
<i>[1-й класс]</i>	313
<i>[2-й класс]</i>	315
<i>[3-й класс]</i>	316
<i>[4-й класс]</i>	317
<i>Из записной книжки П. А. Иконникова (продолжение)</i>	321
РАССКАЗ «ГИБЕЛЬ ФИНГАЛА» (ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ СОБАКИ)	323
ПОЕЗДКА В КАМЫШЛОВ И ТИМОХИНО В АВГУСТЕ 1963 ГОДА	329
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ II	340
Часть III. ПЕРМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА	361
СТАРАЯ ПЕРМЬ	361
<i>Главные ворота города</i>	362
<i>Сибирка</i>	366
<i>Красноуфимская улица</i>	367
<i>Кунгурская улица</i>	369
<i>Культурные учреждения города</i>	370
<i>Знатные люди Перми и выходцы из нее</i>	371
<i>Парки, скверы города</i>	371
КАМА	374
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ	380
<i>Alma Mater</i>	380
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ	385
Протоиерей Константин Михайлович Добронравов (ректор)	385
Александр Павлович Миролубов (инспектор).....	390
Николай Иванович Знамировский.....	399
Валериан Александрович Фаминский	407
Владимир Александрович Кандауров.....	414
Алексей Иванович Добролюбов	418

Алексей Иванович Дергачёв	421
Александр Николаевич Юрьев	424
Александр Федосеевич Успенский	429
Павел Николаевич Серебренников.....	431
Василий Яковлевич Струминский.....	436
[О.] Тихон Петрович Андриевский	442
О. Стефан Луканин	455
Протоиерей «Маттафия»	457
<i>ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ</i>	458
Экономы	458
Эскулап [(семинарский фельдшер)]	460
Кирилл Михайлович [(повар)]	462
Иван Иванович [(столяр)].....	465
Михаил [(ламповщик)]	467
«Сторожа»	468
Яша [(швейцар)]	472
Scriba [(секретарь)].....	476
С. Е. Кусакин	477
<i>СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ</i> ...	479
Любимые места прогулок пермских семинаристов	479
Семинарский сад весной	486
Сезонные традиционные лакомства.....	487
Черты семинарского быта	488
Обязанности семинаристов по выполнению религиозного культа	500
Свободное планирование рабочего времени на уроках.....	500
Семинарское вече.....	501
Диспуты со старообрядцами	502
«Казённики» и «полуказённики».....	503
Вечернее время в общежитии	504
Экзамены	508
Вечер «сказителя» былин	509
О преподавании классических языков в нашей семинарии	513
О «кантах».....	516
В бане.....	519

Каникулярное время в общежитии.....	521
В театре	524
О семинарском хоре и семинаристах-певцах.....	530
Великопостные напевы.....	543
Страстная неделя.....	546
Пение	553
О чём пели семинаристы во время первой русской революции	555
Семинаристы – культурные деятели нашего деревенского захолустья	565
О любви семинаристов к своей семинарии и семинарской гордости ...	572
Их провожали в последний путь	576
Женихи	578
<i>НАС БЫЛО ТРИДЦАТЬ</i>	582
1. Мавровский Николай.....	582
2. Харин Евфимий	584
3. Иваницкий Николай.....	585
4. Пономарёв Виталий	586
5. Богословский Сергей	587
6. Козельский Григорий.....	588
7. Бережнёв Пётр	589
8. Черепанов Леонид.....	589
9. Михайлов Филагрий	590
10. Хмельнов Николай.....	590
11. Словцов Семён	591
12. Юмин Константин.....	591
13. Юмин Александр.....	591
14. Павлинов Михаил	592
15. Чернавин Георгий	592
16. Яковкин Александр.....	592
17. Кочнев Михаил.....	593
18. Первушин Николай	593
19. Коровин Марин	594
20. Удинцев Александр.....	595
21. Удинцев Иван	595
22. Попов Николай	595

23. Старцев Анект	596
24. Хохлов Александр.....	597
25. Никитин Александр	597
26. Максимов Андрей	597
27. Шкляев Александр.....	598
28. Третьяков Константин	598
29. Затопляев Михаил	599
30. Игнатъев Василий	599
<i>ПОЛТОРА ГОДА ЖИЗНИ И РАБОТЫ В ПЕРМИ</i>	601
<i>НАША СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ</i>	606
УЧЕНИЕ ПЕТИ ИКОННИКОВА В ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....	612
<i>[1-й класс]</i>	615
<i>[2-й, 3-й и 4-й классы]</i>	616
<i>[5-й класс]</i>	620
<i>[6-й класс]</i>	626
ВОСПОМИНАНИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ	В. А.
ИГНАТЬЕВА О БЫВШИХ СЕМИНАРИСТАХ	629
<i>Мы – семинаристы</i>	629
<i>Воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове</i> ...	632
<i>Сергей Степанович Богословский</i>	641
<i>Александр Борчанинов</i>	645
<i>Plusquamperfectum (гримаса прошлого)</i>	649
<i>Гриша Козельский</i>	654
<i>Александр Ильич Анисимов</i>	664
<i>Меркуфа</i>	670
<i>Василий Николаевич Старцев</i>	674
<i>Братья Медведевы</i>	677
<i>Николай Иванович Хмельнов</i>	680
<i>Владимир Семёнович Белоусов</i>	684
<i>Борис Евгеньевич Юшков</i>	687
<i>Леонид Васильевич Лепешинский</i>	689
<i>Владимир Павлович Луканин</i>	693

<i>Александр Владимирович Затопляев</i>	695
<i>Целлестин Андреевич Киселёв</i>	698
<i>Владимир Петрович Козельский</i>	699
<i>Комментарии (аннотации) В. А. Игнатьева к «Справочной книге всех окончивших курс Пермской духовной семинарии в память 100-летия Пермской духовной семинарии» священника] Иакова Шестакова (фрагмент)</i>	703
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ В. А. ИГНАТЬЕВА «ПРОФЕССОР, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ИВАН СТЕПАНОВИЧ БОГОСЛОВСКИЙ» И «СЕМЕЙСТВО БОГОСЛОВСКИХ»	708
<i>Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский</i>	708
<i>Семейство Богословских</i>	711
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ III	719
Часть IV. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА	795
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ	795
<i>КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ, ЕЁ ВНЕШНИЙ STATUS QUO ANTE</i>	795
[Скверик со звонницей]	797
[Учебный корпус].....	797
Библиотека	798
Сад.....	799
<i>[АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ]</i>	800
Административно-хозяйственные органы академии	800
Епископ Алексей [(Дородницын)]	801
Епископ Анастасий [(Алексадров)].....	804
Протоиерей Николай Петрович Виноградов	808
Архимандрит Гурий [(Степанов)]	810
Виктор Иванович Несмелов	812
Василий Андреевич Нарбеков	816
Павел Петрович Пономарев	817
Николай Иванович Ивановский.....	821
Алексей Александрович Царевский.....	823
Павел Александрович Юнгеров	826
Михаил Иванович Богословский.....	829

[Евламий Яковлевич] Полянский.....	833
[Владимир Александрович] Керенский.....	834
Протоиерей [Евфимий Александрович] Малов.....	835
Иеромонах Амфилохий [(Скворцов)].....	836
Протоиерей Алексей Иванович Дружинин.....	837
Константин Григорьевич Григорьев.....	838
Илья [Степанович] Бердников.....	840
Фёдор Афанасиевич Курганов.....	841
Василий Иванович Протопопов.....	845
Владимир Александрович Никольский.....	846
Иеромонах Афанасий [(Малинин)].....	847
Иван Михайлович Покровский.....	850
Леонид Иванович Писарев.....	852
[Сергей Александрович] Предтеченский.....	853
Иван Иванович Сатрапинский.....	854
[Протоиерей] Николай Васильевич Петров.....	855
Доцент [Николай Дмитриевич] Терентьев.....	856
<i>[СТУДЕНТЫ АКАДЕМИИ]</i>	857
Светские студенты.....	859
Николай Семёнович Лукашенко.....	860
Михаил Федотович Соловьёв.....	862
Подвижники науки.....	864
Студенты из «белого духовенства».....	864
Монахи и «монашествующие».....	865
Студенты-иностранцы.....	872
Михей Иванович Накамура.....	872
Мило Георгиевич Капа.....	874
Иеромонах Вениамин [(Салабашев)].....	876
Иеромонах Анфим [(Димов)].....	876
Студент-священник [Димитрий] Андреев.....	876
Стоян Васев.....	876
Наш академический «пантеон».....	877
<i>[МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ]</i>	879
«Житие» студентов академии.....	879

Как «их» питали	881
Какие предметы изучались в академии	882
Система занятий, методы	884
Профессора	885
Экзамены в академии.....	886
Сочинения. Кандидатские сочинения	886
Аспиранты.....	887
Защита научных работ	887
Хор студентов.....	888
Торжественные акты.....	889
[Издания академии].....	889
Десница и шуйца академии (глазами студентов)	890
Михайлов день, 8-го ноября – престольный праздник академии	892
Посещение вел[икой] кн[ягиней] Елизаветой Федоровной академии ..	893
Богослужение на монгольском языке	893
Самоубийство эконома академии.....	894
Единственный и одинокий	895
Мелочи академической жизни и юмор	897
Рождественская ёлка.....	898
«Куда прикажете, барин, отнести ваши вещи?»	898
<i>Memento mori!</i> (мрачные страницы бытия академии)	900
Высшие женские богословские курсы.....	903
«Кружок» Валентины Филипповны Накаряковой	903
УЧЕНИЕ П. А. ИКОННИКОВА	
В КАЗАНСКОЙ ДУХ[ОВНОЙ] АКАДЕМИИ	908
<i>[1-й курс]</i>	910
<i>[2-й курс]</i>	915
<i>[3-й курс]</i>	917
<i>[4-й курс]</i>	918
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ IV	920
Часть V. БУГУРУСЛАНСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (1913-1914) ..	988
ГОД РАБОТЫ В БУГУРУСЛАНСКОМ РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ	988
<i>[Назначение на должность учителя русского языка и литературы]</i>	988
<i>[Педагогический состав реального училища]</i>	991

<i>[«Время было кассовское»]</i>	994
<i>[Занятия автора в реальном училище]</i>	996
<i>Вопросы быта</i>	998
<i>Гримасы провинциальной жизни</i>	999
<i>Культурная жизнь в Бугуруслане</i>	1000
<i>Вечер в реальном училище</i>	1001
<i>Её родословная</i>	1001
<i>[Прощание с Бугурусланом]</i>	1002
<i>Макар (из жизненных наблюдений)</i>	1003
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ V	1007
Часть VI. ГОДЫ ЖИЗНИ В БЕЛОРУССИИ (1916-1923)	1022
ГОДЫ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В БЕЛОРУССИИ	1022
<i>[Назначение в Слуцкое духовное училище]</i>	1022
<i>[Местечко] Паричи</i>	1024
Организация занятий [трёх духовных училищ].....	1025
<i>Слуцк [(описание города)]</i>	1029
Слуцк во время империалистической войны	1033
Гримасы этого периода жизни в Слуцке	1034
<i>«Хождение по мукам»</i>	1037
[Жизнь в доме еврейской семьи Эпштейн]	1037
Слуцкая женская гимназия.....	1039
[1917 г.].....	1043
[Немецкая оккупация].....	1045
[Жизнь в доме белорусской семьи Терравских]	1047
[Слуцкое] коммерческое училище	1049
[Установление советской власти].....	1053
[Польская оккупация]	1057
Жизнь в Слуцке при советской власти	1062
<i>Mein «Alter ego» в Слуцке</i>	1068
<i>Отъезд из Слуцка на Урал</i>	1071
<i>Паричские встречи (рассказ Миши Суханова)</i>	1073
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ VI	1079

Часть VII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА (1923-1939)	1100
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВЕРХ-ИСЕТСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ	1100
<i>Школа в 1922-1924 гг.</i>	1104
<i>Завод и школа в 1925-1930 гг.</i>	1107
<i>Хозяева и шефы школы</i>	1110
<i>Заведующие школой</i>	1112
<i>Педагогический состав школы</i>	1113
<i>Инструктора производственного обучения</i>	1117
<i>Ученические организации</i>	1119
<i>Первый учком</i>	1119
<i>НОТовцы</i>	1120
<i>«Синяя блуза»</i>	1121
<i>Драматический кружок школы. Октябрины</i>	1121
<i>Стенная газета школы</i>	1123
<i>Поэты и прозаики</i>	1123
<i>Эсперантисты в школе</i>	1124
<i>Тёмные пятна школы. Самоубийцы</i>	1124
<i>Трагическая гибель ученика Мяконьких</i>	1126
<i>«Лётчик»</i>	1126
<i>«Охотники»</i>	1126
<i>Связи школы с другими организациями по профтехническому образованию</i>	1127
<i>Дальтон-план в школе ФЗУ ВИЗа и других профтехнических школах города</i>	1129
<i>Канторка</i>	1131
<i>Школьные врачи</i>	1133
<i>Их судьба. Выпуск 1925 г.</i>	1134
<i>По мартеновскому цеху</i>	1135
<i>По сутуночному цеху</i>	1136
<i>По листокатальному цеху</i>	1136
<i>По модельному цеху</i>	1137
<i>По электрическому цеху</i>	1137

Чертёжники	1138
По механическому цеху.....	1138
ШКОЛА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО УЧЕНИЧЕСТВА ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА.....	1140
<i>Мартеновцы</i>	1145
<i>Суточный цех</i>	1146
<i>Листопрокатный цех</i>	1146
<i>Электрики</i>	1147
<i>Механики</i>	1147
<i>Модельщики</i>	1147
<i>Чертёжники</i>	1147
ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ ЧЁРНЫХ МЕТАЛЛОВ.....	1148
КУРСЫ МАСТЕРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА	1154
ГОДЫ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА.....	1156
<i>Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ)</i>	1156
<i>Производственно-технические курсы Ф. З. Т. К. П. Т. К.</i>	1160
<i>Сменный втуз</i>	1160
<i>Металлургический техникум ВИЗа</i>	1161
<i>Филиал рабфака при У[ральском] п[олитехническом] и[нституте]</i>	1161
<i>Вечерний Комвуз ВИЗа (филиал городского комвуза)</i>	1161
<i>Курсы мастеров социалистического труда</i>	1162
<i>Круг моих наиболее знакомых мне рабочих ВИЗа</i>	1163
<i>Эпilog</i>	1169
<i>Октябрины</i>	1170
<i>[Письмо Евлампия Тимухина В. А. Игнатьеву]</i>	1172
ВИЗОВСКИЙ ПЕРИОД УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. ИКОННИКОВА	1176
<i>«Красная кровля»</i>	1176
<i>Школа ФЗУ ВИЗа</i>	1177
1923-1924 (первая половина) гг.	1177
1924 (вторая половина) и 1929 гг.	1179
<i>Блуждания по методическим «дебрям»</i>	1181
<i>Ученические организации в школе</i>	1184

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ VII.....	1189
Часть VIII. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВЕРДЛОВСКИХ ИНСТИТУТАХ (1938-1956).....	1208
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. А. ИКОННИКОВА В СВЕРДЛОВСКИХ ИН[СТИТУ]-ТАХ.....	1208
<i>[Свердловский государственный] медицинский институт.....</i>	<i>1208</i>
<i>Уход «во страну далече».....</i>	<i>1212</i>
<i>«Хождение по мукам» на ВИЗе.....</i>	<i>1212</i>
<i>[Свердловский государственный] юридический институт.....</i>	<i>1214</i>
<i>[Свердловский государственный] педагогический институт иноязыков .....</i>	<i>1216</i>
<i>Вновь в медицинском институте.....</i>	<i>1216</i>
ПРИЁМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В ВУЗАХ СВЕРДЛОВСКА.....	1217
ПРЕПОДАВАНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СВЕРДЛОВСКОМ ФИЛИАЛЕ ВЮЗИ.....	1223
«СТРАНСТВИЯ» С ЛАТИНСКИМ ЯЗЫКОМ ПО ВУЗАМ СВЕРДЛОВСКА	1227
<i>Свердловский государственный медицинский институт.....</i>	<i>1228</i>
Преподаватели.....	1231
<i>Снова «хождение по мукам».....</i>	<i>1233</i>
<i>[Свердловский государственный] юридический институт.....</i>	<i>1236</i>
Латинский язык в институте.....	1237
Из «хроники» института.....	1239
<i>Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).....</i>	<i>1244</i>
Падение «кабинета» Михаила Михайловича Любавского.....	1247
<i>Ветеринарный факультет Свердловского [государственного] сельско-хоз[яйственного] института.....</i>	<i>1248</i>
<i>Литературный факультет Свердловского [государственного] педагогического института.....</i>	<i>1250</i>
<i>Свердловский государственный [педагогический] институт иностранных языков.....</i>	<i>1251</i>
<i>Иван Алексеевич Дергачёв и его родословная.....</i>	<i>1253</i>
<i>Шестьдесят пятая школа.....</i>	<i>1261</i>
<i>[Вновь в медицинском институте].....</i>	<i>1262</i>
<i>О студенческой молодёжи.....</i>	<i>1263</i>
<i>«Их» судьбы.....</i>	<i>1264</i>

<i>Моя научная деятельность в вузах Свердловска</i>	1267
<i>Моё учение в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Свердловском горкоме ВКП(б)</i>	1268
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК «ТРОЕ» О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СВЕРДЛОВСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ П. А. ЛИПИНЕ, В. А. НАУМОВЕ, В. А. ИГНАТЬЕВЕ	1269
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ VIII	1274
Часть IX. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ	1283
[«АНАТОМИЯ» РОДНОГО СЕЛА]	1283
<i>Теча (окрестности Течи) (Лирическое описание)</i>	1283
<i>Баклановский бор</i>	1292
<i>Теча (общая картина села, описание с лирическим отступлением)</i>	1295
<i>Горушки и их обитатели</i>	1298
<i>Теча (общая картина села) (продолжение)</i>	1306
<i>Наше гумно</i>	1309
<i>Теченская церковь</i>	1312
<i>Деревни Теченского прихода: Черепанова, Бакланова, Кирды, Панова</i> .	1318
<i>Деревня Черепанова</i>	1318
<i>Деревня Бакланова</i>	1319
<i>Деревня Кирды</i>	1321
<i>Деревня Панова</i>	1323
<i>Теченское кладбище</i>	1325
[ЭКОНОМИКА ТЕЧИ].....	1327
<i>Теченский базар, рыночные отношения и окрестные ярмарки</i>	1327
<i>Имущественные отношения в Тече перед Октябрьской соц[иалистической] революцией</i>	1331
<i>Трудовые отношения в Тече перед Октябрьской соц[иалистической] революцией</i>	1338
<i>Некоторые вопросы трудоустройства</i>	1342
<i>Общественные обязанности населения</i>	1343
[БЫТ ТЕЧИ].....	1345
<i>Черты деревенского быта</i>	1345
«Долюшка женская»	1345
<i>Рассказ о том, как из деревенского мальчика получался мужик</i>	1352
[Жизнь семьи и смена времён года]	1355

<i>[Церковные праздники и посты]</i>	1357
Рождество	1357
Масленица	1364
Великий пост	1369
Пасха	1374
Радоница и поминовение усопших	1380
Троица. Духов день	1384
Теченские престольные праздники	1386
Часовенные праздники	1392
Деревенские водосвятия	1394
<i>Народные бедствия (Рассказы дяди Егора)</i>	1397
<i>Школа в Тече</i>	1405
Школьники	1405
Школьницы	1414
[Учительница] Елизавета Григорьевна [Тюшнякова]	1420
Помощницы учительницы в Тече	1423
Учительница Мария Ильинична [Селиванова]	1423
<i>[Места гуляний, песни и танцы]</i>	1424
«Штатское место»	1424
«Поповское место»	1426
Наши песни на вечерах	1427
Танцы и бальные игры нашей юности	1440
Кое-что из устного народного творчества	1444
<i>Пельмени</i>	1450
[ЛЮДИ ТЕЧИ И ИХ СУДЬБЫ]	1457
<i>Земские начальники в Тече</i>	1457
Габриельс	1457
Стефановский	1458
<i>Теченские становые приставы</i>	1463
<i>[Урядник] Николай Яковлевич [Уфимцев]</i>	1464
<i>Теченские органы самоуправления</i>	1469
Илья Сергеевич	1469
Федор Тимофеевич	1469
Сельские писари	1469

<i>Алексей Семёнович Меньшиков</i>	1471
<i>«Нужа карабаева» (История одной «купеческой» семьи)</i>	1477
<i>[«Теченская поповка»]</i>	1493
Протоиерей Владимир Александрович Бирюков	1493
Он и она; или - её судьба	1498
«Бирючата»	1502
Дочери о[тца] протоиерея	1509
Ляпустины.....	1511
Сильвановы	1514
Вторые теченские иереи и о[тец] Анатолий.....	1518
Александр Димитриевич Покровский	1522
Степан Алексеевич Киселёв.....	1525
Виктор Александрович Оранский	1526
Михаил Иванович Спасский	1527
Василий Димитри[еви]ч Упоров	1528
Александр Григорьевич Измайлов	1529
Тима Казанцев	1530
Нюнька, он же Евдоким Никитич	1531
Александр Степанович Суханов.....	1535
Екатерина Ивановна.....	1535
Николай Иванович Лебедев	1536
Любимые песнопения теченских песнопевцев	1536
Как зарождалась любовь к пению у теченских песнопевцев и как совершенствовалось их искусство	1537
Архип Григорьевич [Югов] и его хор	1538
Мария Ивановна [Мамина]	1540
Павел Игнат[ьев]ич	1544
Пётр Данилович [Черепанов].....	1547
Мухины	1551
Последние теченские клирики и конец «поповки»	1555
Епархиалки.....	1557
<i>[Сельские мужички]</i>	1561
Наиболее распространённые фамилии в Тече	1561
Кокшаровы.....	1561

«Расторгуевы» (фам[илия] Кокшаровы).....	1564
Митя Кокшаров	1565
Александр Матвеевич [Кокшаров].....	1567
Лебедевы	1568
Николай Иванович Лебедев	1571
Николай Фёдорович [Лебедев] (старший).....	1573
Иван Сергеевич [Попов].....	1574
Семён Осипович [Лебедев]	1579
Николай Фёдорович Лебедев [(младший)].....	1586
Димитрий Фёдорович Лебедев и его теченские коллеги.....	1587
«Рыбины» (фам[илия] Манатины)	1589
Павел Иванович Сеницын.....	1589
«Шолины»	1590
Мишка «Чигасов».....	1592
Иван Антонович Ширяев	1593
Алексей Тихонович.....	1594
Александр Степанович Суханов.....	1598
Чесноковы	1599
Архипко-волчонок	1603
Фазыл, Ухват Карымович и их присные.....	1604
<i>[Выходцы из «Расей»]</i>	1608
Пеутины.....	1608
Клюхины	1610
Семейство Пимена Фёдоровича Клюхина.....	1613
Савелий Фёдорович Клюхин и его потомство	1619
Мироновы.....	1621
Постниковы.....	1623
Фалалеевы	1630
«Синельшик» Мосей Гурлев.....	1630
Козловы	1632
<i>[Наёмные работники]</i>	1633
Проня	1633
Терентий Яковлевич	1636
Пётр Ефремович	1640

Стекольщики.....	1641
Теченские кузнецы.....	1641
Андрей Гурьянович.....	1644
Алексеич и Григорич	1645
<i>Три поколения «служивых» .....</i>	<i>1647</i>
Тима-канонер.....	1647
Илья Петров[ич] Ерёмин	1648
Андрей Павлович Постников и Константин Пименович Ключин	1651
<i>[Женские образы].....</i>	<i>1653</i>
Анна Петровна.....	1653
Александра.....	1655
Анна Ивановна и Мария Ильинична.....	1656
Палагеюшка	1658
Марфа Васильевна [Попова].....	1661
Марина Спиридоновна Добрынина.....	1661
Марья-прачка.....	1662
Афонюшка.....	1663
Марейка	1664
Матрёна Сергеевна [Уфимцева]	1673
Татьяна Павловна [Ключина]	1679
Парасковья «коптельщица»	1683
Варвара Ивановна	1684
Парасковья «Рожкова».....	1688
Яша-зеленика.....	1693
Катерина Ивановна [Бородулина]	1694
Бутины – отец и дочь	1696
Смерть Катерины Ивановны.....	1699
<i>[Детские образы] .....</i>	<i>1704</i>
Санко «Рожков».....	1704
Костюха Пименов.....	1705
Нюнька, Алешка Комельков и Васька «копалкин»	1707
Спильша	1709
Ванька «Еленин»	1710
Вася Бобыкин.....	1711

Саша Уфимцева	1712
Рянка	1713
Митя Бобыкин	1714
«Университеты» Григория Гурлева и Вениамина Пеутина	1715
Миша Суханов	1718
[Разные]	1719
Самсоныч	1719
Диоген теченский	1723
Теченские Филемон и Бавкида	1725
Две теченские леди Макбет и детские размышления по поводу совершённых ими убийств	1726
Люди «странные» и люди, «обиженные богом»	1728
СЕЛО СУГОЯК	1739
«Историческое» событие в Тече	1739
Первый выезд в Сугояк	1739
Дорога в Сугояк	1740
Сугояк	1743
Усадьба «исторического» дома	1746
[«Исторический»] дом	1748
Агафья	1753
[Олёна] Ивановна	1756
Парунька сугоякская	1757
«Знатные» обитатели Старого Сугояка	1760
Дмитрий Никифорович Черёмухин	1760
Калашников Иван Николаевич	1761
Базилевский	1761
Фаина Захаровна	1761
Вася-курник	1762
Миша-голубиша	1762
Шишкин Алексей Яковлевич	1763
Завьялов Максим Алексеевич	1763
Казанцева Мария Семёновна	1764
Двоеданы	1765
БРОДОКАЛМАК И ЕГО «ЗНАТНЫЕ» ЛЮДИ	1767

<i>Егоровы – Кирилл и Мария</i>	1768
<i>Учитель земской школы Сухов</i>	1769
<i>Легенда о бахилах</i>	1769
<i>Нюрочка Егорова</i>	1770
КАМЕНКА	1777
[ПОЕЗДКИ И ВПЕЧАТЕНИЯ ОТ РОДНЫХ КРАЁВ]	1783
<i>Три поездки в течу на «Москвиче»</i>	1783
<i>Михаил Аркадиевич Рычков</i>	1788
<i>Новое прогрессивное всегда побеждает</i>	1791
<i>«День сегодняшний» и «день вчерашний» Течи</i>	1794
ОТЦЫ И ДЕТИ	1803
[ЗАМЕТКИ ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ]	1808
<i>Мостик</i>	1808
<i>Две Талины</i>	1810
<i>Одинокая берёза</i>	1812
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ IX	1814
Часть X.	1856
ОБ «ОЧАРОВАННОЙ» ДУШЕ И НЕОСУЩЕСТВЛЁННОЙ МЕЧТЕ	1856
ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ	1917
<i>Человек – земля – космос</i>	1917
<i>Человек и нормы его человечности</i>	1917
<i>Человек и кибернетика</i>	1921
<i>Метафизика и реальность</i>	1925
<i>О геоцентризме</i>	1927
<i>Лёд тронулся</i>	1930
<i>Разные</i>	1934
<i>О статье Р. Грачёва «Присутствие духа»</i>	1934
<i>О вечной революции</i>	1934
<i>«Творец жизни или песчинка в море бытия»</i>	1935
<i>«Синтез» идеологий или борьба?</i>	1936
<i>Что такое сосуществование?</i>	1936
ОЧЕРКИ НА БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ	1939
<i>Иродиада</i>	1939
<i>Мария Магдалина</i>	1941

<i>Последний визит «царя иудейского» в Вифанию и отправление его на «страсти»</i>	1944
<i>Иуда Искариот</i>	1946
ВСТРЕЧА	1949
АЛЬКА.....	1953
ИВАНОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ.....	1956
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ X	1961
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	1963

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

(вступительная статья)

Dixi et animam levavi – «Я сказал и облегчил душу». С такими словами Василий Алексеевич Игнатъев передавал свои воспоминания в общественное достояние. Дело было ещё в 1960-х гг., когда люди старшего поколения с большим жизненным опытом стремились запечатлеть события прошлого, участниками, свидетелями и наблюдателями которых они были ещё с дореволюционных времён, чтобы, таким образом, оставить потомкам свои мемуары. Учёные-краеведы выходили с инициативами составления, сохранения и пропаганды сокровищ материальной и духовной культуры, собирали ценнейшие документы по истории, воспоминания деятелей культуры, науки, искусства, формировали коллекции документов, которые затем стали пополнять архивы. Это было результатом относительной либерализация политической и общественной жизни страны с середины 1950-х и в начале 1960-х гг.

Формированием архивных коллекций занимались, в частности, братья Павел и Иван Степановичи Богословские¹ - в Пермской области, и Владимир

---

¹ Богословский Павел Степанович (1890-1966) – сын протоиерея г. Перми. Обучался в Соликамском духовном училище в 1902-1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1909 г. и историко-филологический факультет С.-Петербургского Университета и С.-Петербургский археологический институт в 1913 г. Преподаватель русского языка, литературы и латинского языка в Пермской 2-й мужской гимназии в 1913-1916 гг. Преподаватель и заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Пермского государственного университета в 1916-1931 гг., профессор. В 1922 г. руководил Пермским губернским архивом, в 1924 г. директор Пермского научного музея, краевед. В 1932 г. был переведён в Московский центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы и Центральное бюро краеведения. В 1935 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отбывал наказание в Карагандинском исправительно-трудовом лагере, где первые два года руководил Музеем полупустынно-степной части Центрального Казахстана, потом работал метеорологом в Карагандинском лагере, освобождён в 1940 г. В 1940-1946 гг. заведующий кафедрой языка и литературы Карагандинского учительского института. В 1947-1948 гг. заведующий кафедрой русской литературы историко-филологического факультета Молотовского государственного университета. После переезда в Москву в 1956 г. работал над личным архивом, который впоследствии был передан в Пушкинский Дом (Институт русской литературы) Российской Академии наук.

Богословский Иван Степанович (1893-1979) – сын протоиерея г. Перми. Обучался в Соликамском духовном училище в 1903-1904 гг., окончил Пермское духовное училище в 1908 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1914 г., Казанский университет и медицинский факультет Московского государственного университета в 1922 г. Штатный ординатор, ассистент факультетской терапевтической клиники Московского государственного университета до 1932 г., ассистент 1-й терапевтической клиники Московского медицинского института до 1936 г. В 1936-1940 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии, заведующий факультетской терапевтической клиникой

Павлович Бирюков² - в Свердловской области. Их коллекции в дальнейшем дополнили личные фонды Государственных архивов Пермской и Свердловской областей. Благодаря им были собраны и сохранены большие коллекции, содержащие документы их научной и творческой деятельности, ценные сведения по истории культуры, литературы, образования, краеведения, медицины, материалы разных лиц, которые были заинтересованы в сохранении своего документального наследия, с которыми у них была переписка. Так, в настоящее время в Государственном краевом бюджетном учреждении «Государственный архив Пермского края» (ГКБУ «ГАПК») на хранении имеется семейный фонд р-973 «Богословские: Павел Степанович – профессор, доктор филологических наук, краевед; Иван Степанович – профессор, доктор медицинских наук, краевед», а в Государственном казённом учреждении Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУСО «ГАСО») – фонд р-2757 «Коллекция документов деятелей культуры, науки и техники и других лиц, собранная уральским писателем-краеведом В. П. Бирюковым», в которых хранятся «пермская» и «свердловская» коллекции воспоминаний преподавателя и бытописателя В. А. Игнатъева (1887-1971), происходившего из духовного сословия, бывшего пермского семинариста.

Василий Алексеевич Игнатъев родился 9 (21 по новому стилю) февраля 1887 г. в селе Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии (ныне в составе Красноармейского района Челябинской области), в семье бедного сельского диакона-псаломщика (был одним из младших сыновей). Обучался в 1897-1902 гг. в Камышловском духовном училище, в 1902-1909 гг. – в Пермской духовной семинарии, в 1909-1913 гг. – в Казанской

Ижевского медицинского института. После переезда в г. Молотов до 1945 г. заведующий кафедрой инфекционных болезней и заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней, профессор кафедры факультетской терапевтической клиники в 1945-1946 гг. и профессор кафедры госпитальной терапии Молотовского медицинского института в 1946-1948 гг. Затем заведующий кафедрой внутренних болезней Молотовского медицинского стоматологического института. В 1952-1957 гг. заведующий кафедрой факультетской терапии Молотовского государственного медицинского института. Кандидат медицинских наук 1936 г., доктор 1940 г. Депутат Молотовского городского совета. Краевед.

² Бирюков Владимир Павлович (1888-1971) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г., Казанский ветеринарный институт в 1912 г. и Московский археологический институт в 1915 г. Обучался в Московском сельскохозяйственном институте и был вольнослушателем историко-филологического факультета Томского университета. Заведующий музеем древностей Пермского государственного университета в 1920-1923 гг. Действительный член Центрального бюро краеведения при Академии наук СССР. В 1930-1938 гг. работал в Свердловском областном бюро краеведения, в 1940-1950 гг. работал в Шадринске. Член Союза писателей СССР с 1955 г. Директор Уральского архива литературы и искусства с 1964 г. Краевед, музеевед, архивовед, историк, археолог, фольклорист.

духовной академии. Работал в 1913-1914 гг. в г. Бугуруслане Самарской губернии преподавателем русского языка и литературы в реальном училище, в 1914-1916 гг. – в г. Перми помощником инспектора в Пермской духовной семинарии, преподавал латинский язык там же и в 1915-1916 гг. в частной мужской гимназии Циммерман; по совместительству преподавал логику и психологию в Пермской мужской гимназии. В 1916-1923 гг. проживал в г. Слуцке Минской губернии, где работал в 1916-1918 гг. преподавателем латинского языка в Слуцком духовном училище, в 1918-1920 гг. – русского языка и литературы в Слуцком коммерческом училище, в 1919-1920 гг. – латинского языка в Слуцкой женской гимназии, в 1920-1922 гг. – заведующим учебной частью в старших классах Слуцкой школы 2-й ступени, в 1921-1923 гг. – работал делопроизводителем и старшим счетоводом в Слуцком отделении Центробелсоюза, был членом Слуцкого Горсовета и активным профсоюзным работником. С 1923 г. проживал в г. Екатеринбурге (с 1924 г. Свердловске), где в 1923 г. работал инспектором Екатеринбургского губернского отдела народного образования. В 1923-1924 гг. работал на Верх-Исетском заводе (ВИЗ) («Красная Кровля») преподавателем русского языка в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1924 г. прошёл Областные курсы по переподготовке преподавателей в г. Свердловске. В 1924-1931 гг. работал заведующим учебной частью в школе ФЗУ и в 1931-1932 гг. заведующим фабрично-заводскими техническими курсами на ВИЗе и там же в 1932 г. преподавателем русского языка в сменном высшем техническом учебном заведении (ВТУЗе) ВИЗа, одновременно был преподавателем географии на отделении рабочего факультета Уральского политехнического института и в металлургическом техникуме при ВИЗе. В 1932-1935 гг. работал преподавателем русского языка, секретарём и библиотекарем в Вечернем коммунистическом университете при ВИЗе, в 1935-1936 гг. – преподавателем русского языка на производственно-технических курсах при ВИЗе и в 1936-1939 гг. на курсах мастеров социалистического труда. В 1938-1943 гг. работал преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. В 1943 г. был чернорабочим цеха № 1, контролёром по вывозке дров, завхозом и заведующим складом в пионерлагере, сторожем на огороде служащих заводоуправления и десятником склада топлива ВИЗа. В 1943-1949 гг. работал старшим преподавателем латинского языка Свердловского юридического института и Свердловского филиала Всесоюзного юридического заочного института, в 1949-1952 гг., по совместительству, работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском педагогическом институте иностранных языков и Свердловском сельскохозяйственном институте, одновременно в 1949-1951 гг. обучался в двухгодичном вечернем университете марксизма-ленинизма при Свердловском городском комитете ВКП (б)³, затем в 1952-1956 гг. вновь

---

³ ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

работал старшим преподавателем латинского языка в Свердловском медицинском институте. Одновременно состоял членом экзаменационных комиссий по русскому языку и литературе на приёмных экзаменах в указанных институтах. Принимал участие в работе журнала «Профтехническое образование на Урале». С 1956 г. находился на пенсии. Занимался литературной работой в мемуарном жанре. Скончался в г. Свердловске 26 февраля 1971 г.

Происходя из низшего и беднейшего слоя выходцев из духовного сословия, В. А. Игнатъев прошёл три ступени духовной школы дореволюционного периода и в дальнейшем работал в многочисленных учебных заведениях разного типа, как до революции, так и после неё. Он прожил большую и тяжёлую, наполненную огромным опытом жизнь. В 1950-1960-х гг., после выхода на пенсию, он несколько раз посещал свои родные края, где прошло его детство (Русская Теча), ездил в места, где учился в молодости (Камышлов, Пермь), встречался и переписывался со своими соучениками и сослуживцами. Личный опыт, множество воспоминаний, собственные впечатления и чувства, желание определить своё место в прошлом и настоящем, осмыслить прожитую жизнь побудили его к написанию мемуаров.

Первоначально значительное влияние на мемуарное творчество В. А. Игнатъева оказали учёные-краеведы братья Павел и Иван Степановичи Богословские, тоже бывшие семинаристы, которые в свою коллекцию документов стали собирать воспоминания о Пермской духовной семинарии и её выпускниках, как-то обустроившихся уже в советское время.

Из письма В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 9 мая 1960 г.: «Из письма И. Ст. я узнал, что Вы интересуетесь кое-какими историческими сведениями (проще сказать мемуарными сведениями) из прошлого семинарии, и в этом плане (так я понял из письма) Вы имеете в виду и меня «грешного». Вот почему я и решил Вам написать о себе. Но прежде всего я должен Вам сказать, что я со своей стороны давно уже интересовался Вами, Вашей *curriculum vitae*.⁴ Это было давным-давно, когда я получил от Вас издававшийся Вами журнал по истории и археологии Прикамья (я не помню его названия). Когда это было? Кажется, в [19]24-[19]25 гг., а может быть, позднее. Потом у меня были сведения о В[ашем] пребывании в Караганде и, наконец, в Москве. Где же Вы, надеюсь, профессорствуете в Москве?

... Четыре года тому назад, чуть было не отправился «*ad patres*».⁵ Была произведена резекция *ventriculi*⁶, удалено 2/3 желудка и часть *duodenum*.⁷ Было мне тогда 68 лет. Боже мой! Живуч же всё-таки человек. Благополучный исход операции я приписываю только тому, что я работал тогда в мед[ицинском] ин[ституте]-те, резали «свои» и стыдно было зарезать.

⁴ *curriculum vitae* – по-латински курсом жизни.

⁵ *ad patres* – по-латински к отцам.

⁶ *ventriculi* – по-латински желудка.

⁷ *duodenum* – по-латински двенадцатиперстной кишки.

Вот так. Что я теперь делаю? Заканчиваю кое-какие записки по истории лат[инского] яз[ыка] ... для своих преемников. Читаю и много слушаю музыки... оперы через проигрыватель радиоприёмника и телевизор.

Мне 73 г. Много, много!

... Как это всё было давно, а свежо в памяти. Как сейчас вижу, как в семинарии заведено было в перемены прогуливаться по коридору. И вот вижу, как в ряду с другими шагает Павел Богословский. ...

Ив. Ст. я видел здесь года два-три назад. Седой! А ведь я его помню, как и всех вас, юными. Про себя так и хочется сказать: «Куда ты удаль прежняя девалась...»

... Много встаёт разных воспоминаний.

Ив. Ст. в своём письме мне тоже напомнил многое, и о многом меня спрашивает».⁸

Переписка с Богословскими в мае 1960 г. пробудила у В. А. Игнатьева массу воспоминаний о Перми, Каме и семинарии, которые оставили в нём сердечные чувства, связанные с лучшими годами юности.

И. С. Богословский в письмах побуждал и направлял В. А. Игнатьева, высылая ему фотокарточки видов г. Перми. К июлю 1960 г. Василий Алексеевич уже записал целую серию мемуаров, в которых постарался всесторонне представить семинарию (*alma mater*⁹), составил портреты-зарисовки наиболее ярких личностей из преподавателей, отдельных семинаристов и служилых людей, составил очерки о семинарском хоре и семинаристах-певцах, о любви к семинарии и семинарской гордости.¹⁰

По поводу своих мемуаров он первоначально мыслил так: «Собрать бы группу из наших «бывших» на некое чтение и потрянуть воспоминаниями, хорошо бы на нейтральной почве, но с возможностью большего представительства, конечно, желающих. Своим обращением ко мне по вопросу воспоминания о П. Н. Серебренникове Вы, И. Ст., разворошили во мне массу воспоминаний и вот результат. Видите, как я широко размахнулся. Ну, думаю, давай ещё потрянём стариной! А ведь от семинарии всё-таки остались хорошие воспоминания. Юность, юность! Золотая пора! А ведь она проведена была в основном в семинарии».¹¹

17-18 июля 1960 г. В. А. Игнатьев побывал в г. Перми в гостях у Ивана Степановича Богословского. Иван Степанович оказал Василию Алексеевичу радушный приём. Они вместе посетили многие памятные для них места

⁸ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 9 мая 1960 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 1-2 об.).

⁹ *alma mater* – по-латински буквально «мать-кормилица», старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование), как организаций, питающих духовно.

¹⁰ Очерки В. А. Игнатьева по истории Пермской духовной семинарии (июнь-июль 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725).

¹¹ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 9 июля 1960 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 6-7).

города: обошли квартал, где находилась семинария, прошли главные улицы, здания и парки города, сделали фотоснимки, посетили кладбище.

После поездки в Пермь и благополучного возвращения в Свердловск Василий Алексеевич жил только воспоминаниями о пребывании в Перми и встрече с И. С. Богословским. В письме П. С. Богословскому он сообщал: «В Перми я был окружён таким вниманием, можно сказать, любовью, что мне казалось, что я попал на какой-то остров, где сохранились ещё добрые люди...».¹²

И. С. Богословский предложил В. А. Игнатьеву напечатать свои воспоминания, на что Василий Алексеевич выразился скромно: «У меня не было и нет мысли о печатании моей писанины. Я считаю, что если кто-нибудь ещё почитает эти мемуары и благодаря этому вспомнит о нашем прошлом, то этого достаточно. Теперь времена этому не попутные. Получилось так, что на меня нахлынули воспоминания, сознаюсь, не без влияния Ваших писем, они побуждали меня писать... и вот получились мои мемуары».¹³

«Конечно, о бурсе пишут много плохого, и в этом есть доля правды. Взять хотя бы так называемую «тёмную». ... Есть и другие пороки, но ведь было и хорошее. Для нас, бывших бурсаков, писать о бурсе только плохое значило бы уподобиться «свинье под дубом». Тоже самое – писать отдельно об отцах (*patres nostri*¹⁴). Они были не глупее нас! Мемуары, конечно, вещь субъективная, но я старался держаться по возможности объективно».¹⁵

Под влиянием поездки в Пермь В. А. Игнатьев продолжал писать и высылать на адрес И. С. Богословского свои воспоминаний. Он составил автобиографические очерки, начало которых озаглавил иносказательно: «Детские годы Пети Иконникова».¹⁶ По его признанию, псевдоним Пети Иконникова был выбран им случайно. Но, надо полагать, псевдоним этот появился в связи с тем, что воспоминания о детстве как о периоде складывания личности были для автора первостепенны. Им руководила потребность пофилософствовать, осмыслить собственную судьбу, разобраться в многообразии событий, определить в них своё место. В этом ему помог «Петя Иконников».

Одновременно с этим в 1960 г., он составил «Семейную хронику Игнатьевых»¹⁷, написал очерки о соучениках в Камышловском духовном

¹² Письмо В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 2 сентября 1960 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 8 об.-9).

¹³ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 2 сентября 1960 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 8).

¹⁴ *patres nostri* – по-латински отцы наши.

¹⁵ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 8 сентября 1960 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 17 об.-18).

¹⁶ Автобиографические очерки В. А. Игнатьева «Петя Иконников» (сентябрь 1960-январь 1961 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723).

¹⁷ «Семейная хроника Игнатьевых, составленная В. А. Игнатьевым» (август-декабрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708).

училище, биографический очерк «Трое»¹⁸, воспоминания и биографические очерки о бывших семинаристах, работавших в г. Свердловске в 1920-1960 гг.¹⁹, биографические очерки «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский»²⁰, воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове²¹, «Очерки по истории Казанской духовной академии».²² Свои очерки он писал с вдохновением и отправлял рукописи в обычных тетрадях по почте И. С. Богословскому в Пермь, который побуждал его продолжать писать и переправлял их своему брату П. С. Богословскому в Москву.

Попав под воздействием братьев Богословских «в плен мемуаризма», Василий Алексеевич продолжал писать всё новые и новые очерки, и зачастую стал возвращаться к старым уже записанным воспоминаниям, повторял и расширял их, появлялись новые очерки. У него возникла мысль пересмотреть свои записи и собрать всё воедино. И. С. Богословскому Игнатьев предлагал свои воспоминания озаглавить так: «Житие (имярек) с эпитафией: «Жизнь прожить – не поле перейти» и надписью «Посвящается Ивану Степановичу Богословскому». «Какое употребление сему? Думаю, что по прочтении сего, потом это подлежит сжиганию...», - написал он в письме Ивану Степановичу.²³

Обращаясь к Павлу Степановичу, он писал: «Всё, что я писал о семинарии, было потребностью моей души: мне хотелось сохранить о ней добрую память. Написать об академии подтолкнул меня Иван Степанович. Написать биографию Иконникова побудило меня желание перебрать в памяти жизнь *ante mortem*.²⁴ Последние мои записки (об Иконникове) носят, как я думаю, личный характер, почему я и писал о том, чтобы предать их

---

¹⁸ Биографический очерк В. А. Игнатьева «Трое» (о преподавателях латинского языка в Свердловском медицинском институте (П. А. Липин, В. А. Наумов, В. А. Игнатьев) (октябрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 720).

¹⁹ Биографические очерки В. А. Игнатьева о В. С. Белоусове, А. В. Затопляеве, С. А. Игнатьеве, Н. А. Игнатьеве, Б. Е. Юшкове, Л. В. Лепешинском, В. П. Луканине, И. Н. Ставровском (октябрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726).

²⁰ Биографические очерки В. А. Игнатьева «Семейство Богословских» и «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» (октябрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223).

²¹ Воспоминания В. А. Игнатьева о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727).

²² Очерки В. А. Игнатьева по истории Казанской духовной академии: о профессорах и преподавателях, студенчестве, предметах, преподаваемых в академии и др. (декабрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721).

²³ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 14 января 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 47-47 об.).

²⁴ *ante mortem* – по-латински перед смертью.

кремации, но Иван Степанович находит в них какой-то бóльший смысл, поэтому я отдаю их на Ваше усмотрение».²⁵

Василий Алексеевич считал братьев Богословских своими поверенными и поэтому отдавал своё «творчество» на их усмотрение. Он очень беспокоился за судьбу своих воспоминаний и переживал по поводу их несовременности.

В 1962 г., по просьбе П. С. Богословского, В. А. Игнатъев написал серию философских заметок «Человек-земля-космос»²⁶ и заметки о кибернетике²⁷, в которых он попытался изложить свои философские взгляды.²⁸

В. А. Игнатъев вёл переписку с камышловским музыкальным деятелем Михаилом Михайловичем Щегловым, своим бывшим учителем пения в Камышловском духовном училище.²⁹ Они постоянно делились друг с другом сведениями и фотографиями о преподавателях и учениках Камышловского духовного училища. Так, в 1962 г. В. А. Игнатъев получил от него фотографию учащихся своего выпуска 1902 г., и решил отдать долг «первому звену своего образования в духовной школе».³⁰ Результатом стали воспоминания и об этом духовно-учебном заведении.³¹

В октябре 1962 г. В. А. Игнатъев был на конференции по творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка³² в г. Свердловске, где встретил Владимира Павловича

---

²⁵ Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 5 февраля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 31-31 об.).

²⁶ Философские заметки В. А. Игнатъева «Человек-земля-космос» («Человек и нормы его человечности». «Человек и кибернетика». «Метафизика и реальность». «О геоцентризме») (октябрь-ноябрь 1962 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712).

²⁷ Заметки В. А. Игнатъева «Лёд тронулся» о кибернетике. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 713).

²⁸ См. Часть X.

²⁹ Щеглов Михаил Михайлович (1875-1972) – окончил Московское Синодальное училище церковного пения со званием регента в 1894 г. Учитель церковного пения и чистописания в Камышловском духовном училище в 1894-1918 гг. С октября 1907 г. состоял также учителем черчения. Коллежский ассессор // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2-3. Заведующий Камышловской музыкальной школой в 1944-1956 гг.

³⁰ Письмо В. А. Игнатъева М. М. Щеглову от 3 июня 1962 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 2-2 об.).

³¹ Очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище и Очерки о педагогическом составе Камышловского духовного училища (1962 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377, 385); Очерки В. А. Игнатъева по истории Камышловского духовного училища (1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709). Очерки В. А. Игнатъева о соучениках А. Борчанинове, Г. Козельском и А. Анисимове, находящиеся в составе «пермской коллекции» воспоминаний автора, более раннего происхождения (август-ноябрь 1960 г.).

³² Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852-1912) – сын священника Верхотурского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище в 1868 г. и 4 класса Пермской духовной семинарии в 1872 г. Обучался на ветеринарном отделении в С.-Петербургской медико-хирургической академии в 1872-1876 гг., и на юридическом факультете С.-Петербургского университета в 1876-1877 гг. Давал частные уроки, писал статьи в газеты, занимался самообразованием, писал книги и путешествовал. Прозаик и драматург.

Бирюкова, учёного-краеведа, члена Союза писателей СССР, спустя 24 года после их последней встречи. В. П. Бирюков занимался собиранием уральского фольклора, рукописей и книг, материалов уральских деятелей искусства и науки. Он выступал с идеей организации Уральского архива литературы и искусства в г. Свердловске. Эта его инициатива получила широкую известность и привлекала массу деятелей: краеведов, деятелей литературы, искусства, науки и техники всего Уральского региона, многие из которых стали передавать ему на хранение свои рукописи, переписку, фотографии, биографические документы. В письме В. А. Игнатьеву В. П. Бирюков писал: «Вот вбил себе в голову, что надо создать Уральский архив литературы и искусства, так потому-то делу и ездил в Москву, где м[ежду] пр[очим], виделся с Павлом Степановичем Богословским».³³

В 1963 г. В. А. Игнатьев вновь возвращается к своим воспоминаниям о семинарской юности и пишет очерк «Как создавалась «очарованная душа»³⁴ о своём увлечении пением и хоровыми кружками в период с детских лет и до пребывания в Белоруссии, а также очерки «Старая Пермь» и «Кама».³⁵ В очерках «Старая Пермь» и «Кама» он постарался показать Пермь и Каму глазами семинариста. В письме к И. С. Богословскому он писал: «Считаю, что наша семинария и даже духовное училище заслуживают того, чтобы о них сохранилась память. Конечно, это теперь не современно, но думаю, что когда-нибудь всё «утихомирится», и потомкам нашим интересно будет узнать и об этом».³⁶ Кроме того, он на основе своих воспоминаний составлял рассказы и педагогические поэмы.³⁷

О своём отношении к христианской вере он высказался в письме И. С. Богословскому, поздравляя его с вербным воскресеньем в 1963 г.: «Этот праздник является предвозвестником весны. Также он остался в памяти.

Было ли это на самом деле, или это только легенда? С детства я привык думать, что это было, и представлял всё-так, как это описано в Евангелии. Эти мои представления для меня так же реальны, как и многое другое, о чём я слышал или читал, но чего не видел глазами. Эти представления вошли в содержание моей жизни³⁸, как и все другие. Всё, что мы так воспринимаем, так же реально, как и то, что мы видим, потому что оно является содержанием моей реальной жизни. Оно – содержание моей моральной

---

³³ Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву от 25 декабря 1962 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 1 об.).

³⁴ Воспоминания В. А. Игнатьева «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» (февраль 1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714).

³⁵ Очерки В. А. Игнатьева «Старая Пермь» и «Кама» (февраль-март 1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716).

³⁶ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 28 февраля 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 7-7 об.).

³⁷ Например, рассказ «Гибель Фингала (из жизни одной собаки)» (март 1963 г.) (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 715); педагогическая поэма «Наше детство и теченские штаты» (август 1963 г.) (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 729) и др.

³⁸ Здесь и далее в тексте автора – подчёркивание самого автора.

природы – единой и неделимой. И вера, и разум – элементы этой природы, и имеют равноправное значение для человека. Величайшей ошибкой в истории человечества явилось противопоставление их одну другой, потому что это повело к расчленению единой нравственной природы человека. И сколько бы люди не бились доказать, что и вера, и разум враждебны друг другу, единая нравственная природа человека восторжествует, и гармония между жтими двумя сторонами природы будет восстановлена, так как иначе человек не сможет существовать».³⁹

Предлагая систематизировать свои воспоминания для возможной передачи куда-либо в архив, В. А. Игнатъев выделил из них две темы: 1) «Духовная школа накануне Октябрьской революции» (трилогия); 2) «Очерки о Зауралье». «По-моему, - писал он, если их примут в «сущем виде», то так и сдать, как автограф. Если кто заинтересуется, то он найдет возможность привести в желанный ему вид».⁴⁰

В августе 1963 г. В. А. Игнатъев и И. С. Богословский вместе совершили поездку в г. Камышлов и село Тимохино, где встретились с М. М. Щегловым, посетили само здание училища и были на родине матери И. С. Богословского.⁴¹

Местами, где решался вопрос о сохранении его воспоминаний, были Пермь, Москва и Свердловск. В октябре 1963 г. В. А. Игнатъев посетил П. С. Богословского в Москве.⁴² Павел Степанович занимался подготовкой документов для своей коллекции, передаваемой в Пушкинский Дом (Институт русской литературы). Ими было принято решение о наборе на печатной машинке некоторых очерков для возможной передачи в архив. Однако в Пушкинский Дом принимались отпечатанные рукописи по содержанию имеющие только общесоюзное значение.

Одновременно с общением с братьями Богословскими, В. А. Игнатъев ознакомил В. П. Бирюкова со своим мемуарным творчеством и стал составлять уже отдельную «свердловскую коллекцию» своих воспоминаний. Идея В. П. Бирюкова о создании Уральского архива литературы и искусства, который был организован в 1964 г. и документы которого уже находились в одном из хранилищ Государственного архива Свердловской области, а также личное желание писать, размышляя о прожитой жизни, и, кроме того, стремление отразить в очерках информацию, полученную от друзей, которых он знакомил со своими мемуарами, - всё это вместе побуждало В. А. Игнатъева к ещё большему увлечению очерками и рассказами. В письме к И.

---

³⁹ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 2 апреля 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 91-92).

⁴⁰ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 10 мая 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 101-101 об.).

⁴¹ Воспоминания В. А. Игнатъева о поездке в Камышлов и Тимохино в августе 1963 г. (24 ноября 1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 717).

⁴² Письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 104-106 об.).

С. Богословскому он сообщал: «В. П. Бирюков всё возится с переездом сюда и обещал зайти ко мне перед маем. Я написал ему несколько очерков из истории семинарии, восстановив кое-что из прежде написанного, что находится в Москве: некие дублиеты. Он намерен это принять в архив».⁴³

В. П. Бирюков в одном из писем В. А. Игнатьеву отвечая ему, писал: «Ты очень обрадовал присылкой новых 14-ти очерков. К твоей руке я привык и читаю легко. Всё тобой написанное читаю с двойным удовольствием: вспоминаю дни нашей юности и радуюсь получению в литературный архив таких ценных материалов. Многие потом скажут тебе спасибо, а теперь – моё.

Старая духовная школа – это не теперешняя духовная же школа. Сколько из старой вышло замечательных полезнейших людей, не говоря уже о рядовых людях, которые стали врачами, учителями и вообще полезными работниками государства! Вот почему очень важно получить воспоминания бывших воспитанников этой школы.

П. С. Богословский, как он писал мне, намерен свои материалы сдать в архив Пушкинского Дома. Чуть ли даже не написал завещание на этот случай.

Выходит, что ты присылкой новых очерков проделал двойную работу, восстановив то, что отправил Павлу Степановичу. Только, пожалуйста, не подумай, что я подталкиваю тебя изменить слову, данному тобой Павлу Степановичу».⁴⁴

Видимо, одним из последних очерков для «пермской коллекции» воспоминаний был биографический очерк В. А. Игнатьева о своём брате Алексее Алексеевиче Игнатьеве, репрессированном в 1937 г.⁴⁵

По переезде В. П. Бирюкова в г. Свердловск в 1964 г., В. А. Игнатьев, находясь с ним в одном городе, имел больше возможностей для совместного общения и обмена информацией, он также посещал его в областной клинической больнице во время болезни, куда приносил и свои новые рукописи. И. С. Богословскому В. А. Игнатьев сообщал: «Дорогой Иван Степанович! ... Сейчас у меня «Справочная книга» в память столетия Пермской дух[овной] семинарии, издание свящ[енника] Иакова Шестакова, которую дал мне Влад[имир] Павл[ович] Бирюков. Делаю выписку всех окончивших, ушедших на гражданскую службу. Дошел до 1883 г. (вып[уск] 39) и записал уже 331 чел[овека]. Боже мой! Кого только тут нет! Профессора, врачи, чиновники *et cetera, et cetera!*⁴⁶ ... Думаю свои выписки

---

⁴³ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 21 апреля 1964 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 20).

⁴⁴ Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву от 19 апреля 1964 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 5).

⁴⁵ Биографический очерк В. А. Игнатьева о брате Алексее Алексеевиче Игнатьеве (сентябрь 1964 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718).

⁴⁶ *et cetera* – по-латински и так далее.

оформить в виде статьи для вящей славы *alma mater*. Отсюда – всякие попытки принизить значение семинарии нашей глупы и смешны».⁴⁷

28 марта 1966 г. в г. Москве скончался Павел Степанович Богословский. Исполняя его волю, 14 июня 1966 г. его младший брат Иван Степанович и сын Нестор Павлович Богословские передали собранные им документы в Государственный архив Пермской области.⁴⁸

Государственный архив Пермской области в 1966 г. переехал в новое, специально для него построенное здание на улице Студенческой. В письме В. А. Игнатъеву И. С. Богословский сообщал: «Часть архива Пав[ла] Степ[ановича], которая была в Перми (13 ящиков) – нами передана Пермск[ому] обл[астному] архиву. В июле предполагается перевести в Пермь архив П. С., находящийся в Москве. За ним поедет сотрудник Пермского архива. Пермский обл[астной] архив имеет новое специальное здание, специализированный штат служащих, современное хранилище, и я склонен и свой небольшой архив передать ему. ... Я не знаю Свердловского архива, в частности Бирюковского, и являюсь сторонником Пермского. Если у Вас мемуары в копиях – то, думаю, что копии следует разделить по архивам. Свои материалы (некоторые) имею в копиях, оригинал оставляю у себя (домашний архив)».⁴⁹

Таким образом, «пермская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатъева поступила в семейный фонд Богословских и сегодня хранится в Государственном архиве Пермского края (Ф. р-973). Научно-техническая обработка документов семейного фонда Богословских проводилась сотрудниками архива Леоном Кашихиным в 1967 г., а после новых поступлений в 1987 г. Мельчаковой Ольгой Александровной.

Музыкальные ноты В. А. Игнатъева И. С. Богословский передал в нотный отдел Пермской областной библиотеки им. А. М. Горького. Материалов В. А. Игнатъева в фонде П. С. Богословского, переданном им на хранение в рукописный отдел Пушкинского дома (Ф. 690), нет.

В 1968 г. В. П. Бирюков составил обзор рукописей В. А. Игнатъева, переданных им для хранения в Уральский архив литературы и искусства.⁵⁰

---

⁴⁷ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 13 сентября 1964 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 72-72 об.).

В ГКБУ «ГАПК» имеется «Список выпускников Пермской духовной семинарии со сведениями об их дальнейшей деятельности», составленный В. А. Игнатъевым по списку священника И. Шестакова, который содержит «сведения о лицах разных гражданских служб, студентах и духовенстве, выделившихся чем-либо из ряда других». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 731), а в ГКУСО «ГАСО» - «Комментарии (аннотации)» к указанному списку И. Шестакова (фрагмент). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 133-141).

⁴⁸ Акт передачи документальных материалов от 14 июня 1966 г. (ГАПК. Ф. р-973. Дело фонда. Л. 1-2).

⁴⁹ Письмо И. С. Богословского В. А. Игнатъеву от 28 июня 1966 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 415. Л. 11-11 об.).

⁵⁰ Бирюков В. П. «Бытописатель В. А. Игнатъев и его рукописи». (16 февраля 1968 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1273; ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 421). См. «Бытописатель из

В. А. Игнатъев скончался в г. Свердловске 26 февраля 1971 г. Он был женат с 18 апреля (1 мая по новому стилю) 1914 г. на Анне Фридриховне Игнатъевой (урождённой Иоанне-Луизе Фридриховне Зигер), которая родилась в марте 1886 г. в имении Юргенгоф около г. Юрьева (Тарту) в семье немецкого фермера евангелическо-лютеранского вероисповедания Карла-Фридриха Георгиевича Зигер. Образование получила в частной Юрьевской женской гимназии Сальмон. В Курском реальном училище сдала экзамен на звание домашней учительницы немецкого языка. Работала преподавательницей немецкого языка: в 1912-1914 гг. – в г. Бугуруслане Самарской губернии (во II женской гимназии и одновременно в 1913-1914 гг. в высшем начальном и реальном училищах); в 1914-1916 гг. – в г. Перми (в Пермской мужской гимназии имени императора Александра I); в 1916-1923 гг. – в г. Слуцке Минской губернии (в женской гимназии, коммерческом училище и школе второй ступени); после 1923 г. – в г. Свердловске (в Короленковской школе второй ступени и одновременно в школе печатников, затем в Верх-Исетском металлургическом техникуме чёрных металлов и Вечернем комвузе при ВИЗе). Скончалась 23 ноября 1975 г. в г. Свердловске. Детей они не имели.

Почти через 5 месяцев после смерти В. А. Игнатъева, 18 июня 1971 г. в г. Свердловске скончался В. П. Бирюков. Согласно его воле собрание Уральского архива литературы и искусства поступило на хранение в Государственный архив Свердловской области, образовав в нём отдельный фонд. Таким образом, «свердловская коллекция» воспоминаний В. А. Игнатъева хранится в настоящее время в Государственном архиве Свердловской области (Ф. р-2757).

Иван Степанович Богословский скончался в Перми в 1979 г.

В отличие от «пермской коллекции» «свердловские» мемуары Игнатъева не датированы. Заканчивая каждый очерк, отправляемый И. С. Богословскому, В. А. Игнатъев ставил полную дату и указывал свердловское время, а И. С. Богословский указывал иногда и дату получения по почте. Очерки, переданные Игнатъевым В. П. Бирюкову, датировки, практически, не имеют. Примерная датировка указана только в архивной описи.⁵¹

В 1964-1968 гг. В. А. Игнатъев по памяти и в процессе общения с близкими знакомыми (бывшими семинаристами и земляками) восстановил и в значительной степени повторил «пермскую коллекцию», в то же время, дополнив её новыми воспоминаниями. Так, воспоминания о Пермской духовной семинарии в «свердловской коллекции» начинаются с очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» и «Кама»⁵²,

---

Течи» // Бирюков В. П. Уральская копилка. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1969. С. 95-101.

⁵¹ Исключение составляют «Очерки по истории Камышловского духовного училища», которые в «пермской коллекции» более позднего происхождения, чем в «свердловской».

⁵² ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374.

содержат очерки: «Черты семинарского быта», о семинаристах-певцах, музыкантах и декламаторах, «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской революции» (последний является переработанным очерком «Наша семинария в период первой империалистической войны» из пермской коллекции»), продолжают в «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии»⁵³, которые содержат, кроме того, и воспоминания о преподавателях и лицах из обслуживающего персонала. В то же время очерк с описанием семинарии «*Alma mater*» и некоторые другие очерки из «пермской коллекции» в «свердловской» отсутствуют.

Остальные очерки В. А. Игнатъева в «свердловской коллекции»: «Из семейной хроники Игнатъевых»⁵⁴, очерки по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии⁵⁵, очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище и заметки о педагогическом составе Камышловского духовного училища⁵⁶, «Казанская духовная академия» (описание и преподавательский состав)⁵⁷, очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе⁵⁸, автобиографические воспоминания.⁵⁹ Имеется очерк «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте (наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения – всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»)»⁶⁰ и другие очерки, рассказы и педагогические поэмы. В. А. Игнатъев писал не только о бывших семинаристах, интересен также его очерк «Епархиалки», в котором автор постарался вывести образы дочерей духовенства Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии, окончивших Екатеринбургское епархиальное училище и служивших на поприще народного образования в Зауралье в тяжёлых условиях до и после 1917 года.⁶¹ В своих автобиографических воспоминаниях в «свердловской коллекции» автор уже не использовал псевдоним «Петя Иконников» и вёл повествование от первого лица, а очерки «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)»⁶² с эпиграфом «Жизнь прожить – не поле перейти» посвятил В. П. Бирюкову. Последний был убеждённым атеистом, в отличие от православных профессоров братьев

---

⁵³ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. В архивной описи ошибочно указан 1954 г.

⁵⁴ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386.

⁵⁵ Там же. Д. 378-384, 387-392, 394-395, 403.

⁵⁶ Там же. Д. 377, 385. В отличие от всех остальных, эти очерки более раннего происхождения, чем в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

⁵⁷ Там же. Д. 401, 402.

⁵⁸ Там же. Д. 375.

⁵⁹ Там же. Д. 386, 393, 396-399.

⁶⁰ Там же. Д. 412.

⁶¹ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л.2-14 об.

⁶² В. А. Игнатъев. «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399). Очерк охватывает период жизни и работы автора с детства и до отъезда из Перми в 1916 г.

Богословских. В связи с этим обращают на себя внимание «Очерки на библейские темы»⁶³, датированные В. А. Игнатьевым 1967 г., которые носят уже атеистический характер, в отличие от философских заметок 1962-1963 гг. в «пермской коллекции». Также обращает на себя внимание отсутствие в «свердловской коллекции» писем П. С. и И. С. Богословских к В. А. Игнатьеву за 1960-1964 гг.

Кроме исторической и краеведческой воспоминания В. А. Игнатьева представляют большую культурологическую ценность. Они содержат интересные моменты из культурной жизни начала XX века и являются важным источником по истории повседневности того времени. В своих воспоминаниях В. А. Игнатьев отразил бытовые особенности повседневной жизни семьи, рассказал о деятельности учебных заведений и многих деятелей, которые его окружали в сложные периоды истории страны: до и после революции 1905-1907 гг., накануне и во время Первой мировой войны 1914-1918 гг., революции и гражданской войны 1917-1922 гг. (в Белоруссии В. А. Игнатьев жил в прифронтовой зоне, где встретил 1917 г., пережил немецкую и польскую оккупации). В период первых десятилетий советской власти 1920-1930-х гг. он рассказал о своей педагогической работе в советской школе с заводской молодёжью, в период Великой Отечественной войны рассказал о своей работе в тылу в голодное время, в период развития страны в 1940-1950-х гг. рассказал о своей работе и об особенностях преподавания латинского языка в специализированных вузах. В воспоминаниях имеются очень интересные сравнения «духовников» с «городчиками», а семинарской «братвы» с гимназистами и «реалистами», истории общения и дружбы с «синими», «зелёными» и «коричневыми платьями»; сведения о концертах и выступлениях семинарской молодёжи на вечерах в городе и на селе; культурных связей между русским, украинским и белорусским народами. Автор даёт интересные портретные зарисовки многим известным людям своей эпохи. Многие эпизоды из жизни автор сравнивает с картинами известных художников, а штрихи к портретам описываемых знакомых с образами литературных героев.

Друг В. А. Игнатьева Н. И. Хмельнов в письме от 20 января 1969 г. дал ему такой отзыв: «Теперь мне понятно, чем ты занимался, находясь на пенсии, на отдыхе. Очень тяжело быть без дела. Мы, бывшие семинаристы, вымуштрованы хорошо и нам никак не по душе безделье. Ты нашёл своё «хобби» и, наверное, не жалеешь потерянное, истраченное на это время».⁶⁴

В. А. Игнатьев представляется уникальным человеком, а его рукописи предоставляют пример для всех желающих заняться мемуарным творчеством. Воспоминания Игнатьева переплетаются в разных очерках, как в «пермской», так и в «свердловской коллекциях», как в отдельности, так и

⁶³ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405.

⁶⁴ Письмо Н. И. Хмельнова В. А. Игнатьеву от 20 января 1969 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 418. Л. 2 об.).

между ними, дополняя друг друга, они являются важным связующим звеном в истории целых поколений людей, имеющих отношение к истории Перми, Екатеринбургa, Камышлова, Казани, Бугуруслана, Слуцка (Белоруссия) и Челябинской области начала и первой половины XX века.

Воспоминания В. А. Игнатъева до 2017 г. не издавались, кроме очерка «Старая Пермь», частично опубликованного кандидатом исторических наук А. В. Шиловым.⁶⁵ Воспоминания В. А. Игнатъева об архиепископе Стефане (Знамировском) использовались кандидатом исторических наук Е. Д. Харитоновой⁶⁶; воспоминания В. А. Игнатъева об епископе Пимене (Белоликове) использовались кандидатом философских наук О. И. Ходаковской⁶⁷; воспоминания В. А. Игнатъева о старших братьях Игнатъеве Александре Алексеевиче и Игнатъеве Алексее Алексеевиче использовались Ю. М. Сухаревым.⁶⁸

В 2016 г. Государственным архивом Пермского края был опубликован сборник документов «Образование в Пермской губернии XIX-нач. XX вв. Из истории духовно-учебных заведений». Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2016. Центральный раздел сборника был посвящён Пермской духовной семинарии. В него вошли извлечения из очерков В. А. Игнатъева по истории Пермской духовной семинарии. Тогда же возник замысел подготовки отдельного и более полного издания воспоминаний В. А. Игнатъева о Пермской духовной семинарии с целью: с одной стороны, разработки его содержания и изучения личности автора, с другой стороны, ознакомления широкого круга читателей с этим мемуарным источником. Эта идея появилась при взаимодействии с Владимиром Фёдоровичем Гладышевым, председателем общества «Пермский краевед», написавшим авторскую статью к сборнику под названием «Из духовного звания».

---

⁶⁵ Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. / Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т. И. Быстрых. - Пермь, 2014. С. 141-149.

⁶⁶ Харитонова Е. Д. Ст. «Архиепископ Стефан». (04.07.2005 г.).

http://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/07/04/archiepiskop_stefan/

⁶⁷ Ходаковская Ольга. «Там где сияют горные вершины». Документальное исследование жизни и трудов преосвященного Пимена, епископа Семиреченского и Верненского, священномученика (1879-1918). Алма-Ата, 2012.

⁶⁸ Сухарев Ю. М. «К биографии священнослужителя и музыковеда Алексея Игнатъева (1879-1937)» (26.11.2016 г.); Сухарев Ю. М. «К биографии священника Алексея Игнатъева (1879-1937)» // Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции «Православие на Урале: связь времён» (Екатеринбург, Уральское церковно-историческое общество; Екатеринбургская духовная семинария, 3 февраля 2017); Сухарев Ю. М. «Так проходит мирская слава» (Биография Алексея Алексеевича Игнатъева (1879-1937) – священника, педагога, музыковеда). (04.02.2017 г.); Сухарев Ю. М. «Священник Каменского Троицкого собора Александр Игнатъев (1872-1920)». (21.04.2018 г.). // Доклад на 6-й региональной научно-практической конференции Уральского историко-родословного общества «История. События. Судьбы» в г. Каменск-Уральский, 21 апреля 2018 г. <http://sukharev-y.ru/>

В 2017 г. между Государственным архивом Пермского края» и Государственным архивом Свердловской области было заключено соглашение о сотрудничестве с целью осуществления деятельности по сохранению исторической памяти о событиях и людях Пермского края и Свердловской области, воспитания патриотизма, духовности и нравственности у граждан, посредством популяризации историко-документального наследия, формирования чувства гордости за свою малую Родину. В рамках этого соглашения, в частности, был произведён обмен информационными материалами – воспоминаниями В. А. Игнатьева. «Свердловская коллекция» его воспоминаний в электронном виде пополнила семейный фонд Богословских, образовав в нём отдельную опись (Ф. р-973. Оп. 2).

В 2017-2018 гг. Государственный архив Пермского края опубликован 1-ю и 2-ю части книги: Игнатьев В. А. «Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века». (Под ред. В. Г. Бояршинова). Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2017-2018.

В 2017 г. Государственный архив Пермского края опубликовал сборник документов «Образование в Пермской губернии XIX-нач. XX вв. Из истории учебных заведений системы начального образования». Пермь: Продюсерский центр «Траектория», 2017. В сборник вошёл очерк В. А. Игнатьева «Школьники», опубликованный в извлечении.

При обработке текстов воспоминаний, была проведена огромная кропотливая текстологическая работа, выявлены различные группы текстовых изменений, как в «пермской коллекции», так и в «свердловской», повторные и параллельные места в очерках.

Очерки из «свердловской коллекции», полностью отсутствующие в «пермской», публикуются в основном тексте целиком, частично отсутствующие в «пермской коллекции» и расширенные части текста в «свердловской коллекции» дополняют текст публикации в примечаниях.

Авторский текст воспроизведён с сохранением стилистических особенностей подлинника. Подчёркивания текста выделены нижним подчёркиванием. В квадратных скобках воспроизведены пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова и части слов, а также датировка.

Текст сопровождается примечаниями в постраничных сносках. Всего 2386 сносок. В примечаниях даны краткие биографические сведения об упоминаемых автором персоналиях, которые удалось обнаружить.

Часть примечаний указывает на фактические неточности текста автора, что является специфическим для такого рода источника.

Данная публикация имеет следующую структуру: вступительная статья, десять частей с очерками и иллюстрациями к ним. Всего 415 иллюстраций. Иллюстрации сопровождаются изображениями рукописей, использованных при составлении публикации. В приложении имеется именной указатель, в который вошли 2335 персоналий.

Мемуары В. А. Игнатьева содержат множество латинских изречений, пословиц, поговорок. Самым распространённым латинским изречением, используемым В. А. Игнатьевым, является: «*Sic transit gloria mundi!*», которое переводится: «Так проходит мирская слава!». Смысл его простой: всё земное – призрачно, изменчиво и тленно.

Предисловие к Части I.

Целью настоящего издания является показать исследователям, по возможности, наиболее полный содержательный мемуарный исторический источник.

«Семейная хроника Игнатъевых» - является первой частью полной публикаций воспоминаний В. А. Игнатъева. Это сборник его очерков о родителях, братьях, сёстрах и родной тётушке, основанный на «Семейной хронике Игнатъевых» в «пермской» и «свердловской коллекциях», а также на биографических очерках о родственниках.

Родителями его были: Игнатъев Алексей Иванович (1848-1916) и Игнатъева (Тетюева) Александра Ивановна (1850-1926). Отец по послужному списку был причетнический сын, по увольнении из высшего отделения Пермского уездного духовного училища 13 марта 1867 г. был определён послушником в Пермский Архиерейский дом; 30 октября 1868 г. определён к градо-Пермской Рождество-Богородицкой церкви на пономарское место; 19 февраля 1869 г. посвящён в стихарь; 19 декабря 1869 г. переведён к градо-Пермской Воскресенской церкви.⁶⁹ Затем А. И. Игнатъев был посвящён в сан диакона и служил в г. Перми при Николаевской церкви пересыльного замка вместе со священником Иоанном Алексеевичем Никитиным. 25 мая 1879 г. был переведён к Спасской церкви села Теченского Шадринского уезда, поменявшись местами со своим тестем – диаконом Иоанном Васильевичем Тетюевым⁷⁰, где и служил, состоя на псаломщической вакансии, почти до самой своей смерти. В «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1916 год имеется некролог диакона Алексея Иоанновича Игнатъева, составленный его сыном Алексеем: «Всегда аккуратный, скромный, приветливый, покойный о[тец] диакон пользовался глубоким уважением и любовью как среди сослуживцев, так и прихожан. Покойный воспитал большую семью – пять сыновей и две дочери. Четыре сына о[тца] диакона окончили Пермскую семинарию со званием студентов, а потом учились и учатся ещё в Казанской духовной академии. Двое из сыновей академию уже окончили, один из них ныне удостоен степени магистра богословия, а двое ещё учатся – один на 4 курсе, а второй – на первом. Пятый сын состоит священником в Тобольской епархии. Дочери о[тца] диакона, получив образование в Екатеринбургском епархиальном училище, служат народными учительницами в Шадринском уезде. Стремление о[тца] диакона дать хорошее образование и воспитание всем своим детям достойно глубокого внимания. Спи спокойно, незабвенный наш отец и друг! Ты честно совершил

---

⁶⁹ Клировая ведомость Воскресенской церкви г. Перми за 1871 г. // ГАПК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 14. Л. 41-41 об.

⁷⁰ «Пермские епархиальные ведомости». 1879. № 23 (6 июня) (офиц.). С. 251-252. В том же году диакон Иоанн Васильевич Тетюев умер 10 (22 по новому стилю) декабря, в возрасте 49 лет. // ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 323. Л. 617 об.-618.

свой жизненный путь: в воспитании своих детей ты был подвижником. Благослови нас и помолись у Престола Всевышнего. Твои дети являются твоими неоплатными должниками. Вечная тебе память. Сын Алексей».⁷¹

Позднее, сам В. А. Игнатъев о своём отце оставил такой отзыв: «Из семи детей сельского дьячка три сына с высшим образованием работали учителями и две дочери со средним образованием работали сельскими учительницами, одна из них пятьдесят лет. Российское государство и в старой своей форме и в новой в балансе своих культурных деятелей получило такую силу, за которую оно не может быть в обиде на сельского дьячка А. И. Игнатъева».⁷²

Отдельное место занимают детские воспоминания автора под псевдонимом «Петя Иконников» и его рассказы о детстве и бытовой обстановке семьи, о друзьях детства – домашних животных, составленные им как педагогические поэмы.

В первой части представлены: рисунки планов дома и усадьбы, составленные автором; фотографии автора за чтением мемуаров; фотографии его сестры Александры, брата Алексея и племянника Сергея.

---

⁷¹ «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1916. № 45 (6 ноября) (отдел неофициальный). С. 394-395.

⁷² Из очерка «Теченское «житие» (в составе «Автобиографических воспоминаний») в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 30-31).

Предисловие к Части II.

Вторую часть открывают очерки о преподавательском составе Камышловского духовного училища. Основным источником для публикации стали, в основном, «Очерки по истории Камышловского духовного училища» из «пермской коллекции» воспоминаний автора, т. к. они более поздние и наиболее фактографически информативные. В состав второй части также вошли очерки о досуге и быте учеников духовного училища по «пермской» и «свердловской коллекциям». Особое место занимают воспоминания автора об его учении в Камышловском духовном училище под псевдонимом «Петя Иконников». Отдельные очерки о соучениках автора, которые учились позднее и в Пермской духовной семинарии: Александре Борчанинове, Григории Козельском, Александре Анисимове представлены в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века. Завершается вторая часть очерком автора о поездке в Камышлов в 1963 г.

Камышловское духовное училище действовало в г. Камышлове Пермской губернии (ныне в составе Свердловской области) в 1888-1918 гг. и находилось на улице Торговой (Карла Маркса). Здание училища строилось в 1887-1912 гг. по проекту инженера-полковника И. Л. Фальковского.⁷³ В комплекс зданий и построек входили учебный корпус, домовая церковь во имя св. Сергия Радонежского, жилые дома для преподавателей, хозяйственные постройки и парк.

Училище было переведено в г. Камышлов в 1888 году из г. Далматова и содержалось на средства духовного ведомства. В нём обучались мальчики 10-15 лет, в основном из духовного сословия, которые приготавливались для дальнейшего поступления в духовные семинарии. Таким образом духовное училище являлось низшей ступенью богословского образования.

Камышловское духовное училище с четырёхгодичным обучением закончили более 700 мальчиков. В нём обучались многие будущие семинаристы и священно-церковно-служители Пермской и Екатеринбургской епархий. Самым известным выпускником Камышловского духовного училища из духовного звания был архиепископ Софроний (Арефьев).⁷⁴ Известными выпускниками из светских деятелей были: В. П. и

---

⁷³ Фальковский Иосиф Львович (1851-?) – инженер-подполковник, архитектор.

⁷⁴ Софроний (Арефьев) (1879-1937) – сын псаломщика Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Кандидат богословия Московской духовной академии 1903 г. В 1903-1912 гг. помощник смотрителя и преподаватель Иркутской духовной семинарии. Священник с 1912 г., протоиерей с 1914 г. Ректор Иркутской духовной семинарии в 1914-1916 гг. Архимандрит с 1915 г., епископ с 1919 г. В 1922-1924 гг. находился в обновленческом расколе. Архиепископ с 1929 г. В 1932-1933 гг. архиепископ Ирбитский, временноуправляющий Свердловской епархией. В 1936-1937 гг. Архиепископ Краснодарский и Кубанский. Расстрелян в 1937 г.

А. П.⁷⁵ Бирюковы, Н. Г. Буткин.⁷⁶ Известными преподавателями Камышловского духовного училища были П. П. Бажов⁷⁷, А. А. Наумов⁷⁸ и М. М. Щеглов.⁷⁹

Училище действовало в течение 30 лет до закрытия в 1918 г.

В. А. Игнатъев учился в Камышловском духовном училище в 1897-1902 гг. Находясь на пенсии и взявшись за мемуары, он в 1960 г. первоначально составил воспоминания о своём учении в Камышловском духовном училище, которые вошли в состав его автобиографических очерков «Петя Иконников».⁸⁰ В это же время были составлены отдельные очерки о соучениках в училище Александре Борчанинове, Григорие Козельском и Александре Анисимове. Эти мемуары В. А. Игнатъев передал П. С. и И. С. Богословским и позднее они стали частью «пермской коллекции» его воспоминаний.

Тогда же в 1960-х гг. В. А. Игнатъев вёл переписку с камышловским музыкальным деятелем Михаилом Михайловичем Щегловым, своим бывшим

---

⁷⁵ Бирюков Аркадий Павлович (1892-1969) – окончил Камышловское духовное училище в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Обучался в Казанском ветеринарном институте. Окончил медицинский факультет Пермского государственного университета в 1925 г. Врач-педиатр и агроном-садовод. Подробнее см. в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁷⁶ Буткин Николай Григорьевич (1896-1976) – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1911 г., 5 классов Тобольской духовной семинарии и медицинский факультет Томского университета в 1922 г. Кандидат медицинских наук (1951). Врач-фтизиатр, внёс большой вклад в развитие медицины на Урале, был организатором борьбы с туберкулёзом.

⁷⁷ Бажов Павел Петрович (1879-1950) – сын горнозаводского мастера. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Учитель приготовительного класса и учитель чистописания в 1-м и 2-м классах Екатеринбургского духовного училища в 1899-1902 гг., учитель русского и церковно-славянского языка в 1-м классе того же училища в 1902-1906 гг., учитель чистописания и черчения того же училища в 1906-1907 гг. Преподавал русский язык в Екатеринбургском епархиальном женском училище в 1907-1914 гг., затем в Камышловском духовном училище. Русский писатель, фольклорист, публицист, журналист, революционер. Автор уральских сказов.

⁷⁸ Наумов Александр Андреевич (1865-1935) – сын священника Верхотурского уезда. Окончил Далматовское духовное училище в 1879 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1885 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1890 г. Был определён учителем русского и церковно-славянского языков в старшие классы Камышловского духовного училища. В 1900 г. перемещён на должность учителя географии и арифметики. С октября 1906 г. также состоял преподавателем природоведения. Статский советник, имел орден св. Анны 3-й степени. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2. Уральский краевед, основатель и руководитель Камышловского краеведческого музея.

⁷⁹ Щеглов Михаил Михайлович (1875-1972) – окончил Московское Синодальное училище церковного пения со званием регента в 1894 г. Учитель церковного пения и чистописания в Камышловском духовном училище в 1894-1918 гг. С октября 1907 г. состоял также учителем черчения. Заведующий Камышловской музыкальной школой в 1944-1956 гг.

⁸⁰ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723.

учителем пения. Они постоянно делились друг с другом сведениями и фотографиями о преподавателях и учениках Камышловского духовного училища. Так, в 1962 г. В. А. Игнатъев получил от М. М. Щеглова фотографию учащихся своего выпуска 1902 г., и решил отдать долг «первому звену своего образования в духовной школе»: «Дорогой Михаил Михайлович! Полученная мною от Вас копия фотокарточки с выпускниками Кам[ышловского] дух[овного] училища 1902 г. возбудила у меня много воспоминаний, побудила меня написать Воспоминания об училище, как это я сделал уже о семинарии и академии... Как мне думается, Камышловское дух[овное] училище заслуживает того, чтобы о нём что-либо сохранилось для памяти. В самом деле, сколько из его бывших учеников вышло разного рода деятелей. Вот если бы нам удалось собрать такие заметки на подобие моих, за 20-25 лет существования училища – было бы хорошо... Своими «Воспоминаниями» я хотел отдать долг нашему дух[овному] училищу, первому звену своего образования в дух[овной] школе».⁸¹

Таким образом, после воспоминаний В. А. Игнатъева о Пермской духовной семинарии и Казанской духовной академии появились и его воспоминания о Камышловском духовном училище, в нескольких редакциях: «Очерки о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» и «Заметки о педагогическом составе Камышловского духовного училища» (1962 г.).⁸² Эти мемуары позднее он передал В. П. Бирюкову и они вошли в состав «свердловской коллекции» его воспоминаний.

В 1963 г. для П. С. и И. С. Богословских В. А. Игнатъев составил отдельную редакцию «Очерков по истории Камышловского духовного училища, которые вошли в состав «пермской коллекции».⁸³ В августе 1963 г. В. А. Игнатъев и И. С. Богословский вместе совершили поездку в г. Камышлов и село Тимохино, где встретились с М. М. Щегловым, посетили само здание училища и были на родине матери И. С. Богословского.⁸⁴

А в 1965 г. для Уральского архива литературы и искусства в г. Свердловске составил отдельную часть автобиографических воспоминаний, посвящённую своему учению в Камышловском духовном училище, которая позднееполнила его «свердловскую коллекцию».⁸⁵

В. А. Игнатъев часто обращается и сравнивает период своего обучения в духовном училище с «Очерками бурсы» Н. Г. Помяловского⁸⁶, постоянно

---

⁸¹ Письмо В. А. Игнатъева М. М. Щеглову от 3 июня 1962 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 2-2 об.).

⁸² ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377, 385.

⁸³ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709.

⁸⁴ Воспоминания В. А. Игнатъева о поездке в Камышлов и Тимохино в августе 1963 г. (24 ноября 1963 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 717).

⁸⁵ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393.

⁸⁶ Помяловский Николай Герасимович (1835-1863) – русский писатель, прозаик, автор реалистических повестей, в т. ч. «Очерков бурсы» (1862-1863), в которых ему хотелось рассказать более подробно о жизни учеников бурсы (Алекса́ндро-Невского духовного училища г. С.-Петербурга). Он очень остро поставил проблему воспитания, с большим

демонстрируя как изменился характер положения духовных училищ (бурсы) и жизнь бурсаков за вторую половину XIX века. Он раскрывает «родимые пятна» старой бурсы и в то же время старается с глубоким уважением относиться к преподавателям училища, памятуя тезис: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». Большая часть преподавателей Камышловского духовного училища того периода, когда обучался в нём В. А. Игнатъев, служили вплоть до закрытия училища в 1918 г. В связи с этим его воспоминания представляют собой важный источник, характеризующий особенности педагогического состава училища по сравнению с другими духовными училищами и духовной семинарией. Автор отдаёт дань уважения труду преподавателей греческого и латинского языков, которые проделывали «всю черновую работу» по обучению этими языками учеников 12-15 лет перед переходом их в духовные семинарии и академии. Особенно высоко он отмечает уровень преподавания в Камышловском духовном училище церковного пения, настолько высокий, что выпускники его в 1900-1910-х гг. играли главную роль в хоре Пермской духовной семинарии. В. А. Игнатъев в свои детские годы был очень впечатлительным мальчиком и в течение всей жизни сохранил колоссальный объём памяти, его воспоминания изобилуют многочисленными особенностями обучения детей в таких закрытых учебных заведениях интернатного типа какими были духовные училища. Автор мечтал собрать воспоминания от всех заинтересованных лиц за весь период существования Камышловского духовного училища, но этому не суждено было сбыться.

При подготовке публикации воспоминаний В. А. Игнатъева составлялись биографические справки на участников событий, упоминаемых в текстах, использовались списки служащих и разрядные списки учеников Камышловского духовного училища, составленные после годичных испытаний и опубликованные в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1890-е-1910-е гг. Одним из выпускников Камышловского духовного училища, а позднее ещё и надзирателем за учениками в нём, был А. Н. Шишёв⁸⁷, друг и знакомый В. А. Игнатъева, который в 1950-1970-х гг. составил «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», которые также использовались при подготовке данной публикации.

критическим пафосом заклеил бездушие, применение телесных наказаний, консерватизм – черты, характерные не только для духовных учебных заведений, но и для всей русской жизни в условиях самодержавия и деспотизма.

⁸⁷ Шишёв Александр Николаевич (1892-1970-е) – сын диакона Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1914 г. Обучался в Киевском коммерческом институте (не закончил). В 1915-1916 гг. надзиратель за учениками Камышловского духовного училища. Составитель картотеки «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», которая содержит почти 1,5 тысячи персоналий семинаристов (в основном, выходцев из духовного сословия, не ставших священнослужителями). Более подробно о нём см. в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

Во второй части представлены фотографии старого Камышлова в почтовых открытках; чертежи планов внутренних помещений духовного училища, составленные самим автором; групповые фотографии преподавателей и воспитанников за несколько лет, в т. ч. групповая фотография выпуска 1902 г., среди воспитанников – молодой автор мемуаров; фотографии отдельных преподавателей духовного училища.

Предисловие к Части III.

Третья часть посвящена Пермской духовной семинарии начала XX века. В отличие от опубликованной ГКБУ «Государственным архивом Пермского края» книги воспоминаний В. А. Игнатъва о Пермской духовной семинарии начала XX века в 2-х частях, в настоящую публикацию вошли переработанные очерки автора в изменённой структуре, дополнительные материалы, примечания в постраничных сносках и расширенное количество фотоиллюстраций.

Пермская духовная семинария – старейшее учебное заведение в Перми и имеет большую историю. Она являлась центром христианского просвещения во всём Пермском крае. Семинария была открыта 11 (23 по новому стилю) ноября 1800 г. Все духовно-учебные заведения (училища, семинарии и академии) имели широкие задачи – готовить как квалифицированные кадры духовенства, в том числе монашеские кадры, так и кадры светских деятелей – преподавателей светских предметов. Центральное место в учебной программе занимал цикл богословских наук. Кроме богословских предметов в учебном плане были и другие – светские предметы. Духовно-учебные заведения имели в своём основании консервативный «дух»: они ставили целью не столько само умственное развитие, сколько дисциплину ума, указывали духовно-нравственное направление развитию способностей молодых людей. Выпускниками их были как многие известные религиозные деятели, так и деятели науки, самоотверженные учителя и врачи, люди с глубоким сознанием долга, воспитатели и учителя многих знаменитых учёных. Деятельность выпускников духовно-учебных заведений отличалась разнообразием и многогранностью своей деятельности.

11 (24 по новому стилю) ноября 1900 г. отмечалось 100-летие Пермской духовной семинарии. Она была одной из лучших духовных школ в России. За период 1800-1917 гг. её окончило более 3000 человек. Самыми известными выпускниками из духовных лиц были: архиереи Иннокентий (Коровин)⁸⁸, Иона (Капустин)⁸⁹, Палладий (Пьянков)⁹⁰, Стефан

---

⁸⁸ Иннокентий (Коровин Яков Максимович) (1778-1840) – сын пономаря. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1804 г. Преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии в 1805-1813 гг. Архимандрит Соликамского Свято-Троицкого монастыря в 1813-1818 гг. Преподаватель истории и инспектор Пермской духовной семинарии в 1818-1824 гг. Епископ с 1827 г., архиепископ с 1832 г. Архиепископ Волынский в 1832-1840 гг.

⁸⁹ Иона (Капустин Ишполит Леонтьевич) (1790-1867) – сын протоиерея г. Камышлова. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1808 г. Преподаватель Пермской духовной семинарии в 1809-1818 гг. Магистр богословия Московской духовной академии 1824 г. Инспектор Пермской духовной семинарии в 1825-1829 гг. В монашестве с 1826 г., иеромонах, архимандрит с 1829 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1829-1830 гг. Епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии в 1846-1859 гг.

(Знамировский), Аркадий (Ершов)⁹¹; протоиереи Г. А. Пьянков⁹², А. М. Луканин⁹³, Е. А. Попов⁹⁴, И. А. Никитин⁹⁵ и др. В Пермской духовной семинарии обучались или закончили её около 50 священномучеников Русской Православной Церкви XX века. Из светских лиц самыми известными были: В. М. Флоринский⁹⁶, П. И. Макушин⁹⁷, П. Н. Серебренников, А. С. Попов⁹⁸, А. В. Карташёв⁹⁹, П. П. Бажов, В. С. Верхоланцев¹⁰⁰ и др.

---

⁹⁰ Палладий (Пьянков Павел Георгиевич) (1816-1882) – сын протоиерея г. Оханска. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1834 г. Кандидат богословия Московской духовной академии 1840 г., магистр богословия 1841 г. Священник с 1844 г., иеромонах с 1846 г., архимандрит с 1854 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1854-1860 гг. Епископ Олонецкий и Петрозаводский в 1877-1882 гг. Духовный писатель.

⁹¹ Аркадий (Ершов Александр Павлович) (1878-1937) – сын священника г. Красноуфимска. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1901 г. Священник с 1902 г., протоиерей, архимандрит. Епископ Кунгурский в 1924-1929 гг. Архиепископ с 1935 г. Священномученик Русской Православной Церкви.

⁹² Пьянков Георгий Антипович (ок. 1779-1858) – один из первых выпускников Пермской духовной семинарии 1802 г. Священник с 1802 г., протоиерей с 1820 г. Служил в г. Оханске.

⁹³ Луканин Александр Матвеевич (1821-1889) – сын пономаря Осинского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1842 г. Священник с 1842 г., протоиерей с 1862 г., благочинный. Редактор «Пермских епархиальных ведомостей» в 1879-1889 гг. Председатель Пермского епархиального училищного совета в 1884-1889 гг. Духовный писатель, археолог и историк.

⁹⁴ Попов Евгений Алексеевич (1824-1888) – сын священника г. Красноуфимска. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1844 г. Священник с 1844 г., протоиерей с 1869 г. Духовный писатель и общественный деятель. Основатель просветительского братства святителя Стефана Великопермского.

⁹⁵ Никитин Иоанн Алексеевич (1842-1918) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1862 г. Регент архиерейского хора в 1868-1871, 1874-1875, 1883-1894 гг. Протоиерей Мотовилихинской Свято-Троицкой церкви в 1902-1906 гг., Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора в 1906-1918 гг.

⁹⁶ Флоринский Василий Маркович (1834-1899) – сын диакона Владимирской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1853 г. и С.-Петербургскую медико-хирургическую академию в 1858 г. Доктор медицины 1861 г. Известный врач, этнограф и археолог.

⁹⁷ Макушин Пётр Иванович (1844-1926) – сын причетника Оханского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1863 г. Обучался в С.-Петербургской духовной академии. Деятель народного просвещения в Сибири.

⁹⁸ Попов Александр Степанович (1859-1906) – сын священника Верхотурского уезда. Обучался в Далматовском духовном училище в 1868-1870 гг., окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1873 г., 4 класса Пермской духовной семинарии в 1877 г. Кандидат физико-математических наук С.-Петербургского университета 1882 г. Преподаватель кафедры физики С.-Петербургского университета. Преподаватель физики, математики и электротехники в Минном офицерском классе в Кронштадте, преподаватель физики в Техническом училище Морского ведомства в Кронштадте в 1890-1901 гг. Почётный инженер-электрик 1899 г. Профессор физики Императорского Электротехнического института в 1901-1905 гг., ректор в 1905-1906 гг. Изобретатель радио.

Образование, полученное в семинариях, особенно в части философии, психологии, дидактики, древних языков, давало выходцам из духовного сословия, возможность продолжить обучение в светских высших учебных заведениях – университетах и институтах, а также преподавать и врачевать, в том числе и после революции, занимая значительное место в рядах интеллигенции 1920-1930-х гг.

15 марта 1918 г. последовало закрытие Пермской духовной семинарии (ее здание было конфисковано для нужд ВЧК¹⁰¹). Деятельность Пермской духовной семинарии возобновлялась на несколько месяцев в 1919 г. Затем более 70 лет в Перми не было духовно-учебных заведений. В новейшее время деятельность Пермской духовной семинарии возобновлена 25 декабря 2009 г.¹⁰² Она является современным учебным заведением с высшим духовным образованием для подготовки достойных священнослужителей Русской Православной Церкви.

К воспоминаниям о Пермской духовной семинарии в XIX веке не раз обращались и писали её историю, используя официальные документы: архимандрит Иероним (Лаговский)¹⁰³, Н. Н. Новиков¹⁰⁴, Н. П. Седых¹⁰⁵, священник И. В. Шестаков.¹⁰⁶

---

⁹⁹ Карташёв Антон Владимирович (1875-1960) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1899 г. Последний обер-прокурор Святейшего Синода и министр исповеданий Временного правительства в 1917 г., обеспечивший передачу церковной власти Поместному собору Русской Православной Церкви 1917-1918 гг.

¹⁰⁰ Верхоланцев Владимир Степанович (1879-1947) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1905 г. Окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета в 1922 г. Пермский педагог и краевед.

¹⁰¹ ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров РСФСР.

¹⁰² Прежняя Пермская духовная семинария располагалась по адресу: Кунгурская ул. (Комсомольский проспект), 1. В 1930-2000-х гг. в здании бывшей семинарии размещалось Пермское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск и артиллерии (ВКИУ). Здание было капитально реконструировано (надстроены 2 этажа, перестроены: правое крыло со стороны ул. Монастырской (Орджоникидзе) и левое крыло со стороны ул. Набережная (Окулова), внешне изменён облик в формах конструктивизма с переходом к сталинскому классицизму). В настоящее время здание превращено в офисные центры «Бажов» и «Садко». Современная Пермская православная духовная семинария располагается по адресу: шоссе Космонавтов, 185.

¹⁰³ Иероним (Лаговский) Иоанн Евгеньевич (1827-1884) – сын священника Костромской губернии. Окончил Костромскую духовную семинарию в 1849 г. Магистр богословия С.-Петербургской духовной академии 1853 г. Преподаватель логики и психологии в Пермской духовной семинарии в 1853-1858 гг., 1861-1868 гг. Священник с 1856 г., протоиерей с 1858 г. Ректор Пермской духовной семинарии в 1868-1879 гг., архимандрит с 1874 г. Член С.-Петербургского духовно-цензурного комитета с 1879 г. См. Лаговский И. Е., прот. Открытие Пермской семинарии и история ее до преобразования, бывшего в 1818 г. Пермь, 1867-1868 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 581; Лаговский И. Е., прот. История Пермской семинарии после преобразования, бывшего в 1818 г. Пермь, 1870-1873 // ГАПК.

История Пермской духовной семинарии начала XX века, её преподавателей и студентов остаётся малоизвестной. За 100 лет со времени её закрытия к её истории обращались крайне редко.¹⁰⁷ Воспоминания же В. А. Игнатьева всё это время вообще оставались не востребованными.

Ф. печ. изд. № 583; Иероним (Лаговский), архим. История Пермской семинарии после преобразования, бывшего в 1840 г. Пермь, 1874-1877 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 582; Иероним (Лаговский), архим. История Пермской духовной семинарии. Изд. свящ. И. Шестакова. Екатеринбург, 1900 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 588.

¹⁰⁴ Новиков Николай Николаевич (1875-1943) – сын мещанина г. Перми. Окончил Пермскую мужскую гимназию в 1893 г. Кандидат С.-Петербургской духовной академии 1897 г. Преподаватель русского и церковно-славянского языков в Пермском духовном училище в 1897-1898 гг. Преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей в Пермской духовной семинарии в 1898-1906 гг. Преподаватель еврейского языка в Пермской духовной семинарии в 1899-1903 гг. Преподаватель Закона Божия в Пермской Мариинской женской гимназии в 1900-1901 гг. Редактор «Пермских епархиальных ведомостей» в 1900 г. Член и архивариус Пермской учёной архивной комиссии. См. «Историческая записка о Пермской духовной семинарии (1800-1900)». Екатеринбург, 1900; «Очерки по истории Пермской духовной семинарии со времени преобразования её по уставу 1867 г. Пермь, 1900-1902 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 587; «Роль Пермской духовной семинарии в изучении прошлого Пермского края (краткий очерк)» Труды Пермской учёной архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. // ГАПК. Ф. печ. изд. № 520.

¹⁰⁵ Седых Николай Павлович (1862-1917) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1883 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1887 г. Преподаватель пения в Пермском духовном училище с 1888 г., затем делопроизводитель, бухгалтер, старший ревизор в Пермском губернском акцизном управлении. Библиофил, краевед. Автор «Очерков истории Пермской духовной семинарии за 1877-1884 гг.». Пермь, 1915.

¹⁰⁶ Шестаков Иаков Васильевич (1858-1918) – сын священника Пермского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1873 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1879 г. Преподаватель в сельских школах в 1879-1887 гг. Священник в 1887-1899 гг. Писатель, краевед, строитель церквей и основатель монастырей. Член Пермской учёной архивной комиссии. Составитель «Юбилейной памятной книги для духовенства». Пермь, 1899 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 593; «Краткого исторического очерка столетия Пермской епархии (1799-1899)». Пермь, 1899 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 553; «Справочной книги всех окончивших курс Пермской духовной семинарии». Пермь, 1900 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 595. В нач. 1900-х гг. создал собственное издательство «Кама». С 1909 г. постоянно проживал в г. С.-Петербурге, работал в цензурном комитете Святейшего Синода. В 1917 г. вернулся в г. Пермь. Убит большевиками. Священномученик Русской Православной Церкви.

¹⁰⁷ Горовой Ф. С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х гг. XIX в. Молотов, 1952 // ГКБУ «ГАПК». Ф. печ. изд. № 26954; Шилов А. В. Н. П. Седых как исследователь истории Пермской духовной семинарии // Страницы прошлого. Пермь, 1999. Вып. 2; Калинина Т. А. Педагоги и ученики Пермской духовной семинарии // Путь в историю, пути истории. Пермь, 2002. С. 101-110 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 41606; Перескоков Л. В. Памятник истории «Пермская духовная семинария»: жизнь после смерти // Пермский дом в истории и культуре края. Выпуск 3, Пермь, 2010; Нечаев М. Г. Культурное «гнездо» российской провинции: библиотека Пермской духовной семинарии // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 28-50.

В. А. Игнатъев обучался в Пермской духовной семинарии в 1902-1909 гг., в течение 7 лет (оставался на повторительный 2-й курс по причине болезни), и был помощником инспектора Н. И. Знамировского и преподавателем латинского языка в 1914-1916 гг. Он описал внутреннее и внешнее устройство семинарии, включил портреты-миниатюры преподавателей и студентов, так как запомнил их сам и, отчасти, узнал от своих знакомых. Его воспоминания позволяют узнать много интересного об учебном процессе, досуге, быте, фольклоре семинаристов. Кроме того, воспоминания В. А. Игнатъева могут помочь понять и оценить духовную атмосферу крайне сложной дореволюционной эпохи. С одной стороны, это был период развития российской науки и образования, с другой стороны, эти годы были временем духовного кризиса общества, особенно молодой его части – учащегося студенчества.

По мнению доктора исторических наук, протоиерея Алексея Николаевича Марченко, Православная церковь в России в синодальный период «существовала под плотной государственной опекой, лишавшей её возможности самостоятельного развития, выражения собственного мнения и церковно-общественной инициативы». К началу XX века «кризис монархической государственности и «казённого» православия созрел окончательно». В то же время это было временем своеобразного «религиозного пробуждения», когда для многих представителей образованного слоя российского общества вопросы религии и Церкви стали «базисными». На почве духовной неудовлетворённости в среде российской интеллигенции стало развиваться богоискательство, появилось стремление к общению с Православной Церковью». Богоискатели понимали и искренне желали церкви восстановления её общественного авторитета путём освобождения от удушливых объятий государства и изжившей себя старой синодальной системы церковного устройства. Однако этим мечтам не было суждено осуществиться».¹⁰⁸

Известны воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского)¹⁰⁹, как духовного лица, который тоже описывает годы, проведённые в духовной школе, как студентом, так и преподавателем, и ректором (1877-1902 гг.). И если митрополит Евлогий в молодости представляется «взыскующим града Господня» (т. е. стремящимся к священнослужению), то Игнатъев в этом случае – «отбывателем» (т. е. пользующимся своим происхождением для получения образования за «казённый счёт», а затем служащим по требованию духовного начальства). Он сам признавал, что «люди, не собиравшиеся посвятить себя в священнослужители, отсиживались в этих

---

¹⁰⁸ Марченко А. Н., прот. «Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы. Русская Православная Церковь и Пермский Университет в прошлом и настоящем». Пермь, 2016. С. 8-10.

¹⁰⁹ Евлогий (Георгиевский) (1868-1946) – митрополит, управляющий приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе. Автор воспоминаний «Путь моей жизни». Париж, 1947, Москва, 1994.

классах [богословских – ред.] в силу того, что податься было не куда, а если и представлялась возможность куда-либо поступить, то для этого требовалась подготовка, на которую не всякий мог решиться. Повинуясь этому общему течению и Петя [псевдоним автора – ред.] отсиживался с затаённой мыслью поступить потом в какое-либо высшее учебное заведение».¹¹⁰

Митрополит Евлогий называл старца преподобного Амвросия Оптинского¹¹¹ своим спасителем от духовного разложения в те годы. У В. А. Игнатьева такого духовного наставника не было. Видя фальшь и двуличность современной эпохи, когда слова были одни, а реальность другой, и она не менялась к лучшему, большая часть учащегося студенчества оказалась подвергнута возрастным искушениям, которые становились настолько сильными, что вызывали оппозиционные и нецерковные настроения. Некоторое влияние в этом отношении на умы семинаристов исходило даже от преподавателей. Обострение внутренних противоречий пронизывало всё общество, всё больше людей осознавало, что жить «по-старому», отрицая необходимость преобразований, уже невозможно. Даже в духовных семинариях и академиях такие настроения, выливались порой в волнения и беспорядки, особенно во время революции 1905-1907 гг. Всё кипело, бурлило, заставляло митинговать и дискутировать. Ещё ранее, будучи инспектором Владимирской духовной семинарии, митрополит Евлогий вспоминал: «Была коренная фальшь в участи моих воспитанников. Молодежь, в большинстве своём стремившаяся на простор светской школы, втискивалась в учебное заведение, весь строй которого был церковный. Придешь, бывало, на молитву — в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, что поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию...»¹¹²

Хотя В. А. Игнатьев и не был одним из активных участников революционных беспорядков, но он не смог не пропустить эту атмосферу через себя. В то же время учился он хорошо, каждый раз заканчивая класс по 1-му разряду.

Его воспоминания являются единственным и очень специфическим мемуарным свидетельством о Пермской духовной семинарии начала XX века. В связи с этим необходим осторожный подход к изучению его

---

¹¹⁰ Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии»). ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48-67 об.

¹¹¹ Амвросий (Гренков) (1812-1891) – иеромонах Оптиной пустыни. Почитался при жизни как старец. Прообраз старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

¹¹² Евлогий (Георгиевский). «Путь моей жизни». («Глава 8. Инспектор семинарии»). М., 1994.

мемуаров. Особенностью их является то, что автор писал по прошествии полстолетия с того времени, когда вышел из семинарии, следовательно, он мог утратить более точные сведения из-за возрастных провалов в памяти и, возможно, поэтому писал не однажды, а продолжал писать в течение нескольких лет, зачастую возвращаясь к своим старым воспоминаниям и делая их отдельные расширенные редакции. Взяв на себя роль историка, В. А. Игнатъев сделал попытку раскрыть историю Пермской духовной семинарии за 1900-1917 гг. Его воспоминания изобилуют портретными характеристиками и тонким психологическим анализом событий и личностей, это позволило автору создать широчайшую панораму описываемого времени. Автор использует не только свои воспоминания, но и данные других лиц, с которыми общался в период «мемуарного творчества» (И. С. Богословский, М. М. Щеглов, В. П. Бирюков, А. Н. Шишѐв и др.). Однако, несмотря на всю широту воспоминаний, это только приоткрытие завесы прошлого, причѐм довольно субъективное. Автор запомнил семинарию, преимущественно, по своему выпуску 1909 г. и отчасти по службе в 1914-1916 гг. Из его поля зрения выпали многие выпускники других курсов (как «богословы», так и «бунтовщики»), преподавательская деятельность и учебный процесс накануне закрытия семинарии в 1918 г. Обращая пристальное внимание на деятельность протоиерея К. М. Добронравова, А. П. Миролюбова, Н. И. Знамировского, протоиерея Т. П. Андриевского в эти годы, автор, в тоже время, почти никак не обозначает своё личное участие в деятельности семинарии в качестве помощника инспектора и преподавателя. Отсутствуют в его воспоминаниях архиепископ Андроник (Никольский), ректоры семинарии архимандрит Феофан (Ильменский) и архимандрит Матфей (Померанцев).

Семинария принимала выпускников четырёх духовных училищ: Пермского, Соликамского, Екатеринбургского и Камышловского, и все они вместе растворялись в общей массе семинаристов, но В. А. Игнатъев, преимущественно, выделяет среди них, во-первых, «своих» - камышловцев, которые по его представлению впитали в себя особенности уклада и быта духовной школы, а во-вторых, тех, с которыми позднее жил и работал в г. Свердловске, и на примере их жизни постарался доказать тезис о «живучести семинарского племени». Очевидно, что события 1917 года для автора были трагедией. Дореволюционная эпоха и Пермская духовная семинария вместе с ней представлялись В. А. Игнатъеву безвозвратно ушедшими явлениями молодости, а советское государство и коммунизм – грубой, но закономерно установившейся формой общественного устройства. В то же время, не желая признавать атеизм, автор и не принимал авторитет Русской Православной церкви, находившейся в тисках тоталитарной системы, и не смог не оказаться подверженным процессу ломки социальных устоев после революции, гражданской войны и периода репрессий. В этом смысле, его воспоминания являются свидетельством духовной трагедии тех «богоискателей», у которых

оказалась потерянной живая связь с канонической Русской Православной Церковью.

В. А. Игнатъева был человеком музыкально одарённым, любил церковное пение и много места уделял в воспоминаниях увлечению пением, семинарскому хору, лучшим певцам-семинаристам, связям семинарии с культурными деятелями г. Перми. Возможно, он оказался единственным, кто настолько подробно осветил историю церковного певческого искусства в Перми в начале XX века. И хотя это искусство так и не стало для него церковной службой с углублённым вниманием к церковным канонам, как увлечение оно помогло ему сохранить добрую память и приятные воспоминания о годах своей юности, проведённой в духовной школе, а также пронести эту память через поколения. Его мемуары это исповедь человека, жившего и творившего в определённую эпоху, и стремящегося поделиться личным опытом. К большинству своих наставников и преподавателей он старался отнестись с добротой и уважением, постоянно памятуя тезис, выработанный в итоге семинаристами: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим».

Публикацию открывают очерки «Старая Пермь» и «Кама» - воспоминания семинариста о г. Перми.

Основным текстом публикации являются собственно «Очерки по истории Пермской духовной семинарии» из «пермской коллекции» воспоминаний автора: описание семинарии, очерки о педагогическом составе и обслуживающем персонале. Центральной темой являются впечатления автора от событий революции 1905-1907 гг.

Под общим заголовком «Страницы прошлого Пермской духовной семинарии» находятся очерки автора с описанием быта, досуга и фольклора семинаристов, которые были найдены в разных частях рукописных воспоминаний: в очерках по истории Пермской духовной семинарии, по истории села Русская Теча, автобиографических воспоминаний. Автор вспоминает выпускников своего курса 1909 г., пишет о любви семинаристов к своей *alma mater* и семинарской гордости. Далее следуют очерки о жизни и работе автора в Перми и описание семинарии в годы первой мировой войны с предчувствиями от надвигавшейся новой революционной грозы.

В состав «Воспоминаний и биографических очерков В. А. Игнатъева о бывших семинаристах» вошли отдельные очерки, найденные в рукописях автора по истории Пермской духовной семинарии, Камышловского духовного училища, Казанской духовной академии, Семейной хроники Игнатъевых, отдельных биографических очерков. Автор представил в них, с одной стороны, образы молодых семинаристов, которые в его сознании во многом впитали в себя особенности духовной школы до революции; а с другой стороны – бывших семинаристов, друзей и знакомых автора, на примере жизни которых он пытался доказать тезис о «живучести семинарского племени». Это были представители нескольких поколений, не только выходцев из духовного сословия, но и имевших иное происхождение:

из семей служащих, торговцев, которые прошли несколько ступеней старой духовной школы. По-разному сложилась их судьба в советской действительности: кто-то смог найти своё место в жизни, а кто-то – нет.

Очерк «Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии» из автобиографических воспоминаний автора в настоящей публикации приводится целиком. Очерки «Наш академический «пантеон», «Профессор Павел Петрович Пономарёв», «Иеромонах Афанасий и его окружение», «Иван Иванович Сатрапинский» перенесены в Часть IV. «Казанская духовная академия начала XX века», очерки «Александр Алексеевич Игнатъев», «Алексей Алексеевич Игнатъев», «Николай Алексеевич Игнатъев» и «Сергей Александрович Игнатъев» - в Часть I. «Семейная хроника Игнатъевых», очерк «Иван Николаевич Ставровский» - в Часть II. «Камышловское духовное училище рубежа XIX – начала XX века», биографический очерк «Трое» о преподавателях латинского языка в Свердловском мединституте П. А. Липине, В. А. Наумове, В. А. Игнатъеве» - в Часть VIII. «Преподавательская деятельность в Свердловских институтах».

Воспоминания и биографические очерки В. А. Игнатъева о бывших семинаристах дополнены «Комментариями (аннотациями) автора к «Справочной книге всех окончивших курс Пермской духовной семинарии в память 100-летия Пермской духовной семинарии» священника Иакова Шестакова (фрагмент)».

«Воспоминания «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» см. в Части X.

Так же как и во второй, при подготовке третьей части составлялись биографические справки на участников событий, упоминаемых в текстах, использовались списки служащих и разрядные списки учеников Пермской духовной семинарии, составленные после годичных испытаний и опубликованные в «Пермских епархиальных ведомостях» за 1880-е-1917 гг., и «Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии», составленные А. Н. Шишёвым в 1950-1970-х гг., которые хранятся в семейном фонде Богословских. Необходимо заметить, что В. А. Игнатъев и А. Н. Шишёв были знакомы, активно общались и переписывались в 1950-1960-х годах, делились информацией и оба передали свои труды в фонд Богословских. При этом содержание «Биографических справок» Шишёва о бывших семинаристах расширяет представления о них в мемуарах Игнатъева, поэтому это обстоятельство было решающим для включения их в публикацию.

Завершают третью часть биографические очерки «Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский» и «Семейство Богословских».

В третьей части представлены фотографии старой Перми и набережной Камы в почтовых открытках (здания и учреждения, о которых автор вспоминает и перечисляет в мемуарах); чертежи планов внутренних помещений семинарии, составленные самим автором; фотографии преподавателей, которым посвящены отдельные очерки; фотографии

известных людей Перми, о которых вспоминает автор; семинаристы во время сезонных гуляний; семинаристы и гимназистки (групповые фото); фотографии выпускников семинарии; портреты семинаристов, упоминаемых в мемуарах; фотографии семейства Богословских – инициаторов мемуаров и В. П. Бирюкова – коллекционера рукописей; фотографии одноклассников автора в пожилом возрасте; фотографии г. Перми 1960 г., сделанные самим автором во время прогулки по городу вместе с И. С. Богословским (возвращение в родные края); фотографии бывших семинаристов, которым посвящены очерки; знакомые и друзья автора, с которыми он поддерживал связь; автор в пожилом возрасте во время чтения своих воспоминаний.

Предисловие к Части IV.

Четвёртая часть воспоминаний В. А. Игнатьева посвящена Казанской духовной академии в начале XX века.

Казанская духовная академия являлась одной из четырёх духовных академий – высших православных духовно-учебных заведений Российской империи. Она располагалась в г. Казани и существовала в 1797-1818 и 1842-1921 годах.

Казанская духовная академия занималась подготовкой будущих архиереев Русской Православной церкви, а также преподавателей духовно-учебных заведений, её студентами становились лучшие выпускники духовных семинарий. Она была центром научной деятельности в разных направлениях – богословие, философия, церковная история, филология, языковедение и т. д. В ней работали многие видные учёные – богословы, философы, историки, языковеды, филологи, востоковеды и др., сформировались многие научные школы. Важнейшей её особенностью было миссионерское отделение, где преподавались восточные языки, этнография, история ислама и ламаизма, история распространения христианства на Востоке, миссионерская педагогика. Более 100 выпускников Казанской духовной академии были архиереями и играли важную роль в истории Русской Православной церкви.

В 1843-1849 гг. по проекту архитектора А. И. Песке¹¹³ для Казанской духовной академии был обустроен особый загородный квартал на Арском поле. Главный трёхэтажный корпус размещался в саду и выходил северным фасадом на Сибирский тракт (ныне ул. Ершова) и отделялся от него металлической оградой по кирпичным столбам. С восточной и западной сторон от главного корпуса на углах Сибирского тракта с улицами Академической (ныне Вишневого) и Госпитальной (ныне Чехова) находились два флигеля, построенные в 1849 г. для квартир наставников. В 1887-1889 гг. главный корпус и флигеля были расширены и здание из прямоугольного стало П-образным.

В 1917 г. Казанская духовная академия была выселена Временным правительством из своего здания, которое заняли эвакуированный кадетский корпус и военный госпиталь.¹¹⁴

В 1917-1918 гг. занятия студентов проводились в других помещениях, в основном, в здании Казанской духовной семинарии.¹¹⁵ Была попытка преобразовать академию в богословский факультет Казанского университета.

---

¹¹³ Песке Александр Иванович (1810-?) – архитектор. С 1836 архитектор Петергофского дворцового правления. Академик архитектуры 1841 г. В 1843 г. направлен в Казань в Строительную Комиссию по восстановлению города после пожара 1842 г. В 1846-1856 гг. Казанский городской архитектор.

¹¹⁴ С 1920-х гг. бывшее здание Казанской духовной академии занимали разные медицинские учреждения. В настоящее время здание по адресу ул. Ершова, 2 занимает Университетская клиника Казанского федерального университета.

В 1918-1921 гг. Казанская духовная академия продолжала свою деятельность подпольно на квартирах преподавателей и в монастырях Казани, где селились студенты. В 1921 г. за нарушение декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» был арестован весь преподавательский состав, приговорённый к 1 году заключения в лагерь условно.

Основные документы по истории Казанской духовной академии хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан, ряд документов хранится в Российском государственном историческом архиве.

Историю Казанской духовной академии писали известные историки XIX-начала XX веков: Благовещенский А. А.¹¹⁶, Можаровский А. Ф.¹¹⁷, Знаменский П. В.¹¹⁸, Терновский С. А.¹¹⁹, Харлампович К. В.¹²⁰

---

¹¹⁵ В настоящее время здание по адресу ул. Кремлёвская, 4 занимает институт геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета.

¹¹⁶ Благовещенский Александр Афанасьевич (1847-1894) – сын священнослужителя Ярославской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1871 г. Преподаватель греческого языка Казанской духовной семинарии с 1871 г. Воспитатель и учитель русского языка в 1-й С.-Петербургской военной гимназии с 1873 г. Окончил С.-Петербургский археологический институт в 1880 г. Секретарь С.-Петербургской академии художеств с 1883 г. Русский историк. Автор «Истории старой Казанской духовной академии, 1797-1818» (Казань, 1875), «Истории Казанской духовной семинарии за XVIII-XIX столетия» (Казань, 1883).

¹¹⁷ Можаровский Аполлон Фёдорович (1841-1900) – сын дьячка Свияжского уезда Казанской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1866 г. Преподаватель богословских наук и гражданской истории Казанской духовной семинарии с 1866 г. Преподаватель Нижегородской духовной семинарии с 1873 г. Магистр богословия 1881 г. Русский историк, магистр богословия Казанской духовной академии. («Старая Казанская академия» («Чтения Московского общества истории и древностей», 1877).

¹¹⁸ Знаменский Пётр Васильевич (1836-1917) – сын диакона г. Нижнего Новгорода. Магистр богословия Казанской духовной академии 1860 г. Преподаватель логики и философии Самарской духовной семинарии с 1860 г. Доцент кафедры математики Казанской духовной академии с 1861 г., кафедры русской церковной истории с 1862 г. Библиотекарь Казанской духовной семинарии с 1865 г. Экстраординарный профессор Казанской духовной академии с 1866 г., ординарный профессор с 1868 г. Доктор церковной истории 1873 г. Помощник ректора Казанской духовной академии по церковно-историческому отделению. Почётный член Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности с 1892 г. Автор «Истории Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период её существования (1842-1870 годы)» (Вып. 1-3. Казань, 1891-1892).

¹¹⁹ Терновский Сергей Алексеевич (1847-1916) – сын священника г. Москвы. Кандидат богословия Киевской духовной академии 1871 г., магистр богословия 1873 г. Доктор церковной истории. Профессор кафедры еврейского языка и Библейской археологии. Автор «Исторической записки о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования, 1870-1892». (Казань, 1892).

¹²⁰ Харлампович Константин Васильевич (1870-1932) – сын священника Гродненской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1894 г. Преподаватель латинского языка в Казанской духовной академии в 1895-1914 гг. Магистр

В настоящее время историей Казанской духовной академии и её отдельных научных школ занимаются многие научные работники, преподаватели, аспиранты и студенты университетов и семинарий.¹²¹

Из неопубликованных мемуарных источников преподавателей Казанской духовной академии известны «Очерки из жизни русских епископов» Смирнова А. В.¹²², которые содержат сведения о викарных епископах – ректорах Казанской духовной академии.

Бывший студент Казанской духовной академии курса 1909-1913 гг. В. А. Игнатъев в рамках своего литературного творчества в мемуарном жанре в конце 1960 г. составил очерк «Учение П. А. Иконникова в Казанской духовной академии», который вошёл в состав его автобиографических очерков «Петя Иконников».¹²³ Одновременно по инициативе И. С. Богословского им были составлены «Очерки по истории Казанской духовной академии».¹²⁴ Позднее, в 1965 г. по инициативе В. П. Бирюкова для Уральского архива литературы и искусства им были составлены очерки «Казанская духовная академия (описание и преподавательский состав)».¹²⁵ Подробнее о формировании коллекций мемуаров В. А. Игнатъева см. в ст. «В. А. Игнатъев и его воспоминания» в Части I. «Семейная хроника Игнатъевых».

В. А. Игнатъев оказался, пожалуй, единственным автором, кто в советское время, находясь внутри страны, сделал попытку систематизировать свои знания о непопулярной тогда теме истории духовного образования перед Октябрьской революцией в форме трилогии. В письме И. С.

богословия 1899 г. Приват-доцент Казанского университета с 1900 г., профессор кафедры истории Русской церкви с 1909 г. Доктор церковной истории 1914 г. Член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук с 1916 г. Автор статьи «Казанская духовная академия (1842-1907): исторический очерк» // Православная богословская энциклопедия. 1907. Т. 8. Стб. 702-854.

¹²¹ См. Журавский А. В., к. и. н., диссертация «Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884-1921 гг.» (1999); Липаков Е. В. (1959-2012), к. и. н., ст. «Казанская духовная академия» // Татарская энциклопедия. Казань, 2006. Т. 3.; «Казанская духовная семинария: исторический очерк» (Казань, 2007).

¹²² Смирнов Александр Васильевич (1857-1933) – Кандидат богословия Казанской духовной академии 1884 г., магистр богословия 1888 г., доктор богословия 1900 г. Священник с 1884 г. Доцент кафедры педагогики и пастырского богословия Казанской духовной академии с 1891 г. Протоиерей, экстраординарный профессор Казанской духовной академии и профессор богословия Казанского университета с 1896 г. Депутат IV Государственной думы от Казанской губернии с 1912 г. Профессор кафедры православного богословия С.-Петербургского университета в 1915-1918 гг. Духовный писатель.

¹²³ Автобиографические очерки В. А. Игнатъева «Петя Иконников» (сентябрь 1960-январь 1961 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723).

¹²⁴ Очерки В. А. Игнатъева по истории Казанской духовной академии: о профессорах и преподавателях, студенчестве, предметах, преподаваемых в академии и др. (декабрь 1960 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721).

¹²⁵ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401, 402.

Богословскому он отмечал: «Как Вы думаете насчёт «Трилогии»: «Духовная школа перед Окт[ябрьской] Революцией»: а) Кам[ышловское] дух[овное] училище, б) Пермская дух[овная] сем[инария], в) Казанская дух[овная] ак[адемия]? В эту тему нужно вложить всё, что относится к этому – не распыляя. ... Что со всем этим делать? Я как-то по этому поводу разговаривал с Целестином Андр[еевичем] Киселёвым.¹²⁶ Он мне сказал: «Всё это будет брошено в печку!» (*sic!!*). Прав он или нет?»¹²⁷

Противоположный отзыв о своих воспоминаниях В. А. Игнатъев получил от В. П. Бирюкова: «Благодаря твоим очеркам я имею довольно хорошее представление о духовно-академическом ученье, в частности, о том, что оно заставляло студентов много заниматься самостоятельно и одновременно много писать, как, вероятно, нигде больше в старой высшей школе. Невольно приходится сравнивать получаемую теперь «рукописную» квалификацию в вузах и прежде в духовных академиях, - не в пользу первых. Подозреваю, однако, что и над духовными академиями ты стоишь выше в этом, «рукописном» отношении, головой. Даже убеждён в этом».¹²⁸ В своём обзорном очерке «Бытописатель В. А. Игнатъев и его рукописи» В. П. Бирюков предложил издать его воспоминания о Казанской духовной академии отдельной книгой: «Бурсу мы знаем по очеркам Помяловского, семинарию – по воспоминаниям Воронского¹²⁹ и других, а духовную академию пока никто ещё не описывал так подробно и интересно, как уралец В. А. Игнатъев, - на целых 244-х рукописных страницах ученических тетрадей».

Несмотря на то, что автор погрузился в воспоминания спустя полвека после того как вышел из духовно-учебных заведений, его очерки, хоть и субъективные, содержат многие достоверные сведения по их истории, недоступные в официальных источниках, а главное, передают ощущения человека, который, пройдя полный курс обучения в старой духовной школе конца синодального периода в истории Русской Православной церкви, не был намерен свою дальнейшую жизнь связывать с церковной деятельностью.

---

¹²⁶ Киселёв Целлестин Андреевич (1893-1971) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1917 г. Окончил С.-Петербургский археологический институт в 1917 г. и Московский государственный университет в 1931 г. Преподаватель Свердловского педагогического института в 1944-1957 гг.

¹²⁷ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 07 апреля 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 94).

¹²⁸ Письмо В. П. Бирюкова В. А. Игнатъеву от 31 декабря 1964 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 6).

¹²⁹ Воронский Александр Константинович (1884-1937) – революционер-большевик, писатель, литературный критик, теоретик искусства. Обучался в Тамбовской духовной семинарии в 1900-1905 гг., исключён за участие в революционной деятельности. Автор автобиографической повести «За живой и мёртвой водой. Воспоминания» (1927).

В своих воспоминаниях, относящихся по времени к окончанию Пермской духовной семинарии и перед поступлением в Казанскую духовную академию, он выразил свои мысли на будущее в начале очерка «Учение П. А. Иконникова в Казанской духовной академии». Из них следует, что он, поступая в академию, пошёл по стопам своего старшего брата Алексея, ставшего магистром богословия Казанской духовной академии за научную работу по описанию древних крюковых нот Соловецкого монастыря. Только Василий Алексеевич был светским студентом, а Алексей Алексеевич – студентом из «белого духовенства». В других воспоминаниях он признаётся: «Я оказался на распутье, но не имел возможности выбора будущего по своему желанию за отсутствием средств и поступил учиться в духовную академию, где представлялась возможность учиться на «казённый счёт», но в душе имел намерение продвигаться к своей идее – стать певцом, так сказать, окольным путём».¹³⁰ Казанская духовная академия первоначально предоставляла возможность обучаться бесплатно детям священноцерковнослужителей, которые окончили семинарию по 1-му разряду. Как он пишет в своих воспоминаниях, таковых – светских студентов – было большинство, и они и «определяли физиономию» старой академии. В. А. Игнатъев был из тех выходцев из духовного сословия, которые не разделяли взгляды своих отцов, не пользовавшихся к началу XX века, в большинстве своём, уважением в обществе, и недовольные своим материальным положением, были озабочены поиском возможностей для светской службы.

Время обучения В. А. Игнатъева в Казанской духовной академии пришлось на период после отмены автономии духовно-учебных заведений, действовавшей временно после революции 1905 г., и введения нового Устава духовных академий 1910 г. с изменениями 1911 г. Согласно новому Уставу духовные академии являлись «закрытыми высшими церковными училищами», готовившими «христиански-просвещённых деятелей» для служения «предпочтительно в священном сане». В академический курс было введено «воспитание в учащихся любви к Святой Церкви и её установлениям и преданности Престолу и Отечеству». Новый устав был направлен на ограждение студентов от идей революционного свободомыслия. Также происходило постепенное замещение в академиях заслуженных светских профессоров лицами в духовном сане, в т. ч. представителями учёного монашества, что нашло отражение в воспоминаниях В. А. Игнатъева. Таким образом, он поступил в Казанскую духовную академию уже критически настроенным ко всей системе духовно-учебных заведений конца синодального периода в истории Русской Православной церкви.

Революционные события 1917 года явились катастрофой для духовного образования в России, но кризис его был замечен ещё задолго до этого.

---

¹³⁰ Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 51-52).

Митрополит Антоний (Храповицкий)¹³¹ очень критически мыслил о тогдашнем устройстве духовно-учебных заведений. «Он был из тех архиереев, которые давали самую мрачную характеристику всей системы духовного образования Русской Православной Церкви: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело Духовной школы до крайнего безобразия». Передавая слова неназванного им архиерея, он писал: «Должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми». ... Архиепископ Волынский Антоний предлагал сократить в академических программах преподавание богословских систем и расширить изучение Священного Писания и Святых отцов: «Система православного богословия есть ещё нечто искомое, – писал он, – и потому должно тщательно изучать его источники, а не списывать системы с учений еретических, как это делается у нас уже 200 лет».¹³² Он подчеркивал общественную миссию Церкви и развивал целую систему пастырского душепопечения, которое было бы приближено к интересам жизни и к интеллектуальному уровню общества. «Его прямота, граничащая с резкостью, на многих, особенно на инакомыслящих, производила крайне отрицательное впечатление».¹³³

В автобиографических очерках В. А. Игнатъева имеется эпизод с описанием сложного душевного кризиса, пережитого им в начале обучения в академии – мысли о самоубийстве на фоне неожиданной смерти знакомого студента академии.

Вспоминая академию, В. А. Игнатъев отмечает её особенность в том, что по сравнению с другими академиями, она не располагалась в лавре или монастыре, а находилась обособленно от них, но в ней было сильно влияние монашеской среды, особенно архиепископа Антония. Автор пренебрежительно относится к преподавателям и студентам из «чёрного духовенства» - монахам и монашествующим, многие из которых впоследствии приняли мученический венец, о чём он и не знал, особенно к преподавателю по аскетике иеромонаху Афанасию (Малинину). Автор

---

¹³¹ Антоний (Храповицкий) (1863-1936) – сын дворянина Новгородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1888 г. В 1890-1895 гг. ректор Московской духовной академии, в 1895-1900 гг. ректор Казанской духовной академии. Епископ с 1897 г., архиепископ с 1906 г., митрополит с 1918 г. Богослов, философ. Один из организаторов Союза русского народа. Основатель и глава Русской Православной Церкви за границей в 1920-1936 гг.

¹³² Цыпин Владислав Александрович, прот. История Русской Церкви (Синодальный период). Глава 4.

¹³³ Мануил (Лемешевский), митроп. Русские православные иерархи. 992-1892: Биографический словарь. М., 2002-2004.

прошёл мимо таких духовных наставников казанских академиков как старец Гавриил (Зырянов)¹³⁴ и был подвержен влиянию атеистической пропаганды.

Отучившись в духовной школе, В. А. Игнатъев был обязан, как пользовавшийся содержанием за счёт духовно-учебного капитала, отслужить в духовном ведомстве 6,5 лет или же уплатить 1088,20 руб. долга.¹³⁵ Таких денег у него, естественно, не было, более того, не было и желания первоначально работать в духовном ведомстве. «В начале июня 1913 года я закончил учение в Императорской Казанской духовной академии со званием кандидата богословия. Закончен был длинный путь обучения в духовных учебных заведениях, начатый ещё в 1897 г. в Камышловском дух[овном] училище. Пятнадцать лет учения и жизни в общежитии! И вот я вышел в жизнь. За всё время моего учения в духовных школах у меня не было мысли пойти в священники, а при окончании академии даже мысли о работе в духовных учебных заведениях. Такова была моя реакция на происхождение из семьи дьячка. Сколько приходилось видеть униженного в положении русского духовенства! Отсюда и родилась мысль: бежать, бежать из него, куда представится для этого возможность. В академии у меня окончательно созрела мысль – идти работать по линии Министерства народного просвещения».¹³⁶

Певцом Игнатъев так и не стал, и поработать по линии Министерства народного просвещения ему удалось только один год. Начало первой мировой войны и желание выбраться из «глухой провинции» заставили его вернуться в духовное ведомство, а ещё через 3 года произошла Октябрьская революция. Позднее он был свидетелем «обновленческой лихорадки» в жизни Церкви и «хождения по мукам» своих братьев-священников.¹³⁷ Он даёт порой жестокие характеристики ректорам и некоторым преподавателям, осуждая «казённое православие», но о самой академии, в итоге, отзывается с благодарностью за полученные им навыки в настойчивом и инициативном труде, за возможности развиваться и работать над собой.

---

¹³⁴ Гавриил (Зырянов) (1844-1915) – преподобный Русской Православной церкви. Архимандрит Седмиезерной пустыни около г. Казани, почитаемый духовный старец и наставник многих преподавателей и студентов Казанской духовной академии.

¹³⁵ Диплом В. А. Игнатъева, кандидата богословия Казанской духовной академии (1913 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 2 об.).

¹³⁶ Из очерка «Годы работы в Бугурусланском реальном училище» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 17-18).

¹³⁷ Игнатъев Александр Алексеевич (1875-1920) – священник, расстрелян без суда в 1920 г.; Игнатъев Алексей Алексеевич (1879-1937) – протоиерей, в 1922 г. перешёл в «обновленчество», затем отказался от священного сана, репрессирован в 1937 г.; Игнатъев Иван Алексеевич (1885-1955) – образования не получил, стал священником в Тобольской епархии, в начале 1920-х гг. перешёл в «обновленчество» и вторично женился, затем отказался от священного сана, занимался сельским хозяйством.

О братьях Александре, Алексее и Иване см. отдельные очерки в Части I. Семейная хроника Игнатъевых.

Хотя его воспоминания крайне субъективны и не раскрывают полностью историю Казанской духовной академии начала XX века, но содержат описание расположения академических зданий, библиотеки, учебного корпуса, многие неизвестные моменты и события. Как и в предыдущих воспоминаниях о Камышловском духовном училище и Пермской духовной семинарии В. А. Игнатъев не смог писать только о себе, а оставил интересные личностные характеристики преподавателей и студентов академии, в т. ч. иностранных. Автор сделал попытку спустя полвека систематизировать свои знания о профессорах (как по отдельности, так и в целом в рамках корпорации), об условиях обучения и быта в академии.¹³⁸

В состав четвёртой части включены очерки автора, находящиеся в «пермской» и «свердловской» коллекциях его воспоминаний, посвящённых Казанской духовной академии. При выборе очерков из двух коллекций учитывалась полнота изложения материала в них, дополнительные или уточняющие сведения приводятся в постраничных сносках, что отражает особенности той или иной коллекции. В состав публикации включен очерк «Учение П. А. Иконникова в Казанской духовной академии» из автобиографических очерков автора в «пермской коллекции» его воспоминаний, отсутствующий в «свердловской коллекции».

При подготовке публикации составлялись биографические справки на участников событий, упоминаемых в текстах, использовались списки служащих и студентов Казанской духовной академии, статьи из «Православной энциклопедии».

Частично воспоминания В. А. Игнатъева о Казанской духовной академии встречаются также в очерках о брате Алексее Алексеевиче Игнатъеве в Части I. «Семейная хроника Игнатъевых», протоиерее Тихоне Петровиче Андриевском, Николае Николаевиче Мавровском, Сергее Степановиче Богословском и Владимире Петровиче Козельском в Части III. «Пермская духовная семинария начала XX века».

В четвёртой части представлены фотографии старой Казани в почтовых открытках (здания и учреждения, учебные заведения); фотографии внешнего вида Казанской духовной академии; чертежи планов усадьбы и внутренних помещений академии, составленные самим автором; фотографии внутренних помещений академии; портреты ректоров, инспекторов и преподавателей, которым посвящены отдельные очерки; групповые фотографии студентов-выпускников 1913 г. (без автора); фотографии автора в форме студента академии и его диплом об её окончании; портреты выпускников академии 1913 г.

---

¹³⁸ К рукописным очеркам автор прикрепил небольшие фотографии некоторых преподавателей.

Предисловие к Части V.

Пятая частью воспоминаний В. А. Игнатьева посвящена Бугурусланскому реальному училищу, которое располагалось в г. Бугуруслане Самарской губернии (ныне город в составе Оренбургской области) и существовало в 1906-1918 гг.

Реальные училища являлись общеобразовательными заведениями, в них принимались дети всех состояний без различия звания или вероисповедания в возрасте 9-13 лет. Курс обучения длился до семи лет, существенная роль в обучении отводилась предметам естественной и математической направленности. Выпускники обычно поступали в технические, промышленные и торговые учебные заведения, а также на физико-математические и медицинские факультеты университетов. В 1913 г. в России было 276 реальных училищ.

Здание Бугурусланского реального училища находилось на улице Соборной (ныне Революционная). Его почётным попечителем был Николай Николаевич Рычков.¹³⁹

Основные документы по истории Бугурусланского реального училища могут содержаться в фондах ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области»: Ф. 360 «Дирекция народных училищ Самарской губернии» и Ф. 361 «Инспектор народных училищ Самарской губернии». В ГБУ «Государственный архив Оренбургской области» сведения о Бугурусланском реальном училище отсутствуют.

Сведения об известных публикациях по истории Бугурусланского реального училища отсутствуют.

В. А. Игнатьев был преподавателем русского языка и литературы Бугурусланского реального училища в 1913-1914 гг. Он был выходцем из духовного сословия и только что окончил Казанскую духовную академию. В начале своих воспоминаний о годе работы в Бугурусланском реальном училище он отмечает факт своего «бегства» из сословия и желание работать по линии Министерства народного просвещения. Вспоминая всего один год своей работы в реальном училище, В. А. Игнатьев отмечает глухую провинциальность города, описывает некоторые черты городской жизни, отмечает особенности положения реальных училищ в «кассовое время» и характер работы преподавателей, даёт краткие характеристики некоторым преподавателям, и делится первым опытом своей преподавательской работы. Бугурусланское реальное училище в 1913-1914 гг. готовило свой первый выпуск учащихся, которых автор называет «работягами», отмечая высокую заинтересованность «реалистов» в получении знаний.

Бугуруслан явился местом женитьбы автора на учительнице немецкого языка, а окончание первого года преподавательской деятельности совпало с

---

¹³⁹ Рычков Николай Николаевич (1866-1918) – председатель Бугурусланской уездной земской управы, член IV Государственной думы от Самарской губернии. Почётный попечитель Бугурусланского реального училища.

началом первой мировой войны и желанием выбраться из глухой провинции через возвращение в духовное ведомство.

Для историков Бугуруслана воспоминания В. А. Игнатьева должны представлять большой интерес.

В состав пятой части включен очерк автора «Год работы в Бугурусланском реальном училище (1913-1914 уч[ебный] г[од])», который находится в составе очерков «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»)» в «свердловской коллекции» воспоминаний. Он сопровождается небольшими уточняющими сведениями из очерка «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» из «пермской коллекции»¹⁴⁰, который наименее информативный.

В пятой части представлены фотографии старого Бугуруслана в почтовых открытках (здания и учреждения, учебные заведения).

---

¹⁴⁰ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 83-86.

Предисловие к Части VI.

Период с марта 1916 г. по июль 1923 г., как указывает В. А. Игнатъев в своих воспоминаниях о жизни и деятельности в г. Слуцке Минской губернии, был для него самым богатым периодом жизни по переживаниям и впечатлениям. Этому посвящена шестая часть публикации его воспоминаний.

Отработав в Пермской духовной семинарии после окончания обучения в духовно-учебных заведениях положенный срок, он был направлен Учебным комитетом при Святейшем Синоде для продолжения службы в Слуцкое духовное училище, где должен был отработать ещё 4 года.

Автор вспоминает древний г. Слуцк и местечко Паричи, общество и учебные заведения, в которых он работал в этот период, сопровождает свои воспоминания общегосударственными историческими событиями, отразившимися на жизни города. Местное население обладало крайне разнообразным национальным колоритом: евреи, белорусы, поляки, русские. Пребывание в Слуцке пришлось на годы первой мировой войны, революции, немецкой и польской оккупации и первых лет советской власти, что наложило яркий оттенок на его воспоминания. На фоне такой панорамы В. А. Игнатъеву удалось поработать в учебных заведениях сразу нескольких ведомств: духовного ведомства, Министерства народного просвещения, частной гимназии и советской средней школе.

Слуцкое духовное училище существовало с 1785 г., а с 1885 г. имело новое каменное здание по ул. Виленской, 45. В нём В. А. Игнатъев преподавал латинский язык в 1916-1918 гг. В августе 1918 г. училище было преобразовано в христианскую гимназию, вскоре закрытую. На этом закончилась служба в духовном ведомстве бывшего выпускника духовно-учебных заведений В. А. Игнатъева.¹⁴¹

Слуцкое коммерческое училище являлось частным учебным заведением и существовало в 1912-1920 гг., находилось на западной окраине города, на левой стороне улицы Шоссейной (Ленина). В училище принимались мальчики с 12 лет – дети мещан, чиновников и дворян. Обучение в училище было платным. В нём В. А. Игнатъев преподавал русский язык и литературу в 1918-1920 гг. Автор отмечает высокий уровень организации преподавательской деятельности в коммерческом училище. 15 июля 1920 г. здание училища было сожжено отступающими польскими войсками, после чего его деятельность уже не возобновлялась.¹⁴²

---

¹⁴¹ Позднее в здании бывшего духовного училища располагалось педагогическое училище, средняя школа № 2, сельскохозяйственное профессионально-техническое училище. В настоящее время здание занимает Слуцкий государственный медицинский колледж. Здание находится под охраной государства как памятник архитектуры.

¹⁴² Здание было восстановлено в 1924 г. для семилетней школы, затем в 1927-1944 г. его занимало педагогическое училище, в 1944 г. оно сильно пострадало во время войны и до

Слуцкая женская гимназия являлась учебным заведением Министерства народного просвещения и существовала в 1912-1920 гг., находилась на углу ул. Зимней и Фарской (Революционной). В гимназии был один подготовительный и семь основных классов для девочек, получавших среднее образование. Гимназия содержалась на казённые средства и средства от ученической платы за обучение. Выпускницы могли продолжать учебу дальше или заниматься преподаванием усвоенных предметов в качестве домашних учительниц. В женской гимназии В. А. Игнатъев преподавал латинский язык в 1919-1920 гг. В 1920 г. женская гимназия была преобразована в школу 2-й ступени, в ней автор являлся заведующим учебной частью в старших классах в 1920-1922 гг.¹⁴³

Слуцк пережил большие разрушения во время Великой Отечественной войны. Почти всё еврейское население было убито. Автор с глубоким чувством передаёт свои переживания, когда получал сообщения из освобождённого в 1944 г. Слуцка и вспоминал своё пребывание в нём в годы польской оккупации в 1919-1920 гг.

В. А. Игнатъев был членом Слуцкого городского совета в первые годы после установления советской власти, а ещё ранее участником и регентом Слуцких соборного и монастырского хоров. Его воспоминания о пребывании в Белоруссии наполнены богатыми музыкальными впечатлениями.

Для историков и краеведов Слуцка воспоминания В. А. Игнатъева должны представлять большой интерес.

Безусловно, его воспоминания крайне субъективны, но они содержат множество сведений, которые невозможно подчеркнуть из других источников: описание мест пребывания, зданий учебных заведений, личностные характеристики.

В часть VI включен очерк автора «Годы жизни и работы в Белоруссии (май 1916 г. – июнь 1923 г.)», который находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» и датирован 1965 г. Этот очерк сопровождается сносками с уточняющими сведениями из очерка «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии», который находится в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции»¹⁴⁴, датированный автором 6 января 1961 г., этот очерк в два раза короче «свердловского», но имеет множество интересных подробностей, отсутствующих в «свердловской».

Сведения о пребывании В. А. Игнатъева в Белоруссии также содержатся в Части X в очерке «Как создавалась «очарованная» душа».

1960-х гг. оставалось полуразрушенным, с 1964 г. его занимает консервный завод. Здание находится под охраной государства как памятник архитектуры.

¹⁴³ Позднее здание заняла городская общеобразовательная еврейская школа № 3, а во время Великой Отечественной войны здание было разрушено.

¹⁴⁴ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 97-120.

В шестой части представлены фотографии старого Слуцка в почтовых открытках; фотографии учебных заведений; фотографии Слуцкого монастыря и др.

Предисловие к Части VII.

В 1924 г. В. А. Игнатъев поступил работать в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на Верх-Исетском заводе (ВИЗ), называвшемся тогда «Красная Кровля». Ранее он никогда не думал, что ему придётся работать если не на заводе, то в непосредственной близости к заводу и для завода. Как он сообщает в своих мемуарах, в детстве он хорошо узнал жизнь и быт крестьян, у него было много знакомых и друзей в деревне, сам он – выходец из духовного сословия – учился и стал преподавателем в городских учебных заведениях, а о рабочих он ничего ранее не знал, кроме текста песни: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Теперь же на ВИЗе ему пришлось узнать и жизнь рабочих, и их быт. Этому посвящена седьмая часть публикации его воспоминаний.

Верх-Исетский завод был основан в 1725 г. и являлся одним из старейших заводов на Урале. Он производил кровельное железо, которое пользовалось всемирной известностью под названием яковлевского. Владельцами завода были купец Савва Яковлевич Яковлев (1712-1784) и его наследники, а с 1908 г. акционерное общество «Азовско-Донской банк». Верх-Исетский завод представлял собой как само предприятие, так и заводской посёлок, имел своё самоуправление, несколько школ, госпиталь, и традиционно играл важную роль в общественно-политической жизни г. Екатеринбурга.

В 1918 г. завод был национализирован и получил название «Красная кровля». После революции и гражданской войны в 1920-1930-х гг. завод прошёл период от восстановления промышленного статуса небольшого предприятия с устаревшим оборудованием до масштабной реконструкции в ходе индустриализации, сделавшей завод передовым предприятием Советского Союза по изготовлению высококачественной стали.

В 1929 г. посёлок завода вошёл в состав г. Свердловска, а сам завод «Красная Кровля» в 1930 г. был переименован в Верх-Исетский металлургический завод. К середине 1930-х гг. он стал полностью обеспечивать потребности страны в производстве электротехнической стали.

В 1992 г. было образовано ОАО «ВИЗ», в 1998 г. на его базе было создано ООО «ВИЗ-Сталь», которое с 2008 г. вошло в международную группу компаний НЛМК.

В настоящее время Верх-Исетский район является одним из районов г. Екатеринбурга, который включает в себя западную часть и часть центра города. Это социально и индустриально развитая территория, на которой располагаются крупные предприятия, административные и жилые здания, культурно-массовые и спортивные центры.

Основные документы по истории Верх-Исетского завода находятся в федеральных и региональных архивах: Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре

документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственном архиве Пермского края (ГАПК).

Истории Верх-Исетского завода в советское время было посвящено множество книг¹⁴⁵, в которых подробно излагались техническое развитие завода, участие рабочих в революционном движении и большевистской партии в истории завода. Также публиковались воспоминания рабочих завода, участвовавших в революционных событиях и гражданской войне.

В новейшее время интерес к истории завода не исчезает как в популярных изданиях, так и в научных работах.¹⁴⁶

В. А. Игнатъев был преподавателем русского языка в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) в 1923-1924 гг., заведующим учебной частью в школе ФЗУ в 1924-1931 гг., заведующим фабрично-заводскими техническими курсами на ВИЗе в 1931-1932 гг., преподавателем русского языка в сменном высшем техническом учебном заведении (ВТУЗе) ВИЗа в 1932 г., одновременно был преподавателем географии на отделении рабочего факультета Уральского политехнического института (УПИ) и в металлургическом техникуме при ВИЗе, преподавателем русского языка, секретарём и библиотекарем в Вечернем коммунистическом университете при ВИЗе в 1932-1935 гг., преподавателем русского языка на производственно-технических курсах на ВИЗе в 1935-1936 гг. и на курсах мастеров социалистического труда в 1936-1939 гг.

В 1958 г. по инициативе ветеранов завода в новом Дворце культуры металлургов, ныне Центр культуры и искусства «Верх-Исетский» (пл. Субботников, 1) было выделено помещение для открытия нового музея завода. В нём были выставлены образцы руд и минералов, заводская продукция с момента основания завода до новейшего времени, предметы домашнего быта рабочих.¹⁴⁷

В. А. Игнатъев, находившийся на пенсии с 1956 г., в 1960-1965 гг. составил несколько очерков своих воспоминаний, посвящённых заводским учебным заведениям, в которых он работал в 1923-1939 гг.: «ВИЗовский период учебной деятельности П. А. Иконникова» в составе

---

¹⁴⁵ См. напр.: Рябинин Б. С. «Верх-Исетский завод». Свердловск, 1948; «Верх-Исетский металлургический». Свердловск, 1972; Подчивалов Е. Ф. «Первопроходцы огневых дел: очерки истории Верх-Исетского металлургического завода». Свердловск, 1989.

¹⁴⁶ См. напр.: Молчанова Г. Ф. (директор заводского музея). «Верх-Исетский завод: 1726-2001». Екатеринбург, 2001 (юбилейное издание, посвящённое 275-летию завода). «Верх-Исетский район. Мы на улицах этих росли...» Екатеринбург, 2006 (книга приурочена к 80-летию Верх-Исетского района г. Екатеринбурга).

Истории Верх-Исетского завода посвящены также многочисленные статьи директора Центра документации общественных организаций Свердловской области, кандидата исторических наук Гагарина А. А.

¹⁴⁷ В 1978-1993 гг. музей находился в здании бывшей Христо-Рождественской единоверческой церкви (ул. Школьников, 1), а в 1993-2007 гг. по адресу: ул. Кирова, 34. Затем экспонаты музея какое-то время находились на территории завода, но в 2010 г. музей был расформирован.

автобиографических очерков «Петя Иконников» (1960-1961 гг.) в «пермской коллекции» воспоминаний¹⁴⁸, «Очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе в советское время» (1961-1962 гг.) и «Годы жизни и работы в культурных учреждениях Верх-Исетского металлургического завода» в составе «Автобиографических воспоминаний» (1965 г.) в «свердловской коллекции».¹⁴⁹ Подробнее о его воспоминаниях см. также в Части I. «Семейная хроника Игнатьевых».

О своих мемуарах по Верх-Исетскому заводу в 1961-1962 гг. В. А. Игнатьев сообщал в письмах к братьям П. С. и И. С. Богословским:

«Дорогой Павел Степанович!

Вчера я получил Ваше приветственное письмо по поводу праздника Великого Октября, за которое приношу Вам благодарность. Надеюсь, что Вы получили моё аналогичное письмо Вам. ...

Работа на ВИЗе была как бы восполнением к моему прежнему опыту жизни: а именно: детство и юность дали мне возможность изучить жизнь и быт крестьян, а во время работы на ВИЗе я ознакомился с жизнью людей другого класса – рабочих. Было много новых впечатлений, которые перешли потом в воспоминания. Вот так и возникла у меня мысль – написать эти «*memorialia*».¹⁵⁰

Подробнее он писал И. С. Богословскому следующее:

«Дорогой Иван Степанович! ...

О моих мемуарах. Ещё 1,5-2 года тому назад я написал ряд разрозненных очерков о школе ФЗУ ВИЗа. Я их представил на усмотрение «историку ВИЗа». Есть такой человек.¹⁵¹ Он мне предложил переработать их в единый компактный очерк, что я и выполнил. Потом мне было предложено сократить его для внесения в историю ВИЗа, что я и сделал. Первоначальный (просторный) очерк в настоящее время просматривают мои бывшие ученики на предмет дополнения и уточнения тех или иных событий. Историк ВИЗа рекомендовал мне с тем первым просторным очерком обратиться или в управление трудовыми резервами или в обком комсомола.¹⁵² Я обращался с ним в Сверд[ловское] обл[астное] управление трудовыми резервами, и есть основания думать, что его там примут для печати ввиду предстоящего в 1962 г. сорокалетия школы ФЗУ. Я пока очерк туда не передаю, т. к. предполагается организация во Дворце культуры ВИЗа встречи с выпускниками школы ФЗУ в период её существования до реорганизации в ФЗО [фабрично-заводского обучения – ред.]. Если эта встреча состоится, а я

¹⁴⁸ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723.

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 375, 397.

¹⁵⁰ Письмо В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 08 ноября 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 41-43).

¹⁵¹ Автор имеет в виду, вероятно, А. Н. Медведева.

¹⁵² Обком комсомола – областной комитет молодёжной организации коммунистической партии.

думаю, что она состоится, то в мои руки должно много поступить дополнительного материала о судьбе выпускников школы, а это очень важно, п[отому] что главное то, что нужно сказать в очерке – это, что же школа дала для государства. Планы мои очень широкие и выливаются в тему: «Очерки по истории профтехнического образования на ВИЗе в советское время». *Ergo*¹⁵³ в них должно быть сказано не только о школе ФЗУ, но и о др. видах технической подготовки, а именно: о техникуме и разных курсах».¹⁵⁴

Больше всего В. А. Игнатъева беспокоило то, что на заводе не сохранились архивные дела о выпускниках школ за 1927-1937 гг., они были уничтожены. Поэтому для написания очерков необходимо было многое восстанавливать в памяти и искать заинтересованных лиц среди знакомых выпускников. «С этой целью, - писал он И. С. Богословскому, мы затеваем устройство вечера-встречи, об организации которой теперь и хлопочем через завкома завода. Дело это, однако, тоже хлопотливое. Относительно того, как отпечатать эти мои мемуары, пока что идёт только зондирование. Конкретнее вопрос об этом встанет, когда будет сорокалетие школы, а это будет в октябре 1962 г. Не знаю, может быть, и раньше в зависимости от того, что даст вечер-встреча. Вероятнее всего отпечатать можно будет или по линии комсомола, или трудовых резервов».¹⁵⁵

Так же в письме он отмечает отзывы некоторых своих бывших учеников на его первоначальный очерк, которые обращали внимание преимущественно на тёмные стороны заводской жизни и быта, с чем автор был не согласен.¹⁵⁶ Что касается вечера-встречи, который состоялся 17 февраля 1962 г. во Дворце культуры металлургов и на который В. А. Игнатъев возлагал большие надежды, то по его отзыву, он прошёл неудачно: «Было очень мало из выпускников и б[ывших] сослуживцев, хотя затеяно было провести вечер с помпой. Пришли больше любители потанцевать. Мои планы потерпели полное фиаско. Нет, нынешняя молодёжь не интересуется своим прошлым, хотя бы и не очень отдалённым».¹⁵⁷

Как прошёл 40-летний юбилей школы ФЗУ и какова судьба идеи В. А. Игнатъева о печати его очерка по линии управления трудовых резервов, к сожалению, ничего не известно.

Школы ФЗУ – фабрично-заводского ученичества, представляли собой основной тип профессионально-технической школы в СССР в 1920-1940 гг. Они действовали при крупных предприятиях и давали возможность рабочим в возрасте 14-18 лет, получившим ранее только начальное образование, в

---

¹⁵³ *Ergo* – по-латински тогда.

¹⁵⁴ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 09 ноября 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 77-78 об.).

¹⁵⁵ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 21 декабря 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 80-81 об.).

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 13 марта 1962 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 50-51).

течение 3-4 лет получить профессиональное образование и общеобразовательную подготовку. В 1930-х гг. обучение в школах ФЗУ проходило в основном на базе 7-летней школы, общеобразовательные же предметы сокращались, и срок обучения снижался до 1,5-2 лет. В 1940 г. школы ФЗУ были преобразованы в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). В начале 1960-х гг. все профессионально-технические учебные заведения системы Государственных трудовых резервов СССР были преобразованы в профессионально-технические училища, которые в 1990-х гг. стали профессионально-техническими лицеями. За время существования школ ФЗУ в 1920-1940 гг. было подготовлено около 2,5 млн квалифицированных рабочих.

Автор широко познакомился с рабочими и заводской молодежью, он пользоваться их хорошим отношением к себе, а в некоторых случаях и дружбой. Он описал, в каких условиях на Верх-Исетском заводе создавалась и работала школа ФЗУ, какие этапы в своём развитии она прошла, кто были её педагогами, инструкторами, важнейшие события и различные встречи с учителями и учащимися. Многим работникам завода и школы автор посвятил добрые воспоминания, и сохранил групповую фотографию со встречи 17 февраля 1962 г. Некоторые работники были репрессированы в 1937-1938 гг., о чём автор, возможно, и не знал, другие ушли добровольцами на фронт в период Великой Отечественной войны, об этом автор отмечает, рассматривая судьбу выпускников школы ФЗУ. Не обошёл он вниманием ученические организации и культурную работу с заводской молодёжью. В воспоминаниях нашли отражение некоторые социальные явления 1920-х гг., например, октябрины, а также тёмные и трагические стороны жизни и быта заводской молодёжи. Но, главное, что автор ставит в центре своих воспоминаний о ВИЗовском периоде деятельности – это участие в той социальной миссии заводских школ, которую они сыграли в период индустриализации, помогая выпускникам в условиях стремительного технического прогресса быстро адаптироваться и перестраиваться по-новому.

Для историков Верх-Исетского завода, а также для историков профессионально-технического образования в 1920-1930-е гг. воспоминания В. А. Игнатьева должны представлять большой интерес.

В состав седьмой части включены очерки из «свердловской коллекции»: рукописные – «Очерки по истории профессионально-технического образования на Верх-Исетском металлургическом заводе в советское время» и «Годы жизни и работы в культурных учреждениях Верх-Исетского металлургического завода» из состава «автобиографических воспоминаний»; печатные – «Школа фабрично-заводского ученичества Верх-Исетского металлургического завода», «Верх-Исетский металлургический техникум чёрных металлов»¹⁵⁸ и «Курсы мастеров социалистического труда»,

---

¹⁵⁸ В Верх-Исетском металлургическом техникуме чёрных металлов преподавательницей немецкого языка работала жена В. А. Игнатьева – А. Ф. Игнатьева, сам он работал по совместительству на подготовительном отделении.

которые были подписаны автором и предназначались для опубликования. Завершает публикацию очерк «ВИЗовский период учебной деятельности П. А. Иконникова» из «пермской коллекции» воспоминаний автора, короткий по объёму, но содержащий массу сведений о заводе, школах и учениках, которые автор по какой-то причине не стал включать в очерки для «свердловской коллекции». Очерк В. А. Игнатьева о хирурге и главном враче Верх-Исетского госпиталя Лепешинском Василии Леонидовиче см. в Части III. «Пермская духовная семинария начала XX века». Часть воспоминаний о впечатлениях на заводе также содержится в Части VIII. «Педагогическая деятельность в Свердловских институтах».

В седьмой части представлены фотографии Верх-Исетского завода (общий вид завода и посёлка начала XX века); фотографии цехов завода 1920-х гг.; фотографии автора мемуаров со своими учениками 1920-х гг. и выпускниками с вечера-встречи 1962 г.

Предисловие к Части VIII.

С преподавания русского языка на курсах мастеров социалистического труда на Верх-Исетском металлургическом заводе автор перешёл работать преподавателем латинского языка в Свердловские институты. Он вспоминает как ему пришлось преподавать латинский язык в медицинском, юридическом, в сельскохозяйственном, иностранных языков, педагогическом институтах, а также в одной из средних школ города, где этот язык был введён для опыта. Годы с 1938 по 1956 стали для Василия Алексеевича Игнатъева «странствиями» с латинским языком. Этому посвящена восьмая часть публикации его воспоминаний.

Свердловский государственный медицинский институт был создан в 1930 г. В 1936 г. был построен главный корпус института на ул. Репина, 3. Институт возглавляли учёные, внёсшие значительный вклад в развитие отечественной науки. В 1995 г. институт был преобразован в Уральскую государственную медицинскую академию, а с 2013 г. – в университет.

На сайте Уральского государственного медицинского университета – <http://www.usma.ru/> - сообщается, что «с 1931 г. в Свердловском государственном медицинском институте читался только курс латинского языка, который до 1954 г. вёл единственный преподаватель – профессор Иван Нилович Мезенцев, человек высокообразованный, владеющий 16 иностранными языками». В 1943 г. в институте был введён курс иностранного языка, а в 1954 г. путём слияния курсов латинского и иностранных языков была образована кафедра иностранных языков, действующая по настоящее время. Воспоминания автора расширяют представления об этом периоде предыстории образования кафедры, преподавателей было трое и латинисты должны были проводить занятия в рамках изучения медицинской латыни в «съёмных» и неотопливаемых помещениях других медицинских кафедр.

Свердловский государственный юридический институт появился в 1937 г. (первоначально – Сибирский институт советского права в г. Иркутске, с 1934 г. в Свердловске, в 1935-1937 гг. – Свердловский правовой институт). С 1992 г. это – Уральская государственная юридическая академия, а с 2014 г. – университет.

Кроме Свердловского юридического института автор преподавал в Свердловском филиале Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), который в 1951 г. был реорганизован в заочное отделение Свердловского юридического института, с 1955 г. – факультет, а с 2013 г. – Институт заочного и ускоренного обучения Уральской государственной юридической академии (с 2014 г. – университета). Сам ВЮЗИ в Москве был преобразован в 1937 г. из Центрального заочного института советского права (ранее в 1931-1933 гг. – Центральный заочные курсы советского права), в 1990-1993 гг. – Московский юридический институт, в 1993-2012 гг. –

Московская государственная юридическая академия, с 2012 г. – Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина.

В. А. Игнатъев делает сравнения, как было организовано преподавание латинского языка в разные периоды в медицинском, юридическом, педагогическом и других институтах. О своих «странствиях» автор вспоминает с горечью, сознавая, какое большое значение имеет этот «мёртвый язык» для понимания многих слов в современных живых языках и насколько он был непопулярным среди студентов. Методики преподавания в его мемуарах нет и в большинстве указанных специализированных вузах, кроме педагогического, латинский язык не мог преподаваться полностью.

Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. голод в далёком тылу заставил автора прервать педагогическую деятельность и пойти на хозяйственную работу, что спасло его семью от голодной смерти.

В 1956 г. автор вышел на пенсию и занялся литературным творчеством в мемуарном жанре, результатом чего стали и эти его воспоминания.

В его воспоминаниях можно встретить многих преподавателей с известными в среде физиологов, юристов и филологов именами: Парин В. В., Винавер А. М., Черепяхин Б. Б., Магазионер Я. М., Дергачёв И. А., Шуйский П. А. Не забыл автор и о студенческой молодёжи того времени и о своём участии во вступительных экзаменах по русскому языку.

Для историков и краеведов воспоминания В. А. Игнатъева, несмотря на субъективность автора, могут представлять большой интерес.

В состав восьмой части включены очерки автора как из «пермской», так и из «свердловской» коллекций. Из «пермской коллекции» взяты автобиографические очерки автора под заголовком «Петя Иконников» (псевдоним автора): «Педагогическая деятельность П. А. Иконникова в Свердловских институтах», «Приёмные экзамены в вузах Свердловска в 1940-1950-х гг.» и «Преподавание латинского языка в Свердловском филиале ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт)». Из «свердловской коллекции» взят очерк «Странствия» с латинским языком по вузам Свердловска». Очерки из двух коллекций составлены автором с разницей примерно 5 лет, они частично повторяют и в тоже время дополняют друг друга, раскрывая различия двух редакций. В завершении данной публикации приводится «Биографический очерк «Трое», о преподавателях латинского языка в Свердловском мединституте П. А. Липине, В. А. Наумове, В. А. Игнатъеве». Этот очерк находится только в «пермской коллекции», в конце очерка автор отдаёт дань уважения своим бывшим учителям латинского языка в Камышловском духовном училище и Пермской духовной семинарии.

В восьмой части представлены фотографии из мемуаров автора.

Предисловие к Части IX.

Девятая часть серии публикаций очерков Василия Алексеевича Игнатъева посвящена его воспоминаниям о родном селе Русская Теча и нескольких окрестных сёл и деревень, которые он предполагал объединить в «Очерки по истории Зауралья».

Село Русская Теча ныне находится в составе Красноармейского района Челябинской области и является старейшим населённым пунктом на территории Челябинской области (1682 г.). Первоначальным названием Русской Течи была Белоярская Теченская слобода, в дальнейшем село просто называлось Теченская слобода. В XVIII веке Теченская слобода была центром Исетской провинции Оренбургской губернии. В XIX-начале XX веков село Русская Теча входило в состав Пермской губернии и являлось центром Русско-Теченской волости Шадринского уезда. В советское время село оказалось в составе Челябинской области и входило в состав совхоза «Кировский».

Село находится на правом берегу реки Течи, которая остаётся загрязнённой радиоактивными отходами. Загрязнение реки Теча произошло в результате санкционированного и аварийного сброса жидких радиоактивных отходов в 1950-х гг. 29 сентября 1957 г. на комбинате № 817¹⁵⁹ произошла «Кыштымская авария» - взрыв ёмкости с высокордиоактивными отходами, которая значительно усилила радиоактивное загрязнение реки на всём её протяжении. Воду из реки Течи стало невозможно использовать для питья, водопоя скота, полива, и она была выведена из всех видов водопользования с целью предотвращения вреда здоровью и жизни населения. Эта авария является первой в СССР радиационной чрезвычайной ситуацией техногенного характера. В зоне радиационного загрязнения оказалась территория 23 000 км² с населением 270 000 человек в 217 населённых пунктах трёх областей: Челябинской, Свердловской и Тюменской. Местные жители долго не подозревали об огромном вредном предприятии. В ходе ликвидации последствий аварии 23 деревни из наиболее загрязнённых районов с населением от 10 до 12 тысяч человек были отселены, а строения, имущество и скот уничтожены. Делалось это молчаливо и в течение длительного времени об этой крупной аварии ничего не сообщалось. Однако полностью скрыть информацию было невозможно, прежде всего, из-за большой площади загрязнения радиоактивными веществами и вовлечения в сферу послеаварийных работ значительного числа людей, многие из которых разъехались потом по всей стране.

Река Теча остаётся самой радиоактивно загрязнённой рекой в России. Вместе с другими населёнными пунктами, расположенными в пойме реки,

---

¹⁵⁹ Комбинат № 817 – в 1967-1990 гг. химический комбинат «Маяк», с 1990 г. производственное объединение «Маяк» (местоположение: закрытый город Челябинск-40 – в 1966-1994 гг. Челябинск-65, в 1994-2004 гг. закрытое административно-территориальное образование Озёрск, с 2004 г. Озёрский городской округ).

село Русская Теча в начале ХХІ века «для защиты от радиационного воздействия» было переселено с более низкого пологого берега реки на более высокий.

Автор мемуаров В. А. Игнатъев пережил всех своих братьев и сестёр и многих знакомых, с которыми было связано его детство. В 1950-1960-х годах он несколько раз посещал свои родные места – село Русская Теча и деревни по берегу реки Течи, которые подлежали выселению в связи радиационным загрязнением после аварии. Информацию об аварии он знал от местных жителей и сам имел возможность увидеть её последствия.

В начале 1961 г. он взялся за воспоминания о своей малой родине, которая в памяти его предстала ему вначале под видом «села Горюхина».¹⁶⁰

В письмах к И. С. Богословскому он писал: «Это дело много сложнее: речь о родном селе в моём воображении разрастается в большое дело. Помните – когда я писал о детских годах Пети Иконникова, то описывал нашу Течу, но тогда я, выражаясь словами А. С. Пушкина по поводу «Евгения Онегина»:

*«Даль свободного романа
Сквозь магический кристалл
Ещё неясно различал»,*

а теперь я так втянулся в мемуары, как сказано у М. Ю. Лермонтова в эпиграфе к «Мцыри»: «Вкушая вкусих и се: умираю», что у меня зародилась мысль увековечить Течу в своих мемуарах».¹⁶¹

«Мне хотелось бы Течу показать широким планом. Не знаю: удастся ли? Я видел и знал Течу в последний период её колонизации. ... Как разрушался патриархальный и феодальный быт – вот, что мне хотелось бы показать».¹⁶²

Очерки В. А. Игнатъев отправлял И. С. Богословскому, который отзывался о них одобрительно. По мере накопления материала, Василий Алексеевич думал об их систематизации.

«Обратили ли Вы внимание на моё замечание о них [об очерках – ред.], когда я в первый раз писал о них, что мне хочется написать о Тече нечто вроде «Истории села Горюхина». Я хотел этим сказать, что намерен написать несколько очерков. Теперь я, пожалуй, сказал бы, что я имел в виду написать нечто вроде «Пошехонской старины».¹⁶³ То, что я Вам выслал – отрывочно, разбросано и на первых порах, правда, трудно понять, что к чему, но всё это потом должно подвести под одно заглавие: «Теча накануне О[ктябрьской] р[еволюции]» Вопрос только: как изобразить? Больше свету в картине, или тени? Думаю, что и то, и другое должно отвечать тезису: «*Amicus Plato, sed*

---

¹⁶⁰ Вымышленное село в произведениях А. С. Пушкина.

¹⁶¹ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 08 февраля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 55 об.-56.).

¹⁶² Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 01 марта 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 61-61 об.).

¹⁶³ Местность в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».

magis amica veritas est».¹⁶⁴ Ведь то, что описываю уже прошло, история, а с ней что поделаешь? Нам раньше толковали о том, что народ наш богоносец, а что получилось теперь?

Итак, мне хочется показать Течу такой, какая она осталась в моей памяти со всеми её достоинствами и грехами. Мне хотелось бы написать историю Течи, но нет материала».¹⁶⁵

Отсутствие изданных источников по истории не помешало автору на основе воспоминаний создать замечательные рассказы о прошлом родных краёв на рубеже XIX – первой половины XX веков. В своих воспоминаниях автор подробно старается описать дореволюционные сёла Русская Теча, Сугояк, Бродокалмак, Верх-Теча, Нижне-Петропавловское и ближайшие к ним деревни: Бакланова, Черепанова, Панова, Кирды. В отдельных очерках он пишет об экономическом и имущественном укладе местных жителей, о ярмарках, ремёслах и сельской школе. Множество очерков посвящены местным жителям всех социальных слоёв от земских начальников, духовенства и разночинцев до сельских мужичков и сельских женщин, их характеристикам, - таким, как запомнил он сам. Со многими из них у автора было связано детство и юность. Он показал их достаточно ярко с общественной, хозяйственной и психобытовой стороны, проследил судьбу многих как до революции, так и после неё. Таким образом, В. А. Игнатъев описал все стороны жизни села и его окрестностей, с большим вниманием и любовью описал местных жителей разных социальных слоёв. Кроме того, он сделал попытку составить список земляков, внёсших свой вклад в общегосударственное и культурное развитие страны.

Результатом литературного творчества В. А. Игнатъева стали «Очерки по истории села Русская Теча Челябинской области»¹⁶⁶ и, кроме того, отдельные очерки по истории Зауралья¹⁶⁷, вошедшие в «пермскую коллекцию» воспоминаний автора. Объём их превзошёл автобиографию, семейную хронику и очерки по истории духовно-учебных заведений вместе взятых. Для местных краеведов и родоведов его воспоминания – драгоценный клад. «Теча теперь разрушена «до основания», и у меня зародилась коварная мысль: дай, думаю, напишу о своей старушке и отправлю в «кладезь» Павлу Степановичу, может быть кто-нибудь потом, лет через 50 заглянет в мемуары и пожелает узнать, что получилось из Течи».¹⁶⁸ И. С. Богословский предлагал отправить некоторые из очерков в печать. Сам

---

¹⁶⁴ *Amicus Plato, sed magis amica veritas est* – по-латински «Платон – друг, но истина дороже».

¹⁶⁵ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 09 марта 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 63-63 об.).

¹⁶⁶ Очерки В. А. Игнатъева по истории села Русская Теча Челябинской области (январь-апрель 1961 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711).

¹⁶⁷ Очерки В. А. Игнатъева по истории Зауралья (1961 г.). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722).

¹⁶⁸ Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 1 апреля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 33-34).

В. А. Игнатъев считал, что силы его переоценивают, и отказывался от публикации, воспоминания представлялись ему далёкими от современности.

20 апреля 1961 г. в письме к И. С. Богословскому В. А. Игнатъев писал: «Дорогой Иван Степанович! Я посылаю Вам последнюю тетрадку из мемуаров о Тече. Я написал на ней: *Dixi et animam levavi* (Я сказал, или высказался и облегчил душу [по-латински – ред.]). Я не знаю, кому принадлежит это выражение; чуть ли не Мартину Лютеру. Я хочу сказать, что то, о чём я писал в своих мемуарах, было велением, побуждением *animi mei*.¹⁶⁹ Все эти воспоминания властвовали над моей душой и требовали от меня, чтобы я о них написал и вот: *Dixi et animam levavi*. Вы знаете, с чего началось моё писание мемуаров: Вы затронули во мне страницы прошлого из истории *alma matris nostrae*¹⁷⁰, а потом цепной реакцией пошли и другие *Memorialia*.¹⁷¹ Вы подогревали моё писание, я писал и писал их с мыслью, что может быть, кто-нибудь их почитает и вспомнит о том, о чём в них написано. Теперь я знаю, что по крайней мере два человека – Вы и Павел Степанович – их читали, и, пожалуй, «с меня и довольно сего сознания». Я уже писал Павлу Степановичу, что если он найдёт их заслуживающим внимания, то включит их в тот фонд, который он собирает. В них всё-таки отражено прошлое. Я боюсь, что с моей стороны, было бы нескромным и претенциозным говорить о посвящении их кому-либо: вот-дескать нашёлся какой-то писатель, но всё-таки хочу сказать, что мне хотелось бы, если Вы не будете возражать, передать их Вам на Ваше полное усмотрение, а именно: кодифицировать их, может быть, произвести некую корректуру и т. д. Я думаю, что всё это нужно сделать в контакте и по совету Павла Степановича. Я прилагаю настоящее письмо к моему последнему мемуару о Тече, как своего рода официальный документ, то, что по-латински называется *testamentum*.¹⁷² Я очень благодарен Вам за участие Ваше в моих мемуарах, а именно за то, что Вы иногда давали им направление, хотя бы[ло] очевидно, что мысли наши совпадали. Я также очень благодарен Вам и Павлу Степановичу за сердечное отношение ко мне...».¹⁷³

Тогда же Павлу Степановичу он сообщал: «Недавно я отправил последнюю тетрадку о Тече Ивану Ст[епановичу] с эпиграфом: *Dixi et animam levavi*. Я на самом деле своими мемуарами облегчил душу, а то все эти персонажи стояли над моей душой и твердили: напиши, напиши. ...

Теча, как видно, принесена в жертву победному шествию прогресса и культуры и о ней ничего не останется в памяти потомства, если только... Теперь, когда старое уходит или уже ушло, так хочется что-либо оставить на память и обидно, почему раньше не приходила в голову мысль, например,

---

¹⁶⁹ *animi mei* – по-латински моего ума.

¹⁷⁰ *alma matris nostrae* – по-латински нашей родной школы.

¹⁷¹ *memorialia* – по-латински воспоминания.

¹⁷² *testamentum* – по-латински завет.

¹⁷³ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 20 апреля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 72-73).

собрать материалы по истории теченской церкви и самой Течи».¹⁷⁴ Таким образом, он считал необходимым сохранить для потомков свои мемуары.

«Очерки по истории Зауралья» стали второй главной темой мемуаров В. А. Игнатъева, наряду с «Духовной школой накануне Октябрьской революции» (трилогия). В письмах он сообщает, что любой, кто заинтересуется его воспоминаниями, может привести в желанный ему вид.¹⁷⁵

В 1964-1970 гг. для Уральского архива литературы и искусства, который был организован В. П. Бирюковым, В. А. Игнатъев по памяти восстановил и в значительной степени повторил «пермскую коллекцию», в то же время, дополнив её новыми воспоминаниями. В. П. Бирюков составил статью «Бытописатель В. А. Игнатъев и его рукописи» (16 февраля 1968 г.)¹⁷⁶, которая затем вошла в опубликованную им книгу «Уральская копилка».¹⁷⁷ В ней он сделал обзор очерков В. А. Игнатъева, в том числе и по истории Зауралья, под названием «Анатомия» родного села», и дал такой отзыв о Василии Алексеевиче:

«Тысячи уральских пенсионеров, которые могут писать, обрадовали бы потомков своими воспоминаниями, а между тем пенсионеры просто «отдыхают» и порой не знают, как время убить, куда деться от скуки...

По счастью всё же среди «отдыхающих» иногда встретишь людей, которым такой отдых противен, и они пишут свои воспоминания. Несомненно, среди уральцев первое место по этому случаю принадлежит жителю ВИЗа в Свердловске Василию Алексеевичу Игнатъеву.

... Долго ли трудился над очерками автор, много ли он извёл бумаги из них, может сказать вес пачки с очерками – почти три четверти килограмма!»

Вероятно, В. П. Бирюков ошибся здесь, но только в весе, т. к. с учётом двух «коллекций» - «пермской» и «свердловской» - вес может исчисляться в несколько килограммов. Но больше всего поражает возраст автора мемуаров: он их писал, когда ему было от 74 до 83 лет.

Мемуары Василия Алексеевича Игнатъева стали частью архивного фонда, т. е. перешли в общественное достояние, в 1965-1971 гг.¹⁷⁸, но долгое время оставались не востребованными или недоступными для исследователей. Причиной тому, вероятно, служило в первую очередь происхождение автора – выходца из духовного сословия, и непопулярность и сложность тем, связанных с церковью и духовенством в конце синодального периода и в начале периода формирования отношений атеистического

---

¹⁷⁴ Письмо В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 25 апреля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 36 об.).

¹⁷⁵ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 10 мая 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 101-101 об.).

¹⁷⁶ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1273; ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 421.

¹⁷⁷ «Бытописатель из Течи» // Бирюков В. П. Уральская копилка. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1969. С. 95-101.

¹⁷⁸ Подробнее см. ст. «В. А. Игнатъев и его воспоминания» в Части I. «Семейная хроника Игнатъевых».

государства с церковью. С одной стороны, автор считал, что не всё было так безнадежно отрицательно в быту у представителей духовного сословия, как это обычно изображалось у некоторых авторов художественных произведений, которые использовались в официальной атеистической и антирелигиозной пропаганде. В некоторых очерках он сделал попытку описания патриархального быта духовенства с некоторой долей юмора в подражание Лескову¹⁷⁹ или Гусеву-Оренбургскому.¹⁸⁰ С другой стороны, из всех персонажей своих мемуаров самой сложной и противоречивой фигурой для автора стал Теченский протоиерей Владимир Александрович Бирюков.¹⁸¹ «Его трудно разгадать, - пишет автор, т. е. трудно определить, как получился такой характер. Это осталось загадкой и для тех, кто его знал лично».¹⁸² Образ В. А. Бирюкова является центральным при описании автором представителей теченского духовенства.

Мемуары, безусловно, крайне субъективный источник, как в отношении описываемых лиц и событий, но в них проглядывается образ мышления автора и показатель его духовного облика. Вероятно, он задал представителям своего сословия очень высокую планку соответствия тому идеалу, какой у него сформировался в мировоззрении (представление об идеальном пастыре), и который он сам отказался или не смог принять на себя

---

¹⁷⁹ Лесков Николай Семёнович (1831-1895) – русский писатель. Автор романа-хроники «Соборяне» (1872).

¹⁸⁰ Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867-1963) – русский писатель. Автор повести «В стране отцов» (1904). Рассказы С. И. Гусева-Оренбургского с некоторой долей юмора изображали патриархальный быт духовенства.

¹⁸¹ Бирюков Владимир Александрович (1847-1916) – сын священника Екатеринбургского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1868 г. Посвящён в сан священника в 1869 г. Священник Михайло-Архангельской церкви села Ново-Туринского в 1869-1872 гг. и Трёхсвятительской церкви Нижне-Туринского завода Верхотурского уезда в 1872-1873 гг. Священник и настоятель Спасской церкви села Русская Теча Шадринского уезда в 1873-1916 гг. Председатель церковно-приходского попечительства с 1892 г. Преподаватель закона Божия в Теченском народном училище с 1874 г., в земских школах в д. Кирды с 1901 г. и д. Баклановой в 1911-1913 гг. Благодетельный 4-го округа Шадринского уезда в 1903-1908 гг. Был награждён набедренником (1878 г.), бархатной фиолетовой скуфьей (1893 г.), камилавкой (1897 г.), золотым наперсным крестом от Святейшего Синода (1903 г.). «За ревностное служение церкви Божией и за примерное поведение» возведён в сан протоиерея (1907 г.). За «благочестивое житие и весьма полезное служение церкви Божией», «усердное преподавание закона Божия», «весьма хорошее и успешное преподавание закона Божия в Теченском народном училище» удостоен благословения Святейшего Синода (1884 г.), архиерейских благословений (1899, 1902, 1903, 1904 гг.), благодарностью попечителя Оренбургского учебного округа (1892, 1897 гг.), благодарностью от директора народных училищ Пермской губернии (1900 г.). Награждён орденами св. Анны 3-й ст. (1901 г.), 2-й ст. (1912), серебряной медалью «В память царствования императора Александра III», серебряной медалью в память участия в деятельности общества Красного Креста во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

¹⁸² Письмо В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 25 апреля 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 36-36 об.).

(имеется в виду возможность достичь этого идеала через принятия сана после получения духовного образования), и за не соответствие идеалу строго критиковал, стараясь, правда, к объективности. Также автор хотя и знал о репрессиях и гонениях на духовенство, и считал их неизбежными, вероятно, не представлял себе масштабы этого явления, открывшиеся обществу только к концу XX века. Автор на примере обзора духовного и материального состояния Теченского прихода как бы накладывал на церковь свою долю ответственности как за произошедшие в стране перемены в начале XX века, так и за судьбу Русской Течи.

Безусловно окружающая автора социально-политическая обстановка в стране, в которой атеизм был частью официальной идеологии, отразилась на его сознании и оказала влияние на содержание его воспоминаний, которые он пожелал передать в архив. Вероятно, этому сопутствовали какие-то определённые условия: необходимость привести содержание очерков в рамки постулатов классовой борьбы, неизбежности и закономерности Октябрьской революции, снабдить их умеренным атеизмом и антирелигиозностью, что отличает преимущественно «свердловскую коллекцию» перед «пермской», которая отправлялась первоначально только в «кладезь» братьям Богословским. Как уже рассматривалось в других частях, обе «коллекции» дополняют друг друга.

Несмотря на все сложности, связанные в том числе и с возрастом, автор постарался очень подробно воссоздать как выглядела церковь в Русской Тече, которая была разрушена за 10-15 лет до его мемуаров, и как проходили в ней богослужения. В очерке «Теченская церковь» автор описал родной храм с внешней и внутренней стороны, и сделал это очень внимательно ко всем деталям с приложением плана церкви и её фотографии, в уже разрушенном виде. Возможно, представленные в публикации рисунки автора помогут в восстановлении храма. Также автор признаёт вклад протоиерея В. А. Бирюкова в поддержание материального состояния прихода. Очень интересны очерки о церковных праздниках с обилием местных особенностей, как в части проведения богослужений, так и народных гуляний. В очерке «Епархиалки» автор попытался вывести образы дочерей духовенства Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии, окончивших Екатеринбургское епархиальное училище и служивших на поприще народного образования в Зауралье в тяжёлых условиях до и после 1917 года.¹⁸³

«Всё знать о своих соседях и вообще о других – это было одной из особенностей деревенской жизни» - сообщает автор в своих очерках. Изображённая В. А. Игнатьевым широчайшая панорама разнообразных образов и отношений на фоне далёкой провинции в период смены эпох в стране, даже с учётом субъективизма, отсутствие стремления сгладить «острые углы» и допущенных незначительных неточностей и ошибок,

---

¹⁸³ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л.2-14 об.

должна вызывать повышенный интерес, а также служить примером для других «отдыхающих» в разных уголках обширного Уральского региона. Очерки В. А. Игнатьева по истории Зауралья в этом смысле являются одним из крупнейших массивов краеведческой и этнографической информации, которым могут гордиться местные жители.

01 апреля 1998 г. в челябинской газете «Маяк» была опубликована статья уральского краеведа А. Кокшарова «Краевед из Русской Течи», в которой автор статьи, основываясь, вероятно, на информации из книги В. П. Бирюкова «Уральская копилка», сообщал о своих поисках мемуаров В. А. Игнатьева и желании найти потомков автора в г. Екатеринбурге. Поиски его, вероятно, не увенчались успехом, т. к. ни детей, ни внуков у Василия Алексеевича не было.

Об истории села Русская Теча, так же как и об истории близлежащих сёл, в разное время выходили публикации разных авторов.¹⁸⁴ Но каких-либо публикаций очерков В. А. Игнатьева по истории Зауралья до настоящего времени не было.

Документальные источники (в частности, генеалогического характера) хранятся в ГУ «Объединённый государственный архив Челябинской области», какие-либо документальные материалы могут также находиться в фондах ГКУ «Государственный архив Курганской области» и ГКУ «Государственный архив в г. Шадринске». Для местных историков и краеведов воспоминания В. А. Игнатьева должны представлять большой интерес, особенно в сопоставлении с документальными источниками, а также с возможными воспоминаниями старожилов Зауралья. Эти воспоминания позволяют оживить подтверждённые документальные или статистические сведения.

В девятую часть включены очерки автора, как из «пермской», так и из «свердловской коллекции» (частично). В «пермской коллекции» рукописные тексты находятся в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области», а машинописные в «Очерках по истории Зауралья» (имеются очерки в разных редакциях, составленные в разное время).

---

¹⁸⁴ См. напр. Дегтярев И. В. Самое старинное селение на территории Челябинской области // Доклад к научно-практической конференции в Красноармейском районе Челябинской области. Челябинск, 1966; Дегтярев И. В. Русская Теча – древнейшее село // Челябинский Рабочий. 1972. 14 октября; Дегтярев И. В. Русская Теча. 1918 год // Челябинский Рабочий. 1990. 24, 25 февраля; Шувалов Н. И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Ч. 2. К-Я. Челябинск, 1999; Моисеев А. П. Русская Теча, село – статья в электронной версии энциклопедии «Челябинск» (Челябинск: Энциклопедия / Сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск: Каменный пояс, 2001; Антипин, Н. А. Церковь Животворящего Креста Всемилоственного Спаса в с. Русская Теча Красноармейского района // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2010 / сост. И. Н. Пережогина и др. – Челябинск, 2009; // Меньшикова М. А. Историческая судьба вершится Промыслом Божиим. К истории церквей и духовенства Миасского сельского благочиния. – Челябинск, 2016. С. 210-224.

Рукописные тексты содержатся в тетрадях, которые пронумерованы: 1-15, 19-40, 77-80, часть тетрадей не пронумерованы. О тетрадях с нумерацией 16-18, 41-76 сведений не имеется. Машинописные тексты, вероятно, предназначались для публикации в первую очередь. В «свердловской коллекции» рукописные и машинописные тексты находятся в «Очерках по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» и в составе т. н. «Автобиографических воспоминаний».

Целостной структуры в очерках не имеется, они разбиты по разным делам. В данной публикации структура очерков составлена заново на основе как их авторского расположения, так и с учётом систематизации, предложенной В. П. Бирюковым. Таким образом, основными разделами стали: «Анатомия» родного села», «Экономика Течи», «Быт Течи» и «Люди Течи и их судьбы», далее приводятся разделы о близлежащих к Русской Тече сёлах: «Село Сугояк», «Бродокалмак и его «знатные» люди», «Каменка». Завершают данную публикацию «Заметки детской памяти».

Очерк «Друзья наших детства и юношества из царства пернатых и мира животных (педагогическая поэма)» опубликован в Части I. «Семейная хроника Игнатьевых». Очерки «Семинаристы – культурные деятели нашего деревенского захолустья» и «Страстная неделя» опубликованы в Части III. «Пермская духовная семинария начала XX века».

Очерк «Школьники» из состава «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний В. А. Игнатьева впервые был опубликован в извлечении в сборнике документов «Образование в Пермской губернии XIX-нач. XX вв. Из истории учебных заведений системы начального образования» / Государственный архив Пермского края. – Пермь: Траектория, 2017. В данной публикации очерк «Школьники» приводится полностью с дополнениями из одноимённого очерка в «свердловской коллекции». Вместе с очерком «Школьницы» они объединены в подраздел «Школа в Тече».

Работа с данной публикацией считается незавершённой, т. к. остаются недоступными «Очерки по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Части I-VII. (1965-1967 гг.) и др. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378-384, 400, 403-404, 407). Их отсутствие частично компенсируется очерками из «пермской коллекции». В связи с чем, представленная в публикации структура может измениться, по мере доступности новых источников из «свердловской коллекции». В связи с этим предлагается сотрудничество с заинтересованными лицами.

В девятой части представлены фотографии, находящиеся в мемуарах автора, а также современные фотографии родины Игнатьева.

Предисловие к Части X.

В десятую заключительную часть полной серии публикаций воспоминаний преподавателя и бытописателя Василия Алексеевича Игнатьева вошли очерки, не вошедшие в предыдущие части, философские заметки и очерки на библейские темы из двух «коллекций» - «пермской» и «свердловской». Десятая часть не имеет названия.

Наиболее интересными являются очерки В. А. Игнатьева «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» (1963 г.) из «пермской коллекции» и «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте (наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения – всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (1965 г.) из «свердловской коллекции». В них автор снова вспоминает все периоды своей жизни и свою главную неосуществлённую мечту – стать певцом. Он передаёт особенности своей музыкальной культуры и культуры близких ему людей, свои музыкальные предпочтения. В данной публикации очерки передаются на основе «свердловской коллекции», как наиболее информативной, с некоторыми дополнениями из «пермской».

Философские заметки В. А. Игнатьев составлял в 1962-1963 гг. по просьбе П. С. Богословского, вероятно, под влиянием событий, связанных с открытием космической эры после первого полёта человека в космос (Ю. А. Гагарина), а также новостей о техническом прогрессе в мире. По этому поводу он писал следующее: «Я думаю, что выход человека в космос, в частности, должен указать дорогу не в сторону атеизма, а наоборот: он знаменует отрыв человеческого ума от земли в философском значении этого слова в сферы неземные. Это только начало движения: человек всё-таки останется человеком, а не захочет быть только зоологическим представителем природы. У нас часто путают два понятия: вера и религия. Это две совершенно различные вещи. Между ними такое различие, какое существует между ядром и оболочкой. Вера – это такой же составной элемент человеческой души, как разум, воля, чувство, а религия оболочка её. У нас теперь иногда говорят: я не верю в бога, а верю в коммунизм. В этих словах – глубокое заблуждение: в этом случае люди говорят не о вере, как таковой, как о функции души или особым способом организованной материи, а о религии – по форме проявления веры. Атеистом, как и нигилистом в полном смысле слова может быть только идиот, кретин или вообще человек потерявший разум. «Рече безумен в сердце своем: несть Бог»¹⁸⁵ - вот это глубокая истина»¹⁸⁶ «Вопреки существующему мнению о том, что проникновение в космос является козырем атеистов, я думаю, что в тот момент, когда Гагарин пересёк границу между землей со всеми

¹⁸⁵ Начало 13 псалма Давида (Библия, Псалтырь).

¹⁸⁶ Письмо В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 7 мая 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 74-75).

окружающими её оболочками и вылетел в космос, атеизму нанесён смертельный (*sic!*) удар. Кант¹⁸⁷ указывал на аномалии человеческого мышления (мы не можем представить мир ни конечным, ни бесконечным). Если это так, то не возникнет ли у людей в дальнейшем, при изучении космоса, потребность в вере, как постулате при выработке их мирозерцания? Я думаю, что да! Кроме того по закону диалектического развития, если атеизм признать за тезис, то антитезисом ему будет какая-то форма теизма».¹⁸⁸

В заметке «Человек и нормы его человечности» на основе Евангельской истории об искушениях Иисуса Христа автор выразил убеждение, что Его учение, оказав глубокое влияние на историю человечества, указало людям на те нормы поведения, которые свидетельствуют о человечности Человека и что при временных отступлениях от этих норм, человеческое в людях всё-таки восторжествует. В заметке «Человек и кибернетика», рассматривая полемику между «физиками» и «лириками» по вопросу о новой науке кибернетике¹⁸⁹, автор делает вывод о том, что учёные, которые решили уложить мышление человека в рамки моделирования, всё равно столкнутся с тем, что человечество разобьёт их узкие рамки моделирования мозга и утвердит признание за человеком высшего чуда в мироздании. В заметке «Метафизика и реальность», рассматривая в связи с открытием космической эры появившиеся прогнозы о скором установлении связей с обитателями других планет, напоминает об определении веры по Филаретовому «Катехизису»¹⁹⁰ и доказывает, что «с выходом человека в космос, тезис «бытие определяет сознание» приобретает другое значение – не ограничительное, а расширительное, а именно, что не бытие, как некая материальная среда, ограничивающая человека, а сознание его идёт впереди, и этим именно обеспечивает прогресс человечества». В заметке «О геоцентризме» раскрывает параллели в библейском учении и в современной науке о человеке – как вершине Божьего творения и одновременно как вершине эволюционного развития, и о Земле – как центральной планете мироздания и одновременно центре изучения космоса, и убеждается в том, что при бóльшем изучении космоса в сознание людей всё глубже будет входить мысль о Земле и человеке, живущем на ней – как о чудах мироздания.

---

¹⁸⁷ Кант Иммануил (1724-1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

¹⁸⁸ Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 19 ноября 1961 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 45-46).

¹⁸⁹ Кибернетика – наука об общих закономерностях получения, хранения, преобразования и передачи информации в сложных управляющих системах (машины, живые организмы или общество). Интерес к этой науке в обществе с 1940-х гг. то падает, то возрастает.

¹⁹⁰ Филарет (Дроздов) (1783-1867) – митрополит Московский в 1826-1867 гг. Крупнейший русский православный богослов XIX века. Составитель «Пространного христианского катехизиса Православной Кафолической Восточной церкви».

В других заметках автор представляет критический обзор нескольких статей из «Литературной газеты» на обсуждаемые в 1960-е гг. темы, навеянные противостоянием в «холодной войне». Философские заметки имеются только в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

В «свердловской коллекции» находятся «Очерки на библейские темы», которые датированы 1967 г. и они носят уже атеистический и антихристианский характер. Возможно, это связано с изменениями убеждений автора на фоне антирелигиозной кампании 1960-х гг., а может быть, и с условиями включения очерков в состав «Уральского архива литературы и искусства», который создавал В. П. Бирюков, убеждённый атеист, предлагавший очерки для антирелигиозной хрестоматии, в отличие от православных профессоров братьев Богословских.

Два очерка «Встреча» и «Алька» более позднего происхождения и имеют личный характер.

Завершает публикацию очерк «Ивановское кладбище» - философские размышления автора о противоречивом отношении общества к смерти в атеистическом государстве. Очерк имеется только в «пермской коллекции».

Вероятно, В. А. Игнатьев, умерший в 1971 г., был похоронен на Ивановском кладбище г. Свердловска. Его супруга – Анна Фридриховна скончалась в 1975 г. в г. Свердловске. Как видно, автор не часто обращался в своих воспоминаниях к образу своей супруги и чувствам к ней. Тем не менее, они прожили вместе 57 лет. Детей у них не было.

Благодарности

Выражаю благодарность за содействие в подготовке публикации сотрудникам ГКБУ «Государственный архив Пермского края» и его директору И. В. Кирееву, сотрудникам ГКУСО «Государственный архив Свердловской области» и БУОО «Государственный архив Орловской области».

Выражаю благодарность за критику, помощь и предоставленную информацию действительным членам Уральского историко-родословного и членам Уральского церковно-исторического обществ Юрию Михайловичу Сухареву, Александру Владиславовичу Колесову и Людмиле Викторовне Рябухо, а также старшему преподавателю кафедры латинского языка и фармацевтической терминологии ФГБОУВО «Пермская государственная фармацевтическая академия» Галине Васильевне Филимоновой.

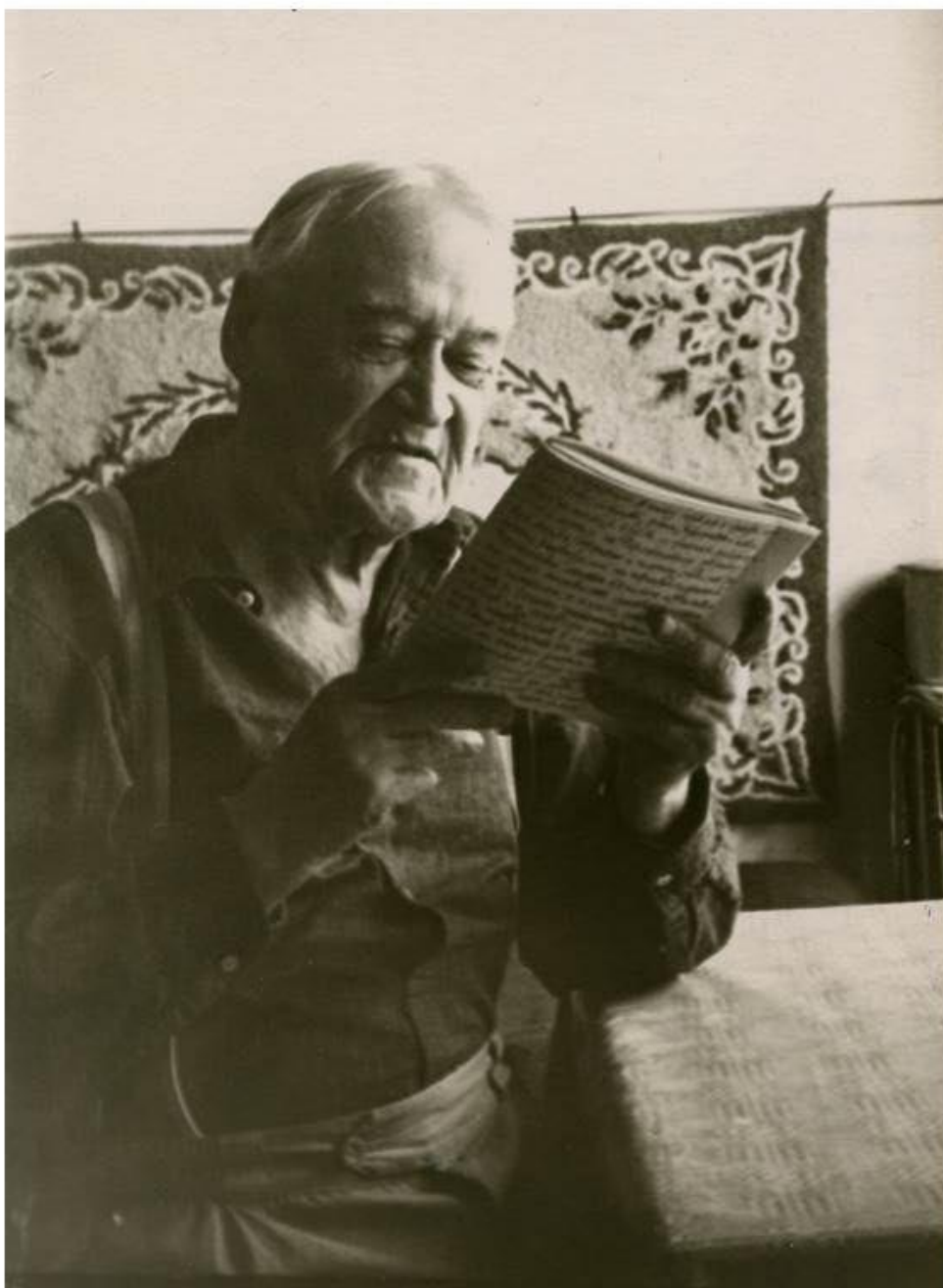
Выражаю благодарность за помощь в подготовке примечаний преподавателю регентского отделения Пермской православной духовной семинарии, кандидату искусствоведения Ольге Вильевне Ануфриевой, автору книги «50 бесед о русском церковном пении и духовной музыке» (Пермь, 2009).

Выражаю благодарность за предоставленные фотографии председателю Уральского церковно-археологического общества протоиерею Екатеринбургской епархии Валерию Вениаминовичу Лавринову, краеведам Татьяне Леонидовне Морозовой, Сергею Геннадьевичу Мехоношину, администратору сайта «Наследие Слуцкого края» (<http://nasledie-sluck.by/>) Владимиру Анатольевичу Хворову.

Выражаю благодарность за предоставленную информацию и фотографии заведующей Русско-Теченской сельской библиотекой Красноармейского района Челябинской области, организатору проекта «Игнатъевское движение» Ирине Викторовне Курбатовой.

14.01.2019

В. Г. Бояршинов

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть I.
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИГНАТЬЕВЫХ**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть I. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИГНАТЬЕВЫХ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ИГНАТЬЕВЫХ

26 августа-2 декабря 1960 г.

*Patres nostri*¹⁹¹

Отец, его родословная

Отец наш – Алексей Иванович Игнатъев – родился в 1848 г. в селе Харловском, Ирбитского уезда, Пермской губернии (по настоящему административному делению – в Ирбитском районе Свердловской области)¹⁹² и происходил из духовного сословия. Ни отец, ни мать ничего не рассказывали нам о своих родителях, и мы ничего не знали о своих дедушках и бабушках ни по отцовской, ни по материнской линии. Мы не знали ни того, кем был наш дед по линии отца – священником, диаконом или псаломщиком; ни того, какие отношения в детстве или позднее были у отца с родителями; не знали, наконец, полного имени деда, как, например, он именовался, по отчеству, а у бабушки не знали ни имени, ни отчества.¹⁹³ Да и в том, что отец родился в селе Харловском, я, например, узнал уже в возрасте 17 лет, когда удалось побывать в этом селе.¹⁹⁴ В семейном альбоме была у нас старинная карточка с родителей отца, но она мало что говорила нашему уму и сердцу о

---

¹⁹¹ *Patres nostri* – по-латински отцы наши. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «*Parentes nostri*» – по-латински родители наши.

¹⁹² На 2017 г. – в составе Ирбитского муниципального образования (городского округа) Свердловской области.

¹⁹³ В ревизской сказке на священнослужителей Свято-Троицкой церкви Харловской слободы Ирбитского уезда за 1833 г. значатся: дьячок Игнатъев Иосиф Григориев, 58 лет в прошлую ревизию, в 1831 г. умер; сын его Игнатъев Иоанн Иосифов, 14 лет в прошлую ревизию, ныне 32 лет, 1816 г. определён к сей церкви дьячком, из необучавшихся [в духовных семинариях]; дьячка Игнатъева Иоанна жена Анастасия Васильева, 32 лет. // ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2764. Л. 47 об.-48.

¹⁹⁴ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Летом 1904 г. мы с батюшкой гостили у брата Алексея в с[еле] Скородумском, около Ирбита, и брат однажды предложил съездить в Харлову, как коротко называлось село, на родину папы, вот мы и отправились туда. Ехать пришлось вёрст двадцать пять» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 7.

наших дедах.¹⁹⁵ Сохранилась также карточка с брата отца – Петра Ивановича, священника, но опять-таки мы ничего не знали об этом своём дяде: ни того, где он служил, ни того, был ли он моложе или старше отца, ни того, какие же отношения между ними были в детские годы и позднее.¹⁹⁶ Наконец, совершенно, можно сказать, случайно я узнал о том, что в Харловой жила и здравствовала родная сестра отца [Агриппина Ивановна], о существовании которой я узнал лишь при поездке в это село, о чём мною упомянуто выше. Почему между братьями и сестрой не было переписки – это осталось для нас тайной – но было ясно одно, что это не было в результате ссоры или вообще каких-либо неприятностей в отношениях, что так или иначе, как говорят, всплыло бы наверх, но этого никогда нами не было замечено.¹⁹⁷

Вспоминая детские годы, отец из числа своих друзей этого возраста выделял брата и сестру Досмановых, очевидно, потому, что обращала на себя дальнейшая судьба, а именно: девочка Досманова впоследствии была игуменьей Екатеринбургского женского монастыря с именем монахини Магдалины¹⁹⁸, а мальчик – пермским видным купцом.¹⁹⁹ Отец рассказывал и

---

¹⁹⁵ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Ещё более старинная карточка была с двух старичков: «он» в рясе с распущенными волосами сидит, облокотившись на столик, а рядом «она» в обильных одеяниях: на голове – платок шёлковый, спущенный до пояса, ниже юбка. Это были наши деды, но мы так и не узнали по какой линии; с большим вероятно можно предположить, что это были родители матушки» // Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 4-5.

Там же: «В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что большинство имевшихся у нас карточек с родственников были именно по линии матушкиной фамилии. Я пытался было разыскать своих дедов по справочно книге Я. Шестакова, выпущенной к столетию Пермской дух[овной] семинарии, нашёл в ней фамилии и Тетюевых и Игнатъевых, но по имеющимся датам жизни носителей этих фамилий не смог провести линию, которая бы соответствовала времени жизни искомым дедов: они, эти фамилии, относились или к более ранним временам, т. е. нашим прадедам, или к более поздним. На основании этого я и высказал предположение, что и у нашего батюшки и также и у матушки родители были из «низов» духовенства, т. е. в ранге дьячков или диаконов» // Там же. Л. 14-16.

¹⁹⁶ Там же: «Была карточка с батюшкиного брата – Петра Ивановича Игнатъева в священном сане с камилавкой на голове» // Там же. Л. 4.

Игнатъев Пётр Иоаннович (1834-?) – причетнический сын. Окончил высшее отделение Пермского духовного училища в 1849 г. В 1853 г. посвящён в сан диакона к Богородице-Скорященской тюремной церкви г. Перми. В 1854-1873 гг. служил диаконом в Александро-Невской больничной церкви г. Перми. В 1873 г. посвящён в сан священника к Николаевской церкви села Нырбского Чердынского уезда. С 1874 г служил священником в Стефановской церкви села Верх-Юсвинского Соликамского уезда // ГАПК. Ф. 540. Оп. 1. Д. 33. Л. 71 об.-73.

¹⁹⁷ Там же: «Есть основания думать, что муж Агриппины Алексеевны [так в тексте – ред.] в своё время унаследовал место тестя, женившись на ней» // Там же. Л. 11.

¹⁹⁸ Магдалина (Досманова Пелагея Стефановна) (1847-1934) – настоятельница Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря в 1897-1920 гг., схиигуменья.

¹⁹⁹ Досманов Павел Степанович (1856/1857-после 1919) – Пермский купец 1-й гильдии, занимался мануфактурной и чайной торговлей.

о своей встрече с игуменьей Магдалиной в то время, когда в Екатеринбургском епархиальном училище, которое было при указанном монастыре, училась наша старшая сестра – Александра Алексеевна. Как отмечал отец, игуменья узнала его.²⁰⁰ С купцом Досмановым и его семьей семейная встреча была в Перми в 1903 или 1904 г., когда все мы – дети и родители – направлены были в Пермь на пастеровские прививки по поводу пользования молоком от бешеной коровы. Друзья детства были уже в возрасте за пятьдесят лет и при столь различной судьбе – один дьячок, а другой – купец, - тем не менее встреча была исключительно сердечной. Такова сила детской дружбы.²⁰¹

Отец учился в Далматовском духовном училище, но он никогда не вспоминал об этом периоде своей жизни. Единственным напоминанием об его учёбе в духовном училище было то, что когда я учился в старших классах духовного училища, он мне иногда писал по-латински: «*Ora et labora*» (молись и работай), причем при устном произношении он делал ударение *lábora*, а не *labóra*, как правильно нужно было бы сказать. Это было, очевидно, то небольшое, что осталось у него в памяти от изучения латыни.

Учился ли отец в Пермской духовной семинарии или нет; если учился, то сколько времени и почему выбыл из семинарии – осталось не известным, потому что он никогда не вспоминал об этом. Что он какое-то время учился в семинарии, об этом мне рассказывал хозяин квартиры, на которой я жил в 1908 г., бывший семинарист примерно одного возраста с отцом – Удинцев Константин Антонович, но он утверждал это не категорически, очевидно, не надеясь вполне на свою память.²⁰² От этого времени, т. е. от того, которое следовало бы отнести на учение в семинарии, у отца сохранились другие яркие воспоминания о том, как он был келейником у пермского епископа

---

²⁰⁰ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Шла молва, что она в своё время была красавицей и это содействовало её карьере. Когда наша старшая сестра училась в епархиальном училище, то батюшка встречался с игуменьей Магдалиной, и они вспоминали детские годы. На Ивановском кладбище около церкви есть могила, на кресте которой значится, что в ней похоронена схимонахиня Магдалина, б[ывшая] игуменья Екатеринбургского женского монастыря, которая прожила в чине монахини шестьдесят лет» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 10-11.

²⁰¹ Там же: «Досманов, детский друг батюшки, во время строительства Великого сибирского пути – железной дороги работал на строительстве кем-то вроде десятника, потом подрядчика и, наконец, объявился пермским купцом. ... Досманов тогда уже «прогорел», перевёл остатки своего «добра» на жену, сам себя объявил банкротом и вошёл в кампанию с другим купцом по продаже суконных материй. Два сына его учились в гимназии, а жили Досмановы в хорошем особняке на высоком берегу Камы около Слудской площади» // Там же. Л. 9-10.

²⁰² Там же: «[Он] знал нашего батюшку по Далматовскому дух[овному] училищу, но встречался ли он в семинарии, которую он окончил, этого я так и не выяснил» // Там же. Л. 12.

Нафанаила.²⁰³ Келейник – это слово лучше бы было переименовать в слово лакейник, мальчик-служка. Из рассказов отца было видно, что келейников у архиерея было двое.²⁰⁴ Как какой-то анекдот отец рассказывал о мелочах своей жизни в роли келейника. Архиерей, по его рассказам, был вспыльчивый, что, очевидно, не раз испытывали на себе его келейники. В числе странностей, которые у него были, была одна чисто детская: он любил котят, этим и пользовались келейники как противоядием от его гнева, а именно: всякий раз, как гнев архиерея дойдёт до точки кипения, они подсовывали в его опочивальню котёнка, и «громовержец» превращался в мягкий воск. Фантастика, анекдот, но чего только в жизни не бывает у людей с неограниченной властью да ещё по существу оторванных от жизни в нормальных условиях. Рассказывал ещё отец о том, как он в качестве келейника участвовал в поездке архиерея Нафанаила в Верхотурье, как архиерей в дороге умер, и какой от этого получился в «поезде» переполох. На этом рассказы отца о периоде его жизни холостяком оканчиваются, и дальше уже относятся к периоду семейной жизни.

Мать, её родословная

Наша мать – Александра Ивановна Игнатьева, урожденная Тетюева, была моложе отца на год или два и родилась в селе Покча Чердынского уезда, Пермской губернии (по современному административному делению – Пермской области) и происходила, вероятно, из духовного сословия. Приходится сказать об этом предположительно, потому что о родителях её мы абсолютно ничего не знали.

В семейном альбоме у нас сохранилась карточка, на которой сняты братья её, впоследствии ставшими священниками.²⁰⁵ Такая направленность судьбы материнских братьев даёт основание думать, что родители её были духовного сословия. Можно предполагать, что родители матери по

---

²⁰³ Здесь автор перепутал имена епископов Екатеринбургского Нафанаила (Леандрова) и Пермского Неофита (Соснина). Имеется в виду Неофит (Соснин) (1794-1868) – архиепископ Пермский и Верхотурский в 1851-1868 гг.

²⁰⁴ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатьевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «(Я подозреваю, что это [второй келейник – ред.] был Кокосов, впоследствии известный медик и писатель)» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 13.

Кокосов Владимир Яковлевич (1845-1911) – русский писатель и врач. Исключён из Пермской духовной семинарии в 1861 г. Окончил С.-Петербургскую медико-хирургическую академию в 1870 г.

²⁰⁵ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатьевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Были карточки с матушкиных братьев – Ивана Ивановича и Василия Ивановича Тетюевых, очевидно, с первого во время его свадьбы, потому что он снят со своей молодой женой ещё до принятия священного сана, а со второго – в его семинарские годы» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

национальности были обруселые пермяки, на что указывает и фамилия – Тетюева. Оба брата матери в своё время окончили Пермскую духовную семинарию.

Старший Иван был священником и законоучителем в Екатеринбургском горном училище, а затем в соборе у Верх-Исетского завода. Наша старшая сестра – Александра Алексеевна, учась в епархиальном училище, одно время жила у него и, приезжая в Свердловск в [19]40-ые годы, показывала дом, в котором жил этот дядя. Он был бездетный, и они воспитывали приёмного мальчика – Бориса, который, оставшись сиротой, без надлежащего присмотра, пошёл по грязной дороге пьянства, распутства и затем совсем исчез из поля зрения родственников. Последней с ним иметь дело пришлось сестре матери – Антонине Ивановне, к которой он приходил вымогать якобы оставленное ему наследство. Навещал он и наших родителей в селе Теченском, что не составляло особенного для них удовольствия.

Младший брат матери – Василий Иванович – был человеком высокой музыкальной культуры и в своё время прославился как регент и даже как композитор.²⁰⁶ Его «в непогоду ветер воет» было популярным среди певцов-семинаристов. Он же оказал значительное влияние на музыкальное развитие нашего брата Алексея, который в свои семинарские годы навещал дядю в разных местах его службы. Семейная жизнь этого дяди сложилась не совсем удачно, он стал злоупотреблять выпивкой, схватил туберкулёз и преждевременно умер. Дочь дяди – сирота Милица – училась в Пермском епархиальном училище, на каникулы приезжала к нашим родителям в село Теченское, но после окончания епархиального училища, оторвалась от нашей семьи и потеряла всякую связь с нами.

Сестра матери – Антонина Ивановна Тетюева – была крестницей матери и больше всех поддерживала связь с нашей семьёй, очевидно, потому, что осталась одинокой на всю жизнь. Никто из нас не знал, как и когда она обучилась работе медицинской сестрой, но сколько мы её помним она, будучи на пенсии, время от времени приватно, по случайным предположениям работала сестрой милосердия, как тогда называлась её специальность. В качестве такой сестры она была участницей несчастной японской войны. Тётушка Антонина Ивановна страдала туберкулёзом лёгких и летом иногда ездила на курорт в Усть-Караболку, с которого на обратном пути заезжала к нам, в Течу. Во время учения в семинарии все мы, братья, навещали в Перми Антонину Ивановну. Умерла она преждевременно, не справившись с туберкулёзом.

---

²⁰⁶ Тетюев Василий Иванович (1869-1904) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1889 г. Надзиратель и регент хора Пермского духовного училища. Священник Васильевской церкви села Нердвенского Соликамского уезда в 1898-1904 гг. См. «Памяти священника Василия Ивановича Тетюева». // «Пермские епархиальные ведомости». 1904. № 35 (28 августа) (отдел неофициальный.). С. 426-427.

Как выше было указано, родиной матери было село Покча, в шести верстах от Чердыни. Там же, очевидно, проходили и её юные годы.²⁰⁷ Мать наша не имела образования: она умела читать, но никогда не писала. Как и почему это так получилось, нам было неизвестно. Всю письменную переписку вёл отец, но со стороны родных матери переписку поддерживала только тётюшка Антонина Ивановна, а братья никогда не писали.

Брак родителей и первые годы семейной жизни

Отец как-то вспоминал, что он, как претендент на руку матери, проходил некий искус: нужно было вдёрнуть крючок в какую-то петлю на потолке, и он это выполнил удачно. Было ли это сказано в шутку или всерьёз – так и осталось у нас не решённым. С другой стороны, мать как-то обмолвилась о том, что один из знакомых нам людей по селу тоже претендовал на её руку, но она остановила своё внимание на отце.²⁰⁸ Делались и отцом, и матерью намёки на то, что в сватовстве какую-то роль сыграл наш дедушка со стороны матери, впоследствии протоиерей Пермского кафедрального собора – Иван Алексеевич Никитин, и он же содействовал дальнейшему жизненному устройству наших родителей. Нам было ясно одно, что у родителей наших было особо близкое чувство и отношение к деду нашему И. А. Никитину: о нём они чаще вспоминали, чем о ком-либо другом из наших родственников.

В нашем фотоальбоме сохранились карточки с родителей в период начала семейной жизни. Как видно из снимка, и мать, и отец в молодые годы не были обижены внешностью.²⁰⁹ Мы иногда уже в пожилые годы видели

---

²⁰⁷ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатьевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Матушка иногда вспоминала о своей северной родине и рассказывала нам о Прикамье, близком к Чердыни. Рассказывала она кое-что и о своих бытовых условиях жизни в детстве и девичестве, например, о том, как семья её ездила за Каму на сенокос. Она хорошо знала Прикамье до Перми и с любовью рассказывала о своём родном крае. И опять никогда не было речи об её родителях» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 14.

²⁰⁸ Там же: «Матушка же наша уже в старости, юдучи вдовой, однажды призналась, что был ещё претендент на её руку – Анатолий Бирюков, впоследствии священствовавший в Тече, но она ему отказала. Из рассказов матушки мы узнали, что встретились они с батюшкой в Зауралье, что она гостила здесь где-то у своих родственников чуть-ли не [в] б[ывшем] Шадринском уезде, и здесь и произошла встреча, но не понятно, как здесь оказался наш батюшка, уроженец Харловой. Теперь опять-таки с досадой приходится пожалеть, почему мы в своё время не «изучили» этот важный момент в жизни наших родителей» // Там же. Л. 19.

²⁰⁹ Там же: «Теперь приходится с болью и стыдом за своё прошлое сожалеть, что мы не сохранили старинных фотоснимков с наших родителей от времён их молодости, а также и вообще снимков с родственников от тех давних лет. В бурные годы жизнь трепала и бросала в разные стороны, и вот результат: многие семейные реликвии были затеряны. Эти снимки, помнится, первоначально хранились в коробке, а потом собраны были в

отца с гитарой в руках играющим и поющим его любимую песню «Ивушка», причём, он особенно выразительно пел. «Тягенька с мамонькёй неправдами живут»; или когда он играл какую-либо заливчатскую песню и дробью подыгрывал пальцами по верхней доске гитары; переносясь мысленно от этого наблюдения к виду на фотокарточке, можно было понять, чем была обеспечена его победа над сердцем матушки. От этих времён на дне сундука сохранялись ещё наряды матери: платье с кринолинами, ботинки на высоком каблуке с тупым носком, шарфик и др., на основании чего можно думать, что и наша матушка в девушках имела привлекательный вид, чем и покорила сердце батюшки.²¹⁰

... Первое назначение по службе отец получил в пересыльный замок в Перми в качестве дьячка в тюремную церковь. Из воспоминаний отца, относящихся к этому времени, в памяти сохранились два: одно о том, как однажды пришлось ему мыться в бане вместе с убийцей и как он боялся, а второе, как он присутствовал при публичной казни, сопровождая тюремного священника, обязанного быть при казни для принятия покаяния от осужденного и «облегчения» его предсмертных страданий. По-видимому, отец недолго служил в этой церкви и был переведён потом в другую церковь, около вокзала, которая, судя по его описаниям, потом стала называться Петропавловской церковью.²¹¹ В Перми отец прослужил около трёх с лишним лет.²¹² За это время в семью вступили старший брат Александр и старшая

альбом, который и был утерян. Как сейчас, вижу на одной карточке нашего батюшку, ещё до женитьбы, в подряснике с поясом поверх него, очевидно, бархатным с цветами. Лицо молодое, чуть вьющиеся волосы, без бороды и усов – всё, что потом мы видели у брата Алексея. Снимок, очевидно, был сделан, когда он состоял келейником у пермского архиерея Нафанаила.

Матушка, очевидно, снята была перед венчанием. Наша старшая сестра восторгалась этим снимком и с гордостью замечала: «Наша мама была красавица!» Все мы разделяли мнение своей сестры, хотя на снимке матушка была так закутана каким-то платком, что лицо было сильно прикрыто им» // Там же. Л. 2-4.

²¹⁰ Из очерка «Теченское «житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «У него были серебряные часы с эмалиевыми украшениями и при них длинная серебряная цепочка. Он надевал их в торжественных случаях не столько для определения времени, сколько для официального вида. Они (часы) всегда висели на видном месте, а в юбилей серебряной садыбы сестра подарила ему бархатный «подчасник» с художественной вышивной работы верх-теченской монашки-мастерицы, и с этого времени часы висели не открыто на стене, а в «подчаснике». В семейном сундуке, который был, очевидно, приданым матушки, батюшка хранил свою «кассу» - бумажник со многими отделениями, который извлекал оттуда тайком, но нам иногда удавалось подсмотреть, как он из него извлекал красивые, голубые, зелёные или жёлтые бумажки, или вкладывал их в него. Увы! Бумажник был чаще всего худосочным. В том же сундуке хранилось приданое матушки и, между прочим, её венчальное одеяние, а нас больше всего занимали её ботинки с высокими каблуками и широкими тупыми носами» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 34-35.

²¹¹ Имеется в виду Петро-Павловский собор.

²¹² Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора:

сестра – Александра. Как получено было назначение в село Теченское Шадринского уезда Пермской губернии (по настоящему административному делению – Бродокалмацкий район, Челябинской области)²¹³, нам не известно, но надо думать, что это произошло при содействии дедушки Ивана Алексеевича Никитина. [²¹⁴] С переездом в Течу собственно и начинается настоящая история нашей семьи, а всё предыдущее было, так сказать, только предысторией.²¹⁵

Основной, теченский период семейной жизни²¹⁶

1. Сельский дьячок

Отец служил диаконом на псаломщической вакансии, т. е. тем, кого называли короче дьячком. Как участник богослужения он выполнял и функции диакона и функции псаломщика, но по оплате за, так называемые, требы, по дележу, так называемой, братской кружки, ему причиталась четвертая часть, так, например, если совершение крещения ребёнка оплачивалось двадцатью копейками, то на его долю падало пять копеек. Особую, индивидуальную, плату отец получал за оформление, так

«Жили они в Перми не долго, но воспоминаний было много и о городе, и о Каме, и о многих знакомых. В моей памяти сохранился ещё рассказ батюшки о встрече с одним сумасшедшим стариком в колонии для этих несчастных людей, куда он был приглашён на какой-то вечер. Батюшку поразило в нём глубокое проникновение в психологию людей, он показался ему кем-то вроде пророка» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 20-21.

²¹³ На 2017 г. – в составе Красноармейского района Челябинской области.

²¹⁴ Из очерка «*Parentes nostri* (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Остался не выясненным вопрос с переездом наших родителей в Зауралье. По-видимому Екатеринбургская епархия тогда не была ещё выделена из Пермской. Железной дороги ещё не было, и переезд был совершён на конной тяге. Батюшка рассказывал о каких-то своих знакомых путешественниках того времени, которые зимой в пути не заметили, как выпал ребёнок и хватились уже, отъехавши несколько вёрст после этого, потом возвратились, разыскали его и подобрали! У меня осталось впечатление такое, что это случилось с кем-то из знакомых наших родителей в тот момент, когда они направлялись в Течу. Приходится сожалеть, что этот момент из жизни наших родителей остался тоже невыясненным» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 21-22.

²¹⁵ Там же: «Ещё с большим стыдом за своё прошлое приходится признаться, что мы многое не узнали и из прошлого наших родителей – об их детских и юношеских годах, о том, как формировались их характеры и пр. Удовлетворялись только настоящим, непосредственным общением с ними, а теперь, когда это бывшее тогда «настоящим», стало отдалённым «прошлым», когда обострилось сознание и чувство рода, в особенности вблизи неизбежного рокового будущего – перехода «*ad patres*» [по-латински к отцам – ред.] – появилось острое желание всё знать «*de parentibus*» [по-латински о родителях – ред.], а возможности ограничены, и в некоторых случаях можно делать только догадки, вместо позитивных знаний» // Там же. Л. 5-6.

²¹⁶ В «свердловской коллекции» воспоминания автора: «Теченское «житие».

называемого, обыска при совершении браков, а также за ведение метрических книг по своему приходу, в состав которых входили: а) списки о вступивших в брак, б) умерших, в) родившихся, г) списки, прошедших исповедь. За все эти списки платились гроши, а времени они отнимали много, потому что они пересылались в консисторию, которая требовала тщательного и аккуратного выполнения их. Как часто нам приходилось видеть за столом согбенную фигуру отца, целыми днями, с утра до вечера, переписывавшего «метрики».

[²¹⁷]

Как курьёз можно ещё в числе заработка отца отметить то, что ему предоставлялись уроки пения в нашей земской школе, тоже, конечно, за гроши. В чём состояли эти уроки? Он нас учил петь различные песни, например, на слова А. В. Кольцова.²¹⁸ Любимой песней была «Красным полымем заря вспыхнула». Окна школы весной приоткрывались, чтобы дальше по селу разносилась песня, певцы в поте лица старались вложить свою душу в любимую песню.

Самым унижительным способом оплаты труда были сборы, натуральная оплата. Псаломщикам предоставлялось право сбора по всему приходу. Были сборы: «петровское» в петровский пост (до Петрова дня – 29 июня) – собирались сметана, яйца; «осеннее» – собирались овощи, курицы, утки, шерсть; «зимнее» – собиралось зерно; «праздничные» – перед праздниками – «Рождества» или, так называемыми, часовенными праздниками. И вот мы наблюдали, как по какой-нибудь деревне, или по нашему селу медленно передвигалась телега с кадочками, корзинами, мешками, а зимой кашева, отец наш, напевая «Господи, помилуй», переходил от избы к избе с неизменной просьбой «поделиться»; иногда с ним «делились», а иногда следовал ответ: «нечем. Бог пошлёт», – как иногда отвечали нищим. Унижительно и обидно, но нужда заставляла терпеть и сносить.

Так и создавался образ дьячка, забитого и униженного.²¹⁹

2. Хозяйство родителей

а) Дом. В первое время после переезда в Течу собственного дома не было, а семья жила на квартире. Когда и при каких обстоятельствах был куплен дом, мне не известно, но я родился в 1887 г. уже в своём доме.

---

²¹⁷ Из очерка «Теченское «житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «Батюшка принимал участие в переписи населения в [1897 – ред.] году, а в премию получил жестяную чернильницу-непроливашку, которую сохранил на память о своей «общественной» работе» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 35-36.

²¹⁸ Кольцов Алексей Васильевич (1809-1842) – русский поэт.

²¹⁹ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 23 марта 1961 г.: «У отца, как я его помню, уже не было голоса. Он стал при произношении ектении заикаться и под старость мало выступа в качестве диакона. В своё время я много помогал ему за псаломщика» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 68.

Дом состоял из кухни, горницы, чулана и сеней. Уже в ту пору, когда ещё прирост семьи не прекратился, он явно был тесен для семьи. Горница разделялась на две половины ширмой, причём половина за ширмой была настолько узка, что там помещалась только родительская кровать. Впоследствии ширма была убрана и вся семья зимой спала на полу горницы, а летом молодёжь разбредалась на сон по телегам, коробам, стоящим навесом, а позднее уходила в «малуху», небольшую избу, сделанную из овина²²⁰.

Двор при доме разделялся на две части: в передней части были расположены: навес для телег и легких экипажей – «ходков», завозня – склад зимних экипажей, погреб, проход на заднюю половину двора, амбар, амбарушка, второй навес и вторая завозня для лошадей, а позднее на её месте поставлена была «малуха». С восточной и западной стороны прилегали небольшие садики с берёзами, акациями и черёмухой. В восточной стороне, в задней части двора расположены были по западной и восточной стороне навесы для сена, а между ними вглубь двора – конюшня, проход в огород, птичник, промежуточный навес и коровник.

Первоначально дом был покрыт тёсом, а все остальные постройки и баня в огороде покрыты были дерном. Вдоль всех построек заднего двора раньше была расположена глиняная стена, которую постепенно дожди размыли до основания. У дома к окнам были навешаны ставни и первоначально внизу дома были завалины. В таком виде наш домик предстал моим детским глазам.

Впоследствии и домик, и все постройки претерпели большие изменения: под дом был подведён кирпичный фундамент, над чуланом и сенями надстроены вышка и над домом и всеми строениями построены железные крыши²²¹. Западная сторона домика была отремонтирована: сменены гнилые брёвна, сделаны кирпичные столбы у ворот и перед домом посажены были сирени и раскинут цветник. Внутри домика были по стенам и потолку горницы наклеены обои и полностью сменена мебель: на смену старым громоздким стульям были поставлены «венские» гнуты и поставлен круглый стол – творение двух бродячих деревообделочников. В таком виде этот дом был продан сёстрами за 400 руб. в ... году.

б) Полеводство. Для церковного причта, как называли весь коллектив священнослужителей были отведены поля и покосы, каковые земли носили общее имя штат. Кроме того, отведены были участки под гумна. Отцу были отведены два поля: ближнее среди полей деревни Черепановой и дальнее – у деревни Пановой. Покосы были отведены у деревни «Кирды» и называлось это место «Соры». Я захватил в детстве ещё ту пору, когда отец занимался полеводством. Рабочих лошадей было четыре-пять, во дворе стояли телеги, а зимой дровни. Часть земли засеивалась, а часть шла под пар. Все работы

---

²²⁰ Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьюбой.

²²¹ «За исключением «малухи», над которой осталась черновая крыша». (Примеч. автора).

производились вручную и конской тягой. Уборка хлеба производилась силами поденщиков, а, также и заготовка сена. Тяжелая пора была для матери: ежедневно приходилось выпекать мешки калачей, готовить жбаны квасу и много различного варева на завтрак, обед и ужин. Зимой подолгу шёл обмолот. Хлеб в снопах сушился в овине и обмолачивался цепами, но уже начали появляться молотильные машины.

Много забот полеводство доставляло родителям, но у нас, детей, лучшие воспоминания связаны именно с полями, покосами. Поля были расположены в живописной местности: среди лесов, кустарников вишни, смородины, дикой черёмухи. На лужайках около полей был ковёр цветов, медуниц, пучек. Дальнее поле было расположено неподалёку от реки... Какое удовольствие было видеть лошадей на водопое, купать их. Не забыть возвращение с работ с песнями. Покосы были расположены у озёр, возле которых водились стаи журавлей. Незабываемая пора перевозки снопов с полей на гумно. Осенний солнечный прозрачный день! Сидишь на возу, медленнодвигающемся к гумну! Или сидишь на возу сена зимой под тёплым тулупом! Сколько удовольствия от поездки! При обмолоте самое большое удовольствие было сидеть у топки в «лазее» и выпекать в золе картошку. Однако отцу пришлось отказаться от посева хлеба: сломил ряд неудач. Много унёс с собой голодный год. Не забыть, как замерзала голодная скотина. Работники соседей Селивановых и наш только тем и занимались, что ходили взад и вперёд от них к нам и от нас к ним, поднимали лошадей и ставили их к стенкам. Не забыть, как летом всё пожирала саранча и как организована была группа школьников, которые собирали саранчу в полог и сжигали, и всё равно она всё пожирала. Большой урон хозяйство отца понесло, когда сворованы были лошади. Помнится, как в крещенский сочельник вдруг подскакал верхом к нашему дому человек в тулупе, зашёл в кухню и бросил листочки бумаги, на которых было написано: приезжай туда то, вези четверть водки и столько-то денег, и получишь лошадей. Это был вызов конских воров, но отец не поехал и скоро отказался от полеводства, а поля превратил в ренту, оставив за собой только покосы.

С этого времени в хозяйстве держались только две лошади, в полях остались только ягодники и участки для скашивания травы на телегу, чтобы скармливать её дома. В это время и овин за ненадобностью был перестроен на «малуху». Гумно стало применяться для загона лошадей на день в летнее время. Однако связи с полями мы не теряли, и самым большим удовольствием летом было съездить на поле, собрать ягоды и привезти пучки.

3. Воспитание детей

В семье всего деторождений было восемь, а в живых осталось семь человек. Девочка Катя умерла в детском возрасте. При бюджете, которым располагал сельский дьячок, вырастить и воспитать такую семью являлось

делом трудным.²²² В самом деле, не считая того, чтобы накормить и одеть семь человек детей, что означало ещё выучить их? Возьмём самые простые вычисления: чтобы выучить мальчика и поставить его, как говорится, на ноги требовалось учить его десять лет: четыре года в духовном училище и шесть лет – в семинарии (имеется ввиду законченное образование на должности священника). В семье было пять мальчиков, следовательно, расходы на их образование за весь период его должны составить пятьдесят годичных норм. Девочки учились в епархиальном училище по шести лет, то следовательно на их обучение нужно еще двенадцать годичных норм, а всего на мальчиков и девочек падает, следовательно, шестьдесят две годичные нормы. Если же прибавить к этому обучение в сельской школе, что составит двадцать одну годичную норму, а всего, следовательно, будет восемьдесят три год[ичных] нормы.

Если принять продолжительность периодов обучения детей²²³, в тридцать лет, то получится, что каждый год на бюджет семьи падало почти по три человека учащихся, т. е. каждый год обучалось по три человека в раз. Так получалось, что в первом потоке в раз учились Александр, Александра и Алексей; а во втором потоке – Василий, Николай и Юлия.

Что же помогало нашим родителям в этом случае? Во-первых, то[, что] часть детей училась при этом на казённом или полуказённом содержании, а во-вторых дети учились хорошо: за исключением брата Ивана, никто не оставался ни в одном классе на повторительный курс. Когда старший брат – Александр – сделался священником, то он помогал кое в чём отцу, но особенно можно сказать пожертвовала своей жизнью для семьи старшая сестра – Александра. Кое-что уже сами дети изыскивали на своё обучение уроками, пением.

Что говорить, конечно, жилось бедно, а родителям было очень тяжело. Что значило, например, сшить сапоги кому-либо из братьев. Одни и те же голенища к сапогам переходили от брата к брату. Также валенки, кое-что из

---

²²² Из очерка «Теченское «житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «Я появился на «свет божий», когда нашим родителям было уже под сорок лет, и в моей памяти они сохранились в таком виде, когда появились первые морщинки на лице и первые сединки в волосах. Ещё в детские годы я наблюдал их заботы не в виде каких-то скрытых глаз психических переживаниях, а в конкретных формах их проявления. Помню, я почему-либо проснулся раньше положенного мне времени и вижу: сидят они за утренним чаем в глубокой задумчивости и распределяют копейки на хозяйственные расходы. Потом матушка переходил в кухню, и она (кухня) наполняется её движениями и сопутствующими им звуками: слышно, как в печке начинают трещать дрова, как начинает свой разговор квашня под воздействием её рук при сбивании теста, как переговариваются горшки и кринки и пр. Одновременно готовится самовар для встающих от сна детей, и на столе появляются преженики или лепёшки из только что поднявшегося теста. Летом, когда нужно было кормить подёнщиков, матушка выпекала много калачей и одновременно готовила обед на семь-восемь персон. Относительный отдых наступал зимой, когда дети разъезжались по духовным учебным заведениям» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 26-27.

²²³ «т. е. того времени, которое падает на жизнь родителей». (Примеч. автора).

верхней одежды. Неудивительно, что сахар к чаю выдавался по кусочку; белая булочка давалась только в воскресенье и тому, кто ходил к обедне. Калоши покупались уже примерно в возрасте 16 лет. Для родителей первым стоял вопрос: как накормить, напоить, одеть. Воспитание уже начиналось, когда дети поступали в духовное училище, «на бурсу» и дальше в семинарию или в общежитие епархиального училища. И всё-таки из пяти братьев три закончили духовную академию, при чём один со степенью магистра богословия. Много значил пример старших: младшие старались в учёбе не отставать от старших. В семье были ровные, спокойные отношения между родителями и детьми. Только раз в жизни я был свидетелем того, как отец в суровом тоне разговаривал с братом Алексеем по поводу того, что он задумал оставить семинарию из-за того, что будто бы с ним несправедливо поступил преподаватель богословия Тихомиров.²²⁴

Как часто приходилось нам наблюдать родителей в ранние часы за чаем решающими тяжёлые вопросы материального обеспечения семьи, когда подсчитывались копейки. Всё было отдано для детей.²²⁵ Детство наше было, конечно, материально бедным, как сравнить его, например, с детством нынешних малышей: не полагалось нам ни туфельек, ни тапочек, ни чулочков, но оно было богато многими впечатлениями от окружающей природы, а главное [–] теплом семейного очага. Как не вспомнить, например, традиционные пельмени по понедельникам, когда вся семья садилась за их подготовку: кто делает сочни, кто защипывает пельмени, все у одного стола. Вот где подтверждалась правда поговорки: «один горюет, а семья воюет». А поездки всей семьёй за ягодами, за грибами, за ветками на веники, на уборку сена – сгребать и копнить! Нет, я не хотел бы другого детства!

[²²⁶]

---

²²⁴ Тихомиров Александр Иванович – сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии. С 1885 г. преподаватель Священного Писания в Пермской духовной семинарии, в 1893-1896 гг. преподаватель еврейского языка. В 1896-1902 гг. секретарь семинарского правления. Имел ордена: св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. Скончался 10 июня 1906 г. // «Пермские епархиальные ведомости». 1906. № 27 (21 сентября) (отдел неофициальный). С. 572-573.

²²⁵ Из очерка «Теченское «житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «Дома [отец] иногда шутил с сыновьями, когда в щях или жарком попадал лён, он объявлял: «кто перекусит его – женю». Заметивши, что у меня стал развиваться неплохой голос, он объявил: «Васька у меня будет артистом». Выражение «Васька» было употреблено скорее при похвале, а так в семье не принято было пользоваться такими названиями пренебрежительного типа. Оставивши занятия сельским хозяйством – посевами хлеба, батюшка как-то заскучал и решил заняться столярным делом: он сделал диван и тарантас» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 36-37.

²²⁶ Там же: «Летом 1915 г. мы с женой посетили Покчу, родину матушки. Мы долго плыли на пароходе (он шёл с остановками из-за недостатка топлива). В Чердынъ мы приплыли уже на лодке: река обмелела. Мы осмотрели чердынские древности, любовались окрестностями, в том числе камнем «Полюд». В Покче мы нашли домик, в котором прошли детские годы и девичество матушки, но всё бегло, и потом жалели, почему мы не

Отец умер в возрасте 67 лет²²⁷, а мать в 76 лет²²⁸ и похоронены они на нашей родине – в селе Русско-Теченском, Бродокалмакского района, Челябинской области. Мир праху их! И да будет земля им лёгкой!

26.VIII.[19]60.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 1-15 об.

разыскали кого-либо из старожилов, кто, возможно, помнил ещё нашу матушку в её девические годы» // Там же. Л. 38-39.

²²⁷ Из очерка «Теченское «житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «В 1916 г. он умер именно 25-го сентября, а виделись мы с ним последний раз летом 1914 г. Умер он 67 лет» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 39.

²²⁸ Там же: «Матушка умерла в 1926 г. Летом мы виделись с ней последний раз. Она была уже очень слаба, но в день нашего отъезда мобилизовала ещё все свои силы и при прощании сказала: «больше не увидимся», и полились горячие слёзы, которые я видел последними в нашем домике. Она умерла 76 лет» // Там же. Л. 39-40.

*Антонина Ивановна Тетюева**

В жизни иногда бывает так: начинаешь вспоминать о ком-либо из близких людей, и вдруг окажется, что воспоминания получаются разбросанными и случайными, а хотелось бы восстановить в памяти живой и полный образ этого человека; и тогда в душе возникает досада на себя: почему я в своё время не позаботился о том, чтобы собрать об этом человеке более полные сведения и обида за него: почему я был так невнимателен к нему. В таком именно положении оказался автор этой заметки, задавшись целью восстановить в памяти образ своей тётушки – Антонины Ивановны Тетюевой.

У нашей матушки были два брата и одна сестра, моложе её на десять лет. По обычаю тех лет, младшая сестра была крестницей старшей сестры и всегда любезно называла её крёстниной. Вот эта крестница нашей матушки и была нашей тётушкой Антониной Ивановной. Из всей нашей родни по линии отцовской и материнской никто другой не стоял так близко к нашей семье, как тётушка А. И.: она не один раз бывала в нашей Тече, довольно часто писала письма нашим родителям; через неё наша матушка получала сведения о жизни своих братьев.

Различные судьбы были у сестёр. Наша матушка после выхода замуж навсегда покинула родное Прикамье и родную Покчу около Чердыни. Всю свою жизнь она прожила в Зауралье, на границе с Сибирью, в совершенно других природных условиях, чем те, которые были у неё в детстве. Окружённая большой семьёй, она всю свою жизнь без остатка отдала семье. У автора этой заметки до сих пор сохранились в памяти картина обеденного застолья в нашей семье, которую можно назвать символизирующей жизнь нашей матушки. Семья за столом, в кухне, недалеко от кухонной печи. В головной стороне стола сидит отец, по трём сторонам – шесть человек детей и в уголке, ближнем к печке, на «притыке» сидит, вернее сказать – время от времени присаживается наша матушка. Здесь её боевое место. Чашка с супом или тарелка с кашей моментально пустеют, и наша матушка то и дело вновь и вновь наполняет их, лишь на минуту присаживаясь к столу для принятия пищи; в основном же она обедала после того, как все выходил[и] из-за стола. А длинные вечера? Которые она проводила за чинкой белья! И так вся жизнь! Всё для семьи!

Совсем иначе сложилась жизнь нашей тётушки Антонины Ивановны и самым главным отличием в её судьбе было то, что она на всю жизнь осталась одинокой и прожила всю свою жизнь в Перми, работая в больницах или частным образом, приватно, как тогда говорили, «сестрой милосердия». Почему именно так, а не иначе сложилась жизнь нашей тётушки; где она училась профессии «сестры милосердия» и вообще где и как она получила образование – это осталось автору сего не известным, и вот поэтому то он и сожалеет теперь о том, почему он в своё время не выяснил эти вопросы. Чего проще было тогда взять и расспросить об этой тётушке, но молодость

эгоистична: она живёт настоящим моментом, не вдаваясь в то, как получилось это настоящее.

Моё первое знакомство с тётушкой произошло ещё в детские годы в один из приездов её в нашу Течу. У тётушки был туберкулёз лёгких, пока что в скрытой форме и она периодически, через года два-три приезжала на кумысный курорт в Усть-Караболку, находившуюся верстах в сорока от Течи; а после курорта она приезжала к нам погостить на месяц. Первое впечатление моё от встречи с тётушкой было такое, что мне показался приезд её к нам появлением человека из какой-то другой страны: всё в ней было не то, к чему мы привыкли в деревне – одежда, причёска, манера держаться, даже отдельные предметы обихода – чемоданчик, сетка, ремешки, рюкзак – всё казалось не «нашим», не деревенским. Позднее я понял, что тогда я первый раз в жизни подметил различие между городом и деревней, и город, а также жизнь в нём мне впервые представились различными, противостоящими деревне. В дальнейшем я много раз слышал о тётушке от брата Алексея, который учился в Пермской семинарии и бывал у неё. И вот, наконец, и я перекочевал в Пермь для продолжения образования в семинарии и, таким образом, получил возможность встречаться с тётушкой. В это время, в возрасте 15-16 лет, я уже не был таким «дикарём», деревенским мальчишкой, как в детстве, и, как говорится, [привык] и к городу и городской жизни, и тётушка уже не казалась мне какой-то отгороженной от меня «феей». Она в это время уже не была на постоянной работе, а получала какую-то незначительную пенсию по болезни, вроде четырёх рублей в месяц, и только время от времени частым образом прирабатывала на жизнь. Жила она далеко от семинарии и я реденько отпраивлялся в «путешествие» к ней в свободные часы, т. е. между двумя и пятью часами дня. Сначала я шёл на Слудскую площадь, подходил к самому высокому спуску с неё в южную часть города, спускался по деревянной лестнице со многими ступеньками и дальше шёл до конца улицы, пересекая несколько поперечных улиц, и, наконец, поднимался на второй этаж деревянного дома по лестнице со двора. Здесь и обитала моя тётушка. Жила она в этом доме, очевидно, не на правах квартирантки, а скорее – на положении домовницы и занимала не комнату, а каморку, в которой на уплотнении стояли её кровать, прикрытая одеяльцем собственного её вязания, столик, и два стула, угловой столик, со швейной машиной на нём, на стенах одеяние, завешанное простынёй и на оконце какие-то цветы. Всё у неё было в порядке и в абсолютной чистоте. Тётушка встречала меня всегда приветливыми словами: «А! Васенька пришёл»... и начинала хлопотать об угощении. Потом начинались беседы. О чем мы с ней тогда беседовали, я теперь не помню. Вероятно, о том, что пишут из Течи. Других тем для беседы не могло быть: я не был знаком кроме неё ни с дядями, ни с тётями по маминой линии; для меня был чуждым врачебный мир, с которым она была связана по своей профессии, а семинария не могла для неё иметь никакого интереса. ~~Теперь я знаю, что ещё могла быть тема для нашего разговора, и не могу себе простить, почему я тогда не спросил у~~

~~ней о её жизни: как она училась, где, как она сделалась «сестрой милосердия», почему она осталась одинокой и т. д. Но молодость эгоистична: она живёт только настоящим. Я видел у тётушки иногда на столе книжку для чтения — почему я не заинтересовался, что она читает?~~²²⁹ Только однажды, не помню, по какому случаю зашла речь о ректоре семинарии Добронравове, и тётушка рассказала мне, как она ухаживала на дому за больной дочерью его Лией. У ректора было два сына и три дочери. Две дочери носили библейские имена — Рахиль и Лия. Последняя была его любимицей и умерла от скарлатины. «Как он убивался и плакал» - рассказывала о ректоре тётушка по поводу утраты этой дочери. Моё воображение, несмотря на все усилия, не в состоянии было представить нашего ректора — грозного великана — плачущим. Раненный могучий лев — так образно я мог представить ректора убитым его горем.

Мне приходилось иногда видеть тётушку в кругу её близких знакомых и друзей, вероятно, тоже медицинских сестёр. Она оживлялась и в эти моменты она казалась мне не одинокой, а окружённой семьёй. Подруги весело беседовали, смеялись, разговаривали о знакомых врачах, о больных, с которыми имели дело. Таким образом и я *volens-nolens*²³⁰ посвящался в разные медицинские новости города. Я радовался за тётушку, что вот она не одна и мне было приятно видеть её весёлой и жизнерадостной. Иногда у подруг в компании появлялась мысль сходить в оперу, и тут начинались разговоры о певцах-кумирах, о любимых операх, составлялись планы похода в театр. Да, тут именно затевался поход, коллективный, со всеми подробностями его организации вплоть до подготовки костюмов и т. д. Нигде в мире, вероятно, не было таких поклонников оперы, какие были в Перми. Нигде в мире, вероятно, не обожали так лирических теноров, как в Перми.

Я был однажды у тётушки, так сказать, на производстве — в Александровской больнице, где она временно заменяла одну заболевшую медицинскую сестру. Здесь всё было для меня новым и необычным: палата с больными, куда мне разрешили пройти, и тётушка в большой комнате мне показалась маленькой, время от времени снующей между рядами кроватей. И здесь, на «людях» она мне опять казалась не такой одинокой, как в той каморке, в которой я её чаще видел.

Во время русско-японской войны тётушка была сестрой милосердия на фронте. Она была в Харбине, Мукдене в госпиталях, которые находились вблизи высшего командования. Она встречалась с главнокомандующим генералом Линевицем²³¹, назначенным вместо Куропаткина.²³² Она ничего не

---

²²⁹ Текст зачёркнут автором.

²³⁰ *volens-nolens* — по-латински волей-неволей.

²³¹ Линевиц Николай Петрович (1839-1908) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Главнокомандующий сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии в 1905-1906 гг.

рассказывала об этой позорной войне. Почему? Может быть, потому, что воспоминания были неприятными, тяжелыми. Но почему я, зная о том, что она была на войне, ни разу не расспрашивал её об этом? Почему? Может быть, потому же, по чему и она не рассказывала об этом: стыдно было говорить о пережитом позоре. Что стоила только гибель адмирала Макарова²³³ и художника Верещагина!²³⁴

Тётушка была единственным посредником между нашей семьёй и своими братьями – Иваном и Василием. Больше всего забот ей доставляла судьба младшего брата – Василия Ивановича. Он был талантливый человек, музыкант, композитор, но семейная жизнь у него сложилась неудачно. Брат Алексей, когда учился в семинарии, бывал у него в Нердве и Полазне и был свидетелем неладов между ним и женой его Аллой Петровной. В результате дядя схватил туберкулёз, медленно таял и скончался, кажется, в Полазне. Тёмное дело семейные отношения, но тётушка винила во всём Аллу Петровну, даже и в том, что дядя под конец злоупотреблял вином. «Едва дождалась смерти мужа, как через окошко вылезла и ушла к своему любовнику» - так саркастически отозвалась тётушка об Алле Петровне по поводу смерти дяди (в роли возлюбленного имелся в виду учитель того села). Это был единственный случай из моих встреч с тётушкой, когда, как говорится, она «вышла из себя» и запальчива это сказала мне, юноше 18-19 лет, и притом спустя примерно полгода после смерти дяди. Для меня это было очень необычным, потому, что я привык слышать всегда спокойный и какой-то по особенному душевный голос тётушки. Только горе, большое горе и неизбежное, очевидно, вывело тётушку из состояния её равновесия и обычного такта. Вся глубину этого горя я увидел ещё дома, когда было получено печальное тётушкино письмо с извещением о смерти дяди, и когда наш домик огласился безудержными рыданиями матушки. Лет за пять или шесть до этого тётушка тоже извещала моих родителей о смерти старшего брата матушки – Ивана. Так, расставшись со своими братьями в юности, наша матушка с ними в жизни уже не встречалась, а получала только печальные извещения о их смерти, а посредником между сестрой и братьями была тётушка: она в своих письмах сообщала то или другое о жизни братьев.

---

²³² Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925) – русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, военный министр, главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами во время русско-японской войны. Командовал в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене, последовательно проиграв их все.

²³³ Макаров Степан Осипович (1849-1904) – русский военно-морской деятель, полярный исследователь, вице-адмирал. Командующий Тихоокеанской эскадрой, погиб во время русско-японской войны.

²³⁴ Верещагин Василий Васильевич (1842-1904) – русский живописец и литератор, один из наиболее известных художников-баталистов. Погиб вместе с вице-адмиралом С. О. Макаровым при взрыве на mine броненосца «Петропавловск» на внешнем рейде Порт-Артура.

Со смертью братьев на тётушку легли новые заботы о сиротах умерших. У дяди Ивана остался круглым сиротой приёмный мальчик, взятый при приюта – Борис, по некоторым признакам не «русского» происхождения. Он остался, не получив устойчивых навыков воспитания, не по летам развитый, балованный. Никто официально не был назначен его опекуном, но тётушка, как, вероятно, и всякая на её месте другая тётушка, в силу такого своего положения, считала себя опекуном Бориса, зная, что наша матушка переобременена своей семьёй. Борис же прежде всего бросил учение и рано, в возрасте 15-16 лет, занялся бродяжничеством: то он объявлял себя артистом какой-то кочующей труппы, то каким-то служащим и т. д. Некоторое время после смерти дяди до бродяжничества он летом приезжал к нам в деревню, жил у дяди Василия и на короткое время бывал у тётушки. Сделавшись «бродягой» и ведя беспутную жизнь, чем он даже рисовался, он, зная, что у тётушки остались кое-какие мелкие вещи из наследства дяди Ивана, приходил к тётушке и вымогал эти вещи, чтобы пропить их. Оставалась последней из выдаваемых ему вещей – икона с серебряной ризой, и он явился за тем, чтобы снять серебро и продать, а деньги пропить.

Несмотря на свою безграничную мягкость и доброту, тётушка прощала Бориса и он больше никому из нас не показывался на глаза. Ходили слухи о том, что, в конце концов, он сложил свою голову во время первой империалистической войны на одном из фронтов её.

У дяди Василия осталась дочь – Милица. Мать её, Алла Петровна, вышедши замуж за учителя, можно сказать, бросила девочку на попечение тётушки, которая устроила её, как сироту, учиться на казённый счёт в епархиальном училище, а на летние каникулы Милица ездила к нам в Течу. После смерти тётушки в судьбе Милицы принял участие наш дедушка – протоиерей Иван Алексеевич Никитин, а дальнейшая судьба её осталась не известной.

Так, нашу тётушку Антонину Ивановну тоже не «миновала чаша» забот и хлопот, которые, очевидно, природой определены всем тётушкам и входят в самое название «тётушки», в самое понятие о ней.

«Снег на голову».

В 1905 г. нашу семью постигли два несчастья: пала корова от бешенства и пала лошадь. В виду того, что семья пользовалась молоком от бешеной коровы, наш земский врач – Меньшиков Алексей Семёнович – всех нас в количестве восьми человек направил в Пермь на прививки от бешенства, выхлопотав на это пособие. И вот вся эта наша орава, как «снег на голову» обрушилась на голову тётушки. Были и радость и хлопоты. Тётушка нашла для нас какую-то избушку у одной из своих знакомых, где мы могли только в повалку спать на полу. Двадцать дней мы принимали уколы. Было много воспоминаний у наших родителей: ведь начало служебной деятельности у отца было в Перми. Были встречи с Досмановым, дедушкой Никитиным. Сколько забот и хлопот было у тётушки. Отец наш был тогда в Перми в последний раз, а матушка приезжала ко мне в

семинарию в бытность мою помощником инспектора со старшей сестрой и племянницей, но тётушки уже не было в живых.

Смерть тётушки.

Я учился в Казанской духовной академии и получил письмо от брата Николая из Перми с печальным извещением о смерти тётушки. В письме была приписка о том, что она умирала тяжело, а именно: по словам присутствующих при этом сиделок больницы, она кричала: «Не хочу умирать!» Это было в 1910 г.

Прошло уже полвека, а образ тётушки Антонины Ивановны стоит перед моим умственным взглядом. Вот сижу я в её каморке и пью чай с неизменным вареньем из рябины. Никогда бы я да, вероятно, и никто другой не подумал бы, что может быть варенье из рябины – сочетание горечи и сладости, а вот у тётушки я пил чай именно с таким вареньем, пил с наслаждением, и это варенье навсегда у меня ассоциируется с тётушкой. Так бывает в жизни, что какая-либо деталь так запоминается навсегда в связи с личностью кого-либо. В нашем семейном альбоме хранились две карточки с тётушки: от её молодых лет и в пору, когда болезни наложили на её облик свои неизбежные черты, особенно, когда на лице у неё на одной щеке появилось пятно величиной с пятак – экзема. Припоминая вид тётушки на первой карточке – вид цветущей девушки²³⁵ – и видя её одинокой в её каморке, я часто думал, почему она осталась одинокой. Спросить постеснялся, а теперь жалею, потому что чувствую, что мне чего-то недостаёт для восстановления полного образа тётушки, а все мои отдельные моменты воспоминаний о ней не имеют внутреннего единства.

Сравнивая столь различные судьбы сестёр: моих матушки и тётушки – а также и из наблюдений над другими случаями в жизни, я прихожу иногда к мысли о том, что в области нравственного мира, а именно того, что касается судьбы людей тоже, может быть, есть какой-то закон, вроде закона средних температур, или среднего выпадения атмосферных осадков, по которому если в одном месяце, скажем, выпало больше, чем следовало осадков, то в другом выпадет меньше и наоборот, т. е. я хочу сказать, что в судьбе двух сестёр многодетность одной из них уравновешивалась одиночеством другой. Но чувствую, что я забираюсь здесь в области метафизики.

2/ХІІ – [19]60 г. 9 ч[асов] вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 55-64 об.

*В составе «Семейной хроники Игнатьевых в «пермской коллекции» воспоминаний автора; авторский заголовок очерка: «Тётушка Антонина Ивановна».

---

²³⁵ Из очерка «Тётушка Антонина Ивановна» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «У нас была карточка с неё ещё в цветущую пору её жизни. Снимок был отпечатан на бумаге с розовой окраской, и тётушка изображена на нём во всей своей красоте: в нарядных одеяниях, с модной причёской и веером, устремлённым куда-то вдаль. Такой и сохранилась она в моей памяти» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 46.

*Александр Алексеевич Игнатъев**

Расстояние между нами было по возрасту в четырнадцать лет.²³⁶ Я запомнил его с того времени, когда он по окончании Пермской дух[овной] семинарии в течение двух лет работал сельским учителем в Колединских Песках.²³⁷ Он приезжал домой только на каникулы и в моём представлении уже не был членом нашей семьи из тех, которые всё время были при нас, в нашем домике, а являлся уже оторвавшимся для самостоятельной жизни. Помню, он привозил мне разные подарки: детские книжки с картинками или одни картинки.²³⁸ Сам он любил рисовать и выпиливать что-либо лобзиком. Поэтому он мне казался художником, «искусником». Странно то, что я не столько заметил тогда его внешний вид: черты лица, рост, манеры, сколько его одежду. Особенно мне запомнилась его визитка, серая, как мне показалось тогда, очень красивая и дорогая. Позднее я узнал, что его отношения ко мне – особенное внимание – основано было на том, что он был моим крёстным отцом, а этому в те времена придавалось большое значение.

Он учился, очевидно, в Далматовском дух[овном] училище, но никогда не вспоминал ни о своём учении в нём, ни об учении в Пермской дух[овной] семинарии.²³⁹ У него была карточка с его однокурсников-выпускников, на которой красовались ректор Добронравов, преподаватель философии А. Н. Юрьев и совсем ещё молодой преподаватель математики В. А. Кандауров, а из учащихся – Павел Пономарёв, впоследствии профессор Казанской академии, и А. И. Дергачёв. Он больше вспоминал о Капе и при встрече со мной, когда я учился в Перми, всегда спрашивал: «Ну, как Капа?» - и начинал восторгаться её величавостью. Учился он в семинарии хорошо и кончил её по первому разряду – «студентом».²⁴⁰

Я запомнил его хорошо в то последнее лето жизни его в нашей семье, когда он был женихом.²⁴¹

---

²³⁶ Александр Алексеевич Игнатъев родился в г. Перми 20 ноября 1872 г. и был крещён 21 ноября 1872 г. в Александро-Невской больничной церкви г. Перми. Восприемниками при крещении были диакон Пётр Иоаннов Игнатъев и священника Иоанна Пономарева дочь Елисавета. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 316. Л. 457 об.-458).

²³⁷ Село в Шадринском уезде Пермской губернии, в настоящее время – Далматовский район Курганской области.

²³⁸ Из очерка «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... например, он однажды привёз ему книжку с картинками, а на лицевой обложке её был нарисован пышный подсолнух в полном цвету» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 17 об.-18.

²³⁹ Игнатъев Александр Алексеевич окончил Далматовское духовное училище по 2-му разряду в 1887 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1893 г.

²⁴⁰ Из очерка «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «О детских и юношеских годах этого брата никогда и никто ничего не говорил и Петя ничего не знал, как будто их не было» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 18.

²⁴¹ Там же: «Петя запомнил даже отдельные детали этого события. Так, он помнил, как семья Иконниковых, в том числе и Петя отправилась к Бирюковым с предложением

Перед свадьбой он заболел. Я помню, он лежал в коробу в нашей завозне и томился в ожидании свадьбы. Мне пришлось тогда быть посредником между ним и его невестой – Марией Владимировной Бирюковой, но инициатива по использованию меня в этом направлении всегда исходила от невесты.²⁴²

[²⁴³]

Марии Владимировне, точнее сказать – о[тцу] Владимиру, потому что было ясно, что всё это зависит только от него. Почему вся семья ходила поэтому делу для Пети осталось загадкой; может быть, для важности. Петя запомнил, как во время разговора о предложении о[тец] Владимира вызвал Марию Владимировну и со свойственной ему манерой говорить строго сказал: «Машка, тебе делает предложение Александр Алексеевич, пойдя в эту комнату (он указал), подумай и дай ответ. Она подумала и сказала: «Папочка, я согласна». Дальше Петя запомнил, что наречённые жених и невеста стояли рядом, читали какие-то молитвы, и было объявлено о свадьбе» // Там же. Л. 18-18 об.

²⁴² Там же: «Предполагалось, что свадьба должна вот-вот совершиться, но дело затянулось на целый месяц, потому что жених заболел: у него был какой-то нарыв. В действительности получилось так, что гуляние свадебное растянулось на месяц: Бирюков выдавал замуж старшую дочь и никто не жалел на это торжество. Пока жених выздоравливал, гости в доме Бирюковых по существу не переводились. К невесте на свадьбу приехала подруга из Екатеринбурга, дочь известного в наших краях иконописца Звездина, так и она так и жила целый месяц до свадьбы. Молодежь – братья и сёстры жениха и невесты и их друзья – гуляли во всю. Можно сказать, что свадьба продолжалась целый месяц. Невеста избрала Петю своим посредником между ней и женихом, ловила его и спрашивала что-либо о женихе, а чтобы задобрить его, целовала его, чем он, по правде сказать, тяготился» // Там же. Л. 18 об.-19 об.

Звездин Василий Иванович (1836-1920-е) – русский художник-иконописец.

²⁴³ Из очерка «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Весть о том, что Бирюков выдает дочь замуж за диаконского сына, на селе была воспринята простыми людьми, т. е. крестьянами, как мезальянс: выдача замуж богатой невесты за бедняка. Если рассуждать по-житейски, по бытовому образу жизни жениха и невесты до их замужества, по существу, это так и было: сословие было одно – духовное, но положение материальное внутри его различное – у одной и той же кассы у одного три доли, у другого – одна. Грубое сравнение их быта: в одной семье за обедом у каждого отдельный столовый прибор, в другой – на столе одна миска, из которой ложки непосредственно направляют содержимое по различным ртам. Кроме того, основы семейного уклада и внутрисемейные отношения были различными, в некоторых отношениях до противоположности. Поскольку жених, принимая сан священника, выходил в материальном отношении на уровень привычного для невесты быта, по крайней мере в потенциальном отношении, то считалось, что с этой стороны всё благополучно; что же касается некоторых специальных особенностей в прежнем укладе и семейных привычках жениха и невесты, то считалось, что время выровняет их, так сказать, нивелирует. Отсюда было общее мнение, что сочетание получилось не плохое, и можно ждать спокойной и обеспеченной жизни у молодых.

Свадьба, наконец, была сыграна пышно: с шаферами, подарками и пр. Когда установились интимные отношения между женихом и невестой: незадолго до свадьбы, или ещё с детских – остались их тайной. Может быть, жених потому и был два года учителем, что ждал невесту, когда она закончит епархиальное училище и выйдет в брачный возраст: она

вышла замуж через год по окончании епархиального училища» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 19 об.-20 об.

²⁴⁴ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Говоря о свадьбе старшего брата, нельзя не вспомнить о двух наших подвижниках тех лет. Сентиментально в духе Стерна, родоначальника, как нам говорили, сентиментализма, но зато справедливо. Речь идет о Бурке и Воронке. Милые наши лошадки! Досталось им с этой свадьбой: не выходили они из хомутов. Как сейчас вижу их: Бурко в корню, а Воронко в пристяжках. Вот бегут они трусцой: Бурко, опустив голову, а Воронко ещё гоглится.

По подсчетам за лето они вогнали тысячу вёрст. Как погиб Бурко – не известно, а Воронко сгиб от сапа» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 20 об.-21.

Стерн Лоренс (1713-1768) – английский писатель XVIII века, священник.

²⁴⁵ Там же: «В скором времени после свадьбы молодые уехали в Екатеринбург, где жених должен был рукополагаться во священники. Здесь они снялись до рукоположения или у Метенкова или у Москвина. Фотограф снимок отпечатал в розовых тонах со цветами. И сняты они здесь счастливые, молодые. Как всё-таки хороша молодость, как утро ясного дня! Назначение было дано в Сугояк, в шести верстах от Течи. Любопытно, что до этого времени ничего не было слышно о Сугояке.

О[тец] Владимир сделал всё для устройства молодых до последней поварёшки. В Сугояке в доме священника были комнаты: просторная кухня с сенями, столовая, спальня, зал, кабинет, прихожая с парадного входа, веранда. Все комнаты были меблированы полными гарнитурами венской мебели, столов, разных занавесок, дорожек, тюля; в спальне – кровать и др. принадлежности. Полные сервизы – столовой и чайной посуды. Лошадь с седлом. Сундуки с одеждой. Всё! Это было дело рук тестя. Даже прислугу на первых порах им нашли: из Баклановой – стряпку Агафью, из Кирдов – работника Проню.

Настал день поздравления с новосельем, и вот родителей наших бурко и воронко повезли с хлебом и солью в Сугояк, а потом туда наехали семьи жениха и невесты. Любопытно, как реагировало население Сугояка на появление такого количества новых людей. Мужская молодежь в то время одевалась преимущественно на русский народный манер: красная рубаха, плисовые шаровары, пояс с кистями, сапоги. И вот, когда в таком виде нагрязнуло несколько таким образом одетых молодых людей, то среди населения пошёл слух о том, что приехали «крашельшики» красить церковь.

С этого момента, примерно, на двадцать лет Сугояк включился в состав теченской «поповки».

Как определить отношения между новой родней? Между детьми была дружба, но дети Иконниковых не солидировались никогда с Бирюковыми в том, что была в них специфически бирюковское, что определялось словом «бирючата». Дети Бирюковых не называли Петю иначе, как Петенька. Когда Петя поступил учиться в Камышловское дух[овное] училище, Андрюша Бирюков сразу показал кулак с предупреждением, что если кто хоть пальцем заденет Петю, то... Детям, особенно девочкам, было неприятно, что их отец был груб с другими детьми. Так, когда Петя однажды присутствовал случайно за обедом у Бирюковых и отец начал по своему обычаю «хвалить» его: «мать, наложи ему каши»... дети, видимо, с опасением уговаривали: «папочка, не надо!» Уговаривала и матушка: «Володенька, не надо», но самодур у неё был во власти своей стихии. Когда в 1914 г. объявлена была война, он всё-таки не удержался и сболтнул в семье: «Идёмте бить»... имелась в виду жена А. Ф. Иконникова немецкого происхождения. Это была, конечно, шутка, но грубая, самодурская. Когда его дома не было, дети звали к себе: «идём к нам – папы нет дома». Когда ходили по большим праздникам с крестом, он имел

Я помню его совсем молодым попиком: в подряснике, а в домашних условиях иногда без него – в ситцевой рубашке, подтянутой пояском и плисовых шароварах. Мне казалось, что он не давал своим волосам вдоволь расти в длину, и подстригал их, чего не полагалось.

Он всегда чем-либо увлекался, но только не своей службой. Наоборот, мне казалось, что его увлечения всегда сводились к тому, чтобы, как говорится, забыться от своей службы. Он выписывал много газет и различные ценные книги, например, Брэма. Он купил фотоаппарат и увлекался фотографированием. В Сугояке²⁴⁶, где он священствовал, прихожане узнали об этом, и во время первой империалистической войны солдатки постоянно приходили к нему с просьбой сфотографировать их и послать карточку мужу на фронт. У него хранились горы негативов, которые во время революции затерялись, вернее всего – были разбиты.

Он выписывал домашнюю аптечку, и к нему приходили то с «больным брюхом», что было чаще летом, то с головной болью – с «жаром», и он давал то висмут, то аспирин и пр. Впрочем, чаще он направлял больных к врачу.

В первые годы жизни в Сугояке он завёл хозяйство: рабочих лошадей, сельско-хозяйственный инвентарь, но не увлёкся этим и поддерживал больше это предприятие по инерции и под влиянием супруги Марии Владимировны, унаследовавшей это увлечение сельским хозяйством от своего батюшки. У ней, у его супруги, сильнее была развита «хозяйственная жилка» и даже склонность к стяжательству, опять-таки как у её батюшки. Брат, например, тяготился так называемыми «сборами» по приходу: сам не ездил и супругу отговаривал, но она не соглашалась «попускаться своему» и всё выводила в

обыкновение подсчитывать свои суммы в доме диакона (последний пункт) и давались детям деньги на пряники. Зятя он звал Александром Алексеевичем и по отношению к нему был всегда корректен. По отношению к нашему отцу он был деликатен, но общался на ты и называл диаконом. Исключительно предупредительным был в отношении к нашей матери. Как относился к нему наш отец? Они вместе работали всю жизнь, и он привык к его самодурству, хотя оно явно претило его взглядам. И такова сила привычки: смерть протоиерея (он умер раньше отца на год с небольшим) так подействовала на него, что он растерялся и потерял душевное равновесие: у него началось легкое умопомешательство. Началось с того, что он стал жаловаться по поводу смерти протоиерея: «Вот, что наделал, вот, что наделал». Протоиерей ещё не умер, а он сказал трапезникам, чтобы они звонили с извещением о смерти. Сам стал распродавать разные вещи, готовясь к смерти» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 21-23 об.

Протоиерей Владимир Александрович Бирюков умер 25 мая 1916 г. («Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1916. № 26 (26 июня) (отдел официальный). С. 175), а заштатный диакон Алексей Иоаннович Игнатьев – 25 сентября 1916 г. («Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1916. № 45 (06 ноября) (отдел официальный). С. 326), т. е. с разницей в 4 месяца.

²⁴⁶ Село в Шадринском уезде Пермской губернии, в настоящее время – Красноармейский район Челябинской области. Пророко-Ильинская церковь с. Сугояк, каменная, построена в 1862-1868 гг. Приход открыт в 1873 г. Тёплый храм во имя святых Афанасия и Кирилла, Архиепископом Александрийских, освящён в 1873 г., летний храм во имя святого Пророка Божия Илии освящён в 1881 г.

«ажур».²⁴⁷ Но он увлекался разведением новых видов овощей, а особенно цветами. Так, в огороде они разводили морковь-коротель, корляби²⁴⁸, репчатый лук, цветную капусту, тыквы и пр. В саду у них были различные цветы: настурции, флоксы, резеда, различные сорта георгинов, портулак, розы и пр. Он выписывал из Голландии корни гиацинтов. Он выписывал каталог цветов.²⁴⁹

В Сугояке вся семья Игнатьевых увлекалась пением. Он не пел в хоре в отличие от своих братьев ни в детском, ни в юношеском возрасте, но как все уроженцы Течи, любил пение. Он, как и братья, переписывал свои любимые произведения. Мария Владимировна преподавала в школе пение и руководила церковным хором, а он был её помощником. У них была фисгармония, и он самоучком научился играть. На спевках хора, которые производились в их доме, он подыгрывал на фисгармонии и подпевал необработанным баском. Он выписывал ноты. Среди них были и оперы, которыми он увлекался в бытность учеником семинарии, но особенно много было церковных сборников: партитуры и по голосам. Это увлечение пением потом передалось и его старшему сыну Сергею.

Родство с теченским протоиереем Владимиром Бирюковым сказалось на том, что он в некотором отношении стал подражать своему тестю в обращении со своими прихожанами. Наш батюшка был очень недоволен этим и не раз ворчал про себя: «стал подражать тестю». При всём уважении к свату, он не мирился с его грубостью, а именно эту черту характера тестя и стал усваивать Александр. Он однажды позволил себе сделать одно грубое замечание даже в адрес батюшки, и на этой почве произошла у батюшки размолвка со своим первенцем. Я был свидетелем того, как наш батюшка «переживал» это, но дело обошлось примирением: Александр «покаялся» в своём «грехе», и всё утихомирилось.

Приходилось мне иногда наблюдать и размолвки у него с Марией Владимировной, но они были мимолётными, в общем же редко приходилось наблюдать у супругов такую свежесть чувств любви, какая была у Александра и Марии Владимировны.

---

²⁴⁷ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Было очевидно, что его брата тяготила натуральная форма оплаты труда, так называемые сборы. В детские и юношеские годы он в достаточной степени насмотрелся на это в жизни отца и у него осталось органическое отвращение к сборам, которое ни при каких условиях он не мог преодолеть и ни разу в жизни не делал сборов, несмотря на убеждения своей жены» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 24 об.-25.

²⁴⁸ Так в тексте. Правильно: морковь-каротель, кольраби.

²⁴⁹ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... но крупное полеводство – посева пшеницы, овса и т. п. его меньше интересовали и в этом деле он был на поводу у работника Егора, человека явно нерадивого, а поэтому от этого хозяйства не выходило никакого толку» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 25.

Он любил поспорить на философские и богословские темы, и, когда я учился в семинарии, часто вызывал меня на диспуты, свидетелем которых была Мария Владимировна. У неё, поэтому, сложилось обо мне мнение, как об упрямом спорщике, что она однажды и высказала мне. Александр явно провоцировал меня на споры, подзадоривал на это, и ему, очевидно, доставляло удовольствие видеть меня возбуждённым спорщиком. Позднее я понял, что для него наши диспуты были не просто увлечением «словопрением» на образец софистических споров, а он искал в них проверку и подтверждение своим взглядам. Я понял, что он по природе склонен к скептицизму, и чувствовал, что, приняв священный сан, он, образно выражаясь, «попал не в свою тарелку», в конечном счёте – он не верил в то, что служило предметом его «службы», в лучшем случае сомневался в пользе служения священником. Было видно, что он тяготился своей профессией.²⁵⁰ Особенно он тяготился выполнением так называемых «треб». Он иногда, в порыве своих размышлений и сомнений, становился «провидцем», и его воображение рисовало ему картину будущего в полном противоречии с его настоящим. Так, как мне рассказывала одна из его дочерей, когда он производил расширение площади церковного строения, то обмолвился, что, может быть это пригодится, когда церковь превратят в клуб или что-либо подобное. Жизнь не раз ставила его в положение Василия Фивейского, персонажа известного рассказа Леонида Андреева.²⁵¹

Шести лет умер мальчик Борис, а особенно он глубоко переживал смерть любимой дочери – двенадцатилетней девочки Нины.²⁵² Это были

---

²⁵⁰ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Пете Иконникову, когда он вырос и «вошёл в разум», всегда казалось, что брат его старший пошёл не по своей линии, приняв священный сан. Ему казалось, что в складе ума его брата больше рационализма и скептицизма, чем это можно было бы допустить или совсем не допустить в деятельности человека, носящего священный сан. Когда Петя был в возрасте 20-ти лет и когда формировались его убеждения, между ним и братом происходили часто дискуссии по разным вопросам, большей частью, однако, не выходящими за сферу тех вопросов, которые были предметом школьного учения в семинарии. Дискуссии были горячие, однако, они были скорее схоластическими, чем жизненно-практическими, но и по ним можно было судить, что у брата где-то во глубине души сидит червячок философии Ивана Карамазова, который не даёт ему покоя. Ставя же или иные вопросы, он хотел бы, чтобы его разубедили кое в чём, что шло от Ивана Карамазова, но он этого не находил. Когда он организовал ремонт церкви, а именно – расширил её переднюю часть, придав ей форму зала, то сделал замечание, что, может быть, в будущем эта часть церкви и будет использована, как зал. Теперь это можно было бы посчитать из предвидение, но тогда это было ничем иным, как проявлением скептицизма. Петя считал, что если бы у его старшего брата в своё время были средства на продолжение образования в высшей школе, то он, вероятно, не пошёл бы во священники, а был или врачом, или педагогом» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 23 об.-24 об.

²⁵¹ Андреев Леонид Николаевич (1871-1919) – русский писатель.

²⁵² В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... которая училась в Шадринске в женской гимназии и умерла от воспаления мозга». Ему пришлось приехать в Шадринск уже на похороны.

острые моменты проверки его веры в Бога, а чем они заканчивались – это осталось его тайной. Одна из его дочерей говорила, что он утверждал существование Бога: будто бы говорил: «Бог есть», а старший сын его на мой вопрос: «верил ли его отец в Бога – отвечал: «и верил, и не верил», т. е. пребывал в плену ползучего скептицизма. Одно ясно: он, как и многие другие юноши того времени, пошёл не по той линии, которая соответствовала бы его характеру, и причиной этого была та бедность социального происхождения, бедность среды, из которой он вышел, и вдобавок отсутствие инициативы, которую не воспитала в нём школа, которую он прошёл. Он выполнил, однако, свой долг перед семьёй, как и старшая сестра: помогал родителям выучить других братьев и сестру.

[²⁵³]

Ему было около сорока пяти лет, когда он поступил в Казанскую дух[овную] академию.²⁵⁴ Год проучился, но всё изменила Октябрьская соц[иалистическая] революция. Роковым шагом было для него поступление в священники в Каменский завод, нынешний Каменск-Уральский. Здесь он

Люди, видевшие его в этот момент, передавали, что мучения его по поводу смерти дочери граничили с безумием. До этого случая были ещё два смертельных исхода болезней: мальчика в возрасте 5 лет, умершего от осложнения после скарлатины (воспаление почек) и девочки в детском возрасте от скарлатины или дифтерита» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 25 об.

²⁵³ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В Течу они приезжали часто, причём заезжали по очереди то к Бирюковым, то Иконниковым. По заведённым обычаям в этих случаях бывали «возлияния», иногда значительные. В именины 15/VII в гостях у тестя обычно были три дня. Один раз между братом и нашим батюшкой произошла размолвка. Как рассказывал отец, он не снёс обидного замечания старшего сына по поводу его одеяния на благочинническом съезде, а именно: у отца была сверх зимней одежды надета красная опояска (пушак), а сын сказал ему, что он оделся, как купец. Судя по тому, что батюшка рассказал об этом в присутствии детей, было видно, что он был сильно обижен. Брат, однако, признался в своём «грехе», извинился, и всё пошло по-хорошему. Батюшка также высказывал недовольство братом, когда он заметил у него признаки заимствованного у тестя хамоватого отношения к прихожанам, чего он сам органически не выносил. Отношения старшего брата к отцу закончились тем, что ему именно пришлось читать отходную молитву в момент кончины батюшки» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 26-26 об.

²⁵⁴ Там же: «В 1916 г. старший брат в возрасте 41 г[ода] поступил учиться в Казанскую дух[овную] академию, а Мария Владимировна поступила в Баклановскую школу учительницей. Этот шаг нельзя иначе назвать, как геройским. Старший сын брата Сергей в это время поступил на медицинский факультет Казанского университета, а младший брат наш Николай заканчивал Казанскую дух[овную] академию. Получилось интересное сочетание студентов: в академии – старший и младший братья, в университете – старший сын старшего брата. Здесь же брат встретился со своим соучеником по семинарии – профессором Павлом Петровичем Пономарёвым» // Там же. Л. 26 об.-27.

погиб вместе с прочими служителями религиозного культа.²⁵⁵ *Sic transit gloria mundi!*²⁵⁶

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 47-61.

*В составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «свердловской коллекции воспоминаний автора; авторский заголовок очерка: «Старший». В составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» очерк «Старший» автор ведёт от лица «Пети Иконникова» и уделяет больше внимания событиям вокруг свадьбы старшего брата Александра и отношениям с новой роднёй.

---

²⁵⁵ В очерке «Старший» в составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Уже в дореволюционное время мы избегали въезжать в завод в вечернее время, потому что посёлок был в котловине и при спуске с крутой горы через глубокий овраг можно было встретиться с хулиганами из посёлка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 17-27 об.

Игнатьев Александр Алексеевич (1872-1920) – сын диакона Шадринского уезда. Окончил Далматовское духовное училище по 2-му разряду в 1887 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1893 г. Определён учителем и законоучителем в Ново-Песковскую земскую школу Шадринского уезда. Посвящён в сан священника 13 августа 1895 г. и определён к Пророко-Ильинской церкви села Сугояжского Шадринского уезда. За безупречную службу награждён набедренником, скуфьей в 1904 г., камилавкой в 1911 г. 22 февраля 1916 г. переведён к Николаевской церкви села Сладчанского Шадринского уезда. 21 июля 1916 г. уволен за штат в связи с поступлением в Казанскую духовную академию. В виду прекращения занятий в академии, в апреле 1918 г. временно командирован к Афанасие-Кирилловской церкви села Ячменевского Шадринского уезда. 18 сентября (н. с.) 1918 г. определён к Свято-Троицкому собору Каменского завода Камышловского уезда. С начала июля 1919 г. эвакуировался в связи с отступлением Сибирской армии. В 1920 г. вернулся в Каменский завод, где был застрелен в ночь ареста 28 июня 1920 г. без суда и следствия. См. ст. Сухарев Ю. М. «Священник Каменского Троицкого собора Александр Игнатьев (1872-1920)». (21.04.2018 г.). // Доклад на 6-й региональной научно-практической конференции Уральского историко-родословного общества «История. События. Судьбы» в г. Каменск-Уральский, 21 апреля 2018 г. <http://sukharev-y.ru/>

²⁵⁶ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

*Мария Владимировна**

Она была старшей дочерью теченского протоиерея Владимира Александровича Бирюкова и женой старшего брата Пети Иконникова – Александра Алексеевича. В семье она была третьим по счёту ребенком, а после неё было ещё восемь человек детей, из которых один брат рано умер. Если распределять детей по поколениям, то её нужно отнести к старшему поколению.

В детстве она, как и все дети семьи, пронесла суровую школу, лучше сказать – систему воспитания своего батюшки. Эта система была строгой, но только внешне строгой, и в этом был её коренной недостаток. Она, эта система не вела к внутренней организации характера детей, а только к показной стороне: на глазах – одно, а за глазами – другое. По существу, эта система вырабатывала у детей только лицемерие. Строгость и требовательность отца, не мотивированные какими-либо внутренними соображениями, а часто соединявшиеся с грубостью, только озлобляли детей и толкали их в объятия распущенности за границей непосредственной отцовской опеки. Эта система на примере уже двух первых сыновей потерпела крах: они оказались неудачниками в учении. Мария Владимировна, находясь за чертой отеческой опеки, т. е. уже замужем, однажды отомстила отцу за эту систему, сказав ему: «Вот, папочка, сколько Вы не следили за ними, а мы с Сашей, будучи женихом и невестой, всё-таки целовались». Папочка проглотил пилюлю. В дальнейшем эта система ещё больше дала брешь: мать, будучи слабой по характеру и не будучи в силах преодолеть грубость мужа в отношениях с детьми, стала на путь скрывания их проступков от отца, т. е. по существу попустительствовать им в их неблагоприятных поступках. Вместо того, чтобы взыскать с них за проступки и наказать их, она старалась всячески их выгородить, оправдать, только бы не узнал отец. Ясно, к чему могла привести эта система воспитания: к безответственности детей.

Мария Владимировна лицом походила больше на отца. Она обладала очень хорошим голосом, с исключительно приятным тембром. Если бы этому голосу придать школу, так сказать, оправу, она бы могла очень далеко продвинуться, тем более, что она очень любила пение. Любовь к пению сопровождала её всю жизнь и в значительной степени определила содержание её жизни.²⁵⁷ Началось с того, что будучи замужем за священником, она стала преподавать пение в сельской школе из любви к этому делу. В доме появилась фисгармония, появилось много нот, она составила детский хор из школьников и стала разучивать с ними песни. Когда старший сын их, Сергей, подрос и поступил в Камышловское дух[овное] училище, он стал учиться игре на фортепиано у Михаила

---

²⁵⁷ Бирюкова Мария Владимировна окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1894 г.

Михайловича Щеглова и сделался присяжным аккомпаниатором для этого хора. Немного самоуком стал подыгрывать и Александр Алексеевич. Детский хор регулярно собирался на спевки, и исполнялись песни на два голоса, например, свадебная: «В чистом поле за рекой светит месяц золотой» и др. В конце концов, она добилась неплохого звучания хора.

На Рождестве она устраивала для школьников ёлки, на которых выступал хор и декламаторы. Однажды за одним декламатором не доглядели и он очень странно стал декламировать «Бесы» А. С. Пушкина. Вдруг слышали, он читает: «Коням, барин, тяжело... мочи» и ещё подобные этому несурезицы. Что такое? Посмотрели в книжку, оказалось, что в ней некоторые слова в строчку не уходили, сносили в другую строку, разделяя один порядок слов от другою чертой, он же, не обращая внимания на разделяющую черту заучивал строчки, хотя получалась и бессмыслица.²⁵⁸ Устройство ёлок и вечеров для школьников было большой заслугой Марии Владимировны.

Затем она переключила этот детский хор на церковный, что было её давнишней мечтой. В это время в Сугояк был назначен новый псаломщик Иван Николаевич Калашников²⁵⁹, жена которого – Мария Ивановна тоже кончила Екатеринбургское епархиальное училище и была певица. Двое они и составили остов хора. Они иногда выступали и *solo*. Например, из песнопений епархиального училища они запомнили музыку «Отца и сына и Святого Духа», очень красивую, её и исполняли дуэтом. Слабой стороной хора в зимнее время было отсутствие тенора и баса: хор получался однородный. Зато в летние месяцы приехавшие на каникулы семинаристы восполняли этот недостаток. В Ильин день в Сугояке был престольный праздник, и в этот день сугоякский хор был особенно полнокровным. Херувимскую пели: муз[ыка] Сарти²⁶⁰, «Милость мира» Виноградова²⁶¹, «Отче наш», так называемую «Ласточка». Нечего говорить об «Отца и сына»: две Марии заливались соловьями. Марию Владимировну особенно увлекало и занимало то, что она была регентом хора.

Зиму 1903 г. Петя Иконников проводил дома, в Тече. Из Сугояка время от времени приезжала пара резвачей на гастролы в церковной хоре. На Рождество его вызвали в Сугояк. В это время сугоякский хор был в полной силе. Особенно эффектно пели «Кто Бог велий, яко Бог наш». Начиналось

---

²⁵⁸ В оригинале стихотворения «Бесы» А. С. Пушкина:

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:

Коням, барин, тяжело;

Вьюга мне слипает очи;

Все дороги занесло...»

²⁵⁹ Кала(ч/ш)ников Иоанн Николаевич (1878-?) – вышел из 3-го класса Камышловского духовного училища в 1894 г. Служил учителем и псаломщиком. Псаломщик Пророко-Ильинской церкви с. Сугояк Шадринского уезда в 1900-1906 гг.

²⁶⁰ Сарти Джузеппе (1729-1802) – итальянский композитор и дирижёр. Около 20 лет жил и работал в России, внёс существенный вклад в историю русской музыкальной культуры.

²⁶¹ Виноградов Михаил Александрович (1809-1888) – протоиерей, русский композитор.

песнопение величественным *forte* – «Кто Бог велий, яко Бог наш». Далее дуэт *soprano*, и *contralto*: «Ты еси Бог, творяй чудеса» (два раза) – *piano* и снова *forte*: «творяй, творяй, творяй чудеса» и снова *mezzo forte*: «творяй чудеса». Верхние ноты *fortissimo* уносились высоко в купол и церковь была полна звуков. Это была высшая точка достижений хора, и Мария Владимировна не преминула воспользоваться этим и осуществить ещё одну свою мечту: поехать с концертом к знатным людям села. Днём к дому Егор подал пару резвых лошадей: сивку-иноходца, под названием «Филин» - в корню и Чалка – в пристяжках. В большой камере, как сельди в бочке, кто сидя, кто стоя разместился хор Марии Владимировны и отправился по Сугояку к знатным людям его: учительнице Марии Семёновне, к купцу Алексею Яковлевичу Шишкину, к земскому гласному Абакумову. Высшая мечта Марии Владимировны была осуществлена.

Летом 1914 г. в Ильин день в Сугояке было получено известие о начале войны. В этом году в Сугояке было последнее наиболее полное стечение гостей.

В Сугояке было много перепето. Стены комнаты, где стояла фисгармония (зало), впитали в себя много звуков. Здесь пел ансамбль семинаристов из Прикамья. Здесь перепето было всё из заветной нотной тетради Пети Иконникова: «Братья, рюмки наливайте», «Ноченька», «Что ты склонилась, зелёная ивушка» и др. Здесь было спето многое из сборника Карасёва.²⁶² Здесь пелось под аккомпанемент фисгармонии «Лорелея», «Сердце красавиц», «Спи, моя красавица» и многое, многое, что было в нотной тетради Петра Алексеевича. Здесь, наконец, всем коллективом родни пелись любимые песни: «У зари, у зорюшки», «Мне всё равно», «Ты причаль, моя рыбачка» и др. Партию *soprano* неизменно вела Мария Владимировна.

С поступлением Александра Алексеевича в Казанскую духовную академию, Мария Владимировна поступила учительницей в деревню Бакланову, в двух верстах от Течи. На её руках остались: две дочери и сын. Старший сын был в Казани, старшая дочь училась в Шадринской женской гимназии. При ней были младшие сын Игорь и дочь Гали. Жили они при школе, которая только что была выстроена земством.

После О[ктябрьской] р[еволюции] семья переехала в Каменский завод. Здесь Мария Владимировна и пережила большую трагедию семьи – гибель Александра Алексеевича. При поисках его после ареста ей объявили, что он был застрелен при попытке к бегству (?). Однажды ей одна из знакомых сказала, что будут похоронены несколько людей и в том числе будет и «он». Она ходила провожать «умерших», среди которых, как ей говорили, был и

---

²⁶² Карасёв Алексей Николаевич (1854-1914) – русский музыкант, педагог, разработавший свою методику обучения музыке. Основные труды – «Детские песни», «Сборник первых песен», «Объяснение к подвижным нотам и начальные занятия по пению в школе». Автор учебника «Методика пения», использовавшийся в духовных учебных заведениях, в котором значительное внимание было уделено обиходному гласовому пению.

«он». «Он» ли был, или нет – неизвестно, но она думала, что она проводила «его».

После гибели мужа, Мария Владимировна работала в Каменском заводе заведующей детской библиотекой. Она продолжала и здесь своё любимое дело: она сорганизовала детский хор, с которым она выступала на вечерах. Много раз она получала премии и подарки за свои выступления с хором. Здесь у неё опять случилось несчастье: умерла её младшая дочь Гали от воспаления мозга. Её угнетала какая-то скрытая мысль: она часто спрашивала у кого-либо: есть ли загробная жизнь? За несколько лет до своей смерти она писала своей двоюродной сестре Марии Сергеевне, что она уже «изжила» свой век и с благодарностью вспоминала свою семейную жизнь с Александром Алексеевичем. Года за два до смерти она жила в Свердловске у дочери и сына. Она была уже совсем больна: у неё разрушался позвоночник и она стала меньше ростом; кроме того у неё было выпадение прямой кишки. Одним словом, организм её был совсем ослаблен. Потом она уехала в Бийск к своему старшему сыну и здесь через полгода скончалась, не дожив немного до семидесяти лет.²⁶³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 28-34.

*В составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

²⁶³ Из очерка «Дочери о[тца] протоиерея» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминания автора: «У Марии Владимировны остались два сына и две дочери. Маленькая дочь её умерла вскоре после гибели отца. Старший сын нё, учившийся в Казанском университете, вынужден был оставить ун[иверсите]-т. Работал одно время лекпомом, потом преподавателем физики в Ф. З. У. в Свердловске. Потом уехал в Бийск, там работал в учит[ельском] ин[ституту]-те, а теперь на пенсии.

Дочь замужем за доцентом Сверд[ловског] лесотехн[ического] ин[ституту]-та В. И. Голиковым, братом генерала армии Ф. И. Голикова. Младший сын зам[еститель] директора по хоз[яйственной] части в лесотехн[ическом] ин[ституту]-те.

Мари Владимировны умерла и похоронена в Бийске. После гибели мужа она работала в Каменске-Уральском библиотекарем, руководит детским хором». // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 522-522 об.

См. также очерк «Отцы и дети» В Части IX. «Очерки по истории Зауралья».

*Александра Алексеевна Игнатьева**

«Сейте разумное, вечное»

Н. А. Некрасов.

Она родилась в 1877 г. в семье дьячка одной из церквей г. Перми. Когда ей было два года, родители её переехали в Зауралье, и в нём, Зауралье, она прожила всю свою жизнь. В семье она была вторым ребёнком, а после неё было ещё шесть детей, из которых одна – девочка Катя – умерла в детском возрасте. Как это всегда бывает в многодетных семьях с ограниченными средствами для существования, ей в детстве пришлось нянчиться с младшими братьями и сестрой Катей. Детские годы, однако, она всегда вспоминала добром: у неё были друзья, были интересные игры. Особенно вспоминала об одном мальчике, который был организатором их детских игр и называл девочек «сороками».

По окончании сельской школы, она поступила учиться в Екатеринбургское епархиальное училище, причём поступление для неё, как дочери сельского дьячка, было сопряжено с некоторыми затруднениями. Дело в том, что епархиальное училище в то время не располагало достаточной площадью для обучения в нём большого количества девочек, и некоторые родители высказывались за то, чтобы принимать в него только дочерей священников, а дочери «прочих» де-скать проживут и с начальным сельским образованием. Но такая «теория» была, к чести сказать нашего духовенства «взята в штыки», и выход стали искать в направлении расширения необходимой для училища площади. Счастливым случаем для девочки явилась возможность жить на первых порах у дяди, родного брата матери, священника одной из церквей Верх-Исетского завода.²⁶⁴ Но ходить на занятия в училище было далеко, и девочка при первой представившейся ей возможности перешла в общежитие. Любопытно, что монашки (училище было при женском монастыре²⁶⁵), которым поручено было топить печи в училище, уже тогда предвосхитили идею самообслуживания и заставляли девочек приносить, а то и колоть дрова.

Девочка училась хорошо и с успехом закончила обучение к 17-ти годам.²⁶⁶ С этого возраста она и стала сельской учительницей. Первое назначение она получила в село Соровское Шадринского уезда. Ей посчастливилось начать педагогическую деятельность под руководством опытного учителя И. П. Коурова, о котором она с благодарностью вспоминала всю свою жизнь. Через два года она была назначена учительницей в одну из близких к её родному селу деревень и с этого момента она жила с родителями до самой их смерти: она на праздники и

---

²⁶⁴ Тетюев Иван Иванович.

²⁶⁵ Ново-Тихвинский женский монастырь.

²⁶⁶ Игнатьева Александра Алексеевна окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1895 г.

каникулы приезжала домой. Так она считалась постоянным членом семьи, а одно время она и учительствовала в своём родном селе. Личная её жизнь в это время сложилась так, что она на всю жизнь осталась одинокой.

Материальные условия у родителей к этому времени сложились так, что ей пришлось помогать им учить бóльшую половину семьи. После голодного года, хозяйство отца значительно пострадало, а когда у него зимой украли лошадей, ему пришлось оставить сельское хозяйство. Трудно учесть, в чём выражалась помощь дочери, но обновки из одежды для детей часто делала она. Нужно было отправлять детей не учение, расходоваться на дорогу – это тоже делала она. По хозяйству то то, то другое тоже приобретала она. Одним словом, её двадцать пять рублей месячного жалованья шли в общий семейный котёл.

Что значило быть сельской учительницей в то время? Это, прежде всего, значило заниматься в какой-либо деревенской избе, в тесноте, в холоде. Земство только ещё начинало тогда строить школы. Далее, это значило испытывать постоянную недостачу учебных пособий – бумаги, книг. Одно то, что учитель должен был заниматься один с тремя группами да ещё в одной комнате – уже говорило за себя. Так, в 1903 г. учительница, о которой идёт речь, занималась в школе деревни Баклановой, в 1,5 верстах от родного села. Каждый день её привозили в школу и обратно домой. Школа помещалась в так называемой горнице деревенской избы. Теснота невозможная, холод, шум, толчея – таковы были условия работы. Естественно, что когда она возвращалась домой, то, прежде всего, забиралась в кухню на печку, чтобы отогреться. Конечно, со временем условия для занятий улучшались и улучшались, но хлебнуть горя приходилось крепко.

Благодеянием были летние каникулы. Собиралась вся семья. В селе было много молодёжи, устраивались спектакли, пикники, вечера. Она была участницей спектаклей, любительницей попеть, танцевать. На её глазах происходили смены поколений. Люди её поколения уже разлетелись по разным краям матушки России. Подросло уже то поколение, которое она нянчила в детстве. Подросла и сделалась учительницей её младшая сестра. Старики уходили со сцены. В 1916 году умер отец. Через год произошла Октябрьская революция. Через родное село пронёсся шквал гражданской войны.

Октябрьская со[циалистическая] революция застала её в возрасте 40 лет, из которых 23 года составлял стаж её педагогической работы. Нужно было в корне менять и быт, и привычные приёмы учительской работы. В деревне, может быть, резче, чем в городе пришлось переживать ломку старых понятий и привычек на новые, потому что некоторые вопросы жизни были поставлены деревенским руководством прямолинейнее, чем это было в городе. Например, однажды в дом, где она жила с матерью и младшей сестрой явилась делегация из сельсовета и потребовала: убрать иконы. Мать, старый во всех отношениях человек, т. е. и по возрасту, и по своему мировоззрению, естественно, отказалась выполнить это требование,

выраженное в форме категорического императива, и, таким образом, получилась неприятная размолвка между семьёй учительницы и сельсоветом. В село прибыл из Челябинска выходец из него, переселившийся в город на работу железнодорожником для налаживания жизни по-новому – Павел Васильевич Лебедев, который ориентировал жителей села на отношение к учителям, как к классово-чуждому элементу и показал и пример этого отношения к учителям: когда однажды чествовали героев революции, павших в борьбе за неё, он прямо скомандовал учителям встать на колени. В области методики преподавания сделан был решительный крен в сторону комплексов. Построение комплексов явилось своего рода «ахиллесовой пятой» в их работе. Вопрос ставился так: покажи – «какое веруеши». Это вызвало среди учителей такое смятение, что они не сразу поняли, что же им нужно делать и обращались с просьбой ко всем, чтобы им помогли построить тот или иной комплекс. В такой обстановке пришлось нашей учительнице перестроиться на новый лад. Между тем прежние годы тяжёлой школьной работы не прошли даром: у неё открылась изнурительная болезнь – *fibroma uteri*.²⁶⁷ В 1924 г. в Свердловске ей сделали операцию. Два брата осторожно перевозили её домой на лошадях из Катайска. Везли на телеге, заблудились и в тёмную ночь подъезжали к деревне Ворониной, население которой издавна стяжало себе печальную славу разбойников и воров. По дороге в лесу встретили несколько человек, сидячих у костра. Один из них спросил: «как торговал товарищ». Было похоже на то, что вот-вот воры подойдут потрошить, но обошлось благополучно.

Люди, руководившие в то время в районе народным образованием, решили, что учительницы – две сестры, дочери дьячка, не могут работать в том селе, где служил их отец, и их стали переводить по разным сёлам. Дома жила только старушка мать, а они приезжали только на каникулы. В 1926 г. умерла мать: таяла, таяла... и умерла в возрасте 76 лет. На некоторое время сёстры устроились ещё на работу в родном селе. Смерть матери была тяжёлой утратой, и им помогала в хозяйстве соседка Татьяна Павловна. Навещала также и знаменитая в селе кондитерским искусством, всегда дружно относившаяся к ним Матрёна Сергеевна. С ними жил временно ещё их брат Иван. Когда началось раскулачивание, их перевели в село Беликуль. Дом, наследство от отца, пришлось продать за бесценок. Их собственно и перевели в другое село, чтобы вынудить продать дом, на который имели виды кое-кто из влиятельных на селе людей. В 1938 г. умерла младшая сестра, оставив после себя мальчика 15 лет, который и остался на попечении старшей сестры. После смерти младшей сестры, старшая со своим племянником переехала в г. Верхнюю Пышму, в 8 километрах от Свердловска, где работал плотником на заводе ранее переехавший сюда из родного села брат [Иван – ред.]. Здесь она продолжила учительствовать в начальной школе, а мальчик тем временем закончил школу-десятилетку.

---

²⁶⁷ *fibroma uteri* – по-латински фиброма матки.

Жили они у брата. Мальчик, по окончании десятилетки, подал заявление для продолжения образования в Ленинградское артиллерийское училище, в которое и был вызван на приёмные экзамены, но в пути его застало объявление войны. Он был участником войны – артиллеристом и возвратился после демобилизации.

Во время войны он материально поддерживал свою «няню», как он её называл, высылая на её [...].²⁶⁸

После демобилизации он устроился на работу в Свердловске, получил комнату и взял к себе «няню». Она, однако, заметно дряхлая, а схвативши грипп, слегла и уже не вставала. У неё заметно ослабела и умственная деятельность. Вдруг она начнёт фантазировать и рассуждать: «Вот говорят, что мама умерла, а она жива, она живёт в Тече», или вспомнит Течу: «эх, скажет, сейчас бы в Тече забраться на кухонную печку и погреться». Когда стало ясно, что дни её сочтены, её перевезли опять в Верхнюю Пышму к брату. Здесь 6/V 1952 года в день своего дня рождения в возрасте 75 лет скончалась сельская учительница, дочь диакона на псаломщической вакансии села Русско-Теченского, Шадринского у[езда], б[ывшей] Пермской губ[ернии] Алексея Ивановича Игнатьева – Александра Алексеевна Игнатьева и похоронена здесь на кладбище. Накануне ещё она попросила дать ей гитару сыграть что-нибудь. Этой игре она научилась у отца. Любила играть и петь.

Провожали её в могилу только родные. Товарищи по школе послали венок. Проработала учительницей в школе 50 лет и умерла пенсионеркой с обеспечением – 150 рублей в месяц. Вся жизнь её без остатка была отдана родительской семье и её потомству.

Недавно племянница рассказала о её сердечной тайне, которую она ей поведала: почему она осталась навсегда одинокой. Предполагалось ею и вторым сыном теченского протоиерея – Константином, что они поженятся, и она отказала двум претендентам на её сердце. Но судьба жестоко насмеялась над их планами: старший её брат вперёд женился на старшей сестре предполагаемого жениха и, таким образом, планы их были разрушены. Она в этом случае увидела указание перста Божьего и осталась на всю жизнь одинокой. Обижалась она перед смертью на своего воспитанника – сёстриного мальчика за то, что он не познакомил её со своей невестой, о существовании которой она достоверно знала.

Из воспоминаний о ней:

Сокращённо ею звали «Нюта». Как это название было произведено от полного «Александра»? Старшего сын Александра сокращённо звала «Саня». Чтобы отличать названия сокращённо мальчика и девочки, её стали звать «Санюта», а потом – сокращённо: «Нюта». Кто не знал тайны происхождения этого слова, что бывало, впрочем, редко, её называли «Анюта», от слова «Анна». Теченский же протоиерей, в соответствии со своим семейным

---

²⁶⁸ Так в тексте, предложение автором не закончено.

стилем называть своих детей – Мишка, Колька и т. д, всегда звал её «Нютка», хотя ей было уже под 40 лет. Так, примерно, за месяц до своей смерти он почему-то завёл речь о ней – *de morte* – и провозгласил: «Сначала похороним Нютку». Увы? Он обманулся и сам умер раньше неё. Из её баклановских учеников один – Дмитрий Бобыкин – по окончании сельской школы учился ещё в Далматове на учителя церковно-приходской школы. В благодарность за обучение его в сельской школе и чтобы показать, каким он стал грамотным, он написал сочинение «О воробье» и посвятил ей. Оно начиналось словами: «Воробей – это ярый пролетарий и коммунист в царстве пернатых». Стиль сочинения был превыспренний, и сразу возникло сомнение: откуда автор набрался такой премудрости. Сомнение скоро разрешилось: в одном из номеров «Нивы» за прошлые годы найдена была статья, которую он списал. После революции он пошёл по судейской линии, но вспомнил ли он о плагиате, который он совершил – осталось тайной.

В Камышловском духовном училище, а позднее – в Пермской дух[овной] семинарии учился сын торговца из села Соровского Шадринского у[езда] – Степан Неверов. Он был учеником Александры Алексеевны. Узнавши, что автор сего её брат, он завёл с ним о ней речь и поделился хорошими воспоминаниями.

В 1927-1928 гг., когда автор сего работал в школе ФЗУ ВИЗа, в числе его учеников оказался Осколков из села Беликульского. Учитель обратил внимание на то, что у него была грамотность выше, чем у других, а главное на то, что у него была заметна привычка писать аккуратно, с соблюдением каллиграфии. На вопрос учителя: у кого он учился в школе, ответ последовал: у Александры Алексеевны.

Она любила петь и учила школьников песни петь в порядке, так сказать, воспитательной работы. Любимой её песней, которую она пела со школьниками, была на слова стихотворения «Кто он?» - «Лесом частым и дремучим, по тропиночке лесной». В стихотворении говорится о Петре I. Если она пела одна, то обычно мелодию исполняла в партии дисканта; если же ещё кто-нибудь с ней пел, то она переходила на второй голос – вторила альтом.

Когда она работала в школе Верхней Пышмы, то около школы посадила немного картошки вместе со сторожихой. Когда картошка выросла, то кто-то её своровал и у неё, и у сторожихи. Потом выяснилось, что сторожиха сначала «сама себя обворовала», а потом попутно и её.

Из братьев в жизни ей больше всего приходилось иметь дело с братом Иваном, и они друг друга иначе и не называли, как Ваничка и Нютонька. Им же одним и пришлось хоронить отца, мать и сестру. Судьба их соединила и после смерти: спустя два года после её смерти брат Иван был похоронен рядом с ней на кладбище Верхней Пышмы.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 41-50 об.

*В составе «Семейной хроники Игнатьевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; авторский заголовок очерка: «Сельская учительница».

*Алексей Алексеевич Игнатъев**

А. А. Игнатъев был вторым сыном диакона на псаломщической вакансии (дьячка) села Русско-Теченского, Шадринского уезда, Пермской губернии (теперь Бродокалмацкий район, Челябинской области) – Алексея Ивановича Игнатъева.²⁶⁹ Если по существующей привычке разделять детей многодетных семей на старшее и младшее поколения [и] определить место в семье А. А., то нужно его отнести к старшему поколению. Никто в семье Игнатъевых не усвоил в большей степени природные черты отца, как Алексей: он имел привлекательный наружный вид, а главной чертой его характера была общительность, чем отличался и отец.²⁷⁰ Благодаря этому, Алексей ещё в детстве всегда был окружён целой ватагой деревенских мальчиков, которые продолжительное время уже после того, как он оторвался от них, учась в Камышлове, узнав о его приезде на каникулы, приходили навестить своего Олёшу.

Детские годы мальчиков Игнатъевых у каждого из них отмечены были какими-либо особыми событиями: кого собака кусала, кто сломал руку, кто падал с полатей, а Алексей прославился тем, что обучаясь верховой езде, пытался взобраться на лошадь по хвосту, ... и получил урок. Впоследствии мать, вспоминая детство своих сыновей, рассказывала, как он хотел похвастаться своим искусством бегать на коньках, уговорил её оторваться от работы и посмотреть на него в окно, забрался на катушку, лихо размахнулся ... и бух затылком на лёд.

[²⁷¹]

В сельской школе Алексей учился у любимой нами учительнице Елизаветы Григорьевны Тюшняковой. По окончании школы, он учился в Камышловском духовном училище. Вместе с ним в одном классе учились

---

²⁶⁹ Алексей Алексеевич Игнатъев родился 1 февраля 1879 г в г. Перми и был крещён 2 февраля в Николаевской церкви Пермского пересыльного замка. Восприемниками при крещении были: воспитанник Пермской духовной семинарии Иван Тетюев и чиновничья жена Ольга Афанасьева Маляева, таинство крещения совершал священник Иоанн Никитин. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 323. Л. 586 об.-587).

²⁷⁰ Из «Биографического очерка о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как у отца, у него было открытое лицо, чуть кудрявые волосы, карие глаза, а позднее появилась рыжеватая бородка, которую он комбинировал с небольшой эспаньолкой. По общему признанию, он был самым красивым из детей дьячка. И характер у него был отцовский: он был очень общительный, любил дружить с товарищами, был весёлым, изобретательным на игры и шутки, что делало его любимцем в среде знакомых и друзей» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 4-5.

²⁷¹ Из очерка «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминания автора: «Первыми друзьями у него были деревенские мальчишки – Алёша Кокшаров и Митя Кокшаров. С первым он сталкивался по квартире (у этих Кокшаровых была квартира наших родителей), а со вторым – по школе. Когда он поступил потом в Камышловское дух[овное] училище, то эти мальчишки навещали его на каникулах» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 64.

ещё здесь два мальчика: сын священника нашего села Алёша Б[ирюков] и сын мелкого торговца Ваня М[иронов]. Алёша Б. был самым большим другом Алексея. Он называл его любовно «Олёней». Дружба эта была прервана трагически: Алёша Б. рано умер от скарлатины в Камышлове, что произвело на Алексея глубокое впечатление. Ваня М. скоро выбыл из духовного училища, а Алексей заканчивал его, а потом и поступал в Пермскую духовную семинарию без своих соучеников-односельчан.

Шесть лет пребывания в семинарии были годами наиболее интенсивного развития Алексея, раскрытия его природных задатков. Это, прежде всего, отразилось на его увлечении пением. Он завёл массивный нотный альбом во всю величину нотного листа и вносил в него все свои любимые музыкальные произведения: церковные песнопения и в особом отделе – светские: народные песни, отрывки из опер и т. д. С каждым годом мы замечали, как этот альбом всё больше и больше заполнялся и разбухал, пока не сделался энциклопедией самых разнообразных музыкальных произведений, начиная с концерта – «Днесь Владыка твари» и кончая – «Не искушай» Глинки.²⁷² [273] Алексей в это время буквально и днём и ночью бредил семинарским хором. Из его рассказов мы знали, что в семинарском хоре был чудесный альт Оборин²⁷⁴, знали, как вёл себя на спевках прекрасный бас Миша Будрин²⁷⁵ и многое другое, о чём рассказывалось с неизменным восторгом.²⁷⁶ С таким же восторгом и с полным убеждением,

---

²⁷² Глинка Михаил Иванович (1804-1857) – русский композитор.

²⁷³ Из «Биографического очерка о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Его кумиром был оперный певец – баритон Круглов, умерший в расцвете сил. Алексей рассказывал о нём много: и о том, что Круглов одевался в русском национальном стиле – носил шаровары и рубашку-косоворотку, и о том, как пел в опере «Демон». Живописно он рассказывал о похоронах Круглова, поклонниками которого были все пермяки. Рассказывал он и о выступлениях Городцова в роли мельника в «Русалке» А. С. Даргомыжского» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 8.

Круглов Алексей Николаевич (1866-1902) – русский оперный певец и педагог. В 1895-1902 гг. работал в Перми, пользовался большой любовью и уважением у жителей города. В 1901-1902 гг. преподавал на организованных в Перми певческих курсах. Скончался 4 (по новому стилю 17) апреля 1902 г. по дороге из Перми в Москву.

Городцов Александр Дмитриевич (1857-1918) – российский оперный певец и общественный деятель, сделавший значительный вклад в организацию народных хоров в Пермской губернии.

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813-1869) – русский композитор.

²⁷⁴ Из очерка «Семинарский хор» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «... он очень хорошо исполнял *solo* в концерте «Днесь Владыка твари». Об этом концерте брат рассказывал, что он был одно время под запретом, потому что композиция его была театральной, не соответствующей духу церковных песнопений» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 88-88 об.

²⁷⁵ Будрин Михаил – окончил Пермскую духовную семинарию в 1899 г. Учитель двухклассной сельской церковной школы.

²⁷⁶ Из «Биографического очерка о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Едва ли был кто-либо другой из её питомцев, кто бы так её любил.

что [он] уже знаток музыки и пения, Алексей явился в с[ело] Нердву к дяде по линии матери – Василию Ивановичу Тетюеву. Встреча произошла буквально в духе «Обыкновенной истории» Гончарова²⁷⁷: Адуев старший – дядя Василий – Адуеву младшему – Алексею устроил холодный душ и со свойственной ему прямоотой сказал ему, что он в музыкальном и певческом деле полный профан (*sic!*).²⁷⁸ Дядя в свои семинарские годы был известен как регент и даже как композитор. Его композиция песни А. В. Кольцова – «В непогоду ветер воеет» была популярной среди певцов-семинаристов. Развенчав так самомнение Алексея, дядя преподал ему первый урок музыкальной грамоты, раскрыв так называемый, квинтовый круг образования мажорных и минорных гамм. К чести племянника нужно отнести то, что он серьёзно отнесся к преподанному дядей уроку, и это послужило толчком для его дальнейшего музыкального роста, он понял, что музыка – это наука, а он пока что только дилетант.

В семинарии с Алексеем, при переходе в пятый класс, произошло исключительное для нашей семьи событие – он получил переэкзаменовку по богословию. Это был единственный случай в нашей семейной хронике. Сам Алексей объяснял это тем, что к нему несправедлив был преподаватель А. И. Тихомиров. Было ясно видно, что речь шла об оскорблённом самолюбии и амбиции. Отец тяжело переживал этот случай. Не получивши законченного образования, сам он не хотел допустить, чтобы это случилось с кем-либо из детей, а между тем Алексей категорически заявлял, что он не будет сдавать переэкзаменовку и бросит учиться в семинарии. И вот наступил канун отъезда А. в Пермь. Только раз в жизни мне пришлось видеть отца в таком виде, в каком он разговаривал с А. Мы никогда не слышали, чтобы отец в разговоре с нами повышал голос, но в данном случае голос его был твёрд и суров. А. всё время только и повторял: «со мной поступили несправедливо... не поеду, не поеду!» Я сейчас ещё слышу решительный и повышенный голос отца: «Нет, ты поедешь, и будешь сдавать переэкзаменовку!» Это было сказано так, что А. безмолвно встал со стула и приступил к сборам к отъезду.

Он готов был бесконечно рассказывать о семинарии и особенно о семинарском хоре, благодаря чему мы знали и о том, что когда-то был знаменитый регент семинарского хора Андрюша, как он называл его, Будрин, и знаменитый бас Миша Будрин и альт Миша Оборин, который в концерте «Днесь Владыка твари» при исполнении *solo* слов «и в ребра» (пригвождается) потрясал всех чистотой звука и выразительностью исполнения. Он любил певцов, благоговел перед ними, и они ему платили своей взаимностью. Уже спустя несколько лет после окончания семинарии, в наших краях, на кумысном курорте лечился Андрей Будрин, священник одного из прикамских сёл, б[ывший] регент семинарского хора. И вот он на обратном пути специально заехал в Течу, на родину Алексея, чтобы познакомиться с его родными» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 14-16.

²⁷⁷ Гончаров Иван Александрович (1812-1891) – русский писатель.

²⁷⁸ (*sic!*) — латинское слово, означающее «так», «таким образом», «именно так». В. А. Игнатъев часто использует это слово для того, чтобы показать, что предыдущее необычное написание является цитатой, а не ошибкой, а также для указания на важность данного места в тексте, согласия с ним или иронического отношения к нему.

Впоследствии много раз с благодарностью он вспоминал о том, что тогда отец спас его от опрометчивого шага.

Ко времени учения А. в семинарии относится ещё одно событие, памятное для многих жителей нашего села, а именно: приезд к нему его товарищей по семинарии в летние каникулы. Приезжали они из Прикамья, с западной стороны Урала. Приходится удивляться силе дружбы семинарской братии, тому, что даже столь большое расстояние – в 600-700 вёрст не воспрепятствовало этому приезду, а ведь 80 вёрст нужно было ехать на лошадях. Их было четверо, и все они были певцы: Присадский Владимир Михайлович (бас), Смирнов Иван Васильевич (тенор), Горбунов Александр Степанович (второй тенор) и Ионин Павел Петрович (второй тенор, близкий к баритону).²⁷⁹ Как видно, они представляли из себя ансамбль для исполнения квартетов или трио. Из них более всех выделялся голосом Смирнов, обладатель высокого тенора очень приятного звучания. Нужно быть сильным художником и владеть писательским талантом Н. В. Гоголя, чтобы описать дни пребывания этих семинаристов-певцов в нашей Тече! Если попытаться всё-таки сравнить то, что мы тогда наблюдали, с тем, что видеть приходилось в наши дни, то разве только в кинокартинах «Большой вальс» или «Музыкальная история» можно найти какое-либо подобие виденному там и здесь. Представьте себе людей, попавших в плен, которых всюду водят на показ, спрашивают и расспрашивают. Примерно в таком положении оказались наши гости: их приглашали нарасхват в гости, для них устраивали приёмы, вечера. Известная покровительница талантов нашей сельской молодёжи, меценат Елизавета Ивановна Стефановская, жена земского начальника, организовала концерт с их выступлением. И всюду пение, восторженные аплодисменты, бесконечные просьбы, чтобы они пели и пели. Вот уже где действительно оправдалась пословица: «Гость – мученик». И они были мучениками.

Сердца наших девиц были напряжены до предела. Нет, описать нашу Течу достойно смог бы только автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Не прошло пребывание в Тече молодых людей и для них самих: больше всех оказалось уязвлённым сердце А. С. Горбунова, покорённое дочерью купца Антона Лазаревича Новикова – Анной Антоновной. Через год состоялась свадьба, и дочь купца стала «матушкой». Где ты, Овидий Назон, со своими «Метаморфозами!»²⁸⁰

Пребывание пермских семинаристов в Тече, блестящий приём их нашим обществом была по существу апофеозом Пермской семинарии: в лице

---

²⁷⁹ Присадский Владимир, Горбунов Александр и Ионин Павел – окончили Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1900 г. Присадский Владимир и Смирнов Александр после окончания семинарии поступили в Казанский ветеринарный институт и пели в одном из Казанских хоров» (из очерка «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.).

²⁸⁰ Публий Овидий Назон (43 до н. э.-17 или 18 н. э.) – древнеримский поэт. Автор поэмы «Метаморфозы».

их наша публика чествовала блестящих представителей семинарии – певцов, слава которых широко распространялась по Пермской губернии. Нужно отдать справедливость Алексею Алексеевичу, что в этом деле, в деле прославления нашей *alma mater*, известная доля заслуги принадлежала ему.

А. А. был любимцем нашей публики. В его семинарские годы образовался своеобразный «триумvirат» молодых людей, которые и давали направление общественной жизни села в период летних каникул. В этот триумvirат вошли: сын земского начальника, студент Московского университета – Александр Павлович Стефановский, тобольский семинарист, сын священника – Михаил Владимирович Бирюков и Алексей Алекс[еевич] К ним примкнул приезжавший иногда на летние каникулы – племянник священника – Александр Сергеевич Ляпустин. Женский состав молодёжи был представлен в следующем виде: в него входили – наша сестра Александра Алексеевна, приезжавшие на каникулы в гости к просфорне Марии Ивановне Маминой – родной тётке Д. Н. Мамина-Сибиряка – её племянницы Пятницкие София Петровна и Надежда Петровна. К ним примыкала пожилая уже сестра жены земского начальника – Елизаветы Ивановны Стефановской – Вера Ивановна Резчикова. Несколько в стороне от них стояли: Лидия Александровна Сильванова – дочь умершего священника, и упомянутая уже выше дочь купца – Анна Антоновна Новикова. Все эти лица переименованы мною потому, что они составляли труппу актёров самодеятельного теченского театра, в течение двух или трёх лет ставившего различные пьесы, преимущественно типа водевилей. А. А. выступал в этих спектаклях преимущественно в комических ролях под фамилией «Прозоровский» (известная в Перми фамилия). Он же был регентом небольшого церковного хора. Устраивались ли вечера, пикники, прогулки – в центре всех этих мероприятий был А. А. Таким он был и в семинарии: всегда в центре друзей, на глазах у всех. Когда я поступил в семинарию, спустя уже несколько лет после окончания А. А. семинарии, были ещё семинаристы, которые его помнили и спрашивали меня: «Не брат ли я Алёши Игнатъева?» Алексей любил семинарию, много рассказывал о ней. Мне не приходилось в дальнейшей жизни встречать человека, который бы так восторженно отзывался о семинарии, как отзывался А.

От людей, помнящих А. А., приходилось иногда слышать, что он хорошо пел; так сказать было бы не точно: он не был певцом в полном смысле этого слова, а он был любителем пения со склонностью управлять хором. Вот почему по окончании семинарии устроился регентом в церкви Александровского завода, около Кизела. Здесь он встретился с дочерью местного купца Удникова – Верой Алексеевной Удниковой и женился на ней. Вера Алексеевна кончила Екатеринбургскую женскую гимназию, но пока ещё нигде не работала. Через год после окончания семинарии, женившись, самой логикой событий А. А. пришёл к мысли о принятии священного сана, был рукоположен и назначен священником (вторым) в село Скородумское, Ирбитского уезда. Здесь его время от времени ещё навещали

друзья по семинарии и в числе прочих Иван Александрович Флёров, работавший учителем около Ирбита, тот Ваня Флёров, который когда-то в семинарии в мистическом состоянии готовился к смерти, но остался жив и сделался безбожником. Бывали у него и другие товарищи.²⁸¹ Но мне всё казалось, что Алексею чего-то не достаёт в этом новом положении, он как-бы выленял. Здесь он был оторван от всего музыкального, не было хора. Пытался он заниматься хозяйством, чтобы приглушить неудовлетворённость своим настоящим, но, очевидно, это не дало ему удовлетворения, и в душе его созрел смелый замысел учиться в академии.

Как у него могла зародиться такая идея? Сам ли он придумал, или его кто-нибудь натолкнул на это – не известно, но совершенно неожиданно я получаю от него письмо с просьбой выслать кое-какие учебники за семинарию, т. к. он намерен пересдать экзамен по некоторым предметам для повышения оценок для получения звания студента семинарии. Студентами семинарии значились те абитуриенты её, которые за всё время обучения в семинарии по всем предметам имели оценки не ниже четвёрок. Их привилегией являлось то, что они допускались к конкурсному экзамену для поступления в академию. Оказалось, что у А. А. помимо того, что было трое детей, вопрос о поступлении в академию и вообще о дальнейшем учении осложнялся ещё и некоторой неполноценностью полученного в семинарии аттестата. И вот с редкой настойчивостью он решил задним числом устранить и это препятствие. Весной 1907 г., когда мы сдавали экзамены, пересдавал экзамены по трём или четырём предметам, в том числе за второй класс В. А. Фаминскому священник Скородумского села А. А. Игнатъев. В августе он уже был студентом Казанской духовной академии, а поздно осенью я устраивал его жену с тремя маленькими детьми на пароход, отправляющийся в Казань.

В Казани одновременно с поступлением в академию А. А. удалось устроиться священником, законоучителем и руководителем хора по разучиванию песнопений (во время богослужения хор пел под руководством субрегента слепого) в Казанском училище слепых, расположенное вблизи академии. Училище это было очень благоустроенное и пользовалось большой популярностью в России. Так, когда в 1909 г. Казань посетил видный в том время политический турецкий деятель Хильми-паша²⁸², то он тщательно ознакомился с ним. Слепым наряду с обучением грамоте по особой системе преподавалась музыка, пение; их обучали ремёслам:

---

²⁸¹ В очерке «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает Упорова, уроженца села Скородумского: «Скородум расположен в живописном месте и вблизи села Зайковского. И в том, и в другом селе были представители местной интеллигенции, так что не было уже так глухо, как бывает иногда в российской провинции» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 75.

²⁸² Хильми-паша Хусейн (1855-1922) – великий визирь Османской империи. В 1910 г. посетил Россию.

плетению корзин и шитью обуви. Среди них были хорошие музыканты, певцы, даже один композитор, написавший неплохую композицию на слова А. В. Кольцова: «Под густым шатром голубых небес». Таким образом, работа в училище слепых счастливо разрешала для А. А. как материальный вопрос обеспечения семьи, так и давала некоторое удовлетворение его музыкальным запросам. Однако сделанное ему когда-то замечание дядей об ограниченности его теоретической музыкальной подготовки и собственный опыт побуждали его к дальнейшему совершенствованию в этой области, и он поступил учиться в существовавшую в Казани музыкальную школу, реорганизованную потом в консерваторию. Мне несколько раз приходилось наблюдать, как А. А. решал какие-то задачи по композиции и контрапункту.²⁸³ Выступал он иногда и в качестве руководителя хором при этом училище, однако на этом пути он не получил настоящего признания. Большой успех его ждал на научной дороге в академии.

В академической библиотеке хранились рукописи Соловецкой библиотеки, а в их числе нотные рукописи – «крюки». Эти рукописи для учёных академии были буквально «*terra incognita*».²⁸⁴ Все сознавали важность их изучения, чувствовалась даже неловкость создавшегося положения из-за того, что даже не было описи этих рукописей. Нужен был человек, интересующийся историей пения в древней Руси. Таким человеком, можно сказать, смельчаком оказался А. А. Первое, что он сделал, это он составил опись этих книг, которая составила целую брошюру, немедленно отпечатанную в академической типографии. Далее, на основании изучения этих рукописей, он написал кандидатское сочинение, которое ему предложено было доработать на соискание звания магистра богословия.²⁸⁵ Так А. А., можно сказать, блестяще закончил курс в Казанской духовной академии.

По окончании академии А. А. в течение двух лет был законоучителем в реальном училище города Слободского, Вятской губернии. Здесь по старой

---

²⁸³ Из очерка «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Алексей не удовлетворился учением в академии и поступил в Казанское музыкальное училище типа первых двух курсов консерватории, закончил его по классу композиции и дирижирования, а по окончании его имел в нём уроки по своей специальности» // ГАПК. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 77.

²⁸⁴ *terra incognita* – по-латински неизвестная земля.

²⁸⁵ Из очерка «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Алексей изучил все имеющиеся в научной литературе труды по истории пения по крюкам и сделал описание нотных сборников. Дальше он взял тему для своей кандидатской работы по истории пения по крюкам, положив в основу своей работы нотные сборники Соловецкой библиотеки. Профессор по Русской истории Иван Михайлович Покровский предложил ему его кандидатскую работу расширить и представить на соискание учёной степени магистра богословия» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 78-79.

привычке он время от времени управлял хором и произносил проповеди. Популярность его в городе стала поперёк горла кому-то, надо полагать, из лиц духовного звания, и в его адрес стали прибывать анонимные письма с угрозами и предупреждением «убраться по добру, по здорову». Уместно заметить: «*O, tempora, o, mores!*»²⁸⁶

Бессмертный Цицерон!²⁸⁷ Где только не приходилось вспоминать его блестящую речь против Катилины: «*Quo usque, Catilina, patientia nostra... etc.*»²⁸⁸

Чтобы продолжить свою работу по истории пения в древней Руси А. А. переехал опять в Казань на работу законоучителем в Родионовский институт благородных девиц и пробыл здесь только год... «Не вынесла душа поэта». Два года пробыл в Вятке законоучителем [мужской] гимназии. Осенью 1916 г., когда наш батюшка – Алексей Иванович Игнатъев – лежал на смертном одре, в эти именно часы в актовом зале Казанской духовной академии сын его – Алексей Алексеевич Игнатъев – защищал свою научную работу на степень магистра богословия и получил эту учёную степень. К стыду своему автор этого очерка должен сознаться, что он видел эту работу только по частям в рукописи и не знает даже, была ли она отпечатана и где.

Перед революцией А. А. был законоучителем в Екатеринбургской мужской гимназии и на пути в профессорá богословия в готовящийся к открытию Екатеринбургский горный институт, но этому не суждено было совершиться.

...После революции он работал завучем Томского музыкального техникума. Ему было уже под шестьдесят лет, когда он писал в письме: «Я овладел ещё одной профессией: сделался суфлёром в опере». Как всегда он был популярен, и именно потому, что он был популярен, однажды он «ят бысть»...²⁸⁹ *Sic transit gloria mundi!*²⁹⁰

---

²⁸⁶ *O, tempora, o, mores!* – по-латински «О, времена, о, нравы!»

²⁸⁷ Цицерон Марк Туллий (106-43 до н. э) – древнеримский оратор и философ.

²⁸⁸ Полностью: *Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?* – по-латински «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?»

²⁸⁹ «Ят бысть» – по-церковно-славянски «взят был». Автор имеет в виду – исчез в период репрессий 1930-х гг.

В «Биографическом очерке о брате Алексее Алексеевиче» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В период «ежовщины» он был репрессирован...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 718. Л. 25.

Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 2 декабря 1964 г.: «... Я получил Ваше письмо о брате Алексее, но ничего не написал Вам об этом потому, что разговор об этом у меня всё ещё является прикосновением к кровоточащей ране. Больно и обидно за него. Я, между прочим, разыскал его сына и дважды писал ему, но ответа не получил. У меня есть подозрение, что дети отреклись от своего беспутного отца. Какая это трагедия! ... Алексей стал жертвой своего темперамента и излишней доверчивости к людям. С ним было сделано «это» в корыстных целях». (Речь идёт, вероятно, о семейной драме А. А. Игнатъева – разводе с женой. – Ред.) // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 86 об.-87.

В очерке «Алексей Алексеевич (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции»: «Алексей был

увлекающимся и доверчивым человеком. Это и привело его к трагической развязке» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 81.

Игнатъев Алексей Алексеевич (1879-1937) – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1894 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1900 г. Определён учителем пения в земских училищах при посёлке Александровского завода Соликамского уезда, служил регентом в местном Спасо-Преображенской церкви. Посвящён в сан священника 22 июля 1901 г. к Спасской церкви села Скородумского Ирбитского уезда. Награждён набедренником в 1905 г. 12 июня 1906 г. Екатеринбургской духовной консисторией против него (и ещё 3-х членов причта) было возбуждено дело «о непристойном поведении». Иерею Игнатъеву предъявлялось обвинение в политической неблагонадежности. Духовным судом он был оправдан (дело окончено 9 августа 1906 г). 11 октября 1906 г. уволен за штат в связи с поступлением в Казанскую духовную академию. Служил законоучителем Казанского училища слепых детей и настоятелем церкви при этом училище. Одновременно обучался в музыкальном училище при Казанском отделении Императорского Российского музыкального общества и в 1909 г. окончил регентский класс этого заведения. Изучал и систематизировал певчие рукописи Соловецкого монастыря, хранившиеся в Казанской духовной академии; издал в Казани 2 монографии по этой теме. По окончании академии был удостоен в 1910 г. степени кандидата богословия «с правом преподавания в семинарии и с правом получения степени магистра без нового устного испытания». В 1910-1912 гг. служил законоучителем в реальном училище и женской гимназии, а также регентом в Николаевской церкви г. Слободского Вятской губернии. В 1912-1913 гг. служил настоятелем церкви училища слепых, законоучителем и преподавателем церковного хорового пения в Казанском Родионовском институте благородных девиц, лектором по литургике на Казанских Высших женских богословских курсах. В июне 1913 г. назначен законоучителем в 1-й мужской гимназии г. Вятки, сверхштатным священником и регентом к Знаменской церкви. В 1913-14 гг. был также законоучителем во 2-й женской гимназии. В Вятке он проявил себя как церковный краевед, писал статьи и читал лекции по истории церковного пения, сотрудничал в «Вятских епархиальных ведомостях», с изданием «Хоровое и регентское дело», занимался сбором пожертвований в пользу раненых воинов и их семей (1914 г). С 1913 г. – действительный член Вятской учёной архивной комиссии. В 1915-1916 гг. являлся председателем правления Вятского церковно-певческого кружка, членом комитета Трифоновского церковно-археологического музея (в Вятке). В 1914 г. был организатором концертов сводных хоров (100-300 чел.), которые участвовали в духовных концертах и архиерейских службах. В июле 1915 г. был делегатом 5-го Всероссийского съезда хоровых деятелей в Петрограде, на котором представил доклад. В мае 1916 г. провёл в Вятке занятия церковнопевческих курсов. С 6 марта 1916 г. – секретарь дирекции Вятского отделения Императорского русского музыкального общества. В августе 1916 г. определён законоучителем Екатеринбургской мужской гимназии и священником при церкви гимназии. 26 сентября 1916 г. в Казанской духовной академии защитил диссертацию «Богослужбное пение православной Русской Церкви с конца XVI до начала XVIII века по крюковым и нотопевиным певчим рукописям Соловецкой библиотеки», за что ему была присвоена степень магистра богословия. В январе 1917 г. избран товарищем председателя Екатеринбургского законоучительского кружка. В 1917 г. были опубликованы две его книги на церковно-краеведческие темы (в Казани и Вятке). Сразу после Февральской революции священник Алексей Игнатъев поднялся на самый верх церковно-общественной жизни Екатеринбургской епархии. 8 марта 1917 г. на «первом свободном собрании» духовенства и мирян г. Екатеринбурга был избран в городской Комитет общественной безопасности. В марте 1917 г. избран председателем «Исполнительного комитета общих собраний мирян и духовенства г. Екатеринбурга». На

Чрезвычайном съезде мирян и духовенства Екатеринбургской епархии, открывшимся 16 мая 1917 г., был в качестве сопредседателя и был посвящён в сан протоиерея. Занимал реформаторские позиции. «За труды, понесенные на чрезвычайном съезде» был возведён в сан протоиерея. Был выбран делегатом Всероссийского съезда духовенства и мирян (Москва, 1-10 июня 1917 г.). Также состоял членом Всероссийского церковного Собора (Москва, август 1917 – сентябрь 1918 г.) от Екатеринбургской епархии по избранию (сложил полномочия 24 октября 1917 г.). В феврале 1918 г. после Декрета об отделении церкви от государства был назначен заведующим псаломщической школы. На общем собрании духовенства 30 марта 1918 г. (ст. ст.) избран во временный Комитет Епархиального Союза духовенства. С освобождением Екатеринбурга Сибирской армией занимался организацией Народно-Богословского Института (открыт 14 октября 1918 г.), являлся председателем Академического Совета института и преподавал нравственное богословие. С сентября 1918 г. – председатель Союза Приходских Советов. Выполняя поручение съезда, издал в конце 1918 г. «помянную листовку» с данными об убитых в 1918 г. священно- и церковно-служителях Екатеринбургской епархии. Также заведовал библиотекой при Братстве Св. Прав. Симеона Верхотурского и Епархиальным книжным складом. При наступлении Красной Армии на Екатеринбург (не позднее июля 1919 г.) эвакуировался с семьей на восток. Осенью 1919 г. находился в г. Красноярске, где по некоторым данным служил регентом церковного хора в одной из церквей. Занимался организацией съезда представителей Союзов Приходских Советов сибирских епархий, и, кроме того, представителей епархий России, священники и беженцы которых находились в то время в Сибири. Съезд должен был состояться в ноябре 1919 г. в г. Красноярске. С докладом о предстоящем съезде выступил на заседании Совета Братства Св. Гермогена 15 октября 1919 г. в г. Омске. Однако быстрое наступление красных сорвало план созыва этого съезда. По данным Православной энциклопедии, преподавал в Красноярской народной консерватории до 1922 г. В сентябре 1922 г. обновленческим Высшим Церковным Управлением был переведён в г. Томск в качестве священника Петропавловского кафедрального собора. Тогда же в 1922 г. оставил церковную службу и поступил преподавателем музыкальной теории и хорового дела в Томский музыкальный техникум. В сентябре 1926 г. участвовал в конференции преподавателей музыкальных техникумов РСФСР в Ленинграде. К 1937 г. был заведующим учебной частью в Томском музыкальном училище. Арестован 26 июля 1937 г. по обвинению в контрреволюционной кадетско-монархической организации. Признал себя виновным (очевидно, под давлением следствия). Приговорен тройкой при УНКВД СССР 18 августа 1937 г. к расстрелу. Расстрелян 29 августа 1937 г. Реабилитирован Военным Трибуналом Сибирского военного округа 13 декабря 1960 г. На момент ареста был женат вторично, прежняя семья (по показаниям обвиняемого А. Игнатьева), с ним связь не поддерживала. Подробнее об А. А. Игнатеве см. ст. Сухарева Ю. М. «К биографии священника Алексея Игнатьева (1879-1937)» // Православие на Урале: связь времён. Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 3 февраля 2017 г.). Ред. А. М. Бритвин. – Екатеринбург: Уральское церковно-историческое общество; Екатеринбургская духовная семинария, 2017; Рашковский А., краевед. «Под псевдонимом «Вятчанин». К 135-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Игнатьева»: <http://blogs.7iskusstv.com/?p=33057>; Сайт Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД»/Мартиролог/Игнатьев Алексей Алексеевич (1879-1937): <http://nkvd.tomsk.ru.>; Печерин А. В., Сухарев Ю. М. Поместный Собор Российской Православной Церкви и Первый чрезвычайный всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексея Игнатьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 148-180.

²⁹⁰ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

Две задачи всё-таки осуществил А. А. в жизни: 1) он оставил след в истории изучения церковного пения в древней Руси и 2) он открыл «зелёную дорогу» для братьев в Казанскую академию. По его пути шли братья: Василий, кончивший академию в 1913 г., Николай, кончивший академию в 1917 г. и, наконец, год только проучился в академии старший брат в 1916-1917 г. Ещё раньше Алексея, в 1920 г. он тоже «ят бысть» ...

Finis! 28/VIII[1960], Успение,

6 ч. 42 м. вечера, время свердловское.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 65-75.

*В составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

*Николай Алексеевич и Юлия Алексеевна Игнатьевы**

Они были близнецами и последними в семье. В селе рождение «двойников» явилось большой сенсацией, так как это был первый случай такого рода. Началось паломничество к роженице и с выражением сочувствия по поводу постигшей «беды» и с советами: «У тебя девок мало, а парней много» - нащёптывали сердобольные кумушки, - так ты девку-то корми, а парня...»

Расти стали и мальчик, и девочка. Если бы оба были мальчиками, то их можно было бы назвать «братья Аяксы». Дружны, как говорят, «водой не разлить». В один день начали ходить. Перед Рождеством мать только что вымыла пол в кухне, не успел он высохнуть, «потоптали» по нему один за другим. Но когда стали подрастать игры повели по пословице: «Хлеб соль вместе, а табачок врозь». Мальчику по-деревенски надо играть «в коньки». Во дворе было два сарая. Это – два села, а он ездит из одного в другое. Вот он едет на одной «коньке» (палочка между ног), едет медленно, вяло, - значит поехал по хозяйству. Вот он мчится на двух «коньках», - значит – повёз почтаря. Вот он мчится на трёх «коньках», - значит повёз не иначе как губернатора. Девочка же тем временем играет в куклы. Наигрались и опять вместе.

Но вот кончили школу, и дороги первый раз в жизни разошлись: он уехал в Камышлов в духовное училище, а она – в Екатеринбург в епархиальное училище и теперь они будут встречаться только на каникулах. Кончатся каникулы, Терентий Яковлевич отвезёт их к «Каменку»²⁹¹, доедут они вместе по железной дороге до станции Богданович, а дальше – он на Камышлов, а она – на Екатеринбург.

Давно замечено, что девочки взрослеют раньше, чем мальчики. Ещё один из старших братьев наших поучал младшего: «ты – говорил он об одной девушке, будешь ещё мальчишкой, а она уже выйдет замуж и обзаведётся семьёй». Так в наше время обычно и было: мальчики учились ещё в третьем или четвёртом классе семинарии, а подруги их детства были уже замужем. Пока какая-либо девушка учится в епархиальном училище, всё кажется подругой детства и в твоём возрасте, а как кончит учиться, наденут на неё длинное платье, сделают причёску, вот тебе и невеста, а через год, глядишь, и замужем. Так получилось и с описываемыми в настоящем очерке сестрой и братом: он ещё учился в семинарии, а она уже работала учительницей. Работала вместе со своей старшей сестрой.

В 1922 г. она сделалась матерью. В тридцатилетнем возрасте она подчинилась бунту своего материнского инстинкта вопреки традиционным бытовым нормам. В деревне, где все друг друга знали, не могло это быть скрытым, и матери и старшей сестре нелегко было пережить это обстоятельство. Мальчик рос, но в его лексиконе отсутствовали слова папа и

---

²⁹¹ Каменский завод.

мама, а её он называл «Лёля» или даже «Лёлька», а нашу старшую сестру – «няня». Так, на совести семьи остался этот случай. Мальчик вырос, теперь он уже видный военный.

В 1926 г. она исключительно тяжело переносила смерть матери, особенно же то, что когда мать «отпевали» по религиозному обычаю, она была лишена возможности присутствовать при этом обряде: в деревне в то время за это могли лишиться работы.

После смерти матери сёстры несколько раз меняли места работы, а после 1930 г. работали в Беликульском селе. В 1936 г. она писала в Свердловск о том, что с работой у неё дело хорошо, что она пользуется авторитетом, но, как она выразилась, «подорвала своё здоровье». В Челябинске ей удалили грудную железу и направили в Свердловск на рентгенотерапию. Человек не может жить без надежды. Она, конечно, понимала, что означала эта операция, но думала, что её вылечат. После каждого очередного курса рентгенотерапии она продолжала работать. Когда она прошла в третий раз рентгенотерапию, был сделан снимок, который просмотрели Виткин и Ратнер.²⁹² Ей было дано стереотипное медицинское заключение: «Направляется под наблюдение местного врача». *Cancer mammae* был уже налицо. Виткин спросил: кто сделал операцию и намекнул на то, что операция сделана была неправильно. Она всё поняла. «Меня отказались лечить – так она сказала своим родным. Она была подобна птичке, которую поймали и посадили в клетку. Слезы, слёзы! «Слезы людские, льётся вы ранней и поздней порой... незримые, неистощимые». Автор сего провожал её на вокзале. Когда она поднялась в вагон, то на повороте к входной двери, повернулась к нему и сказала: «до свиданья». Он знал, что больше её не увидит. Мучительное умирание. Осенью 1938 г. в селе Беликульском, б[ывшего] Шадринского у[езда] Пермской губ[ернии] похоронили сельскую учительницу дочь диакона на псаломщической вакансии – Юлию Алексеевну Игнатьеву, 46 лет.

Судьба брата [Николая Алексеевича] сложилась так: в 1913 г. он кончил Пермскую дух[овную] семинарию, а в 1917 г. Казанскую дух[овную] академию.²⁹³ Был взят в армию. В Ново-Николаевске случайно вырвался из барачных тифозных больных. С окончанием гражданской войны работал в Шадринском отделе народного образования до 1925 г. Здесь женился на Исаковой Зинаиде Ивановне. С 1925 г. они с женой работали в Перми: он одно время зав[едующим] школой, потом инспектором, а в конце учителем. Жена его работала учительницей. По выходе на пенсию они переехали в Ленинград в 1954 г. Здесь в марте 1956 года умер Николай Алексеевич

---

²⁹² Ратнер Лев Моисеевич (1886-1953) – хирург и онколог, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии Уральского государственного университета в 1934-1951 гг.

²⁹³ Игнатьев Николай Алексеевич окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1917 г.

Игнатъев... Он не дожил немного до 65 лет. Умер он... скоропостижно: уснул и не проснулся. Похоронен в Ленинграде.

*Sic transit gloria mundi.*²⁹⁴

[²⁹⁵]

[²⁹⁶]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 51-54 об.

*В составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; авторский заголовок очерка: «Брат и сестра».

---

²⁹⁴ *Sic transit gloria mundi* – по-латински «Так проходит слава мира».

²⁹⁵ Из очерка «Николай Алексеевич Игнатъев» в составе воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Многие выходцы из Пермской духовной семинарии вступили в ряды деятелей культуры в широком смысле этого слова уже только при советской власти. К таковым относился Н. А. Игнатъев. Н. А. кончил Казанскую духовную академию уже в последний год её существования – в 1917 г.

Вся его деятельность проходила в органах народного образования: сначала в Шадринске – в качестве инструктора р[ай]оно [районного отдела народного образования – ред.], а большую часть – в Перми, в должности инспектора гороно [городского отдела народного образования – ред.], а в конце – в качестве преподавателя.

Биография Н. А. была не сложной. Сын сельского дьячка, он прошёл всю систему дух[овных] учебных заведений, начиная с Камышловского дух[овного] училища и кончая Казанской дух[овной] академией, в которую он поступил после обучения в Пермской дух[овной] семинарии. Он был скромным и трудолюбивым как в учении, так и в труде. В селе [Русская Теча], знавшим его и по учебным заведениям, где он учился, и по работе, известна была его мягкость характера, деликатность и такт в обращении. В молодые годы, в соответствии с семейной традицией, он увлекался пением, был участником концертов и спектаклей, одним словом внёс свою лепту в деревенскую культуру своего родного села – Течи, Шадринского у[езда] Пермской г[убернии]. Как и его братья, был патриотом своей *alma mater* – Пермской дух[овной] семинарии. Умер в Ленинграде, не дожив немного 65 лет. 13/X – [19]60. 17 ч. 53 м. вр[емя] св[ердловское]» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 11-11 об.

²⁹⁶ Из очерка «Близнецы (из семейной хроники Игнатъевых)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Когда я обдумываю вопросы о жизни – что же она такое, в чём её смысл, то всегда стараюсь представить чью-либо жизнь, как говорится, «во мгновении ока», и в этом случае мне всегда вспоминается Николай – его игра в «кóньки». Вот он на «кóньках» (палочках) тройкою и парой мчитя от одного сарая к другому с присвистом, или едет в развалку. Эта картина стоит перед моими глазами и не верится, что его уже нет в живых. Был человек – и его нет. Всё остаётся людям», но это «всё» как-то расплылось, его не видно, так именно случается с большинством людей, а в воспоминаниях остаётся конкретный образ человека, по поводу которого неотвязно стоит вопрос: что же это такое жизнь?!» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 86.

*Иван Алексеевич Игнатъев**

Все дети сельского дьячка А. И. Игнатъева учились хорошо, а он категорически отказался продолжать образование дальше. Казалось, уговорили: он поступил учиться в Камышловскому дух[овное] училище. «Ну, слава богу, решили теперь дело пойдет». Не тут-то было! Уже в первом классе остался на второй год, а через год исключили.²⁹⁷ В чём дело?

Надо, видите ли, ему вести хозяйство: кормить лошадей, в после ездить, сено убирать, а учиться не надо. Он и в духовном училище, вместо того, чтобы учить уроки, разметил у себя в парте, где у него ближнее поле, где дальнее, и передвигал палочки то туда, то сюда с мыслью, что съездил в поле. Что с ним делать? Остался при доме на положении работника. В воображении ему всё представлялись картины того времени, когда у отца было хозяйство: несколько лошадей, поля засеивались, кипела работа в поле и на гумне, а когда он остался дома, то это всё уже было ликвидировано, но для разезда были оставлены две лошади. Мечты его, таким образом, полностью не осуществились: зимой он убирал во дворе снег, ездил за водой, отвозил в школу и привозил обратно домой учительницу-сестру²⁹⁸, ездил с отцом за сборами. Летом ездил в поле за травой, но всё это было не то, что представлялось ему раньше в мечтах.

Шли годы, менялось его мышление, он понял, что сделал ошибку и, наконец, у него появилось настоящее желание учиться, иметь школьных друзей, но где? Где есть такая школа, в которую принимают семнадцатилетних? Посчастливилось: в Далматове при монастыре была открыта двух-годичная школа для подготовки учителей в церковно-приходские школы.²⁹⁹

---

²⁹⁷ Игнатъев Иван Алексеевич поступил в Камышловское духовное училище в 1894 г., окончил подготовительный класс в 1895 г., оставлен в 1-м классе за малоуспешностью, зависящей от малоразвитости в 1896 г., исключён из 1-го класса в 1897 г.

²⁹⁸ Игнатъеву Александру Алексеевну.

²⁹⁹ Имеется в виду второклассная церковно-учительская школа при Далматовском Успенском мужском монастыре, открытая в 1899 году.

Из очерка «Университеты» нашего брата Ивана» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В том же помещении, где до 1888 года в Далматовском монастыре было духовное училище, перенесённое затем в Камышлов, и была открыта эта двухгодичная школа. Она представляла из себя, по-видимому, нечто похожее на духовное училище, но без классических языков. Она частично была на бюджете епархиального ведомства в той части, в какой в неё поступали дети духовенства, а частично содержалась на взносы за обучение, которые надо полагать, были небольшими, потому что в эту школу устремились дети крестьян, обучение которых в гимназиях или реальных училищах не доступно было их родителям. Так, из деревни Баклановой, что вблизи Течи, поступили в эту школу три сына мельника Попова и один мальчик мужичка Ивана Степановича Бобыкина – Димитрий Иванович. В школе в общем учили четью-петью церковному, а «профессора» были из местных. Брат рассказывал о низком культурном уровне монахов. Так, он называл иеродиакона Филофея, который даже не мог правильно читать по-славянски. Таким

В это время царствовал Александр III, «гатчинский пленник», как его называли, а советником его был обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, мрачный ретроград с холодным, мертвящим взглядом. Духовным отцом царя был Иоанн Кронштадтский. Для населения в деревнях открывались земские школы, но, несмотря на то, что в них отведено было место закону Божию, они не отвечали тому идеалу народного просвещения, какой представлялся умственному взору Константина Петровича, во-первых, а, во-вторых, многие города и веси не имели ещё школ, и эту пустоту нужно было заполнить. На подготовку учителей отводилось два года, что считалось достаточным, так как требования к учителям этого типа школ ставились минимальные, вроде ранее сформулированных: «научить четью, петью церковному».

Юноша, образно выражаясь, наголодался и соскучился об учении и товарищах, так что с жаром принялся за науки. По окончании школы, он был назначен учителем церковно-приходской школы в деревню Боровую Шадринского у[езда], но проработать там ему удалось только год, так как осенью следующего года он был призван на военную службу.³⁰⁰ Он был определён в артиллерию и направлен во Владивосток, а из него на Русский остров. В деревне, где он учительствовал, жалели о нём ещё и потому, что он проводил душеспасительные чтения в часовне. Дома же больше всего горевала мать, во-первых, потому, что это было не привычным для семьи (раньше никто в армию не уходил), а, во-вторых, это событие, т. е.

образом, окружающая среда не могла оказывать воспитательного влияния на учеников школы.

Состав учеников был пёстрый и с низким уровнем развития. Был, например, такой случай с одним из учеников школы – Кудряшовым. Он мнил себя Шаляпиным и заставлял упрашивать что-нибудь спеть. Раз его упрашивали, и он благосклонно согласился спеть со словами: «Ну, так и быть – спою вам из «Демона» и запел «Ревела буря, дождь шумел...» Указанный выше Бобыкин Дмитрий Иванович однажды разыграл Хлестакова: представил своей б[ывшей] учительнице, нашей старшей сестра А. А. Игнатъевой «учёное» сочинение о воробье, которое начиналось так: «Воробей – это пролетарий и ярый коммунист в царстве пернатых». Сестра по-первоначально удивилась: откуда это её б[ывший] ученик набрался такой премудрости и так ловко пишет. Открыла один из номеров «Нивы» и нашла там этот трактат из слова в слово. Ловкач, как передавали, после Октябрьской революции работал прокурором. Судьба трёх Поповых не известна, но было известно, что их мать после смерти мужа вышла замуж за одного молодого монаха, который бывал у них при жизни мельника» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 104-108.

³⁰⁰ Из очерка «Университеты» нашего брата Ивана» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Брат по окончании этого «университета» два года работал учителем церковно-приходской школы в одной из деревень около Кабанья, где приход возглавлял Владимир Попов, известный под прозвищем «барона». Летом 1903 г. в Екатеринбурге организованы были певческие курсы для учителей, на которых брат совершенствовался в искусстве пения, а осенью он был взят в солдаты и отправлен во Владивосток – в крепостную артиллерию» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 108-109.

отправление его в армию, произошло вслед за окончанием русско-японской войны, столь печальной для России.

Юноша получил в армии звание ефрейтора. Ему ещё удалось повидать там сподвижников генерала Стесселя³⁰¹ в Порт-Артуре, например, генерала Белого.³⁰²

Через четыре года он возвратился со службы домой. Встал вопрос о дальнейшем его устройстве. Один из старших братьев³⁰³ взялся подготовить его к экзамену на звание диакона. Пока шла подготовка он женился на дочери второго теченского священника о[тца] Анатолия Бирюкова, однофамильца настоятеля церкви – Серафиме Анатольевне. В его свадьбе принял горячее участие его крестный батюшка – сам о[тец] протоиерей. Так, для поездки его в церковь на венчание, хотя она была буквально в двух шагах от дома жениха, о[тец] протоиерей выслал пару лошадей, запряжённых в тарантас. После свадьбы молодой отправился в Тобольск с ходатайством к епископу Варнаве³⁰⁴ о разрешении сдачи экзамена на диакона и о назначении на должность. Экзамен он успешно сдал и был назначен диаконом в село Кривинское Курганского уезда. Здесь он пробыл три или четыре года, а потом переехал ближе к своему родному селу – Тече – в село Теренкульское Шадринского у[езда], куда его назначили священником. Здесь умерла его жена Серафима Анатольевна от рака грудной железы (*cancer mammae*). Осталось трое малых детей.

После Октябрьской революции, когда православную церковь стало сильно «лихорадить», он «подался» в обновленцы и вторично женился на дочери священника Владимира Соловьева – Клавдии Владимировне. Пошла вторая семья.

После гибели старшего брата Александра, он отказался от священства и с того момента началось его «хождение по мукам». Он переехал в Течу и занялся, было сельским хозяйством, но налоги на него, как на частника, сыпались, как из рога изобилия. Кое-что за него платила младшая сестра-учительница³⁰⁵, но помогать ему стало не в состоянии, а кроме того во время сибирской язвы у него пали кони. Попытал он счастья в Караганде, но вернулся ни с чем домой. Тогда он переехал с семьёй в село Буткинское Шадринского у[езда] и устроился здесь в леспромхоз вздымщиком по добыче сосновой живицы. На этой работе он не был в состоянии обеспечить свою семью и [после тридцатых годов] переехал в поселок Верхняя Пышма около Свердловска, переведённый потом в *status* города. Здесь он поступил сначала конюхом на конный двор медеэлектролитного завода, а потом плотником.

---

³⁰¹ Стессель Анатолий Михайлович (1848-1915) – барон, генерал-лейтенант, комендант Порт-Артура во время русско-японской войны.

³⁰² Белый Василий Фёдорович (1854-1913) – русский генерал от артиллерии.

³⁰³ Игнатъев Алексей Алексеевич.

³⁰⁴ Варнава (Накропин) (1859-1924) – архиепископ Тобольский и Сибирский в 1913-1917

гг.

³⁰⁵ Игнатъева Юлия Алексеевна.

Всё это рассказано о сыне диакона на псаломщической вакансии с[ела] Русско-Теченского, Шадринского у[езда] Пермской губ[ернии] Алексея Ивановича Игнатъева – Иване Алексеевича Игнатъеве.

Умер Иван Алексеевич 18-го марта 1955 г. на 71-м году жизни и похоронен на кладбище г. Верхней Пышмы вместо со своими старшей сестрой – Александрой Алексеевной и тётшей Анной Григорьевной.

От первой жены – Серафимы Анатольевны у него оставалось четверо детей: два сына и две дочери. Оба сына его – Николай и Аркадий – погибли на последней войне, старшая дочь работает в Свердловске, а младшая живёт с мужем где-то в Курганской области. От второй жены – Клавдии Владимировны – у него было четверо детей, но в живых осталось две дочери. Старшая из них – по мужу Грязнова – живёт в Свердловске и работает на телефонной станции, а младшая – по мужу Лебёдкина – живёт в городе Верхняя Пышма и работает на медеэлектролитном заводе. Вторая жена – вдова Клавдия Владимировна – живёт в Верхней Пышме в избежке, оставшейся после смерти мужа и получает пенсию шестнадцать рублей в месяц.³⁰⁶

Из всех братьев Иван Алексеевич по условиям жизни – по местожительству и личным отношениям – ближе других связан был с родительской семьёй, особенно в самый тяжёлый период после революции. Только он один из братьев хоронил мать и сестёр.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 561-565 об.

*В составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; авторский заголовок очерка: «Неудачник».³⁰⁷

---

³⁰⁶ См. также очерк «Отцы и дети» в Части IX. «Очерки по истории Зауралья».

³⁰⁷ В составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уже не называет брата Ивана «неудачником» и очерк о нём называет «Университеты» нашего брата Ивана», который заключает следующими словами: «В семье его у нас считали неудачником, но правильно ли это? Бесспорно, однако, то, что на судьбе его подтвердилась пословица: «Век живи – век учись» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 111.

*Сергей Александрович Игнатъев**

С. А. уже сын старшего брата Игнатъевых. Он тоже учился в Пермской духовной семинарии, но не до конца её, а вышел из неё по окончании четырёх классов. Учился на медицинском факультете Казанского университета 1,5 года, а потом был мобилизован, оторвался от учения. В армии получил звание лекарского помощника, но [в] 1923 г. перешёл на педагогическую работу сначала в школе ФЗУ Свердловской Ленинской фабрики, где преподавал физику. Всё время повышал заочно свою педагогическую квалификацию. В 1930 г. переехал на работу в Алтайский край – в г. Бийск, где работал в учительском институте и в школе при нём. В настоящее время на пенсии. От семейных черт Игнатъевых унаследовал большую трудоспособность и любовь к музыке и пению, хотя в последних не проявил особенного таланта. Он был последний из Игнатъевых, бывших пермских семинаристов, которые пошли по линии педагогической деятельности. Как его дядя, он добрым словом поминает Пермскую духовную семинарию.³⁰⁸

13/Х – [19]60. 17 ч. 15 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 10-10 об.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

³⁰⁸ Игнатъев Сергей Александрович (1896-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1911 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1917 г. «В семинарии проявил большие музыкальные наклонности и занимался музыкой совместно с Г. И. Богомоловым. По окончании семинарии поступил учиться на медицинский факультет Казанского университета и скоро оставил его. В 1918 г. работал инспектором школ Камышловского уезда. В 1919-1920 гг. мобилизован в армию Колчака. По окончании гражданской войны работал учителем. Потом переехал в г. Бийск Алтайского края, там работал в планетарии, был разъездным лектором от Общества «Знание». В настоящее время на пенсии, живёт в г. Бийске, продолжает участвовать в работе Общества «Знание». Женат на учительнице А. Черноскутовой». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 72-72 об.).

ДЕТСКИЕ ГОДЫ ПЕТИ ИКОННИКОВА*

В семье сельского дьячка Алексея Иконникова Петя был пятым из семи детей и, таким образом, относился к младшему поколению её. Когда Петя был ещё ребёнком, два старших брата его и старшая сестра учились уже в средних учебных заведениях.

Детские годы П., до десятилетнего возраста, протекали в большом зауральском селе, расположенном на возвышенном берегу речки Течи, от чего и село коротко называли Течей, а в отличие от одноимённого села – Русской Течей. У села были очень красивые окрестности. С северной и южной стороны его вдоль речки расположен был сосновый лес, с восточной стороны – березник с лужайками и болотцами, а на западе, за рекой, вплоть до линии горизонта простиралась равнина с полями и с перелесками («колками»), разбросанными в разных местах её. Особенно красивыми были берега речки и сама речка в южном направлении от села. В различных местах речка в своём течении делала самые причудливые изгибы, петли; русло её иногда раздваивалось и образовывались небольшие острова, покрытые ивами и ольхами. В некоторых местах между руслом реки, и высоким берегом образовались поймы, с лесом дикой черёмухи, смородины, причём стволы черёмухи сплошь обвиты были прутьями хмеля, а внизу высокий густой папоротник затруднял движение по лесу. Такие заросли деревьев называли «наволо́ками». Особенно выделяющиеся чем-либо места по берегу реки имели названия. Так, гористый, с обрывами в различных местах, берег, покрытый соснами, расположенный на расстоянии версты к югу от села имел громкое название «Швейцария»; в двух верстах от «Швейцарии» – расположена «Красная горка», а дальше ещё через версту или полторы – «Поганое место», названное так, потому, что были здесь несчастные случаи на рыбалках, а именно тонули люди, да и место здесь было какое-то глухое: жутко было оставаться на ночь. Вблизи села и дальше на шестой версте расположены были мельницы с небольшими прудами, что оживляло пейзаж и придавало ему поэтический вид. В окрестных лесах было много ягод и грибов, а на реке и особенно на болотах плавали стаи диких уток.

Петя был впечатлительным мальчиком, и в памяти его сохранились такие события его жизни, которые относились ещё к тому времени, когда его носили на руках. Так, он помнил весенний день, когда его, одетого в детскую шубёнку с шалью на голове и в валенках, вынесли на двор и поставили на завалину у дома. В первый раз в жизни пред ним открылась картина весны: солнце слепило глаза, но он всё-таки увидел на дворе ручейки, капли, падающие с крыш, корову, греющуюся в пригоне на солнце, куриц, разгребающих навозные кучи.

Помнил также П., как однажды зимой в комнате было темно, были закрыты ставни, сильный ветер трепал их и они стучали и скрипели; его укутывали в шали, надевши на него новые рубашку, штанишки, потом куда-

то уносили. Позднее он узнал, что это в день его именин его носили «к причастию».

Когда П. было уже четыре года, в жизни семьи произошло большое событие. Утром в один из майских дней, только что открыв глаза и приподнявшись с постели, он заметил, что в комнате творится что-то особенное: за ширмой лежит мать, по комнате взад и вперёд – то за ширму, то в кухню – ходит какая-то старушка. Отец в кухне. Вдруг раздаётся не то глубокий вздох, не то приглушенный стон... и детский плач. Это родились младшие брат и сестра – близнецы. Это навсегда врезалось в память П. Помнил он также, как несколько позднее к открытому окну кухни подходили какие-то женщины и всё что-то наговаривали матери. Позднее он узнал, что это были соседки, которые приходили к матери с соболезнованием по поводу рождения ею двойников и советовали ей мальчика как-нибудь «известить» - мальчиков-де у ней много, а девочку оставить, т. к. она была в семье только второй.

Запомнил также П. тот зимний день, когда мать вымыла пол в кухне и как по сырому ещё полу, оторвавшись от скамейки, первый раз, балансируя пошёл с начала брат, а за ним двинулась и сестра.

Позднее П. рассказывали, что в детстве с ним был какой-то припадок и что его положили уже «под иконы», но он неожиданно встал. Что с ним было, так и осталось неизвестным.

Первыми по времени Петиными друзьями, участниками детских игр были мальчик и девочка из соседнего дома – Ваня и Настя. Смежные дворы отделялись друг от друга бревенчатым заплотом вышиной, примерно, в два Петиных роста, но П. теперь уже так наловчился забираться и опускаться по выступам брёвен, что один шаг, и он уже во дворе соседей. Сюда подходили ещё дети из ближайших домов, и начиналась игра в прятки. Не хуже, чем свой двор и расположенные в нём постройки, изучен был соседский двор, пригоны, конюшни, сеновалы и П. моментально ориентировался в них для прятанья. Чаще, однако, игры проходили в садике перед соседским домом. Здесь росли черёмухи и берёзы, а под окнами были пышные мальвы. Под черёмухами, в густой тени их дети строили шалаши со скамейками внутри них и разной домашней утварью на столе. Здесь они «чайпили», и «паужинали», и «ужинали». Когда в комнате, прилегающей к мальвам, не было хозяйина её старичка Савелия Фёдоровича, ребята осмеливались проникать внутрь неё, причём Петю больше всего интересовал стоявший у дверей комнаты шкаф с чайной посудой (горка), а в нём сахарница, имеющая форму птички. Для Пети это было первое художественное произведение, которое он видел, почти чудо искусства, и он готов был по долгу любоваться этим «чудом». Зимой игры почти прекращались, т. к. Ваня и Настя из-за отсутствия обуви больше сидели дома. Друзья забирались иногда на печку и полати, здесь «запрягали бабки в дровни», «ездили в лес за дровами или за сном» и т. п.

Чем больше Петя подрастал, тем шире и шире становился круг его друзей, а игры были разнообразнее и по-своему сложнее. Центр игр был пере[не]сён от соседей на «Горушки», к дому «Рожковых». Центральными фигурами, организаторами игр становятся Санко «Рожков» (это прозвище, а фамилия – Южаков) и Ванька «Еленин» (почему то звали по имени матери). Место игры – площадка перед домом Южаковых-«Рожковых». Игра шариком – самая любимая.

Организационная часть: избираются «матки», обычно признанные вожаки игры. Их двое. Остальные парами (четыре или пять) расходятся на придумывание «загадки», строго конфиденциально. С «загадкой» являются к маткам, которые по очереди разгадывают загадки. Обычно загадчики стараются преподнести загадку в виде каламбура, например: «матки-б...ки! в ложке утонул или в корчаге заблудился»; или «Коней воровал, или замки ломал» и т. д. Таким образом, называя ту или иную часть загадки, матки набирали себе игроков. Дальше решался вопрос о том, кому первому играть и кому «галить». Вопрос решался или тем, что которая либо из маток вытягивала из рук другой одну из зашифрованных палочек, «причём короткая обозначала «галить»; или тем, что та и другая матка через голову кидали шаровку, причем брошенная на близкое расстояние шаровка указывала на «галить». И вот, наконец, организационная часть игры закончена, и одна группа становилась в линию у ямки (лунки) для каждого игрока, а другая уходила на «поле» ловить шарик и бросать его матке – «галить». Матка «галящей» группы по очереди подходила к каждому игроку «играющей» группы, подбрасывала шарик кверху, а очередной «играющий» должен был его ударить, выбрасывая шаровку, которая улетала на поле. В этом ударе, в его ловкости и заключался главный интерес игры. Если шаровка не попадала в шарик, она оставалась на поле, пока кто-либо ловкой рукой не пошлёт шарик на дальнейшее расстояние, причём пока шарик не попал в руки «галящей» матки, все должны успеть вытащить с поля шаровку, и тогда подача шарика снова продолжалась своим порядком. Но могло быть и так, что кто-либо не успел с шаровкой, схваченной на поле, стать на свою лунку прежде «галящей» матки, а она положила раньше его возвращения шарик в лунку, это означало, что его «залакали», т. е. игра проиграна, и группы обменивались местами. Каждая «играющая» группа старалась как можно дольше сохранять свою позицию – «гонять» другую. На этом строился азарт игры. При игре запрещалось ударить шарик, удержав шаровку в руке; это на жаргоне игроков называлось бить «с ручкой». В качестве штрафа за это матка «галящей» группы отнимал у провинившегося шаровку и через свою голову старался как можно дальше её забросить на поле, чтобы труднее было её «выручить». Игра эта имела три разновидности: шарик подавался близко (один вариант), шарик подавался в отдалении (второй вариант), шарик прокатывался по земле (третий вариант). Среди игроков были такие мастера, которые наверняка засылали шарик далеко. Таких

«матки» обычно, прибегая к разным хитростям, старались заманить в свою группу. В этой игре участвовали только мальчики.

«Кандалы». Откуда появилась и где зародилась эта игра, никто не знал, а Петя думал, что её придумал Санко и что только в кругу его друзей и была эта игра. Игра построена по форме диалога: ведущий спрашивал, а прочие по очереди отвечали. Ведущий говорил: «Кандалы», ответ: «закованы». Ведущий: «роскуйте», ответ: «коева?» Ведущий: «зажимайте кулаки!» ответ: «на чьи бока?». Ведущий: «на (имярек)». Все кидались на того, чьё имя было названо и совершали бокс. Задача в игре заключалась в том, чтобы не растеряться и убежать от кулаков, т. е. избежать бокса. В этом отношении она была разновидностью игры «царём» с тем различием, что последняя игра ещё сопровождалась посвящением в цари.

[«Цари».] Игра организовывалась следующим образом: царь (первоначально выбранный) назначал своим подчиненным (игрокам) условные слова-прозвища, например: сапог, гусь и т. д. Когда он называл чьё-либо слово, владелец его должен моментально схватить лежащий у ног царя мяч и кинуть его в кого-либо. Если мяч ни в кого не попадал, игра продолжалась при прежнем царе, если же мяч в кого-либо попадал, то этот игрок избирался в цари, его садили на место царя и с формулой: «Как старый царь служил, так и ты служи» трижды ударяли мячом по голове.

Сезонной весенней игрой была игра в бабки – коном. Играм для «благородных» считались: игра в городки (*sic!*), мячом лаптой, пускать змея. Традиционной игрой из поколения в поколение переходила игра в кóньки. Она имела две разновидности: «тройки» и «на палочке». Всем известна картина художника Перова³⁰⁹: «Тройка». Вот такой вид имели «тройки» и в Петиных играх, только они были без тележки.

Для игры мобилизовалось всё, что у кого-либо имелось из звонков, ширкунцов, ботал. Всё это навешивалось на грудь и шеи «русаков», а дуга с колокольцами была в руках и «коренника». Боковые должны обязательно «гоглиться», т. е. согнуть голову при беге на бок. И вот по селу мчатся тройки с «губернатором», или свадьбы, «с гиканьем и свистом». Патриархальные времена! Посмотрит на эту картину какая-нибудь старушка и злобно пробурчит: «будь они прокляты окаянные, а я думала, что кто путный едет».

«На палочке» - это чаще индивидуальная игра. Петя помнил, как «гонял» «на палочках» от одного сарая к другому, ездил «за дровами», «на тройке возил земского», «водил лошадей на водопой» и даже водил «купать». Как сильна была всё-таки детская фантазия!

Ничто так ярко не сохранилось в памяти Пети, как купание в «священных» (так это ему сейчас кажется) водах Течи. И одеяние П. так соответствовало купанию, поясок, связанный Варварой Ивановной, картуз... не обязательно, босые ноги... обязательно. И вот команда: «Купаться на

---

³⁰⁹ Перов Василий Григорьевич (1834-1882) – русский живописец.

своём берегу!» И ватага мальчишек стремительно летит к спуску с горы. До реки ещё остается спуститься с горы, пройти между огородами, сажень 50-60, спуститься со второй горки, пройти мимо лужи, где блаженствуют свиньи... но ждать долго, а жар томит. На горе уже рубахи и штаны под мышку... и только ветер в ушах! Мимо лужи осторожно: здесь ползает живой свиной волос, он может забраться в человека и ходить по всему телу. Так исстари передаётся, а это свинкам и на руку: никто здесь не нарушает их покоя. Где ты, Тарас Скотинин?³¹⁰ Вот бы где тебе любоваться ими! Но вот река, брошены рубахи и штаны. «Чур не мне воду греть!» Традиция – ничего не поделаешь! Что может быть лучше теченской воды в жаркий день! Нет, лучше этого блаженства ничего не может быть! Давайте брызгаться! И пошла толчея. Надо обследовать дно – давайте бродить. У берега сгрудились пескари... и в миг одни штаны превращены в невод. Надо поплавать... взмах этих же штанов через голову... Пожалуйста вот пузыри для плавания – теперь можно перебраться и на тот берег. Замёрзли – надо погреться... и вот вывалялись в песке, и вереницей «черти» побежали по берегу реки. Набежали на место, где полощут бельё... «Убирайтесь отсюда, окаянные!» А «окаянные» всё бегут и бегут вперед. И так целый день! Каждый день! С носу до двух раз за лето сходит кожа, волосы выцветают, на ногах «цыпки», кожа трескается. Лечение – мазать сметаной. Но вот подросли, и «свой» берег уже не удовлетворяет: нужно место поглубже. Команда: «айда, ребята, к мосту!» И ватага с гиканьем, вперегонку несётся к мосту: там есть глубокая яма – можно поплавать, понырять. Вот и то, что называлось мостом Гоголь, бессмертный Гоголь! Только он смог бы описать этот мост. На четырёх-пяти сваях, едва скреплённых косыми перекладинами, лежали жерди, а на них толстый слой навоза. Сверху из жердей же сделаны перила, неустойчиво прикрепленные к сваям. И вот по мосту проезжает воз с сеном: жерди скрипят и гнутся, перила ходят ходуном, воз качается, как пьяный, навоз опадает на воду. Но для Пети и его друзей мост был предметом, доставлявшим высшее наслаждение: с него можно было прыгать в воду. Вёрхом геройства считалось прыгать с перил моста вниз головой – и Петя постиг это искусство. Вереницей друзья Пети и он вылезали из воды, забирались на перила и кидались в воду вниз головой, пока тело не покрывалось гусиной кожей, а губы не становились синими и дрожь проходила по всему телу. Между тем их поджидали ещё хулиганские выходки некоторых завсегдатаев купанья у моста: они «солили» замёрзших. Это значило, что когда такой надевал или штаны или рубаху, его обсыпали песком, бедняга лез в воду обмыться, а с ним снова проделывали то же, пока он не начинал плакать. Были ещё мастера путать бельё, главным образом – штаны. Пользуясь пояском (гасником), этот мастер так запутывал штаны, что замёрзший никак не мог их распутать.

---

³¹⁰ Тарас Скотинин – персонаж комедии русского литератора Дениса Ивановича Фонвизина (1745-1792) «Недоросль».

В праздничные дни мост становился центром развлечений молодёжи. Сюда приходили покупаться и поплавать и девицы, из тех, которые побойчее, и на перекладинах свай под мостом иногда виднелись сидящие на них русалки, кимеры и сильфиды с распущенными волосами и чуть-чуть погружённым в воду торсом.

К мосту приводили купать лошадей, и это было для Пети [и] его друзей великим удовольствием. Часто приводили лошадей, забитых пахотой, грязных, с шишками от укусов шершней и вот, погружались в воду, они кряхтели от удовольствия, мальчишкам же нравилось держаться за хвосты плавающих лошадей, нырять под них. Иногда приводили выездных лошадей, резвых, горячих. Особенно славился «пеганко» земских ямщиков Кокшаровых. О нём складывались даже легенды. Так, рассказывали, что он однажды сбросил себя земского начальника Габриельса. Пете особенно нравилось, как после купанья иногда кто-нибудь стремительно мчался на этом пеганке в гору. Стремительность его, действительно, была изумительной. С купанием у моста у П. связаны воспоминания о соревнованиях в продолжительности быть под водой, в дальности при нырянии, в искусстве измерять глубину. Хорошо П. запомнил также такой случай. У моста в одном году построена была купальня приставом Селивестровым. Дочь его, Маша, купаясь потеряла кольцо, и ватаге друзей было предложено найти его, обещана при этом награда конфетами. И вот бригада под командой Санка «Рожкова» взялась за это дело: ныряли с открытыми глазами до того, что они налились кровью, но увы! успеха не имели.

С летней порой у П. было связано много воспоминаний о полях, покосах и работами на них. Смутно П. помнил о том, когда отец вёл развёрнутое хозяйство. В его памяти сохранилась картина двора, заполненного телегами, а зимой – санями. Запомнилось, как они с братом купали лошадей. Запомнилось ему, как он с отцом ездил в поле с продуктами для питания, как отвозились и привозились поденщики, как при возвращении они пели песни.

А сколько было удовольствия бегать по лугам, собирать ягоды, рвать пучки, цветы, или сидеть у костра в балагане. Весёлая пора сенокосения! Помнил П. как возили копны, складывали сено в стога. Помнил, как ловили на покосе журавлят. Вместе с этим П. видел, как тяжело было в это время матери. Ежедневно она выпекала мешки калачей, которые отправлялись в поле, а с ними громадные жбаны с квасом. Но больше всего в памяти П. сохранились дни, когда перевозились с поля снопы на гумно. Осень, но дни ясные и солнце ещё пригревает. Четыре телеги со снопами медленно движутся на гумно. Дорога укатана до лоска. По обочинам и на дороге солома. У каждого воза сзади полог, а по середине воз затянут под бастриг³¹¹. П. растянулся на одном из возов и созерцает увядающую природу: «в багрец

---

³¹¹ Так в тексте, правильно – бастрик, в Зауралье говорили «бастрыйк».

и золото одетые леса», опустевшие нивы и пр. Все эти картины будут воспроизводиться, когда в стихах П. будет заучивать картины осени.

*«Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.
Весь день стоит как-бы хрустальный.
И лучезарны облака»³¹²*

- это Т[ютчев] описал ту картину осени, которую П. наблюдал, лежа на возу со снопами.

*«Осень. Поля опустели... Лес обнажился.
Только не сжата полоска одна»³¹³*

- это поэт опять написал о том, что П. наблюдал в это время.

Наступила зима. Новые яркие картины возникают в памяти Пети. Вот сквозь сон он слышит, что кто-то постучал в окошко. Да это Матвейч направляется на гумно топить овин. «Папа, можно мне пойти с Матвейчем; вчера он обещал меня взять с собой» - «Иди!». Быстро собрался, в карманы наложил картошек – так советовал Матвейч. И вот П. с Матвейчем сидят в «лозее». Матвейч подбрасывает в огонь хворостинки, а П. зарыл картошки в золу и ждёт, когда они испекутся. Но вот и картошки готовы. Как они ароматны!.. Клонит ко сну, и голова П. падает на колени Матвейча. Тепло: сомлел! С рассветом явились мужики и бабы с цепями. Снопы овальным кругом разложены по току. Брат Ваня, постарше П., сидя верхом на средней из тройки лошадей ездит кругом по снопам, а мужики с бабами бьют по снопам цепями. Если ещё очень рано, костёр зажжённой соломы ярко освещает ток и работающих. Петя заглядывает в овин. Пусто, пахнет дымком и сухим зерном. После обеда солому снимают с тока, зерно провевают на ветерке. П. кувыркается в свежей соломе.

Зима медленно шагает вперед. Пришли святки! Команда: «пошли славить!» и П. опять в кругу своих друзей. «Рождество Твое, Христе Боже наш». На собранные копейки у Новикова покупаются орехи, пряники, конфеты. Дома готовятся «сырчики». Команда: «пошли колядовать». И вот П. опять в кругу друзей. «Ходим мы ребята колядовщики!» Дают сырчики. «Узнайте, разгадайте!»

Масленица. С горы катаются все: бородатые и безбородые, мужчины и женщины, мальчишки, девчонки. Катаются хорошо одетые и оборванные. С пятницы по главной дороге движется бесконечный обоз саней, коробов, в них сидят люди, в натуральном виде и в масках. Ребята лет 17-ти-18-ти верхом на лошадях гарцуют среди подвод. В грибах у лошадей ленты. В воскресенье под вечер звон колокола... и село погружается в тишину.

---

³¹² В оригинале стихотворения Ф. И. Тютчева (1803-1873):

*«Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...»*

³¹³ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Несжатая полоса».

Великий пост. Унылый звон. Иногда по селу идут бесконечные обозы. П. стоит у дороги и наблюдает. Если кто-либо подвернётся из друзей, загадывают, кому какая выпадет лошадь, если считать по шести, десяти или как-нибудь иначе...

Пасха! Качели, хождение на колокольню. Звон. Катание яиц. Ручейки, а позднее за берёзовкой! Это уже дело Санка «Рожкова». И опять вся ватага друзей вместе. Все эти картины стоят перед глазами Пети.

Но в памяти П. сохранились ещё и особые картины. Вот он сидит на телеге, а отец медленно переходит от дома к дому, стучит и говорит: «Поделитесь!» И вот несут сметану, яйца, шерсть, свёртки льна и кудели. Осенью П. ездил с отцом, и они привозили куриц, уток, морковь, репу и т. д. Только много позднее П. понял всю унижительность этих поездок.

Пете было четыре или пять лет, когда был голод. Он хорошо запомнил, как замерзали с голоду коровы и лошади. Помнит, как он приходил в Санку, а он и его брат Егорка сочали кусочки глины. Помнил хлеб из лебеды. Помнил, как потом давали населению обеды. Особенно П. запомнил, как летом боролись с саранчой, которая всё поедала. Школьники во главе с учительницей были организованы в бригаду по борьбе с саранчой. Была для этого устроена такая машина: в ось, вставленную в колеса, вделывались дощатые лопасти, а сзади подвешивался полог в виде мешка. Когда это сооружение передвигали при помощи оглобель, то лопасти били по траве и забрасывали саранчу в полог, а оттуда её выбрасывали в костёр. Полог быстро наполнялся... Но эта борьба была бессильна против тучиседающей саранчи. Для школьников эта борьба имела то значение, что их кормили. И вот перед глазами П. стоит такая картина: он с работником повёз корчагу просяной каши в поле школьникам. Корчага стояла на только-что просмолённой телеге. При спуске с горы лошадь сделала неправильное движение по откосу, и каша немного вылилась на телегу. Языки П. и работника немедленно очистили телегу от каши, прихватив немного и смолы. Ещё сейчас в ушах П. звучит детское «Отче наш», когда они подъезжали к школьникам. Молитва была подготовкой к обеду.

Помнит П. и о семейной беде, когда сворованы были кони. Рассказывали, что кони были выведены через огород. Не могли вывести только сивого мерина «Никитича», потому что он никогда не давался в чужие руки. Позднее высказывали предположение, что воровство это было дело рук Аркашки Бирюкова. Странная судьба была у этого вора. Был он из духовного сословия. Был у него родной брат – диакон – и несколько человек племянников. Время от времени навещал он эту семью. Племянники уговаривали его: «Дядя, брось воровство, живи у нас, мы будем тебя кормить, поить» - «Нет» - был его ответ: «тайга манит». И наступал момент, когда они просыпались, а у дяди и след простыл. Петя помнил ещё одну историю с вором – самосуд. Был в селе знаменитый конский вор – Ермошка. Зимой, около Крещенья его почему-то выпустили из тюрьмы, и он появился в селе. Узнали, что он пришёл в гости в один дом. И вот озлобленная толпа

людей, которых как в деревне выражались, «он пустил по миру», пришла к избе, где он был в гостях. Ермошка, увидевши толпу людей, скрылся на сеновале, зарывшись в сено. Его, наконец, прищипали вилами в сене, сбросили с сеновала, переломали ему руки и ноги (через колено), принесли к «каталажке» и бросили у дверей. К умирающему Е. подошла одна старушка и ударила кирпичом по голове. В истории воровства лошадей у отца П. был свидетелем последствий его. Под вечер крещенского сочельника, когда родители пили чай, вдруг галопом верхом на лошади к воротам подъехал человек в тулупе с закутанной шарфом головой. Он быстро соскочил с лошади, вошёл в кухню, порылся за пазухой, достал какие-то листочки, бросил их на пол, повернулся, выскочил из дома, прыгнул на лошадь и ускакал. По листочкам прочитали: «Твои кони у нас, приезжай туда-то, вези четверть вина, двадцать пять рублей и получай лошадей». Таковы были воровские нравы. Отец П. не поехал.

В памяти П. сохранился день, когда он сломал руку. Был жаркий солнечный день. Компания друзей играла в прятки. У завозни был приделан несложный аппарат для «спуска» верёвок: доска с отверстиями для накручивания шпагата, прикреплённая одним концом к стенке завозни, а другим к столбику: у двери завозни стояла железная лопатка. На доске с отверстиями лежало седло для верховой езды. П. в это время как раз обучался верховой езде и решил показать свою ловкость при посадке в седло: разбежался, прыгнул на седло, но не сохранил равновесия, с размаху ударил левой рукой об угол железной лопатки и... Сначала он не почувствовал боли, и не он первым даже заметил, что рука сломана. Первым заметил это брат П. и спросил у него: «Что у тебя с рукой?» Тут только П. увидел, что рука согнута, и кости выступили наружу. Начался переполох, П. повезли в больницу, и П. думал, что ему отрежут руку. Петя ещё помнил, как его в больнице внесли в просторную пустую комнату на втором этаже, как промывали ранку и немного щекотало, как присыпали ранку чем-то желтым, наложили на руку какие-то пластинки, забинтовали и подвесили руку бинтом, перекинутым через шею. Шесть недель Петю возили на перевязку. Купаться было нельзя, и лето было испорчено.

Пришла пора П. учиться. И вот отец повёл его в школу. Было даже как-то торжественно: вроде как бы передача П. учительнице. Школа тогда помещалась в частном доме у Павла Андреевича Кожевникова, в стороне от главной улицы. Дом был двухэтажный: верх деревянный, а низ каменный. Наверху и помещалась школа. Была собственно одна комната с небольшой перегородкой. Первое, что привлекло внимание П. – это были картины с изображением людей разных рас, стоячие счёты, какая-то карта и шкаф с какими-то учебными пособиями. Посадили П. на первую парту у самой доски. В комнате было тесно. Верх от низа отделялся только настилом досок, образующих пол и, поэтому, внизу было всё слышно, что говорилось и делалось вверху. Можно себе представить, каково было жить хозяевам внизу. Бывали случаи, когда внизу, очевидно, было не выносимо (это бывало между

сменами: утренней и вечерней) от шума и возни, и П. А. поднимался вверх с плёткой наводить порядок в отсутствие учительницы. Виновники шума мгновенно прятались под парты.

Первым учителем П. был только что вернувшийся с военной службы Григорий Семёнович Макаров. В детстве он тоже учился у нашей учительницы Елизаветы Григорьевны Тюшняковой, и вот сейчас помогал ей, т. к. с тремя классами ей было трудно справляться. Можно себе представить, что это был за учитель, но он, как видно, крепко верил в свой педагогический талант и держался с достоинством.

П. теперь уже не помнил отчётливо, как совершалось «таинство» обучения, но крепко у него в памяти сохранилась его школьная «амуниция»: коричневая сумка, которую он надевал с боку при помощи верёвочки, аспидная доска, грифель, позднее: тетради, карандаши, ручка, чернильница, книга «Наше родное»³¹⁴ и др. Сюда же мать подкладывала иногда шаньгу или лепёшку. Со временем сумка, спутница Петиней школьной учёбы, покрывалась чернильными пятнами, мелом, пылью, стиралась и опять принимала более или менее приличный вид. Когда П. возвращался из школы, мальчишки одного дома, стоя на сеновале, пели ему:

*«Школьники, разбойники школу подломил,
Учительницу избил».*

Позднее Петя много думал над тем, почему людям нравится выражаться рифмованной речью; даже мальчишки любили рифмованную речь. Так, ему запомнилось, как Ванька «Еленин» дома всё напевал:

*«Тятя, мама ись хочу,
На палати заскочу».*
Дети играли иногда и пели:
*«Дождик, дождик перестань,
Мы поедем на ристань,
Богу молиться,
Царю поклониться.
Царь-сирота
Отворяй ворота
Крючком, замочком,
Шолковым платочком, подмалочком»*

На втором году обучения школу перевели в новое здание, более приспособленное для этой цели: оно имело кухню, которая служила раздевалкой, одну большую комнату, в которой размещались два класса и одну комнату поменьше, в которой был посажен третий класс. Одновременно эта комната была чем-то вроде учительской и канцелярии. Переход в другое здание напоминал П. переселение народов и наоборот: весь инвентарь – парты, столы, шкаф школьники переносили на руках. В новом здании у

---

³¹⁴ Книга для классного и домашнего чтения в сельских народных школах русского педагога Алексея Григорьевича Баранова (1844-1911) «Наше родное» (1888).

Елизаветы Григорьевны были уже помощницы. Они очень часто менялись. П. часто вспоминал потом своих школьных товарищей. В группе было мальчиков человек десять, двенадцать и девочек человек пять. Кроме сельских детей в школе учились дети из окрестных деревень: Черепановой, которая находилась в версте от села, за рекой, и Баклановой – в двух верстах. Зимой дети в Черепанову ходили по льду, а в Бакланову через бор и реку.

Больше всех П. дружил с мальчиком из Баклановой – Васей Бобыкиным, с которым они сидели рядом. Он был мальчик тихий и наука ему давалась как-то туго. Наиболее подвижный темперамент, если не сказать чересчур подвижный был у Феди Кунгурцева. Он сидел близко к двери, которая вела из большой комнаты в малую, и после звонка не раз проделывал такую «шутку»: подскакивал к двери и делал упор плечом, а когда помощница учительницы старалась открыть дверь при входе в малую комнату, он отскакивал от двери под парту, и она «влетала» в комнату. Такого рода проступки в школе строго карались: виновный задерживался в школе на вечер, а родителям направлялась жалоба. Шалости школьников чаще всего заключались в устройстве «куча мала». Шалости на уроках чаще всего карались постановкой в угол или к стенке, что приходилось исключительно применять по отношению к мальчикам, и что девочек было мало, и они сторонились от участия в каких-либо мальчишеских «мероприятиях». К мальчикам применялась ещё на уроках такая мера: их пересаживали рядом с девочками, что для мальчиков считалось позором. Если это случалось, то штрафуемый так всячески сопротивлялся, отбрыкивался, а если всё-таки удавалось посадить его рядом с девочкой, то на перемене он постарается за это оплатить этой девочке. Больше всего ребята боялись законоучителя и достаточно было сказать: «Идёт о[тец] Владимир»³¹⁵, как наступала мёртвая тишина. К этой мере борьбы с шалостями прибегали и сами учительницы в том случае, когда бессильны были успокоить разбушевавшуюся «стихию».

Среди своих товарищей П. не выделялся успехами в учении. Так, когда давали решать какую-либо задачу, то первым всегда был Ваня Кротов; тропари законоучителю лучше всех всегда отвечал Гриша Гурлев. Мальчик Ваня Ширяев выделялся тем, что хорошо писал, но вдруг Елизавета Григорьевна у него заметила, что он заглавные буквы стал писать с какими-то завитками и когда она спросила, откуда он научился этому, то он сказал, что это научил его так писать его отец. Отец же у него был портной и был агентом кампании Зингер по продаже швейных машин.

Занятия в школе начинались молитвой: «Преплагий Господи, ниспосли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующего и укрепляющего душевные наши силы, дабы внимая Твоему учению, возросли мы Тебе нашему Создателю во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу». Пели также «Царю Небесный», перед обедом «Отче

---

³¹⁵ Протоиерей Спасской церкви села Русская Теча Владимир Александрович Бирюков.

наш» и в конце занятий «Достойно есть». Запевалом была Пашка Комелькова, у которой был сильный контральто.

Занятия разделялись на две смены с перерывом на обед и производились только при дневном освещении. Любимым занятием во вторую смену было учение считать на счетах: Елизавета Григорьевна диктовала задачи – прибавить, убавить, а потом проверяли результат. Шумной толпой расходились по домам. Петя помнит такой случай: шли домой и пинали замёрзшие конские отбросы. Вдруг раздался истошный крик, все оглянулись и оказалось, что нет Алёши Комелькова. Потом увидели, как из-под саней он вылез, потряхивая головой. Оказалось: ехали две баклановские женщины, и Алексей попал под сани и как-то счастливо: все отделались только испугом. Весной при возвращении любили подходить к реке – смотреть на ледоход.

Вспоминал П. и науки, которым его обучали в школе. Книгой для чтения была «Наше родное» Баранова. Крепко запомнилась П. первая статья для чтения: «Два плуга». Лежали два плуга: один в ржавчине, а другой весь блестел. Первый спросил у второго: «почему я покрыт ржавчиной, а ты блестящий?» И тот ответил: «От того, что я работал, а ты лежал без работы». Только много позднее П. понял глубокий смысл этой статьи. Запомнил ещё Петя, что в книге читали о докторе Гаазе.³¹⁶ П. вспоминал об этой статье, когда много позднее читал очерк Кони: «Доктор Гааз».³¹⁷ Читали статьи о Суворове, о Кутузове. Много заучивали стихотворений и басен.

По арифметике упражнялись в решении задач на все четыре действия с простыми и именованными числами.

По Закону Божию учили молитвы, заповеди, Символ веры, тропари двенадцатых праздников и рассказы из евангельской истории. Заставляли школьников за обедней читать «Благословлю Господа», причём учительницам стоило многих трудов подготовить к этому школьников. На первой неделе поста школьники «говели», а по воскресеньям их водили в церковь.

Вспоминал П. о первой ёлке в школе, об экскурсиях весной в лес, причём школьники набирали себе в карманы сосновые крупянки и пестрики, а потом это всё поедалось. Собирали также цветы «медунки», которые тоже поедались.

Вспоминал П. об экзаменах – страшном времени для учительниц, школьники же мало волновались, хотя обстановка на экзаменах была сугубо официальной: за экзаменационным столом сидели инспектор, законоучитель и учитель.

---

³¹⁶ Гааз Фридрих-Иосиф (Фёдор Петрович) (1780-1853) – московский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор».

³¹⁷ Кони Анатолий Фёдорович (1844-1927) – российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор. Автор биографического очерка «Фёдор Петрович Гааз».

Некоторые школьники из-за полевых работ не являлись на экзамены, и учителям приходилось с трудом уговаривать родителей, чтобы они отпустили детей на экзамен.

Сохранились в памяти П. некоторые эпизоды из школьной жизни. Так, одно время помогала Елизавете Григорьевне Лиза Мизгирёва. Она за два года до этого кончила школу и отличилась на экзамене. Она была дочь черепановского мельника. Семья их была старообрядческая; их в простонародье называли двоеданами. Все знали об этом, и Лиза среди школьников чувствовала себя как-то связанно. Она старалась как-то вроде как задобрить школьников: то в руку кому-либо сунет пряник или конфетку, то предупредительно даст книжку или бумагу. Может быть, это было оттого, что вынужденная сторониться других по обычаям старообрядцев, она старалась сгладить впечатление замкнутости этим своим обращением с ним. Школьники относились к ней хорошо. Каково же было удивление всех, а особенно Пети, когда они через три года узнали, что Лиза умерла.

Когда учились во втором классе, в него влилась новая школьница Мурзина, дочь писаря при земском начальнике. Она привлекла внимание школьников тем, что у ней тетради были в цветных обложках, а в них были картинки-перепечатки. Мелочь, а она вносила что-то новое в школьную жизнь.

Петя свято хранил и хранит память о своей учительнице – Елизавете Григорьевне Тюшняковой. Она была родом из села Ольховского. Кто были её родители, Петя не знал, но знал, что у неё был брат, который учился в гимназии на её средства. Е. Г. учила двух братьев старше меня. Всем жителям Течи было известно, сколько труда положила Е. Г. на школу. Как часто приходилось Пете и другим школьникам видеть Е. Г. за линованием тетрадей в кривую клетку после занятий при лампе. Из года в год школьники и их родители привыкли осенью встречать Е. Г., а весной, после экзаменов, провожать на каникулы в Ольховку. Не каждый год, а несколько раз за свою работу в Тече Е. Г. уезжала и на зимние каникулы, а после Крещенья возвращалась в школу. Но однажды она уехала и не возвратилась.

Петя кончил сельскую школу и в августе 1898 г. брат Алексей свёз его в Камышловское духовное училище. Кончилось ранее детство Пети Иконникова.

Месяц тому назад Петя навестил Течу. Из друзей его детства остался в живых только Костя Пименов – Константин Пименович Клюхин. Старые друзья вспоминали своё раннее детство, сходили на то место, где раньше были гумна их родителей. Константин Пименович показал Пете на яму на пригорке в одном лесе и сказал: «Вот здесь был овин и ход в «лазею», а берёзы (он указал на берёзку) не было. Всё в селе изменилось. Вспомнили Санка «Рожкова». Уже лет десять тому назад он погиб на конях у Челябинска: приехал повидаться с сыном и попал под поезд. Река Теча оказалась отгороженной от села колючей проволокой вследствие заражения продуктами радиации. Петя издали посмотрел на те места, где раньше

купались. Вспомнил о детских проказах. Вот сюда Санко водил его «бызовать» в Петровки. Когда в тени у строений собирались коровы, спасаясь от жара и слепней, друзья подходили к ним со звуком бз, коровы закручивали хвосты и стремительно перебежали на другое место. А вот здесь, на небольшом пригорке, всякий раз, как соседка Анна Петровна появлялась с вёдрами на коромысле и направлялась к реке, друзья пели:

*«Анна Петровна
Поехала по брѣвна,
Села на пенѣк,
Просидела весь денек».*

Теперь стыдно об этом вспоминать, но из песни, как говорится, слова не выкинешь. Что было, то было!

Нет уже дома, где П. начинал учиться. Каменное здание, где он заканчивал сельскую школу, превращено в «молокачку» - молочный завод. Нет уже прежних «горушек». Нет еремеевской мельницы, но лес ещё больше разросся: стал выше и пышнее. Вспомнил Петя своё детство... и вот появились на свет его мемуары. Счастливое детство! Оно не было богатым материально, но оно было так богато разнообразными впечатлениями. Нет, Петя не хотел бы другого детства!

1.IX.[19]60

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 1-23 об.

*В составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

*Из записной книжки П. А. Иконникова**

П. А. записал из своих наблюдений над языком следующие слова, представляющие тот жаргон, которым пользовался частично он и окружающие его приятели, друзья и вообще жители его родины с[ела] Течи.

Детские годы – в деревне.

1. бызовать – это значило побуждать коров к перебеганию в другое место. В [деревне] Петровке в жаркие дни коровы спасались от жары и шершней у домов в тени. Мальчишки-проказники подходили к ним и произносили бз...бз, т. е. подражали жужжанию шершня. Коровы поднимали хвосты винтом и стремительно перебегали в другое место. Слово это изобретено деревенскими мальчишками и пущено в оборот ими же. Затевая такие проказы, они и говорили друг другу: «Идём бызовать!»
2. галить – это слово употреблялось при игре шариком. «Галить» шла та группа игроков, которые должны были пойти на поле игры, ловить там шарик и бросать его игроку, который подавал его для удара шаровкой. «Галить» шли игроки, потерпевшие поражение, т[ак] что это было своего рода наказанием.
3. галиться - значит: издеваться, мучить.
4. залакать (иногда говорили – «замакать») – это слово употреблялось при игре шариком и значило, что тот игрок, который подавал шарик, успел его раньше положить в лунку кого-либо из убежавших за выручкой шаровки с поля, чем тот встал ногой в свою лунку. В этом случае он объявлял последнему: «Я тебя залакал», и тогда игроки менялись местами, т. е. галить шли другие, игрока которых залакали.
5. матки-бл...ки. Для того, чтобы при той или иной игре разделиться на две группы, прежде всего выбирались «две матки» - два вожака групп. Остальные по двое расходились и придумывали различные загадки, по которым их должны были выбирать «матки». Делалось это в строгом секрете, причём загадчики старались придумать что-либо остроумное, например: «в ложке утонул», или «в корчаге заблудился», или: «коней воровал», или «лапшу хлебал». Загадчики, являясь к «маткам», и произносили: «матки-бл...ки», очевидно, не понимая значения второй половины этого обращения. «Матки» по очереди разгадывали загадки.
6. солить - при купаньи забрасывать товарища песком и не давать ему одеваться. Злая шутка, часто кончавшаяся слёзами и дракой.
7. с ручкой - при игре шариком это значило ударить по нему и шаровку не выбросить, а задержать в руке. В наказание подающий шарик старался как можно дальше забросить шаровку виновника, чтобы ему было трудно «выручить» её.
8. сочить - это значит брать у берёзы сок (берёзовку).

9. «с ездой» - при игре в городки иногда игроки уговаривались, что потерпевшие поражение должны победителей протащить на своих спинах (на закортышках) известное расстояние.
10. «Чур не мне воду греть!» - обычная формула при приближении к реке для купания. Опоздавший произнести её должен был первым броситься в воду.
11. «тараканничать» - вымораживать тараканов. Для этого выбирали самый холодный день, вынимали рамы и обметали всё в избе.
12. «старушить» - перейти на такое положение, при котором женщине по возрасту можно было не работать. В бедных семьях это фактически обозначало перейти на положение нищего: сидеть у церкви и «христорадничать».
13. «сочить пенки» - снимать у коры берёзы или осины тонкую пленку и есть. Любимое блюдо мальчишек, когда деревья очищают от коры. Соперничали с ними в этом отношении козы.
14. «шиликуны» - замаскированные, «ряженные», которые на Рождестве ходили по домам и собирали «сырчики».
15. «свистнуть» - ударить, например: свистнуть по уху.
16. сырчики – мороженые колобки из творогу. Готовились к Рождеству. Съедались в холодном виде, как деликатес. Ими угощали гостей, славельщиков и ряженных.
17. «лонись» - в прошлом году.
18. «коевадни» - на днях, в один из ближайших дней.
19. «помочь» (сущ[ествительное]). Когда нужно было что-либо сделать срочно, кто-либо устраивал «помочь», т. е. просил помочь ему это сделать. Например, вывезти стог сена из дальнего участка. За услугу устраивалось угощение с выпивкой. Обычно участие в «помочи» было обоюдным, т. е. люди обменивались «помочами»: Пётр Ивану, а Иван Петру.
20. «красота» - цветы на голове невесты.
21. «прясло» - изгородь из жердей.
22. «некрут» - рекрут.
23. «вечорки» - зимние собрания парней и девушек, часто устраивались в бане. На них парни позволяли себе грубые ухаживания за девушками – «давали волю рукам».
24. «лазея» - подземелье овина, где разводился костёр для нагревания воздуха в овине.
25. «мочевище» - место, обычно ложбина с талой водой, где замачивалась конопля.
26. «сидеть бог помочь» или короче: «старичкам». Обычное приветствие проходящего группе людей, сидящих где-либо.
27. «с прибылью торговать» - приветствие торговцу при входе к нему магазин или при встрече у палатки на базаре.
28. «полубное» - плата за уход за прорубью натурой – калачами. «Пролубник» обходил дома своего района с мешком и собирал калачи.

29. «поезжане» - участники свадебного поезда (несколько подвод), направлявшегося к церкви на венчание.
30. «сбитень» - сладкий чай из состава резных пахучих трав, который продавался при больших собраниях людей, например, во время рекрутских наборов. Продажи производилась на открытом воздухе.
31. «зараза», «жаба», «язвит те», «язвило бы тебя» - ругань лёгкого значения.
32. «ядрёма мать», «елёна лать, «ядрёна мышь» - имитация матерной ругани.
33. «нужа карабаева» - прозвище торговцам, выбравшимся в торговлю из коробейников (в Тече такими были Новиковы).
34. «чеботарь» - мастер сапожник.
35. «целовальник» - торговец вином.
36. «Петруха», «Костюха», «Васюха», «Петьша», «Ваньша», «Василко», «Иванко» - разновидности ласкательных и уменьшительных названий. Разновидность их: «Ванька», «Петька».
37. «девша» - обращение между девушками в подражание мужским – «Петьша», «Ваньша».
38. «гонять ямшину» - говорили о земских ямщиках.
39. ездить «на присталях» - означало насмешку над земскими ямщиками, у которых лошади еле волочили ноги.
40. «фатера» - квартира; фатерант – квартирант.
41. «вёшна» - время весеннего сева.
42. «ходкое погodye» - когда при оттепели сани легко скользят по дороге.
43. «намедни» - как-то на днях.
44. «обутки» - кожаная обувь, без подошвы, вроде нижней части чулка.
45. «пагалёшки» - гетры из жёсткой ткани. Надевались при жатве, чтобы жнивье не царапало ногу.
46. «становока», «стануха» - нижняя женская рубаха из грубого холста.
47. «пониток» - демисезонный кафтан из шерсти с сильной прослойкой ниток.
48. «частобор» - шуба формы кафтана, у которой в талии сделаны густые борки.
49. «кладь» - стог снопов, имеющий форму четырёхугольника. В него складывались снопы на хранение до обмолота.
50. «куча» - десять снопов, из которых семь ставились вертикально, а три складывались горизонтально сверху для скрепления и прикрытия.
51. «суслон» - пять или шесть снопов, из которых сдан с комлем вверху распушённый прикрывал остальные, поставленные вертикально.
52. «луг» - место на окраине села[, на котором] весной происходили игры парней и девушек.
53. «лихоманка» - лихорадка, малярия.
54. «родимчик» - детская болезнь с обмороками и судорогами. На лопате ребенка вносили в горячую печь для прогревания.
55. «платки» - мостик у берега реки [и]ли озера, с которого женщины полощут бельё.

56. «фершал» - фельдшер.
57. «воспенница» - оспенница, фельдшерица, прививающая оспу.
58. «дохтур» - доктор, врач.
59. ехать «в татары» - ехать на татарские земли, арендованные под покос и сев хлеба.
60. «двоедан», «кержак» или даже «куржак» - название старообрядцев беспоповского толка.
61. «куржак» - изморозь, крупный иней на деревьях, у наружных дверей, на потолке сеней и т. д.
62. «паужинать» - завтракать утром, в полдень в отличие от обедать и ужинать.
63. «кила» - грыжа.
64. «с пупа сорвал» - получил грыжу.
65. «чередить» - 1) очищать птицу от перьев для приготовления из неё пищи; 2) наводить чистоту в комнате: скоблить пол, с песком протирать кухонную утварь.
66. «наволоки» - густая заросль деревьев, кустарников, хмеля в пойме реки. Сравни: «навьи чары». С этими местами всегда связываются страшные рассказы о леших, русалках и т. д.
67. «шерстобиты» - они же «пимокаты», изготавливают пилы, кошмы, подкладки, подхомуты и сёдла.
68. «турфяники» - рабочие на торфоразработках.
69. «уходить в казаки». Обедневшие крестьяне уходили к уральским казакам в работники.
70. «борноволоки» - мальчики, которые верхом на лошади водили лошадей с боронами по полю, а отец или кто-либо их старших на поворотах очищали бороны от почвы.
71. «слопать лён» - перелом верхней части позвоночника.
72. «блзнит» - состояние иллюзии или галлюцинации.
73. «бегунец» - лошадь с большой резвостью.
74. «махонька» - любовница. Пелась песня: «Ах, ты ханька, махонька мая, полюби-ко ты тихонькё меня».
75. «крашельшики» - штукатуры, маляры.
76. «богомолье» - хождение по полям с иконами, молебны в засуху о ниспослании дождя.
77. «править» руку, ногу – делать массаж, выпрямлять, ставить в нормальное положение.
78. «заговаривать» кровь - оста[на]вливать кровотечение.
79. «от божьей милости» - пожар от молнии.
80. «засыпка» - рабочий на мельнице, засыпающий в бункер зерно для размола.
81. «бус» - мука, которая на мельнице оседает по стенам и на полу.
82. «ягодники» - а) места, где растут ягоды, б) люди, которые собирают ягоды.

83. «хмелевать» - собирать хмель.
84. «сусло» - густая влага, полученная от запаривания солода с соломой. Употребляется как третье сладкое блюдо. Иногда приготавливалось с «рожками» (сушёные)³¹⁸
85. «росол» - жидкое сусло. Его делают с листьями смородины, вишни. Употребляют тоже как третье сладкое.
86. «сычуг» - колбаса с рисом. В простонародье не приготавливали.
87. «затабунник» - лошадь в табуне, которая загоняет других лошадей в табун и переводит с места на место.
88. «ратники» - так называли стадо коз, разгуливающих без пастуха.
89. «ярушняки» - лепёшки из ячменной муки.
90. «лабазник» - трава, применяемая как чай.
91. «тысяцкий» - крёстный отец невесты, который сопровождает её на венчание, иногда с иконой.
92. «дружка» - организатор веселья на свадьбе, затейник.
93. «голбец» - подполье, хранилище овощей и других продуктов.
94. «клеть» - кладовая, в которой хранится имущество: одежда, обувь, сбруя и т. д. Это пристройка у богатых и зажиточных. Строилась или из кирпича, или самана. Дверь часто была железная.
95. «ростань» - место, где дорога разветвлялась на несколько других.
96. «Хлеб да соль» - обычное приветствие при встрече кого-либо за принятием пищи. Ответ следовал: «Хлеба с нами кушать».
97. «Стекольники» - под осень они по двое ездили по деревням с запасом рам и стекла, производили ремонт рам, вставляли стёкла.
98. «коморник» - сторож при каталажке.
99. «каталажка» - комната или подполье для арестованных при волостном правлении.
100. «поминальник» - книжка, в которую записывались живые и умершие для поминания в церкви. Хранились в церкви.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 160-166 об.

*В составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует. Начало, продолжение см. в Части II. Камышловское духовное училище на рубеже XIX – начале XX веков.

---

³¹⁸ Так в тексте, не дописано автором.

НАШЕ ДЕТСТВО И ТЕЧЕНСКИЕ «ШТАТЫ» (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА)

*«Naturam si sequamur,
nunquam aberrabimus».*

«Мы никогда не ошибёмся, если будем следовать природе».³¹⁹

Детство наше – детство семерых детей сельского дьячка Алексея Ивановича Игнатьева по своему быту, что говорить, было не из богатых, а прямо сказать: было бедным. Домик наш, приземистый, бревенчатый, деревенского образца, какие были типичными для Зауралья, состоявший из небольших кухни и «горницы», даже в ту пору, когда от семьи отсеялись два старших брата, а старшая сестра только на каникулы приезжала домой из деревни, где она учительствовала, - конечно, был тесен для семьи. Особенно теснота в нём ощущалась зимой. Спать, например, зимой ложились на полу «горницы», от наружной стороны её до двери в кухню. Получалось своеобразное «лежбище», в центре которого на перине спали родители, а на флангах на кошмах «почивали» дети. Одеяло и по две подушки было только у родителей, дети же имели по одной подушке, а вместо одеял набрасывали на себя шубы, пальто или что-либо другое из одежды. На день все постельные принадлежности, кроме, конечно, одежды, сносились в кухню на полати. Зато летом была благодать: в домике оставались только родители, но и они под воздействием домашних «зубров» переселялись в сени, а дети на «сон грядущий» разбредались по разным укромным местам просторной ограды: под навесы, сарай и спали на телегах, в коробах, на тех же кошмах, что и зимой на полу, и тоже под шубой или пальто. Но ложе устраивалось мягче, потому что под кошму подкладывалось сено, свежее, душистое. Спишь, бывало, на телеге и рано утром сквозь сон слышишь, что около тебя кто-то пытит и норовит из-под твоего ложа вытащить сено, открываешь глаза, глянь – красуля или пестрѐнка, направляясь на кормѐжку в поскотину, мимоходом вырывает из-под кошмы клочки сена. Чем хороши были эти наши «кровати», то тем, что в них не было ни клопов, ни блох, если же последние «навестят», то стоило только подбросить в сено полыни, и прощай блохи. А свежий воздух! С вечера подолгу слышишь «дробь» колотушек очередных сторожей ночного порядка на селе. Где-то, может быть, ещё блуждает гармонист и тревожит сон девиц. На колокольне изредка раздаётся звон «маленького» колокола: де-скать – спите: я бодрствую. Где-то на дороге «загогочут» потревоженные проезжей телегой гуси... и всё погружается в тишину и покой.

Позднее, когда отец отказался от посевов хлеба, так как сворованы были лошади, из пустовавшего на гумне овина построена была на дворе

---

³¹⁹ По-латински «Если мы будем следовать природе, мы никогда не будем заблуждаться».

«малуха». В ней летом жила старшая сестра, а в сенях «малухи» на кровати, которая, очевидно, была заведена ещё в молодые годы супружества наших родителей и которая была деревянной, спали два брата уже в юношеском возрасте.

Так разрешался жилищный вопрос в нашей семье. Не это ли имеется в виду в пословице, которая гласит: «в тесноте, да не в обиде».

Не богато, конечно, было и с одеждой. Особенная забота была о верхней одежде на осень, зиму и весну. Счастливым случаем для разрешения этой проблемы в семье было то, что в ней преобладали мальчики, причём по возрасту они шли с интервалами в три-четыре года, что позволяло некоторые виды верхней одежды делать на половину «переходящими», например, шубы, валенки, сапоги. Если была, скажем, брату Алексею сшита новая шуба, то мех от неё по наследству переходил на шубу Ивану, а затем и Василию. Верх из серого корта был новый, и вот, пожалуйста, три новых шубы. Тоже с сапогами: голенища к ним были «переходящими», новыми шились только головки, но наш «придворный» чеботарь Николай Фёдорович Лебедев так умело комбинировал «старое» с «новым» (начищал сапоги ваксой), что сапоги в каждом случае оказывались новыми трижды во всём своём «естестве». Сложнее в этом случае было у младшей сестры: большой интервал в возрасте её по отношению к старшей сестра (14-15 лет) исключал возможность таких комбинаций, однако закон преемственности в возможных пределах имел силу и по отношению к её гардеробу: из сундука извлекались остатки из одежды старшей сестры и им придавалась «вторая молодость».

Лёгкая верхняя одежда – рубашки, штаны, – конечно, служили до износа. Летом они и были единственными посредниками между нашими организмами и природой: ситцевая рубашка, штаны из корта с одной пуговкой, поясok со словами: «кого люблю – тому дарю» – изделие верхотеченских монашек – вот всё одеяние мальчика. Для сна снимался только поясok. Это одеяние служило при различных явлениях природы, в разную погоду: и в жар, и при прохладе, и при дожде. Сапоги летом отдыхали, а ноги так загорали и обветривались, что на них появлялись «цыпки». Впрочем, в торжественные случаи – в праздники, при хождениях в гости – полагалось надевать сапоги и «модные» кашемировую или сатиновую красную рубашку с вышитым воротом и плисовые шаровары.

Питание тоже не было изысканным: щи, каша, жареная картошка, «парёнки», молоко. Кринка молока летом всегда по первому требованию приносилась с погреба. «Калёные» в печке яички летом давались безотказно. Хлеб пшеничный из муки простого размола в виде калачей, лепёшек, шанег давался «по потребности». Сахар – по кусочку к чаю. В праздники выпекались булочки или шанежки из «крупчатки» и давались к чаю после обедни в качестве премии за посещение богослужения. В качестве сладкого блюда в праздники на обед подавалось «сусло», «росол». Последний иногда с урюком, а «сусло» с «рожками». Витамины поступали в пищу прямо с гряды: горох, бобы, морковь, репа, брюква – бери, сколько хочешь. Обеды и ужины

«совершались» в кухне по деревенскому образцу: вся семья дружно и плотно садилась за стол; разбирались по принадлежности деревянные ложки вятского изделия; на стол ставилась миска с супом, или тарелка с кашей, «парёнками» и пр. и ложки устремлялись на очередную снесь: тарелок как посредников в потреблении блюд не было принято. На посту между печкой и столом стояла наша матушка, только с боку присаживаясь к столу и «пригубляя» то или другое из приготовленной ею снеди. Всё было скромно, но делалось всё, чтобы дети нормально росли и развивались.³²⁰

И при всём этом детство наше было богатым. Оно было богатым по тем дарам природы, которые она нам щедро предоставляла. Мы не пели тогда: «пусть будет солнце, пусть будет небо», но они были неизменными элементами и спутниками нашего бытия: летнее солнце пронизывало все поры нашего организма. На помощь ему как раз и приходило наше бедное одеяние. Кругом Течи были бор, березняк, луга, озёрки; было много ягод и грибов. Сколько путешествий совершено было по окрестностям села! Сколько открытий! Река Теча дарила рыбу: щук, окуней, ершей, пискарей. А каким блаженством было купание в ней: сначала – «на своём берегу», где было помельче, а потом – «у мостика», где было глубже и где можно было плавать, нырять и прыгать в воду с мостика вниз головой. Купались по десять-пятнадцать раз в день. Село было расположено на горе, а между ним и

---

³²⁰ В одноимённом очерке в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Питание тоже было не мудрёное: из продуктов огорода – главным образом и мучных изделий. Мясо редко было с базара, а чаще: то телёнка заколют, то старую корову. По понедельникам устраивалось (базарный день) традиционные пельмени, мясо на которые покупали на базаре. В подготовке их принимала участие вся семья. Раза три-четыре в году пеклись блины, и это было необычным явлением потому, что самая организация потребления их была своеобразной: каждый по отдельности и по очереди присаживался ближе к печке и блины ему подавались прямо со сковороды на бак с водой, прикрытый скатёркой. Он «блаженствовал» «досыта до отвала», а потом присаживался следующий. «Таинство» это обычно совершалось «от сна восстав». Обычное меню оставляли на обед: щи с дроблёными кусочками мяса, каша пшеничная, творог, кислое молоко. Орудием служили деревянные ложки вятского изделия с персональным распределением их и вилки. Тарелок для личного пользования не полагалось. Соблюдались посты, а меню при этом было такое: картофельная похлёбка, горошница, каша, парёнки из моркови, брюквы и свёклы. В праздничные дни на сладкое подавалось «сусло», «росол», компот из урюка. На ужин готовилась какая-либо похлёбка или лапша. Чай пили утром и часа в четыре дня. К нему подавался хлеб пшеничный грубого размола. Сахар отпускался по кусочку. В чай можно было подливать молока. В праздничные дни к чаю давались булочки из крупчатки, шанежки, пирожки, но с оговоркой для тех, кто ходил к обедне. В обычные дни утром иногда жарили «преженики», лепёшки, а иногда заваривался гороховый кисель, который тут же потреблялся прямо из котелка, когда он ещё «дымился». В праздники выпекали пирог с мясом, а в постные дни – с рыбой или грибами. Летом преимущественно шли в пищу яйца, молоко и свежие овощи: картофель, огурцы и пр. Мы, дети, пойдём ли мы в лес, или поедем в поле, всегда имели при себе – в кармашках или мешочках «калёные» яички безотказно, а дома всегда могли получить кринку молока с погребя. В общем же питание просто, но досыта, особенно летом, когда было много ягод, грибов и свежих овощей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 115-116 об.

речкой, в пойме, были огороды. Мальчишками мы ватагой направлялись купаться, уже на горке сбрасывали с себя штанишки и рубашонки, брали их под мышки и с гиканьем и криком: «чур не мне воду греть» мчались мимо огородов к реке. Нырjali и в воде смотрели до того, что глаза наливались кровью. От частого купанья и загорания на солнце кожа на носу за лето сходила не раз, волосы выцветали. Из штанишек делали «сети» и ловили пискарей. Любили в воду перестукиваться камышками на большом расстоянии. Играли в «чертей»: мокрые валялись в песке и в таком одеянии с криками мчались по берегу мимо разостланных на нём для сушки холстов, причём не обходилось и без конфликтов с хозяевами, точнее – с хозяйками их: «у, черти проклятые» - иногда слышались голоса в адрес шалунов. Шалости бывали иногда и не безобидными. Так забавлялись иногда тем, что «солили» замерзающего от продолжительного купания какого-либо паренька, чаще всего из тех, что был более беззащитным: не давали ему одеваться, забрасывая песком. Не обходилось в этом случае и без слёз. Или находились такие «мастера» запутывать штанишки, что другой мальчишка с трудом их распутывал, иногда дрожа от холода. Мальчишки – что с них возьмёшь?! Не было для нас в мире воды, лучше теченской. Вот почему, когда много позднее, уже в зрелом возрасте, будучи мужиками, как говорят в деревнях, когда мы приезжали в наше село, то считали обязательным для себя «омыться» в священных водах реки Течи.

Бесценным богатством для нас в детстве было общение в животным миром. Наши Бурки, Карьки, Воронки, Красули, Бурёнки, собачки – Кудря, Типка – всё это были объекты, на которые распространялась наша любовь. Это было то, что возбуждало и питало наши эмоции. Вместе с этим общение, например, с Бурками, Воронками было источником для деятельности: мальчику в шесть лет полагалось ездить верхом на лошади; в десять лет – уметь запрягать и распрягать лошадь, сделать «мешанину» для её питания; в пятнадцать лет – суметь накосить на телегу травы и привезти её домой. Аким удовольствием было для мальчишки купать лошадей! С поля, после подъёма паров, они возвращались домой все грязные, с соляными пятнами и на коже от пота, в шишках от укусов шершней, усталые, измождённые. И вот заводись их в воду и начинаешь отмывать грязь, растирать шишки. Нужно видеть в этот момент их глаза, «лицо», да, именно – лицо! Они хрипят от удовольствия, они просят, чтобы их ещё и ещё мыли, они благодарят. Кто и как может измерить значение этого простейшего процесса в жизни ребёнка для формирования его души!

Или, например, что значило для мальчишки взять плицу, зачерпнуть в неё ржи или овса и веером разбросать их у амбара, а потом наблюдать, как со всех сторон ограды с шумом и разговором на своём птичьём языке будут слетаться курицы, как с гоготанием ринутся в эту компанию гуси, гусята, как налетят сюда же голуби и те, вечно хлопотливые и вороватые птички, которые гнездятся, под окнами и крышами домов и хозяйственных строений.

С детских лет в памяти свято хранятся образы тех окрестностей нашего села, с которыми связаны первые опыты в постижении красоты, первые ростки эстетики в наших душах. Вот «штатское» - высокий берег с крутым обрывом у реки. Первые опыты постижения пространства и перспективы: вид отдалённых полей, луга, на котором когда-то впервые удавалось видеть красивых птичек с хохолками на голове – чибисов. Мирная картина пасущегося на нём стада коров и овец. Закат солнца, постепенное наступление тишины и только отдалённый шум водопада у мельничного пруда и шум мельничного колеса. Отсюда именно, от «штатского» места наши старшие братья – «первооткрыватели» на утлых ботах отправлялись вверх по реке Тече и открыли «Швейцарию», «Красную» горку», «поганое», различные острова и добирались до чесноковской мельницы. Открыты были и «наволоки» - роща черёмухи в пойме между «красной горкой» и «поганим». Внизу у густо заросшей черёмухи были кусты смородины, а по стволам черёмух свешивались листья хмеля, а позднее – его гроздь. Густо разросся папоротник. Только по узкой тропинке можно было проходить через эту рощу. «Красная горка» в пору пышного лета была покрыта ковром душистого горошка. Здесь когда-то со старшим братом мы были в «ночном» и ночью входили в Черёмуховую рощу, усеянную светляками. И страшно, и чарующая красота! Не это ли и были «навыи чары», о которых приходилось читать позднее. То, что пережито было тогда в «ночном», воскресло в памяти при чтении рассказа «Бежин луг» И. С. Тургенева.

«Поганое» было дикое место: здесь несколько раз тонули люди при ловле рыбы неводом. Детская фантазия нам рисовала это место обиталищем русалок, леших и прочей чертовщины. Образ «поганова» всегда всплывал потом при чтении «Майской ночи» Н. В. Гоголя.

Много впечатлений в детскую душу вошло от посещения нашего гумна. В пору нашего детства хлеб (снопы) перед обмолотом ещё сушили в овине. Бывало, рано-рано постучат к нам в окошко старик, которому поручалось «топить» овин, и позовёт нас с братом с собой на «работу». Брали с собой картошку и пекли её в золе у костра в «лазее». Старик нам что-то рассказывал, а мы под его речь смыкали глаза и досыпали ночь под потрескивание хвороста. Как сейчас перед глазами стоит картина обмолота в те времена. Перед рассветом зажигали ещё костёр из соломы. Снопы раскладывались на току в форме овального круга колосьями внутрь, по ним «учинённый» малец верхом на кореннике тройки лошадей ездил по снопам, а мужички и тётушки цепами колотили по снопам. Таким было наше первое знакомство с «техникой!» в сельском хозяйстве. Самым интересным для нас при молотье был момент, когда солому убирали с тока в стог и когда можно было кувыряться в ней, ещё сохранившей аромат ржи или пшеницы.

Большая часть поскотины нашего села была покрыта березняком и болотами. Сюда совершались наши поездки за грибами. Мы наблюдали по перелескам и около болот свободно, без пастуха разгуливающих коров и лошадей и стала овец с пастухами. Нам были знакомы отдельные рощи

берёзок по разным дорогам: беликульской, теренкульской, лёвиной, соляной и пр. Мы знали излюбленные места наших родителей, именуемые «грибными». Мы собирали шишки камышей по обочинам болот, цветы. Природа щедро ласкала нас вблизи нашего села. Это всё составляло богатство нашего детства, но особенная полнота наших детских переживаний связана была с нашими «штатами».

Пашни и покосы, с прилегающими к ним лесами и ягодниками, которые отводились религиозными общинами («приходами») служителям церкви («причту») в качестве натуральной оплаты за совершение богослужений чаще всего назывались у нас поповскими землями, но в торжественных официальных случаях именовались «штатными». Так как в наш «приход» входило несколько посёлков, то земли, отведённые под «штаты» находились (бели «нарезаны») в разных местах, выделены из фонда того или иного посёлка. Так, пашни были отведены из фонда угодий села Течи и деревень – Черепановой и Пановой, а покосы из фонда земель Баклановой и Кирдов. Теченская община, кроме того, предоставляла «причту» в безвозмездное пользование поскотину и гумно в черте её владений.

Большое хозяйственное значение имели, конечно, пашни: с ними больше всего связано было работы, труда, а на покосе была сезонная работа в течение одной-двух недель больше. Естественно, к полям, где были расположены пашни, больше всего и относятся наши детские и юношеские воспоминания. Поля эти находились в двух местах в одном и том же направлении между Черепановой и Пановой и назывались по расстоянию от Течи: одно – «ближним» примерно в трёх верстах от неё, а второе – «дальним» - примерно в пяти верстах от неё.

Что значило для ребёнка поездка в поле первый раз в жизни? Это, прежде всего, значило обогатиться новыми впечатлениями, расширить самое представление о пространстве, расширить своё кругозор, причём всё окружающее и встречающееся по пути ему кажется в расширенном масштабе. Так было с нами в нашем детстве: едем ли мы ещё по селу, спускаемся ли мы с горы на мостик, проезжаем ли мы по Черепановой, поскотиной и далее – всё кажется большим, масштабным. Село находилось (и теперь находится) на горе, а поля находились за рекой, к которой был крутой спуск по рву, образованному от размыва вешней воды. Спуск этот казался страшным, а ров казался ущельем. Таким рисовало его наше воображение, таким он и остался в наших воспоминаниях. С этим рвом именно связано у меня воспоминание об одной катастрофе при поездке в поле, участником которой мне пришлось быть. Было мне лет пять, и был тогда голодный год. На поля тучами налетела саранча и начисто пожирала все посева. Для борьбы с ней организованы были школьники: они при помощи двухколёсной тележки собирали в прикрепленный к ней полог по межам саранчу («кобылку») и сжигали её тут же на меже. На питание их в поле привозилась просовая каша. Нашему работнику и было поручено

отвезти эту кашу в большой глиняной корчаге, в которой обычно парили при стирке белья. Он взял меня в кампанию. Покрытие телеги (одёр) было только что высмолено. При спуске с горы лошадь стала вихлять от обочины рва к обочине, телега накренилась и каша сплеснулась на телегу с влажной ещё смолой на одре. Что делать? Мы – два участника этой катастрофы – начисто слизали кашу с маленькой примесью в ней смолы вместо масла.

Мостик, через который мы проезжали, казался коварным злодеем, который вот-вот должен погубить нас. В моих детских воспоминаниях вид его остался особенно страшным от того момента, когда я однажды наблюдал, как по нему переправлялся караван верблюдов: они переползали по нему с диким рёвом.

Бесконечно длинным сначала казался проезд через Черепанову, но со временем так была изучена эта деревня, что мы знали, где дом Семёна Ивановича Черепанова, где живут Курбатовы, где Прохановы и пр. Один дом среди деревни, построенный из очень толстых брёвен, вызывал на размышления: нужно ли его топить? Сколько ему лет? Потом казалось, что он именно и был у старика со старухой у синего моря по пушкинском сказке. В конце деревни, у реки, внимание останавливалось на владениях мельника Мизгирёва, старика-кержака. Иногда видно его было на плотике мельницы. Худой, высокий, с подвязанными верёвочкой волосами, с распахнутым воротом рубашки он зычно кричал на проезжавших по плотине теченских мужичков. Его образ возник в моём воображении потом при чтении рассказа А. М. Горького «На плотях». Неотвязчиво при этом вспоминалась при этом внучка этого сухого кержака – Лиза, которая училась в школе на год старше нас. Милая, ласковая девочка, воспитанная по-кержачки, она сторонилась от нас, видимо, тяготясь отчуждением от «мирских» по требованию своих родителей, старались как-то тайно сблизиться с нами: то, бывало, сунет в руку кому-либо или пряник, или конфету. По окончании школы приходила помогать учительнице, так как училась хорошо, но скоро мы узнали, что Лиза, ставшая уже нашей любимицей, умерла.

За деревней была безлесная поскотина. В детстве она казалась нам бесконечной, может быть, именно потому, что она была голой, однообразной. От детского взгляда не скрылось одно наблюдение над животными, как они спасались в летний жаркий день от шершней: коровы заходили в воду так, что у них торчали только головы поверх воды. ... Так складывались крупницы детского опыта. В этой же поскотине в возрасте пяти-шести лет я впервые ощутил красоту осеннего дня. Наш работник перевозил с поля на гумно снопы для обмолота и взял меня с собой. Три телеги, нагруженные снопами, медленно двигались по дороге в поскотине, и я шествовал за последней из них. День был солнечный, воздух казался прозрачным, небо – глубоким голубым. Позднее, когда я заучивал стихотворение Ф. И. Тютчева: «Есть в осени первоначальной ...» - этот образ осени был уже мне знакомым, художественно прочувствованным.

В моей памяти с детства сохранилась картина дороги к нашему «ближнему» полю: пашни, перелески (колки), ягодники и пр. Особенно сохранилась в памяти «развилка» - та часть дороги, где она поворачивает влево от дороги, ведущей прямо на «дальнее» поле. В этом случае требовалось уже настраивать память практически, чтобы знать дорогу на поле.

«Ближнее» поле.

«Ближнее» поле уже в силу того, что он было ближним, чаще всего посещалось нами. И сколько же оно возбудило в наших детских душах радостей, художественных эмоций, которые потом в жизни находили отклик при чтении художественной литературы, при опытах в различных видах искусств и пр. Сразу же с проезжей дороги мы сворачивали в пышные кусты ивы, расположившиеся по обочине небольшого осинника. Этот осинник в моей памяти с детства сохранился таким, каким я видел его однажды в пору «осени первоначальной», когда листья его были подёрнуты уже «багрецом», а кусты ивы около него – «золотом». Какая же это красота природы, которую А. С. Пушкин выразил в словах: «в багрец и золото одетые леса». Осина почему-то в ряду других деревьев была у нас не в почёте. Существовало даже обидное для этого дерева предание, что обычное для неё трепетание листьев её объясняется тем, что на осине именно повесился злосчастный апостол Христа – Иуда. Но какая красота у неё была осенью, особенно когда на среди берёз, и её «багрец» с «золотом» последних являл собою ковёр причудливой красоты, сотканный лучшим мастером-художником в мире – природой. Я был в этом осиннике, когда листопад ещё был на половине: в нём было светлее, чем летом и сквозь не опавшую ещё листву проглядывало глубокое, глубокое небо. В осиннике стояла тишина: не было ни комаров, ни досадливых шершней. Казалось, что прозрачный воздух «застыл» в своём движении. На земле же из-под опавших листьев то там, то здесь появлялись кровавые пятна в обрамлении зелёных листьев: это выглядело ещё запоздалые ягодки костяники.

Неподалёку от осинника был вишняк. Вишни были низкорослые под сенью небольших берёзок. Их окружала густая трава, в которой сплошным ковром росла клубника. Что говорить – этот вишняк был самым заманчивым местом для нас, детей, и увя! как часто он опустошался нами, нетерпеливыми его поклонниками раньше, чем это планировали наши родители! Но как он был красив в пору нормального созревания ягод! Это было красное пламя, красный ковёр, разостланный среди поля. Зато что он представлял собою, когда нашествие на него уже было совершено! Это был полный разгром его: трава всё примята, потому что было такое обилие ягод клубники, что собиратели ягод делали это буквально лёжа; кустарники становились голыми с редкими листочками там и здесь. Так бывает поздно осенью, когда от дождей и ветров летний ковёр цветов слиняет, пожухнет и погибнет летняя краса полей.

Наконец, мы подъезжаем к центральному месту ближнего поля – к «стану». Здесь, на небольшой площадке среди могучих берёз с пышными кронами, под тенью их мы располагались на «маёвку». Здесь когда-то был балаган для укрытия от дождя во время ненастья в «страду» – конусообразное сооружение, вроде чума, из жердей, крытых соломой и дёрном, с отверстием на вершине конуса для выхода дыма от костра, который раздвоился в балагане. Позднее балаган был перенесён на другое место, а на его месте осталась голая плешина перегоревшей земли и вокруг неё пышный лопух и лебеда. С этим местом у меня связано одно из ярких воспоминаний моего детства. Как-то мы с братом Иваном приехали сюда в «ночное». Мы были свидетелями, как замирала жизнь на полях у рабочего люда. Под вечер всё усиливалась прохлада и влажность воздуха. Откуда-то потянуло дымком и он растекался по полям. Развели и мы с братом костёр, так – от комаров. И вот разыгралась детская фантазия, детское озорство. Давай откроем стрельбу! А брат, как видно, где-то научился этому. Вбили в землю кол, с небольшой лункой вверху, накладывали в неё угольки и ударяли обухом топора. И что же? Получилась настоящая канонада! И что удивительнее всего: через некоторое время слышим: выстрелы доносятся и до нас откуда-то издали. Значит, кто-то тоже развлекался этим «занятием». По правде сказать, делали мы это не столько по мотивам шалости, а чтобы приглушить радость, которая нас охватила, когда спустилась ночь. К тому же всю ночь где-то по близости «ухал» филин. Так мы и «попробовали» провести «ночное».

Одна из берёз на лужайке, где мы обычно останавливались, была старой. У неё когда-то брали весной сок, и оставили отверстие в коре, из которого сок стекал по коре и в последующее время. Образ этой берёзы всегда возникал передо мной много позднее, когда я, уже будучи юношей, увлекался пением и пел романс:

«Острою секирой ранена берёза.

По коре смолистой побежали слёзы.

Ты не плачь, берёза, бедная, не сетуй,

...

Рана – не смертельна: вылечишься к лету.

Станешь красоваться, листьями убрана.

*Лишь больного сердца не залечишь (?) рану».*³²¹

Так детство перекликалось с юностью, а теперь памятью перекликается в старости.

---

³²¹ В оригинале стихотворения А. К. Толстого (1817-1875):

«Острою секирой ранена береза,

По коре сребристой покатались слезы;

Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!

Рана не смертельна, вылечится к лету,

Будешь красоваться, листьями убрана...

Лишь больное сердце не залечит раны!»

Неподалёку от «стана» среди берёз и в их окружении было небольшое болотце с кочками по середине. По краям его росли незабудки, а на нём жёлтые лютики. В засушливое лето вода в нём высыхала, а в дождливое – долго стояла. Трава на нём была неважная, не было смысла скашивать её на сено, и поэтому мы её скашивали на телеги. На этом мы учились косить.

За болотом был берёзовый лесок, очень чистый. Берёзки были прямые, во всей своей красоте. Здесь иногда мы находили синявки и обабки. Место было так изучено, что мы ежегодно, в большинстве случаев тщательно, искали их там, где они были прежде.

На этом же поле за главным массивом пашни был небольшой лужок с небольшим берёзовым «колком», куда и был перенесён позднее балаган. Здесь был ковёр цветов и росли пучки. Ох, эти пучки, наши детские деликатесы! Сколько мы их поедали! А что значило поехать в поле и отказать кому-либо из нас в этой поездке: просьб не оберёшься – привези пучки! А попробуй – не привези, так обиды и слёз не оберёшься. Пиканы – цветочные завязи пучек – отдавали матери. Их варили и потребляли с квасом. Сколько букетов мы увозили домой с этого лужочка! Здесь же рос пышкой шиповник. В леске попадалась земляника, а в траве среди цветов – клубника. В балагане обитали маленькие рыженькие зверьки – ласки. Про них говорили, что они у лошадей завивали – сбивали в войлок – гривы.

Это, конечно, была досужая выдумка людей с необузданной фантазией подобно тому, как говорили, что в домашних пригонах это делал некий «суседко».

С «ближним» полем у меня связано ещё воспоминание о том, как в детстве мы водили лошадей на водопой на чесноковскую мельницу. Это приходилось делать тогда, когда описанное выше болотце высыхало. Расстояние до мельницы было довольно значительным и представляло из себя самый большой наш ипподром, по которому мы скакали «на вершках» на наших карьках. Кроме того, этот «вояж» связан был с упражнением в ловкости. Дело в том, что территория мельницы была огорожена и, чтобы пробраться на неё, нужно было спрыгивать с лошадей и обратно на них и открывать и закрывать ворота и делать это очень быстро, пока не набежали на нас чесноковские псы, которых у него было несколько. Только когда бы были «на вершинах», собаки не решались приближаться к нам. С этим «вояжем» связано у меня такое воспоминание об одном трагическом случае с теченским мальчиком – Мишей Казанцевым, который также, как и мы, скакал, «на вершке» на этот водопой, но так разогнал лошадей, что не удержался на лошади, упал и разбился на смерть. «Сломал себе лёп» - такой диагноз был поставлен простонародной молвой.

«Дальнее поле».

На пути к «дальнему» полю после описанной выше «развилки» были два рва, у которых один был крутой. В детстве он, последний, нам казался большим и доставлял нам большие заботы при проезде через него с большими возами сена: требовалась ловкость управления лошадыю. За этим

рвом начиналась равнина. По обе стороны дороги по ней на широком пространстве мы наблюдали иногда красочную картину уборки богатого урожая пшеницы: весёлые лица и энергичные движения жнецов. Был такой случай: проезжали мы с поля однажды на этой равнине в пору уборки хлеба на нашей ленивой воронухе. Один из ближайших к нашей телеге жнецов заметил, что мы всячески понуждаем ленивую лошадь, но она не поддаётся и с эпическим спокойствием медленно шагает. «Стой, ребята, - крикнул он, - сейчас вам помогу. Верёвка и две палки у вас есть? – Есть. Давай сюда! Он быстро подвязал к оглоблям две палки, на них подвесил сноп овса, который убирала, и со словами: «теперь айда!» - подхлестнул злополучную кобылку. И что же? Она стала тянуться к снопу и перешла на скорый шаг. Всё поле шумело от смеха. Чего только не придумает склонный к юмору русский человек, когда на душе у него радость, как было в данном случае при уборке богатого урожая.

Эта равнина памятна мне с детства ещё потому, что однажды, рано утром, проезжая по ней, я слушал пение жаворонка и наблюдал, как он «купался» в воздухе. В юношеские годы, когда я пел «Жаворонка» М. И. Глинки, картина этого утра, со всеми её деталями, всегда стояла перед моими глазами и содержание романа было облечено для меня в конкретные формы яркого образа.

«Дальнее» поле по площади, им занимаемой, было боле «ближнего» и значительную часть его занимали луга – покосы хозяйственного значения, т. е. пригодные для заготовки сена. Поле было расположено неподалёку от реки Течи, частично на холмистой местности. Здесь, на невысоком холме, был берёзовый лесок и небольшая площадка, покрытая травой и отдельными кустиками вишни, на которой стоял такой же балаган, какой был на ближнем поле. В траве во время сенокоса было полно клубники. В лесочке мы находили несомненные признаки того, что по близости где-то обитали зайцы. Обосновывались они на зиму, как потом выяснилось, в стогах соломы, которые оставляли в поле, когда перешли на обмолот машинами прямо в поле. Несчастных «косых» зимой ловили в сети, устраивая на них облавы с гиканьем, колокольцами, бубенцами. Тут же закручивали им головы, обдирали, туши бросали волкам, а шкурки на возу под бастриком вывозили на базар.

В лесочке по склону бугра росла земляника и попадались синявки и обабки. Но главное, что нас, детей, сюда привлекало, это были саранки, неосторожные плоды земли, потому что легко выдавали себя роскошными цветами на земле. Среди других наших детских деликатесов, которые нам дарил природа, как-то: крупянок, медунов, пучек и даже «свиного гороха», саранки были на особом счету, на особом почёте, как из конфет в почёте было монпансье, которое мы называли «лампасе», не зная иностранного происхождения этого слова. И, вероятно, потому они были на особом почёте, что они редко встречались. Сами же по себе они ничего особенно привлекательного для вкуса не представляли: их жёлтые луковицы имели

приторно сладкий вкус и неприятный землянистый запах. Но кто может понять и объяснить причуды детских вкусовых влечений?

Самым заманчивым для нас, детей, на «дальнем» поле была близость реки. К ней мы на водопой, а иногда и для купанья приходили или приезжали верхом на них наших «рысаках» по меже, которая так, вероятно, и изгладилась из моей памяти, если бы позднее среди орфографических упражнений не встретились мне чудесные слова стихотворения: «По ниве прохожу я узкою тропой, поросшей кашкою и цепкой лебедой».³²² Они воскресили в моей памяти образ этой межи, и мне самому показалось странным, как это я тогда, в детстве, не обратил внимания на эту деталь природы. Так, мои детские эстетические впечатления вступали во взаимодействие позднее с другими эстетическими впечатлениями, получаемыми при чтении художественной литературы или каким-либо другим путём – через живопись, музыку и т. д., причём или они, возникнут вдруг из какой-то подсознательной области, как из какой-то кладовой, получали новую яркую окраску, как это было у меня с картиной межи, или сами, яркие и живо сохранившиеся в памяти, придавали яркую окраску новым эстетическим впечатлениям, облекая их в полнокровные образы, как это у меня было часто, о чём я уже говорил выше. Берег реки, к которому мы приводили лошадей, имел своеобразную природную красоту: нужно было спускаться к нему с крутого обрыва через нишу ивовых ветвей на столько густо переплетёнными в вершинах, что внизу под ними был таинственный полумрак, а узкая тропинка совсем исчезла из глаз. Затем слева виднелось небольшое круглое болотце, обрамлённое тоже густо ивами. Над ним густо летали стрекозы, а утка с утятами стремглав ныряли в воду и скрывались в камышах, растущих по берегам его. Затем опять были ивы и открывался берег реки, покрытый цветами. Противоположный берег тоже был обрывистый и покрыт густым лесом. Река не была здесь широкой и казалось, что она была стиснута в берегах. Она не была здесь глубокой, но мы никогда не решались доплывать до противоположного берега: место было глухое, и казалось, что вот-вот нас подстерегает омут. Однако, какое же было блаженство погрузиться в прохладную воду, а особенно – купать лошадей. Течение реки было спокойным, а отражение в воде деревьев у противоположного берега оставляло впечатление, что вода в реке не подвижна. Купаться в такой обстановке казалось страшновато, но это именно ещё больше возбуждало желание купаться. Так, в детстве перед сном больше и больше хотелось слушать сказки про «страшное». В этом раскрывалась какая-то противоречивость детской души.

Нашей трудовой, а позднее юношеской деятельностью мы больше связаны были с той частью поля, где были луга, и именно в период сенокоса.

---

³²² В оригинале стихотворения А. Н. Майкова (1821-1897) «Нива»:

*«По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
...»*

Луга расположены были по обочинам пашни, причём они обрамлялись ивами и берёзами. Одна сторона луга граничила с бугром, покрытым берёзами. Покос разделяла на две части дороги, причём другая часть его, за дорогой была сжата между холмами, а на одном холме была гряда вишняка. У дороги в лесу было небольшое болотце, которое летом высыхало, а траву на нём скашивали. Около болотца росла чёрная смородина. Излишне говорить о том, что наше детское внимание было приковано, прежде всего к вишняку и смородине, а также к одному месту луга, где в траве густо росла клубника.

В чём же проявлялась, как упомянуто выше, наша детская и юношеская деятельность? Не есть ли это пустые самохвальные слова автора сего?

В нашей семье, когда несколько человек из детей уже подросли, принято было сгрести сено и копнить его своими силами. Косить было непосильно, но сгрести и делать копны было и посильно, а главное – это же было прямо блаженство! Граблями и вилами мы приучались владеть с 12-14 лет. В четыре руки, а то и в пять мы брали грабли в руки и делали сначала валки, а потом копны. Учились мы этому? Да, учились! Мы работали с определёнными приёмами и методично: где было нужно подбивали волну душистого сена и ногой. Больших заходов мы, конечно, делать не могли, но мы сгребали сена столько в копны, сколько его можно было немедленно из копён свозить домой. Это потом возлагалось на нас с братом Иваном. Умели ли мы складывать сено на возы под бастриг? Да, умели и притом настоящие заправские большие воза, правда, в дороге их иногда подправляли, но всё-таки благополучно привозили домой. Был один только катастрофический случай. Наложили мы воз большой, а выводить его на дорогу пришлось под сильным наклоном к болоту. И вот воз наш на бок! Карько свалился на бок, стал брыкать ногами и задыхаться, хрипеть. Перепугались и с перепугу хотели уже рубить у хомута гужи, но одумались и стали распутывать ... Наконец, выпрягли нашего Карька и подняли. Перетрусились так, что дома не сразу решились поведать это родителям. Здесь же был такой случай: косил я траву на болоте, смотрю – на скошенном только что месте что-то возится в ямке. Ба! Смотрю: лежат кучкой зайчата. И как я был рад, что не скосил им головы. Постановили: к зайчатам не прикасаться – пусть их приберёт и устроит зайчиха! А ведь как подмывало по-ребячьи забрать их и этим сгубить!

Но вспомнили про печальный опыт: привезли однажды диких утят и решили их посадить к своим домашним, но пока собирались мыши их уже растащили по норам.

Что было самым увлекательным в нашем детстве на сенокосе? Возить к стогу копны. Мы возили их так: зацепляли длинной верёвкой по основанию, верёвку привязывали к хомуту на лошади, мигом «на вершину» и пошёл! Как хорошо всё-таки поэт описал картину сенокоса.

«Пахнет сеном над лугами...

Песней душу веселя,

Бабы с граблями рядами,

Ходят, сено шевеля.

...

Мужички его кругом

На воз вилами кидают.

Воз растёт, растёт, как дом...»³²³

Никогда не забудется картина возвращения с поля после работы вместе с подёнщиками. Усталые, но они заводят песни. Говорят, это так заведено, чтобы веселить хозяина. При проезде с «дального» поля видна была обрывистая гора у еремеевской мельницы. Наша фантазия связала её с картинами в «демон» А. Г. Рубинштейна³²⁴ и «Страшной местию» Н. В. Гоголя. Вид же с мельницы гармонично слился с «Русалкой» А. С. Даргомыжского. Но своя пылкая фантазия старалась создавать свои образы: всё казалось, что вот-вот покажется на этом обрыве человек, взмахнёт крыльями и полетит над полями. Что это было в детской душе? Может быть, предчувствие грядущей эпохи.

«Соры».

Осталось невыясненным происхождение этого названия. Может быть этим названием хотели авторы его отметить непригодность здесь земли под пашни и оставили эти места под покосы, признав их (земли) в какой-то степени если не полноценными в полном значении этого слова, то, во всяком случае, землями второго сорта.

Здесь совершенно другой ландшафт по сравнению с описанными выше полями. «Степь широкая, степь раздольная», как поётся в песне. В Зауралье она проходила грядой, чередуясь с перелесками... Своеобразная её прелесть раскрывается в пору зрелого травостоя и распускания цветов, когда разносит ветерок-тепняк гуляет по необозримому пространству, волнами колышет траву и разносит опьяняющий аромат цветов. С весны она (степь) бывает мёртвой, безлюдной, но вот проходит Петров день (29-е июля по старому стилю) и сюда приезжает много людей, слышится говор, под вечер песни, и начинается сенокос. Что является самым привлекательным в этой работе? Это ритм, когда косцы идут рядами и ритмично запускают косы в траву. Кажется, что всё пространство степи подчинено какому-то одному невидимому человеку, его воле и выполняет его команду.

---

³²³ В оригинале стихотворения А. Н. Майкова «Сенокос»:

«Пахнет сеном над лугами...

В песне душу веселя,

Бабы с граблями рядами

Ходят, сено шевеля.

Там - сухое убирают;

Мужички его кругом

На воз вилами кидают...

Воз растёт, растёт, как дом».

³²⁴ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829-1894) – русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.

Своеобразную красоту степь приобретает также после окончания сенокоса, когда жизнь на ней замирает, но она покрывается множеством зародков, разбросанных на широком пространстве. Всё тихо и мертво, только в небе ширяют коршуны и ястребы. Таковую картину мы в детстве наблюдали в «Сорах» и позднее она воскресила перед нами при чтении описания степи у Н. В. Гоголя в его повести «Тарас Бульба».

В «Сорах» мы бывали только в период сенокоса. Обычно бывало так, что за несколько дней до начала сенокоса отец с кем-либо из нас, чтобы ему кто-либо открывал польские ворота, отправлялся на покос и прикидывал, сколько нужно нанимать для уборки сена поденщиков, а потом за неделю или больше, смотря по погоде, завершалась вся операция уборки. Мы, дети, обычно были созерцателями работы, но впечатления наши были более ограниченными, чем на других полях. Правда, на покосе нас привлекало к себе озерко, на котором водились журавли. Мы даже однажды пытались ловить журавлят при подъёме их с земли для полёта, но в основном однообразие пейзажа сковывало наше внимание, и мы больше держались у телег под сенью накинутых на нихпологов, придумывая разные шалости обычные для детского возраста: возню и болтовню.

Таковы отдельные черты нашего, в том числе и моего, детства. Теперь, в старости, наблюдая за жизнью детей в настоящее время, во многом отличную от нашей, более обеспеченную по быту, но часто более ограниченную по разнообразию впечатлений, я всё-таки прихожу к мысли: нет, я не хотел бы другого детства. Мало этого, я думаю, что мы ещё во многом обедняем детство детей в настоящее время, например, в городах, лишая их общения с животными и более близкого общения с природой, между тем и то, и другое являются неперемными условиями развития нравственной природы ребёнка, иначе оно будет односторонним, т. е. обеднённым, если не сказать сильнее – недоразвитым. В свете этого положения, думается, нужно перестроить организацию пионерских лагерей в том отношении, чтобы, в частности, во время пребывания в них детей удовлетворить их естественное стремление к общению с животным миром и вообще теснее связать их с природой через элементарные трудовые процессы. У нас кое-что в этом отношении уже делается, но, если можно так выразиться, в некоторых случаях только в оранжерейном порядке, и между тем нужно привести это в развёрнутую систему.

22/VIII – 1963 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 729. Л. 1-31.

Публикуется по «пермской коллекции» воспоминаний автора». В «свердловской коллекции» в составе «Автобиографических воспоминаний» имеется одноимённый очерк (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 113-136 об.).

ДРУЗЬЯ НАШИХ ДЕТСТВА И ЮНОШЕСТВА ИЗ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХ И МИРА ЖИВОТНЫХ (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА)*³²⁵

Я предвижу, что меня обвинят в сентиментализме. В самом деле – назвать друзьями куриц или гусей – не есть ли это сентиментализм, даже прямо сказать – безнадёжный детский сентиментализм. И всё-таки я решаюсь писать рассказ на эту тему и льщу себя надеждой доказать, что то, о чём я будут писать, далеко от сентиментализма, как какого-то сгустка излишней чувствительности, а является проявлением обычной, так сказать, нормальной психической деятельности.

Моё первое знакомство с внешним миром, т. е. с миром вне домашней, комнатной обстановки произошло в том возрасте, когда меня носили ещё чаще на руках, чем позволяли передвигаться на не окрепших ещё ногах. Был тёплый весенний день, когда снег уже растаял, а во дворе стояли лужи воды и бежали ручьи. Меня, закутанного в одеяло и шаль, вынесли в ограду и поставили на завалинке у дома. Здесь я увидел новый для меня мир живых существ: пса нашего дворового Кудрю и многих куриц, расхаживающих по двору. У входа в сени дежурил гусь. После знакомства с кошкой в комнатных условиях теперь круг моих знакомых из домашних животных и птиц значительно расширился, но все они, были для меня пока что только объектом наблюдений. В возрасте 4-5 лет я стал уже входить в непосредственные отношения с представителями этого животного мира, в отношения живого существа с живыми существами. Тогда, будучи ребёнком, я не понимал и не мог понимать нравственной природы этих отношений – значения их для меня и моего развития, как не понимал и роли природы, как таковой, в развитии моего сознания. По меткому выражению английского философа эмпирика Локка³²⁶, моя душа, как и душа всякого человека, была *tabula rasa* – чистая доска, на которую природа наносила свои письмена. Но теперь, когда психическое развитие уже достигло известного предела, когда ум изошрён в анализе и синтезе, когда жизненный опыт достаточно богат, позволительно и даже необходимо разобраться в том, как же развивалось наше сознание в те отдалённые времена, как развивался наш нравственный мир, как развивались наше мирознание и мироощущение.. Вот в этом именно отношении все представители живого мира, с которыми мы соприкасались в детстве и юношестве, были нашими друзьями; через них мы были связаны с природой, как частицы её, через них мы постигали природу и учились у неё; в соприкосновении с ними развивался наш нравственный мир.

---

³²⁵ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 23 мая 1961 г.: «Посылаю Вам «педагогическую поэму» и это – вероятно, уже самая «последняя туча рассеянной бури». Произведение претенциозное, но *dixi et animam levavi* и частично моё *credo*. Это в какой-то степени относится к статье «Детские годы Пети Иконникова» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 612.

³²⁶ Локк Джон (1632-1704) – английский педагог и философ.

Теперь именно во всей глубине открылось нам значение латинского афоризма: «*Naturam si sequamur, nunquam aberrabimus*, - если мы будем следовать за природой, никогда не ошибёмся. Из царства пернатых в детстве и юношестве мы соприкасались с двумя его представителями: курами и гусями.

Поэма о курице*

Детям, вероятно, и сейчас рассказывают о курочке, которая снесла яйцо не простое, а золотое. Рассказывают, вероятно, также и о петушке словами сказки: «петушок, петушок, золотой гребешок». Можно не сомневаться, что все городские дети видели петушка и курочку на картинках, имели игрушки, их видели в телевизоре в мультипликациях и киносъёмках. Видели их в цветном кино, как настоящих живых и всё-таки не живых. Могут ли среди городских детей найтись такие, которые не видали ещё ни петуха, ни курицу в натуре? Кто может поручиться за то, что нет – не может быть, чтобы у нас в городе нашёлся хоть один ребёнок, который бы не видал ни петушка, ни курочку в натуре? Ведь бывают же дети в пионерлагерях, на дачах, так неужели же и там они не видали этих пернатых. А вот именно на самом деле так и есть, что можно детям побывать и в пионерлагере и на даче, и не увидеть ни петушка, ни курочку в натуре. Побывайте в этих местах и вы лично убедитесь в правдивости этого вывода. Спросят: а зачем собственно видеть этих птиц в натуре; можно ведь о них прочитать хороший рассказ, можно посмотреть в кино – и получится полное знание о них. Да, наконец, со временем любой из городских детей может избрать себе профессию птичника: вот, пожалуйста, и наслаждайся курочками и петушками. Что можно сказать по поводу такого рассуждения? Всё логично, странно, но в то же время сухо, как в силлогизме: есть скелет, но нет живого организма; есть картотека, но нет живых: ни курочки, ни петушка. Мы чаще всего теперь видим этих наших птичек в качестве «полуфабрикатов» в последней их инстанции, когда искусственно их выводят в инкубаторе, в клетках выращивают, выкармливают, мы видим их узниками, счастливыми узниками, поскольку им создаются хорошие условия для жизни. В других условиях мы наблюдали этих птичек в нашем детстве и юношестве. Им явно оказывалось меньше внимания, чем в настоящее время оказывается в специальных птичьих хозяйствах. Начать с того, что их как следует и не учитывали в хозяйстве. Спросишь, бывало, какую-либо хозяйку: сколько у вас куриц, - и ответ последует такой: а бог его знает – пятнадцать или двадцать. Иногда между хозяйками возникали споры из-за какой-либо рябушки: и та, и другая считают её своей, но ни та и ни другая не может привести убедительных аргументов для доказательства своей правоты. Разгуливали летом курочки на свободе: сами выбирали себе седало где-либо под сараем на жердочке, никто не проверял их – с яйцами они или нет. Утром, бывало, по всему дворе раздаётся гром гоготания курицы, и хозяева заключают: где-то снеслась

курица. Заметили, что курица квохчет – вывод: она где-то парит. Курицы сами себе находили место для гнёзд: на сеновалах, где-либо в кашевке под сараем, под каким-либо строением и т.д. В число обязанностей мальчишек и девчонок, между прочим, входило разыскивать эти гнёзда и собирать яйца. Бывало и так, что за какой-либо пеструшкой устанавливалась слежка: применялись хитрые приёмы розысков, причём одна сторона старалась явно засекретить своё гнездо, а другая сторона старалась подглядеть и разгадать секрет первой. Бывали случаи, что курица, которая всё время была на виду, вдруг потерялась: нет её и нет, а потом смотришь – она из-под амбара, выводит штук десять цыплят, и вид у неё такой победит, как будто она хочет сказать: «видал, смотри, каким семейством я обзавелась». Читатель уже по тому, что я сказал о курице, может сказать обо мне: он идеолог анархизма, он явно идеализирует беспорядок в птичьем хозяйстве. Нет, я вовсе не идеализирую эти птичьи порядки, а, вернее, беспорядки в хозяйстве, а только нарисовал одну из картинок своего детства. Да, курочки и петушки у нас в период нашего детства, выражаясь языком настоящего времени, пребывали «в условиях свободы», т. е. в условиях некоей анархии: они были вольными птицами, а положение их – до некоторой степени было близким к натуральному положению представителей пернатого царства в природе. Кто были хозяевами их? Мы, дети, по крайней мере по внутреннему нашему убеждению считали себя такими же их хозяевами, как и взрослые. Мы, например, считали, что яйца, которые мы собирали по гнёздам, являются чем-то вроде добычи, подобно тому, как мы посчитали бы добычей яйца диких уток, которые мы собрали бы (на самом деле этого не было) в гнёздах на болоте. На таком именно сознании существовал у нас обычай собирать перед Пасхой «пай», по которому каждому назначался день, в который он или ему собирались яйца, причём уравниловка отвергалась: каждый должен был довольствоваться тем количеством их, которые падало на его день. Всю речь я веду к следующему положению, что мы, дети, были поставлены в близкое положение к нашим пернатым, и, это обстоятельство во многом содействовало нашему нравственному развитию, давая пищу нашему уму и сердцу. Приходилось ли кому-нибудь видеть ребёнка, который в первый раз в жизни взял в руки только что вылупившегося из яйца цыплёнка, взял с трепетом и нежностью, с опасением, как бы не повредить этому нежному созданию, и попробовать заглянуть в душу этого ребёнка в этот момент? Приходилось ли кому-нибудь видеть ребёнка наблюдающим за тем, как курица вела отчаянную борьбу со стервятником, который готовился напасть на её цыплят, или когда она хлопотала о их питании? А что значило для ребёнка увидеть в первый раз в жизни появление целого выводка цыплят неожиданно, как бы случайно? Кто знает, что может быть это именно детские наблюдения и пробудили в нём впервые ту деятельность души, которую он потом стал называть любовью к природе и людям. А сколько материала давалось ему для наблюдений и размышлений. Вот, он наблюдал, как они одна за другой взлетали на седло и переговаривались перед сном. Есть ли у

них различия в характере? Не имеют ли они, как и люди, каких-либо особенностей в поведении? Не бывают ли и у них такие, которые обижают других? И вот он видит, что среди всех этих рябушек, чернушек и желтушек, руководимых двумя красавцами петухами, появился странный экземпляр – петушок, у которого все перья торчали, как иглы у ёжика. Был очень шустрый и ловкий: первым схватывал брошенную крошку хлеба и бегал по двору, когда за ним гонялись другие. В понимании ребёнка это значило, что его обижали. Он считал, что и у птиц тоже различаются «свои» и «чужие». Он слышал, что взрослые называли этого петушка «ерошкой» и много позднее он понял, почему ему было дано такое назначение. Позднее также, читая сказку Андерсена «Гадкий утёнок», он вспомнил о Ерошке и ему стали более ясны нравы пернатых, которые он наблюдал в детстве. Видел он однажды драку петухов, драку дикую, такую, что у одного из них гребешок был в крови, а также и вся грудь. На него эта драка произвела неприятное, отталкивающее впечатление, и эта реакция на всю жизнь вошла для него как моральный постулат: нет, это явление отрицательное. В последствии, читая о том, что петушиные бои являются любимым, даже национальным развлечением у некоторых народов, он не мог оправдать этих развлечений: они казались ему проявлением человеческой жестокости. А ведь могла быть, и это часто бывало, другая реакция: ребёнок испытал при наблюдении за петушиной дракой удовольствие и вот вам будущий болельщик петушиных боёв. Родители! Будьте бдительны и не дайте ребёнку встать на эту дорогу. Многие из наблюдений за пернатыми, в данном случае – за курами, дало разгадку в его языке. Спросите кого-либо, что значит слово «распетушился», и он вам нарисует целую картину, которую он наблюдал в детстве. Спросите кого-либо, что значат слова: «типун тебе на язык» и он расскажет о том, как в детстве он наблюдал операцию курицы с «типуном», которое производила Варвара Ивановна из [деревни] Баклановой. «Поэма о курице» очень богата содержанием и в этом смысле можно сказать: «да, курочка снесла яйцо не простое, а золотое».

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора в составе «Автобиографических воспоминаний» также имеется «Рассказ курочки-рябушки о своём житье-бытье: о радостях, горестях и о горе-злосчастье, что лыком подпоясано, по свету шляется» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 57-72).

Поэма о «спасителях Рима»

Больших «отцов» их было трое: один гусак и две гусыни. Среди всех прочих представителей царства пернатых этого типа на нашем селе они выделялись тем, что были белоснежными, а не серыми, как у других. Выводки тоже были исключительно белоснежными без всякой примеси. И сразу же возникает по этому поводу вопрос: позволительно ли ребёнку сведаться с гордостью – гордиться чем-либо? А мы вот гордились тем, что у нас только были такие гуси, а ни у кого другого. Что значит слово «пáрить» - мы это знали по наблюдениям за процессом, который определялся этим

словом. Это значило, что две наших гусыни в кухне под лавкой, прикрытые половиком, неделю проживали в гнёздах, изредка выходя на воздух бледные, как нам казалось, усталые до того, что их покачивало ветерком. Что значит «стоять на посту» - это мы узнали задолго до того как эти слова употреблялись с военным значением. Значение этих слов нам разъяснил наш гусак. Да – это был, вероятно, лучший в мире постовой: он стоял у сеней и не сводил глаз с дверей, через которые должна была выйти та или иная гусыня. Что значит радость встречи после разлуки – мы знали из наблюдений за гусаком: при виде гусыни он поднимал неистовый крик на весь двор, он размахивал крыльями, и встретившиеся вели между собой разговор. Да, мы были убеждены, что они разговаривали на своём языке. Но вот гусята вывелись, обсохли и их в решете вынесли в первый раз на двор – миленьких, жёлтеньких, хрупких, и детская рука опять потянулась взять в руки это маленькое существо и, наконец, взяла. Скажите, что в это время творится в детской душе? Что не заметно для глаза, то в глубоком тайнике её откладывается в нравственной природе ребёнка. Нас заставляли переживать мочёный горох и давать его на питание гусятам. Вы возмутитесь и скажете: это антигигиенично! Да, это было антигигиенично. Но приходилось ли вам слушать разговор этих маленьких существ, когда они получали эту еду, а взрослые наблюдали и гусак, обычно не подпускавший никого к малышам, в этом случае стоял в отдалении и наблюдал, гусыни же норовили отхватить «малую толику». Мы наблюдали, как прежде чем отпустить гусят за пределы ограды, их «подкуривали». Это означало, что брали «богородскую траву» в сушёном виде, поджигали её и дымом «окуривали» гусят, верили, что это предохранит их от заболеваний. Вы возмутитесь и скажете: безобразие – детям внушали суеверия! Что сказать: из песни слов не выкинешь. Вы можете представить, как мы в первый раз сопровождали наше стадо гусей на реку и что с ними было, когда они подходили к реке, а потом ринулись в воду? Если бы кого-либо из нас попросили рассказать о каком-либо таком случае в жизни, когда нам приходилось наблюдать чью-либо радость и самим радоваться безотчётно, мы не смогли бы не вспомнить этой картины, которую видели в детстве. Приходилось ли вам наблюдать, как над мирно плавающим по воде стадом гусей появлялся стервятник, и принимать участие в защите малышей? А это было! И это было первым подвигом в жизни. Что это означало для нравственной природы ребёнка – об этом говорить излишне. Едва ли у каких-либо других особей из царства пернатых была такая групповая замкнутость и деление на «своих» и «чужих», как у гусей. Любопытно было наблюдать встречу двух стад их: сейчас же начинали первыми «шипеть» друг на друга и вступать в состязание гусаки, а затем вступали в борьбу и старые гусыни. Плохой пример для наблюдающих за ними мальчишками и девочками. Зато бдительности у них именно стоит поучиться: недаром их легенда назвала «спасителями Рима». Известна их привычка останавливаться на ночёвку в середине дороги, но поезжайте в ночь – помочь по дороге, где они расположились на сон, и вы увидите бдящего на

страже гусака. Остановитесь около их логова, и вы услышите, как в глубокой тишине они и спят, и временами переговариваются между собой, а гусак как бы говорит: «спите: я бодрствую!» Приходилось ли вам следить за поведением гусей глубокой осенью, когда у них пробуждается инстинкт к перелёту: подходят они к спуску с горы, ведущему речке, поднимают страшный гвалт, крики и пытаются лететь к реке и, наконец, летят, но увы! Только немногие долетают до реки. Для детей это явление сперва является загадкой, но потом они узнают о биологическом законе, известном под названием атавизма.

Испытывали ли вы когда-либо удовольствие зачерпнуть в амбаре большую плицу зерна – овса или ржи – и широким размахом веером рассыпать его по ограде и наблюдать, как с гиканьем спешат к нему гуси, почти на лету устремляются курицы, и как потом множество голов склонялось к зерну – кто долбил клювом, кто ловко подбирал его с земли, а голуби по краям тоже присоединялись к этой компании. Это было, очевидно, удовольствием, если мы, дети, иногда спорили между собой – кто в тот или другой день должен выполнить эту операцию. Кормить птиц – разве это не проявление моральной стороны детской души, с одной стороны, и не средство воспитания детей, с другой стороны?

Кудря (поэма о собаке)

*Памяти первого космонавта
из земных живых существ – собачке Лайке.³²⁷*

*«Тварь повинуся не волею –
а за повинувшего ю».
(Апостол Павел).³²⁸*

Я почти каждый день прохожу мимо нашего медицинского института и слышу неистовый лай, который несётся из здания, где живут так называемые подопытные собаки кафедры физиологии человека. Я никак не могу при этом отделаться от мысли, что эти животные несчастны и что судьба жестоко надругалась над их появлением на божий свет. Иногда я вижу, как какая-либо девушка или женщина выводит на верёвочке из этого питомника, попросту называемого собачником, какую-либо собачек и ведёт её в здание

---

³²⁷ Лайка (1954-1957) – собака-космонавт, первое животное, выведенное на орбиту Земли. Была запущена в космос 03 ноября 1957 года на советском корабле «Спутник-2». Умерла от перегрева.

³²⁸ Из Послания к Римлянам святого апостола Павла: «Чаяние бо твари, откровения сынов Божиих чае: суе те бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю, на уповании, яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих». («Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суе те не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих»). (Библия. Послание к Римлянам, глава 8:19-21).

института, как мне известно, на четвёртый этаж, где эта собачка и будет демонстрироваться, для изучающих науку о природе человека. Я вижу, как собачка веселится, норовит вырваться из рук вожатой, и «тогда смиряется души моей тревога» (М. Ю. Лермонтов): я думаю: «ну, слава Богу, как видно, этим собачкам не так уже плохо живётся, если они способны ещё веселиться». Вчера я наблюдал около этого же питомника такую картину: одна женщина, как видно, привела свою собачку на верёвочке «сдавать» в этот питомник и передала верёвочку в руки работниц питомника, но собачка упорно не шла за ней: она вырывалась, пряталась за свою хозяйку, явно искала у ней защиты. Долго бились над ней две женщины, пока, наконец, бывшая хозяйка не взяла в руки верёвочку и сама повела её в питомник. Пусть меня назовут безнадёжным сентименталистом, но бесконечно стало жаль эту собачку, и всем известный нам тезис – собака – друг человека – показался мне лживым и лицемерным. Он правдив, если под ним разумеется отношение собаки к человеку, но он лжив, если над ним разумеется отношение человека к собаке. Судьба жестоко надругалась над «другом человека»: никакая другая особь из мира живых существ не сделалась орудием человека в борьбе его за существование, как именно собака – и для научных целей, и для защиты.

«Лайка» была, конечно, за ведомо обречена на гибель. А сколько этих «лаек» отдали свою жизнь на столах экспериментаторов? Одна ассистентка кафедры анатомии попросила меня прокорректировать её научную работу по анатомии со стороны орфографии (*sic!*) Теперь это довольно часто применяется, и во введении к работе она описала свои эксперименты над собаками. Она экспериментировала примерно на двадцати собаках, из которых большинство погибло. Это одна научная работа, а сколько их было! Известно, что во время последней мировой войны «друзей человека» тренировали на то, чтобы она кидалась под танки со взрывными веществами.

Вот сквозь какую призму жизненных восприятий приходится сейчас вспоминать о нашем Кудре, нашем верном псе и друге, а то, о чём мы будем писать относится к нашему детству, т. е. ко времени [18]80-х годов. Всё, что мы знали тогда о собаке, как друге человека, сводилось только к нашим взаимоотношениям с Кудрей да ещё к чтению небольшой статейки в школьной книге для чтения «Наше родное», в которой рассказывалось, как в Швейцарии для спасения людей во время зимних бурь и заносов применялись собаки нью-фаундледской породы и помещена была картинка, как собака с аптечкой на шее разыскала замерзающего ребёнка. Этот рассказ так гармонировал с нашей дружбой с Кудрей, что нам так хотелось, чтобы он был таким же нью-фаундлендом, какого мы видели на картинке.

Его звали Кудрей, потому что шерсть у него была не гладкая, а с завитками. Позднее мы узнали о том, что существуют такие породы собак, у которых длинная кудрявая шерсть, как, например, у пуделей, но в деревне и небольшие завитки шерсти считались за кудри, и поэтому название псу было дано – Кудря. Он был из той породы собак, которых небрежно называли

дворняжками. Кудря предстал перед нами уже вполне взрослым среди деревенских «шавок» он казался солидным внушал уважение к себе у всякого, кто захотел бы тайком пробраться туда, куда пробираться не дозволено. Был ли Кудря злым? Как известно, по общему мнению идеальной собакой нужно считать злоую собаку, иначе – каким же она будет сторожем. Чтобы сделать собаку злой, её с ранних лет садили на цепь и изолировали от людей. Наш Кудря не проходил такой тренировки: его окружала более гуманная среда. Однако он был достаточно суровым к тем, к кому это полагалось и кое-кому было известно, что у него тоже есть острые зубы. Люди знали, что в нашем дворе есть пёстрая собака и входить во двор нужно осторожно. Правда, Кудря не злоупотреблял своим зубом и если случалось «это сделать», то делал, так сказать, законно: не лезь, куда не полагается. Но однажды он проштрафился: шли в гости днём, мирно, земский начальник со своим старшим сыном, студентом Московского университета, соседи, Кудря напал на студента и порвал у него немного новый студенческий сюртук. Заботы наделал много: хоть дави его. Ладно выручил портной Григорий Александрович Лебедев: он так искусно заштопал разорванное, что самый придирчивый глаз не смог бы заметить разрыва материи, и Кудрю оставили жить. С нами Кудря был предупредителен и ласков. Мы иногда брали его с собой на реку купаться, и он сторожил бельё. Когда мы собирались поехать в поле или в поскотину и на гумно он заранее радовался, видя подготовлен к этой поездке: он тёрся около телеги с явной боязнью, как бы его не оставили дома. В лесу он бегал, резвился, стараясь раздобыть какую-либо добычу. После одной такой поездки мы заметили, что Кудря что-то всё чешет голову, крутит ею, подходит к кому-либо из нас и наклоняет голову, так что нам казалось, что он что-то просит. Приглядевшись к его голове, мы заметили на ней у ушей две солидные горошины. Это были клещи, которые так напились крови, что превратились в горошины. Мы извлекли их и после этого приняли для себя за правило осматривать Кудрю, нет ли у него опять клещей. Нам казалось, что он понимал этот наш медицинский осмотр и не противился ему. По субботам под вечер к Кудри обычно была встреча с собаками других хозяев: он лежал за оградой на лужайке и ждал появления какой-либо собаки, возвращающейся со своим хозяином с поля самым интересным было при этом наблюдать собачий этикет: стремительный натиск Кудри и или схватку или примирительное взаимное обнюхивание. Если соперник был явно сильнее Кудри, мы старались удержать его от встречи, становясь, таким образом, тоже участниками его встреч. Кудре приходилось бывать и в положении, когда на него нападала какая-либо другая собака или даже несколько. Это случалось, например, когда мы ехали в поле, а он бежал за нами, или когда мы возвращались с поля. Он знал, что всегда найдёт в этом случае у нас защиту.

Приходилось ли вам когда-либо видеть собаку в момент сознания ею совершённого ею преступления и признания своей ошибки? Созерцание такой картины поучительно как для детей, так и для взрослых и могло бы

быть использовано в воспитательных целях, а нам приходилось иногда видеть Кудрю в таком положении. У Кудри не было особой клетки для спанья и отдохновения: он сам себе находил место для этого: летом где-либо под сараем в прохладе, зимой под крыльцом. Здесь у него было тёплое ложе из разных лохмотьев, очёсков шерсти, льна и конопли. В большую стужу ему разрешалось на несколько минут зайти в кухню и полежать у дверей. Определённым сроком для питания Кудри было послеобеденное время у людей: он получал различную смесь от блюд и кости. Летом, предвкушая свой обед, Кудря дежурил у того окна кухни, где, как он знал, обедали люди. И дежурил он не зря: иногда кто-либо из сердобольных его юных друзей выбрасывал ему что-либо через окно. Кроме обычного обеда он получал случайные подачки то хлеба, то остатков молока, простокваши. Это уже чаще всего от своих юных друзей. Как у всей нашей семьи, у Кудри самым полнокровным периодом жизни в течение года было время летних каникул, когда вся семья была в сборе. Кудря разделял и горе, и радость семьи. Когда каникулы кончались и дом пустел, он «переживал» расставание, но зато когда мы снова приезжали на каникулы и происходила встреча, летом – на дворе Кудря радовался: он старался втиснуться в толпу встречающих, он прыгал, махал хвостом и в глазах у него было сияние радости, как бы он хотел сказать: «ну, наконец-то вы приехали!» Так дружно мы жили с Кудрей: человек и собака. Но наступил момент, когда эта дружба была оборвана: человек отнял жизнь у собаки, которую он называл своим другом. И сделано это было грубо и оскорбительно для детского чувства. Однажды, когда я, возвращаясь из школы, вошёл в ограду, перед моими глазами открылась ужасная картина, которая до сих пор стоит перед моими глазами: в проходе в пригоны висел наш Кудря уже без движения. Говорили, что это было сделано из-за болезни, что он сбесится, а в том, что «это» было сделано так грубо, обвиняли «палача», который «это» сделал не там, где ему было это указано. А травма осталась на всю жизнь. Впоследствии различные типы собак были нашими друзьями: были большие и маленькие, были более злые и менее злые, с разными темпераментами – резвые и флегматичные – и все они в какой-то степени напоминали Кудрю, все они охотно вступали в дружеские отношения с нами. Впоследствии мы читали прекрасные произведения русских писателей, в которых главными персонажами были они, наши друзья. Мы читали гуманнейшее произведение И. С. Тургенева «Муму», в котором показано, с одной стороны, нежная любовь к другу человека, а с другой стороны, жестокость к нему от тех, кто тоже называли себя человеком. Со слезами мы читали развязку в этом рассказе. Такое е противоречивое отношение к другу мы видели и в «Белом пуделе» А. И. Куприна: жестокость одних и любовь других. Мы видели телевизионную постановку по этому произведению и в ней нас до глубины души потряс тот момент, когда несчастный старик увидел, что у него украли его «друга». Сколько радости мы испытали при чтении рассказа А. П. Чехова «Каштанка», когда прочитали, что Каштанке после всех пережитых его

мытарств опять нашла своих хозяев. Мы мучительно переживали с Колей Касаткиным по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» его раскаяние в зверском поступке его по отношению к «другу человека». Мы благодарны нашим писателям за то, что в своих произведениях они будили в нашей душе благороднейшие чувства любви и уважения к нашему другу. Мы благодарны нашему великому учёному И. П. Павлову³²⁹ за его призыв к гуманному обращению с «другом человека». Но мы всё ещё бываем иногда свидетелями дикой жестокости к собакам и кого же? Детей. В соседях у нас группа мальчиков затащила собаку на чердак и сбросила её со второго этажа. Животное разбилось, мучилось и сгибло. Чем это лучше проступка Коли Касаткина?

Родители! Будьте бдительны! Следите за детьми! Немедленно пресекайте замеченные у них проявления жестокости по отношению к другу человека. Своевременно и осторожно воспитывайте у них правильный и трезвый взгляд на научные эксперименты с живыми существами, чтобы они не получили излишней травмы. Теперь у нас в литературе появляются статьи с призывом к гуманному отношению к «другу человека», например, статья уральского писателя ... Рябинина³³⁰ в журнале «Урал». В статье указывается, какая же путаница во взглядах на нашего «друга» существует даже у людей просвещённых и научно подкованных, как, например, у врачей. В статье указывается, что до сих пор ещё не изжито у нас небрежное, а подчас прямо преступное отношение к другу человека даже в научных учреждениях. Мы законно высмеиваем культ собачек за границей, безобразное, извращённое отношение к «другу человека», но мы должны со всей настойчивостью выжечь противоположное явление – жестокость по отношению к «другу человека». В «Колтушах» поставлен монумент собаке³³¹; Лайке, очевидно, будет тоже поставлен монумент, но главным является не это, а то, чтобы мы воспитали все глубокую «любовь» и уважение к «другу человека» за те жертвы, которые он приносит для счастья человека, чтобы не стыдно было глядеть в глаза той же Лайке, как она показана нам перед полётом в космос. А ведь какая это трагедия для человека: смотреть в глаза живому существу, которое видит в тебе друга, смотрит на тебя с любовью и доверчивостью и которое увы! Обречено человеком на гибель. Жестокий момент, который можно сравнить только с тем, который мы встречали при чтении повести Н.

---

³²⁹ Павлов Иван Петрович (1849-1936) – русский учёный, физиолог. Окончил Рязанскую духовную семинарию.

³³⁰ Рябинин Борис Степанович (1911-1990) – уральский писатель, член Союза писателей СССР. Много внимания уделял охране природы, отлично понимал, какое колоссальное значение в воспитании человека играет любовь к животным, связывающих человека с природой.

³³¹ Памятник собаке академика И. П. Павлова на территории Всесоюзного института экспериментальной медицины на Аптекарском острове г. Ленинграда был открыт в 1935 г. Установкой памятника было отмечено значение собаки, как основного объекта в проведении экспериментов по физиологии нервной деятельности.

В. Гоголя «Тарас Бульба», а именно, когда Тарас сказал Андрею: «Я тебя породил – я тебя и убью!»

«Никитич» и Лысанко и наше семейное несчастье*

О том, что лошади хорошо запоминали дорогу, мы знали по собственному опыту. Бывало не раз, что по дороге в Каменку или, наоборот, из Каменки домой мы попадали в развилку трёх дорог и не знали, по какой же из них ехать. В этом случае мы полагались на наших Бурка, или Карька, и они никогда нас не подводили. А вот пример того, как иногда лошади привязываются к хозяину, или как они помнят место своего жительства, показали нам наши «Никитич», и Лысанко. Случилось же этого в связи с несчастьем, которое произошло с нашей семьёй, когда мне было шесть лет.

В зимнюю студёную ночь у нас украли трёх лошадей и никак не смогли увести «Никитича», потому что он никого не подпускал к себе, кроме хозяина. Лютовал тогда в нашем крае конский вор, из духовного сословия, брат нижновского диакона Анатолия Афанасьевича Бирюкова – Серёжка Бирюков. «Работал» в компании и многих разорил подлец. Время от времени он тайком проживал у своих в Нижней и племянники, уговаривали его: «брось, дядя, это «занятие», мы тебя будем поить, кормить, одевать, но дядя тянул всё своё: «не могу – тайга зовёт». И вот бывало: живёт, живёт дядя, а однажды утром родные видят, что дядин «след простыл».

Несчастье, случившееся с нашей семьёй, означало, что отец не мог уже дальше вести сельское хозяйство. «Никитич» остался один. Он был сивый мерин, уже не молодой, но мог ещё служить хозяину. Среди других лошадей он выделялся своим ростом – был повыше других и посильнее. На него пала работа по уборке последнего урожая: перевозка снопов с поля в гумно. Конь честно нёс свои обязанности, но однажды наложили ему на воз много снопов, он с трудом поднял его на гору в селе, пал... и был таков.

Какова была судьба украденных лошадей?

В крещенский сочельник под вечер вдруг подъезжает к нашему домику верховой в яге. У ворот он быстро спрыгнул с «вершины», поспешно вошёл в дом – в кухню, достал из шапки какие-то листочки, бросил их на пол, быстро повернулся, вскочил на лошадь верхом и умчался. На разрозненных листках каряво карандашом было написано: «приезжай (туда-то), вези четверть вина и двадцать пять рублей денег – получишь своих лошадей». Отец подумал, подумал и решил не ездить из опасения, что ещё убьют.

Прошло лет пять после этого события. Однажды летом, после петровок, киргизы прогоняли через наше село стадо лошадей с Крестовской ярмарки. Верховые не давали лошадям отрываться от стада и гнали лошадей на бегу. Я с братом Иваном играл тогда за воротами, и мы загляделись на стадо лошадей. Вдруг одна из лошадей оторвалась от стада, забежала к нам в ограду, а потом прямо в конюшни. Один из верховых в ушанке «малахае» на голове подскакал к ним с криком: «выгоняй, выгоняй!» Мы бросились

выгонять лошадь из конюшни, но она упорно не выходила из неё. Наконец, мы всё-таки добились – выгнали её и верховой загнал её в стадо.

Немного погодя, приходит домой отец, и мы рассказали ему о событии. Он стал расспрашивать о лошади: какой она масти, роста и не заметили ли мы у неё какой-либо особенности на голове. Мы подробно описали наружный вид лошади и, между прочим, подчеркнули, что на лбу у лошади, как звезда, ярко виднелось белое пятно на фоне общей рыже-бурой шерсти всей лошади и её головы. Отец сразу определил: «Это был наш Лысанко». Конь вспомнил своё прежнее жилище и прибежал, как «домой», а мы его выгнали.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 144-146 об.

*Из очерка «Друзья нашего детства из мира животных и царства пернатых (педагогические рассказы)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора; в «пермской коллекции» отсутствует. В «свердловской коллекции» также находится очерк «Никитич» (фрагмент на тему: «Друзья нашего детства из мира животных») в составе «Автобиографических воспоминаний» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 18-25).

Бурко и Воронко

*«Тварь повинуся не волею
а за повинувшего ю».*

Апостол Павел.

Простые наблюдения над обыденной жизнью говорят нам о том, что у животных, как и у людей, бывают различные судьбы. Сплошь и рядом мы видим на улице и выхоленного рысака, какого-нибудь рекордсмена на бегах, и невзрачного, жалкого на вид Карька и Воронка, с трудом волочащего телегу. И в художественной литературе мы видели и гордого Холстомера, реалистически описанного Л. Н. Толстым, и забитого Конягу у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Судьба Бурка и Воронка, игравших в жизни роль «пары гнедых», были значительно мягче и легче их предшественников в нашем хозяйстве, которые обречены были разделить судьбу салтыковского Коняги, принять на себя всю тяжесть работ с землёй и на земле: пахать, боронить, возить снопы и прочее. Один из этих коняг – «Никитич» - так и сложил свои косточки на боевом посту – поднял воз со снопами, упал и отдал душу богу. С детских лет у нас в памяти сохранился вид этих коняг, когда они возвращались домой после подъёма паров: худые на столько, что можно было пересчитать у них рёбра, все в шишках от укусов шершней, с высохшими на спине и по бокам потом с осадками соли, с подбитым от хомутов грудями. Одним словом каждый из них являл собой вид салтыковского Коняги в натуре. Мы водили их купать. Что было, когда мы их заводили в воду и пускали плавать! На их мордах мы читали, какое они переживали блаженство: они вытягивали шеи и поднимали головы, кряхтели, они послушно стояли, когда мы обмывали их от пота. А что мы переживали

при этом? Сознавать себя сделавшим добро живому существу – это конкретный урок нравственного роста в детские годы.

Бурку и Воронку удалось избежать тяжёлых, изнурительных работ в поле. Случилось это так, как говорится в пословице: «не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Они появились в нашем хозяйстве после того, как коняги были у нас сворованы, и отец отказался от полевых работ. На долю Бурка и Воронка выпало обслуживать только домашние потребности, как-то привозить с реки воду, подвозить дрова, траву и сено с покосов. Правда, на них же возложено было привозить и отвозить учащихся в Каменку, но это случалось три раза в год. В этом отношении им больше досталось в том году, когда была свадьба старшего брата, но всё это не может идти ни в какое сравнение с тем, что возлагалось на лошадей, которых у нас так и называли «пахарями».

Нет, Бурку и Воронку должны были возблагодарить судьбу за то, что они избавились от тяжёлых работ Коняги. Как пара лошадей, они по условиям упряжки должны были быть распределены на коренника и пристяжную. Ни одна лошадь, как известно, не рождается или коренником, или пристяжной: люди уже по известным приметам распределяют их по этим категориям. Бурку был определён в коренные, а Воронку – в пристяжные. Позднее, когда мы лучше стали разбираться в лошадях, в особенностях их физического склада, мы поняли, что Бурку был произведён в коренники собственно за неимением подходящего коня по пословице – «на безрыбье и рак рыба». У коренника должен быть более длинный стан, широкая грудь, широкий шаг, а ничего этого не было у Бурка. У него был такой склад лошади, которых у нас называли «замухрейко»: маленький, кругленький, с мелкими шажками, с головой, которую он никогда не поднимал выше своего хребта. Он был совершенно не способен бежать рысью, что так необходимо было для коренника. По строю лошадей в паре полагалось, чтобы коренник был немного выше пристяжной, а он был даже немного ниже Воронка, что создавало впечатление некой дисгармонии, доспропорции, подобной тому, когда встречаешь такую чету людей, у которой жена выше своего мужа. Стиль бега Бурка трудно определить: не то он был быстрым шагом, не то замедленным бегом, одним словом о нём можно было бы сказать так, как сказано в одной песне, всем нам известной, о ней самой: «песня слышится и не слышится», а у нас называли такой бег «трусцой». Конечно, этот бег у него был, когда он был предоставлен сам себе, но под угрозой он быстрее «семенял» ногами. Бурку не был ленивым конём, хотя внешне он и производил впечатление ленивого коня. Он был флегматичным – вот это да! Как увидим ниже, это было даже положительным качеством его для нас, детей, а несомненно и для него самого поскольку было в контрасте с его инстинктом самосохранения. Про него аналогично тому, как у нас говорили о людях с таким темпераментом, можно было сказать: «он с пупа не сорвёт».

Воронку был по своему складу как бы рождённым быть в пристяжных: лёгкий, «поджарый», как у нас таких называют, приспособленный к бегу

галопом. Казалось даже, что он и родился с головой наотмашь, как полагалось для пристяжной. Но темперамент у него был совершенно другой: он был горячий, и Бурко, вероятно, пользовался этим, перекладывая часть тяжести на Воронка, что, как известно, бывает в практике у людей. И при всё этом Бурко и Воронко составляли такую пару, что по отдельности, в полном разрыве значило бы говорить о них неправильно, так сказать, с неправильно взятой перспективой. Людей, а именно мальчиков в таком положении у нас вошло в привычку, называть классическими именами «братья Аяксы». Нечто подобное можно было бы сказать и об этой паре живых существ.

Мы «дружили» с Бурком и Воронком в те детские годы, когда мы уже постигали «природу вещей» и научились кое чему из того, как надо обращаться с «вещами», и нам было разрешено вступать в непосредственные отношения с этими большими представителями из мира животных. Да, именно буквально, хотя и на словах, дано было это разрешение, а до этого было запрещено потому, что один из старших братьев по незнакомству именно с «природой вещей» вздумал однажды взобраться верхом на лошадь по хвосту, как канату, и получил крепкий «урок» с предупреждением. Трудно переоценить ту роль, которую эти две лошадки сыграли в нашем развитии. Как можно изобразить и описать психологию ребёнка, который в первый раз в жизни сам без посторонней помощи накинул узду на лошадь и привёл её для упряжки. А что значило для ребёнка в первый раз в жизни взять в свои руки вожжи и направлять лошадь. Л. Н. Толстой в своей знаменитой эпопее «Война и мир» развенчивая полководческий «гений» Наполеона, говорит, что он в своём самомнении был подобен ребёнку, которому в карете дали в руки верёвочки, и он воображал, что управляет лошадьми. Но в данном случае у ребёнка были реальные вожжи и реальные лошади. Не с этого ли момента у человека появляется пока то безотчётно сознание того, что он вершина мироздания, того сознания, которое потом будет выражено в словах: «Человек – это звучит гордо!». Испытывали ли вы удовольствие и гордость за себя, когда в детские годы вы приносите лошади на корм овёс и слышите её ржание – верный признак её радости. В этом ржании так и слышится: «спасибо, спасибо, дружок!» Испытывали ли вы радость и гордость за себя, когда вам удалось после нескольких неудач запрячь, наконец, лошадь. А первые упражнения в верховой езде, когда тебя сначала подсаживают, потом ты сам взбираешься с забора, когда ещё сидишь и держишься за гриву лошади. В связи с этим начинаются первые приглядывания и изучение «норова» лошади: на Бурка сяду, а на Воронка нет, Бурко меня не сбросит с себя, а на Воронка нельзя надеяться. Казалось, что между мной и Бурком устанавливался контакт, что он так себя вёл по отношению ко мне в этом случае, как бы хотел предупредить: «смотри, парень, держись крепче – не пади!» Первая поездка на речку за водой, первая «мешанина», которую я замешал нашим лошадкам – все эти воспоминания детства связаны с Бурком и Воронком. Эти воспоминания мне дороги, потому с ними связан мой душевный рост, рост нравственный.

Бурко-киргиз

Дружба с этим коньком относится к моим юношеским годам, когда я уже многое узнал об особенностях лошадей, об особенностях той или иной породы лошадей и умел оценить достоинства или недостатки их. Бурко попал в наши края из Киргизии после голодного года, когда весь скот погиб от голода. В качестве выхода из затруднения с безлошадностью в наши края были направлены целы гурты лошадей. Выходцы из другого климата и прошедшие другую систему воспитания, эти степняки оказались плохими «пахарями» и многие не вынесли тяжёлого труда. Наш Бурко оказался в более подходящих для него условиях, так как от тяжёлых полевых работ был освобождён, а применялся только на домашних работах. Был он конь горячий и «урос». Иногда он так «зауросит», т. е. отказывается везти, что никакие меры – ни суровые, ни ласковые – ничто не в состоянии было вывести его из его своеобразного шока. Чаще всего это бывало, когда в момент отправления в поездку около стояла толпа зрителей да ещё если к этому кто-нибудь свиснет или крикнет. Тут уже вылезай из экипажа и жди, когда он освободится от своего шока. Достоинством Бурка было то, что он был рысак. Он имел длинный стан, широкую грудь и гордую посадку головы. Когда он шёл рысью в полную меру, можно было на него заглядеться. Мы, конечно, гордились им. Лошади, выходцы из Киргизии, имели такую особенность: они «секлись». Это обозначало, что на шкуре у них, в особенности в области спины и по бокам в жаркие дни у них появлялись кровоподтёки. Кроме того от быстрого бега в жаркие дни у них появлялись «мышки», т. е. они начинали задыхаться. На этот случай мы брали с собой шило, чтобы при случае схватки «мышек» делать пуск крови через прокол вены в области носа.³³² Бурка мы любили, как коня гордого, быстрого и ласкового в обращении, но не ездили на нём верхом: боялись, что он сбросит.

Карько и Воронуха

Они вошли в наши юношеские воспоминания. Их было двое, но они не составляли пару и прежде всего они резко отличались темпераментами. Меня могут обвинить в женофобстве, но приходится сказать, что сия барышня или дама лошадиной породы – Воронуха с малых лет отличалась феноменальной

---

³³² В очерке «Друзья нашего детства из мира животных и царства пернатых (педагогические рассказы)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Про лошадей в таких случаях говорили, что они «секлись». Конь был гордый, и как печальна была его судьба: что-то случилось у него с желудком, стал хиреть, хиреть, ослаб. Стали запрягать его уже не «коренником», а «пристяжкой», но и в этой роли он оказался слабым. Был случай поездки за 70 вёрст, и он не смог добраться уже до дома, отстегнули его уже в поскотине, чтобы он шажком прибрёл домой. Он прибрёл и был таков» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 152 об.

ленью. Попробовали её однажды запрячь в борону, чтобы рыхлить землю только в огороде – она «ничтоже сумняшеся» легла и ... всё. Возвращались однажды с поля, и она еле-еле переставляла ноги. Всякие меры понуждения были использованы, а толку никакого. Жнецы на одном поле заметили мучения кучера и решили помочь. Они привязали палки, чтобы продлить оглобли и на перекладине их подвесить сноп овса. «Она» оживилась. Сколько было потехи. Если мы отправлялись на двух телегах, «её» ставили сзади, чтобы тянулась за первой телегой.

Карько был красавец. Мы знали его ещё до того, как отец его купил в соседях. Зимой у нас лошадей и коров гоняли на водопой на реку к проруби. Иногда бывало так, что какой-нибудь конёк, отдохнувши за зиму, отобьётся от стада, чтобы побегать, порезвиться на воле. Вот, в такие именно моменты мы и наблюдали Карька. Хозяин его явно баловал: оттягивал впрягать его для работы, и он развивался без изнурительной работы. Из него получился красивый, плотно сложенный конь. Нельзя было не заглядеться на него, когда он «играл»: он стремительно носился по площади у церкви, брызги снега во все стороны летели из-под его ног, он высоко поднимал задние ноги, высоко держал голову, грива и хвост развевались. Хозяин его жалел и только поэтому его продал, чтобы он не попал на тяжёлые полевые работы. Могут ли дети ценить красоту? Мы понимали, что Карько красив и именно тогда, когда его корпус свободен от упряжи, когда видишь его, так сказать, в природной, натуральной красоте. Вот почему мы иногда не впрягали его в телегу, а подвязывали его сзади к телеге, которую волочила Воронуха, чтобы он на свободе от упряжи бежал без физического напряжения, чтобы стан его был натуральным, таким, каким он был бы в «диком» состоянии. Детское тщеславие – не правда ли? Но вместе с этим не было ли это свидетельством пробуждения чувства красоты?

По разному закончили наши коньки свою жизнь: Бурко ушёл на махан.³³³ Воронко заболел неизвестной болезнью, чуть-и не сапом. Долго его лечил наш самобытный деревенский ветеринар Александр Матвеевич: исследовал его носоглотку, протирал её с мякиной (*O, sancta simplicitas!*). Ушёл однажды Воронко в поскотину и больше не вернулся. Карька загнал наш случайный кучер – Анисим Михайлович, сгубил, когда он был в полном расцвете. Воронуху кто-то купил как «уценённый товар». Различные были все эти коньки по своим складам, характерам, темпераментам, но все они

---

³³³ Махан (колбаса) – сыровяленая колбаса только из конины; традиционная колбаса из конины у татар и ряда тюркских народов; деликатес в интернациональном праздничном меню.

В очерке «Друзья нашего детства из мира животных и царства пернатых (педагогические рассказы)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Бурка вдруг не стало в нашей конюшне, и от нас некоторое время скрывали, куда он девался. Только позднее мы узнали, что он продан был на убой (на мысо) башкирам. Таков удел домашних животных: друг другом, а в конце – «я же тебя съем» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 150 об.

много сделали для нас в детстве. Благодаря им мы часто бывали в лесу, в поле, а главное – то, что они несомненно содействовали нашему нравственному росту. Это трудно проследить, потому что область психологии человека, а особенно ребёнка – очень тонкая и деликатная область, но разве органическое отвращение к жестокости по отношению к животным, которое у нас вошло и в плоть, и в кровь – не последствие того, что мы в детстве дружили с ними. Да, дружили! Когда я вижу сейчас гордого, выхоленного рысака на бегах, я восторгаюсь его красотой, но когда я встречаю конька, маленького, с всклокоченной гривой, тянущего воз, в моём сознании всегда возникает одна и также мысль: «да, это друг человека». Коняга, а не Холстомер ближе моему нравственному сознанию. А сколько жестокости человеческой испытал на себе Коняга, друг человека. У Ф. М. Достоевского в его романе «Братья Карамазовы» описывается, как один пьяный злодей избивал коня, а его пьяная компания подогревала его в злодействе. Кто же это был – человек или зверь? Однажды в одном провинциальном городе хозяин рысака за то, что тот не смог прийти к финишу первым, тут же вложил ему в ухо револьвер и пристрелил его. Кто это был – человек или зверь? А сколько эти коняги испытывали горя, когда некоторые «хозяйственные» люди посчитали, что они, эти коняги, уже не нужны, когда появились машины! Потребовалось, как известно, по этому вопросу вмешательство М. И. Калинина и учреждение особого попечителя коней в лице С. М. Будённого. Как приятно сознавать, что в настоящее время коняги у нас, как видно, получили более гуманное отношение к себе. Но есть одна область во всём мире живых существ, которая осталась для лошадей, как искажение их природы – это их трёх-полый состав в большом количестве их – кастрация. Материальные интересы человека при эксплуатации живых существ и природа последних вошли в противоречие, и человек пошёл на искажение природы лошади, как пошёл и на искажение природы человека, превращая его в евнуха. Но то, что для человека принято, как исключение, для лошадей введено в обычный порядок. Существует презрительная поговорка о лошадях этого типа: «жрёт, как сивый мерин». Мерин – это и есть то состояние, в котором люди привыкли видеть это красивейшее создание природы. Приходилось ли вам видеть стадо лошадей на свободе под командой одного жеребца-затябунника? Это уже одомашненные лошади. Во сколько же раз они должны быть красивее в первобытном виде?

Мы с детства привыкали понимать лошадей. Был такой случай. Взят нас отвезти в Каменку мужичок, у которого была хорошая молодая лошадь, которую он ещё ни разу не проверял в быстрой езде на дальнее расстояние. Да и сам он, как видно, не имел опыта такой поездки. День был жаркий, а конь горячий. Я сразу же сказал кучеру: «придерживай коня в беге». На пятой или шестой версте конь уже был в мыле, а дальше мы ехали уже шажком. В детские и юношеские годы мы много раз и с благодарностью пользовались услугами этих друзей человека.

Кому не известна эта красноглазая и пучеглазая, как отзывались о ней у нас, в Тече, птица, которая ухает в лесу по ночам и пугает не только детей, но и взрослых. Она не является персонажем сказок, в которых рассказывается о разной чертовщине, сказок, которые так любят слушать дети, особенно перед сном, а потом бредить во сне, она же, эта птица, часто встречается на картинах с сюжетом на темы баллад. Но ниже пойдёт речь не о птице, а о лошади, которая была в хозяйстве нашего старшего брата и называлась так – «Филин». Чаще всего у нас лошадей называли по цвету их шерсти – по «масти»: Бурка, Воронко, Сивко и пр. Иногда называли по имени хозяина, у которого конь был куплен, например: «Никитич» и пр. А иногда коню давали прозвище, как часто давали прозвище и людям, как например: «Никитадитя», «Яша-преселка», «Ванька семиколёный» и пр. На что только не была способна изобретательность людей в этом случае.

Название «Филин», конечно, было прозвищем и прозвищем обидным. Если бы наш конёк мог понимать человеческую речь и говорить, то он, вероятно, сказал бы: «Не хочу, чтобы называли по имени этой противной птицы». На человеческом языке было ещё одно обидное выражение, которое легко можно было отнести в адрес нашего конька, а именно: он был мерин и при том сивый, а о таких лошадаках говорилось в пословице: «Жрёт, как сивый мерин». Вот так и получалось, что люди не скупилась на обиды для этого конька, а между тем он и другие лошадаки его типа были желанными для любителей быстрой езды. Эти коньки были редкими в наших краях, их искали на конских ярмарках и радовались при их нахождении, правда, не все, а именно – любители ухарем промчаться перед другими, как говорится,

---

³³⁴ В очерке «Друзья нашего детства из мира животных и царства пернатых (педагогические рассказы)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Иметь дело с коровами у нас относилось к женскому полу. Только два случая в жизни запомнились мне по этой линии. Было у нас одно время две коровы: комолая – красуля и с рогами – пестрёлка. Зимой их не день отводили на гумно есть полону. Однажды под вечер пестрёлка одна прибегает домой, вся возбуждённая, а красули нет. Пошли на гумно, а волки «задрали» её у самого гумна, причём вырвали из неё телёнка, который вот-вот должен был появиться на «свет божий». Второй случай был такой. Летом приходит наша пестрёлка домой, а за ней в след соседка наша в окружении мальчишек и девчонок, и все в один голос заявляют: «вашу корову кусала бешеная собака». Наша мамаша и старшая сестра тщательно осмотрели корову и не нашли никакого следа укуса. Недели через две за коровой стали наблюдаться «странности»: она стала ... кидаться на наших собачонок: она сбесилась. Держали её взаперти, после паралича она сдохла, а нашу семью *in corpore* земский врач А. С. Меньшиков отправил в Пермь на профилактические уколы от бешенства» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 157 об.

запустить другому пыли «в глаза», дескать – «знай наших». «Филин» был иноходец, а в нашем деревенском речении – «виноходец». Это слово у нас произносилось с оттенком гордости, Так, когда однажды одну из теченских тётушек спросили: из какого роду-племени, она с гордостью заявила: «У нас вся порода виноходцы, один дедушка – рысяк».

В деревнях, однако, редко встречались иноходцы, потому что они непригодны были для землеройной работы. Там нужны были «пахари», тягло, «коняги», выносливые, со спокойным терпеливым характером, а иноходцы были «лёгкими» на работе горячими. Они были непригодными и для поездки на дальнее расстояние. Одним словом, выражаясь образно, они были в общем балансе лошадиной силы чем-то вроде сладкого блюда, а в деревнях это «баловство» не применялось. В хозяйстве нашего брата была потребность в лошадке на ближнее расстояние, чему и соответствовал «Филин». Но он являлся единственным представителем этого типа лошадей на селе и был поэтому, на примете у всех.

Как у всех иноходцев, у него был короткий стан с крутым понижением к хвосту, он был, как у нас говорили, кургузным, У него были крепкие ноги, казавшиеся обрубками, потому что он был невысокого роста, а они были толстыми не по росту. У него была широкая, крепкая грудь, короткая шея, большая не по корпусу голова, длинная грива и пышная чёлка. Посмотришь на него и невольно скажешь: крепыш!

С беглого взгляда, если посмотришь на него со стороны, то покажется в чём-то сходство его с конём богатыря Добрыни Никитича, как он изображён на известной картине Васнецова «Богатыри», но взглянешь на его голову «анфас», то откроется сходство с филином и хочется крикнуть «Филин, филин!» И тут откроется тайна создания прозвищ: в них проявляется наблюдательность и острый ум их авторов.

Среди других лошадей, которые были «пахарями», он и по работе, и по жизни был обречён на одиночество и был индивидуалистом, привык поэтому и считал своё положение вполне нормальным.

Как у многих лошадей типа «Филина», т. е. иноходцев, у него временами проявлялась горячность, о чём упомянуто уже выше в плане общей характеристики иноходцев. Особенно горячность и нетерпеливость у него проявлялась при посадке пассажиров в экипаж. У некоторых людей была привычка затягивать расставание: сядут они при этом в экипаж и всё ещё «точат» речи, целуются и пр. Для «Филина» такая процедура была неприемлемой, он мог бы в этом случае сказать: «Раз надумал ехать, садись в экипаж, а я помчу».

Иногда бывало так, что груз был тяжёлый. Тогда «Филин» превращался в туго натянутую пружину, брал рывок вправо и влево, и наконец, подобно конькобежцу на старте, сжимался, налегал на свою широкую грудь, брал груз, и тогда только успевай натянуть вожжи и напылять его на дорогу,

Он мчал вихрем и не видно было его ног: они, как пальцы пианиста на клавишах, проделывали какие-то замысловатые переборы, а слышались

только мощные удары по земле его крепких ног. Когда случалось ему бежать ещё и против ветра, то казалось, что он входил в азарт при борьбе со стихией, он сжимался в один крепкий сгусток энергии, рассекал воздух своей широкой грудью, грива его полоскалась на воздухе, ноздри расширялись от напора дыхания. Нельзя было не любоваться им в этот момент.

Для русского человека, если заговорить с ним о лошадях, значило: «подавай тройку!». Так требует душа, чтобы была «птица-тройка». А если её нет, то, по крайней мере, пара гнедых, запряжённых «цугом», и, наконец, просто пара лошадей может утолить его жажду к «настоящей» езде. Вот так хозяева «Филина» решили подобрать ему в пару пристяжную, а подобрать такую лошадку не так-то просто: нужно, чтобы она была лёгкою, как звук с Эсловой арфы, и хорошо могла чувствовать ритм движений иноходца. Такую задачу удавалось разрешить только знатокам лошадей, а для «Филина» взялись разрешить эту «проблему» люди явно совершенно не сведущие в этом деле: думали поставить рядом с ним любого коня, и вопрос разрешён. В пристяжную «Филину» «определили» «Чалка». «Чалко» был значительно «моложе» «Филина» и сохранил ещё жировой покров под своей шкурой, но он был явно тяжёл для роли пристяжной, неуклюж и притом безнадёжный флегматик и лентяй. А. С. Пушкин как-то выразился: «Нельзя впрягать в одну телегу коня и трепетную лань», т. е. представителей разных видов животных, но жизненный опыт говорит, что в одну и ту же телегу не следует запрягать и животных одного вида, когда они не могут составить настоящей пары, т. е. гармонично составленной, согласованной. А пара из «Филина» и «Чалка» была именно такой: к горячему коню пристягнули флегматика и лентяя. Если бы эти коньки могли разговаривать, то между ними мог бы произойти такой разговор:

«Чалко»: «И что это ты, «Филин», всё торопишься? Ты думаешь перед хозяевами выслужиться что ли?»

«Филин»: «А тебе бы, «Чалко», только овёс жрать да жировать.

Счастьем, однако, для этих лошадей было то, что они не могли говорить, а то чего доброго завели бы споры, а потом и драки, как это водится у людей.

Флегматичный «Чалко» скоро, что он может использовать горячность «Филина» в своих интересах: он иногда бежал рядом, а постройки у него болтались и валёк крутился, а вёз один «Филин», кучер же боялся применить к нему кнут, потому что это тревожило «Филина», и он начинал рвать. Противоречие двух темпераментов коней особенно проявлялось зимой. «Филин» больше страдал от холода, чем «Чалко»: годы у него были другие и был он поджарый, хотя не совсем худой, какими были «изробленные пахари». Работник Егор, он же и кучер, «пасовал» перед «Филином», когда приходилось выезжать на нём да ещё в паре, причём было ясно, что «Филин» замёрз и настроен был явно буйно. Егор в этом случае не решался сразу принять в кашеву хозяев, а «прогонял» лошадей сначала порожняком, и приходилось иногда наблюдать такую картину: пара лошадей пулей вылетала

из ворот и, то ли по умыслу Егора, то ли по его ошибке неправильно направлять её, врезалась в сугроб снега: «Филин» при этом рвал и метал кашеву, погружённый по брюхо в снег, а «Чалко» в таком же виде «пурхался» в снегу. Поднималась снежная пыль и опускалась на Егора и в кашеву. Егор, наконец, крепко брал в руки вожжи и выводил коней на дорогу, по которой пара мчалась по селу: «Филин» развивал свою максимальную скорость, а «Чалко» тянулся за ним галопом по-медвежьи, постромки болтались, а валёк бил его по ногам. Затем Егор возвращался во двор, околачивал снег со своего тулупа и из кашевы и очищал свою бороду от снежной «пудры».

Иногда же и после такого «прогона», не уверенный в том, что «Филин» «утихомирится», подобно артисту перед концертом, чувствующему свой голос не в порядке, просил снисхождения, т. е. уговаривал хозяев садиться быстрее, потому что – говорил он – «неизвестно, что на уме у этого лешего», как он именовал в этом случае «Филина».

Спелись ли, в конце концов, эти коньки, обречённые на упряжку в паре? Трудно гадать, но у «Филина» часто можно было заметить досаду на Чалка с высказыванием просьбы: «Лучше бы вы убрали от меня этого лентяя, я и один справился бы со своей работой». Это «говорил» упрямый индивидуалист.

«Филин» пришёл в хозяйство брата уже в зрелом возрасте – около 10-12 лет, а лошадиный век небольшой (18-20 лет). Через пять-шесть лет «Филин» уже «ушёл на отдых». Среди других – бурых, вороных, карих землеробов – он пронёс славу резвого коня, что в деревнях бывало редким явлением. Помнится, как в 1903 году мы ездили в Сугояке с концертом по домам сугоякской «знати», и он мчал нас в таком виде, как показано выше.

Мы, деревенские дети, с детства наблюдали за жизнью деревенских лошадей, видели их разные судьбы и, в меру своих сил, старались оценивать эти судьбы и определять, у кого из лошадок была счастливее. Когда мы подходили с этой же меркой к оценке судьбы «Филина», то определили, что он прожил свой век всё-таки счастливее, чем другие соседи по его жилищу: он избежал того проклятущего труда, на который обречены были «пахари», и мы рады были за этого конька.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 73-90 (рукопись); 93-100 (машинопись).

Встреча

В 1925 г. мы через одиннадцать лет приехали в Течу: перед этим мы были в 1914 г. Много изменилось в ней за эти одиннадцать лет. Поредела семья, сократилось хозяйство; не было лошадей, не было собаки. Вместо двух коров была одна. Постройки заметно ветшали. И вдруг среди всех этих перемен на навесе над голбцем я увидел серую кошку и меня окружило что-то прошлое, неизменное, и тут я узнал, что это была та Котька, которую я знал котёнком двадцать лет тому назад. Да, это была она! Безотчётная

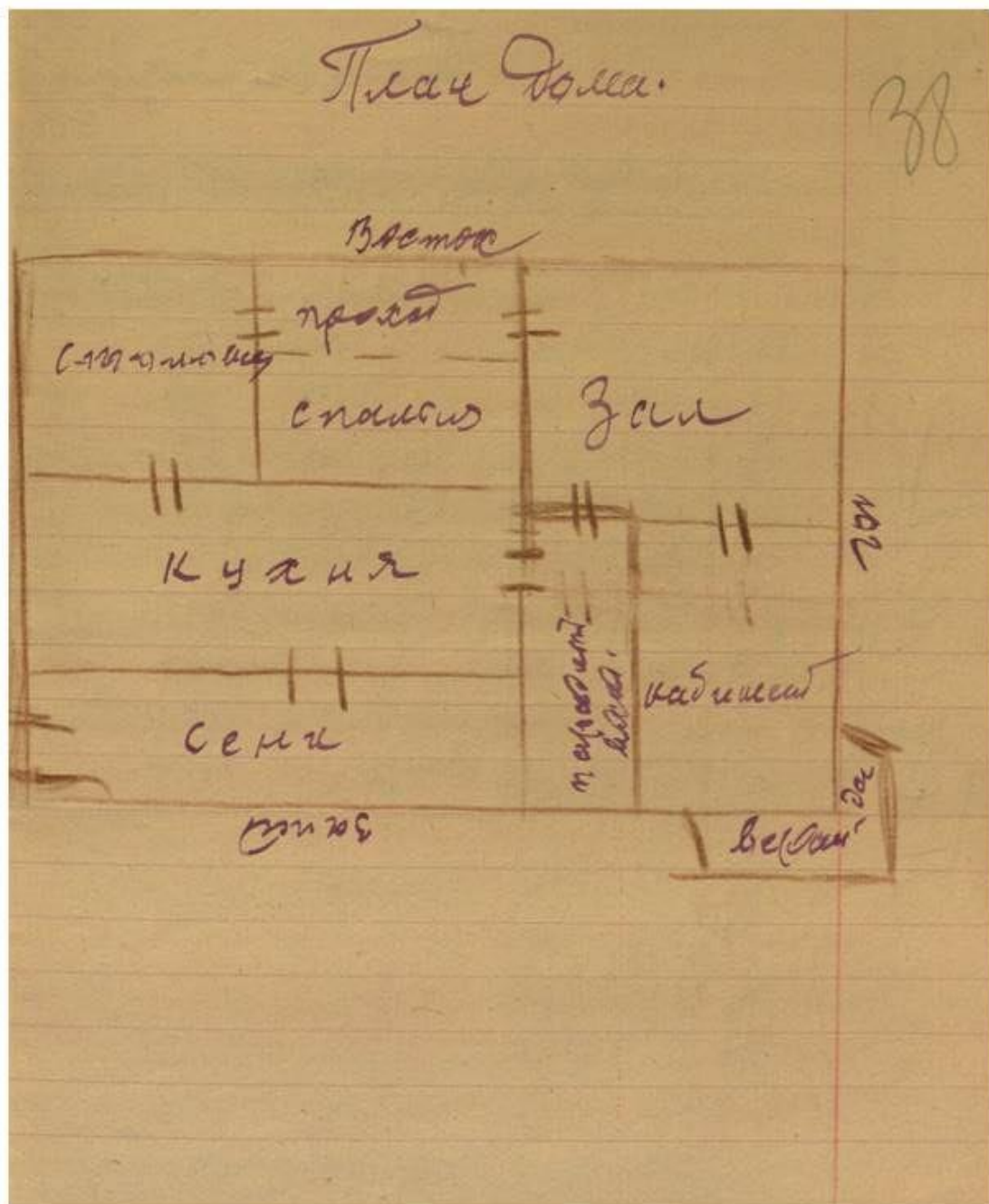
радость овладела мною: я как бы вновь встретился со своею юностью. Что это было? Она была представителем тех моих друзей из животного мира, которые меня окружали в юности. Разве не об этом говорит то, что чувствовал я при встрече с нашей Котькой?

В домике, в котором я живу, много детей: мальчиков и девочек, и всякий раз, как я бываю среди них или вижу их, передо мной встаёт моё детство. Я вижу, что они лучше обеспечены, чем я был обеспечен в моём детстве. В моём детстве мне не полагалось летом ни туфельек, ни чулочков, ни костюмчиков; у меня не было таких дорогих игрушек, какие я вижу у них. И всё-таки когда я вижу их такими и сравниваю их детство со своим, мне кажется, что моё детство было богаче: я шире воспринимал мир, живую природу, чем они. Я вижу у мальчиков моего детского возраста игрушки такие, как самосвалы, автомобили, автобусы, самолёты и слышу, как они свободно обращаются с названиями этих предметов. Я вижу, как они небрежно обращаются с этими игрушками, как на дворе то там, то здесь разбросаны и брошены различные части этих игрушек, и меня преследует одна и та же мысль: то ли мы детям даём в их возрасте, что следовало бы давать? Не забегаем ли мы вперёд с воздействием на их психологию? А что если небрежное отношение к их игрушкам потом скажется на небрежном отношении к настоящим вещам. Меня тяжело угнетает также мысль, что в городе дети оторваны от живой природы: окружающий их мир природы крайне беден. К тому же им именно приходится наблюдать извращённое отношение к живым существам, например, кошкам, собакам. Между тем не подлежит сомнению, что именно в детском возрасте общение с живыми существами из животного мира и царства пернатых является необходимым условием развития нравственного мира ребёнка. Теперь у нас многое делается в этом отношении и по линии школы и по линии общественности, например, как проведение для птиц, доклады и беседы по телевидению. Но всего этого явно недостаточно. Как часто мы наблюдаем жестокость детей по отношению, например, к кошкам и собакам. А ещё хуже того сами показываем в этом отношении дурной пример, а потом удивляемся, откуда у детей появились такие дурные черты поведения. Родители! Помните, что общение детей с живой природой является необходимым средством нравственного воспитания их и обеспечьте им любые условия для этого. Без этого ребёнок может сделаться нравственным уродом. Будьте осторожны при детях в своих отношениях с животными и пернатыми. Малейшая неосторожность в этом отношении может повести к травме в душе ребёнка. Вы обязаны постепенно и осторожно подвести детей к пониманию таких явлений в жизни, как использование животных для научных целей. Воспитывайте в детях чувства уважения и дружбы по отношению к живым существам.

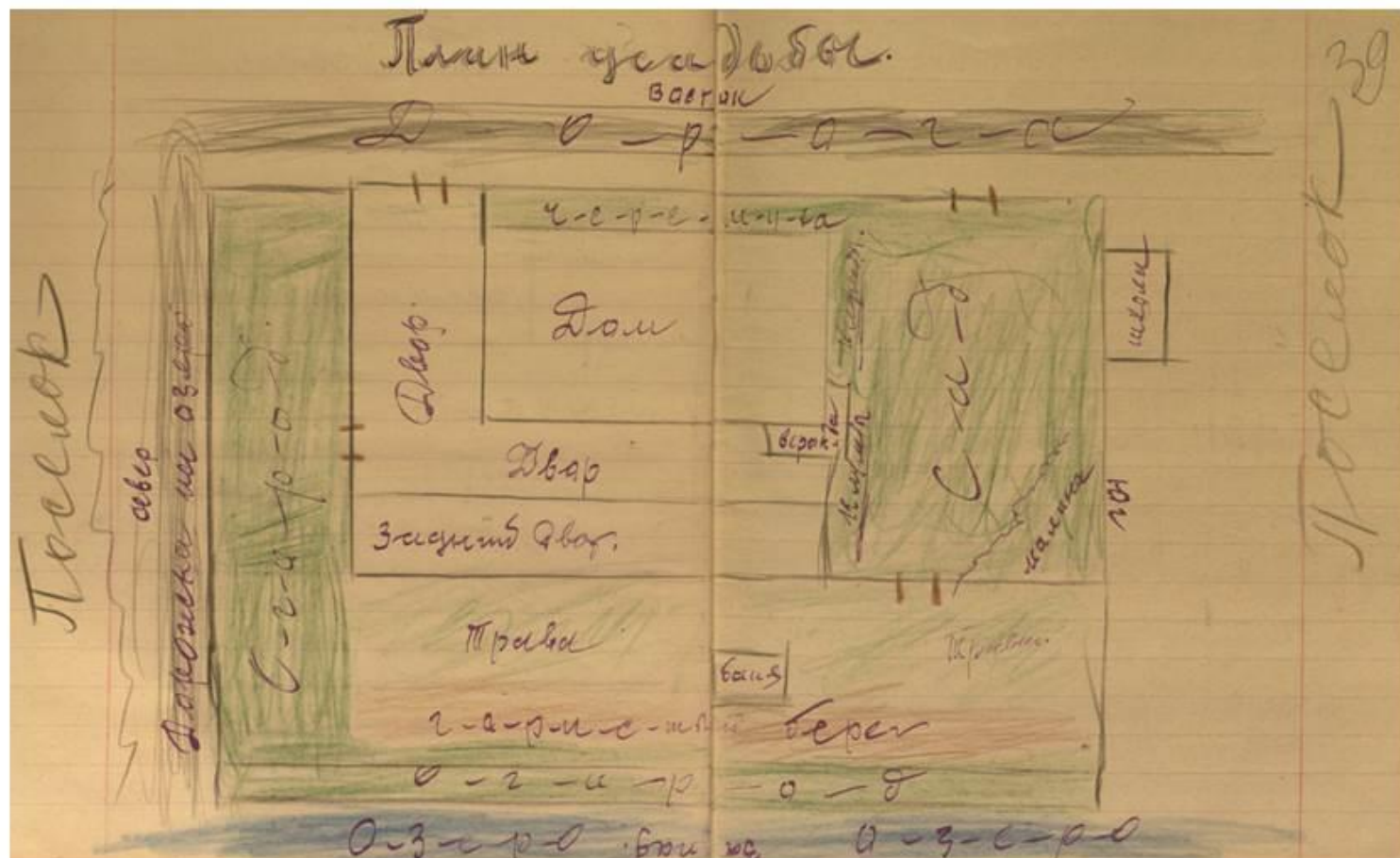
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 613-646 об.

*В составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» находится в составе «Автобиографических воспоминаний»: «Друзья нашего детства из мира животных и царства пернатых (педагогические рассказы)» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 138-175).

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ I

План дома Игнатъевых. Рисунок В.А. Игнатъева. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 38.

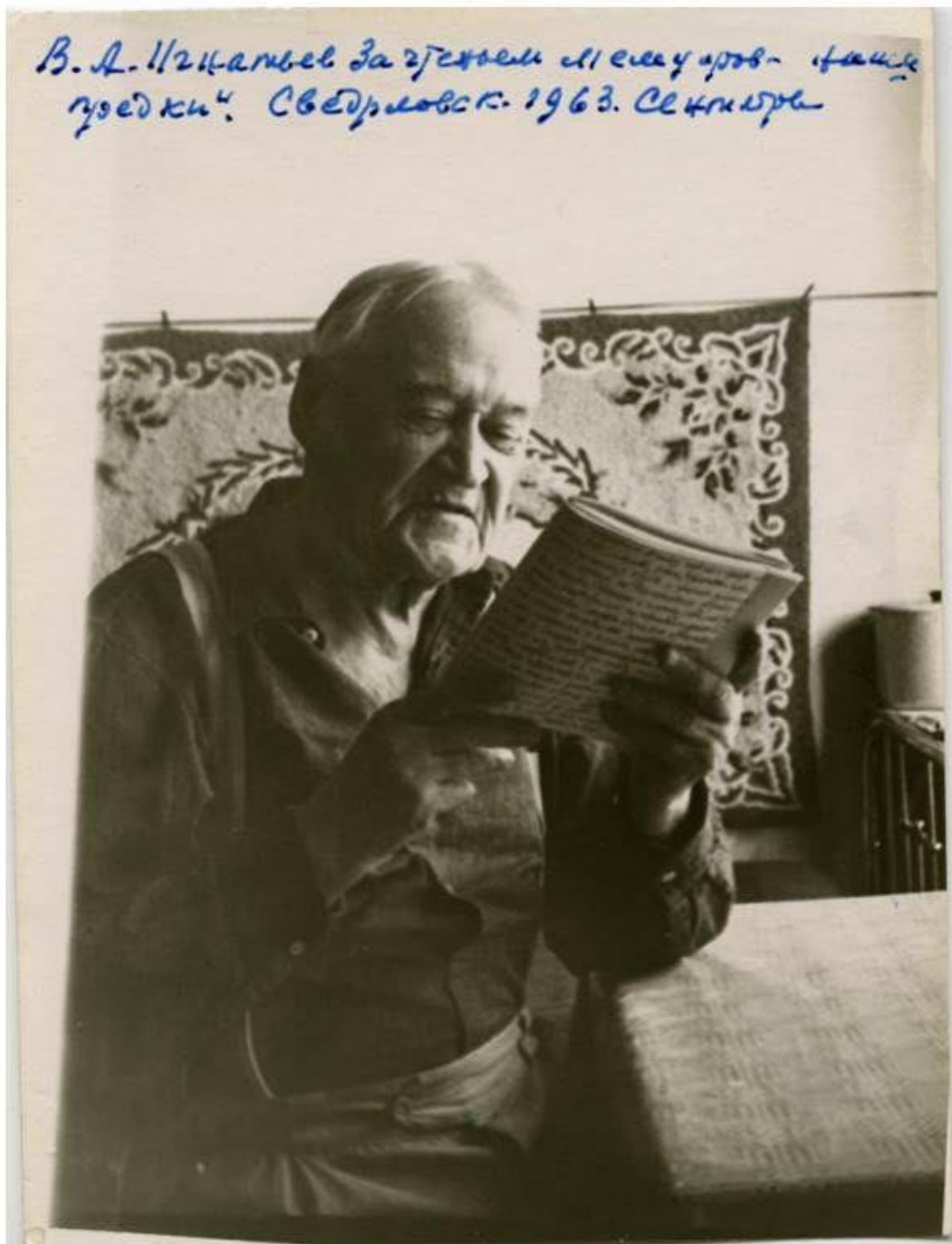

План усадьбы Игнатьевых. Рисунок В.А. Игнатьева.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 39.

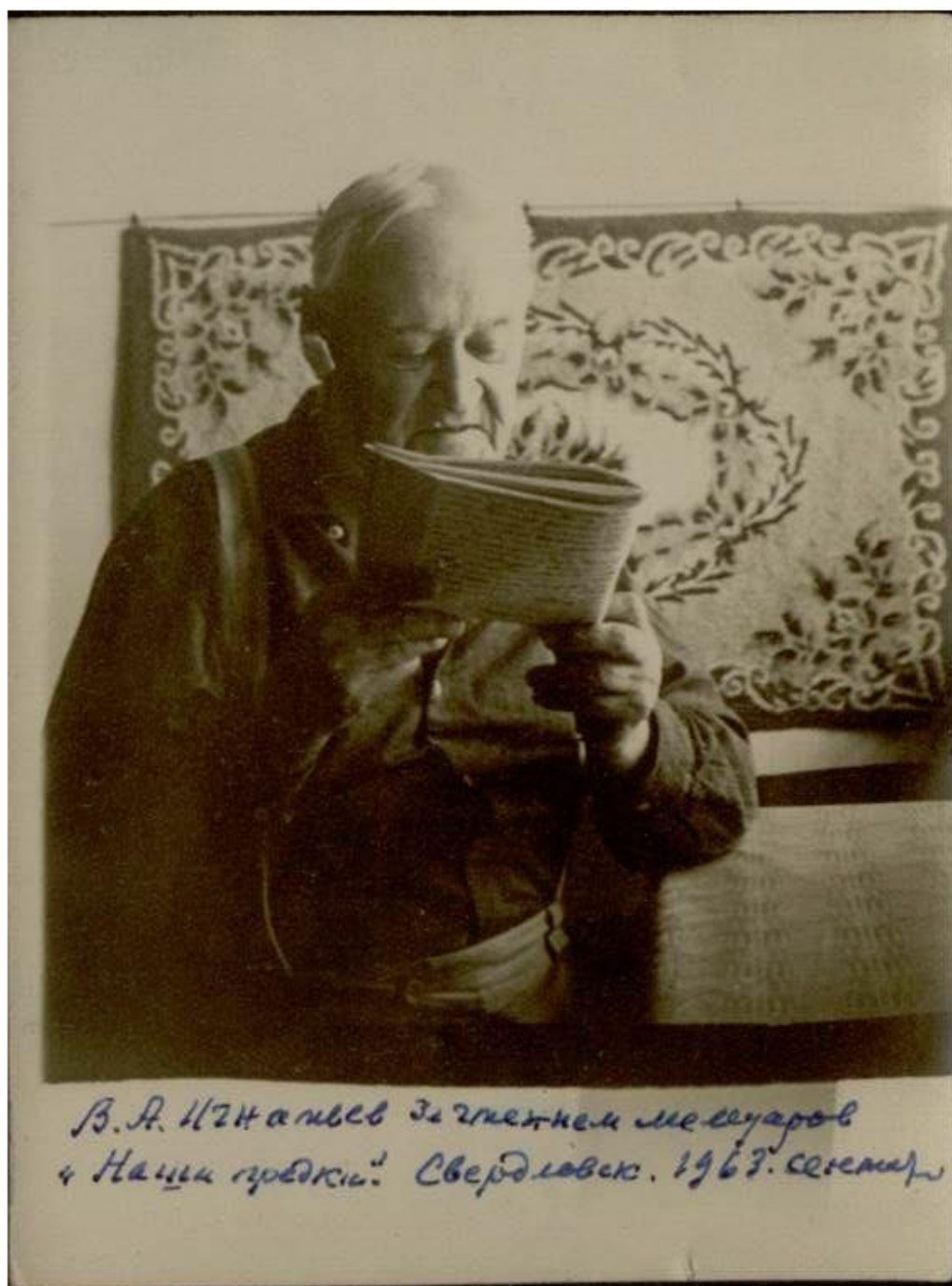
Дом Игнатьевых в 1968 г. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 14.

Игнатъев В.А. За чтением мемуаров «Наши предки». Сентябрь 1963 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 946.

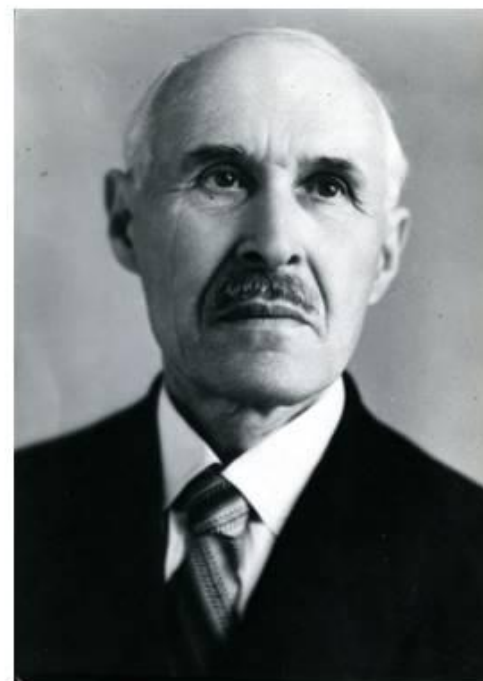
Игнатъев В.А. За чтением мемуаров «Наши предки». Сентябрь 1963 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 5.

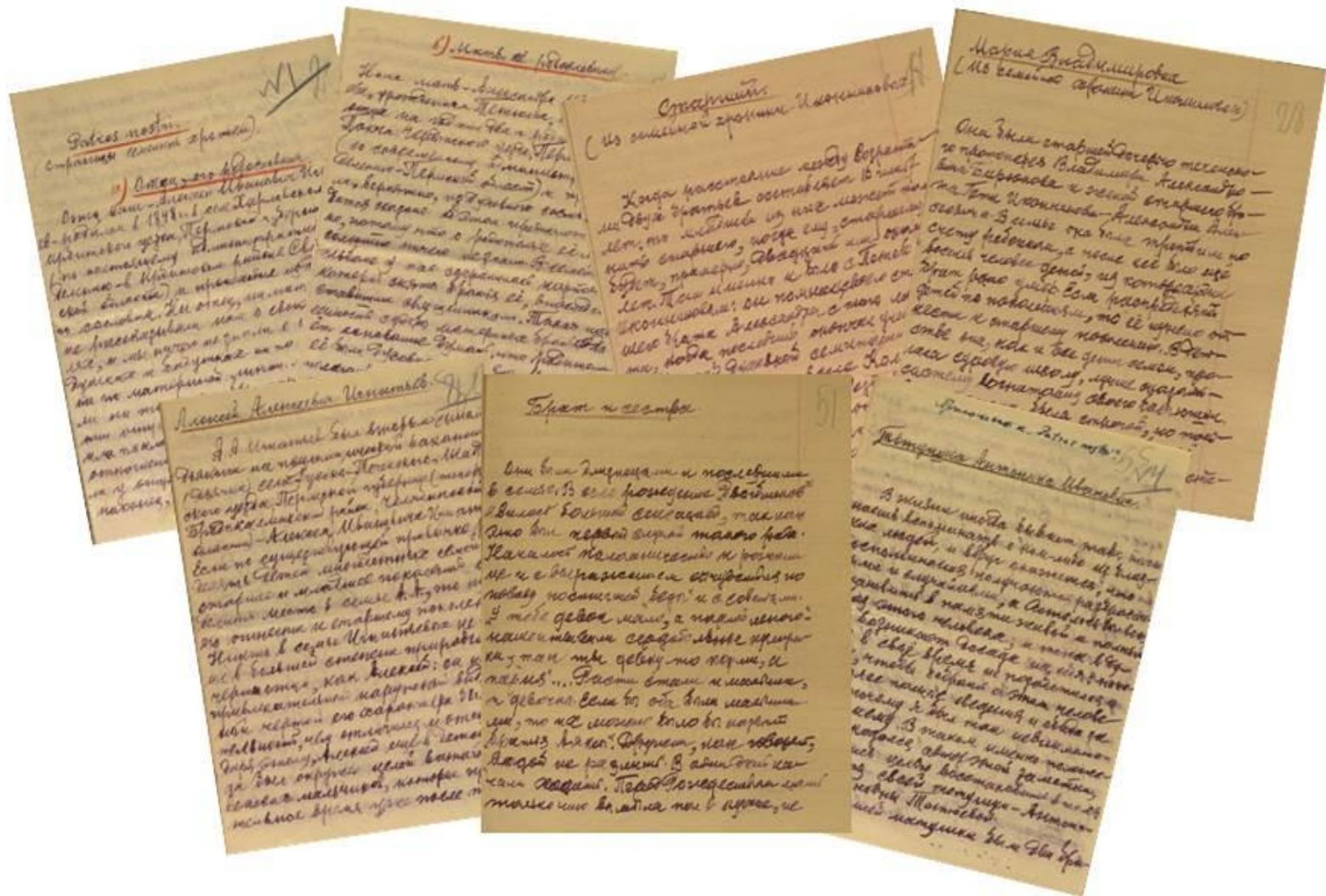
Игнатъева Александра Алексеевна.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 41.

Игнатъев Алексей Алексеевич.

Игнатъев Сергей Александрович,
племянник В. А. Игнатъева.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 948.

Рукописи В. А. Игнатъева из «Семейной хроники».

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть II.
КАМЫШЛОВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ
НА РУБЕЖЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть II. КАМЫШЛОВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА

1962 г.

ИСТОРИЯ КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА (СПРАВКА)

Духовное училище было перенесено из Далматова в 1888 г.³³⁵ Первоначально оно было только до парадного крыльца (два этажа). Церкви в училище не было, и ученики ходили на богослужение в собор.³³⁶ Общежитие было в том здании, где позднее жили смотритель и эконоом училища. Вторая половина здания и деревянный дом для инспекторов были построены в 1892 г., а церковь освещена была [в] 1893 г.³³⁷ На месте столовой было построено здание позднее – в 1912 г.

Училище существовало тридцать один год.

После Октябрьской соц[иалистической] революции³³⁸
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 41.

---

³³⁵ Камышловское духовное училище было переведено из г. Далматова и открыто 1/13 сентября 1888 г.

³³⁶ Покровский собор г. Камышлова.

³³⁷ Церковь св. Сергия, Радонежского чудотворца, домовая, при Камышловском духовном училище, освящена 5/17 сентября 1893 г.

³³⁸ Далее текст автора отсутствует. В годы советской власти в передней части здания (выходящей фасадом на ул. Карла Маркса) размещалось педагогическое училище, а в другой половине – школа № 58. Во время Великой Отечественной войны здание было занято эвакуационным госпиталем № 1726. После войны в 1946 году эвакогоспиталь был реорганизован в ортопедический госпиталь инвалидов войны. В настоящее время в здании бывшего духовного училища располагается хирургическое отделение Центральной районной больницы.

Более подробно о здании Камышловского училища см. в очерке «Учение Пети Иконникова в Камышловском духовном училище».

[ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ]

Михаил Николаевич Флоров [(смотритель)]³³⁹

В русском языке, как, вероятно, и в других языках, есть такие многообъёмные слова, конкретное содержание которых открывается только при помощи стоящих при них определений. Таким словом, например, является слово – «смотритель»: оно становится определённым в таких сочетаниях: «станционный смотритель», «смотритель» или «попечитель богоугодных учреждений». Михаил Николаевич Флоров был смотрителем Камышловского духовного училища, и настоящий очерк имеет целью показать, так сказать, типичный случай раскрытия содержания этого понятия.

Деятельность Михаила Николаевича была многогранной: он был самым ответственным администратором, самым ответственным хозяйственником и преподавателем. Административные функции в училище в нисходящем порядке распределялись следующим образом: смотритель, инспектор³⁴⁰, надзиратель. Непосредственный надзор за учениками лежал в обратном порядке на надзирателях и инспекторе. Смотритель выступал уже на вершине административного надзора, когда нужно было принимать какие-либо решительные меры, например, предупреждения об увольнении из училища и, наконец, самого увольнения. В условиях нормального, спокойного течения жизни в училище Михаил Николаевич непосредственно не соприкасался с учениками, и мы его и не видели в училище. Мы видели его только по утрам шествующим в учительскую комнату, причём обычно это происходило так: он поднимался по мраморной лестнице, останавливался на площадке у главной входной двери в церковь, творил крестное знамение и поворачивал налево в учительскую комнату.

Мы видели М. Н. обычно спокойным. Только один раз мы видели его в гневе и крайне возбуждённым. По воскресеньям и вообще в праздничные дни между литургией и обедом, в течение, примерно, двух часов ученики занимались в классе – готовили уроки, читали книги, писали письма и т. д. Как в обычные «занятные» часы, полагалось соблюдать тишину, но мы, ученики четвёртого класса, были чем-то возбуждены, шумели, а М. Н. в это время был чем-то занят в учительской комнате. Шум был настолько

---

³³⁹ Флоров Михаил Николаевич (?-1917) – смотритель Камышловского духовного училища в 1891-1913 гг. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. Был назначен учителем греческого языка в Далматовское, затем Камышловское духовное училище. В 1889-1891 гг. помощник смотрителя Камышловского духовного училища. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 1. В 1913 г. получил назначение на должность инспектора народных училищ Пермского уезда II района. Статский советник, имел орден св. Анны 3-й степени. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1913. № 36 (8 сентября). С. 847. В 1913-1917 гг. инспектор народных училищ Пермского уезда II района.

³⁴⁰ Инспектор – это должность в духовной семинарии, в духовном училище роль инспектора играл помощник смотрителя.

сильным, что доносился до учительской комнаты, которая расположена была на значительном расстоянии от четвёртого класса – за актовым залом и церковью. М. Н. пришёл к нам крайне возбуждённый, он кричал на нас, и голос его от злости дрожал и срывался. Он ушёл, и наступила мёртвая тишина. Нам было стыдно.

Как преподаватель М. Н. был всегда спокойным и выдержанным. Мало этого в его отношениях к нам проглядывало уважение к нам, как старшеклассникам, доверие и то, что принято называть товарищескими отношениями между учениками и учителями. М. Н. преподавал нам Устав и катехизис в третьем и четвёртом классах. Если изучение Устава было связано ещё с какой-то самостоятельностью, активностью учеников, то изучение катехизиса сводилось только к заучиванию наизусть разнообразных текстов. В классе для практических занятий по Уставу находились церковные книги: «Часослов»³⁴¹, «Апостол»³⁴², «Триодь постная», «Триодь цветная».³⁴³ М. Н. нам давал для практических занятий задания, например, как построить «всенощную», если «Благовещение» совпадает со «страстной седмицей» и т. д. Изучали также «Пасхалии» - круг для определения дней Пасхи.

Самой сложной у М. Н. была его хозяйственная деятельность. В общежитии училища было до ста двадцати человек. Их нужно было четыре раза в день кормить, обеспечить спальными принадлежностями, баней, стиркой белья, а сирот служителей культа, кроме того, одеждой. Средства на содержание училища поступали различные: по линии епархиальных поступлений, взносов за обучение, но все они были в ограниченном количестве. Об этом знали и ученики и иногда подшучивали над своими «хозяйственниками». Так, в престольный праздник училища – «Сергиев день» 25-го сентября³⁴⁴ за праздничным чаем после литургии полагалось давать пироги, и ученики по этому поводу создали легенду о том, что М. Н. и экононом совещались, с чем сделать пироги: с изюмом или урюком, и остановились на урюке, потому что его можно тоньше размазать на пироге.

У Михаила Николаевича в семье было две дочери и сын. Они обычно бывали в училищной церкви, и, таким образом, мы до некоторой степени были знакомы с его семьей и даже с последующей судьбой её. «Певчие»

---

³⁴¹ Часослов – богослужебная книга, которая содержит тексты неизменяемых молитвословий суточного богослужебного круга (утрени, полунощницы, часов с междочасием, изобразительных, вечерни и повечерия). Предназначается для чтецов и певцов.

³⁴² «Апостол» - богослужебная книга, которая содержит тексты Нового Завета: «Деяния» и «Послания святых апостолов», которые читаются на божественной литургии до чтения Евангелия.

³⁴³ Триодь постная и цветная – богослужебные книги, которые содержат особые песнопения Великого поста с приготовительными седмицами к нему и Страстной седмицы начиная с Недели о мытаре и фарисее и до Великой субботы включительно, и песнопения от Недели Пасхи до Недели Всех святых, то есть следующего воскресенья после Пятидесятницы.

³⁴⁴ 25 сентября/8 октября – преставление (кончина) св. Сергия, Радонежского чудотворца.

нашего церковного хора бывали с концертом у М. Н., и, таким образом, были до некоторой степени, хотя очень поверхностно, знакомы с его семейным бытом. На наших вечерах, на прогулках в лес М. Н. всегда присутствовал на положении мецената: он помогал организовывать и если что-либо нужно было на организацию того или иного мероприятия из материальных затрат, то в пределах возможного он никогда не отказывал. М. Н. не упускал случая, чтобы что-нибудь сделать для развития учеников.³⁴⁵ Так, когда в город приезжал зверинец, то учеников водили в него. Лишь только появились первые опыты по демонстрированию кинокартин, ученикам были показаны эти картины.

Весной 1902 г. мы расстались со своими педагогами по дух[овному] училищу. Но во время учения в семинарии мы однажды встретились с М. Н. в Перми в театральном скверике. Встреча эта была случайной. Мы встретились как хорошие знакомые. М. Н. был расстроен и рассказал нам о том, как по-хамски встретил его наш ректор Добронравов³⁴⁶, когда он пришёл к нему с визитом вежливости. Мы рассказали М. Н. о некоторых тёмных сторонах нашей жизни на «бурсе», о чём он, как он сказал, ни он, ни другие наши педагоги не знали.

В [1911] году М. Н. отмечалось двадцати-пятилетие его педагогической деятельности, и мы, его бывшие ученики, послали ему приветливую телеграмму.

Перед первой мировой войной М. Н. переехал в Пермь работать инспектором народных училищ. Он ушёл из духовного училища после того, как он его создал. Он пришёл в него по окончании Казанской дух[овной] академии в момент перевода дух[овного] училища из г. Далматова (впоследствии заштатный город). В начале Камышловское дух[овное] училище было размещено только в половине коридора до парадного крыльца на первом и втором этажах. Вторая половина корпуса была построена после 1890 г. В это же время был построен деревянный дом для инспектора училища. Церковь в училище была освящена в 1893 г., а до этого года ученики ходили на богослужение в собор. В 1912 г. над столовой училища был надстроен великолепный зал. Все эти хозяйственные работы были выполнены под непосредственным надзором и руководством М. Н., так что

---

³⁴⁵ В очерке «Михаил Николаевич Флоров в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Нам приходилось встречаться с М. Н., как и с другими учителями, на наших «маёвках», прогулках в лес, в Бамбуковку, но здесь обстановка была настолько интимной, что всякие грани официальных отношений сводились к нулю: М. Н. представал перед нами не в роли администратора, а в роли хорошего знакомого человека, старшего по возрасту» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 4.

³⁴⁶ Добронравов Константин Михайлович (1853-1933) – протоиерей, В 1891-1914 гг. ректор Пермской духовной семинарии. Подробнее см. в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

он передал здание своему заместителю в прекрасном состоянии.³⁴⁷ Он передал училище так же в расцвете его организации со стороны учебной и хозяйственной. В этом именно смысле о М. Н. можно сказать, что он создал училище.

М. Н. ушёл из училища, оставив по себе добрую память у своих сослуживцев.

Я встречался с М. Н. в Перми в 1915 г., когда был помощником инспектора дух[овной] семинарии. Он жил тогда в одном из корпусов так называемых архиерейских домов. Старшая дочь его, Ксения Михайловна, была тогда уже замужем за б[ывшим] надзирателем дух[овного] училища Николаем Павловичем Дубровиным. При родителях была вторая дочь Ольга³⁴⁸ и сын Серёжа учился в 8 кл[ассе] гимназии. Это была моя последняя встреча с Михаилом Николаевичем.

В 1917 г. шальная пуля на площадке у [кафедрального] собора свела его в могилу.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 64-68.

---

³⁴⁷ После М. Н. Флорова смотрителем Камышловского духовного училища в 1913-1918 гг. был священник Сергей Александрович Увицкий (1881-1932), священномученик Русской Православной церкви.

³⁴⁸ В тексте поставлен карандашом вопросительный знак, на полях написано «Вера и Зоя». (Ред.).

Пётр Николаевич Лавров [(помощник смотрителя)]

(Светлой памяти моего наставника и учителя).

[³⁴⁹]

[³⁵⁰]

... Под инспекторским попечением П. Н. автор сего находился в течение двух с половиной лет. Если к кому так удобно и заслуженно для характеристики его следовало бы отнести красноречивое выражение «недреманное око», то отнести его нужно именно к Петру Николаевичу. У него было какое-то чутьё немедленно являться туда и в тот момент, когда требовалось его «недреманное око», причём он никогда не повышал своего голоса, никогда не проявлял торопливости и горячности при ликвидации того или иного проявления его подопечными учениками недисциплинированности: шумят ли они в неположенное для этого время, или затеяли какую-либо возню и свалку типа чехарды, достаточно ему было показаться и направить на это свой острый взгляд, как водворялся общий порядок. Око П. Н. было на самом деле «недреманным»: нам было известно, что он, подобно луне, проходящей по небу в «час дозора», поздно вечером, когда мы погружались в сон, обходил снаружи здание в той части его, где

---

³⁴⁹ Очерк «Пётр Николаевич Лавров» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автор начинает рассказом о своём первом приезде и поступлении в училище, о чём см. в очерке «Учение Пети Иконникова в Камышловском духовном училище».

Очерк «Пётр Николаевич Лавров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора начинается так: «Некоторые люди из знавших о двух фамилиях в Камышловском дух[овном] училище – Флоров и Лавров – задавались вопросом, не было ли это сочетание подгонкой под наименование двух святых – Фрола и Лавра, почитаемых среди крестьян, как покровителей животных. Нет, вероятно, такое сочетание было случайным, но легко вызывало у знатоков, так называемых, «святцев» такое предположение, так как эти фамилии относились к двум, рядом стоящим по административной линии деятелям Камышловского дух[овного] училища, из которых один был смотрителем, а другой – инспектором» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 5 об.

³⁵⁰ Там же автор описывает облик П. Н. Лаврова: «Небольшого роста, тщедушный, худой; особенно бросались в глаза его тонкая шея, на которой, казалось, как на спичке, была посажена голова – таков был его наружный вид. И при этом он был для учеников грозой. Ещё не поступив в училище, мы через братьев знали, что в нём (училище) есть грозный инспектор, и это именно – Пётр Николаевич. И при первой же встрече с ним ученики инстинктивно чувствовали властную силу этого человека, которая подчиняла их себе и предупреждала: остерегайся нарушить дисциплину в училище и попасть этому человеку на суд за нарушение порядка. В чём была такая сила у этого человека? У него были орлиные, да, иначе нельзя сказать, глаза: они проникали внутрь человека, они втягивали в себя того, на кого они были направлены, они гипнотизировали, подчиняли. Вот почему часто бывало так, что вдруг во время какого-либо шума, сутолоки, к чему склонна бывает молодёжь, врзается острый взгляд П. Н. – и мгновенно водворяется мёртвая тишина» // Там же. Л. 6-6 об.

были внизу расположены спальные комнаты и заглядывал в них, чтобы убедиться, что все ученики его спят.

О магическом влиянии и магической силе П. Н., воздействующей так таинственно на молодежь, известно была даже за окнами духовного училища. Об этом знали, например, «городчики» - ученики городского училища, и для них его фамилия являлась грозным предостережением от разных неблагоприятных поступков. В городе издавна велась «война» между «городчиками» и «духовниками»³⁵¹ на подобие войны между племенами метекки (?) и капuletти в известной драме У. Шекспира «Ромео и Юлия».³⁵² Никто не смог был сказать, из-за чего она шла, что не поделили эти мальчики, но она шла и принимала иногда такие острые формы, что духовное училище, здание его было чем-то вроде крепости, а выход из него был для «духовников» связан с опасностью, что вот-вот где-то из-за угла их кто-то подстерегает и покажи только нос, в спину вышедшему полетят камни. Положение не из романтических или лучше сказать – романтическое, но всегда предостерегающее, как это было при покорении Кавказа, что нужно помнить, что «чеченец ходит за горой». Это вело к тому, что «духовники» выходили в город группами, если нужно было отойти от училища подальше, а иногда даже в сопровождении кого-либо из товарищей-смельчаков, которые существовали под кличкой «отчаянных». Передавали, что однажды П. Н. как раз появился неподалёку от училища, когда группа «городчиков» готовилась напасть на «духовников», но один из них увидел подходящего Петра Николаевича, и достаточно ему было крикнуть: «ребята, Лавров», - как вся «шайка бандитов» рассеялась, как дым.

П. Н. преподавал Новый Завет во втором классе, т. е. евангельские истории. Теперь невозможно вспомнить, чем он покори́л «духовников» своим преподаванием, да и сами они, не искушённые в анализе и критике едва ли смогли бы точно определить, что же им так понравилось в его преподавании, но из «поколения» в «поколение» передавалось, что «он хорошо говорит». Какое содержание вкладывалось в эти слова: то ли то, что у него речь была чистая, гладкая, спокойная; то ли то, что он говорил образно – теперь не припомнить, но одно осталось непреложным, что за ним, так и осталась в памяти репутация хорошего учителя.

[³⁵³]

Квартира П. Н. была не в здании дух[овного] училища, а вблизи него в отдельном деревянном домике. Эта близость его квартиры к нашей «бурсе»

---

³⁵¹ «Духовники» - учащиеся духовного училища.

³⁵² Имеется ввиду два враждующих старинных рода – Монтеки и Капулетти в трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

³⁵³ В очерке «Пётр Николаевич Лавров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «В отличие от других преподавателей, которые носили сюртуки, П. Н. носил пиджак с закрытым воротом и всегда был одет отменно «джельтменски» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 7 об.

позволяла нам наблюдать за некоторыми бытовыми сторонами его жизни. Известно, что у кого другого, а у детей на этот счёт глаз был любопытный, а в отношениях к своему начальству сугубо любопытный. Мы, например, знали, что у него была дочь уже в возрасте 5-6 лет, и она была без движения. Мы знали, что у него был молодой жеребёнок серо-яблочной масти, которого он тренировал в бегового коня. Мы иногда наблюдали, как он в наши «занятные» часы чинно выезжал на нём на беговых санках за ворота. Как всегда в этом случае раздавался голос: «Ребята! П. Н. выезжает», и «ребята» кидались к окнам. Сказать по правде, нам нравилось в П. Н. это увлечение конными бегами. Оно как-то оживляло его образ в нашем представлении: к сухому образу учителя, официального человека, оно прибавляло новый оттенок его, новую краску. Но особенно привлекало нас к нему то, что он, как передавали, был спортсмен – конькобежец высокой марки. Во дворе «бурсы» ежегодно устраивалась большая катушка, и вот, передавали, на ней когда-то видели П. Н. выделяющим самые рискованные *salto mortale* конькобежного спорта. У «бурсаков» всегда на славе были люди смелые, ловкие, был культ «отчаянных», как они назывались на «бурсацком» жаргоне. Особенно почитались ловкие в играх и в упражнениях на физкультурных приборах, которые стояли во дворе и на которых, как говорили, упражнялся и П. Н.

Так, образ П. Н., существовавший у «бурсаков», имел такие черты, которые они идеализировали, и П. Н. предстал перед ними личностью сложной и многогранной, а ведь он был для них всё-таки в первую очередь инспектором и при том очень требовательным и строгим. Строгость и требовательность чаще всего оборачиваются в отношениях даже у людей взрослых против их обладателей: не бывают в почёте. Что же говорить о детях: для них они являются «камнем преткновения и соблазна» - исходной точкой для неприязненного отношения к человеку. Так и создавались противоречивые отношения «бурсаков» к Петру Николаевичу: как к спортсмену – да! Как к инспектору – нет!

Это противоречие разрешилось, когда стало известно, что П. Н. покидает духовное училище. Что произошло с «бурсаками»? И как всё-таки загадочна психология детей?! Словно с их глаз спала какая-то пелена, и П. Н. предстал перед ними в другом виде: та часть его образа, что относилась к инспектору отпала, а вместе с ней отпало всё, что питало их желчь в их отношениях к нему. Как противоположная реакция на прежнее отношение началось состояние какого-то психоза: началось паломничество в квартиру П. Н. с письмами, подарками на память в виде дешёвых статуэток, чернильных приборов и пр.

П. Н. обещал своим питомцам послать [с] себя карточки, и выслал их из Москвы.³⁵⁴ Мы делили их по указанному в Евангелии методу: «Разделиша ризы его себе и об одежде его кидаша жребий».³⁵⁵

Прошло более двадцати лет. Уже забыта была история с проводами П. Н. Изгладилась в памяти и личность Петра Николаевича, но вот в «Уральском рабочем» в [19]24-ом или [19]25-ом годах помещена была статья о двух преподавателях Кыштымского педучилища, поименованных ударниками-педагогами. Один их них, как видно из приложенного к статье снимка, преподаватель педагогики, был несомненно П. Н. На снимке мы увидели знакомое нам лицо. Это был он, и было законом, что он оказался педагогом-ударником. Это естественно вытекало из той оценки его педагогического таланта, когда ещё на «бурсе» ученики говорили о нём: «Он хорошо говорит!»³⁵⁶

4/III – [19]63 г. 11 ч[асов] 15 м[минут].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 77-82.

---

³⁵⁴ В очерке «Пётр Николаевич Лавров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «П. Н. перешёл на работу инспектором народных училищ, кажется, в г. Пинск [Минской губернии]. Из Москвы он выслал ученикам фотокарточки. На них он предстал перед учениками в форме инспектора народных училищ» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 8. Эту фотографию см. в фотовкладке.

³⁵⁵ Автор употребляет строку 19 псалма 21: «Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий». (Библия, Псалтырь)

³⁵⁶ В очерке «Пётр Николаевич Лавров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Поэтому естественным представляется предположить, что П. Н. во время ещё первой империалистической войны эвакуировался из Белоруссии на Урал и здесь закончил свою педагогическую деятельность» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 8 об.

Василий Захарович Присёлков [(помощник смотрителя)]³⁵⁷

Василия Захаровича Присёлкова я тоже нашёл на фотокарточке в студенческой приёмной комнате Казанской дух[овной] академии.³⁵⁸ Когда я учился в первом классе духовного училища, то В. З. преподавал нам арифметику. Не высокого роста, торопливый, ворчливый, он как-то не внушал такого почтительного отношения к себе, какое должно бы быть, особенно в суровых условиях бурсы. Бывало так: вывозит он весь свой сюртук в мелу, разгорячится против кого-либо и начнёт отчитывать его: «что ж такое – разделить-помножить, вычесть-сложить». Он старается нагнать страх на кого-либо, а получается смешно.³⁵⁹

И вот мы узнали, что В. З. назначен инспектором после Петра Николаевича Лаврова. Мальчишки мальчишками, а по-своему мы решили: «Нет, не то дерево нам дают переносить». У Петра Николаевича было так: взглянет он – и полный порядок. «Развалит он дисциплину» - думали мы о В. З.

[³⁶⁰]

---

³⁵⁷ Присёлков Василий Захарович (1860-1931) – помощник смотрителя Камышловского духовного училища. Кандидат богословия Московской духовной академии 1886 г. С 1889 г. учитель географии и арифметики Далматовского, затем Камышловского духовного училища. С 1900 г. помощник смотрителя Камышловского духовного училища. Статский советник, имел орден св. Анны 3-й степени. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 1.

³⁵⁸ Об этой комнате см. очерк «Пётр Васильевич Хавский».

³⁵⁹ В очерке «Василий Захарович Присёлков» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На уроках арифметики иногда бывало так: вот он с раздражением начнёт своё любимое – «Что ж такое: разделить-помножить, вычесть-сложить» и старается показать себя строгим, требовательным, а у нас, учеников, при виде его вывозившимся в мелу – руки в мелу, сюртук тоже в разных местах в мелу – оставалось такое впечатление, что хотелось сказать: «Вы сердитесь и грозите двойкой, а нам не страшно». Это получалось у нас не потому, что он казался нам каким-то добряком, заведомо не способным на проявление злости, а просто казалось каким-то несоответствием его внешнему виду и тому внутреннему миру, который скрывался за ним, внешним видом» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 9-9 об.

³⁶⁰ Там же автор дополняет: «Вот почему, когда В. З. был назначен инспектором училища, то нам, мальчишкам, неопытным и наивным, и то казалось, что В. З. по своему характеру не подходит для этой деятельности. Слишком большая разница в этом отношении была между ним и Петром Николаевичем. П. Н. обладал какой-то прямо магической силой влияния на учеников, силой внушения, а у В. З. этого не было. Помнится, как однажды во время экскурсии в лес, В. З. играл с нами лаптой, споткнулся, упал и ушибся. Реакция с нашей стороны была противоположной той, какой следовало бы быть: нам было смешно, и это было не от злости, не от желания поглумиться, позлорадствовать, а просто из-за отсутствия чего-то сдерживающего, что должно бы быть между нами, учениками, и В. З. как нашим инспектором. Будь бы в этом случае на месте В. З. Пётр Николаевич, такой реакции не последовало бы: появлению её воспрепятствовал бы некий категорический императив» // Там же. Л. 9 об.-10.

Не так давно, через 56 лет, я встретился с нашим б[ывшим] надзирателем³⁶¹, который работал при В. З., и он тоже отозвался о нём в том смысле, что он был не на высоте своей должности. Пётр Николаевич мало прибегал к наказаниям, а больше внушал; Василий же Захарович, наоборот, злоупотреблял применением наказаний, от чего острота их влияния снижалась, а иногда сводилась на нет. В числе наказаний было, например, ставить к стенке во время обеда. Иван Николаевич по этому поводу и сказал так: «Нагонит он (В. З.) к стенке несколько человек, а они стоят и смеются». Но впоследствии, как видно, В. З. всё-таки выровнял свою линию поведения при исполнении должности инспектора и работал до «гибели» училища.

Я встретился с Василием Захаровичем через 26 лет – в 1928 г. во время работы по подготовке кадров в тресте «Уралмет». Случайно узнавши, что он работает на складе «Уралмета» зав[едующим] складом, я зашёл туда в тот момент, когда он отпускал гвозди. Встреча была не обычной и, можно сказать, тяжёлой: неужели, подумал я, В. З. не мог бы устроиться на работу педагогом? Я вспомнил про встречу с П. В. Хавским в с[еле] Полевском и подумал: «а он ведь тоже «в футляре» и не мог из него вылезти». У него были дети: сын где-то работал на видном месте, дочь – тоже. Неужели не могли они повлиять на него? Нет, он не смог перестроиться. Каким он был серым, не инициативным в дух[овном] училище, таким остался и после него.³⁶²

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 68 об.-69 об.

---

³⁶¹ Иваном Николаевичем Ставровским. (Примеч. автора).

³⁶² В очерке «Василий Захарович Присёлков» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Ходили слухи о том, что В. З. скончался в Старой Утке, где он доживал свой век у сына. *Sic transit gloria mundi!*» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 10-10 об. *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

Надзиратели

Этим неблагозвучным словом, кстати сказать ещё употребительным в полицейской организации, назывались ближе всех стоявшие к нам воспитатели, те, которым было вверено ежедневное попечение о нас с раннего утра и до сна. Несмотря на то, что функции их деятельности были элементарными, они в своей деятельности проявляли различный подход к нам, в соответствии со своими индивидуальными чертами характера и были, так сказать, представителями различных стилей воспитания.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 23-23 об.

Иван Николаевич Ставровский [(надзиратель)]³⁶³

Иван Николаевич стоял ближе к нам, чем кто-либо другой из наших б[ывших] надзирателей. Кажется мелочью было то, что он организовывал нас на игры и сам принимал в них участие, а для нас это было очень ценным. В ограде одно время построены были по обе стороны центральной дороги снежные укрепления – валы, за которыми располагались две армии. Снарядами были снежки. И вот начиналась перепалка. Тот, в кого попадал снежок, считался убитым и выбывал из числа бойцов. Сначала велась позитивная³⁶⁴ война, а потом она переходила в атаку. Снежки иногда кидал и И. Н. Через два часа войны все красные лицом, возбуждённые бойцы направлялись на чай. Как сосчитать, сколько здоровья, энергии, зарядки к учению уносили с собой и в себе ученики после этой игры.

У И. Н. была мягкая и деликатная манера обращения с нами. Исключительно ценным для нас было то, что И. Н. был певец и принимал участие в наших художественных «затях». Не забыть, как ставили отрывки из оперы «Иван Сусанин»³⁶⁵ и И. Н. играл Сусанина. Что говорить, пение всегда было нашей слабой стрункой, а человек – певец всегда был у нас в почёте.³⁶⁶ Нет, И. Н. не был для них надзирателем, а был воспитателем.

---

³⁶³ Ставровский Иван Николаевич (1876-?) – сын священника. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1895 г. С 1896 г. псаломщик церкви Каслинского завода Екатеринбургского уезда. С 8 февраля 1897 г. по 1903 г. – надзиратель за учениками в Камышловском духовном училище. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1902. № 19 (1 октября). С. 9.

³⁶⁴ Так в тексте, правильно – позиционная.

³⁶⁵ В описываемые автором годы опера называлась «Жизнь за царя».

³⁶⁶ В очерке «Иван Николаевич Ставровский» в составе воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Однажды затеяли поставить оперу «Иван Сусанин». (Чего только не выдумывали горячие головы!) И. Н. пел «Чуют правду», два мальчика пели: один – «Не о том скорблю, подруженьки», а другой – «Ты не плачь, сиротинушка». И. Н. иногда принимал участие и в хоре, даже дирижировал им. Доказательством того, что «духовники» с уважением

Таким он остался в нашей памяти, поэтому приятно сознавать, что он здравствует и по сие время и встречаться с ним, как с ветераном б[ывшего] дух[овного] уч[илища].³⁶⁷
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 23 об.-24 об.

относились к И. Н., является то, что ему даже не было дано прозвища» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 21-22 об.

³⁶⁷ Из воспоминаний и биографических очерков В. А. Игнатъева о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «И. Н. Ставровский – сын священника с[ела] Троицкое, Камышловского у[езда], Пермской губернии. Он сообщил о себе следующие данные.

1. Родился в 1876 г. и окончил Пермскую духовную семинарию в 1896 г.
2. С 1897 г. по 1903 г. работал надзирателем Камышловского духовного училища.
3. С 1903 г. по 1908 г. учился в Харьковском ветеринарном институте.
4. В 1909-1910 [г]г. работал в Кулундинской степи (в Сибири).
5. С 1911 г. по 1914 г. учился в Московском сельско-хозяйственном ин[ституте]-те.
6. С 1914 г. по 1917 г. был на фронте вет[еринарным] врачом.
7. С 1919 г. по 1921 г. работал вет[еринарным] врачом в армии. В августе 1921 г. демобилизовался и работал участковым вет[еринарным] врачом в Свердловской области.
8. В 1923-1924 гг. был по совместительству участковым агрономом в г. Далматове.
9. С 1946 по 1951 г. был преподавателем школы вет[еринарных]фельдшеров.
10. С 1942 г. пенсионер.
11. С 1951 г. по 1956 г. работал преподавателем латинского языка в Камышловском медицинском училище.
12. В настоящее время И. Н. – мичуринец.

Из биографии И. Н. видно, как всё-таки живуче семинарское племя.

Я виделся с И. Н. летом 1959 г. И. Н. рассказывал, между прочим, о своём учении в духовном училище. Он начал учиться в Далматове, где дух[овное] училище было при монастыре, а закончил в Камышлове. Он вспоминал, что когда перешло дух[овное] училище в Камышлов, то «духовникам» показалось, что они «попали в рай. ... У И. Н. был один сын, которого он потерял во время последней войны» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 21-22 об.

Николай Павлович Дубровин [(надзиратель)]³⁶⁸

Н. П. Дубровин, в отличие от И. Н. Ставровского, был замкнутым человеком, держался в отдалении от учеников. И. Н. Ставровский был больше воспитателем, чем надзирателем, а Н. П. Дубровин, в нашем представлении, больше был именно надзирателем.³⁶⁹ Дальнейшая судьба его была очень своеобразной. Он женился на старшей дочери смотрителя дух[овного] уч[илища] Михаила Николаевича Флорова – Ксении Михайловне – и чтобы дать ей возможность получить высшее медицинское образование, ушёл в священники и рано умер. Ксения Мих[айловна] работала врачом, вышла потом замуж тоже за врача и умерла в Омске.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 72-72 об.

---

³⁶⁸ Дубровин Николай Павлович – надзиратель за учениками в Камышловском духовном училище в 1903-1906 гг. Окончил Рязанскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1894 г. Поступил законоучителем земской школы в д. Петровской Егорьевского уезда. В 1898 г. определён псаломщиком к церкви Берёзовского завода Екатеринбургского уезда. В 1900 г. поступил надзирателем за учениками в Камышловское духовное училище. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1905. № 19 (1 октября). С. 8.

³⁶⁹ В очерке «Николай Павлович Дубровин» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Николай Павлович стоял как-то дальше от нас: мы его боялись. Он, как для нас было ясно, боролся с некоторыми нашими вредными привычками; он иногда беседовал с нами, как говорится, «по душам», и мы видели в нём своего воспитателя, но всё-таки между ним и нами было какое-то психологическое «средостение», которое никак не позволяло нам оторваться от мысли, что он наш надзиратель» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 24 об.-25.

Пётр Васильевич Хавский³⁷⁰

В Казанской дух[овной] академии была комната, специально предназначенная для приема студентами гостей. В этой комнате стоял рояль, мягкая мебель и цветы. На стенах комнаты были развешаны групповые фотокарточки с выпускников академии за много лет. Существовала традиция, чтобы каждый выпуск оставлял [с] себя карточку и, таким образом, их скопилось очень много. Комнату эту в шутку называли пантеоном. Просматривая карточки за прошлые годы, я нашёл фото со своего учителя греческого языка в Камышловском дух[овном] училище Петра Васильевича Хавского. Да, это, несомненно, был он в годы юности, только нельзя было разобрать, был ли он тогда уже в парике, каким я знал его по дух[овному] училищу, или имел еще натуральные волосы. Так произошла встреча ученика с учителем через семь лет.

Я учился у Петра Васильевича во II, III и IV классах духовного училища. Что значило тогда обучать нас, мальчишек тринадцати, четырнадцати, пятнадцати лет греческому языку, когда мы не закончили ещё изучение своего родного яз[ыка], одновременно с греческим яз[ыком] изучали латинский язык да вдобавок еще и [церквно-]славянский язык? А изучать нужно было язык основательно, потому что в первом классе семинарии мы должны были переводить «Воспитание Кира» Ксенофонта из прозы, а из поэзии отрывки из «Илиады» Гомера со скандированием их. Следовательно, на преподавателя греческого яз[ыка], как и латинского яз[ыка], возложена была обязанность проделать всю черновую работу по изучению языка со всем многообразием его морфологических и синтаксических форм да заучить ещё на греческом яз[ыке] наизусть ряд молитв: «Царю небесный», «Достойно [есть]», «Христос воскрес» и др. Тогда мы не понимали или плохо понимали, что это значило для учителя, но теперь, когда сами вкусили, что значит обучить иностранному яз[ыку] кого-либо, мы поняли, что это была «сизифова работа». По существу это была борьба, в которой от преподавателя требовалась выдержка, настойчивость, упорство и такт. Главным средством борьбы у преподавателя были, конечно, все сильные двойки и единицы со всеми вытекающими от них последствиями, но и этого было мало: нужно было ещё применять какие-то субъективные, принадлежащие лично ему средства воздействия – убеждение, внушение и т. д. У Петра Васильевича на этот счёт была взята на вооружение

---

³⁷⁰ Хавский Пётр Васильевич (1865-?) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1885 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1889 г. В 1889-1891 гг. учитель приготовительного класса Пермского духовного училища. В 1891 г. определён учителем греческого языка Камышловского духовного училища. С октября 1910 г. состоял преподавателем русской церковной и гражданской истории. С 7 сентября 1910 г. преподавал историю только в 4 классе. Статский советник. Имел орден св. Анны 3-й степени. «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911 (№ 1) (1 января) (ос. прил.). С. 1.

грубость, выходящая за пределы дозволенного даже в условиях бурсы. Вот один из примеров её проявления. Когда мы учились в четвёртом классе между вторым и третьим уроками (они продолжались по часу) введены были завтраки: по скоромным дням – стакан молока или два яйца с хлебом; по постным дням (среда и пятница) – гороховый пирожок, поджаренный на конопляном масле. Эти пирожки мы называли «ваксовики». И вот однажды на уроке после завтрака Пётр Васильевич, в состоянии аффекта выпалил по адресу одного из учеников: «у, идиот, нажрался «ваксовика», так у него башка совсем не варит!» Трудно в данном случае определить: кого же больше оскорбил и унизил Пётр Васильевич, ученика или себя. Было ясно, что этой своей выходкой перенёс нас на «бурсу», как она изображена Н. Г. Помяловским в его произведении «Очерки бурсы». Нет, как видно, Пётр Васильевич не смог преодолеть в себе «её», и отрывка от неё у него осталась. Мы тогда не были ещё знакомы с этим произведением Н. Г. Помяловского, но на опыте из сравнения его отношения к нам с отношением других преподавателей умозаключали, что у Петра Васильевича это от «прошлого».

У Петра Васильевича были точки соприкосновения с нами, вернее – они могли бы быть вне классов, но они по-настоящему не состоялись. Так, когда мы учились во II-м классе, принято было решение, чтобы учителя приходили к нам в вечерние часы на «занятные» и помогали нам готовить уроки. Приходил к нам в класс и Пётр Васильевич, но получалось как-то так, что он не сумел «подойти», а мы не то боялись, не то стеснялись, так и не «соприкоснулись» как это следовало бы. В библиотеке училища Петру Васильевичу поручено было выдавать книги для чтения о путешествиях. Ученики интересовались этим отделом книг библиотеки и охотно брали у него эти книги для чтения. Казалось бы, как тут поговорить о том, понравилась ли эта книга, так нет: спросит иногда П. В. немного рассказать о содержании книги, чтобы проверить, читал ли её сдающий и... больше ничего. У нас устраивались прогулки в лес с учителями *in corpore*.³⁷¹ Учителя то в той, то в другой форме старались сблизиться с учениками, а он нет! У нас устраивались вечера-спектакли, где учителя или помогали, или просто старались ближе стать к ученикам, а он нет! Бирюк!

Но вот был такой случай: он провожал своего племянника, который со мной учился в одном классе – Анненкова, а вместе с ним и меня. Тогда я ещё не учился у него. Нам нужно было сесть на поезд в полночь, а мы на вокзал пришли с вечера. Он несколько раз при[хо]дил на вокзал и всё уговаривал нас, чтобы мы спали: «вы спите, не беспокойтесь: я вас разбуджу» - уговаривал он. Пройдёт час, он опять приходит и начинает уговаривать. Другой человек!

Позднее, уже в семинарские годы, когда мы читали рассказы Чехова «Человек в футляре», мы естественно вспоминали П. В. Хавского по той

---

³⁷¹ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

простой причине, что в рассказе говорится о преподавателе греческого яз[ыка] Беликове, т. е. того предмета, который мы изучали у П. В.

Естественно также, что мы старались установить параллель между этими двумя преподавателями греческого языка и ответить на вопрос: был ли «человеком в футляре» и Пётр Васильевич? Мы отвечали: да, но с оговоркой, что он был таковым иной формации и получился на почве других условий общественной жизни. Конец его жизни подтвердил этот прогноз.

Летом 1923 г. мы с женой в течение двух недель жили в селе Полевском, около Шадринска. Там же жил на иждивении своей сестры просфорни Пётр Васильевич. Я встретил его, когда он шёл с рыбной ловли: босой, в потрёпанной одежде, старый, в зашёрканном уже парике. Признаться: я растерялся, поздоровался, сказал, что я его ученик... но больше разговор так и не налачился.

Нет! Он со своим прямолинейным взглядом на жизнь, так и не смог вылезти из своего «футляра».

В Шадринске я встретил Степана Неверова³⁷², тоже бывшего ученика Петра Васильевича. Он мне сказал, что и ещё кое-кто из б[ывших] учеников Камышловского дух[овного] училища время от времени навещают Петра Васильевича и вспоминают «минувшие дни».

Камышловское училище просуществовало 31 год и столько же в нём проработал и Пётр Васильевич Хавский.

В 1902 г. выпускники дух[овного] училища при поступлении в семинарию держали экзамен по греческому яз[ыку]. Знания признаны хорошими. Труды П. В. Хавского не пропали даром.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 58-61 об.

---

³⁷² Неверов Степан (1890-?) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. «Сын торговца из с[ела] Соровского, бывш[его] Шадринского уезда Пермской губернии, ныне Курганской области. Учитель министерского училища в Полевском заводе, бывш[его] Екатеринбургского уезда Пермской губ[ернии], ныне Свердловской области, потом священник с[ела] Ольховского Шадринского уезда, потом один из руководителей потребительской кооперации Шадринского округа». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 186).

Иван Кузьмич Сахаров³⁷³

Иван Кузьмич пришёл к нам в духовное училище в 1901 г., когда мы учились в четвёртом классе.³⁷⁴ На его долю выпало научить нас пользоваться вершинами синтаксиса латинского языка, такими, как *cum historicum, cum temporale, cum cansale, ne finale, ut obiectivum, ut consecutivum et cetera, et cetera*. Его задача была аналогичной задаче П. В. Хавского: подготовить нас к чтению в первом классе семинарии «Энеиды» Вергилия Марона. Преподавание для Ивана Кузьмича было значительно осложнено тем, что он был заика, причём в тяжёлой форме. Было мучительно наблюдать, как он, чтобы выговорить «*passivus*», начинал *p...p...p...* весь красный, натуженный, пока, наконец, ему удавалось произнести это слово. К чести наших «бурсаков» нужно отметить, что они отнеслись к этому недостатку И. К. серьёзно, а то бывало и так, что иногда высмеивали это у кого-либо.

В отличие от Петра Васильевича Хавского Иван Кузьмич в отношениях к ученикам был, можно сказать, изысканно деликатен и вежлив, и ученики ценили в нём это качество и на его уроках вели себя очень сдержанно.

И. К. был певец и с этой стороны в глазах учеников выигрывал. Так, на страстной неделе он, гостящий у него товарищ по Перми А. С. Обтемперанский³⁷⁵ и надзиратель дух[овного] училища И. Н. Ставровский

---

³⁷³ Сахаров Иван Кузьмич – окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1886 г. В 1886-1889 гг. канцелярский служащий в Тамбовском отделении Государственного Банка. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1893 г. В 1893-1895 гг. надзиратель за учениками в Тамбовской духовной семинарии. В 1895-1901 гг. помощник инспектора Пермской духовной семинарии. С 1901 г. определён учителем латинского языка в Камышловское духовное училище. С 7 сентября 1910 г. преподавал также русскую церковную и гражданскую историю в 3 классе. Статский советник. Имел орден св. Анны 3-й степени. «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2.

³⁷⁴ В очерке «Иван Кузьмич Сахаров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «За время нашего пребывания в училище преподаватели лат[инского] яз[ыка] сменялись трижды. До И. К. были – Бахаревский [А. П.], Иовлев [Д. В.], а он уже был, так сказать, замыкающим» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 12 об.

Иовлев Димитрий Васильевич – учитель латинского языка в Камышловском духовном училище. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1893 г. В 1895-1899 гг. помощник инспектора Владимирской духовной семинарии. 4 февраля 1899 г. определён учителем латинского языка в Камышловское духовное училище. Коллежский ассессор. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1901. № 20 (16 октября). С. 7.

³⁷⁵ Обтемперанский Александр Сергеевич – сын священника Владимирской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1895 г. В 1895-1896 гг. учитель подготовительного класса при Переяславском духовном училище. В 1896 г. надзиратель за учениками во Владимирской духовной семинарии. С 13 ноября 1896 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола в Пермской духовной семинарии. С 29 января 1900 г. преподаватель церковной и библейской истории и истории русской церкви в Пермской духовной семинарии. Коллежский ассессор. Имел орден св.

исполнили *trio* «Непорочны» и «похвалы» - «Блажени испытующие свидения Твоя».³⁷⁶ Для «духовников» это было целым событием.³⁷⁷

И. К. во время наших прогулок в лес старался держаться ближе к ученикам. Так, он организовал их на соревнование в беге и победителям вручал приз – апельсин. Всё это теперь кажется наивным, но тогда, в условиях «бурсы» это было свидетельством зарождающихся новых отношений между учениками и учителями на «бурсе».

Мы встретились с Иваном Кузьмичём через двадцать два или двадцать три года в Свердловске.³⁷⁸ Он работал тогда в текстильном тресте в качестве начальника какого-то отдела, а я работал преподавателем латинского яз[ыка] в Свердловском мед[ицинском] институте. Первая встреча была необычной: в бане у крана воды. В очереди за мной стоял Иван Кузьмич, но у крана я отступил и сказал: «Наливайте, И. К». Он удивился, и я ему сказал, кто я. После этого мы ещё встречались и вспоминали «минувшие дни».³⁷⁹ Но особенно мне запомнилась встреча в скверике у оперного театра. Мы долго сидели и беседовали. И Иван Кузьмич рассказал мне об одном своём научном открытии. Он сказал, что он нашёл средство для вылечивания от заикания, причём подчеркнул, что это средство строго научно обосновано им. И тут только я вспомнил о том, как И. К. заикался у нас на уроках, и обратил внимание на то, что теперь он не заикался. Зная, что я работаю в медицинском институте, И. К. просил меня позондировать в ин[ститу]-те, не заинтересовался ли бы кто его открытием из профессоров, причём он усиленно подчёркивал, что открытие его строго научное. Я понял, что его тяготил тот порок, которым он страдал раньше. В институте мне не удалось

Станислава 3 степени. // «Пермские епархиальные ведомости». 1902. № 37 (1 октября) (отдел официальный). С. 444.

³⁷⁶ Непорочны – термин, обозначающий важный для богослужения 118-й псалом «Блаженны непорочные в путь, ходящие в законе Господни. Блажени испытующии свидения Его, всем сердцем взыщут Его». Похвалы – особые тропари, читаемые после каждого стиха 118 псалма.

³⁷⁷ В очерке «Иван Кузьмич Сахаров» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «И. К. до перехода в учителя дух[овного] уч[илища] работал в Пермской дух[овной] семинарии пом[ощником] инспектора и дружил с пермским областным миссионером, очевидно, товарищем по Казанской дух[овной] академии, в светском чине – А. С. Обтемперанским, тоже певцом. В страстную пятницу на клиросе духовного училища исполнялись в форме *trio* «блаженны» и «похвалы» в составе: А. С. Обтемперанский – 1-й тенор, И. К. Сахаров – 2-й тенор и И. Н. Ставровский – бас. Нужно сказать, что композиция этого песнопения исключительно яркая, эмоциональная и впечатление было исключительно сильным. Позднее автору сего случалось самому петь эти «блаженны» и «похвалы», но первоначальное впечатление осталось незабываемым» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 13-13 об.

³⁷⁸ Там же: в 1925 г.

³⁷⁹ Там же: «Мы ещё несколько раз встречались с И. К. и ему было, очевидно, приятно сознавать, что его б[ывший] ученик по латинскому языку был в этот момент преподавателем тоже латинского языка в медицинском ин[ститу]-те» // Там же. Л. 14.

никого заинтересовать этим вопросом, а я вскоре узнал, что Иван Кузьмич скончался, так и не открыв никому своей научной тайны.³⁸⁰
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 62-63 об.

---

³⁸⁰ В «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет, что И. К. Сахаров скончался в начале войны.

Александр Андреевич Наумов

Как вспоминаешь об А. А. Наумове, то, прежде всего, возникает представление о нём как о магнате: хозяине двух домов и большого, как нам казалось, пространства земли. Это пространство было на виду у нас. Там находилось несколько старых берёз и лужок, поросший невысокой травой. Кажется, там стояло несколько ульев. Иногда на этом лужке появлялся один А. А., а иногда со своей семьёй. И в том, и в другом случае наше внимание было направлено на то, чем же занят А. А. у себя дома?

А. А. преподавал географию в III классе. Из всех предметов, которые мы изучали, это был самый интересный предмет. Мы изучали карту всего мира: океаны, моря, заливы, проливы, горы, города и т. д. У нас было две карты: с надписями и так называемая «немая». Проверяли нас по «немой» карте. Творческим моментом в изучении карты было определение географического положения различных точек на земном шаре. Нам давались задания для этого. Самым же интересным было выполнение контрольных карт, которые сдавались преподавателю по разным темам, например: карта Азии, Африки и т. д. Контуры мы снимали через просвечивание на стекле, а сетку – параллели и меридианы – при помощи ручек с ниточками, т. к. циркулей у нас не было. Главным при выполнении этих работ был художественный момент, т. е. стремление выполнить красиво. Краски на палитре и кисточки имелись у всех. Было соревнование на красоту. Так как работы выполнялись «за глазами» преподавателя, то находились «папенькины сынки», которые нанимали «мастеров» этого дела за 10-15 коп[еек]. За год у нас скопилось до 4-5 таких работ, которые как некое «вещественное доказательство» своих «трудов» мы отвозили на показ своим родителям.³⁸¹

А. А. был строгий преподаватель, не позволял никаких грубых выходок, но вёл себя на уроках сухо, недоступно.³⁸² Таким же он был и в тех случаях, когда мы встречались с ним же [не] на уроках: на пикниках, вечерах и т. д.

После Октябрьской революции А. А. переключился на архивную и музейную деятельность, краеведческую работу, которой он интересовался со студенческих лет. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 70-71.

---

³⁸¹ В очерке «Александр Андреевич Наумов» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Среди других предметов география сама по себе имела больший интерес, и в этом отношении преподавателю её легче было с нами иметь дело» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 15 об.

³⁸² Там же: «Передавали, что А. А. преподавал нам русский язык, но это как-то изгладилось в памяти, и Ал[ександр] Андр[еевич] сохранился в ней (памяти) как преподаватель географии. Был он очень требовательный и строгий, вспыльчивый, так что на уроках у него мы были всегда, как говорится, «начеку». Он стоял от нас больше, чем кто-либо другой, в отдалении» // Там же.

Вячеслав Алексеевич Садовский³⁸³

В. А. Садовский был самым молодым преподавателем в нашем училище. Наш выпуск учился у него только в четвёртом классе. Помнится, мы изучали у него систему сложных предложений и периодическую речь.³⁸⁴
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 71.

Иван Иванович Устинов³⁸⁵

И. И. Устинов не имел высшего образования и преподавал русский язык в I классе.³⁸⁶
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 71.

---

³⁸³ Садовский Вячеслав Алексеевич – учитель русского и церковно-славянского языков в Камышловском духовном училище. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1897 г. Поступил законоучителем в Сормовскую двухклассную церковно-приходскую школу Нижегородской губернии. В 1898 г. определён помощником инспектора Тобольской духовной семинарии. В 1900 г. определён учителем русского и церковно-славянского языков в старшие классы Камышловского духовного училища. С 7 октября 1907 г. состоял учителем того же предмета во всех классах. Коллежский советник. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1911. № 1 (1 января) (ос. прил.). С. 2.

³⁸⁴ В очерке «Вячеслав Алексеевич Садовский» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Вячеслав Алексеевич преподавал нам русский язык. В коллективе наших учителей он был самым молодым, и появление его у нас производило впечатление «обновления» его состава» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 16.

³⁸⁵ Устинов Иван Иванович – учитель русского и церковно-славянского языков в 1-м классе Камышловского духовного училища. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1878 г. 10 сентября 1878 г. поступил на должность учителя русского и церковно-славянского языков в Далматовское, затем Камышловское духовное училище. Надворный советник, имел орден св. Станислава 3-й степени. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1904. № 21 (1 ноября). С. 381.

³⁸⁶ В очерке «Иван Иванович Устинов» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «У нас осталось впечатление как-бы мимолётной встречи с ним» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 16-16 об.

Михаил Даниилович Симановский³⁸⁷

М. Д. Симановский был преподавателем подготовительного класса. В этом классе занятия проводились по русскому языку и арифметике. М. Д. любопытный старик, очень подвижный, весёлый, шутливый и, между прочим, скрипач.³⁸⁸

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 71 об.

О[тец] Димитрий Победоносцев³⁸⁹

Он был священником нашей церкви, нашим духовником и экономом.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 71 об.

---

³⁸⁷ Симановский Михаил Даниилович – учитель подготовительного класса при Камышловском духовном училище. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1868 г. В 1871 г. определён учителем в Сажинское народное училище Кунгурского уезда. В 1873 г. определён законоучителем и учителем в Билимбаевское двухклассное училище Екатеринбургского уезда. В 1878 года назначен надзирателем за учениками в Екатеринбургском духовном училище. С 1881 года состоял учителем подготовительного класса при Далматовском, затем Камышловском духовном училище. Надворный советник, имел орден св. Станислава 3-й степени. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1907. № 40 (22 октября). С. 10.

³⁸⁸ В очерке «Михаил Даниилович Симановский» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «М. Д. был преподавателем в подготовительном классе и, поэтому, некоторые ученики, поступившие прямо в первый класс, не учились у него. Он являл собою тип старого учителя, всегда аккуратного, собранного и добродушного. Сохранилась в памяти трогательная картина, как он с М. М. Щегловым исполнял скрипичный дуэт» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 16 об.

³⁸⁹ Победоносцев Димитрий Петрович (?-1905) – священник Сергиевской (домовой) церкви при Камышловском духовном училище. Окончил Далматовское духовное училище в 1871 г. 8 июня 1873 г. определён псаломщиком к церкви села Знаменского Камышловского уезда. 21 января 1882 г. посвящён в сан диакона к той же церкви. 4 декабря 1890 г. перемещён к церкви Баранчинского завода Верхотурского уезда. 29 декабря 1891 г. посвящён в сан священника к церкви Бруснянского села Екатеринбургского уезда. 3 мая 1894 г. определён на должность эконома Камышловского духовного училища. Имел скуфью. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1904. № 21 (1 ноября). С. 383.

Михаил Михайлович Щеглов

(«Слово» в знак уважения и благодарности моему учителю и воспитателю, пробудившему у меня на всю жизнь любовь к пению).

Никто из учителей Камышловского духовного училища не был так многогранно связан со своими учениками, как Михаил Михайлович Щеглов. Он был учителем пения, чистописания, скрипичной игры и регентом училищного хора. Приватно М. М. преподавал даже начальные элементы игры на фортепиано. И никому другому из учителей училища не приходилось вкусить всей тяжести обучения своему предмету «сих малых» в возрасте от 10-ти до 14 лет в такой мере, как Михаилу Михайловичу.

Мучителями и одновременно мучениками, что говорить, были учителя латинского и греческого языков, но не в меньшей, если не в большей степени, тяжёл был труд М. М. по обучению пению.³⁹⁰ Сам М. М., вспоминая позднее об одном из своих учеников, однокласснике автора сего – Васе Болярском – говорил, что когда он пел по «Октоиху»³⁹¹ какой-либо богородичен³⁹², то «у него выступали на носу капли пота». Как никак, но пение даже в объёме, необходимом для клирика, является всё-таки искусством, для воспитания любви к которому нужно найти пути, найти ключ, которым можно было бы открывать «тайное» в душе воспитуемого. Это с одной стороны. С другой стороны, сколько бы ни утверждали, что «голос, данный человеку для речи он же дан ему и для пения», и что, таким образом, пение в равной степени доступно всем людям, на практике, однако, оказывались люди, в данном случае мальчики, с недостаточно развитым слухом, «трудные», как принято их называть теперь, которых обучить пению являлось «сизифовой работой». Такие «особи» попадались из числа вышедших из духовного сословия, а чаще из «чужестранцев», детей мелких чиновников и торговцев. Нет, судьба не баловала на этот счёт Михаила Михайловича, и только любовь, привитая ему к пению и преподаванию его, воспитанная всей системой обучения в Синодальном училище, позволяла ему преодолеть трудности с завидным для учителя пения энтузиазмом.

В программу обучения пению негласно, без определения конкретной задачи по профессиональной подготовке, входило всё то, что необходимо для

---

³⁹⁰ «С большим трудом «усваивали» пение и некоторые ученики». (Примеч. автора).

³⁹¹ «Октоих» – богослужбная книга, содержащая в себе чинопоследования суточных богослужений: вечерни, повечерия, утрени и литургии для шести будничных дней недели, а для воскресных дней, кроме того, - малой вечерни и полунощницы. Все песнопения «Октоиха» по способу пения разделяются на восемь гласов (отсюда название книги), или напевов, из которых каждый употребляется в продолжение одной седмицы (недели). Полный столп осмогласия составляет прохождение восьми недель. В русской традиции гласовое пение осуществляется без нотной записи, на известные наизусть гласовые напевы певцы распевают канонические богослужбные тексты песнопений.

³⁹² Богородичны – молитвенные песнопения в честь Пресвятой Богородицы: стихира, тропарь или седален, входящие в круг суточных богослужений.

работы псаломщиком, а именно: пение по «гласам», пение так называемых «богородичнов», «канонов»³⁹³ и всякого рода песнопений по так называемой «Триоди постной и цветной», песнопений на случай совершения разного рода «треб» - крещения, отпевания умерших, венчания и т. д. В общем задача преподавателя пения была не из лёгких, а на практике получалось так, что многие из окончивших духовное училище, проучившись в нём 6, 7, 8 лет, вступали как раз на стезю псалмопевцев.³⁹⁴

Основой основ было обучение пению «по гласам». Особенную трудность представляло усвоение пения «по гласам» так называемых «запевов» - «Исповедатися имени Твоему». В своё время над этими же бились и наши отцы и выработали для облегчения усвоения этих запевов своеобразный мнемонический приём. Так, например, для усвоения мелодии «запева» на третий «глас» они советовали в памяти держать придуманную ими мелодию на слова: «Наши-то с дровами приехали!» Трудно найти в жизни другой пример того, как в ней переплетаются и трагическое и комическое!!

Вершиной обучения являлось пение по «Октоиху» богородичнов. Любопытно было наблюдать, как какой-нибудь карапуз десяти или одиннадцати лет в поте лица в сюртуке, стоя перед раскинутым *in folio*³⁹⁵ «Октоихом», ударяя себя рукой по бедру для отсчитывания тактов, выводил: «Прейде сень законная», или «Царь Небесный». И опять и здесь количество переплеталось с трагическим: у любителей высоких оценок существовало особое правило-совет для получения их: «ты бей себя по бедру – не жалея, получишь пять». Бывало так, что на экзамене Михаилу Михайловичу приходилось «усмирять» такого не в меру разошедшегося мученика науки.

Изучали интервалы. Была какая-то книжка с сольфеджами. Помнится по ней мы пели фугу³⁹⁶: «Кто ты может убежати смертный час». Позднее в этом же музыкальном приёме пели песню: «Со вьюном я хожу».

Что греха таить: не все мы умели ценить Михаила Михайловича как учителя пения. Были среди нас и такие, кто затаил на него злобу из-за его требовательности, настойчивости. Причины всему этому были: и наш возраст, то, что мы не умели ещё ценить пение как науку, а главное, конечно, направленность пения и обучения ему по линии узкого обслуживания религиозного культа. Позднее, когда некоторые из нас увлеклись пением и научились понимать красоту тех же «богородичнов», которые пели по «Октоиху», мы иначе стали смотреть на этот труд М. М. по обучению нас

---

³⁹³ Канон – в православном богослужении сложное многострофное произведение, посвящённое, например, прославлению какого-либо праздника или святого.

³⁹⁴ «к чему их и нужно было готовить». (Примеч. автора).

³⁹⁵ *in folio* – по-латински в формате сложенного вдвое типографского листа большого формата, отсюда – фолиант, книга больших размеров.

³⁹⁶ *fuga* – буквально, «бег», композиционная техника и форма полифонической музыки. В классической одностемной фуге несколько голосов, каждый из которых повторяет (имитирует) заданную тему.

пению и научились ценить его. Было у нас что-то детски-наивное в отношении к пению, но с возрастном оно прошло, и М. М. предстал пред нами как подлинный наш учитель и воспитатель, даже более близкий нам, чем кто-либо из других учителей и единственный из оставшихся в живых до настоящего времени. Этим и объясняется, что ученики его до сих [пор] поддерживают живую связь с ним, а также и перепиской.

О преподавании чистописания сам М. М. говорил, что он учил ему нас по методу «*Docendo discimus*» («уча, мы учимся»); т. е. когда ему предложено было заняться этим делом, то он прежде всего сам прошёл школу самообучения по лучшему методу, стал учить и нас. Далеко не все ученики М. М., от них же первый автор сего, сохранили «заветы» его по чистописанию, но несомненно они («заветы») пригодились тем, кто потом сделали сами учителями этого предмета в школе, что же касается самого М. М., то он и теперь, в возрасте за восемьдесят лет, пишет так, что его письма являются образцом каллиграфии.

Целой культурной революцией на «бурсе» явилось обучение учеников игре на скрипке, правда, не всех, а по желанию. Подумать только: потомки пресловутого «тессараконты»³⁹⁷ из сочинения Н. Г. Помяловского вдруг приобщились к музыкальному искусству, а в училище стали раздаваться звуки скрипок, правда, первоначально с точным произведением их названия от глагола «скрипеть». Нашлась и комната для обучения этому делу. Инициатива обучения и вся организация его было делом М. М. К сожалению, не записан был для памяти потомков полдень, когда М. М. с десятью скрипками приехал из Екатеринбурга и привёз с собой столько же экземпляров «Школы скрипичной игры» Берио.³⁹⁸ Обучение вёл сам М. М. И вот началось изучение различных «позиций» игры. «Они» гордились своей причастностью к такому мудрёному искусству. Бывали случаи, что и сам М. М. вкуче с престарелым уже учителем приготовительного класса Михаилом Даниловичем Симановским разыгрывал дуэты на скрипках в присутствии большого количества учеников, и это было лучшей агитацией за учение играть на скрипке.

Вероятно, в памяти многих учеников, а наверняка у всех участников дебюта сохранилось в памяти выступление ансамбля скрипачей перед епископом Иринеем, посетившим духовное училище весной 1902 года.³⁹⁹ Картина эта заслуживает того, чтобы её описать. В духовном училище была комната, имевшая значение актового зала. Во время богослужений она

---

³⁹⁷ тессарáковта – по-гречески сорок (40). Здесь – прозвище.

³⁹⁸ Имеется в виду учебник скрипичной школы бельгийского скрипача, композитора, музыкального педагога Шарля Огюста де Берио (1802-1870). С его именем связывают рождение франко-бельгийской виртуозно-романтической скрипичной школы. Учебник скрипичной игры Берио (1858) был вплоть до середины XX века самым распространённым учебным пособием.

³⁹⁹ Ириней (Орда) (1837-1904) – в 1900-1902 гг. епископ Екатеринбургский, 29 марта 1902 г. был переведён в Орловскую епархию.

присоединялась к площади церкви, для чего раздвигалась массивная дубовая перегородка, отделявшая зал от церкви. В этой комнате были роскошные цветы – филодендроны, фисгармония и бюст Александра II.⁴⁰⁰ Комната эта существовала только для сугубо официальных событий и встреч, а в обычное время была для учеников закрыта, как «святая святых». Попутно следует заметить, что на таком же положении в училище была центральная мраморная лестница: ею пользовались в обычное время только учителя и посетители – официальные лица. В описываемый момент дебюта скрипачей комната имела следующий вид: в глубине её под пышной кроной филодендронов восседал владыка Ириней, седой, маленький, толстенький, окружённый учителями, одетыми *in officio*⁴⁰¹, вблизи двери, при входе в зал, у фисгармонии стоял М. М., сосредоточенный и, как видно, нервно возбуждённый; слева от него и фисгармонии длинной вереницей по-двое стояли дебютанты со скрипками и смычками и, как видно, нервничали перед лицом «бога живаго»; в части комнаты, прилегающей к перегородке её от церкви стояли «прочие» ученики. У всех было напряжённое состояние. М. М., как видно, делал последние инструктивные указания главарю ансамбля, как говорится, «первой скрипке», ученику 4-го класса Анисимову, которого его одноклассники за его главенство и инициативу в различных ученических мероприятиях называли Александром Ильичом. Наконец, сигнал был дан, и полились звуки мелодии «Царь Небесный». Это был величественный момент! Будь бы при этом наш незабвенный философ и поэт Кузьма Прутков⁴⁰², нет, не удержался бы он от сочинения какого-либо афоризма, вроде, скажем: «скрипка – такой музыкальный инструмент, который «всё» может играть».

В обучении скрипичной игре М. М. был ограничен во времени: в училище было четырёхгодичное обучение, и, следовательно, его ученики должны были продолжать своё учение где-то в другом учебном заведении – естественнее всего в семинарии. Некоторые из них и продолжали учиться в семинарии под руководством известного в Перми скрипача и дирижёра оперы Григория Кузьмича Ширмана.⁴⁰³ Известно, что двое из них – Борчанинов Павел⁴⁰⁴ и Боголепов Витя⁴⁰⁵ добились такого совершенства в

---

⁴⁰⁰ Карандашом подписано «и Екат[ерины] II» (Ред.).

⁴⁰¹ *in officio* – по-латински официально.

⁴⁰² Козьма Петрович Прутков – коллективный псевдоним русских поэтов Алексея Константиновича Толстого (1817-1875) и братьев Алексея (1821-1908), Александра (1826-1896) и Владимира (1830-1884) Михайловичей Жемчужниковых, которые выступали в в журналах «Современник», «Искра» и других в 1850-1860-х гг.

⁴⁰³ Ширман Григорий Игнатьевич (?-1942) – дирижёр симфонического оркестра и оперы, концертмейстер, скрипач, приглашённый учитель скрипки в Пермской духовной семинарии и др. учебных заведениях.

⁴⁰⁴ Борчанинов Павел (1889-?) – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г. «В советское время руководил хором в Шадринске. Брат-близнец Борчанинова Александра».

скрипичной игре, что принимали участие в камерных концертах. Попутно нужно сказать, что один их приватно учившихся у М. М. играть на рояле учеников Григорий Богомолов⁴⁰⁶ – продолжал обучение в музыкальной школе Петерсон в Перми и сделал большие успехи, позволившие ему выступать в качестве аккомпаниатора в ответственных концертах.

Но самым главным, что было «душой» М. М., в чём проявился его талант, чему он отдал больше всего свою энергию и силы – это было его хоровое дело – организация и руководство хорами. Автор сего может осветить только часть этой деятельности и при этом, очевидно, не основную, а только часть её, относящуюся к деятельности М. М. в духовном училище. Он привил любовь к пению многим из своих учеников. Он воспитал целый ряд певцов, которые заявили себя таковыми ещё в стенах училища, как Иван Переберин, певший потом в Екатеринбурге в архиерейском хоре⁴⁰⁷, Иван

(Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 1. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 157).

⁴⁰⁵ Боголепов Виталий Николаевич (1892-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. «Очень способный, он всё же систематически и настойчиво, до зубрёжки, готовил уроки. Прошёл школу скрипки, занятиям на которой отдавал после уроков и вечерних часов всё свободное время, играл даже во время перемен, импровизировал, но в ученической самодеятельности не участвовал. Не очень общительный, застенчивый, он в то же время был обидчив. Читал мало. В тридцатых годах Виталий работал стенографистом при Свердловском облисполкоме. Умер от пьянки». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 1. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 127-127 об.).

⁴⁰⁶ Богомолов Григорий Иванович (1895-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1909 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1915 г. «Окончил Юрьевский университет. В семинарии проявил себя отличной успеваемостью, был вундеркиндом во всех отношениях и очень культурным, мягким по характеру. Ещё учеником духовного училища брал уроки игры на рояле, тоже в Перми, семинаристом, в музыкальных классах артистки Петерсон. Пианист он был исключительный – играл с листа. Он так же управлял ученическим хором семинаристов, будучи последователем в хоровой деятельности известного тогда регента Чумакова. Мобилизованный в Колчаковскую армию, будто бы состоял в команде личной охраны правителя. После ликвидации колчаковщины, бывший семинарист К. А. Киселёв встретил Г. И. Богомолова в Иркутске, где он начал работать преподавателем музыки и пения». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 1. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 134-134 об.).

Чумаков Иван Семёнович – воспитанник Московского Синодального хора, регент архиерейского хора в Перми, затем зам[еститель] регента Московского [Синодального] хора Данилина, а потом и руководитель этого хора». (Примеч. И. С. Богословского). Данилин Николай Михайлович (1878-1945) – хоровой дирижёр, регент, педагог. В 1910-1918 гг. главный регент Московского Синодального хора.

⁴⁰⁷ Переберин Иван – закончил Камышловское духовное училище по 3-му разряду в 1899 г.

Медведев⁴⁰⁸ и его брат, Еварест, певший впоследствии в Пермской архиерейском хоре.⁴⁰⁹ Хорошими певцами были в училище: Сергей Филиппов, обладатель чудесного альта⁴¹⁰, Шеломенцев – дискант.⁴¹¹ На славе был Вася Лирман⁴¹² и другие ученики. Хор духовного училища был четырёх-голосный, т. е. и басы, и тенора – свои «доморощенные», но, конечно, только условно носившие эти названия, а по существу – они были чем-то вроде вторых альтов и дискантов. Впрочем, среди учеников были такие сторонники «крепкого» усвоения наук, что не удовлетворялись одним годом учения в одном и том же классе, а дублировали его и, с Божьей помощью, «вызревали» в юношей 17-ти лет с наружными признаками, присущими этому возрасту и с голосом «густым», приближающимся к басу. Из них то и рекрутировались басы. Вспоминая об этом таком юноше – Накарякове Анфиногене – М. М. так и выразился: «Это у меня был бас».⁴¹³

Участие в хоре было богатейшей школой обучения пению, поскольку это было, как тогда называли, «партесное» пение⁴¹⁴, причём участники его (хоры) расширяли круг своих теоретических познаний: об итальянской нотной системе, о ключах соль и фа, о различных нотных знаках, как диез,

---

⁴⁰⁸ Медведев Иван Панфилович – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1905 г.

⁴⁰⁹ Медведев Еварест Панфилович (1894-?) – сын священника Пермской губернии. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1910 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1916 г. «Участник семинарского хора и драматического кружка. Обладал лирическим тенором, солист. В 1916 г. поступил учиться на юридический факультет Пермского университета. Был призван в армию для направления в военное училище. В 1921 г. лечился в Томском военном госпитале (остаточный паралич речи), после чего лишился вокальных способностей. После госпиталя работал санитаром, потом письмоводителем в лазарете Томской артшколы, позднее работал письмоводителем Красноярского лазарета». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 116-116 об.).

⁴¹⁰ Филиппов Сергей Александрович – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г., Уфимскую духовную семинарию и Казанский университет. После 1917 г. работал в Перми техником.

⁴¹¹ Шеломенцев Александр – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1903 г.

⁴¹² Лирман Василий – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1900 г. и 1-й класс Пермской духовной семинарии в 1901 г.

⁴¹³ Накаряков Анфиноген Филиппович – окончил Камышловское духовное училище по 3-му разряду в 1898 г.

⁴¹⁴ Партесное пение – многоголосное гармоническое хоровое пение (от 3 до 24 голосов), пришедшее в начале XVII столетия на смену одноголосному знаменному распеву как влияние западноевропейской культуры. Само название произошло от латинского *partes* – партия, т. к. у каждого голоса (дисканта, альта, тенора, баса) были отдельные тетради-поголосники, сводная партитура поначалу не записывалась. Позже слово «партесный» стало обозначением стиля хоровых сочинений сер. XVII – сер. XVIII вв. В конце XIX века слово приобретает негативный оттенок, как обозначение нерусского стиля в церковном пении.

бемоль, бекар, об обозначении тактов, пауз и таких обозначений, как *forte*⁴¹⁵, *piano*⁴¹⁶, *crescendo*⁴¹⁷, *diminuendo*⁴¹⁸ и пр. А как измерить развитие музыкального вкуса и ознакомление с разными композиторами в результате участия в хоре?! В репертуаре хора были широко представлены такие композиторы, как Бортнянский⁴¹⁹, Турчанинов⁴²⁰, Луппов⁴²¹, Дегтярёв⁴²², Аллеманов⁴²³, Металлов⁴²⁴, Ведель⁴²⁵ и др. Хор исполнял четыре из шести «Херувимские» Бортнянского, лучшие произведения Турчанинова на песнопения «Страстной седмицы», «Хвалите» Дегтярёва, Рождественский канон Аллеманова, «Покаяния» Веделя и многие, многие другие произведения. Он исполнял такие шедевры духовной музыки, как «задостойники»⁴²⁶, «каноны» и пр. Репертуар хора был на уровне самого квалифицированного хора губернского масштаба. Нужно отдать справедливость Михаилу Михайловичу, что он следил за новинками в духовной музыке и по «живым следам» вводил их в репертуар своего хора. Так, «гласовое» пение по-Ставровскому⁴²⁷ введено было немедленно при появлении из печати этого сборника. Громадное количество нот М. М. переписал от руки со своим классическим почерком.

Нити от «правого» клироса церкви дух[овного] училища уходили глубоко в провинцию, где оседали его певцы и где они были пропагандистами церковной музыки. На родине автора сего, в Тече, существовал хор, в репертуар которого входили наиболее популярные номера, исполнявшиеся хором духовного училища. В 1902 г. автору сего пришлось случайно присутствовать за богослужением в церкви Каменского завода в день «Троицы» и выслушать концерт «Преславися днесь...», обычно исполнявшийся хором «духовников» Камышлова. Не представило большого

---

⁴¹⁵ *forte* – громкость в музыке, обозначающая «громко».

⁴¹⁶ *piano* – громкость в музыке, обозначающая «тихо».

⁴¹⁷ *crescendo* – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

⁴¹⁸ *diminuendo* – музыкальный термин, обозначающий постепенное уменьшение силы звука.

⁴¹⁹ Бортнянский Дмитрий Степанович (1751-1825) – российский композитор, дирижёр, певец, считается создателем классического типа русского хорового концерта.

⁴²⁰ Турчанинов Пётр Иванович (1779-1856) – протоиерей, русский духовный композитор, гармонизатор древнерусских церковных напевов.

⁴²¹ Анатолий (Луппов) (1792-1852) – архимандрит, регент, автор духовных песнопений.

⁴²² Дегтярёв Степан Аникиевич (1766-1813) – русский композитор и дирижёр.

⁴²³ Аллеманов Дмитрий Васильевич (1867-?) – русский композитор, исследователь церковного пения и педагог.

⁴²⁴ Металлов Василий Михайлович (1862-1926) – протоиерей, музыковед-историк и музыкальный палеограф.

⁴²⁵ Ведель Артемий Лукьянович (1767-1808) – украинский композитор, автор многоголосной церковной музыки, регент, певец и скрипач.

⁴²⁶ Задостойник – песнопение в честь Пресвятой Богородицы, которое поётся вместо «Достойно есть» на литургии Великих двенадесятих праздников.

⁴²⁷ Ставровский Алексей Евграфович (1848-1921) – музыкант, педагог, композитор, регент.

затруднения разгадать, откуда этот концерт попал в этот хор: псаломщиком в этой церкви был Бирюков Андрей⁴²⁸, певший во время обучения в дух[овном] училище в хоре М. М. Некоторые из б[ывших] учеников М. М., участников его хора, унаследовали от него влечение к руководству хором, например, Старцев Василий⁴²⁹, Богомоллов Григорий. Отдал некоторую дань этому и автор сего.⁴³⁰

Много энергии и труда вложил М. М. в воспитательную работу в училище. Естественно она шла по линии его предмета – пения. В памяти навсегда остались песни, которые ученики исполняли под управлением М. М. на вечерах: «Зазвучали наши хоры», «Над Невою резво вьются...» И любовь к пению иногда толкала учеников на такие мероприятия, которые можно назвать не только смелыми, но даже дерзкими. Так, однажды в училище поставлены были отрывки из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин», причём исполнители выступали в костюмах. Ученик Иванов спел «Не о том скорблю, подруженьки»⁴³¹, надзиратель Иван Николаевич Ставровский – «Чуют правду», хор под управлением М. М. исполнил «Разгулялася, разливалася...» и «Славься». Для иллюстрации сцены в лесу в действие введена была ещё песня в порядке домысла «Какой непроглядный и сумрачный лес». Всё это детски наивно, но ведь исполняли то в основном дети.

За время работы М. М. в училище не раз в нём ставились вечера с декламацией и пением, живое участие в которых принимал М. М. В 1902 г. на специальных торжествах в честь пятидесятилетия со дня смерти Н. В. Гоголя и тысячелетия изобретения «Кириллицы» хор под управлением М. М. исполнил величественные гимны: «Перед именем твоим мы склонились, Гоголь вдохновенный» - в честь гоголевского юбилея и «Братья, двоицу честную в день сей радостно почтим» - в честь просветителей славян –

---

⁴²⁸ Бирюков Андрей Владимирович (1881-1937) – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1898 г. и 4 класса Тобольской духовной семинарии. Посвящён в сан священника около 1920 года. Служил в Николаевской церкви с. Новолуговое Томской губернии, затем Новосибирской области. В 1937 г. был вторым священником Успенской церкви г. Новосибирска. Арестован и расстрелян 02 декабря 1937 г. в Новосибирске. Реабилитирован в 1956 г.

⁴²⁹ Старцев Василий Николаевич (1889-?) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и 4 класса Пермской духовной семинарии в 1907 г. «Служил чиновником в Пермской контрольной палате, одновременно – регентом в Пермском духовном училище. После Октябрьской революции одно время преподавал пение в Шадринской женской гимназии – школе второй ступени, в тридцатых годах работал завхозом одного из Свердловских райсоветов. Во время гражданской войны был клубным работником в III Красной армии. Демобилизовавшись, работал в Свердловске в клубах и домах культуры как организатор и руководитель хоров и самодеятельности». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 148-148 об.

⁴³⁰ В период жительства в Белоруссии (Ред.).

⁴³¹ По другим данным автора, пел ученик Коровин – возможно, Василий Коровин – в 1900 г. вышел из 3-го класса Камышловского духовного училища.

братьев Кирилла и Мефодия. Всё это несомненно свидетельствовало о том, что «бурса», какой она изображена в «Очерках» Н. Г. Помяловского, отступала, вернее – её отступали», и в этом отступлении её, вернее – притеснении и изгнании большую роль сыграл М. М. Литературно-вокальные вечера, которые устраивались «духовниками» в училище, позднее, в семинарии, уже вылились в форму блестящих вечеров-конcertов. Таким концертom явилось, например, выступление пермских семинаристов в июле 1911 года в Верх-Теченском селе б[ывшего] Шадринского уезда. Вот программа этого концерта.

1. Корнилов, муз[ыка] трио: «[Белеет] парус» - исполняли – Медведев Еварест [1-й тенор], Топорков Пётр [2-й тенор]⁴³², Олесов [Алексей] [бас]⁴³³ ..., аккомпанировал на рояле Богомоллов Григорий.
2. Дуэт – «Ах, сегодня день ненастный» - исполняли Медведев Е., и Топорков П.⁴³⁴ Акком[панировал]. Богомоллов Гр.
3. «Давно малиновки звенят», муз[ыка] Тальяфико, *solo* Медведев Е., аккомп[анировал] Богомоллов Гр.
4. Серенада «Вновь я здесь перед тобою», муз[ыка] Речкулова, исп[олнял] *solo* Топорков П., акк[омпанировал] Богомоллов Г.
5. Народные песни: «Выйду-ль я на реченьку и др. Скрипка – Боголепов Виталий, балалайка – Игнатъев Николай, акк[омпанировал] Богомоллов Гр.
6. Рояль – *solo* – «Песни без слов» Мендельсона-Бартольди⁴³⁵ №№ 6 и 12, исп[олнял] Богомоллов Гр.

Здесь не указаны номера, исп[олненные] на *bis*. Все участники этого концерта были ученики М. М., и всем, кто знал об этом, казалось, что где-то тут, на концерте, невидимо присутствовал он, кто воспитал в них в начальной форме их таланты.

Михаила Михайловича «нашёл» для Камышловского дух[овного] училища и «привёз» из Москвы б[ывший] смотритель училища Михаил Николаевич Флоров. Это было в начале последнего десятилетия прошлого девятнадцатого века. Выбор М. Н. Флорова был как нельзя лучше удачным. Едва-ли в каком другом духовном училище б[ывшей] Пермской губернии,

---

⁴³² Топорков Пётр Михайлович (1892-?) – окончил Екатеринбургское духовное училище по 2-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1913 г. «Обладал лирическим тенором. По окончании семинарии служил псаломщиком Шадринского собора, потом священником в с[еле] Арамашевском Ирбитского уезда. (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 7. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1282. Л. 126).

⁴³³ Олесов Алексей – псаломщик Свято-Троицкой церкви Верх-Теченского женского монастыря Шадринского уезда.

⁴³⁴ В очерке «Михаил Михайлович Щеглов» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора вместо Топоркова П. указан Олесов А.

⁴³⁵ Мендельсон-Бартольди Якоб Людвиг Феликс (1809-1847) – немецкий композитор, пианист, дирижёр, педагог.

кроме Камышловского дух[овного] училища, так удачно был разрешён вопрос с обучением пению и музыке, как это было в последнем.

[⁴³⁶]

М. М. прибыл на работу в Кам[ышловское] дух[овное] уч[илище] по окончании Московского синодального училища совсем молодым юношей, каким мы видим его на снимке выпускников училища 1896 г. и ему пришлось «видети кончину» его в 1918 г. Синодальное училище давало очень серьёзную музыкальную подготовку. В нём работал [А. Д.] Кастальский⁴³⁷, его посещали П. И. Чайковский и [Н. А.] Римский-Корсаков. По окончании Синодального училища, М. М. прибыл на работу полный энтузиазма, сил, которые он щедро отдавал и отдал духовному училищу. Он был свидетелем и участником почти всего периода существования дух[овного] училища за тридцать один его год, и сам был, можно сказать, «живой историей его». Приходится поражаться, как в его памяти сохранились имена, характеристики и даже судьбы многих, многих его учеников. В его «архиве» хранится много ценных материалов не только из истории духовного училища, работа в котором составила только первую и при том меньшую половину его музыкальной деятельности в Камышлове, но и по дальнейшей ещё более продуктивной его деятельности в различных культурных учреждениях города. По ним можно написать историю музыкальной жизни Камышлова за полстолетие, и в этой истории по заслугам почётное место должно быть отведено маститому пенсионеру в настоящее время – Михаилу Михайловичу Щеглову.

Михаил Михайлович до сих пор, в возрасте далеко за восемьдесят лет, сохранил светлый ум, интерес к музыкальному делу и широкую, прямо энциклопедическую осведомлённость о состоянии музыкального дела как в прошлом, так и в настоящее время. Его в полном смысле слова можно назвать патриархом музыкального дела в Камышлове.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 83-93.

---

⁴³⁶ В очерке «Михаил Михайлович Щеглов» в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет «В феврале 1902 г. мы спели «Венчание» М. М. с концертом «Блажены вси боящиеся Господа». Регентом был И. Н. Ставровский. На Пасхе мы были у М. М. с концертом. В начале июня после окончания выпускных экзаменов, мы пропели в последний раз под руководством М. М. благодарственный молебен с «Многая лета» в двух музыкальных редакциях: величественной протяжной и бравурной с перебором голосов, и это было наше «*ultimum vale*» (последнее прости). Однако счастливым для нас явилось то, что М. М. здравствует и по сие время, единственный из наших б[ывших] учителей, и мы можем его приветствовать как «патриарха» нашего дух[овного] училища. «Умчались года, но в памяти так живо, так ярко и свежо былое, как вчера». (Романс ... Кашеварова)» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 22 об.

⁴³⁷ Кастальский Александр Дмитриевич (1856-1926) – русский, советский композитор, хоровой дирижёр, фольклорист, музыковед. Вместе со С. В. Смоленским и В. С. Орловым был организатором Московского Синодального училища. Как духовный композитор стал «родоначальником» Нового направления в русской духовной музыке.

***

И вот прошло уже шестьдесят лет – и каких шестьдесят лет, когда мы расстались со всеми своими учителями и воспитателями. Нет уже «бурсы». А всё-таки добром хочется помянуть всех тех людей, которые пестовали наше детство и юность. Пусть бывали иногда мрачные случаи жизни в эти годы, но мудрое изречение, которое мы выработали ещё в юности:

«Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим» - остаётся в силе и по сей день.

3/VI 1962 г. 5 час[ов] 45 мин[ут].

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 25.

[СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО КАМЫШЛОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА]

Учение бурсаков*

Духовные училища в системе учебных заведений духовного ведомства представляли низшее её звено. Чтобы представить себе положение этого звена в общей системе, включая высшую ступень его – духовную академию, достаточно сказать, что за четырьмя годами его следовало ещё за ним десять лет среднего и высшего образования: 6 лет в дух[овной] семинарии и 4 года в духовной академии. Нужно учесть, что для поступления в него требовалось ещё трёх-летнее обучение в сельской школе.

Духовные училища прямой задачей своей ставили подготовку в дух[овную] семинарию, но по окончании их абитуриенты получали возможность поступать в псаломщики, с известной дополнительной подготовкой – в сельские учителя и на должности низших государственных чиновников.

Из общеобразовательных предметов в них были основными арифметика и русский язык. И тот, и другой предмет изучались в полном объёме, а по русскому языку изучалась даже периодическая речь. География была представлена в объёме обзора рек, морей, гор, городов с введением в общий курс физической географии.

Большое количество часов было отведено на изучение классических языков. На преподавателей дух[овного] училища по этим предметам возложена была вся черновая работа по изучению этих языков. Так, по греческому языку преподаватель должен был подвести учеников уже на первом курсе семинарии [к изучению] «Воспитания Кира» Ксенофонта, а преподаватель латинского яз[ыка] – к чтению «Энеиды» Вергилия Марона. Для преподавателей этих предметов это была на самом деле «сизифова работа».

Из предметов богословских изучались: Священная история Ветхого Завета (I кл[асс]), Священная история Нового Завета (II кл[асс]), Устав и катехизис (III и IV кл[ассы]). В I кл[ассе] изучали [церковно-]славянский язык (его грамматику). Особое место занимало пение в течение всех четырёх лет. Преподавание его имело в виду подвести ученика к работе псаломщиком. В основе науки было изучение гласов, канонов, пения по «Октоиху». Это было не меньшим, если небольшим «сизифовым трудом» и для преподавателя и для учеников. Что стоило одно изучение «запевов» по гласам. Здесь приходится признаться, что, не изучая ещё психологии (она изучалась в III кл[ассе] семинарии) и не будучи ещё знакомым с приёмами «психотехники», мы уже пользовались её приёмами: так чтобы запомнить мотив «запева» по третьему гласу – «Исповедатися имени Твоему» - мы в уме пели: «Наши-то с дровами приехали». Высшим достижением считалось – пение «богородичнов» по «Октоиху». Был учебник «сольфеджей».

Упражнялись, например, в пении «фугой»: «Кто ты может избежать смертный час».

Во втором классе введено было чистописание.

Излишне говорить о том, что всё изучение предметов основано было на зубрёжке. Только по двум предметам было нечто похожее на практику, это: а) по Уставу давались задачи на определение порядка богослужения по «Триоди постной» и «Триоди цветной», а также на подыскание тропарей⁴³⁸ и кондаков⁴³⁹ на часах; б) по географии мы вычёркивали карты с занесением рельефа. Карты вычерчивать нам давалось в виде домашней работы на срок, причём по традиции мы старались их выполнить художественно в красках на александрийской бумаге. Это да ещё рисование слова «отпуск» недели за две до него – были два случая, когда нам предоставлялись возможность показать свой художественный талант в графике.

В учебном плане духовных училищ не было ни черчения, ни рисования, предметов, рассчитанных на развитие у детей способности мыслить художественными образами и запечатлевать их в рисунке. Однако, всем известна любовь детей к рисованию и вообще к декоративному искусству. Естественно и у «духовников» самопроизвольно возникала тяга к этому, но она не получала организованного направления и выливалась в странные причудливые формы, несколько комического типа. Так, примерно за две-три недели до отпуска на рождественские каникулы имели распространение среди бурсаков небольшие плакаты со словом «отпуск». Эти плакаты имели яркую окраску с разными окрашиваниями: цветами, картинками и пр. Авторы их изошрялись в различных приёмах художественного творчества. Психологически основой появления этих плакатов были мечты о том, чтобы скорее освободиться от «бурсы» с её казарменной обстановкой и уехать поскорее домой на каникулы. По-человечески: что можно сказать против такого мотива? Но надо думать, что если бы в школе преподавалось рисование, то эти плакаты не были бы столь стереотипными, однообразными и сухими, какими они были на самом деле.

В третьем классе при изучении географии в качестве контрольной работы по курсу требовалось сдавать преподавателю контурные карты с обозначением названий морей, гор, рек и пр. Делалось это так: географическую сетку ученики делали при помощи самодельного циркуля, а контуры снимали с карты на оконном стекле. Эти работы являлись поводом к упражнениям в художественной работе над ними: нужно было в красках показать рельеф той или иной местности, горы, низменности, цвет воды и пр. И «бурсаки» жадно накидывались на это дело, соревновались в искусстве.

---

⁴³⁸ Тропарь – краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается главное содержание праздника, прославляется и призывается на помощь святой, в честь которого совершается служба.

⁴³⁹ Кондак – повествовательный стих, посвящённый тому или иному церковному празднику.

Находились и такие, которые дрались, выполнить эту работу за деньги – по двадцать коп[еек] за карту. Это было возможно потому, что преподаватель не мог проверить, кто *de facto* был исполнителем работы, а среди «бурсаков» находились папенькины сынки, которым уплатить 20 коп[еек] было ни почём. Нужно сказать, что среди «бурсаков» находились такие «художники», которые группировались в настоящую фирму.

Экзамены проводились по всем предметам во всех классах в присутствии трёх экзаменаторов и в официальной обстановке – при зелёной скатерти на столе. Представим, например, обстановку экзамена по арифметике в I кл[ассе]. В комнату сносятся все доски, отчего стол с зелёной скатертью, окружённый досками, оказывается в полумраке, а за ним три экзаменатора одетые официально – в сюртуках. Мальчишку 11 лет это повергает в трепет, и он, как за крайность, берётся за иконки, чтобы защититься от своих «недругов».

Экзамены продолжались две или даже три недели с половины мая в самые жаркие дни. Бурсаки расползались по всему двору в поисках уединённых мест, делали себе ниши в поленнице дров и там, как шмели, гудели на все лады.

Во время экзаменов ученики были предоставлены сами себе – учителя к ним не приходили.

Иногда товарищи друг другу давали советы, как нужно держаться на экзамене, чтобы «заработать» пятёрку.

Так, по пению отбивать такты полагалось ударами руки по бедру, и давался совет такой: «ты бей, бей по бедру – не жалей». И бывали случаи, что Михаил Михайлович вынуждался удержать ревнивого искателя пятёрки от «самоубиения». Чего только не подскажет наивность «сих малых» в борьбе за своё существование.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 49 об.-52 об.

*Авторский заголовок очерка: «Учение и быт бурсаков».

Быт «бурсаков»

Когда за вошедшим в главный вход училища учеником закрывалась дверь при возвращении с каникул, это означало, что она откроется пред ним, когда он будет отправляться на следующие каникулы. Выход в город разрешался только в редких случаях: когда кто-либо приезжал из родни; когда можно было сходить [в город] к кому-либо из родни. Правда, позднее, когда мы учились в третьем классе, разрешалось группе в 3-4 человека ходить в город за покупками конфет, пряников и т. д. по заявкам отдельных «бурсаков». Но это было уже, так сказать «смотрительный» случай.

С момента вступления в здание «бурсы» «бурсак» поступал в распоряжение звонков: по звонку вставал, ходил на уроки, в столовую и, наконец, ложился спать.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 4.

Распорядок дня*

Утро. Ничто так не подчёркивало ему сухость, казарменную обстановку жизни на «бурсе», как утро: полумрак в спальне, унылый гудок фабрики Алафузовых⁴⁴⁰, зимой иногда недостаточно тепло. Вспоминается домашний уют, утренний чай со свежей стряпнёй, ласковое приветствие родных.⁴⁴¹

Дружное шествие к умывальнику и обратно и приветствия «старших» на ходу «пучкой». Умывальник в нашем училище был расположен на стенке столовой у входной двери в нее. Вода в резервуар наливалась снаружи – свежая, прохладная прямо только что привезённая в бочке из Пышмы. В раз умывалась целая шеренга стоящих вдоль стены учеников. Утренний чай в 8 часов. В столовую все шли парами, начиная с «приготовишек». При прохождении мимо четвертого класса бывали «приветствия» с «добрым утром» «пучками» и «ножками». К чаю давался небольшой кусочек белого хлеба, сахарок и чёрного хлеба *quantum satis*.⁴⁴² У каждого стола на пятнадцать-двадцать человек (столы были сдвинуты) стоял «сторож» (так вообще называли обслуживающий персонал) с кувшином кипятка, чайником с заваренным чаем, чашкой с молоком и ложкой. Если кому-либо из учеников нужно было получить вторую чашку чай, то он «вылезал» из-за

---

⁴⁴⁰ Имеется в виду кожевенный завод промышленников Алафузовых в г. Камышлове.

⁴⁴¹ В очерке «Режим дня на бурсе» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Жизнь шла по звонкам. Первый звонок в 6 часов утра. Он сливался с гудком на Алафузовском заводе и вызывал в душе что-то сухое, тягучее. В 6 ½ ч[асов] второй звонок, причём предполагалось, что к 7-ми часам ученики умоются и соберутся в классах» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 53.

⁴⁴² *quantum satis* – по-латински на сколько хватит.

стола, подходил к «сторожу» и получал вторую или третью чашку чаю с ложкой молока.

После чая до уроков оставался небольшой промежуток времени, который использовался для повторения уроков или подготовки к ним, причём некоторые «богобоязненные» мальчики этим же временем пользовались для молитвы. Всегда можно было на площадке перед входом в церковь видеть их, коленопреклонённых и шепчущих молитвы. Здесь они и встречали приходящего в училище М. Н. Флорова.

С 9 ч[асов] до 2-х проходили уроки, по часу – четыре урока. После двух уроков была большая перемена минут 30.

В два часа – обед. Затем два часа отдыха обычно на воздухе.⁴⁴³ В 4 часа – вечерний чай в том же виде, что и утром. С 5-ти часов вечерние «занятные» часы до 9 часов с такими же интервалами, что и уроки.⁴⁴⁴ В 9 часов – ужин. В 10 часов – звонок ко сну.

Под праздники и в праздники этот порядок изменялся так: под праздник вместо «занятных» часов – «всенощная» и примерно час занятий до ужина, а в праздник: литургия, чай и, примерно, час занятий до обеда.

Когда мы учились в четвёртом классе, то в большую перемену между уроками давался завтрак.

Во время масленицы, первой недели поста этот порядок изменялся, а также в среды и пятницы великого поста, когда ученики направлялись на литургию «преждеосвященных даров».⁴⁴⁵ Таковым был ритм жизни «бурсака» в течение десяти месяцев ежегодно, а весь порядок его определялся звонком.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 5-8.

*Авторский заголовок очерка: «Вот распрядок его дня».

---

⁴⁴³ В очерке «Режим дня на бурсе» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «... игры на дворе, но можно было оставаться и в здании» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 53.

⁴⁴⁴ Там же: «Временами заглядывал в класс надзиратель, а на переменах обязательно присутствовал в коридоре» // Там же. Л. 53-53 об.

⁴⁴⁵ Там же: «В Великом посте по средам и пятницам уроки сокращались, и ученики присутствовали на литургии преждеосвященных даров. На масленице в течение 3-х дней занятий не было. На первой неделе говели – занятий не было. На Рождество обычно все разъезжались по домам, а на Пасху несколько человек оставались в училище из-за распутицы» // Там же. Л. 53 об.

Питание

О чае уже сказано. На обед и ужин давались: мясной суп с кусочками мяса, растительный суп из овощей, горошница, каша: гречневая и пшённая. Излюбленным блюдом для «бурсаков» была брусника со сладкой водой: они смешивали её с крошками чёрного хлеба и... наслаждались. В изобилии давалась картошка: с мясом и без мяса, со скромным маслом и конопляным.⁴⁴⁶ Каши тоже давались с ложкой скоромного масла или конопляного.⁴⁴⁷ Этими кашами «бурсаков» питывали, вероятно, на всю жизнь. Подавались иногда мясные котлеты, снабжённые в изобилии перцем, вероятно, чтобы скрыть не свежесть мяса, из которого они изготовлены. В заговенье на мясо устраивался настоящий «пир»: на ужин давались пельмени. Стряпать пельмени в помощь наличному составу обслуживающего персонала стекалось всё «женское», что только имело какое-либо отношение к «бурсе». Пельмени были не столь изящные, и мясо в них не так уже мелко изрублено, но для отощённых желудков «бурсаков», готовых топор переvarить, это было не так уж важно, только «давай, давай», и нужно сказать «давали», «до сыта», «до отвала». «Бурсаки» наедались да ещё в карманах «малую толику» уносили.⁴⁴⁸

На завтрак давали: или стакан молока, или два яйца – и то и другое с чёрным хлебом, или пирожок гороховый конопляного масла, за что он и получил название – «ваксовик».⁴⁴⁹

И при всё этом, т. е. несмотря на пельмени, завтраки и прочие усладения «бурсацкого» желудка, сами «бурсаки» скромно определяли своё питание словами-виршами на латинском языке:

Semper – горох,
quotodie – каша,
miseria – наша.⁴⁵⁰

Самый главный недостаток был в витаминах. Вот почему, когда однажды на дворе оказались без присмотра два мешка с луком, желудки «бурсаков» забушевали, затмили их ясный ум, усыпили совесть, и они

---

⁴⁴⁶ В очерке «Питание» в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «... жареный картофель, иногда с солёным огурцом...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 54 об.

⁴⁴⁷ Там же: «Каша подавалась на одной тарелке на 4-х человек с маслом в «лунке», перемешивалась и потреблялась из «общего котла» // Там же: Л. 54-54 об.

⁴⁴⁸ Там же: «Хороший квас был безотказно» // Там же. Л. 55.

⁴⁴⁹ Там же: «Весной 1902 г. были введены завтраки, и это было на бурсе историческим явлением. Завтраки были после второго урока. На них давали в «скромные» дни: или стакан молока с чёрным хлебом, или два яйца с тем же хлебом. В «постные» дни давали гороховые пирожки, жареные на конопляном масле, сильно масляные. Их бурсаки называли «ваксовиками». Какими бы ни были завтраки, но они были большим достижением на бурсе, и бурсак их «благословил» // Там же.

⁴⁵⁰ По-латински «Всегда горох, ежедневно каша, убогая наша».

ринулись к мешкам и воровали лук, потом за обедом крошили его в суп, или просто ели с чёрным хлебом.

Вот так и кормили «бурсаков», а, между прочим, желудочных болезней они не знали.

[⁴⁵¹]

На Пасху оставалось мало учеников, и им на разговенье давали: частичку кулича, творог со сметаной и изюмом (пасху) и два яичка в течение трёх дней.

[⁴⁵²]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 8-10.

---

⁴⁵¹ В очерке «Питание» в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «На «Сергиев день» (25-го сентября) полагалось тоже баловать бурсацкие желудки сладким пирогом к чаю, пирогом с урюком. Бурсаки даже острили по поводу этих пирогов и рисовали себе (конечно, только умственно) картину, как смотритель и эконоом советовались о том, с чем дешевле сделать пироги: с изюмом или урюком, и останавливались на последнем, так как его можно тоньше размазывать на пироге. О, у бурсаков тоже были острые языки!

На масленице настоящих блинов не готовили: было, очевидно, не под силу, но нечто, похожее на оладьи, давали» // Там же. Л. 55 об.-56.

⁴⁵² Там же: «Как бурсаки сами «ублажали» свои желудки? Ходить в город по магазинам индивидуально не разрешалось, но разрешалось ходить «учинённым» дежурным из «старших» по двое для покупки разных деликатесов по заказу отдельных лиц, для чего составлялся целый список. Что было любимым? Сливочное «лампасе» (монпансье), пряники с изюмом, орехи «фисташки». Во время экзаменов по утрам к воротам всегда подходил человек с «макушками» // Там же. Л. 56 об.

Гигиена и санитария

Можно ли поставить рядом без опасения быть осмеянным два понятия: «бурсак» и косметика? Если представлять бурсака в неизменном виде «тессараконты» и мыслить категориями «Очерков бурсы», то, очевидно, нельзя. Но жизнь, как всегда, вносила и вносит свои коррективы. «Бурсаки» прекрасно различали достоинства и недостатки «черёмухового мыла», «яичного мыла», «глицеринового мыла», и утром они никогда не мылись без мыла.⁴⁵³ О чесотке мы на бурсе не слышали. На моде были помада, фиксатор, репейное масло. Особенно – фиксатор. Скорее можно сказать злоупотребляли им. Был ли *pediculus*? Был! Кое у кого, но без наружного проявления, там в складках белья. На верхней одежде, на спальнях принадлежностях – нет! Почему в белье? Его плохо парили и плохо гладили, в результате – «изумрудные» зёрна оставались на созревании. Проблемы вшивости на бурсе не ставилось. В баню «бурсаки» ходили, примерно раз в декаду. Там каждому выдавалось мыло и вехотка. Вода давалась до отказа. Парились. Мыться помогал иногда «учинённый» для надзора старик. Грязное белье сбрасывали там же, а получали чистое в гардеробной комнате.

Волосы время от времени подстригал парикмахер. У «старших» на моде были причёски – «ерошки», часто сильно нафиксуаренные. Спальное бельё менялось применительно к посещению бани. Что говорить – оно было непрезентабельным: неважного качества, заплатаемое. Подушки тоже были не из пуховых, матрацы – соломенные или мочальные, одеяла не первой свежести, обтёрканные, истёртые и не особенно грели. «Бурсаки» раскопали у них удивительное свойство: если водить ими по волосам, то появлялись искорки – электрические разрядки. Весной, в жаркие дни, учеников водили купаться, иногда по два раза в день. Что только было при этом с «бурсаками»: они плавали, ныряли, кричали...⁴⁵⁴

Что было на «бурсе» образцовым, то это уборные: отдельные кабинки с деревянными лаковыми стенками, с водой для промывания унитазов. Свидетельствую, что потом я не встречал ни в одном учебном заведении – ни в семинарии, ни в академии, ни в каком другом учебном заведении таких туалетов, какие были на «бурсе». Вот почему, когда мне случайно удалось посетить здание нашей «бурсы», где теперь находится военный лазарет, я не преминул заглянуть и в сие учреждение и... увидел такую картину, что у

---

⁴⁵³ В очерке «Одежда и вопросы личной гигиены» в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Зубы не было принято чистить» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 58.

⁴⁵⁴ Там же автор уточняет: «В период экзаменов, в жаркие дни, бурсаков водили купаться в Пышме. Купальня была с подвесным дном и поддерживалась на бочках. За это доброй памятью всегда поминают бурсаки своё начальство. Сколько было удовольствия освежаться и омываться в «священных» водах реки Пышмы!» // Там же. Л. 59 об.

меня сейчас же родилась мысль: «Что бы сказал наш смотритель Михаил Николаевич, если бы он увидел «сие»!»

Были ли среди «бурсаков» неаккуратные, нечистоплотные? Да, были! Но все они были наперечёт и, между прочим, их не уважали и сторонились их же товарищи.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 11-14.

Одежда «бурсаков»

Для «духовников» не было принято одежды единого образца – «формы». Когда их отправляли после летних каникул, то снабжали валенками, шубами, шапками самого разнообразного покроя и образца. Из верхней одежды также укладывали в чемодан: визитки, брюки тоже разной расцветки. Раньше – до девяностых годов – ученикам шили сюртуки, и они были чем-то вроде формы. Но то обстоятельство, что в других учебных заведениях – гимназиях, реальных училищах – были приняты формы, а также, очевидно, стремление к гармонии, порядку на практике привели к тому, что сам собой, так сказать, самотёком у «бурсаков» было принято носить тужурки серого сукна с закрытым воротом и брюки на выпуск, преимущественно из того же материала. Принято также было надевать крахмальные белые воротнички на шею.⁴⁵⁵ Но с чем не могли примириться ученики, то со штиблетами и туфлями: считалось, что это женская одежда, и, поэтому, когда один из «бурсаков» - Ваня Медведев вместо сапогов под брюками стал носить ботинки да ещё с пуговицами, то ему не давали прохода и кричали: «Эй ты – девка, девка!» Бурса метила за отступление от принятых ею норм.

В моду входило ношение часов со шнурком через шею. Нужно отдать справедливость «бурсакам» в том, что они приучались к аккуратности и опрятности в одежде. Так, в числе предметов бытового обслуживания почти у всех, а наверняка – у многих были платяные щётки, щётки чистить сапоги, вакса и новость культуры – раствор для смазывания обуви – аппретура. В торжественных случаях сапоги «бурсаков» блестели как лаковые, а на тужурках и брюках ни пушинки, ни пылинки! Не доросли «бурсаки» только до ношения резиновых калош: это полагалось уже семинаристам.

[⁴⁵⁶] ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 14-16.

---

⁴⁵⁵ В очерке «Одежда и вопросы личной гигиены» в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «У бурсаков не было формы, и одеяние их было пёстрым. Когда-то на моде были сюртуки, и какой-нибудь карапуз щеголял в сюртуке. Со временем от этой грузной одежды отказались и перешли на более лёгкую. Как-то само собой установилось, что в наше время принялись было носить куртку с закрытым воротом серого цвета. Она в соединении с брюками из одного материала (серое сукно невысокого качества), причём брюки были «на выпуск» и составила нечто вроде формы. Принято было под ворот надевать белый крахмальный воротничок. Щёголи из бурсаков надевали ещё шнур от часов (с часами и без них) через него (см. фото выпуска учеников 1902 г.). Это однообразие создавало гармоничное сочетание массы людей и благообразия» // Там же. Л. 57-57 об.

⁴⁵⁶ Там же автор дополняет: «У каждого бурсака был отдельный ящик в общем комод, где под замком хранилось его бельё, тужура, брюки. Пальто и шуба висели в гардеробной комнате на определённой вешалке под определённым номером. Калоши бурсаки ещё не носили: не «дошли до этого». «Казённикам» шили кожаные калоши, но они были грубые – некрасивые и не удобные (жёсткие) и те избегали их носить. Сапоги чистили ваксой, или

«Родимые» пятна старой бурсы в нашем училище и «благочестивые» размышления по поводу них*

Считалось, что Н. Г. Помяловский в своих «Очерках бурсы» увековечил бурсу на все времена, канонизировал её порядки, а поэтому многие наши современники, спустя много лет после выхода в свет «Очерков» думали, что бурса нашего времени и её обитатели всё ещё были такими же, как их изобразил Н. Г. Помяловский, и готовы были в каждом из нас увидеть «тессараконту» прежней бурсы, «детину непобедимой злобы» по выражению Симеона Полоцкого.⁴⁵⁷ Однако, бурса, как и всё в мире, подчинена была всеобщему закону развития, сформулированному греческим философом Гераклитом: Πάντα ῥεῖ⁴⁵⁸, формы её бытия изменялись, но не сразу, не в один момент – революционно, а по законам эволюции, при которой, как известно, «старое» и «новое» некоторое время «сосуществуют», и в новом сохраняются «родимые пятна» старого. Эти «родимые пятна», трансформированные, пережившие метаморфозу, иногда трудно связать с прошлым, пережитым и только внимательно всматриваясь в них, анализируя их, можно установить их родство с прошлым, как говорилось в этом случае: стоит только «поскоблить» его, это «родимое пятно», и заметишь: «жив, жив курилка!» – прошлое тут как тут.⁴⁵⁹ Наша бурса, не будучи копией своей «прабабки», конечно, имела «родимые пятна» её.⁴⁶⁰ Вот они.

смазывали раствором «ашпретуры». Почти у всех бурсаков были щётки для очистки верхней одежды и обуви. Аккуратность в одежде и чистоплотность вошли в привычку бурсаков и они высмеивали и травили отдельных нерях, которые в незначительном количестве ещё попадались» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 58-58 об.

⁴⁵⁷ «Детина непобедимой злобы» - образ непокорного ученика духовного учебного заведения из «Духовного регламента» (1721), составленного епископом Феофаном (Прокоповичем) (1681-1736), фактическим руководителем Святейшего Синода, проповедником, государственным деятелем, сподвижником Петра I. «Духовный регламент» определял правовое положение Православной церкви в Российской империи. Указание на духовного писателя Симеона Полоцкого (1629-1680) – ошибка автора.

⁴⁵⁸ Πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει – по-древнегречески «Всё течёт, всё меняется» - фраза, приписываемая древнегреческому философу Гераклиту Эфесскому (544-483 до н. э.).

⁴⁵⁹ «Жив, жив курилка!» — выражение, с давних времён употребляемое по отношению к людям, которые, по общему мнению, прекратили свою деятельность, куда-то пропали, исчезли, умерли, а на самом деле живы и заняты прежним делом. Используется в ироническом смысле, так и в качестве выражения радости от встречи с человеком, о котором давно не было вестей.

⁴⁶⁰ В очерке «Пороки бурсы» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Было бы одинаково неправильным как преувеличивать недостатки воспитания в закрытых учебных заведениях (интернатах), так и преуменьшать их. Однако никак нельзя замолчать о том, что интернаты являются искусственной формой отделения ребенка от естественного развития его в семейных условиях. Ученики духовного училища поступали на «бурсу» в возрасте девяти-десяти лет, кажется не такими уж детьми, но тот, кто испытал психологию «новичка» на «бурсе», едва ли согласится с тем, что ему показалось, что он попал в «рай». Домашний семейный уют и теплоту ничем нельзя заменить, и не сразу

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 67-67 об.

*Находится в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» - «Пороки бурсы» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училище».

I. Традиция «задаваться»*

Было принято, что ученик, благополучно достигший четвёртого класса, прошедший все «испытания» бурсацкой жизни, ставший «старшим», получал право, не писанное, но узаконенное бытом – «задаваться» над младшими. Некоторые ученики так и объявляли: «ну, теперь я добрался до четвёртого класса – можно и «позадаваться». «Задаваться» - это значило: «подставить ножку», толкнуть, ущипнуть, обозвать по прозвищу, одним словом – обидеть, унижить младшего по такой концепции мысли: было время – меня обижали, а теперь пришло моё время – я буду обижать. Очень модным приёмом в этом отношении было садить «пучки», т. е. щелчки, причём применялись два вида «пучек»: через зажим среднего пальца большим и разжим его – один приём, а другой приём – удар указательным пальцем после освобождения его от зажима средним, удар на «отмашь». Были такие «артисты» этого дела, что «били» до синяков. Любопытно, что притягательную силу при этом имела та часть организма, кожа которой является менее чувствительной – та, что применяется при сидении. И вот поди-ты: только подвернись она у кого-либо, последует обязательно «пучка», поэтому все старались избегать такой позы, при которой можно было соблазнить кого-либо «поставить «пучку». Четвёртый класс находился у «чёрной» лестницы, по которой младшие спускались вниз, направлялись на обеды, ужины и чай, и это было удобным местом «задаваться»: чуть не заметит надзиратель, и кто-либо из проходящих рядами получал от «старших» или «пучку», или «под ножку». Шествие в рядах «старшие» иногда и сами использовали для расправы друг с другом. Так, был случай, когда возвращались вечером с ужина в одном ряду «старший» Панин подбежал «старшему» Ивану Переберину и всадил ему в плечо перочинный ножик.⁴⁶¹ Некоторым малышам выпадало счастье – не испытывать на себе этой «системы» «задаваться» со стороны старших, лишь благодаря покровительству кого-либо из них. Так, автор сего был в числе этих счастливицков: когда он был «подготовишкой», то в четвёртом классе у него

«новичок» сможет привыкнуть к новым условиям. Кто окажутся его новые знакомые – является полной неизвестностью, и каким зорким должен быть глаз у тех людей, которым доверено воспитание этих новичков. А пороки интернатской жизни иногда бывают такими тонкими, что их и в сильный микроскоп с трудом можно рассмотреть. Можно указать такие пороки нашей «бурсы», которые являлись «отрыжкой» старой системы воспитания» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 24-25.

⁴⁶¹ В «пермском коллекции» воспоминаний автора наоборот, «отчаянной» Иван Переберин (ученик 4-го класса), вероятно, ученику 1-го класса Мефодию Панину. (Ред.).

был сват – Андрюша Бирюков, парень высокого роста и сильный. Андрюша в широком кругу бурсаков однажды показал на меня и предупредил «прочих»: «если кто хоть пальцем потронет его», т. е. меня, и последовал очень выразительный жест руки. Пользоваться протекцией кого-либо, однако, не делало чести «счастливому» малышу: на него смотрели косо, а старались за «это» иметь чем-либо ему «насолить». Почётнее считалось, если кто сам мог за себя «постоять». Таковы были не писанные «законы» бурсы.

Что было социальной основой этого явления – «задаваться»?

У Леонида Андреева есть рассказ «Сенька». В нём описывается, как мальчик Сенька, подобно Ваньке Жукову, был «в услужении», но не в семейной обстановке, а в мастерской, и подмастерья щёлкали его по голове не из-за злости, не из-за мести, не в наказание за непослушание, а так: «голова уж у тебя такая – так и напрашивается на щелчок». Но дело, конечно, было не в особенном виде и форме Сенькиной головы, а в том, что на всех этих подмастерьев давила скученность и толчея обстановки и ошеломляющее однообразие её. К этому присоединялась наследственная черта – пакостить от нечего делать, отрывка социального уклада, оправдываемая известным тезисом: «се бо во гресех зача (роди?) мя мати моя». Как известно, Ф. М. Достоевский всесторонне освещал в своих романах «идиомы» и «выверты» человеческого характера, за что и получил название «жестокий талант». Традиция «задаваться» была порождена теми же условиями бурсацкого быта, какие были родственными быту подмастерьев в рассказе Л. Андреева «Сенька»: скученностью и однообразием их быта. Оторванные от семейной обстановки, бурсаки грубели и легко поддавались худшему влиянию.⁴⁶²

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 68-70 об.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора – «Система «задаваться» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища».

II. Употребление прозвищ*

«Жулан», «моська», «Антипа беспяты́й», «*passious*» - прозвища учителей передавались из поколения в поколение. Прозвища учеников передавались от брата брату, от отца детям. Когда-то прозвище было дано в связи с особенностью человека, особенностью его наружности или характера, а у брата уже не было этой особенности, но всё равно по традиции это прозвище, как какое-то клеймо, передавалось следующим братьям. Так, наш брат Алексей был кудрявым, и, очевидно, поэтому ему было дано прозвище

---

⁴⁶² В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Дожили, наконец, и мы до момента, с которого можно было «задаваться», но «нравы» уже менялись, смягчались: нет, не было прежнего размаха. Постепенно в классах переводились носители этой традиции, те, которые доучивались до 16-17 лет, а в нашем классе уже таковых не было. Пошла мелочь... У ней и вкуса к этому настоящего не было. Так, льдина под влиянием солнечных лучей слабеет, хиреет и, наконец, теряет разрушительную силу» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 32.

«баран». Его братья уже не были кудрявыми, но прозвище сохранялось. Мало этого изыскивались ещё вариации его. Так, мой друг Гриша Козельский⁴⁶³ фамилию Игнатъев – изменял в Ягнятъев, прозрачно намекая на прозвище «баран». Если мальчик не имел исторически установившегося прозвища, то прозвище производилось от фамилии, например: Козельский – козёл, Штейников – штанина и пр. Творчество прозвищ продолжалось, но для защиты от нового прозвища применялся такой приём: нужно было передать его и «заколотить». Процедура эта производилась так: икс сделал попытку дать прозвище игреку, но тот не растерялся, а успел объявить всем: «с передачей заколачиваю! Ребята! Я заколотил ему (такое-то) прозвище!» Считалось, что это прозвище передано самому автору его и может быть пущено в оборот.⁴⁶⁴ Чаще, однако, удавалось только отклонить прозвище, но не «заколотить» другому. Если только оно оказывалось чем-либо подходящим, например, изобретательностью, то «заколачивалось» уже накрепко.

Где социальные корни этого явления?

Прежде всего, нужно сказать, что творчество и употребление прозвищ не было специфической чертой бурсаков. Оно имело место и в других школах – гимназиях и пр. Мало того, это была бытовая черта русских людей. Известно, что в деревнях люди знали друг друга больше по прозвищам, чем по фамилиям, так что у бурсаков это было только продолжением деревенского быта и свидетельствовало лишь о том, что школа не в состоянии была «отучить» их от этой некрасивой бытовой черты. Нельзя, однако, не согласиться и с тем, что прозвища на бурсе применялись, так сказать, с особенным «смаком» и в этом отношении употребление их являлось специфической чертой бурсаков.

А. М. Горький в статье «О языке» вскрывает источники засорения языка разными суррогатами слов, засоряющими язык «блатными» словами. В числе «творцов» такого рода слов он называет разного рода странников и бездельников, которые искажают слова, например, ватер-клозет они превращают в «утри козе» и пр. Нет ли чего-либо родственного между изобретением этих слов и изобретением прозвищ? Нам известны случаи, когда прозвища переходили в эпитеты для характеристики деятельности

---

⁴⁶³ Козельский Григорий Михайлович (1889-?) – сын псаломщика Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1903 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Служил священником. См. очерк о нём в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁴⁶⁴ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Иначе обстояло дело с внедрением нового прозвища: тут может получиться так, что изобрёл его кто-нибудь в адрес другого, а «пришьют» его самому изобретателю, потому что бывало так, что лишь только изобретатель изрёк прозвище, а «жертва», обречённая на него, не растерялась и мгновенно публично с ударом по столу или парте заявила: «с передачей заколачиваю» и объявит: «ребята, я заколотил ему», то... пожалуй изобретатель» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 34-35.

исторических лиц, например, Юлиан Отступник, Вильгельм-Завоеватель и др. Но как объяснить появление в свет таких прозвищ, как: Никита-дитя, Яша-преселка, рожок, сучок и пр. В них, очевидно, отражались какие-то качества людей, сходство их с каким-либо предметом. Прозвища эти являлись произвольным проявлением деятельности человеческой фантазии. Был ли этот элемент в образовании прозвищ, бытовавших в среде бурсаков? Был! Но различие в прозвищах, если можно так выразиться, деревенского типа и бурсацкого типа в том, что в последних содержится больше желчи, стремления оскорбить, унижить человека. Эти прозвища были продиктованы ненавистью, враждой между двумя «классами»: учителями и учениками. Принимали ли участие в образовании этих прозвищ разные бездельники, хулиганы от словообразования? Несомненно – да! Когда Коля Бирюков⁴⁶⁵ французское «*adrua*» превращал «по дрова», «па-д`эспань» в «пади да встань», то он проделывал ту же работу, что и вышеуказанные бездельники со словом ватер-клозет. Придумывание новых прозвищ у бурсаков шло по линии безделья и хулиганского обращения с языком.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 70 об.-73 об.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Приём «с передачей заколачиваю» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища».

III. Распространение разных страшных рассказов и слухов*

В детстве никто из нас не задумывался над тем, насколько вредными были для нас разные сказки о страшном, которые мы слышали от нянек. Бывало так, что просили ещё перед сном: ну, расскажи, няня, да ещё что-либо пострашнее, а потом это отражалось на нашем бытии на бурсе. Оторванные от семьи и домашнего уюта, в сухой казённой обстановке, с возбуждённой фантазией, мы легко становились жертвами разных слухов, которые кто-то распускал среди нас. То нам говорили, что под зданием училища когда-то работали фальшивомонетчики, и был у них злой пёс Цербер, который по ночам бродит по зданию. То рассказывали, что по ночам на потолке спальни появляется рыжая борода и пр. Этот «кто-то» однажды обнаружился. Были те же «старшие», которые применяли по отношению к нам свою систему «задаваться», а распространение ими разных слухов было ничем иным, как разновидностью этой системы, но применяемой в психологическом направлении. Держать в страхе было основой распространения этих слухов. К этому и сами мы добавляли от себя разные «страшные» рассказы о лунатиках, а потом пускали слухи, что с кем-либо из нас уже происходили припадки лунатизма. Так, одно время в нашей спальне прошёл слух, что Гриша Козельский ночью встал с постели и карабкался на

---

⁴⁶⁵ Бирюков Николай Владимирович (1885-?) – обучался в Камышловском духовном училище в 1897-1899 гг. (в приготовительном и 1-м классах), уволен из 1-го класса как неуспевший в течение 2-х лет. Служил учителем школы грамоты в деревне Пановой Камышловского уезда в 1905-1907 гг. Священник.

стену. Сами мы, помнится, проделывали над собой такой опыт: натягивали на голову одеяло, тёрли им по волосам и следили, как появлялись искорки. Под влиянием слухов мы приходили в такое нервное состояние, что боялись спать по отдельности на своих койках и, выждав момент последнего обхода инспекцией спален, сдвигали койки и засыпали, прижавшись друг к другу. Если ночью кому-либо нужно было сходить в клозет, то уговаривались, что он разбудит других, чтобы идти компанией.⁴⁶⁶ Наша проделка с кроватями была случайно обнаружена, когда однажды произошёл печальный случай ночью с учеником [I-го класса] Кронидом Болярским. Он понадеялся на свою храбрость и отправился ночью в клозет один, а при возвращении его в спальню к нему подбежал по мраморной лестнице щенок, которого где-то поймали «старшие» и спустили на ночь бегать по зданию. Произошло это около комнаты надзирателей. Кронид поднял крик, и его один из надзирателей на руках принёс в спальню и обнаружил, что мы на ночь сдвигали койки. После этого случая на ночь был поставлен дежурить старик, которому вменялось в обязанность, между прочим, будить по ночам больных недержанием мочи и водить их в клозет. Он же дежурил в бане, когда мы мылись.

Описанные выше случаи из жизни бурсаков возможны были только в условиях «бытия» их на бурсе.⁴⁶⁷

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 73 об.-75 об.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора – «Повышенное развитие страха» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища».

IV. Конспирация как закон бурсацкой жизни и её последствия*

Нужно сказать, что конспирация в жизни учеников была и в других школах, например, в гимназиях, так как она вытекала из общих условий и закономерностей, при которых протекала учебная жизнь в них (в школах). Основным явлением, из которого вытекала необходимость конспирации, это были враждебные отношения между учителями и учениками. Известно, что ученики, например, мстили учителям за неудовлетворительные оценки, а учителя опасались иногда при известных условиях объявлять ученикам об их двойках. ... Если было так в гимназии, где ученики жили на квартирах, то в условиях бурсы, где ученик целые сутки был на попечении начальства, конспирация должна быть и была ещё строже и изощрённее. На языке бурсаков были даже пущены в оборот особые слова из жаргона, в которых выражен был основной закон конспирации: доносчик носил название «клинья», а доносить – «клинить». Это были ужасные слова: за ними

---

⁴⁶⁶ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... круговой порукой было принято, что никто не может отказаться быть спутником другого» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 26.

⁴⁶⁷ Там же: «Казалось, что всё это мелочи, а сколько из-за этого получалось людей с расстроенной фантазией, напуганных, боящихся всяких мелочей» // Там же. Л. 28.

скрывались серьёзные действия – расправа. Если кто-либо замечен был в том, что он «клинит» - готовься к расправе. «Клинить» - это было высшим преступлением против конспирации на бурсе, «клинья» - самое презрительное название.⁴⁶⁸

Высшей расплатой за это была «тёмная», которая творилась обычно перед отъездом на каникулы – зимние или летние. Помнится, что последнюю ночь перед отъездом на рождественские каникулы мы не спали. Все были настроены, что вот-вот заявятся над кем-нибудь из нас творить «тёмную», которая заключалась в том, что на «преступника» набрасывали одеяло и избивали его «кто во что горазд».⁴⁶⁹ К чести нашей бурсе нужно сказать, что в наши времена (конец 19 в[ека] и начало 20-го в[ека]) по крайней мере с нами «тёмную» не совершали и не слышно было, чтобы над кем-либо её совершали. Но ходили слухи, что в Пермском дух[овном] училище однажды, совершая «тёмную», ученики избили его до смерти.

Что питало конспирацию, поддерживало её существование? Ответом на этот вопрос может служить следующий случай на нашей бурсе, который наделал много шума и вошёл в историю нашего училища, как крупное, но отрицательное событие. Ночью кто-то из учеников забрался в учительскую, чтобы посмотреть отметки в журналах. Кажется, не столь уже преступный замысел, а вот привёл к преступлению, потому что кто-то это сделал «яко тать в нощи»: ведь сделано это было со взломом окна из коридора. Лиха беда добратся до журнала и посмотреть отметки, но «аппетит, как говорится, приходит с едой» и счастливец не удержался (*O, sancta simplicitas!*)⁴⁷⁰ и наставил ещё пятёрку от себя!⁴⁷¹

Последствием этого случая было то, что каждое воскресенье на занятиях после обедни стали объявлять ученикам отметки за неделю. Спрашивается: почему это нельзя было сделать раньше, чтобы не толкнуть учеников на «преступление»?

---

⁴⁶⁸ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Объявление кого-либо «клиньей» являлось равносильным наложению позорного клейма, зачислению в «изгой», значило подвергнуть человека остракизму. Вот почему, если кого-либо называли таким позорным именем, он сопротивлялся и защищался всеми доступными ему средствами, вплоть до кулачков, потому что он знал, что «бурса» жестоко карает за этот «порок» «тёмной» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 36-37.

⁴⁶⁹ Там же: «Вспоминается, как мы, «новички», проводили такую ночь в 1897 г. перед отъездом на вокзал. Мало кто спал, всё было напряжено. Прислушивались к шорохам. Ведь даже в том случае, что кто-либо не объявлен «клиньей», можно было опасаться, что кто-либо по злости захочет расплатиться за обиду, или из-за зависти» // Там же. Л. 37-38.

⁴⁷⁰ *O, sancta simplicitas!* – по-латински «О, святая простота!».

⁴⁷¹ Там же: «Тёмная» была уже пережитком, но конспирация была на высоком уровне. Так, много шуму было на «бурсе» из-за того, что кто-то из учеников ночью забрался в учительскую, нашел журналы и понаставлял в них четвёрку и пятёрку. Раскрыть тайну «сего» во всём объёме не удалось: «предателей» не нашлось, хотя следствие было поставлено на серьёзную ногу» // Там же. Л. 38.

Ясно, что в отрицательных явлениях в жизни бурсы, в частности в эксцессах, вызванных конспирацией, была повинна система организации бурсы: считалось, что взаимная отдалённость субъекта и объекта воспитания должны обеспечить успех его (воспитания).

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 75 об.-78.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора - «Тёмная» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища».

V. Проявление фетишизма*

Дикий случай был на экзаменах в первом классе: мы накупили много изображений святых (на бумаге) и на экзамене «забаррикадировались» ими для успешной сдачи их (экзаменов). Наклеили их под столом экзаменаторов, под стульями, а у себя заложили за пазухи курточек. Если кто-либо получал пятёрку, то тут же на ходу производили замену «святых»: «своего», т. е. уже помещённого за пазуху, изымали, а «того», счастливого закладывали себе, за пазуху.

Что это было? И как это могло быть?⁴⁷²

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 78-78 об.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора – «Фетишизм» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища».

Это был, конечно, пароксизм, резкое выражение того, что складывалось из незаметных мелочей, непохожих на настоящий фетишизм, но в сгустке получило уже вид подлинного фетишизма. В конечном счёте это было следствием формализма в системе воспитания учеников на бурсе. В сущности говоря, воспитательной системы и не было, правильнее сказать – она ещё только начинала пробивать себе дорогу, о чём будет сказано немного позднее. Бурса брала на себя задачи инспектирования, наблюдения за порядком и взыскания за нарушения порядка, т. е. задачи чисто формальные. За нарушением порядка следовало наказание без каких-либо увещаний и бесед. Ученик не выучил урока или замечен в шалости – ему объявляют: «за обедом стать к стенке». Если он не исправляется или совершил какой-либо более крупный проступок, то ему назначали «голодный стол» за обедом, что было уже намёком на то, что его вот-вот «исключат» из училища. Тот же

---

⁴⁷² В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Ученики были в страхе и изыскивали размытые способы защиты. До шпаргалок ещё не додумались, а вот о проделках с иконками додумались. Тогда очень дешево в большом количестве продавались бумажные изображения святых: Николая-чудотворца, Симеона – верхотурского чудотворца и др. Их то и употребляли для защиты: их помещали под стульями экзаменаторов, под столом; их прятали у себя под тужурками, причём, если кто-нибудь ответил на пятёрку, то у него просили эту иконку напрокат, а, наоборот, если получил двойку, то этого «святого» изымали из «употребления». Дико и позорно, но ведь это было. Наши воспитатели, очевидно, этого не знали» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 37-38. Л. 28-29.

сухой формализм был и в проведении экзаменов. Составлялось расписание экзаменов, в котором указывались сроки для подготовки к экзамену, но никто никогда не руководил этими подготовками. И вот ученики разбрелись по двору училища в поисках уединённых мест и зубрили до одури. Никто не поинтересуется, как они готовятся к экзамену, не даёт совета. А экзамены обставлялись с соблюдением строгих формальностей: зелёный стол, комиссия из трёх лиц. Ученикам известно было, что среди учителей бывали любители «нарезать» ученика на экзамене. И вот мальчишка 11-ти лет должен отвечать при такой обстановке целому «сидриону» учителей в условиях такой отчуждённости между учениками и учителями. Естественно, что он, и так шокированный всей обстановкой бурсацкой жизни, дрогнет и будет себе искать в чём-либо опору вне себя, но в чём? Вот тут ему и приходит мысль опереться на систему религиозных предметов, которыми его с детства окружали и которые в его сознании имели значение амулетов: крестиков и иконок. Этими предметами и теперь его продолжали снабжать. Так, когда в нашем училище был ревизор из Петербурга, то каждому из нас от него дали по крестику, и это, очевидно, считалось одним из приёмов религиозного воспитания. На самом деле и эта сторона так называемого «религиозного воспитания» ограничивалась только участием бурсаков в богослужениях, что тоже имело чисто формальный характер. Насколько ученики были беспомощны и предоставлены сами себе в понимании религиозных обрядов и религиозных таинств, свидетельствует поведение Паши Борчанинова после исповеди: от старался больше спать, чтобы, как он сам говорил, не согрешить до причастия.

На такой почве и могли происходить такие гримасы бурсацкой жизни, о чём сказано выше.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 78 об.-80 об.

VI. Идеализация «отчаянного»

Известно, что среди мальчиков всегда выделялся один, которого они негласно признавали своим вожаком, и считали, что в лице его воплощены те черты характера, которые они должны воспитывать у себя.

Таким образом создавался культ личности. В соответствии с теми или иными особенностями своего «бытия» они, эти создатели своего идеала, вкладывали в образ его те или другие черты характера, обычно общие для своего возраста, но среди них выделялась одна доминирующая, которая являлась для них специфической, поскольку она отражала специфическую особенность их бытия. Наши бурсаки эту особенность своего идеала определяли словом «отчаянной». Эта черта характера их «героя» была проекцией от их действительности, протестом от того режима, в котором они находились, и обозначала, что только «отчаянной» способен стать выше этого режима. В понятие «отчаянной» они вкладывали следующие черты характера: он должен быть независимым, смелым в отношении к начальству,

чуждым унижительного страха, в котором воспитывали бурсаков, быть ловким и стоять впереди во всех случаях их жизни. Конкретным воплощением такого идеала в наше время считался из старших учеников Иван Переберин. Во всех проявлениях его личности – в манере движения, речи – проглядывали смелость и решительность. У него была гордая посадка головы, острый, решительный взгляд, смелая и решительная походка – всё, что давало повод его товарищам думать: «да, этот не сдаст, если случится столкнутся в чём-либо со своим начальством». А ловкость у него была удивительная: бывало он так ухищрялся при игре в лапту послать в небо мяч, что он высоко, высоко поднимался и падал почти к его ногам, а это по условиям игры было самым выигрышным, потому что позволяло выйти из самых затруднительных положений в ней.

Кто мог проделывать самые рискованные трюки на физкультурных приборах, которые стояли на дворе училища? Он – Иван Переберин! К тому же он был обладатель прекрасного голоса и певец. Чей голос сильнее всего звучал, когда бурсацкий хор под управлением М. М. Щеглова пел «зазвучали наши хоры»? Его – Ивана Переберина! Кто «возносил» в церковном хоре и создавал «залётные» верхи нот? Он – Иван Переберин! Вот так и создавался «культ личности». Ему старались подражать. Вася Зеленцов так сам себя афишировал: «Я отчаянной».⁴⁷³

Гриша Козельский преклонялся перед ним и называл его на деревенский лад «Ванька», очевидно, связывая его личность с личностью какого-либо известного ему деревенского героя. Он же откуда-то разузнал дальнейшую судьбу Ивана Переберина и рассказывал в глубоком раздумье об его последних днях жизни: как Переберин пел в архиерейском хоре, как его терзала чахотка и как он летом, в шубе (так он говорил) приходил ещё на клирос и предавался любимому пению.

Но самым ярким служением «культу личности», преклонением перед ним было то, что кто-либо из почитателей «личности» во время игры в лапту подходил к «ней» и предлагал: «давая – я буду за тебя бегать». А это было! Так бурса создала своеобразный культ «отчаянного». Но плохо ли это или хорошо было в условиях бурсы – пусть на этот вопрос ответит каждый читающий сие.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 80 об.-83.

VII. Извечная война с «городчиками»

Что делили эти «монтекки» и «капулетти» - никто не смог бы на этот вопрос ответить. Когда началась и с чего началась эта война? На первый вопрос, пожалуй, можно ответить так: с момента открытия духовного училища в Камышлове. Но на второй вопрос история не даёт ответа. Только

---

⁴⁷³ Зеленцов Василий – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1903 г.

как только встретятся эти «двое» - полетят в ту и другую сторону камни, а то и начнут нащупываться в карманах перочинные ножички. Было и так, что «первишки», т. е. первоклассники, а тем более – «приготовишки», ученики приготовительного класса, решались передвигаться по городу, например, живущие на квартирах только с «дядькой», т. е. с кем-либо из «старших». И какая была удивительная осведомлённость у наших «врагов» на счёт наших «телохранителей». Знали они, например, что у нас был инспектор-гроза Пётр Николаевич Лавров, и бывало, когда «они» уже нацелятся сделать нападение, но среди них же раздаётся крик: «Ребята – Лавров!» - рассеются, «яко исчезает дым». В чём лежит отгадка этого явления – отчего это? Только вот и в деревнях тоже затевались иногда такие войны с деревенскими ваньками, петьками и пр. Может быть разгадку этого явления можно найти в словах маршала Климента Ефремовича Ворошилова, сказанных им в предупреждение нашим врагам: «Русский народ любит воевать, умеет воевать и сумеет постоять за себя» (вольная передача).⁴⁷⁴

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 83-84.

VIII. Выпрашивание «съестных»

«Тебе привезли съестные – дай!» Это можно было услышать только на бурсе. Это говорил подтянутый желудок бурсака, тот который побудил создать вирши:

Ох, ох, ох!!!
Semper горох!
Quotidie каша
Miseria наша!

Тут философствовать не над чем: всё ясно. А сколько на этой почве творилось гнусностей: вымогательства, угроз, а иногда и подкупов...

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 84-84 об.

[IX.] Гримасы зубрёжки*

Помнится, в четвёртом классе уже группа учеников вставала по ночам, зажигала лампу в классе тайно и «зубрила» по латинскому и греческому языкам. Это было уже, конечно, крайностью, но вообще же зубрёжка была основой учения.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 39-40.

*Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

---

⁴⁷⁴ Из речи народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова на Первомайском параде в 1939 г.: «Советский народ не только умеет, но и любит воевать!».

[X.] Отдельные тёмные пятна «бурсы»*

Как правило, на «бурсе» не было воровства. У каждого ученика был отдельный ящик в гардеробной комнате под замком, и всё было благополучно. Но вот однажды был дикий случай срыва на этот счёт. Привезли для продажи нашему эконому два мешка луку и оставили без надзора их в ограде, пока разыскивали эконома. Полмешка «бурсаки» растащили.

Ученики четвёртого класса затеяли нюхать табак и нюхали до того, что под носами было зелёное. Класс окнами выходил на юг, и для защиты от солнца на окнах повешены были парусиновые шторы. На этих шторах в закрытой стороне их были сплошь зелёные пятна, похожие на картины абстракционистов: результат очистки носов.

Нет! Что ни говорить, на «бурсе» было ещё много «родимых пятен» от тех времен, которые описаны Н. Г. Помяловским в произведении «Очерки бурсы». Но... «*Tempora mutantur et nos mutotur in illis*»⁴⁷⁵ - этот всеобщий закон развития не прошёл мимо и «бурсы».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 40-41.

*Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

---

⁴⁷⁵ *Tempora mutantur et nos mutotur in illis* – по-латински «Времена меняются и мы меняемся в них».

Борьба за культуру на «бурсе»

В отдельных очерках о деятельности учителей и воспитателей Камышловского духовного училища отмечалось, по каким направлениям шла борьба за культуру учеников на «бурсе». Нет! Зловещая фигура «тессараконты» из «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского уходила в прошлое и «детина непобедимой злобы» уже давно стал историческим персонажем. С «ветхого Адама» всё больше и больше срывались его «ветхие» одежды. Посмотрите на фотоснимок с выпуска 1902 г. Разве представленные на нём юноши с их «ерошками», воротничками, шнурами к часам, перекинутым через шею – походят на «бурсаков» времён «тессараконты»? Стоит взять только одни события 1901-1902 учебного года, чтобы понять, как далеко «бурсаки» этого года ушли от тех, которые изображены в «Очерках бурсы». «Бурсаки» по своей инициативе решили поставить отрывки из комедии Фонвизина «Недоросль» и осмеять систему обучения дворянских «недорослей», изобразить Кутейкина, Цыфиркина, Вральмана. Не свидетельствует ли это о том, что у них в какой-то мере появилась способность критически мыслить, а ведь это признак определённого шага в развитии. Те же ученики затеяли издавать журнал. Конечно, это детская затея! Здесь всё детски – наивно! Вот, например, как они раскритиковали учеников III кл[асса]: «В третьем классе царит тупость, глупость, неразвитость». Это замечание по поводу того, что ученики III кл[асса] не проявили достаточной активности в выпуске журнала. А то обстоятельство, что среди учеников появились свои вожаки – борцы за культуру, как Анисимов, или свои художники, как Борчанинов Александр.⁴⁷⁶ Посмотрите на художественные украшения на Пасху, сделанные бурсаками! Стало возможным устраивать празднование юбилеев, таких, как пятидесятилетие со дня смерти Н. В. Гоголя, или тысячелетия с момента изобретения кириллицы. Разве это не служит показателем того, как «бурса» и её руководители – учителя, воспитатели ушли далеко от времён «тессараконты». Хору «духовников» стало доступно исполнение таких ответственных форм музыкальных произведений, как гимны. Признано было, что ученикам можно доверить ходить в магазины за покупками без боязни, что они могут что-либо «натворить». Отношения между учениками и учителями стали входить в более спокойное русло, что особенно проявлялось во время пикников, экскурсий в зверинец. Наконец, то, что у «бурсаков» явилось желание сниматься со своими воспитателями на память разве это не показатель высокого уровня культуры всей «бурсы»? Обучение скрипичной игре! Даже такая мелочь, как новая игра – в крокет, – всё это звенья культурной революции на бурсе, показатель её несомненного роста. Это нужно в полной мере признать, иначе будет невозможно в дальнейшем понять, как стало

---

⁴⁷⁶ Борчанинов Александр – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г.

возможным, что через «бурсу» прошло много учеников, которые впоследствии сделали видными деятелями в общественной и научной сферах.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 42-45.

*В составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

Любимые игры «бурсаков»*

В играх раскрываются характеры и наклонности детей и подростков. По играм можно проследить, откуда шли те или иные влияния на детей и подростков, а также из какой среды они вышли. На играх «бурсаков» больше всего сказались их деревенское происхождение, а затем влияние традиции и в последнюю уже очередь влияние педагогического воздействия. В основном «бурсаки» в играх были предоставлены самим себе. Естественно игры носили сезонный характер.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 46.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Игры наших бурсаков» в составе «Автобиографических воспоминаний».

I. Игра в солдаты

Эта игра была осенью 1897 г. и больше не повторялась, потому, очевидно, что она держалась только на традиции и отмирала, потому что с «бурсы» уходили последние «могикане», носители идеи этой игры. Когда появилась эта игра и чем она была вызвана, об этом история, к сожалению, умалчивает. Вот что представляла эта игра. «Генералом» был ученик 4 кл[асса] Быстрицкий.⁴⁷⁷ Не помню фамилии других военных чинов, а рядовыми были больше «приготовишки» и первоклассники. Их обучали строго: «направо», «налево», «равняйся», «ряды сдвой», «ать», «два», «три».⁴⁷⁸ Шагали, [пели] песни!

Запевала: Солдатушки, бравы-ребятушки!

Где же ваши жоны?

Хор: Наши жоны – ружья заряжены –

Вот где наши жоны.

Запевала: Солдатушки, бравы-ребятушки!

Где же ваши сёстры?

Хор: Наши сёстры – пули востры –

Вот где наши сёстры и т. д.

Надевались погоны, надевали медали и кресты, между прочим, «Георгий». Устраивались парады. На парады являлся «генерал» и кричали:

---

⁴⁷⁷ Быстрицкий Иван – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1897 г.

⁴⁷⁸ В очерке «Игры наших бурсаков» в составе «Автобиографических воспоминаний», посвящённых учению автора в Камышловском духовном училище, в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Мы занимались главным образом «машаровкой» - «ать-два» и нас учили приёмам: «направо», «налево», «кругом», «кругом марш», «ряды сдвой» и пр. Вместо ружей, кажется, применялись палки, которые хранились в поленнице. При «машаровке» мы пели солдатскую песню, в которой перечислялась последовательно вся семья в полном составе. ... Эта игра, помнится, была осенью в той части обширного двора, где была звонница» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 86 об.

«Здравия желаем, ваше св...во!» Генерал как полагалось весь в орденах и медалях. Как же всё-таки богата детская фантазия!
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 46-48.

II. Игра в снежки*

Если первая игра была чем-то привнесённым со стороны, то вторая была данной от природы, возникала по велению природы. Первый снег – кто удержится от соблазна сжать его в комок и запустить в кого-либо.⁴⁷⁹ Так было всегда и везде, но на бурсе эта игра была упорядочена, и ей придан был военный характер. Идея такой организации игры в снежки принадлежала нашему надзирателю Ивану Николаевичу Ставровскому и, по его признанию, у него самого возникла в голове под влиянием его наблюдений за нашей игрой в солдаты. Там, в той игре, была «шагнетика», «смотри», и у Ивана Николаевича естественно из наблюдений над этим родилась мысль продолжить эту игру в военные действия. Нельзя не согласиться, что это было логично.

Двор у нас был обширный, и на нём можно было строить любые «фортеции», а военные действия развёртывать на громадном поле. И вот были возведены две снежных крепости: снежные «флеши». В качестве снарядов применялись снежные комья. «Солдат», в которого попадал снежный ком, считался убитым. Армии делились на равное количество бойцов, и начиналась баталия. Сначала велась позиционная «война», а потом переходили на штурм. Боролись до последнего солдата.⁴⁸⁰ В результате, когда пробивал звонок к чаю в 4 часа, то в здание заходили все раскрасневшиеся от «битвы» «бойцы», а иногда и пар шёл от их разгорячённых голов. Вместе с «бойцами» как участник «боя» шёл с ними и Иван Николаевич. Кто может отрицать, что с ними шёл не надзиратель (полицейский термин), а воспитатель и изобретатель прекрасного приёма воспитательной игры?

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 87-88 об.

*В «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Снежки» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» (по содержанию очень короткий очерк).

---

⁴⁷⁹ В очерке «Одежда бурсаков» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... на двор играть в снежки зимой выходили кто в чём мог: шубы разных расцветок с лохматыми воротниками, в шапках – «малахаях», пимах серых, чёрных, новых, заплатанных и т. д.» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 16.

⁴⁸⁰ В очерке «Снежки» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Победителем считалась та сторона, где оставались не убитые солдаты» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 48.

III. Катушка

Объявлялся аврал. Архитекторы – из «старших», они же – «прорабы», прочие – из «младших». Катушка получалась высоченная и широченная: от бани, через весь двор и до ворот, где стоял дом – квартира инспектора. Катались индивидуально, по двое, по трое и целым «кагалом» на длинных досках. Саночки не полагались, а только доски. С досками «мудрили» – поливали и делали на них ледяной покров внизу, чтобы быстрее скользили и дальше мчали.⁴⁸¹ Шум, гам, вереницей поднимались на катушку и сплошным потоком спускались с неё. В обычные дни катание продолжалось около двух часов, на масленице, когда занятия не производились, катушка «отдувалась» целыми днями, но в «чистый» понедельник⁴⁸² какая-то неведомая рука делала полосы поперёк катушки, разрушала лёд, и катушка замирала, а руины её потом «съедало» солнце.

Нужно отдать справедливость администрации училища: она всегда поддерживала организацию учениками катушки – обеспечивала поливку её. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 88 об.-89.

IV. Игра в «бабки»

Лишь только начнёт подогреть солнце, и появятся «проталинки», чуть-чуть подсохшие, начинался «бабочный» сезон.⁴⁸³ Глядишь – какой-либо предприимчивый «Чичиков» от бурсаков явился с полным мешочком «бабок» и предлагает продать. Язык бурсаков захвачен «бабочным» лексиконом: бабка, панок, панок-калиток, саклистый, «сика», «бока», кон и пр. Были панки на славе и о них шла молва, как о знаменитостях. Цена на них доходила до 10-15 коп[еек]. Играли «коном» и на разные замысловатые приёмы.⁴⁸⁴ Играли на интерес: выигрывали бабки и тут же их продавали. Были такие мастера игры, что какого-либо «приготовишку», не в меру увлёкшегося игрой по увлечению его ещё в деревне, «очищали», т. е. извлекали из его кармана 15-20 копеек, предназначенных на конфеты. Цены на бабки устанавливались по всем правилам торговли: в начале сезона – по 2-

---

⁴⁸¹ В очерке «Катушка» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Некоторые «бурсаки» ухитрялись где-то в коровнике добывать коровьи «отходы», смазывать ими доски и поливать водой. Боже мой! До чего же были изобретательными эти бурсаки!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 49.

⁴⁸² Первый день Великого поста.

⁴⁸³ В очерке «Игра в бабки» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Было тайной, откуда брались панки и бабки: не покрашенные или окрашенные в самые разноцветные краски, новые или уже побитые» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 50.

⁴⁸⁴ Там же: «Играли «коном» и в разбивку: «коном», когда бабки становились в один ряд; в разбивку, когда они становились парами с известным интервалом» // Там же. Л. 51.

3 бабки на копейку, а в конце – по 4-5-6 бабок.⁴⁸⁵ Вот вам и опыт в экономической науке без всякого изучения Адама Смита.⁴⁸⁶ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 89-90.

V. Игра в «лапту»

Эта игра уже замыкала годовой цикл и применялась в преддверии экзаменов и в экзамены, когда складывалась для этого благоприятная конъюнктура. Бурсаки любили эту игру и умели играть. Среди них выделялись в этой игре настоящие артисты, и на этой почве возникал «культ личностей»: пред ними заискивали, из-за них были горячие споры, когда составлялись бригады для игры.⁴⁸⁷
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 90.

VI. Крокет

Но с этого начинается уже новая история бурсацких игр. Событие произошло весной 1901 г. Нам принесли ящик с полным комплектом предметов для игры: молоточками, шариками и дужками. Проинструктировали для игры. Кто они – наши инструктора? Наши учителя и администрация. Момент единения «их» и «нас»! Нет! Бурса была не узнаваема! Это было уже начало конца старой бурсы! И мы были свидетелями этого.

---

⁴⁸⁵ В очерке «Игра в бабки» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Цена панков: простой – 2-3 коп[ейки] штука, «калиток» - 3-5 коп[еек] в зависимости от величины, окраски, целости и «саклистости». Были панки «на славе», те котировались и дороже. Цены на них снижались в конце сезона на общих основаниях» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 50-51.

⁴⁸⁶ Смит Адам (1723-1790) – один из основоположников экономической теории как науки. В очерке «Игра в бабки» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Когда размышляешь об этой игре теперь, то больше всего возникает вопрос: откуда у «них» был этот «коммерческий разум»? Конечно, тут играла роль традиция. А что руководило первоначально? *Ratio naturalis aut ratio socialis*???» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 51. *Ratio naturalis aut ratio socialis* – по-латински система естественная или система социальная.

⁴⁸⁷ В очерке «Игра в лапту» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Эта игра замыкала годичный *orbis aut circulus ladorum* на «бурсе». Она начиналась тогда, когда вся ограда уже высыхала. Это был предэкзаменный период, а отчасти и во время экзаменов. Ограда на «бурсе» была пространная, удобная для игры лаптой, причём по условиям устройства ограды голова в игре, т. е. место, откуда мяч направлялся «галильщикам» по удару лаптой (палкой), находилась у ворот, у квартиры инспектора. Здесь было всегда шумно, так что едва ли это соседство было желательным для инспектора» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 52.

Какой был при этом вид у бурсаков! С какой осторожностью они брали в руки молоточки, как осторожно они ударяли по шарикам! «Тессараконта» с молоточком крокета в руках!

Эту картину мог бы описать только Н. В. Гоголь.⁴⁸⁸ ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 90-90 об.

---

⁴⁸⁸ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Когда мы учились в 4 классе, сначала осенью, а потом и весной, нам дали один комплект необходимых предметов для игры в крокет и обучали игре. И вот «бурсаки» сделали новый шаг к культуре. Надо было видеть, с какой осторожностью они брали в руки молоточки, с каким вниманием они вникали в теорию этой, с их точки зрения, «господской» игры; с какой настойчивостью они старались овладеть искусством удара, меткостью и пр. Но нет! Своё, привычное с детства, снежки, лапта – милей и... демократичнее...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 56-57.

Наступление на «бурсу», или «Кикимора» отступает

Можно ли точно с указанием часа и минут – отметить начало весны в какой-либо точке земного шара? Сказать, что в такой-то час с такими-то минутами здесь, в этой точке земного шара, упала первая капля от тающего снега? Конечно, нет! Так же нельзя точно – с указанием года, месяца и числа – отметить начало наступления на старую бурсу: оно велось исподволь, велось разными лицами из того и другого «лагеря», велось, может быть, примитивно, в форме наивной, но оно велось и капля за каплей подтачивало устои старой бурсы. Вот этому свидетельства.

I. Посещение зверинца

На площадке около Александровской церкви⁴⁸⁹ Камышлова осенью ... года жители города наблюдали необычную для них картину: раскидывалась большая палатка – шатёр для зверинца. Город жил приподнятым интересом: воспользоваться редким случаем посмотреть зверей, которых раньше видели только на картинках, или о которых приходилось только читать. Как отнеслась к этому бурса? К чести администрации и учителей нашего училища нужно сказать, что они оказались на той высоте своего положения, которая недоступна была старой бурсе.

Были собраны пятаки, и вот с нашей бурсы потянулся длинный ряд пёстро одетых мальчишек в сопровождении администрации и учителей. Чего, чего только не увидели здесь наши мальчишки: и слона, и льва, и тигра, и мартышек и пр. Как можно измерить это новое явление в жизни бурсы с точки зрения влияния его на быт и мировоззрение «сих малых»?

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 42 об.-43.

II. Опера «Иван Сусанин» на бурсе

Чему здесь больше нужно удивляться: наивности или дерзости? Удивляйтесь чему угодно, а было вот что. В первый класс собрали все классные доски, которые были в училище, и устроили из них сцену. На сцене выступали: надзиратель училища Иван Николаевич Ставровский исполнил арию Сусанина «Чуют правду», ученик Сергей Филиппов спел «Ты не плачь, сиротинушка», ученик Коровин – «Не о том скорблю, подруженьки», хор под управлением М. М. Щеглова – «Какой не проглядый сумрачный лес» и «Славься». На «опере» были учителя. На исполнителях – солистах было какое-то подобие костюмов. Наивно? Да! Дерзко? Да! А прикиньте-ка с точки зрения бурсы! Разве это не показатель культуры пения, которая была в школе? Прибавьте к этому то, что хор бурсаков под управлением Михаила Михайловича Щеглова по разным случаям выступал с такими номерами, как

---

⁴⁸⁹ Александро-Невской церкви.

«Зазвучали наши хоры», или «Над Невою резво вьются», при исполнении которых нельзя было не отметить блестящие голоса Ивана Переберина и Васи Лирмана.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 43-44.

III. Обучение скрипичной игре

Это было принципиально новое явление в нашей бурсе, совершенно не мыслимое в условиях старой бурсы. «Тессараконта» со скрипкой в руках! Что бы сказал при виде такой картины Н. Г. Помяловский? *Contradictio in adjecto!*⁴⁹⁰ Да, но в жизни случилось именно так! К фисгармонии, которая была уже в училище, прибавилось ещё десять скрипок. Привёз их или выписал по почте Михаил Михайлович Щеглов, учитель пения, с несколькими экземплярами Школы скрипичной игры Берио. Комната, что была рядом со вторым классом, против актового зала, в которой проходили спевки хора, огласилась новыми звуками скрипичной, на первых порах в полном смысле слова от глагола «скрипеть», игры. Несколько бурсаков возымели желание играть на скрипке и впряглись в эту науку. Гриша Козельский из Катарача⁴⁹¹ в их числе. Нужно было видеть его перед пюпитром, как он в поте лица овладевал этим искусством. Только художник Маковский мог изобразить его в этот момент. Звуки скрипок, что шли из этой комнаты, разбудили воспоминания в душе нашего учителя в приготовительном классе Михаила Даниловича Симановского, как поётся в песне, «соблазн был велик и решился старик», он выступил в дуэте с Михаилом Михайловичем, а мы слушали. Нет! Этого мало сказать – «слушали», мы благоговейно внимали, если угодно, мы гордились своим учителем. Так вот и скажите: разве это могло быть в старой бурсе!

Сколько трудов стоило обучение игре, сколько нужно было иметь терпения – об этом может рассказать только сам учитель – Михаил Михайлович. В лексикон бурсаков, обучавшихся скрипичной игре, вошли новые слова: Берио, позиции, скрипичный ключ, диэз, бемоль и пр.

Весной 1902 г. в Камышлов приехал екатеринбургский епископ Ириней, низенький гномообразный старец. Остановился у нашего зрителя училища Михаила Николаевича Флорова. Служил в училищной церкви и пожелал послушать игру на скрипке, достижение наших бурсаков. Наш актовый зал принял необычный вид. Под пышным филодендромом (их было несколько) сидел его преосвященство. Около фисгармонии, что была почти на середине зала стоял Михаил Михайлович в заметном напряжении и волнении. От двери и до фисгармонии верёвочкой стояли «они», чьё искусство подлежало проверке. В зале в сторону перегородки, отделявшей его от церкви, стояли мы плотной стеной. Среди стоявших в «верёвочке» то и

---

⁴⁹⁰ *contradictio in adjecto* – по-латински противоречие в определении.

⁴⁹¹ Катарач – село в Камышловском уезде.

дело «сновал»: то направлял пюпитры, то подправлял на них ноты («октоихи») Александр Ильич Анисимов, четырёхклассник, пользовавшийся среди нас авторитетом, как инициатор наших разных затей – спектаклей, издания журнала и пр., и которого мы, в отличие от прочих называли по имени и отчеству. Кто бывал на опере «Руслан и Людмила» и запомнил тот момент, когда раздались гусли баяна, и все замерли от чарующих звуков, только тот поймёт наше настроение при звуках «Царь Небесный», что раздались по мановению руки Михаила Михайловича. Что там тимпаны и кимвалы, которыми ещё в «Ветхом завете» сопровождалась религиозные песнопения! А вот послушать, как это выходило на скрипках? Едва ли кому ещё другому, кроме нас, выпало это «счастье». Мы боялись за наших музыкантов, «болели» и гордились ими. Да, да!!! Мы гордились: вот смотрите, на что способны наши бурсаки! Что было на душе у преосвященного? Он сидел в глубокой задумчивости и внимал. Может быть, он вспоминал бурсу времён Н. Г. Помяловского и сравнивал «век нынешний и век минувший». А, может быть, прежний «тессараконта» нашёптывал ему: «не дьявольское ли это наваждение»? Но что бы ни думал его преосвященство, на самом деле введение обучения скрипичной игре на нашей бурсе явилось настоящей революцией в сознании бурсаков: «лиха была беда» начать со скрипки, а там потянулись уже к пианино.

Так, в Пермской духовной семинарии «объявился» пианист Григорий Богомолов, который начал учиться игре на пианино ещё в Камышловском дух[овном] училище, а продолжил в Перми в школе Петерсон. А раньше его из тех, которые играли «Царь Небесный», Павел Борчанинов продолжил «обучение скрипке» в Пермской дух[овной] семинарии под руководством Григория Кузьмича Ширмана и в своё время удивил всех своим исполнением на вечере в женской гимназии Барбатенко «Колыбельной песни» Годара.⁴⁹²
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 44-47.

IV. «Недоросль» Фонвизина в постановке камышловских бурсаков

Конечно, была поставлена не вся комедия, а только фрагменты её: сцена учения Митрофанушки и те явления, где выступает Скотинин. Самым замечательным в этой постановке было то, что она была выполнена учениками самостоятельно: у них самих зародилась идея этой постановки, сами они распределили роли, сами репетировали. Режиссёром был Александр Ильич Анисимов, он же взял себе роль Скотинина, Кутейкина играл Гриша Козельский. Конечно, всё было по-детски наивно, но что можно было требовать от таких «артистов».
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 47-47 об..

---

⁴⁹² Годар Бенжамен Луи Поль (1849-1895) – французский скрипач и композитор

V. Издание журнала

В памяти не сохранилось даже название этого журнала. Идея создания его зародилась в четвёртом классе. Выделены были «печатники», т. е. переписчики, художники. Что было содержанием журнала? Разные описания, скажем, прогулки в лес за грибами, за ягодами. Критика была направлена только в адрес учеников третьего класса, так как они не приняли участия в издании журнала. Критика была резкая. Вот подлинные слова, высказанные от редакции: «В третьем классе царят тупость, глупость и неразвитость». ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 47 об.-48.

VI. Празднование юбилеев

1902 г. был богатым на юбилеи. На бурсе было отмечено пятидесятилетие со дня смерти Н. В. Гоголя. Хор под управлением М. М. Щеглова исполнил юбилейную кантату.

*«Перед именем твоим
Мы склонились, Гоголь вдохновенный.
Дышит юмором родным
Сонм твоих созданий незабвенный.
Ты впервые нам открыл
Жизни нашей язвы и пороки,
Правде и любви учил
И твои созданья и уроки
Наш народ уж оценил».*

Разве мог прежний бурсак подняться до такой высоты в своём сознании, до какой достигли наши бурсаки при чествовании Н. В. Гоголя.

В этом же году в день памяти братьев просветителей славян Кирилла и Мефодия была исполнена кантата:

«Братья, двоицу честную в день сей удостоим почтению».

Так, капля по капле, как говорится в латинской пословице «*Gutta cavat non vi, sed saepe cadendo*»⁴⁹³ - старую «бурсу» теснили и наши воспитатели и сами бурсаки, и «Кикимора» отступала.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 48-49.

VII. Бурсаки знакомятся с кино

Это было ещё тогда, когда его называли «иллюзионом», и оно было скорее проблемой, чем осознанным явлением науки.

Нам показали в затемнённом коридоре второго этажа две картины: а) как распускается цветок и б) как грузчики разгружали пароход.

---

⁴⁹³ *Gutta cavat [lapidem] non vi, sed saepe cadendo* – по-латински «Капля долбит камень не силой, а частым падением».

Кто может отрицать, что «бурса» не отставала от жизни? Что бы об этом сказал Н. Г. Помяловский?
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 49.

Отдельные замечательные явления и события в жизни бурсы

I. Художники-бурсаки и их художественная деятельность

В сентябре 1897 г. мы, только что зачисленные в Камышловское дух[овное] училище ученики, готовились праздновать первый раз наш училищный престольный праздник – «Сергиев день» - 25-го сентября. От старших учеников мы слышали, что праздник этот всегда проходит торжественно, с большой художественной подготовкой. Когда мы за три дня до праздника проходили на обед в столовую, то в вестибюле, у дверной швейцарской комнаты заметили большую кучу дерябы, ползучей боровой травы, употребляемой для декоративных целей. В коридоре пахло ароматом бора, и воспоминания сейчас же перенесли меня в Течу, в наш бор у «штатского» места.

После обеда, как обычно, мы устремились играть на двор, но у кучи дерябы трое остались и что-то расспрашивали у швейцара. Возвращаясь со двора на чай, мы увидели, что куча уже значительно уменьшилась, а около неё были сложены гирлянды. Для нас это событие было первым знакомством с нашими художниками, а для них, очевидно, началом художественной деятельности. Казалось бы, какие возможности для приложения художественного таланта могла дать бурса со своими казарменными условиями бытия, но человек, у которого была тяга к художественной деятельности, сумел найти точку приложения своему таланту. Среди этих троих был ученик нашего класса Александр Борчанинов, невзрачный, чуть-чуть подслеповатый мальчик, но сразу можно было заметить, что он среди других был на положении «прораба».

Накануне праздника, перед всеобщей все гирлянды были развешаны на входной двери в церковь, на иконах у клиросов и иконостасе. К ним были прикреплены цветы из бумаги самых разнообразных цветов. Это был, как потом оказалось, первый дебют нашего художника-декоратора Александра Борчанинова.

После праздника потянулись однообразные, серые, тягучие дни бурсацкого учения. Бурса на самом деле представляла мало повода для деятельности художников, но недели за две до отпуска на рождественские каникулы по рукам бурсаков стали ходить картинки со словом «отпуск». Несмотря на однообразную тему – «отпуск», - это были на самом деле картинки, полные изобретательности, своеобразного вкуса, как теперь часто говорят, почерка. Буквы слова в них были изображены с самыми причудливыми украшениями и в различных стилях: то в строгом стиле славянских букв, то в стиле романского шрифта. Самым же главным были украшения при слове в виде самых разнообразных существующих в природе и не существующих цветов.

В этих картинках была лирика чувств: бурсакам хотелось как можно скорее отвлечься от бурсы, и эти опыты были самыми массовыми: каждому бурсаку хотелось по-своему выразить своё настроение в ожидании каникул.

Самым продолжительным периодом увлечения художественным творчеством на бурсе были последние три недели Великого поста перед Пасхой. В эти три недели шла горячая подготовка к празднику как теми, кто собирался поехать на Пасху домой, но особенно теми, кто оставался в училище и кому хотелось блеснуть своим талантом в декоративном искусстве.

Купчиха Чемезова, у которой магазин имел специальное направление по продаже игрушек, различных украшений ёлок и пр. и у которой сын учился на бурсе (он умер [в] 1900 г.), знала, что бурсакам для подготовки к Пасхе потребуется, и заготавливала к этому времени картон, цветную бумагу, клей и пр.⁴⁹⁴ Особенно много шло на украшения цветной бумаги, из которой бурсаки делали вазы самых причудливых форм и расцветок, фонариков, шаров и пр. В дни подготовки к Пасхе Александр Борчанинов и Ко не выходили после обеда играть на двор. В нижнем этаже здания отведена была угловая комната под мастерскую, где стоял верстак, фуганок и полный комплект для работ деревообделочных. Мастерская эта была оборудована для учеников администрацией после того, как она (администрация) убедилась, что среди учеников есть любители деревообделочного мастерства и особенно в целях подготовки украшений к Пасхе. Здесь готовились разные подставочки к фонарикам, рамки для вензелей и грандиозное сооружение для фонтана. Здесь же рисовали, клеили, готовили вазочки, фонарики простые и вертящиеся, гирлянды из пихты и цветной бумаги. Всё это до поры до времени оставалось в секрете. Но вот наступила страстная суббота, и из мастерской потекли рекой самые разнообразные украшения. Александр Борчанинов весь в порыве, как незабвенный Фигаро: «то там, то здесь». Не отстаёт от него Гриша Козельский и пр. И вот пасхальная утренья. Бурса – нет это сказка из Шахерезады. На мраморной лестнице ёлки, на стаях гирлянды, фонарики простые и вертящиеся, вазочки, вензеля с изображением «Воскресения» и словами «Христос воскрес». Дверь в церковь, иконы, иконостас в цветах. По коридору на стенах вертящиеся фонарики. В верхнем коридоре у окна, что около четвёртого класса, громадная картина «воскресения», освещенная сзади и он, мечта Александра, - фонтан!

Если бы вы видели его в это пасхальное торжество! Он весь сиял, обозревая свои «владения». Да, он был счастлив! Таким бывает художник, когда он завершит свою работу и любовно обозревает её в законченном виде. А около него был Гриша Козельский и другие сподвижники его трудов.

---

⁴⁹⁴ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Покупалась селитра и другие составы для бенгальских огней, составлялись рецепты на зелёный огонь, на оранжевый и т. д. Разрабатывалась целая наука пиротехники. Всё это надо было заготовить и отвезти домой на Пасху» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 19.

История сохранила сведения о том, что когда Александр Борчанинов учился в Пермской дух[овной] семинарии, то там он блеснул ещё в большей степени своим талантом художника-декоратора и воспитал целую группу своих последователей.⁴⁹⁵

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 91-96.

II. Проводы Петра Николаевича Лаврова на новую работу в 1899 г.

Это событие было, вероятно, самым ярким показателем того, насколько бурсаки конца девятнадцатого столетия в своём духовном росте далеко ушли от бурсаков времён «Очерков бурсы». Речь идёт о событии, которое произошло в Камышловском духовном училище.

Пётр Николаевич Лавров в течение ряда лет (...) работал инспектором нашего училища. Низкого роста, худощавый до того, что на шее у него ясно проглядывали все артерии, а шея была такой тонкой, что естественно возникал вопрос о том, на чём только у него держится голова. Он имел удивительные глаза – большие, и взгляд у него был острым, пронизывающим, от которого, казалось, никуда не скроешься. Ходил он обычно во френче. У него было удивительное чутьё на различные происшествия в школьной жизни. Начнут бывать бурсаки какую-либо шалость, возню и предпримут какие-либо предосторожности от всевидящего ока инспектора, проверят и убедятся, что его близко нет, и только войдут в «раж» - он тут как тут. Он никогда не возвышал голоса, не волновался и только «сверлил» своими пронизывающими глазами. Он редко прибегал к каким-либо наказаниям и, несмотря на это и на то, что внешний вид его был далеко не импозантным, внушающим страх, он был грозой для бурсаков. С этой стороны его знали даже и извечные враги бурсаков – «городчики».

Жил Пётр Николаевич в отдельном доме на одном дворе с бурсой, и поэтому от всевидящего ока бурсаков не были скрытыми некоторые детали его личной жизни. Было известно, например, что в его семье было несчастье с одной девочкой, его дочерью: она с детства не ходила. У всех на глазах было увлечение Петра Николаевичем конскими гонками. Часто было видно, как он выезжал со двора на серо-яблочном жеребёнке, лет трёх-четырёх, которого он, очевидно, тренировал в рысистом беге. Он выезжал как настоящий наездник-профессионал: на беговых дрожках, в спец-костюме и с окулярами на глазах. Ученики это видели и добродушно замечали: «Петрусь поехал на бега». Нужно сказать, что это, а именно то, что он являлся взору бурсаков не в виде инспектора, как обычно, а в виде человека вообще, частного лица импонировало им: так глаз отдыхает, когда какой-либо предмет «намозолит глаза» своим обыденным видом и вдруг предстанет в новом виде. Увлечение конским рысистым бегом в качестве наездника – это

---

⁴⁹⁵ См. очерк «Александр Борчанинов» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

уже спорт, и, может быть, поэтому среди бурсаков шла молва, что Пётр Николаевич конькобежец-виртуоз, и что кто-то видел его на нашей катушке на коньках выделяющим самые рискованные *salto mortale*. Ловкость его якобы была замечена и в упражнениях на приборе параллельных брусьев, что стоял на дворе бурсы. Ловкость это было то качество, которое бурсаки в качестве составного элемента вносили в свой идеал «отчаянного» человека.

Таким образом, у бурсаков было очень сложное психологическое отношение к Петру Николаевичу, но главным, конечно, он был для них инспектором, причём – строгим, требовательным, а кому и когда из молодёжи в пору переломного возраста 14-15 лет требовательный человек, да ещё воспитатель, был «другом». Так было и в данном случае по пословице: «хлеб, соль вместе, а табачок врозь». Бурсак в уме держал: Пётр Николаевич – спортсмен, и это мне нравится, но он же и инспектор для меня, а это мне совсем не нравится».

Пётр Николаевич уходил из училища на работу инспектором народных училищ, и об этом скоро узнали наши бурсаки. Как бы в этом случае поступил «тессараконта», герой «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского? В соответствии со своей прямолинейной и однобокой логикой он усмотрел бы в этом только смену служебных лиц, враждебных ему, и сказал: «дорога скатертью», а то в напутствие подставил «ножку».

То, что стало творится на нашей бурсе, после того как ученики узнали об уходе Петра Николаевича, трудно было бы понять с точки зрения «тессараконты», потому что началось настоящее паломничество в квартиру его то с памятными подарками, по-детски наивными, вроде какой-либо статуэтки писателя, то с посланиями столь же наивными с просьбой оставить на память карточку. Бурсаки наши усмотрели в Петре Николаевиче не только инспектора, но и человека. Это именно и было принципиально новым явлением в характере бурсака: способность к диалектическому мышлению, если можно так выразиться. Это была уже дистанция большого размера, по которой можно было судить, как бурсак [1]900-х годов был далёк от бурсака [18]50-[18]60 гг.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 96 об.-99 об.

III. Хор наших бурсаков

Нам казалось привычным явлением слушать наш хор и просто не вдумываться, что же он обозначает для нашей бурсы. Когда появились скрипки, то это вызвало целую сенсацию: вот де-скать до чего мы дожили, а хор казался явлением обыденным, незаметным, а на самом деле им по заслугам бурсаки должны были гордиться, потому что у него была высокая культура, и тот, кому посчастливилось попадать в него, получал значительную добавку к тому, что ему давало училище.

Конечно, нужно признать очень условным наличие в хоре настоящих своих теноров и басов: этому не соответствовал возраст учеников – 14-15 лет,

но среди них попадались и великовозрастные юноши. Так, настоящим басом в хоре когда-то был Анфиноген Накаряков. Среди учеников были обладатели прекрасных голосов, например: Иван Переберин, Вася Лирман, Сергей Филиппов, Шеломенцев, Коровин и др. Из среды камышловских бурсаков вышли такие певцы, как братья Медведевы – Иван и Еварест, Топорков Пётр и др. Все они отличались высокой культурой исполнения. Например, Филиппов Сергей в таких произведениях для пения как «Архангельский глас», «Да исправится [молитва моя]» показал блестящий алыт – ажурное звучание голоса, отменную чистоту звука. Как солист дискант прославился Шеломенцев.

Хор исполнял произведения знаменитых композиторов того времени. Из музыкальных творений протоиерея Турчанинова исполнялись песнопения Страстной седмицы – «Вечери Твоя тайная», «Чертог Твой» и др. Исполнялись многие песнопения из композиций Бортнянского: «Херувимские» (3), «Да исправится молитва моя» (три номера) и др. «Хвалите имя Господне» Дегтярёва исполнялось в самых торжественных случаях. Исполнялись произведения Ломакина⁴⁹⁶, Металлова, Аллеманова, Виноградова, Луппова.

Из концертных вещей исполнялись: «Утоли болезни» иеромонаха Виктора⁴⁹⁷, «Крест хранитель всея вселенная», «Богородице прилежно», пасхальный концерт «День Владыка твари» и на Троицу «Преславный днесь». Исключительно художественно исполнялась стихира при выносе креста «Приидите вернии».

Коронной вещь было исполнение «Покаяния» Веделя, «На реках Вавилонских».

Нужно отметить, что в хоре быстро появлялись всякие новинки, как, например: Аллеманова «Благослови[,] душе [моя, Господа]», рождественский канон, Ставровского «Пение по гласам» и пр. Это всё является большой заслугой учителя пения Михаила Михайловича Щеглова.

Можно с уверенностью сказать, что хор камышловских «духовников» был на более высоком уровне, чем в других духовных училищах Пермской губернии. Свидетельством этому являлось то, что камышловские «духовники» всегда играли главную роль в хоре пермских семинаристов. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 100-100 об., 105-105 об.

IV. В часы «перемирия», или единение вождей и масс

Как приятно видеть человека, который снял мундир, или маску и остался только человеком в своём непосредственном естестве. Как приятно сознавать, что бой кончился, что, наконец, никто тебе не угрожает, ни ты никому не угрожаешь, что отброшены злость и можно открыто и с добротой

---

⁴⁹⁶ Ломакин Гавриил Якимович (1812-1885) – русский хоровой дирижёр и музыкальный деятель.

⁴⁹⁷ Виктор (Высоцкий) (1795?-1871) – иеромонах, духовный композитор.

посмотреть на другого человека с уверенностью, что и он тебе на это ответит тем же.

Вот такое именно настроение бывало у нас, камышловских бурсаков, когда мы отправлялись весной во время экзаменов со своими учителями *in corpore*⁴⁹⁸ на прогулку в камышловскую Бамбуковку. Нет! Это надо видеть, чтобы убедиться в полном перемирии между враждующими лагерями. О, если бы был среди нас Беликов!⁴⁹⁹ Он убедился бы, что даже коллега его Пётр Васильевич Хавский был среди нас и не боялся, «как бы чего не вышло».

Мы шли рядами, за нами шли наши учителя, не в «казённых» сюртуках, а в чесучовых визитках. Кorteж замыкала телега с бочонком кваса. И вот мы в Бамбуковке на лоне природы, среди зелени и цветов. Игры, беготня, крики, шалости. О, если бы это видел Беликов! Может быть, он вышел из своего футляра, и жизнь его пошла по другому руслу.

По-разному учителя шли на сближение с бурсаками: Василий Захарович Присёлков играл с ними в лапту, Иван Кузьмич Сахаров организовал соревнование в беге за апельсин, другие учителя мирно беседовали с бурсаками и, даже, на лице Петра Васильевича Хавского видна была добродушная улыбка. Нет! Этого никогда не забыть!

Что не говорите, «бурса» отступала. Она ещё гримасничала и кривлялась, но «детина непобедимой злобы» уходил со сцены. «Тессараконты» уже не было в числе наших бурсаков на пикнике с учителями.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 106-107.

V. Эпилог

Когда последовала кончина Камышловского духовного училища, оно не было уже «бурсой», какой она показана Н. Г. Помяловским.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 107.

---

⁴⁹⁸ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

⁴⁹⁹ Персонаж рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре».

*Ляпустины (к истории Камышловского дух[овного] уч[илища])**

У Теченского протоиерея Бiryюкова Владимира Александровича была единственная сестра, Таисья Александровна, по мужу – Ляпустина.⁵⁰⁰ Её муж, Сергей Ляпустин, священствовал в Ирyмском селе, Шадринского уезда.⁵⁰¹ Она рано овдовела, и на руках у неё остались дети: Володя, Мария, Александр и Михаил. Сироты лиц духовного сословия обеспечивались казённым обучением в дух[овных] уч[ебных] заведениях, и дети имели возможность обучения в этих уч[ебных] заведениях на казённый счёт, но брат предложил Таисье Александровне воспитывать его мальчиков: Андрея, Павла⁵⁰², Николая и Григория⁵⁰³ в Камышлове, наняв им для этого частную квартиру в доме Логиновых вблизи духовного училища. По окончании духовного училища указанными мальчиками, Т. А. принимала на квартиру других мальчиков из детей духовенства и светского происхождения. На квартире был установлен режим, близкий к режиму общежития. Так, вечером перед сном читались молитвы. Были установлены дежурства с занесением событий дня в журнал, который просматривался инспектором дух[овного] училища. Жизнь на квартире, таким образом, была близкой к режиму общежития, и квартира была под надзором начальства дух[овного] училища.

Три сына Таисьи Александровны кончили обучение в Пермской дух[овной] семинарии – Владимир⁵⁰⁴, Александр⁵⁰⁵ и Михаил⁵⁰⁶, а дочь –

---

⁵⁰⁰ Ляпустина (Бiryюкова) Таисья Александровна (1852-1933) – дочь священника Екатеринбургского уезда.

⁵⁰¹ Ляпустин Сергей Иоаннович (1848-1883) – сын диакона Екатеринбургского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1870 г. Служил учителем в селе Знаменском Камышловского уезда в 1870-1871 гг. Посвящён в сан священника в 1871 г. Священник Христо-Рождественской церкви с. Ирyмского Шадринского уезда в 1871-1883 гг. См. «Сергий Иванович Ляпустин (некролог)» в «Пермских епархиальных ведомостях». 1884. № 8 (отдел неофициальный). С. 130-131.

⁵⁰² Бiryюков Павел Владимирович – сын протоиерея Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Тобольскую духовную семинарию в 1914 г. Окончил юридический факультет Казанского университета. Служил священником в селе Стриганском Ирбитского уезда, затем в селе Галкинском Камышловского района Свердловской области. Расстрелян в 1937 г.

⁵⁰³ Бiryюков Григорий Владимирович – сын протоиерея Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1907 г., обучался в Пермской духовной семинарии (уволен из 1-го класса по малоуспешности). Служил псаломщиком в селе Нижне-Петропавловском Шадринского уезда.

⁵⁰⁴ Ляпустин Владимир Сергеевич (1877-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. «Поступил учиться в Нежинский историко-филологический институт и окончил его. Работал преподавателем Далматовского двухклассного министерского училища». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 68.).

⁵⁰⁵ Ляпустин Александр Сергеевич (1881-1938) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1895 г. и Пермскую

Екатеринбургское епархиальное женское училище.⁵⁰⁷ Владимир позже некоторого перерыва закончил Казанский университет, Александр – Петербургскую дух[овную] академию. Владимир после окончания университета работал преподавателем в техникумах, а Мария – учительницей в советских школах.

Александр, приняв священный сан, работал смотрителем Псковского дух[овного] училища, а Михаил – сельским священником.

10-го августа 1970 г.

Р. С. 1. В организации «пансиона» Т. А. Ляпустиной лежала домостроевская идея воспитания, сторонником которой был протоиерей В. А. Бирюков.

2. В дальнейшем семьи Бирюковых и Ляпустиных породнились вторично: дочь старшего сына протоиерея Всеволода⁵⁰⁸ вышла замуж за старшего сына Александра Ляпустина.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 42-44.

*Находится в составе «Заметок о педагогическом составе Камышловского духовного училища» в свердловской коллекции воспоминаний автора. Более подробно о Ляпустиных см. в Части IX. «Очерки по истории Зауралья».

духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1905 г. С 1905 г. учитель русского и церковно-славянского языков в 1 классе Камышловского духовного училища. С сентября 1906 г. учитель русского и церковно-славянского языков и арифметики в параллельных отделениях 1 и 2 классов. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1906. № 22 (16 ноября) (отдел официальный). С. 10. В советское время служил бухгалтером. Репрессирован, расстрелян.

⁵⁰⁶ Ляпустин Михаил Сергеевич (1881-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1895 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. Священник в Тобольской епархии, в годы гражданской войны эмигрировал в Китай.

⁵⁰⁷ Балакина (Ляпустина) Мария Сергеевна (1874-1944) – дочь священника Шадринского уезда. Окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1896 г. Служила учительницей начальных классов в г. Алапаевске.

⁵⁰⁸ Бирюков Всеволод Владимирович (?-1959) – сын протоиерея Шадринского уезда. Окончил Далматовское духовное училище по 2-му разряду в 1885 г. Обучался в Пермской духовной семинарии в 1885-1887 гг. (выбыл из 1-го класса).

«Их» судьба

Светлой памяти соучеников,
выпускников Камышловского дух[овного] училища 1902 г.

В 1901-1902 уч[ебном] году в составе учеников четвёртого класса Камышловского дух[овного] училища было 27 человек, а закончило его 26 человек, так как один из них – Козельский Григорий – в конце года (перед экзаменами) заболел крупозным воспалением лёгких, не мог сдать экзамен и был оставлен на второй курс.

Фото-снимок был сделан фотографом Кирстом (фотография помещалась при повороте к вокзалу при проезде мимо тюрьмы). Не снимался Бирюков Владимир по состоянию здоровья.

В истории духовного училища, кажется, это был первый случай, когда выпускники его «увековечили» себя на фотоснимке, и это послужило примером для последующих выпусков училища.

[Описание судеб выпускников в данной публикации идёт в порядке разрядного списка, составленного по итогам годичных испытаний, в тексте автора – в порядке расположения их на фотоснимке].

[1.] Анисимов Александр (Ильич). Был сыном какого-то мелкого сельского торговца. По учению всегда был *primus`ом* (первым).⁵⁰⁹ Уже в дух[овном] училище был зачинщиком разных мероприятий общественного характера. Так, он был затейником, организатором и участником постановки отрывков из «Недоросля» Фонвизина. Играл с увлечением роль Скотинина. Он же был организатором журнала, который издавали ученики 4-го класса. Учился игре на скрипке. Был активным участником по организации фотоснимка выпускников. Пользовался авторитетом у товарищей, которые ещё в дух[овном] училище называли его Александром Ильичём. Кстати нужно заметить, что когда ушёл из дух[овного] училища П. Н. Лавров, то он больше всех хлопотал о разных подарках ему на память и распределял карточки, полученные от П. Н. Жил на квартире.

С осени 1902 г. по весну 1908 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии. И здесь был зачинщиком различных ученических мероприятий: организатором вечеров и главным распределителем на них; организатором посещений оперы, увлекался и, подражая артистам, любил петь арию Елецкого из оп[еры] «Пиковая дама» - «Я Вас люблю». Когда бывали бенефисы любимых артистов, зачитывал им адреса от семинаристов на сцене. Когда в 1904 г. было в оперном театре траурное собрание по поводу кончины А. П. Чехова, он выступал с речью от имени семинаристов. Одним словом, он был всегда на виду, и имя, отчество и фамилия его у всех были на устах. Жил в общежитии и не был «подвижником», т. е. всё человеческое не

---

⁵⁰⁹ «*primus*» - лучший ученик в классе, заканчивающий учебный год первым в 1-м разряде.

было ему чуждым. По окончании семинарии женился на дочери секретаря Пермской дух[овной] консистории Удинцева и был назначен священником в Александровский завод Соликамского у[езда], но овдовел при первых родах жены. В 1911 или 1912 гг. автор сего встречался с ним в Казанской дух[овной] академии, в которую он поступил учиться. Дальнейшая судьба его не известна.⁵¹⁰

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 34 об.-35 об.

[2.] Воеводкин Всеволод по происхождению был не из духовных; жил на квартире. Среди товарищей он казался более взрослым, ничем особенным себя не проявил. Дальнейшая судьба его не известна.⁵¹¹

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 35 об.-36.

[3.] Баженов Александр был исключительно способным учеником, но больше ничем не выделялся. С 1902 г. по 1908 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии. Дальнейшая судьба его не известна.⁵¹²

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37 об.-38.

[4.] Игнатъев Василий.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36.

[5.] Черёмухин Иван (см. Воеводкин В.).⁵¹³

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36.

[6.] Меркурьев Александр пел в хоре тенором (точнее, пожалуй, следовало бы сказать – вторым альтом). С осени 1902 г. по весну 1908 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии. Пел в хоре в качестве октавы и в этой роли был в большом почёте. Так, когда на вечере хор исполнял «Ноченьку» из «Демона» А. Г. Рубинштейна под управлением взыскательного дирижёра Н. В. Пиликина⁵¹⁴, ему предоставлено было «октавить» и он выполнил это артистически, с блеском. Нужно сказать, что среди семинаристов-певцов появление «октавы» было явлением, можно сказать, уникальным, так что М. А. был в большом почёте.

---

⁵¹⁰ В очерке «Выпуск 1902 г.» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Митрополит Приволжья. Жил в Куйбышеве» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 74.

Подробнее см. в очерке «Александр Ильич Анисимов» в Части III. «Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵¹¹ Воеводкин Вячеслав обучался в Пермской духовной семинарии в 1902-1905 гг. (до 3-го класса).

⁵¹² В списках учеников Пермской духовной семинарии не значится.

⁵¹³ Черёмухин Иван – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г.

⁵¹⁴ Пиликин Николай Васильевич – окончил курс учения в Придворной певческой капелле, преподаватель пения в Пермской духовной семинарии.

Учился ли он ещё где-нибудь и чем был занят в период времени с 1908 г. по 1923 г. автору сего не известно, но известно, что в гг. 1923-1941 (приблизительно) он работал в Свердловске сначала счётным работником, а потом штукатуром, пел в хоре при радиокомитете. Умер в период Великой Отечественной войны.⁵¹⁵
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 28-28 об.

[7.] Филиппов Владимир учился в Уфимской дух[овной] семинарии. В 1909 г. автор сего встретился с ним в Казанской дух[овной] академии, которую он (Филиппов) закончил в 1912 г. В академии он на своём курсе был студенческим деканом. Из него получился какой-то чопорный и чванливый человек. По окончании академии он работал преподавателем Шадринской женской гимназии.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36.

[8.] Кузнецов Вячеслав. Сведений о нём нет.⁵¹⁶
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36 об.

[9.] Борчанинов Александр. Борчаниновы (их было три брата, а двое учились в одном классе) были дети псаломщика села Клевакинского, жили в общежитии и учились на казённый счёт. У Александра была склонность к декоративному искусству. В духовном училище было принято к престольному празднику – «Сергиеву дню» (25 сентября) делать украшения из дерябы – ползучего наземного растения из бора. Дня за три до праздника в вестибюле, у комнаты швейцаров, появлялась большая куча этого растения, из которого делались гирлянды с бумажными цветами. Организатором и главным участником подготовки этих украшений был Александр Борчанинов. Но главным образом его художественный талант раскрывался при подготовке украшений к Пасхе. Чего-чего только не заготавливалось при его руководстве и участии в этом случае: и вензеля, и различные фонарики со складками и гладкие, с изречениями и без изречений, вращающиеся фонарики, украшения из ёлок и т. д. На нижнем этаже здания в угловой комнате, обращённой окнами с одной стороны на площадь, а с другой стороны против дома Сибирякова, стоял верстак, были струги, долота, топоры, ножи. Здесь задолго до Пасхи заготавливались различные конструкции, подставки, рамки для вензелей и пр. Здесь было «царство» художника – Александра Борчанинова.

---

⁵¹⁵ См. очерк «Меркуфа» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵¹⁶ В очерке «Выпуск 1902 г.» в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора указано: «Работал псаломщиком» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 74.

Кузнецов Вячеслав – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и 1-й класс Пермской духовной семинарии по 2-му разряду в 1903 г.

Он учился в Пермской дух[овной] сем[инарии] с осени 1902 г. по весну 1908 г., и это было время, когда семинарская церковь, площадка перед ней, коридор в ту и другую сторону, лестница, ведущая в церковь, на Пасхе утопали в зелени: площадка представляла нишу из пихтовых ветвей, у лестницы против входа в церковь бил фонтан, а за ним на громадном полотне было изображено «Воскресение Христово». Стены коридора украшались гирляндами из пихты и бумажными цветами. В конце коридора у окна, выходящего на соборную площадь, тоже был фонтан и «Воскресение Христово». Лестница утопала в пихтовых деревьях. На стенах у лестницы, в нише и коридорах висели: разноцветные фонарики, вензеля. Здесь всё было сделано под руководством и при непосредственном участии А. Борчанинова. Уже, примерно, с пятой недели «Великого поста» в коридоре, который вёл из главного корпуса в столовую, можно было видеть Александра с разными конструкциями для украшений, а на «Страстной» и дни, и ночи он проводил в своём «царстве» и наслаждался. В истории семинарии за время пребывания в ней Александра это был исключительный период, когда в дни Пасхи она превращалась в какой-то волшебный мир. И это было делом рук Александра Борчанинова.⁵¹⁷

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 30-32.

[10.] Павлинов [Анатолий] ничем не проявил себя в дух[овном] училище, и дальнейшая судьба его автору сего не известна.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 32.

[11.] Капустин [Борис]. С 1902 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии. Прославился в 1-м классе тем, что изучал наизусть «Евгения Онегина» и «вызубрил», кажется, четвёртую или пятую его часть. У автора сего нет о нём дальнейших сведений, но, кажется, он закончил семинарию.⁵¹⁸ Как будто бы он родом был из тех Капустиных, из которых происходил известный путешественник и исследователь Палестины – архимандрит Антонин (Капустин)⁵¹⁹, в дар от которого в фундаментальной библиотеке семинарии получена была и сохранялась Библия на еврейском языке Тора в виде пергаментного свитка.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 29 об.-30.

---

⁵¹⁷ См. очерк «Александр Борчанинов» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵¹⁸ Капустин Борис – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. Обучался в 1-м классе Пермской духовной семинарии в 1902-1903 гг. Оставлен на переэкзаменовку по латинскому языку после каникул. В списках учеников Пермской духовной семинарии после 1903 г. не значится.

⁵¹⁹ Антонин (Капустин) (1817-1894) – архимандрит. Обучался в Пермской духовной семинарии в 1831-1836 гг. В 1869-1894 гг. – начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

[12.] Борчанинов Павел. В дух[овном] училище управлял певцами на «левом» клиросе, любил читать «Апостол» с «занесением», был в числе обучающихся игре на скрипке и, когда «бригада» скрипачей выступала в актовом зале перед епископом Иринеем, исполнял «Царь Небесный», был в числе «головных». С осени 1902 г. по весну 1908 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии и окончил её. В семинарии продолжал учиться игре на скрипке у Григория Кузьмича Ширмана и был единственным семинаристом, которому присвоено было наименование «скрипача». В эти годы семинаристы дружили с гимназистками частной гимназии Барбатенко и принимали участие в гимназических вечерах. На одном из них Павел играл под аккомпанемент пианино «*Bersense*» Годара из оперы «Жоселен». В истории семинарии это был уникальный случай. Дальнейшая судьба его, как и его брата Александра, автору сего не известна.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 32-32 об.

[13.] Штейников [Александр] ... Сведений нет.⁵²⁰
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37.

[14.] Золотухин [Николай] ... Сведений нет.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37.

[15.] Собянин [Константин] ... (?). О судьбе его ничего не известно.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36.

[16.] Филиппов Сергей (Эзоп). Он был обладателем чудесного голоса (альт). Особенно блестяще его голос звучал, когда исполнялось *trio* «Архангельский глас». Голос его в этом случае звучал с филигранной чистотой и прозрачностью, полнозвучно, чистым металлом, который можно слышать только у квалифицированных контральто. Как передавали, Филиппов С. в семинарии тоже выступал в партии тенора с успехом. По окончании семинарии он учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. После революции он работал преподавателем в одном из техникумов г. Перми.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37-37 об.

[17.] Бирюков Владимир. С 1902 г. по 1908 г. учился в Пермской дух[овной] семинарии. Затем закончил Казанский ветеринарный институт, а после него ещё сельско-хозяйственный и археологический ин[ститу]-ты. В дальнейшем занялся археологической работой на Урале. Организовал музей в г. Шадринске. Имеет научные труды по диалектологии Урала. Вырос в крупного учёного всесоюзного масштаба.⁵²¹

⁵²⁰ Штейников Александр обучался в Пермской духовной семинарии в 1902-1905 гг. (до 3-го класса).

⁵²¹ На фотоснимке отсутствует.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 38.

[18.] Черёмухин Михаил (из Далматова). Дальнейшая судьба его не известна.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 34 об.

[19.] Удинцев Анатолий. Учился в Пермской дух[овной] семинарии с 1902 г. по 1909 г. В семинарии среди товарищей был на положении человека, не пользовавшегося уважением, был предметом насмешек и шуток с прозвищем «Шаляпин», потому что однажды возомнил, что у него бас и, уединившись в уборную, упражнял его (бас).⁵²²

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37.

[20.] Старцев Василий уже в духовном училище проявлял склонности к ухаживанию за прекрасным полом и «воздыхал» о какой-то Гедеоновой, которая проходила иногда мимо духовного училища. Учился в Пермской дух[овной] семинарии, но оставил её по окончании 4-го класса и поступил на работу в Контрольную палату при содействии кого-то из родственников. В 1907-1909 гг. (а, может быть, ещё и позже) был регентом в хоре Пермского дух[овного] училища, выступал в нём солистом-басом. Кстати сказать, священником в дух[овном] училище в это время был Т. П. Андриевский.⁵²³ Старцев ни в духовном училище, ни в семинарии не проявлял тяготения к пению... и вот вдруг оказался регентом хора. После Октябрьской революции работал (сейчас, если жив, то, вероятно, на пенсии) завхозом в одном из Свердловских райисполкомов. *Sic transit gloria mundi* (так проходит слава мира).⁵²⁴

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 32 об., 34.

[21.] Богомолов [Николай] ... (?). Сведений нет.⁵²⁵

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 37.

---

⁵²² Удинцев Анатолий Тихонович (1890-?) – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1910 г. «В семинарии он держал себя скромно, много читал, учился хорошо. Почти брюнет, он обладал лихорадочным румянцем на щеках и прятающимся взглядом карих глаз, постоянной вялой улыбкой, был чрезмерно стеснительным и застенчивым. Если с кем из соучеников начинал спорить, быстро отступался и уходил». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 7).

⁵²³ Андриевский Тихон Петрович – протоиерей, преподаватель логики, психологии, краткой истории и начальных оснований философии и дидактики в Пермской духовной семинарии. См. Часть III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵²⁴ См. очерк «Василий Николаевич Старцев» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵²⁵ Богомолов Николай обучался в Пермской духовной семинарии в 1902-1905 гг. (до 3-го класса).

[22.] Рычков Михаил. Сын сельского учителя Нижне-Петропавловского села, Шадринского у[езда], Пермской губ[ернии]. В 1902 г. при поступлении в Пермскую дух[овную] семинарию по экзаменам (так было в этом году) не был зачислен в неё. Работал сельским учителем. Сейчас на пенсии. Живёт в селе Русская Теча Челябинской области (на родине автора сего) и занимается пчеловодством.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36 об.

[23.] Болярский Кронид. С его именем связано одно воспоминание из жизни в общежитии училища. Спальные комнаты для учеников 1-го кл[асса] были расположены далеко от уборной, и ночью приходилось проходить в них по коридору через всё здание. Среди учеников ходили разные страшные рассказы о том, что по зданию ночью бегает рыжая собака – Цербер – и, поэтому, ученики старались пробираться в уборную стайкой. Кронид понадеялся на свою храбрость и отправился один. Как раз в эти дни четырёхклассники поймали где-то щенка, днём его где-то скрывали, а на ночь отпустили. Когда Кронид проходил мимо мраморной лестницы, щенок кинулся к нему, спускаясь с лестницы, а храбрец закричал диким голосом и присел у надзирательской комнаты. В результате его принёс на руках в спальню кто-то из надзирателей (или Иван Николаевич, или Николай Павлович). В этот же раз сделано было открытие надзирателем такое, что ученики на ночь сдвигали кровати и спали кучкой, потому что ходил слух, будто по ночам по потолку спальни летает «рыжая борода». С этого момента на ночь у мраморной лестницы поставлен был сторож – высокий худой старик, в обязанности которого, между прочим, ещё входило: наблюдать за учениками в бане и будить ночью и направлять в уборную учеников, больных недержанием мочи, которые изолированы были в особой спальне. Кронид жил где-то около Каслей, и любил рассказывать об озере Увильды.

Сведений о его дальнейшей судьбе нет.⁵²⁶
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 28 об.-29 об.

[24.] Болярский Василий был мучеником по учёбе и мучителем, особенно для П. В. Хавского. Дальнейшая судьба его не известна.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 34.

[25.] Попов Анатолий (см. Собянин).
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36.

---

⁵²⁶ Болярский Кронид обучался в 1-2-м классах Пермской духовной семинарии в 1902-1904 гг.

[26.] Козельский Григорий. Сын псаломщика, сирота. Брат его Михаил был псаломщиком в Катараче. Григорий по болезни оставался в 4 кл[ассе] дух[овного] уч[илища] на второй год и закончил училище в 1903 г. в Пермской дух[овной] семинарии учился с 1903 г. по 1909 г. По окончании семинарии недолго где-то служил чиновником в Перми, женился и работал несколько лет священником в селе Стриганском Ирбитского уезда. Умер от туберкулёза.⁵²⁷
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 36 об.-37.

[27.] Серебренников Александр при обучении в училище жил в общежитии, был каким-то неаккуратным, нечистоплотным, запуганным, вроде как забитым, благодаря чему в условиях суровых порядков «бурсы» его часто обижали и дали ему обидное прозвище «Фуля». Не известно, где он ещё продолжал учение, но известно, что он работал учителем в селе Катайском, Шадринского у[езда], Пермской губ[ернии], пользовался авторитетом и уважением. Был слух о том, что в период культа личности был в числе преследуемых.⁵²⁸
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 27-28.

Выпуск 1902 г.

Как сложилась судьба выпускников этого года.

1. Закончили Пермскую дух[овную] семинарию:

1) Меркурьев Александр, 2) Капустин Борис, 3) Борчанинов Александр, 4) Борчанинов Павел, 5) Старцев Василий (вышел из 4 кл[асса]), 6) Анисимов Александр, 4) Игнатъев Василий, 8) Козельский Григорий, 9) Удинцев Анатолий, 10) Баженов Александр.

2. Из них кончили Казанскую дух[овную] академию:

1) Анисимов А[лекса]ндр и 2) Игнатъев В[асилий].

3. Закончили Уфимскую дух[овную] семинарию:

Братья: 1) Филиппов Владимир и 2) Филиппов Сергей.

4. 1) Филиппов Вл[адимир] кончил Казанскую дух[овную] академию, а 2) Филиппов Сергей – Казанский университет.

Выпускники дух[овного] училища.

---

⁵²⁷ См. очерк «Гриша Козельский» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵²⁸ Серебренников Александр Иванович (1890-?) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1903 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. «Учитель начальной школы в с[еле] Катайском Курганской области». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 33).

Кончили Казанскую дух[овную] академию:

1. Игнатъев Алексей.
2. Игнатъев Василий.
3. Игнатъев Николай.
4. Филиппов Владимир.
5. Липин Павел.⁵²⁹

Кончили Петерб[ургскую] дух[овную] акад[емию]:

1. Дергачёв Алексей (от Далмат[овского] периода).⁵³⁰
2. Ляпустин Александр.
3. Киселёв Целлестин.⁵³¹

Врачи:

1. Кокосов Михаил.⁵³²
2. Успенский Владим[ир].⁵³³
3. Мухин Александр.⁵³⁴
4. Нассонов [Антонин].⁵³⁵

---

⁵²⁹ Липин Павел Александрович – окончил Камышловское духовное училище в 1906 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г. Преподаватель Екатеринбургского торгового училища. Заведующий учебной частью и преподаватель Свердловского медицинского рабфака. Преподаватель латинского языка Свердловского медицинского института.

⁵³⁰ Дергачёв Алексей Иванович окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1887 г. См. очерк «Алексей Иванович Дергачёв» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵³¹ См. очерк «Целлестин Андреевич Киселёв» в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

⁵³² Кокосов Михаил Яковлевич (1877-?) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1891 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1897 г. «Окончил медицинский факультет Томского университета. Работал врачом». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 70).

⁵³³ Успенский Владимир Павлович (1886-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1900 г., Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1906 г. «Окончил медицинский факультет Томского университета. Работал врачом в Сибири». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 47).

⁵³⁴ Мухин Александр Александрович (1874-1919) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Далматовское духовное училище по 1-му разряду в 1888 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. «Окончил медицинский факультет Томского университета в 1898 г. Работал земским врачом пригородной зоны г. Камышлова. В 1918 г. перевёлся в г. Талицу бывшего Камышловского уезда для работы в частной лечебнице врача Автократова, где и погиб во время гражданской войны». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 153).

⁵³⁵ Нассонов Антонин Петрович (1897-1962) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1911 г., Пермскую

5. Буткин Николай.

Вет[еринарные]-врачи:

1. Ставровский Иван.
2. Киселёв Константин.⁵³⁶
3. Кокшаров Николай.⁵³⁷
4. Удинцев Александр.⁵³⁸
5. Нассонов Сергей (?).⁵³⁹

духовную семинарию по 1-му разряду в 1917 г. «Окончил медицинский факультет Пермского университета в 1924 г. по возвращении из Колчаковской армии, куда был мобилизован в 1919 г. Работал врачом в г. Камышлове, заведовал рентгеновским кабинетом. В 1937 г. был репрессирован, потом через 10 лет оправдан и досрочно освобождён. Продолжал работать снова в Камышлове. Младший брат Сергея Петровича Нассонова». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279. Л. 165).

⁵³⁶ Киселёв Константин (1862-?) – окончил Далматовское духовное училище по 1-му разряду в 1876 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1882 г. «Служащий Екатеринбургской земской управы (ветеринарный врач)». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 166).

⁵³⁷ Кокшаров Александр Николаевич (1878-?) – сын священника г. Камышлова. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1892 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1898 г. «Потом два года учительствовал и снова учился в Казанском ветеринарном институте. Работал городским ветеринарным врачом в г. Камышлове». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 191).

⁵³⁸ Удинцев Александр Николаевич (1890-1920-е) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1911 г. «Окончил Казанский ветеринарный институт. Работал ветеринарным врачом в г. Свердловске. Рассказывали, что в Свердловске А. Удинцев, участвуя в ветеринарной службе, ведя исследования по своей специальности в связи с эпизоотией, занимался лабораторно разведением микроорганизмов, это, последнее, послужило поводом к обвинению его во вредительстве, со всеми последствиями этого». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 6).

⁵³⁹ Карандашом приписано: «Юрист: следователь, земский начальник». (Ред.).

Нассонов Сергей Петрович (1884-1919) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1897 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. В 1904 г. поступил в Ожгинскую церковно-приходскую школу Камышловского уезда. В 1905 г. определён на должность надзирателя за учениками в Камышловское духовное училище («Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1908. № 40 (22 октября). С. 513-514). «Одно время готовился к поступлению в высшее учебное заведение. Потом учился на юридическом факультете Варшавского университета. В 1916-1918 гг. служил земским начальником в Камышловском уезде и погиб во время гражданской войны. Антонин Петрович Нассонов его младший брат». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 166).

Кончили Моск[овский] университет:

1. Наумов Влад[имир] Алекс[андрович].⁵⁴⁰

Кончили Юрьевский университет:

1. Юшков Борис Евг[еньевич].⁵⁴¹

Профессора:

1. Киселёв М. А. – Казанский ун[иверсите]-т.
2. Троицкий Н. А. – Рязанский мед[ицинский] ин[ститу]-т.⁵⁴²

---

⁵⁴⁰ Наумов Владимир Александрович (1895-1960) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1915 г. «Окончил Московский университет. В 1922-1924 гг. заведовал Камышловской школой II ступени, потом в Свердловске также заведовал школой, преподавал в средних школах, позднее преподавал латинский язык в Свердловском медицинском институте, в последние годы, работая в институте заведовал кафедрой латинского языка. С 1958 г. пенсионер». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 182-182 об.).

⁵⁴¹ Юшков Борис Евгеньевич (1881-1948) – сын священника г. Камышлова. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1895 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1901 г. «Окончил Юрьевский университет. Работал преподавателем естественных предметов в Камышловской женской гимназии, позднее преподаватель и инспектор Камышловской мужской гимназии. По окончании гражданской войны на Урале работал в г. Свердловске заведующим учебной частью рабфака и преподавателем Красного комсостава, где и скончался в 1948 г. Женат был на А. Е. Лирман – преподавательнице музыки (рояль)». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 203-203 об.).

⁵⁴² Троицкий Николай Алексеевич (1896-1955) – окончил Камышловское духовное училище и 4 класса Пермской духовной семинарии в 1915 г. (в списках учеников не значится). «Поступил учиться на медицинский факультет Томского университета. Участь в семинарии, участвовал в ученическом хоре и драматическом кружке, успешно исполняя женские роли, особенно в пьесах [А. Н.] Островского. Учился хорошо, был очень общительным, отличался мягким и весёлым характером и безупречным поведением. В 1918-1919 гг. Н. Троицкий был мобилизован в Колчаковскую армию и направлен в военную школу, которую в связи с общим развалом Колчаковской армии не окончил и по ликвидации её продолжал учиться на медфаке Томского университета. Студенческий практикум проводил в Камышлове (в городской больнице и на Обуховских минеральных водах).

В 1921 г. по окончании курса медицинского факультета Томского университета Троицкий, как служивший в Колчаковской армии, не был допущен к государственным экзаменам и только с удостоверением об окончании медфака направлен на должность врача в отдалённый Н.-Петропавловский район Шадринского уезда. Здесь он самостоятельно освоил немецкий язык, усиленно знакомился с новинками медицины и основательно занялся вопросом борьбы с малярией, предложил через журнал Наркомздрава свой метод её лечения, успешно применённый в других местах.

В 1930 г. его вызвали в Наркомздрав для сдачи госэкзамена. Получив аттестацию врача Н. А. Троицкий, работал по специальности в Богдановичском районе, бывшего Камышловского уезда. Потом некоторое время работал в Москве, получил степень кандидата медицинским наук и, наконец, был доцентом Рязанского медицинского

(Список далеко не полный).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 73, 75-75 об.

Так по разным уголкам необъятного Советского Союза разлетелись выпускники Камышловского дух[овного] училища 1902 г. Судьба многих из них с момента окончания уже духовного училища осталась неизвестной. Те же, которые поступили потом в Пермскую дух[овную] семинарию, с честью поддержали Камышловское дух[овное] училище. В семинарии было отмечено, что из Камышловского дух[овного] училища поступали в неё (семинарию) люди активные и некоторые с высокой музыкальной культурой. Так, отмечали, например, певцов – братьев Медведевых Ивана, которого так и называли соловьём; Евареста, который пел в архиерейском хоре, Топоркова Петра и др. Из музыкантов в своё время гордостью семинарии был Богомоллов Григорий. Он же был регентом семинарского хора. Скрипачи Борчанинов Павел, Боголепов Виталий.

Все они были воспитанниками Михаила Михайловича Щеглова, так что он может заслуженно сказать, что труды его в Камышловском дух[овном] училище не пропала даром. Это же могут сказать и учителя, и воспитатели, которые работали в училище, а ученики их могут быть только благодарными за их нелёгкие труды.

1/VII [1962 г.] 8 час[ов].

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 38-39.

института. Там, в Рязани и скончался в 1955 г.» (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 228-229).

УЧЕНИЕ ПЕТИ ИКОННИКОВА В КАМЫШЛОВСКОМ ДУХОВНОМ УЧИЛИЩЕ*

*Amicus Plato, sed magis amica veritas est*⁵⁴³

1897-1902 гг

20-го августа 1897 г. к парадному подъезду Камышловского духовного училища подъехал экипаж деревенского типа, который у нас называли ходком, или коробком на железном ходу. В коробке сидели двое: юноша лет двадцати и мальчик девяти лет. Остановили лошадь, старший ловко выпрыгнул из коробка, подтянул голову лошади к оглобле, помог мальчику вылезти из коробка, взял узел и свёрток, лежавшие под «кóзлами» коробка, и они вошли в здание. Бурая лошадка приняла понурый вид; по всему можно было заметить, что путешественники прибыли издалека: об этом свидетельствовали и усталый вид лошадки, и экипаж, запыленный, с большим налётом грязи на колесах и боках коробка.

Вошедшие в здание по разному реагировали на встретившуюся им обстановку: старший вёл себя так, как бы попал в давно знакомую, привычную ему обстановку, а мальчик явно переживал какое-то гнетущее состояние: в его глазах можно было прочесть уныние; слёзы так и напрашивались ему на глаза. Почти немедленно, как они вошли в вестибюль здания, откуда-то из-за угла к ним подошёл мужчина, низкого роста, сильно худощавый, с ерошкой на голове и тонкими чертами лица. Главное у него были глаза: широкие, острые, пронизывающие. Против воли другого они, казалось, проникали в душу, покоряли, заставляли подчиняться себе. Старший из вошедших почтительно поздоровался с подошедшим мужчиной, однако, во всей его манере держаться и в голосе чувствовалось уже какая-то независимость от власти глаз подошедшего мужчины; он как-бы хотел сказать: «было время, когда я тебя боялся, но теперь я тебя не боюсь». Мальчик же был весь во власти этих глаз, ему хотелось скрыться, но посмотрел на старшего и удержался от слёз.

Мальчик ещё не понимал значения этой встречи, а значила она передачу его на «бурсу» для продолжения образования. Вступление его в ученики бursы обозначало, что двери, через которые он только что прошёл, будут для него открываться только при поездке на каникулы и возвращении с них. В остальное же время выход из здания для него будет только на двор и обратно.

Через два часа старший опять пришёл к мальчику с небольшим арбузом, но как только мальчик приготовился полакомиться арбузом,

---

⁵⁴³ По-латински «Друг Платон, но более дружелюбна правда» или «Платон – мой друг, но истина дороже» (выражение древне-греческого философа Сократа).

мгновенно перед ним предстал человек с «глазами» и сказал, что этого без разрешения делать нельзя, повернулся и ушёл. Мальчик заплакал, и в таком виде его нашёл старший. Он крепко выругался и корку арбуза запустил в стену. Долго он уговаривал мальчика, чтобы он не плакал, гладил по голове, старался развлечь его весёлыми рассказами, и когда мальчик успокоился, крепко его расцеловал и ушёл. Теперь нам нужно открыть имена наших героев: мальчик – это наш Петя Иконников, старший же – брат его Алексей, пермский семинарист, а всё, что описано, это – картинка первого дня жизни П. в Камышловском духовном училище. Человек с «глазами» - инспектор училища Пётр Николаевич Лавров.

Петя со своим братом ехал на лошади два дня через Далматов. Неизменный «Бурко»⁵⁴⁴ опять нёс свою нелёгкую службу. Почему в столь важный момент жизни П. повёз его не отец, а брат; почему нужно было ехать через Далматов, а не через «Каменку»⁵⁴⁵, когда половину расстояния от Течи до Камышлова можно было бы проехать по железной дороге – осталось для П. не известным, да и не тем была в это время занята его голова: на душе его было тяжкое сознание от того, что вот он ежегодно на девять месяцев будет оторван от Течи, от родителей, от друзей, что он уже не постоянный жилец своей Течи, а только будет наезжать в гости. И это должно быть так неумолимо, и от этого хотелось плакать... и он временами где-либо в одиночестве плакал.

На другой день после определения на бурсу, П. подвергли испытаниям. Толи потому, что П. боялся и нервничал на испытаниях и не сумел показать себя с лучшей стороны; толи потому, что семейная репутация Игнатьевых была «подмочена» тем, что только что за неуспеваемость был уволен брат его Иван; толи потому, что П. на самом деле был слабее других подготовлен, - его определили не в первый, а в пригготовительный класс, и, следовательно, он уже в момент поступления в училище обречён был на пятилетнее пребывание в нём.

Училище было расположено на видном месте, в возвышенной части города, недалеко от важнейших городских магазинов, у площади с часовней, где были базары. Двухэтажное каменное здание фасадом выходило на юг. К восточной стороне его было подстроено одноэтажное каменное здание, где помещались кухня и столовая. При училище был громадный двор, в центре которого находились физкультурные приборы: горка, параллельные брусья, лестница, шест для подъёма на руках кверху.⁵⁴⁶ В западной части, за

---

⁵⁴⁴ Бурко – кличка коня.

⁵⁴⁵ «Каменка» - Каменский завод Камышловского уезда.

⁵⁴⁶ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Во дворе «бурсы» был комплект гимнастических приборов, о чём уже говорилось выше. Была какая-то идея создания его, но она так и осталась не реализованной. На горку ещё иногда «бурсаки» вбегали, а прочее: лестница, параллельные брусья, штанга были без употребления, разве только кто-либо из «отчаянных» иногда продемонстрирует несколько своих «номеров» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 57.

воротами находился деревянный дом в 5-6 комнат – квартира инспектора. В северной части двора находились: баня, конюшни, навес для дров и колокольня. Вдоль северной части двора шла глухая кирпичная стена с воротами в середине, за которой находилась вторая половина двора. Здесь находился дом – квартира смотрителя училища вверху и эконома внизу. Отдельно от этого дома было здание хозяйственного назначения, а часть его была отведена под больницу.⁵⁴⁷ У ворот при входе была конюшня для коровы смотрителя. Таким образом, училище занимало громадный плац, а главный двор, примыкающий непосредственно к зданию, предоставлял широкие возможности для самых разнообразных игр.

Низ учебного корпуса был занят спальными комнатами. Из комнат другого назначения были: комната ламповщика, гардеробная, швейцарская и комнаты, где жили надзиратели. Умывальник был расположен в коридоре, на стенке, примыкающей к столовой. Верхний этаж в основном был занят классами. Почти в центре между ними на южной стороне расположена была церковь, которая в западной своей части граничила с так называемым, актовым залом. Церковь от зала отделялась раздвижной стенкой, которая при богослужении убиралась. Собственное пространство церкви предназначалось для «духовников», а присоединяемое к нему пространство зала – для приходящих молящихся. В зале стояли цветы – филодендроны, бюст Александра II, стол, покрытый зеленой скатертью и фисгармония. Зал открывался только для богослужений и в особенно торжественных случаях, например, по случаю приезда кого-либо из высокопоставленных лиц. В одной из комнат находилась учительская и в ней библиотека и одна комната была отведена для скрипачей и спевков хора. Классные комнаты были просторные: в них 1/3 или 1/4 комнаты были свободны от парт. Из нижнего этажа в верхний вела центральная мраморная лестница с площадкой перед входом в церковь. Двери в церковь были устроены в виде массивной арки. В западной части здания была вторая лестница, которая собственно и была постоянным средством перехода сверху вниз и наоборот, потому что мраморная лестница была «запретной зоной» для учеников. В конце западной половины – вверху и внизу – были расположены уборные, оборудованные очень культурно – с унитазами. Во двор в нижнем этаже были два выхода, но один из них открывался только в тёплую погоду. В здании было ламповое освещение и печное отопление. В целом нужно признать, что здание по тем временам имело благоустроенный вид. Как известно, духовное училище в Камышлове было переведено из Далматова, где оно было при монастыре, а начинавшие учение в Далматове и

---

⁵⁴⁷ В больнице служил врач, надворный советник Пётр Романович Батов – в 1890 г. по окончании курса учения в Казанском университете со степенью лекаря поступил врачом в Камышловскую земскую больницу, в 1892 г. – врачом в больницу Камышловского духовного училища. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1907. № 40 (22 октября). С. 10.

переведённые для продолжения образования в Камышлов говорили, что с переходом на новое место они попали как в рай.

Такова была внешняя обстановка, в которую попал Петя. Теперь нам предстоит описать внутреннюю обстановку, то, что собственно и называлось бурсой.

[Приготовительный класс]

Бурса, её порядки и законы, писанные и неписанные.

Как указано было выше, П. был принят в подготовительный класс, ему было отведено место в классе и кровать в спальне для «приготовишек». С этого момента для П. началась жизнь строго регламентированная и регулируемая звонками. П. навсегда запомнилась его первая спальня. Бурсакам давали для сна кровать с досками и тюфяком, набитым соломой, одеяло полушерстяное, часто сильно потрёпанное, подушку с грубым пером и простынь. Одежду – брюки и верхнюю рубашку складывали на табуретку, а сапоги – под кровать. П. первый раз в жизни приходилось спать на кровати, и ему казалось как-то одиноко: он привык дома спать на кошке рядом с братом под отцовским тулупом. Среди мальчиков распространялись разные страшные рассказы. Говорили, например, что прежний хозяин здания⁵⁴⁸ был фальшивомонетчиком, что по ночам и теперь ещё в подвале здания слышен стук молотков и лай собаки. Много было рассказов о лунатиках. Говорили даже о том, что луна может всякого притянуть к себе. Поэтому было особенно страшно в спальне в зимние лунные ночи, когда блики лунного света на стенах комнаты причудливо отражались сквозь замёрзшее стекло. В комнате была колонна, и за ней особенно было страшно, потому что там был полумрак от слабого света лампы. Ходили слухи даже о том, что спавший за колонной Гриша Козельский уже пытался карабкаться по стене в сторону луны. Когда П. учился уже в первом классе и спал в другой комнате, распространён был слух о том, что ночью по потолку комнаты летает рыжая борода. Страх настолько захватывал первоклассников, что с вечера они не засыпали, пока дежурный надзиратель не обойдёт все комнаты, а после этого сдвигали кровати и засыпали, прижавшись друг к другу. Если нужно было сходить в уборную ночью, то, как по взаимному согласию было условлено, один будил ещё двух и компанией направлялись по коридору в неё. Это особенно вызвано было тем, что, как передавали старшие, ночью по коридорам вверху и внизу бегает собака – Цербер. Нашёлся однажды только один смельчак – Кронид Болярский, который пошёл один в уборную среди ночи и поплатился за это жестоко: когда он проходил мимо мраморной лестницы вблизи комнаты надзирателей, сверху по лестнице бежал к нему «Цербер»... раздался истошный крик, выскочил из комнаты надзиратель,

---

⁵⁴⁸ Здание Камышловского духовного училища было куплено у наследников купца Е. Ф. Молчанова в 1888 г. и перестроено в 1889-1892 гг.

взял на руки дрожавшего Кронида, принёс в спальню и увидел спящих на сдвинутых кроватях. Что же было с Кронидом? Следствие показало, что четырёхклассники где-то поймали щенка и ночью выпустили его в коридор. Вот отсюда же, от четырёхклассников шли и все страшные сказки. Случай с Кронидом, однако, потревожил начальство, и с этого времени в коридоре у мраморной лестницы поставлен был на ночное дежурство старик, которому ещё поручено было наливать в бане горячую воду в шапки малышам, а ночью будить и водить в уборную мал[ъчи]ков, страдавших пороком недержания мочи во сне, которые из-за этого порока изолированы были в особую комнату. Утром первый звонок давался в шесть часов, потом – в шесть с половиной и в семь – последний. Пете на всю жизнь запомнился в эти же часы гудок на Алафузовской кожевенной фабрике. Его тягучий протяжный звук возбуждал в П. какую-то безотчётную тоску и уныние. В течение всей своей последующей жизни П. часто вспоминал об утренних часах на бурсе всякий раз, когда слышал подобный звук, и ему становилось грустно, как давно, давно на бурсе.

В восемь часов был утренний чай. На него все направлялись парами из своих классов под надзором надзирателей. Движение начиналось с «приготовишек», к ним примыкал первый класс и дальше шли по порядку. Шествие замыкал четвёртый класс. «Приготовишкам», которые занимали классную комнату на крайнем востоке здания, вследствие того, что по мраморной лестнице нельзя было проходить, выпадала самая длинная дорога в столовую: они проходили весь коридор на запад, спускались вниз по лестнице на нижний этаж, проходили весь коридор внизу на восток и поворачивали налево через комнату с умывальником в столовую. На всём этом пути была одна опасная точка: у лестницы для спуска вниз был расположен четвёртый класс, место, очень удобное для любителей «задаваться». Был неписанный закон бursы, по которому старшие, точнее – четырёхклассники, претерпев все перипетии в своём движении к четвёртому классу, получали право «задаваться», т. е. озорничать над младшими: подставить при ходьбе ногу, ущипнуть, посадить «пучку», т. е. дать щелчок пальцами. Бывали такие «артисты», которые пучки садили до синяка. На бурсе все опасались согнуть свой корпус прямым углом так, чтобы часть его, предназначенная для сидения, была у вершины угла, потому что такого человека всегда подстерегала «пучка». Поэтому прохождение мимо четвёртого класса связано было с опасностью встретиться с любителем «задаваться». Петя имел иммунитет от этого «закона». Летом, перед его отъездом на бурсу сыграна была свадьба: старший сын диакона А. Игнатьева женился на старшей дочери священника В. Бирюкова, и, таким образом, дети той и другой семьи стали «сватами». П. оказался под покровительством четырёхклассника «свата» Андрюши Бирюкова. Андрюша имел все данные для того, чтобы пользоваться на бурсе авторитетом, а чтобы слово его было веским: он был высокого роста, крепкого сложения, и можно было предполагать, что рука у него не из лёгких. Так вот «сват» Андрюша при

большом стечении бурсаков, указав на П., твёрдо сказал: «Если кто к этому мальчику хоть пальцем прикоснется, то...» и он жестом, который красноречивее всякого слова, показал, что последует за этим.

Теперь мы видим П. в столовой за чаем. Мальчики по классам садились за длинные столы. Перед каждым из них лежали небольшой кусочек белого хлеба, грамм 50, сахарок и чашка с чаем, разведённым ложкой молока. У стола стоял сторож с кувшином кипятка, чайничком с чаем, миской с молоком и ложкой. Чёрный хлеб стоял на столе. Если кто-либо хотел повторно получить чашку чая, вылезал из-за стола, подходил к сторожу и тот наливал чай с ложкой молока. Естественно, что в «постные» дни молока не давалось. Мальчикам иногда казалось, что белый хлеб в форме горбушки больше, чем ломтем и, поэтому, некоторые, подходя быстро к столу, выменивали себе у другого горбушку. Что было, то было!

Мы нарисовали стандартную картину чая бурсаков и утром и днём в четыре часа. Отступления от этой нормы были только в престольный праздник – 25-го сентября, когда вместо булки давалась частичка пирога с урюком такого же, как и у булки, веса. По поводу этих пирогов бурсаки остряли, что смотритель и экономер прикидывали, что дешевле обойдется: пирог с изюмом или пирог с урюком, и останавливались на урюке, потому что его можно тоньше намазывать на тесто. Для такого острого замечания имелось и основание: слой урюка на пирогах был настолько тонок и прозрачен, что под ним можно было бы прочитать текст, если бы он был подложен под слой урюка.

Уроки начинались в 9 часов. Чем же П. занимался, если допустить, что к 7 часам он уже привёл себя в порядок и явился в класс? Он повторял уроки, а иногда П. можно было видеть перед уроками стоящим на коленях в числе других молящихся учеников.

Минуем уроки, о чём сказано будет отдельно, и последуем в два часа за П. в столовую на обед. «Шествие» на обед проходит в том же порядке, как и на утренний чай. Обед, как и полагается, центральный пункт питания для всех людей, а следовательно и для бурсаков. Говорили, что весь годичный пансион бурсака – питание, общежитие, стирка белья – оценивался в 65 рублей. Если допустить, что время пребывания на бурсе составит в год 9 мес[яцев], то следовательно стоимость содержания за месяц составит 7 руб[лей] 20 коп[еек]. Простой расчёт покажет, что в пределе такой суммы трудно развернуться на «жирный» обед. Среди бурсаков бытовала на счёт обедов традиционная песня с применением латинского языка. В ней, между прочим, говорилось: «*Semper* горох, *quotidie* каша, *miseria* наша». Конечно, в песне есть преувеличение, но есть горькая правда: горох был не всегда, но каша – всегда. Что из себя представляло, например, меню скоромного дня? Суп с кусочками мяса, гуляш или редко котлеты с огурцом и каша – пшённая или гречневая. Котлеты обычно на половину состояли из хлеба и были сильно проперчены ввиду сомнительной свежести мяса. Каша преподносилась на тарелке с небольшой ямкой в центре, наполненной

топленным коровьим маслом – в скоромные дни и конопляным зелёным маслом – в постные дни. В постные же дни на первое подавался картофельный суп или горошница, жареный картофель, и каша, чередующиеся через день: пшённая и гречневая. Иногда на третье подавали бруснику с сахарной водой. Это был деликатес! Бурсаки крошили в этот состав чёрный хлеб и полученную тюрю с наслаждением «хлебали». На масленице подавали оладьи. П. происходил из семьи сельского дьячка, и он не переживал особенной разницы между домашним и бурсацким меню, так что он и не жаловался особенно не эти обеды.

Большое удивление у всех вызывало использование времени обедов для применения наказаний, хотя эти наказания никак не были связаны с ущемлением интересов желудка, а рассчитаны были на моральное воздействие. На бурсе было два вида наказаний: стоять у стенки во время обеда и стоять за голодным столом тоже во время обеда.⁵⁴⁹ Первым видом наказания карались какие-либо мелкие нарушения дисциплины, например, шалости – на уроке или в коридоре; вторым – важные преступления, например, драка, хулиганство, повреждение школьных вещей и т. д. Голодный стол ставился по середине столовой: на столе ставился стакан с водой. Стоять за голодным столом обозначало ближайшее исключение из училища.⁵⁵⁰

После обеда бурсаки обычно выходили во двор на игры. Последуем и мы с Петей на двор и посмотрим, какие же игры были любимыми у бурсаков.

Игры под открытым небом естественно обусловлены были природными явлениями и носили сезонный характер. Естественно также, что осень меньше всего давала возможностей для игр. Но зато П. впервые наблюдал игру в солдаты. Действующие лица этой игры распределялись по преимущества и прежним заслугам. Скажем, генералом армии в 1897 г. был Быстрицкий, потому что он последовательно прошёл службу в предыдущие годы и получил этот чин от Флеровского⁵⁵¹ в порядке повышения по должности. Также и другие военные чины. П. был очевидцем торжественных парадов. Заранее объявлялось путём устной передачи, что тогда-то будет парад, и его будет принимать генерал Быстрицкий. Готовились эполеты, медали, кресты, для генерала – шашка с золотым эфесом... Полк выстроен. Приходит генерал, весь в орденах и медалях. «Здорово, ребята!» - «Здравия...» Полк проходит маршем с песней: «Солдатушки, бравы ребятушки». В песне упоминаются жёны, братья, сёстры, деды. Откуда это всё у бурсаков? Находились любители, которые по

---

⁵⁴⁹ «Иногда у стенки встречались представители всех классов. При частом применении её она была малоэффективной». (Примеч. автора).

⁵⁵⁰ «И те, и другие наказанные после обеда получали положенное питание. Эта мера была вроде гражданской казни и имела целью предупредить виновника в том, что над ним висит «дамоклов меч» исключения». (Примеч. автора).

⁵⁵¹ Возможно, Флёров Пётр – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1896 г.

традиции передавали от одного состава бурсы другому. В это же время любители спорта толпились у спортивных приборов в качестве наблюдателей или спортсменов. Здесь приобретали славу сильные и ловкие.

Зима – самое продолжительное время года, которое бурсаки проводят в училище. Естественно, что зимой игры разнообразнее. Начинали с катанья, снежных комьев и устройства снежных баб. Когда снег устанавливался, переходили к игре в снежки. Устраивались две снежные баррикады. В игре принимали участие 30-40 человек: по 15-20 чел[овек] на баррикаде. Условия борьбы: бросать друг в друга комьями снега; если в кого ком попадёт, считается убитым и выбывает из строя; победителем считается тот, чьё войско вырвалось за баррикаду другого и уничтожило всех врагов. Борьба сначала начиналась с «перестрелки», последовательно переходили в «атаку». Запрещалось кидать обледенелые комья; замеченный в нарушении этого правила удалялся из игры. В середине зимы, при наличии достаточно выпавшего снега, сооружалась катушка. Салазок не было, и катались на обледенелых дощечках. Высшая точка катанья – масленица. Удар великопостного колокола, и лёд на катушке рубили. Сезон окончен.

Весной, как только подсыхала где-либо зима, начиналась игра в бабки. Откуда-то появлялись коммерсанты: продавали бабки по три штуки на копейку. Славилась панки-налитки, т. е. с оловом внутри. Панки различались на саклистые и несаклистые. Если панок при падении падал часто вверх брюшком – значит несаклистый. За саклистый можно не пожалеть и пяти копеек. Кончился сезон, и цены пали: на копейку – 5-6 бабок, а потом и совсем не надо. Были такие «мастера», что с дальнего расстояния опустошали «кон» (ряд бабок).

Земля подсохла – начинается игра лаптой. Были игроки, слава о которых переходила за границы бурсы: о них рассказывали бурсаки своим друзьям и у себя в деревне. Вот, например, Иван Переберин. Он мог заслат мяч так кверху, что обратно тот падал чуть не к его ногам. А в это время все, кому полагалось пробежать определённое расстояние взад и вперёд, чтобы получить снова право на удар, успевали это сделать, а это значило, что «галильщиков» можно было «гопать» без конца. В этой игре предоставлялась возможность младшим «подмазываться» к старшим: они предлагали им услуги вместо них бегать на положенную дистанцию. Вот вам и эксплуататоры и эксплуатируемые!

А отсюда было не далеко и до «культы личности». На бурсе всегда выделялись герои, которым старались подражать. Так создан был тип человека «отчаянного». Что входило в это понятие? Ловкость, смелость, изворотливость, способность быть вожаком, одним словом, быть типом человека, подобного горьковскому Данко⁵⁵². Отчаянным такого человека называли потому, что считали, что он способен на подвиг и при случае не пощадит своей жизни. В чём конкретно мог проявить себя «отчаянный»?

---

⁵⁵² Данко – персонаж третьей части рассказа М. Горького «Старуха Изергиль».

Например, на физкультурных приборах он мог показать *salto mortale*; в городе вступить в единоборство в драке с «городчиками» (учениками городского училища); он мог вести себя перед начальством более независимо, чем другие; он должен покорять своим авторитетом других; он должен быть лучшим в игре. В тот момент, когда П. начинал учёбу на бурсе, таким «отчаянным» был Иван Переберин.

Когда П. был в третьем классе, бурсакам передан был комплект крокета. Это был первый шаг к переходу бурсаков на игры; так сказать более культурного вида.

Но вернёмся к дневному распорядку Петиного «жития» на бурсе. В четыре часа бурсакам давали вечерний чай, а с пяти часов начинались «занятные» - часы подготовки к урокам: звонок опять собирал их в классы до девяти часов с переменами после часа. Бурса погружалась в тишину. Все должны были сидеть за партами в классах и готовить уроки. В коридоре расхаживает дежурный надзиратель. Иногда появляется человек с «глазами». В классах нет надзора, а всякий бурсак предоставлен сам себе: кто уроки учит, кто книжку читает, а кто и бездельничает, т. е. он делает, но не то, что надо: то змея лепит, то какие-либо игрушки мастерит, то рисует «отпуск», если он уже не за горами. А уроки? Если задача – то можно списать, а если что заучить – завтра утром. Но есть и другой тип бурсаков. Вот слышится жужжание шмеля. Что это? Это идёт зубрёжка.

Звонок, и началось «шествие» на ужин. Ужин – это обед, только из двух блюд, Каша, неизменная каша! Но раз в году – в заговенье перед Великим постом – ужин не узнаваем. Пельмени! Боже мой! Что творилось за ужином! Гоголь, бессмертный Гоголь! Это не то, что галушки сами летели в рот Черевику, нет! Пельмени летели и в рты, и в карманы! Что из того, что мясо не совсем изрублено, но это же пельмень!

В десять часов раздаётся звонок, и бурса погружается в сон.

Вот хотя с большими отклонениями в сторону от основного направления, но мы нарисовали дневной распорядок Пети на бурсе.

25 сентября к П. приехал отец. Приезд отца вновь напомнил П. о Тече, о матери, братьях, сёстрах и друзьях. Погода была плохая: грязь, холод, сырой снег. На другой день отец уезжал домой. На дворе состоялось расставание, и П. горько плакал. Впоследствии П. много задумывался над тем, почему он так горько плакал и, когда оказалось, что через много лет отец умер именно в это число, ему приходила мысль о том, не были ли его слёзы предвидением этого печального события.⁵⁵³

---

⁵⁵³ Из очерка «Начало моего учения в Камышловском духовном училище» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «25-го сентября был престольный праздник на «бурсе» - «Сергиев день», и в Камышлов приезжал опять-таки на лошадях через Далматов папа навестить меня. Он привёз мне гостинцы – кое-что из матушкиной стряпни. Они были уложены в жестяной банке, которую я хорошо помнил. Банка была из-под чая с какими-то картинками и служила некоторой семейной реликвией. Эта банка вызвала в моей душе целую гамму

Приближались рождественские каникулы, и бурса жила в ожидании их. Бурсаки печатали крупным шрифтом «Отпуск» и раскрашивали его в различные цвета. Наступил канун отпуска. Последняя ночь была тревожной: по традиции в эту ночь устраивали «тёмную». Пете пришлось познакомиться с новым неписанным законом бурсы. «Тёмная» - это самосуд над «клиньями», т. е. над ябедниками. «Клинить» - это значит жаловаться начальству, что с точки зрения бурсацких воззрений было главным грехом бурсака. В защиту от этого бурса учредила «тёмную», а жалобщика заклеила презренным с её точки зрения прозвищем «клинья». Это было страшное слово для бурсака. «Тёмная» заключалась в том, что виновника в жалобах начальству ночью закидывали одеялом и избивали. В ту ночь, когда П. не спал, не спали и его товарищи, все ждали, что вот-вот придут и устроят кому-либо тёмную, но этого не произошло. П. не помнит, чтобы за всё время его пребывания на бурсе, кому-либо сделали «тёмную». По поводу её больше распространялось страхов, но много позднее ему пришлось слышать, что в Пермском дух[овном] училище устроили кому-то тёмную со смертельным исходом.

На первом же году обучения П. пришлось познакомиться ещё с одним неписанным законом бурсы – это с установлением, придумыванием прозаики. Впрочем, это было не только у бурсаков такое явление, а гораздо шире. Так, в Тече у многих были прозвища: рожковы, волчата, Никита-дитя, Яша-преселка, Копалкины. Мало того, и в семьях даже дети носили прозвища, например: карась, смородина, ирюпинка и др., так что это было что-то вроде универсального закона в русской действительности. Однако на бурсе он, этот закон, имел некоторую специфическую окраску. Так, придуман был способ защиты от присвоения прозвища, иммунитет, а именно: если тот, кому прозвище даётся вновь, не растеряется и быстро заявит обидчику: «с передачей заколачиваю» и объявит: «ребята, я ему заколотил то и то», то кличка не только не присваивалась, а возвращалась автору её. А дальше всё зависело от того, понравится она или не понравится «обществу», она входила

воспоминаний о доме: о матушке, братьях и сёстрах. В матушкиных гостинцах я чувствовал её материнское сердце, я видел её слёзы при прощании со мной: как она пыталась скрыть их от меня, чтобы не омрачать меня при расставании, а, наоборот, ободрить меня, но я их (слёзы) видел.

26-го сентября батюшка пришёл ко мне на «бурсу» попрощаться перед отъездом домой. После обеда я вышел на двор, и здесь, у малой восточной двери в здание «бурсы» состоялось наше прощание. День был мрачный: всё небо было в серых облаках, которые стремительно неслись на восток; было сыро и мозгло. Мы стояли у стенки, и я плакал безудержно, безумно, в состоянии необычного аффекта. Батюшка утешал меня, но безуспешно. Я навсегда запомнил эти слёзы и не раз в жизни вспоминал о них и старался объяснить себе причину столь сильного проявления их. С детства настроенный немного на мистический склад мысли, я старался связать их с каким-либо исключительным случаем в жизни своего батюшки, и когда через девятнадцать лет батюшка скончался в это именно число месяца, я посчитал, что мои слёзы были как-бы предчувствием его смерти» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 4-6 об.

или не входила в обиход. Большинство прозвищ переходило по традиции, но процесс творчества, однако, ещё не прекратился, так, однажды новому надзирателю было дано прозвище сушёнка, а другому – сахалинец, новому преподавателю латинского яз[ыка] – циклоп. ...

Мы нарисовали бурсу в том виде, в каком она предстала пред ним в момент его вступления в неё. Теперь нам предстоит проследить учение и рост Пети по годам обучения.

В подготовительном классе был один учитель: Михаил Даниилович Симановский, очень благообразный старец, всегда аккуратно одетый, модно сказать, «поджелтменски». Вероятно, вследствие игры фантазии автор этой статьи, читая позднее роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» таким представлял Павла Петровича Кирсанова. Занятия в подготовительном классе в сущности ничего нового не давали по сравнению со школой.⁵⁵⁴

[1-й класс]

В первом классе уже предметы были распределены между четырьмя преподавателями: русский язык преподавал Иван Иванович Устинов, арифметику – Василий Захарович Присёлков, пение – Михаил Михайлович Щеглов, историю Ветхого Завета – инспектор Пётр Николаевич Лавров.

И. И. Устинов преподавал только в первом классе, т. к. он не имел высшего образования. В первом классе основное внимание было обращено на чтение, пересказ статей и изучение грамматики.

Василий Захарович кончил Казанскую дух[овную] академию. По арифметике мы проходили все действия с простыми и десятичными дробями, проценты, действия с отвлечёнными и именованными числами, тройное правило. Василий Захарович часто нервничал на уроках, сердился и при этом говорил: «Что же такое, вычесть, сложить, разделить, помножить...» Гнев его, однако, оставлял противоположное впечатление, курьёзное, смешное.

---

⁵⁵⁴ В 1897/1898 учебном году подготовительный класс закончили 16 учеников: по 1-му разряду – 11: Серебренников Александр, Козельский Григорий, **Игнатъев Василий**, Филиппов Владимир, Юшков Владимир, Безбородов Александр, Меркурьев Александр, Шкулёв Николай, Луканин Владимир, Кокосов Аркадий, Богомолов Александр;

по 2-му разряду – 5: Бенедиктов Сергей, Слобцов Константин, Колосов Михаил, Панин Мефодий, Мостов Николай. Все переведены в 1-й класс.

Подверглись переэкзаменовкам: Медяков Виссарион (оставлен на повторительный курс), Ундольский Александр, Хомяков Иван – за болезнью не держал экзаменов, оставлен после ваката (переведён в 1-й класс).

В 1-м классе оставлены на повторительный курс 13 учеников: Попов Анатолий, Тихомиров Андрей, Ефимов Константин, Снежницкий Константин, Насонов Владимир, Петров Василий, Пономарёв Пётр, Арефьев Пётр – по малоуспешности; Бирюков Николай, Неуймин Вениамин, Попов Павел, Троицкий Александр, Черёмухин Михаил – по болезни и прошениям родителей. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1898. № 14 (16 июля). С. 354-355.

Грозным был Пётр Николаевич, человек «с глазами». Достаточно было ему где-нибудь показаться, как наступала полная тишина. В основном мы его знали как инспектора. Он был любителем лошадей, имел молодую породистую лошадку, которую часто «объезжал», т. е. обучал бегу. Мы знали, что в семье у него было несчастье: была парализованная с детства девочка. Когда у нас была катушка, то П. Н. иногда в наше отсутствие появлялся на ней на коньках, причём из окна было видно, что он проделывал сложные фигуры катания, что вызывало у нас восторг и преклонение перед его искусством.

Михаил Михайлович Щеглов был самым молодым нашим учителем. Он кончил синодальное училище. Обучение пению, главным образом, сводилось к пению по гласам на слух и по «Октоиху». Пели мы также что-то вроде сольфеджей, например: «Кто ты может убежать, смертный час». Пели эти слова фугой, по типу песни: «Со вьюном я хожу». Пределом мастерства считалось пение богородичнов по «Октоиху». Такт отмечали ударом по бедру, причём на экзамене, чтобы произвести лучшее впечатление били себя по бедру не жалея его. *O, sancta simplicitas!*⁵⁵⁵

От времени обучения в первом классе у П. остались три ярких воспоминания: а) посещение духовного училища каким-то ревизором, б) посещение учениками зверинца и в) первые официальные экзамены в конце года. Ревизор посещал училище в течение нескольких дней, и все эти дни чувствовалось какое-то напряжённое состояние. Перед отъездом он вызывал учеников по отдельности в актальный зал и давал крестики.

Посещение зверинца было большим событием на бурсе. В Камышлов прибыл в сентябре путешествующий зверинец, и нас повели в него за какую-то незначительную плату. На экскурсии были все учителя.

В первом классе у нас проводились первые официальные экзамены. На экзаменах присутствовала комиссия из трёх человек, сидевшая за зелёным столом. Все мы находились в состоянии смятения и страха. И вот класс оказался в состоянии какого-то пароксизма. Петя хорошо запомнил этот момент: все кинулись запасаться бумажными иконками, их навешивали себе на блузы по одной или по две; под скатерть экзаменационного стола положили этих же иконок, а также и под стулья экзаменаторов. Когда кто-либо отвечал на пятёрку, брали у него его иконку и вкладывали взамен уже имеющейся. Это был припадок фетишизма, состояние исступления. Трудно этому поверить, но увы! Это был факт! Теперь это далёкое прошло и кажется диким.

Экзамены в училище проходили в конце мая и в начале июня.⁵⁵⁶

---

⁵⁵⁵ *O, sancta simplicitas!* – по-латински «О, святая простота!».

⁵⁵⁶ В 1898/1899 учебном году 1-й класс закончили 27 учеников:

по 1-му разряду – 8: Баженов Александр, Анисимов Александр, Козельский Григорий, Удинцев Анатолий, **Игнатьев Василий**, Бирюков Владимир, Богомоллов Николай, Золотухин Николай;

У Пети от этого периода времени, когда производились экзамены, остались приятные впечатления от украшений зеленью на Троицу, от купанья в Пышме и особенно от ежегодно устраиваемых прогулок за реку Пышму в «Бамбуковку». Купаться бурсаков водили раз или два в день. Для этого у моста через реку ставили купальню на пустых бочках. Сколько было восторга! Прогулка в «Бамбуковку» была всегда исключительным событием для бурсаков. В ней принимали участие все учителя.

[2-й класс]

Во втором классе начиналось изучение латинского и греческого языков. Это был самый тяжелый момент и для учеников и для учителей. Вот почему на вечерние занятия иногда приходили в помощь ученикам учителя. Кроме языков во втором классе продолжалось изучение русского языка, Новый завет, чистописание.

Из событий этого времени в памяти П. особенно сохранились проводы Петра Николаевича Лаврова. П. Н. нельзя сказать, чтобы пользовался симпатией бурсаков и тем удивительнее было то, что проводы вылились в самое яркое проявление чувства привязанности и уважения к нему. Бурсаки писали П. Н. послания с лучшими пожеланиями, передавали подарки коллективные и личные: разные статуэтки, альбомы. Это был опять-таки какой-то пароксизм самых нежных чувств. Как же загадочна была душа бурсака!⁵⁵⁷

по 2-му разряду – 19: Черёмухин Иван, Штейников Александр, Черёмухин Михаил, Старцев Василий, Серебренников Александр, Насонов Владимир, Филиппов Владимир, Болярский Кронид, Безбородов Александр, Петров Василий, Анненков Вениамин, Кокосов Аркадий, Снежницкий Константин, Меркурьев Александр, Ефимов Михаил, Хомяков Иван, Пономарёв Пётр, Удинцев Пётр, Троицкий Александр. Все переведены во 2-й класс.

Подверглись переэкзаменовкам 5 учеников: Флоров Иван, Хитров Николай, Богомолов Александр (оставлены на повторительный курс), Пономарёв Вячеслав, Арефьев Пётр.

Оставлены на повторительный курс 8 учеников: Шкулёв Николай, Глыбовский Николай, Луканин Владимир, Бенедиктов Сергей, Словцов Константин, Панин Мефодий, Мостов Николай – по малоуспешности, Колосов Михаил – по прошению родителя.

Уволены из училища, как неуспевшие в течение двух лет, 2-е учеников: Бирюков Николай, Неуймин Вениамин.

Во 2-м классе оставлены на повторительный курс 8 учеников: Павлинов Павлин, Болярский Василий, Николаев Николай, Тихомиров Андрей, Попов Анатолий – по малоуспешности; Борчанинов Александр, Ефимов Константин, Усов Сергей – по прошению родителей. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1899. № 14 (16 июля). С. 364-366.

⁵⁵⁷ В 1899/1900 учебном году 2-й класс закончили 25 учеников:

по 1-му разряду – 9: Анисимов Александр, Баженов Александр, Воеводкин Вячеслав, **Игнатъев Василий**, Черёмухин Иван, Удинцев Анатолий, Бирюков Владимир, Штейников Александр, Козельский Григорий;

[3-й класс]

В третьем классе преподавались: катехизис, Устав, география, русский язык, классические языки. Катехизис и Устав преподавал смотритель училища – Михаил Николаевич Флоров, а географию – Александр Андреевич Наумов. По географии давались ученикам домашние работы: вычерчивать страны света, материка с обозначением рек, гор, озёр. Бурсаки старались выполнять работы художественно – в красках. В третьем классе латинский язык преподавал Димитрий Васильевич Иовлев. Ему ученики часто писали классные контрольные работы. У него была своеобразная манера ставить оценки: поставит одну – зачеркнёт, другую – тоже и на третьей уже остановится.

Самым ярким воспоминанием у П. от этого времени осталось принятие его в хор. С этого именно момента началось его увлечение пением. Как самые дорогие воспоминания о бурсе у П. сохранились воспоминания о спевках, на которых у него прививались первые навыки пения, а главное – воспоминания о прекрасных мотивах песнопений, особенно в Страстную седмицу.⁵⁵⁸ Всё, что было тяжёлым, гнетущим на бурсе, Петя готов был забыть ради того удовольствия, которое ему давало пение. В его памяти на

по 2-му разряду – 11: Борчанинов Александр, Золотухин Николай, Меркурьев Александр, Богомоллов Николай, Болярский Василий, Павлинов Павлин, Серебренников Александр, Старцев Василий, Болярский Кронид, Филиппов Владимир, Черёмухин Михаил;
по 3-му разряду – 5 (подверглись переэкзаменовкам): Кокосов Аркадий, Попов Анатолий, Павлинов Иван, Лунин Георгий и Зеленцов Василий. Все переведены в 3-й класс.
Оставлены на повторительный курс 5 учеников: Насонов Владимир, Ефимов Михаил – по малоуспешности; Безбородов Александр, Троицкий Александр, Хомяков Иван – по прошениям родителей.

За болезнью не держали экзаменов (предоставлено держать их после каникул): Петров Василий и Удинцев Пётр (оставлен на повторительный курс).

В 3-м классе оставлены на повторительный курс 10 учеников: Павлинов Анатолий, Кузнецов Вячеслав, Рычков Михаил, Дягилев Алексей, Филиппов Сергей – по малоуспешности; Капустин Борис, Коровин Василий, Фофанов Павел, Чернавин Николай, Свирельщиков Вениамин – по прошениям родителей. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1900. № 14 (16 июля). С. 349-350.

⁵⁵⁸ В «Очерках по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как правило, спевка хора производилась в часы перерыва от занятий, за счёт ограничения времени, отведённого на игры, но ведь этого ограничения не чувствовалось: петь хотелось во что бы то ни стало. Помнятся спевки зимой. Мы (автор сего участник хора) собирались в комнате, которая в других случаях предоставлялась скрипачам, и здесь, при свете церковных цветных огарков распевали концерты, очередные песнопения для богослужения. Пели с увлечением!

Для спевок даже делались иногда отступления от «драконовского» режима бурсы. Так, для подготовки к исполнению на литургии преждеосвященных даров «Да исправится [молитва моя]» разрешалось отпускать учеников с уроков, и даже Пётр Васильевич Хавский не «чинил» в этом случае препятствий. Мы удалялись в комнату «ламповщика», что у двери в столовую, и здесь распевали все три композиции на это песнопение Боршнянского...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 21-23.

всю жизнь сохранились песнопения Бортнянского, Турчанинова, Аллеманова, Металлова и др.

В этом же году в училище произошло важное событие – организовано было обучение игре на скрипках. Так бурса меняла свой вид.⁵⁵⁹

[4-й класс]

Учение в четвёртом классе было полно событий разного рода. В этом классе заканчивалось изучение всех предметов: катехизиса, Устава, классических языков, русского языка. Каждую неделю по субботам, а иногда и по воскресеньям объявлялись отметки. Это мероприятие было введено после того, как кому-то из бурсаков удалось ночью забраться в учительскую, открыть журналы и наставить в них хороших отметок. На бурсе введены были завтраки между уроками. На них давались: или два яйца, или стакан молока, или в постные дни – гороховые пирожки, которые бурсаки называли ваксовиками. Организована была закупка разных пряностей (это началось еще с конца предыдущего года). Организовано это было так: два ученика третьего или четвёртого класса опрашивали – кому и что нужно купить из пряностей и направлялись в магазины с мешочком за покупками. Были два юбилейных торжества: пятидесятилетие со дня смерти Н. В. Гоголя и 900-летие просветителей славянства Кирилла и Мефодия. Были чтения, соответствующие этим торжествам. Хвала хору и М. М. Щеглову.

Хор исполнял гимны.

«Перед именем твоим мы склонились, Гоголь вдохновенный! Дышит юмором родным со мн[огих] твоих творений незабвенный! Ты впервые нам открыл жизни нашей язвы и пороки. Правде и любви учил, и твои созданья и уроки наш народ уж оценил!»

Что мог переживать П. при исполнении этого гимна Гоголю! Потомки «тессараконты» в 1902 г. пели гимн Гоголю! Это пела бурса.

---

⁵⁵⁹ В 1900/1901 учебном году 3-й класс закончили 29 учеников:

по 1-му разряду – 11: Воеводкин Вячеслав, Анисимов Александр, Баженов Александр, Павлинов Анатолий, **Игнатъев Василий**, Кузнецов Вячеслав, Черёмухин Иван, Штейников Александр, Бирюков Владимир, Меркурьев Александр, Удинцев Анатолий;

по 2-му разряду – 12: Золотухин Николай, Козельский Григорий, Филиппов Владимир, Филиппов Сергей, Борчанинов Александр, Капустин Борис, Борчанинов Павел, Болярский Кронид, Рычков Михаил, Черёмухин Михаил, Богомоллов Николай, Попов Анатолий;

по 3-му разряду – 6 (подверглись переэкзаменовкам после каникул): Серебренников Александр, Болярский Василий, Фофанов Павел, Старцев Василий, Топорков Аркадий, Дягилев Алексей. Все переведены в 4-й класс.

Оставлены на повторительный курс: Лунин Георгий и Зеленцов Василий – по малоуспешности; Кокосов Аркадий и Павлинов Павлин – по прошению родителей.

Уволен из училища согласно прошению родственника: Свирельщиков Вениамин.

В 4-м классе оставлен на повторительный курс: Собянин Константин – по прошению родителя. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1901. № 14 (16 июля). С. 290-291.

Гимн Кириллу и Мефодию: *«Братья двоюцу святую... в день сей радостно почтим... Радуйся, Кирилле, радуйся, Мефодие... радуйтесь словенских стран учителя»...*

Осенью была поставлена опера Глинки «Иван Сусанин». Да, да! Надзиратель И. Н. Ставровский, загримировавшись пел «Чуют правду», ученики в гриме и костюмах пели: «Не о том скорблю, подруженьки» и «Ты не плачь, сиротинушка». Хор пел «Славься». Разве это не опера?

На масленице была постановка «Недоросля» Фонвизина. В конце года ученики четвёртого класса выпустили журнал. В конце года приезжал в училище екатеринбургский архиерей Михей⁵⁶⁰ и скрипачи играли ему богородичен «Царь Небесный». И в тоже время... ученики четвёртого класса нюхали табак, а парусиновые шторы, навешанные весной на окна, на оборотной стороне имели зелёные кляксы. Бурса! Бурса! В этом же году показывали бурсакам «живые картинки».

Что же было? Теперь мы часто читаем в газетах про тайгу по поводу наших новостроек: «Тайга отступает!» Аналогично мы могли бы сказать: «Бурса отступала», но она кривлялась, гримасничала. Первородным грехом её было то, что в недрах её подолгу задерживались «недоросли», т. е. которых Симеон Полоцкий называл «детина непобедимой злобы».⁵⁶¹ Они были носителями всех родимых пятен бурсы. В недрах бурсы пребывали «молодцы», которые ухитрились четыре класса проходить за 7-8 лет.

Были ли в самой системе обучения и учения следы бурсы? Были! Зубрёжка, самая голая зубрёжка была? Была! Бывало так, что ученики ночью вставали, направлялись в класс тайно, зажигали лампу и зубрили. Были ли грубы приёмы обучения? Ну, а как назвать, например, такое. Учитель четырёхкласснику на уроке говорил: «Ну идиот! Наелся ваксовиков, так ему теперь ничего в башку не лезет!» Было и так. В то же время тот же преподаватель, когда ему нужно было посадить ночью на поезд двух первоклассников, всю ночь дежурил на вокзале и уговаривал их: «Вы спите, я разбужу вас!» Когда П. в хоре делал ошибку в исполнении, то камертон нет, нет да и щипнёт. С другой стороны: привезли однажды продавать лук и поставили мешок с ним на дворе; бурсаки пол-мешка растащили. Производился ремонт, и на дворе было «творило» с извёсткой. Бурсаки заряжали бутылку и производили взрыв. Шли бурсаки с ужина в рядах. Один подбежал к другому и всадил перочинный ножик ему в плечо. Бурса «меняла кожу», но прошлое всё-таки цеплялось.

П. проводил последнюю Пасху на бурсе. Александр Борчанинов в последний раз делал украшения на Пасху. Ходили с концертом, в числе хористов был и П. Проходили последние экзамены. В последний раз была прогулка в «Бамбуковку». В последний раз были игры в вечерние часы перед сном. Садилась молодые тополи, было много майских жуков. Пришёл какой-

---

⁵⁶⁰ Правильно, Ириней (Орда).

⁵⁶¹ Выражение Феофана (Прокоповича).

то странник и загадал загадку: «Вот я махнул рукой. Что произошло в это время во всем мире?» Ответ: всё постарело на одну секунду. В последний раз утром к воротам приходил продавец «макушек» - маковых конфет. Фотограф Кирст готовил общий снимок с курса. Вот он получен. Сидят учителя. Стоят бурсаки: аккуратно одетые в курточки с закрытыми воротниками, некоторые в крахмальных воротничках. Причёски: ерошки и косой ряд. Неужели это бурсаки?... Последний молебен. Последний раз П. пропел «Многая лета».⁵⁶²

***

Прошло много лет. Встречался ли Петя со своими учителями, когда и при каких обстоятельствах?

В 1915 г. П. был в гостях и у него был в гостях б[ывший] смотритель Камышловского дух[овного] училища, а тогда инспектор народных училищ в Перми – Михаил Николаевич Флоров. Была сердечная встреча.

В 1923 г. в с[еле] Полевском около Шадринска была встреча с преподавателем греческого языка Петром Васильевичем Хавским. Жил он здесь с сестрой, просфорней. П. видел его босым, возвращающимся с рыбалки... безработным. Встреча была грустной. В Шадринске жил тогда б[ывший] ученик Камышловского дух[овного] училища Стёпа Неверов, б[ывший] священник, а в тот момент зав[едующий] магазином. Он рассказывал, что он и другие б[ывшие] бурсаки время от времени бывали у «Хавы», дружески навещали его. А ведь он именно под горячую руку когда-то аттестовал бурсаков «идиотами».

В 1930 г. П. видел Василия Захаровича Присёлкова на складе «Уралмета». Он отпускал кому-то гвозди. Жалкий вид! Печальная встреча! *Sit transit gloria mundi!*

В том же году в бане у крана состоялась встреча с последним преподавателем латинского яз[ыка] – Иваном Кузьмичём Сахаровым. И. К. работал где-то в тресте. Была последняя встреча с Иваном Кузьмичом в скверике у оперного театра. И. К. рассказывал, что он изобрёл научно-обоснованное средство от заикания (он был заика) и просил П. узнать, не

---

⁵⁶² В 1901/1902 учебном году 4-й класс закончили 25 учеников:

по 1-му разряду – 6: Анисимов Александр, Воеводкин Вячеслав, Баженов Александр, **Игнатъев Василий**, Черёмухин Иван, Меркурьев Александр;

по 2-му разряду – 16: Филиппов Владимир, Кузнецов Вячеслав, Борчанинов Александр, Павлинов Анатолий, Капустин Борис, Борчанинов Павел, Штейников Александр, Золотухин Николай, Собянин Константин, Филиппов Сергей, Бирюков Владимир, Черёмухин Михаил, Удинцев Анатолий, Старцев Василий, Богомоллов Николай, Рычков Михаил;

по 3-му разряду – 3: подверглись переэкзаменовкам: Болярский Кронид, Болярский Василий, Попов Анатолий.

Оставлено на повторительный курс 2 ученика: Козельский Григорий – по болезни; Серебренников Александр – по прошению родителя. // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1902. № 14 (16 июля). С. 304.

согласится ли кто-либо из профессоров медицинского ин[ститу]-та рассмотреть его работу на эту тему. Таковых не нашлось, и работа И. К., очевидно, осталась не известной.

В 1927-1928 гг. Петя видел в «Уральском рабочем» снимки с двух преподавателей, кажется Кыштымского пед[агогического] училища, героев труда. Под одним из них снимков стояла подпись: П. Н. Лавров. Не трудно было узнать в нём Петра Николаевича Лаврова, б[ывшего] инспектора Камышловского дух[овного] училища.

До сих пор в Камышлове живут и здравствуют учитель пения – Михаил Михайлович Щеглов и б[ывший] надзиратель Иван Николаевич Ставровский. П. трижды бывал в Камышлове и виделся с ними. Встречи были сердечными, воспоминания только добрыми.

Еще когда П. учился в семинарии, то вспоминал своих учителей по латинскому и греческому языку. Какую же колоссальную работу они выполнили в дух[овном] училище! Учителя этих предметов в семинарии только сливки снимали, по сравнению со своими коллегами. Как же после этого не сказать: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим».

Были у Пети встречи со своими соучениками?

В 1909 г. Петя встретился с Филипповыми – Владимиром⁵⁶³, студентом Казанской дух[овной] академии, и Сергеем – студентом Казанского университета. С последним когда-то пели вместе в хоре дух[овного] училища. У него был чудесный альт. Когда пели два дисканта и он «Архангельский глас», то голос его достигал предельной красоты и выразительности.

В семинарии П. встречался с Анисимовым, Борчаниновыми, Удинцевым, Козельским, Меркурьевым, Старцевым, но многих, многих уже не встречал.

В августе т[екущего 1960] г[ода] Петя ездил к себе на родину в Течу и здесь встретился с Михаилом Аркадьевичем Рычковым через 58 лет, с ним учились вместе более 60 л[ет] тому назад, а в четвёртом классе сидели на одной парте.⁵⁶⁴

Три года тому назад Петя был в Камышлове и заходил в здание б[ывшего] духовного училища. Там сейчас лазарет, и Пете мало что удалось посмотреть: здесь всё по-новому...

13/IX – [19]60 г. 10 ч[асов] 30 м[инут] вр[емя] св[ердловское] ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 24-47 об.

*Из автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермском коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

⁵⁶³ Филиппов Владимир Александрович – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и Уфимскую духовную семинарию по 1-м разряду в 1908 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1912 г.

⁵⁶⁴ Рычков Михаил Аркадьевич – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г.

*Из записной книжки П. А. Иконникова (продолжение)**

Детские годы – в Камышлове.

1. «засветить» - крепко ударить так, чтобы посыпались искры из глаз.
2. «залимонить» - разновидность «засветить».
3. «задаваться» - неписанный закон бурсы, предоставляющий право старшим (главным образом – четвероклассникам) обижать младших, подставить ногу, ущипнуть, посадить «пучку» (см. ниже). Традиция, которая со временем ослабела. Так, в 1902 г. она почти не применялась.
4. «голодный стол» - высокая мера наказания на бурсе перед исключением. Перед иконой в столовой ставился стол со стаканом воды, перед которым во время обеда стоял провинившийся. Обед он получал, когда все покидали столовую. Эта мера была вроде гражданской казни и имела целью предупредить виновника в том, что над ним висит «дамоклов меч» исключения.
5. «К стенке» - менее сильная мера наказания на бурсе: во время обеда стоять у стенки и наблюдать, как другие обедают. Иногда у стенки встречались представители всех классов. При частом применении её она была малоэффективной. Наказанные получали обед после ухода всех учеников из столовой.
6. «стибрить» - ловко украсть.
7. «слямзить» - идентично «стибрить».
8. «с передачей заколотить» - формула, которой бурсак, когда кто-либо пытается дать ему прозвище, может защитить себя от обидчика, но для этого он должен был быстро, не дав возможности обидчику открыть рот, сказать: «с передачей заколачиваю» и объявить всем: «ребята, я заколотил за ним такое-то прозвище».
9. «пучка» - удар при помощи особой комбинации пальцев. Были ловкачи, которые выбивали синяк у своей жертвы. Относился к обычаю «завадаться».
10. «тёмная» - страшное наследие прошлого бурсы. Устраивалась в ночь перед отъездом на каникулы: на жертву в спальне накидывали одеяло и избивали. Около девятисотых годов уже постепенно отмирала, т. к. и начальство (инспектор, надзиратели) стали больше бороться с этим варварским обычаем. Однако, ночь перед отъездом на каникулы бурсаки обычно проводили тревожно.
11. «клинить» - ябедничать, жаловаться начальству. Кто жаловался начальству назывался «клинья» (именит. пад. ед. числа). Считалось самым смертным грехом бурсака. Таким бурсакам и устраивали «тёмную».
12. «ваксовики» - так назывались гороховые пирожки, которые подавались на завтрак. Название, вероятно, дано потому, что они блестели от масла, а блеск напоминал начищенную ваксой обувь.

13. «съестные» - гостинцы, привезённые кем-либо из дома или полученные кем-либо по почте или через знакомых. Горе было тем, у кого проведдают «съестные». Являются попрошайки.

14. «отчаянной» - идеал бурсака. Он должен быть смелым, ловким, вожаком во всём. Кто осуществит этот идеал становится исторической личностью, о нём слагают легенды.

15. «саклистый» панок (бóльшая кость в игре в бабки). Если он часто принимает положение брюшком вниз, то называется «саклистым». Само положение его брюшком вниз, называется «сака», а брюшком кверху – «бока».

16. «калиток» - так называется панок, во внутрь которого залито олово. Эти панки особенно ценились при игре коном.

17. «восьмитка» - то, что по-латински *vulva*.

18. «кокшить» - относится к этому же.

19. «малашка» (очевидно от Маланья) – любовница.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 167-168 об.

*Продолжение. Начало см. в Части I. Семейная хроника Игнатьевых.

РАССКАЗ «ГИБЕЛЬ ФИНГАЛА» (ИЗ ЖИЗНИ ОДНОЙ СОБАКИ)*

Произошло это событие более шестидесяти лет тому назад. Из-за такой давности его, о нём, может быть, и не следовало бы вспоминать, если бы оно не имело некоторого отзвука в настоящем, не перекликалось бы с ним. Прошлое и настоящее, как говорит нам опыт, отгорожены друг от друга непроходимой стеной, причём прошлое чаще всего бытует в настоящем в виде пережитков отрицательного свойства, но оно же сохраняет иногда и в положительном отношении в виде традиции, полезной для настоящего. Рассказ о гибели Фингала относится к прошлому второго типа.

Мне рассказал об этом событии мой дедушка. «Я учился тогда – так начал он свой рассказ, – в одном училище закрытого типа, среди широких кругов населения такие училища чаще всего называли «бурсами», а учеников в них – «бурсами». Оба эти названия – «бурса» и «бурсак» имели некоторый униженный оттенок, обидный для тех и кому, они относились. В то время широкой популярностью среди читающей публики пользовалось произведение Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы», и все, читавшие это произведение, «бурсу» и «бурсаков» представляли так и такими, какими они изображены в «Очерках». На самом же деле – так подчеркнул мой дедушка, «бурса» конца девятнадцатого века была уже во многом другой, какой она изображены Н. Г. Помяловским. Если «бурсаки» нашего времени» – так выразился дедушка – в 1902 г. в стенах своего училища осуществили постановку отрывков комедии Фонвизина «Недоросль»; если в том же году они отмечали пятидесятилетие со дня смерти Н. В. Гоголя и тысячелетия изобретения «Кириллицы» и исполняли гимны в честь этих юбилеев, то это уже показывало, как далеко ушла вперед «бурса» начала нового века от старой «бурсы» времен Н. Г. Помяловского. Но «родимые пятна» старой бурсы, конечно, еще оставались. Вот здесь, на бурсе – продолжал свой рассказ дедушка – и произошло наше знакомство с Фингалом.

Фингал – рыжий пёс, помесь пуделя и дворняжки был уже стар. Уже налицо были признаки его дряхлости: слезящиеся глаза, поредевшая на спине шерсть, вялые движения. Деревенские мальчишки, дружившие дома, в деревне, со своими Серками, Кудрями, Цыганами, мы – говорил дедушка – уже умели определять возраст этих «друзей человека», по крайней мере, умели отличить старого пса от молодого. Вместе с этим мы по опыту знали, как эти «друзья человека» привязывались к нему на всю свою жизнь, до своей старости, и это внушало нам, детям, безотчётно, в силу какого-то инстинкта, не то уважение, не то жалось к нашему новому, но дряхлому знакомцу. Привыкнув, однако, к деревенским дворняжкам, «шавкам», как их любовно называли – различным по окраске шерсти: то пёстрым, то серым, то чёрным; разной величины, часто покрытым грязью, перьями и пухом, всегда беспокойным, готовым по малейшему поводу и без него залиться звонким лаем и ринуться на любого врага их хозяина, мы отмечали у Фингала его

«барскую» породу, какую-то его степенность, сдержанность в отношении к нам: де-скать не путайте меня со своими «шавками». Самый внешний вид его, свидетельствующий о принадлежности его к определённой, хотя и не чистой, породе побуждал нас отличать его от наших деревенских друзей. Кто из нас деревенских мальчишек не привык с детства читать в их глазах «дай хлеба», если он вкушает его на глазах у какого-либо Кудри, или «ну, возьми меня с собой», если он собирался пойти купаться или поехать в поле. У Фингала, в его глазах, мы не читали таких мыслей: он был иначе воспитан. Мы не знали его прошлого, не знали даже точно – «чей он», где он живёт, где спит, кто его кормит, т. е. всего того, что в деревенских условиях является самым важным для знакомства со всяким живым существом и что являлось как-бы не писанным паспортом его.

Сфера деятельности Фингала, т. е. площадь доверенного его дозору пространства, наблюдения за сохранностью находящейся на нём собственности была очень большая: в неё входил большой двор, непосредственно прилегающий к главному корпусу училища, и второй двор, отделённый стеной от первого, где был дом с квартирами обслуживающего училище персонала. Впрочем, едва ли можно к обязанностям Фингала относить попечение об имуществе на таком большом пространстве: всем было ясно, что только чисто формально можно было отнести его к сторожевым псам. Так и мы, продолжал свой рассказ дедушка – смотрели на Фингала как на какой-то ненужный придаток к «бурсе» и её владениям. При этом он казался нам существом, как-то символизирующим нашу «бурсу», её однообразную, застойную жизнь, далёкую от «живой» жизни, которая была у нас там дома, в деревне. Он появлялся среди нас, и было видно, что ему нравится быть в нашем обществе. Он подходил то к одному, то к другому из нас, и было похоже на то, что он просил, чтобы его приласкали, чтобы поняли, что он одинок, но между ним и нами было какое-то неуловимое, не осознанное нами средостение, не было той непосредственности, которая всегда возникала, когда мы соприкасались с нашими деревенскими «шавками». «Ты противостоишь нам как принадлежность «бурсы», как одна её часть, и это разделяет нас» - такая мысль где-то была глубоко скрыта в наших душах и отделяла нас тогда от Фингала. Было ещё одно обстоятельство, которое содействовало этому и вытекало из условий жизни на «бурсе». Среди «бурсаков» имела хождение легенда о том, что когда-то в подвале здания «бурсы» работали фальшивомонетчики, а подвал охранял Цербер в виде Фингала. Самое название Фингал, не привычное для них, как и название Цербера, вводило их мысль в мир этой легенды, что в общей сложности и определяло их сдержанное, лишённое некоторой интимности, отношение их к Фингалу. Но вот произошло событие, которое в корне изменило взгляд «бурсаков» на Фингала и отношение к нему.

С весеннего Николаы, как называли праздник в честь святого Николая-чудотворца (праздновался 9-го мая по старому стилю) на «бурсе» - продолжал дедушка свой рассказ, - начиналась горячая «страда» - экзамены,

пора усиленной зубрёжки, до умопомрачения. По злой иронии судьбы, это же время было тем периодом учения, когда ученики свободны были от обязательного посещения уроков и присутствовать в классах, и они больше проводили его (время) на воздухе. Только бы наслаждаться в эту пору дарами весны – солнцем, воздухом, всё больше и больше появляющейся зеленью, но экзамены, как Дамоклов меч, висели над головой и отравляли весеннее настроение. «Бурсаки» растекались по обширному двору училища в поисках укромных уголков, где бы можно было, отгородившись от всего, предаться неизбежной зубрёжке. На дворе под большим навесом в несколько рядов, высоких и длинных, стояли поленницы дров. Эти поленницы в дни экзаменов превращались в катакомбы: в них устраивались ниши, и все поленницы приобретали вид пещер. Сюда-то искатели уединения в эти горячие дни и забирались, как в улей. По жужжанию, подобному шмелиному, которое разносилось здесь отовсюду, можно было определить, по какому предмету в тот или иной промежуток времени «бурсаки» готовились к экзамену. В это же время чаще, чем осенью или зимой, среди «бурсаков» бывал и Фингал. Весна для всех весна: и для людей, и для животных. Фингал в это время заметно оживал, и когда «бурсаки» поздно вечером, перед сном, стряхнув с себя все заботы об экзаменах, бегали по двору и ловили майских жуков, тучами летавших над только что посаженными тополями, и он суетился среди них, принимал участие в общем движении. Получалось такое единение с нашим другом, которое напоминало наши деревенские игры с какой-либо «шавкой», и, что говорить, отношение «бурсаков» в этот момент к Фингалу становилось более интимным, сердечным.

Но в такой именно момент дружбы «бурсаков» с Фингалом, - с грустной ноткой в голосе сказал дедушка, - с ним и разыгралась роковая трагедия, вернее пока что только начало её, а именно: в один солнечный день Фингал не появился среди «бурсаков» в означенное время, а скоро они увидели, как через главный двор «Бурсы» продвигалась деревенская телега, а сзади неё, сильно сопротивляясь и стремясь порвать верёвку, которой был привязан к телеге, мотался в разные стороны наш несчастный Фингал. Бросились было спасать его, но ... телега уже была за воротами, и ... Фингал скрылся с глаз.

Людям свойственно всегда выискивать какие-либо соображения для своего утешения. Так было и в данном случае и с опечаленными «бурсаками»: хотя было ясно, что с Фингалом затевают сделать что-то недоброе, но они (бурсаки) никак не хотели смириться с мыслью о том, что Фингалу пришёл «смертный час». И строили для успокоения себя различные утешительные предположения: то говорили, что его отправляли на дачу смотрителя училища, то говорили. Что его отдали какому-то доброму мужичку, и де-скать там ему будет житьё даже лучше, чем на «бурсе». Всем этим благодушным догадкам положил конец один из сторожей «бурсы», сказав «бурсакам» без всяких обиняков, что Фингала отдали мужичку в

деревню. Чтобы он удавил его, так как боялись, что он в старости может сбеситься.

Всё стало ясно! И теперь только «бурсаки» почувствовали, как дорог был им Фингал, и поняли, что на «бурсе», где в течение десяти месяцев они были оторваны от деревни и вообще от окружающего их высшего мира. Он связывал их с той богатой впечатлениями жизнью, которой они жили там, в деревне, в общении со своими друзьями, в том числе и с друзьями из животного мира. Они поняли, что то, что угнетало их здесь, на «бурсе», состояло, между прочим и в том, что они лишены были здесь общения и со своими лошадами Бурками. Которых они водили в деревне купать, и с бурёнками, которых вечером встречали. И с Серками и Кудрями, с которыми они ездили в поле, которые нетерпеливо ждали, когда же, наконец, запрягут лошадь в телегу, и они, с визгом и радостным лаем кружась около неё, в облаке пыли помчатся за ней, временами ныряя в высокую траву или в курс в поисках какой-либо «живности». И именно теперь, когда так случилось с Фингалом, такие картины настойчиво рисовали им их возбуждённая фантазия.

И какова же была их радость, когда через день вдруг примчался к ним Фингал. Весь грязный, голодный и с обрывком верёвки на шее. Весь «бурсацкий» люд сбежался со всего двора, повыскакивали из своих «пещер» «затворники». Поднялся шум, понеслись крики: «Фингал прибежал», «Фингалушка милый!» Размякли «бурсацкие» сердца. И эти «детины непобедимой злобы» превратились в сентиментально воспитанных детей: они заглядывали в глаза Фингала и им казалось, что он жаловался им на своих обидчиков; им казалось, что он просил у них защиты от своих «ворогов»; они старались очистить его от грязи, гладили его; они рылись в своих карманах в поисках чего-либо съестного, что приготовили себе, чтобы перекусить среди зубрёжки и, если находили, то старались отдать это Фингалу. Это было картина, достойная кисти художника, которую следовало бы озаглавить: «Возвращение из ссылки Фингала».

Фингала спасали: его держали и прятали в одной из «пещер» в дровах; если приносили самые лакомые куски из скромного «бурсацкого» рациона; около него дежурили и, когда он старался вырваться на свободу, его уговаривали, что ему нельзя показываться своим хозяевам, но разве можно было его удержать. И его «вороги» - те, что замыслили его «сгубить» - конечно, знали, где его спасают, но пока что оставили его в покое: то ли некому было отдать его для удавления, то ли решили пока не будоражить вновь «бурсаков» (и на «бурсе» иногда руководствовались гуманными мотивами), но до конца экзаменов Фингал оставался с «бурсаками».⁵⁶⁵

---

⁵⁶⁵ В рассказе «Фингал (из детских воспоминаний) в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется ещё несколько эпизодов: «Случаи общения с ним у нас ещё могли быть, когда нас водили купаться, но нам запрещали брать его с собой. Мы ухитрялись иногда «правдами», а иногда и «неправдами» провести Фингала с собой на купание, то «уломавши» как-нибудь надзирателя, сопровождавшего нас на купание, на то,

С грустным предчувствием мы – сказал дедушка, - прощались с Фингалом, уезжая на каникулы, и это предчувствие нас не обмануло: вернувшись на «бурсу» осенью, мы не нашли Фингала, - заключил он свой рассказ о гибели Фингала.

По привычке, столь свойственной старикам, мой дедушка не остановился только на рассказе об этом событии, а сопровождал его сентенцией, поучением к нему. Он сказал: «Вся эта печальная история с Фингалом произошла ещё тогда, когда мы не читали ни «Каштанки» А. П. Чехова, ни «Белого пуделя» А. И. Куприна да, что говорить, многие из нас, вероятно, не читали даже «Муму» И. С. Тургенева. («Бурсакам» из училищной библиотеки главным образом выдавались книги о путешествиях и войнах). Но когда позднее мы читали эти произведения, указанные выше – подчеркнул дедушка, - то мы вспоминали и историю с нашим Фингалом. Русские писатели – продолжал свою речь о литературных произведениях дедушка, - не раз любовно описывали в своих сочинениях различных представителей животного мира. В них они изобразили и счастливую и печальную судьбу их. Встречали мы в них и гордого толстовского Холстомера⁵⁶⁶ и жалкого Конягу Салтыкова-Щедрина.⁵⁶⁷ Читали и о гибели красавицы Фру-Фру.⁵⁶⁸ Жестокое обращение с животными не раз описывал Ф. М. Достоевский. Всем памятна трагедия душевных мучений Коли Красоткина (?) по поводу загубленной им собачки «Трезора» (?), описанные в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

К сожалению – с грустью заметил дедушка, - случаи жестокого обращения с домашними животными наблюдаются и в настоящее время и что печальнее всего со стороны тех людей, для которых это недопустимо, и в такой обстановке, в которой проявление жестокости – преступно. Так, крановщик Верх-Исетского завода ... однажды в присутствии своего мальчика и других детей бросил молодого здорового кота в помойку, и когда несчастный постарался выползти из ямы, зверь-человек (иначе нельзя назвать) под дикий крик «сих малых» сбрасывал его обратно в яму. Неудивительно, поэтому, что группа детей из соседнего дома заманила собаку на чердак двухэтажного дома и сбросила её вниз, наслаждаясь муками несчастного животного. Уральский писатель [Б. С.] Рябинин не раз в прессе выступал в защиту животных и птиц – продолжал свою речь дедушка, -

---

чтобы обойти запрет, т. е. совершить «преступление», то, воспользовавшись его близорукостью, провести его в толпе, за что нам обычно «попадало». Был один день весной во время экзаменов – день «Троицы», когда нас водили в лес на прогулку.... Мы добились разрешения взять с собой и Фингала. «Старик» был рад этому. В лесу мы всячески старались развлечь его, и он даже побегал с нами. Это было нашим последним «прости» с Фингалом. Мы были довольны, что доставили «старика» это удовольствие и даже засчитали это за искупление своей вины перед ним» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 149-150.

⁵⁶⁶ Холстомер – жеребец, герой повести Л. Н. Толстого.

⁵⁶⁷ Коняга – конь, герой сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁵⁶⁸ Фру-Фру – лошадь в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

причём отмечал в своих статьях случаи неразумного отношения к животным и порочных взглядов на них даже у людей с высоким образованием. В настоящее время – подчеркнул дедушка, - в нашей стране широко организована борьба с этим злом, наследием прошлого». Он указал на то, как И. П. Павлов, широко экспериментируя над собаками в научных целях, призывал к гуманному обращению с подопытными животными, к избеганию при этом всяких ненужных эксцессов. Он говорил, что этого требует от человека его человеческое достоинство. Указал дедушка и на то, что надо помнить о первом космонавте из живых существ – собаке Лайке, принесённой в жертву для науки.

Закончил свой рассказ мой дедушка следующими словами: «Всё это, т. е. всё, что в настоящее время предпринимается в защиту животных, воскресило в моей памяти образ Фингала и историю с ним». Эта история – добавил он, - поучительная, между прочим, и тем, что она свидетельствует о необходимости общения детей с животным миром; что это общение является одним из факторов их морального воспитания. Об этом нужно всегда помнить всем людям, а особенно тем, кому в первую очередь вверена судьба «сих малых».

Со слов своего дедушки записал В. Игнатъев.

3/III 1963 г. 12 ч[асов] 20 минут дня.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 715. Л. 1-9 об.

*Рассказ ведётся от лица дедушки, которым является сам автор. В «свердловской коллекции» воспоминаний: рассказ «Фингал (из детских воспоминаний)», датирован 03.04.1967 г., ведётся от первого лица, в нём автор, в основном, повторяет многие эпизоды жизни и учения в Камышловском духовном училище: детские игры, отношения с преподавателями, атмосферу экзаменов и пр.

ПОЕЗДКА В КАМЫШЛОВ И ТИМОХИНО В АВГУСТЕ 1963 ГОДА

ноябрь 1963 г.

Вместо посвящения.

Дорогой Павел Степанович!

Я посылаю Вам это своё «творение» их тех соображений, что считаю Вас как бы невидимым соучастником описанного здесь события. Вы не возражаете? Посылаю, минуя обычную в этом случае инстанцию – Ивана Степановича, - так как, в соответствии с полученным от него письмом, в котором он сообщил мне о предполагаемом своём после 22/XI выезде в Москву, думаю, что это моё письмо застанет его уже в Москве. Чувствую, что «творение» моё перегружено лирическим элементом, но такова природа всякого произведения, в котором действует *memoria*.

Извиняюсь за почерк.

С приветом и лучшими пожеланиями Ваш В. Игнатъев.

24/XI – 1963 г.

Приложение: две вырезки из «Уральского Рабочего» [в деле отсутствуют – ред.]

Мысль о поездке в Камышлов и Тимохино возникла у нас – у меня и Ивана Степановича Богословского – ещё три с лишним года тому назад, когда я гостил у него в Перми. В наших беседах мы часто вспоминали своих родителей, братьев и сестёр. Вспоминали свои детские и юношеские годы, годы учения, и в процессе этих воспоминаний как-то сами собой в поле нашего зрения оказались Камышлов и находящееся неподалёку от него село Тимохино, которые привели нас к мысли о поездке в них. Так случается, что вдруг какой-либо предмет сцементирует различные мысли в один, и она превращается в господствующую мысль – в «*idée fixe*».⁵⁶⁹ У Ивана Степановича эта мысль возникла из желанию побывать на могиле его матери в Тимохине и познакомиться, наконец, лично с проживающим в Камышлове Михаилом Михайловичем Щегловым, видным музыкальным камышловским деятелем, с которым у него завязалась длительная переписка на почве общих воспоминаний о далёком прошлом от времени обучения в том типе школы, в котором один из них (Богословский) учился, а другой (Щеглов) работал преподавателем. У меня же мысль о поездке в Камышлов вытекала из желания побывать в городе, где я учился в течение пяти лет, а главным

---

⁵⁶⁹ *idée fixe* – по-французски идея фикс, сверхценная идея, которая преобладает в сознании личности над всеми остальными суждениями.

образом из желания повидаться со своим бывшим педагогом, который в мои детские годы привил мне любовь к пению, которая в жизни была главным содержанием моей психической деятельности, том, что я «любил, как душу». Моя мысль о поездке в Камылов, по закону товарищеской солидарности, слилась с мыслью Ивана Степановича о поездке в Тимохино, и у нас получилось одно желание – поехать и в Камышлов, и в Тимохино.

Когда мы обсуждали вопрос о поездке конкретно, т. е. как её осуществить, каким транспортом воспользоваться для этого, у меня возникла мысль обратиться к Валентину Ивановичу Голикову, одному из моих свердловских родственников, с просьбой свозить нас в Камышлов и Тимохино на его «Москвиче». Мысль эта возникла на том основании, что он уже не раз возил меня с собой на своём «Москвиче» на мою родину, в с[ело] Течу Челябинской области. «Идея» эта понравилась Ивану Степановичу, и я при встрече с Валентином Ивановичем в Свердловске по возвращении из Перми, рассказал ему о нашем «заговоре» с покушением на него и его «Москвич». Оказалось, что наше желание поехать в Камышлов совпадало и с его желанием побывать в нём, потому что с Камышловым у него были связаны воспоминания об учении в детские годы в гимназии. Это стечение желаний «трёх» привело к образованию своеобразного «триумvirата» по поездке в Камышлов и Тимохино.

Реализовать эту «идею», как говорится, «по горячим следам» не удалось по ряду причин, а именно: то никак не удавалось согласовать время поездки; то «капризничал» «Москвич» Валентина Ивановича по причине изношенности; то сам водитель прихварывал. Главным же препятствием было то, что дорога на Камышлов ремонтировалась, и было рискованно в таких условиях пускаться в путешествие по ней.

В августе 1963 г. все вышеуказанные препятствия к поездке отпали, и сам Валентин Иванович стал усиленно агитировать поездку, которая так долго откладывалась. Удалось согласовать и время для поездки.

Приезд в Свердловск Ивана Степановича уже обозначал, что «триумvirат» приступил к осуществлению давно задуманной поездки. Во всяком случае уже можно было сказать, что «Рубикон пройден», и путь к дальнейшему откладыванию поездки отрезан. Оставалось, как говорится, «утрясти» разные мелочи, которые, как «шишбарки» лопуха в таких случаях цепляются и тормозят дело, как, например, вопрос о домовнице в квартире Валентина Ивановича, так как Вера Александровна, жена его, больная, боялась одна ночевать дома, но и этот вопрос, в конце концов, был благополучно разрешён, правда, в связи с ним срок поездки был строго ограничен: мы должны были возвратиться домой не позднее вечера следующего дня.

Итак, мы отправлялись с «визитом» к Михаилу Михайловичу при нескольких странных обстоятельствах, а именно: по настоящему знакомым ему был только один я; Иван Степанович был знакомым только по переписке с ним, а Валентин Иванович совсем не был знакомым с ним. Он знал

Михаила Михайловича только по слухам, потому что учился в гимназии с его старшим сыном – Михаилом, но роль его в качестве водителя «Москвича», кстати сказать, уже новой марки, оправдывала его и давала, так сказать, право на участие в этом «визите».

Мы выехали из Свердловска часов в десять утра. Дорога на «Богданович» была асфальтирована, и «Москвич» под умелым водительством Валентина Ивановича мчал нас на уровне определённой для него быстроты. Пейзаж, который открылся нам в пути, был характерным для отрогов Урала при переходе гор к зауральской равнине. «Москвич» то и дело поднимался на холмы и стремительно спускался с них. Преобладала лесистая местность с присущей ей величавой красотой. На дороге было заметно значительное движение автомашин, что свидетельствовало о том, что эта дорога связывала промышленные центры Урала.

Через два с лишним часа мы подъезжали к «Богдановичу», и в перспективе уже видны были заводские постройки. Я оказался в плену воспоминаний. В годы нашего учения «Богданович» был станцией, на которой была пересадка с железнодорожной магистрали в направлении Сибири на Каменскую железнодорожную ветку и наоборот. Здесь мы при поездке на учение с грустью расставались с нашими сёстрами, ехавшими в Екатеринбург и, наоборот, радостно встречались при поездке на каникулы. В одно лето нам пришлось ждать здесь поезда двадцать с лишним часов, и мы блуждали по окрестностям станции, ходили даже в ближайшую деревню. Вокзал станции тогда был небольшим, тесным и грязным. Ночью мы располагались спать прямо на грязном полу со своими котомками под головой. Станция славилась тогда блинчатыми пирожками, которыми вёл бойкую торговлю содержатель буфета из Екатеринбурга. Мне запомнилась эта станция, её внешний вид и в позорные дни японской войны, когда через неё шли воинские поезда на Дальний Восток. Около вокзала тогда была пашня с поленницей или парами. Теперь мы проезжали по большому посёлку заводского типа, а вдали виднелся вокзал с новыми постройками, захватившими значительную площадь.

Дорога за «Богдановичем» была хуже, а в одном месте даже с трудом проходимой, и только искусное водительство машиной Валентина Ивановича позволяло преодолевать препятствия по пути. При подъезде к Камышлову нам предстояло проехать мимо известного на Урале дома отдыха и курорта «Обухово». Он был знаком уже моим спутникам, и я слышал, как они обменивались разговором по поводу замеченных ими в нём внешних перемен. Я в первый раз и издали осматривал этот дом-отдыха. Мы проехали по мосту через реку Пышму и были уже вблизи города. Пейзаж, который мы наблюдали по дороге от «Богдановича» до Камышлова, был уже другой: по обе стороны дороги были поля со снятым с них уже хлебом.

В Камышлов мы въехали сразу по его магистральной улице: проехали мимо б[ывшего] собора, выехали на площадь у б[ывшей] Александровской церкви, повернули направо к Шадринскому мосту через Пышму и подъехали

к дому у самого моста с адресом: Ленина, № 1. Это и есть дом Михаила Михайловича Щеглова. Мы сразу же оказались в объятиях гостеприимных русских людей. Я не мог иначе назвать эту встречу, которая нам была оказана. Нас встретила старшая дочь Михаила Михайловича – Варвара Михайловна. Я встречался с ней в первый мой приезд к Михаилу Михайловичу, лет десять тому назад. Встреча тогда была мимолётной, и Варвара Михайловна тогда мне показалась женщиной суровой, замкнутой в себе, не общительной. На этот раз нас встретила женщина, во всех движениях, в разговоре и даже голосе которой, на редкость мелодичном, так и проглядывала широкая натура русской гостеприимной женщины. Да простит мне читатель, может быть за слишком вольный экскурс в художественную литературу по этому случаю, но голос Варвары Михайловны воскресил в моей памяти известное изречение Вильяма Шекспира: «Вед, в женщине всего прелестней голос».

Как всегда в этих случаях бывает, началась суматоха: приглашения, приветствия, перекрёстные вопросы, и, наконец, «ворота тёсовы», которые, вероятно, давно-давно не раскрывались, растворились, и на «Москвиче», а не «на конях, на санях», как сказано у поэта, «гости въехали». Рекомендуясь, Валентин Иванович сообщил Варваре Михайловне, что он учился в гимназии с её старшим братом и, как неожиданный для себя сюрприз, получил ответ с сообщением, что он, этот её брат, сейчас в Камышлове и дома. Бывают же в жизни такие счастливые случаи, счастливые совпадения!

Среди встречающих не оказалось Михаила Михайловича, и сейчас пришло время принести «покаянную» автору сего. После только что упомянутого счастливого случая с Валентином Ивановичем приходится, наоборот, сказать: «Бывают же в жизни такие каверзные случаи, нелепые по своему стечению обстоятельств», как получилось на этот раз с моей телеграммой Михаилу Михайловичу с извещением о нашем приезде». Телеграмма мной была дана с вокзала в такой редакции: «Приезжаем сегодня «Москвичом». Телеграфистка (такowymi обычно бывают женщины), очевидно, мысля категориями и на языке железнодорожных работников («поезд сибирский», «поезд ташкентский» и т. д.) передала её в редакции: «Приезжаем сегодня московским», и вот оказалось, что Михаил Михайлович пошёл на вокзал встречать какой-то «московский поезд». Получилось так, что наш приезд на «Москвиче» был неожиданным: «как снег на голову». сыну Михаила Михайловича пришлось идти за ним на вокзал. Мне пришлось признаться в неточности и непредусмотрительности формулировки телеграммы и склонить повинную «главу» перед своим педагогом. Было мучительно неловко!

Пришёл Михаил Михайлович, и начались приветствия и знакомство при первой встрече. Когда встречаются несколько человек с одним человеком, то обычно получает бóльшую нагрузку на речь при разговоре: он попадает под перекрёстный огонь задаваемых ему вопросов. В таком положении в данном случае оказался Михаил Михайлович, но облегчающим

в этом случае для него обстоятельством, образно выражаясь, «отдушиной», явилось о, что один из приехавшего «триумvirата», член его, Валентин Иванович, встретился со своим соучеником по гимназии, с которым даже сидел на одной парте. Встреча произошла через сорок шесть лет, поэтому естественно, что товарищи детства устремились друг к другу, а так как на стене комнаты оказалась фотография, на которой запечатлены были их преподаватели, то этим самым были уже определены темы разговоров. «Бойцы вспоминали минувшие дни», и от стены, у которой стояли «однокашники», то и дело доносилось до меня: «А не знаешь ли ты, что случилось» с тем-то, где тот-то и т. п. Приятно было слышать, что собеседники в общем добром помянули и свою *alma mater* и своих наставников. Получилось дальше как-то так, что Иван Степанович «завладел» Михаилом Михайловичем и я по привычке, в данном случае, уже старческой, предался воспоминаниям.

В четвёртый раз в жизни я был «в гостях» у Михаила Михайловича. Первый раз я был у него «в гостях» на Пасхе в 1902 г. В промежгвенье перед масленицей мы, ученики Камышловского духовного училища, пропели ему под дирижированием нашего надзирателя Ивана Николаевича Ставровского свадьбу, а на Пасхе в составе 8-10 мальчиков его хора явились к нему с «концертами». Жил тогда Михаил Михайлович в новом доме священника Евгения Юшкова на берегу Пышмы. Помнится, в доме ещё пахло смолой. Супруга Михаила Михайловича – Людмила Алексеевна, после того, как мы пропели «концерт» - пасхальные «часы» и одну часть концерта «Днесь всяка тварь», угощала нас. Смущённые и угловатые, не привыкшие к такому приёму, мы «угощались» обильными снедями, расположенными на столе. Было это 61 год тому назад, и это было утро семейной жизни Михаила Михайловича. Прошло пятьдесят лет после этого, и я вновь был «в гостях» у Михаила Михайловича в мой первый приезд к нему после ужасной Великой отечественной войне, а теперь был уже третий приезд к нему. Я был свидетелем уже вечера семейной жизни Михаила Михайловича: умерла Людмила Алексеевна, старшей дочери Михаила Михайловича – Варваре Михайловне было, очевидно, под шестьдесят лет, а старший сын его – тоже Михаил Михайлович, - которого я встретил первый раз, был седой. Отсутствовали ещё младший сын и младшая дочь. Во все приезды мои в Камышлов к Михаилу Михайловичу на склоне моих лет две мысли неотступно преследовали меня – это, во-первых, что мне не пришлось уже видеть в живых Людмилу Алексеевну и, во-вторых, то, что я приехал к Михаилу Михайловичу безголосым и мне так и не удалось показать ему себя в расцвете моего голоса, когда мне доступны были для исполнения такие романсы, как Денца⁵⁷⁰ «Вернись», Блейхмана⁵⁷¹ – «Уста ми молчат», романсы Гурилёва⁵⁷², Варламова⁵⁷³ и даже оперные арии, которые были в нотах

⁵⁷⁰ Денца Луиджи (1846-1922) – итальянский композитор.

⁵⁷¹ Блейхман Юлий Иванович (1868- 1910) – русский композитор и дирижёр.

⁵⁷² Гурилёв Александр Львович (1803-1858) – русский композитор, пианист, скрипач.

Михаила Михайловича. Мне хотелось показать ему, что же получилось у меня из того, что он зажѣг в моей душе, а именно любовь к пению и каких успехов я достиг в этой области.

Я следил за беседой Михаила Михайловича с Иваном Степановичем и старался восстановить в своей памяти его образ в то отдалѣнное время. Естественно, что мне хотелось восстановить образ его в такой обстановке, которая наиболее ярко сохранилась в моей памяти. Моя фантазия рисовала мне картину нашего хора. В углу клироса стоим мы – я и Александр Меркурьев – в роли теноров. Рядом стоят басы, в числе которых Павел Борчанинов, а сбоку стоит он, наш учитель пения и регент. Он же и присяжный бас, хотя по ходу исполнения ему приходилось петь на все голоса – «партитурой», когда тот или иной голос начинал фальшивить. Стоит он с сюртуке, обязательно в крахмальной сорочке. Что нас особенно занимало, так это то, что из внутреннего кармана сюртука он вынимал, как нам казалось, не меньше 3-4-х носовых платков. Волосы у него подстрижены в «ѣжик». Он чисто подбрит. Лицо у него молоджавое и, как нам опять-таки казалось, было знакомо с разными косметическими специями. Как бас, Михаил Михайлович сохранился в моей памяти в особенности в момент исполнения нами «Покаяния» Веделя. Это, вероятно, потому, что в нашем сознании исполнение этого песнопения считалось вершиной нашего искусства, почему запомнились и отдельные моменты его исполнения. Критической точкой исполнения этого песнопения для баса, самым ответственным моментом являлись слова «окаянный трепещу – страшного дне судного», причѣм слово «окаянный» исполнялось *crescendo* и в последнем случае *fortissimo*, можно сказать, с трагической интонацией. что с сильной интерпретацией и выполнял Михаил Михайлович. Голос его звучал могуче, и вся фигура его была крепкой, сильной; по крайней мере нам, мальчишкам 14-15 лет, так тогда казалось. И вот теперь я смотрел на Михаила Михайловича, и он казался мне, да и на самом деле был, стареньким, низкого роста; не было у него на голове «ѣжика»; шея казалась сильно вытянутой; не было у него и прежнего звучного голоса. Вспомнилась ария Грязного в опере «Царская невеста» Римского-Корсакова: «Куда ты, удаль прежняя, девалась».... «Не узнаю Григория Грязного». Внутренний голос мне подсказал, что эти же слова относятся и ко мне, в мой адрес. Так сравнились в жизни и учитель, и ученик.

В это время в смежной комнате, за стеной, по всем признакам, готовилось что-то грандиозное. Это было видно из того, что Варвара Михайловна время от времени вызывала туда Михаила Михайловича младшего, или заходила в «гостиную», где мы были, и вела с ним похожие на заговор переговоры. Тайна скоро открылась: нас пригласили к столу. Перед нами открылась «скатерть-самобранка». Только так можно назвать обилие

---

⁵⁷³ Варламов Александр Егорович (1801-1848) – русский композитор, певец и музыкальный критик.

самых разнообразных яств, которые были на столе. Было видно, что моя телеграмма, внёсшая путаницу при организации встречи, сыграла определённую роль в подготовке другой стороны встречи, её материальной стороны, которая и определяется словами «ходить в гости», «быть в гостях» и пр. Если при первой встрече, т. е. в момент въезда нашего «Москвича» в ограду, можно было сказать, что мы попали в «объятия» русских гостеприимных людей, то теперь уже нужно сказать, что мы оказались в «плёну» русских хлебосольных людей. Русское хлебосольство! Его только одним умом, так сказать, теоретически, даже если знаешь наизусть «Демьянову уху» И. А. Крылова и если не однажды и с категорической убеждёностью от кого-либо, человека твёрдых взглядов и убеждений, услышишь тезис: «гость-мученик», не постигнешь – его нужно испытать, пережить, пройти через горнило опыта... и мы прошли. Мы оказались под перекрёстком огнём, который исходил, с одной стороны, от Михаила Михайловича младшего и от Варвары Михайловны, с другой стороны. В руках первого после того, как Варвара Михайловна объявила «Вечер встречи» открытым, то и дело появлялся графинчик с той влагой, которую служители Бахуса любовно называют «чистейшей, как девичья слеза». Этот графинчик то и дело склонялся в сторону того или другого гостя, к конусообразному сосуду, стоящему перед ним, причём архитриклин – Михаил Михайлович младший был настойчивым, как и полагалось по этикету русского, действительно широкого хлебосольства. На языке хлебосолов этот этикет даже выражен был в формуле: «Поелозьте, мои гости», причём правила учтивости требовали, чтобы гости тоже отвечали в контакте с хозяевами: «Сами знаем – понимаем: наелозились». Не отставали от архитриклина в наступлении на наши желудки и Варвара Михайловна. Несмотря на то, что стол и так густо был заставлен разными закусками: колбасой, сыром, консервами и пр., она приносила и приносила из кухни всё новые и новые блюда: дымящийся варёный картофель, свежепросольные огурцы и пр. и всё с «присловиями», которые обязывали гостей вкусить принесённое. У хлебосольной русской женщины на этот счёт существовал целый «арсенал» присловий и прибауток, и ими зачаровала нас хозяйка «Вечера встречи». Признаться, по условиям своего «бытия» мы уже отвыкли от такого гостеприимства, и хозяева «Вечера» перенесли нас в далёкое прошлое, дорогое по воспоминаниям, как говорится: «что прошло, то сердцу мило». Такого натиска со стороны «архитриклина» раньше всех, и огорчению его, не вынес я. С трудом, как видно, сдерживал его Иван Степанович, но зато на «поток и разграбление» отдан был желудок Валентина Ивановича, и по делом, потому что он, во-первых, был моложе нас и, во-вторых, встреча с товарищем детства сама по себе обрекала его на это. Излишне говорить о том, что речь за столом искрилась, как полагается в этом случае. За столом мы расположены были по классическому образцу – в виде буквы П, но не возлежали: до этого ещё не дошло, однако то, что было, походило на

«лукуллов пир», который возглавлял «патриарх» нашего поколения – Михаила Михайлович старший.

Я знал по опыту, что быть в доме Михаила Михайловича Щеглова это значило для нас, его бывших учеников, прежде всего получить от него «гору» фотокарточек с выпускников Камышловского дух[овного] училища и проследить по ним историю своей *alma mater*. При этом всегда являлось желание – сравнить «век нынешний и век минувший». Нет, те, которых мы видели на этих карточках, были далеки от персонажей вроде пресловутого «тессараконты», изображённого Н. Г. Помяловским в его «Очерках бурсы». И это сознание всегда давало нам удовлетворение при мысли, что наша школа оттолкнулась от тех мрачных времён. Среди карточек были и такие, которые отразили игру чувств кого-либо из знакомых нам изображённых на них лиц.

Я знал также по опыту, что у Михаила Михайловича есть «заветный» шкаф, в котором хранятся ноты, по которым мы пели, и знал, что вот-вот он достанет что-либо из этих нот, и мы будем «музицировать». Это неизбежно должно было последовать и последовало, как только мы закончили «пир», это было и моим желанием. И я знал, что это моё желание разделяют, правда, по-разному и мои коллеги: Иван Степанович и Валентин Иванович. И этот момент настал: Михаил Михайлович порылся в своём шкафу с нотами и со словом «вот», сказанным многозначительно и с ударом по ним рукой положил ноты на пюпитр рояля. Лицо его сияло вдохновением. С таким видом, вероятно, открывал ноты старый Лемм перед Лизой Калитиной.⁵⁷⁴ Это была тетрадка нот – партитура, писанная от руки. Сколько таким образом распространял он музыкальных произведений, духовных и светских, для того, чтобы мы их исполняли! И вот понеслись звуки величественной мелодии «Ныне отпускаеши» Ломакина. У меня голоса уже не было, а «пела только душа». Я старался мобилизовать остатки «прежнего величия», ещё раз пережить то чувство восторга, которое это произведение вызывало у меня тогда, когда я пел его мальчишкой 15-ти лет. Я не мог удержаться от слов: «какая красота, какая красота!» С чем можно было бы сравнить это переживание? Разве только с тем, что вот у человека прервался дар речи и вдруг он снова воскрес. Или: рояль долго не издавал звуков, и вдруг из него «полилась» величественная мелодия. Так, возникает восторг при просмотре оперы М. И. Глинки, когда раздаётся величественная песня Баяна.

Потом Михаил Михайлович принёс несколько тетрадей романов – *solo* и *trio*. Пели «На севере диком» А. С. Даргомьжского, романсы Гурилёва и Варламова. Принёс также он несколько реликвий: нот и писем.

Рано проснулся я на другой день и пересмотрел эти ноты и письма. Вспомнилось, как утро начиналось у нас на «бурсе» в далёкие времена: слышался протяжный гудок кожевенной фабрики Алафузовых, сухой,

---

⁵⁷⁴ Персонажи романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

холодный, ледящий, и на душе от него становилось одиноко и хотелось скорее возвратиться домой, к домашнему уюту.

На совете утром было постановлено: а) изучить возможность поездки в Тимохино и б) осмотреть город, посетить здание б[ывшего] духовного училища. Валентин Иванович поставил своей задачей посетить те места, которые ему памяты по годам обучения в гимназии.

В первую очередь мы – Иван Степанович, Михаил Михайлович и я – двинулись в «путешествие» по Камышлову, причём гидом для нас был Михаил Михайлович. Во время обучения в духовно училище нас никуда из общежития не отпускали, мы знали только ближайшую к училищу часть города, поэтому я по существу был на положении тоже человека, впервые знакомившегося с городом. Мы приближались к зданию б[ывшего] духовного училища, стали попадаться знакомые мне по прошлому место, и нарастало моё желание – скорее увидеть его, то здание, в котором я проучился пять лет.

Странно всё-таки «устроен» человек, и как часто своим настроением и поведением он оправдывает известный тезис: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Так случилось и с нами, выпускниками духовного училища: на всё, конечно, при учении в нём казалось нам мёдом; бывали, ой, ой, какие огорчения, и мы его ругали, а вот поди-ты – пребывание в нём осталось в памяти как что-то светлое, хорошее.

При обозрении духовного училища мне надлежало быть гидом для Ивана Степановича. Раньше я уже описывал его ему, и теперь нужно было мне ему показать его в натуре. Я погрузился в воспоминания и рассказы; а он тем временем делал фотоснимки.

Многое изменилось уже в наружном виде училища. Там где раньше была столовая выстроено громадный зал, память о нашем б[ывшем] смотрителе училища Михаиле Николаевиче Флорове. Площадь около училища с часовенкой застроена. По фасаду здания выстроились тополи и затенили его. Мы остановились на углу здания, памятному мне потому, что здесь нам однажды разрешено было на масленице стоять и наблюдать масленичное катание на лошадях. Как сейчас помню катастрофу, которая случилась неподалёку от пункта нашего наблюдения: из ограды Нагибиных на улицу, что вела от реки к училищу, стремительно вылетела галопом пара лошадей, а из кошевой кубарем посыпались пассажиры. Мы шли вдоль фасада здания, и я рассказывал Ивану Степановичу, что было расположено, какие комнаты вверху и внизу этой части здания. Мы вошли в здание через главный вход в него. Я рассказал, как ровно 66 лет тому назад и, может быть, в это же именно число августа я впервые вошёл в училище. Это было в 1897 г. Привёз меня тогда в Камышлов брат Алексей на нашей бурке за 150 вёрст от Течи и сдал на бурсу. Здесь, в вестибюле, произошла моя первая встреча с б[ывшим] тогда инспектором Петром Николаевичем Лавровым. Мы посидели в вестибюле лазарета, размещённого теперь в здании училища. Раньше у стены, где мы сидели, была вешалка для одежды учителей и

приходящих в церковь на богослужения. Я рассказал, что в вестибюль тогда под престольный праздник училища – «Сергиев день» (25 сентября) привозили из бора большую кучу дерябы – ползучего борового растения, и группа учеников, под руководством Александра Борчанинова делала гирлянды к празднику. Мы не дождались затянувшегося разрешения пройти внутрь здания и прошли в ограду. Дом, в котором жили инспектора училища, оказался в запущенном состоянии. В нём помещалась теперь канцелярия лазарета. По всему двору раскинут сад. Я показал Ивану Степановичу, где были во дворе в наше время расположены физкультурные приборы, где были поленницы дров, которые описаны были в моём рассказе «Гибель Фингала», где стояла звонника, где была баня; где мы устраивали катушку; где играли в лапту, одним словом, все те места, которые мною описаны в очерках о духовном училище. Я показал, где жили смотритель училища и эконом; где была больница. Стены, которая отделяла тогда эту часть двора от общего двора, уже не было. Мы встретили одного человека – мужчину из обслуживающего персонала и поинтересовались состоянием теперь здания внутри и между прочим состоянием мраморной лестницы, которую так тогда берегли, что ученикам запрещено было в обычное время ходить по ней. Он сказал, что мраморная лестница сейчас разрушается. Встретилась ещё одна из б[ывших] выпускниц Свердловского медицинского института, с которой я обменялся воспоминаниями об институте. Иван Степанович сделал несколько снимков со здания и меня с Михаилом Михайловичем. Мы прошли дальше по улице в направлении к б[ывшему] собору мимо домов Александра Андреевича Наумова, которые очень хорошо сохранились. Я поделился воспоминаниями, связанными с этими местами, в частности тем, что тут проходила дорога, по которой мы ходили во время экзаменов весной купаться.

Мы совершили прогулку по городу, во время которой Иван Степанович поделился с нами кое-какими своими воспоминаниями о нём.

Выяснилось, что дорога на Тимохино в хорошем состоянии, уточнено расстояние до него (30 километров) и, по предложению Валентина Ивановича, было принято решение ехать в Тимохино. И опять на сцену вышло русское хлебосольство. Хозяева – Михаил Михайлович старший, Михаил Михайлович младший и Варвара Михайловна – в один голос и ультимативно поставили вопрос о том, чтобы мы на обратном пути заехали на обед, но расчёты времени показывали, что в этом случае нам пришлось бы нарушить своё обещание вернуться вовремя (читай: засветло) домой. При борьбе мотивов последний, т. е. вовремя вернуться домой в нашем сознании одержал верх, и мы, к большому огорчению наших хозяев, не дали обещания приехать к обеду. Расставание было исключительно сердечным.

Дорога на Тимохино на самом деле оказалась в хорошем состоянии, и «Москвич» Валентина Ивановича нас стремительно мчал туда. На полях было пусто: всё уже было убрано. В деревнях тоже пусто, мертво. Машинная

обработка земли освободила землероба от продолжительного пребывания в поле и омертвила пейзаж как в поле, так и на селе.

В пути на Тимохино я опять предался воспоминаниям. Я не был лично знаком с родительницей Богословских, но, живя по соседству с ними в 1908 г., я знал их семейную трагедию – гибель Николая Богословского, образ которого хорошо сохранила моя память. Я помню, как хозяева нашей квартиры рассказывали нам о горе матери, о том, как оно проявлялось в её плаче, которые они наблюдали. И мне было особенно понятно желание Ивана Степановича побывать на могиле его матери, чему я старался содействовать, но что мы нашли? Церковь была разрушена, и на её месте строился клуб. Площадка около церкви вытоптана, и не было никаких следов могил. *Sit transit gloria mundi!* Иван Степанович рассказал о своих воспоминаниях, связанных с этими местами, в частности о том, что здесь он нашёл свою «судьбу». Показал дом, в котором боролся за жизнь в сыпняке Павел Степанович и... всё!

«Москвич» помчал нас домой.

Эта поездка – в Камышлов и Тимохино – можно сказать, против ожидания, вернее сказать – сверх ожидания, или ещё лучше сказать – мы не думали, что получится в первой своей части, а именно – поездка в Камышлов – такой удачной и чреватой хорошими последствиями. Все мы остались ею довольны. Поездка содействовала новому знакомству с действительно очаровательной семьёй Михаила Михайловича Щеглова. Она теснее связала членов «триумвирата». Обмен нотами, письмами, карточками – явное тому свидетельство.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 717. Л. 1-25.

В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

г. Намышловъ. Общій видъ города

г. Камышловъ.

г. Камышловъ.

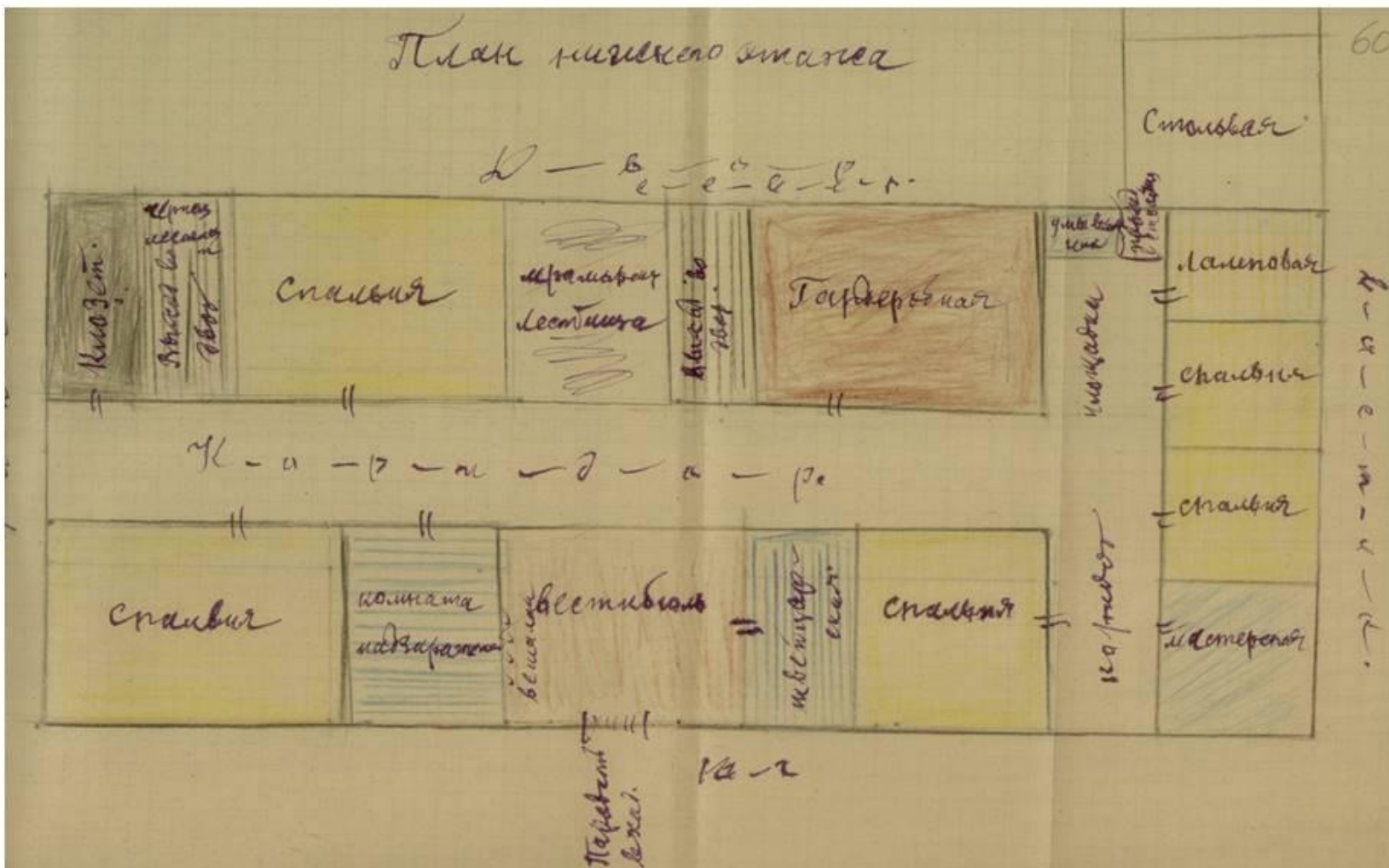

Покровский собор г. Камышлова.

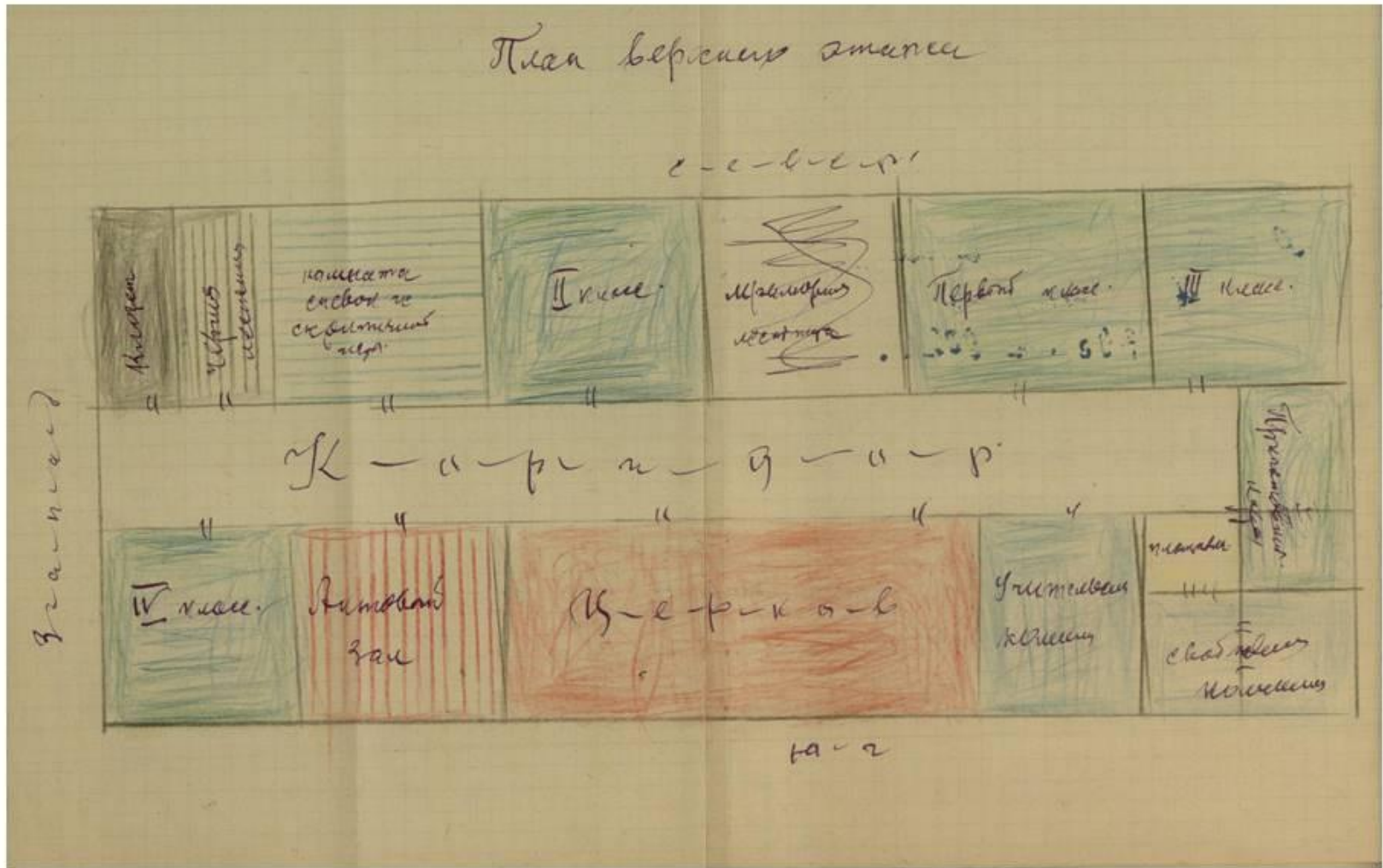

Камышловское духовное училище [начало XX века].
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 871.

План нижнего этажа здания Камышловского духовного училища. Автор рисунка В. А. Игнатьев. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 60.

План верхнего этажа здания Камышловского духовного училища. Автор рисунка В. А. Игнатъев.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 393. Л. 61.

Выпуск воспитанников Камышловского духовного училища 1896 г.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 2.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 872.

Выпуск воспитанников Камышловского духовного училища 1902 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 76.

Порядок слева на право.

Верхний ряд: 1-й: Серебренников Александр, 2-й: Н.П. Дубровин, 3-й: И.Н. Ставровский,
4-й: М.М. Щеглов, 5-й: Меркурьев Александр, 6-й: Болярский Кронид.

Второй ряд сверху: 1-й: Капустин Борис, 2-й: Борчанинов Александр, 3-й: Павлинов Анатолий, 4-й: Борчанинов Павел, 5-й: Старцев Василий,
6-й: Болярский Василий, 7-й: Черёмухин Михаил, 8-й: Анисимов Александр, 9-й: Воеводкин Вячеслав, 10-й: Черёмухин Иван,
11-й: Филиппов Владимир, **12-й: Игнатьев Василий**, 13-й: Собянин Константин, 14-й: Попов Анатолий, 15-й: Рычков Михаил.

Учителя: 1-й: И.К. Сахаров, 2-й: А.А. Наумов, 3-й: М.Д. Симановский, 4-й: В.З. Присёлков, 5-й: М.Н. Флоров,
6-й: И.И. Устинов, 7-й: П.В. Хавский, 8-й: В.А. Садовский, 9-й: о. Димитрий Победоносцев.

Сидят на ковре: 1-й: Кузнецов Вячеслав, 2-й: Козельский Григорий, 3-й: Богомоллов Николай, 4-й: Штейников Александр,
5-й: Удинцев Анатолий, 6-й: Золотухин Николай, 7-й: Филиппов Сергей, 8-й: Баженов Александр. Отсутствует: Бирюков Владимир.

Выпуск воспитанников Камышловского духовного училища 1906 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 3.

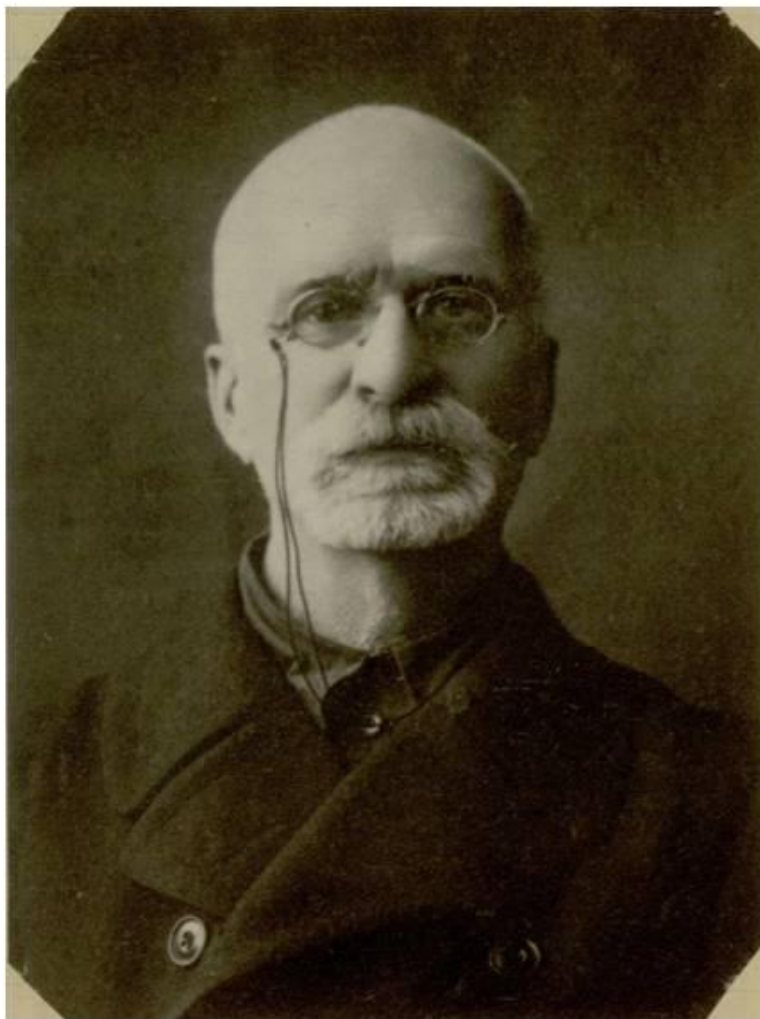
Хор Камышловского духовного училища под руководством М. М. Щеглова. Пасха 1910 года.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 4.

Флоров Михаил Николаевич,
смотритель Камышловского духовного училища.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1021.

Лавров Пётр Николаевич, помощник смотрителя.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 10.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1300.

Наумов Александр Андреевич
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 385. Л. 26.

Щеглов Михаил Михайлович. 1896 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 2.

Ляпустина Таисья Александровна с мужем Сергеем
(фотография предоставлена Людмилой Викторовной Рябухо, Уральское церковно-
историческое общество, г. Екатеринбург).

**Ляпустина Таисья Александровна с внуками (детьми сына Александра)
(фотография предоставлена Людмилой Викторовной Рябухо, Уральское церковно-
историческое общество, г. Екатеринбург).**

Михаил Михайлович Щеглов. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 14.

90-летие М. М. Щеглова. 18 июля 1965 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 8.

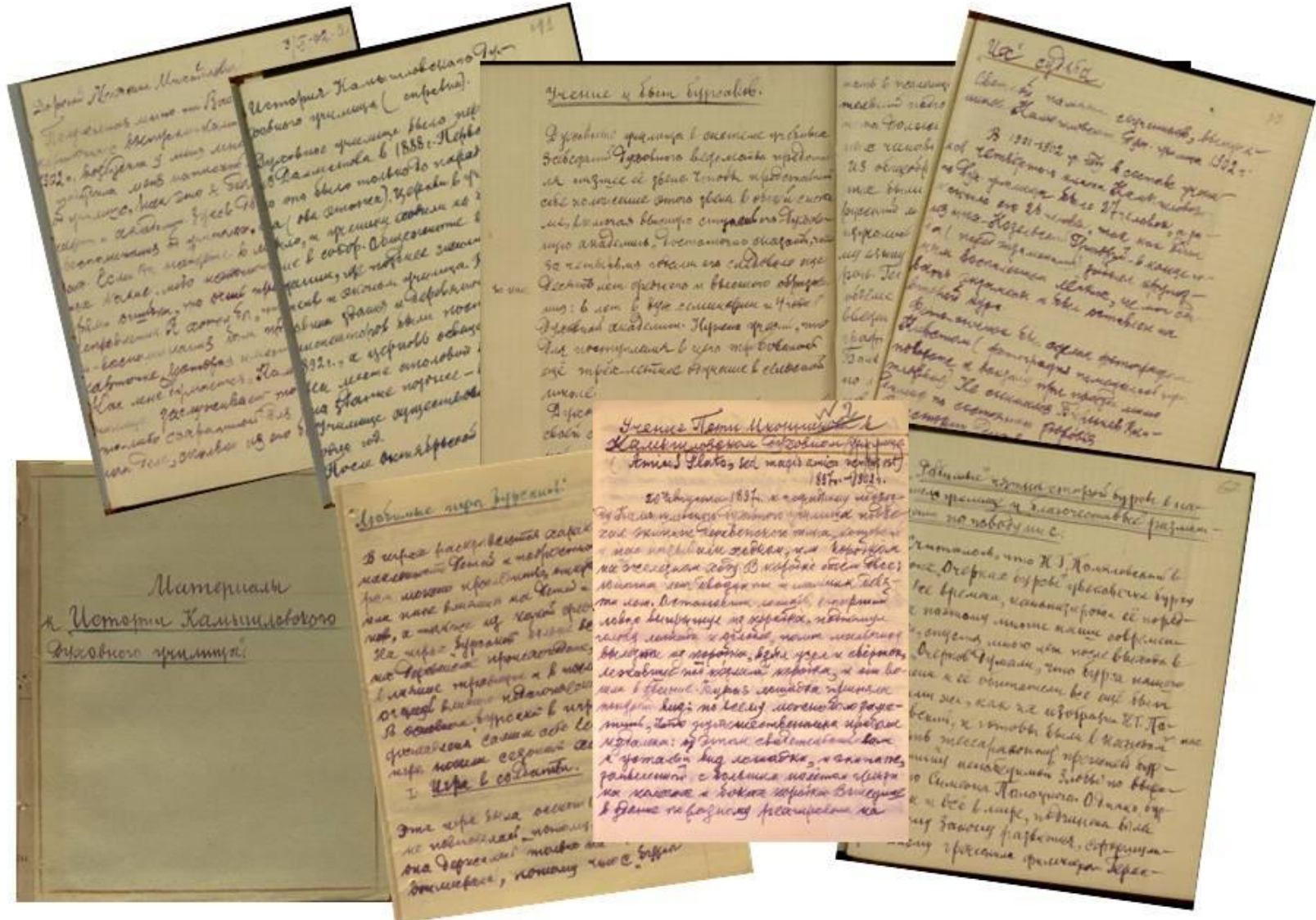

Виды г. Камышлова. 1968 г. ГАПК. Ф. р-1682. Оп. 1. Д. 245. Л. 3.

Здание бывшего Камышловского духовного училища.

Рукописи В. А. Игнатъева по истории Камышловского духовного училища.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть III.
ПЕРМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть III. ПЕРМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Посвящается
Ивану Степановичу
Богословскому*

СТАРАЯ ПЕРМЬ*

Ещё в раннем детстве я иногда рано утром подслушивал разговор родителей за их утренним чаем, когда мы, дети, ещё только начинали поднимать свои головы с подушек, а потом соскакивали со своих постелей, разбросанных по всему полу нашей «горницы». В разговоре родителей, приглушённом, чтобы не разбудить детей, можно было уловить отдельные слова: Пермь, Мотовилиха, Козий загон, Пересыльный замок, Управа, Вогулкины, Демидовы, Любимовы и пр. Постепенно, возрастая, я, наконец, понял, что речь шла о Перми, о каком-то городе, с которым было связано прошлое нашей семьи. Позднее я узнал, что старшие брат и сестра родились в Перми и что начало своей супружеской жизни наши родители прожили в Перми. Узнал я также, что и родина нашей матушки на севере Пермского края, около Чердыни, в селе Покча, и что вблизи Перми и в самом городе есть родственники по линии матушки: родная сестра её Антонина Ивановна Тетюева, проживающая в самой Перми, родной брат Василий Иванович Тетюев, священник, живший в Полазне, а потом в Нердве, и два дяди: Иван Алексеевич и Андрей Алексеевич Никитины⁵⁷⁵, оба протоиереи, Андрей, живший тогда в Перми, и Иван, живший в Мотовилихе.⁵⁷⁶ Тётушка Антонина Ивановна временами наезжала к нам в Течу после кумысолечения в Караболке, полурусской-полутатарской деревушке, расположенной в сорока верстах от Течи. По её внешнему виду и манере держаться я и составил себе представление о городских жителях. Брат Алексей часто рассказывал о своих поездках к деду Василию в Нердву или Полазну, а также и о Перми и Каме, о своей семинарской жизни. На основании всех этих сведений о нашей родне в Перми и около неё, я в 1902 г. ехал для поступления в Пермскую духовную

---

⁵⁷⁵ Никитин Андрей Алексеевич (1837-после 1917) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1860 г. Протоиерей Успенского собора Пермского Успенского женского монастыря в 1901-1916 гг., духовник градо-Пермского духовенства.

⁵⁷⁶ Протоиерей Иоанн Алексеевич Никитин был родом из села Покчи Чердынского уезда. Автор в своих воспоминаниях называет протоиерея И. А. Никитина своим дедушкой или дядей, по всей видимости, он приходился В. А. Игнатьеву двоюродным дедом.

семинарию с чувством, похожим на то, что я ехал к хорошо знакомым мне родственникам, а Пермь представлялась мне не чужим, а до некоторой степени родным городом. С таким именно чувством и началось моё знакомство с городом.

После замкнутой жизни в стенах Камышловского дух[овного] училища, жизнь в условиях семинарии мне показалась прямо раем, а представленные в распоряжениях семинаристов свободные часы с 2-х до 5 часов казались бесценным кладом, и жадно набросился на изучение города. Всё мне тогда казалось в увеличенном масштабе.

Главные ворота города

Единственной дверью, через которую город был связан в зимнее время, в период ледостава⁵⁷⁷, был вокзал станции, именуемой теперь Пермь 1-ая. Раньше он был оживлённее, потому что он был на главной железнодорожной линии.

Я любил ходить на этот вокзал так ни за чем, посидеть на круглом мягком диване в 1-ом классе, встретить на перроне проходящий поезд, потолкаться среди проезжающей публики, ощутить, одним словом, движение, жизнь и отправиться к себе, в семинарию. На этот вокзал мы, семинаристы, ходили провожать отъезжающих после окончания театрального сезона своих любимых артистов. На этом вокзале во время японской войны видел отправляемых на фронт уланов. Здесь же я видел проводы мобилизованных и слёзы, слёзы и слёзы. Здесь же я видел, как однажды встречали одного железнодорожника, которому отрезало ноги. С этого вокзала мы, радостные, уезжали на каникулы, гурьбой, в отдельном заарендованном вагоне. Отсюда же с пониженным настроением мы на извозчиках после каникул направлялись в «недра» семинарии. При входе в вокзал я впервые встретил своего будущего профессора Казанской дух[овной] академии Алексея Александровича Царевского.⁵⁷⁸ Всего не перескажешь – и грустного, и весёлого, - что связано воспоминаниями с этим вокзалом.

Следуя дальше в город, мы встречаем крутой подъём в гору, разрезанный небольшой площадкой на две равные части. Это была Голгофа для лошадей. Мы видели, как натужась и, цепляясь копытками за булыжник мостовой, они тянули телеги, гружённые разными предметами и продуктами, поступившими по железной дороге и водным путём. Изобретательная мысль

---

⁵⁷⁷ «с внешним миром в масштабе всего государства и дальше». (Примеч. автора).

⁵⁷⁸ Царевский Алексей Александрович (1855-?) – сын протоиерея Тамбовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1878 г. Профессор кафедры славянского языка, палеографии и истории русской словесности Казанской духовной академии. Русский писатель и богослов. См. Часть IV. «Казанская духовная академия начала XX века».

человека подсказала сделать под телегами железные пруты, которые удерживали телеги на склоне горы – не давали им катиться вниз, а лошадям давали возможность передохнуть. Эта гора памятна мне двумя событиями, характерными для старой Перми. Первое событие связано было с установкой надгробного памятника заводчику, уже захудалому в то время, Демидову, похороненному на кладбище Кафедрального собора.⁵⁷⁹ По этой горе подвозили к кладбищу громадную глыбу гранита, привезённую на железнодорожной платформе.⁵⁸⁰ Зрелище было редкостное: глыба была положена на громадные дровни, и длинная вереница лошадей, парами пристёгнутых к длинному канату, должна была волочить эти дровни в гору. Главное затруднение было в том, что нужно было организовать лошадей в согласованное ритмичное напряжение сил. Что было: крики, свист, взмахи кнутов и то, во что верит русский человек, как в магическую силу: безобразное ругательство, позорящее русского человека на весь божий свет.

Старания не пропали даром. Победа была одержана, победили деньги.

Второе событие произошло во время Первой мировой войны: у чиновника губернаторской канцелярии Кобяка⁵⁸¹, разбогатевшего на продаже изобретённой им электролитной воды, широко рекламированной врачами для лечения всех болезней, погиб на войне от столбняка сын, гимназист-доброволец, и вот для встречи гроба с покойным и перенесения его в церковь было приглашено много городского духовенства во главе с епископом. Жители города наблюдали редкую картину стечения служителей культа⁵⁸², шествовавших от вокзала к Богородицкой церкви.⁵⁸³ Победили те же и они же!

В полугоре на пути следования по описываемой дороге от вокзала в город, слева красовался и до сих пор красуется особняк б[ывшего]

---

⁵⁷⁹ Автор имеет в виду, не имевшего на самом деле отношения к горнозаводским Демидовым пермского купца Демидова Петра Демидовича (ок. 1833-1902), который в течение 25 лет состоял церковным старостой семинарской церкви. См. «Чествование ктитора церкви Пермской духовной семинарии Петра Демидовича Демидова» // «Пермские епархиальные ведомости». 1899. №22 (16 ноября) (отдел неофициальный). С. 518–527; «Пётр Демидович Демидов. Некролог». // «Пермские епархиальные ведомости». 1902. №43 (16 ноября) (отдел неофициальный). С. 547–549.

⁵⁸⁰ В очерках «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор относит воспоминания о перевозке надгробного памятника (гранитный камень) к 1908 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 13 об.-14 об.).

⁵⁸¹ Кобяк Георгий Игнатьевич (1864-1918) – потомственный дворянин, предприниматель, изобретатель, редактор официальной части газеты «Пермские губернские ведомости» в 1896-1909 гг. Почётный гражданин Перми.

⁵⁸² Имеется в виду священно- и церковнослужители, духовенство.

⁵⁸³ Речь идёт о торжественной церемонии встречи гроба Кобяка Константина Георгиевича (1897-1916), умершего от тяжёлого ранения на войне, сопровождения гроба для отпевания в Рождество-Богородицкую церковь (угол ул. Покровской (Ленина) и Оханской (Газеты «Звезда») и погребения на кладбище Спасо-Преображенского кафедрального собора.

пароходчика Мешкова.⁵⁸⁴ В прежние времена он был самым монументальным зданием города, гордостью его.⁵⁸⁵

[⁵⁸⁶]

Весь берег Камы, начиная [с] части его, лежащей против вокзала, и далее на запад до «архиерейских» домов^{587 588}, был занят пристанями в таком порядке (с востока на запад): братьев Каменских, Любимовых, [между ними и]⁵⁸⁹ Тупицыных.^{590 591} Летом всё это пространство представляло из себя муравейник: на приколах стояли пароходы, из них выгружались или в них вносились различные грузы; по мосткам и дебаркадерам пристаней взад и вперед сновали «в путь шествующие», или прибывающие в город люди, или, наконец, просто праздно шатающиеся обыватели города. В воздухе стоял гул от пароходных гудков, от предупредительных криков носильщиков «берегись», и слышались разноречивые голоса посетителей около складов, прилегающих к пристаням, двигались взад и вперед телеги с грузами в город

---

⁵⁸⁴ Мешков Николай Васильевич (1851-1933) – известный российский купец, меценат, общественный деятель, основоположник высшего образования на Урале, предприниматель, спасший Пермскую губернию от голода и обеспечивший транспортную открытость Перми.

⁵⁸⁵ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста) в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Здание в александровском стиле с садиком, устроенным на искусственном возвышении» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 11 об. Особняк Мешкова с 2007 г. – здание Пермского краевого музея.

⁵⁸⁶ Там же: «На горе в двух-этажном каменном доме была почта. В этом доме некогда жил в ссылке М. М. Сперанский, о котором А. С. Пушкин написал: «Сперанский – любитель царский, но облик у него семинарский» // Там же. Л. 11 об.

Здание Пермской почтово-телеграфной конторы (в начале XIX века – дом купца Попова) находилось на углу улиц Монастырской и Обвинской (25-е Октября).

⁵⁸⁷ Комплекс зданий в административном центре Пермской епархии, в который входили Архиерейский дом (угол ул. Монастырской и Кунгурской (Комсомольский пр.)) и служебные дома на ул. Набережной (Окулова).

⁵⁸⁸ «в период навигации». (Примеч. автора).

⁵⁸⁹ Вставка И. С. Богословского.

⁵⁹⁰ «Автор пропустил – пристань пароходства Курбатова (самое восточное по месту). Не указал, что пароходства Каменских, Любимова имели по две пристани. Не указал пристань Ржевина (Верхнекамского п[ароходств]-ва), Мешкова, Истомина и Беклемышева». (Замечание И. С. Богословского).

⁵⁹¹ В очерке «Кама» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В старой Перми пароходство на Каме было в руках частных компаний: Самолёт, братьев Каменских, Любимовых и Тупицыных. Пристани их начинались от ст. Пермь I и простирались до «Козьего загона». Пассажирские и товаро-пассажирские пароходы ходили по маршруту Пермь-Казань-Нижний Новгород. Это была главная линия. Первоначально пароходы были двухколёсные, а потом стали появляться и винтовые. На них места для проезда были расположены: на нижнем этаже – III класса, а на верхнем – втором – II и I класса. Каюты были общие, двухместные и одноместные. На пароходах имелись гостиные комнаты в носовой и кормовой частях II этажа. Наиболее комфортабельными были пароходы Любимовых» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 56 об.-57.

или за грузами к складам. Около складов и на мостках группами и в одиночку стояли грузчики-богатыри с широкими открытыми грудями, в широченных синих штанах и лаптях, в рубахах из груботканного льна и в шляпах. Всё пространство между пристанями было заполнено баржами, разбитыми плотами и просто отдельными брёвнами. Вода на всём этом пространстве была грязной: в ней плавали отбросы от пищи, осенью – корки от арбузов или выброшенные сгнившие арбузы. Воздух был пропитан запахами от разлагающихся продуктов и от древесины. Осенью на рейде стояли целые баржи с астраханскими арбузами. Арбузы с них прямо в телеги с коробами скатывали по желобам, для чего телеги заводились прямо в воду по живот лошадам. Прямо на баржи поднимались люди группами и в одиночку, тут же «расправлялись» с арбузами, а если попадались плохие, целые арбузы кидали в воду и в стоялой воде около барж у берега плавали все эти отбросы.

На берегу между пристанями лежали днищами кверху лодки, которые предприимчивыми хозяевами их отдавались «на прокат» за 15-20 коп[еек] на день.

Вдоль верхнего края всего пространства пристаней бр[атьев] Каменских и Любимовых, против вокзала расположена была целая гирлянда мелких лавчонок с разными съестными припасами: булками хлеба, пирогами, холодцами, квасом, фруктовой водой, арбузами и т. д. Всё здесь шумело, горланили зазыватели покупателей на дешёвый хороший товар. Здесь фланировали грузчики и подмигивали разбитным торговкам. Тут же шлялись жители «дна», просили дать опохмелиться, ходили монашки с кружками «на построение храма». С дороги все эти лавчонки заносило пылью, тучами летали мухи. Везде царил дух наживы...

Поздней осенью всё это пространство, относящееся к пристаням и их сезонной деятельности, замирало до следующей весны.

С районом пристаней у пермяков было связано много воспоминаний. Здесь именно в течение полугода была сосредоточена жизнь города: следовали пароходы, люди приходили прогуляться, выпить пива, пожуировать. Отсюда на лодках переправлялись за Каму. Сюда приходили за фруктами. Здесь в тридцатых ??⁵⁹² годах я видел приехавших в Пермь с концертом Нежданову⁵⁹³ и Голованова. Здесь именно всегда можно было встретить кого-либо из знаменитостей, приехавших в Пермь. Здесь именно больше, чем в каком-либо другом месте города, можно было встретиться с какими-либо персонажами из сочинений А. М. Горького из «дна».

---

⁵⁹² Так в тексте. В очерке «Об «очарованной» душе и «неосуществлённой месте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: в 1930 г.

⁵⁹³ Нежданова Антонина Васильевна (1873-1950) – русская и советская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог. Народная артистка СССР (1936). Доктор искусствоведения (1944).

Такова та часть старой Перми, которая являлась «воротами» в город и из него в течение всего года (вокзал) и в течение полугода в сезон пароходного движения.

Сибирка

В любом городе большом или малом, даже в селе и деревне есть улицы главные, так сказать, «осевые», т. е. такие, которые служили как-бы осью города, к которым как спицы к оси колеса сходятся другие улицы. При этом эти улицы не обязательно должны быть красивее и богаче других, но они должны быть признаны и утверждены быть такими в сознании людей, так сказать, психологически, по традиции. Таков, например, в Петербурге – Невский проспект, в Москве – улица Горького. В «Книге голубиной» на этот счёт поставлена целая серия вопросов: «кто у нас всем рекам мати», «кто городам мати» и т. д.⁵⁹⁴ А если бы спросить в старое время пермяка: какая в Перми главная улица, то он ответил бы «Сибирка». Так назывался Сибирский проспект.⁵⁹⁵ На этой улице расположено было много зданий большого государственного и общественного значения: Губернская управа⁵⁹⁶, три гимназии – две женских⁵⁹⁷ и одна мужская⁵⁹⁸, общественная библиотека⁵⁹⁹, вблизи этой улицы находился и теперь находится оперный театр.⁶⁰⁰ На ней же находился губернаторский дом⁶⁰¹, дворянское собрание⁶⁰², полицейское управление и различные магазины. Но главное не это, а то какую роль эта улица играла в жизни города. Зимой эта улица в вечернее время была местом для прогулок и ветра, именно в том её отрезке, который находился между губернаторским домом и мужской гимназией.⁶⁰³ Здесь

---

⁵⁹⁴ «Голубиная книга» – сборник восточно-славянских народных духовных стихов конца XV-начала XVI вв., в вопросах и ответах которого даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, сведения географические, естественно-научные и другие.

⁵⁹⁵ Сибирская улица.

⁵⁹⁶ Пермская губернская управа на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время – здание Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

⁵⁹⁷ 1) Александровская женская гимназия на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время – Гимназия № 11 им. С. П. Дягилева. 2) Частная женская гимназия Барбатенко на углу ул. Сибирской и Пермской (Кирова). В настоящее время – школа № 21.

⁵⁹⁸ Пермская мужская классическая гимназия на углу ул. Петропавловской и Сибирской. В настоящее время – корпус Пермского государственного медицинского университета.

⁵⁹⁹ Пермская публичная библиотека на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Сибирской. В настоящее время – здание Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина.

⁶⁰⁰ В настоящее время – Пермский академический театр оперы и балета.

⁶⁰¹ Дом губернатора на углу ул. Екатерининской и Сибирской.

⁶⁰² Дом Благородного собрания на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Сибирской.

⁶⁰³ В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На Сибирскую улицу одной стороной выходило массивное двухэтажное каменное здание мужской гимназии, памятное автору

происходили встречи, знакомства, здесь сближались сердца. Здесь во время оперного сезона в окнах магазинов были выставлены снимки с «кумиров» и «душек». Здесь, в здании губернского собрания устраивались танцы. Но здесь же разыгрывались в революционное время бои: слышались выстрелы, устраивались митинги. По этой улице волочили людей в полицейское управление.⁶⁰⁴ С этой улицы повели губернатора Наумова к пересыльной тюрьме с требованием выпустить заключённых.⁶⁰⁵ По этой улице губернаторы решались проезжать только стремительно и в окружении конных полицейских. На этой улице была гостиница, в которой проживал и нашел свою смерть Михаил Романов.⁶⁰⁶ Теперь эта улица мало изменилась. Она сохранилась как музейный экспонат, но это только внешне, а внутренне она совсем другая.

Красноуфимская улица

сего по работе преподавателем в нём в августе 1915 г. по февраль 1916 г. Когда в гимназии заканчивались уроки, то около неё всё принимало серый цвет: и улицы, прилегающие к гимназии, и площадка, где были старинные торговые ряды. Здесь было старинное приземистое мрачное здание, в котором был ломбард, а из магазинов был весь в золотистом блеске магазин Харитонов с разной церковной утварью. За этим зданием, между ним и зданием банка зимой устраивался каток, на котором по вечерам играла музыка. Он же служил для молодёжи местом свиданий» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 28 об.-28 об.

⁶⁰⁴ В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Полицейское управление как-бы притаилось у самого сердца города, всегда готовое схватить преступника и увлечь его в свои недра. Отсюда в преддверии ещё революции 1905 г. выезжал на тройке полицеймейстер Кокорин, и смело врзался прямо в толпу. Так было однажды, когда около театра был митинг. Как тогда ни та, ни другая сторона ещё не распознали в себе взаимных политических врагов, и все события принимали какую-то наивную форму. Позднее, во время революции, отсюда выезжал ещё на двуколке (в шарабане) на гнедом рысаке полицеймейстер Церешкевич, грузный мужчины с пышными усами, а его окружали при выезде низшие чины. Сколько и печальных и курьёзных случаев было связано с этим местом! Бывало, вдруг запоёт кто-либо у театрального скверика «Вставай проклятьем заклейменный», сейчас же бежит околоточный со словами: «Кто здесь пел о свободе?» Ловкач отвечает: «Я пел о свободе, но в уме держал: в пределах законности» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 16 об.-17 об.

⁶⁰⁵ Наумов Александр Петрович (1862-?) – Пермский губернатор в 1903-1905 гг. 18 октября 1905 г. после объявления манифеста о предоставлении гражданских свобод толпа железнодорожных служащих и мотовилихинских рабочих выдвинула требование об освобождении всех политических заключённых. Губернатора А. П. Наумова заставили пойти вместе с толпой к тюрьме.

⁶⁰⁶ Гостиница «Королёвские номера» на Сибирской улице. Из здания этой гостиницы в ночь с 12 на 13 июня 1918 года тайно были похищены и увезены на расстрел Великий Князь Михаил Александрович и его секретарь Брайан Жонсон.

В старых русских городах всегда были отдельные улицы – «обжорки». В Перми такой была Красноуфимская улица.⁶⁰⁷ На ней находилась пожарная часть.⁶⁰⁸ Она высилась над другими постройками и как бы вела дозор за ними. Около неё был пельменный ряд: мелкие лавчонки, в которых моментально пельмени варились и в окружении пара, исходящего от них, на тарелке в заказанном количестве подавались заказчику. Ниже, под горкой располагался рыбный ряд.⁶⁰⁹ Здесь в маленьких лавчонках опять-таки продавалась рыба свежая, солёная, копчёная. Стояли баки с живой рыбой, главным образом со стерлядью; бочки с солёной рыбой. Всё это под открытым небом, в пыли, в грязи.⁶¹⁰ Дальше (направление взято от той части улицы, которая шла со стороны Камы) по левой стороне шли лавочки с бакалейей: в коробах лежали пряники, на стенках и дверях горами висели крендели, в мешках был выставлен хмель, сушёные ягоды, фрукты лежали на лотках. Народ сновал между лавками взад и вперед. Тут же монашки собирали на храм божий.⁶¹¹

На этой же улице, вернее – около неё, против окружного суда⁶¹² по направлению к старообрядческой церкви⁶¹³ – была толкучка.⁶¹⁴ Здесь

---

⁶⁰⁷ В настоящее время ул. Куйбышева.

⁶⁰⁸ Пожарная часть с каланчой на углу ул. Торговой (Советской) и Красноуфимской (Куйбышева).

⁶⁰⁹ «Непосредственно под горой полукругом (у каменной стены) располагался длинный ряд мясных лавок, а от них через дорогу – деревянные ряды лавок с рыбой и разнообразными продуктами». (Примеч. И. С. Богословского).

⁶¹⁰ Имеется в виду Чёрный рынок, в настоящее время территория Сквера уральских добровольцев. В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В рыбных рядах весь воздух был пропитан солёной рыбой, как у Астрахани, когда подъезжаешь к ней на пароходе. Тут же на земле под открытым небом стояли «садки» с живой рыбой – стерлядью и пр. Продавцы, большею частью женщины, ходили в грязных замусоленных фартуках. Мухи тучами облепляли «товары». На славе среди рыбных «купцов» была Шварёва, у которой дочь была певица и училась в консерватории» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 47-47 об.

⁶¹¹ Там же: «В бакалейных лавках по стенам висели крендели, в коробах пряники, изюм, урюк и пр. Весной – яблоки, виноград. Всё это в открытом виде; незащищённые ни от пыли, ни от мух «товары» были явно в антисанитарном состоянии. Мимо лавок то в том, то в другом направлении проходили люди, толкая друг друга, ворча, бранясь, хулиганя. Старая Русь и осколок её – старая Пермь.

Во время Первой мировой империалистической войны в одном из складских помещений по этой улице существовал негритянский театр, организованный группой захваченных войной в России камерунских негров. Они демонстрировали национальные танцы и пели песни. Среди них была одна негритянка с русыми волосами, которую они выдавали за королеву своего рода // Там же. Л. 47 об.-48.

⁶¹² Пермский окружной суд на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Красноуфимской (Куйбышева). В настоящее время административное здание Пермского государственного медицинского университета.

В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На этой же улице, ближе к южному концу её было мрачное массивное здание Окружного суда, а на конец улицы выходила знаменитая

торговля происходила и в лавочках и открыто: товары были разложены или прямо на земле, или на какой-либо подстилке. Чего только не было здесь: часы, замки, обувь и т. д. Тут же шулеры-картёжники предлагали «пытать счастье». Сновали люди со «дна», женщины с проваленными носами. Одна из «таких» ходила с китайцем Ваней и заставляла его петь, а потом собирала в его фуражку копейки. Тут же нудно «скулила» шарманка: «Разлука, ты, разлука» и «Зажигайка, мать, лампадку...»

О, Русь, Русь!!!

[⁶¹⁵]

*Кунгурская улица*⁶¹⁶

Липовая аллея на ней тогда ещё была в довольно цветущем состоянии. Она была гордостью пермяков. Приятно было в жаркий день присесть в тень липы и отдохнуть. Здесь, в аллее, можно было встретить счастливых мамаш с детьми и наблюдать семейные идиллии. Особое назначение эта улица имела на масленице: на ней происходило катание. Тройки, пары, отдельные русаки

Александровская больница. Южнее была расположена целая колония домов для умалишённых и пастеровская станция, памятная для меня тем, что в ... году в ней получила профилактические прививки от бешенства вся наша семья по поводу пользования молоком от бешеной коровы. В одном из зданий колонии для умалишённых устраивались вечера для них, на которые получали приглашение и некоторые частные лица» // Там же. Л. 48 об.

Александровская больница находилась на ул. Большой Ямской (Пушкина), 85. В настоящее время здание Пермской краевой клинической больницы.

⁶¹³ Имеется в виду Свято-Троицкая единоверческая церковь в г. Перми на месте современного здания Пермского национального исследовательского политехнического университета.

⁶¹⁴ Имеется в виду Сенной рынок на месте современной Октябрьской площади.

⁶¹⁵ В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «На Красноуфимской улице, в северной её части, находился (и теперь существует) знаменитый пермяковский год [так в тексте – **ред.**], который по фасаду занимал целый квартал. Здесь была контрольная палата и много частных квартир, в одной из которых я в течение двух недель жил на квартире у Корчемкиных. На северо-западном углу была кондитерская Шипиловского» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 48.

Квартира Корчемкиных – место жительство автора в 1902 г. (в период от прибытия в Пермь, сдачи вступительных экзаменов и до поступления в Пермскую духовную семинарию).

Там же: «За Красноуфимской улицей, параллельно с неё, шёл длинный ряд улиц, которые на севере были на горе, а продолжались после спуска с горы на равнине. Здесь был (и теперь ещё сохранился) район двухэтажной деревянной Перми. На западной границе города находился женский монастырь. Этот район города известен был мне по двум причинам: здесь когда-то у самой южной окраины жила наша тётушка, к которой время от времени я ходил в гости» // Там же. Л. 49 об.-50.

⁶¹⁶ В настоящее время – Комсомольский проспект.

с накинутыми на них сетками (такая была мода) везли довольных, вероятно, в достаточном количестве и «с возлиянием» вкусивши блинов. Какое разнообразие лиц, одежд!! И тут же «попечители» в дни революции: донцы-молодцы или ингуши в косматых шапках и под бурками. Звон колокола, и «эти», сначала мягко, чуть прикасаясь кнутами, «приглашали» разъезжаться, а потом и «убедительнее» по спине.⁶¹⁷

<...>⁶¹⁸

Культурные учреждения города

В городе были: три мужских гимназии⁶¹⁹, три женских гимназии⁶²⁰, реальное училище⁶²¹, железнодорожное училище, женская учительская семинария⁶²², епархиальное женское училище.⁶²³ Сто семнадцать лет существовала Пермская духовная семинария. Старейшее учебное заведение, она явилась самым историческим учреждением города: три мемориальных доски находятся на здании б[ывшей] семинарии: Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. С. Попова и П. П. Бажова. Около здания б[ывшей] семинарии в настоящее время организован скверик им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и в нём поставлен его бюст.⁶²⁴

---

⁶¹⁷ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Надзор за порядком во время революции здесь вели донцы верхом на лошадях с пышными прядями волос, выбивавшихся из-под шапок, а потом ингуши верхом под широченными бурками, причём если они замечали какой-либо беспорядок, то подъезжали и слегка поколачивали кнутом по плечу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 46 об.

⁶¹⁸ Далее пропущены весьма краткие очерки автора «Опера», «Драма», «Концерты, лекции», «Кинотеатры», «Цирк», «Музей», т. к. информация в них более подробно излагается автором в очерке «Любимые места прогулок пермских семинаристов» (см. ниже).

⁶¹⁹ Кроме Пермской мужской классической гимназии – вторая мужская гимназия на углу ул. Торговой (Советской) и Красноуфимской (Куйбышева) и частная мужская гимназия Циммерман на углу ул. Вознесенской (Луначарского) и Соликамской (Горького).

⁶²⁰ Кроме Александровской женской гимназии и частной женской гимназии Барбатенко – Пермская Мариинская женская гимназия на углу ул. Петропавловской и Обвинской (25 октября). В настоящее время – здание Пермской государственной сельскохозяйственной академии. Автор не упомянул частную женскую гимназию Зиновьевой на углу ул. Пермской (Кирова) и Оханской (Газеты «Звезда») и женскую гимназию им. И. С. Тургенева на углу ул. Большой Ямской (Пушкина) и Вознесенской (Луначарского).

⁶²¹ Алексеевское реальное училище на ул. Вознесенской (Луначарского). В настоящее время – здание Пермского авиационного техникума.

⁶²² Пермская женская учительская семинария на углу ул. Торговой (Советской) и Кунгурской (Комсомольский пр.).

⁶²³ Пермское епархиальное женское училище на углу ул. Петропавловской и Соликамской (Горького). В настоящее время – здание Пермского государственного хореографического училища.

⁶²⁴ В советское время бывшая Соборная площадь между зданием Пермской художественной галереи (бывший кафедральный собор) и зданием Пермского высшего

Наконец, вершиной этих учебных заведений явился Пермский государственный университет.

Знатные люди Перми и выходцы из нее

Кроме указанных выше: а) музыкальные деятели – [А. Д.] Городцов, [А. М.] Пазовский⁶²⁵, [Н. В.] Пиликин; б) профессора медицины: [Б. П.] Кушелевский⁶²⁶, И. С. Богословский; в) профессор филологии и истории языка и литературы – П. С. Богословский; г) краеведы: В. П. Бирюков. Из окончивших дух[овную] семинарию вышло много врачей и учителей. В числе музыкальных деятелей Перми нужно указать М. Л. Василенко-Левитон⁶²⁷ и Петерсон – муз[ыкальная] школа.

Старая Пермь была городом высокой культуры.

В Перми работали писатели: [П. И.] Мельников-Печерский⁶²⁸ и [Ф. М.] Решетников.⁶²⁹ Историки-краеведы: [В. Н.] Шишонко⁶³⁰, [И. Г.] Ост[р]оумов.⁶³¹ На славе была библиотека [Д. Д.] Смышляева.⁶³²

Парки, скверы города

Самым любимым у пермяков был [парк] в южной части города.⁶³³ Когда-то он был на окраине. Здесь был небольшой деревянный летний театр, музыкальная эстрада, ротонда и ресторан. Через весь парк проходила тенистая аллея, а около неё кустарники и ковёр цветов. Зимой между

военного командно-инженерного училища ракетных войск и артиллерии (бывшее здание Пермской духовной семинарии) была превращена в сквер им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. В 2007 году здание Пермского краеведческого музея (бывший Архиерейский дом) было передано Пермской епархии, а музею передано здание Дома Мешкова. В 2009 г. скверу им. Д. Н. Мамина-Сибиряка было возвращено историческое название Соборная площадь, а в 2011 г. на ней установлен памятник святителю Николаю Чудотворцу, в том же году здание бывшего кафедрального собора передано Пермской епархии.

⁶²⁵ Пазовский Арий Моисеевич (1887-1953) – советский дирижёр, народный артист СССР.

⁶²⁶ Кушелевский Борис Павлович (1890-1976) – учёный, терапевт, доктор медицинских наук, профессор.

⁶²⁷ Василенко-Левитон Мария Львовна (1856-1948) – певица, организатор частной школы по постановке голоса.

⁶²⁸ Мельников-Печерский Павел Иванович (1819-1883) – русский писатель, публицист, этнограф-беллетрист.

⁶²⁹ Решетников Фёдор Михайлович (1841-1871) – русский писатель.

⁶³⁰ Шишонко Василий Никифорович (1831-1889) – пермский медик, педагог и краевед.

⁶³¹ Остроумов Иван Григорьевич (1861-1939) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1880 г. Хранитель Пермского научно-промышленного музея.

⁶³² Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828-1893) – земский деятель, историк-краевед.

⁶³³ Имеется в виду Загородный сад, в настоящее время Парк культуры и отдыха им. Горького.

ротондой, эстрадой и зданием буфета устраивался каток. Парк этот сохранился и до настоящего времени.

Скверик около театра всегда привлекал к себе близостью к театру и женской гимназии.⁶³⁴ Под тень его лип приходили «оне», ученицы этой гимназии, шумной толпой, и оживляли его. В знойный день, когда солнце на «Сибирке» нещадно печёт, всегда приятно было свернуть в этот скверик и посидеть 15-20 минут. Здесь же всегда сновали мальчишки со «сладкой» водой – лимонной или малиновой – и усиленно предлагали страдающим от жажды.

Около пересыльной тюрьмы⁶³⁵ существует до сих пор скверчик, посаженный декабристами.⁶³⁶ Аллея его расположена так, что глаз посетителя его всегда упирался в мрачные ворота этого учреждения. Все было рассчитано на то, чтобы никто из обитателей его не скрылся от бдящего ока.

Не по заслугам запущен был «Козий загон».⁶³⁷ С него открывается чудесный вид за Каму, в сторону Мотовилихи, и следовало бы его превратить в море цветов, а был в запустении: два-три дерева плохо его украшали. В настоящее время он в лучшем состоянии.

Любил я прогуляться на Слудскую площадь⁶³⁸, спуститься по крутой лестнице и пройти в те места около военных казарм, где жила моя тётушка Антонина Ивановна⁶³⁹ и где мне пришлось обитать в 1907-1908 уч[ебном]

---

⁶³⁴ Имеется в виду Театральный сквер около Оперного театра и Мариинской женской гимназии.

⁶³⁵ Пермский пересыльный замок. В настоящее время – СИЗО № 1 ГУФСИН РФ по Пермскому краю.

⁶³⁶ Имеется в виду Тюремный сад. В настоящее время – Сад декабристов.

⁶³⁷ «Козий загон» – прежнее название Набережного сада, который в настоящее время называется Решетниковским – стоит памятник Ф. М. Решетникову». (Примеч. автора).

⁶³⁸ Слудская площадь – площадь на горе Слудке около Свято-Троицкой (Слудской) церкви.

⁶³⁹ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Я обычно направлялся в сторону Слудской церкви, проходил по окраине церковной площади мимо речного училища, затем спускался с горы по лестнице со многими ступеньками и проходил шесть или семь кварталов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 49 об.

Пермское речное училище находилось на ул. Ирбитской (Матросова), 9 и действовало в 1913-1919 гг.

год[у] – полгода работать воспитателем [детей] у врача Ракшинского⁶⁴⁰, а полгода жить «коммуной» с двумя товарищами-семинаристами.⁶⁴¹

В апреле 1916 г. я в последний раз видел Пермь в её *status quo ante*.⁶⁴² В 1940 г. в ней ещё мало было перемен, но когда я приехал в неё в 1960 г., то старой Перми уже на половину не было и чувствовалось, что и вторая её половина уже на волоске висит. Прошлое вытеснялось, и это было знаменем настоящего момента.⁶⁴³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-12 об.

*Очерк «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автором расширен, в основном, за счёт включения информации из очерка «Любимые места прогулок семинаристов», который в данной публикации см. ниже.

---

⁶⁴⁰ Ракшинский Василий Иванович – ветеринарный врач, проживал по адресу ул. Вознесенская (Луначарского), 90.

Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «К Ракшинским я ходил по такому маршруту: по Красноуфимской улице до толкучки, поворачивал направо и проходил пять или шесть кварталов, потом – один квартал налево. Дом стоял у самых казарм, которые были на окраине города. Я был ментором девочки-гимназистки 13 л[ет] и мальчика-гимназиста 11-12 лет. Работал за пансион около года» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 50.

⁶⁴¹ Там же: «Вторую половину года жил на квартире неподалёку от Феодосиевской церкви. Хозяин дома Константин Антонович Удинцев, б[ывший] семинарист, работал в Управлении железной дороги. Дом стоял внутри двора, был очень удобен для конспирации, и в нём одно время жил революционер Сергеев (Артём). Теперь на этом доме есть мемориальная доска, свидетельствующая об этом событии. Жили мы здесь трое семинаристов коммуной: сами покупали себе продукты, а хозяйка нам готовила обеды и стирала бельё. Я жил на заработок по линии репетиторства, а на занятия со своими подшефными ходил далеко на Слудскую площадь. Таким образом, мне этот район города и стал знакомым, можно сказать изученным. В соседях с нами жили Богословские, мои друзья» // Там же. Л. 50.

⁶⁴² *status quo ante* – по-латински положение дел, которое было раньше.

⁶⁴³ «При описании знатных людей г. Перми автор не упомянул многих выдающихся людей, получивших образование в Перми, очевидно автор спешил закончить свой очерк. Побывав в 1960 г. в Перми автор не смог в течение одного дня увидеть всех перемен в городе. В тексте, по просьбе автора, сделаны некоторые замечания, дополняющие описанную картину. Автору 76 лет, что допускает некоторые пропуски в описании, сделанном по памяти...» (Примеч. И. С. Богословского).

КАМА*

«Я от Камы многоводной...»
«Киев» А. [С.] Хомяков.⁶⁴⁴

То, о чём будет речь ниже, точнее следовало бы озаглавить триадой: Пермь, Кама, семинария, потому что психологически все эти три компонента сливаются в один образ. В самом деле, вспомнишь о Каме, возникает и образ семинарии; вспомнишь о семинарии, обязательно возникнет образ Камы; наконец, вспомнишь о Перми, обязательно возникнут образы и Камы, и семинарии. Если из этой триады выделена Кама, то только потому, что на образе её в данном случае делается акцент.

Ещё наш покойный преподаватель философии и сам «философ», как мы его любовно называли⁶⁴⁵, в третьем классе семинарии по своему обычаю с увлечением на уроке логики рассказывал нам, а потом мы заучивали по учебнику Светилина⁶⁴⁶, об ассоциации представлений и трёх типах связи представлений: по смежности, по сходству и по контрасту. Тогда мы воспринимали эту «премудрость» абстрактно. Как сугубо абстрактно же в следующем четвёртом классе по учебнику Страхова⁶⁴⁷ заучивали то, что «мир есть объективация воли» - тезис Шопенгауэра⁶⁴⁸, или диалектическую триаду Гегеля⁶⁴⁹: тезис, антитезис и синтезис, в которой больше разбирались, благодаря знанию греческого яз[ыка] и в частности, благодаря пониманию значения приставок *anti* и *syn*. Теперь, когда мы обогатились жизненным опытом, всё прежде воспринятое абстрактно, отвлечённо, облеклось в конкретные формы, причём во время этого процесса получались иногда удивительные открытия, такие, что сам удивляешься, как же этого я не понимал раньше. К такому открытию, между прочим, относится и понимание триады: Пермь, Кама, семинария и в частности понимание того, что в теме «Кама» уже, выражаясь философским языком, имманентно содержатся темы «Пермь» и «семинария», потому что Кама, её образ воспринимается как через призму при участии образов Перми и семинарии. Жизненный опыт говорит

---

⁶⁴⁴ Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) – русский поэт, художник, публицист, богослов, философ.

⁶⁴⁵ «Александр Николаевич Юрьев». (Примеч. автора).

⁶⁴⁶ Светилин Александр Емельянович (1842-1887) – русский логик, профессор С.-Петербургской духовной академии. Автор «Учебника логики», наиболее распространённого в учебных заведениях дореволюционной России.

⁶⁴⁷ Страхов Николай Николаевич (1828-1896) – русский философ, публицист, литературный критик. Автор книг: «Мир как целое» (1872), «О вечных истинах» (1887), «Философские очерки» (1895), в которых высшей формой познания считал религию, критиковал современный материализм.

⁶⁴⁸ Шопенгауэр Артур (1788-1860) – немецкий философ.

⁶⁴⁹ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) – немецкий философ.

даже больше, что в её образе, как в морской поросли-губке впитан опыт жизни, не связанный непосредственно с ней как с конкретным явлением природы.

Впервые слово Кама на моём жизненном пути встретилось в сельской школе, когда мы, школьники, заучивали наизусть стихотворение поэта-славянофила А. Хомякова «Киев».⁶⁵⁰ В стихотворении говорилось, как со всей матушки Руси стекались богомольцы в Киев, в Лавру и отвечали на вопрос: «Вы откуда собралися, богомольцы, на поклон?» Все отвечали по-разному, а один ответил: «Я от Камы многоводной». Какой мне представлялась тогда Кама «многоводная» по моему жизненному опыту? Не шире нашей Течи во время весеннего разлива. Детская логика известна: «Сильнее кошки зверя нет!» Мера детского опыта.

В третьем классе духовного училища изучали географию, вычеркивали карты, заносили на них реки: одни более «жирной» линией, другие тонкой. Каму обозначали уже полужирной линией. Какой был у меня опыт для сравнения ширины рек, какой в то время масштаб? Река Исеть во время весеннего разлива: она шире Течи, но логика была всё детская.

Приближалось время поступления в семинарию. Предстояла поездка в Пермь. Увеличивалось давление на воображение, потому что братья – одни уже кончивший семинарию, а другой – продолжающий в ней учиться – часто говорили о Каме, а при первых встречах их после известного периода разлуки первый обычно задавал второму вопрос: «Ну, как Кама?» Кама, Кама и Кама! Понятно, поэтому, то напряжённое состояние души, с каким зелёный пятнадцатилетний юноша первый раз в жизни готовился увидеть эту реку. Первая в жизни поездка по Уралу сама по себе привлекала новизной: увидеть первый раз в жизни горы – это что-нибудь да значило, но Кама, скорее видеть её – вот то, чем в первую голову жил юноша. Уже после станции Чусовой внимание было напряжено до предела: где же, где та река, о которой уже много слышал. И вот впервые во всей своей красоте предстала она моему взору при подъёме от вокзала в город в том месте, где возвышается мешковский дом.... Лишь только устроились на квартире и немного огляделись в городе, мы, группа зауральцев, ринулись на Каму, взяли лодку и с боязнью поплыли недалеко от берега. Кама казалась безбрежной: противоположный берег казался где-то далеко-далеко. Так вот она, какая Кама! И все эти зауральские речки – Теча, Исеть, Пышма показались бедными, жалкими. Появился новый масштаб для измерения величины реки.

В течение шести лет я наблюдал Каму сквозь призму семинарии: в буквальном смысле, когда я наблюдал её из здания семинарии, и в переносном смысле, когда с нею связаны были мои чувства, образы людей, предметов, вещей, которые вновь зарождались в моей душе. Когда я читал, например, «Челкаша» А. М. Горького, то образ Гришки Челкаша мне давала

---

⁶⁵⁰ По книге для классного и домашнего чтения в сельских народных школах А. Г. Баранова «Наше родное».

пристань на Каме у пермского вокзала: здесь я наблюдал этих волжских силачей в широченных синих штанах, в лаптях, на своём горбу носящих громадные тюки. Шли они, и мостки под ними дрожали. Читал ли я о них, показанных где-либо на тяжёлой работе в морском порту, или на соляных промыслах, образ тех, которых я видел на пермской пристани в семинарские годы, всегда сопутствовал этому чтению.

Читал ли я «На дне» А. М. Горького, мне казалось, что изображённая в этой драме ночлежка где-то здесь, около пристани, а Квашня где-то здесь торгует вблизи бакалейных мелких лавчонок, которые были у пристани на Каме. Здесь всегда толпились эти представители люмпен-пролетариата, которых мы называли «золоторотцами».

На Каме я наблюдал перемену времён года. Из окошка в кухне семинарской столовой, где наш повар Кирилл Михайлович «колдовал» над голубцами, в дни своих дежурств я видел замирание жизни на Каме. Я видел как уходили последние пароходы, как увозили в затон пристани и баржи; я видел как волны на реке от выпавшего снега становились тяжелее, и, наконец, река замирала. Зимой из этого же окошка я видел, как вдали по реке двигался обоз, как на середине реки на ледяном ипподроме тренировали своих рысаков любители конного спорта.

Весной, когда жизнь на Каме оживала, мы любовались Камой из беседки в нашем саду. Как хороша была Кама в вечерние часы, когда ночь ложилась на неё густой пеленой; на реке там и здесь мелькали огоньки бакенов; весь берег усеян был огоньками на пристанях и баржах; где-либо вдали раздавались удары по воде шпниц на колёсах парохода; вот он приближался к берегу весь в огнях; с Камы слышны были голоса перекликающихся друг с другом катающихся в лодках; слышались песни, и вот грянули и наши песни! Слушали мы позднее «Баркароллу» П. И. Чайковского, «Ноктюрн» Гроздского, «Крики чайки», и нам рисовались эти картины, а воспоминались семинарские дни. Трудно подсчитать, сколько прекрасных переживаний, эмоций возбудила в нас Кама в те прекрасные дни юности!

Что может быть прекраснее, как стоять и любоваться далью, где в лёгкой дымке далеко за рекой виднеются горы, леса, уходящие за горизонт, стоять в тот момент, когда солнце садится за горизонт, но небо ещё около скрывшегося солнца горит пурпуром. Это мы наблюдали на высоком берегу Камы в наши семинарские годы.

«Завтра едем на маёвку за Каму!» В каком семинарском сердце они не вызывали целую гамму различных чувств – и чисто эстетических, и социальных, а потом на всю жизнь они оставляли яркие воспоминания! Здесь, на Каме, иногда сердца впервые сближались, а потом и оставались вместе на всю жизнь. Здесь испытывались смелость, мужество, когда лодка на середине реки выходила на гребень волн, бурно идущих от прошедшего мимо парохода, и нужно было бороться за её равновесие. Здесь, на реке, в моменты опасности проверялись «рыцарские» данные у пловцов, когда

«дамы», испуганные, кричали и просили помощи у них. Но Кама была свидетельницей и юмористических сцен. Здесь, однажды, у самого берега, вблизи пристани, где обычно плавают разные щепки, отбросы от арбузов, лодка пошатнулась, и самовар, взятый для чаепития на лоне природы за Камой, выпал из лодки и погрузился на дно. Смельчак семинарии Саша Смирнов⁶⁵¹, «ничтоже сумняше», нырнул в костюме Адама и под бурные аплодисменты многочисленных свидетелей его «подвига» поднял, наконец, несчастного «утопленника» со дна реки.

Весной мы совершали путешествия на камские пристани, и с достоинством гуляли на пароходах в людском потоке. Кама баловала нас арбузами осенью. Сюда, на баржи устремлялись после обеда и, сложившись по пятаку, «расправлялись» с астраханскими арбузами. Страшной была Кама во время ледохода: по ней неслись громадные льдины, у моста ниже города они сгруживались в торосы и с шумом прорывались через столбы моста на простор. Здесь, на высоком берегу Камы толпы гуляющих наблюдали однажды, как по середине реки на льдине плыл несчастный рыболов, врасплох захваченный сдвигом льда. Он кричал: «Спасите, спасите!» Но смельчаков не нашлось, и льдина унесла его к мосту. Здесь, когда льды сгрудились, он воспользовался удобным расположением льдов, перепрыгивая с льдины на льдину, выбрался, наконец, на берег и, как передавали наблюдавшие за ним, полчаса матерился...

Как же семинаристам было не помнить Камы, когда с нею связано было столько воспоминаний об их юношеских годах! Четыре года после окончания семинарии Кама раскрывала пред мной всё своё величие и красоту от Перми до Казани и наоборот. Я наблюдал весной распускающуюся природу на её берегах, а под осень её увядающую природу. Каким чудодейственным средством она снимала с меня всю усталость и нервозность после академических экзаменов! Сколько увлекательных вечеров было проведено в салоне парохода! Сколько перепето романсов! Сколько встреч! А прогулки по трапу парохода в вечернее время! Как хороша в это время Кама! Пароход иногда обгонял длинные плоты леса. Вспоминался рассказ А. М. Горького «На плотях». Был случай: две эфирные девушки сидели на скамейке в носовой части парохода. Подходит могучий великан в кафтане, в сапогах со сложенными в гармошку голенищами, в картузе и, сложивши ладони рук в трубочку, зычно кричит на плоты: «Это чьи плоты – те?» Ему

---

⁶⁵¹ Смирнов Александр Иванович (1884-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. «После окончания семинарии поступил в Казанский ветеринарный институт и пел в одном из Казанских хоров» (из очерка «Семинаристы-певцы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора) // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.

отвечают оттуда: «Лыскова!»⁶⁵² Гордец повернулся к «красавицам» и сказал: «Это мои плоты – те!»

Здесь, на Каме, уже на спаде революции 1905 г. разгуливал когда-то уральский Ринальдо Ринальдини – Лбов⁶⁵³ и «проверял» пароходные кассы.

[⁶⁵⁴]

В годы 1914-1915 Кама была опять передо мной, и я наблюдал её «сквозь призму семинарии», но не было уже прежней романтики. Юность прошла, а с ней и прежняя свежесть и яркость впечатлений. Но летом 1915 г. совершена была поездка по Каме к Чердыни – на родину матушки, в Покчу. Нет, уже не та Кама! Пароход шёл медленно⁶⁵⁵, с остановками на продолжительное время, но дошел до Чердыни. Пред нами предстала Кама с промышленными центрами: Чёрмозом, Березниками.⁶⁵⁶

Много повидала «разного» Кама в революцию 1917 г. Сколько она «приняла» в себя и с «той» и «другой» стороны!

Мы видели её мёртвой, запустелой. Опустели её берега. Редкий пароход чуть дымил где-либо у берега и жалость, бесконечная дальность теснила нашу грудь.

Но вот в 1960 г. я снова увидел Каму ожившей. По ней сновали тут и там пароходы. На берегах её было оживлённо. Но всё было по-новому: не было прежней Перми, не было семинарии, и только воспоминания толпились где-то в глубине души. Образы людей, с которыми встречался здесь, в Перми, на Каме, вставали предо мной с какой-то властной силой. В моей памяти воскресали события прошлого, пережитые здесь в семинарские годы. Было ясно, что и Пермь, и Кама, и семинария в моей душе являлись одним комплексом мысли, чувств и моего жизненного опыта. И было ясно, что Кама это не только и не столько водное пространство, а часть моей жизни: с ней связано всё то, что питало мою юность, и я могу сказать: «Спасибо тебе, Кама, за те дары, которые ты отдала мне в моей жизни!»⁶⁵⁷

---

⁶⁵² В очерке «Кама» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Зыкина! // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 63 об.

⁶⁵³ Лбов Александр Михайлович (1876-1908) – известный террорист и экспроприатор времён первой русской революции 1905-1907 гг.

Ринальдини Ринальдо – атаман разбойников, персонаж романа немецкого писателя Кристиана Августа Вульпиуса (1762-1827).

⁶⁵⁴ В очерке «Кама» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеются впечатления автора во время проплыва на пароходе от городов: Чистополя, Елабуги, Камбарки, Сарапула и Оханска. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 63 об.-64).

⁶⁵⁵ В очерке «Теченское житие» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «из-за недостатка топлива».

⁶⁵⁶ Имеется в виду территория будущего города Березники, основанного путём объединения старых промысловых сёл Лёнва, Веретия, Зырянка и Дедюхин.

⁶⁵⁷ В очерке «Кама» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Спасибо тебе, многоводная Кама, за много, много радости и счастливых переживаний, которые ты щедро дарила нам

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 13-20 об.

*Очерк «Кама» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора содержит информацию о пристанях, которую автор ранее разместил в очерке «Старая Пермь», о чём см. выше.

в юношеские годы и в пору возмужания. Ты навсегда осталась в триаде – Пермь, Кама, семинария, - которая определила счастливый период нашей жизни» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 64 об.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

июнь-июль 1960 г.

Воспоминания о Пермской духовной семинарии Игнатьева Василия Алексеевича, переданные мне им лично для хранения.

В. А. Игнатьев 17.VII [июля – ред.] приезжал из Свердловска и 18.VII 1960 г. я проводил его обратно в Свердловск. За время его пребывания в Перми он жил у меня. Мы посетили с ним многие исторические для нас места. Обошли квартал, где находилась семинария, от которой остались лишь 1 и 2 этажи гл[авного] корпуса, здание бани, выходящей на Каму и часть западной стены (камен[ной]) семинарского сада. Посетили дома – по б[ывшей] Екатерининской ул. ([в] н[астоящее] вр[емя] Большевистская) – д. 137 – где жило нашей семейство и рядом (в той же ограде) – где проживал Игнатьев (д[ом] Загуменных, позднее – Удинцева – где была квартира «Артёма» Сергеева, подпольная большевистская квартира.⁶⁵⁸ Посетили могилы П. Н. Серебренникова, моего брата Сергея (товарища по курсу Игнатьева), трагически погибшего в 195... г. 18.VII.1960 г. Профессор И. С. Богословский.

*Alma Mater**

Наша семинария находилась в северной части города и была расположена на высоком крутом берегу Камы, в середине которого проходила и теперь проходит железнодорожная линия, соединяющая станции Пермь I и Пермь II. Со всеми своими постройками во главе с основным корпусом она занимала целый квартал строений, фасадом своим обращённый к городу, а тыловой стороной к Каме; на востоке строения граничили с площадью перед Кафедральным собором и архиерейской церковью, а на западе – с домами частных домовладельцев-горожан. Главный корпус семинарии был расположен в юго-восточной части четырёх-угольника и имел форму буквы П, с выступами на востоке и западе внутрь двора. Это было старинное трёхэтажное здание с более высоким средним этажом и сравнительно низкими третьим и первым этажами, что придавало зданию симметричный вид. Таким главный корпус семинарии и был увековечен на многочисленных фотоснимках, в том числе и на почтовых открытках.

Многочисленные комнаты этого здания имели следующее служебное назначение. Весь верх, за исключением нескольких комнат (умывального,

---

⁶⁵⁸ Сергеев Фёдор Андреевич (1883-1921) – русский революционер и советский политический деятель, известный под псевдонимом Артём. Возглавлял Пермской комитет РСДРП, был арестован и сидел в Пермской тюрьме.

кладовой, квартиры пом[ощника] инспектора и верхней части церкви) отведён был под спальни. В него вели три лестницы: центральная, которая обычно была закрыта для пользования, и две боковых, из которых постоянно открыта была лишь западная.

В центре среднего этажа находилась церковь⁶⁵⁹, двухсветная, в которую вела снизу мраморная лестница, сильно потёртая, уже с небольшими ямками. В церкви, благодаря рачительным ктиторах (старостам) её было довольно богатое убранство: серебряный с литыми изображениями святых престол, такие же царские врата и по обе стороны их в нижнем ряду иконостаса иконы. Считалось за честь для каждого старосты оставить по себе память каким-либо пожертвованием на украшение храма. Благодаря попечению старост пол в церкви был покрыт коврами из крашеных веревок, чтобы не было жёстко становиться на колени.

Значительное место в этом же этаже занимали актовый зал и фундаментальная библиотека. Самым замечательным в зале был художественно расписанный потолок, с изображением 4-х евангелистов, и текстом из евангелия Иоанна Богослова, помещённым в овальном круге по всему потолку. Несомненно, это была чья-то заслуживающая внимание художественная работа, но она никем не ценилась и так, вероятно, и погибла в будущем. Зал большую часть времени пустовал, в нём было даже мало и мебели. Раз в году в нём устраивались торжественные собрания в день престольного праздника, посвящённого Иоанну Богослову. Так, в 1902 г. в зале было торжественное собрание в присутствии высокопоставленных лиц города, на котором с речью выступал преподаватель философии А. Н. Юрьев, а семинарский хор исполнил концерт Бортнянского «Воспойте Господеви песнь нову». В последующие годы, во время революции 1905 г. и в период реакции, а также и в период империалистической войны, такие торжественные собрания были прекращены. В зале два-три раза в году устраивались вечера, проводились иногда уроки танцев, что, конечно, совершенно не гармонировало с тем, что было изображено на его потолке. Да разве ещё кто-либо из зубрильщиков в часы вечерних занятий уединялся сюда для заучивания очередного урока.

Фундаментальная библиотека занимала большую комнату, совершенно для нас недоступную. Нам говорили, что она предназначалась для учителей. Очень редко мы видели у неё открытую дверь и с интересом заглядывали туда, но входить туда нам было запрещено. Не помню, по какому поводу, но нам показывали принесённый из неё пергаментный свиток Библии на древнееврейском языке (тора), который как драгоценность, хранился в библиотеке и был даром архимандрита Антонина Капустина, бывшего ученика семинарии. Раза два за время обучения в семинарии из этой библиотеки на урок приносил нам В. А. Фаминский какие-то старинные издания произведений древней русской литературы. Этим и ограничивалось

---

⁶⁵⁹ Церковь (домовая) Иоанна Богослова при Пермской духовной семинарии.

наше знакомство с библиотекой. Было это нам обидно, но всё зависело не от нас. В восточном крыле главного корпуса, в конце его помещался ещё небольшой кабинет физики, с которым редко-редко знакомил нас В. А. Кандауров, вероятно, потому, что кабинет этот был очень беден. В западном крыле, тоже в конце его, помещалась ученическая библиотека, о которой подробнее речь будет ниже.⁶⁶⁰ Остальное пространство второго этажа занимали восемь учебных комнат (классов) и коридоры – вдоль здания и по крылам. Эти восемь классов распределялись так: два I-х кл[асса], два II-х кл[асса] и по одному III, IV и V классов. Такое распределение классов свидетельствовало, если можно так выразиться, о суровой борьбе за обучение в семинарии, а именно то, что отсеив учащихся за первые два года обучения делал уже излишним параллельные классы, начиная с третьего класса. Если пользоваться традиционным делением классов в семинарии на три категории: риторики, философии и богословия, то, очевидно, классы риторики и были периодом наиболее острого отбора для классов философии и богословия. Какие мотивы были наиболее уважительными для «исключения», как тогда это называлось, из семинарии? Главным мотивом, так сказать, лейтмотивом были академические требования, суровые требования: три неудовлетворительные оценки на экзаменах иногда считались достаточными для «исключения» из семинарии. Были среди исключённых и жертвы темперамента: попавшиеся по пьянке, замеченные в грубом отношении к вышестоящим лицам и вообще неблагонадёжные, которых с момента революции 1905 г. администрация семинарии находила всё больше и больше.

В нижнем этаже главного корпуса располагались следующие учреждения. Налево, у входа, находились вешалки для семинаристов, живущих на квартирах, и каморка для дежурного швейцара. Дальше, налево, вдоль коридора, по фасаду здания была расположена квартира инспектора, а по крылу расположены были небольшие комнаты для обслуживающего персонала (коменданта, кастелянши и т. д.) и крайняя, у выхода в ограду, была отведена под склад керосина и для ламповщика до того, как проведено было электричество. Против квартиры инспектора в большой комнате находилась гардеробная со шкафами для верхней одежды и комодами для белья. Здесь же жил постоянно сторож в ничем не отгороженном углу у входа. Свидетелем его постоянного пребывания была здесь кровать и кое-какие вещи из его одежды и обихода.

---

⁶⁶⁰ См. очерк «Черты семинарского быта» («Библиотекари»). Более подробных сведений о фундаментальной и ученической библиотеках семинарии в текстах воспоминаний автора не имеется. После закрытия Пермской духовной семинарии в 1918-1919 гг. все книги были конфискованы, часть книг утеряна, сохранившиеся книги в течение нескольких лет были разделены по библиотекам Пермского госуниверситета, областного архива, областного музея, педагогического и медицинского институтов. В ГКБУ «ГАПК» в фонде 63 «Пермская духовная семинария» имеются каталоги фундаментальной и ученической библиотек Пермской духовной семинарии (ГАПК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 19, 20, 57, 59, 60).

Направо от входа вдоль коридора по фасаду были расположены: квартира помощника инспектора, кабинет ректора семинарии, комната пед[агогических] советов (она же была приспособлена для музыкантов) и далее в юго-восточном углу комнатка для секретаря, раздевалка для учителей и комната для официальных приёмов с большим столом, покрытым зелёной скатертью с позуменами и зеркалом – символом государственной власти, на страже которой стоят и духовные учебные заведения. Эта же комната была и учительской: здесь учителя находились во время перемен, и пили чай в большую перемену. Против квартиры пом[ощника] инспектора и кабинета ректора расположена была, так показываемая, образцовая школа в составе двух классных комнат и раздевалки при них. Это было очень любопытное учреждение, которым семинария связана была с ближайшим к ней соседним населением. В восточном крыле здания вдоль коридора находилась квартира эконома и семинарский архив. Ко всему сказанному выше, по описанию главного корпуса семинарии, нужно добавить, что в западном и восточном крылах за лестницами сверху и донизу расположены были уборные старого образца, со сквозными ретирадами-воронками, без всяких культурных приспособлений.

Таков был статус главного корпуса нашей семинарии до 1914 г.

Продолжением главного корпуса его восточного крыла, было одноэтажное кирпичное здание, которое делилось на проходную комнату, столовую, буфет и кухню, которая выходила уже на северную сторону четырёхугольника и одним окном своим обращена была на Каму. Проходная комната была местом, куда расторопный парень пирожника Половникова аккуратно являлся на большую перемену и продавал семинаристам пирожки с мясом или вареньем по 5 коп[еек] за пару. В столовой были расставлены длинные столы в два ряда по 12 ч[еловек] за столом. Под иконой, на передней стене, висело расписание блюд (меню) на определенный промежуток времени – мясоед, сыроед или пост. В буфете семинаристы ежедневно получали булки белого хлеба (сайки) к чаю и кипяток. Чай и сахар выдавались на месяц в первый день месяца и хранились в ящиках – персональной собственности, почему на подоконниках окон стояли горы замкнутых на замок ящиков. Из кухни был спуск во двор и в нижний этаж столовой, буфета и кухни, где стояли бочки с солёной капустой, огурцами, засеки с картофелем и овощами. Раньше здесь же была пекарня, но в наши времена она была уже ликвидирована, а в ней обитал наш шеф-повар. В расстоянии нескольких метров от этого здания по северной линии четырёхугольника были расположены два двухэтажных кирпичных здания. Между ними был небольшой интервал. В первом из них внизу были бани общего пользования для семинаристов и индивидуально для семейств начальствующего персонала; вверху была комната для сторожей общая, с отдельной для кучера ректорских выездных рысаков. В восточной половине верха была столярная мастерская и здесь же жил одинокий бобыль столяр. Комната, в которой жили сторожа, могла бы быть в неприкосновенном виде

перенесена в драмтеатр для постановки пьесы Горького «На дне». Во втором здании внизу находились каретник, конюшни и позднее организован был свинарник, а вверху – склад. Вся эта часть двора отделена была от главного корпуса деревянным заплотом с двумя воротами, а между ними (воротами) вдоль заплота был устроен громадный навес, под которым были штабели дров.

По линии фасада главного корпуса, к западу от него, расположено было одноэтажное деревянное здание больницы с аптекой и тремя просторными палатами для больных. Дальше по этой же линии за главными воротами находилось одноэтажное деревянное здание на 6-7 комнат – квартира ректора семинарии. Пролёты по всей линии четырёхугольника занимала кирпичная стена и, таким образом, весь четырёхугольник был замкнут со всех сторон с двумя воротами: одни из них выводили к водокачке (между кухней и баней) и были большею частью закрыты, а вторые – между больницей и квартирой ректора, у которых днём и ночью сидел сторож. На ночь и эти ворота закрывались, и только по особому пропуску сторож мог их открывать.

Внутри просторного двора семинарии были два скверика и сад. Один скверик был между восточным и западным крыльями главного корпуса. В нём были могучие тополи. Этот скверик никто из семинаристов не посещал. В нём разгуливали породистые курицы эконома, причём, как говорили, великан петух был на конкурсе премирован медалью и был законной гордостью нашего эконома. Второй скверик находился между больницей и западным крылом главного корпуса. В нём росли липы. Так как этот скверик прилегал к квартире инспектора, то считалось, что он должен быть только в пользовании семьи инспектора; а так как в нём находилась ещё звонница, то частым посетителем его был семинарист, помощник церковного старосты.

Сад был расположен вдоль западной стены от квартиры ректора до северной стены. В нём были тополи, между которыми шли три аллеи. В головной части средней аллеи в непосредственной близости от квартиры ректора была расположена физкультурная площадка с небольшим количеством приборов. Однако нужно сказать, что почти никто из семинаристов не пользовался этими приборами. В конце аллеи стояла круглая беседка, с которой открывался чудесный вид на Каму. В этой беседке иногда весной собирались семинаристы-певцы, и пение их далеко-далеко разносилось в сторону Камы. Зимой вдоль этой аллеи иногда устраивались катушки.

Вот в каком виде в нашей памяти сохранилась наша *alma mater*.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 3-10 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Протоиерей Константин Михайлович Добронравов (ректор)⁶⁶¹

Ректора нашей семинарии Добронравова мы застали уже в возрасте под пятьдесят лет. Высокого роста, могучего телосложения с грубым голосом и суровым выражением лица, он внушал чувство страха, которое ещё больше увеличивалось его манерой держаться отдалённо и сугубо официально.⁶⁶²

Передавали о таком случае, имевшем место на уроке в шестом классе. Он имел обыкновение, входя в класс, на ходу называть фамилию семинариста к ответу урока, не обращаясь к нему лично. И вот однажды, войдя так в класс, он вызвал Черепанова, который сидел за партой у самых дверей, а он, не успев ещё дверь закрыться, шмыгнул и спрятался в уборной.⁶⁶³ Ректор это заметил и послал соседа по парте водворить беглеца на место, но Черепанов упорно отказывался возвратиться, всё время твердя: «Страшно попасть в руки бога живаго!» Случай этот анекдотический и описание его достойно пера такого художника слова как Н. В. Гоголь, но и как анекдот он характерен для понимания отношений, которые существовали между главой семинарии и его воспитанниками.⁶⁶⁴

---

⁶⁶¹ Добронравов Константин Михайлович (1853-1933) – протоиерей, сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1880 г. В 1880-1883 гг. помощник смотрителя Соликамского духовного училища; в 1883-1889 гг. – смотритель того же училища; с 11 января 1889 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии; с 5 февраля 1889 г. священник Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора; с 9 февраля 1891 г. ректор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 6-м классе. Имел ордена: св. Владимира 3 и 4 ст., св. Анны 2 ст. и св. Станислава 3 ст. и палицу // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 249. «О 25-ти летнем юбилее педагогической деятельности ректора семинарии протоиерея К. М. Добронравова» см. «Пермские епархиальные ведомости». 1905. № 37 (11 октября) (отдел неофициальный). С. 543-547.

⁶⁶² В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Его можно было назвать великаном. У него были крупные черты лица: глаза как бы на выкате, нос, сильно смахивающий на картошку, волосы, сбитые для пышности. Он носил золотые очки. Он шепелявил – не выговаривал с: слово «сапожник» он произносил «шапожник». Во всём у него проглядывала мания величия. Он как бы подавлял своей персоной, и с ним неприятно было встречаться. Его боялись, и ему, кажется, это нравилось» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 3.

⁶⁶³ Вероятно, Черепанов Сергей – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор приводит этот случай в 6-м классе по рассказу брата Алексея, который окончил семинарию в 1900 г.

⁶⁶⁴ Из очерка «Тётушка Антонина Ивановна» в составе «Семейной хроники Игнатьевых»: «... О чем мы с ней тогда беседовали, я теперь не помню. Вероятно, о том, что пишут из Течи. Других тем для беседы не могло быть: я не был знаком кроме неё ни с дядями, ни с тётями по маминой линии; для меня был чуждым врачебный мир, с которым она была связана по своей профессии, а семинария не могла для неё иметь никакого интереса. ... Только однажды, по какому[-то] случаю зашла речь о ректоре семинарии Добронравове, и

Мания величия – была основной чертой ректора. Передавали, и это так, вероятно, и было, что даже при прикрытой только двери для входа в семинарию, незамкнутой на замок, он давал звонок, чтобы швейцар открыл ему дверь. Мы были много раз свидетелями, как швейцар впереди его бежал к шестому классу, чтобы открыть ему дверь для вхождения в класс на занятия. Во всём поза величия: будет ли это прогулка перед зданием семинарии перед уроками, будет ли это прогулка по коридору в часы вечерних занятий или посещение столовой, будет ли это, наконец, выход на литию во время богослужения. Но особенно величественны были выезды куда-либо в город. Для этого всегда наготове была пара сначала серых, а позднее вороных рысаков, впряжённых в пролётку. Передавали, что раньше, ещё до нашего поступления в семинарию, при епископе Петре⁶⁶⁵ часто были выезды для сопровождения архипастыря. В наши времена выезды были реже и преимущественно на одном рысаке. Помнится, как в первый день Пасхи мимо семинарии промчался рысак, впряжённый в новую пролётку, ценой в 500 руб[лей]. В ней сидел наш ректор, отправившийся с пасхальными визитами.⁶⁶⁶

тётушка рассказала мне, как она ухаживала на дому за больной дочерью его Лией. У ректора было два сына и три дочери. Две дочери носили библейские имена – Рахиль и Лия. Последняя была его любимицей и умерла от скарлатины. «Как он убивался и плакал» - рассказывала о ректоре тётушка по поводу утраты этой дочери. Моё воображение, несмотря на все усилия, не в состоянии было представить нашего ректора – грозного великана – плачущим. Раненный могучий лев – так образно я мог представить ректора убитым его горем» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 58-59.

Из очерка «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Когда К. М. вызывал к себе в кабинет кого-либо из семинаристов, он имел обыкновение спрашивать при появлении того в кабинете: «кто там?» Все знали, что этот вопрос был началом «распекания». Любил К. М. певцов и только по отношению к ним в его голосе, обычно грубом, слышались нотки мягкости, похожей на задушевность. Мало этого, случись какая-либо беда с кем-либо из певцов на его экзамене, не даст «зарезать» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 4 об.-5.

Там же: «Квартира К. М. была для семинаристов «зámком», куда для них были двери закрыты, за исключением вызовов на «проборку». Единственным отступлением от этой «нормы», как передавали, было посещение этого «зámка» семинаристом Алёшей Захаровым, который был певцом-вундеркиндом и приходил услаждать своим пением К. М. под аккомпанемент пианино, а аккомпанировала ему старшая дочь ректора. Результатом этого «музицирования» было то, что Алёша Захаров на семинарском вечере однажды исполнял «Ave, Maria» Шуберта под аккомпанемент старшей дочери К. М. – Александры Константиновны. Нужно отметить, что пианино К. М. не раз побывало на вечерах в семинарии» // Там же. Л. 7 об.-8.

⁶⁶⁵ Пётр (Лосев) (1833-1902) – епископ Пермский и Соликамский в 1892-1902 гг.

⁶⁶⁶ В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «При епископе Петре он был на вершине своей славы и своего благополучия. Говорили, что тогда именно за каретой с парой вороных обычно следовала пролётка с парой серояблочных лошадей, и это был апогей его ректорской

Мания величия иногда переходила у ректора в пренебрежительное, хамское отношение к другим людям, которые, по его мнению, стояли ниже его по служебной линии. Так, наш бывший смотритель Камышловского дух[овного] училища М. Н. Флоров, человек почтенный и в высшей степени культурный и деликатный, с большой обидой рассказывал нам, как он явился к ректору с визитом, чтобы засвидетельствовать ему уважение, и как именно по-хамски был им принят.^{667 668}

Нам приходилось видеть ректора и в другом положении, когда он был в обществе вышестоящих людей. Это бывало, например, когда совершались в семинарской церкви архиерейские службы, или когда архиерей посещал семинарию. Надменность ректора как рукой снимало, он заискивал, лебезил. Так и хотелось сказать: какой же ты жалкий человек, чиновник в рясе!

И вот после долгих лет благополучного ректорства стал вопрос об его отстранении. Говорили, что у него получилось какое-то неблагополучие с финансовой отчётностью. Очевидцы передавали, что это была картина, похожая на то, как бы выкорчёвывали дуб с его могучими ветвями.⁶⁶⁹

[⁶⁷⁰]

деятельности. Мы ещё застали эту пару серояблочных лошадей, но парой их уже не запрягали» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 6 об.-7.

⁶⁶⁷ Флоров Михаил Николаевич (?-1917) – в 1891-1913 гг. смотритель Камышловского духовного училища. Подробнее см. в Части II. «Камышловское духовное училище на рубеже XIX – начале XX веков».

⁶⁶⁸ В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывал, что М. Н. Флоров пришёл на приём к К. М. Добронравову, чтобы осведомиться о том, какое мнение у него (Добронравова) о выпускниках Камышловского духовного училища. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 5-5 об.).

⁶⁶⁹ «О проводах ректора К. М. Добронравова» // «Пермские епархиальные ведомости». 1914. № 10 (1 апреля) (отдел неофициальный). С. 190-191; «Уход за штат протоиерея К. М. Добронравова» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №7 (1 марта) (отдел неофициальный). С. 206.

⁶⁷⁰ В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «У К. М. была какая-то видная родня в губернском земстве и одно время прошёл слух, что его намечают в кандидаты на выборах в Гос[ударственную] Думу.

Среди семинаристов одно время были распространены слухи о том, что была ревизия хозяйственной деятельности К. М., и он будто бы пытался «замести» кое-какие следы, но ревизию проводил преподаватель лат[инского] яз[ыка] Иван Ермилович Губкинский, человек неподкупный, и что будто бы эта ревизия явилась первым камнем, который подорвал его репутацию. Последующие историки семинарии утверждали, что будто бы ему инкриминировалось то, что из неё мало выходило выпускников, которые принимали священный сан. Правды ради следует, однако, сказать, что К. М. уговаривал иногда оканчивающих пойти во священники, но время было уже другое, а не прежнее патриархальное, и он был бессилён что-либо сделать. Каковы были отношения между К. М. и новым инспектором семинарии А. П. Миролубовым? Надо полагать, что он учёл дружбу А. П. с новым архиереем Иоанном [Алексеевым], и это было причиной того, что в новых условиях, после смерти епископа Петра, он стал вести себя скромнее.

В 1915 г. автору этого очерка пришлось быть сослуживцем ректора в мужской гимназии. Величия у него было меньше, а всё-таки прежние замашки ещё остались. На педагогических советах полагалось подписываться под протоколами предыдущего заседания. По неопытности я взял протокол раньше законоучителя Добронравова, он буквально вырвал его из моих рук, чтобы расписаться раньше. Как не сказать по-современному: «Каким ты был, таким остался».

В последние годы педагогической деятельности мне случилось быть сослуживцем жены старшего сына ректора – Маргариты Яковлевны (урожденной Рихтер) и внука его, сына Маргариты Яковлевны. Это было в Свердловском медицинском институте. Естественно, при встречах с ними, речь заходила о нашем бывшем ректоре, причём они обрисовывали его в семейной обстановке с теми же чертами характера, с какими мы видели его и на служебном посту. М. Я. рассказывала и о трагической смерти его. Дело было так. Возвращаясь откуда-то поздно вечером, он упал в яму, вырытую для проведения водопровода, и разбил грудь. Смерть последовала в скором времени.⁶⁷¹ М. Я. рассказывала, что жена ректора умерла 3-4 года тому назад в возрасте 96 лет. В живых осталась только старшая дочь его, которая ещё в наши времена была преподавательницей Алексеевской⁶⁷² женской гимназии.⁶⁷³

К. М. стоял во главе семинарии, когда она праздновала своё столетие, а это было уже накануне революционной бури. Патриархальные времена бытия семинарии уже заканчивались, и он сам это испытал на себе. То, что около его кабинета однажды разорвалась петарда, а семинаристы устроили ему обструкцию (он ходил по столовой, а сзади несло мяуканье, шипение) свидетельствовало о том, что величие его как громовержца Зевса, каким он раньше казался семинаристам, подорвано, и его мания величия стала предметом насмешки над ним. Он старался удержаться на этой позиции в церковном ритуале. Так, в это именно время впервые стали совершать чин «водружения креста» под праздник «Воздвижения», причём он именно был центральной фигурой этого ритуала, но жизнь всё дальше и дальше уходила от старых устоев, от старых традиций, и всякие ритуальные нововведения не давали уже желаемого эффекта.

Кому пришлось наблюдать уход К. М. из семинарии, оставление им насиженного места, те говорили, что эта картина имела вид выкорчёвывания столетнего дуба, пустившего глубоко и широко свои корни.

Однако это было только очень слабым указанием на ту чашу, которую испить К. М. пришлось после Октябрьской революции. На его судьбе больше, чем на судьбе кого-либо из коллег его по Пермской дух[овной] семинарии, оправдалось классическое изречение: «*Sic transit gloria mundi!*» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 8 об.-9 об.

Иоанн (Алексеев) (1862-1905) – епископ Пермский и Соликамский в 1902-1905 гг.

⁶⁷¹ К. М. Добронравов с 1922 г. находился в обновленческом расколе и имел сан протопресвитера с 1930 г. Скончался в 1933 г. в г. Перми.

⁶⁷² Правильно – Александровской.

⁶⁷³ В очерке «Протоиерей Константин Михайлович Добронравов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Осведомившись о том, что в Свердловском медицинском институте на кафедре неорганической химии старшей лаборанткой работает его невестка, жена старшего сына Николая, Маргарита Яковлевна Добронравова (урожд[ённая] Рихтер),

Когда-то мы, семинаристы, выработали для себя правило отношения к своим наставникам: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». Так вот и по отношению к ректору, теперь уже давно покойному, руководствуясь классическим изречением – «*de mortuis aut bene, aut nihil*»⁶⁷⁴ - завершим латинским же словами: «*sit tibi terra levis!*»⁶⁷⁵
[⁶⁷⁶]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 72-75.

а на кафедре нормальной физиологии – его внук, доцент Вячеслав Николаевич Добронравов, сын его старшего сына Николая, я обратился к ним с просьбой обменяться со мной воспоминаниями о нём, б[ывшем] ректоре Пермской дух[овной] семинарии, при котором учились в ней три моих брата и я. Я рассчитывал основательно пополнить мои сведения о нём и был очень разочарован скудными сообщениями о нём. Маргарита Яковлевна поведала мне только о кончине К. М. в ... году. Умер он при трагическом обстоятельстве: возвращался он однажды поздно вечером откуда-то и упал в траншею, заготовленную для водопровода. Диким голосом он кричал о том, что бы ему помогли выбраться из ямы, но помощь пришла не сразу. При падении он сильно разбил грудь, болел и умер. Что касается его характеристики, то она обмолвилась только словами: «Вы знаете, какой он был». Она сообщила также мне, что жена К. М. не так давно умерла в возрасте 96 л[ет], умерли также младший сын его Михаил и младшая дочь Рахиль. В живых осталась только старшая дочь – Александра, которая всю жизнь работала педагогом.

Внук же К. М. мне только сказал о том, что у него (К. М.) был кривой палец и как он ему однажды сделал замечание: «не трожь!» Это воспоминание внука об его дедушке, однако, вызвало в моей памяти образ К. М., человека властного: в словах «не трожь» сказалась одна из главных его черт – приказывать, командовать // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 2-2 об.

Там же: «Дети К. М. учились в гимназиях. Когда автор сего учился в первом классе семинарии, то старший сын его Николай только что поступил на первый курс юридического факультета Московского или Петербургского ун[иверсите]-та, а Михаил – второй его сын, и Рахиль, младшая его дочь, учились ещё в гимназии. Дети К. М. держались изолировано от семинаристов. Были редкие случаи, когда Михаил появлялся среди семинаристов в саду у физкультурных приборов. Рахиль с матерью бывали в семинарской церкви на хорах. Помнится, только однажды церковный староста С. Е. Кусакин растелил для них коврик перед местом, которое было отведено для учеников первого класса, но наш инспектор Ал[ександр] Павл[ович], как видно, дал понять, чтобы больше этого не делали, да и эти молящиеся, очевидно, поняли, что этого делать не надо, чтобы не подвергаться оскорблениям» // Там же. Л. 7-7 об.

⁶⁷⁴ *de mortuis aut bene, aut nihil* – по-латински «О мёртвых или хорошо, или ничего».

⁶⁷⁵ *Sit tibi terra levis!* – по-латински «Пусть земля тебе будет пухом!».

⁶⁷⁶ Из письма В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 13 марта 1962 г.: «Сейчас идёт Великий пост, и в памяти встают картины прошлого. Слышу голос «папки» Добронравова на каноне Андрею Критскому: «Откуда начну плакать окаяннаго моего жития» и пение хора в унисон: «Помощник и покровитель». Великопостный звон... говение... причащение и пр. Кажется, что и самое время года – ранние признаки весны – всё соответствует Вел[ико]му посту» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 50 об.

Александр Павлович Миролюбов (инспектор)⁶⁷⁷

А. П. Миролюбов в нашей семинарии в течение шести лет (с осени 1902 г. по весну 1908 г.) работал инспектором.⁶⁷⁸ Предшественником его на этом посту был Павел Семёнович Потоцкий, которого семинаристы сокращённо называли «Семёныч».⁶⁷⁹ По словам наших старших братьев, учившихся при нём в семинарии, он был человеком грубым, и грубость в обращении даже возвёл в систему инспектирования. Накричать или, как некоторые выражались, «облаять» кого-либо из семинаристов для него ничего не стоило. Но при этом он иногда в отношениях с семинаристами проявлял своеобразный демократизм. Так, у него была привычка проверять у возвратившихся с каникул семинаристов руки, причём если он находил у кого-нибудь мозоли на руках, то хвалил. Однако это мало смягчало впечатление о нём, как грубом человеке.

А. П. в этом отношении был полной противоположностью Потоцкому. Нам никогда не приходилось видеть его сильно возбуждённым, слышать его повышенный голос. У него была совершенно другая манера речи: тихо, спокойно язвить, наносить уколы провинившемуся, а потом свести с ним счёты на заседании совета семинарии и объявить об увольнении.

А. П. был воспитанником Казанской дух[овной] академии, имел учёную степень магистра богословия и, таким образом, среди наших

---

⁶⁷⁷ Миролюбов Александр Павлович – сын протоиерея Саратовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1896 г. В 1896-1897 гг. профессорский стипендиат Казанской духовной академии. В 1898-1899 гг. преподаватель богословских наук в Александровской миссионерской духовной семинарии. Магистр богословия 1899 г. С 20 ноября 1902 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 5-м классе. Коллежский советник. Имел ордена: св. Анны 3 ст. и св. Станислава 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1907. № 27 (21 сентября) (отдел официальный). С. 508.

⁶⁷⁸ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. Миролюбов перевёлся в нашу семинарию с Кавказа, из Ардонской семинарии. Его назначению инспектором в нашу семинарию содействовал вновь прибывший на должность пермского архиерея епископ Иоанн [Алексеев], который был перед этим ректором Ардонской семинарии. Как бывшие сослуживцы: еп[ископ] Иоанн и А. П. Миролюбов – были в хороших отношениях» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 16.

Ардонская семинария – неофициальное название Александровской миссионерской духовной семинарии, ректором которой был Иоанн (Алексеев) в 1887-1899 гг.

⁶⁷⁹ Потоцкий Павел Семёнович – сын причетника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1875 г. В 1875-1886 гг. преподаватель Священного Писания в Тифлисской духовной семинарии; в 1886-1888 гг. инспектор Тифлисской духовной семинарии; с 31 марта 1888 г. по 1902 г. инспектор Пермской духовной семинарии. Преподаватель Священного Писания в 5 классе. Статский советник. Имел ордена: св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1901. № 20 (16 октября) (отдел официальный). С. 295.

учителей и руководителей был самым учёным человеком.⁶⁸⁰ Мы придавали этому большое значение, и для нас А. П. был самым авторитетным человеком. Вот почему мы иногда приглашали его к себе в класс в часы вечерних занятий с простой, лаконично высказанной просьбой: «расскажите нам что-нибудь».⁶⁸¹

Запомнился такой случай: пришёл к нам А. П. с какой-то книжкой на французском языке, с которой, очевидно, застала его наша просьба. Он говорил нам о Достоевском⁶⁸² примерно около часа. Говорил он с увлечением, хотя тихо и спокойно. Нас поразило то, что говорил он без запинки, хотя экспромтом. Мы мало тогда разбирались в том, что говорил А. П. о Достоевском; понимали только то, что он был поклонником Достоевского. Позднее стало ясно, что то, что у Достоевского было наиболее реакционным, составляло *credo*⁶⁸³ А. П.⁶⁸⁴ Он настолько был увлечён некоторыми местами из сочинений Д., что читал их наизусть.⁶⁸⁵

---

⁶⁸⁰ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. окончил курс в Казанской духовной академии, был оставлен в аспирантуре профессором [С. А.] Терновским, написал и защитил научную работу по «Библейской археологии», и получил звание «магистра богословия». При уходе на пенсию проф[ессор] ... Терновский предложил ему занять его место на кафедре, но А. П. отказался от столь завидной перспективы: его, очевидно, привлекала более живая работа с молодёжью, позволявшая непосредственно соприкоснуться с ней, с её бытом и характерами» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 16-16 об.

⁶⁸¹ Там же: «Мы направляли делегата к А. П. с просьбой прийти к нам на беседу, и он приходил к нам запросто – одетый по-домашнему: в рубашке без галстука, простенькой визитке, в шерстяных туфельках на ногах. Нам нравилось полное отсутствие в этом случае официальной обстановки. Приглашая А. П. на беседу, мы даже не придумывали вопрос, по которому мы хотели бы слышать его речь, и на его «что вы хотите, что бы я вам рассказал?», наивно заявляли: «скажите нам что-либо» // Там же. Л. 17 об.

⁶⁸² Достоевский Фёдор Михайлович (1821-1881) – русский писатель, мыслитель, философ и публицист. Классик русской литературы и один из лучших романистов мирового значения. Автор романов «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871-1872), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879-1880).

⁶⁸³ *credo* – по-латински буквально «верю», личное убеждение, основа мировоззрения.

⁶⁸⁴ «Реакционность» Ф. М. Достоевского заключалась в его религиозности, неприятии идей социализма и неприемлемости революционной борьбы.

⁶⁸⁵ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Чаще всего из его произведений он называл «Дневник писателя» и «Записки из Мёртвого дома» // Там же. Л. 17 об.-18.

Там же: «Принадлежность А. П. к этому идеологическому направлению подтверждалась ещё и тем, что он был поклонником Победоносцева, что он отмечал в некоторых своих высказываниях, сугубо положительных и почтительных к нему. Когда Победоносцев умер, то в семинарии служили панихиду, и в её организации, надо полагать, не последнюю роль играл А. П., так как было видно, что он был зело огорчён этим событием» // Там же. Л. 18-18 об.

Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) – русский государственный деятель консервативных взглядов, в 1880-1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода.

Когда мы учились в пятом классе, А. П. преподавал нам «Новый Завет» и для иллюстрации некоторых своих объяснений он опять-таки апеллировал к Достоевскому. У него был и самый метод преподавания несколько отличный от метода других учителей; а именно: он почти не прибегал к проверке наших знаний, а всё внимание сосредоточил на своих объяснениях, которые больше походили на проповеди или душеспасительные беседы. Никто другой, как он, вероятно, не верил так в силу слова, в убедительность речи, как А. П. Вот почему он часто произносил проповеди, причём его проповеди больше всего были рассчитаны не столько на чувства слушателей, сколько на то, чтобы убедить в необходимости и правоте религии. Но иногда его проповеди направлены были и непосредственно на воспитание семинаристов. Так, когда мы «говели»⁶⁸⁶, то при чтении «часов», на каждом из них А. П. выступал с кратким словом «молитвами иже во святых отца нашего Исаака сириянина...», которое было рассчитано на создание покаянного настроения у нас. Он, безусловно, верил в то, что, таким образом, проповедями, можно воспитать людей, и он, безусловно, стремился к этому, был идейно предан этому делу.

Что работа инспектором не была для него стремлением к карьере видно из того, что он отказался от предложенной ему Казанской дух[овной] академией лестной карьеры профессора и предпочёл работать инспектором семинарии. К слову сказать, он никогда не кичился своей научной степенью магистра и вообще всегда был скромнен в проявлении своей личности: скромно одевался, был скромнен в быту.

Что А. П. идейно был предан своему делу и верил в это дело, об этом свидетельствует то, что он на свои средства в одной из комнат своей квартиры создал для семинаристов читальню, в которой были газеты и журналы типа «Русского паломника».⁶⁸⁷ В ученическую библиотеку А. П. подарил сочинения Писемского.⁶⁸⁸

[⁶⁸⁹]

---

⁶⁸⁶ Говение – приготовление к таинству причащения, заключающееся в посте и воздержании, посещении всех богослужений в продолжение, по крайней мере, одной недели и выполнении домашних молитв по указанию молитвослова.

⁶⁸⁷ «Русский паломник» – российское дореволюционное периодическое иллюстрированное издание, издававшееся в С.-Петербурге. «Русский паломник» был посвящён преимущественно описаниям храмов, церковных древностей, путешествий к Святым местам Палестины и к русским и заграничным святыням, историко-этнографическим очеркам, жизнеописаниям, рассказам религиозно-нравственного содержания и т. п. вещам.

⁶⁸⁸ Писемский Алексей Феофилактович (1821-1881) – русский писатель и драматург.

⁶⁸⁹ В очерке «Александр Павлович Мироллюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. вёл жизнь анахорета, даже в какой-то мере – подвижника. Так, мы иногда наблюдали, что зимой с лопатой в руке он выходил на двор в ту его часть, где между восточным и западным выступами здания скопилось много снега, сгребал его в высокую гору и строил какие-то не то ниши, не то катакомбы. Когда устраивались семинарские вечера, на которых обычно присутствовали все учителя, А. П. появлялся на

А. П. работал в нашей семинарии в возрасте 32-38 лет. По нашим тогдашним представлениям этот возраст казался уже почти старым; молодыми мы считали только людей своего возраста. Вот почему зная, что он холостяк, мы считали, что для него не существует, так называемого «женского вопроса», тем более что нам никогда не приходилось видеть его в женском обществе, и он представлялся нам неким отшельником, подвижником, вроде толстовского отца Сергия в одноименном его рассказе.⁶⁹⁰

Но произошло одно событие, которое вызвало сенсацию, взбудоражило наши умы и ввергло их в соблазн. Один семинарист, побывавший в оперном театре, на другой день громогласно объявил: «ребята, А. П. вчера был в театре с экономшей». Так называлась у нас жена нашего эконома – диакона Славина. Если бы мы захотели конкретно представить себе всю картину смятения семинаристов, вызванного поразившей нас новостью, то разве только можно его сравнить с тем, как это изображено у Ф. М. Достоевского по поводу смятения духа у Алёши Карамазова, когда он узнал о том, что труп почитаемого им старца Зосимы стал смердеть.⁶⁹¹ Дело в том, что жена эконома была не просто женщиной, но женщиной красавицей с неотразимой, как говорят, красотой, и нашему воображению в этом случае представлялась в виде жены Пентефрия, старавшейся обольстить Иосифа прекрасного.⁶⁹²

Другой, как нам казалось, необычный случай ещё более привёл нас в крайнее смятение, выражаясь монашеским языком – в искушение. После одних летних каникул А. П. приехал в семинарию с девушкой, лет 17-18. Пошли слухи, что это его племянница-сирота, что он был для неё единственным родственником, который мог её призреть. Так это, вероятно, и было на самом деле. Но на этом не могла остановиться пылкая фантазия семинаристов, и пошли слухи, которые приписывали ей или образ Сони Мармеладовой⁶⁹³, или Виолетты из «Травиаты»⁶⁹⁴, а самого А. П. представляли в образе толстовского [отца] Сергия в момент его искушения. Говорили также, что А. П. привёз её с собой для перевоспитания. Что им в этом случае руководило, и как он решился на такой шаг, который мог вызвать разные толки и кривотолки, осталось тайной, но не хотела оставаться только тайной сама виновница этих толков: обладая острыми глазами, наблюдательностью и, может быть, некоторым опытом, она скоро заметила другие пытливые глаза, манящие к себе. Утверждали, что дело дошло до

них мимолётно во время проведения художественной части, а потом «исчезал», как нам казалось, от «искушения». Так у нас и составилось о нём мнение, как о человеке «не от мира сего» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 18 об.-19.

⁶⁹⁰ Персонаж повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий».

⁶⁹¹ Персонажи романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

⁶⁹² Персонажи библейского Ветхого Завета.

⁶⁹³ Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

⁶⁹⁴ Персонаж оперы итальянского композитора Джузеппе Верди (1813-1901) «Травиата» по мотивам романа французского писателя и драматурга Александра Дюма-сына (1824-1895) «Дама с камелиями».

обмена записками, но... наступил день, когда племянница А. П. больше не показывалась. Всё!

Нет, не всё! Мы решили всё-таки точно узнать у А. П., как он мыслит по женскому вопросу. Однажды был ему задан вопрос, нам тогда казалось серьёзный: «Что такое женщина?»⁶⁹⁵ Александр Павлович был, конечно, не глупый человек, а оказался способным на плоское, пошлое замечание, вся глубина которого нам стала понятна позднее, когда мы узнали, что бывают люди, у которых уживаются вместе и наружное благочестие и самая отвратительная пошлость.⁶⁹⁶ Таким, например, в будущем предстал небезызвестный архиепископ Волынский Антоний из князей Храповицких. Потом стало нам понятно, как получился человек такого склада, как А. П. Люди такого типа складывались в специфических условиях жизни студентов дух[овных] академий. Оторванные от всего жизненного, под влиянием монахов, они вырабатывали в себе какой-то туманный идеал подвижника, оторванного от широкой окружающей жизни, очень часто женоненавистника. Как получился таким А. П.? Когда мы ставили этот вопрос конкретно по отношению [к] А. П., то грешным делом думали: не толкнуло ли его на это сознание некоторой неполноценности в физическом развитии: низкого роста, тщедушного вида, с неприятно торчащими ушами (как у Каренина в романе «Анна Каренина»⁶⁹⁷), с склонностью к лысению, как мы думали, он мог быть расположен к мизантропии.

А. П. пришлось работать в семинарии в бурное время революции 1905 г. Сколько ни пытался он, как говорится, уберечь семинарию от революционного течения, ему это не удавалось. Были приняты для этого чрезвычайные меры. Так, однажды к нам в вечерние часы пришли наиболее авторитетные представители городского духовенства для беседы, но стихия революции захватила и семинаристов. От этого времени остались в памяти два события из жизни семинарии: обыск, произведённый отрядом полиции и забастовка. Обыск ничего не дал. Забастовка началась с того, что А. П. была передана петиция с требованием главным образом предоставления

---

⁶⁹⁵ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «Вопрос был поставлен грубо и дерзко, и А. П. мог бы и имел право отказаться от ответа на него уже в силу того, что он (вопрос) был явно провокационным, но он принял вызов...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 18 об.-19.

⁶⁹⁶ Там же: «Это [ответ А. П. Миролюбова – ред.] было сказано юношам в самый романтический период их жизни, когда им свойственным был идеалистический взгляд на отношения между полами, [его] ответ можно было оправдать только с точки зрения известного закона механики, по которому «действие равно противодействию», т. е. что на грубый вопрос дан был и грубый ответ, но в моральном плане это было непростительной ошибкой А. П. Семнадцатилетние и восемнадцатилетние парни – одни только чисто отвлечённо, так сказать, теоретически, а другие, может быть, конкретно, эмпирически, опытно – поняли смысл..., но у тех и других что-то в отношении к А. П. оборвалось в душе, покачнулось уважение к нему» // Там же. Л. 22 об.-23.

⁶⁹⁷ Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

семинаристам доступа в университеты.⁶⁹⁸ Вечером мы вызвали [его] в четвёртый класс и зачитали ему содержание своей петиции. Нужно было видеть А. П. в этот момент: он стоял и куда-то смотрел вдаль, выше наших голов. О чём он думал в это время? Выслушал, взял петицию и только сказал: «доступ в университеты зависит не от нас», повернулся и ушёл.⁶⁹⁹ На другой день было объявлено, чтобы мы явились в канцелярию за получением денег на проезды и покинули семинарию.⁷⁰⁰

---

⁶⁹⁸ В начале XX в. окончившим курс семинарии дозволялось поступать только в Томский и Юрьевский университеты. Требование свободного доступа в университеты было общим для всех семинарий. В 1905 г. по стране прошла волна семинарских петиций об открытии доступа во все высшие учебные заведения, на что правительством было дано разрешение 14 декабря 1905 г.

⁶⁹⁹ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Событие это произошло следующим образом: во время третьего часа вечерних занятий мы собрались в самой большой классной комнате, в которой проходили занятия четвёртого класса. Комната эта находилась в восточном крыле главного учебного корпуса семинарии. Пригласили А. П. Он не замедлил явиться, очевидно, разгадав повод для этой встречи с ним. Мы стояли плотной стеной, и Витя Коровин приступил к чтению нашей петиции, главным требованием в которой было предоставление права семинаристам для поступления в университеты. А. П. стоял в глубокой задумчивости. Наконец, В. Коровин закончил чтение нашей петиции и объявил о нашей забастовке. А. П., сказавши: «мы не можем вам дать права поступления в университеты, потому что это вне нашей компетенции», повернулся и ушёл в свою комнату» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 25 об.-26.

Текст подчёркнут В. П. Бирюковым и на полях надписано: «Почему только одного А[лександра] Павловича? А почему не был приглашён ректор семинарии и др.?»

В очерке «Александр Ильич Анисимов» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает, что «это [чтение петиции] было поручено Вите Коровину, потому что Александр Ильич [Анисимов] ещё «не явился народу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.

Вероятно, автор имеет в виду не Витю Коровина, а Митю или Дмитрия Коровина (1887-?), который учился в 5-м классе, и, возможно, из-за забастовки и увольнения, позднее выбыл из семинарии.

⁷⁰⁰ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На другой день было объявлено, чтобы забастовщики явились к семинарскому «скрибе» - Александру Ивановичу и получили деньги на проезд домой. Столовая прекратила свои функции, спальни не стали отапливать. По каким-то причинам небольшая группа семинаристов, в числе которых был и автор сего, задержалась ещё в семинарии. На ночь мы набрасывали на себя гору матрацев для согревания и для поддержания духа распевали любимую тогда песню «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно». В такой именно момент нас и «накрыл» А. П. со словами: «А, вам темно в нашей тюрьме – так немедленно покидайте семинарию». Мы разъехались по домам накануне всеобщей забастовки железнодорожников. От семинарской администрации оказалось скрытым, что на умы семинаристов в направлении их в сторону революции, между прочим, оказывал влияние учитель музыки и руководитель оркестром Г. К. Ширман. Администрация семинарии в этом случае явно «опростоволосилась».

[⁷⁰¹]

В период наступившей реакции А. П. с бóльшим ещё рвением взялся за проповеди; в это именно время он и практиковал проповеди «Молитвами отца нашего Ефрема сириянина[, Христе Боже, помилуй нас]», о чём сказано выше. По его предложению, на утренние и вечерние молитвы являлся семинарский священник, и они превратились в своего вида молебны. Чаще на богослужениях читались акафисты. Как на некоторую деталь, характерную для этого времени, можно указать на следующее. Появился вдруг в составе семинаристов таинственный юноша, с обликом святого, византийского письма. Сейчас же пошла молва: «среди нас появился подвижник, человек не от мира сего». Говорили, что он составляет молитвы, акафисты и т. п. Жил он где-то на частной квартире, его посещал А. П., и он пользовался особым его вниманием. Что это был за юноша, тогда для нас было тайной, а сам подвижник скоро исчез. Не был ли он тайным соглядатаем? Очень похоже.

[⁷⁰²]

Ширман информировал своих подопечных о ходе развития революционных событий, явно подбодряя их на участие в них» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 26 об.-27.

Всеобщая забастовка железнодорожников началась 17 (30 по новому стилю) октября 1905 г., тогда же был обнародован Манифест об усовершенствовании государственного порядка, провозгласивший свободу совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенность личности.

В очерке «Александр Ильич Анисимов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает, что «в печальный момент ликвидации забастовки роль первой скрипки выполнял Вася Шестаков» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6.

Шестаков Василий (1887-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1907 г.

⁷⁰¹ В очерке «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Через полтора-два месяца администрацией семинарии были разосланы семинаристам вызовы на занятия, но далеко не всем. Явно обнаружили уже симптомы спада революционного движения. Перед началом занятий нас построили для встречи с епископом Никанором. Мы стояли в рядах, как на богослужении. Епископ стоял на амвоне и пытливо смотрел на нас. А. П. рапортовал «владыке», что он теперь, после очистки семинарской массы от «плевелов», спокоен. Увы! А. П. ещё поторопился декларировать своё спокойствие» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 27-27 об.

Никанор (Надеждин) (1858-1916) – епископ Пермской и Соликамский в 1905-1908 гг.

⁷⁰² Там же: «А. П. чаще стал выходить в город с инспекционными целями, причём он боролся с действительно отрицательной привычкой семинаристов иногда подсаживаться на скамейки у чужих домов и «точить лясы» с проходящими гимназистами» // Там же. Л. 29-29 об.

Там же: «Бывали случаи, что А. П. прибегал и к чисто фискальным приёмам в своей инспекторской работе – «ловил» на месте преступления, «выслеживал» жертв неосмотрительного шага и «накрывал» их. Так, было однажды и с автором сего, когда он вместо направления в церковь на вечернюю молитву проследовал прямо на кровать в числе некоторых других семинаристов. А. П. оставил своё обычное место в церкви, прошёл в спальню и «накрыл» виновных, сказавши автору сего классическое: «И ты, Брут!» Впрочем, в практике А. П. это был исключительный, как говорят на языке

[⁷⁰³]

С некоторого времени мы стали замечать, что А. П. стал сторониться от семинаристов. Когда его приглашали для беседы, он неохотно говорил, иногда отговаривался словами: «О чём нам говорить, мы люди различных взглядов» и т. п.

Однажды, в начале месяца мы попросили его поделиться с нами своими наблюдениями за нашим поведением за прошлый месяц, что он всегда делал обстоятельно, но он ответил лаконически: «всех покрыла благодать» (было время исповеди) и в той его речи чувствовалась апатия, как будто всё это ему надоело.

Через два месяца мы узнали, что он оставляет семинарию и уезжает работать инспектором народных училищ в г. Вольск. Перед его отъездом мы его попросили побеседовать с нами. Он мельком появился и, не задерживаясь, как это было раньше, поговорил о том, почему он оставляет семинарию. Вот его слова: «семинария это учреждение, которое существует не столько для воспитания, сколько для питания». Из его слов мы поняли то, что он пришёл к признанию полного поражения своей системы воспитания семинаристов.

раскольников, «смотрительный» случай, причём видно было, что сам А. П. чувствовал себя не совсем ловко при исполнении этой операции» // Там же. Л. 30.

Текст подчёркнут В. П. Бирюковым и на полях надписано: «Это не совсем так».

Там же: «Хотя А. П. Миролюбов заявил епископу Никанору о том, что он с удалением «плевелов» из семинарской массы успокоился, но это было в значительной степени самообманом, или успокоением только на короткое время. Такие события, как взрыв петарды у ректорского кабинета, или обструкция, устроенная ректору при посещении им столовой во время обеда семинаристов, не могли не подсказать ему, что мятежное настроение у семинаристов не прошло, а где-то притаилось внутри. Не мог он также не видеть, что с приходом в преподавательский коллектив молодого поколения монолитность его (коллектива) по взглядам на жизнь, по идеологическим убеждениям была нарушена, и педагогический состав семинарии стал походить на «царство, разделившееся на ся». Достаточно в данном случае указать на то, что кое-кому из молодых учителей было известно, что на указанном выше педагогическом совете в шкафу присутствовало некое постороннее тело. [Об этом эпизоде см. очерк о В. А. Фаминском – ред.]. Вероятно, А. П. было известно и то, что, например, В. Я. Струминский явно шёл не в ногу с принятым тогда направлением на возврат к прошлому. А. П. не мог не понимать, что возврата к прежним патриархальным временам «бытия» семинарии уже не может быть. Было заметно, что в душе А. П. происходит какая-то внутренняя борьба, переоценка его прежних установок» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 30.

⁷⁰³ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется следующий эпизод: «Известно также, что семинаристы жестоко отомстили А. П. Миролюбову за его попытку ловить их при входе в здание, когда он брал у швейцара ключ от замка входной двери, чтобы встречать «преступников» по сигналу швейцара. Они сделали публикации в одной их пермских газет: «ищу место швейцара», спрашивать там-то. По этой публикации действительно к Миролюбову явились с предложением занять место швейцара, в результате чего администрация семинарии вынуждена была обратиться в редакцию газеты с заявлением о фальшивости публикации» // Там же. Л. 160-160 об.

В то время некоторые учителя семинарии уходили в инспектора нар[одных] училищ из материальных соображений, но нельзя было думать, что по этим же соображениям шёл туда А. П. Несомненно им руководили не материальные соображения, а он искал новую область для притяжения своих сил. Что из этого получилось, нам, к сожалению, не известно.⁷⁰⁴
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 76-81 об.

---

⁷⁰⁴ В очерке «Александр Павлович Миролубов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. не раз рассказывал нам о Рачинском, педагоге-идеалисте, который по окончании высшего уч[ебного] заведения пошёл работать в сельскую школу. В какой-то степени А. П., очевидно, был человеком этого же душевного склада. Как бы ни было, но в нашей памяти А. П. сохранился, как личность незаурядная, выделяющаяся из общей массы наших учителей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 32 об.
Рачинский Сергей Александрович (1833-1902) – русский учёный, педагог, просветитель. В 1880-х гг., оставив должность профессора Московского университета, стал главным идеологом открытия церковно-приходских школ в сельской местности.

Николай Иванович Знамировский⁷⁰⁵

Н. И. был сыном земского начальника г. Ирбита Пермской губернии. Это был редкий случай, чтобы чиновник такого ранга, каким был в своё время земский начальник, отдал своего сына по линии духовного образования.⁷⁰⁶ Не приходилось ни от кого слышать, в каком дух[овном] училище учился Н. И. Судя же по тому, что ближе всего к Ирбиту было Камышловское дух[овное] училище, можно предположить, что он учился в нём.⁷⁰⁷ Об учении Н. И. в Пермской дух[овной] семинарии кратко мне говорил брат Алексей. Я сделал оговорку в слове «кратко» потому, что брат Алексей мог бесконечно рассказывать о своих товарищах, которые были певцами, а об Н. И. он сказал «кратко» потому, что он [не] был певцом.

По окончании семинарии Н. И. учился в Казанской духовной академии и кончил её со степенью кандидата богословских наук. Я видел Н. И. впервые, когда я учился ещё в семинарии, а Н. И. был студентом Казанской дух[овной] академии.⁷⁰⁸ Помнится, были вечерние часы занятий, а по коридору второго этажа семинарии расхаживал высокий человек, брюнет, с пышной шевелюрой волос и бородой. Это был Н. И. Грешным делом я ещё подумал: как это так – студент, и с бородой! Это не мирилось с моим представлением о студенте, и я остановился только на том, что это, вероятно, какой-то уникам.

Через два года Н. И. был назначен в нашу семинарию преподавателем литургики и гомилетики, которые проходились в пятом классе. Странная судьба преследовала эти два предмета: они были на положении пятого колеса у телеги. Отношение к ним можно выразить такими словами: «Это нам ни к

---

⁷⁰⁵ Знамировский Николай Иванович (1878-1942) – сын чиновника Пермской губернии. Окончил Пермское духовное училище в 1893 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1904 г. С 16 сентября 1904 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 апреля 1906 г. преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей; с 8 мая 1908 г. инспектор Пермской духовной семинарии // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 249. См. «Из епархиальной хроники. Чествование Николая Ивановича Знамировского» // «Пермские епархиальные ведомости». 1913. №18 (21 июня) (отдел неофициальный). С. 471–472.

⁷⁰⁶ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Может быть, именно поэтому у него появилась такая тяга к служению на духовном поприще, которое являлось для него, так сказать, «неизведанной целиной». У выходцев из духовного сословия в это время уже была заметна тенденция покидать его: переходить на работу учителями, врачами и разными чиновниками» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 161 об.-162.

⁷⁰⁷ Н. И. Знамировский окончил Пермское духовное училище.

⁷⁰⁸ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Дело было в августе 1906 г., когда он, очевидно, проезжал в Казань и зашёл в семинарию» // Там же. Л. 153.

чему». В академии, например, существовал традиционный порядок, по которому на лекциях профессора Предтеченского⁷⁰⁹ по литургике присутствовало два дежурных студента. Профессор забирался на кафедру, читал лекцию по существу пустому пространству, а затем и лектор и аудитория мирно расходились.⁷¹⁰ Н. И. больше внимания уделял гомилетике, проповедническому искусству. Это было его стихией. Мы писали Н. И. проповеди, и он особенно подчёркивал нам, чтобы в них были «элейность и помазанность».⁷¹¹

Ареной проповеднической деятельности Н. И. была Стефановская часовня⁷¹², которую он называл «училищем благочестия». Здесь по воскресеньям и др. праздникам в послеобеденные часы совершался молебен, а затем произносилась проповедь.⁷¹³ Нужно было видеть Н. И. в момент

---

⁷⁰⁹ Предтеченский Сергей Александрович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1889 г., позднее магистр богословия. Профессор кафедры новой гражданской истории и кафедры литургики. Русский духовный писатель.

⁷¹⁰ Подробнее см. в Части IV. «Казанская духовная академия начала XX века».

В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополнительно разъясняет свою точку зрения к данному явлению: «С точки зрения назначения духовной семинарии – готовить священнослужителей – оба эти предмета имели большое значение, чем другие богословские предметы, потому что они относились к практике будущей профессии подготавливаемых к священству, так сказать, ближе были к жизни. Но с точки зрения психологии, умонастроения семинаристов пятого класса, преобладающей массы их, они были ненужными, и в их сознании преломлялись в виде какого-то ненужного рудиментарного отростка. Из тридцати человек состава класса только два-три подавали ещё надежды на то, что они встанут потом на стезю священнослужителей, а прочие просто «отбивали» богословские классы с тем, чтобы потом «податься» куда-либо в высшее учебное заведение, хотя бы и духовное. ...Из этого ясно, что Н. И. имел явно не подходящую массу учеников для восприятия его наук, а точнее сказать – не подходящую массу, потому что в большинстве его ученики прямо тяготились изучением его предметов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 153 об.-154.

⁷¹¹ Так в тексте. Правильно – «елейность», от слова елей – церковно-славянское название оливкового, а позже – любого растительного масла в православном церковном обиходе: в частности, елеем осуществляется помазание принимающих крещение, участников полиелейного богослужения для укрепления веры на всенощном бдении. Отсюда, «елейность и помазанность» означает – так составлять проповеди, чтобы люди чувствовали в душе укрепление веры.

⁷¹² Часовня святителя Стефана Великопермского в г. Перми.

⁷¹³ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Надо было наблюдать самое шествие в Стефановскую часовню. Вот он, восторженный и предвкушающий выступление, идёт в окружении трёх-четырёх семинаристов. Он возбуждён. Он весь – порыв. Так изображён Пётр I-й на известной картине художника в стремительном шествии на стройку Петербурга» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 155 об.-156.

Автор имеет в виду картину русского живописца Валентина Александровича Серова (1865-1911) «Пётр I» (1907).

произношения проповеди!⁷¹⁴ Он весь становился как-то подтянутым, стремительным, взгляд его был направлен вдаль, голос звучал властно и весь вид его был величественным. В таком виде он мог бы позировать для такой картины, как «Иоанн Богослов на острове Патмос».⁷¹⁵ В таком виде рисуется нам картина пушкинского «Пророка», в особенности в исполнении Шаляпина, или «Иоанна Дамаскина» в том же исполнении. Будучи впоследствии уже инспектором семинарии, Н. И. здесь именно, как говорится, «отдыхал душой». Здесь же для семинаристов был своеобразный практикум проповедничества, причём Н. И. в данном случае, если можно так выразиться, был для них эталоном.⁷¹⁶

Инспектором семинарии Н. И. был назначен через год вместо А. П. Миролюбова. Мы, семинаристы, размышляя о судьбе нашей *alma mater*, грешным делом сомневались в целесообразности такого назначения, зная очень мягкий характер Н. И. и «жёсткий» характер нашей братии, думали: развалит он дисциплину! Однако, подпоркой Н. И. были его помощники, в числе которых далеко не мягким был Н. И. Колосов. На нашей памяти Н. И. был третьим и последним инспектором семинарии. И какая же получилась пестрота стилей их инспекторского руководства! Пользуясь литературными аналогиями и при помощи драматического изображения, кратко эти стили можно было бы представить в следующем виде. В качестве объекта для характеристики стилей возьмём семинариста, замеченного в пьяном виде (случай исключительный).

Павел Семёнович Потоцкий. Стиль грубо администраторский. Грубым голосом, с головой, поднятой кверху: «Что? Опять нализался! Ещё раз замечу – выгоню!» И не выгонит («Собакевич»).

---

⁷¹⁴ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Вот он надел стихарь и величественный, вдохновенный вышел на проповедь. Он не был способен произносить обличительные речи, как Савонарола. Он был лирик, у него была «Очарованная душа», и её именно он вкладывал в свои проповеди. Он сам рассказывал семинаристам, как у него появилась эта «Очарованная душа». Он говорил, что он когда-то шёл по стезе Ивана Карамазова, что и его мучил дух неверия, сомнения, но вот однажды на Пасхе за богослужением его озарило, его «посетил» Дух Божий, он впал в состояние экстаза, как было с Иоанном Богословом при Апокалипсисе, и с той поры душа его стала «Очарованной» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 156-156 об.

⁷¹⁵ Имеется в виду картина «Святой Иоанн на Патмосе» нидерландского художника Иеронима Босха.

⁷¹⁶ См. «Проповеднические поездки пермских семинаристов» // «Пермские епархиальные ведомости». 1910. №5 (11 февраля) (отдел неофициальный). С. 106–107; «Проповеднические поездки воспитанников Пермской духовной семинарии» // «Пермские епархиальные ведомости». 1913. №31–32 (1–11 ноября) (отдел неофициальный). С. 779; «Епархиальная хроника. Проповедническая поездка воспитанников семинарии» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №7 (1 марта) (отдел неофициальный). С. 206–207; «Епархиальная хроника. Благодарность юным проповедникам» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №13 (1 мая) (отдел неофициальный). С. 415–416.

Александр Павлович Миролубов. Стиль тонко-иезуитский. Спокойным, но с иронией, жалящим голосом, с глазами, опущенными долу: «Ну, что же Вы так. Опять, говорите, дьявол попутал. Не хорошо! Не хорошо!» И уволит. («Шуйский»).

Николай Иванович Знамировский. Стиль уговаривающий, почти умоляющий. Рука на плече обвиняемого или в обхват талии. «Ну, что тебя угораздило? Ну, ладно! Только больше не делай!» («Царь Фёдор Иоаннович»). Если вдуматься глубже, то это были не только три стиля инспектирования, но это были и три эпохи в жизни семинарии. Так бытие определяло сознание.⁷¹⁷ Будучи инспектором семинарии Н. И. выступал с проповедями в соборе в своем стиле. Он мог бы быть Савонаролой⁷¹⁸, если бы не его мягкость, благодушие.

Мы видели Н. И. и в качестве участника в богослужениях. Коронным выступлением его на этом поприще было чтение «Слова Иоанна Златоуста» во время пасхальной обедни.⁷¹⁹ Бывают такие случаи, что исполнение того или иного произведения достигает до предельного совершенства, например, исполнение Ф. И. Шаляпиным «Персидской песни» Рубинштейна, или исполнение В. И. Качаловым⁷²⁰ «Тройки» из «Мёртвых душ». Такое исполнение называется шедевром мастерства. Подобного рода шедевром являлось чтение Н. И. «Слова».⁷²¹ Чтение начиналось в спокойном

---

⁷¹⁷ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» автор изобразил этот эпизод иначе: «Когда мы старались сопоставить характеры предшественников Н. И. на этой работе с его характером, то это сопоставление выливалось в такие образы: у Потоцкого стиль работы был грубый – в качестве эмблемы его можно было бы изобразить волка; у Миролубова – хитрый, и в качестве эмблемы его можно было бы изобразить – лисицу, а Н. И. нам представлялся в этом случае только агнцем. Отсюда и шли наши сомнения. ... Кто-то внимал этому, а кто-то только улыбался в душе на подобное замечание. Он знал об этом, но упорно продолжал свою тактику отношений со своими опекаемыми» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 157 об.-158.

⁷¹⁸ Савонарола Джироламо (1452-1498) – знаменитый итальянский монах-проповедник и реформатор во Флоренции в 1494-1498 гг.

⁷¹⁹ Имеется в виду «Слово огласительное во святыи и светоносный день преславного и спасительного Христа Бога нашего Воскресения» - огласительное слово святителя Иоанна Златоуста, которое читается на пасхальной литургии после того как верующие целуют друг друга, делясь своей радостью в честь празднования Воскресения Иисуса Христа.

⁷²⁰ Качалов Василий Иванович (1875-1948) – русский актёр, мастер художественного слова, педагог.

⁷²¹ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «... ни в чём так ярко у Н. И. не проявлялась его «очарованная душа», как в чтении им за пасхальной обедней известного «Слова» Иоанна Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив... да насладится сего пира веры»... Никто, кроме него, не мог прочесть это «Слово» так горячо, вдохновенно, можно сказать, страстно. На амвоне как бы был сам Иоанн Златоуст, величественный и вдохновенный...

величественном тоне: «Аще кто благочестив и боголюбив...», нарастало до слов «пира веры» и, наконец, достигало до апогея: «где ти, смерти, жало» и т. д. Чёткость и выразительность доведены были до предельной точки, эмоциональность до предела, близкого к состоянию экстаза. Да простят меня верующие и Н. И. за то, что я решаюсь на, может быть, слишком рискованное сравнение, но я не нахожу другого способа выражения своей мысли, как, сказать, что Н. И. в этот момент подобен был В. И. Качалову, как бы тот выступал на церковном амвоне. Это состояние восторга и экстаза, как сам говорил Н. И., связано было у него с душевным переломом, пережитым им в юности. Он вспоминал о том, как в его душе когда-то появился червь сомнения и неверия и как в пасхальную именно утреню, а потом и обедню он пережил яркий момент религиозного экстаза, навсегда утвердившего его в вере. Кончилось богослужение в семинарской церкви, а Н. И. стремительно отправляется на подворье Белогорского монастыря⁷²², где богослужение идёт более длительно: ему хочется ещё и ещё раз пережить «пир веры». Н. И. летом одного года ездил с семинаристами в Палестину и вернулся оттуда крестоносцем Гроба Господня.⁷²³

[⁷²⁴]

Н. И. жил со своей мамой, отец у него уже умер. Поскольку нам удавалось наблюдать, у него было очень почтительное отношение к матери. У мамыши его был грубоватый мужской голос, и она называла его по имени и отчеству – Николай Иванович. Н. И. был холост, и поэтому ходили разные толки и кривотолки для объяснения этого явления. Так, одни толковали, что это мама не даёт ему жениться; другие говорили, что у него есть склонность к монашеской жизни, но он не решается на постриг, потому что не согласен с той частью процедуры пострижения в монахи, где предлагается отречься от родителей. Высказывали и такое предположение, что Н. И. примет священный сан, когда это разрешается без вступления в брак, т. е. в возрасте

Голос Н. И. звучал мощно, дикция и выразительность были доведены до полного совершенства. Так только читал В. И. Качалов известную «Тройку» из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя.

Мы сами наблюдали за восторженным состоянием Н. И. за пасхальным богослужением; он как бы вновь переживал тот первоначальный экстаз, о котором он рассказывал нам» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 156-157.

⁷²² Подворье Белогорского Николаевского мужского монастыря в г. Перми с домовою церковью Иоанна Златоуста находилось на углу ул. Петропавловской и Далматовской (Попова).

⁷²³ См. «Паломническая экскурсия воспитанников Духовной Семинарии» // «Пермские епархиальные ведомости». 1910. № 31 (1 ноября) (отдел неофициальный). С. 850-851.

⁷²⁴ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Когда-то было организовано шествие из Перми в монастырь на «Белую гору», паломничество, для участия в котором Н. И. и организовал членов его проповеднического кружка» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 159 об.

50 лет. Так на самом деле и получилось: он принял епископский сан уже в пожилом возрасте.

Частым посетителем Н. И. был преподаватель епархиального училища К. П. Пономарёв, с которым они учились вместе в академии.⁷²⁵ Это свидетельствует о том, что у него было развито чувство товарищества и дружбы. В отношениях с сослуживцами Н. И. был очень общительный и внимательный, ничем не выделялся среди других. Даже на вечерах он держался очень просто «компанейски», вплоть до того, что участвовал в играх (*sic!*). Семинаристам казалось немного странным видеть Н. И. среди играющих, когда он бегал по кругу и ловил «мышку», но барышни его охотно принимали на эту игру (*sic!*).⁷²⁶ По отношению к семинаристам Н. И. старался всё-таки держать «твёрдую руку», но по природе он был мягок. В заслугу Н. И. нужно поставить то, что он старался около себя создать актив дисциплинированных семинаристов, через который можно было влиять на других, но не всегда это удавалось, потому что во время войны в семинарии были явно ненормальные условия учения, когда пришлось тесниться на одной третьей части учебного здания.

Во время войны Н. И. возглавлял семинаристов при расквартировании раненых по прибытии их в Пермь. Лишь только раздавалась сирена, возвещающая о прибытии поезда с ранеными, Н. И. моментально собирал бригаду семинаристов и выезжал на вокзал. В семинарии, на верхнем этаже помещался лазарет, а на среднем этаже – казарма мобилизованных, готовящихся к отправке на фронт. Н. И. организовывал семинаристов на культурное обслуживание тех и других. Воспитательные задачи от этого значительно усложнились, но Н. И. старался держаться на высоте этих задач.⁷²⁷ В семинарии выделилась группа добровольцев отправиться на

---

⁷²⁵ Пономарёв Константин Петрович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1906 г. Преподаватель русского языка, словесности и истории литературы в Пермском епархиальном женском училище.

⁷²⁶ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он упорно создавал вокруг себя актив и, таким образом, [стремился] поднять среди семинаристов свой авторитет. Он считал, что этого можно добиться только путём общения с массами, а не путём отчуждения от них, как некоторые думали. Иногда это у него получалось курьёзно. Так, однажды, на вечере епархиалки затащили его в игру в «кошки и мышки», и бородач крутился в плену молодёжи. Смешно? Да, это смешно, но во сколько раз это лучше проповеди женоненавистничества, которую культивировал, например, А. П. Миролубов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 158 об.

⁷²⁷ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Теперь у Николая Ивановича заботы прибавилось: на третьем этаже в лазарете появился «горючий материал» - сёстры, няни. Война войной, но жизнь всегда жизнь, а у семинаристов сердца не каменные. Заметно стало, например, что Мутин, оформившийся вполне юноша, стал часто навещать «раненых», а потом поступили определённые признаки того, что дьявол начал его «мутить», «искушать», и Николай Иванович по своей обычной манере уговаривать:

войну. Проводы были обставлены большой торжественностью. За обедней патриоты перед пением евангелия подошли к амвону, и евангелие диакон читал, возложив его на голову их. Эта картина напомнила историческую картину, как Сергей Радонежский благословлял на ратный бой с татарами на Куликовом поле Дмитрия Донского.⁷²⁸ Так перекликались события современности с глубокой стариной. В этом видна была направляющая рука Н. И. Проводы вылеченных в лазарете на фронт обставлены были [с] особой торжественностью: на них надевались крестики, на лестнице при выходе их хор семинаристов пел патриотические песни. Душой всех этих мероприятий был Н. И.⁷²⁹

[⁷³⁰]

...В июне 1923 г. проездом из Белоруссии в Шадринск на станции Богданович мельком я видел Н. И. уже в сане шадринского архиерея. Он «проезжал», а точнее сказать, его «проезжали» из Шадринска в Свердловск.⁷³¹ Он был окружён «провожающими».⁷³² Зимой, направляясь в город на базар, я проходил мимо домзак⁷³³ и у спуска в город, на углу ул. Малышева я видел Н. И. с метёлкой под мышкой, с руками, вдёрнутыми в рукава.⁷³⁴ Это была моя последняя встреча с Н. И. Передавали, что в Шадринске он пользовался такой популярностью, что за ним, когда он шествовал, всегда следовала толпа его поклонников. Дальнейшая история Н. И. «покрыта мраком неизвестности».⁷³⁵

«Ладно, парень, так и быть, поведение тебе не сбавлю, а ты смотри – не делай...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 115-115 об.

Возможно, Мутин Сергей – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1915 г.

⁷²⁸ На эту тему имеется множество картин различных живописцев.

⁷²⁹ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Быть среди своих опекаемых было его девизом, и это обеспечило ему авторитет и уважение со стороны их» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 160.

⁷³⁰ Там же: «У автора сего были две последние встречи с Н. И., очень печальные. Это собственно были и не встречи, а только взгляд издали...» // Там же. Л. 162.

⁷³¹ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «... в вагон для отправления в Екатеринбург в домзак...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 162.

⁷³² Имеется в виду арест протоиерея Николая Знамировского в г. Шадринске по делу епископа Льва (Черепанова), когда он был переведён в Москву, но вскоре освобождён по амнистии.

⁷³³ домзак – дом заключения.

⁷³⁴ В очерке «Николай Иванович Знамировский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «... спустя, примерно, года полтора или год, когда при прохождении в город мне удалось видеть его неподалёку от домзак на снегоуборке: стоял он с метёлкой и согревал руки» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 162.

⁷³⁵ Николай Ивановича Знамировский был членом Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. от мирян Пермской губернии, ректором Пермской

5.IX.[1960] 16 ч. 06 м. свердл[овского] вр[емени]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 21-26 об.

духовной семинарии в 1919 г. Священник с 1919 г., протоиерей с 1921 г. В монашестве – Стефан. Епископ Шадринский с 1924 г. В 1924-1927 гг. временно управлял Пермской и Свердловской епархиями. Архиепископ Вологодский в 1934-1936 гг. Несколько раз арестовывался и сидел в лагерях. Был расстрелян 18 марта 1942 г.

Валериан Александрович Фаминский⁷³⁶

Есть люди, с которыми ещё только предстоят неизбежные в будущем встречи и знакомство, но о которых задолго до этого узнаёшь что-либо, хорошее или плохое, что в какой-то степени оказывает влияние на знакомство с этим человеком при личной встрече с ним. Таким был для нас В. А. Фаминский.

Ещё задолго до поступления в семинарию мы уже знали, что среди учителей семинарии был один, который был грозой для всех учеников. Слухи об этом учителе-грозе чаще всего доходили до нас от братьев или знакомых семинаристов, учившихся когда-то у В. А., и благополучно окончившие семинарию. Но был ещё источник этих слухов, злобный и дышащий ненавистью к В. А., кривили чаще всего те из псаломщиков или диаконов, которые начинали когда-то учиться в семинарии, но были уволены из первого или второго класса. Они, эти изгнанники, часто на вопрос: почему они не окончили семинарию, лаконично отвечали: «из-за химеры».

«Химера» - это было то злобное прозвище, которым расплачивались семинаристы с В. А. за его исключительную требовательность и за его действительно грозный вид. Выражение «из-за химеры» могло иметь двоякий смысл, а именно: или из-за того, что кто-то не справился с наукой, преподаваемой В. А., или из-за того, что кто-то был уволен по какой-либо другой причине, но обязательно по настоянию В. А. Что это было и на самом деле так, это проверено было однажды на очень рискованном опыте, а именно: нашёлся один смельчак, который спрятался в большом шкафу на время совета и наблюдал за ходом решения различных вопросов, в том числе вопросов исключения. Как он потом рассказывал, больше всех за исключение ратовал В. А. и именно по самым разнообразным мотивам.⁷³⁷

---

⁷³⁶ Фаминский Валериан Александрович (1851-1913) – сын священника Нижегородской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1880 г. С 1 августа 1880 г. преподаватель теории словесности и истории русской литературы в Пермской духовной семинарии; одновременно с 22 сентября 1895 г. преподаватель французского языка. Статский советник. Имел ордена: св. Владимира 4 ст., св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 250.

⁷³⁷ В «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор отводит этот эпизод к событиям 1905 г.: «В это же время усиленнее, чем обыкновенно работал пресс по отсечению «больных» овец от здоровых. Был случай, когда семинаристы захотели своими глазами видеть, как «это» делалось, и вот однажды один из них пошёл на рискованный шаг: спрятался в пустом шкафу, чтобы невидимо присутствовать на пед[агогическом] совете. Он рассказал потом другим, как решались вопросы об изгнании кого-либо из семинарии, причём лишний раз и с абсолютной достоверностью подтвердилось установившееся уже мнение о том, что главным «хирургом» в этой операции выступал Валериан Александрович Фаминский. Он первым вносил предложение: «исключить!» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 28 об.-29.

Наступило, наконец, время нашего поступления в семинарию. В отличие от всех предыдущих, а как потом выяснилось, и последующих лет, нам пришлось поступать с экзаменами по русскому яз[ыку] письменно и по греческому яз[ыку]. Экзамены, по-видимому, были введены потому, что семинария не могла охватить учением всех кончивших в четырёх духовных училищах, для этого не хватало ни помещения, ни штата учителей, а поэтому была необходимость отбора.⁷³⁸ Нам было понятно, почему был экзамен по письму – отбор по грамотности, но совершенно непонятно было, почему был экзамен по греческому яз[ыку].⁷³⁹ Наступил день первого экзамена. В большом актовом зале было поставлено много столов, на которых нас разместили. Вот вошёл в зал человек высокого роста, крепкого сложения, в очках, гладко подстриженный, в котором легко можно было угадать В. А. Фаминского. Можно себе представить, чем была для нас эта первая встреча в стенах семинарии! Он диктовал нам отрывок из «Капитанской дочки» Пушкина. Диктовал очень спокойно, отчётливо, с интервалами. Если кто-либо его спрашивал, он любезно и приветливо отвечал, так что нам казалось, не было ли обманом всё то, что нам о нём рассказывали раньше.⁷⁴⁰

---

⁷³⁸ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Нужно было принять человек шестьдесят и разместить их в двух классах, а претендентов было до семидесяти-восемидесяти человек. Нужен был «фильтр» и его никто другой из преподавателей семинарии не мог провести *«lege artis»*, как Валериан Александрович» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 36-36 об.

lege artis – по-латински по закону искусства.

⁷³⁹ Там же: «Вторым предметом для испытания наших знаний почему-то избран был греческий язык. Почему именно он – это, как говорится, осталось для нас «тайной изобретателя». Попутно только нужно заметить, что экзаменатор по этому предмету – преподаватель той же семинарии, но получивший уже перевод в другую семинарию – А. В. Богородицкий был полной противоположностью В. А. Добродушный «старикан», он часто подходил к нам, старался приободрить нас своими шутками, разогнать наши мрачные думы» // Там же. Л. 36 об.-37.

В автобиографических очерках В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Учение Пети Иконникова в Пермской духовной семинарии») автор говорит о преподавателе греческого языка Троицком (а не Богородицом). См. ниже.

⁷⁴⁰ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Он диктовал нам отрывок из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина – то место произведения, где говорится о встрече Марии Ивановны с Екатериной II. Писать диктовку было для нас, конечно, делом не новым. Нам были также известны и разные приёмы диктующих. Бывали случаи, что диктующий всячески старался, чтобы интонацией своего голоса и паузами при чтении как бы не «выболтать» секретов правописания, а, наоборот, так затушевать текст, чтобы «поймать» испытуемого на каком-либо правиле правописания. В. А. диктовал исключительно отчётливо, и казалось, наоборот, он всячески старался подсказать нам, как нужно правильно написать, особенно при расстановке знаков препинания. У нас даже зародилось сомнение в том: да правильно ли считают его таким строгим, он же добрый» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 38-38 об.

Результаты экзаменов с отметками нам не объявили, а вывешен был список непринятых, которых оказалось не так уже много.

Началось учение. В первом классе мы изучали что-то вроде, так называемой, теории словесности. Мы заучивали наизусть много стихотворений, особенно – отрывков из художественной прозы, ораторские речи, характеристики, помещённые в хрестоматии Галахова.⁷⁴¹ Во втором классе мы изучали по учебнику Орлова русскую древнюю литературу, причём, опять-таки, заучивали наизусть, такие, например, произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой», «Слово о полку Игореве» и др.⁷⁴² В третьем классе мы изучали Сумарокова⁷⁴³, Кантемира⁷⁴⁴, Фонвизина. Если мне не изменяет память, то во втором и третьем классе параллельно

---

⁷⁴¹ Галахов Алексей Дмитриевич (1807-1892) – историк русской литературы, автор «Русской Хрестоматии».

В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Мы знакомились с различными видами литературных произведений в поэзии и прозе. Учебником была книга Ливанова, а хрестоматия – Галахова. Мы выучивали наизусть колоссальное количество стихотворений. Так, при изучении литературной поэтической формы «ода», мы заучили оды наизусть: «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны» (Ломоносов), «Бог», «На смерть князя Мещерского» (Державин), «Утреннее и вечернее размышления о Божьем величии» (Ломоносов). В. А. явно был поклонником музыки Державина. Мы заучивали народные песни (фольклор), былины, исторические песни, духовные стихи, например: «Стих о «Голубиной книге». Как образцы рассуждений мы заучивали наизусть: «О любви к отечеству и народной гордости» Н. М. Карамзина, «О счастливейшем времени жизни». Как образец характеристики заучивали наизусть отрывок о Крылове И. А. Плетнёва. В общем, мы заучивали так добрую половину хрестоматии Галахова» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 39-39 об.

Плетнёв Пётр Александрович (1791-1866) – критик, поэт, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета.

⁷⁴² В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «проповеди Луки Жидяты, Кирилла Туровского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и пр.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 39 об.

⁷⁴³ Сумароков Александр Петрович (1717-1777) – русский поэт, драматург и литературный критик

⁷⁴⁴ Кантемир Дмитрий Константинович (1673-1723) – российский государственный деятель и учёный.

изучали «Евгения Онегина», «Ревизора».⁷⁴⁵ Некоторое время нами было потеряно за-за забастовки⁷⁴⁶ и болезни В. А.

На первых занятиях в первом классе мы почувствовали, в чём был особый стиль преподавания В. А. Требовательность его, которую нельзя иначе охарактеризовать, как культ педантизма, доведена была до высочайшей степени. На уроке у него все мы сидели в таком напряжении, что неслышно было шороха. Муха пролетит – можно услышать. Стукни только кто-либо партой – взор В. А. уже разит виновника. Все сидели в постоянном напряжении, что вот-вот спросят, и, не дай бог, не ответить. Поэтому редко кто позволял себе роскошь не выучить урок и получить грозное предубеждение об экзамене. Раз-два не ответить – это значило получить предупреждение: «на экзамене буду спрашивать до седьмого поту». Это не было запугиванием, и на экзамене такой человек действительно обречён было отвечать не меньше часу по всей программе. Вопрос ставился так: быть или не быть. Но зато когда жертва выходила победителем, надо было видеть, как был доволен В. А. «Ну, молодец, молодец» - хвалил он победителя и, не озирая на все бывшие двойки, ставил четыре или, даже, пять.⁷⁴⁷ А сколько было таких, которые такого боя не выдерживали, они то вот и были часто те, которые говорили, что их исключили из семинарии «из-за химеры»!

Иногда нельзя было понять за суровым голосом В. А.: всерьёз он говорит или в шутку. Один из семинаристов – известный теперь краевед В. П. Бирюков – при ответах стал заикаться. В. А. сделал ему замечание: «Ты, парень, у меня не заикайся, а то двойку поставлю». Услышав это, мы не

---

⁷⁴⁵ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Приватно – не в порядке программы в первом классе «читали», т. е. заучивали отрывки из «Евгения Онегина», а во втором классе – «Ревизора». Вспоминаются такие случаи: в первом классе Боря Капустин заучил наизусть всю первую главу «Евгения Онегина», а во втором классе Ваня Флёров читал Валериану Александровичу наизусть целиком первое действие «Ревизора». В умилении В. А. сиял и хвалил его» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 39 об.-40.

⁷⁴⁶ Имеется в виду забастовка в семинарии в октябре 1905 г.

⁷⁴⁷ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Конкретно это обозначало, что провинившийся будет отвечать 30-40 минут. Сначала он отвечал по билету, а потом начинался поединок: следовали отдельные вопросы и по ним ответы. В. А. внимательно вглядывался в лицо отвечающего: дескать, как себя чувствуешь. Первоначально лицо его имеет суровое выражение, но вот на вопрос за вопросом идут отличные ответы, и лицо В. А. начинает проясняться, наконец, появляется добродушная улыбка и замечание: «ну, молодец, молодец» и полновесная оценка. Прошное забыто, а В. А. признал себя побеждённым: он не мстил за прошлое, не снижал за него оценку, как делали некоторые другие преподаватели. Так как в каждом классе у В. А. всегда имелось по несколько человек «штрафных», то экзамен обычно затягивался до 6-7 часов вечера» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 40-41.

знали, всерьёз или в шутку это сказано....⁷⁴⁸ Но тишина была при этом, как обычно, гробовая.

Объяснения уроков В. А. делал исключительно хорошо, не в пример некоторым другим учителям. Речь его была живой и образной, правда, иногда острой и колкой, когда он касался каких-либо семинарских пороков.⁷⁴⁹

Иногда он приносил с собой на урок какие-либо наглядные пособия из фундаментальной библиотеки и демонстрировал нам. В это время нам казалось, что он прятал от нас свою строгость, становился как-то проще и ближе к нам.⁷⁵⁰

В другом совершенно виде В. А. являлся перед нами в роли преподавателя французского языка. Среди семинаристов нашлись желающие изучать живые иностранные языки. Из них составились две группы: изучающие немецкий яз[ык] (руководитель А. И. Дергачёв) и изучающие французский яз[ык] (В. А. Фаминский). В каждой группе было человек по 15-20. Занятия проводились утром с 8 ч. до 9 ч. Руководители, очевидно, проводили занятия в порядке некой добровольно принятой на себя нагрузки один раз в неделю. Штатной оплаты за то не предусматривалось. Одним словом, никто из участников этого дела – ни ученики, ни преподаватели – не были связаны никаким формальным долгом. Я как раз был в кружке изучающих французский яз[ык]. Как выше было указано, здесь нам В. А. предстал в совершенно другом виде: он обычно был настроен благодушно, был внимателен, изысканно вежлив, предупредителен и терпелив, особенно когда речь шла о произношении. Необычным нам казалось даже то, что он был среди нас не на кафедре, как обычно на занятиях, а у парты или даже за партой. Это так напоминало артиста, которого бы мы видели в одном случае на сцене, а в другом за кулисами.

---

⁷⁴⁸ В «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора этот эпизод отсутствует.

⁷⁴⁹ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В. А., по общему признанию семинаристов, был большой мастер делать объяснения к урокам. Он делал их, не пользуясь ни конспектами, ни тем более книгой, как это делал, например, преподаватель истории Алексей Иванович Добролюбов. Он говорил свободно, красочно. Помнится, в первом классе, когда мы учили образцы рассуждений – «О счастливейшем времени жизни» и «О любви к отечеству», он раскрыл нам метод построения того и другого произведения: аналитический и синтетический. Это было за три года до изучения нами логики, и явилось для нас чистым откровением. Также бывало и во втором классе, несмотря на всю сухость изучаемого материала, он умел оживить его своими объяснениями» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 43-43 об.

⁷⁵⁰ Там же автор уточняет: «В. А. был единственным преподавателем, который раскрывал нам тайны фундаментальной библиотеки. Он приносил нам на показ какие-либо редкие издания произведений. Кажется, он именно по какому-то поводу принёс в класс и показал Библию на пергаменте на еврейском языке, дар архимандрита Антонина Капустина» // Там же. Л. 43 об.

В течение года мы писали домашние сочинения всем преподавателям, в том числе, конечно, и В. А.⁷⁵¹ Если можно было позволить себе представить кому-либо из преподавателей сочинение с какой-либо, хотя-бы и небольшой кляксой, или с чуть небрежным почерком, то никто не решился бы на это, представляя сочинение В. А. Он заранее должен был знать, что сочинение или не будет принято, или обречено на неизбежный провал. Боже упаси наделать в нём ещё ошибки, особенно против буквы «ять». Вот почему когда представлялось сочинение В. А., то тщательность и аккуратность выполнения были ажурными. Это, пожалуй, было завещанием В. А. нам на всю жизнь, на все случаи, когда пришлось бы писать сочинение, где бы то ни было.

И вот В. А. захворал: его сломила подагра. Прошёл месяц, а его нет и нет. Наконец, решено было, чтобы мы группами, по 5-6 человек, приходили к нему на квартиру на занятия.⁷⁵² И вот мы на занятиях: в кровати В. А.; около на стульях мы.⁷⁵³ Что мы испытывали в это время? Два чувства, совершенно разнородные гнездились в нашей душе: и тот страх, который бывал на классных занятиях, и жалость к этому больному человеку.⁷⁵⁴ Впечатление было такое, как будто мы видели пред собой могучего льва – грозу лесов, и вот он лежал перед нами раненый. В. А. давал нам указания, как и что нужно учить дома. Потом он выздоровел, но было заметно, что как-то размяк, потерял прежний грозный вид, выленял. В таком виде он уже и остался в нашей памяти по окончании занятий с ним. Через четыре-пять лет он скончался. Бывшие его ученики по-разному о нём отзывались. Были и такие, которые по конкурсу потом поступали в высшие учебные заведения, и которых на экзаменах выручала их высокая грамотность и культура речи и выполнения сочинения, поминали В. А. добрым словом за то, что он крепко учил.

[⁷⁵⁵]

---

⁷⁵¹ В очерке «Валериан Александрович Фаминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний «Все учителя обязаны были бороться за грамотность учеников и литературный стиль выражения мыслей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 41 об.

⁷⁵² Там же автор добавляет: «Старый холостяк, он жил с двумя своими сёстрами, тоже старыми девами, «заматеревшими во днех своих» // Там же. Л. 41 об.

⁷⁵³ Там же: «человек шесть-семь» // Там же. Л. 42.

⁷⁵⁴ Там же: «Он лежал неподвижно. Он осунулся, и лицо его было бледно-жёлтым. В его голосе не было той твёрдости, к которой мы привыкли в классе».

⁷⁵⁵ Там же автор добавляет: «В. А. всё-таки казался нам загадочной личностью, и этим именно объясняется то, что мы следили за ним, «соглядательствовали» во всех случаях, когда этому представлялась возможность. Так, в 1906 или 1907 году, очевидно, учителям предложено было «говеть» вместе с семинаристами, и В. А. посещал богослужения в семинарской церкви. Нас интересовало, как он, человек сильный, могучий и гордый будет вести себя в этом случае.

Мы видели его смиренным и, как нам казалось, кающимся. Позднее нам говорили, что он был большим поклонником о[тца] Стефана Луканина, который был тогда нашим «духовником», т. е. священником нашей церкви. Мы наблюдали за ним на наших вечерах,

В заключение приходится упомянуть о жестоком всё-таки случае в семинарской жизни. Был день 25-летнего юбилея В. А.⁷⁵⁶ Это знали его ученики. Он был на занятиях, не желая, очевидно, по долгу службы пропустить занятия. И вот, когда он шёл в учительскую на перемену, в другом конце коридора из-за угла раздавался дикий свист в специально заготовленные для этого свистки. Он подошёл к краю этого коридора и погрозил кулаком. После перемены должен был быть урок в нашем классе, и все ждали, как он проведёт этот урок. Как всегда, В. А. поднялся на кафедру, ни одна жилка в его лица не показывалась изменившейся, как всегда он спокойно вызывал на ответ и так же, как всегда, прекрасно провёл объяснения. Ни слова, ни намёка на то, что освистали. Так расплатились с ним за его строгость и требовательность, может быть, потомки его бывших учеников. Об этом узнали потом люди, которые далеко не симпатизировали В. А., и они всё-таки сказали: «Это было слишком жестоко!»^{757 758} Как не вспомнить при этом классические слова Цицерона в речи против Катилины: «*O tempore, o mores!*» («О времена, о нравы!»).⁷⁵⁹ ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 82-87.

как он реагировал на выступления своих учеников в роли декламаторов или солистов, исполняющих романсы. Он бурно аплодировал, и было видно, что ему было приятно видеть своих учеников в этих ролях. Особенно ему нравился хор семинаристов» // Там же. Л. 43 об.-44.

Там же: «Как это ни странно, он даже становился иногда на сторону учеников против начальства, когда он находил действия последнего неправильными. Так, был однажды такой случай: ректор усиленно сговаривал одного ученика на учение в духовной академии, а тот имел намерение поступить в историко-филологический институт. В. А. шепнул ему доверительно: «не сдавайся, парень, веди свой линию» // Там же. Л. 45.

Там же: «Незадолго до смерти В. А. продал свою библиотеку одному из бывших своих учеников, причём оказалось, что он был человеком с широким культурным горизонтом, тонким ценителем культурных ценностей» // Там же. Л. 45-45 об.

⁷⁵⁶ Имеется в виду 25-летья юбилей педагогической деятельности В. А. Фаминского в 1905 г.

⁷⁵⁷ Так в тексте автора. Возможно, данный эпизод следует читать следующим образом: «Так расплатились с ним за его строгость и требовательность. Может быть, потомки его бывших учеников, об этом узнали потом люди, которые далеко не симпатизировали В. А., и они всё-таки сказали: «Это было слишком жестоко!»

⁷⁵⁸ В «Очерках о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор называет себя в качестве участника этого события. «Это было проявление той злобы, которая накапливалась годами, злобы слепой, не сдержанной здравым смыслом, злобы из-за требовательности преподавателя-педанта» // Там же. Л. 46 об.

⁷⁵⁹ В. А. Фаминский скончался 11 декабря 1913 г., после продолжительной и тяжёлой болезни. Прослужил в Пермской духовной семинарии 33 года. Заупокойную литургию в семинарском храме 14 декабря и после неё чин отпевания совершил епископ Пермский и Соликамский Палладий (Добронравов), в сослужении семинарского и городского духовенства. В. А. Фаминский погребён на кладбище у Кафедрального собора // «Пермские епархиальные ведомости». 1913. № 35-36 (11-21 декабря) (отдел неофициальный). С. 878.

Владимир Александрович Кандауров⁷⁶⁰

В. А. в нашей семинарии был преподавателем математики и физики. Он кончил Харьковский университет. Высокого роста, стройный, с ликом римлянина В. А. имел внушительный вид. По своему характеру В. А. был полною противоположностью некоторым своим коллегам-преподавателям, например, В. А. Фаминскому. Был он извечно вежлив, деликатен даже в таких случаях, когда бывали поводы к тому, чтобы вспылить, сделать резкое замечание: например, когда ученик не сделал уроки, он мягко замечал: «что же Вы, голубчик?...»

В курсе семинарии значились: алгебра – в первом классе, геометрия – во втором классе, тригонометрия – в третьем и космография и физика – в четвёртом классе. Таким образом, круг математических наук был представлен широко, но к математике именно в семинарии очень легко можно было отнести слова А. С. Пушкина: «мы все учились понемногу – чему-нибудь и как-нибудь». Так алгебру заканчивали уравнениями с двумя неизвестными и простейшими случаями извлечения корней; геометрию определением площади круга; тригонометрию – элементарными случаями решения задач на тангенсы, котангенсы, синусы и косинусы; космографию – кое-какими сведениями о земле, луне; а по физике проходили немного из механики, отдел света, теплоты, без решения задач, и кое-что об электричестве. Грубо, но можно образно сказать: «все эти науки мы изучали до тридцатой страницы». Было время, что иногда В. А. хворал и часы, пропущенные при этом, не компенсировались, а программа сжималась, комкалась. Рассуждали при этом, очевидно, так: не велик грех, если не будет и пройдено всё по программе: лучше не будут мечтать об университете. В этом рассуждении меньше всего был повинен В. А. Такова была общая установка в отношении математических наук в семинариях.⁷⁶¹ В. А. блестяще проводил уроки⁷⁶², но часов было мало, а по физике был так беден кабинет,

---

⁷⁶⁰ Кандауров Владимир Александрович (1868-1949) – сын дворянина Курской губернии. Окончил курс в Харьковском университете с дипломом 1 степени в 1892 г. С 17 сентября 1892 г. преподаватель физики и математики в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена св. Станислава 2 и 3 ст. и св. Анны 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости. 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 250-251. О 25-ти летней службе В. А. Кандаурова в Пермской духовной семинарии» см. «Юбилей педагога» // «Пермские епархиальные ведомости». 1917. № 33-34 (1-21 декабря) (отдел неофициальный). С. 463-464.

⁷⁶¹ В очерке «Владимир Александрович Кандауров» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор пишет: «Иногда у нас появлялась мысль о том, что В. А. связан был политикой, которая проводилась в семинарии – всячески тормозить утечку семинаристов в университеты и искусственно ограничивать изучение ими математики. Было ли это так, или нет – не известно...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 57.

⁷⁶² Там же: «Особенно нам нравилось, как он ловко, без линейки и циркуля, чертил на доске геометрические фигуры» // Там же. Л. 55 об.

что часу-двух было достаточно, чтобы продемонстрировать всё его содержимое. Что можно было бы поставить в упрёк В. А., так это-то, что в четвёртом классе у нас был организован кружок изучения математики по самоучителю (Битнер: приложение к «Вестнику знания»), но В. А. даже и не поинтересовался этим делом. Кружковцы взялись энергично за это дело и всё объявляли: «вот ещё отмахали одну лекцию», но недолго «махались»: дошли только до четвёртой или пятой лекции.

В. А. жил дружно со всеми преподавателями: там, где бывали все преподаватели, например, на вечерах, можно было видеть и его вместе с другими в весёлой беседе, шутящими или поющими. Даже в таких мероприятиях, как «говение», В. А. был среди коллектива участником этого. Слухи ходили только о том, что у него раз была размолвка с ректором Добронравовым, и он был будто бы настолько возбужден, что вышел из своего спокойного настроения и запальчиво сказал: «Оскорбляют меня, дворянина Кандаурова; я пойду к самому царю».⁷⁶³

В. А. был любитель и поклонник пения и певцов. Так, в Перми раз был с концертом известный в то время баритон Шитов, и В. А. долго с восторгом вспоминал об этом в разговоре с семинаристами.

Он интересовался и певцами-семинаристами: Ласиным⁷⁶⁴, Чирковым.⁷⁶⁵ Сам он пел под акко[мпа]немент пианино романсы, обладая очень маленьким баритоном.⁷⁶⁶

---

⁷⁶³ В очерке «Владимир Александрович Кандауров» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «У В. А., как у преподавателя математики было совсем другое положение, чем у преподавателей этого предмета в гимназиях и реальных училищах, на которых ложилась громадная ответственность за знания учеников, и с этой точки зрения его едва ли могла удовлетворить морально работа в семинарии». // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 57-57 об.

⁷⁶⁴ Ласин Сергей (1892-1950-е) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г. «Обладал лёгким и приятным баритоном, пел в семинарском хоре. Усиленно занимался повышением культуры своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон. Участвовал на семинарских вечерах и в городских концертах, а также в квартете с Шестаковым П., Кузнецовым К. и Иваницким П. Учился на экономическом отделении Киевского коммерческого института и одновременно в Киевской консерватории по классу Ипполитова-Иванова. В 1930-х гг. работал экономистом в тресте «Востокоруда», вместе с Кузнецовым К. М. Одно время был в труппе Пермского оперного театра. В Свердловске участвовал в концертах, передаваемых по радио, а также в капелле Ишутиной. Скончался в Свердловске в 1950-х гг.». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 11-11 об.).

⁷⁶⁵ Чирков Аркадий Яковлевич (1880-ок. 1918) – сын священника Красноуфимского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. В очерке «Семинаристы-певцы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора назван Борисом (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 104). «Имея красивый баритон, пел в училищном хоре, усиленно занимался культурой своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон, участвовал солистом в училищных

Занимался В. А. даже и литературным творчеством. Так, в «Пермских епархиальных ведомостях» отпечатан был его рассказ «Павел». Рассказ этот ничем особенным не отличался и можно думать, что напечатан был только в угоду ему редактором «ведомостей» Н. И. Колосовым.

В. А. был женат на дочери пермского протоиерея Пьянкова – Клавдии Ивановне.⁷⁶⁷ Была у него единственная дочь; она училась в балетной школе. Автор этой статьи встречался ещё с В. А., но уже по службе в семинарии, в 1914, 1915 и 1916 гг. В. А. в это время был также строен, жизнерадостен, пел, хотя в волосах у него были седые нити. В это время он вёл ещё в одной, двух группах уроки по французскому языку. Жил В. А. по Кунгурской улице в доме, полученном в приданное за Клавдией Ивановной.

В. А. намного пережил своих сослуживцев и работал в техникумах при советской власти. Как передавали, он пережил большую метаморфозу: помолодел духовно, с увлечением занимался математикой в техникуме, был сторонником новых методов преподавания, был в рядах передовых преподавателей, пользовался уважением своих учеников. Его встречали иногда бывшие его ученики-семинаристы. Как о нём отзывались видевшие его в это время бывшие его ученики, он имел вид почтенного старца, убелённого сединой, по-прежнему стройного и величественного.

вечерах и городских концертах. По окончании семинарии поступил учиться по экзамену на медицинский факультет Томского университета, одновременно учился в музыкальной школе на вокальном отделении. После 3-го курса перевёлся на медицинский факультет Киевского университета, где одновременно учился в Консерватории. Окончание университета совпало с началом гражданской войны, и Аркадий Яковлевич в качестве врача был призван в армию, в составе армии отступал, попал в Турцию, там и погиб». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 132-132 об.).

⁷⁶⁶ В очерке «Владимир Александрович Кандауров» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» автор добавляет: «Всё это, несомненно, свидетельствует о том, что он был меломаном, что было редким явлением среди учителей семинарии... В. А. иногда устраивал в своём доме музыкальные вечера, на которые приглашались и семинаристы-певцы» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 58-58 об.

⁷⁶⁷ В. А. Кандауров был женат на Клавдии Ивановне, дочери протоиерея Всехсвятской церкви на Егошихинском кладбище г. Перми Иоанна Андреевича Будрина (1844-1912).

Летом текущего года я посетил пермское кладбище в сопровождении Ивана Степановича Богословского, моего доброго старого знакомого, тоже бывшего семинариста. Когда мы проходили по одной из аллей кладбища, И. Ст. показал на одну из могил и сказал: «Вот здесь похоронен Владимир Александрович Кандауров». Мир Вашему праху, мой дорогой учитель и сослуживец!⁷⁶⁸

6.IX.[19]60. 16 ч. 34 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 27-29 об.

---

⁷⁶⁸ Очерк «Владимир Александрович Кандауров» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор завершает повторением традиционного девиза семинаристов: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла за благо воздадим» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 58 об.

Алексей Иванович Добролюбов⁷⁶⁹

Если бы мы захотели назвать человека из тех, кого называют бесцветною личностью, то таким человеком можно назвать А. И. Для характеристики его мало что можно прибавить к его формуляру. Он был у нас преподавателем гражданской истории, и его коротко называли «гражданин». Кто изобрёл такое слово, и по каким законам языка – осталось исторической тайной. Во всех отношениях он принадлежал к старой гвардии наших учителей, вплоть до фрака, который он первоначально носил. У него были фигура какая-то придавленная к низу, сутулая, плечи нажимали на корпус, походка с перевалкой – утиная, и всё это вкуче с фракком придавало ему, да простят мне А. И., и все его ученики, вид жука. Грешно так сказать, но так именно живописала А. И. наша «братва».

А. И. нам преподавал гражданскую историю на протяжении трёх классов – с древней до наших дней, но всё это в сжатом виде по Иловайскому⁷⁷⁰ преимущественно.⁷⁷¹ Здесь опять приходится вспомнить слова А. С. Пушкина «Мы все учились понемногу» по Иловайскому. О, этот пресловутый Иловайский!

У Алексея Ивановича была своя метода ведения урока: сначала он спрашивал, потом вынимал книжечку, неизвестную нам, и по ней бесстрастно «объяснял» очередную тему. При «объяснении» он немного раздвигал рамки Иловайского и при проверке обязательно спрашивал и дополненное к Иловайскому и, если кто это отвечал, ставил пять. Мы постепенно раскусили секрет пятёрки А. И. и стали кое-что записывать из его «объяснений». О, эти пятёрки! Чему они только не научат. Уроки А. И. проходили, если можно так выразиться, бесстрастно. Ответил или не ответил

---

⁷⁶⁹ Добролюбов Алексей Иванович – сын священника Ярославской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1882 г. В 1882-1883 гг. преподаватель латинского языка в Архангельском духовном училище; в 1883-1889 гг. помощник смотрителя того же училища; в 1889-1900 гг. смотритель Шенкурского духовного училища; с 7 сентября 1900 г. преподаватель гражданской истории (всеобщей и русской) в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 250.

⁷⁷⁰ Иловайский Дмитрий Иванович (1832-1920) – русский историк, публицист. Автор пятитомной «Истории России».

⁷⁷¹ В очерке «Алексей Иванович Добролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В первом классе проходила «Древняя история», во втором классе – «Средняя история» и в третьем классе – «Русская история». Периодизация исторических событий и освещение были по Иловайскому и учебник тоже Иловайского. В сознании семинаристов каждый из этих периодов символизировался какой-либо исторической личностью, которая привлекла их внимание и явилась как бы шифром этого периода. Так, для «Древней истории» был принят в качестве шифра «Дарий Гистапс», для «Средней истории» - «Карл Великий», а «Русская история» не имела даже никакого шифра, потому что проходила поверхностно» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 60-60 об.

кто-нибудь урок, хорошо или плохо ответили – на всё у А. И. было абсолютное спокойствие. На моей памяти только один раз А. И. вышел из своего абсолютного спокойствия. Речь шла о Карле четырнадцатом⁷⁷² и А. И. спросил: «А был Карл двенадцатый?» Отвечающий задумался. А. И. рассмеялся и сказал: «Ну, конечно, был, раз был Карл четырнадцатый!» Это было так неожиданно для нас, что мы переглядывались друг с другом и не знали: смеяться ли нам или нет. Надо было видеть улыбку А. И. в этот момент. Он, как нам показалось, разулыбался и мгновенно спохватился: ладно ли сделал.

[⁷⁷³]

В 1906 г. в семинарию был большой наплыв поступивших и поблизости арендовано было здание для интерната дополнительно к основному. А. И. в этом здании был в роли помощника инспектора, здесь и жил. Как передавали жившие в этом здании семинаристы, А. И. держался от них в отдалении: его воспитательная работа состояла только в надзоре.⁷⁷⁴ Таков был стиль педагогической деятельности А. И.⁷⁷⁵

В 1914-1916 гг., пишущий эти строки был сослуживцем А. И. и даже преподавал с ним временно один предмет – латинский яз[ык]. А. И., как и

---

⁷⁷² В очерке «Алексей Иванович Добролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Карл шестнадцатый».

⁷⁷³ Там же: «Как и другим преподавателям, мы писали А. И. сочинения по истории. Он делал исправления ошибок как орфографических, так и стилистических и писал мелким-мелким почерком, но аккуратно. Говорят, что по почерку можно судить о характере человека. Едва ли этот тезис можно было бы применить по отношению к А. И.: в его почерке было что-то детское, не соответствующее его возрасту. Вероятно, это была только привычка прежних лет, не отразившая перемен в жизни А. И.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 62.

⁷⁷⁴ Там же: «Он жил здесь и, казалось бы, что это совместное проживание должно бы как-то сблизить его с опекаемыми им учениками, но этого не произошло. А. И. замкнулся в своей комнате, как око, сквозь щёлку наблюдающее за тем, кто стоит за дверью: ни шага к сближению. Он не вышел из своего «футляра» // Там же. Л. 63.

⁷⁷⁵ Там же: «Нам всячески хотелось всё-таки как-то ближе узнать своих учителей, узнать что-либо новое из их характера, из образа жизни, и поэтому мы каждую мелочь из своих наблюдений над ними старались как-либо осмыслить, уложить в своё представление о них. Однажды был случай, что мы встретили группу своих учителей на пароходе. А. И. был тут среди молодых, только что прибывших на работу в семинарию, учителей. Было ясно, что они пришли отдохнуть в порядке «двадцатого числа». Они были весело настроены, а среди них и А. И. Мы видели его смеющимся, шутливо разговаривающим, и одна мысль была у нас: «почему же Вы, А. И., вот так просто по-человечески никогда не поговорите с нами», но нет: была стена, и А. И. никогда по отношению к нам не выходил за эту стену. Мы знали также, что А. И. заядлый рыбак и летом ездит на озеро «Чибаркуль» под Челябинск. Значит, он не только мумия, но и живой человек, а вот для нас он показывает себя только мумией» // Там же. Л. 63-64.

прежде, держался как-то замкнуто, словно боясь, как-бы с ним не заговорили. Жил он холостяком.⁷⁷⁶

Кто же был А. И. в нашем представлении? Он так и остался «Иловайским в натуре». Теперь его, конечно, уже нет в живых, и мы по принятому нами семинарскому правилу: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим» - скажем: «Мир праху твоему, наш учитель!».

8.IX.[19]60. 14 ч. 25 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 30-31 об.

---

⁷⁷⁶ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции воспоминаний автор уточняет: «По-прежнему можно было видеть согбенную фигуру человека, с развалистой утиной походкой шествующего на уроки. Это Иловайский «во плоти» - Алексей Иванович Добролюбов. Он не изменился внешне, «засахарился». Также замкнутость в себе, боязнь «как бы чего не вышло»: вылезет на минуту из улитки и спрячется. Теперь он только не во фраке, а в визитке. Но он немного и модернизировался: сейчас он ещё ведёт преподавание в одной или двух группах латинского языка. Иловайский и Вергилий Марон – таково сочетание преподаваемых им теперь предметов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 116.

Алексей Иванович Дергачёв

Прежде чем говорить об А. И. Дергачёве⁷⁷⁷ приходится вспомнить нашего великого баснописца И. А. Крылова. Как он всё-таки тонко подмечал некоторые людские черты и ярко выводил их в своих баснях.

Алексея Ивановича преследовала странная идея: быть строгим, как В. А. Фаминский. Он так и афишировал себя: «Я второй Фаминский!» Между ними, однако, была большая разница в том, что Ф. был великан, богатырь, а А. И. не высокого роста, хотя начинал уже «округляться».

Вот мы и подошли к басне...⁷⁷⁸

Алексей Иванович был сыном камышловского протоиерея Ивана Алексеевича Дергачёва. Он был членом правления нашего духовного училища. Каждую Пасху он приходил к нам в духовное училище с яичками христосоваться. Ив[ан] Ал[ексеевич] был у него или старшим или средним из трёх сыновей. Иван Алексеевич⁷⁷⁹, сын Ал[ексея] Ив[ановича], рассказывал, что Ал[ексей] Ив[анович] семинарией направлялся в Казанскую академию, но он по своей инициативе поехал в Питер. Ему хотелось быть выше! По окончании академии он, недолго работал в Камышловском дух[овном] училище, а потом переехал в Пермь. В семинарии он сначала заменял болевшего А. И. Тихомирова – преподавал библию. Невысокого роста с библией под мышкой он торжественно шествовал на занятия с подчёркнуто

---

⁷⁷⁷ Дергачёв Алексей Иванович – сын протоиерея Пермской губернии. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1887 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1894 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1898 г. В 1899-1900 гг. преподаватель греческого языка в штатных классах Вятского духовного училища. С 16 ноября 1900 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 14 августа 1903 г. преподаватель Священного Писания; с 1 октября 1903 г. преподаватель еврейского языка. Надворный советник. Имел орден св. Станислава 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 251.

⁷⁷⁸ В очерке «Алексей Иванович Дергачёв» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор имеет в виду басню И. А. Крылова «Вол и лягушка».

⁷⁷⁹ Дергачёв Иван Алексеевич (1911-1991) – советский литературовед, профессор. Член Союза писателей. Окончил литературное отделение Пермского индустриально-педагогического института в 1931 г. Работал заведующим учебной частью и преподавателем рабфака и техникума связи, преподавателем и директором научной библиотеки Уральского индустриального института. В 1940 году стал первым деканом филологического факультета Уральского государственного университета. Участвовал в Великой Отечественной войне. Преподавал в Уральском политехническом институте и Свердловском институте иностранных языков в 1945-1955 гг. Кандидат филологических наук (1953). Доцент кафедры русской и зарубежной литературы в Уральском государственном университете доцентом кафедры русской и зарубежной литературы с 1955 г. Декан филологического факультета в 1959-1963 гг. Заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы в 1967-1974 гг., с 1974 состоял её профессором. Заслуженный работник культуры РСФСР (1974). Доктор филологических наук (1980).

важным, серьёзным видом.⁷⁸⁰ У него слишком ясно проглядывала всегда манера казаться грозным, внушать страх, почтение к себе. При изучении библии он особенное внимание обращал на мессианские места и заставлял нас много заучивать наизусть.⁷⁸¹ В отличие от других преподавателей он иногда прибегал к коварству, а именно вызывал повторно отвечать урок. В семинарии каким-то образом установился такой порядок, что каждого спрашивали только раз в месяц и, если кто уже в начале месяца отвечал, то до некоторой степени гарантирован был от спрашивания до следующего месяца. Ал[ексей] Ив[анович] иногда нарушал этот порядок: «поддевал», как у нас говорили. Вот это и определяло наше отношение к Ал[ексею] Ив[ановичу]. Нельзя сказать, чтобы он пользовался у нас симпатией.

Ал[ексей] Ив[анович] приватно преподавал ещё немецкий яз[ык] для желающих.

Летом Ал[ексей] Иванович носил шляпу «котелок». При низком росте, с «закруглением», он имел вид чиновника, как показывают их (чиновников) в кино.

После революции А. И. одно время работал в Камышлове в отделе народного образования.⁷⁸² Странное совпадение, но на этой работе он не стяжал симпатии сослуживцев; вот что-то было в нём, что отталкивало от него: не то какое-то чванство, не то неискренность, не то формализм.

Автору этой заметки пришлось встречаться с ним в Свердловске после революции в новых условиях. А. И. старался как-то проще обращаться со своим бывшим учеником, и у нас не было повода к нехорошим воспоминаниям, а всё-таки душевности, сердечности как-то не получалось.

Почему? Не потому ли, что когда-то на школьной ещё скамье, в семинарии, в мелочи доверие было потеряно, и вот отсюда и пошло...

---

⁷⁸⁰ В очерке «Алексей Иванович Дергачёв» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он, кажется, должен был бы признавать в нас, камышловских «духовниках» [учащихся духовного училища – ред.], своих земляков, но этого не было. Он вообще старался держаться со всеми семинаристами официально... Он кончил Пермскую духовную семинарию, и в составе его коллег по работе в семинарии были его бывшие учителя, например, В. А. Фаминский. Он был поклонником стиля педагогической деятельности, ярко выраженного В. А. Фаминским» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 64 об.

⁷⁸¹ В очерке «Алексей Иванович Дергачёв» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Каждому из нас её выдавали в первом классе, и она была в числе наших учебников четыре года.

Мы заучивали наизусть много, так называемых, мессианских мест, т. е. пророческих указаний на появление в мире Мессии, т. е. Христа-Спасителя. А. И. особенно придавал значение заучиванию этих мест в библии» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 65-65 об.

⁷⁸² Там же: «Ещё до окт[ябрьской] революции А. И. ушёл на работу инспектором народных училищ» // Там же. Л. 65 об.

Иван Ал[ексеевич] сказывал, что А. И. умер на 71 году. «Мир его праху!». ⁷⁸³

8.П.[19]60. 15 ч. 30 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 32-33 об.

---

⁷⁸³ В составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется очерк «Иван Анемподистович Секачёв и его родословная», в котором в образе Анемподиста Ивановича автор выводит Алексея Ивановича Дергачёва. Причина, по которой автор искажил имена, неизвестна (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 111-150 об.). См. Часть VIII. «Педагогическая деятельность в Свердловских институтах».

Александр Николаевич Юрьев

А. Н.⁷⁸⁴ был в нашей семинарии преподавателем философии, а мы его коротко называли: «философ». Из всех предметов, изучавшихся в семинарии, мы больше всего гордились философией, и гордились совершенно законно, особенно перед гимназистами. Если бы, например, кому-либо пришло в голову устроить диспут между гимназистом и семинаристом на тему: кто из них сильнее в общеобразовательных науках, то в области математики, литературы, истории сильнее бы оказался гимназист, но стоило бы семинаристу задать своему сопернику такой вопрос: скажем – «что такое объективация воли», как он был бы «повержен в прах», «положен на обе лопатки». Как же после этого не гордиться семинаристу изучением философии?

Но если изучение философии было предметом гордости для семинариста, то не меньшим предметом гордости для преподавателей семинарии и всей семинарии *in corpore*⁷⁸⁵ являлся и преподаватель философии – А. Н. Выражаясь образно, можно сказать: в созвездии всех учителей семинарии А. Н. был звездой первой величины, по д[ост]оинству *persona grata*.⁷⁸⁶ В самом деле, в тех случаях, когда нужно было представлять от учителей в какой-либо торжественный момент, отстаивать честь коллектива, то кто выдвигался на авансцену? – А. Н! Это был, выражаясь на языке шахматистов – «ход конём», а на языке картёжников: «Ход с козырного туза». Так, в 1902 г., в престольный праздник семинарии – день памяти Иоанну Богослову, после обедни в актовом зале семинарии на торжественном собрании нужно было произнести речь, приличествующую торжественному моменту и свидетельствующую о высоком уровне науки в семинарии, то это было поручено никому другому, а именно – А. Н. И вот семинарский хор торжественно пропел концерт – «Воспойте Господеви песнь нову», а А. Н. в присутствии губернатора и других высокопоставленных лиц города, архиерея, ректора семинарии и всех учителей выступил с речью о греческой философии. В речи были названы философы: Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Демокрит, Гераклит, божественный Платон и великий Аристотель.⁷⁸⁷ В особенности лектор

---

⁷⁸⁴ Юрьев Александр Николаевич – сын диакона Курской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1879 г. С 22 сентября 1879 г. преподаватель логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии и дидактики в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1906. № 27 (21 сентября) (отдел официальный). С. 436. См. «О 25-тилетии педагогической деятельности А. Н. Юрьева» // «Пермские епархиальные ведомости». 1904. № 41 (9 октября) (отдел неофициальный). С. 474-478.

⁷⁸⁵ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

⁷⁸⁶ *persona grata* – по-латински лицо, пользующееся доверием.

⁷⁸⁷ Фалес Милетский, Анаксимен Милетский, Анаксимандр Милетский, Демокрит Абдерский, Гераклит Эфесский, Платон, Аристотель – древнегреческие философы.

остановился на Платоне. Впоследствии семинаристы подмечали у А. Н. особенную симпатию к Платону, и поэтому поводу даже было пущено крылатое выражение в адрес А. Н.: «Без Платона ни на шаг!»

В 1904 г. Павел Николаевич Серебренников в краеведческом музее, им созданном, решил организовать цикл лекций для широкого круга посетителей музея на самые разнообразные темы по вопросам культуры, литературы и т. д. И снова А. Н. было предложено выступить с лекцией по философии. Он опять читал лекцию о греческой философии – в том же плане, как и на торжественном собрании, однако выступление его было подвергнуто критике в зале, после окончания лекции, а через день в «Пермских ведомостях» появилась заметка под заглавием: «В пятнадцать минут вокруг света», где лекция была едко раскритикована.⁷⁸⁸

У А. Н. были некоторые особенности, даже странности. Так, часто у него была непоправной причёска: небрежность, или не небрежность, но, во всяком случае, недостаточное внимание к своему наружному виду. Нельзя было понять: толи у него «ерошка», толи «косой вид», а вернее всего движение от первой ко второму. Также у него была иногда рассеянность: то он придёт на занятия без галстука, то вызовет к ответу «госпожу Горячих», перепутавши семинарию с женской гимназией, где он тоже занимался. В этих случаях поднимался «гомерический» хохот, однако он не носил характера насмешки, а больше походил на выражение благодушия, шутки.

У семинаристов было даже найдено объяснение такой особенности А. Н., а именно, что он, как философ, привык вращаться в области идей, в «областях заочных», и потому, спускаясь на землю, не мог сразу на ней ориентироваться. Мы считали даже, что рассеянность А. Н. есть именно признак его философского склада, что она, выражаясь на философском же языке, так сказать, имманентна ему, т. е. складу.

А. Н., когда шёл, то взгляд его направлен был в одну точку. В этом случае шутники из нас говорили: «он видит философскую точку». Он ходил, ссутулившись, а говорил несколько приглушённым голосом, как-бы усталым. И это мы объясняли так: «Это его сгибает множество идей, тяжесть науки, которая легла на его плечи». Даже то, что у него была привычка держать в руках в раскинутом виде очки, а при чтении лекции то снимать их, то надевать – и это тоже мы относили к его философской индивидуальности. А. Н. был добр. Жалкий вид у него был в тех случаях, когда и нужно бы дать место желчи, а он не может. Вот, например, ученик не выучил урок и нужно его пожуричь, а А. Н. не может: он нервничает... и смолчит.

А. Н. понимал, что философия даётся семинаристам тяжело, а поэтому в учебнике «История философии» Страхова он делал сокращения: строчку

---

⁷⁸⁸ В очерке «Александр Николаевич Юрьев» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. Н. сильно расстроился и говорил: «я знаю, кто это писал». Он не назвал нам имени автора, но знали, что автором заметки был преподаватель нашей же семинарии из молодых – Василий Яковлевич Струминский» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 50.

или две, а то и отдельные слова. Раз был такой случай: вдруг в вечерние часы он заходит к нам в класс, возбуждённый, расстроенный и заявляет: «я забыл там вычеркнуть три слова; пожалуйста, вычеркните!»

Чистым мучением для А. Н. было чтение наших домашних сочинений по философии. Среди нас находились такие самонадеянные люди, которые думали, что они уже всё уразумели по философии, что они уже могут любой философский вопрос осветить «без Страхова», самостоятельно, «на чистую совесть», и писали несусветную чушь. И вот А. Н. приносил в класс сочинение, всё подчёркивал красным карандашом, укоризненно разбирал его и с отметкой «три с двумя минусами» отдавал автору. Сам А. Н. нам не давал каких-нибудь прямых указаний, как нужно писать сочинения, но по отметкам за сочинения мы открыли некоторый секрет «писания»: сочинения, близкие к «Страхову» имели оценки выше. У А. Н. была своя концепция при оценке сочинения. Он рассуждал так: автор много думал и додумался до того, как сказано у «Страхова». Позднее нам стало понятно, что у А. Н. был вполне реалистический взгляд на такой метод составления сочинения: что можно было требовать от людей, которые по существу ничего не понимали в философии, кроме «Страхова».

Философские предметы по классам распределялись так: в третьем классе – логика и психология – пропедевтический курс, в четвёртом классе философия – точнее история философии – основной курс. Если рассматривать положение этих дисциплин в ряду других, то ещё со времени Киево-Могилянской коллегии они занимали центральное место в триаде: риторика, философия, богословие. Логику мы изучали по учебнику Светилина, а психологию – по учебнику Челпанова.⁷⁸⁹ При изучении всех философских дисциплин мы особенно большое удовольствие испытывали, когда встречались со своими старинными друзьями: «грекой» (греческий язык) и латынью.

В логике нашли: «*Tertium non datur*»⁷⁹⁰, «*Contradictio in adjecto*»⁷⁹¹, *perceptio*⁷⁹², *apperception*⁷⁹³, *sillogismus*⁷⁹⁴ et cetera. В психологии: *temperamentum*⁷⁹⁵, *sanguis* (сангвиник), *chole* (холерик), *melanchole* (меланхолик), и *rhegma* (флегматик), *mnemone* (мнемоника) et cetera. В философии: [...] ⁷⁹⁶, «*cogito ergo sum*»⁷⁹⁷, «*Deus sive natura*»⁷⁹⁸, «*thesis*»⁷⁹⁹,

---

⁷⁸⁹ Челпанов Георгий Иванович (1862-1936) – русский философ, логик, психолог, профессор Московского, затем Киевского университета.

⁷⁹⁰ *tertium non datur* – по-латински третьего не дано (закон исключения третьего).

⁷⁹¹ *contradictio in adjecto* – по-латински противоречие в определении.

⁷⁹² *perceptio* – по-латински бессознательное восприятие.

⁷⁹³ *apperception* – по-латински восприятие сознанием самого себя.

⁷⁹⁴ *sillogismus* – по-латински силлогизм.

⁷⁹⁵ *temperamentum* – по-латински темперамент.

⁷⁹⁶ Не разборчиво, на греческом языке (ред.).

⁷⁹⁷ *cogito ergo sum* – по-латински «Мыслю, следовательно, существую».

⁷⁹⁸ *Deus sive natura* – по-латински «Бог или природа».

⁷⁹⁹ *thesis* – по-латински тезис.

«*antithesis*»⁸⁰⁰, «*synthesis*»⁸⁰¹ *et cetera*. Знание классических языков нам много помогало, но трудностей было много, потому что наглядных пособий и вообще пособий, кроме учебников, не было. В последствии, когда в гимназиях был введен курс так называемой «философской пропедевтики», то в распоряжении преподавателя были такие, хотя и элементарные пособия, как эстезиометры, тахистоскоп, разные таблицы, например, для испытания памяти, творческой фантазии и т. д. У нас же ничего не было: всё было основано на речи А. Н., которая, сколько бы она не была выразительной, всё-таки не могла заменить наглядные пособия.

На чём было больше сосредоточено наше внимание и что больше всего привлекло наше внимание?

При изучении логики центром внимания были законы мышления, системы суждений, силлогизм и т. д.

При изучении психологии живее всего прошли темы «О темпераментах» и «Мнемонике». При разработке темы «О мнемонике или мнемотехнике» поднялись даже до критики этой лженауки. В Одессе в то время «благодетели» предлагали различные способы для развития и подкрепления памяти. Вот, например, один из рецептов для обладателя слабой памяти. Допустим, нужно запомнить слово «Петроград» (это слово вошло в наш язык позднее во время первой империалистической войны, здесь взято в историческом аспекте). Чтобы его запомнить рекомендовалось бы так запомнить фразу: «Петя пошёл гулять, а в это время, выпал град», т. е. запоминание не только не облегчалось, а ещё больше затруднялось: вместо одного слова нужно запоминать целое предложение. Нами был сделан вывод об издателях этих рецептов, что это только было коммерческое предприятие: «Лавочка!».

Из истории философии более всего было обращено внимание на философию Платона, Аристотеля, Декарта, Гегеля. Насколько усвоение учёта этих философов было не глубоким свидетельствует, например, тот факт, что все мы хорошо ещё в духовном училище учили наизусть стихотворение Лермонтова «Ангел», в котором выражена идея Платона о предсуществовании душ, однако никто из нас в момент изучения философии Платона не обратил на это внимание. Только значительно позднее прояснилась нам идея этого стихотворения. Но зато латинское «*Amicus Plato, sei magis amica vuntas ist*»⁸⁰² сразу было разгадано кто здесь *Plato*.

Вообще же будущее показало, что ничего мы тогда в философии не понимали, а заучивали только учебник Страхова, и самую философию пришлось ставить «с головы на ноги».

---

⁸⁰⁰ *antithesis* – по-латински антитезис.

⁸⁰¹ *synthesis* – по-латински синтез.

⁸⁰² *Amicus Plato sed magis amica est veritas* – по-латински «Платон – друг, но истина бóльший друг» (т.е. истина дороже).

Занятия А. Н. с нами оказались его «лебединой песнью». Когда мы после летних каникул вернулись в семинарию, то узнали печальную новость о смерти А. Н. Оказалось, что он стал жертвой рассеянности только не своей, а его прислуги: он был болен, а она ему дала вместо внутреннего наружное лекарство, отчего последовала смерть.⁸⁰³ У А. Н. была единственная дочь, которая училась в Швейцарии. Жалко было то, что не удалось даже проводить на кладбище нашего «философа». Приходится только сказать: «*Sit tibi terra levis, care magister noster!*»⁸⁰⁴

6.IX.60. 10 ч. 18 м. вр[емя] сверд[ловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 34-39 об.

---

⁸⁰³ А. Н. Юрьев скончался 10 августа 1907 г., после продолжительной и тяжёлой болезни.

⁸⁰⁴ *Sit tibi terra levis, care magister noster!* – по-латински «Пусть земля тебе будет пухом, ушедший наш учитель!».

Александр Федосеевич Успенский

А. Ф.⁸⁰⁵ в нашей семинарии был преподавателем истории и обличения раскола. Как с преподавателем этой дисциплины мы встречались с А. Ф. в пятом и шестом классах, но знакомство с ним у нас начиналось гораздо раньше, с первого ещё класса. Он был неизменным участником семинарских вечеров, на которых он выступал декламатором артистически. По этому поводу шла даже молва о том, что А. Ф. в студенческие годы состоял в какой-то любительской труппе драматических артистов. На самом деле у него была манера поведения и обращения, позволявшая верить в эту молву, если даже она и была бы пустопорожним измышлением. Во всём – в движениях, в речи, в интонации голоса – проглядывалась какая-то изысканная галантность, можно сказать сплошная галантность. И вот с таким впечатлением от А. Ф. мы встретились с ним на уроках «раскола». Слушали мы, как он рассказывал о «Кормчей», или видели его среди различных старообрядческих книг и думали: «Нет, не то! Лучше бы [Вы] нам, А. Ф. что-нибудь продекламировали!»

Так бросилось нам в глаза несоответствие прежнего впечатления с новым впечатлением. Сам А. Ф., видимо, чувствовал себя, как говорится, «не в своей тарелке»

А. Ф. было в это время уже лет сорок, если только не немного больше. Наружный вид его соответствовал человеку уже «пожившему»: «на голове во всю величину лысина, цвет лица сероватый, причём можно было предположить, что кожа лица в своё время испытала на себе немало косметических «эрзацев», но глаза и голос сохраняли молодость. Последнее особенно было заметно, когда он выступал с декламацией; он весь преображался, голос передавал самые тонкие оттенки мысли и глаза блестели живостью и задором. Успех был всегда колоссальный: бесконечное бас, восторг!

В коллективе учителей А. Ф. был каким-то промежуточным звеном: среди стариков он казался молодым, наоборот, среди молодежи, которая влилась в преподавательскую среду в 1903-1904 [г]г., он казался уже, мягко выражаясь, «в годах». Но как обнаружилось, сердце у него было юношеское. Среди семинаристов, вращавшихся в светском обществе, «на славе» была девица Меркурьева. Мы часто слышали: «Меркурьева, Меркурьева!» Кто она была, какого происхождения и т. д. не говорилось. Говорили как будто, что

---

⁸⁰⁵ Успенский Александр Феодосиевич – сын протоиерея Костромской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1886 г. В 1887-1902 гг. преподаватель русского языка с церковно-славянским в Солигаличском духовном училище. С 25 июля 1902 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и помощник инспектора в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 250.

она была дочерью священника. Единогласно только говорилось, что она красавица и, следовательно, окружена поклонниками, как и полагается по закону природы. Загадочность Меркурьевой, однако, как пелена, спала: вернувшись с летних каникул, мы узнали, что на ней женился А. Ф. и мало того, он сделался ещё помощником инспектора и поселился в стенах семинарии, значит, и Меркурьева, теперь Успенская, оказалась тоже под одной крышей с некоторыми поклонниками. И опять мы сказали: «Нет, не то!» Расстояние от 18-19 лет до 40-42 л[ет] нам показалось всё-таки большим, но нам говорили: «простите, это же обычный способ жениться у французов!»⁸⁰⁶

Во время богослужения А. Ф. как помощник инспектора стоял в церкви с семинаристами, а на площадке у церкви во время шестопсалмия можно было видеть г-жу Успенскую, бывшую Меркурьеву, в окружении теноров и басов семинарского хора.⁸⁰⁷ И у нас опять возникал вопрос: «то ли получилось?» Впрочем, в скором времени А. Ф. перевёлся инспектором народных училищ в Ирбит, а дальнейшее покрыто мраком неизвестности.

7.IX.[1960] 6 ч. 10 м. вр[емя] свердл[овское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 40-41 об.

---

⁸⁰⁶ В метрической книге Рождество-Богородицкой церкви г. Перми за 1904 г. имеется запись о бракосочетании № 15: дата бракосочетания – 11 апреля. Жених: преподаватель Пермской Духовной Семинарии, кандидат богословия, статский советник Александр Феодосиев Успенский, православного вероисповедания, первым браком, 42 лет. Невеста: Пермская мещанская дочь, девица Елизавета Николаева Перетяжкина, а по вотчиму Меркурьева, православного вероисповедания, 20 лет. Таинство венчания совершал: священник Никанор Пономарёв с протодиаконом Константином Пономарёвым и диаконом Димитрием Затопляевым. Поручителями были: по женихе – преподаватель Пермской Духовной Семинарии Арсений Алексеев Дроздов и титулярный советник Сергей Александров Страшкевич; по невесте: коллежский секретарь Алексей Павлов Шилов и сын титулярного советника Сергей Аркадиев Сухарев. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 996. Л. 105 об.-106).

⁸⁰⁷ Из очерка «Александр Федосеевич Успенский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «У семинаристов-хористов было в обычае во время шестопсалмия за всеобщей спускаться с хор на площадку перед церковью, где во время «молитвы» происходили и встречи» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 13 об.

Павел Николаевич Серебренников

(Страничка из воспоминаний –
светлой памяти моего врача и учителя).

П. Н. Серебренников⁸⁰⁸ был врачом нашей семинарской больницы и одновременно преподавателем, а точнее сказать – лектором по общей гигиене в 5-ом классе и по анатомии и медицине – в 6 кл[ассе]. Как это ни странно, а считалось, что будущим пастырям, служителям церкви, кроме наук богословских, необходимо или, по крайней мере, желательно иметь кое-какие сведения из указанных выше наук, на тот случай, что где-нибудь в глухом углу представился бы случай оказать, за неимением врача, скорую медицинскую помощь и быть, таким образом, не только духовным, но и телесным врачом. В настоящее время наивность и вред такого рода суждения очевидны, а в те времена считалось это совершенно естественным.⁸⁰⁹ «*O sancta simplicitas!*»⁸¹⁰ - скажет теперь каждый из нас, а в те времена даже врачу, в данном случае П. Н. казалось это серьёзным делом, и с такой именно установкой он и читал нам свои лекции. Позднее, в 1914-1915 гг., я встречался с П. Н. опять-таки в Пермской дух[овной] семинарии, но уже как сослуживец. Естественно, однако, что наиболее яркие воспоминания о П. Н. у меня остались от ученических времён; о них и будет дальше речь.

Нужно сказать, что мы мало что знали о прошлом П. Н. Знали, что он лет 30 тому назад, т. е. в [18]70-х годах учился тоже в Пермской дух[овной]

---

⁸⁰⁸ Серебренников Павел Николаевич (1849-1917) – сын священника Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1870 г. и курс в Императорской медико-хирургической академии в 1876 г.; доктор медицины 1885 г. С 20 февраля 1887 г. врач и преподаватель гигиены, анатомии и медицины при Пермской духовной семинарии. Коллежский советник. Имел ордена: св. Анны 2 и 3 ст. и св. Станислава 2 и 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 253. Общественный деятель и краевед.

⁸⁰⁹ На полях текста И. С. Богословским поставлены 3 вопросительных знака карандашом. В очерке «Рянку» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется следующий эпизод: «Случай встречи с Рянком ... мне представился во время моего пребывания на летних каникулах, когда я заканчивал учение в Пермской духовной семинарии.

Приходит однажды к нам мать Рянка, вся в слезах, и сообщает, что Рянку умирает, что у него невыносимые боли в животе. Нам в шестом классе семинарии читал лекции по медицине наш школьный врач, доктор медицины – Павел Николаевич Серебренников, и я, естественно, посчитал своим долгом помочь Рянку. Я зашёл в дом на второй этаж по внутреннему входу – по лестнице и подошёл к больному. Он лежал на печке.... Больной стонал и метался. Я порекомендовал сделать больному согревающий компресс, и объяснил, как это сделать. Из дома я захватил с собой рюмки две кагору, как средство тонизирующее и вяжущее, потому что мать больного говорила, что у него были и явления поноса. Рянку выздоровел, что я отнёс к его крепкой натуре, а не к своему искусству врачевания» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 136-137.

⁸¹⁰ *O sancta simplicitas!* – по-латински «О, святая простота!»

семинарии, потом кончил военно-медицинскую академию (так нам говорили). Когда он начал работать в семинарии – мы не знали. Сам П. Н. о своём прошлом нам никогда ничего не говорил. Только однажды, помнится, на уроке гигиены, рассказывая о значении воды для человека и его здоровья, он упомянул, как во время турецкой войны⁸¹¹ ему приходилось видеть, какой исключительной культурой обставлены были водные бассейны у турок в тех провинциях, в которых ему пришлось побывать. Среди нас, правда, были распространены слухи, только слухи, что в своё время, будучи семинаристом, П. Н. отличался жизнерадостностью, был любителем пения и гитаристом. Откуда шли эти слухи? Вероятно, от родителей семинаристов, которые (родители) когда-то учились вместе с ним. Мы видели П. Н. в возрасте уже за 50 лет, но, судя по тому, что он был и тогда жизнерадостным, бодрым, с «живинкой» в глазах, что всегда импонирует молодёжи, можно думать, что эти слухи о юном П. Н. правдоподобны. Может быть даже, что в этих чертах юного П. Н. указывались, так сказать, типичные черты семинариста того времени, со всеми присущими ему атрибутами. Из прошлого П. Н. передавали также, что у него не в столь отдалённое от тех лет время, было большое несчастье, которое он переживал очень тяжело, а именно – смерть его первой жены, которая была знаменитым врачом-окулистом. Образ её нам рисовали как образ самоотверженного человека, подвижника науки.⁸¹²

Из личной жизни П. Н. того времени мы знали только то, что он вторично был женат и что вторая его жена была по профессии швейей или точнее – инструктором швейного дела. Об этом, пожалуй, можно было бы и не упоминать, однако, в наших воспоминаниях это имеет большое субъективное значение. Дело в том, что когда мы тогда тайком (*sic!*) читали роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», то образы этого романа как-то невольно связывались с личностями П. Н. и его окружающих, т. е. его вторая жена представлялась нам в образе героини романа Чернышевского.⁸¹³

Больше всего воспоминаний о П. Н. сохранилось как о нашем учителе. Это вполне понятно. Среди всех схоластических наук его лекции уносили нас в совершенно другой мир, и притом кто из семинаристов тогда не мечтал сделаться врачом! В этом отношении П. Н. для нас был носителем черт и Базарова, и Лопухова⁸¹⁴ и пр., всего, на что способна была наша романтическая фантазия. Вот он идёт по коридору со схемами, наглядными

---

⁸¹¹ Русско-турецкая война 1877-1879 гг.

⁸¹² Имеется в виду Серебренникова Евгения Павловна (1854-1897) – русская врач-офтальмолог, общественный деятель и благотворитель.

⁸¹³ Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) – русский философ-материалист, революционер-демократ, теоретик критического утопического социализма, учёный, литературный критик, публицист и писатель. Обучался в Саратовской духовной семинарии.

⁸¹⁴ Базаров Евгений Васильевич – персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Лопухов Дмитрий – персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

пособиями под мышкой. Вот он читает лекцию с увлечением. Вот видится он в привычной позе, когда он, как говорится, дошёл до состояния экстаза: чуть зажмурился, вытянул и приподнял правую руку со сжатыми в щепотку пальцами. Однажды явился на занятия со скелетом. Спрашивает: что это такое? Дружный шуточный ответ: «Смерть!» Вот так, шутка шуткой, а сколько он сагитировал на профессию врача!

Часто можно было видеть на дороге против входа в семинарию лошадку, запряжённую осенью и зимой в бричку как у извозчиков; а зимой – в санки, с кучером в простом тулупе или армяке. Вот открывается дверь, и выходит солидный человек – осенью и весной в «крылатке», зимой в ротонде с эпоновым воротником. Подвода проходит небольшое расстояние и останавливается у семинарской больницы. Наше воображение уже рисует картину чего-то гоголевского, патриархального. Кто читал у Кони описание доктора Гааза, его выезды к своим пациентам, тот легко представит эту картину. Мы приготовились к осмотру П. Н. Но здесь, в больнице, мы были под непосредственным надзором Вениамина Ивановича Селиванова (нашего «Эскулапа»). Однако в более опасных случаях нам было известно, П. Н. безвыходно дежурил у больного. Нам было известно, что П. Н. всегда боролся с нашим начальством за улучшение питания для больных (за молоко). Ходили слухи, что среди своих коллег-врачей П. Н. не пользовался репутацией опытного врача, хотя имел учёную степень доктора медицины. Правда ли это? Неизвестно. Известно только то, что сам П. Н. никогда не кичился своим врачебным мастерством. Скорее всего, эта версия возникла из-за того, что он работал ещё много в области создания историко-археологического музея.⁸¹⁵ Он был действительно энтузиастом этого дела. Известна его роль в создании музея. Но он был также популяризатором работы по археологии Прикамья, к чему старался привлечь и семинаристов. Многие из нас были частыми посетителями музея, и это было результатом агитационной деятельности П. Н. Он старался также организовать культурную работу при музее. Так известно, что по его инициативе одно время читал лекции по философии препод[аватель] семинарии А. Н. Юрьев. Известна также деятельность П. Н. в области пермских приютов.

Павел Николаевич Серебренников был деятелем широкого профиля. Он был не только врач, но и педагог, и культурный работник, просветитель в лучшем значении этого слова. Он иногда сам говорил о своей работе, что не для славы он трудится, а для общественной пользы. И это правда! Он всегда был скромным. Мне очень приятно восстановить в памяти светлый образ моего врача и учителя и тем самым восстановить его образ в памяти всех тех людей, которые соприкасались с ним при жизни и знали его. Хочется в заключение сказать: «*Sit tibi terra levis*»⁸¹⁶, мой дорогой врач и учитель!⁸¹⁷

⁸¹⁵ Пермский научно-промышленный музей на ул. Петропавловской, 38.

⁸¹⁶ *Sit tibi terra levis!* – по-латински «Пусть земля тебе будет пухом!».

⁸¹⁷ В очерке «Павел Николаевич Серебренников» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний

автор существенно переработал информацию о П. Н. Серебренникове, вероятно, не без влияния статей В. П. Бирюкова. Так, он включил в него следующие размышления: «Этот шаг П. Н. [поступление в медико-хирургическую академию – ред.], определявший в дальнейшем работу его по линии гражданской, а не по линии духовной, был не просто переменной профессиональной линии, а свидетельствовал об отрыве его и уходе психологически-нравственно из сословия, из которого он происходил. Это была активная переоценка им своей социальной позиции. Свидетельством этого являются неоднократные критические замечания П. Н. в адрес русского духовенства, которые он иногда – кстати и некстати – делал при чтении семинаристам лекций по гигиене и медицине. Так, подчёркивая во многих случаях многодетность духовенства, он относил его к сословным чертам духовенства и трактовал эту черту как признак низкого культурного уровня этого сословия, признак чисто растительной жизни его. В 1909 г. я встретился с П. Н. на пароходе, направлявшемся в Казань. Когда я поделился с ним своим намерением поступить в духовную академию, он заметил: «лучше бы в университет». В этом замечании П. Н. нельзя было не прочесть его тезиса: если рвать с духовным миром, то рвать под корень, т. е. со своим сословным происхождением. Эту черту П. Н. необходимо учесть для понимания того противоречивого положения, в каком он был на работе в семинарии...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 88-91.

Там же: «Школьные врачи обычно в учебных заведениях выполняли только узко врачебные функции и не участвовали непосредственно в учебном процессе наряду с учителями, являясь в этом отношении чужеродным телом. П. Н., в отличие от прочих школьных врачей, принимал непосредственное участие в учебном процессе: он читал лекции в пятом и шестом классах по гигиене и медицине. Особенно же значительной была его роль в воспитании семинаристов. Для авторитета его среди семинаристов имело большое значение то, что он сам кончил Пермскую семинарию около тридцати с лишним лет тому назад, был выразителем лучших черт семинариста прошлого и был свидетелем того, что семинария за всю свою историю не замыкалась в узкопрофессиональное учебное заведение духовного ведомства с подготовкой только лиц духовного звания, а открыла многим своим питомцам широкую дорогу для работы на самых разнообразных поприщах гражданских ведомств» // Там же. Л. 85-87.

Там же: «Как лектор по гигиене и медицине П. Н. находился в выгодном положении: среди богословских предметов, таких как гомилетика, литургика, догматическое богословие и пр., его предметы да ещё педагогика и дидактика были отдушиной, а самая форма преподавания им – лекции – были преддверием к обучению в высших учебных заведениях» // Там же. Л. 105-106.

Там же: «Нельзя не отметить воспитательную сторону его лекций. Семинаристы были в таком возрасте, когда половой вопрос для них был актуальным. Они или сами его поднимали перед кем-либо из своих учителей и воспитателей, или кто-либо из последних по какому-либо поводу затрагивал перед ними этот вопрос. ... П. Н., конечно, не мог обойти этот вопрос, тем более, что он знал, что среди его питомцев тайно передавался из рук в руки, как «запрещённый плод» «Половой вопрос» Фогеля (Догеля?). Знал он и о том, что кое-кто из них читает и «Женщина и социализм» Бебеля. Он говорил о назначении половых отношений и о том, что люди, в отличие от животных, исказили назначение половых отношений как акт деторождения, и сделали половой инстинкт орудием наслаждений. Он предупреждал своих питомцев о том, что бы они никогда не должны смотреть на женщину как на предмет для наслаждения, а видеть друга, участника в создании семьи. Легко заметить, как высоко стоял П. Н. в глазах семинаристов по линии воспитания их в половом вопросе по сравнению с другими «воспитателями», которых нужно назвать «пошляками от богословия». [Автор, вероятно, имеет в виду А. П. Миролюбова и Т. П. Андриевского – ред.] // Там же. Л. 106-109.

Там же: «Противоречивость [положения П. Н. в семинарии – ред.] была и субъективной и объективной. Преподавание гигиены и медицины было введено их тех соображений, что будущему священнику, работающему в глуши, придётся встречаться с такими случаями в жизни, когда необходимо будет советом и делом оказывать помощь по линии гигиены или медицины. Таким образом, П. Н. *volens-nolens* [по-латински – волей-неволей (ред.)] становился участником профессиональной подготовки людей того сословия, от которого он оттолкнулся. Это противоречие как-то разрешалось, или компоненты его как-то «сосуществовали» в психологии П. Н. и поэтому и названо мною условно субъективным. Объективно противоречивое положение П. Н. в семинарии состояло в том, что деятельность его в ней приводила к противоположным результатам по отношению к задаче, которая перед ней ставилась: задача состояла в подготовке служителей культа, а деятельность его приводила к тому, что под влиянием его лекций многие семинаристы, наоборот, отталкивались от этой задачи. Своими лекциями П. Н. объективно агитировал за то, чтобы питомцы его именно не шли в служители культа. Это противоречие условно и названо мной объективным. Здравствующий по ныне профессор Пермского медицинского института, доктор медицины Б[огословский] И. С. признавался мне в том, что лекции П. Н. привели его к выбору для себя медицинской профессии. Есть основания полагать, что он в этом случае был не единичным, а типичным для многих выпускников Пермской дух[овной] семинарии. Известный уральский краевед В. П. Бирюков в краткой заметке, помещённой в его «Записках уральского краеведа» (Южно-уральское книжное издательство, г. Челябинск... 1964 г.) замечает: «Семинарское начальство, главным образом, ректор Добронравов, не особенно жаловали его, Павла Николаевича, за его вмешательство в общественную жизнь, за заступничество и защиту городской бедноты, за стремление просветить её, пробудить в ней чувство собственного достоинства». Но главным мотивом, по которому ректор Добронравов «не особенно жаловал» П. Н. было именно противоречивое положение и противоречивая деятельность его в семинарии. Семинария год за годом всё меньше и меньше выпускала кандидатов во священники, в чём в известной доле был «повинен» и П. Н. Добронравов, как передавали, в конечном счёте отстранён был от работы в семинарии за это его «преступление» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 109-114.

Там же: «П. Н. принадлежал к той группе русской интеллигенции, которая воспитана была на идеях русских революционеров-демократов и проводили эти идеи в жизнь. Но он отразил и в своём мировоззрении, и в своей деятельности те противоречия, которые присущи были русской интеллигенции, а особенно выходцам из духовного сословия. Главное противоречие состояло в расплывчатости и непоследовательности, расплывчатости взглядов, отсутствии чёткого мировоззрения и политической платформы, что и обнаружилось в революцию 1905 г. В семинарии был один случай, когда эта именно черта непоследовательности в своих действиях ярко обнаружилась у П. Н. Очевидно, по предписанию свыше учителя в 1906 или 1907 г. на первой неделе Великого поста говели вместе с семинаристами в семинарской церкви. Среди них не видно было только влившихся в коллектив учителей молодёжи, а из стариков выделялись В. А. Фаминский и П. Н. Странно было видеть его в этой обстановке так же, как если бы И. С. Тургенев в своём романе «Отцы и дети» изобразил бы Базарова на исповеди перед смертью. А было так!» // Там же. Л. 116-118.

Там же: «Ничто так не увековечивает память о человеке, как следование по его стопам. Известно, что семинаристы посещали музей, созданный П. Н., и это не прошло для них бесследно. Можно указать на многих из них, которые «заразились» через музей увлечением изучать историю своего края. Можно в этом отношении указать на целое семейство Богословских в Перми. С большим основанием надо думать, что уральский

Василий Яковлевич Струминский*

В 1903 г. в состав наших семинарских учителей влились молодые, только кончившие академию, личности, в числе которых были В. М. Можгинский⁸¹⁸, назначенный преподавателем латинского яз[ыка], А. А. Дроздов⁸¹⁹, назначенный преподавателем греческого яз[ыка], и В. Я. Струминский, назначенный преподавателем церковной истории и апологетики.⁸²⁰ Среди других В. Я. был моложе всех и, хотя носил небольшую бородку, выглядел, однако, наиболее молодым, почти юным.

Внесли ли что-либо нового в нашу жизнь и учение новые преподаватели? Как будто мелочь, а для нас была большой новостью отличная от других учителей манера обращения их с нами. При вызове на ответ нас стали называть «господин Иванов», «господин Петров» и т. д. Среди суровой обстановки, в которой мы воспитывались, среди сугубо официальных отношений, которые считались нормой поведения и учителей и учеников, это новшество нам казалось прямо революцией, чуть ли не разрушением основ нашего правопорядка и подрывом дисциплины. И в самом деле, как это было далеко от укоренившихся у нас порядков, где всё основывалось на подавлении личности, на внушении страха и подчинения другому, стоящему над тобой. Сам глава семинарии – ректор протоиерей Добронравов – являл собой образ олимпийского громовержца. Колоссального роста, массивной фигуры, с суровым выражением в лице и грубым голосом он наводил страх на нас, и не только на нас. Бывало, стоило ему только появиться в вечерние часы в коридоре, как кто-либо из нас предупреждал всех: «ребята, в коридоре ректор...» и жизнь замирала.

краевед В. П. Бирюков получил путёвку на свою профессию в этом же музее, продолжив дело Павла Николаевича Серебренникова» // Там же. Л. 119-120.

⁸¹⁸ Можгинский Виктор Михайлович – сын диакона Вятской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 4 сентября 1903 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 251.

⁸¹⁹ Дроздов Арсений Алексеевич – сын священника Симбирской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 21 августа 1903 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии // «Пермские епархиальные ведомости». 1906. № 27 (21 сентября) (отдел официальный). С. 438.

⁸²⁰ Струминский Василий Яковлевич (1880-1967) – сын псаломщика Каменец-Подольской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1903 г. В 1903-1907 гг. преподаватель церковной и библейской истории и истории русской церкви в Пермской духовной семинарии. Советский теоретик и историк педагогики, профессор (1926), член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР (1945), доктор педагогических наук (1961), в 1944-1967 гг. научный сотрудник Института теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР.

Говорили, что даже наши сторожа, они же официанты, будучи вместе, как только замечали приближающуюся к ним фигуру ректора, разбегались, чтобы не попасть на глаза ему. Среди учителей столь же величественной фигурой и манерой держаться отличался В. А. Фаминский. И эта манера держаться, даже возведена была в идеал. Так, преподаватель А. И. Дергачёв, не обладая наружными данными для того, чтобы казаться олимпийским громовержцем (он был низкого роста), сам подводил себя под этот тип людей, предупреждая семинаристов, что он «второй Фаминский». И вот в таких условиях нашего бытия, мы оказались «господами». Если бы это случилось где-либо, скажем, в женской гимназии, то это, пожалуй, показалось чем-то обычным. Да это так и было в женской гимназии. Этому доказательством служит следующий случай на занятиях препод[авателя] А. Н. Юрьева. У нас он преподавал философию, психологию и логику, а в женской гимназии что-то вроде среднего между логикой и психологией. И вот он однажды по рассеянности, которую мы почему-то приписывали ему как необходимый атрибут его философского ума, вызвал к ответу вместо семинариста «госпожу Горячих», какую-то из его учениц-гимназисток. Нам при этом показалось странной рассеянность А. Н., но совершенно естественным название «госпожой». Но назвать семинариста господином, это было так ново для нас, что показалось каким-то откровением, сменой вех.

Естественно, что между нами, семинаристами, и нашими новыми учителями устанавливались новые отношения, отличные от отношений к другим учителям, и особенно это касалось личности В. Я. Несмотря на свою юношескую неопытность и неумение понимать другого человека, мы скоро заметили в поведении В. Я. новую черту, резко отличающую его от других преподавателей. То мы видели в его руках, когда он перебирал вещи в своем портфеле, книги или брошюры отнюдь не с богословскими названиями; то мы видели его в магазине Ольги Петровской⁸²¹ роющимся в книгах, расположенных на полках; то мы, наконец, видели его углублённым в чтение в часы перемен и перерывов занятий. Что он читал? Ясно было: только не богословские книги. Что же? Нам удалось понемногу разгадать эту его тайну. В то время много шуму вызвала книга шлиссельбуржца Н. А. Морозова «Откровение в огне и буре».⁸²² Н. А. Морозов был осуждён по делу покушения на Александра III на заключение в шлиссельбургской крепости

---

⁸²¹ Книжный магазин Ольги Платоновны Петровской на углу улиц Покровской (Ленина) и Сибирской.

⁸²² Морозов Николай Александрович (1854-1946) – русский революционер-народник, участник покушений на Александра II, до 1905 г находился в заключении в Шлиссельбургской крепости. Автор ряда книг, в которых пытался пересмотреть некоторые проблемы всемирной истории, в частности истории христианства. Его произведения подвергались резкой критике со стороны профессиональных историков и представителей других наук, его историческая концепция и методология исследования были признаны ошибочными. В конце XX века идеи Морозова нашли своё продолжение в так называемой «новой хронологии» - псевдонаучной теории радикального пересмотра истории, созданной группой авторов под руководством А. Т. Фоменко.

сроком на двадцать пять лет. Здесь он познакомился с «Апокалипсисом», религиозной книгой, авторство которой приписывалось апостолу Иоанну Богослову.⁸²³ В этой книге, по толкованию христианских богословов, пророчески были изображены судьбы мира, которые открылись Иоанну в его видении на острове Патмос. Своей таинственностью это видение во многом напоминало описанное в Библии видение колесницы пророком Иезекииелем. Туманность описываемого видения в этой книге соединяется ещё с противоречивостью суждений. Вот почему даже опытные богословы [в] толковании священного писания в духовных семинариях и даже академиях не решались братья за изложение положений этой книги для своих учеников. И вот вдруг за это взялся заключённый в крепость учёный естествоиспытатель и астроном. Сенсация, вызванная появлением в свет этой книги, была подобна разрыву бомбы, брошенной на мирных людей в самую, казалось бы, мирную обстановку. Н. А. Морозов в своей книге доказывал, что та картина видения, которая описана в «Апокалипсисе», это была подлинная картина звёздного неба, сохранившаяся в книгах астрономической науки.⁸²⁴ Можно себе представить какое это открытие могло произвести впечатление на богословов всего мира. Так вот с содержанием этой книги нас и познакомил В. Я. Нужно было видеть его в этот момент! Он явно выступал в этом случае не на стороне богословия, что должно бы быть в соответствии с его преподаванием апологетики, а на стороне науки. Это было первым, наиболее ярким впечатлением от своеобразного, нового для нас, направления мысли нашего учителя. Преподавая церковную историю древнего периода, В. Я., помнится, остановился на личности Юлиана Отступника⁸²⁵ и рекомендовал нам прочитать из трилогии Мережковского «Пётр I», «Воскресшие боги».⁸²⁶ Среди книг, которые мы иногда видели в его руках, встречались имена авторов: Бебеля⁸²⁷, Ренана⁸²⁸, Штрауса⁸²⁹, Делича.⁸³⁰ Тогда

---

⁸²³ Последняя книга библейского Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова» с описанием катаклизмов и чудес, предшествующих Второму пришествию Иисуса Христа на землю.

⁸²⁴ Н.А. Морозов в книге «Откровение о грозе и буре» (1907) сделал предвзятую попытку датировать Апокалипсис на основе астрологической интерпретации его образов.

⁸²⁵ Юлиан Отступник – в христианской историографии имя последнего языческого римского императора в 361-363 гг. Юлиана II (331/332-363).

⁸²⁶ Имеется в виду третий роман трилогии русского писателя, религиозного философа и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941) «Христос и Антихрист» - «Антихрист. Пётр и Алексей».

⁸²⁷ Бебель Август (1840-1913) – деятель германского и международного рабочего движения, марксистский социал-демократ. В своих сочинениях А. Бебель показывал, что церковь и государство в антагонистическом обществе выступают союзниками в эксплуатации народных масс, пропагандировал атеистические взгляды и рассматривал борьбу с религией как часть классовой борьбы пролетариата.

⁸²⁸ Ренан Эрнест (1823-1892) – французский философ и писатель, историк религии. В «Истории первых веков христианства» Э. Ренан отрицал Божественное происхождение Иисуса Христа, Непорочное зачатие Пресвятой Богородицы, Воскресение и Вознесение Христа.

нам эти имена только туманно, со слов опять-таки В. Я., представлялись чем-то таким, что должно было бы быть скрыто от нас, как не дозволенное, а вот В. Я. приоткрывал завесу запрещённого. Для нас становилось ясным, что мысль В. Я. работала в совершенно противоположном предполагаемому им предмету направлению. Окончательно эта наша мысль нашла своё подтверждение после следующего случая. У семинаристов была традиция после пасхальных каникул на первом занятии приветствовать своих учителей словами: «Христос воскрес!» С этим приветствием мы обратились и к В. Я., но на слова «Христос воскрес» последовал ответ: «Разве?» Этим словом было сказано всё.

Каким же оказался в нашем представлении В. Я.? Уже тогда нам было ясно, что В. Я. в это время переживал полную переоценку всего, чему его учили в семинарии и академии. Было ясно, что этот процесс проходил бурно, что он много читал и думал в этом направлении. Но какова же должна была быть трагедия человека, который был противником того, чему учил. Разве он не мог пойти по другому пути? Нам было известно, что он ещё преподавал какой-то предмет в женской гимназии Барбатенко. Разве не мог он совсем усомниться на этой работе? Для нас это осталось тайной. Через год⁸³¹ его перевели преподавателем «Раскола»⁸³² в Оренбургскую семинарию. В нашем сознании плохо совмещались эти два понятия: В. Я. Струминский и «Раскол». Было известно также, что там он женился на дочери ректора семинарии, только что овдовевшей и по каким-то гуманистическим побуждениям (для обеспечения её семьи). Это, пожалуй, соответствовало его характеру. Возникал у нас также такой вопрос: сам ли ушел В. Я. из семинарии или «его ушли»? Второе предположение, вероятно, ближе к действительности, и вот почему: во-первых, трудно думать, чтобы об антирелигиозной деятельности В. Я. не знал инспектор семинарии А. П. Миролубов и, во-вторых, несомненно, у него были недруги со стороны старого поколения учителей, тем более, что одного из них А. Н. Юрьева он однажды крепко критиковал в «Пермских ведомостях» за лекцию о греческих философах. Такова извечная проблема «отцов и детей». Но в нашей памяти В. Я. остался как поборник всего живого, передового, всего, что всегда импонирует молодёжи.

Какова была дальнейшая судьба В. Я. после Великой Окт[ябрьской] Соц[иалистической] Революции?

---

⁸²⁹ Штраус Давид Фридрих (1808-1874) – германский философ, историк, теолог и публицист, который развивал теорию образования мифов и находил, что большая часть представлений об Иисусе Христе имеет позднейшее происхождение, пытался выяснить, из каких греческих, еврейских и восточных элементов составились эти представления.

⁸³⁰ Делич Фридрих (1850-1922) – немецкий ассириолог, автор книги «Вавилон и Библия», в которой утверждал, что многие ветхозаветные сочинения не Божественного происхождения, а заимствованы из древних вавилонских сказаний, в том числе, тексты о Сотворении мира и Потопе из Книги Бытия.

⁸³¹ Осенью 1907 года.

⁸³² Имеется в виду предмет «История и обличение раскола».

В феврале 1955 г., просматривая «Учительскую газету», я совершенно случайно нашёл статью с заголовком: «Юбилей профессора В. Я. Струминского».⁸³³ В ней говорилось о пятидесятилетней педагогической деятельности и семидесяти пятилетия профессора В. Я. Струминского. Как видно из статьи В. Я. Струминского чествовали как профессора педагогики Московской педагогической академии. Среди многих заслуг В. Я. указывалось, что под его руководством было осуществлено новое академическое издание сочинений Ушинского.⁸³⁴ Имя и отчество юбиляра в статье было отмечено инициалами В. Я., но я, прикинув даты, отмеченные юбилеем, со времени деятельности В. Я. в семинарии, был уверен, что юбиляром был наш бывший учитель. Нахлынувшие на меня воспоминания о том далёком времени и в особенности о В. Я., чей образ ярко сохранился в моей памяти, побудили меня написать ему приветствие. Не зная его домашнего адреса, я адресовал на академию в надежде, что письмо будет доставлено адресату. В своём письме я указал, кто я, где встречался с ним и по какому случаю, оговорившись, что он, конечно, не мог меня помнить. Указал также, где я работал тогда, а именно: преподавателем латинского яз[ыка] в Свердловском медицинском институте. Ответа долго не было, и я думал, что, вероятно, моё письмо не дошло по назначению или, чему я меньше всего верил, что я ошибся в адресате, что это был В. Я. Струминский, а только его однофамилец. Но вот ответ, наконец, был получен: я не ошибся, это был мой семинарский учитель, в чём он, между прочим, писал: «Ваше письмо заставило меня перенестись в далёкие годы начала моей работы, начала сумбурного и тяжёлого, так как мы выходили из Академии (я говорю о себе) без сколько-нибудь серьёзной педагогической подготовки, с обрывками нужных и ненужных знаний и с большой путаницей в голове. Иногда очень тяжело вспоминать эти годы». И далее: «Пишете, что Вам 68-ой год: как странно, что мне 75 лет! Как я, почти ничем не отличаясь по возрасту от семинаристов, мог учить их чему-нибудь! По поводу Вашего сообщения о том, что Вы преподаёте латинский язык, я хочу сказать, что, по моим наблюдениям, как ни плохо нас учили в духовной семинарии, всё же единственно твёрдое, чему выучились и что сейчас даёт ощущение филологической грамотности, это знание основ латинской и греческой грамматики, чем сейчас не располагают даже высококвалифицированные люди, не понимающие происхождения огромного количества слов нашего языка». Васил[ий] Як[овлевич] в своё время окончил Московскую дух[овную] академию, а я ему сообщил, что я окончил Казанскую дух[овную] ак[адемию]. По этому поводу он пишет: «Наряду с недостатками, академии имели и положительные качества, каждая свои. Но всё это уже

---

⁸³³ В очерке «Василий Яковлевич Струминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора этот эпизод отсутствует.

⁸³⁴ Ушинский Константин Дмитриевич (1823-1871) – русский педагог, писатель, основоположник научной педагогики в России.

стёрто временем и, вероятно, уже немного остаётся живых свидетелей того, что переживали в те годы студенты академий».

В. Я. пишет о чём-то «сумбурном» и «тяжёлом» в начале своей работы, жалуется на недостатки педагогической подготовки в академиях, о «нужном и ненужном» в академиях; пишет о недостатках обучения в дух[овных] семинариях. Не подтверждает ли всё это правильность нашего семинарского прогноза о том, что он переживал тогда период переоценки своих, полученных в академии и семинарии, «духовных» ценностей? Перед нами он предстал тогда как своеобразный вольтерьянец, своеобразный «герой нашего времени».⁸³⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 88-93 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора очерк «Василий Яковлевич Струминский» очень короткий.

---

⁸³⁵ К очерку «Василий Яковлевич Струминский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автором приложена вырезка из газеты «Известия» № 172 за 23 июля 1967 года, в которой от лица Министерства просвещения СССР, Министерства просвещения РСФСР, президиума Академии педагогических наук СССР извещается о кончине на 88-м году жизни крупного учёного, педагога, члена-корреспондента Академии педагогических наук, доктора педагогических наук, профессора Струминского Василия Яковлевича и выражаются глубокие соболезнования семье и друзьям покойного (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 69).

[О.] Тихон Петрович Андриевский

Т. П. Андриевский⁸³⁶ появился в Пермской духовной семинарии осенью 1907 г.⁸³⁷: он был назначен в семинарию преподавателем педагогики и дидактики и заведующим и учителем, так называемой образцовой школы при семинарии. В отличие от других преподавателей, которые были светскими, он был священником.⁸³⁸ Жил он в главном семинарском корпусе внизу, рядом с квартирой инспектора. Как преподаватель он соприкасался с семинаристами в так называемых богословских классах: в пятом, где проходила педагогика, и шестом, где семинаристы изучали дидактику и проходили школьную педагогическую практику в образцовой школе.⁸³⁹ Среди богословских предметов педагогика и дидактика да ещё гигиена и медицина являлись в пятом и шестом классах семинарии своего рода

---

⁸³⁶ Андриевский Тихон Петрович – сын священника Терской области. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1900 г. В 1900-1903 гг. наблюдатель церковно-приходских школ Северной Осетии; в 1903-1905 гг. настоятель Карсского собора и благочинный 1 округа; 30 января 1903 г. возведён в сан протоиерея; в 1903-1904 гг. председатель Карсского отделения Грузинского Епархиального Училищного Совета и наблюдатель церковно-приходских школ Карсской области; в 1904-1905 гг. окружной миссионер Карсской области; 27 ноября 1905 г. по прошению уволен за штат. С 14 июля 1906 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии; с 12 октября 1907 г. преподаватель логики, психологии, краткой истории и начальных оснований философии и дидактики в той же семинарии // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 251.

⁸³⁷ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора указан 1908 г. Т. П. Андриевский пришёл в Пермскую духовную семинарию летом 1906 г.

⁸³⁸ Из очерка «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Для семинаристов, привыкших видеть своих преподавателей во фриках и сюртуках, как-то не привычно было видеть учителя в рясе, тем более, что вид у Т. П. выходил из ряда других носящих такую одежду: был он худой, «морной», как говорят в простонародье; лицо исхудалое, заострённый нос, впалые тусклые глаза; волосы прямые, без единого завитка. Он имел такой вид, в какой Эйзенштейн показал Ивана Грозного в момент коронации его в Успенском соборе, где в роли Ивана Грозного выступал Абрикосов. У него была какая-то крадущаяся походка и тихий голос. Он имел вид не то исхудалого по условиям жизни человека, не то – подвижника, подвергшегося себя самоизнурению» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 123 об.-124.

Автор упоминает советского режиссёра театра и кино Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898-1948) и его фильм «Иван Грозный» (1944-1946), в котором А. Л. Абрикосов играл роль боярина Фёдора Колычёва, а роль Ивана Грозного играл Н. К. Черкасов.

⁸³⁹ Из очерка «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Раньше в этой школе были отдельные учителя, не из состава семинарских педагогов, но на этот раз, по-видимому, в целях дополнительной нагрузки заведывание школой и преподавание в ней переданы были Т. П. Андриевскому, что, конечно, нужно признать очень целесообразным с точки зрения постановки в семинарии дидактики» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 123 об.

отдушиной и были в этом отношении в выгодном положении. Однако, Т. П. не сумел заинтересовать семинаристов курсом педагогики, и занятия по этому предмету проходили вяло, неинтересно; можно сказать не оставили никакого следа в душе изучавших этот предмет. Больше заинтересовать своих учеников Т. П. сумел на уроках дидактики. Особенно много внимания по этому предмету он уделил новому в те времена методу обучения слияния слогов. Он сумел вскрыть творческий момент педагогического процесса в этом случае и показать на нём искусство обучения. Семинаристы были этим увлечены и старались постичь тайну этого искусства на опыте. Опытные уроки подвергались тщательному разбору на собрании всего класса, со всесторонней и активной критикой, что оживляло занятия.

Т. П. соприкасался со своими учениками в критический момент их зрелой юности, на пороге перехода к самостоятельной жизни и, как преподаватель педагогики, так сказать, обречён был на советы своим ученикам по вопросам воспитания и самовоспитания, иногда по их вызову, причём вопросы были иногда интимного характера. Нужно сказать, что при существовавшем в семинарии стиле отношений между преподавателями и учениками, когда нормой считалось отчуждение, неприступность, Т. П. в отличие от других преподавателей старался держаться ближе к ученикам, чему, очевидно, содействовало и то, что он жил в здании семинарии. Он иногда приходил в класс в вечерние часы, известные под названием «занятных». Однажды ему семинаристы поставили, можно сказать, любовой вопрос: как выбрать невесту? Постановка такого вопроса сама по себе уже свидетельствовала о том, что между учениками и Т. П. установились отношения доверчивости настолько, что они осмелились задать ему интимный вопрос, который бы они не решились задать кому-либо другому. Ответ последовал странный и, пожалуй, уронил Т. П. в глазах его учеников. Уж слишком много Т. П. в своём ответе уделял внимания физиологическим качествам воображаемой невесты: и нужно, чтобы у неё зубы были хорошие и торс свидетельствовал о том, что она может быть хорошей кормилицей. Грубо получилось, как с покупкой лошади по зубам, а ведь сказано это было юношам в самый романтический период их жизни. Особенно предупреждал Т. П. своих питомцев о том, чтобы они не женились на вдовах: «вдова никогда не забудет своего первого мужа» - говорил он. Т. П. призывал своих питомцев к сохранению нравственной чистоты и девственности, однако он делал в этом случае больше ударение опять-таки на физиологической стороне, чем на внутренней, моральной. Падение человека он понимал, главным образом, как физиологический процесс, причём считал его (падение) необратимым, в корне изменявшим природу человека. Он находил возможным и допустимым для себя рисовать для своих слушателей картину высшего сексуального состояния, полового влечения, что было для последних странным и шокировало их. В душе у слушателей от этого оставался неприятный осадок чего-то недопустимого в отношении к ним,

унижающего его в их глазах, и возникал досадный вопрос: зачем он это делает?

[⁸⁴⁰]

Рассказывал своим питомцам Т. П. кое-что и из своего прошлого, причем затрагивал иногда и кое-что такое, что относилось к интимной стороне его жизни. Так, он рассказывал, что, будучи студентом Казанской дух[овной] академии, он одно время опустился до состояния «блудного сына» и довёл свой организм до полного расстройства, но потом колоссальным напряжением воли восстановил свои силы, их равновесие, применив над собой некий эксперимент, им самим изобретённый. Этот эксперимент он описывал так: в течение некоторого времени он последовательно убавлял дозы принимаемой пищи до известного предела, а потом также последовательно увеличивал их до существовавшего прежде предела. В результате этого, утверждал он, ему и удалось, так сказать, настроить свой организм, причём выздоровление распространялось и на его нравственную природу. Одним словом из его речи вытекало, что через этот эксперимент, т. е. тренирование своего желудка, он освободился от состояния «блудного сына» и возвратился в «лоно отче». Этот свой ответ он считал некой панацеей вообще от болезней – и физических, и духовных – и рекомендовал его и своим слушателям, однако последние не «уверовали» в него (опыт) и из рассказа Т. П. об этом вынесли только одно впечатление, что он (Т. П.) человек какого-то особенного душевного склада, человек с мятежным умом типа Ивана Карамазова, образ которого так ярко рисовал им (семинаристам) в своих беседах инспектор Александр Павлович Миролюбов, ярый поклонник Ф. М. Достоевского.

В 1905-1906 гг. Т. П. был в Казани. Он рассказывал семинаристам о том, как в 1905 г. он был участником демонстрации в Казани, будучи уже священником. Демонстранты под напором полиции вынуждены были скрываться в здании городской думы, около кремля. В конце концов, как он рассказывал, осаждённые решили послать из своей среды парламентёров для переговоров, в числе которых оказался и он. Как он сам об этом рассказывал, при его появлении в числе парламентёров «все ахнули», видя его в священном сане. Т. П. об этом рассказывал как о некотором эпизоде в его жизни, не придавая своему рассказу никакой окраски, никакой оценки, так что нельзя было судить в этом случае об его отношении к революционным событиям того времени, но зато его отрицательное отношение к революции проявилось на другом поле его деятельности, вне семинарии, в его

---

⁸⁴⁰ Из очерка «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «К этому времени [приезду в Пермь из Казани – ред.] им была уже написана повесть «Архиерей», в которой он изобразил своего героя в желанном для него виде человека простого, доступного, с демократическими манерами обращения. К чести Т. П. нужно сказать, что он никогда не кичился своим литературным творчеством и не афишировал себя писателем» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 126 об.

проповеднической деятельности в одном из пригородов Перми, известном под названием «Данилихи» (?).

В 1907-1909 гг. в Пермской дух[овной] семинарии было два кружка проповедников «слова божьего». В центре одного из них стоял Николай Иванович Знамировский, бывший сначала (1907-1908 гг.) преподавателем гомилетики и литургики, а затем инспектором семинарии. Деятельность этого кружка была сосредоточена при Стефановской часовне и несла проповеднический характер. Стефановскую часовню члены этого кружка называли «училищем благочестия». Кружок во главе с Т. П. имел явно сакральный уклон, т. к. в нём помимо проповедничества главным образом культивировалась обрядовая сторона религии: богослужения (всенощное бдение), частые молебны с акафистами, общие покаяния и другие формы религиозного ритуала. Организация и деятельность этого кружка были направлены против революции. Т. П. сам так определял задачи этого кружка: «теперь», т. е. в период реакции, говорил он: «больше можно сделать кадилом, чем каким-либо другим способом».⁸⁴¹ Это и было девизом кружка. Это образное выражение Т. П. имело тот простой смысл, что нужно отвлечь народ от революционной вспышки, втянуть его в выполнение религиозных обрядов, в выполнение различных видов религиозного ритуала. Осталось неизвестным, каким образом установилась связь Т. П. с населением указанной выше окраины Перми, но только эта связь сразу приняла активный характер. Прежде всего, Т. П. организовал население этой местности на строительство часовни, вернее молитвенного дома.⁸⁴² Сам он рассказывал, что стройка была организована по кавказскому образу: сделан был бревенчатый остов здания, а стены зарешечены [...] и обмазаны глиной с примесью отходов от выделки кож. Получилось здание типа костёла или кирхи, только без колокольни настолько внушительного вида, что при подъезде к Перми со стороны Кунгура и до сих пор его отчётливо видно среди прочих строений. Стройка этого здания – молитвенного дома – было первым средством, цементирующим организованную общину, что само собой понятно, потому что ничто так не объединяет людей, как совместный труд, деятельность их. На основе созданного таким образом объединения Т. П. и развернул здесь свою деятельность, приобщив к ней кое-кого из семинаристов. Около семинарии часто можно было видеть одну или две подводы деревенского типа, которые увозили Т. П. с тремя-четырьмя семинаристами на окраину Перми. Вечером эта комиссия уезжала на совершение всенощного бдения, а утром – на совершение молебнов с акафистами, после чего Т. П. со своей братией посещал дома жителей общины, разбирал семейные неурядицы, мирил, бичевал пьяниц и прочих

---

⁸⁴¹ Кадило – металлический сосуд, в котором на горящих углях расплавляется ладан. Используется священнослужителями в наиболее торжественных случаях во время богослужений.

⁸⁴² Автор имеет в виду молитвенный дом в д. Гарюшках около Перми, закрытый в 1939 г.

грешников. Таким образом, в этом случае Т. П. предстал перед своими питомцами как пастырь добрый, которого она знает как доброго пастыря. Следует при этом отметить, что на этой своей деятельности Т. П. проявил себя и, можно сказать, афишировал себя как власть имущего над душами своих словесных овец, а именно – не без некоторой гордости он рассказывал семинаристам, как он «запрещал» злему духу, например, у кликуш в моменты припадков. Он рассказывал, что его приглашали к таким больным, и он своим властным словом, магически приводил в сознание бьющихся в припадке женщин. По высказываниям Т. П. выходило, что сам он, произведя в академии эксперимент с перерождением себя, укрепил свою волю настолько, что приобрёл власть над душами других людей.⁸⁴³

[⁸⁴⁴]

Т. П. был женат на дочери казанского священника или протоиерея. У жены его была сестра, которая училась на высших казанских женских курсах.⁸⁴⁵ Люди, знакомые с ней и знавшие бытовой уклад семьи, говорили, что семья была очень общительной: в доме у них часто бывали гости,

---

⁸⁴³ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Т. П. любил показывать себя таким чудотворцем при каких-либо особенных случаях, когда ему предоставлялась возможность сильнее подействовать на психику его питомцев. Так, был однажды такой случай. Вечером в городе случился большой пожар, и группа семинаристов наблюдала его из тёмной, не освещённой комнаты. На стенах комнаты появлялись блики отражающегося пламени, и вся обстановка была напряжённой. В этот именно момент появился в комнате Т. П. в отражённом пламени и не преминул рассказывать о том, как он в аналогичных случаях смятения людей, подобных смятению при пожарах, силой своей воли усмирять людскую стихию и направлял по организованному руслу. Это был тонкий психологический расчёт повлиять на своих питомцев. Из истории известно, что в такой именно момент поп Сильвестр поразил воображение юного Ивана Грозного и навсегда оставил след в его душе от потрясшей его картины пожара, след нервного потрясения, на чём и основал своё влияние на него. Событие это невольно возникает в памяти в связи с тем, что только что сказано о Т. П.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 132-132 об.

Автор представляет события Московского пожара, восстания горожан в 1547 г. и обличительную речь протопопа Сильвестра в адрес царя Ивана Грозного, которая была воспринята им благосклонно и сделала Сильвестра приближённым молодого царя.

⁸⁴⁴ Там же: «При своих ретроградных взглядах на политические события того времени, Т. П. иногда способен был возвыситься до независимых суждений и взглядов в области текущей гражданской жизни, что свидетельствовало о том, что он не лишён был способности реалистически мыслить, когда этого требовал здравый смысл. Так, когда в связи с распространением острых желудочных заболеваний в городе, издано было распоряжение с безоговорочным запрещением употреблять в пищу сырые овощи и фрукты, Т. П. подверг эту меру резкой критике, мотивируя своё суждение тем, что она, эта мера, обрекает население на ограничение употребления в пищу витаминных предметов питания» // Там же. Л. 132 об.-133.

⁸⁴⁵ Высшие женские богословские трёхгодичные курсы в Казани действовали при Казанской духовной академии в 1910-1917 гг. Курсы готовили преподавательниц Закона Божия для светских учебных заведений.

молодёжь, вечная поборница веселья и жизнерадостного настроения. В совершенно противоположных условиях, по всем признакам, находилась жена Т. П. Жили они в здании семинарии, но никто у них никогда не бывал, и никогда не видно было хозяйки дома. Двое детей Т. П. иногда гуляли во дворе семинарии под наблюдением Т. П., причём, как видно, находились под особым режимом отца. Был случай, что один из семинаристов заметил, что мальчик трёх-четырёх лет заплакал, а он (семинарист) сделал попытку утешить его, но Т. П. сразу отстранил «болельщика», сказав: «не надо этого делать». Общее впечатление при доступных в какой-то степени наблюдениях над жизнью семьи было таково, что она находилась в каком-то замкнутом кругу, где господствовала воля одного человека, замкнувшего этот круг. Одна из комнат квартиры была проходной, она собственно и не входила уже в площадь квартиры, а служила проходом из коридора в скверик, где была звонница. Сюда иногда приходили к Т. П. семинаристы-певцы петь «канты», некие духовные стихи, положенные на ноты и изданные литографированным способом, как передавали, при пермском епископе Петре. Они их пели, а Т. П. подтягивал и умилялся, а дверь «алькова», т. е. квартира была наглухо закрыта и за ней была гробовая тишина.

В таком виде предстал перед своими учениками Т. П. в те отдалённые времена – в годы реакции 1907-1909 гг.

Тихон Петрович влился в коллектив учителей семинарии, когда он (коллектив) пережил существенные изменения. Из старой гвардии учителей ушёл лидер её – преподаватель философии, «Философ» по привычному краткому названию, данному ему семинаристами, - Александр Николаевич Юрьев. ... В состав педагогического коллектива влились новые силы, которые принесли с собой новые веяния: семинаристов при вызове к ответу стали называть господин такой-то. ... Заметно казался уже усталым в борьбе за религиозное воспитание семинаристов – инспектор Александр Павлович Миролюбов, поклонник Ф. М. Достоевского, о котором он раньше готов был говорить семинаристам без конца. «Укатали сивку крутые горки» и весной 1908 г. он ушёл в инспектора народных училищ, на прощание, сказавши своим питомцам: «семинария – это не столько воспитательное, сколько питательное учреждение». Что это выражение типа афоризма означало в устах А. П., как не признание своего полного поражения – полного фиаско.⁸⁴⁶

---

⁸⁴⁶ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...он отметил в этих словах тот факт, что семинарии в тот момент и намного уже раньше этого утратили своё прямое назначение быть кузницей для подготовки кадров священнослужителей. А. П. был, несомненно, человек умный, и в его словах мы находим в этом отношении глубокую правду. Сам А. П. потерпел полное фиаско именно на том, что он думал воспитать в своих учениках кадры священнослужителей, сам, не будучи таковым, а на опыте убедился, что они, его ученики, совсем не помышляют о священстве, а изыскивают всякие пути, чтобы только «не влезать в рясу». Обычно так и бывало, что если семинарию заканчивало, примерно, двадцать пять-тридцать человек, то «рясу надевало» пять-шесть человек, а остальные уходили «во страну далече». Кончившие

Выпавшее из его рук знамя борьбы за воспитание семинаристов подхватил Н. И. Знамировский, идеалом которого был о[тец] Иоанн Кронштадтский.⁸⁴⁷ В этом ансамбле двух поколений семинарских учителей, очень не слаженном, который только с большими ограничениям, так сказать, только по традиции

семинарию уходили в те высшие учебные заведения, где для них открывали двери, хотя бы их допускали в эти учебные заведения на правах некоего компромисса, как это было, например, с Юрьевским и Варшавским университетами, куда семинаристы допускались по мотивам обрусения этих окраин Российской империи. Семинаристы направлялись в Томский университет на медицинский факультет, где создали себе славу наиболее ревностных студентов и как наиболее подходящие кадры для подготовки врачей. Славу эту и такую репутацию они создали у профессоров, которые сами во многих случаях в прошлом были семинаристами. Семинаристы наполняли ветеринарные институты, частично – историко-филологические институты. Лишь только в описываемое время открылись Коммерческие институты и Петербургский психоневрологический институт, они ринулись туда. Семинарская элита в количестве двух человек откомандировывалась в духовные академии, а некоторые из окончивших семинарию по своей инициативе направлялись тоже в академии. Часть окончивших «подавалась» в чиновники. Такой порядок распределения, вернее – самораспределения, окончивших семинарию приобрёл характер традиции и был, так сказать, исторически установившейся закономерностью. Такой же исторически установившейся закономерностью в семинарии было действие закона сжимаемости сурового фильтра, через который проходили обитатели этого воспитательного, а по терминологии А. П. Мирлобува – «питательного» учреждения. Конкретно действие этого фильтра выражалось в следующем. В семинарию ежегодно поступало примерно шестьдесят человек учеников, которые распределялись в два класса – по тридцати человек в каждом. Во втором классе их оставалось человек пятьдесят – по двадцати пяти человек в двух классах. Третий класс, а за ним и следующие были по одному, причём если в третьем классе было ещё многолюдно до тридцати пяти человек, то в пятом доходило до тридцати человек. Это было, так сказать, внутренней организационной закономерностью семинарии. ...

Но вот семинарист, минув все «подводные рифы и камни», достиг богословских – пятого и шестого – классов и вступил в эти, прямо сказать, «палестины», и первой мыслью у него являлось: «ну, теперь пора отдохнуть: не зря сказано: «претерпевший же до конца, той спасется». И он отдыхал, т. е. «отбивал» два класса для окончания семинарии, благо для этого создавались в этих классах некоторые «льготные» условия, до некоторой степени даже «демократические» условия. Так, шестиклассникам, например, разрешалось в церкви за богослужением стоять не в рядах, а «вольным строем», под хорами. Да и учёбой не так уже «утруждали»: «богословы» - надо и уважать тоже людей, хотя бы и накануне выхода их в жизнь, а они потом «бежали от рясы» подобно пушкинской Марии Кочубей, которая бежала «от любви, как от оков».

Таково было бытие семинаристов, так сказать, в *status quo ante*, т. е. в состоянии до революции 1905 г. Но революция, несмотря на то, что она затронула семинарию рикошетом, не прошла для семинаристов бесследно, а внесла свои новые закономерности. Сколько ни старался А. П. Мирлобув «утихомирить» семинарскую стихию после очистки рядов семинаристов с окончанием забастовки, «покой» был нарушен: что нельзя было проявить наружу – ушло вглубь. Нельзя было ничем отгородить семинаристов от того, что врывалось извне...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 136-139.

⁸⁴⁷ Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич) (1829-1909) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Проповедник, духовный писатель, церковно-общественный и социальный деятель правоконсервативных монархических взглядов. Святой праведник Русской Православной Церкви.

можно назвать ансамблем, Т. П. занял правое крыло, сугубо ортодоксальное. Между тем революция не прошла бесследно и для церкви. ... Много шуму наделало в те годы снятие священного сана известным в то время Григорием Спиридоновичем Петровым, который выступил после этого в роли писателя, разъезжал по России с лекциями и завоевал такую популярность, что даже Л. Н. Толстой отмечал его в числе выдающихся людей того времени.⁸⁴⁸ Поступок священника Петрова был настоящим «соблазном» для «многих в Израиле»: им увлекались, им гордились⁸⁴⁹, но Т. П. избрал противоположный путь: путь, образно выражаясь, «древлего благочестия» по настроению, по духу, хотя и не по принадлежности к сторонникам старообрядчества, как официального религиозного течения. Был ли он искренним в избранном им пути; не преследовал ли он какие-либо цели корыстного или карьеристского характера; не был ли он под давлением какого-либо стороннего фактора? Нет! Он был искренним в своём религиозном порыве: он искренне боролся за веру, когда кругом всё бурлило и колебало церковные устои.

В Казанской дух[овной] академии, в комнате, отведённой студентам для приема гостей, все стены были увешаны фотографиями с выпускников академии. Это был своеобразный пантеон академии. На одной из карточек можно было видеть Т. П. Да, вид у него был очень неважный: вид сильно потрёпанного молодого человека. Вид его чем-то напоминал изображение на картинках Карла XII в момент Полтавской битвы, как он описан у А. С. Пушкина: «в качалке бледен, неподвижим».⁸⁵⁰ Общипанный гусь! В чём же было падение тогда Т. П., то, что он в своих рассказах семинаристам изображал как уход «в сторону далече»? Среди студентов академии были, конечно, служители Бахуса; были и посетители «песков» с разнообразным выбором красавиц; были «германы» - картёжники, но это были незаметные единицы. Мог ли среди них оказаться Т. П.? Мог! Но не это определяло физиономию академии. Как семинарии, так ещё в большей степени академии были в то время, конгломератом разного типа людей, начиная от определившихся уже монахов, их приспешников – монашествующих, людей беспринципных, «отбывающих» академию и, наконец, богоборцев – Иванов Карамазовых. Организованнее всех были монахи и монашествующие. Они устраивали религиозные собрания с докладами на богословские темы. У них была, так называемая, «Нитрийская пустыня», комната, где они «откладывали поклоны». Они вели беседы, произносили проповеди для

---

⁸⁴⁸ Петров Григорий Спиридонович (1866-1925) – священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник, широко известный в предреволюционной России.

⁸⁴⁹ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Так, в Перми ему тоже предоставлен был театр оперы, в котором он читал лекцию на тему: «Писатель и читатель». Он явился для широкой публики знаменем протеста против реакции, и так именно на него смотрели и семинаристы» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 139 об.

⁸⁵⁰ В оригинале стихотворения А. С. Пушкина «Полтава»: «В качалке, бледен, недвижим».

верующих в различных церквях города. Всё это происходило в духе официального православия, где действовала полновластно традиция. Всё это могло удовлетворять людей с неглубокими идейными запросами. Главное же – всё это было далеко от окружающей жизни, а, следовательно, строилось «на песце».

В этих кругах – монахов и монашествующих – была ещё одна гадкая черта: культивировалось презрительное отношение к женской половине человеческого рода. ... Как это ни странно, но в рядах сих поборников благочестия царил отвратительный цинизм. ... Т. П., несомненно, вкусил сего «плода», т. е. общения с этими академическими кругами, но натура его была ищущей и много глубже, чем у прочих. Все академические науки, сугубо схоластические, ни ему, ни кому другому не могли ничего дать «для души». В сущности, живая душа студента академии оставалась *tabula rasa*⁸⁵¹, на которой каждый из них мог писать и писал то, что ему подсказывала окружающая обстановка, та среда, в которую он сам «себя поставил». «Взыскующий града [Господня]» студент академии был подготовлен под влиянием жизни шатнуться по любому направлению её. В таком положении оказался и Т. П.: он подготовлен был совершить над собой самое рискованное *salto mortale*⁸⁵² под влиянием жизненной обстановки и не потому, что он являлся неким флюгером, поворачивающимся по ветру, а потому, что он был способным совершенно серьёзно и честно переосмыслить свою жизнь и перестроить её по-новому убеждению, искренне, без всяких побочных мотивов. Та форма, в которой Т. П. был в описанный период, была отрыжкой академии так же, как последышами академической обстановки того времени были прославившиеся в то время Гапон⁸⁵³, иеромонах Илиодор⁸⁵⁴ и пр. По другому пути пошёл Г. С. Петров.

Что могла дать Т. П. та обстановка, в которой он оказался в семинарии? Он оказался как-бы на отшибе уже по одному тому, что он был единственным человеком в священном сане. Кроме того, как указано было выше, в педагогическом коллективе по существу был разброд. Что представляли из себя семинаристы, которые были объектом его воспитания? Среди них была, как и у «академиков», полная пестрота идейных течений, преимущественно же были те, которые «отбывали» своё пребывание в богословских классах по инерции и совсем не думали посвятить себя служению церкви. Для них годы революции не прошли бесследно. Властителями дум их в эти годы были писатели: М. Горький, Леонид

---

⁸⁵¹ *tabula rasa* – по-латински чистая доска.

⁸⁵² *salto mortale* – по-латински смертельный прыжок. В переносном смысле слова – отчаянный шаг, слишком рискованный поступок.

⁸⁵³ Гапон Георгий Аполлонович (1870-1906) – священник, политический деятель и профсоюзный лидер.

⁸⁵⁴ Илиодор (Труфанов) (1880-1952) – иеромонах, духовный и политический деятель, авантюрист.

Андреев, Куприн и др. Все они зачитывались произведениями писателей, которые выходили в сборнике «Знание».⁸⁵⁵ Они дискутировали по поводу содержания этих рассказов. Они были частыми посетителями театра, через который они впитывали идеи «Анатэмы», «Чёрных воронов» и пр. драм.⁸⁵⁶ Только очень небольшая группа из них – 3-4 человека были в кружке Н. И. Знамировского, мечтали о священстве и зачитывались произведениями бытописателя духовенства – священника Гусева-Оренбургского.⁸⁵⁷ Такое же небольшое количество «прозелитов» группировалось и около Т. П. Они были, в сущности, соглядатаями, помогали «править» всенощные и молебны, и Т. П. для них был каким-то чудачком..., не больше.

[⁸⁵⁸]
[⁸⁵⁹]

---

⁸⁵⁵ Серия сборников товарищества «Знание», вышедших в 1904-1913 гг. Главный редактор М. Горький.

⁸⁵⁶ Антирелигиозные пьесы: «Анатэма» Л. Н. Андреева 1908 г. и «Чёрные вороны» В. В. Протопопова 1907 г. Последняя основана на мотивах сплетен о протоиерее Иоанне Кронштадтском и его лже-последователях.

⁸⁵⁷ Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867-1963) – русский писатель. Автор повести «В стране отцов» (1904). После 6 лет в сане священника отказался от сана и посвятил свою жизнь карьере писателя. Был одним из наиболее популярных авторов дореволюционного периода.

⁸⁵⁸ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний, автором пропущена информация о его дальнейшей судьбе. В очерке «Гриша Козельский» составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» имеется следующая информация: «Тихон Петрович Андриевский пережил сильное идеологическое *«salto mortale»*. Из семинарии он перешёл на работу законоучителем в Камышловскую мужскую гимназию. В книге начальника Главного политуправления армии и флота, генерала армии Филиппа Ивановича Голикова «Красные орлы» указывается, что Тихон Петрович, будучи законоучителем, просвещал своих учеников, в том числе и автора книги, который был тогда его учеником, марксистскими идеями. Гришин брат Феликс рассказывал, что когда он встретился после Октябрьской революции в Камышлове с Тихоном Петровичем, он [Т. П.] подошёл к нему и, указывая на его [Феликса] рясу, сказал: «Надо снимать!» Позднее знавшие его люди рассказывали, что он служил в органах народного образования, а потом после ряда передряг... сторожем. И дальше история уже молчит» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 101-121.

⁸⁵⁹ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Что побудило его перейти на новую, отличную от прежней работу? Из семинарии в описываемое время, несколько человек из преподавательского состава перешли на работу инспекторами народных училищ, да и вместе с ним и одновременно перешёл в преподаватели литературы в Камышловскую мужскую гимназию семинарский латинист Виктор Михайлович Можгинский. Мотивы их перехода были ясны: материальные соображения и общественное положение. Известно, что инспектор народных училищ являл собой *persona grata*, плюс триста золотых в месяц и тройка земских разъездных для поездки с инспектированием по его району. Имел ли место материальный интерес и мотив в случае перехода Т. П. на работу в гимназию? Вероятно,

---

да, но нужно при этом подчеркнуть, что он не был падким на монету: свидетельством этому была его жизнь в семинарии.

Что могла дать ему работа законоучителем в гимназии, как говорится, «для души» после преподавания философии в семинарии? Время для гимназий и других школ этого типа, как тогда говорили, было кассовское. Во главе Министерства стоял Лев Аристидович Кассо, грек по национальности, потомок классической Эллады, идеолог классического обучения со всеми присущими ему атрибутами. В гимназиях и реальных училищах всё было скованно «мундиром», формой. Настольной книгой был объёмистый кондуит, с прошитыми и пронумерованными фолиантами. По истечении года он, как некая ценность, направлялся в учебный округ. Достаточно было гимназисту или реалисту явиться в своё училище не по форме, например, с не со всеми застёгнутыми на шинели пуговицами или без ранца для учебных принадлежностей, как его не впускали в здание и отправляли домой. Семинарские порядки, несмотря на их своеобразие и строгость, пожалуй, по сравнению с описанными порядками в гимназиях могли показаться ещё более демократичными. Это – одна сторона новой работы Т. П. С другой стороны, чем являлось преподавание закона божьего в гимназиях? В сознании учеников, да и в общем ансамбле гимназических дисциплин закон Божий, как учебный предмет, являлся чем-то вроде рудиментарного отростка – не более. Правда, он выполнял ещё своеобразную функцию рентгена, через который проверялась политическая настроенность умов учащихся, а вместе с этим он (закон божий) являлся и орудием для настройки этих умов. Едва ли можно утверждать, что законоучители в своей массе пользовались уважением своих учеников, наоборот, известны были случаи глумления над их священным саном. Так, верхняя одежда законоучителя пермских мужской и женской гимназий была использована в качестве почтового ящика в переписке между гимназистами и гимназистками: в широкие обшлага её вкладывались записки с той и другой стороны.

Такова была новая обстановка деятельности Т. П. Сохранилось самое убедительное по своей форме свидетельство о деятельности Т. П. в качестве законоучителя в Камышловской мужской гимназии. В широко известной в военных и общегражданских кругах книге маршала СССР Ф. И. Голикова «Красные орлы», он, бывший ученик гимназии, с похвалой отозвался о своём законоучителе. В самом деле – сказать, что он (Т. П.) стоял во мнении гимназистов на голову выше других учителей гимназии – что может быть выше этой похвалы? Т. П., как видно, нашёл ключ к душам и умам своих учеников, и в какое время? В такое время, когда в политической атмосфере страны сгущались уже тучи. Как это было далеко от того, чем проявил себя Т. П. в семинарский период своей жизни на одной из окраин Перми! И это было в то же время симптоматично для его настроения: по всему видно, что в душе его нарастал перелом, и он шёл к кризису. Молва ходила о том, что он просвещал умы своих учеником в направлении, которое обеспечивало им наиболее лёгкий путь к переходу на новые позиции «грядущего». В истории гимназий вообще и в частности в истории молодой ещё Камышловской гимназии это был из ряда выходящий случай, феноменальный случай. В условиях тогдашней дореволюционной действительности, когда в гимназии всё было подчинено «духу Кассо», Т. П. в рядах преподавательского коллектива, а особенно для дирекции явился своего рода занозой, извлечь которую, однако, уже не удалось в виду нараставших событий.

Отремела Великая Октябрьская соц[иалистическая] революция и Тихон Петрович совершил *salto mortale*. Был отец Тихон – стал Тихон Петрович! Начались взлёты и падения: заведывание соцвосом [отделом социального воспитания, основной функцией которого являлось управление детскими и образовательными учреждениям – ред.] и работа сторожем; партийная работа и укрывательство в лесу... «Хождение по мукам».

Впоследствии, когда Т. П. был законоучителем в гимназии, то что могла дать ему эта «служба» для души, кроме ещё большего противоречия, того настроения, которое определяется словами – «ум с сердцем не в ладу». А он по натуре был ищущим человеком и в нём, в его душевном складе, потенциально уживались и протопоп Аввакум, и Иван Карамазов. Всё зависело от того, на кого из них толкнёт его направление жизни. Пока он находился в состоянии торможения под влиянием академии – в нём господствовал протопоп Аввакум, но жизнь разбудила в нём Ивана Карамазова, и он совершил *salto mortale*. И в том, и в другом случае он поступал в соответствии со своей натурой, так сказать, «не кривил душой», поступал честно, бескорыстно, убеждённо. Это была трагедия его души.⁸⁶⁰

Клеймо – «поп-расстрига». Вот отдельные свидетельские показания о его жизни в эти времена.

1. Феликс Козельский, б[ывший] ученик Т. П. в Пермской духовной семинарии, рассказывал в 1923 г.: «встретились мы в Камышлове с Т. П. ещё в начале революции. Он подошёл ко мне, потряс за рясу и сказал: «надо снимать». Он же рассказывал, что когда у Т. П. умерла жена, то он играл на гармонии и пел залихватские песни (???)».
2. Александр Николаевич Шишёв вспоминал о Т. П. в [19]60-х годах:
  - а) о том, как он организовал в Камышлове юбилейное празднование годовщины издания Миланского эдикта;
  - б) о том, что когда белые пришли в Камышлов, то Т. П. скрывался в лесу и, чтобы спасти семью от голода, делал игрушки и тайно продавал их;
  - в) о том, что когда у Т. П. был при смерти один из сыновей, то он «взывал» к богу с мольбой о спасении его подобно Василию Фивейскому в одноимённом рассказе Леонида Андреева. Он верил... и испытывал бога.
3. Михаил Михайлович Щеглов сообщал, что Т. П. после [19]30-го года переехал в Шадринск, там работал внештатным пропагандистом при райкоме партии, имел небольшой дом.
4. Иван Степанович Богословский сообщал, что Т. П. по национальности был осетин.
5. Владимир Павлович Бирюков сообщал, что по архивным данным Т. П. был уроженцем г. Осы.

Получилось так, что трудно было разобраться во всех этих сообщениях, где в них сушая правда, а где домыслы, а о происхождении Т. П. можно было сказать в вопросительной форме: «род же его кто исповесть?» Существует, однако, один человек, который, как видно, поклялся производить «раскопки» о Т. П. до последнего конца. Пожелаем ему полного успеха в этом деле» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 140 об.-143 об.

Автор имеет в виду А. Н. Шишёва.

⁸⁶⁰ В очерке «Тихон Петрович Андриевский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Нельзя думать, что он совершил своё *salto mortale* в целях приспособления и карьеры, потому что процесс перехода его на новые позиции начался ещё до рокового момента, т. е. до революции. Ещё в гимназии начался этот процесс. Для людей, не знавших его внутренней природы, его характера, он мог показаться и казался интриганом, шулером, карьеристом, изменником, «попом-расстригой». Такова была логика бурных событий того времени. В тридцатых годах в Шадринске встретились два деятеля

Его осуждали за «измену», но судить и осуждать нужно было не личность только Т. П., то, что называется *persona*, а и обстановку, которая породила личность такого типа. Пётр трижды отрёкся от своего учителя прежде, чем пропел пет[ух], но он остался всё-таки апостолом, хотя, по его же предложению, распят был в Риме вниз головой. Не так же ли нужно отнестись и к Тихону Петровичу в оценке его жизненного пути, но без «распятия», конечно, памятуя гуманное изречение древних: «*De mortuis aut bene, aut nihil*».⁸⁶¹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 50-65 об.

Пермской дух[овной] семинарии: Н. И. Знамировский в сане архиерея и Т. П. Андриевский – в чине внештатного пропагандиста по партийной линии. Какая ирония судьбы! [Вероятно, автор имеет в виду не реальную встречу, а, скорее всего, гипотетическое присутствие обоих – в одном городе и примерно в одно время. – Ред.]. Оба они шли сначала по одной дороге: оба окончили курс в Казанской дух[овной] академии, вероятно, с одним и тем же результатом в их психологии и настроенности; оба, несмотря на некоторые различия в их деятельности, шли по одной стопе проповедования «слова божия», а вышли на диаметрально противоположные позиции. В этом сказалось глубокое различие их натур, причём натура Т. П., несомненно, была глубже и многограннее, чем у Н. И. Это и обнаружилось, когда в почву под ними запущен был глубоко плуг, поднявший навверх подпочвенный слой, то, что было скрытно и обнаружилось при перевёртывании пласта.

Т. П. сделался легендарным лицом, причём легенды получились причудливыми. Он не происходил из Осы – это, несомненно. Был ли он осетином? Очень сомнительно. Что он был знаком с Кавказом и обычаями кавказских народностей – это он сам подтвердил, когда строил молитвенный дом по кавказскому методу. Но это ещё не является аргументом для вывода о том, что он был кавказец. Что он организовал семейный быт по типу быта какой-то кавказской народности – это тоже ещё не абсолютный аргумент: так строили семейную жизнь и русские. Иллюстрацией к этому является «Гроза» А. Н. Островского. А вот то, что он сам совершил над собой революцию, это – русская национальная черта. Ещё И. С. Тургенев в своём рассказе «Хорь и Калиныч» при описании характера Хоря отметил, что русский человек не прочь иногда поломать себя, и указал, как например этого, на маститую фигуру Петра I-го» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 150 об.-151 об.

Из письма В. П. Бирюкова В. А. Игнатьеву от 25 декабря 1962 г.: «Андриевский и Знамировский во времени не встретились в Шадринске: первый исчез раньше, а второй явился уже потом, так что личной встречи произойти у них не могло, а было бы интересно, если бы она произошла. В Камышловле Андриевский что-то куролесил по литургической почве, если так можно выразиться, а в Шадринске он начисто отрицал всё старое. И, тем не менее, когда в 1929 году уезжал из Шадринска, вскользь сказал, что не то и не так делают советские богоборцы, а как, ничего не сказал. Словом, антирелигиозная работа у нас его не удовлетворила. Тихону надо что-то ещё, а что, я никак понять не мог, если не строить догадки, что надо перестраивать наш, советский быт. И одно несомненно, что Тихон – тип мятущийся» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 414. Л. 1.

О Т. П. Андриевском см. также ст. Сухарева Ю. М. «Законоучитель маршала (К биографии Т. П. Андриевского)». <http://sukharev-y.ru>

⁸⁶¹ *De mortuis aut bene, aut nihil* – по-латински «О мёртвых или хорошо, или ничего».

О. Стефан Луканин*

О[тец] Стефан⁸⁶² был нашим семинарским «духовником», т. е. священником семинарской церкви. К нему же мы ходили на исповедь. До этого он был миссионером и на этом поприще стяжал великую славу на всю Пермскую губернию. Он был уже в преклонном возрасте и, очевидно, поэтому и поступил служить в семинарскую церковь. Для о[тца] Стефана характерным было то, что он был выразителем и представителем того типа духовного лица, который складывался в 60-70 гг. прошлого столетия.⁸⁶³ Нигде это так ярко не проявлялось у него, как в сохранении особой манеры пения, которая уже утрачивалась в наше время. Нельзя забыть таких случаев, когда о[тец] Стефан во время всенощной в обычные, а не праздничные дни, когда и людей посторонних в церкви не было, выходил из алтаря к нам, на клирос и пел с нами «Покаяния...», «множества...», «На реках Вавилонских» и т. д. Мы уже утратили эту манеру пения, «древнего» пения, с особыми переливами, а он старался нас научить этому. Он становился в средину, между нами, и старался передать нам эти напевы. Теперь приходится так сожалеть, что не сохранилась прелесть этих напевов. Как хорошо, что теперь благодаря грамзаписи сохранились такие шедевры народного пения, которые передал Ф. И. Шаляпин, как «Ой ты, Ваня», или «Не велят Маше [за реченьку ходить]». А как бы хотелось, чтобы так же сохранились и церковные мотивы.

В отправлении богослужения о[тцом] Стефаном нам казалось, что много елейности; порой нам казалось, что это доходило, как говорят, до приторности. Но в этом, вероятно, опять-таки сказалось то, что мы уже отвыкли [от] того типа богослужения, который был раньше. Думается, что и [у] о[тца] Стефана сохранялась эта традиция под влиянием его миссионерской деятельности: соприкасаясь со старообрядцами, которые были хранителями «древнего» пения, он не мог не чувствовать его самобытной красоты.

Любил ли о[тец] Стефан семинарское пение? Да, он так восторгался, например, голосом Ивана Медведева, что называл его соловьём.

О[тец] Стефан был выразителем «истового» благочиния, благочиния, которое было в его природе, благочиния во всём: в церкви, в домашнем обиходе; в проповеди или в беседе. Вот почему он пользовался у всех авторитетом и любовью.

---

⁸⁶² Луканин Стефан Александрович (1841-1904) – протоиерей, миссионер. Основатель Свято-Николаевского Белогорского православно-миссионерского мужского монастыря, духовник Пермской духовной семинарии. Скончался 12 марта 1904 г.

⁸⁶³ В 1860-1870-х гг.

Когда он умер, то со смертью его чувствовалась утрата именно «духовника», пастыря.⁸⁶⁴ В нашей памяти сохранился момент провод, прощания со о[тцом] Стефаном, а именно – трогательное прощание с ним «грозы» семинаристов – В. А. Фаминского: мы видели его со склонённой у гроба головой в глубоком раздумье и печали. Для нас это было выражением глубокого признания заслуг о[тца] Стефана перед семинарией.⁸⁶⁵

8.IX.[19]60. 16 ч. 37 м. вр[емя] сверд[ловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 66-67 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁸⁶⁴ См. «Последние дни, смерть и погребение духовника духовной семинарии протоиерея С. А. Луканина» // «Пермские епархиальные ведомости». 1904. № 12 (20 марта) (отдел неофициальный). С. 135-144.

⁸⁶⁵ После протоиерея Стефана Луканина духовником и священником семинарской церкви с 10 апреля 1904 г. был протоиерей Шестаков Константин Александрович // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 252.

Протоиакон «Маттафия»*

Одно время диаконом семинарской церкви был эконо́м семинарии Славнин.⁸⁶⁶ На смену ему пришёл б[ывший] протоиакон Матфей Попов.⁸⁶⁷ О[тец] протоиакон Матфей был богатырского сложения: высокого роста, с пышной копной мелких кудрей на голове. Так мы представляли, например, могучими Пересвета и Ослабю, направленных Сергием Радонежским на бой с татарами на Куликово поле. Каким образом Попов оказался в семинарии? Передавали, что положение о[тца] Матфея в качестве протоиакона при архиерее покачнулось ещё при епископе Петре. Рассказывали, будто бы о[тец] Матфей позволил себе выразиться непочтительно о Петре, назвав его Петрухой, что подслушал епископ. Так ли было, или не так, но протоиакон оказался в опале. Архиерей Пётр, как передавал нам старший брат, имел некоторые оригинальные выходы. Так, например, про него говорили, что он имел обыкновение утрами прогуливаться перед архиерейской церковью и проделывать некоторые физкультурные номера – размахивание руками. Это делалось на глазах семинаристов. Если это было так, то возможно, что были случаи фамильярного отношения к нему приближённых. В свете этого, можно принять за правду упомянутую выходку о[тца] Матфея. Была и другая версия объяснения, почему был отставлен от протоиаконства о[тец] Матфей – говорили, что его голос не удовлетворял уже требованию, предъявляемому к протоиакону. Так или не так, но о[тец] Матфей служил в семинарской церкви и был украшением богослужения. Он был ещё в полной силе и бодрости. Часто можно было его встречать шествующим в семинарию по направлению от Слудской церкви. У него была какая-то особенная походка: ступни ног у него смотрели в разные стороны.

В ряду всех наших учителей, воспитателей, служителей церкви, обслуживающих наш быт и всех, всех, с кем мы соприкасались, хочется добрым словом помянуть и о[тца] Матфея, которого любовно на библейский лад мы называли «Маттафия».

8.IX.[1960] 17 ч. 27 м. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 68-69.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁸⁶⁶ Славнин Павел Петрович – диакон, эконо́м Пермской духовной семинарии с 20 декабря 1903 г. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 253.

⁸⁶⁷ Попов Матфей Яковлевич (1858-?) – протоиакон с 1895 г.

ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ

Экономы*

Когда я учился в духовном училище и в семинарии, мне казалось, что экономами в них обязательно должны быть священнослужители, и позднее, работая в Белоруссии, был очень удивлен, что там на этих постах были светские люди. Когда же затем я стал обдумывать которое же из этих двух положений лучше, то пришел к выводу, что второе лучше и [неразборчиво – ред.] потому, что при первом сочетании – священный сан и эконом – как-то первый принижался за счёт второго. Что бы мы сказали, если бы пушкинский станционный смотритель оказался в священном сане, а ведь эконом где бы он ни был, в сущности, во многом по своему служебному положению сходен со станционным смотрителем: то подай, другое подай и обязательно срочно.

В семинарии, при поступлении нашем в неё, экономом был священник Алхутов⁸⁶⁸, но вскоре он ушел, и место его занял диакон Славнин. Его должность диакона была второстепенной. Он был сам, вероятно, изгнанником из семинарии, так как диакона чаще всего [были] таковыми. Он был ещё молодым, примерно 35-40 лет, кудрявый, что, вероятно, в своё время и покорило сердце его красавицы жены. Голос его был не большой. Квартира у него была под пятым классом на первом этаже и граничила с архивом.

Нам не приходилось непосредственно соприкоснуться с экономом. Что касается вопросов питания, то разговор на эту тему осуществлялся через расписание меню обедов и ужинов, которое висело под иконой в столовой. Я не помню случая, чтобы у семинаристов были какие-либо столкновения непосредственно с экономом на почве питания или вообще на экономической почве. Бывали претензии по подготовке обедов, но они были очень редкими и направлены непосредственно в адрес повара – Кирилла Михайловича. После революции в столовой установлены были дежурства учеников, так что наблюдение за ходом подготовки обедов и ужинов лежало на семинаристах. Что касается меню, то нужно сказать, что питание было хорошим. В самом деле, если в скоромные дни на обед давалось два мясных блюда – суп, а на второе котлеты, или голубцы, или гуляши и т. д., а на третье – сладкое – кисель или оладьи с вареньем, то, что ещё надо? Соответственно с этим в постные дни давалась уха или солянка из осетровых голов, или лапша с белыми грибами, а на второе – жареная рыба, каша-запеканка, а на третье компот или оладьи, то, что ещё надо? Недаром же Александр Павлович Мироллюбов назвал семинарию не столько воспитательным, сколько питательным учреждением.

---

⁸⁶⁸ Алхутов Михаил Георгиевич – священник, эконом Пермской духовной семинарии с 28 сентября 1893 г. // «Пермские епархиальные ведомости». 1903. № 46 (6 декабря) (отдел официальный). С. 545.

Часто мы видели нашего эконома направляющимся в склад для отпуска продуктов повару или отправляющимся на маленькой сивой лошадке в город для покупки товаров. Главная линия заготовки осуществлялась подрядным способом, для чего назначались торги и заключались договоры на поставку муки, мяса, рыбы, чаю, сахару. Отдельно заключались договоры на поставку хлеба, булок к чаю, пирогов в праздничные дни с Шипиловским, на пошив одежды с портным Тановым, на поставку обуви с магазином Добрина. Летом производился ремонт. Когда мы возвращались после летних каникул, в здании пахло краской, мебель была отремонтирована. Ближе к осени заготавливались различные продукты из овощей, дрова. Всё это лежало на плечах эконома. Часто зимой мы видели его с кипами счетов направляющимся в ректорский кабинет. И нам, признаться, немножко было жаль эконома: был он какой-то с мягким характером, ссутулившийся, немного заикался, а являлся к человеку деспо-[...] ⁸⁶⁹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 70-71 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁸⁶⁹ Далее обрыв текста.

Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому (без даты): «Из воспоминаний о нём [Славнине – ред.] осталось в памяти его увлечение разведением породистых кур. В скверике между восточным и западным выступами главного корпуса разгуливали его кохинхины и среди них великан-петух, награждённый медалью. Всё-таки эконом диакон Славнин оставил хорошую память: много он заботился о нас. Но что же лучше: священник-эконом или светский эконом? Лучше всё-таки не путать священное с экономическим, когда священное является придатком к экономическому. Не правда ли: ведь это же обидно?» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 29-29 об.

Эскулап [(семинарский фельдшер)]

Это было прозвище семинарского фельдшера – Вениамина Ивановича Селиванова.⁸⁷⁰ Легко догадаться, что оно заимствовано было из греко-латинской мифологии. Раз появившись, оно так и переходило из поколения к поколению и так крепко вошло в привычку, что казалось неотделимо от носителя его. Мы застали Вениамина Ивановича уже белым как лунь. Низкого роста, коренастый, со своеобразным круглым лицом и широким носом, в широченных брюках и просторной визитке он производил такое впечатление, что казалось, что таким именно и должно представлять Эскулапа древних греков. К тому же он старался казаться строгим, хотя никто не верил в его строгость, и эта попытка его производила противоположное впечатление маскируемой доброты.

Нам точно не было известно, где В. И. учился врачебному мастерству; предполагали, что таким он стал врачом из военных лекарей. Суждение это возникло, очевидно, по аналогии с тем, что нам было известно об отце Базарова. В. И. выполнял также функции фармацевта. Всё это возможно было совместить потому, что приёмы лечения были примитивными и сводились к общепринятому тогда порядку: очищение желудка, жаропонижающее, элементарная диета. Если случалась у кого ангина, то В. И. приводил такого больного в аптеку, смазывал ему горло йодом с глицерином, - и курс лечения считался законченным. Получалось как-то так, что и серьезно больных почти никогда не было. Редкие случаи были брюшник и воспаления легких. Был, помнится, единственный случай смерти в больнице с Ваней Беляевским, но умер он от туберкулёза кости ноги, с чем он пришёл в семинарию ещё из духовного училища.⁸⁷¹ Были

---

⁸⁷⁰ Селиванов Вениамин Иванович – коллежский советник, фельдшер семинарской больницы с 1869 г., преподаватель гимнастики (до 1906 г.) // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 253.

⁸⁷¹ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 30 ноября 1960 г.: «Я в больнице бывал в течение 3-4-5 дней. Когда я бывал в больнице, то обычно больных было 4-5-6 человек, и все «скоро проходящие». Постоянно жил в больнице Насонов Димитрий. У него был порок сердца, и он был под постоянным наблюдением Павла Николаевича [Серебренникова]. П. Н. лечил его спермином Пеля (*sic!*). Сейчас я Вам поведаю о случае со мной в больнице, когда там навещал меня В. И. Ракшинский. Меня положили в ту постель, без перемены белья, которую только что освободил Ал[ександр] Павл[ович] Успенский, и я принял «вшивую ванну». Я не помню, переночевал ли я в ней, или нет, но это был кошмар. Когда открыли постель, то на простыни было всё усеяно ими, в одеяле они сидели гроздьями. Вся эта картина у меня и сейчас стоит перед глазами. Но я думаю, что это был исключительный случай. Мне, помнится, что всё с кровати убрали. У меня сменили белье, но ванны не было. Обед приносили из столовой – общий и давали ещё молоко по стакану. При моём пребывании в больнице из начальства никто не бывал, но говорили, что иногда заходил Ал[ександр] Павл[ович] [Миролюбов]. Говорили, что один раз был ректор Добронравов. Про него говорили, что он боялся заразиться и поэтому не приходил в больницу. Пока я учился в семинарии – никто из семинаристов не умирал. Мне рассказывали, что был случай смерти, по-моему, уже после моего окончания. Был

случаи, что к В. И. обращались жертвы богини Венеры. Таковых В. И. беспощадно ругал, но сохранял их тайну. За свою многолетнюю службу В. И. имел много наград и в царские дни являлся в церковь с множеством медалей на груди. Вид у него в этом случае был гордый, и мы старались всячески показать, что преклоняемся перед его заслугами. Как курьёз нужно отметить, что наши сторожа часто слыша употребляемое нами в разговоре слово «эскулап», по-своему, не понимая, конечно, происхождения этого слова, переделали его в «эскулапость», думая, что в нём сидит столь знакомое и родное им слово «лапоть». Что можно сказать по этому поводу? Разве только: «*O sancta simplicitas!*».⁸⁷²

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 11-12 об.

семинарист Ваня Беляевский, сын псаломщика из с[ела] Скородум Ирбитского у[езда]. Он дважды в одном месте ломал ногу и получился туберкулёз. Мой младший брат рассказывал, что он был уже в безнадежном состоянии и вот в первый день Пасхи к нему пришли «петь Пасху» и христосоваться. Он тоже подпевал, а потом лёг и уснул навсегда. Передавали ещё такой случай. Один больной семинарист – брюшником – в бреду будто бы разбил окно и выпрыгнул на панель, где его и подобрали. Правда ли это – не знаю, но я помнил такого семинариста, а фамилию его забыл. Всё-таки в больнице порядки были «патриархальные». Помнится, что у ворот у больницы всегда сидел сторож, но мы ухитрялись всё-таки проходить» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 34-35 об.

В метрической книге Петро-Павловского собора г. Перми за 1909 г. имеется запись о смерти № 37: дата смерти – 02 апреля, дата погребения – 05 апреля. Имя умершего: Воспитанник 1 класса Пермской духовной семинарии, сын умершего священника Екатеринбургской епархии Шадринского уезда села Богословского Иоанн Неофитов Беляевский, возраст: 18 лет, причина смерти: от туберкулёза. Исповедовал и приобщал духовник семинарии протоиерей Константин Шестаков. Погребение совершал духовник семинарии протоиерей Константин Шестаков с диаконом Павлом Славниным; на городском кладбище. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1024. Л. 181 об.-182).

⁸⁷² *O sancta simplicitas!* – по-латински «О, святая простота!»

Кирилл Михайлович [(повар)]

К. М. Рассохин в течение ряда лет работал в нашей семинарии, так сказать, «придворным» шеф-поваром. Обычно повара имеют фигуру солидного, во всякого случае упитанного человека, гастронома по профессии. К. М. был полной противоположностью такому представлению о поваре. Как раз наоборот, он был тщедушный, худой, невысокого роста, лицо его было в карявинах, на нём торчали жидкие «тараканьи» усы, на голове ёжик негустых волос – всё это производило впечатление от него, как от человека неполного физического развития. В своей поварской тужурке, с колпаком на голове и при поварских доспехах у пояса – наборе ножей в деревянных ножнах, он, всё-таки, имел вид скорее поварёнка, особенно когда стоял рядом со своим помощником Иосифом, человеком могучего сложения, специально взятом для выполнения тяжёлых работ, например, для провёртывания пудами через машинку мяса для котлет.

На обязанности К. М. было ежедневно готовить три блюда на обед и два блюда на ужин. И вот он часами стоял у стола, поглядывая иногда в окошко на Каму, а руки его выполняли бесконечный танец по шинкованию овощей или по формированию котлет; а одновременно в поле его зрения были котлы с киселями, кашами, заправками и т. п. И ничто не должно пригореть или пережечь или не довариться. Это походило на игры на нескольких шахматных досках. Чтобы напитать двести с лишним ртов – для этого нужно было иметь выносливый организм. Таким был организм К. М., несмотря на его, казалось бы, недостаточное физическое развитие.⁸⁷³

---

⁸⁷³ В очерке «Кирилл Михайлович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Рабочий день у К. М. начинался с 6-7 часов. Являлся он в кухню в полной готовности: умывшись, подчистившись. Иногда от него даже припахивало «духовым» мылом. Такой же аккуратности и чистоплотности он требовал и от своего помощника и всех «сторожей», когда они прислуживали в столовой. Начиналось с приёмки продуктов из складов: их приносил под его наблюдением его помощник Иосиф. В его производство входил следующий агрегат: большой котёл для варки различных супов, за ним «духовка» для доведения до кондиционного состояния котлет и прочих жарящихся изделий кухни и громадная плита, на которой можно было ставить котлы, сковородки и пр. За приведением всего этого аппарата в действие, т. е. за его отоплением, должен был следить Иосиф. С этого он и начинал свою работу.

Вдоль северной стены кухни, обращённой к Каме, расположен был длинный стол, на котором и была, главным образом, сосредоточена работа по заготовке полуфабрикатов кухни. За этим столом Иосиф «в поте лица» провёртывал на машинке гору мяса для котлет, а К. М. «колдовал» над созданием из него ажурных котлеток, зраз, а по субботам «божественных» голубцов. ... За этим же столом К. М. шинковал для приправы супа или чего-либо жареного морковь, капусту. Прозаичное слова «шинковал» не выражало точно, что тут делал К. М. На самом деле его нож дробью выбивал самые разные мелодии, под которые можно было танцевать и мазурку и польку. В некоторых случаях морковка из-под ножа выходила в виде ажурных красных звёздочек.

[⁸⁷⁴]

Где [и] как научился К. М. своему мастерству, а мастер он был большой, мы не знали, но по привычке мыслить знакомыми литературными образами, мы думали, что он прошёл тот же путь, который прошёл Горький, работая поварёнком у Смурого. Да так, вероятно и было на самом деле.⁸⁷⁵

К. М. был из вятских зимогоров, той многочисленной массы людей, которые за невозможностью прокормиться у себя на земле, на зиму тучей налетами в города, чтобы к лету опять поехать на свой скудный земельный участок и добыть пропитание для семьи, по крайней мере, на часть года. Такими были все наши, так называемые, сторожа, но К. М. среди них был уже обладателем ценной квалификации повара, и труд его оплачивался во много раз выше (ему платили за месяц 25 руб[лей]⁸⁷⁶, а им 6-7 рублей). К. М. по работе приходилось вступать в двоякие отношения со сторожами: с одной стороны, приходилось иногда опираться на их помощь, что было оговорено условиями приёма их на работу, а, с другой стороны, обеспечить им питание, что тоже входило в условия оплаты труда. В помощь К. М. сторожа, например, привлекались, когда в меню стоял жареный картофель. В эти дни кухня приобретала вид деревенских зимних девичьих посиделок: сторожа сидели кружком у мешков с картофелем и окожуривали его. Что касается питания, то им поступали кости при варке супа, остатки супа, каши, киселей, подливов, картофеля, причём к чести К. М. нужно сказать, что он не обижал сторожей, которые в большинстве случаев были его односельчане, и обеспечивал сытным обедом и ужином. Нужно сказать, что такие блюда,

---

Но главная арена у печи. Что только ни варилось в котле: суп мясной, с лапшой и без неё, лапша с белыми грибами, солянка из осетровых голов, гороховый суп с гренками по особому предложению П. Н. Серебренникова, уха и пр. Каши: рисовая, манная, каша-запеканка. Кроме мясных котлет – рисовые, картофельные. Какие оладьи готовил К. М. с вареньем, кутю и пр.! Нет, не обижали семинаристов питанием. В столовой под иконой висело расписание блюд, над которым работала целая комиссия: ректор, эконо́м, К. М. и консультантом – П. Н. Серебренников...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 167-168 об.

⁸⁷⁴ В очерке «Кирилл Михайлович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «И вот наступал «генеральский» час обеда. Как только послышатся слова: «но избави нас от лукавого», двери в столовую со стороны кухни открываются, и верёвочкой входят в неё «сторожа» с супом, а потом с интервалом с котлетами, киселями и пр. «Хлебодар» всё время разносил на подносе хлеб. К. М. издали следит за ходом питания юношества. Были ли претензии к К. М.? Была претензия только раз: в лапше с белыми грибами оказались червяки. Поднималась, было, буря, но улеглась. В тревожные дни революции и после неё установлено было дежурство на кухне из учеников 4, 5 и 6 классов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 168 об.-169.

⁸⁷⁵ М. Горький в детстве работал буфетным посудником на пароходе, Смурый – герой его автобиографической повести «В людях».

⁸⁷⁶ В очерке «Кирилл Михайлович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «т. е. во столько, во сколько ценился труд учителя в сельской земской школе» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 166.

которые не были строго нормированы, как супы, каши, кисели и т. д. готовились в таком количестве, что их всем хватало, а остатки забирал ещё Кондратий для своих ховроний.

Мы лично с К. М. соприкасались во время дежурств, учреждённых после революции 1905 г. и здесь обнаруживалось, что К. М. не только питал нас, но и интересовался нашей учёбой, тем, кто и как учился. Его любимым выражением в адрес тех, кто хорошо учился было: «так, так, у него, как видно котелок хорошо варит». Остался также в памяти один из афоризмов К. М.: «Отсеки руки по локоть, но к себе не волокай».

[⁸⁷⁷]

В 1935-1936 г. я работал на курсах мастеров соц[иалистического] труда ВИЗа, и в числе моих учеников была работница цеха № 2 т[оварищ] Рассохина. Я поинтересовался, не знает ли она, что-либо о К. М. Она сказала, что он её дядя и в то время жил в Тюмени. Это были у меня последние сведения о нашем доброй памяти поваре – Кирилле Михайловиче Рассохине.⁸⁷⁸

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 12 об.-15.

---

⁸⁷⁷ В очерке «Кирилл Михайлович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Ежедневно с кухни отправлялись в больницу больным и ректору [блюда] для пробы. Об этом обеде «на пробу» семинаристы замечали, что потреблял его Зибель, рыжий пёс ректора» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 169.

Там же: «Объём работы у К. М. снижался во время каникул, когда в семинарии оставалось немного учеников. Был случай, что в одни зимние каникулы оставшихся на каникулы учеников решили побаловать пирожками на вечер. Мероприятие это было вызвано тем, что епархиалки вперёд устроили вечер с пирожками, а в ответ на это и начальство семинарии тоже разрешило устроить в семинарии вечер с пирожками. К. М. не подкачал» // Там же. Л. 169 об.-170.

Там же: «К. М. один только мог вступать в разговор с ректором Добронравовым, а остальные, как только, бывало, увидят его подходящего к кухне, разбегаются. «Он», величественный и грозный, проходил на кухню и спрашивал: «Кирилл, не много ли съедают хлеба «сторожа»?

К. М. умел давать ответ по достоинству. К. М. позволял себе иногда и роскошь. Так, он сшил себе новые сапоги с лаковыми голенищами за 25 руб[лей], т. е. за свой месячный заработок» // Там же. Л. 170 об.

⁸⁷⁸ Там же автор добавляет: «Лет 5-6 тому назад [1960-1961 гг. – ред.] я опять случайно встретил эту Рассохину, и спросил её о К. М. Она сообщила мне печальную новость, что он скончался в Тюмени.

Кирилл Михайлович был самой колоритной личностью из всех моих знакомых из того круга людей, к которому он принадлежал. Он всегда был для меня примером человека энергичного, инициативного, могущего при любых условиях преодолевать социальные ограничения и пробить себе дорогу в жизни. Мир праху его!» // Там же. Л. 171.

Иван Иванович [(столяр)]

Иван Иванович (мы не знали его фамилии) работал в семинарии столяром по ремонту.⁸⁷⁹ Его мастерская была расположена над баней, в восточной части верхнего этажа.⁸⁸⁰ Комната была большая, светлая, сухая и тёплая. В ней в разных местах лежали кучи леса: доски, брусья, а на полу горы стружки. В воздухе стоял аромат от соснового и пихтового леса. Огромный верстак стоял ближе к северной стороне, а на стенах около него развешан был «струмент»: пилы, ножовки, долота, свёрла и прочее. В стороне стояла кровать со спальными принадлежностями. Здесь, в уединении, И. И. и проводил большую часть рабочего времени с редкими выходами на место какой-либо мимолётной поделки: приколотить что-либо, подправить покосившийся предмет, вернуть шурупы или что-либо подобное. Эта отчужденность его работы накладывала печать на его характер и настроение: был он малоразговорчив и, как было заметно, и не любил, когда к нему обращались с разговорами. Может быть, на таком его поведении отражалось и то, что он когда-то был изуродован: у него одна нога была сильно изогнута, и он ходил прихрамывая. У одного глаза у него было вывернуто веко. Мы редко непосредственно соприкасались с И. И., вот разве только что-либо у парты случилось, и он приходил в класс и тут же производил необходимый ремонт, или когда при переходе на зиму он приходил в классы и прошпаклёвывал окна. Вот тогда-то мы и вели наблюдения над ним, на основании которых и получился описанный выше его образ. Из истории семинарии было известно, что И. И. однажды даже был инструктором по столярному делу. На каких условиях он обучал трёх или четырёх семинаристов столярному делу – это осталось нам неизвестным. Известно только, что, во-первых, учились они этому «по своей доброй воле», во-вторых, что они научились делать табуретки и тумбочки и что по вине

---

⁸⁷⁹ В очерке «Иван Иванович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Иван Иванович был типичный мастеровой человек из городских мещан и отличался от «зимогоров». Одевался он уже по-городски: носил визитку и брюки, заправленные в голенища сапогов. Сапоги у него были с лаковыми голенищами. На голове летом у него была фуражка с лаковым козырем, а зимой шапка из мерлушки. Верхнюю одежду у него составляли суконное полупальто осенью и весной, а зимой шуба с суконным верхом и меховым воротником. Чаще его, однако, можно было видеть без шубы или пальто, но с рабочим фартуком спереди.

У И. И. была своя профессиональная гордость по отношению к «зимогорам» и он держался как-то обособленно от них. На обед и ужин он приходил в столовую, и здесь тоже старался не сливаться с массой «зимогоров» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 181-181 об.

⁸⁸⁰ Там же: «... точнее – над предбанником, а над самой баней жили «сторожа» // Там же. Л. 181.

одного из них, в-третьих, произошёл пожар в мастерской, после чего опыты с обучением столярному делу были прекращены.⁸⁸¹

[⁸⁸²]

*Sic transit gloria mundi!*⁸⁸³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 15-17.

---

⁸⁸¹ В очерке «Сапожник» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «Среди семинаристов находились иногда желающие изучить какое-либо ремесло не с целью сделаться ремесленниками, а просто, потому что сами руки у них как бы просили работы, как говорят, «чесались». Это было здоровое явление и похвальное для юношей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 68 об.

⁸⁸² В очерке «Иван Иванович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Говорили, что у него в городе где-то была не то жена, или просто дама сердца, которая изредка приходила к нему, и он позволял себе выпить.

Главную работу И. И. приходилось выполнять во время наших летних каникул, когда производился широкий круг ремонтных работ. Мы наблюдали уже результат искусной работы И. И. за этот период времени» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 182 об.

⁸⁸³ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

Михаил [(ламповщик)]

Под таким лаконичным названием работал у нас ламповщиком молодой совсем парень, вернувшийся с японской войны. Был он из зимогоров. Самое замечательное было в нём то, что он вернулся с войны с душевной травмой. Нервная система его была потрясена, и он внушил себе, что его вот-вот должна настичь смерть. Жизнь его казалась ему пустой, тщетной и всё внимание его было направлено на спасение души. Чуть оказывалось свободное время, он устремлялся в церковь, у него была постоянная потребность в покаянии. Он чуждался людей, был бледным, с тусклым взглядом, и среди сторожей стяжал репутацию «святоши», подвижника. Жил он в одиночестве в комнате, которая была складом керосина. Скоро эта особенность Михаила была замечена, и он был переведён в церковные сторожа, однако во время империалистической войны (в 1915 г.) его в семинарии уже не было, а должность церковного сторожа в семинарии исполнял эвакуировавшийся из восточной Галиции псаломщик-униат, а Михаил, вероятно, был призван в армию, если только не прикрылся одеянием монаха.⁸⁸⁴

После русско-японской войны в Перми наблюдался большой приток эвакуированных откуда-то корейцев. Чем они занимались и на что существовали, нам было неизвестно. Не было известно нам также и то, кто вёл среди них пропаганду или, выражаясь на богословском языке, миссионерскую деятельность, но в семинарской церкви несколько раз совершилось крещение взрослых уже корейцев, иногда целыми семьями. В западной части церкви, между колонн, ставились большие баки с водой, защищённые ширмами. Здесь, после обедни и совершалось крещение, причём восприемниками были кто-либо из благочестивых посетителей церкви. Говорили, что, принимая крещение, крестившиеся преследовали материальные интересы: их шефы, крёстные, как их называли, брали на себя обязательство устраивать их на работу.⁸⁸⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 17-17 об.

---

⁸⁸⁴ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний имеется очерк «Михаил», в котором автор добавляет, что он ещё прислуживал в семинарской церкви: ставил свечи, производил уборку в ней. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 178-179).

⁸⁸⁵ Из очерка «Усиленная миссионерская деятельность в стенах семинарии» в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» - отсутствует; информация о крещении корейцев добавлена автором в очерк о ламповщике Михаиле, который устраивал в семинарской церкви купели для их крещения. Кроме того, автор добавляет, что восприемниками при крещении выступали постоянные посетители семинарской церкви – купчихи, вроде вдовы семинарского старосты С. Е. Кусакина. (Там же. Л. 178-179).

«Сторожа»

«Сторожами» в семинарии называли тех людей из обслуживающего персонала, которые выполняли самые разнообразные работы, относящиеся к хозяйству её во всём разнообразии их. Это были люди, не имевшие специального назначения, люди, не имевшие определённой производственной физиономии. Из состава их по мере раскрытия их талантов выделялись уже люди специального назначения, как-то: ламповщик, банщик, помощник повара, буфетчик и т. д. Но это мало что давало им в смысле повышения заработка: в лучшем случае он повышался на один рубль. Всё-таки положение таких людей улучшалось уже в силу того обстоятельства, что работа у них была определённая, а не «мотали» их, как они сами выражались, по разным работам. Все они были вятские зимогоры и чаще всего они являлись в семинарию на зиму из года в год. Если же некоторые из них являлись вновь, то не иначе, как из живущих в одной деревне с кем-либо уже из осевших на работе в семинарии. Все они чаще всего были бородатые, очевидно, обременённые семьями, что и побуждало их ехать в город на заработки. «Сторожей» общего назначения, т. е. разнорабочих, коих теперь называют, было человек десять. Для жилья их отведена была большая комната над баней. Здесь стояли их кровати в длину комнаты, как в спальне семинаристов. Кровати были из разных выбывших из строя, но приспособленных для спанья с разными деревянными приспособлениями – ножками, подставками, перекладинами. На них лежали разные списанные в расход матрацы, но как-нибудь слатанные, перевитые шнурами и т. д. А всё прочее было уже, как кто мог украсить свое ложе. В комнате было всегда тепло, а в банные дни жарко. Чистота в комнате вверялась самой комнате, т. е. так как это делалось в ночлежках. Жили только мужчины; женского пригляда не было. Атмосфера была как в «жилых» помещениях.

Рабочий день «сторожей» не был нормирован, а работы были постоянного типа и авральные, к последним относились, например, уборка снега, чистка на кухне картофеля, когда его нужно готовить в большом количестве. Постоянными работами были: прислуживать во время обеда и ужина – разносить на подносах блюда, хлеб, т. е. выполнять функцию официанта; топить печи в главном корпусе – колоть дрова, поднимать их на второй и третий этаж; носить воду в умывальник на третий этаж, мести полы швабрами в главном корпусе, и ходить на промывку швабр на ручей, расположенный в полугоре, недалеко от семинарии. Из всех этих работ самой кропотливой была работа официантом, потому что она требовала ловкости и подвижности, что для деревянного бородача требовало некоторого навыка. Колоть дрова помогали иногда семинаристы, любители физического труда, но это было явление случайное. Физические работы «сторожей» распределялись по некоторому, правда, очень грубому, «на глазок» принципу «равновесия», т. е. примерно по равной нагрузке на рабочую силу.

За свой труд «сторожа» получали по шести рублей в месяц и питание. Что входило в рацион «сих малых»? Нужно отдать справедливость нашему шеф-повару Кириллу Михайловичу: он не обижал их. Хлеба они получали сколько угодно. От всего, что готовилось не порционно, они за обедом и ужином получали вдоволь супа, каши, киселей, разных приправ и гору костей от супа, причём кости это были не те, про которые сказано «*Sero venientibus ossa*»⁸⁸⁶, а такие, что около них можно было «пожиться» мяском. Кирилл Михайлович опять-таки не обижал своих земляков, и поступал он правильно.

Из всей этой, можно сказать, безликой массы выделялись уже отдельные личности, а среди них были даже такие, которых можно назвать *persona grata*. Такой *persona grata*, например, был буфетчик. Это было лицо, которое находилось в непосредственных отношениях с семинаристами, и которые именовали [его] по имени и отчеству. В наше время на этой должности из года в год был Иван Степанович, тоже из вятских, очень степенный обходительный человек. По своей деятельности он стоял близко к повару, но не имел такой квалификации, как тот, и поэтому труд его оплачивался значительно ниже. В его обязанности входило ежедневно утром и днём готовить кипяток к чаю, для чего согревать куб с водой, причём воду ему приносили «сторожа», и распределять булки к чаю, которые поставлялись из булочной Шипиловского. Кроме того, в начале каждого месяца он должен был под расписку распределять сахар по два фунта в кульках и чай в пачках по восьмушке. Такое его служебное положение давало ему возможность иметь некий личный «интерес», т. е. подторговывать, что не возбранялось. Поэтому у него на столе всегда имелись в запасе «плюшки», что теперь называют венскими, которые он продавал по три копейки, имея полкопейки прибыли. Он отпускал и в кредит. На этот счёт у него существовала солидная тетрадь, в которую вносились кредитные операции. Не было слышно, что бы кто-нибудь его обманул. По роду своей деятельности он хорошо знал всех семинаристов. Любопытная деталь: был один год, когда Иван Степанович почему-то не явился в семинарию, и на его месте подвизался некий Иван Антонович, тоже из вятских.⁸⁸⁷ Когда в следующем учебном году я поступил в Казанскую дух[овную] академию, к своему большому удивлению, я встретил там Ивана Антоновича в «сущем сане», т. е. буфетчиком, причём он тоже торговал «плюшками», как это было в семинарии, а дополнительно яблоками, фруктовой пастилой и т. д. Очевидно, торговля имела «смысл».

Иосиф был помощником повара. Он был принят на кухню специально для выполнения тяжёлых работ, например, для проверчивания через

---

⁸⁸⁶ *Sero venientibus ossa* – по-латински «Поздно приходящим [достаются] кости».

⁸⁸⁷ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется отдельный очерк «Иван Антонович», в котором в образе буфетчика семинарии автором представлен только Иван Антонович (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 172-173).

машинку мяса на котлеты. Он был моложе других «сторожей», бритый, очевидно, со времён «солдатчины». Имел пышные усы, причёску ёжиком. Казалось, надеть только на него солдатскую «бескозырку» и тужурку, и перед вами появится «служивый». Сила у него была большая, и он непрочь был иногда похвастаться своими бицепсами, а то и показать свою силу. Был ли он семейный человек или нет, никто не знал, но натура у него была страстная, и когда позднее в семинарии был учреждён штат полomoек, он доставил им немало «забот». Кирилл Михайлович по своей физической консистенции был полной противоположностью Иосифу, но как ближайший его начальник любил подшучивать над ним, особенно над его страстными порывами. Платили ему 7 или 8 руб[лей] в месяц.

Кондратий. Его часто незаслуженно небрежно называли «Кондрашка». Он выполнял две хозяйственные функции: был банщиком и кормил свиней. Баня топилась через десять дней, и всякий раз функционировала в течение двух дней. За это время в ней мылись семинаристы и весь служебный персонал, связанный своим жильём с территорией семинарии. Кондратий приходил на квартиры жильцов и приглашал в баню и в этом случае ему, очевидно, переплавали кое-какие чаевые. Был он в отличие от других своих земляков жгучий брюнет. Невысокого роста, сухощавый, жилистый, он был очень подвижным. Лицо его было густо покрыто волосами, чёрными, как смола; глаза карие западали глубоко. Он производил впечатление человека с хитрецей. Любил пошутить. ... Нам почему-то казалось унижением для Кондратия то, что заставили его кормить свиней. Нам также казалось, что он должен быть одиноким бобылём вроде тургеневских Касьяна или Сучка.⁸⁸⁸ С таким наружным видом, какой был у Кондратия, автору сего представляется наружный вид Емельяна Пугачева и думается, что он мог бы позировать для зарисовки портрета последнего.⁸⁸⁹

Петя больничный.⁸⁹⁰ Он сначала был обычным «сторожем», а потом перевели его в «больничные». Он был высокого роста, сильный. Лицо у него было в карявинах, почему его называли ещё карявым. Кто его рекомендовал на эту работу – было не известно. Непонятно было так же, как он согласился на эту работу, на жизнь в одиночестве да ещё вдобавок с больными. А жить ему приходилось больше, чем кому-либо другому, в одиночестве. Правда, дважды в день он ходил в столовую за обедами и ужинами, но это были мимолётные встречи, а всю остальную часть дня он был на кухне больницы, где за занавеской у него стояла кровать. К нему никто не должен был

---

⁸⁸⁸ Персонажи из сборника рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника»: «Касьян с Красивой мечи» и «Льгов».

⁸⁸⁹ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора очерк «Кондратий» включает информацию и из очерка «В бане», который см. ниже (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 175-177 об.).

⁸⁹⁰ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора – «Петя карявый» (Там же. Л. 183-185).

приходить, и он не мог никуда отлучаться на продолжительное время. В какой-то степени он должен был быть и за больничную кастеляншу и за медицинскую сестру. К счастью, серьёзных больных в семинарской больнице почти не бывало. За всё время нашего обучения в семинарии было два или три случая заболевания брюшным тифом и столько же случаев заболеваний пневмонией. Да и больных в раз было обычно немного, так что и уборка комнат сокращалась до *minimum`a*. Может быть, это и привлекало на эту работу. Во всяком случае, он ежегодно являлся на работу в больницу, так что мы привыкли его видеть в ансамбле наших «эскулапов». Петя потом значительно освоился со своей «специальностью» на столько, что, например, научился отличать среди больных симулянтов, но «тайны» не выдавал. В вечерние часы, когда заведомо было известно, что никто в больницу не заглянет, больные любили посидеть в кухне около топящегося камина, поболтать на злобу дня. И для Пети это тоже было развлечением. Иногда он при случае просил кого-либо из больных написать для него письмо семье в деревню.⁸⁹¹

Платон. Он был сменным швейцаром. Должность эта была учреждена, когда стало ясно, что работа бессменно для одного не посильна. На Платона была возложена обязанность, кроме сменных дежурств, топить печи в квартире помощника инспектора. Он был молодым, холостым. Почему-то не был взят ещё в армию. Странность его состояла в том, что он имел пристрастие к знакам отличия – не по работе в случае награждения, а по принадлежности к разным организациям, скажем, физкультурным или каким-либо другим. И он обращался за советом о том, как бы ему приобрести тот или иной значок. Иногда он сам говорил, что вот такой-то значок можно получить, но нужно сделать большой взнос.

Боже мой! Сколько разнообразных людей, разнообразных характеров встречали мы в семинарии, людей милых, добрых, которые своим скромным трудом давали нам возможность расти, учиться, о которых память сохранила самые лучшие воспоминания! И теперь, когда уже много пережито разных невзгод, образы их возникают в памяти наряду с другими светлыми картинами юношеских лет.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 187-192 об.

---

⁸⁹¹ В очерке «Петя карявый» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Как на Петю влияла новая среда? Несомненно, в лучшую сторону: Петя как-то стал больше следить за собой – чище и аккуратнее одеваться, стал собраннее, и было заметно, что он стал на самом деле походить на «брата милосердия» желанием угодить больному...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 184 об.-185.

Яша [(швейцар)]

Когда мы возвращались в семинарию после длительных летних каникул, мы знали, что у входа в учебный корпус нас встретит Яша. Мы также знали, что если в это время будут официальные часы занятий, то он нас встретит в ливрее, а если неофициальные, что бывает от двух до пяти часов дня, то мы увидим его в обычном домашнем облачении. Яша – наш семинарский швейцар.

Обычно с представлением о швейцаре связывается представление о человеке солидного сложения и даже с бородой в виде лопаты. Ничего подобного не было в фигуре Яши. Он был среднего роста, не сильного сложения, с русыми волосами, подстриженными «под польку», безбородым с бледноватым оттенком лица. Всё обыденное, нет ничего особенного. В его лице и фигуре не было даже ничего «мужланского»: не поймёшь, то ли он из крестьян, то ли он из мещан, известно было только, что он «вятский». Все прочие наши сторожа жили и работали вместе – коллективно. Над баней были рядами расположены их лежа – подобие кроватей – в одной комнате. Вместе они выходили колоть дрова, топить печи, убирать снег. Вместе со швейцарами на плечах, толпой, подобно грузинкам в опере «Демон»⁸⁹², спускались к ручью в полугоре, чтобы промыть эти орудия своего производства. У Яши были совершенно другие условия жизни. Он жил одиноко подобно раку-отшельнику: у вешалки для семинаристов, налево от входа была у него маленькая каморка. От вешалки она отделена была небольшой деревянной стенкой, не достигающей до потолка: для света и воздуха. Здесь между печкой и стеной зажата была его кровать, покосившаяся, покрытая чем-то вроде одеяла; стоял столик, с чайником и мисочкой, а у дверей висела его ливрея. Не в укор будет сказано Яше, несмотря на то, что как будто бы было достаточно предоставлено средств для обмена воздуха, в комнате припахивало «жилым».

Все остальные сторожа подчинены были только эконому, человеку по характеру своему мягкому, редко, когда приходилось чистить картошку, были в распоряжении нашего повара Кирилла Михайловича, человека тоже «вятского». Они имели возможность, при случае, и «улизнуть» с глаз грозного главы семинарии – ректора К. М. Добронравова. У Яши в этом отношении было совсем иное положение: он был на «бойком» месте, им мог всякий командовать, а по отношению к главе семинарии он, наоборот, был обречён на постоянные встречи и различные поручения. Все остальные сторожа могли в свободное время поболтать, пошутить добродушно даже над собой: «вятский народ хватский, семеро одного не боятся, а ежели один на один, то все котомки отдадим». Яша был лишён такой возможности. Его положение в некотором отношении напоминало положение Герасима из

---

⁸⁹² «Демон» – опера А. Г. Рубинштейна в трёх действиях, семи картинах, на либретто П. А. Висковатова, по одноимённой поэме М. Ю. Лермонтова.

«Муму» Тургенева. Правда, он иногда и семинаристам рассказывал о своей военной службе на Кавказе: рассказывал, как там выпекают чуреки, как дружат между собой кунаки и т. д. Но разве эти рассказы могут заменить разговора собравшихся в кружок вятских зимогоров?

Три звонка, как неотвратимый рок, властвовали над Яшей: один у входной двери, другой в комнате ректора и третий, который был у него в руках с утра до вечера. Первый звонок не давал Яше заснуть с вечера: возвращались семинаристы из театра, мог возвращаться откуда-то кто-нибудь из проживающих в учебном корпусе начальственных лиц – инспектор, его помощник и т. д. Звонок в этом случае подавался в полную силу: настойчивый и энергичный. Но он мог быть и слабым, просительным. «Пропустите!» Яша знал значение этого звонка: это кто-то из незаконно отлучившихся из семинарии возвращался, «яко тать в нощи». Яша с риском для себя, предварительно осмотревшись, не наблюдает ли за ним «недрёманное око», пропускал.

Второй звонок, резкий и нетерпеливый, был крепко знаком Яше. Это значило, что нужно было немедленно сорваться с места, с любого положения и бежать к двери ректорского кабинета, а оттуда опять куда-либо стремительно мчаться с поручением. И вот мы видим Яшу, стремительно поднимающимся по лестнице, робко входящим в какой-либо класс со словами к кому-либо из семинаристов: «Вас отец «лектор» требует». Горе Яше, если почему-либо явка вызываемого задержится: звонки становятся всё нервнее, а Яша, заплетаясь в своей длинной ливрее, стремительнее подбегает и удаляется от двери ректорского кабинета.

Третий звонок превращал Яшу в «ходячие часы». Этот звонок уже не к нему шёл, а от него, но всё равно он властвовал над ним: он держал его в постоянном напряжении. С шести часов утра и до девяти часов вечера, с перерывом от двух до пяти часов, этим звонком Яша должен направлять жизнь по определенному руслу, ежедневно, с точностью до минут. К этому звонку в часы занятий присоединяется ещё звонок из ректорского кабинета, и для Яши начинается нечто вроде игры на двух досках для шахматиста. Уже около девяти часов утра Яша, кроме того, что он должен следить за часами, время от времени припадает к окну и смотрит, не прогуливается ли по панели перед семинарией «грозный»: нужно не прозевать открыть ему наружную дверь, стремительно пробежать и открыть дверь для входа ректора в кабинет, принять одежду его и повесить её на вешалку. Но бывает и так, что «грозный» даст звонок для открытия для него входной двери, хотя она и не замкнута на замок. Яша знал и такие случаи.

Началась официальная часть учебного дня, и мы видим Яшу в ливрее. Нет, она не делала его величественнее. Казалось, что в ней он был как в футляре и, наоборот, вид его становился похожим на вид какого-либо служки, который надел на себя кафтан с чужого плеча, более широкого, отчего казалось, что кафтан висит на нём, как на манекене. Полы, длинные не по росту Яши, явно затрудняли его движение. Это особенно было заметно,

когда он бежал открывать дверь «грозному» для входа на урок в шестом классе. Сгорбившийся, немного боком, вприскок на лестнице, разбрасывая в стороны длинные фалды ливреи, бежал он впереди «грозного», открывал ему дверь, затем закрывал и только в этом случае, чувствуя, очевидно, что «грозный» в данную минуту не может его куда-то погнать, позволял себе «роскошь» спокойно с перевалкой спускаться вниз. Бывали ли случаи, что «часовой» механизм Яши «сдавал»? Передавали, что был случай, что Яша однажды дал звонок с урока на десять минут раньше срока. Что с ним случилось тогда – неизвестно, но говорили, что с Яшей тогда поступили гуманно: без штрафа и взыскания.

Когда после обеда мы возвращались из столовой, то нам навстречу попадал Яша с мисочкой и тарелочкой: он шёл к Кириллу Михайловичу за «рационом». Шёл он как-то бочком, около стенки, и также возвращался в свою каморку. Помимо служебных «перипетий», о чём сказано выше, на Яше ещё лежал надзор за сохранностью одежды семинаристов, а во время богослужений и за сохранностью одежды проходящих в церковь. Номеров на вешалках не было, и это как-бы снимало с Яши ответственность, но случись что-либо, едва ли его оставили в покое; благо, как говорят, бог хранил, и о случаях пропажи одежды с вешалок было не слышно, по крайней мере, в серьёзной форме.

Будучи свидетелями «жития» Яши, мы как-то никогда не задумывались над тем, были ли у него жена и дети: мы привыкли видеть его анахоретом. Но вот в семинарии произошла большая перемена в её санитарном состоянии: уборка швабрами была заменена мытьём полов, и появились поломойки. С Яшей приехала из деревни его жена. Казалось бы, следовало только радоваться за Яшу, но дело с приездом жены обернулось против Яши. Как передавали злые языки сторожей, а мы ведь не были отгорожены от них глухой стеной, Яшина жена была из тех, кого, говоря о муже, отмечают словами: «она ему не пара», или «взял дерево не по себе». Рядом с ней Яша явно проигрывал: она имела подвижной темперамент, привлекательный наружный вид и в ней, по рассказам сторожей, было что-то такое, что в нашем представлении роднило её с горьковской Мальвой. И вот пошли слухи, намёки, в которых никак не разберёшь, где кончается правда и где начинается ложь. Надо полагать, что повод к этому подавала и сама «благочестивая Яши». Мойка полов производилась ночами по всему необъятному пространству семинарии. Сторожа семинарии, среди которых были и безбородые, оторванные от нормальной семейной жизни, приглядывались к новым своим товарищам далеко не по служебным только делам. А помощник повара Кирилла Михайловича, здоровенный детина, Иосиф явно переживал «томление» природы и, как говорили, не раз закручивал свой ус в присутствии Яшиной жены. Бедный Яков явно оказался в двусмысленном положении. Жена Якова приходила иногда в его каморку.... Но не было ли это только приездом Мальвы на остров к Василью...?

... Как-то мы увидели Якова в тёмных очках, а потом, говорят, он совсем ослеп. Дальнейшая судьба его нам не известна. Если он уже умер, то от всей души хочется сказать ему: «Мир праху твоему!».

3/IX [1960] 9 ч. 53 м. время свердловское.⁸⁹³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 193-197 об.

---

⁸⁹³ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется развёрнутый очерк «Яша», датированный «19/III [1964 – ред.] 5 ч. вечера» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 70-79).

Scriba [(секретарь)]

Так мы называли секретаря семинарии Александра Ивановича.⁸⁹⁴ Мы застали его уже в возрасте за сорок лет. Утрами мы видели, как он шествовал по коридору на работу в учительскую комнату, где ему была отделена для работы небольшая комната против вешалки, а в 3-4 часа видели его возвращающимся домой. Запомнилась его плотная фигура. Иногда он приходил и в вечерние часы, порой с неуверенной, покачивающейся походкой. В этом случае он позволял себе вольность заговорить даже с кем-либо из встретившихся семинаристов несколько фамильярно, обычно же он придерживался сухого официального тона в границах служебных отношений. Никто из нас ничего не знал о его личной жизни, и казался он нам каким-то посторонним придатком к семинарии, постоянным, но не относящимся к её основной линии. С ним мы соприкасались только при получении почты и по случаю заверки денежных переводов на предмет получения денег. Мы видели в этом случае его сидящим у окна, выходящего на соборную площадь, спиной к входящим в комнату. Он молчаливо поворачивался, также молчаливо вручал почту, или брал перевод, заверял фамилию адресата, ставил печать и вручал его владельцу перевода. Мы знали, что А. И. давно уже работал в семинарии, с юношеских лет и был в известном смысле живой её летописью. Так, стоило заговорить только о ком-либо из бывших питомцев семинарии, как он оживлялся и извлекал из кладовой своей памяти яркие картины из былого. С особенным удовольствием он вспоминал об А. С. Попове. Какова была дальнейшая судьба А. И., осталось для нас неизвестным.⁸⁹⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 17 об.-18 об.

---

⁸⁹⁴ Некрасов Александр Иванович – письмоводитель правления Пермской духовной семинарии, мещанин г. Перми. Автор не указывает фамилию в «пермской коллекции», а в «свердловской» - указывает, но ставит под вопрос.

⁸⁹⁵ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «По-прежнему работал в семинарии *Scriba*, «человек двадцатого числа» - Александр Иванович Некрасов (?). Человек угрюмый, не разговорчивый, двадцатого числа каждого месяца (день выдачи жалованья) он оживлялся, любил вспомнить старину и всегда при этом повторял, что он хорошо помнит по семинарии Александра Степановича Попова» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 123.

С. Е. Кусакин*⁸⁹⁶

С[емён] Е[пимахович] был в нашей семинарии церковным старостой. Он пришёл на смену Демидову, одному из последних отпрысков могущественных когда-то Демидовых, владельцев заводов.⁸⁹⁷ Старостой С. Е. избран был, очевидно, потому, что был влиятельным купцом и жил неподалёку от семинарии. Он торговал различными сортами кожи, и надо полагать очень успешно, потому что, будучи ещё совсем молодым, он был уже владельцем двухэтажного кирпичного дома неподалёку от семинарии.

При нём были сделаны литые серебряные царские ворота; сделаны новые чехлы на подсвечники и аналой для великого поста из чёрного бархата и белые на Пасху и другие торжественные праздники; сменены старые ковры на новые; кое-что новое поступило в ризницу. Главное же, что было предметом особенной гордости Семёна Епимаховича, это – проведение в церковь электричества. Главным средоточием электричества было паникадило, и вот когда за всенощной хор пел «Слава в вышних Богу и на земли мир» и когда он с особенной силой пел слова «Во свете Твоем узрим свет», С. Е. включал электричество на паникадиле, и церковь озарялась ярким светом. Так было и на первых порах пользования электричеством в церкви, но потом, очевидно, было обращено внимание на то, что получалось это слишком театрально, натуралистической бутафорией, этот номер был снят.

Подошла революция 1905 г., и С. Е. насторожился. Нам не было известно, состоял ли С. Е. в какой-либо монархической организации⁸⁹⁸, но он сам не скрывал того, какие он предпринял меры предосторожности. Он всегда имел при себе браунинг и, не стесняясь, говорил, как он намерен защищаться. Он говорил даже семинаристам: «Пусть кто-нибудь ясным днём зайдёт ко мне в магазин и в шутку или всерьёз скажет – «руки вверх – не сходя с места, застрелю». И вот случилось так... Пришёл как-то С. Е. домой на обед в самом благодушном настроении и решил для возбуждения аппетита «пропустить единую», наклонился за бутылочкой, из кармана жилета выпал браунинг, приготовленный к стрельбе (такова была бдительность для внезапной защиты!), раздался выстрел... Вызванный вскоре врач, посмотрел

---

⁸⁹⁶ Кусакин Семён Епимахович (?-1908) – Пермский 2-й гильдии купец, староста семинарской церкви с 7 мая 1902 г. // «Пермские епархиальные ведомости». 1907. № 27 (21 сентября) (отдел официальный). С. 510.

⁸⁹⁷ Бывший до С. Е. Кусакина церковным старостой П. Д. Демидов не имел отношения к горнозаводской династии Демидовых.

⁸⁹⁸ В очерке «Трагическая смерть С. Е. Кусакина» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «С. Е. был членом организации «Михаила Архангела», т. е. сторонником крайнего реакционного течения среди консерваторов» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 179 об.

рану и сообщил, что речь может идти самое большое о двух часах жизни. За это время можно было только оформить завещание, что и было сделано.⁸⁹⁹

На третий день гроб был поставлен на ночь в семинарской церкви. В церкви был полумрак. Глухо одна монашка читала псалтырь у изголовья покойного. В полночь три семинариста спустились к гробу, вглядываясь в лицо умершего. Один из них заметил какое-то отступление в причёске покойного, достал гребешок и поправил причёску.

... Среди сторожей был один, который был источником дани, по имени Кондратий. Он оказался участником похорон, а именно был вызван обмывать труп умершего. Он потом рассказывал любопытным людям со свойственным ему юмором. «Мы обтирали», - рассказывал он, покойника вином. Вина было дано порядочно. Мы и покойника, как следует, обмыли и ещё и осталось». «Ну, и что» – спросили слушатели. Кондратий блаженно ухмыльнулся и сказал, ... «а остаток выпили». Как после этого не сказать, что в жизни бывают случаи, когда смешиваются в одно и трагическое и комическое.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 18 об.-20 об.

*Авторский заголовок очерка: «Трагическая смерть С. Е. Кусакина».

---

⁸⁹⁹ В метрической книге Свято-Троицкой (Слудской) церкви г. Перми за 1908 г. имеется запись о смерти № 10: дата смерти – 29 января 1908 г., дата погребения – 31 января 1908 г. Имя умершего: Пермский купец Симеон Епимахович Кусакин, возраст – 47 лет, причина смерти – от огнестрельной раны. Погребение совершал Преосвященный Никанор, Епископ Пермский и Соликамский, с ректором семинарии протоиереем Константином Добронравовым и причтом церкви; на кладбище, в ограде Архиерейского дома. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1021. Л. 114 об.-115).

1960 г.

«Что прошло – то сердцу мило...»
[В. А.] Жуковский.

Любимые места прогулок пермских семинаристов*

*«Мне всё здесь на память приводит бывшее –
И юности красной привольные дни»*
(Из [арии] Каватины князя в опере «Русалка»).⁹⁰⁰

Когда Александр Павлович Миролубов, инспектор Пермской духовной семинарии, однажды спросил Александра Павловича Успенского⁹⁰¹, ученика той же семинарии, о том, какое же последнее выработал за время пребывания в Перми мирозерцание, Александр Павлович второй ответил: «только пермосозерцание». Ошибка Александра Павловича первого была в том, что он философскую категорию – мирозерцание связал с Пермью, локализовал. Этим и воспользовался Александр Павлович второй и очень остроумно ответил на поставленный ему вопрос. Но оба они в этот момент чем-то напомнили гётевских персонажей – Фауста и Мефистофеля, причём как это ни странно Миролубов выступил в роли Фауста, ищущего смысл жизни, а Успенский – в роли Мефистофеля, надсмевшегося над философскими порывами Фауста. Как показал ответ Успенского, созерцание Перми было вовсе не философской категорией, а обычным условием материального быта семинаристов.

Другое дело заключалось в том, что созерцание Перми было подчинено смене времён года и отражало различные настроения. В этом отношении оно было более созвучным музыке, например, блестящим «Временам года» П. И. Чайковского.⁹⁰²

---

⁹⁰⁰ Опера А. С. Даргомыжского на основе сюжета драмы А. С. Пушкина.

⁹⁰¹ Успенский Александр Павлович (1890-?) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1911 г. «После Пермской духовной семинарии учился в Омском сельскохозяйственном институте и работал в нём. В 1930-1940-х гг. проводил комплексное исследование вод озера Эбейты Омской области на предмет строительства солеобрабатывающего предприятия и курорта на озере». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 45).

⁹⁰² «Времена года» - известный фортепианный цикл П. И. Чайковского, состоящий из 12 характеристических пьес по месяцам года.

Осень. «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора: весь день стоит как бы хрустальный и лучезарны облака» (?).⁹⁰³ Северная пермская природа не часто баловала такой красотой, какую нарисовал в своём стихотворении Тютчев, но с высоты «Козьего загона» семинаристы не раз наблюдали в таком виде «Закамье» в лёгкой дымке лучезарной дали.⁹⁰⁴ Направо и внизу на Каме виднелись баржи, полные астраханских арбузов, и сюда-то именно происходило паломничество семинаристов осенью за арбузами. Здесь всё было полно фруктов, привезённых с юга. Телеги с огромными коробками подъезжали прямо по воде к баржам и с последних по лоткам арбузы скатывались в короба. Лавчонки против вокзала и у пристани ломились от яблоков и винограда.⁹⁰⁵ Телеги, гружённые фруктами, медленно поднимались в гору мимо мешковского дома. Сюда и приходили семинаристы полакомиться за пяточок яблоками и виноградом, а чаще прямо на баржу, где в складчину по пятаку покупали арбуз и тут же с ним «расправлялись». А то и просто так приходили посмотреть на пристанское движение, на «челкашей», которые грузили или выгружали пароходы, и прогуляться по пароходу.⁹⁰⁶

Сезонным было увлечение цирком, расположенным у западного выхода из городского сада.⁹⁰⁷ Сюда вела от семинарии аллея лип, а сад был любимым местом прогулок. Прекрасное создание предков, насадивших его, он и аллея осенью демонстрировали «природы увяданье», а в саду, где между лип попадались рябины, можно было наблюдать «в багрец и золото одеванье

---

⁹⁰³ В оригинале стихотворения Ф. И. Тютчева (1803-1873):

*«Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...»*

⁹⁰⁴ «Семинаристов же влекла сюда не только поэзия, а и самая что ни на есть житейская проза». (Примеч. автора).

⁹⁰⁵ В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Около вокзала воздух всегда был насыщен гарью от сожжённого каменного угля. Чаще, чем где-либо в другой части города, здесь встречались ученики железнодорожного училища в серых шинелях с зелёным кантом, потому что неподалёку от вокзала находилось их училище» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 15-15 об. Техническое железнодорожное училище находилось на ул. Торговой (Советской), 3, 5, 7.

⁹⁰⁶ Там же: «Неподалёку от «загона», в ложбине, была городская баня, и около неё отвратительный воздух, поток грязной воды, что свидетельствовало о плохой заботе «отцов города» о санитарном его состоянии» // Там же. Л. 16.

⁹⁰⁷ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Сколько греха было из-за него у семинаристов с начальством: посещать его не разрешали, а увлечение было такое же, как сейчас футболом на стадионе. Всячески ухищрялись пробраться в цирк: отпрашивались в театр, а шли в цирк. Были, конечно, и «болельщики», когда выступали борцы. Кумирами были борцы: Ваня Крамер, Фосс, великан, о котором говорили, что он ездил на двух поставленных в ряд извошичьих пролётках, и один индеец, который отличался поразительной ловкостью. Из акробатов славились братья Коврелис полётами в воздухе под куполом цирка» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 33-33 об.

леса». Ротонда (беседка) в саду будила в воображении картины гончаровского «Обрыва» и тургеневского «Дворянского гнезда». Опавшие листья, повисшие ветви деревьев, капли, падающие с ветвей – всё это возбуждало в душе то чувство, которое так ярко выразил П. И. Чайковский в «Октябре». Особый оттенок грусти оставлял скверик у театра: в нём грусть природы соединялась с радостью встреч с кем-либо из «коричневых платьев». Через него проходили они иногда ватагой, и сад наполнялся весёлыми голосами.⁹⁰⁸ Расположенный у театра, он будил в памяти картины пьес, виденных в нём, и желание вновь увидеть эти картины.

Зима. Центром в городе становилась «Сибирка».⁹⁰⁹ Кто из бывших пермских семинаристов, уже давно уехавших из Перми, при случае не спрашивал «сущего» семинариста о «Сибирке»? У кого не было с ней связано много различных впечатлений: случайных знакомых, встреч, а может быть, и решения судьбы?⁹¹⁰ На «Сибирке» было так много мест, которые влекли к себе заманчиво и увлекательно. Ещё в 1902 г. в дворянском собрании устраивались танцы, с открытым входом на них, и поклонники Тельпсихоры⁹¹¹ устремлялись на танцы, надевши на руки бальные перчатки. Потом фантазировали, что кто-то, кажется, такой-то (имярек) танцевал с дочерью губернатора.⁹¹² А какую притягательную силу имело здание, со второго этажа которого выходили «синие платья»!⁹¹³

---

⁹⁰⁸ «Рядом с садом была Мариинская женская гимназия – самая большая в Перми (с более 1000 учащихся). Гимназистки носили форму: коричневые платья». (Примеч. автора).

Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Когда в гимназии оканчивались уроки, то через этот скверик проходили гимназистки в коричневых платьях и среди них единственная представительница из казанских «князей» - Зиганшина, по поводу чего только можно заметить: «Чтый да разумеет» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 27 об.

⁹⁰⁹ «Сибирка» - главная улица г. Перми – [в] н[астоящее] в[ремя] Сибирская». (Примеч. автора).

⁹¹⁰ В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Сибиркой» называлась не вся улица, а та часть её, которая начиналась от магазина Ольги Петровской и простиралась до дворянского собрания. Когда говорилось: «Я был на «Сибирке», или я пойду на «Сибирку», то под «Сибиркой» разумелась именно эта часть улицы, расположенная южнее площадки, на которой стоял старинный торговый ряд. Это было излюбленное место вечерних гуляний, флирта, знакомств и т. п. Слово «Сибирка» имело узко интимное значение, со специфическим оттенком смысла» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 28 об.-29.

⁹¹¹ Так в тексте, правильно – Терпсихора – муза танцев в древнегреческих мифах.

⁹¹² В очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На Сибирской улице было дворянское собрание, в котором устраивались вечера танцев. Среди семинаристов были такие «джельтмены», правда, немногие, которые посещали эти вечера, открытые для всех. Их особенно занимало то, что по принятому этикету приглашение дам на танцы не обуславливалось знакомством, т. е. была полная свобода выбора. До революции 1905 г. на этих вечерах царил патриархальная тишина, спокойствие, так что эти вечера посещала

Часто заходили семинаристы в магазин Ольги Петровской.⁹¹⁴ Здесь можно было иногда видеть Василия Яковлевича Струминского, роющегося в шкафах с книгами в поисках нужной ему книги.⁹¹⁵ В оперные сезоны в

знать города, даже члены губернаторской семьи» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 31 об.-32.

⁹¹³ «На этой улице была частная женская гимназия Барбатенко, учащиеся носили платья синего цвета». (Примеч. автора).

Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «На «Сибирке» в частном доме была расположена частная женская гимназия Барбатенко. В своё время она была на славе как прогрессивное учебное заведение, потому, что гимназисткам преподавалась физкультура» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 31-31 об.

⁹¹⁴ Там же: «Магазин Ольги Петровской ... был единственным в городе книжным магазином. В нём же продавались учебники и канцелярские принадлежности: бумага, тетради, ручки и карандаши, благодаря чему в нём всегда было много учащейся молодёжи» // Там же. Л. 29.

⁹¹⁵ Там же «За стеной магазина О[льги] Петровской к востоку в одном и том же здании с ним был магазин Ковальского, тоже единственный в городе по продаже колбасы, сосисок и пр. Над ним была квартира городского ветеринарного врача Якова Григорьевича Шнейдера. Мне удалось с ним познакомиться через Василия Ивановича Ракшинского, тоже ветеринарного врача по проверке качества мяса и мясных продуктов, в доме которого я одно время состоял воспитателем» // Там же. Л. 29-29 об.

Ковальский Василий Антонович – пермский купец, владелец дома на углу ул. Сибирской и Ленина (Покровской).

Из очерка «О гиматрии и нотариконе» в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В юношеские годы Я[ков] Г[ригорьевич], еврей по национальности, чтобы получить высшее образование, крестился, т. е. перешёл в христианство. Это обстоятельство оставило в его душе глубокую травму: его мучила, очевидно, совесть за измену вере отцов. Будучи, очевидно с детства знакомым с талмудическими методами толкования библии, он стал применять эти способы толкования для успокоения своей встревоженной совести. Методы эти носили названия – гиматрия и нотарикон. Узнавши, что я учусь в семинарии и что в числе богословских предметов мы изучаем библию, Я. Г. возымел намерение познакомиться со мной, а если будет желательно – и моих товарищей с этими науками. И вот однажды мы группой человек в 8-10 отправились на квартиру Я. Г., которая находилась над колбасным магазином Ковальского. Я. Г. принял нас очень любезно. Было заметно, что ему было также приятно, что вот к нему пришли люди, которые заинтересовались его толкованием библии. Он кратко ознакомил нас [с] тайнами талмудических токований и на нескольких примерах продемонстрировал их применение. Существо одного из них, кажется, нотарикона состояло в том, что он брал какой-либо текст из библии и буквы этого текста заменял цифрами. Задача разгадки значения текста сводилась к тому, чтобы взамен этого текста подставить другой текст, сумма букв которого составляла бы сумму первого текста. Так, он задался вопросом: какова была судьба Каина, по библии – убийцы своего брата Авеля? Куда он девался? Я. Г. зачитал нам библейский текст, в котором говорилось о судьбе Каина. Это было небольшое предложение, туманное по смыслу. Затем он буквы текста заменил цифрами, установил сумму и стал подбирать текст толкования. Это была целая система проверивания и подстановки различных слов, замены букв цифрами, пока, наконец, он не объявил нам, что Каина за его преступление поглотила земля, и он скрылся куда-то в центре земли. Я теперь не помню точно, как путём такого же толкования он старался показать нам, как он оправдывал свой поступок – принятие христианства. При

витринах магазинов выставлялись фотоснимки с артистов в самых различных ролях. Наконец, на «Сибирке» была городская читальня, в которую семинаристы любили заходить посмотреть журналы, и вблизи неё был театр.

Хороша была «Сибирка» в вечерние часы, когда на ней было много гуляющих. Сюда и устремлялись семинаристы.⁹¹⁶ Здесь же происходили свидания.

Масленица. Центром прогулок становился проспект (Кунгурская улица). Здесь вереницей двигались тройки, пары, рысаки и просто извозчицьи зимние экипажи. Движение доходило до семинарии и, конечно, среди гуляющих по тротуарам и проспекту были и семинаристы. Не было видно их только на катках: не было заведено спорта.⁹¹⁷

Весна. Прежде всего, оживала Кама. Во время ледохода все стремились наблюдать за движением льда на могучей реке. Любимые места прогулок у всех семинаристов были «Козий загон» и набережная Камы по направлению к мосту. ... Весна есть весна, и она всё преобразует на свой лад. Обыкновенная улица преобразуется и манит к себе. Куда ни пойти – всё манит к себе и весь город, с пробуждающимся садом, аллеей лип и скверами становится местом прогулки. ... Поставлены пристани и появились первые пароходы. На некоторое время прогулки направлены на пристани и пароходы. И, наконец, за Каму! Поездки за Каму⁹¹⁸ в своём, так сказать, классическом виде с самоваром, чайными приборами, - вероятно, существовали только до революции 1905 г., а потом в период реакции заменены были продажей ромашек на лечение туберкулёзных. Потом, со временем, они вновь вошли в силу, но это было уже не то: не было такого широкого размаха, как прежде. Лодки брали напрокат у пристаней, нагружали всякой всячиной, бережно усаживали «смаков» в зелёных платях

всей натренированности наших мозгов разными библейскими толкованиями, данный метод толкования не мог не показаться нам совершенно искусственным и нелепым. ... Чего, чего только не вмещали тогда в себе наши юные головы! Но... *tempora mutantur, et nos mutamur in illis* [по-латински «Времена меняются, и мы меняемся в них» - Ред.]// ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 221-222 об.

⁹¹⁶ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Мы, семинаристы, любили заходить в читальню при публичной библиотеке – посмотреть иллюстрированные журналы. Откровенно говоря, нам больше нравилось то, что здесь нас принимали как взрослых, а нам так хотелось казаться таковыми...» // ГАСО. Ф. р-2575. Оп. 1. Д. 374. Л. 17 об.

⁹¹⁷ Там же: «После Сибирской улицы и «Сибирки» любимым местом прогулок семинаристов была Кунгурская улица – проспект с аллеей лип. Эта улица начиналась у семинарии, и мы в неё входили прямо в тень от лип весной и осенью. На этой улице были расположены: Стефановская часовня, женский приют с кулинарной школой при нём и столовой – по левой стороне, если идти от семинарии, и кино «Мираж» - по правой стороне. Это кино было открыто уже после революции в 1910-1912 гг.» // Там же. Л. 33 об., 46.

⁹¹⁸ «в день 1-е мая». (Примеч. автора).

(епархиалок)⁹¹⁹ и в составе 3-4-х лодок выезжали «на простор речной волны». Двигались по диагонали вправо, чтобы не снесло сильно к низу. «Смаки», конечно, боялись, но зато какой простор был для «рыцарей» проявить смелость, силу, ловкость и успокоить их. Обязательно пели. Но вот и берег. Мать-природа! Как ты всё-таки щедра! И как скоро ты меняешь свой снежный зимний наряд на зелёный луг, цветы, зелёные кустарники и щебетанье птиц. Пели, играли, танцевали, рвали цветы, делали букеты, в классическом виде – пили чай, а позднее – бутерброды и фруктовую [воду]. ... А потом воспроизводили настроение этих маёвок в песнях на семинарских вечерах.

Привет весне.

*Привет тебе, красавица,
Но где же ты? Я полон грёз и пылких
Ожиданий... Мой друг, пойми меня:
Люблю, люблю тебя.*

Заголовок этот был только ширмой, за которой скрывался смысл горячего романса для исполнителей *trio*.⁹²⁰ Иначе его не разрешили бы исполнять на вечере.

*Или: Звёзды блещут точно очи,
Соловей в лесу поёт.
И подругу в сумрак ночи
На свидание зовёт.
И счастливый и довольный
Он порхает перед ней.
Мне завидно птичке вольной,
Милый друг, приди скорей!*

*Или: Повеяло черёмухой, проснулся соловей.
Уж песней заливаётся он в зелени ветвей
Учи меня, соловушка, искусству твоему.
Пусть песнь твою волшебную прочувствую, пойму.
Пусть раздаётся песнь твоя – могуча и сильна.
Пусть людям в душу просится,
И пусть живёт она,
Как первая черёмуха, как первый соловей.*

И только ли эти песни навевали эти маёвки?

---

⁹¹⁹ «Учащиеся Епархиального женского училища носили форму: зелёные платья». (Примеч. автора).

⁹²⁰ *trio* – музыкальный ансамбль из трёх музыкантов-исполнителей, вокалистов или инструменталистов.

Весна и юность – что может быть лучше этого сочетания, а маёвки были их выражением и воплощением.

Организация продажи ромашки в день 1-го Мая была рассчитана на то, чтобы отвлечь внимание от революционных выступлений и противопоставить им филантропические цели – помощь больным туберкулёзом. Сколько помнится, на продажу ромашек семинаристов организовывали А. П. Миролюбов и Н. И. Знамировский.

Семинаристы, не все, конечно, но в значительном количестве были участниками этого мероприятия, но они в нём видели только филантропическую сторону, а о политическом значении узнали уже позднее.

Поездки за Каму повторялись и во время экзаменов, в перерывах между ними, в том случае, когда складывалась благоприятная ситуация для этого и для семинаристов и для «смаков».

Весной вся Пермь преображалась: сад и скверы наполнялись гуляющими. «Сибирка» приобретала новый вид: гуляющих было ещё больше и вся масса их была оживлённее, веселее. Скверик у театра тоже оживал.⁹²¹ В «Козьем загоне» появлялись цветники. В общем городском движении там и здесь мелькали фигуры семинаристов – созерцателей Перми.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 131-136 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует. Информация частично представлена в очерке «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)».

---

⁹²¹ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В скверике стройные липы в жаркие дни давали освежающую от жары тень и настраивали на мечтательное меланхолическое настроение. Клумбы цветов украшали сад то в том, то в другом месте, а от цветов распространялся аромат. Когда же липы цвели, то липовый запах их цветов опьянял и кружил голову» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 27 об. Там же: «...а за сквериком, на углу библиотеки, всегда торговали пирожники с назойливым предложением пирожков с мясом и вареньем по пятаку за пару» // Там же. Л. 28.

Семинарский сад весной*

Он вообще не блестел красотой: в нём росли только тополи. Не было достаточного надзора за ним. Кроны тополей были запущены, и весь сад скорее походил на беспризорника. Весь уход за ним состоял только в том, что убирался мусор с аллеи и опавшие осенью листья. Две точки в саду были рассчитаны на внимание посетителей его: беседка у стены, прилегающей к обрыву у Камы и набор кое-каких физкультурных предметов у ректорской квартиры. Весной и та и другая точки заметно оживали: в беседку приходили вечером, когда на Каме зажигались бакены, пристани были освещены, по реке ещё сновали пароходики, лодки, но была уже ночь и приглушённые разговоры прохожих. Картина созвучная тому настроению, которое вызывает баркаролла П. И. Чайковского «Июнь». В этот именно момент хотелось петь, и семинаристы пели. Далеко, далеко разносились их голоса. Но в каком-то году, когда семинаристы вернулись с летних каникул, беседки не оказалось. Её обвинили будто бы в том, что через нее перелезали ищущие «разрядки» у Парфёныча.

Семинаристы спортом не занимались, но весной подходили к физкультурным приборам, чтобы расправить мускулы и весь корпус от сидения за подготовкой к экзамену. Во время экзаменов не приходилось много разгуливать по городским скверам, и в этом случае сад компенсировал то, что в других случаях падало на первых. Кроме того, в саду были места, где можно было уединиться для подготовки к экзамену. Одним словом, семинарский сад весной оживал: после ужина семинаристы гурьбой направлялись в него и расхаживали по аллеям подобно тому, как зимой расхаживали по коридору.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 136 об.-137.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Сезонные традиционные лакомства*

Зимой в коридоре, ведущем из главного корпуса в столовую, производилась бесконкурентная торговля пирожками пирожника Половникова. На пятак два горячих пирожка по выбору или с мясом или с вареньем. Это был придворный поставщик. О нём знал вахтёр у ворот и пропускал через ворота. Позднее, когда Половников поставил дело на широкую ногу, у него был помощник-мальчик, который и являлся на большую перемену во время уроков. Говорили, что Половников со временем купил дом, дал гимназическое образование дочери. Одним словом, «попил семинарской кровушки».

Весной в Перми по городу сновали продавцы мороженого, малиновой или лимонной воды и продавцы пареных груш и яблок. На толкучке и «обжорке» (пельменные ряды у калачей) продавали «кислые щи». Сезонными поставщиками лакомства семинаристам были продавцы мороженого у двери, ведущей с мраморной лестницы вниз во двор. Сюда ежедневно в час, совпадающий с окончанием семинарского обеда, являлся продавец мороженого – лимонного или шоколадного на сливках. Стаканчики были рассчитаны на цены в пять и десять копеек. В разное время дня, но чаще под вечер с улицы, проходящей мимо семинарии, раздавалось пение, которое, вероятно, могло бы поспорить с иерихонской трубой: «Садовые сладкие пареные груши, дули!» Певец выпевал определённую мелодию. Любители выходили и покупали. Какие всё-таки тогда были патриархальные времена!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 137 об.-138.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Черты семинарского быта*

Ревнители мод.⁹²² Ещё А. С. Пушкин в эпиграмме на Сперанского указывал на какой-то у него «образ семинарский». Что же мы наблюдали в «образе семинарском» в наши дни? Нужно сказать, что мы были живыми свидетелями эволюции, причём стремительной эволюции «семинарского образа». Традиционный сюртук с жилеткой на наших глазах уступал место визитке и позднее ещё куртке с закрытым воротом. В полных правах сохранялось крахмальное бельё с галстуком при визитке и воротником при закрытом вороте. Сюртук сохранялся для торжественных случаев, например, у распорядителей на вечерах. Наряду с чёрными визитками входили в моду цветные, например – серые. Большие изменения претерпели брюки, а именно пришла мода носить узкие брюки со штрипками, а поверх тужурок широкие ремни. Внедрению этой моды много содействовал перешедший в нашу семинарию сын секретаря консистории Вишнеvский. Началось соревнование в новой моде, причём сторонником крайностей скоро показал себя Вася Мичков.⁹²³ Про него говорили, что брюки он натягивает на себя с мылом, а ширина ремня у него походила на корсет. Из верхней одежды оставались традиционное чёрное пальто с бархатным воротником и фуражка с бархатной шейкой, в летнее время на верх фуражки надевался белый чехол. В моде были башлыки. В зимнее время семинаристы обычно ходили с поднятым у пальто воротником, а поверх него привязывали башлык. Это, так сказать, типичный «образ семинарский». Не обходилось в области мод и без курьёзов. Так, после японской войны как ураган пронеслась мода на папахи, причём поклонники этой моды иногда увлекались через край величиной папахи. Появились на головах кое у кого целые горы меховых шапок. Дело приняло такой оборот, что наш инспектор А. П. Миролюбов стал уже увещевать не злоупотреблять величиной папах.

---

⁹²² В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора очерк называется: «Семинарские моды».

⁹²³ Мичков Василий Матвеевич (1894-?) – сын священника Осинского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-м разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. «В семинарии В. Мичков прислуживал в алтаре семинарской церкви и, обладая звучным тенором, выполнял обязанности канонарха. Происходил из состоятельной семьи, одевался хорошо, следил за своей внешностью. Общительный со сверстниками, младших, казалось, не замечал. Читал мало. Был вполне светским молодым человеком, любил танцевать, обучал танцами других семинаристов, имел многих знакомых в городе, бывал в семьях, руководил танцами на семинарских вечерах, дирижируя по-французски, хорошо пел. После семинарии учился в Казанской духовной академии. Был в Колчаковской армии. Его видели в Чите, когда бывшие колчаковские войска возвращались с Востока, после разгрома их. По словам его сестры М. М. Мичковой, он удрал за границу – в Китай, Японию». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 134-134 об.).

Особо нужно сказать о моде на шевелюры. Шевелюра – это причёска *a la* Бетховен или Антон Рубинштейн. Тон всем задавал в этом отношении семинарист Чирков. Небольшого роста, коренастый, с короткой шеей, он сбивал свои волосы в целую копну. Ему подражали все, кому только волосы позволяли это проделывать, хотя бы с не столь большой шапкой волос. Считалось, например, что басы, а особенно октавы, должны обязательно иметь шевелюру. Борьбу с крайним увлечением шевелюрами опять-таки вёл А. П. Миролубов. Он вышучивал таких «модников».⁹²⁴ В 1906-1909 гг. шевелюра сошла из моды, и когда мы учились в шестом классе и Мавровский ставил в заведённом им журнале оценки за наши причёски, то эти оценки больше всего относились к так называемому косому ряду и в редких случаях к «ерошке», но шевелюра уже не значилась в ряду причёсок.

Подводя итог движению мод в семинарии, их эволюции, нужно сказать, что движение шло в направлении отмирания специфически «семинарского образа» и к подчинению его определённой форме, которая и была в ближайшее время введена в семинарии.⁹²⁵ Все учебные заведения имели формы, этому же порядку, наконец, были подчинены и семинарии. «Образ семинарский» получил единую узаконенную для него форму. Общество приняло это явление как определённую ступень прогресса.

Меломаны. Кто из семинаристов не был посетителем театра? Кто не побывал за пять копеек на самой вершине зрительной половины театра – в парадизе? Кто не пытался, вручая пяточок капельдинеру («пяташнику») пробраться куда-либо в ложу? Но из отдельных поклонников всегда составлялись группы, во главе которых становился вожак, которые закупали целые ложи. Это были уже организованные зрители, поклонники определённых звёзд преимущественно оперы. Они были зрителями, а потом и сами старались воспроизвести понравившиеся музыкальные вещи. Так, [Александр] Анисимов распевал «Я Вас люблю...»⁹²⁶, Савва Поляков⁹²⁷

---

⁹²⁴ В очерке «Александр Павлович Миролубов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А. П. старался привить семинаристами привычку скромно, но аккуратно, даже со вкусом, одеваться. Сам он в этом отношении подавал хороший пример, и, между прочим, никогда не стремился внешне блеснуть своими «заслугами» - различными знаками своего отличия» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 29 об.

⁹²⁵ Вскоре после окончания автором обучения, т. е. после 1909 г., т. к. при возвращении его в семинарию в 1914 г. семинаристы уже были не в сюртуках и тужурках разного цвета, как было раньше, а предстали автору в новом виде: в форме. Об этом автор сообщает в очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 66).

⁹²⁶ Ария Елецкого из оперы «Пиковая дама» П. И. Чайковского.

⁹²⁷ Поляков Савва Иванович (1898-1937) – сын священника Красноуфимского уезда. Окончил Пермское духовное училище в 1912 г. и 5 классов Пермской духовной семинарии в 1917 г. «Обладал красивым и сильным басом, участвовал в семинарском хоре и семинарских концертах (солист). Работал учителем в посёлке Сарана бывшего Красноуфимского уезда, до того был в армии». (Шишёв А. Н. Биографические справки на

«Клевету»⁹²⁸, [Пётр] Иваницкий⁹²⁹ – «О дай мне забвенье, родная»⁹³⁰ и т. д. Кто из семинаристов, обладая чем-то вроде баритона, не пробовал свои силы на «Не плачь, дитя»⁹³¹? Из оперы же переносились музыкальные вещи на семинарские вечера, например: «Ноченька» из «Демона», «Как во горнице светлице» из «Русалки» и даже хор жрецов из «Аиды».⁹³² Когда проходили бенефисы любимых артистов, при чествовании «учинённый брат» от студентов зачитывал адрес на сцене (Анисимов). Когда были проводы артистов после окончания сезона, на вокзале среди провожающих были и наши меломаны. Наконец, участие иногда в роли статистов – было и это.⁹³³

Одно время драма и опера в пермском театре чередовались по полугодиям. В памяти надолго остались из артистов драмы: Велизарий⁹³⁴, Попова, Лола (женские роли); Хохлов⁹³⁵, Пинский, Тинский, Шорштейн⁹³⁶, Плотников и др. (мужские роли). Из оперных певцов: Девос-Соболева⁹³⁷, Осипова, Позднякова, Калиновская (женские роли); Борисенко⁹³⁸,

---

бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279. Л. 79-79 об.).

⁹²⁸ Ария дона Базилио из оперы итальянского композитора Джоаккино Россини «Севильский цирюльник».

⁹²⁹ Иваницкий Пётр Петрович (1890-?) – сын священника Соликамского уезда. Окончил Соликамское духовное училище по 2-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1911 г. «Обладал красивым лирическим тенором. Усиленно занимался культурой своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон. С успехом участвовал в городских концертах, тем более в своих ученических. Обязательный участник квартетов и трио в составе Шестакова П., Ласина С. и Кузнецова К. и солист ученического хора». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 64).

⁹³⁰ Романс Владимира из оперы чешского и российского композитора, дирижёра Эдуарда Францевича Направника (1839-1916) «Дубровский».

⁹³¹ Из оперы «Демон» А. Г. Рубинштейна.

⁹³² Опера Дж. Верди «Аида» (1871).

⁹³³ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Любопытно, что репортаж о постановках в театре в пермской газете «Пермские ведомости» (?) вёл тоже кончивший Пермскую семинарию Павлинов». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 26 об.).

Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Среди семинаристов были парни, которые работали статистами на сцене. Они имели «счастье» ближе встречаться с «кумирами» и при случае даже чем-либо похвастаться из своей «деятельности». «Так, один из «таких», здоровенный детина, однажды объявил: «Ребята! Я вчера тащил Калиновскую со сцены за кулисы!» Лицо счастливец при этом сияло блаженством, как у кота, который хорошо полакомился чем-либо по воровской линии». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 23).

⁹³⁴ Велизарий Мария Ивановна (1864-1944) – русская актриса, педагог.

⁹³⁵ Хохлов Павел Акинфиевич (1854-1919) – русский певец, баритон.

⁹³⁶ Шорштейн Константин Осипович (?-1922) – русский актёр и режиссёр.

⁹³⁷ Де-Вос-Соболева Елена Викторовна (1875-1945) – русская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано) и педагог.

⁹³⁸ Борисенко Алексей Григорьевич (1868–1941) – оперный артист (лирико-драматический тенор), режиссер, педагог.

Хлюстин⁹³⁹, Саянов, Комиссаржевский⁹⁴⁰, Томский, Квашенко и др.⁹⁴¹ Надо отдать справедливость начальству семинарии в том, что оно не чинило препятствий для посещения театра и даже содействовало тем, что направляло учащихся в театр, предоставлялись обеды и ужины применительно ко времени посещения театра.

Скрипачи. Одно время для обучения скрипичной игре приглашён был Г. К. Ширман. Он был известный в Перми скрипач и в один сезон дирижировал оркестром оперы. Дело это в связи с забастовкой развалилось, но один из скрипачей всё-таки оставил по себе память. Это – Павел Борчанинов. Он начал обучение скрипичной игре в Камышловском дух[овном] училище у М. М. Щеглова. В Перми он несколько продвинулся вперёд под руководством Ширмана. В ансамбле других семинаристов Борчанинов выступал на вечере в женской гимназии Барбатенко. Там им с успехом была проиграна под аккомпанемент рояля колыбельная песня Годара из оперы «Жоселен».

Декламаторы. Их было мало, и таланты их раскрывались только на семинарских вечерах.⁹⁴² Большую память о себе в этом отношении оставил Димитрий Бакалдин. Он поступил в семинарию из екатеринбургского духовного училища и происходил, как говорили, из екатеринбургских разночинцев. Как декламатор он умел импонировать публике, и одно появление его на эстраде вызывало дружные аплодисменты.⁹⁴³ Чем ближе он подходил к окончанию курса в семинарии, тем неохотнее соглашался на выступления. Дело было в том, что он больше и больше втягивался в проповеднический кружок нового инспектора семинарии – Н. И. Знамировского – и сознавал, очевидно, несоответствие между

---

⁹³⁹ Хлюстин Гордей Давидович (1872-?) – артист оперы (лирический тенор) и режиссёр. Выступал в Перми в 1903-1904 и 1908 гг.

⁹⁴⁰ Комиссаржевский Фёдор Петрович (1838-1905) – русский певец (лирико-драматический тенор), музыкальный педагог.

⁹⁴¹ Из очерка «Старая Пермь» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Хлюстин пять-шесть раз пел на «бис» «Куда, куда». У него же, по преданию, гимназистки-мариинки разорвали на части спавшую случайно с ноги калошу». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 12-12 об.)

⁹⁴² В очерке «Семинаристы-декламаторы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Орлов... декламировал, например: «Как дело измены, как совесть тирана осенила ночь темна». Его амплуа были стихотворения с серьёзным содержанием» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 110.

Возможно, Орлов Александр – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1906 г.

⁹⁴³ В очерке «Семинаристы-декламаторы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Сам он производил своей внешностью курьёзное впечатление: торопыга, вихристый, веснучатый – он вызывал улыбку и аплодисменты ещё до начала декламации. Он пользовался неизменным успехом как обладатель несомненного таланта» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 110-110 об.

проповедничеством и декламацией, т. к. его декламаторским амплуа были преимущественно комические рассказы. В дальнейшем он поступил в Казанскую дух[овную] академию, постригся в монахи и в скором времени после окончания академии умер от туберкулёза, за год-два перед этим похоронив свою сестру от той же болезни. Вспоминая о нём, хочется сказать, что он пошёл не по той дороге, которая больше соответствовала его природным задаткам, но теперь можно только сказать нашему любимому семинаристу-декламатору: «*Sit tibi terra levis!*».⁹⁴⁴

Драматические артисты.⁹⁴⁵ Их, вероятно, было значительно больше, чем известно автору этих мемуаров; потому что таланты их раскрывались на сценах по месту жительства и преимущественно в течение летних каникул. Вблизи моей родины в б[ывшем] Шадринском уезде на этом поприще с успехом подвизались Андрей Максимов (Верх-Теченское село) и Николай Топорков (Песчанское село).⁹⁴⁶

---

⁹⁴⁴ Бакалдин Дмитрий Александрович (1890-1918) – сын мещанина г. Екатеринбурга. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 2-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1910 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. В монашестве – Марк. Инспектор Пастырско-миссионерской школы им. Иоанна Кронштадтского в 1914-1918 гг. «В семинарии проявил себя убеждённым церковником и ярким проповедником, прислуживал в алтаре училищной церкви. В то же время отличался весёлым и общительным характером, на семинарских вечерах участвовал как декламатор, много танцевал и бывал распорядителем танцев. После семинарии учился в Казанской духовной академии, принял монашество – Марк. По окончании академии был пом[ощником] инспектора и преподавателем (раскола) в Пермской духовной семинарии. Скоро умер от туберкулёза». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 7. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1282. Л. 8-8 об.).

⁹⁴⁵ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

⁹⁴⁶ Топорков Николай Алексеевич (1892-1944) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1913 г. «В духовном училище проявил себя как организатор игр «в солдаты» - проводил с учениками строевые занятия, гимнастические упражнения, смотры, причём все участники являлись в погонах, имея на фуражках красные с кокардой околыши. Играли также в бабки, лапту, городки. Во всех массовых играх обычно верховодил он, и его помощниками были: Архангельский В. А. и Топорков С. В семинарии Н. Топорков увлекался танцами, а потом ученической сценой. Сначала организовал драматический кружок в своём классе, ставили «Недоросль» Фонвизина, «Женитьбу» Гоголя, водевили Чехова. Позднее он был одним из руководителей семинарского театра, вместе с В. Слюнковым и С. Ермолаевым, и режиссёром. Исполнял он преимущественно комические роли, а главными его ролями были: Митрофанушка и Счастливец. Помимо училищного театра он обучал семинаристов танцами, сам хорошо танцевал русского, на училищных вечерах был распорядителем танцев, был инициатором французской бороды среди соучеников, рекламировал японскую систему физкультуры и борьбы, увлекался цирком, театром, оперным и драматическим. По окончании семинарии Н. Топорков поступил учителем в деревню Саломатову бывшего Шадринского уезда. В 1916 г., чтобы избежать мобилизации в армию, пошёл в священники. Будучи в сане, уже при советской власти, организовал драматический кружок в селе, где служил. Потом он оставил сан и, переехав в Шадринск, поступил счётным работником в контору Гутана

Проповедники.⁹⁴⁷ Они организовывались в кружок около Н. И. Знамировского, а ареной их деятельности была Стефановская часовня, которую Н. И. называл училищем благочестия. Это был кружок семинаристов, которые принимали потом священный сан. Был ещё кружок, организованный о[тцом] Тихоном Андриевским. Этот кружок подвизался в одной из ближайших деревень в специально построенном для этой цели доме часовенного типа.

Мистики.⁹⁴⁸ Одна история с павшим в мистицизм рассказана была мне старшим братом. Был у него товарищ – Ваня Флёров.⁹⁴⁹ И вот он оказался в состоянии мистического шока, а именно: на основании якобы бывшего ему видения он пришёл к убеждению, что должен тогда-то умереть. Он забросил учение, поговел, причастился и приготовился к смерти, когда наступила, назначенная на эту ночь смерть⁹⁵⁰, но, увы, ... смерть не пришла. В результате он стал безбожником. Другой случай с мистическим настроением мы наблюдали у нашего товарища – Коли Иваницкого. У него он принял такую форму: куда бы он ни заходил, крестился и шептал молитву. Чем кончилась, в конце концов, эта одержимость мистическая И. – нам не известно.

Библиотекари.⁹⁵¹ Была у нас, в семинарии, ученическая библиотека. Она выполняла две функции: снабжала семинаристов учебниками и кое-какими книгами для чтения из беллетристики. Заведывание ею почему-то возлагалось на кого-либо из семинаристов. Когда была основана эта библиотека, мы не знали, знали только, что она обслуживала уже и наших старших братьев. Библиотека мало пополнялась, да и в части беллетристики не пользовалась особнным спросом читателей. В наше время мы больше читали уже новую литературу: Горького, Андреева, Куприна и др. произведения, которых в библиотеке не было.⁹⁵²

Положение библиотекарей-семинаристов во многом напоминало положение регентов семинарского хора: много заботы и труда и всё «за счёт английского короля». Только исключительная любовь к этому делу была

[Главное управление автотракторной промышленности – ред.]. Во всех коллективах, где ему приходилось работать, он создавал драматические кружки, неплохо выполнявшие разные пьесы. Женат был на учительнице Ольге Николаевне Колчиной. Умер в марте 1944 г. в Шадринске, сдало сердце». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 209-210).

⁹⁴⁷ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

⁹⁴⁸ Так же.

⁹⁴⁹ Флёров Иван Александрович (1880-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Работал учителем в Ирбитском уезде.

⁹⁵⁰ Так в тексте.

⁹⁵¹ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

⁹⁵² В семейном фонде Богословских р-973 имеются воспоминания А. Н. Шишёва о подпольной библиотеке семинарии «Подполка» (1963 г.) (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 753, 754) и подпольном общеученическом журнале «Наши Думы» (1964 г.) (Там же. Д. 756).

спутницей их на этом поприще. Имена их даже и не сохранились в памяти, за исключением последнего – Мухина Владимира Степановича.⁹⁵³

Фирма. Под таким громким названием существовало у нас торговое предприятие Александра Ивановича Хохлова – продажа папирос. Парадоксально, но факт! Теперь, при ретроспективном взгляде, в обратной перспективе, кажется это явление диким, а в те времена казалось совершенно естественным и даже исторически закономерным, так как известен был даже предшественник Х. в этом деле – Собянин, шесть лет владевший этой фирмой и премированный магазином братьев Агафуровых серебряными часами за шестилетнюю покупку в нём гильз и табаку.⁹⁵⁴

Как сделался Х. владельцем фирмы, нам не известно, мы его знали, когда дело было поставлено у него уже на прочные рельсы. Это было, когда он учился уже во втором классе.⁹⁵⁵ В послеобеденные часы, когда все уходили на прогулку в город или в сад, мы видели А. И. за партой втирающим табак в гильзы, вставляющим ватки в мундштуки и складывающим папиросы в парту в штабели, рядом с библией и другими учебниками.⁹⁵⁶ Торговля производилась в любое время дня, в перемены и перерывы, когда только появлялся покупатель. Круг покупателей был настолько широк, что иногда через учеников адресовались за покупкой папирос даже преподаватели из молодых. Официально курение в семинарии

---

⁹⁵³ В очерке «Полтора года моей жизни и работы в Перми» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор упоминает о В. С. Мухине в период 1914-1916 гг.: «Он же был помощником церковного старосты и звонарём» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 78.

Мухин Владимир Степанович (1896-1971) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1916 г. «Работал провизором в Перми». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 154).

⁹⁵⁴ В очерке «Черты семинарского быта» в «составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В те отдалённые времена ([1]900-тые годы) не принято было так обслуживать табакуров, как сейчас, когда папиросы продаются в упаковке пачками с художественными картинками, как, например, нынешние «Казбек»: тут тебе и Кавказ и всадник на коне, а покупали гильзы, скажем, «Катык», табак Кушнерёва и сами «натирали» табак в гильзы, и чтобы он не высыпался, затыкали ваткой. Но не всякому хотелось возиться с этим, когда не дорого можно было купить папиросы готовыми» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 66-66 об.

⁹⁵⁵ Там же: «Не высокого роста, скуластый, с бледным прямо как бы деревянным лицом, холодным взглядом, он ничем не увлекался: ни чтением книг, ни театром, ни, наконец, «смаками» (барышнями), как это было у его товарищей. С какой-то обречённостью он занимался своим «ремеслом» // Там же. Л. 66 об.-67.

⁹⁵⁶ Там же автор уточняет: «У ящика его парты висел массивный замок. Он не старался запрятать своё место среди других парт, а, наоборот, садился за такую парту, к которой удобнее подходить покупателю. Никто его не избирал на это «дело»: он сам себя выбрал, самопроизвольно, как цыплёнок выходит из яйца: купил у него папиросы кто-то первый, сказал другому, а потом, шире-дале потянулись и другие. Так «предприятие» и заработало и работало все шесть лет, которые он учился в семинарии» // Там же. Л. 67-67 об.

было запрещено, но не было ни для кого, в том числе и для инспекции, секретом, что многие семинаристы курили, потому что в уборных, которые были одновременно и местом для курения, в часы занятий дым стоял, как говорят, коромыслом. Какие обороты в торговле получались у Х. – это было его гробовой тайной, но надо думать, что гешефт был, иначе он бы этим делом не занимался. Сам А. И. не курил и, вероятно, был глубоко убеждён во вреде курения.

Чеботарь.⁹⁵⁷ Он и доньше живёт в Шадринске, был врачом и одновременно занимался и по сие время занимается садоводством, мичуринец⁹⁵⁸, пенсионер. Это – Аркадий Павлович Бирюков. Предприятие его не было коммерческим, а любительским, однако, как говорили, он выполнял не только почилочные работы, но и шил новую обувь, имел полный комплект необходимых для этого предметов и даже какую-то простейшую машину.⁹⁵⁹

---

⁹⁵⁷ В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Сапожник».

⁹⁵⁸ Мичуринцы – последователи биолога и селекционера, создателя многих сортов плодово-ягодных культур Мичурина Ивана Владимировича (1855-1935).

⁹⁵⁹ Бирюков Аркадий Павлович (1892-1969) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. «Учился в Казанском ветеринарном институте. Ещё в семинарии и потом студентом он занимался дешёвым ремонтом обуви на своих соучеников, имея специальную обувную швейную машину (притом старую), чем и поддерживал своё существование. Из-за материальных затруднений и быть может из соображений избежать мобилизации в действующую армию Бирюков оставил студенческую скамью и поступил священником в с[ело] Шмаково бывшего Шадринского уезда, потом служил в с[еле] Катайском. Под воздействием революционных событий и имея некоторые материальные сбережения, Аркадий Павлович иерейство оставил, решил учиться, поступил на медицинский факультет Пермского университета и в 1925 г. окончил его по специальности педиатрия. Врачебная практическая деятельность Аркадия Павловича проходила в г. Шадринске. В то же время он с большим интересом занимался разведением фруктового сада на усадьбе своего дома. То и другое скоро привлекли к нему внимание горожан. Здесь он вторично женился, первая его жена померла ещё в студенческие годы. А. П. Бирюков один из пионеров зауральского плодово-ягодного садоводства, пропагандист, зачинатель и автор ряда книжек и статей по этой отрасли хозяйства. Он терпеливо размножал, облагораживал и лелеял новые сорта фруктов и ягод, рядом с яблонями, виргинской черёмухой и иргой закладывал опыты по выращиванию винограда, слив, абрикосов. Проводил различные опыты по скрещиванию, например – яблони с шиповником, вывел сорт целебной вишни, действие которой испытал на себе в 1946 г., когда был привезён домой с фронта полуживым. Из выведенных Бирюковым сортов яблок известны: Чехонте, Находка, Шадринское белое, Аркад Бирюкова, Дочь Украины, Зелёнка Бирюкова и др. Десятки сортов яблок, слив, вишни, даже винограда растут теперь во многих колхозных садах и государственных питомниках Зауралья и Сибири. Аркадий Павлович бесплатно рассылал по городам и сёлам страны бесчисленное количество черенков и саженцев. А. П. Бирюков заочно учился в Тимирязевской академии, затем в Мичуринском институте плодоводства. В 1923 г. побывал у И. В. Мичурина, беседовал с ним и имеет его отзыв о своей работе. Встречался с прокладывающими новые пути в развитии садоводства учениками на заседаниях и конференциях научных обществ, пленарных заседаниях Академии Наук, состоял с некоторыми из них в переписке.

«Шаляпин». Семинарист с этим прозвищем легко поддавался внушению и был даже жертвой этой своей черты характера. Шутники-товарищи подследили, что он иногда пробовал свой голос на бас, и внушили ему, что у него голос имеет все данные для развития до шаляпинского баса. Имя Ф. И. Шаляпина тогда было так прославлено, что само по себе оказывало гипнотизирующее влияние. И вот внушение удалось: объект его всё чаще и чаще стал пробовать свой голос. Бывало так: в вечерние часы вдруг в коридоре у уборной раздавались звуки, грубые, не обработанные, с настройкой на бас, и слушатели безошибочно определяли: это Толя Удинцев настраивает свой голос под Шаляпина. Так ему и присвоена была эта кличка. Позднее нашлись мерзавцы-«товарищи», которые слабость и внушение использовали для издевательств над У. Зная точно, что он в определённый вечер должен написать домашнее сочинение, они передавали ему записку, которой якобы какая-то гимназистка вызывала его на это время на свидание туда-то. Несчастный «Шаляпин» бросал работу, бежал в условленное место, ждал и промёрзший возвращался домой, а затем этим же мерзавцам сообщал о своей неудаче. Финал – двойка за сочинение.

Наши «германы». Они составляли небольшой, замкнутый и сильно законспирированный кружок, перекочёвывающий с одного потайного места на другое, где при свете огарков шла игра в преферанс или вист. До нас, не участников этой организации доносились иногда только отрывистые сведения, вроде того, что однажды было, как большая сенсация шёпотом объявлено: «Вчера Ванька Максимов выиграл двадцать пять рублей». Этот счастливый и по сей день живет в Свердловске в возрасте 75 лет.⁹⁶⁰

Начатую диссертацию в 1937 г. он не окончил, т. к. в 1941 г. ушёл на фронт. У него была огромная переписка с его разбросанными почти по всей стране корреспондентами. В пятидесятых годах в «Известиях» о нём сообщалось, что им прочитано шесть тысяч лекций по фруктово-ягодному садоводству в Зауралье и Сибири. К этому он сам добавил, что имеет тридцать пять истинных и верных его последователей по внедрению фруктово-ягодного садоводства в Шадринске – активистов-мичуринцев. Выйдя в 1958 г. на пенсию Аркадий Павлович (персональный пенсионер) продолжал оставаться в теории и на деле ревностным пропагандистом мичуринской мечты – продвинуть к северу, к суровой Сибири и на Урал достижения культурного садоводства. Скончался Аркадий Павлович в 1969 г. в Шадринске, оставив после себя городу заложенный им на общественных началах большой фруктово-ягодный сад, имеющий опытно-показательное значение. Совмещение своей врачебной профессии с любительским садоводством Аркадий Павлович оправдывал убеждением, что врач, тем более сибирский или в Зауралье, должен быть ревностным пропагандистом и зачинателем садоводства в своём крае: фрукты и ягоды помогают победить немало детских болезней, да и у взрослых тоже, вызываемых витаминозом. И он – врач подал личный пример этому». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 1. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 96-98 об.).

⁹⁶⁰ В очерке «Черты семинарского быта» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «У них был небольшой замкнутый и сильно законспирированный кружок «избранных». О деятельности его только просачивались иногда отрывочные и явно

Служители Бахуса. Они появлялись, но быстро исчезали: недрёманое око инспектора быстро их выявляло и удаляло из семинарии.⁹⁶¹ Вот из них-то в некоторых случаях рекрутировались псаломщики и диаконы, которые и в будущем продолжали служить тому же богу.

Служители мамоны.⁹⁶² Кто из семинаристов в какой-то степени не грешил этим? Недаром же наш б[ывший] инспектор А. П. Мироллюбов после своей упорной борьбы за души своих питомцев признал своё бессилие, заявив: «семинария – учреждение не столько воспитательное, сколько питательное». Но в данном случае мы имели в виду не более или менее законный или так сказать нормальный тип человека, обладателя здорового желудка, а гипертрофированный тип чревоугодника. Они были единичными для своего возраста и уникальными. Вот классический образец такого типа: Миша Петров, 17-18 л[ет], так выражал словами свою любовь к голубцам, которые по субботам так аппетитно готовил Кирилл Михайлович – «Сегодня голубцы, ради них можно и двойку получить!!!» Не правда ли афоризм, до которого никогда не смог бы додуматься и незабвенный Кузьма Прутков. Интересна дальнейшая судьба этого новоявленного эпикурейца: за двойки его исключили, а года через два-три после этого он вдруг объявился торговцем-лавочником неподалёку от нашего села, но скоро прогорел и скрылся неизвестно куда. Был он по происхождению из деревенских

сильно преувеличенные сведения, которые передавались шепотом, вроде: «Ванька Максимов сегодня выиграл двадцать пять рублей». Речь шла, дай Бог, о какой-нибудь пятёрке или тройке, а молва увеличивала её до двадцати пяти. Он, Иван Яковлевич Максимов, считался лидером кружка, и пылкая фантазия семинаристов охотно придавала ему черты пушкинского Германа, увековеченного в опере «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Да и сам он, вероятно, немного подражал оперному Герману, потому что волосы у него всегда были растрёпаны, как у Германа в момент появления его в игорном доме. Кружковцы играли на «интерес» в преферанс и вист где-то около чердака, пользуясь освещением церковными свечками. Эта игра их в стенах семинарии была ничем иным, как продолжением игры в домашних условиях за зелёным столом на вечерах в обществе их же родителей. Излишне было бы искать объяснения этому увлечению картами, задаваться вопросами: как, что, почему? Так повелось: играли деды, играли отцы, играли дети и, увы! этим же грешит теперь и весь род людской, в том числе и наше нынешнее поколение. Деятельность кружка была так законспирирована, что за всё время существования семинарии не было случая, чтобы кто-либо был «исключён» из неё по «картёжному» делу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 69 об.-70 об.

Максимов Иван Яковлевич (1886-?) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище в 1908 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1914 г.

⁹⁶¹ В очерке «Черты семинарского быта» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Чаще всего это были юноши в начальных классах, которые под влиянием домашних условий занимались выпивкой, ... забывали об особенных условиях бытия в стенах учебного заведения и становились жертвами своей неосмотрительности. Так было!» // Там же. Л. 69 об.

⁹⁶² В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Жрецы мамоны».

богатеев, родина у него была где-то около Ирбита, и ходили слухи, что торговцем он сделался благодаря тому, что поживился товарами, которые гужом переправлялись на Ирбитскую ярмарку.

Служители Венеры.⁹⁶³ Юноши обучались в семинарии в возрасте от 15-16 лет до 20-21 года, т. е. в «опасный возраст». Жизнь в общежитии, а в нём жило большинство, скученность содействовала взаимному влиянию как положительному, так и отрицательному, в данном случае – последнему. Обилие в городе «учреждений», обслуживающих служителей Венеры, конечно, содействовало соблазну. Достаточно сказать, что «учреждение» Парфёныча было всего в квартале от семинарии. Отсутствие сдерживающего мотива для осуществления «этого», как это было у девушек, тоже облегчало вступление на эту стезю: сделай – на лице, или в другом месте следа не останется. И всё-таки, к чести наших юношей, надо сказать, что и в этом отношении были только единицы этих «служителей». Среди них были и теоретики применения «этого». Так, Алексей Иванович Ч., например, утверждал, что в известные моменты он испытывал, что его мозг как бы окутывала какая-то пелена, которая мешала ему усваивать богословские науки, и он отправлялся «туда», в место «злачное», как его называли, и что же? У него получалось просветление ума. Среди них были и жертвы этого поступка: болезнь, которая называлась комбинацией из трёх перьев, а самый результат получения её выражался словом «наварил». Такие (на них указывали пальцами) поступали в распоряжение семинарского эскулапа Вениамина Ивановича Селиванова, о котором шла молва, о том, что он когда-то состоял контролёром организмов «сих падших» жертв общественного строя на счёт предупреждения распространения болезней. Он ругался, но по части сохранения тайны от начальства был «могилой».

Служители Тельпсихоры.⁹⁶⁴ Кто из юношей, если он по-настоящему был молод, не отдавал дань этой богине? Среди семинаристов были, конечно, и «буки», на что, как известно, как на национальную черту указывала и старуха Изергиль в одноимённом рассказе М. А. Горького. В массе же наши юноши были жизнерадостными и любили танцы. В первые же годы нового столетия проходила у нашей молодёжи перестройка системы танцев на новые «лады». Гросфатер уже, можно сказать, ушёл в архив. Неизвестными оставались полька, вальс, кадрили. В последнюю внедрилось новшество – дирижирование на французском языке, по-прежнему, когда исполнялась кадрили, пол в комнате, где танцевали, содрогался, стёкла в окнах дребезжали, вся масса танцующих «в поте лица» выделяла разные фигуры

---

⁹⁶³ Из очерков «Черты семинарского быта» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний, в «пермской коллекции» - отсутствует. (Там же. Л. 72 об.-73).

⁹⁶⁴ Из очерков «Черты семинарского быта» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 73 об.-75).

и всё-таки когда раздавался истошный крик «больше жизни» движение ещё усиливалось, а когда «действие» оканчивалось, то все участники танца вытирали пот с лица. В танце проявлялось какое-то буйство, азарт. И вот на смену ему, этому буйству, стали приходиться новые танцы: более спокойные, более ритмичные, более грациозные: па-де-карт, па-д`эспань, па-де-патинер, русско-славянский, полька-бабочка и др. Внедрялись они по двум линиям: некоторые по линии семинарии, а другие по линии епархиального училища. Как это делалось по первой линии? Всегда находились пионеры того или другого танца, которые охотно передавали своё искусство другим. Инициативу брали на себя старшие – женихи. В большую перемену вечерних занятий объявляли: «ребята, в зал на танцы!» И здесь, где в комнате на потолке изображены были четыре евангелиста и расписан текст из евангелия Иоанна Богослова, происходило разучивание новых танцев под пение, например, па-де-патинер под пение «Шуми, Марица...» А потом «это» переносилось уже домой, в деревню, причём под видом, изысканной манеры обращения: например, какой-нибудь деревенской красавице со словами: «разрешите Вас ангажировать на тур вальса?», а красавица, скромно потупив очи, отвечает: «я не умию и при том потию». Как не вспомнить при этом сатиры бессмертного Фонвизина!»

Любители бальнеологии.⁹⁶⁵ Были и такие. Русский человек, говорят, издревле любил попариться, да не кое-как, а, как говорится, отвести душеньку. У нас были любители париться, причём в печь вливали не воду, а квас, чтобы получился особый аромат. Вот уж действительно как к этому не сказать: «Куда на выдумки природа торовата!!»

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 110-119 об.

*Название очерка – из «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» - «Портреты-миниатюры отдельных семинаристов».

---

⁹⁶⁵ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Увлечение бальнеологией».

Обязанности семинаристов по выполнению религиозного культа*

Ежедневные обязанности: молитвы и песнопения в церкви перед уроками и перед сном, в классах – перед каждым уроком и по окончании его – молитвы; в столовой – перед едой и после неё.

Периодические обязанности: присутствие за богослужениями – всенощной и обедней по воскресеньям и во все праздники. Постование и говение на первой неделе великого поста и на страстной неделе. По средам и пятницам великого поста присутствие на литургиях «преждеосвящённых даров» за счёт сокращения уроков. В церкви семинаристы всегда стояли в рядах по указанию инспектора и под надзором его и его помощников.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 82-82 об.

*Из очерков «Черты семинарского быта» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

Свободное планирование рабочего времени на уроках*

На уроки отводился час на каждый предмет, но на самом деле уроки продолжались по 45-50 минут: вошло в обычай, что учителя перед уроком 10 или 15 минут прогуливались по коридору, мотивируя это тем – дескать, надо дать ученикам время повторить урок. В середине же уроков – между вторым и третьим часом – после звонка на урок учителя приступали только к чаю и завтраку. Времена были патриархальные.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 81-81 об.

*Из очерков «Черты семинарского быта» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

Семинарское вече

Событие это было чрезвычайное и уникальное. В течение одного учебного года, если не ошибаюсь – 1907-1908⁹⁶⁶ – в общежитии семинарии объявился и действовал «вор-воробей». То одна, то другая вещь пропадала – из верхней одежды, из обуви, часы и прочее и, несмотря на повышенную бдительность всего коллектива, вор был не уловим. Кого-кого только не подозревали в этом, подвергали усиленному за ним наблюдению – нет, вор был неуловим.

Наступил последний день экзаменов в первом классе, на завтра ученики этого класса должны были покинуть общежитие. Двум семинаристам, жертвам вора, пришла в голову мысль устроить ловушку для вора с приманкой. Ночью они прикинулись спящими, положив карманные часы к одной койке на виду. И вот в полночь «рыбка клюнула»: воришка взял часы и, заметив, что его выследили, обратился в бегство. Маршрут его был вдоль коридора III этажа, спуск на II этаж по западной лестнице и подъём на III этаж по центральной лестнице, а в конце – скрыться на кровати под одеялом. Он стремительно пробежал по этому маршруту и успел спрятаться под одеяло, но преследование было тоже по пятам... и вор, как говорится, был прижат к стене. Сердцебиение и испуг не удалось скрыть, а потом под тюфяком были обнаружены и часы.

Наутро весть о поимке воришки разнеслась по семинарии, и объявлено было общее собрание семинаристов для разбора дела. И тут нашим глазам представился первоклассник, успевший благополучно сдать все экзамены и готовившийся в этот день поехать домой на каникулы. Он оказался сыном священника из Чердынского уезда, которому родители часто присылали деньги на мелкие расходы, но этого казалось ему мало, и он стал воровать. Медленно, шаг за шагом, он раскрывал картину своей деятельности за год. Оказалось, что им совершено было до десяти краж. На вопрос: куда он девал эти вещи, он сказал: часть уносил на толкучку, а часть сдавал в ломбард. Следствие проводилось без участия администрации, и вече постановило довести об этом до сведения инспектора. Семинарист был исключён из семинарии. Нужно сказать, что возмущение этим проступком было великое, особенно со стороны бесчестия, позора для семинарии, и поэтому и решение было принято суровое. Воровство было изжито.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 123-124.

---

⁹⁶⁶ В очерке «Семинарское вече» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора – 1903 или 1904 (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 84).

Диспуты со старообрядцами*

Они устраивались в качестве наглядного пособия для изучающих «обличение раскола». Проводились они в комнате 6 класса. На большом столе складывались большие книги – «Кормчая», творения отцов, ревнителей благочестия, и начиналось состязание. Популярностью среди наших миссионеров тогда пользовались о[тец] Стефан Луканин и о[тец] Василий Морозов.⁹⁶⁷ Первый был уже на склоне лет, а второй – молодой, 5-6 лет тому назад кончивший семинарию. Можно было заметить различный стиль ведения диспута у того и другого миссионера. Луканин больше старался влиять на чувство. Так, когда атмосфера состязания сильно накалялась, а это нередко бывало, он вдруг заявлял: «Давайте споём «Днесь благодать Святаго Духа нас собра», и напряжение в споре ослабевало. Этот приём явно был рассчитан на то, чтобы подействовать на психологию оппонента, склонить её на свою сторону. Морозов, наоборот, старался поражать противника своей речью, горячей, разящей, причём нужно отдать ему справедливость у него был несомненный ораторский талант и к тому же привлекательная манера речи. Противником выступал начётчик из Лысьвы. Он был средних лет, брюнет, одет по-мещански. Его выдвигала на диспут его община, из беспоповцев.⁹⁶⁸ Он, как видно, был достаточно натренирован из рамок обычного шаблона, как впрочем, и весь диспут. Начинался диспут пением «Царю Небесный», а заканчивался пением «Достойно есть». Продолжался он три-четыре часа, с перерывом. Речи диспутантов чередовались через 10-15 минут, причём порядок и время строго соблюдались. В конце диспута делались обращения слушателям – примкнуть к той или другой стороне. В условиях диспутов в семинарии это было, конечно, чистой формальностью. На нас эти диспуты производили скорее отрицательное, чем положительное впечатление, впечатление ненужности их, напрасно потраченного времени. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 125-126.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁹⁶⁷ Морозов Василий Георгиевич (1879-?) – сын священника Рязанской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1899 г. Священник с 1900 г., миссионер Пермского уезда в 1902-1913 гг. и с 1914 г., наблюдатель церковно-приходских школ Пермского уезда в 1902-1911 гг. Автор «Краткого исторического очерка жизни и деятельности церковных школ в пределах Пермского уезда». Протоиерей. С 1920-х гг. в обновленчестве. В 1933 г. арестован и осуждён к ссылке на два года. Дальнейших сведений не имеется.

⁹⁶⁸ Беспоповцы – старообрядческое течение, образовавшееся после церковных реформ Патриарха Никона в середине XVII века. Беспоповцы не принимали священников, поставляемых в Русской Православной Церкви.

«Казённики» и «полуказённики»*

В большую заслугу духовным учебным заведениям – семинариям, женским епархиальным училищам и духовным училищам – нужно поставить то, что они обеспечивали возможность учиться сиротам и детям родителей с недостаточным материальным обеспечением, каковыми чаще всего были псаломщики. В семинариях на полное казённое обеспечение принимались сироты и один из трёх одновременно обучающихся в каком-либо из других учебных дух[овных] заведений сыновей псаломщиков. При наличии двух обучающихся один мог пользоваться полу казённым обеспечением, а также при известных условиях из трёх одновременно обучающихся один пользовался полным казённым и один полу казённым обеспечением. В полное казённое обеспечение включались: одежда верхняя и нижняя, обувь, полотенца, носки, фуражки, шапки – полный комплект одежды, питание, общежитие. В полу казённое включалось обеспечение общежитием и питанием. Семинария заключала договора на пошив одежды с портным, с магазинами на поставку обуви, нижнего белья, полотенец.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 126-126 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Вечернее время в общежитии*

Вечерние занятия в общежитии, или, как их короче называли, «занятные» были естественной формой организации учеников в интернате, предусмотренной уставом семинарии. Про «занятные» в семинарии можно сказать, что они имели свою диалектику, свои принципы и законы организации. Если же продумать эти законы организации, то можно убедиться, что они имели большое воспитательное значение, о чём речь будет ниже.

Первый закон «занятных» состоял в ограничении передвижения по зданию. Звонок в пять часов вечера обозначал, что все должны разойтись по классам на подготовку уроков. В здании устанавливалась такая же тишина, как и в дневные часы занятий. Коридоры, лестницы и все комнаты, кроме классов, пустели. Обычно и из начальства в эти часы редко кто показывался на втором этаже, где расположены были классы. Тишина и порядок, так сказать, вверялись самой массе учащихся. Иногда, но очень редко, в коридоре на втором этаже появлялась величественная фигура ректора, который поднимался на второй этаж, очевидно, «подразмяться» от сидения в своём кабинете на первом этаже. В этом случае молниеносно по классам разносилось сообщение: «Ребята, в коридоре ректор», - и в классах наступала сугубая тишина. Иногда на площадке у церкви можно было заметить кого-либо из «зубрилок» ближайшего первого класса, уединившегося для заучивания уроков. Иногда по коридору промчится Яша, чтобы вызвать кого-либо к «отцу лектору», но общий тон тишины и спокойствия не нарушается до очередной перемены, которая наступала, примерно, через час. Правда, была ещё одна категория нарушителей тишины, но это были такие осторожные нарушители, что тишина от них, собственно говоря, и не страдала. Это были сами «страдальцы» «табакуры». Такие «страдальцы» робко выглядывали в коридор: нет ли кого из начальства, потом на цыпочках, оглядывались по сторонам, «яко тать в нощи», устремлялись вдоль по коридору за угол, в боковой коридор, ведущий в туалет, одновременно являвшийся и курилкой.

Вторым законом «занятных» было самоограничение и самодисциплина семинаристов. В отличие от уроков с нами не было учителя: порядок в классе и тишина диктовались самой задачей «занятных» - необходимостью подготовить уроки на «завтра». В каждом классе, конечно, находились отдельные «особи», которые наплевательски смотрели на подготовку уроков, но не они устанавливали в этом случае порядки. Закон гласил: «соблюдай тишину, не мешай заниматься». Если нужно с кем-либо поговорить, «говори шёпотом»; если нужно перейти на другое место, «переходи без шума». Появлялись нарушители порядка – призывали их прекращать мешать занятиям.

В семинарии существовала ежемесячная оценка успеваемости. Обычно в течение одного урока преподаватель успевал проверить двух, редко трёх

учеников. Таким образом, устанавливалась определенная очерёдность проверяемых; те из них, которые ещё не отвечали, должны были быть «начеку». Получалось так, что в классе всегда находились несколько человек, которым нужно было готовиться к ответу. Это были те лица, которым на «занятных» должна быть обеспечена возможность готовиться к урокам; это было самым убедительным аргументом для дисциплины на «занятных». В конечном счете, на этом основывалось уважение к труду другого человека, и это безусловно воспитывалось на «занятных не под воздействием кого-либо из-вне, а путём внутреннего убеждения. В этом безусловная положительная сторона «занятных»: воспитание самоконтроля, самодисциплины. И нужно отдать справедливость: как правило, дисциплина на «занятных» была хорошей. Напряжённое состояние порядка и тишины сменялось на разговоры уже в конце «занятных» - за 15-20 минут перед ужином, когда воображаемый запах котлеты или каши-запеканки уже настраивал желудок на выделение сока.

Третьим законом «занятных», находящимся в противоречии с двумя первыми, была свобода. Свобода касалась распорядка занятий каждого отдельного семинариста. Даже в распределении подготовки к занятиям на «завтра» она выражалась в том, что каждый устанавливал свой порядок предметов для этого: один начинал, скажем, с Библии, переходил на классический язык, а потом на словесность и историю; другой, наоборот, начинал с классического языка и заканчивал библией. Некоторые ставили на последнюю очередь классический язык только из тех соображений, чтобы воспользоваться уже трудами другого, т. е. списать. Этот грешок водился. Различные были и приёмы подготовки уроков: кто «зубрил», кто делал «записи». Находились любители чтения художественной литературы, которые большую часть «занятных» употребляли на чтение и только на другой день утром, перед занятиями готовились к урокам; «это те, кто стяжал себе славу «способных». «Зубрилки» не были в почёте.⁹⁶⁹ Были любители пения, которые часами переписывали ноты. На «занятных» ученики приучались планировать своё время. На них же готовились ответы на пятёрки, четвёрки, тройки, двойки, и выявлялись различные характеры людей: аккуратных, беспечных, дальновидных, недальновидных. «Занятные» и отношение к ним определяли дальнейшую судьбу того или другого семинариста. На них воспитывалась воля – настойчивость или распушенность кого-либо. Этим занятиям не меньше, а, может быть, даже

---

⁹⁶⁹ В очерке «Обязательные вечерние часы занятий» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Поклонники зубрёжки старались уединиться куда-либо – на лестницу и площадку при ней, или в свободный зал. Кстати сказать, они были не в почёте и в том случае, когда они получали лучшие оценки за ответы, эти оценки в глазах других обесценивались с замечанием: «ну, это зубрёжкой взято». В почёте были «способные» ученики, те, кто получал высокие оценки, при наименьшей затрате труда» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 81.

больше уделялось внимание в системе обучения. На них именно складывался характер того или иного семинариста.

С течением времени нагрузка учебного материала на эти часы становилась меньше, например, в богословских классах, но привычка к организации и дисциплине на этих часах сохранялась. В этих классах на «занятных» можно наблюдать группы беседующих, но под строгим самоконтролем: не мешай другим.

С «занятыми» у автора сего и его соучеников сохранилось много воспоминаний.

Так, в памяти встают следующие события из прошлого.

1. Беседы с А. П. Миролюбовым, инспектором семинарии, о Ф. М. Достоевском.
2. Картина обыска полицией, который производился именно в «занятные».⁹⁷⁰
3. Беседа представителей городского духовенства во главе с соборным протоиереем Ал[ександром] Воскресенским⁹⁷¹ перед забастовкой.⁹⁷²
4. Вручение петиции А. П. Миролюбову перед забастовкой.
5. Занятия кружка по математике в четвёртом классе.⁹⁷³

Как проводились перемены во время «занятных»?

---

⁹⁷⁰ Из очерка «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Брошюры революционного содержания ходили по рукам семинаристов. Кто-то из них имел неосторожность проболтаться одному из многочисленных шпиков, которыми наводнена была Пермь, об этом, и на семинарию был организован налёт полицейских с обыском. Налёт был организован во время вечерних занятий. Налётчики перерыли всё: гардеробы, парты, но ничего не нашли. В некоторых случаях при этом они попадали в смешное положение. Так, они перелистывали книги на греческом языке, держа их вниз головой, что давало повод к насмешкам над ними. Обыск, однако, показал, что удержать семинаристов от участия в революции уже не возможно» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 24 об.-25.

⁹⁷¹ Воскресенский Александр Александрович (1847-?) – протоиерей, настоятель Пермского Спасо-Преображенского Кафедрального собора.

⁹⁷² Из очерка «Александр Павлович Миролюбов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Администрация семинарии прибегла ещё к одному экстраординарному средству, чтобы спасти положение: почти накануне готовящейся семинаристами забастовки в семинарию были приглашены наиболее авторитетные представители городского духовенства: настоятель кафедрального собора – протоиерей А. Воскресенский, человек с академическим образованием, и один из законоучителей в гимназиях – протоиерей П. Пономарёв. В часы вечерних занятий они ходили по классам и предостерегали от объявления забастовки, но было уже слишком поздно: вопрос об объявлении забастовки затрагивал уже престиж семинаристов, их солидарность с другими, и после того, как в семинарию приехал для согласования действий делегат из Вятской семинарии, жребий был брошен, и объявлена забастовка» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 25-25 об.

Автор имел в виду, вероятно, Пономарёва Никанора Николаевича (1864-1932), протоиерея Рождество-Богородицкой церкви г. Перми.

⁹⁷³ Подробнее о кружке по математике см. выше в очерке «Владимир Александрович Кандауров».

Любимым развлечением семинаристов во время перемен на уроках и «занятных» были гуляния по коридору сплошной замкнутой цепочкой парами или тройками. Иногда во время последней большой перемены на «занятных», длившейся 20-30 минут проводились уроки танцев в зале. Здесь под пение «Шуми, Марица» (болгарский гимн) танцевали па-де-катр, а под другие песни па-д`эспань, вальс, польки и др. Иногда из классов неслись разные песни. Вечерние занятия в отличие от уроков всегда носили более интимный характер, поэтому с ними больше связано воспоминаний, чем с уроками, которые носили более официальный характер. В эти именно часы завязывалась большая дружба между представителями разных классов.

Заканчивалось вечернее время в общежитии традиционной молитвой в церкви, и последним исполняли тропарь Иоанну Богослову «Апостоле, Христу Богу возлюбленне» в композиции, которая вошла в употребление, вероятно, со времени празднования столетия семинарии, представляющей торжественный хорал.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 127-130 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора - «Обязательные вечерние часы занятий».

Экзамены*

Они начинались, примерно, числа 5-10 мая и заканчивались числа 5-го июня старого стиля.⁹⁷⁴ Расписание их, сроки проведения устанавливал инспектор, но допускалось вносить некоторые коррективы и со стороны семинаристов. Чаще всего это относилось к распределению времени для подготовки, на какой предмет отвести времени больше или меньше.

Никаких консультаций во время экзаменов не полагалось. Непреложным законом было чередование выхода на экзамен с начала или с конца списка учеников, а именно: нечётные по порядку – 1, 3, 5, 7 и т. д. с начала, а чётные – 2, 4, 6 и т. д. с конца. В этом чередовании были главным образом заинтересованы первый и последний по списку, потому что для них оставались последние билеты (количество билетов соответствовало количеству учеников в классе) и они могли в течение 5-7 минут подготовить их. Экзаменационная комиссия обычно состояла из трёх человек, а оценка первоначально выражалась средним арифметическим числом (дробью), которое потом округлялось или в сторону повышения или понижения ($4 \frac{1}{4}=4$; $4 \frac{3}{4}=5$). Результатам на экзамене придавалось решающее значение. Так бывали случаи, что кто-либо в течение года имел средние положительные оценки, а на экзамене получил три двойки, подлежал увольнению. Корректировать с годовыми оценками можно было только в пределе высших оценок – 4 или 5, и то очень ограниченно.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 138-138 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁹⁷⁴ С 18-23 мая по 18 июня нового стиля.

Вечер «сказителя» былин*

Посвящается П. Ст. Богословскому

12 февраля 1903 г. вечерние занятия в Пермской духовной семинарии начались, как обычно, в пять часов вечера: бессменный семинарский швейцар Яша дал звонок, шумная толпа учеников разошлась по классам и принялась учить уроки. Всё происходило как по заведённому когда-то часовому механизму, но опытный взгляд мог уловить какое-то едва заметное отклонение от обычной нормы поведения семинаристов в этих условиях [в] этот вечер: вместо обычного в этом случае порядка занятий, основанного на непреложных требованиях самодисциплины, чувствовались некая неустойчивость дисциплины, выражавшаяся в повышенной нервозности учеников. Так обычно бывает, когда люди живут под впечатлением ожидания какого-либо важного события в их жизни, долженствующего вот-вот совершиться. Всем было известно, что оно, это событие, должно совершиться именно в этот день с семи часов вечера, и что к этому уже подготовлен обычно пустующий в вечерние часы актовый зал семинарии с художественно расписанным потолком с отрывком из Евангелия Иоанна [Богослова].

В половине седьмого в коридоре второго этажа, где расположены были классы и зал, появились преподаватели семинарии, ректор и инспектор её. Среди преподавателей – старых и молодых – выдавался маститый старец великан, почти на голову выше других, в очках с золотой оправой, с наглядко остриженной головой. Старец этот был грозой семинаристов для ряда их поколений, но они часто видели его перед уроками разгуливающим по коридору с другими преподавателями, часто с молодыми из них, причём он в отличие от своей обычной манеры держаться на уроках строго, неприступно, в обществе своих коллег был разговорчивым, шутил, смеялся, одним словом – был самым общительным человеком. И в этот вечер он был особенно оживлённым и чувствовал себя, можно сказать, имен[ин]ником.

В семь часов все собрались в зале и ждали виновника события, а старец стоял на посту для встречи его. Наконец, «он» появился, поздоровался за руку со старцем, галантно поклонился всем присутствующим и занял указанное ему старцем место за столиком.

Зал семинарии в этом случае напоминал тот вид, который имел в случаях организации семинарских вечеров, с тем отличием, что на том месте, где во время вечеров ставился рояль и была площадка для выступления хора и солистов, теперь скромно стоял один столик со стулом, присутствующих было меньше, меньше было освещения и всё, включая внешний вид участников этого события, имело более скромный вид.

Теперь, когда предварительная организационная сторона события описана, надлежит осветить ряд вопросов, которые естественно возникают у читателя сего: а) что это было за событие, о котором идёт речь, б) какие

были, как принято теперь говорить, «движущие силы» его и в) какую роль это событие играло в семинарской жизни, какие преследовало задачи?

I. Это был вечер, посвящённый художественному чтению русских былин, и как таковой он был уникальным событием в более чем вековой истории семинарии. Это был один, правда, не из столь частых случаев, когда администрация семинарии по своей инициативе предоставила своим питомцам возможность в стенах училища и за счёт его бюджета получить эстетическое наслаждение от прослушивания художественного чтения русских былин.

II. А) Исполнитель художественного чтения былин в те времена представлял собою тоже уникальное явление, чем объясняется, то он привлёк к себе внимание семинарского начальства. Он гастролировал по России и давал концерты, которые при своей оригинальности интриговали новизной, широко афишировались прессой и охотно посещались теми слоями русской интеллигенции, которая по уровню своего культурного развития способна была понимать и художественно воспринимать такие явления культуры, какими являются былины. Исполнителю их г. N (к сожалению, фамилия его утрачена памятью автора сего) было лет под пятьдесят и он больше походил на учёного, чем на артиста.⁹⁷⁵ Он являл собою тип того старого преподавателя русской литературы, о котором рассказывали, что он увлекался декламацией и даже при чтении оды Державина «Бог» слова «без лиц в трёх лицах божества» сопровождал так: сначала закрывал лицо обеими руками, что обозначало «без лиц», а потом раскрывал их, прикладывая веером к ушам, что обозначало – «в трёх лицах божества». Описываемый исполнитель былин, однако, не пользовался внешними приёмами выразительности, как это было, например, у исполнителей «рук» из «Калевалы», которые сопровождали исполнение особыми манипуляциями.⁹⁷⁶ Не пользовался он и музыкальным сопровождением, как это было у Кобзарей.⁹⁷⁷ Его инструментом, если можно так выразиться, были только голосовые связки, аппарат речи, а искусство его сводилось к тому, что он при чтении придавал словам тонкие нюансы и модуляции своему голосу, которые в точности соответствовали народному строю речи, народному говору, народному речитативу в этом случае. Особенно это отличие народной речи в былинах отражено в концовках строк («добрых», высокиих» и т. п.) и в уменьшительных и ласкательных словах («оратай – оратаюшко» и т. п.). Словами трудно передать эту особенность народного склада речи: её можно уловить только слухом. Это так же, например, трудно передать, как рассказать об особенностях исполнения Ф. И. Шаляпиным русских песен, которые, кстати сказать, он исполнял без музыкального сопровождения, -

---

⁹⁷⁵ Возможно, Рябинин Иван Трофимович (1845-1910) – сказитель былин, гастролировавший по России.

⁹⁷⁶ «Калевала» - карело-финский поэтический эпос, состоящий из 50 рун (песен).

⁹⁷⁷ Кобзари – украинские народные певцы.

«Эх, ты, Ваня» и «Не велят Маше за реченьку ходить». К сожалению, исполнение былин не было записано на грампластинках.

Помимо всего прочего автор сего затруднён в описании характера исполнения былин по двум причинам: во-первых, потому, что он тогда был очень молод (16 лет) и естественно не имел достаточных данных для полноценного восприятия художественного исполнения былин и, во-вторых, из-за давности этого события. Но одно осталось в его памяти несомненным, что исполнение было высоко эмоциональным и своевременным для изучаемой им науки – теории словесности. Кстати сказать, исполнялись в большинстве же былины, которые изучались на уроках в семинарии.

Б) Кто знаком был с Пермской духовной семинарией в описываемое время, тот легко может догадаться, вероятно, что маститым старцем, о котором шла речь выше, был преподаватель литературы – Валериан Александрович Фаминский. Да, его можно в этом случае назвать и «имен[ин]ником». Не известно, кому принадлежала инициатива организации этого вечера, но, во всяком случае, он именно, выражаясь на жаргоне настоящего времени, был одним из «болельщиков» этого события, одной из «движущих сил» его. Валериан Александрович, при всей его внешней грубости и сухости в отношении к своим ученикам, не был «бесстрастным» преподавателем, подобно, скажем, своему коллеге – преподавателю истории Алексею Ивановичу Добролюбову или тому же, хотя и более молодому, преподавателю Библии Алексею Ивановичу Дергачёву. Его «объяснения урока», как называли ученики, выступления преподавателей, их речи при переходе к новой теме, были живыми и увлекательными, даже если шла речь о сугубо сухом материале, как, например, при изучении древней литературы во втором классе. «Он» хорошо объяснял уроки» - так отзывались ученики об этой стороне педагогической деятельности В. А. Не был он «бесстрастным» и при оценке «учебных трудов» своих питомцев. Чего он не выносил, то небрежности и неаккуратности, как при устных ответах, так и особенно при выполнении письменных работ. Зато в тех случаях, когда он замечал при устном ответе или в сочинении честный труд ученика, он явно испытывал удовольствие, хвалил его: «молодец, молодец!», а в сочинении благодарил его, особенно если вопрос касался излюбленной его темы. Такой темой у него, несомненно, были русские былины, что явилось содержанием описываемого вечера в семинарии. Спустя два-три года после описываемого события, в семинарии много разговора было по поводу сочинения ученика Павла Богословского, поныне здравствующего профессора Московского гос[ударственного] университета им. М. В. Ломоносова – Павла Степановича Богословского – на тему о нравственных идеалах былин при оценке которого В. А. выразил автору благодарность русским «спасибо». Нет, конечно, в описываемом событии В. А. не был просто наблюдателем, а был организатором его, чему свидетельством являлось, между прочим, и то, что он именно встречал на вечере «сказителя» былин.

III. Вечер с чтением былин был на самом деле, как уже вскользь упомянуто выше, наглядной иллюстрацией к изучению одной из тем науки, известной под названием «теории словесности», которая проходила в первом классе семинарии, а именно к теме: «Русские былины». При этом изучение этой темы сводилось не к «разговорам» по поводу былин и их содержания, а они, былины – заучивались наизусть, все главные: «О Святогоре» (?), «О Микуле Селяниновиче», «О соловье-разбойнике», «Об идолище поганом» и др. Вечер свидетельствовал о том, что не всё было в семинарии подчинено мертвечине, как иногда на это указывали некоторые её бытописатели. Нет, живой родник искусства пробивал себе дорогу и в семинарию, о чём ярко говорит описанное событие.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 153-159.

*В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Сказитель былин в семинарии», по содержанию очень короткий очерк.

О преподавании классических языков в нашей семинарии*

Учебным планом духовных семинарий на изучение латинского и греческого языков отводились часы в первом и втором классах. Программой занятий в основном предусматривались переводы из произведений классиков – писателей римской и греческой истории и художественной литературы. Вся черновая работа по изучению грамматики этих языков падала на плечи преподавателей духовных училищ и являлась безусловной заслугой этих преподавателей. Стоит только вспомнить, например, сколько энергии и трудов было положено на это преподавателем греческого языка Петром Васильевичем Хавским и преподавателем латинского языка Иваном Кузьмичом Сахаровым в Камышловском духовном училище, чтобы по достоинству оценить их великий труд. Преподавателям семинарии, можно сказать, оставалась только «чистовая» работа по некоторому углублению знаний учеников, привитию навыков перевода и чтения текстов, обогащению лексикона, что, конечно, являлось само по себе почётной задачей.

Судя по тому, что в 1902 г., при приёме в семинарию проводились между прочим экзамены по греческому языку, можно заключить, что изучению классических языков в нашей семинарии придавалось большое значение, однако постановку изучения их нельзя признать в полной мере удовлетворительной. Несомненно, что далеко не использованы были для этого все возможности, и главной причиной этого была текучесть преподавательского состава и пестрота приёмов обучения и требований к учащимся. В самом деле, автору сего за два года обучения латинскому языку пришлось иметь дело с тремя преподавателями. В первом классе занятия проводил преподаватель настолько не популярный среди учащихся, что не сохранилось в памяти его имя, отчество и фамилия, а сохранилось только прозвище «Эбурон»⁹⁷⁸, данное, очевидно, из переводов «*De bello Gallico*» Цезаря.⁹⁷⁹ Он был настолько рассеянным, что одетый во фрак иногда являлся на занятия с полурастёгнутыми пуговицами у брюк. Он совершенно не в состоянии был поддерживать дисциплину в классе. Когда он ходил между партами по рядам, на фрак ему прицепляли бумажки. Год занятий был потерян. Лучше шли занятия при Викторе Михайловиче Можгинском, но в

---

⁹⁷⁸ Возможно, имеется в виду Спасский Сергей Павлович – сын протоиерея Владимирской губернии. Кандидат богословия Киевской духовной академии 1891 г. В 1891-1893 гг. преподаватель гражданской истории в 4-6 классах и Закона Божия в 6 параллельном классе Орловского епархиального женского училища; в 1893-1896 гг. преподаватель арифметики и географии в параллельных классах Черниговского духовного училища; в 1896-1899 гг. преподаватель латинского языка в Задонском духовном училище; в 1899-1901 гг. преподаватель латинского языка в Тульской духовной семинарии; с 7 марта 1901 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии. Коллежский советник. // «Пермские епархиальные ведомости». 1902. № 37 (1 октября) (отдел официальный). С. 444.

⁹⁷⁹ «Записки о Галльской войне» древнеримского полководца Юлия Цезаря (100-44 до н. э.).

его занятиях была недостаточная углублённость, переводы делались со слабым анализом текста. Это обнаруживалось, когда во втором классе в течение некоторого времени занятия стал проводить Иван Ермилович Губкинский. Он был очень требовательный и много внимания уделял грамматическому анализу текста. На его занятиях учащиеся многое вспоминали из прежде изученного и вновь изучали из синтаксиса латинского языка. Думается, что если бы в течение двух лет занятия были проведены Иваном Ермиловичем, то его ученики смогли бы свободно переводить некоторые отрывки из Цезаря без словаря.

Во время первой империалистической войны латинский язык попал в ещё более худшее положение: он оказался на положении разменной монеты, т. е. был распределён между несколькими преподавателями для выравнивания их нагрузки.

Греческий язык в 1904-1906 гг. преподавал Арсений Алексеевич Дроздов, а после него продолжительное время – Плетнёв.⁹⁸⁰

По латинскому языку переводы делались из «*De bello Gallico*» Цезаря и «Энеида» Вергилия, а по греческому языку – Ксенофонта «Воспитание Кира» и «Илиада» Гомера. Система занятий была такая: давался текст для перевода на дом – строк 5-6, а на уроках делалась проверка перевода и знание встречающихся в тексте слов. Аккуратно велись словари встречающихся в тексте слов. При выполнении домашних работ широко развита была «кооперация», т. е. пользование чужим трудом – списывание. Были любители «подкавывать» текст, даже художники этого дела, так что когда учебники возвращались в библиотеку, то легко можно было определить, какой текст «прорабатывался» в течение года. «Ключей» к переводам не употребляли. Эта мода была распространена среди гимназистов, особенно в старших классах. «Ключи» обильно доставляла Одесса.

---

⁹⁸⁰ Плетнёв Дмитрий Иванович – кандидат богословия Киевской духовной академии 1902 г. Надворный советник.

Иван Ермилович Губкинский.⁹⁸¹

Он был уже в полном смысле слова старцем. Не известно, откуда он явился в нашу семинарию. Строились предположения, что когда-то где-то жизнь его сильно потрепала. Он был человек замкнутый, не общительный. Таким, по крайней мере, он казался. Про него говорили, что недоверчивость его к другим людям была такова, что он не доверял кому-либо другому готовить себе обед, а готовил сам. Он жил в полном смысле слова анахоретом. Но он был рыцарем чести и долга. Сознание долга по работе у него было видно из его требовательности и по отношению к себе и к ученикам. У него ясно проглядывало желание как можно больше передать знаний предмета своим ученикам и от них потребовать больше знаний. Его честность и сознание долга также были обнаружены, когда он был избран в комиссию по проверке хозяйственной деятельности главы семинарии и, как говорили, раскопал там «завалы» в делах.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 181-186 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

⁹⁸¹ Губкинский Иван Ермилович – сын священника Рязанской губернии. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1886 г. В 1886-1887 гг. преподаватель гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Минской духовной семинарии; в 1887-1895 гг. преподаватель тех же предметов в Рязанской духовной семинарии; в 1895-1897 гг. преподаватель тех же предметов в Симбирской духовной семинарии; в 1897-1901 гг. преподаватель латинского языка в той же Симбирской семинарии; в 1901-1903 гг. преподаватель латинского языка в Ранненбургском духовном училище; с 28 августа 1903 г. преподаватель латинского языка в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел ордена: св. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1906. № 27 (21 сентября) (отдел официальный). С. 437.

О «кантах»

«Кантами» назывались у нас «душеспасительные» песни на моральные темы. Они, очевидно, были отголоском существовавших когда-то «духовных стихов» на темы о бренности жизни («Я в пустыню удаляюсь», «О мати-пустыне» и т. д.). Эти песни имели хождение у старообрядцев, а также в монастырях среди «инокующих».⁹⁸² Их существование и распространение оправдывалось, очевидно, естественным стремлением и желанием петь в таких условиях, когда «грешные песни земли» противопоказаны, а петь хочется – «душа требует». От «инокующих» они по знакомству переходили к находящимся «в миру», но душевно подготовленным к восприятию их содержания и мелодии. Автору сего приходилось встречать в жизни человека с таким складом души. Это был один из псаломщиков на его родине – в с[еле] Тече б[ывшего] Шадринского у[езда] Пермской губ[ернии] – Виктор Александрович Оранский⁹⁸³, в исполнении которого он (автор) слушал «кант»: «С другом я вчера сидел». Виктор Александрович был человек не «от мира сего», так сказать «инокующий» «в миру», и в этом «канте» он «изливал» свою душу по «том мире», в который она должна отойти. Извечная платоновская идея о томлении и тоске человеческой души о своей «родине», прекрасно выраженная М. Ю. Лермонтовым в его стихотворении «Ангел»: «Звуков небес заменить не могли ей скучные (?) песни земли».

По инициативе б[ывшего] Пермского архиерея Петра, любителя «кантов», они были изданы литографированным способом в гармонизированном виде, в композиции для исполнения *trio*. Это издание «кантов» было распространено среди семинаристов – любителей пения. Автор сего имел случай видеть один экземпляр этих «кантов» и даже петь один из них, который начинался словами: «Когда угодно было Богу на свет родиться бедняком...» Этот «кант» в отличие от других пессимистического характера, наоборот, был с рефреном – «и никогда не унывай». Передавали, что «канты» эти гармонизированы были самим епископом Петром. Нужно, однако, заметить, что они, «канты», не имели широкого распространения среди семинаристов, где господствовал сборник Карасёва, а имели хождение только в узком кругу тех «сих малых», которые группировались около Николая Ивановича Знамировского и Тихона Петровича Андриевского.

В 1915 г. в семинарии объявился исполнитель «канта» под аккомпанемент некоего инструмента типа эстонского каннеля (ящик с натянутыми на нём струнами). Событие это было в истории семинарии не менее уникальным, чем появление «сказителя» былин. И едва ли не Николай

---

⁹⁸² «Инокующий» – инок, иночествующий; древнерусское название монаха.

⁹⁸³ Оранский Виктор Александрович (1874-1905) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 3-му разряду в 1890 г. Был послушником Далматовского Успенского мужского монастыря. Служил учителем и псаломщиком. Псаломщик Спасской церкви с. Русская Теча Шадринского уезда в 1903-1905 гг.

Иванович Знамировский был «открывателем» этого «таланта».⁹⁸⁴ Это был тогда юноша, а в настоящее время уже пенсионер – Владимир Козельский.⁹⁸⁵ Он исполнял – пел и аккомпанировал на своём инструменте⁹⁸⁶ – «кант» о том, что слёзы «матери Божьей Марии» превращались в каменный горох. Рефреном в этом «канте» были слова: «только каменный горох». Появление этого юноши в семинарии с исполнением «канта» после того, как среди семинаристов выявился целый ряд певцов оперного типа, показалось каким-то анахронизмом и сенсацией, и поэтому с его личностью, как это обычно бывает в подобных случаях, было связано много выходов со стороны его товарищей, которые направлены были не то в сторону настоящего увлечения его талантом, не то в сторону шуток и насмешек над ним. Юноша производил впечатление «отрешённого от мира сего», выходца из «прошлого», человека примерно такого же склада, каким показан Ф. М. Достоевским Алёша Карамазов в романе «Братья Карамазовы». Было ли это на самом деле так, или это получалось только вследствие исключительной оригинальности этого юноши, его оригинального таланта, который поразил его товарищей и побудил их фантазию работать в том направлении, в каком она рисовала его отрешённым от «мира сего», об этом трудно судить. Но когда он исполнял свой «кант» голосом, полным искренности и с позой певца, в какой изображались на картинах исполнители «духовных стихов» разные «калеки переходные», то фантазия переносила слушателей в тот отдалённый мир этих ходячих «артистов», а он казался выходцем из их среды, правда модернизированным уже и с более сложной психической организацией, чем эти последние. Он часто пел, и его часто просили петь! Хотелось бы знать, помнит ли этот бывший юноша о том, как он был однажды приглашён в комнату, что внизу направо от входа в семинарский главный корпус, и здесь он пел свой «кант» в присутствии автора сего, его жены и их гостя и родственника – соборного протоиерея Ивана Алексеевича Никитина? А ещё более интересным было бы узнать, как этот момент в его

---

⁹⁸⁴ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Куда только не водил его на показ Николай Иванович, в «училище благочестия», на вечера, показывал даже самому владыке Андронику и тот похвалил музыканта» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 115. Андроник (Никольский) (1870-1918) – епископ Пермский и Соликамский в 1914-1916 гг., Пермский и Кунгурский в 1916-1918 гг. Архиепископ с 1918 г. Священномученик Русской Православной Церкви.

⁹⁸⁵ Козельский Владимир Петрович (1895-1973) – окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1909 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1915 г. Обучался в Казанской духовной академии в 1915-1917 гг. «Начинал учиться в Казанской духовной академии. Работал преподавателем немецкого языка, главным образом, в военной школе в Перми. По выходе на пенсию (1960 г.) жил в Перми, участвовал в хоре инвалидов судозавода и играл на цимбалах в самодеятельных концертах». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 177).

⁹⁸⁶ Автор имеет в виду цимбалы – струнный ударный музыкальный инструмент.

жизни связался в дальнейшем с его последующей жизнью и преломился в его психике.⁹⁸⁷

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 159-162.

---

⁹⁸⁷ См. отдельный очерк «Владимир Петрович Козельский.

В бане*

Ещё путешественники-иностранцы, например, Олеарий⁹⁸⁸ в своих заметках о русских людях отмечали, что русские люди любят мыться в банях. В наши времена сохранился любопытный рассказ о том, как Ф. И. Шалапин по пути в Египет для ознакомления с пирамидами прохладился в турецкой бане в Константинополе и задержал на 15 минут пароход, с которым он должен был отплыть в Каир. Что говорить, любят русские люди баню и называют её любовно банькой. Что в семинарии умели ценить и ценили баню, об этом свидетельствовало то, что был к этому делу, к подготовке бани поставлен человек – Кондратий. Он так и назывался «банщик». Годами сидел он, как говорят, на этом деле и знал, как надо угодить «господам».

В настоящее время семинарская баня является уже археологическим памятником – единственным зданием, которое не претерпело изменения и сохранилось от «тех времён»! В прежние времена это здание казалось довольно солидным по величине, а теперь, в окружении четырёхэтажных зданий его с трудом можно заметить. Баня составляла тогда только часть здания и расположена была в нижнем этаже его, а на втором этаже были квартиры сторожей и столярная мастерская. Баня разделялась на две подбани: большая из них – общего пользования, а меньшая – для «господ». В раздевалке бани стояли скамейки, на которые и складывалась вся «амуниция» клиентов её. Никаких шкафов для белья не было, и весь надзор за одеждой и чистотой вверялся «самой бане». Кстати сказать, пропажи белья или вообще чего-либо неблагоприятного не случалось. На столике стоял таз с кусочками мыла и лежали вехотки. Грязное бельё складывалось в кучку. Пропускная способность бани была рассчитана, примерно, на двадцать человек в раз, включая и площадь парильни. На это же количество рассчитаны были и тазы. «Пупом», т. е. центром внимания любителей баньки, была парильня. Баня не имела водопровода, и в дни её работы Воронко и Сивко⁹⁸⁹ то и дело подвозили бочки с водой, благо водоразборная будка была через дорогу. Ворота около бани в такие дни были целый день настежь. Любопытно было в такие дни наблюдать за Кондратием. Он весь горел желанием «угостить банькой», услужить. На лице его было можно прочесть затаённую мысль с вопросом: «Ну, как банька? Довольны ли вы?» Он был весь в движении, командовал водовозами и постоянно заглядывал в раздевалку: всё ли в порядке.

Баня находилась вблизи кухни и чтобы попасть в неё из спальни, нужно было совершить длинное путешествие через весь главный корпус, по коридорам, связывающим его со столовой, буфетом и кухней, спуститься из кухни во двор и через интервал в три-четыре сажени вступить в баню. Всё

---

⁹⁸⁸ Олеарий Адам (1599- 1671) – немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик. В 1636-1639 гг. был в России и Персии. Автор книги «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию».

⁹⁸⁹ Клички лошадей.

это шествие напоминало прохождение через «чистилище» прежде чем попадёшь в «рай». Однако такое положение бани имело и положительные стороны, а именно: во-первых, можно было проходить в неё без верхней одежды и, во-вторых, сейчас же после обмывания, по пути, можно было «побаловаться чайком», так сказать, пережить два удовольствия «для души».

Баня готовилась по декадам. Известие о её подготовленности передавалось из уст в уста. «Священнодействие» начиналось с 5-6 часов утра до 9 ч[асов], т. е. до уроков, продолжалось с 2 ч[асов] до 5 ч[асов], т. е. до «занятных», и завершалось с 9 ч[асов] до 11 ч[асов] вечера. Как-то сам собой установился порядок, что очередей не получалось.

Теперь надлежит разрешить вопрос, чем же баня являлась для семинарской братвы? Вопрос странный, но если вникнуть в него, закономерный, по крайней мере, по отношению к известной группе семинаристов. Были такие любители бани, которые дважды на день ходили попариться: и утром, и вечером, т. е. очевидно, не только для тела, но и «для души». Психологию таких людей очень хорошо изучил Кондратий и для них у него в запасе был кувшин с квасом, чтобы пар был ароматный. Это уж, конечно, «для души». Как не сказать по этому случаю: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Был ли особый медицинский контроль в бане, ну, хотя бы, например, по части кожных болезней? Нет! Бывали ли случаи кожных заболеваний среди семинаристов? Не часто наблюдались случаи чесотки. Такие больные изолировались в больнице. Так что «на Шипке было всё спокойно».

Как правило, спальное бельё – простыни, наволочки – менялись в банные дни. Бельё семинаристов поступало из стирки перед баней. У каждого семинариста на бельё значился номерок, по которому оно и раскладывалось в гардеробной. Стирка белья была организована не плохо: даже крахмальное бельё – воротнички, манишки – всегда сдавались в приличном виде. Со временем вопрос о спальном бельё и личном бельё семинаристов – его стирка и распределение после неё – был усовершенствован учреждением должности кастелянши, получившей среди сторожей название «костылянша».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 163-165 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует, информация включена в очерк «Кондратий».

Каникулярное время в общежитии*

20-е декабря – день отъезда семинаристов на рождественские каникулы. Вся жизнь в этот день была сосредоточена в гардеробной, где укладывались вещи в чемоданы, и в прихожей, через которую отъезжающие один за другим выходили из главного корпуса семинарии. Два человека из обслуживающего персонала особенно возбуждены были в суматохе в это время: сторож гардеробной, из-под охраны которого уходили вещи, и наш швейцар Яша, провожавший отъезжающих и, по обычаю, напутствовавший их добрыми пожеланиями. Необычная картина в этот день была у парадной двери семинарии: то и дело подъезжали свободные экипажи – парами и тройками – вбирали в себя пассажиров и стремительно отправлялись в разных направлениях. Их сменяли извозчицы экипажи, в которых садились по два-три человека, и рысаки мчали их на вокзал. По железной дороге в основном отправлялись зауральцы: камышловцы и екатеринбуржцы. Их обычно набиралось такое количество, что они заказывали для себя отдельный вагон до Екатеринбурга и управление жел[езной] дороги охотно удовлетворяло их просьбу.

Закрылась дверь за последним отъезжающим, и семинария погрузилась в тишину и безлюдье. Только небольшая группа в десять-пятнадцать семинаристов оставалась в общежитии. Кто они? Большую часть из них составляли зауральцы, те, для кого поездка домой на три недели составляла материальные затруднения, да ещё те из жителей Прикамья, для которых поездка связана была с водным путем.

Какие перемены в жизни в общежитии испытывали оставшиеся в нём на рождественские каникулы? Прежде всего, заметно ощущалась разрядка нервной системы. Вероятно, так себя чувствовали люди, которых захватил шторм на море или на большой реке, после перехода на шпиль. Одно освобождение от ежедневной власти звонка, власти по часам регулирующей жизнь, переживалась так, как бы снял с себя ношу и присел отдохнуть. Вместо двадцати звонков оставались только звонки на обед и ужин. И странное дело: привычка жить по звонку так въедалась в быт, что на первых порах чувствуешь себя как бы лишённым ориентира. Второе, что испытывалось в изменившейся обстановке, это то, что как-бы всё стало интимное: интимнее отношения начальства к оставшимся и отношения последних к начальству и ко всем другим, с кем приходится соприкасаться: к Яше, Кириллу Михайловичу и т. д. Из внешних перемен, прежде всего, бросалось в глаза пустота в классах, коридорах и особенно в столовой, где раньше заполнялись 12-15 длинных столов, а теперь оставался только один, за который садились люди из разных классов. Это обстоятельство позволяло вступать в знакомство с теми семинаристами, с которыми раньше не было повода знакомиться. Какое богатство свободного времени теперь было у оставшихся! Сколько времени для прогулок на воздух, для посещения музея, театра, читальни, библиотеки! Необычным было присутствие на

богослужении не в рядах, а на положении свободном. Одно чувствовалось, как недостаток: нет хора. Зато у оставшихся обнаруживались скрытые таланты: находились певцы и составлялся так называемый «левый» хор. Предоставлялась большая возможность слушать хоры в других церквях.

Было во время одних каникул два вечера, можно сказать, семейного характера: один в епархиальном училище, где тоже оставалось небольшое количество учениц, а другой – в семинарии. Обменялись вечерами, причём вечера были с угощением, что и делало их похожими на семейные. Наш Кирилл Михайлович не ударил лицом в грязь: были чудесные мясные пирожки и что-то вроде коржиков. В таком виде, в общих чертах, протекала жизнь в рождественские каникулы у семинаристов, оставшихся на них в общежитии.

Иначе, а именно значительно разнообразнее и богаче впечатлениями была жизнь оставшихся на пасхальные каникулы. Михаил Васильевич Попов как-то ухитрялся сохранять на пасхальные каникулы хор, и это в основном всё определяло содержание этих каникул. Две недели сплошного торжества церковной музыки, величия религиозных песнопений – вот в сущности всё то, что на этих каникулах было главным. Страстная седмица – это сплошное торжество песнопений протоиерея Турчанинова. Его «Чертог», «Вечера Твоего тайныя», «Тебе одеющегося» - бессмертные шедевры священных песнопений. Вся страстная седмица представляет постепенное нарастание чувств, высшим средоточием которых является Великое стояние в четверг и всенощная в страстную пятницу.

Во время этой недели шла усиленная подготовка пасхальных украшений. Коридор, соединяющий главный корпус со столовой полон пихтовых ветвей. Разложены конструкции, в стенки которых вплетаются пихтовые ветви. Из этих конструкций будет построена потом ниша перед входом в церковь и на площадке у церкви будет устроен фонтан. Готовятся гирлянды из пихтовых ветвей, которыми будут украшены стены коридора. Готовятся гирлянды из искусственных цветов, которыми будут украшены иконостас и отдельные иконы. Готовятся фонарики из цветной бумаги, которые будут развешаны по стенам в коридоре с горящими в них свечами.

Хор усиленно готовится к Пасхе. Спевки чередуются с очередными богослужениями. Все безотказно заняты на подготовке к Пасхе. Так проходит первая неделя каникул.

Природа между тем уже оживает. В семинарском саду и в сквериках сошёл снег. Бегут ручьи. На пригорках начинает подсыхать.

Особые заботы у Кирилла Михайловича.

И вот наступает Пасха. Поток новых песнопений, величественных, торжественных, утверждающих величие бессмертия. Все украшения в полной красоте и блеске ласкают взор. В слове Иоанна Златоуста все верующие приглашаются на «пир веры». Утверждается победа над смертью. «Христос воскрес!» и ответное слышится повсюду: «Воистину воскрес!»... Но дух Ивана Карамазова коснулся некоторых душ юношей – семинаристов.

Один из них уже отказывался причащаться на страстной неделе под предлогом, что он не хочет быть кровопийцей, принимая при причащении тело и кровь Христовы. Были трое юношей, которые святотатствовали в страстную седмицу: покушали колбасы.

Влияние шло и из преподавательской среды. Когда семинаристы по установившемуся обычаю после пасхальных каникул однажды приветствовали одного из молодых своих преподавателей словами: «Христос воскрес!» - он ответил: «Разве?».

Так именно во время пасхальных каникул в душе некоторых семинаристов скрестились в борьбе вера и неверие. Как разрешилась эта борьба в дальнейшем, это – тайна их душ.

Чем бесспорно хороши были каникулы в общежитии, то это тем, что ученическая библиотека безотказно снабжала оставшихся в общежитии на каникулы книгами – читай вволю! В театр можно было ходить сколько угодно. Одно было не понятно: почему среди семинаристов не развит был спорт, например, бегание на коньках, а это так было бы хорошо на время каникул. Что касается бытового обслуживания во время каникул, то оно было хорошим, особенно на Пасхе, с этой стороны мы должны быть благодарны нашей семинарии: она была для нас настоящая *alma mater*.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 166-169 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

В театре*

У семинаристов было своё, особенное отношение к театру. Трудно определить его одним словом, можно лишь описать его. Иногда это отношение передавалось по традиции до того момента, когда кому-либо удавалось самому познакомиться с театром и артистами. Так, автор сего задолго до знакомства с пермским театром в натуре со слов своего старшего брата уже заочно кое-что знал или вернее сказать слышал о нём.⁹⁹⁰ Он знал, например, о том, что в пермской опере одно время пел знаменитый баритон Круглов. Знал о том, что он особенно хорош был в «Демоне».⁹⁹¹ Знал даже такую деталь о нём, что он одевался по-простонародному – носил шаровары и косоворотку. Знал, наконец, о том, что он рано умер и что весь город провожал его в последний путь. Ему были известны некоторые музыкальные отрывки из опер, например: «Дует Лизы и Полины», «В старину живали люди», «Близко города Славянска», «Мой миленький дружок» и др. Рассказы о театре, опере, артистах – всё это со слов других преподносилось в романтическом духе и создавало в душе у слушателя какое-то благоговейное отношение к этому очагу культуры. Поэтому при первом же знакомстве с городом одним из первых желаний было узнать, где театр и каков он из себя.

После этого легко можно представить, с каким настроением юноша-семинарист отправлялся в первый раз в театр, каковы были его первые впечатления. Здесь всё возбуждало и питало его романтическое воображение.⁹⁹² Особенно сильное впечатление у него оставалось от оперы, потому что пение было той стихией, с которой ему приходилось иметь дело с детских лет. В этом именно пункте – в искусстве пения – у семинариста было специфически семинарское впечатление, какое не могло быть, например, у гимназиста. Вот почему семинаристы были особенными поклонниками и ценителями оперы. Вот почему семинарский хор исполнял на своих вечерах оперные хоровые вещи, как, например, «Ноченьку» из «Демона» Рубинштейна, «Как во горнице светлице» из «Русалки» Даргомыжского, «Хор жрецов» из оперы «Аида» Верди и др.

---

⁹⁹⁰ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Театр был гордостью пермяков и по заслугам: мало было у нас тогда больших городов, которые имели бы такое здание театра. В Екатеринбурге, например, который был центром промышленного Урала, такого театра не было до 1912 г. // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 16 об.-17 об.

⁹⁹¹ Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Любопытно, что к опере «Демон» было какое-то особенное отношение, как бы в её содержании находили что-то созвучное для себя, что-то из психологии «мировой скорби» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 25.

⁹⁹² Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «При замкнутой жизни в интернате, в атмосфере схоластической науки, посещение театра для нас было настоящей отдушиной и откровением какого-то чудесного мира» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 17 об.

В семинарии в разные периоды её существования всегда находились певцы, которые отдавали дань оперным ариям. Известно, например, что в своё время наш уважаемый врач и педагог П. Н. Серебренников исполнял на вечере арию Валентина из «Фауста» Гуно, а в первом десятилетии текущего века в семинарии была целая плеяда певцов, как-то: Шестаков Пётр⁹⁹³, Чирков [Аркадий], Иваницкий [Пётр], Свешников⁹⁹⁴ и др., которые на вечерах в семинарии и в других уч[ебных] заведениях показали высокий класс исполнения оперных вещей. В большом почёте у семинаристов был сборник песен Карасёва, из которого они часто пели хор паломников «Во Иордан-реке мы от грехов омылись», «Ах ты, сердце», «Не проснётся птичка утром» и др. хоровые вещи из опер. Такие хоровые песни, как «Гой, ты Днепр» из «Аскольдовой могилы» Верстовского⁹⁹⁵, «В бурю, во грозу» из оп[еры] Глинки «Иван Сусанин»⁹⁹⁶, «Славься», «Разгулялися, разливалися» были любимыми в репертуаре сельской интеллигенции в основном состоящей из семинаристов. Наши отцы с азартом пели «В старину живали деды» и «Заходили чарочки по столику» из «Аскольдовой могилы». Отцы и дети часто вспоминали при встрече оперу: одни о своём прошлом увлечении, другие – о новых операх, но для них и других Глинка, Даргомыжский, Рубинштейн были любимыми композиторами.

В период нашего обучения в семинарии (1902-1909 гг.) мы видели в театре много опер, в числе их были: «Аскольдова могила», «Руслан и Людмила», «Иван Сусанин», «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Садко», «Севильский цирюльник», «Галька», «Фрадиаволо», «Вертер», «Фауст», «Миньон», «Тане» и др.

Излишне говорить о том, что любимыми были оперы П. И. Чайковского. В течение нескольких лет⁹⁹⁷ в Перми работали оперные труппы под антрепризой А. А. Левицкого. В окнах магазинов на Сибирской улице

---

⁹⁹³ Шестаков Пётр Евгеньевич (1890-?) – сын священника Пермского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г. «Обладая красивым и сильным басом, пел в семинарском хоре, позднее – в архиерейском. Усиленно занимался культурой своего голоса под руководством артистки Василенко-Левитон. Участвовал в семинарских и городских концертах, был постоянным партнёром семинарских трио и квартетов: Ласин С., Кузнецов К., Иваницкий П., Чирков А. Уже после семинарии выступал в опере народного дома в Петербурге по приглашению артиста Фигнера (во время поездки на сессию Синода, с хором в 1915-1916 гг.). Пел в синодальном хоре. Позднее был солистом синодального хора в Москве (по конкурсу), там в Москве скоро и умер». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 159-159 об.).

⁹⁹⁴ Вероятно, Свешников Николай – окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г. и 3 класса Пермской духовной семинарии по 2-му разряду в 1905 г.

⁹⁹⁵ Верстовский Алексей Николаевич (1799-1862) – русский композитор и театральный деятель.

⁹⁹⁶ В описываемые автором годы опера называлась «Жизнь за царя».

⁹⁹⁷ В составе «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: после окончания русско-японской войны в течение двух или трёх сезонов. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 26 об.).

всегда во время сезонов выставлялись фотоснимки с оперных певцов в различных ролях. В каждом сезоне были у семинаристов свои кумиры. Большими поклонниками семинаристов были теноры, особенно лирические. Так, на славе были лирические тенора: Хлюстин, Саянов, Комиссаржевский. Большой популярностью пользовался в Перми драматический тенор – Борисенко, коронной вещью которого была партия Элезара из оп[еры] «Дочь кардинала» Галеви.⁹⁹⁸ Из оперных певиц были на славе: Девос-Соболева, Позднякова, Калиновская, Осипова и др., из них первая вышла замуж за пермского инженера Соболева.⁹⁹⁹ Приходилось семинаристам быть иногда свидетелями трагедии своих любимых певцов – потери ими голоса. Так, через два сезона в пермской опере вновь появилась артистка Позднякова, которая пользовалась раньше неизменным успехом. Все поклонники её таланта приготовились к восторженной встрече, и, увы! Они были полностью разочарованы: певица уже потеряла голос. То же было с тенором Саяновым. В одном сезоне он был в труппе оперных певцов в Казани. Пермляки подготовились по-прежнему встретить своего любимого певца, но, увы! Он уже был без голоса и после первого дебюта больше не появлялся на сцене.¹⁰⁰⁰ *Sic transit gloria mundi!*¹⁰⁰¹ Своим любимым певцам семинаристы иногда приписывали разные небывлицы. Так, из года в год передавали, будто бы те или другие артисты пели в церкви женской гимназии «Разбойника [благоразумного]» Воротникова.¹⁰⁰² На поверку же оказывалось, что это было только вымыслом.¹⁰⁰³

---

⁹⁹⁸ Опера французского композитора Фромантала Галеви (1799-1862). В описываемые автором годы опера называлась «Жидовка».

⁹⁹⁹ Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...и таким образом, навсегда осела в Перми и, увы! потом покинула сцену. В 1914-1915 уч[ебном] году я имел честь обучать её сына Соболева латинскому языку в гимназии Циммерман. Я не могу похвалиться удовольствием заниматься с её сыном» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 22.

¹⁰⁰⁰ Там же: «Так, в Пермь приехал с концертом знаменитый тенор, солист его императорского величества Н. Н. Фигнер. Развешаны были по городу афиши, на которых его фамилия отпечатана была громаднейшими буквами. Все, кто слышал знаменитого певца раньше, собрались на концерте, но когда он запел романс М. И. Глинки «Северная звезда», все увидели, услышали, что их прежний кумир безголосый. Передавали, что великого Шаляпина однажды освистали в Париже. Так, прежние рабы своего «кумира» жестоко мстили ему за своё бывшее и миновавшее «рабство» - такова логика увлечения меломанами своим «кумиром» и разочарования им. Мы не освистывали своих «жертв, но горечь разочарования, всегда была мучительной» // Там же. Л. 24.

Фигнер Николай Николаевич (1857-1918) – русский оперный певец (тенор).

¹⁰⁰¹ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

¹⁰⁰² Воротников Павел Максимович (1810-1876) – русский композитор.

¹⁰⁰³ Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «С каждой оперой связывалось имя какого-то кумира. Так, Ленский – это значит Хлюстин, Онегин – Томский, Дон-Базилио – Квашенко, Элиазар – Борисенко, Монтек – Саянов, Татьяна – Позднякова» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 25.

В течение нескольких лет в Перми опера чередовалась с драмой, а именно: с осени была опера в Перми, а в Екатеринбурге – драма, а потом они менялись, и драма переезжала в Пермь. Семинаристы отдавали должную дань и драме и здесь были любимые артисты: Шорштейн, Хохлов, Пинский, Тинский, Плотников; артистки: Попова, Велизарий и в одном сезоне была молодая девушка Лола, кумир наших меломанов. В театре шли пьесы А. Н. Островского, Л. Н. Толстого «Власть тьмы», Горького «На дне», Андреева «Анатэма», Метерлинка «Синяя птица»¹⁰⁰⁴, Чехова «Вишнёвый сад», Дядя Ваня». Много шума наделала пьеса Протопопова «Чёрные вороны», в которой были выведены иоанниты, поклонники Иоанна Кронштадтского.¹⁰⁰⁵ Одно время в моде была пьеса «Шантеклёр» Ростана.¹⁰⁰⁶

Семинаристы принимали участие в театральной жизни. Так, когда были чествования артистов бенефисы – то подносили адреса. Поклонники участвовали в проводах артистов. Как курьёз нужно отметить и то, что были и такие поклонники театра, которые принимали участие в постановках в качестве статистов.

Знакомство с театром у некоторых семинаристов начиналось с посещения верхнего яруса – «райка» или «парадиза»¹⁰⁰⁷, переходило со времени ознакомления с устройством театра в проникновение в ложи через «пяташника» (капельдинера).¹⁰⁰⁸ Позднее семинаристы обычно покупали ложу на целую группу.¹⁰⁰⁹ В театре семинаристы были представлены своему

---

¹⁰⁰⁴ Метерлинк Морис (1862-1949) – бельгийский писатель, драматург и философ. Автор философской пьесы-притчи «Синяя птица», посвящённой вечному поиску человеком непреходящего символа счастья и познания бытия – Синей птицы.

¹⁰⁰⁵ Иоанниты – псевдоправославная спекулятивная секта, образовавшаяся среди наиболее неистовых поклонников протоиерея Иоанна Кронштадтского, видевших в нём новое воплощение Христа. Согласно официальной точке зрения Русской Православной Церкви – одно из течений в хлыстовстве, именовавшееся хлыстами-киселёвцами.

¹⁰⁰⁶ Ростан Эдмон (1868-1918) – французский поэт и драматург.

¹⁰⁰⁷ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...где за пятак, стоя в плотной толпе, можно было слушать любую оперу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.

Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «В парадизе было тесно, шумно и просто неприятно, потому что возникали споры, вздоры и разные «выражения» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21.

¹⁰⁰⁸ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Сии мужи, блюстители порядка, когда им показывали пятак, охотно пропускали в те ложи, где были свободные места». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.).

Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «Делалось это очень просто: покажешь ему пятак, он подмигнёт – что, дескать «понял», а когда зрительный зал погружался в темноту, возьмёт и втолкнёт в какую-либо ложу. Мы называли своих «благодетелей» вместо высокопарного «капельдинер» прозаичнее – «пяташник» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21.

¹⁰⁰⁹ Из очерка «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...и поскольку позволял объём её, «набивались» в неё, чередуясь сидениями». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18 об.).

собственному надзору, и не было случая, чтобы поступила на их поведение в театре какая-либо претензия. Бывали случаи, что из семинарской ложи неслись слишком громкие аплодисменты и вызовы, но это было в порядке вещей. Бывало иногда так, что братва заранее уговаривалась так: «давайте, ребята, сегодня вызывать Попову», - и ложа содрогалась от возгласов: «Попова, Попова!!».

У семинаристов была библиотека с либретто опер, которая по наследству передавалась «от поколения к поколению».

Любопытно, что один из меломанов-семинаристов – Павлинов Серга¹⁰¹⁰ в наши времена после окончания семинарии был театральным репортёром и выступал на страницах «Пермских Ведомостей» с обзорами театральных постановок.

Когда в 1904 г. был вечер, посвящённый А. П. Чехову, в театре выступали с речами представители от различных школ города. От семинарии речь держал Александр Ильич Анисимов.

Как относилось семинарское начальство к посещению семинаристами театра? Это отношение определялось тезисом: «в театре вместе с молоком юноши могут проглотить и что-либо ядовитое», но ... препятствие и запрещение может повлечь ещё худшие результаты, *ergo*¹⁰¹¹ ... Начальство препятствий не чинило, а в некотором отношении даже шло на встречу. Так, в изъятие порядка уходящим в театр отпускались обеды и ужины досрочно. Был момент, когда можно было бы наложить на посещение театра *veto*.¹⁰¹² Это когда шла пьеса «Чёрные вороны», но времена были тогда такие, что для *veto* у начальства уже не было силы.

Итак, какую же роль играл театр в жизни семинаристов, и какие отношения у них были к театру?

Театр по существу был для семинаристов отдушиной от их замкнутой жизни. Через него, как через окно, они шире смотрели на окружающий мир. Театр, несомненно, помогал им освобождаться от некоторых чисто

Из очерка «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...»: «Когда мы возмужали уже настолько, что стали у нас пробиваться усы, а головы наши украсились «ерошками» и «шевелюрами», нам пользоваться услугами «пяташников» было зазорно, и мы стали арендовать ложи» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 21-22.

¹⁰¹⁰ Павлинов Сергей Николаевич (1882-1970) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1902 г. «Из г. Кунгура. В 1902 г., окончив семинарию, поступил учиться в Томский университет и выбыл из него не окончив, в связи с событиями 1905-1906 гг. Газетную работу начал ещё будучи семинаристом, - с 1892 г. в «Пермских губернских ведомостях». С 1902 г. по 1909 г. сотрудничал в Томской газете «Сибирская жизнь». Свою работу в уральской прессе продолжал до последнего времени, в частности, в Пермской газете «Звезда» и других». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279. Л. 4-4 об.).

¹⁰¹¹ *ergo* – по-латински тогда, следовательно.

¹⁰¹² *veto* – по-латински буквально «запрещаю», право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения.

бурсацких черт, которые появлялись и развивались у них от замкнутой общежитской жизни. Особенная заслуга оперы заключалась в том, что она раскрывала такое богатство музыки, которое для питомцев семинарии, природных певцов и любителей пения, было усладой на всю жизнь. Театр был светочем для семинаристов-юношей, с ним были связаны лучшие воспоминания юношеских лет.¹⁰¹³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 170-174 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁰¹³ В семейном фонде Богословских р-973 хранятся «Воспоминания А. Н. Шишёва о семинарском театре с фотографией автора» (январь 1960 г.), составленные по инициативе И. С. Богословского. Воспоминания касаются периода 1910-1912 гг. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 757, 758).

О семинарском хоре и семинаристах-певцах*

/Страница из воспоминаний/

Восьмидесятилетняя старушка, живущая в нашем домике, из тех, кого прежде называли мещанами, узнавши, что я когда-то учился в Пермской дух[овной] семинарии, показала мне фотоснимок с этой семинарии, который она, как видно, бережно хранила. На мой, признаюсь, недоумённый вопрос о том, чем дорог ей оказался этот снимок, и какая вообще может быть связь между ней и когда-то существовавшей семинарией, старушка лаконически ответила: «семинаристы хорошо пели». Оказалось, что она, эта в настоящее время глубокая старушка, в свои юные годы слушала этот хор в семинарской церкви. Если бы спросить эту старушку, чем именно понравился ей этот хор, что в нём с её точки зрения было особенно привлекательным, то едва ли она сумела бы на это ответить полно и обстоятельно: её восприятие или, по учёному выражаясь, эмоции были несложными, хорошо и всё, без анализа того, что воспринималось чувством, как хорошее, приятное.

Но вот другое суждение об этом же хоре, другая его оценка. Один человек, безусловно, компетентный в области хорового пения *a capella*¹⁰¹⁴ и имеющий вкус в этом деле, так отзывался об этом хоре: «закройте мне глаза, и пусть несколько хоров исполнят мне свои номера, я безошибочно выделю из них наш семинарский хор». В этом отзыве вышеуказанного человека мы находим две стороны его отзыва: а) признание достоинства хора и б) указание на его какие-то специфические особенности.

Но тот и другой отзыв совпадают в том, что этот хор пользовался широкой известностью, был, как говорят, на славе. Слава эта не ограничивалась только пределами города Перми, а широко распространялась по всей губернии, по всем тем уголкам, где были кончившие семинарию или вообще когда-то учившиеся в ней, а, может быть, и бывшие участниками этого хора. Помню, мы ещё готовились только поступать в семинарию, но уже знали об этом хоре от своих братьев и то, что было особенно хорошо когда-либо исполнено хором, и то, какие особенно популярные были певцы хора. А что было с теми певцами хора, которые появлялись где-либо в глухой провинции: их окружали всяким вниманием, почётом, буквально изводили просьбами петь, петь без конца. Когда мой брат¹⁰¹⁵ учился в пятом классе семинарии (примерно в 1898- 1899 гг.) к нему летом приехали четыре товарища-семинариста, все певцы, по характеру голосов составлявшие ансамбль для исполнения трио и квартетов: тут был бас (Владимир Присадский), первый тенор (Александр Смирнов), второй тенор (Александр Горбунов) и второй тенор, близкий к баритону (Павел Ионин). Боже мой, что только было с этими певцами: их нарасхват приглашали то туда, то сюда;

---

¹⁰¹⁴ *a capella* – по-латински буквально «как в капелле», хоровое пение без сопровождения.

¹⁰¹⁵ Игнатъев Алексей Алексеевич.

был специально организован концерт с их участием; публика, где только встречала их, неистово кричала, чтобы они спели: «Закувала та сыза зозуля»¹⁰¹⁶ и особенно ту часть песни, которая начинается словами: «Гей як зачулы...» И с этого момента, т. е. со времени приезда этих семинаристов в наше глухое село, «Гей як зачулы» не переставало звучать и на вечерах, и на пикниках, везде, где только собирались любители пения. Потом так и отмечалось, что эта песня была внесена в репертуар наших сельских песенников пермскими семинаристами, или, как их кратко называли «пермяками». А вот песня «Ты причаль, моя рыбочка» была уже позаимствована от тобольских семинаристов («тоболяков»).

Популярность хора семинаристов в основном, если не сказать – исключительно относилась к нему как к церковному хору. В этом именно отношении были поклонниками его и те, о которых была речь в начале этой статьи, и вообще многочисленные любители пения города Перми и многих провинциальных мест б[ывшей] Пермской губернии. Была ли у этого хора своя особенность индивидуальность, на что, как сказано выше, указал один из поклонников его? Да, эту особенность мог уловить и выделить тонкий музыкальный слух ответного любителя хорового пения. Если мы возьмём небольшой отрезок времени, примерно 5-6 лет (1903- 1909 гг.), то в ту пору существовало в Перми несколько церковных хоров, которые по своему характеру разделялись на три типа: а) смешанные хоры с детскими голосами, б) смешанные хоры с женскими голосами и в) однородные хоры. К категории **а** относились: архиерейский хор, хоры семинарии и дух[овного] училища; ко второй категории **б** относились хоры церквей Богородицкой, Слудской и Феодосиевской и к категории **в** – хоры женской гимназии, учительской семинарии и епархиального училища. Когда в 1909 г. организован был концерт церковных хоров в актовом зале Мариинской женской гимназии, то на нём дебютировали четыре хора: архиерейский под управлением М. В. Попова, Богородицкой церкви под управлением Степанова, Мариинской женской гимназии под управлением Тиме и женской учительской семинарии под управлением Ю. М. Словцова.¹⁰¹⁷ Семинарский хор не принимал участия по неизвестной мне причине (кажется, вследствие какого-то кризиса). На этом концерте были представлены все три типа хоров, из которых по своему характеру семинарский хор ближе всего был к архиерейскому хору, а именно: оба они были смешанными хорами и [с] детскими голосами, оба они детские голоса получали из состава учеников дух[овного] училища. Существенной разницей между ними было то, что мужской состав арх[иерейского] хора был в основном укомплектован из певцов по найму, в числе которых были люди пожилые, что неизбежно отражалось на звучании их голосов (тембра), в семинарском же хоре басы и тенора – это были юноши 18-20-21 лет, с голосами только-только формирующимися. Это, несомненно,

---

¹⁰¹⁶ Украинская народная песня.

¹⁰¹⁷ Словцов Юлий Михайлович (1876-?) – музыкальный педагог.

придавало звучанию хора некоторый специфический характер, который усугублялся также юношеским темпераментом исполнения. Этого вполне достаточно для того, чтобы любители пения охотно шли слушать этот хор. Вот почему в те дни, когда можно было предполагать, что хор исполнит свои лучшие номера (это было, например, в большие церковные праздники), небольшая семинарская церковь, площадка перед ней, даже часть лестницы, ведущей к церкви, до отказа были заполнены людьми разного возраста, различных профессий, вплоть до руководителей музыкальных училищ и артистов оперы.

Чем был хор для самих семинаристов? Для певцов, которых естественно было меньшинство (20-30 чел. примерно из 200), хор был местом, где развивались (а иногда, правда, и портились) голоса, где они постигали науку музыки и пения и где они, наконец, переживали лучшие минуты музыкально-эстетического наслаждения. Кто испытал это последнее, тот на всю жизнь уже сохранит в душе любовь к пению. Для не-певцов хор скрашивал подчас утомительное стояние по принуждению, был своего рода концертом, который доставлял удовольствие слуху. Но для тех и других он был предметом гордости. «Наши пропели лучше всех» - слышались семинарские голоса в тех случаях, подобно описанному выше, когда предоставлялась возможность сравнивать его с другими хорами.

Развивался ли хор, совершенствовался ли он или был стабильно неподвижным. Если он развивался, то когда был расцвет его?

К сожалению, как указано уже выше, мы можем говорить о хоре только за небольшой период времени (5-6 л[ет]), история не сохранила нам данные о хоре за десятилетия раньше. Единственно, что передавалось о прошлом семинарского хора, то о блестящем его выступлении, во время празднования столетия семинарии, которое праздновалось в году (?).¹⁰¹⁸ Передавали, что тогда хор под управлением Андрея Будрина¹⁰¹⁹ был объединён с хором дух[овного] училища и показал себя во всей мощности и с большим искусством исполнения.

Можно ли отметить перемены в хоре за тот небольшой отрезок времени, который указан выше, и в чем эти перемены?

Прежде всего, относительно репертуара хора нужно сказать, что он значительно расширился. Из творений Бортнянского исполнялись его бессмертные концерты. Херувимские (семь номеров) уже вышли из моды. Бессмертные творения Турчанинова, относящиеся к страстной седмице, остались в прежнем величии. Хором исполнялись произведения:

---

¹⁰¹⁸ В тексте год пропущен. Столетие Пермской духовной семинарии праздновалось в 1900 г.

¹⁰¹⁹ Будрин Андрей – окончил Пермскую духовную семинарию в 1899 г. Священник Крестовоздвиженской церкви села Сергинского Пермского уезда.

Аллеманова, Металлова, Ломакина, Музыкаску¹⁰²⁰, Маркевича¹⁰²¹, Соколова¹⁰²², Беневского.¹⁰²³¹⁰²⁴ Новым в репертуаре были музыкальные творения Архангельского.¹⁰²⁵ В творениях последнего утверждался новый музыкальный стиль: выражение глубоких чувств (концерты «Господи, услыши» и «Внуши, Боже»), или величественных, восторженственных чувств («Хвалите имя Господне», «Богородице дево[, радуйся]»), или спокойной, торжественной лирики («Слава в вышних Богу...»). Среди, в общем, пёстрого состава исполняемых номеров, сочинения Архангельского и отчасти Ломакина создавали уже впечатление определенного стиля. Однако, позднее, в [19]12-[19]14 гг., уже точнее определилось новое направление в церковно-хоровой музыке, характерной чертой которого было сближение мелодии с древними образцами песнопений, причём значительное место в этом случае отводилось пению в унисон с ведущим басовым голосом.¹⁰²⁶ Как видим, репертуар хоровых вещей был изменчивым и чувствительным к новым течениям в музыке.

Что нового происходило в стиле исполнения? По-прежнему оставалось в силе традиционное увлечение исполнением *solo*¹⁰²⁷, типичным представителем чего был концерт «Днесь Владыка твари».¹⁰²⁸ Но это увлечение получило дальнейшее развитие: в концертах Архангельского оно стало применяться как вступление, запевка, а у некоторых композиторов вылилось в сольное пение в сопровождении хора («Тебе поем», «Ныне отпускаеши»).¹⁰²⁹ Широкое распространение имели номера *solo-trio*. Надо полагать, что указанное выше течение, характеризующееся, так сказать, возвратом к старому, являлось реакцией на злоупотребления сольными в сопровождении хора номерами, уводившими церковные песнопения в область светских песен и сближавшими их с оперным пением.

---

¹⁰²⁰ Музыкаску Гавриил Вакулович (1847-1903) – румынский композитор и хормейстер, музыковед, педагог, музыкально-общественный деятель.

¹⁰²¹ Маркевич Николай Андреевич (1804-1860) – российский историк, этнограф, фольклорист и писатель.

¹⁰²² Соколов Николай Александрович (1859-1922) – русский композитор и музыковед.

¹⁰²³ Беневский Василий Дмитриевич (1864-1930) – хоровой дирижёр, регент, композитор, педагог.

¹⁰²⁴ «Оставался еще по традиции Ведель (Покаяния)». (Примеч. автора).

¹⁰²⁵ Архангельский Александр Андреевич (1846-1924) – русский хоровой дирижёр и композитор.

¹⁰²⁶ «Это направление внесено было в практику регентом архиерейского хора Чумаковым. В семинарии оно осуществлялось при регенте Г. И. Богомолове. Наиболее ярко оно было представлено при исполнении хором: «Благослови, душе моя Господа», где мелодию в бас, и в «Хвалите Имя Господне», в котором значительная часть исполнялась в унисон». (Примеч. автора).

¹⁰²⁷ *solo* – музыкальный термин, исполнение всего музыкального произведения или его ведущей тематической партии одним голосом или инструментом.

¹⁰²⁸ Вероятно, имеется в виду концерт А. Веделя «Днесь Владыка твари».

¹⁰²⁹ Вероятно, автор упоминает популярное сочинение духовного композитора Михаила Порфирьевича Строкина (1832-1887) «Ныне отпускаеши» с партией солирующего баса.

Кто были регентами хоров? И кто они были?

Прежде всего, нужно сказать, что это были люди, о которых в собственном значении можно употребить выражение: каждый из них должен был быть «и чтец, и жнец, и в дуду игрец», а именно: он и псаломщик, и музыкальный руководитель хора, и архивариус, и, наконец, администратор хора. Да, именно – администратор! Он должен был подбирать детские голоса в дух[овном] училище, терпеливо организовывать их (а среди них попадались и капризные), терпеливо отбирать певцов среди семинаристов, всячески ладить с ними (попадались ведь тоже самолюбивые, капризные), сколачивать всех в дружный коллектив. Кроме того, положение регента во многом напоминало положение пушкинского стационарного смотрителя: подойдёт какой-нибудь случай (архиерейская служба, торжественное собрание и т. д.), подавай тому то-то, другому это. И всё это за «здорово живёшь». Только исключительная любовь к этому делу двигала этими людьми и помогала им переносить всякие невзгоды, которые, увы! иногда их посещали.

Чаще всего регентами становились певцы этого хора или певчие хора дух[овного] училища, которые по случаю ломки голоса не были участниками семинарского хора, а выдвигались прежде знавшими их товарищами. Так, в бытность мою учеником семинарии регенты – Захаров¹⁰³⁰, Хохлов¹⁰³¹ были певцами семинарского хора, Белов¹⁰³² и Попов уже были выдвинуты по прежнему знакомству с ними (вероятно по дух[овному] училищу) и, наконец, Богомолов был избран регентом как музыкант-пианист. Каждый из них имел свою музыкальную индивидуальность, по разному проявлял свои таланты, но

---

¹⁰³⁰ Захаров Алексей – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1904 г. Регент семинарского хора с сентября 1902 по июнь 1903 г.

Из «Воспоминаний о регенте семинарского хора М. В. Попове» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Захаров не уронил честь семинарского хора, но он не внёс в него ничего нового: репертуар хора не обновлялся» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727. Л. 3. В очерке «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Был единственным из семинаристов, которому открыт был доступ на семейные вечера в доме ректора семинарии К. М. Добронравова, на которых он услаждал слух грозного хозяина дома. Скоро потерял голос и в 1902- 1903 уч[ебном] г[оду] был регентом хора уже безголосый» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 105 об.-106.

¹⁰³¹ Хохлов Михаил – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1910 г. «Потом окончил Казанский ветеринарный институт. Работал ветеринарным врачом в г. Хабаровске в должности начальника ветеринарной службы». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 244).

¹⁰³² «Ставший потом, по окончании семинарии, видным певцом-тенором». (Примеч. автора).

Белов Пётр Михайлович – сын священника Пермской губернии. Окончил 5 классов Пермской духовной семинарии в 1917 г. «В 1917 г. поступил на исторический факультет Пермского университета. Получил высшее образование, работал в средних школах г. Перми». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 1. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1276. Л. 76).

все они, однако, имели одну общую черту, а именно – были регентами «волею божиею», т. е. на опыте только постигали тайны этого мастерства (по красочному современному выражению – были регентами «от станка»). Среди указанных выше регентов, так сказать моей эпохи, самой колоритной личностью был, конечно, Михаил Васильевич Попов.¹⁰³³

[¹⁰³⁴]

О семинаристах-певцах.¹⁰³⁵ Их было, конечно, гораздо больше, чем участников хора. Но у нас речь будет о тех, которые выделялись из ряда других, что и обнаруживалось, главным образом, через участие в хоре. Однако участники хора тоже не были какой-то безликой массой и разделялись на две категории: рядовые (что-то вроде рабочих пчёл) и солистов. Эти последние и были преимущественно любимцами всей массы семинаристов, и о них далеко разносилась молва и слава.

Если измерять историю семинарии по шестилеткам в соответствии с шестилетним пребыванием каждого семинариста в стенах своей *alma mater*, то нужно сказать, что каждая шестилетка, или примерно шестилетка имела своих кумиров-певцов, о которых говорили и в стенах семинарии и далеко за её пределами. Кто они были? В 1902 г., когда мы поступили в семинарию, на славе были: от басов – Пономарёв Аристарх¹⁰³⁶, от баритонов –

---

¹⁰³³ См. очерк автора «Воспоминания о регенте семинарского хора М. В. Попова».

¹⁰³⁴ В очерке «Регенты. Репертуар. Стиль исполнения» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор продолжает: «После Попова регентами семинарского хора были: Хохлов Михаил, Спасский Сергей и Богомоллов Григорий. Хохлов несколько лет пел в хоре Попова в качестве «чернового» тенора, работяги из тех, на ком обычно держится партия голоса, а Спасский пел в хоре Попова ещё солистом-альтом. Естественно, они были продолжателями его. Совершенно другим путём сделался регентом Богомоллов Григорий, основным достоинством его было то, что он был музыкант-пианист, но он, конечно, знал и понимал церковную музыку, тяга к которой у него была и от его батюшки. Не последнюю роль, вероятно, в этом случае сыграло и то, что родитель его служил в женском монастыре, и у него (Григория) было знакомство с монастырским хором. Главным событием в истории семинарского хора при Богомоллове был поворот в сторону стиля, привнесённого в церковную музыку композитором Чесноковым, причём передаточной инстанцией послужил архиерейский хор, где был регентом Чумаков. Особенностью этого стиля является сближение с мелодиями «древлего» пения и усиление пения в унисон. Зачатки этого стиля были уже и раньше, например, «Тебе поем» в одной музыкальной композиции начиналось в унисон, но тогда это был частный случай, теперь же этот стиль был взят на вооружение, как основная линия церковной музыки, но на этом существование семинарского хора было уже прервано...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 98-99.

¹⁰³⁵ В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора – отдельный очерк «Семинаристы-певцы».

¹⁰³⁶ Пономарёв Аристарх Рафаилович (1881-1967) - сын псаломщика Екатеринбургского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 2-му разряду в 1892 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. «В течение 1902-1903 уч[ебного] г[ода] был солистом басом в семинарском хоре, а потом священником в

Мультановский¹⁰³⁷, от теноров – Чернавин¹⁰³⁸, которого все называли по имени и отчеству – Алексей Иванович, что было знаком особого уважения. Все они были обладателями голосов чистых, так сказать, девственных, чуждых вредного влияния, которое шло от пения оперных певцов. Жертвой этого влияния, как тогда передавали, был Захаров, который совершенно расшатал свой голос, злоупотребляя *tremolo*.¹⁰³⁹ У Пономарёва А. был голос мягкий, бархатистый с широким диапазоном и нужно отдать ему справедливость он хорошо им владел. У Чернавина голос был мягкий, нежный, лирический, и когда он пел вместе с Пономарёвым, что иногда в церковных песнопениях встречалось, то у них получалось очень гармонично. У Мультановского голос был несколько другого характера – металлический тембр, но без излишней резкости, как это иногда бывает у певцов с этим тембром. Несколько в стороне от них стоял Медведев Иван Панфилович, бывший канонархом, своеобразным декламатором, по голосу которого шло общее пение.¹⁰⁴⁰ Он обладал голосом звонким, как колокольчик; его так и называли соловьём.

Екатеринбурге, причём временами принимал участие в арх[иерейском] хоре» (из очерка «Семинаристы-певцы» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.). Обучался на медицинском факультете Томского университета в 1904-1905 гг. Посвящён в сан священника в 1906 г. Священник походной церкви Верхотурского уезда в 1906-1910 гг., Екатерининского кафедрального собора г. Екатеринбурга в 1910-1915 гг. Во время Первой мировой войны - священник Балтийского флота. См. «Флотский священник. (О священнике Аристархе Пономареве)». ЕЕВ. 1915. №5 (1 февраля) (отдел неофициальный). С. 99-100. Затем священник церкви штаба Владивостокской крепости (до 1922 года). Участник Поместного собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. В эмиграции священник Николаевского собора г. Харбина (Китай). Протоиерей с 1923 г. Миссионер Харбинской епархии в 1927-1941 гг. Участник II-го Всезарубежного собора Русской Православной Церкви Зарубежом в Сремских Карловцах в 1938 г. Кандидат богословия 1939 г. Ректор Харбинской Свято-Алексеевской духовной семинарии в 1938-1946 гг. Настоятель церкви Всех Святых в земле Российской просиявших в г. Париже с 1953 г. Член Епархиального совета Западно-Европейской епархии РПЦЗ в 1961-1964 гг. Подробнее см. ст. Сухарев Ю. М. «Жизнеописание митрофорного протоиерея Аристарха Рафаиловича Пономарева».

¹⁰³⁷ Из очерка «Семинаристы-певцы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В 1902-1903 уч[ебном] г[оду] был солистом семин[арского] хора. Выступал на вечерах с сольными номерами. Так, в этом же году на вечере он исполнял дуэт «Звёзды блещут точно очи» с А. И. Чернавиным. У него был звучный, правда, немного суховатый голос, которым он управлял с большим мастерством» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 103.

¹⁰³⁸ Чернавин Алексей Иванович (1884-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1904 г. «Работал учителем». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 109).

¹⁰³⁹ *tremolo* – многократное быстрое повторение одного звука либо быстрое чередование двух несоседних звуков, двух созвучий (интервалов, аккордов), отдельного звука и созвучия.

¹⁰⁴⁰ Канонарх – церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поёт хор.

На смену этим певцам пришла целая плеяда семинарских певцов знаменитостей, как-то Свешников, Плотников, Иваницкий, Ласин, Чирков и Шестаков, Медведев Эварест, в течение двух-трех лет лидером среди них был Свешников. Обладая голосом мелодичным, мягким и чистым, хотя не особенно сильным и широким по диапазону, он выдвинулся исполнением *solo* в сопровождении хора. Популярность его в этом отношении была настолько широкой, что его в особенно торжественных случаях приглашали исполнять эти песнопения в другие хоры. Так, однажды по семинарии разнеслась весть, что Свешников «гастролировал» в Слудской церкви – исполнял *solo* «Ныне отпускаеши». Это на самом деле было, и этому обстоятельству молва придала уже слишком громкую огласку. Что касается других, указанных выше певцов (Иваницкий, Чирков, Шестаков), то их слава основана была на другой области исполнения, о чём будет сказано ниже. Среди певцов этого времени нужно отметить Меркурьева Александра¹⁰⁴¹ (октава¹⁰⁴²) и Марина Коровина (тенор), который пел в арх[иерейском] хоре.

Говоря о семинарском хоре и певцах-знаменитостях, нельзя обойти молчанием участие их в вечерах, в исполнении светских произведений; особенно это нужно сказать о певцах, и что слава их, главным образом, шла по этой линии. Что из себя представляли семинарские вечера? Они устраивались редко (раз-два в году), и были большим событием для семинаристов. Событие это начиналось с того, что нужно было добиться разрешения и определить программу вечера. Дальше начиналась мобилизация всех сил: хора, солистов, музыкантов, декламаторов, распорядителей и всего, всего, вплоть до приведения в порядок семинарских шевелюр. Боже мой! Кто только выдумал эти шевелюры и возвёл их в идеал красоты?! Подготовка продолжалась с месяц, а то и больше. Как себя показывал на вечерах хор, и что он исполнял? Хор семинаристов на вечерах выступал и как однородный, и как смешанный. Как однородный хор в разное время, например, исполнял следующие музыкальные произведения: «Хор рыбаков» из оперы Верстовского¹⁰⁴³, «Гой ты, Днепр», «Сторона-сторонка», «Ноченька» из оперы «Демон» Рубинштейна с аккомпанементом под

---

¹⁰⁴¹ Меркурьев Александр Алексеевич (1889-1947) – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г. «Октавист семинарского хора. Был офицером у белых. Работал в Свердловске счётным работником, штукатуром и на других работах, а в последние годы жизни – в типографии «Уральского рабочего». Участвовал в хоре Свердловского радиоузла октавистом». (Шишён А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 120).

¹⁰⁴² Октава – бас *profundo* – очень низкий мужской голос, который мог брать звуки октавой ниже обычных басов. В русском церковном пении этот голос очень ценился.

¹⁰⁴³ Из оперы «Аскольдова могила».

управлением Н. В. Пиликина¹⁰⁴⁴, «Жук и роза», «Лес мой, лес» - муз[ыка] Клауэра, «Белеет парус одинокий» - муз[ыка] Пиликина и под его же руководством, «Ах ты, сердце» - муз[ыка] Даргомыжского из оп[еры] «Русалка» и различные народные песни.¹⁰⁴⁵ В 1915 г. под управлением семинариста Хохлова был исполнен хор жрецов из оперы «Аида» Верди с солистами: Спасский (бас) и Медведев (тенор). При упоминании указанных выше музыкальных произведений у кого-либо может возникнуть вопрос: не слишком ли претенциозны были выборы этих произведений для семинарского хора. Можно на этот вопрос указать на то, что хором при исполнении, например, «Ноченьки» Рубинштейна руководил человек с консервативным образованием, очень щепетильный в вопросе своего реноме, во всяком случае, не позволивший бы себе возможности публично марать свой дирижёрский престиж. По мнению же многих авторитетных судей этот номер («Ноченька») был исполнен на уровне не ниже среднего оперного хора. На таком же примерно уровне исполнялись и др. муз[ыкальные] произведения.

Как смешанный, хор исполнял различные народные песни, например: «Ай во поле липонька», «Со вьюном» и др. На одном же вечере исполнено было «Как во горнице светлице» из оперы Даргомыжского «Русалка», «Заплетися плетень» оттуда же. Несомненно, как это и было признано знатоками дела, хор семинаристов при исполнении светских муз[ыкальных] произведений показал высокую культуру. Вот почему его охотно приглашали для участия в вечерах др. учебных заведений города, например, в женскую гимназию Барбатенко.

Широко распространялась слава о наших солистах, исполнителях различных *trio*, дуэтов, романсов и арий. Сольные номера трио и дуэтов исполнялись с аккомпанементом и без аккомпанемента. Без аккомпанемента исполнялись, например *trio*: «Сосна», «Утёс» Даргомыжского, из оперы «Купец Калашников» молитва братьев Калашниковых «Не дай погибнуть, Господи»¹⁰⁴⁶; дуэты: «Звёзды блещут точно очи» и др. Под аккомпанемент исполнялись *trio*: «Парус» Корнилова¹⁰⁴⁷, «Повеяло черемухой»

---

¹⁰⁴⁴ В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в свердловской коллекции» воспоминаний автор относит содержание этого вечера к 1906-1907 году.

¹⁰⁴⁵ В очерке «Регенты. Репертуар. Стиль исполнения» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На вечере в 1902-1903 уч[ебном] году хор под управлением Захарова исполнял: «Сторона ль, сторонка» (из сборника Карасёва), «Во Иордан-реке» (оттуда же), «Сумрак ночи пал на землю» (неизвестного автора). От прежних вечеров среди семинаристов бытовала песня «Я пережил свои желанья» под немой аккомпанемент хора» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 100 об.

¹⁰⁴⁶ Имеется в виду дуэт из оперы «Купец Калашников» А. Г. Рубинштейна.

¹⁰⁴⁷ Имеется в виду романс «Белеет парус одинокий» композитора Ивана Ивановича Корнилова.

Гольтисона.¹⁰⁴⁸ *Solo* под аккомпанемент рояля исполняли, например, Захаров – «*Ave Maria*» Шумана, «Вернись» Денца – Ласин, «Любимая ты» Денца – Свешников, «Нет, за тебя молиться я не мог» Пасхалова¹⁰⁴⁹ – Чирков, «Ариозо» Дубровского [из] «О дай мне забвеньё» Направника¹⁰⁵⁰ – Иваницкий, «Когда был я ребенком» Гольтисона – Э. Медведев, «Утренняя серенада» Тальяфико¹⁰⁵¹ – он же, «Ах, полынь-полынь трава» – П. Шестаков, «Ах ты солнце, солнце красное» Слонова¹⁰⁵² – он же. Естественно возникает вопрос: откуда поступал столь пёстрый репертуар и кто руководил певцами при исполнении указанных выше музыкальных номеров? Исполнением Свешникова, Чиркова и Ласина руководил Н. В. Пиликин (см. выше). Репертуар других певцов составлялся под влиянием связи с другими певцами города и отчасти под влиянием музыкального деятеля в тогдашней Перми – М. Л. Василенко-Левитон, которая была негласным меценатом в этом деле для семинаристов.¹⁰⁵³ В самых выступлениях наших солистов на сценах вечеров можно указать два периода: один, который образно можно было бы назвать «утробным», когда эти выступления происходили только внутри семинарских стен, а другой уже «вне-утробным», когда исполнители стали фигурировать на сценах города. Не безынтересно отметить в этом отношении дружбу с женской гимназией Барбатенко, на вечерах которой выступали наши музыканты и певцы. В этой же гимназии работали и некоторые преподаватели семинарии. Насколько сильны были в то время тенденции к выходу «в свет» свидетельствует исключительный случай в истории семинарии, когда смешанный хор его выезжал на концерт в Юговской завод, родину М. В. Попова.¹⁰⁵⁴

Кто же из семинарских певцов этого времени был наиболее «на славе», и на чём была основана эта слава?

Чирков (его семинаристы любовно называли «Чира») был обладателем баритона, довольно сильного, с широким диапазоном, но несколько суховатого. Он обладал очень музыкальным вкусом, имел высокую

---

¹⁰⁴⁸ Гольтисон Михаил Александрович (1870-1914) – духовный композитор, певец (тенор), хоровой дирижер и музыкальный писатель.

¹⁰⁴⁹ Пасхалов Виктор Никандрович (1841-1885) – русский композитор.

¹⁰⁵⁰ Имеется в виду романс Владимира из оперы Э. Ф. Направника «Дубровский».

¹⁰⁵¹ Тальяфико Джузеппе (1821-1900) – оперный певец, режиссёр, композитор

¹⁰⁵² Слонов Михаил Акимович (1869-1930) – русский композитор.

¹⁰⁵³ «В семинарском саду была беседка – ротонда, с которой открывался вид на Каму и Заречье. В этой ротонде вечерами, когда были тёплые вечера, на Каме там и здесь горели разноцветные лампочки, собиралась группа певцов и далеко-далеко разносились любимые песни семинаристов, и им внимали слушатели на лодках, снующих по широкой реке». (Примеч. автора).

¹⁰⁵⁴ «Среди любителей пения, не участников хора, после революции были распространены такие песни, как «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи в ногу», «Слышите» (похороны рабочего). Кроме того, разнообразные по характеру: «Ах ты, ночь ли ноченька», «Что так склонилась зелёная ивушка», «Азбука» (алфавит, положенный на музыку), «Братья, рюмки наливайте» (вакхическая песня) и др.» (Примеч. автора).

музыкальную грамотность и умел при исполнении импонировать слушателям. Будучи студентом Киевского коммерческого ин[ститута]-та, как видно, с большим успехом выступал в концертах. Передавали¹⁰⁵⁵, что Ласин (см. выше), который тоже был студентом того же ин[ститута]-та тоже выступал в концертах, так выразился о выступлениях Чиркова: «Я никогда не решился бы выступить вместе с ним» (одновременно), понимать это нужно так, что соревнование было явно не в его пользу.

Иваницкий обладал исключительно приятным лирическим тенором, а на такого рода тенорах тогда в Перми все были, можно сказать, помешаны.¹⁰⁵⁶ В оперном театре кумирами были Хлюстин, Саянов, и вот вдруг появился свой нежнейший «душка», по жаргону гимназисток, да пел он ещё сердцещипательное «О, дай мне забвеньё». Нарекли его неким «вундеркиндом», что ни вечер, концерт в живую очередь его: «пой», «пой»; он пел и через два-три года был уже без голоса. *Sic transit gloria mundi!*¹⁰⁵⁷ Так же сгорел ещё раньше Захаров (см. выше).

Шестаков обладал сильным басом, густым и сочным, с широким диапазоном, неплохо владел им. Больше чем о ком-нибудь другом можно было думать, что вот человек, которому уготована хорошая будущность певца. Но никто другой, с другой стороны, не относился так небрежно и не экономно к своему голосу, как он. Чем иначе объяснить иногда дикие выходы этого тоже «вундеркинда», когда среди относительной тишины в коридоре вдруг раздавалось звериное рычание, что обозначало пробу голоса Шестаковым и передавали, что Ш. выступал в оперном театре на репетиции оперы «Садко» в качестве исполнителя арии норвежского гостя. Было ли это на самом деле или нет – не известно¹⁰⁵⁸, но со мной был такой случай в 1920 г. в г. Слуцке (Белоруссия).

В этот город приехала небольшая труппа артистов, в составе которой оказались пермяки: Демерий – оперный певец и жена его Прозоровская – артистка эстрады. Узнав об их пребывании в городе, я решил повидаться с земляками, и состоялась встреча. Разговаривали о том, чем же кому Пермь была примечательна, и Демерий, узнав, что я когда-то был учеником семинарии, сказал: «Вот у вас, в семинарии был бас (я подсказал ему фамилию), который очаровал всех в опере своим голосом». Он намекал, конечно, на Шестакова. Позднее передавали, что Ш. поехал по окончании семинарии в Москву с намерением поступить в консерваторию, поступил в какой-то хор, и дальше история о нём молчит. Хочется по-пушкински спросить: куда ты мчишься (промчался уже), гордый конь и где опустишь (опустил) ты свои копыта?

---

¹⁰⁵⁵ В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет это со слов В. А. Кандаурова.

¹⁰⁵⁶ «Особенно гимназистки». (Примеч. автора).

¹⁰⁵⁷ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

¹⁰⁵⁸ «можно думать, что это было так. Об этом говорит случай, который был». (Примеч. автора).

Эварест Медведов – последний, кого я знал из «стаи славных». Голос у него был звонкий, как колокольчик. Невысокого роста и не сильного физического развития, он обладал голосом большой звучности, широкого диапазона. Его исполнение «Когда был я ребёнком» Гольтисона привело в восторг всех слушателей женской гимназии Барбатенко и долго сохранялось в их воспоминаниях. В 1912 г. в одном из глухих сёл б[ывшего] Шадринского уезда б[ывшей] Пермской губернии – Верх-Теченском – группа семинаристов-певцов и музыкантов в составе Богомолова Григория, Боголепова Валентина¹⁰⁵⁹, Игнатьева Николая, Медведева Эвареста и Топоркова Петра давала концерт, на котором выступал Э. М. в трио «Парус» Корнилова и «Давно малиновки звенят» Тальяфико. Вновь, спустя 14-15 лет, в наших краях прозвучала слава семинаристов-певцов.

[¹⁰⁶⁰]

Что история сохранила о судьбе указанных выше героях этой статьи?

В 1911 или в 1912 г.¹⁰⁶¹ в наше село Русская Теча б[ывшего] Шадринского уезда приезжал екатеринбургский архиерей со своей свитой, в числе которой был хор. Среди участников этого хора был Аристарх

---

¹⁰⁵⁹ Автор имеет в виду Боголепова Виталия, у которого был брат-близнец Валериан, тоже семинарист.

¹⁰⁶⁰ В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний у автора имеется очерк «Семинаристы-музыканты», отсутствующий в «пермской коллекции»: «Музыкантов-семинаристов, если иметь в виду более или менее квалифицированных, получивших кое-какую музыкальную подготовку, было всего три человека. Речь идёт о годах с 1900 г. по 1917 г. Объясняется это тем, что в духовных училищах, за исключением Камышловского, музыке совсем не обучали. В Камышловском духовном училище было организовано обучение скрипичной игре. Преподавание этого предмета вёл учитель пения училища М. М. Щеглов. Он же приватно обучал игре на пианино. Само собой понятно, что он обучал только первоначальным основам игры, и дальнейшее совершенствование в игре должно было бы продолжено в семинарии, но в ней то дело как следует, на солидную ногу, не было организовано. Одно время [на] обучение семинаристов скрипичной игре, виолончели и контрабасе приглашён был известный в Перми скрипач и дирижёр в опере Григорий Кузьмич Ширман, но дело это заглохло в связи с забастовкой семинаристов. Вообще этому делу не было придано должного значения. Ширману удалось только кое-что сделать – продвинуть вперёд только некоторых скрипачей из Камышловского дух[овного] училища...». (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 107-107 об.).

Автор преувеличивает на счёт того, что в Пермском, Соликамском и Екатеринбургском духовных училищах «музыке совсем не обучали». Во всех этих училищах были учителя пения: в Пермском – в 1902-1903 гг. Иван Васильевич Кусков (он же и регент, и учитель скрипки, окончил Московское Синодальное училище), в 1903-1907 гг. Георгий Николаевич Косолапов (он же регент), после 1908 г. диакон Иаков Михалёв, там же преподавали скрипку Н. И. Попов (1904-1906) и Г. И. Ширман (1907-1908); в Соликамском – в 1901-1902 гг. Константин Иванович Конюхов, в 1903-1907 гг. Николай Егорович Собянин, с 1907 г. Владимир Васильевич Смирнов; в Екатеринбургском – с 1901 г. Григорий Евдокимович Галаган.

¹⁰⁶¹ В очерке «Семинаристы-певцы» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний – в 1910 или 1911 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 102 об.).

Пономарёв. Во время прошлогодней моей встречи с моим бывшим учителем пения в Камышловском дух[овном] училище – М. М. Щегловым, он мне говорил, что в Камышлове был врач Мультиановский, который любил в компании попеть, и был у него неплохой баритон. По описанию внешности этого врача можно было догадаться, что это упомянутый нами семинарист Мультиановский. Степень вероятности этого предположения подкрепляется и тем, что, как известно, М. учился на медицинском факультете Томского университета. Теперь его нет в живых.¹⁰⁶²

В 1924-1925 [г]г. я встречал в Свердловске А. Меркурьева – октаву. Он работал служащим в одном из городских учреждений и пел в хоре радиокомитета. Теперь его уже давно нет в живых.

В 1945-1946 гг. я встречался с одним из учеников Свердловской хоровой капеллы, видным певцом её, который говорил, что в составе певцов капеллы был Ласин, баритон. По описаниям это тот Ласин, о котором говорилось выше. Теперь его уже нет в живых.

Встречал я ещё в Свердловске В. Н. Старцева, который одно время был регентом хора Пермского дух[овного] училища.

Говорят, что где-то жив Михаил Васильев[ич] Попов – регент. А о многих, многих, перефразируя слова известной песни «Где же вы теперь, друзья, однополчане», приходится сказать: «Где же вы теперь, певцы-семинаристы, хористы и солисты нашего семинарского хора?»

И, наконец, должен признаться и автор этих воспоминаний в том, что он в какой-то степени был участником этого хора, хотя и случайным, благодаря чему он и сделался автором этой статьи.

В заключении хочется сказать словами римского поэта:

«Teci, quod potui, faciant meliora potentes» (Я сделал, что мог, пусть сделают могущие (сделать) лучше» [по-латински – ред.]).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 94-109.

*В составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора - «Хор пермских семинаристов и семинаристы-певцы и музыканты».

---

¹⁰⁶² Мультиановский Николай Михайлович (1874-1920-е) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1894 г. «Поступил учиться на медицинский факультет Томского университета, по окончании которого в 1898 г. работал земским врачом в г. Камышлове. В Камышловской больнице он продолжал работать и в период гражданской войны. Певец, баритон». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 148).

Возможно, автор ошибся и это другой семинарист по фамилии Мультиановский.

Великопостные напевы*

«На реках Вавилонских».¹⁰⁶³ В этом песнопении символически изображается картина великого поста – времени сугубо покаянного настроения. Распространены были две музыкальные редакции его: в сборнике великопостных песнопений (печатном¹⁰⁶⁴) и у Веделя. Редакция сборника была наиболее распространённой, и в этой редакции это песнопение исполнялось в семинарии. Главное художественное достоинство этой редакции заключается в чередовании *piano*¹⁰⁶⁵ в первой половине стиха: «На реках Вавилонских тамо седоном и плакахом», *forte*¹⁰⁶⁶ во второй половине: «Внегда помянути нам Сиона» и, наконец, *pianissimo*¹⁰⁶⁷: «Аллилуйя». Наиболее величественное исполнение этого псалма в указанной редакции приходилось слышать в Перми на подворье Белогорского монастыря. Здесь этот псалом исполнялся так: с того и другого клироса певцы выходили с амвона к подножию его и пели.

Редакция Веделя отличалась, если можно так выразиться, большим драматизмом и даже натурализмом. Так, слово «плакахом» передаёт излишне натуралистически (плач), что в церковных песнопениях звучит неприятно, слишком «по-житейски». В этой редакции приходилось слушать в Казани в исполнении знаменитого хора под управлением Ивана Семёновича Морева.¹⁰⁶⁸ В этом хоре был прекрасный ансамбль певцов, ажурная лёгкость и прозрачность исполнения, но это именно и подчеркивало указанную выше особенность этой композиции.

«Покаяния».¹⁰⁶⁹ В этом песнопении выражено всё значение великого поста, его основной мотив. Центром песнопения являются слова: «Множества содеянных много лютых... окаянный трепещу страшного дне судного».

---

¹⁰⁶³ Псалом 136 «На реках Вавилонских» поётся на утрени всеобщного бдения под воскресенье за три недели до Великого поста.

¹⁰⁶⁴ Имеется в виду «Церковно-певческий сборник» (I том). Издание Придворной Певческой капеллы. С.-Петербург, 1898 г. В сборнике приведены три песнопения на текст 136 псалма – В. Е. Крупицкого, знаменного распева в гармонизации И. Смирнова и трёхголосное А. И. Рожнова. Речь идет, вероятно, о песнопении В. Е. Крупицкого.

¹⁰⁶⁵ *piano* – громкость в музыке, обозначающая «тихо».

¹⁰⁶⁶ *forte* – громкость в музыке, обозначающая «громко».

¹⁰⁶⁷ *pianissimo* – громкость в музыке, обозначающая «очень тихо».

¹⁰⁶⁸ Морев Иван Семёнович (1862-1933) – сын священнослужителя г. Твери. Преподаватель пения и руководитель хоров г. Казани. В описываемое время руководил хором Богоявленского собора г. Казани.

¹⁰⁶⁹ «Покаяния отверзи ми двери» – цикл из трёх тропарей покаянного содержания, которые поются на воскресной утрени после чтения Евангелия и 50-го псалма. Пение тропарей начинается за четыре недели до Великого поста и завершается в пятое воскресенье поста.

Это песнопение в семинарии исполнялось в двух музыкальных редакциях: Веделя и из печатного сборника.¹⁰⁷⁰

Ведель композицией этих песнопений увековечил своё имя в церковной музыке. Его композиция показывает, как отступив от канонов древлецерковного пения, можно создать произведение большого музыкального звучания с выражением его идеи. В музыкальной редакции Веделя главную красоту составляет лирическое начало и конец песнопения с бурным драматизмом в словах «Окаянный трепещу».

Редакция печатного сборника выдержана в тоне простоты и величия, которые более соответствуют духу церковных песнопений. Большое драматическое звучание придано словам: «Множества содеянных» и особенно «страшного дне судного». Драматизм выражения особенно достигается в партии теноров и басов. *Crescendo* в слове «множества».¹⁰⁷¹

Приходится сожалеть, что утрачена была редакция этих песнопений («На реках Вавилонских» и «Покаяния») «древлего» звучания. В этой редакции приходилось слушать о[тца] Стефана Луканина. Трудно удержаться от восторга от исполнения этих песнопений о[тцом] Стефаном: в его исполнении передавались своеобразные рулады, переходы мелодии. Эти мотивы сохранились ещё в деревенских церквях, где были старые дьячки.

«Да исправится [молитва моя]». Исполнялось в трёх редакциях Бортнянского, из которых третья отличается особым изяществом и выразительностью. В семинарии, однако, только в третьей редакции исполнялось, и то очень редко. В 1908-1909 гг. любимой была композиция иеромонаха Геронтия. Исполнялось ещё в какой-то традиционной редакции неизвестного композитора. Исполнение «Да исправится...» в семинарии было чем-то вроде соревнования певцов. Для этого составлялись различные комбинации исполнителей.¹⁰⁷² «Да исправится...» также, как «Разбойника благоразумного»¹⁰⁷³ было излюбленной темой для композиторов. Вот почему оно существовало во многих редакциях.

«Ныне силы небесные» исполнялось в двух редакциях, из которых одна, кажется, принадлежала Бортнянскому, а другая – Турчанинову. Одна из них, условно назовём – вторая, сильнее подчеркивала момент священнодействия, к которому она относилась, а именно мистический момент выноса священных даров, когда все склонялись долу, и поэтому она производила более сильное впечатление, чем первая.

---

¹⁰⁷⁰ Из трёх приведённых в Церковно-певческом сборнике (I том) песнопений речь, вероятно, идет о песнопении под номером 58 (автор не указан).

¹⁰⁷¹ *crescendo* – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

¹⁰⁷² По традиции это песнопение исполняется на литургии преждеосвящённых даров тремя солистами. Такая практика утвердилась со времён Д. С. Бортнянского в стилистике Придворной певческой капеллы.

¹⁰⁷³ Светилен утрени Великой Пятницы «Разбойника благоразумного» существует в многочисленных авторских музыкальных композициях, его даже исполняли только протодиаконы.

В качестве «запричастного» в семинарии иногда пели: «Объятия отче». Это песнопение имело очень большое звучание в словах: «К тебе бо, Господи, с умилением зовути: согреших на небо и пред Тобою».¹⁰⁷⁴

За литургией весь комплекс песнопений, начиная с «Достойно [есть]» исполнялся в традиционной протяжённой редакции.

Шедевром музыки было «О Тебе радуется» в неизвестной автору сего редакции.¹⁰⁷⁵ Выразительность музыки достигалась чередованием в мелодии детских голосов («Ангельский собор») и мужских («из Нея же Бог воплотился»), а также особыми вариациями мелодии. Всё песнопение было гимном, восторженным восхвалением Богоматери. Кстати сказать, каким-то знаменитым иконописцем эта тема была разработана в духе этой же музыки, так что вкупе они исчерпывали этот религиозный момент с исчерпывающей полнотой. Из великопостных напевов нельзя не упомянуть о каноне-трипеснце св[ятого] Андрея Критского.¹⁰⁷⁶ Он исполнялся в двух редакциях, причём лучшей была та, в которой начальное слово: «Помощник» пелось в унисон.¹⁰⁷⁷

В церковной музыке великий пост был представлен во многих художественных музыкальных произведениях великих мастеров этого дела. Концентрированным средоточием этой музыки были «пассии», которые почему-то не совершались на Урале, но имели широкое распространение в Белоруссии.¹⁰⁷⁸ Там «пассии» являлись любимой формой великопостного богослужения и посещались так же, как «великое стояние» в страстной четверг.¹⁰⁷⁹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 139-141 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁰⁷⁴ Автор не совсем точно цитирует текст седальна по 3-й песни канона на утрени в Неделю о блудном сыне: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие, на богатство неизживаемое взираяй щедрот Твоих Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

¹⁰⁷⁵ Вероятно, это песнопение греческого распева в гармонизации П. Турчанинова.

¹⁰⁷⁶ Автор ошибочно называет Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского «Помощник и Покровитель» «канонем-трипеснцем». Канон состоит из девяти песен, тогда как трипеснец – из трёх.

¹⁰⁷⁷ Вероятно, упоминаются песнопения Д. С. Бортнянского и А. А. Архангельского.

¹⁰⁷⁸ Чинопоследование пассии (от латинского *passio* – страдаю) было составлено митрополитом Киевским Петром (Мовиле, искажённое Могила) в середине XVII века и было распространено на юге России. С конца XIX века постепенно утверждается в центральной России. Служится в четыре воскресных вечера Великого поста и включает в себя чтение Евангелия о крестных страданиях Иисуса Христа (соответственно четырём каноническим Евангелиям апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна) и Акафист Страстям Христовым.

¹⁰⁷⁹ «Великое стояние» или «Мариино стояние» – название утрени Великой Пятницы (служится накануне вечером), на которой читается житие преподобной Марии Египетской и полностью Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского. Чтение Великого канона, разделённое на четыре части, совершается на повечериях первой седмицы Великого поста (с понедельника по четверг) и называется «малым стоянием».

Страстная неделя*¹⁰⁸⁰

«Вкушая вкусих[...], и се...»¹⁰⁸¹

Бывают в жизни события или отдельные явления, относящиеся к личной или общественной практике, законченные впечатления от которых, то, что мы называем знанием или пониманием предмета, образуются не сразу, во мгновение ока, а постепенно, как определённый процесс, в результате которого получается яркий незабываемый образ этого явления. Подобно снежному кому, который при прокатывании всё больше и больше увеличивается, первоначальные впечатления от событий обрастают новыми впечатлениями, а новые – новейшими, и это продолжается до тех пор, пока не начнётся уже повторение пережитого, без прибавления новых впечатлений. Законченный образ переходит уже в область воспоминаний, причём воспоминания бывают тем ярче, чем больше они связаны с тем периодом жизни, когда духовные творческие силы человека с ростом его физических сил распускаются, мужают и всё в жизни воспринимается ярко, с неизбежной идеализацией, присущей этому периоду бытия. Как легко догадаться, речь идёт в данном случае о детском и юношеском периоде жизни человека. Так именно сложились мои воспоминания о «страстной неделе».

Мои детские впечатления о «страстной неделе», естественно, вытекали из бытовых условий жизни и ограничивались бытовыми картинками её. «Страстной неделей» для меня была та неделя, когда из соседней деревни Кирды в наш домик приезжали две богобоязные женщины – старушка Анна Ивановна и молодая женщина – Мария Ильинична – и жили у нас четыре дня, а иногда и целую неделю. Это закономерно повторялось из года в год. Я знал, что вот они заявятся с узелком из самотканного полотна, знал, что в этом узелке они привезут нам, детям, гостинцы – кральки, шаньги с ягодами и в течение четырёх дней по унылому звону церковного колокола будут уходить в церковь и только на ноченьку взбираться на полаты в кухне. Мой наблюдательный глаз мог заметить, что на четвёртый день они надевали на себя лучшие свои одежды и отправлялись в церковь. Я видел, как по

---

¹⁰⁸⁰ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 20 августа 1960 г.: «Иван Степанович! В Вашем последнем ко мне письме есть такое выражение: «Как было бы хорошо описать страстную неделю», и Вы приводите художественные произведения, которые натолкнули Вас на эту мысль. Это Ваше предложение опять-таки напомнило мне ряд пережитых картин... и вот опять мемуары. Вы также писали в своём письме о моей автобиографии – здесь часть её. У меня всё это описано тяжело, угловато... Стиль грешит... но чистосердечно! Почерк дрянной... Старость!» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 710).

¹⁰⁸¹ Автор приводит сокращённую в устном употреблении часть стиха из Первой книги Царств: «И рече Саул ко Ионафану: возвести ми, что сотворил еси? И возвести ему Ионафан и рече: вкушая вкусих мало меду омочив конец жезла, иже в руку мою, и се, аз умираю» (Библия. Первая Книга Царств, 14:43).

возвращении из церкви их поздравляли и как мать устраивала им угощение. Позднее я узнал, что эти две женщины приезжали «говеть», а также узнал, что они в течение трёх дней постились – совсем не принимали пищу и только после причащения, на четвёртый день, они обедали. У меня осталось в памяти и то, что чаще и утром и вечером в эти дни раздавался унылый звон колокола, и впоследствии, когда я заучивал наизусть стихотворение И. И. Козлова «Вечерний звон»¹⁰⁸², то передо мной вставали картины тех дней: стаи галок, летающих вокруг купола церкви под звон колокола и люди с разных концов села по одиночке и группами направлявшиеся в церковь. Обычно эта картина возникала на фоне пробуждающейся природы ранней весной. Запомнился и тот день, точнее – вечер, когда особенно много было звона, а люди возвращались домой с горящими свечами. В остальном в этот детский период воспоминания относились к подготовке к Пасхе. Запомнились сборы паёв: каждый день недели распределялся на сбор яиц – понедельник тому-то, вторник – другому и т. д. Яйца, собранные на день назначенный кому-либо, составляли его пай и подлежали окраске на Пасху. Позднее я узнал печальную новость, связанную с моими детскими воспоминаниями о «страстной неделе». Случилось так, что мальчик, который привозил упомянутых выше женщин на говение, утонул при возвращении лошадей. Он переезжал через реку по осевшему льду, они поскользнулись, упали и захлебнулись. Таковы мои детские воспоминания о «Страстной седмице». В это время я только наблюдал, а не был участником этого события. Из наблюдений я вынес впечатление о том, что этой неделе придавалось особое значение, что в течение неё у людей было особое настроение – приподнятое, подтянутое, торжественное, все готовились к чему-то великому, важному. И в самой природе как будто совершалось что-то торжественное: она воскресала после зимней спячки к новой жизни. Всё это настраивало детское воображение на романтический лад, а картины, которые рисовало воображение, становились драгоценными воспоминаниями детства.

С поступлением в духовное училище я уже стал не только наблюдателем, но и участником проведения «страстной седмицы». И особенно это произошло с тех пор, как я был принят в ученический хор. С этого момента «страстная седмица» предо мной предстала как сокровищница бессмертных церковных песнопений: «Се Жених грядет в полунощи», «Егда славнии ученицы», «Чертог твой», «Вечери Твоя тайная», «Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного», «Благообразный Иосиф», «Да молчит всякая тварь человека»¹⁰⁸³ и др.¹⁰⁸⁴ Трудно определить,

---

¹⁰⁸² «Вечерний звон» – популярная русская песня, автором музыки которой называют композитора А. А. Алябьева (1787-1851) или неизвестного композитора, на стихи поэта И. И. Козлова (1779-1840).

¹⁰⁸³ В тексте песнопения: «Да молчит всякая плоть человека».

¹⁰⁸⁴ Автор перечисляет песнопения, которые поются на богослужениях в период Страстной седмицы.

что же является наиболее привлекательным в этих песнопениях: евангельские образы и картины, раскрываемые в них, или возвышенная музыка, уносящая дух «во области заочны», по выражению А. С. Пушкина.

Вот в мягком церковном полумраке мы поём «Се жених грядет в полунощи» или «Егда славнии ученицы» и воображение рисует картину «Тайной вечери», а протяжная эпическая музыка облакает её в яркие, величественные образы, запоминающиеся на всю жизнь! Кто из нас, певец он или просто любитель пения, не подпевал хору «Се жених», или, вспоминая «Страстную», не запевал чудесную мелодию этого песнопения. Ещё возвышеннее и ярче идея «Тайной вечери» раскрывается в «Чертоге» и в «Вечери твоя тайныя» - «Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный! и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя».¹⁰⁸⁵

«Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, но лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем».¹⁰⁸⁶ С чем можно сравнить возвышенную музыку этих песнопений, созданных протоиереем Турчаниновым? С чем, с какими другими произведениями человеческого гения, которые рисуют нам «Тайную вечерю», можно сравнить эти шедевры барда «Страстной седмицы», как по справедливости называют композитора Турчанинова? Мы восторгаемся гениальной картиной (забыл имя худ[ожника) «Тайная вечеря»¹⁰⁸⁷, но она при всей своей гениальности молчит; она заставляет нас восторгаться, но она не заставляет нас сливаться в единый порыв возвышенного чувства, которое раз испытаешь и уже не хочешь с ним расставаться: хочется петь и петь без конца. У Турчанинова есть ещё одно музыкальное творение, относящееся тоже к «Страстной седмице», которое по глубине и выразительности стоит на уровне двух указанных выше песнопений – это стихира «Тебе одеющагося светом, яко ризою».¹⁰⁸⁸ Мы знаем творение великого художника «Снятие со креста»¹⁰⁸⁹, но разве эта же картина снятия со креста в творении композитора

---

¹⁰⁸⁵ Краткое песнопение «Чертог Твой» – экапостиларий (от греческого «отправляю», «высылаю», корень слова общий со словом «апостол» – посланник) – троекратно поётся в конце утрени трёх первых дней Страстной седмицы. Содержанием его является не Тайная вечеря (эта тема раскрывается в службах Великого Четверга), а покаянное преломление евангельской притчи о десяти девах (Евангелие от Матфея, 25:1-13).

¹⁰⁸⁶ Это песнопение поётся неоднократно на литургии Великого Четверга, наиболее выразительно – вместо Херувимской песни.

¹⁰⁸⁷ Возможно, имеется в виду картина «Тайная вечеря» итальянского художника Леонардо да Винчи (1452-1519).

¹⁰⁸⁸ Музыка на текст стихир П. Турчанинова «Тебе одеющагося светом» является обработкой песнопения болгарского распева, оно до настоящего времени звучит на вечерни Великой Пятницы. Во время медленного, протяжного пения происходит каждение Плащаницы, лежащей в алтаре на престоле.

¹⁰⁸⁹ Возможно, имеется в виду «Снятие со креста» - центральная часть триптиха фламандского художника Питера Пауля Рубенса (1577-1640).

Турчанинова может быть поставлена в ряд с ней по глубине и выразительности чувства, по богатству эмоций, которые она вызывает? Начиная в спокойном, эпическом тоне оно рисует величественную картину снятия со креста, но дальше спокойный тон переходит в могучий хорал, который достигает своего величия в фуге – «и разделяешься священная завеса»¹⁰⁹⁰, а дальше опять идёт мягкая лирика – «коима ли руками обвию пречистое тело Твое».¹⁰⁹¹ С чем можно сравнить эту красоту песнопения? Ни с чем! Здесь предел, никем не превзойдённый; в нём, в этом произведении, больше всего осуществляется девиз, под которым были изданы бессмертные произведения Турчанинова: «Пойте Богу разумно!»¹⁰⁹² Иногда пылкое воображение подсказывает создать хор в пятьсот человек и исполнить этим хором *piano* «Вечери твоя тайная», или *piano, forte* и опять *piano* «Тебе одеющегося»; это было бы бессмертным памятником певцу «Страстной седмицы» и памятником величия самой «седмицы».

«Великое стояние» является наиболее впечатляющей частью «Страстной седмицы». Основной идеей его является повторяющийся после чтения каждого из двенадцати читаемых евангелий рефрен: «Слава страстем Твоим, Господи!»¹⁰⁹³ В этих словах раскрывается назначение «Страстной седмицы». Особая торжественность «великого стояния» состоит в том, что чтение евангелий и прослушивание их происходит при зажжённых свечах в руках молящихся. Среди моря горящих светильников разносится мерное чтение: «Ныне прославися сын человеческий, и Господь прослави его...»¹⁰⁹⁴ «Вопроси же его Пилат: что есть истина? Иисус же ответа не даде»¹⁰⁹⁵ и т. д. Пред нами встают картины: «Моления о чаше», трагедии Петра – как петух третий раз пропел при отречении его от Христа и как он ушёл, «плакася горько». Кульминационной точкой «великого стояния» является «Разбойник». «Разбойника благоразумного во едином часе раеве сподобил еси, Господи; и мене древом крестным просвети и спаси мя». Кто из

¹⁰⁹⁰ В тексте стихиры «и раздираешься церковная завеса». Автор ошибочно употребляет термин «фуга», в действительности в песнопении звучат лишь короткие имитационные переключки верхних и нижних голосов.

¹⁰⁹¹ Здесь автор смешивает текст двух строк: «Или какую плащаницею обвию?» и «Коима ли рукама прикоснуса нетленному Твоему Телу?»

¹⁰⁹² Это излюбленная цитата из Псалтыри, часто встречающаяся в статьях о церковном пении в конце XIX-начале XX века, когда авторам хотелось «разумно», рационально объяснить богослужебное пение: «Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно» (Библия. Псалтырь. 46:7-8).

¹⁰⁹³ Автор не совсем точно пишет о службе утрени Великой Пятницы (служба совершается в четверг вечером), на которой читаются 12 евангельских фрагментов о страданиях Иисуса Христа. Каждое евангельское чтение сопровождается краткими хоровыми опевами: до чтения – «Слава страстем твоим, Господи», после чтения – «Слава долготерпению Твоему, Господи».

¹⁰⁹⁴ В тексте Евангелия от Иоанна: «Рече Господь Своим учеником: ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем». (Библия. Евангелие от Иоанна. 13:31).

¹⁰⁹⁵ В тексте Евангелия от Иоанна: «Глагола Ему Пилат: что есть истина?». (Библия. Евангелие от Иоанна. 18:38).

композиторов не пробовал своих сил над созданием музыки на эти слова, однако слава утвердилась за композитором Воротниковым: его «Разбойник» по традиции исполняется всюду, где есть хор.¹⁰⁹⁶ На нём и мы пробовали свои голоса в духовном училище. Вокруг исполнения этого песнопения издавна складывались сенсационные слухи, наполовину легендарного характера. Так, не однажды передавались слухи об исполнении его в различных местах оперными певцами. И теперь ещё молва гласит, что наши прославленные оперные певцы Козловский¹⁰⁹⁷, Михайлов¹⁰⁹⁸ и др. всегда являются исполнителями «Разбойника». Если даже этого и не бывает в действительности, хотя нет оснований не доверять этим слухам, однако сами по себе эти слухи свидетельствуют о том, насколько популярен «Разбойник» и насколько сильно у поклонников его стремление слушать его в лучшем исполнении. Послушать «Разбойника» является безотчётным, инстинктивным желанием всякого человека, среди житейских забот и треволнений, у которого остались в памяти впечатления детства и юношества.

«Страстная пятница». Вынос плащаницы... Величественные напевы: «Благообразный Иосиф»¹⁰⁹⁹, «Приидите убожим Иосифа приснопамятного».¹¹⁰⁰ Картина Голгофы. *Stabat mater*...¹¹⁰¹ «Увы мне, Чадо мое! увы, мне, Свете мой и утроба моя возлюбленная. Симеоном бо предреченное в церкви днесь событсся».

---

¹⁰⁹⁶ Эксапостиларий Великой Пятницы звучит после трипеснца (неполного канона) на утрени. Это ещё не кульминация службы, прочитано только восемь из двенадцати евангельских чтений. Впечатления автора более всего объясняются его музыкальными предпочтениями. Песнопение имеет большое число музыкальных воплощений, наиболее выразительным автор считает трио П. Воротникова.

¹⁰⁹⁷ Козловский Иван Семёнович (1900-1993) – русский оперный и камерный певец (тенор), режиссёр. Народный артист СССР (1940). В детстве в Киеве пел в Софийском соборе и Киево-Печерской лавре, уже в Москве будучи знаменитым артистом, по большим праздникам пел в церковном хоре.

¹⁰⁹⁸ Михайлов Максим Дормидонтович (1893-1971) – русский певец (бас-профундо), протодиакон. Посвящён в сан диакона в 1914 году, а в 1924 году в Москве служил протодиаконем в церкви Василия Кесарийского. В храме славился как певец, исполнитель сольных «ектений», «Разбойника», «Ныне отпускаеши», параллельно со службой продолжал заниматься вокалом. В 1930 г. Михайлов ушёл из церкви и поступил в оперную труппу Радиоцентра, а в конце 1932 г. был приглашён в Большой театр, где он спел почти все ведущие басовые партии. Михайлов пел главную партию в спектакле «Иван Сусанин» в исторический день 9 мая 1945 года. Был отпет и похоронен церковью в диаконском чине.

¹⁰⁹⁹ Тропарь, который поётся в конце вечерни Великой Пятницы, когда из алтаря на середину храма износится Плащаница. Обычно поётся греческим распевом.

¹¹⁰⁰ Стихира, которая поётся в конце утрени Великой Субботы (служба совершается в пятницу вечером) по время целования Плащаницы.

¹¹⁰¹ Полностью «*Stabat mater dolorosa*» (по-латински «Стояла Мать скорбящая») – католическое средневековое песнопение (секвенция), входит в состав мессы *Proprium* (изменяемая часть мессы).

«Страстная суббота». «Да молчит всяка [плоть] человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничто же земное в себе да помышляет, Царь бо царствующих, и Господь господствующих, приходит заклатися и датися в снедь верным».¹¹⁰²

Поздно вечером... «Волною морскою».¹¹⁰³

... Прошло много лет, но когда наступает «страстная седмица», воображение меня переносит в те отдалённые времена, когда я на клиросе школьной церкви, в углу, пел в хоре и жадно впитывал в свою душу бессмертную музыку песнопений «страстной седмицы». Жив ещё и живёт в Камышлове мой учитель пения – Михаил Михайлович Щеглов, который пестовал меня в этом деле. Ему не так давно я писал о «страстной»: «Дорогой Михаил Михайлович, в эти дни я мысленно стою на клиросе, в углу, и перпеваю всё то, что мы пели под Вашим руководством в «Страстную седмицу».

... И опять неизбежный спутник «седмицы» подготовка к Пасхе, но уже не в бытовом направлении, а по линии подготовки хора и украшения церкви и прилегающих к ней частей здания – лестницы и коридора. Сколько изобретательности и подлинного искусства вкладывалось в эти украшения: готовились вертящиеся фонарики, ящички со словами «Христос воскрес», плакаты, картины и венец искусства – фонтан с изображением «Воскресения Христова». Много зелени, гирлянд, елей, венков. Всё это готовилось с такой любовью и заботой, которые совсем не похожи на те отношения на бурсе, какие показаны у Помяловского в его «Очерках бурсы».

...Кончилось детство, прошли годы учения в духовном училище... и вот я – семинарист. «Страстная седмица» в семинарии.

Здесь всё величественнее, торжественнее и импозантнее, чем в духовном училище, но я не в хоре. Я больше выступаю в качестве чтеца-канонарха. Все мелодии песнопений «седмицы» я слушаю в лучшем исполнении и, как это бывает, когда несколько раз читаешь какое-либо литературное произведение или просматриваешь знакомую картину, глубже постигаешь смысл прочитанного или просмотренного, так и в данном случае глубже и глубже постигаешь красоту песнопений «седмицы». Шире становится и круг музыкальных произведений, больше композиторов, посвятивших своё творчество «седмице», но главенствует всё-таки бессмертный Турчанинов. Именно здесь, в семинарии, предо мной раскрыта была вся красота «Тебе одеющегося светом, яко ризою». Здесь, в семинарии, прозвучали впервые прекрасные трио «[К] Тебе утреннюю»¹¹⁰⁴, «Блажени

---

¹¹⁰² Это песнопение звучит на литургии Великой Субботы на Великом входе вместо Херувимской песни.

¹¹⁰³ Канон, исполняемый на утрени Великой Субботы.

¹¹⁰⁴ «К Тебе утреннюю» – трипеснец утрени Великой Пятницы.

испытующие свидения Его¹¹⁰⁵; здесь, в семинарии, во всём величии раскрылось «великое стояние», непреходящая красота всенощной под великую субботу с её трипеснцем и чтением в два голоса священных текстов с рефреном: «Беззаконный же Иуда не восхоте разумети».¹¹⁰⁶ Наконец, здесь же ещё раз пропет был мной «Разбойник» Воротникова с Павлом Борчаниновым, соратником по хору духовного училища. Так впечатления детства и юношества сомкнулись в одном глубоком переживании.

Как не вспомнить кропотливых работ по украшению церкви и прилегающей к ней лестницы и коридора, ко дню Пасхи, в нашей *alma mater*, которые ежегодно происходили в «страстную» под руководством Александра Борчанинова. Как не вспомнить нишу перед входом в церковь, сделанную из ветвей пихты, с фонтаном и изображением «Воскресения»; фонтан в конце коридора и стены коридора в гирляндах из пихты. Яркие картины детства и юношества, которые связаны нераздельно с воспоминаниями о «Страстной неделе» и Пасхе.

Но... в семинарские годы, в отличие от лет духовного училища, когда всё воспринималось по-детски, открыто, доверчиво, червь философии Ивана Карамазова уже приникал иногда в душу. Бунтарь именно в «Страстную седмицу», накануне великого таинства веры – Воскресения Христова – выдвигал рассудок в противовес вере. Сухой рассудок, однако, не в состоянии был заглушить всё то богатство духа, которое проявилось, и было пережито когда-то в детстве и юности. Среди житейской суеты воспоминания о «седьмице» сохранились как воспоминания о чём-то чистом, возвышенном, как чистыми и одухотворёнными казались лица людей, которых мы наблюдали когда-то в «Великий четверг», когда они под пение «Вечери Твоя тайныя» шли на причащение.

20/VIII – [19]60 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 701-710.

*Находится в составе очерков по истории села Русская Теча Челябинской области в «пермской коллекции» воспоминаний; в «свердловской коллекции» - отсутствует.

---

¹¹⁰⁵ Автор упоминает пение 118 псалма («Непорочных») на утрени Великой Субботы: «Блажени непорочнии в путь, ходящи в законе Господни. Блажени испытующие свидения Его, всем сердцем възышут Его».

¹¹⁰⁶ На утрени Великой Пятницы поются (или читаются) 15 антифонов Страстей Христовых, каждый антифон состоит из нескольких строф-тропарей, которые поются двумя хорами (или читаются двумя чтецами) попеременно. Автор упоминает последнюю строку-рефрен тропарей третьего антифона.

Пение*

Среди всех учебных предметов семинарии не было какого-либо другого, который бы был в таком неопределенном положении, как пение. С одной стороны это был учебный предмет, таким он значился и в расписании, и были преподаватели этого предмета, но никто не знал, какова программа это[го] предмета. И была ли, наконец, эта программа? Это особенно будет ясно, если сопоставить этот предмет – пение с предметом – пение в духовном училище. Если кого-либо спросить, чему его учили и в той или иной степени научили на уроках пения в духовном училище, то он скажет: «меня научили петь по «гласам», - петь по Октоиху богородичны, петь каноны, тропари и т. д. Одним словом, всему тому, что «на потребу» псаломщику. Ну, а как на этот же вопрос будет отвечать семинарист?

Возьмём на память первый класс семинарии и посмотрим, как там обстояло дело с пением. Уроки пения у нас вёл регент архиерейского хора П. К. Потеряйко.¹¹⁰⁷ Он был прекрасный регент. Он ввёл в исполнение *piano*, мягкость, изящество, выразительность. Ему принадлежала композиция пасхального тропаря «Христос воскресе», которая всегда в семинарии использовалась при «Встрече Христа». А чему он нас учил? Он заучивал с нами украинские песни, из которых автору сего запомнилась только: «Ой из-за горы та буйный ветер». Разучивать украинские песни – хорошо, но неужели только в этом должны состоять уроки пения в семинарии?

Помнится, это было, когда мы учились в III-ем или IV-ом классе. Учителем пения был Николай Васильевич Пиликин. Он кончил Консерваторию. Меценатом его был один из купцов Грибушиных.¹¹⁰⁸ В семинарии в этом году был организован вечер, на котором он дирижировал однородным хором семинаристов, и они блестяще исполнили: «Ноченьку» из «Демона» под аккомпанемент пианино, «Жук и роза», «Парус» - последняя его композиция. И вот его урок.

Он вызывал кого-либо к пианино и просил взять любой аккорд, а сам не смотрел на пианино, а потом определял: какой аккорд, из какой гаммы; одним словом, демонстрировал свои знания... Ему аплодировали, а он... «Мне в Москве аплодировали, а от вас (далее такой смысл) от болванов и слышать не хочу». Его же перлы речи: «Мы прогрессируем вперёд, а вы регрессируете назад». Иногда на доске записывал: задача – сольфеджи и вызывал петь. Чирков, наш известный баритон, пел «с места». Вот это, вероятно, было то, что именно и нужно было делать на уроках, т. е. гаммы, сольфеджи...

Когда М. В. Попов был регентом архиерейского хора, он, очевидно, был и учителем пения в семинарии, как и Потеряйко. Он проводил в церкви

---

¹¹⁰⁷ Потеряйко Пётр Кузьмич – регент Пермского архиерейского хора. С 1 марта 1903 г. учитель церковного пения в Пермской духовной семинарии. // «Пермские епархиальные ведомости». 1903. № 46 (6 декабря) (отдел официальный). С. 545.

¹¹⁰⁸ Грибушины – кунгурская династия купцов и меценатов.

общее пение. Помнится, однажды разучивали «Многая лета» - «Сотвори ему многая лета» и т. д. Входило ли такое пение в программу предмета или нет – неизвестно. Но это всё-таки походило на урок пения в семинарии.

Была ли всё-таки какая-либо программа занятий по пению, или это был «беспредметный» предмет – «*Contradictio in adjecto*»¹¹⁰⁹ - осталось не известно. Если же рассуждать чисто теоретически, то чему следовало после духовного училища учить на уроках пения? Ответ напрашивается: теории пения: строению гамм, сольфеджам и т. д. Но тут возникает другой вопрос: как заинтересовать массы в этом деле, тех из них, которые не поют? А такие ведь оказывались ещё и в духовном училище и составляли «чистое мучение» для преподавателя пения. Они ссылались на то, что у них нет слуха, иногда ложно прикрываясь этим тезисом. Может быть, следовало бы заинтересовать учеников семинарии постановкой голоса, к чему некоторые стремились?

При таком же положении с пением, какое было *de facto*¹¹¹⁰, проблема его не только не была разрешена, но даже не было намечено и правильного подхода к её разрешению. Похоже на то, что пение в семинарии существовало как элемент в зарплате регента архиерейского хора.¹¹¹¹ Среди семинаристов находились отдельные любители пения, которые изучали теорию пения, но они шли своим путём, минуя семинарские уроки пения. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 184-186 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹¹⁰⁹ *contradictio in adjecto* – по-латински противоречие в определении.

¹¹¹⁰ *de facto* – по-латински по сути, фактически.

¹¹¹¹ Так в тексте, правильно, скорее всего, семинарского.

О чём пели семинаристы во время первой русской революции*

Песня – зеркало души человека. В ней, как говорится, он «изливает» свою душу. Перефразируя известное изречение – «скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты», можно было бы сказать: «скажи мне, какие песни тебе нравятся, и я тебе скажу, кто ты».

В семинарии всегда были отдельные юноши, которые заводили заветную нотную тетрадочку, в которую любовно с большой тщательностью вносили свои любимые мелодии, свои любимые песни. Порой они записывали эти песни в критические минуты, когда приходилось урывать время, необходимое на что-либо другое, но они шли на риск, лишь бы не упустить возможность списать то, что случайно подвернулось для списывания. Этим тетрадочкам они доверяли свои думы, свои интересы, своё настроение, и по содержанию этих тетрадок, по записанным в них песням, как по дневнику, можно было судить о том, какое было настроение, мысли, интересы хозяина тетрадки в тот или иной момент. Не обязательно, чтобы владелец тетрадки пел в хоре. Он мог быть просто любителем пения. Он мог петь эти песни в кругу своих близких друзей-одноклассников. В семинарии бывали эти кружки. Наконец, бывало и так, что эти песни он увозил домой и там, в кругу деревенских друзей распевал их на вечерах. В последующей жизни, в минуты ли раздумья, грусти или веселья, он заглядывал в эту тетрадку, и прошлое им вновь переживалось, как вчера. Песни эти поступали из разных источников, и по ним можно было судить, в каких кругах вращался хозяин тетрадки. Песни были написаны в разных тональностях – мажорных, минорных – и по ним можно было судить о настроении хозяина тетрадки в разные минуты жизни.

1. Вакхическая песнь

Кто не восторгался вакхической песней А. С. Пушкина: «Что смолкнул веселия глас». Бессмертная форма стиха, унаследованная от римских классиков. Ещё в юности мы учили блестящий алкей Горация Флакка¹¹¹²

Nunc est bibendum,

Nunc hede liberum!

Pulsanda tellus

Nunc saliaribus!

«Теперь нужно пить, теперь нужно ударять свободной ногой по земле (танцевать), как на Салиариях (деревенских торжествах)».

Ни Гораций, ни Пушкин вовсе не проповедают пьянство; они призывают к веселью. Пушкин в конце своего стихотворения призывает к свету: «Да скроется тьма!»

---

¹¹¹² Квинт Гораций Флакк (65-27 до н. э.) – древнеримский поэт «золотого века» римской литературы.

Молодёжь здоровая, для которой всё впереди не может жить без веселья. Вот вакхическая песня семинаристов, перекликающая с горацевым «*Nunc est bibendum*»:

*«Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте,
Осушайте в рюмках дно!
Кто всё плачет и вздыхает,
Вечно смотрит сентябрём,
Тот науки жаль не знает
И не видит света днём».*

В песне есть и минорные ноты.

*«Братья, в жизни много горя,
Кто его не испытал:
Слёзы вздоха – наша доля».*

Но конец призывает!

*«Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нём покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной».*

В стенах семинарии мы эту песню не пели (в храме науки), но дома да! Но разве же можно нас было обвинить в пьянстве? Кто решился бы бросить в нас этот камень?

2. Волга. Ноченька, Ивушка

Как нельзя представить музыковеда, который рассказывал бы о величайшем музыкальном произведении М. П. Мусоргского – «Борис Годунов» и не упомянул бы о создании музыкального образа Бориса Годунова – Ф. И. Шаляпине; как нельзя представить музыковеда, который бы рассказывал о музыкальной одарённости великого певца и не упомянул об исполнении им народных песен о Волге, о ноченьке и др.; как нельзя представить любителей пения, которые, собравшись в кружок и перепевая весь свой песенный репертуар, не исполнили бы песни о Волге, ноченьке и ивушке; так нельзя представить заветную нотную тетрадочку какого-либо любителя пения, в которой не было бы в той или иной редакции этих песен. А если это тетрадка ещё семинариста, с детства привыкшего слушать эти песни, то тем более.

Волга. Нужно ли создать в песне образ казацкой вольности и вожака её – Степана Тимофеевича Разина – не обойтись без образа Волги:

«Волга, Волга.

Не видала ты подарка от далёкого казака».

Нужно ли создать образ «радость-душечки, красной девицы», идущей на прогулку с молодым человеком – не обойтись без образа Волги.

«Мы пойдём с тобой – говорилось в песне, добрый молодец – разгуляемся вдоль по бережку Волги-матушки».

Нужно ли высказать печаль ямщика – не обойтись без образа Волги:

«Вот мчится тройка почтовая

По Волге-матушке зимой

Ямщик, уныло напевая,

Качает буйной головой».

Нужно ли в песне изобразить широкое раздолье – бурю, порыв, удаль – не обойтись без образа Волги:

«Вниз по матушке – по Волге,

По широкому раздолью...»

Сколько разных песен о Волге! Любимой семинарской была

«Вниз по Волге реке, с Нижня Новгорода,

Снаряжён струсжок, как стрела летит».

Особенно нравился запев – *solo*, а потом *tutti*¹¹¹³ – любимая форма семинарского пения.

Этим же нравилась песня:

«Не осенний мелкий дождичек брызжет,

брызжет сквозь туман.

Слёзы горькие льёт молодец

на свой бархатный кафтан» (solo).

Tutti: Полно, брат молодец, ты ведь не девица,

(пой или пей) тоска пройдет».

Ноченька. Хороша «Венецианская ночь» М. И. Глинки. Мы пели её ещё в первом классе семинарии. Музыка прозрачна, как ночь в Венеции. Видится Брейта и пр. Но народная песня «Ноченька» - с чем её можно сравнить?

«С кем мне ноченьку, с кем мне тёмную –

С кем осеннюю коротать будем.

---

¹¹¹³ *tutti* – музыкальный термин, в данном случае, противоположность *solo*, то есть исполнение музыки полным составом хора непосредственно за исполнением *solo*, с тем, чтобы дать солировавшему участнику возможность отдыха и подготовки к продолжению исполнения, а слушателям точнее ощутить на контрасте нюансы произведения.

*Нету батюшки, нету матушки,
Лишь один-то есть мал сердечный друг,
Да и тот со мной не в ладу живёт».*

Есть варианты этой песни. Есть песни на тему «Ноченьки» в обработке различных композиторов. Из числа последних любимой была:

*«Ах, ты ночь ли, ноченька!
Ах, ты ночь ли бурная!
Отчего ты с вечера
До глубокой полночи –
Не блистаешь звёздами,
Не сияешь месяцем?
Всё темнеешь тучами.
И с тобой, знать, ноченька, и
Грусть-злодейка сведалась!»*

В этой песне больше всего нравилось обращение к ночи – задушевный разговор с ней.

Прекрасный момент исполнения стаккато у баса: всё... тем... не...ешь.

Любили мы эту песню петь в четвёртом классе и дома, у себя... в деревне.

Ивушка. Ещё в детстве, помнится, возьмёт отец в руки гитару, сделает переборы струн, заиграет и запоёт:

*«Ивушка, ивушка, зелёная моя,
Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышком печёт,
Солнышком печёт, частым дождичком сечёт.
... Ехали бояре из Нова-городка
Срубили ивушку под самый корешок.
...
Тятинька с мамонькёй неправдами живут,
Неправдами живут – силой замуж выдают».*

Семинаристы про Ивушку пели в мелодии, созданной неизвестным композитором.

*«Что ты склонилась, зелёная ивушка?
Что так уныло глядишь?
Или о горе моём ты проведала –
Вместе со мною грустишь?
Шепчутся листья твои серебристые,
Шепчутся с чистой волной.
Не обо мне ли тот шёпот таинственный
Вы завели меж собой.
Знать, не укрылася дума,*

*Гнетущая чёрная дума от вас.
Вы разгадали, о чём эти жгучие
Слёзы лилися из глаз.
В шёпоте вашем я слышу участие,
Мне вам отрадно внимать.
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать».*

Какая прелесть в содержании этой песни! Чудесная музыка! Особенно хороши те места, где идут триоли – задушевный шёпот, сердечная беседа. Все эти песни о Волге, ноченьке, ивушка обладают свойством неувядаемости, свежести и красоты: время бессильно их состарить. В их мелодиях отразился народный характер: задушевность, сердечность, красота души русского человека.

3. Песни революционные

*«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут моё окно.
Ах вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа
[пропущена строка – ред.]
Никому и никогда.
Как хотите – стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю:
Цепь порвать я не могу».¹¹¹⁴*

Первая строчка каждой строфы пелась, как запев – *solo*, а последующие *tutti*; четвёртая в унисон. По содержанию песня созвучна известному стихотворению: «Слушай» - «Как дело измены, как совесть порвана, осенняя

---

¹¹¹⁴ В оригинале «Песни волжских босяков», записанной М. Горьким (1901):

*«Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегут моё окно.
Как хотите, стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю –
Цепь порвать я не могу.
Эх вы, цепи, мои цепи,
Вы железны сторожа,
Не порвать мне, не разбить вас
Без булатного ножа».*

ночка темна...» Всем было известно отношение этой песни к пьесе «На дне»! Как будто нет ничего особенно революционного в этой песне, но в своё время она имела революционное звучание, была знаменем своего времени, призывом к борьбе. Семинаристы пели эту песню во время своей забастовки. Помнится, как некоторые семинаристы задержались немного с отъездом из семинарии во время забастовки и распевали эту песню в спальне. Пришёл А. П. Миролубов и с раздражением сказал: «А, вам здесь в тюрьме темно...» и дано было распоряжение – прекратить отопление спальни.

Кто из нас не пел «Варшавянку» и «Смело, товарищи, в ногу»! На мотив Марсельезы¹¹¹⁵ пели:

«Мы молоды, сильны и смелы,

Мы жизни и счастья хотим.

И право на жизнь и свободу

Мы грудью своей отстоим.

Мы дети весёлого солнца,

Враждебна нам тёмная ночь

Так пусть же все гады ночные

Скорей убираются прочь!

Вставай, поднимайся, рабочий народ,

Иди на врага люд голодный.

Раздайся звук песни свободной:

Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!!!

Мы видели много насилья,

Довольно с нас тюрьм и цепей.

Да здравствует труд и свобода

И счастье родимых полей.

На свежих могилах тиранов

Победу отпразднуем мы,

Победу свободы и солнца

Над царством насилья и тьмы!

Вставай, поднимайся, рабочий народ.

Иди на врага люд голодный...»

Содержание песен само за себя говорит.

Интернационал. Начало пели в унисон, но со слов – «весь мир насилья мы разрушим» - *trio*. Красочно идёт мелодия баса – это бу...дет после...дний и решительный бой». Теперь не поют в этой композиции, а жаль: она придаёт особо торжественное звучание гимну.

«Похороны», слова Надсона¹¹¹⁶, муз[ыка] Анохина.¹¹¹⁷

¹¹¹⁵ Марсельеза – марш, созданный в 1792 г., в период Великой Французской революции, который стал олицетворять борьбу революционеров с тиранией и стремление к свободе.

¹¹¹⁶ Надсон Семён Яковлевич (1862-1887) – русский поэт.

¹¹¹⁷ Анохин Андрей Викторович (1869-1931) – учёный-этнограф, композитор, просветитель.

«Слышишь: в селе, за рекою зеркальной
Глухо разносится звон погребальный
В сонном затишье полей.
Грозно и мерно удар за ударом
Тонет в дали, озарённой пожаром
Алых вечерних полей.

Слышишь: звучит похоронное пенье:
Это апостол труда и терпенья
Честный рабочий почил.
Долго он шёл трудовую дорогой,
Долго родимую землю с тревогой
Потом и кровью поил.

Слышишь! Много он вынес могучей душой,
С детства привыкшей бороться с судьбой.
Пусть же зарытый землёй,
Он отдохнёт от забот и волненья –
Этот апостол труда и терпенья
На моей отчизне родной».

Как видно этот пролетарский *Requiem*¹¹¹⁸ сильно романтичен: в нём налицо Надсон – элегический романтик, но всякая элегия по природе своей романтична. В этой песне нарастает звучание выражения «Слышишь», когда оно упоминается в третий раз. Это отражает движение чувства, его нарастание.

Революция связана была с жертвами. Стоит только вспомнить «9-е января». Поэтому форма *Requiem`a* была созвучна эпохе, хотя и имела малое распространение в широких кругах. Семинаристам знаком ещё был *Requiem* Черепнина: «Не плачьте над трупами павших бойцов – слезой не скверните их прах».<sup>1119</sup> Эти *Requiem`ы* по своей романтичности (элегия) привлекали внимание семинаристов, питали их романтическое воображение. «Слышишь» было любимой песней известного семинарского тенора – Свечникова (*sic!* в фамилии Ч, а не Ш) и мы под его руководством не раз распевали эту песню в четвёртом классе.¹¹²⁰

¹¹¹⁸ Реквием (от латинского *requies* «покой», «упокоение») – заупокойное песнопение.

¹¹¹⁹ Имеется в виду стихотворение *Requiem* русского поэта Лиодора Ивановича Пальмина (1841-1891), положенное на музыку русского композитора, дирижёра и педагога Николая Николаевича Черепнина (1873- 1945).

¹¹²⁰ В. А. Игнатьев в письме П. С. Богословскому от 1 февраля 1963 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 63 об.) предполагал, что Свечников, с которым он учился вместе только в 1-м классе, носил имя Александр, но в списках учеников Пермской духовной семинарии в 1902-1905 гг. в 1-3 классах значится Свечников Николай. В. А. Игнатьев обучался в 4-м классе в 1906-1907 гг., когда Свечникова Николая у семинарии уже не было. М. М. Щеглов в письме В. А. Игнатьеву от 9 июня 1968 г. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 419. Л. 33), ошибочно предполагал, что пермский семинарист Свечников Александр – это Свешников Александр Владимирович (1890-1980) – известный советский дирижёр,

В революционных песнях, конечно, полностью отразилось настроение семинаристов в те дни – в дни революции 1905 г. Пускай не все семинаристы пели, но те, кто пел, передавали настроение общей, настроение семинарской братвы.¹¹²¹

4. Песни, исполненные на семинарских вечерах

Что семинарские вечера были для семинаристов большим культурным событием – об этом излишне говорить. То, что на вечерах пелось, декламировалось, входило в культурный быт и содействовало культурному росту. Песни, которые пелись на вечерах, не исчезали бесследно, «как мимолётное видение»: рождалось желание записать их в заветную тетрабочку, чтобы потом ещё и ещё вспомнить о них в жизни, пережить то удовольствие, которое они оставили при первом знакомстве с ними. Наш бывший учитель пения подарил нам на память две песни, которые семинаристами были исполнены на вечере под его руководством. Вот они:

*«Жук и роза, муз[ыка] Фейта.
Вот старый жук летает... Зум, зум, з.з.
На нём мундир сапфирный,
А сам любовью тает... Зум, зум...
И к розе он летит.*

*Уселся к ней и молвил:
Красавица, взгляни-ты,
Какой я жук-то важный:
Любить меня не грех.
А роза отвечает:
Знакома с мотыльком я
С молоденьким красивым,
А ты хоть важный жук,
Да только очень стар.*

*И тут наш жук увидел,
Что белый мотылец
Целует розу страстно
Зум, зум, з.з.з.з.
Такой позор не снёс наш жук,
В траву упал и там заснул».*

хормейстер, педагог и общественный деятель, народный артист СССР (1956). С 1909 года работал регентом, был одним из самых известных в Москве церковных регентов. Ректор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского в 1948-1978 гг.

¹¹²¹ В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Во время революции 1905 г. отдельные сымпровизированные хоры возникали в семинарии то там, то здесь, а точнее сказать – вся семинария превратилась в один хор. Ноты расписывались конспиративно, а репертуар был подчинён моменту» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 19.

Оригинальное построение песни было откровением для семинаристов. Песня вызвала восторг. Конечно, воспроизвести её во всех тонкостях по слуху было невозможно, но основная мелодия запомнилась, и долго-долго ещё семинаристы пели о жуке, благо слово жук в их лексиконе имело особое значение.

«Прощание с лесом», муз[ыка] Клауэра. Мы слушали его в том же исполнении.

*«Лес, мой лес, зачем так скоро
Сбросил пышный свой наряд?
Жёлтый лист не манит взора,
Грустно веточки висят.
О, простота, мой сладкий лес.
Ненаглядый лес прощай,
О, прости мой сладкий лес!
Ухожу я безвозвратно
В край далёкий и чужой.
Здесь под сенью ароматной
Не раздастся голос мой!
Ненаглядный лес прощай!
О, прости, мой славный лес!»*

В этой песне прекрасны запевы баса: «О, прости, мой славный лес» и «Ненаглядный лес, прощай». Чудесные слова и такая же музыка.

Лес – наш друг! Л. Леонов¹¹²²! Создатель Русского леса! Все друзья леса! Вот где лучшая агитация за охрану леса!

В Слуцком коммерческом училище, в его роскошном зале автор сего пел эту песню, пел со всей душой и хвала этому прекрасному созданию природы.

5. Песни из опер-арий

Как они входили в песенный репертуар семинаристов? Начиналось с запоминания по слуху. Савва Поляков, например, придя из театра, воспроизводил «Клевету»! Александр Ильич Анисимов – «Я Вас люблю» из «Пиковой дамы»! Второй этап: ария или песня исполнялась на семинарском вечере. Например: «Молитва братьев Калашниковых» из оперы «Купец Калашников», «Ноченька» из «Демона», «О дай мне забвеньё» из «Дубровского» и т. д. Дальше, во что бы то ни стало списать. Начинаются поиски. Прежде всего, у тех, кто пел, а потом – где только можно. А как узнали, что где-то есть что-либо, ну тут уже пошло по рукам. Не стесняются

---

¹¹²² Леонов Леонид Максимович (1899-1994) – русский советский писатель, которого в советское время считали мастером социалистического реализма, в новейшее же время обращают внимание на острый интерес к проблематике христианской нравственности.

временем: экзамен или очередное сочинение – всё в сторону – лишь бы списать. А списал, так на всю жизнь благодарен за услугу. Вот яркий свидетель этого – письмо Василия Павловича Бирюкова.

г. Шадринск
27 дек[абря] 1960 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

Я был очень рад узнать от Володи, что Вы здравствуете и не так даже далеко от наших мест. Привет Вам и наилучшие новогодние пожелания. Я окончил в Перми семинарию в 1917 г. вместе с Серёжей Игнатьевым. Этого Серёжу я видел в последний раз в 1924 году и до сих пор не знаю, где он и что он. Жив ли?

Если жив, сообщите ему мой адрес, а мне сообщите его. Я и сейчас бережно храню память о нём и ноты, которые он написал для меня: «Повеяло черёмухой» Гольтисона и ещё один вальс. «Повеяло черёмухой» исполняет мой квартет из студенток пединститута. Хотелось бы мне повидать его, да уж очень много лет прошло, уж и надежды мало.

Передайте также привет Николаю Алексеевичу, тому, что окончил семинарию в 1915 году. Его я видел в последний раз в Перми в 1928 году. Жив ли он? Тоже приятно вспомнить о нём.

Желаю Вам, дорогой Василий Алексеевич доброго здоровья и успехов в делах Ваших.

*Василий Павлович
Бирюков*

г. Шадринск, Курганск[ая] обл[асть]...

Post scriptum. Любили семинаристы пение – любили. Этого от них отнять нельзя. Может быть, они были угловатыми, грубоватыми, нелюдимыми, но в области пения, любви к нему, художественному вкусу, выражаясь образно, они были «аристократами», и за это им следует, если не совсем простить, то, во всяком случае, смягчить, «скостить» недостатки, которые накладывала на их облик бурса.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 142-152 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Семинаристы – культурные деятели нашего деревенского захолустья*

Личность семинариста у нас, иногда отождествлялась с личностью бурсака, а бурсак после появления в русской литературе «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского представлялись в образе пресловутого «тессараконты»¹¹²³ и подобных ему типов, выведенных в этом произведении. Считалось, что на самом облике семинариста лежит некая «каинова печать», которую А. С. Пушкин, например, отметил у известного деятеля времён Александра I – М. М. Сперанского в словах: «Сперанский – любимец царский, а образ у него семинарский». Фигура семинариста показана в романе-пародии у М. П. Мусоргского «Семинарист».¹¹²⁴ Был очень распространенным раньше анекдот о том, как гимназист и семинарист обменивались однажды комплиментами, причём гимназист, определяя специальное образование семинариста, расчленил слово – богослов на слова: бог ослов, семинарист же не растерялся и нанёс сокрушительный удар противнику, сказав: «Ах ты, скотина, узнал своего господина!». Что говорить, анекдот этот грубый и свидетельствует лишь о том, до чего может довести озлобление и «страсти мордасти», если их не подчинить разуму, точнее сказать – рассудку.

Спор этот между двумя представителями молодёжи нашего времени, представляющими два течения среднего образования исторически сказался на одной из классических наук, а именно – на изучении греческого языка, в фонетике которого, как известно, было два течения в произношении звуков, выраженных одними и теми же буквами, причём одно из них культивировалось в семинариях, а другое – в классических гимназиях. Речь идёт о произношении υ, η, а также дифтонгов οι, αι. Споры эти были сугубо академическими, а также и стычки, подобные описанному выше по поводу слова «богослов», происходили где-то в верхах, в городах, а в деревнях они не имели места, потому что гимназистов в деревнях не было, а семинаристы были единственными представителями молодёжи мужского рода, получающей среднее образование.

Места же, где мы родились, и где проходила наша юность, были действительно «медвежьими» углами, захолустьем. Они находились вдали от культурных центров, от городов, железнодорожных линий. Чтобы добраться до них из губернского центра, нужно было пробыть в дороге полтора суток, из них полсуток нужно было потратить на поездку лошадьми. Что говорить: захолустье, полное захолустье. В силу особых условий, а главным образом по месту жительства наших деятелей в бывшем Шадринском уезде Зауралья прославились следующие сёла, расположенные друг от друга на расстоянии 20-30 вёрст: Бродокалмак, Песчанка, Теча и Верх-Теча, причём их деятели-

---

¹¹²³ τессαράκοντα – по-гречески сорок (40). См. рассказ-юмореску «*Plusquamperfectum* (гримаса прошлого).

¹¹²⁴ Имеется в виду романс «Семинарист» на слова М. П. Мусоргского.

семинаристы могут быть разделены на три поколения, период в 6 лет, что определялось сроком обучения их в семинарии. Деление на три поколения, нужно оговориться, не является простым арифметическим делением на шесть, а свидетельствует о тех качественных изменениях, которые происходили у каждого поколения: события развивались с такой быстротой, что период в шесть лет уже был достаточным для того, чтобы иметь свои характерные черты.

Вышеуказанные сёла, как центры культурной деятельности семинаристов, могут быть представлены в сжатом описании в следующем виде.

Бродокалмак.

В этом большом и богатом селе в период времени с 1894 г. по 1900 г. была на славе семья заведующего двухклассным училищем Григория Ивановича Буткина¹¹²⁵, у которого были два сына – уфимские семинаристы – Александр¹¹²⁶ и Николай.¹¹²⁷ Сам Григорий Иванович, по всем признакам бывший семинарист, был любителем пения и спектаклей, а сыновья его были опорой ему в этом деле. Семья Буткиных была центром культурной жизни села, а сыновья Григория Ивановича были душой хора, который был на славе в наших краях. В 1894 г. бродокалмакские «артисты» приезжали в Течу с постановкой сцен из «Ивана Сусанина» М. И. Глинки. Предприятие это было смелым, но таковыми именно были деятели тех времён: им казалось, что они всё «могут». Несколько лет позднее бродокалмакский хор, руководимый Николаем Буткиным, ещё раз выступил в Тече по поводу семейного торжества теченского земского начальника. Он выступал как установившаяся уже организация – детище семинаристов Буткиных. Они относились к старшему поколению деятелей.

Песчанка.

В этом большом и богатом селе в течение 4-5 лет организатором спектаклей был пермский семинарист – Николай Алексеевич Топорков. По общему признанию знатоков драматического искусства он был талантливым актёром и организатором постановок и пользовался авторитетом и заслуженной славой. В своей деятельности он опирался на молодёжь двух семей: Михайловских и Колчиных. Последние, однако, с переездом их матери на работу учительницей в деревню Шуранкуль стали тяготеть к Тече,

---

¹¹²⁵ Буткин Григорий Иванович (1853-1932) – заведующий двухклассным училищем и учитель в с. Бродокалмак Шадринского уезда в 1886-1925 гг. Диакон Спасо-Преображенского собора г. Шадринска в 1920-х гг.

¹¹²⁶ Буткин Александр Григорьевич (1879-1937) – окончил Уфимскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1902 г. Священник с 1902 г. Протоиерей. Арестован и расстрелян в 1937 г.

¹¹²⁷ Буткин Николай Григорьевич (1882-1937) – окончил Уфимскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1903 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1907 г. Священник с 1907 г. Протоиерей. Магистр богословия. Настоятель Спасо-Преображенского собора г. Шадринска и благочинный городских церквей в 1916-1926 гг. Арестован и расстрелян в 1937 г.

к которой эта деревня была ближе, чем к Песчанке. Известно было, что в Песчанке было специальное помещение для театра: длинный склад, которому придана была форма летнего театра. В течение летних каникул этот театр жил полнокровной жизнью. В основном в этом театре ставились водевили и драмы несложного характера.

Теча.

В Тече был ряд благоприятных условий, способствовавших появлению и росту талантов среди молодёжи. Из них нужно указать следующие:

1. Наличие двух многодетных семейств – Бирюковых и Игнатьевых, из которых на протяжении, примерно, полутора десятков лет поколение за поколением выходили на сцену всё новые и новые деятели культуры.
2. Приезд на период летних каникул другой молодёжи, вливавшейся в среду аборигенов.
3. Наличие энергичного руководителя культурной жизни села – жены теченского земского начальника – Елизаветы Ивановны Стефановской, её сына студента Московского университета – Александра Павловича. В летние месяцы в Тече собиралось такое количество молодежи, преимущественно семинаристов и епархиалок, что можно было составить из них группу артистов в 10-15 человек; причём это были люди, проходные и для драмы и для оперы, т. е. и актёры и певцы. Трудно определить, в чём, в какой области в большей степени проявился их талант: в спектаклях или в хоре. В Тече именно проявили себя все три поколения семинаристов – культурных деятелей деревни.

Центральными фигурами старшего поколения были: пермский семинарист Алексей Алексеевич Игнатьев, тобольский семинарист Михаил Владимирович Бирюков и студент Московского ун[иверсите]-та Александр Павлович Стефановский. На этот триумvirат и опиралась в своей деятельности Елизавета Ивановна. Ей много приходилось возиться с самолюбивым и капризным М. В. Бирюковым, который играл ведущие роли и играл не плохо, а именно поэтому ломался, капризничал, как это бывает часто у одарённых детей. Она уговаривала, мирила, воодушевляла, а иногда искусно пользовалась приёмами лести, чтобы добиться своей цели. Главной же опорой у ней была, конечно, ещё с детства появившаяся у всех её «артистов» склонность к спектаклям. Ещё в детстве все эти юноши и девушки теченские уже устраивали спектакли или в бирюковском доме под лестницей, или в конюшне на заднем дворе. Нужно было только поднести спичку к затухшему костру, чтобы он снова воспламенился. Это хорошо понимала Елизавета Ивановна, и это было её главным козырем. Было что-то курьёзное в манере подражать настоящим артистам: придумывала различные псевдонимы: Прозоровский, Одынся и т. д. Разделялись на артистические амплуа: Михаил Бирюков – трагик *a la* Несчастливцев (?), Алексей Игнатьев – комик *a la* Аркашка. Первой пьесой была комедия: «Ожидание кометы в уездном городе». Успех окрылил: ставили «На бойком месте» и др. В течение трёх или четырёх лет в Тече в летние каникулы устраивались спектакли, на

которые съезжались поклонники драматического искусства из соседних сёл по радиусу в 20-30 вёрст, и слава о теченских артистах далеко разносилась по Шадринскому уезду. Здесь уместно упомянуть и о сподвижницах теченских актёров, заслуженно разделявших с ними славу. Это были екатеринбургские епархиалки: сёстры Пятницкие – Софья Петровна и Надежда Петровна, Игнатьева Александра Алексеевна.

Преуспевал в Тече в это время и хор в развёрнутом, как у нас теперь часто говорят виде: были представлены все голоса партитуры – басы, тенора, дисканты и альты.

Приезд в Течу в 1899 году ансамбля пермских семинаристов-певцов был исключительным событием нашего села. Это были певцы высокой культуры и очень одарённые. Солидным басом был Владимир Михайлович Присадский, чудесный тенор Александр Иванович Смирнов был солистом архиерейского хора, в партии второго тенора выступал Александр Степанович Горбунов и в партии баритона – Павел Петрович Ионин. Пребывание их в нашем селе примерно в течение двух недель было сплошным концертом. Они были прекрасными исполнителями украинских песен и *trio* А. С. Даргомыжского: «На севере диком», «Ночевала тучка». Концерт, данный ими в Тече, познакомил теченскую публику со многими классическими произведениями певческой культуры.

Подводя итог культурной деятельности старшего поколения семинаристов нашего села, нужно сказать, что оно, это поколение, впервые выдвинуло нашу Течу в ряду других сёл и показало, чего можно достигнуть на поприще культуры в глухом углу, если приложить для этого силы. Старшее поколение оставило хорошее наследство следующим поколениям, а один из его деятелей впоследствии сделался солидным деятелем в области музыкальной культуры.¹¹²⁸

Представителями среднего поколения была продолжена культурная работа на селе. В области организации спектаклей некоторые представители этого поколения, например, Андрей Владимирович Бирюков, выступал уже в составе старшего поколения, с одной стороны, а, с другой стороны вовлечены уже деятели и младшего поколения, например, Екатерина Анатольевна Бирюкова и Николай Алексеевич Игнатьев. Такая преемственность была единственной школой талантов и лучшей традицией. «Новыми» явлениями в этом поколении были: во-первых, изменение руководства, перемена в составе организаторов – указанной выше Елизаветы Ивановны Стефановской уже не было, и организация спектаклей получила более демократический характер; во-вторых, в состав артистов влились новые силы из соседних сёл и деревень. Так, на прежде заложенном фундаменте при значительном влиянии личности одного организатора, дело не заглохло, после исчезновения этой личности, а продолжало развиваться: у ствола дерева появились новые побеги. В числе деятелей теченской

---

¹¹²⁸ Автор имеет в виду своего брата Игнатьева Алексея Алексеевича.

кооперации оказался один выходец из Песчанки, активный участник спектаклей в этом селе, [Калашников] Иван Михайлович. Он и влился в теченскую труппу на выполнение трагических ролей. Из Беликуля вошла в неё – шадринская гимназистка дочь крестьянина Марина Спиридоновна Добрынина. По существу этот состав актёров и составил ядро среднего и младшего поколения, так что деление на поколения в области спектаклей в Тече на три было условным: можно было сказать, что было только два поколения, тем более, что и характер постановок был более или менее однородным, а именно – ставились и теми и другими водевили и небольшие драмы. Но зато в области пения во втором поколении сделан был сильный уклон в сторону сольного исполнения в сопровождении аккомпаниатора в виде пианино или рояля. Это было переходом к концертному исполнению деятелей следующего – младшего поколения.

Верх-Теча.

Организатором спектаклей в этом большом селе был пермский семинарист Андрей Яковлевич Максимов. По принятому нами условному делению на поколения, его нужно, по крайней мере, по возрасту и времени его деятельности отнести к среднему поколению. Андрей Яковлевич выступал в спектаклях и как режиссёр, и как артист. Ему больше удавались роли стариков и чиновников. В состав его «труппы» входили екатеринбургские епархиалки Катя Богомолова и Лина Пономарёва. Поставлены были, например, чеховские миниатюры – «Медведь», «Юбилей». Из этого видно, что спектакли в Верх-Тече по выбору пьес для них не отставали от жизни, и тематика их была другой, чем в Песчанке и Тече. Это было новым явлением в этой области.

Андрей Яковлевич был ещё мандолинистом и этой стороной своего таланта он примыкал к музыкальному кружку, во главе которого стоял пермский семинарист Григорий Иванович Богомолов.¹¹²⁹ Г. И. был талантливый музыкант. В наших краях он был единственным музыкантом-пианистом и в этом отношении выделялся из ряда других музыкальных деятелей. Он был, несомненно, одарённым юношей и добивался усовершенствования в области игры на рояле. Учиться игре на рояле он начал ещё в детские годы у М. М. Щеглова в Камышлове, но не ограничился этим, а в бытность пермским семинаристом продолжил учиться в школе Петерсон. Как пианист он был большим приобретением для семинаристов, любителей пения вообще, а в частности сольного пения под аккомпанемент рояля. Естественно, что около него всегда группировались певцы и музыканты. Таким образом, и составил кружок энтузиастов певцов и музыкантов, которые в 1912 г. в июне устроили в Верх-Тече концерт с разнообразной программой. Так же, как это когда-то было в Тече, сюда

---

¹¹²⁹ «Во время учения в Пермской семинарии руководил хором – пианист, читавший с листа любые ноты». (Примеч. И. С. Богословского).

съезжались семинаристы, но не из Прикамья, а из Зауралья, и решили дать концерт.

20/VI 1912 г. в Верх-Тече было большое оживление в волостном правлении: верх его очищался от шкафов и столов, из квартиры Богомоловых бригада силачей в поте лица переносила сюда рояль. Вечером состоялся концерт. Верх волостного правления был забит людьми до отказа. Люди висели на окнах, толпа стояла внизу во дворе. В программе значились в числе других следующие номера:

1. «Парус», муз[ыка] Корнилова – исп[олняли] трио под аккомпанемент рояля пермские семинаристы Еварест Медведев¹¹³⁰, Пётр Топорков¹¹³¹ и верх-теченский псаломщик [Алексей Олесов].

Аккомпанировал Г. И. Богомолов.

2. *Solo*. а) «Дивно малиновки звенят» Тальяфико Е. Медведев.

б) Серенада Речкулова «Вновь я здесь [перед тобою]» П. Топорков.

3. Скрипка и балалайка – народные песни: «Светлый месяц» и др. Виталий Боголепов и Николай Игнатьев.

4. *Solo* на рояле: Мендельсон[-Бартольди] «Песни без слов» №№ 6 и 12. [Исполнял] Г. И. Богомолов.¹¹³²

Все исполнители концерта – пермские семинаристы были также б[ывшими] воспитанниками Камышловского дух[овного] училища, а в области пения и музыки питомцами Михаила Михайловича Щеглова¹¹³³, так что можно сказать, что среди исполнителей концерта невидимо присутствовал и он – учитель этого молодняка.

Успех был большой и заслуженный. Младшее поколение семинаристов в наших глухих «медвежьих» местах приняло эстафету и значительно продвинуло вперёд культурную работу на селе: концерт, данный в Верх-Тече, незачем было бы показать в каком-либо культурном центре, если не губернского, то, по крайней мере, уездного масштаба.

---

¹¹³⁰ «Прекрасный лирико-драматический тенор». (Примеч. И. С. Богословского).

¹¹³¹ «Медведев и Топорков в Перми выступали на концертах». (Примеч. И. С. Богословского).

¹¹³² В очерке «Семинаристы-музыканты» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора программа представлена полностью. Кроме указанных выше: «Ах, сегодня день ненастный», народ[ная] песня, дуэт. Исполняли: Медведев Е. и Олесов А. Акк[омпанировал] Богомолов Гр.» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 109 об.-110).

¹¹³³ «[В] 1961 [году] – проживает в г. Камышлове, имел 84 года от рождения». (Примеч. И. С. Богословского).

Нет! Нашим семинаристам, несмотря на разные разговоры о них, как о бурсаках, не стыдно сказать о себе: да, мы были семинаристами, с честью носили это звание и кое-что сделали для культуры наших краёв. Как знать, может быть, те, кто потом устраивали спектакли в наших течах, верх-течах и т. д., ещё в наши времена, будучи деревенскими мальчишками и девчонками, получили первые уроки в своих спектаклях, и это было для них первой школой.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 578-588.

*Находится в составе очерков по истории села Русская Теча Челябинской области в «пермской коллекции» воспоминаний; в «свердловской коллекции» - отсутствует.¹¹³⁴

---

¹¹³⁴ В письме И. С. Богословскому от 23 мая 1961 г. В. А. Игнатъев писал: «Я думаю, что семинаристов – культурных деятелей нужно отнести не к Тече, а *alma mater*: там ведь не только о Тече, но и др. сёлах» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 611.

О любви семинаристов к своей семинарии и семинарской гордости*

В августе 1902 г. накануне моего отъезда в Пермь на экзамен для поступления в семинарию моя ровесница, вместе с которой я учился ещё в сельской школе и даже родня – «сватья» Соня Б[ирюкова], на прощанье сказала мне: «Желаю быть семинаристом». Она выразилась, конечно, не точно; она хотела сказать, что она желает мне поступить в семинарию, но она, зато точно указала на мое желание «быть семинаристом». Что это выражение – «быть семинаристом» - означало для меня? И как его могла понимать Соня Б.? Вероятно, не больше того, как быть молодым человеком, каким мы привыкли называть кого-либо семинаристом и какими были наши старшие братья. Младшим всегда свойственно в какой-то степени идеализировать старших и желать быть такими, как они. В действительности же поступление в семинарию для меня, как и для всякого другого юноши, обозначало подчёркнутый момент в жизни, момент перехода из детского возраста в отроческий и юношеский возраст. Это обозначало глубокий перелом в самосознании: я уже не ребёнок, не дитя, а становлюсь взрослым. Ни у гимназистов, ни у «реалистов»¹¹³⁵ такого подчёркнутого момента перехода из одного возраста в другой возраст не было. Это очень важно отметить для понимания некоторых особенностей психологии семинаристов. Важно отметить, что поступление в семинарию в некоторой степени вело к изменению бытовых условий жизни, хотя и при наличии жизни в общежитии: предоставлению большей свободы, чем это было в духовном училище. Наконец, период обучения заканчивался позднее, чем, скажем, в гимназии или реальном училище, а именно около 20-21 г. и, по идее, назначению обучения, приводил к определенной профессии – к деятельности служителя культа. Всё это создавало особые условия развития семинаристов в особых, специфических отношениях их к своей *alma mater*.

Наряду с регламентированным порядком учения и жизни, регулируемым звонками и недрёманным оком начальственного надзора, у семинаристов существовали свои чисто демократические организации, в которых действовали их инициативы, и удовлетворялось их стремление к самостоятельности, самоорганизации. Этому же служили и некоторые мероприятия. Существовала, например, ученическая библиотека. Комплектование её, конечно, регулировалось сверху: не всё, что хотелось бы, можно поставить на полку ученической библиотеки, но организация распорядка пользования ею, в том числе фондом учебников было в руках семинаристов. Беря книгу для чтения или учебник, я чувствовал ответственность перед своей библиотекой, во главе которой стоял один из наших же товарищей. Ни в гимназии, ни в реальном училище, ни в какой другой школе такой библиотеки не было.

---

¹¹³⁵ «Реалисты» – ученики реального училища.

Семинарский хор был в полном смысле свободной ученической организацией. Регентом был ученик, он же набирал певцов, он устанавливал время для спевков и т. д.

После революции 1905 г. установлены были дежурства в столовой. Они были самостоятельной ученической организацией.

Посещение театра организовывали сами семинаристы: сами покупали билеты или целые ложи. Сами следили за порядком и поведением в театре. В дни бенефисов семинаристы выступали с адресами. Среди них были всегда поклонники разных артистов. У кого из нас не связаны лучшие воспоминания семинарского периода жизни с оперой! К чести нашего начальства нужно сказать, что нам не препятствовали ходить в театр.

Сколько хороших воспоминаний связано с организацией вечеров! Здесь именно выделялись таланты организаторов, музыкантов, певцов и декламаторов. Всё это было свободной организацией учеников.

Нельзя не упомянуть о декоративном мастерстве, проявляемом в дни великих праздников, особенно на Пасхе.

Было свободным посещение городской читальни. Многие пользовались библиотекой им[ени] Смышляева. Много времени было для чтения. Всё это осталось дорогим воспоминанием. За это только одно можно любить, и любили семинаристы свою *alma mater*. При всём режиме, связанном со специфическим обучением в духовной школе, каковым являлась семинария, в ней давалась возможность в период формирования личности свободно развиваться тем или другим задаткам природы кого-либо. Нужно полагать, что в семинариях именно в зачаточном виде формировалось мировоззрение таких людей, как [Д. Н.] Мамин-Сибиряк, И. П. Павлов и даже [Н. А.] Добролюбов¹¹³⁶ и [Н. Г.] Чернышевский. Хотя мировоззрение в дальнейшем стало развиваться в противоположном направлении от семинарских наук, но именно свободное развитие в семинарии – чтение книг, размышления и т. д. – толкнуло их в сторону материалистической и демократической идеологии. В семинарии же, конечно, и сформировался научный и литературный язык, блестяще использованный ими в их письменных трудах.

Были в семинариях, в частности в Пермской семинарии, тёмные стороны, отрицательные явления? Да, были. Были, например, случаи пьянства, но они же не определяли физиономии всего учреждения: это были только отдельные порывы, особенно в младших классах, но они быстро вскрывались. Тот, кто изобразил бы пьянство в семинарии, как массовый порок в наши времена – начало XX в., тот возвёл бы на семинарию неблагоприятный поклёп. Были среди семинаристов циники, посетители «учреждения» Парфёныча? Были, но это опять-таки не показатель для характеристики всей массы семинаристов, да и вообще только для семинарии: этим грешили и другие школы. Были ли грубые, и даже

---

¹¹³⁶ Добролюбов Николай Александрович (1836-1861) – русский литературный критик, поэт, публицист, революционный демократ. Окончил Нижегородскую духовную семинарию.

преступные выступления семинаристов против педагогов? Были. Например, в Саратовской семинарии был убит учеником инспектор¹¹³⁷; в Пермской семинарии освистали учителя в день его юбилея. Но это были случаи исключительные и поэтому редкие, патологические. Но ведь в семинарии именно был выработал тезис, характеризующий отношения учеников к учителям: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим». И того же учителя, которого освистали в день юбилея, с почестями проводили на «вечную память».

Нельзя сгущать плохое и за ним не видеть ничего хорошего. Нельзя отрицать того, что в семинариях воспитывалось у учеников чувство товарищества, дружбы. «Братва» - так называли семинаристы свой коллектив. Нельзя отрицать, что из семинарии вышло много учёных, врачей, учителей и др. Имя «семинарист» иногда с почётом присоединяется к фамилии какого-либо учёного. Нельзя отрицать, что семинаристы хорошо зарекомендовали себя, например, на медицинских факультетах университетов, как настойчивые и упорно овладевающие наукой. Нельзя отрицать, что семинаристы зарекомендовали себя хорошо, как мастера писать сочинения. Пусть припомнит кто-либо из гимназистов, как выручали его семинаристы в «минуту жизни трудную», когда сидя у открытого окна на втором этаже он на ниточке поднимал трепетной рукой свёрнутый листок бумаги. Семинаристы были признанными знатоками классических языков. Гордостью семинаристов являлся их хор и певцы – солисты. Выступление семинарского хора на вечерах было блестящим подтверждением высокой музыкальной культуры семинаристов. Исполнение таких номеров, как «Ноченька» из оперы «Демон» Рубинштейна, как хор жрецов из оперы «Аида», «Как по горнице светлице» из оперы «Русалка» проходило, по заключению авторитетных лиц, на уровне среднего оперного хора. Семинаристы вправе гордиться такими солистами – певцами, как Медведевым, Шестаковым, Чирковым, Ласиным и др. Все они оставили по себе добрую память в Перми, выступая на вечерах в семинарии и в гимназии Барбатенко. Из Пермской семинарии вышел широко известный на Урале регент М. В. Попов.

Воспитанниками Пермской духовной семинарии были: а) организатор Пермского краеведческого музея – Павел Николаевич Серебренников; б) известный краевед и основатель исторического музея в Шадринске – Владимир Павлович Бирюков.

Пермскую духовную семинарию окончили профессора:

- а) Московского университета имени Ломоносова – Павел Степанович Богословский;
- б) профессор Свердловского медицинского института Владимир Павлович Луканин;

---

¹¹³⁷ В Саратовской духовной семинарии в 1911 г. был убит семинаристами инспектор семинарии Алексей Иванович Целебровский.

- в) профессор Пермского медицинского института – Иван Степанович Богословский;
- г) доцент Свердловского педагогического института А. В. Затопляев.
- д) преподаватели высших учебных заведений: а) П. А. Липин, б) В. А. Наумов, в) В. А. Игнатъев.
- е) заслуженный врач, кандидат медицинских наук – Леонид Васильевич Лепешинский.
- ж) врачи: Успенский А. П., Кокосов М. И.¹¹³⁸, Скворцов В. А.¹¹³⁹, Бирюков А. П., Мухин А. А., Мультановский П. Н., Нассонов А. П.
- з) ветеринарные врачи: Михайлов Ф. А., Удинцев А. Н., Ставровский И. Н. и многие, многие другие.¹¹⁴⁰

Главную же славу Пермской духовной семинарии и гордость составили:

- 1) Д. Н. Мамин-Сибиряк, певец Урала.
- 2) А. С. Попов – изобретатель радио.
- 3) П. П. Бажов – творец уральских сказов.

27.VIII.[19]60.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 175-180.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹¹³⁸ Кокосов Михаил Иванович (1877-?) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1891 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1897 г. «Окончил медицинский факультет Томского университета. Работал врачом». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 70).

¹¹³⁹ Скворцов Василий Алексеевич (1881-1938) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1896 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1902 г. «Окончил медицинский факультет Томского университета. Работал земским врачом на участке Каменского завода Камышловского уезда. В 1918 г. избран председателем волостного исполкома, но вскоре вынужден был подать в отставку, т. к. разочаровал рабочих. Репрессирован в 1930-е гг.» (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 72). Реабилитирован в 1957 г. См. «История врача Скворцова» // Сайт «Каменск-Уральский. Страницы истории (<http://history-kamensk.ru/history/20-istorija-vracha-skvorcova.html>).

¹¹⁴⁰ Многим из этого списка автор посвятил отдельные очерки. См. ниже.

Их провожали в последний путь*

В сентябре их, маленьких и юрких, привезли с базара в коробе и сдали на руки банщику Кондратию. Им было весело в компании и они без умолку лепетали на своём языке. Квартиру дали им хорошую: тёплую, просторную, много воздуха. Правда, насчёт света было небогато: одно тусклое оконце давало недостаточно света, к тому же оно было над дверью с западной стороны; но когда дверь была открыта, а это было довольно часто, то и свету было достаточно и врвался свежий воздух.

Соседи у них были знатные: ректорские рысаки. Ухаживал за ними Кондратий не за страх, а за совесть. Ему ли, выходцу из деревни, не любить живое существо, по-хозяйски ухаживать за ним. Нет, они не могли на него жаловаться. Что им надо? Питание. Пожалуйста: после каждого обеда и ужина Кондратий уносил им из столовой громадные вёдра со всякой всячиной: тут были и остатки лапши, каши, разных подливов, плавал изюм, картошка, а сверху жир кусочками и в растворённом виде. Правда, и их рацион подчинён был некоей идеологии: соблюдались посты, но это было, как говорится, не так уже душевредно: меньше жира, зато больше сахарного – разных подливов, а хлебного всегда было вволю. Что ещё им надо? Подстилка, уборка. Пожалуйста: Кондратий никогда не обижал. В длинные зимние вечера у них на стенке горела лампа. Гулять время от времени тоже выпускали. А разные там, так называемые, культурные запросы, идеи, о чём думают некоторые живые существа, им не нужны были по самой природе их: их взгляд направлен был долу, а не вверх. Вот так они и жили, как говорят, по-свински.

Не знали они, что на свете есть Ковальский и что он-то именно и ждёт, когда они подрастут. Не знали они и того, что рост, созревание организма кому-то в радость, а кому-то не в радость, а в гибель, в смерть, а *supremus vitae dies*¹¹⁴¹ их уже приближался... и настал.

... числа мая 1909 г. задний двор нашей семинарии, где находились разные служебные здания, в полдень имел не обычный вид. Было солнечно и жарко, во дворе бегали питомцы Кондратия: грузные, жирные, беленькие, чистые. Хрюканье разносилось по двору и было слышно на улице вне двора. Ворота были открыты в неурожайное время. Прохожие заглядывали во двор и смотрели: что тут творилось. А творилось тут вот что: десять свинок сгоняли в кучу, чтобы прогнать через ворота и гнать дальше по улице туда, куда указал Ковальский. Свинок, наконец, согнали в стадо и они, неуверенно и с непривычки покачиваясь на ногах, двинулись к воротам. *Ultimum vale!*¹¹⁴² Что в это время было на душе у Кондратия, знал только он один. Он замыкал шествие с опущенной головой. Из кухни вышли, прервав свою работу. Кирилл Михайлович, наш повар, его помощник Иосиф, буфетчик Иван

---

¹¹⁴¹ *supremus vitae dies* – по-латински последний день жизни.

¹¹⁴² *Ultimum vale* – по-латински последнее прощание.

Антоныч; у бани стояли сторожа и, как сквозь строй, прошли они, десять обречённых. Их погнали налево, Кондратий взглянул ещё на прощанье, повернулся, и закрыл ворота.

Тарас Скоти[нин]...! Только ты, вероятно, смог бы прочувствовать и в должной мере оценить это событие в Пермской духовной семинарии ... мая 1909 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 223-224 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.¹¹⁴³

---

¹¹⁴³ Первоначальный заголовок очерка: «Их провожали на Голгофу». По этому названию И. С. Богословский в одном из писем сделал В. А. Игнатьеву замечание. Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 30 января 1961 г.: «Голгофа» - символ страданий; я употребил это слово в том смысле, что их посылали под зарез Ковальскому. Может быть, это нельзя сказать, как обидное для религ[иозного] чувства – это, пожалуй, да. Можно сказать: «Их провожали в последний путь»; или: «Их провожали к Ковальскому». Дорогой Иван Степанович! Вы пожалуйста, если что заметите нескладное у меня – исправляйте!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 53-53 об. Заголовок очерка в рукописи изменён не был.

Женихи*

2-го июня 1909 г. для нас, абитуриентов Пермской духовной семинарии, прозвучал в девять часов утра последний звонок, призывавший нас на экзамен по самой одиозной богословской науке – догматическому богословию. С основами этой науки – о боге в трёх лицах, существе вечном и беспредельном, мы узнали ещё на первом курсе семинарии, когда заучивали оду Державина «Бог». Мы заучили:

*«О, ты, пространством бесконечный,
Живой в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный
Без лиц, в трёх лицах божества.
Дух всюду суций и единый,
Кому нет места и причины, [...]»¹¹⁴⁴
Кого мы называем: бог!»*

На наши зелёные разумы тогда нам, пятнадцатилетним мальчишкам, не чинили препятствий воспринимать эти истины на веру, тем более что наш преподаватель словесности, старый педант и поклонник Державина, рассказывал нам и сам показывал, как нужно декламировать слова этой оды «без лиц в трёх лицах божества»: он закрывал лицо руками, а потом разводил ладони рук у ушей, так что получалось три лица. Теперь же, в возрасте за двадцать лет, после того как мы вкусили и философской премудрости, наши разумы были настроены на критический лад, и нашему преподавателю Рубинову¹¹⁴⁵, только что кончившему духовную академию и самому ещё не вышедшему, вероятно, из под контроля критического разума, трудно было убеждать нас в том, что противоречило разуму. Откровенно говоря, мы иногда с жалостью смотрели на него, когда он, стоя у кафедры, сообщал нам об очередной догме своей науки. Казалось, что он старался выжить из своего богословского ума всё, что могло бы убедить нас в разумности этой догмы, мучился и на лбу его и на всё более открывавшейся лысине появлялись следы пота – испарина. Для нас догматическое богословие было последним аккордом богословской науки.

Заканчивалось десятилетнее шествие по духовной школе, из которых четыре года обучения в дух[овном] училище были преддверием, а шесть лет

---

¹¹⁴⁴ Автор приводит первую десятистрочную строфу оды Г. Р. Державина «Бог» (1784), но пропускает в ней строки:

*«Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет».*

¹¹⁴⁵ Рубинов Александр Стефанович (1878-?) – сын священника Тамбовской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1903 г. С 6 ноября 1903 г. преподаватель основного, догматического и нравственного богословия в Пермской духовной семинарии. // «Пермские епархиальные ведомости». 1908. № 32 (11 ноября) (отдел официальный). С. 251.

уже настоящим шествием по стопам богословия: их них четыре года изучения библии – Ветхого Завета, а два года – Нового Завета. Всё «произошли», остановились только перед «Апокалипсисом», туманность которого пугала всех, и только известный шлиссе[ль]буржец Н. А. Морозов, не будучи богословом, раскрыл тайну его в своей книге «Откровение в огне и буре», но это уже вопреки богословской догматике.

Пройдены были все рифы наук, окружавших богословие в классах риторики и философии: классические языки с «Энеидой» Вергилия и «Воспитанием Кира» Ксенофонта; алгебра, геометрия, тригонометрия, физика и космография – всё по методу, «мы все учились понемногу – чему-нибудь и как-нибудь».

И вот мы пришли к финишу – мы рады! Нам казалось, что и звонок радостнее звенел в руках нашего швейцара Яши и радостнее гремел для нас бас нашего протодиакона Матвея Попова, которого мы называли «Маттафией», когда служили молебен по случаю окончания нами семинарии. И вот мы – вновь испечённые богословы и ... женихи! Да, женихи! Об этом лучше всего знали «матушки», особенно провинциальные, где-либо в глуши, у которых была забота-заботушка как-то устраивать на жизнь созревшую доченьку... Что значило кому-либо из окончивших семинарию появиться где-либо в духовном мире, в обществе лиц духовного звания, духовного сословия? Сейчас же такового определяли в женихи, и тут начинался почёт, уважение, неприкрытое заискивание и пр.

Помнится, как в наших «палестинах» появился только что кончивший семинарию Павел Николаевич Калашников.¹¹⁴⁶ Приехал он в Сугояк к своему брату Ивану Николаевичу, и молва с быстротой молнии пошла по округе: в наших краях появился жених. Помните, как начинается роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» - что началось с приездом Привалова? Такая же картина получалась, когда появлялся в нашей провинции жених, вновь испечённый богослов. Итак, мы женихи! Но какие мы женихи? Мы больше походили на перезрелых гимназистов, которых можно было видеть в Пермской частной мужской гимназии Циммерман, в которую на поиски аттестата зрелости стекались изгнанники из гимназий со всей матушки России, уже «заматоревшие во днех своих» - с усиками и бакенбардами, но всё ещё в серых рубашках с закрытым воротом. Такими были и мы.

Прежде кончивший семинарию жених «являлся народу» в полном величии: в сюртуке, крахмальной сорочке с галстуком, с шевелюрой, усиками, а иногда и эспаньолкой, «с выражением в лице», с сознанием своего достоинства, а что мы могли внушить окружающим нас людям в серых

---

¹¹⁴⁶ Калаш(ч)ников Павел Николаевич (1879-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1905 г. «В 1917 г. [поступил] на медицинский факультет Пермск[ого] университета, но из-за материальных условий оставил его, потом с 1919 г. работал бухгалтером в Шадринске и Перми, в последнее время в Москве, в Метрострое (до [19]50-х годов)». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 124).

тужурках с закрытым воротом, правда, с крахмальным воротничком, безусые с каким-либо «ёжиком» или «косым рядом» на голове? Нет, если посравнить «век нынешний и век минувший», то приходилось признать: измельчали богословы-женихи – не сразу и узнаешь в ком-либо из них – жених он или не жених. Так именно и случилось с двумя такими «женихами».

Благополучно закончив экзамены, два вновь испечённых богослова и, следовательно, жениха, я и мой близкий товарищ однокурсник Филагрий Михайлов, именуемый в нашей среде «Филатом», держали путь в родные края – в Зауралье. Тогда, в 1909 г., в Зауралье можно было проехать только по горно-заводской железнодорожной линии с обязательной пересадкой в Екатеринбурге. Пересадка с поезда на поезд, конечно, не была удовольствием: приходилось ждать другого поезда, искать себе место в новом поезде. Эти неприятности теряли свою остроту и переходили в порядке житейской диалектики в свою противоположность – в желанное явление, потому что на екатеринбургском вокзале происходили встречи с екатеринбургскими епархиалками – с сёстрами, а чаще просто со «смаками», как на семинарском жаргоне назывались барышни. О, эти встречи! Сердца бились у тех и других учащённо: знакомства, неизбежный флирт. Такова юность!

Мне надлежало встретиться с сестрой, заканчивающей епархиальное училище и вместе с ней отправиться в дальнейший путь, а Филагрию тоже предстояло встретиться с какой-то девушкой. Мы отправились с ним на свидание – я с сестрой, а Филагрий – со «знакомой». Нужно ли говорить о том, что мы переживали. Мы зашли в тот корпус епархиального училища¹¹⁴⁷, где было общежитие – дортуары¹¹⁴⁸ и зал. Теперь это здание надстроено и утонуло в общем ансамбле, а тогда оно было двухэтажное, причём в вестибюле был низкий потолок, а из него довольно широкая лестница вела на второй этаж – в актовый зал, который, очевидно, и был центром здания. В вестибюле было довольно мрачно. Мы стояли в ожидании, когда нам вызовут «объектов» нашей встречи. На повороте лестницы то и дело появлялись «они»: высунутся в поле нашего зрения и мигом скроются. Которые посмелее и, очевидно, более любопытные спускались вниз и делали вид, что чего-то или кого-то ищут. Как видно весть о нашем появлении разнеслась по общежитию, и «муравейник» пришёл в движение. Оказалось, что занятия в училище закончатся завтра, и мы с Филагрием отправились на монастырское подворье, что было неподалёку от часовни, находившейся почти рядом с больницей училища.¹¹⁴⁹ Здание это по какой-то случайности сохранилось до

---

¹¹⁴⁷ Екатеринбургское епархиальное женское училище находилось на углу Александровского проспекта (ул. Декабристов) и ул. Уктусской (8 Марта).

¹¹⁴⁸ Дортуар – общая спальня для учащихся в закрытых учебных заведениях.

¹¹⁴⁹ Вероятно, автор ведёт речь о странноприимном доме (гостинице для богомольцев) подворья Ново-Тихвинского женского монастыря и о Преображенской часовне монастыря в г. Екатеринбурге. Все упоминаемые здания располагались на Александровском проспекте, который выходил к Введенскому храму монастыря. До настоящего времени

настоящего времени и воскрешает в памяти бытовые картины тех времён. Одну из тех картин, как известно, запечатлел художник на полотне – «На монастырском подворье». Но перед нами монастырское подворье предстало в несколько другом виде: в это время в нём было несколько провинциальных матушек, которые приехали за своими доченьками-абитуриентками и, следовательно, вновь испечёнными невестами. Вот тут-то нас, женихов, и проэкзаменовали на «аттестат зрелости». Нет, нас попервоначально не признали женихами: не тот коленкор! Мы стали, однако, предметом исследования, изучения. Боже мой, что тут началось! Мы заметили, что и монашки-прислужницы приглядываются к нам: кто вы? А у матушек мы стали замечать какую-то нетерпеливость во взгляде, мучительную пытливость. Наконец, нас стали спрашивать, кто же мы? И мы открыли, кто мы. Нам не поверили и стали считать нас чуть ли не шулерами. И добились-таки, что мы показали свои отпускные удостоверения об окончании семинарии. Что тут началось! Даже сам Иван Александрович Хлестаков¹¹⁵⁰ едва ли был окружён таким почётом, как мы. Невеста, появившаяся в форме, мгновенно превратилась в фею. Нет! Хорошо быть женихом! И если раньше у нас была ещё неуверенность в себе и мы подобно льву, сомневавшемуся в том, лев ли он, как не лев, задавали каждый себе вопрос, жених я или не жених, то теперь с уверенностью каждый отвечал: да, я жених, меня на екатеринбургском монастырском подворье укрепили в этой мысли. А мой друг, Филагрий, скоро и подтвердил это, женившись на Смышляевой.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 78-93.

*Находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

больница и сама гостиница не сохранились, но остались часовня и два корпуса бывшего Екатеринбургского епархиального женского училища, одно из которых занимает Екатеринбургский монтажный колледж.

¹¹⁵⁰ Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

НАС БЫЛО ТРИДЦАТЬ

*Посвящается моим бывшим
соученикам-семинаристам.¹¹⁵¹*

В июне 1909 г. Пермскую духовную семинарию окончили тридцать человек, тридцать индивидуальностей, которые в течение нескольких лет объединены были в одну группу, в один класс и подчинены были одной системе воспитания, существовавшей тогда в духовных семинариях. Теперь прошло уже более полувека с того момента, но память живо хранит их образы, а воспоминания настойчиво требуют ещё и ещё раз запечатлеть их в словесном рисунке. Таков закон юношеских лет! Вот эти юноши.

1. Мавровский Николай

С детских лет он остался без отца, бывшего священника. Его мать-вдова работала учительницей. Он и его сестра учились в духовных учебных заведениях на казённый счёт. Он последовательно закончил весь цикл духовных учебных заведений: Камышловское дух[овное] училище, Пермскую духовную семинарию и Казанскую дух[овную] академию. На его судьбе ярко отразилась та положительная сторона духовных учебных заведений, что сиротам духовенства обеспечивалась возможность получить образование на казённый счёт. В течение всего курса обучения Н. Мавровский жил в интернатах, т. е. в течение четырнадцати лет. Это, естественно, не могло не наложить на его личность некоторые своеобразные особенности, черты бурсы, бурсацкой жизни. Так у него была какая-то странная наблюдательность за одеждой других. Бывало так, что он вдруг подойдёт к кому-либо из товарищей и заявит: «ты эти брюки носишь уже третий год». Привычка получать казённую одежду по определённым срокам, очевидно, воспитала в нём такого рода наблюдательность. Уже в шестом

---

¹¹⁵¹ Автор вспоминает своих соучеников в порядке разрядного списка всех окончивших Пермскую духовную семинарию в 1909 г., при этом в «пермской коллекции» замыкает собой список, а в «свердловской» упоминает себя 5-м, без указания сведений о себе.

В 1908/1909 учебном году Пермскую духовную семинарию окончили:

по 1-му разряду: Мавровский Николай, Харин Евфимий, Иваницкий Николай, Пономарёв Виталий, **Игнатъев Василий**, Богословский Сергей, Козельский Григорий, Бережнёв Пётр – признаны достойными звания студента семинарии;

по 2-му разряду: Черепанов Леонид, Михайлов Филагрий, Хмельнов Николай, Словоцов Семён, Юмин Константин, Юмин Александр, Павлинов Михаил, Чернавин Георгий, Яковкин Александр, Кочнев Михаил, Первушин Николай, Коровин Марин, Удинцев Иван, Попов Николай, Удинцев Александр, Старцев Анект, Хохлов Александр, Никитин Александр, Максимов Андрей, Шкляев Александр – признаны окончившими полный курс семинарии;

по 3-му разряду: Третьяков Константин и Затопляев Михаил // «Пермские епархиальные ведомости». 1909. № 19 (1 июля) (отдел официальный). С. 165-166.

классе семинарии он завёл тетрадку со списком товарищей и в неё делал отметки о состоянии причёски у кого-либо из товарищей и кому-либо объявлял: «Я тебе сегодня поставил пять».¹¹⁵² Но это были мелочи, странности, результат своеобразного быта «общежитников». Главной же чертой его характера была общительность, стремление организовать других, руководить или, в известной степени командовать другими. В этом отношении он был незаменимым организатором посещений театра, организатором вечеров, на которых он всегда красовался в сюртуке с красным бантом, пышно развевающимся при ходьбе. В этот момент он имел величественный вид и, как видно, чувствовал себя на высоте своего призвания. Организаторская деятельность его была разнообразной: он организовывал, например, трио певцов для церкви женской гимназии в великом poste, для совершения всенощной в губернском земельном учреждении; организовывал семинаристов на продажу ромашки в день 1-го мая в пользу туберкулёзных и т. д. Неудивительно, поэтому, что при поступлении в академию он сейчас же выдвинулся среди других и избран был студенческим деканом курса.¹¹⁵³ Здесь он выступал посредником между студентами и профессорами по оформлению лекций для подготовки к экзаменам, между студентами и администрацией по организации традиционной ёлки для детей служащих академии на Новый год и т. д. Одним словом, он был душой студентов курса и всегда был в их окружении. Он откуда-то разузнал о юбилейных датах наших бывших учителей и организовывал нас на чествование их. Так, ещё в семинарии по его именно инициативе мы посылали приветственную телеграмму смотрителю Камышловского духовного училища Михаилу Николаевичу Флорову по случаю двадцати пятилетия его педагогической деятельности. Когда же в академии было чествование профессора Ф. А. Курганова¹¹⁵⁴, то он именно выступал с приветственной речью.

[¹¹⁵⁵]

---

¹¹⁵² В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции»: «Я тебе сегодня поставил за причёску четыре – снизил оценку: тут у тебя торчит какой-то вихорок».

Там же автор добавляет: «Любил грешник попариться в бане и обязательно чтобы «бздануть» квасом» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 190.

¹¹⁵³ В то время декан не являлось должностью преподавателя или руководителя факультета, это был старший среди равных или староста, как в классах современных учебных заведений.

¹¹⁵⁴ Курганов Фёдор Афанасиевич (1844-1920) – сын священника Пензенской губернии. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1870 г., магистр богословия 1872 г., доктор богословия 1880 г.; профессор кафедры общей церковной истории. Русский православный богослов и историк Церкви.

¹¹⁵⁵ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Теперь дело прошлое и можно вспомнить и о том, что Мавровский именно старался помогать кое-кому из студентов на экзамене: организовывал подготовку шпаргалок. «Быль молодцу не укора» - гласит по этому случаю пословица.

Известно, что Мавровский Николай Николаевич по окончании академии был назначен преподавателем в Белгородское дух[овное] училище. Последнему его замыслу в академии – о встрече с академическими друзьями в Казани через десять лет после окончания – очевидно, не суждено было совершиться.¹¹⁵⁶

2. Харин Евфимий

Он был первым по результатам учения, *primus`ом*, как принято было у семинаристов называть таких учеников.¹¹⁵⁷ В то же время у него была удивительная черта – быть незаметным среди других. Он учился на казённый счёт и жил всё время в общежитии, но как-то он ухитрился так вести себя, что его нигде не видно было, или он как-бы стоял в стороне и наблюдал что-либо издали. Завязывался ли какой-либо горячий спор, собиралась ли компания в театр, собиралась ли группа певцов или музыкантов, он стоял как-то в стороне, наблюдал и молчал. На вечерах, когда все включались в общий поток гуляющих, он как-то пытался соединиться с массой, но всё сторонкой, боком. Он не примыкал к кружку проповедников и не проявлял особенных признаков увлечения религиозными, богословскими науками, но ему как-то удивительно легко удавалось постигать эту премудрость и особенно писать сочинения на богословские темы. Нельзя сказать, чтобы он много читал и вообще увлекался чтением, как это было у некоторых других, которые читали «запоем», но он как-то умел подобрать самое необходимое ему для сочинения и искусно использовать его.¹¹⁵⁸ Когда он отвечал урок, то

Не чужд он был и кавалерских увлечений, и с этой стороны ему на семинарском жаргоне было присвоено название «балахоник» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 190 об.-191.

¹¹⁵⁶ Мавровский Николай Николаевич (1888-1960) – сын священника г. Далматова Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Белгородской духовной семинарии, член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917- 1918 гг. от мирян Курской губернии. После революции преподаватель географии в педтехникумах и средних школах Белгорода и Москвы.

¹¹⁵⁷ Евфимий Харин был 1-м по результатам обучения во 2-м, 3-м и 5-м классах и 2-м – в 4-м и 6-м классах; Николай Мавровский – 2-м по результатам обучения в 1-м и 3-м классах, 4-м – в 5-м классе и 1-м – в 4-м и 6-м классах. В «свердловской коллекции» воспоминаний автор исправляется и называет Николая Мавровского этим почётным званием, а Евфимия Харина называет «вторым *primus`ом*».

¹¹⁵⁸ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «У него был талант писать сочинения, некоторые семинаристы в порядке домашней работы писали до десяти в течение учебного года. Приходилось наблюдать, что он как будто и не особенно много затрачивает времени на писание сочинения, а получает «пять». Он умел как-то подобрать необходимый материал к теме: то что-нибудь использует из произведений святых отцов, то из какой-либо другой литературы...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 191-191 об.

как-то не то стеснялся, не то нервничал, но не умел произвести внешне хорошего впечатления, хотя ответ был очень содержательным и исчерпывающим вопрос. Не была ли его некоторая отчуждённость от других товарищей проявлением гордости? Нет! Иногда товарищи позволяли себе по отношению к нему более фамильярные выходки, чем это полагалось по принятым обычаям взаимных отношений между «братвой», например, подшучивали над его фамилией «Харин», то он не реагировал на это, как надлежало бы человеку гордому, а снисходительно и добродушно говорил, что его фамилия происходит от греческого слова *charis*.¹¹⁵⁹ Нет, он не был гордым, но своеобразным типом человека, выражаясь на философском языке, «*an sich*» (в себе [по-немецки – ред.]). Никто из нас точно не знал его происхождения, и прошёл он семинарию как-то боком, стороной, но *primus`ом*, что он блестяще подтвердил при поступлении в Киевскую духовную академию, заняв в ней на приёмных экзаменах по конкурсу первое место.¹¹⁶⁰

После окончания академии он работал в Пермском епархиальном училище преподавателем. Показательно, что, кончивши семинарию в том городе, где он работал, и, очевидно, зная, что в семинарии подвизались на педагогической работе его товарищи по ней, он не бывал в семинарии. Как прошёл её боком, стороной, так и остался в стороне от нее. Теперь его уже нет в живых: он [рано] умер от тифа. Мир праху его!

3. Иваницкий Николай

Он был из духовного сословия. До пятого класса он ничем не отличался в ряду своих товарищей, но потом ударился в мистику. Как это получилось, никто не заметил, а обнаружили, когда уже стали проявляться внешние признаки этого: куда бы он не заходил, где есть икона, и сколько бы раз не заходил, он обязательно творил «умную» (умственно) молитву и крестился.¹¹⁶¹ По окончании семинарии он принял священный сан. В 1913 г. он поступил учиться в Казанскую духовную академию и, очевидно, закончил её в 1917 г. Дальнейшая судьба его не известна.¹¹⁶² Любопытно, что в

---

¹¹⁵⁹ *Χάρις* – имя греческого происхождения, однокоренное со словом «харизма» — достоинство, подарок, благодать.

¹¹⁶⁰ Харин Евфимий Дмитриевич (1889-1920-е) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат Киевской духовной академии 1913 г. Преподаватель Пермского епархиального женского училища до 1917 г.

¹¹⁶¹ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «...цветущий, румяный, красивый парень, не замкнутый в себе, не чуждавшийся смеха, шуток и всего прочего, что свойственно здоровому юноше, но вот поди-ты!» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 192 об.

¹¹⁶² Там же: «По слухам, некоторое время священствовал где-то около Свердловска, а потом исчез...» // Там же. Л. 163 об.

семинарии одновременно с ним учился его брат, Пётр, моложе его на три-четыре года, который по характеру был полной противоположностью ему: он был певец, щеголеватый, совершенно чуждый всякого рода религиозности. Впоследствии он поступил учиться в Казанский ветеринарный институт.

4. Пономарёв Виталий

Товарищи называли его «Витилло».¹¹⁶³ Его любимой манерой было «мудрить», т. е. принимать мудрый, «заумный» вид. Казалось что-либо всем простым, понятным, а он старался на всё взглянуть глубже, мудрёнее. В этом случае он принимал вид мудреца и развивал свою мысль, выглядывая сверх своих очков. Он любил пение, хотя в хоре и не состоял. Любимым его романсом был: «Я пережил свои желанья». Этот романс когда-то исполнялся на семинарском вечере под «немой» аккомпанемент хора и он так понравился Виталию, что он его часто пел, причём у него был неплохой баритон. За год до окончания семинарии Виталий начал готовиться для поступления в Петербургский историко-филологический институт¹¹⁶⁴, в 1909 г. поступил в него и закончил его [в] 1919 г. по классическому отделению. До революции он работал преподавателем в одной из петербургских гимназий, а потом переехал в Оханск, где работал вместе со своей женой в школе II-ой ступени.¹¹⁶⁵ В 1924 г. он был на областных курсах по переподготовке учителей [школ] II-ой ступени в Свердловске, где встречался с автором этой статьи. Внешне он так и остался прежним «Витиллой». Он между прочим рассказывал, как начало первой империалистической войны застигло его за границей и как с большим трудом он пробирался домой через Италию. Теперь его уже давно нет в живых.¹¹⁶⁶

Как бывшему специалисту по классическим языкам приличествует ему, поэтому поводу, сказать: «*Sit tibi terra levis!*»¹¹⁶⁷

---

¹¹⁶³ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Из коренных жителей Прикамья, он имел несколько грубоватые черты лица: «курносый» нос, вдавленный с морщинкой по середине лоб, нависший на глаза» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 193.

¹¹⁶⁴ Там же автор добавляет, что «он начал готовиться тайком от других, и только перед самым окончанием семинарии объявил товарищам о своём намерении» // Там же. Л. 193-193 об.

¹¹⁶⁵ Там же: «вместо латинского стал преподавать русский язык» // Там же. Л. 193 об.

¹¹⁶⁶ Там же: «В скором времени после этой встречи я узнал, что «Витилло» скончался» // Там же. Л. 194.

¹¹⁶⁷ *Sit tibi terra levis!* – по-латински «Пусть земля тебе будет пухом!».

5. Богословский Сергей

Он был сын священника Стефана Богословского.¹¹⁶⁸ Он непродолжительное время жил в общежитии семинарии, а с переездом отца в Пермь жил у родителей, был, как тогда выражались у нас «приходящим». Из детей он был старшим в семье. У «приходящих» во многом условия жизни отличались от живущих в общежитии: они только на половину испытывали семинарский режим учения. Сергей среди нас больше назывался Серёжей Богословским.¹¹⁶⁹ Три черты преобладали в его характере, поскольку он (характер) раскрывался в отношениях с товарищами, а именно: скромность, стеснительность, доверчивость. Будучи сами по себе не отрицательными или не столь отрицательными чертами, они у него представлены были в излишней форме и по закону диалектики о переходе количества в качество обернулись к нему своей отрицательной стороной в том смысле, что они поставили его в несоответствие с окружающей средой, которая не склонна была или мало склонна была рассматривать их как положительные качества, иначе говоря, не умела по достоинству ценить эти качества, а, наоборот, склонна была пользоваться ими во вред их обладателю. Конечно, было мелочью, когда за обедом в семинарии, при потреблении третьего сладкого блюда, не распределённого по отдельным тарелкам, а подлежащего дележу на столе, вдруг раздавалось: «Серёжа, расскажи что-нибудь», чтобы отвлечь его от дележа; конечно, это делалось, в конце концов, в шутку, без злого умысла, но сводилось всё-таки к тому, чтобы подчеркнуть вот эти излишние скромность, стеснительность, доверчивость. А в академии нашёлся один «товарищ» прохвост (иначе назвать нельзя), который взял на себя роль Фигаро – диктовал письма и давал советы и той и другой стороне и об этом выбалтывал другим. Вот к чему привела доверчивость! А вот изнанка стеснительности: после женитьбы Сергей скрывал это – не носил кольцо. Он слишком долго оставался Серёжей Богословским, даже тогда, когда уже обстановка совсем не соответствовала этому. При этом всё он обладал редкой трудоспособностью, настойчивостью и трезвым умом. Это были его основные внутренние качества. Благодаря им, он блестяще закончил семинарию, академию и впоследствии и университет. Ведь сумел же он

---

¹¹⁶⁸ Богословский Стефан Михайлович (1862-1943) – сын псаломщика. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1882 г. Протоиерей Вознесенской церкви г. Перми в 1904-1918 гг. Окончил юридический факультет Пермского университета.

¹¹⁶⁹ Богословский Сергей Степанович (1887-1958) – сын протоиерея г. Перми. Окончил Соликамское духовное училище по 1-му разряду в 1904 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Преподаватель Священного Писания Ветхого Завета и еврейского языка, классный воспитатель в Пермской духовной семинарии в 1913-1917 гг. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета, в 1938-1958 гг. – заведующий научной библиотекой Пермского государственного фармацевтического института. Историк-краевед.

перестроиться на исторические научные работы в университете! Но скромность и стеснительность иногда становились в противоречие с его основными качествами: они мешали внешнему проявлению его внутренних основных качеств, за ними не видно было его упорной настойчивости в труде и его трезвого ума, что не давало возможности другим людям дать ему полную и правильную оценку, сам же он снижал свою самооценку. Вот почему в общественной и трудовой деятельности он занял место ниже того положения, которое соответствовало его природным задаткам, достигнутой им степени развития и научной эрудиции. Трагическая гибель его – был раздавлен трамваем 1/IV 1958 г.¹¹⁷⁰ – последовала раньше, чем он проявил все свои способности: он мог бы ещё немало сделать для науки. Чистотой своей души и высокими нравственными порывами он в какой-то степени напоминал светлый образ Алёши Карамазова. Спи спокойно, дорогой друг!

6. Козельский Григорий

Он рано остался сиротой на попечении своей больной матери и брата, псаломщика села Катарач Шадринского уезда. Моложе несколько был у него брат Феликс.¹¹⁷¹ Григорий учился на казённый счёт в Камышловском духовном училище и в Пермской духовной семинарии. Перед экзаменами в четвёртом классе духовного училища он заболел воспалением лёгких, благодаря чему ему пришлось отстать от своих товарищей, и в семинарию он поступил только через год. В дух[овном] училище он начинал учиться игре на скрипке, но потом забросил обучение. Он был большим любителем оперы, но сам не пел. Любил поспорить, причём в спорах упорствовал даже после того, как его оппонент доводил его мысль или отстаиваемый им тезис *ad absurdum*.¹¹⁷²

После окончания семинарии он непродолжительное время служил каким-то чиновником, а потом принял священный сан и служил в с. Стриганском Ирбитского уезда. В своей деятельности священником он старался осуществить идеал «доброго пастыря», но рано умер от туберкулёза. В семинарии он показал себя хорошим товарищем, и поэтому заслуженно пользовался любовью многих семинаристов.

---

¹¹⁷⁰ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора ошибочно указан 1948 г.

¹¹⁷¹ Козельский Феликс Михайлович (1891-1937) – сын псаломщика Шадринского уезда. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1912 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г. В 1928-1930 гг. протоиерей Успенского собора Верх-Исетского завода г. Свердловска. Расстрелян в 1937 г.

¹¹⁷² *ad absurdum* – по-латински до абсурда, но нелепости.

7. Бережнёв Пётр

Он был сыном Сарапульского протоиерея и поступил в нашу семинарию по окончании Сарапульского духовного училища. Он был пианист, что было редкостью среди семинаристов. Естественно как своего рода «*unicum*» он был окружен особым почётом певцов и музыкантов.¹¹⁷³ Как не прошедший особых условий «бурсацкой» жизни и живущий при обучении в семинарии в условиях отдельной квартиры, лично ему предоставленной, он отличался несколько независимым поведением, более тонкой и деликатной манерой обращения, однако, не нарушая хороших товарищеских отношений с другими. Он всегда был элегантно одет с некоторой претензией на артистический манер. Так, он любил носить пышные галстуки, и причёска у него всегда была в идеальном порядке с применением соответствующей косметики. Мы считали его баловнем судьбы.¹¹⁷⁴ Через год после окончания семинарии он поступил в Казанскую дух[овную] академию и, будучи уже студентом женился и принял священный сан.¹¹⁷⁵ Дальнейшая судьба его не известна.¹¹⁷⁶

8. Черепанов Леонид

Его все звали Лёничка Черепанов, наш красавец. Он на самом деле выделялся среди других товарищей правильными и тонкими чертами лица, стройной фигурой и чуть кудрявыми волосами. Конечно, нельзя его сравнивать с Аполлоном Бельведерским.¹¹⁷⁷ Главное же его качество было в том, что до конца семинарии он сохранил чистоту своего сердца, мягкость и деликатность в отношении к товарищам. Уже в пятом классе он, очевидно, решил готовиться к принятию священного сана, принимал участие в

---

¹¹⁷³ В очерке «Семинаристы-музыканты» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «... учился приватно. Он мог аккомпанировать только для самых элементарных музыкальных произведений» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 107 об.-108.

¹¹⁷⁴ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «К чести его надо сказать, что он, несмотря на это последнее обстоятельство, ни на то, что он был в некотором отношении персоной привилегированной, не поставил себя выше других, не «возгордился», а держался в составе общей семинарской «братвы» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 196 об.

¹¹⁷⁵ Там же: «Студентам академии не разрешалось жениться, а он отступил от этого правила и вынужден был принять священный сан» // Там же. Л. 163.

¹¹⁷⁶ Бережнёв Пётр Вячеславович (1898-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1909 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

¹¹⁷⁷ Аполлон Бельведерский – римская мраморная копия бронзового оригинала работы древнегреческого придворного скульптора Александра Македонского Леохара (ок. 330-320 до н. э.).

проповедническом кружке, выступавшем в Стефановской часовне под руководством Н. И. Знамировского. После окончания семинарии, он принял священный сан, но, по словам Н. И. Хмельнова, неудачно женился на купеческой дочери.¹¹⁷⁸ После революции постригся в монахи и был епископом в Нижнем Тагиле с именем Льва. Пользовался популярностью и любовью у верующих, но потом был выселен, и на этом сведения о нём прекратились.¹¹⁷⁹

9. Михайлов Филагрий¹¹⁸⁰

Кратко его называли «Филат». Был очень сердечный товарищ, жизнерадостный, энергичный. Сейчас же после окончания семинарии женился в своем селе на дочери священника Смышляева, а осенью с женой они приехали в Казань и он поступил в ветеринарный институт, который он блестяще закончил в 1913 г. В 1924 г. автору этих заметок удалось встретиться с ним в Свердловске. В это время он был научным сотрудником Омского ветеринарного института и читал лекции по курсуковки лошадей.

10. Хмельнов Николай

Тоже был очень сердечным товарищем и мечтал выучиться на врача, но судьба его сложилась иначе. Пришлось принять священство. После разного рода перемен и передрыг он всё-таки закончил Пермский университет по историческому факультету¹¹⁸¹, а позднее – Московский заочный институт

---

¹¹⁷⁸ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «... но неудачно, непродуманно женился на девушке из купеческой среды со специфическими привычками быта, которые она не смогла и, очевидно, не хотела преодолеть на положении «матушки». Семейный конфликт закончился разводом... // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 197 об.

¹¹⁷⁹ Там же: «Был «во время оно» изъят...» // Там же. Л. 164.

Лев (Черепанов Леонид Всеволодович) (1888-1937) – сын священника Екатеринбургского уезда. Обучался в Екатеринбургском духовном училище в 1899-1901 гг. Окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1903 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1910 г. Овдовел в 1918 г. Епископ Нижнетагильский в 1923-1927 гг. (находился в ссылке в Средней Азии), Алма-Атинский в 1927-1929 гг., арестован и сослан, Кавказский и Ставропольский в 1933-1935 гг., арестован, сидел в Соловецком лагере. Расстрелян в 1937 г.

¹¹⁸⁰ Михайлов Филагрий Александрович (1889-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г.

¹¹⁸¹ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «... ему предложена была должность законоучителя в одном высшем начальном училище при условии надеть рясу, что он и сделал. Позднее он учился в Пермской ун[иверсите]-те,

иностранных языков и работал преподавателем немецкого языка в Нижне-Тагильском филиале Свердловского политехнического института, а позднее в школе. В настоящее время он на пенсии и ведёт большую общественную работу в детском клубе, который он сам же создал в доме, где он живёт. На его судьбе ярко видно, насколько упорно и живуче семинарское племя.¹¹⁸²

11. Словцов Семён

Он как-то незаметно «прошёл» семинарию, и дальнейшая судьба его автору сего не известна.

12. Юмин Константин

13. Юмин Александр

Они поступили в нашу семинарию по окончании Сарапульского духовного училища. Они были дети какого-то административного начальника, кажется, пристава. Старший – Константин, младший – Александр. Жили они очень дружно. Александр прихрамывал, был небольшого роста и слабого сложения. Милые, сердечные товарищи! Они были жизнерадостные юноши, особенно Александр любил посмеяться, пошутить. Как передавали некоторые товарищи, с которыми приходилось встречаться, Константин по окончании семинарии принял священный сан¹¹⁸³, а Александр, как это уже достоверно известно, работал в Каменске-

---

вторично надевал рясу [из-за материальных соображений – ред.]» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 163-163 об.

¹¹⁸² Хмельнов Николай Иванович (1889-1970) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1909 г., служил в Александро-Невской церкви Нытвенского завода Оханского уезда. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета. «Позднее заочно в I Московском пединституте. В 1936-1940 гг. работал педагогом в Кушве, где организовал музей. Позднее преподавал немецкий язык в Тагильском индустриальном институте и в Тагильском филиале Уральского политехнического института. Известен как методист своего предмета и как автор руководства игр на немецком языке, изданного Институтом усовершенствования учителей». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 233-233 об.)

Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 16 ноября 1960 г.: «Он вспоминает о семинарии, но его восприятие семинарии было иным, чем у нас с Вами. Он о семинарии отзывается сухо. Однажды он подчеркнул, что он теперь атеист. Однако он мне писал, что он очень хотел бы почитать мои мемуары... Я думаю, что отношение его к семинарии и учению в ней очень противоречивое» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 30.

¹¹⁸³ Юмин Константин Васильевич (1889-?) – из г. Сарапула. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник Рождество-Богородицкой церкви Добрянского завода Пермского уезда с 1913 г.

Уральском учителем сначала в так называемом четырёхклассном училище, а потом в школе второй ступени, где преподавал литературу с большим успехом, но в известный момент «ят бысть»¹¹⁸⁴, после чего сведения о нём прекратились.¹¹⁸⁵

14. Павлинов Михаил

Он был элегантный молодой человек, приятной наружности. Надо полагать, был знаком с некоторыми так называемыми «злачными» местами. Учением себя не утруждал. В общем, был не плохой товарищ. После окончания семинарии работал надзирателем в Пермском дух[овном] училище. В 1915 г. был мобилизован, прошёл школу прапорщиков. В 1916 г., будучи контужен, лечился в Перми, где с ним и виделся автор сего. Дальнейшая судьба его не известна.

15. Чернавин Георгий

Его звали «Геря». Он был из тех милых товарищей, простецкая душа которых манила к себе, с которыми всегда хочется перекинуться словом, пошутить, посмеяться, немножко «подтрунить» над ними. Он был очень скромным, ничем не выделялся среди других. Как сложилась его дальнейшая жизнь – не известно.

16. Яковкин Александр

Он выделялся среди других более высоким ростом: когда все стояли кучкой, то его голова главенствовала над другими. Голова его была вверху сужена, примерно так, как Гоголь описал строение головы Ивана Никифоровича, причём негустые волосы на ней торчали вихорком, что придавало ему несколько комичный вид.¹¹⁸⁶

---

¹¹⁸⁴ «Ят бысть» – по-церковно-славянски «взят был». Автор имеет в виду – репрессирован.

¹¹⁸⁵ Юмин Александр Васильевич (1889-1920-е) – из г. Сарапула. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. «Преподаватель литературы в городском училище и школе II ступени Каменского завода. Был хромым. Умер в 1920-х гг.» (Шишён А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 199).

¹¹⁸⁶ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Мы звали его «Якушкой» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 200.

Его наружный вид соответствовал и его внутреннему миру: он был природный комик. Любимой манерой его было рассмешить других. За это его все любили. Как он устроился в жизни – не известно.¹¹⁸⁷

17. Кочнев Михаил

В классе он ничем не выделялся. Были слухи, что по окончании семинарии он работал учителем.

18. Первушин Николай

К нашему классу Коля Первушин примкнул со второго класса, после перерыва в его учении в семинарии в течение двух или даже трёх лет, и поэтому среди других он был на положении «старичка». Сам Коля вроде как-бы даже гордился этим и старался подчеркнуть, что он уже имеет кое-какой опыт в жизни. И в самом деле, наружный вид его как-бы подтверждал этот его тезис: лицо его было несвежим, а на висках было что-то похожее на седину: не то волосы выцвели, не то он загрязнял их от частого потирания ушей. Чем Коля занимался во время перерыва в учении, он не говорил, но туманно намекал на какую-то историю в его жизни, роковой случай, вследствие которого ему пришлось оставить семинарию. Он рассказывал, будто в порыве мести инспектору П. С. Потоцкому за преследование его, он, встретивши во дворе его мальчика, так его «тряхнул», что с ним еле-еле отводились, молва же распространилась о том, что он убил мальчика. Об этом Коля рассказывал строго конфиденциально и не всем, а только тем, кому он доверял.¹¹⁸⁸ Так ли это было и не так, но Коля любил показывать себя в таинственном виде *a la* Печорин. Хотя на самом деле он был, может быть, только Грушницким.¹¹⁸⁹ Товарищи по классу, однако, смотрели на него как на человека [с] житейским опытом и при случае обращались к нему за советом, что он с достоинством принимал как должное. ~~Дальнейшая судьба его не известна, (но в связи со слухами, о каком-то священнике математике,~~

---

¹¹⁸⁷ Яковкин Александр (1889-1943) – «чиновник в Перми, позднее служащий в Шадринске». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 6. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1281. Л. 208).

¹¹⁸⁸ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Коле пришлось распрощаться с семинарией до того момента, когда Потоцкий не покинул семинарию, и только спустя три года после этого, когда образно выражаясь «изомроша ищущие отрочате», Коля вернулся в семинарию» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 201.

¹¹⁸⁹ Печорин и Грушницкий – персонажи романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

~~члене Парижской академии наук, возникает мысль, не он ли был этим математиком?)¹¹⁹⁰~~

19. Коровин Марин

Он пел в архиерейском хоре, тенор. Он не был солистом, а, выражаясь образно, «рабочей пчелой» в этой области. Таких певцов среди семинаристов было большинство, и они-то по существу и были главной основой хоров. Среди других Марин выглядывал более взрослым. У него была какая-то сердечная болезнь, и однажды с ним случился сильный припадок истерики. Было это во время рождественских каникул. Вместе с другими он был на вечере в епархиальном училище. Как передавали, он там провёл время в беседе с одной «епархиалкой», на семинарском жаргоне это называлась «смаковал», а когда вернулся в семинарию, то ему стало казаться, что его кто-то преследует. Он стал прятаться сначала за вешалку с криком: «Он меня убьёт, он меня убьёт», а потом с этими же словами явился в спальню, стал закрываться одеялом, прятаться. Дело было в полночь. Все сбежались, стали прыскать ему в лицо холодной водой: он на момент приходил в сознание, а потом опять начинал своё. С час с ним возились, пока он уснул. Утром бледный как покойник он явился в класс. С ним же на почве чтения какого-то произведения не то Андреева, не то Куприна случился какой-то странный «идеологический» казус: вдруг он стал развивать тезис, что если есть в мире явления безнравственные, например, «падшие» души, типа Виолетты Травиаты, то другие люди (он говорил в данном случае о себе) «не имеют права» (*sic!*) быть честными. Боже мой! Какой только хаос царил иногда в головах у некоторых из нашей «братвы», в тот бурный период реакции после 1905 г.!

Товарищи с уважением относились к Марину и в отличие от других называли его Марином Александровичем. Говорили, что у него была склонность к принятию священного сана. Дальнейшая его судьба, однако, осталась неизвестной.¹¹⁹¹

---

¹¹⁹⁰ Текст вычеркнут И. С. Богословским по просьбе В. А. Игнатьева. Под священником-математиком имеется в виду Первушин Иван Михеевич (1826-1900).

¹¹⁹¹ Коровин Марин Александрович (1884-1953) - сын священника г. Соликамска. Окончил полный Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Служил учителем в двухклассном училище г. Соликамска. Был слушателем летних курсов для учителей при С.-Петербургском Императорском университете по отделению естественных наук. Посвящён в сан священника в 1915 г. Служил настоятелем Богородице-Казанской кладбищенской церкви г. Осы Пермской губернии. В 1919 г. эвакуировался в Читу, где служил священником в кафедральном соборе. Обладал хорошим природным голосом, пел в церковных хорах, в том числе в архиерейском хоре в Перми. При отступлении он пел в военном хоре в частях генерала Михайлова, на концертах для раненных, состоял в хоре П. Е. Степанова при военном священнике А. Русецком в Чите. После ухода белых переехал с семьёй в Китай. Служил в Серафимовской церкви на ст. Маньчжурия. В 1922 г. переехал в

20. Удинцев Александр

21. Удинцев Иван

Братья жили дружно. Старше был Иван. Александр был блондин, а Иван – брюнет. Иван был ростом ниже и очень подвижный, юркий, Александр вёл себя более солидно, и по всему было видно, что был авторитетом для старшего. У Ивана была шевелюра кудрей и излюбленная манера – встряхивать головой. Душа у него была какая-то простецкая, нараспашку. Он не любил мудрить, и был весь на виду – жизнерадостный, приветливый, отзывчивый. Иван Павлович – так его все звали по привычке. Брат же его был более сдержанным, любил декоративное искусство и при организации пасхальных украшений был правой рукой Александра Борчанинова. Иван любил при групповом пении «подтянуть» вторым тенором. Автору сего удалось встретиться с Иваном Павловичем в 1924 г. на областных курсах по переподготовке учителей в Свердловске. Прошло пятнадцать лет после окончания семинарии, но он не изменился. Он сообщил печальную новость о том, что Александр умер.¹¹⁹² Рассказал и о своей «Одиссее»: был псаломщиком до революции, а в момент встречи являл собой персону преподавателя обществоведения в школе II-ой ступени. Ох, и живуче это семинарское племя, живуче! Вот уж, действительно – «Ванька-встанька»! Дальнейшая история И. П. неизвестна. Он был, кажется, по какой-то линии родственником Д. Н. Мамина-Сибиряка.

22. Попов Николай

Товарищи его называли Николай Николаевич. Он, помнится, был в классе единственным из «братвы», кто культивировал усы, и поэтому его, кажется, называли «моржиком». Он любил иногда «помудрствовать», но у него получалось всё-таки «лукаво» - не вразумительно. Трудно было

г. Харбин и был приписан к кафедральному собору и назначен заведующим соборной школой, которая размещалась в Московских рядах. Здесь его стараниями была устроена временная церковь, где совершались службы в праздники. Преподавал закон Божий в гимназиях, школах, в Харбинской духовной семинарии и других учебных заведениях. Окончил полный курс на богословском факультете Института св. Владимира, кандидат богословских наук. С 1943 года служил настоятелем Михаило-Архангельского кладбищенского храма в г. Дальнем (Далянь), где также служил законоучителем русской гимназии имени А. С. Пушкина. Протоиерей с 1945 г. Похоронен в г. Дальнем, на военном кладбище. См. ст. Сазанова (Воронина) Л. В. «Светлый луч прошлого». Русская Атлантида, 6 июля 2004 г.

(http://www.orthodox.cn/localchurch/liaoning/dalian/lightfrompast_ru.htm).

¹¹⁹² В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «...работал не то учителем, не то каким-то чиновником» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 203.

определить его интересы, вернее всего он «проходил» семинарию, случайно в ней оказавшись. При всём том он был хороший товарищ. Впоследствии высказано было предположение, что оперный певец в Перми – сын его, но Н. И. Хмельнов говорил, что он детально исследовал этот вопрос (писал письмо-запрос по этому поводу артисту) и оказалось, что это предположение не подтвердилось. Дальнейшая судьба его для автора сего осталась неизвестной.¹¹⁹³

23. Старцев Анект

Товарищи его звали «Анефа». Передавали, что он был активным участником в революции 1905 г. и будто бы однажды, возвращаясь с тайного собрания, чуть было не попал в руки полиции: был схвачен, но вырвался, получив ранение руки. Из учеников нашего класса тогда активистом был Костя Ламзин, который потом так и скрылся куда-то.¹¹⁹⁴ Говорили также, что будто бы обыск, который производила в семинарии полиция, был вызван тем, что кто-то из семинаристов проболтался шпику о том, что у семинаристов много нелегальной литературы. Ко всей этой истории приплетали и Анекта, но в конце обучения в семинарии у него не было уже ничего, что свидетельствовало бы о его таком прошлом. Он, скорее всего, являл собой довольно распространённый тип «отбывателя» семинарии, а по окончании неё, как говорили, принял священный сан.¹¹⁹⁵

---

¹¹⁹³ Там же: «Не так давно один из моих знакомых передавал мне, что у него есть сведения, что Николай скончался в Харькове, где он жил у своего сына. Это всё, что мне известно о его судьбе» // Там же. Л. 203.

¹¹⁹⁴ Ламзин Константин (189?-1908) – окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1903 г. Обучался в Пермской духовной семинарии в 1903-1905 (выбыл из 3-го класса) и 1906-1907 гг. (поступил вновь, 3-й класс не окончил, оставлен на переэкзаменовку по Священному Писанию и литературе). «В годы первой русской революции учился в средних классах Пермской духовной семинарии, часто отсутствовал на занятиях, учился плохо, был скрытным, дерзким, грубым. Иногда появлялся в семинарии в подряснике, конечно, не на глазах инспекции, с немного пробившейся бородкой и усами, вероятно, это служило ему иногда в целях конспирации. Он участвовал в революционном движении 1905-1906 годов, состоя в боевой дружине, и как-то сразу исчез из семинарии, оказавшись потом в одной из террористических дружин А. Лбова». Записано со слов семинариста Б. Н. Чечулина. «3 июня (1908 г.) в Пашийском заводе полиция обнаружила склад боеприпасов и устроила засаду. В последовавшем за этим вооружённом столкновении погиб участник боевой группы А. Давыдова пермский семинарист Константин Ламзин и шесть человек было схвачено». ... Среди семинаристов и в воспоминаниях о нём Ламзин был известен под кличкой «Костя». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1-2).

¹¹⁹⁵ Старцев Анект Антонович (1889-?) – сын священника Екатеринбургского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. «Учился хорошо, считался исключительно

24. Хохлов Александр

Его называли иногда в шутку «Фирма», потому что он торговал папиросами. «Чичиков в школьные годы» - так можно было бы охарактеризовать Александра Ивановича. Откуда у него взялась эта коммерческая жилка? Во всяком случае, не от того, что будто бы его не обеспечили родители. Часами он сидел за набивкой папирос, а торговал с утра и до ночи, до отхода ко сну, в любое время прихода к нему покупателя. О своих доходах никому никогда не говорил. Допускал небольшой кредит. Иногда можно было видеть его в глубокой задумчивости: он обдумывал торговые дела. Купец... и всё!

По окончании семинарии, говорят, он принял священный сан.¹¹⁹⁶ О, великий Овидий Назон! Твои «Метаморфозы» бледны по сравнению с тем, чему мы были свидетели.

25. Никитин Александр

Он был из тех «входящих» и «исходящих», которые проходили семинарию «не бросивши векам...», незаметно, стороной. Звали его товарищи «Никитой». И это было всё, что о чём осталось в памяти. Обидно, но так!

26. Максимов Андрей

Он тоже «отбывал» семинарию, по существу она была для него «ни к чему», да и он для неё тем же. Он играл на мандолине. Его коронным и, кажется, единственным музыкальным исполнением был марш из «Нормы».¹¹⁹⁷ Он явно страдал от изучения богословской премудрости и был и мучеником и мучителем учителей, для которых трудно было вытягивать его на «тройки». Зато полнокровной и интересной жизнью он жил в летние каникулы в с. Верх-Теченском Шадринского уезда, где отец его был

одарённым. Семинаристом старших классов активно участвовал в политических выступлениях и в одном случае преследовался казаками, был крепко ранен шашкой в правую руку, почему даже писать потом пришлось левой рукой. По окончании семинарии начинал учиться в университете, но вскоре в связи со смертью отца, не имея средств для продолжения образования поступил священником на отцовское место в Билимбаевский завод, где перенёс тиф. Позднее в 1940-х гг. был счётным работником в г. Первоуральске, тогда там его жена работала учительницей». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 140-140 об.).

¹¹⁹⁶ Хохлов Александр Иванович (1889-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1909 г. Священник с 1909 г., с 1914 г. служил в Благовещенском соборе г. Кунгура.

¹¹⁹⁷ Опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801-1835).

священником. Здесь он был душой общества: организатором спектаклей, концертов, сам играл и был завзятым танцором, даже можно сказать кумиром деревенских барышень, хотя не имел привлекательных наружных данных. На свадьбах он являлся завзятым шафером, так сказать, неизбежным представителем или со стороны жениха или невесты. По окончании семинарии, женился на девушке – агенте компании Зингер, женился скоропалительно, как-бы в отместку девушке-епархиалке, на которую он давно уже имел виды, но был отвергнут, переехал в Шадринск, здесь работал каким-то чиновником и рано умер.

27. Шкляев Александр

Он был из «приходящих». Имел странную окраску волос – пепельного цвета. Был отменный «джельтмен», всегда аккуратно одет. К учению относился «прохладно». Был очень общительный человек и неплохой товарищ. Казалось, что он больше был занят своей наружностью, чем внутренним совершенствованием. Так, он никогда не обнаруживал каких-либо особых интересов, скажем, к чтению, к каким-либо литературным и общественным событиям, но зато был любителем посещения вечеров и, вероятно, был ревностным участником в танцах. Как сложилась его дальнейшая жизнь – неизвестно.

28. Третьяков Константин

Он был низкого роста и не сильного сложения, голова же у него была большая, не в пропорции с корпусом, вследствие чего он походил немного на гнома. Всем было известно, что он потихоньку служил Бахусу, и вообще ему не чужда была Мамона. Он был из «приходящих», и всё это было вне стен семинарии, как говорят, «шито-крыто». Во всяком случае, он был не из тех служителей Бахуса, которые любили пошуметь, «развернуться», проявить внешне свое «блаженное» настроение, а он удовлетворялся внутренним блаженством, своего рода погружением в какую-то нирвану. Он был эпикурейцем. Что же касается его отношения к богословским наукам, то он был не просто «отбывателем», а скептиком, т. е. активно сомневающимся в необходимости их изучения. Его отношение к ним можно было бы выразить словами: «мне это ни к чему». Самой большой ошибкой в жизни для него было бы принять священный сан, а зато он мог бы быть хорошим чиновником.¹¹⁹⁸ Какова же была его дальнейшая судьба автору сего неизвестно.

---

¹¹⁹⁸ В составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «человеком двадцатого числа».

29. Затопляев Михаил

Он был из «приходящих» и во многом был похож на Шкляева Александра. По окончании семинарии он поступил учиться в Петербургский коммерческий институт. Институты этого типа были открыты недавно, и в них принимались кончившие семинарию.¹¹⁹⁹ В 1914 г. автор сего встречался с ним, причём он говорил, что он был субрегентом в Казанском соборе у известного композитора Архангельского, что показалось для автора удивительным, потому что Михаил ничем не проявил себя в области пения в бытности семинаристом. Дальнейшая судьба его не известна.¹²⁰⁰

30. Игнатъев Василий

Сын сельского дьячка, он последовательно учился в духовном училище в Камышлове, в дух[овной] семинарии в Перми и в дух[овной] академии в Казани. Ещё со времени учения в духовном училище увлёкся пением, сначала церковным, а потом и светским. Он мог бы сказать, «что любил как душу» - это было пение. Однако на всю жизнь в силу сложившихся обстоятельств он остался дилетантом и далеко не использовал тех голосовых средств, которые у него были от природы. Судьба его направила по педагогической стезе, на которой он находился сорок три года, из которых восемнадцать лет пало на работу в высших учебных заведениях в качестве преподавателя латинского яз[ыка]. До 1938 г. с 1919 г. его преподавательская деятельность проходила в учебных заведениях самого разнообразного типа: реальном училище, мужской и женской гимназиях, коммерческом училище, духовном училище и духовной семинарии, Ф. З. У., в Вечернем Комвузе, на разного рода рабочих курсах. В возрасте 69 лет он вышел на пенсию.

Самым светлым периодом своей жизни, с которым связаны у него лучшие воспоминания, он считает годы учения в семинарии.

Кончаю и могу сказать: «*Dixi et animam levavi!*»¹²⁰¹

---

¹¹⁹⁹ В очерке «Нас было тридцать» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Жил, кажется, у родственников и был на положении баловня. Учился «из кулька в рогожку», благодаря чему и оказался замыкающим окончивших список семинаристов в 1909 г. Но он был в числе тех, «кому ворожила бабушка», т. е. в числе тех, кому родители могли обеспечить возможность дальнейшего обучения в высшем уч[ебном] заведении. Он поступил учиться в только что открытый в Петербурге психо-неврологический ин[ститу]-т.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 205.

¹²⁰⁰ Затопляев Михаил Владимирович (1889-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 3-му разряду в 1909 г. «По окончании семинарии учился в Петербургском психо-неврологическом институте. Работал субрегентом у Архангельского в Казанском соборе. Хормейстер, скрипач». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 25).

¹²⁰¹ *Dixi et animam levavi!* – по-латински «Я сказал и облегчил душу!».

Но, Боже мой! Какое же пёстрое разнообразие мы представляли в 1909 г., выходя из семинарии!

Сколько теперь уже нет в живых; а о скольких ничего не известно, а как хотелось бы узнать!

9.X.[1960] 10 ч. 08 м. вр[емя] сверд[ловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 202-220 об.

ПОЛТОРА ГОДА ЖИЗНИ И РАБОТЫ В ПЕРМИ*

Патриотизм пермяков всем был известен. Всем известна была их приверженность Перми. Где бы учился кто-либо из пермяков – в духовной академии, педагогическом институте или университете, по окончании их всё равно устремлял свои «стопы» «к знакомым берегам». Повинуясь этому «закону», решил и я спланировать свою жизнь и деятельность на Пермь даже при том условии, что должность помощника инспектора семинарии и не была столь заманчивой, как хотелось бы.¹²⁰²

Шесть лет юности, всегда и всем памятных, семинария, Пермь, Кама предоставляли мне всё, что так дорого бывает в жизни, и поэтому тяга к «домашним пенатам» была так повелительна.

Пять лет отсутствия из Перми, однако не приглушили юношеских впечатлений, но сознание ясно говорило о том, что возвращаюсь я в Пермь уже не романтическим юношей, а зрелым мужчиной и поэтому не покидала мысль о том, как-то встретят меня и семинария, и Пермь, и Кама. А возвращаться в Пермь пришлось в тяжелых условиях войны.

Лишь только вышли мы с парохода на дебаркадер, сразу же бросилась в глаза картина военного времени: всюду люди в военных формах, в военном строе и без строя, а на улицах, особенно же на вокзалах первые эшелоны раненых. Суровые лица. Первые испытания на войне: гибель армии Самсонова¹²⁰³ и Пестеля¹²⁰⁴ в мазурских болотах. Нет, Пермь совсем не та, какой мы её привыкли видеть, да и мы уже не прежние романтики, беспечные мечтатели, перед которыми жизнь раскрывалась как широкое море, в которое мы входили, как показано было на знаменитой картине, где студент и курсистка, взявшись за руки, направляются в простор моря, жизнерадостные, счастливые. Всё уже воспринимается иначе: пойдёшь ли на «Сибирку», в театр, в скверик около театра, нет, не то! Всё представляется в другом виде: не сквозь романтические очки. К тому же везде военные, медицинские сёстры, врачи. Резкий звук сирены режет воздух. В городе начинается усиленное движение: встреча раненых и распределение их по

---

¹²⁰² Из очерка «Годы работы в Бугурусланском реальном училище» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Нужно было выбираться из глухой провинции. Возможность для этого предоставлялась только через духовное ведомство» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 60.

¹²⁰³ Самсонов Александр Васильевич (1859-1914) – русский государственный и военный деятель, генерал от кавалерии, командующий 2-й армией во время Восточно-Прусской операции. Покончил с собой после поражения при Танненберге.

¹²⁰⁴ Вероятно, автор имеет в виду не Пестеля, а Пестича Евгения Филимоновича (1866-1919) – генерал-майор, начальник штаба 13-го армейского корпуса. Участвовал во время Восточно-Прусской операции, попал в плен при окружении остатков своего корпуса. Сын генерал-майора, участника Крымской войны Пестича Филимона Васильевича (1821-1894), учёного артиллериста, начальника артиллерии Кронштадта в 1865-1877 гг., конструктора 20-дюймовой морской пушки («Пермская Царь-пушка», 1868).

лазаретам. На площадях повсюду соломенные чучела, при помощи которых обучают колоть штыком. Раздаётся команда, и вот «они» в серых шинелях и шапках срываются с места, с криком «ура» устремляются к чучелам и колот их по положенному артикулу. Или слышится: «ать, два, ать-два», первый, второй, первый, второй и вдруг резкое – «пирвый», свидетельствующее о том, что среди солдат есть кто-то из татар, для которых военная наука была сугубо тяжёлой.

Шли поражения за поражениями, а количество раненых возрастало и возрастало. Бывали случаи побед: взятие Львова, падение Перемышля, и поэтому поводу устраивались торжества, молебны, а потом всё сводилось к новым поражениям. Оставили Польшу, значительную часть Белоруссии и перешли к позиционной войне. Брусиловский прорыв был последним взлётом русского военного искусства. Город был в плену какого-то немого ожидания. Были патриотические вспышки среди молодёжи в семинарии, в гимназиях. С помпой проводили из мужской гимназии сына известного в Перми афериста, изобретателя электролитной воды, секретаря губернаторской канцелярии Кобяка и с ещё большей помпой встречали его в оцинкованном гробу для похорон.

Для поднятия настроения у населения однажды было организовано городским духовенством во главе с архиереем торжественное шествие по городу с иконами.¹²⁰⁵ Городская знать отказалась от традиционных визитов в праздники и заменила их взносами на войну. Масленицу, однако, праздновали по-прежнему с катанием на тройках по Кунгурской улице. Золото утекало и утекало из употребления: на вокзале билеты продавались без очереди на золото.

Что было новостью в Перми по сравнению с тем временем, когда мы учились в семинарии, то это целая сеть кинематографов: «Триумф»¹²⁰⁶, «Колибри»¹²⁰⁷, «Мираж»¹²⁰⁸ и «Аквариум»¹²⁰⁹. В них жизнь была ключом.¹²¹⁰

---

¹²⁰⁵ Патриотические мероприятия Пермской епархией проводились неоднократно. См. ст. «Епархиальная хроника. Патриотический праздник в г. Перми» // «Пермские епархиальные ведомости». 1914. № 27 (21 сентября) (отдел неофициальный). С. 524-527; «Епархиальная хроника. Трезвенно-патриотический праздник в г. Перми 14 мая 1915 г.» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. № 16 (1 июня) (отдел неофициальный). С. 523-528; «Епархиальная хроника. Крестный ход 19 июля 1915 года» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. № 26 (11 сентября) (отдел неофициальный). С. 829-841; «Епархиальная хроника. Трезвенно-патриотическое торжество в г. Перми 29 августа» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. № 26 (11 сентября) (отдел неофициальный). С. 841-845.

¹²⁰⁶ Кинотеатр «Триумф» находился на ул. Покровской (Ленина), 44.

¹²⁰⁷ Кинотеатр «Колибри» находился на ул. Петропавловской, 39.

¹²⁰⁸ Кинотеатр «Мираж» находился на ул. Кунгурской (Комсомольский пр.), 11.

¹²⁰⁹ Кинотеатр «Аквариум» находился на углу ул. Монастырской и Ирбитской (Матросова), 5.

¹²¹⁰ Из очерка «Старая Пермь» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Вспоминается, как в «Мираже» шла картина «Все люди рабы, только море свободно» и

В 1915 г. и в начале 1916 г. на рынках города ещё не чувствовалось колебания и неустойчивости. Общая картина города была такова, что жизнь шла по заведённому порядку, и внешне не было заметно, что где-то, в глубине, нарастают новые веяния, новые настроения, которые вот-вот должны прорваться, и направить жизнь по новому руслу. Война нависла над страной как что-то роковое, безнадёжное. В прессе неизвестные люди, или, наоборот, очень известные представители господствующего класса старались делать вид, что всё обстоит благополучно и даже что чуть ли «мы» не победили. Так, некий поэт так изображал нашего врага: «Не видать теперь Вильгельма: на глазах у него бельма», и что Германия заговаривает о мире, но «мы» не дадим его и будем биться до победного конца. Но всё это обозначало только: делать весёлую мину при плохой игре. Объявление Николая II-го о том, что он становится во главе Верховного командования, было только подтверждением безнадёжного положения на фронте.

1211

...

Частная мужская гимназия с правами правительственных Циммерман.

В этой гимназии я вёл преподавание латинского языка в седьмом и восьмом классах. В седьмом переводили «*De Roma condita*» Тита Ливия¹²¹², а в восьмом – стихотворения Горация Флакка, с различными видами их стихосложения. Небольшие стихотворения заучивали наизусть. На выпускном экзамене делали письменный перевод без словаря с грамматическим разбором отрывка из «*De bello Gallico*» Юлия Цезаря. Эти занятия были для меня единственным случаем в жизни, когда я мог применить свои знания по латинскому языку, на изучение которого было потрачено шесть лет, включая один год Казанской дух[овной] академии.

Эта гимназия была своеобразным учебным заведением, во-первых, потому, что попечение о ней было возложено на двух сестёр, дочерей какого-то государственного деятеля Циммермана – Маргариту и Оттилию¹²¹³, - по фамилии которых она и именовалась «гимназией Циммерман», а, [во]вторых, она была убежищем для разного рода изгнанников из других гимназий. В неё стекались эти «неудачники», чтобы получить аттестат

играл на скрипке «Баркароллу» П. И. Чайковского Григорий Кузьмич Ширман» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-12 об.

¹²¹¹ Далее автор рассказывает о педагогическом составе Пермской духовной семинарии в период 1914-1916 гг., о чём ранее уже писал в очерках «Наша семинария в период первой империалистической войны» в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний и «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний (см. ниже).

¹²¹² Тит Ливий (59 до н. э.-17 н. э.) – древнеримский историк, автор «Истории от основания города» (*Ab urbe condita*).

¹²¹³ Циммерман Оттилия (1863-1920), Маргарита (?-1934) и Эвелина Владимировны – сёстры-педагог, основательницы первой в городе Перми частной школы-гимназии. По мнению краеведов стали прототипами героинь пьесы А. П. Чехова «Три сестры».

зрелости. В ней были и переростки. Так, в восьмом классе был один ученик, учителем которого по литературе был его товарищ по гимназии, с которым они сидели когда-то во втором или третьем классе гимназии на одной парте. В числе учеников гимназии был, между прочим, сын известной в Перми оперной артистки Де-Вос-Соболевой. Директором был Владимир Александрович Кюнцель.¹²¹⁴ Среди учителей были известный в Перми математик Горячев и преп[одаватель] правительственной гимназии Малаховский¹²¹⁵, ставший потом профессором Пермского университета.¹²¹⁶

Латинский язык я преподавал только один 1914-1915 уч[ебный] год.

Пермская правительственная мужская гимназия им[ени] Александра I-го Благословенного. В этой гимназии я преподавал философскую пропедевтику с августа 1915 г. по январь 1916 года. Под философской пропедевтикой подразумевались психология в 7 кл[ассе] гимназии и логика в 8-ом классе. В гимназии было приличное оборудование для экспериментального преподавания психологии: тахистоскоп, эстезиометр и др. приборы, а также значительное количество таблиц для испытания памяти, творческой фантазии и пр. Занятия имели интересный характер. Другое дело по логике: преподавание велось абстрактно.

Директором гимназии был Герман Германович Генкель¹²¹⁷, по происхождению, очевидно, из «иностранцев». Он был женат на дочери Шанявского, основателя Московского народного университета.¹²¹⁸ В гимназии учились двое Шанявских, сыновей его жены. Здесь судьба меня столкнула с б[ывшим] ректором семинарии Константином Михайловичем Добронравовым. Он был по-прежнему груб.

Выдающейся фигурой среди учителей был Николай Иванович Доброхотов, кончивший дух[овную] академию. Он же был секретарём пед[агогического] совета гимназии.

В гимназии было шестнадцать классов: 8 – нормальных и 8 – параллельных. Был большой штат преподавателей, числе их А. Ф. Игнатьева. В гимназии начиналось преподавание английского яз[ыка]. Ученики гимназии под руководством Виктора Викторовича Тяжелова,

---

¹²¹⁴ фон Кюнцель Владимир Александрович (1882-1938) – в 1909-1918 гг. преподаватель физики и директор Пермской мужской гимназии Циммерман.

¹²¹⁵ Малаховский Всеволод Антонович (1890-1966).

¹²¹⁶ В очерке «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Двух своих бывших учеников этой гимназии П. А. встретил в Свердловске в годы своей работы в институтах: один из них – Михаил Михайлович Добротворский – был профессором в политехникуме для рабочих, а другой – Евгений Михайлович Васильев – лаборантом в мед[ицинском] институте» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 86 об.-87.

¹²¹⁷ Генкель Герман Германович (1865-1940) – в 1914-1918 гг. директор Пермской мужской гимназии. Востоковед-гибраист и переводчик.

¹²¹⁸ Шанявский Альфонс Леонович (1837-1905) – основатель Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского, действовавшего в 1908-1920 гг.

инспектора её, готовили колючую проволоку для фронта. В гимназии была своя церковь, где настоятелем был о[тец] Черняев.¹²¹⁹

В Перми уже не было живых нашей тётюшки, сестры милосердия, Антонины Ивановны Тетюевой. Не было в живых и дяди Василия Ивановича Тетюева, который священствовал в Нердве и Полазне. В живых был отдалённый дедушка по линии матери – соборный протоиерей Иван Алексеевич Никитин, с которым мы встречались. Брат его, настоятель церкви женского монастыря – Андрей Алексеевич Никитин, протоиерей, тоже уже умер.

Летом 1915-г. мы на пароходе проехали до Чердыни и побывали на родине нашей матушки в с[еле] Покча, Чердынского у[езда]. В этом же году осенью у нас побывали гости из Течи: наша матушка, старшая сестра наша и племянница.

Приближалось расставание с семинарией и Пермью. Это было уже «ultimum valed»¹²²⁰ навсегда с семинарией и старой Пермью. Закончился пермский период моего существования – время юности и раннего возмужания.

Я с благодарностью вспоминаю этот период времени, адресуя её и с семинарии, и Перми, и Каме.

В 1930 году я посетил Пермь, и она во многом была ещё старой, но в [1960] году я видел Пермь в процессе её обновления. Семинария – её старинное здание и вся площадка – изменились до неузнаваемости: всё кругом теперь застроено, а старое здание вошло в состав нового ансамбля строений, поглощено ими.¹²²¹

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 63-86.

*Находится в составе очерков «Пути и перепутья моей жизни и педагогической деятельности («Повесть временных лет»))» в «свердловской коллекции» воспоминаний; в «пермской коллекции» - отсутствует.

---

¹²¹⁹ Имеется в виду Благовещенская домовая церковь (при пансионе Пермской мужской гимназии), настоятелем которой был протоиерей Пётр Николаевич Черняев.

¹²²⁰ *ultimum valed* – по-латински последнее прощание.

¹²²¹ В очерке «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Летом 1960 г. П. А. побывал в Перми и посмотрел на б[ывшую] семинарию. Она стала и по внешнему виду бывшей: от прежних времён осталась одна баня. Осмотрел П. А. и все памятные места: здания гимназии, теперь театр и пр. Почти без перемен осталась б[ывшая] Сибирская улица, но зато заново вырос Комсомольский проспект. Много ещё осталось в Перми старого, особенно когда наблюдаешь из трамвая по пути на вокзал Пермь II. Гуще стало население кладбища: в земле были Богословские – отец и старший сын, В. А. Кандауров, П. Н. Серебренников.

Оживление на Каме. Появились новые музеи. Три мемориальные доски украсили здание б[ывшей] семинарии: Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. С. Попова, П. П. Бажова. Она – самое историческое здание города». ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 87 об.

НАША СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

В самом начале войны (август-сентябрь 1914 г.) две трети главного корпуса семинарии были взяты для военных целей, а именно: второй этаж почти весь был превращён в казармы для мобилизованных и готовящихся к отправке на фронт, а третий этаж под лазарет. Оставшаяся в распоряжении площадь потерпела следующие изменения: гардеробная комната была превращена в спальню, а ящики и шкафы из неё были перенесены в коридор, связывающий главный корпус со столовой. Под спальную комнату была арендована большая комната в одном из ближайших к семинарии домов.¹²²² Классы были размещены следующим образом: два класса (III и IV) в образцовой школе, один класс в коридоре при входе в столовую, один – в столовой, один в больнице и один – в ректорской квартире. В арендованную комнату на ночь ходили дежурить преподаватели.

Второй этаж всегда был до отказа заполнен мобилизованными. В комнатах были устроены нары в два этажа. Изолированы были только две комнаты: фундаментальная и ученическая библиотеки. Лазарет на третьем этаже тоже был полностью загружен больными. Изолирована была только квартира помощника инспектора. Доступ семинаристам на второй и третий этажи был ограничен шефской работой: кое-какими культурными мероприятиями. Инспекторское око особенно бдительно следило за теми юношами-семинаристами, взгляды которых больше чем следует задерживались на младшем медицинском персонале женского рода. И не безосновательно. С другой стороны, связь населяющих второй и третий этаж, как между собой, так с семинаристами была строго ограничена: разрешалось только стоять на площадке у церкви во время богослужений. Что касается преподавательского состава семинарии, то учителям разрешалось приходить в палаты для беседы с больными, но на строго ограниченное время.

В семинарии были две организации в связи в военным временем: а) бригады по разгрузке поездов с ранеными, которыми руководил Н. И. Знамировский¹²²³, и б) попечительный совет по обслуживанию

---

¹²²² В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» автор уточняет: «наискосок от мечети» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 113 об.

¹²²³ См. «Раненые в Пермской духовной семинарии» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №2 (11 января) (отдел неофициальный). С. 42–46; «Епархиальная хроника. Развлечение для больных и раненых воинов» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №3–4 (21 января–1 февраля) (отдел неофициальный). С. 91; «Епархиальная хроника. Развлечение для больных и раненых воинов» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №7 (1 марта) (отдел неофициальный). С. 205; «Епархиальная хроника. Патриотическая беседа (сообщение о проведении патриотической беседы для расквартированных в семинарии нижних чинов)» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №7 (1 марта) (отдел неофициальный). С. 206; «Епархиальная хроника. В семинарском военном госпитале» // «Пермские епархиальные

выписываемых из лазарета больных, во главе которого стоял о[тец] Леонид Зубарев.¹²²⁴ Бригада по разгрузке раненых из вагонов вызывалась на вокзал сиреной. В задачу попечительного совета входило выдавать выписываемым из лазарета обувь, нижнее бельё, полотенца. Склад этих вещей находился в раздевалке образцовой школы, а вещи получались со складов союза городов. В тех случаях, когда выздоровевшие отправлялись снова на фронт, устраивались торжественные проводы их с подношением простеньких подарков. Хор семинаристов на лестнице исполнял гимны союзных государств, например, Сербии. Несмотря на торжественную обстановку, которая при этом создавалась, картина проводов была грустной.¹²²⁵

Был случай, когда семинария провожала в армию трёх семинаристов – добровольцев. Проводы были обставлены сугубо торжественно: во время литургии перед чтением евангелия три патриота подошли к амвону, им на головы, как на аналой, наш протоиерей [«Маттафия»] возложил евангелие и прочитал положенный по уставу текст. Картина эта по замыслу её учредителей, очевидно, должна была чем-то напоминать известную картину благословения Сергием Радонежским Дмитрия Донского на бой с татарами.¹²²⁶

ведомости». 1915. №8–9 (11–21 марта) (отдел неофициальный). С. 268; «Епархиальная хроника. Архипастырь среди раненых воинов и учащихся» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №8–9 (11–21 марта) (отдел неофициальный). С. 271; «Епархиальная хроника. В Пермской духовной семинарии (сообщение о прибытии новых воинов и раненых)» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №13 (1 мая) (отдел неофициальный). С. 414–415; «Новая лепта воспитанников Пермской духовной семинарии на нужды войны» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №14 (11 мая) (отдел неофициальный). С. 442.

¹²²⁴ Зубарев Леонид Васильевич (1881-1952) – сын священника Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1902 г. Священник с 1903 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1912 г. Протоиерей с 1912 г. Преподаватель гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей, помощник инспектора Пермской духовной семинарии. После закрытия Пермской духовной семинарии пытался восстановить в г. Перми духовное образование, предлагая на базе Пермской духовной семинарии открыть Православный богословский институт с трёхгодичным сроком обучения, но получил разрешение только на открытие восьмимесячных пастырско-богословских курсов, которые просуществовали до конца 1922 г. Служил в Успенской церкви на старом Егошихинском кладбище в г. Перми в 1919-1932 гг. В 1932-1933 гг. находился в заключении за антисоветскую агитацию. Настоятель Всехсвятской церкви г. Молотова с 1943 г. Председатель Молотовского епархиального совета с сентября 1945 по май 1947 г.

¹²²⁵ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «А «они», для кого это делалось, стояли в глубокой задумчивости, мрачные, безучастные ко всему этому «параду» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 116.

¹²²⁶ См. «Епархиальная хроника. Семинаристы-добровольцы» // «Пермские епархиальные ведомости». 1914. №29 (11 октября) (отдел неофициальный) С. 569–574; «Проводы раненых на театр военных действий» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №3-4

В остальном, жизнь в семинарии шла своими обычными темпами. Произошла перемена только руководства семинарии: вместо архимандрита Иллариона¹²²⁷ был назначен архимандрит Пимен, выпускник Киевской дух[овной] академии.¹²²⁸ Он приехал в Пермь из Закавказья – из района Джубары, где он был миссионером.¹²²⁹ Он привёз с собой в качестве служки какого-то казачка-юношу, который одет был в национальный костюм: на голове папах, за поясами клинок. Было очень оригинально. Злые языки говорили, что о[тец] Илларион пал жертвой увлечения, противопоказанного монашескому чину.¹²³⁰ О[тец] Пимен стяжал симпатии и семинаристов и учителей своей простотой и доступностью, внимательным отношением к нуждам тех и других.¹²³¹ В составе учителей от прежних времён – времени

(21 января-1 февраля) (отдел неофициальный). С. 92; «Флотский священник. (О священнике Аристархе Пономареве)» // «Екатеринбургские епархиальные ведомости». 1915. №5 (1 февраля) (отдел неофициальный). С. 99-100; «Это наш. (Страничка из психологии современной семинарской жизни). (О добровольце – воспитаннике семинарии Б. И. Сусанине)» // «Пермские епархиальные ведомости». 1915. №14 (11 мая) (отдел неофициальный). С. 438–440.

¹²²⁷ Автор имеет в виду Виссариона (Зорина). В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» автор исправляет имя, но ставит под вопрос.

Виссарион (Зорин) (1878-1937) – архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии с марта по октябрь 1914 г. В 1920-1930-х гг. один из лидеров Григорианского раскола в Русской Православной Церкви.

Из очерка «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников»: «Большую сенсацию вызвало то, что П. А. женился не на русской, а на немке. Это стало известно, когда на адрес П. А. пришли документы А. Ф. и на конверте значилось её имя и отчество. Больше всех это занимало, кажется, Николая Ивановича Колосова. Он всё рылся в родословной русских царей и выяснял «крови», но тогда ещё, правда, с опаской. На это же обратил внимание ректор семинарии архимандрит Илларион. Когда П. А. обратился к нему с просьбой разрешить взять уроки в гимназии Циммерман, то он заметил, что ему (П. А.) вообще приличнее было бы работать в этой гимназии, чем в семинарии» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 83-87 об.

¹²²⁸ Пимен (Белоликов) (1879-1918) – сын священника Новгородской губернии. Кандидат богословия Киевской духовной академии 1904 г. Иеромонах с 1904 г., игумен с 1908 г., архимандрит с 1911 г. В 1906-1908 и 1912-1914 гг. помощник начальника Урмийской миссии на северо-западе Ирана. В 1914-1916 гг. ректор Пермской духовной семинарии. Епископ с 1916 г. Епископ Семиреченский в 1917-1918 гг. Священномученик Русской Православной Церкви.

¹²²⁹ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор исправляет: «работал миссионером в Урмии на границе с Ираном» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 114.

¹²³⁰ Там же автор добавляет об архимандрите Виссарионе: «...не лишённый мании величия, гордый и не совсем чистоплотный по отношению к прекрасному полу, за что его и направили в монастырь...» // Там же. Л. 114.

¹²³¹ Там же: «... отличался простотой, доступностью и корректностью во всех случаях обращения со всеми людьми, даже, можно сказать, демократизмом. ... был он человеком не требовательным и производил на всех впечатление благоприятное, в том числе и на

первого десятилетия нового столетия – остались: Н. И. Знамировский, А. И. Добролюбов, В. А. Кандауров, П. Н. Серебренников.¹²³² Из новых были: преподаватель словесности Соколов¹²³³, философии – Н. И. Колосов¹²³⁴, церковной истории Н. Н. Хильтов¹²³⁵, и из новейших – [основного богословия] А. К. Рыбаков¹²³⁶ и [Библии] С. С. Богословский.¹²³⁷

семинаристов, которым вообще было трудно угодить. Архимандрит Пимен весь погрузился в патриотические мероприятия, которые возложены были в связи с войной на семинарию» // Там же. Л. 114-114 об.

¹²³² В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Павел Николаевич Серебренников по-прежнему читал семинаристам лекции по гигиене и медицине и проповедовал о чистоте отношений к женщине. По-прежнему энтузиаст музея, но как-то заметно отяжелел, и не стало у него гнедка, на котором он раньше так торжественно подъезжал к семинарии» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 121-121 об.

¹²³³ Соколов Михаил Михайлович. В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Литературу преподавал Соколов..., человек солидный, почтенного возраста, как видно, достойный преемник В. А. Фаминского» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 122 об.

¹²³⁴ Колосов Николай Иванович (1883-1938) – кандидат богословия Киевской духовной академии 1907 г. В 1907-1911 гг. преподаватель русского языка и литературы в Симбирской чувашской учительской школе, в учебных заведениях Симбирска; преподаватель Пермской духовной семинарии, одновременно обучался на историко-филологическом факультете Пермского университета (до 1918). Работал в Симбирске и Алатыре Чувашской АССР в 1920-1930-х гг. Репрессирован.

¹²³⁵ Хильтов Николай Николаевич – кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1910 г.

¹²³⁶ Рыбаков Александр Константинович (1887-1930-е) – окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1901 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1907 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г., преподаватель основного богословия и секретарь правления Пермской духовной семинарии. «По окончании академии работал преподавателем в Пермской духовной семинарии и помощником инспектора. Преподавал без учебников, а по запискам, без заучивания цитат из Священного Писания. До 1917 г. готовился заочно и сдал экстерном за юридический факультет Казанского университета. Есть разговоры о том, что в 1917-1918 гг. А. К. Рыбаков считался кандидатом на должность Тобольского губернатора по протекции Распутина. В 1921 г. читал публичные лекции в Ирбите по марксизму. В 1934 г. работал юрисконсультom в г. Сарапуле, потом перешёл преподавателем в железнодорожную школу на ст. Янаул. Как преподаватель, считался прогрессивным». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279а. Л. 136-136 об.).

¹²³⁷ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Преподавателем латинского языка и пом[ощником] инспектора работал автор сего. Состав преподавателей был пёстрый и не дружный» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 123.

Из новых – самой сложной личностью был Н. И. Колосов. Он объединял несколько должностей: преподавательскую, пом[ощника] инспектора в половину нагрузки и редактора «Епархиальных Ведомостей». И везде он успевал. Рассказывали, что первые его выступления в роли преподавателя философии были сплошным триумфом: с уроков он уходил только под аплодисменты. Он не проявлял себя ревнителем веры, благочестия, как, например, Н. И. Знамировский. Глядя на него как-то невольно в голове рождалась мысль: «наверно, хитёр и интриган».¹²³⁸ Хильтов как-то рассказывал автору сего, что он (Колосов) приходил к нему на экзамены специально за тем, чтобы снижать оценки. Нет, ему нельзя было доверять!¹²³⁹

В семинарии всё ещё командовал на кухне наш шеф-повар Кирилл Михайлович.¹²⁴⁰ Банщиком был Кондратий. Не было уже Эскулапа – Вениамина Ивановича Селиванова¹²⁴¹, в церкви не было Михаила – трапезника. Вместо него был какой-то эвакуированный из Галиции псаломщик. И, наконец, не было Яши. Вместо него были два швейцара, а один из них совсем молодой парень – Платон.

---

¹²³⁸ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Во время войны излюбленной темой разговора у него была тема о том, что в роду Романовых было много немецкой крови» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 122.

¹²³⁹ В очерке «Полтора года жизни и работы в Перми» составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Весь педагогический коллектив являл собою нечто пёстрое, что связывал во едино, а вернее – старался связать Николай Иванович Знамировский. С уходом ректора Добронравова ушло и прежнее величие коллектива да, пожалуй, и величие семинарии.

Новостью в учебном плане семинарии было введение иностранных языков: французского и немецкого, но поставить их надлежащим образом так и не удалось.

Старые учителя заметно старились. Особенно это было заметно на П. Н. Серебренникове» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 72-73.

¹²⁴⁰ В очерке «Кирилл Михайлович» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Пермской духовной семинарии» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Мы встретились с ним как старые друзья и вспоминали о тех временах, когда я был семинаристом, и мне приходилось дежурить на кухне» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 376. Л. 170 об.-171.

¹²⁴¹ В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Не стало его [П. Н. Серебренникова – ред.] соратника по больнице Вениамина Ивановича Селиванова, нашего Эскулапа. Особенно заметно было его отсутствие в семинарии в престольный праздник «День Иоанна Богослова», когда он, бывало, появлялся на площадке у церкви весь в «заслугах» - в медалях, сиял, а семинаристы почтительно поздравляли его с праздником. Теперь, вместо него был средних лет фельдшер и при старой фигуре врача больницы П. Н. Серебренникова казалось, что в больнице нарушено равновесие» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 121 об.

[¹²⁴²]

[¹²⁴³]

Изменилась совсем площадь перед Кафедральным собором и архиерейской церковью: на ней стояли чучела из соломы для обучения солдат[скому] искусству колоть штыком. То и дело на площади раздавалось «Ура!» и шеренга солдат стремительно неслась к чучелам и колола их.

В тёплые летние и осенние дни по семинарскому двору и саду разгуливали выздоравливающие войны, беседующие друг с другом.

Резкие звуки сирены чаще и чаще раздавались над городом, тревожащие душу, будящие беспокойство. А на фронт уходило всё больше и больше людей. Надвигалась гроза, и раскаты её уже доносились издалека.¹²⁴⁴

6.XII [1960] 10 ч. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 198-201 об.

---

¹²⁴² В очерке «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Был новый эконо́м, и не было уже в скверике у главного уч[ебного] корпуса породистых кур «кохинхин», которых разводил прежний эконо́м Славнин. Оскудела конюшня ректорских лошадей, а ректорская квартира из «чертога бога живаго», как было при К. М. Добронравове, стала общедоступной, потому что в ней проходили уроки» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 123 об.

В очерке «Полтора года моей жизни и работы в Перми» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Украшением церкви был б[ывший] архиерейский протоиерей – Матвей Попов, именуемый семинаристами «Маттафией». Он был как бы отголоском прежнего величия церкви от времён протоиерея К. М. Добронравова» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 75.

Там же: автор добавляет: «Семинаристы щеголяли теперь в форме: наконец, дождались. Как и прежде, они являли собой в массе что-то загадочное – сфинкса. Их питали, не особенно изнуряли науками, особенно – в старших классах; ходили они в театр, немного «жуировали», а о чём каждый из них помышлял, это было тайной каждого из них. Были с амбицией и немного либеральничали» // Там же. Л. 77.

¹²⁴³ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 18 января 1963 г.: «В 1916 г. за всенощной под «Крещенье» в семинарии я пел *solo* светилен: «Явися Спас». Пел его перед амвоном, кажется, в стихаре. Это было, выходит, 47 лет тому назад. В бытность мою пом[ощником] инспектора семинарии (сентябрь 1914 г.-февраль 1916 г.) я выступал ещё *solo* на литургии преждеосвященных даров и исполнял «Да исправится молитва моя». Это было моей последней данью *nostrae almae matri*. Я всё-таки её любил, да, любил и гордился, ведь в ней были прожиты лучшие годы жизни – годы юности» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 214. Л. 13 об.

¹²⁴⁴ Очерк «Пермская духовная семинария накануне Октябрьской социалистической революции» в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» автор заканчивает словами: «А война шла и шла. В лазарете семинарии то и дело отнимали руки, ноги... Лица тех, кого провожали на фронт, были суровее и суровее. Казалось, что «на Шипке всё спокойно», но это только казалось «Крот истории» творил свою работу. Был канун Великой Октябрьской социалистической революции» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 124 об.

УЧЕНИЕ ПЕТИ ИКОННИКОВА В ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ*

*«Мне всё здесь на память приводит бывшее,
И юности красной привольные дни»
(1902-1909 гг.)*

Во второй половине августа 1902 г. Петя отправился в Пермь на экзамены для поступления в духовную семинарию. Задолго до этого П. много слышал от отца и старших братьев о Перми, Кама, о семинарии. У старшего брата Александра была фотокарточка с выпускников семинарии, на которой П. видел многих учителей, у которых ему предстояло учиться. Брат Алексей столько восторженно рассказывал о семинарии и семинаристах, что П. казалось, что он уже совсем познакомился с семинарией. Наконец, Пете совсем недавно пришлось быть очевидцем восторженного приёма пермских семинаристов теченским обществом, когда они приезжали в гости к брату Алексею. Много говорилось и об Урале и железной дороге от Екатеринбурга до Перми. Одним словом, Пермь, Кама, семинария, его воображению представлялись какой-то «землёй обетованной!», в которую он отправлялся напутствуемый самыми лучшими пожеланиями. В Екатеринбурге ему предстояла пересадка на другой поезд, и было условлено с Мишей Ляпустиным, племянником теченского священника¹²⁴⁵, только что уехавшим в Екатеринбург, что он там встретит П. и «посадит» в поезд. Так и случилось. Когда П. сел в поезд, было уже темно, мрачно, и вдруг послышалось пение в унисон «Святой Боже»...

Было ясно, что это направлялось куда-то похоронное шествие. Оказалось, что только сделался жертвой железнодорожного движения священник единоверческой церкви и паства его встречала на станции. На Петю это событие произвело тяжёлое, гнетущее впечатление.

В то время ещё не было железно-дорожной линии на Пермь через Кунгур, и П. ехал по горно-заводской линии. От Екатеринбурга до Перми поезд шёл в продолжении шестнадцати часов. Ещё дома Пете называли некоторые станции, через которые будет проходить поезд, причём две называли с рифмой: станция Селянка – пять минут стоянка; станция Ермак – начальник станции дурак». Кто занимался таким стихоплётством неизвестно, но очень припахивало бурсой. Пете говорили, что он должен проехать границу между Европой и Азией и что там встретится пограничный столб. Всё это настраивало Петю на желание наблюдать за окружающим, а особенно – за горами, ему ведь первый раз в жизни пришлось видеть горный пейзаж. Однако, у него получилось некоторое разочарование в горах: его воображение рисовало ему их боле высокими, чем они ему представились.

---

¹²⁴⁵ Протоиерея Бирюкова Владимира Александровича.

Зато красота пейзажа очаровала его, особенно красные гроздья рябины. Только здесь П. понял подлинное значение слов А. С. Пушкина: «в багрец и золото одетые леса». Не прошло не замеченным для Пети и различие пейзажа в восточных и западных склонах Урала.

И вот П. в Перми. Сразу он оказался в плену шума, грохота, парходных гудков, людской суеты. Подходит к нему мальчик с вопросом: не приехал ли он поступать в семинарию, и предлагает квартиру. Это был семинарист Корчемкин, и он провёл П. в квартиру своей матери в доме Пермякова, вблизи семинарии. Там уже было несколько мальчиков, приехавших тоже поступать в семинарию. Кампания оказалась не совсем подходящей. Среди ребят нашёлся один пошляк, Егоров Александр, который всё читал циничные стихи про Луку, якобы принадлежащие Пушкину. П. это было отвратительно. Перед экзаменом П. с товарищами ходил в семинарию и здесь встречался с товарищами-камышловцами. Среди поступающих часто можно было видеть старика-преподавателя греческого языка семинарии Троицкого¹²⁴⁶, который старался всячески приободрить ребят. Наконец, наступил первый экзамен: диктовка. Мы уже знали, что экзаменатором будет «гроза» семинарии В. А. Фаминский, но он не произвёл такого впечатления на экзаменуемых. Он диктовал отрывок из «Капитанской дочки», диктовал медленно, отчётливо, даже, как казалось, старался помочь выполнить диктовку. Он был очень предупредителен и внимателен.

Через три-четыре дня было объявлено о приёме в семинарию, и П. стал семинаристом. Исполнилась Петина мечта «быть семинаристом». Но что это значило для П. «быть семинаристом» прежде, когда он не был ещё таковым? Едва ли больше того, чтобы иметь внешний вид тех, которые его окружали и которых называли семинаристами. Теперь Пете предстояло на опыте узнать содержание и значение этого слова.

В первый раз жизни П. услышал слово «извиняюсь» от семинариста-шестиклассника, задевшего его локтем на лестнице. В голове Пети мелькнуло: разве здесь нет бурсацкого правила «задаваться», делать «пучки». Это что-то новое.

Вывешено объявление ученической библиотеки: «Желающие получить учебники, подавайте заявки со списками. За абонемент платить 10 коп[еек] в год с учебника. П. идет в библиотеку и видит, что там орудуют сами семинаристы, а не учителя, как он привык к этому в духовном училище. Ну, а если я испорчу учебник или потеряю, то перед кем я буду отвечать? Выходит перед учениками же. Это что-то новое.

---

¹²⁴⁶ Троицкий Алексей Иванович – сын диакона Псковской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1882 г. В 1882-1888 гг. преподаватель латинского языка в Бельском духовном училище; в 1888-1890 гг. помощник смотрителя Рославльского духовного училища; в 1890-1901 гг. смотритель Единецкого духовного училища; с 14 декабря 1901 г. по 1902 г. преподаватель греческого языка в Пермской духовной семинарии. Статский советник. Имел орден св. Станислава 3 ст. // «Пермские епархиальные ведомости». 1902. № 37 (1 октября) (отдел официальный). С. 443.

Один из семинаристов приходит в Петин класс и выясняет: нет ли среди них певцов. Кто он? Говорят, регент, и ходит он и набирает певцов в хор. А где же кто-либо из начальства? Нет! Говорят: «делайте сами!» Это что-то новое.

Нужно сходить в театр, цирк или ещё куда-либо. Говорят: организуйтесь сами, получите разрешение. А кто будет следить? Следите за собой сами. Это что-то новое.

И, наконец, с двух часов и до пяти часов вечера двери для вас открыты, вы вольны распоряжаться своим временем.

Новые науки значатся в расписании: словесность, история, алгебра, геометрия и т. д.

Так вот, думает П., в чём дело: мне предоставляется больше свободы, самостоятельности, больше самодеятельности, самоорганизации, доверия, ко мне относятся иначе и от меня требуют другого отношения. Это и есть то новое, что даёт семинария. А в чём состоит существо такой перемены? Оно состоит в том, что Пете говорят: «ты уже не дитя, а переходишь в юношеский возраст и становишься юношей».

Какое богатство иметь три часа в твоём полном распоряжении после бурсы, где ни шагу нельзя было ступить без надзора! И Петя с жадностью пользовался этой свободой: он шёл на пристань и гулял на пароходе; он шёл в городскую библиотеку-читальню; он шёл в музей; он шёл в загородный парк; он шёл туда, куда захочется. И всё это потому, что он стал семинаристом. Теперь это слово для него оказалось полным содержания и самосознание его определилось словами: «Я семинарист!»

Бывши старшим в духовном училище, первоклассники опять оказались младшими в семинарии и, таким образом, инициатива оказалась в руках других учеников, однако осталось ещё достаточно места и времени для проявления своей инициативы и первоклассниками. И первое, чем увлекались первоклассники – это был цирк.

Увлекались наблюдением за борьбой. На славе были: Ваня Крамер, де-Фосс, какой-то индеец. Наши первоклассники устраивали даже что-то вроде игры в тотализатор. Неудобство посещения цирка заключалось в том, что сеансы были в вечернее время, и в этом случае у инспектора семинарии возникало опасение за только-что поступивших в семинарию новичков, тем более, что цирк находился в глухом месте. Инспекция старалась ограничивать посещение цирка, но страсти так бушевали у болельщиков за борцов, что они решались на риск отправляться в цирк без разрешения. Получались конфликты, и это подаёт нам повод рассказать о состоянии инспекционного надзора в это время в семинарии.

[1-й класс]

К началу занятий в 1902 г. произошла смена инспекторов в семинарии и вместе с тем и смена стиля инспектирования. Предыдущий инспектор семинарии Павел Семёнович Потоцкий в своей деятельности опирался на окрик, грубый тон обращения, угрозы; пришедший же ему на смену Александр Павлович Миролюбов в этом отношении был полной противоположностью своему предшественнику: он никогда не повышал своего голоса, но он старался уязвлять, иронизировать, наносить уколы словами. Он верил в силу увещаний, проповедей, часто выступал с ними в семинарской церкви. Он имел учёную степень магистра богословия, был хороший оратор, поклонник Ф. М. Достоевского. На его долю выпало руководить воспитанием семинаристов в революционное время, и сколько не старался удержать семинаристов от участия в революции, он этого сделать не смог и в конце концов признал себя побежденным и оставил работу в семинарии.

В 1902 г. в семинарии было два первых класса: а и б. Петя был в классе а. С первого класса Пете и другим первоклассникам пришлось испытать суровый стиль занятий у В. А. Фаминского. На его уроках была абсолютная тишина. Если он замечал, что кто-нибудь неаккуратно готовит уроки, предупреждал: «на экзамене будет отвечать до седьмого поту» - это значило, что ученик этот будет отвечать по всей программе не меньше часу. Так было и на самом деле. В течение года семинаристы писали сочинения всем преподавателям, в том числе и В. А. Никто из них не осмелился бы с малейшей кляксой подать сочинение В. А. В первом классе мы изучали теорию словесности и заучивали массу стихотворений наизусть, например, ода Державина и Ломоносова. На тему «Рассуждение», например, заучивали рассуждения Карамзина: «О любви к отечеству и народной гордости». Мы сопоставляли построение этого рассуждения с рассуждением «О счастливейшем времени жизни» и выяснили два типа построений рассуждений: аналитический и синтетический.

По истории мы изучали по Иловайскому «Древнюю историю». Преподаватель А. И. Добролюбов проводил уроки монотонно, как-то особенно бесцветно, бесстрастно.

Библию преподавал А. И. Дергачёв. Его претенциозность на «второго Фаминского», о чём он сам говорил, производила на семинаристов неприятное впечатление, а стремление «поддеть» кого-либо, т. е. врасплох спросить и поставить двойку, отталкивало от него. Не лежала к нему душа семинаристов.

У В. А. Кандаурова семинаристы в первом классе изучали алгебру. В. А., конечно, хорошо преподавал, но он часто болел, было много пропущенного, что потом не компенсировалось, и, можно образно сказать, что «алгебру мы изучали по Киселёву до тридцатой страницы».

По греческому языку мы переводили отрывки из «Воспоминание Кира» Ксенофонта, а по латинскому языку отрывки из «Энеиды» Вергилия.

Как курьёз можно отметить, что по пению регент архиерейского хора Потеряйко учил нас петь малороссийские песни.

В общем же весь круг преподаваемых нам наук импонировал нашему самосознанию – «мы – семинаристы» - и внушал уважение к семинарии, как к рассаднику науки.

В первом же классе семинарии оказались объединёнными абитуриенты четырёх духовных училищ: Пермского, Соликамского, Екатеринбургского и Камышловского. На первых порах хозяевами больше себя чувствовали «пермяки», но скоро обстановка жизни и учение так нивелировали некоторые особенности, которыми отличались представители того или иного дух[овного] училища, что масса стала монолитной. Все жили дружно.

Петю больше всего интересовал семинарский хор, но он в течение первого полугодия был однородным и только со второго полугодия в него влились ученики дух[овного] училища и он окончательно оформился. Регентом был тогда ученик шестого класса А. Захаров. Он прославился сначала как певец, но скоро потерял свой голос: «сгорел на *tremolo*». Из певцов в это время были на славе: Пономарёв (бас), Чернавин (тенор) и Мультановский (баритон). Петя любил пение, а певцов-солистов прямо боготворил.

Из событий первого года обучения Петя больше всего запомнил торжественное собрание в день престольного праздника – Иоанна Богослова. На собрании семинарский хор исполнил концерт Бортнянского «Воспойте Господеви песнь нову», а преподаватель философии А. Н. Юрьев прочитал лекцию о древне-греческой философии.

В течение года П. несколько раз был в театре в «парадизе» (райке). Год был закончен спокойно, и П. перешёл во второй класс.

Летом 1903 г. П. захворал брюшным в тяжелой форме, и ему пришлось потерять учебный год. Ему пришлось отстать от своих соучеников, и это осталось у него душевной травмой на всю жизнь.

[2-й, 3-й и 4-й классы]

Дальнейшее учение П. в семинарии проходило уже в бурные годы революции 1905 г. и в последующие годы реакции.

Внешне всё шло как бы своим чередом, а именно: науки проходились по семинарскому плану.

Во втором классе изучали: историю древней литературы, историю средних веков, геометрию, классические языки – переводы из Юлия Цезаря, «Илиады», Библию.

В третьем классе продолжались занятия по литературе, истории, тригонометрии, и прибавились новые предметы – логика и психология. Продолжалось изучение Библии.

В четвертом классе изучались: Библия, история философии, физика, космография, апологетика, древняя церковная история.

За это время произошли изменения в составе учителей: влились в их состав молодые, только что кончившие академии – В. М. Можгинский (по латинскому яз[ыку]), А. А. Дроздов (по греческому яз[ыку]) и В. Я. Струминский (по истории древней церкви и апологетике). Эти последние внесли новую струю в обращение с семинаристами: мягкость, гуманность в обращении, что шло в разрез традиции. Учеников при вызове к ответу называли «господин» такой-то, что уже прямо было вызовом всему прежде установившемуся строю отношений между семинаристами и учителями. Из них дальше всех в смысле новых веяний пошёл Василий Яковлевич Струминский, который своими объяснениями и поведением вёл семинаристом в сторону отрицания некоторых богословских догм. Так, он усиленно рекомендовал прочитать сочинение известного шлиссельбуржца Н. А. Морозова «Откровение в огне и буре», которое направлено было против «Апокалипсиса». Он также откровенно показал свое неверие в воскресение Христа, когда на приветствие семинаристов: «Христос воскресе», ответил: «Разве?».

Из старой гвардии семинарских учителей пред нами в эти годы предстал преподаватель философии Александр Николаевич Юрьев. А. Н. был очень колоритной личностью. Он был своего рода лидером педагогического коллектива, красой и гордостью его. Там, где нужно было представительство от педагогов, А. Н. всегда выдвигался на авансцену. Так, когда нужно было, чтобы кто-либо из состава учителей выступил с речью на торжественном собрании семинарии, то это поручалось никому иному, как А. Н. Тоже, когда нужно было, чтобы кто-либо прочитал лекцию в музее по философии, то это поручалось опять-таки А. Н. Он был признанным представителем коллектива семинарских учителей. А. Н. имел различные странности: некоторую, мягко выражаясь, невнимательность к наружному виду, например, по чести прически – не поймешь, толи у него ерошка, толи косою ряд; рассеянность: то придёт в класс без галстука, то в семинарии вызовет к ответу гимназистку госпожу Горячих; педантическую мелочность, проявлявшуюся в том, что он сокращал в учебнике отдельные слова, а однажды вечером заявился в класс, чтобы сообщить, что он забыл на уроке вычеркнуть два или три слова. А. Н. был добрейшим человеком и страшно мучился, когда кто-либо из учеников ставил его в необходимость поставить двойку. Настоящим мучеником был А. Н., когда ему приходилось читать домашние сочинения семинаристов по философии.

Среди семинаристов находились такие самонадеянные лица, которые были убеждены, что они уже овладели тайнами философии и поэтому пускались в сочинениях разглагольствовать «самостоятельно», их «чистую

совесть» и преподносили А. Н. несуразную чушь. А. Н. в этом случае приносил такую «работу» в класс, с возбуждением показывал эту «работу», всю испещрённую красным карандашом, разбирал ошибки и выдавал с отметкой три с двумя минусами. А. Н. никогда не давал ученикам прямых указаний о том, как нужно писать сочинения по философии, но они подметили, что лучшие оценки были за те сочинения, которые были ближе к «Страхову». Позднее семинаристы разгадали критерий, которым пользовался в этом случае А. Н. и его концепцию, а именно он рассуждал так: кто-то (имярек) долго думал над темой и додумался до того, как это сказано у «Страхова». Если вдуматься в эту концепцию А. Н., то, пожалуй, нельзя не признать её реалистической, и что-то можно было требовать от семинаристов, кроме заучивания «Страхова». Как бы мог, например, семинарист самостоятельно, как-нибудь иначе выразить такую мысль, что «мир есть объективация воли», иначе, чем сказано у «Страхова»? Как после этого не признать концепцию А. Н. реалистичной?!

Если А. Н. был предметом гордости среди коллектива семинарских учителей, то философия в ряду других семинарских наук была предметом гордости семинаристов. Чем мог похвастаться семинарист перед гимназистом из изучаемых ими наук? Только философией: она являлась его привилегией среди общеобразовательных наук.

Пермская семинария в период русско-японской войны, революции 1905 г. и реакции в памяти П. запечатлелась в виде отдельных эпизодов. Как и на многих других русских людей, нападение Японии на Порт-Артур на Петю первоначально произвело курьёзное впечатление: показалось нападением моськи на слона. «Шапками закидаем» - таково было общее настроение у всех. Но дальше события стали развиваться совсем в противоположном направлении. Назначение главнокомандующим русскими военными силами Куропаткина сначала показалось обнадеживающим событием, но скоро призыв его к терпению в то время, как русские войска несли поражение за поражением, показался блёфом. Выражение «Куропаткинское терпение» стало ходячим выражением иронии в адрес незадачливого генерала. Как и все другие семинаристы Петя очень тяжело переживал поражение русских войск, между тем официальная пресса, а особенно наглядная агитация в виде плакатов старалась изображать положение дел на фронте в розовых красках. Распространялись такие картины, как «Стессель на фортах Порт-Артура», «Атака князя Нахичеванского»¹²⁴⁷ и т. д. Гибель адмирала Макарова и художника Верещагина, гибель эскадры под командованием адмирала Рождественского¹²⁴⁸, поражение под Ляояном – всё это были тяжёлые удары

---

¹²⁴⁷ Гусейн Хан Нахичеванский (1863-1919) – генерал от кавалерии, во время русско-японской войны командовал Кавказской конной бригадой.

¹²⁴⁸ Рождественский Зиновий Петрович (1848-1909) – русский флотоводец, вице-адмирал. Командующий второй Тихоокеанской эскадрой, которая погибла в Цусимском сражении.

для семинаристов и для Пети.¹²⁴⁹ Началось первое бурление массы. В памяти Пети от этого времени остались следующие воспоминания.

Рассказы о Лбове. Передавались слухи о том, как он делал нападения на пароходы, на волостные правления. Рассказывали, что он проживал в Мотовилихе, что много раз полиция нападала на его след, но он очень искусно гримировался и уходил из под носа полицейских. Около его личности стали слагаться романтические легенды. Его называли уральским Ринальдино Ринальдини.

Стало известно, что в Мотовилихе идёт уже настоящая война. В семинарии был произведён обыск. Во время вечерних занятий здание было оцеплено полицией, все гардеробы, парты были переворошены, но, как потом говорили, ничего не было найдено. В семинарию приезжали делегаты от вятской семинарии для договоренности о забастовке. В вечерние часы по классам ходили представители от духовенства и увещевали не принимать участие в революционном движении, но события развивались по другой линии: семинаристы выработали петицию, передали её А. П. Миролубову и объявили забастовку. На другой день им было предложено явиться в канцелярию за получением денег на проезд по домам. Занятия возобновились только через два месяца.

Начался период реакции. В городе сначала появились донцы, а затем ингуши. В течение этого периода по рукам ходили разные брошюры революционного содержания, сочинения Августа Бебеля: «Христианство и социализм», «Женщина и социализм», Лихтинберга «Парижская коммуна» и др. Декламировались: «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе».¹²⁵⁰ По рукам ходили сборники с произведениями Горького, Андреева, Куприна и др., «Записки врача» Вересаева. Широкое распространение имели: Андреева «Рассказ о семи повешенных», «Анатема», рассказ об Иуде Искариоте. Были очень распространены произведения священника-расстриги Григория

---

¹²⁴⁹ Из очерка «Тётушка Антонина Ивановна» в составе «Семейной хроники Игнатъевых» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... Во время русско-японской войны тётушка [Антонина Ивановна] была сестрой милосердия на фронте. Она была в Харбине, Мукдене в госпиталях, которые находились вблизи высшего командования. Она встречалась с главнокомандующим генералом Линевичем, назначенным вместо Куропаткина. Она ничего не рассказывала об этой позорной войне. Почему? Может быть, потому, что воспоминания были неприятными, тяжелыми» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 708. Л. 60.

Из очерка «Неудачник» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Дома же больше всего горевала мать, во-первых, потому, что это было не привычным для семьи (раньше никто в армию не уходил), а, во-вторых, это событие, т. е. отправление его [брата Ивана – ред.] в армию, произошло вслед за окончанием русско-японской войны, столь печальной для России.

Юноша получил в армии звание ефрейтора. Ему ещё удалось повидать там сподвижников генерала Стесселя в Порт-Артуре, например, генерала Белого». // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 561-565 об.

¹²⁵⁰ «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе» - литературные произведения М. Горького.

Спиридоновича Петрова, рассказы Гусева-Оренбургского. Это было время, когда чтение литературных произведений у семинаристов шло, минуя ученическую библиотеку. По рукам передавалась книга: Догель «Половой вопрос».¹²⁵¹ Ходили слухи об «огарках» - тайных собраниях молодёжи. Говорили, что были случаи самоубийств среди молодёжи в результате проповеди каких-то тайных лиц. Появились слухи о хлыстовских «радениях». И, наконец, в театре была поставлена пьеса «Чёрные вороны», в которой выведены были иоанниты, последователи Иоанна Кронштадтского. От этого времени у Пети сохранилось в памяти торжественное собрание в театре по поводу смерти А. П. Чехова в 1904 г., статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать».¹²⁵² В семинарии всё кипело, бурлило, митинговало, дискутировало. Петя отдал свою дань всей новой литературе, но, кроме этого, читал критические статьи Михайловского¹²⁵³ и Писарева.¹²⁵⁴

[5-й класс]

Осенью 1907 г. Петя начал учиться в пятом классе семинарии. В этом же году в семинарию поступил его брат Николай. Николай не был принят на казённое содержание, и Пете пришлось передать ему своё казённое содержание, а самому перейти на «самосодержание».¹²⁵⁵ Так судьба забросила его в дом городского ветеринарного врача В. И. Ракшинского на воспитательскую работу.¹²⁵⁶ Подопечными П. были дочь Ракшинского

---

¹²⁵¹ Догель Александр Станиславович (1852-1922) – русский гистолог и эмбриолог.

¹²⁵² Деятельность Л. Н. Толстого в 1901 г. была публично осуждена Русской Православной Церковью, а сам писатель объявлен находящимся вне церкви до раскаяния.

¹²⁵³ Михайловский Николай Константинович (1842-1904) – русский публицист, социолог, литературный критик, литературовед, теоретик народничества.

¹²⁵⁴ Писарев Дмитрий Иванович (1840-1868) – русский публицист и литературный критик, революционный демократ.

¹²⁵⁵ В очерке «Год хождения по мукам» в составе автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Осенью 1907 г. Петя Иконников оказался учеником пятого класса духовной семинарии. В это же время младший брат его – Николай – поступил в первый класс семинарии. В Екатеринбурге, в епархиальном училище, продолжала образование сестра их Юлия. Таким образом оказалось, что в семье сельского дьячка Иконникова враз учились три человека из состава семи детей. Предполагалось, что Николая примут на полуказённое содержание, а Петю на полное казённое, но предположение не оправдалось: Николаю было отказано в полуказённом содержании. Нужно было искать какой-то выход из создавшегося положения» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁵⁶ Там же: «Однажды в вечерние часы занятий в пятый класс заявился, по обычаю запыхавшись, наш швейцар Яша и сказал: «Иконников, Вас требует к себе отец лектор». Что бы это значило» - ломал голову Петя, направляясь в кабинет ректора: «неужели в чём-либо попался?» Недоумение разрешилось так, как не мог даже и подумать Петя. «Вот что, Иконников», - обратился к нему мягко, даже сердечно ректор: «к нам обратился городской ветеринарный врач Ракшинский с просьбой рекомендовать кого-либо воспитателем его детей. Мы решили рекомендовать тебя». «Подумай и сообщи!» В глубоком раздумье

гимназистка 13 л[ет] Фаня и мальчик-гимназист, сын Кунгурского ветеринарного врача, Шура [Остроумов] 11 лет.¹²⁵⁷ Перед Петей была поставлена несложная задача в роли воспитателя: следить за детьми в отсутствие родителей, следить за тем, чтобы они учили уроки и по возможности помогать им.¹²⁵⁸ П. жил в одной комнате с мальчиком. Это было

возвращался Петя из ректорского кабинета в свой класс. В душе его шла борьба мотивов: с одной стороны, это был неплохой выход из создавшегося положения – передать брату своё казённое содержание, а самому работать, было даже лестно такое предложение; с другой стороны, было опасение в том, сможет ли он приспособиться к новой, совершенно не известной ему обстановке. И задуматься над этим очень следовало, потому что до этого он жил только в общежитиях в течение девяти лет. Но молодости свойственная смелость и... «*Alea iacta est!*» Петя – ментор двух детских душ» // Там же. Л. 137-146 об.

Alea iacta est! – по-латински «Кости брошены!»

¹²⁵⁷ В очерке «Год хождения по мукам» в составе автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний: «Ракшинские жили в собственном доме по Н-ской улице против военных казарм. Дом был двух-этажный, как видно, недавно только купленный. Внизу была расположена кухня и квартира ветфельдшера, а большую часть низа, изолированную занимали квартирантки – две учительницы. Верх весь занимали Ракшинские. Здесь были: столовая, спальня родителей, отдельная комнатка девочки; дальше небольшой коридор с раздевальной, комната, в которой жил Петя с Шурой, гостиная и кабинет. Верх был соединён с кухней лестницей. Парадный вход открывался только в случае приема гостей. На дворе были служебные помещения, небольшой садик, огород и баня. Всё свидетельствовало о том, что хозяйство было в крепких руках.

Василий Иванович Ракшинский был городским ветеринарным врачом по надзору за качеством мясных товаров. Учреждение его находилось в районе городской пожарной каланчи. Здесь же работала в качестве инспектора-исследователя его жена – Варвара Ефимовна. Необходимость в воспитателе, таким образом, возникла из того, что родители оба уходили на работу, и нужно было кому-то приглядывать за детьми. Ракшинские-родители были на редкость добрые, сердечные люди и отношение их к Пете было родительским. Когда Петя однажды прихворнул и был в семинарской больнице, Василий Иванович навещал его. Он иногда подшучивал над неопытностью Пети несколько грубовато и Варвара Ефимовна упрекала его за это. У Пети начинали пробиваться усы и бородка, и Василий Иванович всё предлагал ему побриться, но Петя пока-что в этом случае пользовался только ножницами. Позднее, когда Петя уже не жил у Ракшинским, у него появилась вдруг такая мысль: почему они в воспитатели пригласили семинариста, а не гимназиста. И, он сделал такое предположение: не был ли В. И. Ракшинский из семинаристов? Потом он жалел, что в своё время не выяснил этого вопроса» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁵⁸ Там же: автор уточняет: «Петя должен был следить за тем, чтобы его подшефные готовили домашние задания, следить за дневниками, в случае необходимости помогать им. Имелось в виду, чтобы Петя справлялся и в гимназиях о своих подшефных, как они учатся. Особенно это относилось к Шуре, потому что появились признаки того, что он иногда вместо уроков бродит по городу в поисках шерлоков-хольмсов. Для Пети это было самой сложной проблемой, и он так и не решался на это, правда, не настаивали на этом и родители: дети учились без двоек, хотя не блестяще, ну, и ладно!

Сам же Петя явно свои учебные дела запускал: не было того уклада жизни, к которому он привык, к которому была подчинена и его учебная жизнь. В этом отношении был в душе у него какой-то разлад, правда, пока что выражавшийся в неопределённом беспокойстве за успех своего учения» // Там же. Л. 137-146 об.

время, когда мальчишки увлекались чтением Шерлока Хольмса, Нат Пинкертона, Ник Картера и др.¹²⁵⁹ Шура, конечно, тоже отдал дань этому чтению. В результате этого увлечения были такие случаи: П. ещё готовился «восстать от сна», а над головой его уже был деревянный меч, поражающий его. Но в общем и шеф и подшефные жили дружно.

При жизни у Ракшинских Пете приходилось встречаться с различными знакомыми и сослуживцами их.¹²⁶⁰ Среди них Петю познакомили с другим ветеринарным врачом города – Яковом Григорьевичем Шнейдером.¹²⁶¹ Шнейдер в юношеские годы, чтобы получить высшее образование, принял христианство, но совесть его мучила за измену вере отцов и он для успокоения, применяя талмудические методы толкования библии – гиматрию и нотарикон – старался убедить себя в том, что он поступил правильно.

---

¹²⁵⁹ Герои детективно-приключенческих романов.

¹²⁶⁰ В очерке «Год хождения по мукам» в составе автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний: «Перед глазами Пети открылся новый мир: жизнь людей другого сословия, с их особыми привычками, взглядами. У Ракшинских часто бывали гости из видных деятелей города, преимущественно врачи. Петя впервые наблюдал их в семейной обстановке, со стороны, в качестве наблюдающего. Например, бывала в гостях семья городского врача Ураевского. Петя впервые узнал, что и в семье врача могут быть такие больные, которых сами они не могут вылечить. Печальное откровение! У Ураевских была дочь Катя в возрасте 18-19 лет, которая страдала падучей болезнью, и родители возили её за границу к мировым светилам медицины... но безуспешно. Катя была пианистка. Однажды в гостях у Ракшинских она играла на пианино и случился припадок. У Пети навсегда осталась жалость к этому хрупкому созданию. Впоследствии, когда Петя читал у Достоевского о больных падучей болезнью (напр[имер] Смердяков в «Братьях Карамазовых») он всегда вспоминал о Кате Ураевской. О ней же вспоминал всякий раз как приходилось ему проходить мимо дома Ураевских, когда он направлялся на уроки в семинарию. У Ураевских был ещё сын гимназист Коля, мальчик 12-13 лет, о котором много рассказывала Фаня как о мальчишке-проказнике и о его порой хулиганских выходках, причём он представлялся ею как своего рода герой.

Бывал у Ракшинских видный их начальник по ветеринарной инспекции, которого Василий Иванович именовал принципалом. Он был поляк, и он с женой своей приходил специально играть в карты. Петя мимоходом любил наблюдать, как на руке жены принципала блеснул изумруд и бросал от себя сноп блестящих искр. Пете всё-таки не нравилось какое-то слишком заискивающее отношение Р[акшин]-ских к принципалу.

... Бывал у Ракшинских Журавлёв, у которого был магазин музыкальных инструментов. Как Пете казалось, он был кредитором Р[акшин]-ских. Пете очень большое удовольствие доставляло проигрывание на патефоне различных граммофонных пластинок из опер» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁶¹ Там же: «У Якова Григорьевича было два сына и дочь. Его жена с дочерью жила в Екатеринбурге. Она была учительница музыки. О своей дочери Я. Г. говорил, что она – красавица. Оба сына Я. Г. кончили университет. Один из них был известным в Екатеринбурге математиком, а другой – Иосиф Яковлевич – сначала работал преподавателем в Пермской мужской гимназии, а после революции – в Свердловске в одной из школ города и очень скоро умер. В юридическом институте у Пети училась студентка Шнейдер, из потомства Якова Григорьевича, которая по окончании ин[ститу]-та уехала работать в Якутск» // Там же: Л. 137-146 об.

Узнавши, что П. учится в семинарии, он предложил ему познакомить его и других семинаристов с этими методами толкования библии. И вот несколько человек семинаристов отправились к нему на квартиру. Яков Григорьевич поставил перед ними такой вопрос: куда девался Каин? Он взял библейское изречение по этому вопросу, заменил буквы цифрами и подсчитал сумму, затем он стал подбирать на эту же сумму другие предложения и после длинного ряда вычислений сказал, что Каин скрылся в центре земли. Слушатели были поражены искусственностью, произвольностью такого толкования.

Живя у Ракшинских П. получил в плату полный пансион. Ракшинские относились к нему очень хорошо, но всё же он решил перестроиться – перейти на другую квартиру.¹²⁶² Получивши уроки по репетированию, он перешёл на квартиру к К. А. Удинцеву, где уже жили семинаристы Успенский и Чадаев.¹²⁶³ Петю потянуло в свою семинарскую среду, и три семинариста составили «коммуну».¹²⁶⁴ Хозяйство наше было организовано так: на текущие нужды мы вносили в кассу по рублю, продукты на питание покупали сами. Молоко брали в соседях у Шминке за 20 коп[еек] четверть.

---

¹²⁶² Из автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Год хождения по мукам») в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Приближались рождественские каникулы и Петя решил на них съездить на родину, в Течу, и к Ракшинским не возвращаться, о чём он их и предупредил. Они были в недоумении. Петя мотивировал свой уход некоторыми академическими условиями. Что было подлинной причиной ухода Пети от Ракшинских? Он не смог примирить своё пребывание у них со своими прежними привычками. Началось с того, что день жизни его у Р[акшин]-ских казался ему не регламентированным, без привычного ориентира по звонкам. Он чувствовал себя как-то растерянным и не мог сосредоточиться на своих учебных занятиях. Он всё больше и больше запуская свои занятия и боялся со всем запутаться в своих учебных делах. Оставалось полгода до экзаменов, и он боялся, что придёт к ним совершенно неподготовленным. Кроме того, он чувствовал одиночество: большую часть дня он был без школьных товарищей».

...В 1914 г. в Перми Петя мельком встречал Василия Ивановича Ракшинского. Мельком видел Фаню, когда она приходила в лазарет, находившийся в семинарии. Она была сестрой милосердия. В 1925 г., когда Петя встретился в Свердловске с товарищем по семинарии – Филагрием Александровичем Михайловым, последний ему говорил, что В. И. Ракшинский умер. В тридцатых годах в одном из книжных магазинов Свердловска среди продавщиц была одна женщина, которая своим лицом очень напомнила Пете Фаню, и другие продавщицы называли её Файной Васильевной. Не была ли это Фаня?» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁶³ В 1907/1908 учебном году Успенский Александр – ученик 3-го класса и Чадаев Александр – ученик 2-го класса.

¹²⁶⁴ В автобиографических очерках В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Год хождения по мукам») в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Сюда вовлёк его семинарист Чадаев, сосед по жизни в деревне. Новые хозяева Пети были родственниками Чадаева. У нас троих была отдельная комната» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

Хозяйка нам варила обеды. В месяц, считая плату за комнату, у нас выходило по десять рублей с небольшим.¹²⁶⁵

[¹²⁶⁶]

В пятом классе нам преподавали: Новый Завет А. П. Мироллюбов, историю русской церкви – Ящинский, историю раскола А. Ф. Успенский, литургику и гомилетику Н. И. Знамировский, гигиену – П. Н. Серебренников¹²⁶⁷. У А. П. был своеобразный метод преподавания: он, вернее, проповедывал, произносил проповеди. По своей привычке он ходил взад и вперед по комнате и говорил-говорил без конца. Казалось, излагал свой «символ веры». Часто свои пояснения он иллюстрировал ссылками на Ф. М. Достоевского. Семинаристы и раньше иногда приглашали А. П. в класс на вечерние занятия с просьбой рассказать что-нибудь, он охотно приходил, произносил длинные речи, без конца говорил о Достоевском, но уже в пятом классе было заметно некоторое отчуждение А. П. от семинаристов. Когда его приглашали, он не охотно приходил, ссылаясь на то, что де-скасть мы люди различных взглядов. Наконец, мы узнали, что он уходит из семинарии инспектором народных училищ. Семинаристы пригласили его на прощальную беседу. Он пришёл и кратко обмолвился словами: «Семинария –

---

¹²⁶⁵ В автобиографических очерках В. А. Игнатъева «Петя Иконников» («Год хождения по мукам») в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Порядок расходования сумм у них был очень оригинальный: на стенке висел мешочек, в который они периодически вкладывали по рублю на текущие расходы. Рацион их, конечно, был скромный: больше всего они налегали на молоко, которое покупали в соседях у Шминке по двадцати копеек за четверть. Всегда у них был сахар, белый хлеб, сливочное масло. Каши – рисовая, манная – были в почёте. Мясом не злоупотребляли. В баню ходили в семинарию. Жили дружно. Хотя были с разными темпераментами и характерами. Для важности называли друг друга по имени и отчеству. Из них троих наиболее увлекающимся по женской линии был Александр Павлович Успенский. Он же чаще всего охотно ходил за молоком к Шминке: в этом доме жила гимназистка Шминке, дочь хозяина этого дома, который, кажется, был лесничим. Она бывала на вечерах в семинарии. Можно предполагать, что она бывала по приглашению Успенского, хотя он об этом не говорил. Хозяин дома, где друзья квартировали, бывший пермский семинарист, работал в Управлении железной дороги. Он был человек угрюмый и редко с своими жильцами разговаривал. Только однажды он разговаривал с Петей о том, что он, кажется, знал Петиного отца ещё по семинарии. Хозяйка квартирантов была сестрой хозяина, вдовой; по её линии Чадаев и был родней хозяину» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁶⁶ В автобиографических очерках В. А. Игнатъева «Петя Иконников» («Год хождения по мукам») в «пермской коллекции» воспоминаний: «У Пети были уроки по репетированию. Подотчётными его были два ученика духовного училища. Они были братья, дети священника. Жили они около Слудской площади, и Пете приходилось далеко ходить на уроки. Что говорить, давать уроки было не легко: ребята были ленивые и озорные. Пете платили пятнадцать рублей в месяц. После расходов на квартиру у него оставалось еще пять рублей на удовлетворение различных потребностей – материальных и культурных.

Втянулся ли Петя в новые условия своего бытия? Нет! Его всё тянуло в ту обстановку жизни, к которой он привык с детства ещё со времени обучения в духовном училище: «привычка – вторая природа» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

¹²⁶⁷ «Педагогику и дидактику – о[тец] Тихон Андриевский». (Примеч. автора).

это не столько воспитательное, сколько питательное учреждение». Преподавание Нового завета в Петинском классе было лебединой песней А. П. По существу он признал своё бессилие в воспитательной деятельности и мог бы сказать неизвестному своему сопернику в этом деле словами Юлии Отступника: «Ты победил, Галилеянин!»

Преподаватель Ящинский был случайным человеком в семинарии: пробывши один год, он ушёл в инспектора народных училищ в г. Сарапул.

А. Ф. Успенский несколько лет преподавал в семинарии Историю и обличение раскола. Семинаристам казалось, что он не на своём месте. В его натуре было что-то артистическое. Он выступал на семинарских вечерах декламатором блестяще. Восторги и аплодисменты всегда сопутствовали его выступлениям. Передавали, что в бытность студентом академии он состоял в какой-то драматической труппе. У него были изысканные салонные, можно сказать, манеры. Всё это никак не вязалось с преподаваемыми им предметами. По-видимому А. Ф. и сам себя чувствовал не в своей «тарелке» и потом ушёл в инспектора народных училищ.

Н. И. Знамировский преподавал предметы самые неблагоприятные с точки зрения семинаристов: «нам это ни к чему» - таково было отношение их к литургике и гомилетике. Н. И. больше интересовался проповедническим, и около него группировались те семинаристы, которые имели в виду принять священство.

П. Н. Серебренников, можно сказать, был кумиром семинаристов, особенно тех, которые мечтали учиться на врача.

Среди богословских предметов изучение гигиены и медицины казалось каким-то диссонансом, чужеродным телом. Существование же их в учебном плане семинарии оправдывалось таким, совершенно резонным, рассуждением, что будущему пастырю церкви где-либо в глуши может представиться случай, за неимением врача, лечить паству и телесно. Что можно сказать о лекциях П. Н.? Уже одно то обстоятельство, что П. Н. являлся на лекции обременённый разными наглядными пособиями – таблицами, моделями, не говоря о самом предмете его лекций, привлекало внимание к ним. Однажды П. Н. явился на лекцию со скелетом и спросил: что это такое? Все в один голос ответили: «Смерть!» Когда П. Н. входил во вдохновение, он закрывал глаза и вытягивал правую руку вперед, сжимая пальцы в щепотку. С таким жестом семинаристы изображали потом его манеру речи.

О[тец] Тихон Андриевский прибыл в Пермскую семинарию из Казани. В отличие от других учителей он много рассказывал о себе, приоткрывая даже интимные стороны своей жизни. Так, он рассказывал о своей невоздержанной жизни в академии, в результате чего он довёл свой организм до истощения. Дальше он рассказывал о том, как он вступил на «путь праведный», а именно: как он путём регулирования своего питания – то сокращая его, а то увеличивая – восстановил свои силы. Он всячески старался подчеркнуть свою силу воли и своё влияние на других людей. Так,

он рассказал, как приводили к нему кликуш и он «запрещал» им, т. е. вроде как изгонял из них «злого духа». По поводу наступавшей реакции он выражался так, что де-сказать теперь кадиллом (читай религией) можно больше сделать для людей, чем чем-либо другим.

В одной деревне, вблизи Перми, он организовал общину. Там под его руководством по кавказскому методу стройки, как он сам говорил, выстроен был молитвенный дом, куда собирались молящиеся, служились молебны, произносились проповеди, а потом он ходил по домам и «учил жизни». Сюда же с ним ездили и некоторые семинаристы. О[тец] Тихон вступал в беседу с семинаристами иногда и на самые житейские темы, например, как выбрать невесту, причём суждения его были настолько грубыми, что походили на разговор о том, как выбрать породистую лошадь. Смело он высказывался и на тему по половому вопросу. Всё это, очевидно, потому говорилось, что он преподавал педагогику.

При семинарии была так называемая образцовая школа, в которой учились дети из ближайших к семинарии кварталов. Этой школой заведывал о[тец] Тихон. Здесь же семинаристы проходили практику. Петя очень ревностно изучал дидактику и одно время заменял о[тца] Тихона.

[¹²⁶⁸]

[6-й класс]

С осени 1908 г. Петя учился в шестом классе. Последний год учения в семинарии он жил в общежитии. В этом классе центральной фигурой среди учителей был сам ректор – К. М. Добронравов. Он преподавал «Послания апостолов». Если бы Юпитер или Зевс спустились на землю к людям и стали бы учителями, они, вероятно, всё-таки не придумали бы такого величия, с каким «являлся» на уроки ректор. Его шествие на урок предварял Яша, наш швейцар. Он открывал дверь и закрывал. Ректор заходил в класс и, не глядя на учеников, на ходу называл фамилию обречённого на ответ. Вот это стиль! Его объяснения больше походили на снисходительный разговор. Что было слабостью ректора, то певцы... Если кто-либо певец, сам за него ответит, а двойку не поставит.

Продолжали в шестом классе преподавать: А. Ф. Успенский – обличение раскола, о[тец] Тихон Андриевский – дидактику, П. Н. Серебренников – медицину.

---

¹²⁶⁸ В автобиографических очерках В. А. Игнатьева «Петя Иконников» («Год хождения по мукам») в «пермской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В середине экзаменов за пятый класс Петя при поездке за Каму сильно простудился, схватил бронхит, кое-как закончил экзамены, и летом лечился кумысом. В шестом классе он опять вернулся в привычную ему обстановку жизни в общежитии – к «домашним пенатам» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 137-146 об.

Новым преподавателем по догматическому и нравственному богословию был Рубинов. Трудно себе представить молодого преподавателя таким сухим, неподвижным, каким предстал перед семинаристами Рубинов. «Живой труп». Стоял он перед семинаристами у кафедры как изваяние, голос бесцветный, унылый, в лице полная неподвижность. «Застывшая догма».

Вот такая учебная обстановка была у Пети в богословских классах. Нужно сказать, что в этих классах не было уже такой формальной строгости к ученикам со стороны учителей, как в предыдущих классах. С этой стороны для семинаристов создавалась более спокойная обстановка. Шестиклассников не ставили даже в ряды в церкви и создавалось впечатление «мирного жития», «почивания на лаврах», отдыха от «трудов праведных»! Люди, не собиравшиеся посвятить себя в священнослужители отсиживались в этих классах «в силу того, что податься было не куда, а если и представлялась возможность куда-либо поступить, то для этого требовалась подготовка, на которую не всякий мог решиться. Повинуясь этому общему течению и Петя отсиживался с затаённой мыслью поступить потом в какое-либо высшее учебное заведение.

Как протекала за все эти годы – с 1904 г. по 1909 г. – общественная жизнь семинаристов? С окончанием войны в Пермском театре под антрепризой А. А. Левицкого подвизалась опера. Семинаристы всегда были поклонниками оперы. Опера чередовалась с драмой. В самой семинарии под руководством Михаила Васильевича Попова был хороший церковный хор. Выдвинулась целая плеяда певцов, которые прославились в городе. Например, в течение трёх лет лидером тенором считался Свешников. Как солиста его приглашали выступать в других церквях. Его коронной вещью считалось «Ныне отпускаеши» Соколова.

М. В. Попов обогатил репертуар церковного хора произведениями Архангельского. Семинарский хор был на славе и когда были великие праздники, семинарская церковь и прилегающий к ней коридор бывали заполнены поклонниками хора.

В семинарии устраивались блестящие вечера, на которых выступали солисты. Так, на одном вечере Свешников пел романс Денца: «Если б любовь в душе твоей зажглася»; Чирков исполнил романс Пасхалова: «Нет, за тебя молиться я не мог»; Ласин исполнил романс Денца: «Вернись!» Вступали два хора: однородный под управлением Н. В. Пиликина, бывшего тогда учителем пения в семинарии, и смешанный под управлением М. В. Попова. Однородный исполнял: «Ноченьку» из «Демона», «Белеет парус» муз[ыка] Пиликина и «Жук и роза». Смешанный хор исполнял: «Как во горнице светлице» из «Русалки» и народные песни, например, «Ай, во поле липонька». Несколько позднее к этим певцам присоединились Пётр Иваницкий (тенор) и Пётр Шестаков (бас). Семинаристы выступали на вечере в гимназии Барбатенко. Среди декламаторов выдвинулся Димитрий Бакалдин. Семинария жила полнокровной жизнью. Известную дань пению отдал и Петя.

Весной 1909 г. П. окончил курс семинарии и распрощался со своей *alma mater*.

Много хороших воспоминаний о семинарии сохранилось у Пети. Здесь прошли юношеские годы, годы роста, увлечений музыкой, пением, чтением художественной литературы. Были мрачные стороны жизни, но не они составляли главное в семинарской жизни П. Главным осталось то положительное, что потом пригодилось в жизни: привычка к труду и дисциплине. Глубокая правда высказана семинаристами в словах: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим».

17/IX – [19]60. 17 ч. вр[емя] сверд[ловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 48-67 об.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует. «Петя Иконников – псевдоним автора В. А. Игнатъева.

ВОСПОМИНАНИЯ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ В. А. ИГНАТЬЕВА О БЫВШИХ СЕМИНАРИСТАХ

*«Светлой памяти товарищей моей юности –
живых и почивших – посвящаю»*

Мы – семинаристы*

Наша семинария впитывала в себя выпускников четырёх духовных училищ: Пермского и Соликамского из западной и северной частей б[ывшей] Пермской губернии и Екатеринбургского и Камышловского из восточной и южной её части. Опытный глаз, вероятно, мог различить среди нас, только что поступивших в семинарию, скажем, выходцев из Чердыни и из какого-либо села Шадринского уезда по каким-либо специфическим признакам, но мы этого не замечали и очень скоро сливались в одну однородную массу, как будто давно уже жили вместе.

Поступали же в семинарию мы с различными новыми впечатлениями. Если для окончившего, скажем, Пермское дух[овное] училище поступление в семинарию было до некоторой степени переходом из одного здания в другое в черте одного и того же города, то для выходца из какого-либо села Шадринского уезда оно связывалось уже с целым комплексом новых впечатлений. Новым было и то, что первый раз в жизни приходилось покрывать для проезда в Пермь такое большое расстояние, как в 500-600 верст, новым было и то, что первый раз в жизни приходилось пересекать по железной дороге Уральские горы; новым было и то, что первый раз в жизни удавалось видеть большую реку с пароходами на ней и, наконец, новым было то, что приходилось впервые знакомиться с большим губернским городом. Ещё от старших братьев мы слышали уже обо всём этом, но всё это нам представлялось неясным, туманным, а сейчас приобретало конкретные очертания.

Самое же главное для всех нас новое состояло в том, что мы осознавали, что с поступлением в семинарию кончался какой-то один период нашей жизни и начинался другой период: из старших, какими мы чувствовали себя при окончании дух[овных] училищ, мы опять становились младшими, но всё равно повзрослевшими. То обстоятельство, что нам приходилось уже возвращаться в кругу солидных людей, каковыми были, например семинаристы 5 и 6 классов, поднимало сознание нашего достоинства и даже такая, казалось бы, мелочь, как новое для нас после грубой привычки на бурсе обращения друг с другом требование извиняться казалось нам чуть ли не внутренним перерождением. Новые науки, новые учителя в количестве большем, чем это было в дух[овном] училище, наконец, некоторые новые черты быта, как возможность свободного выхода в город

между занятиями, возможность посещения театров, музеев, библиотек – всё это говорило нам о том, что мы вступили в новую фазу своей жизни.

Каким блаженством после полной замкнутости в стенах дух[овных] училищ казались, например, нам, живущим в общежитии, часы между утренними и вечерними занятиями, с 2-х до 5 часов, когда мы могли свободно выходить в город. На первых порах, можно сказать, мы с жадностью устремлялись в парки, скверы, в читальный городской зал, в музей, всюду, где мы вращались среди других, так сказать, на равной ноге. А участие в вечерах, посещение театров, прогулки за Каму, первые знакомства с женской молодежью, «смаками» по семинарской терминологии – все эти дары юности были пережиты в этот именно семинарский период. Таков был возраст: ломался голос, уходили в прошлое детские привычки, душа расположена была к общению, к дружбе, и выходили мы из семинарии уже не соучениками, а семинарской «братвой». В будущем – работал ли кто врачом, чиновником, учителем, про него говорили: он бывший семинарист, называли так с уважением к тому учреждению, питомцем которого являлся этот человек.

Из пермских семинаристов в Свердловске в последние сорок лет жили и работали:

1. Бажов Павел Петрович – писатель.
2. Лепешинский Леонид Вас[ильевич] – знаменитый хирург.
3. Луканин Владимир Павл[ович] – профессор медицины.
4. Затопляев Александр Влад[имирович] – доцент пед[агогического] ин[ститу]-та.
5. Игнатъев Вас[илий] Алексеевич,
6. Липин Павел Алекс[андро]вич,
7. Наумов Влад[имир] Александрович – преподаватели латинского яз[ыка] медицинского ин[ститу]-та.
8. Бирюков Влад[имир] Павл[ович] – краевед, археолог.
9. Ласин [Сергей] – солист хора.
10. Меркурьев Александр[р] – канцелярск[ий] раб[отник], певец.
11. Луканин [Василий Михайлович] – артист оперы.¹²⁶⁹

---

¹²⁶⁹ Луканин Василий Михайлович (1889-1969) – русский и советский оперный певец (бас-баритон). Заслуженный артист РСФСР (1940). Окончил Пермское духовное училище по 3-му разряду в 1904 г. 14 лет руководил хором Пермского духовного училища.

«Сын священника Пермской губернии. Учился в Пермской духовной семинарии, ок[оло] 1908 г. вышел из неё по окончании общеобразовательных классов. [В опубликованных списках учащихся Пермской духовной семинарии за 1907-1909 гг. не значится. – Ред.] Оперный артист, бас-*cantato*. В 1918 г. пел в Пермской опере как ведущий солист. В годы Отечественной войны пел в Ленинградском оперном театре. С 1937 по 1948 г. был репрессирован и потерял голос. По возвращении в Ленинград был преподавателем вокального класса Ленинградской консерватории, с успехом занимался постановкой голоса. Среди его выпускников есть лауреаты и имеющие звание заслуженного артиста – артисты Большой оперы, Ленинграда и др. городов. В. М. Луканин умер в возрасте 80 лет, будучи профессором Ленинградской консерватории и имел [звание] заслуженного артиста

12. Бирюков Витал[ий] Анат[ольевич],
  13. Максимов Ив[ан] Яковл[евич] – бухгалтеры.
  14. Серебренников Ал[ександр] Иван[ович] – преподаватель.
  15. Пузырёв Викт[ор] Иванович,
  16. Казаков,
  17. Замятин – экономисты.
  18. Старцев Василий Никол[аевич] – хозяйственник.
- ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 120-122 об.
*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

РСФСР. Свою автобиографию он начинает с признания: «Мне кажется, что ни у кого из современных артистов не связано с Пермским оперным театром столь многих воспоминаний, как у меня. Да это и понятно, т. к. с детских лет рос около этого театра, с отроческих лет благоговейно смотрел на него, безотчётно стремясь в его стены». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 35-35 об.).

*Воспоминания о регенте Пермского семинарского хора М. В. Попове**

В жизни иногда встречаются такие люди, которыми ещё с детства завладеет какое-либо сильное переживание, сильное впечатление, сильное увлечение, на всю жизнь оставившее в их душе неизгладимый след, и определит их жизненный путь. Жизнь будет поворачиваться к ним своими разными сторонами, подчас будет испытывать прочность их увлечения, но они упорно будут оставаться верными своему увлечению, преданными раз избранному ими жизненному пути. Таких людей в отношении проявления их интимных чувств называют «однолюбам», а в отношении проявления их художественных эмоций – людьми с очарованной душой, энтузиастами. В настоящее время у нас вошло в моду называть таких людей «одержимыми» в лучшем благородном значении этого слова, в значении беспредельной преданности своему любимому делу. Таким именно в жизни на всём её продолжении явился Михаил Васильевич Попов.¹²⁷⁰

С раннего детства Михаил Васильевич увлёкся пением, оно составило один из элементов его нравственной природы, и ему он посвятил свою продолжительную жизнь.

Михаил Васильевич родился в 1885 г. в Юговском заводе, около Перми. Жители этого завода, между прочим, славились на Урале как мастера по выработке «ходков» - летних экипажей на железных осях с черёмуховыми плетёными коробками. Отец Михаила Васильевича тоже был причастным к этому ремеслу и, между прочим, был церковным старостой заводской церкви, «ктитором», как называли церковных старост по официальной церковной терминологии. Это последнее обстоятельство, очевидно, и повело к тому, что он пел в раннем детстве дискантом в церковном хоре. Так начинали свою музыкальную деятельность многие русские видные музыкальные деятели. С этого и начала расти и развиваться очарованная пением душа Михаила Васильевича.

Быстро прошли годы учения в заводской низшей школе и Пермском духовном училище. «Сломался» уже и мужской голос – дискант Михаила Васильевича, когда он поступил в 1902 г. в Пермскую духовную семинарию. Поступил он в неё безголосым, и на первых порах никто и не знал и не подозревал, что в лице его среди семинаристов есть юноша, которому

---

¹²⁷⁰ Попов Михаил Васильевич (1885-1964) – сын крестьянина Пермского уезда. Окончил Пермское духовное училище по 1-му разряду в 1901 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-м разряду в 1908 г. Регент семинарского хора в 1904-1908 гг. Регент церковного хора Николаевской церкви г. Шадринска в 1908-1913 гг., регент архиерейских хоров в г. Екатеринбурге в 1913-1914 гг. и г. Перми с 1914 г., учитель пения в Пермской духовной семинарии с 1914 г. «По окончании семинарии работал в г. Перми преподавателем пения и руководителем хоров. Как хормейстер был известен за пределами области. За свою деятельность он неоднократно награждён был грамотами советских и профсоюзных организаций. Скончался в Перми в 1964 г., уже пенсионером». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 4. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1279а. Л. 34).

суждено было послужить на славу семинарии, а именно на поприще регента семинарии.

Семинарский хор был издавна на славе в Перми. Славились семинаристы-певцы, славились и семинарские регенты. ... Когда назначен был регентом Михаил Васильевич, то семинарская масса к этому отнеслась с предубеждением, скептически, потому что обычно было так, что регентом назначали кого-либо из известных уже всем певцов, как было с Захаровым, а тут получилось так, что широкие массы семинаристов не знали, что новый кандидат в регенты тоже когда-то пел. Знали об этом только б[ывшие] абитуриенты Пермского дух[овного] училища. Михаил Васильевич принял хор в запущенном виде, образно выражаясь, как расстроенный музыкальный инструмент.

Быть регентом хора – это вообще не так просто, как может это показаться со стороны, а тем более семинарского хора. От регента требуется, чтобы он был и организатором и воспитателем. Все эти «вундеркинды», с которыми он имел дело, будут ли это «духовники», ученики дух[овного] училища, или «своя братва» - семинаристы, обязательно, как все артисты (в данном случае в кавычках) самолюбивы, капризны, и чтобы иметь с ними дело, при условии, что они поют за «здорово живёшь», нужно обладать терпением и тактом. И первыми качествами Михаила Васильевича, которые показывали, что он может быть «волею божиею» регентом, были на лицо эти необходимые качества. Он умел ладить с ними: он был для них и Михаилом Васильевичем и «Мишей». Для ребят-«духовников» он был «дядя Миша». Как часто приходилось видеть его в их окружении на положении Песталоцци с детьми.¹²⁷¹ Но когда он управлял, то рука была твёрдой. При исполнении пасхального концерта «Приидите воспоим[, людие]» солист альт Кетов¹²⁷², «пустил петуха» на слове «спасово», регент, «ничтоже сумняшесь», заставил повторить – «восстановить честь».¹²⁷³ Сколько приходилось Михаилу Васильевичу возиться с «этими малыми»: хлопотать перед начальством дух[овного] училища о разрешении взять из числа «духовников» в семинарский хор дискантов и альтов, отбирать их, водить на спевки и на богослужения, провожать и учить, учить, учить. По существу организация хора отдавалась регенту «на откуп»: всё делай сам – добывай ноты, составляй репертуар, но выполняй всё, что необходимо для богослужения; например, на «Воздвижение» запроектировано «водружение креста» - подготовьте

---

¹²⁷¹ Песталоцци Иоганн Генрих (1746-1827) – швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII-начала XIX века, внёсший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

¹²⁷² Кетов Николай (1895-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1915 г. «Студент Казанского ветеринарного института». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 161).

¹²⁷³ Хоровой концерт Д. С. Бортнянского № 15 «Приидите воспоим, людие». Ошибка, вероятно, произошла в первых тактах песнопения, поэтому регенту несложно было ещё раз начать исполнение концерта.

соответствующее этому моменту исполнение «Господи, помилуй».¹²⁷⁴ Положение Михаила Васильевича в этом случае напоминало положение пушкинского стационарного зрителя: «подай то», «подай другое». В семинарии уже он прошёл суровую школу организационной работы, необходимую для регента-профессионала. Но если так можно было сказать об организационной стороне деятельности будущего квалифицированного регента-профессионала, то, что касается овладения им основными сторонами её деятельности самим мастерством управления хором, а особенно, что касается теоретической подготовки к этому, то время пребывания Михаила Васильевича в семинарии и его деятельность регентом там были только временем становления его, причём ему предстояло ещё много самому поработать над собой.

В учебном плане семинарии в числе предметов преподавания значилось пение, но предмет этот был в таком запустении, что уроки его ничего не могли дать по теоретической подготовке Михаила Васильевича, хотя преподавателями пения были выдающиеся музыкальные деятели Перми, как регент архиерейского хора Потеряйко, человек, безусловно, теоретически подготовленный, и регент Вознесенской церкви – Николай Васильевич Пиликин, кончивший Московскую консерваторию. Не была даже точно определена программа предмета. Так, Потеряйко в 1902-1903 уч[ебном] году на уроках пения разучивал только с семинаристами украинские песни, а Н. В. Пиликин позднее – в 1905-1906 [г]г. больше демонстрировал перед семинаристами свои музыкальные знания и проводил бессистемные занятия по сольфеджио. Конечно, ни тот, ни другой не могли отказать Михаилу Васильевичу в частных занятиях с ним по теории музыки, что возможно и было в форме консультаций, но гораздо важнее на данном этапе становления Михаила Васильевича регентом было соприкосновение со своими учителями, как с практическими деятелями. Как у руководителей церковными хорами, у Потеряйко и Пиликина, как часто теперь говорят, был у каждого свой почерк: у Потеряйко был более стиль, выдержанный в духе церковном, в духе религиозного благолепия, а у Пиликина – слишком сильно проглядывало то направление в церковной музыке, которое стало развиваться под влиянием Веделя, характерным для которого было увлечение частыми выступлениями *solo*. Потеряйко был сторонником пения *piano*, вызывающего молитвенное настроение сосредоточенности, внутреннего умиления. В этом отношении он продолжал линию своего предшественника по управлению хором – протоиерея Ивана Алексеевича Никитина. Пиликину с его консерваторским образованием, т. е.

---

¹²⁷⁴ Чин воздвижения Креста совершается в конце утрени под праздник Воздвижение Креста Господня. Архиерей или старший священник медленно опускает большой крест почти до земли и потом медленно поднимает его вверх. Так происходит пять раз – на восток, на юг, на запад, на север и снова на восток. Хор на каждое воздвижение (пятикратно) поёт «Господи помилуй» по сто раз, сначала в нисходящем движении мелодии, а затем – в восходящем, соответственно опусканию и поднятию креста.

специфическим светским, чуждо было такое понимание церковной музыки, он больше был поклонником помпы, бравурного исполнения, что, кстати сказать, было в моде у регентов церковных хоров в то время. Типичным в то время в Перми был стиль такого исполнения в Пермской [Рождество-]Богородицкой церкви, где хором в то время руководил Степанов. Было бы преждевременным говорить о том, что у Михаила Васильевича уже в семинарские годы определился стиль его руководства, хотя, по признанию его самого, учителем его в руководстве церковным хором был Потеряйко.

Нужно сказать, что Михаил Васильевич отдал значительную дань, если можно так выразиться, «светскому» направлению в церковной музыке, причём значительно раздвинув рамки его применения. Так, при нём именно вошло в моду исполнение *solo*, причём хор выполнял роль аккомпанемента. В таком духе, например, исполнялись «Тебе поем», «Ныне отпускаеши», композиция которых приписывалась Степанову. Увлечению этим стилем, между прочим, содействовало появление в семинарии бывшего в то время на славе семинариста – лирического тенора Свечникова Александра. Насколько было сильным увлечение таким исполнением не только в семинарии, но и вообще в городе, свидетельствовало то, что Свечникова приглашали исполнять эти песнопения в другие хоры, например, в хор Слуцкой церкви. Неоспоримой заслугой Михаила Васильевича явилось то, что он значительно обновил репертуар семинарского хора исполнением музыкальных произведений Архангельского, таких, как «Хвалите [Имя Господне]», «Богородице дево[, радуйся]» и особенно концертов его: «Господи, услыши...» и «Внуши, Боже...». Он, можно сказать, пропагандировал музыку Архангельского, и на исполнении произведений Архангельского именно раскрылись те черты музыкального таланта Михаила Васильевича, которые в полную меру получили полное развитие в будущем. Этими чертами были: чувство ансамбля, умение добиться полного гармоничного звучания всех голосов, лёгкость и точность темпа, выразительная интонация, одинаковое владение как *piano*, так и *forte*. Нельзя было не восторгаться музыкой Архангельского в исполнении семинарским хором под управлением Михаила Васильевича его «Слава в вышних Богу...» Под управлением Михаила Васильевича могуче звучали такие произведения, как «Милость мира» Соколова и пасхальных концерт «Приидите воспоем[, людие]». Лирически мягко звучали такие, как «Покаяния» из «Сборника»¹²⁷⁵, но здесь же и *crescendo* «Множества» и *fortissimo*¹²⁷⁶ «Страшного дне судного». Задушевно звучало в исполнении однородного хора «Помощник и покровитель»¹²⁷⁷, величественно: «Ныне силы Небесные» Турчанинова. Бывали и погрешности, например, «Господи, помилуй» за всеобщей в

---

¹²⁷⁵ Вероятно, имеется в виду «Церковно-певческий сборник». Автор песнопения «Покаяния отверзи ми двери», о котором говорит автор, в сборнике не указан.

¹²⁷⁶ *fortissimo* – громкость в музыке, обозначающая «очень громко».

¹²⁷⁷ Ирмосы – первые строфы в каждой из девяти песен – Великого покаянного канона «Помощник и Покровитель» в то время обычно пелись на музыку Д. С. Бортнянского.

последней эктении¹²⁷⁸ в *solo* дисканта – излишне сентиментальное, слащавое, но это были уже погрешности роста и дань моде. При регентстве Михаила Васильевича впервые в семинарии был осуществлён за всенощной под «Воздвижение» обряд «водружения креста», и Михаил Васильевич познакомил любителей церковной музыки со своеобразным исполнением «Господи, помилуй», которое должно было иллюстрировать процесс водружения: опускание мотива и поднятие его.

Регентская деятельность Михаила Васильевича наложила на семинарский хор особый отличительный оттенок, и этот период существования хора можно определить словами: хор в период управления им Михаилом Васильевичем Поповым. Семинаристы того времени должны быть благодарны Михаилу Васильевичу за многие часы и минуты наслаждения церковной музыкой, которая широкой волной лилась в хор семинарской церкви на их головы, когда они густыми рядами, как на смотре, стояли в церкви в умилении от этой музыки.

Михаил Васильевич был регентом семинарского хора в то время, когда в семинарии появилась целая плеяда семинаристов-певцов нового типа. Новым у этих певцов было то, что они не замыкались в кругу церковного только пения, а стремились овладеть искусством светского пения под аккомпанемент музыкального инструмента. Это, так сказать, расширение горизонта пения являлось уже новой чертой этих певцов. В числе их были, кроме названного уже выше Свечникова, А. Чирков, С. Ласин, П. Иваницкий, П. Шестаков, а позднее – Е. Медведев, [С.] Спасский и др.

Михаил Васильевич был «душой» содружества семинарских певцов. Они у него в хоре выступали солистами, и он в этом отношении был их ментором. Но вместе с тем через них он был связан с широким кругом музыкальных деятелей Перми в области светской музыки. Трудно переоценить или недооценить это обстоятельство в становлении его регентом широкого профиля – не только в области «духовной» музыки, но и «светской». Первые опыты в этой последней у него начались ещё в семинарии, и они показали, что в лице его «вызревает» талантливый руководитель для «светских» хоров. Тогда это было ещё нельзя предусмотреть, но потом обнаружилось, что это была заявка на вторую половину его музыкальной деятельности после Октября, когда талант его раскрылся шире и глубже, о чём речь будет ниже.¹²⁷⁹

Семинаристы того времени помнят «вечер» в семинарии, когда Михаил Васильевич дебютировал наряду с Н. В. Пиликиным, причём он руководил смешанным хором, а Пиликин – однородным. Это было своеобразное соревнование двух регентов – зрелого, каким был Пиликин, и выступающего

---

¹²⁷⁸ Ектения – от греческого «усердное моление» – во время церковного богослужения ряд молитвенных прошений, которые возглашает диакон, на каждое из них хор отвечает «Господи помилуй» или «Поддай, Господи».

¹²⁷⁹ В очерке автора информация о «советском» периоде музыкального творчества М. В. Попова отсутствует.

с первым опытом. Это соревнование Михаил Васильевич выдержал блестяще. Программа этого вечера заслуживает того, чтобы её отметить, а также отметить исполнение номеров и исполнителей, потому что она свидетельствовала о том высоком уровне музыкальной культуры семинаристов, которого они достигли в первые годы нового столетия. В программе были такие номера:

Однородный хор под управлением Н. В. Пиликина:

1. «Ноченька» из оп[еры] «Демон», муз[ыка] А. Г. Рубинштейна с аккомпанементом рояля.
2. Фейт: «Жук [и] роза».
3. Клауэр: «Прощание с лесом».
4. Н. В. Пиликин: «Парус».

Смешанный хор под управлением М. В. Попова (дисканты и альты – учен[ики] дух[овного] уч[илища])

1. А. С. Даргомыжский: хор из оп[еры] «Русалка» - «Как во горнице-светлице».
2. «Ай, во поле липонька» - народн[ая] песня.¹²⁸⁰

Солисты:

1. Свечников: Денца – «Если бы любовь в душе твоей зажглася» (с акк[омпанементом] пианино).
2. [А.] Чирков: Пасхалов – «Нет, за тебя молиться я не мог» (с акк[омпанементом] пианино).¹²⁸¹

По мнению таких строгих судей, как М. Л. Василенко-Левитон, исполнение этих номеров – и хоровых и *solo* – не зазорно было бы показать на концерте в дворянском собрании, или в оперном театре.

В исполнении «Ноченьки» особенно с блеском показал себя семинарист А. Меркурьев – октава. Его участие придало исполнению хора даже лучшее звучание, чем это бывает в опере.

Исполнение смешанного хора было не ниже уровня исполнения однородного хора. Михаил Васильевич был патриотом своего «Юга»¹²⁸² и, когда почувствовал себя «в силе» регентского искусства, не удержался, как это ни было сложно организовано, свозить свой хор в «Юг» с концертом. Случай этот был беспрецедентным в анналах семинарии, и семинаристы видели, как это делалось, с чего начиналось: к подъезду семинарии подъехали три или четыре огромные кашевы; в них усадили, как грибов в корзину «сих малых» (дискантов и альтов), потом сели сами «отцы» хора, и поезд двинулся. Приходится пожалеть, что при этом не было фотографа, чтобы запечатлеть это событие для истории семинарии.

---

¹²⁸⁰ В очерке «Об «очарованной» душе и неосуществлённой мечте...» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора значится ещё: 3. «Слети к нам тихий вечер», музыка Николая Васильевича Пиликина» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 412. Л. 19).

¹²⁸¹ Там же: «ученик Ласин – роман Денца «Вернись».

¹²⁸² Посёлок Юговского завода Пермского уезда (ныне посёлок Юг Пермского района).

Все певцы-семинаристы в хоре Михаила Васильевича, которые почему-либо оставляли семинарию (сами уходили из неё, или их «уходили») при наличии возможности попеть у него в хоре, особенно в критические моменты, как, например, в престольный праздник семинарии, приходили на семинарские хоры и «поддерживали» честь хора. Так было, например, с б[ывшим] семинаристом Плотниковым, который потом сделался солистом – тенором в хоре Степанова.

В начале июня 1908 г. Михаил Васильевич кончил семинарию. Он вышел из неё, во-первых, с определённым решением посвятить себя музыкальной деятельности – работать руководителем хора, и, во-вторых, с некоторым опытом работы в этой области, который, правда, нужно ещё расширить и углубить. Он оставил после себя не пустое место, а внушительное наследство, а именно:

а) значительно обогащённый им репертуар музыкальных произведений – песнопений;

б) он подготовил себе заместителя в лице Сергея Спасского¹²⁸³;

в) он воспитал, по крайней мере, в начальной стадии, ряд таких певцов, как Иван Медведев, Александр Свечников, Александр Меркурьев, [Аркадий] Чирков, Сергей Ласин, Пётр Шестаков, Пётр Иваницкий и др. Из его учеников в будущем проявили себя в певческом искусстве, кроме указанного выше С. Спасского, следующие: а) Пётр Шестаков пел в синодальном хоре; б) Александр Меркурьев – в хоре при радиокомитете в Свердловске; [в)] Сергей Ласин – в Уральской капелле под руководством Ишутиной.¹²⁸⁴

Известно, что Иван Медведев одно время концертировал по Зауралью, а один из его рядовых (не солистов) певцов Хохлов тоже подвизался регентом.

Свою самостоятельную деятельность регентом хора Михаил Васильевич начал в Шадринске, б[ывшем] уездном городе б[ывшей] Пермской губ[ернии], и работал там со второй половины 1908 г. по 1913 г. В 1913 г. и частью в 1914 г. он был регентом в Екатерининском соборе б[ывшего] Екатеринбургa, ныне Свердловска. Если в Шадринске ему пришлось работать в глуши, так сказать, в тени, то в Екатеринбурге он предстал уже на суд строгой публики, избалованной когда-то существовавшим здесь знаменитым архиерейским хором при епископе

---

¹²⁸³ Спасский Сергей Михайлович (1890-?) – окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1912 г. «Окончил Киевский коммерческий институт. Пианист. В семинарии руководил ученическим хором (после М. В. Попова) и струнным оркестром. В семинарии проявил себя начинающим композитором, потом стал им всерьёз. В семинарии, в гоголевские юбилейные торжества, ученическим хором была исполнена написанная Спасским кантата, посвящённая писателю». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 139).

¹²⁸⁴ Ишутина Зинаида Фёдоровна (1914-1994) – советский хоровой дирижер и педагог, профессор.

Владимире.¹²⁸⁵ В своё время об этом хоре шла громкая молва по всему Уралу. Михаил Васильевич выдержал здесь строгий экзамен. В одном из обзоров церковных хоров Екатеринбургa о нём был помещён похвальный отзыв, как о регенте опытном, с определенным выдержанным стилем руководства хором. Он был выделен из числа других, как регент высокой квалификации. Он приобрёл известность среди других музыкальных деятелей подобного типа, как поныне ещё здравствующий маститый деятель по хоровому искусству в г. Камышлове – Михаил Михайлович Щеглов. Здесь именно в полную меру обнаружился, между прочим, организаторский талант Михаила Васильевича. Сам он вспоминал, например, о том, что в его хоре пело тринадцать басов.

В 1914 г. Михаил Васильевич переехал в Пермь на работу регентом архиерейского хора и учителем пения духовной семинарии. В условиях губернского города быть регентом архиерейского хора значило достичь высшей точки карьеры в должности регента. Таким образом, Михаил Васильевич с переездом в Пермь достиг «высшей власти», высшей точки своей карьеры и занял место своего б[ывшего] учителя – Потеряйко. Быть регентом в Перми, в губернном городе, да ещё регентом архиерейского хора, было делом, пожалуй, более ответственным, чем в Екатеринбурге, потому что здесь в течение продолжительного времени были у него сильные предшественники, например, Чумаков, а ещё раньше его же учитель – Потеряйко.

Во время Великого поста 1915 г. Михаилу Васильевичу пришлось продемонстрировать своё мастерством на концерте церковных хоров, который был организован в актовом зале женской гимназии. На концерте выступали четыре хора: архиерейский, [Рождество-]Богородицкой церкви (регент Степанов), церкви женской гимназии (регент Тиме) и женской учительской семинарии (регент Ю. М. Словцов). На концерте обнаружилась пестрота стилей, причём полярные точки заняли архиерейский хор и хор Богородицкой церкви. Характеризуя стили этих хоров, образно выражаясь, можно было бы сказать, что здесь встретились композиторы Турчанинов и Ведель: первый – выразитель строго церковного стиля с девизом, помещённым на титульном листе его печатных произведений: «Пойте Богу разумно!», второй же – выразитель «западного» стиля, с различными украшательскими приемами, свойственными «светской» музыке. Архиерейский хор под управлением Михаила Васильевича исполнил «Свете тихий», муз[ыка] Азеева.¹²⁸⁶ Руководитель хора предстал перед публикой, судьёй этого соревнования, совершенно необычно в церковной жизни, как руководитель зрелый в полную меру своих творческих сил. Спета была ещё одна религиозная кантата о происхождении молитвы «Святой Боже». И то, и

---

¹²⁸⁵ Владимир (Соколовский-Автономов) (1852-1931) – епископ Екатеринбургский в 1903-1910 гг.

¹²⁸⁶ Азеев Евстафий Степанович (1851-1918) – русский композитор, хормейстер, автор и аранжировщик светских и церковных песнопений.

другое произведение были исполнены в строго церковном стиле, с безупречной выразительностью, дикцией, акцентуацией, была вскрыта и показана вся красота и достоинство этих произведений. Таким образом, Михаил Васильевич блестяще сдал экзамен на звание регента архиерейского хора.

Как учитель пения в семинарии Михаил Васильевич проявил себя практически – на разучивании песнопений для общего пения. Общее пение за богослужением впервые было введено настоятелем Феодосиевской церкви о[тцом] Стефаном Богословским и стало прививаться и в других церквях. Михаил Васильевич, по заданию начальства семинарии, проводил в церкви разучивание отдельных песнопений, причём семинаристы выстраивались в обычные ряды, в каких они присутствовали за богослужением.

Всё это, если можно так выразиться, было только предысторией музыкально-хоровой деятельности Михаила Васильевича, и только в советский период полностью раскрылся его талант и проявился в различных видах его деятельности.¹²⁸⁷

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 727. Л. 1-16.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹²⁸⁷ Сведений о М. В. Попове после 1917 г. в очерках В. А. Игнатьева не имеется.

Сергей Степанович Богословский*

Светлой памяти соученика, товарища и друга

Когда в июне текущего года я получил письмо от Николая Ивановича Хмельнова с извещением о трагической гибели С. С., я был поражён до последней степени. Я готов был услышать какую угодно новость о своих бывших соучениках и товарищах, только не эту, тем более что в душе я питал надежду ещё раз встретиться в жизни с С. С.

И вот. В первые минуты после получения такого известия в моей душе боролись две мысли и два чувства: первое – «не может этого быть, не верю» и второе: «За что?» Моё нравственное сознание никак не хотело примириться с этим фактом. Когда же я осознал всю глубину происшедшей с С. С. трагедии, то понял, что потерял Серёжу Богословского, да, того человека – юношу и, наконец, мужчину, отца семейства, который в моей памяти сохранялся с именем Серёжи Богословского.

Мы во многом, конечно, были людьми различного склада, различных темпераментов, с различными интересами. Я не замечал, например, у него такого увлечения пением, особенно – церковным пением, каким всегда «болел» я; точнее сказать внешне у него это не проглядывало, ни в чём: он не пел. Для меня же это было главным, что связывало меня узами дружбы. Самонадеянность всегда была моей спутницей, за что много раз я был бит; у него в характере были три «порока»: скромность, стеснительность, доверчивость. Сами по себе эти «пороки» не были бы пороками в собственном смысле, если бы они у него не были в излишней форме, в такой форме, когда они ставили его в противоречие с окружающей средой. Он был в окружающей его среде похожим на Алёшу Карамазова с его чистой и ясной душой. И судьбы у нас были различные: он родился и детство провёл на севере б[ывшей] Пермской губернии, в Прикамье; я на юге, на границе с Сибирью, вблизи западной сибирской равнины. Разными дорогами мы шагали и после окончания совместного обучения в семинарии и академии. Но девять лет совместного обучения, лучшие года юношества – разве они могут изгладиться в памяти? В эти годы мы не разбирали, какой у кого был характер, а жили одной семьёй, и в этой семье был среди нас и Серёжа Богословский!

Первая встреча с С. С. у меня была, вероятно, осенью 1904 г., когда семейство Богословских ещё не переехало в Пермь. В столовой Пермской дух[овной] семинарии за одним столом и в составе одной компании, объединённой около миски с супом, оказались три товарища, которым в дальнейшем суждено было в течение девяти лет учиться вместе, это: Богословский Сергей, Игнатъев Василий и Мавровский Николай. Богословский и Мавровский уже год проучились вместе, а Игнатъев присоединился только со второго класса. Естественно, что двое были более знакомы друг с другом, чем третий – Игнатъев. Это уже было заметно за

столом. Когда подавалось третье блюдо – сладкое, которое подлежало распределению на столе при потреблении, Мавровский иногда говорил: «Серёжа, расскажи что-нибудь». Это не был злой умысел, коварство. Это была шутка, но как она была характерна для отношений товарищей к Серёже Богословскому!

В скором времени Серёжа покинул общежитие, и мы видели его только на занятиях. В классе мы видели скромного, застенчивого юношу, избегавшего нашего шума, иногда возни, галдежа. Смотрел он как-то с боку, улыбался и вроде как не выговаривал буквы Д. Он по своему склону характера казался нам более соответствующим назначению семинарии, чем кто-либо другой из нас, т. е. более склонным к изучению богословских наук.

Нам казалось, что и учителя, а особенно Н. И. Знамировский подмечали у него эту же его черту характера и, поэтому, относились к нему как-то иначе, чем к другим, видя в нём человека, который в будущем пойдёт по стезе священства. Но для нас он был, безотносительно, куда бы он ни направил свои стопы, Серёжей Богословским.

...

Мы встретились с С. С. в 1914 г. в Пермской дух[овной] семинарии: я был в ней помощником инспектора, а он преподавателем Священного писания Ветхого Завета. Время было военное – сутолока, заботы, к тому же я работал ещё в гимназии, и мы как-то не часто встречались с С. С. Но я узнал, что он женился: не он мне об этом сказал, а я узнал. Встретились... поздравлять. «А где у тебя кольцо?» - спрашиваю. Молчит, мнётся. Всё ясно: он всё ещё Серёжа Богословский!

В тридцатых годах я был в Перми и посетил Богословских. Я был в семье С. С. Шла дружная и милая беседа, в которой принимали участие С. С., его супруга, [отец] Стефан Михайлович, а около нас были дети – две девочки и мальчик. Вспоминали прошлое. Я рассказывал о себе. Я тогда так и не узнал о том, что С. С. учился в университете, что он писал исторические исследования и т. д. Почему? Он всё ещё был Серёжей Богословским.

Спустя несколько лет, в Свердловск приехала дочь С. С. Милица Сергеевна. С. С. бывал у ней в Свердловске? Бывал. Почему же он ни разу не зашел? Я глубоко убежден: только потому, что он стеснялся.

Летом 1960 г. я побывал в Перми. Был около дома Богословских, рядом, где в 1908 г. я жил на квартире. Я вспомнил трагедию Богословских, когда утонул летом Николай Богословский. Я был на могиле С. С., но я не верю в смерть Серёжи Богословского, нет, он и теперь стоит перед моими глазами таким, каким я помнил его в юности, каким я его, прямо скажу, любил, и может быть, именно за то, чего мне самому недоставало: за его скромность, доверчивость и доброту.

Но я теперь многое узнал о нём, как Сергее Степановиче. За его скромностью, стеснительностью всегда скрывались настойчивость, трудоспособность, ясность ума, специфический интерес к истории, особенно – к истории Пермского края и Прикамья. Это же черты характера, которые

составляют особенность всех Богословских! Он обладал крепостью духа, которая позволила ему перестроиться в тяжёлый момент исторической ломки. Нельзя в этом не отметить черты характера его отца Стефана Михайловича. Можно сказать, что С. С., как таковой раскрылся полностью только в этот второй период своей жизни. Второе рождение его началось с момента поступления вольнослушателем в только что открывшийся в 1916 г. Пермский университет, а потом и студентом. Как в связи с этим не сказать: «Ох, и живуче семинарское племя!» Его призвание было вовсе не библию преподавать, а быть историком. Трудно думать, чтобы интерес к историческим исследованиям возбуждал у него проф. И. М. Покровский в академии; счастливым случаем для С. С., очевидно, была его встреча с академиком Б. Д. Грековым.¹²⁸⁸ Вернее всего сказать, что у С. С. в этом отношении сказалась семейная черта всех Богословских – интерес к истории и археологии. Понятно, что академик Греков не мог не заметить у С. С. этой черты характера, и она не могла не сказаться в его трудах. У кого из Богословских нет тяги к архивным изысканиям, а что касается обстоятельности историко-архивных исследований и тщательности анализа, то это те черты, которые исподволь воспитывались у семинаристов, а позднее и в высших учебных заведениях.

Приходится пожалеть, что нет пока возможностей сделать полный обзор трудов С. С. Ещё больше приходится пожалеть, что, как видно из воспоминаний о С. С., ещё в 1920-х гг. в Свердловске затерялось большая и ценная работа по экономике Печоры. Очень желательно, чтобы часть работ его, оставшаяся в рукописи, была обработана и издана.

Из воспоминаний о нём его брата, профессора Московского университета Павла Степановича Богословского – видно, что из его исследований при университете в Перми печатались следующие:

- 1) «Город Соликамск на рубеже XVI-XVII вв. (историко-экономический очерк)». 1926 г.
- 2) «Русская колонизация Кунгурского края».
- 3) «Пермское Прикамье 300 лет назад».
- 4) Экономическое положение крестьян Чердынского уезда в XVI-XVII вв.

Уже перечисленные выше труды С. С. указывают направленность его научных интересов.

Жизнь С. С. оборвалась много раньше, чем позволяли его духовные и физические силы. Ему не удалось осуществить некоторые его замыслы по изучению истории Прикамья. Тем паче приходится пожалеть, что роковой случай вырвал его из рядов людей науки; зато нельзя с благодарностью не

---

¹²⁸⁸ Греков Борис Дмитриевич (1882-1953) – историк и общественный деятель, основатель и заведующий кафедрой русской истории историко-филологического факультета Пермского университета (1916-1918), председатель Пермской губернской учёной архивной комиссии (1917), член-корреспондент Академии наук СССР (с 1934 г.), академик Академии наук СССР (с 1935 г.).

вспомнить о том, что он успел всё-таки создать за свою жизнь. Мир праху его!

31/X-[19]60. 13 ч. 56 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 42-49.

*Находится в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора, но в содержании очерков отсутствует; в «свердловской коллекции» - очерк отсутствует.

Александр Борчанинов*

Светлой памяти моего соученика и товарища

В числе моих одноклассников, сначала по духовному училищу, а потом и по первому классу семинарии, были два брата Борчаниновых: старший – Павел, а младший – Александр. Позднее я отстал от них вследствие болезни. Как это получилось, что, будучи в различном возрасте, они оказались в одном классе, осталось нам, их одноклассникам, неизвестным: это относилось, так сказать, к предыстории описываемых ниже событий. Известно было только, что они дети псаломщика села Клевакинского Камышловского уезда. Не прошло мимо нашего внимания и то обстоятельство, что они держались в отношениях друг с другом удивительно согласованно, дружно, что не всегда приходилось наблюдать в подобных случаях, когда у старшего брата обнаруживалась тенденция верховодить и командовать младшим. Впоследствии, изучая классическую мифологию, мы в таком именно виде представляли содружество «братьев» Аяксов», а изучая философию, находили объяснение столь редко наблюдаемому содружеству братьев Борчаниновых в том тезисе немецкого философа Шопенгауэра – пессимиста, где он утверждал, что люди сходятся друг с другом не по родству характеров, а по различию, и в том случае, когда один характер как бы восполняет недостаток другого. По отношению к братьям Борчаниновым мы этот тезис Шопенгауэра примеряли потому, что у них, в отличие от других «духовников», были ярко выраженными разные наклонности и интересы: Павла больше интересовала музыка, а Александра – изобразительное искусство, точнее – декоративное искусство.

Павел, как только наш учитель пения и поныне здравствующий в Камышлове – Михаил Михайлович Щеглов привёз из Екатеринбурга десять скрипок и объявил запись желающих учиться игре на скрипке, первым записался в число желающих, ревностно обучался и был, так сказать, лидером наших скрипачей. Так, когда однажды духовное училище посетил екатеринбургский архиерей Ириной и пожелал послушать игру на скрипке наших скрипачей, выступление возглавил Павел Борчанинов. Любопытную картину мы наблюдали в этот момент в актовом зале нашего духовного училища. В глубине зала под пышными филодендронами между бюстами царей восседал старец небольшого роста. Неподалёку от входа в зал у фисгармонии в состоянии трепета и почтения стоял Михаил Михайлович, а рядом с ним, слева, стояла «когорта» наших скрипачей, построенная в виде треугольника, обращённого вершиной к пюпитру, на котором был развёрнут Октоих. На вершине треугольника стоял Павел Борчанинов. И вот по знаку М. М. оркестр скрипачей заиграл богородичен восьмого гласа «Царь Небесный». С гордостью и уважением мы наблюдали за нашими музыкантами, а особенно за вожаком их Павлом Борчаниновым.

Кто, где и когда первый открыл у Александра Борчанинова склонность и талант в декоративном искусстве – осталось неизвестным. Известно только, что вся его деятельность в этой области началась с подготовки к престольному празднику в духовном училище. Однажды мы заметили, что у комнаты швейцара при парадном входе в училище лежит громадная куча ползучей боровой травы – дерябы, распространяя аромат соснового леса. Загадочность этой кучи продолжалась недолго. Когда, после обеда, мы отправлялись на двор на наши привычные игры в солдаты, среди нас не было Александра Борчанинова, а когда мы через два часа возвращались со двора на чай, мы увидели Александра: он сидел на скамейке и вязал гирлянды. Картину эту мы наблюдали ежегодно за два-три дня до престольного праздника – дня памяти святителя Сергия Радонежского, 25 сентября.¹²⁸⁹ Иногда один, а иногда с двумя-тремя помощниками Александр готовил громадное количество гирлянд, которые на время сносились в комнату швейцара.... Но вот настал праздник, и все эти гирлянды развешивались на стене у мраморной лестницы, ведущей в церковь, свешивались с потолка над лестницей, обрамляли дверь, ведущую в церковь, прилегающий к ней коридор, иконы у клиросов и нижний ряд икон на стенах церкви. Вся, прилегающая к церкви, часть здания была полна аромата соснового леса и ласкала взор свежей зеленью.

В большей степени талант нашего декоратора проявлялся при подготовке к празднику Пасхи. Самый масштаб работы расширялся и во времени и по объему. Уже за две-три недели до Пасхи в комнате, где помещалась столярная мастерская, внизу здания, чаще слышался стук молотка, шурчание ножовки или струги; это готовились различные полочки, рамки, подставки, штативы для размещения будущих пасхальных украшений. И вот опять, когда мы после обеда выходили на двор играть в сезонную забаву – в бабки, среди нас не было Александра; он был там, в мастерской, где стоял самодельный верстак с набором самых необходимых принадлежностей столярного мастерства, а на полу лежала кое-какая древесина.... Приближался праздник, и фронт работ расширялся. Заготавливались фонарики из цветной бумаги разной конфигурации – цилиндрические, круглые, из гладкой бумаги или гофрированной; заготавливались вазочки различной формы, различных цветов, гирлянды из цветной бумаги; заготавливались плакаты с изображением «Воскресения» со словами: «Христос воскрес» и без них, с разнообразной окраской букв и их формой. Наконец, как вершина декоративного мастерства, заготавливались вращающиеся фонари-цилиндры самой разнообразной окраски со словами «Христос воскрес» или изображением «Воскресения». И вот наступал праздник – «праздников праздник» Пасха. Все эти украшения распределялись по заранее предназначенным им местам. Центром опять

---

¹²⁸⁹ Престольный праздник в церкви Камышловского духовного училища, освящённой в честь Сергия, Радонежского чудотворца.

являлась мраморная лестница и прилегающие к ней коридоры. Развешаны разноцветные гирлянды, плакаты, фонарики, вращающиеся цилиндры. Кругом свет, блеск, зелёные ёлки при входе на лестницу и по углам её на поворотах. В конце коридора у окна картина «Воскресения» в зелени, с вертящимися цилиндрами. В коридоре, у входа в церковь, стоят молящиеся, не успевшие проникнуть внутрь церкви – женщины в белых платьях. Из церкви несутся радостные звуки пасхальных песнопений. Всё полно радости и торжества. Надо было видеть в этот момент Александра Борчанинова, главного виновника пасхальных украшений. Забыта усталость от работы в последние дни, недосыпанные ночи, он бодр, он весь сияет, он поминутно поднимается кверху по лестнице и спускается вниз, он, как часовая стрелка передвигается от одного фонаря к другому, снимает наплывы и сгоревшие фитили со свеч, он счастлив, что осуществил свой замысел – создал украшение к Пасхе. Он доволен, и это было для него единственной наградой за его труды.

Кончено духовное училище, и Александр Борчанинов в семинарии. Повзрослел, но тяга к декоративному мастерству не только не оскудела, а, наоборот, возросла, и вот, без всякой просьбы от кого-либо, без всяких предложений и тем более настаиваний с чьей-либо стороны, «по своей доброй воле», по велению своей души, Александр – признанный мастер украшений на Пасху. До Пасхи ещё оставалось две-три недели, а, проходя в столовую, в коридоре мы уже видели какие-то конструкции, массивные, но ещё не получившие законченной формы. В них уже можно угадывать замыслы декоратора, которые вот-вот проявятся в красивых украшениях к Пасхе. Подходит «страстная», и около конструкций мы видим гору пихтовых ветвей и у неё Александра, проволокой вплетающего эти ветви в лежащие конструкции. Готовится что-то грандиозное. Что же? И вот канун Пасхи. Бессонная ночь! На площадке у церкви вырастает ниша: стены и выступы углов представляют сплошной коридор из ветвей пихты, верх весь в гирляндах из пихты. Против входа в церковь, у парапета лестницы, фонтан, за ним величественное изображение «Воскресения», обрамлённое зеленью из ветвей пихты. Вода, прозрачная, но с отражающимися в ней цветными фонариками, медленно стекает вниз из чаши фонтана, а струя её поднимается кверху на полтора метра. Дверь, ведущая в церковь, в гирляндах из пихты, стены коридора и стена у лестницы, прилегающие к входу в церковь, украшены сеткой из пихтовых ветвей. В конце коридора, против соборной площади, во всё окно изображение «Воскресения» с освящением обратной стороны его, от чего оно делает живым образ «воскресшего из мёртвых». Кругом зелень, на стене там и здесь фонарики из цветной бумаги. В самой церкви повсюду гирлянды из искусственных цветов. Всё залито светом, сияет! Все любят созданной Александром Борчаниновым и под его руководством красотой. Не хочется расставаться с украшениями. Идут занятия после Пасхи, а украшения все ещё не убраны. Вот мы видим, как наши учителя расхаживают перед уроками в полумраке коридора, полумраке

от пасхальных украшений. Невольно мысль обращается к создателю и виновнику этой красоты: кто отблагодарил его за неё, за то, что она, эта красота доставила многим радость. Увы! Что-то неслышно было, чтобы кто-либо поблагодарил за это Александра в семинарии, как это было и в духовном училище. Всем казалось, что всё это делалось само собой, как «по щучьему велению». Что же двигало на эти труды Александра Борчанинова? Слава, почести? Такой ответ был бы самым нелепым. Что же? Только любовь к этому делу да желание послужить своей *alma mater*. Вот и приходится сознаться в том, что, не проходим ли мы иногда мимо тех людей, которые для нас сделали что-либо хорошее, не видим это хорошее, а вот если заметим что-либо плохое, то упорно тычем им, грубо выражаясь в глаза другим. «Чтый да разумеет!»

Говорят, что давно умер декоратор нашей семинарии – Александр Борчанинов – но, вспомнивши о нём сейчас, как не сказать: «*Sit tibi, amice care, terra levis!*»¹²⁹⁰

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 94-100 об.

*Находится в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора, в «свердловской коллекции» – отсутствует.

---

¹²⁹⁰ *Sit tibi, amice care, terra levis!* – по-латински «Пусть тебе, друг ушедший, земля будет пухом!».

Plusquamperfectum (гримаса прошлого)

юмореска¹²⁹¹

Пашке Борчанинову было двенадцать лет, когда во втором классе Камышловского духовного училища перед ним стала роковая необходимость изучать латинский язык да ещё одновременно с «грекой», как бурсаки называли греческий язык. И от своих старших братьев, учившихся в этом училище, и от старших товарищей «духовников» он слышал, что обозначала эта роковая необходимость; знал, что ждать на этой стезе изучения одновременно двух языков, к тому же «мёртвых» чего-либо интересного, увлекательного не приходится... Особенно же его не только осведомляли, а прямо запугивали «грекой», где преподаватель, известный под прозвищем «Хава» (от фамилии Хавский) был грубым. Пашка в общем стоически приготовился к изучению указанных выше иностранных языков. Деревенский мальчишка, привыкший мыслить образами деревенского быта, он так рисовал себя в новом положении: запрягли Пашку в эту колесницу – «греку» и «латынь» - и сказали: «Ну, Пашка, вези!» И Пашка повёз её, хотя с непривычки изучать иностранные языки, когда не было закончено ещё обучение своему родному языку, было неимоверно тяжело. Между тем требования к изучающим эти языки, не взирая на возраст обучаемых, предъявлялись драконовские: выложь да положь «науку» чистоганом, а то и моментально «вылетишь в трубу».

Пашка понял, что для овладения им этими «науками» есть только одно средство – брать их «на зубра», зубрёжкой, а этот способ изучения ему известен ещё с первого класса, когда он зубрил «Священную историю Ветхого завета»: там приходилось запоминать целую вереницу царей, судей и пророков избранного Иеговой народа. Пашка с большим мучением брал их «на зубра», но изучать новые языки без привычки – это было куда тяжелее. Пашка это скоро почувствовал. Домой он писал жалобные письма своему батюшке, как тяжело даётся ему эта «наука», а батюшка его, тоже когда-то понюхавший прелесть этой «науки», но не доучившийся до конца, писал ему: «*ora et labora*» (молись и трудись), причём при произношении «*labora*» неправильно ставил ударение *láborá*, а не *labórá*, что свидетельствовало о том, что он сам плохо усвоил эту «науку».

Второй класс помещался тогда рядом с мраморной лестницей, что вела с нижнего этажа на второй и подводила ко входу в домашнюю церковь училища. Пользоваться этой лестницей в обычное время было для учеников запрещено, а пользоваться можно было только боковой – чёрной. Эта мраморная лестница выполняла роль аналогичную с «древом познания добра и зла» в раю, с которого запрещено было вкушать плоды: она была средством проверки устойчивости в моральном кодексе, который был принят на бурсе. Разрешалось пользоваться ею, а вернее сказать, закрывались на это глаза –

---

¹²⁹¹ Рассказ-юмореска, составленный В. А. Игнатьевым на основе воспоминаний.

только для мучеников науки – рабов зубрёжки, но и то при условии бережного обращения и при том верхней площадкой её. Находились, однако, такие страдальцы «пешки», которые спускались на половину лестницы при повороте наверх. Пашка удалился сюда на половину лестницы, пользуясь «послаблением», о чём сказано выше. Пашка искал здесь полного уединения... Он ходил в этом отрезке лестницы от одной стенки к другой, как зверь в клетке, и зубрил очередной урок. Иногда он крепко нажимал ногами на мраморные плиты, ходил зажмурившись, старался вдавить в свой мозг «науку».

Во исполнение батюшкиного наказа *ora* (молись) он иногда по утрам становился на молитву у входа в церковь и просил бога, чтобы он помог ему овладеть ему «наукой».

Так всё шло у Пашки, «как по маслу», и его мозг так натренировался в зубрёжке, что и лучше бы не надо, пока при изучении глагольных форм ему не встретилось трёх-этажное слово – *plusquamperfectum*. Оно стало в противоречие с его «системой брать на зубра». Прежде всего его смутил перевод его на русский язык: то называли его «давно прошедшим временем», то «преждепрошедшим», а сам он даже при переводе назвал его «больше чем прошедшим» (*plus* – больше от *multum*). Выходит, что название оказалось каким-то обтекаемым с союзами или-или. Зубрёжка не терпит таких суждений: ей подавай категорическое суждение. Так у Пашки получилось первое расхождение с этим словом на почве овладения им «на зубра».

Ещё глубже это расхождение пошло, когда он стал подыскивать равнозначное значение в русском языке. Как известно, в русском языке различаются два вида прошедшего времени: несовершенное, что соответствует латинскому – *imperfectum*, и совершенное, что соответствует латинскому – *perfectum*. Но чему в русском языке соответствует латинское – *plusquamperfectum*? Оказывается, что в русском языке такой отдельной формы нет, а только логически, по смыслу, можно приравнять русскому совершенному времени: оно и то, которое совершилось раньше другого прошедшего времени. Но введение логики и вообще мышления противоречит зубрёжке *in principio*.¹²⁹² Что было бы, например, с определением понятия «веры» в «Катехизисе» Филарета, если в него внести что-то от логики, т. е. смысла? Вот это определение: «Вера есть уповаемых извещение, вещей невидимых обличение, т. е. уверенность в невидимом как-бы в видимом и в желаемом и ожидаемом как-бы в настоящем». Такое суждение исключает всякую логику и его можно взять только «на зубра».

Нет! Павел не мог стать на такой путь усвоения, какой требуется для понятия формы глагольной *plusquamperfectum*, и, поэтому, она осталась для него неприемлемой и в душе его зародилось нечто вроде неприязни к ней.

Эта неприязнь ещё более усилилась, когда он стал изучать синтаксис латинского языка, а она, эта форма, как бельмо на глазу нет, нет, да

---

¹²⁹² *in principio* – по-латински в начале.

напоминала о себе. Сколько мучений доставили ему придаточные предложения с «*cum*» и «*ut*». Чего, чего только тут не было: и «*cum historicum*», и «*cum temporale*», и «*cum causale*», и «*ut finale*», и «*ut obiectivum*», и «*ut consecutivum*» etc... Чтобы овладеть употреблением в них времён и наклонений нужно оперировать «логикой» Аристотеля. А «*consecutio temporum*» (последовательность времён) – это целый лабиринт суждений! У Павла голова трещала от всей этой премудрости, а тут ещё встречалась ему опять эта форма глагола – *plusquamperfectum*. В результате всего этого она, как какая-то *idée fixe*¹²⁹³ стала для него символом всяких трудностей и даже неудач: трудно было запоминать слова, и он со злобой, как слово заклинания произносил – *plusquamperfectum*; трудно что-либо перевести на русский язык с латинского – он называл это слово; ему ставили двойку – неудачу он «крестил» тоже этим словом. В конце концов это слово приобрело фатальное значение орудия, которым он готов был мстить и за то, что его заставили изучать латинский язык, и за те мучения, которые он при этом испытал.

Когда Павел поступил в первый класс Пермской духовной семинарии, здесь латинский язык предстал перед ним в новом одеянии: в первом классе делали переводы «Энеиды» Вергилия Марона. «Черновая» работа при изучении языка была уже закончена. Павлу даже нравилось скандирование стихов гекзаметром, но теперь нужно было работать над лексикой языка. На память ложилось тяжёлым грузом запоминаний слов, что и раньше для Павла являлось жупелом. Нет, для Павла латынь по-прежнему являлась уделом его «науки», и оставлялась прежняя привычка честить её лаконически роковым *plusquamperfectum*. По-прежнему не оставляла его мысль рассчитаться с ней, хотя бы по способу, какой применили бурсаки в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. Как известно, они одно из слов греческого яз[ыка] «тессараконта» (сорок) превратили в прозвище: нашли способ «отблагодарить» «науку» надругательством над ней. Пашка ломал голову над тем, где-бы ему выкинуть подобное «коленце»: и над «наукой» своей надругаться, и заодно выместить на ком-либо злобу за всё, что он выстрадал за время изучения латыни, где же это можно сделать и как?

Павел оказался в тисках жизненных противоречий, и они, эти противоречия, подсказали ему путь к выходу из его противоречивого состояния. Павел обратил внимание на засилье русского языка иностранными словами, жертвой чего был и он сам. Раньше, например, он знал только одно средство для обуви – ваксу, а теперь называют гуталин, аппретуру, которую бурсаки называли «оплетурой». Также знал одно средство для волос – помаду, а теперь называли фиксатуар, хна, басма и пр. Было что-то роковое с этим увлечением этими словами: перед ним закрывали двери под предлогом борьбы за чистоту языка, а они лезли в окна под

---

¹²⁹³ *idée fixe* – по-французски идея фикс, сверхценная идея, которая преобладает в сознании личности над всеми остальными суждениями.

разными предложениями – законными, как научные термины, и незаконными, что особенно заметно было в парфюмерии, чтобы заинтриговать покупателя звонким словом. Для приказчика в этих магазинах от таких словечек и названий было настоящее мучение. Вот на это и обратил внимание Павел: здесь, он решил, он осуществит свой давнишний замысел.

В Перми был магазин братьев Агафуровых. Он был построен по типу Московского магазина Мюр и Мерилиз. В нём было всё, кроме кулинарии. Павел не раз бывал в этом магазине. Ему нравились в нём продолговатые большие комнаты. В них не было толчеи, потому что публика больше была «косметическая». Воздух был пропитан каким-то пахучими составами и казался густым. Приказчики и приказчицы были из последователей пророка Магомета, к которым относились и хозяева магазина. Мужчины были в круглых низких каракулевых шапочках, а женщины – в расшитых золотом тюбетейках, наложенных на шёлковые тюлевые платочки. Они, продавщицы, были жгучими брюнетками, с карими глазами и притушенными взглядами. У Павла при виде их всегда возникала мысль о том, что они, как говорится в Коране, не будут жить в раю. Приказчики всегда обращались к покупателям в высоком стиле: «Что прикажете-с», «что угодно-с» в таком тоне, что слуга Хлестакова Осип назвал «галантерейным обхождением».

Когда Павел вошёл в магазин, то первой встретила его приказчица, но он, повинувшись требованию джентльменства, не чуждого в какой-то степени даже бурсаку, не обратился к ней со своей затеей, а прошёл дальше, к приказчику. Тот обратился к нему с привычным вопросом: «Что прикажете-с?» Павел смерил его с ног до головы, как бы желая убедиться: ну-ка, каков ты, и как отнесёшься к моему заказу. Павел спросил: «У вас есть в продаже *plusquamperfectum*? Он отчётливо произнёс это слово, Приказчика это слово повергло в какой-то страх, как-бы он встретился со змеей, которая открыла пасть, а в ней виден ядовитый язычок. Немного оправившись от испуга, он спросил: «Как вы называли это ...» Он не смог выговорить. Павел снова расчленённо сказал: «*plusquamperfectum*». Приказчик стал пытаться повторить это слово, но оно не давалось ему: оно разломилось на две половинки, и когда он называл первую, исчезала вторая и наоборот. Всё-таки ему удавалось больше произношение второй половинки – *perfectum*, потому что в ней он находил какое-то созвучие с «салям-алейкум» - «*um*» в том и другом. Ему хотелось спросить у Павла: что означает это слово, но он боялся показаться невеждой: как это так – он, приказчик, такого видного магазина и не знает, что значит *plusquamperfectum*. Но ничего не поделаешь – надо спросить, и он робко спросил: «А что это такое?» Павел с ухмылкой ответил: «Это мазь для сапог». Приказчик заметно оживился: ему послышалось в ответе Павла что-то «родное», хорошо знакомое. Но товара этого в магазине не было, а он не мог сказать «нет» и с этим отпустить покупателя. На секунду он задумался о том, как ему ответить, чтобы «нет» одновременно обозначало «да». Но как это сделать? На этот случай у всех людей был излюбленный приём – адреснуться к спасительной надежде, - дать обещание, и приказчик

сказал: «У нас сейчас этого товара нет, но мы его выпишем, и что-то записал в свою книжку».

Заказчик ушёл с улыбкой на лице, которая говорила: «Как ты только, плут, выкрутишься из ловушки, в которую я тебя загнал».

Павел по учению относился к той категории подвижников семинарской «науки», которые лавировали между тройками и двойками. Он был не аккуратен в выполнении уроков и заданий, но в данном случае он проявил требовательность к аккуратности другого человека. Через неделю он зашёл снова в магазин с проверкой исполнения этого заказа. Приказчик встретил его с наигранной учтивостью и сказал: «Пока Вашего заказа не получили, но ждём на днях». Он намекнул на то, что *plusquamperfectum* уже идёт по почте. Павел понял, что имеет дело с плутом не ниже его самого, и у него появилось твёрдое решение прижать к стенке плута-приказчика.

Через неделю Павел снова появился в магазине, но как только он вошёл в комнату, где был его знакомый приказчик-плут, тот, увидев его стал и «рваться и метаться» с явной целью скрыться от Павла. Наконец, он всё-таки стреканул за какую-то портьеру, а оттуда навстречу Павлу вышла приказчица. Павел не ожидал такого оборота встречи, стушевался, и у него из головы исчезла та злобная речь, которую он заготовил. Он тогда сказал: «Дурак – он: *plusquamperfectum* – это из латинского языка и значит «давнопрошедшее время». Он направился к выходу, а продавщица оказалась в роли немой сцены, не столь богатой действующими лицами, как в «Ревизоре» Н. В. Гоголя, но тем не менее немой, хотя и в одиночестве.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 388. Л. 196-204

*Находится в составе «Автобиографических очерков» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора.

*Гриша Козельский**

Светлой памяти соученика и товарища детских и юношеских лет

Гриша Козельский был одним из тех двадцати пяти мальчиков, которые в августе 1897 г. были зачислены в подготовительный класс Камышловского духовного училища. Отца его к этому времени уже не было в живых, и он вместе со своей матерью и младшим братом Феликсом был на иждивении своего старшего брата Михаила Михайловича, псаломщика села Катарачского. Село это находится неподалёку от Камышлова, почему Гришу и отдали учиться в Камышловское духовное училище как сироту служителя культа. Среди других мальчиков, которых вновь приняла в своё лоно бурса, Гриша больше всех сохранил черты раннего детства: он был ниже ростом, чем другие, худенький, тщедушный. Лицо его, сильно загорелое, обветренное и волосы, выцветшие под влиянием солнечных лучей, не собранные в причёску, а торчащие в разные стороны – делали его похожим на пастушонка, только что взятого с поля от стада коров. На лице всего замечательнее были глаза: бойкие, говорящие о том, что этот мальчик смелый и решительный, из тех, про кого принято говорить: «он сумеет за себя постоять». На ногах его были надеты сапоги явно не по росту – большие, слишком свободные, очевидно, из обуви старшего брата. Брючки из корта в полоску, сильно вздёрнутые, прикрывали только половину голенищ и были натянуты на них вплотную. Блузка, тоже из корта, была посередине перехвачена ремешком, но без бляхи. Что говорить, вид у Гриши был не презентабельный: во всём проглядывала бедность.

Как сирота Гриша был принят на казённый счёт, т. е. на бесплатное обучение. В кругу своих близких товарищей по группе Гриша любил рассказывать о своём Катараче: о своей семье, о знакомых и друзьях. С его слов мы знали, например, что у него больная мама. Гриша даже называл болезнь матери – порок сердца. Не искушённые в медицине, мы порок сердца Гришиной мамы представляли как некий порог, т. е. с буквой *г* на конце, и когда он нам рассказывал о приступах болезни у матери, то нам казалось, что этот «порог» сжимал душу больной и мог её при случае и совсем задуть. Мы сочувствовали Грише. Рассказывал он нам о знаменитых людях Катарача, например, о втором псаломщике села – Синягине. Синягин, как нам описывал Гриша, был поэт и при том импровизатор. Конечно, в то время Гриша не мог произнести такого научного слова; оно вошло в наш язык и осмыслено нами было значительно позднее – в семинарии, когда на занятиях у Валериана Александровича Фаминского мы читали, а потом и на память заучили стихотворение А. С. Пушкина: «Сонет».

*«Суровый Дант, не презирал сонета.
В нём жар любви Петрарка изливал.
Игру его любил творец Макбета».*

... и главное, что нам расшифровало значение слова импровизатор – это слово об Адаме Мицкевиче¹²⁹⁴:

*«Певец Литвы в размах его стеснённый
Свои мечты мгновенно заключал».*

Так вот, по словам Гриши, Синягин тоже «свои мечты мгновенно заключал», что по отношению к нему, конечно, можно отнести только в ироническом смысле, чтобы не оскорблять памяти великого польского поэта. Гриша рассказывал, что Синягин, как всякий поэт, а он поэт в кавычках, окружён был сельскими поклонницами, которые усиленно настаивали, чтобы он «сказал стих», и он однажды изрёк:

*«О, Синягин! Ты не винен,
Скажи девицам всем прокимен».*

Мы тогда ещё не знали, что есть стихотворения, которые называются одами, и что некоторые из них так и величественно начинаются, например: *«О, ты пространством бесконечный»* и т. д.

Всё это мы узнали много позднее на уроках незабвенного Валериана Александровича, но получилось так, что по ассоциации мы вспоминали и творчество Синягина. Какой же деревенской простотой веяло от этих Гришиных воспоминаний!

Или вот ещё пример из воспоминаний Гриши. Некий Кудряшов славился среди деревенских меломанов, поклонников оперного пения, чуть ли не Шаляпиным, и когда его просили спеть что-либо из оперы, долго, как говорится, притворялся скромным, ломался, чтобы его больше просили, а потом, наконец, как-бы скромно соглашался со словами: «Ну, ладно: я вам спою из «Демона», и запевал: «Ревела буря, дождь шумел».

Некоторые из воспоминаний Гриши свидетельствовали о его серьёзной наблюдательности и своего рода эрудиции. Так, позднее, когда мы уже значительно изучили греческий и латинский яз[ыки], во всяком случае, настолько, что пасхальный тропарь «Христос воскрес» пели на Пасхе и по-гречески, и по-латински, Гриша неожиданно для нас сделал нам такое заявление: «А вот двоеданы¹²⁹⁵ иначе поют этот тропарь», и указал, в чём именно это различие заключается, а именно, что вместо слов «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» они поют: «Смерть на смерть наступи и гробным живот дарова». Это заявление он сделал за много лет раньше того, как мы в семинарии изучали «Историю и обличение раскола», о двоеданах же наши знания сводились только к тому, что во время детских игр при отборе игроков мы употребляли присловье: «Двоедан другодал, на колоде угадал» и т. д.

Мы любили слушать рассказы Гриши, хотя приходится с сожалением оговориться, что они припахивали иногда пошлятиной, что свидетельствовало о том, что источник их иногда был грязноватый.

---

¹²⁹⁴ Мицкевич Адам (1798-1855) – польский поэт, политический публицист, деятель польского национального движения.

¹²⁹⁵ Двоеданы – название старообрядцев беспоповского толка.

Над Гришей, как и над другими бурсаками, тяготел целый ряд бурсацких традиций и неписаных законов. Так, давать прозвища, клички – было законом бурсы. Нужно сказать, что у бурсы в этом отношении была большая изощрённость и опыт, а также нужно признать, что прозвище иногда довольно метко отражали или характер их носителя, или его внешний вид в момент их выработки. Потом они передавались уже по традиции и, таким образом, связь их с прототипом ослабевала. Для Гриши нужно было вновь придумать прозвище, но творцы его ничего не смогли другого придумать, как прозвище производное от его фамилии Козельский – «козёл или козлятина» с добавлением «тухлый» или «тухлая», что само по себе было достаточно язвительным и обидным.

Гриша сам непрост был поострить по поводу прозвищ. Так, по прозвищу его товарища – соученика Игнатьева, по традиции переданному ему от старшего брата «баран» (брат был кудрявым) он изменил его фамилию Игнатьев на Ягнятьев. Не остроумно ли, правда?

Одним из не писаных законов бурсы являлось право старших «задаваться» над младшими. Это означало, что можно какому-либо малышу подставить на ходу «ножку», ущипнуть, дать щелчок – «пучку». На бурсацком жаргоне «пучка» это и означало щелчок. К чести Гриши нужно сказать, что, несмотря на свою физическую ущербность, о чём сказано выше, он умел защищаться от поползновений обидчика: он был ловкий, а зуб у него, как и глаз, был острый, так что тот или иной обидчик и задумывался над вопросом: стоило ли с ним связываться. Гриша в этом случае напоминал ёжика, который для защиты прятался за свои колючки. За это, за способность самозащиты мы уважали Гришу с первых дней его жития на бурсе.

Гриша быстро усвоил некоторые приёмы борьбы за хорошие отметки, например, на экзаменах. У бурсаков на этот счет были выработаны свои правила: «если хочешь получить пятёрку, прежде всего «ешь глазами экзаменатора». Это означало, что нужно смотреть бодро, поражать «врага» своим наступательным видом, терроризировать его и вынудить поставить пятёрку, причём нужно это делать до тех пор, пока не убедишься, что пятёрка уже есть; и бывало так, что «разбежавшегося» отвечающего удавалось остановить только после второго или третьего замечания экзаменатора «довольно». Гриша свято соблюдал это «предание старины» и когда ему на экзамене попадал знакомый билет, то рот его превращался в «бурный поток», слова дробью рассыпались по классу, и его трудно было остановить. Несколько иначе обстояло дело на экзаменах по пению: здесь приходилось применять другой способ убедительности в хорошем качестве ответа, конечно, с бурсацкой точки зрения. Наш преподаватель пения Михаил Михайлович Щеглов рекомендовал «отбивать» такт ударом руки по бедру, вернее – не ударом, а прикосновением руки к бедру. Между тем, это прикосновение к бедру бурсаками уже превращалось в настоящий удар, только бы убедить экзаменатора в хорошем ответе. Наивно, но факт! И вот Гриша, следуя этому совету, когда на экзамене приходилось петь

богородичен по Октоиху, пел несколько фальшиво, но не жалел своё бедро и руку, пока, наконец, кто-либо из членов экзаменационной комиссии не сделал замечание: «Козельский, ты не размахивай так сильно рукой».

У бурсаков был свой идеал отчаянного ученика, которого так сокращенно и называли «отчаянной» (именно с окончанием «-ой»). Конкретным выразителем такого типа ученика в год, когда мы были «приготовишками» был четырёхклассник Иван Переберин. Что входило в понятие «отчаянной», чем он должен отличаться от других? Во-первых, он должен быть ловким, а ловкость можно было показать на игре, или на физкультурных приборах, которые стояли во дворе. Никто, например, когда играли в лапту, не мог так ловко заслать мяч вверх, как Переберин. Он так ловко засылал мяч вверх, что обратно он падал почти к его же ногам. Никто так ловко не мог проделать фигуры на параллельных брусьях, как он же. Во-вторых, «отчаянной» должен быть смелым, а смелость можно было проявить в извечной борьбе «духовников» с городчиками, т. е. с учениками городского училища. Об Иване Переберине ходило много рассказов, как он побеждал «врагов» в неравной схватке. Наконец, многие были свидетелями, как он однажды всадил перочинный ножик в плечо своего врага ученика Панина. Про Переберина говорили, что он может сделать какой угодно смелый поступок.

В-третьих, «отчаянной» должен уметь вести себя независимо с начальством, что умел делать опять-таки Переберин. В самой манере его поведения было что-то покоряющее, а называли его применительно к деревенскому жаргону – «Ванька».

Таков был идеал, которому старались подражать, а Вася Зеленцов сам себя подводил под этот идеал и при случае кого-либо предупреждал словами: «ты смотри у меня: я отчаянной». Гриша преклонялся перед Перебериним несколько иначе: он помимо тех качеств, которые были у Переберина, восторгался его голосом и искусством пения. Он рассказывал о том, как «Ванька» пел после окончания дух[овного] училища в архиерейском хоре, а был болен туберкулёзом. Сам ли он выдумал или ему кто-либо рассказывал об этом, но он так передавал о последних днях жизни «Ваньки». «Было жарко – говорил он грустным голосом: «Ванька, кутаясь в тёплую одежду (так он говорил) пришёл в последний раз на клирос. Он пел с увлечением последний раз, и друзья его знали об этом». Умиравший лебедь! Бальмонт в своём стихотворении не мог выразить столько чувства, сколько Гриша вложил в свой рассказ.

Гриша как «казённик» получал бесплатно одежду и обувь. В число обуви входили сапоги и кожаные калоши. «Духовники» не носили штиблеты и туфли. Мало того, у них было предубеждение против этого вида обуви. Считалось, что это женская обувь и мальчикам неприлично её носить. ... Не в почёте у бурсаков были и кожаные калоши. Да и на самом деле они имели странный вид: сапоги с обрезанными голенищами. Явный анахронизм! В это время были уже в продаже резиновые калоши. Обычно так и было, что

«казённики» избегали их носить, а отправляли их домой, а там кто-либо из родных приспособливал их для хождения за ягодами и грибами. Но Гриша в ненастную погоду надевал эти калоши, хотя над ним подсмеивались. В самом деле, вид у него получался несколько странный, похожий на маленького татарчонка. Известно, что носить высокие калоши, даже и резиновые, любили и теперь ещё любят эти «князья», как их раньше иронически называли. Гриша тоже, в конце концов, не выдержал насмешек и бросил их носить. Как и ботинки Медведева, долго они ещё валялись за ящиками в гардеробной, как символ пережитого бескультурья.¹²⁹⁶

Шли дни за днями, месяцы за месяцами и годы за годами, и Гриша, как и все грыз «гранит науки». Главной тяжестью была, конечно, «грека» и «латыня». Боже мой! Только подумать, ведь чего-чего только не учили: и аористы, и *plusquamperfectum*, и *ut consecutivum*, и *cum cansale*! Всего не перечислить! Гриша особенными успехами не отличался, но был и не из последних: зубрил, понемногу «махлевал» на контрольных работах, понемногу озорничал. Одним словом, шёл в ногу с другими. А между тем на бурсе происходили большие перемены: бурса начинала сбрасывать с себя «ветхого Адама».

Гриша не имел такого голоса, чтобы его можно было взять в хор, а тяга к искусству была. И вот новость: на бурсе будут обучать скрипичной игре!

Бурса и скрипичная игра! ... Это бред? Нет, Михаил Михайлович [Щеглов] привёз уже из Екатеринбургa десять скрипок, скрипичную школу Берио, сделаны пюпитры, отведена комната. Записывайтесь!

Гриша в числе первых записался и приступил к занятиям. Часть школьного здания на втором этаже, против актового зала превратилась в консерваторию. Гриша героически боролся за овладение скрипкой, переходил с «позиции» на «позицию» и вот наступил момент, когда нужно было показать «плоды учения». Весной 1902 г. духовное училище посетил екатеринбургский архиерей Ириней и пожелал послушать игру скрипачей. Гоголь. Великий Гоголь! Только он смог бы нарисовать во всей красоте картину, которая предстала перед нашими глазами. В актовом зале у фисгармонии стоял Михаил Михайлович. Неподалёку от него расположенные острым углом, упирающимся вершиной в пюпитр, на котором лежал Октоих, стояли скрипачи. В перспективе зала у цветка филодендрона сидел старец – архиерей Ириней. Около – стояли мы, слушатели. Всё было напряжено до крайности. Тишина! Всё замерло в ожидании. И вдруг по мановению Михаила Михайловича скрипачи заиграли богородичен восьмого гласа: «Царь Небесный!» Призываю в свидетели всех великих людей мира: музыкантов, художников, писателей – это была картина, достойная их внимания, и в ней активная роль принадлежала Грише.

---

¹²⁹⁶ Из очерка «Гриша Козельский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Они долго валялись в гардеробной комнате и служили орудием при разных баталиях, которые иногда возникали между «бурсаками» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 50.

Новость шла за новостью. Александр Ильич Анисимов объявил, что готовится к постановке «Недоросль» Фонвизина. Роль Скотинина он взял себе. Долго гадали: кому дать роли учителей, и роль Кутейкина играл Гриша. Играли, конечно, отрывки. В самую большую комнату снесли все доски и столы и сделали сцену. Квартирные хозяйки «приходящих» учеников, «квартирников» помогли кое-что собрать из костюмов и грима. Где это было? Это было на бурсе в Камышлове.

Тот же А. И. Анисимов организовал выпуск журнала. Гриша писал о своём Катараче.

Так, [старая] бурса отступала, но она ещё гримасничала и ломалась. И вот её родимые пятна. В четвёртом классе, перед выпуском из школы, «баловались» нюхательным табаком. Дико, но факт! На окнах висели причудливые шторы, а на обороте их причудливые «картины» зелёного цвета свидетельствовали о... сказать прямо: о варварстве

Гриша ходил однажды со своим товарищем по классу за покупкой пряников, конфет для бурсаков. Это было нововведение на бурсе.¹²⁹⁷ Вышли из магазина, Гриша вынул из кармана пряник и говорит: «Это я стибрил». Осенью, когда производились заготовки продуктов, мешок с луком оказался у склада без присмотра. Половину его растащили бурсаки. Конечно, участником был и Гриша.¹²⁹⁸ ...

Перед экзаменом мы ходили на традиционную прогулку в лес. Эти прогулки носили демократический характер: бурсаки встречались на них со своими учителями в семейной обстановке: в игре в лапту принимали участие и надзиратели, и учителя. Встретиться с учителями и не бояться, что вот тебя спросят и поставят двойку – сколько в этом было привлекательного для нас! Сколько при этом если не совсем забывалось, то, во всяком случае, смягчалось, сглаживалось обид, оскорблений. Может быть, в такие именно минуты и выработалось потом у бурсаков благородное правило:

---

¹²⁹⁷ Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Выход в город разрешался только в редких случаях: когда кто-либо приезжал из родни; когда можно было сходить к кому-либо из родни. Правда, позднее, когда мы учились в третьем классе, разрешалось группе в 3-4 человека ходить в город за покупками конфет, пряников и т. д. по заявкам отдельных «бурсаков». Но это было уже, так сказать «смотрительный» случай» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 4.

Из очерка «Учение Пети Иконникова в Камышловском духовном училище» в составе автобиографических очерков В. А. Игнатьева «Петя Иконников»: «Организована была закупка разных пряностей. Организовано это было так: два ученика третьего или четвёртого класса опрашивали – кому и что нужно купить из пряностей, и направлялись в магазины с мешочком за покупками». // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 24-47 об.

¹²⁹⁸ Из «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Самый главный недостаток был в витаминах. Вот почему, когда однажды на дворе оказались без присмотра два мешка с луком, желудки «бурсаков» забушевали, затмили их ясный ум, усыпили совесть, и они ринулись к мешкам и воровали лук, потом за обедом крошили его в суп, или просто ели с чёрным хлебом» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 8-10.

«Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла за благо воздадим». А ведь это, вероятно, и было то самое главное, что знаменовало собой, что бурса конца 19 века ушла далеко уже от бурсы 70-80-х годов.

На этой прогулке Гриша простудился и заболел крупозным воспалением лёгких. Он оставлен был на второй год и, таким образом, отстал от своих товарищей. Мы снимались на карточку без Гриши. ...

Пора учения в Камышловском духовном училище закончилась весной 1902 г. Прошли пять лет совместного учения в духовном училище. Дальше встреча уже будет в Пермской духовной семинарии.

Мы встретились с Гришей Козельским через два года, так как при переходе во второй класс семинарии я тоже потерял год, и во втором классе семинарии мы оказались опять одноклассниками. Это было осенью 1904 г. Прошло два года, а переменялось многое: новый город, новые условия жизни в общежитии, новые события в жизни, а главное – новый возраст: кончилось детство, настала пора юношества. Детство, при всех индивидуальных чертах детей – монолитно, юношество уже подчинено диалектике: в нём общее, коллективное развивается и взаимодействует с индивидуальным, личным. Встретились мы с Гришей, и стало ясно: детство кончилось, ушли в прошлое детские забавы, шалости. В каждом из нас уже больше стало проглядывать своё, личное; каждый из нас стал внимательнее вглядываться в душу другого и находить в ней что-то новое.

Гриша предстал передо мной уже как юноша. Что сразу стало заметно, так это то, что он больше читал и о чём-то думал. Было видно, что он работал над своим мировоззрением, а главное – он старался всё осмыслить самостоятельно и как можно глубже. Взглянуть на всё глубже, чем другие – стало его привычкой. Часто на этой почве у Гриши были размолвки с товарищами: часто на тезис кого-либо, тезис, совершенно ясный и убедительный, он выдвигал антитезис или лучше сказать – контртезис и отстаивал его даже в том случае, когда противник его подводил его *ad absurdum*.¹²⁹⁹ Создалось такое впечатление, что у него появился дух противоречия. Можно было заметить, что Гриша читает книги, явно не по развитию, например, по социологии. Между тем и семинарские науки и сама жизнь усложнялись и усложнялись. В четвёртом классе изучали «Историю философии» по Страхову. Что только не проходило через семинарские головы: и идеи Платона, и энтелехия Аристотеля, и Παντα θει Гераклита, и *cogito ergo sum*¹³⁰⁰ Декарта, и *Deus sive natura*¹³⁰¹ Спинозы, и *Tabula rasa*¹³⁰² Локка и, наконец, «Мир есть объективация воли» Шопенгауэра. Сколько бы ни популярно читал лекции Александр Николаевич Юрьев по философии, но переварить такую уйму философских идей нужно иметь голову. ... А между тем и со стороны вновь появившихся в семинарии молодых преподавателей

¹²⁹⁹ *ad absurdum* – по-латински до абсурда, но нелепости.

¹³⁰⁰ *cogito ergo sum* – по-латински «мыслю, следовательно, существую».

¹³⁰¹ *Deus sive natura* – по-латински «Бог или природа».

¹³⁰² *tabula rasa* – по-латински чистая доска.

шли новые веяния. ...Больше же всего загадок ставила сама жизнь: революционная буря, промчавшаяся шквалом, не могла не оставить следа на умах семинаристов. А потом и новая литература, когда властителем умов был Леонид Андреев. Такие произведения его, как «Анатэма», «Иуда Искаротский», «Жизнь Василия Фивейского» - властно вторгались в умы юношей, производя подчас страшный хаос в их головах. ... Можно себе представить, в каких условиях работал мозг Гриши, когда он вырабатывал своё мировоззрение! Но Гриша не только философствовал, но и был юношей во «плоти»: он был завзятым меломаном, поклонником оперы. Скрипку он забросил, хотя в семинарии был одно время специальный преподаватель – Григорий Кузмич Ширман, который потом в опере был дирижёром оркестра. В одном из оперных сезонов на славе был лирический тенор Саянов. ... У Саянова был очень приятный тембр голоса, бархатистый, нежный. ... Гриша был в восторге от пения Саянова. Он старался воспроизвести голос певца: делал нажим на гортань (кадык), чтобы вызвать вибрацию звука, чуть зажимал нос, чтобы вызвать «*promonsens*»¹³⁰³, и начинал петь «Меж горами ветер воет...»

...Однажды Гриша вознамерился выступить на семинарском вечере декламатором и выбрал для этого стихотворение-перевод из произведений Верхариа: «К невозможному». Содержание этого стихотворения сводилось к призыву к бесконечному движению вперёд, и мысль эта в нём выражена была абстрактно в рефрене: «златых коней мечты безбрежной не бойся устремить туда»; в стихотворении изображалось что-то вроде «*perpetuum mobile*».¹³⁰⁴ Гриша обратился за разрешением прочитать это стихотворение к «папке» (ректору Добронравову), но тот отказал ему в разрешении, заявив: «Нет, Кожельский (ректор шепелявил) – «К невозможному» - не возможно».

Будучи внутренне сосредоточенным, часто что-то обдумывающим, мечтающим, Гриша не был анахоретом, отшельником: например, на вечерах немного ухаживал за епархиалками, во время зимних каникул ходил на вечера в епархиальное училище. Одним словом, мог про себя с полным основанием сказать: «*Homo sum et omnia humana mihi non aliena sunt*».¹³⁰⁵ К чести его нужно сказать: не пил и не курил. Любил иногда поострить над кем-либо из товарищей, но, как говорится, «недушеверёдно». Не чуждался в компании поболтать, посмеяться. По старой привычке не прочь был применить словотворчество. Так, Хмельнова любовно называл «Хмельняга». Он подшучивал над другими, тем же ему платили и товарищи его. Всё это была одна «братва»!

Так мы жили да поживали и осенью 1907 г. вступили, наконец, в богословские «палестины» - в пятый класс. После суровой «школы» Валериана Александровича Фаминского, после философской премудрости на

¹³⁰³ «носовой звук». (Примеч. автора).

¹³⁰⁴ *perpetuum mobile* – по-латински вечный двигатель.

¹³⁰⁵ *Homo sum et omnia humana mihi non aliena sunt* – по-латински «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо».

уроках Александра Николаевича Юрьева, богословские классы были «землёй обетованной». «Ну, наконец, можно и отдохнуть» - таково было настроение у всех. Учение шло как-то спокойнее, да и отношение к «богословам» было ровнее, доверчивее, демократичнее. И вот, «тогда считать мы стали раны, товарищей считать» и оказалось: поступало нас в первый класс шестьдесят человек, а к пятому классу осталось тридцать. Пятьдесят процентов «усушки и утруски»; и падали они, главным образом, на первые классы. Было так, что первые и вторые классы были с параллельными, а с третьего класса уже шли классы без параллелей. Вот когда работал пресс... и вспомнили мы опять Валериана Александровича Фаминского – «химеру». «Ох, и крепко он учил!»

Какова была в это время обстановка внутри семинарии на путях идеологического воспитания? Эпоха Александра Павловича Миролубова явно приходила к концу. Он, ясно было всем, устал. «Укатали сивку крутые горки». ...На арену борьбы за идеологию семинаристов выступили новые лица: Николай Иванович Знамировский и священник, впоследствии протоиерей, Тихон Петрович Андриевский. Им пришлось работать уже в других условиях, чем А. П. Миролубову, а именно – в период столыпинской реакции.¹³⁰⁶

... Метеором в это время пролетела слава священника Григория Спиридоновича Петрова. ... И надо всеми этими впечатлениями и переживаниями главенствовало впечатление политической реакции, а настольной книжкой был «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева.¹³⁰⁷

Как реагировала на все эти явления и события семинарская масса и в частности Гриша Козельский?

Семинарская масса (речь идёт о богословских классах) была пёстрой и по настроению её и отношению к своему настоящему бытию, а также по планам, какие каждый намечал на своё будущее, может [быть] разделена на три категории: «отбывающих», «наблюдающих» и «взыскующих града [Господня]». К первой категории «отбывающих» и их, надо полагать, было большинство, относились те, кто по инерции завершали курс в семинарии, заведомо зная, что они в священники не пойдут. Для них никакие кружки с богословским направлением были не нужны. Ко второй категории относились «соглядатаи», которые не думали надевать рясу, но считали: почему не посмотреть, что «там делается». Они случайно были или в том, или в другом кружке. «Взыскующие града [Господня]» - это были те,

---

¹³⁰⁶ Имеется в виду в период после революции 1905-1907 гг., термин «столыпинская реакция» связан с политикой и именем Петра Аркадьевича Столыпина (1862-1911), председателя Совета министров Российской империи в 1906-1911 гг.

¹³⁰⁷ Повесть о последних днях приговорённых к смертной казни, столкновение «инстинкта жизни» и «инстинкта смерти». Прототипами приговорённых были социалысты-революционеры, готовившие покушение на Великого князя Николая Николаевича (младшего) и министра юстиции И. Г. Щегловитова в 1907 г., но выданные провокатором Азефом и казнённые.

которые готовились посвятить себя священно служению, и их были единицы: трое-четверо. Где же был Гриша Козельский в этой сложной обстановке? Вернее всего он был где-то на пути от второй категории к третьей. Для него, как и для многих других, будущее представлялось не в плане идеологии, а в плане экономики: найдись бабушка, которая «сворожила» бы ему, т. е. дала бы средства на дальнейшее образование, и он пошёл бы по тому пути, на какой звал П. Н. Серебренников – сделался бы врачом, как делали многие семинаристы. Но «бабушки» не было, и он, как передавали, сначала недолго поработал по чиновной линии, потом женился на пермской епархиалке, что уже обозначало: «*Alea iacta est!*»¹³⁰⁸ Принял священство и был назначен в село Стриганское Ирбитского уезда. Как рассказывал его брат Феликс, он был идейным пастырем: не ограничивался только богослужениями и проповедями с амвона, а ходил по домам – учил.¹³⁰⁹ Наставлял и... скоро сгорел: умер от туберкулёза. Скажем ему: «*Sit tibi, care amice, terra levis!*»¹³¹⁰

Воспаление лёгких, перенесённое ещё в возрасте 14-15 лет в духовном училище, ослабило у Гриши лёгкие. Павел Николаевич Серебренников не раз предупреждал его о слабости лёгких, и прогноз оказался роковым.

Гриша Козельский во многом впитал в себя особенности склада и быта духовной школы – духовного училища и духовной семинарии – конца 19 в. и начала 20 в. Вот почему говорить о нём, о его учении и жизни в это время – это значило говорить о тех школах, где он учился и воспитывался.

8/XI[1960] 15 ч. 37 м. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 101-121.

*Находится в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской» и «свердловской коллекциях» воспоминаний автора.

---

¹³⁰⁸ *Alea iacta est!* – по-латински «Кости брошены!»

¹³⁰⁹ В очерке «Гриша Козельский» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он делал то, что Т. П. Андриевский делал в «Данилихе». Стало ясно, что Гриша посещал молельный дом в «Данилихе» не как «соглядатай», как делали некоторые другие и как о нём думали, а с целью поучения...» // ГАСО. Ф, р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 58.

¹³¹⁰ *Sit tibi, care amice, terra levis!* – по-латински «Пусть тебе, наш друг, земля будет пухом!»

*Александр Ильич Анисимов**

Ещё в духовном училище мы называли его по имени и отчеству. Почему? Теперь трудно это восстановить в памяти: не то потому, что он среди нас выглядел более солидным и по росту, и вообще по комплекции; не то потому, что он учился лучше всех, не то потому, наконец, что он, как увидим дальше, выдвинулся среди нас особенными мероприятиями в жизни нашей бурсы.

А может быть и то, что это название утвердилось за ним по общему бурсацкому закону о присвоении кличек, прозвищ, хотя оно и не было прозвищем, а антиподом его. Давать прозвища, в наше время, очевидно, было уже пережитком прошлого, и существовало уже право защиты в этом случае от обидчика, а именно: если тот, кому давалось прозвище, не растеряется и быстро скажет: «с передачей заколачиваю» и объявит: «ребята, я заколотил ему», скажем, прозвище «красная шапочка», то он не только спасал себя от нового прозвища, а даже передавал его обратно обидчику. Так, может быть, кто-нибудь употребил название «Александр Ильич» не по злобе, а просто случайно, и оно вошло в обиход: «Александр Ильич, Александр Ильич!»

А. И. был сыном какого-то сельского торговца. В те времена в духовное училище поступали учиться и дети торговцев, и дети наиболее обеспеченных мещан. Так, в наши времена учились с нами дети камышловских купцов: Чемезов, Полухин, Крупин и др. Был один «духовник» даже с иностранной фамилией – Вася Лирман. Его отец был из крещёных евреев, негоциант. И ничего! Да как он ещё пел! Бывало, когда пели «Над Невою резво вьются», то он бравурно запевал не окрепшим, правда, ещё голосом.

Что привлекало или побуждало купцов и прочих отдавать своих детей в духовное училище! Тут, вероятно, сказывалось своеобразное действие логического закона: «*Tertium non datur*».¹³¹¹ В Камышлове тогда не было гимназии, а были: городское училище, которое позднее стали называть – высшим начальным училищем – и духовное училище. На духовное училище выбор, может быть, потому падал, что у учащихся в нём было больше перспективы добраться до высшего образования, чем у учащихся в городском училище: из них мало кто переходил потом в гимназию и реальное училище.

А. И. жил на частной квартире у Таисьи Александровны Ляпустиной. На этой квартире он был не один, а человек шесть-семь из разных классов. По существу это был своеобразный пансион, а по некоторому сходству быта этих квартирантов с бытом бурсы, этот пансион можно было назвать «микробурса». Так, полагалось, чтобы вечером перед сном дети читали молитвы, как и на бурсе, а для этого должен быть какой-либо дежурный «учинённый брат». Возникал вопрос, как создать такую обстановку на квартире?

---

¹³¹¹ *tertium non datur* – по-латински третьего не дано (закон исключения третьего).

Начальственного надзора ведь не было. По отношению к квартире Таисьи Александровны этот вопрос разрешался в свете некоторых, так сказать, исторических условий образования этой квартиры. Она была вдовой священника, рано умершего. На её руках остались несовершеннолетние три сына и дочь. В селе Тече был священником брат её – Владимир Бирюков. Он был многодетный и он уговорил её, чтобы она переехала в Камышлов и здесь воспитывала и своих, и его детей. Так и было сделано. У неё одновременно жили трое Бирюковых, учеников духовного училища. Они и составляли ядро квартирантов. У о[тца] Бирюкова ещё в доме были до некоторой степени порядки, свойственные пансиону. Так, была отдельная детская комната, с режимом пансиона: дети должны были творить общие молитвы. Этот распорядок перенесён был и в распорядок детей у Таисьи Александровны. В дальнейшем квартиранты менялись, но вступала в силу уже традиция, которую время от времени поддерживало и начальство дух[овного] училища своим посещением.

В таких вот условиях и протекала у А. И. жизнь в период обучения в дух[овном] училище. Учился он очень хорошо и носил в этом отношении почётное название – «*primus*».

Как и в чём проявлялись индивидуальные черты А. И. в этот период его жизни?

Как известно, ни в чём так индивидуальные черты у детей не проявляются, как в играх. ... А. И. не был участником игр. ...

Слава его ждёт на драматическом поприще. Как? – скажете вы – бурса и драматическое поприще, бурса и драма! ... это фантастика!

А вот и нет! И это доказал А. И. По бурсе молниеносно разнеслась весть: скоро будет спектакль! Ставится «Недоросль» Фонвизина. Гром при ясном небе, вероятно, не произвёл бы такого впечатления, как эта сенсация. Пьесу выбрал А. И., и он же определил: «Скотинина буду играть я». С трудом подыскали Кутейкина и Цыфиркина... и вот спектакль. Конечно, только отрывки. В комнате, где помещался первый класс, сдвинули доски и, таким образом, получилась сцена. Костюмы и грим собрали через живущих на квартире и при помощи квартирных хозяек и других жильцов у них. Успех колоссальный, особенно у исполнителя роли Тараса Скотинина. Что особенно важно в этом предприятии? То, что всё делали сами бурсаки, без помощи со стороны педагогического и административного персонала. Так ставился вопрос: «мы сами». И вот перед масленицей 1902 г. в Камышловском духовном училище осуществили постановку «Недоросля» по инициативе и под руководством Александра Ильича Анисимова. С чем можно сравнить это мероприятие в ряду других мероприятий культурного значения, осуществлённых в это время в стенах бурсы? Ни с чем. Нас водили в зверинец, но это было организовано администрацией школы. Нам показывали «живые картины» (кино), но это было мероприятие тоже начальства. У нас ставилась опера «Иван Сусанин». Как? – спросите вы. Опера? Да, отрывок из оперы: наш надзиратель Иван Николаевич

Ставровский, загримированный Сусаниным, пел «Чуют правду», ученик Коровин¹³¹², загримированный Антонидой, пел «Не о том скорблю, подруженьки», Ваня (ученик – забыл его имя) пел: «Ты не плачь, сиротинушка...», хор пропел «Славься» - разве это не опера? Но здесь нам помогали, а вот в «Недоросле» - всё сами делали. Вот что больше всего являлось предметом гордости!

Но это, как теперь принято говорить, ещё не предел: в недрах четвёртого класса по инициативе А. И. Анисимова вызревала идея создания журнала. ... К созданию журнала были приглашены и ученики третьего класса, но они отказались и за это, как увидим позже, крепко поплатились. Память не сохранила названия журнала. Не сохранилось в памяти и содержание статей. О чём могли писать бурсаки четырнадцати-пятнадцати лет? Журнал не был полемическим, и о бурсе ничего не писали, а упражнялись, главным образом, в разного рода художественных описаниях – весны, природы, так сказать лирика природы. Единственным сугубо полемическим было замечание в конце журнала, адресованное ученикам третьего класса по поводу их отказа от участия в журнале, выраженное в словах: «В третьем классе царят тупость, глупость и неразвитость». Марк Туллий Цицерон – «*O ratio contra Catilinam*»¹³¹³, божественный Омир: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!»¹³¹⁴ Но ваш гнев не был с такой силой описан, с какой это сделано у наших бурсаков... Золотухину¹³¹⁵ было дано указание раздобыть краски для оформления журнала. Филиппову Сергею дано задание подобрать картинки – иллюстрации к журналу. Двум-трём ученикам предписано перепечатывать статьи от руки, бумагу раздобыл Александр Ильич. И вот за несколько месяцев до окончания курса в Камышловском духовном училище выпущен был журнал. Парадокс, но факт! Как жаль, что он не сохранился!

До окончания училища оставались уже недели, и А. И. организовал фотоснимки: коллективный и по отдельности. Нужно видеть наших бурсаков на этом снимке! Все они в курточках с закрытым воротом, у некоторых видны крахмальные воротнички, а у некоторых предел моды – перекинуты через шею, как аксельбанты, шнуры к часам. Кто теперь осмелится сказать, что бурсакам не свойственно было чувство изящного, чувство красоты. А о чём говорит то, что у некоторых из них причёска «ёжиком», «ерошка»!

Таким вот на карточке и показан на видном месте Александр Ильич Анисимов. В духовном училище А. И. ничем не проявил себя по части пения, а в чтении за церковными службами – Апостола, «часов» оставил по себе память.

---

¹³¹² Возможно, Василий Коровин.

¹³¹³ Имеются в виду *Orationes In Catilinam* – Речи против Катилины древнеримского оратора и философа Марка Туллия Цицерона (106-43 до н.э.).

¹³¹⁴ Из поэмы «Иллиада» древнегреческого поэта Гомера.

¹³¹⁵ Золотухин Николай – окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1902 г.

Осень 1902 года – А. И. семинарист и живёт в общежитии. Мы опять первоклассники, а не «старшие». Инициатива не в наших руках, но остаётся ещё значительная область семинарской жизни, где её можно применить. А. И. опять на авансцене. Шестиклассники в большие перемены во время вечерних занятий организовали обучение танцам. По линии первого класса это движение возглавил А. И. И вот в семинарском зале, где потолок расписан евангелистами и евангельским текстом под пение «Шуми, Марица» семинаристы танцуют па-де-карт, под другие песни – па-д`эспань, польку-бабочку и т. д.

Идут годы, и А. И. уже в старших классах. Энергия его безгранична и проявляется в разносторонней деятельности. Вот затевается грандиозный вечер, и А. И. во главе организаторов. На вечере он в сюртуке, в крахмальном белье с красным бантом на груди. Вид у него победный! Так Пушкин изобразил Петра в Полтавском бою. Опера. Кто из семинаристов не был поклонником её, меломаном? А. И. во главе меломанов: он организует походы в театр, он покупает для «братвы» билеты в театр, закупает целые ложи. Просмотрели «Пиковую даму», и А. И. пробует баритон: «Я Вас люблю...» Он жестикулирует, он старается полностью воспроизвести сцену объяснения в любви Елецкого с Лизой. В театре затевается чествование – бенефис любимца публики – тенора Хлюстина. Готовятся подарки, но какие подарки могут сделать семинаристы? Адрес – вот что могут преподнести семинаристы. А. И. хлопочет об адресе: составляет текст, собирает деньги на папку – для адреса и, наконец,... После спектакля идёт чествование артиста. Сцена открыта. В центре юбиляр. Подносятся подарки... и выходит на авансцену А. И. Зачитывает адрес.¹³¹⁶ «Братва», присутствующая в театре, поднимает бурю аплодисментов и в честь юбиляра, и в честь А. И. Организуется траурный вечер по поводу смерти А. П. Чехова. Траурные речи на сцене театра. Выступают различные люди, среди них гимназисты. От семинаристов – А. И. Окончился театральный сезон. Проводы артистов на вокзале. А. И. уже хлопочет. Среди других на вокзале видно и его фигуру. Покидает семинарию любимый преподаватель – Василия Яковлевич Струминский. Готовится подарок (сочинение Спинозы) и речь. Подносит подарок и произносит речь А. И. И так везде он на виду, впереди. Образовался для организации вечера нечто вроде художественного совета, триумвират: Попов, Бакалдин, Анисимов. Идут больше и больше упражнения в пении. Бас! У кого в семинарии не было баса! Идёт, например, подборка голосов в хор на вечере. Спрашивают: «У тебя какой голос?» Ответ: «У меня нет голоса?» «Как нет, голоса?» «На молитвах ты поешь?» «Пою!» «Пиши: бас!» Таким путем создан был даже «Шалыпин». А. И. объявил себя басом.

---

¹³¹⁶ Из очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Он, одетый комильфо – в сюртуке, в крахмальном белье, величественно выходил на сцену и громовым голосом зачитывал наш адрес, написанный от руки, но помещённый в бархатную или кожаную папку» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 19 об., 26.

Составилось *trio*, и однажды за рядовым богослужением, когда и молящихся то бывает мало, *trio* друзей исполнили «Тебе поем», прослушанное раньше в граммофоне. Басом пел А. И. Исполнение привлекло внимание даже ректора: он приоткрыл дверь алтаря и милостиво взглянул на клирос, где пела тройка друзей.¹³¹⁷

А. И. блестяще закончил семинарию, женился на дочери секретаря консистории и был назначен священником в Александровский завод, Соликамского уезда, Пермской губернии. Но здесь с ним случилось страшное для всех несчастье, а особенно для духовного лица: он овдовел.¹³¹⁸ Встретились мы с А. И. в 1912 г., когда я заканчивал академию, а он только поступил в нее. Жил он на квартире с хорошим фруктовым садом. Друзья «вспоминали минувшие дни». А через год мы расстались.¹³¹⁹ Ходит молва, что нынешний Куйбышевский архиерей Алексей – это Александр Ильич Анисимов, сын сельского торговца, ученик Камышловского дух[овного] училища, Пермской дух[овной] семинарии и кандидат богословия Казанской дух[овной] академии.¹³²⁰

---

¹³¹⁷ В очерке «Александр Ильич Анисимов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Вспоминается также, как мы: я, он и Паша Борчанинов однажды тряхнули бурсацкой стариной и спели в церкви *trio* – «Тебе поем»... // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 6 об.

¹³¹⁸ В метрической книге Свято-Троицкой (Слудской) церкви г. Перми за 1909 г. имеется запись о смерти № 136: дата смерти – 24 сентября 1909 г., дата погребения – 27 сентября 1909 г. Имя умершего: священника завода-Александровской церкви Соликамского уезда Александра Ильина Анисимова жена Нина Павлова, возраст – 17 лет, причина смерти – от скоротечной чахотки. Погребена на кладбище, в ограде Архиерейского дома. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1029. Л. 143 об.-144).

¹³¹⁹ Обращает на себя внимание тот факт, что автор ничего не сообщает об А. И. Анисимове в период 1914-1916 гг., когда они оба находились в одном городе – Перми: В. А. Игнатъев – в качестве помощника инспектора и преподавателя Пермской духовной семинарии, а А. И. Анисимов – в качестве настоятеля Петро-Павловского собора, причём оба ещё преподавали в Пермской мужской гимназии имени Александра I.

¹³²⁰ Анисимов Александр Ильич (1886-?) – окончил Камышловское духовное училище по 1-му разряду в 1902 г. и Пермскую духовную семинарию по 1 разряду в 1908 г. Священник с 1908 г. Настоятель Богородице-Казанской церкви при училище слепых детей в г. Казани в 1912-1914 гг. Окончил регентские курсы при Казанском музыкальном училище в 1913 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. Настоятель Пермского Петро-Павловского собора в 1914-1916 гг. Преподаватель русского языка и теории словесности в Пермском Романовском епархиальном женском училище, преподаватель латинского языка и философской пропедевтики в Пермском мужской гимназии имени Александра I, преподаватель Пермской пастырско-миссионерской школы им. Иоанна Кронштадтского. Протоиерей с 1915 г. Наблюдатель церковно-приходских школ Пермского уезда в 1916-1917 гг. В 1917 г. поступил на юридический факультет Пермского университета, но курс не окончил. Екатеринбургский епархиальный миссионер в 1918-1919 гг. В 1919 г. был помощником смотрителя сначала Бийского миссионерского училища, затем Красноярского духовного училища. Настоятель Сретенской церкви с. Фомино Тюменского уезда Тобольской губернии. В 1920 г. арестовывался, но был освобождён через 3,5 месяца. Настоятель Богоявленского собора г. Ирбита и благочинный

4.IX.[19]60 г. 17 ч. 30 м. свердл[овского] времени.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 122-129.

*Находится в составе «Очерков по истории Камышловского духовного училища» в «пермской» и «свердловской коллекциях» воспоминаний автора.

градо-Ирбитских церквей в 1921-1922 гг. В 1922 г. арестован по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей, приговорён Екатеринбургским губернским ревтрибуналом 21 января 1923 г. к 2 годам строгой изоляции, срок был сокращён до 1 года, работал счетоводом и бухгалтером в исправительных домах г. Екатеринбурга и Нижне-Туринского завода, освобождён досрочно в августе 1923 г. Организовал и возглавил приходскую общину при Свято-Троицкой кладбищенской церкви г. Ирбита. С 1923 г. в обновленческом расколе, принял монашество, возведён в сан архимандрита. Посвящён в сан епископа Ставропольского, викария Самарской епархии (обновл.) в 1923 г. затем архиепископ Самарский и Ставропольский (обновл.) в 1924-1925 гг., архиепископ Вятский и Слободской (обновл.) в 1925 г., вновь Самарский и Ставропольский (обновл.) в 1925-1928 гг., митрополит Самарский и Средне-Волжский (обновл.) в 1928-1932 гг. Магистр богословия 1925 г. Уволен на покой в 1932 г. Арестован и осуждён на 3 года исправительно-трудовых лагерей в Карелии в 1932 г. Вновь арестован и осуждён на 3 года исправительно-трудовых лагерей с присоединением ранее неотбытого срока в Мордовии. Дальнейших сведений не имеется. Реабилитирован в 1964 и 1989 гг. (Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016).

В. А. Игнатъев спутал А. И. Анисимова с Алексием (Палицыным) (1881-1952), архиепископом Куйбышевским в 1942-1952 гг., которому он в 1961 г. направлял письмо, но ответа не получил.

Из письма В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 21 октября 1962 г.: «От Вл[адимира] Павл[овича] Бирюкова узнал кое-какие новости, о которых хочу рассказать Вам.

1. Он был у Анисимова в Куйбышеве 7 ноября 1928 г., т. е. 34 г. тому назад. Анисимов тогда был в Куйбышеве митрополитом (*sic!*) Поволжья. Вл[адимир] Павл[ович] присутствовал на богослужении митрополита в окружении двух епископов в день его именин, а потом был у него в гостях. Анисимов был митрополитом по линии обновленческого движения. С ним жила его мать. Он ведь происходил из торговой среды, и Вл[адимир] Павл[ович] говорил, что по случаю именин был богатый стол, очевидно, из приношений купечества. Между прочим, Вл[адимир] Павл[ович] говорил, что Анисимов был из одного села с Григорием Распутиным.

2. Вл[адимир] Павл[ович] ещё говорил, что Анисимова в числе других судили здесь, в Свердл[овске] за контрреволюцию, но он вышел сухим, и на основании этого Вл[адимир] Павл[ович] высказал предположение о том, не был ли он агентом...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 55-55 об.

Меркуфа*

Меркуфой его называли от фамилии – Меркурьев. Название это – Меркуфа – произносилось в узком кругу его друзей со времени учения его в Камышловском духовном училище, а потом по инерции перекечовало с ним и в Пермскую духовную семинарию. Оно употреблялось как прозвище, но с оттенком приветливым, ласкательным, который бывает у друзей, именуемых «закадычными». Подойдёт такой друг к другому, хлопнет его по плечу и скажет: «Ну, Меркуфа, что ты задумался» или: «Давай, Меркуфа, закурим!» Но если бы кто-либо из любителей решать разные филологические вопросы, своего рода загадки, спросил: почему именно получилось название «Меркуфа», а не, скажем, «меркушка», «меркурчик» и т. п., то ответчик на этот вопрос едва ли смог бы сослаться на какой-либо филологический закон для обоснования «законности» такого образования слова, а если он дипломат, то заявил бы: «идите и спросите об этом тех или персонально того, кто пустил в оборот это название», т. е. кого-либо из камышловских «бурсаков». Тайна образования этого слова так же туманна, как образование слова «Игоня» от фамилии Игнатъев. Можно сказать только одно: у наших «бурсаков» на этот счёт фантазия была беспредельной, как у тех бездельников, болтунов, любителей коверкать слова, у которых «ватерклозет» превращался в «вытри козе», французское «*adrua*» (адруа) на «дрова», па-д`эспань – «пади да встань» и пр.

С Сашей Меркурьевым я учился в одном классе на протяжении всех четырёх лет учения в духовном училище, но «Меркуфой», т. е. мальчиком, с которым у меня установились дружеские отношения, он стал для меня с того момента, когда мы с ним «держали» партию тенора в церковном хоре училища: мы плотно – плечом к плечу – стояли в углу клироса за иконой и состязались в искусстве пения. Я не оговорился в слове «состязались», потому что между нами на самом деле было не гласное соревнование: Саша был увереннее меня в нотах, но у меня был более звучный и чистый голос. В процессе нашего пения бывали моменты, когда приходилось кому-либо из нас дебютировать в роли солиста, и Саша в этом случае старался взять эту роль на себя, а меня, как говорится, «оттереть». Так, во время всенощной полагалось нам, певцам, выходить с клироса на поклонение иконе или кресту на аналое среди церкви. Этот момент давал возможность показать себя в пении *solo* и потом показаться публике. Саша, в этом случае старался показать именно себя и говорил мне: «иди, иди, а я буду петь», когда же наш великий регент М. М. оставлял меня, он проявлял явное недовольство. Получалось некоторое подобие отношений между Моцартом и Сальери в миниатюрной драме А. С. Пушкина.

Наши соревнования, однако, никогда не приводили нас к конфликтам. У нас с Меркуфой были любимые песнопения. Это те, в которых встречались «залётные» верхние ноты, например, в канонах второго и седьмого гласов

(«Во глубине иногда»¹³²¹, «Манием Твоим»¹³²²). Любили мы петь стихиру при выносе креста «Приидите вернии»¹³²³, а особенно задостойника¹³²⁴ в вербное воскресенье и Троицу («Бог господь»¹³²⁵ и «Радуйся, царице»¹³²⁶).

Когда приходилось петь на два голоса, например, в задостойниках, то я пел первым голосом, а Меркуфа – вторым.

6-го июня 1902 г. последний раз в жизни мы пели за молебном по случаю окончания учения в дух[овном] училище молебен и в конце его многолетие в двух редакциях: величественное Бортнянского и с другими неизвестного мне композитора. Тогда мы не думали о том, что это было наше [последнее] совместное пение – пение Игони и Меркуфы, а оказалось так.

С поступлением осенью того же года в Пермскую дух[овную] семинарию мы уже с Мекуфой не только никогда не пели вместе, но всё больше и больше удалялись друг от друга. Отчуждение началось с того, что мы оказались в различных классах. Дальше, во втором классе оно увеличилось, потому что я по болезни остался на второй год, а Меркуфа оказался выше меня на класс. Главным же было то, что вместе мы уже не пели: я вообще избегал петь в хоре, и замкнуто культивировал свой тенор, а Меркуфа совсем «молчал», не подавал голоса. И вдруг по семинарии распространился слух о том, что в семинарском хоре оказался октава. С семинарского хора слышались дробные звуки октавы, немного жидковатые, но, тем не менее, со всеми признаками октавы. Этим октавой оказался Александр Алексеевич Меркурьев, ученик четвёртого класса. В это время Меркуфа был уже на большом расстоянии от меня: он был на глазах у всех, а я в «теньях». Таким образом, дуэт – Игоня и Меркуфа оказался похороненным, но навсегда или нет – об этом речь будет ниже.

Меркуфа был в ореоле славы: до него среди певцов семинарии не было октавы, а самая эта идея, казалось, не могла получить осуществления. Вершиной славы Меркуфы было выступление семинарского хора на вечере, когда исполнялась «Ноченька» из оп[еры] А. Рубинштейна «Демон». Меркуфа стоял при этом на вершине «когорты» басов, построенных треугольником, и бархатистая россыпь его октавы разносилась по залу с чарующей красотой. По правде сказать, исполнение семинарского хора было эффектнее, чем оперного без октавы. Меркуфа даже перестроился наружно: на манер октавы архиерейского хора Богословских стал зачёсывать волосы в шевелюру и принял импозантный вид солидного певца.

---

¹³²¹ Начало (ирмос) первой песни воскресного канона 2-го гласа.

¹³²² Начало (ирмос) первой песни воскресного канона 7-го гласа.

¹³²³ Стихира «Приидите вернии, животворящему Древу поклонимся».

¹³²⁴ Вероятно, речь идёт о знаменитых задостойниках киевского распева в обработке П. Турчанинова, которые до сих пор звучат в храмах.

¹³²⁵ Задостойник 4-го гласа, который поётся в праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье).

¹³²⁶ Задостойник 4-го гласа, который поётся в праздник Святой Троицы.

В 1908 г. Меркуфа окончил семинарию, и мне думалось, что я его уже больше не увижу. В 1912 г., когда я был в Верх-Тече на концерте пермских семинаристов, я встретился с Меркуфой без личной встречи с ним – встреча без встречи. Я присутствовал на концерте с супругой верх-теченского диакона Анной Михайловной, урождённой Медведчиковой. Мы беседовали, и Анна Мих[айловна] в порыве раскрыла мне свою душу, что было для меня неожиданным и, признаться не особенно желательным, поведала мне, что Меркуфа, Сана Меркурьев, как она его называла, был в её мыслях и она связывала с ним некоторые свои надежды, но налетел шквал – искательство её руки Вениамином Бирюковым и настойчивые советы её батюшки – и она совершила, как призналась, роковую ошибку. Меня, конечно, охватило чувство жалости к моей собеседнице и к Меркуфе, который, возможно, потерял написанную ему небом судьбу и счастье. Это было десять лет спустя с того момента, когда мы с Меркуфой вместе пели, свежи были ещё об этом живые воспоминания, и я представил себе Меркуфу в его развитии таким, каким я его помнил по духовному училищу и по семинарии.

Прошло ещё одиннадцать лет, причём лет бурных, и мы приехали в Свердловск, тогдашний Екатеринбург. Я узнал, что здесь тогда проживал и работал он, Меркуфа. Ещё узнал, что он находился здесь в компании других пермских семинаристов: Ивана Максимова и Владимира Белоусова, что они составили своеобразный триумvirат и пр. Узнал я, что Меркуфа работает счетоводом. Хронологические данные, которые мелькнули в моём мозгу по поводу этих сведений о Меркуфе были следующие: 21 год, как мы пели вместе в хоре, 15 лет, как я видел его последний раз в семинарии, но желание увидеться с ним было непреодолимым: на этом упорно настаивала память, хотя ясно было, что кроме прошедших лет над нами тяготели ещё разные житейские перемены, так или иначе содействующие отчуждению. Но детские и юношеские воспоминания, кто может их позабыть? И встреча состоялась.

Я не имел возможности встретиться с Меркуфой в его домашних условиях бытия, потому что не знал его адреса, и отправился на встречу с ним на место его работы. Естественно, я волновался по поводу того, как он меня встретит после такого продолжительного расставания. Но как только я показался на пороге комнаты, его рабочей канцелярии, как он вскочил со стула и стремительно направился ко мне со словами: «Вася Игоня, Вася Игоня». На какой-то момент моя и, очевидно, его память перенесла нас на отдалённое время, двадцать один год, и мы предстали друг перед другом прежними бурсаками и товарищами по участию в хоре. Сброшен был груз времени со всеми житейскими перипетиями, бытовыми наслоениями, и вот мы стоим друг перед другом: Меркуфа и Игоня. Так бывает, когда луч солнца пробьётся сквозь пустую пелену облаков и озарит небо. Так, Онегин после встречи с Татьяной на балу в Петербурге, замечал ей: «Ты прежнюю Татьяной стала». Так, Тютчев в своём известном стихотворении «Я встретил Вас [– и всё былое]» говорит: «Так поздней осенью порою бывает день,

бывает час, когда повеет вдруг весною и что-то стрепенётся в нас».¹³²⁷ Наша встреча с Меркуфой была подобной этому: она была мимолётной. Я его спросил, поёт ли он теперь, и он мне сказал, что поёт в хоре при радиокомитете. Я подумал: ... То, что посетило душу в юношеские годы, любовь к пению, её не вытравишь ничем.

Прошло много времени, а я не встречался с Меркуфой. Почему? А так: то – то, то – другое из житейской толчеи, но также, очевидно, то, что жизнь наложила на наши отношения свой груз, который тянул к отчуждению. Я слышал о том, что Меркуфа часто бывал в обществе своих бывших «однокашников» по семинарии; что он иногда совершал экскурсии в лес и пр. Началась война, и жизнь принесла новые хлопоты, и это ещё более отдалило меня от Меркуфы. Как-то, стороной, я узнал, что он снялся со счетоводной работы и превратился в штукатура. Сам я тоже совершил *salto mortale*: работал сторожем на контрольной будке, завхозом, десятником на складе топлива вместо работы в медицинском институте. Шла борьба за жизнь: свою и жены. И вот как-то под вечер, после заката солнца, ко мне явился Меркуфа в состоянии «еле можаху».¹³²⁸ Раньше я его никогда не видел пьяным. Он был в состоянии только лепетать: «Вася Игоня, Вася Игоня!» Сколько я его ни уговаривал зайти в дом, он упорно отказывался и, наконец, ушёл домой. Вскоре я узнал, что Меркуфа умер.

Я ничего не узнал о нём из его прошлого: не знал, кто были его родители¹³²⁹, откуда он родом, где он работал непосредственно после окончания семинарии. Мы встречались с ним как одноклассники по духовному училищу и частично по семинарии, образно выражаясь, как Вася Игоня и Меркуфа. Такова сила привычки и памяти! Сколько ни суровой была обстановка, в котором мы дружили, но сердце всегда находит возможность биться в унисон с другим, и детские воспоминания имеют такую силу, которую не может разрушить время.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 60-76.

*Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

---

¹³²⁷ В оригинале стихотворения Ф. И. Тютчева:

*«Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас».*

¹³²⁸ По церковно-славянски – еле-еле, с трудом. Крылатое выражение, которое применялось к людям в высокой степени алкогольного опьянения.

¹³²⁹ «Александр Алексеевич Меркурьев был сыном священника из села Корюкова, что километрах в 13-ти от теперешнего города (тогда села) Катайска Курганской области». (Примеч. В. П. Бирюкова).

*Василий Николаевич Старцев**

Никто точно не знал, откуда он родом. Слухи ходили, что он чем-то связан с Шадринском, но чем именно: то ли родители его там жили, то ли кто-либо из близких родственников жил, - точно этого никто не знал. Да не знали и того, кто были его родители: то ли из духовных, то ли из торговцев, которые охотно направляли своих мальцов учиться в духовном училище.¹³³⁰ Признаться, как-то соученики Василия особенно и не интересовались его социальным происхождением – не всё ли равно, из какого он роду племени: ведь училище всех подгоняло под один ранжир, все именовались бурсаками.

Вася ничем не отличался от других до тех пор, как не достиг возраста, каким выделялись другие старшекласники, как именовали учеников четвёртого класса. Когда же он достиг этого возраста, то стал выделяться среди других желанием приукраситься наружно: стал стричься под «ерошку», аккуратнее следить за своим одеянием, а главное – стал носить длинный шнур, перекинутый поверх шеи – признак того, что у него были карманные часы, хотя на самом деле их не было. Такова была мода, и он не чуждался её. Главным же отличием его от других было то, что [он] уже «крутил» любовь с девушками и уверял товарищей, что между ним и некоей девушкой, точнее сказать – девочкой, что-то уже есть. Всякий раз, когда эта девочка проходила мимо училища со своей мамой или с какой-либо другой женщиной, Вася устремлялся к окну с таким видом, как будто он имел уже какое-то особенное право лицезреть её. Он даже старался показать другим: дескать, смотрите – я уже тоже с усами.¹³³¹ Учился же Вася ни шатко, ни валко, а лавировал между двойками и тройками, однако не спускался до той критической точки, за которой следовало увольнение из училища.

Осенью 1902 г. Вася в числе других своих соучеников поступил в Пермскую духовную семинарию. Здесь среди других товарищей, которых было больше (в первом и втором классах были параллельные группы), Вася как-то затерялся: ничем не выделялся из массы, за исключением разве того, что он заметно среди других «грешил» чревоугодием, за что ему дано было прозвище «Ковальский», по фамилии известного в Перми торговца колбасой и другими мясными продуктами. В нём видели главного чревоугодника, почему фамилия его и стала служить нарицательным именем для людей этого типа.

Культивировал ли Вася во время учения в семинарии своё нежное сердце, манившее его на любовь, о чём сказано уже выше, или вёл жизнь анахорета? Конечно, да он не отступал от нормы: «любви все возрасты покорны», но он уже в этом отношении не был одиночкой, а терялся в общей массе, подходил под один колер.

---

¹³³⁰ «Василий Николаевич Старцев был сыном псаломщика из села Жарникова, тогда Шадринского уезда, с 1924 г. – Каргапольского района (с 1943 г. – Курганской области)». (Примеч. В. П. Бирюкова).

¹³³¹ «Фамилия этой девочки была Геденова». (Примеч. автора).

Проходили бурные годы первой революции. Семинария бурлила, но Вася нигде и ни в чём себя не проявил. Семинаристы по обычаю увлекались пением. На семинарских вечерах гремел хор. На славе был семинарский церковный хор. Был оркестр струнных инструментов. Васю ничто не увлекало, но это только так казалось. На самом деле в его душе вызревало увлечение церковным пением, что обнаружилось позднее, после выхода его из семинарии после окончания четвёртого класса.

Весной 1907 г. Вася вышел из семинарии и кто-то из его пермских родственников устроил его чиновником в контрольную палату. Тут обнаружилось, что у него в Перми есть «рука». Мы, его бывшие соученики, забегали иногда в контрольную палату повидаться с Васей. Это было очень удобно, потому что она была вблизи семинарии. Было занятно видеть нашего бывшего соученика в форме чиновника, и, признаться, мы немножко завидовали Васе, а он явно «рисовался» перед нами.

Вскоре, примерно через год, Вася предстал перед нами в новом виде – регентом хора духовного училища.¹³³² Это было так неожиданно, что мы буквально ахнули: как, откуда, когда у Васи появился такой талант? Почему он раньше не обнаружился ещё в духовном училище, а тем более – в семинарии. Наше удивление было, вероятно, не меньшим, чем у Онегина, когда он встретил Татьяну в Петербурге на великосветском балу. Можно было заметить, что именно возбудило у Васи любовь к пению и когда, потому что в репертуаре его исполнительской деятельности определённо проглядывал репертуар семинарского хора. Мало того, можно было заметить, кто именно из певцов этого хора затронул в душе Васи музыкальную струну, потому что он сам, будучи регентом, исполнял роль солиста баса семинарского хора – Аристарха Пономарёва. Осталось только неясным, как Вася сумел так долго – два-три года скрывать от людей свой талант и вдруг явился в образе регента подобно Афродите, вышедшей из пены морской волны.

В течение пяти лет я был оторван от Перми, а именно: четыре года учился в Казанской духовной академии и один год работал в Бугурусланском реальном училище. За эти годы Вася выпал из моей памяти.

Когда в августе 1914 г. я прибыл в Пермскую дух[овную] семинарию на работу помощником инспектора, то узнал, что он продолжал работу в контрольной палате, женился, как видно, по рекомендации своих родственников, а потом поступил на работу на Мотовилихинский военный завод в порядке предстоящей мобилизации. За всё это время я не имел с ним встречи и получал только сведения через знакомых.

В марте 1916 г. я перевёлся на работу в Слуцкое дух[овное] училище в Белоруссию. В июле 1923 г. я переехал на работу в Екатеринбург, где от одного из своих бывших [со]учеников по Камышловскому дух[овному] училищу – Меркурьева Александра – узнал, что Вася после Октябрьской

---

¹³³² В 1907-1908 гг. и позже.

революции перестроился семейно: разошёлся с первой женой, женился на другой женщине и перекочевал из Перми в Шадринск. В сороковые годы я совершенно неожиданно встретил [его] в Свердловске на главной улице города. Я узнал, что он служил завхозом в райисполкоме Октябрьского района.

Дальнейшая судьба его осталась мне неизвестной.

Я описал здесь то, что сохранила моя память о человеке, с которым я учился вместе в течение пяти лет и расстался на пороге своей юности.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 78-87.

*Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

Братья Медведевы*

Старшего звали Иваном, по-бурсацки Ванька. Это «Ванька» содержало в себе много оттенков значения: было и уменьшительным, и ласкательным, произносилось и в обычном смысле, так сказать, положительном и в ругательном. Ругательным же в точном значении этого слова было присловие: «ты девка, ты девка!» Ещё в школах считалось наказанием для мальчика, если его садили рядом с девкой на одну парту. Можно себе представить остроту этого выражения на бурсе, обиду его. Самым же досадным для Ивана было то, что для присловья этого имелось наглядное убеждение: он носил ботинки женского образца, с металлическими круглыми пуговицами. У всех прочих на ногах были сапоги, обычно изделия какого-либо деревенского модельера – грубой выработки кожи, неуклюжие, с широченными голенищами, такими, что они распирали брюки, когда на них их натягивали. Штиблеты были ещё не в моде. Будь бы они, то эти ванькины ботинки не бросались так в глаза, но мода эта появилась позже, и вот Ивану не давали проходу: «ты девка, ты девка!» Было не понятно, как родители решились своего мальчишку выставить на такой «позор». Что они не знали что ли порядков на бурсе? Шла молва о том, что отец Ивана был из чиновного мира и не знал о бурсацких порядках. А тут ещё как на зло, Иван и фигурой походил на вихристую девочку, круглолицую, небольшого роста, но парниша был задиристый, умел зубоносить и не поддаваться.

Известно, что однообразная пища приедается, так и разные присловья, если их часто употребляют, тоже теряют остроту, ядовитость. В конце концов «приелось» всем и это званое присловье и со временем полиняло, вышло из моды. Ванька же вёл себя далеко не по-девчачьи, доказал, что он парень, если приходилось дело вести на кулачки, вместо ботинок носил сапоги и, когда поступил в Пермскую дух[овную] семинарию, то зарекомендовал себя кавалером не последней категории. Когда он учился в духовном училище, то уже показал, что у него есть голос, но полностью открылся в этом отношении в семинарии, где все владетели голосов были на почёте, а некоторые становились кумирами.

Певческая карьера семинаристов обычно начиналась с участия в церковном училищном хоре. Начиналась она с пения в общем хоре, потом переходили при благоприятных условиях в пение *solo*, и завершалась она пением романсов на вечерах в училище и на стороне: в концертах самодеятельности. В таком порядке у кого-либо голос мужал, развивался, а иногда и портился от неумелого пользования. Иван шёл к славе другим путём. «Отцы» училища¹³³³, чтобы придать пению больше торжественности и привлечь массы учеников к общему пению, задумали проводить пение некоторых молитв с канонархом, диктором, ведущим за своим чтением всех молящихся, и Иван был назначен этим диктором. В церкви звонко, как

---

¹³³³ Автор имеет в виду уже Пермскую духовную семинарию.

колокольчик раздавался его свежий, не изуродованный ещё в хоре голос, чистый, эластичный, гибкий. Все слушали Ивана и восторгались его голосом. Особенно же поклонником искусства Ивана был училищный священник – Стефан Луканин. Он называл Ивана соловьём, и это было заслуженной похвалой голоса Ивана. Дальше он перешёл к пению романсов на вечерах и пользовался успехом. Шла молва о том, что по окончании семинарии он давал концерты в провинциальных городах Зауралья. Этим и закончилась его певческая карьера.

Брат Ивана, Эварест миновал, учась в духовном училище, «неудобств» своего брата, но, как и тот, здесь сделал только первую заявку на свой голос. Слава ему пришла тоже только в семинарии и началась она, в отличие от брата, с участия в хоре. Содействовала ли этому слава брата, или благоприятные условия участия в хоре – потребность в солисте, но он скоро сделался последним, а потом взят был в архиерейский хор, что являлось признанием у него незаурядного голоса, а именно – тембра. Нужно сказать, что архиерейский хор всегда впитывал в себя самых голосистых семинаристов и обессиливал семинарский хор. Это получалось по праву сильного, да и для семинаристов-певцов представляло, помимо славы, некий материальный интерес, т. к. им немного приплачивали. Архиерейский хор, бывало, и портил неустоявшиеся ещё молодые голоса, что, как потом передавали, не прошло мимо и Эвареста.

Слава же ему пришла по другой линии, а именно как исполнителю романсов на вечерах, как в семинарии, так и в других учебных заведениях, например, в женской гимназии Барбатенко, гимназистки которой дружили с семинаристами. Эварест на этих вечерах выступал в позе некоего вундеркинда: он был маленького роста, щупленький, чем отличался от своего старшего брата, который был тоже невысокого роста, но коренастый крепыш. Когда Эварест на вечере в гимназии пел романс Гольтисона – «Когда был я ребёнком, родная моя», то казалось, что и пел чуть-чуть повзрослевший ребёнок. Эффект получился неотразимый: раздавались голоса: «он – вундеркинд, он – вундеркинд!» Очень эффектно он исполнял русские народные песни, например, в дуэте «Ах, сегодня день ненастный», аранжированную «Ах, ты, песня моя, песня русская» и др. У него был звучный и сильный голос с большим диапазоном.

Семинарский хор на одном вечере исполнял пение жрецов в храме Изиды в опере «Аида», и запевалом в партии Радамеса выступал Эварест. В 1912 г. группа пермских семинаристов давала концерт в с[еле] Верх-Теченском Шадринского у[езда]. На нём Эварест с большим успехом исполнил романс Тальяfico «Давно малиновки звенят» и в дуэте – указанную выше народную песню «Ах, сегодня день ненастный».

Среди друзей Эварест имел название женское – Варя, был общим любимцем. Такой уже был закон у семинаристов: кто певец, тому и честь, и любовь и слава.

Прекратила своё существование семинария и архиерейский хор, и Эварест затерялся в потоке революционных событий.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 88-97.

*Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

*Николай Иванович Хмельнов**

В числе тридцати фамилий учеников, окончивших в 1909 году учение в Пермской духовной семинарии, значится фамилия Хмельнова Николая Ивановича. Семинария окончена, и тридцать молодых людей поступили в распоряжение своих судьб, счастливых или несчастливых, но, во всяком случае, если счастливых, то по-разному, а если несчастливых, то ещё в большей степени по-разному. Кому суждено было повести свою жизнь более или менее однообразно, а кое-кому судьба сулила пёструю, полную крутых перемен, жизнь. Жизнь Николая Ивановича пошла по последнему руслу.

В духовную школу Николай Иванович пришёл со стороны: родители его были не из духовного сословия. Отец его был мелким служащим на одном из уральских заводов, и решение учить сына в духовном учебном заведении было продиктовано материальными соображениями: не было средств учить сына в гимназии, поэтому и решили отдать его на учение в Пермское духовное училище, где содержание на «бурсе» было приемлемым для семейного бюджета.

На всякой школе в той или иной степени отражается семейный быт её учеников. Зайдёшь, например, в сельскую школу и сразу заметишь черты крестьянского быта и в одеянии школьников и в «атмосфере». В низшей ступени городской школы черты мещанства какого-либо городка «Окурова» сразу бросятся в глаза. В духовных училищах – низшей ступени духовного образования, густо отложились черты быта провинциального духовенства, причём при замкнутой системе их со временем они составили сгусток всего отрицательного, что получило специфическое название «бурсы» и что описано в «Очерках бурсы» Помяловского. Конечно, в конце прошлого века «бурса» в её, если можно так выразиться «классической» форме, как она описана Помяловским, уже не существовала, но её «родимые пятна» были ещё налицо. Известно, например, что в Пермском именно духовном училище ученики совершали «тёмную» со смертельным исходом. Мальчик Хмельнов, выходец из среды низшего звена русской интеллигенции, естественно, не мог привыкнуть к своему быту и по-своему сопротивлялся его влиянию. Дело доходило до того, что его собирались изолировать от бурсы – выселить на квартиру, а то и совсем исключить, но в конце концов всё умиротворилось, и мальчик закончил курс учения в Пермском дух[овном] училище.

В 1903 г. в августе мальчик на грани своего юношества поступил в Пермскую дух[овную] семинарию. ... Шесть лет обучения в семинарии для Хмельнова, как и для всякого другого семинариста, были годами бурного развития юношеских эмоций, из которых главным было стремление к товариществу, к дружбе. Ничто не было в состоянии противодействовать этому стремлению: ни различие в социальном происхождении, ни различие в материальных условиях в детские годы существования и развития. Всё приводилось к одному знаменателю, а суммой при сложении получалась семинарская «братва», «семинарга», где он, Хмельнов, являлся

полноправным членом с кличкой на семинарском жаргоне: «Хмельняга». Так его «окрестил» изобретательный на подобные клички Гриша Козельский.

Юность владеет такими богатствами, каких нет ни у рокфеллеров, ни у ротшильдов: она богата мечтами, надеждами. И все юноши – семинаристы жили мечтами и надеждами. Было известно, что «Хмельняга» жил мечтой поступить в университет на медицинский факультет. Но мечты мечтами, а реальность реальностью. Как часто бывало, что свершить их не было дано, а оставался только вопрос: «Мечты, мечты, где ваша сладость?» Так получилось у Хмельнова. Более полу столетия спустя после окончания семинарии Хмельнов однажды в интимной беседе обмолвился, что при окончании семинарии у него была невеста и она «ждала его». Это признание его пролило свет на некоторые шаги его в будущей жизни.

Кому их юношей не улыбалась судьба «любить и быть любимым». Но как иногда мечта об этом становилась преградой для будущей жизни: отвлекала от прямой дороги, намеченной в жизни, в сторону – на просёлочную дорогу. В жизни семинаристов это обозначало: женился – «надевай рясу». У Хмельнова так и случилось. Сам он так рассказывал об этом событии: «Явился я к директору народных училищ Раменскому¹³³⁴ с просьбой назначить учителем в какое-либо из подведомственных ему учебных заведений. Он предложил должность законоучителя в высшем начальном училище города N с условием принять священство». Он принял это условие, и совершил первый раз в жизни *salto mortale* над своим мировоззрением, над своими мечтами. Оправдывая этот свой шаг, он говорил: «наслушался я там, в семинарии благочестивых рассказов о высоком служении пастыря духовных овец и вот сделал глупость...» В Пермской семинарии идеологическую обработку в этом направлении вели Тихон Петрович Андриевский и Николай Иванович Знамировский. Не было заметно, чтобы Хмельнов тяготел к кружкам, которыми они руководили, но зерно в его душу было брошено, и оно при побочных других благоприятных условиях должно было прорасти и ... проросло. Здесь уместно заметить, что семинаристы, пришедшие в это учебное заведение «со стороны», т. е. не из духовного сословия, охотно «надевали рясу» по окончании семинарии. Примером могут служить кончившие Пермскую семинарию – Анисимов Александр, Неверов Степан, дети торговцев, Юмин Константин, сын станового пристава. В Камышловском дух[овном] училище обучался сын Камышловского купца, церковного старосты этого училища – Полухин, который, как известно, тоже принял по окончании семинарии священный сан. В этом нельзя не усмотреть такую закономерность: выходцы из других сословий способны были больше идеализировать службу «батюшкой», чем выходцы из духовного сословия, с детства наблюдавшие все прелести жития российского духовенства. Это знакомство с бытом своих «отцов» было

---

¹³³⁴ Раменский Алексей Пахомович (1845-1928) – деятель народного просвещения Урала. Окончил С.-Петербургскую духовную академию. В 1890-1917 гг. инспектор народных училищ Пермской губернии.

противоядием против увлечения службой «батюшками», чего не было у этих «иностранцев», в том числе и у Хмельнова. Законоучителем он работал до Октябрьской революции, которая, образно выражаясь, «выбила его из седла».

Дальше следовали четыре года учения на историческом факультете Пермского университета. Был период ограничения его в гражданских правах как бывшего служителя религиозного культа. Он хлопотал о восстановлении в правах перед М. И. Калининым, и был реабилитирован. Были тяжёлые материальные условия существования, и он второй раз в жизни совершил над собой *salto mortale* – «надел вторично рясу». «Уговорили родные» - так он сказал по этому поводу в своё оправдание. Обо всём этом Николай Иванович поведал мне в тоне кающегося грешника и, расставаясь со мной, лаконически сказал о себе: «Я – атеист!» Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять смысл этого лаконического замечания, как бы случайно брошенного на прощание с другом своей юности. Это обозначало, что он покончил со своими блужданиями по стези служения в церкви и, вместе с тем, это было логическим завершением этих блужданий: нельзя было без конца совершать над собой *salto mortale*, не исчерпав себя на этом пути до полного отрицания ценности всего того сакраментального в церковных обрядах, чему он служил в силу случайного стечения обстоятельств его жизни.

Дальнейшая жизнь Николая Ивановича открылась мне отчасти из его рассказов, а отчасти из печатных документов, в которых изложены были отдельные этапы его трудовой деятельности.

Так, в известной книге писателя Пермьяка «Были горы Высокой»¹³³⁵ на нескольких страницах описывается деятельность его по истории и археологии края. В журнале «Иностранные языки в школе» за ... год помещена статья областного методиста по постановке обучения иноязыкам в школах Свердловской области Оскара Семёновича Альстера, в которой даётся лестный отзыв о деятельности Николая Ивановича как преподавателя немецкого яз[ыка] в школах Нижнего Тагила. В отзыве отмечается творческий подход его в деле обучения языку, инициативность и работа над собой. При наличии этих качеств Николай Иванович был выдвинут на работу, и работал преподавателем немецкого языка в Нижне-Тагильском филиале У[ральского] п[едагогического] и[нститута]. Он закончил заочно Московский институт иностранных языков. Это был беспрецедентный случай, когда выпускник духовной семинарии, не изучавший иностранных язык, в данном случае – немецкий, преодолевал все преграды и трудности, принял решение и осуществил его – стал преподавателем иностранного языка и при том высокой квалификации.

---

¹³³⁵ Пермьяк Евгений Андреевич (1902-1982) – русский советский писатель, драматург. «Были горы Высокой» (М., 1935) под ред. М. Горького и Д. Мирского представляет собой сборник рассказов рабочих Высокогорского железного рудника, активных борцов и строителей социализма, о старой и новой жизни. Возможно, автор имел в виду другую книгу.

Теперь Николай Иванович на пенсии, но энергия его не истощима. Однажды он явился ко мне и сообщил, что приехал в Свердловск по вызову одной областной организации. Его вызвали на чествование за организацию детей в одном из благоустроенных домов Н[ижнего] Тагила. Не секрет, что благоустроенные дома у нас иногда строят без учёта интересов детей, т. е. без обеспечения им места для свободного времяпровождения. Таким именно оказался дом, в котором представлена была квартира Николаю Ивановичу, и он взялся за организацию клуба для детей: добился помещения под клуб, собрал с помощью детей необходимую мебель и кое-какие предметы для занятий детских кружков. Сам взялся за руководство фотокружком. Таким образом, дети дома соорганизованы были в кружки и в свободное от учения время заняты интересной работой. Инициатива Николая Ивановича была отмечена благодарностью областной организацией коммунальных учреждений, для чего он и был приглашён в Свердловск.

В своих последних письмах ко мне Николай Иванович писал, что он приступил к изучению славянских новых языков и овладел основами чешского языка, обнаружив, таким образом, стремление превратиться в полиглота в возрасте за семьдесят лет.

Николай Иванович сохранил память о своих однокурсниках по семинарии. О семинарии он отозвался ограничительно так, что в ней он получил навыки к усидчивому труду, хотя она дала ему неправильную путёвку в жизнь. Это признание его, противоречивое, как и его противоречивое течение жизни, свидетельствует о том, что годы пребывания его в семинарии не были бесследными и бесплодными и нашли своё оправдание во второй половине его деятельности, многообразной и полной хороших свершений.

Жизнь Николая Ивановича Хмельнова, с её падениями и восстаниями, отразила исторический момент в жизни русского общества и, надо полагать, чем-то является характерной для жизни других молодых людей, начавших свою жизнь в аналогичных с ним условиях.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 98-120.

*Находится в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора, в «пермской коллекции» - отсутствует.

Владимир Семёнович Белоусов*

В. С. Белоусов¹³³⁶ был сыном священника села Канашей Шадринского уезда Пермской губернии. После окончания сельской школы он поступил учиться в Камышловское духовное училище и жил на бурсе. Природа не побаловала его наружным видом. Был он тщедушным, с нескладным, угловатым корпусом, разваленной походкой, приплюснутой остроконечной головой и с чуть-чуть корявым лицом. Что говорить: вид у него был, как говорят, непрезентабельный. Бурса, в общем, не разбиравшаяся в эстетике, красоте, могла простить невзрачный вид, но не могла простить слабого физического развития, тщедушного вида бурсака. На ком, как не на таком бурсаке, можно было «позадаваться», т. е. ущипнуть, подставить ногу, «посадить пучку». Естественно, что Володя скоро замечен был как подходящий для этого малец. Прежде всего, ему дано было обидное и не совсем цензурное прозвище «З...ка». О, бурса на этот счёт была изобретательна и беспощадна. Ну, а дальше... Кто знаком с рассказом Л. Андреева «Сенька», тот примерно может представить положение Володи на бурсе. У Сеньки, как говорится в рассказе, была голова такой формы, что вызывала у других желание обязательно щёлкнуть, и это делалось не по злобе, а, если хотите, как знак приятельского отношения к мальцу. «У тебя голова такая, что так напрашивается на щелчок» - добродушно, по-приятельски говорил Сеньке один из подмастерьев мастерской, где он работал. Конечно, нельзя проводить полную аналогию между положением Сеньки в мастерской и положением Володи на бурсе, но нельзя не отметить и некоторые черты, так сказать, принципиальное сходство. Это обидное прозвище, явно рассчитанное на то, чтобы подчеркнуть физическую ущербность Володи – как знать – может быть, оно, как некая травма, полученная в детстве, послужила причиной некоторой особенности в жизни Володи: он на всю жизнь остался одиноким, холостяком.

Так или иначе, Володя окончил духовное училище и поступил в Пермскую духовную семинарию. И там, и здесь он был как-то незаметным или малозаметным: вырос, угловатые походка и манера держаться несколько сгладились, стал вести себя с бóльшим достоинством, завёл товарищей и даже друзей, понемногу «картёжничал», понемногу «тянул пивко», но больше ничем себя не проявлял – ни в искусстве, ни на вечерах, нигде. Любил, правда, показать себя взрослым и независимым в общественных местах, например, в дороге, на вокзале, важно подозвать к себе официанта, заказать и «раздавить» бутылочку пива. Главное: на глазах у всех. Смотрите: вот я какой! Он не был в семинарии в числе кавалеров и «смакунов». Любил в обществе своих друзей поболтать, пошутить, немного посплетничать. В

---

¹³³⁶ Белоусов Владимир Семёнович – сын священника Шадринского уезда. Окончил Камышловское духовное училище по 2-му разряду в 1901 г., Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1908 г. и историко-филологический факультет Варшавского университета. Преподаватель географии в школах г. Свердловска.

общем же был сердечным человеком, добрым и любовно называли его все «Володя Белоусов». В учёбе не надсиж[ив]ался, а в богословских классах «отсиживался», «отбывал» семинарию и закончил её в 1908 г. с твёрдой мыслью – «не надевать рясу».

После окончания семинарии в течение года или двух был сельским учителем где-то на Алтае, а потом поступил в Варшавский университет на историко-филологический факультет.

В те времена семинаристам был открыт доступ в три университета: в Томский, куда направлялись на медицинский факультет, в Варшавский и Юрьевский, куда поступали на историко-филологический и отчасти на естественный факультеты. В последние два университета семинаристам был открыт доступ с целью «обрусения», что не ставило их в особо приятные условия, но хорошо было уже и то, что можно было поступить.

После окончания университета Владимир Семёнович посвятил себя работе в Свердловске в школах социального воспитания. Он работал преподавателем географии, по совместительству одно время работал экскурсоводом по Свердловску. Начинать также преподавать латинский язык в медицинском институте, но эта работа ему показалась не по душе, и он скоро отказался от неё. Его работа в школах Свердловска получила высокую оценку: он был награждён орденом Ленина, и портрет его красовался на доске почёта в районе [районном отделе народного образования – ред.]¹³³⁷ Владимир Семёнович увлекался поездками по Союзу, и каждые каникулы отправлялся куда-либо в экскурсию.

Как указано уже выше, Владимир Семёнович остался на всю жизнь холостяком, можно сказать, даже ультра-холостяком, он сам, например, даже стирал своё бельё. В этом отношении он был последователем многих своих учителей в духовном училище и в семинарии. Особенно он напоминал Ивана Ермиловича Губкинского, о котором говорили в семинарии, что он сам себе готовил обеды, никому не доверяя в этом деле. «Беликовым» он, конечно, не был, но как не вспомнить и об этом одиноком, говоря о Владимире Семёновиче. В Свердловске его часто навещали друзья по семинарии: Иван Яковлевич Максимов, в своё время вожак всех семинарских «германов», Александр Алексеевич Меркурьев – знаменитый семинарский октава. Друзья ходили на прогулки в лес, на маёвки и «вспоминали минувшие дни и битвы (по картёжному делу), где вместе рубились они». И был среди них прежний «Володя Белоусов». Дружил с ним по школе и Владимир Александрович Наумов. Реденько встречал «Володю Белоусова» и автор сего.

В последние дни работы в школе у Владимира Семёновича были неприятности: говорили, что он не может «держат дисциплину» на уроках.

---

¹³³⁷ В очерке «Володя Белоусов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Видно было, что человек «нашёл себя», нашёл то, чему себя посвятил» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 13 об.

Старость, старость! Она, конечно, причина всему.¹³³⁸ И вот Владимир Семёнович вдруг потерялся. Нет и нет! Стали искать. Пошли на квартиру: она на замке, и в комнате мёртвая тишина. Вызвали милицию, взломали замок и вошли в комнату. На стуле с потухшей папиросой и листочком конспекта занятия на очередном уроке в руках сидел Владимир Семёнович, очевидно, уже два дня. *Sic transit gloria mundi!*¹³³⁹

Похороны были по всем правилам принятого теперь ритуала – с оказанием всех почестей.

Так оборвалась жизнь «Володи Белоусова». Да будет ему земля лёгкой.

13/Х.[1960] 8 ч. 25 м. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 1-4 об.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

¹³³⁸ В очерке «Володя Белоусов» в составе «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В школе в эти годы работать было тяжело из-за плохой дисциплины школьников. У него был характер мягкий, и на этой почве у него были неприятности: его обвинили в том, что он слабо поддерживает на своих уроках дисциплину в классе, и это отражается на уроках других преподавателей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 15.

¹³³⁹ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

Борис Евгеньевич Юшков*

Б. Е. Юшков был сын Камышловского священника. Он окончил Пермскую духовную семинарию в девятисотых годах. По окончании Юрьевского университета, Борис Евгеньевич поступил преподавателем физики в Камышловскую мужскую гимназию, только что открытую. Уже здесь Борис Евгеньевич зарекомендовал себя хорошим организатором: им создан был при гимназии прекрасный кабинет физики, который передан был потом в школу II ступени. По словам Владимира Александровича Наумова, бывшего тогда директором этой школы, кабинет этот славился как лучшие из тех, имевшихся тогда кабинетов в школах Уральской области.

После нескольких лет работы в Камышловских школах II ступени, Борис Евгеньевич был приглашён вместе со своей женой, то же педагогом, на работу в одну из так называемых опытно-показательных школ Свердловска, одной из которых заведовала бывшая заведующая соцвосом [отделом социального воспитания – ред.] губоно [губернского отдела народного образования – ред.] Е. В. Мартьянова, впоследствии переведённая на работу в Москву. Летом 1924 г., когда в Свердловске были организованы при губоно курсы по переподготовке учителей различных учреждений соцвоста, технических, педагогических для всей обширной тогда Уральской области, Борису Евгеньевичу поручено было общее руководство этими курсами, включая учебную и хозяйственную часть. Борис Евгеньевич был в этом случае полномочным представителем губоно и прекрасно справился с порученным ему делом, несмотря на исключительную его способность. Вот почему, когда потребовался подобного рода организатор для рабфака, только что созданного, выбор пал на Бориса Евгеньевича. Можно сказать, что Борис Евгеньевич нёс на своих плечах всю тяжесть организации и руководства учебной частью рабфака. По выражению одного из преподавателей рабфака В. П. Кузякина, «никто столько не вложил своих сил в деятельности на рабфаке, как он». В 1929/1930 году, когда был организован филиал рабфака на ВИЗе, деятельность Бориса Евгеньевича ещё более осложнилась. В то же время ему пришлось пережить тяжёлое семейное горе: смерть сына. Борис Евгеньевич в глубоком горе приходил на рабфак ВИЗа, где работал и автор сего, повинуюсь сознанию долга по работе. На рабфаке нашлись недоброжелатели Бориса Евгеньевича, которые стали распускать про него разные слухи и вооружать против него и студентов. Говорили, что он будто бы на занятиях, когда речь шла о физических приборах, подчёркивал, что заграничные изделия лучше, чем отечественные и т. п. В результате этого Борис Евгеньевич был лишён права на персональную пенсию, которая полагалась ему, как имеющему десятилетний стаж работы на рабфаке.

Последний период деятельности Борис Евгеньевич проходил в школе десятилетке военно-воздушных сил Союза ССР в качестве преподавателя физики. Он скончался на рабочем посту и с почестью похоронен на Ивановском кладбище Свердловска. Жития его было 67 лет.

Борис Евгеньевич был человеком высокой культуры, исключительного такта и обаяния, врождённой деликатности, огромной трудоспособности и дисциплины. Таким остался в памяти тех, кто с ним вместе работал или встречался с ним в обычной жизни. Да будет ему земля легкой!

13/X – [19]60. 16 ч. 20 м. вр[емя] св[ердловское]
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 12-13 об.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

*Леонид Васильевич Лепешинский**

После смерти Л. В. Лепешинского¹³⁴⁰ среди рабочих Верх-Исетского завода распространены были различные рассказы легендарного и полуполюгендарного характера, связанные с этим событием. Так, передавали, что когда похоронная процессия с телом Леонида Васильевича шествовала на Ивановское кладбище, то за гробом следовала запряженная в бричку лошадка, которая ежедневно привозила его на работу и обратно, и добавляли, что у лошадки были на глазах слёзы. Можно принять за факт, что лошадка где-то замыкала похоронное шествие, но её слезы нужно, конечно, признать вымыслом. Передавали также, что Леонид Васильевич за минуту до своей смерти разговаривал по телефону с начальником спецотдела ВИЗа Иваном Филипповичем Почечуевым и будто бы вдруг прервал свой разговор словами: «Я умираю», положил трубку телефона, а когда к нему подошла его дочь, то он был уже мёртвым. Было ли это на самом деле так или выдуманно – не известно, но распространение об этом слуха явно походит на легенду.

О чём свидетельствуют подобные слухи? Как они возникали и какое имеют назначение? Многочисленные наблюдения за подобными явлениями показывают, что они возникают в результате стремления отметить чем-либо особенным человека, вызвавшего внимание и уважение к себе, приукрасить память о нём. Это объяснение в полной мере подходит и к данному случаю, т. е. образованию этих слухов по связи с именем Л. В. Лепешинского. На примере Леонида Васильевича мы имеем исключительный случай высокого уважения и авторитета, которым он пользовался у рабочих Верх-Исетского завода. Это были не просто отношения районного врача, хотя и очень уважаемого, к своим подопечным и не только служебные отношения, а отношения дружбы и доверия к своему врачу. Леонид Васильевич был для рабочих признанным и, так сказать, наречённым их заводским врачом. «Пойду к Леониду Васильевичу», «Леонид Васильевич сказал», «Сходи к Леониду Васильевичу» - вот выражения, которые можно было часто слышать среди рабочих ВИЗа. К нему рабочие шли не на консультацию, а за «советом»! «Мне Леонид Васильевич советовал то-то и то-то...» с такими словами возвращались от него больные.

Чем же заслужил Леонид Васильевич такой авторитет и уважение? Прежде всего, своим высоким мастерством хирурга. Во врачебном мире Леонид Васильевич выдвинулся тем, что разработал методику оперирования зоба. Но это был только частный случай его хирургической практики. Он также с успехом делал операции желудка и опухолей. Он был превосходный диагност. Он, конечно, принадлежал к старому поколению диагностов, когда

---

¹³⁴⁰ Лепешинский Леонид Васильевич (1870-1949) – сын протоиерея. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1889 г. и Томский университет в 1896 г. Хирург. Работал врачом в Екатеринбургском земстве, с 1909 г. – главный врач Верх-Исетского госпиталя, с 1924 г. – заведующий отделением. Заслуженный врач РСФСР 1944 г., кандидат медицинских наук 1948 г.

рентген и другие средства диагностики ещё отсутствовали или только начинали ещё входить в практику. Диагностика основывалась на опыте интуиции врача. Но эти два последние качества были в совершенстве воплощены у Леонида Васильевича. Его колоссальный опыт был всем известен, а его испытанная в операциях рука вселяла доверие и внушала уверенность в благополучном исходе операции. Вот почему во многих случаях нерешительности прибегнуть к операции к нему приходили люди за советом и, подчиняясь последнему (совету), решались на операцию, но при условии, чтобы операцию делал он. Со временем рука Леонида Васильевича ослабела, тем более что он потерял один палец: пришлось удалить ввиду возможного заражения крови, и он работал как консультант и диагност. Второе качество Леонида Васильевича наряду с его искусством хирурга – была его исключительная преданность своему делу, «служение народу». Ночь-полночь, а в клинике раздаётся его звонок: «как чувствует себя такой-то?» Команда: «дайте то-то, сделайте то». Леонид Васильевич был воспитан на идеях великих революционеров-демократов, на идеях «служения народу». Эти идеи он усвоил ещё участие в Пермской духовной семинарии, где они были распространены в [18]80-е гг. Будучи материалистом по своему мировоззрению, он остался идеалистом по житейским делам: он не брал гонорар за частные приёмы. Это повело к тому, что многие избегали обращаться к нему на дому, но зато безотказно пользовались его советами в его рабочие часы. Леонид Васильевич был исключительно прост в обращении с больными.

Все эти качества Леонида Васильевича и обеспечили ему широкую признательность, уважение и любовь всех жителей Свердловска. Верх-Исетский завод в благодарность за лечение рабочих на своём конном дворе специально только для разездов Леонида Васильевича содержал коня и кучера, которые были в полном [его] распоряжении и по первому вызову звонком экипажа являлись к квартире Леонида Васильевича. В городе все знали вороного рысака, на котором Леонид Васильевич определённое время дня ехал на работу, зимой закутанный шарфом. В этот момент он чем-то напоминал знаменитого когда-то доктора Гааза при выездах его к своим пациентам, как это красочно было описано у известного юриста и публициста Кони. Да и самый облик идеалиста-врача чем-то тоже напоминает доктора.

В память о Леониде Васильевиче Лепешинском хирургическое отделение в ВИЗовской поликлинике носит его имя: «Отделение им[ени] Л. В. Лепешинского».

Леонид Васильевич свято хранил память о семинарии, где он учился. О т. Сталине, который, как известно, тоже учился в семинарии, Леонид

Васильевич однажды так выразился: «Иосиф Виссарионович своим авторитетом поддержал нас, семинаристов».¹³⁴¹

У Леонида Васильевича были недруги на работе среди медицинских научных светил. Его обвиняли иногда за то, что будто бы он, по их выражению, суётся не в свою область, устарел и т. д. Но за всеми этими «обвинениями» легко можно рассмотреть зависть к его популярности. Особенно в этом преуспевал покойный теперь профессор медицинского института Ратнер, считавший, что только он мог быть компетентным в области онкологии, а Леонида Васильевича в этом отношении считал вроде как узурпатором его авторитета.

Городские организации, учитывая особые заслуги Леонида Васильевича, предлагали ему лучшие жилищные условия в знак отличия от других деятелей медицины, но он всегда отклонял всякие поощрения, которые могли бы выделить его из ряда других деятелей медицины.

У Леонида Васильевича однажды было столкновение с екатеринбургским архиереем Серафимом¹³⁴² из-за Григория Распутина, а именно: Леонид Васильевич, несмотря на предложение архиерея приватно, чуть ли не с почётом для Григория и унижением для себя явиться к «болящему», отказался от этого.

Леонид Васильевич прошёл славный путь честного труженика науки и врача.

Прилагаемый к сему «некролог» даёт полную картину его *curriculum vitae*.¹³⁴³ К нему нужно лишь добавить следующие данные из автобиографии и листка ученика Леонида Васильевича:

а) он был сын священника,

б) в 1892-1893 [г]г. в течение пяти месяцев он сидел в Пермской тюрьме по политическим делам.

Наконец, на основании «предания» (устной передачи) можно утверждать, что он окончил курс Пермской духовной семинарии, где отец его был ректором.¹³⁴⁴

Леонида Васильевича хоронил весь Свердловск. На Ивановском кладбище, неподалёку от церкви, находится скромная могила, в которой покоится его прах.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 14-18.

---

¹³⁴¹ Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 3 ноября 1960 г.: «Слова Лепешинского о Сталине мне передал б[ывший] зав[едующий] кафедрой лат[инского] яз[ыка] в медицинском ин[ститу]-те Иван Нилович Мезенцев; сам я не слышал. Следовательно, это я передал со слов человека, который это слышал и которому я доверяю» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 23-23 об.

¹³⁴² Серафим (Голубятников) (1856-1921) – епископ Екатеринбургский в 1914-1917 гг.

¹³⁴³ *curriculum vitae* – по-латински ход жизни.

¹³⁴⁴ Лепешинский Василий Иванович (1828-1891) – протоиерей, ректор Пермской духовной семинарии в 1884-1891 гг.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

*Владимир Павлович Луканин**

В. П. Луканин¹³⁴⁵ родился 28/ХІІ 1890 г. в с[еле] Бобровском, Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Отец его в различное время занимал разные должности, одной из которых была должность псаломщика, умер в 1912 г. от туберкулёза. Его дети – брат и сестра – учились благодаря помощи знаменитого уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, который приходился двоюродным братом отцу Владимира Павловича. По окончании Екатеринбургского духовного училища, Владимир Павлович учился в Пермской духовной семинарии, но из неё был в 1905 г. исключён за участие в забастовке и принадлежность к работе в партии социал-демократов большевиков. В 1910 г. Владимир Павлович сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в Томский университет на медицинский факультет[, который окончил] в 1914 году. С 1915 г. по 1922 г. Владимир Павлович состоял на военной службе врачом терапевтом в лазаретах и военных госпиталях. Последней военной должностью его была должность старшего врача и преподавателя Феодосийских советских пехотных командных курсов. После демобилизации Владимир Павлович непродолжительное время в связи с болезнью [работал] участковым врачом в Арамили близ Свердловска, а затем переехал в Свердловск, где и развернулась, главным образом, его научная деятельность. Владимир Павлович был одним из организаторов в Свердловске института профессиональных заболеваний. Владимир Павлович работал также при ВИЗовской поликлинике как специалист по внутренним болезням и приобрёл авторитет в этой области. В 1936 г. Высшей квалификационной комиссией ему за ряд научных работ присуждена была степень кандидата медицинских наук, а в 1939 г. он защитил диссертацию на тему: «Хромиты, как профессиональный фактор и их влияние на организм», за которую ему присуждена была степень доктора медицины. В 1949 году он был назначен профессором и заведующим кафедрой по «внутренним болезням» при Свердловском государственном медицинском институте. Умер Владимир Павлович 2/ІІ 1953 года.

Владимир Павлович, как [и] Леонид Васильевич Лепешинский, современник его по работе и тоже пермский семинарист, пользовался особенной популярностью у рабочих ВИЗа, многие из которых были его пациентами. По выражению одного из них, он (этот рабочий) «жил только благодаря Луканину». Владимир Павлович пользовался заслуженным почётом и уважением студентов. Он умер в возрасте 63 лет, и, можно сказать, «сгорел на работе».

---

¹³⁴⁵ Луканин Владимир Павлович (1890-1953) – сын псаломщика Екатеринбургского уезда. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1905 г. и медицинский факультет Томского университета в 1914 г. Кандидат медицинских наук 1939 г., доктор медицинских наук 1949 г. Профессор Свердловского государственного медицинского университета.

Обстоятельства последнего периода его жизни сложились так, что ему пришлось работать с утра до ночи, а дома ещё ухаживать за больной женой, не доверявшей никому ухаживать за ней, кроме Владимира Павловича. Сердце не вынесло такой нагрузки,... и он скоропостижно скончался. Медицинский институт с почестью похоронил его на Михайловском кладбище. *Sic transit gloria mundi!*¹³⁴⁶

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 19-20 об.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

¹³⁴⁶ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

Александр Владимирович Затопляев*

Страничка из воспоминаний о встречах и совместной работе

А. В. Затопляев¹³⁴⁷ родился в 1893 г. в семье священника г. Алапаевска. Как и все дети духовенства того времени он, по окончании начальной школы, поступил в возрасте 10 лет учиться в духовное училище и именно ближайшее к Алапаевску – Екатеринбургское училище. Вспоминая о времени обучения в этом училище, Александр Владимирович отмечал, что одним из учителей его здесь был Павел Петрович Бажов, преподаватель по церковно-славянскому языку. Преподавание велось по книге «Псалтырь», причём Павел Петрович был очень требовательным педагогом.

Екатеринбургское духовное училище среди других училищ этого типа славилось тем, что в нём когда-то учились Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. С. Попов и учился и работал в нём П. П. Бажов.

После окончания духовного училища Александр Владимирович поступил учиться в Пермскую [духовную] семинарию в 1907 г. После бурных лет первой революции в России, захвативших и семинарию (имеется в виду забастовка 1905 г.), наступила реакция, неизбежно затронувшая и семинарию: были усилены мероприятия по религиозному воспитанию. Александр Владимирович ездил со Н. И. Знамировским и др. учениками в Палестину. Он рассказывал о Николае Ивановиче, как в момент вступления на Священную землю Николай Иванович пал на землю и долго её целовал. Спустя много лет, автор этой заметки и Александр Владимирович при встрече вспоминали семинарию, ректора и инспектора, учителей, кое-кого поминали добром, кое-кого с оговоркой, но единодушно и сердечно вспомнили о семинарском швейцаре Яше: он первым встречал нас у парадной двери при входе в семинарию, когда мы вступали в неё первый раз в жизни и, вероятно, последним провожал нас при оставлении нами семинарии навсегда.

В 1913 г. Александр Владимирович поступил в Казанскую духовную академию и закончил её в мае 1917 г. Время было военное, нервное. Александр Владимирович вспоминал, что ему в академии приходилось по поручению товарищей по курсу быть посредником между администрацией и студентами по вопросам бытового характера, причём начальство смотрело на это косо и грозило ему выводами по административной линии. Особенно в этом отношении усердствовал инспектор академии – архимандрит Гурий.¹³⁴⁸

---

¹³⁴⁷ Затопляев Александр Владимирович (1893-1966) – сын священника г. Алапаевска. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1907 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1913 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1917 г.

¹³⁴⁸ См. Часть IV. «Казанская духовная академия начала XX века».

Кандидатскую работу при окончании академии Александр Владимирович писал на тему «Патриарх Гермоген как писатель» (по рукописи Анзерского скита, хранившимся в библиотеке академии).¹³⁴⁹

По окончании академии Александр Владимирович некоторое время работал преподавателем латинского языка в Пермской духовной семинарии.¹³⁵⁰ Здесь он встретился с некоторыми своими бывшими семинарскими учителями, причём, как он говорил, ему пришлось сделать переоценку некоторых из них, например, В. А. Кандаурова, который в стеснённых условиях жизни показал себя неблагоприятным по отношению к товарищам по работе.

В 1923 г. в июле я встретился с Александром Владимировичем в Свердловском губернском отделе народного образования (губоно), где он работал инструктором-методистом, а я поступил работать инспектором губоно. В этот трудный период, образно выражаясь, «смутный» период состояния просвещения Александру Владимировичу пришлось проделать колоссальную работу по организации обучения в школах соцвоста. К этому времени – 1923-1924 гг. – относится издание губоно сборника руководящих материалов по народному образованию, значительная доля которого была выполнена Александром Владимировичем. В 1924 г. организованы были губоно областные курсы по переподготовке преподавателей, значительная доля подготовки к которым пала также на плечи Александра Владимировича.

В тридцатых годах я встречался с Александром Владимировичем на собраниях секции учителей городских комвузов. Александр Владимирович был сторонником диалектического единства теории и практики в педагогическом деле. Работая в школе после ухода с организационной работы, он неизменно совершенствовал своё мастерство и в сороковых годах, когда я встретился с ним по работе в Свердловском государственном педагогическом институте, он уже вёл ответственную работу на кафедре профессора Александра Петровича Георгиевского¹³⁵¹ по преподаванию русского языка. В должности старшего преподавателя Александр Владимирович вёл в институте теоретические занятия и практикумы по русскому языку с сентября 1939 г. до 1950 года. В июне 1950 г. Александр Владимирович в научно-исследовательском институте Академии педагогических наук РСФСР защитил кандидатскую работу по методике русского языка на тему: «Изучение обособленных определений и приложений в средней школе». С 1950 г. Александр Владимирович [–] кандидат педагогических наук и доцент. Александр Владимирович продолжает работать в институте зав[едующим] кафедрой русского языка.

---

¹³⁴⁹ Анзерский скит Соловецкого монастыря, библиотека которого хранилась в Казанской духовной академии.

¹³⁵⁰ В 1917-1918 гг. был псаломщиком Вознесенской церкви г. Перми.

¹³⁵¹ Георгиевский Александр Петрович (1888-1955) – профессор, археолог, краевед. Окончил Новгородскую духовную семинарию в 1912 г.

Александр Владимирович – человек с широким научным горизонтом, высококультурный, обаятельный в обращении с другими. Он пользуется заслуженным авторитетом и уважением студентов института.¹³⁵²

10/Х – [19]60. 7 ч. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 726. Л. 5-9 об.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

¹³⁵² Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 16 ноября 1960 г.: «Когда мы встречаемся с ним и разговариваем о семинарии, он больше останавливается на теневых сторонах. С ним о семинарии лучше не говорить в домашних условиях: его жена партийная. Если это учесть, то можно понять его настроение. Но мы беседовали с ним всегда дружелюбно в духе «братвы». ... Вообще же жизнь так помяла нас, что один другого иногда плохо узнают» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 30-30 об.

«Работал преподавателем в разных учебных заведениях г. Екатеринбурга, Екатеринбургском губоно (зам[еститель] завед[ующего]), а также Свердловском облоно [областного отдела народного образования – ред.]. Одно время преподавал русский язык и литературу в Урало-Сибирском коммунистическом университете, позднее занимал должность доцента Свердловского педагогического института; зав[едующий] кафедрой русского языка. В семинарии учился легко, скромн, общителен только с одноклассниками, выдержанный, несколько высокомерный, обладал музыкальными и певческими способностями, танцевал. В семинарии и академии показал себя фанатичным религиозником, был активным участником проповеднического кружка (руков[одитель] Знамировский) при часовне братства свят[ителя] Стефана. В практической жизни оказался иным, видимо своих религиозных устремлений осуществить не мог или не хотел их показать в советских условиях и окружении. Стал осторожно молчалив со знающими его бывшими семинаристами, сторонился их, что в некоторой степени объясняется тем, что его жена – человек партийный (Владимирова, работника системы народного образования). Скончался в апреле 1966 г. Пятьдесят лет жизни отдал научному труду, начав работать простым учителем. Его отличала живая связь со школой, умение видеть и обобщать новое в учительской практике. Им оставлено около сорока научных трудов. (Из некролога)». (Шишѐв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 29-30).

Целлестин Андреевич Киселёв*

Сын священника с[ела] Катайского, Шадринского у[езда], Пермской губернии, родился в 1893 г. Последовательно учился:

а) в Камышловском дух[овном] уч[или]-ще с 1903 по 1907 г.

б) в Пермской дух[овной] семинарии с 1907 по 1913 г.

в) в Петербургской дух[овной] академии с 1913 по 1917 г.

г) Одновременно с обучением в ПДА учился (и закончил) Петерб[ургский] Археологический институт с 1915 по 1917 г.

д) Заочно учился (и закончил) М[осковский]Г[осударственный]У[ниверситет] с 1926 по 1931 г.

Работал:

1. В Московском пед[агогическом]/техникуме [в] 1918-1931 гг. преподавателем педагогики.

2. Методистом при Моск[овском] гороно 1931-1941 гг.

3. Преподавателем средней школы в заводе Ертарском Сверд[ловской] обл[асти] [в] 1941-1944 гг.

4. В Свердловском пед[агогическом] ин[ститут]-те [в] 1944-1957 гг.

Пенсионер.

Записал со слов В. Игнатъев (сам Ц. А. Киселёв писать не может – парализован).¹³⁵³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 4.

*Из воспоминаний и биографических очерков о бывших семинаристах в «пермской коллекции» воспоминаний автора.

---

¹³⁵³ Скончался в 1971 г.

*Владимир Петрович Козельский**

Сразу нужно покаяться в том, что мы, т. е. я и моя жена, А[нна] Ф[ридриховна], дали прозвище одному юноше. Теперь он уже старик, а это прозвище – «каменный горох» - вьелось в наш язык, как какой-то сорняк, и до сих пор срывается с него (языка), когда приходится вспоминать об этом нашем знакомце. Никогда ни мне, ни тем более моей жене, не приходило в голову заниматься таким словотворчеством, часто обидным для другого, а вот, поди-ты – случилось и всё. Появление на свет прозвищ, очевидно, обуславливается неким психологическим императивом, когда воображение бывает так захвачено чем-либо, что диктует языку, иногда даже вопреки контролю сознания. «Сорвалось с языка» - так говорят в этом смысле. Хорошо, если только раз сорвётся с языка; а если будет повторяться, вот тебе готово и прозвище. Так именно и получилось с нами, со мной и А. Ф.

Мы познакомились с этим человеком, тогда юношей, в 1915 г.: как преподаватель его, а А. Ф. при посещении им нашей квартиры. Он заканчивал тогда курс учения в Пермской дух[овной] семинарии. Ещё Владимир Мономах в своём «Поучении» отмечал бесчисленное разнообразие человеческих лиц, но ещё больше это разнообразие относится к душевному складу людей, к их характерам. Правда, единообразие быта и особенно учения в какой-то степени нивелируют это разнообразие, подгоняют под один тип, но это только внешне, в периферийной части, а в глубине души сохраняется в полной мере это разнообразие.

Иногда же бывает так, что среди массы людей появляется человек, у которого черты разнообразия, отличия от других превалируют, и он выделяется как оригинал, которого иногда считают чудачком. В таком положении оказался среди семинаристов тот юноша, о котором идёт речь. Он и внешне несколько выделялся среди других какой-то внутренней сосредоточенностью, что бывает у людей, о которых говорят: «он не от мира сего». Он был простоватый, незлобивый, но главной особенностью его было: он играл на сделанном им самим цимбале и пел «канты» - духовные стихи. Это было вообще анахронизмом, потому что переносило слушателей его в седую старину, когда эти песни исполнялись «каликами-перехожими» и играли бандуристы. Не меньшим анахронизмом было и в семинарии, когда в ней были певцы, настоящие артисты. Они распевали романсы под акко[мпа]немент рояля, а тут появился такой музыкант и певец. За него ухватились ревнители благочестия, а особенно инспектор семинарии Николай Иванович Знамировский.

Владимир Козельский оказался на положении, похожим на положение Алёши Карамазова, «спасённой души». В общей массе семинаристов он был каким-то диссонансом и часто служил предметом насмешек со стороны своих товарищей по учению.

Ещё и до этого по рукам семинаристов – любителей пения, ходили канты, как говорили, гармонизированные пермским епископом Петром для

исполнения *trio* и изданные литографическим способом. В своё время Т. П. Андриевский, живший в семинарии, иногда приглашал к себе певцов-семинаристов и «наслаждался» их пением, но без аккомпанемента, а теперь они у Козельского получили законченное музыкальное оформление. Любимым кантом его было повествование о скорбящей Богородице, о том, что слёзы её превращались в каменный горох, и рефреном служили слова: «только каменный горох». Отсюда и произошло прозвище «каменный горох». Козельский пел этот кант с умилением, вкладывая в исполнение всю свою душу, всего себя – этим только и можно объяснить наше грехопадение, о чём сказано выше.

Детские годы Владимира Петровича Козельского прошли в городе Верхотурье б[ывшей] Пермской губ[ернии], где его отец служил дьяконом городской церкви. Верхотурье славилось тогда монастырём, где находились мощи Симеона праведного, верхотурского чудотворца.¹³⁵⁴ Сюда, к мощам праведного стекались со всех концов матушки Расеи «нищие духом», отягощённые тяжёлыми условиями жизни, больные, жаждущие исцеления, и некоторые из них с повышенной нервной системой получали это исцеление через высшее напряжение этой системы. Отсюда они уходили с земелькой с могилы праведного, рогальным маслом, средством от всяких болезней, с иконками, крестиками и пр.

Весь город пропитан был запахом ладана, исходящим из монастыря, запахом рогального масла и специфическим запахом, исходящим от богомольцев, приобретённым от их скученности по домам и в гостинице монастыря. Вся окружающая мальчика атмосфера сжимала его ум, отнимала резвость и делала его не по возрасту внутренне сосредоточенным, ребёнком-стариком. Семейный быт был пронизан церковной обрядностью, элейностью, которые, как ржавчина, въедались в складывающийся характер, в привычки мальчика.

По окончании низшей школы он поступил в Екатеринбургское духовное училище. Здесь он прислуживал при богослужениях: был помощником церковного старосты – ставил свечи, ходил за просфорами к монашкам, был звонарём. Во время рождественских каникул любил славить, причём на греческом языке, изучением которого увлекался ещё в духовном училище. Стал упражняться в игре на цимбале, который сам сделал, подглядев у кого-то из богомольцев. У кого-то из богомольцев подслушал пение каких[-то] кантов и когда поступил в Пермскую дух[овную] семинарию, то уже имел кое-какие навыки в исполнении их под акко[мпа]немент цимбала. Как уже выше отмечено, здесь он нашёл благоприятную питательную среду для развития своего таланта и для дальнейшего формирования его характера.

---

¹³⁵⁴ Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь, основанный в 1604 году, закрытый в 1924 году, восстановленный в 1990 году.

После окончания семинарии Владимир Петрович поступил в Казанскую духовную академию. Здесь он попал в состав студентов, которые группировались около священника в Ягодной слободе Николая Троицкого, окончившего академию.¹³⁵⁵ Сюда стекались студенты с богословским умонастроением, чающие принятия священного сана. Для них участие в монашеском кружке в стенах академии было не приемлемо, потому что они не склонны были совсем отказаться от жизненных «утех», к чему звали монахи. Владимир Петрович одно время даже жил у Троицкого, когда тот был настоятелем Воскресенской церкви в самом городе Казани. Он ничего не рассказывал о своих публичных выступлениях с цимбалом в стенах академии, а привёз его с собой в Казань. Очевидно, в академии не было для этого условий, потому что это учреждение было чопорным и претенциозным по части изысканных порядков: в нём ведь жили и учились студенты, люди гордые сознанием своего достоинства. Вл[адимир] Петрович в академии даже отдал дань критическому отношению к некоторым сторонам академической жизни. Так, он явно с сочувствием высказывался по поводу эпиграммы, направленной в адрес профессора В. И. Несмелова:

*«Он создал науку,
Студентам на муку».*

У Владимира Петровича иногда появлялось желание вспомнить старинку, когда он был звонарём в духовном училище. Так, он рассказывал, как однажды вызвал переполох у начальства академии звоном «во вся» в первый день «рождества», что полагалось только на Пасхе. «Они» почему-то подумали, что неожиданно приехал архиепископ и сбежались для встречи. Юноше за это «влетело». Этот случай показывает, что Вл[адимир] Петрович, будучи студентом академии, всё ещё сохранял свою простоту, граничащую с детской наивностью.

Октябрьская революция не позволила ему закончить академию *lege artis*¹³⁵⁶: он, как и другие, не писал кандидатской работы, и ему было выдано удостоверение в том, «что он является действительным студентом Императорской Казанской духовной академии». После революции академия, как рассказывал он, некоторое время ещё «механически тянула своё существование, но настал момент, что дальше это продолжаться не могло и ... здание рухнуло».¹³⁵⁷ Вл[адимир] Петрович рассказывал, что самого конца он уже не дождался и «бежал» в Зауралье.

---

¹³⁵⁵ См. Часть IV. «Казанская духовная академия начала XX века».

¹³⁵⁶ *lege artis* – по-латински по закону искусства.

¹³⁵⁷ В 1917 г. Казанская духовная академия была выселена Временным правительством из своего здания, в котором разместились эвакуированный кадетский корпус и военный госпиталь. В 1917-1918 гг. занятия проводились в других помещениях, в основном в здании Казанской духовной семинарии. Была попытка преобразовать академию в богословский факультет Казанского университета. В 1918 г. в академии прошли последние выпускные экзамены и защита магистерских сочинений, выданы последние дипломы. Казанская духовная академия ещё продолжала свою деятельность подпольно на квартирах до 1921 г., когда был арестован весь её преподавательский состав.

Движение по железной дороге было уже затруднено, и он в пути потерял свой цимбал. Потеря эта оказалась потом не простой потерей, а символической и обозначала потерю всего его прошлого и необходимость жизнь начинать сначала, причём он обнаружил удивительную живучесть и приспособляемость к жизни. После некоторого «плавания по бурным водам» революции он оказался учителем в одной из школ города Кургана, женился и стал в полном смысле семьянином. Тосковал по прошлому. Однажды – рассказывал он, – он услышал, что один знакомый его врач запел не то «Се Жених», не то «Благообразный Иосиф»¹³⁵⁸, и душа его встрепенулась, как [у] «испуганной орлицы». Оказалось, что врач был из «своих» – из окончивших Тобольскую духовную семинарию.

Когда «изомроша ищущии отрочате»¹³⁵⁹, Владимир Петрович переехал в Пермь. Здесь он некоторое время преподавал латинский язык не то в университете, не то в мед[ицинском] институте, а потом «спланировал» на должность преподавателя немецкого яз[ыка] в средней школе. «Где же Вы изучали немецкий язык? – спросил я его, – и он ответил: «немного в семинарии и немного в академии». Я знаю, что обозначает это «немного», но какая гибкость, изворотливость, приспособляемость к жизни должны быть у человека, обладателя этим «немного».

Теперь Вл[адимир] Петрович, «почил на лаврах» – на пенсии, но душа его по-прежнему осталась «очарованной».

Таковы этапы жизни этого оригинального человека, который в бытность учеником Пермской дух[овной] семинарии был уникальным явлением в ней за всю более чем столетнюю историю её существования. Жизнь его, кроме того, поучительна потому, что она свидетельствует о том, как живуч «этот» род!

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 94-109.

*Находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции», в «пермской коллекции» – отсутствует.

---

¹³⁵⁸ Песнопения, которые поются на богослужениях в период Страстной седмицы.

¹³⁵⁹ Автор использует часть цитаты из Евангелия от Матфея (2:20): «изомроша бо ищущии души Отрочате» (ибо умерли все искавшие души Младенца) в сюжете о возвращении семьи Иисуса Христа в Израиль после окончания избиения младенцев в Вифлееме царём Иродом.

Комментарии (аннотации) В. А. Игнатьева к «Справочной книге всех окончивших курс Пермской духовной семинарии в память 100-летия Пермской духовной семинарии» свящ[енника] Иакова Шестакова (фрагмент)*

В настоящих комментариях (аннотациях) автор ставил перед собой задачу пополнить те сведения об окончивших Пермскую дух[овную] семинарию, которые указаны в «Справочной книге» свящ[енника] Иакова Шестакова и оживить их «глазами современника», т. е. представить в более или менее полном виде.

В большинстве случаев сведения о том или другом лице являются результатом личного знакомства с описываемыми людьми, или полученными от близких знакомых автора, к которым от относился с доверием.

Описание некоторых деталей из жизни описываемых лиц имело целью подробнее осветить их характер, поскольку в этом отразился и характер эпохи, в которую они жили.

Цифры, взятые в обрамление, указывают на год окончания кем-либо семинарии (напр[имер] 1854), на выпуск из семинарии в порядке их прохождения (напр[имер] 18) и на разряд, с которым кто-либо был выпущен из семинарии (напр[имер] I). По ним можно найти данное лицо в «Справочной книге» свящ[енника] И. Шестакова.

1854-18-1 (первый класс).

Александр Сильванов, священник Теченского села, Шадринского уезда. Подробное описание его семейства находится в очерках Игнатьева В. А. о селе Русско-Теченском, Шадринского у[езда]. (см. Областной архив Свердловска).

Примечание. У Игнатьева В. А. ошибочно фамилия названа «Селивановы» - правильно: «Сильвановы».

1860-21- (алфав[итный] список).

Андрей Алексеевич Никитин, 1 разряда, протоиерей Дедюхинского з[авода] Соликамского у[езда].

В конце жизни был настоятелем церкви Пермского женского монастыря.

1862-22-1 (первый класс).

Стефан Александрович Луканин, протоиерей при Пермском Успенском монастыре.

Известный пермский миссионер. Обладал исключительным талантом проведения дискуссий со старообрядцами, оказывая на них главным образом психологическое влияние. В конце жизни был духовником Пермской семинарии.

Зналок древних мотивов различных церковных песнопений.

1862-22-II (первый кл[асс]).

Иван Алексеевич Никитин, протоиерей Пермского Петропавловского собора. Несколько лет затем служил в Мотовилихинском зав[оде] настоятелем церкви, а потом протоиереем Пермского кафедрального собора. В молодые годы зарекомендовал себя талантливым регентом церковного хора, причём был сторонником хора с детскими голосами и исполнения преимущественно *piano* в церковном стиле. Увлечение музыкальным искусством (только не пением) унаследовал его сын – Николай Иванович, по образованию юрист. Он организовал в Перми струнный оркестр из любителей и давал концерты.

1868-25-I (первый класс).

Александр Мухин, священник Екатеринбургской епархии.

Долгое время служил священником Нижне-Петропавловского села Шадринского у[езда], а потом перевёлся священником в с[ело] Никольское, Камышловского у[езда]. Был членом правления Камышловского дух[овного] училища. Отец многочисленного семейства. Его дочери – Любовь и Надежда, по окончании Екат[еринбургского] епарх[иального] училища, некоторое время работали пом[ощницами] учителя в Тече. Надежда позднее работала фармацевтом в Камышлове, а сын – Александр Александрович, по окончании Томского ун[иверсите]-та работал тоже врачом в Камышлове. Его супруга (матушка) среди прочих женщин этой же категории (матушек) была в некотором отношении феноменальным явлением и соблазном для других: она курила. Сам он был тоже оригинальным человеком: был заядлым рыболовом, причём ездил на рыбную ловлю в Течу, точнее – за Течу на «Поганое место». В случае удачи имел обыкновение похвастаться: при проезде мимо теченского протоиерея показывал ему в руке щуку, которую, как говорили, покупал у какого-либо рыбака, а выдавал за свой улов. Имел обыкновение сидеть дома у окна, подзывать к себе прохожих и расспрашивать: куда ходил, за чем и пр. В престольный праздник 29-го июня произносил ежегодно одну и ту же проповедь, причём доходя до известного места, начинал плакать, но был грубым по отношению к прихожанам. Так, при приме ко кресту иногда заявлял: «крестись, татар!» Одно время был благочинным и во время съездов по благочинию, когда все собирались у него, был хлебосолом в духе Крыловского Демьяна. Одним словом, был типичным представителем деревенского духовенства в патриархальные времена, описанные в начале двадцатого века Гусевым-Оренбургским.

1868-25-II (первый класс).

Иван Кокосов, священник с[ела] Песковского, Шадринского у[езда].

Сын его Аркадий учился в Камышловском духовном училище, выбыл из III кл[асса] и, как передавали, выучился на землемера и работал по этой специальности в Шадр[инском] у[езде]. Старший сын – Михаил – после окончания Томского ун[иверсите]-та работал земским врачом в Далматове.

В селе был детский приют для девочек, и он состоял членом попечительного совета. Первым на Урале он развёл яблоневый сад, ещё до появления в свет мичуринской науки.

Он, очевидно, был сын крестьянского священника Якова Кокосова, прибывшего в Зауралье из Владимирской губернии по приглашению местного архиерея для обеспечения новых приходов по рекам Исети и Течи, и брат Владимира Яковлевича Кокосова, известного медицинского деятеля и писателя.

Примечание. В «Справочной книге», изданной свящ[енником] Иаковом Шестаковым в память 100-летия Пермской дух[овной] семинарии, в 1840 г. в одиннадцатом выпуске из семинарии значится окончившим по 1-му разряду Яков Кокосов.

1868-25-П (первый класс).

Михаил Данилович Симановский, учитель Камышловского дух[овного] училища.

Он работал преподавателем приготовительного класса до глубокой старости и являл собой человека старой педагогической закалки: был в меру педантичен, аккуратен и обладал большим опытом. Играл на скрипке и иногда демонстрировал своё искусство пред учениками в дуэте с Михаилом Михайловичем Щегловым.

1868-25-П (второй класс).

Владимир Бирюков, священник Теченского с[ела] Шадринского у[езда].

Подробное описание его деятельности и его семейства находится в очерках Игнатьева В. А. о селе Русско-Теченском, Шадр[инского] у[езда]. (см. обл[астной] архив Свердловска).

Примечание. В «Справочной книге» Я. Шестакова ошибочно указан год его смерти 1878, он умер в 1915 году.

1868-25-П (второй класс).

Василий Кудрявцев, свящ[енник].

Одно время он был священником с[ела] Сугоякского, Шадринского у[езда]. Страдал «известным» русским пороком. Один из его сыновей служил в гусарском полку.

1870-26- Алфав[итный] список.

Сергий Ляпустин, свящ[енник].

Служил в с[еле] Ирюмском, Кам[ышловского] у[езда]. Рано умер. Был женат на сестре Владимира Бирюкова – Таисье Александровне.

Она держала на квартире учеников Камышловского дух[овного] училища. Три сына её – Владимир, Александр и Михаил учились на казённый счёт в Пермской дух[овной] семинарии и закончили её. Александр,

кроме того, закончил Петерб[ургскую] дух[овную] академию. Дочь Мария на казённый счёт училась и закончила Екат[еринбургское] еп[архиальное] уч[илище]. Работала учительницей.

1870-26- (алфав[итный] список).

Павел Серебренников, д[окто]-р медицины, врач Пермской семинарии.

Павел Николаевич Серебренников был не только врачом, но и преподавателем семинарии в пятом классе по гигиене и в шестом классе по медицине. Всем известна его популярность в городе и особенно среди семинаристов. Он был создателем музея в г. Перми. Есть обширная публицистическая литература о его деятельности, поэтому нет необходимости говорить о нём в этом кратком обзоре.

1871-30 вышли из 4-го кл[асса].

Димитрий Мамин слушал лекции на ветерин[арном] отделении Медицинской Академии 4 года и на юридич[еском] факультете 1 год, известный писатель Мамин-Сибиряк.

1876-32-I

Евгений Дюков, священ[ник] в г. Екат[еринбур]-ге.

Продолжительное время работал в Екатеринб[ургском] епарх[иальном] училище, не пользовался авторитетом среди учениц, о чём свидетельствует созданное ими выражение о нём: «Дверь отворилась – кривая явилась»...

1876-32-II

Аркадий Рычков, народный учитель Шадрин[ского] у[езда].

Аркадий Захарович Рычков всю свою жизнь работал учителем в с[еле] Нижне-Петропавловском, Шадр[инского] у[езда]. Он был образцом деятеля на народной ниве. В семье были две дочери и сын – Михаил Аркадиевич. М. А. пошёл по стопам своего отца и работал сельским учителем. В 1902 г. он окончил Камышловское дух[овное] училище. Теперь он на пенсии и живёт в с[еле] Сугоякском, Челяб[инской] обл[асти].

1878-34-I

Иван Устинов, учитель Камышл[овского] дух[овного] училища.

Иван Иванович Устинов был продолжительное время преподавателем русского яз[ыка] в первом классе Кам[ышловского] дух[овного] уч[илища]. Преподавал его только в первом классе, так как не имел высшего образования. Его сменил на этом посту П. П. Бажов.

Иаков Шестаков, священ[ик] с[ела] Кудымкорского, Сол[икамского] у[езда].

Автор «Справочной книги всех...¹³⁶⁰

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 133-141.

*Находится в составе очерков «Старая Пермь (из воспоминаний пермского семинариста)» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора; в «пермской коллекции» имеется «Список выпускников Пермской духовной семинарии со сведениями об их дальнейшей деятельности», составленный В. А. Игнатьевым по списку священника И. Шестакова, который содержит «сведения о лицах разных гражданских служб, студентах и духовенстве, выделившихся чем-либо из ряда других» (выписка из «Справочной книги»). (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 731).

---

¹³⁶⁰ Далее текст отсутствует.

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ В. А. ИГНАТЬЕВА «ПРОФЕССОР,
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ИВАН СТЕПАНОВИЧ БОГОСЛОВСКИЙ» И
«СЕМЕЙСТВО БОГОСЛОВСКИХ»**

19-20 октября 1960 г.

Профессор, доктор медицины Иван Степанович Богословский

И. С. Богословский был сыном пермского священника Стефана Михайловича Богословского. Семья Богословских была очень дружной, культурной и гостеприимной. В семье отношения между родителями и детьми были проникнуты взаимным уважением и доверием. Родители во всём показывали детям пример. В семье был строгий порядок, основанный на внутреннем убеждении всех членов семьи в необходимости его. Воздержание от употребления спиртных напитков, от курения – было непреложным законом для всех членов семьи.

Отец семьи – Стефан Михайлович – по окончании курса обучения в Пермской духовной семинарии сначала работал учителем в сельской школе, а потом священником в Прикамье – в области Соликамска, Усолья и Березников.

Мать – Екатерина Фёдоровна, урожденная Антипина – тоже сначала работала учительницей в сельской школе. В 1904 г. семья Богословских переехала в Пермь. Детство И. С. прошло в Прикамье, и было богато массой впечатлений от его природы. Особенно он полюбил Каму, и это обстоятельство отразилось на его дальнейшей судьбе: его деятельность проходила во многом на Каме. Мальчик рано узнал многое из истории Прикамья, полюбил его историю и в дальнейшей жизни всегда интересовался прошлым этого края.

По окончании начальной школы И. С. продолжил образование в Соликамском духовном училище. Здесь он пристрастился к церковному пению и на всю жизнь сохранил любовь к нему. Вспоминая это время учения, И. С. с увлечением рассказывал о том, как со своим учителем пения Н. Е. Собяниным¹³⁶¹ они пели по Октоиху богородичны.

---

¹³⁶¹ Собянин Николай Егорович/Георгиевич (1880-?) – сын священника Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. В 1900-1903 гг. надзиратель в Пермском духовном училище, в 1903-1908 гг. надзиратель в Соликамском духовном училище, где преподавал и пение. «Позднее служил в Перми в управлении железной дороги и пел в церковном хоре (бас)». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 5. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1280. Л. 120).

В 1908 г. семью Богословских постигло большое горе: трагически погиб (утонул) сын и брат – Николай¹³⁶², летом, при переходе во второй класс семинарии. Чтобы как-нибудь впечатление от поразившего всю семью горя отвлечь, рассеять, отец организовал поездку в Москву и Петербург через Нижний Новгород. Поездом семья побывала в Сарове, откуда происходил дед братьев Богословских.

По окончании духовного училища И. С. поступил в Пермскую духовную семинарию, прошёл в ней все шесть классов и, по окончании её поступил по конкурсу в 1914 г. на медицинский факультет Варшавского университета, хотя ему семинарией была предложена командировка для поступления в [духовную] академию.

В 1915 г. в связи со сдачей Варшавы перевёлся в Казанский университет, был мобилизован в V Красную армию, откуда откомандирован в Томский университет. Было много профессуры. Когда начиналась эвакуация Пермского университета профессора, главным образом, профессор Иван Петрович Коровин (бывший пермский семинарист)¹³⁶³ предложили ему поехать с ними в Пермь, что он и сделал.

И. С., будучи ещё студентом Казанского университета годами служил медиком на пароходах. В голодные годы плавал на Волге (Казань, Н.-Новгород). Первым местом его врачебной работы была больница водного транспорта в Перми, которой он заведовал. Был первым лечебным врачом в Камском бассейне и организатором Камского водного здравоохранения. Работал в Пермском университете ординатором и ассистентом, затем в Пермском медицинском институте – ассистентом и доцентом. В 1936-1940

---

¹³⁶² Богословский Николай Степанович (1892-1908) – сын протоиерея г. Перми. Обучался в Соликамском духовном училище в 1902-1904 гг., окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1906 г. и 2 класса Пермской духовной семинарии в 1908 г.

¹³⁶³ Коровин Иван Петрович (1865-1927) – сын священника Камышловского уезда. Окончил Далматовское духовное училище в 1880 г. и Пермскую духовную семинарию в 1886 г. «Служил учителем в Камышловском приходском училище. Окончил Томский университет в 1893 г. Работал проректором по кафедре судебной медицины в Томском университете. С 1894 г. профессор патологоанатомии Петербургской военно-медицинской академии. С 1916 г. заведующий кафедрой патологической анатомии, затем в Днепропетровске. И. П. Коровин многократно бывал за границей. В Петербурге он был очень известным специалистом, имел собственную, большую, хорошо организованную лабораторию, где работали квалифицированные специалисты. Это была хотя и частная, но лучшая клиничко-химическая лаборатория в столице. При переезде в Пермь он перевёз почти всё оборудование лаборатории, которое легло в основу кафедры патологической анатомии и судебной медицины. По Петербургу у него много учеников, чьих его память, тоже и по Пермскому университету. Как человек, он, по отзывам проф[ессора] И. С. Богословского, был замечательный. Когда он был председателем Государственной экзаменационной комиссии, его студенты называли «Папа Коровин». Скончался в Днепропетровске, имея степень доктора медицинских наук (с 1897 г.). Еще, будучи студентом, участвовал в борьбе с холерой в Томской губернии». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 2. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1277. Л. 219-220 об.).

гг. по командировке работал в г. Ижевске, где организовал факультетскую терапевтическую клинику и руководил ей. По постановлению Высшего квалификационного комитета в 1936 г. ему была присвоена степень кандидата медицинских наук, а в 1937 г. эта степень была вторично присуждена постановлением Учёного Совета Казанского медицинского института. В 1939 г. при I Московском медицинском институте защитил диссертацию на тему: «Сужение левого венозного отверстия», и ему была присуждена степень доктора медицинских наук. По возвращении из Ижевска руководил в Пермском медицинском институте кафедрой пропедевтики внутренних болезней, а позднее – факультетской терапевтической клиникой. В период Великой Отечественной войны на мобилизации был назначен главным терапевтом эвакогоспиталей в Пермской области с оставлением на педагогической работе (был ускоренный выпуск врачей).

В последний период своей деятельности заведовал объединённой факультетской терапевтической кафедрой. В своих воспоминаниях о студенческих годах И. С. называет имена профессоров, которые были его учителями, и в их числе профессора С. С. Зимницкого¹³⁶⁴ по Казанскому университету, М. Г. Курлова¹³⁶⁵, ведущего терапевта Сибири, по Томскому университету и особенно лучшего кардиолога Петербургского университета Владимира Флавиановича Симоновича¹³⁶⁶, приехавшего в Пермь в связи с открытием Пермского государственного университета.

В связи с тем, что И. С. продолжительное время работал врачом на водном транспорте, писал по этому поводу в своих мемуарах:

«Я с детства увлекался рекой, пароходами. Будучи учеником Пермского духовного училища, летом ежедневно посещал пристань и вскоре (изучил и) знал все пассажирские пароходы не только по имени и окраске, но и по свистку, знал, где какой пароход построен, сколько у него сил, какова грузоподъёмность, длина судна и т. д. А будучи семинаристом, знал о волжском флоте».

В настоящее время И. С. на пенсии. И. С. Богословский человек высокой культуры, исключительной доброты, сердечности и такта. Он воплотил в себе лучшие черты характера Богословских и пользовался заслуженным уважением сослуживцев и студенчества.

20.X – [19]60. 5 ч. 37 м. вр[емени]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223. Л. 1-4 об.

---

¹³⁶⁴ Зимницкий Семён Семёнович (1873-1927) – русский терапевт, доктор медицины.

¹³⁶⁵ Курлов Михаил Георгиевич (1859-1932) – русский терапевт, доктор медицины.

¹³⁶⁶ Симонович Владимир Флавианович (1870-1929) – терапевт, доктор медицины, профессор. Основатель уральской школы кардиологов. Один из организаторов медицинского факультета Пермского государственного университета, где руководил кафедрой пропедевтики внутренних болезней и основал кафедру факультетской терапии.

Семейство Богословских

Если вспомнить по отдельности кого-либо из Богословских, то тут же перед своим умственным взором предстанет и вся семья их, как говорится, «*in corpore*».¹³⁶⁷ И это совершенно закономерно, потому что редко можно найти другую такую семью, в которой у детей при всех их индивидуальных особенностях сохранились в характерах специфические черты семейного уклада. При воспоминании же обо всём семействе Богословских в целом, о его возникновении и жизненном пути, воображение нас переносит в Прикамье, в ту его часть, где расположены Усолье, Березники, Соликамск, Дедюхин. В нашей памяти воскреснут также исторические события, связанные с этими местами. Наконец, в нашем воображении предстанет величественная Кама, Пермь и обязательно Пермская духовная семинария. И это совершенно закономерно, не только в силу того, что в этих местах проходила жизнь семейства Богословских, но и в силу того, что всё это сочетание природных условий наложило тот или иной отпечаток на характеры членов этого семейства. Это можно заметить хотя бы на том, что у всех Богословских был развит интерес к истории своего края, к изучению его и археологическим исследованиям, а Кама и вообще любовь к воде, по признанию одного из них, во многом определили направление его деятельности. Известный период в жизни всех Богословских связан был с учением в Пермской духовной семинарии. Она предстала пред нами в благородном названии *alma mater*. Как выше уже было указано, семейство Богословских было дружным, крепко спаянным коллективом.

Возникает вопрос: что связывало, цементировало этот дружный коллектив? Один из членов этой семьи – Павел Богословский – так начинал воспоминания о своих родителях: «У нас были хорошие папа и мама». Можно ли на основании этого короткого выражения сделать вывод о том, что в семье была взаимная любовь между родителями и детьми? Очевидно, да! Иначе никто из детей не стал бы хвалить своих родителей, а предпочёл просто промолчать об этом, так в жизни это с одной стороны часто бывает. С другой стороны, если бы родители не любили детей, то едва ли бы кто-либо из них отозвался о родителях так, как здесь указано. Однако можно ли сказать, что в замечании Павла Богословского говорится только о любви. Слово «любовь» имеет многочисленные оттенки и смысла и трактуется в различном понимании. Простакова любила своего Митрофана. Это зоологическая любовь. Иудушка Головлёв тоже по-своему любил свою «матушку». В рассказе Л. Андреева об Иуде из Кариота даётся очень оригинальное трактование предательства Иуды, а именно, что Иуда продал Христа из любви к нему, чтобы прославить его как искупителя человечества через страдания и смерть. Отсюда видно, насколько неопределённым получается понимание выражения Павла Богословского, если считать, что в

---

¹³⁶⁷ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

нём говорится только о любви детей к родителям и наоборот. В самом же деле в этом выражении говорится больше, чем о любви, говорится об уважении родителей. Можно было бы сказать ещё так, что говорится о любви, но основанной на уважении.

Что такое уважение? Уважение – это признание в человеке его лучших человеческих качеств; это значит, указывать на человечность человека. Уважение к кому-либо может естественно на известной степени переходить в гордость этим человеком, и это такое проявление гордости, которое законно, проникнуто высокой моралью и заслуживает похвалы. Это мы и находим в воспоминаниях Павла и Ивана Богословских о родителях. Павел с явной гордостью за своего отца говорит о том, что он (отец) «несмотря на свой 55-летний возраст поступил вольнослушателем на юридический факультет, усердно посещал лекции». И тот и другой брат отмечают, что отец работал в университете бухгалтером и пользовался уважением. У Павла встречаем в воспоминаниях об отце: «Он был прекрасный бухгалтер и пользовался в профессорской среде большим уважением. Вообще папа делал нам, сыновьям, очень много, был ярким примером культурной жизни и упорного труда, а главное – воспитал нас в отвращении к вину и курению». Иван Богословский в своих воспоминаниях об отце рассказывает о его высокой трудоспособности, о его многогранной деятельности по строительству церковных и гражданских объектов. «Под его личным руководством, - указывает он, - в Перми построено было новое здание женского епархиального училища, каждый день он посещал стройку 1-2 раза». Он говорит в своих воспоминаниях о «способности Стефана Михайловича (отца) к строительству». Имея частую связь с окружающим техническим миром, Стефан Михайлович пользовался большим уважением с их стороны, ... много читал специальных книг и был, как говорили, «знатокстроек». Иван Богословский говорит, что его отца считали примерным пастырем. Он упоминает и о том, как его отец был инициатором и любителем общенародного пения в храме. В своих воспоминаниях об отце, он рисует его моральный облик в тоне самого глубокого уважения к нему. В воспоминаниях Павла Богословского находим короткое замечание о матери, свидетельствующее о глубоком уважении к ней: «Мама в молодости была учительницей с культурными интересами, ... работала в коми-пермяцкой школе, перевела для учебных целей «Родное Слово» Ушинского на пермяцкий язык». Воспоминания братьев друг о друге тоже свидетельствуют об их взаимном уважении. Как относились родители к детям? Можно ли говорить об уважении родителей к детям, и если можно, то в чём может выражаться это уважение? Очевидно, опять-таки в том, что касается человеческого достоинства у детей, т. е. уважения законных потребностей детей, их запросов. Павел Богословский в своих воспоминаниях говорит о том, как он выразил желание изучать иностранные языки у частного учителя, и ему предоставлена была возможность: родители дали на это средства. Он также замечает о том, как встречено было в семье его желание выйти после

окончания четвёртого класса семинарии и поехать учиться в Петербург: «Оно не встретило никаких возражений». Детям была предоставлена полная свобода в выборе их будущности. В этом отношении в семье подтверждался тот принцип, которым руководствовался в юности их отец: несмотря на предложение ему поехать после окончания семинарии учиться в академию он предпочёл руководствоваться своим желанием и пошёл в учителя. Кстати сказать, аналогично в этом отношении поступил и сын его Иван: вместо предложения поступить в академию он предпочёл поступить в Варшавский университет. Уважение к детям в семье Богословских выражалось также в том, что родители не позволяли себе унижать их достоинство подозрительностью в их недобросовестности. В воспоминаниях Павла Богословского указывается такая бытовая деталь: на пасхальные и рождественские праздники по традиции ставился праздничный стол с батареей разных вин для «визитёров», «а мы, все пятеро, не испытывали никакого соблазна и совершенно не пили, говорится в воспоминаниях; нужно добавить: а могли ведь пить, но им доверяли. Автору сего известна другая семья одного сельского священника, в которой тоже выставлялась по традиции в этих случаях «батарея», но под наблюдением «недрёманного ока», а то и под замком. Речь идет, таким образом, о том, что взаимное уважение – детей к родителям и родителей к детям – было основной семейного уклада Богословских.

В воспоминаниях Ивана Богословского есть такое краткое замечание: «в доме были строгость и порядок». Как понять это короткое замечание? Строгость, как и любовь, о чём говорилось выше, понятие сугубо диалектическое, т. е. в различных опосредствованиях приобретает различные оттенки значения и смысла. Строгость в семье Кабановой – «Кабанихи» - это гнёт над другими, издевательство над другими. Мы встречали такие семьи, в которых временное оставление семьи главой её воспринималось детьми как свободный вздох от тяжести. «У нас теперь вольготно» - объявляли в этом случае дети и переходили на «вольготно». Упоминание о строгости в доме у Ивана Богословского находится совсем в другом контексте, а именно – в ряду положительных сторон семейного уклада и имело значение осознанного морального императива: добровольно принятого на себя порядка в семейном быту. В этом случае принято о ком-либо говорить так: он (имярек) требователен по отношению к другим, но требователен и по отношению к себе. Строгость и порядок в доме, таким образом, были одним из устоев семьи.

В своих воспоминаниях братья Богословские несколько раз по разным поводам отмечают, что в семье не были в почёте выпивки: дети были хладнокровны к вину. Это было величайшим достижением в семье, которое укрепляло, цементировало её как дружный коллектив. Ещё библейская легенда о Ное и проклятие им Хама говорит о том, какие драмы в семьях могут разыгрываться на этой почве. Но какую крепость духа нужно иметь, чтобы идти вразрез с вековыми оправданиями этого порока. «Руси есть

веселие пити – не можем без того быти»¹³⁶⁸, ... и другие подобные сентенции, которыми оправдывалось пьянство. Отвратительное вообще в быту, оно особо отвратительным было среди духовенства и было поводом для насмешек и издевательств над ним, увы! заслуженным поводом. Кому не известна картина, изображающая хождение с иконой Богоматери в деревне в Пасхальные дни. Жестокая картина!¹³⁶⁹ А вот другая картина. Старший брат наш поступил священником на место о[тца] Василия К., страдавшего пороком пьянства, который даже «священнодействовал» в «сущем виде». Однажды он, потеряв равновесие, ударился головой об угол престола, и на нём запеклись капли его крови. Так рассказывал наш брат. Жестокий рассказ. После такого рода картин как не отметить великие подвиги в семье, отказавшейся от традиционного порока. Павел Богословский в своих воспоминаниях говорит: «Зимой у нас в городе бывали семейные дружеские коллективные чтения книг с обсуждением, всегда оживлённым... Читали вслух, по очереди»... (Отец) «с 1880 года выписывал такой популярный журнал как «Нива» с прекрасными приложениями – произведениями классиков. В результате у нас составила домашняя ценная библиотека (Тургенев, Гоголь, Гончаров и др. классики – полное собрание сочинений). Мы читали все – родители и сыновья, до ночи часто»!.. В семье у нас часто музицировали, пели, у нас был свой домашний оркестр». И тот и другой брат в своих воспоминаниях говорят о гостеприимстве как семейной традиции. «Это наша семейная традиция – гостеприимство, искреннее, даже дружеское. Мы так воспитаны» - так говорится в воспоминаниях Павла Богословского. Вспоминая студенческие годы, он пишет о товарищеских студенческих встречах: «Хорошо было. Всё было интересно, оживлённо, читали, спорили. Я приезжал из Петербурга под впечатлением философских лекций своих профессоров. Харин из Киева, казанцы-академисты во главе с братом Сергеем Степановичем вели на меня наступление по линии метафизики, опираясь на своего профессора Несмелова...» Вновь и вновь Павел Богословский в своих воспоминаниях пишет о своих родителях и отношениях их к детям: «Родители наши придавали большое значение в воспитании нас – коллективу друзей. Вот чем объясняется их стремление создать около нас кружок хороших друзей, хорошей молодежи, на это они не жалели средств, почему у нас не было никаких сбережений, всё расходовалось на семью и на друзей».

---

¹³⁶⁸ Из летописи «Повесть временных лет» древнерусского летописца Нестора (вторая пол. XI-нач. XII в.).

¹³⁶⁹ Автор имеет в виду картину русского живописца Василия Григорьевича Перова (1834-1882) «Сельский крестный ход на Пасхе» (1861), на которой на первый взгляд изображён пьяный священник и пьяные же участники крестного хода с иконами и хоругвями. Имеется другой взгляд на содержание картины: картина представляет собой изображение жалкого состояния материально и духовно расстроенного прихода, священник которого вынужден совершать обход для унижительных натуральных сборов во время славения на Пасху, что самого автора сильно беспокоило в детстве в жизни его собственного отца.

Итак, следующие черты семейного быта составляли особенности семейства Богословских:

1. высокие нравственные черты характера родителей;
2. взаимное уважение, существовавшее между родителями и детьми;
3. строгость и порядок в организации семейного быта;
4. высокая культура семьи и рациональная система воспитания детей;
5. полный отказ от всего «горючего» - от «служения Бахусу».

Вместе с этим нужно отметить следующие частные черты быта семейства Богословских:

1. Как указывает в своих воспоминаниях Павел Богословский, отец по окончании семинарии студентом (по I разряду) отказался от поездки в академию, куда ему предложили, и пошёл в народные учителя и через несколько лет – в иереи, хотя, как сам потом говорил, мечтал о светской службе. (*Sic!* Подчёркнуто автором сего).
2. Мать, по замечанию его же, «была больна тяжёлым пороком сердца с частыми припадками, - это были тревожные дни и ночи».
3. В семье было несколько случаев детской смертности. Иван Богословский в своих воспоминаниях указывает на смерть первенца Бориса и двух близнецов. Но особенно тяжёлая трагедия в семье произошла в 1908 г., когда утонул брат Богословских Николай. Павел Богословский в своих воспоминаниях так описывает этот момент семейной жизни: «Эта трагедия семьёй переживалась очень тяжело, чтобы как-нибудь рассеять горе и успокоить маму и нас, папа занял денег и отправился с нами в 2-х месячную поездку до Н[ижнего] Новгорода (на пароходе), дальше поездом до Москвы и Петербурга. Мы посетили музеи, Кремль, Эрмитаж и с богатыми впечатлениями вернулись в Пермь к учебным занятиям».
4. Все, оставшиеся в живых, четыре брата Богословских учились в Пермской духовной семинарии: Павел – четыре года, а остальные – шесть лет.
5. В семье не было блудного сына – неудачника, как это было почти правилом в семьях духовенства.
6. В семье только один – самый младший Семён¹³⁷⁰, кстати сказать, как его рисует в своих воспоминаниях Иван Богословский, был в юности наиболее со светскими манерами (танцор), пошёл по стопам отца, а трое остальных пошли в разных направлениях.
7. Счастливым моментом в семейной жизни Богословских нужно отметить то, что семье удалось продолжительное время жить компактно, вместе. Это было в течение почти всего периода жизни в Перми, когда дети учились в семинарии, а потом, когда они уже устроились на работу. Это очень важный фактор, который наложил отпечаток на облик всей семьи и отдельных её

---

¹³⁷⁰ Богословский Семён Степанович (1889-1940) – сын протоиерея г. Перми. Окончил Пермское духовное училище по 2-му разряду в 1905 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1911 г. Священник с 1912 г. Служил в Полазне, Оханске, Очёре. Протоиерей с 1927 г. Арестован в 1935 г. и приговорён к 6 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении в Карелии.

членов. Важно также отметить, что дети при учении в духовном училище и семинарии жили на квартирах; были «приходящими», не вкусили полностью жизни на бурсе. В семье, таким образом, сильны были факторы интеграции, и, тем не менее, нужно отметить сильную дифференциацию в судьбах трёх братьев: Сергея, Павла и Ивана.

Говоря о Сергее Богословском, прежде всего, нужно отметить противоречивость его характера, его излишние скромность, застенчивость и доверчивость скрывали от других людей его настойчивость, упорство в достижении цели, огромную трудоспособность и светлый ум. В его отношении к другим проглядывала какая-то детская наивность, «*sancta simplicitas*». В нём было что-то от Алёши Карамазова. Таким он был в семинарии и академии, да, вероятно, и в жизни. Ему больше чем кому-либо из его братьев пришлось «менять вехи», но он с честью вышел из положения: окончил Томский университет¹³⁷¹, работал в высших учебных заведениях. Его научная работа о Северном крае получила высокую оценку академика Грекова. Трагическая гибель его последовала в тот период его жизни, когда он мог бы ещё многое сделать для науки. В характере Сергея Богословского ярко отразились черты семейного уклада Богословских: уважение к другим, выдержка и строгость в поведении, высокая культура и трезвенность, отцовская трудоспособность. Что же касается других черт его характера, то они в какой-то степени, вероятно, унаследованы были от матери – в виде мягкости душевного склада. В воспоминаниях Павла Богословского есть указание на эту именно черту характера матери. Он говорит, что его заявление о поездке в Петербург учиться не встретило возражений, «только мама нервничала ввиду предстоящей разлуки» (подчёркнуто автором сего). Читая эти слова, а воображение рисует картину из «Тараса Бульбы» Гоголя, как «мать – слабая, как мать», готовилась к разлуке с сыновьями и в воспоминаниях Ивана Богословского отмечается исключительная нежность отношения Сергея к матери: даже в выборе невесты он полагался только на маму – «какую мама выберет». Если учесть, что мать потеряла рано своего первенца, о чём выше говорилось, то можно предположить, что Сергею была отдана с избытком материнская нежность, сказавшаяся потом в излишней мягкости характера.

В характере Павла Богословского уже в юношеском возрасте сказались независимость решения и упорства, и настойчивость в достижении цели. По тем временам принять решение выйти из четвёртого класса семинарии и поступать по конкурсу в высшее учебное заведение нужно признать смелым: для этого требовалась уверенность в своих силах. Поступление же в институт при наличии большого конкурса свидетельствовало об одарённости юноши. Поступление в Археологический институт и настойчивость в борьбе за научное знание в двух институтах свидетельствуют как о широте научных интересов, так и о трудоспособности. Эта черта, свойственная всем трём

---

¹³⁷¹ Так в тексте, правильно – Пермский университет.

братьям – Сергию, Павлу и Ивану – унаследована, очевидно, от отца. Любовь к истории края, решительно проглядывает у них у всех трёх: у Павла – в том, что под его редакцией издавался в Перми журнал об истории и археологии Прикамья; у Ивана – в том, что о чём бы он не рассказывал и писал, он обязательно подчеркивал исторические события. Так, рассказывая в своих воспоминаниях об Усолье, он отмечает, что здесь, в Усолье, родился Воронихин¹³⁷², строитель Казанского собора, упоминает о Строгановском соборе. Наконец, предпринятая в настоящее время Павлом Богословским работа по истории Урала, являющаяся как бы заключительным моментом в его жизни, образно выражаясь – «лебединой песней» его, как нельзя лучше подчёркивает эту черту характера Павла Богословского. Настоящая статья не ставит своей задачей осветить подробно весь научный подвиг Павла Богословского, но то, что он продолжительное время является профессором первого в России – Московского университета свидетельствует о славном пути в науке, пройденном им. Широкие связи его с представителями науки свидетельствуют о широких научных интересах и эрудиции его. Он является человеком высокой культуры и видным учёным. То, что он отмечал в своих воспоминаниях в характере своего отца («Папа жил, помимо службы, научными и культурными интересами») во всей полноте отразилось в его характере и его деятельности.

Иван Богословский избрал путь врача и научного медицинского работника. Никто из Богословских так тесно не был [связан] в своей работе с Камой и Пермью, как он. Ещё студентом летами работал медиком на пароходах. Первое врачебное место – зав[едующий] больницей водного транспорта в Перми. Сам о себе в воспоминаниях говорит: «Имею с детства страсть к воде и пароходам и до последних лет службы по совместительству на водном транспорте». Последовательно достиг степени кандидата и доктора медицины. На его счету значится 52 научные работы. Он занимал много ответственных постов на самых разнообразных участках медицинской работы. Чем объясняется то, что он избрал своей специальностью медицину? Сам Иван Богословский указывает в своих воспоминаниях о том, что ещё в семинарии, слушая лекции П. Н. Серебренникова, он избрал себе специальность медика. Брат его Павел в своих воспоминаниях указывает на то, что указанная уже выше болезнь матери – *vitium cordis*¹³⁷³ – была причиной повышенного интереса к медицине у всех членов её, а избранная Иваном Богословским тема докторской диссертации – «Сужение левого верхнего отверстия» обусловлена была именно этим обстоятельством. Иван Богословский всегда проявлял интерес к истории, о чём уже сказано выше, и это у него, как и у его братьев, очевидно, вызвано было тем, что их детские годы проходили в местности, насыщенной историческими событиями. Он любил и сейчас любит природу Прикамья. В его памяти сохранилось много

---

¹³⁷² Воронихин Андрей Никифорович (1759-1814) – русский архитектор и живописец.

¹³⁷³ *vitium cordis* – по-латински порок сердца.

картин и видов Прикамья, навсегда оставшихся в ней. Будучи учёным большого калибра и заслуженным деятелем, Иван Степанович сохранил удивительную простоту и доступность в обращении. В его характере сохранилась та простота учёного, которая свидетельствует о его высокой культуре.

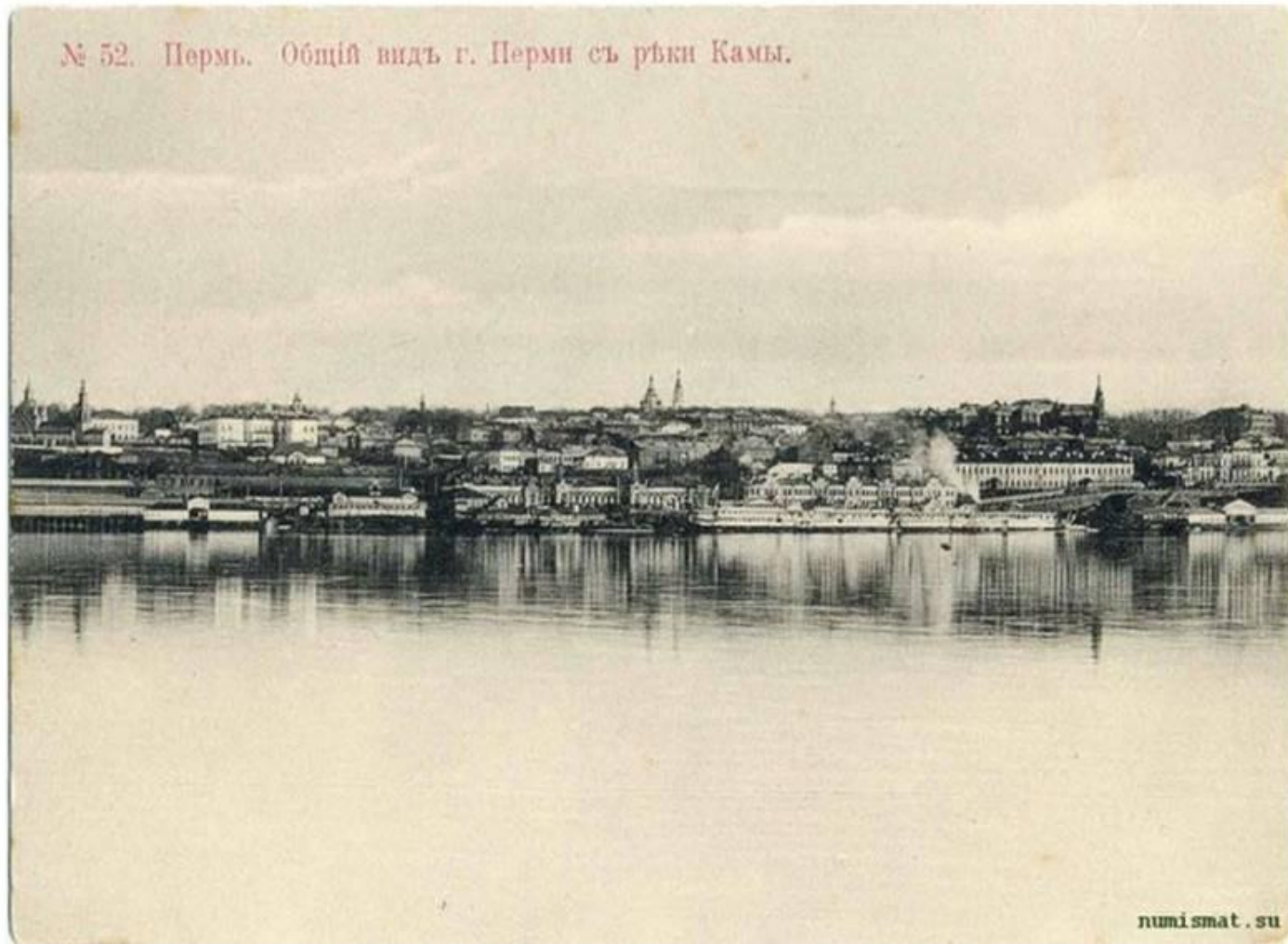
Семья Богословских внесла большой вклад в науку и в этом отношении прославила Пермскую духовную семинарию, где учились Богословские. Настоящая статья и рассчитана на то, чтобы в материалах о деятелях, вышедших из Пермской семинарии, семья Богословских была представлена *in corpore*. Кроме того, история этой семьи должна быть во многих отношениях поучительной для потомков в том отношении, что не всё уж было так безнадежно отрицательным в быту у представителей духовного сословия, как это склонны изображать некоторые бытописатели.¹³⁷⁴

19.Х[19]60. 12.40. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 223. Л. 5-17.

---

¹³⁷⁴ Очерк «Семейство Богословских» в «пермской коллекции» воспоминаний написан автором в период активной переписки с П. С. и И. С. Богословскими и под впечатлением от неожиданной новости о трагической смерти С. С. Богословского. Одноимённый очерк в «свердловской коллекции» воспоминаний автора более позднего происхождения, имеет другую структуру и содержит простую фактографическую информацию о каждом члене семьи, и, по-видимому, по какой-то ошибке включен в состав «Очерков о соучениках и друзьях в Камышловском духовном училище» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 25-46).

Пермь. Общий вид с р. Камы.

Паровоз, отошедший от станции Пермь-1.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1033. Л. 111.

Пермь.

Набережная р. Камы.

Пермь. Набережная р. Камы.

Пермь. Дом Мешкова и почтамт.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1033. Л. 28.

Пермская духовная семинария.

Пермская духовная семинария.
ГАПК. Ф. р-790. Оп. 1. Д. 3429.

№ 59. Пермь. Мужская гимназія.

Пермская мужская гимназія.

Пермь — Женская Гимназія

Пермская Мариинская женская гимназия.

Пермская частная женская гимназия Барбатенко.

Пермская частная мужская гимназия Циммерман.

Пермский оперный театр.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1033. Л. 116.

Артисты Пермского оперного театра. 1897 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 908.

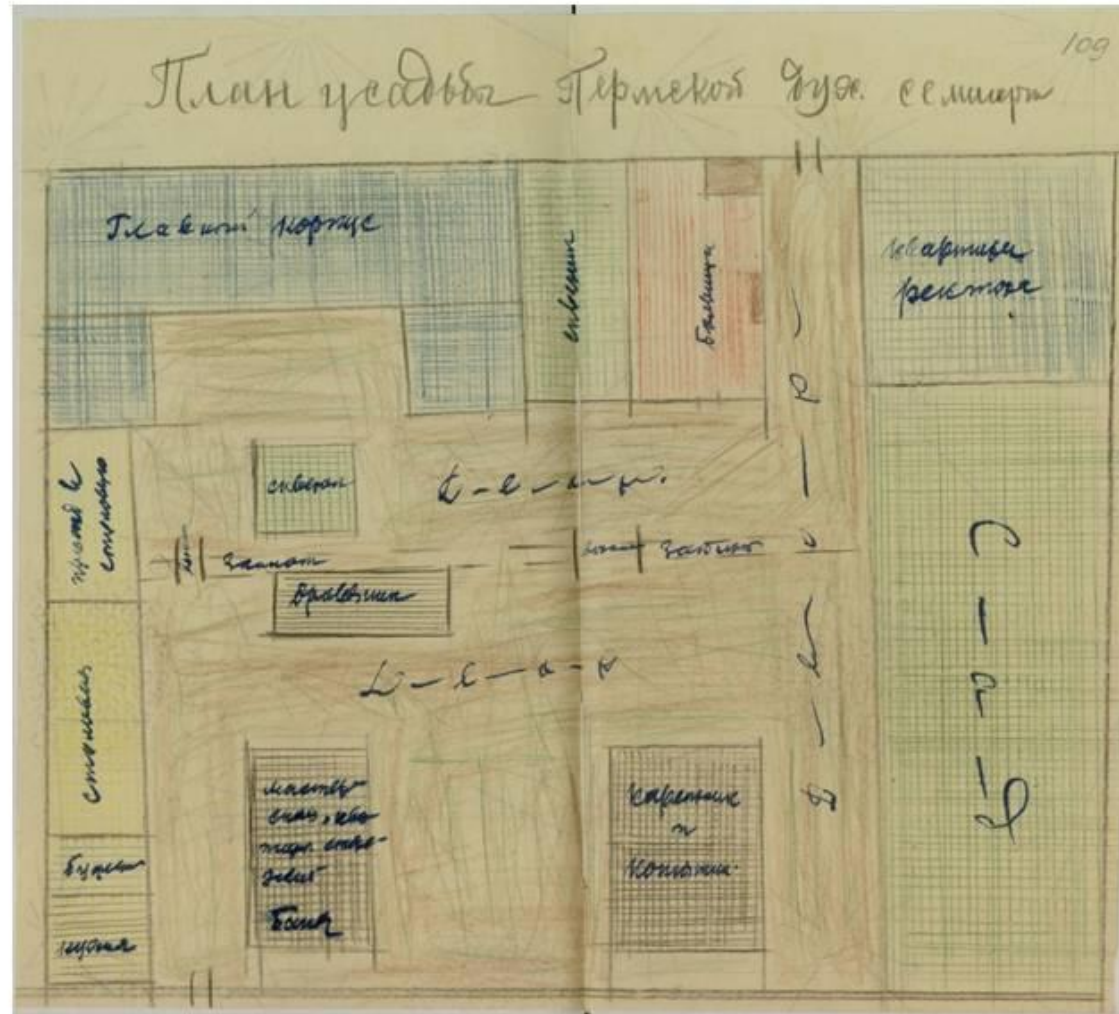

Книжный магазин Ольги Петровской в Перми (до 1917 г).
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 885.

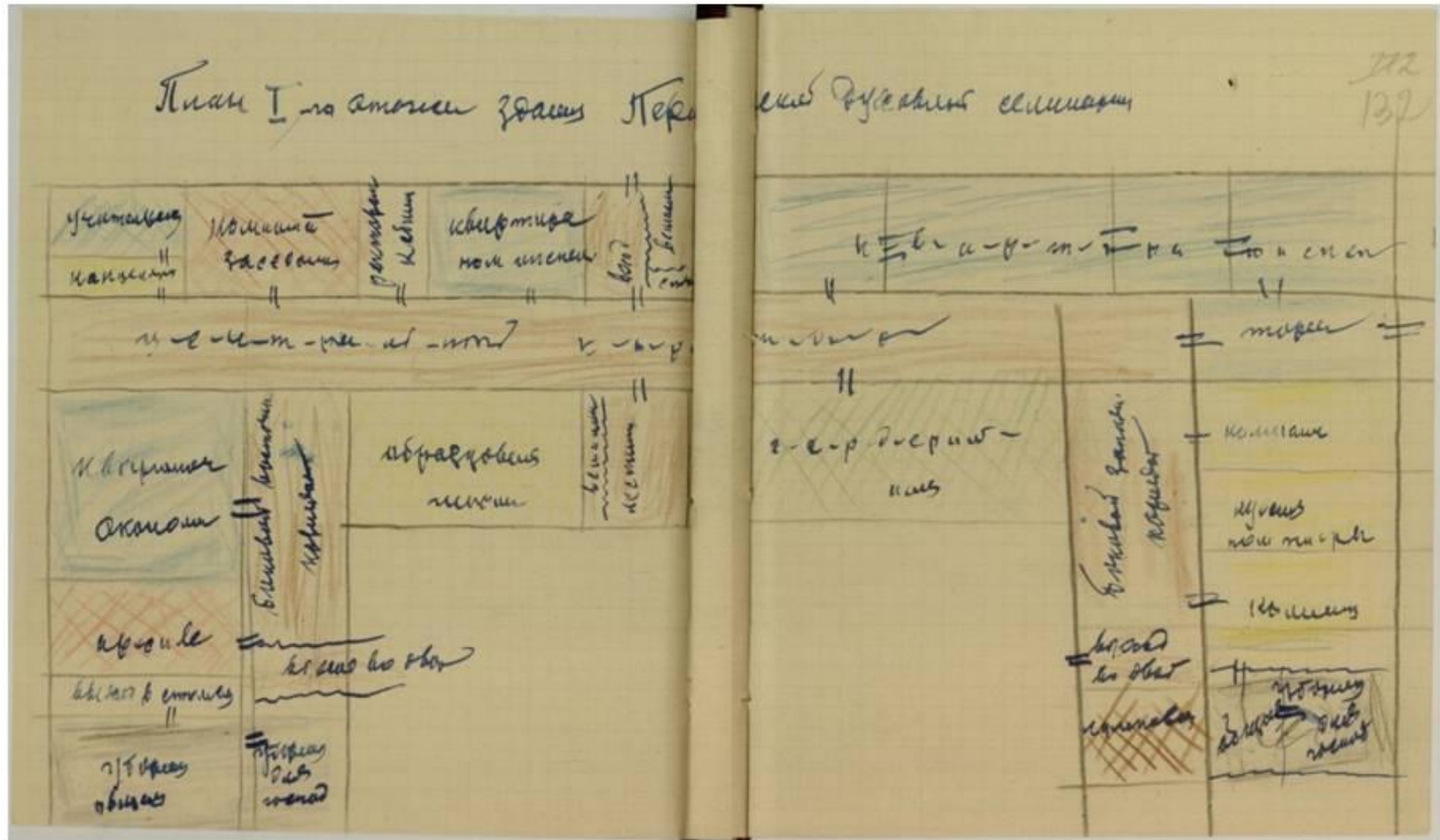

Пермь. Панорама набережной реки Камы.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1033. Л. 106.

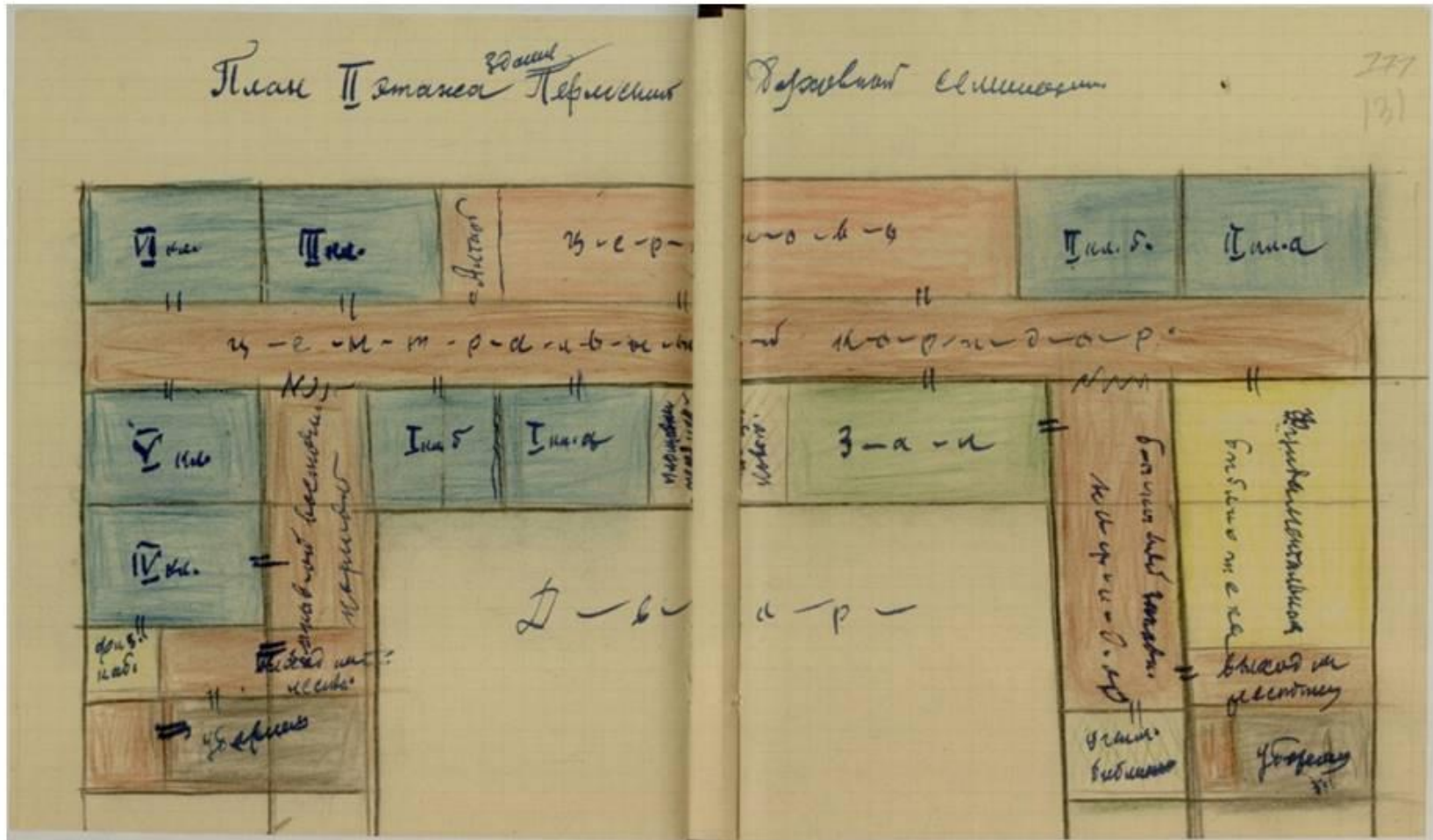

План усадьбы Пермской духовной семинарии. Автор рисунка В.А. Игнатъев.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 129.

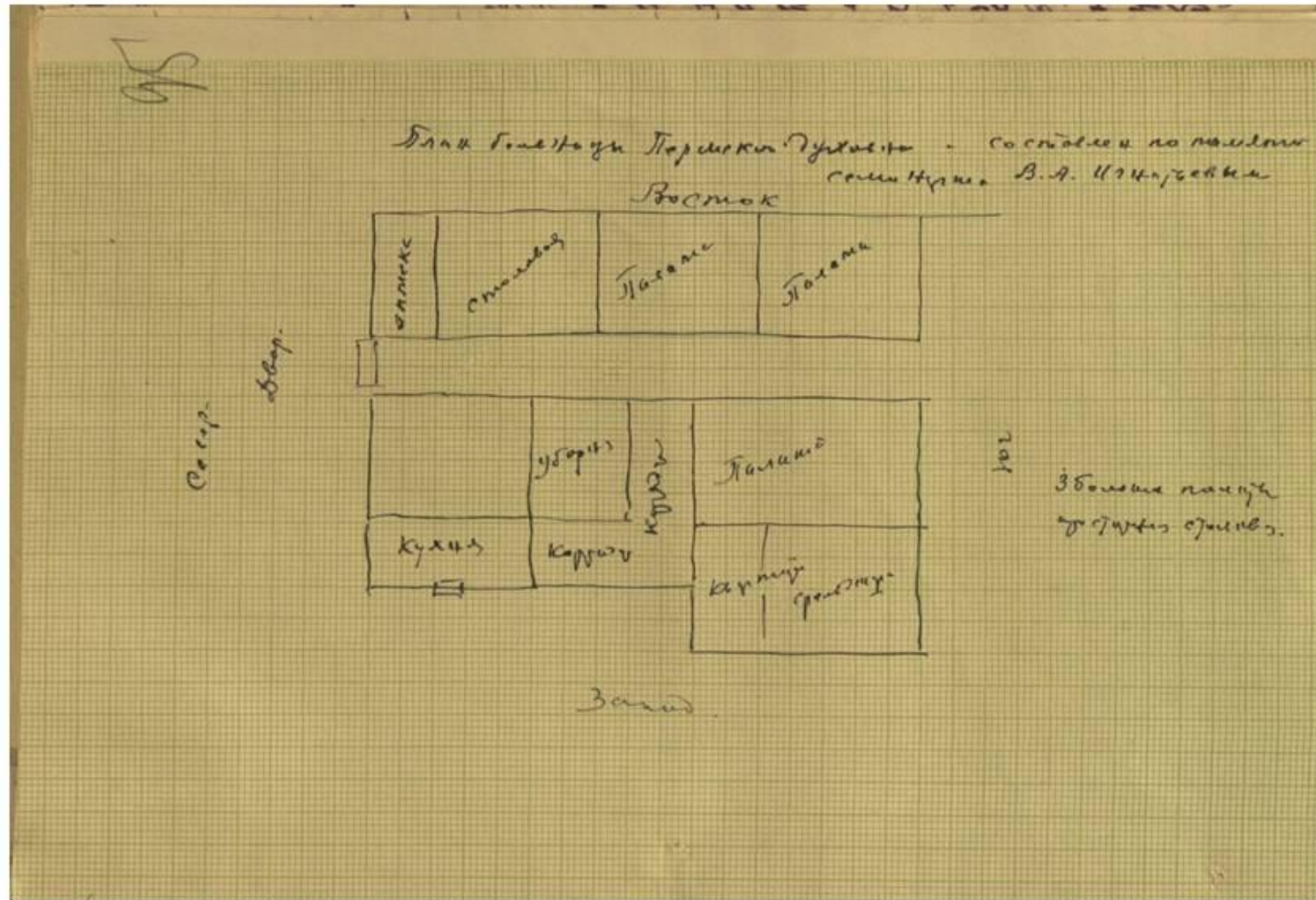
План 1-го этажа здания Пермской духовной семинарии. Автор рисунка В.А. Игнатьев.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 125 об., 132.

План 2-го этажа здания Пермской духовной семинарии. Автор рисунка В.А. Игнатьев.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 126 об., 131.

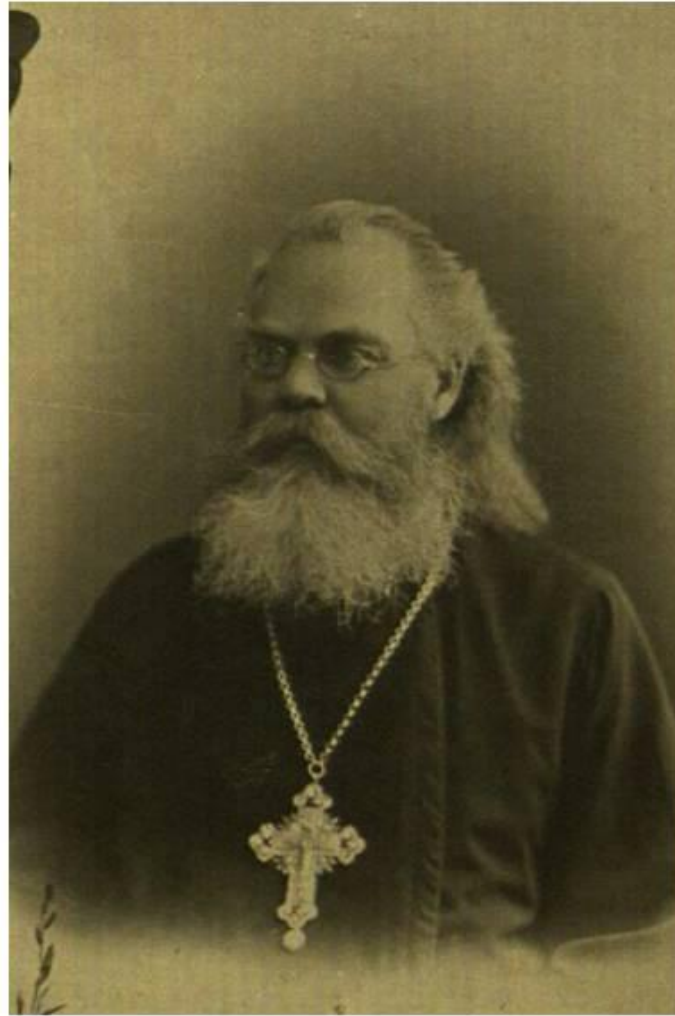

План больницы Пермской духовной семинарии. Автор рисунка В. А. Игнатьев.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 709. Л. 95.

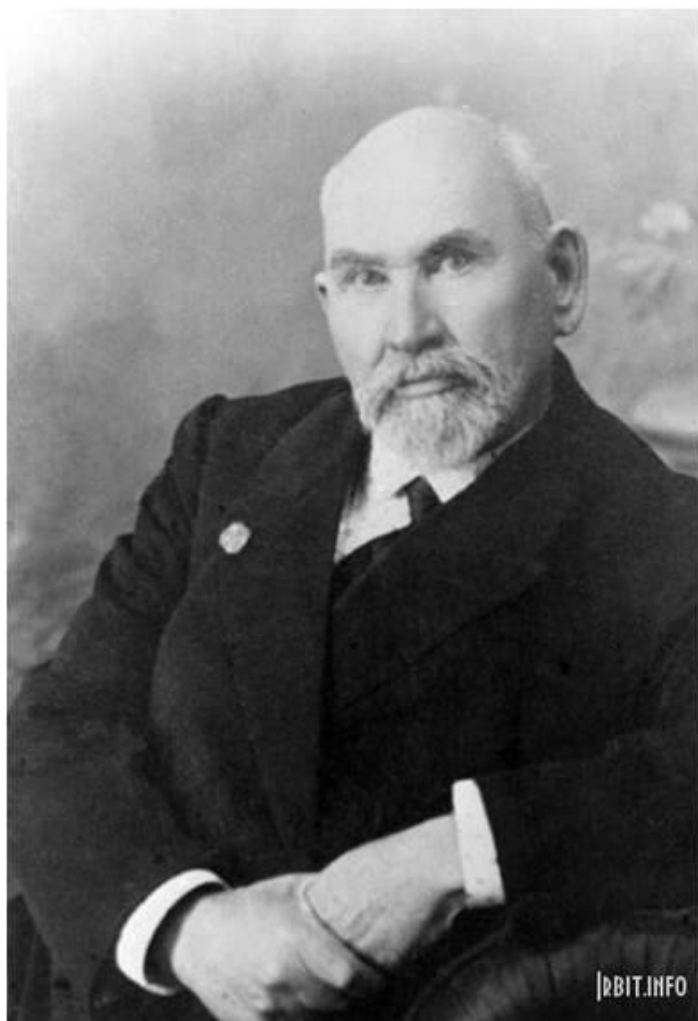

Выпуск воспитанников Пермской духовной семинарии 1902 гг.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 354.

Добронравов Константин Михайлович, протоиерей, ректор Пермской духовной семинарии. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Сербренников Павел Николаевич.

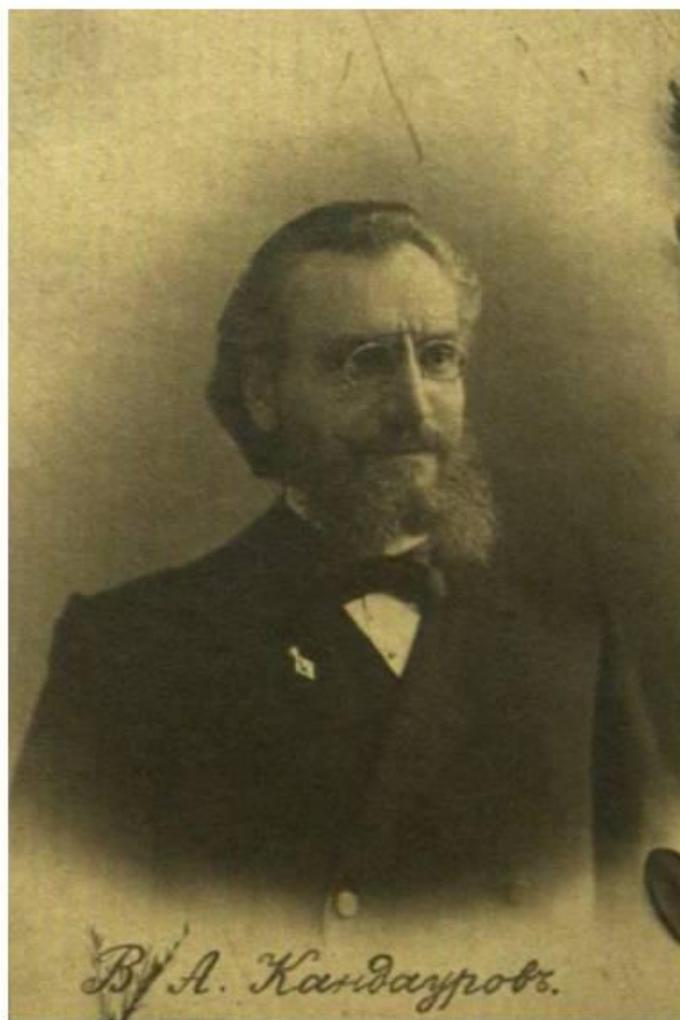
Луканин Стефан Александрович, протоиерей.

Фаминский Валериан Александрович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Дергачёв Алексей Иванович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Кандауров Владимир Александрович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Добролюбов Алексей Иванович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Успенский Александр Федосиевич. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Можгинский Виктор Михайлович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Знамировский Николай Иванович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Тихон Петрович Андриевский, протоиерей.

Струминский Василий Яковлевич

Колосов Николай Иванович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Хильтов Николай Николаевич. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

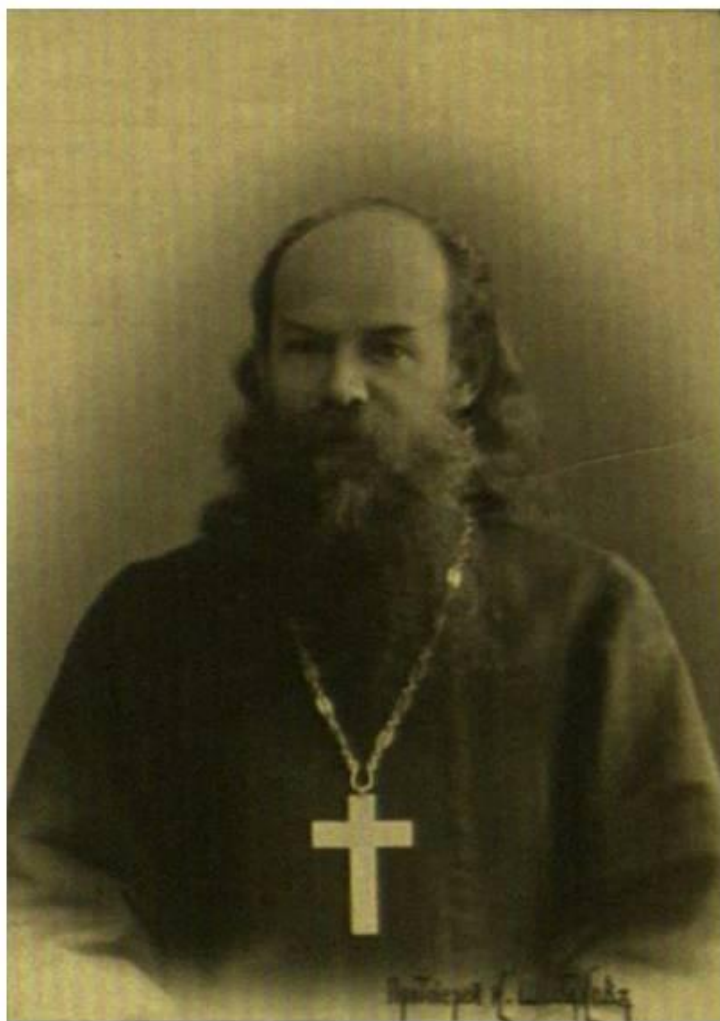

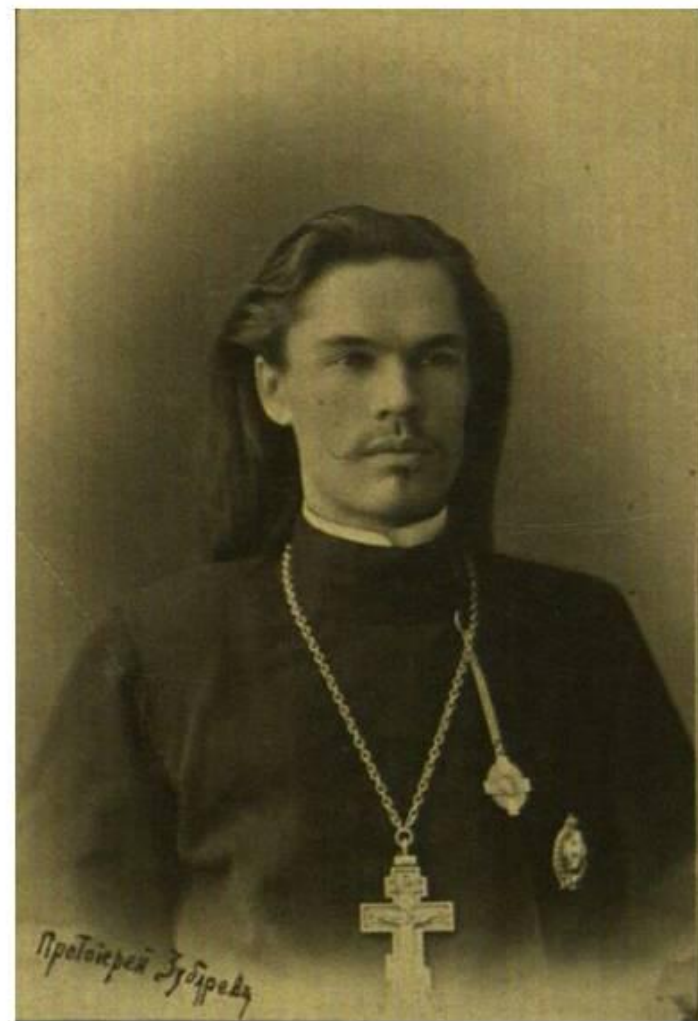
Плетнёв Дмитрий Иванович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Рыбаков Александр Константинович. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Шестаков Константин Александрович, протоиерей. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Зубарев Леонид Васильевич, протоиерей. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Пермь, улица Кунгурская. ГАПК. ФФ. Оп. 24п. Д. 72.

Круглов А. Н. в роли Бориса Годунова.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 967.

Городцов Александр Дмитриевич.
20 декабря 1900 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 929.

Ширман Григорий Игнатьевич.
ГАПК. Ф. р-944. Оп. 1. Д. 498.

Учащиеся 2-го «б» класса Пермской духовной семинарии. 1910. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 902.

Группа пермских семинаристов в лесу на маевке (1912 г.).
ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 903.

Воспитанницы Пермской Мариинской женской гимназии. 1917 г. ГАПК.Ф. р-973. Оп. 1. Д. 905. Л. 1.

Преподаватели и учащиеся IV класса Пермский духовной семинарии 1912-1913 гг.
ПКМ 15045-3.

Выпуск воспитанников Пермской духовной семинарии 1912-1913 гг.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Группа пермских семинаристов во главе с епископом Пермским и Соликамским Никанором (Надеждиным).

В 1-м ряду: 5-й слева - Богословский Павел Степанович;

во 2-м ряду: 2-й слева - Богословский Сергей Степанович; 6-й слева - Бакалдин Дмитрий Александрович;

в 3-м ряду: 1-й слева – Черепанов Леонид Всеволодович; 1-й справа – Мавровский Николай Николаевич.

Мавровский Николай Николаевич,
пермский семинарист, 1908 г.

Харин Евфимий Дмитриевич,
пермский семинарист, 14 сентября 1909 г.

Черепанов Леонид Всеволодович,
пермский семинарист, 11 июня 1909 г.

Шкляев Александр,
пермский семинарист, 05 мая 1909 г.

Иваницкий Николай Петрович, священник, с женой.

Иваницкий Пётр Петрович, пермский семинарист.

Мичков Василий Матвеевич, пермский семинарист.
1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Топорков Николай Алексеевич, пермский семинарист.
1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Боголепов Валентин, пермский семинарист.
1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

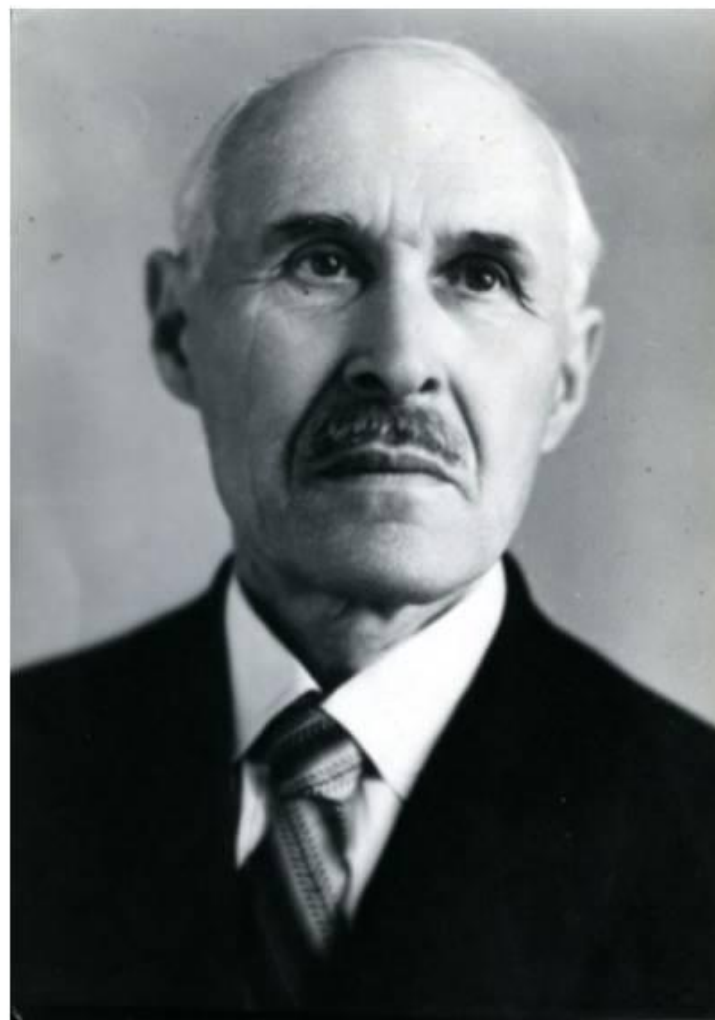

Киселёв Келлестин Андреевич, пермский семинарист.
1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Игнатъев Николай Алексеевич, пермский семинарист.
1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Игнатъев Сергей Александрович. 1960-е гг.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 948.

Затопляев Александр Владимирович,
пермский семинарист. 1913 г.
ГАПК. ФФ. Оп. 60п. Д. 357.

Затопляев Александр Владимирович. 1961 г.

Затопляев Михаил Владимирович,
пермский семинарист.
1914-1916 гг.

Козельский Владимир Петрович,
пермский семинарист. 1913 г.
ПКМ. 15045-3.

Богомолов Григорий Иванович,
пермский семинарист. 1913 г.
ПКМ. 15045-3.

Спасский Сергей Михайлович,
пермский семинарист. 1913 г.
ПКМ. 15045-3.

Козельский Феликс Михайлович. 1912 г.

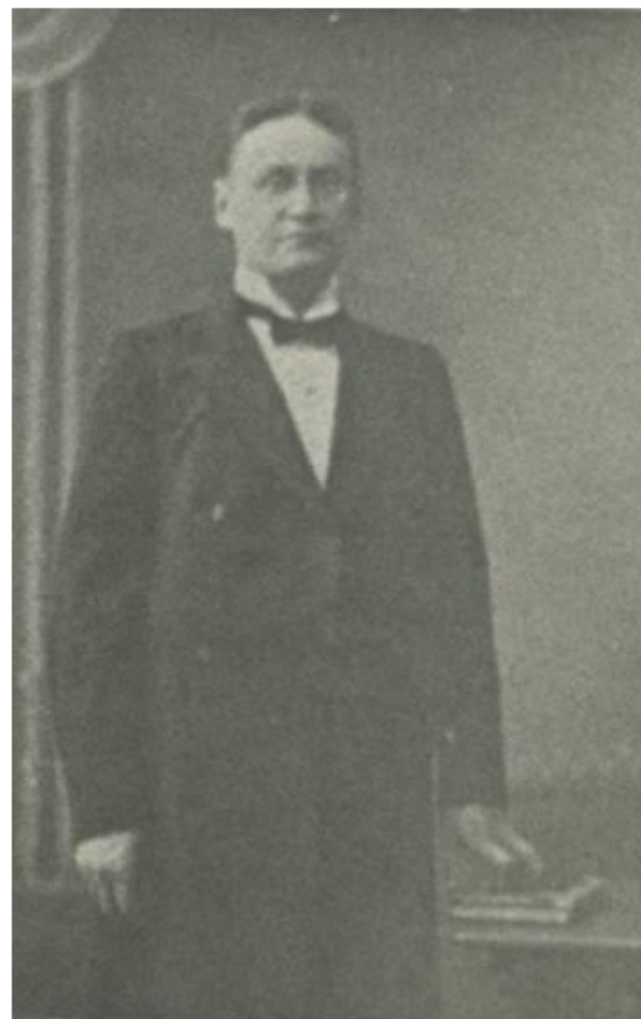

Бирюков Василий Павлович,
пермский семинарист. 23 января 1915 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1295.

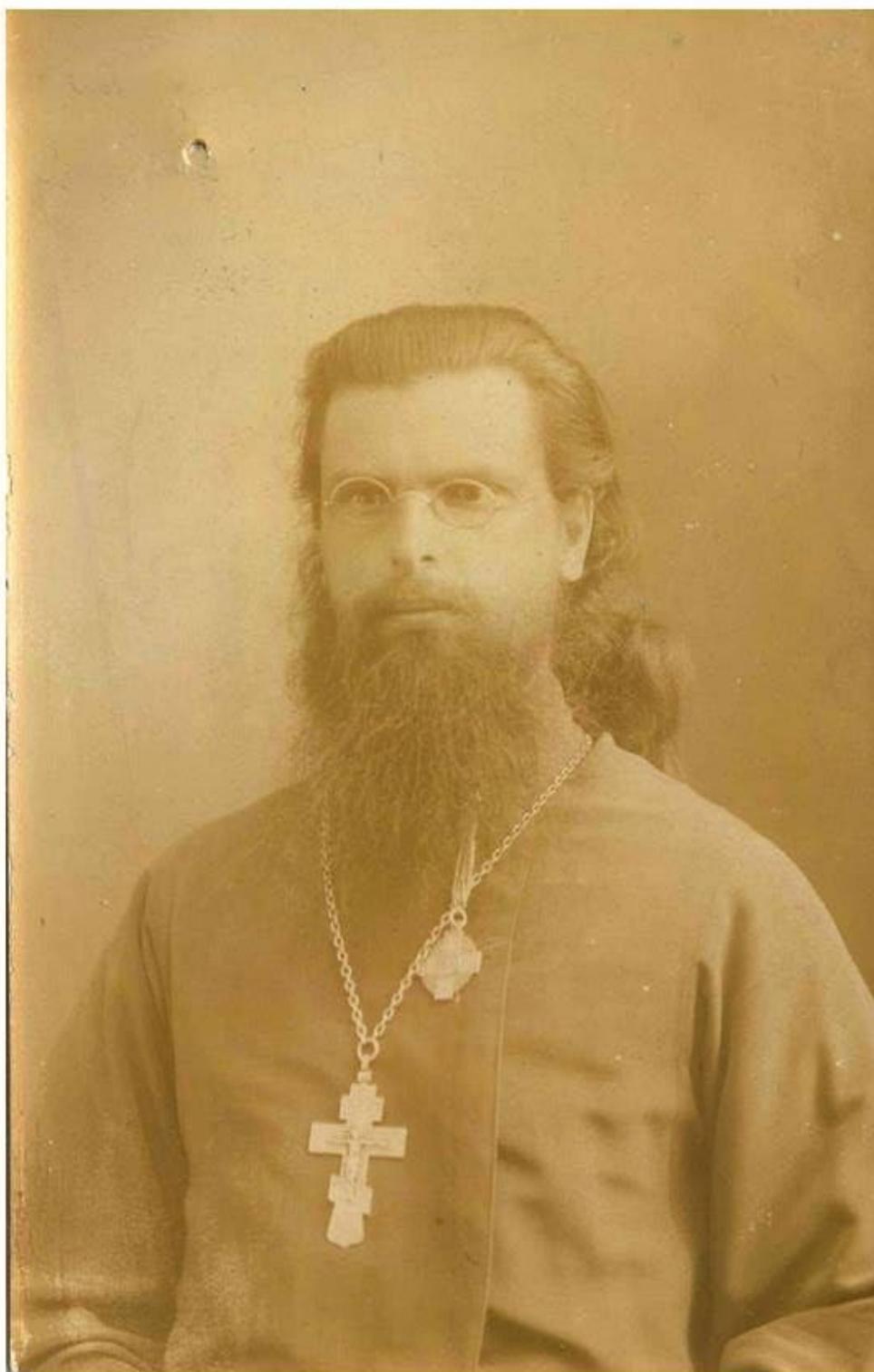

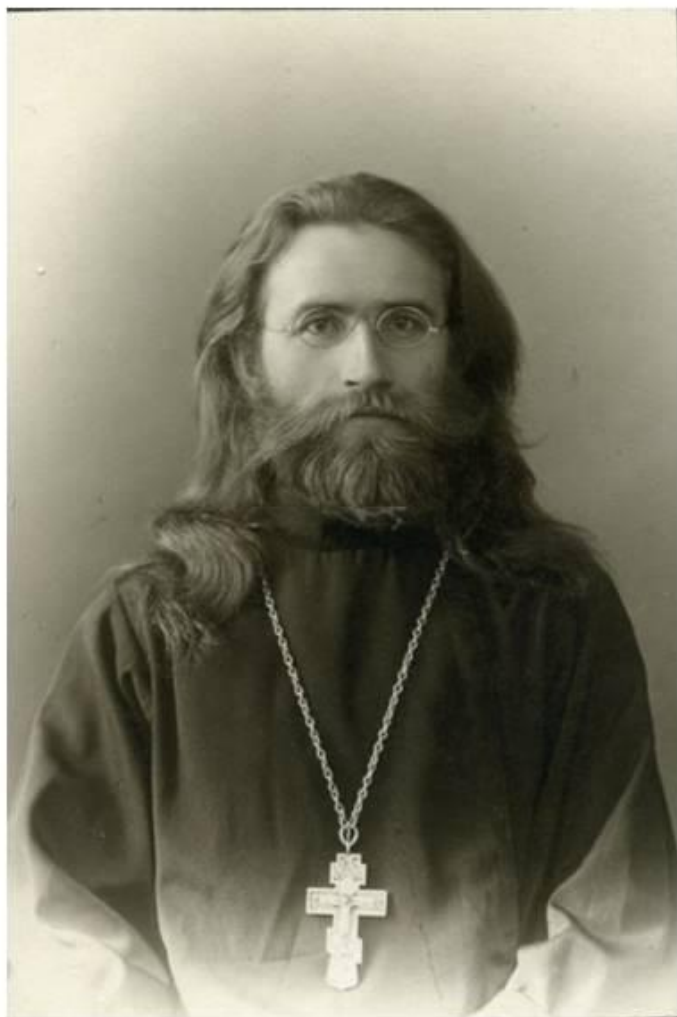
Пимен (Белоликов), архимандрит,
ректор Пермской духовной семинарии.

Игнатьев Василий Алексеевич, 1917- 1923 гг.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 945. Л. 2.

Анисимов Александр Ильич, протоиерей,
студент Пермского университета. 1917 г.
ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 7. Д. 13.

Хмельнов Николай Иванович, священник,
студент Пермского университета, 1916 г.
ГАПК. Ф. р-180. Оп. 4. Д. 3720. Л. 8.

Хмельнов Николай Николаевич.
16 июня 1953 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1022.

Игнатъев В. А. и Хмельнов Н. И.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 377. Л. 120.

Семейство Богословских:
в центре – Стефан Михайлович и Екатерина Фёдоровна;
слева – стоит Павел, сидит Семён,
справа – стоит Иван, сидит Сергей Степановичи.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 2297.

Богословский Павел Степанович.
ГКБУ «ГАПФ.р-973.Оп.1.Д.781.

Богословский Иван Степанович.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1292. Л. 1.

Богословский Сергей Степанович с семьёй. Июнь 1931 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 781.

Игнатъев В. А. Приезд в Пермь 17 июля 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

Пермь. Бывшее здание Пермского Спасо-Преображенского
кафедрального собора. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1316. Л. 21.

В. А. Игнатьев около здания бывшей Пермской духовной семинарии.
1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 868. Л. 1.

Пермь. Любимое место гуляний семинаристов.
ГАСО. 1960 г. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 7.

Загородный парк (теперь парк им. Горького).
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 10.

Пермь. Бывшее здание Пермского духовного училища. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1316. Л. 24

Пермь. Бывшее здание Пермского епархиального женского училища.
1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1316. Л. 24.

Пермь. Дом Мешкова. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1316. Л. 22.

Вокзал Пермь-1. 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 7.

Скверик, посаженный декабристами. 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 10.

Пермь. Бывшая Феодосиевская церковь. 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 34.

Пермь. Дом В. И. Ракшинского. 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 37.

Пермь. Дом Богословских. 1960 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 40.

В. А. Игнатъев. Ознакомление с новой Пермью. 1960 г. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 7.

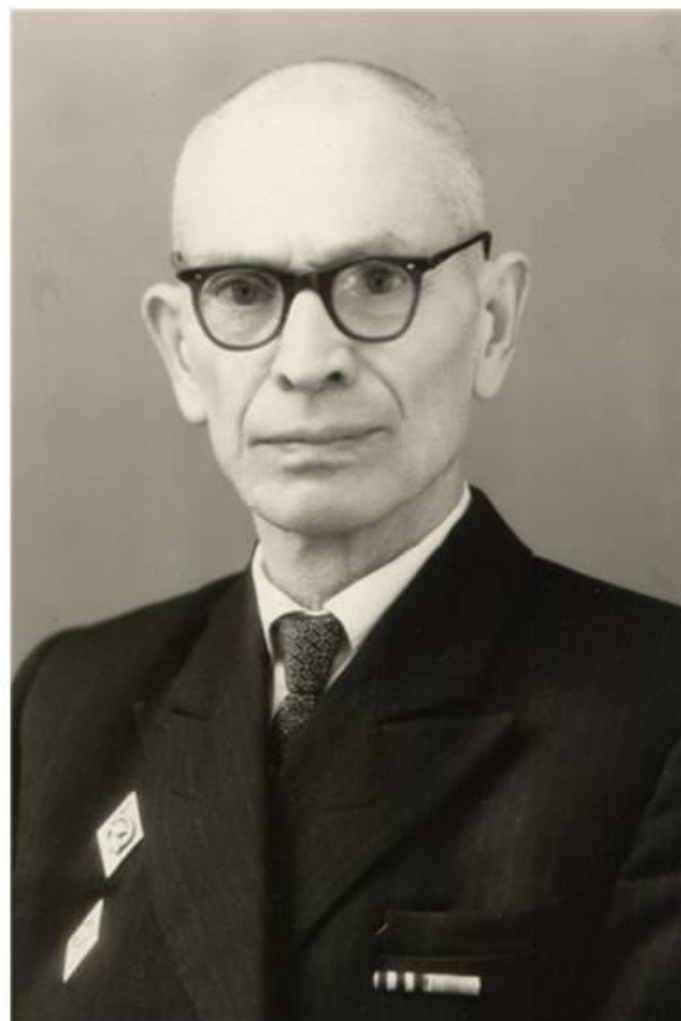
Лепешинский Леонид Васильевич.

Луканин Владимир Павлович.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 982.

Нассонов Антонин Петрович.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 995. Л. 2.

Бирюков Аркадий Павлович.

Мультановский Николай Михайлович.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 991. Л. 1 об.

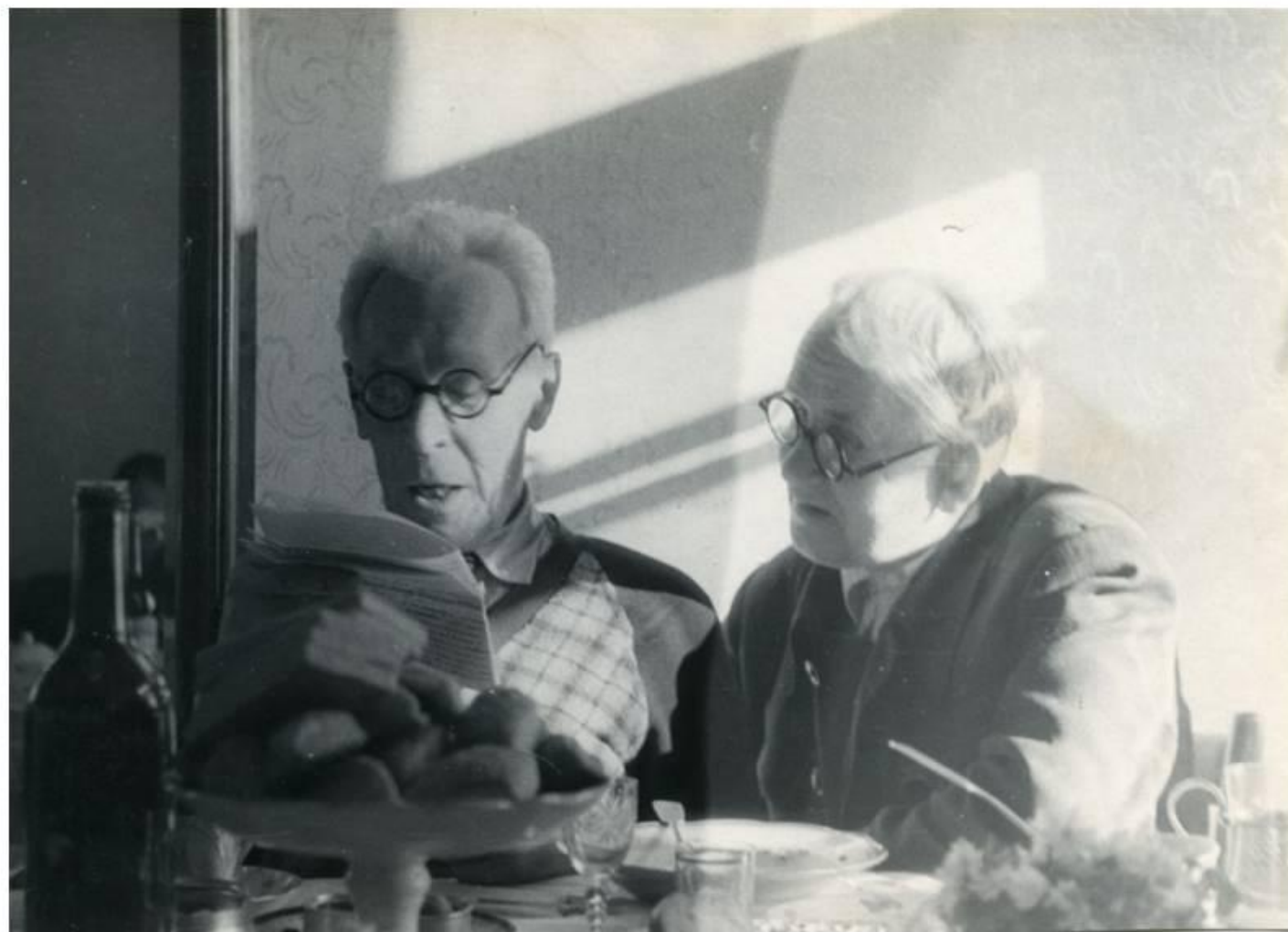
Коровин Иван Петрович.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 963.

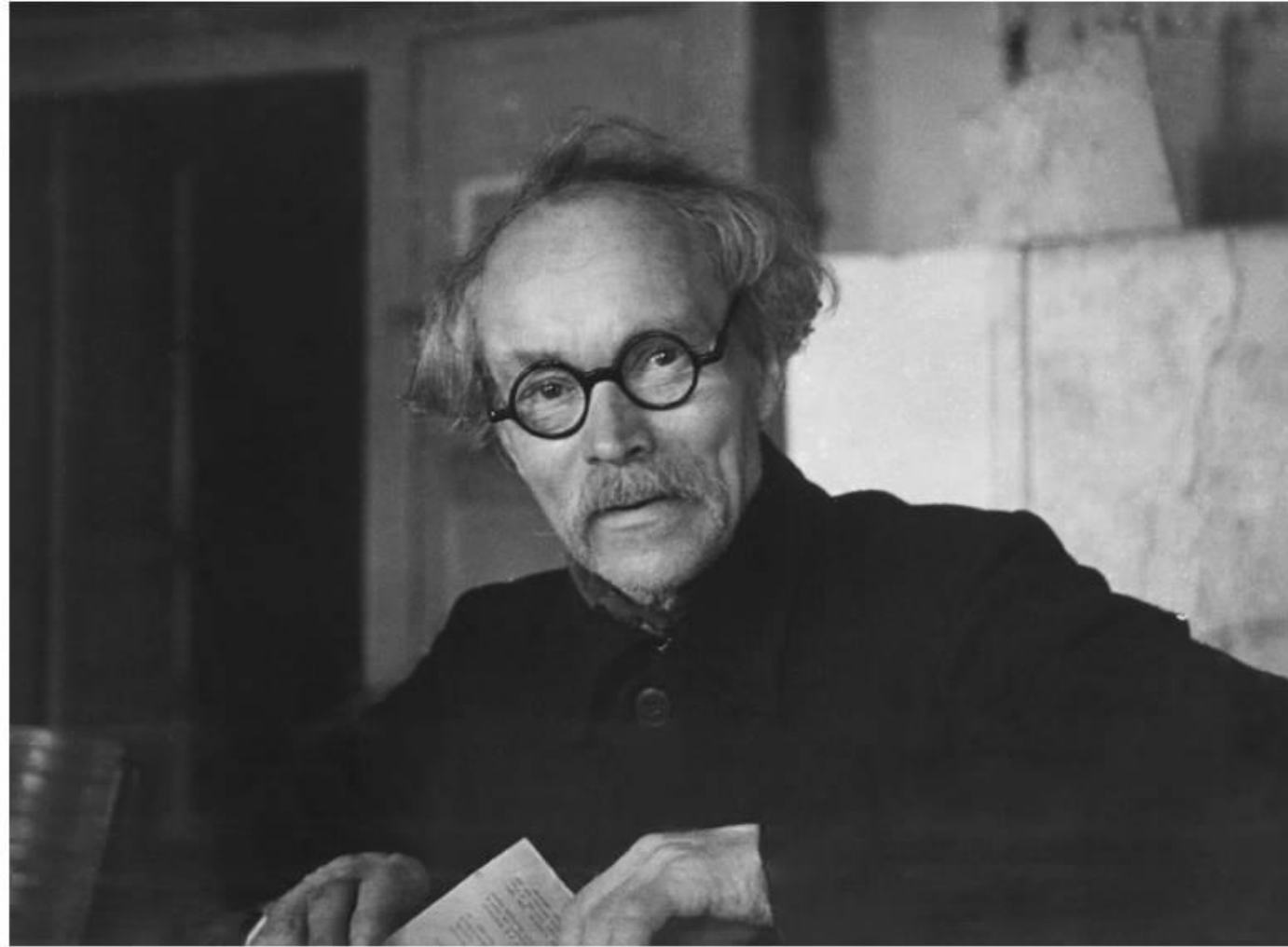

В. А. Игнатъев и его друг детства М. В. Попов: встреча через 53 года.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 868. Л. 3.

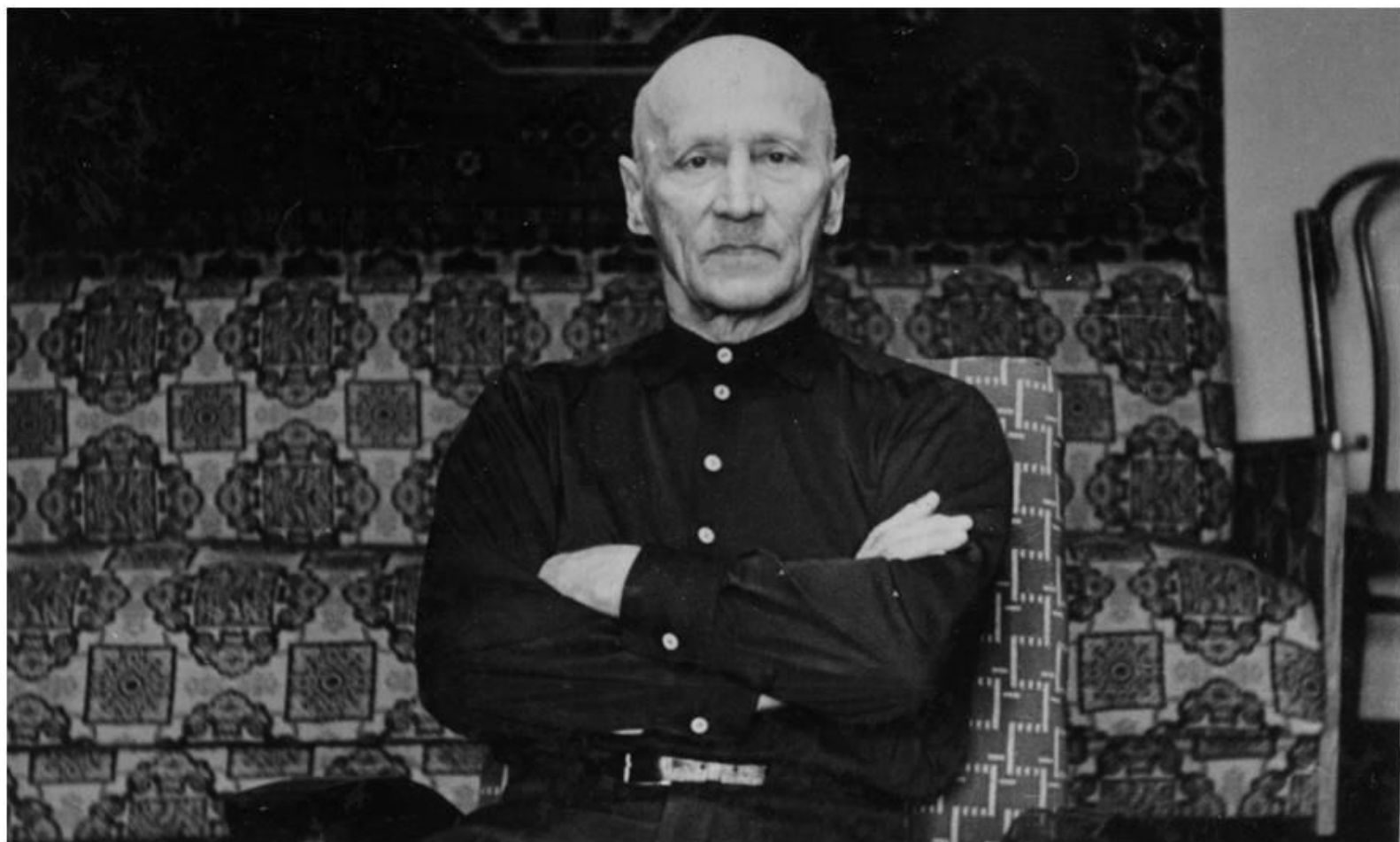

Богословский И. С. и Игнатъев В. А. за чтением рукописи. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 772.

Бирюков Владимир Павлович.

Шишѐв Александр Николаевич. 22 марта 1965 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1317.

В. А. Игнатъев. Авторское чтѣние мемуаров
«*Alma mater*» - Пермской Дух. семинарии.

В. А. Игнатъев за чтение мемуаров об *Alma mater*.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 947. Л. 1.

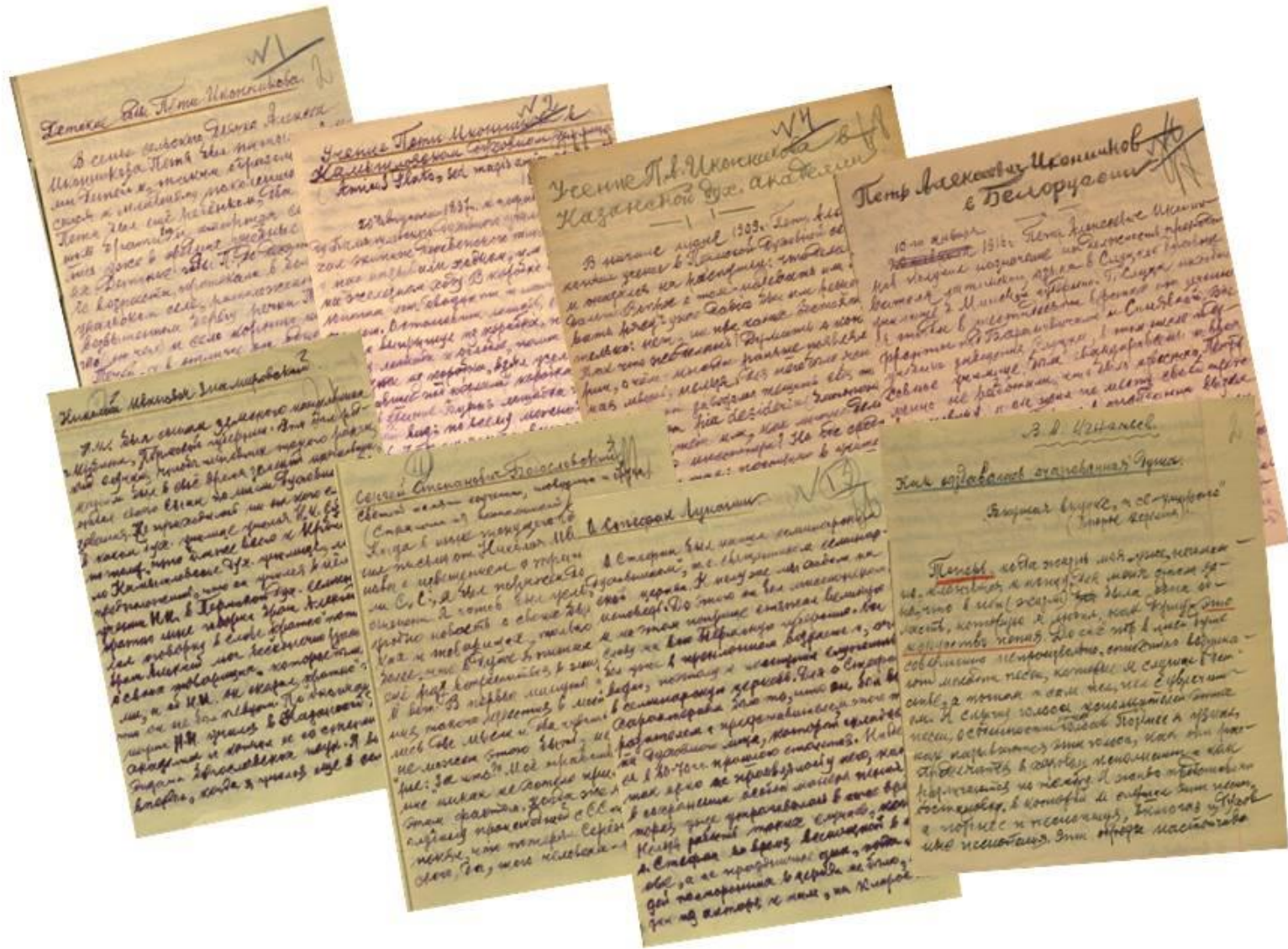

В. А. Игнатъев. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 8.

Рукописи В. А. Игнатъева по истории Пермской духовной семинарии.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть IV.
КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть IV. КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

декабрь 1960 г.

КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ, ЕЁ ВНЕШНИЙ STATUS QUO ANTE¹³⁷⁵

Академия была расположена в северо-восточной окраине города, известной под названием Арского поля.¹³⁷⁶ Неподалёку от неё находились два важных городских коммунальных учреждения, противоположных по своему назначению: городское кладбище и место для общегородских гуляний, известное под громким названием «Швейцария».¹³⁷⁷ Вблизи академии были расположены также трамвайные гаражи. Трамвай в Казани был предприятием, принадлежащим бельгийскому анонимному обществу, акционером которого состоял и бельгийский король.¹³⁷⁸ Городское кладбище было и теперь является местом вечного упокоения знаменитого математика Н. И. Лобачевского.¹³⁷⁹ «Швейцария» – место гуляния горожан – очень красивый парк, который террасой спускался к Казанке, речке прославленной в известной студенческой песне:

*«Там, где тинный Булак со Казанкой рекой
словно братец с сестрой обнимаются, -
Варлаамий святой, с золотой головой,
сверху глядя на них улыбается».*¹³⁸⁰

Гуля[ющие] в «Швейцарии» кульминационной точки своей достигали в Троицу и Духов день, когда некоторые горожане раскидывали здесь шатры и безвыходно пребывали в них в течение двух, а иногда и трёх дней. Оркестр

---

¹³⁷⁵ *status quo ante* – по-латински положение дел, которое было раньше.

¹³⁷⁶ Арское поле – площадь к востоку от Казанского кремля, которую в настоящее время занимают улица Николая Ершова и Парк культуры и отдыха им. Горького.

¹³⁷⁷ В Казани имелись два замечательных места для общегородских гуляний, известных как «Русская Швейцария» и «Немецкая Швейцария».

¹³⁷⁸ Анонимное Бельгийское общество конно-железных дорог в Казани, осуществившее ввод в эксплуатацию электрического трамвая в Казани.

¹³⁷⁹ Лобачевский Николай Иванович (1792-1856) – русский математик, деятель университетского образования и народного просвещения.

¹³⁸⁰ Старая песня казанских студентов.

духовых инструментов здесь по вечерам играл весной, летом и осенью и услаждал студентов вальсами «Берёзка», «Над волнами», «Дунайские волны», «На сопках Манчжурии» и др.

В 1908 г. на площади «Швейцарии» была организована сельскохозяйственная выставка¹³⁸¹, на которой красовалась громадная бутылка-ресторан, которая и по окончании выставки осталась украшением этой местности и постоянным напоминанием о том, чтобы не забывали люди о существовании на свете Александровского пива.¹³⁸² Арское поле играло большую роль в истории Казани во время пугачёвщины, так что академия была расположена на важном историческом участке города.

Все другие академии – Киевская, Петербургская и Московская – расположены были при монастырях-лаврах¹³⁸³, а Казанская не была связана с монастырями и представляла в этом отношении самостоятельную обособленную общину, подчинённую, правда, надзору Казанского архиепископа.

Территория академии занимала правильный четырёхугольник, квартал, ограниченный строениями и кирпичной стеной.

Постройки на территории были расположены симметрично по следующему плану:

*План.*¹³⁸⁴

Дорога, по которой шло движение мимо академии, и на которой был трамвай, проходила по северной стороне территории академии. На эту линию выходили боковые стороны зданий: на западе – библиотека – двухэтажное здание, а на востоке тоже двухэтажное здание, в котором был двухсветный актовый зал, канцелярия, квартира эконома и покои ректора академии. Оба эти здания были обращены фасадом внутрь двора. Между этими зданиями у западного были ворота и проезд, а далее сквер со звонницей. Главный корпус был расположен внутри двора, а за ним сад, а к западной стене прилегала баня, служебные постройки и больница.

---

¹³⁸¹ Имеется в виду международная выставка мелкой промышленности, профессионального образования, сельского хозяйства с отделами крупной промышленности и противопожарного дела, которая проходила в Казани с 4 июня по 4 сентября 1909 года в саду Русская Швейцария, ныне Парк им. М. Горького.

¹³⁸² От имени виноторговцев Александровых, которым в Казани принадлежало несколько пивоваренных заводов.

¹³⁸³ В очерках «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Петербургская при Александро-Невской лавре, Московская – при Троице-Сергиевой лавре, Киевская – при Киево-Печерской лавре и Казанская – сама по себе, без присоединения её к какому-либо монастырю. Вследствие этого у Казанской академии был и отличный внешний вид от других академий: те входили в ансамбль других монастырских строений, а Казанская академия имела свой независимый от других строений внешний вид: она строилась по плану, подсказанному только целями, ради которых она появилась на свет Божий как независимое учебное учреждение» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 2-3.

¹³⁸⁴ См. вкладку с фотоиллюстрациями.

[Скверик со звонницей]

Сквер перед главным корпусом был густо засажен деревьями (дубки, клёны) и кустами сирени. Весной это было место соловьиных концертов, и во время экзаменов, перефразируя известную песню Соловьёва-Седова¹³⁸⁵ «Соловьи, соловьи» можно было бы сказать: «Соловьи, соловьи, не тревожьте студентов: пускай студенты готовятся к экзаменам». Этот же скверик немного защищал главный корпус от грома, оркестра, который несся со стороны «Швейцарии».

[Учебный корпус]

Главный корпус имел четыре этажа, но нижний был уже подвальным помещением и здание имело вид трёхэтажного здания. В подвальном этаже были расположены: кухня, столярная мастерская и жилища «малых сих», т. е. разного обслуживающего люда. Здесь же была центр[альная] система отопления.

На втором, по существу на первом этаже были расположены комнаты следующего назначения. У самого входа по обе стороны от лестницы от подвального этажа были отгорожены две каморки – для швейцаров без дверей. В левом крыле по северной стороне вдоль коридора были расположены квартиры инспектора и пом[ощника] инспектора; по южной стороне – две комнаты учительской и профессорской, проход на лестницу и приёмная комната студентов.¹³⁸⁶ Вдоль правого крыла – комнаты монахов, в том числе комната для богословского кружка и, так называемая «Нитрийская пустынь» (молельня), раздевальня (выделена) и квартиры второго пом[ощника] инспектора. По южной стороне – комнатка студентов (рабочая), в которой обычно стремились поселиться студенты, рассчитывающие на приём частых гостей, проход на лестницу и столовая с буфетом. В середине этажа лестница на следующий этаж.

На этом этаже [втором – ред.] по северной стороне в середине была расположена церковь¹³⁸⁷, а к ней как продолжение по коридору справа примыкали две аудитории, а слева – студенческая читальня.

По южной стороне вправо была расположена аудитория, проход на лестницу и студенческая рабочая комната; влево – аудитория, проход на

---

¹³⁸⁵ Соловьёв-Седой Василий Павлович (1907-1979) – советский русский композитор.

¹³⁸⁶ В очерках «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Самой интересной комнатой на этом этаже была приёмная студентов. В ней стоял рояль, гарнитур мягкой мебели, стулья, стол с бархатной скатертью. На стенах повсюду были развешаны групповые карточки с окончивших академию за несколько лет, так что комната являлась своеобразным «пантеоном». Здесь студенты принимали своих гостей. Здесь же любители сольного пения упражнялись в своём искусстве» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 7-8.

¹³⁸⁷ Церковь Михаила Архангела (домовая) при Казанской духовной академии.

лестницу и две студенческих рабочих комнаты.¹³⁸⁸ У проходов на лестницу на этом этаже с той и другой стороны проходов было расположено по комнатке, которые обычно выбирали себе любители уединения – картёжники, любители посещения вечеров и пр. На верхнем этаже по северной стороне были расположены: слева спальня, верхняя часть церкви (её второй этаж), одна рабочая студенческая комната, кладовая и комната для выдачи белья; по южной стороне – спальни и умывальник. Уборные были при лестницах. Здание имело центральное отопление и электрическое освящение. Если принять во внимание, что студентов было примерно 110-120 человек, то нужно признать здание просторным и удобным. Рабочие студенческие комнаты имели просторные столы, индивидуальные этажерки, с покатыми крышками для работы стоя и лампочками при каждой этажерке. В комнатах было достаточное количество стульев.

В спальнях у кроватей стояли табуреты. По ночам еженедельно чистилась обувь и по заявкам разглаживалась верхняя одежда.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 77 об.-81.

Библиотека

Двухэтажное каменное здание с двухсветным читальным залом в южной части его и хорами по стенам на уровне второго этажа – она была главным богатством академии, её гордостью и единственным оправданием для многих студентов за их четырёхлетнее пребывание [в] академии. Четыре раза в году на первых трёх курсах студенты писали сочинения, и это значило: четыре раза в месяц в обязательном порядке нужно было направляться в библиотеку и нагружаться необходимыми научными материалами. Во время же выполнения кандидатской работы связь с библиотекой удесят�ерялась.

Главным богатством библиотеки были рукописи Соловецкого монастыря, а среди них целая библиотека крюковых нот. Кроме того, в ней были ценные уникальные издания русские и иностранные по истории церквей восточных и западных на греческом и латинском языках. Академия вела широкую переписку с научно-религиозными учреждениями – академиями, университетскими богословскими факультетами. Все эти материалы поступали в фонд библиотеки.

---

¹³⁸⁸ В очерках «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Аудитории были небольшие с расчётом на 30-35-40 слушателей. В них стояли кафедры и парты. Рабочие комнаты были ещё по одной на первом и третьем этажах (см. планы №№ 2, 3 и 4). Он были рассчитаны на 12-15-20 и больше человек в зависимости от величины их. В них стояли большие столы для работы сидя и конторки для работы стоя» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 8-9.

Здесь работали два старца, исходившие библиотеку не меньше путешествия пешком в Палестину. У них был образцовый порядок, а в читальном зале соблюдалась абсолютная тишина.¹³⁸⁹
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 4-6.

Сад

Значительную часть площади академии занимал сад, а между учебным корпусом и им, а также по бокам корпуса был двор. На дворе разгуливал одинокий журавлик...

Сад был гордостью студентов. В нём были дубы и клёны. Почти посередине проходила широкая аллея, которая делила его почти на две равные части. В жаркие дни в аллее можно было отдыхать в тени. Сад был густой, с зарослями, что придавало ему красоту девственной природы. Влево от аллеи, почти у самого конца её, была лужайка, которая летом покрывалась цветами, а зимой на ней устраивался каток. На катке иногда завязывались знакомства с барышнями, живущими вблизи академии и охотно посещавшими его.

В саду, влево от аллеи, находилась больница: двухэтажное красное здание, как видно, выстроенное много позднее учебного корпуса.

С трёх сторон: восточной, западной и южной академическая площадь была ограждена каменной стеной.

Трамвай проходил по северной стороне площади академии и, поворачивая вправо, проходил по восточному её краю.¹³⁹⁰
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 9-11.

---

¹³⁸⁹ Последним библиотекарем Казанской духовной академии был Фёдор Иванович Троицкий (?-1924), занимавший эту должность с 1879 г.

Уникальный фонд библиотеки академии в 1920-х гг. был рассредоточен по отдельным хранилищам. В 1997 г. значительная часть фонда библиотеки из научной библиотеки Казанского университета была передана библиотеке Казанского духовного училища, преобразованного в воссозданную Казанскую духовную семинарию в 1998 г.

Соловецкая библиотека в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке в г. Москве.

¹³⁹⁰ В советское время сад был застроен. В настоящее время здесь медицинские учреждения, небольшая часть старого парка сохранилась только на участке больницы № 2.

[АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ]

Административно-хозяйственные органы академии

По уставу академий ректорами в них являлись духовные лица в чине архиереев. Обычно эти архиереи являлись викариями, т. е. помощниками главных архиереев той или иной епархии. Архиерей – ректор Казанской дух[овной] академии был епископ Чистопольский. Кроме ректора второй персоной с административными функциями был инспектор академии. Коллегиальным органом был Совет и Правление академии. У последнего были хозяйственные функции контроля за ведением хозяйства. Непосредственные хозяйственные функции осуществлял эконом. При Совете академии был секретарь. Все важнейшие действия академического начальства санкционировались главой епархии – архиепископом Казанским.

Членами Совета и Правления Академии были: профессор Виктор Несмелов, профессор В[асилий] Нарбеков, профессор П[авел] Пономарёв. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 20-22.

Епископ Алексей [(Дородницын)]¹³⁹¹

Он был в возрасте между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Несчастьем его была большая тучность.¹³⁹² Это «качество» человека, неприятное для лиц гражданских, было сугубо неприятным для духовного лица. Сколько бы врачи ни утверждали, что это – болезнь и тем самым как-бы призывали к снисходительности к людям этого склада, у «простых» людей всё равно всегда было подозрение, что эти «больные» на самом деле жрецы мамоны, т. е. любители покушать. А когда такие размышления направлялись в адрес кого-либо из монашествующих лиц, то возникало подозрение, не нарушает ли это лицо своего обета при пострижении в монахи – не вкушать мясного. Такое подозрение существовало и в отношении епископа Алексея: передавали, что где-то кому-то удалось подсмотреть, что он вкушал вместо карася порося.

Епископ был высокого роста. На лице у него была слабая растительность: борода имела вид вехотки. Лицо, как это бывает обычно у тучных людей, было обрюзгшим и, когда епископ надевал на голову бархатную скуфейку, он походил на картину И. Е. Репина «Протодиакон».

Епископ не чуждался женского общества и во время разного рода общественных собраний – коллоквиумов, лекций и пр., его можно было видеть беседующим и смеющимся в обществе дам, которых злые языки называли «жёнами-мироносицами».

У него был хороший голос, удивительно сохранивший свою свежесть до старости. Когда он во время литургии выходил на амвон со свечами в руках и обращаясь к молящимся, произносил: «Призри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница Твоя», голос его звучал, как у Леонида Виталиевича Собинова¹³⁹³ – нежно и задушевно. Отсюда, вероятно, и шла молва, что епископ когда-то даже готовился в оперные певцы, но произошла какая-то душевная трагедия вроде неудавшейся любви, и он круто спланировал в монахи.¹³⁹⁴

---

¹³⁹¹ Алексей (Дородницын) (1859-1919) – сын дьячка Екатеринославской губернии. Кандидат богословия Московской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1891 г. В 1905-1912 гг. епископ Чистопольский, 1-й викарий Казанской епархии и ректор Казанской духовной академии.

¹³⁹² В очерке «Епископ Алексей» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Он, например, с усилием поднимался на второй этаж академии, где была академическая церковь, страдая от одышки» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 35.

¹³⁹³ Собинов Леонид Витальевич (1872-1934) – русский оперный певец (лирический тенор).

¹³⁹⁴ В очерке «Епископ Алексей» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «У певцов такие резкие повороты бывают. Известно, например, что итальянский баритон, кумир

Епископ любил пение и приходил иногда на спевки академического хора, причём давал советы, как лучше исполнить ту или иную музыкальную фразу. Опять-таки и в этом случае злые языки преследовали его: рассказывали, что когда хор исполнял концерт Бортнянского «Тебе Бога хвалим», то епископ дал указание – акцентировать слова «девического чрева», в чём усмотрел не остывшую ещё в его душе склонность к греховной мысли.

Во время рождественских каникул оставшиеся в академии студенты обычно устраивал ёлку для детей технических служащих, при этом бывали и маленькие концерты. Епископ приходил всегда на ёлку и особенно любил слушать концерты, может быть, вспоминая своё прошлое, когда он тоже выступал в них. ...

Есть пословица: «Не бывать бы счастьем да несчастьем помогло». В жизни епископа произошла большая перемена в соответствии с этой пословицей. Когда был убит Столыпин, то в дворянском собрании служили панихиду, на которой епископ произнёс велеречивое слово, что было излюбленной формой его ораторского искусства. Он назвал Столыпина вторым Сусаниным.¹³⁹⁵ Речь его получила широкий резонанс в «верхах», и вскоре он получил назначение епископом в Саратов. Фортуна ему улыбнулась, но он ясно понимал, что там его ждёт тяжёлая действительность и что там, как он сам выражался, «будет жарко». Саратов и Царицын в те времена стяжали себе печальную славу черносотенных мест, и это было результатом деятельности Саратовского архиерея Гермогена и царицынского иеромонаха Илиодора.¹³⁹⁶ В конце концов, создавшийся здесь гнойник больше терпеть было нельзя, и Гермогена убрали в Тобольск, а на его место назначили – Алексия. Алексей уезжал в Саратов с беспокойной душой и по

петербургского высшего общества, баритон баритонов, или иначе король баритонов Баттистини ушёл на склоне лет в монахи. Разница в данном случае лишь в том, что епископ Алексей это сделал *ante factum*, а Баттистини *post factum*» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 56 об.-57.

Баттистини Маттиа (1856-1928) – итальянский оперный певец (баритон), мастер бельканто.

¹³⁹⁵ Сусанин Иван (?-1613) – русский национальный герой, прославившийся за спасение родоначальника династии Романовых Михаила Романова от польско-литовского отряда во время русско-польской войны 1609-1618 гг.

¹³⁹⁶ Гермоген (Долганов) (1858-1918) – в 1903-1912 гг. епископ Саратовский, в 1917-1918 гг. епископ Тобольский. Один из самых консервативных русских архиереев начала XX века. Поддерживал деятельность черносотенного иеромонаха-авантюриста Илиодора (Труфанова), который первоначально поддерживался церковными и светскими властями, видевшими в нём успешного антиреволюционного пропагандиста. Но затем они дистанцировались от его демагогии (позднее Илиодор снял сан и объявил о разрыве с церковью). Гермоген же остался союзником Илиодора вплоть до сложения им сана. Был в конфликте с Григорием Распутиным, которого первоначально поддерживал. Убит большевиками. Священномученик Русской Православной Церкви.

пути заехал в один из глухих монастырей Приволжья за молитвами старцев.¹³⁹⁷

[¹³⁹⁸]

Епископ Алексей не читал в академии лекций, и в этом отношении про него можно сказать, что он прошёл мимо академии: она была только «полустанком» на его пути.¹³⁹⁹ Как сложилась жизнь его после Октября, история об этом умалчивает.¹⁴⁰⁰

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 23-30.

---

¹³⁹⁷ В очерке «Епископ Алексей» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... отправляясь к месту новой работы, решил заехать в Нилову пустынь, чтобы укрепить свой дух в общении со старцами-подвижниками» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 37.

¹³⁹⁸ В очерке «Монахи и «монашествующие» в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Ректор академии по своему положению был далёк от студентов и не врывался непосредственно в жизнь студентов; это не было законом, но по отношению к еп[ископу] Алексею это было так» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 58.

¹³⁹⁹ В очерке «Епископ Алексей» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Какой же след своей деятельности в академии оставил еп[ископ] Алексей? При нём в основном была перестройка академии на новый «лад» в сторону реакции и чистка рядов профессуры» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 37.

¹⁴⁰⁰ Епископ Алексей (Дородницын) (1859-1919) – в 1912-1914 гг. епископ Саратовский, в 1914-1917 гг. – епископ Владимирский. В 1917 г. уволен на покой по требованию съезда духовенства и мирян за «деспотическое» управление и грубое обращение с духовенством, а также в связи с обвинениями в близости к Г. Е. Распутину. Пытался захватить церковную власть в Киеве и объявить автокефалию на Украине. В 1918 г. за непослушание священноначалию и нарушение канонов был извержен из сана Всеукраинским церковным собором.

Епископ Анастасий [(Александров)]¹⁴⁰¹

С ним произошла странная, загадочная для казанцев и так и не разгаданная вполне история. Как это могло случиться, что профессор университета, доктор филологических наук, наконец, отец семейства, оставил всё это и ушёл в монахи? Знали это, конечно, те, кто увлекал его на эту стезю, но для постороннего глаза это было непонятно, если не сказать, дико. Впрочем, в ту пору бурной реакции, которую уготовил Пётр Аркадиевич Столыпин, и когда вызревало течение «смены вех» - всё могло явиться на белый свет, так сказать, законно, в силу известных исторических условий.¹⁴⁰²

---

¹⁴⁰¹ Анастасий (Александров) (1861-1918) – сын священника Казанской губернии. Кандидат историко-филологических наук Казанского университета 1883 г., магистр сравнительного языковедения Дерптского университета 1886 г. Профессор Казанского университета, декан историко-филологического факультета Казанского университета в 1905-1911 гг. Иеромонах с 1910 г., архимандрит с 1911 г., инспектор Казанской духовной академии в 1911-1912 гг. Профессор кафедры славянских и румынской церковей, затем кафедры церковно-славянского и русского языков и палеографии. В 1912-1913 гг. епископ Чистопольский, второй викарий Казанской епархии и ректор Казанской духовной академии, в 1913-1918 гг. епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии и ректор С.-Петербургской духовной академии. Учёный-славист.

¹⁴⁰² В очерке «Епископ Анастасий» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как могло случиться такое обстоятельство? Для ответа на этот вопрос необходимо припомнить некоторые явления общественной жизни в России после революции 1905 г., а именно из жизни русской интеллигенции. Революция 1905 г. и последовавшая за ней реакция были чем-то вроде землетрясения с замирающими последовательно толчками. Это «землетрясение» вызвало «смятение» в умах «многих во Израиле» в том числе и в тех кругах, которые, казалось бы, должны быть более устойчивыми, как, например, в кругах служителей культа. Между тем и здесь «лёд тронулся». К общему соблазну по России разъезжал «снявший рясу» Григорий Спиридонович Петров и читал лекции. Выступал с литературным творчеством некий иеромонах Михаил, который, в самых лирических тонах, например, раскрывал тезис: «будет два в плоть едину». Все поразились, откуда это он знает? Наделал много шуму другой иеромонах, который по окончании православной дух[овной] академии «шатнулся» в «древнее благочестие» - в старообрядчество. На фоне общего смятения умов возникло богоискательство, которому, как известно, отдал дань такой корифей марксизма как А. В. Луна[ча]рский, за что ему крепко «влетело» от В. И. Ленина. На вершине государства – в Петербурге – составил даже кружок из видных «князей церкви» и головки мыслителей-философов, типа известного тогда писателя Мережковского. Там проходили горячие дискуссии, причём «новаторы» в философии выдвинули новый тезис о «граде Божиим» в виде триады, в которой вся мировая история представлялась в таком виде: «Ветхий Завет» - это было Царство Бога-Отца, «Новый Завет» - это Царство Бога-сына, и, наконец, наступит третье Царство Бога-Духа Святого, и ему «не будет конца» - рай. Вот насколько было сильным «смятение умов» в то время. Это было в Петербурге, на вершине государства, где было больше «ищущих», «взыскующих града Господня», но они были и в Казани. В кругу их и оказался Александр Иванович Александров. Мы теперь знаем, что когда в 1917 г. последовали ещё более сильные толчки, то подобную метаморфозу совершили и такие мыслители, как [С. Н.] Булгаков и А. И. Введенский.

Он связал свою судьбу с Казанской дух[овной] академией. Мы, студенты этой академии, в мундире его уже не видали, а сразу, по возвращении с летних каникул в 1911 г., встретились с ним, когда на голове его был клобук, а одет он был в монашеское одеяние. Он был в чине архимандрита и был у нас инспектором. Он был невысокого роста, сухощавый. Голова у него была по отношению к корпусу не пропорционально большой, широкий лоб. Когда он надевал клобук, то голова казалась ещё больше. У него была небольшая бородка и тощие усы. Он не был представительным монахом. Он был очень подвижной, что не гармонировало с его тяжёлым монашеским одеянием. В этом одеянии он казался, как в футляре. У него был жизнерадостный вид. К студентам он относился приветливо. Казалось, что он старался убедить всех, что он вовсе не инспектор и просит и не считать его таковым. Было заметно, что он ещё не привык «править» службу», что у него получается это угловато, а когда нужно было ему петь вместе с другими, то он просто терялся и делал только вид, что он принимает участие в пении.¹⁴⁰³ Рассказывали, что когда ему подавали кадило, то он, очевидно, забывался, и у него с языка срывалось что-то вроде «*merci*». Он старался подчеркнуть, что бдительно относится к своему служебному делу. Так, однажды к нему приходил знакомый по прежней работе ксён[д]з, и об этой встрече он так рассказывал студентам: «Я показал ему нашу церковь, но в алтарь не пустил».¹⁴⁰⁴

Когда епископ Алексей был назначен в Саратов, то архимандрит Анастасий произведён был в епископы.¹⁴⁰⁵

Конечно, у Александра Ивановича к этому добавлялись, может быть, и другие мотивы, вытекающие из эгоистических соображений», но об этом можно только гадать: «чужая душа, - как сказал И. С. Тургенев, - потёмки» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 37 об.-39. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) – русский писатель, религиозный философ и общественный деятель.

Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) – русский философ, богослов, священник.

Введенский Александр Иванович (1856-1925) – русский философ, психолог, председатель С.-Петербургского философского общества.

¹⁴⁰³ В очерке «Епископ Анастасия» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Но его ни разу не видали поющим за богослужением и, по-видимому, он вообще не умел петь тех церковных песнопений, которые с детства привыкли петь выходцы из духовной среды и которые были и любимой стихией монахов и монашествующих лиц. Его не слышали произносящим проповедь» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 39 об.-40.

¹⁴⁰⁴ Там же автор упоминает, что у Анастасия служил келейником поляк и что он сам прекрасно говорил по-польски.

¹⁴⁰⁵ В очерке «Епископ Анастасий» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Вот почему сейчас же после его пострижения в монахи началось головокружительное продвижение его по иерархической лестнице. Не успели студенты академии ещё приглядеться к нему в его штатском виде, как он предстал перед ними в виде архимандрита Анастасия и в должности инспектора академии. Прошло немного времени, и он предстал пред ними уже в сане епископа и в должности ректора академии. То, что обычно проходят люди в таком

Как относились к нему монахи? Они ликовали. Ещё бы, им удалось «заполучить» в свои ряды такую рыбину. Ему было присвоено учёное звание доктора богословия в прибавку к званию доктора филологических наук. Любопытно было наблюдать его в городе, когда он проезжал по нему на паре вороных в открытой пролётке в клобуке и монашеском облачении. Ему встречались многие знакомые, и он то и дело поворачивался то в ту, то в другую сторону и благословлял их. На Грузинской улице он проезжал мимо своего дома. Что он думал при этом?

Когда праздновали в 1912 г. юбилей Ломоносову, было устроено по этому поводу торжественное собрание в актовом зале академии, и он произнёс слово «Певцу на лире вдохновенной». Это «слово» было потом отпечатано в «Трудах Казанской дух[овной] академии» и было единственным свидетельством его участия в этих «Трудах».

Весной 1913 г. ректоры всех четырёх академий были вызваны на приём к Николаю II, и академиям было присвоено название «императорских». С некоторым подобострастием он рассказывал об этой встрече. Между прочим, он говорил, что Николай у каждого из них спрашивал, сколько студентов в каждой академии, и когда один из них назвал неточную цифру, а приблизительную, он заметил, что это произвело на Николая неприятное впечатление и «поэтому я, - так он сказал буквально – когда его величество спросил меня, наугад назвал количество, хотя знал только приблизительно».

Весной того же года в Казань приезжала сестра императрицы Елизавета Фёдоровна, вдова убитого [великого] князя Сергея Александровича, дяди царя. Она посетила академию, и по поводу пребывания её в академии епископ Анастасий служил молебен.¹⁴⁰⁶ Он вёл себя при этом униженно: когда Елизавета подходила ко кресту и целовала ему руку, он ... целовал её руку!! Это была отвратительная картина.¹⁴⁰⁷

положении, т. е. от архимандрита до епископа, за десять лет, он перешагнул за год» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 39-39 об.

Там же: «Бросились искать аналогии в русской художественной литературе. Прикинули: может быть, «О[тец] Сергей» Л. Н. Толстого? Но нет: другая обстановка, среда и эпоха. И, наконец, успокоились на том, что признали событие, хотя экстраординарным, но совершившимся и, значит, законным, признанным *de facto*» // Там же. Л. 58 об.-59.

¹⁴⁰⁶ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна прибыла в Казань 19 апреля/2 мая 1913 г.

В очерке «Епископ Анастасий» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Она была в сопровождении графини Зубовой. Одеты они были в одеяние общины, организованной Е. Ф.» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 401. Л. 41.

Имеется в виду Марфо-Мариинская обитель милосердия.

¹⁴⁰⁷ В очерке «Епископ Анастасий» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора указанный эпизод замазан чёрной краской.

Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 31 марта 1964 г.: «Дорогой Иван Степанович! В мемуарах, вероятно, есть жестокие места, как, например, об Алексее, Анастасии и пр. Я думаю, что можно стерилизовать, но из ансамбля не выбрасывать. Если

Вскоре епископ Анастасий был переведён в Петербургскую академию. Это было, очевидно, результатом его встречи с [великой] княгиней Елизаветой Фёдоровной.¹⁴⁰⁸

[¹⁴⁰⁹]

Будучи монахом, епископ Анастасий, в мире Александр Иванович Александров, не терял связь с университетом. Был момент, когда он заменял ректора университета, и все официальные документы того времени подписывались так: «За директора университета... такой-то». Не терял он связи и со знакомыми по учебному Казанскому округу.

Что же всё-таки случилось с ним? Ответ может быть только один: он был бесхарактерный человек и стал жертвой тонкого шантажа ловких дельцов из монашеского мира, действовавших с чисто иезуитской манерой влияния на слабохарактерных людей.¹⁴¹⁰

у меня есть ошибки – прошу Вас исправить. Всё не нужное изъять и сжечь» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 108-108 об.

¹⁴⁰⁸ В очерке «Епископ Анастасий» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Вскоре епископ Анастасий переведён был на должность ректора Петербургской дух[овной] академии, где и умер от туберкулёза» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 401. Л. 41-41 об.

¹⁴⁰⁹ Там же: «Он читал лекции по истории русского раскола. Читал он явно без «живинки»: толи ему уже в университете «набило оскомину», толи потому, что он считал всё это излишним для студентов академии, и «души» не было. Наконец, второпях при переезде на другое место назначения он не прочитал написанную по его предмету единственную кандидатскую работу, а ведь, потеснив своё время, мог бы это сделать. Нет! Наука у него была уже в отчуждении» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 40 об.

В очерках «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Лично у автора сего осталась претензия е епископу: ему он писал кандидатскую работу. А он в спешке переехать на новую работу – ректором Петербургской академии – не счёл нужным прочитать работу, а передоверил чтение её другому лицу – иеромонаху Афанасию, который усмотрел в авторе работу соперника и не смог сделать объективной оценки» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 120.

¹⁴¹⁰ В очерке «Монахи и «монашествующие» в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Может быть, епископ Анастасий был скромнее, чем он показался окружающим его людям, которые старались угождать ему, питать его честолюбие. Один из студентов Петербургской академии, учившийся в ней во время ректорства еп[ископа] Анастасия вспоминал, что в академию тогда приезжал некий старец-подвижник, перед которым епископ благоговел, почтительно целовал у него руку. Не есть ли это порыв мистика? Во всяком случае, он был оригинальным монахом, чуждым некоторым черт, которые были не у пришедших к сей юдоли со стороны, а так сказать, у доморощенных» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 401. Л. 59-59 об.

Согласно «Православной энциклопедии», краткое ректорство епископа Анастасия, близкого к академической и университетской среде, сопровождалось полезными в учебном и административном отношении новациями и было благожелательно воспринято академической корпорацией и студенчеством. («Казанская духовная академия» // «Православная энциклопедия». Т. 29. С. 117-134).

После епископа Анастасия последним ректором Казанской духовной академии в 1913-1917 гг. был епископ Анатолий (Грисюк) (1880-1938) – кандидат богословия Киевской

Инспекторы академии

Протоиерей Николай Петрович Виноградов

Студенты его между собой называли Николаем Петровичем.¹⁴¹¹ Он был инспектором академии и не был инспектором в том же смысле, как поётся в песне: «песня слышится и не слышится». Официально по номенклатуре профессий академических должностных лиц он значился инспектором, но по натуре он просто был «никакой» инспектор. У него не было для этого никаких специфических данных и именно «по этому самому» он был самым подходящим для студентов инспектором, не в смысле их эгоистических, так сказать, «классовых» соображений, а по существу – *a principio*¹⁴¹², потому что какой же может быть инспектор и для чего юношам в 20-25 лет, которым даже для обслуживания себя по академической линии разрешалось иметь своего студента – декана. Но так уж повелось, чтобы был инспектор, и Н. П. был таковым.¹⁴¹³

Он был воплощённой добротой. Есть такие лица (*facies*) у людей, в выражениях которых как бы застыла доброта, и ни как нельзя иначе представить это лицо, скажем, злым, рассерженным. Такое именно лицо было у Н. П. За его очками в золотой оправе виднелись всегда добрые,

---

духовной академии 1904 г. Иеродиакон с 1903 г., иеромонах с 1904 г. И. д. доцента кафедры общей церковной истории Киевской духовной академии с 1905 г., кафедры истории древней церкви с 1910 г. Магистр богословия 1911 г. Архимандрит с 1911 г. Экстраординарный профессор Киевской духовной академии в 1912 г. Инспектор и экстраординарный профессор Московской духовной академии с 1912 г. Архиепископ с 1928 г., митрополит с 1932 г. Священномученик Русской Православной церкви.

¹⁴¹¹ Виноградов Николай Петрович (1852-1928) – сын священника Вятской губернии. Протоиерей. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1880 г. Преподаватель латинского языка в Нижегородском духовном училище с 1880 г. Приват-доцент Казанской духовной академии, преподаватель кафедры латинского языка и латинской словесности с 1881 г., и. о. доцента с 1884 г. Священник с 1883 г. Магистр богословия 1887 г. Протоиерей с 1894 г. Инспектор Казанской духовной академии в 1894-1911 гг. Экстраординарный профессор кафедры латинского языка с 1908 г. Инициатор создания и руководитель Казанских Высших женских богословских курсов с 1911 г. Благодичный церковью при Казанских духовно-учебных заведениях с 1912 г. В 1913-1914 гг. читал в Казанской духовной академии лекции на вакантной кафедре латинского языка. Читал лекции студентам частным образом на квартирах после 1919 г. В 1921 г. проходил по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии. Состоял в числе преподавателей учрежденного в ноябре 1921 г. Богословского института в Казани, просуществовавшего до 1923 г.

¹⁴¹² *in principio* – по-латински в начале.

¹⁴¹³ В очерке «Протоиерей Николай Петрович Виноградов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «На него и не смотрели, как на инспектора и благодушно называли его не отцом протоиереем, а Николаем Петровичем» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 39-40.

ласковые улыбающиеся глаза. У него была «аксаковская» бородка с загибом внизу к шее, и весь его облик – спокойный, благодушный чем-то напоминал портрет Сергея Тимофеевича Аксакова¹⁴¹⁴, конечно, в пределе верхней части бюста. В его отношениях к студентам проявлялась та черта человека, которая именуется «важеватостью» - степенством, деликатностью, изысканной внимательностью. Он в отношениях к студентам никогда не применял сентенций, оговорок, замечаний, нравоучений, каковые черты и относятся к образу инспектора. Только раз он позволил отклониться от этой нормы своих отношений. Это было в день смерти Л. Н. Толстого в 1910 г. Заметив возбуждение студентов, он сказал: «Не вздумайте служить панихиду!» Задумавшись и вздохнув, он добавил: «Погиб, погиб!» Он хотел сказать, что Толстой погиб, не воссоединившись с православной церковью.¹⁴¹⁵

Н. П. читал лекции по истории римской литературы и вёл практические занятия по латинскому языку. Его лекции, конечно, вследствие малого количества отведённых часов были элементарными – конспективным изложением лекций профессора Казанского университета [Д. И.] Нагуевского¹⁴¹⁶, а для практических упражнений в лат[инском] яз[ыке] студенты делали переводы из Лактанция.¹⁴¹⁷ Н. П. имел звание доцента.

Н. П. с супругой были бездетными. Его супруга – маленькая подвижная старушка, всегда аккуратно, можно сказать, изящно одетая, с аккуратной причёской, всегда собранная была единственной представительницей «прекрасного пола» в стенах академии, с которой студентам приходилось, причём изредка, встречаться на лестнице при входе на первый этаж. Говорят, что у супругов, которые долго живут вместе, и морщины в одном и том же месте на лице, и лица в конце концов становятся похожими. У супругов Виноградовых морщин не было заметно, но лица: смотришь на Н. П., а видишь его супругу, смотришь на неё, а видишь Н. П. Бессмертные Филемон и Бавкида! Как-то в Казани затеяли организовать женские богословские курсы. Всё результат богоискательства. Как говорили, первой записалась супруга Н. П. Искали даже практическую установку для этих курсов, и профессор по каноническому праву Бердников указал на институт существовавших когда-то диаконисс.

Н. П. всем своим существом – поведением, преподаванием и пр. символизировал старую академию – до её реорганизации в 1908 г....

---

¹⁴¹⁴ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791-1859) – русский писатель, чиновник и общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист, автор книг о рыбалке и охоте.

¹⁴¹⁵ Деятельность Л. Н. Толстого в 1901 г. была публично осуждена Русской Православной Церковью, а сам писатель объявлен находящимся вне церкви до раскаяния.

¹⁴¹⁶ Нагуевский Дарий Ильич (1845-1918) – русский филолог, профессор римской словесности.

¹⁴¹⁷ Лактанций Луций Цецилий Фирмиан (около 250-около 325) – древнеримский ритор из Африки, принявший в 303 г. христианскую веру.

Мы привыкли видеть Н. П. выходящим из его квартиры, но когда в августе 1910 г. дверь квартиры открылась, мы уже не увидели Н. П.: из квартиры вышел архимандрит Гурий.¹⁴¹⁸
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 45 об.-48.

Архимандрит Гурий [(Степанов)]

Архимандрит Гурий¹⁴¹⁹ в сане иеромонаха был оставлен при академии для работы на миссионерском отделении, а потом назначен инспектором её, академии в 1911-м году.¹⁴²⁰ Он представлял из себя наиболее одиозную личность среди академических монахов, соединив в своём лице наиболее отрицательные черты монаха. Самый наружный вид его не привлекал к себе: его крадущаяся походка свидетельствовала о том, что в нём сидел соглядатай, своеобразный тип детектива в монашеском одеянии. В глазах его всегда светилась заведомая недоверчивость и неприязнь к тем, кто были не монахи. Рыжая борода его позволяла предполагать об его дальнем родстве с происходящими из «колена данова». У него была отвратительная, гнусная черта женоненавистничества. Эту черту его скоро подметили студенты, изобразили её и вставили в виде куплета в традиционно исполняемую ими за обедом в день престольного праздника 8-го ноября («Михайлов день») песню «Рóсти, рóсти, моя калинушка»:

*«Наш инспектор всё сквозь землю видит –
Женщин ненавидит».*

Эта отвратительная монашеская черта, как пластырь, прилипала к другим участникам академического богословского объединения, кружка, светским студентам, и по ней безошибочно можно было определить, что «владелец» ею был когда-то участником этого объединения...

У архимандрита Гурия была ещё отвратительная монашеская черта – завлекать в монахи. Стоило ему только заметить, что кто-то из студентов стал задумчив, он уже тут как тут, и из Григория Малинина, глядь, получается Гервасий.¹⁴²¹ Особенно этой «болезнью» постригать в монахи,

---

¹⁴¹⁸ Между протоиереем Н. П. Виноградовым и архимандритом Гурием инспектором Казанской духовной академии с июля 1911 г. по февраль 1912 г. был ещё архимандрит Анастасий (Александров).

¹⁴¹⁹ Гурий (Степанов) (1880-1937) – сын отставного унтер-офицера. Окончил Казанскую духовную семинарию в 1902 г. Иеродиакон с 1905 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1906 г. Иеромонах с 1906 г. И. д. доцента кафедры калмыцкого языка с 1906 г. Магистр богословия 1909 г. Экстраординарный профессор кафедры миссионерских предметов 1910 г. Архимандрит и инспектор Казанской духовной академии с 1912 г. Ординарный профессор кафедры миссионерских предметов с 1916 г.

¹⁴²⁰ Архимандрит Гурий был назначен инспектором Казанской духовной академии 26 мая 1912 г.

¹⁴²¹ Гервасий (Малинин) – иеромонах. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

как известно, страдал владыка Антоний Храповицкий, архиепископ Волынский (недруги его называли «Вавилонский»). В Казанской академии был студент – иеродиакон монах болгарин – и черноокий красавец Вениамин¹⁴²², которого Антоний постриг в монахи в возрасте 20-21 года. Гурий был достойным подражателем дела архиепископа Антония Храповицкого.¹⁴²³

В день престольного праздника (8-го ноября) архимандрит Гурий однажды произносил проповедь. Он рисовал мистическую картину неба, нечто вроде народа, в центре которого находится Саваоф, а около него всё воинство: ангелы, архангелы, архистратиги, херувимы и серафимы. Проповедник ставил себе задачу: охарактеризовать роль архангела Михаила среди «воинства небесного». В проповеди не было ничего такого, что бы воздействовало на чувства слушателей, связывало как-то с жизнью. Схоластика и сушь! В этом сказался весь духовный склад архимандрита Гурия.

Он был назначен на смену протоиерея Николай Петровича Виноградова, и его назначение имело целью дальнейшую перестройку академии в направлении насаждения в ней монашества.¹⁴²⁴
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 42-43 об.

---

¹⁴²² Вениамин (Салабашев) – иеромонах. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

¹⁴²³ В очерке «Монахи и «монашествующие» в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Он был не просто монах-подвижник или вернее сказать не монах-подвижник, а агент монашества, агитатор за монашество. У него был острый, намётанный в этом отношении глаз. ... У архимандрита Гурия всегда были резервы кандидатов, и он знал, что рано или поздно они постригнутся в монахи» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 60.

¹⁴²⁴ Архимандрит Гурий (Степанов) пользовался среди студентов большим авторитетом, его называли душой казанского академического иночества. Доктор церковной истории 1916 г. Член Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 годов по избранию от монашествующих. Епископ с 1920 г., архиепископ с 1924 г. Духовный писатель, лингвист-монголовед. Расстрелян в 1937 г. Священномученик Русской Православной Церкви зарубежом.

Виктор Иванович Несмелов

Мой бывший учитель по Пермской духовной семинарии, в своё время окончивший Московскую духовную академию, получив от меня сообщение о том, что я кончил Казанскую духовную академию, писал мне: «Каждая из бывших наших академий имела каких-либо замечательных людей, которые прославили её своей научной деятельностью». В Казанской дух[овной] академии в числе таковых он назвал имя Виктора Ивановича Несмелова.¹⁴²⁵ И это было правдой. Имя доктора богословия В. И. Несмелова было широко известно не только среди людей, так или иначе связанных с Казанской дух[овной] академией, учившихся в ней, или работавших в ней, но и среди широких кругов деятелей науки в государственном масштабе, а также вообще среди людей, интересующихся богословскими науками. Ещё до поступления в Казанскую дух[овную] академию мы знали, что среди профессоров её есть знаменитый учёный муж – философ. Пропагандистами такой славы Виктора Ивановича были в первую очередь его ученики. Так, указанный выше мною мой б[ывший] учитель по Пермской д[уховной] семинарии, а в настоящее время профессор Педагогической академии, академик Василий Яковлевич Струминский сообщал мне, что о Викторе Ивановиче ему восторженно рассказывал один из выпускников Казанской академии, с которым он соприкасался по работе. Гораздо авторитетнее о Викторе Ивановиче были отзывы широко известных у нас, в России, учёных людей, как, например, профессора А. И. Введенского, который считал В. И. выдающимся мыслителем.

Популярный экстраординарный профессор Казанской дух[овной] академии Константин Григорьевич Григорьев в своих лекциях по так называемого апологетическому богословию при освещении темы «Доказательства бытия Божия» указывал на Виктора Ивановича, как на философа, сформулировавшего, так называемое онтологическое доказательство бытия Божия. Широкую славу философа-мыслителя В. И. принесло его двухтомное сочинение «Наука о человеке», за что ему и было присвоено учёное звание доктора богословия. Уже самое название этого произведения – «Наука о человеке» - выделяло его из ряда других богословских сочинений, обычно связанных с какими-либо историческими событиями или с разработкой религиозных вопросов и переносило в область философии. Главным же отличием его от других богословских сочинений

---

¹⁴²⁵ Несмелов Виктор Иванович (1863-1937) – сын священника Саратовской губернии. Окончил Саратовскую духовную семинарию в 1883 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1887 г., магистр богословия 1888 г. Доцент Казанской духовной академии с 1888 г. Профессор кафедры метафизики в 1898-1919 гг. Русский философ и богослов, автор трудов по философской антропологии, в т. ч. фундаментального труда «Наука о человеке» (Казань, 1905), состоящего из 2-х томов: 1. «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни» и 2. «Метафизика жизни и христианское откровение».

было то, что оно явилось плодом глубоких, самобытных философских размышлений автора, созданием новой концепции философской мысли, а сам автор его проявил себя оригинальным мыслителем. Вот почему, когда в 1911 г. была выпущена в свет популярная философско-богословская библиотечка, то в неё введены были некоторые разделы из «Науки о человеке».¹⁴²⁶

Виктор Иванович среди профессоров, докторов богословия, представлял из себя деятеля своеобразного, редкого по профилю науки его.

Виктор Иванович читал нам лекции по двум философским дисциплинам: логике и систематической философии, иначе именуемой – метафизикой. Последняя – систематическая философия – и представляла собой изложение основных тезисов философии Виктора Ивановича. Нужно сказать, что эта дисциплина была для студентов самым трудно воспринимаемым предметом, благодаря глубокому анализу, на котором построена эта наука, она как бы разлагала мозг на его составные элементы. Она требовала от изучающего её способности к самому мудрёному абстрагированию, что для некоторых студентов представляло трудно преодолимое обстоятельство. Нужно к этому же добавить, что Виктор Иванович читал лекции очень тихим голосом и весьма «мудрёным» языком, своеобразным «несмеловским». В. Я. Струминский, о котором упомянуто выше, в своем письме автору сего, между прочим, отметил, что его знакомый по совместной работе, б[ывший] студент Казанской дух[овной] академии Преображенский, поклонник В. И. Несмелова, «старался подражать своему учителю в языке».¹⁴²⁷

---

¹⁴²⁶ В очерке «Виктор Иванович Несмелов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Исходной точкой для своей философии он взял сократовское изречение Γνῶθι σεαυτόν – «познай самого себя» и на нём, как на фундаменте, он и строил свою систему» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 35.

¹⁴²⁷ Там же: «Науку, которую он преподавал, официально называли «систематической философией», а студенты именовали её короче – «метафизикой», называть же её следовало бы «философией Виктора Ивановича Несмелова». Эта наука должна была являться мировоззрением окончившего академию человека. Вся она была построена на абстрактном анализе в сущности простых положений человеческой мысли, выраженной в разных идеалистических философских течениях, но облечена в такую мудрёную словесную форму, что казалась откровением высокого ума. Когда Виктор Иванович читал лекцию, то казалось, что он «вещал»: взгляд его был направлен на аудиторию, а устремлён был куда-то внутрь, и лектор походил на греческую пифию, раскрывавшую картину её видения. Он говорил тихо, голосом, шедшим откуда-то изнутри; своим анализом он, казалось, стремился разложить мозги своих слушателей, и его было трудно слушать, а ещё труднее понимать. Слушаешь и напрягаешь мысль для того, чтобы за канвой его мудрёных слов увидеть простую истину, где-то уже раньше услышанную или вычитанную в книге. В лекциях по логике он, в сущности, излагал истины, усвоенные нами ещё в семинарии из учебника Светилина, но он окружил их таким частоколом словесной шелухи, что они казались откровением. У него были поклонники, которые усваивали его манеру говорить мудрёно, сами в своей педагогической деятельности применяли эту манеру, и в них всегда по ней (манере) можно было разгадать поклонников Виктора Ивановича. В своей научной работе – «Наука о человеке» и в лекциях Виктор

Курс систематической философии читался на третьем курсе и в сознании студентов преломлялся как своего рода «днепровские пороги». Считалось, что кто «их» благополучно миновал, то обеспечил себе благополучное окончание академии, но бывали и жертвы. В академии вообще жертвы экзаменов были явлением исключительным, и если с кем-либо то случалось, то он попадал в категорию людей, о которых принято говорить: «это тот, который...» К тому же для жертв экзаменов были поставлены «драконовы условия исправления допущенного «греха»: они могли пересдать экзамен только перед получением диплома, и это было «*conditio, sine qua non*» - условием без которого диплом не выдавался.¹⁴²⁸

Кроме лекций, студенты ещё проходили семинары по предмету. Семинары были построены следующим образом: В. И. давал кому-либо из студентов проштудировать какой-либо учебник по философии, или раздел его и представить на семинар критическую оценку изученного материала. Задача эта была не из лёгких, но она позволяла профессору уже до экзамена изучить каждого студента со стороны философских его «возможностей». Для студентов же это, а именно оценка их рефератов на семинарах, давала возможность взвесить свои силы на случай выбора предмета, по которому он возьмёт тему для своей кандидатской работы. Считалось смелым, но рискованным, зато почётным делом взять тему для «кандидатки» у Виктора Ивановича, а удачный дебют на семинаре поощрял на этот риск.

Все мы, кто «по слухам», ещё до поступления в академию «знакомились» с ним «заочно» в силу закона «большое представлять большим», думали, что мы встретим его «большим», солидным, величественным, выделяющимся наружно среди других профессоров, но ошибались в своих предположениях. Правильным было только последнее, т. е. что он выделялся среди профессоров, но как раз наоборот – не солидностью, а своей тщедушной комплекцией. Поэтому, очевидно, у него и голос был тихий, глухой. Образно о нём можно было сказать: «скудельный сосуд» с бесценным содержимым.

[¹⁴²⁹]

Иванович проводил мысль, что вера, как известное психологическое состояние, является врождённым элементом человеческого сознания и человеческой души, а христианство наиболее полным раскрытием этого свойства человеческой души. Такая философия была, конечно, «на потребу» духовной высшей школе и служила щитом от развивающегося атеизма» // Там же. Л. 35-38.

¹⁴²⁸ В очерке «Виктор Иванович Несмелов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Страх перед экзаменом побуждал искать средства для защиты и в порядке покаяния нужно сказать, что шпаргалки особенно тщательно готовились к этим экзаменам» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 41.

¹⁴²⁹ Там же автор добавляет: «Виктор Иванович имел очень непрезентабельный вид: низкого роста, худощавый, ходил как-то бочком. В царские дни, когда все профессора, доктора богословия являлись на молебен в орденах и лентах, он, гордость академии, казался среди них «скудельным сосудом» среди величественных сосудов» // Там же. Л. 41.

Виктор Иванович был из той же семинарии, в которой когда-то учился Н. Г. Чернышевский. Так получались люди с *contrario*.¹⁴³⁰

Виктор Иванович был семейным человеком без всякого отклонения от нормы, его сын гимназист, зело озорной, был «завсегдатаем» студенческого катка.¹⁴³¹

После революции, как передавали. В. И. работал где-то в канцелярии по линии «входящих» и «исходящих» бумаг.¹⁴³²

Sic transit gloria mundi!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 15-18.

---

¹⁴³⁰ *contrario* – по-латински наоборот.

¹⁴³¹ В очерке «Виктор Иванович Несмелов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Виктор Иванович был женат и имел семью. Он жил вблизи академии, и сын его – гимназист приходил часто в академический парк. Мальчик подавал надежды превратиться в бездельника и шалопая. В этом было что-то роковое, что часто от умных отцов происходили совсем не умные дети» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 41-42.

¹⁴³² Там же: «Шла молва, что после Октябрьской революции Виктору Ивановичу было предложено читать лекции по философии в университете, конечно, при условии «перевоспощения», но он отказался и работал в каком-то учреждении письмоводителем» // Там же. Л. 42.

Василий Андреевич Нарбеков

Профессор, статский советник, доктор богословия Василий Андреевич Нарбеков¹⁴³³ читал нам лекции по церковной археологии. Этот предмет в отличие от других был единственным, где лекции сопровождались наглядными пособиями – различными альбомами, фотоснимками и картинами. Это был, так сказать, наш «голодный паёк» на потребность видеть то, что мы изучали. Отсюда понятен наш интерес к этому предмету. К сожалению, часов на предмет отведено было немного, и естественно курс был элементарным. При всём том мы получили знакомство со многими прежде неизвестными нам понятиями, предметами и вещами, как, например, колоннами различных стилей, капителями, фресками, устройством базилик, надгробий. Мы познакомились с различными стилями архитектуры, со знаменитыми архитектурными памятниками, как за границей, так и в России. Мы познакомились с биографиями знаменитых архитекторов и т. д.

Конечно, В. А. не использовал всех, имеющихся в его распоряжении, возможностей. Как, например, можно было бы познакомить студентов с архитектурными памятниками в самой Казани, а этого не было сделано. Единственным, но едва ли убедительным, соображением в оправдание профессора можно указать разве на то, что лекции ему приходилось читать в горячую пору на четвёртом курсе, когда студенты заняты были писанием своих «кандидаток» и нужно было беречь их время.

Для общей же характеристики профессора нужно сказать, что он как-то неприступно держался в отношении к студентам. В этом, вернее, была причина того, о чём речь шла выше.¹⁴³⁴
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 11-12.

---

¹⁴³³ Нарбеков Василий Андреевич (1862-1932) – сын псаломщика Владимирской губернии. Окончил Владимирскую духовную семинарию в 1883 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1887 г. Преподаватель Священного Писания в Полтавской духовной семинарии с 1888 г. И. д. доцента кафедры литургики и археологии Казанской духовной академии с 1889 г. Магистр богословия 1890 г. Доцент кафедры церковного права с 1891 г. Экстраординарный профессор с 1897 г. Доктор церковного права 1899 г. Доктор богословия 1900 г. Ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургики с 1902 г., кафедры церковной археологии в связи с историей христианского искусства с 1914 г. Профессор Казанского Северо-Восточного Археологического и Этнографического института с 1919 г. В 1921 г. проходил по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии.

¹⁴³⁴ В очерке «Василий Андреевич Нарбеков» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он был женат на дочери попечителя учебного округа, имел свой особняк и превратился в своеобразный тип профессора-сibarита» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 33.

Павел Петрович Пономарев

П. П. Пономарёв¹⁴³⁵ поступил в Казанскую духовную академию по окончании курса обучения в Пермской духовной семинарии в 1894 году. Когда мы поступили в 1909 г. в Казанскую академию, он был уже в возрасте 35-36 лет, имел учёную степень доктора богословия, звание профессора, был членом правления академии и по совместительству занимал должность помощника инспектора. Последняя его должность вызывала у нас всегда недоумённый вопрос: почему он взял на себя такие обязанности, будучи на вершине положения в академии? Чем привлекала его эта должность – наблюдать за «детьми» в возрасте от 20 до 25 лет? Лекции по догматическому богословию П. П. читал на третьем курсе и, следовательно, в течение двух первых лет обучения в академии мы имели с ним соприкосновение по административной линии.

Говорят, что «глаза [–] зеркало души человека», но это суждение можно расширить и сказать, что вообще и весь наружный облик человека в какой-то степени отражает его внутренний мир. Правда, бывает и так, что ни наружный вид, ни внутренний мир кого-либо ничего не говорят о человеке, и про такого человека говорят, что он человек-сфинкс. Речь эта клонится к тому, что, очевидно, не лишне описать наружность П. П., поскольку она является типичной для обрисовки его характера. Мы встретили П. П. в расцвете его физических сил. Высокого роста и крепкого сложения, он имел несколько грубоватые черты лица: лоб сильно нависал на глаза, нос в верхней части был вдавлен, а в нижней, наоборот, приподнят и приплюснут (курносый); на голове шевелюра тёмно-русых волос, на подбородке – жидкая растительность волос. Что сказать о глазах? Встречаются яркие характеристики глаз у людей; например, все, кому приходилось видеть Победоносцева, говорили в один голос о его глазах и взгляде: «взгляд холодный-холодный». Кажется, у Чехова или у Салтыкова-Щедрина встречается такое выражение: «глаза выцветшие, как у солёной щуки». Нет необходимости и повода для подобной характеристики глаз П. П., но можно сказать, что глаза его никогда и ничего не говорили. Мы никогда не видели его улыбки, как иногда бывает: увидишь улыбку человека, сразу откроется его душа, и думаешь: этот человек, вероятно, добряк. Мы никогда не видели раздражения или злого выражения в его глазах, как это иногда бывает: посмотришь на такового человека и невольно возникает вывод о нём: этот человек, вероятно, злюка. Мы, можно сказать, никогда не слышали его голоса. А ведь были случаи, когда он мог бы подойти и поговорить не

---

¹⁴³⁵ Пономарёв Павел Петрович (1872-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1893 г. с определением к поступлению в академию. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1897 г. И. д. доцента с 1898 г. Магистр богословия 1899 г. Доцент с 1900 г. Помощник инспектора с 1904 г. Доктор богословия 1909 г. Экстраординарный профессор в 1909 г. Ординарный профессор догматического богословия с 1909 г.

скажем «по душам», а просто по-человечески. Взять, например, известие о смерти Л. Н. Толстого. Неужели он не видел возбуждения студентов? Неужели он не мог подойти и поговорить? Нет, это не входило в его обязанности. Или ещё возьмём такой случай, когда, казалось, Валаамова ослица заговорила бы, но он был нем. Студенты устроили забастовку в знак протеста по случаю недовольства питанием: объявили, громко говоря, голодовку, т. е. не стали выходить в столовую на обед и ужин. По существу это была чистая глупость, но правление академии объявило всех студентов уволенными из академии и предложило всем снова подавать заявления о зачислении с признанием «повинной». П. П. поручено было собирать эти заявления, и он их собирал, причём не говорил ни слова: ни за, ни против. Эпическое спокойствие! Ничто – ни голос, ни взгляд, ни вообще манера поведения – не выражали его отношения к этому факту. На посту пом[ощника] инспектора мы его видели в двух случаях: во время богослужений он стоял у задней двери, ведущей в церковь, через которую студенты входили в церковь и неподалёку от которой становились в свободном расположении, а не в рядах. Он стоял, казалось, безучастно ко всему окружающему. Молился? Не было заметно никаких внешних признаков этого. Следил ли он за студентами? Опять-таки, не было заметно этого. Когда нужно было за всю ночь пойти к иконе или кресту, он шёл во главе студентов, становился потом на своё место у двери, а в конце богослужения молча уходил в свою квартиру. Он являлся в столовую на обед и ужин для наблюдения, молча стоял у последнего стола и давал звонки к началу и концу обеда и ужина. И это было всё, в чём видимо, зримо проявлялась его деятельность на посту помощника инспектора. Может быть, в этом именно и проявлялась особая мудрость П. П. – существовать в виде некоего символа власти.

На третьем курсе мы слушали лекции П. П. по «догматике». Догматическое богословие – метафизика богословских наук, – вероятно, самая трудная богословская наука. В основу его именно положен знаменитый тезис Августина¹⁴³⁶: «*Credo quia absurdum est*».¹⁴³⁷ Как эту науку преподнести юношам в возрасте 23-24 лет, уже с критически настроенным мышлением, так, чтобы затушевать *absurdum* и утвердить *credo*? Очевидно, только так, чтобы было горение *credo*, т. е. горячая убеждённость в предметах и положениях веры. Вот как, например, это выглядело в проповеди инспектора академии архимандрита Гурия в день 8-го ноября, в престольный праздник академии.¹⁴³⁸ Он говорил об архистратиге Михаиле и воинстве небесном в таких конкретизированных образах как будто изображал абстрагированную им картину Бородинского сражения с построенными на нём флешами. Вот

---

¹⁴³⁶ Аврелий Августин (Блаженный Августин) (354-430) – христианский богослов и философ, один из Отцов христианской церкви.

¹⁴³⁷ *Credo quia absurdum est* – по-латински «Я считаю, что это неразумно».

¹⁴³⁸ Имеется в виду престольный праздник домово́й церкви Михаила Архангела при Казанской духовной академии.

это сила веры! Или как, например, иеромонах Иона¹⁴³⁹ в проповеди о тяжести войны утешал слушателей скорбью по этому поводу Богородицы. Он говорил: «А вы думаете легко ей, нашей матушке, видеть эти людские страдания»? Вот это сила веры! Когда протопоп Аввакум¹⁴⁴⁰, как он описывает в своем «Житии» изгонял бесов, то он верил в то, что есть бесы, он конкретно представлял их существование. Это и есть то, что выражено в словах Филаретова катехизиса: «вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых, т. е. уверенность в невидимом как-бы в видимом, в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем». Нужно гореть верой, чтобы вопреки всякому *absurdum* доказать троичность божества. Было ли это в распоряжении и на вооружении у П. П.? Теперь, когда прошло много времени от «тех времён» и когда в памяти перебираешь лекции своих бывших профессоров, то если ничего не можешь вспомнить о содержании этих лекций, то, по крайней мере, вспомнишь о внешнем виде их на кафедре, о манере речи, манерах держаться на лекции. О Павле же Петровиче вспоминаешь только: вот он стоит у дверей в церкви или в столовой и... больше ничего память не сохранила; всё слилось только в этих образах.

Когда осенью 1908 г. мы приехали в академию, то узнали, что он женился на дочери протоиерея Екатерининской церкви Сердобольского.¹⁴⁴¹ И первый вопрос у нас возник такой: как это случилось? Не сделался ли он «жертвой случая»? В самом деле, нам приходилось встречать некоторых наших профессоров в театре, так сказать, в «свете», или видеть в женском обществе, но П. П. никогда и нигде ни в чём подобном не видели. Кроме того, привыкши видеть замкнутым, *persona «an sich»*¹⁴⁴², засохшим на своем «догматизме», мы прямо не могли себе представить его мужем и думали: «уж не оказался ли он в роли Каренина?» Но нет, Сердобольская не могла быть «Анной» уже потому одному, что брак был, очевидно, по французскому образцу: жениху сорок, а невесте 22-23 г.

На этом, кажется, и можно было бы закончить повесть о Павле Петровиче, если бы имя его не стало часто упоминаться в связи с новой обстановкой в жизни, с коренной переменой её после Октябрьской Революции. Слух прошёл, что П. П. перестроился в новых условиях на преподавание марксизма. Шутка это, притом злая, над ним и над новой

---

¹⁴³⁹ Иона (Покровский Владимир Ильич) (1888-1925) – из крестьян Козельского уезда Калужской губернии. Окончил Калужскую духовную семинарию в 1909 г. Иеромонах с 1912 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г. Игумен с 1919 г. Главный священник Оренбургской армии атамана Дутова. Архимандрит с 1922 г. Епископ Тяньцзиньский, викарий Пекинской епархии в 1922-1925 гг. Святитель и чудотворец Русской Православной Церкви.

¹⁴⁴⁰ Аввакум Петрович (1620-1682) – русский церковный и общественный деятель XVII века, автор многочисленных полемических сочинений, священномученик и исповедник в старообрядчестве.

¹⁴⁴¹ Сердобольский Николай Александрович (1856-?) – протоиерей. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1882 г.

¹⁴⁴² *persona «an sich»* – по-немецки личность сама по себе.

действительностью или, правда? Впрочем, в данном случае нам важно не это, а то, какой же взгляд выражен по этому поводу на П. П. Где основания в прошлом П. П. для этой шутки или подлинной действительности? Как он мог, по представлению кого-то, спланировать с богословского «догматизма» на марксизм? Не значило ли бы это снять один мундир и надеть другой? Или: не значило ли бы это уподобиться сосуду, из которого вылили одно содержимое, скажем – вино, и влили другое, скажем – керосин. Но судить так о П. П. значило бы представлять его некой формой человека. Допустимо ли это, такое суждение о человеке вообще? Какое заключение можно сделать о нём на основании изложенного выше?

Был ли он карьеристом? По-видимому, да, а если, правда, что он так спланировал свою жизнь, то, несомненно – да! Молчалин новой формации.¹⁴⁴³ Чем можно объяснить его отчуждённость, замкнутость? Некоторую долю нужно отнести на счёт происхождения: северянин, о чём свидетельствовала и его грубо, топорно созданная наружность, но главное – гордое сознание учёного – доктора богословия. То, что он работал пом[ощником] инспектора нужно объяснить стяжательностью. Среди профессоров – докторов богословия – он был самым молодым. Он, между прочим, входил в комиссию профессоров, которой поручено было рассмотреть различные работы Антония Волынского – речи, проповеди и пр. – на предмет присуждения ему какой-то учёной степени. Вероятно, комиссия не успела это сделать ввиду революции. Если же она это сделала¹⁴⁴⁴, то можно не сомневаться, что П. П. в этом случае выполнял роль Молчалина.¹⁴⁴⁵
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 2-6 об.

---

¹⁴⁴³ Персонаж стихотворной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

¹⁴⁴⁴ Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) был удостоен степени доктора богословия ещё в 1911 г.

¹⁴⁴⁵ После революции 1917 г. П. П. Пономарёв был профессором на рабфаке Политехнического института, преподавателем на 1-х пехотных красноармейских курсах, на общеобразовательных курсах для взрослых. Работал инструктором политики экономического кружка на 16-ых пехотных курсах по подготовке ударной группы политработников. Проходил по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии в 1921 г. Дальнейших сведений нет.

Николай Иванович Ивановский

Профессор, действительный статский советник, доктор богословия – таким был Николай Иванович Ивановский¹⁴⁴⁶, когда он читал нам лекции в Казанской духовной академии по истории и обличению русского раскола и рационалистических сект. Он был лектором и создателем своей науки, единственной науки в академии, которая перекликается с нашим временем по линии борьбы с сектантами. На лекциях Н. И. легко можно было заметить, что значит, когда они строятся на основании живого жизненного материала, а не абстрактных построений мысли, во-первых, и человеком на основании его жизненного опыта, во-вторых.

Ему было около семидесяти лет, и черты некоторой дряхлости уже заметны были и в его облике – небрежность в отдельных аксессуарах лица (небрежный пух на голове, не собранный хотя бы в какое-либо подобие причёски) и некоторая неаккуратность в одежде, но живости его речи мог бы позавидовать любой молодой лектор. Он собственно не читал лекцию, а увлекательно рассказывал о том, как он создавал свою науку, о своём опыте по изучению раскола и сектантства. Он ходил взад и вперёд по аудитории, причём походка его была уже не безупречная – не твёрдая и не устойчивая и вёл разговор о величайшей трагедии в русской истории, когда люди одного и того же социального положения, живущие в одних и тех же материальных условиях, разделились на два лагеря, враждуя друг с другом, считая инакомыслящих «греховными», зачумлёнными. В некоторых случаях он вёл рассказ с применением особого диалекта – жаргона описываемых им типов людей, и казалось, что слушатели конкретно их, этих людей, видели перед собой. Например, он так художественно описывал Рогожское кладбище в Москве¹⁴⁴⁷ и главу его Ковылина¹⁴⁴⁸, с какой старообрядческие секты описаны [П. И.] Мельниковым-Печерским в его произведениях «В лесах» и «На горах». Нам, уральцам, эти картины памятливы по рассказам Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Н. И. рисовал нам старообрядческое движение с момента зарождения его, в период разветвления на разные «толки»: беспоповцы, австрийское священство и различные промежуточные явления их – увлекательно, на основании собственного наблюдения и изучения, рассказывал он о различных сектантах: молоканах, духоборах, скопцах, дырниках, о сектах, возникших на почве своеобразных условий жизни русских тёмных людей;

---

¹⁴⁴⁶ Ивановский Николай Иванович (1840-1913) – сын священника Архангельской губернии. Окончил Архангельскую духовную семинарию в 1861 г. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1865 г., магистр богословия Казанской духовной академии 1867 г. Экстраординарный профессор кафедры истории и обличения раскола с 1869 г. Доктор богословия 1883 г. Ординарный профессор с 1883 г.

¹⁴⁴⁷ Рогожское кладбище – духовный центр старообрядчества Белокриницкого согласия.

¹⁴⁴⁸ Ковылин Илья Алексеевич (1731-1809) – московский купец, старообрядец, основатель Московского Преображенского кладбища.

рассказывал о сектах, возникших под влиянием различных западных течений: о штундистах, штундо-баптистах, баптистах и др.

Ни у кого из профессоров на их лекциях не было такого случая, чтобы студенты задавали лектору вопросы и чтобы лекция приобрела характер хотя-бы небольшого диалога, а у Н. И. такие случаи бывали. Если при посещении оперы «Хованщина» М. И. Мусоргского образы выведенных в ней персонажей казались уже знакомыми, то это нужно отнести к тому, что они уже раньше ярко были изображены на лекциях-рассказах Н. И. В этом отношении он чем-то напоминал известного историка В. О. Ключевского, на лекциях которого, как передавали, прошлая Русь оживала в таких образах.¹⁴⁴⁹

Н. И. оставил после себя учёный труд, который являлся уникальным руководством для преподавателей раскола и обличения его в дух[овных] семинариях.¹⁴⁵⁰ Н. И. был родоначальником многих Ивановских, прославившихся на разных поприщах дореволюционной и после-революционной России.¹⁴⁵¹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 53-54 об.

---

¹⁴⁴⁹ В очерке «Николай Иванович Ивановский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Было бы ошибочно представлять лекции Николая Ивановича как собрание только общих рассказов-анекдотов о раскольниках. В начале них он делал глубокий анализ исторических событий, породивших это своеобразное течение в русской истории» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 106 об.

¹⁴⁵⁰ «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Часть I. История раскола» (Казань, 1886; 2 изд. 1887), часть II и III — «Обличение раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических» (Казань 1887; 2 изд. 1888).

¹⁴⁵¹ В очерке «Николай Иванович Ивановский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «У Николая Ивановича была семья, и фамилия «Ивановский» не раз встречалась нам в жизни, когда шла речь о каком-либо видном деятеле» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. С. 107.

Алексей Александрович Царевский

Первая встреча моя с профессором Казанской духовной академии, доктором богословия, статским советником Алексеем Александровичем Царевским произошла за год до поступления в академию, в 1908 г. при необычных обстоятельствах и в необычной обстановке. Дело было в Перми. Я встречал брата, студента академии, на пристани (это было в начале июня), и мы с пристани направлялись с ним в старый пермский вокзал (Пермь I). У входа в вокзал мы встретили солидного мужчину, пожилого возраста, «джелтмена» одетого, в обществе двух дам, причём, как мне показалось, изысканно предупредительного по отношению к дамам. Брат с ним поздоровался, и он ответил на его приветствие изысканно вежливо. Естественно, меня заинтересовал вопрос: «Кто же он», и как знаком ему брат. Не дожидаясь моего вопроса на этот счёт, брат сказал: «Это профессор Казанской духовной академии Царевский». Я описал картину этой встречи для того, чтобы в дальнейшем не описывать некоторых характерных черт профессора А. А. Царевского.

Трудно было определить возраст А. А. Высокого роста, крепкого сложения, стройный, подвижный – он, очевидно, казался намного моложе своих лет. Ни в густых волосах, ни в пышной бороде его не было никаких признаков седины. У него была чисто военная выправка, что его очень ярко выделяло среди других профессоров.¹⁴⁵² Он входил всегда в аудиторию стремительно, бодро, с приветствием «здравствуйте, господа», садился на стул, чуть облокотясь на кафедру, вынимал свой конспект и читал лекцию. Он при этом, если можно так выразиться, «полу читал» и «полу говорил», но производил впечатление не читающего, а говорящего, произносящего речь человека. У него была прекрасная дикция, образная речь. Он был оратор, и это опять-таки резко выделяло его из ряда других профессоров. Естественно, всё это импонировало студентам, и он был у них в числе уважаемых и почитаемых профессоров.

Он читал нам два курса: курс иностранной литературы на первом курсе и курс русской литературы на втором курсе. Нужно заметить, что в академии были два основных отделения – словесное и историческое. Таким образом, история литературы нам преподносилась в качестве факультетского предмета. Нужно сразу оговориться, что на общем фоне богословских наук факультетские предметы – как литературы, так и история – располагали незначительным бюджетным временем и преподносились поэтому в некоторых разделах как «взгляд и нечто», правда, студенты имели возможность приватно, в порядке личной инициативы углубиться в их изучение: в их распоряжении была прекрасная библиотека и, кроме того, им предоставлялось право брать для своих кандидатских работ темы по

---

¹⁴⁵² В очерке «Алексей Александрович Царевский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В отличие от других профессоров, он носил фрак» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 109.

литературе и истории, что давало возможность для специализации по этим предметам.

Курс иностранной литературы А. А. читал вместо заболевшего и вскоре умершего профессора Алексея Васильевича Попова¹⁴⁵³, так сказать, не по своей специальности, хотя и смежной с ней. Это, очевидно, в какой-то степени ограничивало его лекторские возможности. Что касается метода анализа и характеристики литературных произведений, то они были сугубо, можно сказать сильнее, голо эстетическими, без всякого приложения социологического разбора и оценки. В курс входили английская, немецкая и французская классические литературы. Из испанской литературы говорилось только о Сервантесе. Конечно, куцо, но, как говорится, «по одежке и протягивает ножки»: отводилось мало часов на курс.¹⁴⁵⁴

Читая лекции по истории русской литературы, А. А. входил в свою родную «стихию». Читал он эти лекции не бесстрастно, а сквозь призму своего политического мировоззрения, правда, не оформленного по какой-либо программе, но остановившегося где-то около славянофильства, т. е. консервативного. Это мировоззрение А. А. проявлялось и в его лекциях, но особенно обнаруживалось при защите одним из окончивших академию выпускников её ... Дьяконовым¹⁴⁵⁵, представившим диссертацию по истории русской церкви на соискание учёной степени магистра богословия. На диспуте при защите этой диссертации ... Дьяконовым А. А. выступал в роли второго оппонента, а первым был профессор [Ф. В.] Благовидов¹⁴⁵⁶, который

---

¹⁴⁵³ Попов Алексей Васильевич (1856-1909) – сын священника Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1878 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1882 г. Преподаватель латинского языка в Вятской духовной семинарии с 1882 г. Помощник ректора Казанской духовной академии с 1883 г. Магистр богословия 1883 г. Доцент кафедры пастырского богословия и педагогики с 1884 г., кафедры теории словесности и истории иностранных литератур с 1890 г. Экстраординарный профессор с 1895 г. Доктор богословия 1903 г. Ординарный профессор с 1904 г. Автор фундаментального исследования об акафистах.

¹⁴⁵⁴ В очерке «Алексей Александрович Царевский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Из иностранных писателей отмечено было творчество: Теккерея, Мильтона, Шекспира, Диккенса (Англия); Рабле, Шатобриана, Руссо, Мольера (Франция), Сервантеса (Испания), Шиллера и Гёте (Германия), Данте, Боккачио (Италия). Даже в таком виде, если можно так выразиться, в виде «сухого пайка», иностранная литература предстала перед нами в виде некоего «откровения» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 113.

¹⁴⁵⁵ Возможно, Дьяконов Димитрий Константинович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1905 г.

¹⁴⁵⁶ Благовидов Фёдор Васильевич (1865-?) – окончил Симбирскую духовную семинарию в 1885 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1889 г. Преподаватель гражданской истории в Владимирской духовной семинарии с 1890 г. Магистр богословия 1892 г. Доцент кафедры гражданской истории Казанской духовной академии с 1892 г. Экстраординарный профессор с 1899 г. Доктор церковной истории 1901 г. Ординарный профессор с 1908 г. Историк Русской Православной Церкви, придерживался либерально-критических взглядов, уволен из Казанской духовной академии в 1909 г. Директор Тифлиссских высших женских курсов с 1911 г.

читал тогда лекции по истории русской церкви и у которого слушал курс по этому предмету ... Дьяконов. Оппоненты – Царевский и Благовидов по мировоззрениям отличались, как «волна и камень»: у одного был сильный крен в сторону консерватизма (Царевский), а у другого в такой же степени в сторону либерализма; один (Царевский) «обвинял» претендента на учёную степень в либерализме, а другой (Благовидов) – в консерватизме. Ученый Совет разделился «на ся», и разгорелись страсти, но по большинству голосов Дьяконову присуждена была учёная степень магистра богословия – случай этот был беспрецедентным в истории академии, и за него именно профессору Царевскому студенты присвоили наименование ретрограда.

А. А. читал лекции, тщательно обходя всякие подводные рифы, т. е. обходя то, что стояло в противоречии с его мировоззрением. Как указано было выше, метод оценки произведений был у него сугубо эстетический. В основном всем классикам русской литературы уделено было внимание в лекциях А. А. Не преминул он остановиться и на писателях-славянофилах. С особой симпатией А. А. отозвался о И. А. Гончарове, причём рассказал о том, как он «имел счастье» видеть его на курорте в Либаве. Закончил свои лекции А. А. словами: «А дальше в нашей литературе пошло уже нечто «максимально-горькое»... Знал ли тогда А. А., что Максим Горький, будучи ещё Алёшей Пешковым, посещал академию: приносил из пекарни булки для студентов??? А по времени это могло совпасть с пребыванием его в академии в качестве студента.¹⁴⁵⁷

Несмотря на то, что А. А. был ещё крепким и бодрым, он уже готовил себе преемника и оставил в аспирантуре б[ывшего] выпускника Пермской духовной семинарии Александра Малинина, талантливость которого ещё в семинарии приравнивалась к понятию о вундеркинде. Его и «облюбовал» на смену себе А. А., но с Малининым неожиданно для А. А. произошла метаморфоза: уехал он в Москву или Ленинград на лето Малининым Александром, встретился, как передавали с архиепископом Антонином Волынским, а возвратился иеромонахом Афанасием. А. А. был огорчён такой метаморфозой и поделился своим «горем» со студентами: «Вот – сказал он, - я его готовил на смену себе, а он...»

А. А. работал ещё преподавателем юнкерского училища в Кремле. Не отсюда ли у него была чисто военная выправка? Всю жизнь прожил одиноким. Жил в номерах «пассажа».¹⁴⁵⁸

Его учёная работа была о Посошкове.¹⁴⁵⁹
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 25-28 об.

---

¹⁴⁵⁷ В очерке «Алексей Александрович Царевский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Сказал он это с сокрушением сердечным, и в этом, как в капле воды, он отразился весь в своём консервативном облачении» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 113.

¹⁴⁵⁸ Имеется в виду Александровский пассаж в Казани.

¹⁴⁵⁹ Посошков Иван Тихонович (1652-1726) – первый русский экономист-теоретик, также публицист, предприниматель и изобретатель.

Он первым из прославленных профессоров Казанской духовной академии предстал перед нами на первой же лекции, которую мы слушали в начале нового учебного года. Первая лекция и первый раз в жизни! Легко можно представить то душевное напряжение и волнение, которые владели нами в этот момент. И вот вошёл в аудиторию старичок, в возрасте между шестюдесятью и семьюдесятью годами, старичок на пороге уже перехода к дряхлости, но не поддающийся ещё ей, из тех старичков, о которых говорят: он «засахарился», т. е. навсегда остался в неизменной виде, как засахаренный фрукт. Он был невысокого роста, немного ссутулившийся. На голове у него была чуть-чуть прикрытая редкими волосами лысина, на лбу, над самым носом – родинка, похожая на кнопку; кстати сказать, такая же родинка, но больше, скорее уже похожая на шишку, была и у нашего семинарского преподавателя Библии Алексея Ивановича Дергачёва¹⁴⁶¹, и мы считали её, шишку, признаком богословской направленности ума своего учителя. Седая борода Павла Александровича была аккуратно подстрижена в кружок, что давало повод думать, что он следил за своей внешностью. Одет он был в пиджак казённого образца, в каких мы привыкли видеть своих семинарских учителей, но нашивки на пиджаке указывали, что профессор имел чин действительного статского советника. Во всей фигуре Павла Александровича проглядывала аккуратность чиновника: в одежде, в походке – медлительной, но ровной, но взгляд его был уже тусклым, проглядывала усталость, и казалось, что на своих плечах он нёс тяжёлый груз науки, которой он отдал всю свою жизнь.

Не пускаясь ни в какие лирические вступления по поводу начала своих лекций и по поводу первой встречи со студентами, что делали некоторые другие профессора, больше из молодых, он поднялся на кафедру, положил перед собой тетрадку и начал читать лекцию. Читал он монотонно, тусклым голосом, не отрываясь от тетради. Пробил звонок, он встал, сложил свою тетрадку в боковой карман тужурка, сделал некое подобие поклона и ровным спокойным шагом вышел из аудитории. И это было то, что в течение года в определённые дни нам преподносил Павел Александрович. Уже после первой лекции П. А. нам стало ясно, что нас в течение года ждёт что-то безнадежно скучное, а наш инстинкт самосохранения направлял нашу мысль на поиски выхода из создавшегося положения. Выходом из положения было то, что в академии было принято абсолютно свободное посещение лекций: считалось, что двое присутствующих на лекции студентов составляют

---

¹⁴⁶⁰ Юнгеров Павел Александрович (1856-1921) – сын священника Самарской губернии. Окончил Самарскую духовную семинарию в 1875 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1879 г., магистр богословия 1880 г., доктор богословия 1897 г. Преподаватель Священного Писания Ветхого Завета Казанской духовной академии. Русский православный библиист и богослов, переводчик ветхозаветных книг.

¹⁴⁶¹ См. в Части III. Пермская духовная семинария начала XX века.

кворум, при наличии которого лекция может состояться. Это был спасительный выход для нас, и мы не замедлили им воспользоваться. Кстати сказать, что этим выходом из положения студенты пользовались по целому ряду дисциплин, и было это, так сказать, в порядке вещей: к этому «приобыкли» и некоторые профессора, в том числе и Павел Александрович. Этим, очевидно, и нужно объяснить некоторую «сухость» его первой лекции – отсутствие всяких лирических выступлений, потому что он знал, что его лекции в дальнейшем будут посещаться только двумя «присяжными» студентами, а для этого нет необходимости «расходиться» ещё на какие-то выступления или объяснения.

Павел Александрович Юнгеров читал нам лекции по «Введению в круг богословских наук» - «по Священному Писанию Ветхого Завета. Его научная дисциплина стояла первой в дипломе оканчивающих академию и значилась в разделе «наук общеобязательных». Это было финалом нашего продолжительного шествия по изучению Ветхого Завета, заключительным аккордом изучения. В сельской школе ещё мы учили десять заповедей Моисея. В первом классе духовного училища учили Историю Ветхого Завета: странствования евреев, «избранного Иеговой народа» по пути в Палестину, их пребывание в пленах – египетском, вавилонском и пр., египетские казни, еврейских правителей – судей, царей, их пророков. В семинарии четыре года изучали Библию, начиная с «Пятикнижия» Моисея и кончая пророками. Заучивали наизусть целые главы из этих книг и, так называемые, «мессианские места». И вот нам предлагалось снова погрузиться в изучение Ветхого Завета, но в форме «Введения в круг богословских наук». Что разумеется под этим несколько «угловатым» названием этой богословской науки? Основной целью этой дисциплины являлось доказать историческую подлинность библейских «творений», подлинность авторов, которым приписывались эти книги, обрисовать обстановку, при которой созданы были эти «творения» и доказать подлинность и сохранность текстов.¹⁴⁶² Этому посвятил Павел

---

¹⁴⁶² В очерке «Павел Александрович Юнгеров» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В задачу его науки входило доказать подлинность, историческую достоверность входящих в Библию книг, историческую достоверность авторов этих книг, время их жизни и обстоятельства написания книг. В его задачу также входило доказать сохранность текстов этих книг в их первоначальной редакции и на языке оригинала их. Он должен был разъяснить некоторые туманные места в текстах на [церковно-]славянском языке, например, таких, как «крик веселящихся нееласса, егда победит асида и несса» и пр. В случае расхождения в понимании того или иного текста, ему надлежало проанализировать различные точки зрения и установить единую, приемлемую для принятой концепции библейских толкований в духе христианства. По существу каждая отдельная книга Библии являлась для него материалом для отдельного научного трактата» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 33 об.-34.

Правильно: «Крило веселящихся нееласса, аще зачнётъ Асида и несса?» В переводе: «Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу?» (Книга Иова, 39:13)

Александрович свою жизнь, и этот труд его был заключён в два объёмистых тома его научных изысканий с названием науки, которую он нам читал.¹⁴⁶³ Эти книги отразили его научный путь: от кандидата к доктору богословия. В своей области он был учёнейшим мужем. Знаток семи или восьми иностранных языков, которыми он пользовался для своих научных трудов, в том числе древнееврейского языка, он изучил громадную литературу, относящуюся к его предмету, в том числе труды знаменитых талмудистов. Стоит только просмотреть в его книгах многочисленные ссылки на труды последних, чтобы понять какой колоссальный груз самых разнообразных научных сочинений прошёл через его руки и был переварен его мозгом. Нет! Не только казалось, как выше уже отмечено, что Павел Александрович «нёс на своих плечах тяжёлый груз науки»; он нёс этот груз и на самом деле, и это было видно и по его фигуре, как-бы сжавшейся прижатой как-бы к земле, и по всем его манерам держаться в обществе и студентов, и профессоров.

Молодёжь всегда остаётся верной своей пылкой фантазии и стремлению мыслить образно. Видя Павла Александровича «человеком не от мира сего», грубо выражаясь, высохшей мумией, мы старались представить его молодым и не оторванным ещё от всего «житейского», в частности в качестве семьянина. Среди студентов на этот счёт бытовала молва, что он был в своё время женат, но пережил трагедию в семейной жизни, подобную трагедии Каренина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: его покинула жена. Разлад с женой у него нарастал постепенно, по мере того, как он больше и больше погружался в свою науку и отходил от элементарных событий жизни и требований к нему как живому существу. Жена в сущности оказалась обречённой на одиночество и поставила перед ним дилемму: или-или. Постановку этой дилеммы молва облекла в такую форму, что будто бы благоверная, когда Павел Александрович делал обзор книг пророков, заявила ему: «или Амос, или – я», и когда последовал ответ – «Амос», - покинула его. Может быть, это и не так произошло, но факт остаётся фактом: жена действительно «во время оно» покинула Павла Александровича.

Может быть, по аналогии с этим происшествием наша фантазия давала нам повод представлять и несчастного Каренина похожим на Павла Александровича, правда, при допущении у него больших и оттопыренных ушей. Был и ещё один вариант метаморфозы его: стоило надеть на него одежду странника, и возникал образ Луки из драмы А. М. Горького «На дне». ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 52-63.

---

¹⁴⁶³ «Частное историко-критическое введение в Священные Ветхозаветные книги» в 2-х частях (Казань, 1907).

Михаил Иванович Богословский

Профессор, доктор богословия, действительный статский советник, Михаил Иванович Богословский¹⁴⁶⁴ был напарником Павла Александровича Юнгера поскольку он читал лекции тоже по Священному Писанию, и продолжателем его дела, поскольку он читал лекции по Священному Писанию Нового Завета, а Павел Александрович – Ветхого Завета.

Михаил Иванович тоже завершал длинный путь изучения Священной Истории Нового Завета, подводил его, так сказать, под цоколь, подобно Павлу Александровичу, который то же выполнял по отношению к Ветхому Завету. Ещё в сельской школе ученики усваивали рассказы из Священной Истории применительно к тому, или иному двенадцатому празднику и заучивали тропари к этим праздникам. Во втором классе духовного училища они изучали Священную Историю Нового Завета в системе по учебнику. В семинарии в V кл[ассе] изучали Евангелие и в VI кл[ассе] апостольские послания. В академии ставилась задача углубить эти знания и привести их в соответствие с тем уровнем, который предъявлялся в просвещённый век к богослову высшей марки.

У Михаила Ивановича была та же забота, что и Павла Александровича, доказать подлинность священных книг Нового Завета, доказать подлинность принадлежности их тем авторам, которым они приписывались ортодоксальной традицией; доказать, что они были написаны именно в то время, которое указывала эта последняя, т. е. традиция. На пути ортодоксального освещения евангельских событий у Михаила Ивановича больше, чем у Павла Александровича Юнгера, встречалось противников, которых ему нужно было сокрушить, раскритиковать, таких, как, например, Ренан, Штраус и др. В какой степени ему это удавалось, об этом речь будет ниже.

Михаил Иванович был, вероятно, ровесником Павла Александровича. Одновременно они начинали свою учёную карьеру, в ногу шли по пути роста, и почти одновременно вышли на линию докторов богословия. Докторская работа Михаила Ивановича, в которой изложена была в системе его наука, наука о Евангелии учёного богослова-ортодокса была выпущена в свет особым, более изящным, чем другие аналогичные работы, изданием.¹⁴⁶⁵

---

¹⁴⁶⁴ Богословский Михаил Иванович (1844-1915) – сын пономаря Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1866 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1870 г. Преподаватель Тамбовской духовной семинарии. Помощник библиотекаря Казанской духовной академии с 1870 г. Магистр богословия 1871 г. Доцент кафедры Священного Писания Нового Завета с 1871 г. Экстраординарный профессор с 1886 г. Доктор богословия 1895 г. Ординарный профессор с 1895 г. Русский духовный писатель, богослов.

¹⁴⁶⁵ Богословский М. И. «Детство Господа нашего Иисуса Христа и Его Предтечи, по Евангелиям святых Апостолов Матфея и Луки: Историко-экзегетическое исследование». – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1893. – 459, 11 с.

Михаил Иванович был невысокого роста, крепкого сложения. У него была пышная шевелюра седых волос, не послушная, не поддающаяся постоянной укладке, крупные черты лица. Особенностью лица являлась сильно припухшая, мясистая с сизым оттенком левая бровь, о происхождении которой знал, очевидно, только он один.¹⁴⁶⁶ Главной же особенностью всего его облика была не пропорционально по отношению к корпусу большая голова, что делало его похожим на гнома и, особенно в те моменты, когда он являлся в академию в своём полном чиновничьем облачении в мундире статского советника при шпаге и с Андреевской лентой, рассекающей его корпус по диагонали на перевес.¹⁴⁶⁷

Он был по натуре добрейшим человеком, из тех, у кого доброта характера светится в глазах, слышится в голосе и кажется, что излучается от всего их организма.¹⁴⁶⁸ Мы знали, что у него довольно большая семья, что он прекрасный семьянин, и это сознание как-то больше роднило его с нами и нам казалось, что в его отношениях к нам проглядывало тоже что-то отеческое. В том отношении он был ближе к нам, чем П. А. Юнгеров.¹⁴⁶⁹

В отличие от последнего, он не читал лекции по тетрадке, а произносил в форме живой речи и при том, не сидя на кафедре, а расхаживая по аудитории, что импонировало нам. Иногда он пытался при критике своих идейных врагов – Ренана, Штрауса и пр., принять позу строго[го] изобличителя, позу Савонаролы, но это явно не удавалось ему: всякое отступление его от обычного благодушного тона речи, от благодушного

---

¹⁴⁶⁶ В очерке «Михаил Иванович Богословский» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Одна из бровей у него была припухшей, вроде шишки, что студенты почему-то относили к признакам его богословского ума, а шишку называли «богословской» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 8.

¹⁴⁶⁷ Там же: «Длинная, седая и пышная борода, из тех, что у псалмопевца Давида названы красноречивыми словами – «брада аароня», еще больше подчеркивала величину головы его» // Там же. Л. 8.

¹⁴⁶⁸ Там же: «Всякое проявление злости, желчи ему было, так сказать, физически противопоказано, так как в этих случаях он производил курьёзное впечатление, такое, когда такое состояние человека определялось меткими летучими словами: «не из тучи гром», или «буря в стакане воды»...

Взгляд у него был спокойный и приветливый. Он был из тех старых людей, о которых говорят: «он благообразный старичок». Его лицо излучало спокойствие и было не лишено своеобразной красоты именно в состоянии спокойствия, но при малейшем отступлении от этого, при появлении признаков недовольства, злости, оно искажалось, гармоническое сочетание отдельных элементов его становилось нарушенным, а если к этому ещё присоединялся злобный тон его голоса, тоже не соответствующий по силе ни его росту, ни общей его консистенции, он выглядел не столько гневным, сколько просто смешным. В этом именно смысле и сказано выше о нём, что проявление злости было для него физически противопоказано» // Там же. Л. 7-7 об., 8-8 об.

¹⁴⁶⁹ Там же: «Чтобы запечатлеть образ М. И., один из студентов, самобытный скульптор, сделал статуэтку из гипса, с удивительно точной передачей особенностей его лица, и от имени студентов в знак уважения и благодарности преподнёс ему в день его рождения» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 8 об.-9.

выражения его лица было просто ему противопоказано – было отступлением от его природы. Он сам это, очевидно, сознавал и в такие моменты обращался к аудитории лицом, на котором можно было прочесть просьбу поддержать его критику. В числе врагов Михаила Ивановича значился и Л. Н. Толстой. О нём он выражался так: «Ведь вот Лев Николаевич – великий писатель, а взялся ревизовать Евангелие, кромсать его по своему вкусу и создавать своё Евангелие». Он явно старался смягчить свою критику Толстого, высказаться, так сказать, прикровенно, приближаясь к «эзоповскому языку». Только однажды он не сдержался и выступил против Толстого с открытым забралом. При изложении истории брака в Кане Галилейской, на котором, как говорится в Евангелии, присутствовал Христос со своей Матерью и своим присутствием, так сказать, освятил его, Михаил Иванович сделал экскурс в сочинение апостола Павла, где говорится о тайне брака: «Тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и во церковь». После этого он перешёл к одному высказыванию Толстого на брак, явно отдающему сильно крайним ригоризмом, а именно, когда он высказал мысль о том, что супружеские отношения в браке, освящённые церковью, если они не сопровождаются деторождением, являются одной из форм разврата. В большом волнении и запальчиво Михаил Иванович сказал по этому поводу в адрес Толстого: «Хорошо ему об этом так толковать, когда ему исполнилось восемьдесят лет!» Старик был просто смешон в этот момент, забыв, очевидно, что сам-то он был по возрасту на уровне Толстого.¹⁴⁷⁰

Но однажды нам удалось видеть Михаила Ивановича в позе громовержца Юпитера, и он не был смешным, а страшным в своём гневе и обличительной речи. Дело было в начале весны: с крыши здания сбрасывали снег, и молодой крестьянский парень, не снабжённый верёвкой, сорвался с крыши и разбился на смерть у самых ног Михаила Ивановича, подходящего к зданию академии. Весь бледный и потрясённый нервно, Михаил Иванович тут же, у входа в академию произнёс речь перед сбежавшимися на происшествие студентами. Он был неузнаваем в своём гневе и походил на разъярённого льва, готового ринуться на свою жертву, на виновника этого происшествия – коменданта здания.

---

¹⁴⁷⁰ В очерке «Михаил Иванович Богословский» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Особое внимание М. И. уделил опыту «переложения» Евангелия на свой манер Л. Н. Толстым, причём говорил об этом страстно, взволнованно. К счастью М. И. нужно сказать, что он, очевидно, ничего не знал о «Гаврилиаде» А. С. Пушкина и не дожид до «Евангелия» Демьяна Бедного» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 9 об.-10.

«Гаврилиада» – поэма раннего А. С. Пушкина, пародийно-романтически обыгрывающая сюжет Евангелия о Благовещении Пресвятой Богородицы; главный персонаж – архангел Гавриил.

Бедный Демьян (1883-1945) – русский советский писатель, поэт, публицист и общественный деятель. Автор поэмы «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», написанной в глумливо-издевательской манере.

Позволительно ли ученику фамильярно отзываться о своём учителе? Или конкретнее: позволительно ли студентам фамильярно отзываться о своём профессоре да ещё таком маститом, каким был Михаил Иванович? Конечно, всякий человек ответил на этот вопрос принципиально: нет, не позволительно. И это будет принципиально правильно, но в жизни бывает столько различных коллизий во взаимоотношениях между людьми, что принципиальное суждение отступает в угоду житейскому суждению, не теряя при этом своего морального значения, когда фамильярное высказывание о ком-либо теряет этот свой тон и приобретает выражение задушевного отношения к кому-либо. Студенты между собой называли Михаила Ивановича иногда Мишей. Не обычно? Да, не обычно! Говорилось это в обиду? Нет, не в обиду! Наоборот: для выражения уважения и любви к Михаилу Ивановичу. Что это отдавало какими-то патриархальными отношениями – вот это правильно, но сама жизнь иногда преподносила нам, студентам, иногда такие патриархальные картины, которые подсказывали и патриархальные отношения. В Казани в зимнее время распространённым видом транспорта был «барабус» - рózвальни с подушкой для пассажира, садившегося спиной к кучеру-татарину, который, стоя на ногах, подгонял своего конягу кнутом и мчал пассажира с одного конца города на другой за пятак. Часто можно было наблюдать, как к академии на «барабусе» подъезжал Михаил Иванович. Это была умилительная картина, по поводу которой у кого-либо срывалась с языка фраза: «Приехал наш Миша!» И в голосе говорившего чувствовалась теплота его отношения к своему маститому профессору. Кто решился бы осудить этого «грешника» в данном житейском случае за его вольное отношение к имени своего профессора?! ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 64-75.

[Евлампий Яковлевич] Полянский

Доцент Полянский¹⁴⁷¹ читал нам лекции по Бибейской археологии и проводил занятия по изучению еврейского языка.¹⁴⁷² Он был уже не молодой, высокий, грузный, немного разбросанный, что заметно было даже по его не всегда аккуратной с виду одежде и вертлявой походке. Таким пишущему эти строки представлялся почему-то Пьер Безухий¹⁴⁷³ из «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого. Он только что вернулся из годичной командировки в Палестину, и это наложило отпечаток на его лекции. Он собственно не читал лекции, а рассказывал о том, что он видел в Палестине. Рассказывал он увлекательно, иногда иллюстрируя речь фотоснимками.

Для изучения еврейского языка, на котором написана Библия, у нас были небольшие учебники. Мы переводили первую главу из «Книги Бытия», некоторые псалмы и отрывки из книги «Песнь песней». Для филологов (а предмет этот изучался по выбору) было интересно изучать этот древнейший язык.

Для автора сего интерес к изучению этого языка подкреплялся ещё тем, что он видел написанный на пергаменте свиток «Торы», сохранившийся в фундаментальной библиотеке Пермской дух[овной] семинарии, присланный архимандритом Антонином Капустиным, во-первых, а во-вторых, тем, что ему случайно представилась возможность однажды познакомиться с талмудическими методами толкования Библии – гиматрией и нотариконом. По изучению языка мы писали курсовое сочинение – перевод отрывка с аннотацией к нему. Археология и еврейский яз[ык] изучались в помощь изучению Священного Писания Ветх[ого] и Нов[ого] Зав[ета].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 12-12 об.

---

¹⁴⁷¹ Полянский Евлампий Яковлевич (1872-1930-е) – сын священника Саратовской губернии. Окончил Саратовскую духовную семинарию в 1895 г. Надзиратель Вольского духовного училища с 1895 г., преподаватель приготовительного класса с 1897 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1904 г. И. д. доцента с 1905 г., доцент с 1907 г. Магистр богословия 1907 г. Экстраординарный профессор кафедры древнееврейского языка и библейской археологии в 1910-1917 гг. Преподаватель русского языка и литературы курсов красных коммунаров в г. Казани в 1918-1919 гг. Проходил по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии в 1921 г. Преподаватель на курсах по подготовке в вузы фельдшеров. В 1930 г. арестован и сослан в Казахстан.

¹⁴⁷² В очерке «Доцент Полянский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Был ещё жив профессор по этим дисциплинам – Терновский, глубокий старец, изредка появлявшийся в академии. Первое предложение – занять его должность он сделал инспектору Пермской дух[овной] семинарии Александру Павловичу Миролюбову, магистру богословия, то тот отказался от предложенной чести, и вызван был Полянский» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 115.

¹⁴⁷³ Так в тексте.

[Владимир Александрович] Керенский¹⁴⁷⁴

Профессор, доктор богословия. Читал лекции [по] истории западноевропейских церквей и вероучений. Нашему курсу не пришлось его слушать, потому что он целый год был в командировке в Англии, где ему было поручено вести переговоры о воссоединении русской православной и английской епископальной церквей.¹⁴⁷⁵ О нём нам говорили, что он весьма учёный человек и практический деятель. Говорили потом уже, позднее, те, кто его раньше слушали и знали, что он, очевидно, в какой-то степени был в родстве с Александром Фёдоровичем Керенским.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 1.

---

¹⁴⁷⁴ Керенский Владимир Александрович (1868-?) – сын священника Симбирской губернии, двоюродный брат председателя Временного правительства А. Ф. Керенского. Окончил Симбирскую духовную семинарию в 1889 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1893 г., магистр богословия 1894 г. Преподаватель истории и обличения раскола в Пензенской духовной семинарии с 1894 г. Доцент кафедры истории и разбора западных исповеданий Казанской духовной академии с 1895 г. Экстраординарный профессор с 1902 г. Доктор богословия 1904 г. Ординарный профессор с 1905 г. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. по избранию от Казанской духовной академии. Приват-доцент кафедры истории Церкви историко-филологического факультета Казанского университета в 1918 г., профессор в 1919-1920 гг.

¹⁴⁷⁵ Речь идёт об одном из эпизодов взаимоотношений представителей Русской Православной и Англиканской церквей в начале XX века.

Протоиерей [Евфимий Александрович] Малов¹⁴⁷⁶

Он возглавлял миссионерское отделение с татарским языком. Сам он был крещёным татаринком. На этом отделении было всего несколько человек студентов. В числе них из Пермской дух[овной] семинарии был Алексей Павлович Нечаев.¹⁴⁷⁷ Протоиерей Малов преподавал татарский язык, миссионерское дело и собственной персоной представлял всё отделение. Он был уже на склоне лет: на голове у него были только пушинки волос, но полон энергии и сил. Работал он и в крещено-татарской школе. В царские дни он появлялся в академии, весь увешанный знаками отличия. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 122.

---

¹⁴⁷⁶ Малов Евфимий Александрович (1835-1918) – сын священнослужителя Симбирской губернии. Окончил Симбирскую духовную семинарию в 1858 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1862 г. Преподаватель Казанской духовной семинарии в 1862-1863 гг. Преподаватель татарского и еврейского языков в Казанской духовной академии с 1863 г. Магистр богословия 1863 г. Профессор кафедры противомусульманских миссионерских предметов, кафедры еврейского языка. Экстраординарный профессор с 1868 г. Священник с 1869 г. Заведующий кафедры древнееврейского языка и библейской археологии в 1870-1884 гг. Протоиерей с 1881 г. Профессор, заведующий кафедрой древнееврейского языка и библейской археологии Казанской духовной академии в 1870-1884 гг. Редактор журнала «Известия по Казанской епархии» в 1883-1895 гг. Профессор противомусульманского отделения кафедры татарского языка, этнографии тюркских народов и распространения христианства в Азии в 1884-1912 гг., где преподавал татарский язык, этнографию тюркских и финно-угорских народов, арабский язык. Миссионер, духовный писатель.

¹⁴⁷⁷ Нечаев Алексей Павлович – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1908 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. «Прокурор в Перми». (Шишёв А.Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 195).

Иеромонах Амфилохий [(Скворцов)]¹⁴⁷⁸

Как и протоиерей Малов, он представлял собой миссионерское отделение, но с монгольским языком.

Это отделение было ещё только в процессе становления и ещё худосочнее, чем татарское. Амфилохий в течение года был в научной командировке в Монголии и привёз с собой в академию ламу для практики студентов в живом монгольском языке. Здоровенный детина со скопческим лицом, лама разгуливал по академии, старался знаками вести разговор, во время лекций заглядывал в аудитории через стеклянные двери. Иногда он появлялся во всём своём нарядном одеянии с подобием папской тиары на голове, блаженно улыбался с явным желанием поразить всех своим одеянием.

Среди других академических монахов Амфилохий казался каким-то забитым, приниженным. Студенты в шутку называли его «амфибрахием с ямбом» по созвучию с его именем Амфилохий.¹⁴⁷⁹

Академию навещал иногда профессор Казанского университета Катанов¹⁴⁸⁰, по происхождению монгол. Он играл какую-то роль в организации миссионерского отделения с монгольским языком.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 123-124.

---

¹⁴⁷⁸ Амфилохий (Скворцов) (1885-1937) – сын псаломщика Казанской губернии. Окончил Казанскую духовную семинарию в 1906 г. Иеродиакон с 1908 г., иеромонах с 1910 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г. Слушал лекции на Восточном факультете С.-Петербургского университета в 1910-1911 гг. И. д. доцента кафедры монгольского языка, истории и обличения ламаизма Казанской духовной академии с 1911 г.

¹⁴⁷⁹ В очерке «Монахи и «монашествующие» в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Амфилохий был противоположностью Гурию: ему чужда была агрессивность Гурия. Он являл собою тип монаха-учёного» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 60.

Амфилохий (Скворцов) был епископом с 1925 г., арестован и расстрелян. Священномученик Русской Православной Церкви.

¹⁴⁸⁰ Катанов Николай Фёдорович (1862-1922) – окончил Красноярскую гимназию в 1884 г. Обучался на факультете восточных языков С.-Петербургского университета в 1884-1888 гг. Магистр сравнительного языкознания 1903 г., доктор сравнительного языкознания 1907 г. Профессор Казанского университета и Казанской духовной академии. Этнограф, фольклорист, общественный деятель.

Протоиерей Алексей Иванович Дружинин

Протоиерей Дружинин¹⁴⁸¹ был кандидатом богословия. Был ли он доцентом или профессором – это мало интересовало нас. Даже и то, что он был кандидатом богословия, не имело для нас значения: мы ценили его как блестящего оратора, прекрасного лектора, человека с широким умственным кругозором. Он владел аудиторией безраздельно и буквально очаровывал своим ораторским искусством. Когда он читал лекцию, то сам был в приподнятом настроении и это же настроение передавал и слушателям. Среднего роста, коренастый с сократовским черепом и лысиной, он имел вид мудреца восточного типа. Умница – по общему признанию.

Он читал нам лекции по педагогике. К чести академии нужно заметить, что этот предмет в числе других занимал почётное место и в дипломе значился в центре наук, обязательных для изучения.

Изучение этого предмета в академии имело в виду расширить те знания, которые давались ещё в семинарии, подвести под них более широкую научную основу. В семинарии, кроме педагогики в собственном смысле, изучались ещё дидактика – практическая часть общей педагогики и для практики при семинариях существовали так называемые образцовые школы. Это было прекрасное мероприятие, за которое семинариям можно было простить их «многия прегрешения – вольная и невольная». В академиях, к сожалению, не было таких школ, а как это было бы ценно для будущих педагогов, выходцев из них.

Алексей Иванович читал обширный курс истории педагогики, причём подробно останавливался на современных педагогических течениях. Он был прекрасным знатоком английского языка, который преподавал в академии, и когда был объявлен конкурс на перевод с английского языка учебника Меймана, лучшего из учебников по экспериментальной педагогике, он включился в этот конкурс и вышел победителем.

Нам было известно, что он был тонким педагогом в своей семье и, между прочим, часто принимал в летнее время участие в экскурсиях своих сыновей. Автор сего как раз встречал его в Перми при поездке его с сыновьями по Прикамью.

В числе воспоминаний об академии и приятных, а иногда и неприятных – в числе первых, безусловно, сохранились воспоминаний о лекциях протоиерея Алексея Ивановича Дружинина.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 126-129.

---

¹⁴⁸¹ Дружинин Алексей Иванович (1866-1830-е) – сын священника Костромской губернии. Окончил Костромскую духовную семинарию в 1887 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1890 г. Надзиратель Казанского духовного училища с 1892 г., преподаватель образцовой школы при Казанской духовной семинарии с 1893 г. Священник с 1895 г. Доцент кафедры педагогики Казанской духовной академии с 1896 г. Магистр богословия 1900 г. Экстраординарный профессор кафедры педагогики с 1904 г. Протоиерей с 1909 г.

Константин Григорьевич Григорьев

Наука, лекции по которой он читал, и которую мы именовали «апологетическим богословием», не значится почему-то в дипломе. Можно только предполагать, что она: или только в Казанской академии была принята, а в других академиях её не было, и поэтому она не вошла в стандартную форму диплома; или не вошла в диплом ввиду её специфического назначения, экспериментального характера, с неопределённым пока профилем. В том виде, в каком её нам преподавал профессор Григорьев¹⁴⁸², её следовало бы назвать наукой по борьбе с атеизмом, порождаемым естественными науками. Но принять её в такой формулировке в диплом, очевидно, было бы неудобно, и поэтому, может быть, она просто стыдливо, как говорится, замалчивалась в официальном документе.

Между тем лекции по этой именно дисциплине были очень популярными у студентов, а лектор – Константин Григорьевич Григорьев пользовался особым вниманием и авторитетом. В академии вошло в традицию приходить на первую в году лекцию проф[ессора] Григорьева со всех курсов, а также на некоторые лекции и в течение года. Это был беспрецедентный случай за всё время существования академии.

Что было предметом лекций проф[ессора] Григорьева и что привлекало студентов на его лекции?

Предметом лекций проф[ессора] Григорьева была, прежде всего, целая система «доказательств бытия Божия»: телеологическое, онтологическое и пр. Это была, так сказать, его «тяжёлая артиллерия». В эти доказательства входило всё, что можно было взять у философов-идеалистов на эту тему. Между прочим, как на авторитет в этой области профессор ссылался и на проф[ессора] Казанской академии, т. е. на своего же коллегу Виктора Ивановича Несмелова – на его книгу «Наука о человеке». Он считал, что в этой книге проф[ессор] Несмелов обосновал онтологическое доказательство бытия Божия из анализа внутреннего мира человека (человек носитель образа Божия). Вторым предметом лекций проф[ессора] Григорьева была критика различных научных материалистических учений, например, когда в свет вышли «Мировые загадки» Геккеля¹⁴⁸³ – этот катехизис материализма, - то он делал обстоятельный критический разбор их, конечно, с позиций

---

¹⁴⁸² Григорьев Константин Григорьевич (1875-1925) – сын священника Казанской губернии. Окончил Казанскую духовную семинарию в 1897 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1901 г. И. д. доцента кафедры введения в круг богословских наук с 1902 г. Магистр богословия 1905 г. Доцент с 1905 г. Экстраординарный профессор кафедры основного богословия с 1910 г. Профессор кафедры основного богословия Казанской духовной академии. Русский писатель.

¹⁴⁸³ Геккель Эрнст Генрих (1834-1919) – немецкий естествоиспытатель и философ. Автор терминов питекантроп, филогенез, онтогенез и экология; апологет «монизма» - научно-философской теории, призванной «заменить» религию.

идеалистической философии. Профессор в своих лекциях откликался на всякие новые течения в науке подобного рода, и это именно обеспечивало интерес к его лекциям. Обычно с этого именно, т. е. с сообщения о чём-либо новом в этой области, он начинал свои лекции в новом учебном году. Вот почему на его первую лекцию и устремлялись студенты. В своих лекциях, кроме того, проф[ессор] Григорьев затрагивал широкий круг вопросов по борьбе с атеизмом, исходя из публицистической литературы. При безнадёжной окаменелости и мертвечине, которые характерны были для основных богословских предметов в академии, его лекции были чем-то вроде отдушины, через которую входил свежий воздух. Другое дело, насколько убедительны были лекции проф[ессора] Григорьева, а они иногда были очень рискованными для него, потому что он иногда пускался в критику таких научных положений, которые требовали серьёзного знакомства с естественными науками или затрагивали авторитет великих людей, например Л. Н. Толстого.

Привлекала студентов также манера чтения лекций проф[ессора] Григорьева: он не читал, а произносил речь, пользуясь конспектом. Язык его лекций был образным и даже изящным. Может быть, не последнюю роль при этом играло и то, что он обладал счастливой наружностью и имел тонкую, в высшей степени деликатную, чисто «джелътменскую» манеру обращения со студентами.

После того смятения духовного, которое вызвала революция 1905 г., когда среди молодёжи, в том числе и среди студентов академии, появились люди типа Ивана Карамазова с червячком сомнений по поводу веры в Бога, лекции проф[ессора] Григорьева имели целью поддержать веру в Бога. Среди ревнивых почитателей его лекций, несомненно, были и такие «фомы-неверные», которые по примеру своего колеблющегося в вере ученика Христова могли бы сказать: «Верую, Господи! Помози моему неверию!»

В виду исключительного положения, которое занимал в академии проф[ессор] Константин Григорьевич Григорьев, ему было присвоено звание экстраординарного профессора.

Шла молва о том, что он после Октябрьской революции [он] работал в школе соцвоса [отдела социального воспитания – ред.] и был директором этой школы.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 130-136.

Илья [Степанович] Бердников

Профессор [И. С.] Бердников¹⁴⁸⁴ до 1909 г. читал в академии лекции по церковному (каноническому) праву. Одновременно он читал лекции по этому праву и в Казанском университете. В какой-то степени он был и создателем этой дисциплины, как научной системы.

В созвездии профессоров-мастодонтов Казанской академии он был звездой первой величины и самым авторитетным учёным в этой области среди профессоров всех академий. Вот почему он именно избран был консультантом для работы на так называемом «Предсоборном присутствии» в 1905-1906 гг. Революция 1905 г., поколебавши царский трон, вызвала беспокойство и в церковных верхах, в результате чего в этих кругах родилась идея «обновления церкви», проведения каких-либо реформ. «Соблазн был велик, и решился старик», как поётся в известной студенческой песне, но было странно браться за это дело, и поэтому решено было сначала подготовить материалы к всероссийском Собору через «Предсоборное присутствие». Чтобы не плыть на нём, как говорится, «без руля и без ветрил», т. е. чтобы не выйти на нём за пределы «дозволенного» каноническим правом, и приглашён был проф[ессор] Бердников. «Предсоборное присутствие» проделало определённую «работу», но когда взбаламученное революцией «море» успокоилось, Столыпин своими «реформами» подпёр царский трон, мысль о реформе церкви сама собой отпала, а материалы «Предсоборного присутствия» были сданы в архив, а у профессора Бердникова на его корпусе появилась вторая лента, образуя на груди его букву «Х». Профессор появлялся в академии только в царские дни в мундире действительного статского советника, с двумя лентами на его массивном корпусе.

Нам было известно, что у профессора была семья и что среди его сыновей вышли в свет деятели на уровне карьеры своего отца.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 137-139.

---

¹⁴⁸⁴ Бердников Илья Степанович (1839-1915) – сын причетника Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1860 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1864 г. Профессор кафедры литургики и каноники с 1864 г. Доктор богословия 1881 г. Профессор по каноническому праву Казанской духовной академии в 1869-1911 гг. Участник Предсоборного присутствия в 1906 г.

Фёдор Афанасиевич Курганов

Ещё до поступления в Казанскую духовную академию, мы, абитуриенты Пермской духовной семинарии, намеревающиеся поступить в неё для продолжения своего образования в высшем учебном заведении, от своих знакомых, бывших студентов этой академии, знали, что среди профессоров этой академии есть великий учёный муж, светило богословской науки, которому принадлежит одно открытие в области науки, а именно – в области истории христианской церкви. Судьба привела нас к знакомству с этим учёным мужем ещё до поступления в академию – на вступительных экзаменах в неё, а после вступления в академию в течение двух лет мы слушали лекции его по общей истории христианской церкви с момента появления её на свет Божий. Это был профессор академии, доктор богословия, действительный статский советник – Фёдор Афанасиевич Курганов.¹⁴⁸⁵

В это время ему было уже за шестьдесят лет, но он имел вид благообразного крепкого старца, о котором говорилось: «он постоит ещё на своём посту, и рано ещё думать о замене его кем-либо другим». Среднего роста, он сохранил ещё свою статную фигуру, без каких-либо признаков сутулости и излишних жировых отложений в области живота, что часто бывает у людей «сидячей» профессии и к тому же злоупотребляющих служением мамоне. Он носил сюртук общегражданского типа, не форменный, и имел вид человека присутствующего где-то не на положении официального лица, а частного лица, присутствующего на каком-либо собрании – на банкете, на концерте, или на вечере. По всему было видно, что он не любил форменной одежды, принятой тогда для профессоров. Сюртук ещё более подчёркивал его стройную фигуру. Он был всегда тщательно одет: сюртук был у него всегда застёгнут на все пуговицы, безукоризненно отглажен; манишка, галстук в безупречном порядке. В этом отношении, как нам казалось, он имел что-то общее с Павлом Петровичем Кирсановым из романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева за исключением того, что он не был «англоманом» подобно тому. У него была твёрдая походка с лёгким нажимом ступни на землю или пол. Шевелюра седых густых волос, всегда гладко и аккуратно зачёсанных к затылку, напоминала нам чем-то «тургеневскую» шевелюру, по адресу которой А. И. Герцен ядовито сделал замечание, назвав И. С. Тургенева «седовласой Мессалиной». У Фёдора Афанасиевича почти не заметно было на лице морщин, цвет лица, правда, был землистый, как у пергамента. Прямой нос, типа именуемых «римскими», усы и борода, седые и пышные, придавали всему лицу благообразный вид,

---

¹⁴⁸⁵ Курганов Фёдор Афанасиевич (1844-1920) – сын священника Пензенской губернии. Окончил Пензенскую духовную семинарию в 1866 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1870 г., магистр богословия 1872 г., доктор богословия 1880 г. Профессор кафедры общей церковной истории. Русский православный богослов и историк Церкви.

хотя нависшие брови и острый сосредоточенный взгляд делали лицо несколько суровым, что, в общем, соответствовало характеру Фёдора Афанасиевича. Его нельзя было назвать «старичком», как иногда называли людей его возраста, потому что в этом наименовании – «старичок», правда, ласковом, сердечном, слышится уже какая-то старческая неполноценность, увядание силы, что ни в какой степени нельзя было отнести к Фёдору Афанасиевичу. Про него можно было только сказать: «почтенный старец, полный ещё творческих сил».

Как выше уже упомянуто, Ф. А. читал курс общей церковной истории. Он именно «читал» в прямом значении этого слова. Он спокойно проходил на кафедру, садился на стул, вынимал из внутреннего кармана тетрадку, пергаментного цвета, согнутую вдвое, разглаживал её и начинал читать монотонно, тягуче, без всяких переходов на другой тон, без изменения интонации голоса. Читал, не отрываясь от тетради, не глядя на студентов. Если и оторвётся иногда в связи с «носовой операцией», то смотрит не на студентов, сидящих сбоку, а по прямой линии, упирающейся в двери. Ни одного отступления от чтения «отсеслова» и «досеслова». Если случалось, что звонок, возвещающий о конце лекции, заставал его не дошедшим до очередной точки, то он задерживал студентов ровно на столько, сколько требуется дочитать до точки, потом вставал с сиденья, делал что-то вроде поклона и покидал аудиторию. Следующая лекция начиналась с чтения после «той» точки. Даже если между лекциями получался большой перерыв во времени, когда казалось бы нужно как-то «прошрое» связать с «настоящим», этой связи не устанавливалось. Закон: «от точки – до точки». Так, первую лекцию после летнего перерыва Фёдор Афанасиевич начал словами: «Итак, арианские споры снова возобновились»: союз «итак», таким образом, связал первый курс со вторым, точнее – второй с первым с перерывом в два с лишним месяца. Таков [был] стиль чтения лекций Ф. А.

Как правило, не было обычая вступать в разговоры с профессором ни до, ни после лекции, но однажды студенты, уловив благоприятный момент после лекции, спросили Фёдора Афанасиевича: почему он читает, а не произносит лекционный материал? Ответ последовал классически обоснованный: слово лекция латинское и значит «чтение». «Вот я и читаю» - заключил Ф. А.

На втором курсе введены были практические занятия по изучению общей истории христианской церкви, нечто вроде семинаров. На них Ф. А., наоборот, непосредственно, путём живой речи, соприкасался со студентами. Пред нами был другой человек. Он знакомил нас с историческими документами, по которым он строил свои лекции. Он читал на греческом языке материалы, изданные за границей и интерпретации к ним на иностранных языках – французском и немецком.¹⁴⁸⁶ Он тщательно

---

¹⁴⁸⁶ В очерке «Фёдор Афанасиевич Курганов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Он приносил на них постановления Вселенских соборов на греческом языке, заграничное издание Миня.

анализировал какой-либо научный термин с филологической стороны. Одним словом, он вводил студентов в свою научную лабораторию и сам при этом оживал. Пред нами был учёный муж колоссальной эрудиции, и он покорял нас, возбуждал уважение к себе.

Он даже позволял в этом случае затрагивать в разговоре некоторые интимные стороны своей жизни. Так, он однажды заявил нам: «Завтра меня будут терзать». Речь шла об его чествовании по поводу сорокалетия его научной деятельности. Ф. А., как видно, не любил восхвалений, которые в таком случае обычно бывают. Можно было подумать, что профессор «рисует» своей скромностью, но нет: на чествовании мы видели его смущённым от похвалы, как говорят», от «фимиама», которым «кадил» ему оратор – ректор академии епископ Алексей. Свою велеречивую речь он начал словами: «Приходилось ли Вам, Ф. А. стоять на берегу моря и любоваться его величавым пространством... Я стою перед Вами, учёным, научные знания которого обширны как море» и т. д. По выражению лица Ф. А. было видно, что ему совсем было не по душе это велеречие оратора, и он ответил так, что поэтический приём его свёл на самую житейскую прозу, сказав: «Да, Ваше преосвященство, мне приходилось стоять на берегу моря. Это было в Крыму в таком-то году». Оратор, как видно, понял иронический ответ юбиляра.¹⁴⁸⁷ В своей речи ректор академии указал как на главное достоинство научной деятельности юбиляра то, что он представитель ортодоксального направления в своей науке – ортодокс. Указание на эту сторону, на этот характер лекций и научных произведений Фёдора Афанасиевича было очень симптоматичным для этого момента, потому что только за год перед этим юбилеем была произведена в академии среди профессоров чистка, и кое-кто из них, «подавшийся» не в меру в сторону «либерализма», был «освобождён» от занимаемой должности. Фёдор Афанасиевич был на самом деле ортодоксом в области своей науки не по приспособляемости к окружающей обстановке, а по своему складу ума, по мировоззрению. Свои лекции по предмету он начинал так: «Когда Дух Святой сошёл на апостолов...» и т. д., тем самым сразу показывая направление своих лекций.

Фёдор Афанасиевич по-новому осветил историю так называемого Трул[л]ьского собора¹⁴⁸⁸, отступил от принятого традиционного освещения

Он читал из них отрывки на греческом языке, переводил на русский язык и объяснял нам разные термины, которые, кстати сказать, мы не понимали. Он начинал даже горячиться, видя наше холодное отношение к его науке» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 143.

¹⁴⁸⁷ В очерке «Фёдор Афанасиевич Курганов» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Что это было: проявление скромности, или проявление сухости и чёрствости души Фёдора Афанасиевича? Вернее всего, это было проявление самокритического отношения к себе» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 145.

¹⁴⁸⁸ Трулльский собор – собор Православной Церкви в Константинополе в 691-692 гг. Документы Трулльского собора имеют исключительно важное значение как источник внутреннего церковного права для православных церквей.

её, тем самым доказав, с какой точностью он пользовался историческими документами и как критически их использовал. Эта черта его научной деятельности являлась признанным достоинством учёного.

Кроме академии Ф. А. работал ещё в университете, где читал тоже курс истории христианской церкви и одно время был деканом историко-филологического факультета. Передавали, что в условиях университетской обстановки он не производил впечатление такого замкнутого и сухого человека, каким он казался в академии.

В академии между собой студенты называли его «Кургач», в этом «костлявом» выражении, очевидно, подчёркивая его указанные выше черты характера, что, однако, ни в какой степени не снижало их уважения к нему как к человеку вообще и как к учёному.

Среди студентов даже распространён был рассказ о том, что однажды Ф. А. на экзамене проявил «гуманность», встав на защиту одного «проштрафившегося» на экзамене студента, которого один из членов экзаменационной комиссии предлагал «зарезать», т. е. поставить ему двойку. Он мотивировал свою защиту следующей репликой в адрес этого члена комиссии: «Вы, может быть, тоже в бытность студентом грешили «этим» (речь шла о шпаргалке). Было ли это в действительности или только легендой, но, во всяком случае, это характерно для понимания отношения студентов к своему профессору.

Всю жизнь Ф. А. прожил одиноким, в обществе преданной ему служанки, на счёт которой, как говорили «досужие» люди, он по случаю своего юбилея перевёл тысячу рублей. «Так он и прожил свою жизнь», с акцентом на слове «так» говорили те же люди.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 19-24.

Василий Иванович Протопопов

Доцент Василий Иванович Протопопов¹⁴⁸⁹ читал лекции по Библейской истории. Его лекции носили апологетический характер. Они направлены были, главным образом, против того направления на Западе, которое отрицало самобытность библейских событий, недостоверность их, позднейшее их происхождение в результате переработки различных мифов, заимствованных из древнейших культур Египта, Вавилона и др. Главным объектом критики В. И. было произведение Делича, немецкого ученого – *Bibel und Babel*. По самой цели, поставленной перед В. И. как учёным, он должен был быть и сторонником ортодоксального направления в богословской науке. Библейская история – наука, введённая в помощь изучения Священного Писания Ветхого Завета.

В. И. был призван в академию на научную работу из Тобольской дух[овной] семинарии уже в почтенном возрасте и лекции читал по системе профессоров старшего поколения, а именно читал по конспекту с некоторыми, правда, «лирическими» отступлениями, которыми он старался оживить свои лекции.

Особенность манеры чтения лекций и общего поведения, манеры держаться в частной и академической обстановке у В. И. являлось стремление к помпезности, к величию, качество, которое поворачивалось против него. На этой почве он проигрывал в глазах студентов и вместо того, чтобы внушить уважение к себе, он часто становился объектом иронических замечаний и насмешек, конечно, в студенческой интимной среде.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 32-32 об.

---

¹⁴⁸⁹ Протопопов Василий Иванович (1868-1938) – сын священника Шадринского уезда Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию в 1890 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1894 г. Преподаватель гомилетики в Тобольской духовной семинарии с 1895 г. Магистр богословия 1895 г. Доцент кафедры библейской истории Казанской духовной академии с 1899 г. Экстраординарный профессор с 1904 г. Духовный писатель. Проходил по групповому делу преподавателей Казанской духовной академии в 1921 г. Священник. Расстрелян в 1938 г.

Владимир Александрович Никольский

Владимир Александрович Никольский¹⁴⁹⁰, доцент, читал нам нравственное богословие. По своему возрасту он относился к среднему поколению научных работников академии. Не высокий, кругловатый, он был очень подвижным – лекции он «получитал», «полуговорил». Его задачей было доказать Божественное происхождение христианской морали и её основные положения. Одним из пунктов его дисциплины была также критика других моральных систем, в частности – марксистского учения о морали и её происхождении. К сожалению, эта дисциплина уже в достаточной степени набившая оскомину в семинарии, при всех стараниях В. А. (а читал он живо) не могла вызвать интереса к ней, так оставляла впечатление речи о том-же и потому-же.

Интереснее у В. А. проходили занятия по немецкому языку. То обстоятельство, что живые иностранные языки не изучались ни в духовном училище, ни в семинарии, у нас оставалось в душе какое-то обидное сознание неполноценности, и мы, поэтому, жадно кидались на предоставлявшуюся возможность изучения одного из них. Занятия с В. А. в сущности имели характер консультаций, некоторой помощи самостоятельному изучению языка. Автор сего изучал немецкий яз[ык] по методу Туссена и Лангенштетта¹⁴⁹¹, в основу которого положено изучение корней слов и принципов словообразования.

Чего добился я? Я читал отрывки из Библии на немецком яз[ыке] в переводе Мартина Лютера, и на опыте убедился в том, что заслуга Лютера была именно в том, что [он] участвовал в создании классического немецкого языка. Добился также чтения с незначительных по величине стихотворений Гёте и Гейне, а также Шиллера – некоторых отрывков из трагедии «Вильгельм Телль».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 31-32.

---

¹⁴⁹⁰ Никольский Владимир Александрович (1870-?) – кандидат богословия Казанской духовной академии 1895 г., магистр богословия 1896 г. Профессор нравственного богословия Казанской духовной академии. Русский писатель.

¹⁴⁹¹ Французский педагог, работавший в Германии, Туссен Шарль (1813-1877) и немецкий педагог-методист и издатель Лангеншейдт Густав (1832-1895) – авторы метода Туссена-Лангеншейдта по заочному изучению иностранных языков.

Иеромонах Афанасий [(Малинин)]

Иеромонах Афанасий (в мире Малинин Александр)¹⁴⁹² кончил курс обучения в Пермской духовной семинарии и был командирован последней для продолжения образования в Казанскую духовную академию. В семинарии существовало о нём мнение как о, своего рода, «вундеркинде». А в академии на него особенное внимание обратил профессор русского яз[ыка] и литературы Алексей Александрович Царевский. По окончании академии он был оставлен в аспирантуре для подготовки к научной деятельности на кафедре проф[ессора] Царевского, но неожиданно для последнего, с окончанием аспирантуры, он постригся в монахи и получил назначение читать в академии лекции по аскетике, предмету, который был только что введён в академии с переходом её на новый устав. Проф[ессор] Царевский настолько болезненно воспринял «смену вех» своего аспиранта, что не постеснялся по этому поводу высказать свою обиду студентам. Торжествовали монахи, студенты академии, и их присные: «Нашего полку прибыло!» Положение, точнее обряд его совершён был не в Казани, а, кажется, в Петербурге, в академии, и ожидался приезд вновь испечённого монаха в Казань в академию. Пострижение в монахи молодого человека обычно связывалось разными домыслами и догадками о причинах такого шага, причём чаще всего объяснение носило романтический характер – указывалось на неудачную любовь или какой-либо сугубо трагический случай в жизни. Не обошлось без гаданий и в данном случае, причём молва шла об измене любимого существа.

И вот, наконец, ожидаемый приезд совершился: в академии появился новый монах, молодой красавец. В около академических женских кругах натурально пошли охи и вздохи: «Да как же он, такой молодой, решился на это» и тому подобное в этом духе. Первая лекция о[тца] Афанасия была обставлена с особой торжественностью. Он читал её в актовом зале академии в присутствии всех студентов – случай экстраординарный в истории академии. Он читал лекции о Симеоне Столпнике, о его «Лествице».¹⁴⁹³ Это была не просто лекция, хотя и обставленная с особой помпой, а это была речь, опять-таки не просто речь, а программная, в которой намечалась генеральная линия академии после её перестройки по новому уставу. Как известно, в связи с переходом на новый устав была произведена и чистка

---

¹⁴⁹² Афанасий (Малинин Александр Антонович) (1884-1939) – сын священника Красноуфимского уезда Пермской губернии. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1908 г. Иеромонах с 1909 г. Доцент кафедры пастырского богословия с 1910 г. кафедры церковно-славянского языка и русского языка и палеографии с 1913 г. Духовный писатель.

¹⁴⁹³ Автор путает имена преподобного Симеона Столпника (ок. 390-459) и преподобного Иоанна Лествичника (579-649), автора «Лествицы» - аскетического руководства по нравственному совершенствованию.

преподавательского и профессорского состава, причём убран был популярный профессор по истории Благовидов за направленность его лекций против монахов. О[тец] Афанасий показал свой ораторский талант. Речь его была живой, страстной, увлекающей. На кафедре перед студентами был блестящий оратор, трибун. Его манера речи, фигура, осанка – всё импонировало слушателям, и когда он закончил речь, вспыхнули бурные аплодисменты. Всем казалось, что в академии появился новый талант. Особенно ликовали монахи, но, увы! Это был только блеск фейерверка: «жару и пыла» у оратора хватило ещё на две лекции, а дальше пошло что-то нудное, тягучее, бесцветное, что явно было в тягость и оратору и слушателям. Год кое-как был закончен, и [у] о[тца] Афанасия появилась мысль возвратиться к своим пенатам, т. е. к преподаванию русского языка, но этот предмет был занят перешедшим из университета профессором А. И. Александровым, принявшим пострижение в монахи с наречением его Анастасием. Ещё год о[тцу] Афанасию пришлось ждать, пока тот предмет освободится в связи с переводом Анастасия в Петербургскую академию. В течение этого года он вёл практические занятия по проповедничеству: студенты по его заданиям писали проповеди и он распределял студентов по городским церквям для произнесения их. Наконец, он вышел на преподавание того предмета, который предназначался ему по аспирантуре.

[¹⁴⁹⁴]

Что же было с судьбой Александра Малинина, ставшего потом Афанасием? Это была безусловная ошибка, и вся вина в этом отношении должна быть отнесена на счёт той среды, в которой он оказался, особенно в конце своего пребывания в академии. В академии, существовал кружок людей, который был рассадником для уловления юношей в монахи. Издалека этим кружком руководила рука архиепископа Антония Волынского. У него было отвратительное стремление завлекать молодёжь в монахи. ... В период реакции этот кружок проявлял особенную активность. Основным содержанием его собраний были доклады и беседы на темы сборника о «смене веж». Особенно в этом кружке проповедовались реакционные идеи Достоевского. Кроме монахов в этот кружок входили «прозелиты», люди, готовящиеся к принятию монашества. ...

С назначением инспектором академии архимандрита Гурия, «уловление» в монахи ещё более усилилось. В это время о[тец] Афанасий был уже активным членом этого кружка.

Какова его судьба после Октябрьской революции – не известно.¹⁴⁹⁵

---

¹⁴⁹⁴ В очерке «Монахи и «монашествующие» в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Он любил пение и поднимался иногда из своей «кельи» на второй этаж к светским студентам и распевал с ними свои любимые церковные песнопения, особенно великопостные» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 60 об.

¹⁴⁹⁵ В очерке «Иеромонах Афанасий» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Прошла Октябрьская

соц[иалистическая] революция, и иеромонах Афанасий оказался «не у дел». Шла молва о том, что он на новом поприще в «сущем сане», т. е. в монашеском облачении ещё «наделал какого-то шума» - выступал с речами «за веру» и с прогрессивных позиций, но ...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 24-25.

Афанасий (Малинин) был архимандритом с 1916 г., епископом с 1920 г., архиепископом с 1929 г. (в 1930-1933 гг. архиепископ Казанский), был арестован и сослан, скончался в ссылке в 1939 г.

Иван Михайлович Покровский

Профессор Иван Михайлович Покровский¹⁴⁹⁶, статский советник, ещё не достигший вершины научного звания «доктора богословия» читал нам лекции по истории русской церкви. Он приступил к чтению лекций по этому предмету в невыгодный для него момент. Его предшественник, профессор [Ф. В.] Благовидов был отстранён от чтения лекций за либерализм, а конкретнее сказать – за отрицательное отношение к монахам. В своих лекциях он подчёркивал их неблагоприятные действия в том или другом случае в такой форме: описывая какие-либо отрицательные явления, он добавлял: «конечно, тут произошло то-то и то-то не без участия «их». Излишне говорить о том, что профессор Благовидов был «на славе» у студентов, и около его имени создавалась атмосфера «культы личности», конечно, только психологически. Благовидов получил почётное назначение на должность директора Высших женских курсов в Тифлисе, но было ясно, что это была «почётная ссылка», расправа за «вольномыслие». Иван Михайлович, таким образом, явился на смену в роли подставного лица с противоположным личным качеством: орёл сменялся на кукушку, человек с прогрессивными взглядами заменялся человеком с консервативными взглядами – движение не вперёд, а обратно. Помимо этого, профессор Благовидов обладал удачными качествами лектора – образной речью, хорошей дикцией, что импонировало студентам. При такой ситуации Ивану Михайловичу было, конечно, трудно склонить на свою сторону сердца студентов, по крайней мере, на первых порах и установить своё реноме. После Благовидова в глазах студентов он оказался в положении человека, качествами которого являлись только «умеренность и аккуратность», и такой взгляд на него роковым образом следовал за ним от одного потока студентов к другому.

И. М. читал-произносил лекции, стоя у кафедры, без всяких конспектов. Это, конечно, было плюсом их по сравнению с сухим чтением некоторых старцев-«мастодонтов» богословской науки. Но лекции его казались мелкими: сухой передачей учебника. Слишком сильный акцент делал И. М. на роли личностей в истории, на личностях царей. Так,

---

¹⁴⁹⁶ Покровский Иван Михайлович (1865-1941) – сын священника Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1886 г. Надзиратель в Тамбовском духовном училище с 1889 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1895 г. И. д. доцента кафедры русской церковной истории с 1896 г. Магистр богословия Казанской духовной академии 1898 г. Редактор журнала «Известия по Казанской епархии» в 1905-1907 гг. Доктор церковной истории 1907 г. Экстраординарный профессор кафедры русской церковной истории с 1908 г. Ординарный профессор с 1909 г. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. Председатель комиссии по охране архивных фондов и музейных памятников Казани и Казанской губернии, заведующий историко-культурной и бытовой секцией Казанского губернского архива с 1919 г., заведующим объединенной библиотекой ЦИКа, Совнаркома и Госплана Татарской АССР. Проходил по делу преподавателей Казанской духовной академии в 1921 г. Арестован в 1930 г. и сослан в Казахстан.

например, одну из своих лекций он начал словами: «Две личности направляли историю России и характер её в восемнадцатом столетии – Пётр и Екатерина». Конечно, это была обычная для тех времён методология освещения исторических явлений, но у И. М. она применялась в сугубо оголённой форме.¹⁴⁹⁷

Среди других профессоров И. М. больше всего имел вид чиновника – служаки. Не высокого роста, кругленький, немного вертлявый, с ёршиком на голове и подстриженной клинышком бородкой, всегда в форменной одежде – он и наружно казался воплощением умеренности и аккуратности. По всему было видно, что он был и практичным человеком: вблизи академии у него был дом и кое-какое хозяйство. Его семейство – жена и двое детей часто бывали в академической церкви.

Студенты охотно брали у него темы для кандидатских работ преимущественно исследовательского типа, например, по истории монастырей. При нём один из студентов академии – свящ[енник] А. Игнатьев сделал описание нотной (крюками) библиотеки Соловецкого монастыря¹⁴⁹⁸, написал сочинение и защитил его на учёное звание – магистра богословия. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 13-14 об.

---

¹⁴⁹⁷ В очерке «Иван Михайлович Покровский» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «На лекции он являлся без тетради и конспекта, становился рядом с кафедрой и начинал речь, но, по существу он не лекцию читал, а рассказывал историю русской церкви – причём усиленно останавливался на личностях отдельных деятелей без характеристики эпох и характерных для них общественных течений. Человеку, даже не столь искушённому в предмете читаемой им науки, лекции казались мелкими по содержанию, элементарными, отсюда – неинтересными, а пребывание на лекциях превращалось в «отбывание» их» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 28-29.

¹⁴⁹⁸ «находившейся в библиотеке академии» (Примеч. автора).

Леонид Иванович Писарев

Профессор Леонид Иванович Писарев¹⁴⁹⁹ читал лекции по патрологии. Как показывает название, - это наука об «отцах», разумеется, о знаменитых богословах, признанных церковью святыми, о биографии их. Эта наука введена в помощь изучения церковной истории и догматического богословия.

Л. И. читал лекции живо и образно, говорил, произносил, а не читал. У него проглядывала некоторая тенденция, сугубо осторожная и, так сказать, зашифрованная, к либерализму. При чистке профессоров в 1908 г. его как-то не то проглядели, не то оставили за невозможность заменить кем-либо другим.

Л. И. был в почтенном возрасте, но полон сил и энергии. Он оказался единственным из профессоров академии, принявшим участие в полемической жизни страны, правда, неудачно: он входил в состав министров печальной памяти так называемого «самарского правительства». Дальнейшая судьба его не известна.¹⁵⁰⁰

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 50 об.-51.

---

¹⁴⁹⁹ Писарев Леонид Иванович (1865-1920) – окончил Нижегородскую духовную семинарию в 1886 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1890 г. Преподаватель Казанской духовной семинарии с 1891 г. И. д. доцента Казанской духовной академии с 1895 г. Магистр богословия 1895 г. Доцент с 1896 г. Экстраординарный профессор кафедры патрологии с 1899 г. Доктор церковной истории и ординарный профессор с 1915 г. Член Поместного Собора 1917-1918 по избранию как мирянин от Казанской епархии.

¹⁵⁰⁰ В очерке «Леонид Иванович Писарев» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Нам казалось, что он был «не на своём месте», что ему следовало бы читать лекции по какому-либо предмету, где он мог бы иметь возможность агитировать на общественно-политические темы, а не читать о биографиях и произведениях отцов церкви. Он читал лекции как знающий свой предмет, но без отдачи ему своей души. Студенты не обманулись в своём понимании его: после Октябрьской революции он ринулся в поток общественного движения, правда, по ошибочному руслу его: он был одним из министров Самарского Совета их» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 30-31.

Об участии Л. И. Писарева в деятельности Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре в 1918 г. ничего не известно. В 1919-1920 гг. он был товарищем главноуправляющего Главного управления по делам исповеданий правительства А. В. Колчака. В 1920 г. чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорён к помещению в психиатрическую лечебницу.

[Сергей Александрович] Предтеченский*

Предтеченский читал лекции по литургике. В его задачу входило представить в историческом аспекте организацию и развитие ритуальных священнодействий, а главным образом литургии, откуда и название науки литургики. Роковым для этой науки ещё с момента изучения её в семинарии является её непринятие, чисто психологическое непризнание необходимости изучения её. «Ни к чему» - так определялось отношение к ней и в семинарии, и в академии. И в самом деле? Кому нужна эта наука в жизни? Только тем, кто собирался принять священный сан, а таковых было очень мало: один два из тридцати.

На опыте изучения именно этой науки можно было наблюдать в классической, так сказать, форме систему организации и посещения лекций. Посещение лекций было свободным. В этом было спасение студентов от мучительного присутствия на таких лекциях, где их заведомо ожидала тоска. В таком положении именно находилась литургика. Считалось, что двое присутствующих на лекции студентов являются достаточными для кворума, чтобы состоялась лекция. Так и было: два «учинённых» брата, называемые «присяжными», символизируют присутствие тридцати студентов. На их обязанность является записать содержание лекции приблизительно к стенографической точности, обработать, дать профессору на просмотр и, таким образом, подготовить материал для подготовки к экзамену. Расчёт за знания только на экзаменах: ходил ты на лекции, или не ходил – твоё дело, ответил отлично – получай «пять». При такой системе аудитории по разным дисциплинам наполнялись по-разному: двадцать, пятнадцать, десять и т. д. человек. На систематической философии – все тридцать: с Несмеловым шутки плохи, ну, а на литургике - два «учинённых»: об этом существовала «немая» договорённость сторон.

Доцент Предтеченский, маленький, тщедушный человек, по звонку поднимался на кафедру, не глядя на студентов (он знал, что их двое), читал по тетради до звонка, а после звонка поднимался со стула, сходил с кафедры и, не глядя на студентов (он знал, что их двое и не могут от него скрыться), покидал аудиторию. Это и есть классическое проявление принятой системы, вернее – классическая изнанка её, доведённая *ad absurdum*. Но зато принцип – *libertas in principio*.¹⁵⁰¹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 51-52 об.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний название очерка: «Доцент Сретенский» (ошибка автора).

---

¹⁵⁰¹ *libertas in principio* – по-латински свобода в начале.

Иван Иванович Сатрапинский*¹⁵⁰²

Выпускник Пермской дух[овной] семинарии, он блестяще закончил Казанскую дух[овную] академию и был оставлен для научной подготовки Виктором Ивановичем Несмеловым, которому он писал кандидатское сочинение на тему о философии Ницше. Было что-то странное в его судьбе: очевидно, долго не могли разгадать в нём талантливого, одарённого человека, а смог это сделать только Виктор Иванович. Так, когда Иван Иванович поступил в академию, то многие удивлялись, как это могло быть: уж очень серым и умственно ограниченным он казался. Так и в академии все видели в нём только молчалинские «умеренность и аккуратность». Удивлялись, прежде всего, тому, что он решился на «такое»: взять тему для кандидатской работы у Виктора Ивановича. Обычно все страшились этого, а вот он осмелился и... победил! Да ещё как!

Через год-два ему, только что получившему степень кандидата богословия, Виктор Иванович доверил чтение лекций по психологии. И он читал, но это же было что-то «зелёное», неуверенное, школьное. С таким впечатлением мы прослушали курс психологии у Ивана Ивановича, и осталась навязчивая мысль: а не ошибся ли в нём Виктор Иванович Несмелов? Бывает ведь, что и великие люди иногда ошибаются.

Что было с Иваном Ивановичем Сатрапинским после Октябрьской соц[иалистической] революции – этот вопрос как-то и не возникал по пословице: «любовь была без радости, разлука будет без печали».¹⁵⁰³
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 43-45.

*Из очерков «Казанская духовная академия» в составе «свердловской коллекции» воспоминаний автора; в «пермской коллекции» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» название очерка: «Не ошибся ли профессор В. И. Несмелов?».

---

¹⁵⁰² Сатрапинский Иван Иванович (1884-?) – сын священника. Окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1905 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1909 г.

¹⁵⁰³ Иван Иванович Сатрапинский в 1910-1919 гг. был доцентом кафедры психологии Казанской духовной академии. С 1919 г. и. о. заведующего отделом народного образования Уфимской городской управы и заведующий отделом народного образования Бирской земской управы. С 1921 г. преподаватель философских и педагогических дисциплин факультета общественных наук Пермского государственного университета. (ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 323).

Кандидат богословия, доцент, он принадлежал к молодому поколению учёных людей академии и читал лекции по истории греческой философии. С греческой философией в академии встретились после изучения её в семинарии под руководством уважаемого нами Александра Николаевича Юрьева, но тогда на изучение неё было отведено два-три месяца учебного года, а на этот раз – весь учебный год. Это обстоятельство, а также то, что в лице Николая Васильевича мы встретили блестящего лектора содействовало тому, что она (греческая философия) на этот раз предстала перед нами в более полном виде, но, конечно, с большим вниманием к идеалистическим её течением, чем материалистическим. Николай Васильевич в совершенстве владел искусством популярного изложения темы, живостью речи, благодаря чему в течение лекции поддерживал внимание слушателей на не ослабевающем уровне. В памяти студентов о нём сохранилось мнение, как одном из лучших лекторов академии.

Николай Васильевич принял священный сан и перешёл на чтение лекций по Священному Писанию Нового Завета по непонятной для студентов причине. Принятие им священного сана было обусловлено логикой жизни: к этому побуждала материальная необеспеченность доцентов академии при переходе к семейной жизни, но чем была вызвана смена предмета преподавания – это осталось тайной для студентов. Студентам, между прочим, была известна одна деталь из жизни Николая Васильевича: ему случилось плыть на пароходе, на котором возник пожар, а он оказался спасителем своей будущей жены. Может быть, этот романтический случай и привёл его к необходимости «надеть рясу». Нельзя не признаться, что этот шаг его как-то несколько уронил его в глазах студентов: им казалось, что они потеряли в нём человека своего круга.¹⁵⁰⁵

Как сложилась его жизнь после Октябрьской революции – не известно. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 46-48.

---

¹⁵⁰⁴ Петров Николай Васильевич (1874-1956) – сын священника Орловской губернии. Окончил Орловскую духовную семинарию в 1894 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1899 г. Преподаватель Симбирской духовной семинарии с 1899 г. Магистр богословия 1900 г. Доцент и профессор кафедры истории философии и Священного Писания Нового Завета Казанской духовной академии в 1900-1912 гг. Священник с 1908 г. Преподаватель богословия на Казанских Высших женских курсах в 1912-1919 гг. Профессор истории религий Казанского педагогического института в 1919-1920 гг. Проходил по делу преподавателей Казанской духовной академии в 1921 г. Ректор Казанского богословского института в 1921-1922 гг. Арестован в 1930 г. и сослан в Казахстан. Протоиерей Благовещенского собора г. Муром в 1943-1945 гг.

¹⁵⁰⁵ В соответствии с Изменениями в уставах духовных академий 1911 г. производилось постепенное замещение в академиях светских преподавателей профессорами в духовном сане, в т. ч. представителями учёного монашества.

Доцент [Николай Дмитриевич] Терентьев*¹⁵⁰⁶

Он был только что вызван в академию из какой-то семинарии для чтения лекций по истории философии европейского периода. Как имеющему учёную степень кандидата богословия ему было присвоено звание доцента. Даже несведущий как следует в предмете, лекции по которому он читал, мог заметить, что у него была недостаточная для лектора по этой дисциплине эрудиция. Проглядывала и неопытность его, между тем шеф над всеми философскими предметами – профессор Виктор Иванович Несмелов – зорко следил за общим состоянием преподавания философии в академии. Лектор перешёл в следующем уч[ебном] году на чтение лекций по Священному Писанию Нового Завета.

Таким образом курс истории философии нашему выпуску был прочитан однобоко, с изъяном.

Терентьев состоял ещё преподавателем Казанского учительского ин[ститу]-та, в котором он, очевидно, и продолжал работать после Октябрьской революции.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 49-50.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁵⁰⁶ Терентьев Николай Дмитриевич (1882-?) – магистр богословия, доцент кафедры истории философии Казанской духовной академии.

[СТУДЕНТЫ АКАДЕМИИ]

Ежегодно Казанскую дух[овную] академию, как и другие академии, заканчивали тридцать абитуриентов её, а осенью вновь поступали тоже тридцать человек. В течение учебного года, таким образом, ежегодно в академии было сто двадцать, или около этого числа студентов. В числе них были представители из разных семинарий, находящихся в губернских городах необъятной России и даже представители из-за границы. Так, из Токийской семинарии (Япония) был Михей Иванович Накамура, из Черногории выпускник Житомирской семинарии Мило Капа, из Болгарии Стоян Васев, иеродиакон Вениамин, иеромонах Анфим, священник Андреев. Из Благовещенской семинарии в 1909 г. поступил Кращенко¹⁵⁰⁷, из Иркутской – Иванов¹⁵⁰⁸, из Виленской – Вершениковский¹⁵⁰⁹, из Одесской – Иванов¹⁵¹⁰ и т. д. В академии учились осетины, грузины, молдаване, украинцы, белорусы, а в большинстве, конечно, великороссы. Абитуриенты семинарий посылались правлениями последних по предложению – вызову академий, и иногда получалось странное «переселение народов»: пермяка вызывали в Киевскую академию, а одессита в Казанскую, но это было исключение, а чаще при направлении в академию придерживались территориальной близости их к той или иной семинарии. Большинство поступающих в академию были командированными из семинарий, но некоторое количество поступало и в порядке личной инициативы. Все поступающие были лучшими учениками семинарий, особенно командируемые, а обязательным условием для поступления в академию было окончание семинарии по первому разряду, для чего требовалось иметь оценки по всем предметам, изучаемым в семинарии не ниже «четырёх».

Большинство окончивших семинарии поступало непосредственно после окончания их, но некоторые поступали с перерывом в священном сане. Количество последних особенно возросло после реформы 1908 г. Среди них были лица уже почтенного возраста: за сорок и даже пятьдесят лет, причём, как оказалось, возраст не препятствовал усвоению ими богословских наук.

Все поступающие держали экзамен по трём предметам: устно – по церковной истории и письменно (писали сочинения) по философии и нравственному богословию. Зачисление производилось по конкурсу на экзаменах, причём отсеивался обычно был небольшой – четыре-пять человек. В

---

¹⁵⁰⁷ Вероятно, Красильников Афанасий Гаврилович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

¹⁵⁰⁸ Иванов Владимир Иосифович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

¹⁵⁰⁹ Вероятно, Верниковский Александр Львович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

¹⁵¹⁰ Иванов Виктор Ананиевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

некоторых случаях, очевидно, это правило нарушалось: в изъятие его принимались лица, необходимые для совершения богослужений – священники и диаконы.

Таким образом, в академии оказывались представители трёх категорий студентов: светские студенты – их подавляющее большинство, священники (представители «белого» духовенства) – в количестве до десяти на всех курсах и монахи (представители «чёрного» духовенства) – в количестве шести-восьми человек. Количество последних иногда пополнялось с новыми пострижениями, но это было редко: предпочитали постригаться в монахи после окончания академии.

Светские студенты и монахи жили в общежитии, а священники и диаконы на квартирах со своими семьями, тем более, что некоторые из них служили где-либо в городских церквях.

Кроме указанной дифференциации, так сказать, по внешним признакам, внутри каждой категории студентов были в свою очередь представители людей с разными характерами, различным мировоззрением, с различными бытовыми привычками, остановиться на описании которых в полном объёме не представляется возможным. Поэтому автор сего затронет в ней только такие явления, события, которые были наиболее типичными для характеристики момента из жизни академической молодёжи, а также составит характеристики только наиболее ярких индивидов, представителей той, или иной категории.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 45-52.

Светские студенты*

Как указано было выше, их было большинство, и они определяли физиономию академии. Съехавшиеся с разных концов России, люди разных национальностей, с разными бытовыми привычками, с разными характерами, взглядами и настроениями, они осуществляли «сосуществование», сохраняя свои индивидуальности. Для значительного количества студентов академия являлась только «отдушиной» - единственным средством получить высшее образование и устроиться где-либо на гражданской службе – учителем или чиновником – и «избежать рясы», потому что в академиях обучали на «казённый счёт». Такой человек приходил в академию с такой предвзятой целью и при той свободе обучения (свободное посещение лекций), какая была в академии, старался взять больше то, к чему он готовил себя в жизни: один увлекался философией, другой – литературой, третий – историей, т. е. акцентируя своё внимание на определённом предмете. Были и такие студенты, которые увлекались пением, музыкой, театром. Немногие готовились в священники. Были и такие, которые просто «жили» - развлекались вечерами, жуировали, увлекались картами. Не было пьяниц и злоупотребляющих поклонением Венере.

В памяти сохраняются образы отдельных студентов академии, чем-либо обративших на себя больше внимания.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 75-77.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Он был выпускник Смоленской дух[овной] семинарии и в течение четырёх лет у нас с ним была общая рабочая комната. Из всей массы нашего студенчества он выделялся тем, что был законченным и активным монархистом, прямо сказать – черносотенцем.

Студенческая масса нашей да, вероятно, и всякой другой академии была в политическом отношении неким аморфным существом – пассивным, безынициативным. Весь строй академии был, конечно, консервативным и *in principio* монархическим, но этот принцип не имел яркого внешнего проявления, яркого обнаружения. Начать хотя бы с того, что в академии, как и в семинарии, отсутствовала наглядная, как теперь говорят, агитация: нигде не были развешены, например, царские портреты. В царские дни совершались молебны, на которое все государственные служащие являлись в орденах, со шпагами, но это было единственной формальностью, единственным свидетельством служения политическому строю. Даже такие даты, как празднование трёхсотлетия «благословенного дома Романовых» не было наглядно оформлено, хотя отмечено торжественным собранием. Среди студентов не было хотя бы какого-либо подобия дифференциации по политическим партиям. В читальном зале студентов было много газет: «Русское слово», «Речь», «Биржевые ведомости» и пр., но студенты читали их, не вдаваясь в их политическую направленность. Если спросить любого студента, к какой партии он принадлежал, то он с удивлением пожмёт плечами и скажет: «не знаю», или ничего не скажет. При случае он покажет себя либералом, но в общем смысле, так сказать инстинктивно.

Лукашенко же был активным монархистом. Со слов его мы знали, что в Казани вожаком монархистов-погромщиков был некий служащий университета – не то секретарь, не то управляющий хозяйством – Александр Титович Соловьёв.¹⁵¹² Он пользовался такой популярностью в «верхах», что шифрованные телеграммы шли к нему из Петербурга или Москвы с кратким адресом: «Казань, Александру Титовичу». Когда его спрашивали, что его побуждает придерживаться погромных взглядов, он образно отвечал так: «если вас кусает клоп, то вы его давите. Вот я тоже давлю «их», потому что «они» кусают». В Ягодной слободе¹⁵¹³ у него жил зять, священник Николай Троицкий, выпускник Казанской академии.¹⁵¹⁴ Он придерживался

¹⁵¹¹ Лукашенко Николай Семёнович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

¹⁵¹² Соловьёв Александр Титович (1853-1918) – общественный и политический деятель консервативной направленности, один из лидеров право-монархического движения в Казанской губернии.

¹⁵¹³ «или Подлужной» (Примеч. автора).

¹⁵¹⁴ Троицкий Николай Михайлович (1879-1937) – сын протоиерея Тобольской губернии. Окончил Тобольскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1900 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1904 г. Священник с 1906 г. Церковный и общественный деятель. В 1907 г. основал общество трезвости в Ягодной слободе г.

политических взглядов тестя. У него были последователи из числа студентов академии, к которым относился и Лукашенко. Около Троицкого, таким образом, тоже создавался кружок студентов академии, проповедников «слова Божия», но с политической окраской. У Александра Титовича была дочь [Ольга], слушательница Высших женских курсов, тоже ярая монархистка. Это ядро монархистов открыло в Слободе мужскую гимназию с политической платформой, в которой Лукашенко преподавал латинский язык. Лукашенко рассказывал, что вся эта компания шефствовала над одним медицинским учреждением и под предлогом участия в этом деле вовлекала других в круг своих политических сторонников. Лукашенко был активным членом этой компании.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 86-90.

Казани. После 1917 года основал «Братство защиты Святой православной веры», которое занималось просветительской и миссионерской деятельностью в Казанской епархии. Настоятель Вознесенского собора г. Казани в 1924-1931 гг., протоиерей с 1930 г. Репрессирован и расстрелян в 1937 г.

Михаил Федотович Соловьёв

В массе студентов нашей академии преобладали светские студенты, за ними по количеству следовали священники и в меньшем количестве были монахи. Среди светских же студентов, при одинаковой форме одежды, сколько было различий в характерах, умонастроениях и взглядах! Михаил Федотович Соловьёв¹⁵¹⁵ с внутренней стороны нас особенно интересовал потому, что в духовную школу он пришёл не из среды духовенства, а из среды зажиточных крестьян и прошёл эту школу сверху и донизу: от духовного училища и кончая академию. Конечно, он не был в этом отношении *unicum`om*, но всё-таки удобным для наблюдения в том отношении, что проходил все этапы последовательно, без перерывов и отступлений, как это случалось с некоторыми в аналогичных случаях.

Его отец был владелец мельницы. Учился М. Ф. последовательно в Челябинском духовном училище, Уфимской духовной семинарии и, наконец, в Казанской духовной академии. Известны были случаи, что выходцы из другой среды, не из духовного сословия, охотнее шли в священники, чем дети духовенства, однако у Михаила Федотовича этой именно черты не замечалось. Что ещё было показательным для юношей этой категории, так это то, что они очень часто были инертными к пению, что почти не наблюдалось или не наблюдалось в массовом виде у выходцев из духовного сословия. Конечно, это явление нельзя возвести в общий закон, тем более не имеющий исключений, но, несомненно, можно отметить как унаследованную тенденцию к этому. М. Ф. был совершенно инертным к пению, особенно к церковному. Иногда замечалось, что эта инертность к пению восполнялась приверженностью к обрядовой стороне религии и выражалась у этих людей в показной набожности, но у М. Ф. не было и этого. Нельзя было в его поведении и в его настроении увидеть что-нибудь такое, про что можно было бы сказать: да, вот это есть то, что свидетельствует, что он присоединился к новому строю жизни, быта, приклеился чем-то к нему. Казалось, что он, как говорят, прошел через огонь, воду и медные трубы и вышел сухим, не обожжённым, остался по отношению ко всему этому тем, что на философском языке называется *tabula rasa* – чистая доска. Но что так хорошо М. Ф. усвоил и педантически возвёл в привычку – вторую натуру, то это культ своего наружного вида: он был одет всегда с иголки, имел выхоленное лицо, весь его наружный вид соответствовал тому, что по-французски называлось «комильфо». Второе, что тоже составляло его вторую натуру, это – привычка вращаться в обществе и пользоваться успехом у прекрасного пола. С точки зрения этого тезиса – успеха в обществе – он расценивал и поведение других людей, своих товарищей. Иногда он подходил к кому-либо, в поведении коего находил отступление от этого

---

¹⁵¹⁵ Соловьёв Михаил Федотович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

своего тезиса, и спрашивал в упор: «почему ты не бываешь в женском обществе; ты там пользовался бы успехом». Эта «философия», как видно, его вполне удовлетворяла: он был всегда настроен благодушно, и не было заметно, чтобы он чувствовал какой-либо разлад и противоречие в своих взглядах. В этом отношении он был «цельной натурой». И среди семинаристов и позднее среди «академиков» были люди из категории «отбывающих» обучение в учебных учреждениях, куда их забросила судьба, но не было случаев, чтобы кто-либо доходил до такого «отбывателя» в чистом виде, бесстрастного и эпически уравновешенного в своей ограниченности, каким был Михаил Федотович Соловьёв, сын мельника, прошедший всю духовную школу от начала и до конца. Где и как он применил свои «силы» в жизни – осталось неизвестным.¹⁵¹⁶

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 94-95 об.

---

¹⁵¹⁶ В очерке «Михаил Федотович Соловьёв» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Академия для него была просто коридором, через который он должен пройти в такую же жизнь, только с лучшим обеспечением. Это был законченный тип студента-сибарита, и такие не были одиночками» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 91-92.

Подвижники науки*

Была одна рабочая студенческая комната, где они собирались как на подбор. Нет, они увлекались не богословием, а философией. На славе среди них был Матвей Ершов.¹⁵¹⁷ Рассказывали, что когда-то студенты-академики вызвали на «бой» по философии студентов университета и разбили их на голову.

У Матвея Ершова был и особый вид человека, погружённого в науку, в размышления, оторванного от жизни. Когда ему как-то сказали, что на свете, между прочим, существует «прекрасный пол» и что мужчинам полагается, тоже между прочим, жениться, он изрёк: «О, это для меня проблема!» Передавали, что когда об [этом] случае узнали дамы-патронессы из около академических кругов, то были возмущены и громко заявили: «Какой сухарь, какой сухарь! Жениться для него проблема! Подумайте!» Они, конечно, были правы: увлекаться чем-либо надо, но не отрывать от жизни, а вот такие студенты-«заморыши» тоже в академии были. Между прочим, около этой комнаты часто можно было видеть покуривающим Александра Константиновича Рыбакова.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 92-93.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Студенты из «белого духовенства»*

Что их привлекало в академию? Среди них были, несомненно, такие, которых привлекала карьера в чистом неприкрытом виде. Некоторых – и таких было больше – старались уйти от того унижительного состояния, в которое поставлено было духовенство по оплате за труд: сборы натурой и копеечные сборы за совершение так называемых «треб». В начале нового столетия в государстве стали открывать много средних уч[ебных] заведений – гимназий, реальных училищ – куда требовались законоучители. Кроме того, представлялась возможность – и это в первую очередь – устроиться на работу и в дух[овные] уч[ебные] заведения. Государственная служба – государственная оплата за труд – ради этого стоило претерпеть лишения четырёх лет, неизбежные при учении в академии. К этим соображениям, конечно, нужно присоединить и соображения психологические – повысить своё образование, которые (соображения), если кое у кого не превалировали, то во всяком случае не были сброшены со счетов.

Этих искателей высшего богословского образования из «белого» духовенства, как указано уже выше, было немного, и были они больше в возрасте 25-30-35 лет. Были среди них и бездетные (муж и жена) и имеющие

---

¹⁵¹⁷ Ершов Матвей Николаевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г.

детей. Как правило, последние где-либо прирабатывали. Один священник был из Болгарии и жил на квартире с женой и дочерью Иорданой.¹⁵¹⁸

Конечно, дружили: бывали друг и друга в гостях. «Матушки» соревновались в искусстве угощения. Открывались таланты: певцы, танцоры. Сознание, что мужья у них студенты, преображало и «матушек»: они старались подтянуться культурно и сбросить тот облик, который презрительно определялся словом «попадья». Одним словом, учение в академии не только преображало «батюшек», но и их семьи. Нужно отметить, что отношение к священникам-студентам со стороны светских [студентов] было самым хорошим: дружественным и с уважением.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 72-75.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Монахи и «монашествующие»*

В период реакции в 1907-1908 уч[ебном] году в Казанской академии была произведена «чистка» профессорского состава. Отстранены были от работы в академии профессора: Благовидов, Говоров¹⁵¹⁹ и Потехин.¹⁵²⁰ Благовидов читал лекции по русской церковной истории и в своих лекциях «нападал» на монахов. Характеризуя то или иное отрицательное явление в истории церкви, он обычно добавлял: «конечно, это произошло не без участия монахов». Говорова «поймали» на том, что он писал эпиграммы и пасквили на руководителей академий из духовенства. Говоров преподавал одну из дисциплин словесного отделения. Потехина, профессора по психологии, отстранили за пьянство. Благовидов был назначен директором Высших женских курсов в Тифлисе.

В уставе академии были приняты кое-какие изменения в сторону выдвижения на профессорские и административные должности в академиях из монашеских кругов. В это именно время в Казанской академии появились: епископ Анастасий, б[ывший] профессор Казанского ун[иверсите]-та Александр Иванович Александров, архимандрит Гурий, сменивший на посту инспектора академии протоиерея Виноградова, иеромонахи Амфилохий и Афанасий. Они и составили ядро академического монашества. К ним присоединились монахи-студенты: иеромонах Анфим¹⁵²¹, которого в шутку

---

¹⁵¹⁸ Имеется в виду священник Димитрий Андреев.

¹⁵¹⁹ Говоров Алексей Васильевич (1869-?) – кандидат богословия Казанской духовной академии 1879 г., магистр богословия 1887 г. Профессор кафедры гомилетики и истории проповедничества Казанской духовной академии.

¹⁵²⁰ Потехин Александр Николаевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1885 г., магистр богословия 1894 г. Профессор по кафедре логики и психологии Казанской духовной академии.

¹⁵²¹ Анфим (Димов) – иеродиакон. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г.

называли «Анатемой», болгарин, иеродиаконы – Вениамин, тоже болгарин и Алексей Тарасенко из украинцев.¹⁵²²

Вениамин поступил в академию по окончании Житомирской дух[овной] семинарии в «сущем» сане: он был пострижен в монахи архиепископом Антонием Волынским в возрасте двадцати-двадцати одного года. Красавец, жаркий брюнет, он был предметом воздыханий экспансивных дам, постоянных посетительниц академической церкви. Глядя на него, нельзя было с возмущением не подумать: как поднялась у архиепископа Антония рука загубить жизнь этого юноши. Был он какой-то ограниченный по развитию, и казалось, что и постригли его в монахи только для того, чтобы он был необходим для богослужений в роли иеродиакона.

Анфим был пострижен в монахи по болгарскому чину – без отказа вкушать мясное и был сущим соблазном для наших монахов: он сидел за общим столом, потреблял мясные котлеты, бифштексы и пр., а наши посматривали и облизывались. Анфим был ещё более серым, чем Вениамин.

Странной личностью был Алексей [(Тарасенко)]. Как передавали, он происходил из семьи каких-то захудалых украинских землевладельцев. Разбитной монашек, вроде Мисаила из оперы «Борис Годунов», любил ходить по гостям к студентам-священникам из «белого» духовенства, выпивал и произносил тост: «За наших дам!». У него была ещё одна странность: любил затягивать свой подрясник ремнём «в рюмочку», а подрясник носил с «клёшем» - широкий внизу. Во время богослужений «отвечал» за протодиакона, но мало был подходящим для этого и по фигуре, и особенно, по голосу. С ним именно и произошёл в академии случай, который, по признанию профессора Бердникова, знаменитого знатока канонического права, был беспрецедентным в истории церкви.

Однажды утром по академии разнеслась «сногшибательная» новость: «Алексий принял схиму». Оказалось: он заболел септической ангиной и решил, что он в «ту» ночь умрёт.¹⁵²³ Вызвал к себе в больницу священника-студента Лебедева¹⁵²⁴, человека не уравновешенного нервно, запугал его и потребовал постричь его в схиму. Тот резонно отказывался, что он не имеет на это полномочий, но Алексей настойчиво требовал, вручил ему «чин посвящения» и ... тот совершил.

---

¹⁵²² Алексей (Тарасенко) – иеромонах. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1911 г.

¹⁵²³ В очерке «Ошибочная схима» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автор упоминает: «... незадолго перед этим именно от злокачественной ангины умер всеми почитаемый архимандрит Варсонофий, игумен монастыря в Казанском кремле» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 99 об.

Варсонофий (Лебедев) (1872/1873-1912) – архимандрит Казанского Спасо-Преображенского миссионерского монастыря в 1911-1912 гг., церковный и общественный деятель, миссионер.

¹⁵²⁴ Лебедев Николай Тимофеевич – священник. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г.

В академии начался переполох, и решили, прежде всего, обратиться к проф[ессору] Бердникову с вопросом: имел ли право Лебедев совершить «чин» посвящения в схиму. На это профессор ответил, что в каноническом праве такой случай не предусмотрен и что нужно признать посвящение Алексия в схимонахи незаконным.¹⁵²⁵

Алексий не умер и стал обдумывать, как ему избавиться от схимы, которая обозначала полное отречение от карьеры, ради чего он и постригся в монахи. Прохвост ухватился за каноническое право и стал утверждать, что посвящение его в схиму было не законно.

Событие это больше походит на миф, а не на действительность, но, к сожалению, это была гримаса академической жизни.

Из сказанного выше видно, что звено студентов-монахов было слабым, и перед монахами из состава профессоров стояла задача – вести активную работу по вовлечению студентов в монашеские ряды. Как это делалось?

На первом этаже академии для монахов было выделено несколько комнат и для жизни, и для работы, и для духовных «подвигов». Одна из комнат называлась «Нитрийской пустыней». Сюда они собирались для земных поклонов, которые брали на себя по обету при всякого рода «искушениях».¹⁵²⁶

Была также комната, в которой проводились собрания «богословского кружка». В этом кружке состояли те, кто являлись «прозелитами» монашества, т. е. те, у кого вызревала мысль постричься в монахи. Эти люди, составляли богословский актив и кадры «монашествующих». Легко можно догадаться, что руководителями кружка были монахи-профессора, но нити к нему шли от архимандрита Варсонофия, настоятеля Зилантова монастыря¹⁵²⁷ в Казанском кремле, а ещё дальше – от архиепископа Антония Волынского, которого кружковцы любовно называли «владыка Антоний» и который высылал им средства на трапезы после занятий в кружке – чай с мёдом и

---

¹⁵²⁵ В очерке «Ошибочная схима» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Возбуждение было велие, но студенты, слушавшие лекции по каноническому праву, первые задались вопросом: соответствует ли совершённый Лебедевым обряд посвящения в схиму законодательству канонического права. Сейчас же по этому поводу обратились с вопросом к профессору по каноническому праву Бердникову. Профессор Бердников был поражён такой новостью и сказал, что случай этот первый в истории церкви и нигде в каноническом праве не предусмотрено посвящение в схиму в такой форме, как то совершено Лебедевым» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 100.

¹⁵²⁶ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Здесь они совершали поклоны и творили «умную» молитву. Монахи отсчитывали поклоны на чётках, а монашествующие в уме. Поклоны, ввиду того, что их нужно было делать много, имели свою технику: не поочередное становление на колени, а выпадение корпусом вперед с одновременным становлением на оба колена враз» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 63.

¹⁵²⁷ Зилантов Свято-Успенский монастырь – монастырь в г. Казани на Зилантовой горе, в двух с лишним километрах ниже от Казанского кремля по старому руслу реки Казанки.

бубликами. По мысли учредителей кружка эти собрания должны были напоминать чем-то собрания древних христиан, когда они собирались вечерами, пели песнопения, вроде «Свете тихий», а потом совершали трапезы. Собрания начинались с молитвы «Царю Небесный», потом «учинённый брат» делал доклад на какую-либо богословскую тему, дальше шло обсуждение доклада, пели великорусское «Достойно [есть]» и переходили к трапезе.

Кто были члены кружка? В первую очередь те студенты, которые ещё в семинарии тяготели к проповедничеству слова Божия. Душой богословского кружка из студентов-«прозелитов» был выпускник Уфимской семинарии – Владимир Лузин.¹⁵²⁸ Он был очень одарённым юношей, широко образованным и талантливым оратором. Для академических монахов он был настоящим приобретением, потому что он делал на кружке интересные доклады, которые широко афишировались в академии. Кроме того, он был очень общительным человеком и около него всегда группировались студенты по вопросам консультации при выполнении письменных работ. У него были знакомства в городе, и через него иногда можно было получить какую-либо работу, например, по репетированию.¹⁵²⁹

На какие темы делались доклады в кружке, что составляло содержание его идеологической направленности?

Когда вышел в свет сборник со статьями на тему «смены веж»¹⁵³⁰, то он с восторгом был принят в кружке и идеи его приняты были для разработки в докладах. На вооружение кружка было принято также всё, что было реакционным в сочинениях Ф. М. Достоевского, в частности усиленно рекламировалось как идейное течение, полезное для воспитания масс, старчество, образец которого был показан Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы» в лице старца Зосимы. Этим течением особенно увлекался Владимир Лузин и на эту тему делал обстоятельный доклад на кружке.

---

¹⁵²⁸ Имеется в виду Варсонофий (Лузин Александр Владимирович) (1884-1937) – иеромонах. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1912 г., магистр богословия 1919 г. Доцент кафедры истории и обличения русского раскола. Архимандрит с 1921 г., епископ с 1926 г., в 1930-1932 гг. епископ Приморский. Арестован и осуждён на 10 лет лагерей. Расстрелян.

¹⁵²⁹ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Низкого роста (*humillima natura*) он имел острый взгляд, твёрдый шаг и довольно сильный голос, одним словом, был из категории людей невидных снаружи, но видных по характеру – по внутренним качествам. Он был широко образован, много читал и хороший оратор: мог говорить дельно и продолжительно, если его не остановить. Он был отмечен особым вниманием, как студентов, так и профессоров. Все смотрели на него с надеждой: он себя покажет» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 61-61 об.

¹⁵³⁰ «Вежи. Сборник статей о русской интеллигенции» - сборник статей русских философов начала XX века о русской интеллигенции и её роли в истории России. Издан в марте 1909 года в Москве.

Занятия в кружке были, так сказать, дополнительной теоретической нагрузкой к лекциям по богословским предметам, а дополнительными практическими занятиями к тому, что было общим для всех, как-то посещение богослужений, говение в посте, они применяли ещё ежедневные чтения Евангелия по «кругу», т. е. как положено на день и число, усиленное произношение проповедей в городских церквях, говение в монастырях и ... посещение и «Нитрийской пустыни». У них была своя монашеская демократия, когда они и студенты, и профессора – собирались в интимный кружок и пели священные песнопения.

За четыре года – с осени 1909 г. по весну 1913 г. – в академии было совершено два пострижения в монахи, и студенты имели возможность наблюдать эту мрачную и, прямо сказать, дикую картину, когда монахи вели к постригу какого-либо юношу из своей же среды, вели в одном нижнем белье, прикрывая своими чёрными облачениями, и как тот потом произносил отречение от «мира сего», в том числе и от своих родителей.¹⁵³¹

Первым был пострижен в монахи Малинин Григорий, совсем зелёный юноша, с приятной, не лишённой красоты наружностью, наконец, «джелътмен», студент первого курса. Что с ним случилось – для всех было загадкой. Постригли и нарекли Гервасием.

Второе пострижение было совершено над студентом Жуковым.¹⁵³² Тут было не жаль: что было уготовано Богом, пусть и идёт «богови». Был он отпрыском захудалого землевладельца и имел явные следы отклонения от нормы, положенной настоящему нормальному человеку да ещё мужчине: низкого роста, с непомерно развитым, как у женщины, тазом, с полным отсутствием какой-либо растительности на лице, он был похож на скопца. Его психология соответствовала внешнему виду. Его нарекли Нилом.

Было ещё одно пострижение, но вне стен академии. В 1910 г. на четвёртом курсе был студент Иван Веселов.¹⁵³³ В соответствии со своей

---

¹⁵³¹ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Мрачную картину представлял постриг в монахи. За всенощной, когда производился постриг, монахи своими мантиями прикрывали готовящегося к постригу, стоящего в нижней одежде. Затем подводили его к амвону, на котором стоял совершающий обряд. На подносе лежали ножницы. Задавались вопросы об отречении, трижды постригаемый подавал ножницы совершающему обряд в знак того, что он твёрдо решил пойти на постриг. Затем выстригался пучок волос, закатывался в воск, читались молитвы, постригаемому называлось новое имя, его одевали в монашеское одеяние с пением «Объятия отча», провожали в келью. Так совлекался «ветхий Адам» и рождался новый человек... Какими же контрастами была наполнена жизнь «академиков»!!!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 63 об.

¹⁵³² Нил (Жуков Фёдор Алексеевич) – иеродиакон. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Оставлен профессорским стипендиатом при кафедре пастырского богословия, аскетике и гомилетики.

¹⁵³³ Так в тексте, ошибка автора. Правильно – Удалов.

Иоасаф (Удалов Иван) (1886-1937) – кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г. Иеромонах с 1910 г., архимандрит с 1915 г., епископ с 1920 г. Епископ

фамилией он был весёлым, подвижным парнем, и никто и не мог бы подумать, что он может спланировать свою жизнь на монашескую стезю. Попробуй кто-либо высказать такое предположение о нём – то наверняка тот нарвался бы на такую примерно реплику: «Да ты что? С ума сошёл? Ванька Удалов да пойдёт в монахи?» А вот пошёл: поехал он в Москву на рождественские каникулы, немного задержался там по окончании их (в академии на этот счёт было свободно) и заявился в академию отцом Иоасафом. Все были удивлены, но скоро привыкли к этой метаморфозе Ивана Удалова. Да, если вдуматься, то и удивляться то особенно было нечему, потому что сама жизнь тогда преподносила такие метаморфозы, что и самому Овидию Назону не додуматься бы до таких.

Был, например, случай, что один иеромонах по окончании академии перешёл в старообрядчество, а другой – занялся публицистикой на тему о таинстве брака, как «тайне великой», причём эту «тайну» раскрывал в таких лирических тонах, в каких это делали только поэты.

Иоасаф познакомился где-то с Фёдором Ивановичем Шаляпиным и получил от него карточку с посвящением: «Дорогому отцу Иоасафу от ...» Носил её при себе и охотно показывал всем.

Лето 1913 г. было урожайным на пострижение в монахи, а именно: «ангельский чин» сразу приняли три кружковца академии: Владимир Лузин, Фёдор Моисеев¹⁵³⁴ и Владимир Покровский.¹⁵³⁵ Сделали они это тотчас после окончания академии, завершив, таким образом, своё движение из состояния «монашествующих» в состояние монахов. Лузин получил новое имя «Варсонофий», и это не случайно: ещё в 1911 или в 1912 г. наши монахи пережили большое несчастье – умер архимандрит Варсонофий, их духовный отец и любимец¹⁵³⁶; теперь Лузин явился как-бы на смену ему и получил это имя. Трое – Варсонофий (б[ывший] Лузин), Нил (б[ывший] Жуков) и [Феофан] (б[ывший] Моисеев) оставлены были при Зилантовом монастыре в Кремле, очевидно, в качестве резерва, из которого в будущем будут черпаться кадры для работы в академии.

Чистопольский, викарий Казанской епархии в 1922-1929 гг. Арестовывался и сидел в лагерях. Расстрелян. Священномученик Русской Православной Церкви.

¹⁵³⁴ Феофан (Моисеев Фёдор Александрович) – иеромонах. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1913 г. Был оставлен профессорским стипендиатом при кафедре нравственного богословия.

¹⁵³⁵ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Тоже было со студентом Покровским из выпуска 1913 г. Вдруг он оказался Ионой. По поводу этой метаморфозы сокрушался о[тец] Нил, а именно он отмечал, что Покровский постригся в монахи, не подготовившись к этому. Таким «Ионой», вероятно, был не один Покровский» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 62 об.

¹⁵³⁶ Там же: «Особенно они восторгались его манерой читать Евангелие и по мере сил старались подражать ему» // Там же. Л. 61 об.

[¹⁵³⁷]

Будучи в Казани по устройству на работу¹⁵³⁸, автор сего навел на эту «тройку» в монастыре: ведь с Жуковым и Моисеевым в течение четырёх лет он был бок о бок в одной рабочей комнате. Они были весёлыми, Варсонофий Лузин рассказывал анекдоты. Мне казалось, что весёлость их была искусственной: они старались показать мне, что они счастливы, что живут полнокровной жизнью. Я догадался, что это было у них ничем иным, как подражанием стилю поведения их излюбленного «владыки Антония».¹⁵³⁹ ...

Я пробыл у общества «трёх» часа два, и когда раздался звон, призывающий ко всенощной, вместе с Нилом пошёл в церковь. Началось богослужение: Нил ходил и кадил в пустой церкви. Он так был похож на монашку – безбородый и при широком одеянии, которое скрадывало очертания его фигуры, он так был похож на свою «сестру во Христе».

Я ушёл из церкви в глубоком раздумье о том, то ли делали эти «трое» со своей жизнью, для чего они появились на свет Божий?

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 52-72.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии».

---

¹⁵³⁷ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Фёдор Алексеевич Жуков и Фёдор Александрович Моисеев – два Фёдора, как братья Аяксы. Как они сошлись идейно при различном складе души и характеров – осталось тайной. Жуков был из Тверской семинарии, а Моисеев – из Нижегородской. Жуков, как шла молва, был из захудалых землевладельцев, а Моисеев – из духовного сословия. Жуков имел явные черты ненормального физического развития: полное отсутствие растительности на лице; лицо, типичное для пожилых женщин, широкий таз, резко выпирающий из брюк. Моисеев был обычного склада юноши его возраста. И вот они подружились: друг без друга ни на шаг. По внутренним чертам, по одарённости они ничем не выделялись: во всём средина. Гурий не обманулся, они пошли в монахи: Жуков – перед окончанием академии, а Моисеев – по окончании академии. Жуков получил наименование – Нил, а Моисеев, кажется, Феодосий или что-то в этом роде» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 61 об.-62.

¹⁵³⁸ В августе 1913 г. (Ред.).

¹⁵³⁹ В очерке «Монахи и монашествующие в Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Почитание [владыки Антония] не имело границ, или лучше сказать выходило за границу деликатного. ... Известно было также, что Владыка склонен был к цинизму на языке, но всё прощалось или, лучше сказать, на это не обращалось внимания: он же Владыка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 63-63 об.

Студенты-иностранцы

Когда мы учились в семинарии, то мы съезжались в неё из разных уездов Пермской губернии и называли себя по уездам: камышловцы, екатеринбуржцы, соликамцы и пермяки. В академию студенты съезжались со всей бывшей Российской империи и назывались по губерниям: пермяки, тверяки, одесситы, красноярцы, иркутяне и т. д. Были в составе студентов нашей академии в небольшом количестве и иностранцы. Самым отдалённым по территории, откуда он приехал, а также отдалённым и по национальности был японец – Михей Иванович Накамура.

Михей Иванович Накамура¹⁵⁴⁰

До русско-японской войны мы, даже люди очень просвещённые, ничего не знали о Японии и японцах, поэтому в начале войны в полном ослеплении кричали: «Шапками закидаем!». Получивши же конкретный урок в постыдной для себя войне, стали соображать, в чём же дело, где причина нашего поражения, и тут выяснилась наша отсталость. Стали говорить о том, что в Японии чуть ли не девяносто процентов образованных, стали говорить и о том, что их генералы перед войной служили кучерами, дворниками у нашей знати, чтобы точно знать, с кем они будут иметь дело в предстоящей войне. Мы знали даже имена их генералов и адмиралов: Ноги¹⁵⁴¹, Того¹⁵⁴², Оняма и др. Когда же поступил в академию Накамура, то узнали, что в Японии есть православный епископ Николай¹⁵⁴³ и семинария, т. е. епархия со всеми её атрибутами. И всё-таки появление в стенах академии японца было как-то необычным, так как в памяти ещё не изгладилась бывшая война и вообще вследствие резкого этнического отличия Накамуры от остальных студентов.

Низкого роста, коренастый, с чёрными жёсткими волосами «под ёжик», с выдающимися скулами он резко выделялся в среде других. Движения его были замедленными. Среди людей, которым по росту он достигал до плеч, он казался недоростком, производил несколько жалкое впечатление, хотелось подшутить над ним, над его ростом. Все любовно называли его Михеем Ивановичем. Он мог бы в обращении с другими допустить нетактичность: напомнить о только что бывшем поражении России в войне. Но он был исключительно тактичным человеком, мало того умел держаться в

---

¹⁵⁴⁰ Накамура Михей Иванович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1916 г.

¹⁵⁴¹ Ноги Марэсукэ (1849-1912) – генерал, национальный герой Японии после падения Порт-Артура.

¹⁵⁴² Того Хэйхатиро (1848-1934) – адмирал, командующий флотом Японии в русско-японской войне 1904-1905 гг.

¹⁵⁴³ Николай (Касаткин) (1836-1912) – архиепископ Японский, основатель Православной церкви в Японии, миссионер.

дружеском духе, учитывая особые бытовые черты своих русских товарищей. Одним словом, он скоро вошёл в дружную студенческую семью, и название его Михеем Ивановичем стало таким же родным, как кого-либо называли Иваном Ивановичем или Алексеем Ивановичем.

Он, очевидно, в Токио, привык прислуживать во время архиерейских богослужений, и здесь, в академии, он прислуживал: ставил аналой, переносил подсвечник перед Евангелием¹⁵⁴⁴ и т. д. Сначала приходящим в академическую церковь со стороны – ближайшим соседям академии – казалось странным появление в этом случае японца, но потом все привыкли к этому.

Он был общительный человек и старался дружить со всеми, сам первым завязывал знакомства. Обычно он, воспользовавшись каким-либо случаем, начинал разговор, и когда приходил к убеждению, что разговор уже позволяет ему обратиться с просьбой к новому знакомому, вдруг обращался со словами: «расскажите мне какую-либо русскую сказку». Первоначально такая просьба ставила нового знакомого в недоумение, но потом выяснилось, что М. И. таким путём собирал русские сказки, переводил их на японский язык и издавал в Токио. Японская практичность обнаружилась в полном виде.

М. И. благополучно закончил академию. Во время первой европейской войны в газетах было опубликовано сообщение, что один японский лазарет был отправлен [в Россию] на западный фронт против Германии, а переводчиком в нём назначен Накамура. Конечно, это был Михей Иванович.

Недавно в связи с пятидесятилетием со дня смерти Л. Н. Толстого было сообщение о том, что один японец Накамура пятьдесят лет отдал переводам на японский яз[ык] сочинений Толстого. Имя Накамуры указано японское, но не был ли этим Накамурой Михей Иванович, указав японское имя: он был в день смерти Толстого в академии и естественно предположить, что тогда именно у него и зародилась идея этих переводов.¹⁵⁴⁵

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 78-81.

---

¹⁵⁴⁴ Имеется в виду перед выносом Евангелия из алтаря для чтения на аналое.

¹⁵⁴⁵ Автор имеет в виду Накамура Хакуё (1890-1974) – переводчик русской литературы на японский язык. Учился в Токийской школе иностранных языков (занимался русским). Перевел на японский язык произведения А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, М. Горького.

Мило Георгиевич Капа¹⁵⁴⁶

Братья-славяне... С детства мы привыкли петь:

«Гей, славяне, ещё наша речь

Свободно льётся.

Пока наше верно сердце

За народ свой бьётся.

Жив он, жив он, дух славянский,

Будет жить вовеки...»¹⁵⁴⁷

Или: *«Братья славяне, знамя свободы*

Пусть разовьётся над нами...»

Или: *«Шумит Марица окржавлена,*

Плачет девица люто ранена...»

Мы пели, и эти гимны впервые будили в нас чувства дружбы и братства со славянами. Дальше мы слышали рассказы о войне за освобождение братьев славян из-под турецкого ига. Мы читали о них и видели картины... и вот, наконец, мы в натуре встретились с ними в академии.

Капа Мило – черногорец. Среди нас, даже тех, кто был одного с ним роста, он выделялся крепким сложением, гордой посадкой головы, крупными чертами лица – широким лбом и затылком, острым взглядом, бравыми усиками, свободными манерами движения. Житель гор, унаследовавший от дедов и прадедов свободу духа, привычку к борьбе и смелость – таким сразу предстал он перед нами. Он учился в Кишинёвской семинарии и, как видно, пользовался особым вниманием Антония Волынского, который в нём, очевидно, ценил вышеуказанные природные черты и не решался по отношению к нему применить свою привычку постригать в монахи. По некоторым признакам можно было заметить, что Антоний иногда высылал Капе деньги на мелкие расходы, хотя Капа об этом никому не говорил. Со слов Капы можно было заключить, что он видел в Антонии своего патрона, хотя он никогда этого не подчёркивал.

Имея очень выгодный наружный вид, Капа был замечен в академических женских кругах, т. е. среди жён студентов-священников, почувствовавших себя тоже на студенческом положении, особенно среди бездетных. Ещё А. С. Пушкин констатировал, что мы все похожи на

¹⁵⁴⁶ Капа Мило Георгиевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

¹⁵⁴⁷ В оригинале песни:

«Гей, славяне, наше слово

Песней звонкой льётся,

И не смолкнет, пока сердце

За народ свой бьётся.

Дух Славянский жив навеки,

В нас он не угаснет,

Беснованье силы вражьей

Против нас напрасно».

прародительницу Еву: «Запретный плод нам подавай, а без него нам рай не в рай».¹⁵⁴⁸ Капа стал появляться в обществе и, как видно, имел успех, по крайней мере, так судили некоторые «судьи». Ставили вопрос: «Добьётся ли?» И отвечали: «Может добиться». Другие же, более уважающие себя и своё общество, утверждали, что всё это выдумка и плод досужего и даже распущенного ума, с чем мы охотно согласимся, уважая и «наших дам» и Капу: он не был уж настолько альфонсом, чтобы разводить такую начкотню. Капа вращался и в среде женщин, вернее сказать, девиц студенток-курсисток высших женских курсов и однажды сделался жертвой неблагоприятной по отношению к нему шутки. В том кружке, где он был частым посетителем, одна курсистка, дочь управляющего одним большим имением, отравилась уксусной кислотой. Целый день она мучилась, крича: «Не хочу умирать», но положение было безнадежным, и она умерла. Один из членов этого кружка, тоже студент академии, возьми и скажи Капе, что она отравилась из-за него. Капа принял это за чистую монету, ... заболел. На поверку оказалось, что К. тут совершенно не при чём, а виновником было другое лицо.

Во время последней турецкой войны 1912 г. Капа был вызван в Черногорию, как он уверял, лично королём. Студенты устроили проводы его: был заказан отдельный открытый трамвайный вагон, впереди которого сидел К., окруженный товарищами. Так проводили его до вокзала и посадили в поезд. С окончанием войны он вернулся в академию и закончил курс.

К. любил вспоминать освободительную войну 1875-1877 [г]г. Он рассказывал о «белом генерале» (Скобелеве¹⁵⁴⁹) и говорил, что его отравили немцы. Часто он вспоминал Черногорию и столицу её Цетинье. Находились желающие изучать черногорский язык, и он охотно шёл навстречу желающим. Слабой стороной его была неудовлетворительная подготовка в прежнем, но товарищи ему помогали, например, писать сочинения.

Особенно страшил его экзамен по метафизике: отвлечённое мышление у него было слабо развито. Из храброго орла он в этом случае превращался в мокрую курицу. Так, на экзамене по метафизике, вытянувши шестой билет, он так растерялся, что и благодетелю, снабжающему шпаргалками, почти полным голосом в полуоборот сказал: «дай шестой».¹⁵⁵⁰

Как сложилась его жизнь во время войны 1914-1917 гг. осталось неизвестным. А как хотелось бы знать: жив ли он, и как сложилась его жизнь? Другом он был, как говорится, закадычным.

---

¹⁵⁴⁸ Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

¹⁵⁴⁹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882) – русский военачальник, генерал от инфантерии (1881). Участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877-1878 годов, освободитель Болгарии. В сражениях участвовал в белом мундире и на белом коне.

¹⁵⁵⁰ В очерке «Мило Георгиевич Капа» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «По счастью, экзаменатор не слышал это, а ассистент улыбнулся в «усы» и сделал вид, что ничего не слышал. Капа «вытянул» на «три» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 84.

Иеромонах Вениамин [(Салабашев)]

Он был болгарин и поступил в академию уже в «ангельском» чине. Красивый юноша, он в возрасте 21-22 лет был пострижен в монахи Антонием Волынским (студенты называли его иногда Вавилонским). Когда спрашивали Вениамина, что его побудило на такой шаг, он отмалчивался. Похоже было на то, что он это сделал, чтобы пробраться в академию. В богослужении он принимал участие в роли диакона и даже иподиакона. Учился он очень тяжело. У всех, кто его видел, оставалось одно впечатление, что он «жертва случая», и было возмущение по поводу такой проделки с ним. Трудно предугадать, как сложилась его судьба в дальнейшем при Кобургах, которые бросили Болгарию к ногам Вильгельма II.

Иеромонах Анфим [(Димов)]

Он был тоже болгарин. Он принял пострижение в Болгарии по болгарскому обряду. В Болгарии с постригающегося в монахи не брали обета не вкушать мяса, и он пользовался в столовой общим студенческим столом, что наталкивало некоторых монахов на «искушение». Анфим (его в шутку называли «Анатэма») был совершенно бесцветной личностью.

Студент-священник [Димитрий] Андреев¹⁵⁵¹

Он был тоже болгарин. Приехал в Казань с семьёй. Кажется, был прикомандирован к какой-то церкви для богослужения. Семья у него состояла из жены и дочери – Иорданы. Он жил более замкнутой жизнью, чуждаясь широкого круга священников-студентов и их «наших дам».

Стоян Васев¹⁵⁵²

Он был единственным светским болгаринном из среды наших студентов. Он был бледной личностью, полной противоположностью Капе Мило.

Таким образом, из иностранцев в нашей академии больше всего учились болгаре.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 64-69.

---

¹⁵⁵¹ Андреев Димитрий – священник. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1915 г.

¹⁵⁵² Васев Стоян Вассович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1915 г.

Наш академический «пантеон»*

В нижнем этаже главного корпуса академии, в левом его крыле, против квартиры помощника инспектора профессора П. П. Пономарёва находилась «комната», в которой «господа студенты» могли принимать «гостей». Здесь стоял рояль, диван, стулья, но главную ценность составляли фотокарточки, которыми были обвешаны все стены. Существовала традиция: каждый очередной выпуск оставлял в этой комнате карточку «на память потомкам». Таким образом, эта комната по названию – приёмная, являлась как-бы фотокарточным «пантеоном». Здесь по примеру бессмертного Данте¹⁵⁵³ можно было заглянуть в прошлое академии, как он заглянул в него в своих бессмертных, написанных терцинами, произведениях «Божественной комедии» - «Ад» и «Рай».

Что больше всего, вернее – кто больше всего интересовал автора сего на этих карточках? Конечно, учителя его. Учителя духовного училища и духовной семинарии. И кто же здесь оказался из его учителей? И как они представлены?

По-разному старались увековечить себя различные курсы: у кого карточки по величине были больше, у кого меньше, но теперь все они, очевидно, приведены к одному знаменателю и преданы уничтожению, а жаль: они были следами истории. Теперь прошло уже почти полвека, как автор сего в последний раз их видел, и на заснятых на них людях можно смотреть сквозь призму минувшего времени.

Вот они:

по Пермской духовной семинарии.¹⁵⁵⁴

- 1) Александр Федосеевич Успенский – преподаватель истории и обличения раскола, чудесный декламатор на семинарских вечерах. Как трудно было его найти: на карточке он с пышной шевелюрой, очевидно, кудрявых волос, а в наше время... голый череп. Где же Вы растеряли свои кудри, А. Ф.? В 1909 г. ушёл из семинарии в инспекторы народных училищ Ирбитского уезда.
- 2) Александр Павлович Миролюбов – инспектор, блестящий оратор, магистр богословия. В 1909 г. перешёл на работу инспектором народных училищ в г. Вольск.
- 3) Тихон Петрович Андриевский – преподаватель педагогики и дидактики, руководитель кружка ревнителей веры и благочестия. На карточке – худой, полинялый в студенческой форме. С таким лицом изображают Карла XII в качалке после поражения под Полтавой.
- 4) Николай Иванович Знамировский – преподаватель гомилетики и литургики, а затем инспектор. На карточке с бородой *a la Fidel Kastro*. Был впоследствии Шадринским архиереем.

---

¹⁵⁵³ Данте Алигьери (1265-1321) – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель. Автор поэмы «Божественная комедия».

¹⁵⁵⁴ См. Часть III. «Пермская духовная семинария начала XX века».

5) Виктор Михайлович Можгинский – преподаватель латинского языка, потом был преподавателем литературы в Камышловской мужской гимназии. Умер в Камышлове.

6) Арсений Алексеевич Дроздов – преподаватель греческого языка.

Из бывших пермских семинаристов, научные сотрудники академии:

1) Павел Петрович Пономарёв – профессор, доктор богословия;

2) Василий Иванович Протопопов – магистр богословия, профессор по библейской истории;

3) Александр [Анатольевич] Малинин, в последствии иеромонах Афанасий; снят в студенческой форме. Читал сначала лекции по аскетике, а потом – по палеографии и истории языка.

4) Иван Иванович Сатрапинский – лектор по психологии.

Из бывших пермских семинаристов, работавших на различных поприщах:

1) Алексей Алексеевич Игнатъев – священник, впоследствии магистр богословия. Последняя его должность была – заведующий учебной частью Томского музыкального техникума.

2) Николай Григорьевич Младов. Работал преподавателем русского яз[ыка] и литературы в Екатеринбургском епархиальном [женском] училище. Умер в Москве.¹⁵⁵⁵

3) [Михаил] Поздняков, работал в Казани регентом какой-то церкви.¹⁵⁵⁶

4) Александр Константинович Рыбаков – работал преподавателем в Пермской дух[овной] семинарии.

После окончания им академии в 1913 г. «пантеон», конечно, пополнялся, но это пополнение подлежит или лучше сказать должно подлежать вниманию уже более позднего историка – современника событий тех лет.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 74-77 об.

*Из «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

---

¹⁵⁵⁵ Младов Николай Григорьевич (1880-?) – сын протоиерея г. Екатеринбурга. Окончил Екатеринбургское духовное училище по 1-му разряду в 1897 г. и Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1903 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1907 г. «Работал преподавателем русского языка и истории литературы в Екатеринбургском епархиальном училище (сменив П. П. Бажова) и в женской гимназии». (Шишёв А. Н. Биографические справки на бывших воспитанников Пермской духовной семинарии. Т. 3. // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1278. Л. 137).

¹⁵⁵⁶ Поздняков Михаил – окончил Пермскую духовную семинарию по 1-му разряду в 1904 г. Кандидат богословия Казанской духовной академии 1909 г.

[МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ]

«Житие» студентов академии*

Все студенты академии обучались в ней на казённый счёт, за исключением трёх-четырёх на первом курсе, которые на экзаменах при вступлении в неё по конкурсу занимали последние места. Со второго курса они тоже зачислялись на казённое содержание безотносительно к тому, какое бы они заняли место по сумме оценок, полученных на экзаменах при переходе на этот курс.

На первом курсе выдавались всем студентам на весь срок обучения, т. е. на четыре года: 1) шинель из чёрного драпа Штиглица, с нашивками на воротнике из голубого бархата с голубым суконным кантом и белыми, под цвет серебра, пуговицами с обозначением на них орлов; 2) сюртук из чёрного сукна с закрытым воротом, двух бортный, причём ворот тоже бархатный голубой с кантом и пуговицы того же образца, что и на шинели; 3) фуражка с голубым бархатным околышем. На два года, т. е. на первом и третьем курсах выдавалась двух бортная тужурка с теми же форменными отличиями, что и у шинели, и брюки. Ежегодно выдавались комплекты белья, полотенца, обувь (штиблеты и галоши) и небольшая сумма денег на расходы (3-4 рубля).

Перед окончанием курса выдавалось обмундирование для последующей службы: форменный сюртук и брюки.

Питание было четырёхразовое: чай утренний и дневной, обед и ужин. Булки-сайки к чаю выдавались утром на весь день, а чай и сахар на месяц. Чай студенты пили в индивидуальном порядке, а обедали и ужинали коллективно. На обед подавались три блюда, а на ужин два. В скоромные дни в меню входили: мясные пироги, мясной суп, лапша, котлеты мясные, котлеты отбивные, шницели и пр. На сладкое за обедом подавались: пудинги, бла[н]манже, пирожные и пр. В постные дни и в посты в меню входили: рыбные заливные блюда, уха, рыбные рассольники, лапша с белыми грибами, жареная рыба и пр. На сладкое – пирожки с вареньем, зажаренные яблоки и пр. В посты обычно на выбор предлагалось два стола: рыбный и овощной, а для «больных», которых набиралось до двадцати человек – скоромное питание, но не в общей столовой, а в больнице, за глазами – подальше от соблазна и искушения. Монахи, конечно, получали питание в соответствии с принятым ими обетом. В общем питанием не обижали, а 8-го ноября, в престольный праздник, за обедом давали даже по бутылке пива.

Бани готовились для студентов примерно через десять дней. В числе обычного белья сдавалось и крахмальное бельё, которое поступало из прачечной в отменном виде.

В то время, когда студенты, «почивали от трудов праведных», т. е. ночью время от времени их обувь числилась не известной рукой.

Спальное бельё аккуратно менялось при каждой бане.

При академии была больница, в которую больные принимались при минимальных признаках заболевания. Студенты с тяжёлыми заболеваниями в особых случаях посылались на курорт.

При каждой рабочей студенческой комнате был прикреплен «камердинер» для обслуживания студентов: для уборки комнаты, для выполнения поручений. Обслуживающему персоналу полагалось называть студентов «барин». Студентам старались прививать барские привычки: когда, например, студент подъезжал к академии с каникул на извозчике с багажом, то подходил к нему какой-либо камердинер со словами: «куда, барин, прикажете отнести вещи?»

Зимой для студентов в саду организовывался каток.

При академии был постоянный парикмахер, который выполнял для студентов работы бесплатно.

Если принять во внимание, что посещение лекций в академии было необязательным, то при наличии вышеуказанных условий «бытия» студентов, разве нельзя было назвать их обучение в ней «жизнью». Во всяком случае для этого делались все предпосылки. Вот почему некоторые студенты после сдачи последнего экзамена и завершения всех торжеств, связанных с окончанием академии, упорно не хотели покидать её стены, и эконом академии уговаривал их: «господа, пора уезжать», а они всячески оттягивали момент отъезда, готовые сказать своей жизни в академии: «остановись, ты так прекрасна!»

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 94-102.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Как «их» питали*

Не обижали! Нет: не обижали! Судите сами: круглый год три стола, три меню: мысной, рыбный и овощной стол. А какже посты, скажем, великий пост? А для него была больница, и существовал врач. Не для того ли, чтобы следить за здоровьем «господ студентов»? Конечно же, да! А если так, то для «больных», которых набиралось до 15-20 человек круглый год мясной стол. Где? Подальше от глаз в больнице.

Интересно проследить, как совершенствовалось меню на всех этажах обучения в духовной школе: был ли прогресс.

Возьмём сладкое блюдо:

Духовное училище: сладкая вода с клюквой

Семинария: оладьи с вареньем, рисовые котлеты со сладким гарниром, кисели, каша запекаша.

Академия: желе, бла[н]манже, пирожное.

Рыбные блюда:

Духовное училище: нет: ещё подаваться костью.

Семинария: уха из окуней, суп из осетровых голов, пироги со щукой.

Академия: заливной судак с горошком, морковью и лимоном, тоже осетрина.

Ну, а как же, вот, говорят, в академии была забастовка из-за питания?! Как это понять? Говорят, что это было дьявольское наваждение, а монахи рекли: искушение! «Чтый да разумеет!»

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 81-81 об.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Какие предметы изучались в академии*

Номенклатура предметов, изучавшихся в академиях, мало чем отличается от номенклатуры предметов, которые изучались в семинарии. Конечно, объём изучавшихся в них наук не одинаков, иначе терялся бы смысл изучения этих дисциплин в высшем учебном заведении: в академии все дисциплины изучались шире и глубже, чем в семинарии.

Все предметы в академии при сопоставлении их с предметами в семинарии можно разделить на три категории (по номенклатуре):

а) предметы с новыми названиями, новые:

- 1) Введение в круг богословских наук,
- 2) пастырское богословие с аскетикой,
- 3) церковная археология,
- 4) церковное право,
- 5) патрология,
- 6) систематическая философия;

б) предметы с прежними названиями, но с дополнительными к ним науками:

1) Священное Писание Ветхого Завета с прилегающими к нему предметами: а) Библейской истории и б) Библейской археологии и еврейским языком, причем последние два предмета изучаются вновь;

2) общая церковная история, с прилегающими к ней – а) русской и б) славянских и румынских церквей, причём истории последних церквей изучаются в первые;

3) гомилетика с историей проповедничества, причем история пр[оповедниче]-ства изучается впервые;

и 4) история и обличение русского раскола с изучением впервые истории рационалистических сект;

в) предметы с неизменившейся и не осложнённой номенклатурой:

- 1) Новый Завет,
- 2) догматическое богословие,
- 3) нравственное богословие,
- 4) педагогика,
- 5) логика,
- 6) психология,
- 7) история философии,
- 8) литургика.

Все эти науки назывались обязательными.

В число наук, изучаемых по выбору, входили:

- 1) общая гражданская история,
- 2) русская гражданская история – по одной группе;
- 1) теория словесности и история иностранных литератур,
- 2) русский язык и история русской литературы – по другой группе.

По выбору изучались языки: латинский, греческий, французский, немецкий, английский.

В общей сложности за время пребывания в академии, каждый студент должен был изучить до 25 предметов. На четвёртый курс, ввиду выполнения на нём кандидатской работы, отводилось четыре предмета. Следовательно, на каждые три первых курса падало по семи, примерно, предметов. Ясно, что мы имеем налицо перегрузку учебного плана предметами.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 82-83.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Система занятий, методы*

Лекция являлась основной формой учебного процесса. Лишь занятия по языкам являлись отступлением от этой формы. Очевидно, в качестве опыта проводились семинарские занятия по общей церковной истории профессором Фёдором Афанасьевичем Кургановым и по систематической философии Виктором Ивановичем Несмеловым. У профессора Курганова семинары заключались в ознакомлении с первоисточниками по истории церкви на греческом языке (заграничное издание Миня). Профессор учил, как нужно пользоваться первоисточниками: брал текст и переводил его с токованием и разбором. У проф[ессора] Несмелова семинары состояли в разборе и анализе различных учебников по философии, причём студенты выступали с короткими рефератами, а профессор производил разбор реферата и постановку вопроса.

Лекции читались по курсам, следовательно, на каждой лекции присутствовало 25-30 человек *maximim*. Бывали случаи, что несколько человек приходило с других курсов, например, на первые лекции в году профессора К. Г. Григорьева по апологетическому [богословию], потому что он всегда в них вносил что-либо новое из текущего момента.

Степень заинтересованности студентов лекциями была, конечно, различной, а так как посещение лекций было абсолютно свободным, то и наполнение аудиторий на лекциях было различным. Самое минимальное наполнение лекций было, например, у проф[ессора] Предтеченского по литургике: предмет этот был самым непопулярным, и на лекции обычно присутствовали двое «присяжных», которым вменялось в обязанность составить подробный конспект лекции, приближающийся к стенографическому. Этот конспект потом сдавался на просмотр профессору и передавался студенту-декану курса для подготовки к экзамену. Такие же конспекты делались и по другим предметам. Исключение составляли несколько предметов, например, по общей церковной истории, догматическому богословию и некоторым другим, по которым профессора сами выдавали конспекты и последние, как некая окаменелость подобно пирогу в Обломовке, передавались из поколения в поколение – пожелтевшие, замызженные, потрёпанные. По некоторым предметам, например, у профессора Юнгера (история Ветхого Завета), Богословского (история Нового Завета), Ивановского (история раскола) к экзамену готовились по их печатным трудам.

Манера чтения лекций была различной: произносили, например, Несмелов, Покровский; произносили, пользуясь конспектом, например, Григорьев, Царевский; читали по тетради не отрываясь, например, Предтеченский, Курганов.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 83-84.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Профессора*

Их можно разделить на три категории:

- а) старики-мастодонты: Юнгеров, Богословский, Ивановский, Царевский, Бердников. Они были люди большой эрудиции, с большими научными заслугами. К этой категории, хотя бы много моложе, должны быть отнесены – Несмелов и Нарбеков.
- б) среднее поколение: Пономарёв, Протопопов, Никольский, Предтеченский, Григорьев, Петров, двое Писаревых¹⁵⁵⁷, Керенский, Дружинин, Полянский.
- в) младшее поколение: Терентьев, Григорьев (по Ветхому Завету), Сатрапинский, Лапин¹⁵⁵⁸, иеромонах Афанасий.

К старшей группе относились: протоиерей Н. П. Виноградов и епископ Анастасий, которые потом выбыли.

Новым явлением в средней группе было то, что несколько человек из них приняли священство: Писарев, Дружинин, Петров. К этому их побуждала необеспеченность при наличии семьи.

На миссионерском отделении основу составляли протоиерей Малов и проф[ессор] Катанов (он же был проф[ессор] университета).

Иностранные языки преподавали: французский – араб Жузе, немецкий яз[ык] – проф[ессор] Никольский, английский язык – протоиерей Дружинин. Любопытная деталь: был объявлен конкурс на перевод с английского языка «Педагогики» Меймана и победителем вышел протоиерей Дружинин.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 84-85.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁵⁵⁷ Второй Писарев – Писарев Николай Николаевич (1876-1921) – кандидат богословия Казанской духовной академии 1901 г. Священник с 1904 г., протоиерей с 1916 г. Доцент кафедры русской гражданской истории с 1904 г., магистр богословия 1904 г. Профессор с 1910 г. Член Поместного собора Русской Православной Церкви 1917-1918 по избранию от Казанской духовной академии.

¹⁵⁵⁸ Лапин Павел Дмитриевич (1877-?) – кандидат богословия Казанской духовной академии 1902 г., магистр богословия 1910 г. Доцент и профессор кафедры церковного права. Член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг., член Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви в 1917-1919 гг.

Экзамены в академии*

Они проходили, примерно, на протяжении 35-40 дней. Приходилось сдавать по 7-8 предметам подряд. Что говорить: работа эта была страшно утомительной. Как в калейдоскопе, вытесняя одна другую, проходили лекции по разным предметам. Неудивительно, что пока сдавались последние экзамены, то от первых ничего не оставалось. Следует покаяться: защищались иногда шпаргалками. У экзаменационного стола стояли трое и пока двое последовательно отвечали, третий успевал воспользоваться «ей», умело опущенной в задний карман форменного сюртука. Соответственно расставлялась мебель. Организацию «сего» обычно осуществлял декан, т. е. на нашем курсе Н. Н. Мавровский «не тем будь помянут». Двоек обычно не было. Если же, паче чаяния, такая получалась, то о пострадавшем потом говорили, не называя его фамилию, а словами: «Это тот, который...». Такое несчастье случилось с одним студентом-священником на нашем курсе. Порядок был такой, что пересдавать можно было только после всех экзаменов на четвёртом курсе и после выполнения кандидатской работы, признанной удовлетворительной.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 85 об-86.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Сочинения. Кандидатские сочинения*

На первых трёх курсах студенты в течение года должны были писать сочинения по различным предметам – 3 или 4 в году. Это были серьёзные работы. Сочинения писались объёмные. Из них иногда выбирались такие, которые потом расширялись до объёма кандидатской работы. Автор пользовался обширной литературой. На этих работах выявлялось лицо автора. По существу эти работы были самыми главными и ценными в поступательном росте и развитии студента. Завершением этих сочинений являлась кандидатская работа.

Кандидатская работа, как показывает самое название её, заключительный момент присуждения степени кандидата. Вот почему на выполнение её давался десятимесячный срок при сокращении лекций до четырёх предметов вместо обычных восьми-десяти в году. Студенту предоставлялось право выбора предмета, по которому он желает взять тему работы и договориться об этом с профессором. Иногда студенты брали тему из тех сочинений, которые писали на каком-либо из первых курсов. Темы давались исследовательского характера. Например, по изучению рукописных материалов Соловецкой библиотеки. Иногда давались переводы, например, с греческого языка исторических материалов, ещё не переведённых на русский язык. По истории давались темы по исследованию каких-либо архивных материалов и т. д. Все эти работы потом сохранялись в библиотеке в качестве

неприкосновенного фонда, но шла молва о том, что некоторым ленивым людям удавалось совершать кражи работ, исполненных в прошлое отдалённое время, и выдавать их за собственные.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 86-87.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Аспиранты*

Ежегодно, по предложению того или иного профессора, при академии оставлялись аспиранты – двое. Основное назначение оставления заключалось в том, чтобы дать возможность оставленному продолжить кандидатскую работу до уровня магистерской работы, т. е. на соискание степени магистра богословия. При оставлении в аспирантуре учитывалось: а) успехи за весь предыдущий период, б) данные кандидатской работы и в) потребность в ближайшее время замены кого-либо на профессорской работе.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 87.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Защита научных работ

В наше время (1909-1913 гг.) только один или два раза были защиты работ. Нам передавали, что за год-два до нашего поступления была очень интересная защита диссертации по истории кончившим академию Дьяконовым, который в наше время работал зав[едующим] учебной частью в Родионовском институте благородных девиц в Казани. Защита эта была интересна в том отношении, что на ней разгорелась борьба между профессорами: Царевским и Благовидовым, который был главным рецензентом работы. Царевский отмечал в работе уклон влево (либерализм), а Благовидов – уклон вправо (излишний консерватизм). Совет всё-таки присудил Дьяконову степень магистра. Но Благовидов при ревизии перед введением нового устава академии был «вычищен» якобы за то, что в своих лекциях подчёркивал неблагоприятные поступки монахов.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 87 об.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Хор студентов*

Хор студентов академии был однородным и состоял из мужских голосов: басов, баритонов, теноров II и теноров I. Количество певцов было от 12 до 16 чел[овек]. В особо торжественных случаях он пополнялся до 20-24 человек за счёт любителей пения вообще, в том числе любителей светского пения. Среди студентов были такие певцы, которые учились, например, в частной школе по постановке голоса Генжиан, которые только время от времени принимали участие в хоре в качестве солистов.

В хоре была неизбежная текучесть состава: одни певцы уходили с окончанием обучения, а другие приходили после поступления в академию. Получалось, однако, как-то так, что уровень состава по качеству голосов не снижался, а иногда даже повышался. Так, при приёме в академию в 1911 г. оказался один студент с редкими голосовыми данными: баритон Круглов, который выступал в концертах, и с его участием хор студентов с успехом выступал в здании драмтеатра. Круглов, однако, через год оставил академию и поступил в консерваторию. На славе одно время были тенора Матрохин и Эсливанов.¹⁵⁵⁹

Регенты были тоже из студентов и через два-три года обычно менялись. У хора не было определённого стилевого направления: исполнялись произведения Веделя, Бортнянского, Турчанинова, Архангельского и др. композиторов. Выбор произведений для исполнения – репертуар в значительной степени определялся приверженностью того, или иного регента к произведениям того, или иного композитора. Значительная дань, предпочтение отдавались сольному исполнению, в особенности при наличии для этого какого-либо певца с богатыми голосовыми данными.¹⁵⁶⁰

Сказать, что хор пользовался особой популярностью в городе, было бы бахвальством, но любители однородного строя пения находили удовольствие

---

¹⁵⁵⁹ В очерке «Академический хор» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Так, в наше время, т. е. в годы 1909-1913, пел тенор Мотрохин из Оренбургской семинарии. После него были на славе тенора – Эсливанов, Миронов» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 97.

Мотрохин Александр – кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г.

Эсливанов Василий Никитич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

Миронов Сергей Дмитриевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1912 г.

Там же: «С именами этих певцов связывалось исполнение тех или иных сольных вещей, например, при Эсливанове исполнялось «Благослови, душе моя, Господа», муз[ыка] ... с *solo* – тенор; при Круглове – «Ныне отпускаеши», муз[ыка] ... *solo* – баритон. Хору студентов приходилось постоянно петь при архиерейском служении» // Там же. Л. 97 об.

¹⁵⁶⁰ Там же: «Однако, были такие номера, которые по традиции исполнялись при всех регентах, например, Бортнянского «Тебе Бога хвалим», Веделя «Свете тихий» и «Хвалите» восьмиголосное всегда исполнялось в престольный праздник – 8 ноября. Нечего говорить о том, что на «Страстной» безраздельно царил Турчанинов» // Там же.

его слушать. Чаще всего это были люди, составлявшие так называемые «около академические круги».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 111-113.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовно академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Академический хор».

Торжественные акты

В наше время дважды были торжественные акты в академии: а) по поводу юбилея М. В. Ломоносова произнёс слово епископ Анастасий – «Певцу на лире вдохновенной» и б) по поводу 300-летия дома Романовых.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 88.

[Издания академии]

Академия издавала журнал: «Известия Казанской духовной академии».¹⁵⁶¹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 88.

---

¹⁵⁶¹ Казанская духовная академия издавала: журнал «Православный собеседник» в 1855-1918 гг., в котором публиковались труды преподавателей, магистерские и докторские диссертации, защищавшиеся в академии, переводы святоотеческой литературы, памятники древнерусской письменности и пр. Приложения к журналу содержали протоколы заседаний Совета академии, отзывы профессоров академии на представленные к защите диссертации, годовые акты в академии; журнал «Известия по Казанской епархии» в 1867-1917 гг.; журнал «Иностранное обозрение» в 1912-1916 гг.; журнал «Церковно-общественная жизнь» в 1906-1907 гг., в котором с умеренно-либеральных позиций обсуждались церковные и государственные реформы; «Миссионерский противомусульманский сборник» в 1873-1914 гг., в котором публиковались работы преподавателей миссионерских отделений и кафедр академии, лучшие курсовые сочинения.

Десница и шуйца академии (глазами студентов)*

Академия, несомненно, была ярко выраженным типом схоластического учебного заведения, и если бы кто-либо взялся доказывать противоположное, то он просто показал бы себя завзятым обскурантом.

Только незначительное количество предметов, изучаемых в ней, относились к реальной жизни и были на потребу её. Сюда можно отнести педагогику и группу предметов, изучаемых по выбору: русский язык и литературу. Но эти предметы, образно выражаясь, были только просёлочными дорогами, а магистральная дорога была занята богословскими предметами. Взять хотя бы литературу: на неё отводилось так мало часов, что их можно было бы назвать только голодным пайком.¹⁵⁶²

Среди той суши, которая преподносилась студентам на богословских дисциплинах, единственным спасением для студентов было то, что лекции можно было не посещать. Свободное расписание по существу было спасительным средством избежать эту сушь: оно давало иммунитет против неё, этой суши, иначе пребывание в академии было бы невыносимым. Встречи с профессорами-лекторами происходили только на экзамене, в конце года в течение, примерно, месяца, и это было время, когда студенты зубрили богословскую премудрость до одурения с тем, чтобы забыть её в течение экзаменов.

Магистральная линия учебного процесса проходила не на экзаменах, а на выполнении письменных работ, которые студенты писали по всем предметам. Получалось так, что только раз студент встречался с каждым профессором на широкой научной основе по его предмету и показывал ему себя со всем своим «нутром»: что есть он и как может мыслить по его дисциплине. Три-четыре сочинения в году давали большую работу студентам, потому что студенты серьёзно относились к ним. Написать сочинение даже по такому предмету, как литургика, это значило перечитать много научной литературы, использовать даже литературу на каком-либо

---

¹⁵⁶² В очерке «Шуйца и десница академии, или её противоречия» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Но кроме богословских предметов в учебном плане академии были и другие – не богословские предметы. Это было вызвано необходимостью подготовить преподавателей в духовные, епархиальные училища и семинарии. Таким образом, академии имели широкие задачи – готовить и квалифицированные кадры духовенства, в том числе монашеские кадры, и кадры светских деятелей – преподавателей светских предметов. Это было одним из противоречий академии: различные цели, которые ставили перед собой поступающие в них. Вторым противоречием было то, что в стенах одного и того же корпуса, в общежитии и в аудиториях встречались люди с разным бытовым укладом – монахи, священники, светские – и при общей замкнутости и влиянии друг на друга у некоторых из них вырабатывался своеобразный тип человека со смешанными чертами характера: у светских, например, вырабатывались черты анахорета, женоненавистника, а у монахов и священников, наоборот, тип излишне, не в меру развязного человека» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 88 об.-89.

иностранным языке. Это можно было сделать только при условии свободного посещения лекций, точнее сказать – свободного непосещения лекций. Работа по писанию сочинений дисциплинировала студентов, приучала их к систематическому, упорному труду и, что особенно важно, воспитывала в них уверенность в себе и в своих силах. Трудно переоценить этот фактор, но, вспоминая пройденный путь педагога, внимание останавливаешь и на этом: откуда бралась такая уверенность в себе, в своих силах, когда начинал свою педагогическую деятельность. Степень кандидата богословия давалась за выполнение письменной работы, и это было показателем того, чему же научила академия своего питомца. Бесспорной заслугой академии являлось то, что она учила писать сочинения и давала достаточный опыт в этом деле, прививала вкус к этому делу. Заканчивая академию, студент уносил с собой привычку к упорному труду над собой, он представлял как бы форму, готовую принять то содержание, которое преподнесёт ему жизнь, и сама жизнь воспитает из него деятеля в той или иной сфере.¹⁵⁶³ Так и получалось, что где только ни приходилось встречать этих кандидатов богословия: и учителями в гимназиях, реальных училищах, инспекторами народных училищ и пр., и везде они были как работники не на плохом счету. Взять тот же Свердловск, из Казанской академии вышли следующие деятели в нём: учителя Н. Г. Младов, Н. П. Скворцов¹⁵⁶⁴, П. И. Фруэнтов¹⁵⁶⁵, П. А. Липин, В. А. Игнатъев, А. В. Затопляев; работники в хоз[яйственных] органах: А. И. Серебренников, И. А. Далматов¹⁵⁶⁶, П. Е. Самарцев.

---

¹⁵⁶³ В очерке «Шуйца и десница академии, или её противоречия» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Первое из этих противоречий разрешалось свободным посещением лекций. Свобода посещения лекций – это было величайшим благом для студентов, потому что она позволяла свободно распоряжаться своим временем в соответствии с личными запросами и интересами каждого. Правда, эта свобода иногда использовалась неправильно: превращалась в распущенность. На этой почве получался иногда своеобразный тип студента-сibarита, злоупотребляющего картами, вечерами и т. д. Но это были отдельные особи, которые не составляли основной массы.

В академии была богатая библиотека и при наличии свободного времени можно было много поработать над своим развитием, чем и пользовалось большинство студентов.

Второе противоречие принимало уродливые формы при наличии тенденции монахов-руководителей вовлекать молодых людей в монашество. Это удавалось потому, что и светские студенты представляли из себя пёструю массу с самыми различными настроениями, не чуждыми иногда карьеризма.

Таким образом, положение студентов в академии было противоречивым, и противоречивость эта порождала многообразие и многогранность деятельности кончившим академию» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 89-89 об.

¹⁵⁶⁴ Скворцов Николай П. – кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г.

¹⁵⁶⁵ Фруэнтов Павел Иванович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1912 г.

¹⁵⁶⁶ Далматов Иван Александрович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г.

[¹⁵⁶⁷]

Академии были очень противоречивыми учебными заведениями, в которых пороки одной руки компенсировались деятельностью другой руки и трудно было разобрать, которая же из них была десницей, а которая шуйцей. Студенты, например, свободу непосещения лекций по богословским предметам относили к деснице «Божьего провидения» о них.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 77-83 об.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Шуйца и десница академии, или её противоречия».

Михайлов день, 8-го ноября – престольный праздник академии

Помимо торжественного богослужения, иногда с участием Казанского архиепископа, в этот день к студентам приходило много гостей: студентов университета, курсисток. Особенным образом проходил обед, без надзора пом[ощника] инспектора. Полагалась традиционная бутылка пива. Главное пение:

*«Рóсти, рóсти, моя калинушка,
Ой, да не шатайся, ой, да не шатайся».*

Когда инспектором был назначен архимандрит Гурий, на этот же мотив пели:

*«Наш инспектор всё сквозь землю видит.
Женщин ненавидит...!»*

Вольница: не правда ли?

В 1909 г. – в первом годе после введения нового устава академии, была получена телеграмма из Тифлиса от только что окончивших академию преподавателей Тифлисской духовной семинарии:

*«Новый устав академии – пьём во славу
Хуже эпидемии – по старому уставу!»*

Телеграмма была зачитана за обедом, и сейчас же началось пение на мотив «Рóсти, рóсти».

---

¹⁵⁶⁷ В очерке «Шуйца и десница академии, или её противоречия» в составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Из академии выходили деятели науки, типа профессора Голубинского в Московской академии, автора капитального труда по истории русской церкви. Из академии выходили самоотверженные учителя духовных учебных заведений, люди с глубоким сознанием долга, воспитатели и учителя многих наших знаменитых учёных. Многие из кончивших курс в академиях влились в кадры учебных заведений типа гимназий и с достоинством вели здесь педагогическую деятельность, а с учреждением должности инспектора народных училищ «академики» почти полностью удовлетворили потребность в людях этой профессии» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 89 об.

Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834-1912) – историк Русской Церкви и церковной архитектуры. Академик Императорской академии наук. Автор ряда фундаментальных исследований по истории Русской Церкви.

«Новый устав, устав академии – хуже эпидемии».

Пришлось только, подгоняя под мотив песни, исказить ударение в слове – устав.

«Дела давно минувших дней»...

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 5 об.-6.

Посещение вел[икой] кн[ягиней] Елизаветой Федоровной академии

Это было весной 1913 г. [Великая] княгиня прибыла в академию с Зубовой, с которой они организовали в Москве какую-то женскую общину полу-монастырского типа. На голове у них надеты были какие-то белые капюшоны. По случаю приезда была устроена встреча в церкви: служили молебн. Молебн служили во главе с ректором академии епископом Анастасием (б[ывшим] профессором Каз[анского] ун[иверситета] Александровым). После молебна гости подходили к целованию креста, а епископ целовал у княгини руку, держа в руке крест.... Через два месяца епископ Анастасий был переведён ректором Петербургской академии.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 7-7 об.

Богослужение на монгольском языке*

В академии существовала кафедра монгольского языка, самая худосочная из всех кафедр. Её возглавлял и, можно сказать, воплощал в себе иеромонах Амфилохий. В течение года он был в командировке в Тибете и вернулся с одним из тибетских монахов – ламой. Лама жил в академии в одной из комнат, отведённых монахам. В часы лекций его часто можно было видеть во всём его ритуальном облачении разгуливающим по коридору и заглядывающим в аудитории. Приближался какой-то юбилей, связанный с деятельностью святого Иннокентия Иркутского¹⁵⁶⁸, и решено было, что богослужение будет совершено на монгольском языке. Так как монгольский язык изучали немногие студенты, то пришли к выводу, что лучше это богослужение совершить в ограниченном кругу молящихся, а не в присутствии студентов *in corpore*. Богослужение, однако, получилось замечательным в том отношении, что на нём присутствовал попечитель Казанского учебного округа Кульчицкий¹⁵⁶⁹, который был отдалённым родственником Иннокентия Иркутского, в мире по фамилии тоже Кульчицкого.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 70 об.-71.

¹⁵⁶⁸ Иннокентий (Кульчицкий) (1680 или 1682-1731) – епископ Иркутский и Нерчинский в 1724-1731 гг., первый православный епископ Восточной Сибири.

¹⁵⁶⁹ Кульчицкий Николай Константинович (1856-1925) – попечитель Казанского учебного округа в 1912-1914 гг., последний министр народного просвещения Российской империи в 1916-1917 гг.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Всенощная на монгольском языке, входит в состав «Мелочей академической жизни и юмора».

Самоубийство эконома академии*

Он был светским человеком и на склоне лет.¹⁵⁷⁰ Говорили, что во время оно он кончил семинарию. Он был исключительно благодушным человеком и не склонным к самоубийству. Иногда мы видели его читающим газету, причём при чтении вдруг он погружался в глубокую задумчивость, ударял по газете и, обращаясь к окружающим, произносил: «вот никак не могу понять, как это люди решаются на самоубийство». За всё время его работы все ревизии хозяйственной части академии находили все дела «в ажуре». Даже и мысли не было, чтобы могло что-нибудь случиться «такое». Образ жизни у него был не предосудительный, правда, нос (о, этот проклятый свидетель!) имел симптоматичный сизый оттенок. В семье была дочь, правда, в том возрасте, когда на неё полагается больше расходов, т. е. по народному выражению «на выданье»... И вот, как гром на ясном небе, разносится ужасная весть: летом, в наше отсутствие он застрелился. Как? Почему? И вот нам поведали. Была ревизия. Обнаружена недостача в двадцать тысяч. Он попросил разрешение выйти на воздух прохладиться, ... револьвер к виску... и был таков. Как же так? В чём же дело? Нам поведали: один из только что окончивших академию имелся в виду на роль жениха его дочери, но будто бы (ссылаемся на совесть рассказчика) поставил условие на приданое... и вот дьявол вошёл в душу несчастного отца... для дочери, чтобы она была счастливой. Самое же страшное говорили, что когда уже тайное неизбежно должно было открыться, то отец просил дочь с её книжки взять и внести недостачу, но дочь отказалась. Он застрелился. Но на этом рассказ ещё не остановился и говорили, что когда об этом случае узнали купцы, с которыми он вёл операции, то они сказали: «Зачем он нам об этом не сказал: мы выложили бы на стол ревизорам (имеется в виду на время ревизии) необходимую сумму, а потом бы все утряслось». Вот тут и угадай: кто был «ближним» нашего несчастного эконома.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 71-72.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора одноимённый, но короткий очерк входит в состав «Мелочей академической жизни и юмора».

---

¹⁵⁷⁰ Речь идёт об экономе Казанской духовной академии, коллежском асессоре Никаноре Алексеевиче Лебедеве, 56 лет, который застрелился 30 июня/13 июля 1913 года в 2 часа дня в Казани во дворе академии.

Единственный и одинокий*

Наш земляк, выходец из города Далматова, поэт Мерзляков¹⁵⁷¹ в своём стихотворении «Среди долины ровныя» идею одиночества символически выразил в образе могучего дуба, который «среди долины ровныя, на гладкой высоте» стоит один «как рекрут на часах». Кто-то придал этому стихотворению прекрасную мелодию, и мы с детства распевали его, а перед нашим умственным взором стоял образ этого одинокого дерева. В Казанской духовной академии в течение ряда лет идею одиночества символизировало не дерево, а одно живое существо, о котором обязательно все вспоминали, кто его видел, вспоминали, связывая образ его, как необходимую деталь образа академии, её наружного облика. Поступая в академию, мы были уже предуведомлены о «нём», и, отправляясь в академический парк, встретили «его» в ограде, одиноко расшагивающим на длинных ногах. К этому времени «он» давно уже утратил свойственный всем его сородичам, находящимся на свободе, инстинкт самосохранения, без опаски подходил к нам, получал от нас кое-какое угощение, но в глазах его мы читали мучительную тоску одиночества существа, насильственно обречённого на это одиночество от жестоких людей. Казалось, что «он» хотел что-то сказать нам и не мог: он был немым, лишённым дара речи. Поступивши в академию мы встречали «его» ежедневно и, пожалуй, уже немного привыкли к его одинокому виду. Но наступила глубокая осень, пора, когда свободные хозяева воздушных пространств улетали в тёплые края. Мы вышли на двор и тут только мы почувствовали всё одиночество этого несчастного существа: «он» стоял неподвижно, взор его был устремлён вдаль в безбрежную высь и казалось, что «он» в этот момент слушал какую-то музыку, весь погружённый в неё и очарованный ею. Весь «его» вид символизировал картину: «Кому повем печаль мою». Вдруг «он» стремительно кинулся бежать, размахивая крыльями, стараясь захватить воздух и оторваться от земли, ... и остановился ... обессиленный, жалкий.

Антоний Волынский, со свойственной ему манерой гиперболизировать, считал «его» единственным в Казанской академии существом, выразителем моральной чистоты. В одном из своих пастырских посланий, как передавали нам хорошо осведомлённые люди, он так и писал о нём: «В Казанской духовной академии «он» единственный девственник и то только потому, что «ему» не с кем грешить».

В зимнее время «его» обычно сохраняли в подвальном этаже академии, где жили и все люди, обслуживающие «господ студентов». За «ним» ухаживали, «его» берегли как необходимую принадлежность академии, её составную часть, но ... однажды около Рождества наш «дядька» Андрей Абрамович, погруженный в глубокую скорбь, поведал роковую новость: «за

---

¹⁵⁷¹ Мерзляков Алексей Фёдорович (1778-1830) – русский поэт, литературный критик, переводчик, доктор философии.

«ним» не доглядели, он «хлебнул» угару... и оставил навсегда осиротелую академию.

Не стало нашего милого журавлика, нашего пернатого друга. Наступила весна, но двор «осиротел». В академию поступали новые студенты и спрашивали: где же «он»? Но «его» уже не было в живых.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 72-73.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Мелочи академической жизни и юмор

Посещение Григорием Распутиным Казанской дух[овной] академии*

Он посетил академию, когда был в ореоле славы. Тогда в нём видели некоего «провидца», могущего «читать» мысли другого человека.

В академии был студент Замотайло¹⁵⁷², у которого был дух противоречия: на любой тезис у него всегда готов был контр-тезис, так что если кому-либо нужно было добиться от него единства взгляда по какому-либо вопросу, то он высказывал контр-тезис, а от Замотайло получал тезис. Передавали, что будто бы Григорий, удививший его, изрёк: «Ты что мотаешься и туды и сюды». Были студенты, которые увидели в этом дар «провидения» у Распутина. Легко догадаться, что они были из «монашествующих».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 84-85.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Хорошо усвоивший философию В. И. Несмелова*

Студент Жадин¹⁵⁷³ любил играть в карты, но не имел денег. Когда ему предлагали «ставить», он утверждал, что он «поставил» и на вопрос, где же то, «что» он «поставил», отвечал: «мыслится присутствующим».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 87-88.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

«Мы физику учили до теплоты»*

Поступавший в академию абитуриент Якутской семинарии старался прикурить от электрической лампочки: пыхтел, срывал конец папиросы. Ему сказали: «Что ты делаешь – ведь от электрической лампочки нельзя прикурить», - он изрёк: «извините – мы физику учили до теплоты». Электричество он увидел тоже первый раз в жизни...

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 88.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁵⁷² Замотайло Иван – кандидат богословия Казанской духовной академии 1908 г.

¹⁵⁷³ Жадин Павел Андреевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1910 г.

Рождественская ёлка

Она устраивалась студентами для детей обслуживающего «господ студентов» персонала. Хорошая традиция! Эти «маленькие» приходили тогда из подвала, приходили с родителями. Для них устраивался концерт, игры, подносились подарки. На ёлку даже приходил глава академии – ректор [епископ Алексей]. С каким наслаждением пел для них автор сего романсы и вкупе с другим студентом – «Моряки» Вильбоа.¹⁵⁷⁴ Бывали и курьёзные случаи, например, был один кавказец баритон, который исполнял песенку Томского из оперы «Пиковая дама» - «Если б милые девицы». Преосвященный слушал, и на лице его можно было прочесть: «Ну и ну! Нашёл чем угостить детей на ёлке!» Вспоминался чеховский Ванька Жуков. Как приятно об этом вспомнить через пятьдесят лет!¹⁵⁷⁵
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 96 об.-97.

«Куда прикажете, барин, отнести ваши вещи?»

Таковыми словами часто встречали подъезжающих к академии студентов при входе, когда извозчик только-что останавливал своего коня. Слова - «барин», «господин» считались обязательными для «сторожей» при обращении их к «господам студентам». За этим особенно следил старший из них – комендант здания – Андрей Абрамыч. Что говорить: студентам старались прививать барские привычки. В семинарии мы привыкали к демократическому обращению с «сими малыми», а в академии – вот извольте! Не отсюда ли пошло то, с чем автору сего пришлось встретиться на работе в Слуцком духовном училище. Там долго и в спорах решали вопросы как «духовники» должны называть учителя, обращаясь к нему: по имени и отчеству или как-то иначе. Против называния по имени и отчеству особенно ратовал учитель русского языка, сравнительно нестарый человек. Он так и говорит: «вот кто-нибудь из учеников назовет меня Иваном Александровичем, какой я ему Иван Александрович?» Так и решили называться: «господин учитель», «господин инспектор», «господин смотритель». Так и припахивает польскими «пан», «пани». Цо пан хце?

Странной мне, уральцу, показалась постановка такого вопроса. Если бы я своего учителя в духовном училище Петра Васильевича Хавского назвал

---

¹⁵⁷⁴ Вильбоа Константин Петрович (1817-1881) – русский композитор.

¹⁵⁷⁵ В очерке «Епископ Алексей» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В числе певцов-солистов выступил со своим номером студент-кавказец Околов-Кулак и, в упор епископу запел: «Если б милые девицы...» и т. д.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 27.

Околов-Кулак Сергей Григорьевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

«господин учитель», то думаю, что он на это мне ответил бы крепким названием.

Нет, в академии явно, как говорят, перепаратили с насаждением барства. Это было не продумано!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 98-98 об.

Memento mori!* (мрачные страницы бытия академии)

Осталось непонятным, как могло быть, что в университетском городе были знаменитые профессора, вроде С. С. Зимницкого, и где, по общему признанию, ведал большой опытный врач, три года с подряд умирали студенты академии от брюшняка? Для автора сего это было тем более непонятно, потому что в Пермской дух[овной] семинарии, где он учился, вообще не было смертных случаев с учениками, а вот в академии это было. В 1909 г. в самом начале учебного года умер от брюшного тифа студент второго курса Алмазов, закадычный друг Александра Константиновича Рыбакова. Видеть весёлого жизнерадостного юношу здоровым и цветущим? А потом его же через каких-нибудь три недели в гробу – это потрясающее событие, которое естественно взбудоражило всех студентов. У могилы прощальное слово произнёс А. К. Рыбаков, закончив словами: «*Sit tibe terra levis!*»¹⁵⁷⁶

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 104-105.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Смерть студента 1-го курса*

Моя память не сохранила имён двух действующих лиц этой трагической истории, но зато она сохранила самую историю. В 1911 г. поступил в академию юноша из одной семинарии центральной части России – не то Пензенской, не то Рязанской. Образ этого юноши и сейчас стоит перед моими глазами. Он был высокого роста, здоровый, цветущий, с причёской «под ёжик». Ничто не могло по его внешнему виду предвещать то, что с ним случилось через два-три месяца после его поступления в академию. За это время у него завязалась хорошая дружба со студентами из Архангельской семинарии. И вот случилось несчастье: он заболел брюшником. Болезнь развивалась с шансами и *pro*, и *contra*. В этот момент нашлись «люди» из монашесствующих, которые посчитали, что для них наступил благоприятный момент уловить сего юношу в монашество. Ему посоветовали: «дать обет на пострижение», если только он хочет остаться в живых. В результате этого юноша начал в бреду соскакивать с постели, рвать на себе рубашку и кричать: «Не хочу, не хочу!» В таком виде и застал его однажды его друг. Юноша умер, и отпевали его в академической церкви. Из родных присутствовал один убитый горем отец. У всех студентов было подавленное настроение. Перед прощанием выступил друг умершего. Он произнёс надгробную речь и в тоне сильного возмущения сказал: «Последние дни жизни его были омрачены происками людей, которые хотели воспользоваться его болезнью, чтобы склонить его к монашеству». Слова эти

---

¹⁵⁷⁶ *Sit tibi, amice care, terra levis!* – по-латински «Пусть тебе, друг ушедший, земля будет пухом!».

прямым движением оратора были направлены в сторону тех, кто это делал, а прозрачный намёк был направлен в адрес архимандрита Гурия, инспектора академии. Это был суд... Все замерли и были в восторге от смелого юноши. Все думали, что же будет со смелым юношей, какая месть? «Они» предпочли «проглотить пилюлю», боясь ещё большего разоблачения. А по существу это был преступный случай в истории академии.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 69 об.-70.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора данный эпизод коротко представлен в составе очерка «*Memento mori* (мрачные страницы бытия академии)».

***

Следующей зимой уже ближе к весне умер тоже от брюшняка студент-священник Алмазов, оставив вдову с четырьмя маленькими детьми. Какая жестокость судьбы! Передавали, что самый близкий друг покойного, который и принял на себя все заботы о похоронах, по окончании академии женился на вдове, чтобы поддержать семью. Как нужно смотреть на этот поступок этого студента? Я не знаю. Позднее мне пришлось встретиться с аналогичным же поступком одного из учителей Минского дух[овного] училища, но в ещё более драматической форме: он женился на вдове, которая по возрасту подходила ему в матери и тоже для поддержания семьи. Я задавал себе вопрос – правильно ли поступил этот человек, и ... не смог дать себе ответа.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 106-107.

*В составе «Очерков по истории Казанской духовной академии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

Смерть студента – священника Толпина*

Почему-то в академии было несколько случаев смерти студентов. За четыре года нашего обучения в академии было четыре случая смерти, причём три случая смерти были от брюшняка. Самой трагической была смерть о[тца] Толпина. Было ему за 50 лет. Жили они с матушкой одинокие – без детей. Матушка (было бы безбожно упрекать её в этом) как могла, старалась казаться моложе: ведь муж её студент. О[тец] Толпин имел вид здорового и трудоспособного человека. Мечта была одна – кончить академию, устроиться куда-либо законоучителем... Завершались экзамены на III-м курсе. Самым страшным для всех на этом курсе был экзамен по метафизике В. И. Несмелову. Всем этот экзамен представлялся в виде «днепровских порогов». И это было понятно: приходилось устаивать по этому предмету такую глубину премудрости, что голова трещала. А каково это было воспринять человеку в 50 лет! Но вот: Рубикон перейден и о[тец] Толпин объявил своей матушке: «Ну, теперь дело в шляпе. Можно думать, что академию я кончу». Сели, пообедали жирной пищей, о[тец] Толпин выпил бутылочку холодного

пива. Вечером он был уже в больнице. Диагноз: заворот кишок. Вызвали Геркена.¹⁵⁷⁷ Он отказался оперировать. Ночью Толпина не стало... Похороны. Несчастливая матушка... Мысль гвоздит и гвоздит: за что?

А теперь другая мысль: случись бы с Пушкиным ранение теперь, а также и с Толпиным – вероятно, спасли бы!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 6-7.

*Находится в составе воспоминаний и биографических очерков в «пермской коллекции» воспоминаний автора, в «свердловской коллекции» является частью очерка «*Memento mori* (мрачные страницы бытия академии)».

---

¹⁵⁷⁷ Геркен Николай Александрович (1863-1933) – профессор медицинского факультета Казанского университета.

Высшие женские богословские курсы

Оформились ли они в конце концов или так и остались мертворождённой идеей мы так и не узнали. Зато мы знали, как «в огне и буре» вынашивалась эта идея. Называли двух лиц, которые особенно «болели» за эту идею: жену бывшего инспектора академии – протоиерея Н. П. Виноградова, уже старушку и, как это ни странно, дочь профессора по анатомии ветеринарного института Третьякова¹⁵⁷⁸, молодую девушку, которой в пору было бы только учиться на высших женских курсах в Казани. Выходит, что идею эту вынашивали и стар, и млад, и вовсе не прав был А. С. Пушкин, когда сказал: «нельзя впрягать в одну телегу коня и трепетную лань». Оказывается, бывают отступления от этого тезиса. Но как представляли себе организацию этих курсов идеологи их? А организацию их мыслили по типу организации высших женских курсов Министерства народного просвещения, т. е. в виде филиала при историко-филологическом факультете университета, а в данном случае в виде филиала при академии. Мало этого, этот вопрос ставился даже в плоскости канонического права, а именно: кого же будут готовить эти курсы? В ответ на этот вопрос называли даже существовавший в древности институт диаконисс. Боже мой! Куда же может завести человека его фантазия, если её иногда не обуздать! Нет! Эта идея должна быть только мертворождённой: слишком она уж далека была от жизни. Но она была, и это само по себе показательно для той эпохи, в которую она зародилась.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 95 об.-96 об.

«Кружок» Валентины Филипповны Накаряковой*

Сколько бы ревнивое начальство нашей академии в лице инспектора архимандрита Гурия ни старалась уберечь студенческую молодежь от всего «мирского», молодёжь оставалась молодежью, а «мирская» жизнь текла или другими путями проникала в молодёжную студенческую среду. Такова диалектика жизни, и таков её закон. На этом именно законе и основан был «кружок» В. Ф. Накаряковой.

Но кто такая В. Ф. Накарякова, почему «кружок» назван её именем и что это был за «кружок»? Дать ответы на эти вопросы является задачей настоящей статьи.

В. Ф. Н. была дочерью псаломщика с[ела] Скородумского Ирбитского уезда. Отец её рано умер и она с братьями Анфиногеном и Нафанаилом осталась на попечении своей матери, которая после смерти мужа сделалась просфорней Скородумской церкви. Кончив сельскую школу, девочка поступила учиться в Екатеринбургское епархиальное училище на казённый

---

¹⁵⁷⁸ Третьяков Леонид Аполлонович – профессор кафедры анатомии Казанского ветеринарного института.

счёт как сирота служителя культа. Здесь она обнаружила очень живой, подвижный характер и склонность к юмористическим выходкам. Так, по словам её подруг, она бесподобно изображала семейную сцену в духе известного романса Даргомыжского, сцену возвращения домой пьяного мельника, причём она выполняла роль пьяного мужа. В этой, пока что, чисто детской выходке В. Ф. уже обнаруживалось, во-первых, стремление привлекать на себя внимание других и, во-вторых, подчинять их своему влиянию, организовать их около себя. С ростом, как говорится, характер девочки стал шире проявляться в своём многообразии и у неё выработалась своеобразная манера распределять людей по уму на людей с умом глубоким, но не широким, или с широким, но не глубоким. Такую «терминологию» она придумала сама. Какое содержание она вкладывала в эти «термины», лучше всего можно пояснить на примере. Среди её знакомых молодых людей был учитель деревенской школы – Иван Александрович Флёров. Он учился в Пермской духовной семинарии и прославился, между прочим, тем, что впал в мистику, убедил себя в том, что скоро умрёт, готовился к смерти – говел, молился, - но смерть в предполагаемый им срок не пришла и он сделался атеистом. Будучи учителем, он проводил атеистическую и революционную пропаганду. В. Ф. относила его к категории людей с глубоким, но не широким умом.¹⁵⁷⁹ Наоборот, одного знакомого ей студента юриста она относила к категории людей с широким, но не глубоким умом. Вроде как бы к верхоглядам. Очевидно, масштабом для классификации умов на «широкие» и «глубокие» она брала уровень общего развития человека (широкий кругозор) и степень сосредоточенности, вдумчивости при усвоении знаний, активности усвоения. Как видно, теория В. Ф. была не из пустых и во всяком случае свидетельствовала о том, что она была девушкой серьёзной.

У всех девушек, кончавших тогда епархиальное училище, перспектива сводилась, чаще всего, к замужеству, но для В. Ф. такая перспектива пока что вовсе не была заманчивой: мечтой её было получить высшее образование. Высшими женскими учебными заведениями в том время, перед революцией 1905 г., были высшие медицинские курсы в Петербурге¹⁵⁸⁰, Бестужевские курсы¹⁵⁸¹ и курсы Лохвицкой-Скалон¹⁵⁸², но на них с трудом поступали

---

¹⁵⁷⁹ В очерке «Кружок Валентины Филипповны Накаряковой и её судьба» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Иван Александрович работал учителем и настроен революционно, и можно было понять, что революционность его Вал[ентина] Фил[ипповна] относил к глубине ума, а то, что он кончил дух[овную] семинарию, к широте его, которую она признавала недостаточной. Меня поразила эта «философия» Валентина Филипповны, и в уме у меня получился некий шок, торможение» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 92-93.

¹⁵⁸⁰ Высшие женские медицинские курсы в Петербурге (1872-1882) – курсы при Медико-хирургической академии в Петербурге.

¹⁵⁸¹ Бестужевские курсы (1878-1918) – высшие женские курсы в Петербурге, одно из первых женских высших учебных заведений в России.

кончившие женскую гимназию с 8-ми летним образованием, а в епархиальных училищах учили только шесть лет. Что это значило, если сопоставить с системой образования немного позднее, скажем, в 1913-1914 гг.? Высшее начальное образование да еще куцее, и что в последних преподавался иностранный язык, а в епархиальных училищах его не было. Но вот после революции 1905 г. стали открываться больше высшие женские учебные заведения и в Казани открыты были курсы с историко-филологическим профилем, на них был открыт доступ для поступления кончившим епархиальное училище. Расчёт был сделан на то, что «епархиалки» своей настойчивостью преодолеют все затруднения в науке и не «подкачают». В «открытые двери» хлынули «епархиалки» и в числе их В. Ф.

Возвратимся теперь к тому, какой мы видели уже выше В. Ф., а именно – девушкой инициативной, предприимчивой, серьёзной и вдумчивой, поселим её в академической слободке, вблизи академии, вспомним пословицу «рыбак рыбака видит издалека», т. е. родство по социальному происхождению и почва под создание «кружка» подведена. Итак, в одном из домов, расположенных вблизи академии, в мезонине его с ходом через кухню составилась «кружок» молодёжи из курсисток и «академиков», а хозяйкой была В. Ф. Чем занимался «кружок»? Бывали вечеринки, чай, беседы на «философские» и разные темы. И только? – может кто-нибудь сказать: «Ну, и «кружок»! Вот это то замечание автор статьи и предвидел и в целях перестраховки слово кружок всё время брал в «кавычки». А почему кружок назван имени Валентины Филипповны? По трем причинам: 1) она была хозяйкой квартиры; 2) при встречах она больше всего говорила о себе: как её выбрали деканом курса, как она держит связь с профессорами и т. д. и 3) как потом рассказывали другие товарищи, с которыми она встречалась, она определяла умы у кружковцев – «глубокие», «широкие» и т. д. После этого скажите: правильно ли «кружок» был назван именем В. Ф.? А к чему же вся эта речь? Эх, молодость, молодость! Счастливое времечко! Как его не вспомнить! И как всё-таки разнообразна жизнь!¹⁵⁸³

---

¹⁵⁸² Высшие женские естественно-научные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон (1903-1918) – женское высшее учебное заведение в Петербурге, дававшее соответствующий уровень образования, но официально такого статуса не имевшее.

¹⁵⁸³ В очерке «Кружок Валентины Филипповны Накаряковой и её судьба» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Впервые я услышал об Валентине Филипповне, именно только услышал о ней, а не познакомился с ней, в Скородуме, большом селе Ирбитского уезда. Я гостил здесь у брата, священника этого села, летом 1905 или 1906 г. Я учился тогда в третьем классе семинарии и считал себя зелёным мальчишкой. Валентина Филипповна жила тогда тоже в Скородуме у матери, профсорни этого села. По духовному училищу я знал её братьев – Анфиногена, учившегося в дух[овном] училище чуть-ли не до 18 лет, и Нафанаила, который, как я позднее узнал, утонул ещё в юношеском возрасте.

Познакомиться мне с Валентиной Филипповной в Скородуме так и не удалось: не было для этого случая да, по правде сказать, мне, мальчишке по своему самосознанию, было

как-то и зазорно знакомиться с умной девушкой. Но «философия» её крепко врезалась в моей памяти и встреча с ней, если бы таковой было суждено совершиться, представлялась мне чем-то вроде просвечивания рентгеном.

Встреча, однако, произошла в августе 1909 г., на квартире брата в Казани, когда я поступал в академию, а Вал[ентина] Филипповна – на Высшие женские курсы. Я был с ней, примерно, одного возраста, может быть, даже чуть старше, но у меня почему-то было такое впечатление, что она старше меня, и вот-вот возьмёт меня грешного мальчишку, просветит своим «рентгеном» и найдёт меня пустым – ни с широким и ни с глубоким умом: я был всё ещё под влиянием её «философии», о которой узнал в Скородуме.

Я встречался и дальше с Валентиной Филипповной у брата. Она приходила всегда восторженная, энергичная и рассказывала о своих успехах на курсах, что её избрали деканом факультета по студенческой линии, рассказывала о своих встречах с профессорами. Энергия в ней была ключом. Иногда казалось, что она рисуется своим положением.

Я был принят в академию. Примерно в ноябре месяце того же года я узнал от своего однокурсника Мавровского, что он состоит в студенческом кружке, который собирается на квартире у Валентины Филипповны, и что она приглашала и меня прийти как-нибудь на собрание. Брат тоже мне говорил: «ты сходи, раз тебя приглашают». У меня, откровенно говоря, не было особенного желания идти на собрание кружка, потому что я в это время брал уроки по постановке голоса, увлекался пением и охотнее шёл туда, где есть рояль, где я мог рассчитывать на встречу с каким-либо пианистом, который бы мог мне аккомпанировать, но что я никак не мог надеяться в кружке. К тому же, проклятый «рентген» никак не выходил у меня из головы, но Мавровский меня уговорил, и я отправился с ним.

Валентина Филипповна тогда имела квартиру на Арском поле, неподалёку от академии. Помню, мы прошли, кажется, через кухню и поднялись по лесенке в мезонин. Здесь были уже кружковцы. Хозяйка была приветливой, весёлой. Разговор искрился, был смех, пели. Я не заметил, чтобы хозяйка обратила на меня особое внимание, и был доволен этим. Однако, наступил момент, когда разговор и смех умолкли, и началась беседа на какую-то серьёзную тему, содержание которой теперь не помню, помню только, что Валентина Филипповна обратилась ко мне с каким-то вопросом по поводу неё, и я, как мне показалось, ответил резонно. Спустя несколько дней, Мавровский в разговоре со мной сболтнул, что Валентина Филипповна ему призналась, что она во мне что-то «находит». На меня это замечание Мавровского произвело такое же впечатление, как если бы кто-либо из старших, скажем, учительница так отозвалась обо мне. Я позже не раз задумывался над тем, почему у меня составилось такое мнение об Валентине Филипповне, как о человеке старше меня, и единственным ответом на этот вопрос послужил жизненный опыт, который подсказал мне, что девушки раньше вызревают в женщину, чем юноши в мужчину. Этот вывод я сделал из следующего наблюдения: в детстве у меня были друзьями две девочки Бирюковы, одноклассницы со мной; мы вместе росли, вместе играли, а когда мне и им исполнилось по шестнадцати лет, на них надели длинные платья, сделали причёски, как взрослых и объявили их невестами, а я всё ещё был мальчишкой. Я направлял свои стопы в академию, а они имели уже по-двое, трое детей.

Я больше не ходил в кружок, и так и остался при мысли, что я и Валентина Филипповна – люди различные вообще, что я для неё не представляю никакого интереса, а также и она для меня» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 94-99.

¹⁵⁸⁴ В очерке «Кружок Валентины Филипповны Накаряковой и её судьба» в составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В 1923 г. я работал инспектором Свердловского губоно и узнал, что

В 1938 г. я встретил В. Ф. на курорте «Курьи». Она была уже Смолиной. Она говорила, что с мужем разошлась. Я не решился спросить: какой ум был у её мужа? Но, как видно, она всё-таки просчиталась в своей теории.¹⁵⁸⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 721. Л. 91-94.

*В составе очерков «Казанская духовная академия» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора название очерка: «Кружок Валентины Филипповны Накаряковой и её судьба», входит в состав «Мелочей академической жизни и юмора».

Валентина Филипповна тоже работает в соцвесе губоно. У ней фамилия теперь была – Смолина. Мне рассказывали и о том, что она разошлась с мужем и живёт с дочерью, девочкой 7-8 лет. Как-то получилось так, что встретиться с Вал[ентиной] Фил[ипповной] в стенах учреждения мне не удавалось, а встретились мы на плотине городского пруда, и беседа получилась скомканной: я всё пытался что-либо узнать о кружковцах, а она всё спрашивала меня об Александре Константиновиче Рыбакове, причём называла его многодипломником, подчёркивая это обстоятельство. Я сразу же обратил на это внимание, и у меня мелькнула мысль: «а, Вы всё ещё занимаетесь измерением умов и делением их на широкие и глубокие». Мне говорили, что Александр Константинович тоже до меня работал в губоно, а также говорили и о том, что он, по окончании академии, заочно учился где-то за границей.

Наша мимолётная встреча показала мне, что прежнее, если можно так выразиться, отчуждение между нами, осталось неизменным, особенно в части отношения ко мне Валентины Филипповны» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 402. Л. 99-101.

¹⁵⁸⁵ Там же автор уточняет: «В 1938 или в 1939 г. я был на курорте «Курьи». Здесь я встретился опять с Валентиной Филипповной. На этот раз мне показалось, что она искала встреч со мной, но всё боялась, как-бы не вызвать ревность у моей жены (я был на курорте с женой), или что ещё хуже внести разлад между нами, т. е. между мной и женой. Я это объяснял тем, что, может быть, насчёт этого у ней был печальный опыт. Мне показалось, что Валентина Филипповна на этот раз подходила ко мне без «рентгена», что она хотела поговорить со мной о чём-то своём прошлом, может быть, даже интимном, но ни встречи, ни разговора так и не состоялось.

Года два тому назад я был в Камышлове у своего б[ывшего] учителя по дух[овному] училищу – М. М. Щеглова. Мы вспоминали прошлое и, между прочим, и братьев Накаряковых. В связи с этим М. М. рассказал мне, что позднее, как я понял, перед последней войной Валентина Филипповна работала в детдоме в Камышлове. Этот детдом потом перевели в с[ело] Ощепково, куда с ним последовала и Вал[ентина] Фил[ипповна] и там умерла.

Я был только один раз на кружке Валентины Филипповны, но в моей памяти сохранилось это собрание молодёжи – жизнерадостной, владельницы самого большого богатства в мире – надежд на будущее. Здесь всё бурлило радостью, счастьем и казалось, что больше ничего и не нужно было для этого кружка, чтобы по праву называться кружком Валентины Филипповны Накаряковой» // Там же. Л. 101-103.

УЧЕНИЕ П. А. ИКОННИКОВА В КАЗАНСКОЙ ДУХ[ОВНОЙ] АКАДЕМИИ*

В начале июня 1909 г. Пётр Алексеевич закончил учение в Пермской духовной семинарии и оказался на распутье: что делать с собой дальше. Вопрос о том – «надевать или не надевать рясу» - уже давно был им решён отрицательно: нет, ни при каких обстоятельствах. Так что же делать? Думать о консерватории, о чём иногда раньше появлялась коварная мысль, нельзя: для него было ясно, что это значит заведомо тешить себя тем, что называют *pia desideria* (благопожелания). Университет или, как многие делали, ветеринарный институт? Но где средства? Думал и так: поступлю в учителя, подзаработаю денег и поеду учиться дальше: так делали иногда кончившие семинарию.

Летом на каникулы приехал из Казани брат Алексей¹⁵⁸⁶, студент третьего курса Казанской дух[овной] академии, священник, и подал мысль о поступлении в академию. Обычно в академию абитуриенты семинарии поступали по командировкам, но бывали случаи, что поступали и по личной инициативе. Так как П. А. окончил семинарию по первому разряду (студентом), то ему предоставлялась возможность поступить по конкурсному экзамену. Принявши в соображение мотивы *pro* и *contra*, П. А. решил попытаться поступить в академию в виде некоторого компромисса со своими желаниями и устремлениями, так как заниматься богословскими науками, откровенно говоря, ему не хотелось, но, думал он, кончу академию пойду в учителя: так делают многие. Итак, вопрос был решен: П. А. будет поступать в Казанскую дух[овную] академию.

В Казани в этом году была промышленная выставка, о которой много рассказывал брат Алексей и [он] сагитировал целую кампанию на поездку в Казань. В конце июля в Екатеринбург выехали: П. А., его старшая сестра, учительница – Александра Алексеевна, старший брат П. А., священник, со своей женой, и ещё один священник из родни. Поездка в Екатеринбург была обусловлена тем, что Петру Алексеевичу нужно было получить из консистории метрическую выпись для представления в академию, а двум священникам – получить разрешение на поездку в Казань от архиерея. Кампания остановилась в гостинице Атаманова, где сейчас находится Областное управление МВД.¹⁵⁸⁷

Летом того года наблюдалось редкое явление в природе: переселение белок из Азии в Европу. Шли они сплошным потоком, как саранча, по лесам и посёлкам. В лесу идёшь и слышишь вверху шуршание, поднимаешь голову и видно, как с дерева на дерево перепрыгивают белки. В городе наблюдались

---

¹⁵⁸⁶ Игнатъев Алексей Алексеевич.

¹⁵⁸⁷ В настоящее время в здании располагается Управление Федеральной службы безопасности РФ по Свердловской области.

такие картины: едет по улице извозчик, вдруг соскакивает с козел и, размахивая кнутом, мчится за маленьким бурым зверьком.

В гостинице были патриархальные порядки. Так, при выходе на стенке висела оригинальная «доска соревнования», на которой было отмечено, сколько за каждым номером (читай – за жильцом в номере) значилось к уплате за пиво в бутылках. Рентген – не правда ли?

Священников постигла неудача: преосвященный не разрешил, и один из них с женой отправился домой, другой же, посмелее, решил продолжать путь на Казань на собственный риск.

Первый раз в жизни П. А. предстояло поехать на пароходе от Перми до Казани. Что касается Казани, то, как это было и с Пермью, он многое уже слышал от брата Алексея. Слышал, например, что при проезде с пристани в город встретится памятник взятия Казани Иваном Грозным, что виден будет кремль с башней Сумбике¹⁵⁸⁸; слышал многое об академии вплоть до того, что во дворе академии бродит одинокий журавль.

Стоит ли говорить о том, сколько прекрасных впечатлений получил П. А. и от поездки на пароходе и от первых знакомств с Казанью. Однако, приходилось себя ограничивать в виду экзаменов. Неблестяще, но с достаточными показателями для приема, экзамен был сдан, и П. А. был зачислен студентом академии.

Третий раз в жизни П. А. вступал на новую стезю учения в духовной школе: в 1897 г. – в Камышловском духовном училище, в 1902 г. – в Пермской духовной семинарии и, наконец, в 1909 г. – в Казанской дух[овной] академии; три вехи, три грани, три ступени, три перелома в жизни – материальной и духовной. Что нового внесла академия в жизнь Петра Алексеевича?

Если применить всю силу и способность абстрагироваться, которые у нас воспитывались в семинарии, а особенно в академии и расположить все три ступени духовного образования в порядке предоставления самостоятельности и большей свободы обучаемым в них, то академия, конечно, является вершиной этого процесса. В духовном училище все ворота и двери для сообщения живущих в интернате с внешним миром были закрыты, а внутри интерната каждый шаг был под наблюдением инспектора и надзирателя. В семинарии уже на три часа – с 2-х до 5-ти [дверь] была ежедневно открыта, а в праздники и ещё больше. Вечерние занятия были основаны на самоконтроле. В академии двери были открыты настежь целые сутки, и даже посещение лекций не контролировалось. В этом было великое преимущество академии. Но что было недостатком, так это то, что, грубо выражаясь, в академии начинались танцы от той же печи, что и в семинарии: цикл предметов, за редким исключением, был такой же, как в семинарии. Этого не испытывали семинаристы, поступавшие в университеты и институты. Конечно, материал преподавался глубже и путём лекций, но

---

¹⁵⁸⁸ Правильно, Сююмбике – башня Казанского кремля.

сколько бы, скажем, ни углубляли речь об арианских спорах, они другими не будут, а ещё больше набьют оскомину. При таком положении дела свобода посещения лекций была для студентов академии величайшим благом и разрешением их противоречивого положения в академическом отношении. В академии была прекрасная библиотека и была полная возможность заниматься самообразованием. П. А. в полной мере использовал это положение в академии.

[1-й курс]

В самом начале занятий на первом курсе П. А. пережил психологический шок, тяжёлую душевную борьбу, некий «вызов небу». Умер студент второго курса, ближайший друг А. К. Рыбакова – Алмазов. Цветущий, жизнерадостный юноша – и вдруг смерть! Это так потрясло П. А., что он только и думал о смерти. Его неотступно преследовала одна и та же мысль: это может быть и с ним. Дальше он стал искать и виновника этого «там». Он стал внушать себе мысль, что нужно всегда думать о смерти и быть готовым отказаться от неё.¹⁵⁸⁹ Он был готов сказать «тому»: если «ты» так делаешь, то возьми её (жизнь) сейчас, я готов. Потом это настроение прошло. Но что это было: пароксизм сумасшествия?

В течение первого курса П. А. вращался главным образом в кругу знакомых студентов своего брата Алексея. Среди них было семейство директора училища слепых Николая Александровича Березина. Брал частные уроки по постановке голоса у артистки М. У. Янишевской-Елецкой. Время от времени ходил в оперу. Бегал на коньках на академическом катке.

На первом курсе лекции читались по следующим предметам: Священное Писание Ветхого Завета, общая церковная история, Библейская археология, еврейский язык, история иностранной литературы, латинский язык, история философии.

Лекции по Священному Писанию Ветхого Завета читал Павел Александрович Юнгер. Павел Александрович принадлежал к старому поколению профессоров Казанской академии. Им были написаны две книги по «Введению в круг изучения книг Ветхого Завета». Он был доктор богословия. Читал лекции по конспекту тихо, монотонно. Никогда не разговаривал со студентами. Раз только по поводу сочинений, которые ему студенты писали на первом курсе, обмолвился небольшим замечанием с инструктивными указаниями. Вероятно, за его сухость, неприветливость была сочинена, надо полагать, небылица, сплетня о том, что от него ушла жена из-за полного невнимания к ней. В драматизированном виде об этом рассказывали так, что будто бы когда он писал о пророках, то она не раз ставила ультиматум: или-или. Наконец, когда он дошёл до пророка Амоса, то

---

¹⁵⁸⁹ Имеется ввиду отказаться от жизни.

она категорически поставила вопрос: или Амос или я. Ответ последовал: Амос... и она ушла.

Павел Александрович был человек великой эрудиции и знал шесть или семь иностранных языков. К экзамену мы готовились по его книгам. Его лекции нам были его «лебединой песней»: на втором курсе чтение лекций по этому предмету продолжал уже пришедший ему на смену... Григорьев.

Лекции по общей церковной истории читал на первом и втором курсе доктор богословия тоже из старой гвардии профессоров академии Фёдор Афанасиевич Курганов. Одно время читал лекции и в университете и был даже деканом историко-филологического факультета. Свою первую лекцию он начинал так: «Когда Дух Святой сошёл на апостолов» и т. д. Трудно решить вопрос, кто из двух: он или Юнгеров так сухо, мертвяще читал лекции. Читал по тетрадке, монотонно, не отрываясь от нее. Передавали, что однажды студенты осмелились у него спросить: Фёдор Афанасиевич, почему Вы читаете, а не произносите лекции? Он ответил очень резонно: «вы латинский язык знаете! Что значит по-латински *lectio*? – Чтение. Вот и я читаю». На первом курсе он не успел закончить тему об арианских спорах и остановился на какой-то фразе. На втором курсе он начал так: «Итак, арианские споры возобновились»... и по-прежнему монотонно, не отрываясь от тетрадки, продолжал своё чтение. На втором курсе он, очевидно, в качестве опыта проводил семинары, на которых показывал, как нужно пользоваться источниками на иностранных языках. Он приносил какую-то книгу на греческом языке (заграничное изд[ание] Миня), читал, переводил и толковал различные греческие термины. В конце одного занятия он вдруг (это было неожиданное, так сказать, лирическое отступление) сказал: «Завтра будут меня мучить». Оказалось, что на другой день было назначено чествовать Ф. А. по поводу 40-летия его учёной деятельности. И как оскорбительно куце, нищенски организовано было это чествование учёного, которым академия должна бы гордиться. В квартире инспектора в одной из комнат, где собрались чествовать, студенты стояли и ректор епископ Алексей обратился к юбиляру с речью, которую начал образно: «Ф. А., приходилось ли Вам когда-либо стоять на берегу моря?»... Дальше смысл речи таков, что дескать оратор стоит перед юбиляром как перед морем знаний. В конце речи оратор отметил главную заслугу в науке Курганова в том, что он – ортодокс. То ли с иронией, то ли в подлинном значении Ф. А. начал свою речь словами: «Да, Ваше преосвященство мне приходилось стоять на берегу моря тогда-то и там-то». В академии был роскошный актовый зал, где можно было чествовать старого профессора, но тупость и грубая нетактичность ожиревшего «его преосвященства» и прочих не подсказали этого.

Ф. А. Курганов в области своей науки был большой величиной. Своими исследованиями он [указан на] неправильный взгляд на значение Трул[л]ьского собора, установившийся до него в науке. Он был учёным мужем великой эрудиции, знаток иностранных языков. За его внешней

сухостью, строгостью иногда проявлялась отзывчивость, внимание, чуткость на экзаменах. Нельзя не коснуться его внешнего вида. Длинные седые волосы и седая борода, прямой взгляд, несколько суровый, показывали, что это был маститый учёный, жрец науки в лучшем значении этого слова. Он не любил ходить в форменном одеянии, а носил сюртук гражданского образца. До глубокой старости он сохранил стройную фигуру. На всю жизнь остался одиноким холостяком. П. А. по его привычке мыслить литературными образами в виде Ф. А. представлял образ Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети»), а в виде П. А. Юнгерова – Каренина («Анна Каренина»).

Лекции по Библейской археологии читал доцент Полянский. Он был вызван в академию после отказа занять этот предмет А. П. Миролюбовым, инспектором Пермской дух[овной] семинарии. В академии он сменил престарелого профессора Терновского. Он читал лекции по возвращении из научной командировки в Палестину, где он пробыл год. Он собственно не лекции читал, а рассказывал о Палестине очень живо, увлекательно. Он же преподавал еврейский язык. С еврейского языка мы потом делали переводы «Берешит» (книга «Бытия») и псалмов Давида.

Он был уже не молодой, высокий, солидный, тучный и при этом очень подвижный, «торопыга». Когда двигался быстро, фалды его сюртука широко развевались. При обучении нас еврейскому языку ему приходилось иметь дело с мелом и доской, и часто можно было его видеть вывозившимся в мелу. У него была небрежная причёска, и вообще он был небрежен по отношению к своему внешнему виду. Чем-то он напоминал Пьера Безухова, как он изображён в «Войне и мире».

Историю иностранной литературы в этом году (1909-1910) после смерти осенью 1909 г. профессора Алексея Васильевича Попова читал профессор, доктор богословия Алексей Александрович Царевский. Он же на втором курсе читал лекции по истории русской литературы. Среди других профессоров он резко выделялся наружным видом. Высокого роста, стройный, очень подвижный, отменно деликатный, с «джелтменскими» манерами, общительный он был полной противоположностью другим профессорам старикам. Казалось, что он человек другой среды и только со стороны приходит в академию. Он обладал, кроме того, приятной наружностью, можно сказать красивой наружностью. Всегда был изящно одет. В аудиторию входил быстро и всегда громко и учтиво здоровался: «Здравствуйте, господа!» Кажется, мелочь, а она так импонировала студентам. Лекцию он произносил (говорил) с конспектом. Обычной его манерой было чуть-чуть подпереть голову правой рукой, облокотившись на кафедру. Говорил он живо, образно, изящно, иногда с иронией. Но обзоры его не были глубокими по содержанию, иногда походили на «взгляд и нечто», что впрочем, вероятно, объяснялось недостаточностью учебных часов. Лекции его скорее всего были установочными. В лекциях по русской литературе он обнаруживал явно симпатии славянофилам, а по выступлениям его на защитах учёных работ можно было заметить в виде

направление вправо. Лекции по русской литературе он закончил ироническим замечанием: «А дальше, господа, в русской литературе началось нечто максимально-горькое»... и дальше смысл речи такой, что он не желает об этом говорить. А. А. занимался ещё в военном училище в кремле. Был он холостяк и жил в номерах, в Эрмитаже.¹⁵⁹⁰ Первая встреча П. А. с ним была ещё до поступления в академию в Перми: он со своим братом, студентом академии, был у вокзала, из которого выходили две дамы и мужчина, уже не молодой, но с манерами «джельтмена», кавалера. «Это – наш профессор» - сказал П. А. брат.

Лекции по латинскому языку и истории римской литературы читал инспектор академии, доцент, протоиерей Николай Петрович Виноградов. Прежде всего, надо сказать, что это был добрейший человек. Жили они двое с женой, без детей. Жена его была очень благообразная старушка. Не будь бы в рясе, про них можно было бы сказать: Филемон и Бавкида.

Работа Николая Петровича (так его звали студенты) была облегчена тем, что студенты уже раньше изучали латинский язык: нужно было только повторять. Переводили Лактанция с глубоким грамматическим анализом. Лекции по истории римской литературы были элементарными. П. А. дополнительно пользовался произведениями Модестова¹⁵⁹¹ и Нагуевского.

Историю философии читал только что принявший священный сан Николай Васильевич Петров. Он читал историю греческой и римской философии. Читал он увлекательно, с жаром, интересно, много глубже, чем в семинарии. Главное достоинство его лекций состояло в популярном изложении. Через два года Н. В. переключился на чтение лекций по истории [Священного] Писания Нового Завета. Почему? Студентам осталось не известным. Студентам была известна некоторая деталь из семейной жизни Н. В., а именно: он женился на девушке, которую спас при пожаре парохода. Был он человек скромный, в высшей степени деликатный и добрый.

Закончился первый год учения П. А. в академии. Впечатления от первого года осталось у него пёстрое: были лекции, на которые он ходил с интересом, но были и такие, что скука на них была ужасная. П. А. много читал, а особенно сочинения Карлейля¹⁵⁹². Больше всего его интересовали вопросы, касающиеся воспитания характера. Отношения с товарищами по курсу пока что были очень ограниченными.¹⁵⁹³

---

¹⁵⁹⁰ Так в тексте, правильно – в пассаже.

¹⁵⁹¹ Модестов Василий Иванович (1839-1907) – русский историк, филолог, публицист и переводчик.

¹⁵⁹² Карлейль Томас (1795-1881) – британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения.

¹⁵⁹³ В очерке «Сергей Степанович Богословский» в составе «Очерков по истории Пермской духовной семинарии» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Кончивши семинарию, мы как-то разлетелись в разные стороны, даже и не поговорили, как следует, кто и что думает предпринять в будущем. Но вот, в августе 1909 г. три однокашника по 1904 г. – Богословский, Игнатьев и Мавровский – опять встретились в Казанской дух[овной] академии, причём с Богословским в течение четырёх лет мы

занимались в одной рабочей комнате. Пёструю картину представлял состав этой комнаты. В ней занимались: два астраханца (Болтинский и фамилию другого забыл), один одессит (Иванов), два пермяка (Богословский и Игнатъев), один нижегородец (Моисеев), один тверяк (Жуков), один, кажется, екатеринбуржец (Кожевников) и один смоленец (Лукашенко). Это было не только смешение губерний, из которых съехались эти люди, но это было полное смешение характеров, индивидуальностей. Два астраханца, люди, обожжённые солнцем, были довольно флегматичными; один из них – Болтинский увлекался проповедничеством и тяготел к принятию священного сана. Одессит, жгучий брюнет, сухощавый, делал сильный крен в сторону мистицизма. По утрам он читал евангелие по церковному уставу. Часто произносил проповеди в различных церквях. Нижегородец сначала не проявлял себя ни в чём, но на четвёртом курсе вдруг круто повернул на пострижение в монахи. Тверяк представлял странный тип недоразвившегося юноши, лишённого признаков мужчины (гермафродит – *sic!*) Да простит меня Фёдор Алексеевич Жуков за одно воспоминание: будучи уже иноком, он оказался в одном обществе, где к нему обратился некто со словами: «Матушка игуменья, Вы из какого монастыря?» Можно себе представить психологию этого юноши: он был набожным, говеть ездил в монастырь, постоянно творил молитву и ждал пострижения в монахи. И вот между ним и нижегородцем (оба они были Фёдоры – Александрович и Алексеевич) установилась дружба: стали вместе готовиться в монахи и как только кончили академию, осуществили свою мечту. Кожевников скоро был переведён в больницу: у него был туберкулёз. Лукашенко (смоленец) был очень колоритной личностью и очень оригинального склада. Он вращался в верхах казанских монархистов, во главе которых стоял ярый черносотенец Александр Титович Соловьёв. Он работал кем-то в университете и, как говорили, всех держал в страхе. Ему, как говорил Лукашенко, даже телеграммы направлялись по сокращённому адресу: «Казань, Александру Титовичу». У него была дочь Ольга Александровна – такого же склада, и ими в одной из слободок Казани организована была так называемая «Христианская гимназия», в которой Лукашенко преподавал латинский язык. Он был явно настроен в духе этой семьи и даже идеализировал эту семью, а особенно – Александра Титовича. Вот в такой среде и оказались мы с С. С. Мы были на разных отделениях: С. С. на историческом, а я на словесном, и поэтому в некоторых случаях мы слушали разных профессоров. Ни С. С., ни я не имели склонность примкнуть к тому или другому направлению умов людей, которые нас окружали. Оба мы дружили со всеми, не вдаваясь в различие характеров, хотя мои интересы были несколько отличными от интересов других товарищей: я по-прежнему увлекался пением, брал частные уроки по постановке голоса у артистки [Марии Ульяновны] Янишевской-Елецкой, по вечерам пел в приёмной комнате под аккомпанемент студента Кочергина свои романсы, одевался под артиста и вообще «отбывал» академию, потому что некуда было больше деваться.

Вот так мы жили и поживали, пока не случилось экстраординарное событие, очевидцем которого мне пришлось быть. С. С. переживал, как видно, первое сердечное... Это была сестра жены о[тца] Тихона Андриевского. Лукашенко говорил, что его увлечение бесперспективно,... что слишком большая разница в характерах и что «пожар» нужно потушить,... и он его тушил: он диктовал содержание письма одной стороне и на него же готовил ответ другой стороне. С. С. явно мучился, но был он в этот момент Серёжей Богословским. Мне было жаль Сергея! Вот где его скромность, доверчивость стали в противоречие с окружающей его средой: прохвост Лукашенко разыграл роль Фигаро... и рассказывал об этом и другим» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 725. Л. 44-46 об.

Болтинский Иван Петрович; возможно, Граников Георгий Александрович – из Астраханской губернии; Иванов Виктор Ананиевич – из Одесской губернии; Кожевников

Два печальных события произошло в этом году: смерть профессора А. В. Попова и доцента, лектора по греческому языку Родникова.¹⁵⁹⁴ Отпевание умерших было в академической церкви. Особенно тяжёлыми были похороны А. В. Попова, у которого осталась семья: жена и две дочери. Особенно убивалась старшая дочь его – Александра, которая при отпевании оглашала церковь безумными рыданиями.

В конце года П. А. в первый раз испытал прелесть академических экзаменов, когда приходилось подряд сдавать экзамен по всем предметам до одури. Так было принято в академии.

[2-й курс]

На втором курсе изучались: Священная история Нового Завета, Библейская история, история русской церкви, логика, психология, история русской литературы, немецкий язык и продолжалось изучение Ветхого Завета и общей истории церкви.

Лекции по Священному Писанию Нового Завета читал профессор, доктор богословия Михаил Иванович Богословский, принадлежавший тоже к старой гвардии профессоров. Низкого роста, с большой головой он имел вид, похожий, не в обиду будь сказано, на гнома. Одна бровь у него припухла. Высокий лоб, шапка седых волос на голове и пышная борода являли вид солидного учёного. Он был человек большой эрудиции. Лекции читал, разгуливая по аудитории. Несколько курьёзным он казался, когда со спокойного тона речи переходил на обличительную речь, пытался разгромить кого-либо. Так, однажды он по какому-то поводу обрушился на Л. Н. Толстого. Было странно видеть добрейшего «Мишу Богословского» (так его звали студенты), мечущим гром и молнии на Льва Толстого. Его докторская работа по предмету была изящно издана.

Среди студентов академии нашёлся один художник, который сделал гипсовую статуэтку с него и преподнёс ему. Любопытно было наблюдать, как М. И. иногда торжественно на барабусе (зимние рózвальни) подъезжал к академии. М. И. был отцом небольшого семейства. В 1910-1911 г. он читал лекции в последний раз.

Лекции по Библейской истории читал доцент Василий Иванович Протопопов. Он старался всегда казаться величественным и с большой

Алексей Владимирович – из Тобольской губернии, – все кандидаты богословия Казанской духовной академии 1913 г.

Кочергин Николай Евтропиевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1914 г.

¹⁵⁹⁴ Родников Николай Павлович – кандидат богословия Казанской духовной академии 1894 г., магистр богословия 1898 г. Профессор кафедры греческого языка, с 1911 г. кафедры латинского языка Казанской духовной академии.

Н. П. Родников скончался 21 декабря 1912 г. (ст. ст.), следовательно В. А. Игнатъев в это время учился уже на 4-й курсе.

амбицией. Не все лекции его были одинаково интересными, потому что самый предмет был какой-то расплывчатый – не то история, не то апологетика. Но было интересно, когда он читал лекцию о «*Bibel und Babel*» Делича. Интересно было потому, что постановка вопроса у Делича была новой для студентов.

Историю русской церкви читал профессор Иван Михайлович Покровский. Он читал лекции, стоя у кафедры, без тетради и конспекта. Как историк и учёный он пользовался скромным авторитетом.

Логику и на третьем курсе систематическую философию читал профессор, доктор богословия, член Правления академии Виктор Иванович Несмелов. Его именно считали звездой первой величины и им именно гордились казанские «академики» перед «академиками» других академий. Его книга «Наука о человеке» рассматривалась как философский труд. Когда в 1911 г. была издана библиотечка на богословские и философские темы, то в неё вошли отрывки из диссертации В. И. «Наука о человеке». При поступлении в академию студенты, прежде всего, покупали «Науку о человеке». На лекциях В. И. обычно присутствовали все студенты, но слушать его лекции было очень трудно, во-первых, потому, что он тихо говорил, а во-вторых, он излагал свои мысли таким мудрёным языком, что его было трудно понимать. Но этот «учёный» язык и нравился студентам, и они старались подражать ему. Когда профессор К. Г. Григорьев читал лекции о доказательствах бытия Божия, то ссылался на книгу В. И. Несмелова «Наука о человеке», а доказательство, сформулированное последним, он называл отнологическим. По систематической философии на третьем курсе В. И., кроме лекций, вёл ещё семинары, на которых разбирались различные учебники по философии. Доклады делали студенты, а В. И. делал оценку доклада и обобщение темы. Все боялись экзамена по предметам В. И.: уж очень тяжёл был материал для усвоения.

В. И. был невысокого роста и тщедушного сложения.

В академии ещё читались лекции по апологетическому богословию. Их читал экстраординарный профессор Константин Григорьевич Григорьев. Он был любимцем студентов, единственным профессором, к которому на лекции приходили иногда студенты с других курсов, даже те, которые прослушали у него курс. Главный интерес его лекций заключался в том, что он в них откликался на темы и вопросы, более или менее близкие к современности, например, вышли «Мировые загадки» Геккеля и он читает о них лекцию. По характеру предмета К. Г. приходилось также затрагивать и философские. Читал лекции он увлекательно.

Немецкий язык по совместительству преподавал профессор нравственного богословия Владимир Александрович Никольский. Преподавать живой иностранный язык в течение года юношам 21-22 лл., не изучавшим его раньше – это, конечно, сложная проблема. Профессор мог только в самых общих чертах руководить самостоятельной работой студентов, а успех зависел от активности и заинтересованности студентов.

Пётр Алексеевич отдал много времени, чтобы в какой-то степени восполнить пробел в этом отношении. Он работал самостоятельно по методу Гуссена и Лангештедта и читал Библию на немецком языке в переводе Лютера. Позднее он читал, что Лютер оставил по себе память и создал себе «памятник нерукотворный» переводом Библии на классический немецкий язык. Изучение немецкого языка в академии не осталось безрезультатным для П. А.: впоследствии он читал, правда, частично пользуясь словарём избранные стихотворения Гейне, «Орлеанскую деву», «Вильгельм Тель» и частично «Фауста».

В течение второго курса большую часть своего времени отдал изучаемым предметам, особенно немецкому языку.

Из событий этого курса больше всего осталось в памяти событие смерти Л. Н. Толстого. Инспектор академии Н. П. Виноградов очень опасался, чтобы студенты не вздумали сослужить панихиду. Он не понимал, очевидно, того, что понимали студенты, для которых было ясно, что служить панихиду по Толстому значило бы оказать неуважение к его памяти: всем же было известно его отношение к официальной церкви. Этого, как видно, он не понимал или не хотел понять.

[3-й курс]

На третьем курсе читались лекции по догматическому богословию, нравственному богословию, пастырскому богословию с аскетикой, педагогике, систематической философии, истории и обличению русского раскола и рационалистических сект и русскому языку. По составу предметов это был, вероятно, самый неинтересный курс.

Догматическое богословие читал земляк Петра Алексеевича по семинарии профессор, доктор богословия Павел Петрович Пономарёв. Трудно себе представить столь неинтересный предмет и столь нудное, мертвящее чтение лекций, какое было по этому предмету. Перед студентами был молодой по виду лектор, но у него была такая нудная манера речи, что скука на лекции была невыносима.

По нравственному богословию лекции читал профессор Владимир Александрович Никольский. Он читал живо, но что делать с предметом, который ещё в семинарии набил всем оскомину.

По пастырскому богословию с аскетикой начал блестяще читать лекции земляк П. А. по семинарии [иеромонах Афанасий (Малинин) – ред.], но уже после третьей лекции выдохся и с трудом дотянул до конца года.

По педагогике читал лекции профессор, протоиерей [Алексей Иванович] Дружинин. Этот человек со лбом Сократа был блестящий оратор, знаток своего предмета. На его лекциях у слушателей мысль ни на минуту не могла оторваться от темы лекции. Он читал с жаром, с увлечением, с широким и глубоким охватом темы. Особенно интересны были его лекции по

экстремальной педагогике. Он был знаток английского языка и преподаватель его. Выступив на конкурсе переводчиков с английского языка «Педагогика» Меймана, он вышел победителем.

По истории и обличению раскола и рационалистических сект лекции читал профессор, доктор богословия Николай Иванович Ивановский, старейший из профессоров. Несмотря на очень преклонный возраст, он читал лекции живо, красочно. Его любимая манера была ходить по аудитории и рассказывать. Он оживлял свои лекции воспоминаниями о встречах со старообрядцами. Иногда касался пикантных сторон истории раскола. Эти лекции были лебединой песней маститого профессора.

Лекции по истории русского языка читал архимандрит Анастасий, бывший профессор Казанского университета, доктор филологических наук. Читал он, хотя говорится – *De mortuis aut bene, aut nihil*¹⁵⁹⁵, - нужно сказать довольно небрежно.

[4-й курс]

На четвёртом курсе читались лекции по остальным предметам: гомилетике и истории проповедничества, церковному праву, патрологии и церковной археологии.

По гомилетике вёл занятия иеромонах Афанасий. Занятия носили более практический характер: писали и произносили проповеди.

По церковному праву лекции читал вызванный в академию б[ывший] аспирант проф[ессора] Бердникова Лапин.

По патрологии лекции читал профессор Леонид Писарев.

По церковной археологии лекции читал профессор, доктор богословия, член правления [академии] Василий Андреевич Нарбеков.

По случаю командировки в Англию по вопросу воссоединения православной и англиканской церковью читал лекции профессор – Керенский.

Кандидатскую работу П. А. писал епископу Анастасию на тему: «Древнейшие рукописные евангелия Соловецкой библиотеки при Казанской духовной академии с палеографической и церковно-археологической стороны», «признанное удовлетворительным для степени кандидата богословия».¹⁵⁹⁶

---

¹⁵⁹⁵ *De mortuis aut bene, aut nihil* – по-латински «О мёртвых или хорошо, или ничего».

¹⁵⁹⁶ В. А. Игнатъев окончил Казанскую духовную академию по 1-му разряду 15-м по списку из числа 49 выпускников; был удостоен степени кандидата богословия и права быть преподавателем и занимать административные должности по духовно-учебному ведомству и при соискании степени магистра богословия не держать новых устных и письменных испытаний. Вместе с ним Казанскую духовную академию от Пермской губернии окончили: Богословский Сергей Степанович, Мавровский Николай Николаевич и Нечаев Алексей Павлович.

Теперь, когда прошло много лет, а, главным образом, в корне изменилась жизнь, полезно поставить вопрос о том, что же дала Петру Алексеевичу академия.

Нечего говорить о том, что много было ненужного и лишнего. Но ведь П. А. сорок три года работал в разных учреждениях, и работа его признана полезной. Чему научила его академия? Бесспорно, настойчивому и инициативному труду. Много было в академии ненужного для жизни, но что нельзя отнять от неё, так это то, что в ней давалась возможность работать над собой, развиваться. Взять, например, сочинения, которые писали студенты. Они приучали к настойчивому труду и последовательной работе. Но, конечно, академия по существу своему была учебным заведением противоречивым: из неё вышел Рачинский, энтузиаст народного просвещения, но вышел и иеромонах Илиодор, сподвижник саратовского архиерея Гермогена, а также гнусный по своим выходкам Антоний Волынский. Нельзя забывать, что Григорий Распутин был представлен кругами, близкими к Петербургской академии. Но нельзя забывать и того, что на баланс народного просвещения и в дореволюционное время и после революции «академики» внесли свой труд. Взять хотя бы высшие учебные заведения. Во многих из них «академики» показали себя честными тружениками.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 68-82 об.

*Находится в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора; в «свердловской коллекции» отсутствует.

Казань. — Kasan. № 89.
Кремль и рѣка Казанка.

Казанскій вокзалъ.

Казань.

Магазинъ Опариной Казань.

Благовещенский кафедральный собор в г. Казани. ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 299. Л. 2.

Казань. Спасская Башня и въездъ въ Крѣпость.

Казань. Зилантовскій монастырь.

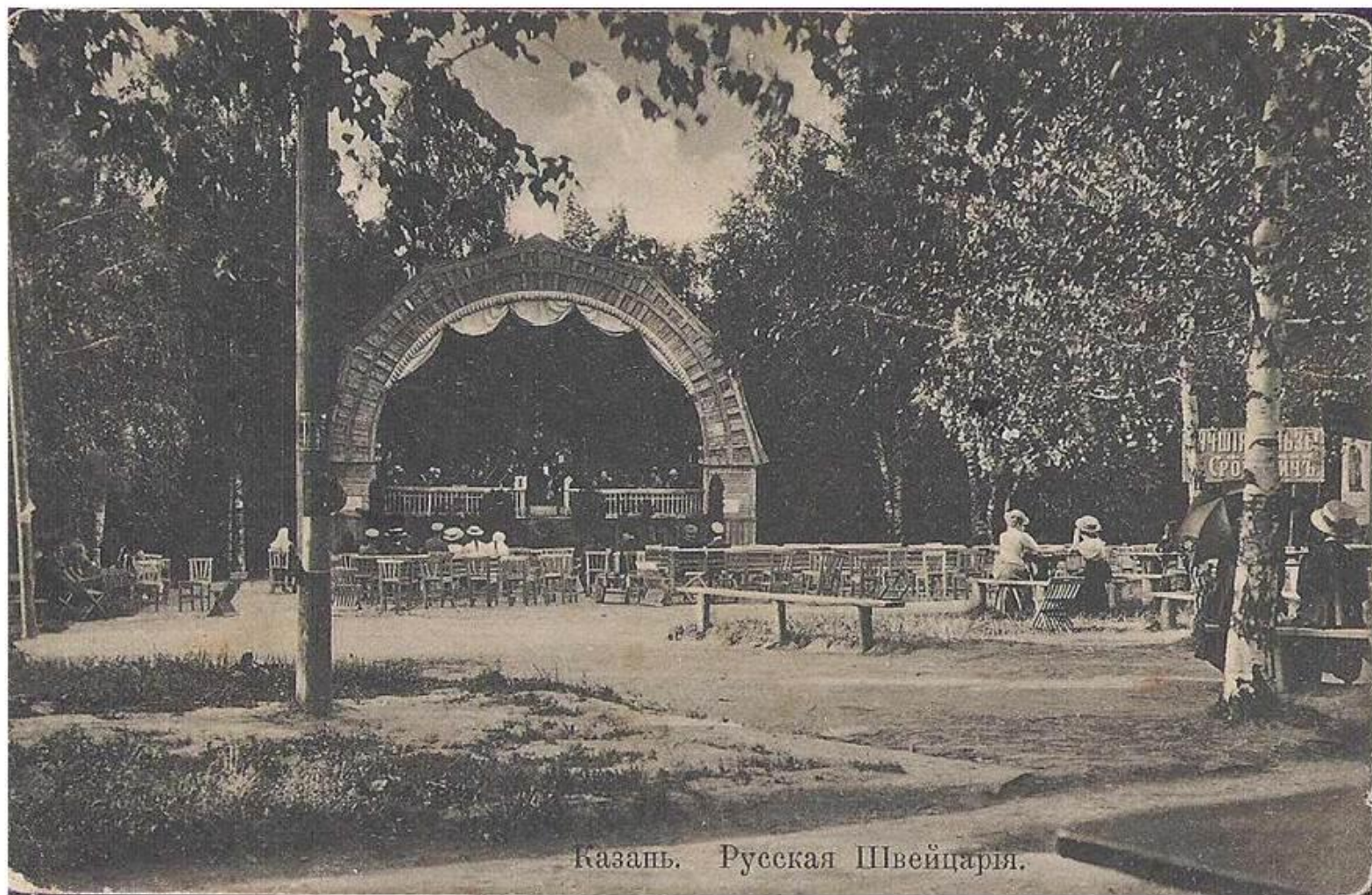
Казань.—Kasan. № 47
Музей и памятникъ Александру II.

Башня Сумбекина
La tour Soumbekin

Казань — Kazan

Казань. Русская Швейцария.

Казань.—Kasan. № 2.
Воскресенскія ул. и пассажъ.

Казань. Державинскій садъ съ театраль. площади.

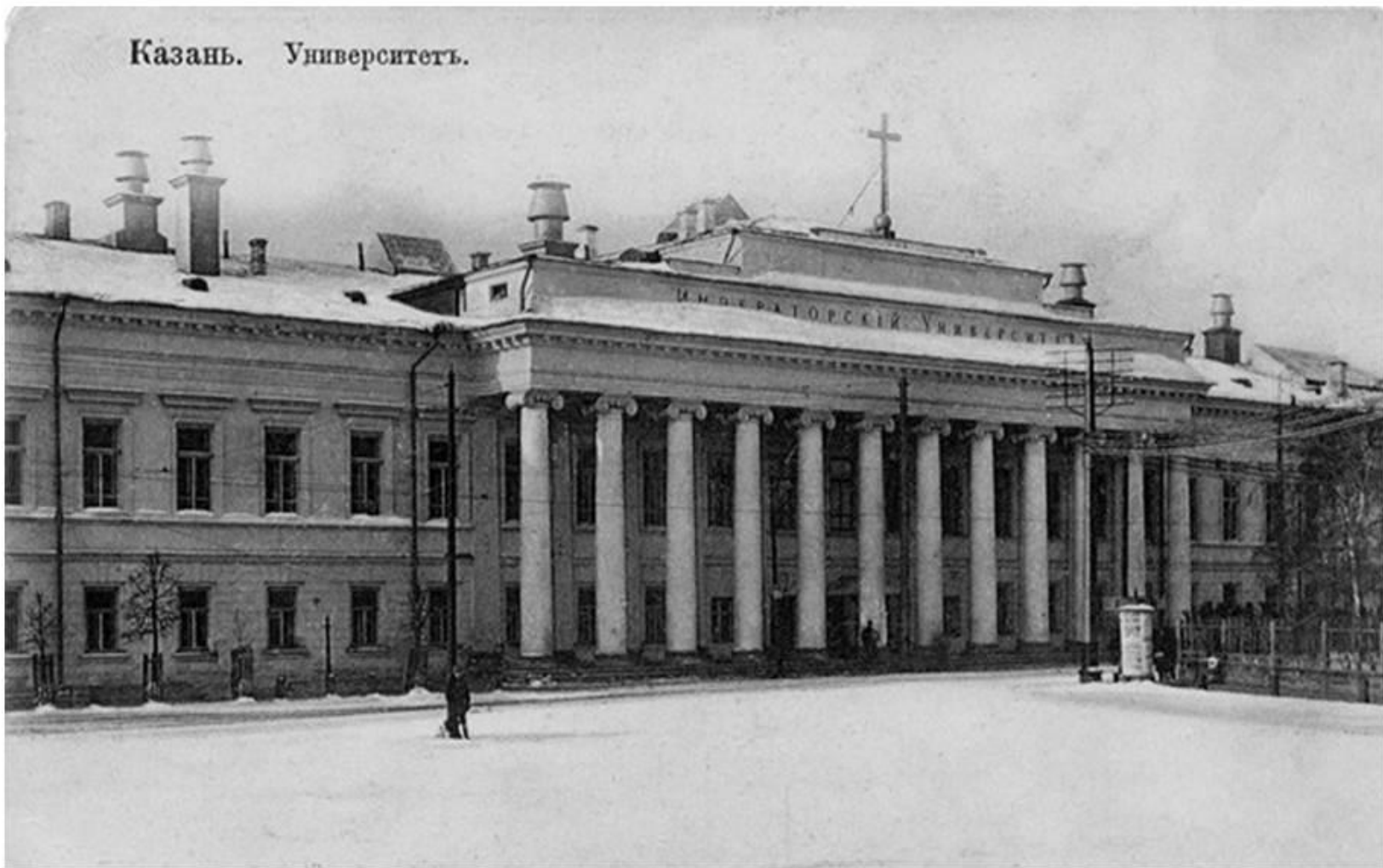

Казань. Ветеринарный Институтъ.

Казань. Университетъ.

Казань. Ця мужская Гимназія

Казань. Епархіальное женское училище

Казань.—Kazan.
Маринская жен. гимназія и
Петропавловская церковь.

Казань. ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 299. Л. 17.

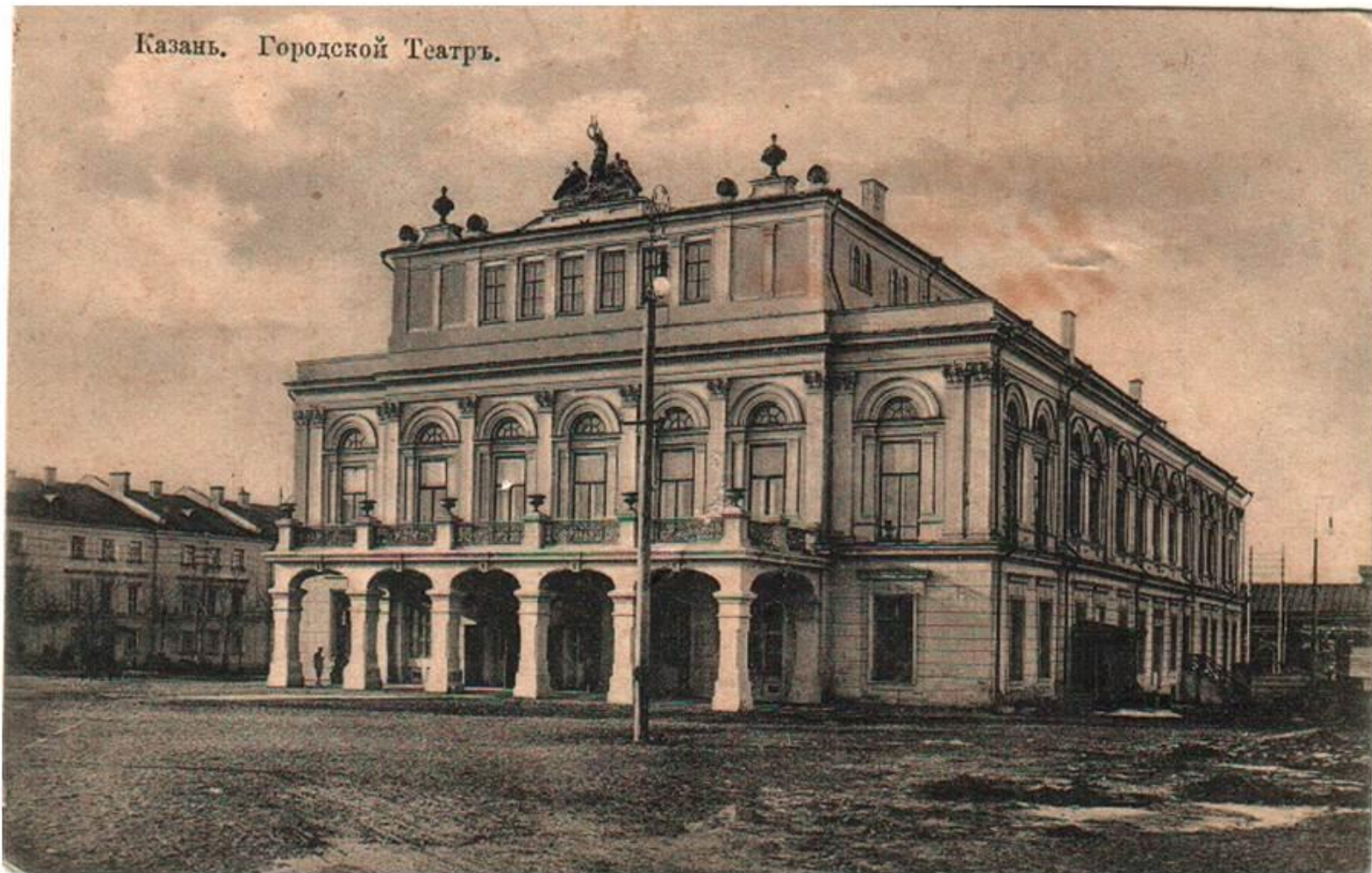
Казанский Родионовский институт благородных девиц. ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 299. Л. 14.

Казань. Высшіе Женскіе Курсы.

Казань. Городской Театръ.

Казанская духовная академия.

Казань. Духовная Академія.

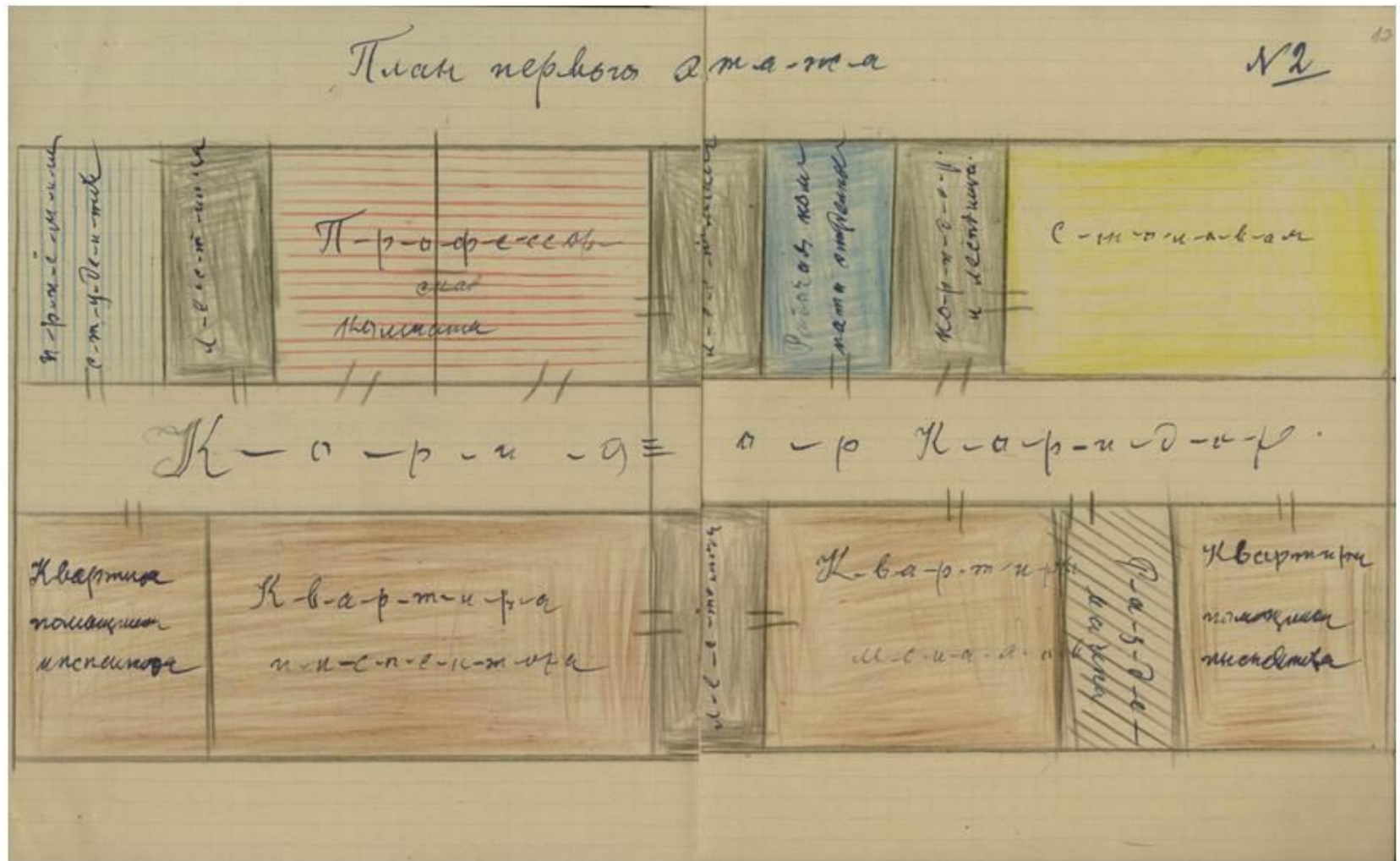

Казанская духовная академия. ГАПК. Ф. р-970. Оп. 1. Д. 299. Л. 1.

План первого этажа здания Казанской духовной академии. Автор рисунка В. А. Игнатъев.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 401. Л. 14 об.. 17.

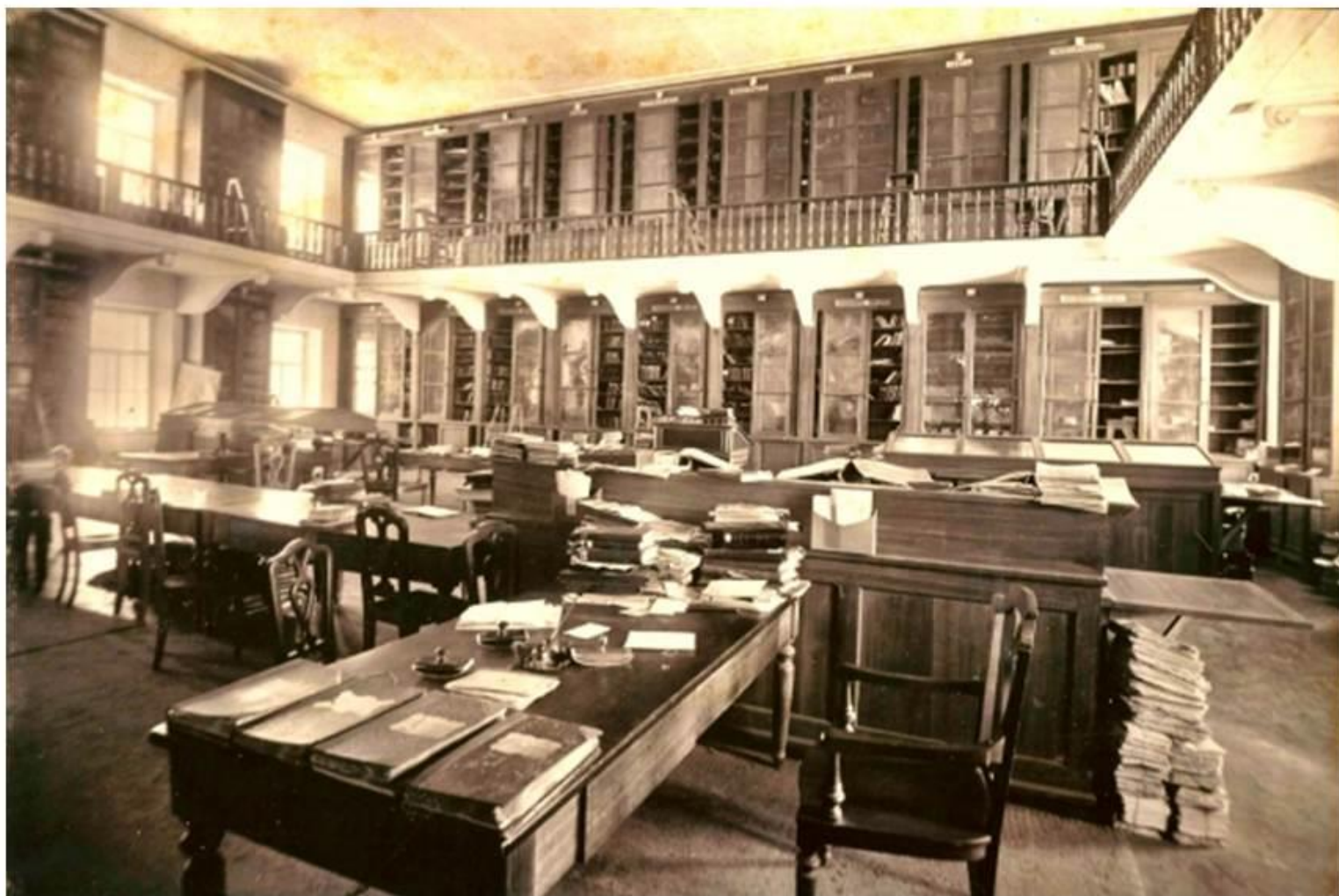

Внутренний интерьер Михайло-Архангельской домово́й церкви Казанской Духовной Академии. 1913 г.

Внутренний интерьер актового зала Казанской Духовной Академии. 1913 г.

Библиотека Казанской духовной академии.

Группа студентов в рабочей комнате Казанской духовной академии.

Группа студентов в столовой Казанской духовной академии.

Интерьер приёмной комнаты студентов Казанской Духовной Академии.
ГАОО. Ф. р-4335. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

Ректоры Казанской духовной академии – епископы Чистопольские, викарии Казанской епархии

Епископ Алексей (Дородницын).

Епископ Анастасий (Александров).

Инспекторы Казанской духовной академии

Протоиерей Виноградов Николай Петрович.

Архимандрит Гурий (Степанов).

Преподаватели Казанской духовной академии

Несмелов Виктор Иванович.

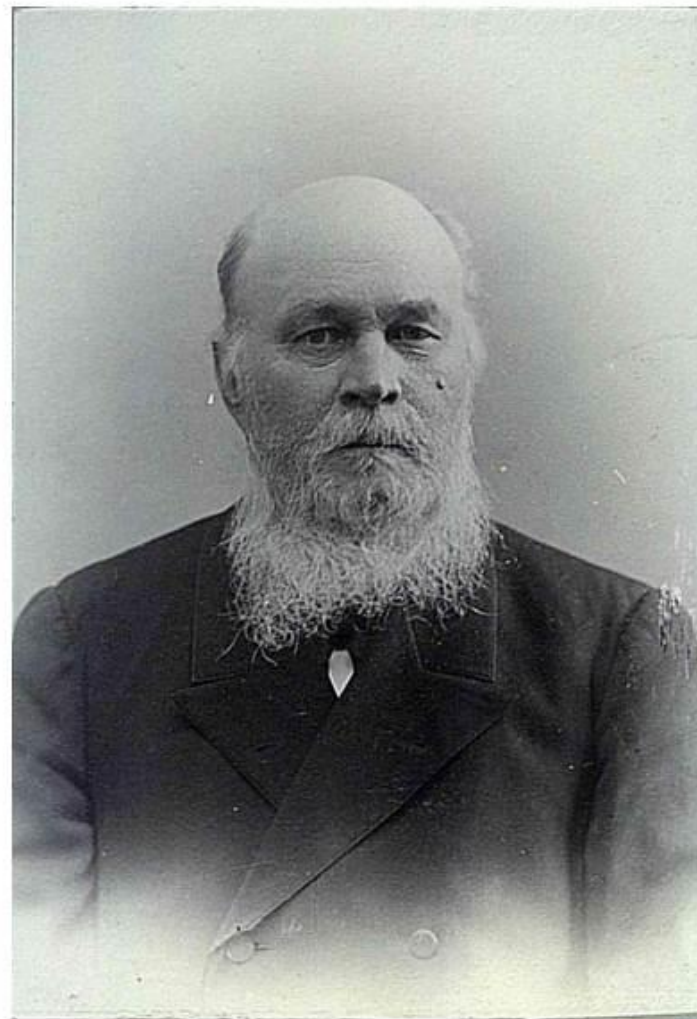

Нарбеков Василий Андреевич.

Преподаватели Казанской духовной академии

Пономарёв Павел Петрович.

Ивановский Николай Иванович.

Преподаватели Казанской духовной академии

Попов Алексей Васильевич.

Царевский Алексей Александрович.

Преподаватели Казанской духовной академии

Юнгеров Павел Александрович.

Богословский Михаил Иванович.

Преподаватели Казанской духовной академии

Покровский Иван Михайлович.

Керенский Владимир Александрович.

Преподаватели Казанской духовной академии

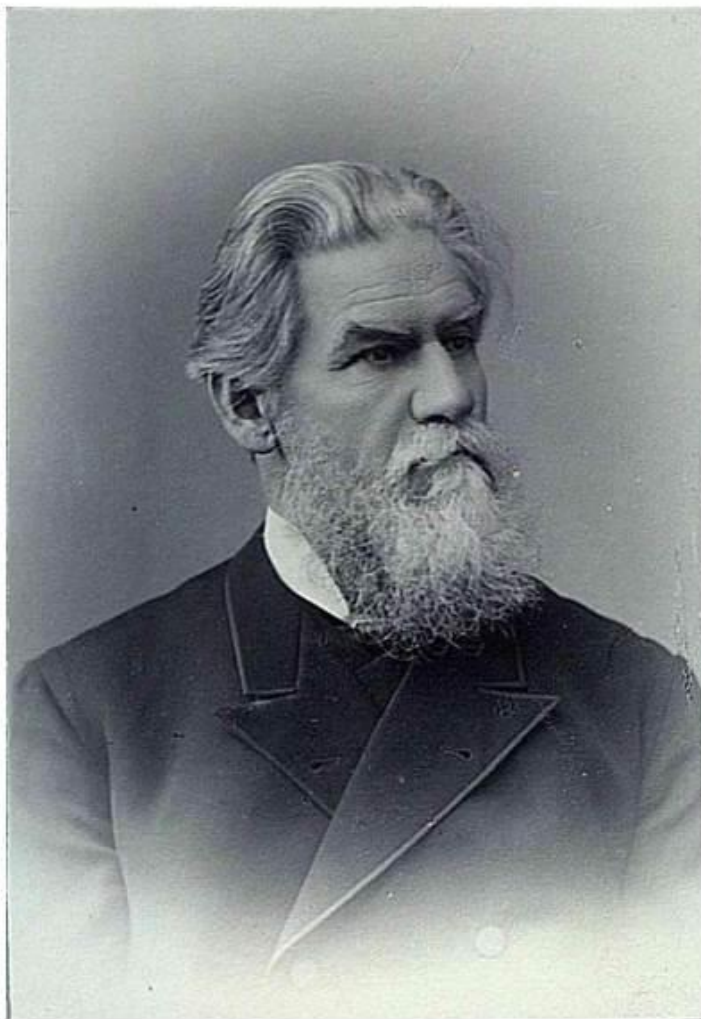
Протоиерей Малов Евфимий Александрович.

Протоиерей Дружинин Алексей Иванович.

Преподаватели Казанской духовной академии

Курганов Фёдор Афанасиевич.

Бердников Илья Степанович.

Преподаватели Казанской духовной академии

Иеромонах Афанасий (Малинин).

Протоиерей Петров Николай Васильевич.

Курс студентов Казанской Духовной Академии 1913 г.
ГАОО. Ф. р-4335. Оп. 1. Д. 45. Л. 8 об.

Курс студентов Казанской Духовной Академии 1913 г.
ГАОО. Ф. р-4335. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

Курс студентов Казанской Духовной Академии 1913 г.
ГАОО. Ф. р-4335. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.

Студенты нескольких курсов Казанской Духовной Академии во главе с иеромонахом Афанасием (Малининым).
1913 г.

Слева направо: 1-й ряд стоят – 1-й Моисеев Фёдор Александрович, 2-й неизвестный, 3-й Образцов Пётр Александрович, 4-й священник Вербицкий Александр Васильевич, 5-й Смирнов Александр Васильевич, 6-й Предтеченский Николай Аркадьевич, 7-й Песоцкий Николай Дмитриевич, 8-й Тимофеев Михаил Павлович;

2-й ряд стоят - 1-й священник Грудцын Михаил Павлович, 2-й Стрельский Михаил Фёдорович, 3-й Мальцев Иван Николаевич, 4-й Юзефович Евгений Григорьевич, 5-й Богословский Сергей Степанович, 6-й Семеновский Павел Дмитриевич, 7-й Беляев Пётр Алексеевич, 8-й Воскресенский Александр Павлович, 9-й Покровский Митрофан Владимирович;

3-й ряд стоят – 1-й Лукашенко Николай Семёнович, 2-й Алмазов Сергей Алексеевич, 3-й священник Виноградов Василий Дмитриевич, 4-й Бакалдин Дмитрий Александрович, 5-й Преображенский С. П. (умер в 1913 г.), 6-й Люткин Александр Семёнович, 7-й Судаков Павел Петрович, 8-й Тюрин Михаил Ильич, 9-й Сёмин Вениамин Александрович;

4-й ряд сидят – 1-й священник Перфилов Павел Михайлович, 2-й священник Степанов Михаил Михайлович, 3-й иеромонах Леонтий (Устинов Леонид Иванович), 4-й Лузин Александр Владимирович, 5-й иеромонах Афанасий (Малинин Александр Антонович), 6-й Иванов Виктор Ананиевич, 7-й священник Знаменский Виктор Иванович, 8-й священник Анисимов Александр Ильич, 9-й священник Мухин Сергей Константинович;

5-й ряд сидят – 1-й Лебедев Николай Алексеевич, 2-й Васнецов Алексей Иванович, 3-й Жуков Фёдор Алексеевич, 4-й неизвестный, 5-й Кочергин Николай Евтропиевич.

В.А. Игнатьев,
студент Казанской духовной академии.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 1,2.

В.А. Игнатъев,
студент Казанской духовной академии.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 1,2.

Диплом В.А. Игнатъева,
 кандидата богословия Казанской духовной академии. 1913 г.
 ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.

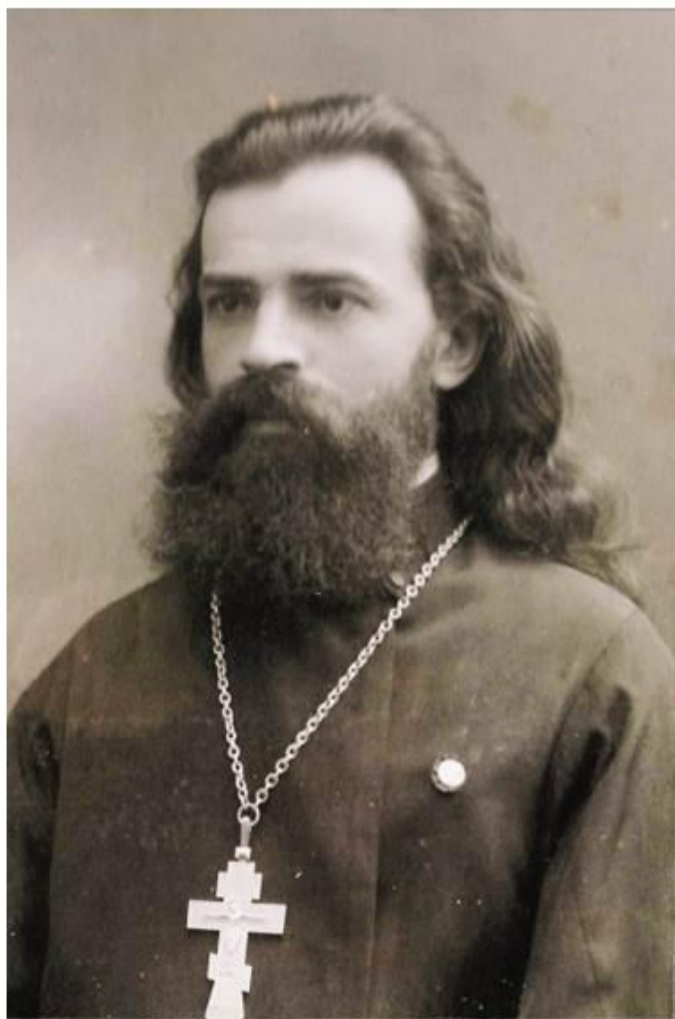

Музыкальные ноты
В.А. Игнатъева.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д.
387. Л. 71, 71г, 71н.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

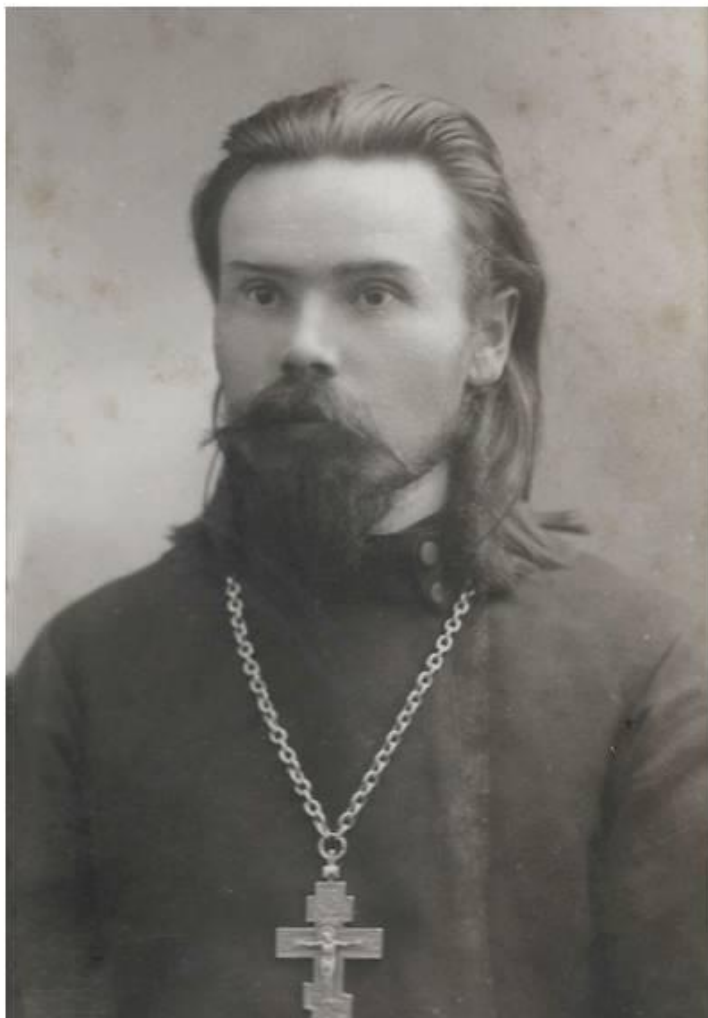

Священник Ковин Владимир Ильич.

Священник Петров Иоанникий Васильевич.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Священник Данилов Пётр Петрович.

Священник Иванов Пётр Аристархович.

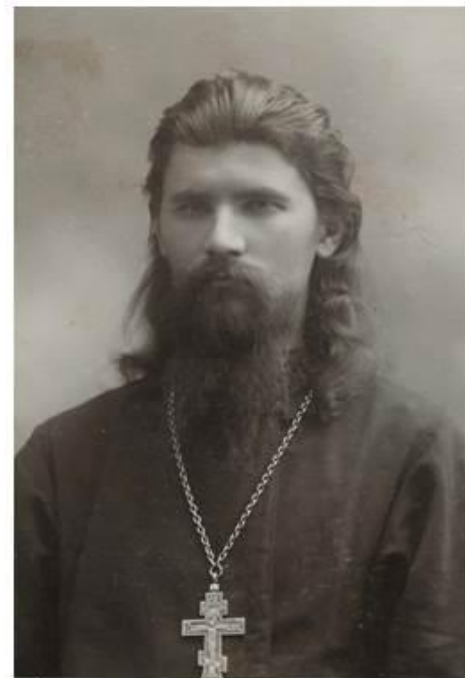
Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Иеромонах
Вениамин (Салабашев).

Священник Грудцын
Михаил Павлович.

Священник Лебедев
Николай Тимофеевич.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Мавровский Николай Николаевич.

Богословский Сергей Степанович.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Лукашенко Николай Семёнович.

Болтинский Иван Петрович.

Иванов Виктор Ананиевич.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Жуков Фёдор Алексеевич.

Моисеев Фёдор Александрович.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Малинин Григорий Васильевич.

Лебедев Александр Васильевич.

Лебедев Владимир Александрович.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Песоцкий Николай Дмитриевич.

Образцов Пётр Александрович.

Судаков Павел Петрович.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Выпускники Казанской духовной академии 1913 г.

Протоиерей Николай Михайлович Троицкий.

Священномученик епископ Амфилохий (Скворцов).

Святитель Иона (Покровский), епископ Ханькоуский, Маньчжурский и Китайский, чудотворец.

Рукописи В. А. Игнатъева по истории Казанской духовной академии.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть V.
БУГУРУСЛАНСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
(1913-1914)**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть V. БУГУРУСЛАНСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (1913-1914)

ГОД РАБОТЫ В БУГУРУСЛАНСКОМ РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

[1965 г.]

[Назначение на должность учителя русского языка и литературы]

В начале июня 1913 года я закончил учение в Императорской Казанской духовной академии со званием кандидата богословия. Закончен был путь обучения в духовных учебных заведениях, начатый ещё в 1897 г. в Камышловском дух[овном] училище. Пятнадцать лет учения и жизни в общежитиях! И вот я вышел в жизнь. За всё время моего учения в духовных школах у меня не было мысли пойти в священники, а при окончании академии даже мысли о работе в духовных учебных заведениях. Такова была моя реакция на происхождение из семьи дьячка. Сколько приходилось видеть униженного в положении русского духовенства! Отсюда и родилась мысль: бежать, бежать из него, куда представится для этого возможность. В академии у меня окончательно созрела мысль – идти работать по линии Министерства народного просвещения.

Первое предложение на работу я получил из Симбирского кадетского корпуса. Оно ждало меня ещё в Тече, когда я направлялся туда на каникулы после окончания академии.¹⁵⁹⁷ Каникулы кончились, и я поехал устраиваться на работу. В мои планы входило: проехать в Симбирск и дальше в Казань, если не удастся устроиться в Симбирске, причём ещё до приезда в Симбирск у меня образовалось некое предубеждение против кадетского корпуса: военное учебное заведение, военная дисциплина, но, думаю, всё-таки заеду – посмотрю. Кадетский корпус – все его работники и ученики были в лагере, и я проехал в Казань. В Казанском учебном округе мне было предложено место преподавателя русского языка и литературы во вновь организуемом Саратовском учительском институте на очень выгодных условиях работать на ставку при неполной учебной нагрузке пока институт будет развёртывать свою работу. Меня всё-таки привлекала работа в учебном заведении типа

---

¹⁵⁹⁷ В очерке «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор сообщает, что предложение получил в июне 1913 г., а в августе навестил своего брата Ивана в Тобольской губернии, после чего направился в Симбирск.

гимназии. Мне предложена была должность преподавателя русского языка и литературы в Бугурусланском реальном училище Самарской губернии, и я принял это предложение.

В Бугуруслан я прибыл 14-го сентября, в день «Воздвижения»¹⁵⁹⁸, и в реальном училище в этот день занятий не было, а было, как я потом узнал, родительское собрание. Я приехал в город в шесть часов утра. Сразу же после университетского города я попал в объятия глухой российской провинции. С маленькой, типичной для провинциального города, станции на расстоянии полуторых, примерно, вёрст дорога шла по невысокой дамбе в город, расположенный на небольшой горке. При въезде в город, слева расположены были громадные лабазы – амбары местных толстосумов, скупщиков зерна пшеницы для отправки её за границу. На горке, справа, было здание трактирного типа, и дальше развёртывался уже весь город, в котором всё напоминало, если можно так выразиться, аксаковскую провинцию. Человеку, читавшему «Детство Багрова-внука» С. Т. Аксакова, здесь всё напоминало о тех патриархальных временах, которые бытописал маститый писатель. В городе жил ещё дальний отпрыск Сергея Тимофеевича и был каким-то посмешищем среди городских мальчишек. Стоило ему появиться на улице, как они поднимали дикий крик: «Аксаков, Аксаков», крик, в котором слышалась насмешка над носителем этой фамилии.

Не нужно было много затратить времени, чтобы обозреть город. В центре города была площадь. На ней ряд магазинов, грязная гостиница, соборная церковь, неподалёку тюрьма – обычная картина любого городка «Окурова». Русь, Русь! Но уже и черты нового времени тут же на площади: реальное училище, высшее начальное училище, учительская семинария¹⁵⁹⁹ и гордость города – «Гоголевская аудитория» - клуб и театр.¹⁶⁰⁰ В городе, кроме того, были две женские гимназии и дух[овное] училище.¹⁶⁰¹ Женский монастырь – необходимая принадлежность всякого провинциального русского города – был в Бугуруслане.¹⁶⁰² На берегу реки Кинели небольшой скверик с клубом, в котором проходили земские съезды.¹⁶⁰³ Земская больница, банк, кино в заброшенном магазине, захудалые городские бани – вот и вся картина города. Конечно, к сему нужно добавить: грязь по колено осенью и весной и пыль летом. Был предводитель дворянства, исправник, полицейские чины. Из интеллигенции: много учителей, три врача, один

---

¹⁵⁹⁸ Праздник Воздвижение Креста Господня (14/27 сентября).

¹⁵⁹⁹ Бугурусланская учительская семинария с четырёхгодовалым сроком обучения открылась в 1913 году и просуществовала до 1918 года, в 1919 году на её открылись трёхгодичные педагогические курсы.

¹⁶⁰⁰ Гоголевская аудитория на углу улиц Торговой (Красногвардейской) и Дворянской (Коммунистической), в настоящее время – Бугурусланский драматический театр им. Н. В. Гоголя.

¹⁶⁰¹ Бугурусланское духовное училище существовало в 1862-1918 гг.

¹⁶⁰² Бугурусланский Покровский женский монастырь существовал в 1874-1924 гг.

¹⁶⁰³ И дворянские собрания (ред.).

зубной врач и разные чиновники. Купечество и тузы: Агеевы, Фадеевы, Кобылины и Ко. Один генерал на пенсии.

[Педагогический состав реального училища]

15-го сентября я предстал перед директором реального училища – Василием Степановичем Модиним. Василию Степановичу было за 50 лет. По образованию филолог, он долго работал преподавателем в Варшаве, а на склоне лет перешёл на работу директором реального училища. Женат был на художнице, которая осталась в Варшаве. В связи с этим злые языки болтали, что он проявлял иногда ещё не совсем растраченную мужскую энергию и был на учёте у неких дам. В Бугуруслане с ним жили родители, очень бойкие старички, которые иногда появлялись на улицах города обязательно вместе и всё куда-то спешили. На каникулы к нему приезжали два сына, студенты каких-то вузов. Василий Степанович был человеком спокойного, уравновешенного характера, и работать с ним было, можно сказать, приятно. Мне он давал иногда практические советы. Преподавал русск[ий] яз[ык] в III кл[ассе].

Инспектор Вячеслав Иванович Мозер носил явные следы происхождения из колена данова, конечно, где-то в его предках. Говорили, что они были из «австрийских». И наружность его, и манеры явно свидетельствовали об этом. Женат был на красавице грузинке, оберегал её даже от «ветерка». Преподавал географию. Службист до мозга костей. Возраст за 30 лет.

Валериан Иванович Златорунский, выпускник Казанской дух[овной] академии, старый холостяк под 40 лет.¹⁶⁰⁴ Имел непонятную странность: позволял ученикам обращаться с ним за «панибрата»: они иногда рылись у него во внутренних карманах сюртука, доставали оттуда разные бумажки, просматривали их, а он стоял и блаженно улыбался. В великом посте вдруг среди мёртвой тишины во время уроков раздаётся «Покаяния» - это в его классе. Говорили ему, что этого делать нельзя, но он был во власти учеников. Любил присутствовать на земских съездах. Был кумиром моей квартирной хозяйки Марии Михайловны Евграфовой, вдовы священника, которая берегла его от всяких мирских соблазнов, особенно от увлечения женщинами, про себя же она говорила, что никогда не любила покойного мужа, хотя имела двух сыновей. В. И. преподавал историю, и, когда праздновали 300-летие Романовых, произносил в Гоголевской аудитории речь. Он был ещё секретарём пед[агогического] совета. Снимал отдельный дом и жил «анакхоретом». Хозяйство вела у него какая-то татарка, за которой строго следила М. М. Евграфова.

Сергей Иванович Шилиев, выпускник Казанского университета, возрастом в тридцать лет, преподавал естествознание и заведовал библиотекой. Был печоринского склада.¹⁶⁰⁵ Говорили, что в бытность студентом «грешил» с какой-то казанской купчихой и его преследовал какой-

---

¹⁶⁰⁴ Кандидат богословия Казанской духовной академии 1908 г.

¹⁶⁰⁵ От имени Печорина Григория Александровича – персонажа романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

то рок. Именно это делало его в глазах женщин привлекательным, как ещё А. С. Пушкин отмечал о женщинах и вообще во всех людях, что «все мы похожи на прародительницу Еву..., запретный плод нам подавай, а без него нам рай не в рай». Он, конечно, жуировал и был опасным поклонником даже некоторых неустоявшихся, совсем ещё молодых сердец. В начале войны был вызван на кавказский фронт.

Анатолий Константинович Крюков, не сдавший ещё гос[ударственных] экзаменов в Казанском ун[иверсите]-те, допущенный к преподаванию вёл занятия по физике и частично по математике. Отличался резкими движениями: с шумом входил в класс, со стуком бросал портфель на кафедру. Ему было лет 27-28, был женат. Увлекался картёжной игрой. Склонен был к жизни на широкую ногу, но в карты проигрывал свой небольшой заработок. В квартире у него было голо. Жена была где-то на задах его жизни.

Иван Алексеевич Снежницкий, не сдавший ещё гос[ударственных] экзаменов в Казанском университете, допущенный к преподаванию, вёл занятия по математике, причём в седьмом классе уже – по высшей математике. Имел какой-то забитый вид. В возрасте 30 лет имел семью – двух или трёх детей, женат был на какой-то казанской мещанке, и по всему было видно, что жил бедновато. Пользовался уважением и авторитетом у учеников.

Александра Вячеславовна Борисова, дочь какого-то симбирского военного, 22-23 лет, проходила перед поступлением преподавательницей французского яз[ыка] в реальном училище стажировку в Гренобльском университете во Франции. Была штатной преподавательницей.

Александр Фёдорович Лейсле, 21-22 лет, из приволжских немцев со средним образованием был штатным преподавателем немецкого языка.

Иван Иванович Евдокимов, выпускник Московского Строгановского художественного училища, был штатным преподавателем рисования. Молодой человек 21-22 лет приехал в провинцию с привычкой к столичной разнузданной жизни. На этой почве стяжал славу неудачливого дон-жуана и служил предметом насмешек даже со стороны учеников. В первый же новый год получил открытку с изображением на ней мужчины, убегающего от толпы женщин с детьми на руках. Имел неприятный вид потрёпанного молодого человека, с признаком облысения.

Эммануил Иванович Шенбах, чех, преподавал сокольскую гимнастику.¹⁶⁰⁶ Человек семейный и хозяйственный, имел лошадь для разездов. Был очень общительный и пользовался уважением учителей и учеников. В дни празднования 300-летия [дома] Романовых реалисты демонстрировали на городской площади свои успехи по сокольской гимнастике и, между прочим, сражение на рапирах.

---

¹⁶⁰⁶ Гимнастика с предметами и упражнениями на снарядах; массовая гимнастика с построением пирамид.

Закон Божий преподавал настоятель женского монастыря¹⁶⁰⁷, выпускник Самарской дух[овной] семинарии, человек энергичный и требовательный, возрастом 35-40 лет.

Кроме штатных были приходящие учителя с почасовой оплатой уроков: Зигер Анна Фридриховна – по немецкому языку; ... Зинаида Цезаревна – по французскому языку; Григорьев Александр Григорьевич¹⁶⁰⁸ – по русскому языку. Основная работа у них была в других учебных заведениях города. В штат входили: надзиратель Вячеслав Иванович Ландышев и письмоводитель (он же бухгалтер) Михаил Иванович Ландышев. Был ещё регент хора по индивидуальной договорённости.

В училище был институт классных руководителей, с оплатой в 50 руб. в месяц.

Мне были предоставлены уроки по словесности и литературе в 4, 5, 6 и 7 классах (16 часов в неделю) и русской истории во втором классе (2 ч[аса] в неделю) и классное руководство в 7-м кл[ассе]. Мой оклад при 18 недельных уроках и классном руководстве составлял сто шестьдесят пять руб. в месяц (зарплата выдавалась только золотом).

В четвёртом классе проходила теория словесности, в пятом – древняя русская литература (как в дух[овной] семинарии во втором классе), в шестом и седьмом русская литература 19 века. Русская история – элементарный курс по учебнику Острогорского (специально для II кл[асса] реальных училищ).¹⁶⁰⁹

У училища не было своего учебного здания (оно только ещё было в проекте), а арендованное было тесным и не могло обслужить все потребности его. Так, физический кабинет и канцелярия помещались в другом здании за два квартала от главного. Занятия по сокольской гимнастике производились в Гоголевской аудитории. Главное здание было двухэтажное (см. приложение).¹⁶¹⁰ На верхнем этаже расположены были: кабинет директора, седьмой класс, учительская, библиотека, небольшой зал, служащий и буфетом, и четвёртый класс. На нижнем этаже были расположены остальные классы и отдельная комната. Сообщение между этажами было, конечно, по внутренней лестнице.

---

¹⁶⁰⁷ Имеется в виду священник церкви монастыря.

¹⁶⁰⁸ В очерке «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: Григорьев Александр Алексеевич.

¹⁶⁰⁹ Острогорский Моисей Яковлевич (1854-1921) – русский политолог, историк, юрист, социолог. Член I Государственной думы. Автор Учебника русской истории с рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения. Элементарный курс. Для средних учебных заведений и городских училищ. СПб. 1906 г. (один из самых известных учебников русской истории начала XX века).

¹⁶¹⁰ Приложение отсутствует.

[«Время было кассовское»]

Министром народного просвещения в эти годы был Лев Аристидович Кассо, грек по национальности.¹⁶¹¹ В учебных заведениях в это время существовала строгая, чисто военная, дисциплина, отсюда и было в ходу такое выражение: «время было «кассовское». Например: если у ученика были не все пуговицы застёгнуты, или он приходил без ранца, не разрешалось его пускать на занятия. Самым одиозным явлением был кондуит, книга *in folio*¹⁶¹² в тёмно-зелёных корешках, прошнурованная и опечатанная в учебном округе. По окончании учебного года он представлялся в учебный округ для просмотра. Вносить в него разные замечания нужно было строго продуманно, т. е. прямо сказать – смягчать «погрешности», наблюдаемые за учениками. Я по своей неопытности сделал запись, что встретил одного ученика в нетрезвом виде, а он оказался ещё сыном одной влиятельной особы, дружественной директору. Поднялся переполох, и я сделал ещё большее преступление – вырвал из кондуита этот лист, в результате чего, когда речь где-либо шла обо мне, то для ясности добавляли: «это тот, который вырвал лист из кондуита». В. И. Златорунский однажды сделал запись, что встретил одного ученика не в положенное время в скверике на берегу Кинели и в скобках для обоснования своего выражения Кинели вместо обычно употребляемого Кинеля написал: «склоняется по примеру ели». За эту запись получил замечание.

Классные воспитатели применялись для дежурств в следующих случаях: два раза в неделю в коридоре во время перемен; по очереди дежурили на главной улице вечерами с 8 до 10 часов (с десяти часов вечера ученикам было запрещено появляться на улице); тоже в летнем саду осенью и весной; в праздники по очереди дежурили в училище со «штрафованными» учениками, каковыми являлись получившие за неделю двойки (нужно было следить за тем, чтобы они выучили уроки); в царские дни¹⁶¹³ водили учеников в церковь женской гимназии на молебны; сопровождали учеников на занятия по физике и сокольской гимнастике (см. выше). Кроме того, бывали разные случаи дежурств на вечерах, концертах и пр. Таким образом, в функции классных воспитателей входил только внешний надзор за поведением учеников, а в остальном они были под влиянием своих родителей, или хозяев, у которых они жили на квартире, т. е. в конце концов, были предоставлены сами себе. На этой почве иногда ученики разыгрывали странные, если не сказать – дикие сцены. Ученики четвёртого класса затеяли

---

¹⁶¹¹ Кассо Лев Аристидович (1865-1914) – министр народного просвещения в 1910-1914 гг., проводивший политику усиления государственного контроля над учебными заведениями.

¹⁶¹² *in folio* – по-латински в формате сложенного вдвое типографского листа большого формата, отсюда – фолиант, книга больших размеров.

¹⁶¹³ Дни празднования торжественных событий императорской фамилии: восшествие на престол, коронация, дни рождения и именины.

устраивать коллективное чихание. Делали это так: когда преподаватель выходил из класса по окончании урока, они задерживались в классе, раздавалась команда: раз, два, три, потом раздавалось коллективное чихание, и они выходили из класса. Не удовлетворившись этим, они стали это делать при выходе из училища после занятий: задерживались у входа и по команде чихали. Здание выходило фасадом на площадь, на которой по субботам происходили базары, и с чиханием получался скандал. Пришлось установить ещё одно дежурство... и всё. С учениками тоже происходили иногда «казусы» на почве нарушения дисциплины. Ученик четвёртого класса Миллер проходил однажды с барышней мимо Гоголевской аудитории после десяти часов вечера, т. е. в запрещённое время и расхвастался: «всегда хожу в это время и ни одна преподавательская рожа мне не попадает». Около аудитории как раз сидел классный воспитатель его класса С. И. Шиляев, Миллер решил проверить, кто сидит у аудитории, подошёл и электрическим фонариком (в городе было распространено хождение с фонариками) осветил лицо Шиляева, который ему сказал: «А я вот и есть преподавательская рожа». На другой день Миллер пришёл на уроки бледный, как смерть. К чести Шиляева нужно сказать, что он не обострил этого конфликта, расценив его как изнанку той системы отношений между учителями и учениками, которые культивировали в школе в «кассовское» время.

Такова была обстановка, при которой проходила моя работа в Бугурусланском реальном училище. Это был первый год моей педагогической деятельности, образно выражаясь, - утро её.

[Занятия автора в реальном училище]

Я приступил к работе с полной уверенностью в своих силах, но мои коллеги, как мне потом передавали, сомневались, справлюсь ли я с работой, имея, главным образом, ввиду того, что я показался им физически худосочным и вообще зелёным, а между тем перед реальным училищем стояла ответственная задача: произвести первый выпуск.¹⁶¹⁴ Мне, несомненно, помогли в моей работе два обстоятельства: во-первых, классы, в которых я вёл преподавание, были с ограниченным количеством учеников (в седьмом классе 17 человек, в шестом – 22, а в остальных – по 30), а главное, во вторых, - мой предшественник Николай Александрович Сорвин оставил мне прекрасное наследство: его ученики имели очень высокую грамотность, хороший опыт в писании сочинений, хорошую культуру речи, усидчивость в работе, одним словом – хорошую подготовку. Передо мной стояла задача: удержать их на этом уровне и продвинуть дальше. В своей последующей педагогической деятельности я больше не встречал учеников, которые бы с такой настойчивостью учились, как бугурусланские реалисты. Я им давал иногда такие домашние задания, которые мне самому казались ставкой на трудность выполнения, например: прочитать за короткий срок роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и дать письменный ответ на ряд вопросов по анализу романа, и не помню случая, чтобы задание не было выполнено в срок. А ведь, кроме этого, ученики писали классные сочинения, к которым тоже нужно было готовиться. Эту усидчивость и настойчивость своих учеников я объяснял тем, что жизнь в провинциальном городе больше содействовала собранности учащихся, чем жизнь, скажем, в губернском городе, где много различных развлечений. Главным побуждением для усиленных занятий у реалистов было то, что им не выдавались аттестаты зрелости, а они должны были по конкурсу на экзаменах поступать в технические вузы, и для этого нужны знания, а поэтому девизом их было: пусть нас крепче учат, лишь бы подготовили к экзамену.

Самым тяжёлым для меня был четвёртый класс, так как я получил его в наследство от В. И. Златорунского, и в нём была запущена грамотность, а самым неинтересным – пятый класс, в котором изучалась древняя литература.

Как водится, меня при вступлении в работу тоже «прощупывали» мои ученики, каков ты есть. «Прощупывание» велось по двум направлениям. Во-первых, осведомившись о том, что я кончил духовную академию, как и В. И. Златорунский, они умозаключили, что я, очевидно, должен быть тоже с теми странностями (см. выше), что и тот, но я должен был разочаровать их в этом, и некоторые из них меня в простоте сердечной спрашивали: «почему Вы не такой, как Валериан Иванович?» Кстати сказать, что, как я узнал позднее,

---

¹⁶¹⁴ В 1913-1914 гг. Бугурусланское реальное училище производило свой первый выпуск учащихся.

мои коллеги тоже опасались за меня, не буду ли я «чудить», как тот, очевидно, предполагая, что «чудачества», так сказать, необходимые атрибуты кончивших академию. Во-вторых, «прощупывание» шло по линии академической в такой форме: «Вот Вы говорите так, а Николай Александрович нам говорил так». Речь шла об авторитете – я это чувствовал. По собственному ученическому опыту я знал, что ничто так не поднимает авторитет учителя в глазах учеников, как его живая, убедительная речь, и я обратил на это главное внимание. Я много готовился к урокам и старался делать объяснения нового материала как можно ярче. Результаты моих усилий не замедлили сказаться: мои ученики уверились во мне, и «прощупывание» прекратилось.

Я был бы хвастунишкой, если бы стал уверять, что работа в реальном училище была для меня лёгкой. Нет, никогда потом в жизни я не работал столько над собой, как в первый год своей педагогической деятельности. Особенно много пришлось работать над сочинениями учеников, так как выпускные экзаменационные сочинения с рецензиями учителей направлялись в учебный округ, здесь они просматривались проф[ессором] Казанского университета Будде¹⁶¹⁵, который в свою очередь писал рецензии на рецензии учителей, которые публиковались по округу. Один из моих учеников (Зобнин) в выпускном сочинении допустил ошибку против употребления буквы «ять» в слове вѣдение (он написал вльведие, а не вльдение), то мне, чтобы спасти его, пришлось писать целый трактат о том, что эта ошибка вызвана была тем, что он не изучал славянского яз[ыка] и произвёл это слово от русского «ведать», а не от славянского «ведети». Здесь я с благодарностью должен отозваться о директоре Василие Степановиче Модине: он давал мне полезные советы и помогал изжить мою неопытность. Когда я подал ему заявление об уходе из училища, он высказал по этому поводу сожаление.

---

¹⁶¹⁵ Будде Евгений Фёдорович (1859-1931) – российский профессор Восточно-педагогического института Казанского государственного университета, филолог-славист, языковед. Член-корреспондент С.-Петербургской академии наук по Отделению русского языка и словесности (1916).

Вопросы быта

В первый же день моих занятий в реальном училище швейцар Прокопий свёл меня к проживавшей в Бугуруслане вдове священника (см. выше) Марии Михайловне Евграфовой на предмет устройства на квартиру. М. М. Евграфова жила в Бугуруслане из-за сыновей, которые учились – старший Михаил в духовном училище (в этот момент он был исключён из училища) и Николай в реальном училище, как протеже В. И. Златорунского (см. выше). У Марии Михайловны ещё жили на квартире: учитель немецкого яз[ыка] реального училища А. Ф. Лейсле, один закройщик из Москвы и на кухонной печке «обитали» (приходили спать) два артиста из труппы известной в провинции артистки Дунаевой. Условия найма квартиры: за 30 руб. в месяц, кроме обеспечения комнатой с освещением и отоплением, хозяйка обязана была давать питание – обед, ужин, два чая с белым хлебом, сливочным маслом или колбасой. Обеды должны быть из трёх блюд, с двумя мясными, а ужины из двух блюд, с одним мясным. В эту же плату входила стирка белья. В середине зимы хозяйка сменила квартиру и подняла плату до 35 рублей в месяц. Питание, в общем, было хорошее, и я, вопреки предположениям моих коллег о том, что, вероятно, к масленице протяну ноги, прибавил весу чуть ли не около пуда. Евграфова по этому поводу хвасталась, что у ней все спрашивали про меня: чем ты его кормишь. Я, признаться, сам удивлялся сему явлению и объяснял его тем, что вёл регулярный образ жизни (ежедневно с 3 ч[асов] до 5 ч[асов] дня бегал на коньках на катке женской гимназии), ежедневно почти до февраля хозяйка давала на обед арбузы, а, может быть, имел значение и психологический фактор: сознание, что я теперь самостоятельный человек, сам себе обеспечивающий условия жизни. На этом основании к питанию по регламенту прихватывал ещё в буфете разные сладости и пр.

Гримасы провинциальной жизни

1. Мария Михайловна состояла, как видно, в должности свахи при одной помещичьей семье, где была уже зрелая невеста. Приставала, как банный лист: идём да идём – вас приглашали. Ключнуло у преподавателя женской гимназии Глухова: он имел намерение жениться и подыскивал невесту. Уговорил меня принять участие в смотринах. И вот нас, женихов, повела Мария Михайловна на показ.

Боже мой! До чего же жизнь бывает иногда плоской и глупой! Я, во всяком случае, тоже «шёл» за жениха и безуспешно – так уверяла Мария Михайловна.

2. Гимназистки балуют. Иногда бывало так: собираешься ложиться спать, ставни окна приоткрываются, и любопытные заглядывают: что там делается.

3. Мишка Евграфов в роли Фигаро.

А. Ф. Лейсле несколько раз мне говорил, что его преследуют письма гимназисток, в которых авторы их высказывают своё увлечение им, желание познакомиться и встретиться. Он верил, но потом обнаружилось, что письма ему писал Мишка Евграфов.

4. В. И. Златорунского обворовали и следствие по этому делу М. М. Евграфовой.

Кража была совершена в отсутствие Валериана Ивановича: вор пролез через окно, забрал часы и кое-что из одежды. Мария Михайловна через кого-то вызвала одну девку из «жёлтого» дома с красным фонариком и начала через неё разыскивать вещи. Девка являлась на квартиру к Марии Михайловне на положении хорошей знакомой. Боже мой! До чего же плоская эта провинция!

Культурная жизнь в Бугуруслане

Центром культурной жизни в Бугуруслане являлась Гоголевская аудитория. В ней была сцена и зрительный зал на двести-двести пятьдесят человек, буфет и комната для картёжной игры. Зимой в течение, примерно, двух месяцев здесь выступала с драм-постановками и концертами труппа Дунаевой. Сама Дунаева выступала в концертах. Признаться, просто не было времени посещать постановки этой труппы. Я был только на постановке драмы «Забубённая головушка» и на концерте. Излишне говорить о том, что и то, и другие были сугубо провинциальными.

Кинематограф делал только первые шаги.

Были встречи молодых учителей реального училища у Валериана Ивановича Златорунского, у законоучителя реального училища и в доме генерала в отставке Арнольда, где жила на квартире А. В. Борисова, преп[одавательница] французского яз[ыка] в реальном училище. Пели и танцевали. Любимой песней была тогда «Белой акации»; по какой-то странности по её мотиву после Окт[ябрьской] революции стали петь «Слушай, товарищ... Смело мы в бой пойдём...» Была одна гимназистка, которая исполняла какой-то избитый романс о любви и скрипач, который играл «Романс» П. И. Чайковского.

Провинция, провинция!

Вечер в реальном училище

Это было большое событие. К вечеру долго готовились, и состоялся он, кажется, в начале февраля. На вечере исполнялось между прочим, *trio* «Ночевала тучка золотая», в котором партию тенора пел я. Это было единственное моё выступление перед публикой Бугуруслана.

Вечер оказался для меня роковым: с него началось моё знакомство и в дальнейшем взаимное увлечение с преподавательницей немецкого языка второй женской гимназии, высшего начального и реального училищ – Иоанной-Луизой Фридриховной Зигер.

Её родословная

Дед её прибыл в Россию из Шлезвига или Голштинии после того, как Германия присоединила себе эти провинции. Он купил ферму около Юрьева, которая по его имени названа Юргенсгоф. У него было три сына: Фри[дри]х-Карл, Артур и Отг. Артур окончил Военно-мед[ицинскую] академию и работал врачом на Дальнем Востоке. Между прочим, он был там очень популярным деятелем, и есть основания предполагать, что он именно открыл бухту, где была построена крепость с его именем Порт-Артур. Отто осел на Украине, а Фридрих-Карл, отец Иоанны Фридриховны, вёл хозяйство. Семья была большая. Отец умер в 1906 г., ферма была продана, а семья переехала в Юрьев. Иоанна-Луиза, по окончании частной женской гимназии в Юрьеве Саломон, работала воспитательницей в Курске в семье Маркова II-го¹⁶¹⁶, известного члена Гос[ударственной] Думы, черносотенца, сдала экзамен при Курском реальном училище на звание домашней учительницы и стала работать преподавательницей в средних школах. Одна деталь: брак православного с лютеранкой мог совершиться только с разрешения Учебного округа. Разрешение было получено, и венчание было совершено 18-го апреля 1914 г. в соборной церкви Бугуруслана. В метрической выписке значилось:

«Допущенный к преподаванию в Бугурусланском реальном училище имярек, православного вероисповедания, и домашняя учительница девица Иоанна-Луиза Фридриховна Зигер, евангелическо-лютеранского вероисповедания, - первым браком».

---

¹⁶¹⁶ Марков Николай Евгеньевич (1866-1945) – член III и IV Государственной думы от Курской губернии, монархист, один из лидеров черносотенцев. В Думе был известен как «Марков Второй», в связи с тем, что был ещё один депутат с такой фамилией (октябрист Николай Львович Марков).

[Прощание с Бугурусланом]

На каникулах мы были в Юрьеве.¹⁶¹⁷ Ездили в Финляндию через Ревель, проехали через Новгород, Псков и Чудскому озеру и рекам Великой и Эмбах вернулись в Юрьев. В середине июля приехали в Течу, а в Бугуруслан вернулись в середине августа. Бугуруслан был уже не узнаваем: весь город был заполнен мобилизованными.¹⁶¹⁸

Нужно было выбираться из глухой провинции. Возможность для этого предоставлялась только через духовное ведомство.¹⁶¹⁹

В конце августа через Казань мы направлялись в Пермь к месту моего нового назначения.

Так закончился первый год моей педагогической деятельности. Это было её утро, и я храню бережно свои лучшие воспоминания об этом периоде своей жизни: об учителях, которые все были молодыми и об учениках-работягах, каких я в жизни больше уже не встречал. Какая у них была судьба – мне не известно. Известно только, что Бугуруслан обрёл новую жизнь, в корне изменившую его прежний патриархальный облик.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 399. Л. 16-61.

---

¹⁶¹⁷ В очерке «Первые годы педагогической деятельности П. А. Иконникова» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: в конце июня 1914 г.

¹⁶¹⁸ Там же: известие о войне застало автора в Тече.

¹⁶¹⁹ Там же: в двадцатых числах августа 1914 г. автор ездил в С.-Петербург в учебный комитет при Святейшем Синоде. Духовное ведомство потребовало, чтобы он или уплатил большую сумму в возмещение произведённых на его обучение в Пермской духовной семинарии и Казанской духовной академии расходов, или отслужил в духовном ведомстве 6,5 лет.

*Макар (из жизненных наблюдений)**

Её звали: Катя Макарова. Как легко можно догадаться, Макар – это было её прозвище, образованное от фамилии. Но почему прозвище мужского рода – об этом и будет речь идти ниже.

Когда она была во чреве матери, то природа, очевидно, некоторое время колебалась: пустить ли её по женской линии, или по мужской, и только когда решение этого вопроса дальше нельзя было откладывать, она изрекла: «Да будет девка!» И бысть девка. Однако, очевидно, в этом случае допущено было промедление, в её женскую субстанцию проникло нечто мужское. Природа не решилась в ней создать и «тое» и «тое» на равных началах, как это бывает у некоторых уродов, но, сохранив у неё физиологически неприкосновенно женское начало, психологически, в этой туманной области, оставила нечто мужское. Получилось, таким образом, сложное существо: женщина с некоторыми чертами мужчины. В жизни такой тип людей встречается, как и мужчина с женским характером. Известно, что в этой путанице полов старался разобраться некий философ, и его философия получила по его имени название «фрейдизма». За это дело брались и люди не философского склада, но разрешали этот вопрос только на горе себе. Так, в б[ывшей] Екатеринбургской епархии было одно высокопоставленное лицо, которое разрешало этот вопрос прямолинейно. Ещё будучи студентом Казанской дух[овной] академии, это лицо в своём научном труде допустило выражение: «женщины обоего пола». Сколько его не убеждали, что в этих словах заключается порок, известный в логике под названием *contradictio in adiecto* (противоречие по существу), это лицо с этим не согласилось и, будучи в монашеском чине, применяло его на практике, за что сослано было в Андрониев монастырь на «проветривание мозгов».¹⁶²⁰

Итак, Катя Макарова оказалась своеобразным типом женщины. И в самом деле: если бы кто-либо задался целью найти в её внешнем облике то, что называется женственностью, то он не смог бы этого сделать. Какая девушка может быть без румянца на лице, хотя бы тощего; или: у какой девушки в известный момент глаза не отразят женские лукавство и кокетство, а вот у ней нет ни того, ни других. Мёртвое, грубо обделанное лицо: у другого мальчишки и то более живое и интересное. Коса! У какой девушки она не является предметом особого внимания и гордости. Недаром говорится: «Коса всему городу краса». А у ней она походит на чахлую косичку у Мисаила, который показан в «сцене в корчме» из оперы «Борис Годунов» Мусоргского.

Если бы кто-либо вооружился подзорной трубой и стал вглядываться в её *thorah*, то он не смог бы ничего увидеть в нём женского. К тому же она носила кофточки, подтянутые ремнём, и юбки. Если бы она носила женские

---

¹⁶²⁰ Автор имеет в виду, вероятно, епископа Екатеринбургского Владимира (Соколовского-Автомова) (1852-1931).

платья, то, может быть, фигура её была более женственной, а при кофточке с ремнём мысленно прибавь к её фигуре брюки, и получишь парня, да ещё невзрачного, угловатого.

Походка! Тяжёлая, утинная. Идёт и землю давит, как ходят старухи, или мужички с «тяжёлыми задами». Если парень так ходит, то о нём говорят: «ходит, как развалина».

Голос! Ещё Шекспир говорил: «Ведь в женщине всего прелестней голос». Правильно, конечно, но какой голос? Женский, а не мужской. Правда, люди находят у женщин прелесть голоса с чисто мужским тембром, как у Вари Паниной¹⁶²¹, но для этого ведь нужно быть ею, т. е. петь, как она пела: «Дышала ночь восторгом сладострастья...» У Кати был голос грубый, когда она пела: «Из-за Вас я страдаю, из-за Вас, из-за Вас слёзы лью...» Она брала в руки гитару с ленточками, как это было у молодых людей, она ставила гитару на колено, как это делали они, наконец, она пела с надрывом и не в безвоздушное пространство, а в адрес определённого лица и при том женского лица. Катя пела, но до Вари Паниной ей было, конечно, далеко. Бывало и так: поёт, поёт, расчувствуется и к «той» - «дай-ка шкалик», получит, сбегает и освежится. Что же это было – спросит читатель. Лесбийская любовь? «Нет, но не знаю «что» - только так я могу ответить.

Катя была грамотной, из тех, о ком говорят: ему или ей грамота далась. Потенциально она могла бы далеко уйти по образованию, если бы для этого были условия. Возможно, что при советской власти, хотя с запозданием, она восполнила этот пробел.

Чувствую, что мне пора уже мою «героиню» показать в условиях определённого времени и определённого пространства как реальное лицо, каковым она и была. Моё первоначальное, летучее знакомство с ней произошло весной 1914 г. в г. Бугуруслане Самарской губ[ернии]. Я назвал это знакомство летучим, потому что оно выражалось в мимолётных встречах, когда я, в сущности, знал только одно, что она служила прислугой в доме, который я посещал. Дом этот принадлежал вдове священника Петропавловского, а хозяйка держала квартирантов, что и являлось источником её обеспечения. У неё была приёмная дочь, гимназистка, а на квартире жили тоже гимназистки и преподавательница немецкого языка Иоанна-Луиза Фридриховна Зигер. Она и была предметом Катиной «любви»; ей она пела свой романс под аккомпанемент гитары; у неё она и перехватывала иногда деньги на выпивку.

Дом походил на тихую обитель, женский монастырь, гинекей. Ничто не нарушало в нём спокойного течения жизни. Даже посещение его известным бугурусланским демоном-соблазнителем Сергеем Ивановичем Шиляевым не могло нарушить это спокойствие. Однако вечно существовать этому спокойствию не было суждено: после одного вечера в реальном училище

---

¹⁶²¹ Панина Варвара Васильевна (1872-1911) – исполнительница цыганских песен и романсов. Была знаменита сильным низким контральто и особой манерой пения.

здесь появился «вор-воробей». Тогда именно я и встретился впервые с Катей. Посещения учащались. Я не могу сказать, что бы мне приходилось при это видеть приветливое выражение лица у Кати, когда она мне открывала двери. Скорее на нём было написано: «вот навязался чёрт ходить к нашей немке». В провинции не считали зазорным иногда подглядывать в окошко: что там делается. Гимназистки и Катя тоже иногда приоткрывали ставни и подглядывали за влюблёнными. В марте определилось, что Иоанна-Луиза Фридриховна Зигер намерена покинуть «обитель». Катя насторожилась: было ясно, что в перспективе её ждёт «развод» с предметом её «любви». Мы договорились, что если Катя согласится, то мы возьмём её себе в прислуги. Решение это было продиктовано простым человеческим соображением, что нельзя оставить человека, у которого получилась такая привязанность к предмету её «любви».

18-го апреля ст[арого] стилия состоялась свадьба, а Катя уже за несколько дней до того помогала готовить квартиру для новобрачных. От гуляния на свадьбе осталось много выпивки, и мы, зная, что Катя непрочь «приложиться» к живительной влаге, за обедом разрешали ей налить себе, т. е. ей, Кате, или из «пузатенькой (зубровки), или «продолговатенькой» (рябиновки).

На лето мы уехали в Юрьев, съездили в Финляндию, в нашу Течу, а в августе вернулись в Бугуруслан. С Катей была договорённость, что по возвращении мы её опять возьмём к себе. В августе мы, однако, решили переехать в Пермь, и я получил назначение в Пермскую духовную семинарию. Встал вопрос: как быть с Катей? Перед ней стояла дилемма: или отстать от нас, или поехать с нами, против чего мы не возражали, и оставить в Бугуруслане маму. Катя сама избрала второй вариант. Как сейчас вижу Катину маму, удручённую решением Кати ехать с нами. Она говорила Анне Фридриховне: «Анна Хвёрдовна, вы уж не обидьте мою Катеньку».

Особенностью жизни молодожёнов, между прочим, всегда является то, что они окружены бывают обилием разных чемоданов и чемоданчиков, корзинок, коробок и пр. При раздельной жизни это было незаметно, а вот соединились и их оказалось полно. Так, две речки кажутся маленькими, а, соединившись, образуют довольно полноводную реку. Так получилось и у нас: тронулись мы из Бугуруслана в окружении всех этих необходимых вещей и при них сидела Катя, как видно, довольная тем, что мы её взяли с собой. Ехали мы по железной дороге до Самары, из Самары до Казани паромом, а дальше паромом же от Казани до Перми.

Была война, и в семинарии два этажа – второй и третий – взяты были для военных целей. Семинария была сжата в нижнем этаже. В нём была невероятная скученность. Несмотря на это, нам отведена была под квартиру одна большая комната, разделённая перегородками на четыре комнаты. Под кухню отведена была отдельная комната с русской печью на значительном расстоянии от квартиры. Здесь с удобством разместилась Катя. При скученности ей приходилось всё время при переходе из кухни в квартиру

встречаться с семинаристами, молодыми парнями в возрасте, опасном для встреч с женским полом. Можно было опасаться за неё, как бы не вспыхнул около неё «пожар» чувств и не закрутил её. Увы! Опасения были напрасными: «они» увидели в ней только Макара... и ничего больше. Так, если бы вселить Квазимодо в интернат пылких *virgines* института благородных девиц, то реакция была бы аналогичной.

Катя любила ходить в домашнюю церковь семинарии. Жизнь шла ровно с осени 1914 г. по февраль 1916 г., но в феврале предстояла перестройка в связи с переводом меня в Слуцкое дух[овное] училище – в Белоруссию. Катя понимала, что на этот раз её расставание с нами неизбежно, и заранее перешла на работу полумойкой в семинарии. Как потом выяснилось, она перешла ещё в уборщицы к одному из пом[ощников] инспектора семинарии. В мае я выехал в Белоруссию, а Анна Фридриховна оставалась ещё в Перми на частной квартире для окончания учебного года в мужской гимназии. В июне перед объездом в Белоруссию, она проводила Катю в Бугуруслан, снабдив её кое-какой одеждой.

Так закончился картин «роман» в Анной Фридриховной.

Мы больше не видали Катю, но часто её вспоминали, особенно – во время Октябрьской революции. Нам она представлялась то на баррикадах как Луиза Мишель¹⁶²² со знаменем в руках, то трибуном на митинге, то делегаткой в женотделе. Одного наша фантазия не могла нам подсказать, хотя этого хотелось, - увидеть её с человеком, который нашёл бы в ней не Макара, а Катю Макарову и с которым она могла бы испытать настоящее простое, но именно поэтому – большое счастье, именуемое женским счастьем.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 386. Л. 88-101.

*Находится в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора среди очерков относящихся к «Семейной хронике Игнатьевых»; в «пермской коллекции» отсутствует.

---

¹⁶²² Мишель Луиза (1830-1905) – французская революционерка, писательница. Являлась одной из немногих женщин XIX века, носивших мужскую одежду из-за своих феминистских взглядов.

Г. БУГУРУСЛАНЪ. Мостъ черезъ р. Кинель

Г. БУГУРУСЛАНЪ. Набережная ул. и Земская Управа

Г. БУГУРУСЛАНЪ. Соборная площадь

Бугурусланский Покровский женский монастырь.

Бугурусланское духовное училище.

№ 4 Бугурусланская женская гимназія.

Гоголевская аудитория-театр.

Г. БУГУРУСЛАНЪ. Реальное училище

Бугурусланъ.

Общій видъ съ сѣверо-запада.

W12²

КНИЖЬ ИЗЪ АСТРІЧЕСКОЙ КНИГИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О БРАКОСОЧТАВШИХСЯ

ЗА 1914 ГОДА,

ВЫДАННАА ПРИБЛИЖИТЕЛЬНО СНАСО-ВОЗНОСИТЕЛЬНО СОБРАНА
ГРОДО БУДУЩИМЪ, САМАРСКОЙ ЕКАРІИ.

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ, О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ, ЗА 1914 ГОДА.

Свѣдѣнія о брачнѣхъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и крестинскія имена, и которыхъ брачнѣхъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и крестинскія имена, и которыхъ брачнѣхъ.	Мѣсяцъ и день.	Кто совершилъ таинство.	Кто былъ поручителемъ.	Подпись священника и свидѣтелей по мѣстамъ.
43	18	Допущенной къ браку была въ Тауроганскомъ уѣздѣ уи. мѣстѣ Василій Александровъ Ивановичъ, правн. акадѣмій, перт. мѣ. браковъ.	28	Допущенной къ браку была Елена Владиміровна Сидорова, бывш. дворянка, мѣст. рабнннхъ въ уѣздѣ Тауроганск. уѣздѣ, перт. мѣ. браковъ.	28	Св. священникъ Николай Павловичъ Сидоровъ, мѣст. Тауроганск. уѣздѣ.	По повелѣнію преподавателя Тауроганскаго училища Николая Александровича Сидорова, по повелѣнію класснаго наставника Тауроганскаго училища Владиміра Ивановича Кандишова и преподавателя по все уи. мѣстѣ Александръ Григорьевъ	

1914 года
20-го
19-го
Сводъ Тауроганск. уѣзда № 309.

Сей метрическая выписка изъ метрической книги Тауроганскаго уѣзда, что и служитъ подтвержденіемъ таинства брака, совершаемаго въ Тауроганскомъ уѣздѣ, Тауроганск. уѣздѣ, перт. мѣ. браковъ.

Въ Тауроганскомъ уѣздѣ, Тауроганск. уѣздѣ, перт. мѣ. браковъ.

Помощникъ священника Николай Павловичъ Сидоровъ

1018

Игнатъева (Зигер) Анна Фридриховна.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 424. Л. 3.

Год работы в Бугурусланском
реальном училище.

В начале июня 1913 года я за-
кончил работу в Императорской
Земле в канцелярии директора со-
вета в Саратовской губернии. Ра-
бота в Саратовской губернии была
интересна, так как я работал в
канцелярии директора, а также в
канцелярии министра. В канцелярии
министра я работал в канцелярии
министра, а также в канцелярии
министра. В канцелярии министра
я работал в канцелярии министра,
а также в канцелярии министра.

логический фактор: сознание, что
теперь самостоятельный человек,
сам себе обеспечивающий средства
жизни. На этом основании и нача-
ли по регламенту преподавания
уже в Бугуре работать славянские
Транше провинциальный учитель.

1. Мария Михайловна воспитан-
ница Бугура, в полном смысле слова
одной помещицей семье, ее отец
господин Иванов неизвестен. Пришла
она в Бугур из села; идем да
вас пригласили. Которые из
поставлены в канцелярии
администрации; он и был в канцелярии
администрации и канцелярии
администрации. Которые из
поставлены в канцелярии
администрации; он и был в канцелярии
администрации.

Первые годы педагогической
деятельности в Бугурусланском
реальном училище.

Когда в июне 1913 года я за-
кончил работу в канцелярии
директора в Саратовской губернии,
то по регламенту преподавания
уже в Бугуре работать славянские
Транше провинциальный учитель.
1. Мария Михайловна воспитан-
ница Бугура, в полном смысле
слова одной помещицей семье,
ее отец господин Иванов
неизвестен. Пришла она в
Бугур из села; идем да вас
пригласили. Которые из
поставлены в канцелярии
администрации; он и был в
канцелярии администрации.
Которые из поставлены в
канцелярии администрации;
он и был в канцелярии
администрации.

Рукописи В. А. Игнатъева по истории Бугурусланского реального училища.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть VI.
ГОДЫ ЖИЗНИ В БЕЛОРУССИИ
(1916-1923)**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VI. ГОДЫ ЖИЗНИ В БЕЛОРУССИИ (1916-1923)

ГОДЫ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В БЕЛОРУССИИ

(май 1916 г. – июнь 1923 г.)

[1965 г.]

*Всё, что содержится в этой
«повести временных лет» моего бытия
есть результат «ума холодных наблюдений
и сердца горестных замет».*

[Назначение в Слуцкое духовное училище]

Волею судеб от Учебного Комитета при Святейшем Синоде я получил назначение преподавателем латинского языка Слуцкого дух[овного] училища Минской губернии. Это произошло в феврале 1916 г.¹⁶²³ Слуцк был в прифронтной черте, в 65 километрах от Баранович, где проходила линия фронта, и училище было эвакуировано в г. Ковров Владимирской губ[ернии]. Из семинарской квартиры мы переехали на частную около Слудской площади, и я продолжал жить в Перми.

В апреле я предпринял поездку в Минск с целью уточнения своего служебного положения.¹⁶²⁴ Уже за г. Борисовым, что на железнодорожной линии Москва-Минск, начинались окопы, и, таким образом, близость фронта была очевидна. С особенным вниманием я всматривался из вагона в ту часть пути, где Наполеону удалось проскользнуть за Березину, но где его доблестное войско было окончательно потрёпано. В вагоне чувствовалось приближение фронта: было тесно, какие-то эвакуированные польки всё время «тараторили» на ломанном русском языке, и слышалось «пани, пани». Какие-то нищие бродили по вагонам, распевали песни и просили милостыню. Было

---

¹⁶²³ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает, что назначение было получено 10 января 1916 г. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 97).

¹⁶²⁴ Там же: «Эта поездка имела для него двойкий интерес: во-первых, он впервые ехал в Белоруссию и, во-вторых, ему хотелось посмотреть те районы страны, которые были вблизи фронта» // Там же.

неприятно сознавать, что вблизи фронта и допускалась такая распушенность в поезде.

Поезд пришёл в Минск часов в десять утра. Погода была хмурая: мелкий дождь моросил с утра. В городе была грязь. Коняги еле-еле тащили конку. Всюду двигались военные фургоны. На каждом шагу встречались военные, сёстры милосердия сновали повсюду. Казалось, что жители запрятались в норы, с опаской выходили из них по хозяйственным нуждам, а потом скрывались опять в своё логово. Немцы по несколько раз в день бомбили город. Мне удалось встретить кое-кого из служащих в Минской дух[овной] семинарии, которые мне сообщили, что я приехал в Минск напрасно и чтобы я возвратился в Пермь и ждал вызова на работу. На ночь мне дали койку в какой-то комнате подвального этажа, где я переночевал в жутком одиночестве. Утром где-то по близости разорвалась с большим грохотом бомба, и слышался протяжный звук сирены. Под вечер я отбыл в Пермь.¹⁶²⁵

Вызов на работу был мной получен во второй половине мая с предложением явиться в местечко Паричи Бобруйского у[езда]¹⁶²⁶ по окончании пасхальной недели. Мне надлежало проехать по железной дороге до Бобруйска, а дальше на пароходе по Припяти плыть в Паричи. Уже на станции в Бобруйске я встретил одного из учителей Слуцкого дух[овного] училища Ивана Александровича Новицкого¹⁶²⁷, с которым мы вместе и отправились на пароходе. В Паричи мы прибыли под вечер и ночевали в грязной еврейской гостинице-харчевне, а на утро явились в Паричское женское училище ведомства имп[ератрицы] Марии.¹⁶²⁸

---

¹⁶²⁵ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «П. А., прежде всего, направился в семинарию, чтобы разузнать, куда же ему нужно обратиться за справками о духовном училище, но встретил только эконома семинарии Глазко, который ему дал сразу понять, что он приехал зря, что когда нужно будет, то его вызовут. На Минск тогда ежедневно делались налёты и сбрасывались бомбы. В городе то и дело раздавался резкий звук сирены, и все стремительно разбегались с улиц. В течение дня П. А. пробродил по улицам города, заходил в консисторию по своему делу, но там ему только повторили то, что ему говорил уже эконом Глазко. На ночь П. А. пришел опять в семинарию, и эконом провёл его куда-то в подвал, где ему была приготовлена кровать. С непривычки ночь прошла тревожно. Утром где-то поблизости взорвалась бомба. Делать было нечего, и П. А. возвратился в Пермь» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 97 об., 99.

¹⁶²⁶ В настоящее время административный центр Паричского поселкового совета Светлогорского района Гомельской области.

¹⁶²⁷ Новицкий Иван Александрович – учитель русского языка Слуцкого духовного училища.

¹⁶²⁸ Паричское женское училище находилось в ведении духовного ведомства и действовало с 1822 года.

[Местечко] Паричи

Это большое белорусское село, по-белорусски именуемое «местечком». Население в нём преимущественно еврейское. Здесь было местопребывание земского начальника. Была небольшая деревянная, как обычно в Белоруссии, церковка, совершенно скрытая от глаз окружающей её пышной зеленью из тополей и белых акаций.¹⁶²⁹ В местечке был врач из евреев, были врачидантисты. Среди еврейской бедноты выделялись семьи еврейских богачей, торговцев лесом. У них были большие дома, прекрасно обставленные мебелью, которые теперь пустовали, потому что хозяева их эвакуировались вглубь страны.¹⁶³⁰ За рекой была низина – болотистое место, и через реку и эту низину был построен деревянный мост, длиной версты на три на случай отступления из этого района фронта. Кругом в разных направлениях были устроены окопы. Одним словом, здесь чувствовалось уже непосредственная близость фронта.

В местечке было женское училище ведомства имп[ератрицы] Марии, как указано было уже выше. В Белоруссии эти училища заменяли епархиальные женские училища. Здесь был целый комбинат деревянных строений, в числе которых были строения с классами, с общежитиями и пр. Отдельно были строения с квартирами администрации, учителей и прочим обслуживающим персоналом. Отдельно стояла каменная церковь.¹⁶³¹ Место было живописное: было много зелени во дворе – сирень, жасмины, а на улице около домов пышно росли белые акации, которые во время цветения источали опьяняющий аромат.¹⁶³²

Рядом с местечком, по северной стороне его, было расположено имение Набоковой¹⁶³³, ранее принадлежавшее известному лицейскому другу А. С. Пушкина – Ивану Ивановичу Пуцину.¹⁶³⁴ Отсюда именно Пуцин ездил навещать Пушкина в с[ело] Михайловское. Теперь в имении жил только

---

¹⁶²⁹ Имеется в виду Свято-Духовская церковь, деревянная, построена в 1819 г.

¹⁶³⁰ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Большинство населения составляли мелкие негоцианты, которые «делали мелкий гешефт», но были и крупные «гешефтомахеры» - торговцы лесом, которые имели прекрасные особняки, с роскошной мебелью, роялями и пр. Теперь ввиду близкого фронта они эвакуировали семьи, а сами «грели руки» на военных поставках, стройках и т. д.» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 100 об.-101.

¹⁶³¹ Церковь св. равноапостольной Марии Магдалины, каменная, построена в 1863 г.

¹⁶³² В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Хороши были вечера и весенние ночи в Паричах. Кто знаком с романсами Кашеварова «Тишина», а особенно – кто пел его, тот воочию мог бы представить картину, изображённую в романсе, по картине ночи в Паричах» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 101 об.

¹⁶³³ Там же: «... владевшей им на правах сервитута и майората» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 101.

¹⁶³⁴ Пуцин Иван Иванович (1798-1859) – декабрист, друг и однокурсник А. С. Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицее.

управляющий поляк [Иосиф] Сервачинский. Дом был закрыт от посетителей, но в нём, несомненно, были интересные реликвии, относящиеся к периоду жизни И. И. Пущина. Дом имел вид обычного помещичьего строения. Около него был парк с липовой аллеей, фруктовый сад и оранжерея, куда с особого разрешения Сервачинского удавалось проникать. За строениями шли поля, а на берегу реки была дубовая роща с вековыми дубами.

Организация занятий [трёх духовных училищ]

В Паричи были вызваны на занятия коллективы всех трёх духовных училищ Минской епархии: Минского, Пинского и Слуцкого. Возглавлять эти объединённые коллективы дух[овных] училищ было поручено смотрителю Пинского дух[овного] училища – Михаилу Ивановичу Орлину¹⁶³⁵, человеку опытному и почтенному, типичному чиновнику тех времён, горделивому и чванливому. Из всех трёх коллективов дух[овных] училищ Слуцкий коллектив выделялся почтенными старцами, такими, как преподаватель греческого языка – Николай Феофилович Будзилович и преподаватель арифметики – Митрофан Александрович Журавский.¹⁶³⁶ Последний имел одну странность – продавал ученикам конфеты по мелочам, и сколько ни убеждали его, что это просто не красиво и не достойно преподавателя, он продолжал «своё». У него были уже определённые признаки перехода к детству по старости.¹⁶³⁷ Смотрителем училища был священник Александр Васильевич Хвалебнов¹⁶³⁸, инспектором – Михаил Иванович Волосевич¹⁶³⁹, человек с хитрецей и карьерист; учителем русского яз[ыка] – Иван

---

¹⁶³⁵ Орлин Михаил Иванович – священник, кандидат богословия Киевской Духовной академии, служил в духовном ведомстве с 1881 года. Смотритель Пинского духовного училища.

¹⁶³⁶ Журавский Митрофан Александрович – учитель географии и арифметики Слуцкого духовного училища.

¹⁶³⁷ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Им, очевидно, в данном случае руководило благое желание услужить «малым сим», а на самом деле он стал среди них посмешищем, а отсюда получился провал преподавания. Слуцкие коллеги его по духовному училищу особенно предупреждали его, чтобы он на глазах у многих не торговал, но он сугубо конфиденциально, говорят, поторговывал, ибо «*consuetudo est altera natura!*» [по-латински «Привычка – вторая натура» – ред.] // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 100-100 об.

¹⁶³⁸ Хвалебнов Александр Васильевич (1876-после 1927) – окончил Калужскую духовную семинарию. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1896 г. Священник, протоиерей. Арестован в 1927 г. по обвинению в призыве верующих не посещать обновленческую церковь, не крестить в ней детей, осуждён на заключение в Мариинские лагеря в Кемеровской области, погиб в заключении.

¹⁶³⁹ Волосевич Михаил Иванович (1883-1948) – магистр богословия Московской духовной академии 1908 г. Арестован в 1944 г. за участие в создании пастырских курсов в Минске в период войны, осуждён на 5 лет заключения в лагерь в г. Верхотурье Свердловской области, погиб в заключении.

Александрович Новицкий, человек очень почтенный и опытный преподаватель; учитель пения, регент хора и надзиратель – Иосиф Флорович Болбас, впоследствии изменивший фамилию на – Диомидов.

Таковы были мои коллеги по духовному училищу.¹⁶⁴⁰ За исключением Хвалебнова и меня, великороссов, прочие были белорусы.

В Паричах мы перезнакомились и с учителями других дух[овных] училищ, например: с инспектором Пинского дух[овного] училища Черноуцаном¹⁶⁴¹, преподавателем арифметики ..., автором задачника¹⁶⁴²; с преподавателем арифметики Минского дух[овного] училища Сущинским¹⁶⁴³, преподавателем греческого яз[ыка] Л. Н. Цветковым¹⁶⁴⁴, надзирателем – Ясинским¹⁶⁴⁵ и др. Кроме того, в Паричах жили на положении эвакуированных: начальница Минского женского [духовного] училища – Краузе¹⁶⁴⁶, две воспитательницы и преподавательница математики этого училища Пантелеймонова.¹⁶⁴⁷ То появлялся, то скрывался преподаватель этого же училища – Весновский, интриган и доносчик.

Попечение по материальной части как об учениках, так и о преподавателях возложено было на экономов: Слуцкого дух[овного]

---

¹⁶⁴⁰ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Пётр Алексеевич был назначен вместо преподавателя латинского языка – Ивана Васильевича Поповича, самого старшего по возрасту среди этих старцев, и назначение П. А. явно преследовало цель «обмолодить» коллектив преподавателей училища» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 100.

¹⁶⁴¹ Черноуцан Александр Минович (1883-1937) – сын протоиерея Бессарабской губернии. Окончил Кишинёвскую духовную семинарию. Кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1907 г. Помощник смотрителя Кутаисского духовного училища в 1908 г., затем Пинского духовного училища в 1908-1910 гг., Минского мужского духовного училища в 1910-1916 гг., Сергиевского духовного училища в 1916-1918 гг. Член Поместного Собора Русской Православной церкви 1917-1918 гг. от мирян Нижегородской епархии. Священник, протоиерей с 1921 г. Несколько раз арестовывался. Расстрелян в 1937 г.

¹⁶⁴² Возможно, Васильев Авксентий Яковлевич – кандидат богословия Казанской духовной академии 1905 г. Преподаватель арифметики, географии и природоведения Пинского духовного училища. Арестован и расстрелян в 1937 г.

¹⁶⁴³ Сущинский Иван Яковлевич – кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1893 г. Преподаватель арифметики и географии Минского мужского духовного училища.

¹⁶⁴⁴ Цветков Лев Николаевич (1881-1937) – окончил Московский университет в 1904 г. Был преподавателем латинского языка, церковно-славянского языка и русской истории Минского мужского духовного училища. Языковед, литературовед, педагог, журналист; доцент Белорусского государственного университета и секретарь Института научной речи.

¹⁶⁴⁵ Ясинский Николай Михайлович – надзиратель, учитель чистописания и черчения Минского мужского духовного училища.

¹⁶⁴⁶ Краузе Мария Алексеевна – начальница Минского женского духовного училища.

¹⁶⁴⁷ Пантелеймонова Анна Ивановна – преподавательница математики, физики и космографии Минского женского духовного училища.

училища – Степана Степановича Терравского и Минской [духовной] семинарии – Глазко. Нужно сказать, что экономами в духовных училищах были светские люди. Несмотря на близость фронта, экономы ухитрились доставать и мясо, и сало и кормили учеников и нас, учителей такими «колдунами» (большие пельмени), которые и в мирное время пошли бы за первый сорт.

Таким образом, в Паричах составилось разнообразное общество, в числе которого были и представители второй половины человеческого рода, которые группировались около Краузе. Последняя выдавала себя за б[ывшую] фрейлину и проповедовала о непоколебимости династии Романовых.¹⁶⁴⁸ Хотя фронт был близко, но общество жило полнокровно, и мост был местом прогулок. Ещё на пароходе один из жителей Парич, разбитной еврейчик доверительно предупреждал меня о том, что на прогулках по мосту определились уже пары, и поэтому, чтобы я был осторожен. Не нужно было долго ждать подтверждение этого.¹⁶⁴⁹

Белорусы любители петь и мастера. Собиралась иногда «холостяцкая» компания, и они пели «На заре туманной юности» и разные украинские песни, пели с азартом. Я захватил с собой свои ноты, нашлась одна из воспитательниц Минского женского училища, которая могла аккомпанировать, на квартире был рояль, и благодаря этому я попал в окружение начальницы Краузе. Пелось хорошо, и это было началом моего увлечения пением на весь период жизни в Белоруссии.

[¹⁶⁵⁰]

---

¹⁶⁴⁸ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... женщина гигантского роста и могучего сложения» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 102 об.

¹⁶⁴⁹ Там же: «В первый же вечер П. А. отправился прогуляться по знаменитому мосту около Паричей. Он имел военное назначение: дать путь к отступлению в случае критической обстановки. Длина его была около трёх километров, и построен он был на болоте. На мосте была военная охрана, но на фронте было спокойно, и мост пока что был только местом для прогулок. Сразу же П. А. заметил, что предупреждение дорожного знакомого о том, что дамы распределены, не вымысел, а реально: по мосту шествовали парочки и, можно было заметить, кто тут «третий лишний», по логическому закону – «*tertium non datur*» [по-латински «третьего не дано» - ред.]. В паре шествовал и смотритель Слуцкого дух[овного] училища А. В. Хвалебнов с преподавательницей математики Минского женского училища А. И. Пантелеймоновой» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 101 об.-102.

¹⁶⁵⁰ Там же: «Занятия продолжались около двух месяцев. Дело было после Пасхи, и своды Паричского училища оглашались дружным хором духовников перед сном «Да воскреснет Бог», «Ангел вопияше», «Светися» и др.

Непривычным для П. А. были белорусские фамилии учеников: Жаврид, Горощеня, Кисня и т. п. Более привычными были с окончаниями «ич» и «ский», например, Романович, Наркевич, Петкевич, Бржозовский, Островский и т. п. Не ускользнули от него и некоторые особенности быта белорусов и их душевного склада, их привычек. Так как занятия были непродолжительными, то некоторая корпоративность и отчуждённость училищ не были преодолены» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 102-102 об.

В июне в Паричи прибыла *meine Frau* из Перми, где она заканчивала занятия в гимназии. Занятия продолжались у меня до половины июля. Оставшуюся часть лета мы прожили в Паричах, а в конце августа переехали в Слуцк.¹⁶⁵¹

---

¹⁶⁵¹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Остальная часть лета прошла в прогулках в рощу за белыми грибами и в музыкальных встречах. Осенью наш кружок распался: все разъехались по местам своей работы» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 103.

Слуцк [(описание города)]

Слуцк – типичный захолустный город Белоруссии в прежнее время. Он расположен на шоссе из Бобруйска на Барановичи, от Бобруйска на расстоянии ста километров и от Барановичей – шестидесяти пяти километров. Только во время войны Слуцк был подключен к общей железнодорожной системе, а до этого линия от ст. Осиповичи проходила только до ст. Старые дороги, что примерно в тридцати километрах от города. Во время войн также была проведена узкоколейная линия в направлении фронта.

Город был весь во фруктовых садах. На славе были Слуцкие бэры. Из прочих растений в городе были: каштаны, персидская сирень, белая акация, тутовое дерево, жасмин. Из 22-х тысяч населения, примерно 19-ть тысяч составляли евреи, а остальное население составляли белорусы и поляки.¹⁶⁵² Только 10-20 человек было великороссов. Среди евреев было резкое размежевание по социальному положению: владельцы мельниц – Гутцайт и Мышалов были в числе богачей. К ним примыкали владельцы магазинов – Гецов, Грейсух и др., владельцы кафе – Соломяк, Соловейчик, лесоторговцы – Осовский, Хинич и др., владельцы гостиниц – Некрич и др., мясоторговцы, гешефтмахеры – Эпштейн, Мигдал и др. Значительную прослойку составляли ремесленники-сапожники, швейники и пр. Самый большой слой составляли бедняки. В городе были книжные магазины – Гринвальда и Файтельсона, аптекарский магазин Гольдберга. Учебные заведения: мужская¹⁶⁵³ и женская гимназии, коммерческое училище, высшее начальное училище и духовное училище. Во время войны открыта была ещё частная мужская гимназия Островского. В мужской гимназии, духовном училище и высшем начальном училище учились преимущественно дети мелких чиновников, крестьян и мещан белорусской национальности, а в коммерческом училище и женской гимназии было значительное количество еврейских детей.

Педагоги в этих учебных заведениях по национальности представляли пёструю массу. Так, в мужской гимназии директор В. К. Соколов¹⁶⁵⁴ и инспектор А. А. Воскресенский¹⁶⁵⁵ были великороссы, а в числе преподавателей были двое латышей – Малис¹⁶⁵⁶ и Сутрис¹⁶⁵⁷, один словак –

---

¹⁶⁵² В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» автор указывает: тысячи полторы (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 104).

¹⁶⁵³ Слуцкая классическая мужская гимназия существовала в 1868-1918 гг. на Гоголевском бульваре (в настоящее время здание гимназии № 1 по ул. Комсомольской, 7).

¹⁶⁵⁴ Соколов Владимир Константинович – директор Слуцкой мужской и начальник Слуцкой женской гимназий.

¹⁶⁵⁵ Воскресенский Андрей Андреевич – инспектор Слуцкой мужской гимназии.

¹⁶⁵⁶ Малис Иулий Александрович – учитель географии, философской пропедевтики и законоведения Слуцкой мужской гимназии.

¹⁶⁵⁷ Сутрис Пётр Иванович – учитель древних языков Слуцкой мужской гимназии.

Даляк¹⁶⁵⁸, белорус – Теодорович¹⁶⁵⁹, одна – француженка Кюи¹⁶⁶⁰ и одна – немка. Однородный состав из великороссов был в коммерческом училище. Так подбирали учителей директор Д. И. Иванов.¹⁶⁶¹ В духовном училище, женской гимназии и в высшем начальном училище преобладали белорусы.

После революции в число преподавателей стали входить евреи: Бедчер, Ляндю.

До войны приплачивался известный процент за обрусение края. В городе была земская больница. Популярным врачом был Шильдкрет¹⁶⁶², преждевременно умерший от заражения крови. Он страдал геморроем и, будучи врачом, небрежно относился к своей болезни. Одновременно с ним в больнице работал врач Перминов Алексей Димитр[иев]ич, б[ывший] военный врач, хороший хирург. Он сделал ему операцию, но было уже поздно. По случаю гибели Шильдкрета из Минска приезжала комиссия, проверявшая правильность сделанной операции, которая, при всей тщательной проверке, нашла, что операция была сделана безупречно. В городе ещё были врачи: женщина Майзель¹⁶⁶³, частнопрактикующая, военный врач, он же врач духовного училища Щербович-Вечер¹⁶⁶⁴, тоже рано умер при заражении сыпным тифом, врач-поляк Селицкий.¹⁶⁶⁵ В больнице работали фельдшера Костюк и Зданко. Последний был известный как морфинист.

Был ветеринарный врач-поляк, инженер по строительству дорог. Мэром города был Смольский¹⁶⁶⁶, председатель земской управы – Кобычкин¹⁶⁶⁷, директор банка Татур¹⁶⁶⁸, земский начальник Катранов¹⁶⁶⁹, следователь – Хвалебнов¹⁶⁷⁰, акцизный чиновник – Киркевич¹⁶⁷¹, военный начальник – Борейша¹⁶⁷² и исправник – Савич.¹⁶⁷³

Из культурных учреждений были: клуб Ивановой, частной предпринимательницы, и летний театр Соловейчика, тоже частное предприятие.

---

¹⁶⁵⁸ Даляк Иван Петрович – учитель древних языков Слуцкой мужской гимназии.

¹⁶⁵⁹ Теодорович Иван Михайлович – учитель русского языка Слуцкой мужской гимназии.

¹⁶⁶⁰ Кюи Юлия Мечиславовна – учительница французского языка Слуцкой мужской гимназии.

¹⁶⁶¹ Иванов Димитрий Иванович – директор Слуцкого коммерческого училища.

¹⁶⁶² Шильдкрет Лейба Гиршевич – врач Слуцкой земской больницы.

¹⁶⁶³ Майзель – врач Слуцкой женской гимназии.

¹⁶⁶⁴ Щербович-Вечер Григорий Данилович – Слуцкий городской врач, врач Слуцкого духовного училища.

¹⁶⁶⁵ Селицкий Алоизий Александрович – Слуцкий уездный врач.

¹⁶⁶⁶ Смольский Яков Онуфриевич.

¹⁶⁶⁷ Кобычкин Григорий Лукьянович.

¹⁶⁶⁸ Татур Пётр Гилярович – казначей.

¹⁶⁶⁹ Катранов Владимир Петрович.

¹⁶⁷⁰ Хвалебнов Пётр Александрович – судебный следователь.

¹⁶⁷¹ Киркевич Диомид Степанович.

¹⁶⁷² Борейша Александр Викторович – воинский начальник, полковник.

¹⁶⁷³ Савич Александр Антонович.

В городе были отдельные ряды по торговле мясом, причём различались сорта его: трефной и кошер. Последний употребляли в пищу евреи, а прочие – и тот, и другой сорт. В кошер входила передняя часть туши, которая разрешалась только в пищу евреям. Ряды содержались в антисанитарном виде. Лавочки по продаже сала и фруктов были расположены на площади и городского собора.

В городе, в юго-восточной части его, на Тройчанах (так называлась эта часть города) на берегу речки Случь был старинный монастырь¹⁶⁷⁴, игравший, очевидно, большую роль во время униатского движения. Он не был окружён стеной, как это обычно было в России: площадь его была открытой, но были особые «врата» по линии главного входа. Над ними была большая часовня, которая превращена была в церковь духовного училища.¹⁶⁷⁵ На площади монастыря была старинная каменная массивная церковь¹⁶⁷⁶, в подполье которой находилась гробница Софьи Радзивилл.¹⁶⁷⁷ В этой же церкви стояла небольшая «рака» с «мощами» младенца Гавриила¹⁶⁷⁸, якобы убиенного евреями в ритуальных целях для получения христианской крови в «мацу» (лепёшки, которые евреи употребляли во время своей «пасхи»). История с открытием этих мощей была чёрной страницей в истории русской церкви, её позором.¹⁶⁷⁹

---

¹⁶⁷⁴ Слуцкий Свято-Троицкий монастырь (Тройчанский монастырь) существовал с XV века, закрыт в 1930 г., разрушен в 1950-х гг.

¹⁶⁷⁵ Церковь Иоанна Богослова (домовая) Слуцкого духовного училища.

¹⁶⁷⁶ Свято-Троицкий собор.

¹⁶⁷⁷ София Радзивилл – праведная София, княгиня Слуцкая, княгиня Радзивилл (1585-1612), последняя княгиня города Слуцка, святая Русской Православной Церкви.

¹⁶⁷⁸ Гавриил Белостокский (1684-1690) – мученик, святой Русской Православной Церкви, почитаемый с XVIII в.

¹⁶⁷⁹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В житии его говорилось, что евреи брали у него кровь для сакральных целей и что тело его было всё истыкано каким-то орудием. В тропаре, посвящённом младенцу Гавриилу так и пелось: «Святый младенче Гаврииле! Ты за прободенного нас ради от иудей, люте от оных прободен был еси»... Канонизация младенца была произведена в связи с известным процессом Бейлиса и имела целью поддержать обвинение Бейлиса в сакральном убийстве русского ребёнка якобы для получения крови в мацу (лепёшки, которые евреи едят вместо хлеба во время своей пасхи). Канонизацию совершал Антоний Волынский. Как рассказывал об этом участник этих событий настоятель этого монастыря архимандрит Афанасий (Вечорко), бывший членом правления дух[овного] училища, событие это – канонизация – проходило в такой обстановке, что вот-вот вспыхнет погром, и еврейское население закрылось в домах, забаррикадировавшись, кто чем мог. ...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 103-103 об.

Автор имеет в виду дело Бейлиса – судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874-1934) в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского (1898-1911), инициированный активистами черносотенных организаций в 1913 г. Автор не был участником или свидетелем этого процесса. Сторона обвинения с целью морального давления на суд предъявляла на заседании суда мощи Гавриила Белостокского.

На площади, вблизи церкви, стоял большой старинный каменный корпус, в котором было много мрачных келий со сводчатыми потолками и «покои» архимандрита монастыря, более светлые и просторные. В этом корпусе жили: архимандрит и четыре монаха. Большая часть здания пустовала. Около монастыря был большой фруктовый сад с хорошими сортами яблонь, груш и слив. За монастырём стояли деревянные приземистые здания, в которых жили батраки, и хозяйственные строения. Хозяйство велось примитивно – без применения машин.

На площадке монастыря стояло длинное двухэтажное здание духовного училища и около него тоже фруктовый сад и хозяйственные строения. У входа на площадку духовного училища росли тутовые деревья и кусты персидской сирени.

На площадке у церкви были отдельные могилы. Вся площадь монастыря, расположенная по берегу реки Случь имела весёлый вид и охотно посещалась жителями города. Речка была не широкая, но глубокая настолько, что позволяла купаться, плавать, нырять. По берегам речки рос камыш – аир, который придавал речке поэтически вид.

В центре города, на холме, который был, очевидно, создан искусственно, представлял насыпь, стоял городской собор¹⁶⁸⁰, массивное каменное здание, а вблизи его деревянная церковь, которая первоначально и была соборной.¹⁶⁸¹ Весь холм был покрыт фруктовыми деревьями. Около церкви был деревянный дом, в 4-5 комнат с верандой – квартира настоятеля собора, а около него – небольшой двор с «ригой» (большое высокое здание, деревянное, игравшее роль гумна: здесь был склад сена, соломы, дров и тут же был коровник).

За усадьбой настоятеля собора, в которую входил и огород, тоже на холме был расположен дом, в котором жили ксён[д]зы, а у подножья холма за восточным спуском с него был дом польской семьи Рачевских.

Антоний (Храповицкий) (1863-1936) – в 1902-1914 гг. архиепископ Волынский, ещё в 1908 г. составил «Службу Святому мученику младенцу Гавриилу, в лето Господне 1690-ое от иудей умученному в Белостоке граде, егоже нетленные мощи во граде Слуцке доднесь почивают».

Почитание Гавриила Белостокского подвергается критике со стороны иудаизма, как пример кровавого навета на евреев и пропаганды антисемитизма.

Афанасий (Вечорко) (1863-1937) – в 1911-1922 гг. архимандрит, настоятель Слуцкого Свято-Троицкого мужского монастыря, с 1923 г. – в обновленчестве, «архиепископ Мелитопольский» (обновл.).

В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автор упоминает об ожиданиях вскрытия мощей Софии Слуцкой перед его отъездом из Белоруссии в 1923 г. «В подвале его [монастыря – ред.] стоял саркофаг с останками Софии Радзивилл, и ждали, что вот-вот откроются мощи – не дождалось...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 35.

¹⁶⁸⁰ Николаевский собор, взорван в 1934 г.

¹⁶⁸¹ Церковь Архистратига Михаила, с 1990-х г. собор.

В городе была ещё кладбищенская каменная церковь¹⁶⁸², две деревянные, из которых одна сгорела, костёл¹⁶⁸³, массивное каменное здание, кальвинская церковь¹⁶⁸⁴ и несколько синагог, расположенных в отдельных частях города. Как правило, синагоги были каменные и довольно большие.

Здание мужской гимназии было каменное, двухэтажное, мрачное, очевидно построенное ещё во времена униатского движения и, может быть, даже являвшееся центром этого движения.¹⁶⁸⁵ Отдельно от него на берегу реки был большой, одноэтажный деревянный дом – квартира директора Слуцких мужской и женской гимназий – действительного статского советника и кавалера – Владимира Константиновича Соколова, а неподалёку от него домик-квартира инспектора гимназии – Андрея Андреевича Воскресенского.

У женской гимназии были два здания: каменное, двухэтажное и деревянное одноэтажное, смежные, связанные в одно. Для учебных целей здание вполне отвечало своему назначению.

У высшего начального училища было два деревянных здания: в одном были классы, а в другом мастерские.

Самое лучшее учебное здание было у коммерческого училища, о чём подробнее будет ниже.

Тюрьма была на главной улице и по соседству с пожарной частью и больницей.

Слуцк во время империалистической войны *(август 1916 г. – октябрь 1917 г.)*

Ближайшими военными точками для Слуцка были Синявка и Барановичи, в 60-65 верстах от него. В зимние холодные дни утрами в городе слышна была отдалённая перестрелка на фронте. В городе было много военных. Всё здание дух[овного] училища было занято военными. В городе был расположен Екатеринбургский военный лазарет с главным врачом Хириным. В числе медсестёр, между прочим, была одна женщина из Бродокалмака Шадринского у[езда] [Пермской губернии], которую почему-то звали «матушкой». Война в этот период носила позиционный характер, и в городе, в общем, всё было спокойно: жили, веселились и не помышляли о близости врага. Только иногда устраивались проводы молодого прапорщика

---

¹⁶⁸² Кладбищенская церковь св. мученицы Варвары.

¹⁶⁸³ Костёл св. Антония (бернардинцев).

¹⁶⁸⁴ Закрыта в 1921 г., разрушена в 1943 г.

¹⁶⁸⁵ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Мужская гимназия помещалась в старинном здании, вблизи кальвинской церкви. На основании этого можно предполагать, что это здание раньше принадлежало кальвинистам» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 104.

на фронт, и в трактире Соловейчика на главной улице было шумно: пробки бутылок летели вверх, слышались песни, тосты, и было похожее на «пир по время чумы». Высшее начальство, очевидно, смотрело на это сквозь пальцы: дескать – люди идут на смерть – пусть побалуется. В собор на богослужении обычно являлся генерал и становился около амвона. Известно было, что в праздники на фронт на автомобиле возили батюшку Лукашевича¹⁶⁸⁶ служить молебны. В городе были девушки из мещанок, которые нигде не служили, но всегда были одеты «с иголочки». В городах было много разной «братии», служащих по линии «союза города» и «союза земств». Все пили, ели, веселились.

Гримасы этого периода жизни в Слуцке

«Игорный дом» Петкевичей.

Самым бойким местом в городе был трактир Соловейчика. Здесь всегда было много военной молодёжи. Рядом с трактиром была квартира Петкевичей.

Чета Петкевичей состояла из адвоката Александра Кузьмича, лет под тридцать, и жены его учительницы гимназии, дамы элегантно, красивой, в возрасте 26-27 лет, Александры Георгиевны, урождённой Таран.¹⁶⁸⁷ У них было двое детей. Александр Кузьмич был талантливым оратором, Слуцкий Плевако¹⁶⁸⁸ – таково было о нём общее мнение. Стоило кому-либо предложить ему какую-либо тему и предупредить: «говорить два часа», и речь его начина[ла] разливаться подобно полноводной реке – вольно, гладко и изящно. «Златоуст московский» - так называли московского адвоката Плевако; «Слуцким Златоустом» можно было назвать и Александра Кузьмича. Кроме ораторского таланта у Александра Кузьмича ещё был дар счастливой картёжной игры и страсть к обогащению и вообще к жизни не кое-как. Он учился в Москве, там же училась и Александра Георгиевна, он – в университете, она – на Высших женских курсах, и у них выработался согласованный друг с другом вкус к жизни на широкую ногу – тяга к ней. Кому другому, а им особенно милым был тезис «философа»: «человек – кузнец своего счастья», только нужно было смотреть, где оно улыбается и не прозевать. И они усмотрели, что он тут, рядом, только нужно принять некоторые организационные мероприятия, и они приняли их. Александру Георгиевну не нужно было учить, как быть гостеприимной хозяйкой,

---

¹⁶⁸⁶ Лукашевич Михаил – священник Слуцкого Николаевского собора, Слуцкий уездный наблюдатель церковно-приходских школ.

¹⁶⁸⁷ Петкевич Александра Георгиевна – учительница русского языка Слуцкой женской гимназии.

¹⁶⁸⁸ От имени известного московского адвоката и судебного оратора Фёдора Никифоровича Плевако (1842-1909), участвовавшего в крупных политических и уголовных процессах.

элегантной и привлекательной, потому что в семье Таранов в этом отношении было наглядное руководство, а Александру Кузьмичу стоило только взять в руки колоду карт, и он преобразался в «Германа», но «пиковая дама» никогда не становилась ему на пути: он знал для этого средства. И вот военная молодёжь стала частым гостем у четы Петкевичей. Александр Кузьмич этих представителей «российского воинства» «обделывал» начисто. «Бедняги» стали «плакаться», и слух дошёл до высокого начальства, Александра Кузьмича выслали из Слуцка, но он уехал не с пустыми руками, и когда «изомроша ищущии отрочате», он вернулся в Слуцк и купил особнячок. Александра Георгиевна, как видно, тоже оставалась в Слуцке не с пустыми руками: для поездки в гимназию на уроки один из Слуцких извозчиков всегда подавал ей пару лошадей, а во время каникул она ежегодно ездила на курорт или на Кавказ, или в Крым.

«Счастливый» брак Слуцкой красавицы Рахили Гецовой.

В Слуцке было два магазина по продаже шерстяных материй – драпа, сукна. Одни принадлежали выходцам из «Расей», братьям Мухиным, в другой – Слуцкому аборигену Гецову. Фамилия Гецовых в городе была на славе: помимо того, что она принадлежала купеческому роду, в ней был знаменитый сын, тем, что он был талантливым артистом. Если «покопаться» в биографии артиста Свердловского драмтеатра Гецова¹⁶⁸⁹, то, пожалуй, можно обнаружить, что он или сын того, или родня по какой-либо линии. Не меньше гремела слава и красавицы-дочери. Была Рахиль Гецова уже в возрасте «*virgo viripotens*», т. е. созрела для выхода замуж. Быть красавицей – значит иметь ещё лишнюю заботу: как-бы не «продешевить» при выходе замуж. У Рахили, как и пушкинской Марии Кочубей¹⁶⁹⁰, женихов, претендентов на её руку, было много, но она упорно выбирала, и, наконец, пришёл тот, о котором она, как Татьяна Ларина¹⁶⁹¹, сказала: «Вот он!» Был он, во-первых, из «наших», как коротко евреи называли представителей своей национальности, а, во-вторых, и это было главным, занимал хорошее общественное положение – был военный врач. Сыграли свадьбу, и, наконец, красавица, «определилась», но тут произошло нечто похожее на описание свадьбы у Руслана и Людмилы по Пушкину, с тем различием, что там была похищена невеста, а здесь – жених. Кто-то пронюхал, может быть, в порыве ревности, что наречённый муженёк Рахили вовсе не врач и не военный, а некая разновидность Ивана Александровича Хлестакова¹⁶⁹², но в

---

¹⁶⁸⁹ Гецов Григорий Ефимович (1918-2000) – советский и российский актёр и режиссёр. Народный артист Российской Федерации (1995). Родился в г. Слуцке. С 1946 служил в Свердловском театре драмы. Руководитель самодеятельного народного театра Дома культуры железнодорожников (с 2000 г. Народный театр драмы имени народного артиста России Г. Е. Гецова).

¹⁶⁹⁰ Героиня поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

¹⁶⁹¹ Героиня романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

¹⁶⁹² Герой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

национальности не ошиблись. «Его» посадили в тюрьму. Сколько шуму было из-за этого в городе! Гадали: как «он» смог «разыграть» врача да ещё военного? Как он делал операции и прочее? А вот, оказалось, смог, да ещё и красавицу такую «обольстил». Видно правильно говорится, что люди в погоне за удачей и счастьем иногда «теряют голову» и попадают впросак.

Преступление земского начальника Катранова, или проделки «пиковой дамы».

Уже сколько раз твердили миру, что ... карты не доводят до добра. П. И. Чайковский так ярко доказал это в своей опере «Пиковая дама», но люди всегда люди: «запретный плод им подавай, а без него им рай не в рай». Составилась кампания картёжных игроков из «отцов» города, в которую входили следователь Хвалебнов, земский начальник Катранов, акцизный чиновник Киркевич и кто-то из прокуратуры и суда. Играли, играли, и Катранов признался, что он проиграл не «свои» деньги, а казённые. Решение последовало немедленно: его посадили за решётку: не играй со следователями и судейскими!

«Хождение по мукам»

[Жизнь в доме еврейской семьи Эпштейн]

Когда мы в конце августа 1916 г. направлялись из Парич в Слуцк, то никак не думали, что нас в нём ожидает такое пёстрое и изменчивое будущее, которое составило содержание нашей жизни в нём, в Слуцке. Получилась своеобразная «Одиссея», в которой было, однако, то положительным, что нам удалось за семь лет жизни в Слуцке многое узнать, что при других условиях не пришлось бы узнать.

Мы прибыли в город, когда была слякоть: плакало небо, в городе была грязь, но при этом движение не замирало: это диктовала близость города к фронту. Первым пунктом в городе были «номера» Некрича. Нет, странствовавший по России Чичиков¹⁶⁹³ не смог бы увидеть то, что предстало перед нашими глазами. Грязь, отвратительная грязь, которую можно разве представить по библейскому выражению: «и возвратился пёс на свою блевотину».¹⁶⁹⁴ С трудом промучились ночь. Наутро хозяин охотно вошёл в наше «положение» и помог устроиться в соседях, в еврейской семье Эпштейн, о чём те, очевидно, просили. Нам отвели изолированную комнату с отдельным входом. Это было не плохо, но комната оказалась сыроватой, а топка была на стороне хозяев. В общем, если принять во внимание, что близко был фронт, а город был перенаселён, то мы могли бы благословить нашу судьбу.

С этой, новой для нас, позиции и начались наши наблюдения за окружающей жизнью. Прежде всего, с хозяев. Их семья состояла: хозяин Мордух, Мордке – сокращённо, хозяйка Беля, дети – Леве, Додл, Рохл, Соня, двойники – Гита и Роза, маленькая Нюня замыкала перечень детей. Родителям было за сорок лет. Леве бросил учиться в коммерческом училище и «гонял голубей», т. е. просто бездельничал, Додл – накануне этого положения, Рахиль и Соня учились в гимназии. Гита и Роза готовились к этому. Был жив ещё старик Зейде, отец Мордуха, но его держали где-то в кухне в обществе прислуги Федосьи. У хозяев был дом на 4-5 комнат, деревянный, склад и коровник во дворе, два небольших фруктовых садика. С нами имела общение «пани» Беля, а хозяин держался в стороне. Хозяйка была очень любезной и всё угощала нас своими специфическими блюдами: рыбными котлетами в луковом пюре, сильно проперченные и с чесноком, а на их пасхе – мацой и вином из изюма. Дети, особенно девочки, были очень любезными: я имел уроки в женской гимназии, и это побуждало гимназисток оказывать мне допол[ните]льно ко всему прочему внимание. Мы были знакомыми с сёстрами хозяйки, из которых одна служила сестрой в больнице. Сёстры хозяйки были нашими хорошими друзьями. Мы разделяли с ними их горе: у одной муж был убит разбойниками при поездке в район, у

¹⁶⁹³ Герой поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

¹⁶⁹⁴ Выражение из Второго соборного послания святого апостола Петра (Новый Завет).

другой погиб при попытке освободиться от военной службы: чем-то подтравился, чтобы вызвать сердечную болезнь... и умер. Одним словом, мы жили с хозяевами дружно и даже стали кое-что усваивать из их языка: «*wos tuste*», «*busel, busel, gib mir a kindele*» и пр. (перевод: «что ты делаешь», «аист, аист, дай мне ребёнка» и пр.). Запомнили даже отрывок из одной свадебной песни: «*Und dor Chossen zalt das Jelda, und die Kale ziet und qualt*» («жених считает деньги, а невеста смотрит и радуется»). Иногда мы слушали, как молодёжь их пела тягучие и мрачные песни.

Мы, таким образом, познакомились с жизнью представителей «избранного народа», но осталось загадкой для нас, как семья находила средства для жизни, а ведь жили не как-нибудь, а с покрытием широких потребностей. Был, например, у них клавесин, и приходила учительница учить детей музыке. Леве нам играл по нотам марш, романсы и пр. Где Мардохей добывал средства? Он нигде не служил. Иногда он скрывался на несколько дней, и вдруг в ограде появляется стадо гусей, или в складе гора арбузов. Но было очевидно, что эти операции было мелочью, так – между прочим, по пути, а главное было не это, но что же? Иногда его можно [было] видеть в обществе трёх-четырёх ему подобных людей: стоят они, о чём-то шепчутся и смотрят вдаль. Для нас ясным было одно: и он, Мардохей, и *tutti quanti*¹⁶⁹⁵ «мастера жизни», т. е. мастера делать гешефт.

Занятия духовного училища проходили в здании высшего начального училища, а для общежития было арендовано особое здание.¹⁶⁹⁶ Не сразу я привык к новым фамилиям: Горощеня, Кнеля, Мамчиц, Жаврид и пр. Ребята были больше деревенские из бывшей шляхты. Ни как не мог примириться с принятым в училище обращением учеников к учителю со словами: «господин учитель». Назвать учителя по имени и отчеству считалось фамильярным. В общежитии странным казалось, что вместо чая давали запивку. Много нового, своеобразного, но вот запоют ученики молитвы – известные мотивы: тут все, как и у «нас». Это было то, что объединяло и русских, и украинских, и белорусских детей в одну монолитную семью. Новым было среди песнопений здесь только то, что ученики пели тропарь младенцу Гавриилу: «Святой младенче Гаврииле...» Нет, мысль не мирилась с этим.

Занятия в дух[овном] училище шли по давно знакомому мне трафарету, а сближение с учителями больше шло на основе увлечения пением, о чём речь будет ниже.

---

¹⁶⁹⁵ *tutti quanti* – по-итальянски «и всякие другие».

¹⁶⁹⁶ Здание Слуцкого духовного училища было занято военными.

Слуцкая женская гимназия

Ещё из Перми я делал запрос директору Слуцкой мужской гимназии о возможности получения уроков по линии Министерства народного просвещения и получил положительный ответ. Мне предоставлены были, в соответствии с моим запросом, уроки по словесности в пятом и шестом классах женской гимназии. Таким образом, моё мировоззрение снова расширилось, благодаря знакомству с учебным заведением этого типа.¹⁶⁹⁷

Выше я уже отмечал, что в этой гимназии был значительный процент девиц еврейской национальности, очень экспансивных и смелых. На уроках вдруг раздавался голос: «Скажите, что такое любовь?» или «Расскажите что-либо о любви». Распространено было выражение: «Что за педант наш учитель словесности? Всё нам толкует о высоких материях, а о любви – ничего». После уроков у выхода поджидают две-три гимназистки с просьбой: «Разрешите Вас проводить». И это при наличии штата воспитательниц, которые присутствовали на уроках, но стоило только одной из них почему-либо отлучиться с урока, как вышеуказанные вопросы направлялись в адрес преподавателя. Поэтому, перефразируя известные слова Фамусова¹⁶⁹⁸: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом?», можно было бы сказать: «Что за комиссия, создатель, быть преподавателем женской гимназии?». Если преподаватель был женат, то спрашивали в узком кругу: «Зачем он женат?», и спрашивали с воздыханием. Разделять преподавателей на любимых и нелюбимых было обычным в женской гимназии. В гимназии полагалось время от времени проводить классные сочинения, причём время проведения предлагалось засекачивать. Была у меня одна ученица, у которой было удивительное чутьё угадывать день, когда должно было писать классное сочинение. В такие дни она обычно отсутствовала на уроке, а потом подходила ко мне с объяснением: «Вот опять не писала Вам сочинение; знала бы, что будет сочинение – больная пришла бы на урок». Зная плутовку, я тоже прикидывался и заявлял: «Я убеждён был, что Вы будете на уроке, и очень удивился, что Вас не было». Фамилия этой ученицы была – Ляндю.

Две сестры сидели рядом и написали сочинения, ничем не отличающиеся одно от другого – идентичные. Спрашиваю: кто же у кого списал? И та, и другая с пеной у рта отрицают списывание у кого-либо. «В таком случае», высказываю новое предположение, - «вы обе списывали с одного и того же источника». «Нет» - уверяют обе в один голос. Так и не сознались и не открыли тайну этого явления. Делаю вывод: в женской гимназии, как и в мужской, идёт «борьба за существование», но только не в такой резко выраженной форме, как в последней.

В Слуцке всем было известно, что у преподавателя латинского яз[ыка] мужской гимназии Петра Ивановича Сутриса ежегодно во время экзаменов

---

¹⁶⁹⁷ Занятия в Слуцкой женской гимназии автор вёл в течение года одновременно с занятиями в Слуцком духовном училище.

¹⁶⁹⁸ Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

выбивали стёкла в кабинете его квартиры. В конце концов, он сам признал неизбежность этого явления и стал ставить у этого окна шкаф для защиты, по крайней мере, своей персоны от камня или полена. Передавали также, с какой предосторожностью вёл себя во время экзаменов другой преподаватель латинского яз[ыка] Иван Петрович Даляк. Однажды к нему пристали, как с ножом к горлу два ученика с вопросом, сколько он поставил им, какую оценку за письменную работу на экзамене. Они чувствовали неблагополучие своих работ. Вопрос был задан сначала в стенах гимназии, но в уединённой обстановке. Он ответил, что не помнит. Пошёл домой, они за ним: «Иван Петрович, скажите, скажите». Он: «не помню». Наконец, он вошёл в прихожую комнату своей квартиры и из-за чуть приоткрытой двери быстренько сказал, указывая рукой: «Вам – два и Вам – два» и захлопнул дверь на замок.

В женской гимназии таких ситуаций, конечно, не могло быть, но затворничество и скрытность культивировались с женской настойчивостью и упорством.

Во всяком учебном заведении всегда выделяются отдельные личности из учеников, на которых останавливается внимание. В Слуцкой женской гимназии такими были три сестры Домени – Надежда, Елизавета и Нина, выделявшиеся из среды других исключительной культурой, дисциплинированностью и упорством в учении. С Елизаветой случилось несчастье: тотчас же по окончании гимназии она умерла. Этими же качествами отличались две сестры Щуки – Таня и Шура. Таня, кроме того, была пианисткой и аккомпанировала на вечерах. Она также вскоре по окончании гимназии умерла от туберкулёза.

В педагогическом составе женской гимназии преобладали белорусы, как об этом уже сказано выше.

Начальницей гимназии была Петрашен Мария Васильевна¹⁶⁹⁹, пожилая, одинокая женщина, окончившая какой-то институт благородных девиц и на всю жизнь сохранившая черты институтского воспитания – жеманство, внешний лоск, вертлявую манеру движения и, конечно, полную бесхозяйственность: в её кабинете даже во время её приёмов свободно разгуливали мыши, а в складках гардин сновали мышата. Директором гимназии был В. К. Соколов, директор мужской гимназии, а она, по существу, была только старшей воспитательницей. К ней на приём являлись вновь назначенные преподаватели, но это было только актом вежливости – не больше. Она не пользовалась авторитетом среди педагогического состава. Преподавателем литературы в старших классах – штатным был Степан Герасимович Перегуд-Погорельский, из местных крестьян, получивший высшее образование, а в отдельных группах вели занятия по этому предмету

---

¹⁶⁹⁹ Петрашен Мария Васильевна – главная надзирательница Слуцкой женской гимназии.

совместители: Игнатъев, преп[одаватель] дух[овного] училища, и Кудрявцев, преподаватель мужской гимназии.¹⁷⁰⁰

В младших классах – III, IV и V занятия проводила Александра Георгиевна Петкевич (см. выше).

Занятия по физике и естествознанию вёл Алексей Александрович Корсунь, не то белорус, не то украинец по происхождению, человек с высшим образованием, но сохранивший черты прежнего деревенского быта: женился на простой деревенской девушке, жил в избе с земляным полом и внешне имел вид «опростившегося» человека. Был талантливый преподаватель.

Математика, можно сказать, была на откупе у великороссов: в старших классах вела занятия только что кончившая Высшие женские курсы Мария Васильевна Фёдорова, впоследствии вышедшая замуж на акцизного чиновника Киркевича; в средних классах – Александра Васильевна Свешникова¹⁷⁰¹ и в младших – Зинаида Арефьевна Самсыгина, эвакуированная из Бреста.

Фёдорова была требовательным преподавателем и пользовалась репутацией знатока предмета.

Свешникова с гимназическим только образованием считалась не полноценным по образованию математиком гимназии, но была очень претенциозной на этот счёт личностью и ревниво отстаивала положение о том, что можно быть талантливым педагогом, не имея известного ценза образования. Когда по этому вопросу иногда начинались дискуссии с указанием на определённое, всем известное, лицо, и высказывалось мнение, что это лицо не может преподавать тот или иной предмет по недостатку образования, она всегда отстаивала свою точку зрения, и ей именно принадлежал тезис в форме афоризма: «преподаёт – значит: может преподавать». Из всех преподавателей она выделялась острым реагированием на политические события и была ярким врагом Григория Распутина. Она в учительской комнате всегда поддерживала интерес к политическим событиям и восторженно встретила Февральскую революцию. Не прочь была «плести» интриги против начальницы Петрашен.

Рукоделие преподавала Рынейская Ольга Константиновна, эвакуированная из Бреста. Иностранные языки – немецкий и французский – преподавали: Игнатъева Анна Фридриховна, баронесса Валентина Михайловна Шлиппенбах¹⁷⁰² и ещё одна молоденькая учительница, фамилии которой я не помню. Шлиппенбах была вдова предводителя дворянства г. ...,

---

¹⁷⁰⁰ Кудрявцев Сергей Кесаревич – учитель русского языка Слуцкой мужской гимназии.

¹⁷⁰¹ Свешникова Александра Васильевна – учительница арифметики и математики Слуцкой женской гимназии.

¹⁷⁰² Шлиппенбах фон (Хоёцкая) Валентина Михайловна – супруга барона Теодора Георга Элиза (Фёдора Альбертовича) фон Шлиппенбах (1853-?), в 1916 г. управляющего крестьянскими комиссиями в Минске и Бобруйске, Двинского уездного предводителя дворянства.

женщина очень образованная. Законоучителями были: у православных – священник Леонтий Наркевич¹⁷⁰³, у католичек – молодой ксён[д]з Гродис¹⁷⁰⁴, хитрый и вертлявый, о котором пожилые католички говорили, что он больше любит спасать молодые души, чем старые; и у евреек – один из раввинов города.¹⁷⁰⁵ Преподавательницей начальных классов была ... Филимонова.¹⁷⁰⁶

Она же была секретарём директора по женской гимназии и его видимым и видящим «оком», а сам он больше присутствовал в гимназии «невидимо».

Как некой символической фигурой гимназии был швейцар и комендант здания – Марк Гломбоцкий.

В связи с тем, что власти в городе несколько раз менялись, гимназия тоже испытала все стадии «хождения по мукам».

Я преподавал в ней словесность с 1-го ноября 1916 г. по 31-е марта 1917 г. и латинский язык – с 1-го сентября 1920 г. по декабрь того же года.

---

¹⁷⁰³ Наркевич Леонтий – священник, настоятель Слуцкой Воскресенской церкви.

¹⁷⁰⁴ Гродис Ян (1881-1942) – ксён[д]з, с 1916 г. и. о. настоятеля костёла Пресвятой Троицы и Успения Пресвятой Девы Марии в г. Слуцке. Директор гимназии в Несвиже в 1920-1921 гг. Арестован немцами в 1942 году, через несколько месяцев освобождён. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

¹⁷⁰⁵ Эшман Абрам.

¹⁷⁰⁶ Филимонова Нина Владимировна – учительница приготовительного класса Слуцкой женской гимназии.

[1917 г.]

На новый 1917 г. в Слуцком лазарете была устроена ёлка для раненых, в числе приглашённых на которую был и я. Чувствовалось приближение февральской «грозы». В проведении этой революции принимал очень активное участие главный врач лазарета Хирин: ему было поручено произвести смену полиции на милицию. Как сейчас я вижу его разводящим по постам представителей новой власти с красными повязками на руках.¹⁷⁰⁷

В дальнейшем события в городе были отражением общегосударственных событий: всё бурлило, всюду митинговали, а экономика катастрофически падала. Сатирическим явлением были «керенки», бумажные знаки – жёлтые достоинством в 20 рублей и зелёные – в 40 рублей. В зарплату их выдавали листами, и они не имели никакой цены. Новая гроза неумолимо надвигалась.

[¹⁷⁰⁸]

25-го октября была дождливая погода, а около книжного и писчебумажного магазина Гринвальда, что был на центральной улице города, с утра толпился народ: здесь висело написанное от руки сообщение об Октябрьской соц[иалистической] революции и к нему приложен список нового правительства во главе с В. И. Лениным.¹⁷⁰⁹ Сообщение это обсуждалось на разные лады. Хозяйка нашей квартиры Беля Эпштейн даже высказывала предположение, что не является ли эта перемена осуществлением мечты евреев о Мессии.

Началась полная перестройка жизни. [¹⁷¹⁰] Первыми представителями новой власти в городе явились два гимназиста: Иванов – из восьмого класса и Попович – из седьмого класса. Дело было упрямлено с появлением командированного из центра ленинградского, тогда ещё петроградского рабочего-швейника Владимирова, который стал во главе уездного

---

¹⁷⁰⁷ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Февральская революция прошла менее заметно: сменены были полицейские посты и уничтожено управление исправника. Большую роль в этом деле сыграл главный врач расположенного тогда в Слуцке екатеринбургского госпиталя: он устанавливал новые посты гражданской милиции» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 107 об.

¹⁷⁰⁸ Там же: «Перед началом нового уч[ебного] года были произведены выборы учителей в торжественной обстановке путём тайного голосования. Отстранён был директор мужской и женской гимназии Владимир Константинович Соколов как «царская собака», остальные учителя с разными показаниями за и против были допущены к преподаванию» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 108.

¹⁷⁰⁹ Известие об октябрьском перевороте в Петрограде пришло в Слуцк к утру 26 октября/8 ноября, а 27 октября/9 ноября по городу было расклеено написанное обращение В. И. Ленина «К гражданам России» и первые декреты Советского правительства.

¹⁷¹⁰ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В городе появилось много плакатов на темы: царь, поп и кулак, или: «семеро с ложкой – один с сошкой» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 107 об.

исполнительного комитета.¹⁷¹¹ Самым опасным моментом в жизни города был в это время катастрофический развал фронта и опасение, что неорганизованная масса людей нахлынет в него, и могут быть эксцессы. Однако этого не случилось: главные массы солдат с фронта направились по линии Сморгонь-Минск, минуя Слуцк.

В городе медленно налаживался порядок, между тем его ожидало новое испытание, которое обозначало уже подлинное вступление его в полосу «хождения по мукам».

---

¹⁷¹¹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «На первых порах главными представителями власти являлись юноши – ученики старших классов гимназии, но в скором времени из центра были присланы более солидные руководители, например, петроградский рабочий Владимиров, который в течение нескольких лет был председателем уездного исполкома. В первую очередь внимание было сосредоточено на организации уездного совнархоза, во главе которого поставлен был энергичный молодой человек Панхилевич» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 107 об.-108.

[Немецкая оккупация]

В феврале 1918 г. немцы вступили в город. Было воскресенье, и, как всегда, жители города из христиан после обедни прогуливались по главной улице. Вдруг вдаль на линии шоссе со стороны фронта появилась чёрная точка. Точка эта по мере приближения к городу росла и, наконец, можно было отчётливо различить впереди приближавшегося кортежа небольшую машину с немецким офицером, а за ней штук десять громадных автомашин с плотно стоящими на них немецкими солдатами, с ружьями на боку. «Гости» кричали: «Здравствуй, Русь!» Через два часа они уже разместились в городе, и их стало не видно: они как бы притаились. На другой день в город вошли тучные баварцы и ещё кое-какие военные части непрезентабельного вида, вероятно, «поскребышки» населения, мобилизованные в конце войны. Через некоторое время мы узнали, что немцы разоружили армию польского генерала Довбор-Мусницкого в количестве шестидесяти тысяч, стоявшую под Бобруйском.¹⁷¹²

Первое распоряжение немецкого коменданта по городу, расклеенное в разных местах, имело следующие пункты: принимаются к хождению на равных основаниях русские, польские и немецкие денежные бумажные знаки по соответствующему курсу; за спекуляцию деньгами – расстрел. Немцы восстановили земство. Банк приступил к своим обычным операциям. Учебные заведения, в том числе – духовное училище, которое из-за отсутствия учеников не работало, представляли коменданту ведомости на выдачу жалования на немецком языке, и банк в соответствии с резолюцией выдавал деньги. Представитель от немецкого командования присутствовал на заседаниях земской управы, причём при входе в зал снимал шпагу. Военный пастор во время богослужений приходил в собор и на пасхе стоял в алтаре. От населения требовалось, чтобы при встрече с немецкими офицерами, мужчины снимали головные уборы. В городе появился немецкий книжный магазин, но не было заметно, чтобы немцы стремились развивать торговые операции. В общем, в городе создалась своеобразная идиллия: немецкие офицеры были гостями в богатых еврейских семьях. Жизнь в городе шла своим чередом, но у населения исподтишка «скупались» продукты сельского производства, т. е. прямо сказать – выкачивались эти продукты на потребу отощавшему за войну немецкому населению. Немцы в это время разбили уже свой лоб о Верден¹⁷¹³, но от солдат это скрывалось.

---

¹⁷¹² Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович) (1867-1937) – русский и польский генерал.

В воспоминаниях автора отсутствует эпизод о кратком занятии Слуцка польским корпусом легионеров под командованием генерала Ю. Довбор-Мусницкого в конце января-феврале 1918 г., который поднял мятеж против советской власти, но затем был разоружён немецкими войсками.

¹⁷¹³ Битва при Вердене между немецкими и французскими войсками на Западном фронте, была в 1916 г.

Заговоришь с кем-нибудь из них, то они только и твердили, начитавшись своих газет (а их хорошо ими снабжали): «Энглянд – капут», «Франкрейх – капут», когда уже ясно было, что война ими проиграна, и назревал немецкий «Октябрь».

Ушли немцы из Слуцка в конце октября или начале ноября точно в день и час, которые они объявили населению. Перед уходом командование их ещё разыграло комедию с приведением служащих под германское подданство с приложением отпечатка пальца. Наши «победители» при уходе больше походили на мокрых куриц. Ходили слухи, что когда это воинство проходило через Польшу к домашним пенатам, то поляки пораздевали его и оно голеньким заявилось домой. Подтвердилось известное изречение Наполеона Бонапарта, составленное на основании его собственного опыта: «От великого до смешного только один шаг».

[Жизнь в доме белорусской семьи Терравских]

У Эпштейнов мы прожили на квартире один год, а потом перешли на квартиру эконома духовного училища – Степана Степановича Терравского, на Тройчаны. Здесь нас окружил чисто белорусский быт.

Тройчаны – это неполная улица, прилегающая непосредственно к монастырю. Её населяли белорусы, а около самого монастыря, вблизи духовного училища была колония учителей последнего. У преподавателя латинского языка этого училища, уже вышедшего на пенсию, было два дома, в одном из которых он сам жил [–] Иван Васильевич Попович со своей старушкой Екатериной Васильевной и вдовой своего сына, а в другом доме жил на квартире преподаватель греческого яз[ыка] Николай Феофилович Будзилович с двумя дочерьми. На задах первого дома И. В. Поповича был особнячок преп[одавателя] русского языка Ивана Александровича Новицкого. Он был в глубине двора и как бы спрятался от глаз. В переулке, идущем от духовного училища к шоссе, стоял дом законоучителя мужской гимназии о[тца] Геннадия Гаховича, у которого на квартире жил священник собора Лукашевич. На Тройчанах было длинное одноэтажное деревянное здание, предназначенное для квартир учителей дух[овного] училища. Теперь оно было занято разными жильцами, в числе которых самой видной фигурой был генерал интендантства Масальский, пенсионер, старичок, но обладатель молодой жены и целого выводка детей, носящих явные признаки происхождения от старца – дети были хилые. За этим домом был деревянный дом, квартира упомянутого выше эконома дух[овного] училища С. С. Терравского. На этой же улице был дом ветеринарного врача – поляка, у которого жили на квартире учителя коммерческого училища, и дом инженера Янушевича. В этот ансамбль зданий входили ещё два дома местных жителей из белорусов. За монастырём шёл по одной стороне длинный ряд приземистых избушек Слуцких мещан, растянувшийся на добрых полторы версты по шляху, который вёл к пригородным деревням – большим и малым Мащицам. Одним словом, Тройчаны были белорусским уголком города около монастыря. Здесь было просторно: около реки были луга, а строения тонули во фруктовых садах.

У Терравских мы жили один год, и этого было достаточно, чтобы ознакомиться с жизнью белорусов. Семья состояла из отца, матери, одной дочери, только что кончившей гимназию, мальчика-гимназиста и мальчика-ребёнка. Белорусы – исключительно гостеприимные люди, и мы не сразу привыкли к такому любезному обращению с нами – искательному, предупредительному, каким они окружали нас. Под Рождество хозяева пригласили нас на «кутью» – белорусский обычай проводить вечер по Рождеству. На столе под скатертью была разостлана ржаная солома, и стояло много постных блюд: «ушки» (пельмени) из белых грибов с густым наваром из них, ламансы (сочни), употребляемые с маковым молоком, разная жареная рыба, компоты и пр. Это было полной противоположностью тому, как у нас,

на Урале, проводили сочельник под Рождество. На Пасху хозяева нас опять приглашали к себе в гости. У нас, на Урале, на Пасху ставим на стол множество разной снеди, но то, что мы увидели у хозяев, это не шло ни в какое сравнение с нашими пасхальными столами: тут были «гималаи» куличей, окороков, колбас, сыров и пр. Особенно много колбас. Белоруса нельзя себе представить без колбасы и сала. У каждого на дворе своя коптилка. Как они откармливали кабанов: спускали в ямы, чтобы лишить возможности движения, кормили галушками до того, что они оплывали жиром и теряли чувствительность на своей «периферии» - не чувствовали, как мыши подъедали у них сало, образуя ямки.

Жизнь в окружении евреев научила их тоже «жить»: у нашего хозяина был свой дом и сад, которые он сдавал в аренду, а сам жил на квартире от дух[овного] училища. По всему было видно, что он умел «жить»: заработки были в дух[овном] училище небольшие, но при небольшой зарплате семья жила как не жили другие при большой зарплате. Мы скоро подметили, что белорусы люди себе на уме: любезность любезностью, гостеприимство гостеприимством, но они с хитрецей: этому научила их жизнь между Польшей и Россией. Самым важным следствием этого географического положения Белоруссии было униатское движение, в котором скрестили свои копы католическая и православная церкви.

В августе 1918 г. духовное училище было преобразовано в православную христианскую гимназию, а я перекочевал на работу в коммерческое училище.

[Слуцкое] коммерческое училище

При въезде в город с вокзала почти на самой окраине города справа бросалось в глаза большое трёхэтажное здание, каменное, не белённое, по всем признакам недавно выстроенное, потому что оно отличалось от других своей архитектурой. Это было здание коммерческого училища. Оно было выстроено двумя членами Слуцкой земской управы помещиками – русским Иванухой и поляком Залесским.¹⁷¹⁴ Что руководило этими «меценатами» просвещения – было не ясно: известно только, что у Залесского в нём учились сыновья. Здание было построено с учётом широкого развёртывания в нём педагогического процесса: в нём был, например, прекрасный химический кабинет, в котором у каждого ученика был отдельный столик с полным комплектом необходимых для занятий приборов и реактивов, были специально оборудованные комнаты – классы для рисования и лепки, прекрасный зал для вечеров, постановок и концертов и просторные светлые комнаты для классов.

В здании было центральное отопление и, между прочим, предусмотрена была даже такая «мелочь»: в подвале была баня. Это обстоятельство было прямо спасительным для нас, коренных русаков. В городе когда-то была частная баня с Вифездой, в которой еврейки-роженицы «омывались» от греховного акта рождения ребёнка, причём вода считалась очистительной и не менялась. Во время войны баня была закрыта. Белорусы по деревням «жарились» в «пекурной» печке, а им подражали и евреи. Позднее была за городом выстроена баня для военных, которой разрешалось пользоваться и штатским. Вот почему, говоря о коммерческом училище нельзя не отметить и его баню.

В здании было всё предусмотрено для размещения в нём всех основных и подсобных его учреждений: для библиотеки, кабинетов по физике, товароведению, естествознанию, для швейцарской, раздевалки и пр. Здание было построено по проекту знатока учебного дела.

Не известно, как получилось, что директором училища стал Димитрий Иванович Иванов: случайно ли это произошло, или в результате специального подбора, но во главе училища оказался человек с передовыми педагогическими взглядами, что определило особенную форму организации

---

¹⁷¹⁴ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает: построено двумя соседними помещиками русским Иванухой [зачёркнуто автором, сверху написано – ред.] Кирьяковым и поляком Залесским (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 104 об.).

Коммерческое училище принадлежало помещику М. М. Кириакову, в его организации принимали участие владелец поместья Рачковичи пан Залесский и выпускник Слуцкой мужской гимназии, член Государственной думы Эдвард Адамович Войнилович (1847-1928).

Автор упоминает Ивануху Ивана Михайловича – председателя Слуцкой уездной земской управы.

учебного процесса в училище. На переднюю линию учебного процесса наряду с задачами чисто учебными, на уровень этих задач, была выдвинута воспитательная сторона дела, причём поставлена была задача избежать тех крайностей, которыми страдали так называемые «казённые» учебные заведения типа гимназий, где культивировались враждебные отношения между учащими и учащимися, примеры чего выше указаны на опыте преподавателей латинского яз[ыка] Слуцкой мужской гимназии. Сближение и «тех» и «других» - вот новое, что положено было в основу обучения в коммерческом училище. Первым следствием этого тезиса было улучшение самого учебного процесса: он должен строиться на интересе учащихся, на наглядности преподавания с возможным сокращением элемента принуждения.¹⁷¹⁵ Так как большинство учеников составляли еврейские дети, которые не могли попасть в гимназию, то перед педагогическим коллективом выдвигалась ещё специфическая задача – быть чувствительными к особенностям ученической массы, чтобы ни в коем случае не затронуть национальной розни, что в жизни имело место. Вот почему директор Д. И. Иванов тщательно подбирал учителей единомышленников и искал их в Москве среди знакомых людей. Во время войны, однако, ему это было трудно делать, потому что ехать на работу вблизи фронта – было малопривлекательной перспективой, и ему пришлось набирать учителей из наличного состава учителей Слуцка. Последним, кого он привёз из Москвы, был преподаватель рисования и лепки художник Праотцев¹⁷¹⁶, от которого он был в восторге и похвалялся: «ну, привёз я вам настоящего «праотца» патриарха, который внешне был таковым, но, как потом оказалось, был агентом охранки по деятельности в Аргентине. Когда после революции были опубликованы списки этих агентов с их характеристикой, то среди них был и этот «патриарх» во всей его красоте, но его в училище уже не было.¹⁷¹⁷

---

¹⁷¹⁵ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора «... опыты, лабораторные работы, по литературе постановки, инсценировки, по истории – наглядные пособия. Особое внимание придавалось рисованию, лепке. Было даже пение в младших классах. Особое внимание придано было изучению иностранных языков: им давалось курсорное чтение с последующей проверкой. Была подобрана соответствующая библиотечка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 111.

¹⁷¹⁶ Праотцев Сергей Васильевич – учитель чистописания, рисования и лепки Слуцкого коммерческого училища.

¹⁷¹⁷ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает подробнее: «Дим[итрий] Ив[анович] всё-таки поехал в Москву с тем, чтобы подыскать там преподавателя рисования и лепки. Он нашёл там маститого художника и по возвращении торжественно объявил, что он нашёл преподавателя с видом патриарха. «Патриарх» не замедлил явиться. Он имел действительно вид библейского патриарха: высокого роста, с широкой бородой, длинными волосами до плеч, а фамилия у него тоже была библейская – Праотцев. Шло время, Праотцев работал, но заметно опускался..., обовшивел (*sic!*) и потом скрылся. Вскоре вышел из печати список тайных агентов

В августе 1918 г., когда я поступил в коммерческое училище, состав учителей в нём был на половину новым.¹⁷¹⁸ В числе «старых» и, так сказать, уже проверенных на новой системе обучения, были:

- 1) жена директора Надежда Михайловна, преподавательница французского яз[ыка];
  - 2) преподавательница немецкого яз[ыка] ... Квятковская-Гринёва¹⁷¹⁹;
  - 3) преподавательница истории – Агафья Васильевна (?) Петрова¹⁷²⁰, по некоторым признакам – воспитанница Ивановых;
  - 4) преподавательница естествознания Ольга Михайловна Миролубова¹⁷²¹;
  - 5) преподавательница литературы – Антонина Владимировна Бердоносова и
  - 6) преподаватель спец предметов¹⁷²² Анатолий Иванович Платонов.¹⁷²³
- Это были представители «старой гвардии», из Москвы – единомышленники, люди, спаянные единой идеей.

Вновь были приняты:

- 1) я на преподавание русского яз[ыка] и литературы;
- 2) Сергей Платонович Заусцинский¹⁷²⁴ – на преподавание математики (часть уроков математики и физики вёл сам директор);
- 3) Владимир Степанович Щербович-Вечер на преподавание химии;
- 4) Иван Самойлович Носань – преподаватель рисования и лепки;
- 5) Игнатьева А. Ф. – на уроки немецкого яз[ыка] и
- 6) Елизавета Полиэвктовна Руссакович – на уроки французского яз[ыка].

Таким образом, «старых» и «новых», как в Ноевом ковчеге, было поровну.

В училище были часто педагогические советы, на которых директор «поучал», как надо вести дело. Это особенно, очевидно, был направлено в адрес «молодых». Димитрий Иванович любил говорить так, что казалось, что

охранки при царизме, и в нём значился Праотцев, с детальным описанием его внешности! Он работал в Аргентине» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 109 об.-110.

¹⁷¹⁸ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает, что училище в это время было уже в составе семи классов и с правами правительственных училищ этого типа. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 108 об.).

¹⁷¹⁹ Там же автор указывает: «Позднее приняты были препод[аватель] немецкого и французского яз[ыков], прежде уже работавшая – Квятковская Гриневия» // Там же. Л. 109 об.

Квятковская Инна Петровна – учительница немецкого языка.

¹⁷²⁰ Петрова Агафья Петровна – учительница пригготовительного класса.

¹⁷²¹ Миролубова Ольга Козьминична – учительница естествознания и географии Слуцкого коммерческого училища.

¹⁷²² Так же автор уточняет перечень спец предметов: товароведение, коммерческое дело, статистику. (Там же. Л. 109-109 об.).

¹⁷²³ Платонов Анатолий Иванович – учитель политической экономии, экономической географии, коммерческой арифметики, географии и счетоводства Слуцкого коммерческого училища.

¹⁷²⁴ Там же: Заусцирский.

он сам себя и слушал.¹⁷²⁵ Из «молодых» Щербович-Вечер был из деревни Мащиц, кончил университет, был на фронте, с которого только что возвратился. Заусцинский был в Зимнем дворце при взятии его во время революции. Был учеником военного училища, т. е. по другую сторону баррикад. Одна рука у него было искалечена.

Нужно отдать справедливость, что состав «старых» был исключительно работающим, и у него было чему поучиться, к сожалению, дни были тогда «лукавыми»: всё крутилось, власти менялись, и «хождение по мукам» продолжалось очень интенсивно.

---

¹⁷²⁵ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... Димитрий Иванович Иванов, человек очень умный, энергичный, сторонник новых педагогических течений. Он страдал, правда, пороком многоречия: на педагогических советах начнёт речь и не может остановиться. По этому поводу о нём говорили, что он говорит и сам себя слушает. Но говорил он хорошо и умно» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 109.

[Установление советской власти]

Когда немцы покинули Слуцк, то советская власть была немедленно восстановлена на этот раз в более организованном порядке, чем перед их приходом. Во главе уисполкома встал упомянутый уже выше ленинградский рабочий Владимиров. Он оказался уже женатым на одной девушке из еврейской семьи, б[ывшей] гимназистке шестого или седьмого класса, более подходящей ему в дочери, чем в жёны. Из других видных деятелей того времени были: военком Казлас и зав[едующий] уездным совнархозом.

Во главе народного образования – организаторами его стали: зав[едующий] отделом гражданский раввин Слуцка Саул Бронштейн¹⁷²⁶ и зав[едующий] соцвосом¹⁷²⁷ Мышковский, б[ывший] преподаватель «богословия» еврейским детям в коммерческом училище. Последнее обстоятельство позволяло б[ывшему] коммерческому училищу пользоваться некоторым большим вниманием у нового руководящего органа по народному просвещению, но была тогда бурная пора становления, когда строились только проекты, и, пользуясь образным языком А. С. Пушкина, можно было сказать, что «даль свободного романа сквозь магический кристалл ещё не ясно» различалась.¹⁷²⁸ Больше всего «новое» коснулось материальной стороны: стали составлять ведомость на зарплату «по справедливости»: всем – и директору, и учителям, и техническим – по одной мере, скажем, 800 рублей – и всё что касается учебного строя, то он продолжался по инерции, до него, как говорится ещё «не дошли руки», но уже в конце учебного года «новое» сказалось в таком, например, проявлении: в училище был один «тяжёлый» ученик, которого педагогический коллектив постановил оставить на повторительный курс, но соцвос, по просьбе его родителей, предписал перевести его в следующий класс.

В январе 1919 года, правда, состоялась у учителей города первая инструктивная встреча с «Москвой» по организации педагогического процесса, но речь об этой встрече необходимо предварить рассказ[ом] о семье, из которой вышел представитель Москвы, который был субъектом этой встречи, иначе нельзя будет понять некоторых деталей её и невозможно представить колорит этого события.

Семья Александра Васильевича Хвалебнова, б[ывшего] смотрителя Слуцкого дух[овного] училища.

Октябрьская соц[иалистическая] революция застала эту семью в следующем составе: отец – священник, мать – Валентина Ивановна и дети: Георгий, только что кончивший Слуцкую мужскую гимназию, и дочь Ольга, ученица гимназии. Юра, как рассказывал его отец, увлекался в гимназии латинским языком и писал своему учителю письма на латинском языке. Валентина Ивановна, женщина «бальзаковского» возраста, была натурой

¹⁷²⁶ Бронштейн Саул Симонович.

¹⁷²⁷ Отделом социального воспитания.

¹⁷²⁸ Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

деятельной, эмоциональной и даже страстной, одним словом женщиной бальзаковского склада, излюбленным типом женщины в романе Бальзака. Она скоро поняла всю трагедию своего положения в качестве жены священника в «новых» условиях, а особенно положения детей, поповских детей, и решила пойти на коренную ломку своей семейной жизни. Из эвакуации в город Ковров она в Слуцк уже не возвратилась, а переехала в Москву при содействии некоторых знакомых. Весной 1918 года она со своей дочерью Олей приезжала в Слуцк, но на положении временной гостьи и, очевидно, для того, чтобы договориться о полном отрыве семьи от отца. Оля тогда была совсем ещё зелёной девочкой и, как некую деталь её бытия в то время, хочется отметить, что она пела у меня в монастырском хоре в партии альты.

У Валентины Ивановны «младая кровь» ещё бурлила, и она встала на стезю, как об этом говорится в Библии, жены египетского фараона Пентефрия, которая «возгорелась» от красоты Иосифа прекрасного и склоняла его «на грех» с собой, но он «устоял» от соблазна и стал предметом мести за «это». «Иосиф прекрасный» Валентины Ивановны (это был один юноша из еврейской семьи Слуцка) не был таким щепетильным и сдался на милость своей победительницы. Так составила новая семья Хвалебновых в Москве. У людей, даже привыкших к самым неожиданным новостям, такое сочетание семьи казалось фантастическим и несбыточным, но однажды из Москвы приехал в Слуцк один учитель, бывший там на конференции и навещавший «семью» Хвалебновых, человек, не склонный к вымыслам и с реалистическим складом ума, и он говорил, что имел возможность наблюдать очень прозрачные намёки на супружеские отношения между Валентиной Ивановной и её Иосифом прекрасным. Но как же дети?

Юра в Москве учился в только что открытом при Наркомпросе институте по подготовке инспекторов по народному просвещению. Весть о приезде его в Слуцк с быстротой молнии разнеслась по Слуцку, и учителя с нетерпением искали встречи с ним. Особенно этой встречей были заинтересованы те учителя б[ывшего] коммерческого училища из «старых», которые по заслугам, конечно, считали себя революционерами в педагогическом деле и которым, прямо сказать, хотелось помериться революционными силами, революционным сознанием с новой «Москвой». Встреча состоялась в б[ывшем] коммерческом училище. Несмотря на опасение о том, что меня могут обвинить в злоупотреблении религиозными образами при описании событий, не могу отказать себе опять в случае воспользоваться этим, потому что уж очень подходит для наглядности описания встречи с Юрой Хвалебновым. В Евангелии повествуется, что когда Христос вошёл в силу юношеского развития, юношеского ума, то он пришёл в синагогу, и здесь книжники-фарисеи проверяли его развитие, его ум: задавали ему вопросы, а он давал ответы. Такая же картина получилась при встрече с Юрой: он, вчерашний гимназист, один оказался окружённый своими бывшими мастодонтами-учителями, «вопрошавшими» его, и давал

ответы «по мандату» новой советской власти и отвечал как «власть имущий». Отцы и дети – здесь именно эта проблема особенно ярко была налицо. То, что Юра раскрывал в своей речи, особенно затронуло «старых» из б[ывшего] коммерческого училища, и Антонина Владимировна Бердоносова изрекла: «Всё осталось по-старому, только мы раньше были революционерами, а теперь стали контрреволюционерами». Конечно, она в своей речи, как говорится, сильно заострила углы – выразилась гиперболически, но горечь её (речи) свидетельствовала о том, как далеки были новые веяния в педагогике от того, что составляло *credo* даже передовых учителей того времени.

Летом мы узнали печальную новость о том, что Юра Хвалебнов утонул на Украине, где он был с одним детским домом. Оля Хвалебнова сделалась видным деятелем женского движения в международном масштабе.¹⁷²⁹ Её имя не раз упоминалось в составе делегаций на международные встречи женщин. Прошлой осенью, когда я был в Москве¹⁷³⁰, я разузнал её адрес на улице Грановского и в простоте сердечной обратился к Ольге Александровне Хвалебновой с просьбой сообщить о судьбе её батюшки, с которым у меня были дружественные отношения на почве увлечения музыкой и пением, но ответа не получил. По этому поводу могу сказать только одно: «чтый да разумеет».

Жизнь в городе вошла в привычный порядок. Часто тогда устраивались собрания, на которых выступал Владимиров, председатель уисполкома. Свои речи он обычно начинал словами: «Когда пролетариат взял власть в свои мозолистые руки...» В городе у одного из бежавших из него поляков был большой фруктовый сад, который был взят под общественное пользование. В саду была устроена небольшая сцена, на которой весной и летом выступал хор любителей пения под управлением Плышевского. В городе была дружина добровольцев-пожарников под командованием Мышалова, которая время от времени устраивала марши по городу.

Бывшие трактиры Соломяка и Соловейчика приспособились к новой обстановке и превратились в столовые общественного питания.

В июле 1919 г. группа учеников б[ывшего] коммерческого училища под моим надзором была направлена в имение Ивань, в семи верстах от города на уборку ржи. Это имение раньше принадлежало русскому помещику Кирьякову, который был комендантом г. Львова после его взятия русскими войсками. Ребята связывали рожь в снопы за прошедшей машиной-жаткой. Здесь мы наблюдали за жизнью новых «хозяев» имения. По праздникам они приходили в б[ывший] господский дом, устраивали игры, танцевали. Кормили ребят хорошо, как в шутку они говорили: «вы съели у нас всех телят». Работали здесь недели две. Пошли упорные слухи о том, что

---

¹⁷²⁹ Хвалебнова Ольга Александровна (1902-1982) – советский общественный деятель, член РКП(б) с 1920 г. Секретарь Союза писателей СССР в 1939-1942 гг., заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание» в 1949-1969 гг., заместитель председателя Комитета советских женщин в 1941-1980 гг.

¹⁷³⁰ В октябре 1963 г.

поляки начали наступление на белорусском фронте. Стали говорить о том, что в окрестностях уже побывали разведчики, и однажды утром я обнаружил, что все мои «работники» сбежали в город, а когда я держал путь туда же, то над моей головой летали уже польские военные аэропланы.

[Польская оккупация]

Поляки вошли в город после небольшого боя.¹⁷³¹ Все советские учреждения ещё накануне эвакуировались, а в городе оставались только отдельные красноармейцы для прикрытия отступления. Мы были очевидцами, как по Тройчанам стремительно промчались последние отступающие, залегавшие где-то по огородам; раздавались несколько выстрелов и по улице уже промчались передовые польские части. Раздался звон: его открыто предписало командование польских войск. Поляки потеряли двух солдат убитыми. Были устроены пышные похороны, и при них опять предписано было открыть церковный звон. Вошли в город одетые с иголочки во всё американское и вооружённые на французский манер. Навезли горы разных американских консервов. Принесли с собой идею возрождения великой Польши «от жога до жога»¹⁷³² и свой польский гонор. По вечерам солдат приводили на городскую площадь, появлялись ксён[д]зы, и творилась общественная молитва, после которой разносилось «Еще Польша не сгинела... Наши флаги бялы и червлены – пшилёна наша польска края».¹⁷³³ Иногда на этой церемонии присутствовали две величественные мужские фигуры с французскими военными фуражками на голове.

Пролилась первая кровь мести, и было вывешено объявление, что такие-то расстреляны и предупреждение, что так поступлено [будет] с каждым, кто будет против польской власти. В город возвратились все бежавшие из него от советской власти, весёлые, заносчивые паны и экзальтированные паненки.

В городе был восстановлен магистрат под руководством военного коменданта. Приступила к работе дефензива¹⁷³⁴, и, таким образом, перестройка жизни в городе на новый лад была закончена. В ход пошли польские «костюшки», но разрешены были к обращению по известному курсу и «царские» деньги, с которыми, однако, кто-то шутил странную шутку: был пущен слух, что среди них были фальшивые и эти фальшивые были с проколом, а отсюда при расплате ими на них усиленно искали след прокола и если таковой обнаруживался, их отказывались принимать. Деньги без прокола назывались «кнак». В магазинах и присутственных местах требовалось говорить по-польски, что, впрочем, не удавалось строго выдерживать, особенно – в торговле.

В школах было введено обязательное изучение польского языка, и в коммерческом училище среди преподавателей иностранных языков появилась ещё на положении *persona grata* некая пани Рачевская. На

---

¹⁷³¹ Взятие Слуцка польской армией произошло 10 августа 1919 г.

¹⁷³² «Польша от жога до жога» - «Польша от моря до моря», польский националистический лозунг создания государства от Балтийского до Чёрного моря.

¹⁷³³ «Еще Польша не сгинела...» - «ввеки Польша не погибнет», первая строка гимна Польши.

¹⁷³⁴ Польская контрразведка.

преподавателей была возложена обязанность изучить польский язык, создан был для этого кружок, причём изучающие время от времени должны были подвергаться проверке.

Белорусский язык разрешён был к употреблению, пользовался, так сказать, презумпцией, благоприятным отношением к нему: боялись отпугнуть от себя белорусов. Русский язык признавался, очевидно, временно по нужде терпимым, а еврейский жаргон – запрещён к употреблению в общественных местах.¹⁷³⁵

Коммерческое училище было восстановлено, как и гимназии, в *status quo ante*¹⁷³⁶, т. е. в своём прежнем педагогическом положении со всеми его особенностями. Теперь оно было на самокупаемости, т. е. существовало за счёт оплаты за обучение. Состав его преподавателей был прежний, за исключением принятого на должность секретаря и кассира генерала Сеницына, застрывшего в Слуцке осколком б[ывшей] царской армии.¹⁷³⁷

Всю зиму жизнь протекала более или менее спокойно, но весной разыгралась трагедия, в которой замешанным косвенно оказалось и коммерческое училище. Дефензива раскрыла заговор против польской власти в одной из ближайших к Слуцку деревень. Участником в заговоре оказался ученик 5 кл[асса] коммерческого училища Василий Метельский, и когда об этом стало известно в Минске центральному управлению, то последовал 25-го мая приказ – немедленно закрыть училище. Дефензивой была раскрыта организация, которая готовила восстание среди населения при наступлении советских войск, которое ожидалось весной. Взятые были и заключены шесть человек взрослых, в том числе три брата, и Метельский несовершеннолетний. Расстрел их был назначен на одно воскресенье, о чём широко было оповещено население. Польские власти, очевидно, при этом имели в виду запугать население.

Был на редкость яркий весенний день. Воскресенье.¹⁷³⁸ В городе собралось множество народа из деревень. Их вывели из тюрьмы связанным по рукам. Раздалось: «последний нонешный денёчек...» (Мы жили тогда на главной улице города, против тюрьмы, и были очевидцами). Их повели на расстрел через весь город в сторону кладбища. Сзади следовала пролётка с врачом Селицким (поляк). На улице по обе стороны стеной стояло население.

---

¹⁷³⁵ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает иначе: «Поляки повели другую политику, чем немцы, а именно: политику на ополячение, но делали это под видом белоруссификации. В магазинах было запрещено говорить по-русски, а разрешалось говорить или по-белорусски, или по-польски. В школах было введено обязательное изучение польского языка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 112.

¹⁷³⁶ *status quo ante* – по-латински положение дел, которое было раньше.

¹⁷³⁷ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «П. А. продолжил второй год работать в коммерческом училище и вёл занятия в восьмом классе женской гимназии по латинскому яз[ыку]» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 112.

¹⁷³⁸ 25 апреля 1920 г. в Слуцке были казнены 14 слущких партизан.

Раздался отдалённый залп у кладбища, и на колокольне собора раздался звон, призывающий к обедне.

Метельский по малолетству не был расстрелян, его при отступлении увезли в Польшу, а потом он оттуда возвратился домой. Ходил слух, что одному из осуждённых удалось убежать, но слух этот был опровергнут, когда прах расстрелянных был перенесён на одну из городских площадей и оказались трупы всех шести расстрелянных.¹⁷³⁹

Дальше события развивались против польских оккупантов: началось наступление против них. Они заметно нервничали. Началось отступление польского войска. Оно длилось несколько дней. В конце его город был отдан на три дня на грабёж польскому воинству. Это были три ужасных дня произвола – грабежей и насилий.¹⁷⁴⁰ Страшен и противен человек, когда с него снимут, или он сам с себя снимет узду моральных и бытовых запрещений и ограничений и когда он сам себе скажет или ему скажут: ты теперь зверь и поэтому можешь действовать в соответствии со своей зверской натурой. И они действовали: грабили, насильничали. По городу разносился крик еврейских детей, которые старались защитить свои дома: «Пожар, пожар!» - кричали они, но «они» знали, что им всё позволено, и творили своё грязное дело. Защищаться было бесполезно: в их руках оружие. К нам в квартиру пришли двое. Всё было открыто настезь. Мы сказали, что мы – учителя, в надежде, что это, может быть, что-нибудь им о чём-нибудь скажет. Нет, они принялись с каким-то тупым упорством везде шарить, перерывать, выбрасывать, рвать. Нашли ридикюль с николаевскими двадцатипятирублёвками, разорвали его и стали расхватывать деньги, как зверь рвёт свою добычу.¹⁷⁴¹ Звери, звери!!! Ушли, а нам говорили потом соседи, когда мы им рассказывали о своих «гостях», что у нас ещё были люди с «совестью». Перед уходом из города, на рассвете одного дня, зажгли мосты, сожгли коммерческое училище: нанесли в него соломы, облили керосином и не давали тушить пожар, так что от него остались только одни стены.

По пятам отступающих вошли наши.¹⁷⁴² Вместо ушедших, хорошо одетых и вскормленных американцами, вошли плохо одетые, почти босые наши спасители. Какая трагедия жизни!

---

¹⁷³⁹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает: «В последствии трупы расстрелянных были извлечены из земли и с почестями похоронены на одном из холмов города» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 112 об.

¹⁷⁴⁰ 12-14 июля 1920 г.

¹⁷⁴¹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Солдаты шарили по домам и забирали всё, что хотели. Первый раз в жизни П. А. пришлось встретиться с глазу на глаз с грабителями, которые молча вошли в квартиру, молча перерывали вещи, наконец, нашли царские деньги, расхватили их, взяли две коробки спичек и ушли» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 113.

¹⁷⁴² 15 июля 1920 г.

Наступление шло под лозунгом: «Даёшь Аршаву!» Через город шли и шли войска. Проходила артиллерия. В городе установилась прежняя власть. В городском саду опять проходили собрания. И опять пролилась кровь мести, но с другой стороны, и об этом было объявлено по городу.

Однажды утром по городу стала распространяться тревога: под Варшавой наши войска потерпели поражение, и волна наступления движется к нам. Отступающие части стали проходить через город и рассказывали, что видели уже трубы домов в Варшаве... и вот разбиты. Тут только спохватились: так торопились к «Аршаве», что целые полки польских войск оставили у себя в тылу. Говорили, что поляками командовал под Варшавой сам Фош, главнокомандующий французской армией.¹⁷⁴³

Три дня бой шёл в самом городе. Французские восьмидюймовые орудия были поставлены в черте монастыря и вдоль главной улицы города. Снаряды со стороны наших войск ложились на город. Мы спасались в каменном здании больницы. Канонада временами затихала, и население выходило на улицу, чтобы разузнать, как идут дела в городе. Тут обнаруживали, что в такой-то дом попал снаряд и убита вся семья, там убило того-то, а там несколько человек. Стало очевидным лицо войны.

Рижский договор¹⁷⁴⁴ был заключён, когда наши войска стояли на расстоянии 13-ти километров от Слуцка в сторону Бобруйска. Граница была установлена по линии расположения немецких войск под Барановичами. В Слуцк возвратились представители советской власти.

В промежуток времени между наступлением на Варшаву и отступлением после поражения под ней мы, учителя теперь уже б[ывшего] коммерческого училища хоронили учителя химии Владимира Степановича Щербовича-Вечера. Совсем молодой парень, 24-25 лет, был сражён туберкулёзом. Как видно, он ещё на войне глотнул немецкого химического газа, а затем кое-что добавил к этому на уроках химии, а главным образом – ухаживал за своей туберкулёзной сестрой и заразился. Мы навещали его в деревне, когда он уже сильно ослабел. Он просил: «Спасите, спасите, отправьте в Крым», но об этом не могло быть и речи, потому что кругом кипела война. Привезли его в больницу, но только для того, чтобы как-нибудь смягчить его смертные часы. Однажды рано утром к нам постучала в окно его мать и сказала: «Володя умер!» Какая это была трагедия для семьи: учили деревенского мальчика, вывели в люди и вот... похоронить! Был он к тому же на редкость умным, талантливым и сердечным человеком. Проводили мы его в последний путь по тому шляху, по которому через несколько времени поляки наступали на город.¹⁷⁴⁵

---

¹⁷⁴³ Фош Фердинанд (1851-1929) – французский военачальник, маршал, в 1918 г. главнокомандующий союзными войсками во Франции.

¹⁷⁴⁴ Рижский мирный договор между РСФСР и Польшей, завершивший советско-польскую войну, подписан 18 марта 1921 г.

¹⁷⁴⁵ Слуцк вновь находился под польской оккупацией в октябре-декабре 1920 г.

Итак, коммерческое училище было закрыто на этот раз навсегда, а здание его сожжено до основания, и, наконец, все учителя его «старины» выехали в Россию к своим домашним пенатам.

Среди многих моих жизненных впечатлений, так или иначе отложившихся в моей душе в виде воспоминаний, коммерческое училище, несмотря на то, что мне пришлось в нём мало работать и в «смутную» пору его существования, оставило глубокий след в следующих отношениях, или, как говорят, аспектах.

1. В лице его педагогического коллектива я встретил редкие явления людей, спаянных единой идеей, упорно добывающих её осуществления. Это был единственный случай в моей жизни.

2. Я не встречал больше в жизни таких преподавателей русской литературы, какой была Антонина Владимировна Бердоносова. Я был всегда в восторге от тех постановок на литературные темы, которые она осуществляла как иллюстрации к её занятиям. Так, например, я был восхищён постановкой ею по «Повести о том, как поссорились И. И. и И. Н.».¹⁷⁴⁶ Это было в её лице редкое сочетание двух качеств, необходимых для преподавания литературы.

3. Нигде в жизни, в педагогической деятельности я не встречал такого удачного разрешения преподавания иностранных языков, как это было в коммерческом училище. Здесь была библиотека с самыми элементарными рассказами на иностранных языках, и дети с раннего возраста приучались к чтению и рассказыванию.

4. Я считаю, что вопрос об отношениях между учащими и учащимися в коммерческом училище был разрешён на высоком уровне, что мне в жизни приходилось мало встречать, если не сказать – совсем не встречать. Об этом особенно приходится вспоминать, имея в виду «порядки» в нынешних школах.

5. Я считаю, что в коммерческом училище был разрешён вопрос о приучении учеников самим убирать за собой классы, а в частности – ухаживать за цветами в классе. На этот счёт в коммерческом училище был образцовый порядок.¹⁷⁴⁷

Теперь это, очевидно, дело невозможное, но опыт работы этого училища неплохо было бы изучить нашим нынешним школам.

---

¹⁷⁴⁶ «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» - повесть Н. В. Гоголя.

¹⁷⁴⁷ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Большим новшеством было то, что ученики сами производили уборку классов: уборщица ставила у дверей класса ведро с влажными опилками, щётку, воду для поливки цветов (на окнах везде были цветы), а двое дежурных производили уборку» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 111.

Жизнь в Слуцке при советской власти

При оставлении поляками Слуцка по Рижскому договору с ними ушли за новую границу с Польшей некоторые жители города. Наконец, перемены с властями прекратились, твёрдо установилась советская власть.

Во главе вновь организованного отдела народного образования стали на этот раз белорусы: зав[едующий] отд[елом] Окулин и инспектор-инструктор Пецевич. Вместо б[ывшей] женской гимназии создана была школа второй ступени. Волею руководителей отделом нар[одного] образования я был определён в ней быть зав[едующим] у[чебной] частью.¹⁷⁴⁸ В основном в педагогический состав школы вошли преподаватели б[ывшей] женской гимназии.¹⁷⁴⁹

Новым в расписании учебных занятий было учреждение «урока питания». Так назывался перерыв в занятиях, во время которого ученикам и преподавателям выдавался бутерброд из небольшого куска ржаного хлеба с ломтиком сала.¹⁷⁵⁰ Время было тяжёлое и с питанием, и с одеждой. В качестве обуви применялись в летнее время деревянные сандалии, и в городе стоял своеобразный гул и стук от них. На смену им стали шить матерчатые туфли с верёвочной подошвой, но это было уже роскошью. Были в ходу

---

¹⁷⁴⁸ Автор работал в Слуцкой школе второй ступени с декабря 1920 г. по сентябрь 1922 г.

¹⁷⁴⁹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор пишет подробнее: «В школе из прежнего состава оставались немногие. Остался преподаватель словесности Степан Герасимович Перегуд-Погорельский. Он, наконец, женился на бывшей классной даме – Марии Михайловне. Остался преподаватель физики и химии Алексей Александрович Корсунь, профессор. Вечно в движении, в хлопотах по профсоюзному делу – «каким ты был, таким остался». Осталась бывшая классная дама, а теперь делопроизводитель – Зинаида Арефьевна («Ореховна», как её между собой называли ученики) Самсыгина. Осталась преподавательница рукоделия – О. К. Рынейская, вышедшая потом замуж за овдовевшего Киркевича: она заняла место покойной математички Марии Васильевны. Наконец, осталась преподавательница французского языка б[ывшая] баронесса фон-Шлиппенбах Валентина Михайловна, муж которой потомок шведского генерала Шлиппенбаха, был до революции предводителем дворянства в г. Лепеле Витебской губ[ернии]. Теперь она опустила, ходила по городу босяком, жила в одиночестве с собачкой.

Из школы выбыли: б[ывшая] начальница гимназии М. В. Петрашен и преподавательница математики А. В. Свешникова, та самая, которая больше всех радовалась по случаю убийства Распутина и которой принадлежало классическое выражение по вопросу о том, можно ли доверить преподавание человеку, не имеющему соответствующего диплома: может ли таковой преподавать? Она на этот вопрос отвечала категорически: «преподаёт, значит – может преподавать».

Особенно чувствовалось отсутствие Александры Васильевны: она всегда умела поддерживать в гимназии оживлённую беседу.

Вновь прибыли: преподаватель математики Шолом Менделевич Бедчер и естествознания - ... Ляндю» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 114-115.

¹⁷⁵⁰ Там же автор указывает, что кроме бутерброда с салом в завтрак входила ложка сахарного песка к чаю. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 118 об.).

лапти. Часто можно было видеть баронессу фон-Шлиппенбах шествующей по городу босячком, но с пышной шляпкой на голове.

Денежные знаки совсем вышли из употребления, и обмен производился на рожь. Если, скажем, нужно было купить мази для обуви, то берёшь с собой мешочек с рожью и направляешься в магазин. Рожь взималась в плату за обучение. В школе была отдельная комната, в которой она хранилась насыпью. Время от времени приступали к дележу, и тогда подводы с мешками ржи направлялись в квартиры учителей. При этом среди населения было ещё в ходу золото, и Слуцкий житель Мигдал ездил специально в Минск, чтобы узнать его курс и по пути с вокзала на ходу уже возвещал его.

Учителям несколько позднее отдан был в эксплуатацию монастырский фруктовый сад, урожай которого они перепродавали одному «гешефтмахеру» на золото, которое они поделили между собой.

Учителям также отдан был в пользование огород около костёла. Это было свидетельством проявления заботы об учителях со стороны органов народного образования, но жизнь всё равно была тяжёлой, особенно для семейных учителей, как, например, для А. А. Корсуня. Поэтому иногда бывало так, что ученики отдавали ему свои бутерброды, которые получали на «уроках питания».

[¹⁷⁵¹]

Обстоятельства вынудили меня встать на «двойную тягу» для обеспечения своего существования: одно время я служил в Слуцком отделении Центробелсоюза письмоводителем и «бегал» на уроки в школу.

---

¹⁷⁵¹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Пронёсшаяся шквалом буря перемен в корне изменила преподавательский состав города. Так, основной состав учителей коммерческого училища по главе с директором его Д. И. Ивановым уехал в Россию, а примкнувшие к нему в период войны преподаватели, молодёжь, разлетелись, кто куда. Преподаватель рисования И. Носань некоторое время занимался гончарным делом: выделывал крынки, латки и продавал их по такой цене: «насыпал в ту или иную посудину ржи до краёв». Здание коммерческого училища – остов его так и стоял неммым укором за свершённое поляками преступление. Потом один угол его приспособили под сушильню фруктов.

Коллектив учителей мужской гимназии постепенно разлетелся в разные стороны.

... Преподаватель литературы гимназии Иван Михайлович Теодорович со своей супругой Софьей Оскаровна, преподавательницей немецкого языка, выехал в Польшу. Преподаватель истории Африкан Александрович Малис ещё раньше уехал директором во вновь открытую гимназию в местечко Копыль.

П. И. Сутрис уехал в свою Латвию. Даляк И. П. и Кюи, преп[одавательница] французского языка, выбыли не известно куда.

Около монастырской церкви появились два новых холма: в них похоронены старики учителя духовного училища: М. А. Журавский и Н. Ф. Будзилович. Инспектор М. И. Волосевич уехал в Минск и там женился» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 115-115 об., 116.

Потом и совсем перешёл на работу в Центробелсоюз.¹⁷⁵² Здесь зарплату нам частично выдавали натурой: солью, мануфактурой и др. предметами. В обмен шла соль. Нас спасало от голода то, что удавалось запастись на зиму фрукты и выкармливать кабанчика, для кормления которого летом собирали траву, а к ней примешивали варёную картошку. И этого было недостаточно, и мы принимали на квартиру учеников за оплату натурой. Жили мы тогда, как выше было уже указано, в особняке по главной улице. Домик был в саду, в котором были фруктовые деревья – груши. Кое-что я прирабатывал пением и по должности регента – булки хлеба и домотканое полотно.

На основании всего этого разве нельзя этот период нашего бытия назвать «хождением по мукам»?

Нельзя обойти молчанием некоторые эпизоды из жизни этого периода.

1. Трагическая смерть Марии Васильевны Киркевич, урождённой Фёдоровой.

Выше она упомянута мною в числе учителей женской гимназии. Была она человеком со своеобразным складом характера: сухость, рассудочность были развиты у неё не по возрасту. Казалось, что она засушила себя математикой. Было известно, и сама это говорила, что у неё был «поклонник» - молодой человек, который ей нравился, но она отклонила его предложение сочетаться браком, предпочтя ему человека уже пожилого и, как видно, достаточно потрепанного в жизни, из соображений узко материальных, чуть ли только из-за того, что последний имел хорошую квартиру и был несколько лучше обеспечен. И вот среди нас появилась парочка с явными признаками большого различия в возрасте. Появилась дочка, и «она» стала называть «его» папочкой. Тогда как раз были у нас дежурства в монастырском саду, отданном нам в эксплуатацию. На них часто и появлялась она с колясочкой и «папочкой». Мы привыкли, в конце концов, к этой семейной идиллии и вдруг узнаём, что Мария Васильевна при смерти. Оказалось, что ей делала аборт некая Лянда, и у неё начался процесс заражения крови. Сделал ей операцию врач-хирург А. Д. Перминов, но было уже поздно: она скончалась. Известие об этом потрясло нас всех. Речь на

---

¹⁷⁵² В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает, то он работал в Слуцком отделении Центробелсоюза по совместительству делопроизводителем с 18 июня 1921 г. по 1 сентября 1922 г., а затем только там старшим счетоводом до 10 июня 1923 г.

«Во время голода в Поволжье кооперация заготавливала хлеб для голодающих. Работа П. А. заключалась в выписывании фактур на получение кооператорами товаров на сданную рожь и др. сельскохозяйственные продукты. Существовало множество эквивалентов на разные товары, по ним и выписывались фактуры. Нужно было быстро производить много вычислений, и голова П. А. иногда уставала до крайней степени. Служащим в отделении иногда зарплата выдавалась натурой: солью, керосином, мануфактурой и т. д. Это хорошо поддержало бюджет П. А.» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 119.

похоронах произносил Слуцкий «Златоуст» А. К. Петкевич (см. выше). Он теперь работал не адвокатом, а преподавателем математики.¹⁷⁵³

Девочку М. В. отправили на воспитание к матери её, т. е. к бабушке, а «папочка» женился на Рынейской, преподавательнице рукоделия.

2. Встреча с земляками-пермяками.

Во время войны с поляками по прилегающему к Слуцку фронту курсировала бригада артистов, дававших концерты для красноармейцев. В числе этой бригады были: артист пермской оперы баритон Демерт с женой Прозоровской, урождённой пермячкой. Жили они на станции в специальном вагоне, где я и навестил их на правах земляка. Вспоминали Пермь и пермскую оперу. Демерт, между прочим, вспомнил о семинаристе Петре Шестакове¹⁷⁵⁴, который выступал при нём в оп[ере] «Садко» в роли венецкого гостя.

Бригада давала концерт в клубе Ивановой. Демерт пел арию Онегина из оп[еры] «Евгений Онегин», а Прозоровская декламировала «Умиряющего лебедя» Бальмонта под музыку Сен-Санса¹⁷⁵⁵ в сопровождении скрипки. Встреча воскресила в памяти юные годы жизни в Перми.¹⁷⁵⁶

---

¹⁷⁵³ А. К. Петкевич стал работать преподавателем математики в школе второй ступени после возвращения в Слуцк и смерти М. В. Киркевич.

В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Крылья картёжника были подрезаны. Не было возможности произносить речи по адвокатской работе. Он заметно «осел», выленял, потускнел; не было прежнего полёта, и последнюю речь он произнёс на похоронах своей предшественницы. Жена его, красавица, патронесса картёжного клуба тоже вроде как отцвела и занялась хозяйствовать в только что купленном доме. В школе ей оставлена была должность зав[едующей] учебной частью в младших классах» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 114.

Там же автор уточняет, что был заведующим учебной частью в старших классах.

¹⁷⁵⁴ Шестаков Пётр Евгеньевич. См. Часть III. Пермская духовная семинария начала XX века.

¹⁷⁵⁵ Сен-Санс Шарль Камиль (1835-1921) – французский композитор, дирижёр, пианист, критик и педагог.

¹⁷⁵⁶ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор пишет об этом подробнее: «Летом того же [1919] года Слуцк посетила бригада артистов, обслуживающая фронт, в составе: руководителя бригады – оперного певца Демерта, его жены – декламатора Прозоровской, одного баритона, одного тенора, сопрано и скрипача. ...

Бригада давала для населения города концерт в клубе. Демерт пел ариозо Онегина: «Вы мне писали...» Тенор пел «Куда, куда вы удалились...»

Сопрано: арию Лизы из «Пиковой дамы» - «Ах утомилась, устала я...». Скрипач сыграл «Октября» из «Вреён года» П. И. Чайковского. Прозоровская декламировала под аккомпанемент пианино и скрипки стихотворение Бальмонта «Умиряющий лебедь». А вначале была показана одноактная пьеса «Ночь любви». Слуцкая публика так наскучилась без музыки, что с жадностью набросилась на концерт и с удовольствием слушала» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 117-118.

3. Проповедь иеромонаха Ионы.¹⁷⁵⁷

В последний раз я видел его в Казанской академии в июне 1913 г., когда он был Владимиром Покровским, а товарищи звали его Володькой Покровским. О нём был у меня разговор с иеромонахом Нилом (Фёдором Жуковым), когда я виделся с ним в Зилантовом монастыре в Казани в августе того же года. Нил тогда скорбел о том, что Покровский постригся в монахи без достаточной подготовки к этому. Иону я тогда не встречал, и вот я вижу его произносящим проповедь с амвона Слуцкого собора. Призываю в свидетели Овидия Назона: нет! Сколько я не приобик к его «Метаморфозам», но сию не могу понять, нет, не могу! Он говорил о страданиях Богоматери по поводу войны и её лишений. Он говорил: «А вы думаете – легко ей, нашей матушке...» и т. д. Я был на положении Евгения Онегина, когда он в Петербурге на балу встретил Татьяну и задавал вопрос: «Ужели это она, та девочка...» и т. д. Смотрел я на оратора и думал: «Ужели это он, Владимир Покровский, кавалер и ухажёр!» Да, но было так! У меня не было желания встретиться с ним *tete-a-tete*, и я ограничился только созерцанием издалека.

4. Вымирание старых холостяков.

Подмечено, а теперь, можно сказать, и доказано, что одной из причин, порождающих явление в мире старого холостячества, было стремление к карьере и как только оно, это стремление, теряло под собой почву вследствие ли насыщения, или вследствие изменившихся условий жизни, люди, страдающие этим пороком, бросались в объятия Гименея, подчас очертя свою буйную головушку. Так именно случилось в Слуцке с двумя видными деятелями на ниве просвещения. Директор б[ывших] мужской и женской гимназий, действительный статский советник Владимир Константинович Соколов, дожив до 55 лет, так и не удосужился жениться. Где тут было жениться, когда вдали маячили генеральский чин и мундир?! И вот Октябрьская революция перетряхнула всю жизнь: мираж скрылся.¹⁷⁵⁸ Потянуло к домашнему уюту, в лоно Гименея, и он впервые заметил, что около него живёт и работает его же секретарём «она», Нина Филимонова, девица 24-25 лет.¹⁷⁵⁹ Разница в годах? Но ведь в опере «Евгений Онегин» ещё генерал Гремин доказал, что «любви все возрасты покорны», а Татьяна показала образец преданной жены. Сердце Нины Филимоновой было тоже не камнем: вместе работали – вот и всё! Любопытно, что больше всех разница в

¹⁷⁵⁷ Иона (Покровский), иеромонах. См. Часть IV. Казанская духовная академия начала XX века.

¹⁷⁵⁸ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Директор [Слуцкой мужской гимназии] действительный статский советник Владимир Константинович Соколов, «царская собака» в период оккупации вновь являлся директором. Его приглашали «наладить дело» и он его налаживал» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 115 об.

¹⁷⁵⁹ Там же автор указывает, что после установления советской власти, «улучив подходящий момент, они выбыли на родину В. К. на Смоленщину». (Там же).

годах «влюблённых» взволновала Марию Васильевну, тогда ещё Фёдорову, а не Киркевич. «Не понимаю, - философствовала она, - как можно любить старика?», а сама, между прочим, когда ей пришла пора сделать выбор себе муженька, то предпочла молодому искателю её руки пожилого, сильно потрёпанного человека, который был по возрасту, правда, моложе Соколова, но по «опыту» жизни, вероятно, старше его.

Инспектором в той же гимназии работал Андрей Андреевич Воскресенский, мужчина под сорок лет и тоже старый холостяк. Он тоже «запустил» срок женитьбы в служебном пылу, и казалось, что у него «это» отмерло, но вот жизнь тряхнула, и потянуло к семейной жизни. Был он стеснительным в женском обществе, робким, и это подметила его прислуга Ядвига – полька. Он поддался её влиянию и «согрешил». «Согрешил» он в тот момент, когда была польская оккупация и когда Ядвига радовалась приходу польского войска, разделяла радость с другими, в том числе и с представителями этого войска. Но вот они ушли, а она оказалась уже не одна, а с зародившейся в ней новой жизнью. «Расхлёбывать кашу» пришлось Андрею Андреевичу. Ядвига категорически нарекла его «отцом семейства», и он пошёл регистрировать новорожденного. Служитель загса Лещинский так описывал это событие: «Пришёл он к нам стеснительный, мнётся, заикается и с трудом изложил своё «дело». В жизни всяко бывает!¹⁷⁶⁰

5. «Чествование» в Слуцке лорда Керзона.¹⁷⁶¹

Ультиматум, предъявленный этим лордом Советской России, нашёл свой достойный отклик и в Слуцке. Были митинги, произносились горячие речи, и, наконец, организована была демонстрация. Это было зрелище, достойное кисти художника. Карнавальное шествие! Где-то раздобыли цилиндр, сюртук, полосатые брюки и сделали чучело, которое обозначало лорда Керзона. Смех, крики в адрес виновника этого «чествования» неслись со всех сторон. Всё, что могло быть порождено юмористическим складом человеческого ума и выражено в острой сатире – всё было использовано на этой демонстрации. Слуцк демонстрировал своё политическое сознание.

---

¹⁷⁶⁰ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает, что «дальнейшая судьба А. А. не известна». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 116).

¹⁷⁶¹ Керзон Джордж Натаниэл (1859-1925) – министр иностранных дел Великобритании в 1919-1924 гг. 8 мая 1923 г. направил ноту (ультиматум) Советскому правительству, содержащий угрозу полного разрыва отношений с СССР из-за антибританской политики на Востоке и антирелигиозной политики внутри СССР. Советское правительство 11 мая 1923 г. отвергло ультиматум и инспирировало массовые демонстрации, а 23 мая удовлетворило часть требований Великобритании.

Mein «Alter ego» в Слуцке

Всё, что в течение долгого времени, начиная с Камышловского дух[овного] училища, продолжаясь в Пермской дух[овной] семинарии и Казанской дух[овной] академии, собиралось в моей душе на почве увлечения музыкой и пением, при жизни в Белоруссии получило полную разрядку и составило мою вторую жизнь. Если бы не это обстоятельство, то жизнь, как она мною описана выше, казалась бы, очевидно, сугубо мрачней и суровой, чем она была пережита.

Я познакомился с песнями белорусов и их певческим талантом. Пели они в это время очень много и с большим увлечением. Начинали они обычно свои выступления с песни, которой они придавали значение национального гимна¹⁷⁶²:

*Ад веку мы спали
И нас разбудили:
Сказали, что треба робить,
Что треба свабоды,
Зямлі чалавеку,
Что треба злодеев побить.*

...

...

*Мы долго тярпели,
Терпеть большь не будем
И пойдём мы долю шукать.
Что эта за гарная
Доля несчастная –
Без хлеба, без хлеба працуй.*

Как мне передавали, эта песня потом была запрещена, потому что с ней стали связывать сепаратистские устремления некоторой части белорусской интеллигенции.

Любимой песней была у них и, очевидно, является и сейчас бравурная песня о «бульбе»:

*Гарни, гарни бульбу с печи,
В торбочку мне дай на плечи,
А из торбочки в куточек –
Подай бульба голосочек.*

...

*Или запевали тягучую:
Чамуж мя не пець,
Чамуж не гудзець,
Коли в моей хатунце
Парадок идець...*

---

¹⁷⁶² «Белорусская марсельеза» - белорусские патриотические песни.

...

Много пели они украинских песен и обязательно «Заповіт».¹⁷⁶³

Белорусы энтузиасты пения. В этом я убедился, когда руководил хорами. Бывало, погода стояла холодная, на улице – грязь, а назначена спевка. Ну, думаешь: нет, не придут! Смотрю: все в сборе. Не забыть таких энтузиастов хора, как сопрано – Маланя Ковальская, Соня Хаустович, Поля Криводубская, контральто – сёстры Коханович – Маруся и Аня, тенора – Иван Степанович Турчинский, Шейко, Игнатий Игнатьевич Криводубский, басы – Шахлевич, Зданко. Была целая семья певцов Прушинских: Коля, Глаша и Тоня. В этих хорах (их было двое) было перепето всё, что так дорого было мне с детских и юношеских лет.¹⁷⁶⁴

Не забыть музыкальный кружок Александра Васильевича Хвалебнова. Сколько здесь было перепето дуэтов, романсов под аккомпанемент Михаила Михайловича Лебедева. В кружок входил б[ывший] участник хора

---

¹⁷⁶³ «Заповіт» - по-украински «Завещание», программное стихотворение в форме послания-«завещания» украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814-1861). В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В городском саду в летнее время эти песни гремели на весь Слуцк. Белорусы любят петь и мастера петь!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 30.

¹⁷⁶⁴ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Второе, чему П. А. отдавался всей душой и «что любил как душу» - это было участие в церковном хоре в соборе и монастыре. Он принимал в них участие, как говорят, в двух формах: как солист хора и как регент. На хорах собора, на авансцене их он пел свои любимые вещи: Степанова «Ныне отпускаеши», Соломина «Благослови душе», неизвестного автора «Хвалите» и др. Белорусы, как и украинцы, хорошие певцы и строгие ценители, и П. А. приходилось защищать честь «руссака» (великороса) перед взыскательной аудиторией. Упражнения в регентском искусстве П. А. начал в монастыре. Как-то постепенно сложился кружок певцов-энтузиастов, центральное ядро которого составили трое Прушинских, детей вдовы священника – Глаша (Глафира), Наташа и Коля. Они явились ведущими в партиях: Глаша – дискант, Наташа – альт и Коля – нечто вроде баса. Два голоса прибавилось из послушников: Даниил [-] бас и тенор (имени его не помню). К хору примкнули две институтки Руссакович – дискант и альт, ярая любительница пения и из ближайшей деревни – Поля Криводубская, один полковник с сыном – кадетом. Время от времени заходил петь смотритель дух[овного] уч[илища] Хвалебнов и в течение одного лета пела в партии альтов его дочь – Ольга Александровна Хвалебнова, в настоящее время зам[еститель] председателя антифашистского фронта русских женщин и член советского Комитета защиты мира. Она сохранила отцовскую фамилию, и эта фамилия теперь передаётся по радио и встречается в важнейших документах современности, например, в последнем обращении советского Комитета защиты мира. Хор пел не плохо и признан был соперником соборного. В 1921-1922 [г]г. П. А. руководил также хором в соборе, где состав был более квалифицированный и устоявшийся. Об участии в этих хорах у П. А. остались самые лучшие воспоминания за всё время его пребывания в Белоруссии. Осталось много друзей, и он, надо думать, оставил по себе неплохую память» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 106 об.-107.

Славянской¹⁷⁶⁵ – Игнатий Криводубский. В детском возрасте он пел в хоре Славянской, а в кружке уже объявился тенором с широчайшим диапазоном. Прекрасно он исполнял «Тишину», муз[ыка] Кашеварова.¹⁷⁶⁶

Пришлось мне отвечать и за солиста хора.

Выступления на вечерах, в частности в женской гимназии.¹⁷⁶⁷

Чтобы не растерять того, чему учила меня в области пения в Казани Мария Ульяновна Янишевская-Елецкая, нанимал аккомпаниаторов и пел свои романсы. Панна Габриеля всё уговаривала меня выступить с концертом, а пани Рачевская всё приглашала к себе, тайно от меня, своих подружек слушать мои экзерцисы.

В Слуцке я слушал прекрасный белорусский хор под управлением Терравского.¹⁷⁶⁸ Я застал также существовавший когда-то Слуцкий хор с участием военных и позднее познакомился с талантливым руководителем его Михаилом Ипполитовичем Николаевичем.

Никогда больше в жизни я не был так увлечён музыкальной жизнью, как в Слуцке. Да, я могу в полном смысле слова сказать: это была моя вторая жизнь в Белоруссии – подстрочный текст повести о моей «Одиссее» в это время.

---

¹⁷⁶⁵ Автор имеет в виду «Славянскую капеллу» (хор Славянского) – основателя хора русского певца и хорового дирижёра, собирателя народных песен Агреньёва-Славянского Дмитрия Александровича (1834-1908) и его дочери Маргариты Дмитриевны (1880-1964), после смерти отца руководившей частью «Славянской капеллы».

¹⁷⁶⁶ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «П. А. не прекращал занятий пением и скоро составил кружок любителей пения. В него вошли: смотритель дух[овного] училища Хвалебнов, обладавший ещё неплохим голосом, а в прошлом, очевидно, серьёзный певец, о чём свидетельствовала целая папка романсов, которые он раньше, а отчасти и теперь, исполнял; юноша из городских мещан – Игнатий Игнатьевич Криводубский, высокий тенор, и Пётр Алексеевич. Криводубский в детские годы пел в хоре Славянского, которым потом руководила дочь последнего. Там он и приобрёл некоторые навыки пения. Он очень хорошо исполнял романс Кашеварова «Тишина». Голос у него был, безусловно, хороший – приятный и с широким диапазоном. Юноша мечтал о «консиватории» (консерватории) и всё говорил, что ему нужно петь «окулисы» (вокализы). Аккомпанировал певцам учитель дух[овного] уч[илища] Лебедев. Военные возвратили смотрителю и инспектору дух[овного] училища их квартиры, а в квартире Хвалебнова стоял роскошный беккеровский рояль. Здесь, в квартире Хвалебнова, и действовал певческий кружок» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 105 об.-106.

¹⁷⁶⁷ Там же: «Однажды он даже выступал на вечере в женской гимназии, а аккомпанировала ему его же ученица – Таня Щука. Говорили потом, что то было очень интересное «единение» учителя и ученицы. Таня была девушка гордая, и это питало её тщеславие. Она так и заявила потом Петру Алексеевичу: «Кроме Вас, я никому больше аккомпанировать не буду». Через два года П. А. узнал, что Таня умерла от туберкулёза» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 106.

¹⁷⁶⁸ Теравский Владимир Васильевич (1871-1938) – белорусский дирижёр, композитор, фольклорист, церковнослужитель.

Отъезд из Слуцка на Урал

Побудительные причины к этому всё нарастали и нарастали. В числе их были: и то, что больше и больше вводился в учреждениях белорусский язык, и то, что в отделении Центробелсоюза всё больше посматривали на меня, как на чужеродное тело – преподаватель на должности счетовода, и, наконец, главное – тяга к себе домой, на Урал.¹⁷⁶⁹ И вот решение было принято, но не так-то легко было выбраться из пограничной зоны: нужно было ещё пройти через фильтр пограничного надзора. Пришлось вооружаться разными справками.

О нашем отъезде стало известно всем нашим знакомым. Среди них нашлась одна «болельщица» за нас – б[ывшая] ученица женской гимназии – Бася Наймарк, которая явилась к нам на прощание с тортом. Гимназические «нравы» ещё сохранялись: почтительность и внимание к преподавателям.

---

¹⁷⁶⁹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автор причины отъезда на Урал указывает иначе: «Зимой 1923 г. в отделении проходили политпроверку все сотрудники. П. А. в общем успешно сдал экзамен, но было очевидно, что нужно изменять фронт работы: начальство косо смотрело на то, что он работает не по специальности, к тому же слишком популярно было в городе его участие в качестве солиста известного хора. В школах в это время вводился белорусский язык, который он не знал. Всё говорило о том, что нужно возвращаться на Урал, несмотря на то, что он в Слуцке уже глубоко пустил корни: был членом Горсовета и активным профсоюзным работником. Начались прощальные визиты, прощальное посещение хоров. Сколько было пережито, к чему привык, всё это нужно оставлять» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 119-119 об.

23-го июня 1923 г. в 9 часов утра мы были на вокзале в обществе пришедших на проводы нас Александра Васильевича Хвалебнова и Поли Криводубской. Было грустно! Уж так создан человек, что даже со своей печалью ему иногда бывает грустно расставаться, а тут мы оставляли столько друзей, этих милых, сердечных белорусов. Поезд проходил мимо монастырского сада, с которым тоже было связано много воспоминаний. Смотрю: моя Анна Фридриховна плачет. Наконец, Слуцк скрылся из глаз, но образ его остался в памяти на всю жизнь. И особенно мы «болели» за него во время последней войны¹⁷⁷⁰, вспоминая, как мы отсиживались в нём во время польской войны. Сведения, которые мы получали о нём за время этой последней войны, говорили нам о том, что тогда для него были только цветочки, а ягодки – в эту ужасную войну.¹⁷⁷¹

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 396. Л. 1-148.

---

¹⁷⁷⁰ Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

¹⁷⁷¹ В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Не думали они тогда, что его впереди ждёт ещё большее несчастье в 1941 г., во время Второй имп[ериалистической] войны.

Много друзей осталось у них в Слуцке, с которыми делили и горести и радости, с которыми жили в лучшие годы своей жизни. Вспоминали они потом и работу в школах и фруктовые сады, которые обильно снабжали их яблоками, грушами-бэрами и т. д.» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 120.

Парицкие встречи (рассказ Миши Суханова)

В апреле 1916 г. по ст[арому] стилю я был вызван в местечко Паричи Бобруйского уезда Минской губернии для проведения уроков в Слуцком духовном училище той же губернии. Я получил перевод в это училище ещё в феврале. Но задержался в Перми, так как занятия в нём не производились ввиду близости фронта, который проходил в 65 верстах от Слуцка у Баранович. Административный и педагогический персонал училища был эвакуирован в г. Ковров Владимирской губ[ернии], а теперь был вызван в Паричи для проведения занятий в течение весеннего семестра. Я отправился в Паричи без своей супруги – Анны Фридриховны, так как она должна была заканчивать учебный год в Пермской мужской гимназии, где преподавала немецкий язык.

Уже за городом Борисовым из вагона видны были запасные окопы на случай отступления, но в течение зимы 1915-1916 года стало ясно, что война приняла позиционный характер, и военное командование разрешило проводить занятия в местечке Паричи, немного дальше лежащем, чем Слуцк от линии фронта. Сюда же были вызваны и коллективы Минского и Пинского дух[овных] училищ, тоже эвакуированные в глубь России.

Из Бобруйска в Паричи нужно было ехать на пароходе по р. Припяти. Пароходик был маленький, и все «в путь шествующие» естественно были связаны близостью друг с другом. Среди них был один коренной житель Парич, как потом я узнал, подрядчик по подготовке окопов, негодник на все руки, очень подвижный и болтливый, который, узнав, кто я и какая цель моей поездки в Паричи, взялся развязно посвящать меня в интимные стороны своего местечка жизни, заранее, очевидно, заподозрив во мне человека со складом дон-жуана. Он, между прочим, предупредил меня, прибегнув к искательному и доверительному тону речи, что весь немногочисленный женский состав, по его выражению, «горючий материал», в котором мне предстояло вращаться, уже распределён между «ухажёрами», и что, поэтому я должен быть осторожен в своих сердечных делах, чтобы не «нарваться» на соперника, который «намнёт мне бока». «Жуировать» - что называлось в прежние времена выступать в роли Дон Жуана, от чего предостерегал меня мой непрошенный парицкий ментор, вообще было не в моём характере и, кроме того, я жил с сознанием, что пребываю «в законе» и была всего третья весна моей супружеской жизни, так что предостережение меня от неосторожности на этом пути со стороны парицкого обывателя была, образно выражаясь, стрельбой по воробьям. Все мои интересы сосредоточены были на том, чтобы обозреть и «переварить» всё то новое, что открылось моим глазам, а открылось передо мной много нового, начиная с природы и кончая мелочами быта людей, с которыми я впервые встречался.

Паричи по-белорусски местечко, по-уральски его следовало бы назвать большим селом, административным центром района, с пребыванием в нём земского начальника. Население в нём почти исключительно еврейское.

Этим уже определялся своеобразный уклад его: были синагоги, номера типа харчевни. Было несколько особняков богатых евреев, которые вели торговлю лесом. Теперь семьи этих богачей были эвакуированы, и особняки пустовали. В посёлке была парикмахерская, почта, врачебный пункт, часовая мастерская. На всех этих учреждениях лежал колорит главных насельников местечка. Белорусское население группировалось около окружного среднего женского училища ведомства императрицы Марии, расположенного в северной части посёлка, вблизи имения – майората Набоковой, принадлежавшего раньше другу А. С. Пушкина по лицу Ивану Ивановичу Пушину, известному декабристу. Здесь стоял барский двухэтажный с антресолями особняк с хозяйственнымистройками и пышным парком, в центре которого была липовая аллея. В саду было много фруктовых деревьев, а около него широко раскинуты были оранжереи. Отсюда из этого имения и ездил И. И. Пуцин к А. С. Пушкину в Михайловское село. Естественно к этому имени у меня был повышенный интерес, и в моей памяти возникали образы, связанные с творчеством А. С. Пушкина.

Училище состояло из целой анфилады одноэтажных деревянных зданий, связанных друг с другом коридорами. Тут были и классы и дортуары. В этих помещениях и определено было нам проводить занятия. Вблизи главного корпуса расположены были отдельные дома с квартирами обслуживающего персонала, тоже деревянные и каменная церковка училища, довольно изысканного наружного вида. Около усадьбы училища стояла деревянная церковка посёлка, а около неё часть посёлка с белорусским населением.

Моё детство прошло среди вольной сельской природы, почему у меня на всю жизнь сохранилась любовь к природе, а в Паричах я нашёл такие виды растений, которые приходилось видеть только на картинках да ещё называть их в песнях и романсах. Последнее особенно было важно, потому что музыкальные образы становились более конкретными в связи с ощущениями зрения и обоняния.

В Паричах я впервые увидел роскошные белые акации, громадные деревья, которые во время цветения имели вид подвенечного одеяния невесты и испускали аромат, который, казалось, обволакивал тебя тончайшей фатой аромата и настраивал несколько на меланхолическое настроение. Становилось понятным, почему известный романс «Белой акации [гроздь душистые]» имел мелодию, соответствующую такому настроению. В Паричах я увидел впервые роскошные кусты персидской сирени с сочными цветами, как у гиацинтов, и передо мной в новом виде, с новым ароматом предстали романсы: «Под душистою веткой сирени», «Сладким запахом сирени» и «Растворил я окно». Кусты жасминов, росших около главного корпуса училища, опьяняли своим ароматом и воскрешали в памяти слова романса «В тени задумчивого сада»: «Где так жасмин благоухает». За имением Набоковой, на берегу реки была дубовая роща. Она почему-то воскрешала у меня образ Дубровского, когда он встретил свадебный кортеж,

открыл дверь кареты и сказал Маше: «Вы свободны!» Через реку и далеко по заболоченному заречью устроен был деревянный мост на случай отступления длиной в три километра. Он был ещё совсем новый и источал аромат подсыхающего дерева. При луне он казался сказочной лентой, которую разостлал здесь какой-то великан. По этому мосту при луне и разгуливали те парочки, о которых мне так любезно рассказывал мой случайный знакомый на пароходе.

Всё это естественно настраивало меня тоже на романтический лад. Круг первых моих знакомых по занятиям в училище был ограничен мужчинами, преимущественно среднего и старшего возраста. Таков был статус работников духовных училищ. «Горючий материал», причём в незначительном количестве, составляли воспитательницы и преподавательницы Минского женского училища ведомства императрицы Марии, которые были эвакуированы сюда во главе с начальницей Краузе. Пользовалась общим вниманием, а особенно вниманием одного из служащих Минского дух[овного] училища дочь местного земского начальника Дворянчика. К этому же небольшому кругу женского паричского общества примкнула девушка, дочь управляющего имением, полька Юлия Сервачинская. Она была в возрасте 17-18 лет, только что кончила женскую гимназию. Природа наградила её повышенной мечтательностью, как пушкинскую Татьяну, но явно обидела своими дарами её внешний облик. Казалось, что, как на зло, она придала её внешнему виду всё то, что может оттолкнуть от неё глаз даже не столь взыскательного поклонника женской красоты. Худенькая, с неправильными чертами лица, вечно воспалёнными как-бы от плакания глазами, с чахоточным румянцем на лице, она возбуждала чувство жалости, которое иногда рождается к болезненному ребёнку. Невольно при виде её возникала мысль, что у ней был деспотический отец, а она казалась забытым ребёнком.

Моё знакомство с паричским женским обществом началось с приезда в Паричи моей жены. Мы сняли квартиру в одном, оставленном жильцами, особняке¹⁷⁷², в котором остался роскошный беккеровский рояль. В Паричи я привёз довольно объёмистую папку с романсами и кое-какими ариями. Я всё ещё представлял из себя в это время увлекающегося пением любителя его, у которого в Казани артистка Мария Ульяновна Янишевская-Елецкая старалась воспитать *bele-kanto* тенора для исполнения таких музыкальных вещей, как «Ангел мой» из оп[еры] Флотова¹⁷⁷³ и пр. Среди воспитанниц Минского женского училища нашлась музыкантша могущая аккомпанировать, и вот я *volens-nolens*¹⁷⁷⁴ предстал перед «горючим

---

¹⁷⁷² В очерке «Пётр Алексеевич Иконников в Белоруссии» в составе автобиографических очерков «Петя Иконников» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «П. А. поселился в одном из пустующих домов в центре местечка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 101 об.

¹⁷⁷³ Флотов Фридрих Адольф Фердинанд фон (1812-1883) – немецкий композитор.

¹⁷⁷⁴ *volens-nolens* – по-латински волей-неволей.

материалом» в роли певца. Я вообще не любил петь в присутствии других и редко когда доволен был своим пением, но в данном случае я пел с удовольствием, а то, чему меня учила Мария Ульяновна ещё не выветрилось, хотя меня всегда лимитировало дыхание: в возрасте 20 лет я перенёс острый бронхит, и мои лёгкие немного ослабли. Но в новых климатических условиях я чувствовал себя «в форме», и пелось хорошо.

Я теперь не помню, при каких условиях состоялось моё знакомство с Юлечкой Сервачинской, но сначала оно было на почве литературных бесед. Она от кого-то узнала, что я по образованию филолог, и усиленно вызывала меня на литературные беседы, в первую очередь, конечно, о польской литературе. Как у всех поляков, у ней было обострённое польское самосознание, то, что называется польским гонором, и поэтому естественно в её словах при беседе проглядывала иногда эта польская черта характера. Я был осторожен в этом отношении, но при случае, тоже проявлял свой патриотизм. С польской литературой я знакомился не по линии учебной, а по своей «доброй воле». К «Ниве»¹⁷⁷⁵ одно время выходили в качестве приложений полные собрания сочинений Сенкевича¹⁷⁷⁶, Крашевского¹⁷⁷⁷, а к «Пробуждению»¹⁷⁷⁸ отрывки из произведений польских писателей более позднего периода. И вот в течение летних каникул я «поглощал» всю эту литературу жадно. Я бредил персонажами романа Сенкевича «*Quo vadis*»¹⁷⁷⁹ и романа Крашевского «Кунигас». Я полюбил польскую литературу благодаря яркому непосредственному знакомству с ней, без сухого охлаждения учебником и иногда утомительным литературным анализом типов. Моя молодая собеседница не могла не отметить этого, но у ней от наших бесед составилось впечатление обо мне, как о педанте, преподавателе литературы. Однажды она слушала моё пение, и я заметил на себе её напряжённый пристальный взгляд. Казалось, она что-то обдумывала, что в душе её проходила какая-то борьба. Прощаясь после прослушания моего пения, она мне сказала: «А Вы совсем не то, кем я Вас считала. Я думала, что Вы сухой педант учитель, а Вы ...», она вся вспыхнула и покраснелась. И с той поры, всякий раз здоровалась и, прощаясь, плутовка старалась прежде сжимать мою руку своей маленькой ручкой. Кому не известен язык рукопожатий?! Я, признаться, был озадачен. Неужели Юлечка?!

Мои концерты продолжались до конца августа, и Юлечка всегда присутствовала на них. В конце августа мы уезжали в Слуцк, и Юлечка

---

¹⁷⁷⁵ «Нива» - популярный русский еженедельный журнал середины XIX-начала XX века с приложениями.

¹⁷⁷⁶ Сенкевич Генрик (1846-1916) – польский писатель, автор исторических романов, лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 года.

¹⁷⁷⁷ Крашевский Юзеф Игнацы (1812-1887) – польский писатель, публицист, издатель, автор книг по истории и этнографии.

¹⁷⁷⁸ «Пробуждение» - художественно-литературный и научный журнал, издававшийся в 1906-1918 гг.

¹⁷⁷⁹ «*Quo vadis*» (по-латински), «Камо грядеши» (по-церковно-славянски), «Куда идёшь» (по-русски) – названия романа Г. Сенкевича.

просила меня, чтобы я из Слуцка сообщил ей свой адрес, но я убедил её, что делать этого не нужно. Она не сразу это поняла. Мы уезжали на пароходе. Юлечка пришла нас провожать. Пароход медленно удалялся, а она всё стояла на горке и наблюдала за ним. Дым от паровой трубы тогда скрывал её от наших глаз, а потом рассеивался, и она снова видна была, но вот дым ещё раз спрятал её от наших глаз, а когда рассеялся, то она уже больше не показалась нам. И на этот раз навсегда.

Этими словами друг мой Миша Суханов завершил своё повествование об одном из опытов своей жизни, но у него была издавна установившаяся привычка обобщать свои опыты жизни после тщательного анализа их, обдумывать и заключать какой-либо сентенцией, или целым рядом их. Вот и на этот раз он не мог удержаться, чтобы не «пофилософствовать» по поводу своего рассказа. «Ведь вот – продолжал он его – много раз я слышал и не раз читал о том, что женская натура более эмоциональна, чем мужская. Позднее даже читал философию Фрейда¹⁷⁸⁰ на эту тему, но всё это воспринималось мной теоретически, абстрактно, а случай с Юлечкой Сервачинской словно открыл мне глаза: да, это так, это, несомненно, так. Открылась мне при этом ещё одна особенность женской психологии, а именно: женщины как-то легче примиряются с различием в возрасте с мужчиной, чем это бывает у мужчин. Так, различие в шесть-восемь лет по возрасту нас приводило к мысли своих старших братьев относить уже к другому поколению, а тем более своих знакомых женского пола. Как выходец из деревни, где особенно вопрос о возрасте учит[ывался] в так называемом женском вопросе и считалось, что пары сочетавшихся в браке должны были примерно одних лет и что, следовательно, любовь может быть ограничена и должна быть ограничена примерно одинаковым возрастом, я не мог и думать о том, что [у] девушки 17-18 лет может зародиться в душе некое женское чувство ко мне, тридцатилетнему мужчине. Однако я не мог не заметить, что Юлечка Сервачинская явно оказалась в плену этого чувства. Теперь мне стала понятной и трагедия любви Лизы Калитиной к Лаврецкому¹⁷⁸¹ и другие аналогичные случаи в жизни, но, трагедия любви Марии Кочубей к Мазепе осталась всё-таки непонятной. Её мог разгадать, очевидно, только Овидий Назон и описать в своих «*Amores*», просветить в этом отношении А. С. Пушкина. И, наконец, этот опыт в жизни, заставил меня задуматься над пением моих романсов. Раньше я просто не вдумывался в содержание их. Пел о любви и прочее, но просто не задумывался над тем, «что к чему». Меня увлекала только музыка и стремление как можно лучше передать её красоту. Случай с Юлечкой Сервачинской заставил меня задуматься над содержанием этих романсов, и я понял: сколько же в них скрыто опасного «горючего», которое может нарушить мир и тишину в неопытной душе, которая содержание романса не сможет понять объективно по отношению к певцу,

---

¹⁷⁸⁰ Фрейд Зигмунд (1856-1939) – австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог.

¹⁷⁸¹ Персонажи романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

исполнителю романса, и увидит в этом исполнении подлинное чувство его, проявление его душевного мира, его характера во всех нюансах мотивов романса. В самом деле, вот, например, романс Денца:

«Если б могла то чувство, разделяя мученья и всем конец ты положить, я бы сумел, о, верь мне дорогая, всю жизнь тебя лелеять и любить. И суете житейской жалкой прозы, прочь отгоня, открыл бы светлый путь. Всюду на нём я рассеял бы розы и стал бы мил когда-нибудь, но горек жребий мой! Я не любим тобой, нет! Я не любим тобой!»

Сколько «яда» в этом романсе для неопытной души.... Так «философствовал» мой друг Миша Суханов, а ведь все романсы именно такие...

В задумчивости мы пожали друг другу руки и разошлись.

Рассказ Миши Суханова «Паричские встречи» записал В. Игнатъев.

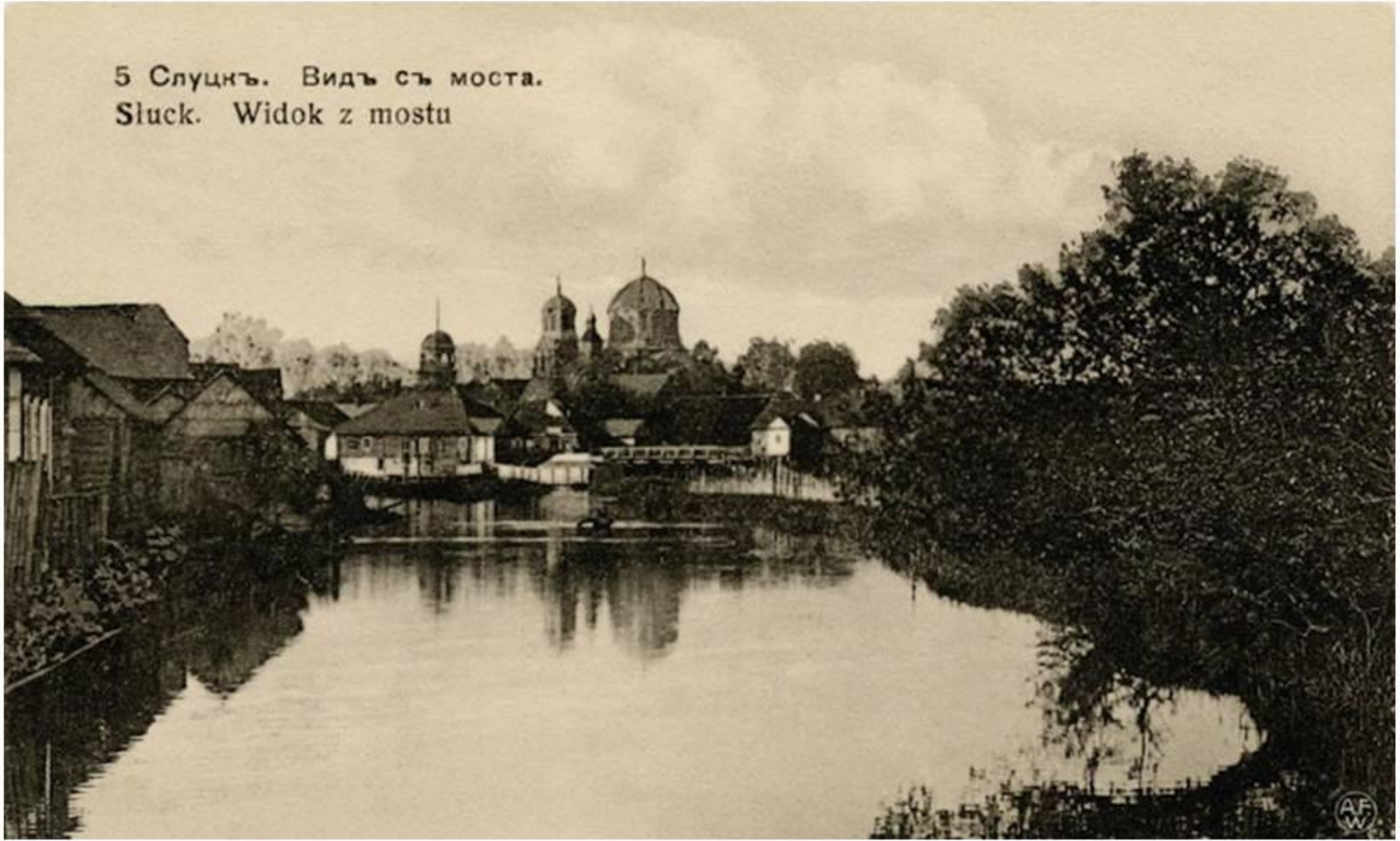
От референта.

Я был тоже знаком с Юлечкой Сервачинской и считаю, что М. Суханов правильно нарисовал её образ в своей рассказе.

В. И.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 396. Л. 149-174.

В «Паричских рассказах» автор использует образ своего друга Миши Суханова при описании увлечения Юлий Сервачинской (в «пермской коллекции» отсутствует). Аналогичный приём он использовал в очерке «Нюрочка Егорова» (см. Часть IX. «Очерки по истории Зауралья»).

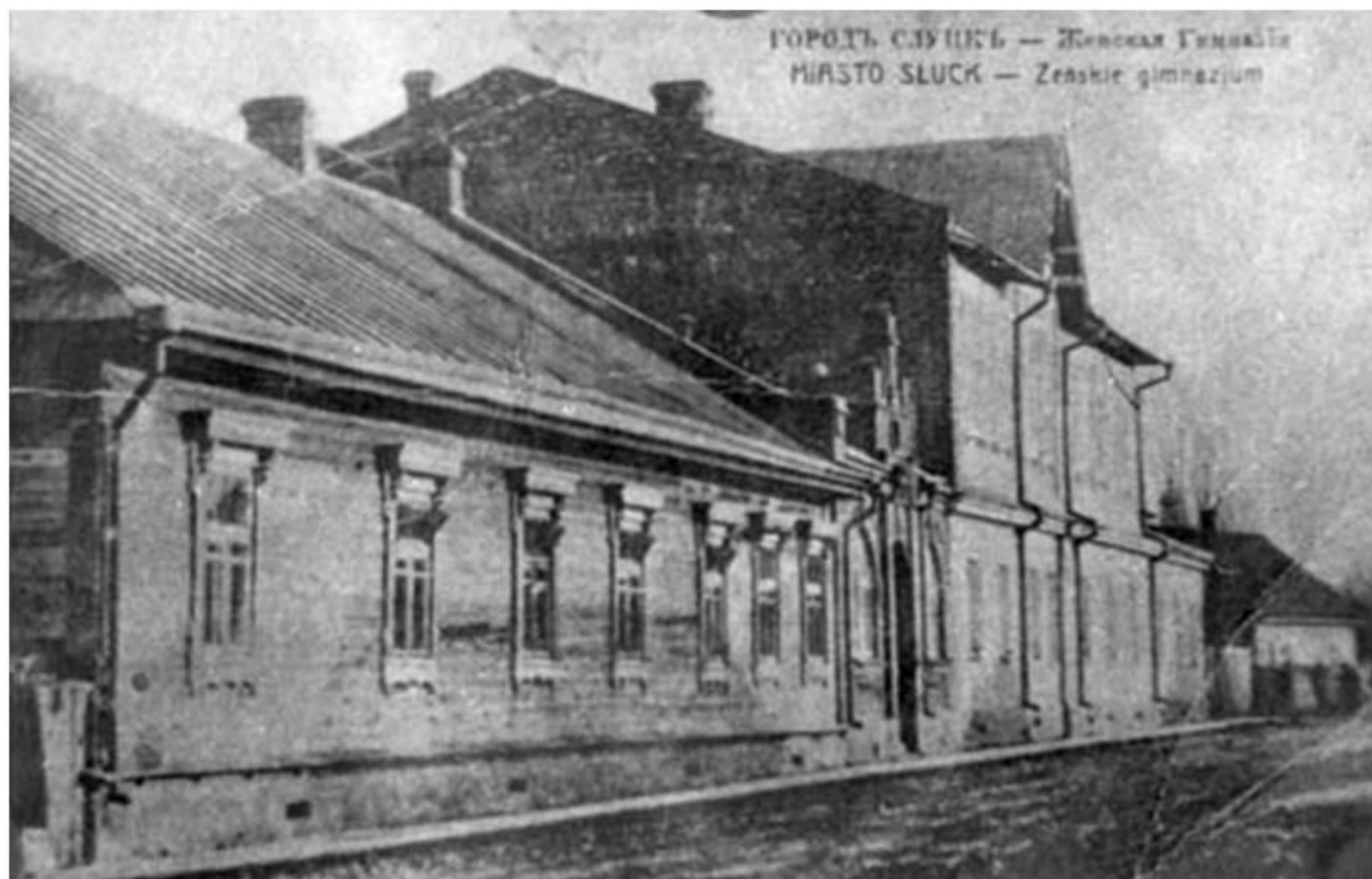

Слукое духовное училище.

ГОРОДЪ СЛУЦКЪ — Коммерческое Училище
MIASTO SŁUCK — Handl wa szkół

Слукое коммерческое училище.

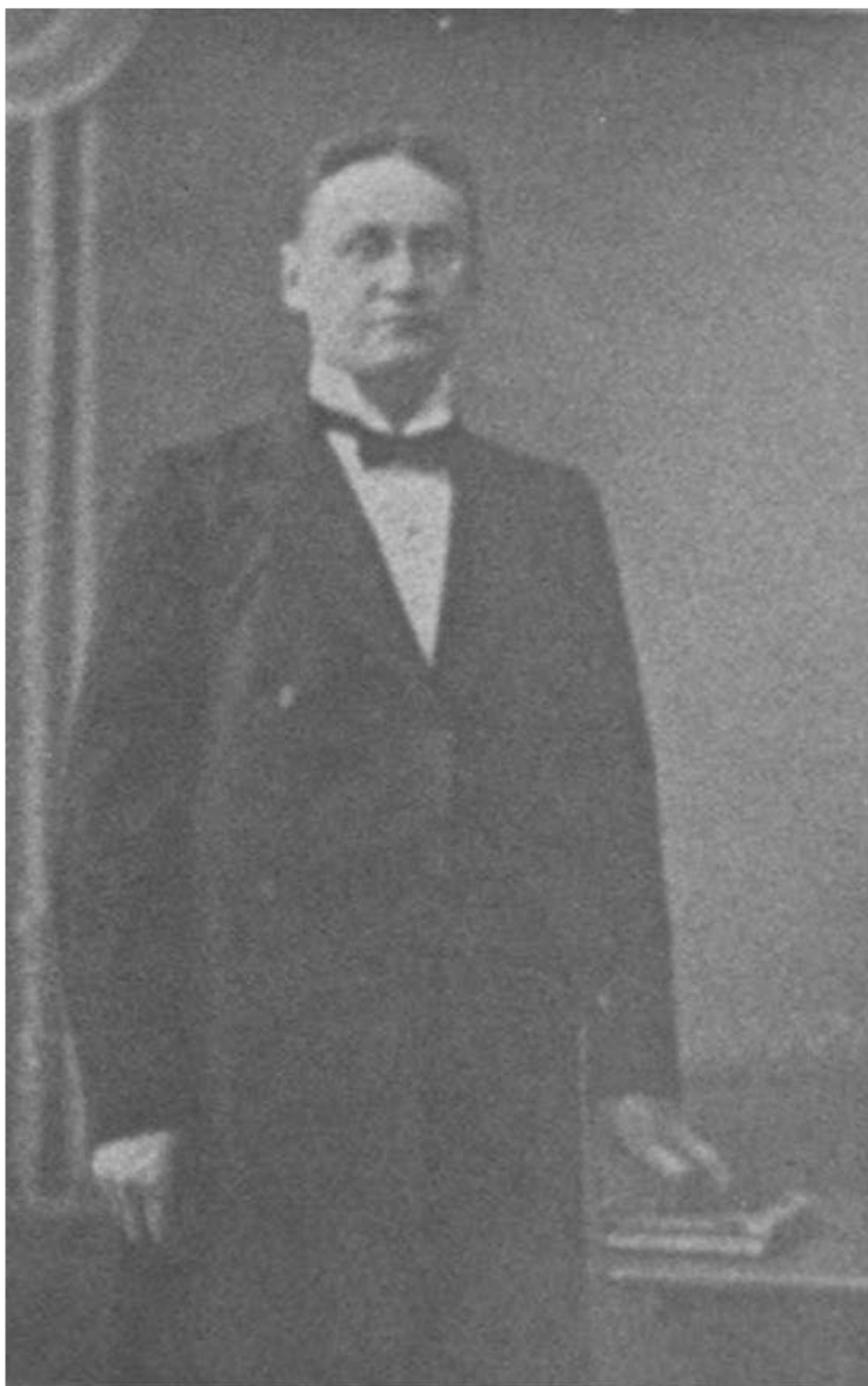
Слущкая женская гимназія.

22 Слуцкѣ. Женская гимназія
Sluck Gimnazjum żeńskie

Слуцкая женская гимназия.

Игнатъев Василий Алексеевич. 1917-1923 гг.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 945. Л. 2.

Слуцкіе гімназісткі. 1920 г.

Кальвинский собор и Слуцкая мужская гимназия.

Кальвинский собор и Слущкая мужская гимназия.

Внутренний вид Слуцкой мужской гимназии.

Вход в Слуцкий Свято-Троицкий мужской монастырь.

1090

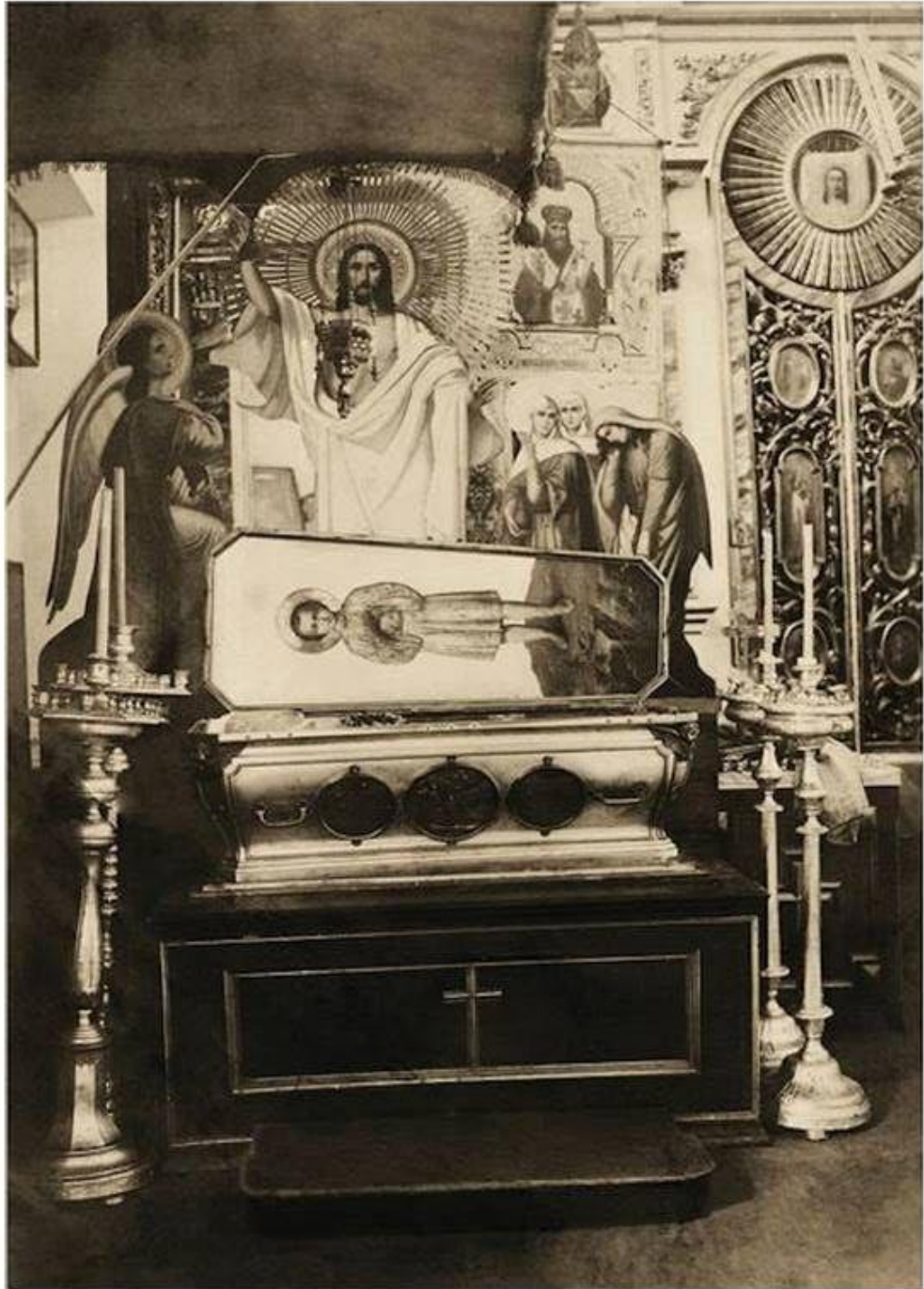

Свято-Троицкая церковь и монастырский корпус. 1904 г.

Саркофаг Софии Слуцкой в Свято-Троицком мужском монастыре. Начало XX в.

Саркофаг святого мученика младенца Гавриила в Свято-Троицком мужском монастыре.
Начало XX в.

1093

Рыночная площадь г. Слуцка.

Семья Слуцких мещан. Начало XX в.

Первые дни немецко-фашистской оккупации Слуцка. 1941 г.

Здание бывшего Слуцкого коммерческого училища. 1944 г.

Слутский медицинский колледж (бывшее здание Слутского духовного училища). 2011 г.

Годы жизни и работы в Белоруссии.
(май 1916г. - июль 1925г.).

Волею судьбы ^{от} Игнатия Кошарского при Святейшем Синоде и полиции на зачисление преподавателем латинского языка Сущского уезд. училища, Могилевской губернии. Это произошло в феврале 1916г. Сущук был в прифронтовой черте, в 15 километрах от Бабановки, где проводила линия обороны, и училище было эвакуировано в г. Кобрин, Владимирской губ. Из семи марской квартиры мы пересели на квартиру около Сидоровой площади, и продолжала жить в Петри.

В апреле и предвзвешенно поеду в Минск с целью уточнения своего

Петр Алексеевич Игнатиков
в Белоруссии

10-го января

~~7-го февраля~~ 1916г. Петр Алексеевич Игнатиков получил назначение на должность преподавателя латинского языка в Сущукское уездное училище в Минской губернии. Т. Сущук находился в то время в местечке в 15 км от уездной черты на территории Гомельской и Сидоровки. Все училище эвакуировано, в том числе и уездное училище, куда эвакуировались и временно не работали, что было известно Петру Алексеевичу, и он решил на место своей прежней работы в г. Петри в окрестности близкой на работу. Визит поехал, и он в начале апреля выехал в Минск на работу в то время и времени были на железнодорожной станции. Эта поездка имела для него большое значение: во-первых, он впервые сам вблизи Петри, во-вторых, ему хотелось посмотреть на крайние стороны, которые были видны из Петри. После этого Гомельской и др. и др.

г. Екатеринбургъ. - Верхъ-Исетскій зав.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть VII.
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА
(1923-1939)**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ЗАВОДА (1923-1939)

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВЕРХ-ИСЕТСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

[1961-1962 гг.]

Старинная мудрая пословица гласит: «Яблоко падает недалеко от яблони». Смысл этой пословицы сводится к тому, что различные события и явления, а также и предметы в природе и жизни существуют и происходят во взаимодействии, как и следует их рассматривать. По отношению к поставленной нами задаче – дать описание школы ФЗУ ВИЗа за годы 1922-1930 – эта пословица указывает на то, что это описание нужно вести в связи с описанием завода этого времени, детищем которого (завода) школа являлась. В соответствии с этим соображением описание школы будет вестись по плану: завод и школа, что будет единственно правильным и поможет исчерпывающе выполнить поставленную нами задачу.

Школа была открыта в октябре 1922 г. Что из себя представлял в это время Верх-Исетский завод? К этому времени завод, как и другие заводы страны, был на пути к восстановлению после разрухи, которая была причинена стране в целом и промышленности в частности интервенцией иностранных государств и внутренней гражданской войной. Волею и героическими усилиями рабочих завода, под руководством заводской партийной организации, завод шаг за шагом восстанавливался под новым названием – завод «Красная кровля». Этим названием определялось назначение его по выработке кровельного железа, т. е. подтверждалось его прежнее дореволюционное назначение. На заводе ещё живы были свидетели былой славы его по выработке кровельного железа, когда он был поставщиком его в Англию по сложному пути, который начинался волоком до Чусовой, а потом продолжался водным путём до выхода в Балтийское море. Завод восстанавливался. Насколько напряжёнными были темпы восстановления завода свидетельствует то, что к моменту открытия школы на заводе работали уже все прежние цеха: мартеновский, литейный, сутуночный (крупно-сортный), листокатальный, листобойный, парового хозяйства, электрический, механический, кузнечный, модельный и огнеупорный. Существовавшая до революции домна была разрушена в один

из субботников как ненавистный памятник прежнего угнетательского строя. Все цеха находились на таком низком уровне технического оборудования, который был характерен для так называемого «демидовского Урала». Для иллюстрации этого положения достаточно привести несколько отдельных штрихов-картинок из цеховых быта и организации того времени, чтобы представить себе уровень тогдашней техники. Автор настоящего очерка ещё в 1924 г. наблюдал, как мартеновская печь № 3 загружалась ручным способом. Ручной способ – клещами полоса прокатанной болванки поднималась к режущей машине в сутуночном цехе. В листокатальном цехе листы прокатывались с «подмусориванием» - с присыпанием древесного угля. Рабочие из цеха уходили в таком виде, что на лице их трудно было рассмотреть его очертания. При всём этом на заводе то там, то здесь проглядывали остатки прежних патриархальных порядков. Бывали, например, случаи, что на литейном дворе мартена появлялись овцы в поисках травы. Там, где в настоящее время расположен цех № 2, была заводская мельница. Некоторые рабочие и в эти годы ещё имели покосы, понемногу сеяли, а летом «страдавали».¹⁷⁸² Заводской внутренний транспорт обслуживал частник – Илья Ефимович Талашманов, который для этого содержал целый обоз лошадей-битюков. Едва ли не самую символическую картину патриархальных порядков на заводе являла собою заводская плотина, которая была открыта в качестве моста для общего пользования: по ней заречные жители прогоняли скот на выгоны и обратно, провозили сено, дрова, и вся она была покрыта вахлаками сена, щепами, изрезана колеями от телег и покрыта пылью. Водяная сила Верх-исетского пруда использовалась только листобойным цехом, в котором её приводились в движение так называемые «хвостовые» (изменённое слово «хвостовые») молота. Здесь листы железа снова нагревались в так называемой печи Лоцманова, складывались в штабели и «пробивались» молотами.¹⁷⁸³ На канаве, по которой спускалась через территорию завода вода, можно было иногда видеть удочки и купающихся людей.

Если ко всему этому добавить, что на площадке у завода, как и в дореволюционный период, аккуратно «правились службы» в

---

¹⁷⁸² «Страдовали» - здесь, совершали мелкие хищения в чужих огородах.

¹⁷⁸³ «Вопрос о том, кто изобрёл этого типа печи – был спорным. Утверждали, что Лоцманов воспользовался чертежами в заводском архиве, по которым эта печь была сделана, и которые принадлежали одному инженеру, умершему до Октябрьской революции. Лоцманов, однако, каким-то образом оформил патент на изобретение, и ему оплачивался какой-то процент с выработки железа по этому цеху. Составитель «Истории Верх-Исетского завода» А. Н. Медведев в личной беседе с автором настоящего очерка говорил ему, что он «развенчал» Лоцманова как изобретателя этой печи». (Примеч. автора).

Автор имеет в виду Лоцманова Николая Андреевича – заведующего листопрокатным цехом, изобретателя.

Екатерининском соборе¹⁷⁸⁴, на берегу пруда у самой плотины «правил службы» о[тец] Ипат¹⁷⁸⁵, то картина завода и ближайшего окружения его предстанет в образе прошлого. Однако за внешней оболочкой этого прошлого видно было новое, и пульс завода бился совершенно иначе, чем раньше: на лицо были следы пронёсшейся очистительной бури. Свидетелями её была у всех на глазах стенка завода на заводской площадке, выщербленная пулями при расстреле рабочих, и отвратительный каземат в нижнем этаже одного из заводских зданий, находящегося вблизи той же площадки, в который заключены были многие из передовых рабочих завода и из которого была только одна дорога к стенке для расстрела. Пульс завода бился по-революционному, и это особенно было заметно в дни революционных годовщин, когда заводские здания – контора, цеха и клуб украшались кумачовыми полотнищами с революционными лозунгами.

Все цеха, в общем, были укомплектованы кадровыми рабочими, оставшимися в живых после пронёсшейся бури, старыми дореволюционными кадровиками, как их тогда называли. Осуществить это, однако, удалось только потому, что завод впитал в себя значительное количество пришельцев с других заводов – с[ела] Михайловского, Нижне-Сергинского и даже Надеждинского. Но уже в это время, в восстановительный период, по мере приближения завода к дореволюционному уровню выработки продукции, на нём ощутимо чувствовалась нехватка рабочей силы, а в перспективе эта нехватка грозила принять ещё большие размеры, потому что наряду с восстановлением завода уже стали зарождаться элементы его реконструкции в пределах его промышленного профиля.

Естественно, что первое пополнение рабочей силы шло из семей рабочих: на смену отцам шли сыновья, а по женской линии – дочери. Обычно так и было, что если отец работал, скажем, токарем или слесарем, то в этом же цехе вместе с ним обучались или сын или его дочь. Устраивали также детей через знакомых. Таким образом, к моменту открытия на заводе фабзавуча в цехах оказалось значительное количество молодняка – детей визовских рабочих, преимущественно, мальчиков, которые, естественно, являлись первыми кандидатами для зачисления в школу.

В то время определилось несколько типов подготовки молодёжи к профессиям: профтехшколы, конторгучи¹⁷⁸⁶ для работы в разного рода мастерских и учреждениях, а для подготовки рабочих фабрик и заводов был принят тип фабрично-заводских училищ, сокращённо называвшиеся фабзавучами или ФЗУ. Для Верх-Исетского завода, таким образом, определён был этот последний тип профессиональной подготовки молодёжи.

---

¹⁷⁸⁴ Имеется в виду Успенский собор Верх-Исетского завода, закрытый в 1930 г., восстанавливаемый с 2009 г. Екатерининский горный собор находился в центре г. Екатеринбурга, разрушен в 1930 г.

¹⁷⁸⁵ Здесь, вероятно, автор использует образ священника Ипата из стихотворения Демьяна Бедного «Христос воскрес».

¹⁷⁸⁶ Конторгуч – школа конторского и торгового ученичества.

Фабзавучи имели очень сложную систему организации, сложный статус. В организации их принимали участие три учреждения: завод в лице заводоуправления, завком завода¹⁷⁸⁷ и орган профобра.¹⁷⁸⁸ На завод ложились все материально-финансовые расходы на содержание фабзавуча. Сюда входили расходы на теоретическое и производственное обучение, на выплату стипендий ученикам и элементарные расходы на спецодежду. На завком ложилось попечение об учениках по профсоюзной линии. Это попечение касалось опять-таки и теоретического и практического обучения, а именно создания нормальных условий для них, попечение по линии обеспечения стипендиями, общежитием и т. д. Конкретно все моменты попечения об учениках завкомом отмечались в коллективных договорах, заключаемых с заводоуправлением. На органы профобра возлагалось обеспечение школ учебными планами, программами, изданием учебников, методическим руководством. Профобр также направлял в школы учителей по общеобразовательным и гуманитарным предметам. Считалось, что вся воспитательная и идеологическая работа в школах должна была проводиться комсомолом. С этой стороны школы ФЗУ были детищами комсомола. Как на деле все вышеуказанные учреждения и организации выполняли возложенные на них обязанности, об этом речь будет ниже.

Продолжительность обучения в школах ФЗУ определена была в 3-4 года в зависимости от сложности той или иной специальности.

---

¹⁷⁸⁷ Завком – заведующий профсоюзного комитета.

¹⁷⁸⁸ Профобр – орган профессионально-технического образования при местном исполнительном комитете.

Школа в 1922-1924 гг.

В соответствии с тем, что в истории завода, как и в истории всей промышленности и всей страны, в послереволюционное время у нас различались два периода – восстановительный и период реконструкции, в истории ФЗУ тоже было два периода, которые по времени соответствовали периодам развития завода. В истории школы они обозначали не только периоды развития, но, как увидим дальше, и период перестройки школы применительно к реконструкции завода.

1922-1924 – составляли первый период существования школы. Несмотря на всю условность аналогии в периодах развития завода и школы, смысл её заключается в том, что школа в течение этих двух периодов отражала на себе те же черты быта и организации, которые были у завода. Выше были указаны некоторые черты завода в его восстановительный период – черты прошлого дореволюционного времени. Эти же черты, выражаясь образно, «ветхого Адама», как родимые пятна были и у школы. Конечно, нельзя представлять себе так, что и на заводе, и в школе это было состоянием некоего покоя; нет, поступательное движение шло и нарастало, но над ним ещё довлело прошлое. Поэтому и период назывался восстановительным.

В 1922-1924 гг. школа помещалась в здании заводоуправления, на втором этаже северного блока. Завод доживал второе столетие, а контора завода носила следы отдалённого прошлого. В здании конторы расположены были и заводоуправление с бухгалтерией и другими отделами его, и завком. На нижнем этаже, где были расположены все эти учреждения, в коридоре от дореволюционных времён ещё стояла пирамида позолоченных деревянных плиток, показывавшая добычу заводом золота в прежнее время. Она стояла как символ прошлого завода и немой свидетель «демидовского Урала». Когда в коридоре появлялась приземистая коренастая фигура убелённого сединой старца заводского архивариуса Димитрия Мехоношина, то прошлое завода так и врывалось в душу посетителя. «Демидовский Урал» был перед глазами. Казалось, что и воздух в здании ещё не очистился от прошлого «жилого».

Под школу была отведена большая комната, где раньше помещался заводской архив. Окна этой комнаты на запад были расположены в сторону пруда, имели полукруглую форму, и через них открывался вид на отдалённые окрестности завода, а на восток четырёхугольные окна были расположены в сторону завода, были густо запылены и покрыты гарью от заводских труб; в перспективе виднелись заводские цеховые корпуса, покрытые гарью от труб и окалиной. Комната была перегороджена дощатыми стенками без штукатурки, и из неё были образованы четыре комнаты: две побольше и две маленькие. В одной из последних двух помещалась учительская, а в другой – третий класс, в котором было 9 учеников. Две комнаты побольше были под первым и вторым классами.

Вешалка помещалась на небольшой площадке у лестницы. Стенки перегородки были настолько тонкими и щелистыми, что во время занятий разговор передавался из одной комнаты в другие и по всему помещению стоял гул от многих голосов. Под лестницей, которая вела в школу, находилась уборная общего пользования, т. е. и для служащих конторы, и для учеников школы. Это соседство помимо, того, что отрицательно сказывалось на «атмосфере» школы, приводило иногда к неприятным столкновениям между пользователями уборной. Этому в некоторых случаях содействовало и то, что дисциплина в школе была не на высоте. Помещение для школы было явно не подходящим и не позволяло развернуть по-настоящему работу.

Занятия проводились вечером, с пяти часов, а днём ученики проходили практику в цехах.

В октябре 1923 г., когда автор настоящего очерка поступил преподавателем в школу, как указано выше, в школе было три класса. Самым полнокровным из них был первый класс: в нём было до 40 человек. Во втором классе было человек 25-30, а в третьем классе только – 9. В школе были только мальчики, преимущественно дети рабочих завода. Они были с самой различной подготовкой: с одним, двумя, тремя годами обучения в школе. С повышенной подготовкой – в 5-6 лет были только ученики третьего класса, которые обучались на слесарей и токарей, а один на чертёжника. Если ученики второго и третьего класса на втором году обучения в смысле общей подготовки до скорой степени выравнивались и консолидировались, то в первом классе была полная пестрота. Тут были ученики с одним и двумя годами школьного обучения. В классах не было дифференциации по производственным специальностям: тут были и обучающиеся на токарей, слесарей, кузнецов, модельщиков, электромонтёров. Были даже ученики счетоводов. Не было только учеников из основных цехов: мартеновского, сутуночного и листокатального. Таким образом, состав учеников не соответствовал профилю завода. Объяснялось это тем, с одной стороны, что в этих основных цехах техника настолько была низкой, все производственные процессы основаны были на использовании простой физической силы, что не было побуждающих мотивов к теоретической подготовке, а с другой стороны, рабочие избегали отдавать своих детей на обучение в этих цехах, на опыте зная тяжёлые условия работы в них. В цехах ученики обучались под руководством опытных кадровых рабочих. При таком комплектовании классов теоретическое обучение по специальностям было затруднено, но в 1922-1923 г. пока ещё не ставился вопрос об узко специальных курсах, а преобладали в плане обучения общеобразовательные предметы.

Учебный план был выработан школой. В нём были отмечены следующие предметы: русский язык во всех трёх классах, математика во всех трёх классах, география в первом классе, физика в первом классе,

материаловедение и технология во втором и третьем классах и черчение в третьем классе.

Школа была совершенно не обеспечена учебниками: средствами обучения были только доска и мел даже по таким предметам, как физика. Чертёжные доски были в небольшом количестве, а также и чертёжные принадлежности.

Учителями первоначально были служащие заводууправления и треста «Гормет».¹⁷⁸⁹ Первыми из учителей по назначению профобра были преподаватель русского языка и географии – Игнатьев В. А., направленный в школу в октябре 1923 г. и преподаватель математики Широков М. М., направленный в октябре 1924 г.¹⁷⁹⁰

Первый ученический комитет был избран в декабре 1923 г. В тех стеснённых условиях, в каких находилась тогда школа, он не мог развернуть работы.

В школе часто проводились общие собрания, главным образом, по вопросам дисциплины, на которых присутствовали представители завкома. Завком в этом отношении был единственной опорой заведующего школой, т. к. и учком, и комсомольская организация были слабыми.

Заведующий школой – выдвиженец из рабочих – не мог иногда быстро ориентироваться в школьных событиях и допускал необдуманные шаги. Так, узнав, что преподаватель физики предложил ученикам вставать при входе его в класс на занятия, он возбуждённый зашёл в класс и категорически запретил вставать без всякой мотивировки.¹⁷⁹¹

Оплата учителям частично производилась натурой, а именно: со склада на мельнице отпускалась мука, рыба – кета, крупа, конфеты и мануфактура – вязь и ситец. Когда были выпущены заводом боны – временные денежные знаки, то частично зарплата выдавалась ими.

Школа ФЗУ в это время во многом имела вид ремесленного училища на базе индивидуального или бригадного обучения в цехах.

---

¹⁷⁸⁹ Трест «Гормет» - Свердловский горно-металлургический трест, существовавший в 1922-1927 гг.

¹⁷⁹⁰ «Назначение в школу этих двух учителей было единственным, в чём проявилось участие профобра в организации школы в эти годы». (Примеч. автора).

¹⁷⁹¹ Автор имеет в виду заведующего школой Осокина Николай Дмитриевича и преподавателя физики Кутунова Сергея Ивановича.

Завод и школа в 1925-1930 гг.

Самым крупным событием на заводе в эти годы было строительство нового прокатного цеха, как его тогда называли – динамного. Он строился на угоре в северной части заводской площади, где некогда стояла мельница. Строительство его первой очереди было закончено в 1927 г. Это обозначало, что завод вступил в период реконструкции и перестраивался с кровли на прокатку новых более ценных марок листового железа – динамного и трансформаторного. По существу это обозначало целую революцию в производстве завода: завод приобретал новое значение в государстве и на первых порах и на продолжительное время становился единственным представителем производства листового железа этих марок. Пред ним была поставлена задача – освободить страну от ввоза этих листов из-за границы. Но для того, чтобы перейти на выработку динамного и трансформаторного железа, нужно было перестроить технологию мартеновского дела, а также и технологию обработки сутунки в крупносортном цехе. Мартеновские печи были переведены на нагрев нефтью, в цехе вводились загрузочные машины, около цеха устроен был шихтовый двор. Вступали в строй электрические печи, и устроена была опытно-показательная печь. В это время впервые на заводе стала устанавливаться связь производства с деятелями науки. В сутуночном цехе подача прокатанной полосы к резке стала осуществляться через рольганг. Производилась полная реорганизация внутризаводского транспорта. По существу заново создавался железнодорожный цех. На площадке завода прокладывались узкоколейные железнодорожные линии. Сутуночный и листокатальный цех были связаны воздушной рельсовой дорожкой. В соответствии с этой перестройкой расширялось оборудование подсобных цехов. Листобойный цех был закрыт за ненадобностью как некий рудиментарный отросток. Плотина была отремонтирована и закрыта для общего пользования в качестве моста для проезда. На заводской площадке у пруда появились большие баки с нефтью. Завод усилил охрану и из проходного двора, каким был раньше, становился более подтянутым и организованным. Но всё это было только началом большого пути к полной перестройке завода, которая совершена была уже в следующем десятилетии.

Школа ФЗУ в этот период подверглась коренной реконструкции, а именно: в корне был изменён её производственный профиль. Как выше было указано, в первый период своего существования школа готовила рабочих не в основные заводские цеха – мартен и прокатные, а в подсобные и, таким образом, профиль её не отвечал профилю завода. С 1925 г. перед школой была поставлена задача – готовить рабочих мартеновской и прокатной специальностей. Это была смелая революция в профтехнической подготовке рабочей силы, которая на первых порах даже взята была под обстрел разного рода скептиками. В лексиконе русского языка появились новые слова – «горячее ученичество», «школа горячего ученичества». Организация «горячего ученичества» повлекла за собой существенные изменения в

приёме и наборе учеников в школу, а именно: возраст принимаемых в школу с 13-14 лет, как было раньше, был повышен до 15-16 лет; набирать учащихся пришлось через биржу труда. Последнее обстоятельство было вызвано, во-первых, тем, что резервы детей рабочих завода были по существу исчерпаны, а, во-вторых, как было указано уже выше, рабочие избегали отдавать своих детей в «горячие» цеха, зная о тяжёлых условиях работы в них. Наборы учеников с биржи труда влекли за собой новые заботы: необходимость организации общежития и необходимость усиления воспитательной работы. Иначе также ставился вопрос о спецодежде для учеников в цехах. Главным же было то, что на школу ложилась вся забота по организации «горячего ученичества», потому что дело это было новое, беспрецедентное в истории профтехнического образования юношества.

Обстоятельства для школы сложились так, что перед ней стала двойная задача: подвести к концу и выпустить учащихся первых наборов по так называемому «холодному ученичеству» и вновь организовать «горячее ученичество». Эта задача ещё осложнялась тем, что заводоуправление приняло решение – собрать, как говорится, «под метёлку» всю молодёжь завода и направить в школу ФЗУ, в том числе девочек, обучавшихся на токарей, электрообмотчиков и даже счетоводов. И вот школа приняла вид муравейника, в котором всё двигалось, шумело, галдело. Все эти перемены удалось произвести только потому, что школа получила новое, более обширное помещение вне черты завода. Неподалёку от завода в дореволюционное время существовала церковно-приходская школа. Она сгорела так, что остались одни кирпичные стены. Завод отремонтировал здание, в которое в 1925 г. и переведена была школа ФЗУ. В этом здании было шесть просторных комнат, хорошо изолированных друг от друга, и ещё две маленькие комнаты. Для школы после тесного помещения в конторе заводоуправления переход в новое здание был настоящим приобретением. В новом помещении школа получила возможность полной перестройки всей своей учебной работы и возможность развёртывания воспитательной работы. По существу только с этого времени она приняла тот вид школы ФЗУ, который мыслился её учредителями, а главным образом её идейным руководителем – комсомолом.

После перехода школы в новое здание стало возможным организовать классы по кабинетной системе и в корне изменить методы преподавания. Были организованы кабинеты: физики, химии и обществоведения. Школа полностью обеспечена была чертёжными принадлежностями для занятий в раз с тридцатью учениками: досками, циркулями, бумагой. По физике было закуплено значительное количество наглядных пособий, а по химии необходимой посуды и химикалий. Приобретена была необходимая литература и учебники, создана небольшая библиотека.

Школа вышла, образно выражаясь, из своего прежнего внутризаводского существования на заводе и включилась в методическую работу объединения всех профессиональных школ города. В эти именно

годы в школе, как и в других школах, входивших в объединение, культивировался метод дальтон-план¹⁷⁹², о чём подробнее речь будет ниже. В школе произошла полная перемена учительского состава: в него влилась студенческая молодёжь из университета, количество штатных работников увеличилось. Впервые в школе появились окончившие Московский университет по факультету общественных наук преподаватели обществоведения. Возросло количество инструкторов производственного обучения. В организацию «горячего ученичества» привлечены были члены ИТР завода¹⁷⁹³ – заведующие цехами, что ещё больше сблизило школу с заводом. Школа «горячего ученичества» была в полном смысле детищем завода: учебные планы, программы теоретического и производственного обучения, организация производственного обучения – всё это создано было при участии и с помощью заведующих цехами завода. Вот почему в 1928 г. в Москве на конференции по техническому образованию представителю ВИЗовской школы предоставлено было слово – доклад по организации школы «горячего ученичества», как школы, опыт которой признан был показательным для школ этого типа.¹⁷⁹⁴ Школа выступала на выставках, которые организовывались областным кабинетом профтехобразования.

В школе забила ключом воспитательная работа. Организованы были различные кружки: НОТ¹⁷⁹⁵, литературный и даже эсперанто. Учком развернул работу в пионерской организации. Аккуратно выпускалась стенная газета. В большой комнате школы была устроена постоянная сцена, на которой во время вечера подвизались школьные «артисты» и гремела школьная «синяя блуза».¹⁷⁹⁶ Часто проходили общие собрания, на которых критика была, что называется «во всю». Работа учителей, которые временами выступали с отчётными докладами, критиковалась, не взирая на лица. Неопытные критики попадали иногда впросак. Так, был курьёзный случай, когда ученик Телицын обвинял преподавателя химии в том, что он скрыл от учеников один химический знак. Когда этого критика спросили, какой же именно знак, он в простоте сердечной (*sancta simplicitas*) совершенно серьёзно сказал: «знак зеро», т. е. назвал американский кинофильм, который тогда демонстрировался в кино. На такой ответ раздался гомерический хохот других учеников. При всём этом отношения между учениками и преподавателями были здоровыми – товарищескими, несмотря на то, что ученики, особенно из «горячих» цехов приходили на занятия усталыми.

---

¹⁷⁹² Дальтон-план – метод школьного обучения, основанный на трёх принципах свободы, самостоятельности и сотрудничества.

¹⁷⁹³ Инженерно-технические работники.

¹⁷⁹⁴ Выступал с докладом на конференции автор воспоминаний В. А. Игнатъев.

¹⁷⁹⁵ НОТ – научная организация труда.

¹⁷⁹⁶ «Синяя блуза» - элемент революционного массового искусства 1920-начала 1930-х гг. в виде агитационного эстрадного театрального коллектива, который поднимал самые различные темы – от общеполитических и международных до мелочей быта.

С переходом в новое здание в школе была организована своя конторка с бухгалтерией и машинисткой. Школа, можно сказать, отпочковалась от конторы и приобрела вид отдельного цеха завода.

В 1925 г. был первый выпуск из школы тех девяти учеников, которые в 1923 г. были в третьем классе, а с 1927 г. начались ежегодные выпуски сначала следующих групп (бывшие в 1923 г. вторым и первым классами) «холодного ученичества», а потом и «горячего ученичества», о чём подробнее речь будет ниже.

Спустя четыре года после перехода в новое здание (б[ывшая] церковно-приходская школа), оно оказалось уже тесным, и школа в 1928 г. переведена была в новое здание – б[ывшая] хирургическая клиника на берегу пруда. Этот переход совпал с организацией на заводе профтехкомбината, в состав которого вошли школа ФЗУ и вновь открытый техникум. ~~Это было уже переходом школы в третий период её.~~¹⁷⁹⁷ Профтехкомбинат, однако, скоро распался, и школа продолжала существовать отдельно от техникума до 1940 г., когда она реорганизована была в ФЗО, но описание её за десятилетие – с 1930 до 1940 г. должно составить задачу уже другого автора – участника событий того времени. Можно только сказать, что следующее десятилетие существования школы в основном было продолжением её второго периода.

Для более детального ознакомления со школой ФЗУ в описываемый период её существования необходимо отметить подробнее ряд моментов и событий, характеризующих её состояние в это время.

Хозяева и шефы школы

В момент открытия школы и пре...¹⁷⁹⁸

...должительное время после него директором завода был донныне здравствующий видный большевик Урала – Николай Михайлович Давыдов¹⁷⁹⁹, а его заместителем Василий Иванович Семёнов, впоследствии непродолжительное время бывший тоже директором завода. Они и были, выражаясь образно, первыми меценатами и школы. Непосредственным представителем заводоуправления, с которым школа имела дело по вопросам сметы на её содержание, был заведующий отделом организации труда (ООТ) инженер, экономист Иван Владимирович Трофимов. Нужно сказать, что заводоуправление в целом потребности школы удовлетворяло безотказно как в части оборудования её, о чём сказано выше, так и в части содержания и обеспечения зарплатой работающих в школе. Учителя, в общем, были

---

¹⁷⁹⁷ Текст зачёркнут автором.

¹⁷⁹⁸ Авторский текст отсутствует.

¹⁷⁹⁹ Давыдов Николай Михайлович (1890-1963) – директор завода «Красная Кровля» в 1922-1924 и 1927-1930 гг., который обеспечил восстановление завода.

обеспечены несколько выше учителей соцвоста¹⁸⁰⁰, а по некоторым видам снабжения были приравнены к снабжению рабочих. Как выше уже указано, в 1923 г. часть зарплаты выдавалась учителям натурой и банкнотами. В дальнейшем учителям были выданы заборные книжки на получение промышленных товаров на общем основании с рабочими завода. Когда отстраивался второй посёлок ВИЗа, ряду учителей школы даны были квартиры. Был единственный случай конфликта учителей с ООТ на почве невыплаты зарплаты за вынужденное бездействие их при переходе в новое здание.

Кроме шефства в материальном отношении завод – заводские организации осуществляли шефство в организационном отношении, а именно при организации «горячего ученичества». По этому поводу необходимо добрым словом помянуть покойных теперь заведующих цехами: мартеновского – Николая Петровича Бояршинова, листопрокатного – Николая Андреевича Лоцманова и сутуночного цеха – поныне здравствующего в настоящее время начальника отдела капитального строительства (ОКСа) Михаила Николаевича Челищева. Хотя у них были различные взгляды на организацию теоретического образования в школе, но все они много поработали для школы.

Н. П. Бояршинов¹⁸⁰¹ – техник по образованию лучше понимал необходимость теоретической подготовки рабочих мартеновского производства, чем его коллеги по прокатным цехам. И само мартеновское производство убедительнее, чем прокатное, подсказывало необходимость его, теоретического образования. Вот почему при составлении учебного плана и программы теоретической подготовки учеников по мартеновской специальности меньше возникало сомнения в необходимости того или другого пункта программы.

Н. А. Лоцманов был практиком без специального образования, хотя и изобретателем, как он себя афишировал. Он склонен был принижать значение теоретического обучения и сводить его к *minimum* у. Ему казалось, что для рабочих прокатной специальности не нужно изучение химии, а физику можно изучать в виде отрывков по механике и т. д. Эти свои взгляды он иногда высказывал и ученикам, что шло в разрез с установкой школы. Вот почему и ученики этой специальности тоже часто выступали с заявлениями о том, что то, то другое им не нужно изучать и приходилось снова и снова убеждать их в ошибочности их взглядов.

М. И. Челищев был тоже практик, но с некоторой теоретической подготовкой по способу самообразования. Он, в общем, занимал нейтральную позицию.

---

¹⁸⁰⁰ Отдел социального воспитания.

¹⁸⁰¹ Бояршинов Николай Петрович (1888-1938) – начальник ОТК ВИЗа. Арестован в 1937 г. и расстрелян. (Книга Памяти Свердловской области).

Заведующие школой

а) Первым заведующим школой был Осокин Николай Димитриевич. Он был выдвинут на эту должность партийной организацией завода. Он был по специальности токарем по металлу. В те времена люди такой специальности считались представителями наиболее высокой техники производства и поэтому выдвигались на такие посты работы, где требовался более или менее высокий уровень технической подготовки. Н. Д. Осокин более чем кто-либо другой из рабочих этой специальности отвечал этому требованию. Не имея среднего технического образования, он среди людей более образованных, чем он, каковыми были преподаватели школы – техники и инженеры, не был совершенно беспомощным в области теоретических курсов обучения в школе, а в практической области имел большой опыт. Сильной стороной его было широкое знакомство с производством, с рабочими завода, что в это время имело особенное значение, потому что школа укомплектовывалась преимущественно детьми рабочих завода. Его энергия, подвижность тоже соответствовали профилю его новой работы. Ещё одна сторона его характера содействовала успеху его новой работы, а именно – тактичность и деликатность в отношениях с подчинёнными. Эти качества нельзя недооценивать в той сфере деятельности, на которую он был выдвинут, т. е. в педагогической деятельности, где приходилось ему иметь дело с людьми умственного труда. Не лёгкой задачей для Николая Димитриевича было установить новые, ещё не определившиеся как следует отношения между учителями и учениками, особенно в таком типе школы, каким являлась школа ФЗУ. Естественно, что у него иногда были неправильные педагогические приёмы, о чём упоминалось выше по поводу того, что преподаватель физики С. И. Кутунов предложил ученикам вставать перед приходом его в класс на урок. Ему приходилось работать в тех условиях, которые характерны были для первого периода существования школы. Николаю Димитриевичу удалось довольно успешно организовать производственное обучение учеников. В этом была его главная заслуга в организации школы. В 1925 г. он был, как незаурядный организатор выдвинут на работу по линии профобра в городском масштабе.

б) На смену Н. Д. Осокину партийной организацией завода был выдвинут Михаил Васильевич Чистяков.¹⁸⁰² До этого он работал зам[естителем] председателя завкома завода. М. В. был немногим больше двадцати лет. В ранней юности он ушёл добровольцем в ряды борцов против Дутова¹⁸⁰³, а по окончании гражданской войны обосновался на ВИЗе и сначала работал в механическом цехе токарем. На плечи М. В. легла вся забота и работа по дальнейшей организации школы, особенно «горячего

---

¹⁸⁰² Чистяков Михаил Васильевич (1899-?) – начальник бюро рабочего изобретательства ВИЗа. Арестован в 1937 г. и приговорён к 15 годам тюрьмы. (Книга Памяти Свердловской области).

¹⁸⁰³ Дутов Александр Ильич (1879-1921) – атаман казачества, участник Белого движения.

ученичества» и он с честью справился с этой задачей. Он сумел создать дружный коллектив учителей и инструкторов школы и пользовался заслуженным уважением и авторитетом их. Он пользовался большим авторитетом в заводууправлении, и поэтому дирекция завода безо всяких проволочек удовлетворяла его заявки на оборудование школы и бытовые расходы на общежитие и прочее. При нём и при его участии в основном школа была полностью реорганизована и получила тот вид, который был характерен для её второго периода.

М. В. сознавал необходимость повышения своего теоретического уровня и учился в вечернем техникуме. Особенно много он работал по черчению. М. В., побывав в Москве, познакомился с организацией Центрального института труда (ЦИТ) и был сторонником передовых методов производственного обучения. В конце 1927 г. он был отозван на работу в заводе.

в) На смену М. В. Чистякову партийной организацией завода в заведующие школой был выдвинут Павел Васильевич Петухов, работавший до этого в завкоме. Он пришёл в школу тогда, когда, как выше указано, вся организационная работа в школе в основном была проделана его предшественником М. В. Чистяковым. На его долю выпало укрепление созданной организации – порядка и дисциплины – как на производстве, так и в школе. В это время на производстве усиленно внедрялся и развивался метод социалистического соревнования в работе. П. В. положил его в основу своей работы в школе, применив его и в школе и на производстве, что дало положительные результаты. Однако в силу каких-то соображений ему не дали проводить эту работу планомерно: то его отстраняли от работы, то вновь назначали. Этой неустойчивостью воспользовался некий проходимец по фамилии Рыбак, прибывший откуда-то с юга, не русский по происхождению, который втёрся в доверие партийной организации завода, будучи заведующим школой пошёл по линии бытовой распущенности и скрылся, оказавшись самозванцем и аферистом.

Педагогический состав школы

Педагогический состав школы трижды менялся. Первый состав был в первый период существования школы в 1922-1924 гг. В него входили работающие по совместительству служащие заводууправления и треста «Гормет».

1. Зав[едующий] учебной частью и преподаватель математики – управляющий делами заводууправления Половинкин Владимир Александрович;

2. Преподаватель физики – инженер-экономист завода Кутунов Сергей Иванович;

3. Преподаватель черчения – служащий треста «Гормет» Андрианов Фёдор Маркович;

4. Преподаватель технологии и материаловедения – служащий треста «Гормет» Константинов Александр Алексеевич;

5. Преподаватель русского языка и географии – Игнатъев Василий Алексеевич: по назначению Облпрофобра;

6. Преподаватель математики (с конца 1924 г.) Широков Михаил Михайлович: по назначению Облпрофобра.

После реорганизации школы в 1925 г. с переходом её в новое здание в состав учителей вошёл целый ряд новых преподавателей, а именно: Рябов Филипп Иванович, Исупов Николай Акимович, Зимин Александр Петрович, Мехоношин Николай Димитриевич.

1. Рябов Ф. И. окончил Уральское горнозаводское училище в Екатеринбурге. В школе он преподавал специальные предметы по «горячему ученичеству», физику и химию. Им была проделана большая работа, совместно с заведующими цехами, по выработке учебных планов и программ по мартеновскому и прокатному производствам. Им же был организован кабинет физики и химии. Ф. И. Рябов много сделал по укреплению дисциплины в школе и пользовался авторитетом среди учеников и учителей. Он много работал по методике преподаваемых им курсов. Впоследствии он работал заведующим уч[ебной] части школы ([19]30-[19]32 гг.) и много сделал по усовершенствованию теоретического обучения в школе. Ф. И. был сторонником и поборником строгой организации в школе и на производстве. Он дольше всех работал в школе (до ... года).

2. Широков Михаил Михайлович окончил Уральское горнозаводское училище в Екатеринбурге. Деятельность его в качестве преподавателя математики развернулась, главным образом, с переходом в новое здание и после реорганизации школы. Ему приходилось варьировать свои занятия применительно к различным специальностям, подготавливаемым в школе. Он много работал по методике преподавания математики в школе. В школу поступали подростки с разной подготовкой, и М. М. приходилось много уделять времени на занятия вне расписания. В этом отношении М. М. проявил много усидчивости и настойчивости и оставил о себе хорошую память у своих учеников. Человек исключительной выдержки и деликатности, он умел ладить с самыми беспокойными юношами, например, с пришедшими в школу с биржи труда, которые иногда были с повышенной возбудимостью и не выдержанные в отношениях с учителями. М. М. был не только учителем, но и хорошим воспитателем. Он принимал большое участие в общественной жизни школы: в стенгазете и драмкружке. Его амплуа были роли стариков. М. М. пользовался уважением учителей, прочих сотрудников школы и учеников. В [19]30-тых гг. М. М. оставил школу ФЗУ и перешёл на работу в школу-десятилетку, но во время Великой Отечественной войны он некоторое время работал в школе ФЗО. В течение двух лет М. М. работал зав[едующим] учебной части в школе ФЗУ, а в 1929-1930 г. по совместительству работал в ВИЗзовском филиале рабфака УПИ [Уральского политехнического института – ред.].

3. Мехоношин Николай Дмитриевич учился в университете и по совместительству преподавал в школе модную тогда, новую науку – научную организацию труда (НОТ). Он был из семьи потомственных ВИЗовских служащих: отец у него был заводским архивариусом, два брата и сестра тоже служили на заводе. Н. Д. был юношей кипучей энергии, которой умел зажигать и других. Научная организация труда (НОТ), как наука зародилась у нас под влиянием американских систем фордизма¹⁸⁰⁴ и тейлоризма¹⁸⁰⁵, вызвала у нас много их сторонников, в числе которых был и Николай Дмитриевич. Он сорганизовал в школе кружок НОТовцев, о чём речь будет подробнее ниже. Всегда его можно было видеть в школе окружённого кружковцами, стремительного, подвижного. Он принимал активное участие в организации школьных вечеров. Так, под его руководством была поставлена коллективная декламация «Левого марша» [В. В.] Маяковского с инсценировкой: группа участников в ней маршем выходила на сцену и декламировала под мерный шаг марша. Н. Д. много сделал для воспитания у фабзавучников дисциплины и выдержки: его кружковцы были не только пропагандистами идей НОТа, но и показывали пример дисциплины и выдержки. К сожалению, Н. Д. преждевременно умер: чрезмерно увлёкшись системой закаливания организма («Моя система тела» Миллера¹⁸⁰⁶), простудился и умер от туберкулёза.

4. Исупов Николай Акимович был студентом УГУ [Уральского государственного университета – ред.] и работал в школе по совместительству. Он преподавал спецпредметы для учащихся по холодной обработке металлов, а также для кузнецов и модельщиков. Он жил при общежитии школы по улице Синяева в качестве бесплатного воспитателя. Н. А. был человеком исключительной энергии, чему свидетельством было уже то, что он учился и работал, будучи многосемейным (четверо детей). Он был человеком жизнерадостным и вечно устремлённым вперёд. Особенностью его душевного склада было резко выраженное классовое самосознание: он был по происхождению из очень бедной семьи. Своей кипучей энергией он заражал и учеников. Он принимал активное участие в ученических организациях: в комсомольской организации и учкоме. Он пользовался большим авторитетом у учащихся: к нему они охотно приходили за различными советами. Н. А. много работал по налаживанию в школе дисциплины. Занятия по своим предметам он проводил живо и интересно, но

---

¹⁸⁰⁴ Фордизм – система организации поточно-массового производства, основанная на использовании конвейера.

¹⁸⁰⁵ Тейлоризм – одна из теорий управления или научная организация труда, проанализировавшая и обобщившая рабочие процессы, с целью повышения экономической эффективности, особенно производительности труда.

¹⁸⁰⁶ Мюллер (Миллер) Иоганнес Петер (1801-1858) – немецкий естествоиспытатель. Автор трудов по физиологии центральной нервной системы и органов чувств, сравнительной анатомии. В своей книге «Моя система: Пять минут в день» описал авторскую систему физического развития, которая пользовалась большой популярностью в начале XX века.

ему приходилось самому много готовиться к занятиям, потому что он вёл занятия с учениками различных специальностей. После окончания университета он оставил работу в школе.

5. Зимин Александр Петрович учился в УГУ и по совместительству преподавал в школе черчение. Он был очень настойчивым преподавателем и много сделал по оснащению школы чертёжными принадлежностями. Ему принадлежат также заслуги в том, что он поставил преподавание черчения на высокий уровень. По окончании УГУ А. П. оставил школу.

6. Мехоношин Василий Дмитриевич преподавал в школе непродолжительное время черчение. Он был опытным чертёжником-практиком и воспитал несколько чертёжников для проектного отдела завода, например Мазеина Бориса.

7. Шулина Зоя Михайловна¹⁸⁰⁷ преподавала в школе обществоведение. Она много сделала по организации общественной жизни в школе: принимала участие в стенной газете и мероприятиях по антирелигиозной работе. Много также она содействовала налаживанию дисциплины в школе на уроках обществоведения после неудачной работы Вольфсон З. М., выпускницы Московского университета по факультету общественных наук. З. М. упорядочила методическую сторону преподавания, организовала кабинет обществоведения, оборудовав его наглядными пособиями. З. М. принимала активное участие в методическом объединении школ ФЗУ города.

8. Игнатъев Василий Алексеевич работал в школе с 1923 г. по 1930 г. преподавателем русского языка и зав[едующим] учебной части в течение шести лет. В 1928 г. он был делегатом от школы на Московской конференции профтехнических школ и выступал с докладом об организации «горячего ученичества». На его плечи легла работа по учебной части в период реорганизации школы.

В третий раз состав преподавателей изменился с организацией на заводе протехкомбината. В состав преподавателей вошли: по математике – Кокотько Татьяна Порфирьевна, Бутарова Елизавета Григорьевна, Шестидесятная А. С., Акимов ...; по русскому языку – Лощёнова Татьяна Владимировна и Анисимова А. А.; по физике – Гаврилюк М. Г. Черчение преподавал по совместительству инженер из проектного отдела – Шепелёв Иван Михайлович. По психотехнике работала Белякова А. С.

---

¹⁸⁰⁷ Шулина Зоя Михайловна (1899-1963).

Инструктора производственного обучения

а) Турыгин Игорь Глебович был инструктором производственного обучения по мартеновской специальности. Техник по образованию он более чем кто-либо другой из других инструкторов соответствовал своему назначению, вернее – должен был бы соответствовать своему назначению, но недостатком его было то, что он был очень мягок по своему характеру. Что-либо другое, но слабохарактерность никогда молодёжь не прощает человеку, своему руководителю и воспитателю. Так было и с И. Г. Турыгиным: он не пользовался у учеников достаточным уважением, что и было однажды причиной неблагоприятной выходки их по отношению к нему. Обстановка однако была такова, что заменить его было нечем; благо он сам со временем перестроился и в общем стал справляться с порученной работой при поддержке начальника цеха.

б) Шаров Александр Григорьевич был инструктором по листопрокатному делу. Он был опытный практик, но без теоретической подготовки, хороший организатор, пользовался уважением учеников, а они охотно воспринимали опыт его работы.

в) Лоцманов Павел Андреевич был инструктором по обучению в сутуночном цехе. Человек большого практического опыта он был инструктором производственного обучения, такого же типа, как и Шаров А. Г.

г) Панов Иван Павлович был инструктором, а в период существования профтехкомбината зав[едующим] производственным обучением по листопрокатному делу. Всех, кто его знал по работе, поражала его энергия и подвижность. Где бы ни находилась школа ФЗУ ВИЗа – на берегу реки в бывшей хирургической клинике или в профтехкомбинате на Нагорной улице – часто можно было видеть вышедшего из дверей её человека, среднего роста, немного ссутулившегося, с руками, заложенными за спину и мчавшегося стремительно к заводу. Все знали: это Иван Павлович Панов. Он вечно в движении: если и остановится, то только на минуту и то, главным образом, по делу. Выпадет свободная минута или не в урочное время – поговорит, пошутит, посмеётся. К тому же он – воплощение доброты и деликатности. Организатор и практик. Уже если где нужно такого человека – его не обойдут.

Во время Великой Отечественной войны И. П. был на фронте – в Румынии, в частности – в Бухаресте. «Хороший город» - рассказывал он о Бухаресте – «а вот культура низка: мимо королевского дворца среди белого дня проезжают с ассенизационными бочками». Вот на что обратил внимание Иван Павлович.

И. П. примерный семьянин. «Вся жизнь теперь только для семьи» - так однажды он высказался о себе.

После окончания войны И. П. переехал на свою родину – в Ирбитский завод и работает по заготовительному делу. Иногда приходится встречаться с

ним в городе. По прежнему он спешит, поговорит на ходу... руки за спину... и вперёд, вперёд.

У всех, кто встречался с ним, осталось о нём воспоминание, как о добрейшем человеке и честном труженике. Вот о ком действительно можно с полной уверенностью сказать: «Этот человек никогда не подведёт». Для учеников И. П. был живым воплощением труженика, примером человечности, благородства, доброты и такта. Назвать при них имя Ивана Павловича – это значило вызвать у них лучшие воспоминания о школе.

д) Чепурин Иван Андреевич был инструктором по кузнечному делу. Он был уже в преклонном возрасте. Всю жизнь он проработал на ВИЗе. И. А. принадлежал к тому типу старых рабочих, о которых все говорили: «у него золотые руки». Всё его искусство сосредоточено было в его руках, а руки его выполняли такие ажурные изделия, которые под стать были только машинам, настолько точными и чистыми были его поковки. Было что-то отечески трогательное во взаимных отношениях инструктора и его учеников: картина, достойная кисти художника на тему «Отцы и дети» в самом лучшем её аспекте. На образе И. А. ученики учились трудолюбию, спокойствию и выдержке в работе, методичности, а сам он для них был образцом человека природного благородства и труженика.

Интересна и поучительна судьба этого старого рабочего: будучи инструктором, он вышел на пенсию, скучал без работы, хирел и через год умер. О нём рассказывали, что как только утром он слышал заводской гудок, то соскакивал с постели и собирался на работу: такова была привычка, выработанная всей его жизнью. Добром его поминают его бывшие ученики.

е) Легоненко Василий Павлович был инструктором по модельному делу. Он был в своём деле мастером такого же типа, как И. А. Чепурин. Он пользовался уважением и авторитетом у учеников, как и прочие инструктора-практики.

ж) Розанцев Николай Александрович¹⁸⁰⁸ был инструктором по токарному и слесарному делу. Он был совсем ещё молодым и отличался от других инструкторов тем, что имел специальное образование в объёме промышленного училища.

---

¹⁸⁰⁸ Розанцев Николай Александрович (1900-1967).

Ученические организации

Первым секретарём комсомольской организации был ученик по модельной специальности Павел Плеханов. Комсомолом руководил зав[едующий] школой Михаил Васильевич Чистяков. В связи с реорганизацией школы, её бурным ростом, а особенно в связи с тем, что школа пополнялась подростками с биржи труда, комсомольской организации приходилось проводить большую работу по налаживанию дисциплины в школе. В особенности вопросы, связанные с налаживанием дисциплины, осложнились с того момента, как возраст принимаемых в школу был повышен до 15-16 лет и в школу влились на обучение девушки. В школе ощущалась теснота, скученность и на этой почве происходили неприятные инциденты. Отношения юношей к девушкам были не всегда «рыцарскими»: привычки старого заводского молодяжника ещё во многих случаях довели в новых условиях бытия.

Школьная жизнь развивалась бурно: существовали различные кружки, часто устраивались вечера, регулярно выходила стенгазета, жизнь врывалась в школу, налаживались новые отношения между учителями и учениками, налаживалось производственное обучение – всё это стояло в поле зрения комсомольской организации. Как выше уже было указано, в школе часто проводились собрания, на которых обсуждались все вышеуказанные вопросы. Комсомольская организация под руководством М. В. Чистякова руководила всеми сторонами общественной жизни школы, в том числе и учкомом, о чём подробнее будет сказано ниже. Работа в этой организации вместе с тем была хорошей школой для подготовки в партию. Первым кандидатом в партию и был выдвинут Павел Плеханов.

Первый учком

Как выше было указано, учком был организован в декабре 1923 г. Не сразу ученики в своей массе освоились с самой идеей организации учкома. Были шутники, которые при виде первого председателя учкома кричали насмешливо: «сучком, сучком идёт». Здесь нет необходимости вновь изображать ту обстановку, в которой создана была эта школьная организация: выше об этом сказано уже подробно. Важно обрисовать деятельность учкома в школе в описываемый период.

Первым председателем учкома, выдвинутым комсомольской организацией, был ученик III класса Пётр Соболев. Нужно сказать, что выбор был удачным. Соболев родился в 1905 г. и, следовательно, к моменту избрания его в учком был в возрасте 17-18 лет. Образование он получил в семилетке в Верх-Нейвинске. На производство он поступил в 1916 г.: сначала учеником в механическом цехе ВИЗа, а с 1922 г. поступил в школу ФЗУ. Таким образом, к моменту избрания его в учком он прошёл уже

значительный период производственного обучения. Удачным выбор Соболева в учком был ещё и потому, что он среди других учеников выделялся дисциплинированностью, выдержкой, спокойным характером и ясным для своего возраста умом. Деятельность учкома развернулась после перехода в новое здание. Одной из важных задач, которые были поставлены комсомольской организацией перед учкомом, являлась шефская работа над пионерами – организация при школе пионерского отряда. Соболев подобрал для этого очень энергичную и инициативную группу комсомольцев, в числе которых нужно отметить Валентина Белоглазова, учившегося модельному делу. Маленький, чуть повыше своих подшефных, юркий, с живыми искорками в глазах он был душой руководителей отряда и любимцем детей. Школа оживилась детскими голосами. С детьми проводились беседы, разучивались песни, им прививались элементарные навыки организации. Как председатель учкома, Соболев был причастен ко всем школьным организациям и содействовал из организации. Нужно отдать ему справедливость в том, что он, несмотря на свой молодой возраст, спокойно и трезво разбирался в сложных ситуациях школьной жизни того времени, когда приходилось иногда принимать «соломоновы решения», и давал правильное направление делу. В момент становления школы он много сделал для её организации и сам получил опыт, который пригодился ему потом в жизни.

НОТовцы

Как выше указано, организатором и душой кружка НОТовцев был преподаватель НОТа в школе – Николай Димитриевич Мехоношин. В то время было повышенное увлечение НОТом, своего рода поветрием, что совершенно понятно: освобождённый Великой Октябрьской соц[иалистической] революцией человек труда искал новых форм организации его (труда), причём на первых порах не обошлось без увлечения «американским образом жизни». Кружок был немногочисленным, но состоял из людей, увлечённых идеей и желающих организовать свой труд и себя на научной основе. Последнее, т. е. самоорганизация и было самым главным в работе кружковцев. Они по особым таблицам вели учёт распорядка своего рабочего дня, потом на собраниях кружка анализировали свои картограммы и определяли положительные и отрицательные моменты в распорядке рабочего дня. Как видно, кружок проводил очень полезную воспитательную работу среди своих членов, и желательнее было бы можно больше увеличивать, однако, на первых порах ни Н. Д. Мехоношин, ни кружковцы не стремились к этому, а старались сначала укрепить свой первоначальный состав. Такая тактика, в общем здоровая, имела, однако, ту отрицательную сторону, что кружок как бы замкнулся в некую касту и противопоставил себя массе. Это давало повод насмешкам над кружковцами, чем и

воспользовались некоторые недисциплинированные ученики, которые усмотрели в организации кружка покушение на их «свободу» и распушенность. Шутки, имеющие характер насмешки, проявлялись, например, в таких формах. Идёт собрание, на котором разбирается какой-нибудь вопрос, никакого отношения не имеющий к НОТу и вдруг кто-либо из врагов НОТа с мефистофельской улыбкой обращается к НОТовцу со словами: «скажем, как это будет по НОТу?». Или, когда нужно было кого-нибудь выдвинуть на выполнение явно тяжёлого поручения, то обязательно указывали на НОТовца с язвительной оговоркой: «он НОТовец».

Теоретические занятия в кружке вёл Н. Д. Мехоношин, а кружковцы читали литературу по предмету.

Кружок просуществовал недолго: он прекратил своё существование со смерти Н. Д. Мехоношина. Активным членом его были ученики: Кузнецов, Козловский, Морозов и др. Он всё-таки сыграл свою роль в налаживании дисциплины в школе и на производстве. Нужно отметить, что заведующий школой М. В. Чистяков всячески старался поддержать этот кружок.

«Синяя блуза»

Коллектив «Синей блузы» был гордостью школы. В те времена это была популярная форма художественной деятельности – излюбленная форма агитации. Организатором её в школе был ученик Виктор Медведев. Осталось тайной, как возникла у него мысль об организации «Синей блузы», как он создал эту организацию, где, наконец, он сам научился этому делу – руководить певцами, откуда он получал тексты песен, но вдруг в вечерние часы в школе раздались голоса молодых певцов: «Мы синеблузники, мы профсоюзники... Мы только гайки рабочей спайки» и т. д. На вечерах на сцене непременно появлялись «синеблузники» и показывали своё искусство. Гром аплодисментов всегда был ответом на их выступление, и заслуженно! Сколько раз они выступали на пионерских сборах! Трудно недооценить ту роль, какую эта организация сыграла в школе по художественному и политическому воспитанию её учеников.

Драматический кружок школы. Октябрины

Драмкружок был вторым предметом гордости школы. Самое главное достоинство его, чем гордились сами кружковцы, заключалось в том, что он был самобытный: сами они без всякой посторонней помощи его организовали, свои самобытные у них были режиссёры, сами они подбирали репертуар, одним словом – никому не кланялись. Если бывали срывы, а они бывали, кружковцы сами себе говорили: «ну, что-ж сама садик я садила, сама воду пролила». Считалось, что это область искусства, а это дело тонкое – не всякий может его понимать: так кружок и получился самобытным,

неприкаянным, а это повело к тому, что репертуар его был пёстрый, подчас не выдержанный идейно. Между режиссёрами шла скрытая борьба, не соревнование, а именно – конкуренция. Оба они походили друг на друга только тем, что были разносторонне одарёнными и принадлежали к типу тех людей, о которых говорят: «он и чтец, и жнец и в дуду игрец». Один из них, Романовский, был зачислен в школу с биржи труда, из беспризорных. Он был талантливый юноша. Таланты его были разнообразные: он и артист, он и художник, он и оратор. Но беспризорность его не прошла для него даром: он сделался разбросанным, не укладывающимся в режим школы. К тому же его баловали, и это ещё больше его портило. Его привлекали картины и типы ницшеанские, и это проявилось в том, что он добился постановки на школьной сцене драмы под названием «Человек ночи», героем которой был вор, обкрадывающий могилы. Постановка эта была явным ляпсусом, допущенным благодаря ротозейству комсомольской организации, администрации и педагогов школы. Сам Романовский в этой пьесе играл роль главного героя. Вторым режиссёром был Виктор Медведев. Он был сыном заведующего отделом лесничества ВИЗа – Константина Ивановича Медведева. Выше уже упоминалось, что он руководил «Синей блузой», а кроме того он был и присяжным художником стенной газеты. Его внимание привлекали больше картины прошлого в духе критического реализма, имеющие агитационное значение. Значительное внимание уделялось им агитационной пропаганде, правда, приёмы её были примитивными. Так, в 1925 г. на Пасху поставлена была инсценировка акафиста Карлу Марксу. Чего только не придумывали тогда горячие головы! Состав кружковцев до некоторой степени стабилизировался, и определились даже некоторые амплуа: например, полицейских с большим успехом играл Вася Колмогоров, стариков – преподаватель Широков. Несмотря на недостатки, кружок сыграл свою роль в воспитании учеников. В большой комнате школы была устроена постоянная сцена. На ней выступали и гастролёры: так, выступали однажды студенты УГУ; с большим успехом выступали в жанре шаржа Васильев и Куклин, ученики техникума.

На этой же сцене однажды торжественно справлены были «Октябрины».

Октябрины были одной из форм антирелигиозной работы. В те годы – 1925-1930 – они часто проводились при школах, причём родителям преподносились подарки, а учреждение – школа становилась шефом новорождённого. Это были, так сказать, революционные «крестины», или, как их сокращённо называли – «кстины». Выработана была небольшая инсценировка, соответствующая теме торжества. В школе это было организовано так: на сцену вошла мать с ребёнком на руках и произнесла приличествующую этому случаю речь, кратко выраженную словами: «я не хочу своего ребёнка кстить, а хочу октябрить». После поднесения подарков председатель учкома П. Соболев по желанию родителей подтвердил имя новорожденного – Владимир и произнёс речь с наилучшими пожеланиями

новорожденному и закончил её словами: «мы надеемся, что товарищ Владимир (*sic!* В. И.) вырастет и будет хорошим гражданином своей родины»... Где теперь этот товарищ Владимир?

Так школа откликалась на жизненные явления того времени.

Стенная газета школы

Стенгаз была третьим предметом гордости школы. Начавшись с небольших бюллетеней на злобу дня, она выросла потом в громадные фолианты, красочно оформленные и с красивым ручным письмом. Она сделалась летописью школы. В её выпусках принимали участие и поэты, и прозаики, и критики, и художники. Критика была «не взирая на лица». В ней принимали участие и ученики, и учителя. Были, конечно, и любители плагиата да ещё по линии поэзии. Однажды в редакционном ящике оказалось стихотворение – блестящая лирика. Подпись – Тююшев. Автор пишет: «Я ехал к Вам... младые сны... и месяц с правой стороны... Я ехал прочь... и месяц с левой стороны» и т. д. Что это? Самородок? Заглянули в томик стихов А. С. Пушкина, и обнаружился плагиат. Ещё более смелые, даже, можно сказать, наивные любители плагиата списывали из хрестоматии по русскому языку, принятой в школе. Но это сугубо единичные случаи, в целом же в газете было много хорошего материала на политические и антирелигиозные темы. Много было сделано художественных заголовков, выполненных упомянутым выше учеником Медведевым и учеником Лёвкиным. Много было хороших зарисовок, и как жаль, что всё это погибло. Нет, не умели мы ценить наши труды: молодёжь эгоистична и часто живёт только настоящим моментом.

Поэты и прозаики

В те годы молодёжь находилась под живым впечатлением от только что вышедших в свет произведений Маяковского и Безыменского.¹⁸⁰⁹ У кого из молодёжи не появлялось желание попробовать свои силы в поэзии. В школе ФЗУ ВИЗа выявилось два поэта: Леонид Носов и Коля Сомов, а в прозе пробовал свои силы – Пётр Евстигнеевич Кузнецов. Носова в школе готовили на рабочего мартеновского цеха, но он пошёл работать по линии литературной: стал работать в заводских газетах и понемногу писал стихи. Стихи его были на производственные темы и печатались в «Верх-Исетском рабочем» и «Уральском рабочем». Как рассказывал сам Носов, он передавал сборник своих стихов на просмотр и оценку известному писателю А. С.

---

¹⁸⁰⁹ Безыменский Александр Ильич (1898-1973) – советский поэт и журналист. В 1920-х гг. популярный комсомольский поэт.

Серафимовичу¹⁸¹⁰ при посещении им Свердловска, но они не получили одобрения.

Коля Сомов, как говорили, «писал под Маяковского». У него была заветная книжечка со стихами, которую он носил всегда при себе. Он помещал иногда свои стихи в стенгазе школы. Коля, очевидно, имел намерение когда-либо отпечатать их, но это ему не было суждено, он погиб на войне.

П. Е. Кузнецов, как передавали близкие к нему его товарищи, писал какую-то повесть, но она так и не была опубликована.

Получилось у наших писателей «по-Некрасову»:

«Суждены нам благие порывы,

Но свершить их нам не дано» (проверить точность).¹⁸¹¹

Эсперантисты в школе

Тяга нашей молодёжи к изучению иностранных языков побудила группу учеников во главе с Петром Кузнецовым взяться за изучение эсперанто¹⁸¹² или, как его в реформированном виде называли, идо. Из их затеи ничего не вышло, потому что никто не поддержал их инициативу, а одни они не справились с этой задачей. Случай этот свидетельствует о том, что между учениками и руководителями школы не всегда были достаточные контакты. На этой почве были в школе прорывы, о чём речь будет ниже.

Тёмные пятна школы. Самоубийцы

Как ни странно и даже дико звучит такое сочетание: школа ФЗУ и самоубийцы, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь», что было, то было. Два случая самоубийства были с окончившими школу, а именно: повесился Федя Пермяков из первого выпуска школы и бросился под поезд Иван Тимофеевич Морозов. Неизвестно, как произошло с Федей Пермяковым, но совершенно точно известна трагедия Ивана Тимофеевича Морозова. Он был сын ВИЗовского рабочего и учился в школе в 1924-1927 гг. на кузнеца. Сам ли он избрал себе эту специальность или школа направила его учиться на кузнеца не известно, но по своей комплекции он подходил в кузнецы: был могучего сложения. Слабой стороной его было недостаточное умственное развитие, недостаточная грамотность и тугое восприятие наук, особенно абстрактных, как, например, алгебра. Зато он

---

¹⁸¹⁰ Серафимович Александр Серафимович (1863-1949) – советский писатель.

¹⁸¹¹ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час»:

*«Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»*

¹⁸¹² Эсперанто – самый распространённый искусственный язык для международного общения.

выделялся среди других учеников дисциплинированностью, выдержкой, состоял членом кружка НОТ и был, так сказать, идейным сторонником организации, порядка и дисциплины. Учитывая эти его качества, комсомольская организация школы и выдвинула его в секретари взамен Павла Плеханова, окончившего школу. Ему приходилось председательствовать на собраниях, руководить ходом прений на них, которые (прения) принимали иногда самую запутанную форму. И. Т. явно терялся в направлении прений и когда вносились проекты резолюций, не мог в них разобраться, нервничал и всё сводил к трафаретному вопросу: «Кто за резолюцию в целом?» Эта формулировка вопроса была для него единственным выходом из положения. Со временем, особенно после окончания уже школы, стали замечать за ним некоторые странности: он стал резко критиковать всех и вся, возвеличивать себя и позволять странные выходки. Так, о руководящих деятелях партии он отзывался так: «Там только Сталин, а остальные – лапша». Когда автор настоящего очерка однажды пригласил его в школу, он многозначительно подчеркнул, что прийти, он придёт, но не как бывший школьник, а как ревизор. Бывали случаи на производстве, что он, когда видел директора завода, делающего обход по цехам, присоединялся к нему в качестве помощника его. Наконец, узнали, что однажды он заявился в деревню Палкину, созвал на собрание командный состав её, «накачал»... и был таков. Он был женат, и в семье за ним тоже стали замечать разные странности. Было ясно видно, что он заболел шизофренией (?). Однажды он днём пришёл в контору заводоуправления, очевидно, по своим «государственным» делам, чем-то расстроился и при выходе из неё бросился под поезд у самого выхода. Он унёс с собой тайну своей трагедии, но кто может поручиться за то, что она не была результатом допущенной ошибки в школе, когда его выбрали на работу, не посильную для него?

Эти два случая самоубийства произошли вне стен школы, когда её ученики оставили школу, но, если вдуматься глубже в эти трагические случаи, то, очевидно, они в какой-то степени касаются её, поскольку жертвы этих трагедий были воспитанниками школы.

Но вот произошёл случай самоубийства уже с учеником школы, хотя не в стенах её, но в бытность его учеником и при том незадолго до окончания её. Случилось это с учеником Пермяковым, которого готовили на прокатчики. Юноша жил с родителями, семья была рабочая. Он был удивительно жизнерадостным. В школе его видели всегда поющим и танцующим. И вдруг в школу приходит сообщение, что он застрелился: зарядил охотничье ружьё, направил дуло в рот, нажал ногой курок ... и был таков. Оставил записку: «я убедился, что жизнь есть борьба» и т. д., т. е. испугался.

Теперь прошло уже более тридцати лет после этого печального события, а в голове неотвязно «гвоздит» вопрос: почему на это никто не обратил внимания? А было так: поспорили о том, можно ли участвовать в

похоронах самоубийцы или нет, и решили: нет! А почему это получилось – так никто над этим и не задумался. Друзья же Пермякова, особенно Гуревич, были возбуждены и устроили похороны с почестями.

В связи с этими печальными событиями можно упомянуть ещё отдельные, тоже печальные события, имевшие место в хронике школы.

Трагическая гибель ученика Мяконьких

Он был из Шарташа.¹⁸¹³ Жил в общежитии, на обеды ходил в столовую, которая помещалась в б[ывшей] церкви. В городе тогда только что провели трамвай и в первую очередь на ВИЗ.¹⁸¹⁴ На первых порах было много случаев неосторожного обращения с новым видом транспорта. Жертвой этого стал и Мяконьких: после обеда он вышел из столовой и прыгнул на ходу в вагон, а оказался под вагоном. После удаления вагона смог ещё сесть и сказать сбежавшимся к нему людям: «Что вы на меня смотрите?»... и умер.

Два других случая были менее трагическими и получили у учеников шуточные названия.

«Лётчик»

Такое название было дано ученику Московкину после того, как он, идя по виадуку из сутуночного цеха в листокатальный, совершил *salto mortale*, но без ущерба для здоровья и жизни. Происхождение этого названия интересно в том отношении, что оно было дано в тот момент нашей отечественной истории, когда эта профессия только становилась популярной, и это название явилось как бы знаменем момента, хронологическим указателем.

«Охотники»

Событие, участником которого было дано это название, произошло в 1925 г. Учился у нас, в школе, на кузнеца Тёткин Андрей. Подружился он с другим учеником Корелиным, и они однажды отправились на охоту. Получилось так, что Корелин выстрелил по кусту, за которым сидел Тёткин, и засыпал его дробью. Убить не убил, но повредил ему глаз: Тёткин окривел. С этого момента злополучных друзей и стали звать «охотниками». Передавали, что Тёткин судился с Корелиным, и будто бы суд присудил Корелину выплачивать пожизненно какую-то сумму, но слух этот потом заглох: Корелин оставил школу, а Тёткину пришлось переквалифицироваться на продавца.

---

¹⁸¹³ Шарташ – село, вошедшее в состав г. Свердловска в 1934 г.

¹⁸¹⁴ Трамвайная линия, связавшая г. Свердловск с Верх-Исетским заводом, была построена в 1930 г.

Связи школы с другими организациями по профтехническому образованию

Эти связи шли по линии профобра, совнархоза и методического объединения учителей.

Как выше указано, на органы профессионального образования возложена была обязанность обеспечивать школы ФЗУ учебными планами, программами, методическим руководством. По отношению к школе ФЗУ ВИЗа руководство со стороны Облпрофобра почти отсутствовало. Оно выразилось только в назначении нескольких учителей по общеобразовательным предметам, программам по этим предметам. Кое-что было направлено в школу из учебных планов и программ по специальностям токарей, слесарей, но в организации «горячего ученичества» органы профобра ничего не сделали: вся работа была проведена школой. Два только мероприятия можно указать, которые были распространены и на школу по линии профобра – это а) областные курсы по повышению квалификации учителей и б) экскурсия-конференция заведующих учебной частью школ ФЗУ в Москве.

Областные курсы по повышению квалификации учителей были организованы в Свердловске в 1924 г. и проходили с 20[-го] июня по 1-ое августа. Занятия на них проходили по циклам: общественно-политическому, производственному и педагогическому. Кроме того, на курсах работали различные кружки по разным предметам. Курсы эти рассчитаны были на учителей средних школ всех видов: соцвосовских, специально-педагогических, технических и преследовали, главным образом, цель по поднятию политического уровня учителей.

На этих курсах от школы присутствовал В. А. Игнатъев.

Экскурсия-конференция зав[едующих] учебной частью школы ФЗУ проходила в Москве с 1-го по 12[-ое] августа 1928 г.

На конференции читались лекции по организации производства, по производственному обучению, о программах и учёте, но все эти вопросы освещались в разрезе профессиональных школ со специальностями токарей, слесарей, станочников. Что же касается организации «горячего ученичества», то поставлен был только информационный доклад представителя ВИЗовской ФЗУ, а не было дано никаких руководящих указаний, как бы было сказано: «действуйте и сообщайте нам!» С этой конференции представитель ВИЗовской ФЗУ привёз в школу только общие указания по организации производственного обучения и учёту и ничего такого, что бы прямо относилось к «горячему ученичеству». До конференции зимой 1927 г. школу посетил заведующий Главпрофобром т. Роганов, но и его посещение имело более осведомительный, чем инструктивный характер.

По линии совнархоза организован был областной методический кабинет. Он помещался в здании, где теперь находится консерватория¹⁸¹⁵, внизу, налево от входа. Организатором кабинета и заведующим был Сергей Георгиевич Соничев. Редко можно найти человека, так преданного своему делу и увлечённого им, как С. Г. Когда бы ни зашёл в кабинет, он всё в движении: всё что-нибудь собирает, развешивает по стенкам кабинета, а на ходу спрашивает, даёт советы и указания. Вот у него на стенке кабинета развешаны письменные работы – брак, а в другом месте лучшие работы. На стенках кабинета можно было найти разные схемы, вырезки из газет, типичные задания по дальтон-плану, программы производственного обучения, а главное – образцы изделий учащихся различных школ по токарному и слесарному делу. Кабинет пропагандировал новые методы преподавания и производственного обучения, правда, не всегда удачно, но бесспорно то, что в период создания и организации школ ФЗУ кабинет сыграл большую роль в их консолидации и обмене опытом.

В городе существовало методическое объединение преподавателей школы ФЗУ и профтехнич. В него входили представители ФЗУ ВИЗа, Ленинской фабрики¹⁸¹⁶, механической профтехшколы горпрофобра, конторгуча и школы печатников. Это был форум, основанный на чисто демократических началах: председатель и секретарь избирались на каждом собрании. На собраниях происходил обмен опытом, главным образом, по вопросам методики преподавания. Здесь именно вызревала мысль о применении дальтон-плана и свободного расписания в школах методического объединения. Тон задавала в этом отношении школа ФЗУ Ленинской фабрики. Здесь же рассматривались вопросы организации выставок, форм учёта знаний, обмена взаимными посещениями занятий и т. д.

---

¹⁸¹⁵ Свердловская (с 1945 г. – Уральская) государственная консерватория по адресу: пр. Ленина, 26.

¹⁸¹⁶ Свердловская льнопрядильно-ткацкая фабрика имени В. И. Ленина.

Дальтон-план в школе ФЗУ ВИЗа и других профтехнических школах города

В то время как в школах соцвоса в новые годы после Великой Октябрьской социалистической революции в области методов обучения сделан был уклон в сторону комплексного метода, в школах ФЗУ и профтехшколах принят был дальтон-план. Увлечение этим методом вспыхнуло молниеносно так же, как и увлечение НОТ. Теперь трудно установить, кто был инициатором введения в школах ФЗУ дальтон-плана, но с большей степенью вероятности можно предположить, что толчок был дан областным методическим кабинетом, заведовал которым, как указано выше, Сергей Георгиевич Соничев. Между школами началось соревнование в «новинке». Считалось, что занятия под названием «обычных классов» свидетельствуют об отсталости школ и допускалось как своего рода компромисс и некий анахронизм. По тому, насколько этот метод в той или иной школе утверждался и развивался, школы распределялись на передовые и отсталые, а также и учителя. На славе в этом отношении была школа ФЗУ Ленинской ткацкой фабрики, во главе которой стоял Николай Иванович Рязанцев. Однажды, когда преподавательский коллектив этой школы с некоторым опозданием явился на общее собрание учителей методического объединения, зав[едующий] профтехшколой гороно [городского отдела народного образования – ред.] Бородин сказал: «Вот они, князья (*sic!* В. И.) дальтон-плана». В этих словах было признание того факта, что впереди в этом отношении шла вышеуказанная школа ФЗУ.

Чем привлёк к себе внимание этот метод, который зародился в США? Чем было вызвано увлечение им? Увлечение это, прежде всего, было вызвано желанием оттолкнуться от системы старой схоластической школы, от «зубрёжки», от механического усвоения наук: нужно было оживить, активизировать усвоение учебного материала. В этом было здоровое ядро этого метода, но нельзя было его механически перенести в наши школы, учитывая, что США и СССР – государства с различным общественно-политическим строем. Нужно было отнестись более критически и определить, что в наших условиях нужно принять, а что не следует; нужно было определить границы пользования этим методом, а они не были определены. Считалось, что каждый ученик во всех случаях должен быть только исследователем, первооткрывателем любых истин, хотя бы они были элементарными и давно известными. Считалось, что каждый ученик в процессе учения должен руководствоваться только своим «вдохновением», своим желанием в данный момент: его нельзя ограничивать чем-то сковывающим его «вдохновение» в данный момент, например, расписанием. Кроме этого и как главное – нужно было научить учеников работать коллективно, воспитать у них навыки и привычку быть в коллективе. Этот совершенно правильный принцип обучения требовал большей продуманности и разъяснения учащимся, чего в достаточной степени не было

сделано, или сделана форма и без должной настойчивости. В результате вместо коллективности в работе получилась противоположность её, которую можно было бы назвать не совсем благозвучным словом – стадность. Получилась такая картина занятий: разбитые на бригады по 5-6 человек, с заданием в руках по своему усмотрению (свободное расписание) направлялись в тот или иной кабинет для работы по заданию, причём оказывалось, что тот или иной кабинет уже переполнен, и приходилось вопреки желанию «оседать» в том кабинете, наука которого не соответствовала «вдохновению». Приходилось всё равно регулировать движение звеньев, т. е. составлять некий суррогат расписания. Совершенно порочной была система проверки работы звеньев: в звене выбирался «учинённый брат» - докладчик, чаще всего – вожак звена, который излагал от лица всех усвоенный звеном, а на самом деле только им одним материал. Формально всё было как будто правильно, организовано, а по существу полная профанация учебного процесса.

На этом, однако, открытие «новых» методов преподавания в школах ФЗУ не остановилось, и намечался ещё более «прогрессивный» метод – «метод проектов», но ему не суждено было войти в практику, т. к. в это время вышло постановление ЦК партии, которое подвергло резкой критике всякие увлечения, лжеувлечения в школах методами, разрушающими систему предметного обучения. Так был похоронен метод комплексов, а заодно с ним ушло и увлечение дальтон-планом.

Канторка

Под канторку была отведена длинная узкая комната в центре школы. На самом деле это был целый комбинат школьных учреждений: кабинет заведующего школой (отдельный стол), кабинет зав[едующего] учебной частью (отдельный стол), учительская (ряд стульев), бухгалтерия (шкаф, этажерка и стол) и комната машинистки (маленький низкий столик). Здесь, в канторке, разбирались разные конфликты учебной и хозяйственной частей, сюда стекались и горе, и радость, разные новости, зарождались и бушевали «страсти-мордасти». Но главным жизненным нервом, центром, от которого и, к которому тянулись другие нервы, была бухгалтерия. Во главе её стоял Иван Николаевич Колясников, главный бухгалтер школы. И. Н., очевидно, сначала прошёл курс обучения на счетовода в бухгалтерии заводоуправления, но в нашей школе он оказался уже бухгалтером и «Иваном Николаевичем», хотя ему было немногим больше двадцати лет и его следовало бы называть ещё Ваней. В те времена должность бухгалтера была в почёте, слово бухгалтер, можно сказать, звучало гордо. И. Н. это понимал и вёл себя с достоинством: никто не осмелился бы назвать его иначе, чем Иван Николаевич, а если бы кто и осмелился назвать его Ваней, то он, вероятно, не преминул бы его оговорить: какой я тебе Ваня – Иван Николаевич. Он не был ещё «настоящим мужчиной» в том смысле, как это сказано у А. П. Чехова: «настоящий мужчина состоит из мужа и чина», т. е. он не был женатым. Он был небольшого роста, очень подвижный, с твёрдой походкой, решительный, настойчивый и аккуратный. В разговоре с другими он придерживался серьёзного тона, но иногда нисходил до шутки и даже подтрунивал над машинистками, допускал густо «солёные» изречения, но, в общем, был «душа-человек». Вот почему, когда однажды коллектив преподавателей и сотрудников школы затеял устроить вечеринку, местом для этого избрали квартиру И. Н., в которой он жил с матерью. И. Н. увлекался драматическим искусством, был режиссёром в каком-то кружке и любил об этом говорить, изображая себя строгим и требовательным режиссёром. Однако он не принимал никакого участия в школьном драмкружке и, можно сказать, относился к нему пренебрежительно.

В 1944 или 1945 г. автор сего производил приёмные экзамены в юридический институт. Среди экзаменуемых ему встретилась девица с фамилией «Колясникова», причём черты её лица напоминали что-то знакомое. Выяснилось, что это была дочь Ивана Николаевича. Она сказала, что он погиб на войне.¹⁸¹⁷

Помощником И. Н. был Митрофан Димитриевич Брагин. Он был старше И. Н. по возрасту и производил впечатление уже потрёпанного жизнью человека. М. Д. очень интересовался радиотехникой: много читал по

---

¹⁸¹⁷ Колясников Иван Николаевич (1906-1941), призван в 1941 г., рядовой, пропал без вести в 1941 г. (Книга Памяти Свердловской области).

этой науке, постоянно возился с разными схемами, чертежами, относящимися к этой науке. Конторка вследствие этого походила несколько на кружок радиотехники, потому что около М. Д. всегда был кто-либо из любителей этого дела.

Были ещё счетоводы. Среди них однажды оказался один жулик: получивши по доверенности в кассе завода деньги, он скрылся.

Машинистками последовательно одна за другой работали: Неверова Иундина Яковлевна, Болотова Зоя Дмитриевна и Кунгурова Анна Алексеевна.

Школьные врачи

С переходом школы на «горячее ученичество», ученики её были поставлены под усиленный медицинский надзор. Школу время от времени посещали представители горздрава [городского отдела здравоохранения – ред.]. Ученики проходили медицинское обследование через поликлинику ВИЗа. Здесь же они подвергались психотехническому изучению, пока известным постановлением ЦК партии психотехника не была развенчана, как лженаука.¹⁸¹⁸ На самом деле школа иногда получала от психотехники такие абсурдные заключения, которые походили на бред сумасшедшего. Так, на ученика Ермакова И., обучавшегося на электрика, было получено такое заключение, которое изображало его близким к состоянию кретина, между тем он благополучно кончил школу и доныне работает в электрическом цехе на ответственной работе.

Штатными школьными врачами последовательно работали: Диев Владимир Димитриевич, Генкин Борис Михайлович и Суворов Пётр Михайлович. Они проводили наблюдения за работой в цехах, а в школе вели санитарный надзор и беседы. Из трёх указанных выше врачей продолжительнее работал т[оварищ] Суворов и больше всех вложил труда в организацию школы.

---

¹⁸¹⁸ Психотехника – отрасль психологии, получившая широкое распространение в 1910-1930-х гг. и изучавшая приложение психологии к решению практических вопросов, в основном связанных с психологией труда, профориентацией и профотбором. Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 04 июля 1936 г.

Их судьба. Выпуск 1925 г.

По-разному сложились судьбы выпускников школы. Одни из них пошли учиться дальше – в техникумы и вузы, благополучно закончили их и работали на ответственных местах. Школа ФЗУ не давала прямой подготовки в вуз, но давала возможность с помощью подготовительных курсов сдать экзамены для поступления в вузы. Другие взяты были на организационную и политическую работу, а потом тоже поступали в высшие учебные заведения и уходили на квалифицированную работу по той или иной специальности. Некоторые после окончания школы меняли свою специальность; особенно из тех, которые заканчивали школу по «горячему ученичеству». Некоторые оставались на заводе и составили потом ядро заводских квалифицированных рабочих. Некоторые погибли на войне. В кратких словах индивидуально судьбы их можно описать следующим образом.

Абитуриенты школы в основном токари и слесари проучились в школе четыре года и выпущены были по 4-5 разрядам соответствующей специальности.

1. Соболев П. (первый председатель учкома) по окончании школы с 1925 по 1928 г. работал по комсомольской линии; затем работал два года (с 1928 по 1930 г.) пом[ощником] мастера, учился в УПИ и закончил в нём учение в 1935 г. По окончании ин[ститу]-та до 1937 г. работал инженером-конструктором в институте охраны труда, год был на партийной работе, а потом снова работал в ин[ститу]-те охраны труда.

В июне 1941 г. ушёл добровольцем в ряды Советской армии. В течение почти пяти лет (до марта 1946 г.) прошёл целый ряд ответственных военных постов, в 1942 г. получил звание политрука, в 1943 г. звание гвардии капитана, закончил Саратовское танковое училище и высшую офицерскую школу. После демобилизации в марте 1946 г. поступил на должность заведующего отделом механизации ин[ститу]-та охраны труда, а затем зав[едующим] лабораторией техники безопасности, где и работает по настоящее время. Таков жизненный путь первого учкома школы ФЗУ ВИЗа.

2. Деянов Л. Впоследствии получил высшее образование, некоторое время работал главным механиком в термическом цехе завода, а в настоящее время работает преподавателем.

3. Мазеин Б. работал чертёжником проектного отдела ВИЗа. Рано умер.

4. Косолапов по окончании школы учился и работал на видных постах на других производствах.

5. Ипатов был выдвинут на учение по лётному делу, оторвался от завода и работал на других производствах. Признан был негодным на специальность лётчика.

6. Пошляков по окончании школы сразу ушёл работать на другой завод.

7. Галкин Д. работает в настоящее время на заводе. Во время войны был военным лётчиком.

8. Пермяков Ф. некоторое время работал на заводе. Покончил самоубийством (см. выше).

Очень пёстрой была судьба окончивших в первых выпусках «горячее ученичество».

По мартеновскому цеху

1. Козловский Н. И. Сын ВИЗовского рабочего, он оказался верным заводу и по окончании школы: всю свою жизнь отдал работе на заводе. Ещё в школе у него заметны были качества характера, свидетельствующие о том, что из него получится хороший организатор, а именно: ясный ум, воля, настойчивость и стремление к самоорганизации. Как только организован был в школе кружок НОТ, он в числе первых вступил в него. Как комсомолец он часто выступал на собраниях, и выступления его всегда были принципиальными и выдержанными. Он отличался спокойным настроением, деликатным отношением к товарищам и учителям. Вот почему ещё со времени пребывания его в школе товарищи называли его Николаем Ивановичем. На производстве он в полной мере проявил свои природные и воспитанные в школе черты характера, свой незаурядный талант и был выдвинут на самые ответственные посты. Он работал секретарём партийной организации цеха в самый ответственный момент перехода его на выработку специальных марок стали. Особая заслуга его заключалась в том, что он бдительно следил за деятельностью «варягов» в цехе – немцев, по отношению к которым дирекция завода определённо «грешила» излишней доверчивостью. Когда после Великой Отечественной войны потребовалось кого-либо послать за границу с ответственным поручением, то выбор пал на Н. И. Козловского. Теперь обер-мастер мартена Н. И. Козловский на пенсии. Никто другой из выпускников школы в такой степени не оправдал надежд её (школы), как Козловский, и многогранная деятельность его заслуживает того, чтобы быть подробнее описанной в истории завода.

2. Тюменцев А. – маленький ростом, по своему физическому сложению Алёша, казалось, мало соответствовал работе в мартене. Нельзя сказать, чтобы он и школу закончил блестяще. В школе даже ставился вопрос об его отчислении, потому что у него было что-то неладно с социальным происхождением, но после разбора дела за и против юноше дали возможность пойти на работу в цех и он, вопреки всяким сомнениям, оказался преданным своему делу производственником и был в числе первых рабочих цеха, которые получили за особые заслуги по переводу цеха на выработку специальных сортов стали орден Ленина. Жизнь его рано оборвалась: он погиб на войне.

3-4. Юшков Е. и Пильников В. – первый с перерывами, а второй – непрерывно всё время в цехе на ответственных постах и вышли на пенсию.

5-6. Селиванов Е. и Порошин [Н.] закончили техникум и впоследствии оторвались от ВИЗа.

7. Максимовский С. ушёл в лётчики, участвовал в Великой Отечественной войне, в чине подполковника вышел на пенсию и живёт в Киеве.

8. Китин Н. по окончании школы поступил механиком в Свердловский аэропорт и дослужился там до «чинов больших».

9. Булавин В. в юности ещё заболел туберкулёзом и работал электротехником. Рано умер.

По сутуночному цеху

1-2. Иванов и Шibaкин по окончании школы не пошли работать в цех, а некоторое время работали в связи: работали в почтовом вагоне экспедиторами. В дальнейшем приспособились к каким-то другим предприятиям.

3. Важенин работал по физкультурной линии, одно время был директором Свердловского стадиона, а в настоящее время работает на стадионе в Первоуральске.

4. Мельков С. работает в настоящее время на заводе токарем.

5. Копылов [В.] после окончания школы поступил в техникум ВИЗа и оторвался от завода.

6. Огарышев [П.] работал в цехе. Погиб на войне.

7. Вишняков С. работал оператором. В настоящее время на пенсии.

8. Ушаков В. работал в цехе. Одно время работал в охране завода. Года три тому назад умер.

9-10. Бухвалов и Птицын.

По листокатальному цеху

1. Трошин И. работал в цехе № 2 и вышел на пенсию.

2. Хайдуков [В. И.] в настоящее время работает.

3. Пермяков [Ф.] покончил самоубийством (см. выше).

4. Гуревич Л. по окончании школы поступил работать на Уралмаш.

5. Чепкасов был взят в лётчики, участвовал на Великой Отечественной войне, сейчас на пенсии.

6. Кузьмин А. работал в цехе, был мобилизован. На войне в Пруссии случайно подравился сливочным маслом и умер уже после возвращения домой.

7. Деянов Д. был мобилизован на работу в совхоз. Рано умер.

8. Соболев работает в настоящее время в цехе № 2.

9. Мажин П. работал в цехе, одно время работал инструктором ФЗО по прокатному делу. Умер.

10-11. Колмогоров С. и Новгородцев [И.] работают в настоящее время в цехе № 2.

12. Векшин Е. был сыном мелкого ремесленника. В школу поступил со слабой подготовкой и учился с большим трудом и настойчивостью. Он отличался высокой дисциплинированностью и целеустремлённостью. По окончании школы поступил в металлургический техникум, который с большим трудом окончил. В течение нескольких лет он был заведующим школой ФЗО. Скоропостижно скончался на работе.

13. Верховец В. был хорошим учеником. Немного с юмористическим складом характера, что свойственно южанину, он отличался трудоспособностью, настойчивостью и скромностью. В отношениях его к преподавателям проглядывали врождённые деликатность и внимание. Во время Великой Отечественной войны ушёл добровольцем и в составе бойцов особой Уральской добровольческой дивизии прошёл славный путь её побед до полного поражения гитлеровской военной машины. Сейчас работает в цехе № 2.

14. Самков по окончании школы не работал в цехе.

15. Рядкин работал в термическом цехе нормировщиком, в настоящее время работает в цехе благоустройства десятником.

16. Петров ушёл добровольцем на войну и погиб.

По модельному цеху

1. Плеханов П. (первый секретарь комсомольской организации) получил высшее образование. В настоящее время инженер Уралмаша.

2. Белоглазов В.

По электрическому цеху

1. Ермаков И. работает в настоящее время электромонтёром в электрическом цехе.

2. Навроцкая Т. работала обмотчицей. Рано умерла.

3. Тимухин Евлампий был единственным в своём роде «фабзайцем». Работал он в телефонном отделе завода, учили его на электрика, а он интересовался совсем другим, а именно: оперным пением. Голос у него был не плохой, по тембру – лирико-драматический тенор. Как он пристрастился к пению, и кто его подтолкнул на это – осталось не известным. Его приняли в консерваторию на постановку голоса, а потом он кончил Московскую или Ленинградскую консерваторию и уехал в столицу Калмыцкой АССР Элисту певцом в радиокомитет.

Чертёжники

1. Медведев В. К. (см. выше «Синяя блуза» и драмкружок) на заводе не работал, а в одном из учреждений города.
2. Смирнов С. работал на Дальнем Востоке и на Урале.

По механическому цеху

Соболев Л. работал токарем по 5 разряду на ВИЗе по окончании школы ФЗУ с 1925 г. по 1930 г. В апреле 1930 г. фабзавкомом завода был командирован учиться в Северо-Кавказский ин[ститу]-т инженеров-механиков соц[иалистического] земледелия, окончил его досрочно в 1932 г. С этого момента вся его трудовая деятельность проходила по полученной им специальности на Дальнем Востоке и на Урале. С 1-го сентября 1957 г. работает в должности гл[авного] инженера РТС в Арамили.

Трагической была судьба выпускников школы Кукеткова и Зубрицкого. Первый получил высшее образование инженера и утонул, а второй учился в техникуме, заболел спонтанной гангреной, и медленно теряя ноги и руки погиб.

Настоящий очерк не ставит своей задачей нарисовать судьбу всех окончивших школу и тем более подробно их описать, а в нём отмечены только те случаи, которые сохранились в памяти на протяжении 30-35 лет. На основании этого короткого перечня фамилий выпускников школы с указанием их судьбы, можно определить, какие главные факторы влияли на дальнейшую жизнь абитуриентов школы: в числе их были стремление к высшему образованию, к перемене специальности, а особенно большую роль в их судьбе сыграла Великая Отечественная война. Как закономерное явление нужно отметить то, что на заводе после окончания школы оставались работать дети ВИЗовских рабочих, а не остались работать принятые с биржи труда. Наибольшая утечка с завода из числа окончивших школу ФЗУ пала на сутуночный цех, в котором были наиболее тяжёлые условия работы.

Необходимо отметить, что на судьбе школы как нельзя ясно сказалось то положение марксистской диалектики, что сознание в своём развитии не только отстаёт от поступательного движения бытия, а именно: технический прогресс на заводе шёл с такой быстротой, что выпускники приходили в цех, когда новое в нём было и для них новым. Заслуга школы в этом случае определялась тем, что она давала им подготовку, позволяющую быстро сориентироваться в новом и перестраиваться по-новому. Это особенно сказалось на мартеновцах, где с приходом выпускников в цех происходило уже переоборудование цеха. Ярким подтверждением этого и оправданием

школы явился подвиг Алёши Тюменцева, за который он получил орден Ленина.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 375. Л. 1 об.-131.

ШКОЛА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО УЧЕНИЧЕСТВА ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА*

Школы фабрично-заводского ученичества или, как их короче называли, фабзавучи, школы ФЗУ – являлись принципиально новым видом подготовки технических кадров, отличным от существовавших до Октябрьской революции видов обучения ремесленного или полуремесленного типа. В их организации или руководстве ими принимали участие хозяйственные предприятия – заводы, фабрики в лице заводууправления и фабричных управлений, профессиональные организации – завкомы и фабкомы и органы профобров – облпрофобры, райпрофобры и горпрофобры. На предприятия были возложены все материально-финансовые расходы на школы по теоретическому и производственному обучению, включая снабжение спецодеждой при обучении в цехах. На завкомы и фабкомы возлагалась забота по профсоюзной линии. Конкретно попечение их в школах выражалось во включении в коллективные договоры с заводууправлениями и фабричными управлениями пунктов, обеспечивающих нормальные условия обучения школьников по теории и в цехах. На профобры возлагалось обеспечение школ учебными планами, программами и методическим руководством. Идеино-воспитательное руководство школами возлагалось на комсомол, который был инициатором организации этого типа школ.

Школа ФЗУ ВИЗа организована была в октябре 1922 г. и просуществовала до 1940 г., когда она была реорганизована в школу ФЗО. Как существовавшая на базе завода, для которого она готовила квалифицированные кадры рабочих, школа в своей организации и деятельности отразила все те перемены, которые происходили на заводе за время её существования. В соответствии с тем, что завод прошёл в своей истории восстановительный период и период реконструкции, в школе тоже можно отметить два периода: первый короткий (с 1922 по 1925 гг.), когда в ней готовили рабочие кадры только в подсобные цеха – механический, кузнечный, электрический и модельный и второй с 1925 по 1940 гг., когда школы перешла на подготовку рабочих в основные цеха: мартеновский и прокатные. По принятой тогда терминологии они назывались первый – «холодное ученичество», а второй – «горячее ученичество». Был непродолжительный период – два года, когда в школе существовали оба вида ученичества: одно как отмирающее, а другое – как входящее в силу, развивающееся.

Первоначально с 1922 до первой половины 1925 г. – школа помещалась в конторе заводууправления – на втором этаже северного блока. Помещение было тесным, неподходящим для занятий. Школа была открыта в составе двух классов: первого, в котором было до 25-30 учеников и второго в количестве 9 человек. В первый класс были зачислены мальчики с двумя-тремя годами школьного обучения, а во второй – с пятью-шестью годами. В

классах не было распределения по специальностям: в них были и ученики по токарному, слесарному, кузнечному делу; были электромонтёры, чертёжники и даже ученики счетоводов. Возраст принимаемых в школу составлял 13-14 лет. Учебный план и программы первоначально составлялись на месте без участия профобра. В числе предметов значились: русский язык, география, математика, черчение, технология с материаловедением. Позднее – в 1924-1925 [гг.] учебный план и программа были уточнены Облпрофобром применительно к школам профтехнического образования в системе профбров.

В 1925 г. школа была переведена в специальное здание, поблизости от завода, и представилась возможность лучше организовать теоретическое обучение в ней, а именно: занятия были организованы по кабинетной системе, приобретены были учебные пособия в кабинеты физики, химии, черчения, обществоведения, кое-что для библиотеки из беллетристики. Представилась возможность развернуть воспитательную работу. Жизнь в школе забила ключом: организованы были кружки – НОТ, эсперанто, драматический кружок. На школьной сцене выступала «синяя блуза» - гордость школы. Под руководством заводской комсомольской организации в школе была организована школьная ячейка. Первым секретарём её был ученик Павел Плеханов. Первым председателем ученического комитета был Пётр Соболев, избранный на эту деятельность в декабре 1923 г. Ученические организации сыграли большую роль в становлении школы, в борьбе за дисциплину в школе, они провели большую воспитательную работу и были сами школой для будущих общественно-политических деятелей, вышедших из рядов абитуриентов школы. В 1924-1925 гг. школа была переведена на подготовку рабочих в основные цеха: мартеновский и прокатные. Эта реорганизация совпала с переходом завода в период реконструкции. В связи с реорганизацией школы произошли изменения в укомплектовании её учениками, а именно:

- а) возраст принимаемых был повышен с 13-14 до 15-16 лет;
- б) наборы стали производиться с биржи труда, т. к. контингент детей рабочих завода в основном был исчерпан в предыдущих приёмах.

Эти изменения поставили перед школой ряд новых задач:

- а) усиление воспитательной работы;
- б) организацию общежития;
- в) по-новому поставлен был вопрос об организации производственного обучения и обеспечения учеников спецодеждой.

Организация «горячего ученичества» была беспрецедентной в истории профтехнического образования и целиком была проведена школой при помощи заведующих цехами: мартеновским – Николая Петровича Бояршинова, сутуночного (крупносортного) Михаила Николаевича Челищева и листопрокатного Николая Андреевича Лоцманова. Организация «горячего ученичества» на Верх-Исетском заводе была признана показательной для школ этого типа в общегосударственном масштабе. Когда в 1928 г. в Москве

проходила конференция по профтехническому образованию, то представителю школы ФЗУ ВИЗа Игнатьеву В. А. предоставлено было выступление с докладом «по горячему ученичеству», что было признанием за школой ведущей роли её в этом деле. В 1924-1928 гг. в школе заложены были основы «горячего ученичества» в том виде, в каком оно существовало до реорганизации её в 1939-1940 гг.

Школа развивалась: возрастало количество учеников, совершенствовалась система теоретического и производственного обучения, совершенствовались бытовые условия учеников. Так, впоследствии для обучения прокатчиков выделен особый стан.

В 1930-1939 гг. школа превратилась в законченное, хорошо оборудованное профтехническое учебное заведение. В 1936 г. в школе было опять в соответствии с требованием момента восстановлено «холодное ученичество», но на новой расширенной основе, а именно: организован был школьный механический цех со всеми атрибутами его: с полным оборудованием станками и материалами, со своей конторкой. Цех выполнял заказы и существовал на самоокупаемости.

Школа за время своего существования в связи с расширением своего масштаба меняла свои помещения, а именно: в 1922-1924 гг. она, как указано было выше, помещалась в конторе заводоуправления; в 1925-1928 гг. – в здании бывшей церковно-приходской школы; в 1928-1930 гг. в здании б[ывшей] хирургической клиники (на берегу пруда). И с 1930 г. в здании профтехкомбината по Нагорной улице.

Завод не только обеспечивал школу материально и организационно, но и выдвигал из состава своих квалифицированных рабочих и ИТР заведующих школой, инструкторов производственного обучения и частично учителей по специальным предметам. В числе заведующих школой нужно отметить тех, кто больше всего потрудился по её организации. Это были: первый заведующий школой Николай Дмитриевич Осокин; второй – Михаил Васильевич Чистяков и третий – Павел Васильевич Петухов.

Все они выдвинуты были на работу партийной организацией завода. Н. Д. Осокин – по специальности токарь по металлу был заведующим школой в первый период её существования (1922-1924 гг.). Его заслугой была организация производственного обучения по «холодному ученичеству». Всё дело организации «горячего ученичества» в зачаточном его виде выполнено было М. В. Чистяковым. Он был по специальности тоже токарь по металлу. В ранней юности он ушёл добровольцем в ряды Красной Армии на борьбу с Дутовым. Уроженец Верх-Нейвинска, после окончания гражданской войны, он устроился на ВИЗе в механическом цехе и был выдвинут на работу в завком зам[естителем] председателя, а с этой работы выдвинут в зав[едующие] школой. М. В. организовал дружный коллектив инструкторов и учителей школы и привлёк к участию организации «горячего ученичества» зав[едующих] цехами мартеновского и прокатных. Сознывая необходимость повышения уровня своего образования, он сам учился и окончил вечерний

техникум для рабочих. Он был сторонником передовых методов производственного обучения. П. В. Петухов много поработал по укреплению в школе порядка и дисциплины. В основу своей работы он положил метод соц[иалистического] соревнования, который внедрял как по линии производственного, так и теоретического образования. Из инструкторов производственного обучения начального периода существования школы нужно назвать:

- 1) Василия Павловича Легоненко – инструктора по обучению [по] модельному цеху;
- 2) Ивана Андреевича Чепурина – инструктора обучения по кузнечному делу;
- 3) Александра Григорьевича Шарова – инструктора обучения по листокатальному производству;
- 4) Павла Андреевича Лоцманова – инструктора обучения в сутуночном цехе;
- 5) Ивана Павловича Панова – зав[едующего] обучения по листокатальному цеху.

Все они были людьми большого производственного опыта, практики и щедро передавали свой опыт ученикам. Все они, кроме того, являли собой пример тружеников, людей высокой производственной дисциплины и врождённого такта и благородства в отношении к ученикам. В этом, главным образом, и заключалось их воспитательное воздействие на своих учеников. На производстве встретились «отцы и дети» в лучшем значении этого выражения.

Из инструкторов производственного обучения с теоретической подготовкой нужно отметить:

- 1) Игоря Глебовича Турыгина – по производственному обучению мартеновского цеха;
- 2) Николая Александровича Розанцева – по токарному делу;
- 3) Анатолия Константиновича Карташёва – организатора школьного механического цеха и руководителя им. А. К. сочетал деятельность по производственному обучению с теоретическими занятиями по черчению и спецкурсам. В течение работы в школе он обучил и воспитал многих учеников, впоследствии проявивших себя по слесарному и токарному делу, а также электромонтёров.

В период существования школы (1922-1923 г. половина 1924) учителями в ней были служащие заводууправления и треста «Гормет».

- 1) Зав[едующий] уч[ебной] частью и преподавателем математики был управ[ляющий] делами заводууправления – Половинкин Владимир Александрович.
- 2) Физику преподавал инженер-экономист заводууправления Кутунов Сергей Иванович.
- 3) Черчение – Андрианов Фёдор Маркович и

4) Материаловедение – Константинов Александр Алексеевич – оба служащие треста «Гормет».

5) Русский язык и географию – Игнатъев Василий Алексеевич, направленный в школу Облпрофобром.

6) Математику – Широков Михаил Васильевич¹⁸¹⁹ – тоже назначенный Облпрофобром.

В 1925 г. в школу поступили на работу по совместительству студенты УГУ.

1) Исупов Николай Акимович – преподавателем ряда спецдисциплин по «холодному ученичеству».

2) Зимин Александр Петрович – по черчению.

3) Мехоношин Николай Димитриевич – по научной организации труда (НОТ). Все трое они зарекомендовали себя энтузиастами своего дела, хорошими организаторами и воспитателями школьного молодняка. Мехоношин, кроме того, организовал в школе кружок НОТовцев, принимал участие в художественной самодеятельности учеников и много содействовал организации дисциплины в школе.

В этом же году поступил в школу преподавателем физики, химии и специальных курсов по «горячему ученичеству» - Рябов Филипп Иванович. Он много сделал по организации кабинетов физики и химии. Он же в основном с помощью зав[едующих] цехами проделал всю работу по составлению учебных планов и программы по «горячему ученичеству». В [19]30-х гг., работая зав[едующим] школой, он усовершенствовал теоретическое обучение в ней и работал в школе до реорганизации её в течение 15 лет. В постановке преподавания обществоведения много поработала Шулина Зоя Михайловна.

Все вышеуказанные учителя составили тот костяк преподавательского коллектива, который проделал основную работу по становлению школы. Впоследствии в период существования профтехкомбината, в который входила школа, в состав её вошли новые преподаватели: по математике Кокотько Татьяна Порфирьевна; Бутарова Елизавета Григорьевна; по русскому языку – Лощёнова Татьяна Владимировна и другие. Временно преподавал в школе черчение инженер Шепелёв Иван Михайлович.

Срок обучения в школе был определён: для обучающихся на токарей, слесарей, электромонтёров, модельщиков, чертёжников – 4 года; для обучающихся по «горячим» специальностям – 3 года. Учебными планами по разным специальностям предусматривалось основательное изучение специальных курсов, изучение физики, химии и математики в объёмах, обеспечивающих освоение спецкурсов. Русский язык изучался в объёме, необходимом для грамотного пользования им в условиях служебного и общеобразовательного уровня как будущих квалифицированных рабочих. Особое внимание уделялось ведению так называемых «деловых бумаг».

---

¹⁸¹⁹ Так в тексте. Правильно – Михайлович.

Обществоведение ставило задачей подготовить политически грамотных людей. Вся система воспитания по комсомольской линии и линии учкома рассчитана была на привитие навыков в общественно-политической и организационной деятельности. Школа не давала прямой подготовки в техникумы, а тем более в ВУЗы, но она давала возможность после некоторой специальной подготовки на курсах поступать в техникумы и дальше в вузы. Теоретическая подготовка в школе вследствие диалектического закона, по которому сознание несколько отстаёт от поступательного движения бытия, особенно в те времена бурного развития техники, несколько отставало от движения последней в цехах. Однако она давала возможность выпускникам школы быстро ориентироваться в новой обстановке.

В то время, когда существовали школы ФЗУ, всё ещё существовал, образно выражаясь, некий голод на людей известного культурного уровня, и выпускники школы являлись резервом, из которого черпались эти кадры.

Школа выпускала рабочих [в] подсобные цеха по существовавшей тогда тарифной ставке на 4-5-6 разряды, а в «горячие» цеха выпускались рабочие по мартену – сталеварами, первыми и вторыми подручными, по прокатным цехам – вальцовщиками, застановщиками, болванщиками. Выпускники школы впоследствии во время реконструкции завода составили основное ядро квалифицированных рабочих завода. Великая Отечественная война для некоторых из них явилась проверкой их подготовки в школе: некоторые из них ушли добровольцами в армию и погибли, защищая Родину. В кратком очерке не представляется возможным отметить деятельность всех выпускников школы, как на заводе, так и на других предприятиях, однако указание на дальнейшую судьбу некоторых из них может рассказать о том, что дала школа заводу и стране в целом.

Мартеновцы

1. Юшков Е. и Пильников В. всю свою трудовую жизнь провели в мартеновском цехе ВИЗа на ответственной и производственной работе, и вышли на пенсию.

2. Селиванов Е. и Порошин Н. – окончили техникум и ушли на другие заводы.

3. Китин Н. по окончанию школы ушёл на работу механиком в Свердловский аэропорт, где работает и по настоящее время.

4. Максимовский С. – переквалифицировался на лётчика, участвовал в Великой Отечественной войне и в чине подполковника вышел на пенсию.

5. Тюменцев А. – при переводе мартеновского цеха на плавку электростали зарекомендовал себя смелым новатором, получил за участие в перестройке цеха на новую технологию орден Ленина, погиб на войне.

6. Козловский Н. всю свою трудовую жизнь отдал мартену ВИЗа, работал обер-мастером цеха. Во время перестройки цеха работал парторгом.

После войны был командирован в Вену и работал на одном из оккупированных заводов. В настоящее время на пенсии.

Сутуночный цех

1. Копылов [В.] кончил техникум и ушёл на другое производство.
2. Огарышев П. и Казаков ... погибли на войне.
3. Важенин был отозван на физкультурную работу. Одно время был директором Свердловского стадиона, а в настоящее время работает в Первоуральске на стадионе.
4. Мельков С. – в настоящее время работает в сутуночном цехе токарем.
5. Бухвалов ..., Птицын ... и Ушаков В. работали в цехе.
6. Вишняков С. – всю свою трудовую жизнь отдал цеху. В конце работал оператором. Вышел на пенсию.
7. Иванов ... и Шibaкин ... переквалифицировались и работали в других учреждениях.

Листопрокатный цех

1. Трошин И. всю свою трудовую жизнь отдал цеху и вышел на пенсию.
2. Гуревич Л. по окончанию школы ушёл работать на Уралмаш.
3. Деянов Д. был направлен на работу в машинно-тракторную станцию директором.
4. Чепкасов был командирован на учение по лётному делу, был военным лётчиком и вышел на пенсию.
5. Векшин Е. по окончанию школы учился и закончил металлургический техникум. Во время Великой Отечественной войны был директором [школы] ФЗО ВИЗа. Умер скоропостижно.
6. Самков ..., Агалаков ..., Дерябин ... по окончанию школы ушли на другие заводы.
7. Лыжин П. – впоследствии работал инструктором ФЗО ВИЗа.
8. Колмогоров С., Новгородцев И., Хайдуков В. – в настоящее время работают на заводе, а также Церих ... зам[еститель] нач[альника] цеха.
9. Кузьмин А. был на войне, подтравился сливочным маслом в Восточной Пруссии и умер после демобилизации. После окончания школы сначала работал в цехе.
10. Кукетков ... выучился на инженера.
11. Рядкин ... работает нормировщиком в цехе благоустройства, а раньше работал нормировщиком в термическом цехе.

12. Верховец В. по окончании школы работал в цехе, ушёл добровольцем в армию и по возвращению продолжал работать в цехе. В настоящее время на пенсии.

Электрики

1. Марусов ... получил высшее образование, работал в электроцехе завода. В настоящее время работает на другом производстве.
2. Огарков М. и Бурдов работали цеховыми электриками.
3. Ермаков И. работает в настоящее время в электроцехе.
4. Медведев С. убит на войне.

Механики

1. Четыре брата Галкиных, из которых старший – Дмитрий работает в настоящее время в механическом цехе завода. Во время Великой Отечественной войны был военным лётчиком.

2. Братья Соболевы, сыновья бухгалтера Верх-Нейвинского завода, оба кончили высшее учебное заведение. Старший Пётр работает заведующим лабораторией в институте охраны труда ВЦСПС¹⁸²⁰, а младший Леонид инженером Арамильской РТС.

3. Деянов Л. – инженер, работает преподавателем в институте повышения квалификации рабочих.

Модельщики

1. Плеханов П. – инженер Уралмаша.

Чертёжники

1. Мазеин Б. – работал на заводе, умер.
2. Медведев В. – работает чертёжником в одном из учреждений города.
3. Смирнов С. – работал чертёжником на заводе, а в настоящее время работает в одном из государственных учреждений.

В. Игнатьев.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 114-125.

*Машинописный текст, подписанный автором, предназначался для публикации.

---

¹⁸²⁰ ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ ЧЁРНЫХ МЕТАЛЛОВ*

ВИЗовский техникум, как его кратко называли, входил в систему учебных заведений Министерства чёрных металлов¹⁸²¹ и был на его бюджете. В соответствии с тем, в какой главк входил Верх-Исетский завод, он (техникум) именовался – техникумом «Востокстали», или «Спецстали» - с 1936 г. Верх-Исетский завод был шефом техникума. В его обязанность входило:

1. Обеспечение техникума учебным зданием и общежитием для студентов.

2. Участие в организации учебного процесса. Сюда входило:

а) обеспечение техникума административным персоналом и содействие в укомплектовании его учителями;

б) предоставление заводских производственных объектов для практического обучения студентов техникума.

Организацией техникума на ВИЗе предусматривалось, что выпускники его в первую очередь пойдут на пополнение завода квалифицированными кадрами. Вот почему профиль подготавливаемых техникумом специалистов приведён был в соответствие с производственно-техническим профилем завода, и когда завод перешёл на выработку специальных сортов проката для электрической промышленности, техникум перешёл от подготовки специалистов мартеновского и прокатного производств к подготовке специалистов электромеханического профиля.

В 1938 г. техникум был переименован в Свердловский металлургический техникум, а с июля 1940 г. он был переведён в систему электрической промышленности с наименованием: «Свердловский электромеханический техникум».

Краткие сведения об организации и работе техникума.

Мысль об организации техникума возникла на заводе в 1930 г., когда встал вопрос о коренной его реконструкции. В связи с этим остро встал и вопрос о подготовке рабочих кадров для завода. Подготовка массовых специальностей рабочих на заводе осуществлялась через школу ФЗУ, которая открыта была в 1922 г., и индивидуально-бригадное ученичество. Значительное количество рабочих кадров готовилось через различные курсы: ДРО (дополнительно рабочее образование), ПТК (производственно-технические курсы) и др.

Стоял вопрос о подготовке среднего звена специалистов-техников на основные специальности завода. Для разрешения его и был организован техникум. Время было горячее. Бурное развитие всей государственной

---

¹⁸²¹ В 1932-1939 гг. существовал Народный комиссариат тяжёлой промышленности СССР, в 1939-1946 гг. – Народный комиссариат чёрной металлургии СССР.

промышленности, и в том числе и ВИЗа ставило вопрос об ускорении организации техникума, поэтому некоторые вопросы её, организации, разрешались, как говорится «на ходу». Не сразу, например, было найдено подходящее помещение для него. Сначала занятия происходили в здании школы ФЗУ и в конторе заводууправления в вечерние часы. Затем они были перенесены в здание треста «Востокосталь» на вечерние часы, где управляющим был Николай Михайлович Давыдов.

Более подходящие условия для занятий были созданы после перехода техникума в здание одной из школ города по Сибирскому тракту, которое представлено было в его полное распоряжение. Наконец в 1932 г. техникум перешёл в здание профтехкомбината ВИЗа по Нагорной улице и пробыл здесь до своей реорганизации в 1940 г. Это был лучший период его организации и работы.

Когда техникум организовывался, то, прежде всего, ставилась задача охватить в нём для обучения тот состав рабочих завода из молодых, которые подошли бы для этого с некоторой предварительной подготовкой на курсах примерно в течение одного или полутора лет. Таких людей оказалось на заводе немного, и поэтому возникла мысль пополнить недостающее количество выпускниками школы ФЗУ. Но таких оказалось тоже незначительное количество и поэтому в 1931-1932 уч[ебном] году был произведён набор из окончивших средние городские школы.

Первым в буквальном смысле слова «собирателем» техникума и его завучем была дочь знатного литейщика Уралмаша тов[арищ] Антонова Наталья Петровна. Антонова, человек с высшим гуманитарным педагогическим образованием. Она ходила и агитировала по цехам, часто бывала в фабзавуче по вопросам набора в техникум, и поэтому по справедливости может быть названа «собирателем» его.

На первых порах в техникуме часто сменялись директора. Первыми директорами его были назначены заводууправлением люди, не имеющие никакого отношения к педагогическому делу: т[оварищ] Зырянов из каких-то хозяйственников и т[оварищ] Байдалин из счётных работников. Затем в директора его направлялись молодые люди из окончивших техникум т[оварищи] Дайбов, Купцов, а после ликвидации профтехкомбината, в который входил техникум, директором его назначена была только окончившая факультет общественных наук (ФОН) Московского университета т[оварищ] Жидкова. Завучем после Антоновой, а по существу и директором его был студент того же техникума – Александр Игнатьевич Чарушников.¹⁸²²

---

¹⁸²² Чарушников Александр Игнатьевич (1909-1978) – окончил Уральский индустриальный техникум (1930), Уральский индустриальный институт (1935). Инженер-металлург. Кандидат технических наук (1941). В 1930-1932 гг. работал в Верх-Исетском металлургическом техникуме; в 1932-1941 гг. работал инженером, в 1941-1969 гг. директором во Всесоюзном научно-исследовательском институте металлургической теплотехники (г. Свердловск).

Часто можно было наблюдать, как по входу в контору завода подъезжал экипаж типа экипажей прежних городских извозчиков, в который был запряжён невзрачный рыжко, а на козлах которого сидел в торжественной позе кучер, и из экипажа сходил с массивным портфелем Александр Игнатьевич и направлялся на приём к директору завода.

Весь период существования техникума до перехода его в 1932 г. в здание б[ывшего] профтехкомбината был периодом его становления, в который были явные «трудности роста»: с одной стороны, завзятая патриархальщина, отсутствие строгой организации, а с другой стороны, подчас наивная претенциозность на организацию в стиле вуза: самые обыкновенные классные занятия немецким языком, например, Александр Игнатьевич громогласно именовал лекцией.

Первый состав преподавателей техникума образовался ещё когда он входил в профтехкомбинат, и остался в нём после выхода из последнего. При организации профтехкомбината в него влились многие педагоги, прибывшие в Свердловск из других городов Урала, центральной России и даже Сибири, которые семьями включились в педагогическую работу в различные виды профтехнической подготовки на ВИЗе: техникум, школу ФЗУ и различные курсы.

При техникуме были подготовительные курсы, на которых работали по совместительству преподаватели школы ФЗУ.

Штатными преподавателями техникума в то время были: преподаватель математики, которого студенты называли «профессором», Иван Иванович Лощёнов, преподаватель химии Василий Евгеньевич Соловьёв, преподаватель полит-экономики ... Иванов и преподаватель литературы с русским языком Анна Васильевна Колесникова, по немецкому языку Анна Фридриховна Игнатьева, обществоведение преподавала завуч – Наталья Петровна Антонова. Все они были загружены уроками «до отказа».

Любимцем студентов № 1 был И. И. Лощёнов. Он был человеком с хорошей научной подготовкой: по окончании университета он некоторое время совершенствовался ещё по математике за границей, но в начале своей трудовой деятельности не работал педагогом, а работал в каком-то финансовом учреждении. На педагогическую работу он уже перешёл после Октябрьской социалистической революции. Характерной чертой его преподавания был строго продуманный метод, настойчивость и выдержка, что особенно были ценными качествами ввиду того, что в техникум поступали иногда со слабой подготовкой И. И. заслуженно пользовался

Под его руководством институт развился из небольшого отделения в крупную научно-исследовательскую организацию с опытным заводом, оказал помощь в освоении передела ванадиевого чугуна кислородно-конвертерным процессом на НТМК, в устранении недостатков и освоении проектных мощностей секционных печей непрерывного стана на Первоуральском новотрубном заводе и др. Председатель Областного правления и член Центрального правления НТО чёрной металлургии.

уважением студентов, и они совершенно искренне называли его профессором.

Любимцем студентов № 2 был преподаватель политэкономии ... Иванов. Он умел так живо излагать свой предмет, что студенты воспринимали эту науку, как некое откровение – восторженно, с увеличением.

Самым сложным для разрешения был вопрос с преподаванием специальных предметов, но счастливым для них случаем было то, что теорию прокатного дела вёл по совместительству профессор ... Головин. Что касается других предметов специальных, относящихся к теории прокатного дела, например, сопротивление материалов, то они проходились по методу классического латинского выражения «*Docendo discimus*» (уча, мы учимся), а именно: в текущем учебном году студенты слушали лекции по этому предмету, а в следующем кто-нибудь из них, продолжая свой курс учения, читал его другому следующему за его курсом, курсу. Кстати сказать, такой порядок существовал и в других техникумах.

Характерной чертой существования в это время техникума было большое количество учащихся в нём без отрыва от производства и проходящих подготовительный курс для поступления в него. Среди них были настоящие энтузиасты, которые показывали и другим пример учения и участия в общественной жизни, например, известный на заводе Илья Зубов, но только немногие из них дошли «до победного конца», т. е. кончили техникум.

С переходом в профтехкомбинат (1932 г.) для техникума, наконец, кончились «хождения по мукам», и он получил вид вполне организованного учебного заведения. Значительно пополнился состав преподавателей квалифицированными работниками. Так, завучем стал инженер ... Светлосанов, преподавателем русского языка и литератором – лучшая преподавательница города Екатерина Кузьминична Осипова, преподавателем математики, кроме Лощёнова, Анна Андреевна Зосимовская, географии – Мария Ивановна Липина, военного дела – Анатолий Константинович Ермолаев, сопромата ... Эбгард и др.

Были организованы лаборатории. Широко развернулась воспитательная работа: были организованы хор и драмкружок. Студенты устраивали вечера с хорошо организованными драматическими постановками, выступлениями хора и певцов-солистов. На этих вечерах с большим успехом выступал бухгалтер Михаил Андреевич Якушин, певец, обладатель хорошего баса с неплохой школой пения.

Вся жизнь техникума, включая и хозяйственный распорядок его – чистоту, а также общий порядок и дисциплину, была направлена по строго определённого руслу – спокойному и деловому.

В этом была определённая заслуга директора техникума Марии Емельяновны Куренных. Она была, в сущности, первым настоящим директором техникума, по праву занимавшим этот пост.

В молодости, в девические годы, она принимала участие в рядах борцов против Дутова, будучи малограмотным человеком. Потом она добилась того, что закончила курс в горно-металлургическом техникуме, что уже её характеризует, как настойчивого, волевого человека. От её прошлого у неё сохранилась некоторая грубоватость в её манерах, но это относилось больше к её внешнему виду и проявлялось чаще всего тогда, когда она была в раздражённом состоянии, вызванном различного рода непорядками, особенно если они замечались у технических работников техникума. Преобладающими же в её отношениях к другим людям были спокойный тон, выдержка и деликатность, чему следовало бы поучиться у неё многим другим директорам учреждений.

Особенно деликатной, вежливой она была в обращении с учителями. Мало того, она пользовалась всяким случаем оказать им материальную помощь: то она хлопочет об огороде, то она раздобыла для них что-либо из питания или одежды. Были у неё, конечно, и передержки и ошибки в отношениях к студентам, например, несправедливое и ошибочное преследование за прошлое, но авторитет её для них был непреложным, и она пользовалась их искренним уважением. Главным же в характере Марии Емельяновны были её большая трудоспособность, преданность порученному делу, настойчивость и недюжинный организаторский талант. Какую бы ей работу не поручали, она отдавала ей свою силу в полной мере. Так, и техникум она поставила на должную высоту.

После М. Е. Куренных директором техникума была А. А. Зосимовская, при которой и произошла реорганизация его, о чём сказано выше.

За время своего существования техникум выпустил значительное количество металлургов, которые влились в ряды специалистов Урала. Некоторые из них потом продолжили своё образование в институтах и работают инженерами.

Из бывших выпускников техникума на ВИЗе продолжает работать на ответственных производственных постах следующие товарищи:

1. Чернавин Б. И. – директор завода.¹⁸²³
2. Коробка Б. А. – нач[альник] центр[альной] заводской лаборатории.
3. Решетов И. В. – инженер БРИЗа [бюро изобретений – ред.].
4. Дегтёва Н. И. – мастер литейного цеха.

Ушли на пенсию:

1. Всехвальных Б. И. – бывш[ий] нач[альник] листопрокатн[ого] цеха.

---

¹⁸²³ Чернавин Борис Иванович (1912-1980) – окончил Верх-Исетский металлургический техникум (1933) и Уральский политехнический институт (1949). Инженер-металлург. В 1933-1972 гг. – работал на Верх-Исетском металлургическом заводе: рабочим, мастером, начальником смены, заместителем начальника, начальником листопрокатного цеха, главным инженером и в 1955-1972 гг. – директором. Внес вклад в реконструкцию старого металлургического производства завода, один из основных инициаторов и организатор строительства крупнейшего в стране цеха холодной прокатки трансформаторной стали. Много сделал для улучшения социально-бытовых условий трудящихся.

2. Кочергин И. Я. – мастер цеха № 1.

Из бывших выпускников школы фабзавуча ВИЗа техникум окончили:
Селиванов Е., Порошин Н., Копылов В.

В других учреждениях города работают:

1. Чарушников А. И. – директор ин[ститута]-та металлургич[еской] теплотехники.

2. Стефановский Б. А. – начальник планового отдела Управления чёрной металлургии.

3. Литвишко Б. Т. – начальник производств[енного] отдела Управления чёрной металлургии.

Работали на заводе:

1. Векшин Е.

2. Лукина Е. В. – инженер произв[одственного] отдела.

3. Васильев В. – мастер цеха № 1.

4. Калокуцкий Т. И. – мастер прокатного цеха.

Продолжают работать:

1. Шимановская Н. П. – нормировщик литейного цеха.

2. Козлов Г. Д. – инженер отд[ела] технич[еского] обучения.

3. Козлов Б. Д. – обер-мастер мартен[овского] цеха.

В. ИГНАТЬЕВ

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 126-132.

*Машинописный текст, подписанный автором, предназначался для публикации.

КУРСЫ МАСТЕРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА*

Курсы мастеров соц[иалистического] труда на заводе были третьим, после школы ФЗУ и техникума, солидным мероприятием по обеспечению предприятия квалифицированными кадрами рабочих. В отличие от первых двух, которые готовили кадры, курсы мастеров были рассчитаны не на подготовку новых кадров, а на повышение квалификации их и привитии им навыков социалистического труда. На эти курсы, по их задаче, должны были быть привлечёнными и были привлечены все рабочие, которые стояли на ответственных производственных постах и имели уже производственный опыт. Конкретно говоря, на курсах ставилась задача – подвести под те или иные производственные опыты рабочих солидную теоретическую научную базу и одновременно поднять общеобразовательный уровень рабочих кадров.

В учебный план курсов были включены следующие предметы с значительным количеством отведённых на них часов: русский яз[ык], история СССР, математика, физика, химия и обширные курсы по спецпредметам.

Срок обучения был рассчитан в зависимости от сложности той или иной специальности на два-три года, причём при окончании слушатели курсов должны были выполнить дипломные работы с публичной защитой их. Предполагалось, что окончание курса обучения должно сопровождаться повышением по выполняемой работе или повышением в разряде. Уставом курсов в качестве поощрения полагалось увеличение отпусков от работы, а также предоставление отпуска на период экзаменов и выполнение дипломной работы.

Все курсанты по специальностям распределялись на четыре группы: прокатчики, мартеновцы, электрики и механики. Контролёры соответственно присоединялись к той группе, с которой они соприкасались по работе, а литейщики соединялись с мартеновцами. Рабочие термического цеха составляли подгруппу прокатчиков. Каждая из перечисленных групп имела свой учебный план и программы в соответствии с тем или иным профилем.

Курсы были под особым надзором дирекции завода и отдела кадров и довольно часто инспектировались представителями центра. Под курсы было отведено всё левое крыло нижнего этажа профтехкомбината. Здесь был произведён специальный ремонт и оборудованы кабинет по физике, химии, спецпредметам, организована библиотека.

Нужно сказать, что заводоуправление не жалело средств на организацию курсов. Штатами курсов предусматривалось полное и всестороннее обеспечение учебного процесса.

Первым директором курсов был инженер Георгий Георгиевич Колобаев, направленный на них на работу с поста заведующего цеха № 2. Зав[едующей] учебной частью была Клара Лазаревна Семенчук, человек с

высшим педагогическим образованием, с большим организационным опытом.

Русский яз[ык] преподавали: Ольга Константиновна Козловская и Василий Алексеевич Игнатъев.

Математику преподавали: Екатерина Сергеевна Перевалова, Раиса Ивановна Васильева, Елизавета Григорьевна Бутарова и Антонина Алексеевна Рожновская.

Историю – Михаил Осипович Буялов.

Физику – Серафима Михайловна Плужкова.

Химию – Александра Владимировна Вечтомова.

Электротехнику – Борис Фёдорович Турышев.

Спецпредметы – инженер завода.

Курсы просуществовал два года.

После первого выпуска (1940 г.) они прекратили своё существование в виду войны. Выпуск окончивших был произведён по регламенту курсов, т. е. все выпускники выполнили дипломные работы и защищали их в присутствии ответственной, широко представительной комиссии. Отличники из окончивших в качестве поощрения получили научные командировки на другие заводы. Так, например, рабочий литейного цеха тов[арищ] Камаганцев ездил на Златоустовский завод. Всего получили дипломы об окончании курсов до 80 человек.

В. Игнатъев.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 133-134.

*Машинописный текст, подписанный автором, предназначался для публикации.

ГОДЫ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА

(С ОКТЯБРЯ 1923 Г. ПО АВГУСТ 1938 Г.)

Мои детство и юность связаны были с жизнью в деревне. До десяти лет я жил в деревне безвыездно, а с десяти лет, когда учился в средней школе и вузе, проводил каникулы. В деревне у меня было много знакомых и друзей, и, можно сказать, хорошо знал крестьянскую жизнь, быт, нравы их, хотя сам принадлежал к сословию духовенства: отец мой был дьячком. Работа в культурных учреждениях ВИЗа позволила мне хорошо узнать жизнь, быт, идеалы рабочих; скажу больше – сблизиться с представителями рабочего класса, как это было и в деревне. За пятнадцать лет работы на ВИЗе я принимал участие во всех культурных мероприятиях завода, в разных учреждениях: в школе ФЗУ, техникуме, рабочих курсах, сменном вузе, комвузе, курсах мастеров соц[иалистического] труда и совпартшколе, что позволило мне широко познакомиться с молодёжью завода и рабочими и пользоваться, скажу не обинуясь, их хорошим ко мне отношением, а в некоторых случаях – дружбой. В данном случае я не ставлю себе задачу описывать эти учреждения, потому что они описаны мной в «Очерках» по профтехническому образованию на ВИЗе, а хочу остановиться лишь на описаниях встреч с отдельными деятелями этих учреждений и важнейших событиях, происшедших в этих учреждениях.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 1-4.

Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ)

с 10/X 1923 г. по 25/VIII 1931 г.

В этой школе я работал преподавателем русского языка и зав[едующим] учебной частью.

Первоначально преподавателями в школе были служащие заводоуправления и треста «Гормет». Зав[едующим] уч[ебной] частью и преподавателем математики был управделами завода Владимир Александрович Половинкин; физику преподавал экономист заводоуправления – инженер Сергей Иванович Кутунов; черчение – Фёдор Маркович Андрианов; материаловедение и спецкурсы – Александр Алексеевич Константинов (оба последние из треста «Гормет»). Зав[едующим] школой был выдвиженец из механического цеха – токарь по металлу Николай Димитри[еви]ч Осокин.

Это был, можно сказать, внутриутробный период существования ФЗУ, когда к работе в ней ещё не прикасались ни органы профобра, ни

комсомольские организации. Школа имела вид ремесленного училища дореволюционного типа, но деятели в ней были уже нового склада – энтузиасты своего дела, воспринявшие революционные идеи и желавшие работать на поприще борьбы за восстановление экономики страны.

Осокин был, конечно, не искущён в вопросах педагогики, но он был хорошим организатором производственного обучения. Он был тактичным в отношениях с преподавателями, общительным человеком. В отношениях с учениками по части налаживания дисциплины, которая «прихрамывала», он старался опереться на завком, потому что ни ученической организации (учкома), ни комсомольской организации тогда в школе ещё не было. Завком помещался тогда в здании конторы на первом этаже, а школа – на втором этаже, и в неё в «критические» минуты по просьбе Осокина являлся член завкома Африкан Александрович Злоказов, громадного роста и обладатель шаляпинского голоса. Он умирал не в меру разбушевавшуюся «стихию». Но уже Осокин начал организацию учкома.

Первые связи Облпрофобра со школой начались с назначения учителей: меня – на русский язык и географию и Михаила Михайловича Широкова – на математику. С этого момента школа уже вошла в систему профтехнического образования. Осокин был потом выдвинут на работу в центральный орган этой системы – горпрофобр, не справился с этой работой, назначен был заведующим одной городской механической мастерской, попал однажды под пьяную руку под трамвай и сошёл со сцены. Это был пример непродуманного выдвижения человека на работу с отрывом его [от] привычной ему работы.

В 1925 г. школа была переведена в специально отремонтированное для неё здание, и педагогический состав её обновился. В него влились три студента университета: Николай Акимович Исупов на преподавание электротехники и естественных наук, и спецпредмета по токарному делу, Александр Петрович Зимин – на преподавание графики и Николай Димитриевич Мехоношин – на преподавание научной организации труда (НОТ). На преподавание физики, химии и спецпредметов по прокатному и мартеновскому производству принят был окончивший Уральское горное училище Филипп Иванович Рябов. На преподавание обществоведения профобром была назначена кончившая Московский университет – [З. М.] Вольфсон. Зав[едующим] школой в это время был Михаил Васильевич Чистяков, б[ывший] член завкома. Школа в это время оформилась в организованное учебное заведение со всеми присущими ему атрибутами: с приличным оборудованием учебных кабинетов, полным штатом квалифицированных инструкторов производственного обучения, хотя значительную часть их составляли практики. Здесь уместно добрым словом помянуть следующих из них.

Иван Андреевич Чепурин. Он был инструктором по кузнечному делу. Старый кадровик, из рук которого выходили изделия ажурной точности чистоты, он, кроме того, был дядькой своих учеников, их воспитателем.

Василий Павлович Мюненок – инструктор по обучению в модельном цехе. Впоследствии проявил себя на государственной работе по линии строительства коммунальных учреждений в районе.

Александр Григорьевич Шаров – инструктор по обучению в листопрокатном цехе.

Павел Андреевич Лоцманов, из династии Лоцмановых – инструктор по обучению в сутуночном цехе.

Инструкторы-техники:

Николай Александрович Розанцев – по подготовке токарей и слесарей.

Игорь Глебович Турыгин – по мартеновскому цеху.

В 1925 г. перед школой была поставлена серьёзная ответственная задача – перейти на подготовку рабочих по основным цехам – листопрокатной и мартеновской специальности. Эту задачу школа выполнила при содействии зав[едующих] цехами – мартеновского Николая Петрович Бояршинова, сутуночного – Михаила Николаевич Челищева и листопрокатного – Николая Андреевича Лоцманова. Ими были разработаны программы производственного обучения и порядок обучения на производстве. Значительную помощь они оказали и в создании программ по теоретическому обучению. Когда в Москве происходила экскурсия-конференция по профессиональному обучению в СССР в 1928 г., то представителю школы на ней В. А. Игнатьеву представлено было слово по организации школы, и эта организация признана была типовой для школ «горячего ученичества».

Много по организации школы в это время сделал заведующий в ней Михаил Васильевич Чистяков. Он спаял дружный коллектив учителей и инструкторов. Много он сделал и для учеников: организованы были горячие завтраки, оплата проезда на трамвае для далеко живущих от школы учеников.

В теоретическом обучении было допущено увлечение дальтон-планом, системой заимствованной из США. Оно превратилось в некое «поветрие», моду, подобно тому, как в школах соцвса в это время было увлечение комплексами. Уродливая форма увлечения описана мною в «Очерках» по подготовке кадров на ВИЗе. Там же мною описаны ученические организации и воспитательная работа в школе.

В числе энтузиастов-учителей нужно отметить студента Уральского гос[ударственного] университета Николая Димитриевича Мехоношина, сгоревшего на работе (умер от *tbc*¹⁸²⁴). Он организовал кружок НОТовцев, руководил ученической самодеятельностью, много сделал по воспитанию учеников.

Учителя в школе были обеспечены несколько лучше, чем в школах соцвса (см. «Очерки»).

---

¹⁸²⁴ *tbc* – туберкулёз.

В феврале 1962 г. завком организовал концерт-вечер встречи молодых рабочих с б[ывшими] фабзавучниками во дворце культуры металлургов. К сожалению, не удалось привлечь на него многих б[ывших] учеников ФЗУ и деятелей в ней.

На прилагаемой к сему карточке значатся:

в первом ряду слева направо:

1. Павел Васильевич Петухов – третий зав[едующий] школой в гг. 1929-[19]30 и далее. Он много сделал по укреплению дисциплины в школе и на производстве.

2. Филипп Иванович Рябов – преподаватель спецпредметов по «горячему ученичеству». Организовал кабинеты по физике, химии и спецпредметам. Позднее был зав[едующим] уч[ебной] частью школы и вывел её в число лучших школ этого типа.

3. Михаил Михайлович Широков, преподаватель математики. Работал очень много, пользовался уважением и любовью учеников за свою постоянную помощь им. Принимал участие в драмкружке (см. «Очерки»).

4. Василий Алексеевич Игнатъев.

5. Зоя Димитриевна Болотова долго работала машинисткой в школе.

6. Посторонний человек – муж Болотовой.

7. Китин Николай учился в школе по мартеновской специальности в 1924-[19]30 гг. В цехе не работал, а при организации Свердловского аэропорта поступил там механиком. Там работал всю жизнь.

Второй ряд (слева направо).

1. Жуков Георгий Иванович (посторонний).

2. Галкин Дмитрий кончил школу в 1925 г. по специальности токаря. В школе учились тогда три брата. У них была ещё сестра. Они были сироты и жили сами, без помощи других. Двое из братьев (тоже кончили школу – Александр и Георгий) погибли на войне, а Дмитрий был на войне лётчиком, а по окончании войны вернулся на завод.

3. Хайдуков Владимир Иванович кончил школу в 1932 г., работал прокатчиком, теперь на пенсии.

4. Буяров кончил школу в 1936 (?) г., прокатчик.

5. Пётр Алексеевич Соболев кончил школу в 1925 г. по специальности токаря. Сейчас инженер, зав[едующий] лабораторией в ин[ституте]-те охраны труда ВЦСПС. Был на войне и имеет много военных отличий.

6. Николай Иванович Козловский кончил школу в 1927-1928 г. Всю жизнь работал в мартеновском цехе ВИЗа. Теперь на пенсии. Один из заслуженных рабочих ВИЗа.

7. Вишняков Сергей кончил школу в 1928-1929 гг. Работал в суточном цехе. Теперь на пенсии.

8. Николай Александрович Розанцев, б[ывший] инструктор по производственному обучению в механич[еском] цехе.

9. Пильников Владимир Степанович кончил школу в 1926-[19]27 г., работал всю жизнь в мартеновском цехе. Теперь на пенсии.

А сколько, сколько было таких моих учеников, настоящих товарищей и друзей! Сколько было друзей по работе в школе ФЗУ, о которых память сохранила самые хорошие воспоминания! Об этом сказано в «Очерках».
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 4-18.

Производственно-технические курсы Ф. З. Т. К. П. Т. К.

(авг[уст] 1931 г. по 17/IV 1932 г. и с 1/IX 1935 г. по 1/III 1936 г.)

На этих курсах я работал заведующим. Основное ядро на них составляли контролёры завода, с которых, кстати сказать, обычно начинали организацию технического обучения ежегодно. В числе курсантов были три железнодорожника: Осипов, Блинов и Вшивков. Было две группы. Занятия производились в б[ывшем] здании заводского клуба.

Преподаватели

1. Абрам Яковлевич Перцель, очень талантливый преподаватель математики, любимец курсантов. Потом работал в школах соцвоста.
2. Крылова..., преподавательница русского яз[ыка].
3. ..., преподавательница физики.
4. Макавеев..., зам[еститель] директора завода, вёл занятия по политэкономии.

Курсы существовали несколько ...
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 18-19.

Сменный втуз

(3-4 месяца)

Я преподавал в нём русский язык. Математику преподавал А. Я. Перцель.

В сменный втуз в качестве его студентов зачислены были рабочие и служащие, имеющие повышенное образование – семилетка и выше.

Втуз оказался искусственно надуманным учреждением и скоро «умер».

Зав[едующим] учебной частью в нём был инженер из термического цеха. Летом он погиб в Москве: ехал на велосипеде и попал под трамвай.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 19-20.

Металлургический техникум ВИЗа

В нём я работал по совместительству на подготовительном отделении в 1928-[19]30 гг. преподавателем географии.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 20.

Филиал рабфака при У[ральском] п[олитехническом] и[нституте]

Я работал в нём преподавателем географии в течение 1929-1930 уч[ебного] года.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 20.

Вечерний Комвуз ВИЗа (филиал городского комвуза)

(с 1/IX 1932 г. по 1/IX 1935 г.)

Я работал в нём преподавателем русского языка и библиотекарем.

Он был двухгодичный. В числе предметов в нём были (кроме русск[ого] яз[ыка]) экономическая география – А. Я. Липкина, история ВКП(б) – Крамник, Слуцкая, политэкономия-экономполитика, диалектич[еский] и исторический материализм – различные преподаватели.

Между прочим, в числе лекторов был проф[ессор] мед[ицинского] института [Ягодский] Константин Павлович¹⁸²⁵, заведующей была Клавдия Васильевна Щепина.¹⁸²⁶ Математику преподавала Екатерина Сергеевна Перевалова, а немецкий яз[ык] начинала преподавать Анна Фридриховна Игнатьева.

Комвуз существовал три года.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 20, 22.

---

¹⁸²⁵ Ягодский Константин Павлович (1877-1943) – педагог, методист-естественник. В 1930-1934 гг. профессор Свердловского медицинского института, заведующий кафедрой педагогики. Автор указывает фамилию в «пермской коллекции» воспоминаний.

¹⁸²⁶ Щепина Клавдия Васильевна (1900-1964).

Копия характеристики № 05 от 01 сентября 1935 г.

Дана тов. ИГНАТЬЕВУ В. А. в том, что он работал в филиале СВЕРДЛОВСКОГО ГОРОДСКОГО ВЕЧЕРНЕГО КОМБУЗА на ВИЗе с 1-го сентября 1932 г. по настоящее число в качестве секретаря и преподавателя РУССКОГО ЯЗЫКА.

С работой тов. ИГНАТЬЕВ В. А. как в качестве секретаря, так и в качестве преподавателя РУССКОГО ЯЗЫКА справлялся ХОРОШО, имеет хорошие отзывы о своей работе от студентов. Тов. ИГНАТЬЕВ принимал активное участие в общественной студенческой работе.

Зав. В. К. У. Кондратьев.

10/VI-[19]35 г.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 21.

Курсы мастеров социалистического труда

(с 11/VIII 1936 г. по 15/II 1940 г.).

*Я работал на курсах секретарём и преподавателем русского языка.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 24.*

Справка № 72 от 31 марта 1940 г.

Настоящая дана т. Игнатьеву В. А. в том, что он действительно работал на Курсах Мастеров Социалистического Труда ВИЗа с 25 марта 1936 г. в качестве преподавателя русского языка по 15 февраля 1940 г.

Освобождён от работы ввиду окончания курса русского языка в группах, где работал т. Игнатьев В. А.

Директор КМСТ П. Рабцевич.

Секретарь Тузова.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 23.

Круг моих наиболее знакомых мне рабочих ВИЗа

Щипанов Максим Фёдорович.¹⁸²⁷

Я был прикомандирован к нему для обучения его русскому языку. Я ходил на занятия с ним в цех, но из моих занятий ничего не получилось: он всякий раз начинал занятия и бросал их. Станным было его положение на заводе: то его превозносили «до небес», считали его талантом от природы, изобретателем, избрали его руководителем бюро изобретений (бриза); с него писали портреты, рекомендовали его Орджоникидзе¹⁸²⁸ как некоего гения, то низвергали его до подметателя в цехе. Была какая-то странная игра с человеком. Он обладал на самом деле живым изобретательным умом, но всё это не получило настоящего развития, потому что он был просто ленивым человеком. Он был игрушкой в руках других людей, которые делали вид, что в лице его они нашли «человека», а на самом деле только подсмеивались над ним. Одно время была такая мода.

Панов Иван Павлович.

Одно время он работал в школе ФЗУ зав[едующим] производственным обучением. Когда школа помещалась в профтехкомбинате по Нагорной улице, то часто можно было видеть человека невысокого роста, коренастого, чуть ссутулившегося, с руками, загнутыми за спину, с папкой подмышкой стремительно направляющегося из комбината на завод. Иногда ему встречались по пути знакомые, и он останавливался на минуту, или ещё меньше, а потом ещё быстрее продолжал путь на завод. Кто видел этого человека в этот момент издали, то говорил: «Вон Иван Павлович опять помчался на завод». Это был человек, у которого точность в распределении рабочего времени, деловитость доведены были до предела. Не стоять, сложа руки, не терять рабочего времени – было его девизом. Не любил он, когда и другие «точили ляссы». Спокойствие, выдержка и одновременно требовательность были его основными чертами в его отношениях к ученикам. Он никогда не накричит, не позволит себе унижить достоинства другого человека, но при случае скажет твёрдо, убедительно, авторитетно так, что у человека, к которому он так обратится, не появится желание возражать или вступать в препирательство. Ученики знали это его качество и относились к нему с уважением.

Как то я разговаривал с ним о его семье, зная, что у него четверо, или даже пятеро детей. Он мне сказал: «Живу теперь не для себя, а для них, для детей». Было известно, что он не «пил», как это водилось среди рабочих, и не курил.

Во время войны его призвали в армию, и он работал в ней по снабжению. Вернулся в чине подполковника. Встретились с ним, как

---

¹⁸²⁷ Щипанов Максим Фёдорович (1901-1961).

¹⁸²⁸ Орджоникидзе Григорий Константинович (1886-1937) – советский государственный и партийный деятель, революционер. Народный комиссар тяжёлой промышленности СССР в 1932-1937 гг.

хорошие знакомые, бывшие сослуживцы. Рассказывал он мне о Бухаресте и, между прочим, заметил: «Хороший город, а вот культура в нём низка. Смотришь: дворец короля, а мимо него средь белого дня проезжает ассенизационный обоз».

После войны Иван Павлович не вернулся на ВИЗ, а уехал в свой Ирбитский завод, где опять-таки работал по снабжению. Иду я однажды в городе и вижу знакомую фигуру спешащего человека. Это был он в своём неизменном виде. Поговорили об его семье. Он рассказал, что неудачно получилось с замужеством одной из дочерей, задумался, а потом по своей привычке помчался, заложив руки за спину. Вспомнился мне романс Шуберта: «В движеньи мельник жил, в движеньи». Здесь был не мельник, но тоже человек, вкусивший что-то от «*perpetuum mobile*».¹⁸²⁹

Семейства Верхотуровых и Забалуевых.

На улице им[ени] Татищева (1-я Ключевская) на углу с улицей ... до сих пор стоит старинный деревянный дом, разделённый на две половины, в каждой из которых есть по кухне и горнице. Дом этот был выстроен ВИЗовским рабочим Василием Верхотуровым, который уже давно умер, а жила в нём вдова этого рабочего Александра Самойловна с двумя сыновьями Павлом, Николаем и дочерью Клавдией. Мы в течение трёх лет жили на квартире у последней, которая была уже теперь – Клавдией Васильевной Забалуевой, а жили Забалуевы наискосок от Верхотуровых. Мы хорошо знали обе эти семьи. На судьбах этих двух семей можно проследить, какие изменения происходили в жизни рабочих на границе нового столетия и первой четверти его.

Василий Верхотуров работал на заводе в ту пору, когда рабочие ещё не стали «чистыми» пролетариями, как это было на Урале позднее: на летние месяцы завод «закрывался», а рабочие занимались сельским хозяйством: заготавливали сено для домашних животных, сеяли и снимали урожай. Александра Самойловна сохранила облик горьковской Ниловны до её «прозрения».¹⁸³⁰ По стопам отца пошёл сын Николай. Ещё в 1923-1927 гг. он имел покос, сеял немного овса, «страдовал» во время своего отпуска. У него была корова, курицы. При доме был огород. Жена его работала только по домашности. Николай всю жизнь проработал на заводе и ушёл на пенсию по должности контролёра. Из четырёх его сыновей ни один не пошёл работать на Верх-Исетский завода к «металлу», а все разошлись работать по городским мелким предприятиям слесарями, токарями и пр. Также не пошли работать на завод и две дочери.

Павел сделался краснодеревщиком. Он делал шкафы, различное оборудование в магазины и «сбился» с жизни: сделался настоящим пьянчужкой: пропивал всё, что заводил на себя. Любил хвастаться своими «работами» и в пьяном виде всё говорил, что он именно сделал «царские

---

¹⁸²⁹ *perpetuum mobile* – по-латински вечный двигатель.

¹⁸³⁰ Ниловна (Власова Пелагея Ниловна) – главная героиня романа М. Горького «Мать».

врата» в Успенском соборе посёлка. Любимой поговоркой у него была, очевидно, со времени 1905 г.: «сила воли, свобода слова и печати». Был он женат, но жена ушла от него. О степени его нравственного падения свидетельствует следующий факт: когда жена стала просить у него развод ещё в прежнее время, он потребовал от неё за согласие на развод четверть вина. Так он перешёл на положение люмпен-пролетария, в 1930 г. был взят милицией и исчез бесследно. Под конец у него не было и другого названия, как «Папко».

Муж Клавдии Васильевны, «Глашуночки», как её называла мать, - Константин Петрович Забалуев в детстве окончил церковно-приходскую школу и работал в Управлении железной дороги служащим по хозяйственному учёту. Позднее он был директором молочной фермы от Управления железной дороги около станции «Таватуй». У Забалуевых был свой двухэтажный деревянный дом с флигелем и хозяйственными постройками, который они получили в наследство от некоей Голендухиной по условию, что они должны были «поить, кормить её и «обихаживать» по день её смерти. В хозяйстве у них были: корова, тёлка, две козы и курицы. Клавдия Васильевна работала только по домашности. Брат Константина Петровича – Николай «понахватался» поверхностного образования, делового «лоска» и делал себе карьеру по трестам. Был женат уже на барышне из «бывших». Отец их – Пётр Семёнович жил каким-то хозяйством, имел дом, приезжал в гости к Константину Петровичу верхом на лошади. Чем он раньше занимался – было нам не известно.

Семейство Лекаревых.

На улице Татищева, рядом с домом Забалуевых, стоял и теперь стоит каменный двухэтажный дом, который раньше принадлежал Ивану Лекареву, кожевнику-ремесленнику. В семье у него были: дочь-горбунья Александра Ивановна и сыновья – Яков, Николай, Иван и двойники – Гога и Вова, совсем ещё дети. Особенностью семьи было то, что Яков и Иван были музыкантами в духовом оркестре, а Николай пел в церковном хоре у известного в Екатеринбурге регента Михаила Павловича Баталова, который так отзывался об его голосе: «у него был «бриллиантовый» тенор». Яков и Иван создали бригаду музыкантов – оркестр для похоронных церемоний. Николай служил на железной дороге, получил однажды бесплатный билет, съездил в Одессу и привёз оттуда ... одного голубя. Все братья, кроме Вовы. Умерли, а самой живучей оказалась дочь, которая, кажется, если не трижды, то дважды выходила замуж. Дом теперь продан какой-то организации.

Братья Рогозниковы.

Их было трое, и все они были ВИЗовскими потомственными рабочими. Старший – Алексей Васильевич в 1923-1925 гг. был председателем завкома на ВИЗе.

Братья прославились своими голосами: они имели редкие голоса – бас-профундо, близкий к октаве. Один из них сейчас на пенсии и принимает участие в хоре пенсионеров при Дворце культуры металлургов, а раньше был

украшением ... церковного хора у М. П. Баталова. Так «старое» и «новое» скрестилось в одном лице.

Павел Васильевич Петухов (см. приложенный снимок).¹⁸³¹

Павел Васильевич тоже относится к числу потомственных рабочих ВИЗа. До трёх или даже четырёх раз его снимали с должности зав[едующего] школой ФЗУ, а потом снова назначали. Был он членом партии, а потом при одной «чистке партии» кто-то сказал, что он видел его на вокзале при отступлении «белых» и его «вычистили» из партии, но всегда направляли его на самые разнообразные работы, где требовались аккуратность, честность и знание дела. Так было и в школе ФЗУ: явится кто-нибудь из выдвиженцев в качестве заведующего, развалит работу, а выправлять линию направляли Петухова. Так, он работал в завкоме по распределению дров, в пионер-лагере по снабжению, ездил в командировки по набору рабочих на завод и учеников в школу ФЗУ. Любопытная деталь в его биографии – он в детстве тоже пел альтом в церковном хоре и был на славе: из-за него регенты готовы были драться друг с другом.

Братья Марусовы.

Отец у них «держал биржу», т. е. был извозчиком и церковным старостой, а они связали свою судьбу с ВИЗом. Старший – Константин Николаевич всю жизнь проработал в конторе заводоуправления на разных работах: по заведыванию разными хозяйственными отделами. Василий Николаевич работал в электрическом цехе на ответственных постах. Учился на разных курсах и закончил курсы мастеров соц[иалистического] труда. Павел Николаевич работал электриком в мартеновском цехе. Виктор, самый младший, кончил школу ФЗУ, выучился на инженера и теперь работает в запретной зоне на ответственном посту. Характерными для всех братьев являются следующие черты: деловитость, настойчивость, деликатность в обращениях с другими людьми, врождённое благородство.

Династия Мехоношиных.

Отец у них был архивариусом завода. Когда школа ФЗУ помещалась в конторе завода, то мы часто встречали его в коридоре направляющимся в архив, или шествующим из него с разными бумагами. Старенький, приземистый он символизировал старый ВИЗ времён хозяйствования владельца Яковлева. Он проходил мимо нас, и нам казалось – это прошла история завода со всей её мрачной изжитой стариной.

На заводе работали два сына старика Мехоношина и дочь, по мужу – Карпенкова. Василий Димитр[иев]ич был чертёжником старой «школы», «от станка» и достиг большого совершенства: ему поручались самые ответственные работы, и он не подводил. Сила его заключалась в том, что он хорошо знал завод, все его машины, механизмы. Слабость его была в том пороке, который подметил у русских людей ещё летописец в словах: «в Руси

---

¹⁸³¹ Фотография отсутствует.

есть веселие пити – не можем без того быти».¹⁸³² Лечили его в Ленинграде, но «застарелая мозоль» уже не поддавалась лечению. Одно время, за отсутствием подходящего кандидата, ему поручили преподавание черчения в школе ФЗУ, метод его обучения был явно устаревшим. Он рано оставил жизнь, испив «чашу жизни» до конца, т. е. «сгорел» от пьянства, оставив жену и дочь.

Виктор Димитр[иев]ич, его брат, работал зав[едующим] складом топлива, страдал тем же пороком и тоже ушёл из жизни преждевременно. На судьбе братьев слишком отразились привычки прежней заводской жизни.

Младший брат, о котором шла речь выше, преподаватель НОТ в школе ФЗУ, Николай Димитр[иев]ич, здоровый юноша, энергичный, красавец «сгорел» от чрезмерного увлечения системой Миллера, закалял себя в зимнее время на холоде, схватил туберкулёз и умер в Крыму.

Сестра их, по мужу Карпенкова, проявила себя как видный ответственный деятель завода.

Контролёр Анатолий Константинович.

На ВИЗе он сначала появился в роли преподавателя политической экономии в металлургическом техникуме. Целый год он преподавал эту дисциплину на высоком уровне, и все были убеждены, что он партийный и имеет соответствующую подготовку для преподавания избранного им предмета. На проверку оказалось, что он не партийный, и его перевели на должность преподавателя военного дела: он только что вернулся из армии. Избрали его в профком, и он показал себя прекрасным организатором. Потом он перешёл в контролёры, а теперь на пенсии, но ведёт руководство заводской дружиной по охране общественного порядка.

Илья Зубов.

Он из «бывших». На заводе он работал в сутуночном цехе на оттавке нагретой полосы железа от стана. Работа эта очень тяжёлая. Он учился в техникуме и был в нём организатором студенческой массы на различные мероприятия: соц[иалистические] соревнования, на массовые мероприятия в помощь городскому хозяйству. Был талантливый оратор и обычно выдвигался на произнесение приветственных речей при посещении завода «высокими» гостями. В начале войны был отправлен на фронт, получил тяжёлые ранения и умер от ран. В Свердловск он прибыл из Томска. Оставил жену Сарру и дочь. Молва ходила, что он был отпрыском известных графов Зубовых.

Трагическая гибель контролёра Вашляева.

Контролёры завода были моими неоднократными учениками, и поэтому у меня с ними, можно сказать, были дружественные отношения. Встретишься с любым из них, и всегда найдутся темы для разговора иногда по интимным вопросам. В шутку я как-то с ними договаривался: «Ребята!

---

¹⁸³² Из летописи «Повесть временных лет» древнерусского летописца Нестора (вторая пол. XI-нач. XII в.).

Умру, за вами – могила и машина. Оркестр не обязательно». «Ребята» соглашались: «сделаем, сделаем». Так вот, однажды встретившись в трамвае, мы разговаривали с Вашляевым, между прочим, о своём возрасте, о физических недостатках в связи с этим и пр. Я пожаловался ему на свои ноги, что они «сдают», а он на это мне заявил: «А у меня ноги. ... Хожу на охоту с молодыми, они за мной угнаться не могут». На «развилке» стали прощаться. Вот он стал высказывать свои пожелания в таком духе, как будто мы, соседи по посёлку, расстаёмся навсегда. Я подумал про себя: что это он задумал так прощаться. Через два дня узнаю, что он погиб в пути на охоту. Ехали трое на охоту на заводской машине. Её вёл один из рабочих, как говорили, не имеющий прав на вождение машины. Вашляев всё сидел с ним рядом в кабинке, но пересел в кузов. На встречу шла машина с лесом, и на повороте одна лесина в упор убила Вашляева. Был же он богатырского сложения, и не по возрасту крепкий. Это был, конечно, случай: да не заподозрят меня читатели в фатализме.

Батылин.

Он работал в кузнечном цехе и учился у меня на курсах. Мне говорили, что он работал хорошо, но вот узнали, что он когда-то служил нижним чином в полиции и «вычистили», т. е. посадили в «темницу». Прошло много времени после этого, и я совсем забыл его. Во время войны прохожу однажды по кладбищу и вижу одного нищего оборванца с закутанной тряпкой головой и подбиты глазом. Лицо его, несмотря на своё уродство, показалось мне знакомым, и я заметил, что он старается спрятать от меня своё лицо. Подхожу. Спрашиваю: «Батылин?» «Да, это я, Василий Алексеевич» - отвечает. «Как же это так получилось?» - спрашиваю. – Да вот Иван Максимович ...» (он говорил о секретаре парторганизации цеха в то время, когда его «вычистили»). «А сын?» - спрашиваю. «Какой сын?! Он меня прогнал» - был его ответ. Я ещё несколько раз его видел среди нищих, а потом он исчез.

Константин Димитр[иев]ич Бобров.

Он работал в проектно-конструкторском отделе чертёжником на вторых, или даже третьих ролях... из милости. По образованию он был инженер высокой марки. Одно время работал в Бельгии в электрической компании. Был из богатого рода, и родственники решили лишить его наследства, объявили сумасшедшим и «законопатили» его в дом умалишённых. Из него он вышел на подобие князя Мышкина из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» со странностями вроде того, что, будучи стариком, выйдет, бывало, зимой из завода, наденет коньки и ... марш! Как все «такие», был добрым, по-детски незлобивым. Жил он в городе в одном учрежденческом доме в каком-то закутке, одиноким. Однажды нашли его мёртвым. Он свободно владел тремя языками: немецким, английским и французским. На заводе его больше держали как переводчика. Я был лично знаком с ним. Культурнейший человек, он был жертвой прошлого социального строя.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 24-26, 86-107.

Эпилог

Моя работа на заводе позволила мне ознакомиться с жизнью и бытом рабочих. Как это было у меня при жизни в деревне, где у меня было много друзей, здесь встретил радушие, внимание. Я доволен, что среди тех и других – крестьян и рабочих – я нашёл много людей добрых, сердечных, среди которых я, сын сельского дьячка, не чувствовал себя чужаком и которые в своих отношениях ко мне никогда не «отлучали» меня от своей среды как некий, чуждый им, классовый элемент.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 107.

Октябрины

(К сорокалетию со дня открытия школы ФЗУ ВИЗа).

26-го января 1925 г. в 7 часов вечера в школе ФЗУ Верх-Исетского завода было необычно для неё в эти вечерние часы затишье. И наружный вид её был тоже другой, как в другие дни, что сразу заметили соседи школы. «Что сегодня в школе?» - задавали они себе вопрос. Больше всего их интересовало: почему в этот день в вечерние часы была освещена та узкая и длинная комната, расположенная по фасаду здания, о которой они знали, что в ней была конторка школы, которая обычно вечером была затемнена, а на этот раз, наоборот, была залита ярким светом. Смежная же с ней комната, проходная, обычно более освещённая, была в полумраке. В обычные дни вечерами проходили в этой комнате пионерские сборы под руководством Вали Белоглазова, раздавалось пение, проводились беседы, марширование: раз-два, раз-два! Сегодня было тихо. Казалось, что что-то словно сковывало всех, лишь только кто-либо входил в эту комнату.

Ещё более необычной была тишина в самой большой комнате школы, носившей громкое название «зал». Здесь стояла постоянная сцена, и вечерами проводились репетиции драмкружка, или «синей блузы», которыми руководил ученик Виктор Медведев. На этот раз комната была тоже в полумраке, а сцена – в полном мраке. У двери, при входе в комнату, стояла небольшая группа учеников, тихо переговариваясь. Лишь только кто-либо входил в комнату с привычным шумом и громким разговором, тотчас же раздавалось из группы «тс», и в комнате водворялась полная тишина.

Вблизи сцены в полумраке сидела на стуле у стены женщина в шубке. Голова её была закутана в шаль, но слегка распахнута внизу. На руках у неё был свёрток, который она время от времени осторожно подправляла. Неподалёку от неё стоял мужчина, тоже по-зимнему одетый. В полумраке и при почти абсолютной тишине эта группа людей имела торжественный вид, и могла бы послужить хорошим сюжетом для художника.

Всё движение в школе сосредоточено было, направлялось или исходило как из одного командного пункта из той комнаты, которая была освещена больше всех. Эта комната сегодня была в полном смысле слова штабом, которым руководил заведующий школой Михаил Васильевич Чистяков. На его рабочем столе, у которого он стоял, как у руля на корабле, тоже лежал таинственный свёрток, содержание которого пока известно было только ему, учкому и секретарю комсомольской организации. К М. В. Чистякову время от времени подходили, советовались, что-то уясняли «сии споспешники в трудах» его – председатель учкома Пётр Соболев и секретарь комсомола Павел Плеханов. Но и в этой комнате всё было необычно торжественно, без шума и толкотни.

Когда в школе собралось достаточное количество учеников, «штаб» торжественно прошествовал в зал и поднялся на сцену, уже полностью

освещённую. Пригласили на сцену женщину с ребёнком на руках, и начались «Октябрины».

Соболев огласил совершающееся событие, т. е. «Октябрины». По установившемуся уже в те времена обычаю мать новорождённого произнесла краткую речь, в которой указала, что она решила не крестить ребёнка у попов, а «октябрить», сжато сказав: «не хочу крестить, а хочу «октябрить». По желанию родителей ребёнку было дано имя – Владимир, и после этого Петя Соболев произнёс приличествующую этому случаю речь, закончив её словами: «Мы думаем и желаем, что товарищ Владимир (так и было сказано) будет хорошим гражданином Советского Союза и оправдает наши надежды и желания».

Матери новорождённого поднесены были подарки, родителей поздравили, пожелали им счастья, успехов в жизни, и «Октябрины» были закончены.

В те времена «Октябрины» были распространённой формой атеистической пропаганды. Чаще всего они устраивались при школах: то ли потому, что для этого было более подходящими здания школ, то ли потому, что они являлись наглядной формой воспитания школьников в атеистическом направлении.

Школа ФЗУ ВИЗа, в которой, кстати сказать, хорошо была поставлена атеистическая пропаганда, тоже не оказалась в стороне от этого мероприятия и воспоминание о нём является одной из страничек истории школы.

Скоро исполнится тридцать семь лет, как произошло это событие, и произошли неизбежные перемены в судьбах участников его. Уже около двадцати лет покоится в земле М. В. Чистяков: три с половиной года тюремных скитаний при культе личности сократили ему жизнь. Уже на пенсии Валентин Белоглазов, Виктор Медведев и многие участники этого события. Многие погибли на войне. Доныне здравствуют и работают: б[ывший] секретарь школьной комсомольской ячейки – теперь инженер Уралмаша – Павел Николаевич Плеханов и первый учком школы – теперь заведующий одной из лабораторий Свердловского Института охраны труда ВЦСПС – Пётр Алексеевич Соболев. Где теперь т[оварищ] Владимир и как сложилась его судьба?

Б[ывший] преподаватель школы В. Игнатъев.

Адрес: п/о 28, улица Пирогова, д. № 16, кв. 3.

Игнатъев Василий Алексеевич.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 82-84 об.

[Письмо Евлампия Тимухина В. А. Игнатьеву]

*Дорогой, милый мой учитель!!!
Василий Алексеевич!!!*

Так я рад, что случилось, что Вы меня нашли. Радости моей нет границ, Ваше письмо тронуло меня до глубины души, до слёз! Вы меня не забыли, но и Вы не были никогда забыты. Вы скажете почему? Да потому, что Вы, один из моих учителей, который интересовался моим голосом, Вы один любили так пение и были ко мне как-то особенно внимательны. Вы тогда со мной разучили арию Дубровского – «О, дай мне забвеньё, родная!» Вы может, это не помните, но Дубровский прошёл со мной через всю мою вокальную деятельность. Я с Дубровским поступил в техникум и в консерваторию тоже прошёл с Дубровским. Я когда кому-либо рассказывал об источниках моего пения, то Ваше имя всегда было упомянуто. Вот и скажите, мог ли я Вас забыть?! Нет! Получив Ваше письмо, я не узнал по почерку, кто пишет, но прочёл подпись. Сразу понял, кто пишет мне. Спасибо, родной мой человек!!! Мне сразу захотелось Вам пропеть романс Рахманинова «Проходит всё, и нет к нему возврата», слова там такие:

*Проходит всё,
И нет к нему возврата.
Жизнь мчится вдаль,
Мгновения быстрей.
Где звуки слов,
Звучавших нам когда-то?
Где свет зари нас озарявших дней?
Расцвёл цветок – а завтра он увянет.
Горит огонь, чтоб вскоре отгореть...
Идёт волна над ней, другая встанет...
Я не могу весёлых песен петь!*

Да! Проходит всё, и года мчатся, и ничем их не удержишь, это самое печальное в жизни человека, а стариться так не хочется, мне уже 54 года – тоже далеко не первой свежести. О себе немного напишу:

Когда мы расстались с Вами, а я и с любимым городом Свердловском уехал в Консерваторию в Ленинград, в техникуме я учился два года и в Ленинграде попал на 3-й курс рабфака при Консерватории. За один год я окончил 3[-ий] и 4-ый курс рабфака, так что через год я был уже в вузе. Проучился я три года, а потом по состоянию здоровья (преследовал грипп) перевёлся в Одесскую консерваторию, где и окончил своё образование, как камерный и оперный певец (в Ленинградской Консерватории я проходил практику в оперной студии, где пел три года «Трике», «Бомелия», «Чекалинского», «Ленского», Фауста, «Мисаила»). Из Одессы я был приглашён работать в Луганскую оперу и должен был приготовить на украинском языке «Фауста», «Ленского» и «Альфреда», но случилось так,

что я заболел тропической малярией и еле жив остался и мне дали возможность подготовить в консерватории эти партии на украинском. В этот период приехали из Калмыцкой АССР и предложили мне поехать в Калмыкию для постановки вокального отдела в музыкально-драматическом театре и солистом филармонии и радио, а там есть (была) кумысолечебница, где я мог подремонтировать себя – я конечно согласился на полгода – улетел и стал работать (я очень любил и люблю педагогическую деятельность). И вот через 4 м[еся]-ца я женился на пианистке, с которой там работал всюду – вот 6-го января 1962 г. будет 25 лет, как мы живём). В Калмыкии, я вместо полгода проработал 3 года. Уехали в Астрахань, где работал в филармонии и радио (жена у меня Астраханская армянка). Потом нас снова пригласили в Калмыкию, где нас и застала война. В армии я пробыл до конца войны (пел в ансамбле Южно-Уральского военного округа). Приехал в Астрахань, пел в филармонии, а потом организовался «Ансамбль песни и пляски рыбаков», куда меня и пригласили в качестве солиста, педагога, хормейстера, вместе с женой. Там мы работали 11 лет. И вот 5 лет как я оставил это дело и ушёл работать в дом культуры, как руководитель хорово-вокального кружка. Вот и вся моя жизнь на поприще искусства. Петь я сейчас пою совсем мало, весь свой голос отдаю своим ученикам, а себе мало что осталось. У меня дочь, которой скоро 23 года, окончила музыкальное училище и стала работать как дирижёр и педагог в педучилище вместе с матерью. Вот всё что я вам могу сообщить о моей жизни за эти 30 лет. Пение в моей жизни прошло красной нитью, много оно мне доставило радости и конечно волнения без этого не могло обойтись, тот не волнуется, кто уже не артист.

Вам хочется назвать меня на «ты». Это полное Ваше право, а для меня, это будет очень приятно. Вы мой учитель и такой для меня дорогой. Я останусь навсегда Вам признателен.

Вот я рад, что Вы встретили Николая Козловского – это друг мой с детства с 10 лет, да и вся наша семья была в хороших отношениях. Я был его самым близким другом – мы делили с ним кусок хлеба, а также весь свой досуг. Вот только расстояние нас разлучило, но духовно мы так и остались близкими, почти что родными.

Мне так хочется побывать в Свердловске, где я не был с [19]30 года, хотя я и слежу за его ростом, но нужно самому всё видеть. Я этим летом хотел с Мариной (дочкой) поехать и показать город, где я родился, учился и жил, но отпуска в разные месяцы не позволили поехать нам, и я уехал в Ленинград с женой к сестре, где обычно бываю почти каждый год. Я очень люблю архитектуру, которую даже малость изучал, во всяком случае, много о ней читал. Это ведь тоже музыка, хотя застывшая в камне. Живу я не плохо, у меня хорошая семья, хотя и маленькая, но дружная, и я не могу на что-либо жаловаться. Единственно, что было жалко, это попеть в опере – но так сложилась обстановка, а в Астрахани оперы нет, только летом гастроли других городов. Город большой, а оперы нет, ну теперь уже не в

чем жалеть за исключением умчавшихся лет. Вот я пишу всё о себе, а забыл спросить Вас, как Вы живёте? Как Ваше здоровье, я ничего о Вас и тогда ничего не знал, да и Вы ничего не говорили, а кое-что бы хотел знать, но это Ваше дело, я ведь Ваш ученик и спрашивать Вам положено. Вот писать я красиво так и не научился. За что прошу меня не бранить. Вы пишете мемуары. Это очень интересно, а ещё лучше бы, если это было напечатано, и можно бы было это прочесть. Вашу просьбу я постараюсь выполнить. Фотографии сейчас нет, которую бы я Вам мог послать, но я пойду и сфотографируюсь, а если спешно, то может Коля Козловский одолжит Вам, если это уместно у него попросить. Вам это будет видней. Напишите, как поступите и когда Вам это нужно.

Моя биография проста. Родился я в 1907 г. 23 октября в гор[оде] Свердловск, в семье батрака крестьянина. Родители мои поженились, будучи вдовцами. Отец умер, когда мне было 7 лет (62 лет). Я остался с сестрой на воспитании мамы, а ей было 52 года. Она ходила мыла полы и стирала чужое бельё. Так проходило моё детство, босой, в ситцевой рубашке. Проучился в школе 4 года. Я пошёл работать в ВИЗ в телефонную станцию 12 ½ лет, рассыльным, а потом телефонистом, где работал 3 года, потом перешёл в электроцех, а осенью открылась ШФЗУ, и я учился без отрыва от производства. (Ещё за год до окончания ШФЗУ маму разбил паралич, и я остался в исключительно тяжёлом положении, тогда то Вы и учили со мной Дубровского). По окончании ШФЗУ я был направлен в электромагнитную лабораторию з[аво]-да, а потом перевели в Металлургическую лабораторию, где я и работал до 1930 г. 30 мая, в общем я в заводе работал всего 10 лет и 7 дней. Член союза с 1920 г. Завод мне дал командировку в консерваторию. (Я ведь учился уже в техникуме им. Чайковского), а остальное Вы знаете из письма. Что нужно Вы сами выберете из того, что Вам будет нужно, или затребуете у меня, если это Вам не затруднит.

Вот и всё, мой дорогой учитель. Говорить я умею в семейной обстановке, но не научился говорить на собраниях, в этом отношении я бездарность. Вот в данную минуту жена моя играет на рояле увертюру из «Пиковой дамы», которую я очень люблю больше всего. Дом наш всегда с музыкой, а когда я пел, то бывало много было пения, мои коллеги часто приходили, а в день моего рождения были очень большие концерты, которые любая бы филармония не прочь иметь в программе. С годами всё уходит. Пел я очень много, в репертуаре у меня одного Чайковского было 50 произведений, Глинка, Римский-Корсаков. Как русская, так западная классика в моём репертуаре доминировала. Эстрадный репертуар я мало пел. Русские песни очень люблю, и конечно советские композиторы так же были необходимы. Своим я ученикам тоже прививаю вкус к классике. Я ведь учился у очень хороших профессоров. По специальности я учился у

проф[ессора] Образцова¹⁸³³, по камерному у Зои Лодий¹⁸³⁴, по оперному классу с Ершовым¹⁸³⁵, народ[ным] арт[истом], да ещё у многих. Как-то Климов¹⁸³⁶, худ[ожественный] рук[оводитель] Л[ениград]-ской капеллы, с ним я готовил Фауста, у Осовского, засл[уженного] деят[еля] искусств, в общем смотрел на них снизу. Так они были велики передо мной своим величием и все чудесные люди. Консерватория это мать моей жизни, а завод ВИЗ мой отец, воспитали меня не плохо, дисциплина у меня была всегда на 5. Я за всю свою трудовую жизнь не знал слово «опоздал». Мне очень отрадно делиться с Вами всем, моим дорогим учителем. Хочу Вас видеть очень, если я смогу выбраться в Свердловск этим летом к Коле, то у Вас буду непременно. Позвольте ещё раз благодарить Вас от всей души, по-русски Вас обнять и если можно поцеловать. Весь Ваш Евлампий Тимухин.

*P.S. Дома меня зовут Ланя. Зовите меня так.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 108-113 об.*

---

¹⁸³³ Образцов Лев Михайлович (1865-1942) – российский оперный певец (баритон) и музыкальный педагог.

¹⁸³⁴ Лодий Зоя Петровна (1886-1957) – российская певица (лирическое сопрано).

¹⁸³⁵ Ершов Владимир Львович (1896-1964) – российский советский актёр театра и кино. Народный артист СССР (1948).

¹⁸³⁶ Климов Михаил Георгиевич (1881-1937) – русский дирижёр-хормейстер, директор Ленинградской капеллы.

ВИЗОВСКИЙ ПЕРИОД УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. ИКОННИКОВА

В середине июля 1923 г. Пётр Алексеевич Иконников приехал в Екатеринбург искать работу. В губоно¹⁸³⁷ он встретил Александра Владимировича Затопляева, который там работал инструктором по школам соцвосо. Раньше они близко не встречались, но так как оба они были, во-первых, пермскими семинаристами, а, во-вторых, казанскими «академиками», то по пословице – «Рыбак рыбака видит издалека» контакт между ними легко установился, и П. А. был назначен инспектором губоно. П. А. скоро понял, что работа инспектором не по его «складу». К тому же он скоро заболел дизентерией в тяжёлой форме, чуть, было, не отправившись *ad patres*.¹⁸³⁸ По выздоровлении он отказался от работы инспектором и был 10/X назначен преподавателем русского языка в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на Верх-Исетском заводе, называвшемся тогда «Красная Кровля». Никогда не думал раньше П. А., что ему придётся работать если не непосредственно на заводе, то во всяком случае для завода и в непосредственной близости к заводу. Но вот судьба забросила его на завод, и он не без некоторой радости вступил в черту завода.

«Красная кровля»

Кто читал роман Фёдора Гладкова¹⁸³⁹ «Цемент» и помнит, как там описан завод в момент возвращения на него Глеба Чумалова, тот примерно сможет представить, какой была «Красная кровля», когда П. А. увидел её впервые. Может быть, немного лучше, но только немного же. Незадолго перед этим методом субботника была разрушена домна, которая была на авансцене завода, если смотреть на него со стороны Верх-Исетского пруда. Сломана она была так, как раньше действовали «разрушители машин»: злобно, как чёрное пятно прошлого, как символ прежнего гнёта, насилия. Торчали только остатки фундамента, как оскал черепа. Плотина перед заводом не была закрыта: по ней прогоняли скот с одной стороны посёлка на другую; по ней проезжали и провозили всё необходимое. Она была изрезана колеями, образовавшимися в распутицу, на ней валялись вахлаки соломы сена. От дыма заводских труб здание заводоуправления было покрыто копотью и на плотине на перилах и затворах тоже лежал густой слой окалины и грязи. Узенький деревянный коридорчик с доской, на которую навешивались рабочие номерки, вёл во внутреннюю рабочую часть завода. За

---

¹⁸³⁷ Губоно – губернский отдел народного образования.

¹⁸³⁸ *ad patres* – по-латински к отцам.

¹⁸³⁹ Гладков Фёдор Васильевич (1883-1958) – русский советский писатель, классик социалистического реализма. Автор производственного романа «Цемент» (1925) и др.

столом при выходе в завод сидел вахтёр. В заводе работали следующие цеха: мартеновский с литейным, сутуночный, листопрокатный с пархозом, электрический, листобойный, кузнечный и механический. Основными были так называемые горячие цеха: мартеновский, сутуночный и листопрокатный. Все процессы в этих цехах в большинстве случаев производились, как говорится, вручную. Так, на мартене завалка в печь материалов производилась при помощи подвесной лопаты руками двух-трёх рабочих; в сутуночном цехе рабочие, вооружённые длинными крючками, расправляли горячие полосы металла и оттягивали их к машине, которая резала их на стандартные сутунки. Особенно неприглядной была картина в листопрокатном цехе: здесь сутунки прокатывались в листы с «подмусориванием» (побрасывался древесный уголь), отчего рабочие задыхались в жаре и копоти и домой уходили с таким густым налётом окалины на лице, что светились только глаза. Душевых не было. Транспорт внутри завода был, главным образом, конный. Насколько патриархальными были порядки на заводе свидетельствуют, например, следующие картины, которые можно было тогда наблюдать: в литейный двор мартена иногда заходили блуждающие овцы; в канал, по которому спускалась через завод вода из пруда, ставили удочки, а иногда прямо из цеха кидались купаться. Больше было техники в механическом цехе, но всё оборудование было устарелым. Одним словом, во всём были видны следы дореволюционной отсталости, «демидовский» Урал. В таком виде предстал перед П. А. Верх-Исетский завод «Красная Кровля» в момент поступления его в школу ФЗУ.

Школа ФЗУ ВИЗа

1923-1924 (первая половина) гг.

Школы ФЗУ, как известно, были детищем комсомола: он был их шефом, идейным вдохновителем и организатором. В хозяйственном отношении они были подчинены предприятиям, на базе которых они организовывались. В методическом руководстве, в организации учебного процесса, в вопросе назначения учителей они подчинялись профобрам. И, наконец, в обеспечении учеников спецодеждой, в наблюдении за охраной труда они были на попечении соответствующих завкомов. В Екатеринбурге, нынешнем Свердловске, были следующие профтехнические школы типа ФЗУ: ВИЗовская, Ленинская (ткацкой фабрики им. Ленина), печатников (полиграфкусы), швейников, конторгуч (предприятий, контор) и механическая на бюджете горпрофобра. Как видно заметна была большая пестрота школ по их профессиональным уклонам.

ВИЗовская ФЗУ была открыта в 1922 г., следовательно, П. А. вступил в неё на другом году её существования. Школа помещалась в север[ной] части второго этажа конторы завода, где раньше, как говорили, помещался архив завода. Раньше здесь была одна большая комната, в которой настроили

деревянные перегородки из не особенно толстых досок, так что в каждой комнате, хотя не очень сильно, была слышна речь в другой комнате. Всего было образовано четыре комнаты; две из них были маленькие: одна для III класса и одна как учительская. Вешалка была на площадке у лестницы.

В школе было три класса: самым полнокровным был первый класс (35 человек), а малочисленным третий класс (9 чел[овек]), а всего в школе было около 70 человек учащихся. Было очень тесно, причём первый класс был даже проходным. То обстоятельство, что школа находилась в конторе и не была изолирована от последней (была, например, общая уборная), конечно, порождало разные трения со служащи[ми] конторы и во всяком случае не содействовало налаживанию дисциплины в школе: были жалобы на недисциплинированность учеников. Ученики были исключительно из семейств ВИЗовских рабочих, с низким образованием, за исключением учеников III кл[асса].; большинство из них имели подготовку за два-три класса. Они не были приучены к школьной дисциплине.

В школе на первых порах её существования ([19]23-24 гг.) проходились: русский яз[ык], география, математика, физика, черчение, элементы материаловедения и сопротивления материалов. На производстве ученики были распределены в механическом и кузнечном цехах и обучались на токарей, слесарей, кузнецов, два мальчика в модельном цехе обучались модельному делу. Несколько учеников учились на чертёжника в техническом бюро. Для обучения были приставлены к ним инструкторы. Школа не имела никаких предметов наглядного обучения: доска и мел были основными средствами обучения.

Кроме П. А., все остальные учителя работали по совместительству: они работали в конторе и были техниками. Зав[едующий] уч[ебной] частью и преподаватель математики – В. А. Половинкин – тоже работал в конторе секретарём АХО (административно-хозяйственный отдел). С высшим образованием были два преподавателя: П. А. и преподаватель физики – инженер-экономист С. И. Кутунов. Весной 1924 г. в школе горпрофобром был направлен ещё на преподавание математики М. М. Широков, кончивший Уральское техническое училище.

Заведующим школой был рабочий, по специальности токарь по металлу, Николай Дмитриевич Осокин. Он был выдвинут на эту работу партийной организацией завода. Что говорить о том, как необычно было для П. А. после директоров в гимназии и коммерческом училище – статских и действительных статских советников – видеть заведующим простого рабочего, видеть и переживать диктатуру пролетариата в действии. Но нужно сказать, что Н. Д. Осокин был исключительно тактичным и деликатным человеком, не в пример другим директорам высших учебных заведений позднейшей формации, которые за двойной дверью своего кабинета в коврах, утопая в мягком кресле, с холодным видом высокого чиновника небрежно развалившись, со столь же небрежным тоном спрашивали посетителя: «Что Вам?» Н. Д., очевидно, по поводу того, что П. А. учился в семинарии сказал:

«семинаристы хорошие учителя». Н. Д. также был заботливым в материальном обеспечении учителей. Часть зарплаты тогда выдавалась учителям наравне с рабочими натурой: на заводе была своя мельница и при ней склад. С этого склада учителя получали муку, рыбу-кету, кое-что из сладкого (конфетку) и кое-какую мануфактуру. Позднее на заводе были выпущены боны – денежные знаки местного назначения, и Н. Д. выдавал их учителям. Н. Д. имел какое-то техническое образование, может быть, самообразование и не был совершенно отсталым техничеески в вопросах теории, по крайней мере, настолько, чтобы разбираться в вопросах программы по специальным предметам; в вопросах производственного обучения он, вероятно, был даже сильнее преподавателей-техников. Сильную сторону его как заведующего школу составляло то, что он хорошо связан был с руководящими организациями завода, хорошо знал производство и многих заводских рабочих. Самым затруднительным для него было, конечно, руководство учебным процессом, а особенно то, что ему не на кого в этом деле было опереться: коллектив был в основном случайный, ученики пока что (вначале) не были организованы, а между тем по-новому нужно было организовать отношения между учителями и учениками. Был такой случай: учитель физики С. И. Кутунов предложил ученикам приветствовать его перед уроком вставанием. Когда об этом узнал Николай Димитриевич, то крайне раздражённый он пришёл в класс и категорически запретил это делать. В декабре 1923 г. был организован ученический комитет (учком) и после этого стала налаживаться школьная среда.

В частной жизни Н. Д. был общительным человеком. На вечеринках, редко устраиваемых, он был душой общества: возьмёт гармонь, развернёт её меха и, склонив голову на бок, запоёт: «В саду ягода малинка под прикрытием росла». Во второй половине 1924 г. его перевели на работу в горпрофобр.

1924 (вторая половина) и 1929 гг.

На смену Н. Д. Осокину был назначен Михаил Васильевич Чистяков. Он был тоже выдвинут партийной организацией завода. Он был совсем молодым – 22-23 лет, участник гражданской войны.

Школа была переведена в отдельное здание, со значительно бóльшей площадью. По-новому был поставлен вопрос о профиле подготавливаемых ею специальностей рабочих, а именно перед школой была поставлена в качестве основной задача – готовить рабочих «горячих» цехов – мартеновского и прокатных. Таким образом, в школе оказались налицо две школы: отмирающая, готовившая рабочих для подсобных цехов, и вновь созданная для подготовки рабочих «горячих» цехов.

Заводоуправление размахнулось ещё шире и дало школе задание охватить всю заводскую молодежь, включая и учеников на счетоводов. Стал

по-новому вопрос и о наборе в школу в «горячее ученичество»: возраст принимаемых был повышен до ... лет, резервы детей ВИЗовских рабочих были исчерпаны и наборы стали производиться с биржи труда. Таким образом, в школе появились не только подростки разных специальностей, но и разного возраста и с различным прошлым. Что касается подготовки токарей, слесарей, электромонтёров, то и учебные планы и программы по ним более или менее определились, но что касается подготовки в «горячие» цеха, то тут ничего не было готовым: мало того, было сказано: «не ждите – создавайте сами».

В составе преподавателей произошла полная перемена: старые все выбыли, влились новые – на половину учащаяся молодежь вузов, работавшая по совместительству. Появились люди новой специальности – обществоведы. В школе, как в цехе, была своя контора с бухгалтером и счетоводом, своя машинистка. Школа усиленно приобретала оборудование учебные пособия. Коллектив работников с инструкторами достигал до двадцати человек. В этот момент П. А. был назначен заведующим уч[ебной] частью. Вся работа по организации «горячего ученичества»: выработка учебного плана, программа теоретического и производственного обучения легла на комиссию из заведующих цехами: мартеновским – Н. П. Бояршинова, сутуночным – М. Н. Челищева и листопрокатным – Н. А. Лоцманова. Четвертым и главным членом комиссии был преподаватель спец-курсов школы – Филипп Иванович Рябов, а председательствовал зав[едующий] школой М. В. Чистяков. В комиссии обнаружились расхождения во взглядах на теоретическое обучение. Так, зав[едующий] листопрокатным цехом Н. А. Лоцманов, который афишировал себя изобретателем (нагревательных печей в листобойном цехе) определённо недооценивал значение теоретической подготовки и старался во всём её сузить. Хуже того, он даже ученикам в цехе говорил, что и не нужна, например, химия, и этим делал «медвежью услугу» преподавателю спецкурсов. Но, так или иначе, программы были выработаны и представлены в Главпрофобр, где были одобрены.

Блуждания по методическим «дебрям»

Что в старой, дореволюционной школе типа гимназий существовал шаблон преподавания – это бесспорно. Как велось обучение? Учитель объяснял (читай: рассказывал) новый урок; на некоторых уроках, например, по физике, химии демонстрировал опыты, потом указывал, где об этом прочесть по учебнику и давал задание – заучить. Редко, как некое чудачество, делалось вступление к замечанию, что нужно заучить урок, как это применял в этом случае преподаватель истории в Пермской мужской гимназии Иванов; после объяснения урока он спрашивал у учеников: «вы об этом раньше знали?» Они отвечали: «Нет». – «Ну, так теперь знайте» – заключал он.

Великая Октябрьская соц[иалистическая] революция смела всё старое, одряхлевшее, в том числе этот шаблон в преподавании. Пробуждены были творческие силы учителей: твори, дерзай! Выдвинута была новая идея – метода в работе. Важно не только – что преподавать, а ещё и как преподавать! От преподавателя требовалась не только программа, но и план урока и метод работы. В связи с этим появились: новая профессия – методист и новые учреждения – методические кабинеты. Твори, но в уме держи – нужно проверять себя, критиковать свои действия. Нельзя допустить, чтобы мысль сделалась рабом желания, увлечения, фантазии, иначе избранный тобою метод окажется порочным. Вот так и случилось со школами соцвоста, а именно: в какой-то момент критическое отношение к комплексному методу было ослаблено, и, в конце концов, работа по нему привела *ad absurdum*.¹⁸⁴⁰ Начали с правильного суждения о том, что предметы, вещи, события нами воспринимаются комплексно. Нельзя, например, думать, что в нашем мозгу есть отдельные точки, в которых М. В. Ломоносов представлен: в одной – как поэт, в другой – как химик, в третьей – как философ. А между тем обо всём о нём говорится в разных науках, в разных предметах. А нельзя ли все различные предметы уничтожить и оставить одни комплексы? Логично? Как будто – да! А вот посмотрим, как также логично подошел к некоему комплексу Вася Бирюков¹⁸⁴¹ по вопросу питания. Ему предложено было меню: гороховый суп, рисовая котлета и клюквенный кисель. Ход мысли: в желудке ведь это всё придёт в комплекс, *ergo* зачем направлять блюда по отдельности, нужно смешать в тарелке и проглотить в комплексе. Логично? Как будто – да!

И вот начались «танталовы муки» учителей с комплексами, чтобы стереть всякие грани между предметами. Потребовалось специальное постановление Центрального органа партии, чтобы поставить учебные предметы на прежнее место. Дана была установка: увязывай один предмет с другим, но предметы, как таковые, не шевели.

---

¹⁸⁴⁰ *ad absurdum* – по-латински к абсурду.

¹⁸⁴¹ Имеется в виду Бирюков Василий Павлович.

Нечто подобное произошло с дальтон-планом в школа[x] типа ФЗУ. Знали, что это «блюдо» иностранное, а именно: американское. Но тогда ещё не было борьбы с «преклонением перед Западом» и В. М. Молотов¹⁸⁴² ещё не сказал: «Нет ничего отвратительнее преклонения перед Западом». Тогда, наоборот, считали: «Америка передовая страна, демократия». И началось!

Теперь трудно припомнить, кто первый сказал «да», но если бы собрать сейчас всех деятелей того времени по школам ФЗУ и поставить перед ними этот вопрос, то заведующий тогда областным методическим кабинетом по этим школам Сергей Георгиевич Соничев, положив руку на сердце, мог бы сказать: не я ли, Господи? И это он сказал бы по принадлежности: ведь он именно тогда и руководил школами в этом отношении. Как распространялась идея дальтон-плана? По цепной реакции. Помните, как в «обществе» распространялась мысль о сумасшествии Чацкого? По этому же методу. Вот как это можно представить наглядно. Некто пришел в областной методический кабинет. Вопрос т[оварища] Соничева: «Слышали? На «Ленинке» перешли на дальтон-план. А как у вас?» - «Д...д...д, а, думаем, готовимся. Во всяком случае – не отстанем от других». Встретились двое: из учителей школ ФЗУ. Разговор: «Слышали? Ложкин, говорят, перешёл (читай: перевёл занятия) на занятия звеньями. А у вас как?» - «Д...д...д...а, думаем, готовимся. Во всяком случае – не отстанем от товарищей». На очередном методическом собрании ставится доклад об опыте. Признаётся, что учеников нужно приучать к коллективной работе, а это достигается при работе звеньями. Снова в кабинете Соничев: «Слышали? В конторгуче перешли на свободное расписание. А у вас как?» - «Д...д...а, думаем, готовимся, во всяком случае, не отстанем от товарищей». На очередном методическом собрании зачинатели делятся опытом: «На чём собственно основан переход на свободное расписание?» - «Ну, а как же? Вот, например, у вас стоит в расписании первым русский язык, а у кого-либо из учеников в это время желание заниматься физикой. Ведь ясно же, что занятия по желанию будут продуктивнее. Каждому по опыту это ясно». Итак, долой расписание! Да здравствует свободное расписание!

И вот... машинистки по школам развёртывают рулоны бумаги, режут на стандартные части и целый день печатают задания по всем предметам. Преподаватели разобрали вороха заданий. Начались уроки. Преподаватели сидят в кабинете. Ученики звеньями заходят в кабинеты, получают литературу и «коллективно» занимаются. В один час представители разных классов могут обратиться к преподавателю за разъяснением, а могут и не обратиться. Преподаватель наблюдает то за одним, то за другим звеном.... Всё стройно и благополучно. Настал день проверки: докладывает о работе звена «учинённый брат». Преподаватель принял работу звена.

---

¹⁸⁴² Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) – советский политический и государственный деятель. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР в 1930-1941 гг.

Дозволялось иногда применять и «обычные классные занятия», но это уже компромисс, и считалось, что это уже второй сорт.

Все были в тисках дальтон-плана, а мысль шла всё вперёд и вперёд. Летом [1936] г. т[оварищ] Соничев приехал из Москвы с новой установкой на метод проектов, но в этот именно момент и вышло постановление о комплексах в школах соцвоса. Всем было ясно, что это разорвалась цепь великая, которая ударила и по барину и по крестьянину. Прекратилась скачка по методам: методу проектов уже не суждено было увидеть свет.

На этом же кончилось и руководство П. А. учебной частью школы ФЗУ ВИЗа: он перешёл работать на курсы рабочих.¹⁸⁴³

---

¹⁸⁴³ В 1931 г.

Ученические организации в школе

Председателем учкома был выбран ученик III класса Соболев Пётр. Выбор был удачный. Он оказался очень толковым и энергичным руководителем. Комсомольской организацией завода ему была поручена работа с пионерами. Он подобрал для этого дельных ребят, как, например, Белоглазова Валентина и Медведева Виктора. Последний организовал ещё отряд «Синей блузы». В выходные дни школа наполнялась детскими голосами. В самой большой комнате школы была поставлена постоянная сцена. На ней очень часто выступали «синяблузники» и самодеятельный школьный драмкружок. Дирижёрами были ученики школы: Медведев и Романовский. Устраивались антирелигиозные вечера в дни больших религиозных праздников: Рождество и Пасху. Одной из форм антирелигиозной пропаганды были тогда инсценировки акафистов Карлу Марксу. Инсценировки эти были грубоватыми, но в те времена они не казались такими, а казались интересными. Однажды были организованы революционные «кстины» (крестины). В то время это была очень распространённая форма антирелигиозной пропаганды. Матери ребенка подносились подарки. Учком объявил о наречении новорожденного и произнёс речь с пожеланиями матери и новорожденному.

В школе аккуратно выходила стенгазета. Были номера выполненные художественно. Были свои поэты: Коля Сомов и Леонид Носов. Он писали стихи в подражание Безыменскому и Маяковскому. Носов на всю жизнь привязался к деятельности в газете и в последующее время работал в малолитражных заводских газетах. Кузнецов Пётр был прозаик и писал повесть, которая, однако, не была опубликована. Не обошлось и без любителей плагиата. Так, Тююшев Константин в стенгазету присылал за своей подписью даже стихи Пушкина, но был разоблачён.

В школе работал кружок НОТ (научная организация труда). Его создателем и руководителем был преподаватель этого предмета в школе – студент Уральского университета Николай Димитри[еви]ч Мехоношин, большой энтузиаст этого дела. Кружковцам выдавались карточки учёта времени, которые потом разбирались на собрании. Кружок, несомненно, имел воспитательное значение.

Н. Д. Мехоношин был также любителем коллективной декламации. Так, им была поставлена коллективная декламация «Левого марша» Маяковского. В школе существовал небольшой кружок эсперантистов.

Была широкая демократия. На общих собраниях широко критиковались преподаватели и заслуженно и по недоразумению. Так, был случай, когда ученик Телицын выступил с обвинением преподавателя химии Ф. И. Рябова в том, что он скрыл от учеников один химический знак. Когда его спросили: какой же именно знак? Он сказал: «Знак Зеро». Последовал гомерический хохот. В то время в кинотеатрах шёл фильм «Знак Зеро» и наивный юноша отнёс его к химическим знакам.

Вообще же отношения учеников, за исключением очень редких случаев, были корректными и дисциплина на занятиях много лучше, чем в школах соцвоса в последние годы.

Пятном на школе остались три случая самоубийств учеников школы: два случая уже по окончании школы, а один в момент обучения в ней. Первый случай – повесился выпускник 1925 г. Федя Пермяков на почве семейных неурядиц. Второй случай был очень странный и загадочный с Морозовым Иваном. Он был юноша высокого роста и могучего сложения. Учили его на кузнеца, и он по физическим данным соответствовал этой профессии. Его недостатком было слабое общее умственное развитие: теория ему давалась тяжело. Он был членом кружка НОТ, был очень аккуратный, исполнительный. Все его уважали и называли по имени и отчеству: Иван Тимофеевич. Избрали его после П. Соболева, окончившего в 1925 г., председателем учкома. Ему приходилось быть председателем собраний, руководить прениями, а он плохо разбирался в ходе прений и особенно был бессильным, когда нужно вести дело к резолюции. Он хорошо только усвоил один момент собрания, когда предлагалось принять проект резолюции за основу. Об этом он только и говорил. По окончании школы И. Т. зачислен был в штат кузнечного цеха кузнецом. Скоро стали замечать за ним странности, например: увидит он, что директор завода ходит по цехам, оставляет работу и присоединяется к нему – то ли для охраны его, то ли для наблюдения за ходом работы на заводе. Он стал резким в суждениях о ком-либо. Так, он о ЦК партии отзывался критически: «там только Сталин человек, а остальные «лапша» (последнее слово было его любимым). Как-то я его встретил и пригласил в школу. Он так ответил на это, что он, дескать, прийти придёт, но как ревизор. Наконец, удивила всех его выходка в деревне Палкиной, вблизи Свердловска. Летом он пришёл туда, вызвал руководителей деревни, разнёс их и ушел. Однажды он пришёл в контору по какому-то делу и при выходе из неё бросился под поезд.

Третьим самоубийцей был ученик Пермяков, которого готовили в прокатчики. Он был очень жизнерадостным. В школе его всегда можно было видеть поющим, танцующим. И вдруг приходит известие, что пришёл он домой (он был из рабочей среды), взял охотничье ружьё, зарядил, приставил дуло ко рту, ногой нажал на курок и... был таков. Оставил записку, в которой в туманных словах написал, что он убедился, что жизнь есть борьба и пришел к решению покончить с собой.

П. А. работал в школе ФЗУ по август 1931 г.

В 1924 г. он проходил курсы по переподготовке преподавателей в Екатеринбурге. Был делегатом от школы на съезде-конференции деятелей профтехнического образования в Москве.¹⁸⁴⁴

Работал заведующим фабрично-заводскими техническими курсами с 25/VIII 1931 г. по 17/IV 1932 г. и преподавателем сменного ВТУЗа на ВИЗе с 17/IV 1932 г. по 1/IX 1932 г.

Одновременно с работой в фабзавуче был преподавателем географии – на ВИЗовском отделении рабфака УПИ и металлургического техникума ВИЗа.

С 1/IX 1932 г. по 1/IX 1935 г. работал преподавателем русского языка, секретарём и библиотекарем в Вечернем коммунистическом университете при ВИЗе.

С 1/IX 1935 г. по 1/III 1936 г. работал преподавателем русского языка на производственно-технических курсах ВИЗа и с 23/III 1936 г. по январь 1939 г. на курсах мастеров соц[иалистического] труда ВИЗа.

Всего П. А. на ВИЗе проработал около шестнадцати лет во всех видах учебных учреждений его. За это время он познакомился со всеми руководящими работниками завода. Среди рабочих у него осталось много друзей, с которыми он встречается и до сих пор. Какие это прекрасные, сердечные люди! Его бывшие ученики по ФЗУ уже на пенсии. Многие погибли на войне. Некоторые получили высшее образование и теперь работают инженерами. Прошло много лет, а встречи с ними всегда сердечные, хорошие. Двоих заведующих школой ФЗУ – Н. Д. Осокина и М. В. Чистякова – уже нет в живых. Из учителей ФЗУ нет в живых Н. Д. Мехоношина, Н. А. Исупова. На пенсии Ф. И. Рябов. Профессором работает А. П. Зимин. Где то ещё работают М. М. Широков и З. М. Шулина. Нет в живых наших бухгалтеров – И. Н. Колясникова и М. Д. Брагина, но ещё здравствуют все три машинистки: И. Я. Кондинская, З. Д. Болотова и А. А. Кунгурова.

Все его ученики на курсах мастеров на пенсии. Многие или умерли, или погибли на войне.

Различные воспоминания остались от различных учебных учреждений. Вот, например, Комвуз. Естествознание (философию природы) читал профессор медицинского института Константин Павлович Ягодовский (в Свердловске был на положении высланного из Москвы). Какие приёмы он употреблял, чтобы сосредоточить внимание слушателей: то застучит кулаками по столу, то вдруг широко размахнёт рукой и быстро зашагает по комнате. Навсегда останутся в памяти собрания учителей русского языка в Комвузе (основном и в филиале). Увлечение теорией Марра.¹⁸⁴⁵ Горячие

---

¹⁸⁴⁴ В 1928 г.

¹⁸⁴⁵ Марр Николай Яковлевич (1864-1934) – российский и советский востоковед, филолог, историк, этнограф и археолог, создатель «яфетической теории».

споры! Соревнование в изучении теории. Нет теперь в живых П. И. Нестерова, ... Маркачёва. Где-то на пенсии И. В. Кисментьев.

Грустные, к сожалению, воспоминания связаны с курсами мастеров соц[иалистического] труда. Нет в живых директоров: Г. Г. Колобаева и Василия Захаровича [Зыкова]. Последний убит в боях за Халхин-Гол. Дикий случай с преподавательницей математики Раисой Ивановной Васильевой, которая позднее, работая где-то в другом учебном заведении, повесилась! Всё её преследовали какие-то призраки и вот финал. Говорили, что было увлечение каким-то женатым человеком... и борьба мотивов. Была цветущая девица, правда, на пути к бальзаковскому возрасту.

Ещё более дикие случаи с учившимися на курсах мастеров соц[иалистического] труда. Никулин – резчик из крупносортного цеха. Скромный, деликатный, на редкость спокойный... и вот... убил жену и трёх детей. Нашёл себе «другую»... Жил уже отдельно от семьи. «Та» подбивала не платить алиментов. Решил развязаться. С работы ночью пришёл в домик, где жила семья (дом был собственный) и зарубил. На суде рассказывал, что девочка побольше, когда увидела, что он зарубил мать, ещё сказала: «папка, что ты делаешь?» и.... Чтобы скрыть убийство, решил сжечь домик, выпустил из домика собачку (пожалел), облил трупы и внутренности дома керосином и зажёл, но дело было зимой, изба была в снегу и пожар не удался: соседи скоро заметили и потушили пожар...

Жданова – контролёр. Был кружок друзей: Жданова, её подружки... и молодой рабочий из листопрокатного цеха... Друзья жили дружно, иногда устраивали вечеринки, выпивали. И вот однажды подруга возьми и скажи, что она думает купить дом и что у неё уже есть и деньги на покупку дома. И с этого момента в кружок вошёл ещё один член – дьявол. И вот... однажды, как всегда гуляли, выпивали. У подружки была дочь – девочка 6-7 лет. Её отвели к соседям, завели патефон и совершили. Труп убрали в ящик дивана. По плану было намечено, что молодой человек утром возьмёт девочку у соседей и утопит в проруби, но в том момент, когда он явился за девочкой, то встретил уже представителя от МВД. Жданова вышла на работу, но сообразив, что дело идёт не по намеченному плану, отпросилась домой и скрылась, но была поймана.

Суд проводила ученица П. А. по юридическому ин[ститу]-ту А. Г. Соколова (заочница, член обл[астного] суда). Узнавши, что Жданова – ученица П. А., она пригласила его на суд. И вот на суде учитель и ученица были на расстоянии 2-3 метров. Взоры встретились.... Когда Жданову спросили, почему она вилкой выкорявила глаза у убитой, она спокойно (она всё время была спокойной) сказала: «говорят, в глазах убитых остаётся отпечаток»...

Ждановой было 22-23 г. Училась она хорошо. Суд постановил: расстрелять Жданову. Тоже – Никулина.

Р.С. Работа на ВИЗе была для П. А. хорошей школой. В детстве он хорошо узнал жизнь крестьян, их быт. От этого времени у него осталось много знакомых и друзей в деревне. О рабочих он ничего не знал. Знал только из песни: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Теперь он узнал и жизнь рабочих, их быт, работу. П. А. вспоминает об этом периоде своей жизни с удовлетворением.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 121-136 об.

VERCH-ISETSK près EKATERINBOURG

H. Farnier et Cie, Nancy

1190

1192

Верх-Исетский бульвар. 1927 г.

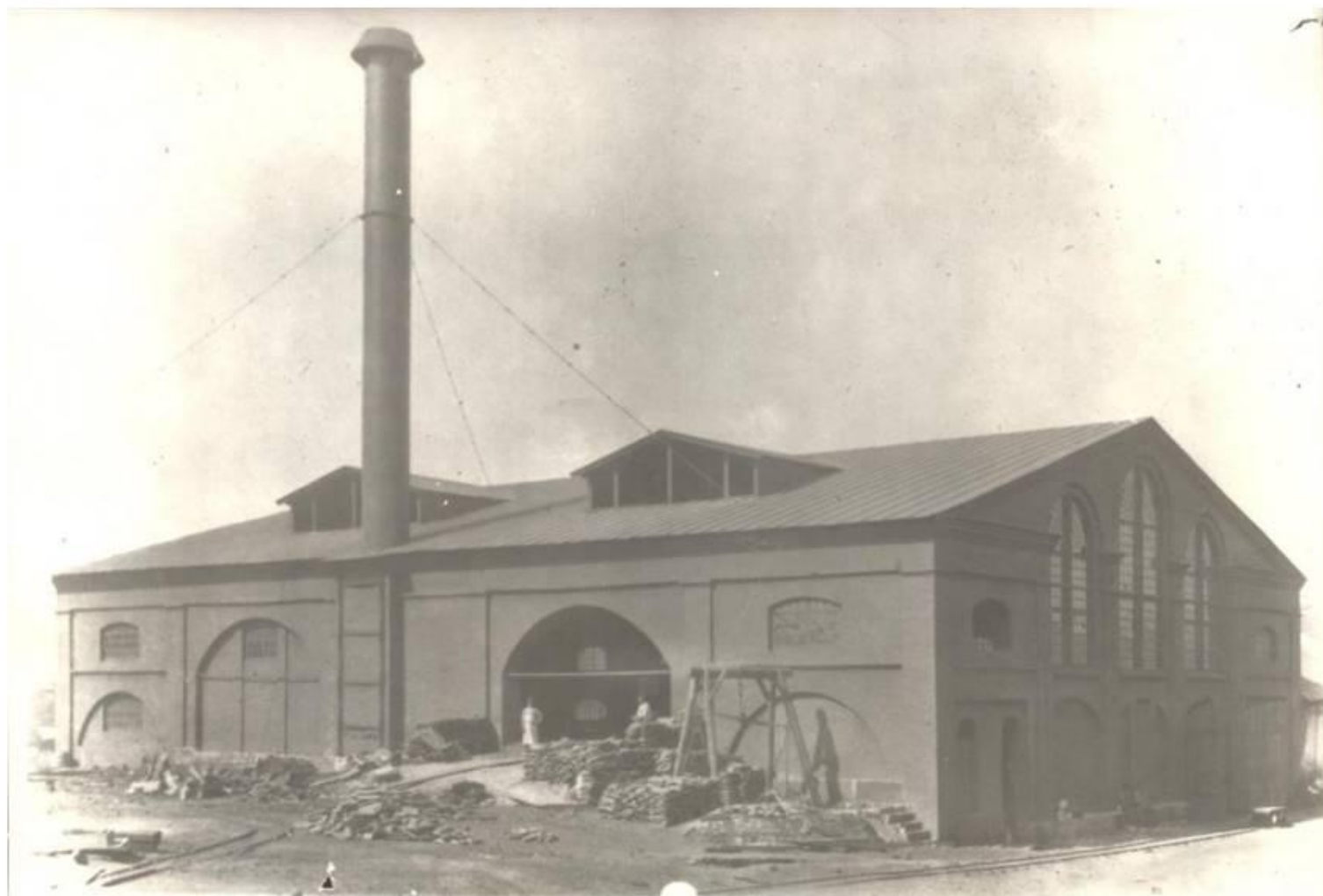
1194

1196

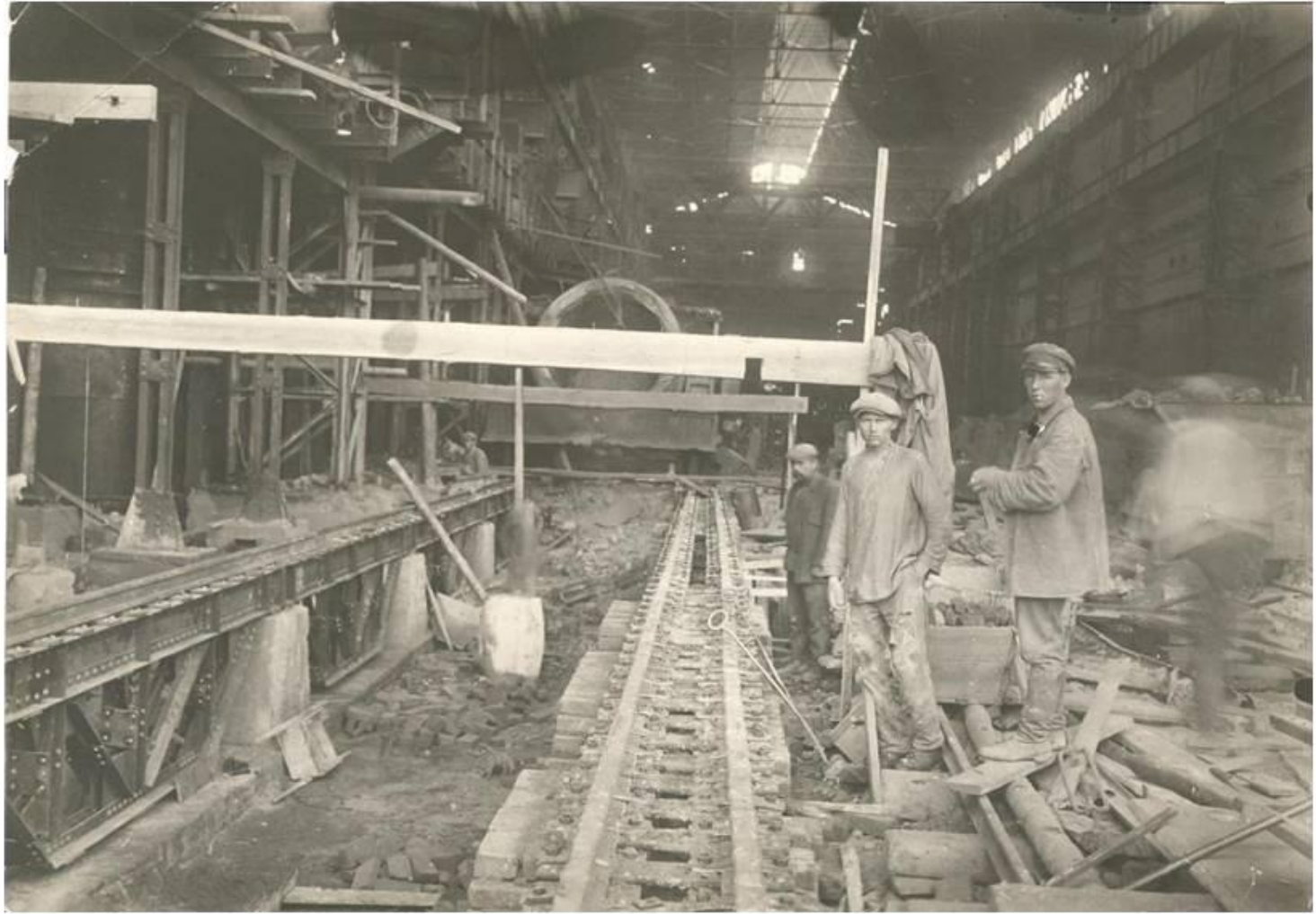

Мартеновский цех.

1197

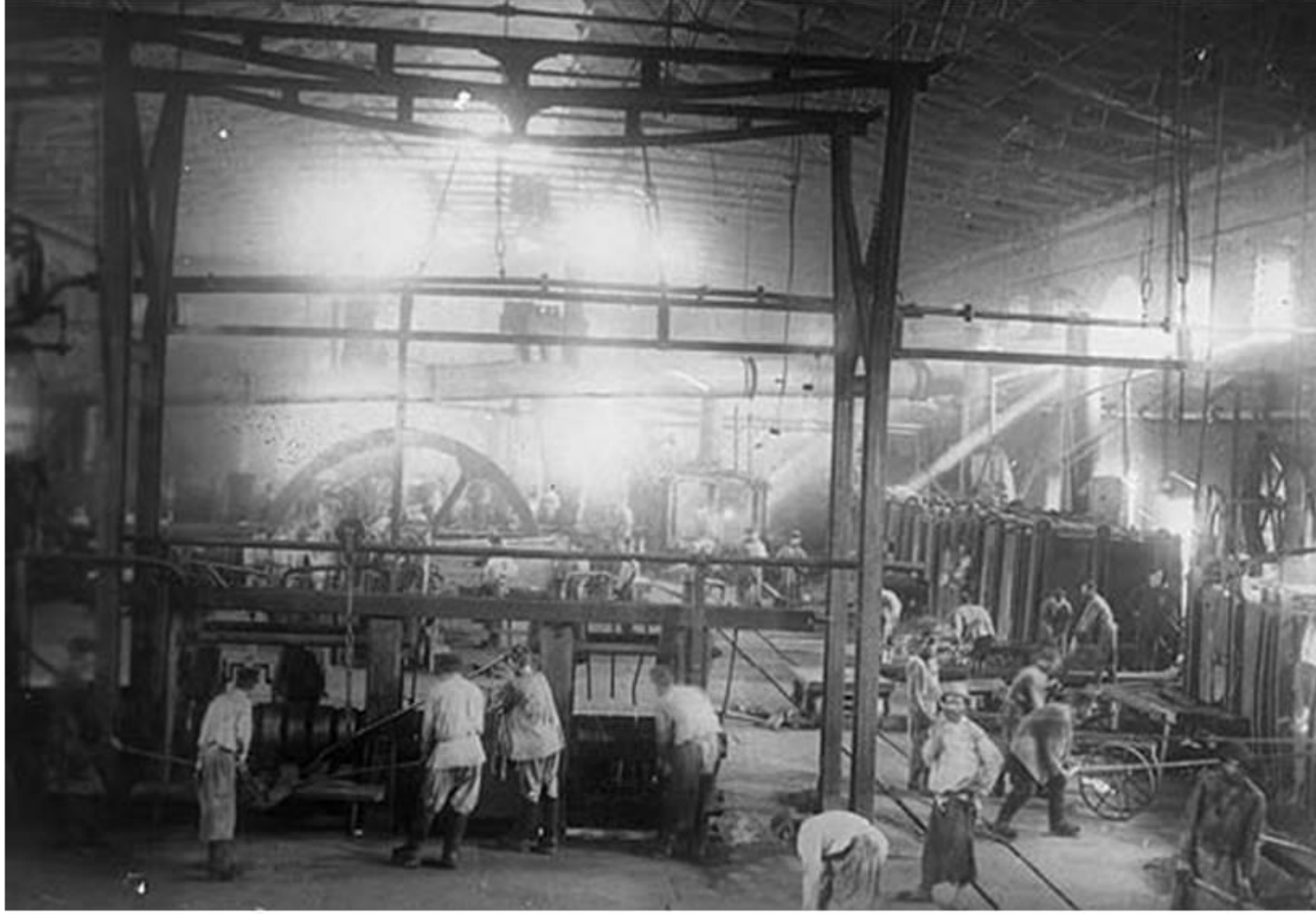

Листобойный цех.

Сталеплавильный цех. 1928 г.

1199

Строительство мартеновской печи № 2. 1928 г.

Новые дома рабочих Верх-Исетского завода.

В. А. Игнатъев (в центре) с учениками школы ФЗУ ВИЗа в мартеповском цехе (1923-1927).
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 5.

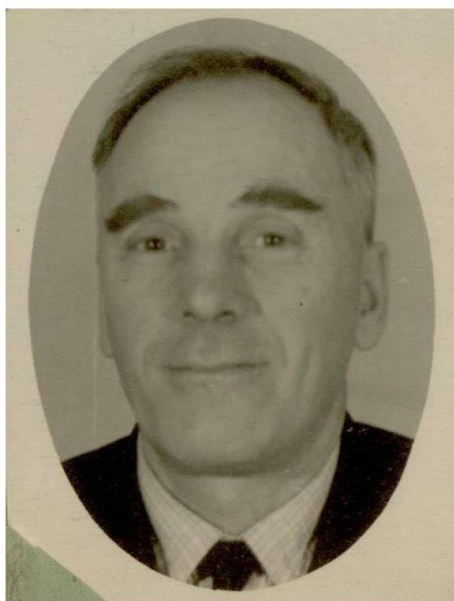
В. А. Игнатъев (в центре) с участниками вечера-встречи выпускников школы ФЗУ ВИЗа (17 февраля 1962 г.).
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 397. Л. 13а.

Сидят (слева направо):

1. Петухов Павел Васильевич, (б[ывший] зав[едующий] школой).
2. Рябов Филипп Иванович, (преп[одаватель] физики, химии и спецпредметов).
3. Широков Михаил Мих[айлович], (преп[одаватель] матем[атики]).
4. Игнатъев В. А.
5. Болотова Зоя Димитр[иевна], (б[ывшая] маш[инист]-ка.
6. Её муж.
7. Китин Н. (б[ывший] ученик ФЗУ, техник аэропорта).

Стоят (слева направо):

1. Жуков Г. [И.]
2. Галкин Дим[итрий], б[ывший] уч[еник].
3. Хайдуков В. И., б[ывший] уч[еник].
4. Буяров, б[ывший] уч[еник].
5. Соболев П. А, б[ывший] уч[еник].
6. Козловский Н. И., б[ывший] уч[еник].
7. Вишняков [С.], б[ывший] уч[еник].
8. Розанцев [Н. А.], б[ывший] инст[руктор].
9. Пильников В. С., б[ывший] уч[еник].

Соболев Пётр Алексеевич, первый председатель учкома ФЗУ ВИЗа в 1923-1925 гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 375. Л. 133.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть VIII.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СВЕРДЛОВСКИХ ИНСТИТУТАХ
(1939-1956)**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VIII. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СВЕРДЛОВСКИХ ИНСТИТУТАХ (1938-1956)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. А. ИКОННИКОВА В СВЕРДЛОВСКИХ ИН[СТИТУ]-ТАХ

1938-1956 гг.

[1960-1961 гг.]

Осенью 1938 г. П. А. Иконников перешёл на работу в высшие учебные заведения Свердловска преподавателем латинского языка.

[Свердловский государственный] медицинский институт

В медицинском институте в 1938 г. было три преподавателя латинского языка: Иван Николаевич Мезенцев, работавший в институте с момента его организации; Павел Александрович Липин, перешедший в институт после ликвидации рабфака мед[ицинского] института, где он работал зав[едующим] уч[ебной] частью и преподавателем латинского языка, и П. А. Последние двое были «академики».

Старейшим по положению – *honoris causa*¹⁸⁴⁶ - был Иван Нилович, он и осуществлял руководство занятиями латинским языком. В смысле территориальном, т. е. в смысле площади для занятий латинским языком, он был «на задворках» и на положении кукушки: отдельных комнат для него не было и он на положении бедного родственника блуждал по разным комнатам, вплоть до препараторской.

Что говорить, кому бы хотелось иметь таких родственников и, конечно, сопротивлялись. Больше всего недовольства было у уборщиц: им за дополнительную уборку ничего не платили. Только приказ директора, да и то иногда ещё со спорами, открывал двери комнаты, в которой кто-либо из латинистов должен был заниматься. Конечно, хозяйева комнат смотрели на них, как на гостей в субботу! Каждый приём распределялся по 18-ти группам, и, таким образом, «на брата» приходилось по шести групп по 30-35

---

¹⁸⁴⁶ *honoris causa* – по-латински почётный.

человек в группе. Сначала на изучение латинского языка отводилось по учебному плану что-то около 100 часов, а потом снизили до 78-80 часов.

Собственно название «латинский язык» было громким для медицинского института, а вернее было бы этот предмет назвать медицинская или врачебная латынь. Что изучалось на уроках латинского языка? Склонения существительных и прилагательных, глагол только в *praesens*¹⁸⁴⁷, немного числительных и наречий – вот и всё. Конечно, и А. С. Пушкин, когда сказал, что «мы все учились понемногу – чему-нибудь и как-нибудь», имел в виду большой объём «латыни», которая при нём уже была «на в моде». Перед преподавателями латинского языка в медицинском институте ставилась задача: приучить студентов к терминологии, главным образом, по анатомии; научить читать и писать рецепты: кое-что сделать для изучения фармакологии. И вот на занятиях переводились: *angulus costae*¹⁸⁴⁸, *ulcus duodeni*¹⁸⁴⁹ *et cetera*.¹⁸⁵⁰ Учебник по латинскому языку в первой редакции только и состоял из набора таких выражений и только во второй редакции (проф[ессора] Боголепова¹⁸⁵¹) снабжён был различными статьями из медицинских наук, в том числе из Цельса¹⁸⁵²: чтение рецептов – это, как выразился поэт [А. С. Пушкин – ред.], было «предел души моей желанный», ход королём. На них преподаватели латинского языка старались убедить студентов в необходимости изучать латинский язык. К этому, т. е. к убеждению приходилось часто прибегать, но часто в глазах агитируемых можно было прочесть: «милые вы люди и, как видно, патриоты латинского языка, но и мы тоже не менее милые люди», *ergo*¹⁸⁵³... Самое же главное, опираясь на рецепты, чтобы убедить студентов в необходимости изучать латинский язык (читай – грамматику), преподаватели попадали в явное положение *contradiction in adiecto*.¹⁸⁵⁴ На это и их ловили студенты. Они говорили: «вот вы говорите, что нужно знать склонения существительных для рецептуры, но неужели вы думаете, что мы будем писать слова в рецептах полностью. Сами же вы учите писать рецептурные термины сокращённо. Вот смотрите образцы рецептов в учебнике». Что ещё можно сказать: их логика не опровержима. Конечно, преподаватели старались «сдабривать», как говорится, переводы разными пословицами, например: «*Sana mens in corpore sano*»¹⁸⁵⁵ и т. д., даже каламбурами, например: «*Anicum cognoscimus amore, more, ore, re*»¹⁸⁵⁶; даже загадками, например: «*Mitto tibi*

¹⁸⁴⁷ *praesens* – по-латински в настоящем времени.

¹⁸⁴⁸ *angulus costae* – по-латински угол рёбер.

¹⁸⁴⁹ *ulcus duodeni* – по-латински язва двенадцатиперстной кишки.

¹⁸⁵⁰ *et cetera* – по-латински и так далее.

¹⁸⁵¹ Боголепов В. М. «Латинский язык. Учебник». Медгиз, 1950.

¹⁸⁵² Цельс – римский философ-платоник второй половины II века.

¹⁸⁵³ *ergo* – по-латински тогда.

¹⁸⁵⁴ *contradiction in adiecto* – по-латински противоречие в определении.

¹⁸⁵⁵ *Sana mens in corpore sano* – по-латински «В здоровом теле – здоровый дух».

¹⁸⁵⁶ *Anicum cognoscimus amore, more, ore, re* – по-латински «Друг познаётся по любви, нраву, лицу, деянию».

*navem, rostrum puppique non habentem*¹⁸⁵⁷. Пётр Алексеевич имел однажды удовольствие убедиться, как плодотворны были подобного рода переводы. Было так: сдавала экзамен студентка с датской фамилией – Готде-Грот. Всё ответила блестяще, и когда он взял зачётную книжку, чтобы поставить *quinque*¹⁸⁵⁸, вдруг она заулыбалась и говорит: «Позвольте мне прочитать на память вот это» и сказала: «*Amicum cognoscimus...*» Ну, это же было умиление! Вот когда можно было сказать: «Умри, Денис!»¹⁸⁵⁹ Или вспомнить лермонтовское: «тогда смиряется души моей тревога»...¹⁸⁶⁰ Но это были редкие случаи.

Как относились к латинскому языку те, изучение которого было им «на потребу», т. е. профессора, преподаватели? Заведующий кафедрой анатомии, он же декан, Николай Павлович Александров¹⁸⁶¹, «в минуты жизни трудные» приходил на помощь учителям. Высокого роста, седой, как лунь, с лицом пепельного цвета и голосом «шляпинской» силы, он иногда устраивал со студентами беседы «о значении изучения латинского языка». Он говорил, сам себя слушал и смотрел, какое впечатление его речь производит на студентов и учителей. «Они» (первые) в этом случае не решались выступать в защиту, ссылаясь на строение рецептов. Никогда не забудет Пётр Алексеевич случая, как бывший ранее заведующим кафедрой физиологии, а в тот момент зав[едующий] уч[ебной] частью, в настоящее время член медицинской академии – Василий Васильевич Парин¹⁸⁶² вызвал к себе в

---

¹⁸⁵⁷ *Mitto tibi navem, rostrum puppique non habentem* – по-латински «Посылаю тебе корабль без носа и кормы».

¹⁸⁵⁸ *quinque* – по-латински пять.

¹⁸⁵⁹ «Умри, Денис, лучше не напишешь» - слова, приписываемые Григорию Потёмкину, которые, как считается, были сказаны им Денису Фонвизину после премьеры его пьесы «Недоросль» 24 сентября 1782 года. Фраза стала крылатой и служит для одобрения чьего-либо успеха. Существует множество вариантов этой фразы от наиболее пространного «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего уже не пиши: имя твоё бессмертно будет по этой одной пьесе» до самого краткого: «Умри, Денис...».

¹⁸⁶⁰ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...»

¹⁸⁶¹ Александров Николай Павлович – декан педиатрического факультета Свердловского государственного медицинского института в 1940-1941 гг.

¹⁸⁶² Парин Василий Васильевич (1903-1971) – советский физиолог, академик Академии наук СССР (1966) и Академии медицинских наук СССР (1944). Окончил медицинский факультет Пермского государственного университета в 1925 г. Преподаватель Пермского государственного университета в 1927-1932 гг., профессор, заведующий кафедрой физиологии и декан биологического факультета Пермского индустриально-педагогического института в 1931-1933 гг., заведующий кафедрой физиологии, декан лечебного факультета, директор Свердловского медицинского института в 1933-1941 гг., профессор, заведующий кафедрой нормальной физиологии и директор 1-го Московского медицинского института им. И. М. Сеченова в 1941-1943 гг. Заместитель наркома здравоохранения СССР в 1942-1945 гг. Академик-секретарь в 1944-1947, 1955-1963 гг., вице-президент в 1963-1966 гг. Академии медицинских наук СССР. Директор Института нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук СССР в 1960-1965 гг. Директор Института медико-биологических проблем Минздрава СССР в 1965-

кабинет всю тройку латинистов и просил их продиктовать студентам следующее выражение:

Multa sunt, quae scimus,
Plura sunt, quae divinamus,
*Plurima sunt, quae ignoramus.*¹⁸⁶³

П. А. не только в том только единственным случае, когда переданы были эти слова, но во всех случаях и во всех учебных учреждениях, где он преподавал латинский язык, свято соблюдал завет В. В. Парина и когда приходилось проходить неправильные степени сравнения прилагательного *multus*, диктовал это продолжение с указанием, что оно должно быть девизом в их жизни: двигаться в науке от «*divimus*» (гипотезы) к раскрытию тайны того, «*quae ignoramus*» (работать на науку). Через 18 лет после первой записи этого выражения в медицинском институте (1942 г.) П. А. встретил свою бывшую ученицу (в 1960 г.) во второй городской больнице Свердловска и она (Бересенёва) прочитала ему это выражение. Что сказать по этому поводу? Что может быть лучшей наградой в жизни учителю, как увидеть, что труды его не пропали даром.

Началась война... и жизнь сразу же изменилась. Уже в августе «латинисты» Липин и Игнатъев¹⁸⁶⁴ со студентами были направлены на Московский торфяник на сушку и уборку торфа. Первого сентября начались занятия, по 20-го те же «латинисты» со студентами и другими учителями были направлены в Сысертский район на уборку урожая. Занятия по латинскому яз[ыку] из главного корпуса перенесены были во второй корпус, где не было центрального отопления. Комендант здания более всего боялся за лягушек, которые были в подвале и отеплял его. Печи топили хозяева лабораторий для себя, а так как у «латинистов» не было своих комнат, а они были на иждивении, то было так: с утра они замерзали в чужих комнатах, а к концу их занятий хозяева начинали топить печи для себя. Питание сокращалось и сокращалось. Был случай, что П. А. встретился в столовой, где давалось дополнительное питание (УДП) со своей студенткой Мокеевой, и она подложила ему на стол маленький кусочек хлеба. Начинили припухать ноги. Что делать?

1969 гг. Заведующий Лабораторией проблем управления функциями организма человека и животных Академии наук СССР в 1969-1971 гг.

¹⁸⁶³ По-латински «Есть много вещей, которые мы знаем, Есть несколько вещей, божественных, которые мы не знаем».

¹⁸⁶⁴ Здесь автор отошёл от своего псевдонима.

Уход «во страну далече»

В марте 1943 г., когда П. А. подал заявление об уходе заведующему учебной частью института проф[ессору] Пунину (был эвакуирован из Смоленска) он с укором ему сказал: «Хорошенькое дело: старший преподаватель вуза уходит в какие-то сторожа». П. А. промолчал, но в глазах у него уже рябило и ноги подкашивались. ... Профессор имел неплохое снабжение питанием. Как это сказано: «Сытый голодного не разумеет».

«Хождение по мукам» на ВИЗе

У П. А. было много его учеников, ответственных работников, к которым он пришёл и чистосердечно сказал: «Ребята, я голодаю». Один из них, начальник цеха № 1 Борис Иванович Всехвальных¹⁸⁶⁵ назначил его чернорабочим цеха, а завком его откомандировал на Московский тракт в контрольную будку контролёром по вывозке дров. В будке было четыре контролёра: два от лесничества и два от завкома ВИЗа, одним из которых был П. А. Работа заключалась в надзоре за вывозкой дров из лесничества. Дежурили по двое сутками. Один из контролёров от лесничества тоже был ученик П. А. и, принося на будку пол литра молока (у него была корова) подливал П. А. в чай. Однажды ночью в будку приехала какая-то партия геологоразведчиков и попросила разрешение позавтракать в будке. У них были банки с консервами – молоком, мясом – как видно, в достаточном количестве и от их взоров не ускользнуло, какой завистью смотрели на них дежурные контролёры, поэтому, уходя, они оставили в банках понемногу консервов. Как только они вышли из будки, Варвара Артемьевна (контролёр от лесничества) предложила П. А. делить остатки... и они поделили. Ночами было дежурить жутко и опасно, к тому же будка кишела от клопов.

В начале мая П. А. направили завхозом и зав[едующим] складом в пионер-лагерь в деревню Крутиху. Работа была беспокойная, и ноги у него стали ещё больше опухать, пришлось от работы отказаться. Помнится, как однажды в лагерь пришла его жена – Анна Фридриховна и сказала: «Я больше не могу». По возвращении в город он случайно встретился с одним знакомым ВИЗовским инженером и он предложил ему работу сторожем на огороде служащих заводоуправления с условием оплаты труда частично картофелем. Он принял предложение. Его товарищем по работе был старичок Смирнов, а дежурили они по суткам. Лето было дождливое. Были случаи, что сторожей на огороде убивали. П. А. спасало только то, что по близости жил один его ученик, в избушку которого он заходил погреться. В тёмные ночи П. А. давал выстрел в небо из бельгийского ружья «Лепаж», чтобы показать, что он бдит, а сам уходил на веранду дома своего ученика. С дежурства приходилось возвращаться под дождём босым через весь посёлок ВИЗа. На

---

¹⁸⁶⁵ Всехвальных Борис Иванович (1911-1965).

дежурство приходила Анна Фридриховна с хлебом и каким-либо варевом. Иногда товарищ по работе – старик Смирнов приносил ботву от моркови и говорил: «Это тебе мая старуха посылает – свари с чем-либо суп».

19-го сентября ночью П. А. с женой дежурили в будке, около которой стояли мешки с картошкой. Сидели они у двери стеной к выходу: приходи, руби головы и забирай картошку. Кругом глушь. ... Дома в отдалении.

20/IX пришла машина за картошкой. Поздно при луне П. А. с женой возвращались домой. Заработок составил полтонны картошки, которой питались до февраля.

Затем назначили П. А. десятником на склад топлива. Нужно было ходить по цехам, проверять в бункерах запасы каменного угля и направлять вагончики с ним по цехам. Кроме того, нужно было получать уголь, дрова и отпускать их. В тёмную ночь П. А. шагал по рельсам в цеха, кругом гудки...

В октябре отделу кадров было поставлено на вид, что на заводе работает человек не по своей квалификации и П. А. был сделан намёк: пора уходить.

[Свердловский государственный] юридический институт

Когда П. А. передал свою трудовую книжку с последней записью: работал десятником, там сначала затрудились сформулировать в приказе, кого же принимают в старшие преподаватели латинского языка, но потом обошли последнюю работу и просто записали: назначить (имярек) старшим преподавателем латинского языка.

В юридическом институте было два основных преподавателя латинского языка: Григорий Соломонович Зельдович (из провизоров) и П. А. По-урочно занимался иногда Иван Нилович Мезенцев. Назначение латинского языка было главным образом обслуживать только что введённое в план юрид[ических] институтов «Римское право». Читать лекции по «Римскому праву» был направлен из лагеря ссыльных правая рука Миллюкова – Александр Маркович Винавер.¹⁸⁶⁶ Он и стал направлять учебную деятельность латинистов – Зельдовича и Иконникова. Он старался сузить задачи изучения латинского яз[ыка] в институте только изучением юридических терминов. Он так и говорил: «оставьте грамматику, вот вам список таких-то терминов, переведите их студентам и скажите, что бы они их заучили». Ясно было, что профессор делал «передержку», утрировал задачу изучения языка и ставил преподавателей в нелепое положение. К этому времени вышел новый учебник латинского яз[ыка], составленный бригадой авторов в составе В. И. Громова, М. М. Марковича и В. П. Глики (Юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1941 г.). В соответствии с программой и учебником занятия в юридическом институте уже более походили на латинский язык, чем в медицинском ин[ституте]-те. Проходилась, например, синтаксис: *ablativus absolutus, accusativus cum infinitivus*, предложения с *ut, cum* и *si*, не говоря уже о таких грамматических формах, как *gerundium* и *gerundivum*. Преподавателям пришлось изучать юридическую терминологию, в чём им очень помог А. М. Винавер. С ним, однако, не пришлось долго работать по сложившимся для него неблагоприятным событиям, которые, очевидно, содействовали его смерти. Он был очень требовательный на экзаменах и имел старую привычку вызывать на экзамен по нескольку раз. Он читал ещё лекции по гражданскому праву заочникам, которые, узнав о его требовательности, насторожились и заявили директору заочного юридического ин[ститута]-та М. М. Любавскому о том, что будто бы он на лекции сказал, что на Западе лучше поставлено юридическое дело, чем в СССР. Сообщили об этом в МВД. Винавер отрицал это. Назначена была целая комиссия по

---

¹⁸⁶⁶ Винавер Александр Маркович (1883-1947) – российский и советский юрист, правовед, специалист по римскому и гражданскому праву. В 1940 г. был осуждён к лишению свободы на срок 8 лет по обвинению в участии в «антисоветской кадетской организации». В 1944 г. был освобождён по состоянию здоровья и служил профессором кафедры гражданского права и процесса Свердловского государственного юридического института.

расследованию этого дела. Решение было вынесено такое: Винавера отстранить от работы в заочном отделении, а в стационаре – оставить за ним только «Римское право». Старика это, конечно, расстроило. У зав[едующего] учебной частью института проф[ессора] Б. Б. Черепяхина¹⁸⁶⁷ в скором времени после этого инцидента было семейное торжество: свадьба его единственной дочери. Винавер жил в институте вблизи квартиры Черепяхина и «зван был на пир». Выпивали. Выпил и он «единую» и перед ним стояла ещё вторая, но вдруг он сказал: «Мне что-то неловко... и был «там». Когда пришли студенты, чтобы перенести покойника в его квартиру, то они застали его сидевшим в кресле и перед ним стояла «вторая». Вспомнилось пушкинское: «Блажен, кто чашу жизни не допил до конца». На похороны из Москвы приезжала жена – нестарая женщина, как говорили, из «бывших высоких». Летом же перед этим (он умер зимой) у него гостили дети: девочка 13 лет и мальчик 8 л[ет]. Умер А. М. Винавер 65 л[ет]. Предполагалось, что через год должна была кончиться его ссылка, и он должен был вернуться в Москву.

На следующий год лекцию по «Римскому праву» читал проф[ессор] Б. Б. Черепяхин. Студенты у П. А. делали даже небольшие переводы из «*Corpus iuris civilis*». ¹⁸⁶⁸ Проф[ессор] Черепяхин очень поддерживал усилия П. А. по внедрению в головы студентов знаний по латинскому яз[ыку]. Так, на экзаменах, если кто-либо плохо отвечал, то он делал замечание: «Вы, как видно, плохо занимались и по латинскому языку»... Контакт выражался и в том, что П. А. со студентами делал переводы по заданию проф[ессора] Черепяхина. Такого контакта со специальными курсами у П. А. дальше ни в одном институте не было. В годы работы в юридическом ин[ституте]-те П. А. временно по совместительству работал один год в педагогическом ин[ституте]-те и три года в сельско-хозяйственном ин[ституте]-те на ветеринарном факультете. До отмены карточек и денежной реформы жилось тяжело.

Осенью 1949 г. латинский язык и «Римское право» были сняты в юридическом институте, и П. А. перешёл на работу старшим преподавателем латинского языка в педагогический институт иностранных языков.

---

¹⁸⁶⁷ Черепяхин Борис Борисович (1894-1969) – советский правовед, специалист по гражданскому праву, доктор юридических наук (1945), профессор. В 1920-1922 гг. преподавал в Пермском государственном университете. В 1939-1952 гг. работал в Свердловском государственном юридическом институте профессором кафедры гражданского права и одновременно в 1943-1952 гг. заместителем директора по научной работе. Профессор кафедры гражданского права Ленинградского государственного юридического института в 1952-1954 гг. Декан юридического факультета Ленинградского государственного университета в 1954-1957 гг.

¹⁸⁶⁸ «*Corpus iuris civilis*» - современное название свода римского гражданского права, составленного в 529-534 гг. при византийском императоре Юстиниане Великом. Известен также под названиями «Свод Юстиниана» или «Кодификация Юстиниана».

[Свердловский государственный] педагогический институт иноязыков

В этом институте было три преподавателя латинского языка: Пётр Иванович Глебов в группах, изучающих французский язык; Ричард Осипович Элледер¹⁸⁶⁹ – в группах, изучающих английский яз[ык] и П. А. – в группах, изучающих английский и немецкий язык[и]. Это была пора увлечения теорией Марра. Первоначально уроки латинского языка были и на первом и на втором курсах, что-то около 150 часов, но потом они всё сжимались и сжимались и оставлены были только на первом курсе. Изучение латинского языка в ин[ститу]те иностранных языков имело целью дать историческую перспективу развития языков и направлено было в адрес истории того или иного языка, но преподаватели этих языков упорно не хотели этого делать, так что латинский язык остался в этом институте пятым колесом у телеги.

Вновь в медицинском институте

21/IX 1952 г. Пётр Алексеевич вновь возвратился в медицинский ин[ститу]т, который был рядом с его квартирой, и вышел на пенсию с 1/X 1956 г.

Таким образом П. А. в высших учебных заведениях Свердловска проработал 18 лет. Везде у него осталось много друзей и знакомых, как со стороны преподавателей, так и студентов.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 88-96 об.

---

¹⁸⁶⁹ Элледер Ричард Осипович (1888-?) – советский дипломат. В 1923-1924 гг. внештатный уполномоченный, в 1924-1925 гг. вице-консул Народного комиссариата по иностранным делам СССР в г. Шанхане (Китай).

ПРИЁМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В ВУЗАХ СВЕРДЛОВСКА

В [19]40-[19]50 ГГ.

(Из воспоминаний П. А. Иконникова)

Преподаватели латинского языка Свердловского государственного медицинского института по основной своей специальности были словесники и поэтому, когда возникал вопрос о составе комиссии экзаменаторов по русскому языку и литературе для поступающих в институт, считалось, что первыми, так сказать, присяжными членами этой комиссии, конечно, добровольно должны быть латинисты института. Таким образом, и Пётр Алексеевич Иконников, сделавшись преподавателем латинского языка мединститута, *volens-nolens*¹⁸⁷⁰ стал входить в состав экзаменаторов для поступающих в институт. Бессменным председателем этой комиссии *ante mortem*¹⁸⁷¹ был Иван Нилович Мезенцев, старший преподаватель латинского языка в мед[ицинском] институте.¹⁸⁷² Первый раз П. А. производил приёмные экзамены в мед[ицинский] институт в 1939 г., а впоследствии, примерно в течение десяти лет, Иван Нилович, если можно так выразиться, брал подряды на проведение экзаменов, кроме мед[ицинского] института, в юридических – очном и заочном – институтах, а так как П. А. с октября 1943 г. работал в последних институтах, то Иван Нилович даже не спрашивал его – согласен он, или не согласен принять участие в экзаменах, а просто объявлял ему: «П. А., я Вас записал»... Это не было насилием со стороны Ивана Ниловича. Боже, упаси! Это было, так сказать, высшим проявлением между ними солидарности и контракта, выработанными годами совместной работы.

Иван Нилович, как председатель комиссии представлял директору института, по должности являвшемуся председателем всей экзаменационной и приёмной комиссии, проект тем сочинений на экзаменах, билеты и информировал о ходе подготовки к экзаменам. Он же выяснял и договаривался о вознаграждении за проведение экзаменов. Нужно сказать, что в последнем вопросе И. Н. был человеком опытным и крепким, так что прочие члены комиссии ему в этом отношении доверяли вполне.

Во время войны для регулирования приёма во все высшие учебные заведения Свердловска из Министерства нар[одного] просвещения приезжали особые уполномоченные, и поставлен был вопрос об унификации тем сочинений и билетов на экзаменах для всех институтов. Эта работа была проделана особой комиссией, и были отпечатаны и разосланы единые темы и билеты. Этот порядок, однако, не нравился и просуществовал не долго – два года.

---

¹⁸⁷⁰ *volens-nolens* – по-латински волей-неволей.

¹⁸⁷¹ *ante mortem* – по-латински до смерти.

¹⁸⁷² До 1954 г.

Экзамены проводились в два потока: с 1-го августа по 10-е – первый, и с 10-го августа по 20-е – второй. Год с годом количество поступающих увеличивалось, а так как время было военное, то главным образом в институты поступали девушки. К концу войны и после её окончания были предоставлены льготы для демобилизованных, и только тогда состав поступающих стал по признаку пола примерно выравниваться: один к одному. П. А., как и другие экзаменаторы по русскому языку и литературе был свидетелем безусловного прогресса у абитуриентов школ в грамотности, навыке излагать мысли и просто во внешнем оформлении работ. После окончания экзаменов от комиссии словесников требовалось всегда дать заключение о положительных и отрицательных сторонах ответов на экзаменах. Обычно комиссия отмечала следующие недостатки:

в сочинениях:

- а) много писалось не на тему. В этом отношении были сочинения «головастики». В них 2/3 или даже 3/4 сочинения составляло вступление, а 1/3 или 1/4 ответ на тему. В школах приучали писать сочинения «протяжённо сложенные». Это был модный стиль.
- б) в сочинениях было много трафарета: скрупулёзно передавался учебник,
- в) слог сочинений был иногда превыспренный», с большим злоупотреблением иностранными словами кстати и некстати.
- г) иногда в сочинениях было много ложного пафоса.

Однажды П. А. попалось интересное сочинение поступающего в юридический институт. Оно было построено оригинально: автор взял стихотворение Лермонтова и перелицевал его так: заменил отдельные слова другими применительно к современности, оставив всё лермонтовское. Например: у Лермонтова: «Печально я гляжу на наше поколенье»... у автора сочинения: «С надеждой я гляжу» и т. д. И так автор всё стихотворение Лермонтова «Дума» перелицевал на свой лад. На вопрос П. А.: почему он так сделал, автор отвечал: «нас так учил преподаватель».

Когда давались темы для сочинений, то поступающие были уверены, что одна из них будет о Маяковском, и на эту именно тему были всегда самые пухлые сочинения. Когда раздавались листы для работы, можно было спросить: «Вы о Маяковском пишете? Берите сразу пять-шесть листов». Что было особенно приятно отметить в сочинениях, то это то, что в школах, очевидно, стали следить за каллиграфией и внешним оформлением сочинений.

В устных ответах отмечалось:

- а) трафаретный язык (учебник).
- б) игнорирование заучивания стихотворений. В билете стоит: И. А. Крылов. Спрашиваешь: «Можете прочитать какую-либо басню наизусть». Ответ: нет! Не значило ли это: говорить по поводу Крылова, минуя самого Крылова. Тоже с Пушкиным.
- в) в ответах иногда проглядывали потуги философствования не по силам. Например, когда шла речь о Гамлете и его эпохе.

В ответах по грамматике из года в год отмечалось не чётко понимание причастий и деепричастий.

Но, несмотря на всё это, прогресс несомненно был большой по сравнению с теми печальной памяти временами, когда в школах «царили» комплексы, а учителя мучились с ними «в поте лица».

Какими критериями пользовались экзаменаторы по русскому языку и литературе?

Прежде всего, принималось как *conditio sine qua non*¹⁸⁷³ – грамотность. Безграмотных карали. Вот только не либерально ли? В остальном распределяли по шкале: 3, 4, 5. Пятёрками не баловали.

Нельзя не упомянуть о некоторых эпизодах на экзаменах, досадных, но имевших место.

В юбилейный пушкинский год (1949 г. – сто пятидесятилетие со дня рождения) в одном из экзаменационных билетов в юридическом институте значилась биография А. С. Пушкина. За исключением, вероятно, немногих дней в течение двух-трёх месяцев газеты писали о Пушкине. Казалось, как можно бы не знать главнейших эпизодов из жизни Пушкина, а вот нашлась одна поступающая в институт, которая не знала биографии его. Фамилия у ней была Елькина. П. А. теперь не помнит, из какой она школы. Началось с того, что она всё исказила из событий ссылки Пушкина на юг. П. А. терпеливо слушал и, наконец, задал вопрос: при каких обстоятельствах умер Пушкин. Ответ: «Пушкин умер от туберкулёза». Тут П. А. не сдержался, быстро взял экзаменационный лист Елькиной и передал ей со словами: «Идите и больше не показывайтесь на глаза». Однако, в его памяти сохранился наружный вид Елькиной: рост чуть повыше обычного среднего, шатенка, с правильными чертами лица. Тогда же П. А. заметил не далеко сидевшему от него Ивану Ниловичу: «И. Н! Вы слышали: Пушкин умер от туберкулёза». Дня через два после этого, в воскресенье, когда П. А. явился на экзамен, в коридоре его встретила девушка и отрекомендовалась: «Я та самая, которая сказала не правильно о смерти Пушкина. Мне разрешено пересдать Вам экзамен». Пересдача экзаменов это было молчаливо допускаемое беззаконие. П. А. попросил предъявить письменное разрешение на пересдачу, которого у просительницы не оказалось».¹⁸⁷⁴ Она, однако, упорно наступала на П. А. с требованием о пересдаче, мотивируя срочность тем, что она получила телеграмму о смерти бабушки и тем, что у ней в кармане билет на проезд по железной дороге на похороны. П. А., однако, отказался экзаменовать, и девушка ушла и в этот день больше не являлась. П. А. обратил внимание на то, что внешний вид последней как будто не соответствует тому, что он видел раньше: теперь с ним разговаривала брюнетка и ростом как-будто ниже. Но поскольку экзамен не состоялся, он

---

¹⁸⁷³ *conditio sine qua non* – по-латински условие, без которого не.

¹⁸⁷⁴ «Он просил её подождать прихода ответственного секретаря и взять у него письменное разрешение». (Примеч. автора).

не стал больше вникать с детали и сравнивать первую Елькину со второй Елькиной.

Когда П. А. через два дня пришёл опять на экзамен, его встретил Иван Нилович со словами: «П. А., сегодня на экзамене у меня произошёл странный случай: пришла «та», предъявила разрешение на пересдачу, подготовилась и стала отвечать. Я совсем уже подготовился поставить четвёрку, но вдруг появилось сомнение и я сказал: зайдёте в приёмную комиссию. Здесь сравнили карточку на экзаменационном листке с карточкой на анкете, и оказалось, что личности были различные». Дальше события развёртывались следующим образом: кто-то из присутствовавших в приёмной комнате студентов института в шутку сказал: «арестовать», и тут началось нечто невероятное: мнимая Елькина впала в истерику и начала рваться и метаться... успокоилась, ушла. Что же оказалось? Сама она благополучно сдала экзамен в политехнический ин[ститут]-т и пришла «спасать» подругу, но неудачно. Поступок её напомнил что-то из прошлого. Что же? Да, так делали раньше студенты-юристы, когда нужно было сдавать «Римское право».

Не менее интересным был второй случай и опять-таки в юридическом институте. Когда П. А. подходил к ин[ституту]-ту на экзамен по сочинению, к ин[ституту]-ту стремительно подкатила легковая машина, из которой быстро выпрыгнул сидевший рядом с шофёром молодой человек, подошёл к дверке, широким размахом открыл дверку, и из машины вышла девушка, крикливо одетая и сильно подкрашенная. Если бы молодой человек при этом ещё сказал: «Вы свободны», мы имели бы картину из «Дубровского» А. С. Пушкина. П. А. никак не думал, что это событие, т. е. пышный приезд «феи» имеет какое-то отношение к экзамену по сочинению, но оказалось, что это была прелюдия к экзамену.

Вход в комнату на экзамен сопровождался тем, что отбирались экзаменационные листки, но иногда напор был так силён, что некоторым лицам удавалось прорваться и без передачи листка. Так случилось и в данном случае. Когда все приступили к работе, экзаменаторы подсчитали количество листков и количество присутствующих. Оказалось, что среди пишущих кто-то не сдал экзаменационного листка. На неоднократное обращение экзаменаторов к пишущим о том, что кто-то не сдал листка и предупреждением о том, что работа без наличия листка не будет принята, следовало гробовое молчание. Что за наваждение? Стали присматриваться к присутствующим и обратили внимание на одну парочку, сидящую близко от выходной двери. Спросили у молодого человека его фамилию и карточку, и оказалось, что он и есть тот... «Дубровский». Их вывели. Началось следствие. ... «Она» была вторично допущена в зал для выполнения письменной работы, а «ему» было сказано покинуть здание. Опять и это событие напомнило что-то из прошлого. Что же? Это была вариация того, как на экзамене по сочинению на аттестат зрелости сидящий у окна юноша тянул на ниточке подвешенное сочинение с тем различием, что автор

сочинения решил лично явиться на экзамен, написать сочинение, пересдать его, а потом «выйти покурить» и был таков.

Проведение вступительных экзаменов было тяжёлой операцией для словесников и требовало большой выносливости. С ним были связаны бессонные ночи. Самым тяжелым моментом в этом случае было то, что нужно было срочно просматривать громадное количество сочинений: они должны быть уже просмотрены к первому устному экзамену.

Некоторым облегчением при чтении сочинений было то, что сочинения были трафаретными. Напряжение сил, которое словесникам приходилось вкладывать при проведении экзаменов в течение двадцати дней, соответствовало месяцу, а, может быть, и больше нормальной учебной нагрузки. Количество поступающих в высшие учебные заведения с каждым годом возрастало.

Жертвой перегрузки на этих экзаменах оказался Иван Нилович Мезенцев. В 1951 году наплыв экзаменующихся оказался особенно большим, а «подряд» был взят в трёх учебных заведениях: в медицинском институте и двух юридических. Он явно переоценил свои силы. В августе с начала месяца стояла жаркая погода, а Иван Нилович страдал гипертонией. Он приходил иногда на экзамен в таком виде, что его летняя лёгкая, белая тужурка на половину была мокрой от пота. Несколько минут ему нужно было на то, чтобы уравновесить дыхание. 21/VIII Пётр Алексеевич и Иван Нилович производили последний экзамен в медицинском институте. Разговор шёл на тему подведения итогов экзаменов. Говорили об одном и том же и одно и то же, но Иван Нилович, обычно уравновешенный и спокойный, горячился, спорил. ... На следующий день П. А. узнал, что Иван Нилович уже в клинике профессора Шефера. Выяснилось, что у него было лёгкое кровоизлияние в мозг. Человек, привыкший работать по 10-12 ч[асов] в сутки, оказался под запрещением работать. В течение зимы время от времени ему разрешалось давать уроки и в этом случае он всегда оповещал П. А.: «скоро вступаю в строй». У Ивана Ниловича были три сына и одна дочь, и все они были врачи. Но... законы природы пока что не все изучены и покорены. Говорили, что его сын Леонид иногда «спускал» кровь, вскрывал вену, но в последний раз было уже поздно. Ему было 59 лет.

В институте он работал лет 15-ть. Не было публикации об его кончине. Через четыре года после его смерти также скончался бывший после него заведующим кафедрой латинского яз[ыка] Н. В. Бунаков. Институт даже не дал машины на похороны. Они не имели учёной степени, а умерли, когда без этого трудно было быть заслуживающим внимания, полноценным.

В «Литературной газете» за 21/I 1961 г. в № 10 помещена статья под заголовком «Это крайне тревожно», которая перенесла автора сего к тем отдалённым временам, о которых ему рассказывал П. А., а именно, когда П. А. производил приёмные испытания в Свердловские вузы. Тогда шла борьба за грамотность поступающих в вузы. И вот что сказано в этой статье. «С 1958 г. в Ростовском гос[ударственном] университете проводится ежегодно

проверка грамотности студентов всех факультетов. ... Из студентов первого курса», - говорится дальше в статье - ... в прошлом учебном году неудовлетворительно написали 270; из 490 студентов тоже первого курса, принявших участие в контрольной работе в нынешнем уч. г., неудовлетворительно написали – 320» (*sic!*).

«Контрольные диктанты, трудность которых не превышала обычных требований средней школы» - так указано в статье. «Таковы печальные факты. Они говорят о том, что большинству своих выпускников школа не даёт знаний орфографии и пунктуации, твёрдых навыков правописания. Культура речи у большинства поступающих в университет также крайне низка» (из статьи). Автор сего недоумевает: что это? Рецидив? Возврат к отдалённым временам, о которых уважаемый нами Пётр Алексеевич говорил, как уже совершившийся в *plusquamperfectum*? Что бы сказал по этому поводу покойный Иван Нилович? Регресс?

Нет! Очевидно, мы так-таки и дожили до того времени, что о грамотности нужно говорить в полный голос, без скидки на то или другое, без всякого либерализма, в чём как-будто бы признавался и Пётр Алексеевич в своих воспоминаниях о приёмных экзаменах в вузы Свердловска.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 147-154 об.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СВЕРДЛОВСКОМ ФИЛИАЛЕ ВЮЗИ

(ВСЕСОЮЗНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАОЧНЫЙ ИНСТИТУТ)

(Из воспоминаний П. А. Иконникова)

Если бы кто-либо – будь он учёным лингвистом, или средним интеллигентом, или, наконец, из тех, кого называют «простые люди» – спросил П. А., преподавателя латинского языка Свердловского филиала Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), что означает слово «проблема», как конкретно и осязательно можно представить содержание этого понятия, то он сказал бы: «прииди и виждь» и ознакомил бы его со своей работой в филиале ВЮЗИ. Известно, что И. А. Крылов, наш знаменитый баснописец, изучил греческий язык в возрасте 64 лет, чтобы в оригинале читать басни Эзопа. Это говорит о том, что изучению иностранных языков, как и любви, «все возрасты покорны», но нельзя, конечно, учесть и того, что И. А. Крылов был *homo-unicus* и распространять его опыт на всех едва ли было бы правильным. В конце концов дело в данном случае не только в возрасте, но и в других условиях бытия, в том числе в условиях и особенностях той или иной эпохи.

Каков был состав заочников Свердловского филиала ВЮЗИ?

Состав заочников был очень пёстрым и по возрасту и по общетеоретической подготовке. Считалось, что деятели Фемиды – прокуроры, следователи, судьи – все без исключения должны быть охвачены заочным юридическим образованием, но кадры их укомплектовывались через выдвижение, при этом прежде всего учитывалась политическая настроенность выдвижаемого, а меньше его общеобразовательная подготовка. Таким образом, получились кадры юристов-практиков, но во многих случаях с недостаточным общим образованием. Для последних были организованы школы заочного обучения в объёме десятилеток. Первоначально в филиалы ВЮЗИ принимались даже люди, не имеющие практического опыта на юридическом поприще, юноши, не попавшие по конкурсу в стационар, а также изгнанники из стационара. Были, например, такие случаи. В стационаре учились два брата Шелковкины на одном курсе. Старший, человек широкой натуры, «проштрафился», был уволен и обосновался в филиале ВЮЗИ. Здесь он стал стремительно сдавать экзамены по всем предметам и через год оказался на третьем курсе, в то время, как брат его перешёл на второй курс. Последний после второго курса тоже перешёл в заочное отделение с тем, чтобы третий и четвёртый курсы пройти за год. Ещё интереснее поступил один юноша, который после месяца обучения в стационаре перешёл на заочное отделение и за полтора года сдал экзамены за институт, но его постигла неудача в том, что как раз к этому времени дано было из центра указание не допускать к государственным экзаменам студентов, не имеющих четырёхлетнего стажа обучения. В дальнейшем

доступ для лиц, не связанных с профессией юриста был закрыт, но зато расширен был контингент обучающихся в ВЮЗИ за счёт охвата всех работников МВД и МГБ, работников нотариата и юрист-консульства. Радиус действия Свердловского филиала ВЮЗИ был очень большой: в Свердловск приезжали из Казахстана, Коми АС[С]Р, а один студент был из Владивостока. В число студентов филиала входили полковники, подполковники, майоры и юристы разных категорий. Значительное количество составляли женщины. Среди других выделялись люди свободной профессии-адвокаты: они изысканно одевались и имели более джельтменский вид.

Сессии проводились два раза в году: одна считалась установочной, а другая экзаменационной. Некоторые из студентов предпочитали сдавать экзамены и во время установочной сессии, так сказать, «с пылу горячих».

Все студенты были очень загружены на своей работе, и поэтому учение для них вообще было сложной проблемой, а по таким предметам, как иностранный язык или латинский яз[ык] тем более. На установочной лекции на латинский язык отводилось 8-10 лекционных часов, из них 2-3 часа на инструктивные указания к контрольной работе. На руки они получали небольшие конспекты по грамматике языка и контрольные тексты. В лучшем положении оказывались городские заочники, п[отому] что дня них устраивались дополнительные занятия, так называемые, очно-заочные группы. Наиболее же массовые группы заочников устраивали занятия в своих учреждениях, например, при МВД, МГБ и ревтрибунале, причём в некоторых случаях за оплату из своего счёта. Наконец, были даже персональные занятия, например, с областным военным прокурором. П. А. удалось, таким образом, побывать в различных учреждениях города, где были заочники-юристы. Самым замечательным было посещение областного управления МВД, которое находилось в бывшей гостинице Атаманова, памятной ему по 1909 г., когда он был в ней проездом.

Уже в начале статьи указано на то, что преподавание латинского языка заочникам являлось проблемой, а из дальнейшего видно, в чём заключалась проблема. Преподаватель латинского языка был поставлен в такие условия, что мог преподнести своим ученикам только «взгляд и нечно» по языку. Рассчитывать на то, что студенты самостоятельно изучат язык *a la* И. А. Крылов, это значило бы обресть себя заведомо на «*pia desideria*».¹⁸⁷⁵ «Души желанным пределом» было: научить прочитать латинский термин в «Римском праве», найти его в словаре и прочитать значение по-русски. В контрольной работе – суметь сделать элементарный грамматический разбор текста. Вот это-то в заочном юридическом ин[ститу]-те и нашло громкое название: «Латинский язык».

Студенты были смелыми людьми. Если их о чём-либо спросить, они избегали говорить «нет». Например, чтобы показать, как правильно нужно

---

¹⁸⁷⁵ *pia desideria* – по-латински благопожелания.

прочитать, П. А. зачитывал им статью, а они следили: «*In iure, in iudicio*».¹⁸⁷⁶ По окончании спрашивал: «понятно?» Они отвечали: «понятно, только требуется Ваш перевод». Достопочтенный Кузьма Прутков, вероятно, не отказался бы принять такие слова в состав своих афоризмов типа: «Необъятное не объять», или «Зри в корень!»

На сессиях бывали интересные встречи. Так, владивостокский заочник поведал о том, как совершенно случайно он не был зарыт в братскую могилу под Ленинградом: случайно один из санитаров заметил у него признаки жизни. Этот заочник после такого случая потерял память.

На одной сессии П. А. встретил одну женщину-следователя, которая переехала на Урал из Белоруссии – из города Слуцка. Она рассказала ему много печального о знакомых, которых он оставил в Слуцке, и о самом городе. По её словам от Слуцка остались одни развалины. На одну из сессий летом прибыли салдинские (завод Верхняя Салда) прокуроры *in corpore*¹⁸⁷⁷, причём помощником прокурора оказался тенор-певец, который раньше учился в консерватории в Одессе. Об этом прежде всего, как и полагалось, узнали заочницы, и в перерывах между занятиями он всё распевал «Сердце красавиц». П. А. обещал ему на следующей сессии научить его петь арию герцога на итальянском языке. Памятуя об этом обещании, П. А. ждал встречи с певцом на следующей сессии, но его не оказалось; когда же он поинтересовался, почему нет певца, ему сказали, что салдинские прокуроры *in corpore* «посажены». *Sic transit gloria mundi!*¹⁸⁷⁸

За время работы П. А. преподавателем латинского языка в Свердловском филиале ВЮЗИ было только два студента, которые изучали латинский язык во всём его объёме: они готовились в аспирантуру.

Основной костяк преподавателей в филиале составляли профессора и учителя очного юридического факультета. Из медицинского института работали два профессора: по судебной медицине и психиатрии. Очень оригинальный способ проверки знаний на экзаменах применял профессор Устинов по судебной медицине. Он, прежде всего, спрашивал: был ли явившийся на экзамен на войне, имел ли ранения, и в случае положительного ответа без спрашивания проставлял оценку. Главным недостатком в филиале было, конечно, отсутствие подходящего помещения: две-три маленькие комнаты едва вмещали шкафы с документами и литературой. Не чётко работал технический аппарат, благодаря чему карточки учёта не всегда были в порядке.

За время своего существования филиал сделал многое. В самом Свердловске все юридические работники прошли через филиал и получили высшее юридическое образование.

При проведении одной сессии решено было проверить грамотность юридических работников и Петру Алексеевичу предложено было провести

---

¹⁸⁷⁶ Две стадии рассмотрения судебного спора.

¹⁸⁷⁷ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

¹⁸⁷⁸ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

диктовку. Диктовка показала в общем неблагополучие с грамотностью у большинства заочников и им было предложено пройти переподготовку, но дело это не было доведено до конца.

Студенты заочники были практиками, и в этом было их главное преимущество перед студентами стационара, но последние имели безусловно лучшую общеобразовательную подготовку. Самым слабым местом в заочном обучении было изучение иностранного и латинского языков. Это осталось неразрешённой проблемой.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 723. Л. 155-159 об.

«СТРАНСТВИЯ» С ЛАТИНСКИМ ЯЗЫКОМ ПО ВУЗАМ СВЕРДЛОВСКА

[1965 г.]

Волею Октябрьской соц[иалистической] революции латинский язык был низвергнут с того пьедестала, на который он был поставлен в дореволюционное время в мужских гимназиях. Около него и преподавателей его скопилось столько злобы, сколько разве было только около буквы «ять», про которую так и говорили, что она была расстреляна вместе с Николаем II-ым. Однако, у латинского языка было несколько другое положение, чем, скажем, у букв: «ять», «фиты» и «ижицы»: за него была традиция интернационального характера, как это было и есть в медицине, а, кроме того, он оставил такие «родимые пятна» в живых иностранных языках, что естественно рождалась мысль о необходимости его изучения для лучшего понимания и усвоения последних, важность изучения которых не подвергалась сомнению. Но, *volens-nolens*¹⁸⁷⁹, авторитет его был так или иначе подорван, и теперь приходилось уже прибегать к целой системе убеждений, чтобы перебороть предубеждение против него и настроить умы людей, обречённых на его изучение в сторону сознания необходимости его изучения в различных случаях жизни. В этом сказалось своеобразие изучения этого языка в системе других предметов.

Кроме того, своеобразное положение этого предмета сказалось ещё в том, что теперь сузился круг знатоков того предмета, могущих вести преподавание его, потому что старики уходили со сцены, а молодые не появлялись, и задача преподавания его ложилась на остатки стариков, не дошедших ещё до черты, за которой следовала дряхлость. Естественно, поэтому, что на них, этих последних, пала значительная доля нагрузки преподавания латинского языка, что видно будет из дальнейшего повествования на взятую автором сего тему.

Мои странствования с латинским языком по вузам Свердловска, которые можно было бы назвать Одиссеей, начались с осени 1938 г. и закончились осенью 1956 г., т. е. продолжались восемнадцать лет, причём отправным пунктом был медицинский институт.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 1-5.

---

¹⁸⁷⁹ *volens-nolens* – по-латински волей-неволей.

Свердловский государственный медицинский институт

Задачи преподавания латинского языка в институте и внутренние противоречия при изучении его.

Две основные задачи ставятся перед преподавателем латинского яз[ыка] в медицинском институте:

а) научить студентов пользоваться научной латинской терминологией, т. е. научить их грамотно прочесть какой-либо термин и уяснить лексические особенности его строения;

б) научить их пользоваться латинским языком для составления рецептов.

Студенты нынешних медицинских институтов в части изучения латинского языка находятся, примерно, в таком же отношении к нему, в каком до революции находились абитуриенты реальных училищ, желающие поступить на медицинский факультет университетов. Как разрешался у них вопрос с изучением языка? Они его изучали самостоятельно, пользуясь услугами платного репетитора или услугами знакомых и родных. Они изучали латинский яз[ык] в объёме, необходимом для перевода со словарём «*De bello Gallico*» Ю[лия] Цезаря и сдавали экзамен при поступлении в университет. Изучение языка в этом случае не было подчинено узкой задаче изучения самой латинской терминологии и тем более – изучению рецептов, какая задача ставится сейчас. При такой постановке дела в институте изучается вовсе не латинский язык, а медицинская латынь, причём в условиях исключительно схоластических. В самом деле, что может быть более уродливым, абстрактным изучением языка, как изучение слов в отрыве от конкретного содержания их, в отрыве от предмета, к которому они относятся, как наименования его, а получается именно так. Латинский язык, правда, изучается на первом курсе одновременно с анатомией, но не согласовано с ней, да это согласование и нельзя установить по причине различия системы изучения языка и системы анатомии. Преподаватель латинского языка знакомит студента с термином «*musculus rectus*»¹⁸⁸⁰, или «*musculus obliquus*»¹⁸⁸¹ в тот момент, когда на занятиях по анатомии до них ещё не дошли, но бывают случаи, что тот или иной термин на занятиях по анатомии встретился раньше, чем он, как лексическая форма, стал известен студентам на занятиях латинским языком.

Ещё разительнее это противоречие чувствуется при изучении рецептов. Фармакологию студенты изучают на втором курсе, а с рецептами будут иметь дело ещё позднее, а преподаватель латинского языка «изучает» рецепты уже на первом курсе. Не походит ли это «изучение» на писание вилами на воде? А от преподавателя латинского языка требуют, чтобы он «изучал» и термины и рецепты.

---

¹⁸⁸⁰ *musculus rectus* – по-латински прямая мышца.

¹⁸⁸¹ *musculus obliquus* – по-латински косая мышца.

Неубедительным для студентов является и объём изучения языка. Чтобы как-то назвать предмет латинским языком, в институте изучаются полностью склонения имён существительных и прилагательных, спряжение глаголов только в *praesens indicativi activi et passivi*, степени сравнения прилагательных, *pronomina*¹⁸⁸², как «взгляд и нечто», тоже *adverbial et coniunctiones numeralia*¹⁸⁸³, т. е. по-Пушкину: «чему-нибудь» и «как-нибудь». А что требуется от латинского языка, от знания его, если подойти к нему с той узкой меркой, с которой подходят к нему, как к «латинской медицинской кухне»? Термины обычно даются в одной грамматической форме: *casus nominativus n. singularis*¹⁸⁸⁴, и для изучения их вовсе не нужно мучить студентов изучением склонений.

В рецептах фигурирует родительный падеж существительных и только. Конъюнктивные формы встречаются только в глаголах: *detur, signetur, fiat*.

Самым же любопытным является изучение принципов сокращения слов и самих слов для употребления их в рецептах. Не означает ли это – «сидеть на сучке и подрубать его под собой»? Каким козырем это является студентам для доказательства ими ненужности мелочного изучения склонений. Они так и заявляют: «неужели Вы думаете, что я буду полностью писать слова в рецептах, когда мне дано право употреблять их в сокращённой форме?»

В кругу таких противоречий преподаватель латинского языка и ведёт борьбу со студентами за изучения «латинского языка». И это иногда приобретает форму настоящей борьбы. Бывало, в помощь преподавателю латинского языка проводил специальные собрания с речью о необходимости изучения его сам зав[едующий] кафедрой анатомии и декан Николай Павлович Александров.

Первый учебник латинского яз[ыка] для медицинских вузов был составлен просто: в нём подобраны были термины по анатомии по их принадлежности к тому или иному склонению в виде перечня, без применения их в каком-либо связном тексте. В таком виде мы и брали их для упражнений в склонениях: *clavicula dextra*¹⁸⁸⁵, *scapula sinistra*¹⁸⁸⁶, *sulcus caroticus*¹⁸⁸⁷, *tuber ischidicus*¹⁸⁸⁸, *glomus coccigeum*¹⁸⁸⁹, *species aromatic[ae]*¹⁸⁹⁰ *et cetera, et cetera*, заведомо зная, что они нигде не встретятся в связном тексте. Иногда, впрочем, в учебнике были упражнения, составленные из отдельных, не связанных между собой по смыслу предложений типа: «У

---

¹⁸⁸² *pronomina* – по-латински местоимение.

¹⁸⁸³ наречия и числительные.

¹⁸⁸⁴ именительный падеж единственного числа.

¹⁸⁸⁵ правая ключица.

¹⁸⁸⁶ левое плечо.

¹⁸⁸⁷ сонная борозда.

¹⁸⁸⁸ седалищный бугор.

¹⁸⁸⁹ копчиковое тельце.

¹⁸⁹⁰ ароматный сбор.

арабов самые быстрые и красивые кони», или: «Многие цветы употребляются для лечения» и т. п.

В учебнике, который вышел позднее под редакцией проф[ессора] Боголепова этот порок был до некоторой степени сглажен, и в учебнике приведены для упражнений тексты из сочинений Цельса и др. знаменитостей медицины, но количество часов для изучения латинского яз[ыка] было сокращено (со 108 до 80 ч[асов] на курс), так что чтение этих статей явилось лишь тем, что называется «*pia desideria*».¹⁸⁹¹ Кроме того, чтение этих статей уместнее было бы при изучении истории медицины, каковой предмет был позднее введён в учебный план института, или при изучении специальных предметов, но в этом никому и в голову не приходило. Сами профессора медицинского института не прочь были использовать преподавателей иностранных языков в тех случаях, когда это им было нужно.

Латинский язык, если в нём нет таких слов, как *populus Romanus*¹⁸⁹², *miles Romanus*¹⁸⁹³, *castra*¹⁸⁹⁴, *puqna*¹⁸⁹⁵, *bellum*¹⁸⁹⁶, *Numa Pompilius*¹⁸⁹⁷, *Julius Caesar*¹⁸⁹⁸, *Ariovistus*¹⁸⁹⁹; выражений: «*Alea iacta est*»¹⁹⁰⁰, «*Homo homini lupus est*»¹⁹⁰¹ etc – это не латинский яз[ык], а нечто совсем другое. Нет, в медицинском институте я не преподавал латинского языка.

Сушь изучения предмета, именуемого «латинским языком», конечно, чувствовали и не могли не чувствовать студенты. Бывали редкие случаи, когда в текст учебников попадали отдельные изречения, остроумные и будящие живую мысль, например: «Вора (*fur*) римляне называли человеком из трёх букв», или каламбур: «*Amicum cognoscimus amore, more, ore, re*» (Друга мы узнаём по любви, характеру, наружному виду, на деле), и масса студентов при этом оживлялась, а потом снова погружалась в мёртвые термины и «мифические» рецепты.

На экзамене одна студентка (Готде-Грот) после ответа по билету вдруг попросила у меня разрешения прочитать наизусть одно предложение и назвала указанное выше «*Amicum cognoscimus...*» Не является ли это свидетельством того, что студенты могли бы с интересом отнестись к изучению латинского языка, если бы изучение его отстегнуть от уродливого и искусственного присоединения к изучению медицинской терминологии и рецептов. Всему своё время: придёт время изучению терминологии – получайте людей, способных воспринять эту «премудрость»; придёт время

---

¹⁸⁹¹ *pia desideria* – по-латински благопожелания.

¹⁸⁹² римский народ.

¹⁸⁹³ римские воины.

¹⁸⁹⁴ лагерь.

¹⁸⁹⁵ батарея.

¹⁸⁹⁶ война.

¹⁸⁹⁷ Нума Помпилий – полулегендарный, второй царь Древнего Рима (715-673/672 до н. э.).

¹⁸⁹⁸ Юлий Цезарь.

¹⁸⁹⁹ Ариовист – вождь германского племени свевов.

¹⁹⁰⁰ «Кости брошены!»

¹⁹⁰¹ «Человек человеку волк».

учиться писать рецепты – получайте людей, способных это делать, но раз судьба определила изучать латинский язык, то нужно хотя бы в сокращённом виде его изучать, а не суррогат его.

К такому выводу я пришёл после, примерно, десяти лет, которые мною отданы были преподаванию «латинского языка» в Свердловском мед[ицинском] институте. Думаю, что со мной согласятся и другие преподаватели этого языка в медицинском институте – бывшие и сущие. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 5-17.

Преподаватели

С августа 1938 г. по начало войны (1941 г.) в институте было три преподавателя латинского языка: Иван Нилович Мезенцев, Павел Александрович Липин и я. «Коренником» был Иван Нилович, «первым подручным» его – Павел Александрович, а «вторым подручным» - я. «Нас было трое» - так можно было сказать о нас. Сошлись мы с разными судьбами, но судьбы «подручных» во многом было сходными: и Липин и я прошли один и тот же путь учения – Камышловское духовное училище, Пермская дух[овная] семинария и Казанская дух[овная] академия. Иван Нилович – орловец, кончил Орловскую мужскую гимназию и Петербургский университет. К институту подошли с разных сторон: Мезенцев после работы в железно-дорожных училищах Свердловска, Липин из рабфака мед[ицинского] института, где он был зав[едующим] уч[ебной] части, преподавателем литературы и латинского яз[ыка]. Я пришёл в институт с курсов мастеров соц[иалистического] труда Верх-Исетского металлургического завода.

Во время войны приёмы в институт были удвоены: с 500 человек до 1000 и количество преподавателей одно время доходило до пяти человек, а именно: кроме указанных выше ещё работали – Глебов Пётр Иванович, кончивший Нежинский историко-филологический ин[ститу]-т и Савин Осипович Кустанович, якобы выпускник какого-то ин[ститу]-та, по обличью очень смахивавший на «наших», хотя всегда ратовал против «них». Был из эвакуированных, а поэтому и биография его была из тех, о которых говорят: «род же его кто исповесть». Первым выбыл из штатного состава я, о чём будет сказано ниже, а потом – Павел Александрович Липин, о чём тоже будет сказано подробнее ниже. На смену пришли: Владимир Александрович Наумов и Николай Владимирович Бунаков. Наумов во время «оно» кончил Камышловское дух[овное] училище, Пермскую дух[овную] семинарию и Московский университет. В институт он пришёл из Свердловской школы № 65, где преподавал географию и латинский язык. Бунаков по специальности был математик, работал в Свердловских техникумах и «обосновался» наконец на латинском языке в медицинском институте.

Так, Иван Нилович, можно сказать, с «бору да с сосенки» собирал в свою «труппу» осколки знатоков латинского яз[ыка], оставшиеся от прежних времён, а медицинский институт оказался «бойким местом», где они могли применить свои знания.

Первоначально, с основания института ([1930]) до 1943 г. коллектив учителей латинского яз[ыка] представлял из себя некую «самостийную» группу, не оформленную в кафедру и не «прикаянную» ни к какой кафедре, а потом был в 1943 г. оформлен в самостоятельную кафедру, причём заведующим был в ней И. Н. Мезенцев. Со смертью его в 1952 году зав[едующим] кафедрой был Н. В. Бунаков до 1954 г., когда кафедра лат[инского] яз[ыка] как самостоятельная единица была закрыта, а учителя вошли в состав кафедры иностранных языков.

Иностранные языки, в том числе и латинский язык, не имели и теперь не имеют отдельных лабораторий для занятий, а являются «гостями» разных кафедр, между прочим, не всегда желанными, если не сказать прямо – нежеланными. Явление это общее для всех вузов Свердловска. В Свердловском мед[ицинском] институте, кроме того, занятия проводятся в двух отдельных корпусах с переходом из одного корпуса в другой, что, конечно, создаёт ещё дополнительные неудобства. Положение «пасынками» других кафедр особенно чувствительным было во время войны во втором учебном корпусе по улице Декабристов, где приходилось заниматься на кафедре химии, которую отопляли только «для своих». Было так, что когда занимались учителя латинского яз[ыка], то комнаты были холодные, а топить начинали только к приходу «своих». Комендант здания больше всего дрожал за сохранность лягушек, которых на его попечении было на 30 тысяч рублей.

В начале войны преподаватели латинского языка на ряду с преподавателями химии и естествознания принимали участие в хозяйственных работах: на московском торфянике и на уборке урожая в колхозе «Ключи».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 17-24.

Снова «хождение по мукам»

Это была вторая и более суровая фаза «хождения по мукам»; первая описана мною выше, когда я рассказывал о жизни и работе в Белоруссии.¹⁹⁰²

В марте 1943 г. у меня обнаружили явные признаки дистрофии: стал опухать, слабеть. Что делать? Запустить болезнь? Пошёл на решительный шаг: обратился за помощью к своим бывшим ученикам на ВИЗе: «ребята, я голодаю». Зав[едующий] прокатными цехом № 1 Всехвальных Борис Иванович назначил меня чернорабочим своего цеха с откомандированием на контрольную будку на Широкую речку, где был пост по контролю за вывозимыми из лесничества дровами. Контроль был от лесничества, но ВИЗ обязан был там иметь своего представителя. Дежурили мы по суткам двое: от лесничества б[ывший] рабочий ВИЗа, мой ученик по рабочим курсам В. Ф. Валенсов или одна женщина – Варвара Артемьевна из Багаряка и нас двое по очереди: или я, или рабочий инвалид Н. М. Филатов. Потом прикомандирован был ещё один рабочий. В нашу задачу входило: проверять провозимые дрова по клейму на них и задерживать те, которые провозились по чужим клеймам без разрешения на это. Работа была опасная: будка стояла в глухом месте: ночью приезжай, «благослови» топориком и провози дров «в волю». Был, правда, телефон, но на него было мало надежды. В будке были свирепые клопы, прямо лютые. Мои коллеги по линии лесничества имели коров, приносили с собой на дежурство молоко и иногда понемногу подливали мне его в чай. Один случай остался в памяти на всю жизнь. Дежурил я с Варварой Артемьевной. В полночь приехала на будку какая-то бригада геологов-разведчиков и приступила к ужину. Чего, чего только не было у них: консервированное молоко, мясо и пр. Посматривали мы на них с Варварой и, очевидно, думали об одном и том же: не оставят ли они чего-нибудь нам. Они, видя наши жидкие взгляды, оставили кое-что, и мы приступили к дележу на глаз: по несколько раз раскладывали остатки по банкам и, наконец, пришли к мысли, что разделили по справедливости. Варвара меня спросила: «ты домой понесёшь «это»? Я сказал, что нет: справлюсь с «этим» сейчас же, «а я, - сказала она: «отнесу детям». Вот лицо голода.

Когда завком организовал пионерский лагерь, то меня командировали в него зав[едующим] хозяйством и складом. 5/V мы отбыли с женой из Свердловска в пионерский лагерь с разным оборудованием для него. День был жаркий, а потом наступила полоса похолодания, и только 10/VI приехала в лагерь первая партия детей. Всё это время мы жили впроголодь. Работа у меня была беспокойная, и я снова стал опухать. Является однажды со своей квартиры в деревне жена и заявляет: «Я больше не могу». Врач рекомендует оставить работу завхозом. Мы возвращаемся в Свердловск.

---

¹⁹⁰² См. Часть VI. «Годы жизни в Белоруссии».

Мне было сделано новое предложение: поступить сторожем на огород служащих заводоуправления ВИЗа с оплатой натурой – картошкой при уборке неё и рабочим пайком на время работы. Я принял это предложение, и вот начались мои дежурства на огороде через день. Моим напарником был один старичок Смирнов из жителей Верх-Исетского завода. Огород был на расстоянии 3-3,5 километров от квартиры – за линией железной дороги, которая проходила по окраине посёлка. Дали мне ружьё системы «Лепаж». Как на зло, осень была дождливая, и ходить на работу и с работы приходилось босым. Обычно бывало так, что жена приносила мне обед на другой день дежурства, которые начинались с вечера, а под вечер второго дня мы босиком возвращались с ней домой. Иногда мой напарник Смирнов приносил с собой ботву моркови и передавал мне со словами: «вот моя старуха посылает тебе морковную ботву – свари с супом». Ночи стояли тёмные, дождливые. Меня по ночам спасало только то, что около огорода был коммунальный дом, в котором на одной квартире жил мой ученик из рабочих ВИЗа, а около дома была веранда, на которой я спасался от дождя. В полночь я давал выстрел в небо – дескать, бодрствую и... уходил на веранду. В холодные ночи меня впускали в дом. Около 15-го сентября началась уборка картофеля. Время было очень опасное: грабители убивали сторожей. В ночь под двадцатое мы с женой последний раз сторожили в будке на поле. Около будки стояли мешки с картошкой: приходи и бери! Ночь казалась мучительно долгой, прошла благополучно. 20/IX картошку увезли с поля. Я заработал пол тонны картошки, и это спасло нас зимой от голода.

Нужно было запастись на зиму дров, и я поступил на заводской склад топлива десятником. В мою обязанность входило – ходить по цехам, проверять наличие в них каменного угля и направлять туда вагончики с углём, а также следить за разгрузкой вагонов с углём, когда приходили поезда на склад, составлять акты о приёмке угля. Иногда ночь в полночь шагал я по заводскому двору в цеха в полутьме. Мимо меня проносились вагончики с углём. Стоял шум, лязг железа, крики в темноте, и казалось – вот-вот налетит на меня какой-нибудь вагончик и сомнёт, а такие случаи бывали даже с опытными людьми.

На складе я заработал дров для отопления «временки», которая была у нас в комнате.

И при всём этом мы продавали иногда свой хлеб, полученный по карточкам, взамен покупали овёс, распаривали его, провёртывали через мясорубку пять раз вместе с соломой, из полученной массы готовили лепёшки. Позднее овёс провёртывали только три раза. Теперь, когда вспоминаешь обо всём этом, то диву даёшься, откуда было тогда столько силы и энергии переносить всё это!

На моё продолжительное (около семи месяцев) пребывание на ВИЗе в качестве чернорабочего и десятника стал косо смотреть отдел кадров завода, прозрачно намекая, чтобы я убрался с завода. В октябре я подал заявление в Юридический институт Свердловска на должность преподавателя

латинского яз[ыка] и был зачислен старшим преподавателем института. Так закончились мои семимесячные «хождения по мукам» во второй их редакции, и в моей трудовой книжке рядом оказались две записи: десятник ВИЗа и старший преподаватель латинского яз[ыка] Свердловского юридического ин[ститу]-та.

Я совершил, можно сказать, *salto mortale*, и у меня на всю жизнь остались в памяти слова зам[естителя] директора мед[ицинского] ин[ститу]-та по учебной части профессора Пунина, сказанные с укоризной при вручении ему заявления об уходе из ин[ститу]-та: «Хорошенькое дело: преподаватель вуза уходит в сторожа». Мне это говорил человек, который был обеспечен питанием, а у меня уже подгибались ноги, и в глазах дрожал воздух от истощения. Сколько я уговаривал тогда своего коллегу по институту П. А. Липина пойти со мной работать на огород сторожем, он не пошёл, очевидно, руководствуясь логикой проф[ессора] Пунина и в скором времени погиб от дистрофии.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 24-35.

[Свердловский государственный] юридический институт

Во время войны добрая половина профессоров института была из эвакуированных, причём они составляли самую учёную часть профессуры, а свои «собственные» только ещё начинали «вызревать» в «учёных мужей»: институт был молодой, переведён в зачаточной форме из Иркутска. В числе эвакуированных были: из Ленинграда: доктора юрид[ических] наук – Магазинер Яков Миронович¹⁹⁰³, Бойцов Иван Иванович; кандидаты: Григорьев и ... (фамилии не помню). Из Львова: профессор Гофман и доцент (он был деканом) Розмарин. Из Москвы – доцент, зав[едующий] каф[едрой] иностранных яз[ыков] Губе (женщина). Из «своих» не было ни одного доктора вначале, только уже перед концом войны учёная степень доктора юридических наук присуждена была профессору Черепяхину Борису Борисовичу, бывшему зам[естителем] директора по учебной части.¹⁹⁰⁴ Кандидатами были: Юдельсон Карл Сергеевич¹⁹⁰⁵, Тузова Александра Модестовна – *honoris causa*¹⁹⁰⁶, Исупов Димитрий Николаевич – директор института. В институте было введено «Римское право», для чтения лекций по которому вызван был профессор Винавер Александр Маркович, о чём подробнее речь будет ниже. Зав[едующим] кафедрой марксизма-ленинизма

---

¹⁹⁰³ Магазинер Яков Миронович (1882-1961) – русский и советский правовед, доктор юридических наук, профессор. В 1941-1944 гг. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Свердловского государственного юридического института.

¹⁹⁰⁴ Из письма В. А. Игнатьева П. С. Богословскому от 05 февраля 1961 г.: «О Черепяхине. Он – Борис Борисович.

Мне пришлось с ним встретиться и работать в Свердл[овском] юридич[еском] ин[ститу]-те. Он был здесь зам[естителем] директора по научн[ой] части. Он – человек высокой культуры и деликатности. Ходили слухи, что он из захудалых помещиков, учился в Казанск[ой] гимназии. В Свердловске он оказался в связи с переводом ин[ститу]-та из Иркутска в Свердловск. Во время работы здесь он получил степень доктора, и, поэтому по поводу в ин[ститу]-те было торжественное чествование его, а жене его был поднесён букет цветов, подарок и выражена благодарность за то, что она своими заботами о Борисе Борисовиче содействовала его научному росту (sic!). ... Б. Б. читал «Гражданское право», а когда умер А. М. Винавер (у меня об этом есть в моих записках), он читал «Римское право». Я, как преподаватель лат[инского] яз[ыка], был в контакте с Б. Б., т. к. лат[инский] яз[ык] имел главное назначение обслужить «Римское право». Должен сказать, что у меня остались самые лучшие воспоминания о преподавании лат[инского] яз[ыка] в юридич[еском] ин[ститу]-те, потому что здесь этот предмет всё-таки походил немного на латинский язык. Также остались хорошие воспоминания о Борисе Борисовиче. Между прочим я у него брал из его личной библиотеки «*Corpus iuris civilis*», по которому я писал два реферата: а) «Лингвистические опыты римских юристов-классиков», б) «Римская семья по лингвист[ическим] опытам р[имских] классиков-юристов».

Мне кажется, что у Б. Б. в его личной библиотеке есть кое-что ценное» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 29-30 об.

¹⁹⁰⁵ Юдельсон Карл Сергеевич (1904-1991) – российский учёный-юрист, доктор юридических наук, профессор. В 1954-1965 гг. заведующий кафедрой гражданского процесса Свердловского государственного юридического института.

¹⁹⁰⁶ *honoris causa* – по-латински почётный.

был сначала Силкин Степан Иванович (кандидат), а потом Жаркова Анна Вавиловна.¹⁹⁰⁷ Среди преподавателей иностранных языков, кроме Губе, учёную степень кандидата имела Дьяконова Анна Яковлевна (из эвакуированных), остальные – Бабыкина, Шубина, Хрищевская, Иванова не имели учёной степени, как несколько преподавателей на кафедре марксизма-ленинизма и на кафедре специальных некоторых предметов. В штате преподавателей латинского языка состояли: старший преподаватель Зельдович Григорий Соломонович и я.

Преподаватели латинского яз[ыка] входили в состав кафедры иноязыков. Нужно заметить, что в отличие от медицинского ин[ститу]-та, где было много различных кафедр и деятельность большинства учёных проходила в клиниках, и, таким образом, всё было как бы разбросанным, в юридическом институте всё было компактнее, что обеспечивало близкое личное знакомство всех деятелей института и встречи на работе.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 35-38.

Латинский язык в институте

В юридическом институте наименование латинского языка таковым именем – «латинский язык» - было более оправданным, чем в медицинском институте, потому что изучался весь грамматический строй этого языка. В медицинском ин[ститу]-те проходила только та часть языка, которая называется этимологией, а в юридическом – имос к этому – синтаксис. В юридическом ин[ститу]-те изучали и все разновидности *ut*-ов – *finale, obiectivum et consecutivum; cum*-ов – *hystoricum, temporale, causale*; гордости латинского языка – *Gerundium et gerundivum; ablatives absolutus, accusativus et nominativus cum infinitivo*, даже элементарно – *orationem – rectum et obliquam*. При наличии всего этого, я могу с гордостью сказать: «В юридическом институте я обучал студентов латинскому языку». Другой вопрос – насколько глубоко и широко. В этом отношении база для изучения латинского языка опять-таки была шире, чем в медицинском институте поскольку юридические науки, которые мне нужно было обслужить в этом институте, как науки общественные, шире захватывают жизнь человека, чем науки медицинские. Латинский яз[ык] в юридическом ин[ститу]-те прямым прицелом был направлен в сторону «Римского права» и юридической терминологии, а это были те области жизни римского общества, которые вытекали из особенностей общественного строя римлян и отражали «живую» жизнь их, «Римское право», его язык; подобно тому, как Библия в переводе Лютера, отразила классический латинский язык, а перевод Библии отразил классический немецкий язык. Известно, что римские юристы выступали в роли учёных-лингвистов, о чём свидетельствует раздел в «*Corpus civilis*» - «*De verborum significatione*».

---

¹⁹⁰⁷ Жаркова Анна Вавиловна (1906-1976).

Первым учебником латинского яз[ыка] в юридическом институте был учебник, составленный юристом Розенталем.¹⁹⁰⁸ Как это было с первым учебником в медицинском институте он был, если можно так выразиться, «присушен» терминологией, сужен в материале для упражнений и, кроме того, имел недостатки в методической разработке грамматических форм. Пришедший ему на смену учебник, составленный бригадой учителей, получивший условное название «Учебник Громова» (один из соавторов его) устранил эти недостатки. В этом учебнике есть статьи по истории Рима, отрывки: из «*De bello Gallico*» Ю[лия] Цезаря и, даже, речи Цицерона с переводами их. На занятиях они были, хотя в ограниченном виде использования. Это обстоятельство даёт ещё лишний повод для утверждения, что в юридическом ин[ститу]те студенты изучали латинский язык.

Нужно отметить, как положительную сторону постановки изучения латинского яз[ыка] в юридическом институте то, что удалось установить контакт между изучением его и изучением «Римского права»: делались на занятиях по языку элементарные переводы из «*Corpus iuris civilis*» по заданию проф[ессора] Б. Б. Черепихина; причём на экзамене по своей дисциплине профессор всегда учитывал и успехи экзаменуемого по латинскому языку и этим самым поддерживал преподавателя языка в его борьбе за изучение его предмета.

И вот в такой момент, когда казалось установилась такая идиллия отношений между двумя предметами, судьба их была решена: оба они были изъяты из учебного плана, причём латинский яз[ык] оставлен на положении «для желающих», т. е. на положении «*pia desideria*». Любители острых выражений по этому поводу так выражались: «и коня и всадника ввергли в море».

Итак, было признано, что русский юрист может быть таковым и без латинского яз[ыка] с «Римским правом».

Как отнеслись к этой «реформе» студенты? Различно: одни – и их было значительное количество – из тех, которые изучали уже эти предметы, утверждали, что эти предметы нужны, а другие, которые изучали их «через пень в колоду», с заметным удовольствием отзывались так: «дорога скатертью». А, между прочим, был как-то случай, когда некто из учёных мужей института решил блеснуть своим знанием «Римского права» в статье, помещённой в «Уральском рабочем» и привёл выражение: «*Nulla poena, nullum crimen sine lege*»¹⁹⁰⁹, изменив в нём «*nullum crimen*» на «*nulla crimen*», очень сбивающееся на «сивый кобыла».

---

¹⁹⁰⁸ Розенталь И. С., Соколов В. С. Учебник латинского языка. Для юридических и иных гуманитарных вузов и факультетов. 1953.

¹⁹⁰⁹ *Nulla poena, nullum crimen sine lege* – по-латински «Нет наказания, нет преступления без закона».

Из «хроники» института»

Александр Маркович Винавер. Его кончина.

Выше уже сказано, как призван был на работу в институте А. М. Винавер. Всем было известно, что он в «своё время» был правой рукой лидера кадетов П. Н. Милюкова, и поэтому появление его в институте обратило на себя внимание как появление человека с «прошлым». А. М. был выслан из Москвы на определённый срок, был, таким образом, под надзором в одном «месте» и появился в институте по особому ходатайству как незаменимый лектор по «Римскому праву». И вот среди учёных института появился убелённый сединой человек за шестьдесят лет с явными следами на лице от пережитого. Он, однако, сохранил бодрость духа и даже способность к юмору и шуткам, что он обнаружил по деятельности профуполномоченным по быту, на какую должность его выдвинули по профсоюзной линии. Он, например, любил пошутить с женской молодёжью и угощал их конфетами в соответствии со своим тезисом: «девушки любят конфеты». Следует сразу предупредить людей, склонных к поспешным мрачным, отрицательным выводам из жизненных наблюдений, что в этом отношении А. М. к женской молодёжи не было никакого коварства, ни-ни-ни: это было выражением его общительного характера, его любви вообще к молодёжи. Студенты были довольны его лекциями. Они увидели в нём учёного с большим научным багажом, опытного лектора, одним словом – такого, о котором говорят: «вот это настоящий учёный человек». Это хорошее впечатление от него было омрачено позднее – во время экзаменов, когда А. М. обнаружил большую требовательность, которая, между прочим, у некоторых «старых» профессоров переходила в привычку ставить оценку после второй, или даже третьей явки на экзамен. Об этой «особенности» А. М. скоро узнали и студенты-заочники, которым ему поручили читать лекции по гражданскому праву. Среди заочников были люди влиятельные – прокуроры, судьи, деятели МВД и МГБ – и скоро создан был *casus*, требующий отстранения профессора от работы по заочному сектору. В один из этих органов было сообщено, что лектор в своих лекциях проводит идею преимущества буржуазной юриспруденции перед нашей отечественной юриспруденцией. Когда это известие дошло до директора заочного юридического института Михаила Михайловича Любавского, то он, и раньше опасавшийся за «чистоту» лекций А. М., окончательно перепугался и немедленно издал приказ об отстранении его от работы в заочном секторе, а одновременно с этим обратился с ходатайством перед директором очного отделения института-стационара о назначении авторитетной комиссии по расследованию этого дела. Комиссия была создана, но она без труда смогла разгадать подлинную подоплёку этого дела нашла компромиссное решение: освободить А. М. от чтения лекций в заочном институте («что и требовалось доказать»), оставив его лектором только в стационаре по «Римскому праву».

По тем «суровым» временам это решение было смелым, потому что по размаху обвинения А. М. можно было поступить с ним и «круче».

Летом, во время каникул, к А. М. приезжали из Москвы его дети: девочка лет 12-ти и мальчик лет 8-ми. А. М. был женат на девушке из «бывших», видном специалисте, много моложе его.

Был второй год работы А. М. в институте. Жил он в комнате в стенах института. У профессора института, зам[естителя] директора по учебной части, Бориса Борисовича Черепахина, жившего тоже в стенах института, было большое торжество: он выдавал замуж, лучше сказать – его единственная дочь Татьяна Борисовна, аспирантка института, выходила замуж, и был вечер, на котором в числе гостей присутствовал А. М. Ему было строго прописано врачами не прикасаться к «горючему» ни-ни, но была торжественная обстановка, а у русских людей в таких случаях строго соблюдалось правило – «гость-мученик»; и А. М. «согрешил». Перед ним поставили ещё «вторую» из тех, о которых говорят: «первая – колом, а вторая – соколом», но он едва успел сказать – «мне что-то не ловко», и был уже в том мире, «идеже несть печаль, ни болезнь, а жизнь «бесконечная».

Позвали студентов, чтобы они перенесли бранные останки А. М. в его комнату. Один из них потом так рассказывал своим товарищам об этом событии: «Подшли мы к А. М.; а он чуть склонился на бок кресла, и перед ним стояла «она», эта «вторая» и добавил: «как у Пушкина – блажен, кто «чашу жизни не допил до конца».

Хоронили А. М. со всеми почестями. По лютеранскому обычаю, гроб был окрашен в чёрный цвет. На похоронах присутствовала только жена, а детей не было. Похоронили его на Ивановском кладбище у стены, которая отделяет последнее от тюремной площадки. Так, видно, суждено было Александру Марковичу «почивать» вблизи сего учреждения.

Трагическая гибель Григория Соломоновича Зельдовича.

Григорий Соломонович был родом из Белоруссии – из местечка Паричи, Бобруйского у[езда], Минской губернии. Он был по специальности фармацевт, но спланировал свою жизнь на педагогическую деятельность и был не плохим преподавателем латинского языка. По-видимому, его всё-таки угнетало сознание, что у него не было специальной педагогической подготовки. Особенно он почему-то сокрушался о том, что он не изучал греческий язык, просил меня, чтобы я ему помог его изучить, и я с ним занимался. Нужно заметить, что у нас с ним были на редкость дружные и согласные отношения. Он усиленно приглашал меня к себе в гости, и я несколько раз бывал у него, причём всегда видел его в домашних условиях весёлым, жизнерадостным. Детей у него не было, и жена работала в каком-то учреждении. Я всегда с особым удовольствием наблюдал за дружественным отношением, которые были у них – у него и его жены – между собой, у людей, уже прошедших большой путь совместной жизни. Меня даже до некоторой степени удивляло то, что эта чета на такое продолжительное

время, какое они прожили, сохранила заводную свежесть взаимных чувств. Всё говорило о полноте жизни, и вот случилось. ... Ещё дня за два до «этого», приносит мне один из студентов список учащихся одной группы, где занимался Григорий Соломонович, с устной просьбой проэкзаменовать этих студентов. Я понял это так, что, очевидно, Г. С. не уверен в своём здоровье и просит меня об этом на случай, если заболит. И вдруг утром в назначенный день для экзамена тот же студент сообщает, что Гр. Сол. Покончил жизнь самоубийством: ночью прошёл в уборную и перерезал себе сонную артерию.

Строились разные догадки для объяснения его шага: одни говорили, что он это сделал на почве ревности; другие, что он как фармацевт снабжал иногда больных «редкими» лекарствами и что будто бы он по ошибке одному больному выдал лекарство, которое повлекло за собой, или должно было повести за собой, *exitus letalis*.¹⁹¹⁰ Эту тайну Гр. Сол. унёс с собой в могилу.

Как самоубийцу хоронили его без почестей.

Трагический случай в семье директора института Дмитрия Николаевича Исупова.

В один из весенних дней, близких к лету, семья отправила мальчика 11-12 лет в пионер-лагерь в Егоршино. Это было в полдень, а под вечер родители получили уже известие о том, что он утонул. Было так: было сделано предупреждение, что в пруду нельзя купаться, но не доглядели – стал тонуть один мальчик, другой бросился спасать; стали тонуть двое – мальчик Исупов бросился спасать, и все трое утонули. Это было мрачным событием в институте: все жили дружно, и горе одного было горем всего коллектива.

«Ошибка» Татьяны Борисовны Черепahiной.

«Чужая душа – потёмки» - это всегда нужно иметь в виду, а особенно, когда совершаются крупные повороты в жизни. В таких случаях должна быть бдительность, возведённая во вторую, или третью степень. Т. Б. этого не сделала и слепо увлеклась студентом Литвиновым. Он вошёл в семью Черепahiных, и директор института получил целую пачку «документов», изобличающих похождения «ловеласа». Что было! И всё это было на виду у всех! Отсюда вывод: никогда не нужно разрешать жить под крышей учебного заведения людям, служащим в этом заведении.¹⁹¹¹

---

¹⁹¹⁰ *exitus letalis* – по-латински смертельный исход.

¹⁹¹¹ Из письма В. А. Игнатъева П. С. Богословскому от 05 февраля 1961 г.: «О Черепahiне. ... У них есть единственная дочь – Таня. Она закончила здесь юридический ин[ститу]-т и пошла по стопам отца в научном отношении. Она была тогда в аспирантуре. В семье у них тогда произошёл очень неприятный *casus*. Таня пережила сильное увлечение одним студентом, вышла за него замуж, и в тот момент, когда он вошёл в семью Черепahiных (а жили они в здании ин[ститу]-та), директор ин[ститу]-та получил сведения о женихе, ставшем мужем Тани, свидетельствующие о его полном моральном разложении,

Встречи с «прошлым» при работе в институте.

Я любил заходить в лабораторию криминалистики. Здесь были разные приборы для раскрытия преступлений, а также фотоснимки с преступников и их жертв. Среди них я, к ужасу для себя, нашёл снимок со своего бывшего ученика по Курсам социалистического труда на ВИЗе рабочего – резчика крупносортного цеха Никулина и убитой им семьи: жены и трёх детей. Среди других рабочих, которые у меня учились на «Курсах» Никулин выделялся удивительным спокойствием, выдержкой и учился хорошо. И вот случилось «такое»: увлёкся преступной женщиной, тоже ВИЗовской работницей, бросил семью и перешёл к ней жить. Помогал семье, но она, его новая любовь, «поедом ела» его за то, что он «расходуется» на бывшую семью, и он «решился» на «это». Прямо с работы зашёл в свой бывший дом, зарубил жену и трёх детей, облил трупы керосином и зажёл. Из дома только вывел собаку, «пожалел». Дело было зимой. Изба была покрыта снегом, пламя как следует, не успело разгореться, соседи заметили пожар и загасили его. Он предстал перед судом. На суде он, между прочим, рассказал о такой детали, что когда он зарубил жену, то старшая девочка, лет 10-ти, заметила ему: «папка, ты что делаешь!?» и «папка» «порешил» всех трёх детей. Суд постановил: «расстрелять». Среди рабочих ВИЗа шла молва, что его отправили на войну (это было во время войны 1941-1945 гг.) и что он будто бы в медалях и орденах вернулся с войны, искупив свою вину деятельностью в «штрафной роте». Товарищи его по работе мне говорили, что слухи эти были ложные и что Никулин был расстрелян немедленно после суда.

Вторая, аналогичная первой, встреча с моим прошлым произошла на областном суде. В числе членов областного суда – судьёй областного масштаба была студентка Всесоюзного юридического заочного института, моя ученица по этому институту (ВЮЗИ) Александра Гавриловна Соколова. Я получил сообщение, что она именно будет проводить дело по суду над моей ученицей по Курсам мастеров соц[иалистического] труда ВИЗа Ждановой, работавшей контролёром на этом заводе. Жданова обвинялась в зверском убийстве своей подруги с целью грабежа. Обстоятельства убийства были следующие. Жданова часто устраивала шумные пирушки (это было во время последней войны) со своей подружкой N. Жданова была девушкой в возрасте 24-25 лет, жила одиноко, а её подружка была вдовой, имевшей девочку 6-7 лет, жила одиноко. Возраст у ней был примерно одинаковый со Ждановой. Во время одной пирушки N проболталась, что она хочет купить дом. «А где у тебя на это деньги?» - спросила тут же у ней Жданова, и N намекнула, что у ней деньги уже подготовлены. С этого момента дружба была разрушена, и Жданова приняла решение убить и ограбить N. Она подговорила себе в помощники рабочего цеха № 1 – Афанасьева и девушку

вследствие чего он (жених) с позором был уволен из ин[ститу]-та. Последовал развод, а Таня потом снова вышла замуж и, говорят, счастлива. ... // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 165. Л. 29-30 об.

17-18 лет, только что кончившую школу ФЗО. Компания собралась на очередную пирушку, во время которой решено было убить Н. Девочку Н отвели в соседнюю квартиру, завели на «громко» патефон и убили Н, выколол ей глаза. Труп затолкали внутрь дивана. Денег не нашли. По плану, выработанному убийцами, Афанасьев должен был взять у соседней девочки и утопить её в пруду, но когда он явился за этим, то его встретили органы МВД. Так злодейство было открыто. Жданова на другой день явилась в отдел контроля, чтобы отправиться в цех на работу и заметила, что с Афанасьевым получилась какая-то неувязка, попросила освободить её в этот день от работы по болезни и скрылась, но была поймана.

Я был приглашён на суд, и сидел от преступников, изолированных от публики перегородкой, примерно, на расстоянии 5-6 шагов. Смотрел я на Жданову и вспоминал, как она училась у меня на Курсах, а училась она хорошо, была аккуратной и очень вежливой, деликатной девушкой. В мозгу «гвоздила» мысль: как «это» могло быть? Ждановой, между прочим, был задан вопрос: «почему Вы выкололи своей жертве глаза?» Она резонно ответила, что ей говорили, что у убитых в глазах сохраняется отражение убийц, поэтому они и выкололи глаза. На все вопросы она отвечала с циничной откровенностью, но убийство мотивировала (так ей рекомендовал, очевидно, защитник) ревностью к Афанасьеву, а не целью ограбления. ...

Так мне пришлось не только обучать студентов латинскому языку, но и самому изучать их «производство» на печальном «опыте» своих бывших учеников. «*Docendo discimus*» (уча, мы учимся) – это латинское изречение своеобразно отразилось в моей судьбе: оно показало, как всё-таки сложна жизнь человека.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 38-66.

Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ)

Это учреждение было совершенно независимым, «самостийным» от системы стационарного, как, может быть, не совсем удачно принято было у нас называть, обычный тип юридического обучения в форме институтов. Это был совершенно самостоятельный сектор юридического образования. Образование его было обусловлено историческим ходом развития нашей государственности после пролетарской революции. Нужно было создавать органы прокуратуры и Фемиды из того «материала», который выдвинула революция, «от станка», как образно тогда говорили. Первоначально – и это было продолжительное время – деятелями в указанных выше областях и были выдвинуты из рабочих. Они обучались своему «ремеслу» с книжкой в руках на жизненном материале, на «уроках» жизни и из них получались настоящие «мастера» своего дела. Как на примеры таких «мастеров» можно указать на двух рабочих ВИЗа, выдвинутых на эти работы: т[оварища] Беляева, всю жизнь свою работавшего прокурором в одном из районов города, и т[оварища] Каштанова, работавшего судьёй. Такой порядок укомплектования органов прокуратуры и суда естественно не мог быть признанным принятым «на вечно», но сохранился ввиду того, что стационарная, путём учреждения институтов, подготовка не в состоянии была удовлетворить потребность в деятелях этого типа, даже при условии, что, как некий паллиатив, созданы были юридические школы. В результате в стране образовалось значительное количество практиков-юристов, которых, грубо выражаясь, нужно было «подковать» теоретически. Получились две системы подготовки: в одной теоретическая подготовка предваряла практическую деятельность, была, так сказать, *ante factum*, а в другой практика предваряла теоретическую подготовку, и последняя была на положении *post factum*. Вторая задача подготовки, точнее сказать образно, ювелирной отделки юридических кадров возложена на ВЮЗИ.

В Свердловске был филиал ВЮЗИ, совершенно независимое *de iure* учреждение от юридического института (стационара), но связанное с последним территориально, т. е. единым помещением, и тем, что большинство педагогического состава филиала было из института и работало в нём по совместительству. По этому же самому и я стал участником работы в филиале в роли преподавателя латинского языка, но, по совести говоря, я мог таковым называться только в роли самозванца. Нет, я преподавал не латинский язык, как таковой, а только, если можно так выразиться, «взгляд и нечто» из латинского языка. Здесь уместно вспомнить о том, к чему нас, преподавателей латинского яз[ыка] юридического ин[ститу]та – меня и Г. С. Зельдовича, подбивал покойный А. М. Винавер, когда он читал лекции по «Римскому праву», мы были его «подопечными». Он прямо нам говорил: «бросьте вы изучать грамматику латинского яз[ыка]: всё равно не сможете её

изучить со студентами *lege artis*.¹⁹¹² Вот вам юридические термины: добивайтесь, чтобы студенты их заучили». Профессор был тогда, конечно, не прав: мы не были тогда так ограничены отведёнными нам учебными часами на изучение латинского яз[ыка], чтобы свести его изучение «на нет». В ВЮЗИ же я был поставлен именно в такое положение, что другой задачи я и не мог себе поставить да от меня, что молчаливо признавалось «в верхах», и не требовалось большего, поскольку всё-таки признавалось, что какое-то знание латинского яз[ыка] необходимо для юриста. Потом, как это указано выше, было признано ненужным для юриста, и это было то, что, как некий компромисс, нужно было сразу установить для системы заочного обучения. Конечно, Василий Андреевич Жуковский на старости лет изучил греческий язык, чтобы переводить «Илиаду» Гомера, и этим доказал, что можно изучить классический язык, не взирая на возраст и заочно, но ведь он был Жуковским и был воспитателем царского сына, «а в нашей буче, боевой, кипучей» просто нет возможности позволить себе такую «роскошь».

Чему же я учил по «латинскому языку»? На некоторых отобранных юридических текстах я учил: грамотно прочитать, выделить термин, понять его структуру – по какому принципу он образован, т. е. образован ли по закону склонения или спряжения. *Ergo*, и знакомил студентов с типами склонения и спряжений только в *praesens indiativi activi et passivi*. «Моей души предел желанный» состоял в том, чтобы студент, встретивши какой-либо латинский термин в учебнике «Римского права» или в другой какой-либо книге, не растерялся, а смог разгадать его при помощи справочника, а если бы смог при этом ещё, скажем, сообразить, что в этом термине встретилось существительное такого-то склонения и в таком-то падеже (напр[имер], *de iure*), то это уже и совсем хорошо.

Круг студентов-заочников был очень широким. Тут были работники гражданской и военной прокуратуры, судов – районных и линейных, адвокаты, работники МВД, МГБ, милиции, концлагерей *et cetera, et cetera*. Были представители разных возрастов, пола, характеров. Когда бывали сессии, то можно было наблюдать всю пестроту состава этих работников: тут были солидные люди в формах и штатские в шляпах и шляпках. Тут были подвижные и лёгкие на «язык» адвокаты; если они были женщины, то со всеми женскими «опёрами» - подкрашенные, источающие запаха «кельской воды» (одеколон). На одной сессии вдруг объявился молодой пом[ощник] прокурора певец – прекрасный лирический тенор, которого в перерывах от лекций «дамы» уговаривали спеть «Сердце красавиц», и он пел с блеском под аккомпанемент рояля (который кстати был в зале, а аккомпаниаторы находились из состава заочников). Я поинтересовался, откуда взялся такой певец. Он мне сказал, что он учился в Киевской консерватории, а во время войны устроился пом[ощником] прокурора. Мы уговорились с ним, что на следующей сессии я его подучу и он споёт арию герцога на итальянском

---

¹⁹¹² *lege artis* – по-латински по всем правилам искусства.

языке, но когда я стал разыскивать певца на следующей сессии, то мне сообщили, что его вкупе с его товарищами, как говорится, *in corpore*¹⁹¹³ заключили в «темницу».

Заочники, живущие в городе, проходили обучение по очно-заочной системе: для них в выходные дни проводились занятия в здании юридического института, причём для некоторых групп работников – МВД и МГБ – занятия были организованы по месту их работы, и учителя проводили платные занятия, а также и для отдельных лиц, которые относились *ad personam gratam*, в соответствии с известным изречением: «если Моисей не шёл к горе, то гора шла к Моисею», и наоборот: «если гора не шла к Моисею, то Моисей шёл к горе». Под «горой» в данном случае нужно разуметь студентов-заочников, а под «Моисеем» - преподавателей.

Среди студентов юридического института (стационара) находились хитрецы, которые использовали соседство с ВЮЗИ для сокращения срока своего обучения на юриста. Дорогу туда показали братья Шелковкины. Начали они учиться в стационаре и сидели рядышком, как голубки, но со старшим в первое же полугодие занятий случилось несчастье: он под «пьяную руку» погорячился, оскорбил секретаря учебной части словесно и был уволен из института. Тогда он «спустился» в ВЮЗИ (ВЮЗИ было на нижнем этаже, а стационар на втором и выше). Там, в ВЮЗИ, он «произошёл» все науки за два года и сдал госэкзамены. Видя это, младший брат при переходе на третий курс, тоже «спустился» в ВЮЗИ и через год сдал госэкзамены, сократив на год срок обучения. Студент Полозов избрал несколько изменённый вариант «бракосочетания» с ВЮЗИ. Он «нырнул» туда после первого курса, а через год «вынырнул» на четвёртый курс в стационар и закончил обучение в нём. Студент Козлович Владимир пошёл ещё дальше: он через месяц обучения в стационаре «нырнул» в ВЮЗИ, получив одновременно зачисление в студенты факультета журналистики университета, чтобы получать там продуктовую карточку. Между прочим, перед переходом в ВЮЗИ он приходил ко мне советоваться по этому вопросу, а я его отговаривал, мотивируя отговаривание тем, что он молод, неопытен и что вообще ему нет смысла торопиться с учением. Он как будто соглашался со мной. Каково же было моё удивление, когда он однажды при встрече признался, что он перешёл в ВЮЗИ и уже сдал один экзамен. Это было возможно делать потому, что все науки юридические «книжные», а сдавать экзамены было можно в любое время по договорённости с профессором. И вот Козлович стал сдавать экзамены один за другим, обнаружив при это поразительные способности. Так, он пошёл сдавать экзамен А. М. Винаверу, который с первого раза обычно не проставлял оценки. Товарищи Козловича, зная о том, что он пошёл на экзамен к Винаверу, насторожились и с нетерпением ждали его у квартиры профессора

---

¹⁹¹³ *in corpore* – по-латински в полном составе, вместе.

с уверенностью, что он вернётся на «общих основаниях», и были удивлены, когда он показал оценку «четыре».

Козлович при этом обнаружил удивительную приспособляемость к жизненным условиям. Так, днём, когда все уходили на лекции, он погружался в сон на чьей-либо койке, а ночью готовился к экзаменам в таком месте, где его не мог «накрыть» комендант здания. Но комендант однажды всё-таки «накрыл» его и предложил ему покинуть здание. Он пришёл ко мне за советом, и я в шутку предложил ему найти женские одежды и «перезабазироваться» на женское студенческое общежитие, но он понял мою иронию, и нашёл какой-то другой выход из положения, а изобретательность его в этом отношении была удивительной. Он как-то проговорился, что часто ездит домой в Исилькульский район Омской области за продуктами и на мой вопрос: как же ему удаётся доставать билеты (это было во время войны) и вообще – где он берёт средства на свои частые «вояжи», он ответил, что ездит бесплатно. Как же? Он сказал: «у меня есть ключ от вагона». Я сначала подумал, что он выразился метафорически, но он разъяснил мне, что это не метафора, а самое реальное его действие, и он детально рассказал мне, как он это делает.

Так вот этот «изобретательный» юноша в ВЮЗИ «произошёл» все науки за полтора года и готовился к государственным экзаменам, но в этот именно момент «подсекло»: вышло распоряжение о том, чтобы таких ретивых ревнителей науки допускали к этим экзаменам по минованию срока, отведённого для обучения в ВЮЗИ, т. е. срока в четыре-пять лет. Правильно ли это – я до сих пор не могу найти на это ответа, но мне ещё от времени изучения философии в Пермской дух[овной] семинарии было известно, что философ Лейбниц¹⁹¹⁴ в 16 лет уже получил степень доктора философии, создав свою «монадологию». Ходила молва, что Козлович уехал в Минск (он был эвакуирован из Белоруссии в Зап[адную] Сибирь и там «отсиживался» в юридическом институте до положенного срока.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 66-84.

Падение «кабинета» Михаила Михайловича Любавского

М. М. продолжительное время с момента организации в Свердловске филиала ВЮЗИ был в нём директором, но после одной ревизии «пострадал»: был заключён в «темницу» вместе со своим бухгалтером. Главным же обвинением против него были выдвинуты «прегрешения» по превышению данной ему власти, а эти последние вытекали из доброты его сердца и желания всячески облегчить усвоение наук служащим Фемиды: «грешили» вместе, а когда его привлекли за это, они «ничего не знали», потому что, как известно, у Фемиды на глазах повязка: она не видит.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 84-85.

---

¹⁹¹⁴ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646-1716) – саксонский философ, логик, математик, механик, физик, юрист, историк, дипломат, изобретатель и языковед.

**Ветеринарный факультет
Свердловского [государственного] сельско-хоз[зяйственного] института**

Когда-то этот институт входил в «империю» Ивана Ниловича Мезенцева: он «контролировал» латинский язык – во всех учебных заведениях медицинской специальности, включая и школы – фельдшерскую и зубоврачебную. Иван Нилович не любил оставлять незанятыми «пустоты», или «белые пятна», которые встречались ему на пути, и если они ему встречались, то он тут же вынимал книжечку, в которой у него было расписание рабочих часов на день, и если за день не было ещё полного насыщения рабочего времени, которое он измерял десятью часами, то он шёл в администрацию учреждения и договаривался об уроках. Но вот его назначили зав[едующим] кафедрой латинского языка в медицинском институте, и он предпринял решение кое-где разгрузиться, и его «империя» по принципу «разделиша ризы его себе и об одежде его бросаша жребий», поделили: Наумов, Бунаков и я. Таким путём я и оказался препод[авателем] лат[инского] яз[ыка] в с[ельско-]х[озьяйственном] институте. Нужно сказать, что занятия здесь не были моей магистральной линией, а только, можно сказать, отклонением на просёлочную дорогу.

Это было во время войны, и добрую половину профессоров и учителей института составляли эвакуированные из Киевского ветеринарного ин[ститу]-та. Занятия проходили так: часть студентов, «учинённые», шли колоть дрова, топили печи, а большая часть – в шубах, шапках изучали латинский яз[ык], причём я время от времени давал команду: «вставать, обогреться» и тут начиналось обогревание по испытанному методу толкания бок-о-бок. Среди студентов были девушки, и это обеспечивало наибольшую подвижность проделываемых артикулов.

Что представляли собой из себя здесь занятия латинским языком, об этом излишне повторять то, что сказано уже выше о работе в медицинском институте. Здесь изучался не латинский язык, как таковой, а медицинская латынь применительно к ветеринарному делу, причём убедительность в целесообразности изучения лат[инского] яз[ыка], необходимости его изучения была, пожалуй, ещё ниже, чем в мед[ицинском] ин[ститу]-те. В простоте сердечной некоторые студенты здесь так и рассуждали: «ну, медикам нужен латинский язык для того, чтобы скрывать свои мысли от больного, скажем, отмахнуться от какого-либо привязчивого больного, упорно добивающегося узнать, что у него за болезнь, словами: «у Вас «*ulcus duudeni*»¹⁹¹⁵, а нам что скрывать от коровы или лошади?». Рассуждение с точки зрения *ratio naturalis*¹⁹¹⁶ – резонное, попробуйте его опровергнуть. Занятия латинским языком в с[ельско-]х[озьяйственном] институте имели для меня самого некоторое познавательное значение, добавили кое-что новое к

---

¹⁹¹⁵ *ulcus duudeni* – по-латински язва двенадцатиперстной кишки.

¹⁹¹⁶ *ratio naturalis* – по-латински естественная система.

жизненном опыту. Я сделал новое открытие на экзамене: подсчитавши билеты после экзамена, одного не досчитался. *Was ist das?*¹⁹¹⁷ – думаю. Неужели? Оказалось: да – один билет выкраден с целью использования на экзамене. Прихожу на следующий экзамен, «раскидываю свои сети», и «рыбка клюнула». Не прошло и пяти минут – спрашиваю: «кто готов?» «Я готова» - слышался голос, в котором легко можно было услышать «уверенность в победе». Спрашиваю: «где Вы взяли этот билет?» Ответ: «Как где? Здесь» - жест руки. А дальше слёзы. Любопытно, что получив такой «опыт», я предупреждал потом студентов юридического ин[ститу]-та «не делать этого», и всё-таки двое и опять из «прекрасного пола» сделали «это».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 85-91.

---

¹⁹¹⁷ *Was ist das?* – по-немецки «Что это такое?»

*Литературный факультет
Свердловского [государственного] педагогического института*

В учебном плане этого факультета латинский язык совсем не был предусмотрен, но зав[едующий] кафедрой русской литературы и русского языка проф[ессор] Александр Петрович Георгиевский, в прошлом новгородский семинарист, и преподаватель русского языка Александр Владимирович Затопляев, в прошлом пермский семинарист, добились включения в план изучения латинского яз[ыка] на правах «допущенного», но без права преследования за усвоение, точнее – не усвоение его на экзаменах. Это была своеобразная форма «свободного принуждения», вроде «свободной» подписки на займ. Все было основано на агитации и пропаганде тезиса: «Человек с высшим образованием, получающий знания по истории своего родного яз[ыка] должен в какой-то степени знать латинский яз[ык], из которого вошло много слов в русский язык», С такой установкой студенты и изучали латинский язык, да, настоящий латинский язык во всей его красоте с Юлием Цезарем, Марком Туллиям Цицероном и, даже, Вергилием Мароном и Овидием Назоном. Что тут сказать? Я, конечно, старался показать язык возможно ярче, работал, если можно так выразиться, с аппетитом проголодавшегося человека, но реакция была всякая, а иногда мне так и казалось, что вот-вот мне скажут: «Милый Вы человек и, как видно, патриот латинского языка, но и мы не менее милые люди, а поэтому не утруждайте нас особенно своей наукой». И тогда снова начиналась агитация. ... А были среди них и настоящие энтузиасты.

Занятия в педагогическом институте опять-таки не шли по моей магистральной линии, но, можно сказать, были «для души».
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 91-94.

*Свердловский государственный [педагогический] институт
иностранных языков*

Я попал в него после поражения в юридическом институте, где латинский язык был снят с учебного плана в качестве обязательного предмета. Не забуду я того момента, когда мне об этом первыми сообщили мои ученики-студенты. Смотрю: стоят, улыбаются. «Василий Алексеевич, Вы слышали новость?» – «Какую?» – «Латинский язык снят в юридическом институте» - А как же «Римское право»? Ещё шире расплылись улыбки. ... «Туда же!»

И вот я в институте иностранных языков. Что мне бросилось в глаза здесь в виде не привычного, нового, то это – сплошное женское «царство»: зав[едующие] кафедрами женщины, декан – женщина, секретари и библиотекари – женщины. Среди преподавателей иностранных языков три-четыре человека мужского рода. Единственным оазисом, выдержанным в мужском роде, явились преподаватели латинского языка: Пётр Иванович Глебов, с которым я встречался уже в медицинском ин[ститу]-те, Ричард Осипович Элледер, прибывший в Свердловск из Шанхая, я, вновь прибывший в коллектив, а позднее присоединился ещё к нам Владимир Димитри[еви]ч Миронов¹⁹¹⁸, работавший прежде в университете. Ричард Осипович преподавание латинского яз[ыка] совмещал с преподаванием английского языка и в этом отношении более соответствовал профилю учителя в этом институте, где латинский яз[ык] был поставлен на обслуживание иностранных языков, что ему удавалось в большей степени, чем кому-либо из нас, так сказать, «чистых» латинистов. Метеором промелькнул ещё среди нас Александр Константинович Матвеев, очень одарённый молодой человек, но слабо организованный в то время. Итак, мы, преподаватели латинского языка представляли из себя некую «когорту» учителей, которая первоначально была в «рассеянии» по кафедрам иностранных языков, а потом нас объединили под «крылышком» Ивана Алексеевича Дергачёва, зав[едующего] кафедрой русской и иностранной литературы.

Латинскому языку в этом институте отведена была почётная и важная задача помочь студентам изучить историю иностранных языков и осмыслить научную структуру этих языков путём сравнения с ним. На изучение языка отведено было до 170 часов, с распределением их по двум курсам – первому и второму. Учебник Попова и Шендяпина¹⁹¹⁹ позволял поставить преподавание на широкую ногу: в нём была представлена классическая латинская проза главным образом, но в достаточной степени и поэзия. Представлена была даже любовная лирика Катулла. Мы преподавали латинский язык, как часто тогда говорили, в развёрнутом виде: бери, черпай

---

¹⁹¹⁸ Миронов Владимир Димитриевич – кандидат богословия С.-Петербургской духовной академии 1908 г.

¹⁹¹⁹ Попов А. Н., Шендяпин П. М. Латинский язык.

из созданного нами источника, сколько тебе нужно. «Рука дающего не ослабевала», но она, к сожалению, повисла в воздухе – не встретила ответного движения, как об этом сказано в известном стихотворении А. С. Пушкина («Эхо»): «Тебе ж нет отзыва. Таков и ты поэт». Любовь получилась неразделённой.

Почему? Потому что те, в адрес кого направлена была наша работа, не знали латинского языка и просто, как видно, не имели вкуса в занятиях сравнительной филологией. Рьяным поборником использования латинского языка на занятиях французским языком была зав[едующая] кафедрой этого языка Ирина Васильевна Пучковская¹⁹²⁰, и она «поедом ела» П. И. Глебова за то, что он, как ей казалось, мало уделял со своей стороны внимания этому вопросу, но прав был и Глебов, утверждая, что дело вовсе не в нём, а в том, что сами преподаватели французского яз[ыка] не могут использовать латинский яз[ык] на своих занятиях, потому что не знают его. Был один случай, когда мне посчастливилось увидеть на доске опыт одной препод[авательницы] французского яз[ыка] по связи изучения одной темы этого языка с темой латинского языка. Было сопоставлено спряжение однокоренного глагола из того и другого яз[ыка] в форме *plusquamperfectum indicativi activi*. Это же была красота! Закон экономии речевого аппарата (сжатие формы) здесь был представлен в самой кокретной форме. Но это и был единственный, вероятно, случай. Зато увлечение «мистической» теорией Марра превратилось в настоящее идолослужение: так и казалось, что жрецы этой теории поставили жертвенник и ходили вокруг него, воскуривая фимиам. С Марра начинали занятия, именем его клялись в процессе занятий, и когда раздался мощный голос Иосифа Виссарионовича Сталина с критикой этой теории, то в страхе разбежались, оставив и жертвенник и божество. В известном стихотворении Надсона картина с жертвенником выражена так:

*Пусть жертвенник разбит,
Огонь ещё пылает,*

но в данном случае погас и огонь.

Ни в одном институте не было столько оказано мне внимания, как в этом, но покидал я его с сознанием какой-то неудовлетворённости: такое настроение, вероятно, бывает у охотника, когда он даёт хорошо подготовленный выстрел, но он оказывается холостым, т. е. безрезультатным.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 94-103.

---

¹⁹²⁰ Пучковская Ирина Васильевна (1894-1969).

Яблоко падает недалеко от яблони.

Всем известна разрушительная сила воды и воздуха: эти силы веками разрушали гранитные скалы и превращали их в гравий. Но эти же силы создавали причудливые очертания разрушенным частям природы, изучая которые люди научились создавать новые формы предметов и изучили законы интеграции их в величественные создания культуры. Эти же законы интеграции в природе в какой-то степени присущи и устройству социальных отношений у людей: как два камня, подверженные действию сил природы, приспособляются друг к другу по форме, так и в социальных отношениях людей отмечается тенденция приспособления друг к другу, но только в этом и обнаруживается сходство с законом интеграции в природе, а дальше уже действуют чисто социальные законы, одним из которых является закон дезинтеграции, как продукт нарушения нормальных человеческих отношений. На этой основе появляется тип человека, у которого стремление к интеграции так завуалировано, что не поймёшь, есть это проявление к интеграции или дезинтеграции. Иногда кажется, что этот человек, выражаясь на простом житейском языке, приспособился к вам, а потом вдруг оказывается, что он повернулся к вам другой стороной своей натуры, т. е. прямо говоря, отвернулся от вас. Эти соображения, плод, может быть, наивной философии возникают в мысли при раскрытии намеченной мною темы.

Фамилия Дергачёвых была популярной у нас, на среднем Урале, среди лиц духовного звания. Так, в Свердловске, на Ивановском кладбище, среди фамилий почивших в бозе представителей духовенства значится могила дедушки Ивана Алексеевича по отцовской линии Андрея Алексеевича Дергачёва. Нужно заметить, что у Дергачёвых было принято давать имена вновь появившимся особям их племени по имени дедушки, отсюда и получилось, что дедушка его по прямой линии тоже именовался Иваном Алексеевичем, батюшка его Алексеем Ивановичем, следовательно, и сын Ивана Алексеевича будет именоваться тоже Алексеем Ивановичем.

В нашем городе Камышлове до сих пор на горке, вблизи б[ывшего] кафедрального собора, есть добротный деревянный дом, который старожилы города по старой привычке называют дергачёвским домом. Дом этот раньше принадлежал дедушке Ивана Алексеевича, тоже Ивану Алексеевичу Дергачёву, протоиерею Камышловского собора. Этот дедушка Ивана Алексеевича был членом правления Камышловского духовного училища, где в конце прошлого века учился автор этого очерка. Худенький старичок с дребезжающим голосом, он в престольный праздник училища – «Сергиев день», 25-го сентября обычно присутствовал в училище на богослужениях, за всенощной на литии выходил на середину церкви в сопровождении тучного

священника Камыловской Александро-Невской церкви Николая Кокшарова и менее тучного, но довольно солидного эконома училища священника Димитрия Победоносцева. Трое, они располагались так: он, худенький и невзрачный, как протоиерей в центре, а они на флангах ближе к столу, на котором лежали хлеб (рис), вино и елей, которые освящались. По ходу богослужения им полагалось запевать песнопение «Слава в вышних Богу», и они его запевали, причём Кокшаров, как принято было у нас выражаться, «возносил», совершенно заглушая дребезжащий голос протоиерея и глухой голос Победоносцева: он витал где-то в области высоких нот, сохранившихся в его голосе, очевидно, ещё от юношеских лет. Вероятно, поэтому именно эта картина и сохранилась в моей памяти.

В училище в те времена у нас устраивались школьные литературно-вокальные вечера, на которые приходил протоиерей. Он вёл себя на них как настоящий меломан: восторженно аплодировал певцам. Как сейчас я слышу его дребезжащий голос, когда он в восторге от пения ученика Шеломенцева выкрикивал: «Шеломенцев, браво, Шеломенцев, браво!!»

В первый день Пасхи он приходил к нам в столовую с корзиночкой яиц и христосовался с нами за вечерним чаем, одаряя крашеными яичками. В нашей памяти он остался как добрый старичок, благосклонно принимавший участие в нашей бурсацкой жизни.

Моя судьба сложилась так, что в жизни мне суждено было встречаться и учиться у одного из сыновей Камышловского протоиерея – Алексея Ивановича и работать вместе с внуком его Иваном Алексеевичем. У Алексея Ивановича я учился в Пермской духовной семинарии. Это было время японской войны, революции 1905 г. и последовавшего за ней периода реакции. Семинария только что отпраздновала перед этим столетие своего существования и, казалось, благополучно перешла ко второму столетию своего существования. В ней откристаллизовался определённый состав учителей, во главе которого стоял маститый учитель словесности Фаминский, гроза семинаристов. Высокого роста, с суровым лицом, в очках, стриженный, он и по наружному виду казался грозным. Алексей Иванович только что закончил Петербургскую дух[овную] академию, непродолжительное время проработал преподавателем греческого языка в Вятском дух[овном] училище и явился в Пермскую дух[овную] семинарию на преподавание Священного писания Ветхого завета, т. е., короче говоря, Библии. Начал он свою работу в этой должности в виду болезни преподавателя Александра Ивановича Тихомирова, временно, но потом выяснилось, что Тихомиров уже не в состоянии больше работать по болезни ног (ревматизм) и Алексей Иванович вошёл в штат учителей. Среди других он был молодым. Он был маленького роста, имел фигуру, уже закругляющуюся, острый взгляд, высокий лоб, как у графа Витте, с шишкой на нём, которую семинаристы считали признаком его богословского ума. Он старался держаться импозантно, ходил с нажимом на пол, а на кафедре старался изобразить из себя некую величественную массу. Он был немного

смешон, когда с Библией под мышкой торжественно поднимался на кафедру. Невольно вспоминался при этом анекдот о Цицероне, что у него был зять Лентул, низкий ростом (*humillima natura*), и когда однажды Цицерон увидел его разгуливающим на форуме с громадным мечом с боку, то сказал: «Кто привязал моего зятя к мечу?» Алексей Иванович, при своём росте (*humillina natura*), однако, страдал манией величия и сам себя афишировал перед семинаристами «вторым Фаминским». Он так и заявлял: «Я второй Фаминский!» Это походило на басню И. А. Крылова «Вол и лягушка», Алексей Иванович просто был смешон с этой претензией. У него была ещё одна неприятная черта, которой он выделялся из ряда других учителей: стремление «поддеть», «поймать» ученика при проверке знаний. В семинарии было принято ежемесячно проставлять оценки знаний, но преподаватели имели возможность только по одному разу спросить кого-нибудь, и получалось так, что если кто-либо в начале месяца был спрошен, то он мог считать себя гарантированным от ответа в течение всего месяца. Этому порядку следовали все учителя, но Алексей Иванович иногда вероломно нарушал этот порядок: через два-три занятия снова спрашивал и при не подготовке к ответу ставил двойки. Этим он вооружил против себя семинаристов, потому что вероломно никому никогда не может нравиться. Потерять доверие – это означало отдаление человека, то, что выше названо у меня дезинтеграцией. У семинаристов создалось в отношении к Алексею Ивановичу состояние некоего торможения: наличие замкнутости, от которой нельзя было освободиться и при встрече с ним в других случаях жизни. Так, помнится, однажды нам, семинаристам, пришлось ехать в одном железнодорожном вагоне с ним и его семьёй. Сколько он ни пытался подойти к нам ближе, не в официальной обстановке, наши души были замкнуты для него: нет! Мы не верили в искренность его отношений к нам. Казалось, что на лице его подобной «каиновой печати» значилось, что он не искренний, вероломный человек. Любопытно, что с ним встречались и другие люди, встречавшиеся с ним в другой обстановке, и они выносили тоже впечатление. Он был из типа тех неловких людей, которые, при наличии добрых отношений с кем-либо, способны были вдруг повернуться другой своей стороной и показать себя в другом противоположном направлении.

Алексей Иванович одевался с претензией на оригинальность. Так, он летом носил шляпу-«котелок» *a la* Чарли Чаплин. Он женился на дочери вятского протоиерея.

Как преподаватель богословия он не щадил память своих учеников: нам приходилось заучивать на память множество так называемых «мессианских мест». Это требование было придумано им в подтверждение его величия как строгого и требовательного учителя. Откровенно говоря, мы не уважали систему его обучения, и она всегда нам казалась продиктованной его непомерным стремлением к величию и строгости. Он был сторонником ортодоксального направления в богословской науке и верным слугой

официальной церковности, службистом до мозга костей. Приватно он преподавал ещё для желающих немецкий язык за час до уроков. Он старался на этих занятиях держаться проще, ближе к ученикам, но это было напускным и не получалось у него.

Из семинарии он ушёл в инспектора народных училищ, а после Октябрьской революции он вернулся в Камышлов, к «домашним пенатам» и работал в соцвесе. Люди, соприкасавшиеся с ним на этой работе, рассказывали, что он был «неловким», т. е. в соответствии с известной песней: «каким ты был, таким остался». Как мне передавал Иван Алексеевич, он скончался от воспаления лёгких в возрасте семидесяти одного года. В соответствии с принятым ещё в семинарии правилом: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим» - я должен сказать Алексею Ивановичу: «*Sit vobis terra levis, magister noster!*»¹⁹²¹

Как выше уже сказано, с Иваном Алексеевичем я работал вместе сначала в одном их техникумов города Свердловска, а потом в институте восточных языков.

Первая встреча была непродолжительной: около трёх недель. Что меня поразило при первой встрече с Иваном Алексеевичем, то это – поразительное наружное сходство с батюшкой его Алексеем Ивановичем: обличие, рост, манеры, голос – всё как у родителя, только на лбу нет «богословской» шишки. Иван Алексеевич был тогда цветущим юношей, в таком возрасте, в каком я не видел в своё время его родителя, и мне казалось, что передо мной предстал Алексей Иванович в своём юношеском виде.

После этой встречи до второй в ... году прошло несколько тяжёлых лет войны. Я знал, что Иван Алексеевич до войны работал в библиотеке Политехнического института, а во время войны был призван в армию и демобилизовался в видном чине. Шла молва о том, что на войне ему в одно время пришлось быть в очень критическом положении, вроде как в окружении, но удалось из него выйти. Да, Иван Алексеевич теперь, при второй встрече, был уже не тот: краски с лица спали, лицо имело явные следы пережитого на войне. Он был уже семьянином, не юношей, а зрелым мужчиной. Но какое устойчивое сходство с Алексеем Ивановичем! При встречах мы вспоминали об Алексее Ивановиче. Я в своих воспоминаниях своих бывших учителей всегда руководствовался семинарским принципом, который уже указан выше о «наставниках, хранивших юность нашу» и другим принципом, выраженном в известном латинском изречении «*De mortuis aut bene, aut nihil*» («об умерших или хорошо, или ничего»). В своё время мы высказывали многие обидные в адрес Алексея Ивановича, например, прозвище ему было дано «гольян», но обо всём этом можно говорить только в плане исторического повествования, а не в плане мемуаров, как повествования, подчинённого известным субъективным

---

¹⁹²¹ *Sit vobis terra levis, magister noster* – по-латински «Пусть Вам, наш учитель, земля будет пухом!»

законам, один из которых и выражен в вышеприведённом латинском изречении. У всякого человека есть положительные и отрицательные черты, но при воспоминаниях такого типа, какие были у меня в беседе с Иваном Алексеевичем, было бы просто нетактично отдать предпочтение отрицательным в ущерб положительному. В юридической практике есть такое положение, что каждый обвиняемый должен пользоваться презумпцией, т. е. о нём, прежде всего, нужно думать с положительной стороны, а не отрицательной. Думается, что при воспоминаниях о ком-нибудь, а тем более уже умершем, следует аналогично пользоваться этим принципом, хотя здесь речь идёт не об обвинении кого-либо, а только об оценке его личности. В своих воспоминаниях об Алексее Ивановиче я ничем не омрачил память о нём перед его сыном, также и в воспоминаниях об его дедушке, Камышловском протоиерее. Я заметил, что Иван Алексеевич восторженно относился к своему батюшке. Так, он мне рассказывал о поступлении его батюшки в Петербургскую духовную академию, явно подчёркивая талантливость, одарённость своего батюшки. Он говорил, что батюшка его не был командирован семинарией в академию, а поехал на свой риск и именно – в Петербургскую академию, что считалось рискованным шагом..., и он одержал блестящую победу. Как-то у нас с ним завязалась беседа о смерти Алексея Ивановича, и Иван Алексеевич подчеркнул, что смерть пришла к его батюшке, так сказать, незаконно: он умер случайно от воспаления лёгких, а, дескать, по натуре он мог бы ещё жить, так как порода дергачёвская крепкая. Мне нравилось в Иване Алексеевиче эта черта: чувство рода, уважения к нему, а на этой почве, как мне казалось тогда, у нас было взаимопонимание, если угодно, контакт в миропонимании и мировоззрении.

Как-то мы с ним разговаривали об архиве Пермской духовной семинарии. Он мне сказал, что архив не сохранился. Завязался попутно разговор вообще о семинарии, из которого я понял, что Иван Алексеевич придерживается отрицательного взгляда на учебное заведение, в котором работал его батюшка. Сам он учился уже при советской власти и не был на опыте знаком с духовными учебными заведениями.

В институте нас, преподавателей латинского языка, было четверо и первоначально мы были в «рассеянии» по кафедрам иностранных языков – немецкого, английского и французского. Это было чисто формальное распределение, потому что каждый из нас вёл занятия со студентами разных специальностей, а не одной какой-либо. Тем более это распределение было формальным, что никто из преподавателей этих языков не пользовался на своих занятиях латинским языком, и он был среди этих предметов, в сущности, чем-то вроде пятого колеса у телеги. Наконец, кто-то подал мысль объединить нас при кафедре литературы, которую возглавлял Иван Алексеевич, и мы оказались под его руководством. Кафедра эта по количеству объединённых в ней лиц была худосочной и состояла из четырёх-пяти человек, но отличалась от других высоким академическим составом: в

ней большую половину составляли люди со степенью кандидата филологических наук, но сам Иван Алексеевич ещё только «вызревал» в кандидата. Мы кафедре не добавили академизма, потому что были не «остепенившиеся», но усилили её количественно. Нужно отметить, что Иван Алексеевич принял нас благосклонно под свою «высокую руку» и относился к нам благожелательно. Итак, я оказался соучастником в работе с Иваном Алексеевичем, т. е. получил возможность ближе соприкоснуться с ним, *ergo* тем самым знакомиться с ним.

Я всегда и раньше поражался энергией его, инициативой, широтой его деятельности, разносторонностью её. Он заведовал кафедрой в институте, состоял членом редколлегии журнала «Урал», принимал участие в работе «Музея Д. Н. Мамина-Сибиряка» и, наконец, он выступал со статьями в «Уральском рабочем» в качестве обозревателя художественных постановок драматического театра в Свердловске. Нет! В этом отношении он превзошёл своего родителя Алексея Ивановича: он как бы осуществил то, что потенциально заложено было в том, но не проявилось потому, что тогда была другая эпоха. Ещё в одном он, очевидно, отошёл от своего папаша: он много курил, чего не замечалось за Алексеем Ивановичем, но это опять-таки было влиянием эпохи – стремительной и нервной: раньше легче было себя держать в пределах «умеренности и аккуратности», чем теперь, хотя бы под влиянием этой проклятой войны. Но зато во всём прочем кто бы не смог увидеть в Иване Алексеевиче Алексея Ивановича. Особенно эта иллюзия овладевала мной на заседаниях кафедры. Иван Алексеевич на этих заседаниях сидел за столиком, на котором возвышалась гора разных бумаг. Он одновременно просматривал какие-либо бумаги – протоколы, отчёты и пр., - слушал других, сам выступал, причём и голос, и интонация и говорок были чисто такими, как у Алексея Ивановича. Стоило зажмуриться, и получалось так, как когда-то было в семинарии на уроках Алексея Ивановича. Меня на заседаниях кафедры всегда поражала разносторонняя эрудиция И. А. Часто разбирались проекты лекций по иностранной литературе, например, о Шекспире, и он делал такие указания лектору, которые, как видно, у последнего возбуждали удивление глубиной этих замечаний. Иван Алексеевич руководил постановкой дела преподавания, активно вмешивался в процесс преподавания. Как во всех других высших учебных заведениях в институте была студенческая научная организация, в которой руководящую роль опять-таки играл И. А. Он являлся на заседания этого общества с огромным портфелем, набитым разными документами по разносторонней его деятельности. Его авторитет в обществе был выше, чем у кого-либо другого.

В журнале «Урал» И. А. вёл ответственную работу по просмотру литературных произведений, поступающих в портфель журнала, их оценке, т. е. являлся официальным критиком их. Сам он читал лекции по истории русской литературы. Среди студентов не замечалось увлечения этими лекциями, но не было нареканий. Как говорится: «На Шипке всё спокойно».

О своей работе в «Музее М[амина]-Сибиряка» И. А. рассказывал в порядке воспоминания о встречах с П. П. Бажовым, свои отношения к которому он изображал приятельскими. Только однажды он рассказывал о конференции в этом музее и отмечал неудачное выступление одного участника её. «Он всё свалил в одну кучу», - так он указал на неудачу выступления, по-видимому, усмотрев в выступлении не критическое отношение автора к использованному им материалу.

Иван Алексеевич выступал с обзорами постановок спектаклей в драм-театре. Должен сказать, что я, например, был очень удивлён прямо блестящими статьями его в «Уральском рабочем». «Откуда у него этот блестящий талант?» - думал я. И вот на одной из таких статей, как говорится, И. А. «нарвался». В театре была постановка, помнится, по роману Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». И. А., как известно, получил звание кандидата филологических наук за исследование творчества знаменитого уральца и тем самым получил признание специалистом в этой области. По-видимому, театр положился на И. А. в трактовке романа для своей постановки, а когда постановка была осуществлена, то в «Ур[альском] раб[очем]» появилась статья И. А. с положительной оценкой этой постановки. дело приняло другой оборот, когда один критик доказал порочность постановки, неправильность оценки её Иваном Алексеевичем, а помещение статьи в «Ур[альском] раб[очем]» признал ошибкой редакции. В результате редакция объявила свою «покаянную», а за ней – театр. И. А. тяжело переживал «урок».

За время работы в институте в жизни Ивана Алексеевича произошли два важных события: он «остепенился», т. е. получил учёную степень кандидата филологических наук и вступил в партию. Последнее, т. е. вступлению в партию прошло как-то «тихо-смирно». Не скрою, мне это, т. е. вступлению И. А. в партию показалось, однако, довольно крутой метаморфозой. Между прочим, много лет спустя, при встрече с одной преподавательницей института, о которой мне было известно, что она была тогда в составе голосовавших за приём, я осведомился, как «это» было, и она призналась, что она была против, видя явно карьеристскую подоплёку стремления И. А. в партию. Я по-своему думал, что у него, вероятно, были какие-либо заслуги в военном деле, которые позволили затушевать некоторые стороны прошлого Ивана Алексеевича. Возникал, однако, вопрос, как отразится этот шаг в жизни его на его психологии.

Иван Алексеевич показал себя хорошим организатором – это несомненно. В заслугу ему надо поставить то, что он вырастил при содействии других сотрудников одного из неудачных преподавателей института А. К. Матвеева в научного работника.

В 1964 г. в университете, где теперь работает доцентом и деканом Иван Алексеевич, проходила юбилейная научная сессия, посвящённая Д. Н. Мамину-Сибиряку. Организатором её был Иван Алексеевич, конечно, с помощью других лиц. Я встретился на ней с Иваном Алексеевичем, и у меня

осталось впечатление, что он или не узнал меня, или не хотел узнать. Может быть, потому, что он был сильно занят, но и в этом случае всякий человек держит себя в пределах известных норм вежливости, чего в данном случае не было. И опять передо мной возник образ Алексея Ивановича: не ловкий он был человек. Два камня, лежащие рядом, под действием внешних сил, «притачиваются» друг к другу, почти срастаются. Этот закон интеграции в природе хорошо знали строители пирамид. Интеграция – стремление друг к другу – есть и у людей, но не является абсолютным законом в социальных отношениях, как в природе в области механики. У людей бывает так, что как будто люди «приобточились» друг к другу, а хватить по хватить один у них повернулся, и вся «интеграция» пошла на «нет». Есть люди неловкие в этом отношении. К ним, очевидно, нужно отнести отца и сына Дергачёвых.

Такое впечатление о них осталось у других людей. В частности, кое у кого из присутствующих на конференции-сессии осталось впечатление такое, что сессия была направлена не столько в сторону чествования Д. Н. Мамина-Сибиряка, сколько на создание славы учредителю её: слишком помпезной на ней была личность Ивана Алексеевича.

Иван Алексеевич, как передают, и сейчас гордится родом Дергачёвых: он в восторге от одарённости одной своей дочери. Так противоречиво идея рода теперь преломилась в его сознании: он оттолкнулся от старой идеи с тем, чтобы восстановить её на новой почве.

Иван Алексеевич готовит докторскую диссертацию о творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Летом 1964 г. он поместил в «Ур[альском] раб[очем]» короткую заметку о том, что ему удалось в Москве при научной командировке найти новые материалы – сведения из биографии писателя. Эта заметка, очевидно, является намёком на новые открытия, которые он намерен опубликовать в своей докторской диссертации.

Бывая в Москве, И. А. навещает своего профессора по Пермскому ун[иверсите]-ту П. С. Богословского и уговаривает его сдать в архив музея Мамина-Сибиряка материалы его архива, которые он готовит к сдаче в Ленинград в Пушкинский дом. Вопрос этот, однако, остаётся неразрешённым.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 110-150 об.

*Авторский заголовок очерка: «Иван Анемподистович Секачёв и его родословная». В тексте очерка автор заменяет имена людей и некоторые наименования населённых пунктов: Иван Алексеевич Дергачёв=Иван Анемподистович Секачёв, Андрей Алексеевич Дергачёв=Андрей Анемподистович Секачёв, Дергачёвы=Секачёвы, Алексей Иванович Дергачёв=Анемподист Иванович Секачёв, г. Камышлов=г. Камышин, дергачёвский=секачёвский, Камышловский=Камышинский, Камышловское духовное училище=Камышинское духовное училище, Камышловская Александро-Невская церковь=Камышинская Александровская церковь, Пермская духовная семинария=Прикамская духовная семинария, Фаминский=Славинский, Свердловск=Сердобск, П. С. Богословский=П. С. Богуславский.

Шестьдесят пятая школа

Эта школа удостоена была чести быть опытной по привитию к нынешним школам латинского языка. Заранее приходится сказать, что опыт получился неудачным. Я был замешан в этом опыте, и таким образом, несу долю ответственности за эту неудачу, точнее – за три месяца занятий в этой школе. Зав[едующая] учебной частью этой школы Людмила Григорьевна ... неудачу наших занятий относила на счёт нашей старости и на одном общегородском собрании так и высказалась: «К нам присылают старцев, которые ...» и дальше шла речь чуть ли не о том, что мы, старцы, разлагали дисциплину в школе. Но разваливать было нечего, когда всё уже было развалено – это, во-первых, а, во-вторых, среди учителей были и молодые, но они были настоящими мучениками. Были дни, когда в расписании стояло в какой-либо группе 8 часов, и вот на восьмой час я приходил в эту группу с *ablativus*-ом *absolutus*-ом. Разве это была не издёвка над предметом?! Среди учеников были такие особи, в психологии которых мог разобраться разве только Ф. М. Достоевский. Были, например, два братца Шевелины – дерзкие грубияны и наглецы. Хлынов – юноша, но настоящий иезуит, который только тем и занимался, что ловил слова, которые можно было перевести на похабные. И вот они то и задавали тон в группе. Были группы, где занятия проходили сносно, т. е. до некоторой степени ещё можно был терпеть дисциплину на занятиях. Говорили, что «они», т. е. ученики, только то будут слушать и изучать, что их заинтересует. Интерес в занятиях считался главным мотивом их. Это превращалось в глубокое педагогическое заблуждение, когда считали, что интерес являлся единственным побуждением к занятиям и игнорировалась тренировка в труде по заданию, хотя бы в какой-то степени и не интересному для ученика в данный момент. В результате получались у учеников развинченность, отсутствие сосредоточенности.

Латинский язык стали вводить в школе, когда ученики и так перегружены были учебными предметами. Какая же реакция с их стороны могла последовать на это нововведение, кроме той, что на них возложили ещё новый груз, который они восприняли как некое наказание для них. Они так и спрашивали: почему мы именно должны изучать этот язык, а не другие. Вот в чём был корень зла. Да, грешным делом, и руководители школой и в первую очередь сама же Людмила Григорьевна не так далека была, вероятно, от этой «житейской» точки зрения на новый предмет, восприняв введение его как излишнюю для неё самой нагрузку. Тогда так и казалось, что во всех тех случаях, когда приходилось обращаться к ней за помощью, она одним глазом смотрена на преподавателя, и в этом глазе отражалась не то досада, не то укор, а другим – на учеников, и в этом глазу была улыбка.

А занятия чаще всего превращались в «Голгофу».

Один из моих бывших в этой школе учеников поступил потом в медицинский ин[ститу]-т, и когда мы вспоминали занятия латинским яз[ыком] в школе, он изрёк: «Да, педагогика – это жестокая вещь!»

[Вновь в медицинском институте]

В 1953 г. я снова вернулся в медицинский институт и проработал в нём до выхода на пенсию в 1956 г. Частично же в нём, можно сказать, я и не прекращал работать, если не преподавателем, то экзаменатором на приёмных экзаменах. Ивана Ниловича уже не было в живых, а зав[едующим] кафедрой был Н. В. Бунаков. Новостью в институте было то, что среди учителей латинского яз[ыка] появилась женщина, окончившая классическое отделение Томского университета Зинаида Максимовна Карасёва. С этого момента и началось «оженствление» состава преподавателей латинского языка в медицинском институте, и теперь этот процесс уже закончился: преподавателями лат[инского] яз[ыка] в медицинском институте теперь являются только женщины. Когда-то один из преподавателей свердловских – Сергей Иванович Кутунов¹⁹²² – говорил, что преподавание иностранных языков – это женское дело и делал исключение только для латинского яз[ыка]. Теперь снято и это исключение: они берут верх над всем.

На этом я кончаю своё повествование о «странствии» моём с латинским языком по вузам Свердловска, но должен к сему перечню добавить занятия в зубо-врачебной школе, опять-таки из «империи» Ивана Ниловича Мезенцева, и тогда *circulus linguae Latinae studiorum teorum*¹⁹²³ в Свердловске будет иметь законченный вид.

Не преподавал латинский язык я только в университете: не было судьбы. От учителей, хорошо осведомлённых о постановке преподавания этого языка там, я слышал, что в нём оно (преподавание) было на высоком уровне. В университете преподавался даже греческий язык. Его преподавал Владимир Димитри[еви]ч Миронов, выпускник Петербургской дух[овной] академии. В университете работал доцент, кандидат филологических наук Шуйский¹⁹²⁴ (не из тех ли Шуйских?), который прославился тем, что сделал новый, второй после В. А. Жуковского, перевод на русский яз[ык] «Илиады» Гомера, что было широко освещено в периодической прессе.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 103-112.

---

¹⁹²² Преподаватель физики в школе ФЗУ Верх-Исетского завода. См. Часть VII. «Фабрично-заводские школы Верх-Исетского завода».

¹⁹²³ Теоретический круг изучения латинского языка.

¹⁹²⁴ Шуйский Павел Александрович (1878-1955) – советский филолог. Окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1907 г. В 1922-1930 гг. работал на рабфаке при Екатеринославском горном институте. В 1929-1930 гг. работал в Днепропетровском институте народного образования. С 1930 г. в Свердловске. В 1938-1939 гг. работал в Полтавском педагогическом институте. С 1943 г. работал в Уральском университете на кафедре классической филологии, возглавлял её в 1949-1955 гг.

О студенческой молодёжи

В каком бы институте я ни занимался, я везде видел приветливую, сердечную советскую молодёжь. У ней не было той озлобленности, которая была раньше у молодёжи по отношению к некоторым преподавателям, отличающимся требовательностью. В тяжёлые военные годы студенты особенно были внимательными к учителям. Не забыть мне, как одна студентка медицинского института, видя, что мне в столовой подали обед без хлеба, положила мне на стол маленький кусочек его из своего пайка. Студенты юридического института подарили мне брюки, видя, что я хожу в рваных. Было и стыдно, и обидно! Но один грешок водился за «ребятами»: обмануть преподавателя они не считали для себя зазорным. Не забыть случая с одним студентом в юридическом ин[ституте]-те. Перед экзаменом я предупреждал студентов насчёт использования «шпаргалок», и один студент выступил с горячей речью в пандант моей речи со словами: «Что это у Вас, Василий Алексеевич, какая-то болезненная (от так и сказал «болезненная»), подозрительность к нам», и увы! на экзамене у него, у первого, пришлось изъять «шпаргалку». Выше я уже говорил о выкрадывании билетов на экзамене. До чего доходила изобретательность в этом деле свидетельствует следующее происшествие, имевшее место на приёмных экзаменах в юридический ин[ститут]-т. Одна из поступающих абитуриенток сельской школы получила неудовлетворительную оценку на устном экзамене по русской литературе. Ей разрешили пересдать экзамен (тогда, во время войны, это допускалось). Пересдавать экзамен за неё явилась её подруга, выдержавшая вступительный экзамен в УПИ: фотокарточка в экзаменационном листке была переклеена, а печать подделана. Проделка была раскрыта, виновницу-спасительницу своей подруги привели в приёмную комиссию, и когда здесь один из студентов института, членов приёмной комиссии по комсомольской линии, в шутку сказал: «отдать её под суд», то преступница начала «и рваться, и метаться», обливаясь горячими слезами. Слезы в подобных случаях были единственной защитой у девушек. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 112-115.

«Их» судьбы

Первым ушёл из нашей «латинской семьи» Павел Александрович Липин. Уже в самом начале войны, когда мы были командированы со студентами подбирать для сушки торф на Московском торфянике, обнаружилось, что организм его слабо приспособлен для существования в новых военных условиях: его изнурял геморрой, но он старался не поддаваться. Когда же вскоре нас отправили на уборку ржи в Сысертский район, то однажды с ним случился обморок, и мы выхлопотали ему освобождение от этой работы. Сказались прежние условия жизни: когда работал на рабфаке, жил в общежитии со студентами, где было шумно, не спокойно, а когда перешёл на работу в медицинский и[нститу]-т, то жил тоже в студенческом общежитии в стандартном доме, где было холодно. Шли годы войны, питание становилось всё хуже и хуже. В семье был мальчикуноша, которого нужно было поддерживать, ограничивая себя. Нависла угроза дистрофии. Летом 1943 г. как я его уговаривал: «Павел Александрович, пойдём работать сторожами на огороде, заработаем картошку на питание». Нет, не пошёл: то ли чувствовал себя плохо, то ли не мог перебороть интеллигентское предубеждение к такой работе. Осенью решили они переехать в Мотовилиху, где жили родители его жены, очевидно, в надежде на их помощь. Сын в это время был призван в трудовую армию и направлен в Челябинск, где жил в землянке. Он был освобождён от призыва в армию, потому что был глухим на одно ухо. Когда П. А. в Мотовилихе почувствовал себя совсем плохо, мать дала мальчику телеграмму: «приезжай: отец плох». Юноше не дали отпуска, он решил ехать без разрешения и... потерялся. Павла Александровича похоронили, а обезумевшая мать стала разыскивать потерявшегося сына. Лишь по истечении значительного срока времени ей удалось напасть на след, но только для того, чтобы узнать о гибели сына при таинственных обстоятельствах. В Свердловском МВД ей сообщили, что приблизительно в том время, когда юноша вызван был телеграммой, в Свердловск пришёл из Челябинска эшелон с углём и в одном вагоне оказался труп юноши, с которого ей показали снимок. Мать на снимке опознала своего сына, но остались тайной обстоятельства его гибели. П. А. так и не знал о судьбе своего сына, а вся тяжесть горя пала на мать.

Такова была судьба Павла Александровича. Назовём её условно «первой судьбой» человека из нашей «латинской семьи».

Вторым «ушёл» от нас Иван Нилович Мезенцев. Вскоре после того, как «это» с ним случилось, я встретил одну нашу общую знакомую учительницу, хорошо знавшую его, и лишь только поведал ей об этой новости, она тут же сказала: «он был работяга». Да, он был «работяга» и укоротил свою жизнь, «перетянув струну» на работе. На плечах у него было три сына, одна дочь и жена. Все дети учились в медицинском институте. Учились всяко: плохо учился младший. Несколько раз ему угрожало увольнение за неуспеваемость,

и только буквально благодаря мольбам отца удалось привести его к финишу в институте. Выше мной уже было отмечено, что И. Н. не любил оставлять незанятыми встречавшиеся ему свободные уроки, и прибирал их к рукам. Во время войны он обычно в 8 часов утра выходил из своего дома в Пионерском посёлке и за день обходил всю свою «империю», в которую входили: сельско-хоз[яйственный] институт, шестьдесят пятая школа, фельдшерская школа, юридический ин[ститут]-т и медицинский ин[ститут]-т. К 9 ч[асам] вечера он возвращался домой. Так в течение учебного года, а в августе, после небольшого перерыва занятий, он производил приёмные экзамены в институты. Он обычно выступал в этом случае в роли «подрядчика». Непременным членом своей бригады он включал меня, причём никогда не спрашивал моего согласия на это, а просто объявлял: «Василий Алексеевич, я Вас включил в состав комиссии». Особенно тяжёлый «подряд» он взял в ... году, за год до «этого». Мы взялись провести приёмные экзамены в мед[ицинский] ин[ститут]-т, юридический ин[ститут]-т и в ВЮЗИ. Наплыв был большой. Стояли жаркие дни, а И. Н. был излишне толст. Он приходил на экзамен, и у него летняя лёгкая тужурка была по пояс мокрой от пота. Несколько минут он сидел с тяжёлым дыханием от ходьбы. Последний экзамен мы с ним проводили 21-го августа в мед[ицинском] ин[ститут]-те. Разговаривали об одном и том же, я буквально повторял только что сказанные им слова, а он горячился и спорил. Вижу: с ним что-то неладно. На другой день узнаю, что он в клинике по нервным болезням у проф[ессора] Шефера. Констатировали – лёгкое кровоизлияние в мозг. С этого момента и началось у Ивана Ниловича медленное сползание к «тому»: выйдет из клиники, немного поработает и опять в клинику. Оттуда всё писал: «скоро стану в строй», а роковая развязка неумолимо надвигалась. Когда давление поднималось до предела, его сын врач «спускал кровь», но в последний момент кровь не пошла, и наступил *exitus letalis*.¹⁹²⁵ Так завершилась «вторая судьба» в нашей «латинской семье». Как-то мы с Иваном Ниловичем возвращались домой после приёмных экзаменов в юридическом ин[ститут]-те и он в глубоком раздумье почему-то заметил: «кому-то из нас двоих придётся «проводить» кого-либо из нас». Он имел в виду проводы в «последний путь», т. е. на кладбище, но получилось так, что эта «честь» пала на меня, но я не мог «это» осуществить: я узнал об «этом», когда И. Н. уже похоронили.

Третьим ушёл от нас Пётр Иванович Глебов. Он продолжал работать в институте иностранных языков. Всё хотелось ему «остепениться» и он готовил работу на тему: «Не» и «ни» в русском языке». Ездил в Москву на консультации. Жил долго одиноким, но на старости встретил неудачницу в семейной жизни Игноратову З. И., директора ин[ститут]-а усовершенствовании учителей и сделался третьим её мужем. И вот: подкрался рак печени. Это была «третья судьба» среди нас.

---

¹⁹²⁵ *exitus letalis* – по-латински смертельный исход.

Четвёртым ушёл от нас Николай Владимирович Бунаков. Он работал до «победного конца» в медицинском ин[ститу]-те. Дряхлел на глазах у всех. Говорили, что в «прошлом» жизнь у него была бурной и с коварными приключениями. И вот стали сдавать ноги, руки тряслись. Похоронил жену и снова женился: ему за семьдесят, а ей сорок пять. У ней две взрослые дочери, и они травили нового «папу». Дряхлость стала прогрессировать. Скончался он по «методу» императрицы Екатерины II, т. е. в комнате с двумя пулями. Жена его как рассказывала об этом событии: «Поставила я перед ним тарелку с щами, а он отлучился. ... Жду, жду. ... Заглянула «туда», а он – мёртвый». Женщины уверяли, что смерть его ускорила вторая женитьба: не по себе взял дерево. Им, конечно, виднее. Хоронили его 30-го сентября, а с 1-го октября он должен был получать пенсию в 970 руб.

Это была «четвёртая судьба» среди нас, правда с трагикомической развязкой.

Пятым ушёл от нас Владимир Александрович Наумов. Долго он сопротивлялся, но года три тому назад и он, подчиняясь тезису: «*Mors naturae lex est*¹⁹²⁶», - сдался. У него тяжело сложилась семейная жизнь. Было у него два сына и оба они погибли во время войны. Один погиб на войне, а другой умер с голода в Ленинграде во время блокады. Этот сын В. А. начал учиться в Свердловском мед[ицинском] ин[ститу]-те, но его товарищ по ин[ститу]-ту, сын проф[ессора] Чаклина¹⁹²⁷, уговорил перевестись в Ленинград. Когда началась блокада Ленинграда, то Чаклин как сын профессора был эвакуирован, а Наумов остался и погиб от голода. Это отразилось на здоровье отца: у него постепенно стали сохнуть ноги. Некоторое время он с тросточкой приходил ещё в медицинский институт на занятия по латинскому яз[ыку], но потом ноги совсем отказались от движения, и был прикован к кровати. Такова была «пятая судьба» одного человека из нашей «латинской семьи».

Скрылись с нашего «горизонта»: Савин Осипович Кустанович и Ричард Осипович Элледер. Первого, как говорят, во время войны видели в Горном институте в качестве руководителя студенческим хором и больше не видал никто его в Свердловске, а о втором говорили, что он уехал работать на Кавказ, потому что в Свердловске преследовали «шанхайцев». Судьба их не известна.

Где-то, очевидно, по близости блуждает «шестая судьба» ...
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 115-130.

---

¹⁹²⁶ *Mors naturae lex est* – по-латински «Смерть – есть закон природы».

¹⁹²⁷ Чаклин Василий Дмитриевич (1892-1976) – хирург, ортопед-травматолог.

Моя научная деятельность в вузах Свердловска

В обязанность учителей вузов входила научно-методическая работа. У штатных преподавателей она включалась в бюджет их рабочих часов, оплачиваемых на ставку. Чаще всего это была работа по составлению словарей по иностранным языкам применительно к той или иной специальности, изучаемой в вузе, методические разработки на частные темы и пр. Мною были выполнены следующие работы, которые рассматривались на заседаниях предметных секций, или кафедр.

1. Лингвистические опыты римских юристов как материал к изучению лексикологии латинского языка (*Corpus iuris civilis. De verborum significatione*).

«Римское право» считается логикой юридических наук, конечно, известного направления, т. е. буржуазного направления. Римские юристы, такие, как: *Paulus, Pomponius, Ulianus* много работали по выяснению значения отдельных юридических терминов, раскрытию объёма понятий, содержащихся в них, специфического значения их. Эти материалы собраны в «*Corpus iuris civilis*» под заголовком: «*De verborum significatione*» (О значении слов). Например: «*Etiam aureos nummos «aes» dicimus*» (Ульпиан, 1, *ad sabinum*). Золотые монеты мы также называем медью».

Юристы старались обосновать свои определения на каком-либо авторитете. Например: у юриста Гая при определении «*Plebs est ceteri cives sine senatoribus*» (Плебс есть прочие граждане без сенаторов). Есть ссылка на Закон XII таблиц. Поэтому в своей работе на данную тему я выделил под/тему: «Роль авторитета и традиции в лингвистических опытах римских юристов».

2. Вопросы латинской лексикологии в сочинениях римских грамматиков и юристов. Из римских грамматиков мною были взяты опыты по лексикологии Секста Помпония Феста и Марка Теренция Варрона. Любопытно, что сочинения этих грамматиков я нашёл в библиотеке III отделения, которая, вероятно, частично передана институту иностранных языков Свердловска.

3. Явления полисемантизма в латинском языке, их типы и закономерности образования.

4. Методическая разработка: «Латинский язык в группах, изучающих немецкий яз[ык]» (находится в мед[ицинском] институте).

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 131-134.

*Моё учение в Вечернем университете марксизма-ленинизма
при Свердловском горкоме ВКП(б)*

В университете, как значится в моём удостоверении об окончании в нём учёбы, я учился с [26-го] сентября 1949 г. по 30-е июня 1951 г. Это было в моём возрасте от шестидесяти двух лет до шестидесяти четырёх лет.

Занятия проходили по двум направлениям: лекции и семинары. Наиболее солидно были организованы занятия по «диалектическому и историческому материализму». Лекции по этой дисциплине читал доктор философских наук Георгий Алексеевич Курсанов¹⁹²⁸, а семинары проводил кандидат философских наук В. Нестеров.

По политической экономии лекции читал зав[едующий] кафедрой полит-экономики юридического ин[ститу]-та, кандидат Косяков, а семинары вёл старший преподаватель той же кафедры – ... Семинары по истории ВКП(б) вёл преподаватель кафедры марксизма-ленинизма мед[ицинского] института Пётр Степанович Кухарёнок.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 135-144.

---

¹⁹²⁸ Курсанов Георгий Алексеевич (1914-1977) – специалист по теории познания и философским вопросам естествознания. Окончил Московский институт инженерного транспорта в 1936 г. Кандидат философских наук (1939). В 1939-1941 гг. работал научным сотрудником института философии Академии наук СССР. В 1941-1959 гг. работал в вузах, руководил кафедрами марксизма-ленинизма и логики, был на партийной работе. Доктор философских наук (1951). В 1959-1962 гг. профессор Высшей партийной школы. В 1962-1969 гг. заведующий кафедрой философии Института общественных наук, в 1969-1971 гг. заведующий отделом журнала «Проблемы мира и социализма». С 1971 г. старший научный сотрудник института истории и естествознания Академии наук СССР.

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК «ТРОЕ»
О ПРЕПОДАВАТЕЛЯХ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
В СВЕРДЛОВСКОМ МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ
П. А. ЛИПИНЕ, В. А. НАУМОВЕ, В. А. ИГНАТЬЕВЕ***

Все трое они были преподавателями латинского языка в Свердловском государственном медицинском институте, причём все трое – старшими преподавателями. Все трое в разное время учились в Камышловском духовном училище и в Пермской духовной семинарии. У всех них были одни и те же учителя, как в духовном училище, так и в семинарии, и поэтому, воспоминания их о юношеских временах во многом были общими, во многом сходными, но в некоторых отношениях и различными в соответствии с их индивидуальными чертами. Различались они также по возрасту с интервалами примерно в пять лет. Всех их на работе объединял один и тот же заведующий кафедрой латинского языка – Иван Нилович Мезенцев. Все же они под руководством И. Н. Мезенцева принимали участие в приёмных экзаменах в институты – медицинский и юридический. У всех трёх у них был один и тот же стиль преподавания: ясность и точность объяснений, требовательность и настойчивость в достижении хороших результатов усвоения предмета. У всех троих была высокая трудоспособность и дисциплина, воспитанные ещё в юношеские годы. Однако, различными путями они пришли в медицинский институт, в разное время оставили его и различная была у них дальнейшая судьба.

Больше всего медицинскому образованию вообще и в том числе медицинскому институту отдал своих сил и при том лучших сил Павел Александрович Липин.

По окончании курса в Казанской духовной академии, П. А. сначала был преподавателем в Екатеринбургском торговом училище. После Великой октябрьской соц[иалистической] революции, с момента организации рабфаков, П. А. был заведующим учебной частью и преподавателем в Свердловском медицинском рабфаке и, можно сказать, на своих плечах вынес большую часть тяжести организации его и руководства его академической стороны. Те, кто знали П. А. в это время, по достоинству оценили его труды. Так, указанный выше И. Н. Мезенцев, дети которого учились на мед[ицинском] рабфаке, называл П. А. кратко: «работяга».

С прекращением существования рабфаков П. А. перешёл на работу преподавателем латинского языка. Здесь с ним и встретился на работе автор этой статьи. П. А. перешёл на работу в медицинский институт с явно подорванным здоровьем. Во время работы на рабфаке ему пришлось жить в общежитии студентов барачного типа, где условия для упорной работы были явно неподходящими. Не лучше они были и после перехода в медицинский ин[ститут]. Его квартира опять-таки была в студенческом общежитии каркасного типа, холодная, с шумными соседями. В нём он жил с женой,

которая в это время где-то работала, и сыном Германом, который заканчивал десятилетку. Мальчик увлекался рисованием, учился хорошо, но имел один существенный порок: оглох на одно ухо. В таком положении П. А. застигла война. В августе 1941 г. студенты мед[ицинского] института были направлены на Московский торфяник вблизи Свердловска, а с ними в числе других преподавателей и П. А. На торфяник приходилось ходить пешком, что взад и вперёд составляло примерно десять километров. На торфянике приходилось большую часть времени стоять, ходить приходилось вприпрыжку, часто бегать под дождём, в результате чего у П. А. обострилась болезнь – геморрой, но он храбрился и дотянул до конца месяца. 20 сентября студенты направлены были на уборку зерновых в Сысертский район, а в числе преподавателей при них был опять-таки П. А., который чувствовал себя явно плохо. Товарищи уговаривали его встать на больничный листок, но он всё отказывался, пока ... с ним не случился припадок, после чего его отправили в Свердловск. Между тем состояние питания всё ухудшалось, и он слабел.

В 1942 г. сын его Герман был призван в трудовую армию в Челябинск, и у П. А. ко всему прочему присоединились заботы о нём. П. А. решил переехать в Мотовилихинский завод, где жили родители его жены с расчётом на их помощь, и переехал, но истощение организма его – дистрофия – настолько поразили организм, что он вскоре умер. Он умер, не испытав тяжелого семейного горя, которое его подстерегало и произошло почти в один день с его смертью. Когда смертельный исход уже явно определился, жена П. А. телеграфировала об этом сыну. Как потом выяснилось, он усиленно хлопотал перед своим начальством об отпуске, но, не получив разрешения, самовольно отправился в путь... и потерялся. Потом обнаружилось, что в Свердловск в это же время пришёл поезд с челябинским углем и в одном из вагонов оказался труп молодого человека. Кто был этот юноша, и что с ним случилось – осталось тайной, но по некоторым признакам, установленным следствием и подтвержденным матерью Германа – это был он. Вот какая трагедия произошла у нашего товарища и друга – Павла Александровича Липина: *Sit tibi, amice noster, terra levis!*¹⁹²⁹

На смену П. А. пришёл Владимир Александрович Наумов.

Владимир Александрович был моложе П. А. примерно на пять лет. Он кончил Московский университет и сначала работал в Камышловe, а потом переехал в Свердловск. Он перешёл в медицинский институт из одной десятилетней школы, где он преподавал географию и только что введённый в этой школе в виде опыта латинский язык. В медицинском институте В. А. работал до 1954 г. и одновременно преподавал латинский яз[ык] в медицинском училище. Во время Великой Отечественной войны В. А. потерял двух своих единственных сыновей: одного на фронте, а другого в

---

¹⁹²⁹ *Sit tibi, amice noster, terra levis!* – по-латински «Пусть тебе, друг наш, земля будет пухом!»

Ленинграде во время блокады его. Этот его сын начинал учиться в Свердловском мед[ицинском] институте, но, сговорившись с сыном профессора мед[ицинского] ин[ститу]-та Чаклина, перевёлся в Ленинградский мед[ицинский] ин[ститу]-т, причём во время блокады Чаклину как сыну профессора удалось эвакуироваться из Ленинграда, а он остался и погиб. Естественно, что такое горе потрясло родителей. В. А. стал терять способность передвижения вследствие ослабления деятельности мышц ног. Процесс развивался постепенно и ни больничное, ни курортное лечение не дали положительного результата, и пришлось оставить работу. В настоящее время В. А. потерял всякую способность пользоваться ногами.¹⁹³⁰ *Sic transit gloria mundi!*¹⁹³¹

Третьим их этих «троих» был автор сего – Василий Алексеевич Игнатъев. Он был старше Липина примерно на пять лет, а Наумова – примерно на десять лет. Естественно, что и *curriculum vitae*¹⁹³² его было разнообразнее и сложнее.

В медицинский ин[ститу]-т он пришёл с курсов мастеров соц[иалистического] труда на ВИЗе в 1938 г. К этому времени стаж педагогической работы его подходил к 25-ти годам. Он окончил Казанскую духовную академию в 1913 г. по разделу словесных наук. В течение двадцати пяти лет он работал в самых разнообразных типах учебных заведений: в реальном училище в Бугуруслане б[ывшей] Самарской губ[ернии]; в мужских гимназиях и семинарии в Перми; в духовном училище, женской гимназии, коммерческом училище и школе II ст[упени] в Слуцке б[ывшей] Минской губ[ернии]; в ФЗУ, на технических рабочих курсах на ВИЗе; в Вечернем комвузе ВИЗа и филиале рабфака мастеров соц[иалистического] труда. В основном в течение этого времени В. А. был преподавателем русского языка и литературы, но в течение примерно трёх лет преподавал латинский яз[ык]: в Пермской мужской гимназии Циммерман (1 г.), в Слуцкой женской гимназии (1 г.) и Слуцком дух[овном] училище примерно год. В Слуцке два года работал старшим счетоводом Центробелсоюза, а в Свердловске в 1943 г. в течение полугода чернорабочим и десятником на складе топлива на ВИЗе (*sic!*). Ох, и живуче семинарское племя! Так диктовали условия бытия.

Латинский язык в Свердловских высших уч[ебных] заведениях в общей сложности преподавал около 18 лет, а именно: в медицинском институте с перерывами – 10 лет, в юридическом институте – 4 года, в институте иностранных языков – 4 года. По совместительству преподавал лат[инский] яз[ык]: в сельско-хозяйственном ин[ститу]-те на вет[еринарном] фак[ультете] – 3 г. и педагогическом ин[ститу]-те – 1 год. Из всех этих институтов

---

¹⁹³⁰ «В[ладимир] Алекс[андрович] вышел на пенсию по линии работы в школе-десятилетке. В соответствии с положением о награждении учителей этой категории он был награждён орденом Ленина». (Примеч. автора).

¹⁹³¹ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит мирская слава!»

¹⁹³² *curriculum vitae* – по-латински ход жизни.

серьёзное всего латинский язык проходил в юридическом ин[ституте]-те, потому что там он поставлен был конкретно на обслуживание «Римского права», а это было хорошим аргументом для студентов для убеждения их в необходимости изучения языка. Да и сам профессор «Римского права» ревниво следил за усвоением студентами латинского языка.¹⁹³³ А вот в институте иностранных языков преподаватели их всё-таки никак не хотели наладить опору в латинском языке: а хотели, чтобы для них это делали латинисты при 80 или 100 часах, отведённых на латинский язык, а они почивали на лаврах. Что касается медицинского ин[ститута]-та и ветеринарного факультета, то в них собственно изучался не латинский язык, а медицинская латынь. В пед[агогическом] институте латинский язык был введён по предложению проф[ессора] А. П. Георгиевского, А. В. Затопляева (б[ывшие] семинаристы) с целью расширения филологического горизонта студентов, и всё было основано на пропаганде необходимости изучения языка, но реакция на пропаганду была всякая: кто-то внимал голосу пропагандистов, а для кое-кого она (пропаганда) была «гласом вопиющего в пустыне»; у таковых явно на лице было написано в адрес преподавателя: «милый ты человек и, как видно, патриот лат[инского] языка, но и мы тоже, милые люди, и нельзя ли было бы обойтись и без него» (*sic!*).

По приобретенной в семинарии и академии привычке писать сочинения В. А. принимал участие в журнале «Профтехническое образование на Урале», который, правда, недолго существовал. Во время работы в медицинском ин[ституте]-те им были написаны работы типа рефератов:

- 1) Преподавание латинского яз[ыка] для изучающих немецкий язык.
- 2) Явления полисемантизма в латинском яз[ыке] и их закономерности.
- 3) Лингвистические ответы римских историков-грамматиков и значение их для изучения истории и лексики латинского языка.

Во время работы в юридическом институте:

- 1) Лингвистические опыты римских юристов-классиков и значение их для изучения истории и лексики латинского языка.
- 2) Римская семья в произведениях римских юристов-классиков.

Во время работы в институте иностранных яз[ыков] делал на кафедре доклад на тему: «О лингвистических трудах Секста Помпония Феста, Марка Теренция Варрона и Иония Марцелла».

Скоро будет уже четыре года, когда В. А. на пенсии. За это время он вторично отредактировал свои вышеуказанные рефераты и передал их своим преемникам-преподавателям лат[инского] яз[ыка]: в медицинском институте (их теперь три девицы, из которых одна из его учениц в ин[ституте]-те иностранных языков) в напутствие и руководство в жизни!»

*Dixi et animam levavi!*¹⁹³⁴

---

¹⁹³³ Автор имеет в виду Винавера Александра Марковича.

¹⁹³⁴ *Dixi et animam levavi!* – по-латински «Я сказал и облегчил душу!»

Теперь, если подвести баланс той работе, которую провели в Свердловске в области преподавания латинского языка в высших учебных заведениях трое бывших учеников Пермской дух[овной] семинарии – Липин П. А., Наумов В. А. и Игнатъев В. А., то нужно сказать, что они в течение одного, а Игнатъев почти двух десятилетий обслужили потребность в преподавателях-классиках г. Свердловска на 60-70 процентов. Отмечая их заслугу, нельзя не вспомнить и не помянуть добрым словом тех, кто учил их латинскому языку, а именно: в Камышловском дух[овном] училище, главным образом, – Ивана Кузьмича Сахарова, а в Пермской дух[овной] семинарии – Ивана Ермиловича Губкинского. Теперь, очевидно, нужно им сказать: «*Sit vobis, magistri nostri, terra levis!*»¹⁹³⁵

11/X.[1960] 9 ч. вр[емя] св[ердловское]

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 720. Л. 1-8.

*В «свердловской коллекции» воспоминаний автора отсутствует.

---

¹⁹³⁵ *Sit vobis, magistri nostri, terra levis!* – по-латински «Пусть вам, учителя наши, земля будет пухом!»

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ VIII

Мезенцев Иван Нилович.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 11.

Удостоверение Игнатъева В. А., преподавателя Свердловского педагогического института иностранных языков.
 ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 420. Л. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 72

Тов. Игнатъев В. А.

окончил двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма при Свердловском Горкоме ВКП(б).

За время учебы в университете с 1 сентября 1949 года по 30 июня 1951 года тов. Игнатъев В. А.

прослушал курс лекций и сдал экзамены

143

по следующим дисциплинам:

История народов СССР Хорошо

История ВКП(б) Отлично

Политическая экономия Отлично

Диалектический и исторический материализм Отлично

Тов. _____ прослушал курс лекций по дисциплинам:

_____

_____

_____

Свердловский университет марксизма-ленинизма
Директор _____
Заведующий отделением _____

«30 июня 1951 г.
г. Свердловск

НС34559. Зак. 905

Удостоверение Игнатъева В. А., окончившего двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма при Свердловском горкоме ВКП (б). 30 июня 1951 г.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 143/

Свердловский государственный педагогический институт иностранных языков. II-й курс.
I ряд (слева направо): Мухлынина, Кунгурова, Хохрякова, Журавлёва, Красикова, Казанцева.
II ряд (слева направо): Мезенцева, Турынова, Шумкова, Никулина, Бутыгина, Гореная, Шарилапин.
Внизу: Игнатъев В. А. [1950 г.]
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 95.

Урок латинского языка в 10 «б» классе средней школы № 65 г. Свердловска.
Отвечает ученик Алёшин. Преподаватель Игнатъев В. А...
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 102а.

«Уважаемому Василию Алексеевичу от студентов 103 группы. 21/VI-[19]55 г.
Шадур Г. В., Мещеряков А. А., Кушовлёв А. П., Гапоненко Ю. П., Галкин А. В., Садчиков В. А., Гусев Г. И., Кичёва Н. А.,
Иванова Р. И., Юдина К. Г., Смирнова А. А., Бенкина Ю. М., Клименко А. Г., Кошева А. Н., Морилова Л. Е., Величева Ю.
Е., Ключева В. А., Городищенская Н. М., Усанина И. А., Кулагина Т. Д.»
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 398. Л. 109.

Игнатъев Василий Алексеевич с женой Анной Фридриховной.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 867.

**В. А. ИГНАТЬЕВ
И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ**

**Часть IX.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ**

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ
Часть IX. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ

[1961-1970 гг.]

[«АНАТОМИЯ» РОДНОГО СЕЛА]

Теча (окрестности Течи)
(Лирическое описание)

[1961 г.]

Наше село Теча полное официальное название раньше имело такое: село Русско-Теченское, Шадринского уезда, Пермской губернии. Легко можно догадаться, что оно называлось русским в отличие от не русского, очевидно, башкирского, которое раньше существовало, но со временем прекратило своё существование. В наше время, т. е. со середины, примерно, девятнадцатого столетия, мы уже ничего не слышали о каком-то не русском селе Теченском. Предположение же о том, что это было башкирским селом основано на том, что около Течи в направлении к Каменску-Уральскому и Челябинску и теперь находится много башкирских деревень, например: Ашарова, Байбускарова, Иксанова – в сторону первого; Борисова, Муслюмова и др. в сторону второго. Многие русские сёла и деревни, соседи Течи, сохранили татарские, вернее – башкирские имена, например: Беликуль, Шуранкуль, Кошкуль, Айдыкуль и др., в названиях которых первая половина русская, а вторая – куль, что значит озеро, - башкирская.

Сокращённое село стали звать Русская Теча, а ещё короче – Теча. Название селу дано от реки Течи, на которой оно расположено. От названия сёл Верх-Теча, За-Теча (около Далматова).

Теча находится, примерно, в ста двадцати километрах от Шадринска, в 85-90 километрах от Челябинска, Далматова и Каменска-Уральского. На восток – ближайшей железнодорожной станцией является Чумлак. Таким образом, в прежние времена, т. е. в конце 19[-ого] века и в начале 20-го века ближайшими железно-дорожными пунктами к Тече являлись – Каменский завод или как тогда называли Каменка и Челябинск, который короче называли Челяба или даже Селяба. Хлеб же главным образом свозили на продажу в Каменский завод, откуда скупщики отправляли его в Англию.

Село расположено в Зауралье, где очень богатая природа: прекрасный чернозём, много леса, озёр, правда, рек немного и притом они небольшие. Речка Теча очень маленькая, летом сильно мелеет; во многих местах на ней раньше было много мельниц. Она впадает около Далматова в Исеть.

Окрестности Течи очень живописные. Село расположено на правом высоком берегу реки. На юге и севере его обрамляет бор, на востоке – мелкий березняк¹⁹³⁶ с перемежающимся с юга бором, называемым борками; много болот и мелких озерков; на запад открывается вид на заречные деревни Черепанову и Бакланову¹⁹³⁷ с полями и перелесками между ними. Так как село расположено на горе, то на запад открывается большая перспектива: за две-три версты можно у неё видеть приближающийся обоз с сеном или снопами; с другой стороны – и село видно издалека. Речка к югу от села образует много красивых извилин, с островами и полуостровами. На высоком берегу её в бору и дальше в березняке есть много красивых мест, которым мнимые «первооткрыватели» их – из детей местного духовенства – надавали различные названия: «Штатское», «Швейцария», Красная горка, Поганое.¹⁹³⁸

Все эти места, на юг от села, освящены богатыми воспоминаниями детских и юношеских лет нашего поколения. В этих именно местах раздавались молодые голоса: «Зрей наше юное племя: путь твой далёк впереди». Здесь возникало первое ощущение красоты природы; здесь всё питало воображение и творческую фантазию и здесь же, наконец, возникли художественные образы, которые в дальнейшем сливались с образами художественной литературы, придавая последней наиболее яркий, конкретный вид. Вот на левой стороне дороги, ведущей в Бродокалмак, у самого села кладбище с густым лесом, огороженное пряслон, с часовенкой по середине.¹⁹³⁹ Могучие берёзы на нём видели много слёз, когда привозили сюда родных и знакомых из Кирдов, Пановой, Баклановой, Черепановой и из самой Течи. По одной дороге и в одни ворота въезжали они в это место вечного упокоения, а потом над покровом пышных берёз находили разные места для своего пристанища. Только дерновые четырёхугольники, зелёные, покрытые цветами, и кресты с подписями на них говорили о том, что тут похоронены были когда-то жившие люди. Люди с такими же заботами – радостями и огорчениями, как и те, которые теперь приходили на их могилы. Тихо на кладбище, только издали доносится до него отдалённый шум мельницы и гул ближнего бора. Сюда иногда в ясный день заходили мы побродить между могил, заглядывали в часовню с мистическим трепетом, а вечерами старались быстрее пройти мимо, не глядя на могилы, чтобы не встретиться с кем-либо из покойников, о которых ещё в детстве нам

---

¹⁹³⁶ В настоящее время – берёзовый лес.

¹⁹³⁷ В настоящее время деревень Черепановой и Баклановой не существует, они входили в состав населенных пунктов, подвергшихся радиоактивному загрязнению, жители деревень были эвакуированы (отселены), а деревни снесены в 1957-1960 гг.

¹⁹³⁸ В настоящее время названия «Штатское» и «Швейцария» местные жители уже не используют, а Красная горка и Поганная горка существуют до сих пор.

¹⁹³⁹ Деревянная часовня во имя великомученика Георгия Победоносца на приходском кладбище была построена в 1837 г. В настоящее время часовни не существует, на месте старого кладбища находится бор, а новое кладбище находится вдали от тракта восточнее от старого.

говорили, что они могут вставать из могилы и появляться при луне. Впоследствии, читая «Сельское кладбище» В. А. Жуковского, мы рисовали его в своём воображении таким, каким видели его в своей Тече, а многое страшное, о чём приходилось читать у Н. В. Гоголя в его «Вечерах на хуторе близ Диканьки», заставляло нас вспоминать о тех страхах, которые в детстве возбуждало кладбище в вечерние часы.

С правой стороны дороги в том же направлении непосредственно примыкал к селу «маленький лесок». Под таким названием существовал мелкий березняк, расположенный на горке и под горой в пойме реки до мельницы. Он был на самом деле маленьким и по пространству и по величине деревьев и подводил из села в бор. Здесь разгуливали на свободе телята, козы, бродили деревенские дети с ягодами, т. к. считалось, что здесь не может быть бродяг, которыми в селе часто пугали детей. Этот лесок был несчастным, потому что каждый – большой или малый – считал себя в праве ломать ветви – большие – на веники, а малые – так для шалости. Для нас, детей, этот лесок был удобен в том отношении, что он был близок к селу; в нём всегда присутствовал кто-либо из взрослых, так как часть его была загорожена под гумна, куда загоняли телят, и через него проходила дорожка, по которой женщины ходили к реке полоскать бельё. Сюда мы и ходили на прогулки в лес. Здесь всегда был шум от падающей с плотины воды и от мельницы. Для детского воображения этот лесок казался уже лесом, населённым неведомыми существами, а бродячие телята казались замышляющими против нас различные козни. Вот почему, когда однажды от стада оторвался один телёнок и стал бегать по дорожке, по которой мы только что прошли, был принят нами за «будуньего» и нагнал на нас много страха.

Дорожка по «маленькому лесу» приводила прямо к запасной плотине у мельницы. Это было нашим первым знакомством с водопадом. Река в этом месте разделялась на два рукава, образуя остров. На одном рукаве её и расположена была мельница, а на другом рукаве устроена плотина для поднятия горизонта воды. Излишняя вода шла по верху, образуя водопад. Вода падала примерно с высоты 3-4 метра шириной в 6-7 сажен. У подножья плотины ставились морды, в которые чаще заползали раки, чем рыбы. Когда мы подросли, то тоже пытались здесь счастье. Нашему детскому воображению этот «водопад» представлялся целой Ниагарой. Здесь же мы познакомились с тем, что позднее стали называть омутом.

Этими видами замыкалось наше первое знакомство с окрестностями нашего села по реке Тече, так сказать, наш ранний детский микрокосмос. Дальше мы уже шли по следам наших старших братьев – «первооткрывателей» чудесных красок на реке Тече. Кто читал о Робинзоне Крузо, то не мог не воспламениться желанием открывать новые места в природе. Кроме того, вероятно каждый мальчик в известном возрасте по природе в душе является Робинзоном, если только не лишён фантазии и способности фантазировать. Естественно, что робинзоны были и среди

наших старших братьев. Они-то и были первооткрывателями «Штатского», «Швейцарии» и других мест, а Красная горка и Поганое ещё раньше известны были всему населению Течи. Наши «первооткрыватели» поднимались по реке вверх и пешим порядком по берегу и по реке на долблёнках – «битах». Здесь они открывали и острова и полуострова, заливы, проливы. Нашли даже остров Св[ятой] Елены, на который был сослан Наполеон. Все эти открытия они и передали нам, и не только передали, а привели нас на них и показали их. Это совпало уже с тем нашим возрастом, который является отчасти переходным к юношеству, а отчасти уже юношеским. К этому времени наш коллектив значительно разросся и пополнился за счёт приезжавших в село к родственникам юношей и девушек. Сборным пунктом являлось «Штатское место» в бору, у обрыва при спуске к реке. Кто назвал это место «Штатским» и почему так назвал – осталось не известным. Позднее дальше в бору открыто было тоже красивое место, которое названо «Поповским», как излюбленное место гуляний и «полей» местной «поповки», но название «Штатское» существовало раньше второго и независимо от него. Скорее «Поповское» позднее было названо в противоположность «Штатскому».

«Маленький лесок» от бора отделяет ров, образованный от размыва почвы ручьём при таянии весной. Ров этот стабилизировался, а сосны по обе его стороны защитили его от действия ветров, внизу и по бокам его пошла зелень, а по середине пролегла полоса от колёс – колея. Летом в это рве всегда тень и пахнет прелым мхом. Шум в верхушках сосен нарушает тишину внизу. Редко, редко проедет кто-либо по этому рву, к плотине с желанием сократить путь к ней вместо обычного по горе. За этим рвом чуть заметная тропинка вела к штатскому месту. Дорожка шла по глухому бору, покрытая шишками и иглами, падающими с сосен. Дорожка эта была больше ориентиром в движении, чем настоящей дорожкой, тропой, почему и была мало заметной. Почти неожиданно она заканчивалась просветом в лесу и обрывом. Маленькая площадка и составляла то, что называлось штатским местом. В этом месте лес, вода, небо смыкались в одну гармонию, и глазу открывалась даль с широкой панорамой далёкого леса, полей, луга с пасущимися на нём коровами, овцами и более близкими к нему мельницей и запасной плотиной. Почти не вооружённым глазом можно было видеть высокую тощую фигуру мельника с перевязанными верёвочкой волосами, хлопочущего около «вишняков» (коней для подвода воды к колёсам) и зычным голосом дающего команду «засыпке» (человек, который засыпает зерно в бункер для размола). Чудесный вид со «Штатского» открывался при солнечном закате, когда горизонт на западе становился пурпурным, вдали на лугу виднелись телеги с возвращающимися с полей крестьянами, вода в реке блестела от уходящих за горизонт солнечных лучей; в низинах речной поймы появлялись первые вестники поднимающегося тумана; устанавливалась ночная тишина; слышался только отдалённый шум водопада и вот-вот должна появиться луна и набросить тени на реку от стоящих у обрыва сосен.

Наступал час, когда песня сама собой зарождалась в душе и рвалась на свободу. Далеко, далеко разносились:

*Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы,
Вы руку жали мне – промчался без возврата
Тот сладкий миг: его забыли вы...
Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля.
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря...*

В жаркий летний день приятно было у обрыва под тенью сосен почитать книжку под убаюкивающий шёпот сосенок. «Штатское» было вместе с тем гаванью: здесь всегда опрокинутыми лежали баты рыболовов, лежали «вольны, не хранимы», чем и пользовались наши «первооткрыватели», отправляясь в свои походы. Здесь же одним летом стояла громоздкая лодка сына торговцев Васи Новикова, на которой «первооткрыватели» возили своих друзей, а главным образом – барышень на показ открытых ими мест вплоть до Еремеевской мельницы с остановкой на Красной горке и Поганом месте. «Штатское» было также местом для купанья, а в течение одного лета стояла даже купальня для жены земского начальника с плетёным коробом вместо стенок и пола, куда озорник из нашей же братии напускал раков.

За «Штатским» в низине реки – пойме был небольшой лесок, а за ним шёл опять высокий берег, круто спускавшийся к реке. Это было продолжение бора. Площадка на горе и составляла то, что называлось «Поповским». Река здесь образовала залив, в центре которого был маленький островок, а за ним был полуостров. И тот, и другой были покрыты берёзками, сосенками и травой со цветами. У островка был сделан, так называемый, копанец – узкий канал, перегороженный для установки морд. Здесь однажды нашли убитым нашего придворного рыбака Андрея Абрамовича. Бедняк, говорили, любил заглядывать в чужие морды, и вот однажды поплатился за это своей жизнью. Кто его убил – осталось тайной. Нужно сказать, что в селе было несколько случаев убийств в поле – и убийц никогда не находили. Случай с Андреем Абрамовичем имел, однако свои последствия, после этого озорники пугали им нас: вдруг поздно вечером кто-либо постучит в дверь, подделываясь под речь Андрея Абрамовича и скажет: «Не надо ли рачков?»

У островка была большая заводь, вся усеянная речными лилиями. Эта картина в дальнейшем предстала перед нами в стихотворении Бальмонта «Умиравший лебедь» - «Заводь спит...» Весь же обрывистый берег «Поповского» с тропинкой внизу у реки мы встретили потом в «Обрыве» И. А. Гончарова.

На «Поповском» устраивалось «поле». У обрыва шумел самовар, на траве расстилались половики, ковры, на них яства к чаю и к выпивке с закуской. Песни. Для молодёжи – танцы.

Конечным пунктом ежедневных прогулок по бору являлся мостик через родник на тракту, за польскими воротами вблизи «Швейцарии». Этот мостик, созданный попечением земства о дорогах, расположен в живописном месте окружённым, с одной стороны, бором, а с другой стороны, холмами, покрытыми ковром цветов. Родничок протекает по руслу, утопающему в цветах, и скрывается тоже в цветах по направлению к «Швейцарии». Традиционной песней при посещении мостика являлась «Мой костёр»... «Мы простимся на мосту...» дальше начиналось уже обратное движение по берёзовой аллее, идущей параллельно тракту. Много песен слышала эта аллея. Хор достигал 15-20 человек. В нём были представлены все разновидности голосов хорового ансамбля: басы, тенора, контральто и сопрано. Песни пелись в разнообразных тональностях: мажорные, минорные, а когда на небе уже появлялись звёзды, то «У зари, у зореньки» было обязательным для пения. Особенно трогательным эти прогулки были в конце летних каникул, перед отъездом на учение в разные города, когда и песни пелись на темы расставания: «Ты прости, прощай, мой край родной», «Мой костёр» и др.

На Красную горку, Поганое и Еремеевскую мельницу устраивались походы на лодке или пешком способом по горе бором. Все эти места исключительны по красоте. Между Красной горкой и Поганым расположены так называемые наволоки: сплошной лес черёмухи, увитой хмелем, внизу кусты чёрной смородины и высокий папоротник. Всё это составляет картину «джунглей» с густыми лианами. Сюда осенью ходили с мешками хмелевать, а раньше ещё за черёмухой и смородиной.

Ночью в наволоках появляется много светляков. На Красной горке сплошной ковёр дикого душистого горошка. У Поганова река делает крутую излучину с водоворотами. В этом месте были случаи, что тонули люди, почему и дано ему такое название. Сюда летом сельские мальчишки ездили в «ночное» и оно (Поганое) приобретало вид тургеневского «Бежина луга». Здесь перед праздником «Девятая пятница»¹⁹⁴⁰ однажды неводом ловили рыбу, и утонула одна девушка.

Еремеевская мельница была расположена у высокой крутой горы, которая видна была издалека. Усадьба и мельница были расположены на низком берегу среди полей и отгорожены от них пряслем. Здесь всегда было много телег с зерном для помола. Стая собак окружала подъехавшего к мельнице. В высокой горе был прорыт спуск к мельнице для подъезжающих со стороны тракта. С горы открывалась картина полей, перелесков; а мельница казалась прижатой к земле, и только шум воды говорил о том, что внутри неё идёт работа. На горе было много дикой вишни и клубники. Кругом цветы.

В этом же направлении за рекой расположены были поля на равнине. Ближние поля относились к насельникам деревни Черепановой, крестьянам-

---

¹⁹⁴⁰ Праздник «Девятая пятница» после Пасхи.

землеробам, а дальше – к насельникам деревни Пановой. В этих местах был жирный чернозём. Поля перемежаются с лесом, колками, как его здесь называют, из берёз и оски. На опушках колков сплошь и рядом находятся ягодники с дикой вишней и клубникой. Иногда виднеются высокие кусты черёмухи. В некоторых местах были загородки или около реки, или около какого-либо болотца. Ближние поля для водопоя лошадей примыкали к Еремеевской мельнице.

На дальних полях река протекала в лесистой местности, образуя иногда у берегов заводи, покрытые камышом. Около этих заводей густо растёт тальник, через который к реке вели узкие тропинки, по которым лошади водились на водопой. В этих местах было много диких уток, и совсем не было охотников.

Все эти окрестности села и поля изобиловали грибами, ягодами, хмелем, а река – рыбой.

Благодатные места и щедрая природа окружала Течу в те времена.

Совершенно другой ландшафт имели окрестности Течи с восточной стороны. Здесь были расположены гумна, которые были загорожены в направлении различных дорог, радиусами расходящихся на поля и в соседние деревни. Были дороги, которые вели на поля: Лёвина, Соляная, Шарковская; в деревни: Беликульская, Шуранкульская, Теренкульская. Бор в этом направлении был только с южной стороны и назывался борками, а всё остальное пространство было заполнено березняком, болотцами, лугами. У самых гумен – по дороге и в промежутках – были горы назёма, потому что землю на полях не удобряли. Назём этот потом сжигали. В прежние времена в каждом гумне был овин. Зимой, бывало, обмолот хлеба, свезённого с полей, затягивался до масленицы, и жизнь в гумнах кипела во всю. Обмолот начинали рано утром, а для освещения жгли солому. Овин топили ночью. Обычно топили старики. Для ребят было любимым занятием ходить на топку печей в овинах со стариками и печь здесь в золе картошку – печёнки. Если где можно было наблюдать самую отсталую технику ведения сельского хозяйства, то именно здесь на гумнах. Хлеб, подсушенный в овне, раскладывали на току в форме сильно сжатого круга комлями наружу. По этому кругу пускали в бег три или четыре лошади с мальчиком, сидящим «на вершине» у одной лошади. Мужчины и женщины ударяли молотилами – цепями по верхушкам снопов. Процедура эта продолжалась часами, пока не будет определено, что зерно достаточно выбито из колосьев. Иногда вместо трёх или четырёх лошадей с верховым, впрягали пару в самодельную машину – бревно, со вставленными в него шипами (палками). Эта машина, ведомая парой лошадей по снопам, обивала зерно, а в помощь ей шёл обмолот цепями. После обмолота солома сносилась в стог, а зерно сгребалось в кучу на току. Очистка зерна от половы производилась с использованием ветра: зерно с половой кидали кверху, а ветер относил полову (мякину). Насколько громоздким был обмолот таким способом свидетельствовало то, что он затягивался зимой до вечера при наличии 4-5 работников на один

овин. Не удивительно, поэтому, что как только появились первые молотильные машины с конным приводом, за них все ухватились, что дало повод богатеям подзаработать их машинами на обмолоте хлеба бедноты. Старики, было, пытались «охаять» машинный обмолот, указывая на то, дескать зерно при машинном обмолоте в большом количестве остаётся в соломе, что на первых порах и было при неумении пользоваться машиной, но задержать шествие техники было уже невозможно. При машинном обмолоте сначала ещё сушили снопы в овинах, а потом забросили и овины. С этого времени они остались только свидетелями прошлой отсталости и местом для гадания девиц на Новый год, правда, очень рискованным и неудобным, почему и гадание здесь тоже было оставлено. Гумна сохранялись только для держания в них телят, лошадей, если в них была срочная нужда. Были гумна лесистые, так что в них росли и ягоды.

За гумнами сразу начинался березняк. Сюда Петя Иконников¹⁹⁴¹ и ходил «сочить» берёзовку весной. Техника была при этом не мудрёная: делали в коре берёзы надрез, вставляли шнур из кудели, и сок бежал в бутылку. За гумнами иногда устраивались ловушки для волков: делалась клетка с двумя отделениями; в заднее отделение, закрытое наглухо, садили поросёнка; дверь механически закрывалась при попытке подойти к поросёнку. Но волк был куда хитрее: он предпочитал подойти ближе у гумнам, в которые иногда зимой пригоняли скот на полосу и здесь расправляться с коровами, жеребятами, а то и с лошадьми. Подальше за гумнами устраивались волчьи ямы, в которые иногда попадали коровы. С дорог в разных направлениях по лесочкам шли коровьи тропы. По ним они, «вольны и нехранимы» утром цепочкой, переваливаясь с боку на бок, в глубокой задумчивости – перерабатывая жвачку, шагали на восток, а с полдён поворачивались и шествовали на запад. Подходя к своим дворам, стремительно мчались в ограду к заготовленному им пойлу. Козы предпочитали разгуливать ближе к селу. По коровам определяли время: если они повернули на запад, значит – полдень миновал. По козам определяли погоду: если «ватники», как их называли, идут домой – быть дождю.

По Лёвиной, Шарковской и Соляной дорогам березняк до польских ворот простирался на километр, а по Беликульской и Теренкульской – километра на три. В направлении этих последних дорог главным образом и паслись коровы, а ближе к поскотине – под надзором пастуха овцы. Встречались маленькие болотца. В них были «мочевища», места, где вымачивалась конопля. Попадались также смолокурни. Если в леске чувствуется запах дыма – значит близко смолокурня. Было большое болото – «долгое болото», обросшее камышами. Сюда ездили весной на «батах» собирать яйца диких уток. Сюда же иногда ездили на прогулку, в «поле». Лес большей частью был мелкий, потому что его вырубали на дрова, но попадались «колки» довольно крупного леса. Один из них назывался

---

¹⁹⁴¹ Псевдоним автора.

«Якунина перемена». Перелески изобиловали земляникой, и в них можно было часто встречать стайки девочек, собирающих ягоды. Считалось, что в этих нет бродяг: они, как полагали, были в бору, прилегавшему к тракту, т. е. в южном направлении – на Бродокалмак. Леса изобиловали грибами: синявками, обабками, волнушками, сухими и сырыми груздями. В борках были рыжики. С этими лесами у Петра Алекс[еевича] связаны воспоминания о походах за грибами. Это были именно походы. Запрягалась лошадь или даже пара лошадей в большую телегу. С большими корзинами в руках в телегу до отказа набивалась вся семья. Сидели даже у самых колёс. Выезжали за гумна, с борками, и отсюда начинался поход. Сходились у телеги, ехали дальше к «долгому болоту» или к «Якуниной перемене», а отсюда движение шло обратно. Проверляли друг у друга успехи, выбрасывали, если у кого попадутся, гнилушки, червивые грибы, свиной. Если набралось грибов мало шли иногда на хитрость: на низ корзины складывали траву, а сверху – грибы. Это, чтобы не ударить лицом в грязь (?) перед соседями.

Устраивались ещё походы за ветками на веники. Это уже было дело взрослых. Перед отъездом на учение после летних каникул Пете Иконникову представлялась верховая засёдланная лошадь для гонки галопом, обычно накануне отъезда, и он стремительно носился по Беликульской дороге до поскотины и обратно.

На болотах было много уток, а охотников не было. Иногда, правда, ходил на охоту Вася Новиков, но он больше пугал уток, чем охотился. Начинать охотиться здесь и Пётр Алексеевич, но после неудачного случая с подстреленной уткой, оставил эту затею навсегда. Случай же был такой: трижды заряд попадал в утку и каждый раз подстреленная она встрепенётся и примет прежнее положение. П. А., наконец, полез в воду, добрался до утки, а «она» оказалась комлем кола, воткнутого для укрепления замоченной здесь конопли.

В этом направлении у Пети Иконникова знакомства завязывались и устанавливалась дружба с крестьянскими ребятами. Здесь были друзьями Вася «копалкин», Алёша Комельков, Нюнька и Костя Пименов. Их объединяли эти места потому, что они были соседями, вместе играли в прятки. С Костей же связывало, кроме того, соседство по гумнам. Зимой Костя ездил на гумно за мякиной (половой) и брал с собой Петю.

Прошлым летом Пётр Алексеевич посетил Течу и виделся с Костей, теперь уже Константином Пименовичем. Вспоминали прошлое. Прошли в те места, где были их гумна. Теперь там большой лес. Константин Пименович привёл П. А. на одно место и сказал: «вот здесь стоял овин и на вашем гумне. Эту берёзу здесь не было, а был здесь вход в «лазею» (место, где была топка). Стали прикидывать, сколько лет прошло с тех пор, как они зимой сюда ездили за мякиной, и, оказалось, по крайней мере, шестьдесят пять лет. ГАПК. Ф. р-923. Оп. 1. Д. 711. Л. 4-23.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Географическое и топографическое описание» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть I. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

Баклановский бор

[1961 г.]

Этот бор обрамляет село с севера. Он назван Баклановским потому, что расположен в сторону деревни Баклановой. Расположен этот бор не на горе и, поэтому обрывов к реке у него нет.¹⁹⁴² Проезд по нему бывает только зимой, когда река замерзает, и он в этом случае является связующим звеном между Течей и Баклановой.¹⁹⁴³ Летом сюда ходят только за грибами.

Петру Алексеевичу этот бор памятен по 1904 г., когда он по болезни прожил дома всю зиму и ежедневно отвозил в Бакланову и обратно привозил домой свою старшую сестру [Александру Алексеевну], которая была в этой деревне учительницей. Дорога по бору пролегает узкой полосой среди сосен. Длинной она была полтора километра, и П. А. обычно на это расстояние пускал своего коня галопом.

Памятен ему этот бор также потому, что той же зимой в него совершались поездки – катания молодёжи при луне....¹⁹⁴⁴

---

¹⁹⁴² В очерке «Баклановский бор (из юношеских воспоминаний)» (04 февраля 1970 г.) в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «В отличие от бора, который был на юг от села, он расположен на равнине и не имеет той красоты, какой отличается первый. Образно выражаясь, он также отличается от того, как проза от поэзии. С западной стороны его обрамляла река в плотную, а с других сторон его окружал березняк. Бор был небольшой: примерно с версту с небольшим вдоль реки и три четверти версты в поперечнике» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 10.

¹⁹⁴³ Там же: «По середине его была дорога, но летом она почти не использовалась, потому что через речку не было моста в деревню Бакланову, зато зимой, когда был ледостав, дорога оживала, потому что по льду можно было въезжать почти в середину деревни Зимой по ней редко-редко ездили на Баклановскую мельницу, которая была на северной оконечности деревни, а летом проезд через плотину мельницы был закрыт. Таким образом, большую часть года бор был отрезан рекой от деревни и был мало обжитым» // Там же.

¹⁹⁴⁴ Там же автор более подробно вспоминает: «Больше же всего Баклановский бор мне запомнился в зимние холодные вечера, когда луна, с дозором обходя небо, заставляет снег слепить глаза, а звёзды маревом горели на небе, и была наша юность, горячая, не омрачённая ещё грозой жизни. Это было тоже в 1903 г. на пороге моих 17-ти [лет]. Нашего брата Ивана (старше меня на 4 года) только что «забрили» в солдаты, и он был в состоянии ожидания вызова на царскую службу. «Рекрута» полагалось «ублажать». И был у нас молодёжный кружок, центральной персоной которого являлась только что приехавшая на работу учительницей пермская гимназистка Мария Ильинична Селиванова. Собирались, танцевали, пели. Между прочим, в кружке был фельдшер Нижновской больницы, ни имени, ни фамилии которого я не помню. У него была гитара, и он пел под аккомпанемент своей игры. Я запомнил только рефрен его романса:

За бором находится высокая гора, покрытая березняком, а у подошвы горы был родник. Эту гору однажды облюбовал себе для поселения какой-то странник. Население Баклановой ему поставило избушку. У родника сделали колодец. Питание ему приносили женщины. Каждое воскресенье он приходил в церковь, причём надевал на себя по этому поводу тяжёлый железный крест с цепями. К нему открывалось паломничество. Он старался изобразить из себя человека, которому бывают откровения. Так, когда кто-нибудь к нему приходил, то он говорил о том, что он уже предуведомлен об этом посещении, потому что ему было видение. Однажды нашли его в избушке убитым.

Вблизи села на север находились и теперь ещё находятся общественные склады зерна на случай неурожаев.

На запад от села, за рекой были расположены новолоки.

Одним летом про это место пущен был слух, что здесь по ночам бегает какой-то зверь с туловищем быка и человеческой головой. Этот слух произвёл такой переполох среди населения, что люди боялись оставаться там на ночь, а также избегали ночью проезжать этой местностью.

---

*«Ко мне, ни к другой,
Приди, милый мой».*

Вечерами ... мы устраивали поездки-прогулки в Баклановский бор. На розвальне мы накладывали огромный плетённый из ивовых прутьев короб, накладывали душистое сено, запрягали наших рысаков, размещали в коробе наших барышень во главе с «королевой» так, что было тесно, но не в обиде, и мчались в бор. Нашей любимой песней было:

*«Заложу я тройку борзых,
Тёмно-карих лошадей,
И помчусь я в ночь морозну
Прямо к Любушке моей.
Гей, вы кони удалые,
Мчитесь сокола быстрей.
Не теряйте дни золотые –
Их немного в жизни сей.*

*Пока в груди сердце бьётся,
Будем весело мы жить,
Пока кудри в кольца вьются
Будем девушек любить.*

*Гей, вы, други ...
Ночь была темна, морозна,
Ямицик тройку осадил,
С поцелуем жарким, нежным
Деву в сани посадил.*

*И махнув кнутом по тройке,
Звонко песню он запел:*

Гей, вы, други ...»

Мы пели, а сосны слушали наши голоса. Звёзды мерцали. Кони мчали. Было холодно, но сердце стремительно гнало горячую кровь. Да, было, было и быльём поросло» // Там же. Л. 11-13.

[¹⁹⁴⁵]

Таковы окрестности села Течи. Теперь лес кругом разросся, но река отравлена радиоактивными выделениями и отгорожена колючей проволокой. ГАПК. Ф. р-923. Оп. 1. Д. 711. Л. 23-24 об.

---

¹⁹⁴⁵ В очерке «Баклановский бор (из юношеских воспоминаний)» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «В сороковых годах, когда я был в Тече, я пошёл в Баклановский бор и вот что нашел: польских ворот, которые были при въезде в него, уже не было, как и изгороди. Дорога, сильно размытая дождями, имела рытвины и поросла травой. Было видно, что теперь здесь никто не ездил. По опушке бора, что ближе к Тече и немного вглубь разрослась малина, очевидно, кем-то посаженная. Сам бор – сосны носили явные следы запущенности: в разных местах его лежали и гнили сосны от бурелома. Была мёртвая тишина. Я не углубился в бор, а с грустью повернул домой. Далёкой, далёкой тенью вспорхнули в моей душе воспоминания о юности и том, что было связано с эти бором. ... По какому-то странному ходу мысли знаменитый Герцинский лес у меня всегда ассоциируется с Баклановским бором» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 11-13. Герцинский лес – лесистые горы в Германии от Рейна до Карпат. Название встречается ещё в произведениях римских авторов.

Теча

(общая картина села, описание с лирическим отступлением)

[1961 г.]

Теча расположена на правом гористом берегу реки одноимённого названия и протянулась по течению реки с юга на север на полторы две версты. Река в середине села образует небольшую излучину, так что село расположено в виде амфитеатра.

Село расположено на тракту из Челябинска в Шадринск. Главная улица в соответствии с рельефом местности немного изогнута, но в меньшей степени, чем река.¹⁹⁴⁶ В южной и северной частях главная улица больше отступает от реки, образуя замкнутые части села, из которых южная часть называется Горушками, а северная – Нижний конец.¹⁹⁴⁷ Параллельно главной улице вправо от неё, т. е. в большем отдалении от реки расположено четыре улицы¹⁹⁴⁸, которые пересекаются проулками в направлении с запада на восток.

Так как село расположено на горе, то к реке ведут спуски различной крутизны; в северной части они менее крутые, так как берег там ниже. Спуски эти образованы или размывом весенней полоёй воды, или руками людей, чаще же всего к работе сточной воды присоединена была работа людей. Главным спуском раньше был спуск у так называемого «крестика», старого кладбища, где образовался глубокий ров, довольно пологий по уклону.

У этого рва в прежние времена устраивался мостик через реку с небольшой насыпью от горы аршина в 3-4, называвшейся «быком». Мостик этот ежегодно сносило льдом, но никакой защиты ото льда не устраивалось, а считалось, что уже самой природой так определено, чтобы его ежегодно строить заново. Впрочем, и самый мостик был такой, что и защищать то было нечего: ставили три-четыре сваи, на них накладывали жерди, наваливали навоз, по краям из жердей делались перила. Навоз на мостике время от времени проваливался в реку и тогда снова его сваливали и разбрасывали по мостику. На мостике от колёс выдавливалось две колеи различными углублениями, так что воз шатало с боку на бок. Мостик издавал скрип, как не смазанная телега. Никто никогда не проверял его грузоподъёмность, и люди по различному относились к нему: доверчивые не слезали с телеги, если даже они были с грузом, а терпеливо переносили мотание из стороны в сторону; не доверчивые выходили из экипажа или слезали с воза и в некотором отдалении шествовали сзади с затаённой мыслью о том, что если суждено будет провалиться, то пусть провалится воз или экипаж, а «не я».

---

¹⁹⁴⁶ Главная улица ныне – Советская, через которую проходит трасса Челябинск-Шадринск.

¹⁹⁴⁷ В настоящее время в селе Русская Теча существуют «Горушки» (ул. 8 Марта), а «Нижний конец» села называется «Москва» (ул. Первомайская).

¹⁹⁴⁸ В настоящее время это улицы: Кирова, Чапаева, Октябрьская и 60 лет СССР.

Сам екатеринбургский владыка, когда ехал из Сугояка в Течу, вылез из экипажа и прошёл пешком через мостик, сопровождаемый келейником. Когда же однажды через Течу проходил караван верблюдов, то они подняли страшный рёв, и через мостик переползали на коленках, а за мостом плевались в ротозеев-мальчишек. В истории Течи сохранялся только один случай бесстрашного переезда через мостик, когда один пьяный баклановец, возвращаясь домой из гостей в «Девятую», ещё с горы разогнал коня и на мосту вылетел из коробка, но не убился и не утонул. Говорили даже, что и конь с экипажем слетели в воду. Перила на мостике еле-еле держались, и существовали больше не для охраны при движении, а для вида: «так положено».

Вид мостика был, что говорить, неказистый, но мостик в селе играл очень большую роль: после базара это было, пожалуй, самое людное место, место общественных событий. Дело в том, что здесь была довольно глубокая яма, где можно было поплавать, понырять, искупать лошадей. В остальных местах река летом настолько мелела, что чуть-чуть достигала до пояса. Поэтому по праздникам здесь всегда было много людей. В яме на небольшом пространстве всегда было столько народу, что над водой сплошь торчали головы; картина очень напоминающая момент «Крещения Руси» на полотне известного художника. Вся эта масса людей кричала, плескалась водой, сорилась, ругалась. Особенно же здесь было оживлённо, когда приходили купаться некоторые смелые девицы. Купальных костюмов не полагалось и только вода могла скрывать очертания тела, к тому же некоторые из них и не старались что-либо скрывать, а под мостом взбирались на перекладины свай и сидели здесь, как русалки или наяды. В этих случаях ценители женской красоты не стеснялись в своих замечаниях. Иногда эти ценители нарочно загоняли красавиц на сваи, чтобы лицезреть их в облачении прародительницы Евы до её грехопадения.

Сюда же приводили купать лошадей, что было особенным удовольствием для мальчишек, потому что им именно поручалось купание их. Сколько удовольствия доставляло тащиться за конскими хвостами, когда лошади плавали, держаться за гриву или за хребет плывущей лошади. Они от удовольствия кряхтели, вытягивали свои морды. Особенно нравилось купать знаменитого кокшаровского Пеганка. Он был гордый конь, и не всякому доверялось его купать. Сколько удовольствия было наблюдать коня-баловня, не изнурённого работой, коня в его первоначальной природной красоте, пылкого, трепетного, рвущегося к бегу, когда, наконец, прыгнет кто-нибудь на него и вцепится в его гриву, а его спустят, и он вихрем понесётся в гору.

Для мальчишек купанье у мостика было, во-первых, признанием их искусства в плавании, повышением мастерства их, переходом в следующий класс, а во-вторых, местом, где они демонстрировали свою смелость, удачу. Купание для детей начиналось со «своего берега» реки. Это стадия раннего детства. Переход на купание у мостика – это уже новая ступень, более зрелая. Сказать: «я купаюсь у мостика» - это равносильно тому, чтобы сказать: «я

вырос, я умею плавать, нырять и я могу защитить себя от разных обидчиков, которые, например, любят «солить» (забрасывать мокрого песком), или путать штаны так, что не распутаешь их. Смелость проверялась на прыгании с моста в воду, причём существовала целая школа приёмов прыгания: с моста вниз ногами, с моста вниз головой, с перил вниз ногами и высший класс – с перил вниз головой. Нужно пройти все эти стадии, чтобы заслужить уважение сверстников.

У моста устраивали купальни «господа». Так с левой стороны моста однажды поставлена была купальня станowym приставом Селивестровым. В этой купальне потеряла колечко единственная дочь его Маша и попросила мальчишек отыскать его за пряники. «Водолазы» приняли предложение и ныряли до того, что глаза налились кровью, но, увы, ... пряники сорвались.

Значительно позднее с правой стороны мостика на противоположном берегу устроена была купальня земским начальником Стефановским для «барыни». Купальня была огорожена зелёными берёзовыми ветвями и узкой стеной, но низ у ней был открытый, так что в неё можно было проникать свободно, хотя дверка была закрыта на замок. В купальне был синий флажок, который нужно было поднимать, когда кто-либо купался: это был знак, что купальня занята. Времена тогда (это было до [1]900 г.) были патриархальные, классовая борьба ещё не была развита, но всё-таки, когда кто-либо из «господ» приходил в купальню купаться, то находил следы побывавшего здесь человека в виде горок со специфическим запахом. Нет, уже в те времена не нужно было ставить купальни в местах общественного пользования.

Позднее, после [1]900-х годов у мостика наставили кузницу прибывшие откуда-то братья Крохалёвы. Много зла они привезли с собой в Течу: злые драчуны они завели в Тече моду устраивать драки по большим праздникам, да какие драки – с поножовщиной.

Ров, который вёл к мостику, тоже памятен автору сего по двум случаям в жизни. Первый случай такой. В голодный год, когда школьники ходили по полям – ловили и сжигали саранчу, ему пришлось с работником везти в поле им пшённую кашу в корчагах. Телега была только что вымазана смолой и как следует не просохла. При спуске лошадь стала сбиваться с колеи то на одну, то на другую укосину, и каша немного сплеснулась на телегу в места, где смола ещё не совсем просохла. Что делать? Сплёски каши с привкусом смолы были очищены ... языками. Второй случай был печальным. Когда снимали последний урожай (после того, как кони были зимой сворованы), сивый «Никитич», один не поддавшийся вора́м, был направлен на перевозку снопов с поля на гумно. Воз, как видно, был ему не по силам, на гору он его поднял, но зашатался и ... сдох. Так погиб «Никитич», наш верный конь.

ГАПК. Ф. р-923. Оп. 1. Д. 711. Л. 25-31 об.

Давать названия улицам или целым районам в городах, сёлах и деревнях являлось потребностью удобнее и легче ориентироваться в их «жизненном пространстве». В городах ввиду их величины это было необходимо, а в сёлах отчасти необходимо, а отчасти привычкой давать прозвища, клички. В Тече были в ходу такие названия её отдельных частей: Горушки¹⁹⁴⁹, Макаровка¹⁹⁵⁰, Зелёная улица.¹⁹⁵¹

Всё село было расположено на горе, нужно было выделить часть его, чтобы отличать от других, её и называли Горушками. Иногда их называли «Горюшками», и это было совершенно закономерно, потому что про этот именно район Течи преимущественно можно было сказать, что в него именно и забрело «горе горькое», которое «по светя шлялося». Собственно Горушками называли улицу, которая расположена была у обрыва горы, но к ней экономически примыкал и тот порядок домов, который доходил до тракта: жители этих домов имели у реки огороды, к реке вели одни и те же дороги и тропинки для получения воды и водопоя. Если подъезжать к Тече со стороны Бродокалмака, то весь левый сектор её до церкви и носил название Горушки. Летом на Горушках было раздолье телятам, свиньям, гусям. Движения по дороге почти не было, а поэтому их никто не тревожил. Трава зеленела ковром. Правда, скупое было насчёт садилов, зато огороды были полны цветущих подсолнухов. Главным же образом огороды были расположены под горой: между ней и рекой, а южная часть Горушек подходила к маленькому леску, где были гумна. За рекой виднелась деревня Черепанова.

Нигде в другом районе Течи не было такого пёстрого состава жителей по профессиям, как на Горушках. Тут были и землеробы в чистом виде, они же с примесью ремесленничества, чистые ремесленники, один даже торговец. Тут были и теченские аборигены и пришельцы. Тут были, так называемые, «крепкие» мужики – «хари», но большей частью беднеющие или обедневшие, были и такие, которые сродни были тургеневскому Калинычу. Почти все они больше известны по прозвищам, а не по именам. По имени и отчеству назывались только особо примечательные люди. На судьбе большинства из них можно проследить, как они разорялись, беднели и как это делалось. Ниже в очерке «Рожковы» показывается один из путей разорения, обеднения. Главным же несчастьем для горушенцев, как и для всех теченцев были голодные годы, которые были в [18]90-х годах прошлого века и периодические недороды. Земля была богатая, но не всем она доставалась по потребности. Сильно влияли засухи. Страшным злом было

---

¹⁹⁴⁹ Ныне ул. 8 Марта.

¹⁹⁵⁰ Ныне ул. Чапаева.

¹⁹⁵¹ Ныне ул. Октябрьская.

конокрадство. Ермошка и Аркашка Бирюков, второй из духовных, не одну семью пустили по миру: уводили лошадей «под чистую».

«Рожковы».

Это было не фамилия их, а прозвище. Фамилия у них – Южаковы, но в Тече сильна была раньше мода давать прозвища. Чего-чего только не придумано было в этих прозвищах. Вот образцы их: Никитя-дитя, Яша-преселка, Яша-зеленика, Ванька семиколеньный и т. д. Когда-то эти прозвища, вероятно, намекали на какие-либо характерные черты, подмеченные у того или другого носителя их, а потом по традиции передавались их потомкам без всякого отношения к этим чертам. Так было и с прозвищем «Рожковы»: кто его дал, когда, за что или почему было уже не известно, а этикетка приклеена, так и носи её. Многие считали, что это и не прозвище, а фамилия. Прозвищем же считали слово «рожок». Так, если нужно было оскорбить кого-либо из Южаковых-Рожковых, то так и говорили: «рожок ты – вот кто»; или: «эй ты, рожок!» Кроме того, это прозвище связывалось с жизнью на определённой территории. Было два брата Южаковых: тот, который жил на Горушках, собственно и считался Рожковым. Другой же, который жил на окраине, при выезде на Шарковскую дорогу, как бы утратил это прозвище, его уже и не обзывали «рожком». Наоборот, однофамилец Рожковых – Андрей Михайлович Южаков, живший на одном дворе с настоящим «Рожковым», так сказать, территориально включался в число носителей этого прозвища.

Как сказано выше, жили они на Горушках, на горке, с крупным спуском к реке. Всё их житие являлось ярким примером того, как на глазах одного поколения, в короткий срок может разориться крестьянская семья. При доме была большая усадьба, заполненная срубами сараев, амбаров, конюшен. Все они уже покрыты были балками для кровли, стропилами, и всё это было брошено, мокло под дождём, чернело, начинало гнить и понемногу сносилось в топку. Только мальчишкам было раздолье играть в прятки, лазить по заплотам, стенам и стропилам. Что случилось? Какая стихия поставила эту стройку на консервацию? Что «подсекло» хозяина? Одни, два неурожая, потеря главного работника и всё пошло под гору. Раздел ещё ускорил обнищание. Раньше при избе была «клеть» - чистая изба, горница. Она ушла в раздел, а вместо неё осталась плохо заделанная жердями и соломой стенка сеней – на западе. Изба сильно накренилась в сторону фасада – на восток так, что когда зайдёшь в неё, то по покатоному полу приходится идти под уклон. Ворота с покатою крышей на них ещё больше наклонились к востоку и вот-вот грозят рухнуть на землю. У северной стенки дома взамен всех срубов приделан к нему пригон из жердей в два ряда и набитой между ними соломой, а сверху намётана копна сена. Солома в некоторых местах выедена и образовались дыры – окна, через которые видны жалкие лошади, уныло стоящие, с соломой в гривах, чёлках и хвостах, зимой вдобавок со снедом на спине. В таком же виде и корова. Около пригона валяется хворост, навоз, лесины, предназначенные к рубке на дрова. Через год срубов уже нет,

остаются одна лошадь и одна корова, одна телега и одни дровни. Зима.... В избе вторых рам нет. Если большая стужа, закрыты ставни. Ночью все на полатах¹⁹⁵² и на печке. Всё выстывает. Утром кому-либо поручение – затопить железную печку. При ней лежит хворост. Кто-то соскакивает, ёжится от холода, переступает с ноги на ногу, через колено ломает хворост, суёт в печку, зажигает и она скоро становится красной. В избе тепло, с окон течёт вода. Семья вылезает из-под тулупов, шуб, пожитков.... Начинается день.

Кто в семье? Глава семьи, главный «рожок» - Вениамин Егорович Южаков. Сокращённо его звали – Вен Егорович. Трудно определить, как звучало, с какой интонацией произносилось это название. Звучало ли в нём уважение, как обычно это бывает, или ирония, как тоже иногда бывает, или, наконец, ни то, ни другое, а привычная, ничего не значащая форма обращения: всех так принято называть, значит и его так надо звать. Последнее будет самым верным. Наружный вид его был, что говорить, неказистый, не презентабельный. Низкого роста, тщедушный, прихрамывающий, с бородкой похожей на вехотку и растрёпанными волосами, которые знали только один гребень – свою «пятерню», он имел [вид] человека с обидным названием «сморчок». А что самое главное – она сам напрашивался на это название: был горлан и дерзок по отношению к другим. В семье его излюбленным стилем были окрики, ругань. Соседи так и говорили: «ну, загорланил опять Вен Егорович». На сходках его именно голосок слышался сильнее других. «Откуда у него такая глотка?» - спрашивали его слушатели на сходках. Раз он проявлял такую активность, то его часто и выбирали на общественную работу: то «коморником», то назёмным старостой, а звали при этом г...ным старостой. В этом по существу и был выражен взгляд общества на его личность, его реноме. Едва ли кому-либо приходилось видеть его за сохой, с косой на лугу или с серпом. Он для сева кооперировался с одним однолошадником: однолошадник с однолошадником, а «робил» кто-либо из его ребят. Также если нужно было привезти дров или хворосту, то это делали ребята. Над женой он прямо издевался: сам ничего не зарабатывал, а если она куда-либо шла подзаработать, то «корил» её, высмеивал и презрительно называл Параней. Бывало даже так, что она уйдёт куда-либо на работу, он заявится снимать её с работы и требует, чтобы она шла домой: вот то ему надо, другое надо, подай. Парасковья была работающая женщина. Под горой у реки был у неё лучший огород. Если на столе появится сахар, если у кого-либо появится к празднику обновка, то это результат её труда. И вот такое отношение к ней. В противоположность мужу она была женщина видная, статная, сильная, а вот поди-ты – командовал над ней этот сморчок, а она терпела. Была она как-то нравственно придавлена. Замуж её, вероятно, «выдали», а когда она ещё

---

¹⁹⁵² Полати – лежанки, устроенные между стеной избы и печью; деревянные настилы под потолком. На полатах можно спать, так как печь долго сохраняет тепло.

услышала: «А жена да боиться своего мужа» - личность её была окончательно придавлена. На все его окрики она только и отзывалась вопросом: «Чё тебе ишо от меня надо» и принималась за работу.

Детей у них было пятеро: пять мальчиков и одна девочка. Зимой дети без обуви сидели на печке и полатах. Весной, как только подтаёт, выскакивали на завалину босыми. Только летом солнце, вода и воздух были в их полном распоряжении. Вечно болели золотухой. В голодный год приходилось видеть, как они сосали белую глину. Парни, как только подрастали настолько, что их можно пустить в работу – борновоолоком или пастухом – отдавались в найм и больше уже домой не возвращались. Так, старший Иван в 12-13 лет был отдан в наймы в Тече и больше уже домой не возвратился. То же было со вторым – Василием: он ушёл в «казаки» (работником у казаков), ходил потом в солдаты, но домой уже больше не вернулся. Дочь Анну по её бедности, как говорили, подобрал кто-то в деревню Теренкули. В девках же она так и просидела дома: не в чем было сходить на посиделки или на луг. Несколько иначе сложилась жизнь третьего сына – Александра: его взяла себе на выучку артель пимокатов и выучила этому ремеслу. Он только один и остался потом на жительство на Горушках, женился, выстроил себе избушку вблизи отцовского дома, а этот дом был снесён. Где-то в Тече устроился и последний сын Вениамина – Егор, но не на Горушках.

Брат Вениамина – Алексей Егорович – ушедший в раздел прожил свой век середняком.

Как указано выше, на одном дворе с Вениамином жил однофамилец Андрей Михайлович Южаков. Он был очень оригинальным человеком. Хозяин он был «лёгкий», недалеко ушёл от Вениамина, но у него была склонность к изобретательству и к новшествам. Так, он изобретал велосипед, но неудачно, сшил себе кепку из ежа на подобие жокейской с колючками кверху. Он же первый стал применять коров для перевозки грузов: сена, дров и когда в первый раз показался в роли кучера на телеге, запряжённой коровами, оказался на положении артиста, освистанного шумливой публикой, мальчишки бежали за телегой улюлюкали, свистели, издевались. Увы! Появление его в таком виде оказалось пророческим: не через большой промежуток времени ездить на коровах пришлось и тем, кто его ошикал. У Андрея Михайловича ещё открылся один талант: он сделался знаменитым звонарём и разделил в этом отношении славу с кузнецом Иваном Степановичем, своим соседом, от которого он, вероятно, и научился этому искусству. В престольные праздники звон доверялся только им двоим. Что они в этом случае выделывали на колоколах? Концерт в подлинном смысле слова. Сначала шёл звон на отдельных колоколах, начиная с самого маленького и кончая самым большим; потом – перебор по всем колоколам –

это перед обедней¹⁹⁵³, а после обедни, произведя быстрый перебор подобно гармонисту, они начинали лирический разговор колоколами, то спускаясь до *pianissimo*, то переходя на *crescendo* и *forte*, потом на *minuendo* и опять на *pianissimo*. Слов нет – Модест Петрович Мусоргский в опере «Борис Годунов», а особенно в увертюре к «Хованщине» - «Рассвет на Москва-реке» хорошо изобразил звон кремлёвских церквей, но в его распоряжении был целый арсенал музыкальных инструментов, а у наших звонарей только колокола.

Теперь поздно об этом говорить, потому что нет ни церкви, ни колоколов, а следовало бы этот звон записать на магнитофоне, нет, не для верующих – они уже переводятся, - а для истории, чтобы показать, какие мастера у нас бывали по этой части.¹⁹⁵⁴

Андрею Михайловичу, как и Вену Егоровичу в отношении жены явно посчастливилось: была она – Елена – работящая, как и Венова Парасковья. В то время, когда он занимался «изобретениями», она добывала хлеб насущный. От ребят, а их было тоже пятеро, как у Вена Егоровича, никуда не уйдёшь и изобретениями их не накормишь, особенно когда старший (его почему-то звали Ванька «Еленин») часто напевал:

*«Тятя, мама, ись хочу –
На палати заскочу».*

Складно сказано? Несчастье в семье было в том, что один мальчик был идиот: съедал свои же выделения (кал) и был поэтому отвратительно грязен. Судьба же остальных парней и девушек была аналогична судьбе детей Вена Егоровича. Осталось не ясным, почему две семьи жили на одной ограде и как раз у одних и тех же ворот вплотную к ним, но зато понятно, почему обе семьи в сознании людей часто объединялись одним прозвищем «Рожковы»: они во многом походили одна на другую.

«Волковы и волчата».

Они были разбросаны по всем Горушкам. Те, которые были побогаче и на виду, назывались «Волковы», а которые победнее и в «забегаловке» - «волчата». Впрочем, жизнь их всех привела потом к одному знаменателю: все они, вероятно, стали волчатами и рассыпались по СССР. Это было их прозвище. Более справно из них жил Фёдор. Дом у него был внутри двора, а ворота обращены на запад, к реке. С его дочерью и было несчастье: она утонула, когда бродила с неводом перед «Девятой пятницей», престольным теченским праздником. Событие это протекало шумно и свидетельствовало о бескультурье участников в нём. Утонувшую привезли домой в ограду и, примерно, через два часа после извлечения из воды (её ещё неводом искали в

---

¹⁹⁵³ Обедня – простонародное название божественной литургии, которая совершается в храмах в первую половину дня, то есть до обеда.

¹⁹⁵⁴ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется очерк «Андрей Михайлович Южаков» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

реке) стали оживлять: положили на бочку и катили по ограде. Неблаговидную роль при этом играл и настоятель церкви: вместо того, чтобы разъяснить, как нужно спасать утопленников, а в данном случае просто сказать, что бесполезно трепать труп, он с ложечки вливал в рот утопленнице елей, делая вид, что спасает её.

Одни из «Волковых» жили на тракту. Среди них был парень, знаменитый борец. Из «волчат» пользовался популярностью Архип – Архипко. После Октябрьской революции он ушёл на строительство заводов.

Яша-зеленика.

Это было, конечно, прозвище, что отмечено уже выше. Настоящая его фамилия была не то Кузнецов, не то Манатин. Он был уже совсем обедневшим и работал вместе с женой по найму, пьянствовал и бил жену. Не раз его, пьяного и избивающего жену отводили, вернее – волочили по земле в каталажку. Любил приврать, не стесняясь фантастичностью своих рассказов. Так, возвратившись с японской войны, рассказывал, как он спас одного солдата. «Оторвало ему голову, а я не растерялся, схватил её и посадил на место», - рассказывал он.¹⁹⁵⁵

Фёдор «Тяптин».

«Тяптин» - это было его прозвище. Всей семьёй летом они ходили на подённую работу: он, жена и дочь. Подённая работа при кошени травя оплачивалась, примерно, так: мужчина – 35 коп., женщина – 30 коп., девица – 25 коп. и три еды: утром – перед началом, днём – с коротким отдыхом и вечером по окончании. Жена Фёдора оплачивалась наравне с мужчинами и шла при кошени впереди – «заглавной». Сеяли они мало, а подённая работа была у них главной.

«Шолины».

Под этим прозвищем существовала семья пимокатов. Отец, старик, глава семьи, кроме того, был рыболов: ставил жерлицы. Зимой они ходили по домам и катали валенки, кошмы, подхомутники. Сеяли немного.¹⁹⁵⁶

Андрей Абрамыч.

Был вдовец, жил с дочерью. Летом ходил на подённые работы, но его избегали братья, потому что он «скудался» желудком; был слаб на работе. Занимался ещё рыболовством. Был убит при «проверке» чужих морд.¹⁹⁵⁷

Чеботари Фалалеевы.

Одно время они были монопольными сапожниками. В одной избе на «седухах» сидели и стучали молотками, забивая в подошвы деревянные гвоздики, «сучили» дратву и шили: отец – старик, старший сын женатый Андрей, моложе холостой Павел и в раздел ушёл пока что холостой –

---

¹⁹⁵⁵ См. очерк «Яша-зеленика».

¹⁹⁵⁶ См. очерк «Шолины».

¹⁹⁵⁷ В «свердловской коллекции» имеется очерк «Андрей Абрамович» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

Александр. Это были ремесленники в чистом виде, пришельцы из какой-то «рассейской» местности.¹⁹⁵⁸

Иван Сергеевич [Попов].

Он торговал лошадьми. Новая, не бывалая в Тече профессия. Пришёл в Течу из деревни Баклановой, находящейся неподалёку от Течи, ниже по течению реки. Здесь, в Тече, он женился на дочери печника Николая Фёдоровича, вошёл в дом тестя. Он разъезжал по ярмаркам с лошадьми, по 3-4 продавал и закупал вновь. В Тече по понедельникам выводил на базар. Как передавали, перед выводом на базар он их «школил», репетировал, как нужно держаться перед покупателями. Все они у него имели вид бодрый и молодой. Стоило ему только поближе подойти к какой-либо чуть приунывшей лошадке – она мгновенно оживала.¹⁹⁵⁹

Александр Матвеич [Кокшаров].

Он был землероб, а побочным занятием у него было ветеринарное дело. Где он учился этому ремеслу – не известно. Главное в ветеринарном деле у него было занятие, за которое его называли коновалом. Семья была большая и вела довольно значительное сельское хозяйство. Было несколько лошадей (4-5), несколько коров (3-4), овцы. Старший сын – Николай и вёл главным образом хозяйство. Второй сын – Иван погиб во время первой империалистической войны. Хозяйство шло к разорению и третий сын – Спиридон – уже ушёл из семьи в дом своей невесты – к тестю.¹⁹⁶⁰

«Рыбины».

Вели в среднем объёме сельское хозяйство. Дополнительно к нему выделяли кожи.¹⁹⁶¹

«Расторгуевы».

Были чистыми землеробами без всяких подсобных хозяйств. До раздела – сельское хозяйство вели в развёрнутом виде: имели 6-7 рабочих лошадей, столько же коров, овец 10-15 шт. Каждое лето Даниловна, мать двух сыновей, гоняла на гумно стадо годовалых и двухгодовалых телят. Жив ещё был дед – Пётр Иванович, но хозяйство вёл главным образом сын его и сыновья Прокопий и Алексей. Семья была дружная, жили на широкую ногу. Любили в праздники шумно погулять: кататься на лошадях, с песнями в обнимку пройти по селу. В последствии Алексей выделился и забрал с собой часть хозяйства.¹⁹⁶²

---

¹⁹⁵⁸ См. очерк «Фалалеевы».

¹⁹⁵⁹ См. очерк «Иван Сергеев [Попов]».

¹⁹⁶⁰ См. очерк «Александр Матвеевич [Кокшаров]».

¹⁹⁶¹ См. очерк «Рыбины (фам[илия] Манатины)».

¹⁹⁶² См. очерк «Расторгуевы (фам[илия] Кокшаровы)».

Мишка «Чигасов».

Единственный в своём роде представитель разоряющегося крестьянина из-за пьянства. Жили не бедно: был хлеб, рабочая семья из четырёх человек: он, жена и две дочери. Сделался алкоголиком в подлинном смысле этого слова. Всё пошло прахом.¹⁹⁶³

Кузнец Иван Степанович [Кузнецов].

У него и фамилия была Кузнецов. Сын его – Иван Иванович занимался сельским хозяйством. Имел 3-4 лошади, столько же коров. Хозяйство вёл справно. Старик работал только в кузнице. Под горой у речки была кузница, около которой стоял станок для ковки лошадей. Постоянно он готовил для кузницы угли: томил дерево в куче, прикрытой перегорелой землёй. Одно время он был монопольным кузнецом и мучителем своих клиентов: вымогал угощение, водку. У него около кузницы всегда было много колёс, саней, телег. Был знаменитый звонарь.¹⁹⁶⁴

Ефим Иванович [Кокшаров].

Был бобылем. Похоронил всю семью, перебивался помощью дальних родственников. Жил в своей избёнке анахоретом. Седой как лунь. Любил иногда посибаритничать: заберёт с собой самовар, пойдёт в маленький лесок около речки, скипятит самовар, заварит лабазник и блаженствует на лоне природы.¹⁹⁶⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 43-57 об.

---

¹⁹⁶³ См. очерк «Мишка «Чигасов».

¹⁹⁶⁴ См. очерк «Иван Степанович [Кузнецов]».

¹⁹⁶⁵ См. очерк «Диоген Теченский».

Теча (общая картина села) (продолжение)

Горушки уже описаны нами раньше. Та часть Течи, которая была против Горушек направо от тракта до церкви примыкала к кладбищу и дальше к гумнам. По тракту она начиналась с дома Семёна Осиповича (Сёма чёрный) у кладбища и заканчивалась сивьяновским домом.

Дома здесь были под стать Горушкам, в большей части своей деревянные, крытые дёрном, за исключением дома синельщика, крытого тёсом и много позднее дома, выстроенного кузнецом Клюхиным, крытого железом. В одном из домов этого порядка и произошла трагедия: жена убила своего мужа.

Из жильцов этого ряда замечательным был Михаил Иванович «косорылый». У него было перекошено лицо: сворочена на бок челюсть. Замечателен же он был тем, что приходил на клирос читать часы и мог «править» службу. Мешал ему только его недостаток.

На параллельной к ней улице к востоку замечательными жильцами были: Евсей Степанович [Макаров], Василий Самсонович [Уфимцев] и Андрей Гурьянович. Жили они небогато: избышки у них были крыты дёрном, пристрой был полный, т. е. во дворе стояли «службы», крытые тоже дёрном.

Чем были замечательны эти люди? Жену Евсея Степановича звали Калерией, а имена их были полностью – Евсей и Калерия. Для деревни это было странным сочетанием имён. Они, кажется, и именинниками были в один день. Это была на редкость дружная чета супругов: вместе всегда ходили на подёнщину, рядышком садились, одним словом – это были теченские «Филемон и Бавкида». Какая сила обобщения и типизации была у Овидия Назона! У них был сын – Василий. Его мальчишки на своём жаргоне называли «Васька-калешка», т. е. по имени матери, приспособленному к их жаргону.¹⁹⁶⁶

Василий Самсоныч был очень любопытным по внешности и душевному складу человеком. По внешности, он был именно «Самсоныч». Любой художник нашёл бы в нём лучшего субъекта, который мог бы позировать для картины «Самсон и Далила». В особенности для этого подходила бы его внешность: густая шевелюра волос, пышная борода, крупные черты лица, свидетельствующие о могучем организме. Он был участником в спектаклях, но в какой роли? Он поднимал и опускал занавес всякий раз, когда ставились спектакли. Считалось, что это его амплуа. Всякий раз при этом невольно бросался в глаза контраст между человеком и функцией, которую он выполнял: было что-то детское и наивное в этом сочетании.¹⁹⁶⁷

Андрея Гурьянович являл собой тип крестьянина, оторвавшегося от земли, от крестьянства и перешедшего на положение мастерового-

---

¹⁹⁶⁶ См. очерк «Теченские Филемон и Бавкида».

¹⁹⁶⁷ См. очерк «Самсоныч».

крашельщика по дереву и художественной обработке, например, по выпиливанию разных фигур у окон – наличников, или по цоколю. Отец его Гурьян был плотником, но не бросал ещё совсем землю, а сын его уже стал настоящим мастером, причём на славе.¹⁹⁶⁸

Описываемая улица упиралась в церковную площадь и была тупиком. Параллельно ей шла улица уже во всю длину села, а следующая за ней улица начиналась прямо от гумен во всю длину села. У самой околицы была избушка Евдокима Никитича. Южная часть этой улицы называлась «Макаровкой», так как все жители этой части улицы носили фамилию Макаровых. В Макаровке находится дом Татьяны Павловны [Клюхиной].

Если мы проведём линию от церкви на восток, то это и будет та часть Течи, которую в данном случае мы описали.

Лучшие строения Течи расположены были по главной улице, где находились дома протоиерея, Новикова, Пеутиных, Миронова (см. очерки). В прежнее время на этой улице против «крестика» была расположена старая волость: деревянное здание с кирпичным фундаментом.¹⁹⁶⁹ Одна часть этого фундамента приспособлена была под каталажку с небольшими окошками. Дальше на этой улице была расположена школа: кирпичное здание. В настоящее время в этом здании молочный завод.¹⁹⁷⁰ Против школы был дом стражника – Алексея Яковлевича Лебедева.¹⁹⁷¹ Его обязанностью было конвоировать уголовных преступников. Он был в распоряжении станового пристава. Любопытно отметить, что два сына его были первыми проводниками Октябрьской революции в Тече и один был председателем сельсовета. Наискосок от школы находилась земская квартира для проезжих: в ней останавливался, например, инспектор народных училищ, когда приезжал на экзамены в школу. Квартира эта арендовалась земством, а хозяин дома – Григорий Александрович Лебедев – был портным. На главной же улице у поворота к спуску на мостик была избушка Н. Ф. Лебедева, сапожника, торговавшего также пивом. У поворота в Баклановский бор стоял новый дом одного теченского мужичка из бедных, который построил его, возвратясь с русско-японской войны. Дом этот называли домом скоробогатика. Последний дом по главной улице принадлежал Ивану Сергеевичу Модину, который после ликвидации земской «ямщины» Кокшаровых был земским ямщиком.

На второй улице находилась старая школа. На Зелёной улице жили известные пимокаты, выходцы из «Рассеи», Карповы, специалист по забою скота – Пётр Ефремович, коптельщица Парасковья¹⁹⁷² и парикмахер и

---

¹⁹⁶⁸ См. очерк «Андрея Гурьянович».

¹⁹⁶⁹ Здание волостного правления.

¹⁹⁷⁰ В настоящее время здание находится в разрушенном состоянии.

¹⁹⁷¹ Ошибка автора. Правильно – Николая Яковлевича Уфимцева. См. очерк «Николай Яковлевич [Уфимцев]».

¹⁹⁷² См. очерк «Парасковья «коптельщица»».

часовой мастер Павел Иванович [Синицын].¹⁹⁷³ На этой же улице жили богатеи Сухановы, глава семьи которых – Александр Степанович – славился искусством церковного пения.¹⁹⁷⁴

В Тече было около двухсот дворов с населением больше тысячи.¹⁹⁷⁵ Преобладали в составе населения, конечно, землеробы. Преобладающими же среди них были середняки. Последними считались люди, имеющие 3-4 лошади, 2-3 коровы, до 15-ти овец. Обрабатывали они 8-10-15 десятин земли, включая и пары. Так называемых кулацких семей было немного.

В Тече было мало кирпичных домов, так как не было организовано производство кирпичей. Начиная этим делом заниматься Александр Матвеевич, но не смог это дело наладить: кирпич у него получался не крепкий, быстро рассыпался ... и он прогорел. Не было в Тече саманных домов¹⁹⁷⁶, а были только деревянные. Теча всё больше и больше освобождалась от дерновых крыш на домах и «службах» и переходила или на тёсовую или железную кровлю. Появилось значительное количество, так называемых, крестовых домов под железной крышей, но преобладающим видом оставались дома с горницей и кухней. Необходимой принадлежностью домов считались следующие «службы»: амбар, погреб, конюшня, сарай; для овец копали в земле под сараем стайки. У многих были в огородах, а иногда и во дворах – «белые» бани, но были и «чёрные», дымные: первые были на поверхности земли, а вторые – в земле с одним оконцем.

Проживающие на Горушках, в Нижнем конце, по главной улице и параллельной ей улице пользовались водой из реки, а более отдалённые улицы имели и теперь имеют колодцы. Река была мелкая, и рыбы в ней было мало. Отдельные рыбаки занимались своим ремеслом на озёрах.

ГАПК. Ф. р-923. Оп. 1. Д. 711. Л. 31 об.-37.

---

¹⁹⁷³ См. очерк «Павел Иванович Синицын».

¹⁹⁷⁴ См. очерк «Александр Степанович Суханов».

¹⁹⁷⁵ В «Списках населённых мест Пермской губернии» (Издание Пермского губернского земства. Пермь, 1905) значится в селе Теченском 357 дворов с населением 2088 чел.

¹⁹⁷⁶ Из кирпича-сырца на глинистом грунте с добавлением соломы.

Гумна в Тече были расположены за восточной окраиной села по дорогам: Беликульской, Теренкульской, Шарковской и Соляной. В большинстве случаев они имели мелкий березняк, а вблизи их были свалки назёма. Наше гумно было по Шарковской дороге и расположено было по склону невысокого холма. На большей части его росли мелкие берёзки. Открытая площадка была по середине гумна. Овин стоял на возвышенной части его, а около него тог, на котором молотили. На нём летом прорастала мелкая трава, которую осенью счищали.

С гумном у меня связано много детских и юношеских воспоминаний. Я помню то время, когда обмолот производили цепами, а снопы сушили в овине. Помню, как в полночь к нам приходил один старичок с Горушек и направлялся топить овин. Нам – мне и брату Ивану – разрешали уходить с ним в овин. Мы брали с собой картошку, чтобы выпекать печёнки. Вход под овин, где производилась топка, назывался лазеей. В овине пол был глиняный, а перед ним, на высоте, примерно, аршина, был настил из жердей, на который и складывались снопы до верха овина. Небольшое окно овина закрывалось наглухо. Овин отаплился сухим хворостом, который складывали в форму костра. В золе от сгоревших сучков хвороста мы и пекли печёнки. Вся отопительная «система» представляла из себя клетку под полом овина, в которой и разводился костёр. Дым выходил в боковое отверстие. Старик занимал нас разными рассказами, а мы, пригревшись и закусив печёнками, иногда погружались в безмятежный сон.

Молотьба зимой начиналась рано, а для освещения жгли солому. Бывали случаи как возникали пожары от недогляда при топке овина. Снопы на току раскладывались по овальному кругу комлями наружу, а по ним кто-либо из мальчиков, сидя на вершине, прогонял пару или тройку лошадей. По бокам мужчины и женщины цепами выколачивали зерно до тех пор, как найдут его в стеблях при проверке на глаз. Обмолот по этому способу продолжался до обеда.

Самым интересным для нас, детей, была уборка соломы: её относили в зарод без тщательного коптения и в ворохе её можно было кувыркаться, закапываться и прятаться, что нам доставляло самое большое удовольствие. Солома была сухая, душистая. После обеда на току оставались только мужчины – двое или трое, которые очищали зерно «на ветру», подбрасывая его высоко вверх. Уже при закате дня воз с зерном прибывал на двор.

Приходилось мне наблюдать обмолот хлеба уже машиной, причём сначала для этого снопы сушили в овине, а потом молотили и без сушки. Как сейчас вижу колесо с конным вращением его. Колесо это диаметром в полтора метра расположено горизонтально и приводится в движение парой лошадей. От него по системе червячных передач приводится в движение расположенное на некотором расстоянии от него маховое колесо, от которого

посредством ремня приводится в движение барабан молотильной машины. Барабан с зубцами помещён в четырёхугольном ящике, со стойками на земле для упора, а перед ним (ящиком) навесной стол, с которого мастер направляет в барабан распотрошенный сноп. От барабана летит пыль, а звук от его вращения разносится далеко по окрестности. Солома выходит от барабана перемятой и относится обычным способом в зарод. После обмолота собирались кучи мякины (половы), которую зимой в коробе привозили прямо в пригон скоту. Поездки за половой были зимним развлечением для нас, детей. Неподалёку от гумна была свалка назёма, и эти поездки часто были с двумя целями: отвезти навоз, а обратно набрать половы. Против нашего гумна было гумно Ключиных, и часто мы обменивались «визитами» с ними на гумнах. Бывало так, что Костя Пименов иногда при поездке за половой брал меня с собой. И летом я бывал иногда на гумне Ключиных. Костя при этом часто хвастался своими лошадками.

Солома подолгу хранилась на гумне. Брали её иногда на корм, а иногда на устройства крыш с дёрном.

В девятисотых годах жизнь на нашем гумне замерла, так как наш батюшка отказался от ведения сельского хозяйства. Летом мы на день отводили в гумно наших Карька и Воронуху. Одно время на нём стояли поленницы дров, и когда мы брали летом дрова домой, то обнаружили в них целое семейство ящериц.

Мимо нашего гумна мы ездили в борки за песком, а неподалёку от него было болотце, в котором кто-то из теченских хозяев замачивал коноплю. Сюда я как-то с Санком «Рожковым» приходил весной «сочить» берёзовку. Около нашего гумна однажды зимой волки зарезали одну из наших коров – комолую пестрёнку. Коровка вот-вот должна была отелиться, и они растерзали её, выбросив плод.

С нашим гумном у меня связано много детских ярких воспоминаний, похожих на сказку. Перед моими глазами стоят милые берёзки на северной стороне гумна; площадка с цветами и ягодами по середине против ворот; мелкие кусты берёзок по склону небольшого бугорка с узкой дорожкой, ведущей к овину; на ветках этих берёзок гирлянды соломинок от прошедших мимо возов со снопами; ток и овин, который весь пропитался запахом сухого зерна и соломы. Перед моими глазами стоит величественная картина обмолота при свете костра от сжигаемой соломы, сполохи которого видны издали.

Много, много хороших детских воспоминаний, дорогих, незабываемых. В последний свой приезд в Течу в 1959 г. я встретил друга своего детства Костю Ключина, с которым я часто ездил на гумно за половой. Мы с ним долго стояли, устремив свои взоры в сторону нашего б[ывшего] гумна, и Костя мне подробно восстановил в памяти картину гумна. «Вот видишь берёзу, - говорил он мне, - тут был овин, а под этими берёзами (он указал рукой) мы набирали с тобой полову; слева был зарод соломы...»

Это была моя последняя встреча с Костей и наши последние с ним воспоминания о детстве и нашем гумне.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 96-108.

Когда подъезжаешь к Тече с западной стороны, со стороны Кирдов или Сугояка, то церковь видно издалека: от первых – вёрст за семь, а от второго – за пять. Когда открывалась панорама всего села, то церковь в ней доминировала, и как бы венчала собою пейзаж. Теперь, когда церковь разрушена, для человека, привыкшего к прежнему виду села, кажется, что в открывающемся пейзаже чего-то не хватает, примерно, как если бы глаз привык видеть какое-либо здание со шпилем, а потом увидел его без шпиля.

Церкви теперь нет, и осталась обидная досада на себя, почему в своё время не поинтересовался её историей не как предмета культа, а как памятника архитектуры, т. е. того, когда и кем она была построена и каковая была её судьба до разрушения. В молодости эти вопросы не возникали: молодость эгоистична, она живёт только настоящим и в этом и заключается её счастье. В архиве церкви, вероятно, хранились какие-то сведения из её истории, потому что протоиерей Бирюков на основании чего-то говорил, что во время пугачёвского движения причт теченской церкви встретил мятежников церковным звоном. Таким образом, очевидно, по крайней мере, за двадцать-тридцать лет до 1800 г. церковь существовала, а, следовательно, век её можно исчислять в 170-180 лет, не меньше, т. е. примерно при смене трёх-четырёх поколений.¹⁹⁷⁷

Церковь находилась на главной улице села – на тракту Шадринск-Челябинск, ближе к южной окраине села. Сразу ли она была построена на этом месте, или перенесена сюда – это не известно. Этот вопрос возникает потому, что несколько севернее тоже по тракту в селе был пустырь с часовенкой, так называемый «крестик», огороженный от скота пряслом, о котором сохранилось предание, что здесь было кладбище. Весной, когда вода размывала гористую часть этого места, действительно у берега реки появлялись кости, что подтверждало, что здесь было кладбище, но возникает вопрос: а где же была церковь? Или это кладбище существовало ещё до постройки церкви, а с постройкой церкви оно было закрыто и открыто новое на окраине села? Этот вариант, вероятно, ближе всего к действительности.

Уже на памяти нашего поколения наружный вид церкви был изменён и, можно сказать, с архитектурной точкой зрения не в лучшую, а в худшую сторону. Изменения эти следующие.

---

¹⁹⁷⁷ Первоначально в Теченской слободе с начала XVIII века действовала Богородице-Введенская деревянная церковь. Каменная Спасская церковь была построена в 1815-1863 гг. 24 января 1863 г. состоялось освящение главного престола во имя Животворящего Креста Всемиловитого Спаса. 17 июня 1866 г. был освящён престол в южном приделе во имя мученицы Параскевы-Пятницы. 14 марта 1876 г. был освящён престол в северном приделе в честь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Закрыта в 1931 г. и разрушена после 1945 г.

1) Прежний купол имел форму конуса, обращённого кверху, грубо сказать, вид редьки с хвостом кверху, а изменён был на шпиль с узким постаментом и производил впечатление иголки воткнутой в спичечную коробку. Почему было сделано это изменение? Вероятно, потому, что в прежнем куполе очень гнездились галки и загрязняли звонницу. Действительно, когда читаешь слова А. С. Пушкина: «и стаи галок на крестах», то вспоминаешь, как в детстве приходилось слушать «Вечерний звон» и стаи галок около купола. Для борьбы с ними потребовалось такое мероприятие, как снятие колоколов и наложение сеток на все пролёты звонницы. С детских лет сохранилось в памяти, как колокола спускали и снова понимали методом «дубинушки».

2) Второе изменение было сделано в прямое нарушение архитектурного ансамбля: в первоначальном виде в западной стороне церковной ограды по бокам стояли две часовни одинаковой формы строго симметрично. В новой редакции вместо южной часовни было построено здание церковно-приходской школы с круглым куполом, как у прежней часовни, которое, кстати сказать, так и не было использовано под школу, потому что в селе была земская школа, вполне достаточная для обучения всех детей села. Это здание было использовано только для спевков хора. Обе часовни в прежнее время являлись складочными местами: в них были иконы, хоругви и пр.

Церковь была внутри ограды. Нижняя часть ограды была кирпичная. А на ней с известными интервалами были расположены кирпичные столбики с шариками из серого мрамора вверху. Пролёты между ними были железные с железными прутьями на подобие стрел.

Ворот было двое. Главные разделялись на три части: центральные в виде арки выше других, широкие, и боковые двое для прохода через них. Ворота – врата, как их называли, были массивные, тяжёлые из кованого железа с украшениями в виде листьев. Вторые врата были с южной стороны примерно на середине церкви, по линии её с востока на запад. Они были тоже из кованого железа с меньшими внутри больших воротами для прохода.

Здание церкви от ограды находилось примерно на 15 шагов со всех сторон. Площадка от главных ворот до паперти была вымощена гранитными плитами, по местному выражению, «огневским» камнем (от названия дер[евни] Огневой, где добывали эти камни). Паперть находилась на высоте трёх метров, между выступами и имела две двери: прямо – главная, направо – в сторожку трапезников, а через неё в церковь.

У стены слева была дверка, за которой находилась лестница на колокольню. Эта лестница была узкая, низкая и тёмная до поворота вправо, за которым начиналась с уровня крыши крутая деревянная лестница в нижний ярус колокольни. С нижнего яруса в верхний вела винтовая лестница квадратной формы, глухая с круглым окошечком в стенке. Колокольня была квадратной формы. В середине верхнего яруса был устроен помост в рост человека квадратной формы: место для звонаря. Колокола были

расположены так: на юг – четыре маленьких в ряду в порядке их величины, а на восток – два одинаковых, но больших по величине, чем первые (в 4 или 5 раз), на север – одно ещё большее, так называемое – великопостное, по применению его в Великом посте и на запад – большое. У последнего звон «во вся» обеспечивался нажимом ногой. Вся сеть верёвок от колоколов у звонаря распределялась следующим образом: становясь лицом на юг в руки он брал четыре маленьких колокола; на левую руку с некоторым сплетением нанизывались верёвки от двух боковых колоколов со стороны востока; на правую или левую ногу надевалась верёвка от северного великопостного колокола и ногой извлекался звон большого колокола. Можно себе представить, в каком движении был звонарь, когда он звонил «во вся» да ещё на разные лады. На Пасхе колокольня была открыта для всех и на неё совершались целые экскурсии парней, девиц и солидных людей. С колокольни был чудесный вид на реку и заречье, а также и на посёлок. Сезонным развлечением в это время были качели, и с колокольни были они видны в разных местах. На Пасхе на перегородах ставились фонарики с цветными стёклами.

На расстоянии десяти или двенадцати сажен от колокольни на восток возвышался летний придел церкви квадратной формы высотой в 8-10 сажен с глухими стенами, а на верху здания была устроена квадратная коробка, на которой водружён, как и над колокольней, крест. По западной стене этого придела шла цепь с формной ступни для подъёма на крышу. Летний придел был несколько уже двух зимних. Большие окна церкви имели железные решётки. Алтарь летнего придела имел полукруглую форму.

В церковной ограде было несколько мраморных памятников. Так, с южной стороны близ часовни были две или три мраморные плиты, уже, можно сказать, заброшенные, которые, очевидно, относились ко временам вековой давности, а около летнего придела были более поздние памятники, среди которых самым массивным был памятник о[тцу] Александру Сильванову. Кажется, не успели поставить памятник о[тцу] Бирюкову, который похоронен был в голове алтаря летнего придела. Неподалёку от него был похоронен и диакон Игнатъев. С северной стороны у алтаря Введенского придела похоронены отец и сын Новиковы и стоял памятник.

Церковная ограда, чтобы по ней не ходили во время богослужения люди, вокруг да около в двух местах была перегорожена заборниками с дверками: один отделял часть летнего придела по линии южных ворот, а другой по линии фасада церкви с северной стороны. В летний придел по сторонам снаружи были две двери, из которых в летнее время открывалась только южная. У южных ворот складывались вне ограды дрова, и тут же стоял стол для трапезников.

Как указано уже выше, правая дверь с паперти вела в сторону трапезников, а через неё в правый придел церкви, посвящённый великомученице Параскеве – «девятой пятнице». Здесь во время обедни обычно сидели женщины с детьми, которых приносили к причащению; здесь

же ожидали люди при совершении крещения, отпевания, венчания и т. д. По существу у трапезников не было сторожки. Поэтому настоятель церкви, используя высоту помещения, под куполом его распорядился для трапезников устроить антресоли. Здесь у них стоял стол с пищей и некоторое подобие кушеток.

В другом выступе, который со стороны паперти отделён был глухой стеной находилась ризница с дверью во Введенский придел, посвящённый дню Введения во храм Богородицы. В ризнице была и церковная канцелярия. По середине её стоял стол, накрытый чёрной суконной скатертью, на чернильной прибор с песочницей. На стене висели часы, которые были на попечении диакона и, как говорили, они в первый раз за своё существование остановились в момент смерти диакона. В ризнице-канцелярии была всегда тишина, только когда был регентом Архип Григорьевич, то здесь устраивались спевки. Здесь же, очевидно, находился и церковный архив.

Вход через главную дверь вёл в нишу, образованную колокольной. Здесь, в полумраке у левой колонны была конторка старосты на возвышении. Здесь стоял шкаф со свечами, кружками и пр. Конторка была отгорожена невысокой перегородкой. На задней стене налево от входа, против конторки было изображение Страшного суда (без Толстого); а направо висела верёвка к великопостному колоколу. В Великом посте можно было звонить, не поднимаясь на колокольню. Кроме того, из церкви можно было поднять звон в случае какой-либо тревоги или дать сигнал, что нужно звонить к «Достойне».

Направо был ход в придел великомученицы Параскевы – «девятой пятницы», а налево во Введенский придел. Если идти по прямой линии от входа, то можно упереться в разборную стенку, которая отделяла зимние приделы от летнего, посвящённого первому Спасу, причём у самой стенки была площадка, которая разделяла алтари, иначе – которая была между алтарями. На неё и становили школьников, когда их приводили в церковь при говении. Оба придела зимние были по строению идентичными, только с различными иконами. Кроме того, правый придел был более прис[пос]облен для богослужения в зимнюю пору: при входе в него из сторожки справа, у дверей стояла чугунная печка с двумя ярусами, которая раскаливалась докрасна при совершении богослужений, так что становилось жарко, и молящиеся в овчинных тулупах буквально парились и пахло овчинами. На одном из окон этого придела находился ящичек, а в нём целая гора поминальников. Обычно они оставались здесь до востребования, а когда нужно было извлекались: или прямо подавались на «простокомедию» (народное выражение), или брались для внесения новых имён. В связи с этим вспоминается случай, как к автору сего пришла одна тётушка, жена земского ямщика того времени и попросила записать о поминовении усопших младенцев. Она диктовала, а он писал. До десяти она диктовала довольно бойко, а дальше стала с трудом припоминать и, наконец, сказала: «не помню!» Когда же он спросил: сколько же у ней было детей – она сказала –

18, в живых остался один сын, а он остался бездетным. Как не скажешь: «Дивна дела Твоя, Господи!»

Около иконостасов украшением были большие подсвечники с металлическими эмалированными свечами, вверху которых горели лампадки. Хоругви были сначала матерчатые, но потом они были заменены металлическими.

Часть амвона была отгорожена металлической перегородкой, за которую становилась жена земского начальника Елизавета Ивановна, складывая свою ротонду на перегородку.

Клироса были открытые.

И в том, и в другом приделе висели паникадила.

При протоиерее Бирюкове в зимних приделах была сделана новая роспись потолка и стен екатеринбургским художником-живописцем Звездиным. Художник применил в рисунке разные фигуры в виде ветвей, листьев, замысловатые завитки и на этом фоне было написано много икон в четырёхугольном, овальном и круглом оформлении. Стиль не был древнерусским. Иконы были написаны в светлых тонах. Стены площадки, которая вела в летний придел тоже были расписаны в стиле зимних приделов.

В летнем приделе, в отличие от зимних, мрачных из-за колокольни было обилие света. Вверху в куполе было прозрачное изображение Господа Саваофа. В этом приделе при протоиерее был сделан новый иконостас. Он весь блестел от позолоты. Иконы на нём были расположены в четыре ряда. Клиросы были закрыты иконами. Стены имели роспись в светлых тонах. Амвон был выше, чем в зимних приделах. Во время богослужений южная дверь была открыта.

С этим приделом связано много воспоминаний. Здесь именно выступали теченские хоры: учащейся молодёжи – семинаристов и епархиалок и Архипа Григорьевича. Здесь выступали солисты с трио. Здесь однажды совершал богослужение екатеринбургский архиерей и пел архиерейский хор. Здесь совершались венчания теченской молодёжи. Здесь же каждый год 15-го июля совершалось богослужение в день именин настоятеля церкви – протоиерея Владимира Бирюкова и произносилось многолетие.

Составляя настоящее описание теченской церкви, нельзя не воздать должное протоиерею Владимиру Александровичу Бирюкову. Он эту церковь любил и много отдал ей забот и труда. Когда производилась роспись зимних приделов, когда строился новый иконостас, он изучал церковную живопись, он тщательно отбирал лучшие образцы её. Как он сам рассказывал большой проблемой для него явилось подыскание иконы для выражения идеи праздника первого Спаса, и он остановился на образе Нерукотворенного Спаса. Редко можно найти такого рачительного, заботливого настоятеля, каким он был. Порядок в церкви был образцовый. Взять ли ризницу или обеспечение книгами, в том числе – нотами – недостатка не было. Любил он

пение по Октоиху и обиходу. Особенно он любил петь богородичны и херувимские. В эти моменты он преображался, у него загорался юношеский задор.

Около церкви была торговая площадь. По понедельникам здесь были базары. На базарной площади стояли массивные весы на двух кирпичных столбах. Около них ящик с гирьками разных размеров и другие принадлежности. Около ящика много двухпудовых гирь с продёрнутой в ручки их цепью, замкнутой замком. Это были церковные весы, за взвешивание на которых взыскивалась плата в пользу церкви. На площади были ещё деревянные лавки для сдачи в аренду. Они имели прилавок, полки для раскладывания товаров. Они тоже принадлежали церкви, но торговцы избегали пользоваться ими, а делали для торговли палатки. В некотором отдалении от церкви стояло деревянное здание типа амбара: это был церковный склад. Здесь хранились разные церковные принадлежности, вышедшие из употребления: старые иконостасы и прочее. Иногда здесь хранился хлеб – зерно, которое поступало в пожертвование на ремонт церкви и пр. Хранились также здесь принадлежности для ремонта.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 91-103 об.

*Деревни Теченского прихода:
Черепанова, Бакланова, Кирды, Панова*

[1961 г.]

Деревня Черепанова

Эта деревня была самой близкой к Тече. Собственно говоря, её следовало бы считать заречной улицей Течи, примыкающей к Горушкам. Деревня эта не имела изгороди, отделяющей её от Течи, а граничила только рекой, которая, однако, настолько была мелкой, что не могла выполнять роль настоящей границы. Обычно каждая деревня имела часовню, как некий признак её суверенитета. В Черепановой не было часовни. При въезде в поскотину каждой деревни обязательно нужно было проезжать через ворота деревенской поскотины. При проезде из Течи через Черепанову никаких ворот не было. Не поэтому ли Черепанову иногда называли «Серёдкиной», т. е. наполовину только суверенной деревней.

Деревня была расположена на левом берегу реки Течи. Против её на правом высоком берегу реки находились Горушки, одна из теченских улиц, небольшой берёзовый лес и начало бора. Между гористой частью реки и рекой была широкая пойма с низким березняком, в которой были гумна «горушинцев». Деревня была почти только в одну улицу и растянулась по берегу реки с юга на север почти на версту. В ней было около пятидесяти дворов. По берегу реки были устроены огороды, и летом весь берег украшали жёлтые головы подсолнухов. Гумна были расположены на задах улицы в западной части деревни, со стороны села Сугояк.

Население занималось только земледелием. На южной окраине деревни была мельница с использованием течения реки, но владелец её не был коренным жителем деревни, а пришельцем в неё. Поля черепановцев, в основном – пашни граничили с полями жителей сёл Течи и Сугояка и деревень – Баклановой и Пановой. Вокруг деревни была голая поскотина, на которой трава была больше пригодна только для овец. Деревня, в общем, имела довольно бедный вид. Только один дом имел шатровую деревянную крышу, а прочие имели преимущественно дерновые крыши, часто состояли только из одной кухни, т. е. являлись тем, что называлось избой. На севере деревни были две землянки, которые ещё более подчёркивали бедноту деревни. Землянки эти в наших краях всё-таки были уникальным явлением, т. е. редким, исключительным, и владельцы их – мужички Тит и Борис – были предметом шуток. Так, известная поговорка – «Тит, иди молотить...» считалось, что конкретно относилась к этому Титу – Титу Семёновичу. Сказать по правде, жить в землянке Тита и Бориса вынуждала не настоящая нужда, а то, что делает человека лежебоком, так что шутки в их адрес были направлены по заслугам. Дом, о котором сказано выше, принадлежал Семёну Ивановичу Черепанову. Семья его, между прочим, прославилась тем, что

дочь его – Мария Семёновна самоуком выучилась на учительницу и учительствовала в Сугояке. Здесь же она вышла замуж за мужичка-землероба. Такое сочетание членов семьи было редкостным в наших краях. В деревне распространёнными фамилиями были Черепановы и Курбатовы. Дети из этой деревни ходили в школу в Течу. Зимой они всегда ходили по льду, и это было кратчайшей дорогой в школу. Как своеобразную бытовую деталь нужно указать на то, что черепановская мужская молодёжь и теченская враждовали: не могли поделить девиц, однако это [не] мешало «играть» свадьбы между теми и другими.

Черепанова лежала на пути из Течи в село Сугояк и деревню Панову.

В 1961-1962 гг. из-за заражения реки Течи отходами от выработки элементов атома деревня полностью снесена – жители переселены в Сугояк.

Деревня Бакланова

Деревня была тоже на левом берегу р[еки] Течи, ниже села версты на две. За селом река делала излучину, на правом берегу которой находился бор, который так и назывался Баклановским. Летом для проезда в Бакланову приходилось по левому берегу реки огибать эту излучину и делать лишних одну-полторы версты, а зимой при ледоставе можно было проезжать через бор, что сокращало расстояние на тоже расстояние, т. е. на одну-полторы версты. В деревне было две улицы в направлении реки полных и одна неполная в западной части. Дворов было до ста, или около ста. Население – исключительно землеробы. Земли – пашни граничили с теченскими, черепановскими, кирдинскими и нижновскими (с[ело] Нижне-Петропавловское).

В деревне была целая группа богатеев, например: два брата Богатырёвых, оба Васильи, которых так и различали – старший и младший, третий брат их Иван Яковлевич и однофамилец – Пётр Кирилович Богатырёв. Все эти Богатырёвы пользовались широкой славой, были до некоторой степени законодателями цен на хлеб на Теченском базаре, а Пётр Кирилович имел хороших лошадей и при проезде губернатора поставлял резвача для гонца. В деревне также было порядочное количество мужичков, которые жили, как говорили у нас, справно. Деревня имела другой вид по сравнению с Черепановой: встречались дома с железной крышей, хорошим пристроем и пр. Известны были, кроме Богатырёвых, фамилии Бобыкиных, Чесноковых и др.

Лично знакомыми в этой деревне у нас были: Павел Игнатьевич¹⁹⁷⁸, б[ывший] трапезник, Варвара Ивановна¹⁹⁷⁹, постоянный посетитель нашего дома в праздничные дни перед богослужением и особенно Илья Петрович

---

¹⁹⁷⁸ См. очерк «Павел Игнат[ьев]ич».

¹⁹⁷⁹ См. очерк «Варвара Ивановна».

Ерёмин¹⁹⁸⁰, б[ывший] гвардеец в охране Александра III-го, который временами, зимой, жил у нас за работника.

В деревне была деревянная часовня, близко от берега реки. Часовенным праздником в деревне был Дмитриев день, 26-го октября по старому стилю. На северной окраине деревни была общественная мельница. Мельником были люди по найму, которые были обязаны производить помол муки баклановцам на льготных условиях.

До 1900 г. дети баклановцев ходили в школу в Течу. Их было мало – трое-четверо, но в 1902-м году школа была открыта в самой деревне в частном доме. Условия были для обучения детей плохие – помещение было тесным, холодным. Перед первой европейской войной земство выстроило в деревне прекрасное кирпичное здание с просторными классами и комнатой с кухней для учителя.

Были попытки со стороны некоторых предприимчивых людей открыть торговлю в деревне, однако они потерпели неудачу: деревня была близко от Течи, где «царствовал» Антон Лазаревич Новиков, который в корне пресекал всякие поползновения вступить с ним в конкуренцию при самом начале их. Позднее, уже после первой империалистической войны, в деревне обосновался один кузнец – пришелец из одного уральского завода. Однако он недолго работал: умер в Свердловске от рака.

В истории этой деревни нужно отметить два любопытных явления, а именно: а) пробуждение интереса к продолжению образования и б) появление подвижника в окрестностях деревни.

В 1901 году в Далматове при монастыре, где раньше существовало духовное училище, позднее переведённое в Камышлов, открыто было двухгодичное училище для подготовки учителей в церковно-приходские школы. В это училище из Баклановой направил учиться трёх своих сыновей баклановский мельник Попов А. В. Его примеру последовал ещё один баклановский мужичок Бобыкин И. С. Так проявилась тяга к дальнейшему обучению детей у деревенских жителей при первой посильной предоставившейся им возможности. Известно, что кончивший это училище Дмитрий Бобыкин после Октябрьской революции продолжил ещё образование и работал юристом.

Подвижник объявился после революции 1905 г. Никто не знал, откуда он явился, кто такой, но первыми открыли его баклановские богобоязненные тётушки и добились того, что ему на высокой горе против деревни за рекой кто-то из богобоязненных тоже мужичков построил избушку. У подошвы горы оказался ключик, неизбежный спутник поселений таких подвижников. Началось паломничество к этому подвижнику и, конечно, приношения. Был он мужчина лет тридцати с небольшим. Опустил волосы. Всё рассказывал о том, что ему бывают видения, и он может угадывать события вперёд. Например, придёт к нему кто-либо, и он начинает рассказывать о том, что

---

¹⁹⁸⁰ См. очерк «Илья Петров Ерёмин».

ему было видение во сне и он знал, что тот к нему придёт. Пустыннику женщины приносили свои лучшие кухмастерские изделия: шаньги, пироги и пр. На зиму ему заготавливали дрова. Одним словом, житие его подвижническое было не из бедных.

По праздникам он торжественно шествовал в церковь в веригах: на груди у него был подвешен на цепях тяжёлый чугунный литой крест. Все с почтением на него взирали и уступали дорогу. Что это было? Это был отзвук прежней «древлей» Руси, перед тем предстояла её сильная встряска в 1917 г. И это была тень Григория Распутина.... Однажды нашли подвижника убитым. Ходили слухи, что это сделали баклановские парни, потому что паломничать к нему начинали и баклановски девки.

Деревня была связана дорогами с Течей, Кирдами, Нижне-Петропавловским селом и деревней Черепановой. Через неё проходила дорога из Сугояка в Нижне-Петропавловское село.

После Октябрьской революции деревня пережила коренные изменения, а в 1962 г. снесена по тем же мотивам, что и Черепанова. Жители были переведены в Кирды.

Деревня Кирды

Деревня Кирды была в десяти верстах от Течи, на запад, за Баклановой. Дорога в неё проходила через Бакланову. Деревня эта была большой и богатой; расположена была на берегу озера одноимённого названия. В соседстве с этой деревней находятся башкирские деревни – Аширова, Курманова и в некотором отдалении на расстоянии 25-30 вёрст за известным в Зауралье озером Маян – Иксанова.

Это соседство и было причиной того, что жители этой деревни жили зажиточнее других. Башкиры были в этих краях аборигенами и они владели большими пространствами земли – пашен и лугов. Эти «князья», как их иногда у нас называли, жили за счёт земельной ренты, а сами не обрабатывали землю за редкими исключениями. Предприимчивые кирдинские мужички по дешевле арендовали у них землю – пашни и луга, что и давало им возможность жить зажиточнее. Среди обитателей Кирдов известен был, например, Сергей Данилович Черепанов, который помимо земельной обработки, значительной по объёму, занимался ещё молочным делом: у него было значительное стадо коров, были сепараторы и вырабатывалось масло, известное под названием сибирского. Бывало даже так, что мужички свой молодняк – жеребят на летний период переводили на выпас на башкирские луга. Этим способом пользовался и Сергей Данилович для разведения и использования молочного скота. Зимой этот мужичок направлял целые обозы с пшеницей в Каменский завод, нынешний Каменск-Уральский, и во всех сёлах и деревнях, через которые следовали эти обозы, знали, кому они принадлежат. Сергей Данилович был, конечно, уже

уникальным явлением, но в деревне было значительное количество богатеев, у которых хлеба было много. Одно время в Тече был организован банк на паях, и участниками его были главным образом кирдинские богатеи.¹⁹⁸¹

Не зря в Кирдах именно был филиал торгового предприятия теченского «купца» Антона Лазаревича Новикова. Операции вёл здесь брат благоверной супруги Антона Лазаревича – Марии Егоровны – Василий Егорович. У него был добротный дом на три комнаты и лавочка. Сюда же, в Кирды, из ирбитских краёв искать счастья на торговой стезе приезжал в 1905-1906 г. изгнанник из Пермской дух[овной] семинарии Миша Петров, но пролетел в трубу, что и требовалось доказать: не тягайся с Антоном Лазаревичем!

На берегу озера в деревне была каменная часовня, большая, похожая на церковь. Часовенным праздником был Покров – 1-го октября по старому стилю. К этому времени обмолот урожая в основном уже заканчивали, и праздновали Покров на широкую ногу. Своеобразным явлением празднества было то, что на него съезжались к кирдинским мужичкам много «родни» по аренде земли: Ухваты, Карымы, Фазылы. Приезжали с апайками. К этому времени уже научились «арáка ашáть» - пить водку, и ублажать их нужно было во всю: давай им и барана, и масла, и яиц, и чаю густого с сахаром. Обходительные мужички умели «вести с ними дело».

В числе деревень, входящих в Теченский приход, Кирды были как бы жемчужиной, а кирдинцы сознавали свою силу и издавна мечтали выстроить у себя церковь и отделиться от Течи. В этом направлении на дороге им стоял настоятель теченской церкви – протоиерей Владимир Александрович Бирюков. Он так и объявлял в кругу своих сослуживцев: «Пока я жив, Кирды не отделятся от Течи». Умер протоиерей – и в Кирдах появилась церковь, но не долго ей пришлось красоваться: Октябрь «перешерстил» все Кирды.

В Кирдах долго не было школы, и дети кирдинцев нигде не учились. Школа была открыта только в 1900 г., и первым учителем в ней был сын теченского протоиерея – Михаил Владимирович Бирюков. Позднее в этой школе работал проживающий ныне в Тече на положении пенсионера – Михаил Аркадиевич Рычков, выпускник Камышловского дух[овного] уч[илища] в 1902 г.

После тридцатых годов мало что осталось от Кирдов, но теперь в них вливается новая кровь – переселенцы из Баклановой.

В своё время в Кирдах у нас было много знакомых. Так, ежегодно на первой и Страстной неделе Великого поста у нас останавливались две богобоязненные тётушки: Анна Ивановна и Мария Ильинична.¹⁹⁸² Мы были свидетелями трагической гибели мужа Марии Ильиничны – Андриана Тимофеевича. Был он великан и богатырь, но при постройке нового дома

---

¹⁹⁸¹ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется очерк «Банк на паях» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

¹⁹⁸² См. очерк Анна Ивановна и Мария Ильинична».

надсадился («что-то оборвалось внутри») и умер в страшных мучениях. Мы были очевидцами последнего.

В Кирдах жил знаменитый староста Теченской церкви – Пётр Данилович Черепанов. Типичный церковный староста, достойный кисти художника.¹⁹⁸³

Из Кирдов происходил Проня, наш работник в течение одной зимы, а потом работавший в Сугояке. Добрейшая, простецкая душа. Излюбленным ругательным словом его было – эквивалентом матерщины – было слово «жаба». «Эы, вы, жабы-деушки» - как-то обругал он наших барышень.¹⁹⁸⁴

Кирды были связаны дорогами с сёлами: Течей и Сугояком и деревнями: Баклановой, татарскими Ашировой и Курмановой.

Деревня Панова

Эта деревня была в шести верстах от Течи на юг. В неё вели две дороги: одна по тракту, другая – полями по заречной стороне через Черепанову. Последняя дорога – короче. Эта деревня, небольшая, была как-то в стороне и поэтому мы её плохо знали. Мы знали в ней только одного мужичка – Егора Николаевича, у которого не раз бывали в гостях. У него был единственный в деревне кирпичный дом, в котором в 1904-1905 г. помещалась церковно-приходская школа. Она была единственной школой этого типа в наших краях. Организована она была протоиереем В. А. Бирюковым для устройства в учителя его сына – Николая, изгнанника из Камышловского дух[овного] училища. Известно было, что жители этой деревни в большинстве носили фамилию Пановы, отчего, очевидно, и деревня именовалась Пановой.

В 1962 г. снесена как находившаяся на реке Тече.

Дорогами была связана с Течей и Осоловкой.

Письмо В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 05 января 1964 г.

Дорогой Иван Степанович!

Я как-то, давненько уже, послал Вам описание деревень, которые входили в Теченский приход. На днях я получил от своего друга, проживающего сейчас в Тече – Михаила Аркадиевича Рычкова – кое-какие статистические и др. сведения об этих деревнях, которые посылаю Вам. Их нужно или приписать к написанному о каждой деревне, или приложить этот листок. Сведения эти следующие.

---

¹⁹⁸³ См. очерк «Пётр Данилович [Черепанов]».

¹⁹⁸⁴ См. очерк «Проня».

Деревня Черепанова.

1. Дворов в ней было всего 44.
2. При ликвидации деревни 22 двора переселились в Течу и 22 – в Сугояк.
3. Мельница, владельцами которой были кержаки Мизгирёвы, перестала существовать в [19]30-х годах, а семейство Мизгирёвых вымерло.

Деревня Бакланова.

1. Дворов было не менее 75-ти.
2. Самыми распространёнными фамилиями были – Ческидовы, Бобыкины, Богатырёвы.
3. Мельница прекратила своё существование из-за убыточности («прогорела»).
4. Жители были переселены в д[еревню] Кирды.

Деревня Панова.

1. Дворов было 35.
2. Мельницу ликвидировали после того, как в половодье снесло плотину, а деревню перенесли в другое место, создав новый посёлок «Усольцево» в шести километрах от села Бродокалмакского и 16-ти от Сугояка. Для населения были выстроены двухкомнатные и трёхкомнатные дощатые (*sic!*) дома. Посёлок связан с соседними посёлками автобусным движением.

Деревня Кирды.

1. Дворов было 90.
2. Распространёнными фамилиями были: Кузнецовы, Кокшаровы.
3. В 1914 г. перед самой войной была открыта церковь, в которой в настоящее время устроено зернохранилище.
4. Первым священником был некий Наумов.
5. М. А. Рычков сообщает, что первым учителем в деревне был в [18]60-х годах какой-то ссыльный поляк, который учил детей грамоте, переходя из дома в дом и тут же питаясь.
6. Школа была открыта в [1]900-м году и первым учителем был кончивший Тобольскую семинарию сын Теченского протоиерея – Михаил Владимирович Бирюков. Позднее – с 1905 г. по 1908 г. и в 1936-1937 – работал учителем сам М. А. Рычков.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 720-733 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Ближайшие к Тече деревни – Черепаново, Бакланово, Кирды, Паново» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть I. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

Теперь оно нарушено, а новое находится немного восточнее того, старого. Сразу хочется сказать, что перемена эта сделана к худшему. В своём описании я буду говорить о том, старом, сохранившемся в моей памяти, через которое теперь устроена дорога, как раз по могилам когда-то захороненных людей. Когда-то в средней школе мы читали «Сельское кладбище» [В. А.] Жуковского и относили его к типу элегий. Да, говорить вообще о каком-либо кладбище, это значит вести рассказ в тоне элегии. Тем более, говорить о кладбище, на котором похоронены родные или близкие знакомые. Печаль по ним отложилась в нашей душе, как частица раннего пессимизма.

Теченское кладбище находилось на тракту, непосредственно у домов южной части села. Тракт периодически очищали от зелени, которую сбрасывали на обочину дороги, и кладбище было за невысоким земляным валом, по линии которого проходила изгородь. Оно было огорожено со всех сторон и защищено от посещения его животными. К чести сказать, в адрес настоятеля Теченской церкви, протоиерея Владимира Бирюкова, что он ревниво следил за порядком на этом месте успокоения и побуждал к этому своих прихожан.

Всё кладбище было покрыто маститыми берёзами, под сенью которых могилы с дерновыми покрытиями и крестами содержались в порядке. Здесь были захоронены теченцы, кирдинцы, баклановцы, пановцы и черепановцы, в разных местах, в перемешку. Можно было заметить, что каждый хозяин могилы старался выбрать место позаметнее: или у дерева, или у дороги.

В середине кладбища стояла часовня, в которой в Радоницу (вторник второй пасхальной недели) совершались молебны. Мы, дети, всегда со страхом заглядывали в это мрачное деревянное квадратное здание, в котором стояли иконы, необходимые для совершения в нём молебнов. Могилы были с деревянными крестами и сохранялись от разрушения. Очевидно, они подправлялись в Радоницу. Между прочим, был обычай оставлять на могилах в Радоницу крашеные пасхальные яички, сбором которых занимались мальчишки.

Кладбище было предметом, как это водится, разных рассказов о страшных событиях: то у кого-либо на могиле светил огонёк, то бродил по нему какой-либо покойник. На почве этих измышлений однажды произошло событие, если можно так выразиться, в духе гоголевских рассказов о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Летом, однажды, гостил у брата писарь сугоякского земского начальника Д. Ф. Лебедев. Он носил белый пиджак и брюки и имел обыкновение гулять по бору, который окружал кладбище. Возвращался домой мимо кладбища. И вот пошла молва о покойнике. Первыми подняли бучу женщины, отказавшиеся проходить домой поздно вечером мимо кладбища. Шире, да! Вопрос подняли на сходе и

потребовали, чтобы злополучный писарь прекратил прогулки по бору в вечернее время. Что говорить, мы проходили мимо кладбища вечером тоже «со страхом и трепетом».

Если трапезник с саженью направлялся на кладбище, то это был верный признак того, что предстоят чьи-то похороны.

Я видел различные виды похорон: лошадка тянула телегу или дровни с двумя-тремя седоками – это один вид.

Так, помню, хоронили нашего работника Проню. Раздавался тягучий звон колоколов, на дороге были разбросаны веточки сосен, в центре толпы провожающих шли члены причта – поп и псаломщик, они тягуче пели «со святыми упокой» - это вторая картина.

А я помню ещё проводы с плакальщицей, притом, плакавшей по найму. Это третья картина.

Вот из этих «причитаний», как известно, и получили своё происхождение элегии. Процессия проходила через ворота и вступала в гущу леса, среди которого находилась часовня. Последний путь усопшего. Провожающие расходились, и на кладбище слышался только заунывный шелест бора, окружавшего кладбище. Вечный покой!

Из нашей семьи здесь покоилась только сестричка Катя, умершая в возрасте 3-4 лет. А сколько знакомых?!

Приходиться с тоской и грустью сказать, что от этого кладбища остались только пни: нужно было спрямить немного дорогу, и его уничтожили.

Новое кладбище, как уже выше сказано, было восточнее этого в мелком леске с корявыми березками. Оно не было огорожено, и на нём всё было затоптано. Такими раньше были скотские кладбища. По совести говоря, что это было? Мягко сказать: бескультурье и неуважение к человеку, прошедшему по дороге жизни. Один мой знакомый, побывав в Риге на кладбище, говорил мне: «я хотел бы там умереть». Едва ли так же отозвались бы о новом теченском кладбище бывавшие хоть раз на нём. На нём под кривой березкой похоронена наша матушка.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 95-103 (рукопись), 104-107 (машинопись). Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[ЭКОНОМИКА ТЕЧИ]

Теченский базар, рыночные отношения и окрестные ярмарки

[1961 г.]

Еженедельно, по понедельникам, в Тече бывали базары на площади, расположенной около церкви с северной и восточной стороны её. В северной стороне были расположены деревянные «лавки» для торговли, а в восточной стороне массивные весы: и те, и другие принадлежали церкви и эксплуатировались за известную плату, впрочем, больше весы, чем «лавки». В лучшую пору существования базаров и ярмарок в дни последних поднимался флаг на высокой штанге...

Когда были учреждены в Тече базары – не известно. Почему именно в Тече? Очевидно, потому, что она являлась узлом для значительного района Шадринского уезда. Во всяком случае, теченцы гордились базарами, а Антон Лазаревич Новиков благодарил Бога за них.

К понедельнику у населения было особое отношение: рабочим днём он считался на половину – после базара, примерно с 11-12 ч. дня. Если даже у кого и не было прямой необходимости в базаре: купить или продать что-либо, шёл на базар посмотреть, что творится на белом свете, «чем люди живы» и шёл не как-нибудь, а приодевшись, как в церковь, а на базаре разгуливал или беседовал в группе мужичков о ценах, урожае, о разных новостях, которые привезли «заморские» гости – из Бродокалмака или Сугояка. Богатенькие мужички, скажем, баклановские Богатырёвы приезжали на рысаках: Пётр Кириллович, например, приезжал на своём знаменитом Савраске прямо с маху на рысях чуть не до половины базара. Зимой у него на голове была бархатная вроде скуфьи шапка с меховой оторочкой по низу, романовский полушубок, подпоясан он красным кушаком, на ногах казанские валенки с вышивкой. Идёт он по рядам и у него вид такой, что он хочет сказать: «достану кисет с деньгами и всех вас в карман положу». А Антон Лазаревич – что твой именник: глаза сияют радугой, голос медоточит, руки прикованы к аршину. «С прибылью торговать» - несётся ему со всех сторон.

Кто из «купцов» откуда и с чем приезжал на базар в Течу?

Прежде всего, нужно отметить, что мало кто приезжал с мануфактурой, которая по существу являлась главным промышленным предметом торговли. Из Сугояка приезжал Максим Алексеевич, да и то не столько на торговлю, сколько в гости к родным. Приезжал кто-нибудь из Шишкиных тоже из Сугояка. Объяснялось это тем, что все ближайшие торговые точки контролировались Антоном Лазаревичем: им просто в Тече нечего было делать, а более отдалённым не было смысла расходоваться на дорогу, потому что они знали, что им с Новиковым тягаться не по силам. В области торговли мануфактурой Новикову была обеспечена полная монополия. Мелкие «купцы» из Сугояка привозили на продажу разного рода бакалейные товары:

чай, сахар, орехи, пряники; летом сезонные: серпы, косы; привозили и мануфактуру.

Из Бродокалмака накануне, с вечера, приезжала «Рещиха» Решетова с консервными товарами. Славилась она выделкой кожи. В Тече появились тоже кожевники – «Рыбины», но они только ещё начинали дело, не создали себе ещё авторитета, наоборот, иногда «поджигали» материал, так что можно было считать её единственным специалистом в этой области. В её руках была сосредоточена и торговля и производство, так что в Течу она приезжала не только за тем, чтобы продать товар, но и сдать заказы, вновь закупить сырьё и принять новые заказы.

Также приезжали из Бродокалмака накануне базара гончары с кринками, корчагами, латками. Эта отрасль промышленности и торговли была их монополией.

Специально торговлей мясом занимался бродокалмакский тоже житель – Мурзин. В летнее время он ездил по деревням и не в базарные дни и «с голосу» продавал мясо. В зимнее время он уже не был монополистом: мясо привозили из ближайших деревень и теченские жители. В зимнее время на базаре можно было наблюдать целые туши говядины и свинины. Кстати сказать, свиньи были в хозяйстве теченцев да и вообще в нашем крае не в почёте: их как следует не откармливали.

На базар иногда кирдинские старики-рыболовы привозили карасей с Маяна или с какого-нибудь другого озера: свежих, зимой замороженных или сушёных, выпотрошенных и очищенных от чешуи и нанизанных на палочку.

Осенью кто-либо из соседних сёл, а иногда и из теченцев привозил кустоксинские арбузы. Особенно ими любили лакомиться татары.

Продукты смолокурения к продаже их летом на базаре составляли монополию теченских смолокуров.

На базар привозили ивовую кору для дубления шкур и берёзовую для продажи смолокурам. Привозили сено зимой. Его продавали возами «на глаз» - 1,5-2 копны за восемь гривен. Дрова не были базарным товаром: их обычно продавали по заказу. Овощи тоже не были предметом продажи. Позднее, после О[ктябрьской] р[еволюции] стали возить на продажу картофель в Челябинск. Молочные продукты: молоко, творог, сметана на базаре не продавались. Продавали шерсть, лён и коноплю в «пасынках», т. е. в связках в очищенном виде.

Из кустарных изделий продавались плетёные короба, корзинки, веретена, прялки.

Редко выводили на продажу на базаре лошадей, коров. Чаще всего эти сделки делали по личному знакомству, причём коровы расценивались в 23-25-30 руб., а лошади – в 35-45-50 руб. Рысак стоимостью в 100 руб. был уже редкостью. Но в начале столетия в Тече появился специальный торговец лошадьми – Иван Сергеевич [Попов].

Из пищевого производства нужно отметить следующие предметы базарной торговли: некоторые предприимчивые женщины зимой продавали

пельмени: разводился костёр, тут же варили и «горяченьких» продавали. Было семейство Козловых, которые выпекали к базару пряники с изюмом и свежие продавали по 5 коп. за фунт. В дни рекрутских наборов предприимчивые женщины торговали чаем из пахучих трав, который назывался сбитень.

Продавали иногда на базаре и разные вещи домашнего обихода, устаревшие, поношенные.

Главным продуктом торговли было зерно: пшеница, рожь, овёс. Естественно, что торговля этими продуктами больше производилась зимой – после обмолота. Привозили их возами: в коробе или санях, чаще насыпанных прямо в полог, а не в мешки. Воз взвешивали на весах, подвешанных к ним, зерно высыпали, а сани снова взвешивали. Капризная деревенская валюта: когда урожай – она падает; неурожай – поднимается. Вот, например, цены урожайного года: овёс – 23 коп., рожь – 36-37 коп., пшеница – 52-53 коп. за пуд. Перейдём на цены промышленных товаров: сахар – 8 коп. фунт, бязь-ситец – 8 коп. аршин.

В дореволюционное время крестьяне, имевшие по 3-4 лошади в хозяйстве предпочитали везти пшеницу в Каменский завод скупщикам, которые отправляли её в Англию. Что при этом они выгадывали? Допустим, что в Тече цена на пшеницу в 56 коп. за пуд, а в Каменском заводе – 63 коп., следовательно на 7 коп. дороже. На трёх подводах зимой крестьянин сможет свозить сто пудов, следовательно, он заработает 7 руб. за два дня. Один рубль он израсходует на овёс лошадям при поездке, следовательно, его чистый заработок составит 6 руб.

Кроме пшеницы, ржи и овса продавали горох, ячмень, солод, хмель.

Яички на базаре не продавали, а особым скупщикам. Помнится, в одному году продавали по 90 коп. за сотню. По домам приходили продавать рыбу местного улова, грибы, ягоды. Всё это в малых количествах. Ежегодно по сёлам разъезжали верх-теченские монашки с продажей малины, белой и красной смородины. У населения иногда не хватало денег в обращении, и тогда Новиков отпускал разную мелочь – махорку, спички – в обмен на яички.

Кроме еженедельных базаров устраивались ярмарки в дни престольных праздников: в «Девятую пятницу», в «Первый Спас» (1-го августа), во «Введение». В отличие от обычных базаров, торговля начиналась с полдён накануне праздника и продолжалась до полдён дня праздника. Ассортимент товаров был другой, а именно был рассчитан на проведение праздника. В палатках продавали мануфактуру и бакалейные товары преимущественно.

Из окрестных ярмарок популярной была Прокопьевская в Бродокалмаке 8-го июля. Сюда привозили на продажу сибирское топленое масло, шерсть, лён в «пасынках». Масло, например, продавалось по 11 руб. за пуд.

Теченский базар был для населения наглядной школой рыночных отношений, а также показателем классового расслоения населения. Не

подлежит сомнению, что все слои деревенского населения – от богатеев и до бедняков – уже узнали вкус и запах этих жёлтеньких, зелёных, голубеньких и розовеньких бумажек, имели кисеты для звонкой монеты, конечно, различной величины и хранили деньги в разных местах – кто в сундуке, а кто на «божнице». На базаре же они постигали тайны экономических отношений, узнавали, как это делается и учились, как это нужно делать, и в зависимости от того, как они усваивали азбуку этих отношений, двигались кверху или к низу.

Едва ли в эти времена был кто-нибудь из теченцев такой, кто бы не знал дорогу в лавочку Антона Лазаревича. Не стал бы он делать у своей лавочки стайки для привязи лошадей, если бы не знал, что это нужно. Только раз в жизни автору сего удалось видеть в деревенской избе лучину, а дальше уже он видел только керосиновые лампы. Антон Лазаревич мог бы рассказать, что от него уносили в свои избы теченские мужички, а уносили они: мануфактуру, сахар, чай, изюм, орехи, пряники, керосин и т. д. Он мог бы рассказать, конечно, строго конфиденциально, на каких дрожжах рос его капиталец. Круг уже был замкнут: «они» уносили на базар зерно, шерсть, мясо и пр., а с базара, главным же образом, из лавочки Антона Лазаревича несли товары. Чай пили с сахаром, в прикуску, вернее присасывая, бережно, складывая на перевёрнутую чашку остаток. Было и приветствие: чай с сахаром. Все пили с сахаром? – Все!

При НЭПе базары в Тече возобновились, но в меньшем объёме. На рысаках на базар тоже приезжали, но не Богатырёвы, а кто-нибудь из власть имущих. Робко начинали оживать «прежние», но скоро «подсекло». Началась распродажа из сундуков. Сколько было «их» в Свердловске с полотенцами, с рубашками, вышитыми в самую ажурную строчку, с половиками и пр.

Теперь в Тече базаров нет. Площадь превращена в гумно, куда свозится зерно для просушки. Магазин, б[ывшая] лавка Новикова, наполнен промтоварами: готовой одеждой, велосипедами, парфюмерией и пр. Бакалейные товары перенесены в отдельную лавку. В этой лавке продаётся и печёный хлеб, чего в Тече никогда не было.

*Tempora mutantur et nos mutatur in illis.*¹⁹⁸⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 83-90 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Базары в Тече» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

---

¹⁹⁸⁵ *Tempora mutantur et nos mutatur in illis* – по-латински «Времена меняются и мы меняемся в них».

*Имущественные отношения в Тече
перед Октябрьской социалистической революцией*

06 июня 1963 г.

Рента: её виды и роль в имущественных отношениях.

А) Земельная рента.

В силу своеобразных исторических условий развития нашего края владельцами земельной ренты в нём явились самые древние аборигены его – башкиры. На запад и юго-запад от Течи с древних времён существовали и теперь существуют башкирские деревни, различные по величине и хозяйственному значению такие, как по направлению к Каменску-Уральскому: Аширова, Байбускарова, Иксанова и др.; по направлению к Челябинску: Борисова, Кунашак, Муслюмова и др. Среди них такие, как Кунашак и Муслюмова, были настоящими хозяйственными центрами: первый славился ярмарками, а вторая – мельницей. При колонизации края, которая усилилась ещё со времён Екатерины II, аборигены сумели удержать за собой большие земельные угодья, как пригодные для земледелия – под пашни, так и луга, богатые травой. Такое положение повело к тому, что в крае появились целые деревни с башкирским населением, ставшие в собственном смысле трутнями, жившими за счёт земельной ренты. Таковыми были, например, такие деревни, как Аширова, Байбускарова и Иксанова, жители которых только тем и занимались, что отдавали землю в аренду под пашни, а луга – под покосы русским мужичками.

Теченцы в большинстве случаев испытывали нужду в покосах и во многих случаях обеспечивали свой скот сеном только за счёт арендованных у башкиров покосных угодий. «Поехать в татары», или «уехали в татары» на языке теченцев и обозначало поехать на сенокос куда-либо в башкирскую деревню, точнее – за башкирскую землю для заготовки сена на зиму. Делалось это так, что выезжало несколько телег с рабочей силой, вилами, граблями, косами, запасом питания – хлебом, мукой, сухарями, сушёным творогом или чем-либо другим, необходимым для приварка, сахаром, чаем. Уезжали вёрст за тридцать от Течи, жили там до окончания всего цикла сенокосных работ и возвращались домой через десять-двенадцать дней в зависимости от благоприятной или неблагоприятной для уборки снега погоды. Дома оставались только старики и дети. Если дома оставался глава семьи, что бывало в зажиточных семьях, то он время от времени навещал работников на сенокосе, привозил хлеб, квас и прочий провиант. В этом случае отпадала необходимость всё сразу увозить при отъезде.

Существовал ещё обычай отправлять «в татары» на лето на откорм конский молодняк: «стрижков», «селетков». Это возможно было делать только при условии крепкой и надёжной дружбы с хозяином-башкиром, а то иногда среди них попадались люди вероломные, которые «запродавали» одну и ту же землю разным арендаторам. И вообще хозяева, владельцы отдаваемой в аренду земли, требовали, чтобы им оказывали почёт: любили

приезжать в гости и обязательно с апайкой, причём какой-нибудь Ухват или Карым не стеснялись прямо требовать, чтобы ему на угощение давали молоко, масло, яйца, обязательно чай, а то и ара́ка (водку), к чему они привыкали при дружбе с русскими, хотя Коран, кажется, не разрешал потреблять ара́ка.

«Крепкие» мужички, вроде известного в Тече Александра Степановича Суханова, арендовали пашни на период троепольного оборота: под пар, на посев по пару и на посев по подпаркам, т. е. на трёхлетний цикл. При известных условиях цикл этот сокращался до двух лет. В Тече количество таких арендаторов было не столь много, как в деревне Кирды, что в десяти верстах от Течи. Эта деревня была по соседству с башкирской деревней Ашировой, и эта территориальная близость, соседство содействовали арендным земельным отношениям. Договоры не оформлялись официально, а только «на совесть», и поэтому, как указано выше, при аренде пахотной земли – пашни чаще всего проявлялись обманы. Держатели ренты на землю, однако, жили бедно, потому что сами уже ничего не делали, не вкладывали своего труда, а оборотливые мужички извлекали для себя пользу, «жирили», как говорили по этому поводу в наших деревнях.

Выше шла речь об использовании земли, о земельной ренте, владельцами которой были не сами теченцы, а владельцы со стороны, а сами теченцы были только арендаторами. Были ли случаи в самой Тече и в ближайших к ней деревнях, непосредственно связанных с ней какими-либо общими формами хозяйственной жизни, случаи использования земли в форме ренты? Были, но редкие и при том в форме не чисто земельной ренты, а, например, в форме промыслово-земельной ренты. Были, например, такие случаи чисто-земельной ренты: а) теченский торговец Новиков арендовал у кого-либо из мужичков небольшой участок земли для посева овса «под товары», т. е. расплату товаром, причём земля ему поступала в обработанном виде, а товары шли и на оплату всех форм труда по посеву; б) известно было также, что один из членов церковного причта сдавал в аренду весь свой земельный участок, занятый пашней, переводя его из хозяйственного оборота в состояние чистой земельной ренты. Что же касается сдачи в аренду земли кем-либо из захудалых мужичков богатым-кулакам, то эти случаи были, но они обозначали уже канун полного разорения и продажи земельных участков.

Промыслово-земельная рента применялась, например, в форме сдачи в аренду земельного участка под постройку на нём мельницы, или вместе с построенной уже на общественные средства мельницей, причём в договоре в том и другом случае оговаривались в том или другом размере льготы для пользования его хозяевами земли, или земли вместе с построенной на ней мельницей. Легко заметить, что рента в данном случае относилась к правам общества, а не личности, о чём речь шла выше.

Б) Жилищная рента.

В дореволюционное время (до Октябрьской революции) в Тече были известны два семейства, которые существовали за счёт сдачи своих домов со «службами» при них в аренду. Это – семейства Мироновых и Сильвановых.

Мироновы были выходцами из «Расеи» и первоначально занимались торговлей. На главной улице Течи, на тракту, стоял их двухэтажный дом под железной крышей. Нижний этаж у него был кирпичный, а верхний деревянный. Со двора был парадный вход на второй этаж – лестница в деревянном дощатом тамбуре, а изнутри была тоже лестница на верх дома. Вверху было три комнаты, а внизу – кухня и две комнаты. При доме был полный комплект «служб» - деревянных под железом. В южной части двора была построена «лавка» - магазин, кирпичный продолговатый сарай, с широкой дверью на улицу, частично остеклённый и окном и дверью – на двор. Мироновы дважды пытались наладить торговлю, но «прогорали»: не выдерживали конкуренцию с Новиковым. На один год удалось Миронову взяться «гонять ямшину», т. е. взять подряд на обслуживание поездов различных земских служилых людей и прочих по нарядам земства «конским способом», но опять-таки «прогорел», махнул рукой на все свои попытки и перешёл на сдачу дома в аренду, причём или весь дом со «службами» сдавался в аренду, а хозяева оставляли себе только одну комнату внизу, или только сдавался один верх с общим пользованием кухней, или, наконец, сдавались только одна-две комнаты. «Лавка» - магазин в этом случае оставалась только кладовой. Полностью дом со «службами» на известные периоды был сдан земским начальникам – Габриельсу и Стефановскому, становому приставу – Атманскому. Отдельно комнату вверху занимала в 1903-1904-1905 гг. учительница Селиванова Мария Ильинична. После смерти мужа хозяйка дома – Анна Ивановна, которая, кстати сказать, немного занималась шитьём, деревянный верх продала одному мужичку в деревню Бакланову, а комнату внизу отдала под пивную, которая в Тече, по мнению некоторых её обывателей, являла собой чуть ли не высшую ступень развития культуры на селе.

«Мироновский дом», как его привыкли называть теченцы, по частям существует в Тече и в настоящее время: низ его занят почтой, а верх снова перекочевал из Баклановой в Течу за Зелёную улицу и занят детским садом. Любопытно, что самым живучим в ансамбле всех элементов «Мироновского дома» оказался скверик у дома, в котором когда-то были сирени и цветы: мальвы, васильки, ноготки. Он существует и теперь.

«Сильвановский дом», как опять-таки привыкли его называть теченцы, во многом имеет аналогичную историю с «Мироновским домом» и в своё время был типичным представителем учреждения, точнее хозяйства, играющего роль жилищной ренты. Его строил когда-то один из членов теченского причта – священник Александр Сильванов. Дом кирпичный, одноэтажный, с парадным крыльцом на улицу. В нём было раньше пять комнат с коридорчиком и кухня. При доме был полный комплект «служб» -

деревянных под железной крышей. При доме был садик с черёмухой, сиренью, акацией и клумбами цветов. Хозяин дома рано и скоропостижно умер при своеобразном обстоятельстве: средняя дочь его – Мария – вышла замуж «убёгом» за деревенского парня – Петра Васильевича Лебедева, отец не снёс «позора» и умер. Хозяйкой осталась жена с младшей дочерью Лидией. Мать и дочь занимали одну комнату, а остальные комнаты с общим использованием кухней и все «службы» сдавали в аренду. На таких условиях одно время занимал дом земский начальник Стефановский. Когда дочь вышла замуж за сына Стефановского, то мать уже не жила в этом доме, а жила где-то у родных, и Стефановские занимали весь дом. После их переезда в Шадринск, дом весь со «службами» занимал на условиях тоже аренды второй теченский священник – Анатолий Бирюков. Наконец, этот дом был продан под волость, и во дворе его была выстроена деревянная «каталажка». В настоящее время в этом доме – изба-читальня. Около него не сохранилось ни построек, ни сада. Дом разрушается.¹⁹⁸⁶

В Тече были два дома, принадлежавшие выбывшим из неё жителям: один дом принадлежал неким Флегонтовым, а другой – не известным автору сего хозяевам. Оба дома расположены на главной улице села, на тракту. Дом Флегонтовых, деревянный, с двумя комнатами, кухней, подпольем – подсобной кухней и полным комплектом «служб» одно время арендован был вторым священником Анатолием Бирюковым, а потом продан крестьянину Василию Ивановичу Лебедеву. В этом доме, значительно подрыхлевшем, в настоящее время живут потомки В. И. Лебедева.

Другой дом, кирпичный, под железной крышей из кухни, небольшой комнаты и большой комнаты по всему фасаду его, с парадным входом в него со двора и с одним сараем во дворе пережил очень пёструю историю на правах арендного пользования им. Одно время его занимал пристав Селивестров и тогда при нём, кроме сарая, был, вероятно, ещё кое-какой пристрой. От того времени во дворе его сохранялся кирпичный низкий домик, со сторожкой и окнами с решётками – «пересыльный замок» (См. очерк «Николай Яковлевич [Уфимцев]»). Потом в этом доме была школа, а позднее – «монополька» («кабак»). Теперь в этом доме «молоканка» - сепараторная переработка молока. Дом претерпел значительные перемены.

В числе пользователей арендной платой за помещение – жилищной рентой – нужно указать ещё: а) Павла Андреевича Кожевникова, у которого на втором этаже полукаменного дома одно время помещалась школа и б) Григория Александровича Лебедева, у которого в доме земство арендовало одну комнату под, так называемый, «заезжий дом» - гостиницу для проезжих.

К сожалению, не сохранились нормы оплаты за аренду, но они были в денежном выражении.

---

¹⁹⁸⁶ Сильвановский дом в разрушающемся состоянии и в настоящее время существует в селе Русская Теча. Изба-читальня в нём находилась в 1938-1950-х гг.

Особой формой жилищной ренты была сдача комнаты в аренду на условиях пансионата, т. е. с обеспечением питанием. В таком положении находились учительницы, приезжие в Течу. Известно было, что учительница Елизавета Григорьевна Тюшнякова, кстати сказать, больше всех работавшая в Тече, жила на квартире на условиях пансионата у одного мужичка за шесть руб. в месяц. Она имела комнату (горницу), на половину изолированную от семьи хозяина (в ней были разные хозяйские вещи: сундуки и пр.), ей давали в питание хлеб, что-либо на обед и ужин (щи, кашу, парёнки, одним словом, что-либо из деревенского меню). Чай и сахар – свои. Она ходила в баню наряду с другими. Может быть, хозяйка ей кое-что стирала.

На таких же, примерно, условиях она, очевидно, жила и у теченской просфорни – Марии Ивановны Маминой, родной тётки Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В) Рента за пользование церковной собственностью.

Взималась в денежной форме. Базары по понедельникам и ярмарки накануне и в дни престольных праздников (их было три: а) «Девятая пятница», б) «Спасов день» - 1 августа и «Введение») происходили на площади около церкви. На ней находились «лавки» - деревянные строения с прилавками для торговли и кирпичные массивные весы с комплектом необходимых гирь. Мелкие гири находились в деревянном сундуке под замком, а двухпудовые, связанные цепью с замком, лежали на земле. Над весами была двухскатная железная крыша, прикрывавшая всё имущество. Это было церковное имущество, плата за пользование которым поступала в неделимый фонд церкви на ремонты её и пр. «Лавки» редко использовались для торговли: приезжие «купцы» предпочитали устраивать для расположения товаров палатки из пологов, навешенных на колья или оглобли телег и саней. Чаще же всего торговля шла под открытым небом. «Лавки» использовались не по назначению и бесплатно: около них и в их на пасхальной неделе, пока ещё земля не просыхала, парни и девки устраивали «игры», а летом, в жаркие дни их посещало стадо коз, которым доставляло удовольствие прыгать на прилавки и с них. Свидетельством пребывания здесь этих посетителей обычно были кучи «горошков», продуктов обмена ими питательных веществ в заключительной его стадии. Участие коз в «торговле» в описанной форме дало даже повод местному поэту написать стихотворение – вариант известного стихотворения «Ярмарка»:

Флаг поднят. Ярмарка открыта.

Козами площадь вся покрыта.

Кстати сказать, в былые времена на самом деле в дни ярмарок (а не базаров) вывешивался флаг на середине площади, но когда он истрепался, нового не сшили, но сохранился деревянный столб – штанга, на который раньше поднимали флаг.

Рентабельнее были весы, в которых потребность больше была в зимнее время, когда на продажу вывозились пшеница, рожь, овёс, засыпанные прямо в короба с пологами. В этом случае свешивались эти продукты

последовательно брутто и нетто, и производился расчёт. За «постой» на базаре плата не взималась. Чистота на базаре, если не изменяет автору сего память, вверялась самому базару, т. е. кое-что из остатков – сено, солому – подбирали козы, кое-что зимой заметал снегом ветер, а летом – он же раздувал пыль, а дождь или уносил с ручьями, или прибывал к земле.

Г) Смешанная рента.

В Тече время от времени оседали разного рода пришельцы – ремесленники, негоцианты, - которые на первых порах не в состоянии были обзавестись своим домом и пользовались квартирами. Иногда они снимали комнаты или просто жили в среде хозяйской семьи, а иногда арендовали отдельную, почему-либо пустовавшую избу. За аренду они платили частью деньгами, частью натурой, или «отработками» - шитьём, участием в стройке и т. д. В таком виде, например, снимали под квартиру избу у теченского мужичка Петра Меркурьевича Неверова портной Павел Михайлович Постников, а после него Козловы, люди неопределённой профессии – негоцианты.

Таким образом, преобладающими видами ренты в Тече, как и вообще во всякой другой общине – селе, городе – были земельная и жилищная. Земельная рента возникла на основании специфических географических условий, в которых находилось село: в соседстве с владельцами обширных земель – башкирами, причём теченцы являлись потребителями чужой ренты в своих интересах. Жилищная же рента возникла, главным образом, на почве общественно-исторических условий, а именно: когда организовывались на селе земские учреждения.

Имущественные отношения бытового характера.

А) Приданое.

С дедовских времён было принято браки оформлять с договоров о приданом. Отец невесты обязан был часть своего имущества, относящегося к личному пользованию дочери, передать в имущество семьи жениха, будущего мужа дочери. У башкиров было наоборот: за невесту нужно было выплачивать калым. Но то и другое было тяжёлым наследием прошлого.

Невесты расценивались по-разному, что было хорошо известно теченскому «купцу» Антону Лазаревичу Новикову, потому что через его «лавку» заготовлялось приданое: покупались шали, подшалки, канифас на сарафаны, ситец на рубахи и пр. Он знал, кто и сколько рублей закупит у него товаров для невесты: на сто рублей, пятьдесят, а то и на десять или пять. Так и расценивали невест, причём случалось, что и торговались, прежде чем ударить по рукам. Что полагалось получить за невестой, если она от «крепких» родителей: шубу, пимы, что-либо из демисезонной верхней одежды – пальто, пониток, - ботинки, два-три сарафана из канифаса, ситцевые рубахи, шерстяную шаль, шёлковый подшалок – один или два, полотенца, холсты, половики и пр. Вот и наберётся сундук или два. Полагалось жениху сделать подарок – отрез кашемира или сатина на рубаху.

Подсчитать – так и набежит сто рублей, а то и больше. Вот что означала «комиссия быть взрослой дочери отцом» в деревне. Недаром существовал рассказ о том, как один отец семейства распределял плоды своих трудов: про один говорил, что складывал в копилку (это о сыновьях – дескать, на старости будут его поить-кормить), про другие говорил, что выбрасывал за окно (это о дочерях: отдавать другому).

Б) Раздел имущества при выходе из семьи.

Чаще всего этому сопутствовали слёзы. Делили движимое и недвижимое. Делили свои привычки к коллективной работе. В результате получалось, что из одного крепкого хозяйства возникали два хилых.

В) Наследование имущества.

Принято было, чтобы уходящий из жизни владелец имущества «отписал» его или «отговорил» при свидетелях во владение между членами семьи. Хорошо, если это завещание принималось пока только формально, как только проект будущего распределения его, а пока что течение хозяйства и порядок не нарушались. А если наследники сейчас же приступали к дележу, то, помимо споров и взоров, всё растаскивалось по частям и крепкое хозяйство гибло.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 653-665 об.

**Трудовые отношения в Тече
перед Октябрьской социалистической революцией**

06 июня 1963 г.

Распределение труда в семье
(до применения каких-либо машин).

Возьмём семью в следующем составе: 1) дед – 60-65 лет, 2) бабушка – 59-64 лет, 3) сын – 42-45 лет, 4) его жена – 41-43 лет, 5) их дети: а) сын – 18-20 лет, б) дочь – 16-17 лет, в) сын – 8-10-12-14 л[ет], г) дочь – 8-10 лет, д) прочие дети от 6 лет и ниже.

1. Дед выполнял мелкие работы по хозяйству: ремонтировал мелкий инвентарь – вилы, грабли, телеги, сани; консультировал по ведению хозяйства; иногда производил сев ручным способом – из лукошка. Если был ещё крепкий (что бывало), помогал в уборке сена и при молотье. Освобождался от пахоты, сенокоса (подкашивания травы «литовкой»).

2. Бабушка нянчила внучат, помогала снохе по хозяйству: в огороде – полоть, поливать растения; помогала доить коров, ухаживать за телятами, птицей; помогала печь хлеб и готовить обеды и пр. Освобождалась от жатвы, кошения, уборки сена. Пряла и помогала ткать.

3. Сын – основная рабочая сила по мужской линии. Его обязанности: а) пахать, б) производить все работы по циклу – жать, косить, сгребать сено, скирдовать, молотить; в) выполнять все работы по уходу за скотом: обеспечивать сеном, фуражом; г) заготавливать дрова; д) вести торговые операции; е) вести общий надзор и распорядок в семье и хозяйстве.

4. Жена сына – сноха – основная рабочая сила по женской линии. Её обязанности: а) обеспечивать питание семьи на каждый день – печь хлеб, варить обеды и т. д.; б) обеспечивать бельём – прясть, ткать, шить; в) участвовать во всём цикле с[ельско]х[озяйственных] работ, кроме пахоты: жать серпом, вязать снопы, косить, сгребать сено, скирдовать, молотить; г) специфические женские работы: драть лён и коноплю, трепать, чесать и т. д.; д) вести общий надзор за семьёй и хозяйством. Одним словом, выполнять всё то, что составляло «долюшку женскую», в том числе и главное: рожать, рожать и рожать. Ответственным сектором её работы, где она была и рабочей силой и художником (художественная планировка гряд, цветов) был огород. Сколько любви она вкладывала в него, но и гордилась им!

5. а) Старший сын сына – внук – должен уметь выполнять весь цикл с[ельско]х[озяйственных] работ наравне с отцом.

б) старшая дочь – внучка – невеста – должна уметь выполнять работы наравне с матерью; от невесты требовалось, чтобы она умела жать, косить, готовить обед. По старинному обычаю полагалось, чтобы «молодуха» на другой день после свадьбы выпекала блины и угощала гостей. Это было, так сказать, первым экзаменом её хозяйственных навыков. По части прядения и тканья она должна иметь элементарные навыки и знания с тем, чтобы на

положении «бабы» их усовершенствовать. В общем быть невестой для деревенской девушки – было тоже не меньшей «комиссией», чем для её отца.

в) второй сын и внук – десяти лет работал борноволоком, а постарше – летом стерёг коней в «ночном» (см. И. С. Тургенев «Бежин луг») и проходил «науку» сельскохозяйственных работ, доступных его возрасту.

г) младшая дочь – внучка – с 7-8 лет нянчила детей, ходила за ягодами, грибами. Между прочим, в этом же возрасте у девочек начинались первые опыты продажи добытых ими продуктов (ягод, грибов) и покупки материалов из одежды (платков, ситца на рубаху). Собирались они стайками, когда мамки сами соглашались посмотреть за детьми, бежали в ближайший лес за земляникой, а потом бегали по «господам» с земляникой на блюдечке и продавали её за три-пять копеек. Скопивши пятнадцать-двадцать копеек, с мамками отправлялись в «лавку» к Новикову, покупали платок на голову и если оставалось две-три копейки от покупки, то покупали либо орешков, либо «преников», либо «горшёвых» конфет по две на копейку. Иногда девочки накануне праздника, компанией направлялись на реку с зыбками, лукошками, деревянными вальками и пр. с детьми «в прихватку». Здесь всё это «чередили» с песком, купались и медленно возвращались домой. На их же обязанности было стеречь утят, гусят, цыплят и кормить их. В страду они только одни и «домовничали», собирались где-либо на еланке около чьего-либо дома, играли, посадивши детей где-либо в тени, а если дети плакали, то совали им в рот мякиш от пережёванного ржаного хлеба, а потом брались за свои игры...

д) прочие дети и внуки, которые иногда были погодками, пока что вели растительную жизнь.

Распределение труда между членами семьи основывалось на биологических и физиологических особенностях каждого из них.

Формы труда по найму.

I. На «строк».

На определённый срок – год, полгода нанимались в «работники», сторожа, ямщики. «Работники» в течение года выполняли все работы сельскохозяйственного цикла. Нанимались «от Покрова до Покрова» за 30-35-40 руб. и осминник пшеницы с любого края. На полгода нанимались «с Егория до Покрова» на самый тяжёлый период работ с соответствующим понижением заработной платы. На период зимы нанимались примерно за два руб. в месяц при хозяйском питании.

Женщины нанимались в стряпки, няньки за ничтожную плату в месяц; из них старухи, подростки работали большею частью за «хлеб», т. е. питание и какие-либо подарки из одежды.

В ямщики большей частью нанимались парни 18-20-22 лет. Так было, например, у теченских земских ямщиков Кокшаровых и Миронова.

Сторожа нанимал Новиков. Обычно это были пожилые, не способные к тяжёлой работе.

II. Подённые работы.

Они применялись во время сенокоса: косили, сгребали сено, коптели, метали. Плата варьировалась в зависимости от цен на хлеб, муку и пр. Чаще всего она была: мужчинам – взрослым – 35 коп., женщинам – 30 коп., подросткам того и другого пола – 20-25 коп. при трёхразовом питании.

Жать чаще отдавали с десятины за 6-7-8 руб. при своём питании. Часто жать нанимались башкиры семьёй. Они выговаривали себе ещё чай, сахар, барана.

За молотьбу подённую плату платили примерно как при сенокосе.

III. Отдельные услуги.

Такими были, например, а) случайные операции «ямщицкого» типа: отвезти в Каменку на вокзал, или привезти с вокзала домой, б) перевозки товаров для Новикова. В первом случае ямщика за пару его лошадей с его же подводой платили пять рублей за операцию зимой, а в летнее время он выговаривал ещё полпуда или больше овса. Вторые операции у Новикова выполнял теченский мужичок Григорий Семёнович Макаров. Он обычно снаряжал три подводы. Плата производилась частью натурой, частью деньгами в зависимости от объёма и качества грузов.

Займы и залого.

А) Будут ли случаи неурожаев, или какие-либо другие несчастные случаи в деревне находились отдельные мужички, которым приходилось «займовать» хлеб у богачей на кабальных условиях, так как хлеб отпускался по цене высокой, что бывало во второй половине зимы или весной, а количество его к возврату определялось по низкой цене, которая была осенью. Например: хлеб был взят по рублю за пуд, а возвращаться будет при цене 50 коп. за пуд, следовательно, если взято было пять пудов, то вернуть нужно десять пудов. Отдавался ещё хлеб займы под труд, например: выговаривалось, что за пуд хлеба получатель хлеба должен выжать столько-то, или скосить и убрать столько-то десятин, причём стоимость труда падала почти на половину. «Крепкие» мужички предпочитали больше таким способом обеспечивать себя рабочей силой, чем брать работника.

По займу также давали иногда в пользование коров в период их лактации. Займодавец должен был содержать корову на высоком уровне питания, а летом выполнить определённые работы, причём опять-таки за низкую оплату труда.

Б) В голодные годы (1890-1893) многие получали в кредит хлеб под залог одежды: тулупов, частоборов, сермяг, а также халатов у Новикова при низких оценках этого «добра», а выкупить так и не смогли. Получилось по закону капиталистических отношения: одни разорялись – другие богатели.

Помочи.

В Тече сохранялся ещё старинный обычай помогать «помочью». Чаще всего это делалось, когда зимой нужно было перевозить сено с дальних

покосов или «из татар». Самая идея помощи уже выветрилась, а приманкой было выпить, «погулять», благо зимой было нечего делать, а рыжки, бурки, сивки стояли тоже без дела. Почему бы и не «погулять» и «гуляли», а какой-нибудь Александр Степанович, глядишь, по дешёвке перемахнул свои громадные зароды сена к себе в гумна. Ещё летописец отмечал о силе вина: «Руси есть веселие пити: не можем без того жити».

Какие перемены в трудовые отношения на деревне внесли машины?

Первыми машинами в Тече, как и в других сёлах и деревнях, были молотилки с конным приводом и зубчатым барабаном. Были ещё кое у кого «сортировки» - барабан с ситами разной густоты сетчатки, который вращался ручным способом. Молотилки на первых порах не внесли существенных изменений в процессе труда, а только ускорили несколько одну из операций при молотье. Прежней ручной молотье предшествовали следующие операции: снопы сжатого хлеба складывались в кучи по десять снопов или в суслоны по 6-7 снопов. После некоторого периода просушки они складывались в большие «клади». Потом они перевозились на гумно и снова складывались в «клади». Из кладей они по частям складывались в овин на просушку. Из овина они раскладывались на току в форме овального круга, по которому затем тройка или четвёрка лошадей, построенных в ряд (строй) с мальчиком «на вершке»[, который] на одной из лошадей (из средних) ездил по снопам, топтал их, а прочие – мужики и бабы – ударяли цепами, переходя с места на место. Операция эта, которая была продолжительной и утомительной, была «снята» машиной, ускорив процесс обмота. В результате количество работников сократилось, но появилась новая фигура специалиста-податчика снопов в барабан. Позднее всякие перевозки снопов с поля к просушке в овине были сняты из операции молотье: машину привозили прямо в поле, здесь молотили, зерно увозили, а стога соломы оставляли в поле и иногда там их и сжигали.

Первая жатвенная машина была «лобогрейка». Она только скашивала растение и складывала ряды на одёр машины, с которого «учинённый брат» сбрасывал скошение на землю граблями. За машиной шли сноповязалки, чаще всего женщины. Труд их оплачивался или подённо, или по три рубля с десятины. Позднее появились «сноповязалки» системы Мак-Кормик, причём количество рабочих рук ещё больше сократилось, хотя на первых порах долго не могли настроить у машины аппарат вязания, и приходилось снова перевязывать снопы.

Машина освободила «крепкого» мужика от зависимости от излишних рабочих рук, позволила ему ещё больше «осваивать» земли у башкиров, и наши «крепкие» мужички двинулись в поход на «целину» с удвоенной энергией. а прочим пока что оставалось только наблюдать за их успехами.

6/VI -[19]63 г. 5 ч[асов] утра.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 666-674.

Некоторые вопросы трудоустройства

[1961 г.]

Обедневшие частично рассасывались в своём селе: уходили в работники по договору на год или на несколько месяцев; частично уходили (в меньшем количестве) на сторону, например, «в казаки» - в работники к уральским казакам. Некоторое количество обедневших работали подённо, были подёнщиками. Контракты на постоянную работу обыкновенно заключались до Покрова. В договоре обычно указывалась двойная работа: деньгами, скажем, сорок рублей в год, и натурой: осминник пшеницы с любого края. В подённую работу входили: уборка сена, уборка хлеба (жатва, обмолот). Подённая работа оплачивалась в зависимости от создавшейся конъюнктуры: какой урожай, условия работы (срочность, состояние, например, если нужно срочно убрать, как говорят, подпирает – значит – можно запросить дороже).

Примерные цены были: для мужчин – 35-40 коп., для женщин – 30-35 коп., для подростков – 25-30 коп. при трёхразовом питании. Летом на жатве хлебов часто приезжали из соседних деревень татары со всеми своими семьями. Они заключали договор, примерно такой: жать пшеницу по 8 рублей за десятину и дополнительно обуславливали «карапчить» барона и столько-то чаю и сахару.

Некоторые крестьяне, помимо своих сельских работ на земле, применяли дополнительные, сезонные работы; например, ездили на уборку сена к Уфалею (примерно за 150 вёрст), ямщиками. Например, был мужичок – Терентий Яковлевич – он «ямщичил»: возил учащихся на каникулы и с каникул в Каменский завод по таксе: пять рублей деньгами и полпуда или пуд овса. За год он так делал до шести рейсов. Женщины прирабатывали на случайных работах по кулинарии, стирке белья.

Обычный же распорядок работ у мужчин был таков: весна, лето, осень – усиленная физическая работа, а зимой отдых, так как не принято было заниматься какими-либо дополнительными ремёслами.

ГАПК. Ф. р-923. Оп. 1. Д. 711. Л. 36 об.-37 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Поскотина.

В Зауралье сёла и деревни огораживались плетнями и пряслом, а загороженное пространство называлось поскотинной. На дорогах устанавливались ворота. Вся линия изгороди по небольшим участкам распределялась между населением. За каждый участок отвечал прикрепленный к нему житель села. В его обязанность входило следить за исправностью изгороди, ремонтировать или делать новую, если она обветшала.

Тракт.

Вся трасса тракта делилась на мелкие участки, которые распределялись между жителями прилегающих к нему сёл и деревень. В обязанность приписанных к этим участкам людей входило: устраивать по бокам дороги канавы для стока воды, очищать их от травы, укреплять дорогу насыпью песка – гравия. Часто можно было наблюдать такую картину: тракт походил на шахматную доску, потому что обработаны были только отдельные участки. К приезду губернатора тракт приводили в порядок.

Пожарный постой.

Было установлено дежурство в пожарном, громко выражаясь, депо. На дежурство нужно было представлять лошадь с упряжкой и человека. В пожарном депо числились: пожарная машина и бочка, в которой должна быть вода. В страду, когда спешно нужно управляться в поле, внимание к пожарному делу ослабевало, так что вся организация становилась фиктивной: случись что-либо, то и обнаружится, что или машина не действует, или дежурит какая-либо беспомощная Дунька, или лошадедка такая измотанная: что чуть волочит ноги.

Караулы.

Ночью летом на колокольне был дежурный на случай пожаров. Для того, чтобы все знали, что он бодрствует, он время от времени звонил в один из маленьких колоколов. Было замечено, что как только гасили огонь в нашем доме, дежурный давал звонок.

Кроме этого были дежурные, которые ходили по улице с колотушкой. Эта колотушка передавалась по очереди. Ночью по селу разносилось постукивание колотушек по улицам. Н. В. Гоголь прекрасно описал украинскую ночь, но летняя ночь – где она не хороша, когда жар спадает, воздух становится прохладным и чистым, тишину нарушают только сторожевые псы да дробь колотушек и позванивание на колокольне. А если ещё выпадет луна и осветит белоснежную церковь, то разве эта красота хуже украинской? С вечера иногда долго ещё где-нибудь наигрывает гармонь.

Пыль ночью осела на дороги, которые погрузились в тишину, замерли, только «спасители Рима» иногда ещё на них не то спят, не то бодрствуют, переговариваясь между собой и зашумят, если их побеспокоит какая-либо запоздалая телега.

Проруби.

Как-то само собой установилось, что этим делом занимался кто-либо ежегодно: избирали его или нет. Прорубей на реке устанавливалось несколько по водопоям. Обычно делались три проруби: для черпания питьевой воды для людей, длинная – для водопоя скота и круглая – для полоскания белья, около которой устраивалась защита от ветра из берёзовых сучьев, прикрытых соломой и снегом. Работа «пролубного» оплачивалась натурой: он время от времени ходил по своим подопечным домам и собирал калачи.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 428-430 об.

[БЫТ ТЕЧИ]

Черты деревенского быта

[1961 г.]

«Долюшка женская».

Не у всех деревенских девочек, конечно, она складывалась одинаково: классовая дифференциация отразилась и на их судьбе. Кроме того, в конце 19 в[ека] и в начале 20 в[ека] в деревне происходила такая стремительная перестройка быта, что примерно за тридцать лет в нём произошли разительные перемены. Настоящий очерк рассчитан, во-первых, на описание того уклада деревенской жизни, который был за 10-15 лет до конца 19 века, и на описание тех общих черт быта, которые характерны были для всей массы крестьянства, во-вторых.

В жизни деревенских девочек был короткий период раннего детства, когда они не выделялись ничем от общей массы детей: они играли вместе с мальчиками, наряду с мальчиками они выполняли некоторые работы в семье, например, качали ребёнка в зыбке. Но вот девочка уже настолько физически окрепла, что может держать на руках ребёнка и она становится нянькой. Если в семье нет девочек, то функции няньки могут [быть] возложены и на мальчика, но если в семье есть и мальчик, и девочка, то функции няньки считаются исключительной принадлежностью девочки: так определено природой. Особенно роль девочек как нянек велика в летнюю страду, когда малыши остаются на полном их попечении.

Няньки.

Конец июня и начало июля. Горячая пора сенокоса. Деревня совсем опустела: чуть свет все работоспособные из взрослых и подростков уехали на покос. Дома остались только няньки с годовалыми, а то ещё меньшими детьми – девочки 8-10 лет. Вот они, одетые в истрёпанные длинные рубахи с накинутыми поверху такими же юбчонками, а то и без них, с детьми на руках собрались в стайку к одной из подруг. Жарко. Дети капризничают, плачут, а девочкам хочется играть, ох, как хочется! И досада большая – у каждой из них есть мальчики – братья, чуть постарше, а, может быть, и моложе их, взяли с собой на покос, а вот их – оставили дома, и всё из-за этих капризников и ревунов. Дети в грязных рубашонках, к ним пристают мухи. Няньки то возьмут детей на руки, поукачивают их на руках, то положат их в тень на еланку, сунув им в рты пережёванный мякиш хлеба, а сами опять за игры. Играют и в «дядю Трифона», и «в разлучки». Дети, как дети! Вот появилась тучка, брызнул дождичек, и няньки запели:

*Дождик, дождик перестань,
Мы поедem на рестань,
Богу молиться.*

Царю поклониться.
Царь сирота,
Отворяй ворота
Крючком, замочком,
Шёлковым платочком,
Подшалочком.

Удивительно ли после этого, что у таких нянек часто мрут дети. Спросите, что было с ребёнком, и последует стереотипный ответ: да чё-то животиком помаялся и умер.

Немногие девочки учились в школе, и не потому, что не в чем было в школу ходить, а потому, что нужно было нянчиться с детьми: мать ткёт и не отрывает рук от бёрда, а какая-либо Дунька или Маланька сидит на печи или на полатах с ребёнком и водится с ним. Выскочит на босую ногу «до ветру» и опять за своё дело. В этот период нянчания мало что девочки получали и из одежды: разные обноски, пимы или ботинки с чужой ноги. В более зажиточных семьях, правда, им перепадало больше: валенки скатают, сошьют новую рубаху или юбку, на голову купят платок. Но вот девочке исполнилось 15 лет, она уже подходит к тому возрасту, когда нужно думать о выдаче её замуж. На всё заботы и семейные расходы.

Подростки.

Если мальчики-подростки имеют какую-то определённую производственную физиономию в качестве борноволокнов, то девочки-подростки являются чем-то неопределённым и в то же время находящимся в постоянном движении – своеобразным *perpetuum mobile*.¹⁹⁸⁷ Вот они собрались компанией в лес за ягодами. Отправились в борки и дальше по беликульской дороге, через три-четыре часа, отобрав ягоды на блюдечки и прикрыв их фартуками, с платочками на голове и надевши какие-либо материны кофты, бегают по домам и продают землянику по 4-5 коп. за блюдечко, чтобы потом купить себе платок. Под «Девятую» они гурьбой идут к реке и волочат на коромыслах разные тряпки, половики, а в руках разные чашки, поварёшки, ступки, пестики, чтобы выполоскать в воде тряпки и вычередить, т. е. с песком протереть ложки, поварёшки, а иногда и самовары. Тут же немного в стороне от мальчишек купаются, кричат, визжат и брызгаются водой.

Вечером идут за телятами на гумна и с вицами в руках гонят их домой. На завтра их отправили на реку пасти гусей и следить, чтобы коршун не напал на гусят. Вот они подняли тревогу, кричат, бегают по берегу, кидают камни, чтобы отогнать стервятника. Выдумывают разные были и небылицы и рассказывают их друг другу. На следующий день их послали сушить выбеленные холсты на берегу реки, вечером – поливать огурцы, принести воды, поласкать бельё. Там, глядишь, появились грибы, и они с корзинами

---

¹⁹⁸⁷ *perpetuum mobile* – по-латински вечный двигатель.

направляются в лес. Родители начинают ценить в них уже производственную силу: купят то платок, то ситца на юбку или кофточку. Они уже не ходят простоволосыми и вихристыми, как в детстве, а с платком на голове. Заметно, что и в обиду себя мальчишкам не дают, а при случае и на кулачки пойдут, когда чувствуют, что сила на их стороне. Если при случае придётся поводить с ребёнком, то они уже не поступят так легкомысленно, как в детстве, а пообиходят его и приласкают. Приучаются прибираться дома: протирать пол, двери, скамейки с песком – «чередить», дать коровам поило.

Девичество.

Короткий это период – два-три года и пролетит стрелой. Сшились, наконец, ботинки на её ногу, скатали валенки, сшили шубу-чапобор, купили шаль и подшалок, сшили сарафан и рубаху, разукрашенную на вороте и на рукавах вышивкой. Купили пояс, с вытканными на нём словами и с пышными кистями; в косу вплели разноцветные ленты, через шею перекинули стеклянные бусы – бери, получай красавицу писанную, любуйтесь парни! Да, она стала красавицей. Только в эту пору ей и покрасоваться, а как хочется радости, веселья! Никто так этого не понимал, как мать, и девушке по возможности предоставлялась свобода погулять, повеселиться: зимой «вечорки», весной и летом – «луг».

При устройстве «вечорок», прежде всего, ставился вопрос о керосине: веселиться – веселитесь, но керосин себе добывайте сами, – это значит, у отцов выпрашивать по копейке. Второй вопрос о помещении. Хорошо, если кто согласится предоставить избу, ну, а если нет, то значит – в бане. Устраивались «вечорки» под предлогом посиделок, и девушки приходили с прялками, но разве парни дадут прятать: не за тем они приходят, что наблюдать за прялками. Греха настоящего не было, но нет, это не то: ни поиграть, ни поплясать не где, хотя приходил и гармонист. Одним словом, если не настоящие Содом и Гоморра, то близко к этому. Не простительно было отцам и матерям, что они даже помещением для «вечорок» не обеспечивали свою молодёжь.

Другое дело – «луг»: собирались где-либо на околице, на вольном воздухе, играли, танцевали, пели. Весной на опушке леса всё кругом было зелено: луг зелёный, лес опушился зелёной листвой, воздух был хмельной и, конечно, Лель блуждал где-то в перелеске. И парни, и девушки одеты во всё лучшее. Прекрасная пора, но сердце должно быть на замке: оно не властно собой распоряжаться.

Как обстояло дело с нравами и их оценкой? Прежде существовал обычай у родителей «гуляющих» девиц мазать ворота дёгтем: позорить их. То ли это вышло из моды, то ли улучшились нравы, но в описываемое время, помнится, был только один такой случай в жизни. Конечно, домостроевское предписание женщинам «стыдением украшаться» было уже не в моде – не те времена, – но и помимо этого оставалось ещё достаточное количество нравственных норм, определявших поведение девушек. Попадались среди

них девицы поразвязнее из тех, которые побывали в городе в няньках или служанках, как, например, Агашка, которая купалась с парнями у мостика и других увлекала за собой, но это были единицы, считались «отчаянными», на них и смотрели все, как на какое-то исключение, отступление от норм девического поведения. Нет! Наши девушки держались строгих правил: играть играй, а рукам воли не давай.

За время девичества девушка должна была приобрести кое-что и из навыков по хозяйствованию. Считалось, что девушка к моменту выхода замуж должна научиться и жать, и косить, и стряпать, и кое-что шить. На славе были рукодельницы, которые могли вязать чулки или разные кружева на коклюшах. Про таких разные кумушки так и говорили: «Ох, и мастерица она: всё-то она умеет делать». За время девичества нужно сделать и кое-какое приданое.

Невеста.

Когда Фамусов высказал известную всем сентенцию – «Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом» - то он, очевидно, в роли отца имел в виду себя, и не подозревал, что он в этих словах высказал общечеловеческую мысль, мысль о положении отцов всего мира без различия их национальности, вероисповедания и классового происхождения. Для деревенского отца села Течи, может быть, не меньшей, а ещё большей «комиссией» было быть отцом «взрослой дочери». Нужно было выбрать жениха, чтобы была «ровня», чтобы знать, к кому потом поедешь в гости, и как там тебя будут «привечать» и потчевать. Невеста тут не при чём: не она выходит замуж, а её выдают. Такой порядок идёт от дедов. Некоторое время она является, так сказать, потенциальной невестой, как это хорошо было сказано у римлян – *virgo viripotens*, девица, готовая к замужеству, как только найдут ей жениха. Возраст в 17 лет считался критическим для выдачи замуж: если немного до этого возраста недостаёт, нужно хлопотать перед консисторией, а если, наоборот, засидеться до 19-20 лет, «жди вдовца» - перестарок.¹⁹⁸⁸ Всё это надо учесть, но главное, чтобы была «ровня», а если нет, на этот счёт существовало правило: «Запрягай дровни и поезжай по ровню». Когда в Тече узнали, что протоиерейская дочь вышла замуж за диаконского сына, только и разговоров было на селе: как это её отдали за «неровню». Сколько резонов ни приводили им в оправдание этого факта, нет, они стояли на своём: не «ровня» и баста! Вот после этого и поймёшь какого-либо теченского отца взрослой дочери, какой «комиссией» было его положение. Но вот пришли сваты, выяснено, что жених «ровня». Начинаются разговоры о приданом: что невеста должна принести из одежды, в какую примерно сумму должна выразиться стоимость приданого: в 100-80-40-20 рублей. Об этом точнее всего мог бы сказать Антон Лазаревич Новиков, так

---

¹⁹⁸⁸ Возраст вступления в брак в описываемый автором период составлял: для женихов – 18 лет, для невест – 16 (если раньше – требовалось особое разрешение духовной консистории). «Критический» возраст для девушки обычно наступал между 20-25 годами.

как у него именно закупаются товары. Ударили по рукам. В качестве проформы устроены смотрины, и невеста из потенциально объявленной невестой *de facto* она узнает, куда её отдадут замуж – в своё ли село или в другое и в какую семью ей придётся войти. Выдачи замуж в другое село иногда вызывались именно тем, что в своём не находили «ровню», или тем, что кто-либо из другого села по своей бедности подобрал себе тоже «ровню» в другом селе. Если невеста из состоятельной семьи, ей покупали у Новикова цветы на голову – красоту. В течение нескольких дней её с подружками катали по селу: она была в центре с красотой на голове, а подружки окружали её в экипаже и пели песни. Устраивались посиделки с подружками, на которых приходили и парни. Были игры. В обычае было, чтобы невеста делала жениху подарок в виде материи на рубашку. Невеста ходила за благословением к своему «хрестному» батюшке, а иногда делала ему подарок – полотенце или что-либо. Наконец, накануне венчания «расплет» косы, который делает мать. Это – похороны девичества.

Свадьба.

На венчание ехали «поездом» в несколько подвод. Впереди ехал «тысяцкий» с невестой и иконой. Иногда он объезжал сначала кругом церкви. «Тысяцким» был крестный отец. После венчания поезд направлялся в дом к жениху, от которого и приходили люди за невестой перед тем, как ей ехать в церковь. Родители жениха встречали молодых с хлебом-солью. Начиналось застолье... Свадьба сыграна», и девица вступала в новую жизнь. Редко бывали свадьбы с «убёгом», причём трагедии иногда разыгрывались у церкви и даже на паперти: отец невесты кричал, ругался, протестовал, но дверь в церковь была закрыта изнутри и венчание продолжалось.

Семейная жизнь.

По-разному складывалась она для выданных замуж. Начиналась она обычно с того, что «молодуха» пекла для гостей блины на другой день свадьбы. Это был как бы первый экзамен. Свадьбы чаще всего «играли» в промежковенье между Рождеством и Великим постом, и полагалось в «чистый понедельник» (понедельник первой недели поста) обмывать молодых – катать в снегу.

Бывало иногда и так, что женитьба какого-либо парня обозначала появление на полатах ещё одного нового человека, и пословица: «в тесноте да не в обиде» звучала злой насмешкой над молодыми, издевательством над ними.

За «закрытой дверью», конечно, много из семейных отношений было скрыто от постороннего глаза, но были известны случаи, когда мужья зверски избивали своих жён. Так, на Горушках была известна одна молодая чета, в которой муж на глазах у людей избивал молодую жену до полусмерти: пинал сапожищем во что ни попало. Говорили, что она

принимала это за выражение любви, при этом она рассуждала по следующему силлогизму: бьёт – значит, ревнует, ревнует – значит, любит. Логично – не правда ли? Года два тому назад в Тече умерла старушка, ростом маленькая, как подросток – Парасковья Петровна. В девичестве её называли Парунькой сугоякской, потому что в детстве она служила у кого-то в Сугояке нянькой. Так вот рассказывали, что муж над ней лютовал, как зверь. Была она маленькая, а он зверь зверем. Знали об этом все, но не выступали в защиту, рассуждали: «муж и жена – одна сатана» - впутываться в их отношения нельзя.

Отношения свёкра и свекрови были различные, но никогда не было слышно насчёт ...¹⁹⁸⁹. Об этом мы позднее узнали из рассказа А. М. Горького «На плотях» и кинофильма «Бабы рязанские».

Насчёт моральных устоев в семье и в частности о поведении жён могли бы порассказать те, кто исповедует их, т. е. священнослужители. А так особенно «греховных» случаев по селу не было. Говорили, правда, про одну обитательницу Горушек - Марью-прачку, чёрну с...ку, как её называли, что летом она имела обыкновение ходить на штатское и прятаться под опрокинутый бат, где её и находили черепановские парни, но всё это были только слухи, а известно, что «не пойман – не вор». Болтали также про Григория Семёновича Макарова, что он «грешил» с женой Алексея Егоровича Южакова, но опять же никто этого не видел. Подозрительным было только то, что иногда какая-либо из теченских женщин жаловалась на бродягу, дескать, бродяга её принудил сделать «это». Правда, реденько в Течу заходили бродяги, но жалобы иногда раздавались в такое время, когда о бродягах не было ни слуху, ни духу и являлось естественное подозрение в том, что не был ли этот бродяга теченским или черепановским, а вся история эта была придумана, чтобы свалить вину на мифического бродягу. Но всё это, так сказать, слухи, а так про женщин – матерей семейств ничего плохого не было слышно.

Правда, во время праздников бывали опасные моменты для соблюдения чистоты нравов, когда все, в том числе и женщины, перепивались, как говорили у нас, до положения риз или в дрезину и валялись где попало: под столами, под скамейками и в самых причудливых позах и соседстве, а потом в обнимку все – и мужики, и бабы ходили по деревне и горланили песни, но с пьяного что возьмёшь – ему море по колено.

Были зато и благочестивые женщины, например, кирдинские Анна Ивановна и Мария Ильинична: каждый год в Великом посте по-дважды говели: на первой неделе и на Страстной.

Чадородием Бог не обижал: были, пожалуй, и не рады, а «средствий» от предупреждения тогда ещё не знали. Бывало, привезут ребёнка «кстить», а кумы нет; придут к сестре уговаривать её в кумы, а она отговаривается:

---

¹⁹⁸⁹ Пропущено автором.

дескать, она не счастливая – восприемники, мол, у ней не живучи, а ей в ответ: нам такую и надо.

О работах деревенских женщин много писано в стихах и в прозе. Они жали, косили, а иногда в поле и рожали. А сколько своих бабьих дел ворочали! Выдёргивать из земли лён – их дело. Трепать, чесать коноплю и лён – их дело. Ткать целые зимы напролёт, сидеть за прялкой их дело. Как с осени поставят под полаты кросна¹⁹⁹⁰, так она и ткёт холсты из некрашенной нитки на исподнее, на руке – тёрты, онучи; ткёт в сарпинку с красной и синей ниткой на верхние рубахи; ткёт в стрелку из нитки в три света на модные штаны мужикам; ткёт в две нитки – льняную и шерстяную – на понишки; ткёт в шерстяную нитку на зипуны. А дальше шитьё. Машины только ещё начали появляться, да они и не годились для шитья из грубого деревенского материала. Шили суровой ниткой голой рукой, только напёрсток был «механизацией». Вместо пуговиц пришивали на рубашки оловянные застёжки.

По хозяйству уход за коровами лежит на ней. Стричь овец – с мужиками и она. Толочь в ступе ячмень – делать обдирку – её дело. А стряпня, топить баню, стирать бельё – всё её дело. И вот видишь, как она летом, согнувшись, тащит на коромысле горы рубах, штанов на реку полоскать. Видишь, как она полощит, подоткнув свою становину под пояс, как она бьёт по белью вальном, и брызги летят во все стороны. Потом обратное шествие с горой белья.

Огород по существу целиком лежал на ней. Хозяин спасет землю, а дальше все работы на ней: делать груды, полоть, поливать. И какую же красоту они разводили в огородах! Тут мак цветёт, там подсолнухи, а кое-где и цветы «ноготки» растут. К празднику всю избу «вычередит»: с песком пол, скамейки, двери протрёт.

В праздник сама приоденется, семью оденет, настряпает разного угощения: и шаньги, и кральки, и пироги.

И при всём этом – при тяжёлой работе и заботах – не теряет бодрость. Едет ли с поля после работы – запоёт; на Рождестве – в компании замаскируется и сходит по соседям; в «бабье лето» с подругами «клюкнет», потанцует, попоёт.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 58-72.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

---

¹⁹⁹⁰ Ручной ткацкий станок.

Рассказ о том, как из деревенского мальчика получался мужик

Мальчики.

Где ты был?

- На конях ездил.

Из детских разговоров.

В деревне мальчики играют вместе с девочками, пока они бегают бесштанниками; когда же наденут на них штаны, они зачисляются в мужской род и заводят свои мальчишеские игры. И первой игрой является игра «в коньки», причём было два вида этой игры: одна – коллективная, а другая – индивидуальная. При коллективной игре коньками являются сами мальчики, из которых составляются пары, тройки или отдельные рысаки. Для игры необходимо иметь возжи. В паре или в тройке пристяжные обязательно должны «гоголиться», т. е. голову держать на бок. Если удаётся, то нужно раздобыть колокольцы, шаркунцы, надеть их – колокольцы кореннику на шею, а шаркунцы – при стёжкам. Кучеру для важности полагается ухать. При индивидуальной игре коньками являются палочки, причём в тройке или паре на кореннике (средней палочке) сидит (держит меж ног) кучер, а пристяжные держат сборку. Если он мчится на тройке, или паре – может ухать, а колокольцы и шаркунцы навешивает себе на шею. Пассажиры и в том и в другом случае бывают одни и те же: если тройка – губернатор, если пара – почтарь.

Легко можно представить, что будет с таким мальчиком, когда отец его посадит рядом с собой на телегу и повезёт не на палочках, а на настоящих лошадях в поле, где ему откроется новый мир! Восторгу его не будет конца и он с гордостью заявит своим товарищам: «Я ездил на конях».

Начинаются первые купанья в реке на «своём берегу». Уже при спуске с горы долой с себя рубашку и штаны, единственное летнее одеяние, и с маху бух в воду. Потом ловить неводом, т. е. штанами, связанными внизу кушаком, пескарей, бегать по берегу, вывозившись в песке – «чертями» - обычные детские забавы. Весной прогулки в лес за берёзовкой. Первые опыты верховой езды и игры шариком. Школа.

Борноволоки.

Крестьянские ребята в возрасте 8-10 лет уже используются на полевых работах борноволоками. Во время боронования три или четыре лошади тащат за собой бороны, а на передней в седле сидит мальчик и направляет лошадей по определённой линии, а отец его при поворотах поднимает бороны и выбрасывает из-под них остатки корней растений, дикие травы и пр. Вот этот мальчик и есть борноволок. Эта работа его является как бы прелюдией к его дальнейшим работам на пашне. Он уже сознаёт, что помогает отцу и не даром есть в семье хлеб. При всём том он мальчишка, хочется играть с товарищами, и игры становятся более разными: шариком в

большой кампании, мячиком, «царём», пряталкой, «конями-ворами» и пр. Купаться теперь он ходит уже не на «свой берег», а к мостику. Зимой у него на ногах валенки, шуба-обносок и шапка.

Подростки.

От 10-ти, примерно, до 15-ти лет деревенские мальчишки проходят целую школу сельскохозяйственных работ. За это время они приучаются полностью обращаться с лошадьми и выполнять такие работы, как косить, возить сено, снопы, скирдовать сено, молотить и делают первые опыты в пахоте сабаном. Им доверяют ездить в ночное.

Деревенский молодежник.

Это была стихия, которая по существу никому и ничему не подчинялась. Они уходили уже из-под власти отца, и были автономной величиной. Достаточно было бросить искру, они готовы воспламениться.

Как только на селе появились кузнецы братья Крохалёвы, любители драк, так они готовы были уже подчиниться их влиянию. Как на селе праздник, так поножовщина, драки; только и слышно, что тому голову проломил, того чуть не убили. Пошли массовые военные походы: один конец на другой конец, нижнеконцы на горушинцев и всё из-за девок. В Михаила Суханова, студента университета, кто-то стрелял на «Штатском месте». Виновных не нашли. Потерялась одна девушка. Пошла молва: они утопили в проруби, предварительно изнасиловав. Они главенствовали, т. е. прямо сказать, бесчинствовали на «вечорках» да не лучше себя вели и на «лугу». На Пасхе водили девушек на колокольню и здесь находили место для бесчинств. Считалось, что молодо зелено – погулять велено, а понималось так: твори что угодно. Так вот и получилось, что даже после О[ктябрьской] р[еволюции] они установили свой порядок: молодые муженьки на «луг» идут с девушками танцевать, парней «оттирать», а молодые жёнушки дома сидят и ждут их возвращения с «гулянки».

В жизни деревенского молодежника было два критических момента: женитьба и призыв в армию. Эти два момента ставили молодёжь в противоречи[во]е положение: женили их в возрасте 17 лет, а в солдаты они призывались в возрасте 21 года. Вставал вопрос: женить до солдатчины или не женить? По заведённому обычаю их женили 17 лет. Как потенциальных женихов их одевали по моде: красная кумачовая рубаха, широкие плисовые шаровары, пояс с громадными кистями, на ногах: летом сапоги, зимой – валенки, на голове: летом картуз, зимой – шапки. Высшая мода зимой шарф. Вот в таком виде деревенский красавец и предстаёт перед деревенскими же красавицами. Их женили, а не они женились. Женитьба связана была с расходами, и не во всяком году была возможность «сыграть» свадьбу: случись неурожай – свадьбу приходится отложить. Но вот конъюнктура сложилась благоприятная и на семейном совете объявили: «Ну, Иванко, пора

тебе жениться, невесту мы тебе нашли хорошую». И дальше всё идёт по заведённому порядку.

Перед солдатчиной «некрутам» полагалось гулять. И вот по селу едет тройка, а в кашеве «некруты». Ветер полощет шарфы. Песня льётся на всю деревню. Настал день явки. Отец запряг своего лучшего коня и повёз в Бродокалмак в «присутствие». «Гришку бреют – не жалеют и стригут – не берегут» - так говорилось в песне по этому поводу. Измерили молодца, прослушали и объявили: годен! Приехали домой, все выскочили на встречу: «Ну, что?» - «Забрели!» Плач, причитания! До вызова на «службу» оставалось времени с месяц, а то и больше. Всё это время призванного в солдаты полагалось «ублажать»: возить по гостям к родне. Но вот настал день отъезда. По селу медленно движется процессия провод: отец без шапки идёт рядом с саями и правит лошадью; сзади родные идут, а в центре их призванный; подошли к дому дяди Ивана – остановка: вся семья его вышла провожать с вином на подносе, покрытом полотенцем; «он» подходит, наливает рюмку, выпивает, и процессия двинулась дальше. Картина эта повторяется у дома свата, кума и т. д. За селом последние слёзы...

Мужики.

Прошли молодёжные гулянки на «лугу», или по селу с гармошкой. Прошёл молодёжный хмель, и Иванко стал мужиком. Обзавёлся семьёй, выделился от семьи. Он хозяин. Опустил бородку, волосы подстриг в кружок. Вот он идёт по селу в зипуне, подпоясаясь красным кушаком, на голове круглая поярковая шляпа, на ногах просмоленные сапоги. Походка заметно отяжелела. Люди встречают[ся] с ним и величают Иваном Петровичем. Идёт он на сходку у волостного правления.

Заглянем тем временем в его хозяйство. У него изба с горницей. Полный комплект служб: сарай, конюшня, амбар, погреб. Все строения крыты тёсом. Во дворе у него три телеги, под сараем сложены сани и кашева. За первым двором – второй: там пригон, стайка для коров и овец. За пригоном – огород с чёрной баней. У него 3 лошади, 2 коровы с тёлкой, 15 овец, курицы, гуси. В семье у него: жена и четверо детей. Старшему 8 лет. Он ходит в школу.

[Жизнь семьи и смена времён года]

Вся жизнь семьи связана с жизнью природы и сменой времён года.

Весна.

Прошла Пасха. Прошли священнослужители с Богоматерью. Телеги и инвентарь для польских работ приведены в порядок. Кони получают дополнительный рацион: овёс, мешанину. Земля подсыхает. Начался сев. В поле вывезены сабан, три бороны. Рожь озимая уже оцетинилась на пашне. Вспаханы в последний раз пары и посеяна пшеница; вспаханы подпарки и посеян овёс; небольшой клин засеян льном. На боронование мальчишки взяты из школы. В старину был ещё такой обычай: перед выездом в поле сослужить молебен, а когда отправлялся первый раз на сев, у церкви останавливался и молился.

Перед отъездом на сев вспахан огород. Слов обо всех этих работах сказано не мало, а работы сделано много. Взять пахоту: работа эта тяжёлая и для пахаря и для лошадей. Хорошо ещё, что земля у нас мягкая – чернозём, и то тройка лошадей с трудом волочат сабан. Чуть полегче боронование, но весна – тяжёлое рабочее время. Сеяли от руки: горсть зерна ударялась о лукошко и равномерно рассыпалась по полю. Не всякий хозяин решался на сев, а иногда просил произвести сев какого-либо опытного севича, часто из стариков. Всё это время хозяин жил в поле безвыездно, а возвращался домой, когда «вяшна» кончалась. Природа за это время уже значительно распускалась, так что лошади получали зелёную подкормку.

Следующая очередная работа – это прополка всходов от осота. Производилась она и мужчинами, и женщинами, и даже подростками: подрезывали осот литовками.

«Девятая [пятница]» - престольный праздник в Тече. Он обычно совпадал с окончанием «вяшны». Праздновали три дня. В Тече было три престольных праздника и все они совпадали с постными днями. Хозяйки к ним варили сусло, густой настой солода с соломой, росол, более жидкий настой солода, с листьями смородины и вишни, и пиво, настоящее с хмелем. Стряпня была тоже вся постная: пироги рыбные, грибные, кральки, шаньги с ягодами клубники, земляники, смородины, высушенными ещё прошлым летом. Был обычай ходить с поздравлениями по домам, в частности это делали некоторые прихожане – ходили по домам церковнослужителей. С огорчением приходится признаться, что этот праздник иногда омрачался драками молодяжника.

В это же время у землеробов была пора тяжёлого беспокойства за урожай, если дело шло к засухе, а «петровки» как раз были самой жаркой порой года. Устраивались крестные ходы по полям.

Лето.

После Петрова дня начинался сенокос. Горячая пора, которая иногда проходит при неблагоприятной погоде. Нужно собрать хорошее сено:

уберечь его воглым, т. е. не совсем сухим, пропрёт и сгниёт, а между тем сено являлось основным кормом для скота на всю зиму. Косить, сгребать в кучи сено и скирдовать уезжали все: мужчины, женщины и подростки. Если подростки не могли косить, то могли грести или, по крайней мере, возить копны к стогу. Дома оставались только девочки – няньки с детьми. Весёлая пора! Природа в это время даёт уже много даров: ягоды, пучки, цветы.

Сенокос почти вплотную подводит к уборке ржи. После Ильина дня рожь уже в наших краях жали. Ржи, надо сказать, у нас сеяли мало с расчётом, что если пшеничной муки до нового урожая пшеницы не хватит, то на некоторое время продержаться на «аржаной» муке. Однако старались избегать такого положения, потому что считали, что с «аржанины» брюхо пучит, к тому же наши женщины не умели выпекать ржаной хлеб: он у них получался с «закалом», а корка вся в трещинах. Вот в Белоруссии хозяйки выпекали ржаной хлеб, так настоящий пряник.

Подходил первый Спас, второй теченский престольный праздник с ходом на воду. Весной это делается в Преполовение. По правде сказать, праздник этот не вóвремя: страда подпирает – надо уже убирать пшеницу, но люди как-то ухитрились совмещать и то, и другое. Праздновали в общем в том же духе, как и «Девятую».

После первого Спаса и до Успения (с 1-го августа по 15-ое) хоть разорвись на две части: надо и пшеницу убирать и пары пахать. Жали, ведь, раньше только руками. Иногда, правда, косили, например, овёс, но это считалось уже как бы отступлением от порядка, компромисом. Дело осложнялось иногда и тем, что и овёс нужно было убирать одновременно с пшеницей. Пары тоже нужно было спяхать до 15 августа, до Успения, иначе они не будут «растовы». Одним словом, время было такое, что разорвись, а сделай. И разрывались, а делали. Хозяин и лошади выматывались, хозяйки разрывались по хозяйству.

Хлеб сначала складывали в кучи по 10 снопов, или в суслоны по 6-7 снопов. Потом, когда зерно в снопах пообсохнет, складывали в «клады», а из кладей в конце августа – в начале сентября свозили в гумна к овинам.

Осень.

В сентябре начинался обмолот хлеба и затягивался иногда до Рождества.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 73-82.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

[Церковные праздники и посты]

Рождество

[1961 г.]

Если все религиозные праздники различать по их значению, по тому, как люди готовятся к ним, то после Пасхи Рождество должно быть поставлено на первое место. Пасха – это «праздников праздник и торжество из торжеств», и если её исключить из ряда праздников, то Рождество надо поставить первым. К тому же ни один праздник не вызывал столько активности для участия в нём во всех слоях населения, различаемых по возрасту, как Рождество: к нему готовились в одинаковой степени и взрослые и дети. Последние, может быть, даже больше.¹⁹⁹¹

Раньше всех начинали готовиться «духовники»¹⁹⁹²: уже с 1-го декабря рисовали в различных красках и с различными украшениями слово «отпуск». Конечно, это ещё подготовка не к самому дню Рождества, но это, так сказать, околорождественская подготовка.¹⁹⁹³

---

¹⁹⁹¹ В очерке «Рождество Христово» (1965 г.) в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «Для людей смертных, т. е. не богочеловеков, идея этого праздника главным образом заключалась в акте деторождения, появления на свет младенца со всеми присущими ему человеческими чертами. ... Отсюда именно празднику Рождества Христова придано было значение детского праздника, т. е. праздника для детей. Ни один христианский праздник, поэтому, не оставлял в детской душе столько впечатлений как праздник Рождества, и описывать его это – прежде всего, - значит описывать детские впечатления по поводу него. Но от времён дохристианских, т. е. до введения на Руси христианства в быту наших предков существовали некоторые традиции, которые сохранились и после принятия христианства и, таким образом, в праздновании Рождества получился сложный комплекс бытовых черт, свойственный нам в недалёком прошлом.

Чтобы придать этому празднику особое значение, церковь установила перед ним так называемый Филиппов пост, по имени апостола Филиппа. Уже при праздновании «Введения во храм [Пресвятой Богородицы – ред.]» 21-го ноября в богослужении указывается на предстоящее празднование Рождества в песнопениях этого праздника.

Праздник Рождества падает на период зимних холодов, которые и называются рождественскими. Это тоже наложило на этот праздник некоторые особенности бытового характера» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 55-58.

¹⁹⁹² Учащиеся духовного училища.

¹⁹⁹³ Праздник Рождества Христова празднуется по церковному календарю 25 декабря (старый стиль), которое на рубеже XIX-XX веков приходилось по григорианскому календарю (новый стиль): до 1900 года на 6 января, а с 1901 года – на 7 января.

В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Самым ярким показателем этой подготовки был базар в последний понедельник перед ним [сочельником – ред.]. Здесь можно было видеть целые свиные туши, «очереженные» и поставленные «на попа». Туши из говядины, привезённые бродокалмакским торговцем мясом Мурзиным. Пряники, орехи, конфеты, сахар, чай и пр. привозили торговцы из ближайших сёл. Во дворах свеживали овечек, телят хозяева их. Всё это готовилось на разговень» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 59-60.

На деревне мальчишки готовились «славить» - разучивали тропарь и даже кондак праздника. Понимали, что споёшь тропарь – дадут копейку, а споёшь ещё и кондак – две копейки. Хорошо было школьникам: их в школе учили, а вот тем, которые не учились в школе худо: «славить» ведь всем хочется. Школьников, как говорится, «брали за жабры»: учи хоть тропарь, ну, а кондак как-нибудь среди других «пробунчу».¹⁹⁹⁴

И вот настало утро Рождества, и они стайками бегают по селу, торопятся: надо много обежать. Чуть свет они уже «на чеку», ждут конца «заутрени».¹⁹⁹⁵ Вот и конец, и побежали ещё в потёмках.¹⁹⁹⁶ Спешились под полатами и который посмелее начинает, а остальные подхватывают:

*«Рождество твое, Христе Божей наш
Воссия мирови свет разума:
В нем бо звездами служащими
Звездю учахуся:
Тебе кланяемся Солнцу правде
И тебе ведети с высоты востока.
Господи, слава Тебе!»¹⁹⁹⁷
С праздником!»*

И так вот от одного к другому из года в год и передается: «Божей», «кланяемся», «Солнцу правде». Школьники, может быть, споют и правильнее.¹⁹⁹⁸

---

¹⁹⁹⁴ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «В программу изучения «Закона Божия» в школе, кроме заповедей Моисея, Символа веры, входило ещё заучивание тропарей на двенадцатые праздники, а на Рождество заучивали даже кондак. Теперь эта наука была «впрок», оправдывала себя, а для школьников это была «лафа» - они были настоящими именинниками. «Ванька, научи» - приставали к какому-либо грамотею его безграмотные друзья. «Ванька, возми с собой славить» - просили они, и он учил их, штудировал до седьмого поту» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 61-62.

¹⁹⁹⁵ Заутреня – простонародное название утрени, ежедневного церковного богослужения суточного круга, которое в описываемое время совершалось утром.

¹⁹⁹⁶ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Деревенские мальчишки – Ваньки, Васьки, Петьки, Кольки и т. д., из которых, некоторые коротали зимние дни большей частью на печках и полатах, на этот раз одетые в самые комбинированные одеяния – тяткину шапку-малахай из собачьей шерсти, мамкины обношенные пимы и частобор старших брата или сестры, фалды которого волочились по снегу, а ноги заплетались, бегали славить Христа по домам теченского церковного причта и теченской знати». ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 66-67.

¹⁹⁹⁷ Тропарь Рождества (оригинальный текст): «Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащими, звездю учахуся, Тебе кланятися Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи слава Тебе».

¹⁹⁹⁸ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «... они стайкой в четыре-пять человек бегали после «заутрени» по домам и славили. На улицах, во дворах и площадях при луне искрился снег, было холодно. Они врывались в дома с волной холодного воздуха, выстраивались так, что запевало, он же, вероятно, и учитель их и регент, с

[¹⁹⁹⁹]

Рождественская утренняя начиналась рано, а народу всё равно собиралось много. Деревенские приезжали чуть свет, а к обедне все коннопривязи у церкви были уже заняты, и подводы стояли в два ряда. В церкви было тесно, и все теченские песнопевцы были на клиросе.

[²⁰⁰⁰]

С праздником Рождества было связано много различных обычаев ещё от языческих времён. Многие из них уже отмерли и от них остались только слабые намёки на прежние обычаи. Например, в нашем детстве ещё сохранялся обычай колядования²⁰⁰¹: мальчики обычно вечером ходили колядовать под окна. Пели песню: «Ходим мы, ребята, колядовщики», а потом прославляли хозяев.²⁰⁰² Полагалось их угощать пряниками, орехами или «сырчиками». «Сырчики» - это замороженные творожные колобки. Иногда в них добавляли немного сахара, изюму и делали даже с примесью какао. Это было то, что теперь называют сырковой массой, но превращённой

лучшими певцами становился впереди, а худшие певцы, а то и просто статисты – сзади. Старались петь так, чтобы создать выгодное для себя впечатление» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 67-68.

¹⁹⁹⁹ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Что мы, дети, переживали в эту ночь, это были детские мечты об ёлке и других развлечениях, как у Чеховского Ваньки» // Там же. Л. 62.

²⁰⁰⁰ Там же автор добавляет: «Сам богослужебный чин в этот праздник отличался от обычного только большей помпой: было больше освещения, торжественнее пел и был более полнокровным хор. На клирос приходили все знаменитые теченские певцы, как это было и на Пасхе. Был торжественный звон, но только на время богослужения, а не на весь день, как на Пасхе. Богослужение совершалось в зимнем приделе, посвящённом Параскеве – девятой пятнице». Он был отеплён. У сторожки трапезников была поставлена чугунная печь с двумя «барабанами», квадратными полыми ящиками, которые накаливались докрасна. Люди стояли стеной, частью даже в сторожке. Было душно от ладана и запаха от дублёных одежд молящихся. У церкви больше, чем в другие праздники, стояло на привязи лошадей, принадлежащих прихожанам, прибывшим из деревень, лошадей с различными зимними экипажами. ...

У церкви, на лавочке, больше, чем в другие праздники, сидели нищие – женщины, закутанные в рваные шали, в рваных зипунах и частоборах, в каких-либо обмотках на ногах. Сидели они, тесно прижавшись друг к другу, время от времени вставали, били нога об ногу, топтались на месте, обогревали руки своим дыханием, растирали их, снова садились и, когда им подавали шаньги, кральки, сырчики, крестились своими костлявыми, жилистыми похолоделыми руками...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 62-64, 65-66.

²⁰⁰¹ Колядование – славянский обряд накануне праздника посещения домов группой участников, которые исполняли «благопожелательные» приговоры и песни в адрес хозяев дома, за что получали ритуальное угощение.

²⁰⁰² В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Обычай этот явно уже вымирал, потому что колядские песни редко кто знал, а ребята пели только уже жалкие остатки их и притом в искажённом виде» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 69.

в колобки и замороженной. Заготавливали их большое количество и кушали, как деликатесы.²⁰⁰³

Нам, детям, заведён был обычай днём в Рождество кататься на лошади по селу, но это был индивидуальный порядок.²⁰⁰⁴

Вечером вся семья была в сборе. Кухня была наиболее любимым местом сбора. Сидели около стола с угощением. На столе пряники, орехи, конфеты и обязательно сырчики на тарелке горой. Игра в карты: «в «дураки», в «сидоры», «шестьдесят шесть». У входа в дом, под полатями, топится печка, дрова чуть потрескивают в ней. На дворе холод, может быть, вьюга, но ставни закрыты, над столом висит небольшая лампа. На полатях видна седая шевелюра работника Ильи Петровича. Вот и вся картина семейного уюта. Она и бедна, и богата. Бедна она материальным бытием, но богата она семейным, дружным, спокойным теплом.²⁰⁰⁵

На Рождество съезжались все, кроме двух старших братьев, которые уже отделились от семьи. Как правило, учащаяся молодёжь привозила с собой табели с хорошими отметками, так что с этой стороны ничто не омрачало спокойствие семьи. Иногда развлекались загадками, анекдотами²⁰⁰⁶, пели песни. Традиционным номером было примораживание пятака к столу. Это был коронный номер отца и готовился он в сугубом секрете. Наконец, пятак приморожен. Кто оторвёт его – фунт пряников. Не давали покоя и деньги, «выславленные» в первый день Рождества: нужно рассчитать их на пряники и конфеты, да так, чтобы дольше переживать сознание, что у меня есть деньги. А Новиков знал, чем нужно завлекать таких «денежников»: у него продавались шоколадные конфетки с раздвижными картинками: потянешь вправо – одна картинка, потянешь влево – другая. А пряники были «пареные» с глазурью по 8 коп. за фунт, конфеты, «копеечные» по 10-11 коп. за фунт. Теперь обо всём этом только можно сказать: «*O, sancta*

---

²⁰⁰³ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Они имели символическое значение подобно яйцам на Пасхе. Заготавливали их в большом количестве» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 60.

²⁰⁰⁴ Там же автор добавляет: «Во дворе устраивалась катушка с ёлками по бокам. И катанье на лошадях, и катанье на катушках были, очевидно, компенсацией за то, что мы не приезжали домой на масленицу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 76-77.

²⁰⁰⁵ Там же автор добавляет: «Рождественские каникулы у нас называли «святками». Откуда и как появилось такое название – мы, по правде сказать, не задавались таким вопросом, но оно как-то сроднилось с той обстановкой, которая окружала нас на этих каникулах, тот семейный уют, в котором мы пребывали в течение трёх недель. Разрозненные по городам, где учились, на четыре месяца, мы съезжались из Перми, Екатеринбургa и Камышлова с разными впечатлениями и достижениями в учении. Зимой мы зажаты были стенами нашего маленького домика в тесный кружок, дружный и по-семейному сердечный» // Там же. Л. 75-76.

²⁰⁰⁶ Там же автор уточняет: «к ночи – обязательно страшные» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 76.

simplicitas»²⁰⁰⁷, а тогда ведь это были те картины и переживания, которые входили в понятие слова «Рождество».

На третий или четвёртый день ездили в Сугояк. Подавались две кашевы: в одну впрягался Карько, наш «рысак», во вторую – Воронуха, капризная и ленивая лошадка. И вот укутанные в разные шали, в тулупах, закрытые меховыми одеялами мы отправлялись в гости. В Сугояке для детей всегда устраивалась ёлка, а нам это не было «положено по штату».²⁰⁰⁸ Любовались, ходили [во]круг ёлочки, а под вечер опять в кухню, в свой узкий семейный круг.²⁰⁰⁹

---

²⁰⁰⁷ «*O, sancta simplicitas!*» – по-латински «О, святая простота!»

²⁰⁰⁸ В Сугояке был отдельный церковный приход. Вероятно, автор имеет в виду праздник, организованный только для детей местного церковного причта.

²⁰⁰⁹ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний эпизод о поездке в Сугояк отсутствует. Автор приводит организацию новогодней ёлки в своём родном селе: «Ёлки – это было уже развлечение для господских и поповских детей, но однажды организована была ёлка в школе для школьников. Это было в Тече историческим событием. Инициатором организации её была учительница Елизавета Григорьевна Тюшнякова, которая на этот раз даже пожертвовала часть своего отпуска и задержалась в Тече, сократив срок своего пребывания у родных в селе Ольховском. Подготовка к ёлке велась исподволь в течение двух недель: золотили и серебрили грецкие орехи, клеили коробки для конфет и обклеивали их «золотой» и «серебряной» бумагой, наклеивали картинки на них и пр. Собирали деньги на украшения и закупали их. Купеческую дочь Аннушку Новикову, учившуюся когда-то в школе, уговорили-обязали сшить разноцветные мешочки под подарки, а её батюшку-родимого – Антона Лазаревича – купить для ёлки разноцветные свечи. Наступил день, когда вечером должна быть зажжена ёлка. Уже с полдня в школу стали собираться школьники со своими мамами, приодетые. Нетерпение увидеть ёлку первый раз в жизни у них возрастало с каждым часом, а в большой комнате школы за наглухо закрытой дверью готовилась ёлка. Наконец, дверь открыли, и они ринулись к ней, перегоняя друг друга. Чего-чего только не было на ёлке: «золотые» и «серебряные» грецкие орехи, флажки иностранных государств, хлопушки, дудочки, оловянные солдатики, сусальные пряники в виде рыбок, конфетки, картинки, книжки, «золотые» и «серебряные» бумажные сети, разноцветные горящие свечи. Не было только Деда Мороза и Снегурочки, потому что ещё не наступил Новый год. Что только было с мальчишками и девчонками? Все раскрасневшиеся, с радостными лицами ходили они вокруг ёлки и пели:

*Круг я ёлочки хожу,
Круг зелёной,
На конфеточки гляжу,
На хорошенькие.*

...

*Дай мне пряник,
Дай конфетку,
Дай золоченный орех –
Ныне малым детям праздник:
Веселиться им не грех.*

Потушили свечи на ёлке, сняли украшения, разделили школьникам, и они с разноцветными мешочками разошлись со своими мамами по домам. Будь бы среди них чеховский Ванька Жуков! Как бы он был рад.

Рождественские каникулы у нас было принято проводить в интимном семейном кругу: вечеров не устраивали. Единственной формой общения было ходить «ряжеными», по-теченски они назывались «шиликунами». «Шиликуны» бродили по селу группами. На улице стужа, луна ярко светит на небе, снег блестит и хрустит под ногами, церковь сияет своей белизной, а они переходят из одного дома в другой. Среди них и «старики», и «старухи», и «медведи». Шумной толпой вваливаются они в дом, танцуют, поют песни.²⁰¹⁰ Одним летом к Тече прибились двое мастеровых.²⁰¹¹ Ходили они по дворам, брали разные заказы: стол сделать, стулья или поправить окна. На Рождестве они тоже ходили «ряжеными» и разыгрывали целые сцены, например: один обращался к другому со словами: «Ванька новый!» А тот отвечал: «Что угодно, барин голый?» и дальше диалог развивался в этом же духе. «Духовники» привозили много картонных масок.

Учащаяся молодёжь ездила «ряжеными» на паре лошадей к земскому врачу в Нижне-Петропавловской больнице – Алексею Семёновичу Меньшикову.

Рождественские каникулы были короткими, и уже Новый год являлся неким «*memento*».²⁰¹² Новый год особенно не отмечался. Большей частью он ограничивался только письменными приветствиями. Крещенский сочельник уже был прямым напоминанием о том, что вот-вот нужно опять собираться на учение.

Сочельники²⁰¹³ – рождественский и крещенский, а особенно последний – имели традиционный «ритуал»: во-первых, в эти дни на самом деле на «поду» печки выпекались сочни²⁰¹⁴ (слово сочельник – изменённое –

В этом году теченские школьники отпраздновали Рождество полнокровно, как настоящий детский праздник» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 69-73.

²⁰¹⁰ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Ходили они по домам вечерами, рядились кто во что горазд: выворачивали шубы и являлись медведями, одевались разными кикиморами, плясали, пели запевки, чествовали хозяев и их детей:

*Кто у нас хороший,
Кто у нас пригожий?
Иванушко хороший,
Алексеевич пригожий.
Розан мой розан,
Виноград зелёный.*

Такими запевками перебирали всю семью. Старались остаться не разгаданными. Угощали их орехами, пряниками, сырчиками» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 73.

Там же: «Шиликуны» - это была дань далёкому прошлому наших предков, вековая традиция» // Там же. Л. 74-75.

²⁰¹¹ Там же автор уточняет: «пришельцев из «Расеи», столяров, вероятно, скрывавшихся от полицейских ищек» // Там же. Л. 74.

²⁰¹² Памятным днём, когда вспоминались родственники и знакомые, которых поздравляли с наступлением Нового Года.

²⁰¹³ Дни накануне церковных праздников Рождества Христова и Крещения Господня.

²⁰¹⁴ Замоченные в воде зёрна пшеницы, чечевицы, гороха и ячменя.

сочевник)²⁰¹⁵; во-вторых, под полатями у входной двери ставился мешок с горохом для нищих: они могли приходить насобирать себе его в кошель и уходить.

Вечером в крещенский сочельник совершалось окропление святой водой всех построек и животных. Шествие на «Иордань» в день Крещения²⁰¹⁶ представляло величественную картину. Народу собиралось всегда много, и шествие замыкалось целой кавалькадой кавалеристов – деревенских мальчишек, которые приводили лошадей на водопой после водосвятия.²⁰¹⁷

Вечером в Крещение в доме было уже грустно: складывались вещи к отъезду. Для большей важности, да и для удобства церемония сборов переносилась в горницу, где зажигалась лампа, подвешенная к потолку. Уже одно это обстоятельство, т. е. что в горнице зажигалась лампа, свидетельствовало о том, что в доме происходило что-то важное. На полу горницы расстилались две или три скатерти (чемоданы полагались только семинаристам), в которые складывались «пожитки» по принадлежности. В кухне в мешочки укладывались «подорожники»: пирожки, кральки – всё то, чем материнское сердце старалось ослабить, скрасить горечь расставания. Ох, это материнское сердце! Как только его хватало на большую семью!

Поздно вечером приезжал из Нижне-Петропавловского села наш «придворный» кучер – Терентий Яковлевич с тем, чтобы завтра рано в 4 или в 5 часов – отправиться на Каменский завод, а там дальше по железной дороге – в Камышлов, Екатеринбург, Пермь.

Таким образом, под словом «Рождество» у нас в детстве подразумевался целый период времени со множеством различных переживаний.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 675-682.

---

²⁰¹⁵ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Как сейчас я вижу эти сочни, нанизанные на лопату для посадки калачей в печь в её лежащем положении. Это были заготовки, которые наша матушка пекла на «поду», и мы потребляли их с чаем» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 58-59.

²⁰¹⁶ Крестный ход на реку в день Богоявления, когда священнослужители освящают воду и с верующими вспоминают евангельское событие Крещение Господня.

²⁰¹⁷ В очерке «Рождество Христово» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора эпизод с шествием на «Иордань» отсутствует. Автор пишет: «Это [кропление святой водой построек и животных – ред.] был заключительный момент целого ряда церковных и связанных с ними бытовых обычаев: сочельники перед Рождеством и Крещением, славление Христа, освящение воды, которые и обусловили название каникул этих «святками». Для нас же детей, это слово – «святки» было символом того уюта, семейного тепла, которыми пользовались на этих каникулах. Это тепло и радости встречи с родными были такими желанными...» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 78-79.

Масленица

[1961 г.]

В детстве мы думали, что масленица религиозный праздник и только много позднее узнали, что она – отголосок язычества и что блины символизируют собой появление весеннего солнца. Но такова была сила традиции: масленица осталась большим народным праздником.²⁰¹⁸

Блины и катание с гор и на лошадях – вот что составляло содержание масленицы. ... Да и как её было не прославить, когда в ней именно проявлялся широкий русский размах, фигурировали русские тройки, рекой разливалось русское веселье, удаль. Про блины рассказывали были и небылицы. Вот какая-нибудь кумушка делится своими новостями о масленице: «У Расторгуевых, бают, под блины развели целую кадочку, а у Александра Матвеевича молодуха упарилась с блинами: загоняли до поту!» Только и разговоров о блинах! Неограниченное служение мамоне: «ешь, гуляй: по носу Великий пост».

---

²⁰¹⁸ В очерке «Масленица» в составе «Автобиографических воспоминаний» (1965 г.) в «свердловской коллекции» воспоминаний автор пишет о масленице как о «явлении прошлого»: «О масленице, как и о религиозных праздниках, которых на Руси было много, теперь приходится говорить уже в прошедшем времени, по крайней мере, если иметь в виду её в классической форме существования. Она была бытовым явлением, унаследованным от наших предков с древних времён, явлением, само по себе, противоречивым, на которое вследствие этого, существовали различные, тоже противоречивые точки зрения. Можно сказать, что отношение к ней имело такие оттенки: было оно и любовным, и лицемерным, и просто несправедливым. Заговорите о масленице с каким-либо деревенским жителем – мужичком или женщиной из «старых», они не назовут её масленицей, а назовут «маслёнкой». «Это было на маслёнке», «скоро будет маслёнка» - так они будут о ней говорить. Не нужно быть особенным знатоком особенностей произношения слов, знатоком как орфографии, так и правильного произношения слов в русском языке – орфоэпии (?), чтобы заметить разницу в звучании слов – «масленица» и «маслёнка». В слове «маслёнка» слышится что-то «ровное» - близкое, любовное. Масленицу также любовно изобразили в своих произведениях А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой и др. Композитор [А. Н.] Серов в одной из своих опер воспел «широкую масленицу» в арии Ерёмки, а Ф. И. Шаляпин восславил её в своём исполнении, показав её действительно широкой, как широкой была и его натура» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 73-76.

Там же он обвиняет Церковь в лицемерном и несправедливом отношении к масленице: «Церковь явно была лицемерной в отношении к масленице: критиковала её за языческий характер, громила празднующих её, чему один из примеров будет показан ниже, и в то же время исподтишка поощряла её: известно, что в духовных школах на три дня в масленицу прекращались занятия. Да и в быту кто из ревнителёв веры не позволял себе полакомиться блинами на масленице?

Несправедливое отношение к масленице было в том, что, празднуя её в быту, так сказать, душевно, не вносили её в табельные дни с красными цифрами, прикрывались словами «сырная неделя», вместо того, чтобы, скажем, два-три дня показать красными и, не прикрываясь никакими другими словами, прямо напечатать «масленица» и внести в табель нерабочих дней: она заслуживала это» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 76-77.

У Иконниковых потребление блинов проходило организованно, причём блины потреблялись прямо со сковородки, «с пылу горячих». И всё это «священнодействие» происходило не за столом, а у самой печки: на конце скамейки, стоящей вплотную у шестка на чугунок с водой накладывалась доска, а сверху неё скатерть. На скатерть ставили чайное блюдечко с растопленным маслом. К этому сооружению подсаживался очередной лакомка: такой порядок был уже традиционным и все привыкли к нему. Блин со сковородки направлялся на скатерть – румяный, чуть-чуть по краям подгорелый (это ему придавало особый вкус), здесь ему «учинённый брат» придавал форму треугольника, вершину треугольника погружал в масло и расправлялся с ним, начиная опять-таки с вершины треугольника. И сколько же блинов полагалось на брата, так сказать, какая была норма? Нормы не было: «да могий вместити да вместит». И ещё было правило: когда «учинённый брат» «священнодействует», его нельзя беспокоить – мешать, торопить ли оговаривать: ни-ни! Сам отойдёт – садись! Если не можешь сдерживать свой аппетит и слюна просится на губы, лучше в кровати подольше задержишься, чтобы не было соблазна, но не нарушай порядка. Как видите, блины потреблялись так, «от сна восстав». Подавались они потом к обеду уже свёрнутые и подогретые на сковороде: нет, это не то! Второй сорт! Это уже, так сказать, обычные блины, а не масленица. Старые люди передавали, что хозяйки так угощали гостей, с таким присловьем: «поелозьте, мои гости», а гости отвечали: «Сами знаем, понимаем: наелозились». У Иконниковых не нужно было прибегать к такой форме угощения, потому что по самому статусу потребления блинов предполагалось, что каждый знает, понимает, что нужно «наелозиться».²⁰¹⁹

А дальше у молодёжи порядок: взял санки и на гору.²⁰²⁰ А гору, по которой обычно гоняли скотину на водопой к проруби или по которой возили

---

²⁰¹⁹ В очерке «Масленица» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор добавляет: «Впрочем, этот способ потребления был только у нас, был «смотрительным», а у прочих дело было иначе. Известно только, что блины стряпали у всех наших соседей и надо думать и у других теченцев, причём мы знали, что у наших соседей «Расторгуевых» заводили целую кадку, а стряпали их целой бригадой: Даниловна, обе снохи её и дочь Марейка, пока не вышла замуж. На деревне считалась плохой та хозяйка, которая не приберегла масла на блины в масленицу, так что блины были обязательными для всех во время масленицы и не на один день, а на каждый день недели. Есть анекдот про одного архиерея-шутника, который на экзаменах любил задавать каверзные вопросы. Так, на экзамене по географии он предлагал показать на карте «житейское море», а на экзамене по «Уставу» спрашивал, как нужно «править» службу, если Пасха и масленица «падут» на одно число, чего никогда не могло быть, потому что Пасха всегда бывает через семь недель после масленицы. Если отвечающий затруднялся ответить на этот вопрос, то он делал наводящий вопрос: «что нужно в этом случае делать – с горы кататься или на качелях качаться» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 80-81.

²⁰²⁰ В очерке «Масленица» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Последний раз в жизни мне

воду в кадушках, уже не узнать: девки ещё накануне залили водой, оставив полосу по обочине для прогона скота или провоза кадушки с водой.²⁰²¹ Тут уже толпится народ: парни, девки, мужики, бабы, дети, бороды и безбородые, в частоборах и тулупах, женщины в шальях и подшалках, на ногах – у кого валенки, а у кого – не поймёшь, что намотано. И вся эта масса кричит, толкается, переругивается, спорит, а с горы то и дело мчатся санки за санками, по два-три человека. Вот притащили целые сани: мужики становятся стеной, и сани стрелой несутся до самой реки. С реки идёт обратный поток людей – вереница за вереницей. Вот сани налетели на кого-то с санками ... ругань. А на горе ещё больше зевак: стоят солидные бороды и дебёлые тётушки, которые уже боятся кататься, а стоят так: хоть посмотреть, вспомнить старину. Молодыжник больше девок катает и всё норовит опрокинуть, вывалить в снег. Те шумят, визжат, по-своему по-деревенски кокетничают.²⁰²²

На горе у Мироновского дома с отвесной горы в коробах катаются «господа», любители сильных ощущений. С пятницы начинается катание на лошадях с полдён. Сначала выезжают немногие и ездят по главной улице с большими интервалами. В субботу интервалы становятся меньше, кое-где появляются парни верхом на лошадях. Но всё это ещё только размах, подход к главному. В воскресенье дома уже никто не сидит. После обеда с последними блинами все на воздух! На горе толпа ещё больше. Уже не одни сани, а несколько. Появляются парни верхом на воронках, рыжках, лысанках и пр. В гривах у лошадей разноцветные ленты, Нет! Не те, что в волосах у девок, блестящие, а просто разноцветные лоскутки из ситца. Более всего кумачовые. Это девки украсили лошадей у своих кавалеристов. Больше лент – больше любви. А они красуются, то съедутся в кучку, то сопровождают

удалось наблюдать масленицу в деревне в её, так сказать, классическом виде в Тече в 1904 г.» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 82.

Там же: «Теча расположена на горе, но рельеф местности затруднял выбор места для устройства катушки: то гора спускалась к речке обрывом, то дорожка для спуска была сильно искривлена, то упиралась в огороды. Наиболее удобным спуском с горы – прямым и обеспечивающим дальность катания был спуск на Горушках от дома Неверовых, по прозвищу «Волковых». Здесь спуск был прямым, дальше дорожка шла между огородами, а потом был спуск небольшой к речке. Такое расположение спуска обеспечивало быстроту и дальность движения по катушке» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 82-83.

²⁰²¹ В очерке «Масленица» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «Поливка горы часто совершалась насильственным путём: когда женщины проходили с водой с реки, то вдруг, откуда ни возьмись, появлялись парни и выливали у них из вёдер воду на катушки. Также поступали и с теми, кто вёз воду в кадушках. Всё это превращалось в шутку. Если же эти «шутки» не удавались, потому что наученные «опытом» люди избегали носить и возить здесь воду, то наряжали на поливку девушек, любительниц кататься с гор» // Там же. Л. 84.

²⁰²² Там же автор сообщает о том, как заканчивались катания на санях: «Кончалось катание, и катушку – лёд на ней рубили по поперечным линиям, чтобы никто не вздумал покататься в Великом посте» // Там же. Л. 86.

«своих». Обязательно гордиться своими лошадьми. «Вот он наш Лысанко – смотрите – вот какой!»²⁰²³ А все эти лысанки, бурки, воронки за зиму отдохнули, стали круглее, глаже и готовы, если пожелаете – помчаться галопом. Число подвод становится всё больше. Едут в коробах, едут в кашевах. Едут на парах, а больше на одной лошади. Едут двое с кучером, едут трое, а и целой плотно набитой компанией. Едут разодетые в дублённые частоборы, а на головах богатые шали; едут в тулупах, подпоясанных красными кушаками. Дуги и шлеи лошадей тоже разукрашены лентами. Едут с песнями, без песен, кричат, а по обочинам у дороги толпы зевак. Вот въезжает на паре лошадей какой-то странный балаган из коробов, а внутри его «шилίκунуы». Они поют, танцуют под гармошку, падают при движении. А подводы всё растут и растут. Стали вливаться уже баклановские и черепановские подводы. Въехали в строй подвод богатырёвские рысаки из Баклановой. Сбруя на лошадях блестит, на шеях шаркунцы. Вот появился и знаменитый Савраско Петра Кирилловича Богатырёва. Гордый конь прядёт ушами, готовый вырваться из сковавшего его кольца подвод. Снег на дороге уже рыхлый от множества конских копыт. Солнце спускается к горизонту. Резкий удар колокола гулко разносится по селу, за рекой и по округе. Подводы разъезжаются по проулкам, а баклановские и черепановские – по своим деревням. Пустеет главная улица.

Был обычай вечером в «прощёное» воскресенье ходить по домам и просить прощения друг у друга. В памяти теченцев сохранилось одно «прощёное» воскресенье, когда был совершён самосуд над конским вором Ермошкой. За вечерним богослужением в этот день протоиерей произнёс страстную обличительную речь.

Сохранилось также в памяти, как тоже за вечерним богослужением о[тец] Анатолий, подобно Савонароле, произнёс страстную обличительную речь против языческого обычая праздновать масленицу и в частности против обычая кататься на лошадях. В гневном тоне он сказал: «все поехали кататься: и старики, и старухи, и слепые и хромые» ... и в горячности подмахнул: «и чающие движения виды».²⁰²⁴

---

²⁰²³ В очерке «Масленица» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Это был по существу смотр хозяйских достатков теченского населения. Тут можно было видеть тройку лошадей знаменитых теченских ямщиков Кокшаровых во всём блеске их упряжки: хомуты с красными подкладками (подхомутниками), что было высшей модой, сбрую – шлеп, седелки в медных бляшках, гарусные возжи, кашевку с ковровым рисунком на кошме. Красовался серый с яблоками конь Новиковых, Лысанко Александра Степановича Суханова, резвачи Семёна Осиповича Лебедева и прочие знаменитости. В большинстве же были рыжки, бурки, голубки, мухортки и прочие, не блещущие ни видом, ни сбруей» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 87-88.

²⁰²⁴ Там же: автор объясняет это обличение следующим: «Потребность проявить себя в движении, неограниченном никакими рамками. Эта потребность у русских людей возникала перед переходом к другому режиму жизни, ставящему границы такому поведению по тезису: грешить так грешить, чтобы было в чём каяться. Известно, что

существовал в древней Руси обычай грешить на Рождестве, чтобы очиститься от греха в крещенской купели. Масленица была преддверием Великого поста, как язычество исторически предшествовало христианству, и она являлась рецидивом к первому. Историческая роль христианства, вследствие чего оно признаётся прогрессивным явлением, было то, что оно смягчило нравы язычников, но по закону атавизма у принявших христианство, остались черты язычества в быту. Эти черты оста[ва]лись в быту русских людей на протяжении веков и, гармонизируя с характером русских людей, обусловили широкий тип его. Этим объясняется живучесть масленицы в быту русских людей» // Там же. Л. 93-94.

Завершает «свердловский» очерк «Масленица» автор антирелигиозным пассажем: «Изменить этот быт могло только изменения бытия русских людей, что подтвердили события, вытекающие из Великой соц[иалистической] революции в России: масленица теперь утратила свои главные черты, и должна быть признана пережитком прошлого, как и христианство, с которым она уживалась» // Там же. Л. 94-95.

Великий пост

[1961 г.]

Вечерние звон, вечерний звон.

Как много дум наводит он.

О юных днях, в краю родном,

Где я любил, где отчий дом.

[И. И. Козлов]

Колокол, которым верующие созывались в церковь в дни Великого поста, у нас назывался великопостным. Так он назывался потому, что он по отдельности, а не в ансамбле с другими, чаще всего употреблялся в Великом посте, и казалось, что в звуке его именно и выражена самая идея этого поста, дух и характер его.

Православной церковью было учреждено на год несколько постов: Петровский, Успенский, Филиппов, но самым важным был Великий пост. Великим он назван потому, что он самый продолжительный, а главным образом потому, что в нём в большей степени, чем в других выражена была идея Великого поста – взлёт, подъём человеческого духа над бранным телом, утверждение примата первого над вторым. Чтобы больше подчеркнуть этот подъём духа над бранным телом перед Великим постом издавна русскими людьми праздновалась масленица, если можно так выразиться, апофеоз бранный тела, после чего следовал резкий поворот в сторону духа, человеческой души. Символически это выражалось учреждением так называемого Прощёного воскресенья, когда вечерний звон объявлял о конце масленицы, а чтение за вечерним богослужением великопостной молитвы «Господи и Владыко живота моего», а затем обращение священника к пастве с поклоном и просьбой о прощении означало уже переход к Великому посту. Обычай этот переносился и на паству: члены её ходили по домам тоже с поклонами и просьбой о прощении, если кто-либо провинился чем-либо перед другими.

Великий пост придавал всем жилым общественным объединениям – сёлам, деревням, городам – особый колорит, особую окраску, и важную роль в этом случае играл великопостный звон. Характер этого звона прекрасно выразил в своём стихотворении И. И. Козлов «Вечерний звон», а неизвестный композитор придал ему столь же прекрасную музыкальную оправу, музыкальную выразительность. Поэт в своём стихотворении подчеркнул мысль о бранный жизни – «Лежать и мне в земле сырой», но эта мысль и является лейтмотивом для создания покаянного настроения. Да, именно великопостный вечерний звон возбуждал много дум о юных днях, он вызывал в памяти и картину Великого поста в деревне.²⁰²⁵

---

²⁰²⁵ В очерке «Великий пост» (30 июля 1965 г.) в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор подробно описывает свои первые детские ощущения от Великого поста: «Мне было, вероятно, лет шесть-семь, когда в один из дней Великого поста, под вечер, я слушал этот унылый звон,

Солнце клонится к горизонту, раздаются медленные, мерные, унылые звуки великопостного колокола. Около церковного купола крутится стая галок. Они крутятся, галчат под удары колокола. С Горушек, с Зелёной улицы меленно двигаются по одиночке и группами люди к церкви. Они идут на вечернее богослужение. Они кучкой стоят неподалёку от амвона. раздаётся чтение: «Откуда начну плакати окаяннаго моего жития». И они поют и поют: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Высшим выражением идеи Великого поста является молитва Ефрема Сириянина: «Господи и Владыко живота моего». Молитва эта указывает на главнейшие человеческие грехи, на противостоящие им положительные черты и призывает к покаянию. Молитва направлена против уныния, духа уныния и призывает «не осуждать брата моего». Как известно она вдохновила А. С. Пушкина на переложение её в стихотворную форму: «Отцы пустынники и жены непорочны, чтоб сердцем возлежать во области заочны, сложили множество молитв...» А концовка её – «не осуждати брата моего» вдохновила одного из поэтов написать стихотворение: «Не осуждай – затем, что все мы люди[, все во грехах родимся и живём]» Выражением покаянного настроения является также песнопение «Покаяния отверзи ми [двери]», любимое всеми теченскими песнопевцами.²⁰²⁶

приглашающий к вечерне. Был весенний день, солнечный, тёплый. Солнце клонилось к горизонту, но светило ещё достаточно светло. Я стоял у катушки, что была у нашего дома. Она уже разрушалась от таяния. Помню, что около купола церкви, имевшего вид редьки, обращённой «хвостом» в небо, летали и «галдели» галки. Я наблюдал, как к церкви подходили мужички и бабы, говевшие в это время. Унылый звон вызывал в моей душе гнетущее настроение вопреки впечатлению радости от нарастающей весны. Этим, очевидно, и объясняется, почему этот звон по закону контраста поразил меня и запомнился мне как символ Великого поста. Когда бы я ни пел или не слушал прекрасную песню со словами, взятыми в эпиграфе этой статьи, передо мной, перед моим воображением обязательно возникала описанная выше картина» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 3-5.

²⁰²⁶ В очерке «Великий пост» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор приводит молитву Ефрема Сирина полностью: «Она исполнялась всегда драматически: священник произносил

1. «Господи и владыко живота моего, дух праздности, уныния и любоначала не даждь ми». Земной поклон.

2. «Дух же смиренномудрия, терпения и любви, даруй ми, рабу Твоему». Земной поклон.

3. «Ей, Господи, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков!» Земной поклон.

Дальше «умная» молитва: «Боже, милостив буди ми, грешному» (молитва мытаря из притчи «О мытаре и фарисее») 10 или 12 раз, и снова вся молитва и земной поклон» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 17-18.

Там же: «Я с детства любил пение, и великопостные унылые церковные мотивы не прошли мимо моего внимания, но в исполнении деревенских певцов они сохранились в моей памяти смутно, а впоследствии они, если можно так выразиться, «полиняли» под более сильным действием «партесного» пения. Помню только, что когда дьячок запевал «Покаяния», то теченские хористы и любители из присутствующих дружно подхватывали, и по церкви разносилось громкое пение, а когда дьячок запевал «На реках Вавилонских»,

Великий пост – время визитов с поздравлениями в дни принятия «честных тайн». Во время этого поста из деревень в Течу приезжали «говельщики» и «говельщицы», останавливаясь на квартиру у кого-либо из знакомых. Исповедовали оба священника – каждый по своему приходу, а клирики вели учёт, а потом составляли «исповедные» ведомости. Многолюдно бывало в церкви во время исповеди и во время причастий. Вся масса говельщиков приходила в церковь в лучших своих одеждах. Во время причащения чувствовалась приподнятость у всех настроения и торжественность, когда все за священником произносили: «Вечери Твоя тайныя...»²⁰²⁷

В Великом после шумная жизнь села замирала. Ни песен, ни гуляний по улице не слышно. Всё село живёт в глубокой сосредоточенности.²⁰²⁸

Обычно Великий пост падает на конец зимы и начало весны. В Великом посте у землеробов зарождались уже первые мысли о подготовке к весне, к севу. Извлекался на ремонт сельскохозяйственный инвентарь. Оживлялась деятельность кузниц: сюда несли на ремонт сошники, лемехи, телеги, бороны.

Менялся самый пейзаж села: на улицах у изб и дворов виднелись коровы, греющиеся на солнце с ключьями шерсти и пролежнями. Суетились пернатые. Во дворах разгуливали куры. Мальчишки выскакивали на посохшие завалинки, проводили ручьи.

И над всем этим главенствовал звон великопостного колокола, вещая о торжественном времени Великого поста. Постились все, кроме малых детей – таков был завет предков.

то большею частью пел *solo*, а подхватывали отдельные голоса, и случалось, что невопад» // Там же. Л. 35-36.

²⁰²⁷ В очерке «Великий пост» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор подробнее пишет о визитах с поздравлениями причастников: «В течение этого поста, ... хождение по гостям, считались предосудительными, но некоторым послаблением было посещение с поздравлением причастников, точнее – причастниц. Считалось делом вежливости и признательности поздравить причастницу с принятием «святых честных тайн», причём вошло в обычай, чтобы причастница готовила на угощение пирог. На этой почве создавалось даже соревнование в том, кто испечёт лучший пирог и идеалом считался пирог из осетрины. Никто из наших художников не избрал для своей картины сюжета на эту тему, а он мог бы быть очень ярким» // Там же. Л. 28-29.

²⁰²⁸ Там же автор упоминает исключительный случай в понедельник первой недели Великого поста: «В этот день по старинному обычаю полагалось «очищать» - валять в снегу молодожёнов, только что повенчанных перед постом. Я был очевидцем, как валяли в снегу молодожёнов – старшего сына нашего соседа Василия Петровича Кокшарова – Прокопия и его «молодуху». Валяли их в снегу у ворот на улице, чтобы всем было видно, что обычай выполнен. Это была любопытная картина: «их» бросали в сугроб, зарывали в снег. Больше всего досталось «молодухе»: вся юбка её была забита снегом и имела форму колокола, а ног совершенно нельзя было видеть» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 7-8.

[²⁰²⁹]

Во время Великого поста выделялась крестопоклонная неделя.²⁰³⁰ Страстная седмица была уже завершением Великого поста. «Вербное воскресенье» было началом Великой недели. В этот день церковь была полна народу до отказа. Ни одна изба не должна остаться без вербы – таков был обычай.²⁰³¹ На Страстной неделе говельщиков было ещё больше. Вершиной

---

²⁰²⁹ В очерке «Великий пост» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор сообщает о местных особенностях Великого поста в приготовлении пищи и столе: «Дети с пятилетнего возраста получали в Великом посте питание наравне со взрослыми. Единственным представителем из жиров в это время было конопляное масло, изделие теченского негоцианта Степана Васильевича Пеутина. Оно было зелёное и иногда прогорелое. На нём жарили к обеду пироги с квашеной капустой или солёными груздями. По утрам наша матушка жарила на нём лепёшки и «пряженики», которые для завтрака мы брали с собой в школе, и наши сумки имели на себе явные следы побывавших в них этих кухмистерских изделий. Иногда лепёшки были испечёнными без масла – «на поду». На этом масле выпекались кральки с таким жирным налётом его, что они блестели. Выпекались ватрушки с ягодами, картошкой и пр. Этим маслом заливали гороховый кисель, приготовленный из гороховой муки и подаваемый на стол остужённым в форме круга, снятого с тарелки. Масло это прибавляли к каше из проса и «толстой» (перловой) крупы. На нём жарили картофель и пр.

Рыба была представлена в виде вяленой, изделия кирдинских стариков, которые ловили карасей на Маяне (озеро), потрошили их, нанизывали на палки, сушили на солнце, а зимой продавали на базаре на палочках. Из них варили уху. Варили горошницу, причём такую густую, что ложка, всаженная в неё могла стоять, как кол, воткнутый в землю. Вернее – это была каша. Супы готовились из квашеной капусты с картошкой и толстой крупой. Излюбленным блюдом были «парёнки» из моркови, свеклы, брюквы и репы. Они были на положении сладкого блюда; но высшим сортом последнего было сусло с «рожками» из магазина Антона Лазаревича Новикова, несколько ниже сортом росол, более жидкое сусло и, наконец, жидкая водица из росола, подсахаренная и с изюмом или урюком.

Уже совсем баловством были пирожки с маком и изюмом. Это – к чаю, а к обеду – пироги из «сырка», засоленной рыбы, которую А. Л. Новиков добывал специально для Великого поста. Наш батюшка из «сырка» готовил закуску: добавлял луку и масла. По традиции у нас по понедельникам стряпали пельмени. Во время поста они готовились с начинкой рубленой квашеной капусты с частичками «сырка». Иногда на скорую руку на ужин готовили лапшу «постную», т. е. на воде без всякой примеси. Не забывали редьку, причём существовало любовное «присловие» (поговорка) в её адрес: «редечка триха, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом и редечка так» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 23-28.

²⁰³⁰ Там же автор упоминает ещё об одной особенности Великого поста: «Во время Великого поста случалось празднование «Благовещения», «праздника весны», по выражению А. С. Пушкина, когда существовал обычай выпускать птичек, «воздушных пленниц», на волю, и в великопостный мрак вливался на один день луч солнца, зато на четверной, так называемой крестопоклонной неделе, этот мрак ещё больше сгушался» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 28.

²⁰³¹ Там же воспоминания о Вербном воскресеньи описаны более подробно: «Перед моими глазами и теперь ещё стоит картина, как под звон колоколов деревенские люди возвращались из церкви домой с вербами и как эти вербы устанавливались у нас в доме на «божнице». Когда мне приходилось бывать в избах своих деревенских друзей, то на

богослужений на Страстной было «великое стояние». В двенадцати Его Евангелиях – о «страстях Христовых». «Слава страстем Твоим, Господи!» Стояли они в овчинных тулупах, в зипунах, в частоборах, женщины в шалях, подшалках на головах, стояли плотно, стеной с горящими свечами, от которых шёл медовый запах. Стояли в глубокой тишине, неподвижно, а голос читал: «Ныне прославися Сын Человеческий, и Господь прослави Его». Хор из своих же песнопевцев на клиросе пел: «Слава Страстем Твоим, Господи!» И снова они слышали рассказ о том, как Пилат задал Христу вековечный вопрос о том, что такое истина. «Вопроси же его Пилат: «Что есть истина?» Иисус же ответа не даде». Почему он не ответил? Толкователи Евангелия объясняли так: «Он не ответил потому, что сам Он являл собою ответ: Истина – это Я!» Слышали они дальше рассказ об Иуде-предателе, чьё имя сделалось синонимом предателя на все века. Когда Христос на Тайной вечери сказал, что один из них предаст его, а они стали спрашивать: «Не я ли, Господи?» Он сказал: «Обмокнувший со мною в солило руку, той мя предаст», и Иуда удалился. Слышали они дальше о величайшей борьбе человеческого в Богочеловеке в Гефсиманском саду: «Отче, отче, да мимоидет мя чаша сия, обаче не яко же аз хочу, но яко же Ты». Слышали они дальше о трагедии Петра, об его отречении от своего учителя: петел пропел третий раз и напомнил ему об его отречении. И Пётр ушёл, «плакася горько». Слышали они о трагедии на Голгофе и о разбойнике благоразумном, который «во едином часе» сподобился рая.

Поздно ночью расходились они по домам с горящими свечами и огарки свеч складывали у себя на «божницах». В страстную пятницу приходили на вынос плащаницы.²⁰³²

Некоторые старушки говели, а причащались уже на Пасху.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 688-693.

«божницах» у них я видел тоже вербы. У М. Ю. Лермонтова есть стихотворение «Ветка Палестины», содержание которого иллюстрирует то настроение, которое возбуждали вербы у нас, деревенских детей» // Там же. Л. 32.

²⁰³² В очерке «Великий пост» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора пересказ евангельских стихов отсутствует и описание Страстной седмицы имеет более бытовое значение: «От «Страстной недели» у меня сохранились ещё яркие воспоминания, но совсем другого рода: шла уже подготовка к Пасхе. В семье у нас существовал обычай собирать яйца к Пасхе по паям – в понедельник на одного, во вторник – на другого и т. д. У куриц не было определённых гнёзд, и приходилось искать яйца по разным местам. На этой почве разыгрывался азарт. Мы, дети, были созерцателями, а отчасти и участниками подготовки к Пасхе: красили яйца, отбирали изюм для приготовления куличей и «пасхи» - сырковой массы. Что греха таить – это было для нас самым главным «интересом» в течение «Страстной седмицы» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 34-35.

Пасха

[1965 г.]

Наши деревенские жители, аборигены наших краёв, называли её, церковный весенний праздник – «паской», не зная, конечно, как ни происхождения этого слова, ни его значения, так и происхождения самого праздника. Не задумывались они критически и над смыслом пасхальных изречений – «Христос воскрес» и «Воистину воскрес», хотя несомненно имели критический склад ума, так как были в большинстве случаев тургеневскими «хорями», а не «калинычами». Никому из них, как и вообще другим людям, и в голову не приходило задаться вопросом, как это могло получиться, что человек воскрес из мёртвых. Пасха, как и всякий другой религиозный праздник, вошла в их быт, приняла характер традиции, а празднование её стало привычным. Церковь именovala Пасху «праздников праздник» и «торжеством из торжеств». С таким же значением «паска» отразилась в сознании нашего крестьянства. «Паска» - самый главный праздник в году. Такому признанию праздника содействовало то, что оно, его торжество, падало на весну. По церковному уставу Пасха праздновалась в первое воскресенье после весеннего полнолуния, т. е. в пределах весны, её начала. Это наложило особый отпечаток на неё: природа просыпалась после зимней спячки, а вместе с ней оживала и жизнь в деревне. Великий пост сковывал ощущение приближения весны, хотя вестники её были уже налицо: он накладывал мрачные тени на быт людей, а Пасха как бы сгоняла этот мрак, и тем радостнее казалась весна. Церковь пользовалась этим моментом и создала из Пасхи праздник, наиболее богатый, чем другие религиозные праздники, драматическим ритуалом, который подводил к мысли о воскресении человека подобно тому, как весной воскресала природа.

Ни к одному празднику не было такой тщательной и основательной подготовки, как к Пасхе: ни по линии церковной, ни пол линии быта. Церковь ставила задачей изобразить из Пасхи «пир весны» - поразить верующих блеском своих обрядов, и подготовка главным образом шла в этом направлении. Когда церковным старостой в Тече был избран местный купец А. Л. Новиков, то настоятель теченской церкви – протоиерей Владимир Бирюков не упустил случая выжать из его кармана на «украшение храма» белоснежные парчовые одеяния для пасхального богослужения, массивный крест с эмалиевыми украшениями и другие принадлежности культа специально для этой цели. В церковном инвентаре на случай празднования Пасхи хранились фонари с цветными стёклами, плошки и пр. По установившейся традиции в организации торжества принимали участие и чада духовенства, ученики духовных школ. Они приготавливали цветные фонарики, бенгальские огни, вензеля и привозили их с собой домой на пасхальные каникулы. В Екатеринбург направлялся специальный делегат для закупки пасхальных свечей – зелёных, красивых с золочённым витком на них. Приводились в порядок – чистились паникадила, подсвечники и на них

устанавливались в большом количестве свечи. На полу церкви разбрасывались сосновые ветки, чтобы не так загрязнялся пол от весенней грязи и распутицы. Приглашались лучшие звонари, и собирался хор из лучших певцов. На пасхальную ночь обычно на лавке Новикова устанавливались плошки с салом, которые зажигались на время богослужения. На окнах некоторых домов ставились старинные свечи, которые зажигались на эту же пору. Главные церковные ворота на пасхальную ночь открывались настежь и украшались зеленью и фонариками.

Время празднования Пасхи совпадало с переходом от зимних одежд на демисезонные, поэтому убирались в «клеть» тулупы, зимние «частоборы», шапки-ушанки и извлекались зипуны из сукна домашнего тканья, пальто, «понитки» и пр. Женщины прятали свои вигоневые и полушерстяные шали и извлекали из сундуков полушёлковые платки, сарафаны и пр. Шились обновки: молодяжнику кумачовые рубахи – ситцевые и сатиновые, плисовые шаровары и пр. Девушки-невесты готовили наряды для выхода на «луг». Теченский портной Павел Михайлович Постников с утра до ночи шил обновки из корта или дешёвого сукна²⁰³³, а теченский чеботарь-модельер с утра до ночи шил сапоги, ботинки.²⁰³⁴

Особая нагрузка падала на Парасковью-коптельщицу: ей сдавали на копченье окорока, туши гусей, уток со всей «округи» радиусом в двадцать вёрст. Нарасхват рвали знаменитую теченскую кулинарку – Матрёну Сергеевну: всем из духовных семей и местной интеллигенции и полуинтеллигенции иметь на своём пасхальном столе куличи, пасхи и, как высшее достижение кулинарного искусства – «баумкухены». Бедная специалистка своего дела в это время превращалась в ходячего консультанта постряпне.²⁰³⁵

Красили яички на луковом пере. Хозяйки готовили свои запасы «жиров» пустить в дело.

Мальчишки готовили бабки.

И вот, наконец, наступала пасхальная ночь. С вечера уже в церкви собирались люди из ближайших деревень, кому удавалось как-либо перебраться через разбухшую реку Течу. В сторожке трапезников светился огонёк, и около него собирались пришельцы на пасхальную службу. В самой церкви кое-где были группы собравшиеся встретить «паску», и при слабом огне свечей трапезники заканчивали подготовку к «службе». В церкви полумрак и приглушённые разговоры. Пахнет хвоей. В полночь звон возвещал начало «паски». Но это был не обычный звон – протяжный и ритмичный. Это был сплошной гул колокола. На колокольне Теченской церкви для звонаря было устроено квадратное деревянное возвышение, и звон большого колокола вызывался нажимом ноги на верёвку. Нельзя было видеть, но воображение по звуку рисовало картину, как звонарь неистово

---

²⁰³³ См. очерк «Постниковы».

²⁰³⁴ См. очерк «Фалалеевы».

²⁰³⁵ См. очерк «Матрёна Сергеевна [Уфимцева]».

нажимал на верёвку, и «язык» колокола дробно бил по стенке колокола, звон разбирал ночную тишину, и казалось, что колокол готов был вырваться с колокольни на волю и уплыть в ночное небо. Разноцветные фонарики горели на верхнем ярусе колокольни, а плошки на нижнем ярусе. Село расположено на горе и церковь далеко видна из заречья.

Первым, сугубо драматическим моментом пасхального богослужения, отличавшим его от богослужений других праздников, была «встреча Христа» - шествие вокруг церкви, во время которого зажигались бенгальские огни, а иногда раздавались выстрелы хлопушек. Это шествие, бурное, возбуждённое символизировало наступление на смерть, победой над которой обозначало воскресение Христа, вот-вот ожидаемое верующими. Картина шествия вызывала мистическое настроение и подготавливала к восприятию идеи воскресения Христа, встречи с воскресшим Христом. Остановка на паперти перед закрытой дверью была последним моментом поджидания встречи с воскресшим Христом. Наконец, священник произносил «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его», входная дверь в церковь открывалась, и встречавшие густой толпой входили в церковь. Священнослужители – два священника и диакон – облачались в светлые белые парчовые одеяния, на колокольне звучал неистовый звон, звонница сияла в фонариках и горящих плошках, и «паска» началась.

Богослужение совершалось во Введенском приделе. Здесь всё сияло в огнях: паникадило, иконы нижнего яруса, большею частью в серебряных и позолоченных ризах. Горели свечи, горели лампы. Около амвона и по всему приделу, под звонницей народ стоял стеной, а частично и в другом приделе. Стояли седовласые и молодые мужички с причёской в «кружок», стояли парни, стояли женщины и девушки в шёлковых и полушёлковых платках. Стояли в зипунах, сермягах, понитках, побогаче – в малюскиновых кафтанах и пальто. Стояли с горящими свечками в руках – красными, зелёными, ценой по три, пять и десять копеек. Было море огня, и оно шло от возвышения, на котором стоял староста перед конторкой, на которой в штабели лежали ещё свечи. Перед ним сияла в огнях от обилия горящих свеч икона Николая-угодника в серебряных ризах, а свет от неё как от рефлектора падал на изображение ада на задней стене у двери. Теперь это изображение было в контрасте с торжеством. А народ всё прибывал и прибывал, и воздух становился спёртым, было душно от смеси ладана, запаха хвои, гари от свечей, пота и запаха от обильно смазанных дёгтем сапогов некоторых мужичков. Священники то и дело появлялись на амвоне с трёхсвечниками в руках, а диакон кадил, и клубы дыма от перегоревшего ладана носились по церкви. На приветствие священника «Христос воскрес» раздавался по всей церкви гул голосов «Воистину воскрес». Он чем-то напоминал гул морских волн в бурю. На клиросе плотной кучкой стояли знаменитые певцы села и второстепенные из бывших трапезников, больше в качестве бутафории. Непременными из первых были: Евдоким Никитич, он же в молодости Нюнька, Тима Казанцев, Николай Иванович Лебедев, а около клироса

теченский соловей – Александр Степанович Суханов, в молодости Санко Суханов. Иногда слышался откуда-то из толпы и голосок Катерины Ивановны – высокий звучный дискант. Чуть не ежеминутно пели: «Христос воскрес из мертвых», смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Пели это и *andante* и *allegro*.²⁰³⁶ Было иногда так, что очередное песнопение было не всем певцам известным, и звучание хора затихало, и когда добирались до «Христос воскрес» *allegro*, тут уже стихия не знала границ: громом по церкви разносились голоса певцов. Получалась своеобразная форма исполнения: речитатив, осуществляемый Тимой и Нюнькой – *solo*²⁰³⁷ и *tutti*²⁰³⁸ – рефрен. Особенно эта форма исполнения была за литургией, когда пелись антифоны: Нюнька и Тима в этом случае, стоя впереди этажерки клироса и держа в руках Триодь цветную запевали: «Горы ливанские – ребра северова, Град Царя великого»²⁰³⁹, а *tutti*: «Спаси нас Сыне Божий, молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас», что помнили благодаря частому повторению. Картина эта заслуживала кисти художника типа Репина или Перова.

Кульминационной точкой пасхального богослужения было чтение «Слова» Иоанна Златоуста. В этом «Слове» и раскрывалась идея Пасхи как «пира веры». Читал это слово сам протоиерей Владимир Бирюков. Но он, вернее сказать, не читал, а декламировал. Когда он произносил слова – «Где ты, смерти, жало» - то делал паузу и смотрел вдаль выше голов молящихся в направлении ризницы. Слушатели – молящиеся начинали оглядываться как бы в поисках её, побеждённой смерти, а протоиерей допускал вольность и вставлял от себя: «молчит». В этот момент и совершалось чудо веры: да, они верили, что смерть побеждена. Это был гипноз более сильный, чем речь какого-либо маститого учёного о том, как удалось ему вернуть какого-либо больного к жизни после клинической смерти и заявить: «так человек победил смерть».

В конце богослужения происходило «христосование» с церковным причтом. Все они, мужички, женщины, парни и девицы чередой подходили к стоящим на амвоне священнослужителям, целовали крест и целовались с ними. Так осуществлялась вторая идея Пасхи – «друг друга обымем» - равенство всех перед Богом.

Заключением было освящение пасхальных яств в приделе Параскевы-великомученицы. Здесь устанавливались на столе куличи и «пасхи»

---

²⁰³⁶ Музыкальные термины, обозначающие разную скорость музыкального произведения.

²⁰³⁷ *solo* – музыкальный термин, исполнение всего музыкального произведения или его ведущей тематической партии одним голосом или инструментом.

²⁰³⁸ *tutti* – музыкальный термин, в данном случае, противоположность *solo*, то есть исполнение музыки полным составом хора непосредственно за исполнением *solo*, с тем, чтобы дать солировавшему участнику возможность отдыха и подготовки к продолжению исполнения, а слушателям точнее ощутить на контрасте нюансы произведения.

²⁰³⁹ Из псалма 47: «Горы Сионския, ребра северова. Град Царя великаго...» (Библия. Псалтырь, 47:3).

теченской знати и скромные шанги и крашенные яички деревенских обывателей.

С горящими свечами люди расходились по домам на рассвете, а на колокольне в это время теченские знаменитые звонари – Кузнецов Иван Степанович или Южаков Андрей Михайлович – чаровали звоном, музыкой, творимой ими. У каждого из них был свой стиль: Иван Степанович, сухой старик, кузнец, внешне похожий на Дон Кихота, был лирик, колокола у него временами подобно ручью, который как подметил М. Ю. Лермонтов, лепетали сагу о крае, откуда он мчался, переносили воображение в какой-то сказочный мир, то возвращали к пасхальному торжеству. Андрей Михайлович был сторонник громкого звона, *forte*, но очень умело делал перебор колоколами. Теченцы очень хорошо распознавали, кто в тот или иной момент «колдует» на колокольне.

В течение недели колокольня поступала в распоряжение населения. На неё поднимались и те, кто уже умел немного звонить из бывших трапезников, и те, кто совсем не умел, но шёл поучиться, чувствуя тягу к этому искусству. Шли компаниями парни и девушки посмотреть с высоты на Течу и её окрестности, ознакомиться с колокольней, «побаловаться» звоном и просто потолкаться на лестнице, ведущей на звонницу. Поднимались сначала по тёмной нише в церковной стене и выходили под крышу церковного здания, пользуясь здесь полумраком. Дальше по прямой лестнице поднимались в нижний ярус звонницы, а из него по винтовой лестнице – в верхний ярус. Открывался чудесный вид на деревни – Черепанову и частично Бакланову. Видны были: вздувшаяся и вышедшая из берегов речка Теча и село на север, юг и запад, как на ладони. В разных местах села виднелись «качули», бытовое пасхальное развлечение молодёжи: на улицах с кучками парней и девушек, разодетых по-праздничному, и во дворах. Воздух свежий и ветерок чувствовалось вверху. Иногда звон был беспорядочный, особенно когда кто-либо пробовал свои силы впервые – учился, а потом вдруг брался за него мастер, а музыка звона далеко распространялась по реке. Пасхальный звон – кто его слышал, тот, вероятно, его не забудет.

С «паски» в жизни деревенской молодёжи начинались игры на «лугу». В пору, когда ещё держалась распутица, теченская молодёжь собиралась у базарной площади на деревянных торговых «лавках», принадлежащих церкви. Здесь устраивались незатейливые игры, флирт. В детские годы я видал, как парни катали крашенные яички. На этих сборах и парни и девушки щеголяли своими обновками, сшитыми к «паске». После длинного перерыва, вызванного Великим постом, вновь раздавался весёлый перебор гармошки.

Всякому своё, а мальчишкам – бабки. Во дворах, или около изб, где подсохло, они «режутся» «коном», полубосые, но шумливые и задорные по-весеннему. Такими когда-то были и мои встречи с моими деревенскими друзьями.

На селе там и здесь виднелись мужички и женщины, разодетые, шествующие по гостям. Появлялись первые телеги и ходки, проезжающие по селу.

У мужичков появлялись думы о земле, севе. У кузнецов около их незатейливых «производств» виднелись уже сабаны, бороны, телеги, колёса и пр., что привозилось на ремонт.

Распутица проходила, природа оживала от сна. Такой запомнилась мне Пасха с детских лет в нашей Тече.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 30-53.

Публикуется только по «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» имеется очерк «Пасха» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 684-688 об.), который менее информативен.

Праздник «Радоницы» православная церковь учредила по категорическому требованию человеческого сердца, и в нём, в этом празднике, раскрывается апофеоз его деятельности, господство его в душе человека. С тех пор, как человек осознал себя человеком, т. е. высшим существом в природе – *homo sapiens* по-латинскому выражению, в душе его началась борьба двух начал: разума, рассудка, символизируемого и осуществляемого деятельностью человеческого мозга и чувства, символизируемого сердцем. Борьба этих двух начал, двух проявлений человеческой души скрестилась на величайшей трагедии, раскрывающейся в природе и в том числе и в бытии человека – в неизбежности смерти, прекращения высшего дара природы человеку. Ставится основное противоречие бытия человека: жизнь и смерть. Разум утверждал: *mors naturae lex est* – смерть – закон природы. И люди по-разному формулировали этот закон, под час в духе безнадежного пессимизма, как например: «на то, чтоб умереть, родимся». (Державин: «На смерть князя Мещерского»), или: «земля еси и в землю отыдеси, аможе вон человецы пойдем» (из церковных песнопений). Люди создавали мрачные философские теории, отрекались от жизни, не находя в ней смысла. Но чувство, сердце человека, орган его жизни, не мирилось с сухой формулировкой рассудка – *mors naturae lex est* и побуждало тот же рассудок искать выход из сформулированного им закона. И люди создали много средств и приёмов для выхода из заколдованного круга этого закона. Они стали искать пути и средства для утверждения жизни и своего бессмертия, в той же природе, которая подчинена этому закону. Бессильные продлить на долгое время существование своего бренного тела, они старались оставлять после себя памятники о себе в виде величественных паремий, базилик, творений искусства: живописи, архитектуры, скульптуры и пр. Они создали музеи, эрмитажи для общения с этими, давно умершими людьми. Они создали пантеоны и мавзолеи для утверждения бессмертия людей, для того, чтобы воскрешать в своей душе живой образ этих людей. Они создавали философские системы, в которых утверждали бессмертие человеческой души. Они додумались до того, что душа человека вселяется в его тело и может переселяться в другие существа. Об этом учил, например, кумир классической греческой философии Платон. Вот его учение об этом, выраженное М. Ю. Лермонтовым в его стихотворении «Ангел»:

*«По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел ...
Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз ...
И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
Но звуков небес заменить не могли*

*Её чуждые песни Земли».*²⁰⁴⁰

Поэты искали бессмертия в своих сочинениях. Величайший поэт классического мира Овидий Назон создал свой «*Monumentum*», в котором гордо заявил: «*Omnia non moriar*» (весь я не умру) до тех пор, говорит он дальше, пока в мире будут иметь значение «*praesagia vatum*» - предсказания, предзнаменования пророков, поэтов.²⁰⁴¹ Как известно, величайший русский поэт А. С. Пушкин тоже написал стихотворение, взяв эпитафией к нему первые слова «*Monumentum*» О. Назона: «*Exegi monumentum*».²⁰⁴² В нём он тоже сказал о своём бессмертии:

*«Нет! Весь я не умру:
Душа в заветной лире мой прах
переживёт и тленья убежит».*²⁰⁴³

Различные религиозные учения стали на сторону сердца и утверждали бессмертие человеческой души. Они создали различные формы связи живых людей с усопшими в виде различного рода обрядов, поминков и т. д.

Православная церковь учредила несколько форм так называемого «поминовения усопших».

1. Поминовение на проскомидии. Это наиболее распространённая форма поминовения. В Теченской церкви в приделе Параскевы великомученицы на среднем окне был ящичек, наполненный поминальниками. Тут были они всех цветов радуги: красные, жёлтые, малиновые, зелёные, сиреневые; были с бархатной или бумажной корочкой; с тиснением в виде креста – золотым или серебряным. Были среди них новые, старые, отремонтированные. В них в рубриках: «О здравии» или «Об упокоении» рабов Божиих (имярек) записаны были целые семейные хроники ныне здравствующих или усопших. Записи делались разными лицами, различным почерком, в разное время. Записи делались целыми семейными советами, чтобы не пропустить кого-либо. На ряду с членами семьи записывались ближние и дальние родственники, просто добрые люди, соседи и пр. Эти поминальники время от времени извлекались из ящичков, пополнялись по поводу каких-либо семейных дат, памятных дней и подавались на проскомидию.

2. Панихиды (по-народному – панафиды). Это был особый церковный вид богослужения, церковный чин, который совершался в церкви. На это богослужение, совершаемое после литургии, приносили кутью, варево из пшеницы или риса и ставили его на специальный столик. Здесь можно было видеть самые разнообразные сосуды: чашечки, стаканы, блюдечки,

---

²⁰⁴⁰ В оригинале стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» последние две строки:

*«И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли».*

²⁰⁴¹ Автор имеет в виду завершение Овидия Назона «Метаморфозы».

²⁰⁴² *Exegi monumentum* – по-латински «Я воздвиг памятник» - ода древне-римского поэта Горация (65-8 до н. э.), которую использовали в своих произведениях многие авторы.

²⁰⁴³ Из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

сахарницы с кутьёй, сваренной с мёдом или с изюмом, выложенным сверху в виде креста. На кутьях зажигались свечи. По особому церковному чину пелись песнопения и читались молитвы. Дома кутья ставилась по близости к «божнице», и совершалось поминание по очереди, т. е. вкушение кутьи.

3. Родительские субботы. Знаменитой из них была суббота перед Димитриевым днём – 26-го октября. Эта суббота была учреждена в честь важнейшего исторического события, связанного с именем Димитрия Донского, как поминовением героев Куликовской битвы. Для родительских суббот введены были массовые поминовения, и в этот день поступало столько поминальников, что их читал в алтаре весь причт церкви. В алтаре стоял гул от приглушенного чтения, как у пчелиного улья. В родительские дни было усиленное подавание нищим, и они были своего рода бенефициантами. Хозяйки в такие дни ставили особые квашонки, выпекали шанги, кральки и всё это поступало нищим. Подаяние несли в корзинках, скатёрках, в мешочках и подающие верёвочкой двигались вдоль шеренги нищих.

4. Высшей формой поминовения была Радоница. Радоница по времени празднования связана с празднованием Пасхи – она празднуется во вторник первой после пасхальной недели, именуемой Фоминой неделей, в честь апостола Фомы. Радоница связана с Пасхой не только по времени, но и идейно: она по существу обозначает празднование Пасхи на кладбище с усопшими родными. Живые в этот день несут радость только что пережитой Пасхи и Пасхальной недели сюда, на кладбище, для общения со своими усопшими родными. Они несут цветы, дары просыпающейся природы и свою любовь к ним так, как они делали бы, если бы те были живыми. Как это было в дни Пасхи, они этим утверждают свою веру в их бессмертие подобно тому, как они это утверждали в торжестве Воскресения Христа. Этим самым они выполняли высшее веление своего сердца – любовь к жизни и любовь к тем людям, которые раньше окружали их, а потом оставили. В этом именно смысл учреждения Радоницы и происхождения её названия от слова «радость». Символически связь Радоницы с Пасхой выражалась в том, что раньше приносили на могилы яички, как это делалось в пасхальное богослужение в церкви.

Кладбище в день Радоницы превращалось в громадный мавзолей, в который люди благовидно собираются почтить своих усопших и утвердить их бессмертие в веках. Выражения, с которыми люди обращаются к своим усопшим: «вечная память», или «вечная слава» - эти выражения имеют тот же смысл и выражают ту же идею и веру в бессмертие, с какой учреждён праздник Радоницы. Где бы ни было кладбище, оно в Радоницу живёт особой жизнью: мрачный вид с постоянным *memento mori*²⁰⁴⁴ сменяется на жизнерадостный. Любовь и радость – вот что в этот день доминирует над ним. «Христос воскрес» звучит, как на Пасхе.

---

²⁰⁴⁴ *memento mori* – по-латински память о смерти.

Но самые яркие картины Радоницы встают в детских воспоминаниях. В Тече после обедни в Радоницу открывалось торжественное шествие на кладбище и здесь служились молебны в часовне. Всё кладбище было заполнено людьми из всех деревень: Кирдов, Баклановой, Пановой, Черепановой и Течи. Люди сидели на могилах, поминали своих усопших, приводили могилы в порядок. Лошади с подводами на кладбище не допускались: они оставлялись на тракту, чтобы не загрязнять кладбище. Здесь надо воздать должное Теченскому настоятелю церкви в том, что он воспитывал своих прихожан в почитании усопших и следил за состоянием кладбища.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 689-694 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Праздник Троицы в православной церкви в соединении с праздником Духова дня был завершением цикла праздников, начинающихся с Пасхи – кульминационным пунктом их. Но странно то, что название праздника очень туманно отражает его идею. Идея праздника в песнопениях выражается в тропарях, кондаках и особенно в заდостойниках – похвалах, а в задостойнике Троицы говорится о похвале Богоматери: «Радуйся Царица, матеродевственная слава» и т. д. Идея Троицы – триединства Божества выражена в празднике Крещения, который иначе и называют Богоявлением. Очевидно, учредители этого праздника имели в виду изобразить апофеоз Богоматери на фоне самых ярких событий христианской веры в спасение человеческого рода.

Если празднование Пасхи совпадало с утром весны, то Троица праздновалась в такое время года, когда природа была в полно блеске: берёзы покрыты свежими пахучими листьями, на лугах цветут медунки, фиалки, в цвету смородина и вишня. В Троицу всё это богатство природы вносится в церковь, в дома. В Тече на Троицу открывались центральные ворота церкви настезь, они украшались берёзками, на паперти ставились берёзки. В церкви стоял аромат от цветущей смородины, ветки которой раздавались на утрени при поклонении праздничной иконе. Величественным моментом было пение «Радуйся, Царица». Из всех задостойнико-величаний это самый торжественный хорал – великая похвала Богоматери: «всякая богоглаголивая уста витийствовати не могут Тебе пети достойно; изумевает же ум всяк Твое рождество разумети». Самым же торжественным моментом в богослужении в Троицу является чтение великой молитвы после обедни. Моление на коленях с ветвями в руках является высшим устремлением людей «во области заочны» и подготовлением к принятию Святого Духа на землю, в ознаменованье чего и учреждён Духов день. В этот день поётся «Днесь благодать Святаго Духа нас собра и вси, взявше крест свой, глаголем: благословен грядый во имя Господне. Осанна в вышних». В этом кратком песнопении выражена великая идея братства человечества. В концерте «Преславная днесь видеша вси языцы, егда Дух сниде Святыи во облацех небесных» изображается картина сошествия Святого Духа на апостолов и как «вси наша глаголати странными учении, странными поведении Святыя Троицы». Величественный момент основания христианской церкви.

В Духов день, по народному преданию, - «земля именинница».

С древних времён с празднованием Троицы у христианских народов было связано много обычаев. В наше время сохранился обычай заплетать венки и пускать их по течению реки, чтобы узнать свою судьбу. Делали это девушки гадальщицы. Заплетали также венки на берёзах. Сохранился обычай водить хороводы и заплетать плетень. В жизни деревенской молодёжи Троица была высшим пунктом её весенних игр. В Троицу и Духов день

молодёжный «луг» был самым оживлённым и богатым по разнообразным песням и играм. Эти именно игры и песни несомненно вдохновили наших композиторов на введение их в оперное действие, например: у А. С. Даргомыжского в опере «Русалка» хор поёт «Заплетися плетень», или песни Леля в опере [Н. А.] Римского-Корсакова «Снегурочка». В прежние времена много легенд было связано с «Семиком» - четвергом перед Троицей. Празднование в Троицу и Духов день было гимном людей в честь природы; оно было праздником зелени и цветов.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 717-719.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Теченские престольные праздники

18 апреля 1961 г.

В наших краях в прежние времена престольные праздники были своего рода эмблемами сёл так же, как у городов были эмблемы вроде медведя, волка и т. д. Деревни, как, например, Бакланова, Кирды, имели тоже свои эмблемы – часовенные праздники. Эти дни, т. е. дни престольных праздников, у жителей соседних сёл и деревень значились в их календарях на учёте, а у некоторых заштрихованы были красным цветом. Так, в Сугояке таким днём значился Ильин день – 20 июля, в Нижней – Петров день – 29 июня, в Баклановой – часовенный праздник – Димитриев день – 26 октября, в Кирдах – Покров – 1 октября, в Бродокалмаке – Прокопьев день – 8 июля и т. д. Что эти дни обозначали для жителей этих сёл и деревень, так сказать «именников»? Если это церковный праздник, то это значило, что в это село придут богомольцы: теченские в Нижнюю, нижновские – в Течу, а для всех – и сельских, и деревенских – обозначало: жди гостей. В Нижнюю, бывало, ходили и мы пешком послушать праздничную проповедь отца Александра Мухина, а она замечательна была в том, что он из года в год произносил одну и ту же проповедь и когда доходил в одном её месте, где говорилось о грехах людских, начинал плакать, а когда принимал ко кресту, то иногда строго замечал: «крестись, татары!» Интересно было наблюдать в этот день движение людей в Нижнюю: шли пешком бабы, девчонки разодетые, ехали на телегах или в коробках семьями, когда подъезжали к Нижней, то в воздухе уже гудел большой колокол нижновской церкви. Таковую же картину движения в Сугояк можно было наблюдать 20-го июля в Ильин день.

В Тече в соответствии с тремя приделами в церкви было три престольных праздника, которые хронологически располагались так: Девятая пятница, короче называемая Девятая, Спасов день – первый Спас – 1-го августа и Введение – 21-го ноября. Все эти праздники имели то общее, что они были постными днями: Девятая пятница – потому что пятница постный день недели, Спасов день – начало Успенского поста, Введение – начало Филиппова поста.

Постные праздники – это обозначало: обойдите по всему селу и загляните в каждую избу – будьте покойны – скоромного ни в одной избе не найдёте. Ни одна хозяйка не позволит себя опозорить скоромным. Практикой жизни было выработано варить к этим дням сусло, росол и пиво. Хозяйка не будет хозяйкой, если она не наварит этих традиционных яств и питания. У каждой хозяйки для этого есть особая корчага с отверстием. В неё накладывается колоб солода с ржаной соломой отменной чистоты, отверстие как у домны плотно заделывается, корчага сверху плотно закрывается и ставится на ночь в печь. Утром корчага ставится на стол, в отверстие вставляется скрученный в виде верёвочки шпагат из льняного волокна и по нему в подставленную ниже посуду стекает густая влага. Это и есть сусло. В него потом добавляются кусочки рожков, вид каких-то сухофруктов, которых

на этот случай Антон Лазаревич запасает в достаточном количестве, и получается блюдо вроде компота; это уже не питье, а яство, которое «хлебают» ложками, а не пьют. Когда густая влага перестает выделяться, в корчагу наливают воду и снова парят и получается более жидкая влага – росол. В него добавляют листья чёрной смородины и вишни и получается опять яство: его «хлебают» ложками, а не пьют. После сусла это второй сорт. Если же в росол кладут хмель, причём росол ещё немного разводят водой, то получается пиво. Это уже – питье. От искусства хозяйки или хозяина зависело придать ему крепость, но были такие мастера этого дела, как, например, Николай Иванович Лебедев, у которого гости после третьего стакана запевали «Ох, ты, батюшко хмелён, не попихывай-ко ты вперёд», а после четвёртого – склоняли свою главизну долу и ныряли под стол. Конечно, в меру своих возможностей покупали и «николаевку», а когда стали много культурнее, то и злоказовское.²⁰⁴⁵ Чай пили с сахаром и всё! К чаю стряпали кральки, ватрушки с сушёными ягодами, маком – и всё это в обильном конопляном масле. На обед: уха, каши, сусло, росол, пироги с рыбой, груздями. Перед Девятой иногда с неводом бродили на Поганом или Красной горке – добывали рыбу на уху или пироги. Рыбаки вывозили озёрную рыбу – карасей. Кто побогаче к обеду готовили нечто вроде компота из изюма и урюка.

Гуляли по три дня. Правда, в Спасов день подпирало жатьё, так сокращали и до одного дня, зато во Введение душеньку отводили: и по деревне в обнимку целыми семьями с песнями ходили и на лошадях катались. Татары тоже приезжали к своим подшефным по аренде земли в гости и «аракá ашáли». Они, эти князья и любители погостить, и обязательно приедет с апайкой, которая по-русски ничего не понимает, а сам он «мала мала балакает». Страшную отраву внесли в престольные праздники в Тече вновь прибывшие молодцы – кузнецы Крохалёвы. Завели моду: как праздник – драка да ещё с поножовщиной, проломом головы и пр. Заведётся вот такая дрянь и мутит других. А всё из-за девок.

Не забыть церковного звона в эти праздники. Сам Иван Степанович – кузнец в эти дни поднимался на колокольню. Кости были старые и при подъёме болели, скрипели, руки натружены молотками в кузне, а душа требовала и он тихонько, с остановками поднимался и начинал «священнодействовать». Да, то, что он делал нельзя иначе назвать. Как жаль, что эта музыка не была записана на магнитофон и умерла навсегда. Сначала он звонил в самый маленький колокол, потом быстрым перебором первого со вторым он переходил на второй и так далее, а перед звоном в большой он делал перебор по всем, начиная с маленького, и переходил на сильный звон большим, как на Пасхе. Затем он снова начинал порядок и так несколько раз. А что он делал, когда обедня заканчивалась. Нельзя не умилиться, когда слушаешь Ф. И. Шаляпина, когда он поёт «Прощай, радость» или «Не велят

---

²⁰⁴⁵ Пиво Торгового дома братьев Злоказовых.

Маше». Вот такое же впечатление остаётся от звона Ивана Степановича. Вот он довёл *forte*²⁰⁴⁶ до того, что кажется – треснут колокола, и вот он перешёл на *piano*²⁰⁴⁷ – *belcanto*²⁰⁴⁸, тут – нежный разговор и шёпот листьев, а дальше опять *crescendo*.²⁰⁴⁹ Он чародей! Как бы хотелось, чтобы его послушали наши великие музыканты: Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков, и особенно первый, потому что он именно увековечил в музыке церковный звон в «Борисе [Годунове]», а особенно в «Хованщине» в увертюре «Утро на Москва-реке».

В престольные праздники протоиерей с диаконом ездили к знатным людям «с крестом». Звон был как на Пасхе целый день. Люди ходили в гости по домам – собирали рюмки. Конечно, не многие. Повелось это издавна. Зайдут так какие-либо дядюшки, еле шаркающие, перекрестятся у порога и рекут: «С праздничкём!» Полагалось «привечать» - поднести на подносе по рюмочке. В гости обычно заезжал всегда Илья Петрович. Придёт, сядет у голбца и попросит папиросочку «лёгкого» кушнерёвского. Этим его, вероятно, ещё избаловали в солдатах, когда он был в гвардии на охране «гатчинского узника».²⁰⁵⁰ За обедом было небольшое застолье богомолка из Кирдов и Баклановой – Анна Ивановна, Мария Ильинична, Варвара Ивановна.

Накануне и после обедни в день праздника работала «ярмолька», на которую приезжали кое-кто из соседних «купцов».

Торжественнее всего праздновали «Девятую», хотя по религиозному значению она должна бы иметь меньшее значение. «Девятая» была передвижным праздником и праздновалась в зависимости от дня Пасхи – девятая пятница после Пасхи. Праздник этот был учреждён церковью в почитание «премудрой и всехвальной мученицы Параскевы», которая показала высочайший образец девического достоинства и моральной чистоты, за что и претерпела мучения. В её образе был запечатлён идеал девической женственности и красоты. Понимали ли это только наши Парушки и Паруньки? «Девятая» обычно совпадала с тем периодом передышки в польских работах, когда сев заканчивался, а тяжёлые польские работы были ещё впереди, не считая, правда, полотья, которое могло совпасть, если Пасха была поздней. Празднование «Девятой» по времени года и по близости к Троице, меньше чем через две недели, казалась как бы продолжением или дублированием её и во многом напоминало этот праздник, особенно как его проводила молодёжь: гуляния и игры на лугу. В этот праздник особенно много бывает богомолка из соседних сёл и деревень.

---

²⁰⁴⁶ *forte* – громкость в музыке, обозначающая «громко».

²⁰⁴⁷ *piano* – громкость в музыке, обозначающая «тихо».

²⁰⁴⁸ *belcanto* – здесь техника виртуозного исполнения, характеризующаяся плавностью перехода от звука к звуку.

²⁰⁴⁹ *crescendo* – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

²⁰⁵⁰ Автор имеет в виду императора Александра III, личной резиденцией которого был Гатчинский замок.

Ещё до начала обедни около церкви, в черте церковной ограды и в направлении протоиерейского и пименовского домов вне её собирается большая толпа людей, преимущественно женщины. В глазах рябит от разноцветных платков подшалков, от разноцветных сарафанов. У привязей церкви лошади стояли в несколько рядов. Около церкви на лавочке сидит много нищих: и своих, и из окрестных сёл и деревень. Нищие, всегда ревниво отстаивающие свои позиции и «право» на подаяние, в некоторых случаях поднимающих из-за этого склоки, в этот день допускают к приёму подаяния и других нищих, потому что подающих много и всем хватает подаяний. Обязательным гостем в этот день являлся Екимушко, но не на положении нищего, а именно гостем.²⁰⁵¹ Раздаётся звон, и вся эта толпа начинает креститься и приходит в движение. Палатки на ярмарке и магазин Новикова закрываются. Среди толпы появляется баклановский подвижник инокующий с громадным железным крестом на груди, подвешанным цепью к шее с переплётom крест на крест по спине и прикрепленным к железному поясу. Так, древняя Русь времён Новгорода Великого протягивала нам свою руку.

Мы любили этот праздник и всегда жалели, если почему-либо не удавалось присутствовать на нём. Особенно любили наблюдать, как веселилась в эти дни молодёжь, одетая в яркие одежды, жизнерадостная. Под вечер, бывало, пройдёт по главной улице шеренга парней с гармонистом в центре, а поздно вечером вплоть до полуночных петухов где-то далеко, далеко слышится одинокая гармонь.

Празднование первого Спаса проходит в других условиях, чем празднование «Девятой». К этому времени с покосами уже покончено, рожь убрана, но уборка пшеницы, главной зерновой культуры в наших краях, в полном разгаре. На носу пары, которые нужно закончить ко дню Успения, иначе они не будут «растовыми», т. е. сделанными по медицинскому выражению – *lege artis* – по всем правилам искусства. Всё это мотивы, ограничивающие празднование.²⁰⁵²

[²⁰⁵³]

---

²⁰⁵¹ См. очерк «Екимушко».

²⁰⁵² В очерке «Престольные праздники в Тече» в составе «Автобиографических воспоминаний» (1965 г.) в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Широко разгуляться на празднике было некогда. День обычно гуляли, а под вечер уже отправляли в поля. Впрочем, каждый руководствовался сложившейся для него ситуацией. Празднование в общем получалось сдержанным. Также получалось и у молодняка: поиграли немного на «лугу» и за работу» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 134.

²⁰⁵³ Там же: «За несколько дней до праздника можно было видеть толпы женщин и девчонок, которые тащили на реку зыбки, ухваты, сковородники, квашёнки, деревянные латки. За ними тащились гурьбой дети. На реке это имущество «чередилось»: протирали песком, по несколько раз обмывалось в реке, просушивалось и обратно сносилось домой. Дома полы протирались песком, пороги скоблились ножом, рамы обтирались. Всё это носило общее название – «чередить».

«Спасов день» праздновался в том же порядке, что и «Девятая»: некоторое различие было только в порядке богослужения. Во-первых, богослужение совершалось в летнем приделе.

Центральным моментом празднования первого Спаса является водосвятие – хождение на реку для освящения воды. Это момент исключительно торжественный и ради него именно и приходят многие в Течу из деревень. Шествие бывает после обедни непосредственно. В Тече на этот случай на реке ставилась палатка на сваях у мостика, где обычно в праздники было большое скопление народа. Шествие направлялось по главной улице в той её части, которая была центральной и лучшей по застройке. Улица на этот раз очищалась от мусора. На водосвятие приезжало верхом на лошадях много мальчиков, которые располагались на другом берегу реки на открытой площадке и у спуска с горы. Шествие двигалось за колонной несущих хоругви, иконы при общем торжественном пении «Спаси, Господи».²⁰⁵⁴ Теченские самородные песнопевцы были украшением хора, а весь церемониал выполнялся под руководством почётного трапезника баклановского Павла Игнат[ьев]ича. Звон производил лучший звонарь – кузнец Иван Степанович.

Этот придел, его оборудование было детищем протоиерея Владимира Бирюкова. Здесь был устроен новый иконостас и новая роспись икон мастерами екатеринбургского «богомаза» Звезда. Иконостас блестел позолотой, а иконы на нём были расположены в четыре яруса. У двух клиросов стояли массивные иконы в оправках с позолотой. Царские врата имели украшения в виде листьев и цветов, тоже в позолоте. Амвон был выше, чем в других приделах, а задняя стена алтаря имела форму ниши, в которой стоял за престолом массивный семисвечник. На стене против царских врат была икона, изображающая Нагорную проповедь, а по бокам её и над дверями с юга и севера в овалах тоже были иконы. Вверху в куполе просвечивало изображение Бога-отца Саваофа. У правого клироса стоял аналой с иконой Спаса – Нерукотворенного Образа. Эта икона символизировала праздник «Первого Спаса». В этом приделе было много света и воздуха, а для притока свежего воздуха южная дверь открывалась настежь. Народ стоял и в церкви и в церковной ограде около правого клироса среди памятников усопшим. Посредине придела висело массивное паникадило, подвешенное цепью к потолку. Вся эта церковная обстановка делала праздник торжественнее других праздников.

Во-вторых, особенностью этого праздника было то, что на богослужении пел хор. Семьи священнослужителей были большими, а дети их голосистыми, и из них составлялся полнокровный хор с басами, тенорами, альтами и дискантами. Находился и свой регент. Пение было партесное и на уровне какой-либо городское церковки. Показателем этого служит то, что к празднику разучивался даже концерт, правда, из года в год один и тот же» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 128-132.

²⁰⁵⁴ В очерке «Престольные праздники в Тече» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Это была колоритная картина, хотя и не такая помпезная, как у И. Е. Репина [автор имеет в виду картину «Крестный ход в Курской губернии» - ред.]. Несли иконы, хоругви к мостику, где обычно устраивалась над водой палатка на мостках, с парусиновым пологом вверху. Были отдельные любители нести хоругви из б[ывших] трапезников. Как всегда в толпе преобладали женщины, а среди них выделялись «богоноски». Мужички в зипунах чаще всего шли сзади, или по бокам. Мальчишки приводили на водопой лошадей, сидя верхом на лучшем коне и заводили лошадей в реку, когда заканчивалось водосвятие. Девушки, одетые в лучшие свои одежды, держались общества женщин, а парни всегда оставались парнями, норовящими «приухлестнуть» за своими «милками»» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 132-133.

Праздник «Введения» - 21-го ноября по церковному уставу был, как известно, напоминанием о приближающемся Рождестве. На утреннем богослужении пелось рождественское песнопение «Христос рождается – славите». Это обстоятельство определяло торжественность праздника. Особенности праздника являлись, во-первых, то, что он был зимний праздник и часто совпадал с морозами, которые по имени его и назывались введенскими, а, во-вторых, празднование происходило, когда работы по хозяйству были уже законченными. Оставался, может быть, не законченным у кого-либо обмолот, но это была, так сказать, «последняя туча рассеянной бури». Урожай определился, а это в свою очередь определяло размах празднования: был урожай – гуляй во всю, не был урожай – не развернёшься. Чаще всё-таки гуляли и гуляли крепко. Родня съезжалась «на конях, на санях», успевай «ворота тёсовы» открывать. Мороз не при чём: закутаются в шубы, в тулупы, в шали шириной с море – не пробьёшь. В церкви стоят стеной. Воздух – смесь ладана и овчины. Около церкви в три ряда стоят рыжки, бурки, воронки, уже успевшие отдохнуть от летних и осенних работ. Стоят кашевки, дровни с коробами, наполненными сеном или соломой, и вся эта громада после окончания обедни под звон колоколов разъезжается или по домам или по гостям. Любили в этот праздник с шумом и песнями прокатиться на своих отдохнувших рысаках. Бывало и так, что резвачи так махнут на повороте, что вся компания кубарем летит в сугроб, а кучер на брюхе волочится по дороге, держась за вожжи. На свадьбы уже бы запрет до Рождества, но вечеринки устраивали. Несмотря на морозы, любители драк всё-таки ухитрились пакостить. В урожайные годы всего было вдоволь – еды, питья – гуляли по три дня.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 692-700 об.

Часовенные праздники

[1965 г.]

В больших деревнях существовали часовни, посвящённые тому или иному религиозному празднику. В теченском приходе были часовни в Кирдах в честь Покрова, первого октября, и в Баклановой в честь Димитриева дня, 26-го октября.

В Кирдах часовня была каменная со звонницей и колоколами. Стояла на берегу озера. Обычно под праздник подавалась подвода для членов причта – протоиерея Владимир Бирюкова и диакона Алексея Игнатьева, которые служили всенощную, а в день праздника молебен. Деревня была богатая, и празднование было разгульным. В день праздника причт ездил по деревне «с крестом». Особенностью праздника в Кирдах было то, что на него приезжало много башкиров, у которых кирдинцы арендовали пашни и луга. Башкиры очень любили ездить по гостям и обязательно приезжали со своими апайками. Коран запрещал пить водку, но служители и поклонники его обходили этот закон и охотно «ашáli арака» наравне с русскими. Широкому размаху празднования Покрова в Кирдах содействовало то, что к нему большинство кирдинцев заканчивало обмолот хлебов и в мошне населения заводились денежки. На этот счёт было распространено такое изречение: «в мешке денежки шевелятся».

Заветной мечтой у кирдинцев было построить у себя церковь. Эту мечту они осуществили только перед Октябрьской революцией и не надолго.

В Кирдах у нас было много хороших знакомых, например, Пётр Данилович Черепанов, Анна Ивановна и Мария Ильинична, которые при говении останавливались у нас.

Вблизи Кирдов находились покосы теченского причта, известные под названием «Соры».

«Митриев день» в Баклановой.

Эта деревня была от Течи на расстоянии двух-двух с половиной вёрст, если ехать на телегах, с зимой дорога была короче через бор и длиной – версты полторы. В деревне была небольшая деревянная часовенка с маленькой звонницей. В праздник здесь «правилась» служба, как в Кирдах, но другими представителями теченского причта – вторым священником и псаломщиком. Ввиду близости к Тече между обитателями села и этой деревни были большие связи – родственные и имущественные, а поэтому теченцы гостили на празднике у баклановцев. У нашей семьи были связи с этой деревней через старшую сестру, которая здесь учительствовала. Пока в Баклановой не было своей школы, то баклановские мальчики учились в Тече, и по школе у меня жил в этой деревне друг Вася Бобыкин. В этой же деревне жил наш многократный на зимнее время работник, б[ывший] гвардеец при царском дворе Илья Петров Ерёмин, частый гость наш, у которого и мы часто гостили и в часовенный праздник и просто бывая в Баклановой. Всё это

были наши деревенские друзья, люди добрые, сердечные с удивительно благородной душой.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 136-140.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

За всё время своего существования, люди, помимо бытового употребления воды, по разному относились к ней, у них были различные взгляды на неё, хотя её химический состав оставался неизменным. Ещё задолго до того, как они научились разлагать её на составные химические элементы (H²O), они ввели её в состав своих космогонических представлений и теорий. Отделил Бог воду от земли – так сказано в Библии. Они изобразили её орудием в руках Бога для наказания людей за грехи – всемирный потоп. Они изобразили её стихией, подчинённой власти человека: когда евреи во время скитания по пустыне страдали от жажды, Моисей ударил жезлом по скале и из неё пошла вода; когда на пути движения евреев стало Чермное море, Моисей разделил его, и они прошли по нему «яко по суху». Они приписали воде очистительное и спасительное влияние на человека и создали – у евреев Вифезду, у мусульман – озеро Аллаха – Аллакуль. В классической поэзии появилась священная река Стикс. Страх перед водой и её стихией побудил людей выдумать грозного бога Посейдона, в честь которого до сих пор, несмотря на то, что человеческий разум разрушил уже всякие легенды, по традиции, шутя и играя, совершаются посвящения. Уже после того, как люди разложили воду на её составные химические элементы, поэты и композиторы создали чудесные образцы её в размытых формах: вот пушкинское «Прощай, свободная стихия», его же сказки: «О рыбаке и рыбке», «О царе Салтане»; вот чудесная песня рыбаков из «Аскольдовой могилы» - «Гой ты, Днепр»; вот чудесные творения Римского-Корсакова «Садко», «Сказка о царе Салтане». Да всего не перечислишь. В настоящее время вода, как стихия, предстала перед нами, как δύναμη ([dýnamí – по-гречески – ред.] сила).

Православная церковь придала воде очистительное значение в моральном смысле, сакральное в быту и символическое, как знак принадлежности к христианской вере через таинство крещения. Все виды этих значений раскрываются в обрядах водосвятия, которые учреждены церковью. В силу особых бытовых и природных условий эти обряды получили наиболее полное раскрытие в сельских местностях.

В течение церковного года водосвятия производятся три раза.

Преполование.

Преполование – это день, обозначающий половину срока между Пасхой и Троицей. В основу этого праздника положен евангельский рассказ об исцелении Христом расслабленного в купели. В евангелии повествуется, что когда Христос пришёл в купель, которая имела чудесное свойство исцеления первого, кто в неё погружался, то заметил одного человека – расслабленного, который не получил исцеление. На вопрос Христа: почему он не исцелился, он ответил, что не имеет человека, который бы опустил его в воду. Узнавши об этом, Христос его исцелил. В Евангелии отмечается, что

всякий, кто погружался в воду в купели первым, «здрав бываше, яцем же недугом одержим бываше». В тропаре, посвящённом этому дню, указывается назначение водосвятия в этот день: «преполовившуся празднику жаждущую мою душу благочестия напои водами, яко всем Спасе, возопил еси, жагдай да грядет ко Мне и да пьет». Таким образом, этому водосвятию придавалось моральное значение – «благочестия напои водами».

В нашем селе – Тече этому водосвятию придавалось большое значение, и на нём присутствовало всегда много народа. На реке, чаще всего у мостика, устанавливалась палатка на сваях, на которой совершался молебен с водосвятием. Величественную картину представляло шествие с хоругвями и иконами, которые устанавливались в палатке перед священнослужителями и по бокам. Массы народа стояли на берегу и на спуске с горы в пёстрых разноцветных одеяниях. Поодаль по берегу реки и за рекой верхом на лошадях со своими бурками, рыжками, сивками в ожидании освящения воды виднелась толпа мальчишек, и как только водосвятие заканчивалось, они въезжали в реку и полили коней.

Водосвятие в Преполовение было сигналом к тому, что в реке можно уже купаться. Некоторые так и делали: как только процессия удалялась с реки, сейчас же купались, а при жаркой погоде весь день река кишела от купающихся. Таким образом, с этим водосвятием связан был бытовой обычай: первая встреча в купальном сезоне с рекой, после того, как она сбросила с себя ледяной покров.

Первый Спас.

В нашем селе водосвятие в этот день составляло один из моментов престольного праздника, и поэтому было особенно многолюдным. Оно в своём внешнем оформлении имело такой же вид, что и в Преполовение, но не сопровождалось купанием.

Есть картина известного художника, на которой с большим реализмом запечатлена картина этого водосвятия.

Крещение.

Если описанные выше два водосвятия больше отражают быт деревни, то крещенское водосвятие являлось в прежние времена повсеместным, универсальным. Это водосвятие воспроизводило картину крещения Христа. Сначала водосвятие совершалось в церкви в очень торжественной обстановке, а верующие получали воду в свои сосуды. Эта вода, по вере людей, получавших её, имела сакральное значение: её сохраняли для питья в течение года, ею окропляли некоторые свои дома, постройки. В самый день Крещения совершалось водосвятие на реке, причём шествие на реку или вообще на какой-либо водный бассейн в соответствии с идеей праздника называлось шествием на Иордань. На льду вырубался крест с углублением у его подножия. Находились такие мастера, что крест имел поразительно симметричную форму. В верху палатки подвешивали голубя, сделанного из снега. Шествие начиналось сейчас же после окончания обедни. Бывали в это время крещенские морозы, и люди шли в тулупах, частоборах, женщины с

шалями или подшалками на головах, и вся эта масса людей густой толпой двигалась за идущими впереди священнослужителями и несущими хоругви и иконы людьми и пели: «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, тройческое явися поклонение: родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя сына именуя, и Дух Святой голубине свидетельствоваше словесе утверждение».... В конце молебна в углублении креста прибывался выход для воды, в которую погружался крест. После окончания водосвятия, мальчишки подводили лошадей к прорубям на водопой.

В древние времена существовал обычай купаться в освящённой воде для смывания грехов, допущенных во время «святков», когда ходили маскированными, смыть всё языческое, что связывало с Рождеством, но в наше время эти обычаи уже вывелись. Обычай гадания тоже был уже связан с Новым годом.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 711-716 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Народные бедствия
(Рассказы дяди Егора)

[1961 г.]

«Пришла беда – отворяй ворота».
«Одна беда никогда не бывает: пришла одна – жди другую»
(из народных поговорок).

О народной беде лучше Н. А. Некрасова никто не рассказывал и не расскажет, но он рассказывал об этом, так сказать, в общенародном масштабе, а вот как это делалось у нас, в Зауралье, об этом послушаем рассказ дяди Егора.

«Земелька у нас, нечего Бога гневить, добрая – жирная, чистый чернозём. Много земли объехал я по Расее, такой земли нигде не встречал. Выпадет летом дождичек – поедешь, на колёса так наметает земли, еле лошадь телегу везёт и сама еле ноги из грязи вытаскивает. Весной из одной деревни в другую не пройти, ни проехать, да и в деревне то от избы в избы еле проберёшься: земля как бы месиво: нога вязнет в ней. Одно беда: земелька скоро влагу теряет, сохнет. Хорошо ещё, что между пашнями везде осиновые да берёзовые колки: от горячих ветров – суховеев земельку берегут, а зимой снег не дают с пашни сметать в сугробы: ровненько он лежит на пашне. А всё-таки как с вешны дождички перестанут перепадать недельки три или месяц, земелька сохнет и рост хлебов ослабевает. А как пойдёт на засуху, тут уже всё вид меняет. Речка наша Теча и так водой не богата, а тут, глядишь, там галешник показался, подале другой, а меж ними только ручеек течёт. Рыба в ямы уходит. Мельники сидят без воды. Мизгирёв едет в Чесноковку: «спусти воды», а что он спустит, когда сам без воды сидит. Вот мельницы и стоят. Колодцы на селе дают воды мало, а то и совсем высыхают. В болотах за селом вода уходит, только в копанцах немного остаётся питья скотине. Кочки все на болоте торчат, как пни: траву с них коровы общипали начисто. На большом болоте вода отступила далеко от берега, а между ним и водой образовалась топь: того и гляди корову или лошадь затянет. На буграх и лужайках трава пожелтела, сохнет. Если где попадётся ягодка-земляничка, то она высохшая, бледная со слабым румянцем. О грибах нечего и говорить – их в помине нет. Коровы, лошади объедают листья у берёз, где пониже. Домой коровушки идут голодные: подходят к дому, на рысях бегут к пойлу. Молочка мало дают. Телята на гумнах мычат, овцы блеют. На поля не глядел бы: сердце падает. Хлебцы сохнут, не растут, а норовят колоситься. По дороге проедет телега: пылица стоит коромыслом. Люди смотрят на небушко, а оно чистое. Появится облачко, а то и тучки – ну, слава Богу: может дождичек падёт. Так нет: обойдёт нас. За что только Бога прогневали. Утром солнце выйдет красное, как марева, палит. Воздух густой: дышать тяжело. Ночи душные. А дождя нет и нет».

Вот как описал нам дед Егор самую главную беду наших хлеборобов в Зауралье. Как же с ней боролись, об этом, расскажем уже сами. Боролись с засухой богомольями. О дне их или с амвона объявляли или посылали нарочного. Бывало, что постановляли и на сходах. В день богомолья открывался звон, как большой праздник. Народ собирался к церкви в праздничных одеждах: надевали на себя самое лучшее. Жарко, а мужички надевали на себя зипуны, понитки, как полагается в праздник. Из церкви выносили хоругви, иконы и собравшиеся отправлялись в поля. Пели «Спаси, Господи», «Заступница усердная» и др. молитвы. В поле где-либо заранее готовились места для постановки икон: вроде шатра из берёзовых прутьев и веток, и начиналось моление – «даждь дождь земле жаждущей» с коленопреклонением. С одного места переходили на другое, где совершали тоже моление. Солнце палит, народ, как в пекле, на моление идёт и идёт. К трём-четырёх часам дня возвращались домой. Если дождя не было, говорили: «не замолили грехов», а если дождь случится, что иногда и бывало, значит – Бог услышал молитвы. И как ведь верили в силу богомолья! Бывало, тучка придёт со стороны Беликуля, то и решали: наверно, в Беликуле у о[тца] Константина богомолье. А если, когда и засухи не было, сколько различных бед подстерегало землероба: дождь помешал сено, как следует, убрать, град побил урожай, хлеб был хороший, но полёг и многое другое. И всё это от Бога. Осенью так и определяли: был недород, год был неурожайный. А что это значило? Послушаем, как об этом будет говорить дядя Егор.

«Сеньшины – рассказывает он, - рысака-то продали: нечем кормить. Оставили только пару. А Евсей Степаныч тёлку заколол: нечем кормить. «Рожковы» продали клеть, Фёдор «Тяптин» – амбар. Вот он – неурожай-то что наробил. А Фёдор «Копалкин», слышь, храбриться: ничо, гыт, по хозяйству не продам, лучше пойду с поклоном к Богатырёву, попрошу одолжить хлебца под новый урожай. Богатырёв не откажет, но на каких условиях: расплата зерном, но не по зерну – баш на баш, а по цене. Хлебом он тебе даст по цене рубль за пуд, а осенью он будет по шести гривен: вот и выйдет, что за пуд ему уплатишь больше полуторых пудов. Может он дать и под подёнщины: на сенокос отробить столько подёнщин, на жатве – столько-то. Вот и выйдет, что хлебец ты получил, а силу свою уже вперёд запродам. А почём он рассчитывал за подёнщину: наверно, себя не обидел; вместо тридцати копеек за двадцать» и т. д. так рассуждал дядя Егор о недороде и данные его не опровержимы: взяты из жизни. Ну, а если нынешним недородам, будь то недород в следующем году, а то и ещё и полный неурожай, то вот и голод, как было в девяностых годах прошлого столетия: сколько людей перемерло, погибла скотина. Ладно, что из Казахстана пригнали лошадей и дали их в кредит, а на посев дали тоже в кредит зерно. Государство дало через земство, а то бы ложись и умирай. Конечно, год на год не приходился: бывали и урожайные годы, и народ поднимался на ноги, но засухи всегда были в Зауралье главным врагом землеробов.

Зашла речь о пожарах. «Нашу Течу, - так опять начал свой рассказ дядя Егор, Бог оборонял от больших пожаров, а вот про милый Сугояк говорили, что там однажды полдеревни выгорело. И бывают пожары, - продолжал он, от разных причин: от нашей неосторожности, недогляду, по злобе и навету; бывают поджоги; бывают пожары от «Божьей милости», а про Даниила Севастьянова баяли, что сам запалил свою немудрую избёнку: сначала «заштраховал», а потом, чтобы штрафовку получить запалил».

И дальше дядя Егор сел на своего коня – любил грешник рассказывать, и повёл длинный, длинный рассказ. «Как случился на Горушках пожар у Архипка-волченок?» Петровки были, жарница. Пришли бабёнки с реки с бельём, которое выполоскали, развесили на заборе. После купанья надумали чайком побаловаться. Раздули сосновыми шишками в сенцах самовар, а трубу поставили чуть не до крыши, а она была из соломы, покрытой дерном. Ушли в избу расставлять чашки, чайник и др. Выглянули, а крыша уже пластает. Выбежали на улицу, подняли крик, вой, а народ в это время все в поле – хлеба пропальывают. Поднялась суматоха. Ударили в колокола. Привезли пожарную машину, на себе приволокли телегу с баграми. Первыми прибежали поповские ребята, схватили багры, сдёрнули крышу. Тут ещё кое-кто подбежал. Выбили окна, до половины раздёрнули брёвна. Вдруг одна бабёнка из ейных же благим матом заголосила: «Мамоньки, в стайке коровы, спасите!» А стайка была близко от избы и сделана из жердей в два ряда, а между ними набита солома. Одна стенка уже занялась. Тут багром сдёрнули стенку и правда: стоят две коровёнки и [к] противоположной стенке прижались. Стали выгонять – не идут. И что это со скотиной – размышлял про себя дядя Егор – её гонишь от огня, а она не идёт; так и про коней говорят. Ну, избёнку, наконец, раздёрнули по бревёшкам. По правде сказать, не столько она обгорела, сколько поломали, в изъян ввели хозяина. Ладно было тихо, безветренно да и избушка стояла на отшибе, у рва.

А как погорели «Растогуевы» в 1914 г.? Тоже в Петровки, дома никого не было. Пожар начался на задах у Мишки «Чигасова». Известно: он был пьяница и табакур. Заронил, наверно, где-нибудь паперёсу, вот и получилось: себя спалил и соседей. У «Растогуевых», баяли, хлеб в амбаре сгорел. Приехали они под вечер с поля, а на месте дома ещё угли шаяли. Крик, рёв! Известно, как в этом случае бывает. Ветер был большой, но ладно, что он дул не с Горушки, а на каменный дом и садик при нём, которые были через дорогу: они прикрывали другие дома, но горящие хлопья, перебрасывало и на диаконский пригон, где сплошь была солома. Хорошо, что диаконские ребята стояли на страже и гасили эти хлопья, а то перебросилось бы и на Комельковых, а там и дальше до гумен.

А как горел бор? Дым поднялся до облаков, огненные языки тоже тянулись кверху. На колокольне неистовый звон. Бросились в бор с топорами, лопатами. Никто толком не знает, что нужно делать. Роют тропку, а огонь поверху идёт и идёт, только шум вверху: лес сухой. Кто-то скомандовал: надо лес рубить, просеку делать. Наконец, остановили.

Конечно, лес казённый, а жаль – морализировал дядя Егор. Искали виновных. «Грешили» на поповских ребят: дескать, шлятся по бору, курят, ну, кто-нибудь из них и заронил огонь, но ведь не пойман – не вор».

Подумал немного дядя Егор и продолжал: «Вот и с поджогами сколько было греха. Раз в полночь ударили в набат. Народ повыскакивал из домов. Бегают, как шальные. Где горит? Темень – ничего не видно. С колокольни кричат: «на Зелёной улице». Все туда, а горел дом Петра Ефремовича. Пристрой уже сгорел, пластал самый дом. Заливали пожарной машиной: воду подвозили с реки в кадушках, бабы подносили на коромыслах вёдрами. Бабы из соседних домов стояли около с иконами. На рассвете пожар остановился. На усадьбе осталось пустое место. В огороде у пригона нашли разбитый чугунок, а около него лежали рассыпанные угли. Было ясно, что кто-то поставил его с горящими углями: они шаяли, шаяли и начался пожар. Кто мог это сделать? Припомнили, что из Течи же зимой присватывались к девке из этого дома, а хозяйка дома заартачилась: «не ровня, дескать». Запрягай дровни да поезжай по ровню». Злобу затаили, а жених – от, бают, прямо сказал: «Петушка поджидайте». Но не пойман – не вор. Как по злобе мстили? Зароды сена на покосах жгли, клади хлеба на полях и на гумнах. Когда хлеб сушили в овинах – поджигали и овины.

От «Божьей милости» в Тече дважды были пожары. Один был на Горушках: стрела ударила в стенку. Ладно в избе никого не было. Стрела так и прошла через бревно насквозь как напарьей (сверлом) просверлили. Люди осматривали эту дыру. Говорили, что конец стрелы глубоко в землю уходит, что в Кошкуле раз отрыли такую стрелу на глубине двух аршин: сидела она там, как морковка хвостом книзу. Второй пожар был против Флегонтовых: искра ударила в полати и загорелась одёжа. Гроза была страшная. В первый раз гром ударил, и молния осветила всё небо. Только ударил гром во второй раз и на колокольне: бом, бом. Крик поднялся, чтобы все тащили квас заливать пожар. Новиковскую дочку заставляли тащить простоквашу, потому что такие пожары можно заливать только квасом и молоком».

Закончил свою речь о пожарах дядя Егор словами: «разорили пожары, что говорить, разорили. Ладно, если погорел кто-либо помогушнее или изба была застрахована, а если коснётся он бедного, то выход был один: запрягай лошадь и поезжай собирать на погорелое место. Теперь что с пожарами по сравнению с прошлым: в деревнях сделали пожарные посты, с машиной, бочкой. Всегда кто-либо дежурит с лошадью. Опять же население организовано на случай пожаров: у каждого на избе дощечка, на которой показано, с чем должен являться на базар: у кого – ведро, у кого – топор и лопата, а у кого лошадь с бочкой, а раньше этого не было. А у татар, заключил он свою речь – и теперь ещё, говорят, такой порядок: о пожаре нельзя кричать, чтобы не разозлить его, а можно только на ухо передавать, что, дескать, у меня пожар – помощи. И вот пока ходят да шепчутся, глядишь, изба и сгорела». Из этих слов видно, что дядя Егор гордился своим происхождением.

Да, ужасны деревенские пожары, добавим мы от себя. Картину деревенского пожара хорошо изобразил А. П. Чехов в своём произведении «Мужики».

Бывали в Тече и эпидемии, не часто, но бывали. Так, в 1903 г. летом многие болели брюшным тифом. Больница была завалена больными, а и была-то она небольшая. Много больных лежало у себя, по домам. Врач и фельдшер попеременно через день ходили по домам: проверяли, советы давали. Умирили немногие. И всё больше из-за себя – по темноте своей. Сколько раз говорили, что при выздоровлении нужно беречься при еде: нельзя сразу кидаться на всё да в большом количестве, так нет, делают по-своему. Придёт кто-нибудь из больницы, естественно после болезни худой, тут и начинаются бабьи охи да вздохи: «Ой, Иванушко: заморили тебя». Сбегают в борки за груздями, нарубят их на пельмени и «горяченькими» от души угостят Иванушку, а он ночью Богу душу отдаст. Пока на опыте трёх смертей не убедились, так и делали это.

Позднее, во время первой войны была холера. Тоже кое-кого подобрала. Были случаи с укусами бешеных зверей. Так, двух мужичков в поле кусал бешеный волк. Один из них согласился поехать в Пермь на уколы, а другой нет. Потом оказалось, что первый остался в живых, а второй сбесился, стал кидаться. Так его в поле закопали в пологи и он задохся. Был также случай, что большая семья пила молоко от бешеной коровы; её [семью – ред.] отправили в Пермь на уколы. Потом говорили, что через молоко от бешеных коров бешенство не передаётся.

В 1936 г. была сильная эпизоотия: пало много скота от сибирской язвы. Делали прививки, но получалось так, что после прививок именно некоторые животные и погибали.

Зашла как-то речь о конокрадах. Тут дядя Егор, словно его кто подхлеснул, даже сматерился сначала, а потом и начал: «Сколько они, подлецы, людей по миру пустили. Сёма-то чёрный, под старость его звали ещё Семёном Осиповичем, перед смертью на Бога лез: как услышит звон, в церковь ковыляет к обедне или вечерне, а в молодости озоровал в конской части. Накрыли его в Кирдах, так он спрятался у друзей в голбце. Народ собрался, кричать стали: «вылезай». Куда тут, как будто его и нету. Принесли пожарный багор, шарить стали, тут ему ножку и повредили. Памятка осталась на всю жизнь: стал прихрамывать на правую ногу. Вылез из голбца, на коленях просил: не губите – не буду больше воровать. Ну, отпустили. А потом, как люди услышат, бывало, про воровство, то думали, не он ли это опять гуляет, а то и на сына его, Ваньку, «грешили», но нет – улики не было. Так всё и шло. А жили они не плохо: дом у них стоял у кладбища с горницей под железом. Пристрой со стороны кладбища был, что твоя крепость – глухая стена от амбара, погреба, конюшни: ни один покойник не пролезет. Кони были хорошие. Когда диаконского парня Ивана «забрали» в солдаты, на гулянье он, Семён-то Осипович, тройку представлял, так двое с трудом её держали. Рассказывали о нём, как он сам стал потом бояться воров.

Подрядили его раз вести диаконского сына с молодой в Челябину. Погода была ненастная. Кони были не забиты работой, но так намотались от грязи, что к Челябине пришлось подъезжать под полночь, а дорога у Челябины со стороны Течи была неловкая: на пять вёрст простирался густой лес стеной. В лесу этом, как рассказывали встречные люди, накануне ещё было убийство. Пришлось проезжать этот лес в темноте: хоть глаз выколи. В одном месте у дороги встретились люди. Горел небольшой костёр, и около него сидели два-три мужичка. Кто они? Что у них на душе? Чужая душа – потёмки. Но ничего, Бог пронёс. Выехали из лесу, показались огни Челябины, Семён и спросил своих пассажиров: боялись ли они, когда ехали по лесу. Ну, как не боялись, конечно, боялись, но никому не хочется показать себя трусом. Нет, говорят, не боялись, а он: а я, говорит, всё время сидел, как на углях. Почему он так сказал? Вспомнил, значит, как раньше в такую же ночь погуливать с дубинкой у Парамошки, близ своего поля и подумал, как бы его тоже не благословили дубинкой, а коней отняли».

Как только зашла речь о знаменитом в наших краях конском воре Ермолке, дядя Егор опять повёл свой рассказ. «Ермошка – стал он говорить, – был вор хитрый и занимался этим делом летом – с полей угонял, а на зиму всегда норовил в тёплое место попасть – в Шадринскую тюрьму. Отсидится там, а летом на своё. Как он зимой появился, было не известно, но вот по Тече прошёл слух, что он объявился здесь в прощёное воскресенье 1903 г. Как только слух этот прошёл по селу, народ стал его разыскивать. Собралась толпа и двинулась к той избе, про которую сказали, что там гостит Ермошка. Ермошка ещё издали увидел из окна толпу и сразу сообразил, чем это пахнет. Забрался на конюшню и зарылся в сено. Делегат от толпы зашёл в избу и спросил: где Ермолай? Хозяева пытались, было, скрыть его и завели разговор: какой Ермолай? Никакого Ермолая здесь нет и не бывало. Толпа стала шарить по пригону, стайкам, конюшням и два-три человека поднялись на конюшню и стали вилами протыкать сено и, наконец, сбросили Ермолая вниз. Народ терпелив, но если терпение его лопнет, страшен он в своём гневе и беспощаден в мести. Подошёл к Ермошке Максим Кунгурцев, нагнул его руку на выверт на своём коленке, раз и рука стала болтаться, как тряпка. Переломали ему руки, ноги, приволокли его к каталажке и бросили у дверей. Говорят, ещё он еле дышал, подошла старуха Самсониха и «благословила» его кирпичиком по голове и ... не стало на свете раба Божия Ермолая. За вечерней протоиерей произнёс речь против убийств: грозил гееной огненной. Было это в Прощёное воскресенье.

Кого засудили в убийстве? Принимали участие в этом деле и старшина и староста села. Весь теченский мир. Порешили в конце концов на формуле: собаке собачья и смерть, а кто убивал – пусть ответят за это в том мире – на небе.

«Что ему надо было? - так начал свою речь об Аркашке Бирюкове дядя Егор. Поповский сын, брат у него в Нижней диаконом, племянники. Племянники, рассказывали люди – как его уговаривали: «дядя, брось это занятие, оставайся у нас. Будем тебя кормить, поить, одевать». Нет – говорит – «не могу: тайга манит». Пожил, пожил, обмылся, от вшей очистился, одели его, а однажды утром встали – его след простыл. Это он, подлец, увёл четырёх лошадей из конюшни через огород. Пятую – Сивка Никитичем звали – не смогли взять: чужих не подпускали к себе ни спереди, ни сзади. Под крещенье, рассказывали, диакону-то записки подбрасывали. Вдруг к ихнему дому под вечер, слышь, верховой прискакал в яге. Зашёл в кухню, шапку не снял, рожу не перестил, порылся за пазухой, достал записку, бросил на пол, бегом на коня и был таков. Ребята диаконские подобрали записку и передали отцу. В ней он пишет: «приезжай туда-то, вези двадцать пять рублей и четверть водки, получи лошадей». Подумал диакон: поедешь, ещё голову снимут – Бог с ними, с лошадьми.

На Чумляк подлецы угоняли лошадей, а там продавали их. Года через два-три, говорили, как-то кыргызы прогоняли через Течу стало лошадей, и одна, чуешь, вырвалась из стада и прямо к диакону в ограду и забилась в конюшню. Гонщик кричит диаконским ребятам: «выгоняйте!» Они бросились выгонять, а лошадь не идёт. Наконец, выгнали. Приходит отец. Сказали ему. Он спросил: не было ли у лошади на лбу белого пятна вроде звезды. Ребята сказали: да! «Это был наш Лысанко» - сказал отец.

«Грешили» иногда из-за воровства коней на татаришек: они, шельмецы, ловкими были на этот счёт. Раз поймали их кирдинцы. Проезжали раз, вишь, в Крещенье два татарина с пятью лошадьми. Кони было видно, загнаны, а кони добрые, хозяйские. Трое кирдинцев сели на вершну и за ними, а ехали те в Течу. Татаришки заметили, что за ними погоня, давай лишнюю тяжесть сбрасывать с саней и гнать лошадей. Не удалось убежать: схватили их и вместе с конями привели в Теченскую волость. Украла они их у катаяского земского ямщика Петра Павловича Золотухина и угнали за 70 вёрст, но попались». Так завершил свой рассказ о конских ворах дядя Егор.

В конце прошлого и начале нынешнего веков в наших краях воровство лошадей было страшным бичом земледельца. Лишить его лошадей – равносильно лишить его рук. Стон по деревням стоял от этих воров, по миру они людей посылали. В поле лошадей закавывали громадой и в цепи с большими замками. Научились эти подлецы и замки открывать. Завели на лошадей паспорта, заверенные волостью. Без них лошадей нельзя было ни продавать, ни покупать, а всё-таки воры ухитрились уводить лошадей.

Вот так и бедствовали иногда наши теченские мужички.²⁰⁵⁵
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 188-202 об.

---

²⁰⁵⁵ «Дед Егор» - вымышленный персонаж в очерке В. А. Игнатьева. В «свердловской коллекции» воспоминаний автора в составе «Автобиографических воспоминаний» имеется более поздний очерк «Философские размышления и рассказы деда Егора о своём житье-бытье «хрестьянском», в котором автор кроме описания народных бедствий приводит разные замечательные явления и события, повторяющиеся в разных очерках, и в конце задаётся вопросами, которые в очерке из «пермской коллекции» отсутствуют: «В девятьсот пятом малость поволновались, но притихли. И опять в четырнадцатом заварили кашу. И что надо? Земли у нас своей много. Что надо ещё? А вот людей берут и берут: уж и родить некому. А извещения об убитых идут и идут. На этом размышления деда Егора были прерваны. Ответы на его вопросы стали давать уже события октября 1917 года» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 14-27.

Школа в Тече

Школьники

[1961 г.]

Не подлежит сомнению, что сельская школа, как и всякая другая, не только давала детям грамотность, но и формировала их мировоззрение. Как оно формировалось до школы? Конечно, прежде всего, семьёй, а затем под влиянием окружающей среды и товарищей. «С кем поведёшься, от того и наберёшься» - говорит пословица. Интересно проследить, как постепенно перед ребёнком раскрывался окружающий его мир.

Первые друзья обычно являлись соседями. Перелез через забор, встретил детей своего возраста – вот и новые друзья. Дальше перелез через забор соседнего двора во двор следующего дома – вот и расширился круг друзей. Мир стал ребёнку казаться шире. Дальше ещё подрос и насмелился уже перейти через дорогу – встретил новых друзей. Наконец, освоил, как говорят, известную площадь, и пока что круг друзей и освоение «новых земель», «жизненного пространства» замкнулось: нужно переварить новые впечатления от бытия, уложить в своём мировоззрении. Хорошо, если попадутся хорошие друзья, плохо, если они будут плохими: то, что в этот период войдёт в привычку – останется на всю жизнь. Когда ребёнок поступает в школу, сразу же во много раз расширяется круг его новых если не друзей, то, во всяком случае, товарищей по учёбе. Грани мира расширяются: много новых лиц, новых характеров, с положительными или отрицательными чертами. Само пространство, которое теперь перед ним открылось, стало шире: для теченского ребёнка, скажем, например, раньше оно было ограничено Горушками, вблизи которых он жил, а теперь оно расширилось на всю Течу и даже дальше. Он стал вращаться уже не только в кругу своих одноклассников, но и в кругу мальчиков старше его: он в первом классе, а в одних стенах с ним и третьеклассники. Сам он стал ощутимо различать ступени своего роста от первого до третьего класса. И всё это – новые знакомства, рост идёт организовано под руководством учителя по определённой системе обучения. В таких условиях детские сердца более склонны к дружбе, открыты друг другу, а впечатления от этого времени остаются на всю жизнь.

Сколько разных характеров и разных детских талантов проходит через школу и навсегда остаётся в памяти. Сколько различных встреч и различных случаев из жизни этого периода запечатлелось в памяти ярко в одной картине, которую можно было бы назвать одним словом: школьники.

В Теченской школе учились мальчики и девочки жителей Течи, только мальчики из деревни Баклановой, мальчики и одна девочка из деревни Черепановой. Не было в наше время школьников из Кирдов и Пановой: первая находится от Течи на расстоянии – 10 вёрст, вторая – 6 вёрст. В этих деревнях дети совсем нигде не обучались. Два мальчика с мельницы

Чесноковых, которая находилась между Течей и Пановой, тоже учились в школе и жили на квартире. Из Баклановой учились три мальчика.²⁰⁵⁶ Зимой они приходили в школу и возвращались по Баклановскому бору; им приходилось проходить примерно 1,5-2 километра пешком. Черепановские дети – их училось трое – ходили по реке, лёд на которой часто был открыт, так что они попутно играли в своеобразный хоккей с конскими говьяшками. Из этой же деревни в школе училась Лиза Мизгирёва, внучка мельника. Родители у ней были старообрядцы-беспоповцы, по-теченски – двоеданы. Она не столько сама стремилась к отчуждению от других детей, сколько это отчуждение создавали для неё старшие, внушавшие мысль о необходимости держаться в стороне от «мирских». Так, печальное историческое событие времён царя Алексея Михайловича отразилось на судьбе девочки много позднее. Была она девушкой очень доброй, когда по окончании школы, она помогала Елизавете Григорьевне, по просьбе последней, то всячески старалась помогать другим, а иногда то тому, то другому тайно, обязательно тайно, сунет в руку или пряник, или конфетку. Этим самым она, может быть, хотела показать, что, дескать, не думайте обо мне, что я какая-то бука, злая, а что меня заставляют быть в отчуждении от вас. Года через три после описываемых событий она умерла.

В течение 1894-1895 уч[ебного] г[ода] занятия проходили в доме Павла Андреевича Кожевникова, не на главной улице, а параллельной с ней. Было очень тесно.²⁰⁵⁷

Когда школьники, возвращаясь вечером домой, проходили мимо одной избышки, дети хозяев её, не учившиеся в школе, забравшись на стог сена в огороде, пели: «Школьники, разбойники, школу подломили, учительницу убили». Это было своеобразной реакцией на просвещение деревенских детей.

В октябре 1895 г. в Тече можно было наблюдать картину, напоминающую переселение народов. Школьники переселялись в новое, просторное здание на главной улице: тащили парты, доски, стоячие счёты,

---

²⁰⁵⁶ Вася Бобыкин, Пешков и Чесноков (ред.).

²⁰⁵⁷ В очерке «Школьники» в составе «Автобиографических воспоминаний» (1965 г.) в «свердловской коллекции» автор уточняет: «Школа тогда находилась в частном доме – на втором этаже полукаменного дома Павла Андреевича Кожевникова на восточной улице от тракта. В школе было страшно тесно, и меня посадили на парту у самой доски. Около парты, как сейчас вижу, стоял мой первый учитель, только что вернувшийся из «солдат», б[ывший] ученик Елизаветы Григорьевны – Григорий Семёнович Макаров. Он помогал Елизавете Григорьевне: она делала объяснения, а он, так сказать, закреплял материал. Конкретно, например: она покажет нам букву «М», а он тренирует нас в чтении.

... От первого года обучения у меня осталось мало воспоминаний, кроме того, что было в школе тесно, неудобно. Осталось в памяти только вот что. Когда мы уходили из школы на обед, то в ней оставались только мальчики из ближайших деревень: Черепановой и Баклановой. Они, конечно, шалили: возились, шумели. Однажды я пришёл с обеда немного раньше и был свидетелем такой картины: ребята подняли беготню по партам, дверь отворилась и вошёл Павел Андреевич с ремнём, а ни моментально «нырнули» под парты. Павел Андреевич был инвалид: у него одна рука была «сухая», в ней он и держал ремень» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 80-81.

шкаф, карту, картины ... всё сами. Тяжёлые вещи, например, парты, доски тащили по 4-6 человек. И вот обосновались просторнее. Кухня в новом здании стала служить раздевалней, но без вешалок. Теперь трудно представить, куда и как раскладывались шубы, понитки, зипуны: кто на печку, кто на полати, кто на скамейку. Ещё труднее представить, как разбиралось всё это разнообразие одежды без всяких конфликтов, ссоры и пр. Нужно подчеркнуть, что при всей такой скученности никогда не отмечалось, по крайней мере, в заметной форме завшивленности, никогда! Бывал грех против обоняния. Бывало редко, но бывало: решается задача. Учитель спрашивает: кто решил задачу? Ученики поднимают руки, а когда учитель спросит кого-либо из поднявших руку, тот заявляет: «Дунька испортила воздух». Однако, и с этой стороны в новом здании было несравненно лучше: была хорошая вентиляция. И всё-таки при входе в школу, конечно, чувствовалась особая атмосфера: скученность в течение дня не проходила даром. Нужно также отметить, что за три года обучения в школе, проведённых автором сего у школьников не было отмечено никаких инфекционных заболеваний, в частности – кожных.

Учебный день начинался не по часам, а по состоянию дневного света, но приблизительно в 9 часов. Начинался он молитвами в большой комнате, куда собирались все классы. Во время учения в школе автора сего запевадой была Палашка Комелькова, обладавшая сильным контральто. По силе голоса она, вероятно, могла бы поспорить с иерихонской трубой. Сначала пели «Царю Небесный», потом читалась молитва: «Преплагий Господи». Перед уходом на обед пели «Отче наш». Перерыв продолжался час-полтора. Заканчивались занятия тоже в соответствии с дневным светом. В конце занятий пели «Достойно есть». Утром иногда пели «Спаси, Господи».

Учебные пособия школьники носили в сумках. В число их входили: грифель, аспидная доска, карандаш, ручка, чернила, букварь, книга для чтения «Наше родное». В сумочке же добрые мамы на завтрак детям совали шаньги, «пряженики», бутерброды и пр., так что эти сумки являлись целым складом всякого добра и носили на себе различные следы: от чернил, мела, масла, муки от хлеба. Черепановские и баклановские дети приносили с собой запасы и на обед. Большею частью это были те же предметы, что и для завтрака, но в большем количестве. Ребята, как ребята везде одинаковы: следили друг за другом – у кого какой хлеб, шаньги и пр. Знали, например, что у Васи Бобыкина из Баклановой самый белый хлеб, а у Коли Пеутина в сумке всегда был калач, а внутри у него было обильно налито зелёное конопляное масло. Коля, видя иногда завистливые глаза, угощал товарищей.

Грифели были наполовину оклеены разноцветными бумажками: розовыми, синими, сиреневыми и т. д. Аспидные доски сначала были чистыми, а потом появились графлёные в клетку и в одну линию. Бумага была со штампом «Ятес №6». Продавалась она «шестёрками», т. е. по шесть листов. Она была не графлёная, и Елизавета Григорьевна сама графила карандашом целую гору тетрадей в косую клетку. Позднее появилась

графлёная бумага. Во второй класс школы прибыла девочка Нюра Мурзина. Отец у ней приехал из какого-то города работать писарем у земского начальника. Она привезла с собой из города готовые тетради с цветными глянцевыми обложками. Эти тетради были чистым откровением для сельских школьников: они постоянно подходили к этой девочке, чтобы посмотреть на эти тетради, а когда увидели, что она к некоторым тетрадям приклеила картинки, ну, тут уже зависть взяла своё. Благодаря тетрадям девочка сделалась *persona grata*. Как правило, тетради по письму велись лучше, чем по арифметике, потому что они были и работами по каллиграфии: в тетрадях по арифметике при случае можно было писать и карандашом, а по русскому языку – только чернилами.

Были ещё какие-то книжки с молитвами. Основной книгой была «Наше родное» Баранова. После букваря она была рассчитана на чтение во всех классах. На всю жизнь осталось в памяти содержание первого рассказа, который читали почти по складам: «Два плуга». В ней говорилось, что рядом лежали два плуга: один блестел, а другой был покрыт ржавчиной. И вот второй спросил первого: почему ты блестяшь, а я покрыт ржавчиной. Первый ответил: потому, что я всё время в работе, а ты лежишь без работы. По правде сказать, мы, школьники не поняли тогда всего глубокого смысла этого рассказа, но теперь, когда много пожили, стало ясно: какая глубокая идея скрыта в этом рассказе и какова воспитательная сила его. Да, это было не только упражнение в чтении, но это была прекрасная точка отправления для воспитательной работы. В книге были статьи из русской военной истории, например о Суворове, о Бородинской битве и др. Очень любопытно, что в книге был помещён рассказ о докторе Гаазе. Как он попал в книгу? Конечно, он помещён был с воспитательной целью – это ясно, но рассказать об иностранце школьникам, при сильном крене всей книги в сторону патриотизма в духе славянофилов, так называемого «квасного патриотизма» - это было какой-то непоследовательностью. Это можно объяснить только тем, что около личности Гааза создан своеобразный культ – почитание его чуть ли не за святого человека. В последующее время обстоятельную статью о Гаазе написал известный юрист и публицист Кони, из которой видно, что на Гааза смотрели, как на святого человека. Сам митрополит Филарет, как рассказывает в своей статье Кони, однажды стал перед ним на колени с просьбой о прощении за свой ошибочный взгляд на ссыльных. (Филарет однажды сделал замечание Гаазу, что он очень назойливо всегда хлопочет за осуждённых, что, дескать, не осуждают же их без основания. Гааз ему заметил, что он, Филарет, забыл, очевидно, о том, что невинно осуждён был Христос. Это замечание так потрясло Филарета, что он встал перед Гаазом на колени и сказал: «Да, Василий Фёдорович (так звали Гааза по-русски), Бог отступил от меня в эту минуту», Так сказано об этом у Кони). В книге были стихотворения на тему почитания святынь, например стихотворение «Киев», в котором рассказывалось о том, как в Киев собрались паломники со всей России. В одном стихотворении изображалось богослужение:

*«И стройно клиросное
Несётся пение,
И диакон мирное
Гласит молчание»* (А. С. Хомяков).

В книге, одним словом, явно отражена была славянофильская триада: православие, самодержавие, народность. Школьники заучивали много стихотворений на память подобного типа, например:

*«Не осуждай – затем,
Что все мы – люди,
Все во грехах родимся и живём».*

Но вместе с тем много заучивали стихотворений А. В. Кольцова, И. С. Никитина, басен [И. А.] Крылова, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Например:

А. В. Кольцов: «Урожай», «Косарь», «Лес» и др.

И. С. Никитин: «Вырыта заступом» и др.

И. А. Крылов: «Квартет», «Лебедь, рак и щука», «Мартышка и очки» и др.

А. С. Пушкин: «Утопленник», «Бесы», пролог к «Руслану и Людмиле», описание природы из «Евгения Онегина» и др.

М. Ю. Лермонтов: «Ветка Палестины», «Бородино», «Парус» и др.

Стихотворений в школе заучивали много, и в этом была большая заслуга школы. Вспоминается при этом семейная картина. Вечер. Мать сидит в кухне и штопает бельё, а около за столом сидят дети, читают и заучивают стихотворения. Чудесные минуты семейного уюта!

Много внимания уделялось каллиграфии. Писали в косую клетку, под конец переходили на письмо по одной линейке. Арифметике учились с голосу, т. е. по устным объяснениям и упражнениям. Задачи часто решали по соревнованию: кто решит быстрее, но без вещественных поощрений: *honoris causa*.²⁰⁵⁸ Гордостью и любимым занятием в школе являлось обучение пользоваться счётами. Каждому давались маленькие счёты, Елизавета Григорьевна диктовала «прибавить, «убавить», а потом сравнивали результаты.

Особо нужно отметить уроки закона Божия, которые одновременно были и уроками страха. Стоило только показаться внушительной фигуре о[тца] Владимира (тогда ещё не протоиерея), и в школе наступала мёртвая тишина. Его именем иногда и припугивали школьников: «О[тец] Владимир идёт» – так пугали. Программа изучения закона Божия:

1. Десять заповедей Моисея.

2. Молитвы: «Отче наш», «Достойно», «Богородице Дево», «Царю Небесный», «Спаси, Господи», «Препоблагий Господи», «Верую» и др.

3. Тропари двенадцатых праздников.

4. Рассказы из Евангелия, относящиеся к двенадцатым праздникам.

---

²⁰⁵⁸ *honoris causa* – по-латински почётный.

5. Тропари святым, по имени которых дано имя.

Метод занятий был внушительный: если что, то по лбу давался памятный щелчок.

Полагалось научить читать на клиросе «Благословлю Господа», но этот труд перелагался на Елизавету Григорьевну. Занятия по закону Божию проходили не по расписанию, а по усмотрению о[тца] Владимира: он приходил, и занятия перестраивались.

Реденько бывали уроки пения, которые проводил о[тец] диакон. Эти уроки являлись чем-то вроде десертного блюда за обедом – отдыхом. Любимой песней была на слова А. В. Кольцова: «Красным полымем». Обычно запевал её сам о[тец] диакон, а школьники подхватывали. Пели в полную силу, не жалея голосовых связок, так что в соседях было слышно, и по этому они заключали: в школу пришел о[тец] диакон. Позднее любимой песней школьников была на слова стихотворения «Кто он?» – «Лесом частым и дремучим».²⁰⁵⁹

Что касается молитв, которые пелись в школе, то напевы их передавались по традиции, как говорится, «самонауком» – от одной смены к другой. Так же было и с запевалами: один наследовал искусство от другого «самонауком».

Детские игры при школе почти не бывали, они осуществлялись по месту жительства. Редко весной мальчики играли мячом. Как шалость у мальчиков была игра «куча мала». Она иногда возникала стихийно в кухне при одевании, но пресекалась учителями.

В качестве мер наказания применялись: стоять за партой, сильнее – стоять в углу или у стенки, оставаться вечером в школе. В качестве угрозы больше, чем на практике, было «ставить на колени», да ещё с горохом. В наше время эта мера уже не применялась. Для мальчиков-шалунов применялась мера: пересаживать к девочкам. Это считалось за позор, поэтому если кому-либо из мальчиков объявляется такая мера, то он прятался под парту, а если его всё-таки оттуда извлекали и тащили посадить к девочкам, он брыкался и, наконец, всё-таки удавалось посадить его к девочкам, значит – он в перемену отомстит какой-либо из них за свой позор.

В каких общественных школьных мероприятиях участвовали школьники? В Великом посте учителя их водили в церковь на говение парами.²⁰⁶⁰ Каждой весной устраивались экскурсии в бор с учителями. Это

---

²⁰⁵⁹ Стихотворение «Кто он?» поэта А.Н. Майкова.

²⁰⁶⁰ Об участии школьников в церковном богослужении автор рассказывает в очерке «Великий пост» в составе «Автобиографических воспоминаний» (1965 г.) в «свердловской коллекции» воспоминаний: «Когда я учился в школе, нас, школьников, водили на первой неделе Великого поста в церковь «говеть». Мы собирались в школу без сумок и отсюда нас, построенных парами, наша учительница Елизавета Григорьевна Тюшнякова и её помощница Елена Степановна Шерстобитова при первых ударах великопостного колокола утром и вечером водили в церковь. Нас становили в церкви в проходе в летний придел, между приделами зимним, который (проход) на зиму глухо закрывался от летнего придела целым иконостасом икон, наглухо изолирующим зимние приделы от летнего,

были не обычные прогулки в лес с друзьями, а именно экскурсии: они приходили разодетые, в бор шли организованно – в парах, как школьная организация – под наблюдением учителей. Здесь были игры. Школьники собирали с сосен «крупянки» и «пестики» и лакомились ими. Набивали даже ими полные карманы. Лакомились также «медунками» – голубенькими цветочками.

Однажды в школе была устроена ёлка. Это было историческое событие. Чудеса они увидели и получили с ёлки: пряники, золотые орехи, конфеты в мешочках и по отдельности, хлопушки, флажки, картинки, книжки, игрушки. Это был сон наяву! То, о чём вспоминал Ванька Жуков, когда писал письмо к бабушке. Учительницы научили их петь «Круг я ёлочки хожу...» Никогда не забудут они этой ёлки, как не забыл и Ванька Жуков.

Наконец, в голодный год они выполняли общественно полезный труд: боролись с саранчой не как частные лица, а как коллектив, как школьники под наблюдением учителей, и получали за это питание – кашу просовую. Поля оглашались молитвой «Отче наш», когда к ним подъезжала телега, на которой стояли корчаги с кашей, а в корзинке были чашки и ложки. Разве все эти мероприятия не воспитывали у них коллективные навыки и сознание?

чтобы оттуда не пронимал холод. Мы стояли здесь зажатые в мрачной нише. Над нами висел мрачный свод звонницы, а обычный мрак этой части церкви усугублялся ещё великопостными мрачными одеяниями из чёрного бархата, которые надевались по случаю поста на некоторые принадлежности церковного культа – подсвечники, аналои и пр., одеяния священнослужителей были тоже из чёрного бархата.

Во время совершения литургии «преждеосвященных даров» [было] усиленное каждение ладаном, который клубами носился по церкви, а лучи солнца сквозь железные решётки окон с трудом проникали в церковь, придавая клубам ладана молочный вид. Из смеси запаха ладана и запаха кислых овчин, из которых были сшиты одежды деревенских говельщиков, получался одуряющий воздух в церкви, и при выходе из церкви хотелось вдоволь дышать свежим воздухом. Тянуло резвиться и играть на вольном воздухе.

... В пятницу нас приводили на исповедь. Нас, школьников, исповедовал наш законоучитель по школе протоиерей Владимир Бирюков. Перед исповедью нас инструктировали, как нужно себя вести «на духу»: «ты только говори «грешен» и всё». Протоиерей меня спрашивал: «молосное в посте ел?», «тараканов на полатях давил?», на что ответы следовали – «грешен, грешен». Так дано было мне первый раз в жизни понимание таинства исповеди. Во время исповеди церковь чем-то напоминала базар: люди ходили по ней: одни к одному пастырю, другие к другому, одни молились после исповеди, другие – готовились к ней, причём заметно было, как за исповедь откладывались «медяки» на аналой, где только что исповедуемый прикрытый епитрахилем духовника получал прощение содеянных им грехов.

Школьников освобождали от слушания «правил» перед причащением. В субботу причащались.

Мы, школьники, участвовали в «таинстве причащения» на общих основаниях, и вся процедура его производила на нас магическое действие своим мистицизмом, а гул голосов при повторении слов за священником приводил в страх и содрогание. Больше всего нас привлекала «теплота» и кусочки просфоры, которые мы получали после причащения» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 15-16, 18-20, 22-23.

Мальчики весной по личной инициативе любили после уроков смотреть на ледоход.

Экзамены выпускников школы. Экзаменационную комиссию обычно составляли: инспектор народных училищ, законоучитель и учителя. Что должны были показать абитуриенты школы из своих навыков и знаний?

I. По русскому языку: 1) бегло прочитать текст и рассказать, 2) прочитать стихотворение, 3) грамотно написать небольшой текст в пределах главных правил этимологии.

II. По арифметике: 1) решить простую задачу, 2) показать навык сложения, вычитания, умножения, деления, 3) считать на счётах.

III. По закону Божию: знать заповеди, молитвы, тропари – всё, что изучалось на уроках.

Выдавалось удостоверение об окончании школы.

Соученики и школьные друзья.

Автору сего за 18 лет учения пришлось трижды иметь одноклассников и однажды – однокурсников. Если разбирать их всех по возрасту, то можно было бы сказать: у него были одноклассники раннего детства, одноклассники среднего и позднего детства, одноклассники раннего и среднего юношества и однокурсники – позднего юношества. Речь, следовательно, идёт [об] одноклассниках раннего детства – до девятилетнего-десятилетнего возраста, точнее о том составе, который был перед выпуском из школы.

В классе нас было 15-16 человек, из них пять девочек, а остальные мальчики. ... Мальчики по социальному составу были разнородные: один из духовных, трое из тех, кого называют, негоциантами, трое – дети ремесленников, остальные из крестьян. Сколько различных индивидуальностей и характеров!

Вот Ваня Кротов (отец у него был плотником по профессии) – мальчик с явно выраженными математическими способностями: он всегда первым решал задачи.

Гриша Гурлев (сын синельщика) обладал исключительной памятью: только он один всё заучил по закону Божию и отвечал лучше всех.²⁰⁶¹

Гриша Ширяев (отец у него был агентом компании Зингер и портным) увлекался каллиграфией. Вдруг Елизавета Григорьевна стала замечать у него в письме какие-то лишние завитки, стремление приукрасить заглавные буквы и спросила его, откуда это у него взялось такое искусство, он ответил: папа научил.

А вот вечный непоседа, «шило», как назвала его одна учительница, изобретатель разных шалостей – Федька Кунгурцев. Это он сидел на парте у

---

²⁰⁶¹ В очерке «Школьники» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Сын теченского «синельщика» Семёна Моисеевича Гурлева, он после Октябрьской революции закончил рабфак в Свердловске, а потом, как передавали вуз, и сделался агрономом» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 85 об.

двери в III класс и как только помощнице учительницы Елене Степановне нужно после звонка войти в этот класс, подскочит, подопрёт дверь плечами, а когда та нажмёт дверь, он – под парту, а она влетает в комнату. Сколько раз его оставляли «вечеровать» - нет опять что-нибудь придумает и выкинет.

Противоположностью ему был Вася Бобыкин из Баклановой: тихий, сидит – не шевелится. Туго ему давалось учение: был он и мучеником его и мучителем.

У каждого из мальчиков была какая-нибудь своя особенность: тот в игре ловкий, другой искусный мастер верховой езды. Девочки больше отличались по одежде, а по успехам всё не блестели ничем. Кончили школу, и двое (из духовных) уехали дальше учиться и почти ни с кем не встречались, почти, потому что у автора сего всё-таки были две встречи. Уже в возрасте 21 года он встретил Колю Суханову в Перми, где он был на военной службе – в кавалерии. Как они чувствовали себя при встрече? Только односельчанами? Нет, прежде всего, одноклассниками по школе: да, они встретились как бывшие школьники.

...

Когда бывал на каникулах, справлялся о своих соучениках. Помню, как был удивлён тем, что ему сообщили о женитьбе Феди Кунгурцева, когда сам он был всего во II классе семинарии. Особенно меня поразило сообщение о Саше Макаровой, что она ушла в монастырь. Нет, школьные соученики не забыты, как не забыть и некоторые эпизоды тогдашней жизни.

Обычно школьники расходились из школы стайками – по соседним улицам. Чтобы на замёрзнуть в холод и размяться от сидения на уроках играют в свой деревенский хоккей. В деревне всегда зимой лошади оставляют на дороге множество шариков для хоккея без клюшек. Кампания проходила в том месте дороги, где её с одной стороны суживал высокий сугроб снега. В этом месте вошедшие в азарт игроки пинали шарики друг другу в ноги и не заметили, как к ним подъехали в дровнях две баклановские женщины. Вдруг раздался истошный крик этих женщин, и кампания в недоумении остановилась, сначала не поняв, в чём дело. Женщины соскочили с дровней, и тут только друзья заметили, что среди них нет Алёши Комелькова. Женщины наклонили дровни на бок, и из-под них вылез пострадавший, но, как оказалось, «недушеврѣдно»: он покачал немного головой, туже натянул на голову шапку, и кампания продолжила шествовать домой. Женщины сказали «слава Богу», перекрестились и поехали дальше.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 351 об.-367.

См. также очерки «Детские годы Пети Иконникова» в Части I. «Семейная хроника Игнатьевых» и «Елизавета Григорьевна [Тюшнякова]» ниже.

Деревенские девочки того поколения, к которому относилась наша старшая сестра – Александра Алексеевна, - были первыми теченскими школьницами в только что открытой земской школе. Это было за десять лет до поступления в школу детей нашего поколения и совпадало с началом организации земств и земских учреждений на селе.

Пионерами среди этих школьниц были дети духовенства, торговцев и более зажиточных крестьян. Так, из детей духовенства в школе учились: Мария Бирюкова, дочь теченского священника; Сильвановы Мария и Лидия, дочери второго теченского священника; Александра Игнатьева, дочь диакона; Мария Покровская, дочь псаломщика; дочери теченского «купца» - Елена и Анна; крестьян-выходцев из России Пеутиных – Таисья, Клюхиных – Евгения; дочь портного Постникова – Татьяна. О том, что последняя училась в школе, я узнал только случайно, но зато был удивлён её восторженными воспоминаниями об её пребывании в ней. Она, между прочим, похвасталась своей памятью и в доказательство прочитала молитву перед занятиями в школе: «Преблагий Господи, ниспосли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующего и укрепляющего душевные наши силы, дабы внимая Твоему учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю на славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу».

По разному сложилась судьба этих первых теченских школьниц. Глубже всего учение в теченской школе затронуло судьбу Марии Сильвановой: в школе она встретила с Петром Лебедевым, мальчиком из обедневшей крестьянской семьи, убёгом по окончании епархиального училища вышла за него замуж, сделавшись по этому поводу причиной скоропостижной смерти своего отца, не смогшего примириться с её поступком – мезальянсом с выходом замуж за простого деревенского парня. Она, однако, вывела своего мужа потом, как говорится «в люди»: он одно время работал видным кондуктором на железной дороге, но потом спланировал свою жизнь по линии духовенства, служа диаконом, а детей своих учил в духовных учебных заведениях. Так, в истории Течи произошёл единственный случай перехода одного из её аборигенов с позиции крестьянства на позицию духовенства.

Сестра её Лидия вышла замуж за сына теченского земского начальника П. А. Стефановского – Александра Павловича, имела от него трёх детей и пережила семейную трагедию: муж её покончил с собой самоубийством, и она одна поставила свою семью на ноги, дав детям законченное среднее образование.

Александра Игнатьева всю свою жизнь отдала на помощь родителям воспитать большую семью, работала учительницей пятьдесят лет и умерла в возрасте семидесяти пяти лет, не выходя замуж.

Мария Покровская по окончании епархиального училища «потерялась». Шла молва, что один из её знакомых по Екатеринбург, уже не молодой, похитил её тотчас по окончании учения, т. е. женился на ней... и всё. В Тече она больше не появлялась, и вся эта история осталась для всех загадочной, а родители её сохраняли гробовое молчание.

Елена Новикова, Таисья Пеутина и Евгения Ключина вышли замуж за торговцев и, очевидно, свои знания и навыки, полученные в школе, использовали по торговой линии.

Своеобразно сложилась судьба Анны Новиковой: по окончании сельской школы она нигде не училась, а выростала в барышню-невесту при родителях, принимала участие в торговле и общественной жизни. Так, во время коронации²⁰⁶² шила школьникам мешочки под пряники и конфеты, помогала учительнице Елизавете Григорьевне устраивать в школе ёлку и пр. Почитывала небольшие романы, от своих подруг, поповских дочерей, усваивала кое-какие манеры держаться в обществе, пленила сердце одного из пермских семинаристов – Александра Степановича Горбунова – и сделалась матушкой, минуя учение в епархиальном училище. Молва гласила, что она отлично справлялась с обязанностями деревенской «матушки»: ведь она на практике видела у своих подруг, как «это делается».

Судьба Марии Бирюковой была «пёстрой»: двадцать лет она счастливо прожила с мужем Александром Игнатьевым, но потом судьба её «переломилась»: муж погиб во время революции, оставив на руках её четверых детей. При жизни мужа, будучи деревенской «матушкой», она преподавала в школе пение, руководила детским хором, а после гибели мужа работала заведующей детской библиотекой и руководила детским хором в Каменске-Уральском, завоевала почёт и уважение населения. Тяжёлая жизнь после гибели мужа надломила её здоровье, и она, разбитая физически, умерла, не дожив до семидесяти лет и нескольких месяцев.

Не менее тяжело сложилась судьба Татьяны Постниковой, по мужу Ключиной. Муж попался ей не хозяйственный, а семья была большая. Муж рано умер, и на руках у неё осталось много детей. Она шила – «скорняжничала» и «выходила» детей. Школьное образование так и осталось при ней не использованным как следует: ничего не читала, всю жизнь только робыла на семью.

Школьницы 90-х годов.

В одном классе со мной с 1894 г. по 1897 г. в теченской школе учились: Женя Бирюкова, Люба Кокшарова, Нюра Кокшарова, Саня Уфимцева и Саня Макарова. Годом раньше закончили школу Соня Бирюкова и Пелагея Комелькова. Позднее на год в 1898 г. кончили школу Нюра Мурзина и Юля Попова. В 1893 г. или даже в 1892 г. кончила школу Лиза Мизгирёва.

---

²⁰⁶² Автор имеет в виду коронацию императора Николая II в 1896 г.

Лиза Мизгирёва была дочерью черепановского мельника – кержака. К чести её родителей нужно сказать, что они, сторонники «древлего исповедывания» и старины, согласились на то, чтобы дочь их, при том единственная, училась в школе, т. е. в среде «мирских», которых они чуждались и общение с которыми они считали греховным. Я с Лизой встречался в школе после её окончания: она приходил помогать нашей учительнице – Елизавете Григорьевне Тюшняковой, когда у неё, у Елизаветы Григорьевны – ещё не было помощницы. Она иногда следила, как в каком-либо классе – в первом или втором – ребята решали задачи, читали, сшивала тетради и пр. Училась она в школе хорошо, и её любила Елизавета Григорьевна, как и она её. Школа для неё была единственной отдушиной от замкнутой жизни её семьи, единственных кержаков в деревне Черепановой. У девушки был очень спокойный и добрый характер. У неё была на редкость привлекательная и миловидная наружность. Она всегда была аккуратно одета и причёсана, но она была грустной и, очевидно, находилась под «влиянием» постоянной мысли, внушённой родителями, о том, что она должна сторониться «мирских». Она чувствовала себя как будто в чём-то виноватой перед другими и старалась задобрить других детей: то тайком сунет кому-либо из них пряник или конфетку, то поможет одеться и пр. Она казалась нам старшей сестрой, и мы любили её, жалели. Мы были очень опечалены, когда узнали, что она умерла «Христовой невестой» 16-ти или 17-ти лет.

Пелагея Комелькова, по-нашему школьному, Палашка Комелькова была из семьи среднего достатка. Жили Комельковы в соседстве с нами. В одном классе со мной учился её брат Алексей, по-нашему Алёшка Комельков. Елизавете Григорьевне удалось как-то убедить родителей, чтобы они отдали учиться в школе Палашку, а потом они сами уже привели в школу и Алёшу. Палашка у нас в школе была запевалой молитв: перед уроками «Царю небесный», перед обедом «Отче наш» и в конце занятий «Достойно [есть]». Голос у неё был «зычный», как иерихонская труба, густой и сочный контральто. А в обычных песнях, которые пелись на уроках пения она не проявляла своего таланта. Девка была крепкого сложения и среди других казалась старше по возрасту, а поэтому среди других девочек была неприступной, т. е. её мальчишки побаивались обижать, чего не лишены были прочие школьницы. По окончании школы Палашка пережила обычную долю деревенской девушки, т. е. в своё время вышла замуж и перешла на положении обычной деревенской бабы, которая ни в чём не могла применить свою грамотность за отсутствием подходящей для этого среды.

Соня Бирюкова была дочерью теченского протоиерея Владимира Бирюкова и относилась ко второму поколению теченской молодёжи. По окончании епархиального училища она вышла замуж, точнее – её выдали замуж за юношу, который принял потом священный сан. Семейная жизнь её сложилась тяжело: муж её оказался человеком беспокойным, чего-то ищущим в жизни, подверженным житейским бурям. После Октябрьской революции он особенно оказался «взыскующим града [Господня]», был

выслан в Алма-Ату и там «потерялся». Соня одна «поднимала» семью – работала в начальной школе учительницей и за свою работу получила орден Ленина. Она здравствует и поныне, энергичная, не растерявшая совсем силу, помогает по хозяйству своим внукам. Ей 78 лет.

Иначе сложилась жизнь её сестры Жени после Октябрьской революции: она потеряла мужа, немного работала в школе учительницей и рано умерла от туберкулёза, оставив четырёх детей. До Октябрьской революции она, как и её сестра, кончив епархиальное училище, была деревенской «матушкой».

Люба и Нюра Кокшаровы были дочери братьев Кокшаровых – Константина и Павла, знаменитых у нас на селе земских ямщиков. Они вели комбинированное хозяйство: земледелие и службу по земству. Константин наследовал от своего отца – Ивана Петровича – «ямщину», а Павел работал «почтарём». Это обстоятельство наложило своеобразный оттенок на их семьи: у них водилось больше денег, чем у «чистых» землеробов, больше они знали дорогу в лавочку А. Л. Новикова, лучше одевались и, соприкасаясь по работе с культурными людьми, сами имели более культурный вид. Люба и Нюра среди деревенских девочек, детей землеробов, выделялись лучшим одеянием: вместо деревенских сарафанов на них были какие-то кофточки, которые как-то старили их. Люба казалась старше нас всех и училась туго. По окончании школы, как мне передавала наша старшая сестра, Люба научилась шитью по «моде» и стала швейей, а Нюра работала по хозяйству. В своё время обе вышли замуж за людей своего «круга», т. е. причастных к ведению комбинированного хозяйства.

Судьба Сани Уфимцевой сложилась тяжело. Она была из семьи зажиточного крестьянина, и её выдали замуж, как у нас говорили, за «ровню», но у неё ещё в девках случилась какая-то психическая болезнь – она «сходила с ума», и это сказалось потом на её замужестве. Саня была единственной из моих школьных соучениц из семей землеробов, с которой у меня была случайная встреча в юношеские годы, в годы уже позднего юношества. Я возвращался однажды из Верх-Течи и подъезжал к теченским польским воротам со стороны Нижне-Петропавловского села. Впереди меня шла женщина. Она открыла мне для проезда ворота, приветливо улыбаясь. Я удивился такой любезности молодой деревенской женщины, и лицо её мне напомнило что-то из прошлого. Я потом догадался, что это была Саня Уфимцева: у неё были тонкие черты лица, которые придавали ей милостивую наружность. Мне захотелось поговорить с Саней, но она уже поспешила скрыться в лесу, очевидно, чтобы избежать встречи, которая могла бы быть истолкована, если бы её кто-либо заметил, предосудительной.

Саня Макарова была из бедной семьи. В школу она приходила в разных «обносках» из мамонькиной одежды. Девочка старалась учиться. В возрасте семнадцати лет её отдали в Верх-Теченский женский монастырь, где у неё была какая-то тётка.

Вот как сложилась судьба моих школьных соучениц. Среди нас, мальчишек, они выделялись, как островок, пёстрый по внешнему виду. Сидели они на первых партах возле столика Елизаветы Григорьевны, как бы у ней «под крылышком». Да им и приходилось быть «под крылышком» учительницы среди мальчишек, всегда озорных. А школьные «нравы» были такими, что мальчишки считали позорным сидеть с девочками на одной парте, и одним из наказаний для них было посадить сидеть с ними. В этом случае (а это в школе применялось) «преступник» защищался от попытки посадить его к девочкам, сопротивлялся «что есть мочи» - прятался «под» парту, барахтался, а если всё-таки его садили рядом с какой-либо девочкой, то горе ей было за это: в перемену он старался «рассчитаться» с ней за своё унижение. Жалкий вид у девчонок был на уроках грозного законоучителя, протоиерея Владимира Бирюкова. Мальчишки и те на уроке сидели у него, как «на углях»: рука у него была тяжёлая, а щелчки по голове двуперстием крепкие: стукнет так, что «искры летят из глаз». Что говорить, девочки трепетали.

На особом положении в школе была Нюра Мурзина. Отец у ней был сельским писарем и перевёлся откуда-то в Течу. Девочка пришла в школу во второй класс. Раньше она училась в какой-то городской школе, кажется, в Шадринске, или Челябинске, где работал её отец. Девочка выделялась своим наружным городским видом среди деревенских, а особенно своими учебными пособиями. На книжках у ней были картинки-перепечатки, тетрадки завёрнуты в цветную глянцевую бумагу. Это было новостью для деревенских школьников, и началось паломничество к новой ученице с просьбой: «покажи, покажи». Девочка оказалась на славе, и когда в Тече появились на зимних каникулах годом раньше окончившие школу, а теперь дальше учившиеся в средних школах – друзья Вася Новиков и Паша Бирюков, они, наслушавшись о такой «знаменитости», пришли в школу, как кавалеры, и познакомились с Нюрой. Нужно к тому сказать, что девочка с русыми светлыми волосами, тонкими чертами лица и голубыми глазами имела вид немецкой Грэтхен.²⁰⁶³

Юля Попова была дочерью проживавшей в Тече Марфы Васильевны, вдовы какого-то чиновника. Мамаша её была швей-модисткой. Девушка имела очень смуглое лицо, как у цыган, что в те времена было не в моде, а идеалом считалось белое лицо. Девочка считала себя как бы обиженной природой, и также смотрели на неё и школьники.

Все эти школьницы были воспитанницами нашей незабвенной учительницы Елизаветы Григорьевны Тюшняковой.

Из школьниц более позднего периода мне известны, кроме нашей сестры Юлии, девочки из семей Пеутиных, Козловых, Юговых, Чесноковых, причём из Юговых и Чесноковых две девушки стали при советской власти

---

²⁰⁶³ Вероятно, автор имеет в виду образ Грэтхен в трагедии «Фауст» немецкого писателя Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832).

учительницами в Тече. В теченской же школе, очевидно, училась дочь черепановского крестьянина Семёна Ивановича Черепанова – Мария Семёновна, которая работала учительницей в Сугояке, добившись «самоуком» этого звания и должности. Таким образом, теченская школа послужила для многих её абитуриенток отправной точкой для работы по народному образованию.

В настоящее время в Тече школа-семилетка. Специальное школьное здание построено на пустыре у бывшего «крестика». Здание приземистое, но просторное, обеспеченное соответствующим оборудованием. В один из своих приездов в Течу в пятидесятых годах я посетил эту школу в день открытия занятий – 1-го сентября. Я осмотрел классы, учительскую и прочее. Для меня было необычным видеть в Тече школьников и школьниц в возрасте 14-15 лет. Девочки были в простеньких, но форменных платьях. Я отрекомендовался и рассказал, как около шестидесяти лет назад я учился в Тече. Они слушали меня внимательно, но им, вероятно, трудно было представить то, о чём я им рассказывал. Я внимательно вглядывался в их лица и старался воскресить в своей памяти наше прошлое учение в Тече. Я заговорил, сколько мог, по-немецки и услышал ответы на немецком языке. Это были тоже, что и мы, теченские мальчишки и девчонки, но совсем другие. И вспомнились бессмертные грибоедовские слова: «Как посравнить век нынешний и век минувший – свежо предание, но верится с трудом».²⁰⁶⁴ Это была совсем другая Теча и совсем другая теченская молодёжь – советская молодёжь.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 92-118.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

---

²⁰⁶⁴ Из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Во второй половине сентября 1894 г. родитель мой повёл меня в школу и передал нашей сельской учительнице Елизавете Григорьевне для обучения грамоте. В Тече не было тогда специального школьного здания, и помещалась школа в частном доме Павла Андреевича Кожевникова. Излишне говорить о том, что помещение было для обучения в нём детей не подходящее. Здание было двухэтажное: внизу в кирпичной части его жили хозяева, а сверху была школа, в деревянной его части. Между этажами была только тонкая настилка пола, и внизу всё было слышно, что делалось сверху. Особенно шум передавался в перерывы между занятиями на обед, когда Елизавета Григорьевна уходила домой, а предоставленные сами себе школьники, оставшиеся в школе, как говорится, «ходили на головах». Когда становилось уже совсем невтерпёж от шума, Павел Андреевич, хозяин дома появлялся с ремнём и водворял порядок. В школе по существу, если не считать одной с большими щелями перегородки с узкой дверкой, была одна комната, низкая, с небольшими окнами. Вот в этой комнате Е. Г. и должна была одновременно заниматься с тремя группами.

Я видел в этот раз Елизавету Григорьевну не впервые: у ней уже до меня учились два моих брата и она бывала в нашем доме, иногда после занятий, усталая и всё норовила как-нибудь пристроиться на кровати и протянуть ноги. В это время ей было уже лет 27-28. У ней были удивительно добрые, приветливые глаза, мягкий голос, желание пошутить, развеселить. Школьная работа не прошла даром, и мелкие, мелкие морщинки появлялись у глаз. И всё-таки она сохранила ещё привлекательность, что признавали те люди, которым полагалось об этом судить, для нас же, её учеников, самым ценным были её доброта, внимание и спокойное обращение с нами. Жила Е. Г. в это время недалеко от школы.

Я не сразу попал под непосредственное обучение у Е. Г., но она всё время следила за нашими занятиями, т. е. за занятиями с начинающими. Непосредственно с нами занимался, вернее, помогал Е. Г. вести занятия Григорий Семёнович Макаров, её бывший ученик, только что демобилизованный с действительной службы. Позднее в такой же роли выступала только что окончившая школу Лиза Мизгирёва из деревни Черепановой. Таковы были условия работы в школе: Е. Г. объяснит что-либо той или иной группе, а наблюдение передаёт своему помощнику.

Осенью 1895 г. школу перевели в более подходящее здание, изолированное от хозяев-жильцов, более просторное и светлое. В нём были кухня, превращённая в раздевалку, одна комната средней величины и одна длинная и большая. В первой комнате поместили третий класс, а в большой – первый и второй.

Самая главная новость состояла в том, что в школу была назначена помощница учительницы с образованием, и, таким образом помощники-суррогаты были устранены.

Е. Г. принадлежала к тому типу людей, которые отдавались своей деятельности целиком, а не в половину. Возвращаясь в Течу после летних каникул, она приступала в укомплектованию школы учениками, причём она выполняла это неформально, выжидая, когда к ней явятся в школу записывать, а как настоящий пропагандист. Она ходила по домам, уговаривала, и многие её ученики, особенно девочки, были ей обязаны тем, что они учились в школе. Нужно было не только вовлечь в школу, но и суметь удержать ученика в школе. И вот она ходила по домам, агитировала, урезонивала и родителей и детей, чтобы они не бросали школу. Особенно трудно было вести занятия весной, когда начинались польские работы, и мальчики нужны были в поле для работы борноволокнами. Бывали даже такие случаи, что некоторые отцы не хотели отпускать своих мальчиков на экзамен при окончании школы. Е. Г. удавалось в этом и других случаях добиваться положительных результатов лишь потому, что все хорошо знали и она пользовалась безусловно авторитетом. «Елизавета Григорьевна сказала», или «Елизавета Григорьевна говорит» - это для крестьян села было не пустыми словами, а веским аргументом. То же самое, если Е. Г. сказала в волостном правлении или даже на сходе о том, что то-то или то-то нужно школе, значит это нужно сделать. Вот почему школа при ней без дров не бывала, стёкла у школе все вставлены, есть мел, керосин, и уборщица аккуратно работает. Что было плохо, то это то, что часто менялись её помощницы. Раньше всех она приходила в школу и иногда при лампе засиживалась допоздна. В эти вечерние часы она графила тетради в косую клетку. Бумагу Новиков продавал не разграфлённую, со штампом «Ятес». Елизавета Григорьевна учила сшивать тетради, а графила сама. Иногда школьники вечером задерживались в школе и наблюдали, как она быстро графила ворох тетрадей. Е. Г. не в пример некоторым своим помощницам умела поддерживать дисциплину. Занятия она проводила живо: сама показывала, как надо читать. Особенно школьники любили работать на счётах: она диктовала, а потом считали полученные результаты. Это считалось уже высшим мастерством по арифметике и применялось в третьем классе.

Однажды Е. Г. не поехала даже на рождественские каникулы домой, в Ольховку, чтобы устроить для них к школе ёлку. Подготовка началась задолго до ёлки: золотили орехи, клеили коробочки с цветами под конфеты, делали цветные гирлянды. Е. Г. мобилизовала всех и всё: заставила теченского купца А. Л. Новикова раскошелиться на пряники и конфеты, свечи и серебряный дождь. Накупили хлопушек, флажки. Наконец, торжественной толпой стояли в меньшей комнате перед дверью в большую комнату, где уже зажигались свечи на ёлке. Дверь открылась и пред ними предстала она в первый раз в жизни во всей своей красоте. Пение, игры и подарки навсегда остались в памяти школьников.

Весной, когда уже устанавливалась тёплая погода и земля покрывалась зеленью, Е. Г. устраивала экскурсии в бор со школьниками. Ребятам приходилось довольно часто бывать в бору и одним в компании своих товарищей и с кем-либо из родных, но эта прогулка для них имела особое значение: они шли как организация, как школьники, и с учителями. В бору их излюбленным лакомством были крупянки и пестики на соснах. Они бегали, играли, и этот день в их памяти сохранялся, как особый отличный от других.

В один из голодных годов из школьников составлена была бригада для борьбы с саранчой. Саранча шла по полям и пожирала всё на своём пути. Для ловли её была сделана «машина»: тележка, у которой на оси были укреплены лопасти, а сзади приделан сшитый в мешок полог. Когда эту тележку волочили по траве, то лопасти забивали в полог саранчу, а потом её сжигали. Этим занимались школьники под наблюдением Е. Г.

Е. Г. приходилось учить школьников читать на клиросе в церкви псалом «Благословлю Господа». В Великом посте иногда устраивали говение для школьников, и они в рядах ходили в церковь на богослужения под руководством Е. Г. В зимнее время в школе устраивались по воскресеньям «воскресные чтения» и обучение взрослых безграмотных. Е. Г. принимала в них участие.

Не было ни одного какого-либо общественного мероприятия, в котором бы Е. Г. не принимала участия. Она интересовалась, как её ученики учатся дальше в средней школе, и они, когда приезжали на каникулы, навещали школу в качестве уже знатных гостей.

Е. Г. родом была из села Ольховского Шадринского уезда. Отец у неё был какой-то мелкий чиновник. Она кончила женскую гимназию и посвятила себя учительской деятельности. Её мечтой было дать среднее образование своему брату – Ивану. Ради этого, очевидно, и осталась одинокой. Дать брату законченное среднее образование, кажется, не удалось. В 1898 или в 1899 г. она уехала на рождественские каникулы в свою Ольховку и не вернулась. Смерть её была большой утратой не только для школьников, но и для всего Теченского общества, которое потеряло в лице её сердечного культурного человека, активного участника во всех, хотя и маленьких, мероприятиях сельской общественной жизни.

После неё учительницами были большей частью гастролёры, которые задерживались в Тече на год, два.

Теперь прошло уже более шестидесяти пяти лет, как автор сего учился у Елизаветы Григорьевны Тюшняковой, но светлую память о ней он чтит до сих пор.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 462-468 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Сельская учительница» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Помощницы учительницы в Тече

[1961 г.]

1. Шерстобитова Елена Степановна. Работала только один год. Очень молодая, почти девочка, она не умела держать дисциплину, что очень огорчало Елизавету Григорьевну. В III-м классе у двери, по левую сторону сидел шалун Федька Кунгурцев, который иногда проделывал такую шалость: упрётся в дверь, когда Ел[ена] Ст[епановна] её открывает, а потом отскочит и под парту, а она влетит в комнату под общий смех. Это являлось свидетельством и того, что она не пользовалась авторитетом, а также и того, что дисциплина в школе была недостаточная.

2. Мухина Любовь Александровна,

3. Мухина Надежда Александровна – дочери священника Нижне-Петропавловского села, работали только по году.

Помощницы учительницы получали в месяц зарплаты – 15 рублей, а поэтому всегда стремились перейти на другую работу.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 473 об.-474.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Учительница Мария Ильинична [Селиванова]

[1961 г.]

Она работала в Тече полтора года. Кончила Пермскую Мариинскую женскую гимназию. Страстная поклонница известного тогда в Перми тенора Хлюстина и имела с него фотокарточку, якобы, с автографом его. Фамилия у ней была – Селиванова. Родиной она была откуда-то из-под Шадринска. У ней была сестра, которая училась на Высших женских медицинских курсах в Петербурге. В это же время в Тече работал псаломщиком только что кончивший Пермскую дух[овную] семинарию Спасский ... В январе или феврале 1904 г. по чьему-то доносу [они] были арестованы и увезены в Шадринск. Дальнейшая судьба их осталась не выясненной.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 474-474 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

«Штатское место»

[1965 г.]

«Штатским местом» в кругу нашей молодёжи называлась та часть высокого берега реки Течи, которая находится против черепановской поскотины.

Оно было излюбленным местом встреч наших кавалеров и барышень из семейств сельского духовенства. Остаётся поэтому загадочным, почему у него было название «Штатское», когда частыми посетителями его были представители духовного сословия, а не представители светского общества, скажем, каких-либо чиновников. Очевидно, изобретатель этого названия хотел как-то оградить себя от причисления к духовному сословию. Позднее, немного выше на высоком тоже берегу облюбовано было удобное место для пикников духовенства, которое так и названо по принадлежности, «Поповским».

В моей памяти сохранились три поколения нашей молодёжи, а сам я относился к среднему из них. В детские годы я был свидетелем того, как наши старшие братья отправлялись на это место. Хорошо запомнился мне один из племянников протоиерея Владимира Бирюкова – семинарист Володя Ляпустин, который ещё в полдень отправлялся на «Штатское» с подушкой под мышкой и книжкой в руке. Как говорили: он устраивался в бату, и плавал по реке, читая книжку в полулежачем положении. Приходилось мне быть и соглядатаем за компанией взрослых на «Штатском» и получать первые уроки поведения в обществе молодёжи. А тем временем подошла и мне пора перешагнуть в юность и «Штатское» приобрело другое значение.

Мы никогда не договаривались о встречах на «Штатском», не приглашали туда друг друга и не назначали свиданий. Нас собирало туда солнце. Когда оно всё больше и больше склонялось к речке, а в воздухе чувствовались первые признаки свежести после утомительного дневного жара, мы стекались к «Штатскому» по одиночке, парами или небольшими группами с разных улиц нашей Течи. Мы проходили мимо нашего кладбища, под сенью вековых берёз которого покоились почившие в мире прихожане Теченской церкви. Затем мы влево-вправо входили в Теченский бор, никогда не подвергавшийся культурной обработке: с буреломом, непроходимой тайгой. Мне в этом случае всегда казалось, что в такую глушь когда-то Сусанин завёл поляков. Вспоминалось также, как мы пели когда-то: «Какой непроглядный и сумрачный лес». Казалось, что лес сжимал в своих объятиях, а запах хвои пьянил и кружил голову. И вот вдруг стена леса расступалась, врывалась маревом уходящего дня, а перед глазами возникало пространство, обрамлённое вдали березами и черёмухой. Как известно, пространство является одной из философских категорий, но мы в этом случае воспринимали его как психологическое явление: оно будило свободу духа,

спокойствие на душе, то состояние духа, которое Лермонтов отметил словами «И в небесах я вижу Бога», состояние резистенции криетизма.

«Штатское место» имеет форму прямоугольного треугольника, расположенного на обрыве, западная часть которого с открытым грунтом обращена к реке, а южная сторона – на небольшой лесок, выросший в пойме реки. За леском, на обрыве расположено указанное выше «Поповское место». Площадка «Штатского места» позволяла только усаживаться в кружок 15-20 человекам. Река у «Штатского места» образовала остров, который разделял её на две. Предприимчивый мужичок облюбовал здесь место для постройки мельницы, причём в русле, примыкавшем к «Штатскому месту», устроил плотину, которая могла регулировать уровень воды, потребной для мельницы. Вода у плотины каскадом падала вниз, образуя водопад. Шум от падающей воды сливался с шумом бора настраивал на задумчивое и мечтательное настроение. До «Штатского места» доносился шум мельничных колес, вливаясь в общую гармонию звуков.

На берегу реки, который находился у поймы, всегда лежали один или два бота (долблённые лодки). Это была пристань рыболовных «судов» без всякой охраны. Здесь же одно время стояла тяжёлая громоздкая, широкодонная двух-весельная лодка Новиковская, на которой наша молодёжь совершала экскурсии вверх по реке, с трудом побеждая течение реки.

«Штатское место» было также излюбленным местом для купания юношей, а одним летом здесь была устроена купальня для жены земского начальника. В качестве пола в ней был укреплен плетенный ивовый квадратный короб, в который мы, мальчишки, запустили раков.

Самым привлекательным на «Штатском месте» было то, что с него можно было обозревать безлесную черепановскую поскотину. Мы видели как коровы, овцы возвращались вечером домой. Как возвращались деревенские труженики с полей, иногда с песнями. Мы наблюдали закат солнца, как багровый луч его медленно спускался за горизонт, а тени надвигались на усыпавшее пространство. В такие минуты мы сидели на обрыве и пели наши излюбленные песни, а в их числе «Глядя на луч пурпурного заката». Со «Штатского места» мы отправлялись дальше к мостику с песнями и играми. Только поздним вечером, когда небо покрывалось ковром звёзд, мы направлялись домой с неперменной песней «У зори, у зореньки», причём, доминирующим в нашей прогулке всегда было то, что связано было со «Штатским местом».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 108-116 (рукопись), 119-122 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

«Поповское место»

[1965 г.]

Если из «Штатского места» пройти через пойму, покрытую березняком, на юг, то на горке расположено это место. На западной стороне его площадка обрывом спускается к речке, а против лежит остров. В узкой полосе между островом и площадкой места устроен копанец – узкий канал, перегороженный для постановки морд, конусообразных плетённых из ивовых ветвей мешков для ловли рыбы. По берегу тропинка выводила к загородке поскотины.

«Поповское» отличается от «Штатского» тем, что у него есть площадка, которая одновременно служила и местом, где происходили «Лукулловы пиры» на лоне природы, причём, угощающиеся возлежали на земле, покрытой пологими, и площадка приобретала вид лежбища моржей. Затем площадка превращалась в танцевальный зал, причём, паркетом служила земля, с притоптанной зеленью и пылью. Легко можно представить, какой вид получали от танцев ножки барышень и ноги кавалеров. Босоножки Айседоры Дункан, вероятно, с завистью поглядели бы на ноги танцующих.

Картину площадки дополняли самовары-великаны, что на обочине её дымились от сосновых шишек, которыми обильно снабжали их нутро.

Это празднество на лоне природы называлось «полем». Для устройства «поля» не существовало календарных сроков, только бывало, когда праздновались именины протоиерея Владимира Бирюкова 15-го июля, то 16-го устраивалось «поле». Гости же обычно на третий только день покидали дом именинника, а он сам так определял дни гощения у него: первый день – золото, второй день – серебро, а третий день – медь – со двора едь, т. е. уезжай.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 116-118 об. (рукопись), 122-123 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует. В «свердловской коллекции» также имеется очерк «Любимые места прогулок теченской молодёжи» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть I) (1965 г.) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

Наши песни на вечерах

[1961 г.]

Прежде всего нужно нарисовать обстановку нашего пения и сказать, что пели все: зелёная молодёжь и убелённые сединой старцы. Кто сидел, кто стоял. Все входы и выходы в зал, где был хор, были заполнены людьми. Пение возникало стихийно. Не было регента, но пение было дружным. Пение объединяло всех: и танцоров и играющих в карты. Из различных комнат люди собирались в один кружок. Это был момент единения всех. Пели много. По своей доброй воле обнаруживались и басы, и тенора, и дисканты, и альты. Унылые мотивы вдруг сменялись залихватскими: вся масса певцов вдруг оживала, разгорячившиеся начинали притаптывать ногами и приплясывать ... и всё мгновенно приобретало другой вид. Но как был прав А. С. Пушкин, сказав, что песнь русская – «грустный вой»: начав за здравие – всегда сведём за упокой». Как часто грустные мотивы преобладали в нашем пении!

1. Гей, славяне, еще наша речь свободно
льётся;
Еще наше верно сердце за народ свой
бьётся;
Жив он, жив он, дух славянский
Будет жить во веки;
Гром и пекло – всё напрасно
Против нашей мести.
Языка дар дал нам Бог наш
Он владеет громом.

...

2. Братья славяне, знамя свободы
Пусть разовьётся над вами.
Жив дух славянский, живы преданья
Живы останутся вечно.
Вечная слава славным героям,
Павшим в борьбе за славянство.
Труд их и подвиг ...
Живы останутся вечно.

3. Мы дружно на врагов
На бой, друзья спешим,
За родину, за славу,
За честь мы стоим.
Пусть знают супостаты.
(Как славен наш народ)
Пусть знает сила вражья,

*Как славен наш народ.
Мы дружно на врагов
На бой, друзья, спешим.*

...

Эта песня пелась на мотив славянской: «Напрей, застава славе...»

*4. Шуми, Марица окровавлена,
Плачет девица, люто ранена.
Марш, марш вперед...*

...

Впоследствии под мотив этой песни танцевали па-де-карт.

Все эти песни сохранились в нашем репертуаре от отцов и старшего поколения, как драгоценная память о патриотическом подъёме русских людей в борьбе за освобождение славян от турецкого ига.

*5. Засвистали казеченьки в поход с полуночи (запев).
Заплакала Марусенька свои ясны очи (дважды).
Не плачь, не плачь, Марусенька (запев).
Не плачь, не журился: за своего миленького Богу помолился (дважды).
Светит месяц над горою, а солнце
не мало; молит сына в дороженьку
Слёзно провожает.*

6. Баламуты ...

...

*Личко бело румяное,
Серце ж моё коханое.*

...

*7. Дощик, дощик, капает дробенько:
Я ж думала, я ж думала –
Задорожец, ненкьо ...
Рассердился мой маленький
Аж ногами ...
Рассердился, разгневался
Мой милый на мене,
Аж як взгляне – сердце вяне
У его к мене.*

*8. Солнце низенько, вичир близенько,
Спешу до тебе, лычу до тебе,
Моё серденько, моё серденько.*

...

Это песня имела вариации: «Солнце низенько, вичир близенько, выйди до мене, моё серденько...»

9. *Ой, куме, куме, слодка горилка,
Выньемо, куме, ще с понадилка ...*

...

Не известно, когда эти украинские песни вошли в репертуар наших певцов, но надо полагать, что при старшем поколении потомков наших отцов. Вошли же они в репертуар через семинаристов. Нужно оговориться, что пелись они не на чистом украинском языке, а на смешанном – украино-русском. Пленяла же, главным образом, прекрасная их мелодия.

10. *Во лужях, во лужях
Ещё во кузях, зелёных лужьях (дважды).
Выросла, выросла
Выростала трава шелковая.*

...

11. *Во ку... во кузнице (дважды),
Во кузнице молодые кузнецы (дважды).
Они, они куют, куют, дуют, приговаривают:
Пойдём, Груня, в огород ...
Сорвём, Груня, лопушок.*

...

12. *Ах, вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решётчатые.
Выходила молова, выпускала
Сокола. Ты лети, лети, соколок.*

...

При исполнении этой песни иногда выходила «на круг» какая-нибудь деревенская красавица – молодлица, сложивши свои могучие руки на своих «гималаях» (*таттае*) и павой прогуливалась по «кругу» *a la* танцовщицы Игоря Моисеева.²⁰⁶⁵

13. *Лучинка, лучинушка, берёзовая,
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь.
Или ты, лучинушка, не высушена.*

...

---

²⁰⁶⁵ Моисеев Игорь Александрович (1906-2007) – советский и российский артист балета, танцовщик, балетмейстер, хореограф, педагог, общественный деятель. Народный артист СССР (1953).

14. Ах ты, ноченька, ночка тёмная.

...

*Нету батюшки, нету матушки.
Лишь один то есть мил сердешный друг
Да и тот со мной не в ладу живёт.*

15. Ивушка, ивушка, зелёная моя,
*Что же ты, ивушка, не весела стоишь.
Или тебя, ивушка, солнышком печёт,
Солнышком печёт, чистым дождичком сечёт.
Ехали бояре из Нова-города,
Срубили ивушку под самый корешок.*

...

*Тягинька с мамонкёй
Неправдами живут,
Невправдами живут –
Силой замуж выдают.*

16. В тёмном лесе, в тёмном лесе, за лесью
Распашу я, распашу я пашеньку.

...

17. Эту песнь я начинаю,
*Песнь любимую мою.
И всегда к ней припеваю
Я рябинушку свою.
Гей, гей ты, рябина моя.*

...

18. Много песен слышал я в родной стороне.
В них про радости и горя мне пели.

...

19. Не велят Маше за реченьку ходить.
Любимая песня Владимира Александровича Бирюкова.
Бессмертное творение Ф. И. Шаляпина.

20. Вдоль по улице молодчик идёт,
*Вдоль по широкой удалый идёт.
Ой жги, ой жги, говори –
Вдоль по широкой удалый идёт.
На молодчике-то синь-кафтан,
Опоясочка шёлковая.
Ой жги ...*

...

21. Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идёт,
Ой идёт, идёт, идёт,
Песню с присвистом поёт
Тук, тук, тук / тук, тук (на 2 голоса).
Приударим, братцы, вдруг.
Полюби меня, Параша,
Молодого кузнеца –
Молодого, удалого
Из (Казани) кузнеца!
Тук, тук, тук ...
Если ты меня полюбишь,
Словно чином наградишь (дважды),
В генералы учредишь ... тук ...

22. Вдоль по улице метелица метёт,
За метелицей мой миленький идёт ...

...

23. За морем синичка, не пышно жила,
Не пышно жила, пивоваривала.
Солоду купила, хлеба займовать пошла,
Чёрный дрозд пивоваром был.

...

24. А мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо сеяли, сеяли.

...

Эта песня исполнялась с инсценировкой: все делились на две колонны и при чередовании куплетов сходились и расходились посменно. Как известно, она встречается в опере Римского-Корсакова: «Майская ночь».

25. Заплетися, плетень, заплетися,
Завяжися узел, завяжися ...

Эта песня сопровождалась инсценировкой. Припевкой были слова об утице, которая, «спотопляет молодых детей». Как известно, эта песня введена в оперу А. С. Даргомыжского «Русалка».

26. Сватушка, сватушка.
То есть в опере «Русалка».

27. Эх ты, зимушка-зима,

Холодна больно была.

Припев: Чёрная галка, чистая полянка,

Ты же Марусенька-черноброва –

Что же не ночуешь дома.

...

Более позднее приложение:

У студента под конторкой

Пузырёк нашли с косторкой.

Припев.

28. Не белы снеги ...

...

29. Я посею ли млада-младенька

Цветиков маленьких.

...

30. Ты поди, моя коровушка, домой,

Ты поди, моя бурёнушка домой.

Ах толи-ли калешка моя,

В саду ягода малинка моя.

...

31. Калинка, калинка, калинка моя.

...

32. Выйдуль я на реченьку,

Посмотрю на быструю.

...

33. Эй, ухнем, эй, ухнем.

...

34. Что не ветер ветку клонит,

Не дубравушка шумит.

...

35. Ты взойди, солнце красное.

С запевалом и хором.

36. В поле берёзонька стояла

Во поле кудрявая сояла

Моли-люли стояли.

37. Среди долины ровныя.

Слова этой песни, ставшей народной, написаны поэтом Мерзляковым, уроженцем г. Далматова.

38. Не гулял с кистенём я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь.

...

39. В саду ягодка малинка
Под прикрытием росла.

...

Песни за №№ 38 и 39 были любимыми у старшего поколения.

40. Что затуманилась, зоренька ясная,
Певец ударил крылом, крылом, крылом,
Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой, слезой, слезой.

...

41. Соловьём залётным юность пролетела.

...

42. Запевала: Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман
Слёзы горькие льёт молодец
На свой бархатный кафтан.
Все: *Полно, брат-молодец, ты ведь не девица.*
Верь (а потом изменили на «пей»)
тоска пройдёт.
Эх, тоска братцы-товарищи,
В грудь запала глубоко:
Дни весенние, дни радости
Отлетели далеко.
Все: *припев.*

42. Один голос: У зари, у зореньки
Два голоса: *Много ясных звёзд.*
Все: *А у тёмной ноченьки*
Им и счёту нет.
Один: *Ходят звёзды по небу*
Два: *Ясно так горят.*
Все: *Что-то сердцу бедному*

Тихо говорят.

Один: Говорят о радостях,

Два: О прошедших днях.

Все: Говорят о горестях,

О постигших нас.

Один: Вот одна из звёздочек

Два: С неба сорвалась,

Все: По небу скатилось

В вечность унеслась.

...

Кто мне мою милую

Может возвратить.

43. Медленно движется время.

Веруй, надейся и жди.

Зрей, наше юное племя –

Путь твой широк впереди.

Молнии нас озарили,

Мы на распутьи стоим,

Мёртвые в мире почили,

Дело осталось живым.

Стыд, кто бессмысленно тужит –

Волны зашепчут – он нем.

Слава, кто истине служит,

Истине жертвует всем.

44. Проведёмте, друзья, эту ночь веселей:

Пусть вся наша семья – соберётся тесней.

Припев: Не любить – загубить

Значит жизнь молодую.

Сердцу рай выбирай

Каждый деву младую.

Проведёмте, друзья...

...

Коперник целый век трудился,

Чтоб доказать земли вращенье.

Чудак – зачем он не напился –

Тогда бы не было сомненья.

Проведёмте, друзья...

45. Быстры, как волны, дни нашей жизни –

Что час, то короче наш жизненный путь.

Налей, налей, товарищ, заздравную чару –

*Бог знает – что будет с тобой впереди.
По суди, по суди – что нам будет впереди:
Умрёшь – похоронят, как не жил на свете;
сгниёшь – не воскреснешь к веселью друзей.
Припев: Налей, налей, товарищ.*

...

46. В полном разгаре страда деревенская ...

47. Укажи мне такую обитель

...

48. Не шуми ты, рожь ...

...

49. Не шей ты мне, матушка.

...

50. Мой костёр в тумане светит.

...

51. Вниз по Волге-реке ...

...

52. Вниз по матушке по Волге.

...

53. Волга-реченька глубока
*Приходу к тебе с тоской.
[Мой сердечный друг далёко...
... Вниз по Волге-реке,
С Нижня-Новгорода...»]*

...

54. Из-за острова на стрежень ...

...

55. Как на матушке на Неве-реке
На Васильевском славном острове.

...

56. Над Невой резво вьются
Флаги пёстрые судов.

...

57. Не туман, туман с моря поднялся
Что не частый дождичек идёт.

...

58. Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала
И спустилась к ручейчку
У знакомого гумна.
Вижу, слышу идёт барин
Две собачки впереди,
Два лакея позади.
Здравствуй, милая красотка,
Из какого ты села?
Вашей милости крестьянка –
Отвечала я ему –
Господину моему.
Ты родилась крестьянкой
Завтра будешь госпожой.

Слова этой песни приписываются крепостной гр[афа] Шереметева – Параше Жемчуговой, ставшей потом его женой.²⁰⁶⁶ Вся эта история любви помещика к крепостной связана с историей театра, памятником сего сохранился дворец-театр Шереметьева в Останкине около Москвы.

59. Там где тинный Булак
Со Казанкой-рекой,
Словно братец с сестрой обнимались.
Варлаамий – святой, с золотой головой,
Сверху глядя на них улыбается.

60. Крамбамбули – отцов наследство.
Любимое питьё у нас
И утешительное средство,
Когда взгруснётся нам под час.
Тогда мы будем пить крамбамбули.

Эта песня вошла в наш репертуар от отцов. Следовало бы изучить её историю.

61. Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу реки (Невы?).
Вы руку жали мне – промчался без возврата ...

---

²⁰⁶⁶ Шереметев Николай Петрович (1751-1809) – граф, покровитель искусств, меценат, музыкант, и Ковалёва-Жемчугова Прасковья Ивановна (1768-1803) – крепостная актриса и певица.

*Вы не исполнили священного обета ...
До гроба Вы клялись.
(Слова забыты).*

*62. Мне всё равно: любить иль нет,
Страдать иль счастьем наслаждаться.
Пуская меня забудет свет:
Мне всё равно, мне всё равно.
Мне всё равно, и я любил,
Не быв никем, любим взаимно.
Я всё святое разлюбил –
Мне всё равно – мне всё равно.*

Слова: «пуская меня» и «я всё святое» исполнялись фугой, а также первое «мне всё равно»; фугу вели басы и тенора.

*63. Ты причаль, моя рыбачка,
Лёгкий к берегу челнок,
Подойди и дай мне ручку,
Сядь со мною на песок.
Если ножна не одета
В твой прекрасный башмачок,
Ты не бойся ветра буйна
Перейдёшь через поток.
И на грудь склони головку
И не бойся так меня
Ведь без страха же вверила
Морю бурному себя.*

Последние две песни (№№ 62 и 63) внесены в наш репертуар тобольскими семинаристами Бирюковыми и были любимыми.

*64. Ты прости, прощай мой край родной
Прости, мой край родной.
Грустно расставаться мне с тобой,
Расстаться мне с тобой.
Ах, быть может, я в последний раз,
Нивы, луча, смотрю на вас,
Смотрю в последний раз.*

Эта песня внесена в наш репертуар ученицами Шадринской женской прогимназии Проскуряковой и Егоровой.

65. Ах, зачем эта ночь так была хороша.

66. Разлука ты, разлука.

(№№ 65 т 66 заимствован от шарманки, отсюда же: «Зажигайка ты, мать, лампадку...»)

67. Море синее, море бурное,
Ветер воющий, не обузданный.
Ты звезда ль моя, одинокая,
Ах, отдайте мне друга милова.
Где он, где, - скажи мне, море,
Всё ль в далёкой стороне.

...

Всё ли помнит обо мне.

...

68. Ты сказала: «во субботу – пойдём вместе на работу». Ты ж меня обманула, ты ж меня провела, ты ж меня, молодого, с ума разума свела.

В этой песне перебираются все дни недели с припевкой: «ты ж меня обманула...»

69. Гой ты, Днепр ли, мой широкий, лейся быстрою волной, Днепр широкий и глубокий, ты кормился мой родной.

Ну-те, братцы, поскорее, закидайте невода, мы при помощи Перуна лодку рыбой нагрузим и на ловли на продажу серебристых островов.

Я забыл свою кручину на волнах твоих седых, горемыку-сиротину ты баюкаешь на них.

Ну-те, братцы ...

Хор рыбаков из «Аскольдовой могилы» Верстовского.

70. Хаз-булат удалой ...
[Грустна песня твоя]

...

71. Славное море – священный Байкал.

...

72. Возле речки, возле мосту ...

...

73. Слети к нам, тихий вечер ...
[На мирные поля.
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря.
Темнеет уж в долине,
И ночи близок час,
На маковке берёзы

*Последний луч погас.
Как тихо всюду стало,
Как воздух охладел,
И в ближней роще звонко
Уж соловей пропел:
Слети к нам, тихий вечер»]*

...

74. Вдоль по-Питерской.

75. Вот мчится тройка почтовая по Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая, качает буйной головой.

...

76. Заложу я тройку борзых
*Тёмно-карих лошадей
И помчусь я в ночь морозну
Прямо к любушке своей.
[Гей вы, друзья удалые,
Мчитесь сокола быстрее,
Не теряйте дни златые:
Их немного в жизни сей.]*

...

77. Гляжу, как безумный, на чёрную шаль и мрачную душу терзает
печаль.

...

78. В низенькой светелке
Огонёк горит ...

...

79. Талисман: Там, где море вечно плещет ...

80. Смело, товарищи, в ногу ...

...

81. Вечерний звон.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 596-609.

В «свердловской коллекции» в составе «Автобиографических воспоминаний» автора также имеется очерк «Любимые песни теченской молодёжи (перечень с комментариями)» с незначительными изменениями (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 57-69.).

Танцы и бальные игры нашей юности

[1961 г.]

Мы знали любимые песни наших отцов, но мы не знали любимых танцев их: об этом никогда не было речи, а тем более прямого показа, демонстрации их. До нас доходили только слухи о том, что когда-то существовали старинные танцы – «гроссфатер» - немецкое слово, которое у нас произносили по незнанию немецкого языка – «гроссватер» и лансье. Немецкое *Gross-vater* – означает, как известно, дедушка, а «гроссватер» никак нельзя перевести на русский язык, пустое слово, сорняк, но эти филологические тонкости нам были в те времена не известны. В памяти сохранился только один случай не то какого-то танца, не то бальной игры, когда нам говорили, что мы выполняли тот танец, который называли нам «гроссфатер»: взявшись за руки и образовав длинную верёвочку, мы ходили по коридору и комнатам, то свиваясь в кольца, то разрываясь. Это очень напоминало весеннюю игру в деревне на лугу с пением песни «Заплетися плетень». Было ли это что-то похожее на «гроссфатер» или нет – так и осталось для нас тайной.

Историю танцев в наших деревенских условиях мы можем вести только со времён нашего старшего поколения, причём естественно в соответствии со сменой поколений можно отметить, пожалуй, только два периода, характерных для состояния танцев: до 1900 г. и после этого года до 1910 года. Наша юность совпала с началом XX столетия, и мы уже были в области танцев наследниками старшего поколения. От этого поколения мы получили несложный круг танцев, как: кадриль, полька, вальс и уже как вершина искусства – полька-мазурка.

Кадриль – это был тот танец, без которого вечер не мог быть признанным вечером и без овладения которым ни один наш деревенский юноша не мог быть признанным кавалером. Это было своего рода логической дефиницией – *condition sine qua non*²⁰⁶⁷, и в него именно и вложены были весь пыл и страсть нашей молодёжи. Уже при выполнении первой фигуры кадрили, как только гармонист заиграет «По улице мостовой», в комнате, где осуществлялся этот танец, начиналось такое движение, что пол сотрясался от могучих притопываний кавалеров. Получалось то, что Гораций Флакк выразил в словах: «*Nunc pede libero pulsanda tellus*» - только не земля, а пол нёс полную нагрузку *pede libero*. Стёкла в окнах жалобно дрожали, мебель сотрясалась, температура в комнате поднималась до удушья, музыкант едва успевал смахивать пот с лица, танцоры тяжело дышали, все в поту, покрасневшиеся, и всё-таки когда казалось, что ещё мало движения, стука и шума, истошный голос кричал: «больше жизни», и всё превращалось в вихрь, казалось, что всеми овладевало безумие, «вальпургиева ночь». Зато когда эта вакханалия заканчивалась, всё

---

²⁰⁶⁷ *condition sine qua non* – по-латински неперемное условие.

это месиво человеческих тел рассыпалось и все расходились по углам или на воздух, обмахиваясь платками, как веером. Созданы были различные вариации кадрили: перекрёстная с чередованием двух составов танцоров в том случае, когда комната не позволяла всех включить в один поток: с закрытыми глазами, как при игре в «змурки»; женская, когда приглашение на танец передавалось «дамам» - своеобразный приём для проверки женских сердечных тайн – их симпатий или антипатий. Новым явлением, причём претенциозным, а по существу курьёзным было стремление с нашего поколения, по крайней мере отдельных его представителей, ввести дирижирование во время кадрили на французском языке. При этом не обошлось опять-таки без появления на сцене богоборческой и кощунственной философии Ивана Карамазова, выразившейся в данном случае в том, что для дирижирования применялись отдельные слова, кстати или не кстати, из молитвы на греческом языке «*Basilen uranie paraelite*» («Царю небесный»). Было это выходкой чисто хулиганской.

«Полька» и «вальс» выполнялись в виде интермедии, а полька-мазурка была уже высшей точкой полицейского искусства, и только «избранные» достигали этой вершины танца. Зато выполнялась она с особенным блеском: кавалерам недоставало только польских костюмов и усов. Главным в этом танце было па с припрыгиванием и ударом нога об ногу.

Весь круг танцев в течение вечера, таким образом, складывался так: основа – главное действие – кадриль 4-5 раз в течение вечера, а между кадрию – польки, вальсы, польки-мазурки. Это было, так сказать, классической программой танцев, унаследованной нашим поколением от старших братьев. Но жизнь шла вперёд, а вместе с ней появлялись у нас и новые танцы. Первыми проводниками новых танцев были екатеринбургские епархиалки – Бирюковы Соня и Женя. В качестве первых новинок они привезли в Течу два танца – «Русско-славянский» и «Польку-бабочку». Что было при этом: наши танцоры раскололись на две партии – консерваторов и либералов. Консерваторы не хотели ничего признавать кроме привычных танцев, но либералы сначала робко, а потом смелее стали «вползать» в новинку. В тяжёлом положении оказался наш гармонист Митя Кокшаров, в задачу которого входило подбирать подходящую музыку, но, наконец, и он при помощи тех же «новаторов» танцев подобрал музыкальное сопровождение. Как ни странно, но больше всех новыми танцами заинтересовалась мамаша этих епархиалок – Поликсения Петровна, в это время уже старушка. Как только выдавалась свободная минута перерыва в танцах, она просила своих дочерей продемонстрировать новые танцы и явно любовалась доченьками, а, может быть, даже и гордилась: вот, дескать, смотрите, какие у меня хорошие дочери.

Пермские семинаристы пошли ещё дальше в освоении новых танцев. Начали с того, что учились друг у друга в большую перемену вечерних занятий, а потом – пригласили учителя танцев. В номенклатуре бальных танцев на семинарских вечерах появились новые названия: па-д`эспань, па-

де-катр и т.д. И вот с этими новинками они заявили в Течу. Это была уже революция в танцах и прямой вызов консерваторам. Последние, прежде всего, обрушились на новую терминологию, появившуюся с дирижированием на французском языке, и на новые названия танцев и переделали их на привычный им язык: так, французское *a drua* – переименовано было «по дрова», а па-д`эспань в «поди да встань». Нет, деревня в своей массе не готова была ещё воспринять культуру города, и все новые танцы были восприняты её аборигенами не как рядовые танцы, а как только показательные, «на любителя». В деревенской гуще были ещё и такие, например, барышни, которые не освоили ещё и таких массовых танцев, как вальс. Был, например, такой случай, когда один из семинаристов на вечере в Бродокалмаке пригласил одну из местных барышень на вальс, учтиво обратясь к ней со словами: «разрешите ангажировать Вас на тур вальса», - то получил классический ответ: «я не умию и при том потию». От этих слов: «не умию и при том потию», конечно, далеко до таких танцев, как па-д`эспань или па-де-карт.

Как на печальное явление в области наших деревенских танцев нужно указать на то, что забыт был «русский». Он сохранился как некий рудиментарный отросток. Зато если попадался человек, танцующий «русского», то его упрасивали, как какую-либо знаменитость – редкий экземпляр танцора, чтобы он показал своё искусство. Так, в Сугояке мастером-исполнителем «русского» был псаломщик Иван Николаевич Калашников. Стоило ему только появиться на ёлке или на вечере, и сейчас же его окружали просители: «Станцуйте, станцуйте «русского». Как полагается, он не сразу выполнял просьбу, а с выдержкой – «попросите, тогда спляшу». Но что было, когда он, наконец, соглашался?! Прежде всего, в команде подготавливалось необходимое «пространство»: мебель сдвигалась, люди становились к стенам. Он уходил из комнаты в коридор, делал выдержку, а потом стремительно, как вихорь, вбегал в комнату, нет, не вбегал, а вносился и делал круг – разворот, а потом начинались «фигуры»: то он припадал к полу, то, как резиновый мяч, отрывался от него и выделял разные па. Трудно было уследить за движением его ног: то он притоптывал, то делал круги. Казалось: вот-вот он вывернет ноги в коленях. На лице у него появлялся пот, дыхание становилось порывистым. Все любовались! Да, это бы захватывающий танец широкого размаха, удали, страстного порыва. Можно было сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

Игры на вечерах были своего рода отдыхом от «трудов праведных» во время танцев. Традиционными были: игры в фанты, «уж я золото хороню» и в «кошку и мышку». Новыми были: «Как у дяди Трифона» и «Врёшеньки врёмь».

*«Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню.
Я у батюшки в терему, в терему.
Я у матушки в высоком, высоком.»*

*Гадай, гадай, девица,
Отгадай, красавица,
Где твой, перстень,
Где твой золотой».*

Это пелось при игре «Уж я золото хороню».

*«Как у дяди Трифона было семеро детей;
они не пили, не ели,
друг на друга всё смотрели,
разом делали: вот так!»*

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 589-595.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Кое-что из устного народного творчества
(изречения, песни, сентенции)

[1965 г.]

1. *Вся порода винохода-
Один дедушко рысяк.*

Это изречение я слышал в Тече от Татьяны Павловны Ключиной по поводу её родословной. Отец её Павел Михайлович Постников был выходец из Расей. В Тече он был портным – чистым ремесленником.

2. *У богатых
Виши рогаты,
А у бедных
Комолы.*

Это изречение я тоже слышал в кругу моих теченских знакомых женщин: Татьяны Павловны и др.

3. *Гулеть, так гулеть
Ядри ево леть.*

Это изречение я слышал от отца, а он передавал его в порядке воспоминаний о каком-то дедушке. Он так и говорил: «Дедушка так говорил: ...»

4. *Днём монашат,
А ночью ноги шарашат.*

Эти слова я слышал от нашего работника Ильи Петровича Ерёмина о верх-теченских монашках.

5. *Школьники-разбойники!
Школу подломили
Учительшу убили.*

Эту песню нам пели мальчишки с сеновала одной избы, мимо которой мы возвращались домой из школы.

6. *Тятя, мама, ись хочу –
На палати заскочу.*

Эти слова я слышал в доме соседей Южаковых: мальчишки просили хлеба у матери и прыгали около неё.

7. *Анна Петровна
Поехала по брёвна,
Села на пенёк,
Просидела весь денёк.*

Эту песню мальчишки, в том числе и я, пели нашей соседке, когда она направлялась с вёдрами за водой.

8. *Вася, бася
Съел карася.
В... и гуся
Сам боюся.*

Мальчишки пели эти песни в насмешку надо мной.

9. *Вася, Вася,
Я бы тебе далася,
Да боюся –
Наколюся.*

Эти слова пела мне соседская девочка Верка, когда ей было лет 12-13, а мне 7-8.

10. *Гришку бреют
Не жалеют
И стригут –
Не берегут.*

11. *Запрягай дровни
И поезжай по ровню.*

12. *У Ивана Кузьмича
Ж...у выела чуча.*

13. *На фатере солдат Яшка,
Сам хозяин вор Игнашка.*

Припев: *Ромы, девки, ромы, ром.*

14. *Матки, блядки!
В ложке утонул,
Али в корчаге заблудился.*

15. *Кто у нас хороший?
Кто у нас пригожий?
Иванушко хороший,
Иванушко пригожий.*

*Розан мой, розан,
Виноград зелёный.*

И т. д. называются все члены семьи.

Эту песню пели «шиликуны» (ряженные), ходя по домам.

16. *Дождик, дождик, перестань!*

Мы поедем на рестань.

*Богу молиться,
Царю поклониться.*

*Царь-сирота,
Отворяй ворота!*

*Крючкём, замочкём,
Шёлковым платочкём,
Подшалочкём.*

17. *Мать-Расея, мать-Расея,
Мать расейская земля.*

18. *Поелозьте, мои гости!
- Сами знаем – понимаем
Наелозились!*

19. *Отсеки руки по локоть,
Но к себе не волокай.*

(Кирилл Михайлович [Рассохин]).

20. *Вятский народ хватский*

Семеро одного не боятся.

А ежели один на один –

То все котомки отдадим.

21. *Дольше в девках –*

Меньше в бабах.

Дольше в бабах –

Меньше в девках.

22. *Покров, покров!*

Покрой землю снежком.

А меня, девушку, женишком.

23. *Зовут зовутком,*

Величают обутком.

Речения, определяющие время.

1. Лонись – в прошлом году.

2. Коевадни – в один из прошедших дней.

3. Вчерась-вчарась – вчера.

4. Ночесь – ночью.

5. Утресь – утром.

6. Третьеводни – третьего дня.

7. Зимусь – зимой.

8. Летось – летом.

9. В великом говенье – великим постом.

10. В промёжговенье – между постами.

11. Осенесь – осенью.

12. На прок – на след[ующий] год.

13. В Христов день – на Пасхе.

14. На Николу зимнего.

15. Бабье лето.

16. На вёшну – весной.

Речения, определяющие пространство

1. *Даром? За поповым амбаром.*

Из разговора.

2. *Где ты его (телёнка) видела?*

- *Где дядинька Петя приходит.*

- *Где они ходят?*

- *Где сухановские кони пасутся и т. д.*

Ругательные изречения.

1. *Ах, ты! Язвило бы те!*

2. *Язвит те!*

3. *Ядрёна мыть!*

4. *Елёна мать!*

3 и 4 – есть нечто иное, как трансформированные матерные слова.

5. *Ах, ты – халудора!*

6. *Типун тебе на язык!*

7. *Ах, ты – жаба!*

Любимое изречение нашего работника Прони – Прокопия Васильевича²⁰⁶⁸ Черепанова. «Ах, вы, жабы-деушки» - вариант этой ругани.

8. *Чтоб ты разорвало, халера!*

9. *Иди ты к лешему!*

Отдельные слова.

1. Галиться – издеваться.

2. Галить – при игре мячом или шариком: ловить на поле игры и посылать его играющим.

3. С ручкёй – ударить шарик, задержавши шаровку в руке.

4. Сдыгал – не выполнил условия игры и отказался играть дальше.

5. На баталках – катать на параллельно расположенных шаровках.

6. Чур, не мне воду греть! – перед купанием.

7. Лён сломал – упал и разбил позвоночник.

8. С пуца сорвал – получил грыжу.

9. Кила – грыжа.

10. Рушать – резать хлеб.

11. Хмелевать – собирать хмель.

12. Наволоки – заросли черёмухи, чёрной смородины, хмеля и т. д. в пойме реки.

13. Васька, Ванька, Василко, Петруха, Васюха, Ваньша, Петьша; у девушек – девша.

14. У миня, у тибя.

15. Тятинька, мамонька.

16. Гуляшь, гулям.

17. Любел.

18. Дохтур.

19. Фершал.

20. Воспеница.

21. Становина.

22. Изгребный.

23. Накось.

24. Гледикось.

25. Соколики.

Баской, баско.

До ветру, чилизна, старушить, привичать.

---

²⁰⁶⁸ Прокопия Константиновича.

При играх.

1. Раз, два, три, четыре, пять!

Вышел зайчик погулять.

Вдруг охотник выбегает,

Прямо в зайчика стреляет.

Пиф, пах, ой, ой, ой!

Умирает зайчик мой!

2. Катя, Катя, Катерина,

Разрисована малина.

Катя по полу идёт,

Катя симички грызёт.

3. Двоедан, другодан

На колоде угодал.

Прозвища.

1. Никита-дитя. 2. Яша-преселка. 3. Вася-курник. 4. Мишка-голубишка.
5. Венко-рожок. 6. Алёшка Расторгуев. 7. Мишка Чигасов. 8. Васька-копалка.
9. Гришка-волченок. 10. Стёпка Шолин. 10. Нужа Карабаева.

Вариации песен.

1. Где прежде процветала

Троянская столица,

Там в наши времена

Посеяна пшеница.

Где прежде в Капитолие

Судилися цари

Там в наши времена

Кутят пономари.

Из песен.

1. Жду ответа

Как соловей лета.

2. Ещё кланяется тебе

... по низкому поклону.

У иконы.

- Мамка, мамка, боги-то в сапогах.

- Молись ты – не смотри на них.

- Мамка, мамка, боженьки-то тоже в сапожках.

- Насери ты на них, молись.

МОЛИТВЫ.

Заступница усербная.

...

Ты и сама-то нашего рода хрестьянскова.

Воздвижение Пресвятой Богородицы.

Одежда.

Зипун, яга, частобор, пониток, обутки.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 38-56.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Пельмени

(«научное» исследование
по типу существовавших прежде академических исследований)

[1965 г.]

Введение. У нас их называли: «пельмяни», а не «пельмени». Что правильнее? Филологи разъясняли, что это слово образовано из двух пермяцких слов: «пель» - ухо и «нянь» - хлеб, а в переводе на русский язык значит – хлебное ухо. Пельмень на самом деле походит на ухо, но чтобы в точности изобразить сходство его с ухом, следовало бы добавить «с начинкой». Слово «ухо» для пермяков имеет особое значение, потому что у них прозвище: «пермяк солёные уши». С этой стороны слово «пель» указывает на своё пермяцкое происхождение. Но не понятно, как из «нянь» получилось «мень» - по какому закону. Зато «мянь» ближе к «нянь», а отсюда не правильнее ли было бы говорить «пельмянь», а не «пельмень? Как видно, это слово требует ещё дополнительное филологическое исследование. Это – во-первых.

Во-вторых, не понятно, как это слово, принадлежащее маленькому народу и отражающее его «бытие», получило такое широкое распространение. Очевидно, под него нужно подвести ещё и историческое объяснение, т. е. как получилось, на основе каких исторических условий оно распространялось.

В-третьих, установлено, что некоторые люди неправильно употребляют это слово. Так, вместо того, чтобы сказать: «закажи пельменев», или: «пельменьев». Следовательно, лингвистам необходимо установить точную природу этого слова и указать на правильное употребление его в речи.

Изложение.

А) Пельмени в нашем семейном быту. Пельмени у нас стряпались обычно по понедельникам. Почему? Потому, что мясо можно было купить только на базаре, а базары происходили по понедельникам. Отступления от этого порядка допускались только в следующих случаях: 1) если заговенье падало на другой день, а оно чаще всего падало на воскресенье; 2) по случаю отъезда детей на учёбу, когда день приготовления их подгонялся ко дню отъезда. В летнее время, за отсутствием мяса, пельмени не стряпались.

Процесс приготовления пельменей был следующий. Мясо покупал всегда батюшка. Он был большим знатоком мяса и умел для пельменей выбрать такое, что в нём не было ни балони, ни жилок. Я не помню случая, чтобы матушка когда-либо опротестовала закупленное мясо.

Мясо измельчалось («рубилось») сечкой в деревянном корыте, потому что техники (мясорубок) у нас не было, да когда мясорубка и появилась, то всё равно предпочитали рубить мясо сечкой: считалось, что так заготовленное оно вкуснее, вроде как от деревянного корыта оно получало какой-то дополнительный приятный вкус. К мясу добавляли лук, разводили

его водой и доводили до определённого стандарта. Наша матушка на этот счёт была большим специалистом. Мясо рубила матушка, а ей помогала старшая сестра, если была дома. Тесто готовила только матушка. Я любил наблюдать, как ловко она это делала: мяла колобок то от себя, то к себе, то вправо, то влево, всё время подмешивая муку, пока колоб не получал необходимую упругость. Когда колоб был готов, то клянусь Геркулесом, никакой кристаллограф не смог бы через лупу усмотреть в срезе теста какие бы то ни были пустоты – каверны. Таков был подготовительный период к основному процессу приготовления пельменей. Он, как видно, состоял из индивидуальных операций, т. е. отдельные операции его производились индивидуально. В этом была его особенность.

Дальше к подготовке пельменей приступал уже коллектив, причём были строго определены функции каждого члена коллектива: защипывал пельмени батюшка, колобки для раскатывания на сочни заготавливала матушка, а сочни из этих колобков раскатывали наши сёстры (две). В случае их усталости, им помогал кто-либо из братьев, занимая место их (стол не позволял дополнительно присаживаться к нему). Я должен сразу сообщить, что орудия производства для раскатывания сочней «скалки» у нас были именные, т. е. являлись частной собственностью каждого владельца, и, кроме того, каждый владелец как-то лучше приспособлялся к своему орудию и продуктивнее работал. Я должен отметить ажурную работу нашего батюшки: он следил, чтобы сочни к нему поступали добротные – ровные, гладкие и аккуратно защипывал пельмени, придавая им отточенную одинаковую форму. Он укладывал их стройными рядами на доску так, как бы на неё нанесены были линии линейкой. Через определённые промежутки времени он выходил из кухни, где стряпали, в горницу, доставал там «заветную» бутылочку и «приобщался». Иногда с ним уходила и старшая сестра, которая лечила желудок «пальповкой». Сочни за отсутствием папаши скоплялось, но он, подкрепившись, быстро «справлялся» с ними. Теста обычно бывало больше, чем мяса – фарша, и из него готовились «перепемочи» - сочни, сжатые на манер бантика.

Пельмени заготовлены и всегда бывает небольшой промежуток времени, пока разжигается печка, а пельмени закрепятся в своей форме. Приходится ждать. По опыту жизни я знаю, что всего тяжелее ждать запаздывающий поезд зимой на какой-либо маленькой сибирской станции, но ждать в этом случае пельменей тоже не удовольствие, потому что ожидание здесь желудочное, а он, желудок, как на зло, становится нетерпеливым. Чтобы коротать время, я с братом Иваном, мальчишки – один шести, а другой девяти лет, затеяли возню и ... сбили одну доску с пельменями с табуретки. Боже мой! Что тут поднялось! За продукт коллективного труда все поднялись горой, но падение было с большой высоты, а пельмени были уже окрепшими, так что у некоторых только пришлось исправить форму и пообдывать. Урон составили два-три пельменя, которые в суматохе успела «стибрить» проклятая кошка.

Наконец, появилась на столе первая тарелка пельменей, от которых аромат пошёл по всей кухне. Излишне говорить о том, что последовало за этим. Скажу только, что пельмени мы потребляли, погружая их в уксус с перцем, который был на отдельном блюде у каждого, но тарелка была общая. Мы орудовали вилками, которые опять-таки были именными. Потребляли пельмени, выискивая «счастливый», который обычно наш батюшка незаметно заготавливал с чем-либо – с тем же колобком, или с изюминками. Матушка в этом случае стояла на своём посту у печки и присаживалась к столу уже с последним варевом, в которое входили и «перепемочи» Иногда часть сваренных пельменей поджаривалась ещё на сковородке на «верхосытку». Это было уже настоящим баловством.

После пельменей, можно сказать, отягощённые, мы ложились спать.

Во время постов по традиции тоже в понедельник стряпали пельмени с солёной капустой, с капустой и сырком и со свежей рыбой. Антон Лазаревич Новиков, наш теченский купец, предусмотрительно на время поста добывал из Челябинска вяленого сырка на пироги, а наш батюшка приготавливал из него закуску с луком, перцем и уксусом, а также комбинировали его с капустой на пельмени. Свежих окуньков приносили иногда к нам теченские рыбаки, из них и приготавливали начинку в пельмени.

Б) Пельмени в общем деревенском быту. Для русского пейзажиста²⁰⁶⁹ пельмешки, как он ласково называет пельмени, являются таким же лакомством, каким для украинца являются галушки, для белоруса – колдуны, для китайца – гнездо ласточки-саланганы, для Ивана Андреевича Крылова – устрицы. И в первую очередь мясные, из «мяска», как называют мясо наши гастрономы. Но мясо в рацион пейзажиста попадает по линии натуральной системы хозяйствования. Так, оказался лишним в стаде барашек – под нож; родился бычок, а не тёлка – под нож; откормили бычка – на стол. Хозяйка гадала, как тушу пустить в оборот. Большую часть – на «шти», часть – жарить, но в первую очередь желудок подскажет – пельмешков душе требует. И вот если душа богатая, как, скажем, у кирдинского Сергея Даниловича Черепанова, то и хозяйке на помощь приходят сватья, кумы, и целый короб замороженных пельменей стоит в амбаре или в погребе. Нужно поехать Сергею за чем-либо в «Шадрино» или «Селябу» - на дорожку «горяченьких»; вернулся Сергей – обогреться – горяченькими. А дальше: на разговенье, на заговенье, на какой-либо праздник, на «свальбу», на угощение и проводы «некрута» - на всё хватит. Ну, а если «душа», т. е. «достатки» по хозяйству, короче, то и случаи «побаловаться» мясными пельменями реже: на заговенье перед Великим постом, на праздник при встрече со сватом – и только. А если «душа» тощая – то мясные пельмени и обойдут такого хозяина. Доступнее по «животу» капустные пельмени, или «груздяные» - зимой из солёных груздей, а летом – прямо с поля: поедут на покос, в

---

²⁰⁶⁹ Пейзажист – условно-идиллический образ крестьянина в художественной литературе, живописи, театре.

«паужну» или перед отъездом бабы заглянут в лес, «наломают» обабков, насобирают груздей и из последних тут же, по приезде домой, сварят пельмени, а «лужёные» желудки всё переварят. Вот только в 1903 г. летом, когда на селе многие болели «горячкой», т. е. брюшным тифом от этих пельменей кое-кто поумирал....

Однажды в Баклановой меня угощали пельменями из гусятины. Что это – Лукуллов обед? Соловьиные язычки на столах римских императоров? Изнеженность нравов, что Цезарь отмечал у германцев? Нет! Гораздо проще: не «погодилось» мяско, а «охота» пельмешков – пошли на компромисс.

В) Продажа пельменей. Находились предприимчивые «бабоньки», которые продавали пельмени во время набора «некрутов». Продавали вместе со «сбитнем», пахучим, сладким напитком. Торговали и на базаре: тут же на таганке, поставленной на костёр варили по заказу и передавали в чашке с вилкой. Подходил какой-либо баклановский толстосум вроде Василия Яковлевича Богатырёва старшего и «обогрелся» «с пылу горячими» пельмешками.

Г) Частные случаи потребления пельменей.

1) «В путь шествующим». Случалось это на почве сердобольности. Кто не поймёт жалость матери по отношению к детям, когда приходилось отправлять их на учение в Камышлов или Екатеринбург? Чтобы как-то смягчить горечь расставания, матери давали детям «подорожники»: пирожки с изюмом или яйцами, заварные кральки, а при отправке зимой с рождественских каникул даже мешочек с замороженными пельменями. «Сварите их или в Акуловой, или в Каменке» - такое давалось при этом поручение, которое, конечно, выполнялось.

2. Пельмени на бурсе. Это было к Камышловском духовном училище в заговенье перед Великим постом. Это событие выходило далеко за рамки бытового явления, а, если хотите, имело историческое значение и направлено было по линии реабилитации сего учреждения. В известном произведении Помяловского «Очерки бурсы» оно, это учебное заведение, показано только в мрачных тонах, и вот извольте: учеников в этом учреждении угощают пельменями. Разве это не свидетельствует о «смене вех», о том, что руководители этого учреждения вместо применения розог повернулись лицом к своим питомцам – «к деревне», как не так давно символически выражались у нас в аналогичных случаях. Наконец, это было просто проявлением гуманизма, если учесть, как сложно было реализовать это дело, руководствуясь только желанием доставить удовольствие «малым сим», а не сухим повелением долга. Чтобы накормить пельменями сто двадцать человек, с подтянутыми животами при рационе, который они сами определяли в стихе:

*Ох, ох, ох!!!
Semper горох,
Quotidie каша –
Miseria наша, -*

для этого нужно, во-первых, решимость, смелость, а, во-вторых, сильное желание выполнить это решение. И было всё преодолено, всё мобилизовано вплоть до жены зрителя и дочери эконома. Пельмени, правда, не отличались особенной красотой, в мясе попадались и жилки, но разве можно за это упрекнуть учредителей в такой большом деле? А как счастливы были они, для кого это было сделано! Нажимали на животы во всю да ещё и в карманы совали, чтобы продлить счастливый миг.

Д) Пельмени у себя, на родине – в Перми. В Перми существовали пельменные ряды. Они были расположены у городской каланчи, на склоне горки в направлении к рыбной торговле Шварёвой по Красноуфимской улице. Здесь был целый ряд мелких лавчонок, в которых по заказу моментально варились пельмени, и заказчик тут же, «притулившись» к столику, потреблял их, приправляя каким-то подливом. Санитария несомненно здесь сильно прихрамывала. Здесь, вероятно, торговала и горьковская Квашня из «На дне». Культурно можно было полакомиться в некоторых пивных, так называемых «портерных». Здесь пельмени можно было употреблять «с возлиянием», т. е. с выпивкой.

Е) Пельмени Клавдии Васильевны Забалуевой. Это было при НЭПе. В период гражданской войны некогда было думать о пельменях да не было и материальной базы, а при НЭПе, когда желудки у людей стали оттаивать и растягиваться, мысль о пельменях снова воскресла, как говорится «жив, жив Курилка!» Но в данном случае не столько важно «воскресение» идеи, сколько новаторство, которое проявила Клавдия Васильевна. Впрочем, я должен оговориться, что это новаторством, может быть, было только для меня, а пальма первенства первого открытия вовсе и не принадлежала ей. Но я был поражён смелостью идеи – породнить пельмень с редькой. Пельмень и редька – не звучит ли это, как волна и камень, а вот Клавдия Васильевна их примирила. Не сразу мы могли освоиться с этой идеей, но она убедила нас на опыте, эмпирически, т. е. просто подала нам пельмени с редькой и угощала: «вы со сметанкой, со сметанкой кушайте их!» Когда-то хлебосольные хозяйки так угощали своих «гостей»: «Поелозьте, мои гости», а гости отвечали: «Сами знаем – понимаем – наелозились!» Вот так было и у нас: мы готовы были кричать: «наелозились, поелозились», а хозяйка прибавляла и прибавляла пельмени. Это были «божественные» пельмени.

Ж) Пельмени в период реконструкции народного хозяйства.

При перестройке сельского хозяйства в тридцатых годах произошло опять «ущемление» желудков у населения, и идея пельменей на время ослабела, но как только сельское хозяйство на новой основе – колхозной встало на ноги, наш Курилка воспрянул духом. В соответствии с тем, что промышленность реконструировалась, впервые возникла идея машинного производства пельменей, но широкому распространению этой идеи воспрепятствовала начавшаяся в 1941 г. вторая империалистическая война.

3) Пельмени после второй мировой войны.

Мы подошли к последнему периоду развития пельменной идеи. Как известно, эта война была тяжёлым испытанием для всех воюющих государств, но в то же время блестящим подтверждением преимущества социалистической системы хозяйства над капиталистической. Капиталисты думали, что война надолго подорвёт силу у советского народа и задержит его победное продвижение к коммунизму, но они просчитались: советские люди под руководством своей родной коммунистической партии, уже залечили раны, причинённые войной, и успешно продвигаются вперёд к коммунизму. Показателем этого является опять то, что идея пельменей опять воскресла. В Свердловске, например, имеется две пельменные. Это законченные во всех отношениях организации, работающие на полном ходу, рентабельные в отличие от некоторых других. Их популярности могут позавидовать многие учреждения города. В городе можно встретить объявления о том, что в пельменные требуются работницы. Часто приходится встречать людей, разыскивающих пельменные, наружный вид которых свидетельствует о том, что их привлекает в них ещё и то, что к пельменям можно получать и «возлияние». В настоящее время увеличивается и выпуск через торговую сеть пельменей промышленного производства.

Заключение.

Мы исследовали всесторонне проблему пельменей в историческом и бытовом разрезе и можем сделать некоторые выводы.

1. Пельмени – это национальная идея русских, как, например, для итальянцев таковой являются макароны.

2. Пельмени являются показателем благополучия народа, барометром благополучия его.

3. Пельмени, как всякое другое общественно-хозяйственное явление, прошли путь развития от кустарного производства к фабричному, но не дошли ещё в своём фабричном развитии до стандарта: уступают кустарным по вкусу и форме.

4. В прошлом пельмени, несомненно, сыграли свою роль в привитии навыка у людей к коллективному труду.

В заключение нужно предостеречь читателей этого «научного труда» от возможности ложного понимания идеи в виде «квасного патриотизма» славянофилов. Автор вовсе не считает идею пельменей навсегда вошедшей в плоть и кровь русского народа, как считали, например, славянофилы триаду: «самодержавие, православие и народность». Он стоит на позиции исторического диалектического материализма и считает, что в процессе материального изменения бытия русского человека в соответствии с известным положением Павла деи пельмени тоже претерпят известную метаморфозу и явятся только одной из пережитых форм общественного развития человечества.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 389. Л. 1-29.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[ЛЮДИ ТЕЧИ И ИХ СУДЬБЫ]

Земские начальники в Тече

[1961 г.]

Габриельс

В девяностых годах в Течу приехал первый земский начальник с нерусской фамилией Габриельс. До него самым высшим начальником у нас был становой пристав, попросту звали – становой – Селивестров, человек горячий. Бывало, едет он, а если кто ему едет навстречу или кого нужно ему объехать, кричал: «долой с дороги» да ещё и кнутиком «благословит». Габриельс, как видно, был из военных: высокий, худой с генеральскими усами. Выправка военная. Квартировали у Мироновых: занимали верх и низ. Было у него три дочери: Нина, Лёля и Киза, полностью Клеопатра, и сын. Дочери учились в каком-то институте благородных девиц, а мальчик – в кадетском корпусе. Дети были озорные: летом шлялись по селу, озорничали у диакона, например, бывало: все сидят за обедом, вдруг по всему дому темно – они закроют ставни и убегут. Крестьянские ребята научили Кизу материться. Ну, и над ними тоже поповские ребята «подцыганивали». Раз они с отцом пришли в гости к протоиерею и стали в ограде бегать на «исполинских шагах», а «бирючата» и подговори соседнего мальчику Стёпку «Шолина», который плохо говорил, чтобы он подошёл к ним, подал руку и сказал: «Здравствуйте! Шут Балакирев» - отрекомендовался, значит, а он подошёл к ним и сказал: «Здравствуйте, суки балаки!» Хохоту было на весь двор.

Была у Габриельса ещё какая-то дама, наверное, бонна. Её почти никогда не было видно. Забавой был у них ручной журавлик. Всё приходил в лавку к Новикову: там его угощали разломанным пряником.

Задумал однажды земской начальник прокатиться на знаменитом кокшаровском Пеганке – так требовала, вероятно, его кавалерийская душа. Предостерегали, что конь вольный, может сбросить. Нет! Я – кавалерист. Поехал верхом по тракту. Выехал за село, а обратно Пеганко прибежал без седока. Ладно, что не до смерти слетел с коня.

Странные отношения у него были с протоиереем – фамильярные. Протоиерея он называл Володькой, и тот ничего ... принимал за чистую монету.

Прожили Габриельсы в Тече два-три года. Слух был потом, когда они уже уехали, что Лёле, средней дочери Габриельса, в Москве делали операцию – вскрывали головной мозг и что-то удаляли. В Тече это известие было воспринято, как сообщение о каком-то чуде. Вот всё, что у течан осталось в памяти о Габриельсах.

Стефановский

Подобно Габриельсам, в Тече не подолгу задерживали становые приставы. Получалось такое впечатление, что все эти приезжие начальники отбывали в Тече нечто вроде ссылки: приезжали без багажа и уезжали без багажа, гастролёры, входящие и исходящие номера. Другое впечатление оставили у течан Стефановские: земской начальник Павел Александрович и его семья.

Про них нельзя сказать, что они приехали без багажа: они уже при переезде имели пару лошадей, летнюю повозку и зимний рыдван. Последний особенно обратил на себя внимание течан: раньше в Тече такого зимнего экипажа не было. Потом, когда они больше обосновались в Тече, у них была уже тройка рыжих лошадей. Были коровы, птица и чуть ли даже они не засевали немного овса для лошадей на арендованной у кого-то из кресьян земле. Общее впечатление было такое, что они акклиматизировались в Тече, вросли в неё и стали теченскими жителями.

Сначала они имели квартиру в Мироновском доме: дом этот был двухэтажный, с хорошим пристроем, пустовал, так как хозяев было всего двое, а главное он по своей структуре отвечал требованиям «господской» жизни – в нём можно было выделить комнату и для кабинета, и для столовой, и для спален – для взрослых и детей, и зал, и канцелярию. Одним словом, устроиться с удобством. Вот почему, все приезжие в Течу начальники начинали квартировать именно с этого дома.

Потом Стефановские переехали в Сильвановский дом, который был удобнее в смысле расположения комнат, а также и расположения «служб», т. е. хозяйственных построек. Здесь они оказались соседями теченского диакона Алексея Ивановича Игнатьева. Как-то получалось так, что соседство получилось удивительно дружным, гармоничным. Ни к кому другому в Тече не было такого тяготения у Стефановских, как к семье диакона. Особенно любимцем их в полном смысле этого слова был второй по возрасту сын диакона – Алексей. Алёша был одного возраста с их старшим сыном Сашей, и они дружили, но это не было главным, на чём основывалась их симпатия к нему, а главное им нравился его весёлый характер и манера непринуждённого отношения к другим. Между семьями установились интимные отношения. Так, позволялись взаимные шутки, например: известно, что к Стефановским этой ночью должен приехать сын Саша и они ждут. От Игнатьевых бегут с колокольцами, как бы подъезжает Саша, раздаётся крик: тпру ... Стефановские выскакивают из дома ... никого нет. Так же проделывали и Стефановские. Милые шутки детских лет! У Стефановских кучер в отъезде: некому запрягать лошадь, чтобы съездить за водой. Приходят за кем-либо из диаконовых мальчиков за помощью. Если что-либо нужно диаконом, шли к Стефановским. А вот к протоиерею душа не лежала. Ребята дружили – отцы нет. Злобы или чего-либо подобного не было. Не было контакта. Для Стефановских-родителей не приемлем был

своеобразный характер и стиль отношения к другим о[тца] протоиерея. Протоиерей это знал и держался в отдалении, официально. Но в пределах официальных отношений всё было спокойно, корректно.

У Стефановских было двое детей, причём по возрасту между ними был большой интервал: когда старший Александр закончил в Екатеринбурге гимназию, младший – Михаил был ребёнком трёх-четырёх лет. Почему так получилось не известно.

Павел Александрович был в возрасте, примерно, 45 лет, когда они переехали в Течу. Он был удивительно сердечным человеком, простым и доступным. В его отношениях к другим совершенно не чувствовался чиновник, начальник. Никогда не слышно о том, чтобы он проявил какую-либо грубость или злобу к кому-либо по службе. Не было слышно, чтобы у него были какие-либо инциденты по службе. Нельзя было его представить и грубым в семье. Любил шутить. Так, у нашей младшей сестры – Юли – были чёрные глаза, и он всё шутил над ней: «ты опять не вымыла глаза – они у тебя чёрные». Она сначала принимала шутку в серьёз и спрашивала утрами у матери после умывания: промыла ли он глаза. Павел Александрович не любил носить форму, скажем, фуражку с кокардой, мундир. Только раз его видели в официальном одеянии – в день коронации, когда на церковной площади было собрание вроде митинга, и он явился на него в какой-то треуголке на голове, в мундире со шпагой. Обычно он был одет в штатское и имел вид благообразного барина, спокойного, уравновешенного, без претензий на величие и начальственный вид.

Жена его – Елизавета Ивановна – была человеком другого склада: она держала себя величественно, у неё было стремление властвовать, командовать другими. Её звали земчихой. В этом названии было какое-то созвучие со словом Салтычиха. Да, пожалуй, не только простое созвучие было в этих словах, но и некоторое сходство, но не больше, чем у тени с натурой: властность – вот это, пожалуй, с родни. К чести Елизаветы Ивановны нужно, однако, сказать, что свою потребность властвовать, командовать она направила на благородные цели быть меценатом молодых талантов: открывать их, организовывать, направлять. Здесь она была настойчива и непреклонна: если она поставит себе какую-либо задачу, то добьётся, подчинит своей воле. То, что в Тече летом можно сказать регулярно ставились спектакли; что было для этого приспособлена школа; что в ней была устроена сцена; что были сделаны декорации и, наконец, то, что труппа артистов была организована и при всей тенденции иногда развалиться, но не развалилась – во всём этом её заслуга, её энергия, её воля. Она же, когда в Течу приезжал ансамбль певцов-семинаристов, сделала всё, чтобы таланты их блеснули во всю: она устроила для них у себя вечер; она устроила их концерт. Молодые люди Течи не скучали на каникулах: устраивались прогулки, пикники, катанья на тройках – во всех этих мероприятиях действовала её рука. Вела себя она величественно. Если она приходила в церковь, то обязательно становилась за перегородку около

алтаря. Протоиерей морщился, но ... молчал. Особенно она бывала величественной, когда в Течу приезжал губернатор. Она знала тонкости обращения с высокопоставленными людьми. Зато и вознаграждалась за это. Не забыть, как в Течу приезжал губернатор Наумов. Был воскресный день. Губернатор шествовал в церковь под ручку с Елизаветой Ивановной. Разве это не импонировало её стремление к величию? О, в этот момент [она] была на высоте своего положения: она гордо шла в полном сознании своего величия. Величие везде – дома, в обществе, на вечерах – её девиз. Дома – она барыня, в обществе – земчиха, на вечерах – она гранддама. Не командовала ли она над Павлом Александровичем? Этого не замечалось, но приходилось видеть, как она похищала его функции, правда, её подталкивали на это. Однажды Павла Александровича дома не было, а пришёл старшина и спрашивал, как поступить с одним преступником, она сказала: посадить в каталажку.

Летом в гости к ним приезжала сестра Е. И. – Вера Ивановна. Она работала в Шадринской городской библиотеке, была одной. Очевидно, в жизни часто встречаются различия между сёстрами, если в литературе это тоже отмечено, например: у А. С. Пушкина – Татьяна и Ольга, у И. А. Гончарова – Вера и Марфинька. Между Е. И. и Верой Ивановной было не меньшее различие в характерах: насколько одна была, можно сказать, помешана на величии, настолько другая была проста и скромна. Если бы кто не знал, что они сёстры, никогда бы не подумал об этом: так различен был даже их внешний вид. Вера Ивановна была весельчаком, любила шутить. Она первая и начала обманывать приездом ожидаемых гостей: взяла дугу с колокольчиками и подбежала к диаконскому дому, когда там ждали чьего-то приезда. Она удачно выступала в спектаклях. Особенно она дружила с нашей старшей сестрой – Александрой Алексеевной.

Когда Стефановские переехали на житьё в Сильвановский дом, старший сын их – Александр окончил Екатеринбургскую гимназию. Отец купил ему по этому случаю велосипед. В те времена появление велосипеда в Тече вызвало у населения сенсацию: удивлялись, как он едет и не падает.²⁰⁷⁰

---

²⁰⁷⁰ Из очерка «Качули – «гигантские шаги в Тече» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Дом Сильвановых имел хорошие службы, садик и огород – всё необходимое для ведения хозяйства, но ограда у него была небольшая, тесная, а поэтому, очевидно, по просьбе старшего сына Александра они устроили качели, известные под названием «гигантские шаги», за оградой на площадке между соседними дворами. Это, естественно, подало мысль некоторой части деревенской молодёжи «умозаключить», что качели, очевидно, построены для общего пользования и по праздникам сюда стекалась молодёжь – парни и девушки с ближайших районов села – из Горушек и Макаровки. На селе качели такого типа были только на дворе поповского дома, ими пользовались только поповские и господские дети, а тут представилась возможность пользоваться и деревенским. Конечно, хозяева легко могли бы не дать такого удовольствия для посторонних: достаточно было снять со столба верёвки – и всё, но к чести Стефановских нужно сказать, что они не прибегали к такому «коварству» и позволили пользоваться их собственностью деревенской молодёжи. На селе

Отец имел в виду направить сына в Казанский университет, но он обманным способом подал заявление в Московский университет и уехал в Москву, поставив отца перед совершившимся фактом. Этот сын Стефановских был лицом похож на свою мать, а характером на отца. Он особенно дружил с нашим братом Алексеем, и если ему приходилось вперёд приезжать на летние каникулы, то останавливался в Перми и ночевал в семинарии. Среди нашей молодёжи он был первым проводником замыслов своей матери по спектаклям, пикникам и пр. Принимал самое активное участие в спектаклях. У нашей старшей сестры сохранялось долго карточка с него с автографом – к подарку на память, где он, между прочим, писал: «артисты такие черти, каких не сыщешь и в аду». Он был юноша весёлый, очень общительный, услужливый и не кичился своим студенческим положением, как некоторые другие. За год до окончания курса на юридическом факультете Московского ун[иверсите]-та он женился на Лидии Александровне Сильвановой. По окончании университета, он некоторое время стажировался в Екатеринбургском окружном суде, а затем, как говорили, он был следователем в Симбирске, однажды проигрался в карты и застрелился, оставив Лидию Александровну с тремя детьми.

Младший сын Стефановских – Миша при переезде их в Сильвановский дом был на попечении няни, простой деревенской девушки, задача которой состояла в том, чтобы следить, как бы что-либо с ребёнком не случилось. Лицом этот мальчик более походил на отца. Излишне, пожалуй, говорить о том, что он был баловнем родителей. Звали его – Миша-земчик. В нашу

качели устраивались на время пасхальных праздников, иначе, с доской, подвешанной верёвками к какой-либо перекладине, и новый тип качелей казался тем более привлекательным. На площадке собиралась большая толпа парней и девушек, разодетых по-праздничному. Хотя дни были жаркими, но парни и девушки приходили сюда одетыми по известному деревенскому этикету: парни в картузах, кумачовых рубахах, стянутых гарусными поясами с громадными кистями, в плисовых шароварах и тяжёлых сапогах. Девушки же появились в полушёлковых платках, в длинных сарафанах, тоже стянутых поясами, как у парней и тяжёлых ботинках. Вся толпа была пёстрой. Здесь стоял шум, гам – постоянные спутники большого стечения людей. Любимым развлечением при катании для парней было заносить девушек. Было это так: верёвку, на которой сидела девушка заносили под тремя другими и во время бега сидевшая на ней девушка кружилась над другими, а потом носилась на уровне голов окружавшей качели толпы. В женское одеяние на селе не входили панталоны, и всё «тайное» было под защитой только юбки и при том широченной, прикрытой сарафаном, поэтому когда красавица кувыркалась «на воздухе», то при всём её желании и предосторожности ей не удавалось прикрыть «стыдное», а бывало ещё и так, что она соскользнёт с верёвки и случится полное «сияние», тогда парни начинали гоготать как сатиры, а на площадке поднимался шум, который широко разносился по селу.

Качули были вблизи нашего дома и естественно мы, дети, бывали в числе наблюдателей за тем, что творилось здесь. Это были для нас своеобразные университеты деревенской жизни, только едва ли полезные для нас, детей» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 108-109. Одноимённый очерк имеется и в «свердловской коллекции» воспоминаний автора в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть IV) (март 1966 г.) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 381).

детскую среду он не входил и был среди нас баринёнком. Особенно нам казалось странным, что его всегда сопровождала няня: нам в его возрасте няни уже не полагалось. Годы учения его в школе проходили не в Тече, а в Шадринске. Много позднее, в 1911-1912 г. я встретил его в Казани, где он учился на юридическом факультете университета. Как передавали, он погиб во время гражданской войны. В [19]40-х годах на ВИЗе в бухгалтерии работала счетоводом некая Стефановская. Как выяснилось, она была женой Михаила Павловича Стефановского.

Стефановские уехали в Шадринск около 1900 г. Там Павел Александрович работал членом уездной управы. Они купили там дом.

В июле 1923 г. я был в Шадринске и посетил Стефановских. Я встретился с ними примерно через 25 лет да вдобавок ещё каких лет! Они встретили меня как родного. Предо мной были старики. С ними жила и Вера Ивановна. Ничего не осталось от прежнего величия у Елизаветы Ивановны. Было грустно. Елизавета Ивановна и Вера Ивановна стали теперь набожными, богомолками. Разговор шёл о ходах с иконами, о религиозных праздниках. На следующий после этого день как раз был ход в село Полевское, где предстояло празднество престольного праздника. Я стоял на мосту, когда через него шли молящиеся. Среди них я заметил двух старушек, маленьких, сгорбленных, в вязанных туфельках. Это были Елизавета Ивановна и Вера Ивановна.

Встретил я и Лидию Александровну. Она жила отдельно от стариков. Между ними были какие-то нелады. С ней жили её дети: два мальчика и девочка. Работала она где-то счетоводом. Позднее, в [19]30-х годах я встретил её старшего сына в ВИЗовском металлургическом техникуме, где он учился. По внешнему виду он был вылитый Александр Павлович.

Недавно я узнал, что по окончании техникума этот сын Александра Павловича устроился на работу в Свердловске и Лидия Александровна жила у него.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 413-423 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеются очерки «Земский начальник Габриэльс» и «Стефановский в Тече» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

До появления в Тече земских начальников становые приставы были самым высшим начальством. Это было заметно и на их поведении. Так, становой пристав Селивестров в ореоле своей власти потребовал от проезжающих, чтобы все освобождали ему дорогу – встречные или едущие впереди, а в случае чего «благословлял» и кнутом. Более или менее продолжительное время в Тече оставался только Селивестров, а после него, как «входящие» и «исходящие», ничем не проявив себя, прошли Кулеш и Скрипицын. Некоторое внимание теченцев к себе привлек Атманский, собственно не он сам, а его супруга и именно тем, что она была амазонкой, т. е. ездил верхом на лошади. По существу в Тече были и свои амазонки, но ездили они верхом иначе: по мужицки, а Атманская ездил в специальном женском седле, в полуоборот и с ногами, расположенными на одном боку лошади. Вот это-то больше всего всех и занимало: как она сидит, а не падает. Когда супруги отправлялись на прогулку на двух лошадях верхом: Атманская на своём Воронке, а он на Кокшаровском [на] улице, на дорогу, по которой они проезжали, выходило всегда много зевак.

Атманский был последним теченским становым приставом. После него стан, как у нас говорили в Тече, был перенесён, кажется в Бродокалмак, куда перекочевали и земские начальники.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 424-425 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Становой пристав Атманский» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Николай Яковлевич Уфимцев в нашей Тече исполнял роль низшего звена уездного государственного управления. На верху этого управления стоял исправник, посредствующим звеном являлся становой пристав, а низшим звеном – урядник, или иначе – стражник. Николай Яковлевич и состоял в этой последней должности. Он был коренным теченским жителем. Фамилия «Уфимцев» была в нашем селе распространённой, и под этой фамилией было несколько родовых ветвей: и зажиточных и захудалых. Мы не знали и, признаться, и не интересовались генеалогической линией Николая Яковлевича, а удовлетворялись только самым фактом его существования в нашем селе. Не знали мы также и того, когда и при каких обстоятельствах началась служебная деятельность Николая Яковлевича в качестве урядника и нам, детям, казалось, что он и родился уже урядником, т. е. потомственным членом деятелей в этой должности.

Вероятно, потому, что он был коренным теченцем, он был бессменным в этой должности в течение чуть-ли не двух с половиной десятилетий. Становые приставы после Селивестрова, дольше всех задержавшегося в Тече, – Кулеш, Скрипицын, Атманский – каждый по своему оставивши по себе память, сменялись, а он оставался бессменным. У него была удивительная черта характера – быть незаметным на своей работе. Он мог бы, например, явиться перед теченцами в образе унтера Пришибеева.²⁰⁷¹ Другие урядники обычно и были таковыми, а у него этого не было. По должности он должен был бы являться и Держимордой²⁰⁷² – скуловоротом, но по его физическому складу он не отвечал этому требованию: роста он был среднего, атлетическим сложением не отличался, имел вид заурядного мужичка с бородкой *a la* Николай II. Казалось, что в Тече у нас жил обыкновенный мужичок, который только время от времени выступал в роли урядника.

В глазах теченцев Николай Яковлевич не представлялся им в роли носителя власти, противостоящей им, а, если хотите, в роли попечителя об их спокойствии и благополучии. Так, когда с появлением в Тече кузнецов-драчунов Крохалёвых в моду вошли драки с поножовщиной, с убийствами, население просило Николая Яковлевича защиты от буянов. Но главной функцией службы Николая Яковлевича являлось переправлять по этому ссыльных. Для этой цели существовал «пересыльный замок» - низкая кирпичная изба с решётками в окнах, в которой сторожил один человек, почему-то обычно из татар. Случаи с пересылкой были редкие: попадались иногда бродяги, схваченные кем-либо, были случаи, что садили туда

---

²⁰⁷¹ Герой рассказа А. П. Чехова «Унтер Пришибеев».

²⁰⁷² Один из действующих лиц комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

уголовников – убийц. Служба у Николая Яковлевича, таким образом, была незаметная.

Село наше удалено было от культурных центров на 80-100 вёрст, и естественно, в нём и около него глухомань была большая. Жизнь шла по одному, раз установленному, руслу. Даже в такие критические времена, как 1905 г., в наших «палестинах» всё было спокойно. Пели «Вихри враждебные» и «Отречёмся от старого мира», но кто тогда этого не пел? Все пели! Незаметным или почти незаметным прошло даже такое событие, что однажды утром исчезли из села псаломщик Спасский и учительница Селиванова. Их «изъяли» за революционную деятельность. На самом деле это было простое недоразумение. Правда, у Селивановой Марии Ильиничны часто собиралась теченская молодёжь. Приезжал на вечеринки и фельдшер из нижнёвской больницы. Но все эти вечеринки проходили в танцах, немного пели. Больше всего подозрение вызвало, очевидно, поведение Теченского псаломщика Спасского. Он только что кончил Пермскую дух[овную] семинарию, где зарекомендовал себя человеком довольно безалаберным, со странностями гончаровского Марка Волохова из романа «Обрыв». Был ли участником этой «операции» изъятия Николая Яковлевич – так и осталось неизвестным. Ходили слухи, что «похитители» были из более отдалённых мест, потому что увезли «изъятых» прямо в Шадринск. Так или иначе, теченцы даже этот случай не хотели отнести на «совесть» Николая Яковлевича: настолько они были убеждены в его невинной, узко ограниченной пределами уголовного мира деятельности.

Обычно редко когда приходилось и видеть Николая Яковлевича при исполнении его служебных обязанностей да ещё облачённым в его форму со всеми его «регалиями». Но в двух случаях он являлся взору теченцев во всей своей красоте и деятельностью в развёрнутом виде. Это, во-первых, когда в Тече проходили воинские наборы и, во-вторых, когда через село проезжал губернатор. В том и другом случае Николая Яковлевич должен был обеспечивать охрану государственных людей и порядок проведения ими их деятельности. Очевидно, по этому виду своей службы он и именовался стражником – человеком, стоящим на страже.

Воинские наборы проходили осенью и по внешнему виду напоминали базар. Сыновей привозили их отцы. Не весёлыми были и отцы, и дети. Первые теряли работников в семье; вторые находились в полной неизвестности, что их ждёт «там», на «службе». Большинство из них от своей деревни и не бывали где-либо дальше 15-20 вёрст, а на «службу», Бог знает, куда ушлют. Были среди них и «женатики». Тем и подавно не хотелось отрываться от дома. К тому же, кто «изведал» этой службы, весёлого ничего не рассказывали. Отсюда было ясно, что песня, которую сложили про набор:

«Гришку бреют – не далеют

И стригут – не берегут» -

не была весёлой. А сколько было слёз дома, когда являлся домой забритый. Для Николая Яковлевича это были знакомые картины: сам прошёл через это

же. Предприимчивые торговки только были полны энергии: они торговали «сбитнем» (чай с ароматными травами и сахаром), пирогами, пельменями.

Как деталь, нужно отметить, что воинским начальником в Шадринском уезде одно время был татарин Султанов или Сулейманов, друг теченского земского начальника Павла Александровича Стефановского, к которому он иногда приезжал в гости со всем своим семейством – женой и тремя дочерьми. В дни праздников, связанных с какими-либо гражданскими событиями, он на общих основаниях присутствовал на молебнах, снявши свою тюрбиту.

Самым ответственным моментом в деятельности Николая Яковлевича был проезд через наше село хозяина губернии – Пермского губернатора. Эти проезды проходили через два-три года. Что только делалось при этих проездах и для подготовки к ним: исправлялись дороги, ремонтировались волостные здания, готовились экипажи и тройки, муштровались для достойного приёма и деликатного обращения волостные служебные люди – писарь, писарёнок, старшина, староста и пр. В самой волости «чередили» – мыли, белили, красили. «Зерцало» – символ государственной власти – чистили до блеска. На стол постилали зелёную шерстяную скатерть. Самый проезд – торжественный поезд в две-три тройки – происходил с шумной помпой: впереди мчался верховой, который сгонял с дороги всех проезжающих в это время по ней. Удивлённые жители, не подготовленные к такому событию, иногда были так ошеломлены этим событием, что строили разные догадки, иногда не лишённые курьёза. Так, когда однажды проезжал с такой помпой вице-губернатор, то в народе пошёл толк, что проехал «с виц губернатор».

Конечно, Николай Яковлевич в момент проезда губернатора через Течу считал себя ответственным за порядок на селе. Губернатор Наумов однажды даже ночевал в Тече и провёл праздничный день в гостях у земского начальника Стефановского. Когда перед этим через Течу проезжал с помпой – с хором и свитой – екатеринбургский епископ, то он ночевал у протоиерея Владимира Бирюкова, а при проезде губернатора честь «покоить» его высокопревосходительство пала на теченского представителя российского купечества – Антона Лазаревича Новикова, в доме которого одна из шести комнат признана была самой подходящей для сна высокого гостя. Излишне говорить о том, что Антон Лазаревич оправдал оказанную ему честь: раз до пяти поливали кипятком несчастных клопов, и, надо полагать, ни одному из них не удалось испробовать губернаторской крови.

Для Николая Яковлевича эта ночка осталась памятной на всю жизнь: об его сне не могло быть и речи. Прежде всего, проезд мимо дома Новикова был закрыт и на посту стоял сам Николай Яковлевич. Если кому нужно было проехать, их он направлял в объезд через Макаровку. Всякая «дробь» в колотушку и звон на колокольне были строго воспрещены. Около дома Новикова по ночам имели обыкновение спать на дороге гуси; они поднимали

иногда гоготание. На этот раз их отогнали далеко на Зелёную улицу. Николай Яковлевич стоял на чеку!

На завтра губернатор уезжал, и у Николая Яковлевича были новые заботы, пожалуй, самые ответственные: как бы чего не случилось с подводой в дороге. Тройка лихих лошадей стояла уже наготове, и Николай Яковлевич давал последние указания ямщику, проверял упряжь – крепкие ли постромки, крепко ли привёрнуты гайки у осей. Но вот вышел из волости его превосходительство, благополучно сел в повозку, и теперь задачей Н. Я. было мчаться впереди губернаторского «поезда», скомандовать, чтобы везде открывали польские ворота, а с дороги убирались все проезжающие по ней или проходящие по ней люди. Для этого Николаю Яковлевичу полагался конь по штату службы, но он не «уверялся» в нём и на этот случай баклановский мужичок Пётр Кириллович Богатырёв, сам по хозяйству богатырь, предоставлял ему своего Савраска, который, кстати сказать, как уже упомянуто было в одном из очерков, нарисован был на воротах его дома.

Николай Яковлевич не дожил до Октябрьской соц[иалистической] революции. После него остались два сына, которые при его жизни вели хозяйство: немного сеяли, заготавливали корм скотине и пр. Настоящими заправскими землеробами они не были, а так как-бы состояли на этих работах по крестьянству при отце, в помощь его профессии. Получилось так, что он сам оторвался от землеробной работы, а они тоже не «пристали» к ней в полную меру.

Интересна дальнейшая судьба семьи Николая Яковлевича в том отношении, как именно разрешена была на примере её проблема «отцов и детей» после Октябрьской революции. Его сыновья – все это знали – были дети урядника или иначе стражника. Как сложилась судьба его сыновей?

В годы НЭПа один из них был председателем теченского сельсовета. Как это ни странно, но братья были «отцами» села, вершителями судеб теченцев. В Тече тогда снова открыты были по понедельникам базары, правда, по сравнению с дореволюционными – тощие, робкие. И вот можно было наблюдать такую картину: в толпу посетителей базара стремительно въезжал ходок с коробком их черёмуховых прутьев; в нём в развалку сидели «они» с телохранителем – сельским милиционером. Вид у «них» был такой, как будто они хотели сказать: «вот мы, ваши хозяева». «Зипунники» искоса поглядывали на них и чесали свои затылки. О чём они думали в это время – было их тайной. «Чужая душа – потёмки» - говорит пословица. Картина же эта напоминала те блаженные времена, когда, бывало, так же стремительно въедет в базар на своём рысаке баклановский Василий Яковлевич Богатырёв (старший) и победно обойдёт его (базар) с таким видом, как будто хочет сказать: «Захочу – всё скуплю на базаре; весь базар сложу в свой карман».

Автор сего не имеет в виду бросить тень на политическое реноме сыновей Николая Яковлевича, их политические убеждения, но при всём том возникает вопрос: неужели в Тече не нашлись на руководящие посты люди, чья генеалогия больше бы отвечала моменту, когда происходили эти

события? Не было ли это проявлением притупления бдительности со стороны теченского актива?

Выше уже указано, что теченцы не понимали политической направленности «службы» Николая Яковлевича стражником. Они, примерно, приравнивали её к «службе» «почтаря», или земского ямщика. Эта же логика, вероятно, имела силу и по отношению к сыновьям Николая Яковлевича. Это – одно, а второе – то, что в Тече на самом деле не оказалось просто грамотных людей, которым можно было бы вручить это дело. В начале революции вершителями дел, которые «делали революцию» в Тече, были порвавшие с ней связь, захудалые землеробы, ушедшие из неё во «страну далече», например, в Челябинск, которые в критический момент революции, а именно в момент её свершения вернулись к домашним «пенатам», чтобы послужить революции. Таким, например, был Павел Васильевич Лебедев. Перед революцией он работал на железной дороге. Когда в стране наступил восстановительный период, в частности – на железных дорогах, он вернулся на прежнюю работу. Сыновья Николая Яковлевича, вошедшие в партийный актив села и прошедшие определённый стаж партийной работы, естественно оказались у кормила правления в Тече.

Так разрешена была проблема «отцов и детей» в семье теченского урядника Николая Яковлевича Уфимцева.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 270-279 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Николай Яковлевич Уфимцев» в составе «Автобиографических воспоминаний». (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 38-42.), который наименее информативный.

Илья Сергеевич

Одно время он был в селе старшиной. Известно, что император Александр III после вступления на престол вызывал виднейших российских старшин на высочайшую встречу и дал понять, что они именно в «низах» должны быть опорой царской власти. Учреждены были даже особые регалии, как символ власти, вручённый старшине: медная бляха на медной цепи, которую он навешивал на себя при исполнении служебного долга. Автор сего сам был очевидцем, как однажды около волости произошла какая-то шумная история вроде того, что некий «преступник» не хотел подчиниться и направиться в каталажку. При этом присутствовал Илья Сергеевич и когда увидел, что «преступник» не подчиняется, тут же вынул из кармана и надел на себя свои регалии для убедительности, и преступник подчинился. Илья Сергеевич жил на самом краю села при выезде на Нижне-Петропавловское село, на тракту. Одно время он занимался земской ямщиной.

Федор Тимофеевич

Фёдор Тимофеевич одновременно с Ильёй Сергеевичем работал сельским старостой. Жил он на Горушках.

Должность старшины и старосты были выборными.

Выбирались ещё десятский и сотский. Общественные дела разбирались на сельских сходах, которые проходили иногда очень бурно.

Сельские писари

Павел Иванович Рыжков.

Павел Иванович был из Шадринка. Там у него был свой дом. По окончании работы в Тече, он уехал в Шадринск.

Василий Иванович Ванцев.

Здесь указаны те из теченских писарей, которые работали в Тече более или менее продолжительное время. Во время работы Ванцева был ещё помощник его – юноша Русаков. Он был из окончивших городское училище.

Писари держались в стороне от теченского общества. В их функции, очевидно, входило ведение учёта земельных участков, исчисление налогов, в частности, так называемого «подушного», разного рода переписка. Они не имели административных функций, однако были влиятельными людьми. Как известно, в практике было делать описи имущества у неаккуратных налогоплательщиков и распродажа описанного. Нужно сказать, что в Тече не

слышно было, чтобы были в практике распродажи. Может быть единичные случаи и были, но без особенного шума.

В летнее время бывали случаи тяжб из-за потрав. Потравы чаще всего были по недосмотру в поле за лошадьми. В таких случаях устраивалось обследование места потравы, подсчёт причинённого убытка. Это была функция сельского старосты. Приглашались «поняты». Чаще всего дело кончалось полюбовно выпивкой.

Во время японской и первой империалистической войн солдаткам давалось пособие, в распределении которого принимали участие органы сельского самоуправления. Как говорили, в этом случае бывали злоупотребления.

Нужно отметить, что сельские органы самоуправления, как видно, были не на высоте; доказательством чего может служить случай с самоуправством и самосудом, совершённым над конским вором Ермолаем, в котором принимали участие и староста, и старшина.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 426-428.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Алексей Семёнович Меньшиков
(Светлой памяти нашего сельского врача)

[1961 г.]

Когда из Течи подъезжаешь к Нижне-Петропавловскому селу, то за польскими воротами, по правую сторону дороги, встречаешь почти на полверсту раскинувшиеся владения Нижне-Петропавловской земской больницы. От самых польских ворот и до больницы берёзовый лесок обгорожен пряслом. Больница была расположена у крутого рва – между ней и селом.²⁰⁷³ У самого рва было небольшое здание, в котором одно время производился приём больных. Здание это было памятно автору сего, потому что здесь ему в течение, примерно, пяти-шести недель делались перевязки по поводу перелома левой руки. С этим же зданием от этих же времён связано курьёзное воспоминание о том, как одна тётушка вышла из него вся в слезах: фельдшер или кто-то из практикантов назвал её желудочную болезнь катаром, а ей показалось, что ей намекнули, что у неё случилась эта болезнь от татар. Из этого случая вытекает, как нужно осторожно обращаться с учёными названиями болезней в присутствии больных.

В середине широкого двора находилось большое двухэтажное здание, большое, конечно, по деревенским масштабам, кирпичное внизу и деревянное сверху. Внизу его позднее производились приёмы, была расположена аптека и часть покоев для больных. Верхняя часть предназначалась для стационарных больных. Это здание опять-таки памятно автору сего по поводу перелома руки, потому что сюда именно в одну из комнат принесли его, шестилетнего, на руках, положили на стол, и он ждал, когда же отрежут руку ему. Пришёл мужчина средних лет, посмотрел на руку, покачал головой и сказал: «ну, артист!» За несколько дней до этого ему пришлось сшивать веко левого глаза одному из сыновей теченского протоиерея, рассечённое на «гигантских шагах».²⁰⁷⁴ Потом делали промывание ранки, причём немного щекотало, было больно, когда руку выпрямляли (перелом был полный, и кость вышла наружу), присыпали чем-то жёлтым, наложили досочки вроде коры, забинтовали, а руку подвязали на лямку, перекинутую вокруг шеи. Только тут больной понял, что руку отнимать не будут. Через несколько дней этот же человек проезжал в Бродокалмак и когда увидел своего пациента на заборе, погрозил ему кулаком. Это был наш земский врач – Алексей Семёнович Меньшиков.

---

²⁰⁷³ В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Она находилась в лесу, вблизи села, от которого её отделял ров, с мостиком внизу его. Ров являлся естественной границей больничной площади с северной стороны» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 5 об.

²⁰⁷⁴ «На это обстоятельство и указывали слова: «ну, и артист!». (Примеч. автора).

Когда еженедельно пациента с ломаной рукой привозили на перевязку, то он постепенно ознакомился и с другими строениями больницы, конечно, поверхностно и узнал, что в некотором отдалении от главного корпуса было ещё небольшое здание, как он узнал позднее, для заразных больных. Осмотрел он также двор, широкий, с хозяйственными постройками. На дворе было всегда большое движение: то везли бочку с водой, то дрова, то какую-то посуду, то подавали кому-либо из обслуживающего персонала – фельдшеру, оспеннице или акушерке – лошадь для выезда куда-либо. Это было «владение» Алексея Семёновича Меньшикова – место его работы и вместе с тем его детище, дело его жизни: сюда он приехал по окончании Казанского университета, всю жизнь здесь проработал бессменно и переехал отсюда в Камышлов только за тем, чтобы там умереть. Точно никто не знал социального происхождения А. С., а также того, где он учился до университета, но стоило только послушать, как он пел «соловьём залётным» и видеть его в этот момент, чтобы безошибочно определить: «семинарист!» Женат был А. С. на вдове священника – Александре Николаевне Оранской. Весь род Оранских, родственники А. С. по жене, были духовного сословия. Дружбу с кем-либо А. С. водил по этой же линии. Итак, «все дороги ведут в Рим»: А. С. наверняка был семинаристом.²⁰⁷⁵

Что значило быть земским врачом в те отдалённые времена: в конце 19 и в начале 20 в[еков]? Прежде всего, где проходили границы района, на обслуживание которого рассчитана была эта больница? Да были ли эти границы? Была больница в Далматове, в 70 верстах от Нижне-Петропавловской; была больница в Каменском заводе в 70 в[ерстах] от неё. Дальше, по направлению к Челябинску был фельдшерский пункт в Бродокалмаке под контролем А. С. в 27 в[ерстах] от Нижне-Петропавловской больницы. Больше больниц не было. Где же проходила граница «владений» А. С.? Кто её определял? По направлению к Каменскому заводу было много татарских деревень.²⁰⁷⁶ Они, очевидно, тяготели к Нижне-Петропавловской

---

²⁰⁷⁵ В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний, где автор подошёл более широко к образу земского врача в соответствии с господствовавшей идеологией, он объясняет: «Уже то, что он приехал издалека и в явную глушь, свидетельствовало о том, что в университете он, помимо приобретения знаний, необходимых для врача, получал хорошую моральную установку – служить народу. Нужно отдать справедливость университетам того времени, что, несмотря на полицейский гнёт, в котором они находились, они воспитывали у студентов высокие идеалы служения народу, вопреки официальной политике правительства. Это влияние на студентов шло и непосредственно через профессоров с демократическим мировоззрением и через участие в кружках, в которых распространялись идеи великих философов-демократов Чернышевского и Добролюбова» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 5.

²⁰⁷⁶ Правильно – башкирских. В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор сообщает, что больница была рассчитана на обслуживание населения очень большого района, значительную часть которого составляли башкиры. (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 6-6 об.).

больнице. Так и было: редко, редко, но можно было встречать среди пациентов татар, главным образом – татарок. По направлению к Далматову верх-теченские монашки, в 24-х верстах от этой больницы, относились по принадлежности к ней и были, так сказать, целой организацией, входившей в район Нижне-Петропавловской больницы.

Можно ли сказать, какой же контингент населения входил в обслуживание этой больницей? Едва ли! Нечего говорить о том, кем же должен являться земский врач по специальности? Терапевтом, хирургом, эпидемиологом, дантистом? Сердечником, невропатологом, онкологом, окулистом? Он должен быть всем и ... ничем, если подойти к нему с точки зрения узкой специальности. Вопреки известному положению уважаемого Кузьмы Пруткова – «Необъятное не объять» - он должен был объять «необъятное».²⁰⁷⁷

Мне пришлось непосредственно соприкоснуться с Ал[ексеем] Сем[ёновичем], кроме указанного выше перелома левой руки, по поводу болезни брюшным тифом в 1903 г. Тогда в Тече была эпидемия, а в доме у нас в раз заболели трое: мать, я и прислуга. Прислугу А. С. направил в больницу, а я и мама лежали дома. Был конец июля и начало августа.²⁰⁷⁸ Моё заболевание было тяжёлым: в течение трёх дней я был без сознания. Ал[ексей] Сем[ёнович] у нас бывал через день. Мне прикладывали лёд к

---

²⁰⁷⁷ В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор объясняет: «В своё время земские учреждения, такие как больницы, школы, строительные организации – являлись формами участия общественной инициативы, общественной деятельности в государственных делах. Среди других представителей земских учреждений – земских деятелей, как учителя, архитекторы, землемеры – врачи пользовались особым авторитетом, и наименование «дохтур» было почётным, хотя стало оно таковым далеко не сразу. Врачи в условиях того времени были не только и не столько «лекарями», сколько «просветителями», борцами за культуру среди беспросветного бескультурья и темноты. Им приходилось ещё бороться за признание их профессии, за признание их деятельности народом. Их соперниками выступали разного рода тётки Степаниды, которые от «родимчика» - детской болезни, например, применяли прогревание ребёнка в жарко натопленной печке на лопате, которой садили в печь хлеб; от простуды – «парили» в бане; при вывихах и переломах – «правили»; при кровотечениях – «заговаривали» кровь; соринку из глаз вылизывали языком и пр. Привитие оспы ещё некоторыми, например, старообрядцами, считалось наложением «каиновой печати». Всё это нужно было ещё преодолевать. То, что на политическом языке называлось «хождение в народ», для врачей являлось их «бытием» и являлось своего рода подвижничеством. В самом деле, поехать на работу в какую-то глушь в собственном значении этого слова, где в одиночестве вступить в борьбу с темнотой и бесчисленными болезнями – не значило ли это – решиться на подвиг» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 2-3.

²⁰⁷⁸ Там же автор уточняет: «Больница не могла вместить всех больных, так что значительное количество больных находилось по домам. ... Эпидемия молниеносно распространялась. В эти дни Алексей Семёнович, чередуясь с фельдшером, ходили по домам, обучали уходу за больными, боролись за санитарную, и, в конце концов, всё-таки добились, что смертельных случаев было незначительное количество, а те, которые были, случались по вине самих больных» // Там же. Л. 7-7 об.

голове, на ночь обтирали раствором уксуса, была строгая диета питания, при приёме пищи давали по рюмке коньяка. Выходили.

В 1908 г. я при поездке за Каму схватил острый бронхит. Кашель был ужасный. Был на приёме у А. С. Как сейчас помню: людей было немного, и больше – женщины. Слушал меня А. С. и так, и этак и предложил лечение кумысом, «иначе – сказал он – может перейти в туберкулёз». Кумыс я пил в течение месяца: начал с бутылки, довёл до полведра и обратно дошёл опять, до бутылки. Утрами при кашле я выбрасывал до полстакана слизистой материи. Кашель остановился, но я почувствовал, что лёгкие мои стали слабее. Итак, по отношению ко мне А. С. являлся и хирургом, и терапевтом, а в детстве лечил ещё и от скарлатины.

[²⁰⁷⁹]

Не могу не сопоставить А. С. в врачами настоящего времени. Моя внучка учится в Свердловском мед[ицинском] ин[ституте]-те. Кончила фельдшерскую школу. Сломала руку в том же месте, что и я, но без выхода кости наружу. Сложили ей руку совсем неправильно. Проверяли рентгеном: да, совсем неправильно: кость не срастили, а прирастили. Что делать? Ломать! Мне кость сложил А. С. в 1893 г. в Нижне-Петропавловской больнице; внучке сложили кость в 1956 г. в Свердловске. Раньше о рентгене не было и речи – теперь рентген. Что это? Придирка? Случайно? Нет, непростительно и возмутительно!

В 1904 г. наша семья пользовалась молоком от бешеной коровы. А. С. отправил 8 человек в Пермь за счёт земства.

Достоверно известно, что А. С. глубокими ночами выезжал на противодифтеритные прививки и к роженицам. Главный контингент больных составляли желудочные, что совершенно понятно: во время голода ели лебеду.

В основном, если всё-таки отнести врачебную деятельность А. С. к какому-либо виду специальной медицины, он был терапевт. Он не мог быть, например, хирургом потому, что сама больница не была приспособлена к этому. Что он мог, например, сделать для известного нам кирдинского мужичка Андриана Тимофеевича – богатыря, надорвавшегося на работе? Ясно было, что только хирургическим путём можно было ему оказать помощь, но А. С. бессилён был это сделать, да ещё вопрос – можно ли было делать операцию при том состоянии науки, которое тогда было. Едва ли в больнице были условия для проведения ампутации руки или ноги? Сколько помнится, на такие операции больные направлялись в Шадринск.

---

²⁰⁷⁹ В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор указывает: «Алексей Семёнович приехал на Урал в восьмидесятых годах прошлого столетия и всю свою трудовую жизнь провёл в земской больнице Нижне-Петропавловского села б[ывшего] Шадринского у[езда] Пермской губернии. Эта больница была его детищем: им была создана и в своём развитом виде явилась типом земской больницы в лучшем значении этого слова» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 5-5 об.

Передавали, что А. С. удалял зубы, но это же были единичные случаи и простейшие.

В штате больницы были: врач, фельдшер, акушерка, оспенница, Сомнительно, чтобы был отдельный провизор; его функции были соединены с обязанностями фельдшера. Что выполняла и чего добилась больница? С оспой было покончено. Эпидемии брюшного тифа в 1904 г. распространиться не дали, и было ограниченное количество смертей. Борьба с укусами бешеных животных была поставлена не плохо. Случаев эпидемического заболевания скарлатиной и дифтеритом в период деятельности А. С. не было. Случаи малярии были редкими. Можно сказать, что всё это было оттого, что «Бог хранил». Но А. С., во всяком случае, строго следил за тем, чтобы этим болезням не дать ходу.

Положение больницы во многом напоминало положение пожарной станции в селе, которая стояла на страже села от пожара. Так и больница была на страже здоровья, чтобы если появится что-либо опасное, какой-либо очаг, не дать ему распространиться, вовремя его пресечь. Главным врачом всей массы больных была природа. Если бы все больные того времени обладали таким же инстинктом самосохранения, как наши современники, которые при малейшем повышении температуры идут в больницу; если бы они нагрянули так в Нижне-Петропавловскую больницу, то они, как волна, снесли бы её в тот ров, около которого она стояла, снесли со всем её медицинским персоналом. Самая номенклатура болезней тогда была проще. Гипертонии не знали. Много, что теперь называется разными видами гриппа, называли простудой. Затяжная температура – горячка. Универсальным средством лечения была хина. Если «болит горло» – мёд с перцем. Потогонное – малина. При болезни глаз – настой сушёных цветов шиповника. Весь этот арсенал народных лекарств разгружал больницу от посетителей. Этот разговор имеет целью показать, какими различными средствами поддерживалось в те времена здравоохранение, и какое место научная медицина – в лице врача и его помощников занимала в этом деле.

Каждую субботу А. С. выезжал в Бродокалмак на фельдшерский пункт. На него же падало вскрытие трупов по судебной линии.

В лесном участке, который относился к больнице, земство построило деревянный дом с 4-5 комнатами. В нём жили: Ал[ексей] Сем[ёнович], жена его Александра Николаевна и приёмный сын Коля. Редко выезжал куда-либо А. С. по гостям, но 15 июля всегда был непременно гостем теченского протоиерея. Приезжали они с Алекс[андрой] Ник[олаевной] сыграть в преферанс. Протоиерей по отношению к А. С. был исключительно галантным и деликатным. Четыре раза А. С. лечил его от воспаления лёгких, а пятый раз определил *Facies Hippocratica*.²⁰⁸⁰

---

²⁰⁸⁰ *Facies Hippocratica* – по-латински «Маска Гиппократова», здесь признак предстоящей смерти.

На зимние каникулы в гости к А. С. приезжали племянники из Зырянки – студенты Петербургского политехнического ин[ститу]-та – братья Оранские. На этих же каникулах теченская молодёжь объявляла: «Едем маскированными к Алексею Семёновичу...» и две пары лихачей мчали их туда. В Нижне-Петропавловском селе был священник А. Мухин. Его старший сын – Александр в последствие был врачом в Камышлове, а средняя дочь – Надежда – провизором. Не было ли это под влиянием Ал[ексея] Сем[ёновича]? В Казани был профессор по детским болезням – Меньшиков.²⁰⁸¹ Предполагали, что это брат А. С.

Когда А. С. праздновал 25-летие²⁰⁸², было чествование, а верх-теченские его пациентки подарили коня своей выкормки. Тяжёлая работа не прошла даром для А. С. У него отнималась левая половина, но он поправился и продолжал работать. Умер он в Камышове, вскоре по приезде туда.²⁰⁸³ После него, как это часто бывает, врачи часто сменялись. Одно время был врачом Володя Успенский – Владимир Павлович, брат Александра Павловича.

В настоящее время вместо больницы размещён детский дом.²⁰⁸⁴
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 449-458.

---

²⁰⁸¹ Меньшиков Виктор Константинович (1875-1945) – педиатр, профессор кафедры детских болезней Казанского университета.

²⁰⁸² Имеется в виду 25-летие служебной деятельности.

²⁰⁸³ В отдельном «Биографическом очерке о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Умер А. С. в Екатеринбурге в 1916 г., будучи пенсионером. Алексей Семёнович пользовался авторитетом не только среди близких к нему людей, но и среди простого населения. Для многих из них он был не просто «дохтуром», но и Алексеем Семёновичем. Так называли его пациенты» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 8.

²⁰⁸⁴ Отдельный «Биографический очерк о враче Алексее Семёновиче Меньшикове» в «пермской коллекции» воспоминаний автор завершает так: «Алексей Семёнович в своей деятельности отразил тот период состояния врачей того дела в России, когда оно только-только зарождалось. На всём лежала ещё печать примитивности, печать первобытной технической отсталости в способах лечения, но зато у деятелей этого времени у врачей было высокое горение на ниве народной. На служение этому делу, как известно, первоначально пошёл и Антон Павлович Чехов. Алексей Семёнович Меньшиков через всю свою жизнь пронёс это горение на ниве народной и заслужил добрую память у своих потомков. Да будет мир его праху и лёгкой земля!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 719. Л. 8-8 об.

Очерк является приложением к фотоальбому о жизни и деятельности А. С. Меньшикова, который в семейном фонде Богословских не обнаружен.

В «свердловской коллекции» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть I) (1965 г.) имеется очерк «Нижна и её обитатели», в котором, вероятно, также могут находиться сведения о земском враче А. С. Меньшикове. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

«Нужа карабаева»
(История одной «купеческой» семьи)

[1961 г.]

В восьмидесятых годах прошлого столетия наши родители, тогда ещё совсем молодые приехали в Зауралье и обосновались на жительство на нашей родине в селе Тече. Почти в одно и то же время в этих краях появилась парочка, не то владимирских, не то нижегородских, одним словом «расейских» искателей счастья в новых краях. Там, в «Расеи» они много наслышались об этих краях и былиц и небылиц: и о том, что здесь и земля родит хорошо, что, как выразился однажды А. П. Чехов об одной земельке, в неё воткнёшь оглоблю, а растёт дерево; и о том, что люди живут привольно на новой земле и о том, наконец, что многие из «расейских» здесь живут припеваючи: не сеют, не жнут, а чаёк с медком попивают в досталь.

И вот, захвативши разной мелочи для продажи по деревням: иголки, пуговицы, напёрстки, нитки и прочее, заявили они в этих краях в «лапатоцках», и называли их все Антошка и Машка. Н. А. Некрасов в своём стихотворении изобразил коробейника более богатым, чем наши герои, и холостяком, который завлекал покупательниц «в рожь высокую», а эти торговали скромнее, и «рожь высокая» им была ни к чему. Но скоро они увидели, что край здесь действительно богатый: земелька не в пример «расейской» суглинками, или супесками, черна, как воронье крыло, родит хорошо; приволье с лесом и водой; у мужичков есть и «гумажники» с жёлтенькой, зелёненькой, голубенькой и красненькой денежными знаками, есть и кисеты со звонкой монетой. «Тут нужно жить умом» - решили пришельцы, а как жить умом – надо учиться у других: не они первыми пришли сюда из «Расеи»; тут уже осели и обросли жирком и Шишкины, и Брагины, и Мишарины и пр. и т. д. На одних иголках да нитках не разбогатеешь: нужно братья за дело глубже.

Все начинали «учение» с приказчика. На этот же путь встал и Антон. У Брагина в Бродокалмаке дело поставлено уже широко: несколько приказчиков проворно сбывали товары и в магазине, и по базарам. Однако карман хозяина хирел, а у приказчиков усы всё больше и больше шли в кольцо, а вид становился всё больше и больше бравым. Так в дереве на склоне лет образуется дупло, а внизу пойдут молодые побеги, которые, так и кажется, хотят сказать старику: «пожил – дай нам пожить». И они зажили.

Первой задачей было: надо оседать, и они осели в Тече, в центре села, у торговой площади, вблизи церкви, рядом с настоятелем её. Старенький дом и небольшая лавочка – вот точка отправления их в дальнейший путь. Изменилось бытие, старается не отставать от него и сознание: теперь они уже не Антошка и Машка, а Антон Лазаревич и Марья Егоровна Новиковы – так говорит им их самосознание и сознание окружающих. Лаптей уже давно нет в помине. У Антона – сапоги с лаковыми голенищами, суконный пиджак и жилет. Он заметно «разборел», подался в ширь, приобрёл степенную

походку, и речь его стала «великатной». У Марии – на ногах тоже ботинки, кашемировые кофточки и юбка, на голове чёрная тюлевая повязка. У них уже две дочери и сын, и они «водятся» в кампании поповских детей. Правда, последние нет-нет да и напомнят кому-либо из них о прошлом и обругают: «эй, ты, нужна карабаева», а то при случае и обидят. Бывало, например, что когда устраивались детские спектакли под лестницей, ведущей в кухню поповского дома или в конюшне на поповском дворе, то из публики всех пускали на представление бесплатно, а с Еленки, старшей дочери Новиковых, требовали пятак: «иди и проси у отца». Также при играх, когда нужно было что-либо сделать потяжелее, то сваливали опять-таки на Еленку. Но у взрослых всё шло глаже: Антон Лазаревич на день именин 15 июля всегда о[тцу] протоиерею делал ценные подарки; Мария Егоровна в дни причастий ходила к протоиерейше и другим поздравить «с принятием святых честных тайн», а все прочие опять приходили к ней. Наконец, о[тец] протоиерей был восприемником сына Новиковых – Васи. Таким образом, между семьями установились даже узы родства: Вася был крестником о[тца] протоиерея.

Немецкий философ-идеалист Иммануил Кант утверждал, что время и пространство только формы сознания и познания человеком мира. Это положение философа-идеалиста много раз и всесторонне опровергалось другими мыслителями, известными под названием философ-материалистов, причём последние в полемике с первыми пользовались иногда грубыми приёмами аргументации. Так, например, материалист Шраус²⁰⁸⁵ рекомендовал солипсисту Беркли для убеждения в объективном существовании материи стукнуться лбом о стенку. Антон Лазаревич был далёк от всякого рода философов – и идеалистов, и материалистов – и никогда не позволил бы себе вступить с кем-либо в грубые препирательства о своих взглядах, из-за болезни оттолкнуть от себя своих покупателей, но всем своим существом, как говорят, «нутром» был убеждён, что и пространство и время существуют реально, объективно, а не абстрактно. Мало того, не будучи тонким политиком, он сознавал, что ему, как воздух, нужно «жизненное пространство», а также, не будучи учёным физиком, он был убеждён, что «природа не терпит пустоты». Так, он, например, знал, что в десяти верстах от Течи существует совершенно реально и объективно деревня Кирды; что деревня эта большая, богатая, но что в ней нет торговли, и есть в этом отношении некий вакуум, и что она, эта деревня, именно отвечает его требованию расширить его «жизненное пространство». И вот в центре этой деревни, на главной улице появляется приличный деревянный домик с лавочкой-магазинчиком, а за прилавком в ней всегда учтивый и приветливый Василий Егорович Проскуров, родной братец Марии Егоровны. Аналогичное положение было в семи верстах от Течи в селе Нижне-Петропавловском. Здесь при тех же условиях – за прилавком оказался родной

---

²⁰⁸⁵ «Автор «Жизнь Икара» (Примеч. автора).

братец Антона Лазаревича – Иван Лазаревич. Оставался не пристроенным младший брат Марии Егоровны – Алексей Егорович. Что с ним делать? *Vacuum* везде был заполнен. Изобретательная мысль пошла несколько в другом направлении: Иван Лазаревич был явно отягощён «телесами»; потерял мобильность, а дело шло бойко. Родилась мысль – подпереть его Алексеем Егоровичем, благо создавалась хорошая житейская конъюнктура: Алексей Егорович – жених, а у Ивана Лазаревича – единственная дочь Павла, Пашенька – невеста. Но на пути препятствие – родство. Как быть? Вспомнили про житейскую мудрость: «Рука дающего да не оскудевает». Но если это правильно, то должно быть правильным и противоположное положение: «Рука берущего да не ослабевает». Тезис и антитезис, действие равно противодействию – это же, если хотите, сколько научные – столько и житейские положения. В результате ни «дающая», ни «берущая» рука не оскудели, и консистория санкционировала брак Алексея Егоровича на Павле Ивановне. Таким образом, под контролем Антона Лазаревича (так надо по существу смотреть на эти события) оказалось приличное «жизненное пространство». Скажите после этого, разве мог Ант[он] Лаз[аревич] смотреть на него, как на некий абстракт, а не как на объект? Пусть на этот вопрос ответит сам Иммануил Кант. Пространство, охваченное Ант[оном] Лаз[аревичем], оказалось не только объективным, но и активным: оно пришло в противоречие с другим пространством – сферами торговли и в результате: Анна Степановна, торговавшая тем, другим по соседству, закрыла лавочку; в след за ней, сколько ни сопротивлялся, закрыл лавочку Миронов; оставил за собой торговлю пряниками, орехами и конфетами Николай Васильевич Пеутин, но разве это торговля, когда у Ант[она] Лазаревича был уже более или менее широкий ассортимент товаров. Всё-таки это был только разбег. «Ну а как же, спросите вы, Антон Лазаревич убедился, что и время, эта тяжёлая философская проблема, на которой поскользнулся Иммануил Кант, тоже существует объективно, осязаемо, слито с реальными – предметами, вещами?»

В девяностые годы Течу и её окрестности постигло большое горе: голод, голодные осень, зима и засушливое лето. Это было совершенно реальное, а не какое-либо абстрактное время голода. Как же это время «голодал» Антон Лазаревич? В его каменной кладовой – амбаре был запасец хлеба на «чёрный день». Сюда, к этому амбару, «под заклад» за хлеб несли всё: шубы, тулупы, шали, сарафаны – всё, только дай еды! Рядиться не приходилось. И всё это так и осталось у Ант[она] Лазаревича: было получено за бесценок, а после голодного года реализовано «по чистой совести». Скажите, разве это не говорило Антону Лазаревичу о том, что время голода было для него совершенно реальным средством обогащения. Пусть на это ответит Иммануил Кант.

Так росло и росло богатство Антона Лазаревича. Купца-самодура в духе драм А. Н. Островского, конечно, из него не получилось: он не был ещё в таком масштабе – это раз, да и времена были не те – два. Но слава о нём

шла уже широко и, когда Елена Антоновна созрела в невесту, жених явился в Течу из Зырянки, что в 45 верстах от первой. Конечно, он был из торговцев: кому же другому иметь такой острый глаз, как не купцу на дочь купца. И так. Покинула Течу Елена Антоновна. Всплакнули, но что делать? Была она весельчаком, затейницей. Остались у Новиковых в семье: Анна Антоновна и Вася. Насчёт Анны Антоновны было решено: по примеру Елены пусть выучится в сельской школе, а потом пусть сидит и ждёт жениха. Ну, немного пусть поучится торговать. А вот что делать с Васей, когда он кончит школу? И в этом вопросе сознание Ант[она] Лаз[аревича] и Марии Ег[оровны] старалось не отставать от бытия, а бытие было уже таковым, что они уже «вышли в люди» и, следовательно, им должно быть доступно то, чем пользовались другие. Вопрос шёл о том, что Васе нужно дать дальнейшее образование, но где? – стоял вопрос. У Мироновых был опыт устройства их сына Вани в Камышловское духовное училище, но он оказался неудачным: Ваня был оттуда исключён. Решение вопроса было подсказано сыном теченского земского начальника, екатеринбургским гимназистом – Александром Стефановским: Вася должен поступать в Екатеринбургскую муж[скую] гимназию, благо – подвернулся счастливый случай – Саша Стефановский может подготовить его и к вступительному экзамену, конечно, за известную мзду. Почему нет? Средства есть: Новиковы были уже в силе. И вот в Тече появился второй гимназист.²⁰⁸⁶ Если бы Ант[он] Лаз[аревич] был подразвязаннее, каким был, например, чеховский Лопухин, он мог бы сказать: «Смотрите: был я «нужа карабаева», а вот сынок мой Вася учится в гимназии с сыном – кого же? – самого нашего земского начальника, самого высокого барина на нашем селе». Но Ант[он] Лаз[аревич], в душе, вероятно, имея эту мысль, в слух её не высказывал, тем более, что и Вася не обнаруживал рвения к науке: каждый год приезжал нанимать того же Сашу Стефановского, теперь уже студента Московского университета, репетировать его. Терпение, наконец, лопнуло, когда Вася привёз хвосты при переходе в четвёртый класс, и решено, что из Васи чиновника, очевидно, не выйдет и нужно приучать его к торговому делу. В конце концов – так и должно быть: кто-то должен же взять в руки отцовское дело. По существу это было поворотом, если так можно выразиться от романтики к реализму.

Тем временем Анна Антоновна вызревала в невесту. После сельской школы, как уже сказано выше, она не училась, да, по правде говоря, это было и не к чему: быть женой торговца – хватит и школьного сельского

---

²⁰⁸⁶ В очерке «Васенька новенький» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор указывает: «... в Тече появился мальчик в серой шинели с серебряными пуговицами, а на фуражке с буквами «ЕГ» в вензеле. Не приезжий, как это было с Александром Стефановским, а свой теченский. Это было в конце прошлого века, и было явлением исключительным. Я помню, как у нас, в школе ещё шли занятия, а он явился показаться в школе «ком-иль-фо». Что тут было: Елизавета Григорьевна, наша учительница, любовалась им, а мы окружили его и «поедали» удивленными глазами. Он сиял!» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 121-122.

образования. Читать книжки – романы она понемногу читала, принимала участие в общественной жизни. Так, когда наша учительница Елизавета Григорьевна устраивала в школе ёлку, она помогала клеить игрушки, золотить орехи, украшать ёлку. Добивалась даже от отца, чтобы он дал на ёлку пряников, конфеток, орехов. Когда же была коронация, то она школьникам нашла много разноцветных кулёчком, в которые отец разрешал наложить из склада всякой всячины – пряников, орехов, конфет. На вечерах она была тоже не ниже других, скажем, епархиалок: польку, «кабрелку» танцевать не хуже других. Нечего говорить об одеянии, о модах: денег не жалели на это, а швеям-модницам не всё ли равно кому шить: с образованием или без образования они – платили бы деньги. Вот только когда на селе устраивались спектакли, брать её в труппу «обежали» - низка де по образованию, а зря: она могла бы, например, сыграть Липочку по драме А. Н. Островского не хуже какой-либо с образованием. У Анны Антоновны была, кроме того, свойственная преимущественно женщинам, способность в поведении, в манерах держаться с другими, сливаться в один колорит. С детства привыкшая быть в обществе девочек, которые после школы учились дальше, она усваивала их манеры и в последствии у неё выработался особый такт в обращении с другими, даже более или менее культурная речь. ... Не обижена была Анна Антоновна и наружностью. К тому же в это время уже много было кое-чего, о чём Н. А. Некрасов сказал: «молодись за пятак!» Ждала ли «его» А[нна] Антоновна? Конечно же, ждала, но только не думала она, что «судьба» её придёт с той стороны, с которой она пришла. В жизни бывает так, что какое-либо событие как будто мимо тебя идёт, как будто краешком тебя задевает, а смотришь – она захватит тебя и унесёт с собой. Так было и с Анной Антоновной.

Летом 1897 г. к одному из пермских семинаристов в Течу приехали четверо товарищей, его однокурсников. Приехали они издалека – из Прикамья. Приезд их свидетельствовал о том, насколько крепкой может быть дружба семинаристов, что ради неё могут преодолеваются даже большие расстояния. Секрет столь крепкой дружбы заключается в том, что всех их объединяла горячая любовь к пению. Любовь к пению – что может быть возвышеннее этого чувства? Все четверо, из приехавших, были не просто случайно встретившимися певцами, а представляли спаянный ансамбль. Здесь не место говорить о том, какое впечатление приезд их произвёл на нашу деревенскую публику, любительницу пения, а особенно на барышень. Гром среди ясного дня – только так можно охарактеризовать это впечатление. Тот, кто нас больше всех интересует из этих четырёх в ансамбле был вторым тенором. Это название – второй тенор – не указывало на второстепенную роль певца в смысле второго по качеству или второго по субординации, а определяло только тембр голоса, его место среди расположения гамм на клавиатуре, но было как-то неловким для употребления, потому что всё-таки для слуха подчёркивало что-то второе, а не первое. Вот почему даже такой певец, как король баритонов Баттистини,

которому, конечно, был понятен смысл выражения – «второй тенор», с некоторым раздражением реагировал на сообщение ему о том, что среди его поклонников идут споры – баритон ли он или второй тенор, и сказал: «вы можете сколько угодно спорить о том – баритон ли я или второй тенор, но я Баттистини». К сожалению, не всякий второй тенор может с таким апломбом сказать о себе, и название его вторым тенором, увы! иногда обозначает не только особенность тембра, но и второстепенное качество. Так приходится сказать об интересующем нас человеке. Из всех четырёх он был каким-то серым: не то блондин, не то шатен, флегматичный взгляд и такие же движения, во всём проглядывали какие-то «умеренность и аккуратность», голос суховатый и не выразительный, - одним словом во всём проглядывал «второй тенор». Вот он-то и оказался «судьбой» Анны Антоновны. Сначала избрание им Анны Антоновны его «судьбой» показалось кое-кому, а особенно самым чувствительным к этому вопросу – нашим барышням – странным, почти оскорбительным. Подумали: нет ли тут шантажа? Но нет! Ни Анна Антоновна, ни тем более матушка её Мария Егоровна ничем не «форсировали» это событие: оно развивалось по внутренней логике самих вещей. Говорили только, что упоминались пять тысяч рублей. Не было ни обручения, ни официального сговора, но условлено, что через год, когда жених окончит семинарию, он с родными своими приедет в Течу и сыграют свадьбу.

Итак, Анна Антоновна «заневестилась», а женихом был Александр Степанович Горбунов, второй тенор ансамбля. Дальше события пошли «как по нотам»: через год сыграли свадьбу, и Александр Степанович получил назначение священником в село Пьянковское, Ирбитского уезда. Антон Лазаревич, конечно, не обидел его. Анна Антоновна сделалась «матушкой». Был ли эта перемена в судьбе Анны Антоновны такой метаморфозой, чтобы, например, быть достойной кисти такого художника по описанию метаморфоз, каким был Овидий Назон? Конечно, нет! Вращаясь в среде подруг своего детства, юности, какими были протоиерейские дочери, наблюдая за бытом людей этого сословия, она хорошо понимала и представляла, что её ожидает в роли «матушки» и как она будет исполнять эту роль. Поэтому когда Антон Лазаревич и Марья Егоровна через год приехала навестить Горбуновых в Пьянковой, то они увидели, что их Анютка вполне вошла в эту «роль» и ничем не отличалась от «матушек», которых они видели в Тече и около неё.²⁰⁸⁷

---

²⁰⁸⁷ Из очерка «Нужа карабаева» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Оказалась она настоящей попадъёй, даже более «поповой», чем какая-либо поповна, потому что те под влиянием «культуры» уже начинали отступать от своего прототипа, а она с исключительной ревностью взялась за исполнение своих «обязанностей». Случай с женитьбой А. С. Горбунова на Анне Антоновне, однако, не прошёл тихо, смирно. Как ни как Анна Антоновна ведь загородила дорогу какой-то невесте из поповских девиц» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 118.

Во время всех этих событий Антон Лазаревич был в расцвете своих сил. Если раньше, бывало, из Челябинска в его адрес прибывала одна или две телеги с товарами, то теперь уже – четыре или пять. Теперь у него был уже постоянный, договорной возчик товаров. Сила требовала размаха. «Разбудись плечо, размахнись рука!» Антон Лазаревич пришёл к мысли, что пора «совлечь» с себя «ветхого Адама» и облечься в новые ризы. И вот, за два года ещё [до] свадьбы Анны Антоновны, рухнул старый дом, и на площадке его и около закипела работа – строительство нового дома. Никогда ещё в Тече не видали того, что творилось теперь здесь. Всюду в штабелях кирпичи, «творило» с известкой; горы брёвен; топоры стучат на всю улицу, визжат пилы, летят щепы. Кто ни проходит мимо, ни проезжает, остановится, покачает головой и скажет: «Ну, Новиков вошёл в силу!» Да, Антон Лазаревич в это время чувствовал себя в силе! Вся эта суматоха труда каменщиков, плотников, штукатуров – музыкой отзывалась в его душе. Лето было жаркое, погода не мешала, и к зиме дом был поставлен. «Ну, сгрохал» Новиков домик ничего себе» - пошёл разговор по селу. Да, дом был построен на славу: на кирпичном фундаменте вырос высокий из сосновых брёвен дом, с разукрашенными ставнями и резьбой у крыши, железной крышей, окрашенной зелёной краской. В доме шесть просторных комнат, кухня, прихожая, парадный ход, веранда со спуском в сад. Внизу под парадным входом, верандой и одной из комнат – кладовая с железной дверью и громадным замком. В северной части двора была построена высокая кирпичная стена до служебных построек: коровника, конюшни, склада дров. Вся постройка была кондовой: всё было рассчитано на долгую и удобную жизнь. Предусмотрено было и то, что Вася должен жениться и получить семейный уют. Нечего говорить о том, что внутри была хорошая обстановка, конечно, мещанская, но удобная. С этого времени всякий раз, когда летом приезжал в Течу его высокопревосходительство господин Пермский губернатор, а это бывало примерно через год, покои ему отводились в доме Антона Лазаревича. Если в Течу приезжал его преосвященство, епископ Екатеринбургский, то покои отводились ему в доме о[тца] протоиерея по соседству – так уж установилось между соседями «разделение труда».

После выхода замуж Анны Антоновны, Анютки, как называла её Мария Егоровна, Вася у Новиковых остался один. Нужно было приучать его к торговле. Как он отнёсся к тому, что его оторвали от учения в гимназии? Жалел ли он об этом, или нет? Понимал ли он то, что с ним произошло? Первое время он часто вспоминал о гимназических товарищах и рассказывал о них, и это было как раз зимой, когда он встречался с ними в гимназии в учебное время, но потом воспоминания всё тускнели и тускнели. Шли годы, и новое бытие по-новому определяло сознание. Начали пробиваться усики и облик его стал уже приближаться к купеческому: зимой, например, на ногах казанские валенки с разшивкой, романовский полушубок, шапка с бархатным верхом. Барышни стали называть его Василием Антоновичем. Скучать было некогда, потому что Антон Лазаревич, можно сказать, ещё только выходил

на широкую дорогу в «расейском» масштабе, а Василий Ант[онович] был его *alter ego*. Если случалось свободное время, всегда можно было встретиться с кем-либо из ближней родни. Приходилось, например, его иногда видеть играющим в шашки с дядей Василием Егоровичем, причём на доске у них были не шашки, а у одного – золотые монеты («золотяги»), а у другого – серебряные («серебряки»). Но главным было то, что расширялся торговый горизонт. Раньше Антон Лазаревич довольствовался только Ирбитской и Крестовской ярмарками, а теперь уже перешагнул на Нижегородскую, и во всех этих случаях Василий Антонович сопровождал отца: для него ведь всё это и делалось, ему продолжать дело. И вот после одной из обеден в Теченской церкви служили молебны «в путь шествующим», а на другой день отец с сыном с невидимо присутствующим после молебна и Святым Духом отправились в дальний путь: до Перми по «чугунке», а дальше до Нижнего водой.²⁰⁸⁸ Сколько новых впечатлений! Где уж тут думать о гимназии: сама жизнь перед Вас[илием] Ант[оновичем] развёртывалась «университетом», шумным, пёстрым, многоголосым. И сколько соблазнов! Кто читал рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «Штучка» о купеческих «нравах» на Ирбитской ярмарке, а они, конечно, мало чем отличались и от нижегородских, тот поймёт, в какое же море соблазна мог погрузиться здесь В. А., если бы не было около него батюшки. Главным же для него здесь было, что имел в предмете и Антон Лазаревич, это постичь тайну торговли, понять и почувствовать, как это делается, и Антон Лазаревич не таил от него ничего: он сам действовал и ему говорил: «вот смотри, как это надо делать!» А делать надо было так: суметь войти в доверие к кому-либо из всероссийских тузов, получить товары в кредит и реализовать их умело. Так и получалось у Антона Лазаревича: товары ему давали в кредит, зимой кто-либо из контролёров кредитора заезжал в Течу посмотреть, как идут дела у Ант[она] Лаз[аревича] и реализовать часть закредитованной суммы, а так как у Ант[она] Лазаревича всё шло в ажур, то кредиты росли, и товары в магазине тоже росли. Позднее как-то у Вас[илия] Ант[оновича] его интимные друзья, собутыльники в такую минуту, когда язык у человека развязывается, спросили, на какую-же сумму через магазин в течение года проходит таким путём товаров, то он назвал, примерно, сто тысяч, а процент за работу, примерно, восемь. Так вот и возникает вопрос: стоило ли ездить на ярмарку в Нижний и обучать торговому делу Василия Антоновича.

«Молодо зелено – погулять велено» - закон для молодёжи, а для развлечений на ярмарке знаменитый певец того времени, солист его императорского величества Николай Николаевич Фигнер выстроил на свои средства театр и сам приезжал петь в этом театре со своей супругой Медеей

---

²⁰⁸⁸ Из очерка «Нужа карабаева» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «По железной дороге ехали до Перми третьим классом, а из Перми до Нижнего пароходом тоже третьим классом. А. Л. учил сына экономно расходовать деньги» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 122.

Фигнер.²⁰⁸⁹ Позднее не гнушался этим театром, как это видно из фильма «Яков Свердлов» и Ф. И. Шаляпин. Вас[илий] Ант[онович], как видно не зря три года учился в гимназии: потянуло послушать Фигнера. Позднее он так рассказывал о своём впечатлении от пения: «его послушать и умереть», а видел он его в «Пиковой даме», к слову сказать, рассчитанной при создании П. И. Чайковским на исполнение в заглавной роли супругами Фигнер. Конечно, о своём впечатлении от Фигнера Василий Антонович отозвался густо романтично, что свидетельствует о том, что он не успел ещё огрубеть в житейских и коммерческих делах.

На ярмарке всегда появлялись какие-либо новинки из техники, и Вас[илий] Ант[онович] привозил их в Течу. Так, однажды он привёз граммофон с несколькими пластинками. Среди пластинок были две с оперными ариями: «Чуют правду» в исполнении баса Бухтоярова и «Прости, небесное создание» в исполнении Фигнера. Хозяевам, однако, больше нравились народные песни: «Ах, сегодня день ненастный», «Шла я Маша», а из оркестровых – «Малороссийский марш». Что было, когда разузнали о таком чуде люди? Началось паломничество. Не обошлось и без того, что «простые люди» из прислуживающих заглядывали в трубу: нет ли там кого-нибудь. Позднее Вас[илий] Ант[онович], когда уже сделался главной хозяйства, привёз мотоцикл. До этого теченским чудом казался велосипед, который купил своему сыну земский начальник по случаю получения им аттестата зрелости; удивляет, как он ездит, а не падает, а тут настоящая машина да ещё к тому же шумливая. Что только было? Когда В[асилий] Ант[онович] выезжал за село, то было ещё ничего, правда, шумно, а когда возвращался под вечер, то впереди него неслись телята, гуси, шарахались с дороги и старались взлететь, коровы дико жались к домам и тряслись, а он, как вихрь проносился к себе домой. В волость поступали жалобы, была даже устроена по этому вопросу сходка. Так натуральное хозяйство деревни вступало в противоречие с внедряющимся в неё капитализмом.

Ещё при жизни Антона Лазаревича, в 1905-1906 гг. одним из показателей лёгкой удачи и счастья была предпринята попытка проникнуть в «жизненное пространство» его и при том в наиболее чувствительном месте его – в Кирдах. Случай этот, нужно прямо сказать, был не продуманным, прямо глупым, не к чести будь сказано о виновнике его. А виновником его был Миша Петров, тот всем известный семинарист, ярый служитель «мамоны», который по субботам, в которые Кирилл Михайлович, семинарский повар, готовил голубцы, говорил: «ради голубцов можно и двойку в этот день получить», т. е. он хотел этим сказать, что по субботам даже и умственная деятельность не должна мешать желудку выделять желудочный сок. Но как могла получиться такая разительная перемена в существовании Миши Петрова, в его деятельности? В ответ на этот вопрос

---

²⁰⁸⁹ Фигнер Медea Ивановна (1859-1952) – итальянская и русская певица (меццо-сопрано). Заслуженная артистка РСФСР.

приводились некоторые биографические сведения о Мише, а больше догадки, очень туманные и рискованные. «Чужая душа – потёмки» - не зря говорится в поговорке. Из биографии Миши было известно, что он происходил из зажиточных крестьян, не то земских ямщиков, не то мельников, живших где-то вблизи Ирбита. В семинарию он попал по окончании Камышловского дух[овного] училища. Вот и всё, что можно было при желании проверить, а дальше шли уже догадки. Отправным моментом догадок было то, что в данном случае, очевидно, имело место быстрое обогащение: «привалило счастье», и человек сорвался со старого, насиженного места на новое, будь оно хоть, как говорят, принципиально новое, другое. Но где может «привалить» такое счастье? Тут и вспомнили, во-первых, то, что Миша родом из-под Ирбита, и что под Ирбитом, во-вторых, таким счастливым местом иногда в ярмарочное время являлся Ратанов лог, точнее – мостик над ручьём внизу этого лога. Лог этот был в пяти верстах от Ирбита в сторону Камышлова, а мостик обладал удивительным свойством быть неустойчивым: или совсем провалится, или так сильно накренится в ту или иную сторону, что содержимое в кашевах, т. е. купцы, направляющиеся на ярмарку, оказывались сначала ниже моста или под мостом, а потом в таком виде, что от «ухаря купца» оставался только общипанный цыплёнок. Вот так «грешили» и на Мишу: дескать, совершил с кем-нибудь «это», а потом «стреканул» вёрст за триста на «новую жизнь». Но если приходилось гадать о том, откуда взялись у Миши Петрова средства на торговлю, то не приходилось гадать о том, что Антон Лазаревич не позволит ему «царствовать» в своём «жизненном пространстве». Не для того он ещё на заре своей деятельности пустил в трубу своих теченских соперников, чтобы в расцвете сил позволить кому-либо встать поперёк дороги. Между тем Миша вёл себя нагло: открыл лавочку всего через дорогу от Алексея Егоровича. В драку Антон Лазаревич, конечно, не полезет, но тихой сапой никто лучше его не умел действовать. Стоило ему только открыть кредит тому или другому покупателю, а он хорошо знал своих покупателей, как дорожку к Мише снежком заметало, а к нему не зарастала «народная тропа». Да и товаров то у Миши было «раз, два и обчёлся». Через полгода Миша уже, как рыба на льду, задыхался, а там и совсем протянул ноги. Оставался у него ещё хороший рысачок. Ант[он] Лаз[аревич] на отъезд ему восвояси купил у него за бесценок этого рысачка... *et comedia finite est.*

С некоторого времени за Вас[илием] Ант[оновичем] стали замечать, что пора его женить, *periculum in mora*²⁰⁹⁰ – не зря отмечали и древние люди.²⁰⁹¹ А один случай подсказывал, что на самом деле «опасность в

---

²⁰⁹⁰ *periculum in mora* – по-латински опасность в промедлении.

²⁰⁹¹ Из очерка «Нужа карабаева» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Мужал В. А. и «молодое вино начинало бродить». Бывало, что оставался в лавочке один, а покупать приходили не только бородачи да тётушки, но и девицы, а дьявол тут как тут. Известно, девки падки на сладости: дай ей орешков или пряничков, она и готова, как некрасовская Катерина: «Всё

промедлении». Послали его за товаром в Челябинск, а он на обратном пути гульнул да так, что часть товара порастаскали. Пришлось самому Ант[ону] Лазаревичу срочно мчаться на купленном у Миши Петрова рысаке на выручку товаров, но всего собрать не удалось. Было ясно: Вас[илия] Ант[оновича] нужно женить. Жених был знатный, богатей и чтобы найти ему ровню пришлось обследовать невест, по крайней мере, по окружности с радиусом в 60-70 вёрст. Остановились, наконец, на купеческой дочери в Каменске, за 75 вёрст от Течи. Сговорились, «ударил по рукам», обручили, но невест, претендующих на такого жениха, нашлось много: пошли интриги, наветы. Когда нужно было ехать в церковь под венец, и тогда ещё подбросили анонимку, что невеста, дескать, такая-сякая, остановись пока не поздно. Такие нравы на Руси, как известно, шли из седой старины: были даже при Иване Грозном.... Свадьбу нужно было отпраздновать так, как говорится: «знай наших», чтобы всем было ясно, что Антон Новиков женит своего единственного сына. И прежде всего было решено, что венчание в Каменке должен совершить крёстный – батюшка жениха – о[тец] протоиерей Теченский. И вот в один из августовских дней 1907 года из Течи в Каменку выехали две тройки: на одной жених в крёстным, на другом шафера, в числе которых закадычный друг В. А. с детства, теперь студент Казанского университета, сын о[тца] протоиерея – Паша Бирюков. О[тец] протоиерей любил в далёкую дорогу брать с собой «освежающее», то, что ласково называлось «чище девчачьей слезы», чтобы можно было выйти из экипажа, размяться и пропустить «по единой». Так было и на этот раз: тройки то там, то здесь останавливались, седоки вылезали из экипажей, разминали усталые части своих организмов, а отец протоиерей подносил всем «по единой», а жениху... показывал свой вытянутый язык. «По единой» ему было противопоказано перед венцом. Накануне друзья водили жениха в баню «на обмывание», дали «пригубить», а теперь ни-ни перед таинством. Что же касается вытянутого протоиерейского языка, то все уже привыкли к тому, что он нет-нет, да и «выкинет какое-либо коленце»: такова была его натура.

Из Каменки в Течу мчались уже четыре или пять троек. Губернатор и тот не ездил с такой помпой. Когда проезжали по татарским деревням, то все обитатели их повыскакивали из своих избёнок смотреть на «поезд», а татарчата ещё в догонку гнались до поскотины, чтобы у самых ворот обогнать, открыть польские ворота и получить гостинцы. В Тече уже на горе толпился народ, и смотрели в даль Заречья: не едут ли, а в доме Новиковых всё было готово к приёму гостей. Мальчишки первые заметили вдали столб пыли и закричали: «едут, едут»....

Три дня было разливанное море. Три дня около дома под вечер собирались мальчишки, девчонки, да подходили и тётушки. Из окон горстями кидали «на драку» пряники, конфеты. На третий день из склада

принесли целую корчагу медных денег: копеек, семишников, пятаков. Тут кидались «на драку» и солидные тётушки и дядюшки.

Антон Лазаревич ещё раз расправил крылья: магазин был сверху надстроен, под ним устроен бетонированный склад, крепче устроены две наружные двери; каменной высокой стеной была отгорожена вся усадьба с севера и запада; получилось некое подобие замка, в особенности, когда между домом и магазином были построены массивные кирпичные ворота.

Интересно было теперь видеть Антона Лазаревича на его «производстве». Магазин до отказа был завален товарами. По северной стороне, более узкой, расположены были бакалейные товары: крендели, пряники разных сортов – мятные, «парёные», с изюмом, с наливкой, без наливки, вяземские, сибирские пирожки; конфеты: «копеечные», в бумажках, без бумажек, шоколадные с раздвижными картинками, с начинкой, без начинки; сахар: колотый, головами; изюм, урюк, рожки, бухарская вишня; орехи: кедровые, грецкие, волоцкие; чай байховый, плиточный; тут же бумага, гильзы и т. д. По западной длинной стене сверху до низу полки ломились от мануфактуры: сукно, корт, кашемир, различные ситцы, вязь, мадаполам, сюра, канифас, ласток, сатин, шали разных сортов. По южной стороне были расположены: лампы, стёкла, свечи, гвозди, шурупы, петли, крючки и т. д. И тут же приютилась махорка. У дверей стоял бак с керосином. А что было в складе? Всё, что только было на потребу деревенскому покупателю. Вдоль западной стены шёл закрытый стол (прилавок), в одном месте которого – дырочка, в которую спускались монетки.

Интересно было наблюдать Антона Лазаревича в магазине в длинные зимние вечера. Магазин превращался в своеобразный клуб. Сюда приходили солидные дяди постоять в тепле у печки, посмотреть на торговлю, узнать новости. Начиналось с приветствия: «Прибылью торговать!» Дальше, если покупателей не было, начиналась беседа между хозяином и гостями и тут-то именно и обнаруживался секрет успеха в торговле у Антона Лазаревича. Он всех в своём «жизненном пространстве» знал по имени и отчеству. Он знал, сколько в этом году засеял пшеницы Иван Иванович, как уродился хлеб у Фёдора Ивановича. Он знал, сколько в этом году будет рекрутов и сколько для них нужно привезти из Нижнего шарфов, красного сатина на рубахи, плиса на шаровары. Он знал, сколько этой зимой будет свадеб в Тече, Кирдах, Черепановой, Баклановой; сколько будет невест со сторублёвым, сорокарублёвым и т. д. приданым. Он знал, сколько для них потребуется канифасу на сарафаны, сколько шалей и в какую цену. Он знал, кому можно доверить в кредит, а кому нет. Он, наконец, знал повадку каждого покупателя рядиться при покупке: кто соглашался после второй уступки, кто после третьей. Он знал, какие расцветки ситца нравятся молодым, какие старым, какие русским, какие татарам. Он знал, что когда будет «Девятая» или «Спас», к нему придёт Савелий Фёдорович и купит пряников столько-то, конфет столько-то, изюму столько-то и т. д. Он знал, сколько людей будет у

него покупать махорку. Он знал, к какому сезону и какой нужно готовить товар. И ко всему этому у него была изысканная манера обращения по имени и отчеству. Сказать бы ему тогда, что нужно в его магазине вывесить аншлаг: «продавец будь вежлив с покупателем», так он бы сказал: «да вы за кого меня принимаете?» И вот с таким человеком вздумался тягаться Миша Петров!

Антон Лазаревич в течение некоторого времени был церковным старостой, ктиторм храма, и о[тец] протоиерей это обстоятельство максимально использовал для церкви. На Пасху в церкви появилось новое белоснежное облачение для священнослужителей, новый напрестольный крест и кое-что другое. В церкви была сделана новая роспись святых на потолке и стенах.

Антон Лазаревич, повинувшись общечеловеческому закону и закону живых существ, однако, старел. Первое, на что бросилась хворь – это были глаза. Уже давненько он не мог обходиться без очков. Конечно, различать монетки – медные, серебряные и даже золотые – он мог бы ошупью: слава Богу – горы их прошли через его руки, но бумажки, показания на весах, аршинах и др. было затруднено. Но не это ещё было главным, а главным было то, что болезнь глаз связана была с каким-то расстройством функции мозга. Люди говорили: это у него от золота, оно его ослепило и подействовало на ум. Процесс обострялся, и всего можно было ждать. Больше всего перед смертью, которая ясна была и самому Антону Лазаревичу, огорчало его то, что прошло уже несколько лет, а Тоня, сноха, была бесплодной. За Василия Антоновича он был спокоен: он ему передал весь свой опыт и имел уже возможность убедиться, что он учил его не зря.

Последний день настал. Схоронили раба Божия Антония в церковной ограде, рядом с алтарём Введенского придела у стены. За место было уплачено пятьсот рублей.²⁰⁹² Что говорить поминки были богатые: заказан был сорокоуст, кормили нищих, причту церкви делали подарки – никого не обидели. Скоро на могиле появился мраморный памятник и небольшой текст из Евангелия на тему *emento mori*. Был Антон Лазаревич и нет Антона Лазаревича. Ещё Державин в оде «На смерть князя Мещерского» сказал об этом: «На то, чтоб умереть родимся» и красочно изобразил переход от жизни к смерти в словах:

*«Где стол был яств – там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воят клики,
И бледна смерть на всех глядит».*

---

²⁰⁹² Из очерка «Нужа карабаева» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В этой ограде полагалось хоронить особ духовного звания, но учли, что А. Л. когда-то был ктиторм Теченского храма, делал много в него «приношений» да и пятьсот рублей – тоже деньги, разрешили похоронить в церковной ограде» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 125-125 об.

Больше всех горевала, конечно, Мария Егоровна. Жили они с Антоном Лазаревичем на редкость дружно: все вопросы жизни разрешали коллективно за чайком. «Сидят это они, - рассказывала их пожизненная кухарка Матрёна на поминках, - раненько, чай пьют и о чём-то толкуют. Антон-то Лазаревич любил блюдечко так держать: положит его на все пять пальцев, держит (*sic!*) около рта, наперво поддувает, чтобы охладить, а потом выпьет, подаст его Марии Егоровне и скажет: «Егоровна, плесни-ко ещё чайку-те!» И сидят они, прямо сказать, как голубочки». Что можно сказать лучше Матрёны в похвалу дружбы супругов Новиковых – старших. «Умри, Денис: лучше не скажешь».

А как часто видали соседи выезд Антона Лазаревича и Марии Егоровны на прогулку летом, под вечером в поле. Сидят это они рядышком в «ходке», он правит рысаком, поедут по полям посмотреть, как хлебец уродился, какие виды на торговлю. Каждый вспоминал по-своему, а многие, семейный диакон, например, говорил, что Ант[он] Лаз[аревич] не раз выручал его в беде: давал товар в кредит. «Бывало – рассказывал диакон – сам, дай Бог ему царство небесное, заметит, что надо мне кому-либо из ребят корту на шубу, и скажет: «ты что, диакон, опять хмурый ходишь; если что-либо надо – бери; как-нибудь отдашь».

Василий Антонович уже имел опыт в ведении торговли, знал, как надо вести дело, примерно раскидывал в уме, сколько ему потребуется лет, чтобы выйти на гильдию, о чём мечтает всякий купец, и сокрушенно говорил: «Жизнь коротка: не успеешь, как следует размахнуться, как позовут «туда» - показывал он на могилу Антона Лазаревича. Так на нём, как и на других, подтверждалась глубокая правда, выраженная в пословице: «Аппетит приходит с едой».

Антонина Петровна – Тоня – оказалась довольно замкнутым человеком: то ли её угнетала бездетность, что, она знала, свекровь и муж ставили ей в неполноценность; то ли она всё ещё скучала по своей Каменке, но на лице её можно было часто прочесть недовольство своим положением. Иногда она говорила о том, что у неё появляются странные желания. Так, она говорила, что ей хотелось бы жить ограниченнее, чем ей жилось, чтобы деньги, например, тратились с учётом по копейкам, с ограничением, а не так, как они проходили у ней в её положении, как вода сквозь пальцы. «В этом отношении, - она говорила про себя – я завидую учительницам, у которых бюджет составлял месячный заработок в двадцать пять рублей». Была ли она искренней, выражая такое желание, или только прикидывалась, рисовалась такой философией – пока что разгадать было нельзя.

Начиналась первая мировая империалистическая война. Василий Антонович, как единственный сын Антона Лазаревича состоял ратником ополчения второго разряда. В начале войны казалось, что очередь являться на войну до него не дойдёт, но вот брали, брали людей в армию и, наконец, дошло и до его возраста. Его направили в Самару, но там пробыл недолго и возвратился домой, как говорили тогда, «по чистой». По-разному люди толковали по поводу возвращения его домой: кто говорил, что откупился –

дал взятку военному; кто говорил, что он что-то сделал с собой, чтобы вызвать у себя болезнь, в этом случае речь опять-таки шла о взятке врачу, а некоторые говорили, что никакой и никому не было дано взятки, а у него на самом деле нашли сердечную жабу, которой он «скудался» и раньше. Из всех этих предположений правильным было то, что у него была сердечная жаба, а как получилась эта болезнь, когда открылась, об этом знали только Новиковы. Василию Ант[оновичу] был предписан строгий режим и, прежде всего, строгий запрет на всё спиртное.

В семье же приближалось радостное событие: Тоня, наконец, «затяжелела» и приближались роды. Радость была «великая» и подготовка к этому событию была не меньшей, чем к свадьбе. В процессе подготовки Василий Антонович «на радостях» нет, нет, да и прикладывался к «запрещённому плоду». Это явилось для него роковым случаем в жизни. «Отпели мы всюнощную у них в дому – так повествовал об этом один из участников это[го] события – и стали садиться пить чай. Василий Антонович только подошёл к стулу, упал ... и всё. Погнали за фельдшером за семь вёрст, он приехал часа через полтора только за тем, чтобы подтвердить кончину. Это было накануне крестин, а гостей из Зырянки ждали на завтра. Так и случилось: на другой день гости подъехали рано с песнями и узнали о роковом случае. Через два дня рядом с могилой Антона Лазаревича появилась ещё могила Василия Антоновича.

Делу Новиковых был нанесён смертельный удар. Но одна беда, говорят, не приходит одна: сбыл одну – жди другую. Ударил Октябрь 1917 г., началась буря гражданской войны. Она стала приближаться и к Тече. Вдовам Новиковым – старой и молодой было ясно, что ждать нечего: нужно убираться из Течи. Сколько бы ни были обходительными с народом отец и сын Новиковы, шёл суд народный, классовый. Собираться пришлось спешно: кое-что раздали на хранение знакомым, на которых была надежда; кое-что, как говорили, например, из посуды зарыли, а что касалось долговых записей, то махнули на это рукой и выехали на лошадях по направлению к Тюмени. В дороге умер ребёнок. В Тюмени скончалась Мария Егоровна. Осталась одна Антонина Петровна. Куда податься? Из зырянской родни случайно уцелела одна девочка Свигузова. Уцелела она потому, что оказалась талантливой музыкантшей пианисткой, была замечена влиятельными людьми и увезена в Москву.²⁰⁹³ Здесь она вышла замуж, обзавелась семьёй, и ей нужна была няня. Как раз здесь, кстати, и подвернулась Антонина Петровна. Вот так и сбывалась да ещё с избытком её мечта пожить самоограничением. Дважды или трижды приходила она в последствии в Течу пешком из Каменска-Уральского, куда приезжала из Москвы. Приходила она конспиративно

---

²⁰⁹³ Из очерка «Нужа карабаева» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Оказалось, что одна из дочерей Елены Антоновны Свигузовой выучилась игре на фортепиано у дочери Зырянского священника Оранского, кончившей петербургскую консерваторию, и ей удалось устроиться в Москве по музыкальной части» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 127 об.

сначала, а потом, когда всё улеглось, то и явно. Присватывались даже к ней кое-кто из женихов в надежде, что она откроет клад, спрятанный где-то, но она отказала всем претендентам на её руку. Из того, что отдавалось когда-то на хранение, ничего не осталось: ищи вчерашний день. Спрашивали её знакомые: как она не боится одна ходить пешком? Она сказала, что теперь она стала такой смелой, что ничего не боится: в самую глухую ночь она в лесу ночует и хоть бы что.

Около новиковского дома вся земля была исследована, особенно – в саду: клада не нашли. В доме одно время был сельсовет, а теперь аптека, приёмная для больных, приходящих на врачебный осмотр. Между домом и магазином сделана перегородка. В магазине нет галантерейного отдела, зато есть парфюмерный отдел, готовая одежда, обувь, велосипеды. И дом, и магазин уже пообносились и требуют ремонта...

И Он сказал: не собирайте себе сокровищ на земле: «иде же тля тлит, и татите подкапывают и крадут»; а собирайте себе сокровища на небеси: «иде же ни тля не тлит, ни татие не подкапывают и не крадут». Так можно закончить рассказ о «нуже карабаевой». Можно разве ещё добавить то, что церковь теперь разрушена, могилы все затоптаны. Валяется какой-то осколок мрамора. Может быть, он и есть от которого-либо из памятников отцу и сыну Новиковым.

*Sic transit gloria mundi!*²⁰⁹⁴

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 143-174.

---

²⁰⁹⁴ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит земная слава!»

[«Теченская поповка»]

Протоиерей Владимир Александрович Бирюков

[1961 г.]

«*Amicus Plato, sed magis amica veritas est*»²⁰⁹⁵

В последнее время в нашей периодической печати чаще и чаще публикуются статьи, в которых разоблачается противоречивое поведение того или иного человека. Чаще всего в них вскрывается противоречивое поведение кого-либо на производстве и в быту. Конечно, нужно признать правильным положение о том, что у каждого человека есть свои достоинства и свои недостатки, но в статьях отмечаются такие положения, когда и те, и другие слишком противоречивы, непримиримы между собой. Создаётся такое положение, при котором приходится сказать кому-либо: «я тебя уважаю за то-то и одновременно добавлю: но не уважаю за то-то», т. е. статья в противоречие с самим собой и допустить ту форму суждения, которая в логике называется *contradictio in adiecto*.²⁰⁹⁶ В таком именно положении находился автор настоящей статьи, поставив перед собой задачу нарисовать образ одного из церковных деятелей села Течи в дореволюционное время. Речь идёт о настоятеле Теченской церкви – протоиерее Владимире Александровиче Бирюкове.

Получить чин протоиерея на селе в те времена было редкостью, если не сказать – исключением, но он получил этот чин. Естественно пошли толки и перетолки, прежде всего, среди духовенства о том, достоин ли он этого чина или нет. Прикидывали и так, и этак, и большинство людей объективных и менее завистливых приходило к выводу: да, достоин. Такого же мнения держались и люди светские, которые знали протоиерея по его служебной деятельности. Какие данные были для этого у тех и других? Прежде всего, оценивали деятельность о[тца] протоиерея по исполнению им его прямых обязанностей как служителя культа. Что греха таить – среди служителей культа иногда попадались лица, которые небрежно относились к своим обязанностям, а иногда и прямо кощунственно. Конечно, когда Демьян Бедный своим стихотворением «Христос воскрес» изобразил, что некий отец Ипат спятал в дарохранительницу деньги и сказал: «Несть божьих здесь телес – Христос воскрес»²⁰⁹⁷, - то он допустил некоторую передержку, как говорят, «пересолил», но отрицать вообще возможность случаев кощунства при исполнении церковных служб со стороны отдельных служителей культа нельзя. Известная картина, на которой изображено хождение с Богоматерью,

---

²⁰⁹⁵ *Amicus Plato, sed magis amica veritas est* – по-латински «Платон – друг, но истина дороже».

²⁰⁹⁶ *contradictio in adiecto* – по-латински противоречие в определении.

²⁰⁹⁷ Автор ошибочно приводит слова стихотворения Д. Бедного, путая роль священника и пономаря.

причём служители культа показаны пьяными, увы! правдива, реалистична.²⁰⁹⁸ Если поискать, то можно найти свидетелей того, что кое-кто из священнослужителей совершал евхаристию в нетрезвом виде, не говоря уже о том, как совершались, так называемые требы: крещение, отпевание и пр. О[тец] протоиерей в этом отношении был безупречен, если можно так выразиться в этом случае, безупречен до педантизма. Совершал ли он богослужение, или присутствовал в качестве молящегося, а также на требах, он всегда являлся «истовым» пастырем, ревнителем благочестия. Что касается его деятельности как настоятеля церкви, его попечительного отношения к ней, то его можно было поставить в пример любому настоятелю. Не больше как через четыре-пять лет церковь белилась, крыша у ней красилась, а также церковная ограда и прочие строения. Внутри церкви была чистота и порядок. Трапезники были всегда на чеку. Пол в церкви часто мыли. На Пасхе, когда была распутица, на пол разбрасывали сосновые ветви, чтобы пол не так загрязнялся. В церкви был при нём сделан новый иконостас в летнем приделе; в зимних приделах заново были расписаны стены и потолок. Ризница и принадлежности, необходимые для совершения богослужения – всё было в достаточном количестве. Когда екатеринбургский владыка совершал объезды по епархии, то везде начиналась суматоха: ремонтировали, мыли, красили, а о[тцу] протоиерею эта спешка была не нужна: он был готов к приёму в любое время. Также что касается разной отчётности, то всё было приведено в ажур: псаломщики и диакон так были им вышколены, что о какой-либо неаккуратности не могло быть и речи. Когда он однажды был избран благочинным, то он навёл по благочинию порядки, которые потом помнили. У него всегда при церкви были оборотные средства – от церковных весов на базаре и прочего и когда один владыка совершил в Тече богослужение – литургию, то ему было поднесено старостой церкви триста рублей на том подносе, на котором он собирал во время богослужения копейки, семишки, пятаки.

После всего вышесказанного о служебной деятельности о[тца] протоиерея, кто мог сказать, что он не достоин протоиерейского чина? Разве только безнадежно завистливый человек, каковые, правда, среди духовенства были нередкими.

О[тец] протоиерей ездил в Кронштадт специально за тем, чтобы посмотреть, как совершает богослужение о[тец] Иоанн Кронштадтский. Он рассказывал, как он стоял в алтаре и наблюдал за ним. Он ездил на поклонение Абалакской иконе Божией Матери и привёз копию с неё. Он следил за церковной жизнью, был в курсе всех церковных событий и много читал в этой области. Он выписывал одну или две газеты и следил за событиями. Люди, имевшие случай беседовать с ним на политические темы, говорили, что он разбирался в тонкостях политики много глубже, чем кто-

---

²⁰⁹⁸ Автор имеет в виду картину В. Г. Перова «Сельский крестный ход на Пасхе».

либо другой. Он читал произведения художественной литературы и особенно любил произведения Чехова. Заговорить при нём о каком-либо произведении Чехова – это, наверняка, значило вызвать его на беседу. Он выступал на воскресных чтениях в школе – читал с большим мастерством чеховские рассказы. В этом отношении, будучи стариком, он был не ниже, если не выше некоторых молодых семинаристов того времени. Из этого нельзя не сделать заключения, что он был не глупым человеком.

Каким он был со стороны эмоций: добрым, злым или чем-то средним между первым и вторым. Как можно охарактеризовать его отношения к семейным и родным? У него была единственная сестра – Таисья Александровна. Она рано овдовела, а на руках её осталось четверо маленьких детей. О[тец] протоиерей, можно сказать, определил ей *modus vivendi*.²⁰⁹⁹ Он предложил ей поехать в Камышлов, нанять там квартиру и воспитывать его детей, которые учились в дух[овном] училище по три человека одновременно. Таким образом, по существу он взял на своё обеспечение семью своей сестры. Летом все четверо её детей и приезжали в Течу к дяде на каникулы. Правда, Таисья Александровна брала к себе на квартиру и ещё кого-либо, но основным контингентом в числе её квартирантов являлись дети о[тца] протоиерея. Два сына о[тца] протоиерея учились в высших учебных заведениях. Он, скрепя сердце, высылал им деньги, на содержание, потому что он, во-первых, не разделял их стремления к высшему образованию на юристов, а, во-вторых, он знал, что добрую половину высылаемых им денег они пропивали. Так он говорил: «Лучше бы я эти деньги в печке сжигал, чем посылать им», но поворчит, поворчит и вышлет. Так и в других случаях поворчит, а когда нужно что-либо сделать, помочь – сделает. Дочерям, например, как принято было тогда, давал хорошее приданое. Из этого видно, что никаких особых отступлений он норм в области эмоций тоже не было.

Но если всё сказанное выше можно отнести к деснице его, то совершенно другое приходится сказать о шуйце его. Он был груб в обращении с другими до хамства и жаден тоже до хамства. Вот его отношения к прихожанам. Приходит кто-либо с просьбой, робко остановится у дверей, снимет шапку и скажет: «бачко, мне бы ребёночка покрестить». Подходит он и начинает: «икону видишь?», всей пятернёй забирает его волосы и треплет со словами: «крестись!» Что это? Конечно, хамство. Ну, скажи, научи! Нет, надо унижить, оскорбить достоинство человека. И это было стилем его отношений к прихожанам. Едет за сборами, берёт свою пудовку, а пудовка эта вмещает в себя верных полтора пуда. Ему насыпают, он палочкой поколачивает, чтобы зерно ложилось плотнее и пока не насыплут до верху, не берёт. Как это назвать? Не хамство ли? В семье. Дочь Евгения при переходе в шестой класс получила переэкзаменовку. Об этом отпечатано было в епархиальных ведомостях.²¹⁰⁰ Стало всем известно.

²⁰⁹⁹ *modus vivendi* – по-латински образ жизни.

²¹⁰⁰ Бирюкова Евгения Владимировна в 1903 г. была допущена к переэкзаменовке по русскому языку.

Обидно? Да, обидно. Но ... на вечере, среди танцующей молодёжи, где были и юноши, позорить за это дочь, язвить.... Не означало ли это: открыть её душу и при всех наплевать в неё. Или: на том же вечере отозваться о девушках – его же дочерях и племяннице: «я знаю, что им надо», сказать с такой интонацией, которая не оставляла никакого сомнения в том, что это означало. Что это? Не самое ли это, если можно так выразиться, хамское хамство? Решил на вечере подшутить над своей племянницей девочкой 15-16 лет – напоить её пьяной. Уговаривали: «Дядя, нельзя это делать!» Нет, вынудил, девица опьянела и свалилась. Что это, как не хамское хамство!

Сын студент, желая скрыть от него горящую папироску, сунул её в рукав. Он: «Мишка, рукав спалишь!» И так постоянно названия для сыновей: Мишка, Колька,... в семейной среде и при других.

Отношение к детям. Во чтобы то ни стало добиться, чтобы ребёнок заплакал. Не отстанет, пока не добьётся. Безразлично: свои или чужие. Проводы детей: расставание, слёзы еле удерживаются, а он начинает: «ты что не ревёшь? Мамка, поди, ревёт». Посадили мальчика-гостя обедать с собой. Он: «мать, наложи ему каши, чтобы лопнул. Ешь! Не съешь, из-за стола не выпущу». Слёзы. Дети его начинают говорить отцу: «папочка, не надо его обижать». Матушка тоже уговаривает. Нет, пока не увидел слёзы, всё твердит своё. Что это? Не садизм ли? У его внуков в Тече было два дедушки: он – его звали дедонько большой, и дьячок – его звали дедонько маленький. Эти внуки до сих пор вспоминают, что когда их брали с собой в Течу, первый вопрос был: к какому дедоньке заедем. Если к большому, то носы повесили; если к маленькому, то ехали охотно. В школе, когда он приходил на занятия, устанавливалась мёртвая тишина. Он давал ребятам щелчки по лбу с такой силой, что, как говорится, у них сыпались искры из глаз. Им пугали школьников. Довольно было сказать: о[тец] протоиерей идёт – и наступала мёртвая тишина. Он грубо обращался и с учительницами за исключением Елизаветы Григорьевны. У всех создавалась какая-то настороженность при встрече с ним или в присутствии его, что вот-вот он может подойти и сказать какую-либо грубость. По мере того, как окружающие его люди подрастали – из детей становились взрослыми, он становился по отношению к ним сдержаннее, но все чувствовали себя в его присутствии какими-то связанными. С людьми, которых он, очевидно, считал равными себе, он держался так, что позволял обращаться с собой фамильярно. Так, земский начальник Габриельс называл его Володькой. Сам про себя он рассказывал с некоторой гордостью, что будто бы когда-то через Течу проезжал генерал Скобелев в Ташкент и сказал о нём: «Этот поп шельма». Как приходилось слышать, он иногда позволял прямо обижать других; например, на базаре при установлении цены за товар уплатит не по предложенной ему цене, а по своей, и заберёт товар. Сознал ли он, что поступает грубо и несправедливо? Впечатление от его отношения к другим оставалось такое, что он вроде как бравировал такой своей манерой, считал хорошим стилем отношений. Прихожане были для него как бы вотчинными служилыми

людьми, а приход вотчиной. Жители деревни Кирдов, самой большой и богатой деревни, давно уже собирались построить свою церковь и отделиться от Течи, но он говорил: «пока я жив, не дам строить» и не дал. Только с его смертью они осуществили свою мечту, но после [19]30-х гг. церковь была закрыта. Всегда пышно праздновались его именины – 15 июля. Съезжалась вся семья и торжества продолжались три дня. Сам он так определял значение этих дней: первый день – золото, второй день – серебро, третий день – медь – со двора едь. В эти дни было разливанное море.

По отношению к своей матушке он внешне всегда был внимателен, предупредителен и называл её Полиньюкой, но было очевидно, что в семье он был тоже грубым и деспотичным и по отношению к ней.

Хозяин он был хороший. Во дворе стоял большой чугунный чан. Говорили, что он когда-то занимался мыловарением. Полные амбары были хлеба. У него было 5-6 рабочих лошадей, и на своём штату он засеивал всю площадь, конечно, не сам, а его работник. Коров было четыре или пять. Одно время на его дому, а дом был собственный, была прибита доска с объявлением, что в нём находится отделение какого-то банка.

Умер отец протоиерей весной 1916 года.

От его бывших прихожан иногда можно было слышать разговор о том, что он «убрался» вó время, что если бы он дожил до революции, то расправа над ним была жестокой.

В доме его в настоящее время размещены младшие группы школы десятилетки. Весь пристрой: конюшни, амбары, погреб уничтожены, а также и сад. Церковь разрушена, могилы, которые были около неё, в том числе и его могила – затоптаны, так что от них не осталось и следа. Валяется один мраморный осколок не известно от какого памятника.²¹⁰¹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 475-495.

---

²¹⁰¹ Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 01 марта 1961 г.: «Как получился такой характер? Где искать ответ? Не у Помяловского ли в «Очерках бирсы»? ... Он был, конечно, *unicum*. Не был ли он садистом? Почему ему нравилось «хвильить» детей? Но он был умным – это бесспорно. По уму, если хотите, он был выше всех своих александров, а старшим был наш старший. Афоризмы: 1) Про одного моего знакомого, хорошего мастера-краснодеревщика, но горького пьяницу так говорили: «Умный ты человек, только ум-то у тебя дурак». 2) Одна знакомая женщина так сказала о своём бывшем муже: «он, конечно, подлец, но умный подлец» (*sic!*). Иконниковы и Бирюковы – сваты, но это были семьи с разными бытовыми и нравственными укладами. В чём другом, а в отношении к прихожанам, они были диаметрально противоположны. Дети Иконниковы в этом отношении да и в других случаях никогда не ассоциировались с «бирючатами». ... До сих пор, когда разбирают характеры потомков, то различают: этот в игнатъевскую породу, а этот в бирюковскую. Но я должен Вас предостеречь: я далёк от мысли одних очернить, а других – противопоставить, как некий идеал. Нет, у всех есть свои достоинства и свои недостатки. Нужно ли было писать о протоиерее? Не нужно ли было лучше промолчать? Я искал и ищу ответ на вопрос: за что разрушили церковь в Тече? Не за это ли, между прочим?» ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 60-61.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Протоиерей Владимир Александрович Бирюков и его семейство» (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 403).

Он и она; или - её судьба

[1961 г.]

Когда однажды один из друзей теченского протоиерея Владимира Александровича Бирюкова, а своим друзьям он позволял обращаться с ним фамильярно и сам по отношению к ним держался в этом же стиле, так вот, когда он сказал ему: «тебе бы на шею повесить Анну», т. е. высокую награду, о которой мечтали всегда поклонники наград и чинов, то протоиерей ответил: «Зачем мне Анна на шее, когда у меня есть Поликсения на шее». Поликсения – это имя его жены.²¹⁰² Как понять такую реплику отца протоиерея? Шутка? Очевидно, да! Но простодушная шутка, или с каким-либо обидным намёком? Мы склонны были думать, да так, вероятно, и было, что шутка эта была не злобная, а безобидная, но всё-таки было бы лучше, чтобы её не было. Зачем он это сделал? Спросите самодура, зачем он то или другое сделал по самодурству, и он вам ответит: сделал и всё!

Они при всех иначе не называли друг друга, как Поленька и Володенька. Было ли это лицемерием, прикрытием других, совсем не столь сердечных отношений? Нет, это было выражением их подлинных, искренних взаимоотношений. Но кто-либо из услышавших такое обращение их друг с другом возьмёт под сомнение и в душе подумает: «простите, но он же...» и дальше в уме переберёт разные отрицательные черты протоиерея, и в душе у него возникнет коллизия, т. е. борьба мотивов *pro* и *contra*. Тут налицо есть глубокое противоречие, которое можно разрешить только путём глубокого же психологического анализа. Уважала ли протоиерейша своего протоиерея? Как это разгадать? «Чужая душа – потёмки» - говорил по этому поводу И. С. Тургенев. Но поставим вопрос так: было ли в личности протоиерея Владимира Бирюкова что-нибудь такое, что заслуживало уважения в нём вообще – не как в муже Поликсении Петровны, а как в человеке? В семье у него было десять человек детей. У его сестры – вдовы Таисьи Александровны было четверо детей. По существу они были тоже на его иждивении. Итого – четырнадцать человек нужно было ему поить, кормить, одевать, учить. Другой бы растерялся, но его энергия была такова, что, казалось, дайте ему ещё четырнадцать – сдюжит. Около крыльца во дворе у него летом всегда стоял наготове Пеганко, за которым ухаживал и которого запрягал Тима-канонер. Как только у него оказалось свободное время, он садится в коробок и едет в поле проверять работу Макса, как он называл своего работника Максима. Его энергия не истощима. В церкви идёт полный ремонт: нужна новая роспись. Он изучает разные стили росписи икон,

---

²¹⁰² Бирюкова (Богомолова) Поликсения Петровна (1849-1922).

советуется по этому вопросу с художником Звездиным, он, полностью и один осуществляет наблюдение за ремонтом. К семидесяти годам он сохранил интерес к художественной литературе. Заговорите при нём о Чехове и он обязательно ввяжется в разговор с вами. О драмах Чехова он не будет разговаривать, но его новеллы он знает все наперечёт. Нужно послушать его, как он читал рассказ Чехова «Налим» по воскресном чтении. Он выписывает две или три газеты. Поговорите с ним на политические темы, и вы услышите очень тонкие суждения. Когда к нему приехал на каникулы племянник студент Петербургской дух[овной] академии А. С. Ляпустин и они стали перебирать новости церковной жизни, то ещё вопрос: кто из них оказался осведомлённее другого. Вот он едет в Кронштадт, чтобы посмотреть богослужение Иоанна Кронштадтского. Его энергия не истощима, а она не может не вызывать уважение или по крайней мере внимание к этому человеку. Никто так не умел ценить в человеке его энергию и силу, как А. М. Горький. Вспомните, как он описал старшего Артамонова-отца в произведении «Дело Артамонова», или как описан им сплавщик в рассказе «На плотях». Протоиерею было под семьдесят лет, но поставьте его рядом с его же младшими сыновьями: Павлом, Николаем и Григорием и вы увидите, что он среди них выглядит орлом, а они если не мокрыми, то, по крайней мере, сухими курицами. Пётр I и сын его Алексей – эта картина аналогична тому, что вы увидели бы при сравнении. Последний сын протоиерея – Григорий год проучился в первом классе семинарии в Перми, но был уволен за то, что на экзамене получил двойки по всем предметам. Это было не случайно: он был слаб.

Поликсения Петровна, родивши одиннадцать детей, под старость была больна: у ней была недостаточная сердечная деятельность. Дети, начиная со старших, учились плохо. Хотя она сама никогда не жаловалась на это, но было ясно, что это её угнетало. Он по этому вопросу прямо высказывал своё недовольство. Например, он диакону говорил: «если бы у тебя ребята так же плохо учились, как мои, ты давно бросил бы их учить». Она от природы была женщиной доброй и с мягким характером. У ней было совершенно другое отношение к детям, чем у него. В противоположность ему, называвшему детей Мишками, Кольками, у ней не существовало других названий для них, как Сонюшка, Енюшка, Мишенька. В своих отношениях к ним она как бы старалась сгладить его грубое отношение. Он не был грубым по отношению к ней и по отношению ко многим другим, но в других случаях он был груб и свою грубость считал проявлением какого-то молодечества. Ей было стыдно за него в таких случаях, и это угнетало её. Она пыталась уговаривать его, как это иногда делали и дети. Та же старшая дочь его Мария Владимировна вставала на защиту своих детей, когда он по какому-то трагическому побуждению начинал «хвалить» её дочь Веру и всячески убеждала его: «папочка, она уже большая – оставьте её в покое», так нет, самодур уже вошёл в свою стихию и не отстанет, пока не доведёт свою жертву до слёз. Такие моменты были мучительными для Поликсении Петровны во всей её

жизни. Она отчётливо сознавала, что это какая-то роковая черта в характере протоиерея, которую она не могла побороть. К ещё большему своему огорчению, она стала замечать появление странностей и у своих сыновей, так, например, у Павла. На вечерах, когда было много гостей, он вёл себя вроде какого-то шута: кривлялся, ломался, был посмешищем для других. Однажды она при всей своей мягкости характера и деликатности не стерпела и сказала не обычным для неё тоном: «что бы дуришь, что ли, Павел?» Павел в это время уже был студентом Казанского университета и ответил: «дурю, мамочка, дурю». А сколько ей огорчений доставляло, что он, пьяный, лазил по чужим дворам. То же самое было ещё раньше с Михаилом: кутежи, развязное поведение. А что было, когда Павел женился на безграмотной деревенской девице и заявился с ней в дом к бабушке в самый торжественный момент - 15/VII, в день именин, когда съехалась вся семья. Протоиерей не подал своей новой снохе руки и дал понять, что он не признаёт её, ... не видит. Что она должна была делать?

Ещё больше угнетало её грубость протоиерея с прихожанами. Сама она была исключительно деликатной с ними. Вот почему в кухне, которая была как бы её вотчиной, всегда было много посетительниц: и соседок, и отдалённых. Дети называли её только мамочкой. Когда они уже разъехались по местам работы, мамочка приезжала к ним и привозила и варенья, и печенья, называя их Андрюшками, Коленьками, Гришеньками. Все они были псаломщиками, а она, вероятно, не этого желала им, но для матери и уродливое дитя – её родное дитя.

Когда умер протоиерей, то встал вопрос: кто примет всё это хозяйство, которое он создал. Решено было, что она, дряхлая уже мать, протоиерейша поедет к владыке в Екатеринбург просить, чтобы на место протоиерея был назначен третий зять его – Александр [Григорьевич] Измайлов. Говорили, что она просила на коленях, и просьба была уважена. С точки зрения хозяйственной всем было ясно, что вместо дуба была посажена берёза, но хорошо и то, что сохранён был дом, фамильный дом Бирюковых. О своём визите к архипастырю Поликсения Петровна рассказывала так: «Выслушал меня преосвященный и говорит: «помню, помню его (протоиерея): такой благообразный старичок». Последние слова «благообразный старичок» она произнесла с такой интонацией, с какой она обращалась к протоиерею, когда называла его Володенькой, и в этой интонации ясно можно было расслышать нотку гордости за её Володеньку.

Кто читал повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», тот никогда не забудет описание встречи Тараса с сыновьями при возвращении их из бурсы. Особенно же запомнит описание ночи перед отъездом в Сечу, когда мать, «слабая, как мать», прощалась с сыновьями. Не была ли этой матерью и Поликсения Петровна?

Хозяйство протоиерея только на короткое время было пристроено по наследству. Грянул Октябрь ... и всё перевернулось. Последние дни своей жизни Поликсения Петровна провела на «призрении» у одной из тех

старушек, которые приходили к ней в кухню. Похоронили её на церковной площадке рядом с протоиереем. Хотелось бы благочестиво закончить этот очерк, т. е. описание какого-либо благочестивого поступка, но не суждено. Рассказывали, что после смерти её осталась не намеченная никому в наследство ротонда на лисьем меху, и она была причиной раздора между наследницами. Как не вспомнить при этом евангельское: «Разделиша ризы его себе и об одежде его меташа жребий».

*Tempora mutantur et nos mutamur in illis.*²¹⁰³

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 548-555.

---

²¹⁰³ *Tempora mutantur et nos mutatur in illis* – по-латински «Времена меняются и мы меняемся в них».

«Бирючата»

[1961 г.]

«*Amicus Plato, sed magis amica veritas est*»²¹⁰⁴

Этим словом часто называли детей о[тца] протоиерея, и оно являлось не простой заменой слов «дети Бирюкова» подобно тому как детей попа называли попята, а содержало в себе определённую характеристику семьи, её специфические черты. В семье о[тца] протоиерея было семь сыновей и три дочери. Один сын умер в раннем возрасте. Если постараться определить, что являлось наиболее общим характером для семьи, то это было то, что дети, особенно мальчики, учились плохо. В самом деле, из семи сыновей его только двое закончили образование – среднее и высшее, а остальные пять не кончали даже среднего образования и судьбы их сложились по различному. О[тец] протоиерей не раз говорил диакону, своему свату: «если бы, диакон, твои дети так же учились, как мои, то ты бы давно бросил их учить». Диаконские дети, наоборот, учились хорошо. Как это получилось с семьёй о[тца] протоиерея, об этом и будет речь ниже, а также пока дано будет, какое именно специфическое содержание вкладывалось в это слово – бирючата.

Старший сын о[тца] протоиерея Всеволод умер только в прошлом году в возрасте около девяносто лет. Он пережил многих своих братьев и сестёр. Достоверно известно сейчас из семьи остались в живых средняя дочь – Софья, младший сын Григорий; предположительно – сын средний Андрей. Всеволод был исключён из [автором не указано, из Пермской духовной семинарии – ред.] по неизвестной автору сего причине. Так началось в семье неблагополучно с учением детей. Не повлияло ли это в будущем и на других, не оказалось ли заразительным примером? Сначала он был диаконом в Бродокалмаке. Не счастливо ли ему в семейной жизни. Первой женой у него была Надежда Васильевна Ганимедова. Она была удивительно нежным и эфирным созданием: ангел во плоти. Тихий голосок, тонкие, мягкие черты лица, блондинка, мягкие жесты – такой она осталась у всех в памяти. Она рано умерла от туберкулёза. Осталась у них дочь – Клаша – вылитая мать. Росла она нормально. Выучилась в епархиальном училище.²¹⁰⁵ Развилась в пышную цветущую девушку. С детства опасались, не унаследовала ли от матери туберкулёз, но когда увидели её цветущей, решили – ну, очевидно, нет. Увы! Получилось не так: в следующем же по окончании епархиального училища году она схватила воспаление лёгких, которое перешло в скоротечную чахотку и ... она сгорела. Всеволод снял рясу и пошёл в псаломщики. После этого он ещё дважды женился, но жёны в скором времени умирали. Одной из них была екатеринбургская Коптякова, а другой камышловская Логинова. После революции, будучи уже вдовцом, он

---

²¹⁰⁴ *Amicus Plato, sed magis amica veritas est* – по-латински «Платон – друг, но истина дороже».

²¹⁰⁵ Бирюкова Клавдия Всеволодовна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы в 1910 г.

составил с одной монашкой «промкомбинат»: они шили стежанные одеяла и продавали. Под конец жизни он обитал у сына от третьей жены, который работал в Нижнем Тагиле бухгалтером и жил холостяком. Как передавали, он до глубокой старости был жизнерадостным и шутником, каким он был и в детстве.

Второй сын – Константин был уволен из Пермской дух[овной] семинарии из II-го или III[-его] класса.²¹⁰⁶ Причина хранилась в тайне, но можно с большой долей вероятности предположить, что уволен он был за пьянство. Сначала он работал псаломщиком в селе Харловском Ирбитского уезда. Затем он был назначен священником в с[еле] Шутиху Шадр[инского] у[езда]. Он был женат на дочери Бродокалмацкого купца Ионы Шишкина и овдовел через год: жена [Анна] умерла при родах. Всю жизнь он прожил священником в Шутихе, причём выдержал самый строгий искус в жизни: его после революции не пошевтели и дали дотянуть его миссию до могилы. У него был мягкий материн характер, а не отцовский: это его спасло. Личная жизнь его сложилась так. Неподалёку от села была мельница не в посёлке, а на отшибе. Дочь мельника решила разделить его судьбу. Ещё до революции у них были дети. После революции, как говорится, они «прикрыли грех» - повенчались. Константин был полной противоположностью своему отцу: тихий, обходительный, много помогал своей старшей сестре, оказавшейся в беде.

Третий сын Михаил был самым выдающимся в семье. Он учился в Тобольской дух[овной] семинарии. После неудачи, постигшей двух сыновей в Пермской дух[овной] семинарии, решено было в дальнейшем учить сыновей в Тобольске. Михаил был очень одарённым юношей с широким размахом души. Последний он обнаружил ещё в семинарии: любил кутнуть, пошуметь, одним словом показать себя. В Тобольске, как видно, в этом отношении было вольготнее, чем в Перми. В это время он носил пышную шевелюру волос и имел вид юноши-забулдыги. Ему удалось кончить семинарию, но память о себе, как говорили, он оставил в Тобольске и в семинарии громкую.²¹⁰⁷ В Тече в это время, бывши на каникулах, Михаил тоже любил размахнуться, кутнуть, пошуметь. Особенно это произошло после того, как жена теченского земского начальника Елизавета Ивановна, меценат всех одарённых теченских юношей, открыла у него драматический талант. Этот талант у него несомненно был, и за ним, чтобы привлечь его к участию в спектаклях, стали «ухаживать», просить, кланяться, а он, как балованное дитя, стал «куражиться», ломаться, задаваться: «поухаживай, так я, может быть, и соглашусь». Появилось создание: раз я признанный талант, то, значит, можно размахнуться ещё шире. В церкви выступал хор из

---

²¹⁰⁶ Бирюков Константин Владимирович (1872-?) – окончил Далматовское духовное училище по 2-му разряду в 1886 г. и 1-й класс Пермской духовной семинарии по 2-му разряду в 1887 г.

²¹⁰⁷ Бирюков Михаил Владимирович (1876-?) – окончил Тобольскую духовную семинарию в 1896 г.

епархиалок и семинаристов под управлением А. А. Игнатьева, в котором Михаил пел басом, однако, когда приехали пермские семинаристы, просил не говорить им, что он поёт. К пению в хоре он относился несерьёзно, что доставляло огорчение регенту. Так, когда однажды пели концерт «Бог богов», в котором несколько раз повторялись эти слова, он злоупотреблял их повторением и затормозил движение мелодии. По существу это была хулиганская выходка. Когда была свадьба его старшей сестры, он был шафером и во время торжеств гулял всюду.

По окончании семинарии он в течение года был учителем в деревни Кирды Теченского прихода. Через год торжественно провожали его на учение в Ярославский Демидовский лицей. В это время он одевался «под Базарова»: вместо пальто носил «ротонду» безрукавку. Явившись на следующие каникулы в студенческой форме, он окончательно «закусил удила» и стал выкидывать разные «колена». Душа ещё более требовала широкого размаха. Однажды его потеряли. Проходит день, другой, его нет. На третий день, пара резвых лошадей стремительно подъехала к диаконскому дому из-за церкви, в объезд Бирюковского дома, и из коробки выскочил Михаил Владимирович. Как, что, откуда? Приехал из Кирдов: ездил в гости к хозяевам квартиры, где жил, будучи учителем. Рассказывал о впечатлениях. «Приехал, - говорит – ночью, сразу стали стряпать для дорогого гостя пироги; появилась выпивка и ... гуляли». Дело было в страду. А как с подводой? Пришёл к земскому ямщику – Ивану Сергеевичу Модину – разыграл «барина», потребовал тройку, но удовольствовался и парой, а за платой рекомендовал обратиться к о[тцу] протоиерею. Кучер знал, чем это пахнет: идти и самому подставить свою голову, чтобы о[тец] протоиерей оттрепал за волосы, - нет, Бог с тобой, покатайся на здоровье, а я уж как-нибудь обойдусь и без оплаты. Михаил знал, что так и будет: кому, как не ему было знать батюшкин «характер». Да ведь и сам он, как видно, был в батюшку, в бирюковскую породу. Шли годы и продвигалось учение Мих[аила] Влад[имировича]. В Ярославле служил в солдатах один теченский парень, который встречал его там. «Ох, и кутил он там» - так рассказывал он о жизни Михаила Владимировича в Ярославле.

Лицей окончен. Стал вопрос о женитьбе М. В. Ещё в Тобольске была одна девушка, которая питала к нему симпатию, а также и он к ней. Знала, она, что он превратился уже в пьянчужку и возгорела желанием спасти его, возродить, перевоспитать. С этой «жертвенной» идеей она вступила с ним в брак. Он был назначен мировым судьёй в один из сибирских городов. Года через два, три они были в Тече. Было ясно, что она победила: М. В. предстал перед теченцами чиновником, шевелюры уже не было, весь он был каким-то полинялым, не было того широкого размаха, какой был раньше. Лев, пойманный на свободе и посаженный в клетку: шерсть потеряла прежний блеск, взгляд стал тусклым и голова поникшей. Да простит нас за это суждение Мария Гавриловна: оно, вероятно, ошибочное, но так получилось.

Четвёртым сыном протоиерея, с которого собственно и пошло название «бирючата», был Андрей. Он был на границе между старшим и младшим поколениями. Великан и красавец, он был наиболее ярким выразителем бирюковской породы: крепкой и здоровой. Смотришь на него и на стоящую рядом с ним сухую костлявую и сутулую уже в это время фигурку его матушки – Поликсении Петровны и думаешь: какие чудеса может творить природа. Успехи уже его в умственном развитии, в частности – в учении – были в обратной пропорции: учился он плохо и его догнал брат его Павел, моложе его на два-три года. Начиная уже с четвёртого класса духовного училища они учились в одном классе.²¹⁰⁸ Но зато он был вожаком «бирючат». Одно время была война с деревенскими мальчишками; считалась она за игру. Поповская баня перестраивалась, но была пока без крыши. На ней и был устроен бастион с защитной дощатой стенкой. Здесь был устроен склад снарядов – камней. Война шла с «рожковскими» ребятами, которые залегали во рву. Снаряды сыпались с той и другой стороны. Здесь он стоял за дощатой стенкой и засылал снаряды по врагу, а снаряду ему доставляли меньшие его братья и сёстры. С той и другой стороны неслись злобные крики и обидные прозвища. Игра ли это была? Во время страды деревня пустела. Ворота у домов были заперты. Никого не было видно, но где-то, под сараем, в тени спали собаки. Команда: «ребята, идём собак злить!» И вот по селу двигается компания во главе с ним. Команда: «Саша, дай повестку!» В ворота летит палка. Начинается лай. Если собака выскочит за ворота – пустить в неё камнями. Что это? Игра? К матушке протопопше приходит женщина со слезами: «ваши ребята у меня в огороде истоптали огуречник и рвали картошку». «Наши ребята не могут это сделать – ты выдумала, это сделал кто-либо другой! Под горой «бирючата» действительно вырыли яму, сделали избушку и варили картошку. Но матушка что угодно сделает и как угодно прикроет своих детей, только бы не узнал о[тец] протоиерей. Это было основной основой в семье: мама скроет от отца. Они это знали. За то, когда отец уезжал куда-либо на несколько дней, они объявляли: «у нас теперь вольготно!»

С рождественских каникул возвращались по училищам. На ночёвку останавливались в деревне. Играли в карты на пирожки-подорожники. Клаша проигралась ... слёзы.... Часть возвратили.

Возвращались с летних каникул, заехали в Акуловой пить чай. Хозяйничала старушка, добрая, всячески старалась угодить: принесла огурчиков, молока. Кушайте на здоровье! В огороде у окна, расцвели прекрасные махровые мальвы, редкой красоты. Трудилась над ними, вероятно, это добрая старушка. Стали уезжать, Андрей выскочил и поломал все мальвы. За что?

---

²¹⁰⁸ Бирюковы Андрей и Павел Владимировичи окончили Камышловское духовное училище по 2-му (первый) и 3-му (второй) разрядам в 1898 г.

При возвращении с летних каникул на [станции] Богданович приходилось сидеть при пересадке 20 часов. Что делать? Ходили в деревню, покупали «шкалик», пили. Всем верховодил он.

Он был уволен из третьего или четвёртого класса семинарии за, говорили, неуспеваемость. Во время учения в Тобольской семинарии он был прекрасным певцом и много было перепето с ним хороших вещей. В спектаклях он выступал под фамилией Одынец. Работал он псаломщиком в Каменском заводе, женился, но, говорят, жена его оставила. Слухи есть, что он жив и священствует где-то около Новосибирска.²¹⁰⁹

Сказывали, что перед смертью о[тец] протоиерей его именно ждал больше всех и всё спрашивал: «где, Андрюша, скоро ли приедет Андрюша?!»

Пятым сыном протоиерея был Павел. У него было семейное прозвище «попка». Он был полной противоположностью Андрею: ростом тому до плеч, с невзрачной наружностью, во всех отношениях бесцветный молодой человек. Держался от других в стороне. Любил выпить, и одно время его все видели под хмельком. Долго ломали голову: откуда «попка» берёт хмельное. Оказалось, он нашёл способ проникать в кабинет отца протоиерея, где всегда стояли большие бутылки с настойками на вишню и зубровку. Кабинет в отсутствие протоиерея всегда был на замке: он хорошо знал, что в семье есть лакомки до настоек. Павел нашёл способ поднимать и опускать шпингалет у окна снаружи и, улучив минуту, проникал в кабинет, «причащался», а отпитое восполнял водичкой. «Прокурат»²¹¹⁰ - не правда ли?

По окончании Тобольской семинарии, он поступил на юридический факультет Казанского университета. «Грешил» спиртным. Жил анахоретом в каком-то частном саду не то в сторожке, не то в кладовке. В этот период времени он был настроен под Ивана Карамазова, густо, до цинизма богохульствовал. Во время летних каникул он вёл себя как-то странно: «юродствовал», но не во Христе. На вечерах, например, он не пел, не танцевал, не играл, а пьяный то тёрся здесь, то кривлялся, так что однажды сама матушка сделала ему замечание: «Что ты, Павел, дуришь ли, чего ли?» На что он в тон ей ответил: «дурю, мамочка, дурю!» То он, пьяный, выдумает по чужим дворам шляться, то целовать женщин, когда они проходили мимо их дома. Любимая песня в это время у него была: «Не гулять мне, как бывало, тёмной ночью по дворам». Получалось что-то вроде «карамазовщины». По окончании университета он начал работать в Тече кем-то по юридической части, но, по его же выражению, «подсекло» - он оказался не у дел и он, богохульник, оказался священником в селе Стриганском Ирбитского уезда. Финал: «ят бысть».²¹¹¹ Как деталь нужно отметить

---

²¹⁰⁹ Бирюков Андрей Владимирович в 1937 г. был вторым священником Успенской церкви г. Новосибирска. Арестован и расстрелян 02 декабря 1937 г. в Новосибирске. Реабилитирован в 1956 г.

²¹¹⁰ Шутник, проказник.

²¹¹¹ «Ят бысть» – по-церковно-славянски «взят был». Автор имеет в виду – репрессирован.

следующее: он женился на простой крестьянской девушке и когда явился с ней в дом о[тца] протоиерея, тот объявил бойкот: «Не признаю – и всё!»

Шестым сыном протоиерея был Николай. Прозвище в семье у него было – «кривой»: у него было у одного глаза опущенное веко. Он проще всех братьев разрешил вопрос с образованием: уже в первом классе духовного училища бросил учиться и был уволен. Жил при родителе. Потом папаша определил его учителем в церковно-приходскую школу в деревню Панову. Там его однажды навестил автор его и Вася Новиков. Он, между прочим, продемонстрировал им свои приёмы обучения, а особенно, как он держит дисциплину в школе. Делал он это так: зайдёт в класс – рывкнет, накричит. Ребята сидят и дрожат. Он уйдёт за печку и, довольный, улыбается. Что это? Сказка? Увы – это голая, суровая, проклятая правда. Потом он работал псаломщиком в селе Красноглазовском. Был ещё холостяком. Однажды он был в Тече у родителей, и пришло письмо из Красноглазовой, где какая-то крестьянская девушка ему писала: «Приезжай: девка наша уже большая». Письмо попало в руки родителям, и в Красноглазову он больше не вернулся. Стали искать невесту, и он женился на дочери одного мельника. Потом, после женитьбы, он был назначен в село Лобановское, вблизи Течи, священником. Он был сторонником сильной церковной власти. Так, он рассказывал, что когда ещё он был псаломщиком, у батюшки того села произошёл конфликт с урядником, который пытался навести порядок в церкви, чтобы создать удобный проход к амвону. Батюшка ему запретил и сказал, что здесь он хозяин, а не гражданские власти. Николай об этом рассказывал с гордостью за батюшку. О себе он говорил, что когда он заметил, что обеспечение ему от прихожан стало ослабевать, он поставил ультиматум: или так, или закрою церковь. Ответ последовал отрицательный, и он закрыл церковь. В [19]30-х годах он священствовал в Тече в церкви, которая была детищем его папаша. Если бы протоиерей воскрес и явился в церковь, он, вероятно, в своём любимом стиле сказал: «Колька, до чего ты довёл церковь!» Умер Николай в Тече от туберкулёза. Он был единственным из «бирючат», кости которого лежат вблизи родительских в Тече. У него остались дети трое или четверо, которые, как передавали, сделались не плохими рабочими на Уральском алюминиевом заводе.

Седьмым и последним сыном протоиерея был Григорий. Семейное прозвище у него было Кутай. Он был личностью бесцветной. По окончании духовного училища, протоиерей решил его направить учиться в Пермскую дух[овную] семинарию. Он считал, что уже «изомроша ищущие отрочате», т. е. забыты уже в семинарии неудачи с его первенцами, изгнанными из неё, и всё пойдёт нормально. В течение года Григорий на самом деле занимался, правда, не блестяще, но сносно. Казалось, ну, слава Богу: дело пойдёт. Но начались экзамены и он получил четыре двойки. Такой *casus* в Пермской

Бирюков Павел Владимирович служил священником в церкви с. Галкинского Камышловского района Свердловской области. Расстрелян в 1937 г.

семинарии в первом классе приводил к увольнению, что и последовало. Что было с о[тцом] протоиереем? Он всё-таки винил семинарию, которая была такой жестокой к его семье. Сам он был, кажется, питомцем этой именно семинарии. Дальше с Григорием случилось несчастье: ему пришлось отнять одну руку. Дальше он служил псаломщиком в селе Нижне-Петропавловском вблизи Течи. Здесь, как передавали, местный священник о[тец] Стефан «полакомился» его женой, и она потом с сыном покинула его. Он одно время скупал яички и сбывал их в Екатеринбурге, но когда с этим делом «подсекло», поступил письмоношцем на УАЗ, прослужил там до пенсии, купил дом и жил в сообществе с семьёй брата своего Николая. Два года тому назад семья Николая переехала на Волгу под Казань, а с ними уехал и он.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 496-521.

Дочери о[тца] протоиерея

[1961 г.]

Как выше упомянуто, у о[тца] протоиерея было три дочери. Все они повыходили замуж за будущих пастырей церкви. У всех у них мужья были Александры, и отец протоиерей их звал: Александр первый, Александр второй и Александр третий. Судьба этих трёх Александров была несколько различна, но вытекала из одного исторического события.

Первый Александр, как говорили, будучи арестован, был застрелен при попытке к бегству. У Марии Владимировны остались два сына и две дочери. Маленькая дочь её умерла вскоре после гибели отца. Старший сын её, [Игнатъев Сергей Александрович,] учившийся в Казанском университете, вынужден был оставить ун[иверсите]-т. Работал одно время лекпомом, потом преподавателем физики в ФЗУ в Свердловске. Потом уехал в Бийск, там работал в учит[ельском] ин[ституту]-те, а теперь на пенсии.

Дочь [Вера Александровна] замужем за доцентом Сверд[ловского] лесотехн[ического] ин[ститута]-та В. И. Голиковым, братом генерала армии Ф. И. Голикова.

Младший сын [Игорь Александрович] зам[еститель] директора по хоз[яйственной] части в лесотехн[ическом] ин[ституту]-те.

Мария Владимировна умерла и похоронена в Бийске. После гибели мужа она работала в Каменске-Уральском библиотекарем, руководила детским хором. Любопытная деталь: муж её А. А. Игнатъев, старший по возрасту из Игнатъевых, последним учился в Казанск[ой] дух[овной] академии, но успел пройти только первый курс.

Вторая дочь протоиерея [Софья]²¹¹² была замужем за Александром Ивановичем Смирновым, тем самым, который на маёвке доставал со дна Камы затонувший самовар. Выйти за него замуж она согласилась не сразу, надо полагать, под нажимом о[тца] протоиерея. После первого отказа (это было в японскую войну) А. И. не сложил «оружия», а атаковал письмами. Между прочим в числе аргументов своей настойчивости он приводил в одном из писем такой: «Японцы – писал он – долго не могли взять Порт-Артур», так, дескать, и я надеюсь «на положительный ответ». Уместно при этом вспомнить латинское: «*Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*».²¹¹³ И *gutta cavat*.... Надо полагать, что после таких писем о[тец] протоиерей вызвал дочь и сказал: «Софья, век кормить тебя не буду...» Была она с ним чистой мученицей. В Затече на колокольне нашли прокламации.... Нужно было убираться, и она ездила по епархии, искала, с кем бы можно было поменяться местом. После революции он всё ездил в Екатеринбург на диспуты, пока не выслали в Алма-Ату. И всё.... Она учительствовала,

²¹¹² Бирюкова София Владимировна (1881-?) – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы в 1903 г.

²¹¹³ *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo* – по-латински «Капля камень точит не силой, а частым падением».

получила орден Ленина. Живёт у внуков. Оставались у ней на руках сын и дочь. Сын [Михаил] работал в Туринске директором техникума. Дочь [Ангелина] рано овдовела. Вот с их детьми, своими внуками и по сие время возиться Софья Владимировна, Сошка, как её в детстве звали в семье.

Третьей дочерью была Евгения Владимировна.²¹¹⁴ Из всех сестёр она была самая, как говорилось тогда, отчаянная. После смерти протоиерея, матушка-протопопша умолила (говорили: на коленях) владыку, чтобы он назначил мужа Е. В. [Александра Григорьевича Измайлова] в Течу, что он и сделал.... После революции он был арестован, сидел в тюрьме, схватил туберкулёз и умер. Евгения Владимировна некоторое время жила в Тече и заседала даже хлеб на «штату». Потом она поступила учительницей в село Лобановское, где до этого священствовал её брат – Николай. А дальше.... Боже мой! Чего только не бывает в жизни. Она позволила «побаловаться» с ней одному комсомольцу. Пришлось делать аборт, да неудачно.... Схватила туберкулёз и умерла. Правда ли это? Увы! Это жестокая правда! Семья разлетелась..., кого подобрали, а кто был побольше, прибился сам.

«Тот» жив. Теперь он тоже «в годах». В квартирном отделе одного предприятия.

*Sic transit gloria mundi!*²¹¹⁵

Так сложилась жизнь «бирючат». Почему именно так, поразмыслить над этим предлагается читателю.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 522-524 об.

---

²¹¹⁴ Бирюкова Евгения Владимировна (1887-?) – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы в 1904 г.

²¹¹⁵ *Sic transit gloria mundi!* – по-латински «Так проходит земная слава!»

У единственной сестры теченского протоиерея Владимира Александровича Бирюкова – Таисьи Александровны, как уже приходилось указывать, после смерти её мужа осталось четверо детей: три сына и дочь. Жила она со своей семьёй в Камышлове, где до сих пор сохранился дом, верх которого она арендовала. Она держала на квартире «духовников», а главным образом у ней жили дети протоиерея, когда ни учились в духовном училище. На летние каникулы дети приезжали в Течу к дяде и на них все теченские жители привыкли смотреть как на членов семьи протоиерея и включали их в одно общее название – «бирючата». И это было совершенно закономерно, потому что отдельные члены семьи Ляпустиных, например, братья Александр и Михаил, были прямыми участниками разного рода затей «бирючат». Мальчики все трое кончили Пермскую духовную семинарию, а средний – Александр затем закончил Петербургскую дух[овную] академию. Девочка [Мария] закончила Екатеринбургское епархиальное училище. Старший мальчик – Владимир отличался замкнутым характером, держался уединённо от других, был большим любителем чтения. Часто в Тече его можно было видеть, как он один, с подушкой и книжкой под мышку шествовал на «Штатское место», где садился, а часто растягивался в бату, положив под голову подушку и читал. По окончании семинарии, он в Тече не бывал, по-видимому, ему теченская атмосфера была не по духу. Всю жизнь он работал педагогом на Урале.

Средний сын – Александр с молодых лет страдал хвостовством – своеобразной формой гипертрофии. Так, ещё учась в семинарии он «духовникам» говорил: «Был Александр Сергеевич Пушкин, который писал стихи, а есть Александр Сергеевич Ляпустин, который исправляет его стихотворения». Это было, конечно, глупой болтовнёй, но нужно додуматься до такой глупости. Между прочим, на стенке уборной в квартире Таисьи Александровны всегда красовалась надпись: «Сия аптека облегчает человека». Она, вероятно, была плодом его литературного творчества. Придумал он также особый язык – «тараборку с двумя приёмами: или к каждому слогу прибавлял слог пи, например: у тебя – он произносил: «упи те пи бяпи», причём произносил очень быстро длинные предложения, или как-то ещё мудрёнее – сдваивал слоги. Этим он занимался, примерно, в первых классах семинарии. Дико, но факт! В последствие, когда пришлось читать статью А. М. Горького «О языке», в которой говорится о порче русского языка и указываются различные вредители языка – странники, бездельники, проходимцы – пришлось вспомнить и о таком явлении в жизни. Однажды, когда он учился уже в старших классах семинарии, он, очевидно, услышал произношение анафемы, и вот любимым его мотивом стала анафема, троекратно распеваемая. Этот мотив сделался для него какой-то навязчивой идеей. Все поют, как обычно, свои любимые песни, в том числе и

он, вдруг он затягивает свою анафему и, в конце концов, он добился того, что этот мотив перешёл в общий психоз и все стали его петь. Он культивировал у себя лирической тенор и часто пел неплохо и очень нежно: «Пой, моя родная, розу золотую» (?). ... По окончании семинарии, он был направлен в Петербургскую духовную академию, в которую поступил благополучно. Откровенно говоря, у нас, в Тече, знавшие его чудачества удивлялись тому, что семинария направила его в академию, да ещё в Петербургскую. И вот следующим летом он приехал в Течу студентом. Боже мой! Что только было! Он был сам по себе красавец: пышная шевелюра русских волос, исключительно тонкие, правильные черты лица, приятный взгляд, блестящая форма – это было неотразимо. Прощайте, наши барышни! Но он напустил на себя маску таинственности, серьёзности и разговор вёл более с людьми солидными, вроде своего дяди: о Петербурге, о митрополитах, критиковал Петербургского митрополита Антония (Вадковского)²¹¹⁶, рассказывал, как был при встрече французского президента Лубэ²¹¹⁷ и чуть ли не стоял с ним рядом. Для приезда его в Течу в Каменку дядя высылал за ним на станцию пару лошадей, и кучер вёз «барина» в гости к дяде.

По окончании академии Александр Сергеевич поступил в Камышловское дух[овное] училище надзирателем временно, в ожидании каких-то уроков. Потом он женился на дочери Петергофского протоиерея, принял сан священника и работал смотрителем Псковского дух[овного] училища. После революции он был выслан в Сибирь ... и потерялся. Его сын [Иван Александрович] кончил Свердловскую консерваторию и работал [директором и преподавателем] в Алапаевской музыкальной школе им[ени] Чайковского. С ним жила и его мать. Между прочим, он женился на дочери старшего сына теченского протоиерея и, таким образом, снова скрестились две фамилии – Бирюковых и Ляпустиных.

Младший Ляпустин – Михаил был после окончания семинарии священником и, по словам его сестры, после революции уехал в Сибирь и там умер.

Дочь – Мария Сергеевна, когда училась в епархиальном училище, каникулы проводила в Тече. Была она девушка очень жизнерадостная и общительная. После окончания епархиального училища, она поступила учительницей в Баранчинский завод, где вышла замуж за агента по продаже строевого леса Василия Петровича Балакина. В Каменке была открыта контора по продаже этого леса, заведующим которой и был назначен Василий Петрович. Квартира Балакиных и была нашей последней жилой точкой остановки в Каменке, из которой мы отправлялись на станцию Синарскую, чтобы ехать дальше по железной дороге к местам своего учения.

В 1938 г. я встретился с Марией Сергеевной на курорте Курьи. Она была уже глубокой старушкой. Жила она тогда в Алапаевске вдовой, была на

---

²¹¹⁶ Антоний (Вадковский) (1846-1912) – Митрополит С.-Петербургский и Ладужский в 1898-1912 гг., с 1900 г. первенствующий член Святейшего Синода.

²¹¹⁷ Лубэ Эмиль Франсуа (1838-1929) – президент Франции в 1899-1906 гг.

пенсии и занималась частными уроками. Как педагог-ветеран она пользовалась почётом и приехала на курорт по путёвке профсоюза. Жила она отдельно от родственников и на мой вопрос «почему», она развернула предомной целую теорию индивидуализма, вроде того, что и время для приёма пищи она сама выбирает и меню, одним словом, она находит, что так лучше. Сетовала на своего брата Александра Сергеевича, говоря: «он какой-то идеалист», взял бы, дескать, снял рясу, а если нужно, то и отрёкся от своих убеждений (*sic!*). Вспоминали прошлое, Таисью Александровну, Камышлов, Маряну, «придворную» прислугу Ляпустиных, которой принадлежало классическое выражение – отзыв о «бирючатах»: «теченские – дикие».

*«Дела давно минувших дней –
Преданья старины глубокой».*

Года через два я узнал, что Мария Сергеевна умерла.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 555 об.-559 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

После смерти о[тца] Александра Сильванова (1885 или 1887 гг.)²¹¹⁸ постоянными жителями в Тече из семьи его остались: жена – вдова Мария Димитриевна, урождённая Покровская²¹¹⁹, и младшая дочь его – Лидия Александровна – Лиденъка, его любимица.²¹²⁰

Старшая дочь – Александра Александровна – ещё при жизни его вышла замуж за кончившего семинарию Боркова²¹²¹, ставшего потом священником в одном из близких к Тече сёл. Она рано овдовела и в последствии работала учительницей в том селе, где умер её муж. У неё было двое детей: мальчик Витя, которого больше все знали под именем Витьки Боркова, и девочка Людмила, Милочка, общая любимица. На летние каникулы А. А. со своими детьми приезжала в Течу, к матери в гости. Витю в Тече больше всего привлекало то, что от дедушки остался в наследство прекрасный орловский конь – Воронко, которого он водил купать. Витя был большой озорник, почему его и называли Витькой Борковым. Он учился в Камышловском дух[овном] училище, из которого был исключён именно за озорство после неудачных к тому же экзаменов в III кл[ассе].²¹²² В течение нескольких лет о нём не было ничего известно, но в 1908 г. наш знакомый П. А. Иконников встретил его в деревне Карпиной за Бродокалмаком. Оказалось, что он в это время уже работал где-то сельским учителем и был женат. У него врачи нашли туберкулёз в начальной стадии и в Карпину он приехал отдыхать, потому что здесь была прекрасная природа. Дальнейшая его судьба осталась для автора сего не известной.

Милочка не только по имени, но и по наружному виду, а также и по характеру была в полном смысле слова – милочкой. Белокурая, с румяным круглым лицом, голубенькими глазами в детстве она походила на куклу, а когда стала подрастать, то вид её стал уподобляться тому типу девушки, который у немцев выражается названием Грэтхен. Мальчики её возраста охотно играли с ней на сильвановском дворе. Потом она училась в Екатеринбургском епархиальном училище и, как полагается, по окончании

---

²¹¹⁸ Сильванов Александр (?-1889) – священник с 1859 г., благочинный с 1870 г.

²¹¹⁹ Сильванова (Покровская) Мария Димитриевна (1843-?)

²¹²⁰ Стефановская (Сильванова) Лидия Александровна (1878-?).

²¹²¹ Вероятно, Борков Александр Александрович (1858-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 3-му разряду в 1879 г. Служил священником в Екатеринбургской епархии.

²¹²² В Списках учеников Камышловского духовного училища, составленных после годичных испытаний и опубликованных в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1893-1899 гг., значится Борков Вячеслав: уволен по малоуспешности из 1-го класса в 1893 г., вновь поступил в училище и был оставлен на повторительный курс по малоуспешности во 2-м классе в 1895 г., вновь оставлен на повторительный курс в 3-м классе в 1897 г., окончил 4 класса по 2-му разряду в 1899 г. Уволен из 1-го класса Пермской духовной семинарии по прошению в 1900 г.

его, вышла замуж, но в Тече она уже больше не бывала примерно с двенадцатилетнего возраста.²¹²³

Этими сведениями и исчерпывается всё, что в Тече было известно о судьбе старшей дочери о[тца] Александра и её семьи.

Судьба средней дочери его – Марии Александровны была зигзагообразной. Началось с того, что она вышла замуж убёгом, т. е. помимо воли родителей, за сына обедневшего крестьянина – Лебедева Петра Васильевича. Это и послужило непосредственной причиной смерти о[тца] Александра: он не мог смириться с этим мезальянсом и скоропостижно умер. Мужа своего – Петра Васильевича – Мария Александровна, как говорят, вывела в люди: до Октябрьской революции, примерно, в течение пятнадцати лет, он работал кондуктором-контролёром поездов, а после революции – диаконом. Так на вторую половину жизни Мария Александровна вывела своего муженька всё-таки на ту дорогу, от которой она отошла, выйдя замуж за Петра Васильевича – крестьянского сына. Были у ней дочь и сын. Сына они тоже учили в духовных учебных заведениях. Одну зиму с маленькой Тоней Мария Александровна жила в Тече: это был голодный год. В памяти Петра Алексеевича сохранился такой случай. Прибегает она к родителям П. А. вся в слезах и сообщает о том, что Тоня отравилась кроном. Поставила она под кровать железный лист с рассыпанным по нему кроном для травли тараканов, а Тоня попробовала крон, а так как в нём была сахарная пудра, то и покушала. Решили, что девочку надо поить парным молоком, как и сделали. Всё, однако, обошлось благополучно. Весной Мария Александровна уехала в Челябинск, и с этого времени постоянными жильцами в Тече и наследниками остались Мария Димитриевна – вдова и дочь её – Лиденька.

О[тец] Александр был хозяйственным человеком и, как видно, решил крепко и надолго осесть в Тече, но самому ему долго не пришлось жить. После него осталось богатое наследство: дом со всеми службами. Дом был украшением Течи по тем временам. Он стоял на церковной площади, на которую и выходил фасадом. Дом – кирпичный с железной крышей. В нём шесть комнат и седьмая кухня. О[тец] Александр, очевидно, не успел дом отштукатурить снаружи, таким он остался и по сие время. По странной манере строить дома в то время, уборная была устроена у парадного входа: соседство это было не удобным с точки зрения обоняния. За домом вдоль тракта находился сад, в котором было несколько деревьев черёмухи, а внизу неё кусты смородины и крыжовника. В саду росли мальвы. Около дома по тракту было большое движение: зимой, например, шли длинные обозы с товарами на Крестовскую ярмарку. «Службы» около дома были кондовые: сарай, амбар, каретник, погреб, конюшня – всё было покрыто железом. Под сараем стояли ещё сохранившиеся от прежних времён экипажи – летние и зимние. Всё свидетельствовало о том, что хозяйство было крепкое, а

---

²¹²³ Боркова Людмила Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1904 г.

орловский рысак – Воронко был остатком прежнего величия и его свидетелем. Таким образом Лиденька Сильванова подрастала сиротой и в то же время богатой невестой. Когда она закончила епархиальное училище²¹²⁴, то была уже цветущей красавицей и к тому же гордой красавицей. Не один молодой человек готов был отдать ей своё сердце. Так, уязвлённым уехал из Течи кумир барышень прекрасный тенор, приезжавший в Течу в гости к своему другу, Ваня Смирнов. Какое девичье сердце не трепетало от его нежного пения, но сердце Лидии Александровны было закрыто для него. Присватывался к ней и сын о[тца] протоиерея – Константин. Нет! К Лидии Александровне в том случае полностью можно было бы отнести слова А. С. Пушкина о Марии Кочубей: «Но от любви, как от оков, бежит пугливая Мария», только у Лидии Александровны в предмете был не старый старик, а сын теченского земского начальника, студент Московского университета – Александр Павлович Стефановский. Как видите, логика Лидии Ал[ександровны] сильно отличалась от логики Марии Кочубей. Стефановские жили на квартире у Сильвановых, и близость по дому решила судьбу молодых людей. Александру Павловичу оставался ещё год до окончания университета, но ждать, очевидно, было нельзя и свадьбу сыграли, не дожидаясь окончания А. П. курса. В Тече ни до, ни после не видали такой свадьбы. Из Бродокалмака за двадцать вёрст специально на венчание приезжал церковный хор. Когда невеста шла по церкви на венчание, хор пропел «Гряди, гряди». Пели всё партесное. После венчания был шумный пир. На свадьбу приезжали из Челябинска Лебедевы – Мария Александровна и Пётр Васильевич. Когда солнце село за горизонт, подъехала тройка лошадей, молодые сели и отправились в Челябинск и дальше в Москву. Через восемь-девять месяцев у Лидии Александровны родился сын. Дальнейшая судьба её была связана с судьбой семьи Стефановских.

Мария Димитриевна после смерти мужа вела замкнутый образ жизни, нигде её не видно было, ни к кому она сама не ходила и к ней никто не ходил. То ли это было у неё от гордости, то ли так её придавило горе. Редко-редко можно было видеть её идущей в церковь. Шла она маленькая, худенькая и в общем жалкая, а по привычке её звали благочинницей, потому что о[тец] Александр перед смертью был благочинным. Когда она осталась совершенно одинокой после отъезда Лидии Александровны в Москву, она внесла вклад в Верх-Теченский женский монастырь и переехала в него на житие. Там она, очевидно, и умерла.

За домом о[тца] Александра так и осталось название Сильвановский дом. После того, как Стефановские переехали в Шадринск, в нём одно время жил второй теченский священник о[тец] Анатолий Бирюков, однофамилец протоиерея В. А. Бирюкова. Потом в этом доме было волостное правление. На каких правах они занимали дом – неизвестно. Ходили слухи, что о[тец]

---

²¹²⁴ Сильванова Лидия Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1894 г.

протоиерей хотел купить его в церковь для обеспечения квартирой второго священника, но торг, очевидно, не состоялся, потому что для второго священника о[тец] протоиерей выстроил новый дом.

В настоящее время в этом доме помещается изба-читальня с библиотекой. Здесь же демонстрируются кинокартины. Ни сада, ни пристроя не сохранилось. Дом ветшает, некоторые окна уже заложены кирпичами, очевидно, для киносеансов.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 525-531 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. Авторский заголовок очерка «Селивановы» изменён на «Сильвановы», т. к. в одной из частей своих воспоминаний автор сам указал на неправильность этого варианта (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 135). В «свердловской коллекции» имеется очерк «Селивановы и их потомство» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Вторые теченские иереи и о[тец] Анатолий

[1961 г.]

После смерти о[тца] Александра Сильванова вторые священники сменялись несколько раз. Первым после него был о[тец] Василий Поляков. Он был совсем молодой и вдовец. Жил он в сильвановском доме, рядом с диаконом. Часто заходил к последнему, спасаясь от своего одиночества. Однажды заявил: «у вас, пожалуй, излишек шума в семье, а вот у меня, наоборот, мёртвая тишина». Он раздавал нищим все деньги, какие получал из кружки, и они знали время дележа кружки и в эти дни дежурили у церкви. через год он уехал из Течи и, по слухам, снял сан.

После него в течение двух лет был о[тец] Константин Пономарёв. Он не оставил по себе никакой памяти.

Третьим был продолжительное время о[тец] Анатолий [Афанасьевич] Бирюков, однофамилец настоятеля церкви – протоиерея Владимира Бирюкова.²¹²⁵ До назначения священником в Течу он служил диаконом в селе Нижне-Петропавловском, в шести верстах от Течи. В семье у него было три сына и две дочери, из которых одна приёмная. Средний сын – Николай умер от туберкулёза лёгких ещё в Нижне-Петропавловском селе, а старший – Виталий – был уже священником в с[еле] Бугаевском Шадринского у[езда]. В Течу семья приехала в составе пяти человек: отца, матери, одного сына – Вениамина – и двух дочерей – Серафимы и приёмной дочери – Екатерины.²¹²⁶ Очень странным явлением в родне семьи было то, что родной брат о[тца] Анатолия был знаменитым конским вором. Другой же брат его был священником в с[еле] Скатинском Камышловского уезда. Были какие-то родственники в самом Камышлове. Туманные слухи ходили о том, что кто-то из предков этого рода был писателем.²¹²⁷ История семейства, так сказать, на наших глазах такова.

Старший сын – Виталий Анатольевич²¹²⁸, по окончании Пермской духовной семинарии сначала работал в Екатеринбургской псаломщической школе. Здесь, в Екатеринбурге, он женился на дочери священника Александра Дягилева – Александре Александровне и был назначен

---

²¹²⁵ По материалам книги Чумаковой Э. Е. «Бирюковы: мирское и духовное» (Екатеринбург, 2003), Анатолий Афанасьевич Бирюков приходился Владимиру Александровичу Бирюкову семяродным дядей.

²¹²⁶ Бабина Екатерина Тимофеевна (1890-?), обучалась в Шадринской женской гимназии.

²¹²⁷ О каком именно писателе, относящемся к роду Бирюковых, идёт речь, не известно. Из дореволюционных Бирюковых автором некоторых нравоучительных книг для простого народа и публикаций в церковной периодике был священник Евлампий Ионович Бирюков (1852-1915). Известно также, что автор «Описания Далматовского монастыря» Григорий Стефанович Плотников (1792-1869) находился в родстве с родом Бирюковых через свою сестру Калерию (в замужестве Бирюкову).

²¹²⁸ Бирюков Виталий Анатольевич (1875-?) – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1897 г. Священник Богородицкой церкви с. Бугаевского Шадринского уезда.

священником в с[ело] Бугаевское Шадринского у[езда], в котором прожил до Октябрьской революции. Был он любитель лошадей, купил на Екатеринбургском ипподроме знаменитого рысака – Лебеда, уже на старости лет его. Первым в селе завёл отеплённую конюшню. Его матушка понемногу занималась продажей мануфактуры: съездит в Екатеринбург, накупит её, а потом распродаёт на селе. После О[ктябрьской] р[еволюции] семья переехала в Шадринск, где отец работал бухгалтером, а потом в Екатеринбург, где отец работал бухгалтером в Облсоюзе. В семье Виталия Анатольевича было две дочери и сын. Одна из дочерей кончила Свердловскую консерваторию, вышла замуж за агронома, работала в музыкальной школе и пела в церковном хоре на Ивановском кладбище. Вторая дочь работала где-то под Москвой, а сын в Перми, кажется, шофёром. Виталий Анатольевич уже на склоне лет перенёс тяжёлую операцию, работал ещё бухгалтером и жил у дочери, как он сам о себе говорил, на положении няньки. В результате операции ему сделали отвод выделений желудка в боковую стенку живота, причём он должен был соблюдать строгий режим, а он однажды не поберётся и умер в Свердловске у дочери. Здесь и похоронен. Александра Александровна жила то у кого-либо из дочерей, то у сына, в Перми. Из её родни были известны братья: Всеволод и Евгений. Первый был священником в Кафедральном соборе Екатеринбурга, а потом, как говорили, был сослан на Соловки.²¹²⁹ Он славился как певец и, по словам его брата, был в приятельских отношениях с известным тенором Лабинским (Ленинград).²¹³⁰ Лабинский, как передавали, был послушником Тобольского монастыря. Здесь будто бы его подслушали тобольские купца и увезли в Петербург в консерваторию. Брат Всеволода – Евгений и рассказывал, что он. Всеволод, бывал у Лабинского в Петербурге на артистической вечеринке. Евгений бывал в Тече в бытность свою учеником духовного училища и пел в теченском хоре дискантом. Потом он учился по окончании, кажется, Екатеринбургской (?) семинарии, в Казанской духовной академии и после революции по какому-то случаю «ят бысть».²¹³¹

---

²¹²⁹ Дягилев Всеволод Александрович (1875-?) - окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1896 г. Посвящён в сан священника в 1904 г. Служил в Вознесенской церкви г. Екатеринбурга.

²¹³⁰ Лабинский Андрей Маркович (1871-1941) – русский и советский оперный и камерный певец, лирико-драматический тенор.

²¹³¹ Дягилев Евгений Александрович (1892-1937) – окончил Пермскую духовную семинарию в 1914 г. Обучался в Казанской духовной академии в 1914-1916 гг. В 1916 г. мобилизован в армию, служил прапорщиком. В 1920-1930-х гг. служил преподавателем музыки и регентом церковных хоров. Арестовывался за контрреволюционную деятельность и находился в Соловецком лагере особого назначения в 1927-1930 гг. и Сибирском лагере в 1931-1937 гг., где тайно принял монашеский постриг. В монашестве Иоанн. В 1937 г. вновь арестован по обвинению: «монах тайного пострига, участник контрреволюционного церковного подволя» и приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.

Третий сын о[тца] Анатолия – Вениамин был уволен из второго класса Пермской духовной семинарии за пьянство. Он к тому же, как видно, не чист был на руку по части чужого имущества. Нужно покаяться, что в ту пору, т. е. в 1903, 1904 и 1905 гг., молодёжь теченская злоупотребляла пикниками со значительными «возлияниями», но по-разному относилась к этому: один: дома, в Тече – позволительно; в Перми, на учении – безусловно запрещено; другие, в частности он: и дома, и на учении – гуляй во всю! Вот и догулялся. Как видно, он ещё боялся к тому же прозевать и опустить невесту, а именно – младшая дочь протоиерея кончила епархиальное училище и, как говорят, «заневестилась», стала невестой. Может быть, между ними даже был сговор: было заметно тяготение их сердец друг другу, но о[тец] протоиерей никогда не позволил бы выйти дочери замуж за человека без семинарского образования. Таков был его в этом случае масштаб. Женился Вениамин потом на дочери землевладельца Медведчикова, причём девушка вышла за него по принуждению родителей и при наличии юноши, на которого она имела полное основание рассчитывать и которому симпатизировала. Не трудно догадаться, что из этого получилось: семейная жизнь пошла кувырком, родился сын с явными признаками кретина. Сначала Вениамин был диаконом в с[еле] Верх-Теченском, а потом – в Тече – на месте своего покойного отца. Здесь, на виду у всех проходила его семейная жизнь – в ссорах, дразгах, пока он не уехал из Течи с какой-то монашкой. После революции он священствовал в Шадринске и, как видно, опять сошёлся с женой. В [19]30-х годах он был выслан на Дальний Восток ... и всё.²¹³²

Старшая дочь о[тца] Анатолия [Серафима] вышла замуж за сына теченского диакона – Ивана Алексеевича Игнатьева. Во время девичества она позволяла себе принимать спиртное больше, чем то следовало бы, на пикниках, вечерах, а когда заболела *cancer mammae*²¹³³, то старалась залить горе «этим». Это не прошло бесследным для дочерей, особенно для младшей, которая вышла замуж за советского работника с этим же «грехом».

Приёмная дочь о[тца] Анатолия вышла замуж за мастерового в Берёзовский завод.

После смерти своей матушки – Екатерины Борисовны - о[тец] Анатолий жил одиноко. Попечение о нём взяла на себя какая-то родственница, монашка, которая приехала из Верх-Теченского монастыря

---

²¹³² Бирюков Вениамин Анатольевич (1883-?) - окончил 2 класса Пермской духовной семинарии в 1905 г. Служил псаломщиком Вознесенской церкви г. Тюмени в 1905-1908 гг. Посвящён в сан диакона в 1908 г. Служил в Иоанно-Предтеченской церкви с. Верх-Теченского Шадринского уезда в 1908-1913 гг. Посвящён в сан священника в 1913 г. Служил 2-м священником в Спасской церкви с. Русская Теча Шадринского уезда. В 1936 г. служил священником в г. Шадринске, где был арестован и в 1937 г. приговорён к 5 годам лишения свободы за принадлежность к контрреволюционной организации. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.

²¹³³ *cancer mammae* – по-латински рак груди.

специально, чтобы ухаживать за ним. Однажды он поехал к старшему сыну в Бугаеву и там скончался. Там его и похоронили.

Был он иереем незаметным. Любил приложиться к рюмочке, особенно когда остался одиноким. Однажды в последний день масленицы он решил произнести обличительную речь против «языческого» праздника и особенно против обычая кататься на лошадях и, говоря о том, что все поехали кататься: и молодые, и старые, и слепые, и хромые и заодно подмахнул ... и чающие движения виды. Он был настоящей *sancta simplicitas*, полной противоположностью отцу протоиерею. Тут коса не попадала на камень, и они жили без конфликтов. Прав был философ Шопенгауэр, который утверждал, что люди сходятся по противоположности.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 566-570 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Священники» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Александр Димитриевич Покровский

В теченском причте, т. е. по современному коллективу церковнослужителей, самым текучим элементом в течение, примерно, 10-15-ти предреволюционных лет (имеется в виду Окт[ябрьская] соц[иалистическая] революция) были представители низшего звена его псаломщики. Это было следствием того, что рекрутировались они на работу из изгнанников из духовных училищ и духовных семинарий, т. е. из случайно оказавшихся «не у дел». Последним таким псаломщиком, который более или менее оказался усидчивым, осевшим на этой должности был Александр Димитри[еви]ч Покровский²¹³⁴, родная сестра которого – Мария Димитриевна – была замужем за вторым теченским священником Александром Сильвановым.²¹³⁵ Деятельность Александра Димитриевича совпадала с моими детскими годами, а на его судьбе, которая была в поле моего зрения, на его бытии, которое, забегая вперёд скажу, было тяжёлым, я постигал некоторые опыты моральных суждений, детских наивных, но, как видно будет дальше, достаточно серьёзных для детского ума. Насколько противоречивой была судьба Александра Димитриевича, настолько же противоречивым было моё отношение к нему, мои нравственные оценки его поведения.

Главным, что меня ставило в положение судьи его поведения, это было то, что он злоупотреблял «горькой», причём мне приходилось его видеть таковым в явно не соответствующей его чину обстановке. Так, он иногда появлялся на клиросе, чтобы «править» богослужение, когда ноги его «писали мысленно», давал кое-какие указания своим подставным псаломопевцам – Нюньке или Тиме Казанцеву, а сам погружался в сон на широком подоконнике окна. Хорошо, если на клиросе был ещё кто-либо из любительского хора, им же самим созданного, то хористы выполняли функцию ширмы, но если их не было, а это случалось, то вся эта картина была налицо. Я теперь не помню, подсказал ли кто-либо мне, что это нехорошо, т. е. я подслушал это суждение, точнее – осуждение, или оно родилось в моей голове, но только помню, что осуждал этот его поступок и,

---

²¹³⁴ Покровский Александр Димитриевич (1851-?) – сын пономаря Шадринского уезда. Уволен из 1-го класса Пермской духовной семинарии в 1870 г.

²¹³⁵ Из очерка «Александр Димитриевич Покровский» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Кстати сказать, брат с сестрой держались как-то отдалённо друг от друга, так что можно было и не заметить между ними такого близкого родства. И племянницы тоже не проявляли к дяде особенно родственных чувств» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 532-532 об.

прямо сказать, никак не мог с ним мириться. Пытаясь сейчас осмыслить это чувство, я прихожу к выводу, что оно было туманной реакцией, смешанной из некоторых индуцированных религиозных воззрений, что его поведение в данном случае было противоречащим святому месту и просто необычным для этой обстановки. В моей памяти, однако, сохранился один случай, когда я его поведение осудил в полном понимании его антиморального значения, оскорбительного для чувства других людей. Было так. Мы, дети, играли в городки. Он подошёл к ним «еле можаху».²¹³⁶ Я знал, что он шёл на отпетие покойника и танцевал «камаринского». Мне ясно представлялась обстановка в церкви, которая его ждала: горе людей, слёзы. Мне показался он грубо оскорбляющим самые интимные чувства людей. Я негодовал. Мне казалось, что я не смогу никогда простить ему этого.

Такое «критическое» отношение к Александру Дмитриевичу несколько сгладилось, когда я увидел его в другой плоскости – в его семейной обстановке. Мне приходилось слышать, что она тяжёлая. И вот однажды по селу прошёл слух: Покровский покушался на самоубийство. Рассказывали, что однажды кто-то проходил мимо его дома, что вблизи базарной площади, и услышал выстрел. Бросились в дом, но двери были крепко закрыты. Взломали, вошли в горницу и увидели такую картину: на полу лежал Покровский – пьяный до бесчувствия, в руках у него был револьвер. Несчастливая женщина, парализованная, кричала: «Спасите, спасите!»

Было явно, что А. Д. имитировал самоубийство. Но что его толкнуло на это? Мне как-то удалось быть в квартире А. Д. и видеть женщину в постели, ещё не старую по годам, но бессильную, прикованную к постели. Сам Покровский в это время был полон сил. Мальчишка, но я почувствовал, какое же это горе у человека, и в душе моей произошло то чувство, подобное спирали, когда теряешь свою упругость, остроту своего напряжения. Передо мной встала картина всей глубины его тяжёлой жизни. Он вёл хозяйство: сеял хлеб, заготавливал корм для скота. Это было источником его существования. И у него не было помощницы. Как мне помнится, он первым на селе приобрёл жатку фирмы Мак-Кормик. Ещё я запомнил, как он обучал работе молодого конька: как бедное животное сопротивлялось, и как, наконец, осуществилось то, что апостол Павел одним из своих писаний выразил в словах: «Тварь повинуся не волею, а за повинувшаго ю».

С Александром Дмитриевичем меня связывало то, что у него был чудесный голос, а такие люди всегда были моими кумирами. Когда за литией, что бывает при совершении всенощной в великие праздники, причт в полном составе пел «Слава в вышних Богу» и «Господи, устне мои отверзеши», он «возносил»: голос его витал где-то под сводами церкви, он звал идти за ними туда же, в нём чувствовалась вся горечь его жизни, и он

---

²¹³⁶ По церковно-славянски – еле-еле, с трудом. Крылатое выражение, которое применялось к людям в высокой степени алкогольного опьянения.

как бы старался забыть в звуках песнопения. Позднее, когда я читал «Певцы» И. С. Тургенева, то мне казалось, что Яшка Турок в своей песне «Ах, не одна во поле дороженька пролежала» отразил ту же скорбь жизни, какую А. Д. вкладывал в своё песнопение.

Пословица гласит, что одна беда не бывает, когда облюбует кого-либо, а обязательно приведёт другую. Так было и с А. Д. Была у него единственная дочь – Маша. Тихое, кроткое существо, надежда отца. Училась она в Екатеринбургском епархиальном училище. Как передавали другие ученицы этого же училища, во время учения её в шестом выпускном классе её навещал некий дядя: то ли по поручению отца, то ли на правах опекуна. Когда девушка закончила курс обучения, она таинственно исчезла.²¹³⁷ Говорили, что видели её в актовом зале на торжественном вечере, что с ней был тот дядя... и всё. Домой к родителям она не возвратилась, а А. Д., как видно, пришлось разделить участь пушкинского станционного смотрителя. Несчастливая мать умерла, а он уже не выходил из пьяного угара.

Я возвращался на летние каникулы в Течу, помнится, в 1900 г. В Каменском заводе я обычно заезжал к нашему хорошему знакомому старику Каллистрату, когда почему-либо за мной не приезжала подвода на станцию. Здесь я узнал печальное известие о том, что как-то зимой, «гулял» у них А. Д. и записался до смерти.²¹³⁸

У меня навсегда сохранился в памяти его дом. Стоял он у торговых рядов нашего базара. К ним прилегал скверик, в котором росли сирени. Однажды в этом скверике давал сеанс какой-то проезжий цирковой артист. Дом был двухэтажный, но внизу было помещение для магазина. Очевидно, он куплен был А. Д. у какого-либо торговца.²¹³⁹

---

²¹³⁷ Покровская Мария Александровна (1878-?) окончила курс в народном училище.

²¹³⁸ Из очерка «Александр Димитриевич Покровский» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Известны случаи образования от собственных имён нарицательных существительных. Например: Манилов – маниловщина, Пугачёв – пугачёвщина, Бирон – бироновщина и пр. В этих случаях от фамилии какого-либо исторического лица или литературного персонажа образуется нарицательное существительное, в котором отражаются или характерные черты этого лица, или черты его деятельности, или особенности эпохи, которая была результатом их деятельности. Фамилия Александра Димитриевича «Покровский» была понята простыми людьми Течи, как название его профессии, т. е. употреблялась вместо слова псаломщик. Обычно говорили: иди к диакону, или к Покровскому, - отсюда и стали считать, что если слово «диакон» обозначает профессию, то значит и слово «Покровский» тоже профессию. После него были псаломщики: Оранский, Спасский и вот, когда нужно было спросить о них, так и говорили: кто у вас сейчас служит «покровским»? Так фамилия Покровский из собственного имени стала нарицательным существительным» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 531 об.-532.

²¹³⁹ Там же: «У Александра Димитриевича был свой дом, вероятно, купленный, потому что низ его был рассчитан на использование для торговли: новый дом такого типа ни он, ни его предки, конечно, не стали бы строить. Хозяева жили вверху, а низ пустовал. Дом стоял вблизи базарных деревянных лавок, помещений для торговли. Лавки эти принадлежали церкви, как и весы, которые стояли на базарной площади. ... Во дворе дома

Степан Алексеевич Киселёв

После кончины А. Д. Покровского в Тече началась такая смена псаломщиков, которую можно прямо назвать чехардой, а зачинателем её был Ст[епан] Ал[ексеевич] Киселёв. Будучи ещё дьячком в Бродокалмаке, он иногда проездом бывал у нас. Типичный сельский дьячок, юркий, вечный торопыга, он всегда вносил в среду, где появлялся, какую-то спешку и толчею. Что его заставило сменить Бродокалмак, богатое село, на Течу, осталось неизвестным. В Тече больше воспоминаний, да и то среди молодёжи, оставили три его дочери, а в моей памяти больше сохранилась его младшая дочь, которая хорошо пела. Это её достоинство соответствовало тому идеалу, который я находил у других людей. Старшая из них, Афанасия, казалась мне всегда похожей на Екатерину II-ю. Был у С. А. ещё сын – личность бледная, незаметная. Интересно, что сам С. А. оставил у сельского населения, а преимущественно у женщин, память о себе как «морж»: он любил купаться и купался до ледостава. Тут его подсмотрели наши «дамы», когда приходили за водой или полоскать бельё. У берега реки был уже лёд, а он нырял в воду. Сколько было на селе разговоров по этому поводу.

Уже в начале зимы С. А. куда-то перевёлся, промелькнув, можно сказать, метеором.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 53-55 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

А. Д. был полный комплект «служб». Между домом и рядом лавок был небольшой садик, с высоким заплотом вдоль дороги. Так как этот садик был хорошо защищён от глаз прохожих, то однажды он был использован одним предприимчивым цирковым артистом для представления. По платным билетам публика входила в этот садик через двор, стояла на ногах и просматривала «чудеса», которые творил этот артист. Он ходил по канату, держал в зубах стол с полным набором посуды для чая, включая и самовар с водой. Главное же, что всех поразило настолько, что все «ахнули» было то, что он зажёл во рту паклю, помешивал её палочкой, а потом стал вытягивать изо рта разноцветные ленточки длинные-длинные. Дом А. Д. пережил ряд перестроек. Сначала его купил теченский зажиточный крестьянин – Андрей Михайлович Трапезников и перестроил его на двухэтажный жилой дом. Теперь же из этого дома сделаны одноэтажные детские ясли на, так называемой, Зелёной улице» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 534 об.-535 об.

В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется также очерк «Цирк в садике Покровского» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Виктор Александрович Оранский

В Шадринском уезде на славе были Оранские в селе Зырянке, но Виктор Александрович, как видно, был не из этой ветви Оранских и вообще он прошёл через Течу на положении человека, о котором где-то в Писании сказано: «Род же его кто исповесть».

Среди псалмопевцев теченских В. А. показал себя личностью своеобразной. Начать с того, что для псаломщика вовсе было не обязательным надевать на себя так называемый подрясник – длинный кафтан с глухой застёжкой на шее. Обычно молодые псаломщики щеголяли в партикулярном одеянии, а вот В. А. носил подрясник и являл собой образ какого-то святоши.²¹⁴⁰

Ему было 22-23 г., он имел счастливую наружность, к которой могли бы устремиться любые женские тёплые глаза, много обещающие и прочие, а он ни в какую: замкнулся в своём подряснике, пропах елеем и ладаном. Жить в Тече и не любить русские народные песни. Это было противоестественно, а вот ухитрялся петь только канты о матери-пустыне да «С другом я вчера сидел». Иудушка-баловень. Откуда он? Как получился такой тип человека? В церкви во время богослужений он являл собой образ инока, отшельника от мира сего. Он весь погружался религиозного экстаза. Кто видел его в этот момент, мог воочию видеть мистика, человека, придавленного всей церковной атмосферой. Может быть, в нём было что-то общее с Алёшей Карамазовым, но он был беднее последнего душевно.

Примерно, в конце второго года службы Виктора Александровича псаломщиком в Тече люди стали замечать, что он «сохнет» на глазах у всех: цвет лица становится пергаментным, черты его становятся острее, глаза становятся запавшими в глубы и тускнеют. Он умер в жаркий день «петровок». Хоронили его в жаркий полдень на теченском кладбище. На похоронах его присутствовали его мама, неизвестно откуда прибывшая. Провожали его в последний путь и некоторые женщины, почитательницы его подвижнической жизни. Говорили, что умер он от сухотки спинного мозга, а злые языки болтали, что он нажил эту болезнь, идя по пути библейского Онана.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 55 об.-58 об.

---

²¹⁴⁰ В очерке «Последние теченские клирики и конец «поповки» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «... он же имел вид послушника: носил подрясник с поясом, опустил длинные волосы. Все манеры его: жесты, голос, речь – всё было, как у монастырского служки.... При исполнении церковных обязанностей он являл собой образ человека благочестивого, набожного» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 571 об.

Михаил Иванович Спасский

Едва ли когда-либо в «подлунном мире» происходила такая крутая «смена вех», какая произошла в Тече, когда на смену В. А. Оранскому пришёл на смену псалмопевца М. И. Спасский. Если бы кому-либо пришла бы в голову идея снять с «божницы» икону Николая-угодника, а вместо неё поставить портрет Николая II-го, или какую-либо другую из царей земных, то он скорее был смог примириться с этой идеей, чем с появлением в роли псаломпевца М. И. Спасского. В одном из Евангелий повествуется о том, как Христос встретил одного из своих апостолов с замечанием: «Я видел тебя уже однажды под смоковницей». Подобно этому я тоже, встретив в Тече М. И., мог бы сказать, что видел его уже под смоковницей, а ею была Пермская дух[овная] семинария.

Осенью 1902 г. я был в первом классе семинарии, а он в 5-ом или 6-ом классе её.²¹⁴¹ Есть какой-то психологический закон, по которому взгляд «младших», направленный в сторону «старших», острее, чем наоборот, при этом шире действует интуиция, умственное зрение. Мы различали среди «старшекласников» щёголей, служителей Бахуса, картёжников, а он впечатление развязного циника: таков его наружный вид и все манеры поведения. Было загадочно, как получился такой юноша в духовной школе.²¹⁴² И вот он заявился в Течу в роли псалмопевца. У него не было ничего такого, что в какой-то мере соответствовало бы его роли: не умел петь, ни читать по-славянски. В этом отношении его выручали Нюнька и Тима Казанцев.

Скоро среди женщин – соседей его пошли слухи, что он, служитель культа, обладает горячим сердцем и склоняет на любовь честных жён. Бывало и так, что когда в церковь приезжал «поезд» провожавших невесту девушек, что было в обычае, он увязывался с ними на торжество свадьбы в роли Дон Жуана, причём не стеснялся открыто в грубой форме проявлять себя в этой роли. К чему бы он ни прикоснулся, во всём проглядывал его цинизм: в разговоре с кем-либо, или в отношениях к прекрасному полу. Учительницей в это время была только что окончившая Пермскую женскую гимназию девушка. Она была строгого поведения, но он и тут проявлял свои циничные замашки, компрометируя её. И вот однажды утром его и её увезли

---

²¹⁴¹ Спасский Михаил Иванович – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1905 г.

²¹⁴² В очерке «Последние теченские клирики и конец «поповки» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Не нужно было быть особенно тонким психологом, чтобы в семинарии уже подметить, что он являлся её «блудным сыном». Развязная, циничная манера поведения, наглый вид, пошлая речь – резко выделяли его среди других... Помимо того, что всем своим существом не соответствовал назначению, он ничего не умел делать: ни петь по гласам, ни устава ... ничего!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 572 об.

в Шадринскую тюрьму. Это было зимой 1905 г.²¹⁴³ Осталось тайной по чьему повелению это было сделано. Кто же он был? Он, очевидно, был родственником екатеринбургского врача Спасского, который заготавливал вакцины для привития оспы. Пребывание М. И. Спасского в составе теченского причта было самым постыдным явлением последнего.²¹⁴⁴

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 58 об.-63 об.

Авторский заголовок очерка «Сергей Михайлович Спасский» ошибочен и заменён на «Михаил Иванович Спасский», т. к. в «пермской коллекции» автор называет его Михаилом Ивановичем, что подтверждается в Списках учащихся Пермской духовной семинарии.

Василий Димитри[еви]ч Упоров

Он кончил Екатеринбургскую псаломщическую школу, а мальчиком состоял в знаменитом архиерейском хоре во время управления епархией епископом Владимиром.

Псаломщическая школа была тем учреждением, где обучали «четью, петью церковному», т. е. чем-то вроде духовного училища без классических языков и общеобразовательных предметов.

Как бывший певчий хора В. Д. овладел высокой культурой пения и обладал хорошим голосом – лирическим баритоном. После Окт[ябрьской] революции он был протодиаконом при Пермского архиерея.²¹⁴⁵

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 63 об.-64.

---

²¹⁴³ В очерке «Последние теченские клирики и конец «поповки» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Однажды его увезли яко бы за революционную деятельность вместе с учительницей Марией Ильиничной Селивановой» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 573.

²¹⁴⁴ Там же: «Что он мог по себе оставить в памяти теченцев? Во-первых, возникал вопрос: как могут быть такие люди? Во-вторых: как его такого назначили и зачем он приезжал? А на него ведь все смотрели как на кончившего курс в Пермской дух[овной] семинарии» // Там же.

²¹⁴⁵ Там же: «После Спасского он поднял авторитет псаломщика в Тече и в певческом отношении он был на высоком уровне. Если мне не изменяет память, то он в последствие был диаконом, чуть ли не в Перми, но жизнь его сложилась неблагоприятно: «ят бысть» // Там же. Л. 573 об.

Упоров Василий Дмитриевич (1892-1937) – диакон Никольской церкви на Слудке в г. Перми. Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Александр Григорьевич Измайлов

После окончания Рязанской дух[овной] семинарии он пристроился временно псаломщиком в Тече с явным намерением подсмотреть невесту и надеть рясу. Типичный бурсак он был и в быту и по службе на уровне «умеренности и аккуратности».²¹⁴⁶

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 64-64 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

---

²¹⁴⁶ Измайлов Александр Григорьевич – окончил Рязанскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1906 г.

Не подлежит сомнению, что русские люди прославились певцами и любовью к пению. Банальным уже стало ссылаться в этом случае на русского певца с мировым именем – Ф. И. Шаляпина. И. С. Тургенев в рассказе «Певцы» и А. С. Пушкин в повести «Капитанская дочка» ярко изобразили певческий талант и любовь к пению у русских людей. Русские композиторы-классики увековечили в своих операх русские народные песни. Как широкая и глубокая река распространилась в наше время самодеятельность, и песня стала её душой.

Издавна любили русские люди и церковные песнопения. Известно, что Александр Васильевич Суворов любил петь на клиросе. Ещё раньше императрица Елизавета Петровна, «русская душою», церковного певчего Разумовского сделала своим любимцем. Известно, что Разумовский специально за голосами для хора ездил на Украину. В народе был непочатый край любителей как той, так называемой светской, так и церковной музыки – церковных песнопений. Были они и в Тече. Мало того, из народа выходили самобытные, так сказать, доморощенные псалмопевцы. Были таковые и в Тече. Вот примеры их.

Тима Казанцев

Исторически установлено, что Тима Казанцев, теченский мужичок-землероб, был последним настоящим, кадровым псаломщиком в теченской церкви. Ему пришлось «видети и кончину» её. Осталось, однако, не известным, как Тима постиг это искусство. Нам, поздним его современникам, удалось видеть его уже в пору полной его зрелости, когда формирование его закончилось. В эту пору он был как бы запасным псаломщиком при церкви на тот случай, если кто-либо из псаломщиков болеет. Незаменимым помощником он был и в пасхальное время, когда приходилось шагать по деревням «с Богоматерью». Голосом он не отличался, но как «править» богослужение, церковный устав он знал в совершенстве. Как подобрать тропарь и кондак на «часах», как найти очередной «Апостол»; как «править службу» по Триоди постной или цветной; как служить молебн – всё это он знал в совершенстве. Как петь «гласы» и всякие церковные песнопения в праздники, посты, на молебнах – всё это он знал и умел делать. Одним словом, на него можно было положиться вполне. Вот почему, когда с закрытием духовных училищ и семинарий оскудел приток кандидатов в псалмопевцы, он пришёл на выручку, но судьба церкви была уже решена.

Тима Казанцев был уже в пожилом возрасте, когда его произвели в псаломщики. По наружности он был благообразный, но немного «сшибал» на сектанта. Небольшого роста, с рыжей бородкой. Одевался по-крестьянски:

летом и осенью ходил в зипуне, зимой – в тулупе. Человек он был трезвенный, скромный. При женитьбе «был принят в дом». Имел справное хозяйство, приближался к типу середняка.²¹⁴⁷

Нюнька, он же Евдоким Никитич

При крещении его называли Евдокимом, а наши деревенские филологи всяческие изошрялись в поисках объяснения, почему его стали называть «Нюнькой». Обычно уменьшительные или ласкательные слова сохраняют корень основного, например: Пётр – Петенька, Константин – Костенька, Костюшка и т. д. Но как от Евдокима получить «Нюнька»? Пытались образовать это слово от «Овдюнька», какое слово было в ходу. Но для всякого ясно, что созвучия в суффиксах при различных корнях слов «Овдюнька» и «Нюнька» не разрешает вопроса, и тогда стали искать разрешения «проблемы» не на путях филологии, а психологии Евдокима в раннем детстве и производить это слово от слов: «нюня», «нюнить». Высказывалось предположение, что может быть Евдоким отличался в детстве повышенной плаксивостью и относился к тем детям, которых укоряли иногда словами: «Эх, ты – нюня!», а матери в сердцах говорили им: «перестань нюнить», или «что ты нюни развёл». Такое предположение, нельзя не согласиться, кажется убедительным и близким к правильному разрешению данной «проблемы».

С этим названием Евдокима «Нюнькой» связана ещё та особенность, что оно, это название, сохранилось за Евдокимом на всю его жизнь. Ему было тридцать-сорок и т. д. лет, его давно уже нужно было бы называть Евдокимом Никитичем, а его по глазам все звали «Нюнькой». Казалось, что это название включило в себя всё существо Евдокима, въелось в его натуру, и только при употреблении его возникал образ Евдокима: назови его Евдокимом Никитичем – и кто-нибудь спросит: кто это, а назови «Нюнькой» – всякому ясно о ком идёт речь. Слово «Нюнька» стало прозвищем Евдокима: в нём всегда слышалось что-то обидное, вроде как бы признание за человеком его легкомысленности, какой-то неполноценности, когда про кого-нибудь говорят: «болтушка ты!»

Нюнька был старше меня на 2-3 года и по возрасту был другом брата Ивана, но в играх такое различие в возрасте не играло существенной роли. Он приходил к нам играть в «прятки» и во время одной игры первым сделал открытие для меня, что я сломал руку.

Семья, членом которой он состоял, была из четырёх человек: отца, матери, сестры его и нашего друга. В деревне такие семьи считались малыми, малодетными. Жили они неподалёку от нас через одну усадьбу, а дом стоял

---

²¹⁴⁷ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется отдельный очерк «Тима Казанцев» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть VII). (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

не в ряду с другими, а отступя от дороги метров на 15-20, так как перед домом весной при таянии снега и осенью от дождей образовывалось болото. Я помню, как мы, друзья Нюньки, в этом случае пробирались к его избе по узкой полоске земли возле прясла огорода Ключиных, потому что болото подходило к порогу избы. Вода в болоте держалась долго и на нём плавали гуси со своими выводками. Летом болото высыхало, и в грязи его некоторое время принимали ванны еще свиньи, а потом оно совсем высыхало и на нём рос свиной горох. Дети любят воду, и понятно, что это болото всегда привлекало нас к себе.

Жить в избе в таких условиях можно было лишь потому, что кроме нескольких куриц у хозяев ее ничего не было. Мы же удовлетворялись иногда только встречами с Нюнькой на дому. Потом избушку переставили в ряд с другими немного правее болота, но у хозяев по-прежнему ничего не было, кроме курицы.

Отец Нюньки был пьяницей, Ходил на подённые работы – летом косить, жать, осенью и зимой – молотить, но всё пропивал. Пил, как говорится, «до чёртиков» в буквальном смысле этого выражения, т. е. до припадков. Нюнька приглашал нас к себе посмотреть, как тятка его «ловит чертей». Мы забирались на печку и наблюдали, как Никита соскакивал с постели, пошатываясь бродил по избе и, бормоча, разводил руками. Нюнька показывал на него и говорил: «Смотри, смотри, он чертей ловит». Было и интересно и страшно смотреть на Никиту.

Мать Нюньки была гадалкой или лекаркой. Об этих её талантах слава распространилась далеко по нашей округе. Чаще всего к ней обращались с просьбой отгадать, где находятся украденные у кого-либо кони, и она отгадывала. Она прямо объявляла тому или другому потерпевшему: поезжай туда-то, там стоят на привязи твои кони». «Вези вина столько-то, поставь его туда-то» или деньги положи столько-то, туда-то». Это предварительно и обязательно. Результаты она объявляла после гадания с воском на воде. Можно было легко догадаться, что она держала связь с ворами и была их агентом, но простоватые люди, удрученные горем, не замечали этого и верили в её знахарский талант. Больных она парила в бане от «лихоманки». Сестра Евдокима – Варвара было тоже загадочной личностью, женихи её долго «обегали и она вышла замуж за мужика уже в годах, долго не приносила детей, а когда, наконец, принесла, что по селу пошла молва, что зачатие было греховным.

У Нюньки были тонкие черты лица, и он не лишён был миловидности. Мальчишка был вертлявый, хитроватый, но восприимчивый к науке и услужливый. Нашей сельской учительнице Елизавете Григорьевне стоило больших трудов сагитировать кого-либо поступить в школу, а Нюнька сам «уломал» родителей, чтобы они отдали его в школу. В школе он всегда старался чем-нибудь услужить учительнице: то поможет ей тетради снести домой, то поможет сшивать тетради и т. д. Был отличником по закону Божию. Кто лучше всех знал заповеди Моисея? Нюнька. Кто знал тропари

всех двенадцатых праздников? Нюнька. Школьников, когда они были в третьем классе, приучали читать за обедней «Благослови Господа». Нюнька был лучшим чтецом. Другие отказывались от этой «чести», а он просил и читал её не просто так, а «смаковал»: голос у него был звонкий. Заметили у Нюньки этот талант, а больше всех на это обратил внимание псаломщик Александр Димитриевич Покровский: он решил приспособить Нюньку себе в помощники, так сказать, по общественной линии. Такими помощниками у него уже были мужички: Тима Казанцев и Михаил Иванович косорылый, называвшийся так, потому что у него перекошена была челюсть. Они помогали ему читать «часы», «Апостол» и петь разные песнопения. Александр Димитр[иев]ич страдал известным пороком русских людей: пил «горькую». Иногда приходил на клирос даже на «взводе» и ложился на широкое окно, а службу «правили» эти его помощники. Пил он от жизненных неудач: жена у него ещё в молодые годы обезножила, а единственная дочка по окончании епархиального училища не вернулась в «отчее лоно», а скрылась с каким-то обольстившим её уже пожилым человеком. Это знали помощники Александра Димитрича, жалели его да, пожалуй, довольны были тем, что им предоставлялась возможность «править богослужение». Это им нравилось.

Помощь в овладении «богословскими» познаниями Евдокиму несомненно оказывал Тима Казанцев, но настала пора, когда он перерос своего учителя. Евдоким усвоил пение по гласам», хотя путал первый голос со вторым и третий с седьмым. Не умел правильно петь «запевы», но зато твёрдо знал, как нужно петь самые важные песнопения всенощной - «Благослови», «Свете тихий» и литургии - «Херувимскую», «Милость мира» и пр. Научился петь великопостные песнопения и кое-что из запричастных. В последних, правда, иногда путался. Так, однажды за ним недоглядели, и он пропел «Коль славен наш Господь в Сионе». Узнал самое важное из «Устава». Так, умел подобрать очередные проповеди, тропарь и кондак на «часах» и вообще править «часы». Затруднился подобрать «Апостола». Большим преимуществом у него перед Тимой Казанцевым и Михаилом Ивановичем было то, что он был моложе их: те преобременены были семьями и хозяйством, а он с детства непривычен был к тяжёлым деревенским работам: руки его не прикасались к сабану, а пробивался он, как его батюшка Никита, разными подёнными работами – грести сено, молотить, а хозяйства у него, как и у родителей не было. Жениться он тоже не торопился. Псаломщики после смерти А. Д. Покровского часто менялись и попадались среди них люди случайные, неопытные по службам псаломщикам, и он часто заменял их, а деятельность его из общественной превращалась в служебную, т. е. давался ему заработок. Так, бывало, что его просили ходить в распутицу с «Богоматерью», а то кто-либо из псаломщиков прихворнёт и Евдоким шёл за псаломщика. По существу он полностью за меня уже Покровского, когда тот окончательно спился. Евдокима в этом случае при исполнении им обязанностей именовали Евдокимом Никитичем, а

он старался и внешне походить за псаломщика: подрясника, правда, не надевал на себя, как и Покровский, но носил пиджак, брюки, заткнутые в голенища, сапоги с голенищами в гармонику. Причёска у него была в виде косо́го ряда, а усы и бороду подстригал. Со временем он женился, и тесть помог ему построить избу на краю поселка у самих гумен. Изба, правда, стояла одиноко, без служб, только с пряслом на границе усадьбы с огородом. Никто не знал, как сложилась его семейная жизнь, известно было только, что у него был сын.

В общем, Евдоким был «лёгким» семьянином, бесхозяйственным и не рачительным. Он был свидетелем трагической кончины теченского купца Василия Антоновича Новикова. Он так рассказывал об этом событии: «пропели мы с о[тцом] Владимиром у нас на дому всенощную накануне именин Васи (так он называл его с детства), стали садиться за стол. Вася всё хлопотал, вдруг упал и был таков». Вызвали фельдшера из Нижней, но он только подтвердил кончину.

Я близко соприкасался с Евдокимом только в детские годы при играх, а в дальнейшем только наблюдал за ним и слушал рассказы о нём.

Прошло много лет, и, однажды, он заявился к нам в Свердловске в 1925 г. с молодой женой, с визитом. Тогда он и рассказал нам о кончине Василия Антоновича Новикова. Он сообщил нам, что он тогда работал в Свердловске письмоно́сцем при одном почтовом отделении. Ему было за тридцать уже лет, а молодой его супруги лет 18-19 и была она из местных. Он у меня занял два рубля, я его больше не видел. Во время этой встречи со мной он развязно рассказывал о себе, как он перестроился после Октябрьской революции. Он не обинуясь, как говорится, рассказывал, что он превратился в перманентного жениха и предлагал себя в качестве такового налево и направо: чуть овдовеет какая-либо молодуха, он тут как тут, а о первой жене умалчивал. Нина (так звали его молодую, с которой он явился к нам), очевидно, была последней из «Евиных» дочерей, которую он осчастливил.

Летом 1926 г. мы были в Тече, я видел его избушку, у которой заколочены были окна. Мне рассказывали, что Евдоким приезжал в Течу с какой-то девушкой (так её поименовали). Это была, очевидно, Нина. Рассказывали, что она была сильно расстроена, потому что Евдоким нарисовал ей картину богатого своего хозяйства, на которое она польстилась и пошла за него замуж, а увидела только избу с заколоченными окнами. На этом, очевидно, и кончился её роман с ним.

Позднее мне рассказывали в Тече, что Евдоким снова вернулся домой, как «блудный сын». Его сын тогда тоже вернулся в Течу из Челябинска, куда он уезжал на строительство, поселился в отчем доме и вступил строительную бригаду колхоза. «Блудного отца» он принял холодно, и он под впечатлением обиды повесился, так и оставшись до конца жизни «Нюнькой».

Какие только метаморфозы не бывают с людьми в подлунном мире!
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 41-47.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» имеется ещё один очерк «Нюнька, он же Евдоким Никитич» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 178-181.), который менее информативен. В «свердловской коллекции» также имеется очерк «Нюнька» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть V. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 382).

Александр Степанович Суханов

Его чаще по старой привычке от молодых лет называли Санком Сухановым, а было ему уже за сорок. В летнюю пору часто по Тече бродило стадо лошадей в количестве 12-15, с затабунником. Это были его лошади. Семья его заседала до сорока десятин земли, да ещё много приготавливала под «пары». На пахоту у него пускались три-четыре тройки, а когда они «забивались», их отправляли в стадо, а отдохнувших в стаде брали на работу. Хозяйством ведал у него старший сын – Павел, а он на своём Голубке на ходке ездил только проверять работу. Сын Павла – Михаил учился в Шадринском реальном училище.

Во время обедни перед «Единородным [Сыном]» можно было наблюдать, как через толпу молящихся продвигался плотный мужчина в чистоборе, с волосами, подстриженными в кружок, и пышной бородой. Он становился у клироса, трижды крестился, разглаживал волосы и бороду, принимал «стойку» (позу) и в хоре появлялся тенор, звучный и высокий. Все знали: пришёл Суханов. Его ампула были: «Единородный», «Иже херувимы» и особенно «Тебе поем». Последнее он пел с особым чувством и проникновенно. Умел петь прокимны. Почему он не ставился на клирос? Кто говорил – из скромности, а кто говорил, наоборот, - из гордости, чтобы не сливаться с массой, а быть вроде как бы солистом. Когда бывала Пасха или какие-либо другие большие праздники, Александр Степанович во всех праздничных песнопениях вёл, так сказать, партию первой скрипки.

Екатерина Ивановна

В противоположность Суханову она была беднячка. В семье она была уже на положении бабушки. На Пасхе, когда «ходили с Богородицею», переносила икону из дома в дом, была, как таких женщин называли «богоносной». Её ампула были песнопения всенощной и вечерни. Во время этих богослужений в полумраке выделялся её голос – сопрано. Любимыми её песнопениями были «Хвалите [Господа с небес]» и «Слава в вышних Богу». В «Хвалите» особенно сильно звучал её голос в словах: «Исповедаетея Господеву» и «Исповедаетея Богу». Голос её в этом случае звучал величественно и сильно. Когда были крестные ходы, например, на «Иордань» или в «Спас» и пели «Спаси, Господи» она выдерживала соперничество с самыми сильными голосами.

Николай Иванович Лебедев

У него был тенор. Пел он на клиросе. В отличие от других, он не удовлетворялся уже обычными церковными напевами, а хотелось ему петь что-либо «партесное». «Херувимская», например, ему нравилась «разорённая».²¹⁴⁸ Если ему не удавалось в церкви её спеть, то он при встрече где-либо в уединённом месте просил: «Споём разорённую». В большие праздники он всегда был в ансамбле певцов – на клиросе.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 181-183.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Любимые песнопения теченских песнопевцев

На Пасхе: «Да воскреснет Бог», «часы», особенно антифоны. Величественную картину в этом случае представлял хор певцов, картину, достойную кисти художника. На клиросе они стояли плотной стеной. Впереди, держа в руках цветную Триодь, стояли Тима Казанцев и Евдоким Никитич. Ещё не в полный голос, опираясь на ведущие голоса этих двух, пели: «Горы ливанские, ребра северова, Град Царя великого»²¹⁴⁹, но «Спаси нас, Сыне Божий» подхватывали уже все, и церковь оглашалась могучими голосами. Сила и мощь хора проявлялись, когда пели канон. Хору всегда лучше удавались те номера, где можно было развернуться, показать свою силушку. Такими номерами были каноны, тропари. Любимым каноном был «Отверзу уста моя». Из запричастных – «О, всепетая Мати». Исполнялось это песнопение в любимой всеми форме: сначала *piano* – один, два голоса: «О, всепетая Мати», а потом *forte* – «Родшая всех святых Святейшее Слово» - подхватывали все. Потом снова *piano* – «О, всепетая Мати», и затем *forte*: «Нынешнее приемши подношение».... Казалось, что-то сдерживало стихию и, наконец, она прорвалась и разлилась могучим потоком. В эти моменты голоса Александра Степановича и Екатерины Ивановны «покрывали» всех.

В Великом посте коронным номером из песнопений были «Покаяния». Кто-то говорил, что это песнопение, его настроение более созвучно женской душе. Правда ли это или нет, на это мог бы ответить Слуцкий ксён[д]з Гродис, про которого сами католички говорили, что он больше любил спасать женские души и притом молодые. Екатерине Ивановне, казалось, уже и нечем и незачем было грешить, а, следовательно, и не в чем каяться, но она при пении «Покаяния» столько вкладывала чувства, сколько, вероятно, не

---

²¹⁴⁸ Имеется в виду «Херувимская песнь (на разорение Москвы)» русского композитора Александра Дмитриевича Кастальского (1856-1926).

²¹⁴⁹ Из псалма 47: «Горы Сионския, ребра северова. Град Царя великаго...» (Библия. Псалтырь, 47:3).

могла бы в него вложить ни Мария Магдалина и ни Мария Египетская в высшей точке покаяния. «Благообразного Иосифа» тоже пели все.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 183-184.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Как зарождалась любовь к пению у теченских песнопевцев и как совершенствовалось их искусство

Лучшей школой в этом деле была, конечно, традиция: передача опыта от одного другому. Так передавались народные песни, так же передавались и церковные песнопения. Незначительную роль играла школа, поскольку в ней пелись молитвы перед началом занятий, перед обедом и в конце уроков. Значительное влияние оказывали отдельные, время от времени показывавшиеся, певцы-псаломщики. Так, несомненно, оказал влияние и оставил по себе память псаломщик Александр Димитриевич Покровский. У него был прекрасный тенор и он любил, выражаясь на жаргоне наших певцов», «заносить», т. е. подниматься высоко-высоко. Когда пели, например, «Хвалите», то слова «Исповедайтесь Господеви» и «Исповедайтесь Богу небесному» он «заносил», т. е. поднимал голос кверху, брал высокие ноты. Особенно он «заносил», когда за всеобщей перед великими праздниками в начале шестопсалмия духовенство после литии пели «Слава в вышних Богу» и «Гоподи, устне мои отверзеши»... Он отделялся от всех, «покрывал» всех, голос его витал где-то под сводами и все с замиранием слушали его. Эту манеру «заносить» старались усвоить и Александр Степанович с Екатериной Ивановной.

Настоящей организованной школой было пение, которое проводилось в Великом посте после вечерни. Перед амвоном становился отец протоиерей и запевал, а за ним пели все остальные. Сначала пропевались все песнопения всеобщей: «Благослови, душе», «Блажен муж», «Свете тихий», «Хвалите», «Слава в вышних Богу». Затем пелись тропари теченских престольных праздников. В церкви был полумрак. Тут уже был полный простор проявить своё искусство, и его проявляли. Здесь именно Екатерина Ивановна, как говорится, «отводила свою душеньку». Трудно учесть, сколько здесь загоралось талантов и голосов.

Опыт пения переносился из одной церкви в другую. Так, в соседнем селе Сугояке вновь приехавший в него псаломщик Базилевский²¹⁵⁰ привёз с собой новую мелодию «Милости мира» и последующих за ним песнопений. Мелодия оказалась по душе верующим и исполнялась ими всеми. Её занесли и в Течу под названием «сугоягская».

---

²¹⁵⁰ Базилевский Вячеслав Николаевич (1874-?) – уволен из 3-го класса Воронежского духовного училища в 1888 г. Служил псаломщиком. Псаломщик Пророко-Ильинской церкви с. Сугояк Шадринского уезда в 1909-1918 гг.

Летом в церкви выступал хор из приехавших на каникулы детей духовенства. Они исполняли песнопения в композиции Бортнянского, Виноградова и др. Но этот хор был далёк от массы и напевы его не прививались массами. Это было «господское» пение. Однако, когда голоса у самих представителей духовенства по старости оскудели, отец протоиерей решил создать при церкви смешанный хор с детскими голосами. Для этого приглашён [был] откуда-то специальный регент.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 184-186.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Архип Григорьевич [Югов] и его хор

14 марта 1961 г.

[²¹⁵¹]

Он был, очевидно, осколком от какого-то хора, в котором он пел ещё в детстве. Перед ним стояла трудная задача – извлечь детские голоса и обучить их пению, нотами. Откуда их взять? Он правильно разрешил этот вопрос. На селе было несколько семей выходцев из «Расеи» - полуземлеробов, полуремесленников, полуторговцев. В семьях их были девочки, кончившие школу, подрастающие и пребывающие в ожидании своей «судьбы». Были эти девочки на положении барышень, которые отошли от деревенских, но не дотянули до «господских». Их то и привлёк в свой хор Архип Григорьевич. Что касается теноров и басов, то расчёт строился на псаломщиков или на кого-либо из случайных, например, у о[тца] протоиерея был сын Николай, его исключили из духовного училища и он пока что жил при батюшке: вот тебе и тенор.²¹⁵² Сам же Архип Григорьевич пел «партитурой». В нормальных условиях А. Г. держал партию баса, но вот стал фальшивить дискант, и А. Г. «срывался» с баса и свистящим фальцетом начинал петь дискантом. А задачи становились серьёзные, например, к Рождеству разучивался канон муз[ыка] Аллеманова.²¹⁵³ А. Г. дорабатывал некоторые, как ему казалось, не законченные мелодии. Так, в Тече издавна исполняли

---

²¹⁵¹ В очерке «Теченские псалмопевцы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор пишет: «Когда настоятель теченской церкви Владимир Бирюков получил звание протоиерея и когда дьячок Игнатъев потерял способность петь, а псаломщики стали часто меняться, протоиерей решил учредить должность регента, чтобы было не мужичье, а партесное пение.... И вот среди нас появился мужчина за сорок лет в чёрном сюртуке и в синих очках» // ГАПК. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 65-66.

²¹⁵² Там же: «Партию тенора вёл случайно оказавшийся в Тече зимой автор сего, а баса вёл сам регент» // Там же. Л. 66.

²¹⁵³ Там же: «По существу он представлял из себя партитуру голосов. Помнится, как мы готовились к Рождеству и разучивали канон праздника в композиции Аллеманова. С Архипа пот лился ручьём. Он охрип от частого перехода на фистулу» // ГАПК. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 66 об.-67.

одно тройное «Господи, помилуй». Музыка его была величественная. Пели его на большой ектении в торжественные праздники. Особенно любил его петь Александр Степанович Суханов. И вот А. Г. показалось, что композиция его не закончена: нет настоящего каденса, и он добавил ещё одну фигуру в конце, которая получила название «вилюшка». С этого времени стали называть эту композицию: «Господи, помилуй» с вилюшкой. Особенно эта композиция понравилась сыну о[тца] протоиерея Коле Бирюкову и она исполнялась и в обычные дни по его специальному заказу. Летом ждали приезд в Течу екатеринбургского епископа. Хор готовился к встрече. «Достоин» входное было отшлифовано, но вот, как на зло, бывают же в жизни случайности, совершенно как бы невозможные, которые спутают все карты. Так случилось и в данном случае. Началось с того, что кучер экипажа, в котором сидел епископ, не сумел остановить лошадей у церковных врат, и епископу пришлось возвращаться к вратам. Началась заваруха. А. Г. не смог сразу принять звук от камертона и дать тон. Всё получилось скомканно и не удалось показать хор во всей его красоте. В романсе Даргомыжского «Титулярный советник» поётся, что он с горя «пьянствовал целую ночь». У А. Г. горе было, конечно, другого рода, но реагировал он на него по методу «титулярного советника». В общем же и А. Г. много сделал для Течи в области церковного пения и заслужил то, чтобы его помянули за это добрым словом.

14/III - 1961. 17 ч[асов] вр[емя] св[ердловское].

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 186-187 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Хор Югова» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

Мария Ивановна Мамина²¹⁵⁴ принадлежала к старому поколению Теченского общества. Нам, представителям молодого поколения не было известно, как, когда и при каких обстоятельствах она оказалась в Тече. Нам известно было, что она родственница Д. Н. Мамина-Сибиряка, чуть ли не родная тётка его, но она об этом никогда и никому не говорила, между тем это было ещё при жизни Димитрия Наркисовича.²¹⁵⁵ У неё был в Тече свой дом, уже старенький. Как этот дом стал её собственностью: купила ли она его, или получила по наследству – нам было не известно. Знали о ней только то, что она «просвирня», знали некоторые особенности её характера и быта, а большим не интересовались.

«Просвирни» представляли собою очень своеобразный вид церковного причта. Их обязанностью было выпекать просфоры («просвирки») для евхаристии – для приготовления из них «Тела Христова» при таинстве причащения. Потребность в просфорах была только по праздникам и в небольшом количестве, так что «просвирни» не были перегружены трудом. Нельзя также думать, что от них требовалась особо высокая квалификация, специальность в их деятельности. Если всё это учесть, то будет ясно, что работа «просвирни» была ничем иным, как только способом обеспечения, а так как «просвирнями» являлись чаще всего вдовы кого-либо из церковно-служителей, то назначение на эту должность являлось своеобразной формой пенсионного обеспечения. Жалованье им не полагалось, из братской кружки они ничего не получали, а питались сборами по приходу, так сказать, милостью прихожан. О них говорили: «мир прокормит». В конце концов, всё сводилось к тому, насколько кто сумеет вступить в контакт с миром, чтобы обеспечить себе пропитание.²¹⁵⁶

Мария Ивановна при сборах с пустыми руками не возвращалась: она приводила и зерно, и мяско, и яички, и сметанку. У неё был хороший огород, была корова, стадо уток, курицы. Дрова ей, кажется, доставляла церковь. Иногда зимой у неё на квартире жили учительницы. Жила с ней ещё какая-то родственница – Анфиса Андриановна, о которой шла молва, что она «не в своём уме», и Мария Ивановна держалась как-то изолировано. Дом был у неё двухэтажный, и Анфиса Андриановна жила внизу.

Каждое лето к М. И. приезжали в гости её племянницы: Софья Петровна и Надежда Петровна Пятницкие, а иногда и племянник – Константин Петрович. Софья Петровна работала в церковно-приходской

---

²¹⁵⁴ Мамина Мария Иоанновна (1829-?) – вдова священника Теченской Спасской церкви Адриана Иоанновича Мамина (?-1865), просфорня с 1869 г.

²¹⁵⁵ Муж М. И. Маминой Адриан Иоаннович приходился Д. Н. Мамину-Сибиряку двоюродным дядей.

²¹⁵⁶ Просфорни обычно получали жалование от церкви в размере 24 руб. в год. и пособие от Епархиального попечительства о бедных духовного звания.

школе на Верх-Исетском заводе, а Надежда Петровна где-то в сельской школе. Сёстры были душой теченского общества: Софья Петровна принимала участие в спектаклях в главных ролях. Надежда Петровна была очень миловидная девушка и все думали, что в Тече именно она найдёт свою «судьбу», но этого не случилось. Во всяком случае теченские молодые люди были благодарны Марии Ивановне за то, что у ней были такие племянницы и за то, что летом они приезжали в Течу.²¹⁵⁷

У М. И. был физический недостаток: она сильно прихрамывала. Несмотря на преклонный возраст, она была очень жизнерадостная и очень общительная. Строго соблюдала праздники, именины и разные примечательные дни. В Великом посте, если кто-либо удостоился принятия святых и честных тайн, обязательно придёт поздравить. Нечего говорить о таких событиях, как именины: не пропустит, чтобы не поздравить. Любила грешница выпить и закусить, а если подвыпьёт, то поговорит на разные кулинарные темы: что и как нужно готовить, например, если идёт речь о том, как жарить баранину, то обязательно подчеркнёт, что нужно жарить с чесноком.²¹⁵⁸ Высказывалась иногда решительно и прямолинейно. Например, когда одно очень видное лицо из Теченского общества²¹⁵⁹ сделало ей замечание – почему она с ним не чёкнулась, она ему сказала: «чёканье – знак дружбы, а у нас с Вами никакой». Это выражение М. И. потом часто

---

²¹⁵⁷ В очерке «Мария Ивановна» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет, что М. И. Маминой на лето в гости приезжали родственники: семинаристы Михаил и Константин и их сёстры, окончившие Екатеринбургское епархиальное училище – Софья Петровна и Надежда Петровна Пятницкие. Софья Петровна вышла замуж за екатеринбургского чиновника Турышева. У ней был сын Борис Фёдорович, который работал научным сотрудником Свердловского горного института. Надежда Петровна вышла замуж за молодого человека, который служил затем диаконом. Пятницкий Константин Петрович, как передавали В. А. Игнатьеву, был чем-то связан с А. М. Горьким. (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 8-8 об.).

Пятницкий Константин Петрович (1864-1938) – российский издатель, журналист и мемуарист. Соучредитель книгоиздательского товарищества «Знание», сотрудничал с М. Горьким.

²¹⁵⁸ Там же автор: «М. И. во всех отношениях символизировала прежнюю деревенскую патриархальную «поповку». Жила по церковному календарю: от поста до поста, от заговенья до разговенья, от одного праздника до другого. Вся христианская метафизика – крещение, вознесение, преображение, воскресение Христа – понимались как реальные события. На праздниках пили, ели, гуляли, не вдаваясь ни в какие мудрствования о том, что к чему. Справляли именины, похороны, поминки. Служили мамоне. Вспоминали потом о том, какие у кого были пироги и вообще какое угощение. Соберутся иногда старые «пни»: настоятель, диакон, псаломщики и «она» – просвирня и давай «исповедовать» друг друга: кто сколько собрал при объезде по своему приходу яиц, сметаны, шерсти, льна и пр. А потом настоятель запоёт свою любимую песню «Не велят Маше за реченьку ходить», выпьют, а выпить М. И., грешница, ой, любила!» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 9-9 об.

²¹⁵⁹ Земский начальник Габриельс.

приводилось как образец смелости, решительности и прямолинейности и превратилось в афоризм.²¹⁶⁰

Мария Ивановна носила на голове тёплую шёлковую «шамбуру», которая уже в наши времена выходила из моды. В таком виде мы представляли няню А. С. Пушкина Арину Родионовну. М. И. нас угощала: то она даст остатки от «просвинок», то что-либо из пряников. От неё мы узнали, например, о существовании таких деликатесов, как коврижек.²¹⁶¹

Дом у М. И. стоял на площади, где часто играли шариком, и стёкла в нижнем этаже у ней не раз выбивались. Конфликты обычно разрешались полюбовно, т. е. какой-либо компенсацией.²¹⁶²

Однажды при поездке по епархии екатеринбургский епископ совершал в Тече литургию, и перед М. И. встала серьёзная задача – выпечь

---

²¹⁶⁰ В очерке «Мария Ивановна» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор сравнивает её образ с образом Кабанихи из пьесы А. Н. Островского «Гроза», что в «пермской коллекции» отсутствует: «Вот я вижу её приземистую фигуру с лицом, чем-то напоминающим образ Кабанихи из «Грозы» А. И. Островского. Я отчётливо вижу у ней на голове шёлковую кичку, или, как у нас называли «шамшуру», чёрную, как смоль, а из-под неё чуть-чуть выбивающиеся седые волосы. Лицо её морщинистое с пергаментной жёлтой кожей, не худое и измождённое, как изображаются лица святых на иконах византийского письма, нет, наоборот, чуть одутловатое, как у Кабанихи. На лице у ней нет той суровой сухости, свирепого выражения крутого нрава старой самодурки, как у Кабанихи, но вот так и кажется, что вот-вот она начнёт ворчать и по старушьей привычке читать сентенции кому-либо из молодёжи.

На плечи у ней накинут длинный шёлковый чёрный платок с рисунками бордового и зелёного цвета. Он закрывает всю её фигуру до колен, а из-под него вверху выглядывает ворот кофточки, а внизу – юбка чёрная шерстяная. На ногах у ней ботнюки, изделие теченского модельера Николая Фёдоровича Лебедева. Вся её фигура как бы застыла и так и просится на мольберт художника» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 3 об.-4.

²¹⁶¹ В очерке «Мария Ивановна» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний «Вижу Марию Ивановну на дворе её двухэтажного домика, окружённую стадом уток, разводить которых она любила. Спросите-ка её, как нужно кормить этих прожорливых птиц, и она вам лучше всякого учёного птичника расскажет, какой должен быть рацион для этих птиц.

Вижу М. И. и себя в её огороде. Вот она срывает стручки гороха и бобов и суёт в подол моей рубахи. Вот она сорвала огурчик и отдаёт мне со словами: отдай маме.

Вижу, как она на Первого Спаса несёт венок цветов из своего огорода и кладёт его на икону Спаса – Нерукотворенного Образа.

Вижу, как она по деревне ходит со сбором какого-либо «осеннего», или «праздничного»: медленно ковтыляет с палочкой, заходит во дворы, а телега по дороге следует за ней.

Наконец, не вижу, а прямо реально переживаю: вот она пришла к нам, принесла нам, детям, какие-то остатки от просфор, которые она сегодня только выпекала, или коврижки, которые я в первый раз в жизни видел, и при виде которых потом я обязательно вспоминал её» // Там же. Л. 6-7.

²¹⁶² Там же: «Домик М. И. стоял вблизи церковной площади. Внизу его была кухня, а вверху горница. Лестница, ведущая в горницу, была крутая, и было загадкой, как ухитрялась М. И. при своей хромоте преодолевать её» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 7 об.-8.

архиерейскую просфору. Она справилась со своей задачей и получила поощрение от отца протоиерея. Когда церковным старостой был кирдинский крестьянин Пётр Данилович Черепанов, он обычно заезжал к М. И. и оставлял во дворе у неё своего коня. Всем соседям по площади у церкви навсегда запомнились две картины, которые они наблюдали по воскресеньям и праздникам: шествие прихрамывающей М. И. с просфорами в церковь в начале звона к обедне и подъезд к дому М. И. и въезд в ограду Петра Даниловича на гнедой лошадке, запряжённой в телегу.

Однажды М. И. решила съездить в Далматов в монастырь помолиться и не вернулась домой. Было что-то роковое в жизни нескольких теченских жителей: они уезжали из Течи и умирали на стороне. Так, псаломщик Александр Димитриевич Покровский умер в Каменском заводе; о[тец] Анатолий Бирюков – в селе Бугаевском. Так случилось и с М. И.: она умерла в Далматове.

С её смертью исчез в скором времени и её дом, а вместе с ним и соседний дом Филиппа Григорьевича: значительно расширилась зато площадь около церкви.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 469-472 об.

При церкви всегда были два трапезника и обычно они были из разных деревень. Должность их была выборной, а выбирались они на год. Они несли охрану церкви изнутри. Кроме них была ещё наружная охрана, а в летнее время на колокольне ещё дежурил человек на случай возникновения пожара. В их обязанность входило: топить зимой печь, следить за чистотой в церкви и на дворе: подметать, но мытьё полов еженедельно по понедельникам производили женщины, кроме алтаря, куда женщины не допускались. Они звонили к богослужениям, учились звонить «во вся». Открывали и закрывали церковь для проведения разных «треб»: крещения, отпевания, исповеди, венчания и т. д. Перед отпеванием один из них обязательно ходил на кладбище измерять глубину могилы: она должна была иметь глубину не менее сажени. Перед крещением они должны были готовить для него «купель», подогревать воду. Наконец, они должны были поочерёдно или по договорённости принимать участие в совершении богослужений: разжигать и подавать кадило, ставить свечи, зажигать паникадило, ставить аналой для чтения Евангелия, нести подсвечник перед диаконом, идущим на чтение Евангелия и т. д. В общем в течение года при богослужениях приходилось много выполнять различных функций, связанных с ритуалом, и ко всему этому нужно было привыкать, запоминать порядок служб. Так далеко деятельность их ушла от первоначальной функции, по названию которой они и носили название «трапезники» - люди обслуживающие трапезы, которые когда-то организовались при храмах. Теперь уже никто не задумывался над этим словом – «трапезник», от чего оно, к чему, да и произносилось оно теперь неправильно – «трепезник». Правда, может быть, отдалённым отголоском от тех древних времён существовал никем не регламентированный обычай среди трапезников – требовать некий выкуп для входа в церковь для венчания, т. е. гостинцы из свадебной стряпни, но идея его, во всяком случае, совсем не соответствовала идее древних трапез, а была корыстной выдумкой самих трапезников, которую по существу следовало бы запретить, как не соответствующую назначению Божьего храма, тем более, что находились такие «трапезнички», которые не прочь были включить в гостинцы не только печёное, но и превращённое во влагу. Но это уродливое явление во всяком случае было очень редким: не носило формы какого-то вымогательства, а скорее всего было простым угощением на радости по поводу семейного торжества.

При выборе в трапезники, однако, нужно было учитывать некоторые индивидуальные особенности избираемого на эту должность, например, табакур или усиленный поклонник Бахуса не подходили для этой должности, а также какой-нибудь шелапут. Такого отец настоятель не потерпел бы и одного для церкви. Чаще всего выбирали на эту должность человека, уже пожилого, со спокойным характером, но попадали и более или менее

молодые мужички. Таким, например, был Павел Игнатьевич из деревни Баклановой. Он был избран в трапезники в возрасте 30-32 лет. Повлиял ли возраст Павла Игнатьевича, более молодой и, так сказать, более восприимчивый к усвоению вообще различных перемен в жизни, то ли особый склад его души и характера, но ему именно удалось показать идеал трапезника, показать типичные черты его, те черты, которым он должен удовлетворять. Можно ли говорить о каком-то идеале трапезника и его типе? Не является ли этот вопрос пустопорожним, ненужным измышлением? Если мы сравним должность трапезника с выборной тоже деятельностью деревенского сотского или десятского, то станет очевидным, что должность первого много сложнее, чем должность последних и многограннее и разнообразнее по своему влиянию на носителя её. Ему приходится наблюдать и радости, и горести людей почти ежедневно, быть участником в них при совершении различных обрядов – всё это не может не наложить особого оттенка на поведение человека и его характер, а, следовательно, придать ему особые, специфические черты, которые и образуют тип. Что нужно считать главным требованием от трапезника? Следить за чистотой в церкви? Но это обязанность всякого человека, который её посещает. Зимой топить печь? Но это может сделать любой человек. Умеешь звонить? Но это может делать и не трапезник. Главным требованием к трапезнику является уметь включиться в церковный распорядок, научиться выполнять простейшие, но, тем не менее, необходимые операции при совершении богослужений. Без усвоения этих действий при богослужениях трапезник уже не может быть таковым. Как в военном деле, по теории А. В. Суворова, каждый солдат должен понимать свой манёвр, так и трапезник должен научиться производить различные действия при богослужении и не просто так, как попало, а так, чтобы его действия были в полной гармонии с действиями священнослужителей и импонировали молящимся. Вот в этом отношении Павел Игнат[ьев]ич и показал тот образец, с которого должны другие брать пример. Он усвоил весь цикл обязанностей трапезника за год его деятельности и охотно делился своим опытом и с другими. У трапезников при смене их существовала хорошая традиция вводить новичка в курс его обязанностей и эту традицию особенно поддерживал и Павел Игнат[ьев]ич: он был ментором для всех трапезников-новичков. По существу с окончанием годичного срока служения трапезником он остался пожизненным трапезником-общественником *honoris causa*.²¹⁶³ Он являлся на богослужения и это означало, что он именно, как положено было бы штату, и является в этот день трапезником. А были праздники, когда без него и нельзя было обойтись, например, когда совершалась лития, водоосвящение и т. п. Павел Игнат[ьев]ич любил прислуживать при богослужениях – в этом и был весь секрет его деятельности в роли трапезника. Со временем у него выработался особый стиль поведения на богослужениях: спокойные ритмичные движения,

---

²¹⁶³ *honoris causa* – по-латински почётный.

истовое крестное знамение, благочестивый вид. И внешне он был всегда подтянут: волосы и бородка даже как будто умасловились елеем. Главное же в его деятельности в роли трапезника состояло в том, что он многое усвоил в совершении богослужений: заучил молитвы, научился петь, например, тропари. Когда в Крещение направлялось шествие «на Иордань», Павел Игнат[ьев]ич обычно нёс одну из хоругвей и пел: «Во Иордане крещаюся Тебе, Господи». Служба трапезником не прошла даром для Павла Игнат[ьев]ича и в бытовом отношении: дома он старался организовать свой быт благочестиво: на праздники перед иконами у них горела лампада. Избушка у него в Баклановой была на окраине по дороге в Кирды. По имущественному состоянию он относился к середнякам. Был он бездетным. Взяли они с женой на воспитание одного мальчика, но получилось так, что взяли только на горе себе: он оказался беспутным и только разорил их.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 222-227 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

2-го октября (ст[арого] ст[иля]) 1903 г. ранним утром из ограды теченского диакона Иконникова выехали две порожние телеги: на передней кучером был только что производный в солдаты сын его Иван, а на второй – моложе первого на четыре года тоже сын диакона – Пётр. Была глубокая осень и самая осенняя распутица. Ночью выпал снег, но на санях ехать было не надёжно, потому что он был сырой и грозил вот-вот растаять. Путешественникам предстояло сделать два конца по 10-ть вёрст, причём второй конец с грузом, т. е. при распутице нужно было рассчитывать поездку на целый день. На колёса сильно наматывало грязь, ноги у лошадей скользили, и езда была изнурительной. Особенно плохо было ехать за Баклановой: просёлочная дорога была узкой, изрезана в два и даже в некоторых местах в три ряда колёс и с выбоинами. Кругом было мертво: польские ворота везде были сняты, на полях щетиной торчало жнивье, чуть прикрытое снегом, деревья оголились, сбросив лиственный покров; маленькое болотце по пути в Кирды, летом окружённое цветами «татарского мыла», походило на лужу; стояла такая непривычная для слуха тишина, что казалось, что ухо её слышит. Парадоксально, но самочувствие было таким. Путники проехали полосу покосов, известных под названием «Соры», проехали голую поскотину и погрузились в непролазную кирдинскую грязь. С трудом добрались до пункта своего назначения и въехали в опрятный двор Петра Даниловича, церковного старосты теченской церкви. Накануне, в день Покрова, в Кирдах был часовенный праздник и протоиерей с диаконом после молебна в часовне ходили с крестом по деревне и поздно вечером возвратились домой. Дьякон ещё с вечера поручил двум своим сыновьям привезти из Кирдов зерно, которое было собрано на празднике и оставлено на хранение у Петра Даниловича.

Как указано уже выше, Пётр Данилович был теченским церковным старостой и с этой именно стороны он и является предметом или лучше сказать объектом настоящего очерка.

На нашей памяти сохранились три теченских церковных старосты: Фёдор Иванович Лебедев из Течи, Антон Лазаревич Новиков – тоже из Течи и третий, о котором будет ниже речь – Пётр Данилович Черепанов – из Кирдов. Церковные старосты избирались, причём если уже при выборе трапезника нужно было учитывать некоторые особенности избираемого, как-то то, что он не должен быть, например, табакуром, то от кандидата в старосты эти требования были ещё выше: поскольку эта должность была почётной, то и требовалось соответственно, чтобы человек этот был из тех, кто это заслужил; в заслугу же ставили его бытовое поведение, благочестие, а также ревностное отношение к церковным обычаям и обрядам.

Жизненный опыт подсказывал, что все эти качества обычно были присущи более обеспеченным людям, чем бедноте, так что церковные

старосты рекрутировались именно из зажиточных слоёв населения: из трёх указанных выше церковных старост Новиков был из купцов, а двое других – Лебедев и Черепанов – из зажиточных крестьян. У Новикова и Лебедева работа церковным старостой была облегчена тем, что они были теченскими жителями. У Петра Даниловича дело было сложнее: ему приходилось ездить в Течу по крайней мере за десять вёрст, причём осенью и весной в распутицу проехать было невозможно, особенно когда разливалась река Теча. Только условия семейной жизни давали ему выход из такого положения, а именно: семья его не пережила раздела и он находился в семье на положении руководителя хозяйством. Сам он уже в это время не работал, а всю работу выполняли его сыновья. Если бы И. С. Тургенев пришёл в дом П. Д. и посмотрел на его семью, на распорядок в ней, то он увидел бы своего Хоря в Зауралье в начале двадцатого столетия. Пётр Данилович не принадлежал к самым богатым кирдинцам, каковым был его брат Сергей Данилович, но принадлежал к крепким мужичкам. Около Кирдов были расположены татарские деревни, в которых жили аборигены этих краёв татары, «князья». Они были полными бездельниками и жили на ренту со своих больших земельных участков, пожалованных им будто бы императрицей Екатериной. Кирдинцы, предприимчивые землеробы, арендовали у них пашни, покосы, выгоны для скота на летний период, благодаря чему жили обеспеченно, богаче, чем теченцы, баклановцы и черепановцы. Так и у Петра Даниловича создалось крепкое хозяйство. Когда выбрали его церковным старостой, «ребята», т. е. его сыновья выделили ему для разъездов Гнедка, телегу или ходок на весну, лето и осень и кашеву на зиму. На этом Гнедке Пётр Данилович и приехал в Течу, причём постоянным местом его остановки, так сказать, «номера» был дом теченской просфорни – Марии Ивановны Маминой.

Пётр Данилович был ещё крепким стариком. Он был высокого роста, могучего сложения с открытым приветливым лицом. Волосы у него были подстрижены в кружок. Походка, движения у него были не торопливыми; разговор его свидетельствовал о том, что он мужик не глупый, но себе на уме. Любил пошутить, посмеяться, но никогда не позволял себе в разговоре пошлости. Вёл себя с достоинством, так что протоиерей относился к нему со всем уважением и деликатностью. Был гостеприимным и сам не прочь был зайти в гости, но в гостях держался «великотно», с соблюдением деревенского этикета: неназойливо, сдержанно и скромно. Любил угостить винцом и сам выпьет, но никогда не позволит себе напиться по-свински. Для семьи был непреложным авторитетом: без ругани, без окриков. «Тятинька сказал» - значит: свято нужно выполнять. Он именно был в Кирдах главным инициатором идеи построения в деревне церкви. Протоиерей это знал, но усиленно вёл линию на то, чтобы при его жизни не допустили отделения от прихода такого богатого куска, каким были Кирды. Протоиерей хитрил, но Пётр Данилович хорошо понимал его «резоны». В общем же они жили дружно, хорошо понимая один другого. Протоиерей ценил в Петре

Даниловиче его практическую жилку, сметку, его спокойствие, достоинство, т. е. всё то, что, по его мнению, должно входить в понятие «хороший прихожанин». Пётр Данилович, не испытывая на себе самодурных выходов протоиерея, чего протоиерей по отношению к нему избегал, ценил в протоиерее тоже его практический, хозяйственный подход к церковным делам. Внешне они походили друг на друга и когда они за чаем вели непринуждённый разговор на какую-либо житейскую тему, оба шутили, смеялись, то казалось, что перед нами два русских мужика, похожих друг на друга по хозяйственному, практическому складу ума.

В обязанности церковного старосты входило попечение о материальном обеспечении церкви. Источником для этого служили: суммы от взимания платы за пользование весами, кружечный сбор на украшение храма. На обязанности церковного старосты лежало обеспечение богослужений свечами, елеем, ладаном, вином для совершения проскомидии, просфорами. Староста должен был вести общий надзор за чистотой и порядком в церкви. Он должен был следить за состоянием различных церковных кружек. Во время литургии в момент, так называемого, запричастного староста обходил по церкви всех молящихся со сбором на разные нужды церкви. Шествие это организовывалось так: впереди шёл сам староста с подносом и мешочком с колокольчиком, а за ним шли ещё два или три человека с кружками, на которых были надписи, указывающие на назначение сумм той или иной кружки. Колокольчик в руках старосты сигнализировал, что нужно подготовить деньги для опускания в которую-нибудь кружку или на поднос. Больше всего у церковного старосты было работы и заботы, конечно, в дни больших праздников, а самыми трудными днями, так сказать, страдий были Страстная седмица и Пасха, в которые приходилось распродавать большое количество свеч. Приходилось перед этим временем или самому ехать или кого-либо командировать в Екатеринбург на свечной завод за свечами. Кстати сказать, свечной завод в это время очень усовершенствовал свою продукцию: он выпускал свечи разной окраски: красные, зелёные, украшенные к тому же золотыми линиями, спиралью расположенные по свече. Стоимость свечи была от 3-х до 15[-ти] коп. Когда было великое стояние или Пасха каждый покупал свечу с таким расчётом, чтобы её хватило и на богослужение, и чтобы часть можно было принести домой и поставить на «божницу».

В нише при входе в церковь для старосты устроено было возвышение, отгороженное невысоким барьером. Здесь стояла конторка со свечами, а над ней на стене было изображено «Моление о чаше» с горящей лампадой перед ними. Во время Страстной недели и Пасхи на столике конторки всегда лежали штабели разноцветных свеч. Когда зажигались свечи всеми молящимися, то среди этого моря света Пётр Данилович сам со свечой и перед иконой с лампадой на возвышении выделялся своей массивной фигурой в молитвенной сосредоточенности старца с седой головой и бородой, возглавляющего всю эту разношерстно одетую массу молящихся.

Нам приходилось видеть на картинах знаменитых художников портреты различных служителей культа, большею частью в карикатурном стиле, но если бы кто-либо из них захотел увековечить образ деревенского церковного старосты в его, так сказать, типическом виде, то лучше всего для этого следовало бы показать Петра Даниловича в том виде, как он описан выше в момент «великого стояния» перед иконой на Евангельские слова: «Отче, отче, да мимоидет мя Чаша сия; обаче не якоже аз хочу, а яко же хочещи ты».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 228-234 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Черты своеобразного патриархального быта русского духовенства, как известно, показаны в произведении Лескова «Соборяне». В период, близкий к 1905 г., картины быта духовенства широко представлены в рассказах Гусева-Оренбургского. В первом произведении, как можно уже догадаться из названия его «Соборяне», обрисован быт городского духовенства. Гусев-Оренбургский взял шире полотно и в своих рассказах изобразил черты провинциального в широком значении этого слова духовенства. Характерным, однако, для быта того и другого духовенства являлся патриархальный уклад жизни, когда в дореволюционной России вообще царствовала «тишь да гладь, да божья благодать».

Революция 1905 г., однако, затронула и эту область патриархальщины. Так, в декабре 1905 г. автору сего удалось побывать в качестве соглядатая (он учился тогда в Пермской духовной семинарии) на собрании духовных отцов в селе Шутихинском, где читалась и обсуждалась брошюра С. Николаевича «Волки в овечьей шкуре». Из пяти человек, присутствовавших на собрании, только один был по возрасту «заматоревшим во днех своих», а четверо в возрасте 35-40 лет, т. е. такие, в быте которых проглядывали уже новые веяния, так сказать, ростки нового, а их отцы были связаны со старым патриархальным бытом. Извечная проблема «отцов и детей». Глава семейства Мухиных был представителем «отцов», а на его семье можно проследить, какие процессы происходили уже в семьях патриархального духовенства, жившего в глухих уголках старой России.

О[тец] Александр Мухин священствовал в селе Нижне-Петропавловском, Шадринского у[езда], в шести верстах от Течи в конце прошлого века и начале текущего. В 1905 г. он был уже в ранге «отцов». Старший сын его Александр к этому времени заканчивал Томский университет – медицинский факультет. В «Нижну», как сокращённо называли у нас Нижне-Петропавловское село, он прибыл по окончании Пермской духовной семинарии в 70-тые годы.²¹⁶⁴ В эти годы семинарская масса была далеко неоднородной: значительная часть её по окончании четырёх классов не шла в богословские классы, а устраивалась в университеты. О[тец] Александр шёл прямой дорогой до конца семинарии и, как созревший плод, вступил на стезю поповства без всякого раздвоения личности, т. е. окунулся в атмосферу патриархального духовенства. Любопытно, что здесь же, в Нижней, учителем в земской школе работал тоже кончивший Пермскую дух[овную] семинарию Аркадий Захарович Рычков, не пожелавший надеть рясу, на что он имел право.²¹⁶⁵

²¹⁶⁴ Мухин Александр – окончил Пермскую духовную семинарию в 1868 г.

²¹⁶⁵ Рычков Аркадий Захарович – окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1876 г.

Ближайшим соратником о[тца] Александра по работе был диакон Анатолий Бирюков, занявший потом место второго священника в Тече. В родовой этого диакона были две личности с разными репутациями: один из казанских писателей, а другой известный в наших краях конокрад. В числе лиц знакомых ему по селу был местный торговец Иван Лазаревич Новиков, брат теченского торговца – Антона Лазаревича Новикова. В некотором отдалении от села находилась земская больница с врачом Алексеем Семёновичем Меньшиковым. Естественно, что он и его сослуживцы – фельдшер, фельдшерица-оспенница – входили той средой интеллигентов, которые окружали семейство Мухиных.

Среди сельского духовенства окрестных сёл о[тец] Александр пользовался почётом и одно время был окружным благочинным. В его благочинническом округе самой главной величиной и тоже из «отцов» был Теченский иерей впоследствии протоиерей – Владимир Бирюков. Оба они и лично, и по семейному укладу были похожи друг на друга, но с некоторыми персональными отличиями, о чём речь будет ниже.

Любители составлять характеристики с претензией на обобщение иногда задавались указывать некоторые общие черты провинциального духовенства в дореволюционное время. Так, например, с некоторой иронией указывали на плодовитость его, на ту человеческую черту русской женщины, которая получила оценку только в советское время, когда установлен был орден Матери-героини. А под этой чертой духовенства иногда злорадствовали даже выходцы из духовного же сословия. Так, известный пермский врач и общественный деятель П. Н. Серебренников, сам выходец из этого сословия и оказавшийся в этом отношении «бесплодной смоковницей», в своих лекциях пермским семинаристам нет-нет, да позволял себе острые замечания по поводу этой черты духовенства. О[тец] Александр Мухин тоже, конечно, [был] многодетным, но, если можно так выразиться, был «средняком»: у него было четыре дочери и два сына, в то время как у теченского Бирюкова было три дочери и семь сыновей да один умер, а всего ему его матушка подарила одиннадцать деток. Был он и человеком хозяйственным; вёл посева на своём штате, конечно, пользуясь наёмной силой. Был, конечно, хлебосол, особенно когда у него проходили благочиннические сборы.

Патриархальный строй всегда является питательной средой для проявления личных, субъективных черт характера человека. Отсутствие контроля со стороны общества, критического ока порождают «свободу» личности: твори, что тебе угодно. Такие сугубо личные черты характера были и у о[тца] Александра Мухина. Недаром говорится: «каков поп, таков и приход». В числе персонажей помещиков, выведенных Н. В. Гоголем, есть один образ помещика, любителя собирать сведения в вопросно-ответной форме. Идёт, например, кто-либо из крепостных по дворцу, он подзывает к себе и спрашивает: «куда идёшь», «что несёшь», а получив ответ, заключает: «ну, иди, иди!!!» За о[тцом] Александром водился этот же «грешок»: сядет он

у окошечка своего церковного дома с фасадом на главную улицу и подзывает к себе проходящих для сбора новостей. Как его обвинить в этом: радио не было, а новости хочется узнать.

Был ещё о[тец] Александр заядлым рыболовом. Вряд ли какой-либо рыболов знал так хорошо рыбные места Течи, чем он. Любимым же местом ловли рыбы было у него Поганое место в трёх верстах от Течи в направлении к Бродокалмаку. Выходило, что оно было примерно в 9 верстах от Нижны. Вот уж действительно «охота пуще неволи». Как всякий заядлый рыболов, или и охотник, о[тец] Александр не чужд был при случае похвалиться своей удачей. Так, рассказывали, что однажды, приезжая мимо бирюковского дома в Тече, завидев хозяина дома, размахивал в руке огромной щукой, смотри, дескать, какое ему улыбнулось счастье. Злые языки потом говорили, что рыбу эту он купил у другого рыбака, а бахвалился своей удачей.

Семинаристы теченские поймали о[тца] Александра за одной ещё индивидуальной чертой. Каждый год в сельский престольный праздник – день Петра и Павла (29-го июня), он произносил одну и ту же проповедь, причём в одном и том же месте её пускал слезу умиления, что не мешало ему немного позднее при приёме ко кресту грубо замечать своей пастве: «крестись, татары». О[тец] Александр ещё похвалялся искусством, грубо выражаясь, упаковывать людей в узком пространстве. Так, однажды нужно было отправить в обычном летнем экипаже – коробке четырёх детей: двух мальчиков и двух девочек. Всем заинтересованным в этом деле людям – родителям этих детей, казалось такая задача не разрешимой, но он с некоторой похвалой, что может её разрешить, взялся за это и разрешил. Автору сего пришлось быть объектом, на котором решалась эта задача, но он уже не помнит, как «это» было, но хорошо помнит то, что в число четырёх входили Коля Бирюков, Соня Мухина, причём Коля питал «слабость» к Соне и, очевидно, больше всех испытал удовольствие от того, что все четверо были зажаты в коробке, как сельди в бочке.

Таков портрет о[тца] Александра Мухина, священника с[ела] Нижне-Петропавловского, Шадринского у[езда], Пермской губернии.

Благоверная супруга его, или как её у нас называли – мать-благочинница, представляла из себя уникальное явление среди жён духовных отцов не только провинциального сельского духовенства, но и городского: она курила. Да, про неё так и говорили: «наша матушка-благочинница курит». У всякого, кто слышал об этом впервые, вероятно, на лице появлялось такое выражение, как у того, кто впервые увидел кухарку, которая брилась (Пушкин А. С. «Домик в Коломне»). Да, она курила и на общих основаниях – открыто, а не тайком. На её туалетном столе среди предметов косметики и прочего стояли гильзы «Катык» и кушнерёвский табак. Шла молва, что и две её старшие дочери тоже время от времени «коптили» свои горлышки этим «кушнерёвским». Как расценить это явление? Не есть ли оно, своеобразная форма эмансипации женщины в условиях патриархальной дореволюционной Руси? Как ни смелым является

такой вывод, но как от него отмахнуться? Во всём же прочем матушка-благочинница была обычной хлебосольной хозяйкой – деревенской попадѣй.

Старший сын о[тца] Александра, [Александр,] как выше уже упомянуто, выучился на врача, работал земским врачом в Камышлове, а по совместительству, в духовном училище. В наших «палестинах» он был первенцем, вырвавшимся за черту духовного сословия.

Несколько позднее через эту же черту перешагнули два сына теченского протоиерея: Михаил, кончивший Ярославский Демидовский лицей, и Павел, кончивший Казанский университет по юридическому факультету. Оба они работали мировыми судьями, но Павел после Октябрьской революции подался в попы. Как по этому случаю не вспомнить библейское выражение: «И возвратился пёс на свою блевотину». Ещё, позднее два сына теченского диакона А. И. Игнатьева – Василий и Николай кончили Казанскую духовную академию и тоже вышли за черту духовного сословия, посвятив себя педагогической деятельности. Явление это было симптоматическим показателем распада быта патриархального духовенства.

Две старшие дочери о[тца] Александра – Любовь²¹⁶⁶ и Надежда²¹⁶⁷ по окончании Екатеринбургского епархиального женского училища работали помощницами учительницы в Тече, а потом Надежда работала провизором в Камышлове, т. е. пошла по линии за чертой, далёкой от быта духовного сословия.

О судьбе прочих членом семьи о[тца] Александра у автора сего очерка сведений нет.

Из Нижне-Петропавловского села о[тец] Александр переехал в село Никольское, причём когда младший сын его Николай учился в Камышловском духовном училище, он состоял членом правления этого училища.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 69-99.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

---

²¹⁶⁶ Мухина Любовь Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1907 г.

²¹⁶⁷ Мухина Надежда Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1898 г.

Последние теченские клирики и конец «поповки»

[1961 г.]

... После отделения деревни Кирдов от Теченского прихода, в Тече остался один священник. Некоторое время после смерти о[тца] Анатолия Бирюкова священником был сын его – Вениамин. Затем был сын протоиерея Николай. Таким образом, на местах двух отцов Бирюковых в Тече священствовали их сыновья, но это было уже накануне развязки.

Последним священником в Тече был о[тец] Алексей Отев. Откуда он явился в Течу – не известно. От всех предыдущих священников он отличался тем, что занимался лечением прихожан. Это было уже при советской власти. У него было два сына и дочь. Жизнь его сложилась плачевно. Началось с того, что его матушка в состоянии некоего психоза пожгла много ценных вещей и одежды. Затем она уехала к родственникам в Нижний Тагил и там повесилась. Сам о[тец] Алексей, пережив драму в семье, умер в Нижне-Петропавловской больнице. Старший сын его покончил жизнь самоубийством, а судьба младшего сына и девочки осталась не известной. Так закончила своё существование теченская «поповка».

Теперь, когда прошло уже много лет, прошлое предстаёт в другой несколько окраске, чем воспринималось тогда. Многое, что раньше казалось малозначимым, не заслуживающим внимания, теперь именно предстало как непозволительная оплошность, грубая ошибка, которая повлекла за собой тяжёлые последствия. Первородным грехом «поповки» явилось отсутствие скромности, а вследствие этого неправильное отношение к окружающей среде. Невнимание, а иногда и грубое игнорирование достоинства окружающих людей повело к потере уважения к представителям духовенства. Яркий этому пример: на глазах у всех произошла, можно сказать, настоящая драка между лицом священного сана и обыкновенным крестьянином, причём первый был пьяным и спровоцировал инцидент, а потом сам же апеллировал к своему сану в словах: «а, ты нападаешь на священный сан – я тебя в каталажку посажу». Теперь это кажется несбыточным, а, ведь, это было. Многое было позволено на глазах у «малых сих», чего нельзя было позволить. А «они» наблюдали и «мотали на ус». Потеря же достоинства вытекала из того, что ослаблено было внимание к внутренней, интимной стороне жизни духовенства: считалось, что обрядность, внешнее благочестие – это всё, что нужно для духовного лица. Только эта сторона жизни и быта видна была и высшим органам церковной власти. Крайняя условность обеспечения в виде натуральной оплаты, так называемых сборов, ставила духовенство в двусмысленное положение по отношению к «пастве», с одной стороны, и будило стяжательский инстинкт с другой стороны. Среди духовенства в большом ходу были распространены характеристики приходов и деление их на богатые и бедные приходы. Мотивами «богатства» или «бедности» приходов иногда открыто обосновывались просьбы о переводе на другое место. Увлечение

материальной стороной своего быта было вторым первородным грехом духовенства. Здесь речь идёт не [о] пренебрежении к материальной стороне была, а об излишествах, притом часто бьющим в глаза на столько, что за ними из духовного облика «пастыря» ничего не оставалось. Скромнее, сдержаннее следовало бы вести себя на глазах у всех и детям духовенства. К сожалению, это не всегда соблюдалось, а «те» наблюдали и наблюдали. Правда, в заслугу последним надо поставить то, что они кое-что делали по поднятию культуры на селе: устраивали спектакли, концерты.

Духовенство тоже нельзя рассматривать как некую однородную порочную массу. Среди него были лица, пользовавшиеся уважением своей «паствы», но тем печальнее было то, что были отступления от нормы, в пределе которой должен был бы сохраняться престиж сословия.²¹⁶⁸

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 571-576.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

---

²¹⁶⁸ И. С. Богословского очень поразили очерки В. А. Игнатъева о теченском духовенстве. Из письма В. А. Игнатъева И. С. Богословскому от 19 марта 1961 г.: «Дорогой Иван Степанович! Название теченского духовенства не «поповна», а поповка. Это название ему дали сами члены духовенства.... В «поповке», к сожалению, было много нехорошего. Теперь приходится за это краснеть. Был ли кто прямым участником этого или наблюдателем, но отвечать должны все» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 66-66 об.

«Поповны», поповские дочери – так иногда с иронией отзывались о них люди, для которых вообще духовное сословие было предметом насмешек и пародий. Не избежал этого, как известно, и А. С. Пушкин в своей сказке «О попе и работнике его Балде». А у Н. А. Некрасова в его поэме «Кому привольно, весело живётся на Руси» поп тоже фигурирует в числе этих «счастливицев». Всех острее направил стрелы на них, представителей российского духовенства, Демьян Бедный, назвав их «антихристами долгогривыми». Это о всём сословии, из которого вышли Чернышевский, Добролюбов, Павлов, Попов, изобретатель радио и сколько врачей, учителей и прочих деятелей на «ниве народной».

А они, эти «поповны» прошли мёртвыми тенями по земле? Поповны... Нет, нет и нет!! Не нашёлся ещё историк о них, многих труженицах, а жаль: он мог бы написать целую эпопею об их разнообразной деятельности преимущественно на учительской работе в тяжелейших условиях царской России. За отсутствием других материалов на поставленную мною тему мне приходилось ограничиваться тем, что я знаю о тех из них, с которыми встречался в жизни, или знал из достоверных источников.

Вот теченские епархиалки.

Сильвановы – Александра, Мария и Лидия.

1) Александра, по мужу Боркова, овдовев, работала сельской учительницей около Песчанки, Шадринского уезда. Позднее – дочь её Людмила тоже кончила Екатеринбургское епархиальное училище.

2) Лидия, по мужу Стефановская, овдовев, работала счётоводом в Шадринском окроно.

Бирюковы – Мария, Софья и Евгения.

[3)] Мария, по мужу Игнатьева, работала преподавателем пения в Сугоякской школе, Шадринского у[езда]. Овдовев, заведовала детской библиотекой в Каменском заводе, руководила детским хором и устраивала концерты. См. очерк о ней: «Мария Владимировна».²¹⁶⁹

[4)] Софья, по мужу Смирнова, овдовев, работала учительницей и награждена орденом Ленина.

[5)] Евгения, по мужу Измайлова, овдовев, работала учительницей в с[еле] Лобановском, Шадр[инского] у[езда].

[6)] Покровская Мария, дочь Теченского псаломщика А. Д. Покровского. О жизни её нет сведений.

[7)] Бирюкова Серафима²¹⁷⁰, дочь второго Теченского священника Анатолия Бирюкова, до выхода замуж работала учительницей в д[еревне] Феклино около Песчанки.

²¹⁶⁹ См. в Части I. «Семейная хроника Игнатьевых».

²¹⁷⁰ Бирюкова Серафима Анатольевна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1893 г.

[8-9)] Игнатъевы – Александра и Юлия²¹⁷¹, дочери диакона А. И. Игнатъева, работали учительницами в различных деревнях и сёлах Шадринского у[езда]. Первая проработала, прожив одинокой, пятьдесят лет, закончила трудовую деятельность в Верхней Пышме, около Свердловска. Вторая умерла в возрасте 40 лет в селе Беликульском, Бродокалмакского района, Челябинской области.

[10-13)] Нижне-Петропавловские дочери священника А. Мухина: Любовь, Надежда, Софья²¹⁷² и Анфиса.²¹⁷³ Любовь и Надежда, по окончании еп[архиального] училища по году работали пом[ощницами] учительницы в Тече, а позднее – Надежда работала провизором в г. Камышлове, где брат её Александр работал врачом.

[14)] Первой помощницей учительницы в Тече была Елена Степановна Шерстобитова, тоже епархиалка.²¹⁷⁴

Верх-Теченские епархиалки.

[15-16)] Чадаевы – Александра²¹⁷⁵ и Мария.²¹⁷⁶ Александра Константиновна всю жизнь работала учительницей в Верх-Тече, а Мария до выхода замуж.

[17)] В этом же селе одно время работала Боголепова Ларисса Николаевна.²¹⁷⁷ В последствии закончила курс в Московском археологическом институте и сделалась научным работником, помощником своего мужа, известного уральского краеведа Вл[адимира] Павловича Бирюкова.

[18)] Богомолова Кассиния (Кася)²¹⁷⁸, дочь монастырского священника Ивана Богомолова. Начинала учиться на курсах Лохвицкой-Скалон, но не закончила.

[19-20)] Две дочери священника Пономарёва...

[21)] Валентина Ладыжникова²¹⁷⁹, дочь священника Петра Ладыжникова, закончила Высшие женские курсы в Петербурге Лохвицкой-

---

²¹⁷¹ Игнатъева Юлия Алексеевна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1909 г.

²¹⁷² Мухина София Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1899 г.

²¹⁷³ Мухина Анфиса Александровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1899 г.

²¹⁷⁴ Шерстобитова Елена Степановна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1896 г.

²¹⁷⁵ Чадаева Александра Константиновна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1897 г.

²¹⁷⁶ Чадаева Мария Константиновна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1902 г.

²¹⁷⁷ Боголепова Ларисса Николаевна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1905 г.

²¹⁷⁸ Богомолова Кассиния – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1910 г.

²¹⁷⁹ Ладыжникова Валентина Петровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1910 г.

Скалон и сдала экзамен в университете, получив диплом учителя. Вышла замуж за преподавателя графики Ястребова и работала в школах г. Свердловска.

[22-23)] Валентина²¹⁸⁰ и Нина²¹⁸¹ Хлопины, дочери священника села Беликульского Шадринского у[езда] Константина Хлопина.

[24)] Золотавина Мария²¹⁸², дочь священника Михаила Золотавина в Бродкалмаке Шадринского у[езда].

Далматовские епархиалки.

[25-26)] Флавиановы Александра²¹⁸³ и Мария²¹⁸⁴. Александра, по мужу Кокосова, овдовев, работала учительницей в Далматове.

[27)] Мавровская, дочь далматовского священника.

[28)] Диомидовская Валентина²¹⁸⁵, дочь екатеринбургского священника при Нуровском приюте, закончила Высшие мед[ицинские] курсы и работала врачом.

[29)] Сусанна, дочь сельского священника, была певицей Большого театра в Москве.

[30)] Медведева Антонина, дочь сельского священника.²¹⁸⁶

[31)] Белоусова Мария, дочь священника из Канашей, Шадринского у[езда].²¹⁸⁷

[32)] Накарякова Валентина²¹⁸⁸ закончила Высшие женские курсы в Казани, работала в Свердловском облоно и в Камышловском железнодорожном детском доме.

[33)] Пятницкие Софья и Надежда.²¹⁸⁹ Софья до выхода замуж работала учительницей церковно-приходской школы на Верх-Исетском заводе.

[34)] Ляпустина Мария, овдовев, работала учительницей в советской школе первой ступени.

---

²¹⁸⁰ Хлопина Валентина Константиновна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1907 г.

²¹⁸¹ Хлопина Нина Константиновна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1916 г.

²¹⁸² Золотавина Мария Михайловна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1914 г.

²¹⁸³ Флавианова Александра Николаевна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 2-му разряду в 1894 г.

²¹⁸⁴ Флавианова Надежда Николаевна.

²¹⁸⁵ Диомидовская Валентина – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1895 г.

²¹⁸⁶ Медведева Антонина – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1909 г.

²¹⁸⁷ Белоусова Мария – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1905 г.

²¹⁸⁸ Накарякова Валентина Филипповна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище в 1904 г.

²¹⁸⁹ Пятницкая Надежда Петровна – окончила Екатеринбургское епархиальное женское училище по 1-му разряду в 1897 г.

[35)] Бирюкова Клавдия, дочь Мугайского псаломщика Всеволода Владимировича Бирюкова.

[36)] Золотавина [Мария] работала в Свердловском губоно.

[37)] ... Анна Михайловна, дочь Ирбитского диакона, до выхода замуж за И. Ст. Богословского работала учительницей в деревне около Камышлова.

[38)] Калашникова (по мужу) Мария Ивановна работала библиотекарем при станции «Богданович».

Это только незначительная часть выпускниц Екатеринбургского епархиального училища, причём о деятельности некоторых из них сведений нет. Многие из них составляли тот костяк, который был строителем советской школы в самые трудные годы её существования. Среди них были настоящие подвижницы «нивы народной», а, что греха таить, сколько некоторым из них [пришлось] перенести унижений от «властей предержащих» в самые тяжёлые годы становления сов[етской] власти в медвежьих уголках Зауралья. А. А. Игнатьева рассказывала, что однажды в Тече чествовали одного погибшего героя гражданской войны. Руководитель собрания Лебедев Павел Васильевич, челябинский железнодорожник, скомандовал учительницам: «Становитесь на колени!» Как согласовать это с ленинским тезисом об учителе, которого нужно поставить на такую высоту, [на] какой он не стоял раньше...

Нет, они не прошли по земле тенью, и не зря в Екатеринбурге когда-то было епархиальное женское училище.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 1-14 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[Сельские мужички]

Наиболее распространённые фамилии в Тече

[1961 г.]

1. Кокшаровы, 2. Лебедевы, 3. Макаровы, 4. Южаковы, 5. Клюхины, 6. Пеутины, 7. Севастьяновы, 8. Уфимцевы, 9. Сухановы, 10. Трапезниковы, 11. Мироновы, 12. Казанцевы, 13. Кунгурцевы, 14. Постниковы, 15. Карповы, 16. Манатины, 17. Синицыны.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 333.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Кокшаровы

[1961 г.]

Эта фамилия в Тече была на славе и принадлежала только одному их семейству. Когда кто-либо называл эту фамилию, то всем было ясно, что речь идёт о семье знаменитых земских ямщиков, в течение продолжительного времени гонявших «ямшину» между Течей и Бродокалмаком. Славу эту семейству создал глава семьи – Иван Петрович. Среди русских людей искони находились любители лошадей. Про таких людей говорили: «он сам не доест куска, а коня накормит». Речь, как видно, здесь идёт о таком увлечении конём, которое переходило в культ его. Да, конечно, такие люди были, но Иван Петрович, о котором идёт речь, не был из числа их: он любил коня, но не как забаву, а как рабочую силу, которую нужно ценить, беречь, по-хозяйски за ней ухаживать. И конь за это хозяину служил верой и правдой. Никто так хорошо не знал, как нужно выбирать коня, как Иван Петрович, а выбирать ему нужно было коня для специальной цели для «ямшины». Должен в таком случае конь иметь какие-либо особые качества, отличные от обычного крестьянского коня-пахаря? Люди, не искушённые в опыте «гонять ямшину», как раз срывались на том, что они думали, что для этого можно взять любого коня и вовсе не требуется делать какой-то выбор. Иван Петрович, наоборот, знал по опыту, что не всякий конь годится для «ямшины», что нужно уметь подбирать его для этого, и он умел это делать. Когда он выбирал коня, то не ограничивался только проверкой зубов: он тщательно проверял «стан» коня, прощупывал «бабку», запускал руку под гриву, смотрел на коня со всех сторон, следил за его «ходом», сложением в груди. Для него было ясно, что только тот конь годен для «ямшины», который вынослив в беге на дальнее расстояние. Он знал, каким темпераментом должен обладать этот конь: например, если он очень горячий, то не годен. Иван Петрович знал, какой конь должен быть, чтобы идти «в корню», а какой «в пристёжке». Он знал, какой конь вынослив в жару, а какой быстро «загорает» и т. д. А главное – он любил коня. Никто бы другой

кроме него не смог всей душой понять и оценить описание «Коняги» [М. Е.] Салтыкова-Щедрина, или «Холстомера» Л. Н. Толстого. Никто бы другой, кроме него, вероятно, не смог оценить и прочувствовать описание Н. В. Гоголем тройки, вихря – Тройка, не в символическом его значении, а в прямом, так сказать, натуральном понимании. Иван Петрович, одним словом, был человеком, которому сама природа определила быть ямщиком, дали ему этот талант и он не зарыл его в землю. В описываемое, однако, время сам И. П. уже не садился на «козлы», чтобы править лихой тройкой, а только руководил и передавал свой опыт другим.

У Ивана Петровича было три сына: Михаил, Константин и Павел. При жизни отца они жили одной семьёй. Дом у них был расположен на самом высоком берегу реки у обрыва, неподалёку от моста. Огород находился под горой у реки. Кокшаровы вели наряду с «ямшиной» сельское хозяйство, поэтому у них были кони «ямщицкие» и крестьянские. Как передавали, договор с земством они заключали на следующих условиях: земство выплачивает в год 900 рублей деньгами и сколько-то натурой – овсом. В счёт этой суммы Кокшаровы обязывались перевозить почту два раза в неделю и обслуживать перевозки должностных лиц – инспекторов народных училищ, следователей и пр. по нарядам на пару или тройку лошадей. Для этой цели Кокшаровы имели до десяти лошадей, причём Иван Петрович укомплектовывал их тройками: тройки гнедых, карих, или вороных. Про Кокшаровых говорили, что из всех земских ямщиков по уезду только они были способны полностью своими силами обеспечить по их району самый пышный проезд губернатора, не одоляясь у кого-либо дополнительно лошадьми. Это значило, что они могли выставить в раз три тройки лошадей, готовых к выезду. У них также было достаточное количество различных экипажей: летних и зимних, открытых и закрытых.

Дом у них стоял в стороне от тракта, в проулке с тупиком, и когда сворачиваешь с тракта в этот проулок, то сразу замечаешь под крышей и без неё повозки, коробки, а зимой повозки и кашевы. Во дворе между конюшнями был сарайчик, под которым стояли дуги с колокольцами и без колокольцев, на стенках висели шлеи, сёдла, шаркунцы и т. д. Отдельно висела парадная сбруя с медными бляхами. От этого именно сарайчика однажды отправилась кавалькада озорников с колокольцами и ширкунцами по селу с криком «везут губернатора», а население повыскакивало из домов с руганью за беспокойство, а женщины плевались и говорили: «будь они прокляты, окаянные».

Во дворе и под сараем всегда можно было видеть Ивана Петровича, с бородой патриарха, с волосами, подстриженными в кружок и перевязанными верёвочкой. Вечно он что-то делал: то около экипажей, то около сбруи. «Ямщицких» лошадей иногда водили купать к мостику, и это было развлечением для мальчишек. Был у Ивана Петровича свой доморощенный любимец Пеганко, о резвости которого складывали, что однажды Теченский земский начальник Габриельс, бывший когда-то кавалеристом, выразил

желание проехаться на нём верхом. Его очень уговаривали, что конь этот резвый и может его сбросить, но он по самонадеянности всё-таки решил попытаться проехаться на Пеганке верхом и чуть было не поплатился за это жизнью. Конь был на самом деле очень резвый. Приходилось наблюдать за ним после купанья, когда он рвался домой, а его с трудом удерживали, а если кто садился на него, то он одним рывком сбрасывал седока с себя.

Когда сыновья И. П. один за другим обзаводились семьями, то они уходили в раздел. Сам себе И. П. взамен старой избы поставил кирпичный дом. Любопытной деталью в этом случае явилось то, что площадь около дома не позволяла широко раскинуть новые постройки, так как с одной стороны был обрыв, с другой – дорога, а по бокам были усадьбы соседей, а далеко от родительского дома сыновья не хотели уходить, то дома они выстроили на задах двора и во дворе, так что усадьба была густо застроена, а огороды сыновей были вынесены за реку. Получилось так, что раздела как бы не было и осталась единая семья Кокшаровых. Произошла вместе с этим и дифференциация по работе: старший Михаил занялся только сельским хозяйством – стал чистым землеробом; младший Павел, который был грамотнее других, сделался почтарём, а средний – Константин помогал отцу заниматься «ямшиной» и занимался сельским хозяйством. В этих условиях Ивану Петровичу приходилось нанимать работника-ямщика.

В русских песнях ямщик изображается романтически. И. П. не мог стать на такую точку зрения. Если нужен тщательный отбор коня для «ямшины», то ещё нужнее отбор ямщика. Это лучше, чем кто-либо другой, понимал И. П. И опять возникает вопрос: всякий ли человек может быть допущен в ямщики? Во многих случаях делали некоторые хозяева коней ошибки именно в том, что они поручали это дело неосмотрительно людям, которые только губили коня. И. П. на эту работу брал молодых ребят, относительно которых он был уверен, что они любят это дело, и тщательно и упорно воспитывал их. Он был не против романтики в этом деле. Он знал, что среди ямщиков есть артисты своего дела, что у ямщиков есть свои стили работы. Взять, например, бродокалмакского ямщика Малькова. Он умел так приободрить лошадей уханьем, что они рвались вперёд, и он был художник этого дела. И. П. сам в молодости был «лихим» ямщиком, но он знал меру своей лихости, чтобы она была не в ущерб коню. Если И. П. замечал, что взятый им в науку не подходит для дела, он не будет его держать. За то прошедший под его руководством кандидат в ямщики и усвоивший его науку, был настоящим ямщиком.

Со смертью И. П. дело его захирело, но слава о старом ямщике сохранилась на селе и была у теченцев предметов их гордости.

Жизнь сыновей его и их семейств сложилась разнообразно. Старший Михаил Иванович, кстати сказать, человек работящий, деликатный и честный был, кем-то убит в поле. После него хозяйство вёл сын его – Димитрий Михайлович, унаследовавший положительные черты своего отца. Он прославился между прочим как гармонист.

Павел Иванович до старости работал почтарём. Всем своим детям дал образование в сельской школе.

У Константина Ивановича после Октябрьской революции оставался сын Иван. Он вступил в товарищество по общественной обработке земли, а потом уехал куда-то работать на производство.

Теперь от прежней Кокшаровки ничего не осталось.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 107-113 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

«Расторгуевы» (фам[илия] Кокшаровы)

[1961 г.]

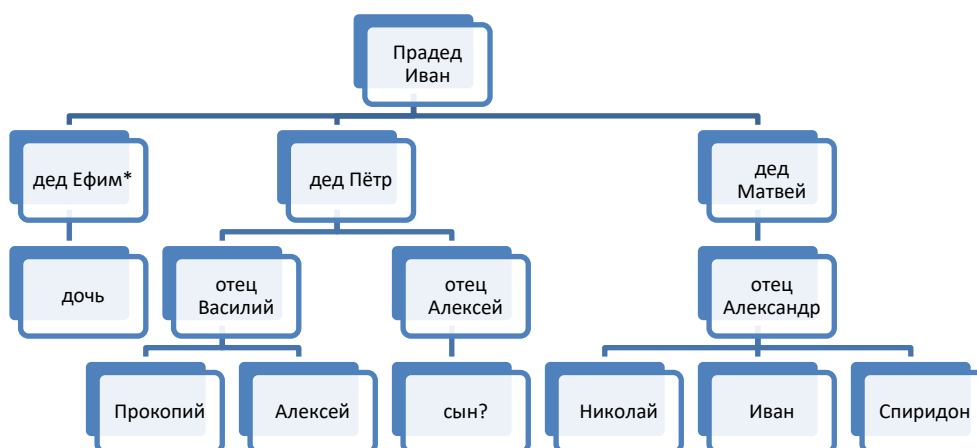
Это было у них прозвище, а фамилия была иначе, к сожалению, я её не помню. Семья была замечательна тем, что в ней дальше, чем у других, сохранялись черты родового быта. При жизни деда – Петра Ивановича, полностью одной семьёй жили – его сын Василий Петрович со старухой – Даниловной и семьи двух его сыновей – Прокопия и Алексея, причём у каждого из них было по-трое, четверо детей. Не вышла ещё замуж сестра Прокопия и Алексея – Мария.

Дом был пятистенный с двускатной крышей и состоял из кухни и горницы. Для десяти-двенадцати человек было, конечно, тесно. Было у них шесть-семь рабочих лошадей, три-четыре коровы, штук шесть-семь телят, которых Даниловна летом ежедневно прогоняла мимо нашего дома на гумно: утром – туда, вечером обратно. Засевали они ежегодно шестнадцать-семнадцать десятин, преимущественно пшеницы. Жили они дружно.

Благодаря тому, что они были нашими соседями, мы имели возможность наблюдать некоторые особенности быта этой семьи. Любили они «погулять», т. е. по праздникам выпить, ходить с песнями к знакомым и просто по селу. Такие праздники, как «Девятая», «Введение», которые были престольными, они «гуляли» по три дня. Часто приходилось наблюдать, как они на второй, или даже третий день в обнимку – одной шеренгой с песнями шествовали по селу: родители – Василий Петрович, Даниловна – и дети их Прокопий и Алексей с жёнами. Вся родня у них была теченская, и, поэтому, на праздниках к ним из других деревень никто не приезжал.

В 1914 г. они погорели: сгорели все строения до тла. Незадолго перед этим «выделился» Алексей, и родовая ячейка разрушилась. После Октябрьской революции Прокопий уехал с семьёй в Уфалей и там умер.

Вот их родословное дерево.

*Ефим – это и есть Диоген Теченский.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 317-319.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Расторгуевы» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

Митя Кокшаров

[1961 г.]

Вышедшая у нас из моды песня «Одинокая гармонь» в полной мере по своему содержанию относилась и к Тече: рисовала и теченский быт. Летом, когда село погружалось в сон, тишину нарушали только редкий звон маленького колокола – сигнал, что «страж ночи», да дробное постукивание колотушки – сигнал, что «страж ночи» бдит о земле, расхаживая по отведённому ему участку. И вот к этим звукам вдруг присоединится где-то далеко, далеко – на Горушках, или на Зелёной улице гармонь. В песне говорится, что она «девушкам спать не даёт» - это, конечно, правда, но не вся. Гармонь создана не только для девичьих сердец, а для всякого русского сердца – и молодого, и старого, и мужского, и женского. Эта «одинокая гармонь у старого будит картины прошлого, картины молодости, которые у всех – и у мужчин, и у женщин в той или иной степени бывают радужными. Нет, «одинокая гармонь», как и песня о ней, звучала не только для одних девичьих сердец!

В те времена гармониста у нас не провожали в институт: не те были времена! Но тема о гармонисте была не менее широкой, чем сейчас – во всяком случае шире, чем он показан в песне «Одинокая гармонь». Гармонист всегда был там, где была молодёжь. Вот наш сельский молодяжник в праздники шеренгой идёт по главной улице, а в центре обязательно шествует гармонист и играет «Уличную»:

«Мать Расея, мать Расея,

Мать расейская земля».

Идут они мимо, в ногу. Вдруг раздаётся одинокий резкий свисток. Это значит, что какой-то парень проходит мимо дома, где живёт его «милка». «На, знай – я иду!!!» Ох, милки, милки!! И эти парни! Не в их власти было их любить. Только как призрак, она появлялась на короткий миг, а дальше другие люди решали их судьбу.

Вот весенние игры на «лугу». В центре опять гармонист. Хмельное это было время для сельской молодёжи: весна, распускающийся лес, цветы на лугу, и они – весёлые, счастливые. Как же тут быть без гармониста! Вся обстановка является музыкой. Это прекрасно отражено у Н. А. Римского-Корсакова в песне о Леле:

«Лель мой, лёли-лёли Лель!»

И вот мы, наконец, подошли к теме «О Мите Кокшарове». Читатель, вероятно, уже догадался, что о гармонистах зашла речь именно потому, что Митя был гармонистом. Да, он был гармонистом и, можно сказать, кадровым гармонистом. Он играл на гармонии на вечерах у «господ»; под его игру проходили танцы, а так как танцы появлялись всё новые: «полька-бабочка», «русско-славянский», «па-д`эспань», «па-де-карт» и т. д., то и ему, с помощью самих же танцующих приходилось совершенствовать своё мастерство. К чести Мити нужно сказать, он был в этом отношении очень восприимчивым учеником. Гармонь была послушным инструментом в его руках, и играл он так, что, как говорится, «захватывало дух». Он подчинял всех своей музыке, всё оживало, и ноги сами начинали выводить «па». Кто слышал игру на гармонии «Выйду-ль я на реченьку» в картине «Бабы рязанские», тот может представить, как начинал «кадриль» Митя Кокшаров.²¹⁹⁰

Митя был внуком знаменитого в наших краях земского ямщика – Ивана Петровича Кокшарова. Отец его – Михаил Иванович – был старшим сыном Ивана Петровича. Он был землеробом, к чему с детства приучил и сына своего, Митю. Митя с успехом кончил сельскую школу. У него был небольшой физический недостаток: бельмо на одном глазу. Он отличался изысканной деликатностью, вежливостью и тактом. За это, вероятно, его всегда, даже в его пожилом возрасте, называли любовно Митей.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 330-332.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

---

²¹⁹⁰ «Бабы рязанские» - советский фильм 1927 года о жизни русской деревни перед революцией и первых лет после неё.

Он был доморощенным ветеринаром и единственным в своём роде. Ветеринарное дело в Тече не было организовано до советской власти. Были «коновалы», которые выполняли только одну ветеринарную функцию: кастрировали жеребцов. Они имели какие-то наружные знаки отличия: бляху с изображением коня.

Александр Матвеевич занимался врачеванием. В номенклатуре болезней, которые он лечил, было всего два-три названия: ящур и «молосник». Бывало у лошадей, что их «схватывали мышки». Это бывало в жаркие дни, особенно у горячих «киргизов». Они начинали задыхаться от давления крови. Тогда прокалывали у них в носу вену и пускали кровь. Бывало, что лошади объедались какого-либо зерна: ржи или пшеницы. Их ставили в воду, чтобы охладить живот и не дать в нём зерну быстро увеличиваться и душить животное. В таких случаях Александр Матвеевич выступал консультантом. Для лечения Александр Матвеевич давал растворы каких-то трав, смазывал полость рта животных дёгтем. Не забыть такого случая в практике Александра Матвеевича, чему я был свидетелем. Случай этот только много позднее (дело было в моём детстве) я мог осмыслить и оценить. У нашего воронка по всем признакам был сап: у него из носа стекала какая-то вонючая гнойная жидкость. Лошадь скоро погибла. Александр Матвеевич исследовал у него полость рта, что-то протирал голый рукой, смазывал дёгтем. Как только его «Бог хранил», как принято было у нас, в Тече, в таких случаях говорить.

Александр Матвеевич не был лишён инициативы и изобретательности. Так, он организовал вблизи своего поля кирпичное производство, найдя, как он думал, подходящую глину, но кирпич он вырабатывал низкого качества, и предприятие скоро пришлось оставить.

Продолжателем его хозяйской землеробческой деятельности был только старший сын Николай. Второй сын – Иван погиб в первую империалистическую войну, а младший – Спиридон «ушёл в дом» соседа Михаила Ивановича, по прозвищу «косорылов» (у него была вывихнута челюсть), женившись на его дочери. Получилось это так потому, что хозяйство, бывшее когда-то крепким, стало хиреть, и Спиридон остался просто «не у дел», оказался лишним.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 320-321 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

С этой фамилией было несколько семей – однофамильцев, но с различными родословными и различными жизненными укладами.

I. Лебедевы-землеробы.

И. С. Тургенев в рассказе «Хорь и Калиныч» прекрасно изобразил хозяйственного Хоря и его хозяйство. Хорь, конечно, жил в других условиях, чем Лебедевы-землеробы. Он жил на «отрубе» при крепостной правде, а эти о крепостной правде ничего и «слыхом не слышали», а жили в условиях всё более развивающегося капитализма в России. Но роднит их с Хорем хозяйственная жилка, которую так ярко изобразил в своём рассказе И. С. Тургенев.

В Тече на славе были три брата Лебедевых-землеробов, которых называли крепкими мужиками: Фёдор Иванович, Иван Иванович и Андрей (или Алексей) Иванович. Фёдор Иванович жил не на главной улице, а на параллельной к ней второй улице. У него был пятистенный дом с шатровой четырёхскатной тёсовой крышей. В доме были просторные сени с чуланом, просторные кухня и горница. Во дворе на переднем плане были крепкие, крытые тёсом «службы»: амбар, погреб, сараи с телегами и проч[ими] сельскохозяйственными принадлежностями. Справа стояла небольшая «малуха», а между ней и домом крепкие тёсовые ворота с заплотом. Перед домом – палисадник с сиренью и акациями. За передним двором был расположен второй двор с конюшнями, коровником, стайкой для овец, курятником, а за ним огород с баней. Сам Фёдор Иванович ещё не потерял силы, но главной силой был уже его сын – Степан Фёдорович. Семья была большая, особенно Господь Бог благословил девочками. У Фёдора Ивановича не было стада лошадей, как у Суханова, но 6-7 лошадей было, столько же коров, штук 15-20 овец. Куриц не считали. Засевала семья 18-20 десятин. Фёдор Иванович только что кончил в 1902 г. отбывать службу церковным старостой, но всё ещё сохранял традиционную для семьи набожность. Когда приходили к ним «с Богоматерью», то они заказывали шесть акафистов: и Иисусу Сладчайшему, и Богородице, и Николаю-угоднику, и Фёдору Стратилату и покровителям животных Флору и Лавру. Получалось целое богослужение. Читать акафисты приходил на помощь даже Евдоким Никитич. Семья была трезвенная и работающая. Придерживалась деревенских традиций: соблюдали посты, справляли праздники. Одевались по-деревенски хорошо. Сам Фёдор Иванович, будучи церковным старостой, носил кафтан их малюскина жёлто-коричневого цвета. Теперь из семьи остались в живых только дочь Степана Фёдоровича – Надежда Степановна, которая живёт в Копейске у каких[-то] родственников.

Андрей и Иван Лебедевы жили на главной улице, сначала отдельно, а потом хозяйства слились в одно у наследников Ивана. До сих пор в Тече сохранился деревянный на кирпичной фундаменте двухэтажный дом с

железной крышей. У дома был полный комплект служб. В доме и вверху и внизу были кухни и по три комнаты. Последними владельцами этого дома были сыновья Ивана Ивановича – Василий и Николай. Василий потом купил соседний дом, а хозяином в прежнем доме был Николай. И Василий и Николай занимались сельским хозяйством, но скромнее, чем их отцы. Так, Николай до раскулачивания имел три лошади и заседал несколько оставленных ему десятин земли. Зимой он иногда приезжал в Свердловск и здесь подзарабатывал «извозом», перевозкой грузов. Он и был любителем пения, а любимым его песнопением была Херувимская «разонённая».

II. Лебедевы – оторвавшиеся от сельского хозяйства.

На главной улице против спуска на мост до сих пор стоит избушка Николая Фёдоровича Лебедева. Он был однофамильцем вышеуказанных Лебедевых. Около избушки уже в те времена – в конце 19-го и в начале 20-го [века] – не было пристроя, а был только небольшой огород. Николай Фёдорович был сапожником. Ремеслом этим он стал заниматься после того, как знаменитые Фалалеевы, жившие на Горушках, закрыли своё предприятие и куда-то уехали. Как сапожник, он был популярен и без работы не жил. Он уже мог шить обувь «с раном», со скрипом, а голенища делать «в гармошку». Подсобным предприятием у него была продажа «на вынос» злоказовского пива. Как и где удалось ему заполучить такое занятие – было не известно, но запас пива у него был такой, что брали вёдрами, т. е. бутылками в количестве двадцати, кажется, за рубль восемьдесят или рубль девяносто копеек за ведро. Приходили к Н. Ф., он спускался в «голбец» и доставал требуемое. Удивительнее всего было то, что пиво в те времена ещё не приобрело прав гражданства у крестьянского населения в качестве спиртного, а господствовала «николаевка», и у Н. Ф. оно было на потребу только «господам», Тем не менее, Н. Ф. находил смысл его держать, очевидно, потому, что, по его мнению, оно вот-вот движется в массы, а он сыграет роль пионера в его распространении. Так и получилось на самом деле: с развитием культуры в Тече одним проявлением её явилось и потребление пива: в Мироновском доме под пивную отведена была внизу одна комната и то, что раньше было на потребу господам, теперь широкой рекой пошло «в народ». Когда на базаре заключались какие-либо сделки, то «рукобитие» подкрепляли здесь, за пивом. Злоказов торжествовал, а Н. Ф. гордился тем, что и он двигал культуру в Тече. Земледелием Н. Ф. уже не занимался, разве только где-нибудь носит осминник исполу за работу.

В 1907-1908 гг. в Тече появился его брат Димитрий Фёдорович. Он работал где-то писарем в волости или у земского начальника, но проштрафился и вернулся к «домашним пенатам». Не сразу население Течи разузнало в нём своего земляка. Появление его в Тече больше всего затронуло теченских женщин и дело дошло до того, что его вызвали в волость для предупреждения. Дело было в том, что в жаркие дни он по заимствованной им у господ привычке ходил в белых брюках и визитке. И вот, когда его вечером, возвращаясь с ягодами, женщины встречали у

кладбища, в панике разбежались от «покойника». Шире, дальше пошли разговоры, что «покойник» отбирает ягоды.... Пришлось Димитрия Фёдоровича предупредить, чтобы не пугал женщин. Чем «жил» Д. Ф. в Тече? Конечно, не воздухом и не одними только ягодами и грибами. Он писал жителям Течи разные «гумаги»: жалобы, заявления, выступал защитником да мало ли чем может пригодиться грамотный человек безграмотному населению в период внедрения капитализма в феодальную деревню. Для Д. Ф. жизнь упрощалась тем, что он был бобыль: ни тебе заботы о жене, детях: встал-встряхнулся, лёг-свернулся.

III. Лебедевы, перекочевавшие в город.

Их было трое. Началось со старшего – Петра. Он женился на дочери священника Александра Сильванова – Марии Александровне. Событие это было очень шумным и стоило жизни о[тца] Александра: он так расстроился, что скоропостижно умер. Мария Александровна, кончившая епархиальное училище, выйдя замуж за сына разорившихся крестьян со школьным сельским только образованием, взялась за просвещение своего мужа и добилась устройства его на железную дорогу сначала на незначительную должность, а потом он уже сделался главным кондуктором поезда. Во время русско-японской войны он за свою работу получил от кого-то из высокопоставленных лиц именные часы. Кондуктора поездов использовали свою службу в целях личной наживы. Нигде в поездах не было столько безбилетных, так называемых «зайцев», как в поездах за Челябинском в направлении Сибири. Иногда зайдёшь в вагон и хочешь поставить багаж под сиденье, а оттуда его усиленно что-то выпирает. Заглянешь под скамейку, а там приютился «заяц». Ну, думаешь, погоди – пойдёт контроль: он тебя выкурит. Проходит контроль – кондуктор заглядывает под сиденье, а оттуда рука протягивает ему двадцать копеек, он берёт их и двигается дальше. Так, глядишь, у кондуктора выстроен в Челябинске дом. Так получилось и у Петра Васильевича Лебедева.

За старшим братом пошёл по этому пути средний – Павел, а за ним – младший Иван, известный в Тече под названием Ванька семиколёный. После Октябрьской революции Пётр Васильевич ушёл в диакона́. Был он собой очень видный, а Мария Александровна его подучила к церковному делу. Ещё будучи кондуктором, он учил своего сына в дух[овном] училище и семинарии. Во всём этом, конечно, сказало влияние Марии Ал[ександровны]. Павел после Октябрьской революции на некоторое время переезжал в Течу, помогал организации новых порядков на селе. Он проводил остроклассовую политику, особенно – по отношению к учительницам, показывая пример того, как нужно обращаться с «классово чуждым» элементом. При нём учительницы, как говорится, «хлебнули горя». Однако, он не нашёл в данном случае достаточной точки приложения своим силам в Тече: ему показалось здесь мелко для деятельности и он покинул Течу.

В Тече ещё были носители фамилии Лебедевых. Они были промежуточными между бедняками и середняками.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 114-120.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Николай Иванович Лебедев

[1963 г.]

Фамилия Лебедевых была самой распространённой в нашем селе. Людей с этой фамилией можно было встретить в разных местах Течи: в центре села, где жила самая «знать», на Зелёной улице, в Нижнем конце и на Горушках. Носители этой фамилии разделялись на несколько ветвей. Когда-то, вероятно, они происходили от одного корня, но со временем сознание родственной связи у той или другой ветви ослабевало и люди, принадлежавшие к этой ветви стали именовать себя только однофамильцам по отношению к людям другой ветви. По имущественному и общественному положению носители фамилии «Лебедев» дифференцировались по всем категориям, принятым для определения этих положений от бедноты до зажиточности. Николай Иванович относился к той ветви, которая была, можно сказать, на славе. Эта ветвь шла от трёх братьев Лебедевых: Фёдора, Андрея и Ивана. Все они жили в разделе зажиточно, и общество оказывало им честь – выдвигало на общественные должности. Так, Фёдор был избран в церковные старосты, каковая должность в те времена считалась почётной, а Иван – сельским старостой. У Ивана дом находился в центре села, в том месте, где были дома трёх братьев Пеутиных, выходцев из «Расеи». Дом был пятистенный с шатровой крышей. Позднее под дом был подведён кирпичный фундамент, который по существу составил нижний этаж дома, и он стал двухэтажным. Вместо деревянной крыши была сделана железная.

В моей памяти ещё сохранился образ Ивана Ивановича, отца Николая, от того времени, когда он, отец был сельским старостой. Был он не высокого роста, очень подвижный, из тех, которых называют торопыгами. Ходил он в малюскиновом кафтане коричневого цвета. Николай и по комплекции и по характеру в точности повторил своего отца. Я помню Николая ещё от того времени, когда мальчишкой звали его Колька Лебедев, но настоящее моё знакомство с ним началось уже, когда он стал Николаем Ивановичем и хозяином дома. Отца уже не было в живых, а брат его – Василий купил себе отдельный дом и ушёл в раздел. Это было уже в последние годы перед первой империалистической войной. После раздела у Николая осталось три-четыре лошади, две-три коровы, овцы. Жил он, в общем, зажиточно: продавал излишек хлеба, семья одета была хорошо, хорошо питались. Одним словом, жили не в обиде.

У Николая была, очевидно, родовая черта – склонность к набожности. Известно было, что когда дядя его Фёдор Иванович был церковным

старостой и после этого, то всегда на Пасхе к ним приходили «с Богоматерью», и хозяева заказывали до шести акафистов. К Ивану, отцу Николая, тоже приходили «с Богоматерью», а в большие праздники при праздничном объезде духовенство наряду с Пеутинскими домами заезжало и к ним «поздравить с праздником». Николай стал набожным: почти ежегодно перед севом он ездил в Верхотурье поклониться мощам Симеона праведного. Особенно он полюбил церковное пение и принимал участие в церковном хоре. Было так, что он иногда специально заезжал к одному из своих знакомых и уговаривал его поехать с ним на его поле, чтобы дорогой спеть что-либо из церковных песнопений. Бывало, уже после революции всё уговаривал: «Споём разорённую» (Херувимскую), причём пел с увлечением, доходящим до экстаза. Набожность Николая позднее поддерживалась, очевидно, и родственными связями: он был женат на девушке из Сугояка, сестра которой была монашкой Верх-Теченского монастыря и после революции жила в доме у Николая. При своей набожности Николай любил по русскому обычаю кутнуть во всю в праздники. Так, в престольные праздники в доме у него в течение трёх дней обычно было «разливанное море». Вот где действительно можно было видеть то, что поэт назвал словами: «коли пир – так пир горой».

От отца Николай унаследовал энергичный и предприимчивый характер, изворотливость в борьбе за жизнь, и жизнь не поворачивалась к нему боком: недостатки его росли, он всё больше и больше обрастал богатством, но вдруг «подсекло» - на пути стали новые порядки в селе после Октября. Николай стал жаловаться: «не дают жить!» Потом он выработал для себя новый тезис в жизни: «нужно жить умом». Как он осуществлял этот тезис в жизни? Зимой он иногда подолгу жил в Свердловске и занимался перевозкой грузов на своих трёх лошадях. Пока всё шло тихо-мирно, Николай был убеждён, что он нашёл способ «жить умом», но наступил момент, что и по этой линии «подсекло». Николай осел. Было у него ещё и семейное горе: одна девочка родилась уродом. Сколько он ни «ходил по врачам» с ней, ничего не получалось: порок был не исправимым.

В пору своих «операций» в Свердловске Николай иногда заезжал к автору сего со всей своей тройкой выпить чайку, вспомнить прежнее увлечение пением, но вот как-то не стало Николая, не едет и не едет. Позднее я узнал, что Николай тогда вернулся в Течу и вскоре умер.

Он был одним своеобразным осколком прежней Течи, носителем её патриархальных черт в дореволюционную эпоху.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 750 об.-753 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Николай Фёдорович [Лебедев] (старший)

[1961 г.]

«Старший» и «младший» в данном случае не указывало на различие в возрасте, а указывало только на то, кто раньше, как специалист, «объявился» на селе: кто раньше – тот «старший», кто позднее – тот «младший». «Младшим» оказался – Николай Фёдорович Лебедев – сапожник и агент пивовара Злоказова (продавал на вынос пиво). Николай Фёдорович «старший» был единственный в Тече печник. Он был тестем известного в Тече торговца лошадьми – Ивана Сергеевича.

Николай Фёдорович «землём» уже не занимался, как и его зять. Будучи чистым ремесленником, он, однако, сумел сохранить себя от некоторых отрицательных черт характера, которые быстро проявлялись у других при переходе в новое состояние – от землероба в ремесленника, как-то: склонность к спиртному, излишняя развязность, граничащая с хвастовством, лёгкость на обещания, которые не выполнялись и т. д. Он сохранил степенность, присущую землеробу, твёрдость в слове, не злоупотреблял выпивкой. Качество его работ было надёжным: все были уверены, что он не подведёт, как бывало у других, что печка дымила и её переделывали по нескольку раз. Правда, на деревне не было разнообразных типов печей, как в городе: строились «пекурные» печи – это основа основ; в незначительном количестве строились «галанки», да ещё печи с «жаром» в банях. Верхом искусства считались круглые «галанки», обтянутые железом. Но построить «пекурную» печь тоже не так-то было просто, потому что к ней требования предъявлялись большие: чтобы хлеб выпекала хорошо, тепло держала так, чтобы на ней можно было «погреть косточки», растянуться во всю. Известно, что полати и печка в деревнях играли роль спальни: на них только в стужу зимой и спасались по ночам обитатели избушек. Николай Фёдорович умел строить «пекурные» печи так, что они отвечали самым строгим требованиям заказчика. Вот только не смог Николая Фёдорович оставить замену подстать себе, чтобы и мастер был и поведение, характер, как у него. Помощником у него и на выучке была девушка деревенская: не то Акулька, не то Матрёнка. Девка, как девка, смышлёная, хорошо науку усвоила, но, ставши работать самостоятельно, свихнулась умом: стала попивать, видимо, рассуждая, что так положено по её профессии, так сказать, уравнилась в правах с мужем. Стала бабой – не бродила, а потом дошло до того, что без «шкалика» не приступала к работе. Не ждал от неё такого Николай Фёдорович, а вот получилось по пословице: «Сам не знаешь, где потеряешь, где найдёшь».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 324-326 об.
Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

В канун Великой Октябрьской соц[иалистической] революции капиталистические отношения в нашей Тече были уже налицо, как теперь иногда говорят, в развёрнутом виде. Развиваться же они начали лет за двадцать до этого. Наглядным примером и свидетельством этого на селе явился оформившийся уже в купца в начале первого десятилетия нового века Антон Лазаревич Новиков. В конце прошлого столетия, лет за 10-15 до его конца, пришёл он в наши края из «Расеи» со своей Марией Егоровной в лаптях, а перед революцией годового оборот его «торгового дома» достигал до ста тысяч рублей. Запах денег опьяняюще исходил из «лавочки» Антона Лазаревича и мутил головы теченцев. И начали отдельные представители их тоже бороться за «деньгу». Кое-кто пытался было, по примеру Антона Лазаревича торговать, но он в зачатые «глушил» всякие попытки вступать с ним в конкуренцию, и все его соперники моментально «вылетали в трубу». Но человек изворотлив, а тяга к деньгам нарастала. По понедельникам в селе проходили базары – наглядный университет денежных отношений. При такой обстановке жажда к деньгам всё больше и больше разгоралась, а изворотливый ум изыскивал пути к обогащению, к деньгам. По-разному люди старались «утолить эту жажду»: некоторые к своей землеробной деятельности присоединяли ещё ремесло, а потом не в силах справиться с этим совместительством и при благосклонном содействии «крепких» мужиков, охотно прибиравших их земельные участки к своим, становились ремесленниками в чистом виде; некоторые же, люди сильной воли, ловкие и изворотливые, всё-таки старались пробиться к торговле и таким путём «делать бизнес», «делать деньги». Пример Антона Лазаревича не давал им покоя. Вот к этой именно категории людей, смелых, инициативных, и принадлежал Иван Сергеевич. Есть пословица: «Не мытьём, так катаньём». Вот эту именно пословицу Иван Сергеевич и сделал исходной, отправной точкой своей деятельности, сказать буквально – «сделал ход конём».

Иван Сергеевич не был коренным теченцем, а был уроженцем деревни Баклановой, которая была в трёх верстах от Течи, ниже по реке того же названия. В Тече он оказался по закону родства, а именно: он женился на единственной дочери коренного теченского жителя, сделавшегося уже ремесленником, по специальности печником, Николая Фёдоровича: «вошёл в дом», как определялась у нас такая форма родственных отношений. В Баклановой родители Ивана Сергеевича пытались торговать, но у них ничего не получилось, а у него, как говорит пословица: «аппетит приходит с едой» - желание торговать не потухло, а, наоборот, разгорелось, и он нашёл лазейку из создавшегося положения: не удалось торговать сахаром, керосином, пряниками, давай попробую торговать лошадьми. Практический, изворотливый ум Ивана Сергеевича, нужно признать, в этом случае «сработал» неплохо: ни Антон Лазаревич тебе не помеха, нет конкурентов, а

ситуация явно благоприятная, только раскинь разумом да не постесняйся совести. Во-первых, что такое конь для землероба? Орудие производства – без него не обойдёшься, и потребность на него не ограниченная. Кому-кому, а Ивану Сергеевичу это было ясно, как божий день. Во-вторых, где найдёшь другую такую туманную область, в которой бы качество товара было так завуалировано и скрыто от покупателя и где бы, следовательно, была такая возможность «обойти» покупателя и, воспользовавшись его неопытностью, собрать с него вдвое за плохой товар. Знатоки и те в этом деле «попадались на удочку». В-третьих, сколько ни боролись у нас в те времена с воровством лошадей, сколько ни писали в волостях паспорта на лошадей – эти в собственном смысле «филькины грамоты», оставались ещё каналы, через которые можно было покупать ворованных лошадей, имей только на это «нюх», а он у Ивана Сергеевича был. И вот пред нами предстал во всей своей красе «купец» по лошадям.

Изба, в которой жили ремесленник Николай Фёдорович и зять его – торговец лошадьми Иван Сергеевич – стояла на мрачном месте – против кладбища. Дом был пятистенный с шатровой крышей, но пристрой был бедный. По всему было видно, что в этом доме живёт не хозяйственный землероб, домосед, хозяин, а люди, производство которых не нуждалось в полном комплексе служебных построек – «служб».

Печник ходил по домам, часто в других деревнях, а Иван Сергеевич бывал только наездом на несколько дней, а больше разъезжал по базарам и ярмаркам. Иногда он неделями, а то и месяцами не бывал дома, а потом вдруг заявится с пятью-шестью лошадьми и только для того, чтобы через день-два вывести их на Теченский базар. Он даже не имел одной постоянной «разъездной» лошади: он сбывал её при первом же благоприятном случае. Лошади были для него только товаром. Никто не знал, откуда он «черпал» свой товар, но, вероятно, в тех краях, которые издавна славились у конских воров, как «рынки» сбыта ворованных лошадей – это район станции «Чумляк» Сибирской железной дороги. Здесь было знаменитое торжище, обслуживавшее нынешние Челябинскую, Курганскую и Тюменскую области. Сюда съезжалось и воровское «купечество» и вороватое «купечество» по пословице: «рыбак рыбака видит издалека». Лошади были большей частью особой зауральской и сибирской породы, которая создавалась натуральным способом в стаде без отбора человеком, а воспитывалась к сохе с трёхлетнего или четырёхлетнего возраста. Все они рыжки, бурки, воронки, невысокого роста, с несильно развитым корпусом, приспособлены были волочить сабан или соху, носили почётную кличку «пахарь». Они и были, главным образом, вожаками мечтой для землероба. Иван Сергеевич это знал и поэтому старался такой именно «товар» выводить на базар или ярмарку. Приводил он иногда и «киргизов» на любителя, но эти «степнички», правда, были более резвыми, но более горячими и не годились «для сохи». Породистых же лошадей вообще было опасно выводить ему на продажу, потому что можно было «нарваться» на хозяина.

Был ли знатоком в лошадях сам Иван Сергеевич? И да, и нет! Он, конечно, различал возраст лошадей, их относительную выносливость и резвость, но чисто деловых качеств, какими они могут быть в работе, он не мог определить, потому что сам пахарем не был. Да он и не был заинтересован в этом: его задача была – сбыть товар и получить деньги. Но что в совершенстве знал и в чём имел опыт Иван Сергеевич, то это было искусство преподнести покупателю товар так, чтобы он не поспешил на цену. «Не обманешь - не продашь» - это было символом веры Ивана Сергеевича. Он знал, как нужно «подготовить» «товар» на продажу. Лишнего овса он на это не истратит, а вот «подбодрить», «освежить» - это было его дело. Болтали, что перед выводом на базар он вливал им, предназначенным к продаже рыжкам, карькам, сивухам и пр. по «шкалику» в рот, но это был уже явный поклёп на Ивана Сергеевича. Всё это было от того, что считали профессию его «делом» цыганским, и всё, что приписывали цыганами – разные проделки их, вымышленные, бывшие результатом безудержной фантазии – переносили и на Ивана Сергеевича. «Работа у тебя, брат, цыганская» - так прямо ему и говорили, но всё это из-за зависти. Что было несомненным, что люди видали своими глазами, то это то, что он «подщечивал» из кнутиком, и они хорошо знали, что обозначает этот предмет в его руках. Это делалось в качестве репетиции до вывода на базар, а на базаре – попробуй какой-нибудь рыжко, или воронко опусти долу свою главизну, или «затуманишь» взор в забытьи, достаточно было подойти к нему Ивану Сергеевичу, и он «воспрянет» - из пятнадцатилетнего превратится в пятилетнего. «Не обманешь – не продашь» - твёрдо помнил Иван Сергеевич.

Конский базар в деревне. Картина эта достойна кисти большого художника. Его нельзя показать статичным. Здесь всё в движении, и главной задачей художника будет показать динамику этого события. Это нелёгкая задача.

На Теченском базаре Иван Сергеевич «выставлял» свой «товар» у подхода к нему с южной стороны, вблизи церковного алтаря. Здесь он ставил свою телегу с привязанными к ней по бокам и сзади лошадьми. Это был, так сказать, центр картины. С боку, слева, обычно стояли небольшой кучкой, а иногда и значительной кучкой, мужички-хлеборобы. Стояли в глубокой задумчивости в зипунах, выцветших поярковых круглых шляпах, в тяжёлых яловых сапогах, хотя солнце уже пригревало. Ничего не поделаешь: так требовал этикет базара. Нужно держать фасон! Перед ними в полупальто фабричного суконного покроя, в сапогах с лаковыми голенищами, в фуражке был он, их благодетель – Иван Сергеевич. Он ведь в душе делал благодеяние для этих «зипунников». Такова одна из черт морали торговца. Неподвижная стена людей в зипунах и перед ней вертлявый, искательный торговец! Это первая деталь картины, которая требует ярко контрастного изображения. Какими бы индивидуальными чертами в лице, или в фигуре не обладал купец, но он обязательно будет того типа человеком, о котором принято

говорить: «наверно, плут и шельмец!» Такова была «каинова печать» всех этих людей, и Иван Сергеевич, конечно, не был исключением. Но вот из толпы «зипунников» один тяжёлой походкой выступил вперёд и обратился к Ивану Сергеевичу со словами: «Ну-ко, Сергеич, подвези ко мне того гнедка с боку». И Иван Сергеевич подводил гнедка к покупателю. Только очень наблюдательный глаз мог заметить, что где-то за поясом у Ивана Сергеевича под оборотом его полупальто был кнут, и он показал его гнедку, «подбодрил» конька. И вот вся толпа «зипунников» ожила, глаза загорелись. Куда девались «тяжёлые зады», которые, как кто-то говорил, отмечали иностранцы у наших мужичков. Они теперь стали подвижными и лёгкими. По очереди они осматривали зубы лошади, и слышались реплики: «молочные (зубы) съедены», «задние сношены» и пр. Они щупали шею под гривой, прощупывали «бабки», просматривали расположение ног (не сведены ли с оной), гладили по спине, прощупывали крестец, измеряли грудь и т. д. Нет! С такой придирчивостью они не выбирали невест для своих сыновей! Потом проводил кто-нибудь из них коня на поводу, и они следили за каждым шагом его: какой у него размах шага, как он держит голову и пр. Потом посадят верхом на него какого-либо Петьку или Ваньку, чтобы он проскакал на нём галопом. Иван Сергеевич и тут незаметно ещё «подбодрит» коня. Потом они снова «обсуждают» коня, а если при этом подвернётся доморощенный теченский «ветеринар» - Александр Матвеевич, то попросят его проконсультировать о «покупке». Так личный интерес какого-либо Ивана Тимофеевича перерастал в проблему коллектива: вот что обозначал конь для землероба! Дальше уже начинался самый торг. Иван Сергеевич был уже тонкий психолог: он видел, с кем он имел дело. Конь необходим и понравился, значит – можно говорить крепко, и он «играл» - выжимал до предела. По несколько раз ударяли по рукам, пока, наконец, Иван Сергеевич не убеждался, что дошёл до предела и, оговоривши штоф вина в добавление к названной сумме, бил в последний раз по руке покупателя, и гнедь переходил в руки Ивана Тимофеевича.

Какой же противной при этом оказывалась фигура этого конского «купца», вчерашнего хлебороба, своим же односельчанам продающего коня втридорога и, как спрут, сжимающего их тощие «животы»!

6-го июня 1902 г. в день Троицы я был проездом в Каменке, нынешнем Каменске-Уральском. За мной к этому дню должна была явиться подвода из Течи: я проезжал на летние каникулы. Моё письмо с просьбой выслать мне на это число подводу в Каменку в срок не пришло, и подводы не было. Я стал искать попутчика из Течи, и на постоялом дворе узнал, что в Каменке Иван Сергеевич. На Троицу в Каменке была традиционная ярмарка, именовавшаяся по празднику Троицкой. Иван Сергеевич был на ней со своим «товаром». Ярмарка находилась на гористой части завода (посёлок был заводом), и я нашёл там Ивана Сергеевича во всей его красоте, в той же обстановке, как описано в Тече на базаре, только соответственно тому, что тут была ярмарка, а не базар, масштаб был шире, и людей было больше. Было

условлено, что когда Иван Сергеевич закончит свои «операции», то он зайдёт за мной на постоянный двор, и мы направимся в Течу. Так и случилось, как было условлено. Иван Сергеевич, как видно, торговал успешно, и у него было добродушное настроение. Он рассказывал о себе, хвалил свою жену.²¹⁹¹

После деревни Иксановой, которая примерно была на середине нашего пути, можно было на Кирды или через деревни Байбускарову и Аширову, либо, минуя их, ехать мимо озера Маяна степью примерно тридцать, тридцать пять вёрст. Иван Сергеевич избрал второй маршрут – мимо Маяна. Маян – это громадное озеро. Когда-то оно было в длину до двадцати километров и в ширину до семи километров. Оно было на славе у охотников, потому что изобиловало дичью – утками и гусями. Патриоты его хвастались даже тем, что якобы на него приезжали охотники из Москвы. В озере было много рыбы – карасей. Знатоки уверяли, что маянские караси особенно вкусные. Летом на озере жили в землянках кирдинские старики-рыболовы. Они сушили рыбу – «вялили», нанизывая выпотрошенную на палочки, а зимой в том виде – на палочках – продавали на Теченском базаре в Филиппов пост, а то и в Великий пост. На уху у них всегда была живая рыба в «садках», в глухо закрывавшихся плетёных коробах, опущенных в воду. «Заедем к старикам и закажем уху» - заявил мне Иван Сергеевич, как только принял решение ехать мимо Маяна. Мы проезжали степью, когда она была в цветах, и в воздухе был хмелящий аромат цветов. Кругом безграничная степь! Как она хороша! Мы ехали в жаркий день, но жар смерялся лёгким движением ветерка. Озеро тонуло в камышах. Мы видели стаи летающих уток, а на одном невысоком холме видели стаю диких гусей. Примерно поровнявшись со серединой озера по береговой его линии в длину, мы подъехали к землянкам стариков-рыболовов, и один из них моментально «сварганил» уху с зелёным луком, который он тут же выращивал на грядке у землянки. Нет необходимости описывать нашу дальнейшую езду: она также шла степью, только за пять-шесть вёрст до Кирдов начались поля. Нет, стоило совершить эту поездку мимо Маяна, очаровательную поездку, и я был благодарен за неё Ивану Сергеевичу.

В дальнейшей жизни я больше уже не встречался близко с Иваном Сергеевичем и получал только слухи об его жизни.

---

²¹⁹¹ Из очерка «Иван Сергеевич» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Дорогой он почему-то решил меня, пятнадцатилетнего отрока, просвещать насчёт женской красоты, усиленно налягая в своей речи на изображение той части женского организма, которая относится к торгу, восторгаясь своей женой и, главным образом, этой частью её корпуса. Я, признаться, был в полном недоумении по поводу такой темы разговора и слушал со смущением. Позднее, когда я вспоминал об этом, то находил оправдание этому поступку, а вернее осуждение этого поступка И. С. в том, что он, при своей бродячей жизни, очевидно, изучал не раз женскую красоту вне предела семейной жизни, а отсюда у него появлялось и желание, так сказать, «посмоковать» её в беседе, но то, что он завёл об этом речь со мной, было его грехопадением. Так думал я» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 33.

Три года тому назад, когда я был в Тече, я нашёл на том месте, где была изба Ивана Сергеевича, пустырь. По соседству с его домом был маленький лесок, в котором обычно разгуливали телята. Мы – дети – любили гулять в этом лесочке и собирать землянику. Теперь в этом лесочке был устроен склад бензина для МТС. В разных местах валялись пустые бочки, деревца были поломаны или пригнуты к земле машинами. Было грязно. Обидно было видеть изнанку технического прогресса в деревне. Можно ли было этого избежать? Можно, но ...

7/V - 1963.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 295-305 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Иван Сергеевич» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть V. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 382).

Семён Осипович [Лебедев]

05 мая 1963 г.

Как только в каждую субботу вечером или накануне какого-либо праздника в нашем селе раздавался унылый протяжный звон малого «великопостного» колокола, можно было видеть одинокую мужскую фигуру – немолодого уже человека, медленно, с сильным прихрамыванием на правую ногу, направлявшегося в церковь к вечерне. «Вон уж Семён Осипович «поковылял» к вечерне» - говорили соседи этого человека, отмечая этими словами время для отправления в баню накануне праздника. В Великом посте это шествие Семёна Осиповича можно было наблюдать почти ежедневно. Набожность, как у нас называли приверженность к религии, считалась у привилегией женщин, как признак их преимущественно эмоциональной натуры, и Семён Осипович являлся каким-то исключением из общего правила; он казался нарушителем порядка, отступлением от него, если хотите, даже человеком принижающим достоинство мужской половины человеческого рода. «Заводит бабьи порядки» - так ворчали по этому поводу наиболее рьяные противники такого поступка Семёна Осиповича. «Добро бы он шибко старым был, ну, тут уже некуда деваться – скоро умирать, а то ведь мужик-то ишо ядрёный, а вот поди ты: «на Бога лезит» - так они рассуждали про себя. Бывало так, что от бедноты нападала набожность на мужика, и он шёл около церкви кормиться «Христовым именем», но Семён Осипович был не из бедных, а жил «справно»: осенью или ранней весной – в непогоду или в распутицу видели его одетым в зипун из домотканного сукна, и упоясанным красной ситцевой опояской, в справных яловых сапогах, с картузом на голове, а зимой – в тулупе, валенках, с шапкой из собачьей шкуры. Нет, он не был из бедных.

Автор настоящего очерка знал Семёна Осиповича и наблюдал за его жизнью, примерно, в течение полутора-двух десятилетий, непосредственно

предшествовавших Великой Октябрьской социалистической революции. Был он в ту пору, выражаясь языком социологической науки, типичным зауральским мужиком-середняком. Семьёй обрабатывали до шести-семи десятин жирного зауральского чернозёма. Три-четыре десятины ежегодно засеивали преимущественно пшеницей, а частично – рожью и овсом. Три десятины «парили» - обрабатывали «под пар». В хозяйстве было три лошади, две коровы с тёлкой, десятка полтора овец. Куриц не считали, а гусей – десятка полтора. Без хлеба не жили, а часть продавали на теченском базаре, или свозили на продажу в Каменку, нынешний Каменск-Уральский. Деньги сносили в лавку теченскому «купцу» Антону Лазаревичу Новикову за ситец, корт, плис, чай, сахар, керосин и пр. Семён Осипович был знаток «в лошадях» и в зимнее время всегда мог «предоставить» тройку таких лихих лошадей, что сам еле-еле справлялся с ними.

В отличие от других деревенских семей, которые часто страдали от избытка детей, семейство Семёна Осиповича было небольшое и состояло из четырёх постоянных членов: его со старухой и сына [Ивана] со снохой [Дарьей]. Сноха его «по первости» «приносила» детей, но они умирали, а потом «Бог закрыл её чрево», «не благословил» детьми, и вот семья, что было редко в Тече и вообще в деревнях, оказалась сиротливой – без «деток». Пятым, но случайным членом семьи была родная сестра жены Семёна Осиповича – бобылка, «спасённая» душа – Феврония, а в просторечьи – Хавронья. Она была ещё в таком возрасте, что только «робить да робить», а вот привыкла шляться по святым местам: зимой отсиживалась за прялкой в избе у сестры, а весной, как только подсохнет дорога, она «смывалась» до заморозков. Иногда она подбирала компанию богомолков для путешествия пешком в Верхотурье на поклонение мощам Симеона праведного, Верхотурского чудотворца, и руководила ею (компанией) в качестве жоака, доводила её до Верхотурья, а домой уже не возвращалась с другими, а ходила по другим «святым» местам. Ходили слухи, что она побывала и в Киеве у Печерских чудотворцев, а мечтой её было побывать во святом граде Ерусалиме, как она выражалась. Во всё время своего паломничества по «святым» местам она «кормилась Христовым именем». Зимой к ней приходили соседки, а иногда и более отдалённые по жительству женщины, любительницы послушать рассказы «спасённой души», и она под «жужжание веретена» рассказывала им о своих похождениях, вероятно, путая былицы с небылицами.

Изба Семёна Осиповича стояла на Челябинском тракту при выезде из села у самого кладбища. Это соседство с кладбищем ещё с детства в нашем воображении с избой Семёна Осиповича связывало мрачные мысли о том, как это не страшно им, т. е. семье его, жить с таким соседом. ... Как казалось, а, может быть, так и на самом деле было, что все хозяйские постройки Семёна Осиповича были расположены с учётом отгородиться от мрачного соседа – кладбища, а именно: дом, как полагается, фасадом был расположен вдоль улицы, а все «службы» - амбар, погреб, конюшни, пригон «спиной»

обращены были к кладбищу и глухой стеной, покрытые одной соломенной крышей, как бы защищали «жилое» от мира мертвецов. Между домом и «службами» стояли крепкие глухие дощатые ворота и стоял же глухой деревянный забор, и всё строение походило на крепость. Такие постройки в наших деревнях встречались у кержаков – «двоедан», которые отдельными семьями – по два-три двора – попадались среди прочих – «никониан», как они называли этих прочих, а отгораживались они от «мирских», чтобы соблюсти «древнее благочестие». У Семёна Осиповича, как мы видим, на этот счёт были другие соображения.

Кроме того, что у избы Семёна Осиповича был мрачный сосед – кладбище, около избы было как-то мертво: точно это было какое-то выморочное жилище. Обычно около того или другого домика под вечер на «завалинке» сидели люди, бегали и играли дети, боролись, и всё было живо, шумно, а у избы Семёна Осиповича этого не было. Чувствовалось какое-то отчуждение обитателей его дома от других односельчан.

По имени и отчеству Семёна Осиповича стали именовать у нас, на селе, уже под его старость, под пятьдесят или около этого лет, а в молодости и в «мужицком» возрасте его звали «Сёма» или даже «Сёмка черной». Название «чёрным» вовсе не обозначало, что он был каким-то жгучим брюнетом, из тех, о которых говорят: «Ох, и чёрные у него волосы, как воронье крыло», а скорее просто в отличие от другого «Сёмы», который был рыжеватый, и за это его называли «Сёма красный». «Чёрный», «красный» – эти эпитеты свидетельствовали только о том, насколько беден был язык наших крестьян по части дифференциации цвета предметов. Прозвище «Сёма чёрный» в жизни Семёна Осиповича имело не просто значение обычного деревенского прозвища, не было проявлением шутки или игривой остроты ума, а отражало в себе мрачный период в его жизни. Когда Семёна Осиповича кто-либо называл так – «Сёма чёрный», то это значило, что вспоминали о том времени, когда он был «конским воров». Это были мрачные времена конца 19-го столетия, когда в наших краях орудовала шайка воров – Ермошка, Серёжка Бирюков, брат нижнёвского диакона – Анатолия Афанасьевича Бирюкова – и в их числе, но не по сговору, а, так сказать, индивидуально – участвовал и он. Разоряли они людей и сеяли стон и слёзы на селе. Ермошка попался и его по самосуду убили зверски: переломили руки и ноги, притащили к каталажке, бросили у дверей. Тут, у дверей, он и умер.

Семёна Осиповича «поймали» в Кирдах. Когда толпа людей подошла к избе, где он был в гостях, он спрятался в голбец. Сколько его не уговаривали, чтобы он вылезал из своей «темницы», он не вылезал, тогда принесли пожарные багры и стали шарить ими в голбце, он вылез – вернее выполз с помощью других, но нога была у него сломана. Умолял на коленях не губить, клялся ... и его пощадили. Так он сделался хромым. Соблюдал ли он свою клятву – «Больше не воровать»? Как будто – да! За ним следили, ох, как следили, а иногда умом и «грешили»: в том или другом случае говорили: «это Сёмкино дело», но закон: «не пойман – не вор» был на стороне Семёна

Осиповича... и он «оставался сухим». А бывали случаи, что как будто казалось: «ну, попался Сёма», ан, нет: прямой улики нет ... и всё! Так было однажды: теченские негоцианты Пеутины («сарапулы») возвращались из Бродокалмака с базара ночью и у Парамошки, ручья, впадавшего в реку Течу, где как раз и было поле Семёна Осиповича, кто-то у лога, в глухом месте, напал на них и «благословил» стяжком, но не «душевредно», так что «ускользнули». «Грешили», конечно, на Семёна Осиповича и его сына Ваньку, о котором тоже ходила молва, что он пошёл по тяткиной стопе, но стяжка-то они не оставили, а ночь была тёмном темнѣхонька. Нет, сколько ни следили за Семёном Осиповичем, ни на чём его не «поймали». Так он и прожил, ни в чём не нарушивши своей клятвы в Кирдах, а под старость сделался набожным. Так по крайней мере думали о нём и таким стойким в соблюдении данной клятвы считали его односельчане.

Как у завсегдатая, присутствующего на церковных богослужениях, у Семёна Осиповича было постоянное место в церкви в нише у входа, образуемой колоннами, на которых построена была колокольня. Здесь, под сводами был полумрак. У одной из колонн стояла «конторка» церковного старосты на небольшом возвышении. На стенке перед ней висела массивная икона Николая-угодника в серебряных позлащённых ризах, а во всю стену у дверей так, чтобы ярче бросилась при выходе из церкви, нарисована была картина ада, причём грешники, а под стать им и черти – мучители их в «геенне огненной» были изображены почти в натуральную человеческую величину. Семён Осипович становился у самой этой картины, причём, когда староста зажигал большую свечу перед образом Николая чудотворца, то свет от неё, отражаясь в ризе святого, как от рефлектора, падал на картину, и фигура Семёна Осиповича как бы сливалась в одном ансамбле участников картины ада. Такая иллюзия получалась при своеобразном распределении света и теней между колоннами.

Было несомненно, что Семён Осипович являл собою образ кающегося грешника. Когда в церкви было мало народу, а то и совсем пусто, то одинокая фигура его имела вид кающегося мытаря, как он показан на картине по мотиву евангельской притчи «О мытаре и фарисее». Он стоял в глубокой задумчивости и, очевидно, творил «умную молитву», потому что не видно было, чтобы он шептал что-то, как это бывает у других молящихся, а тем более не пел, как некоторые из них. Когда нужно было становиться на колени по ходу богослужения, он брал в руки свой посошок, который ставил неподалёку в угол, и склонялся на одно колено, потому что вторая нога у него, как указано было уже выше, была покалечена и не сгибалась в колене. Он был безграмотный, и не было известно, знал ли он какие-либо молитвы. Он мог, конечно, кое-что в этом отношении позаимствовать от «спасённой души» - от Февронии, но сама Феврония тоже была безграмотной и, если усваивала – заучивала какие-либо молитвы, то по слуху, а известны были примеры такого искажения этих молитв, заученных по слуху, что смысл молитвы совершенно искажался. Так, известный всем в Тече слепой

Якимушко ходил по деревне за милостыней и распевал молитву «Заступница усердная» в своей редакции: «Заступлица усербная», а слова в конце этой молитвы: «Ты бо если спасение рода христианского» заменял словами: «Ты и сама то веры нашего рода хрестьянского». Такой же, вероятно, была и грамотность Семёна Осиповича в области молитв и вообще в области вероучения.

Среди людей богомольных тоже «играли» свои страсти, особенно среди женской части их. Были среди них люди честолюбивые, с самомнением, стремящиеся к славе – быть на виду. В церкви они старались креститься ближе к амвону, чтобы все видели, дескать, смотрите, каков я у Господа Бога. Во время хождения на водосвятие, например, на первого Спаса, или во время «богомолій» при засухе, они старались держаться ближе к «батюшке», нести хоругви или иконы. Особенно назойливыми в этом случае были «богоноски» при хождении «с Богоматерью». Среди них были развиты споры, интриги и пр. Семён Осипович был далёк от всего этого: когда заканчивалась обедня и шёл звон «во вся», он последним уходил из церкви, а во время разного рода «хождений» держался где-либо в стороне, медленнее «ковылял» за другими. Таким в моей памяти остался Семён Осипович.

В июле 1914 г. я со своей женой А. Ф. на положении новобрачных гостили у родителей моих в Тече. «Гощение» было омрачено началом войны. Мы были свидетелями мрачных проводов на войну запасных солдат. Кругом лились слёзы, слышались причитания жён, матерей при проводах их кормильцев.

В двадцатых числах августа подходил последний срок для нашей явки на работу. Предстояло ехать в Челябинск для дальнейшего следования по железной дороге к месту назначения. Никак не могли найти ямщика: была пора, когда лошади у всех были «забиты» на подъёме паров. Вспомнили о Семёне Осиповиче. Десять лет тому назад – осенью и в начале зимы 1904 г. – моего брата Ивана «забрали в солдаты». «Некрутам» до отправки «на службу» полагалось «гулять». И вот наша молодёжь – и «некруты», и их товарищи и друзья – «гуляли». По болезни в этом году я тоже «зимовал» в Тече. Решили мы – человек пять-шесть – «катнуть» в Нижну в гости к нашему «придворному» ямщику – Терентию Яковлевичу – и заказали тройку Семёну Осиповичу. Желание «некрутов» у нас, на деревне, считалось обязательным к исполнению для всякого человека – будь он родня или просто знакомый. И вот Семён Осипович «представил» тройку своих лихачей. Кони за зиму отдохнули и рвались к бегу. Едва мы успели повскакивать в кашеву, они рванули, понеслись вихрем, и колокольчик – «дар Валдая» «залился» чистым серебром. В то время на моде у нас была песня, незаслуженно забытая сейчас, по сохранившейся в редакции композитора Сенгалычева – аранжированная им:

*Заложу я тройку борзых
Темнокарих лошадей*

*И помчусь я в ночь морозну
Прямо к Любушке своей.
Гей вы, дружи удалые,
Мчитесь сокола быстрее,
Не теряйте дни златые:
Их немного в жизни сей.*

*Ночь была темна – морозна,
Ямщик тройку осадил,
С поцелуем жарким, нежным
В сани деву посадил.*

*И, махнув кнутом по тройке,
Громко песню он запел:
Гей вы, дружи молодые,
Мчитесь сокола быстрее,
Не теряйте дни златые:
Их немного в жизни сей!*

Мы ехали тоже зимой и поздно вечером – почти ночью, так что сама обстановка подталкивала петь эту песню, и мы пели. Семён Осипович, хотя уже в это время понемногу настраивался на «божественный лад», но, восприняв «малую толику» пива, тоже, хотя не пел, но поддерживал общее весёлое настроение.

И вот картина этой поездки воскресла в моей памяти и подтолкнула обратиться с предложением быть нашим ямщиком к Семёну Осиповичу. Он принял это предложение. Как на зло, началось ненастье, и выезд день ото дня откладывался. Но ненастье не прекращалось, откладывать поездку было больше нельзя, и мы отправились в путь под дождём. Кони – пара серых – у Семёна Осиповича в отличие от обычно бывших в это время у всех хозяев худых, с выступившими наружу рёбрами, оказались «в теле», бодро взялись тащить коробок, кроме пассажиров порядочно нагруженных разным багажом, но измотались, потому что хотя были и подкованы, но ноги у них скользили в сплошном месиве глины или растворившегося с водой чернозёма; выбоины на дороге мотали экипаж, а у лошадей сбивали хомуты и били ими по ...

С трудом шагом мы добрались до деревни Пановой, которая была на половине нашего пути, и сделали в ней остановку. Дождь не прекращался, и мы в том же духе продолжали свой путь. К Челябинску мы подъезжали уже в начале ночи. Была темень, хоть глаз выколи. Последние пять вёрст до Челябинска предстояло проехать глухим лесом, который стеной стоял по обе стороны дороги. В этом лесу «пошаливали» грабители, а ещё в последней перед Челябинском деревеньке – «Кругленькие», расположенной на нашем пути, нам рассказывали, что в этом лесу был убит и ограблен накануне какой-то «ухарь-купец». Понятно, что мы настроены были далеко не спокойно. Что скрывать, и мысль о прошлом Семёна Осиповича, о том, что он тоже когда-то «пошаливал», нет-нет да и «гвоздила» в мозг: «а что, если

...» Ехали мы молча, боясь обнаружить своё нахождение в этом страшном месте. Дождь лил и лил, вода хлопала под колёсами, и слышно было, как лошади тяжело волочили свои ноги. В половине пути по лесу показался огонёк. Мы насторожились: не «они» ли – наши невидимые враги? Нет, оказались мирные люди. Огонёк тускло горел у них под шатром, а около телеги стояли кони, пережёвывая траву. Наконец, показались огни Челябинска, и мы вырвались из объятий этого леса. Вздохнули спокойно, и первым заговорил Семён Осипович. «Вы боялись или нет, когда мы ехали по лесу?» - обратился он к нам с вопросом. Никому не хочется, конечно, признаваться в своей трусости, и с нашей стороны последовал стереотипный на этот случай ответ: «Да, нет ... ничего». «А я – сказал Семён Осипович – сидел на козлах, как на углях». Признание было многозначительным и красноречивым: Семён Осипович, очевидно, вспомнил о том, как он когда-то в такую же ночь тёмную и при такой же обстановке, в какой теперь сам был, «погуливал с кистенём», но тогда он направлялся за чужим добром – пограбить, а теперь его собственническое нутро дрожало от страха, что вот-вот у него его отнимут.

Подъезжая к Челябинску, мы проезжали по какому-то мостику, который пошатывался и в довершение всего откуда-то из темноты слышался жалобный писк выброшенных котят. Так завершилось наше мрачное путешествие. В полночь мы добрались до вокзала. Затащивши все вещи в вокзал, я вышел ещё попрощаться с Семёном Осиповичем. Со словами – «Ну, прощай, Василий Алексеевич» - он пожал мне руку, забрался в коробок и тронул лошадей. Я ещё несколько минут стоял и смотрел в след медленно уносящемуся в темноту с рассыпанными по ней огоньками коробку с седоком. На душе было грустно. Я больше не видал Семёна Осиповича: он вскоре скончался.

Три года тому назад я посетил Течу. Всё здесь изменилось: церковь разрушена, у неё остались только развалины некоторых стен. По какой-то случайности осталась ещё стена, на которой был изображён ад, но картина уже стёрлась. Козы – эти гимнасты в мире животных – ползали по руинам: перепрыгивали со стены на стену.

Кладбище было ликвидировано, лес вырублен, и по кладбищу была проложена новая дорога.

Избушка Семёна Осиповича сохранилась, но пристрой весь на половину был разрушен. Всё казалось миниатюрнее, чем раньше. Я находился под каким-то неотвязчивым ожиданием, что вот-вот из ворот избушки выйдет Семён Осипович и «поковыляет» к церкви, но ...

5/V [19]63 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 280-294 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» имеется ещё один одноимённый очерк «Семён Осипович» в составе «Очерков по истории Зауралья». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 35-40.), в который повторяются те же эпизоды. В «свердловской коллекции» также имеется очерк «Семён Осипович» в

Николай Фёдорович Лебедев [(младший)]

[1965 г.]

Николай Фёдорович принадлежал к одной из ветвей фамилии Лебедевых, неизвестно от кого ведущей свою родовую линию. На селе знали ещё только одного из его братьев – Димитрия Фёдоровича.

Дом Н. Ф. сохранился до настоящего времени, и стал он ветхим и ниже: прижался к земле. Около него – пустырь, как это было и в отдалённые времена. Раньше против него был спуск к мостику через реку. Этот мостик был единственными «воротами» для въезда в село и выезда из него из-за реки, так что Н. Ф., сидя у окошка, мог наблюдать все входящие и «исходящие номера», связанные с Течей, с её жизнедеятельностью. Теперь мостика через реку нет, а ров, по которому проходил спуск, под влиянием весенних талых вод расширился, углубился и угрожает подойти вплотную к домику Н. Ф.

Н. Ф. представлял из себя сложное явление человека в трёх «ипостасях»: он не оторвался ещё совсем от земли, т. е. не отказался от небольшого участка земли, надела, который дала ему сельская община; занимался вместе с тем ремеслом – был сапожником и был агентом пивовара Злоказова по продаже пива. Главным же источником его существования было ремесло. Сеял он немного, а землю ему обрабатывали – пахали, боронили – под шитьё обуви, т. е. за оплату услугами.

Мы знали Н. Ф. как чеботаря-модельера. У кого в избе была отдельная комната, она служила ему мастерской. Сюда мы и приходили к нему со своими заказами, причём претензии наши были различными: то, чтобы сапоги или штиблеты были со скрипом, то остроносые, то тугоносые, то с каким-либо особенным рантом. Н. Ф. удовлетворял наши требования, только, как это часто бывает у мастеровых, любил «тянуть за душу»: ходишь, ходишь к нему, просишь сделать быстрее, а он тянет и тянет. Вероятно, он видел в этом проявление своего достоинства на подобие того, что, например, считалось особым достоинством являться в гости с запозданием, как и говорилось, что чем в гости придёшь позднее, тем важнее. Н. Ф. объявился чеботарём, когда из Течи уехали Фалалеевы, бывшие когда-то на славе, и он оказался на положении кустаря-монополиста.

Торговать пивом Н. Ф. начал тогда, когда оно ещё не имело широкого круга потребителей. Потребителями были местные интеллигенты, преимущественно молодёжь. К нему приходили с корзинами, мешками, а он продавал «ведрами» - двадцать бутылок, что считалось «ведром», за рубль восемьдесят копеек. В городских «портерных» злоказовское пиво продавалось за бутылку 8 коп., следовательно если Н. Ф. получал от фирмы Злоказова пиво по 8 коп. за бутылочку, а он получал его, вероятно, дешевле,

то ясно, что был смысл ему заниматься продажей. Самое главное в торговле пивом у Н. Ф. было то, что он был пионером в этом деле, двигателем культуры на селе. Трудно было начать пропаганду пива, а потом оно вошло в моду и у мужичков, и Анна Ивановна Миронова открыла уже настоящую пивную. Бывало так: рядятся-рядятся двое о цене за какой-либо товар – и не могут договориться, пока не скажет который-либо и них: «пойдём, раздавим по бутылке пива», пойдут, «раздавят» и сговорятся.

Никто не может отнять эту заслугу Н. Ф. в культурном росте Течи.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 42 об.-44 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Димитрий Фёдорович Лебедев и его теченские коллеги

[1965 г.]

Летом 1905 г. в нашем селе появился мужчина лет сорока, похожий на какого-либо туриста. В жаркие дни он, одетый в песучевый пиджак и светлые брюки, разгуливал по селу, а под вечер уходил на прогулку на красивейшие места по реке Тече, к югу от села: «Штатское», «Швейцарию» и пр. Возвращался уже поздно, проходя мимо кладбища, обычно возвращались с полей и из бора женщины с ягодами или грибами. Мужчина имел такой вид, который определялся у нас словом «барин».

Вскоре после появления в селе этого барина пошли слухи, распространяемые особенно женщинами с Горушек, района, прилегающего к кладбищу, что по нему, кладбищу, с позднего вечера и по ночам стал разгуливать «упокойник». Такие страшные рассказы и раньше у нас появлялись и именно в летнее время. Там, за год до этого, т. е. летом 1904 г., был пущен слух, что за рекой, по дороге в Бакланову, в «наволоках» появился зверь-бык с человеческой головой, и что же получилось? Все стали бояться ночевать в этом месте, а на ночь уезжали домой. На этот раз, т. е. летом 1905 г., бунт подняли женщины: стали решительно отказываться проходить под вечер мимо кладбища, а живущие вблизи него – даже выходить за ворота, хотя для этого была неминуемая необходимость. Получались помехи даже в ведении хозяйства. Делать нечего, мужички, кто по храбрее, решили выследить «упокойника», как-то «объясниться» с ним и «накрыли» Димитрия Фёдоровича на «месте преступления»: он как раз возвращался с очередной прогулки во всём белом. Объяснились, но не успокоились и на этом, а когда на сельском сходе разбирали вопрос о ремонте изгороди в поскотине, то в разном всё-таки Вен Егорович «Рожок», человек инициативный и любитель «заострить» какой-либо вопрос, не удержался и заговорил об «упокойнике». Тут поднялся галдёж: один кричит: «мне баба проходу не даёт с этим «упокойником», боится вечером за водой ходить», другой, что девки отказываются за ягодами ходить и т. д. Одним

словом, «проработали» Дмитрия Фёдоровича и постановили: «запретить ему ходить в белой одежде».

Как же Дмитрий Фёдорович дожил до жизни такой, что его причислили к стану «бар» и обошлись с ним так круто?

Родной брат Николая Фёдоровича, о котором при случае автор сего уже сказал, что он был очень сложной личностью, очень предприимчивым человеком, человеком с «умом», Дмитрий Фёдорович не уступал брату, если не сказать – превосходил его тоже «умом-разумом». Кончивши сельскую школу, юноша прикинул умом: а нельзя ли как-либо полученную грамоту увеличить, так потихоньку-потихоньку.... А любил он ещё в школе писать. Заметил это его качество сугоякский земский начальник и взял на учение. Ученик делал успехи и вырос в помощники писаря. На этом не остановился: стал постигать искусство составлять разные служебные бумаги. Стал писарем.... Вот в этом «состоянии» и вернулся к «домашним пенатам». Вот вам и «барин». Что его заставило это сделать: «судьба ли решение, зависть ли телесная» (?) – осталось не известным, но он в Тече задержался и занялся адвокатской деятельностью: стал писать разные бумаги, жалобы, «ходатайства». В погоне за карьерой Дмитрий Фёдорович, как видно, не удосужился устроить свою семейную жизнь.

Кто такой писарь на селе, и какова была его роль? Представители этой группы интеллигенции не значились в сельской элите её: они не входили в избранное общество. В Тече писари и их семьи вращались в кругу деревенской «знати»: Пеутиных, Козловых и пр. В служебном же отношении, как «чернильные души», «канцелярский крысы», они, при темноте и невежестве своей клиентуры, являлись при случае той гайкой, от которой зависела работа машины, и были трудно уловимыми в своих иногда тёмных деяниях. Бюрократическая машина была в их распоряжении. Конечно, в начале 20-ого столетия были уже не те времена, когда Н. В. Гоголь писал своего «Ревизора», но «родимые пятна», как известно, не сразу исчезают. Впрочем, за теченскими писарями как будто не водилось этих грешков, по крайней мере, в ярко выраженной форме, за исключением разве только писарёнка Русакова, который грешил любовными похождениями, к которым побуждал за свои служебные «услуги». В Тече оставили о себе добрую память писарь при волости Василий Иванович Ванцев и писарь при канцелярии земского начальника – Павел Иванович Рыжков, которые дольше всех работали в Тече. Были мимолётные «птицы», о которых память ничего не сохранила. И тот, и другой – Ванцев и Рыжков – при явно небольшом жалованье учили своих дочерей в женской гимназии. Рыжкову, правда, это было легче сделать, потому что он происходил из Шадринска и имел там свой дом. В Тече и тот, и другой жили на квартирах, имели огороды, держали коров, арендовали покосы и, может быть, даже понемногу сеяли в порядке аренды земельных участков и оплаты за труды. К чести наших писарей нужно сказать, что они вели себя исключительно корректно и не злоупотребляли «зелёным змием».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 45-48 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

«Рыбины» (фам[илия] Манатины)

[1961 г.]

Это было их прозвище. Они были землеробы, а кроме того занимались выделыванием кож. Когда-то это ремесло было монополией «Решихи», бродокалмакской вдовы крестьянина Решетова. За двадцать-тридцать вёрст к ней привозили шкуры на выделку. Торговля кожей на теченских базарах тоже являлась монополией «Решихи». Она подолгу (месяцами, до полугода) не выполняла заказы, и что просто не справлялась, и нужда заставляла «самим» браться за это дело. «Рыбины» и взялись. Летом очистку от волос на шкурах делали прямо на свежем воздухе: у второй плотины Мизгирёвской мельницы. Самой тонкой работой считалась обработка «опойка» (телячья шкурка, а иногда собачья) «под храм». Каково было искусство? Всяко: иногда «поджигали» или совсем «пережигали» кожу. Люди опять-таки ворчали, ругались, взыскивали за порчу ... и опять несли и несли. А что же делать?

Такова логика событий и вещей, когда нет хороших мастеров. Так всегда бывает!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 323-323 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Фёдор Тимофеевич Манатин» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

Павел Иванович Сеницын

[1961 г.]

А. П. Чехов в своём рассказе «Мужики» описывает жизнь крестьянской семьи, вкусившей городской жизни, а потом снова вернувшейся в деревню, домой. С Павлом Ивановичем случилось так же, только он вернулся в Течу не по болезни, а в добром здравии и благополучии: потянуло на вольный воздух. Вернулся он уже сильно окультуренный: одетый на городской манер и с городским говорком. Главное же – он принёс с собой из города две «городские» профессии: он мог ремонтировать часы, а в случае необходимости мог «ответить» и за парикмахера. По селу пошли разговоры о том, что на Зелёной улице появился «парикмахер» свой, теченский – Пашка Сеницын. Увы! «Городские» профессии Павла Ивановича были для Течи ещё «не по плечу»: теченцы ещё не доросли до того уровня культуры, на который рассчитаны были профессии Павла Ивановича. Часы! Но у кого они были? У немногих из интеллигенции, духовенства и торговцев, а остальные

жили по солнцу. Что касается стрижки и бритья, то «самообслуживались». Нет, Павел Иванович по вопросу культуры в Тече забежал на много вперёд. Кулинарка Матрёна Сергеевна и Парасковья «коптельщица» находили ещё кое-какое применение своим «талантам», а Павел Иванович – нет. А от деревни он тоже отвык. Лето он провёл в деревне, а потом куда-то «смылся». Так и передавали теченские «историки».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 328-329.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

«Шолины»

[1965 г.]

Это было их прозвище, а фамилия была звонкая – Бекленищевы. На селе было две семьи с этой фамилией, очевидно, связанных узами родства, хотя внешне это родство ничем не проявлялось.

Одна семья, более многочисленная по составу, жила на Горушках, в юго-западном секторе села, на угоре, отчего и получилось название этого сектора «Горушки», а лучше было назвать его «Горюшки», потому что здесь обитала, за небольшим исключением самая что ни на есть беднота села, частично ремесленники, с малыми наделами земли – чеботари, пимокаты и живущие на подённой работе. Живущие здесь «Шолины» были знаменитыми не только на селе, но и по округе его, пимокатами. Были ещё на селе пимокаты Карповы, прибывшие из «Расеи», но они пока что ещё не сумели приобрести популярности, и «Шолины» были в некотором отношении монополистами по ремеслу. Земли у них, надела, было, как говорится, «кот наплакал», а жили они ремеслом, а работой были загружены на все сезоны года. Работали: отец, мать и подрастающие – сын и дочь. Катали они кошмы, подхомутники, пимы – это главным образом, а изредка поярковые шляпы. Катали на дому у заказчика: это, как и шитьё скорняжных вещей – тулупов, частоборов и пр. делалось из опасения, как бы мастера не украли чего-либо из материала заказчика. Хорошо, если у заказчика была клеть, нечто вроде горницы, то было не так тесно в избе, а если клетки не было и всё было расположено в одной избе – и жизнь хозяев со всеми её атрибутами, и принадлежности, и материал для работы мастеров, то получался сущий ад, не лучше дантовского ада из его «Божественной комедии»: грязь, пыль, звук шерстобитной струны, вонь от закиси шерсти и обжига пимов – такова картина жизни хозяев и условия работы мастеров. Летом на этот случай выставляли в избе рамы, а в остальные сезоны все задыхались в этом аду. Отсюда и вид у мастеров и их детей был особенный: бледные лица, преждевременная сутулость, худоба, вялость в движениях.

Жив был ещё в семье дед. Он в отличие от других членов семьи вёл жизнь на лоне природы – был рыбак. За исключением зимы он проводил время на реке: на «Штатском месте» у него была долблёная лодка – «бат»,

лежала опрокинутой, без привязи и замка. Времена были патриархальные – никто не зарился на это добро. Сюда приходил он со своими жерлицами, отправлялся вверх по реке и расставлял их среди купавок и лилий, а по истечению известного срока являлся за добычей и снимал щук, окуней, чебаков и редко линей. Ставил он и морды в подходящих для постановки их местах: узких проходах между островами, расположенными в разных местах по реке, в копанцах и у запруд. Старик специализировался на ловле речной рыбы и соперником его был тоже живший на Горушках Андрей Абрамович, который «грешил» заглядыванием в чужие морды и был кем-то убит около одного копанца.

Старик подкармливал рыбой семью, а часть продавал. Как сейчас помню его: среднего роста с большим сократовским черепом, лысый, загорелый, в рубахе с открытым воротом, без пояса, босой, в домотканых пёстрых холщовых штанах, без шапки, подходит он к бату, сталкивает его с берега в воду, садится, длинным шестом отталкивается от берега и направляется в свои владения. Вижу его также в поярковой шляпе, зипуне и сапогах-бахилах, густо смазанных дёгтем, с корзиночкой, в которой в траве запрятана рыба, шествующим на продажу своей добычи, одетым, так сказать, официально, в соответствии с моментом. Потом вижу его уже в лавочке А. Л. Новикова, закупающим сахар, спички, керосин и пр. Обмен товаров налицо.

Вижу также приземистую с дерновой крышей избушку с жердяными воротами и небогатыми «службами», свидетельствующими о том, что хозяева не настоящие землеробы, а больше ремесленники деревенского типа.

Со стыдом приходится вспоминать, как когда-то наехали мы на лодке на систему жерлиц старика и спутали её. Старик бегал с жалобой на преступников к их родителям и был жалок до сердечной боли. Было-было, как говорится, из песни слов не выкинешь.

Вторая семья «Шолиных» жила на задах у теченского купца Антона Лазаревича Новикова, по мере того, как он обрастал хозяйством, теснил своих соседей к обрыву горы, и, в конце концов, покосившаяся изба их оказалась у самого спуска с горы, усадьба была маленькая с таким же небольшим огородиком. Помню небольшую покосившуюся избу, ворота из жердей. Не помню хозяев, но хорошо помню мальчика, их единственного сына. Он был по развитию близок к крестину, был очень нечистоплотным с повышенным выделением слюны, которая стекала на рубашку, и грудь её всегда была влажной. Летом кружились около неё мухи, было неприятно видеть эту картину. Мальчика звали Стёпкой и прибавляли прозвище – Шоля-моля-Стёпка-шоля-моля. Избушка фасадом выходила в проулок между усадьбой Новикова и попа Бирюкова Владимира и была, как бы зажата этими усадьбами, так как мимо неё был только узкий проход и спуск очень крутой к речке. У попа была большая и озорная семья, и Стёпка-шоля-моля часто был объектом злых шуток и насмешек над ним. Так с ним мальчишки из поповской семьи однажды устроили шутку, благодаря которой он вошёл в анналы Течи в качестве печального героя её.

Первым земским начальником в Тече был Габриельс, очевидно, из поляков, высланных в Сибирь после раздела Польши в ... году. У него было три дочери, которые учились в каком-то институте благородных девиц и мальчик-кадет. Он был вдовец, а дети на каникулах были под надзором бонны. Габриельс дружил с попом Владимиром Бирюковым и временами всей семьёй бывал в гостях у попа.

В поповской ограде были качели – гигантские шаги. Девочка-институтка однажды на них качалась, а один из мальчиков Бирюковых решил над ними подшутить. Он подговорил Стёпку-шолю-молю подойти к ним и отрекомендоваться: шут Балакирев. Стёпка подошёл к одной из них, протянул руку и сказал: «Здравствуйте, суки, балаки». Получился скандальный конфуз. Молва быстро разнеслась по селу, а Стёпка-шоля-моля, таким образом, прославился как чуть ли не борец с «барами» за социальную справедливость.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 60-70 (рукопись), 103-107 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Мишка «Чигасов»

[1961 г.]

Он жил на задах у «Расторгуевых». «Чигасов» – это было его прозвище. Звали его когда-то Михаилом Павловичем, но потом он «сбился»: всё пропивал и разорял семью. У него было две дочери, которые в возрасте 17 лет вышли замуж.

Жили они сначала довольно справно, по-среднячки, а потом всё пошло прахом. В Тече издавна была «монополька», по-простонародному «кабак». Он «обслуживал» большую «округу». «Справные» мужички на свадьбы приезжали к нему с лагунами и из четвертей выливали вино в них. Выпивали на свадьбах вёдрами. Как правило, пьянствовали, но не до того, чтобы сделаться алкоголиками, а «Чигасов» сделался уже настоящим алкоголиком. Этим и «прославился» на селе.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 319 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Явился он в Течу не известно откуда в качестве агента компании Зингер: продавал в рассрочку швейные машины. Радиус его производственной площади охватывал добрую половину Шадринского уезда, а понравилась ему Теча: тут он и осел. Что только было с теченскими «бабами», у которых хозяйство было «справным»! «Мужикам» проходу не давали: «купи, купи!» Да и правду сказать: у некоторых семьи были до восьми-десяти человек. Поковыряй иголочкой! Да и материалы на шитьё пошли «покупные»: у Антона Лазаревича в лавке полки ломились от ситца, корта, плиса, кашемира, канифаса и сатина. Тяжело всегда начать, даже и в том случае, когда говорят: первая колом, а вторая соколом». А когда по деревне пошли разговоры от одной «бабы» к другой: «Чула – тётка-то Настасья машину купила», да когда посмотрели, как эта машина шьёт, ну тут уже агентировать не надо. Дело у Ивана Антоновича «зажило». А тут ещё скончался единственный теченский портной Павел Михайлович Постников, а Иван Антонович к этому ремеслу тоже «был причастен». И вот Иван Антонович «прибился» к теченцам, стал «своим». Был он человеком грамотным, а писать даже мог с «завитушками»: не зря он был замечен агентурой «Зингера». Был у него единственный сын Ванька Ширяев, ходил в школу. И вот теченская учительница Елизавета Григорьевна стала замечать, что Ванька пишет с разными «завитушками», чему она не учила. Узаглавных букв, где только будет подходящий случай, нет-нет, да и подмахнёт что-то вроде свиного хвостика. Елизавета Григорьевна к нему: «Кто это тебя учит?» - «Мой папа» - отвечает Ваня.

Всё было хорошо у Ивана Антоновича, вот только дом «справить» не мог: пришлось трепаться по квартирам. «Наголодался!» Зато, как только Пеутиных, теченских негоциантов, раскулачили и выслали из Течи, он первый вошёл в их хоромы. Он и раньше тосковал по этим хоромам, когда «обшивал» на дому их хозяев, и вот, наконец, дождался, что пришёл праздник и на его улицу.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 340-341.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Несмотря на то, что я встречался с ним более шестидесяти лет тому назад в дни своей «туманной юности» и прошло более тридцати лет, когда была моя последняя печальная встреча с ним в Свердловске, он, т. е. его образ, до сих пор, как живой, стоит перед моими глазами, образ теченского землероба, мужичка среднего «достатка», середняка, по принятой в настоящее время терминологии. Стоит он передо мной приземистый, худощавый с добрыми глазами, но с какой-то едва уловимой хитрецей во взгляде, и мне так и кажется, что он вдруг обратится ко мне со словами: «Что, Вася, ты всё ишо учишься? Ну ладно: учишь, учишь!» Было так и на самом деле: однажды, когда мне было уже около двадцати лет, Алексей Тихонович так и спросил меня, а на мой положительный ответ, пожелал мне успеха в моём учении. Тогда же другой знакомый мой теченский мужичок из «расейских» переселенцев – Николай Васильевич Пеутин – тоже мне задал такой вопрос, но, получив мой ответ, предостерёг меня: «смотри, парень, не переучись», Эти два случая впоследствии были предметом моего обдумывания на тему о том: кто же из этих двух моих деревенских знакомых мужичков продуманнее разрешал вопрос о значении образования: Алексей Тихонович или Николай Васильевич, а возникал у меня этот вопрос потому, что так часто приходилось встречать у наших мужичков скептическое отношение к людям с образованием. Подойдёшь, бывало, к группе знакомых мужичков, когда они жнут или косят, и вот они начнут, как у нас говорили, «подцыганивать» над тобой: «ну-ко, Вася, покоси или возьми серп и пожни», и делали это заведомо зная, что Вася не может этого делать. При этом так и проглядывало у них намерение подчеркнуть, что я-де вот настоящий работник, а ты нет, моя работа – это настоящая работа, а твоя – нет, и ни к чему это твоё учение. Я был склонен думать тогда, что у Алексея Тихоновича было хоть, может быть, не вполне осознанное, а смутное понимание значения образования.

В Тече и окрестных сёлах и деревнях уже были случаи, что отдельные мужички старались в меру своих материальных возможностей учить своих детей дальше после успешного окончания ими сельской школы, в двухклассных училищах и даже в гимназиях. Так, сын теченского мужичка – Павла Александровича Суханова – Миша учился в Шадринском реальном училище, а дочь беликульского мужичка Добрынина – Марина училась в Шадринской женской гимназии. Алексей Тихонович не имел такой возможности – «сил не было», но он, очевидно, понимал значение образования инстинктивно и искренно желал мне успехов в учении. «Чуют правду» - так можно было сказать о таких мужичках.

Как произошло моё знакомство с Алексеем Тихоновичем?

Жил Алексей Тихонович не в соседях с нами, но и не в столь большом отдалении. В деревнях пространственные отношения во многих случаях

были условными – не поддавались научным определениям и исчислениям пространства. Особенно в сознании мальчишек. Все места, где жили друзья по играм, считались близкими. Однако, понятие о пространстве с возрастом расширялось эмпирически, так же, как постепенно разрастался круг друзей. Сначала мы дружили с соседскими мальчиками, а потом – в школьные годы – заводили друзей уже и подальше от своего дома. Играли шариком, в пряталки, «конями-ворами», при этом и происходило взаимное ознакомление: тяти и мамы наших друзей привыкали видеть нас в обществе своих Васек, Ваней, Петек, а мы, дети, приглядывались к этим тятям и мамам. И как-то сами собой устанавливались сердечные связи между этими тятями и мамами и нами, детьми. Когда мы стали взрослыми и вспоминали об этих своих деревенских знакомых – мужичках и тётушках, - то всегда восхищались их добротой и каким-то врождённым благородством и сердечностью. Вот так произошло и моё знакомство с Алексеем Тихоновичем ещё в детские годы.

Позднее, в юношеские годы, часто приходилось видеть Алексея Тихоновича по понедельникам на теченских базарах. Он жил недалеко от базарной площади и по примеру многих теченских мужичков был «завсегдатаем» на базарах. Для нас же, вечно подвижных и ищущих развлечений юношей, базары были и местом встреч со знакомыми парнями и девушками из торговых семей, и предметом наблюдений за «быстро текущей» жизнью. Алексей Тихонович обычно находился на базаре в толпе «зипунников», стоявших у «товара» нашего теченского «купца» - торговца лошадьми Ивана Сергеевича. Вот и теперь я вижу Алексея Тихоновича в этой толпе «зипунников». На голове у него поярковая круглая шляпа с выленялой плисовой ленточкой у основания конуса. Шляпа теченского производства пимокатов «Шолиных», что живут на Горушках. Много на своём веку, как видно, «претерпела» эта шляпа: и дождём её мыло, и пылью засыпало, и солнцем припекало, и вся она порыжелела. Такой же под стать шляпе весь порыжевший зипун, выдавший те же виды, что и шляпа, на Алексее Тихоновиче затянут в два с половиной оборота опояской, которую ему, вероятно, любовно выткала из разноцветных ниток благоверная супруга. Зипун суконный «домотканного» производства, а у опоясок концы сделаны кисточкой по моде. На ногах у Алексея Тихоновича были сапоги с широченными голенищами и такой величины, что, вероятно, сам русский император Пётр Алексеевич Первый смог бы натянуть их на свои «великодержавные» ноги. Сапоги у Алексея Тихоновича явно рассчитаны были на то, чтобы и зимой можно было намотать на ноги такие «онучи», целые половики, что никакой мороз не доберётся до ног. Сапоги густо смазаны были дёгтем, до блеска. Стоит жар, но Алексей Тихонович, как и другие, в полном одеянии, комильфо: так требует базарный этикет. Стоит Алексей Тихонович, глаз не сводит с «товара» Ивана Сергеевича и видно, что в голове у него извечная дума мужицкая о коне, сподвижнике в его трудах. Вот, наконец, Алексей Тихонович, оторвал свой взор от коней и отправился

домой. Я слежу за его тяжёлой походкой, в перевалку, с нажимом на землю. Этот вид возвращающегося с базара Алексея Тихоновича вспомнился мне однажды позднее, когда я где-то прочитал, что иностранцы, размышляя о судьбах наших русских мужичков, иногда задавали вопрос: «почему у них такие тяжёлые «зады», «почему они как бы волочат их». Я признал, что это правда: сказано метко; что вот такой именно вид и был у Алексея Тихоновича, но для меня был ясен ответ на поставленный иностранцами вопрос: стоило только посмотреть на любого из наших мужичков на поле за сабаном при подъёме паров или когда он целые копы сена подаёт парильником при образовании зарода, чтобы понять, отчего у наших мужичков получилась тяжёлая поступь.

Прошли мои юношеские годы, и я в течение нескольких лет не видал Алексея Тихоновича. Но вот судьба меня снова свела с Алексеем Тихоновичем и в такой обстановке, в какой я никогда не думал с ним встретиться. В июле 1914 г. мы, будучи молодожёнами, заканчивали своё «брачное путешествие» после посещения Эстонии и Финляндии и направлялись в Течу. В Челябинске на станции нас должен был встретить ямщик из Течи, и им оказался Алексей Тихонович. Признаться, я был удивлён тем, что таковым оказался Алексей Тихонович: я просто никак не думал, что у него может быть такой «талант». Нашим семейным «придворным» ямщиком был Терентий Яковлевич. Мы привыкли к нему, как к нашему бессменному ямщику и были убеждены, что у него есть именно «талант» в этом деле, и что не всякий может быть ямщиком, а тут вдруг оказался «приставленным» к этому делу и кто же – Алексей Тихонович. И вот пред нами предстал Алексей Тихонович во всей своей красоте, как он описан уже выше. День был жаркий, как бывает в Петровки, но Алексей Тихонович был в полном своём одеянии, так сказать, официально один, опять как это требовалось по этикету от кучера.

Вышли мы на площадку у вокзала, и я ахнул, увидев «пару гнедых» Алексея Тихоновича. Перед глазами моими предстали две «коняги» в точности, как описан Коняга у Салтыкова-Щедрина. Не прибегая к прощупыванию, только глазами можно было пересчитать у них рёбра. На крестце видны были бабки, и шлеи на том и другом отвисли по бокам. Стояли «коняги» с опущенными головами в глубокой задумчивости, изредка помахивая хвостами. По всему было видно, что совсем недавно они волочили в поле тяжёлый сабан, а сейчас Алексей Тихонович немножко подкормил овсом и «приставил» на вокзал. Ну, думаю, как-то ты, Алексей Тихонович, домчишь до Течи на своих «рысаках», а ехать нужно не меньше восьмидесяти вёрст. К тому же путешествие наше в те времена было громоздким: надо было уложить солидную корзину с одеждой, разные картонки с мелкими вещами из одежды и пр. И вот, наконец, Алексей Тихонович всё распределил: сзади на дроги, себе на козла и под ноги, воссел на козлах, как на троне, натянул возжи, и «рысаки» пошли. И пошли они не рысью, не иноходью, а тем манером, своеобразным способом бега, который

назывался у нас «трусцой». Смотришь на них и не разберёшь: то ли они бегут, то ли быстро шагают, но двигаются они методически, ровно, как часовой механизм, как обречённые на «*perpetuum mobile*», а Алексей Тихонович посиживает себе, даже кнут не показывают, а только тоже ритмично, под шаг своих «рысаков» скандирует: «Эй, соколики», «эй, соколики». А «соколики» бегут и бегут без остановки. Что за «притчи»! Вот тебе и «коняги»! Решил я вызвать Алексея Тихоновича на азарт и говорю: «Ну, А. Т., если засветло нас привезёшь в Течу, добавлю тебе за подводу целковый». «Идёт» - принял вызов Алексей Тихонович... и в семь часов вечера мы были уже в Тече.

Надолго после этого мы расстались с А. Т. Кончилась первая европейская империалистическая война, прошла Октябрьская революция, шёл девятьсот тридцатый год. Мы жили в Свердловске. В городе тогда на рынках можно было часто встретить деревенских раскулаченных мужичков и женщин. Ходили они по базарам и продавали рубахи, полотенца, платки, половики и пр., очевидно, из предметов прежнего приданого. Бывали совершенно неожиданные встречи. Вот так неожиданно я встретил Алексея Тихоновича на улице Малышева. Был сентябрь, и осень вошла в свои права. Ночами было уже холодно. Днём пропархивал снег. Никак не думал я, что могу встретиться с Алексеем Тихоновичем в Свердловске, далеко от Течи. Боясь «вклепаться», я долго приглядывался к нему, пока, наконец, убедился, что это был он. На нём был тот же зипун, о котором речь была выше, те же сапоги, только на голове была не шляпа, а шапка из собачьей шкуры. Ещё больше он пригнулся к земле, посерел, сжался. «Ты ли это, А. Т.? – спросил я его. «Да, это я, Василий Алексеевич», - ответил он мне глухо, и я не мог понять: то ли обрадовала его эта встреча со мной, то ли вызвала у него какую-то горечь о том, что, дескать, вот как мы встретились в тобой в печальной обстановке: не так бы нужно было встретиться.... И Алексей Тихонович поведал мне свою печальную историю с высылкой его из Течи. Оказалось, что в Свердловске он жил недалеко от моей квартиры на ВИЗе. На берегу Исети, у первого рабочего посёлка ВИЗа, выстроены были каркасные бараки, плохо защищавшие от холода в них. В этих бараках поселены были раскулаченные из разных мест Свердловской, Челябинской, Курганской областей. В числе их была и семья Алексея Тихоновича. Я знал, что у Алексея Тихоновича был сын, которому, по моим расчётам, должно быть за двадцать лет, и спросил: где же он? А. Т. ответил: «Он в Красной армии». «Как же так?» - в свою очередь спросил я А. Т., - «сын в армии, а тебя раскулачили?» «А вот так, - сказал он: не посмотрели ни на что».... Расстался я с Алексеем Тихоновичем с сознанием чего-то гнетущего, тяжёлого на душе, как будто бы я и был участником чего-то неправильного, несправедливого, что было сделано с ним. Я перебрал в своей памяти всё, что относилось к моему знакомству с А. Т. по жизни в Тече. Я вспомнил его домик, который был недалеко от базарной площади. Домик состоял из кухни и горницы. У него была железная крыша, а чуть ли не она была тем роковым

признаком, по которому хозяйство А. Т. было отнесено к кулацким, а он отнесён был к категории кулаков. Жил он, конечно, справно, как у нас говорили о мужичках его типа, но ведь это давалось ему не в виде манны небесной, а той ценой, которая сказалась потом на его тяжёлой походке, на приземистой фигуре и его жилистых руках. Но лес тогда рубили с плеча, и, как всегда, летели щепы. И в их числе, образно выражаясь, оказался и Алексей Тихонович. Больше с ним я в жизни не встречался, и мне остались неизвестными последние страницы его «Одиссеи».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 741-750.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» имеется ещё один одноимённый очерк «Алексей Тихонович» в составе «Очерков по истории Зауралья». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 25-28.), в который повторяются те же эпизоды. В «свердловской коллекции» также имеется очерк «Алексей Тихонович» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть V. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 382).

Александр Степанович Суханов

[1961 г.]

Его в интимном кругу знакомых и даже среди членов церковного причта называли: «Санко Суханов». Да, он был когда-то Санком Сухановым и на глазах у всех оформился в Александра Степановича Суханова. Это была метаморфоза, достойная таланта Овидия Назона для увековечения в памяти потомков. У церковного причта были свои основания называть Александра Степановича «Санком», потому что Санком именно, в юношеские годы, он стал подпевать за богослужением псалмопевцам, а потом по привычке и любви, уже сделавшись Александром Степановичем, приходил в церковь, становился у клироса и звучным тенором пел все песнопения: «Иже херувимы», «Милость мира», «Тебе поем», не считая уже таких элементарных, как «Господи, помилуй», или: «Тебе, Господи». Когда же в запричастном дьячок запевал «О, всепетая Мати», а хор должен был подхватить «Родшая всех...» он «возносил». Голос его приобретал необыкновенную силу и выразительность; он покрывал голоса всех, но не мог только пересилить сопрано Екатерины Ивановны, которая в этом случае пребывала в состоянии экстаза. Его голос все знали, и по нему определяли, присутствует ли он за богослужением, или нет. Бывало и так, что он с запозданием появляется в церкви, и когда он через толпу проходил к клиросу, то все ему уступали дорогу.

Что скрывалось за названием его Александром Степановичем? В деревне отчествами по чьм зря не разбрасывались, а если кого-либо «величали» по отчеству, то это значило, что этот человек имеет вес. А значило это вот что.

На Зелёной улице, ближе к «нижнему» концу стоял большой деревянный дом с шатровой крышей. Около него было много «служб» -

амбары, конюшни, сараи, погреб и среди них «малуха» и баня. За ним пригоны и ещё конюшни. Около дома под крышей был комплект молотильного агрегата и «жатка-сноповязалка» системы Мак-Кормик. По селу иногда разгуливало стадо коней – 10-15 голов с затабунником. Это были кони Александра Степановича. Когда «поднимали» пары, то у него были в работе три-четыре тройки и отдельно лошади для боронования. Когда кони на работе «забивались», то их пускали в табун, а из табуна брали на смену других. Засевал Александр Степанович десятин тридцать-сорок, а «парил» двадцать-двадцать пять. Хозяйством у него ведал сын – Павел Александрович, а он сам на своём пеганке в ходке на железном ходу приезжал только проконтролировать ход работ. Откуда брал он землю? «Подбирал» у тех, кто «захудал» и не мог «поднимать» землю. Арендовал у татар, которые сами не «робили», а жили на земельную ренту. Сын его Павел был грамотным и «учил» своего сына Михаила в Шадринском реальном училище. Это было уже новое явление в наших краях. Известно ещё было, что один мужичок в Беликуле «учил» свою дочь в Шадринской женской гимназии.

Михаил Суханов кончил университет на юриста и работал при советской власти по этой специальности, а всё остальное пошло «обычным» порядком.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 345-346 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Чесноковы

[1961 г.]

«В движенъи мельник жил, в движенъи».

Романс, муз[ыка] Ф. Шуберта.

Фигура мельника не раз отмечалась писателями, поэтами и композиторами. Ещё когда русская опера делала свои первые робкие шаги, а одной из них персонажем был избран мельник, «плут и колдун». Гением Пушкина и Даргомыжского создана одна из лучших русских опер «Русалка», главным действующим лицом которой является мельник. Гением Ф. И. Шаляпина литературно-музыкальному образу мельника в этой опере придана классическая форма. В одной из своих басен И. А. Крылов тоже рассказывает о мельнике, у которого просочилась вода сквозь плотину. И. С. Тургенев в своём рассказе «Ермолай и мельничиха» нарисовал образ жены мельника. Наконец, кто не восторгался романсом Ф. Шуберта, указанным в эпитафии настоящего очерка. И, конечно, мельник заслуженно так почтён в литературе и музыке: ведь он именно вырабатывал и теперь вырабатывает муку, из которой нам готовятся и куличи, и торты, и бабки и многое, многое другое. Он – посредник между нами и природой, представитель технического прогресса в мировом масштабе. И когда видишь его в опере «Русалка», жаль

его особенно в наши времена. Смотришь и думаешь про себя: «не так бы надо сделать с этим прохвостом князем, как показано в опере, а вызвать его в нарсуд и «пришпандорить» алиментами, как следует, и никаких русалок не надо. Но об этом можно только думать, а художественное произведение нельзя так модернизировать. Это было бы святотатством. И в жизни без мельника и мельницы не обойтись, а тем более в прошлые времена в деревне, где он был и царь, и бог и где все приносили ему честь и почтение, и пять фунтов зерна за помол с пуда.

Наша маленькая речка Теча вся перегорожена была мельничными плотинами: через каждые 5-6 вёрст, так и знай, сидит какой-либо мельник: собственник предприятия или арендатор от деревни. Были мельницы при деревнях, между деревнями. Еремеевская мельница расположена была между Течей и деревней Пановой почти на середине между ними. Называлась она Еремеевской по имени основателя её – Еремея Чеснокова, умершего ещё до нашего появления на свет Божий. Расположена она была в живописной местности у высокого берега реки. Когда подъезжаешь к ней с запада, со стороны Сугояка, то издалека виден обрывистый берег, а самой мельницы не видно: она скрыта за березняком. Когда же подъезжаешь с востока, с тракта на Челябинск, то далеко-далеко в перспективе виднеются поля, перелески и вдруг дорога подходит к обрыву, а внизу около него речка, и чуть видна мельница в окружении берёз и осин. Глухой шум падающей воды говорит о том, что тут мельница. Около мельницы виден пятистенный дом с балконом и хозяйственными постройками. На вершине обрывистого берега растёт вишня, а около на лугу всегда было много клубники. Спуск к мельнице был искусственный. Каждый год после таяния снега его нужно было подправлять: где прорывать, где засыпать и укреплять. Для производства этих работ Чесноковы устраивали помочь – клич на Теченском базаре, и желающих было всегда много, потому что угощали они по чистой совести и сам хозяин – старший брат из троих наследников любил погулять. Спуск нужно было содержать в порядке, потому что большинство клиентов для приезда на мельницу должны были пользоваться им. Мельница была на славе. У нас с этой мельницей были особые хозяйственные связи: с ближнего поля мы приводили сюда лошадей на водопой. Для этого приходилось ездить верхом примерно с полверсты. Дорожка шла по открытой местности по межам. На этой дорожке однажды один теченский или черепановский мальчик. Он гнал лошадей махом и упал на голову; у нас по этому поводу говорили так: «сон сломал лён». Территория мельницы с запада была обгорожена пряслон, так что приходилось слезать с лошади, открывать и закрывать ворота, быстро прыгать на лошадь для подъезда к реке, а ноги приходилось поднимать к шее лошади, потому что при приближении к воде нас встречала целая стая дворняжек – рыжих, пёстрых и чёрных – готовых схватить за ноги, пока их кто-либо не окликнет, не отзовет. Мельница стояла в глухом месте и, хотя на ней обычно были подводы ожидающих помола, но хозяин держал жов, благо кормить их ничего не стоило: на стенах мельницы было всегда много «буса»,

из которого можно было выпекать для жов хлеб. Мельница в нашем воображении рисовалась нам таинственным жилищем и водяных, и русалок, как об этом рассказывал один из мальчиков из «Бежина луга» И. С. Тургенева. И в самом деле: где в деревне, кроме мельницы, можно было увидеть такую технику, нигде, а раз мельница представляет из себя что-то таинственное, загадочное, то естественно около неё и сплетались разные легенды. Проезжая с дальнего поля вечером, мы любовались издали обрывистым высоким берегом и фантазия рисовала разные картины на нём: то витязя верхом на коне, то человека, который вот-вот спрыгнет с горы и полетит к нам. Рождались иногда странные желания: посадить бы на вершину обрыва человека с гармошкой, сидел бы он, спустив ноги по линии обрыва, и играл так, чтобы всё видимое ему пространству с полями, колками наполнилось звуками, хвалой этому тихому вечеру и всё бы запела:

Слети к нам, тихий вечер,

На мирные поля.

Тебе поём мы песню,

Вечерняя заря.

Как тихо всюду стало

Как воздух охладел,

И в ближней роще звонко

Уж соловей пропел.

Слети же к нам, тихий вечер,

На мирные поля,

Тебе поём мы песню,

Вечерняя заря.

Чего-чего только не подскажет пылкая детская и юношеская фантазия, согретая любовью к своей родине и к своим родным местам.

После смерти Еремея, осталось три сына: Пётр, Константин и Александр. Константин и Александр учились ещё в Теченской школе: старший – в третьем классе, младший – в первом. Жили они на квартире вблизи школы. Пётр хозяйничал на мельнице. Часто его можно было видеть на Теченском базаре верхом на лошади, когда ему нужны были или плотники, или землекопы. И звали его все Петром Еремеевичем.

В отличие от других мельников, например, от черепановских Мизгирёвых – кержаков, которые вели замкнутый образ жизни, Чесноковы были общительными людьми: сами ездили по гостям и принимали у себя гостей. Семья стремилась к культурному устройству своего быта. Пётр Еремеевич совершил большой шаг в развитии техники мукомольного производства, поставив у себя турбину взамен мельничного колеса. Это было большим событием в наших краях – целой революцией и свидетельствовало о высоком культурном уровне хозяина мельницы и его смелости. Однако ему не пришлось долго пользоваться своим нововведением, так как произошла Октябрьская революция. Ввиду предстоящей национализации его предприятия, он покончил с собой самоубийством, завещав поставить

турбину памятником на его могиле, что, как говорили теченские жители, и было выполнено. В этом факте вкралась его полная несознательность и политическое уродство.

Его братья – Константин и Александр после О[ктябрьской] р[еволюции] работали в хозяйственных организациях района, а дочь его Мария Петровна, закончив среднюю школу и получив среднее педагогическое образование, работала учительницей в Теченской семилетке, преобразованной потом в десятилетку.

Мне удалось трижды побывать на высоком берегу реки Течи, у которого когда-то стояла Еремеевская мельница. При первых двух посещениях я издали видел остов мельницы, и вспоминалось из «Русалки»: «Вот мельница: она уже развалилась. Знакомый шум колёс её умолкнул. Ах, видно, умер и старик».

В 1960 г. мельницы уже не было. Передо мной открылась знакомая даль полей и лесов, но многое было уже в ней иначе, чем в наши детские годы. Не было загородки около мельницы, не видно было межи, по которой мы водили лошадей к мельнице на водопой. Не было, очевидно, и дороги, по которой мы ездили на дальнее поле. Был сплошной массив поля, не разделённого межами. Берёзки и сосны в колках, очевидно, выросли и стали более пышными. Но главное, что бросилось в глаза, то это то, что в полях не было ни людей, ни лошадей, как это прежде в это время было здесь, когда производилась уборка пшеницы. Раньше здесь всюду виднелись фигуры жнецов, вблизи паслись лошади, на которых они приезжали и уезжали домой. Теперь было мертво. Вот-вот придёт сюда комбайн и мигом уберёт урожай, а потом с такой же быстротой пройдут тракторы, сеялки, культиваторы и прочие машины, и поле опять будет мёртвым. Машины впитали в себя силы людей, лошадей и сделали излишним присутствие и тех, и других в большом количестве: они омертвили пейзаж. Спуск к реке уже весь превратился в запущенный ров, поросший травой и различными цветами. На горе сохранился вишняк, а около него и в нём ягоды клубники. Случайно встретился мужчина с девочкой за всё время, как мы ходили по лесу. Ни на дороге, ни в лесу никого не было, кроме него и девочки. Он объяснил, что у него этот день был выходной, и он решил с дочерью прогуляться за ягодами. Глядя в даль за реку, он стал рассказывать о том, какие тут произошли перемены, где тут раньше был штат, т. е. церковные земли, где были теченские дома, где – черепановские. Всё это было «преданья старины глубокой».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 442-448.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Бывает иногда так, что о ком-либо много слышишь, часто и навязчиво, а его самого не видишь; фантазия же властно требует: создай и подай его образ. И вот начинаешь строить в уме этот образ на основании рассказов о нём и образов виденных людей, его окружающих, а потом, когда увидишь его, то сам поражаешься тому, как же тебе удалось так угадать сходство созданного твоей фантазией образа с натуральным видом этого персонажа. Так получилось у меня с Архипком: мне рассказывали о нём, как об озорном вихрастом мальчишке, задиристом, бойком на язык, с хитрецей и изворотливостью, одним словом, как о настоящем волчонке. Моя фантазия мне подсказывала, что он должен быть обязательно рыжеватым и с веснушками, курносый. Но мне увидеть Архипку мальчишкой так и не удалось, а встретился с ним я много позднее, о чём речь будет ниже.

Архипко жил на Горушках. Хорошая половина обитателей этой юго-западной окраины Течи награждена была прозвищами: «Волковы» и «волчата», причём дифференциация по этим прозвищам производилась, очевидно, по субординации: кто были побогаче – именовались «Волковыми», а кто победнее «волчатами». Я много раз бывал на Горушках, и видел там дома, из которых одни по виду можно отнести к «Волковым», а другие к «волчатам». Я примерно, не совсем, правда, уверенно знал избушку, где жили родители Архипка: избушка была небольшая, с малым количеством «служб», а ворота были из жердей.

Первый раз я встретился с Архипом, уже когда он был мужиком, после Октябрьской социалистической революции. В 1927 году мне пришлось сопровождать из Свердловска в Течу сестру, только что перенёсшую тяжёлую операцию.

Из Катайска в Течу нас вёз брат, а на обратном пути я решил воспользоваться попутной подводой на Челябинск. Мне удалось найти попутчиков. Одним из них был наш хороший теченский знакомый – Андрей Павлович Постников, работавший раньше портным, а теперь заготовителем кооперации, а другим – Архип. У Андрея были лошадь и телега кооперативные, а Архип выступал по найму, как единоличник. Когда я увидел в этом случае Архипа, то был удивлён, насколько созданный моей фантазией его образ от времён детства соответствовал его теперешнему виду, а именно: он был рыжеватым, курносый, бойким на язык, подвижным, что означало, что первооснова его внешнего вида сохранилась. Это было то, что относилось к его внешнему виду. Оставалось ещё как-то связать его внутреннюю характеристику с той, какая сложилась у меня раньше. И вот что оказалось: Архип предстал передо мной в роли заядлого сторонника единоличного ведения хозяйства. Это было накануне последнего наступления на кулаков.

Теча представляла из себя взбаламученное море идеологической борьбы. Идея коллективизации хозяйства и труда всё шире пробивала себе дорогу, но Архип, сам маломощный крестьянин, стоял на позициях сторонников единоличного хозяйства, одним из идеологов которого был, как мне было известно, теченский мужичок-среднячок Николай Иванович Лебедев. Последний выработал для своей деятельности девиз: «Нужно жить умом», в который он вкладывал такой смысл, что нужно всячески изворачиваться, чтобы сохранить свои позиции. Этот же «символ веры» был и у Архипа. В 1929-[19]30 г. над Течой, как и над другими местами СССР, пронеслась буря перестройки деревни на новых началах. Почти треть населения Течи выбыла из неё: некоторых выбыли, а другие оставили Течу «по своей доброй воле», но с прозрачным намёком на то, что и «желательно» убраться. В числе последних – «по ту сторону баррикад» оказался и Архип.

В 1931 г. я встретил его в Свердловске, и он мне поведал, что он работает на стройке в Нижнем Тагиле, имеет уже кое-какие заслуги, а о других односельчанах, вставших на его путь, он сказал, что они в большинстве «подались» на копи около Челябинска. Архип, как видно, нашёл удовлетворение в такой форме коллективного труда, где единоличное начало, видимость его – оказалась для него приемлемым. Оправдалась в какой-то степени пословица: «Сколько волка ни корми – он всё в лес смотрит». И другая: «Не мытьём, так катаньем».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 82-88 (рукопись), 132-135 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Фазыл, Ухват Карымович и их присные

[1961 г.]

Не известно, с какого времени и по каким побуждениям в нашей семье вошло в обычай летом пить кумыс не по назначению врача, а так – для удовольствия. Год за годом так пристрастились, что потом без кумыса казалось, что чего-то ровно и не хватает. Первым поставщиком для нас кумыса был Фазыл. Говорили, что он при мечети был кем-то вроде нашего псаломщика. Он привозил к нам раза два в неделю по две четверти молока и бутылку молока (штоф). Молоко привозилось на такой случай, что кумыс сильно скисал, и его нужно было разводить молоком. Иногда он привозил кумыс в четвертях, а иногда, в жаркие дни, в бурдюке. Фазыл был очень степенный татарин. Приезжал он иногда в гости с апайкой. Апайка в этом случае была одета во всё лучшее, и обязательно на груди у ней было монисто. Лицо она держала открытым.

После Фазыла кумыс привозил Ухват Карымович. В отличие от Фазыла он был назойливым и беззастенчивым: он прямо требовал, чтобы ему давали то то, то другое. Приезжал тоже в гости с апайкой. Татары – страстные

любители чая и чай любят с густым настоем. Доберётся татарин до такого чая, то только и твердит: ерар, ерар!!!

В Тече одним летом жили татарин-нищий и девочка-татарочка. Татарин ходил и просил милостыню. Молился по-своему. Татарочка тоже была нищая. Над ней иногда шутили: говорили, что нужно её крестить, а она убегала и пряталась. Много татар приезжало в Течу, когда наступала пора жатья. Приезжали они целыми семьями: целый воз детей, а жали двое. С татарами нам приходилось иметь дело, когда мы проезжали по их деревням и иногда останавливались у них пить чай. Хозяева они были плохие. Летом, когда мы возвращались в августе на учение, обычно видели, что около каждого дома у них было много плетней, служебных помещений чуть ли не для каждой животины отдельно, а весной – стоит только одна изба. Значит, за зиму всё ушло в печку. Были они не чистоплотные: когда ели махан, то глава семьи прямо рукой доставил мясо и по кускам раздавал своим семейным. Также пришлось однажды наблюдать, как татарка стряпала сальму, махан с мучными колобками. Делала она это так: брала на ладонь щепотку муки, плевела, закатывала катыш и бросала в горшок или котелок. В деревнях у них было грязно. Дома были расположены близко друг к другу и не всегда по прямой линии. Мало чем лучше стало у них в деревнях и в настоящее время. Но что бросается в глаза при проезде в настоящее время по татарским деревням так это то, что молодёжь татарская побросала прежние одеяния и одевается по общегражданскому образцу. В прежнее время у татар была особая обувь, и летняя, и зимняя, одинаковая для мужчин и для женщин: кожаные обутки, без каблучков и подошвы и голенища из сукна собственной выделки, белые, из козьей шерсти. Внизу они имели красивую вышивку из красной шерсти. Эта вышивка, очевидно, была пределом красоты в понимании её создателей. Мужчины носили безрукавые кафтаны с открытым воротом и круглыми красными под янтарь пуговицами. Шаровары мужчины носили широкие – летом из пёстрого ситца, зимой из какого-либо корта. Рубахи у них были с закрытым воротом. Зимой мужчины носили тулупы без воротников из козьих шкур, не дублёные, белые. На ноги навёртывали шерстяные онучи, так как сверху надевали летние обутки. Женщины тоже сверху надевали безрукавые кафтаны яркой окраски из шёлка, сюрсы с меховой оторочкой. На голову надевали нечто вроде шапки. Он русских женщин они отличались главным образом тем, что носили широкие шаровары и ситца с яркой расцветкой – цветами. Проезжая через деревню Муслюмову, мы в одной семье встретили русскую женщину, которая вышла замуж за татарина, когда он был в солдатах. Это было в 1908 г. Из разговоров с ней мы вынесли такое впечатление, что её больше всего угнетал татарский закон, разрешающий многоженство, но она утешала, точнее сказать успокаивала себя тем, что, дескать, русские тоже позволяют себе адюльтер. Через 9 лет положение так изменилось, что, как говорили, верх-теченские монашки, конечно, из молодых, «ничто же сумняся», разошлись по окрестным татарским деревням.

В одной татарской деревне мы заметили, что девушка закрывала лицо платком, но только в том случае, когда в избе был отец или брат, но сейчас же его открывала, приятно улыбаясь, когда никого из татар не было. Очевидно, строгости уже не было. Однако нам было известно, что татары жестоко расправлялись с отступающими от их законов. Однажды, при проезде мимо одной татарской деревни, мы были свидетелями такой картины: лошадь, запряжённая в телегу, медленно двигалась по дороге, телега была пустая, а в упряжи лошади у хомута привязана была какая-то женская фигура, закрытая с головы. За телегой шла толпа мужчин и женщин. По всему было видно, что творилось что-то неладное. Позднее мы узнали, что одна девушка отказалась пойти в третьи жёны муллы, и её наказывали.

В праздник «Уразы» был обычая женской борьбы. Нам не пришлось видеть самую борьбу, но мы видели как татары, разодетые во всё своё лучшее – старые и молодые шествовали гурьбой на лужок за деревней на борьбу.

Во многих деревнях у татар были мечети, а в Муслимовой, большой деревне, их были четыре, из которых одна была построена из кирпича, и ей придавалось значение, равнозначное с нашей соборной церковью.

Отношения между русскими и татарами были не дружными: русские арендовали у них пашни, луга, но татары поступали иногда не честно – одну и ту же землю передавали разным лицам. А если кто из них отдаёт землю в аренду, то надоедали разным клянчаньем, часто ездили в гости с разными претензиями.

В 1908 г., когда я был на лечении кумысом в русской деревне Карпиной, татары по ночам делали настоящие набеги на окраины этой деревни верхом на лошадях: воровали куриц. По части воровства лошадей они были на славе и были ловкими. Так, очевидно у катаяского земского ямщика Петра Павловича Золотухина они однажды под Крещение украли семь лошадей и были пойманы около Течи в 80 верстах от Катайска.

В наших краях были, так называемые, скрябинские земли. Они были взяты у татар, как бросовые, и отданы в аренду купцу или помещику Скрябину. Из-за этих земель происходили настоящие войны.

Любопытно, что в Шадринске одно очень важное по должности место, кажется, воинского начальника занимал татарин Султанов, который в дни призывов бывал в Тече, а в царские дни, например, 6-го декабря присутствовал в церкви на молебне, снявши свою аракетинку. Летом его семья – жена и три дочери-татарочки гостили у Стефановских.

Почему-то было принято, чтобы в пересыльной камере и у приставов на услужении были татары: это было их повинностью. На этой почве у пристава Атманского произошла однажды большая неприятность с самоваром при гостях. Дело было так: гости приехали, когда кухарка ушла на реку полоскать бельё и ставить самовар поручили Ахмету, что он и выполнил. Когда гости пили чай, хозяйке вдруг потребовался ковшик, которым черпают воду, а Ахмет плохо понимал по-русски. Хозяйка, наконец,

разъяснила ему, чтобы он принёс то, чем он наливал воду в самовар, и он принёс ночной горшок, уральник, или как его называют у нас – урыльник, по-немецки горд-урыльник имел все, присущие ему, признаки ... Что тут было! Татары раньше не разводили огороды и не садили картофель. Известно, что и русские боролись против разведения картофеля, «чёрновых яиц», как его называли. Был даже «картофельный бунт». Деды ещё рассказывали, что бунтарей тогда загоняли в жарко натопленные бани и парили до того, что они бунтовать переставали. Татарам картошку прививали иначе: приезжал в деревню становой пристав, собирал апаек, приказывал: «копай, сади» ... и никаких гвоздей. Татары побойчее, вроде иксановского Карыма, летом выезжали для житья в «коше». Сюда приводили кобыл на приготовление кумыса. «Кош» делали из войлока. Одна сторона его была завалена перинами, на которых возлежал хозяин трёх апаек. Гостю прежде всего подносилась чашка кумыса.

Татары понемногу приучались к водке. «Ара́ка аша́л» - так они говорили подвыпивши. Ухват Карымович уже требовал у нас «ара́ка».

Теперь нас уже многие из них окружают в городе, куда они двинулись на производство. Они берут себе русские имена: Надя, Галя, Нина, Анисья, Василий и т. д. Есть знакомая у нас татарочка – Нина, которая вышла замуж за русского, но заболела от родов: что-то не получилось с обезболиванием. Она осталась на всю жизнь инвалидом. Муж бросил. Мать этой Нины – Анисья – считает этот случай наказанием за то, что она, Нина, вышла замуж за русского.

В семинарские годы мы ежедневно видели, как мимо семинарии проходила в женскую гимназию – дочь сапожника татарочка Зиганшина. Только ли видели?! Где она сейчас? И как сложилась у ней жизнь?

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 431-436 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Башкиры» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть II. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

[Выходцы из «Расей»]

Пеутины

[1961 г.]

Их было три брата и поселились они в Тече так, что заняли на главной улице целый квартал. Три дома расположены были симметрично: в центре двухэтажный кирпичный, крытый железом – Николая Васильевича, по бокам деревянные с шатровыми четырёхскатными тёсовыми крышами – Афанасия Васильевича и Степана Васильевича. Около ворот последнего дома построена кирпичная кладовая.

Братья Пеутины – выходцы из «Расей» и сохранили ещё все особенности своего «расейского» происхождения: «расейский» выговор, манеру поведения, а главное – изворотливость и практичность своего ума. Свою фамилию сами они произносили «Пяутины», а теченские местные жители – аборигены – переделали её в прозвище «пауты». Авторы такого прозвища совсем не хотели, однако, подчеркнуть сходство их – Пеутиных – с кровососами-паутами, а просто воспользовались игрой слов: пеут – паут. В отношении аборигенов к пришельцам не было ничего злобного.

Манеру речи и манеру держаться Пеутиных теченцы называли «великатной», понимая под этим словом достоинство, с которым они себя держали. Среди других Пеутиных легко можно было отличить по одежде: по сапогам с лаковыми голенищами, по суконным кафтанам, по плисовым шароварам. Особенно резко по одежде выделялись женщины: они уже не носили сарафаны, а носили кофточки и юбки. Женщины не носили частобора, а пальто, шубы с прямой спинкой и воротником из какого-либо зверька. Пеутинская молодёжь уже совсем выделялась среди других тем, что старалась одеваться на городской манер: мужчины надевали визитки и брюки, а девушки модные платья. Всё это: и особенности речи, и манера держаться, и особенности в одежде, и, наконец, то, что Пеутины занимали отдельный квартал с лучшими постройками – выделяло их из общей среды, как людей с привилегированным положением. Да это так на самом деле и было. К кому первому направлялись «с Богоматерью»? К Пеутиным. К кому по большим праздникам духовенство ездило с крестом? К Пеутиным? С кем старались породниться мелкие торговцы? С Пеутиными. Да мало ли могло быть другого прочего, что могло бы при случае предоставлено Пеутиным, а не кому-либо другому.

Чем занимались Пеутины? Землёй они пользовались? Да, но это было не основное их занятие: землеробами их назвать нельзя. Ремёслами они занимались? Да, но нельзя их назвать ремесленниками в полном смысле этого слова. Торговлей, скажем, перепродажей занимались? Да, но назвать их торговцами, даже и того, который имел лавочку, в полном смысле этого слова нельзя. Они занимались всем, что их изворотливому, практическому уму казалось в данный именно момент выгодным. Например: была

потребность в людях, которые красили бы овчины – Степан Васильевич открывает красильню овчин, и семью его называют «сарапулами». Не было предприятия по сбиванию масла из конопляных семян – Афанасий Васильевич открывает маслобойню. Представится случай скупить и перепродать шкуры – будет сделано. Так и шло: летом – небольшое сельское хозяйство, зимой – какое-либо ремесло, попутная торговля тем или другим – вот так и шла жизнь Пеутиных.

Конечно, у всех у них были хорошие огороды, коровы, лошади – для пахоты и для разездов. Так жили старики, а молодёжь? Последние, как правило, учились в сельской школе. В пору зрелости девушки рассасывались по замужеству: их не «обегали», а юноши учились у родителей «вести дело», приглядывались и в меру своих талантов избирали себе жизненную дорогу. Например, у Степана Васильевича был сын Иван Степанович. Он начал с того, что красил овчины, а потом ещё сделал какие-то обороты и по соседству с родителями «сгрохал» домину, лучше отцовского. Мальчиков из семейства Пеутиных охотно на выучку брали в приказчики местные торговцы. Так, у того же Степана Васильевича был сын²¹⁹² Вениамин, очень способный мальчик, любимец учительниц. Его взял на выучку Антон Лазаревич Новиков. Дальше всего на родительской работе задержались дети Николая Васильевича, но и они потом тоже осмотрелись и куда-то пристроились по торговой части.

В школе дети Пеутиных, конечно, выделялись среди других – одеждой и прочим. Добрые мамы своим школьникам, бывало, сунут в сумку на завтрак в школе лепёшку или оладью, а Николай Пеутин, сын того, который имел маслобойню, всегда приходил с большим калачом, внутрь которого было обильно налито конопляное зелёное масло. Делился с товарищами. Так завязывалась дружба между детьми. Но и взрослые тоже интересовались детьми друг и друга. Так, наш знакомый Пётр Алексеевич рассказывал, что когда он учился в высшем учебном заведении, его однажды встретил Николай Васильевич и спросил: «ты всё ещё учишься», и когда он ответил ему, что он ещё учится, Н. В. озабоченно сказал: «смотри, парень, не переучись». Он намекал на то, что у Теченского протоиерея был один сын, который учился в Ярославском Демидовском лицее, а во время летних каникул сильно пьянствовал: Н. В. думал, что это у него получилось от того, что он переучился.

Октябрьская революция застала стариков Пеутиных уже в земле, а молодёжь раскидала по всему Уралу. В 1936 году летом Пётр Алексеевич направлялся на станцию Таватуй в гости к своим знакомым. В вагон, где он сидел, вошла шумная ватага женщин, девушек и детей. Неожиданно к нему подходит одна женщина, элегантно одетая, и задаёт вопрос: «Не бывали ли вы в последнее время в Тече?» Он ответил: «Простите, я Вас что-то не знаю. Скажите, кто Вы?» Она назвала себя женой Вениамина Пеутина, того самого,

---

²¹⁹² внук.

который когда-то стажировался на приказчика у Антона Лазаревича. Показывая на одну девушку из присутствующих, она сказала: «А это моя дочь!» П. А. был очень удивлён этой встречей. Начались разговоры. Оказалось, что Вениамин работал тогда бухгалтером в Уралзолото. Стали перебирать знакомых, и оказалось, что вся пеутинская молодёжь, в том числе и старейший из них – Иван Степанович неплохо трансформировались, модернизировались, так что можно было сказать: «Жив, жив Курилка». От родителей они унаследовали изворотливость и практичность ума. Кампания ехала на маёвку на станцию Исеть. Между прочим, они же сказали о мальчике Гурлеве, сыне теченского «синельщика», который тоже одно время стажировался у Новикова на приказчика, что он закончил рабфак и поступил в какой-то вуз. Вспомнили об Иване Антоновиче Ширяеве, который в Течу заявился как агент компании Зингер по продаже швейных машин в рассрочку и был также портным. Он именно больше всех ратовал за выселение Пеутиных и первым въехал в дом Ивана Степановича Пеутина.

Прошлым летом Пётр Алексеевич посетил Течу. Дом Афанасия Васильевича уже был куда-то перенесён, а дома Николая Васильевича и Степана Васильевича ещё стояли, но были в полном запущении.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 120-124 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Клюхины

[1961 г.]

Их было два брата: Савелий Фёдорович и Пимен Фёдорович. Они были тоже выходцами из «Расеи», но у них было меньше заметно «расейских» черт, чем, например, у Пеутиных. Можно было бы подумать, что они представляют второе поколение «расейских» выходцев и так сказать уже успели вылинять, но никто и никогда не упоминал об их предках в Тече, так что больше данных за то, что они именно и были непосредственными выходцами из «Расеи», но только, может быть, не из центральной Расеи, а из областей, близких к Уралу – из западного Приуралья. Они были чистыми землеробами.

Старики сами уже физическим трудом не занимались. У Савелия Фёдоровича были три сына и дочь. Дом его стоял на площади, у церкви. По некоторым признакам можно было судить, что дом этот раньше принадлежал каким-либо «господам». На это указывала сохранившаяся от прежних времён уборная «господского» типа, чего в крестьянском быту не было заведено, где всякие отправления были разбросаны по разным местам и самый процесс отправления носил красочное название «ходить по ветру». В доме были разделённые сенями горница и кухня или собственно изба. Горница была в

распоряжении только «лёлева». Так в семье называли детей.²¹⁹³ Горницы «лёлева» привлекала внимание детей тем, что в ней стояла горка с чашками, блюдечками, чайниками и сахарница имела форму птички, раскрашенной в разные цвета. Дети Ключины, когда «лёлева» дома не было, приводили своих друзей в горницу и с гордостью показывали эту чайницу на далёком расстоянии сквозь стекло. Перед домом был садик, в котором были две, три берёзы и густой шатёр черёмух, в тени которых росли мальвы.

При жизни «лёлева» хозяйство было налажено не плохо: были четыре рабочих лошади, три-четыре коровы, 15-20 овец. Землю и покосы частично арендовали «в татарах». Хозяйство вели сыновья Александр и Николай. Один сын, Семён, с юношеских лет отдан в ученики по торговому делу – в приказчики в село Елабугу и, таким образом, получил совершенно другое направление его деятельности, чем братья. В глазах семьи он оказался счастливым человеком, выбившимся на дорогу. Он приезжал в Течу под престольные праздники – «Девятую» и «Первый Спас» торговать разной мелочью: пряниками, орехами, изюмом, и было заметно, что семья Савелия Фёдоровича, а особенно дети, гордятся дядей Сёмой – дескать, вот какой важный человек есть в нашей семье. Нельзя не отметить, что эта именно черта – идеализация занятия торговлей и тяга к ней – являлась родимым пятном всех «расейских», прибывших в Течу, их, так сказать, первородным грехом и верным показателем того, что эти люди – выходцы из «Расеи».

«Лёлей» имел выездного коня – Пеганка, общего любимца и предмет гордости в семье. Этот конь не участвовал в сельскохозяйственных работах и однажды, когда его впрягли в борону, вырвался с ней с поля и побежал домой, волоча её в перевёрнутом виде. По счастью, он не искалечил себя. Для ребят этот случай был тоже предметом гордости: дескать, вот что может сделать наш Пеганко.

Пока Николай не женился, хозяйство по дому вела жена старшего сына – Анна Петровна, женщина энергичная и горячая. Тут соседские дети должны покаяться в неблаговидных выходках над ней. Иногда, видя её с коромыслом на плечах отправляющейся за водой, пели:

*Анна Петровна
Поехала по брёвна,
Села на пенёк –
Просидела весь денёк.*

Она оставит вёдра и бежит с коромыслом: «А я села на пенёк» - Я покажу вам пенёк». Чего, чего только на свете не бывает!

Старик умер, а за ним и старший сын. Семья стала разоряться. Дети Александра вести сельское хозяйство не смогли и пошли в разброд. Однако, и тут сказались предприимчивость выходцев из «Расеи». Старший сын Александра – Иван двинулся на золотые прииски в Сибирь. Второй сын – Владимир сделался квалифицированным кузнецом, выстроил себе в Тече

---

²¹⁹³ Так в тексте. Правильно, по смыслу – горница Савелия Фёдоровича.

хороший дом, а потом был раскулачен и выслан из Течи, уехал в Далматов и здесь зажил не плохо артельным кузнецом. Сын Василий – погиб, а младший – Иван – сделался бухгалтером в г. Копейске. Старшая дочь – Настасья вышла замуж за кузнеца в Багаряк. Хуже сложилась жизнь младших девушек: одна Наталья умерла от холеры, а вторая Антонина вышла замуж, но жила бедновато.

Хуже сложилась также жизнь Николая и его семьи. Он пошёл работать в наймы, а семья пробивалась, главным образом, работой жены Николая – Татьяны Павловны, которая была швейей по скорняжному делу.

У Пимена Фёдоровича дом был тоже вблизи церкви, рядом с домом о[тца] протоиерея. У него была семья большая: пять сыновей и две дочери. В семье было большое несчастье: жена Пимена Фёдоровича – Анна Ивановна рано была парализована: не могла ходить. Семья занималась сельским хозяйством, но оно не могло обеспечить приложение силы всем сыновьям. На этой почве пошло расслоение семьи. Старший сын Пётр женился на вдове и ушёл на её хозяйство.

Второй сын – Александр, так же, как у Савелия Фёдоровича – Семён, ушёл в учение по торговой части в Нижний Тагил и обнаружил большой талант. Как рассказывал его младший брат Константин о нём: «Он был с умом. У хозяина было двадцать приказчиков, но он был лучшим, а потом имел свой магазин в Камышлове». Среди теченских же людей ходила другая версия о его судьбе, что будто бы он женился на купчихе, но не по способу, как описано у Лескова в рассказе: «Леди Макбет Мценского уезда», а по «божьей воле», т. е. как сложились обстоятельства, что ему «повезло без греха». Достоверно известно было, что он семье помогал, а в один приезд привёз матери коляску больничного типа.

Третий сын – Иван некоторое время вёл хозяйство отца, но потом тоже ушёл в раздел.

Странный образ жизни вёл четвёртый сын – Владимир. Он решил развести птиц и создал стадо гусей в сто голов. Стадо это у него жило на одном из болот. Что он потом с ним сделал, автору сего не известно. Этот сын Пимена Фёдоровича задержался с женитьбой, как говорят, «перезрел» и потом тоже присоединился к какой-то вдовушке.

Пятый сын – Константин здравствует и поныне. Ему было суждено «видети кончину» своего рода, племени. В своё время он проходил солдатчину, и был мучеником этого института. Он писал домой письма, полные отчаяния: «молитесь Богу – военное обучение мне на даётся». С ним творилось что-то невероятное: даже «ать-два», «направо» и подобное он не мог усвоить. Он был мученик и мучитель. Вместе с ним службу проходил ещё один теченский парень – Андрей Павлович Постников. Он уговорил военное начальство, чтобы его перевели в денщики, что и сделали. Так он и отслужил в армии. Вернувшись из армии, он включился в хозяйство и вёл его до коллективизации. У него было две сестры – Евгения и Анна. Они вышли замуж: первая – за торговца, а вторая – за кого-то из крестьянской семьи. Не

случайно, конечно, одна сестра вышла замуж за торговца: тут опять-таки сказались тяга выходцев из «Расеи» к торговому делу: жених искал подходящую жену по пословице: «Рыбак рыбака видит издалека». Константин вёл хозяйство на уровне середняка: было у него три лошади – хорошие, две-три коровы, овечки. В таком виде он и предстал перед коллективизацией. Два обстоятельства компрометировали его: хозяйственный под стать кулацкому дом, и то, что брат его был торговец. Дом он продал, хозяйство развалилось, с остатками его он вступил в колхоз. Сначала он пас овец, а потом коров. Купил избушку, живёт, не жалуется. Хлопочет о пенсии. Родители его умерли до революции. Пимен Фёдорович по сравнению со своим братом Савелием Фёдоровичем по своему внешнему виду больше уже походил на коренных жителей Течи. Его можно было, например, встречать и босым, чего не позволил бы никогда себе Савелий Фёдорович. В общем же судьба и того и другого свидетельствовала о том, как пришельцы из «Расеи» беднели на новых местах.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 125-130.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Семейство Пимена Фёдоровича Клюхина

[1963 г.]

На истории семейства Пимена Фёдоровича Клюхина можно проследить, как раньше, в дореволюционное время, в условиях преобладания натурального типа хозяйства, происходил распад семьи, семейных отношений в зауральской деревне.

Пимен Фёдорович был выходцем из «Расеи» и вошёл в нашу сельскую Теченскую общину в качестве землероба. Всё благополучие семьи он, таким образом, мог спросить на земельном наделе, который ему предоставила сельская община. Земельные наделы давались на «душу», а «душой» считались только мужские особи. У Пимена Фёдоровича в семье было пять сыновей и две дочери. По принятой форме распределения земли на шесть мужских «душ» семье Пимена Фёдоровича, следовательно, должно бы быть выделено шесть наделов, а получил он не больше двух.

К моменту переселения семьи, правда, бывшей ещё не в таком большом количестве, наплыв из «Расеи» в наше Зауралье, на его плодородные земли, был настолько большим, что не удавалось удовлетворить всех новосёлов землёй по принятой норме. К тому же среди мужичков уже определённо выделилась группа богатеев, которая прибирала к рукам лучшие земли. Для выходцев из «Расеи» в таких условиях представлялась возможность включиться в ремесленное производство, как некоторое из них и делали, становясь портными, пимокатами, плотниками и пр. Были и такие, которые пытались своё счастье на торговой стезе. Пимен Фёдорович, однако, избрал для своей семьи основную линию, основное

направление по земледелию. Таким образом, семья должна была искать выход из создавшегося противоречия с недостатком земли на путях выделения из своего состава излишних членов своих на сторону – в «страну далече», т. е. распад семьи явился неизбежным, в силу рокового стечения обстоятельств, того, что в логике определяется тезисом – *contradictio in adiecto*.²¹⁹⁴ Как же всё-таки конкретно разрешилось это противоречие в семье Пимена Фёдоровича?

Мужские «души» в семье Пимена Фёдоровича появлялись на «божий» свет густо, с интервалами в год, полтора, а, следовательно, и рабочая сила росла, как на дрожжах, только успевай давать ей приложение. С последним получались конфликты: «сил» было больше, чем точек для их приложения. И особенно большой конфликт получился, когда подросли первые три сына. Сам Пимен Фёдорович был ещё в расцвете сил. «Расейские» приходили к нам, в Зауралье, все, как на подбор: рослые, статные, широкостные, с бородой веером. Приносили они с собой силу, которую не успевали у себя, дома, вложить в худосочную землю, приносили руки, которые у человека, с душой землероба просились к работе. Таким и был П. Ф. Создавшийся в эту пору конфликт с рабочей силой в семье Пимена Фёдоровича разрешила сама жизнь, её течение. Старший сын Пётр женился на вдове и ушёл в её дом. Второй сын Александр ещё на грани детства и юности взят был в учение на приказчика в Нижний Тагил, и больше в Тече не показывался. Это был уже чисто «расейский» способ разрешения конфликта с распределением рабочей силы: наши зауральские аборигены не додумывались до такого «тонкого» хода: они отдавали своих детей в борноволокни, а потом и в работники. «Расейские» приходили к нам, в Зауралье, офенями, устраивались потом приказчиками, а дальше при благоприятных условиях и сами вылезали в «купцы». Так было, например, с теченским «купцом» Антоном Лазаревичем Новиковым. Но и в том случае, если не удавалось кому-либо выйти на такую счастливую стезю и выходцы из «Расей» оседали у нас в виде ремесленников или мелких негоциантов, при случае, они старались устроить своих детей в ученики по торговой части – в приказчики. Так устроен был на «работу» сын родного брата Пимена Фёдоровича – Савелия Фёдоровича – Семён, который тоже оказался «лишним» в семье. Так устроили своих мальчиков в ученье на приказчика в лавку Антону Лазаревичу теченские мелкие негоцианты Пеутины и Козловы и даже «синельщик» Гурлев. После Октябрьской революции все эти пареньки не плохо спланировали свою жизнь: Пеутин «пробился» в бухгалтеры, а Гурлев окончил рабфак и получил высшее образование по пословице: «Жив, жив Курилка!»

Судьба Александра Ключина для жителей Течи была засекречена: передавали, что только один раз он приезжал в Течу в гости к родителям, привёз своей матери – Анне Ивановне – коляску, чтобы её можно было возить по комнате, потому что она была в глубоком параличе. Среди женщин

---

²¹⁹⁴ *contradictio in adiecto* – по-латински противоречие в определении.

ходили слухи, что кто-то из них видел его; говорили о том, как он был одет, а именно, что на нём была визитка и брюки под сапоги и что у сапогов его были голенищи лаковые. Говорили даже, что и разговор у него стал «великатный» и вообще «обхождение». Позднее болтали, что он женился на своей хозяйке, т. е. в духе известной повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», правда, без убийства, а так, как говорили у нас: «ему фартнуло». Но всё это были только досужие домыслы. Подлинные же сведения о судьбе Александра мне удалось узнать от младшего брата его, друга моего детства – Кости в последний приезд в Течу года три тому назад. Он мне поведал следующее о нём. Александр был действительно взят в учение на приказчика в Нижний Тагил, только Костя не знал, как это случилось. Предположительно он высказался в том смысле, что это произошло благодаря знакомству родителей с ниже-тагильским купцом ещё при жизни в «Расеи». Костя с восхищением отзывался об уме своего брата, как он сам выразился: «у него была голова». Он рассказывал, что у хозяина его брата была целая сеть торговых лавок, и Александр был правой рукой у него. Он говорил, что Александр потом открыл своё «предприятие», кажется, в Камышлове и конфиденциально сообщил мне, что его, Костю, преследовали после Октябрьской революции «за брата». Таким образом, со слов Кости выходило, что все разговоры о романтической женитьбе Александра были пустым измышлением. Правдивым было то, что Александр в Течу уже больше не возвращался.

Третьего сына Пимена Фёдоровича – Ивана взяли в солдаты, и вести хозяйство ему помогали – четвёртый сын – Владимир и подрастающий пятый сын – Константин, друг мой Костя. По возвращении из солдат, всё хозяйство на себя принял Иван. Владимир оказался на «холостом ходу», на положении подсобного работника. Он ходил по «подёнщинам», а к сабану так как следует и не прикоснулся, т. е. по мнению теченских обитателей в ту пору ещё не сделался настоящим мужиком – землеробом. Мужиком-землеробом у нас признавали только того, кто «ходил за сабаном». А сила у Владимира искала выхода, и вот решил он ... разводить гусей! Это его предприятие, по существу не плохое и во всяком случае смелое, явилось для теченцев «камнем преткновения и соблазна». Пошли толки и перетолки: да не свихнулся ли он с ума?! А стадо он вывел большое ... сто гусей, не таких, о которых говорится в известной задаче-головоломке, а настоящих гусей. Для такого предприятия в Тече были благодатные условия: в поскотине было озеро, были болота. Этим и воспользовался Владимир: там, на озере, и «выхаживал» своё стадо... и выходил. А вот реализовать это «предприятие» не хватило ума: так по мелочам и разошлось всё стадо, а ведь из наших краёв сибирское топлёное масло отправляли в Англию. Нет, никто его не надоумил адреснуться по этому вопросу к сугоякскому богатею – земскому гласному Абакумову, который бочками отправлял масло в Англию. Так он и остался после этой затеи «притчей во языцех» - «Володей Пименовым». К тому же он оказался и «неприкаянным» женихом, а было ему уже за двадцать. Выручила

в конце концов порода настоящего русака, выходца из «Расеи» - нашлась для него невеста – он ушёл в дом, подобно старшему брату, но при лучших козырях – не за вдовушку, а за настоящую русскую кралю, правда, из тех, которых уже после восемнадцати лет у нас, в Тече, считали перестарками. Только с этого времени ему пришлось взяться крепко за сабан, и он признан был настоящим мужиком-землеробом.

Пятый сын Пимена Фёдоровича – Константин был особо связан с моей жизнью – с детских лет и до старости. Костя был старше меня на два года. Знакомство моё с ним и со всей семьёй Пимена Фёдоровича началось с того, что жили мы в соседстве. Ещё в детские годы Косте поручали зимой привозить мякину, полову, оставшуюся от обмолота зерновых культур с гумна домой. Мякину Костя возил в большом черёмуховом коробе, которые у нас применялись для перевозки зерна, муки и пр. Половы от обмолота оставались горы и её зимой скармливали скоту. В ней же находили зерно курицы. Проезжая мимо нашего дома на гумно, Костя зазывал меня с собой, родители мои не препятствовали этим моим поездкам, и такие «путешествия» были частыми. На гумне я наблюдал, как мой друг проворно лопатой нагружал короб, мы садились на воз, как на перину и мчались домой. Теперь не припомнить, о чём был наш разговор, помню только, что Костя гордился своими лошадами и даже хвастался. С половой мы въезжали с Костей прямо в пригон, и мне нравилось наблюдать, как на воз сейчас же набрасывались лошади, коровы и налетали курицы. Морды у лошадей и коров покрывались половой. Летом встречи с Костей у меня были тоже на гумне, так как наши гумна были одно против другого. На них иногда летом паслись наши кони.

Костя в семье оказался каким-то неудачником. Началось с того, что ему не давалось учение в школе, и он так и не кончил её. Особенно же «солону» досталась ему солдатчина. Кажись, не Бог знает какая, премудрость солдатская шагистика: «ать-два», а вот Косте ему не давалась и шабаш, а известно, что это значило в условиях сурового царского режима. Костя писал домой жалобные письма: «молитесь за меня, попросите о[тца] Владимира, чтобы он сослужил за меня молебн, потому что учение мне не даётся», Счастливым случаем для Кости оказалось то, что вместе с ним в одном полку служил в солдатах односельчанин – Андрей Постников, парень пробойный, и он уговорил офицера перевести Костю в денщики. В таком чине он и закончил свою военную службу. Когда Костя вернулся «из солдат», то хозяйство вёл ещё брат его – Иван, а он пошёл в пастухи общественного стада овец. Мне приходилось иногда наблюдать, как Костя мимо нашего дома прогонял стадо овец в загон на ночь. Стоял при этом шум и гам: слышалось бляение овец, гремели окрики Кости на непослушных овец. Густое облако пыли висело над стадом и двигалось за ним, и шествовал Костя в зипуне с котомкой за плечами, в шляпе и с длинным кнутом-хлопунцом. На ногах у него было некое подобие сапогов, обмотанных верёвочками для поддержания подошв и пр. Что говорить, неважный был вид у моего друга: лицо обветренное, пропечённое солнцем, губы потрескались,

брови выцвели, весь в пыли. Часто приходилось ему ещё на руках нести новый приплод в стаде.

Наконец, Иван тоже ушёл в раздел от семьи, и Костя стал полновластным хозяином в доме. Был он в это время уже женатым и обзаводился семьёй. Пимена Фёдоровича уже не было в живых. В 1914 г., перед войной, когда мы с женой гостили в Тече у моих родителей на положении молодожёнов, нам нужно было поехать в гости к старшему моему брату в Сугояк, в шести верстах от Течи. Был первый год моей самостоятельной жизни и служебной деятельности, положение молодожёнов и первый показ моей молодой жены – всё это обязывало не уронить своё достоинство и поддержать престиж, т. е. поехать в Сугояк не кое-как, а с помпой. И вот друг мой Костя, а теперь уже Константин Пименович решил устроить мне и свозить меня с женой в Сугояк с блеском, с шиком: он выкупал и вымыл до блеска пару своих резвачей, вымыл также коробок на железном ходу, надел на лошадей лучшую сбрую, подвязал к дуге колокольчики и подал нам подводу. Сам он приделся, как полагается настоящему кучеру... Долго мы беседовали с Костей при этой встрече, вспоминали детские годы и по старой привычке именовали себя Васей и Костей.

Увы! Это была наша последняя встреча в тех условиях жизни и в той обстановке, которая нас окружала с детства. Началась война, потом прошла Октябрьская революция... и всё перевернулось в Тече. Когда в 1925 г. мы приехали в Течу, Костя жил ещё в своём доме, против церкви, но ютился только в кухне, а две комнаты были сданы под квартиру священнику. Костю в этот приезд мне так и не удалось видеть. Слышал я только, что он пробивается только на разных подённых работах. Не пришлось мне видеть Костю и в 1936 г., когда мы приезжали навестить мою маму, безнадежно больную.²¹⁹⁵ Началась вторая империалистическая война, а в это время никого из наших родных в Тече уже не было: домик был продан, а сестра с племянником переехали на Медный рудник, около Свердловска. Всякая связь с Течей у меня была порвана. Только при случайных встречах с кем-либо из «наших» краёв я узнавал, что Костя работает в колхозе пастухом, что дом он продал и живёт в избушке на той улице, по которой в детстве мы с ним ездили на гумно за половой. В Тече ещё оставались кое-какие наши хорошие знакомые, в том числе бывшие соседи, и в 1959 и 1960 г. я побывал в Тече, но ни в тот, ни в другой приезд мне не удалось видеть Костю: он был на работе. Я посылал ему письма, но ответа не получал. Я настойчиво продолжал писать ему, и, наконец, однажды получил от него ответ: кто-то с его слов и под его диктовку писал, что с ним случилось несчастье – сломал ногу, что он находится в больнице и что лечение поддается очень трудно. В 1962 г. я снова побывал в Тече, и мне, наконец, удалось с ним встретиться. Когда я пришёл к нему в дом, то его старушка сказала мне, что он ушёл за телёнком в

---

²¹⁹⁵ Мать В. А. Игнатъева Александра Ивановна умерла в 1926 г.

лес и вот-вот должен вернуться домой. Я с нетерпением поджидал его возвращения. Наконец, из лесочка в той стороне, где были наши гумна, показался человек высокого роста, худой, без фуражки, босой и стал медленно приближаться ко мне. Его фигура мне показалась знакомой, а особенно то, что этот человек был с открытой головой, напомнило что-то из прошлого, и я припомнил, что ходит так – без фуражки или шапки любил Пимен Фёдорович. И вся фигура этого человека – прямая, костлявая, воскресила в моей памяти образ Пимена Фёдоровича. Как же Костя (это был он) в старости воспроизвёл и повторил образ своего батюшки в его старости!

Долго мы стояли с Костей и смотрели в ту сторону, где были наши гумна. «Вот видишь те деревья, что выдались по высоте среди других» - говорил мне Костя – «это было ваше гумно, а вот [у] этого дерева стоял овин, теперь там осталась только яма. А вот у этих деревьев было наше гумно, там – Владимира» и т. д. Вспоминали мы с Костей своё детство, перебрали всю свою родню – и его и нашу. Только и слышалось у нас: «где умер Ваня, где работал Коля», и так без конца. Солнце садилось, а мы всё сидели на завалинке у Костиной избушки и перебирали свою жизнь. Поздно мы расстались с Костей, и оказалось, что уже навсегда. Прошлым летом 1963 г. мой приятель и соученик по дух[овному] училищу – Михаил Аркадиевич Рычков, проживающий в Тече, в своём письме ко мне сообщил, что Костя скончался на рабочем посту: перевозил с поля сено с другим мужичком, слез с воза что-то подправить у воза и ... «отдал душу»,

Какова была судьба двух дочерей Пимена Фёдоровича?

Старшая из них – Евгения – была по рождению между Владимиром и Константином. Ещё при жизни Пимена Фёдоровича она вышла замуж за торговца – Максима Фёдоровича (фамилию не помню). Как обычно бывало, он сначала тоже «ходил в приказчиках», а потом «оперился» и открыл свою лавочку в Сугояке. Приходится опять отметить, что её выход замуж за торговца тоже был отзвуком «расейского» происхождения её батюшки. Девушки этих «расейских» выходцев держались как-то в стороне от наших зауральских красавиц и одевались несколько на свой манер: носили не сарафаны, а юбки и кофточки. Избегали они ходить и на «вечорки», а женихов тоже ждали из «наших». Так и случилось с Евгенией Пименовной.

Вторая дочь Пимена Фёдоровича – Анна – была неудачница, в девках допустила какой-то неосмотрительный шаг и рано умерла.

Мрачной стороной семейной жизни Пимена Фёдоровича была болезнь его жены – Анны Ивановны. Она рано «обезножила»: полностью у ней отнялись ноги. Руки у ней сохранили способность к труду: она могла шить, вязать, стряпать, но её нужно было переносить. Вот почему сын её Александр и подарил ей коляску – стул на колёсах больничного типа. Она оказалась долговечной и пережила даже Пимена Фёдоровича.

Как уже сказано выше, дом Пимена Фёдоровича был против церкви, на главной улице, на тракту из Шадринска в Челябинск. Выходцы из «Расеи» вообще селились на виду, а не где-либо, в «забегаловке». Дом состоял их

кухни и двух комнат. Расположен был по соседству с домом священника. Дом был несколько в низине от дороги и казался как бы вдавленным в землю. Это впечатление усиливалось ещё оттого, что перед ним был скверик, в котором были кустики малины и цветы. Загорожен он был модным у нас на селе способом: зажатыми между тремя жердями берёзовыми прутьями. Окон дома из-за скверика почти не было видно, и поэтому дом имел какой-то загадочный вид. Около дома, у ворот, была скамейка, на которой летом вечерами сидели хозяева его. При доме был полный комплект хозяйственных «служб». Кроме того, около них, вне двора, был устроен летний загон для коров из одних жердей. Огород был под горой, в пойме реки.

В таком виде в моей памяти осталась жизнь семейства Пимена Фёдоровича Ключина и, можно сказать, её история.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 767-779 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Савелий Фёдорович Ключин и его потомство

[1963 г.]

Вспоминать Савелия Фёдоровича – это значит для меня вспоминать моё детство, потому что оно, моё детство, проходило в той обстановке, составным элементом которой он был, и – это было в моём раннем детстве. Я помню его уже глубоким стариком и почему-то внешний вид его в моей памяти ассоциируется у меня с внешним видом нашего батюшки, хотя я сам не могу себе объяснить происхождение этой ассоциации. Разве только возрастом, тем, что они были глубокими старичками, можно объяснить эту ассоциацию. Не менее странным для меня теперь является то, что он, как живой, сохранился к моей памяти в такой момент, который не имеет ничего особенного, а является самым обыденным, хотя для ребёнка в силу его своеобразной психологии, своеобразной логики его, его суждений, этот момент был именно особенным, имеющим для него особенный смысл и значение.

Как теперь я вижу Савелия Фёдоровича в тот момент, когда он накануне Теченского престольного праздника Первого Спаса отправлялся в лавочку Антона Лазаревича, чтобы купить там пряников, орешков, изюму для праздника. Я знал об этом и со слов своих друзей Насти и Вани, его внуков, а также и сам наблюдал, как он орехами и пряниками «оденял» их, доставая гостинцы из платочка, связанного узелком. Перед моими глазами и сейчас стоит дорожка через церковную площадь с отпечатком колеи, которая вела к дому Ключиных и по которой зашагивал всегда Савелий Фёдорович в лавочку Новикова. Вот он медленно идёт, а я слежу за ним. Вот он скрылся за церковной оградой, а моя детская фантазия неотлучно следует за ним, и я вижу, как он вошёл в лавку и произнёс трафаретное приветствие: «С прибылью торговать!» Я вижу, как Антон Лазаревич небольшой плечикой

берёт из ящика и высыпает на медную скалку весов орехи кедровые, пряники «воздушные» белые, белые с малиновым ободком в двух местах, немного «копеечных» конфет – и всё это ссыпает в платок Савелию Фёдоровичу, а отдельно в бумажку завёртывает ему немного изюма. И снова я вижу Савелия Фёдоровича на той же дорожке. Вот он идёт медленно, и в руках у него платочек с гостинцами, туго закрученный и перевязанный вверху одним из углов платка. Он бережно несёт по покупке и вот уже у меня [далее текст отсутствует – ред.]

Те Ключины, родоначальником которых был Савелий Фёдорович, были самыми близкими нашими соседями: наши дворы были рядом вблизи церковной площади. На границе двора Ключиных стояли: бревенчатый забор в рост невысокого человека, баня и сарай, на который складывали сено. С нашей стороны был узкий проход между строениями к бане и в огород. Но ничего не мешало нам перелезть на двор к соседям: ни забор, ни сарай, ни даже баня, низкая, приземистая – цепкие руки и ноги преодолевали всякие препятствия, а у мальчишек в природе лазить: дай им только подходящий объект. Начинали, конечно, с забора: он был первым объектом для упражнения в лазании. Удобен он был тем, что брёвна у него были не отёсанные, круглые, и удобно было босыми ногами за них цепляться. Заберёшься, бывало, на забор и победно обзираешь с него весь соседний двор. Этот двор мы знали до мелочей, не хуже своего, а также и дом, со всеми его деталями. Любимым местом был садик перед домом Ключиных. Здесь было несколько черёмух, которые прикрывали домик со стороны, так что с церковной площади его не было видно. Черёмухи разрослись густо, образуя одну пышную крону, и под ними в жаркие дни было прохладно. Черёмуха была предметом особого попечения Савелия Фёдоровича. Под окнами домика росли мальвы, правда, невысокие, а в правом углу сада, если смотреть от дома, росла пышная берёза. Садик был любимым местом наших игр. Как раз в садик выходили окна комнаты Савелия Фёдоровича.

Дом Ключиных был уже старый, покосившийся, с обветшалой деревянной крышей. В нём были кухня и горница, разделённые холодными сенями. Пол в сенях уже осел, а ступеньки перекошились. В горнице жил Савелий Фёдорович, а в кухне в ужасной тесноте все остальные домочадцы, которые возрастали прямо, как увидим дальше, в геометрической прогрессии.

Для меня всегда было тайной: почему так неравномерно была у Ключиных распределена жилая площадь? Савелий Фёдорович в это время по старости уже не «робил», а только руководил, направляя семейную жизнь. В семье сохранялся старый уклад: семейные подчинялись голосу главы семьи. Савелий Фёдорович вёл все денежные дела – операции по хозяйству, в том числе по аренде покосов, по закупке и продаже скота и т. д. Он же определял планы по хозяйству, по строительству и т. д. Образно выражаясь, он был мозгом семьи. Он уже давненько овдовел и, может быть, именно поэтому уединился в своей комнате. Для нас детей эта комната имела особое

значение: в ней стояла «горка», шкаф с посудой, а среди посуды была сахарница в виде птицы – раскрашенной разными красками. «Горка» сама по себе в быту наших крестьян была явлением исключительным и у Савелия Фёдоровича была свидетелем его «расейского» происхождения. Фарфоровая птица не давала нам покоя: она казалась нам чудом искусства, и поэтому мы часто заглядывали в комнату, чтобы видеть её, а когда Савелия Фёдоровича не было дома, и была уверенность, что он не скоро ещё вернётся домой – мы, как заговорщики, проникали в комнату и наслаждались созерцанием этой птицы. Настя и Ваня не без гордости показывали мне эту семейную реликвию.

У Савелия Фёдоровича был три сына и одна дочь. В ту пору, когда я мальчишкой был частым посетителем дома Клюхиных, хозяйство вёл старший сын – Александр Савельевич, дети которого Настя и Ваня были моими друзьями. Второй сын – Семён Савельевич был отдан в Елабугу местному торговцу для обучения торговому делу – в приказчики. Подобный же случай был и в семье брата Савелия Фёдоровича – Пимена Фёдоровича, сын которого – Александр тоже был отдан в Нижний Тагил в учение на приказчика.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 710. Л. 8-10.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует. Машинописный текст очерка в «пермской коллекции» представлен не полностью.

Мироновы

[1961 г.]

Семья состояла из трёх человек: отец Максимилиан Ефимович, мать Анна Ивановна и сын Ваня. Они представляли из себя оригинальный тип «выходцев из Расеи». Сам Максимилиан Ефимович являл собой тип человека не то приказчика, юркого, искательного, отменно предупредительного, не то какого-либо писарька с теми же чертами характера. Маленький, юркий, сухощавый, он имел к тому же тоненький голосок, почти женский. Одевался отменно: синий суконный кафтан его сидел на нём элегантно и был всегда абсолютно чист. Был он человек трезвенный.²¹⁹⁶

---

²¹⁹⁶ Из очерка «Мироновы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Откуда они переселились, когда, в каком виде они явились – автору сего не известно. Одно ясно: они явились раньше Новиковых, потому что когда Новиков строил свой «дворец», то их дом уже стоял. Второе: Миронов, очевидно, явился в Течу не с пустыми руками, иначе он не мог бы «сграть» такой дом. Но что заставило их переселиться сюда? По доброй ли воле, или по нужде они сюда явились искать счастья – это осталось не выясненным. Сам Миронов Максимилиан Ефимович был своеобразным человеком: не высокого роста, худощавый, не в меру вертлявый, с изысканной речью на «а» и интонацией голоса, присущей приказчику: так и кажется, что вот-вот он скажет: «чего изволите-с», или: «что прикажите-с». Во всём

Анна Ивановна в противоположность муженьку была женщина величественная. Движения её были медлительными, неторопливыми, речь спокойная. Она производила впечатление женщины умной, образованной, хотя образование её было не столь уж большое. Казалось, что она именно и руководила хозяйством, и что ей можно доверить большое дело и она не подведёт.

Ваня, конечно, был баловнём. Отдавали его учиться в Камышловское дух[овное] училище – не привился. Приспособляли к торговле – ничего не вышло: торговля не пошла. Так он куда-то из Течи выбыл, как его не бывало.

У Мироновых был большой двухэтажный дом на главной улице. В историю Течи он так и вошёл под названием – Мироновский дом. Низ у него был кирпичный, а верх – деревянный. Архитектура у него была городского типа: строение высокое. И вверху и внизу было по несколько комнат: светлых, высоких. Вверх вела парадная лестница со двора и внутренняя довольно крутая из кухни.

Против дома с выходом на дорогу было расположено длинное кирпичное здание, предназначавшееся, очевидно, под магазин.

В западной половине двора были расположены «службы» - сарай, конюшня, амбар, погреб и 00. Все постройки кондовые под железом, как и дом. В задней стене сарая были ворота внутренние, дворовые и калитка. Все службы стояли на краю обрыва, и когда выходишь в калитку, то открывался прекрасный вид за реку.

Огород был расположен внизу у подошвы обрыва, а на берегу реки был второй огород с проходом между тем и другим в 15-20 сажен. В этом втором огороде росли две знаменитые талины: могучие, высокие, пышные, вероятно, под стать дубу маврийскому. Они и огород, в котором было много подсолнухов, цветыквы, мак были украшением берега Течи. Огород прикрывал от глаз часть реки, и здесь любила купаться матушка протоиерейша – Поликсения Петровна.

Обрыв, у которого были «службы» иногда на масленице был местом проверки крепости нервов: он имел малый уклон, который поливали водой, т. е. делали очень крутую катушку, с которой в коробе (а не санках) катали любителей и любительниц сильных ощущений.

Не известно, получили ли Мироновы дом по наследству или купили его, но ему суждено было в их жизни [играть] роль ренты: они сдавали его в аренду, и это было средством их существования. Кто только не жил в этом доме? И земские начальники, и пристава и частично учительницы.

Мироновы пытались, было, торговать, о чём уже указано выше. Новиков «задушил»: с год не больше они бились и закрыли лавочку.²¹⁹⁷

он был предупредительный и искательный, так что невольно возникала мысль: не «хапнул» ли он где-либо по торговой части и скрылся за Урал?» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 50-50 об.

²¹⁹⁷ В очерке «Мироновы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Затеял тогда Максимилиан

После Кокшаровых Миронов, было, взял, «амшину», но скоро обнаружилось, что он взялся не за своё дело. По его именно ямщине и создано было новое выражение «на присталых». Оно обозначало, что иногда Мироновская пара лошадей возвращалась домой без экипажа: кучер вёл её под уздцы, а потом верховой ехал за экипажем, чтобы дотянуть его до дому.²¹⁹⁸ Так Миронову не везло в жизни, но марку он старался держать высокую: к нему и с крестом ездили после Новикова, но до Пеутиных, и почёт и уважение были, по любимому выражению теченцев, как «сорок одно с кисточкой».

Незаметно сошёл со сцены Максимилиан Ефимович. Осталась одна Анна Ивановна. Сделалась она сиделицей в пивной, устроенной внизу дома. Пиво понемногу стало входить в быт мужичков, особенно – молодёжи. Не зря Николай Фёдорович Лебедев был агентом пивовара Злоказова. Теперь с базара, после сделки или просто так, заходили «раздавить» по бутылочке.

Дальнейшая история Мироновского дома такова: верх был продан в деревню Бакланову. После революции его перевезли снова в Течу на Зелёную улицу и сделали из него детские ясли. Низ кирпичный перевозить было нельзя: теперь в нём почта. Всё прочее развалилось.

Неподалёку от него, на том месте, где раньше стоял дом Андрея Михайловича Трапезникова, недавно выстроена чайная. Около неё теперь остановка автобусов по маршрутам Теча-Бродокалмак, Теча-Челябинск, Бродокалмак-Шадринск. Так, на развалинах старого появляются побегии нового, но пока что слабые побегии, а основной пейзаж составляет старое, медленно разрушающееся. Около чайной скверик с мальвами. Он напоминает скверик, бывший когда-то перед Мироновским домом. ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 458-461 об.

Постниковы

[1961 г.]

Из семейства Постниковых постоянными теченскими жильцами были: отец – Павел Михайлович, дочь – Татьяна Павловна и сын – Андрей Павлович. Нужно оговориться: это была семья Павла Михайловича от первой жены. Были у него ещё две дочери от второй жены, но нас интересует первый состав семейства, потому что он именно характерен для Постниковых, как выходцев из «Расеи». Сын Павла Михайловича Николай тоже был в составе

Ефимович торговать, не вступая в конкуренцию с Новиковым, а именно – такими товарами, которых не было у Новикова: хомутами, уздечками, седёлками, шлеями, мазью для телег и пр. Ничего не получилось: нашлись конкуренты в Бродокалмаке. Свернул дело» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 50 об.-51.

²¹⁹⁸ В очерке «Мироновы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Иван Петрович Кокшаров был знаток лошадей, и у него основным было правило: «надо понимать коня в работе, чувствовать его», что он не машина, а Максимилиан Ефимович не понимал этого, не умел и подобрать подходящего человека в ямщики» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 51.

переселившейся семьи, но он в Тече почти не жил, а потому речь о нём будет только вскользь.

В отличие от других выходцев из «Расеи», осевших в Тече, Павел Михайлович остался чистым ремесленником – портным. Ключины были землеробами, Пеутины, будучи негоциантами, т. е. различного рода предпринимателями – дельцами, частично занимались и земледелием, а Павел Михайлович с земледелием себя не связывал, а занимался только шитьём. На селе в первые годы его переселения сюда других портных его квалификации не было, а работы было столько, что успевай только поворачиваться. Он был портным высокой марки и с широким ассортиментом выпускаемой им швейной продукции. Он шил шубы, пальто, визитки, брюки из любого материала: из сукна, драпа, шевиота, корта, малюскина и подобных материалов. Ему поступали заказы из разных соседних с Течей сёл и деревень. Ему доверялись работы из дорогих материалов самыми взыскательными заказчиками из сельской интеллигенции: земским начальником, становым приставом, врачом Алексеем Семёновичем Меньшиковым и др. Сам Антон Лазаревич Новиков давал ему заказы на шитьё для себя и для семьи. Только вот рясы для духовенства шить не брался: это была специальность верх-теченских монашек. Подрясник раз сшил отцу диакону, и получилось не плохо.

Это была пора, когда Антон Лазаревич разворачивал торговлю мануфактурой. Чего-чего только он, бывало, не навезёт в Течу с Нижегородской ярмарки: глаза разбегаются, а шить несли Павлу Михайловичу. Однажды он привёз серый корт – самый подходящий на шубы «духовникам», так его моментально расхватили. Павел Михайлович нашёл из него шубы и протоиерейским, и диаконским ребятам из Камышловского духовного училища. Ну, прямо, что твоя форма. Даже людям бросились в глаза эти шубы. Кондуктор поезда, который делал только рейс между Каменским заводом и Богдановичем, добродушный старичок²¹⁹⁹, любитель пошутить, однажды заметил, что в вагоне у него много мальчишек в серых шубах, спросил: «откуда вы, ребята?» - «Мы теченские» - хором ответили ему ребята. С той поры он, когда увидит ребят в серых шубах в вагоне, объявлял: «это едут теченские «духовники». Однажды, только захотел уточнить: из одной семьи эти ребята или нет, и когда ему казали, что из двух семей, он добродушно рассмеялся и сказал: «так, так! А я, было, испугался, подумал: а что если вы из одной семьи, так родителям на вас чистое разорение».

Как в городе, так и в деревне, больше всего заказывались или к какому-либо празднику, например, к Рождеству и к Пасхе, или к какому-либо важному событию в жизни, например – к свадьбе. В такие сезоны П. М. утопал в заказах, благо, когда дети – дочь и сын – подросли доверял им

---

²¹⁹⁹ «А. Н. Шишёв (из с[ела] Пироговского) вспоминает этого кондуктора». (Примеч. И. С. Богословского).

какую-либо не столь ответственную работу – подтачать подклад или что-либо, но ответственную только сам.

Как обстояло у Павла Михайловича дело с модами? За модами он не гнался, да, по правде сказать, в те времена особо остро этот вопрос и не ставился: сшил кто-нибудь себе пальто, так считай – до гробовой доски. Правда, теченские семинаристы иногда предъявляли ему претензии, например, чтобы брюки были поуже и со штрипками. Ну, что же? Премудрость небольшая: делал, тем более, что давали ему и образец, по которому нужно было шить. Другое дело – аккуратность шитья. Тут и нынешним мастерам не плохо было поучиться у него. Провести строчку, «подрубить», прометать петли – этому нужно учиться у П. М. Попробуйте кому-либо предложить что-либо распороть из его шитья, скажем, для перелицовки. Первый вопрос последует: кто шил? Если ответите: Павел Михайлович, то ответом будет: «ты уже сам пори!» Марка Павла Михайловича была всем известна. Примеривать, правда, вызывал до двух или трёх раз, зато к фигуре подгонял тютелька в тютельку, а не напихивал везде, а особенно на плечи, вату, как это делают сейчас.

Когда мы приходили на примерку к Павлу Михайловичу, то, прежде всего, обращали внимание на орудия его производства и в первую очередь на его громадные ножницы. Они, очевидно, и были главными выразителями, так сказать, символами, эмблемой его производства. Глядя на них, сразу поймёшь пословицу: «семь раз примерь, а один раз отрежь»: не сразу решишься взять их в руки и резать. Любопытен был для нас и утюг: с углями внутри, больше обычных литых, которых мы привыкли видеть дома.

На столе у П. М. лежала доска вроде чертёжной, на которой он кроил. Всё внушало уважение к производству П. М. Любопытно было и наблюдать за ним. Обличьем он походил на Новикова: крепкого сложения, открытое лицо, борода – все признаки коренного русака-владимирца или нижегородца. Сходство ещё более становится заметным, когда он поднимет на лоб свои очки, подвязанные шнурками к ушам: точь-в-точь как Антон Лазаревич оторвётся от подсчитывания денег и тоже вздёрнет очки на лоб.²²⁰⁰

Дочь и сын П. М. сначала пустил по скорняжному делу: по шитью полушубков, шуб, тулупов. Работа эта была грязная и шили они эти одежды на дому у заказчика. Такой порядок был заведён потому, что заказчики боялись, как бы у них не растащили материал по мелочам: на шапки, рукавицы или на разные заплаты. Работы относились к зимнему сезону. Оплачивались они частично натурой, частично деньгами. Павел Михайлович осуществлял, так сказать, только техническое руководство этими работами.

---

²²⁰⁰ В отдельном очерке «Павел Михайлович Постников» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автор уточняет: «Эти очки сильно потрепались, он привязывал их к ушам, а при разговоре смотрел сверх них, причём в глазах его всегда можно было заметить усталость, но глаза всегда светились добротой и лаской. Он был очень обходительным и в отношении к другим отличался той чертой, которая называется важеватостью» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 60.

Первоначально П. М. жил на квартире в очень стеснённых условиях: в избе без горницы, но потом выстроил себе дом в Макаровке (улица) с горницей, так что работать стало просторнее.²²⁰¹

Он женился вторично, и от второй жены, которая была по происхождению теченской коренной жительницей, родились две девочки-близнецы, которые уже не пошли по швейной части, а пошли по общекрестьянской жизни, вышли потом замуж на землеробов. Дочь его – Татьяна Павловна – вышла замуж, сын – Андрей – ушёл в солдаты. После возвращения сына из солдат П. М. через непродолжительное время умер.²²⁰²

Сын его Андрей Павлович так рассказывал о последних днях Павла Михайловича: стал он жаловаться на недомогание, немного «поскудался» и умер.²²⁰³ В лице его Теча потеряла квалифицированного портного, который в течение почти тридцати лет обслуживал своим мастерском теченцев и их соседей. По наследству от него осталась швейная машина, которая числилась в имуществе сына, но была в общем пользовании брата и сестры,

---

²²⁰¹ В отдельном очерке «Павел Михайлович Постников» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автор сообщает: «Первоначально он жил на квартире у самой базарной площади в избе из одной кухни. Здесь была у него и мастерская, кухонная печь и столовая, и спальня на полатах. Изба за день претерпевала несколько метаморфоз: то в ней господствовала мастерская, и в этом случае на столе, обычном, кухонном, лежала доска, на которой Павел Михайлович или кроил, или гладил: то она превращалась в столовую, и в этом случае доска убиралась, к столу подставлялась из-под полатей скамейка и начинался или чай, или обед. Утром мастерская имела рабочий вид, у печки орудовала со стряпнёй хозяйка. Как во всех деревенских домах в избе была «божница» с иконами, вербочкой и свечкой, у окна, выходящего на двор, стояла машина, а на стене и полатах и частично под полатами были развешаны разные бумажные выкройки и заготовки для нового платья. Спальной служили полати, печка и навес над голбцем. Двор имел явные следы того, что хозяин был ремесленник: в нём не было ни телег, ни лошадей, ни овец. Была только одна коровка и несколько куриц. Ворота были из жердей, изгородь тоже из жердей, и всё было видно, что делается во дворе» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 59-60.

²²⁰² Там же: «Павел Михайлович воспитал их [детей – ред.] в духе трудолюбия, деликатности, почтительности отношения к другим. Сам он не любил пьянствовать и гулять и в этом же духе воспитал и своих детей. В семье была здоровая атмосфера отношений между её членами, и особенно приятно было видеть уважительное отношение детей к своему отцу. Они его называли не иначе как тятинька, и его голос для них был авторитетом» // Там же. Л. 61.

²²⁰³ Там же автора уточняет: «Стал он, - говорил он, - жаловаться на головные боли, на боль в пояснице. Поехал к врачу Алексею Семёновичу Меньшикову и заявил: «Ну, Алексей Семёныч, шил я тебе то, другое – теперь ты меня лечи». Алексей Семёныч осмотрел его, а были у них дружественные отношения. Задумался, но ничего особенного не сказал ему, прописал только какие-то порошки. Приехал тятенька домой, враз – повеселел, а дня через два как-то пожаловался мне: «Что-то, Андрейко, мне сегодня тяжело». Прилёг уснуть и не проснулся. В этом незамысловатом рассказе сына ясно можно было видеть уважение и любовь, которыми Павел Михайлович пользовался в семье.

Хоронили его с «выносом», т. е. с церковным звоном и провожали на кладбище с духовенством. Народу было много» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 61.

продолжавших заниматься скорняжным шитьём. Однако ни дочери, ни сыну не удалось достигнуть такого уровня мастерства, на каком находился их батюшка – Павел Михайлович.

Андрей Павлович и Агафья Николаевна.

Когда Андрей Павлович пришёл из «солдат» домой, то женился на одной теченской девице, которая пользовалась плохой репутацией и называли её не иначе, как только Агашкой. В своё время в Тече это обстоятельство вызвало у населения такую реакцию, какую, как позднее нам пришлось читать, вызвала опера Верди «Травиата» в первый момент появления на сцене в аристократических кругах общества. Событие это, т. е. женитьба Андрея Павловича на Агафье, позднее её стали звать Агафьей Николаевной, на самом деле было идентичным содержанию «Травиаты» по крайней мере в начальный период его развития, хотя финал в жизни теченских Виолетты и Альфреда был совершенно другой. Агафья-Виолетта (да простят меня писатель Дюма и композитор Верди за очень смелую аналогию) желторотой ещё, если можно так выразиться, девушкой вкусила городской жизни в Челябинске и явилась в Течу уже распутившейся физически, а можно думать и морально в кавычках. Во-первых, она стала выделяться среди других деревенских девиц большей смелостью и независимостью поведения. Она именно начала первая купаться у моста в присутствии парней. Уже на основании одного этого в деревне заподозрили в ней «травиату». В это же время в Тече появились люди не известной до сих пор жителям её профессии, которых стали называть «турфяники». Это были рабочие, приехавшие в Течу на торфоразработки. Событие это, т. е. приезд «турфяников» вызвало у теченцев настоящую сенсацию, во-первых, тем, что для них, теченцев, было настоящим откровением, что болота, которых около Течи было много и которые в глазах их были гиблыми землями, могут иметь промышленное значение, а, во-вторых, и самое появление новых людей да ещё типа рабочих было большой новостью. Купание у мостика с появлением новых людей, в большинстве молодёжи, ещё более оживилось. Вновь прибывшая молодёжь не склонна была стесняться себя разными условностями деревенского быта, особенно по женской части. Деревенские парни насторожились, стали на страже защиты своих девушек от посягательств приезжих дон-жуанов, т. е. прямо сказать, начались драки. В такой обстановке теченская Виолетта вела себя вызывающе, презрев всякие деревенские обычаи. В таком виде и встретил её после солдатчины теченский Андрей. Правда, они, вероятно, в детстве и несколько позднее виделись, даже, может быть, дружили, потому что жили в соседях, но в этот момент встреча была необычной, поскольку репутация Агафьи была подорвана. Андрей пришёл из солдат красавец красавцем и любая теченская девушка не отказалась бы выйти за него замуж, конечно, «если тятинька согласится», но он оказался Альфредом и взор свой остановил на Виолетте. Так, в Тече нашло полное жизненное подтверждение идея «Дамы с камелиями» Дюма. Неизвестно только, сказала ли теченская Виолетта теченскому Альфреду:

«Забывать мне нужно прошлое», как эти слова с исключительной выразительностью исполняет в опере Верди «Травиата» Шумская²²⁰⁴, обращаясь к Козловскому.

На этом аналогия с рассказом Дюма и оперой Верди заканчивается... и к лучшему: мрачное всё позади – будущее, по крайней мере, на время светло и спокойно. Агафья, теперь её звали Агафьей Николаевной, казалась такой рачительной и заботливой хозяйкой, что дай Бог другому иметь такую жену. На Макаровке появился новый кирпичный, крытый железом, дом с полным комплектом хозяйственных служб. В хозяйстве была корова, овцы, курицы, прекрасный огород и прямо уже редкая роскошь – выездной рысак. Спросите кого-либо из соседей, как это всё создалось, и вам ответят: «это дело рук Агафьи Николаевны». В доме она завела тот распорядок, какой она видела у «господ» в Челябинске: чистота, всё прибрано, на окнах цветы, на полу половики и коврики. На праздниках или на спектаклях они всегда вместе. Сама она, аккуратно одетая, никогда не позволит ему показаться небрежно одетым. Но ... детей нет.

Две логики: логика Парижа и логика Течи. Парижская Виолетта не могла иначе поступить, как только умереть: этого требовала и художественная и жизненная правда. Теченская же Виолетта своей жизнью доказывала, что «травиату» можно преодолеть и встать на другой путь.

Зимой 1925 г. Андрей Павлович и Агафья Николаевна приехали в Свердловск с большим горем, которого они, может быть, ещё полностью не осознали: у ней были явные признаки *cancer ventriculi*.²²⁰⁵ Сама она о своём самочувствии выражалась так: «вот чувствую, что у меня в желудке как будто что-то переворачивается. Поем пельмешков ... станет неловко». Просмотрел её специалист по женским болезням и сказал только, что операцию делать нельзя, намекнул – поздно. Андрей Павлович расстроился и только и говорил: «В Москву повезу – откажут – повезу за границу». Не кажется ли вам, что мы опять повернули на оперу Верди? Не напоминает ли это тот момент в опере, когда Альфред едет в Париж, чтобы спасти Виолетту от материального краха? Нет, Агафьи-Виолетты уже давно нет в живых; здесь идёт речь уже о спасении жены А. П. Постникова – А. Н. Постниковой.

Летом 1926 г. мы посетили Течу и навестили Агафью Николаевну накануне её смерти. У них жила прислуга, и А. Н. распоряжалась ещё по хозяйству. Она волновалась, что долго не закипает самовар. «Не могу терпеть - говорила она, - когда долго возятся с самоваром». В ней всё ещё бурлил дух хлопотуньи хозяйки.... На утро мы узнали, что она умерла.

На третий день после смерти А. Н. с теченской колокольни разносился погребальный звон, давно уже в Тече не производившийся и, очевидно последний за время существования теченской церкви. Это по завещанию Агафьи Николаевны её хоронили с выносом и пропели ей «вечную память».

²²⁰⁴ Шумская Елизавета Владимировна (1905-1988) – советская оперная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог. Народная артистка РСФСР (1951).

²²⁰⁵ *cancer ventriculi* – по-латински рак желудка.

Однажды Он увидел разъярённую толпу людей, готовых побить блудницу камнями. Он подошёл к толпе и спросил: «Кто первый бросит в неё камень?» Толпа разошлась. В чём смысл этого евангельского рассказа? Не в том ли, что Он верил в спасительные силы «падших» и завещал эту веру и другим людям? Был ли Он, кого называли сердцеведцем, прав? Агафья Николаевна своей жизнью подтвердила, что Он был прав.

Трагедию «падших» изображали в своих произведениях многие писатели, но никто так глубоко не изобразил и не вскрыл социальные корни «падения», как Ф. М. Достоевский в образе Сони Мармеладовой, но разве кто-либо, зная причины её «падения» решился бы в неё бросить камень? Да и было ли это «падением»? О том, как сложна эта проблема, говорит, между прочим, и жизнь Агафьи Николаевны.

Андрей Павлович до Октябрьской соц[иалистической] революции был портным. Это было его основное занятие: землеробом, как и его отец он не был. После революции он некоторое время работал в кооперации, но работа шла не гладко: то с перевозкой товаров у него получится какая-нибудь беда, то то́, то другое. Женился он потом на одной вдове из коренных теченских жительниц. Она была хорошая женщина, но оказалось и тут различие в социальном происхождении: она была из семейства землеробов, её тянуло вести хозяйство: держать коров, овец, заготавливать сено и т. д., а у него особенной тяги ко всему этому не было да он уже и не в силах был работать. Бывали размолвки. Не мог он, как следует, разобраться и в политической обстановке. Он всё говорил: не могу понять, зачем всё нужно разрушать? В этом отношении на его мировоззрение, очевидно, отразилась психология ремесленника в его чистом виде, как классовой прослойки. Таким был его отец – Павел Михайлович, таким остался и он. Умер он скоропостижно и похоронен в Тече. В Тече он был последним носителем фамилии Постниковы. Потомки у Павла Михайловича остались ещё где-то в Далматове от старшего сына Николая, а в Тече осталась только дочь Татьяна Павловна Ключина.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 131-142.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеются очерки Павел Михайлович Постников» и «Теченские Виолетта и Альфред» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Части III и IV) (март 1966 г.) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 380, 381).

Это была настоящая фирма сапожников. Пришли они в Течу, как передавали, из какого-то уральского завода. Ушли от «огня», т. е. от работы в каком-либо «огненном» заводе по выработке чугуна или стали. Отец был сапожником и решил «приставить» к этому же ремеслу и троих своих сыновей. В Тече, на Горушках, у них была небольшая избушка. В неё было сосредоточено и жильё и производство. Когда мы приходили к ним летом в жаркий день по своему заказу, то находили такую картину: в избу было нельзя зайти – некуда ступить. Несмотря на то, что две рамы были выставлены, в избе была духота, запах кожи, кислого клея. На «седухах», пустотелых деревянных цилиндрах, срезанных на уровне сидения, с прибитыми сверху крест на крест широкими ремнями, сидели трое: отец Василий и два сына – Андрей и Павел. Раздавался стук молотков. На полу разбросаны были обрезки кожи, колодки. На стенах кое-где висела заготовленная для работы дратва. У печки возилась жена Андрея: готовила обед. Отец уже заканчивал свой трудовой путь: больше консультировал, чем работал. Главным работником был Андрей. Павел совершенствовался. «Фирма» была на славе, и работы было много. Третий сын Василия Александр не «сапожничал», вероятно, просто потому, что негде было уже поместить для этого его в избе. Они понемногу сеяли, и он занят был этой хозяйственной работой. Пахать нанимали: своих лошадей не было. Александр ходил ещё на подённые работы.

Отец умер по старости, Андрей чахнул, чахнул и умер от туберкулёза, Павла взяли в солдаты, а по окончании «службы», как передавали, он «подался» на работу полицейским.

Остался Александр. Он выстроил себе избушку на тракту женившись на дочери теченского мужичка, но жили они бедно: Александр из семьи ремесленников оказался «тёплым» на крестьянской работе.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 326 об.-328.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

«Синельщик» Мосей Гурлев

[1961 г.]

Он тоже, как и многие другие, «прибился» к Тече из «расейских». В конце прошлого столетия у него в Тече на тракту стоял уже добротный дом с шатровой крышей, крытой тёсом. Дом состоял из кухни и горницы. У дома были «службы»: амбар, погреб, конюшня, сарай, пригон, а в огороде была «красильня» - изба с плоской крышей, поросшей лебедой. Здесь у него стояли небольшие чаны для крашения. В солнечные дни на стенках «красильни» он развешивал «пасмы» окрашенных ниток. У дома был

небольшой садик, в котором, между прочим, что было редко в Тече, были кусты крыжовника. Из цветов были маки, мальвы, васильки.

Семья состояла из стариков – мужа и жены, сына со снохой и двумя детьми – мальчиком и девочкой. Крашением в ту пору занимался сам старик – Мосей. Был он худой, бледный; руки у него были в краске – то красные, то синие, то жёлтые, а то просто неопределённого цвета – смесь разных оттенков цвета. Он был единственным специалистом в своей области, заказчики приезжали к нему издалека, и он без работы никогда не был. Холст чаще у нас «белили» и в таком виде из него шили «исподнее» - нижние рубахи, «становины», а часть шла [на] полотенца, «онучи». Из крашенных ниток ткали нечто вроде сарпинки на верхние рубахи разных расцветок: красное с белым, синее с белым, иногда синее, или красное с жёлтым. Особенно художественно ткали полотно на верхние штаны – шаровары с причудливым стрелчатый рисунком. Ситец был ещё мало распространён, и потребность в крашении была большая.

Старик, вероятно, от вредных испарений чахнул и однажды вечером, плотно закусив пельменем с рюмочной водки, отдал Богу душу. Производство перешло по наследству к сыну – Семёну Мосеевичу.

При жизни отца Семён занят был неопределённой деятельностью: то перекупал что-нибудь, сбывал; то немного сеял в паре с кем-либо, то «сенокосил» где-либо в «татарах» на арендованном покосе для обеспечения сеном коровы и лошади, которая применялась больше для разездов. «Красильню» он принял в ту пору, когда потребность в крашении ниток уже падала: стали покупать разные материи у Антона Лазаревича и понемногу оставлять и ткацкие домашние станки с их красками. Таким образом, на примере Семёна Мосеевича мы видим, как фабрика, фабричное производство вытесняли ремесленника. Предприятие пошло на убыль. Обычно «расейские» старались выдавать своих дочерей тоже за «расейских», из тех, кто занимались тоже ремеслом, но дочь свою Анну Семён выдал уже за аборигена тех мест – землероба, а сын Григорий некоторое время был на выучке по торговому делу у Новикова, т. е. готовился на приказчика, но когда «всё перевернулось», некоторое время был в «активе» сельских административных деятелей, а когда организовались рабфаки был командирован в Свердловский рабфак, который благополучно закончил и, по слухам, получил высшее образование по специальности лесничего.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 341 об.-343.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Они были последними, которые «прибились» к Тече не то из Бродокалмака, не то из какого-то другого соседнего села. Появились они в Тече в [1]901 или [1]902 году. Сняли квартиру у базара. Прежде всего, они заявили о своём пребывании в Тече тем, что на Теченский базар по понедельникам «выбрасывали» свежие пряники с изюмом по пяти копеек за фунт. У Новикова в лавке бывали пряники разных сортов: мятные, «парёные» под коврижку, были даже «сибирские пирожки» с начинкой, но все они бывали залежалые, твёрдые, а Козловы выносили на базар пряники прямо из печки, румяные, ароматные, и их брали нарасхват. Но одними пряниками не проживёшь, и они ещё что-то имели для приложения своих сил, «для проживания», но это было не на виду: перекупали, перепродавали, одним словом были типичными негоциантами.

Семья состояла из четырёх человек: отец, мать, сын и дочь. Отца и мать никогда не было видно, кроме базарных дней. Сын и дочь одевались «по-городскому» и водили знакомство с молодёжью тоже теченских негоциантов и ремесленников Пеутиных, составляя с нею замкнутый обособленный круг молодых людей. Девушки были «барынями», жеманными, вроде пресловутой красавицы из бродокалмакских торговцев Башариных, которая, когда её пригласил учтивый кавалер на «тур вальса», ответила: «я не умию и при том потию».

Мальчиков из таких семей родители старались пристроить к Новикову на подготовку к торговле. Ваня Козлов тоже стажировался на эту профессию, но 1917 г. смешал все карты.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 343 об.-344 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

В галерее тех людей, которые нам встречались в детстве, с которыми мы короткое время жили вместе и о которых сохранились хорошие воспоминания, Проня, он же Прокопий Константинович [Черепанов], занимает не последнее место. В его судьбе полностью подтвердилась та картина, которая изображена в известном романе «Пара гнедых», который обычно с надрывом и почти с рыданиями поют артисты, потерявшие голос: «Пара гнедых, запряжённых цугом ... Были когда-то и мы рысаками... пара гнедых... пара гнедых...» Так и Проня был когда-то Прокопием Константиновичем, и вот стал Проней. Его и теперь иногда называют Прокопием Константиновичем, но разве с такой интонацией это произносят, как раньше: прежде это звучало гордо, а теперь – не то шуткой, как иногда ребёнка называют по имени и отчеству, не то с оттенком всегда обидной жалости к обанкротившемуся человеку. Что он теперь? Оторвавшийся от земли крестьянин? Потерявший над ней власть, расстроивший зря свою силу? Стёртый пятиалтынный! И что особенно обидно, так то, что он родом из Кирдов – из деревни, где мужики живут справно, а некоторые и богато, а вот он сбился. Как это получилось – осталось тайной.²²⁰⁶ В Течу он пришёл

---

²²⁰⁶ Из очерка «Проня» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как Проня перенёс свою метаморфозу – переход из прежнего состояния – хозяина-землероба в состояние работника – человека на услужении. Этот вопрос ведёт нас в туманную область философских гаданий о натуре русского человека, к чему, к этим гаданиям приложили свою руку и некоторые русские писатели. Было философы изображали русского человека и главного его представителя – русского мужичка – «богоносцем». Терпение русского мужика, до крайней степени напряжённое вследствие его тяжёлой судьбы, изображали в виде терпения многострадального библейского Иова с его фаталистической философией: «Бог дал – Бог взял». Теперь этот тезис славянофилов опровергнут всем ходом Октябрьской революции: «народ богоносец» с удивительной лёгкостью отказался от своего Бога, а церкви стал перестраивать под клубы или превращать в склады.

Л. Н. Толстой в своём произведении «Война и мир» представителем русского крестьянства изобразил Платона Каратаева с его фаталистической верой в судьбу. Писатель образно говорит о Платоне, что в его мировоззрении, как и в его поведении было всё как-то простым, «круглым» - встал – встряхнулся, а лёг – свернулся, и всё определена судьба. За такую трактовку характера русского мужичка ухватились русские литературоведы типа Овсяннико-Куликовского, которые дошли до того, что лень Обломова, его инертность возвели в национальную черту русского народа. Октябрьская революция полностью отвергла этот тезис.

Если всё-таки нужно подвести психологию Прони при переходе из одного состояния в другое в рамки какой-либо философской категории, то можно сказать, что он перенёс этот переход стоически, но не в силу какой-то философской убеждённости, а по своей натуре: в те времена ум мужичка ещё не был пробуждён для размышления, а все жизненные

уже Проней и пошёл в работники туда, где не надо ни пахать, ни косить, а работать по мелочам: отчасти дворником, отчасти водовозом, а на большее он уже и не был способен. Зимой, если выпадет снег, собрать в кучи и вывезти со двора или в огород, или на площадку по близости; подобрать навоз от двух лошадей и двух коней и вывезти в загумна; съездить за водой, дать корму скоту – вот и вся его работа. Вечером – лёжа на полатах, слушай разговоры или смотри, что делают в кухне; сморило – они в тепле до рассвета.²²⁰⁷

Когда Проня появился в Тече, ему было уже за 50 лет. По-деревенски это не столь большой возраст, но он, как видно, смолоду не был крепкого сложения, а теперь уже вовсе был не видный: не высокого роста, чуть сутулый, худощавый, лицо в морщинах, волосы жидкие, борода вехоткой – что говорить: вид не казистый. К тому же он и обносился сильно. Когда он явился в начале сентября на нём был зипун, выцветший и обшарпанный, не по сезону ещё шапка, какие у нас называли «малахаями» вроде киргизской, но без ушей. Что было главным богатством в его одеянии, то это сапоги «бахилы» или, как иногда их у нас иначе называли «бутылы». Они были универсалы, т. е. годились для ношения в любое время года. По величине они немногим были меньше сапогов Петра Алексеевича Романова, выставленных в Эрмитаже. Зато зимой пехмотай побольше онуч и никаких пимов тебе не надо. Принёс ещё Проня остатки от шубы, кое-что из белья, что пошила ему из холста его старушка. Зимой, если поехать куда-нибудь подальше, давали ему тулуп. Питанием его не обижали: пшеничного хлеба из помола на Мизгирёвской мельнице на обед и ужин «рушали» до *quantum satis* (сколько потребуется). В скоромные дни давали щи, кашу просовую со скоромным маслом; в постные – уху из сушёной рыбы, гороховую кашу с конопляным маслом, парёнки, сусло.

Любил Проня ворчать, не матерился, «что похвалить мы в нём должны», а любимым его ругательным было слово «жаба», причём трудно было определить, какой собственно смысл или какое значение придавал он

явления воспринимались как естественная смена одного другим» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 102-103.

Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853-1920) – русский литературовед и лингвист.

²²⁰⁷ Из очерка «Проня» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Проня, можно сказать, вошёл в нашу семью на положении домочадца – территориально полностью, а нравственно – близко к этому. В качестве спальни комнаты отведены были ему полати, а в качестве гостиной – малые полати над голбцем. Сами мы, т. е. наши родители и дети, зимой спали в горнице на полу, а большую часть дня проводили в кухне. Вечером все собирались в этой последней: матушка обычно чинила бельё и готовила ужин, батюшка присаживался к столу и принимал участие в разговорах, я и брат Иван сидели у печки-голландки, которая топилась, и поджаривали пуговицы, младшие брат и сестра сидели около матушки. Разговор был общий и в нём Проня имел право участвовать и участвовал на общих основаниях» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 104.

этому слову. Затягивает он, например, суполь, упёршись ногой в древко хомута, а она возьми да сорвись, он: «ах, ты жаба!» Мотает лошадь головой и заденет его, он: «ах, ты жаба!» На Рождестве наши барышни (о, они иногда бывают очень смелыми, особенно, если гадают о женихах) решили над ним подшутить, он: «ах, вы жабы-деушки!» Вот и разберись: то ли он ругается, то ли просто добродушно ворчит.

Любил Проня выпить. В наше время богатые мужички на свадьбы «николаевку» закупали прямо в лагуны вёдрами, а у «целовальника» в Тече её было запасено на много свадеб и помещался магазин, по-крестьянски «кабак» в хорошем доме, бывшей школе. Приезжали с лагунами, закупали четвертями, тут же, чтобы не возиться с посудой, выливали в лагуны, а дома из лагунов разливали в домашнюю посуду. На венчание приезжали целыми поездами – 5-6 подвод, а приезжавшие так и назывались «поезжанами». Проня, когда приезжали кирдинские, всегда ходил повидаться с земляками, узнать новости. Однажды он так же пошёл к «поезжанам» под вечер. Вот время идёт, Прони нет; уехали уже и «поезжане» после венчания – Прони нет. Вышли искать его, а он уже шествует «на четвереньках», хлебнул прямо из лагуна, как говорится, «причастился». А так Проня был мужик исполнительный: поворчит, поворчит иногда и жабу помянет, а потом сделает на совесть. Вот почему, когда наши «молодые» определились на жительство и на работу в Сугояк и когда встал вопрос, кого же им порекомендовать в работники, внимание остановилось на Проне.

Хозяйство в Сугояке только что ещё начали разводить. Ни пахать, ни косить, на жать ещё не нужно было. Из лошадей был один Бурко! Привезти воды, подмести в ограде, за воротами около дома – вот, в сущности, и все работы. Для Прони это было самое подходящее дело. Раздолье было с кухней: простор, полати – катайся с боку на бок – до стены не доедешь. От Кирдов даже ближе, чем было в Тече. А вот старушку его мы никогда не видели. Почему так получилось, как-то и не задумывались над этим. Была у него, как говорили, одна дочь единственная из детей, которая давным давно уже вышла замуж. Время от времени он ездил или пешком ходил в Кирды навестить свою старушку, чтобы прокормить которую он собственно и «робил».²²⁰⁸

Однажды летом в Течу из Кирдов привезли хоронить покойника. Привезли на одной лошади. На телеге сидели старушка, женщина средних лет с двумя детьми и двое мужчин. В середине стоял гроб и на нём крест. Когда мы спросили: «Кого это привезли хоронить?» - нам ответили: «Прокопия Константиновича», а на телеге сидели его старушка, дочь с

---

²²⁰⁸ Из очерка «Проня» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Когда Проню брали в услужение в Сугояк, то имели в виду, что это только на время, пока не развёрнуто было хозяйство: посевы в поле и вообще обработка земли. Но вот это дело было организовано и Проня получил отставку. Он вернулся в Кирды в своей старушке с тем, чтобы уже навечно переселиться в Течу под свод кладбищенской роши» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 106.

детьми, из мужчин был зять и прихватили одного на помощь.²²⁰⁹ Итак, нет в живых Прони, Прокопия Константиновича! Да будет тебе земля лёгкой, Прокопий Константинович! И как легко его было вспомнить: ничего плохого, только доброе. Вот уже о ком можно полностью сказать: «*O, sancta simplicitas!*» (святая простота).

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 246-251.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Проня» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть III. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 380).

Терентий Яковлевич

[1961 г.]

В детстве мы все деревни, пашни и луга, находящиеся близ Течи, распределяли по принадлежности их к Теченскому приходу, т. е. по отношению к Теченской церкви, на «наши» и чужие. «Наши» - это относящиеся к Теченскому приходу, чужие – не относящиеся к нему. В свою очередь и люди распределялись нами также на своих и чужих. Терентий Яковлевич по этому признаку относился к «чужим» и когда он сделался нашим «придворным» ямщиком, то возникал вопрос о том, как это случилось, что он, чужой, позднее мы сказали бы варяг, сделался таковым, т. е. нашим «придворным» ямщиком. История, т. е. хроника нашей жизни, не оставила нам прямого ответа на этот вопрос, но создала гипотезу, которая, по-видимому, давала близкий к истине ответ, а именно, что когда семейство отца Анатолия Бирюкова переезжало из Нижней, откуда был родом Терентий Яковлевич, в Течу, то он, как сосед их по Нижней, был участником перевозки и тут-то произошло знакомство наше с ним, которое имело такие серьёзные последствия для него и нашей семьи. Не обошлось тут, вероятно, и без протекции, которую ему, Терентию Яковлевичу, оказали Бирюковы при знакомстве с ним. Что ни говори, но классическое изречение «*manas manum lavat*»²²¹⁰, сколько бы ни боролись с ним, не хотели поддаваться

---

²²⁰⁹ Из очерка «Проня» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Я помог внести гроб в церковь, а когда при отпевании дьячок запел «Со святыми упокой», подтянул ему. Священник положил на лоб Проне разрешительную молитву в виде ленточки, посыпал на губы песок, запели «Плачу и рыдаю, едва вижу человеческую красоту...» и говорилось дальше «о земле», «аможе все человецы пойдем». Начался плач и все стали прощаться с Проней. Простился и я. Я помог вынести гроб на телегу, проводил его на кладбище, помог опустить гроб в могилу и засыпать его землёй после того, как все бросили по горсти земли. Я пронаблюдал, как телеги отправились с седоками домой, в Кирды, пришёл домой и рассказал о похоронах Прони. Все пожелали Проне «царства небесного». Помянули добром и некстати, очевидно, «вспомнили его любимое слово «жаба», с которым связывал отличительную черту характера Прони» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 106-107.

²²¹⁰ *manas manum lavat* – по-латински рука руку моет.

искоренению. И вот состоялось знакомство да такое, что и та и другая часть его, т. е. и Терентий Яковлевич и наша семья всегда имели виды и расчёты друг на друга, когда возникала мысль об отправке диаконских детей на учение: диакон был уверен, что Терентий никогда не откажется отвезти его детей в Каменский завод и в срок представить на станцию «Синарская», а Т. Я. был в свою очередь уверен, что Теченский диакон ни к кому другому, а только к нему, обратится с просьбой и перевозке его детей в Каменку. Он знал, когда это, примерно, должно быть и в соответствии с этим строил свои работы, чтобы кони ко времени были готовы. Отсюда понятно, что он вполне заслужил название именно «придворного» ямщика при семье Теченского диакона.

Теперь Терентия Яковлевича, конечно, давно уже нет в живых и как приятно сознавать, что воспоминания о нём не омрачены ничем и не приходится отступать от золотого правила «*De mortuis aut bene, aut nihil*»²²¹¹, не приходится вступать в конфликт со своей совестью. Однако, теперь именно, когда жизнь крепко потрепала и выработала то, что А. С. Пушкин определил в словах: «но старость ходит осторожно и подозрительно глядит», теперь именно приходится отметить, сколько доверия тогда было оказано Терентию Яковлевичу, когда поручали ему перевозку детей зимой в холод, пургу, при полном безлюдьи в полях, когда можно было услышать вой волков, сам же он был чуть-чуть побольше тех, кого он вёз. Когда он зимой сидел на «козлах» и когда его запорошит снегом, то перед глазами у седоков виднеется только небольшой снежный ком, не больше. А вот ни разу не было случая, чтобы в дороге произошла какая-либо задержка и чтобы он не представил своих пассажиров во время к поезду.

[²²¹²]

---

²²¹¹ *De mortuis aut bene, aut nihil* – по-латински «О мёртвых хорошо или ничего».

²²¹² Из очерка «Терентий Яковлевич» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Терентий Яковлевич обыкновенно приезжал к нам с вечера, чтобы пораньше на утро выехать. До Каменки нужно было проехать 75-80 вёрст засветло, а под вечер при въезде в неё можно было нарваться на хулиганские выходки заводских парней и, чтобы избежать этого, приходилось выезжать из дома чуть свет. Терентий едва ли спал в эту ночь: он был около лошадей – то сено давал им, то овёс. Он же и будил всех, чтобы готовились к выезду. Памятны нам эти ранние выезды из дома: летом ещё ничего, а зимой – холод, полоз у саней скрипит и вызывает тошноту. Не весело, но каким предупредительным был в этом случае Терентий: зимой всех укутает, подоткнёт одеяло, проверит упряж ещё раз, покрестится, прыгнет на козла и поехали. Любимым выражением его было: «Эй, вы, соколики!». Зимой, когда кони отдохнут от тяжёлой летней работы, Терентий придерживался стиля ямщика-ухаря: запустит лошадей вёрст на 10-15 «на рысях», потом остановит, погреет у каждой из них морду, прикрывши тулупом, оборвёт сосульки, образовавшиеся на волосах у ноздрей, сядет на облучёк кашевы и опять: «Эй, вы, соколики!». Зимой с большим снегопадом дорога между Каменкой и Красноглазовой была изрыта и в глубоких рытвинах: кашева всё время ныряет: то опускается, то поднимается, а мы сидим и видим, как Терентий то висит над нами, то падает в бездну. Его берёт нетерпение и как только выберется на ровную дорогу, опять слышим: «Эй, вы, соколики!» Бывало и так, что навстречу

А был однажды случай зимой очень опасный. Был буран, «не видно ни зги». До рассвета было ещё далеко. Потеряли дорогу. Вот он слез с «козел», пошёл прощупывать дорогу. Ходит, ходит, кое-как нашёл. Вывел свою пару на дорогу, решил перестроиться на езду гусём. Расчёт: передняя лошадь будет лучше чувствовать под ногами дорогу и поведёт за собой коренника, а то она в пристяжке только сбивала его с дороги. Въехали в татарскую деревню Байбускарову. По своему обычаю, свойственному, правда, всем ямщикам, по деревне Терентий мчит нас на всём маху, только поухивает, и понадеялся на переднюю лошадь, пустил без вожжей, а она увидела в одном месте открытые ворота, махом во двор, а потом в пригон. Татарская семья выскочила: шум, гам. Ладно как-то кашева ещё не ударилась. Дорогу перемело. От татар узнали, что перед нам только проехали Стефановские, решили догонять. Вывел Терентий свою пару на дорогу, привязал вожжи к козлам, сам сел верхом на переднюю, на козла посадил татарчёнку, чтобы он показал дорогу за деревней. Въехали в Красноглазову, русскую деревню. Мчит нас опять Терентий по деревне, только поухивает. Стали спускаться с горки. Хвать: нет ни передней, ни Терентия. Коренник остановился. Смотрим: Терентий вылезает из-под насевшего коренника и поднимает переднюю. В Каменку приехали поздно, а на завтра к шести утра он всё-таки аккуратно доставил на станцию. Обязательство выполнено.

Как у ямщика, у Т. Я. были очень ценные для этого качества: во-первых, он умел подбирать для этого подходящих лошадей, выносливых в беге на дальнее расстояние и, во-вторых, он знал, какой строгий режим нужно соблюдать в пути. Зимой он приезжал за нами в Каменку накануне встречи на вокзале. Ночью кони отдыхали, он давал им полный рацион корма: овёс, сено, поил их вволю. Утром в шесть часов встреча на вокзале, выволакивал из кашевы тулупы, которые мы одевали, саживал в кашеву, подтыкал одеяло, кошму, садился на козла и мчал. Да, именно мчал. Завод лежит в котловине, и он уже в него не заезжал, а горой правил на дорогу за Каменку. Дорога зимой за заводом по направлению к Красноглазовой была с большими ухабами, такими, что лошадь и кашева почти скрывались с глаз. Это объяснялось тем, что место было открытое, наметало большие сугробы снега, а по этой дороге в завод подвозили руду, а иногда на встречу попадались длинные обозы с пшеницей, которую везли на продажу в Каменку. В этих случаях Т. Я. пускал лошадей галопом по обочине дороги. Следовала команда: «Эй вы, соколики!» И «соколики», пурхаясь в снегу, мчали, поднимая вихри снега. В холодную погоду Т. Я. время от времени, прогнав 10-15 вёрст, останавливал своих «сокольников», подходил к каждой, закрывал морды их тулупом, оттаивал и отбрасывал нависшие сосульки, а

попадётся длинный обоз: или с рудой, или с зерном на продажу каменским скупщикам для отправки за границу. Дорога узкая – в одну колею. Тогда Терентий взмахнёт кнутом, крикнет своё «соколики» и пустит коней галопом в заснеженное поле. Они поднимут снежную пыль, мчатся иногда с версту, пока выберутся на дорогу. Терентий остановит, сотрёт снег с их морд и опять «соколики» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 131-132.

потом опять: «Эй вы, соколики!» И «соколики» пошли. Примерно на середине пути была татарская деревня «Иксанова». Здесь заезжали пить чай и греться к богатому татарину Карыму часа на два. Здесь Т. Я. ставил под сарай своих «сокольников», закидывал их тулупом, ослаблял упряжь, но не распрягал совсем, давал им овёс, но пить не давал. У Карыма было три жены и три дома. При нём они были поочерёдно. Был он добродушный татарин и привык уже к тому, что мы к нему заезжали. Иногда шутили над ним, говорили, чтобы он заставил самовар ставить апайку помоложе. Он разъяснял, что порядок нарушать нельзя: как уж придётся, так и получайте. Домой нас Т. Я. привозил, примерно, к 6-7 часам вечера. С вечера давал коням корм, а, примерно, в полночь давал питьё до отказа. Таков у него был зимний режим в дороге для лошадей. Летом его «соколики» не имели уже такой резвости, как зимой: польские работы, особенно пахота, даром не проходила, но к поездкам он их подкармливал.

На Каменский завод из Течи можно было ехать по двум направлениям: через Кирды и через Нижнюю. И в том и в другом случае приходилось проезжать через одни и те же татарские деревни: Акирову, Байбускарову и Иксанову. В зимнее время Т. Я. предпочитал дорогу через Нижнюю, а летом – через Кирды. Из Течи обычно выезжали часа в 4-5 и зимой только в 9-10 часов проезжали через Байбускарову. Деревня уже была, как говорили у нас, «вставши», на улицах толпились татарчата, злые псы рвались с лаем на проезжающих, а Т. Я. знай поухивал и с шиком гнал на «соколиках». Такова была ямщицкая манера: между деревнями можешь ехать «на пристаях», а по деревне – с шумом, уханьем: «знай наших». Так и когда к дому подъезжали из Каменки, кони уже устали, а проехать по Тече и к дому подъехать надо с форсом, особенно летом, когда ещё было светло и люди выскакивали из домов смотреть, кто едет с колокольцами. Тут уже Терентий распнись в лепёшку, а покажи себя. И он мчал, а против дома протоиерея возьмёт да ещё ухнет: вот тебе – смотри, как надо возить диаконских ребят. Возил он нас и весёлыми и грустными. Встреча на вокзале радостными, весёлыми и сам был радостным. Разговоры начинались бесконечные: как то, как другое. Отвозил грустными и сам был задумчивым и грустным: упакует все наши вещи по разным местам коробка или кашевы, поможет усадить нас, снимет – летом поярковую шляпу, а зимой шапку, перекрестится, садится на «козла» и трогает своих «сокольников». В «Каменке», чтобы не проспять и не опоздать к поезду, чуть дремлет, не спит, будит нас и в глубоком молчании отвозит на вокзал. Приехали на вокзал, снимали все тулупы, уложил он это всё в кашеву, началось прощание: иногда тут же, распрощавшись «за ручку», садится и направляется домой, а иногда – дожждётся отхода поезда, посадит в вагон и идёт к своим «соколикам». Сколько же в этом маленьком мужичке было доброты и врождённого благородства, деликатности: ни одного грубого слова, внимательность, предупредительность. Кто и что его воспитывало?

Жил Т. Я. в Нижней неподалёку от церкви. У него была небольшая изба. Жили двое с женой. Сеял хлеба он, как видно, немного: силы не

было, но жили не плохо. Иногда зимой во время каникул, когда время было нечем занять, вдруг кому-нибудь из нас взбредёт в голову мысль: «Едем к Т. Я. в гости» и отправились. Повидались, напились чаю и домой.

Теперь трудно вспомнить, когда он отвозил меня в Каменку в последний раз, но было это уже в мои студенческие годы, когда я в его представлении был уже «барином». Но он и теперь ещё живым стоит передо мной: маленький, в поярковой круглой шляпе, в плисовых шароварах и серой рубашке, в больших сапогах; у него бородка клинышком, карие добрые глаза и тихий голос.²²¹³ Так и кажется: сядет он на «козла» бочком, возьмёт вожжи и скажет: «ну, «соколики» с Богом!» Да будет тебе земля лёгкой, наш «придворный» ямщик, Терентий Яковлевич!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 252-258 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Пётр Ефремович

[1961 г.]

Насколько в нашей Тече были дифференцированы производственные отношения уже в дореволюционное время (до Окт[ябрьской] рев[олюции]), свидетельствует специальность Петра Ефремовича. Он представлял собою ходячие «бойни». Сказать так, конечно, значит допустить гиперболу, но суть дела от этого не меняется. Петра Ефремовича звали всегда «колоть» коров, телят. Лошадей кололи татары и варили «махан». Свиной (их у нас называли «дочками») разводили мало, и если приходилось «колоть», то делали это сами, причём рассуждали так: «свинью не жалко «колоть»: она и есть свинья, презренное существо, а вот коровку и жалко, и надо уметь это сделать. Да и вообще у некоторых людей были слабы для этого нервы, поэтому и звали Петра Ефремовича. В плату шли деньги и кое-что натурой из туши зарезанного животного. «С усташку» полагалось давать Петру Ефремовичу «шкалин», а то и больше. Наше детское воображение рисовало нам Петра Ефремовича человеком жестоким, со зверским выражением лица. Да он, пожалуй, и походил на такого человека: его мрачная профессия накладывала на него какую-то «каинovu печать».

---

²²¹³ Из очерка «Терентий Яковлевич» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «У Терентия бросался в глаза его миниатюрный рост и вообще слабое физическое развитие: он был мужичок с ноготок. Казалось, что рост его остановился в 14-15 лет, а потом подклеили ему чёрные усы и бородку, подстригли ему волосы в кружок, надели на голову летом поярковую шляпу, зипун и сапоги, а зимой – шапка-ушанка, тулуп и пимы, и получился мужик. Может быть, от того, что ему хотелось казаться большим, солиднее, он зимой надевал на голову малахай, целое аистово гнездо, как теперь вошло в моду наших щеголих, а летом сапоги, в которые мог вложить Пётр Великий свою державную ногу» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 129-130.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 321 об.-322.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Стекольщики

[1961 г.]

В Тече были «свои» плотники, сапожники, кузнецы и прочие ремесленники, а вот «своих» стекольщиков не было. Наезжали они к нам откуда-то с севера, чуть ли не из-под Перми. Что было подмечено у них, как правило, то это то, что у них всегда были хорошие и обычно новые ходки с коробками из черёмуховых прутьев, которые, как уверяли, вырабатывались в Юговском заводе, что под Пермью. К коробкам у них сзади привязывались готовые рамы различных размеров, ящики со стеклом, а в самом коробке были замазка и необходимые для работы «снасти»: пилки, топоры, ножи. Обычно ездили двое: мастер и подмастерье. Приезжали летом, а иногда под осень. Их ждали, а когда они появлялись на селе, то по нему уже шла молва: «стекольщики приехали!» Платили деньгами, а иногда реже – натурой: яйцами, молоком и пр. Стекольщики были из «заводских», предприимчивые люди. Когда они заканчивали свою операцию, то часто продавали и лошадь, и ходок, а возвращались домой по железной дороге. Сами теченцы не додумались до того, чтобы иметь «своего стекольщика», вероятно, потому, что для одного села не было смысла браться за это ремесло, а вести бродячий промысел не было заманчивым делом, к тому же сложно было добывать стекло.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 329-330.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Теченские кузнецы

[1961 г.]

Иван Степанович [Кузнецов]

У него и фамилия была – Кузнецов. Было время, когда он был единственным кузнецом в Тече. Да жители ближайших деревень – Черепановой и Баклановой – тоже обращались к нему по кузнечному делу. Без кузнеца плохо, но когда он один на большую «округу», «монополист» - тоже не весело. Не дай Бог, когда ремесленник возомнит о себе и начнёт «куражиться», а за Иваном Степановичем этот грешок был, когда он был «монополистом», Приходилось его «обхаживать», «ублажать», кланяться ему, а если нужно было лошадь подковать, что, правда, в крестьянском быту было не так часто, то без «шкалика» к нему и нет подхода.

Семья их состояла из Ивана Степановича с его старухой и сына Ивана с его семьёй. Иван был землеробом и вёл всё хозяйство, а Иван Степанович только «кузнечничал». Был он уже стариком. Высокий, худой, с жилистыми руками, в кузнечной копоти и пыли, с кожаным фартуком и волосами подстриженными в кружок и подвязанными верёвочкой – таким он остался в моей памяти на своём посту.

Жили они у крутого обрыва, на высоком берегу реки Течи, где в полугоре росла вековая берёза, развесистая как библейский маврийский дуб. Жили «справно»: изба была крепкая и при ней полный комплект «служб». Все строения были у самого обрыва и производили впечатление замка. Кузница была под горой, у приподнятого берега реки, среди огородов. Около неё стоял станок для подкавывания лошадей и очень часто дымилась куча перегоревшей земли, в которой кузнец «морил» дрова на угли. От этой кучи дым иногда расстилался по реке, а иногда ветерок разносил его по огородам. Около кузницы летом всегда лежали колёса, на которые нужно было натягивать шипы, или дровни для подведения под них полозьев. Валялись сабаны, лемехи, сошники и пр. Всё это ждало очереди для обработки, и вот тут-то Иван Степанович «тянул за душу», «куражился» и получал «шкалики». Кузнец он был, как видно, не плохой, «на славе», и вот лошадей иногда «закавывал», и за ним в этом случае нужно было следить. В кузнице, как полагается, был мех, через который нагнетал воздух сам Иван Степанович, а иногда внук его – мальчик, а иногда он просил «пособить» самого клиента. Естественно, что работы было больше в сезон летних работ.

Иван Степанович был знаменитых звонарём, и на большие праздники его именно звали «звонять». В этом деле он был артистом, настоящим чародеем. Его стиль звона знали все.

Крохалёвы

Они появились в Тече в самом начале нового века, в [1]900-м или [1]901[-м] году. Иван Степанович уже «отрабатывался», руки его теряли силу, и они, два брата, явились не конкурентами Ивана Степановича, а продолжателями его дела. Они были молодые, парни. В Течу приехали откуда[-то] из ближайшего села.²²¹⁴ Они представляли собою уже чистый тип ремесленника, с его положительными и отрицательными чертами. Положительной чертой у них было то, что у них был более высокий класс мастерства, чем у Ивана Степановича. Они брали в ремонт уже молотилки фабричного типа, жетон марки «Мак-Кормик» и пр. Отрицательной чертой

---

²²¹⁴ Из очерка «Крохалёвы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Крохалёвы были на почёте, и это кружило им голову. Парни принесли в Течу те порядки молодёжного ухарства, которые были среди заводской молодёжи: разгул, пьянство и драки» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 31.

было их моральное разложение, особенно по женской линии. Они любили «поохаверничать» над девками, пьянствовали и устраивали драки. И раньше в Тече, бывало, парни делили девок по «концам» - Верхний конец или Нижний конец, - или по районам – Горушки, Макаровка и устраивали потасовки, но «недушеврѣдно», а Крохалёвы выходили на драку с ножом или топором. Были убийства. Так, в деревенский быт стали вноситься новые черты, отрицательные.

Кузница Крохалёвых была расположена у мостика, где река была поглубже. Сюда приходили купаться и парни, и девки. Под мостиком на перекладинах иногда сидели «нимфы» и зажигали у парней жар в крови. Тут же выявлялись «яблоки раздора», а потом по праздникам устраивались драки из-за какой-нибудь Таньки или Маньки.²²¹⁵

Володя Ключин

Когда он сделался уже настоящим кузнецом, то его называли Владимиром Александровичем. История жизни его поучительна в том отношении, что она показывает, как разоряется землероб и как он, как ванька-встанька, снова набирает силу на положении ремесленника. Семейство Ключиных, когда был жив ещё дедушка Савелий Фёдорович и отец Александр Савельевич было крепким землеробным семейством, а потом со смертью того и другого пошло к низу. Душила многодетность при малом количестве рабочих рук. Володя некоторое время ходил в «работниках», но потом ему посчастливилось встретиться с кузнецом, который взял его «в учение», и он оказался способным учеником. Как на дрожжах он вырос в кузнеца. Построил около старого отцовского дома на пустыре кузницу и, таким образом, открыл собственное «предприятие». Руки у него были крепкие, работа спорилась, и он выстроил новый хороший дом под железной крышей с кухней и горницей, с добротными службами, но во время перестройки деревни был выселен в Далматов, где и умер.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. 334-338 об.

---

²²¹⁵ Из очерка «Крохалёвы» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Крохалёвым стали подражать и деревенские парни, «зверели». Обращались за усмирением буянов к стражнику Николаю Яковлевичу Уфимцеву, но тот старался сторониться от драк и прибывал на место драки уже к финишу, когда кто-либо уже валялся с пробитой головой, а то и был убитым. Крохалёвым, однако, удавалось выходить сухими из этих происшествий: у них были покровители среди владельцев разного рода машин, для которых они были незаменимыми работниками. В конце концов, у теченцев возмущение буянами и драчунами дошло до таких размеров, что над ними нависла угроза самосуда, и они покинули Течу. В анналах Течи пребывание в ней Крохалёвых составило мрачную страницу влияния заводских нравов на крестьянскую молодёжь, сохранявшую ещё кое-какие устои деревенской патриархальной жизни» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 31 об.-32.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Андрей Гурьянович

[1961 г.]

Его отец – Гурьян ещё не «оторвался» совсем от земли, т. е. не бросил совсем земледелия: его руки знали и сабан, и серп, и литовку, и цепь для обмолота хлебов, хотя больше он занимался плотничеством. Сын же его – Андрей уже был чистым ремесленником. Фронт его работ был широким: он и плотник, и столяр, и «крашельщик», и краснодеревщик. Весной, летом и осенью он уже не отрывался от этих работ для работ в поле, как его отец Гурьян. При Гурьяне дом и пристрой к нему у них ещё имели обычный крестьянский вид: заметно было око хозяина-землероба, а при Андрее уже пристрой стал не в почёте: амбар почти пустовал, в конюшне не было коня, а в пригоне была только одинокая корова. Прежде кондовые тёсовые ворота сгнили и были заменены лёгкими из жердей. Тезис «сапожник без сапог» своеобразно оказался и у плотника: для других всё строил, а у себя «запустил» - обычная психология ремесленника. Наружный вид Андрея был уже несколько отличным от наружного вида Гурьяна: он стал щеголеватее одеваться, вёл себя независимее и с бóльшим достоинством: «знай наших». Когда теченский «купец» Новиков приступил к постройке нового дома в пять-шесть комнат с художественным оформлением его, Андрей с подручным своим учеником не выходил со двора купца в течение всего строительного сезона: они выпиливали художественные наличники к окнам, тёрли краски и раскрашивали наличники, рамы, полы, скамейки, делали рамы, шкафы – весь домашний интерьер. Кое-кто из теченских мужичков начинал уже «обростать жирком»: ему и полати, и «божницу» нужно было подкрасить, да и у дома снаружи навести красоту. Андрей Гурьяныч тут, как тут: давай только работу. Дошло даже до излишеств: например, баклановский богатея Петро Кирилыч Богатырёв захотел, чтобы ему на воротах нарисовали коня, похожего на его Савраска, Андрей Гурьянович сделал и это. Работы хватало. Раньше приходилось кому-либо кланяться «со стороны», теперь был «свой» мастер: ему почёт и уважение. «Живи только с умом да [не] ленись!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 338 об.-339 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Любили прежде русские люди «ходить по белу свету», обозреть привольную матушку – Расею. Сидят-сидят на одном месте, а потом вдруг пристанет такая непреодолимая тяга шатнуться куда-либо, посмотреть на другие края. По-разному любители странствовать удовлетворяли эту «тягу»: одни, ленивые в работе, просто шлялись, чтобы кормиться подаванием под предлогом хождения по святым метам; другие при ходьбе норовили воровать, творить разную пакость, рассказывать разные пошлости; третьи уходили с насиженного места, чтобы поразнообразить условия своей работы, в особенности если на старом месте к тому же случались перебои в работе. Наконец, в-четвёртых побуждали к этому какие-либо события – необходимость скрыться почему-либо от недреманного ока «мундиров голубых». Вот так и появились у нас, в Тече, после революции 1905 г. двое мастеровых – Алексейч и Григорич. Откуда они пришли, что их заставило появиться в Тече – «судьбы ли решение, зависть ли чёрная», – но люди сразу заметили, что они не «шалабольники», а люди серьёзные, настоящие мастеровые по дереву, что у них «золотые руки». Они были чисто одеты, вели себя степенно и предлагали что-либо сделать: столы, стулья, шкафы и т. д.; причём они заявляли, что они могут и полировать, красить, одним словом – выполнять самую тонкую, как говорится, ажурную столярную работу. Условие они ставили такое: хозяин даёт строительный материал – дерево, клей, краски – всё необходимое; они выполняют работу на его дворе – под сараем или где-либо в другом месте, под его наблюдением; хозяин обеспечивает питанием, как это бывает при подённой работе и оплачивает труд, вложенный на создание вещи, исходя из стоимости её на базаре. На таких условиях в Тече работали пимокаты, портные-скорняжники, швея Афонюшка и др., так что эти условия уже были знакомы, а также были известны и результаты калькуляции при выполнении этих работ, т. е. во что обходились, например, пимы, в какую стоимость, что стоил пошив тулупа, шубы, частобора, зипуна, сермяги, понитка, кофточки и т. д. В конечном счёте всё сводилось к стоимости трудодня, а последний в сельскохозяйственных работах по традиции выражался для мужчины в 35-40 коп[еек] за день. Поскольку валяние пимов, шитьё одежды и пр. являлось делом специальным, то стоимость трудодня по этим видам работы определялась выше. Выше она, конечно, должна была определяться и для специалистов-деревообделочников. Но дело было новое, и нужно было испытать, как оно пойдёт.

Первый заказ мастера получили от нашего батюшки на изготовление круглого раздвижного стола и дивана. Один из наших сараев превращён был в мастерскую: на скорую руку был сделан верстак, подобран строительный лес – доски, куплены хозяином мел, олифа и пр. Началась работа. Из наблюдений за ходом работы можно было заметить, что мастером был

Григорич, а Алексеич был подмастерьем. Видно было, что мастера не затягивали работу, чтобы дальше сидеть на хлебах хозяина. Работа была закончена быстро, чем предполагал хозяин, выполнена была с большим мастерством, и стоимость сделанных вещей была ниже рыночной цены. По всему было видно, что мастера не были «живодёрами», как это бывает среди специалистов-гастролёров по деревням. В деревне нашлось много работы, и мастера всё лето и осень не выходили из неё. Остались они и зимовать.

Жили они на «фатере» у одной теченской вдовы на самой окраине села. Жили замкнуто, как бы скрываясь от кого-то. Только на «святках» включились в общую компанию «ряженных» (в Тече их называли «шилίκунами»), ходили по домам и разыгрывали ими же самими подготовленную сатирическую сценку на «барина»: один из них обращался к другому со словами: «Ванька новый», а другой отвечал: «Что угодно, барин голый...» А дальше следовала сатира на «барина».

С наступлением весны они покинули Течу.

Кто они были? В Тече в то время не задавались этим вопросом. Историк Течи, однако, отметил следующее.

1. Они были не просто мастеравыми, а были служителями какой-то идеи.

2. Их дружба была не просто дружбой на почве профессии, а дружбой, спаянной какой-то идеей, причём главную роль в этом отношении играл Алексеич, а Григорич помогал Алексеичу материально пережить время вынужденной конспирации.

3. Они покинули Течу, когда выяснилось, что можно возвратиться в прежнее место жительства.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 27а-30.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

«Служивыми» в прежние времена называли военных людей низшего разряда, которых потом стали называть солдатами. Известно, что в прежние времена – при императорах Николае I и Александре II и ещё раньше – военная служба продолжалась от 20 лет до 15 лет и быть взятым в солдаты – обозначало быть оторванным от крестьянства в самый цветущий период своей жизни. Благодаря этому из людей этой категории вырабатывался особый тип оторванных от крестьянства особей, которые потом возвращались в деревню, отвыкшие от деревенских работ. Они составляли особую прослойку крестьян, особый тип людей, которым и присвоено было название «служивых».

Сроки военной службы, как известно, потом сокращались и в соответствии с этим и тип «служивого» изменялся. В наше время тип «николаевского» солдата, т. е. «служивого» типа времён Николая I, уже сохранился больше по рассказам, но попадались отдельные представители, так сказать, на краю своей могилы. Об одном из них и будет речь.

Тима-канонер

Он значился в составе штатной прислуги протоиерея теченской церкви Владимира Бирюкова. Работать пахарем он уже не мог: для этого у него не осталось силы. Те «артикулы», в которых его воспитывали на военной службе, здесь совершенно не нужны были. Мало того – дни так поломали его организм, что приспособить его к работе пахарем было не возможно. Он оказался на положении оперного певца, потерявшего свой голос: петь больше он не в состоянии и ему приходится как-то иначе приспособливаться к жизни. Как певцу-солисту приходится в этом случае с главных ролей переходить на второстепенные, а то и спуститься в хор, Тиме пришлось в хозяйстве выполнять не главные хозяйственные работы, а только подсобные: не то дворником, не то конюхом. А что это значило? А это значило, что такое же ему было и обеспечение: поят, кормят и всё. С пахарем-работником заключат договор о работе, а с ним – нет: призрели, и на том спасибо. На военной службе он был артиллерист-пушкарь, мастер, может быть, высокой марки, из тех, кого сам Александр Васильевич Суворов называл богатырями, а здесь кто он? Конюх! Самое название «канонер» не понимающие его значение люди стали употреблять в качестве обидного прозвища: «Эй, ты – канонер», как если бы сказали: «Эй, ты – бездельник». И в семейной жизни Тима остался «неприкаянным» - один, как перст. Наружный вид у него тоже ни то, ни сё: ни мужик, ни барца. У протоиерея на дворе стояли большие чугунные чаны, свидетели его прежней производственной деятельности;

когда он, между прочим, занимался мыловарением.²²¹⁶ Теперь они стояли как некие рудиментарные отростки в хозяйстве: остатки бывшего величия и среди них Тима являлся какой-то составной частью всего этого ансамбля старин, подобно тому, как в зале дома протоиерея стоял орган, на котором никто уже никогда не играл.²²¹⁷ А ведь если бы с Тимой поговорить о его «службе», то, может быть, можно было бы узнать много интересного из его прошлого; того прошлого, из которого по камышкам складывалась история государства Российского, которому он по существу отдал свою жизнь. Но в Теченских анналах сохранились только одни сведения: был когда-то у Теченского протоиерея Владимира Бирюкова дворник Тима-канонер, «николаевский солдат», которого неразумные протоиерейские дети иногда поддразнивали: «канонер, канонер», а потом его не стало ... и всё.²²¹⁸

Илья Петров[ич] Ерёмин

В обыденных отношениях его звали Илья Петрович, но если хотели отметить его бывшее военное звание, то называли так, как полагалось отвечать

---

²²¹⁶ В «свердловской коллекции» воспоминаний автора имеется очерк «Мыловарни в Тече» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть II). (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 379).

²²¹⁷ Из очерка «Три поколения служивых в Тече» (01 марта 1966 г.) в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Ему было поручено «приставлять» протоиерею его выходного Пеганка для поездки в поле, т. е. запрягать и выпрягать его, кормить, когда работника не было дома, да разве ещё съездить за водой, хотя чаще для этого звали трапезника. Обычно было так: протоиерей даёт распоряжение Тимофею (он его звал только так) приготовить коня к поездке, а сам идёт в церковь на «требы». Тима запрягает Пеганка и ждёт, когда, наконец, протоиерей придёт, сядет в коробок, возьмёт в руки вожжи и помчится в поле, а Тима потом отправлялся или под сарай сидеть и ждать возвращения хозяина с поля, или уходил на кухню, если время подходило к обеду» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 49.

²²¹⁸ Там же: «Я не был в близких отношениях с Тимой и знал его лишь по наблюдениям издали, однако, помнится, что я относился к нему благосклонно. Я не знаю, что это было: была ли жалость к нему или простое уважение к его возрасту. В душе я осуждал и своих друзей из поповской семьи за то, что они иногда глумились над Тимой. Только один раз, помню, по отношению к Тиме в моей душе возникла неприязнь и даже злоба, но это было в результате моей детской неосведомлённости и детского мышления.

Ему поручили повесить трёх протоиерейских собак из боязни, что они сбесятся. Собаки эти мне самому казались противными, а особенно собачёнка с кличкой Турка, коварная и злая, старавшаяся всегда подкрасться и укусить. Но я видел этих несчастных собак в тот момент, когда Тима с работником вели их на гумно, и самая картина эта так потрясла меня, что Тима показался мне извергом. Он тогда, конечно, выполнял распоряжение хозяев, а я отнёс это к его жестокости.

... Моё знакомство с Тимой, хотя и очень поверхностным, имело для меня познавательное значение: позднее, при изучении русской истории, мне было знакомо выражение «николаевских солдат», а при заучивании известного стихотворения Н. А. Некрасова «Орина – мать солдатская» содержание его мне представлялось конкретным, ярко образным» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 51.

военному на вопрос: как твоё имя, а именно: Илья Петров Ерёмин, причём для важности произносили Еремен, а не Ерёмин, что напоминало бы о шуточной песне о Фоме и Ерёме. Военное же звание Ильи Петровича было: лейб-гвардии его императорского величества рядовой. Как известно, в гвардию отбирались призывники определённого роста, физического сложения, так сказать, элита – отборная часть призывников и оказалось, что крестьянский сын деревни Баклановой Теченской волости Илья Ерёмин удовлетворял этим требованиям и оказался в лейб-гвардии его императорского величества Александра III. Служил он в армии меньше времени, чем Тима-канонер, о котором речь была выше, но около семи-восьми лет всё-таки был оторван от крестьянского труда и в своей Баклановой за это время не бывал ни разу. То время, в которое у землероба устанавливается контакт между его силой и землёй, когда он, с одной стороны, познаёт тяжесть земельки при её обработке, а, с другой стороны, у него образуется тяга к ней, как у Святогора, вкус, который переходит у некоторых в жадность, он провёл в отрыве от земли, а она (земля) этого отрыва не терпит и мстит за него. Так, акробату или штангисту стоит только на некоторое время прервать свои ежедневные тренировки и мускулатура их будет слабеть, хиреть. Вернулся Илья Петрович из солдатчины бравым, видным, снаружи как будто сильным, а земляка ему уже показалась тяжёлой, а он ей, наоборот, показался лёгоньким: контакт между землеробом и землёй был нарушен. Всё теперь зависело от того, сможет ли он восстановить этот контакт или нет.

Другой вопрос стоял перед Ильёй Петровичем, когда он вернулся в свою деревню: как разрешить социальный вопрос о семейном устройстве. Вернулся он, примерно, в возрасте тридцати лет, т. е. по крайней мере раньше Тимы-канонера на 10-15 лет. В деревне ему нашли невесту, но не повезло: овдовел. Нашли вторую – повторилось тоже. В Кирдах нашли третью, и в этом положении мы застали Илью Петровича в наши детские годы.

В Баклановой на одной из видных улиц, у часовни, была его избушка. Пошли дети и жизнь осложнилась: больше заботы, а, значит, нужно больше вкладывать и работы. Нет! Илья Петрович не смог перестроиться после военной службы. Стоит только посмотреть на его хозяйство, чтобы убедиться в этом: не видно хозяйственной руки. Поставить заборчик, укрепить ворота, - кажется, не Бог знает уже какая работа; нет, он не видит. В складчину с кем-нибудь вспахать землю, засеять – нет, нету тяги к этому. Зимой он работает работником за два рубля в месяц, чтобы заработать семье на хлеб. На большую работу – пахать, косить, вести хозяйство – он не способен.

Он очень общительный: в праздник всегда зайдёт из церкви «покурить», зовёт к себе в гости. В Ильин день, в свои именины, он обязательно побывает в церкви. Почти ничего не говорит о своей военной

службе. Спрашивали его иногда земляки: видал ли он когда-нибудь царя. Он отвечал, что только раз видел его на параде.²²¹⁹

Если бы мы захотели рассказать об Илье Петровиче по аналогии с каким-либо литературным персонажем, то могли бы сказать, что из него не получилось ни Хоря, ни Калиныча, известных тургеневских героев из «Записок охотника»: были уже не те времена.

С начала текущего столетия сроки военной службы были значительно сокращены и условия прохождения службы в солдатах значительно изменились: солдатам давать отпуска на поездки домой – на «побывку», а жёны некоторых состоятельных солдат ездили навещать их по месту службы. В новом положении не получалось уже такого отрыва от деревни и деревенской жизни, как это было у Ильи Петровича или особенно у «николаевского» солдата – Тимы-канонера.²²²⁰

---

²²¹⁹ Из очерка «Три поколения служивых в Тече» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «О своей службе он только и рассказывал одно, что в день тезоименитства его императорского величества им давали по чарке вина. Им не говорили ни о служении Родине и о защите её: из них готовили царских телохранителей, как в древнем Риме готовили гладиаторов для выступлений в цирке. На войне Илья тоже не бывал, и ему просто не о чём было и рассказать о своей службе, кроме как о муштре» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 52-53.

²²²⁰ Там же: «У нас Илья в течение ряда лет служил зимой работником, а летом у себя, в деревне, ходил на подённые работы. Ухитрялся под работу сеять осминник-два. К нам Илья иногда заходил летом в страду, когда надо бы робить, заходил после обедни под предлогом «покурить», а на самом деле попить чаю. Он считал себя другом дома и по праздникам обязательно приходил к нам в гости. Всегда звал к себе в гости на «Митриев день», в часовенный баклановский праздник – 26 октября. Наши родители и старшая сестра, которая работала учительницей в этой деревне, бывали у него в этот день в гостях. Пригласил как-то меня Илья в гости с явным желанием преподнести мне какой-то сюрприз: «угощу тебя» - намекнул он мне. Что это был за сюрприз? Выставил он на угощение несколько бутылок лимонада. «Откуда это у тебя?» - спрашиваю. Оказалось, что он был в Челябинске во время еврейского погрома и «хапнул» лимонад в одном разграбленном магазине. Хочу привести его к мысли, что он поступил нехорошо, но скоро убеждаюсь: нет, он не понимает этого. Осматриваю хозяйство Ильи и вижу: нет, он не хозяин. Покачнулись ворота – только взять топор, лопату и исправить, так нет: он словно не видит этого. Дрова можно было летом заготовить, высушить и поставить на дворе поленицу, так нет, лежат на дворе жерди, только что привезённые из леса, лежат в беспорядке, а он «по потребности» рубит их для топки. Так и в доме: на всём следы бесхозяйственности. Не везло ему, правда, с жёнами: трёх похоронил и приезжал к теченскому протоиерею за благословением на четвёртый брак.

Православная церковь разрешала жениться только трижды и протоиерей ему сказал: «ты на этот раз поезжай за благословением уже к мулле в Курманову». Эта смена жён, правда, мешала ему установить единый порядок в семье, но, с другой стороны, женился он на молодых, хотя и «перестарках», мог бы сам воспитывать по хозяйству молодуху, так нет: они тоже равнялись на хозяина. Даже на детях незаметно было влияние отца. Смотрел я на все эти порядки у Ильи и думал: таким вот был и тургеневский Калиныч. Благодаря бесхозяйственности Илья сам шёл в кабалу богатеям. Коровёнку мог бы иметь. Мог, так нет: шёл к богатею, а тот давал ему во временное пользование какую-либо драную

Андрей Павлович Постников и Константин Пименович Ключин

Зимой 1903 г. можно было видеть одного бравого солдата, хорошо одетого, шествующего в теченскую церковь к обедне. Это был А. П. Постников, прибывший на «побывку» из Перми. Это был не исключительный случай, а обычное в те времена явление. Года через два после этой побывки А. П. вернулся в Течу и продолжил заниматься тем ремеслом, которым занимался и до солдатчины. Одновременно с ним пришёл «из солдат» и К. П. Ключин и в полной силе повёл ту линию крестьянства, на которой стоял и до «солдатчины».²²²¹

бурёнку под работу летом. Так и с хлебом: не поработает он как следует летом и хлеба хватит до «масленки». Пойдёт к богатёю, а тот ему даст его с расчётом, возратить осенью по зимней цене, т. е. примерно два пуда за пуд.

Конечно, в деревне по разному образовывалась беднота, но у Ильи она шла от бесхозяйственности, а в этой последней в какой-то степени повинна была царская служба. Не обязательно всех «служивых» того времени судьба приводила к такому финалу, как было с Ильёй: другим удавалось по возвращении со «службы» включаться в деревенский труд, но для всех она была одинаковой в том отношении, что не содействовала их культурному росту» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 53-54.

²²²¹ Из очерка «Три поколения служивых в Тече» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Я видел его [Андрея Павловича Постникова – ред.] в военном обмундировании осенью 1905 г. Он приезжал тогда на побывку. Потом я узнал, что он ежегодно приезжал на «побывку». Это было новое явление при прохождении «царской службы». Являлся он на «побывку» всегда подобранным, аккуратно одетым, с военной выправкой. Как видно, на это отразились уроки несчастной японской войны: военное начальство решило как-то, хотя внешне, подчистить и причесать русского «служивого». Андрей служил в Перми, и я знал казармы, где размещены были солдаты полка, в который он входил. Мне никогда не приходилось видеть учение солдат, а только наблюдать, как их приводили на парад в царские дни и выстраивали на Соборной площади. Здесь они ждали конца обедни, когда выходил из церкви какой-то высший военный чин они строились по фронт, он здоровался с ними, и по площади разносилось могучее: «Здравия желаю, ваше...» Потом стройными рядами они уходили в казармы. Однажды, правда, я наблюдал за учением кавалеристов: они цепочкой ездил по кругу с препятствиями, которые должны были преодолеть их кони.

С солдатской службой меня знакомил Андрей. Он мне рассказал об одном случае на службе со знакомым мне человеком, даже можно сказать, другом моего детства. Это был Константин Ключин, Костя Пименов, как больше знали его у нас на селе. Ему не давалась военная наука, т. е. муштра. Парень бился, бился, но ничего у него не выходило. По прежним порядкам его должны были извести мордобоем, но рассказывал Андрей, он (Андрей) обратился к офицеру с просьбой, чтобы Константина перевели в денщики и просьба эта была удовлетворена. Было ли это одиночным случаем, экстраординарным по своему характеру или проявлением новых отношений между командирами и их подчинёнными – едва ли можно было решить твёрдо и окончательно, так сказать, обобщённо, можно только сказать, что нарождалось что-то новое, свидетельством чего был сокращение срока службы до трёх-четырёх лет. Случай, описанный Л. Н. Толстым в его рассказе «После бала», очевидно, относился ещё к «николаевским» временам.

Андрей Постников ушёл на царскую службу грамотным, и это облегчило ему пребывание в ней. Он дослужился даже до какого-то чина. По социальному положению он был

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 240-245 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Три поколения служивых в Тече» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VI. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 383).

ремесленник, и военная служба для него прошла с меньшим ущербом для его профессиональной деятельности, чем это бывает у землероба.

По окончании службы он по-прежнему занимался скорняжным шитьём, а после Октябрьской революции некоторое время работал в кооперации.

Он состоял «служивым» в такое время, когда честь русского солдата была омрачена поражениями в японскую и первую мировую или империалистическую войну. Не русский солдат был, однако, причиной этого позора, а тот политический строй, который привёл страну на край гибели.

В новых условиях, во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. русский, в данном случае уже советский солдат, восстановил былую славу своих предков» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 54-56.

[Женские образы]

Анна Петровна

[1965 г.]

*«Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всё выносящего русского племени
Многострадальная мать».*

Н. А. Некрасов

Моё раннее детство проходило в деревне, благодаря чему я имел возможность соприкасаться с широким кругом деревенских жителей и во многих случаях с женской половиной их. У меня няней была деревенская девушка – Анна Петровна. К нам в дом помогать по хозяйству нашей матушке – постирать белье, пополоть в огороде и пр. приходили женщины – соседки, а когда батюшка занимался хозяйством, то в числе подёнщиков при уборке хлеба и в период сенокосения добрую половину составляли женщины. Но все эти встречи были летучими, кратковременными, периодическими, за исключением встречи с няней.

Анна Петровна была женой нашего соседа – Александра Савельевича Клюхина (Смотри очерк: «Савелий Фёдорович Клюхин и его потомство»), а её первые дети – Настя и Ваня были моими детскими друзьями и как только я научился перелезать через бревенчатый забор, разделявший наши ограды, я был постоянным «гостем» у Клюхиных. Летом мы играли в садике перед домом наших соседей, в ограде, лазили по строениям – конюшням, амбарам, забирались в огород и проказничали там. Дети есть дети. Зимой бывал в избе соседей, и мы играли на печке, на полатах, а иногда возились на полу. Будучи «гостем», я в то же время, хотя мимоходом, от случая к случаю, попадал и под надзор Анны Петровны, под надзор её родительского ока. Это было редко, потому что чаще всего она погружена была в хозяйство, в заботы о нём, но зато, как говорится: «редко да метко». Конечно, при этом она действовала дифференцировано: своих «убеждала» рукой, а по отношению ко мне, чужому ребенку, «словесностью», но довольно убедительной. Что поделаешь: никто её не учил другим педагогическим приёмам воспитания, да, по правде сказать, если бы она и применяла их, то едва ли мы поняли их? Есть много оснований ответить на это отрицательно, на что намёк будет ниже.

У меня с детства была тяга к наблюдательности и уже тогда я обратил внимание на особенности лица Анны Петровны: она имела явные признаки преждевременного увядания: веки глаз у ней были воспалены, глаза слезоточили, и лицо было бледным, помятым. У ней была какая-то суматошность в движениях, порывистость во всем, а речь, словно она рубила, а не говорила спокойно. Когда она была в раздражении, то ещё усиливала эту «рубку» речи и, как видно, считала это усилением убедительности, но эффект получался обратный: её речь вызывала улыбку.

Когда эта улыбка подхватывалась детьми, то они по детской привычке поддразнивать человека начинали злоупотреблять этим, а потом и вообще ставить даже взрослого человека в смешное положение, и горе тому, кто поддастся на такую детскую уловку. С Анной Петровной случилась именно эта беда. Мне теперь стыдно вспоминать свои детские злые проказы, и это было: когда Анна Петровна направлялась за водой, мы пели ей из-за угла:

Анна Петровна

Поехала по брёвна.

Села на пенёк,

Просидела весь денёк!

Мы не вкладывали [в] эту песню какую-нибудь злобу и даже насмешку, а нам хотелось вызвать раздражение у ней и поставить в смешное положение. Ей бы только просто не обратить на это внимание, или сделать вид, что она не заметила, а она ... сбросит с коромысла вёдра и с коромыслом начинает бегать за нами со словами: «Ах, вы, такие-сякие ...»

Анна Петровна рано овдовела: муж её умер в сочельник под Рождество в 1903 г., оставив на её руках расстроенное хозяйство и шестерых детей: Настю, Ваню, Володю, Мишу, Наташу и Тоню. Более или менее подготовленными к жизни были только Настя и Ваня, причём Настя скоро и вышла замуж. Ваня, ещё зелёным парнишкой, с кем-то уехал на золотые прииски в Сибирь. Он писал письма, и однажды Анна Петровка попросила прочитать ей письмо от сына. Как рада была она этому письму и как она была возмущена содержанием этого письма: сынок писал, что он получил от кого-то известие, что она, его матушка ведёт распутный образ жизни. Я был свидетелем мучительного переживания матери – её возмущения, горя и слез. Мне было жаль, безмерно жаль мать и стыдно за её сына, Ваню. Живым укором для меня было также воспоминание о наших детских проделках в отношении к ней.

Я был свидетелем того, как её дети без отца пробивали себе дорогу в жизни и знал, что Володя потом сделался кузнецом высокой квалификации и обзавёлся хозяйством, а Миша – бухгалтером уже в советское время. Я узнал, что Анна Петровна на старости жила у Миши, куда переехала и овдовевшая Настасья. Я всегда, когда бывал в Тече, справлялся об её жизни и рад был тому, что она прожила жизнь не плохо и умерла в глубокой старости.

У меня было много знакомых женщин в Тече, и всегда за их грубым внешним видом я различал доброту их, степенность и какую-то особенную приветливость в обращении со мной. Эти же качества в моей памяти сохранились и в образе Анны Петровны, несмотря на некоторые особенности её характера.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 51-59 (рукопись), 99-102 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Когда из нашего села приходилось выезжать в Беликуль со стороны базарной площади, то по дороге встречалась небольшая горка, а на ней с левой стороны и теперь ещё стоит избушка без всяких «служб», небольшая, крытая дёрном, а внимание проезжих привлекала не избушка, а огород при ней, частично расположенный по угору. Летом, в период цветения, этот огород походил на ковёр, искусно вытканый рукой большого мастера-художника. Нельзя было не залюбоваться этим огородом: гряды в нём были расположены как-то по линейке, по обочинам их цвели ноготки, васильки, а цветущие бобы испускали аромат, пьянящий, как аромат белой акации с примесью жасмина. В середине огорода виднелись гряды с цветущим горохом, а по всему огороду – маки самой разнообразной расцветки. Если кто-либо из проезжих спрашивал у местных жителей: кто хозяин этого огорода, то ему отвечали лаконически: Александра, не называя ни по отчеству, ни по фамилии. Так она именовалась на селе и также и мы, дети, её именовали, когда для этого был повод, а поводом чаще всего было то, что дочь её Анна, которую у нас именовали и по отчеству – была моей няней. На деревне по самым разнообразным случаям устанавливались связи на манер родства. Так, если у кого-либо покупали коня, то хозяин его уже именовался сватом. Наша связь с семьёй Александры не получила такого названия, но тем не менее установилась прочно: мы, например, ездили в гости в Баклановку к сестре моей няни – Марии Петровне, а ездить в гости в деревне полагалось, как говорится, «не с бухты-баряхты», а на каком-то основании. Мы всё время интересовались судьбой детей Александры, а их у ней было три дочери, и не просто интересовались, а болели за их судьбу. Так, мы знали, что Анна Петровна, моя няня, почему-то долго засиделась в девках, и это вызывало у нас некое беспокойство за её судьбу и, наоборот, мы были рады, когда, наконец, она вышла замуж, что на деревне считалось обязательным. Когда её младшая сестра, имени её я не помню, выходила замуж в Нижне-Петропавловское село, то в семье у нас тоже шло горячее обсуждение об её судьбе, как это бывает, когда идёт речь о близком человеке. Но странно, что о самой Александре у меня сохранилось смутное воспоминание. Помню только, что она была вдова, по всем признакам добрая, потому что она часто угощала нас дарами со своего огорода. Никогда, однако, не забуду её огорода – её художественного произведения, и моя фантазия, когда я стараюсь себе создать образ этой женщины повелительно диктует мне представить его (образ) в соответствии с её огородом, тоже не лишённым красоты и обаяния. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 77-81 (рукопись), 130-132 (машинопись). Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Анна Ивановна и Мария Ильинична

[1961 г.]

«Вкушая вкусих и се – умираю».

Они были различного возраста: Анна Ивановна уже на склоне лет – старушка, а Мария Ильинична – женщина в расцвете лет. Объединяла же их религиозность, набожность. Они были в родстве, и можно предположить, что Мария Ильинична в смысле религиозности была под влиянием Анны Ивановны. Жили они в Кирдах, неподалёку друг от друга. Старика Анны Ивановны звали Савватием, и когда шла роль о их семье, то называли их Савватеевы. Спросят, скажем, какую-либо девку: «где ты была?» Она отвечает: «У Савватеевых». Такое словопроизводство родовых имён по имени главы семьи было очень распространено в наших краях. Савельевы, Пименовы, Гурьяновы – все эти названия образованы аналогично с Савватеевыми.

Избушка Савватеевых расположена была вблизи озера, а огород – на самом берегу. Рядом с усадьбой их находилась часовня, которой кирдинцы гордились и законно, потому что она была большая, каменная с целым комплектом колоколов, походила на церковь. В ней в часовенный кирдинский праздник – Покров – с вечера служилась всенощная, а на другой день днём – торжественный молебен. Звон был целый день, как в церкви. В звоннице у ней обосновались голуби. У Анны Ивановны был огород, который славился большими «синоворотами» и морковками-великанами. «Синовороты» имели шляпы под стать зонтам, а морковки были такие, что из одной можно состряпать пирог. Вкус морковок был в обратной пропорции к их величине, но считалось, что главное их достоинство именно в величине и поэтому, если Анна Ивановна захочет кого-либо угостить морковкой, то постарается вырвать самую большую, с которой одному человеку, пожалуй, и не справиться. Анна Ивановна вечно о чём-то хлопотала по хозяйству. Её маленькая фигура то и дело сновала по дворе: от дома к погребу или амбару. То она заглянет в огород, то опять спешит в дом на своё рабочее место, т. е. к шестку. Хлопотливая, суетливая – такой она осталась у нас в памяти.

Марии Ильиничне было только около тридцати лет, когда в семье случилась страшная трагедия: заболел её муж Андриан Тимофеевич. Он был великан и силач, и это его и погубило. Он перестраивал дом и надсадился: один носил огромные брёвна, перетянул струну или, как у нас в простонародье говорят, «с пупа сорвал» и вот умирал во цвете лет. Сам он рассказывал об этом случае так: «поднял я бревно и в «нутре» что-то ровно «хрястнуло» и оборвалось. Ясно было, что нужно было ему сделать полостную операцию, но ни хирургия в то время, ни тем более врачебное дело в глуши ничего не могли ему помочь. Я с братом Иваном был у него за несколько дней до его смерти. Был жаркий день. В комнате было душно. Наседали надоедливые мухи. Пред нами лежала тень богатыря, живые мощи. Он глухо стонал. Да, это была ужасная картина, жестокая, потрясающая. Он

уже не говорил, а издавал какие-то неопределённые звуки, из которых можно было понять только то, что его измучила боль, страдания. Скоро он умер. Дом остался не достроенным, хотя крыша и окна были уже сделаны. Осталось у него двое детей: мальчик Коля лет 10-ти и девочка Маня – лет 8-ми. Остались кони, коровы, полное хозяйство. Мария Ильинична нанимала работника и поддерживала хозяйство как-нибудь, пока не вырос сын. Была она женщина крепкая, работающая и с трудом перебивалась. Чем могли – добрым советом или по мелочи разными хозяйственными предметами – помогали Савватеевы. Была она, кроме того, женщиной строгих моральных правил и посвятила себя всецело воспитанию сирот – детей. Жила она наискосок от Савватеевых.

Наше знакомство с Анной Ивановной и Марией Ильиничной основывалось на том, что ежегодно в Великом посте они дважды приезжали в Течу «говеть» и останавливались у нас. Когда такой порядок установился, мы, дети, не знали, но потом когда «вошли в разум», узнали, что она приезжала на первой неделе поста и на Страстной. Этот порядок они строго соблюдали. На первой неделе они приезжали под вечер в чистый понедельник. Привозил их мальчик, сын Марии Ильиничны Коля, который тут же поворачивал лошадь, а иногда пару лошадей и отправлялся засветло домой. Заходили они в нашу кухню одетые в дублёные полушубки, с большими вигоневыми шалями на голове, замёрзшие и ставили на стол мешочек, рабенький в белую и синюю полоску из домотканного холста. Мы, дети, догадывались, что это гостинцы и по своей детской нетерпеливости сейчас же рвались к заветному мешочку, чтобы посмотреть, что в нём есть. Матери приходилось умерять нашу порывистость и разъяснять, что так поступать не прилично и что нужно в этом случае соблюдать известный этик, что мы потом и соблюдали. В мешочке они привозили кральки, шанежки с сушёной клубникой или смородиной. И то и другое было обильно залито постным из конопляных зёрен маслом; шанежки были сильно кислыми, но нами всё это воспринималось, как настоящие деликатесы. В связи с приездом говельщиц производилось некое изменение в «жизненном пространстве» кухни, а именно: Проня или Илья Петрович, смотря по тому, что из них в этом году был работником, переводился с полатей на площадку над голбцем, а полати предоставлялись в распоряжение Анны Ивановны и Марии Ильиничны. На другой день утром они вставали при благовесте великопостного колокола, умывались, молились Богу и уходили в церковь. Из церкви приходили к обеду. После обеда отдыхали, а под вечер опять уходили в церковь. Поужинавши, они забирались на полати, немного разговаривали на общие кухонные темы и предавались сну. В четверг и пятницу они пищи уже не принимали, а в пятницу, когда ходили на исповедь, они и домой приходили только под вечер. В субботу, когда нужно идти к причастию, они открывали свой узел с одеждой и одевались, вероятно, в то одеяние, в котором когда-то венчались: в чистую рубаху с вышивкой на вороте и по разрезу, в канифасовый сарафан с вышитым поясом и кистьями,

чистые Христовы невесты – и раненько отправлялись в церковь на правило. На обед им наша мамаша всегда стряпала пирог из груздей.

На Страстной [неделе] пробраться в Течу было труднее и сопряжено было с некоторым риском при переправе через реку. Приезжали они в этом случае в Великий понедельник утром и сразу отправлялись в церковь. Вечером в этот день они ещё принимали пищу, а в следующие дни – только после причастия Анна Ивановна иногда оставалась и на Пасху, помогая в стряпне нашей матушке.

Что привлекало этих двух женщин на эти «говения», которые они сделали правилом своей жизни? Непогода ли, распутица ли – они, не смотря ни на что, отправлялись в Течу, отрываясь от своих хозяйств. Были они безграмотными и не искушёнными и не посвящёнными в глубочайшие тайны христианского вероучения. Что же влекло их сюда?

Их привлекало благообразие, установленного церковью «говения», благообразие богослужений, связанных с этим. На время говения они отрывались от жизненной сутолоки, от всех мелких забот, от одуряющей обстановки у печки с горшками, ухватами, клюками. В эти дни они находили в себе человека в человеке и, раз вкусивши этого ощущения, они стремились повторять и повторять его. В эти дни лица их светились особым, внутренним светом, их движения и обращение с другими людьми были проникнуты особым спокойствием и благородством. С этой именно целью и учреждено было «говение».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 368-373 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Тяжёлая судьба Марии Ильиничны Черепановой» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

Палагеюшка

[1961 г.]

«Родные два глаза – дорожке алмаза».

Кухня в доме теченского протоиерея Владимира Бирюкова была отделена от остальных комнат коридором, который вёл на лестницу к выходу во двор. По существу она была изолирована от остальной части дома, и хозяин его, ревниво наблюдавший за всем хозяйством своим, отдал её в полное распоряжение своей матушки Поликсении Петровны: проходил мимо неё во двор, не заглядывая в неё, вполне доверяя хозяйственному глазу матушки. Матушка Поликсения Петровна была человеком очень общительным, что было известно на селе, и в кухню приходила соседка и знакомые тётушки, иногда под предлогом помочь матушке в её сложном хозяйстве, а иногда просто «посудачить» о разных теченских новостях. В кухню, зная её иммунитет от грозного отца протоиерея, приходили разные

«странные» люди: нищие, слепые, вроде Екимушки, и завсегдаем была Палагеюшка, с детства слепая после оспы. Кстати сказать, она, вероятно, была последней жертвой в Тече от этой болезни: не слышно было, чтобы кто-либо болел оспой уже в наши детские годы. У Палагеюшки глаза совсем были закрыты катарактой, и она совершенно ничего не видела. Жила она у своего брата – Филиппа Григорьевича, человека сурового, как тургеневский Бирюк.²²²² Дом брата находился у церковной площади, т. е. недалеко от протоиерейского дома, что облегчало ей посещение его: иногда какая-нибудь девчонка сведёт её туда, а иногда и она сама, ощупью ориентируясь на церковную оградку, предпримет путешествие в протоиерейский дом. Так она и привыкла к протоиерейскому дому, точнее – к кухне дома, а ещё, точнее, к лестнице, которая вела из коридора на чердак. Эта лестница в весеннее и летнее время была местом, где она рассказывала протоиерейским детям свои бесконечные сказки.

У человека, оторванного от нормальной жизни, как это бывает со слепыми, устанавливается такое положение с его внешним видом, что он как бы законсервировался, наружный вид его как бы раз и навсегда остался неизменным, так что, в конце концов, становится трудно определить возраст его. Так получилось и с Палагеюшкой: едва ли кто, увидев её в первый раз, мог определить её возраст: проходили годы, слушатели её сказок вырастали; сменялись их поколения, а она всё была неизменной: низкого роста, с почти детской фигурой, в своём неизменном синем, полинялом уже во времена сарафана, с белым платочком на голове. Слушатели сидят на ступеньках лестницы, а она перед ними стоит чуть побольше их и рассказывает им свои сказки. Иногда мимо пройдёт, грузно шагая, отец протоиерей, остановится, послушает; видно, что его так и подмывает выкинуть какое-либо самодурное «коленце»; нет, не решается, постоит, подумает и пойдёт дальше. Начнутся холода, и сказки переносятся в кухню. Откуда у неё эти сказки? Наслушалась она сама их [от] какой-нибудь тётки Макриды, сколько раз сама их перебирала в своей памяти, кое-что добавляла, разукрашивала, сама не имея никаких зрительных образов. Это был её внутренний мир. Но и она не была совсем отгорожена от внешнего мира: если не в виде зрительных образов, то другим путём – через слух, обоняние и осязание, а, главным образом, через речь он входил в содержание её жизни. И слушатели её не были пассивными: они врываются в её внутренний мир со своими детскими вопросами. Они заводили речь о своих играх, вовлекали её в них, и она оживлялась, начинала шутить и смешить: так она сливалась с массой детей и, может быть, забывала о своей слепоте. Иногда заводила речь о том, что она сама для себя считала не дозволенным: о женихах и невестах. Чаще всего заводили об этом речь девочки: чьим женихом должен быть Петя Иконников: Сони или Жени. И она начинала приводить разные резоны *pro* и *contra*, чтобы не обидеть ту или иную девочку, пока, наконец, не произошло событие, которое в корне

---

²²²² Персонаж рассказа И. С. Тургенева из «Записок охотника».

изменило постановку этого вопроса, а именно, что брат Пети женился на их сестре и, следовательно (она так и объявила об этом авторитетно тяжущимся сёстрам) Петя не может быть женихом ни для той, ни для другой сестры. Казалось, что она была даже довольна, что так разрешился вопрос и что больше споров уже не может быть. Но сама она ставила или нет перед собой такой вопрос: о женихе и выходе замуж – осталось её тайной. А, может быть, эти детские игры и шалости болью, отзывались в её душе и напоминание её о том, чего она была лишена в жизни из-за своей слепоты.

Палагеюшка любила ходить в церковь и знала много молитв. В церковь она ходила и из дома брата своего Филиппа Григорьевича с внучкой своей, и из дома отца протоиерея, что было одинаково близко. Если она направлялась в церковь из дома отца протоиерея, то проходила мимо скамьи с нищими. Для них она была не Палагеюшка, а Палагея Григорьевна, «спасённая душа». О ней они так и отзывались как о «спасённой душе». Они её никогда не причисляли к «нищим», т. е. к той категории людей, к которой сами себя относили. Они относили её к разряду няnek, хотя она не подходила по своей деятельности и к этой категории: она детей не нячила, с пелёнками не возилась, колыбельных песен не пела. Она была сказительница, сказочница; её деятельность ближе подходила к роли этих именно женщин, ~~которые у «благородных» людей назывались боннами, с той, однако, оговоркой, что~~ деятельность которых в области устного народного творчества стала ценить[ся] позднее. Своими сказками она воспитывала протоиерейских детей. Это понимала матушка Поликсения Петровна. Нужно отдать справедливость и детям: они любили её. «Палагеюшка» - так они звали её. Жила она у отца протоиерея по закону призрения, как и Тима-канонер. Кухня была большая, полати безбрежные – всем хватало места.

Занималась Палагеюшка и производственной деятельностью – вязала чулки.

Когда кончились детские годы последних бирюковских детей, Палагеюшке уже некому было рассказывать сказки. Тем временем и брат её Филипп Григорьевич перенёс свой дом от церкви. Всё реже и реже мы стали видеть Палагеюшку, а потом узнали, что она «преставилась». «Спасённая была душа» - таково было общее мнение о ней.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 235-239.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «Очерках по истории Зауралья» в составе очерка «О людях, богом обиженных» имеется короткий очерк «Палагеюшка». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 71-72).

Марфа Васильевна [Попова]

[1961 г.]

В Тече время от времени появлялись случайные люди: портные, пимокаты, а однажды даже появился часовой мастер. Марфа Васильевна была швей-модисткой. Потребность в таких швеях была большая. Была одна девушка – Афонюшка Мизгирёва, но искусство её было очень ограниченным: она шила, главным образом, только кофточки, и то двух, трёх моделей с прошивками. Славились швеями верх-теченским монашки, но к ним ездить было далеко (30 вёрст) и они брали заказы преимущественно на пошив всего приданого в полном ассортименте. Марфа Васильевна была вдовой какого-то чиновника. У неё были дети: дочь Юля и сын – Викентий. Они учились в Теченской школе. Впоследствии был слух, что Викентий окончил потом Казанское промышленно-художественное училище. В Тече эта семья прожила недолго и совершенно замкнуто: даже дети школьники не сблизилась с другими. Не удалось и М. В. развить швейное дело.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 473-473 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Марина Спиридоновна Добрынина

[1965 г.]

Летом 1910 г. в Тече появилась шадринская гимназистка шестого класса Рина. В Тече тогда увлекались спектаклями, а режиссёром был счетовод сельско-хозяйственной кооперации Иван Михайлович (фамилии не помню). Иван Михайлович и был из Песчанки и там состоял в «труппе» семинариста Николая Алексеевича Топоркова, пользовавшегося в наших краях популярностью увлечённого спектаклями человека, способного на этом поприще. У Ивана Михайловича был опыт выступлений на сцене, и он был признанным режиссёром в среде наших неопытных артистов, если выступал в ролях трагиков.

Рина гостила у приёмной дочери второго Теченского священника Анатолия Бирюкова, тоже Шадринской гимназистки, кстати сказать, успешно выступавшей в ролях сварливых женщин.²²²³ Рина не имела опыта в артистической области и применялась на маленьких ролях.

Рина была дочерью беликульского крестьянина – Спиридона Добрынина. Как вышедшая из крестьянской среды, так, сказать, с «низов», она представляла новое явление, уникальное. В её появлении среди других, чаще всего выходцев из духовного сословия, было что-то романтическое. Девушка-крестьянка – гимназистка – это вызывало в памяти рассказ А. С. Пушкина «Девушка-крестьянка».

---

²²²³ Бабина Екатерина Тимофеевна.

Какой же показала себя Рина в Теченском обществе?

Что нового можно было увидеть в её образе? Как преломилось это новое с её прошлым? В её наружном облике ещё сохранялась свежесть непосредственной деревенской красоты, своеобразной и привлекающей, но в её поведении и образе жизни ничего не осталось от прежнего, натурального. Так, на одно полотно накладываются краски новой картины, менее интересной. А как было бы хорошо, если бы Рина вместо того, чтобы убивать время на спектаклях, чем она могла бы заниматься в школе, в гимназии, летом работала в поле, не отрывалась от своей среды, была среди деревенской молодёжи на лугу! Но она оторвалась от своей основы, «полиняла».

Кончив гимназию, она поступила учиться и закончила Казанские высшие женские курсы. По-прежнему держалась в стороне от «своих» и, таким образом, завершила свой уход в состав другой социальной группы людей. А ведь могло быть иначе, и это привело бы её значительно раньше к тому, что стало задачей после «Октября» - сближение интеллигентного труда с трудом физическим.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 31-34 (рукопись), 122-124 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Марья-прачка

[1965 г.]

Она на самом деле не была прачкой, а вот вольному языку деревенских обывателей угодно было её назвать так: «Марья-прачка – чёрна с...ка» - для рифмы что ли. Чёрной она была на самом деле: имела очень смуглое лицо, чёрные густые волосы и жгучие чёрные глаза. Единственным поводом для названия её прачкой разве было то, что она часто была на «услужении» у «господ» и в этом случае часто помогала стирать бельё по-деревенски, а не способу настоящей прачки.

Она жила на Горушках и пользовалась печальной репутацией гуляющей девки, а потом такой же и бабы.

Нужно сказать, что в Тече по части чистоты нравов в отношениях между полами вообще молва молчала как будто всё было в порядке. Болтали только, что «грешил» в этом отношении Григорий Семёныч Макаров, который будто бы посягал на жену Алексея Егоровича Южакова, но это была глухая молва, шепотком, а вот на Марью указывали пальцем и открыто называли её блудницей. Поводом к этому было то, что муж её одно время был в солдатах, а она ухитрилась родить. По этому поводу в адрес её было составлено даже присловье: «Дельно, Марья, - девятого парня». Марья и сама не протестовала против такого «величания» её: по-видимому, она в этом отношении ставила себя выше всякого другого мнения о ней, т. е. попросту не видела ничего зазорного в своём поведении. У Фадеева в романе

«Разгром» такой изображена Варя, которая была в этом отношении «доброй».²²²⁴ У Марьи же «это» было не от доброты, а от её неограниченно страстной натуры: вся её фигура – плотная, грудастая, особенно лицо, на котором выделялись жгучие чёрные глаза, полный страстных вожделений – всё это свидетельствовало о том, что в лице её была Мария Магдалина до обращения её в христианство.

Было достоверно установлено, что Марья искала «утех» у черепановских парней... Но она была «доброй» и для других ищущих...

В анналы Течи Марья (у неё было прозвище «Зеленика») вошла в качестве таковой. Из песни, говорится в пословице, слова не выкинешь.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 32 об.-34.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Афонюшка

[1965 г.]

Между Течей и Нижной (Н.-Петропавловское село) была мельница, которая принадлежала одному из родственников черепановских Мизгирёвых тоже с фамилией последних. И те и другие были старообрядцами. Афонюшка была дочерью этого мельника. Девушка обучалась где-то шитью модных женских кофточек и платьев. Она шила на дому заказчиков. Шила она одно время и в нашем доме. Девушка как всякая девушка – милостивая, можно сказать, красавица, но с особой манерой поведения и печатью на лице: она была кержачка. Человек из другого мира: мы для неё были «мирские», Хотелось поговорить с ней, просто вызвать её на улыбку, но какое-то средостение легко между нами: два мира. Зимой у неё случилось несчастье: отец однажды пьяный ушёл куда-то и не вернулся. Сколько не искали – не могли найти. Только весной один баклановский мужичок в берёзовом «колке» около своего поля нашёл труп замёрзшего, очевидно, ещё зимой человека, конечности которого были обгрызаны мышами. В нём опознали отца Афонюшки. Было жаль девушку, но она была кержачка, и в это случае какое-то средостение было между ней и нами. Так, допущенная когда-то нелепая ошибка, разделившая людей на два враждующих лагеря, коснулась, как некая ржавчина и нас.

В каникулы однажды приезжал старообрядческий начётчик на диспут с православным миссионером. Мне пришлось наблюдать эту бесплодную «битву» представителей двух лагерей. Всё происходило так, как бывает в этих случаях обычно: цитаты из разных книг, обычные колкости в адрес одного другому, и сознание ненужности и бесполезности этих словопрений. Только коренные социальные изменения могли положить и положили конец

---

²²²⁴ Фадеев Александр Александрович (1901-1956) – русский советский писатель и общественный деятель. Автор романа «Разгром» (1926).

этой нелепой вражде на почве заблуждений, возникших в прошлом истории России.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 112-115.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Марейка

[1963 г.]

Долюшка женская...

Вряд ли труднее сыскать...

Н. А. Некрасов

Марейка была дочерью нашего теченского односельчанина – Василья Петрович Кокшарова. С этой фамилией – «Кокшаровы» - в нашем селе было несколько семей и различались они между собой только по прозвищам, которые были в большом ходу у сельских обывателей. У наших соседей Кокшаровых было прозвище «Расторгуевы», отсюда и Марейку на селе больше знали под названием – «Марейка Раторгуева». Когда Марейка вышла замуж, а точнее – её выдали замуж, как водилось у нас в Зауралье, то это прозвище, как «каинова печать», последовала за ней, и когда, бывало, кто-либо не мог догадаться о какой Марии Васильевне, как потом называли Марейку, шла речь, то на помощь его памяти извлекалось это прозвище со словами: «Ча ты, забыл ча-ли Марейку-то Расторгуеву».

«Расторгуевы» жили неподалёку от нас; через дом и дорогу. Мимо их усадьбы на летних каникулах мы часто проходили купаться и ездили на речку за водой. Мы хорошо знали своих соседей на пути следования на речку, а они нас. Жили дружно, и бывало иногда так: едешь раненько утречком за водой сидя в односторонку «на вершке», и вдруг из какого-либо огорода, мимо которого проезжаешь, послышится ласковый голосок какой-либо деревенской тётушки: «Василья, иди-кось – Я угошину тибя», и в моей руке оказывался ароматный огурчик ещё с капельками утренней росы на его нежной зеленовато-белой кожице.

Дом и усадьба «Расторгуевых» были расположены по небольшому склону пригорка, и с возвышенной северной стороны можно было видеть часть двора, так что мы, тогда ещё мальчишки, любопытные до всего, были очевидцами разных событий в жизни «Расторгуевых», семейных сцен вплоть до недозволенных детям нашего возраста. Всё знать о своих соседях и вообще о других – это было одной из особенностей деревенской жизни.

Семья Василья Петровича, в отличие от других деревенских семей, которые чаще всего были многодетными, была небольшая и состояла из него, его жены Даниловны, - сыновей – Прокопия и Алексея и дочери Марейки. У Даниловны после родов с Алексеем приключилась какая-то женская болезнь, чрево её закрылось для деторождения, и только спустя девять лет она «принесла» Марейку. Все были рады появлению на свете девочки – родители

дочери, а братья – сестрёнки, для тех и других единственной, как говорится, родившейся «на поглядку». Как ни трудно изобразить счастливым детство деревенской девочки в те отдалённые от нас времена, детство Марейки если нельзя назвать вполне счастливым, то, по крайней мере, можно назвать относительно счастливым по сравнению с детством других деревенских девочек, её сверстниц. Те, другие в многодетных семьях с почти шести лет, сами ещё дети, со слабыми силёнками становились уже няньками своих братишек и сестрёнок, которые, как по заказу, ежегодно появлялись на свет. Марейке пришлось испытать эту «долно» уже в возрасте девяти-десяти лет с появлением детей у её братьев, но к этому времени силёнки её уже немного окрепли. Кроме того, Марейка была баловнем в семье, как единственная девочка.

Так Марейка и подрастала привольнее других деревенских девочек. Она была резвой, бойкой девочкой, любила «задирать» мальчишек. У ней был острый язычок и плохо приходилось какому-либо неопрятному мальчишке, однокласснику с ней или постарше, если у него под носом окажется «перламутровая» мокреца: она так его «отполирует» своим острым язычком, что он поскорее или размажет её, злополучную мокрецу, по руке, или задерёт подол рубашки и переведёт её туда. «Чистое жило» - так отзывалась о Марейке наша старшая сестра любительница острых выражений для характеристики взрослых и детей.

Росла Марейка «дичком» - безграмотной. Сколько ни уговаривала наша сельская учительница Елизавета Григорьевна и Василья и Даниловну отдать Марейку в школу, так они одно своё «затолмили»: «парней не учили, а девку учить – не дела». Так Марейка и осталась неучем, а девке хотелось учиться.

После «Петрова дня» (29-го июля ст[арого] ст[илия]) всё взрослое население Течи – мужики, бабы, включая парней и девушек в возрасте 15 и выше лет – уезжали на покос заготавливать сено. С ближайших покосов ночевать приезжали домой, а если уезжали в «татары»²²²⁵, то там жили по неделе и больше до конца полной уборки. В селе оставались только старики и дети. Дворовые псы же тоже убегали с хозяевами, а которые по дряхлости оставались дома, то спасались где-либо от жары и не нарушали тишины своим лаем. В селе становилось тихо, мертво.

В это время, наоборот, оживала площадка у избы «Расторгуевых», сюда, на еланку, собирались деревенские девчонки – Машки, Дарьки, Саньки и прочие, шестилетние и семилетние, белобрысые, черноголовые и рыжеватые. Приходили в одним длинных рубахах с полынялыми платками на голове и без платков – простоволосые, лохматые и с косичками, так туго заплетёнными, что они, косички, походили на серп или месяц на ущербе. «Некоторые модницы» надевали маменькины запоны, которые подвязывали под самые «мышки». Являлись они не одни, а с Ваньками, Петьками, Анками, Анисками и прочими – своими братишками и сестрёнками. Одних

---

²²²⁵ «на покосы, арендованные у башкиров» (Примеч. автора).

тащили на руках, согнувшись в три «погибели», других «на закортышках», третьих вели за руки, или сами они тащились, держась за рубахи своих нянек. Тут были дети годовалые, двух лет и старше. Были они грязные, сопливые, некоторые – рахитичные, но самые несчастные были те, которые родились «не по времени» - перед самой страдой, за месяц, за два, о которых сами родители высказывали при их рождении пожелание: «хоть бы нас Бог поскорее прибрал». Вся эта детвора стекалась сюда, к «Расторгуевской» избе, с ближних улиц и поступала в распоряжение Марейки. Она была признанным вожаком этой детской оравы. Никто её не выбирал и не назначал: она сама по доброй воле приняла на себя эту «обязанность», а все «няньки» тоже «по доброй воле» подчинились ей.

Марейка для важности надевала на себя мамашенькин запон (фартук) и вела себя с достоинством. Она тщательно осматривала всех, принималась за организацию пансиона для сна малых, чтобы освободить нянек для игр, проведение которых она считала своей главной обязанностью. Для этого всех малышей размещали в тени у амбара, у наружной стены его: одних, которые могли сидеть, рассаживали у стенки рядышком, чтобы они подпирали друг друга, а другие, которые не могли сидеть, просто укладывали в кружок на еланке с подкладкой пелёнок, а то и без них. Последних старались укачивать, чтобы они заснули, а если они не засыпали, то давали им и тем, которые сидели, разные «чечки» (игрушки) – камышки, пёрышки, стёклышки, цветочки и прочее. Наконец, пансион был устроен, и «няньки» шумной толпой окружали Марейку. Начинались игры. Марейка строила «нянек» в хоровод, запевала «Лён мой, лён, при горе, горе, при горе крутой», а те подпевали – кто в лад, а кто и возле ладу. Ходили по кругу, а Марейка следила за порядком и если замечала что-либо несоответствующее её понятию о стройности в красоте, тут же на ходу, перестраивала ряд. Играли в «разлуки», в «соседки», а иногда в «свадьбу», причём Марейка старалась в игре воспроизвести всё, что наблюдала на настоящих свадьбах, вплоть до того, что «молодых», какого-либо мальчишку и девчонку отводила спать в «клеть», т. е. немного подалеже от места игры. Сама Марейка на этой игре – свадьбе «брала на себя роль дружки», организатора веселья на свадебном пиру.

Иногда на небо накатывалось небольшое облачко, и вспрыскивая мелкий дождичек, тогда все начинали прыгать и «скулить» пискливыми детскими голосами:

Дождик, дождик, перестань.

Мы поедem на рестань

Богу молитца,

Царю поклонитца.

Царь – сирота,

Отворяй ворота

Крючком, замочком,

Шёлковым «платочкём»,

Подшалочкём.

Иногда вдруг послышится плач из «пансиона», тогда нянька, чей воспитанник подал голос, запротестовал от одиночества, быстро без всякого разрешения, стрелой мчалась из среды играющих к плачущему, брала его на руки, укачивала «уу», «уу», а если он не поддавался, не успокаивался, то совала ему в рот пережёванный ею же мякиш хлеба так, что он уже не мог плакать, а сама убегала в круг к играющим.

Марейка была не только организатором игр, но и защитником и попечителем своих питомцев. Неподдалёку от площадки, где играли девочки, была площадка, на которой играли шариком мальчишки, одноклассники с девочками. По окончании своей игры они имели обыкновение походить к девочкам и озорничать, «галиться» над ними. Вожаком у них был Санко, по прозвищу «рожок», распушенный и не по возрасту любитель похабных слов и выражений, чему его учил кто-то из взрослых. Он, бывало, подбежит к какой-либо девочке, задерёт у неё рубашонку кверху, показывает своим друзьям её «стыдное», гогочет, как сатир, и сквернословит. Остальные мальчишки, подражая и в угоду ему, поднимали смех и шум, тоже гоготали. Марейка в этом случае, подобно курице, бросающейся на коршуна для защиты своих цыплят, набрасывалась на «охаверника» - хулигана и с чисто мальчишеской ловкостью старалась поборот его – положить, как говорится, на обе лопатки. Если же силёнки у ней нехватало, то так впивалась ему своими острыми зубами в руку или плечо, что он начинал кричать «благим матом», а выбравшись из её цепких рук, старался убежать подальше. Бывало и так, что охаверничать и «галиться» начинал мальчишка, плюгавый «замухрейко» и зубоскал. Марейка считала ниже своего достоинства вступить с ним в единоборство, что означало бы не состязаться «на силки», а просто расправиться с более слабым. Она походила к охальнику с свирепым выражением лица, и когда тот, чтобы спасти своё положение, делал «стойку» и со злобой смотрел на неё, как затравленный зверёк, с презрением заявляла ему: «ты чо, сопляк, выпучил на меня свои «зенки», иди к мамке, пусть она тебе вытрет соплю». Марейка в этом случае становилась грубой и в запальчивости употребляла весь запас тех грубых, колючих и обидных слов, какие слышала у взрослых.

Игры Марейка обычно продолжала во все погожие дни «страды» ежегодно, пока в семье считали её ещё недостаточно окрепшей для тяжёлой деревенской работы, т. е. примерно до пятнадцати-шестнадцати лет, но считалось, что девка ко времени, когда она «заневестится», должна уметь косить и жать. Так Марейка, сама себе не отдавая отчёта, помогала многим деревенским матерям «водиться» с их малышами во время страды, и никто из этих матерей даже и не думал поблагодарить её за это. «Девка сама себя тешила, за что её ещё благодарить» - так рассуждали они.

К пятнадцати годам Марейка на тятенькиных и маменькиных пшеничных ароматных калачах да на кислых из квашенной капусты с толстой крупой, а иногда и мясных «штях» «вымахала» в настоящую

деревенскую красавицу: крепкую, статную, такую, с которых знатоки женской красоты у нас на селе, говорили: «ядрёная, как репа». Сквозь незатейливое деревенское одеяние у неё уже проглядывал бюст, которому могла позавидовать любая городская щеголиха. Её русая с золотистым отливом длинная коса была их тех, о которых говорится: «коса – всему городу краса». Марейка по праву гордилась ею, а Даниловна любовалась, когда заплетала её своей доченьке. У Марейки было чистое, без веснушек, лицо с лёгким загаром и здоровым румянцем. У неё был довольно правильный, как у матери, нос, что редко бывало у наших деревенских красавиц. У неё были брови дугой и серые с жёлтым налётом глаза: длинные ресницы делали их такими, о которых говорили: «глаза с поволокой» - «сухота» для деревенских парней, «очи», о которых в песне поётся, что они иссушили молодца. Да, Марейка была красавицей и знала цену своей красоты: в её глазах уже играли бесики женских кокетства и лукавства, предшественники женской лукавой любви, как выразился о неё летописец Пимен, предостерегая от неё несчастного самозванца («Борис Годунов»).

Подходило время готовить Марейку в невесты. По старинным дедовским обычаям, девке на деревне отводились два-три года, когда она могла «погулять», «посещать свет», чтобы потом могла помнить, что она когда-то была молодой. Но, невеста – товар и его надо показать лицом. И вот надели на Марейку сверху «изгребной становины» белую рубаху с незатейливой вышивкой на вороте и рукавах. На рубаху надели длинный, до ног, малиновый канифасовый сарафан, а по талии стянули его гарусным пояском с длинными разноцветными гарусными кистями – изделием верх-теченских монашек. На поясе выписаны слова: «кого люблю – тому дарю». На голову надели полушёлковый платок, а на ноги опойковые ботинки – изделие теченского сапожника – модельера Николая Фёдоровича Лебедева, которые он шил всем на одну колодку. И вся фигура Марейки как-то расплылась и отяжелела, словно её вложили в какой-то уродливый футляр. Спрятали от людей Марейкину красоту, а особенно пострадали ноги: не знавшие стеснительной обуви, они имели натуральный изящный вид, а теперь стали похожими на лапы водолаза. Так люди часто скрывают свою природную красоту под уродливыми формами модной одежды.

«Свет» открывался деревенским девушкам в нашем Зауралье в двух видах: осенью и зимой в виде «вечорок», а весной-летом в виде «луга». Зимой парни складывались по семишнику, покупали «карасин» и устраивали вечеринки – «вечорки» у кого-либо в избе, а то и в бане. Народу на «вечорки» набивалось много, и было на них тесно и душно. Некоторые деревенские ловеласы пользовались теснотой и слабым освещением: не довольствуясь одним созерцанием женской красоты, они присоединяли к нему ещё и осязание, развязывали свои руки и позволяли действия, обидные для девичьей чести. Лучше было на «лугу»: собирались где-либо на окраине села вблизи леса, играли, танцевали «кадрелку», пели песни, водили хороводы. На земле уже была зелень, деревья покрывались листвой, светило

солнце, весенний воздух хмелил, мутил ум и сердце. Марейка едва сдерживала сердце, рвущееся из груди на волю. Она готова была закричать кому-то невидимому: люби меня, люби, но она не позволила бы никому надругаться над её любовью. Она держалась с парнями свободно, как в детстве обращалась с мальчишками, и некоторые из них думали, что она должна быть податливой «на лёгкую любовь». К этому выводу, очевидно, приводил их пример единственной в своём роде девушки, жившей на одной из теченских окраин – на Горушках. Это была тоже Марейка, по прозвищу «Зеленика», легкомысленная и вертлявая, она ещё в раннем девичестве позволила парням вольно обращаться с собой и не уберегла себя. В народе не без основания ходила молва, что она и в девках и позднее – в бабах путалась с черепановскими парнями. Но Марейка не была из таких. Иногда Марейку видели на богомольях стоящей на коленях и шепчущей какие-то молитвы. Для парней это было опять загадкой: они думали, что она «не от мира сего», какой опять-таки была одна девушка, жившая на другой окраине Течи – в Макаровке – Саша Макарова, которая ушла в Верх-Теченский женский монастырь. Но парни и тут ошибались: Марейка в равной степени не была ни той деревенской грешницей, ни этой, как называли Сашу Макарову «святошей». Она была вся земная, но гармонично развитой девушкой, целомудренной от природы. Этого парни не могли понять и часто расплачивались за свои поползновения поиграть с ней в «любовь». Марейка не раз на «вечорках» своей крепкой рукой ударяла по руке какого-либо ловеласа, направлявшейся не по назначению, а на лугу так «отдельвала» своим острым язычком, что у тех пропадала охота к повторению этих попыток. Парни недолюбливали её за это и обзывали «недотрогой».

Любила ли кого-нибудь Марейка?

«Чужая душа – потёмки» - говорится в пословице, а девичья – глубокий колодец, смотри на дно его – что там увидишь. Только был такой случай: «забрали одного парня в солдаты, и Марейка «загрустела». Куда девался Марейкин острый язык и смешки над парнями. Полинял её румянец и «помутнело» лицо. Потускнели глаза. Парни недоумевали, что случилось с Марейкой. Только Даниловна догадалась, что случилось с Марейкой, но не стала её утешать: знала по опыту, что в этом горе ни утешения, ни уговоры не помогут – пусть девка сама износит его.

Быстро прошли годы Марейкиного девичества, годы блести в «свете», как у всякой деревенской девушки: в семнадцать лет иди замуж, в восемнадцать уже перестарок – жди какого-либо вдовца.

Суров был дедовский обычай: девушки на селе в нашем Зауралье не сами выходили замуж, а их выдавали родители. Марейка всем своим существом была против этого обычая, но разве лбом пробьёшь стену. На селе были случаи, что девушки выходили замуж убёгом. Ещё в детские годы Марейка однажды наблюдала, как венчали в церкви такую «беглянку» при закрытых на замок дверях, как отец её бил кулаком по закрытым дверям, бегал, ругался, проклинал свою дочь. Как Марейка не могла решиться на

такое, думала: «да что скажет тятенька, да что скажет маменька, да как я их оставлю». Нет, Марейка смирилась и стала на протоптанную дорожку всякой деревенской девушки: пусть уж тятенька с маменькой решают её судьбу. Так, молодой конь сколько ни сопротивляется привычной для него упряжи и верховому седлу, в конце концов, смиряется и становится рабочей лошадью.

В жизни Марейки всё пошло обычным для девушки-невесты чередом: стала ходить к её родителям сваха, а потом пришёл и будущий свёкор с женихом. На селе полагались, хотя чисто формально «смотрины». Вывела Даниловна свою Марейку на показ. Спокойно, не жемаясь, как часто бывает это у девушек, Марейка вышла, и на лице у неё было написано: вот я – делайте со мной, что хотите. Судили, рядили, толковали о приданом, что есть и что ещё нужно прикупить у теченского купца А. Л. Новикова.²²²⁶ Так Марейка стала «заручёной» невестой.

«Расторгуевы» жили справно и хотели сыграть «свадьбу» своей единственной дочери не кое-как, а по «всем правилам старины». Марейка по обычаю, подарила жениху красного сатина на рубашку и сходила за благословением к своему «хрёстному» – батюшке. Подарила ему полотенце, сотканное ею самой, с петушками на концах, вышитыми тоже ею. Всей семьёй сходили в лавку к Новикову и закупили, что было условлено для пополнения приданого.

По старинному обычаю девку «перед венцом, как, «некрута» перед отправкой на царскую службу, полагалось «ублажать», а именно – катать на конях, как это бывает на масленице. И вот из ограды «Расторгуевых» выехала кашевка, впряжённая в пару добрых лошадей. В середине её сидела Марейка, а по бокам две самые близкие её подруги. На разводьях и сзади на выступях дровней стояли другие девушки. У Марейки поверх шали на голове виднелась «красота», искусственные цветы венчиком, привезённые купцом Новиковым с Нижегородской ярмарки для деревенских невест. Ездили девушки по главной улице и пели тягучие заунывные песни, как родыгинские «Рябинушка» и «Белым снегом»²²²⁷, Марейка сидела, как обречённая.

Устроили «девишник», и девушки играли и пели тоже такие же песни.

Пели:

*В чистом поле за рекой
Светил месяц золотой.
Ой, люли, ой, люли
Светил месяц золотой.
Не на травушке роса,
Светит девичья слеза.
Ой, люли, ой, люли
Светит девичья слеза и пр.*

---

²²²⁶ «ударил по рукам, как при покупке». (Примеч. автора).

²²²⁷ Родыгин Евгений Павлович (р. 1925) – уральский композитор, автор многих популярных в народе песен. Народный артист России (1999).

На «расплёте» Даниловна обливалась горячими слезами – не то пела, не то причитала, как по покойнику, расплетая Марейкину косу. Вспоминала своё девичество, тяжёлые годы своей болезни, молила Бога, чтобы Марейке было счастье в семейной жизни.

Настал день венчания. Хотя «Расторгуевы» жили неподалёку от церкви, но по обычаю, нужно было везти невесту к «венцу» «поездом». И вот раскрылись ворота, и со двора Расторгуевых выехал свадебный «поезд». На первой подводе на рысаке ехали Марейкин «хрестный батюшка» - «тысяцкий» без шапки, и Марейка с «красотой» на голове. За ними ехали «поезжане» - Марейкина родня и, наконец, девушки, Марейкины подружки. «Поезд» объехал вокруг церкви и остановился у церковных ворот. «Поезд» жениха уже раньше прибыл к церкви, а жених поджидал невесту в церковной сторожке. Впервые жених и невеста сидели в сторожке рядом в ожидании прихода священнослужителей. Пришёл старичок священник с дьячком и жениха с Марейкой поставили рядом перед аналоем. Старик священник сухим деревянным голосом читал длинные молитвы о даровании венчающимся большого потомства. Спрашивал: по своей ли воле они вступали в брак, на что последовал утвердительный ответ. На руки венчающимся надели кольца, дали из одной чашки поочерёдно выпить растворенного с водой вина, надели на головы венцы, и священник трижды обвёл венчающихся вокруг аналоя под пение «Исайе ликуй» и др. молитвы. Венчающимся священник предложил поцеловаться, и они прикоснулись друг к другу губами.

Кончилось венчание, и «молодые» уже вместе ехали в дом жениха, а теперь мужа Марейки. Два «поезда» соединили в один, и ехали с ещё большим шумом.

При входе в дом «молодых» встретили с хлебом и солью родители наречённого Марейкиного мужа и благословили их.

Начался пир. «Молодых» посадили за стол под «божницу», а около разместились родня с той и другой стороны. Все пили, но «молодым» полагалось только «пригубить». Кричали «горько» и «молодые» целовались. Нет, это были не поцелуи любви: так целовали только иконы, да покойников на прощании перед тем, как заколотить гроб.

Пьяные голоса усиливались. Кривлялся «дружка» с красной повязкой на руке и делал пошлые замечания в адрес «молодых». Присутствующие в избе зеваки из соседних домов, преимущественно женщины, галдели и смеялись по поводу «острот дружки». Наконец, пир кончился и молодых сваха повела в «клеть» на брачную ночь, а пьяные посваливались на пол и в беспорядке уснули.

На утро совершено было самое грязное, унижающее женщину действие – просмотр нижнего белья «молодой». Поднялся шум, крики. Женщины нацепили себе на головные уборы красные ленточки или просто красные лоскутки. Били посуду, кричали «молодую», заставляли стряпать блины. Это был первый экзамен её по хозяйству.

Три дня пировали. Пропили Марейку.

Счастье для неё было то, что выдали её замуж не на сторону, а за теченского парня, который оказался работящим, не гулящим и пьяницей, но сердце девичье – не камень, а что было у Марейки на сердце, когда её так пропили – это она скрыла от всех в тайниках своей души.

Прошло много лет, но всякий раз как я бывал в Тече и проходил мимо дома «Расторгуевых», я вспоминал Марейку, хотя она не была в числе моих деревенских друзей, с которыми я играл в детстве. Я знал её больше по рассказам моих друзей, да по мимолётным наблюдениям издали. Только раз мне пришлось встретиться с ней, как говорится, на узенькой дорожке. Шестнадцатилетним юношей мне пришлось надеть очки. Мои деревенские друзья, привыкшие всё видеть в пределах простой, не тронутой человеком природы, не могли сразу привыкнуть к этому отступлению от неё, от природы. Не могла привыкнуть, конечно, и Марейка. И вот случилась так: я проезжал однажды на речку за водой мимо расторгуевского огорода, где Марейка полола гряды. Увидев меня, она подошла к изгороди и заявила: «Четы стёклышки посадил на нос?», и с русалочным смехом скрылась за дикой высокой коноплей, росшей у изгороди. Как это иногда в жизни бывает, этот случай врезался мне в память, а при его воспоминании передо мной всегда вставал образ Марейки живой, энергичной девушки, как мне рисовали её мои друзья.

При всяком приезде в Течу я спрашивал своих знакомых, жива ли Марейка и как она живёт. Мне рассказывали, что она жива и живёт на старом месте. Рассказывали, что у неё было много детей, что она уже овдовела и теперь нянчит внуков. Рассказывали и о том, что они с мужем в своё время вступили в колхоз, но что они были в колхозе не на виду, работали с прохладницей, а потому жили небогато. По всему было видно, что ни Марейка, ни её муж, выходцы из зажиточных семей, не могли перестроиться по-новому. У Марейки тормозом было и то, что она была безграмотной.

Мне хотелось повидаться с Марейкой, а теперь с Мареевой Васильевной, как её теперь называли по-деревенски, но то, или то, то другое отвлекало меня от осуществления моего намерения. Наконец, в свой последний приезд в Течу, я решил навестить Марейку. Я шёл к ней на «свидание» со смущением и сомнением: узнает ли она меня? Я шёл и обдумывал, как я расскажу ей, кто я такой. Я заготовил целую речь, но когда зашёл в избу, то растерялся, стал путать порядок заготовленной речи и невнятно рассказывать о себе. Передо мной сидела дряхлая старуха, как мне показалось, со зловещим лицом. Седые пряди волос в беспорядке выглядывали из-под полинялого кубового платка. У неё было лицо пергаментного цвета и острые черты лица. Мне показалось, что после моей путанной рекомендации она что-то обдумывала, напрягала свою память, но заплакал ребёнок, сидевший у неё на коленях, и она принялась его утешать. Я понял, что мне больше нечего делать в избе и вышел из неё. Я вышел из избы, как из подвала с удушливым воздухом. Светило яркое солнце, а вдали с

горы за рекой виден был простор полей, лесочки – картина, которую я так любил наблюдать в детстве. У меня мелькнула мысль, где мне приходилось переживать то, что я только пережил в избе. Вспомнилась ночка из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина – иллюстрация к этой поэме.

С тяжёлым чувством и грустными думами возвращался на свою квартиру у бывшей нашей соседки по дому – Татьяны Павловны Ключиной. В мозгу «гвоздила» мысль: «Так вот как мне пришлось встретиться с тобой, Марeya Васильевна. Родиться бы тебе, Марeya Васильевна, позднее лет на двадцать-тридцать, была бы ты какой-либо делегаткой жен-отдела, агитатором и уж во всяком случае вожатой в каком-либо пионер-отряде».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 1-15.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Марейка» (10 декабря 1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 400).

Матрёна Сергеевна [Уфимцева]

[1965 г.]

Я был ещё мальчишкой лет 10-12-ти, а она в нашем селе и даже за его пределами была у нас на славе. Слава о ней шла как о кухмастерше высокой марки, как о каком-то феномене в этой области. Она и на самом деле была удивительным существом, обладателем феноменальной памяти: при полной безграмотности она сохраняла в ней (памяти) столько разнообразных «рецептов» по изготовлению печений, булочек, куличей, «сметанников», «песочников» и пр., что диву даёшься, как это всё укладывалось в её голове. Взять хотя бы изготовление кулича: она помнила, сколько нужно взять яиц, как сбить белки яичек, сколько положить сахару, корицы, шафрану и пр. Вершиной её искусства было изготовление баум-кухена (она называла баун-кухена). Тут она уже «священнодействовала», а «прочие» только с удивлением смотрели и выполняли её распоряжения. А какие она изготовляла паштетные (она называла «пашкетные») пироги. Её приглашали готовить куличи, «пасхи». Приглашали стряпать на свадьбы, именины и пр. В этом случае она прямо молодела; она не столько сама стряпала, сколько командовала – инструктировала, она «упивалась» своим искусством, гордилась. Вся раскрасневшаяся она появлялась то у стола, где её изделия ещё ждали посадки в печь, то стремительно направлялась к печке и заглядывала в неё: не подгорело ли посаженное в печь. Только и слышалось при этом: «Мотя, что с этим дальше делать?» или «Мотя, сколько взять изюму?» и пр. Такой я её наблюдал, когда она что-либо готовила у нас на разные праздники.²²²⁸

---

²²²⁸ Из очерка «Матрёна Сергеевна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В дальнейшем она часто помогала нашей матушке в такие ответственные моменты применения кулинарного искусства, как выпечка

С ней дружила наша старшая сестра и называла её любовно Мотей. Любила она, может быть, её потому, что в их судьбе было нечто общее: обе были старые девы. Но её, Матрёну Сергеевну, не только уважали, а именно любили все. В этой любви к ней, может быть, примешивался некоторый элемент жалости к ней: у ней был физический недостаток – бельмо на глазу, за что её в девках, вероятно, «обегали» женихи, и она осталась одинокой. Она, кроме того, была поразительно добрым существом, с мягким характером, и сама она крепко привязывалась к нашей семье.

В те отдалённые времена, ещё до первой империалистической войны, я виделся с ней летом 1914 г., перед войной. Я был тогда на положении «молодого», как называли у нас только что женившихся парней. На селе по соседству меня знали многие женщины: таковы законы деревни: знать всё и всех из соседей. Бывало, идёшь мимо огорода какой-либо тётушки – соседки – Даниловны или Прокопьевны, а она подзывает: «Васинька, иди-кось: я угощу тебя» и даст огурец. Добрые души, они принимали участие в нашей судьбе. И вот – узнавши, что я женился не на «руськёй», приходили ко мне «объясниться»: да как ты решился на «такое». Они не осмеливались прямо сказать: «женился на басурманке», а в уме, очевидно, держали эту мысль и перебирали всех невест в нашей «округе», которые могли бы осчастливить меня. Уже вот где уместно сказать: «*O, sancta simplicitas!*»

Приходила посмотреть на мою «молодую» и Матрёна Сергеевна, но она, часто бывая в нашей среде, очевидно, «приобыкла» к разным новостям в «нашем мире», а когда я сказал, что мою Иоанну Фридриховну по-русски нужно звать Анной Фёдоровной, и совсем успокоилась.

Прошла первая империалистическая война, прошли бурные годы Октябрьской революции и в 1926 г. я виделся с Матрёной Сергеевной мимолётно, случайно, но уже не на поприще её кухмистерского искусства.

Прошла ужасная вторая империалистическая война, и только в 1958 г.²²²⁹ я вновь приехал в Течу на «Москвиче» в кампании со своими племянниками Г[оликовыми]. Мы решили с племянницей Верой Александровной навестить Матрёну Сергеевну. Жила она тогда у каких-то своих дальних родственников на Горушках, самом захудалом районе села.²²³⁰ Я уговорил племянницу подшутить над Матрёной Сергеевной, а именно: чтобы она (В. А.) первой подошла к ней и спросила обо мне, оставшемся

куличей, подготовка «пасхи» и пр. Приходила она иногда к нам и подомовничать на день-два, а однажды при нашей поездке всей семьёй в Пермь на пастеровские прививки от бешенства домовничала три недели. Получалось как-то так, что образовалась взаимная привязанность между нами, а у меня лично зародилось к ней чувство примерно такое же, какое было у А. С. Пушкина к его няне Арине Родионовне, хотя Матрёна Сергеевна и не была моей няней» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 16-17.

²²²⁹ В очерке «Матрёна Сергеевна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: в 1955 г.

²²³⁰ Там же: «Всю жизнь она прожила бобылкой. Жила у брата, водилась с детьми. Брат оставил жену с семьёй; жена его предложила и ей уйти. Подобрали какие-то родственники на Горушках» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 213 об.

вдали: кто это? Узнает ли она меня? Мы застали Матрёну Сергеевну пасущей свиней на площадке около избы, и приступили к осуществлению нашего замысла. Вера Александровна подошла к ней, а я остался на расстоянии примерно тридцати шагов. Поздоровавшись с ней, В. А. спросила её, указывая на меня: кто там? Последовал немедленный ответ: Василий Алексеевич! Я подошёл к «тени» человека. Это был только скелет Матрёны Сергеевны, на котором висели замызганные старые кофта и дерюжная юбка. На голове у ней был выцветший кубовый с крапинками платок, из-под которого выбивались седоватые волосы. Один глаз окончательно затянуло бельмом. Всё лицо было в морщинах, которые шли в разных направлениях. Из рукавов, как палочки с сучковатыми отростками, выглядывали руки, а из-под юбки – ноги босые, грязные и тоже тонкие, как палочки. Сердце моё упало: «так вот как пришлось мне встретиться с тобой, Матрёна Сергеевна, наша знаменитая кухмистерша и наша деревенская гордость» - хотел я сказать, но растерялся и промолчал. Она обрадовалась и не то засовестилась, что в таком виде мы её застали, не то спохватилась, что надо принимать гостей, засуетилась, быстро прошла в ограду, немного поправила платок на своей голове и стала приглашать в дом. Мы сели на завалинку около дома, и начались воспоминания.²²³¹ Она расспрашивала обо всех из нашей семьи и семьи Бирюковых, никого не пропустила. Называли умерших, и она всё приговаривала: «дай Бог царство небесное» и что-либо добавляла от себя доброе, сердечное. Часа два шли воспоминания, а она всё спрашивала и спрашивала. Так вспоминают только близких родственников. Откуда это у

---

²²³¹ Из очерка «Матрёна Сергеевна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Я бросил взгляд на открывшуюся передо мной панораму Горушек, и наши воспоминания скрестились то моей речью, то речью Матрёны Сергеевны. Горушки я знал хорошо, и память вела меня по тем местам, где были теперь пустыри. Не было избышки Андрея Абрамовича, который иногда приносил нам на продажу раков и, проходя мимо избышки, у которой мы, озорные мальчишки, стучали в окошко и спрашивали: «не надо ли рачков», не было избышек Фёдора по прозвищу «Тяптина», нашего косаря, не было избышки Яши по прозвищу «Зеленики», Архипка по прозвищу «Волчёнка» и многих других.

Я вспоминал о них, а Матрёна Сергеевна добавляла что-либо ещё. Мы подошли к избышке Фёдора Тимофеевича Манатина, где жила теперь Матрёна Сергеевна, сели на завалинку, и я, прежде всего, попросил Матрёну Сергеевну рассказать мне о том, что я заметил нового на Горушках, а именно: кто хозяин нового дома под черепицей, и что это за строительство большого деревянного дома со многими окошками. Она мне сказала, что хозяин первого дома механизаторов из МТС [машинно-тракторной станции – ред.], а большой дом строится для больницы. Вспоминали о Фёдоре Тимофеевиче, бывшем когда-то сельским старостой, о том, что раньше около его избышки был мост из казмы, который вёл в гумно, и я рассказал о наших проказах в этом гумне, а дальше я перешёл во власть Матрёны Сергеевны и она засыпала меня вопросами: где я служил всё это время, как здоровье Анны Фёдоровны, перебрала всю нашу родню и знакомых. На дворе играли дети в трусиках и майках. Я следил за их играми и думал: «вот она новая Теча». Вспоминались слова А. С. Пушкина: «Здравствуй, племя, младое и незнакомое» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 18-19.

ней такая привязанность к людям из другого сословия? Эта мысль всегда меня занимала, и особенно остро встала сейчас, при этой встрече, и у меня возникло желание воскресить в своей памяти всю жизнь Матрёны Сергеевны, как я её (жизнь) знал по рассказам других людей и по собственным наблюдениям.

Детство её было тяжёлым и безрадостным. Девочка не отличалась здоровьем, была «хилая», как у нас таких детей называли и к тому же «кривая», так как на одном глазу была катаракта. Едва окрепшая, она стала нянчить детей своего брата. Только успевала она кого-нибудь из них поставить на ножонки и, держась за скамейки, переступать с ноги на ногу, как появлялся на смену ему новый экземпляр, и она, как Варька Л. Андреева²²³², «выхаживала дитё», качала в зыбке, мурлыкая про себя «баю баюшки-баю». Хотелось иногда побегать, порезвиться с другими девочками, а она привязана была к зыбке. Только летом иногда удавалось в кругу таких же нянек положить куда-нибудь в тенёк своё «сокровище» и покружиться в хороводе.

В возрасте 14-15 лет отдали её в горничные в дом теченского протоиерея. Под этим названием – «горничная» - разумелась прислуга – девка на обслуживание разных мелочей семейного быта: подмести или подмыть в комнате, полить цветы в комнате или в саду, помочь полоть в саду и огороде и сбегать туда-сюда по заданию хозяев и т. д. Все эти разнообразные обязанности, однако, не заслонили собой то, что её уже теперь больше всего интересовало, а именно то, что называется не особенно благозвучным словом «стряпка». Она узнала здесь, насколько примитивна она в деревенской крестьянской семье и сложна, по-настоящему искусна, даже имеет художественные формы в той среде, где она оказалась. Её заинтересовала именно эта последняя сторона этого дела. Кое-что она уже успела здесь подсмотреть и запомнить, как «это» делается. Здесь же она стала незаметно для себя привыкать к обществу людей, в среде которых она оказалась: хозяйка её, матушка-протоиерейша, оказалась существом добродушным, а хозяйская дочь Маша расположена была к ней дружелюбно.

В возрасте 17-18 лет она оказалась уже в «стряпках» у сугоякского земского начальника, жена которого «барыня-земчиха» была мастерицей кулинарного дела. Здесь Матрёна Сергеевна уже вплотную подошла к постижению искусства кулинарии. Она поняла всю «философию» гастрономии, поняла, какие прихоти развил у себя человек, чтобы удовлетворять свой желудок, и как «это» делается. Её увлекло самое искусство готовить самые причудливые гастрономические продукты и блюда, как, например, выпечь кулич и разукрасить его, или заливного поросёнка под сметаной и обложить его зеленью: салатом, огурчиком, зелёным горошком. В ней проснулся скрытый пока что, но от природы

---

²²³² Автор имеет ввиду персонажа рассказа А. П. Чехова «Спать хочется» (1888).

данный, талант художника, направленный в область гастрономии. Как для художника краски являются средством для воплощения через них художественного образа, так для неё все средства питания: мука, сахар, масло явились теперь средствами для воплощения изысканных предметов кулинарии. Память человеческая устроена так, что она скорее и охотнее держит и сохраняет в себе то, что было воспринято человеком при наличии увлечения им, что окрашено было чувством красоты, изящества. Вот так и память Матрёны Сергеевны впитала в себя все те мелочи кулинарного искусства, самые разнообразные «рецепты» приготовления предметов кулинарии.

Когда она возвратилась в Течу из Сугояка, то она была уже заправским кулинаром высокой марки; ей только бы пойти в специальное кулинарное предприятие, но его в деревне не было, и это явилось её первым противоречием в жизни. Всё окружающее теперь её «бытие» раздвоилось: она оказалась со своей профессией совершенно ненужной для той среды, из которой она вышла, и только периодически нужной для той среды, с которой она сблизилась на своём новом поприще. Для первых её мастерство было ненужным баловством: для них она нужна была как рабочая сила. Девка, а потом и замужняя женщина в деревне должна была уметь косить, жать, ткать, а что она теперь могла выполнять из деревенских работ? Только нянчить детей, т. е. вернуться опять к тому, от чего она уже оттолкнулась. Вторые видели в ней искусного мастера, ценили её искусство, и это определило её отношение к ним. Вот, что было причиной того, что она привязалась к этому миру, чуждому ей по её происхождению. Теперь она стала периодически появляться среди «них» и «отводить свою душу» на любимшемся ей деле, а потребность в её работе всё больше и больше увеличивалась, и она уже могла составить расписание своих «гастролей». Так у неё и сложилась жизнь в новых условиях: то она где-нибудь подомовничает, то «постряпает». А на «гастролях» и души срастались: она забывала своё одиночество.

После Октябрьской революции жизнь её в корне изменилась, «подсекло», как выражался наш теченский слепой Якимущко. Её тоже выслали на север за «связь» с теми, кому она служила своим мастерством.²²³³ Вернулась она в Течу и оказалась в таком положении, в каком мы с племянницей её встретили на Горушках.

---

²²³³ В очерке «Матрёна Сергеевна» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Она пользовалась заслуженной славой, и все хозяйки из «господ» всегда были спокойны за то, что в нужный момент она не подведёт. Вот таким образом и сложились отношения между ней и людьми, некоторые из которых потом оказались «бывшими». За это и она поплатилась при раскулачивании: её, не имевшую ни кола, ни двора, никогда и никого не эксплуатировавшую, также выслали на север, «не знайся с гоподами» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 213-213 об.

Через год²²³⁴ я был снова в Тече и остановился у своих бывших соседей по дому, теперь переселившихся на Зелёную улицу. Я послал ей в Черепанову, за реку, где она тогда домовничала, небольшой гостинец: сахару, чаю, пряников.²²³⁵ Под вечер она пришла на Зелёную улицу, с палочкой, усталая. Сели мы на брёвна около дома, и воспоминания полились потоком. Солнце уже заходило за горизонт, я стал уговаривать старуху, чтобы она поспешила домой, чтобы засветло перейти по плотине через реку. Она согласилась и пошла. Смотрю..., она идёт обратно. «Ты что, Матрёна Сергеевна, почему вернулась?» – спрашиваю. «Да вот, забыла» - говорит.... Догадался: хитрит старуха – ничего она не забыла, а хочется ей ещё поговорить. Солнце уже скрылось за горизонтом, и она медленно «потопала» домой.

На утро я должен был уезжать, и она чуть свет явилась провожать меня. Смотрю: в руках у ней какой-то узелок. Подаёт мне со словами: «отвези от меня Анне Фёдоровне». В узелке были вафли, которые она была большой мастерицей стряпать. Нет! Не утерпела старуха: всё-таки напомнила о своём мастерстве, любимом ею.

Сел я в «Москвич», она стояла у машины задумчивая и грустная. Мы смотрели друг на друга, и не знал ни я, ни, вероятно, она, что виделись мы с ней в последний раз.

Пошли письма. Подговорила она какую-то родственницу, девочку из семилетки, и пошли письма. Открываю я очередное письмо и читаю: «Привет из Течи. Пишет Вам Ваша знакомая» такая-то, и дальше.... То она спрашивает о ком-либо: где Соня и т. д. То она пишет, что в Радоницу ходила на могилу нашей матери. Иногда я почему-либо задержусь с ответом, и вот летит письмо с сетованием: почему не ответил, как здоровье и пр. Иногда в конце письма: «Жду ответа, как соловей лета!» Это уж, конечно, приписка «писаря».

Стала всё чаще и чаще писать о болезнях (ей было уже за восемьдесят лет). Я старался в ответных письмах подбодрить старуху: «не поддавайся, Матрёна Сергеевна!»

В середине августа 1964 г. я получил от неё письмо и написал ответ. От неё письма не было. В сентябре получил письмо с уведомлением, что она скончалась вскоре после отправления мне своего письма и что похоронила её

---

²²³⁴ В 1957 г. (ред.).

²²³⁵ В очерке «Матрёна Сергеевна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Матрёна Сергеевна на этот раз жила в Черепановой, которую вот-вот должны были убрать с речки, потому что вода в речке была отравлена радиоактивными отходами. Переправа через реку в брод была запрещена, а для прохода в деревню через мостик нужно было тратить много времени и давать работу ногам. Жители Течи и Черепановой, однако, находили способ обходить этот запрет» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 22.

племянница её по всем правилам деревенских обычаев. *Sit tibi, Матрёна Сергеевна, terra levis!*²²³⁶

Жизнь Матрёны Сергеевны была во многом поучительной. Во-первых, она свидетельствовала о том, что в народных массах подчас скрывались удивительно разнообразные таланты, которые только случайно выходили на свет, обнаруживались. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, на опыте её жизни можно проследить, как привязанности людей друг к другу устанавливаются, минуя рамки общественных различий по происхождению, по особым обстоятельствам «бытия» того или иного человека. Как установилась, например, любовь Пушкина к няне и её к Пушкину. Как случилось, что возлюбленной вельможи – дворянина Шереметева стала Параша, дочь кузнеца. Законы человеческого сердца шире законов общественной жизни – это один из непреложных законов человеческого бытия. Свидетельством этого является, между прочим, жизнь Матрёны Сергеевны Уфимцевой, знаменитой кухмашерши с[ела] Русско-Теченского, Красноармейского района, Челябинской области.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 151-162.

Всего автор в течение 1960-х гг. составил 4 очерка, посвящённых М. С. Уфимцевой, которые находятся в составе «пермской коллекции»: в «Очерках по истории села Русская Теча Челябинской области» (1961 г.) (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 203-213 об.), «Очерках по истории Зауралья» (1961 г.) (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 16-24) и в составе «свердловской коллекции»: в «Автобиографических воспоминаниях» (1965 г.) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 151-162) и «Очерках по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии» (Часть V). (март 1966 г.) (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 382).

Татьяна Павловна [Клюхина]

[1961 г.]

Впервые я увидел её на качулях – гигантских шагах. В девушках её звали Танькой Постниковой. Она была дочерью теченского портного Павла Михайловича Постникова. Батюшка её был «русак», из «расейских», человек рослый, крепкого сложения, и она по батюшке выделялась среди других деревенских девушек ростом и крепкой фигурой. Сказать, что она была красавицей, значило бы перехвалить её, но черты её лица в некотором отношении были более правильными, чем у других, девушек, дочерей теченских аборигенов, особенно у тех из них, которые были чернявыми на манер Охони у Д. Н. Мамина-Сибиряка: в чертах их лиц видны были родимые пятна башкирского происхождения. Среди других девушек Татьяна выделялась своей степенностью и было заметно, что парни по отношению к ней вели себя более сдержанно, чем к другим девушкам.

Вскоре после того, как я встретил её на качулях мы узнали, что на ней женится сын нашего соседа Савелия Фёдоровича Клюхина Николай.

²²³⁶ «Пусть земля тебе будет пухом!»

Клюхины были тоже из «расейских», как и Постниковы. Николай был красавец собой – стройный и кудрявый парень, чуть смугловатый, и мы были довольны тем, что в соседях у нас появилась такая счастливая пара, заметная среди других по внешнему виду.

Когда Савелий ещё был жив, семья Клюхиных была зажиточной. Главной рабочей силой в семье был старший сын Савелия – Александр, а Николай старался не отставать от брата, но умер Савелий, а за ним через несколько лет и Александр. И тут обнаружилось, что Николай на работе был «тёплым» и хозяйство стремительно пошло к низу. Между тем у Александра осталась большая семья, а Татьяна не уступала жене Александра. Так, на наших глазах семья соседей стала бедной, но жизнь с соседями по-прежнему была дружной.²²³⁷ Часто мы обменивались взаимными услугами: то Татьяна придёт к нам занять опары на квашню, то мы обращаемся к ней с просьбой что-либо сделать по хозяйству и получалось так, что Татьяна почти каждый день бывала у нас за чем-либо. Особенно эти встречи участились после смерти нашего батюшки; наша матушка иногда прихворнёт, и Татьяна приходила подоить корову или ещё что-либо делать. Мы тоже старались чем-либо помочь Татьяне, когда вся тяжесть по семье легла на неё, потому что Николай уже не мог обеспечить семью. Так у одного из мальчиков её оказались полипы в носу, и мы с женой взяли его на операцию в Свердловск. Татьяна шила шубы и, можно сказать, одна уже тащила на своей спине семью. Николай поступил в конце концов в работники к Сугоякскому купцу Шишкину, дойдя, таким образом, до крайней черты, а Татьяна продолжала шить.²²³⁸

Произошла Октябрьская революция, и Николай умер, а на руках Татьяны остались ещё не пристроенные дети. Советская власть помогла ей устроить детей, но сама она продолжала работать не покладая рук.

Летом 1955 г. наши свердловские племянники Г[олико]вы уговорили меня поехать с ними в Течу на их «Москвиче». Перед этим я был в Тече в

---

²²³⁷ Из очерка «Татьяна Павловна» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В те времена никаких поощрений за деторождение не было: сама природа, если её, конечно, не ограничивать, дела[ла] своё дело. Получалось так, что жёны братьев пустились как бы в перегонку: если в этом году не «несла» Анна Петровна, но «несла» Татьяна Павловна и наоборот[от] и, наконец, бывало и так, что обе они «неслись» вместе. У Анны Петровны было уже шесть, а Татьяна Павловна выходила на четвёртого. На полатах в избе было уже тесно ребятам, когда умер старший брат, а ещё раньше умер и глава семьи – Савелий Фёдорович. Материальное положение семей братьев покачнулось, можно сказать, что семья разорилась» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 218.

²²³⁸ Там же: «Отец её – Павел Михайлович ... своих сына Андрея и дочь Татьяну обучил только скорняжному делу. Скорняжники брали подряды на пошивку на дому. Жилая изба в это время вся завалена была овчинами, в избе стоял отвратительный запах от овчин, грязь, пыль. В таких условиях приходилось работать. Таким ремеслом – скорняжничеством – Т. П. занималась до 75 лет» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 219 об.

1930 г., а с Татьяной виделся в последний раз в 1926 г. перед смертью нашей матушки: она тогда постоянно бывала у нас и помогала нашим сёстрам по хозяйству. За это время, т. е. за 29 лет мне от кого-то пришлось слышать о том, что в Тече при ломке церкви в тридцатых годах был «бабий бунт»: они не давали снимать с колокольни колокола, а вожаком бунта была она, Татьяна. И вот мне предстояло встретиться с ней через такое продолжительное время, да ещё после ужасной войны 1941-1945 гг.

Теперь уже не было дома по соседству с нашим домом, а Татьяна жила в Макаровке в купленном у своего брата Андрея каменном доме. Андрей после смерти жены Агафьи Николаевны снова женился и не стал жить в этом доме. Мне этот дом был хорошо знаком, потому что мы с женой были в нём накануне смерти Агафьи Николаевны. Кстати он был построен неподалёку от отцовского деревянного дома. Дом этот, как я заметил при посещении его, хорошо сохранился, но все службы – амбар, конюшни, баня, погреб – развалились.

Мы остановились у Андрея, а на другой день отправились в гости к Татьяне Павловне: она ещё накануне приходила к Андрею повидаться с нами и просила зайти к ней в гости. Она жила теперь со старшей дочерью Марией Николаевной, которую по старой привычке называла Машуткой. Я помнил Марию Николаевну ещё девочкой пяти-шести лет, когда один мальчишка из её двоюродных братьев на игре выткнул ей глаз, и она осталась кривой с катарактой на глазу на всю жизнь. Теперь она, проработавши несколько лет конюхом в колхозе, считалась на положении пенсионера без пенсии, так как в счёт пенсии ей засчитали небольшой отрезок огорода, который в другом случае следовало бы изъять из её пользования. Теперь Мария Николаевна была совсем больной и неспособной к труду, как говорила Татьяна о ней, стала совсем никудышной. Невольно при этом напрашивалось сравнение её с матерью, и оно было не в её пользу.

Чего-чего только не настряпала Татьяна Павловна для гостей: шаньги, разные пироги, заварные кральки.

«Ну, как же ты живёшь, Татьяна Павловна» - спросил я её, глядя на такую снесь с явным желанием похвалить её стряпню. «Да вот, живу – не тужу: хлеба за зиму заработала шитьём, в огороде всё растёт хорошо, кормлю поросёнка, есть гуси, куры, две козы». Потом она показала мешки с пшеницей в её кладовых, а во дворе гуляли курочки, слышалось хрюканье «дочки», а вечером она загоняла во двор гусей и козлушку с козлом. А было ей под восемьдесят, вся уже в морщинах, а руки узловатые и все вены на них, как шнурки и при всём торопливая, твёрдая походка, живой говорок и бодрый взгляд. Так и хотелось сказать, какая же ты молодчина, Татьяна Павловна!

Заглянул я в огород. Боже мой! Это было море зелени. Чего-чего тут не было: морковь, брюква, репа, свекла, помидоры и цветы – ноготки и васильки. В доме по-прежнему были «божницы» с иконами, но в кухне на столе был диск репродуктора, завешанный платком и электрическая

лампочка, но, как видно, не дающая света. Спрашиваю: почему завешен репродуктор? «Замолчал: да вот не понимаю, - говорит, что передают». Вижу, нет, новое ещё не пробило себе дорогу в сознание Татьяны. «А почему лампочка не работает?» - спрашиваю. «Да вот вон надо столб поставить, а денег на него нет», - следует ответ. Вижу: здесь тот же мотив, что и с репродуктором. Нет, Татьяна Павловна в плену прошлого.

Пошли мы с ней на могилу нашей матушки и по дороге занялись воспоминаниями. Вспомнила она и о качулях – гигантских шагах, и о том, что молодухой на Рождестве любила ходить ряженой. [Текст пропущен – ред.] Вспомнила о жизни по соседству с ними и пр. Дома уже перебрали мы с ней всю нашу и её родню и общих знакомых на селе. Рассказала она и о своей семье: один сын погиб на войне, один работал в шахте, одна дочь работала тоже на копиях. Были у неё даже внуки и правнуки. Я, признаться, был удивлён памятью Татьяны – насколько она у неё сохранилась, удивлён был также её живой речью, иногда с оттенком юмора.

На другой день утром мы уезжали в Свердловск, и я сидел уже в «Москвиче». Татьяне передаёт мне внушительный свёрток с гостинцами для Анны Фёдоровны. Гляжу: ещё тащит мешочек с сушёной земляникой. Взмолился: «Татьяна Павловна. Машина уже и так перегружена!» Где тут? Суёт и суёт. «Вот тут, - говорит – есть место, свези Анне Фёдоровне».

Приезжает она однажды к нам, в Свердловск из Уфалея, с горем. Там на излечении был её сын электромонтёр и находился в безнадёжном положении. Узнала, что вблизи нашей квартиры есть церковь на Ивановском кладбище и решила «причаститься». Расспросила, как пройти в «церкву». Я ей растолковал, но скоро вышел взглянуть, не заблудилась ли она. Вышел и смотрю: Татьяна уже «завастривает», едва её глазом «догонишь».

В Тече около неё сгруппировались ещё кое-кто из наших знакомых. Временами посылала письма, в которых сообщала о теченских новостях и в конце обязательно приписывала: «Ещё кланяются Вам по низкому поклону Мария Николаевна, Матрёна Сергеевна и Парасковья Петровна».

Как-то я её спросил, кто ей пишет письма. Она сказала, что пишет их одна внучка и призналась, что она тоже училась в школе и с любовью вспоминает об учительнице Елизавете Григорьевне, которая и меня тоже учила в школе. Захотелось ей похвастаться своей памятью и она прочитала молитву, которую читали в школе перед уроками: «Преплагий Господи! Ниспосли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующего и укрепляющего наши души, дабы внимая Твоему учению, возросли мы Тебе, нашему Учителю, во славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу». Я спросил её: «Почему же ты сама не пишешь писем?» Она призналась, что по окончании школы она и не читала и ничего не писала. Так учение её и осталось для неё мёртвым багажом.

В шестидесятых годах я посетил Течу последний раз и был опять у Татьяны Павловны. На этот раз у неё гостила дочь её Анна из Копейска близ Челябинска и двое внучат, женщина и мужчина. Анна была уже на пенсии, а

внуки работали. Анна одета была по-городски, но просто, а внуки одеты были уже по моде. Татьяна среди них со своим деревенским одеянием казалась каким-то анахронизмом. Так вот, встретились как бы два поколения теченских жителей: старого и нового, поскольку второе поколение по матери тоже было связано с Течей, да внуки и сами, часто бывая в Тече, считали себя теченскими. Я спросил внука Татьяны, кем он работает и он ответил, что работает шофёром, но одет был, как сказано, по последнему слову моды.

Мы с Татьяной опять отдали дань воспоминаниям. Я, между прочим, вспомнил об её муже Николае в предположении, что она, возможно, будет жаловаться на то, что он оказался пассивным по хозяйству, но она ни словом не обмолвилась об этом, но сообщила поразившую меня новость, что Николай не признал Советскую власть и с этим и умер.

Года два тому назад я узнал, что Татьяна Павловна переехала из Течи в Копейск к дочери Анне и что она частично парализована. Мне сообщили её адрес, и я написал ей письмо, но ответа не получил. Все мои попытки получить о ней сведения оказались неудачными, так что я и теперь не знаю, жива ли она или уже скончалась.

В моей памяти Татьяна Павловна Ключина сохранилась как женщина удивительной крепости и силы, добрейшей души.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 109-115.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Татьяна Павловна» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть IV. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 381).

Парасковья «коптельщица»

[1961 г.]

Для нас было полной загадкой: где она научилась этому мастерству и какие у ней были побуждения научиться этому делу, которое в крестьянстве у нас считалось совершенно не нужным. Кто у ней были клиенты? Незначительное количество сельской интеллигенции да лица духовного сословия. К этому нужно добавить, что копчёности у нас употреблялись только на закуску к выпивке и притом редко: на Рождество и Пасху. Коптить же отдавали гусей, уток, индеек, редко-редко окороки. Рыбу не коптили.

Её «производство» было устроено под сараем, без всякой вышки. Дым шёл на двор и за ограду.

Каково было её искусство? Всяко: иногда она коптила до горечи, так что трудно было понять, коптила ли она, или просто дымила свою продукцию. Конечно, ворчали, но другого специалиста не было: мирились, скрепя сердце,... снова сдавали. Хорошо быть единственным специалистом! Парасковья это хорошо понимала: «съедите да ещё «спасибо» скажете» - мыслила она. И она была права: так всегда бывает!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 322 об.-323.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Варвара Ивановна

[1961 г.]

В деревнях и раньше считалось и теперь считается, что огороды – посадка овощей, поливка, выращивание и большая часть уборки их – дело женское. Да собственно и делом-то настоящим, вероятно, не считалось: так, между прочим. Не потому ли продукты огородного производства не считались в наше время предметом купли и продажи. Приди к кому-нибудь и скажи: продай картошки или моркови, или свеклы, так получишь ответ: «да ты что – с ума сошёл; на, надо тебе сколько – или, набери в голбце». Мало ли кто сеял, или совсем не сеял, а огород – у всякого был не хуже, чем у других. Посмотрите-ка огороды в Тече, Черепановой или Баклановой по берегу реки, или в Кирдах – по берегу озера, и вы увидите море зелени. И всё это, главным образом, делали женские руки. Мужчины что делали? Исправят изгородь, вспашут, помогут огуречную гряду сделать – вот и всё! А посадить, сделавши гряды, поливать, полоть – всё это она должна сделать, да как сделать? Так сделать, что потом залюбуешься. Но зато ей, хозяйке, принадлежит право первой угостить кого-либо лакомством с её огорода – огурчиком, только что выглянувшим из-под листа. А она, эта хозяйка, добра, ой, добра! Угостить – это её дело!...

Нетерпеливый читатель может подумать, что речь идёт о встрече с Варварой Ивановной, как озаглавлен настоящий очерк, но автор должен, оговориться, что речь выше шла не лично о ней, а только о типе тех женщин, к которому она принадлежала. И жила В. И. не в самой Тече, а в деревне Баклановой Теченской волости в 2-3 верстах от Течи. В тот период жизни В. И., о котором идёт речь, она была уже на склоне лет. Она, правда, не дошла ещё до такого положения, про которое у нас в народе говорили: она стала уже «старушиться», т. е. лишилась полностью силы, и стала не способной ни к какой работе, но не могла уже выполнять и основные хозяйственные работы, как-то: косить, жать, ткать. Зато всю силу, ещё не растрченную совсем, всё увлечение трудом, которому она отдала свою жизнь, она перенесла на огород, на кропотливую работу в нём. С молодости она была девушкой, а потом и женщиной такой, каких у нас называют «могутными». Ей на редкость посчастливилось в семейной жизни. Правда, замуж её выдали, как у нас повелось исстари, а не сама она выбрала себе «суженого», но судьба как-то угадала её «судьбу»: в мужья её попался парень хороший – добрый по характеру, не баламут, не пьяница, а работающий. И вот когда они оба сильные, работающие взялись дружно за работу, то после «выдела» из семьи у них и дом появился под железом, с горницей и полное хозяйство. В. И. смотрела на свою жизнь и думала: «посчастливилось мне выйти замуж». Она не принадлежала к числу тех женщин, которые, бывало, проживут всю жизнь

с мужем не плохо, народят хороших детей, а всё своим подружкам-кумушкам на ухо нащёптывают: «Я не люблю его, а только боялась», или что-либо подобное. Если бы она могла выразиться на языке пушкинской Татьяны, то она могла бы сказать о своём Иване: «да, он был тот, кто в сновиденьях мне являлся», а не стала бы бубнить подобно старухе Лариной о привычке, которая «свыше нам дана» и которая «замена счастию она». Для неё семейное счастье раскрылось в труде, дружном, полностью занявшем её жизнь, и в спокойной жизни. А работать она умела. Возьмёт ли она в руки косу, или серп – работа кипит в её руках. Проведёт косой по траве – валки ложатся в струнку; на земле не оставит после косы ни травинки, как после бритвы у хорошего парикмахера. Возьмётся за серп – снопы то и дело становятся в шеренгу, как она пройдёт по полосе. Народила Ивану детей, воспитали их в крестьянском труде, парней женили, девок – выдали замуж. Иван умер – понадсадил, простудился. Жила она теперь у внучки, дочери старшего сына, в старом их семейном доме, а хозяйство вёл вошедший в дом внучки муж.

Как произошло наше знакомство с Варварой Ивановной – в памяти об этом ничего не сохранилось, но зато хорошо запомнилось то, что то через неделю, то через две она по воскресеньям приходила в церковь и до обедни заходила к нам. Придёт иногда с просьбой записать кого-либо в поминальник или «О здравии», или «За упокой».²²³⁹ Иногда приносила с собой кутью: чашку с варёной пшеницей с ложкой мёду, купленного у Новикова. Главное же было то, что в платочке она приносила тщательно завязанные то горох, то бобы, то огурчик – всё это по мере созревания у ней в огороде. А в Преображенье 6/VIII принесёт «синоворот» с мексиканскую шляпу, морковки, репки – жёлтые, сиреневые. В народе считалось, что «овоща» нужно потреблять с Преображенья и если иногда ещё можно было до него, так сказать, незаконно, фуксом сорвать морковку или репку, то подсолнух можно было «ломать» только с Преображенья, зато в Преображенье уже не увидишь ни парня, ни девки без «синоворота»,

Варвара Ивановна не раз приглашала нас в гости, в свой огород. И вот однажды экскурсия, наконец, состоялась. Была середина августа, и огород был в своём расцвете. Но здесь уместно воздать должную похвалу не только Варваре Ивановне за её огород, а всем вообще хозяйкам Зауралья, поскольку

---

²²³⁹ В очерке «Варвара Ивановна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Летом иногда заходили к нам деревенские тётушки, чаще всего, перед обедней, и просили или приписать кого-либо, или заново написать новый «поминальник». Никогда я не забуду, как с такой просьбой ко мне обратилась одна теченская тётушка и как я заполнял у ней в «поминальнике» графу «Об упокоении младенцев». Она бойко называла имена покойников до восьми, а потом стала задумываться, припомнила ещё двух и сказала: «больше не помню». «Сколько же их было у тебя всех» - спросил я, и она ответила: «восемнадцать». Позднее я узнал, что в живых у ней остался один сын, и он остался бездетным.

Вот так, вероятно, состоялось и наше знакомство с Варварой Ивановной // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 73.

огород её является типичным для всех других огородов; а, следовательно является типичным и по труду, вложенному в него любой хозяйкой нашего края. Нужно воздать похвалу и самому огороду, поскольку он, как и всякая другая вещь, является созданием рук человека. Огород, как создание преимущественно женских рук, в какой-то степени являлся отражением блика каждой хозяйки его. Перефразируя известное изречение: «скажи мне, что ты читаешь, а я тебе скажу, кто ты», можно было в данном случае сказать: «покажи мне огород какой-либо хозяйки, и я тебе скажу: кто она». Огород – это было не просто и не только хозяйственное предприятие, а это было художественное творение, в котором обязательно было соблюдение геометрических форм, симметрии и пр. Овощи в наших огородах высевались не в грунт, а в гряды; в огородах была грядковая посадка. А посмотрите на только что сделанные какой-либо хозяйкой грядки: без всяких геометрических приборов продолговатые четырёхугольники выведены в них с исключительной точностью, боровые стенки так «отшлёпаны» лопатками, что кажется, что грядки выгнуты из какой-то формы. Грядки расположены параллельно с такими интервалами, что кажется, что тут работал циркуль. Если по условиям рельефа местности требуется сделать грядки перпендикулярно другим, под прямым углом, то вы можете проверить циркулем прямой угол и убедитесь в точности построения угла. Когда через два месяца вы посмотрите на эти четырёхугольники, то вы увидите целый ковёр зелени, со строгим рисунком: вот морковь, а по краям бобы в цвету и от них идёт аромат; вот шапка гороха, укрепленного палочками; вот гармошка, а по краям неё репа, редька, брюква. Гряды и проходы между ними очищены от сорняка. Высятся великаны подсолнухи; зацветает мак. У некоторых хозяек, любительницы цветов, на грядках растут шафраны, коготки, васильки. Прясла скрыты от глаз высоким диким коноплём. В голове огорода на солнечной стороне – огуречная гряда, а по обочинам её сухие ветки берёзы, по близости кадушка с согретой солнцем водой. Иногда где-нибудь в углу огорода, ближе к реке, пристроился куст бузины. Днём в жар в огороде всё замерло, только бабочки перелетают с места на место. Вечером огороды оживают: то там, то здесь снуют хозяйки с вёдрами на коромыслах. Пора поливки огурцов, капусты. Ночью опять тишина. Падает роса, и все растения отдыхают.

Пришли мы в огород Варвары Ивановны, и не рады: уже полны карманы тем другим, уже в подолы рубах насованы морковки, репа, брюква, а она всё рвёт и рвёт с гряд разные овощи. Под мышками у нас не подсолнухи, а целые колёса, а она готова ещё чего-нибудь сунуть в руки. Откуда у ней и у всех них такая доброта?

Что же Варвара Ивановна приносила своим трудом в хозяйство?

Картошкой обычно засыпали весь голбец и яму, выкопанную где-либо под сараем. В те времена не различали у нас картошку по разным сортам: лорх, эпикур и пр. Из года в год садили один сорт – уральская роза. Моркови, репы, свёклы, брюквы хватало и на щи и на «парёнки». «Парёнки» - это

деревенские деликатес для ребят. Луку, капусты хватало на зиму. Редька! О ней были составлены стихи в прозе, настоящая ода: «редечка триха, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом» и т. д. Правда, и обидное о ней было сказано: «ись с людьми (*sic!*), а спать со свиньями». А любили её, ой, любили! Кровь полировала – так определяли её значение. Огурцы солили, ну, а горох, бобы, подсолнухи – это так просто, для баловства. Редиску, помидоры, сельдерей, петрушку не садили – это считалось барской утехой, баловством.

Человек и природа взаимодействуют друг на друга. Это взаимодействие раскрывается в деятельности человека, в разнообразном её проявлении. Бывает так, что это взаимодействие принимает характер постоянных связей, и в этом случае какое-либо явление природы обязательно вызывает образ человека, связанного с ним, и, наоборот, в связи с образом человека обязательно возникают в представлении известные картины природы. Так, говоря о русском лесе, мы вызываем образы художника ... Шишкина и писателя Леонова; с другой стороны, говоря о Куинджи, Левитане, Мясоедове, мы будем представлять родные русские пейзажи, в которых вскрыта лирика русской природы. Это явление, как известно, называется в науке ассоциацией. Вот также точно в нашей памяти образ Варвары Ивановны ассоциируется с картиной зауральского огорода, живого нерва деревенской жизни. И стоит она перед нами высокая, всё ещё крепкая, прямая, с открытым лицом, добрыми глазами и без конца предлагает все выращенные ею деревенские деликатесы: огурчики, репки, морковки и синовороты. Добра, бесконечно добра!»²²⁴⁰

---

²²⁴⁰ Из очерка «Варвара Ивановна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Варвара Ивановна родилась и воспитывалась в семье, где все члены семьи, в меру своих сил и способностей участвовали в труде, и где необходимость труда всеми была осознана. В семье все были подчинены определённой системе труда. Семейный уклад отводил девочке тоже последовательный курс обучения труду, по завершении которого она признавалась подготовленной к жизни, конкретно – к выходу замуж. Самым ответственным периодом для этого являлись годы с 14 до 18, когда девочка должна была обучиться основным крестьянским работам: косить, жать, ткать, шить и пр. Готовить пищу исподволь, т. е. постепенно входила в обязанности девочки даже с более раннего возраста. Уже девушкой Варвара Ивановна была известна в своей деревне, как мастерица и трудолюбивая. Про неё можно было выразиться словами Н. А. Некрасова: «работать, ух, сердита».

... В семье у неё привили любовь к труду, и она стала понимать, что главное в жизни это – труд.

Она знала, что её как и других деревенских девушек выдадут замуж, но относилась к этому спокойно, думала: только бы он был работающим, а об остальном, дескать, они «споются... И ей посчастливилось: «суженый» её оказался «работягой». Как только тесно стало жить в избе его батюшки, они выделились, кое-что получили, но главная надежда у них была на свои руки... Варвара Ивановна со всем справлялась, а как стали подрастать дети, они с мужем приучили их к труду. Одно было плохо: в деревне не было школы – детей не учили. Не удалось сберечь всех детей: летом во время страды умирали. Мы познакомились с Варварой Ивановной, когда на руках у неё осталась не пристроенной

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 374-380 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Варвара Ивановна» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть IV. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 381).

Парасковья «Рожкова»

[1961 г.]

«... долюшка женская...»

Н. А. Некрасов.

«Рожковы» - это было их семейной прозвище, а фамилия была Южаковы. Прозвища, однако, в нашем селе да и в других сёлах и деревнях нашего Зауралья чаще были в употреблении, чем фамилии: последние прилагались к именам только тех людей, семьи которых не имели прозвищ.

«Рожковы» были нашими соседями. В семьях – нашей и у них – получилось так, что мальчики были однолетками, или почти однолетками, что и обусловило дружбу, причём у моего брата Ивана, который был старше меня на четыре года, друзьями были Ванька и Васька, а моим другом был Санко. Названия – Васька, Ванька, Санко и подобные на нашем детском языке имели все оттенки значения: и общее значение собственное и уменьшительное, и ласкательное; одним словом они выражали наши дружественные отношения.

Известно, что дети отличаются наблюдательностью, и то, о чём речь будет ниже, как раз и является результатом детской наблюдательности автора настоящего очерка. В те отдалённые времена, в детском возрасте, эти наблюдения были просто безотчётными, без раздумий по поводу них, но со временем, особенно в пору, когда они предстали в качестве материала для размышления на темы социальных отношений, они явились как бы азбукой для понимания этих отношений, а также наглядной их иллюстрацией. В этом и состоит назначение настоящего очерка.²²⁴¹

последняя дочка пятнадцати лет. Один парень уже был в разделе. Две дочери были выданы замуж, а младший парень был женат и готовился принять отцовские наследства. Муж её крепкий мужик, однако, понемногу вводил в курс хозяйствования своего сына. Варвара всё ещё была крепкой женщиной – работала в огороде, пряла, ткала, но полевые работы уже для неё были тяжелы и они ложились на плечи снохи.

Для нас знакомство с семьёй Варвары Ивановны имело познавательное значение: мы видели, как складывалась жизнь в Зауралье, у работающей крестьянской семьи среднего достатка» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 76-78.

²²⁴¹ Из очерка «Парасковья «Рожкова» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Их изба находилась на северной окраине Горюшек у обрыва. Мимо неё мы, мальчишки бегали купаться на «свой» берег. Спуск с горы здесь был крутой и неудобный для проезда; по нему только можно было проходить к

Парасковья приходила к нам время от времени помогать нашей матушке, так как семья у нас была большая, и матушка просто физически не справлялась с семейными работами. Она помогала, например, нашей матушке стирать бельё. Гардероб каждого из нас был не столь уже богатый, но при наличии 8-9 человек в семье белья скапливалось много, и одна матушка не могла справиться со стиркой. В таких случаях матушка с Парасковьей с ворохом белья и двумя корытами – железными и деревянными, удалялись в баню и там стирали. Полоскать бельё и летом и зимой возили на реку, причём зимой полоскали в проруби, едва защищённой от ветра, голыми руками в холодной воде. Так уже заведено было у нас. Не удивительно, поэтому, что у многих женщин был ревматизм рук. Помогала также Парасковья полоть в огороде, рубить (шинковать) капусту при засолке, общипывать гусей при массовом колотье их и «чередить» их, т. е. обжигать от остатков пуха на их тушах после общипывания. По существующей теперь терминологии она относилась, таким образом, к категории разнорабочих.

Мы, как видно из сказанного, имели возможность знакомиться с жизнью Парасковьи при посещении ею нашего дома, а ещё более в её семейных бытовых условиях, так как были постоянными посетителями их избы, а иногда часами торчали в ней, залезали зимой на печку и полаты для игр со своими друзьями. Тогда мы не понимали, что именно мы наблюдали в этой семье, какие бытовые явления в ней, и только позднее узнали, что мы были свидетелями постепенного обеднения (пауперизации) этой семьи и особенно свидетелями того, в каких условиях в этом случае оказалась женщина-хозяйка, мать значительной по количеству семьи.

Муж Парасковьи – Вениамин Георгиевич – или, как его короче называли, Вен Егорыч, а иногда просто «рожок», относился к той категории деревенских мужичков дореволюционного времени, которых один из персонажей рассказа А. П. Чехова «Мужики» назвал «недобытчиками». Правда, он из дома ничего не вытаскивал, как те, например, на пьянку, но и сам мало что добывал к дому, а семья росла. Отчасти это получилось от того, что он был физически неполноценным: слабо развит, прихрамывал, но к тому же и поленивался в недозволенную меру. Что говорить, вид у него был непрезентабельный, и прозвище «рожок» так созвучное с прозвищем «Сучок» у одного из персонажей рассказа И. С. Тургенева «Льгов», в какой-то степени характеризовало его наружный вид. Как часто бывает у людей

реке мимо огородов, расположенных в её пойме. Изба стояла не у самой дороги, как другие, а отступя от неё метров на пятнадцать, а перед ней была площадка между строениями Пимена Ключина и Василия Кокшарова. Эта площадка была излюбленным местом наших детских игр: шариком, «конями-ворами» и «мячом-царём». С семьёй этих Южаковых у меня и брата Ивана была тесная связь, потому что в ней были наши детские друзья одногодки: у брата – Ванька и Васька, а у меня – Санко. Мы часто бывали в их избе, а на дворе играли в прятки. Это знакомство для нас было очень поучительным: мы наблюдали здесь крестьянскую жизнь со всеми её перипетиями» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 79.

такого типа, он, как и другие, вероятно, чтобы компенсировать свою физическую неполноценность, любил «хорозориться» - «надуваться», кричать, как говорят «трещать». Кто, например, больше всех кричал, выступал с критикой, требовал и т. д. на сходах? Это – Вен Егорыч! Он именно был бессменным в буквальном смысле слова «орателем» на сходах.²²⁴² Такой же у него был стиль отношения и к Парасковье. Не будучи в состоянии обеспечить семью, он к тому же ещё страдал амбицией – считал унижительным для престижа семьи её подённую работу: иногда он подходил к нашему дому, когда она у нас была на какой-либо работе и кричал, чтобы она шла домой: «Эх, Параня, Параня, не стыдно тебе ...» - кричал он. В домашних условиях он тоже всячески хорохорился над своей Параней, а она упорно терпела по закону: «жена да боится своего мужа». Только разве когда будет уже совсем невтерпёж, скажет: «будет тебе...»

Была она женщина, как говорили у нас, «могутная». В свои 35-40 лет она была в полном расцвете сил, сохранила свою красоту. Бывало, зимой мы рано приходили к ним в избу и наблюдали, как она «командовала» у печи: ставила в неё чугуны, горшки, ставила самовар, пекла лепёшки и т. д. Пламя из печки освещало её могучую фигуру, её лицо круглое, без морщинок. Временами она подтыкала за платок непослушные волосы. Все её движения были энергичными, «ладными», «круглыми». В детстве мы, конечно, не могли это всё определить и оценить, как проявление красоты, но потом, позднее, когда уже у нас появлялись элементарные представления о красоте и когда, например, в художественной литературе мы читали о красоте русской женщины у Пушкина, Некрасова и т. д., то наше воображение обращалось к ней, Парасковье, и казалось, что известные слова Н. А. Некрасова: «Есть женщины в русских селениях...» относились, между прочим, и к ней.

Народила Парасковья своему «рожку» четыре сыновей и одну дочь. Передала им свою натуру – крепкую, здоровую. Особенно удалась Анка – всё в неё, в точности воспроизведя её девичью красоту. И вот, когда семья определилась в таком составе, процесс обеднения уже завершился. Когда Парасковью выдавали замуж за Вениамина Егоровича, то живы были ещё старики и родовое хозяйство «Рожковых» было единым. Коренником по ведению хозяйства был брат Вениамина Алексей. При нём и Вениамин «тянулся» в работе, хотя и не представлял полновесной силы. Но вот старики умерли, брат Алексей ушёл в раздел, пришли голодные годы, и хозяйство «Рожковых» стало стремительно таять. «Проели» горницу – клеть, в которой

---

²²⁴² Из очерка «Парасковья «Рожкова» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Особенно крикливым он был на сельских сходах. Чей голос на них было больше всего слышно? Вена Егорыча. Выступал он всегда с критикой, кстати и не кстати, бестолково и вызывал только смех. Впрочем, его считали активистом и выбирали на разные общественные должности – в каморники, назёмные старосты и пр., от которых всякий старался «отбояриться» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 80.

обычно хранились сундуки с «одёжок» и приданым – половиками, полотенцами и пр. «Проели» срубы хозяйственных построек, полученные ещё в наследство от стариков. В хозяйстве ещё оставались две лошади, коровы, курицы. Около дома сохранился только пригон, сделанный из жердей с соломой между изгородью. Пытался Вениамин спариваться с другим таким же маломощным хозяином по обработке земли, но напарник скоро убеждался в невыгодности такого «альянса» в виду физической слабости «рожка» и его хозяйства и отказывался от совместной обработки земли. Сыновья были ещё малыми, и вот хозяйство полностью развалилось. Нашёлся «благодетель», который прибрал к рукам землю. Всю свою нерастраченную ещё полностью силу Парасковья бросила на огород. Изба у них стояла на крутом обрыве у спуска к реке, а в пойме у реки был огород. Здесь было её «царство». Сюда она уходила отдохнуть от постоянного ворчания и брюзжания своего «рожка». Душа её требовала работы, и здесь она в жаркие летние дни под лучами палящего солнца полдела, а под вечер, когда жар спадал, поливала огурцы, капусту, а в засуху и другие огородные растения. Кто ни проходил мимо её огорода, бывало, с восхищением заглядывался на него в пору, когда расцветали подсолнечники, на нашем деревенском языке «синовороты», расцветал мак, а кое-где по обочинам гряд желтели ноготки. Чего только не было в её огороде? Горох, бобы, морковь, репа, брюква, лук, картошка, подсолнухи. Принесёт, бывало, она из огорода в подоткнутом подоле своей юбки ребятам своим гороховых и бобовых стручьев: «нате, наслаждайтесь!» Или проходит, бывало, мимо её огорода, и вот слышится её голос: «Васинья, подойди сюда – я тебя угошшу» и подаст ароматный огурец. А зимой, бывало, сидишь у них в избе в обеденное время: все сядут за стол, и она поставит на него целый чугунок дымящихся парёнок. Тут и свекла, и морковь, и брюква, и репа. Изба наполняется ароматом от такого букета сваренных овощей. А «он» всё равно брюзжит и поедом ест свою Параню: то ему не ладно, другое – не ладно, а сам уже совсем «оторвался от земли» - работал «каморником» при «каталажке». Что он мог принести при этой работе в семью? А ребята росли, и нужно было что-то делать с ними. Своего хозяйства уже не было, и пришлось отдавать их на работу в чужие руки. Подрос старший – Иван – для работы борновоолоком отдали его дальней родне на эту работу, а потом, когда он физически окреп, пошёл в работники. Подрос второй – Василий – отправили в «казаки», в одну из казачьих станиц около Челябинска тоже на разные мелкие работы в детстве, а потом и в работники.²²⁴³ Эти царские «служаки», пожизненное царское войско, которым дано было нашими мужичками прозвище «кошма», имели большие наделы земли, сами не вели хозяйство, летом собирались на

---

²²⁴³ Из очерка «Парасковья «Рожкова» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «В семью он больше не вернулся: женился потом на какой-то вдове, ушёл к ней в дом. Вен при отдаче его в люди договаривался, чтобы его оставшейся семье давали хлеба» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 81.

«сборы»), а хозяйство вели казачки. К ним в помощь и поступали наши васильи.

Плакала Парасковья, расставаясь с сыновьями, старалась чем-нибудь «ублажить» их при расставании: подработает где-либо на подённой работе денег, купит кумачового ситца на рубаху и какого-либо корту или плису на штаны и сошьёт из них обновки для своих улетающих птенцов.

Подошла пора расставаться и с Анкой, по годам она уже «заневестилась», а по «достаткам», необходимым для признания её в таком «звании», нет: у людей в этом случае готовили для невесты приданое: шили шубы, ботинки, сарафаны, рубахи и пр. А для неё ничего не готовили: у Анки ничего не было. Что из того, что сама она была девкой на заглядение: статная красавица и на работе проворная и удалая, но закон быта гласил: без приданого девка, что соловей без голоса. Дедами было установлено выдавать девку за «ровню», а если, случалось, что кто-либо из бедных присватывался к богатой невесте, то получал от родителей её красноречивый ответ: «нет, парень: запрягай дровни да поезжай за ровней!» Были два вида поисков «ровни» по окружным деревням: или поиски богатой «ровни», или, наоборот, бедной. Анку нашла для себя «ровней» одна семейка из соседней деревни Теренкулей. Горючие слёзы проливала Парасковья на расплёте Анкиной рыжеватой косы. Плакала и причитала, вспоминала своё девичество, оплакивала свою горькую жизнь в замужестве с «рожком», боялась за Анку, как бы и ей не «приключилась» такая жизнь. И вот не стало Анки: без всякого свадебного шума Анку увезли в Теренкули. Парасковья как бы окаменела, замкнулась в себе, «ушла в себя». И раньше от «жизни такой» она не отличалась весёлостью и жизнерадостным настроением, а теперь и тем более. Голову стала склонять всё ниже и ниже. Смотришь, бывало, как она в обществе трёх или четырёх других своих подружек на станке мнёт сухую коноплю или лён: шум стоит от станков, пыль летит во все стороны, весёлая болтовня не умолкает у подруг, а она как воды в рот набрала молчит, хотя станок её и энергичнее постукивает, чем у других. Деревенские мальчишки! Подчас мы со своим детским любопытством и ненасытными по наблюдению за окружающим миром глазами лезли туда, куда было противопоказано нам смотреть, например, как «справляли» бабье лето наши соседки: «гуляли», пили водку, пели песни, причём не обходилось и без некоторых бабьих непристойностей. В этой компании Парасковьи не было. «Она, как очумелая» - так говорили про неё соседи. На руках Парасковьи оставались ещё двое: самый младший – Егорко и предпоследний – друг мой Санко. Вениамина Егоровича общество избрало на вновь учинённую должность в назёмного старосты по надзору за горами назёма [навоза – ред.], который окружал село и который злонамеренные люди стали поджигать с целью вызвать пожары в селе. «Г...нный староста» - так именовали его злые языки. С годами он всё больше и больше приобретал на самом деле форму рожка: сутулился, опускал ниже голову, бородёнка у него превратилась в вехотку, волосы повылезали, но всё продолжал петушиться и «галиться» над своей Параней.

На его стороне был закон: он муж, а в законе этом было сказано: «жена да боится своего мужа». Парасковья, выдав Анку замуж, погоревала, поскучала, а потом с удвоенной силой принялась «выхаживать» своих оставшихся птенцов.

Так «вековала» свой век наша соседка Парасковья «Рожкова», «Параня» Вениамина Егоровича Южакова.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 754-763 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Яша-зеленика

[1965 г.]

Ох, и живуч этот гоголевский Хлестаков в душе человеческой! Где только и при каких обстоятельствах он не высунет своё мурло! Гоголевского Хлестакова, как известно, воспитал таковым мир николаевского столичного чиновничества, а поводом к проявлению его такого духа послужила встреча его с уездными чиновниками, развращёнными всей системой государственного устройства Николая Палкина, как называл Николая I Л. Н. Толстой.

Яша явился таковым с японской войны. Соберётся около него кружок соседей, и кто-нибудь подзадорит его рассказать о том, как он воевал и остался живым, и Яков начинал хвастаться. Куда тут Ивану Александровичу с рассказами о Пушкине или каком-либо иностранном посланнике! Яша брал глубже, фантастичнее. Вот, например, он говорил о том, как он спасался от пуль. «Слышу – говорил он – жужжит она над головой... вз...вз...присяду. Али – слышу, пожужжит слева, враз отклонюсь». И он показывал, как он это делал. А однажды он совсем потерял контроль над своей фантазией и сказал: «Вот вижу, бомба оторвала голову одному солдатику, а я не растерялся, схватил её, как арбуз, и насадил её ему на шею». Слушатели ахнули! Но среди них нашёлся один остряк, который решил высмеять это хвастовство Якова и сказал: «Это – что за чудо ты, Яков, рассказал, а вот ты послушай, какое чудо произошло с одним человеком: он проглотил серебряный рубль, а вышло ... пяточками». Трудно, вероятно, было угадать, понял ли он в этом иронию над его хвастовством. В отличие от гоголевского Хлестакова Яша хвастался бескорыстно и, в общем, не так часто.

Жил он на Горушках, имел избёнку и жену Катерину и больше ничего. Такое наследство он получил от родителей, и решили они с Катериной пойти к протоиерею: он – в работники, а она в стряпки. И вот здесь Яша проявил новое, не менее яркое качество своей души: он выступил в роли Отелло. Кто-то шепнул ему: «Смотри, Яков, твоя-то Катька с попятями тово...» А ему как раз больше приходилось бывать в отлучке от жены в поле. Озверел Яков. Напьётся пьяный и начинает «галиться» над Катериной. Сначала по «словесности»: «ах, ты такая-сякая растак-твою и в Бога, и в душу», а потом

переходил и на «артикулы»: ручные – по лицу, голове, ножные – в то место, из которого человек появлялся на «божий свет». Зверел и зверствовал Яков, а того и не подумал, что на его Катерину и «зариться» то было не на что, потому что и бабьего то в ней ничего не было: кости да кожа, запуганное, забитое существо, морная – она могла возбудить к себе только жалость и к тому же держала себя строго... ни-ни. Но ревность слепа... Протоиерейские молодцы иногда из жалости заступятся за Катерину, но это подливало ещё больше масла в душу буяна. «А вы ещё заступаетесь за неё, значит...», и мысль Якова ещё дальше уводили его в сторону ревности.

Однажды смотрю, в праздник двое из «бирючат», взявши – один за одну руку, а другой – за другую, волочат по земле к волости какую-то тушу, опрокинутую на спину. Оказалось – это волочили Яшу в каталажку: он чуть не убил пьяный Катерину, и его направляли в «отрезвитель».

Я не смог проследить дальнейшую судьбу Яши, и в моей памяти он остался в том роковом виде, в каком он описан в этом рассказе. Мне были известны ещё случаи зверского избиения жён некоторыми теченскими мужичками. Один из них мной описан в рассказе «Парунька сугоякская». Из воспоминаний детства в моей памяти сохранилось ещё одно событие, которое и теперь ещё так и стоит перед моими глазами: случай жестокого избиения одной женщины её благоверным супругом. Играли мы, мальчишки 7-8 лет, у ворот своего дома за оградой. Мимо проходила парочка пьяных в обнимку. Шли они и пели песни, дружно, как голубки. Вдруг он стал бить её. Что он только делал: таскал её за волосы на пыльной дороге, топтал ножищами. Мы сбежались на защиту жертвы, но реакция на нашу защиту последовала неожиданная для нас: «она», вся избитая, грязная кинулась с кулаками на нас и ругала нас крепкими словами.

Этот случай помог мне много позднее понять одни из жестоких тезисов философии деревенских женщин: если муж ревнует и бьёт – значит – любит. А какая это любовь, если он не ревнует и не бьёт?

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 34 об.-37 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Катерина Ивановна [Бородулина]

[1961 г.]

Её знали все в нашем селе и называли только так: Катерина Ивановна. Если бы кто-нибудь почему-либо решился назвать её иначе, скажем, Катерина Бородулина, присоединив к её имени не то фамилию, не то прозвище, то этим он, во-первых, затруднил у другого человека возникновение её образа, а, во-вторых, отозвался бы о ней в обидной для неё форме, употребив как бы прозвище, в котором всегда есть оттенок унижения, насмешки над человеком. Наименование её Катерина Ивановна было её общественным именем, нормой, узаконенной деревенским обществом. На

примере этого имени можно вскрыть тайну создания названия кого-либо народной молвой, народным творчеством. «Каким образом создавалось общественное имя у женщины – крестьянки в дореволюционное время?» Чаще всего у нас давались названия – клички, прозвища, например: Парасковья «Рожкова», Анна «зеленика» и пр. По отношению к Катерине Ивановне этот приём был исключён. Названия по профессии, например: Марья-прачка, Парасковья-коптельщица и пр. Этот приём был признан тоже не подходящим. По территориальному происхождению, например: Настенька черепановская, Парунька сугоякская и пр. Этот вариант тоже не был принят, а принят был вариант из имени и отчества. Как создавался вариант из имени и отчества, по каким мотивам? При этом варианте всегда отмечалось какое-либо особое качество носителя имени, особое уважение к нему, и его заслугам, например: Матрёну Сергеевну Уфимцеву именовали так за то, что она была знаменитой кулинаркой, Татьяну Павловну Постникову и Марфу Васильевну Попову – за то, что они были замечательными швеями. Называли по имени и отчеству некоторых женщин, так сказать, отражению – от названия их мужей, например: Марью Егоровну Новикову так именовали, потому что муж её был купец; Анну Ивановну Миронову, потому что муж её был видный негоциант. Ни один из этих мотивов не был подходящим для того, чтобы назвать Катерину Ивановну. В её природе и её облике была только одна особенность, которая резко бросалась всем в глаза и по которой можно было бы ей дать кличку, а именно: у неё было густо смуглое лицо, что было редкостью у нас и, кстати сказать, такой цвет лица был не в почёте. Её можно было бы назвать цыганкой, какую кличку дали, например, Курбатовым в деревне Черепановой, а вот её не называли, и это тоже показательно для её названия. Стандартное имя «Катерина Ивановна» было дано ей только за её внутренние душевные качества, в знак уважения к её человеческим достоинствам. На деревне это было не частным явлением, зато оно было показательным для характеристики общественных отношений в деревенской общине. Катерина Ивановна относилась к категории тех деревенских женщин, которые так восславил Н. А. Некрасов в своих стихотворениях, восславил их душевную красоту, богатство их души, природное благородство, сознание своего достоинства, ту черту в отношениях к другим людям, которая называется важеватостью, которая возбуждает уважение к носителю её. Непременным качеством людей этого типа являлось признанием у них ясного практического склада ума, сметливости, справедливости, в отношении к другим, нравственной чистоты, всего того, что создаёт авторитет человека. Не важно, какую общественную роль выполняет этот человек в данный момент. Она может быть и незначительной, но наступит такой момент, когда этот человек за его внутренние качества будет выдвинут на авансцену, и общество поручит ему

такое дело, которое только ему можно доверить. Так именно и было с Катериной Ивановной.²²⁴⁴

Мы знали её ещё до Октябрьской революции: она приходила к нам помогать нашей матушке на смену Парасковье «Рожковой». Она была тогда ещё незаметной по общественному положению деревенской женщиной, но уже с именем – «Катерина Ивановна». После революции выдвинули её на общественную работу по «женотделу», партийная организация села воспитала её и название «Катерина Ивановна» получило новое, более полное звучание, как название видного деятеля на селе.²²⁴⁵

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 764-766 об.

Бутины – отец и дочь

[1965 г.]

Бутины жили недалеко от нас. Если сказать по-городскому, то в каком-нибудь квартале от нашего дома. Если выйдешь в направлении беликульской дороги, то при повороте на шарковскую дорогу, на которой было наше гумно, на самом углу справа и стоял их дом под деревянной крышей, с глухими тёсовыми воротами, густо просмоленными и с двухскатной в поларшина крышей. Все «службы» были подведены под одну крышу, дерновую, с проросшей на ней полыньёю и прижаты к дому так, что ограда была

---

²²⁴⁴ Из очерка «Катерина Ивановна» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Шли к ней, потому что у ней был трезвый склад ума, спокойный и выдержанный характер. Она неторопливо обдумывала то, о чём её спрашивали, прикидывала и так, и сяк, и, наконец, выносила своё решение. Она никогда не потакала слабостям другого и говорила прямо иногда горькую правду, но никто не обижался на это, потому что, понимали, что она говорила правду и только в интересах другого человека. Никто не сомневался в её доброте и честности. Все знали, что в трудную минуту она никому не откажет в помощи, чем только может» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 11-11 об.

²²⁴⁵ Там же: «У ней в характере не было склонности к ханжеству, как у некоторых других. Она не отступала от норм деревенского быта: соблюдала посты, в праздники ходила в церковь, но не была увлечена всем этим до фанатизма: она всё это выполняла в силу с детства привитой привычки, ни разу ещё просто не задумавшись над тем, что это и к чему. В её душе оставалась ещё такая область, которая просто не затронута была её мыслью, была, так сказать, нетронутой целиной: всё было уложено в привычном порядке, и ничто пока не нарушало этого порядка. Но когда прошла революционная гроза, в её сознании легче, чем в сознании какой-либо другой женщины деревенского типа, новое, что принесла эта гроза, нашло себе место: её трезвый склад ума подсказал ей, что только теперь она может раскрыть то богатство души, которым наградила её природа. К ней снова потянулись люди за советом, чтобы разобраться в новой обстановке, а особенно женщины, и она снова для них явилась Катериной Ивановной, но в новых условиях жизни. Она явилась для теченских женщин не избранной, но признанной делегаткой их по всем вопросам их жизни. Там, где она не в силах была перебороть старое, веками укоренившееся зло, она старалась победить его, или, по крайней мере, смягчить добротой своей души» // Там же. Л. 12-13.

маленькой. Странное впечатление оставляло это строение: оно казалось как бы выморочным – ворота не открывались, около усадьбы не было обычного движения, даже не видно было детей, которые обычно играли у других домов. Хозяина тоже редко было видно; он ухитрялся как-то так вести своё хозяйство, что как-бы скрывался где-то внутри своего «замка». Даже колодец у него был где-то в огороде, так что за водой не нужно было ходить или ездить на речку. Хозяин был как-бы под шапкой-невидимкой.

Только однажды он шумно заявил о своем существовании и возбудил много толков и перетолков о случившемся с ним событии. Был у него любимый саврасый конёк, которого он сам вырастил, берёг его и не забивал работой.

И вот однажды он повёз на нём просфорню Марию Ивановну Мамину не то в Верх-Течу, не то в Далматов на какой-то праздник. Когда при возвращении ехали по Тече, конь закусил удила и понёс, сорвав управление им. Жители Течи были свидетелями ужасной картины: конь вихрем мчал по селу коробок, Сергей (хозяин) тянул вожжи, но безуспешно. Фуражка с головы у него слетела, волосы трепались, борода разделилась на две половины и тоже трепалась. Мария Ивановна замерла от ужаса и кричала: «Спасите, спасите!»

Конь остановился только при выезде из села. Злые языки потом говорили, что Сергей сам подстроил это, подщекотав коня перед въездом в село, чтобы «фарснуть» - дескать, «знай наших».

У него была единственная дочь – Агафья-Ганя. Жена [Дарья] была ограничена в движениях после какой-то болезни. В этом и была разгадка того, что строение казалось выморочным: некому было оживлять его. Оставался неясным вопрос: почему Агафью называли Ганей и даже Ганечкой. На селе не одна она была названа Агафьей, и таких чаще звали – Огашками, а тут – извольте – Ганя. На селе вообще не любили разбрасываться ласкательными и уменьшительными словами. Были Таньки, Паруньки, Саньки, и считалось, что в этих словах достаточно скрыто ласки. «Грешили» на то, что Агафья была в услужении у жены земского начальника – земчихи и та назвала её Ганей, а кто-то подслушал это слово как прозвище ... и пошла писать. Другие возражали и законно: Агафья не была в услужении у земчихи. Спорщики сошлись на том, что, наверно, Агафья родилась под счастливой звездой, и вот-вот это объявится в её судьбе. Не иначе, что у Агафьи проявится какой-нибудь «талант».

«Талант» у Агафьи объявился при советской власти, когда она была уже замужем, бабой деревенской.

После коренного переворота в деревне [19]30-х годов пошли разные перемены: в Тече организованы были для детей ясли и детсад. Летом на Красной горке был организован пионерский лагерь. В Бродокалмаке выстроен хлебозавод, и в Течу привозили выпеченный хлеб. В селе построили столовую-буфет. В народном доме была открыта библиотека. Часто стала приезжать кинопередвижка, артисты. По Тече то и дело сновали

автомашины на Челябинск, Шадринск и другие пункты. Стали проникать и физкультурные веяния: у кого-то из молодёжи появился футбольный мяч, предвестник матчей. Деревня, одним словом, перестраивалась и подтягивалась к жизни города. И вот где-то в «верхах» однажды решили устроить физкультурные соревнования в беге для женщин. Это была смелая мысль: сидевших ранее за прятками и кроссами поставить на бег, это в умах скептиков значило поставить на посмешище. Были сомнения и колебания, но решили рискнуть. Учредили премию: ситцевый головной платок. По тем временам это была не безделушка: деревня всё испытывала мануфактурный голод.²²⁴⁶

И вот на состязание с некоторым смущением, а то и подталкиванием [выходили] девахи побойчее и ... тут все ахнули: вышла Ганя. Поднялся смех, остроты, замечания. Дистанция была назначена солидной – по-деревенски. Дали сигнал, и соревнующиеся ринулись в бой. Начались крики: «Машка, поддай», «Настя, не поддавайся» и пр. Болельщики везде болельщики – кричат, свистят. У Гани была нелёгкая задача – обогнать девчонок моложе её, но зато она была опытнее и знала лучше свои силы, а бегать ей иногда и раньше приходилось: в деревне всегда для этого найдутся поводы. Она держалась на некотором расстоянии от других сзади, а когда уже близко была точка финиша, собрала силы, и когда соперницы уже бежали запыхавшись с открытыми ртами и высунутыми языками, ровным аллюром пересекла линию финиша. Что тут было! Крики: «Ай, да баба, девкам нос утерла! Молодец, молодец!». Учредители состязания хотели придать своему первому опыту в этом деле вид настоящего, строго, по всем правилам организованного состязания, т. е. чтобы и «чимпиён» у них был, и объявили таковым Ганю. Так, она и вошла в историю Течи: первый чемпион по состязаниям в беге среди теченских скороходов.

Это и была та счастливая звезда Гани, о которой гадали для объяснения её ласкательного имени «Ганя» некоторые придирчивые «филологи» Течи. Позднее оказалось, что проблема эта разрешалась гораздо проще: её «хрестна» работала когда-то в няньках в Челябинске, наслушалась «барской» речи, барских названий детей и обмолвилась как-то назвав её Ганей. Слово это подхватили, и оно пошло в оборот. Так, было однажды некую Валерию

---

²²⁴⁶ Из очерка «Ганя» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Шире-дальше – решили устроить соревнование в беге в годовщину Октября. Идея была смелой, и некоторые скептики говорили: «ничего не будет!» Но нашлись люди с инициативой – энтузиасты. В помощь себе пригласили руководителя из городской комсомольской организации. Раздобыли кое-что для премирования победителей: платок – первая премия, кусок мыла – вторая премия и тюричок ниток – третья премия. Самым главным в затее организации соревнования было то, что она рассчитана была на представительниц «прекрасного пола». Вывесили афиши, и тут «пошла плясать губерния». Представительницы старого поколения подняли шум в адрес организаторов. «что они с ума что ли сошли?!» - понеслось в их адрес» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 32-33.

называли Ясей, а когда спросили, почему её так называют – последовал ответ: так она сама себя называла в детстве.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 7-17 (рукопись), 112-116 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Смерть Катерины Ивановны

[1965 г.]

*«...Земля еси, и в землю отыдеши,
а може все человецы пойдём...!»*

У нас, в селе, были известны две Катерины Ивановны: одна по прозвищу Бородулина (см. очерк «Катерина Ивановна»), а другая – по прозвищу – «спасённая душа». Эта последняя Катерина Ивановна жила в нижнем конце села, т. е. в сторону Нижне-Петропавловского села, короче – Нижней. Все жители этой части села назывались ниже-концами. Прозвище – «спасённая душа» было почётным и завоёвано было всей жизнью Катерины Ивановны. В молодости она любила ходить в церковь, любила церковное пение, старалась запоминать песнопения и мотивы их, а потом воспроизводить их дома, наедине, скрытно, чтобы никто её не подслушивал, так, как, очевидно, распевала Лукерья из «Живых мощей» И. С. Тургенева. Любила она также ходить летом на богомолья по полям в дни засухи и подпевать: «даждь дождь земли жаждущей». А голос у неё был звонкий, чистый, приятный. Разоденется она бывало, во всё своё лучшее одеяние, что ей заготовили как девке «на выданьи» и первой придёт к церкви на звон. Солнце нещадно палит, а она, вся разомлевшая, идёт и идёт в толпе, а останются все, поставят иконы на заранее заготовленные из берёзовых прутьев стойки, начнут читать молитвы и петь: «даждь дождь земли жаждущей», она на колени, шепчет про себя молитвы и подпевает. Все верили в свои молитвы, верила и она. Бывало, во время засухи вдруг появится на востоке со стороны Беликуля облако или тучка, так и говорили: «Наверно, у отца Константина в Беликуле богомолье», любила она в поле молиться, но любила и природу: нарвёт, бывало, на богомолье большой букет цветов, принесёт домой и поставит у икон на «божнице», где обычно хранятся остатки свечек от «великого стояния» или «Христово дня». Любила она подавать тоже милостыню нищим около церкви, когда она шла к обедне. Жили они не богато, но на воскресенье мать у неё всегда выпекала ароматные шаньги, а она выпросит штуки две, разрежет на части и раздаёт по частичкам нищим. Так прошли её девичьи годы. Держала она себя строго на вечерках ли, на лугу ли. Выдали её замуж за теченского парня, он не перечил её привычкам: ходила по праздникам в церковь, ходила на богомолье. Забот стало больше: хозяйство, семья, но она не поддавалась житейской суете. Овдовела, ребят своих «вывела на дорогу»: девок выдала замуж, одного парня приучила вести хозяйство, а один парень пошёл «робить» на сторону.

Снова почувствовала себя свободной, зачастила ходить в церковь. Особенно любила ходить к вечерням, после которых устраивалось общее пение, что бывало в дни Великого поста. После окончания богослужения протоиерей становился перед амвоном и запевал все песнопения всенощной, начиная в «Благослови[, Владыко]», а все присутствующие подпевали. В церкви был полумрак и светились только свечи у икон. Катерина Ивановна становилась где-то у колонны, во мраке, и пела. Нет! Это было не обычное пение, это был порыв души увлечённой: голос её, всё ещё свежий, то поднимался высоко под своды и где-то витал там, стараясь прорваться выше, к небу, то опускался вниз – густой и бархатистый, как у настоящего контральто. Казалось, что она вкладывала в своё пение всю свою душу. Подпевала она и во время обычных богослужений, но робко, однако, во время «запричастного», когда дьячок запевал «О, всепетая Мати», а все подхватывали «Родшая всех», она оставляла свою робость и с надрывом вступала в хор, заглушая даже известного в Тече «соловья» церковного хора – Александра Степановича Суханова. Она знала, что значит слово «родшая», и в её голове в этом случае слышались и родовые боли, перенесённые ею и радость материнства.

Любовь к богослужениям и церковному пению привели К. И. к тому, что она сделалась «богоноской» при хождении «с Богоматерью». Подбирались три старушки, брали крест, икону Богоматери и икону Воскресения и переносили их из дома в дом, куда приглашали «с Богоматерью» духовенство. Шли они с иконами и напевали «Христос воскрес». Это хождение растягивалось иногда на месяц, потому что ходили по всем деревням, в том числе и в Кирдах. Туда за десять вёрст «богоноски» шли пешком обычным порядком, т. е. с иконами и пением. Некоторые «богоноски» ходили «с Богоматерью» просто подкормиться, потому что им давали угощение, но Катерину Ивановну привлекало не это, а самый ритуал и возможность принимать участие в пении. Тут она, как говорится, «отводила свою душеньку». Особенно ей нравились акафисты и песнопения на них, например: «Радуйся, невеста невестная» или «Радуйся, Николае, великий чудотворче». Были случаи, что некоторые «богобоязненные» мужички заказывали по нескольку акафистов: и Флору и Лавру, покровителям животных, и мученику Пантелеимону, и Иисусу Сладчайшему, и получалось, что на чтение этих акафистов затрачивалась добрая половина дня.

Катерина Ивановна могла быть «богоноской» потому, что она в это время уже «старушила», т. е. не считалась уже рабочей силой в семье. Было время, когда она была «могутной» женщиной. Бывало, и когда косили, она шла второй в шеренге; коса пела в её руках; траву она ложила в валки «в струнку», как по линейке; под ногами у неё оставалось чистое место, как после стрижки машинкой по голове. Когда жали, то сноп она завяжет с такой силой, что сколько ни кидай его вилкой, не развяжется, а обхватить его нужно иметь крепкие руки. В страду квашню месила такого размера, что

калачей выпекала два мешка. Теперь силушка ушла, и семья разрешила ей «старушить»: присмотреть за гусями, телёнка во время загнать в пригон, а если она не погодится, то обходились и без неё. В поле она уже давно не ездила. Встанет утром, медленно расчешет свои поредевшие, но ещё не седые волосы, заплетёт их в две тоненькие косички, свяжет верёвочкой, уложит венчиком на голове под «шамшуру», накинёт платок, кофту и юбку и молится. Днём сходит к кому-либо из своих подруг, а то на кухню к протоиерею, где иногда собирался целый клуб вот таких же, как она, старушек навестить матушку Поликсению Петровну. Под вечер иногда войдёт в огород, пополет между грядками и сядет у огуречной гряды и любитесь огородами. Огород для неё в жизни был не только хозяйственной «статьёй», а средством удовлетворения потребности создавать красоту природы. Ни у кого не было такого «баскова» огорода, как у неё: на грядках по обочинам у ней росли ноготки, васильки, а мак цвёл по всему огороду.

Теперь она жила прошлым. На душе у ней было спокойно от сознания, что она недаром прожила жизнь: вырастила семью, научила робить, будучи сама примером для других. Приучила к честному труду и теперь видела плоды своих трудов. А силы всё уходили и уходили.

В одном году Пасха вышла ранняя: Благовещение было на второй день Пасхи. «С Богородицею» пришлось ходить в холодную и сырую погоду. Простудилась, слегла и стала хиреть и хиреть. В Кирды уже не смогла пойти. По селу разнеслась молва: «заскудалась наша Катерина Ивановна, «спасённая душа». В Преполовение взяла палочку, уговорила свою внучку Дуню, чтобы помогла её добраться до реки на «водосвятие». Три раза в году его совершали в нашем селе: на Преполовение, на Спаса Нерукотворенного Образа и на Крещение. Больше всех она любила первое. В этот день воду освящали на «купели», в палатке, устроенной над водой. Бывало это весной, когда за рекой зеленела уже травка, а на пологий берег реки мальчишки, сидя верхом, приводили своих коней, иногда украшенных ленточками, чтобы напоить их «святой» водой. Лошадки за зиму отдохнут и имеют весёлый вид. А главное, что ей нравилось в это «водосвятие», то это то, что как только закончится чин его, тут же парни, девки, поодаль друг от друга кидались раздетые купаться и открывали, таким образом, купальный сезон. Вся река кишела от массы купающихся, как это изображалось на картинах «Крещения Руси». Катерина Ивановна в девках была зачинщицей купанья: первая бросалась «воду греть».

В «Девятую пятницу» с той же Дуней побрела к церкви и повидала всех своих друзей: Якимушку слепого, Ховронью – странницу по святым местам, гостей-богомолков. Раздала нищим подавание. Слушала и не могла наслушаться звона теченского «чародея» - звонаря, кузнеца Ивана Степановича: а он начинал звон с самого маленького колокола в одиночку, потом с перезвоном переходил ко второму, третьему и т. д., потом звонил «во вся». Что он только выделывал на всех восьми колоколах: то они вели у него

тихий задушевный разговор, то гремели и, казалось, рвались куда-то на свободу.

После «Девятой» Катерина Ивановна стала слабеть и слабеть. Сноха её Наталья так рассказывала о последних днях её жизни. «Вот бают, - говаривала она, - что птицы перед смертью зачинают общипывать перья», а она стала как-то «обираться», «обихаживаться». Достала из сундука свой шёлковый подшалок, в котором венчалась и ходила к «причестью», и велела отнеси в церковь; пусть, говорит, положат на «налой» под икону Спаса Нерукотворенного Образа. Отобрала себе чистую домотканную «становину» с ситцевым верхом, ситцевую серую кофту своего шитья, домотканную юбку своего тканья и длинное полотенце на «домовину» и завернула в один свёрток. Сказала мне: «Надень на меня на «упокой», а об остальном распорядись по своему усмотрению». Стала она как бы прихорашиваться: утром распустит волосы, сидит, что-то бормочет про себя, потом аккуратно волосок к волоску заплетёт две косички, свяжет венчиком на голове и спрячет под «шамшуру». В избе ли, во дворе ли – всё ей надо навести порядок: то валёк положит на место, то топор приберёт. У ходка насохли колёса, и как только пошёл дождик, распорядилась, чтобы ходок выкатили из-под навеса в ограду. Красуля вечером придёт домой, она подойдет к ней, гладит и что-то бормочет. Всё справлялась, скоро ли Иван закончит пахать пары и приведёт лошадей домой: всё ей хотелось посмотреть на них.

Был жаркий день, какие бывают в «петровки». Ивана вызвали с поля и сказали, чтобы срочно пригласил попа – соборовать Екатерину Ивановну. Сбежались соседки и ребятишки. В избе было тесно, и часть людей толпилась в ограде у выставленного окна. Кровать с умирающей подвинули ближе к «божнице», где горели свечи. От ладана в избе было душно. Умирающая что-то шептала ещё, но когда священник читал Евангелие, она перестала шептать, он прервал чтение Евангелия и начал читать «отходную». Поднялся плач и причитания. Люди по обычаю не сохранили той священной тишины, которую следовало бы хранить в этот момент ещё не полной смерти человека, и этим, можно думать, только омрачили его.

Тайна смерти человека всегда приукрашалась людьми различными измышлениями. Так было и со смертью Катерины Ивановны. Говорили, будто бы все свечи на «божнице» враз вспыхнули ярким пламенем в момент, когда отходила её душа к Богу, а кто-то из присутствовавших во дворе видел, как к окну подлетела в этот момент птичка и быстро поднялась ввысь.

Хоронили Катерину Ивановну с «выносом», т. е. со звоном и проводами на кладбище с духовенством. За гробом шла и причитала подружка её, старая Флегонтиха: молодые уже не умели причитать.

Так умерла Катерина Ивановна – спокойно, без душевного разлада, как это бывает иногда у людей. Всё, что она могла отдать людям, она отдала. Это сознание можно было прочесть и на её лице в гробе и особенно по рукам её: лицо имело спокойный и умиротворённый вид, а руки – костлявые и жилистые говорили о том, сколько они потрудились за её жизнь.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 394. Л. 53-76.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[Детские образы]

Санко «Рожков»

[1961 г.]

Его фамилия была – Южаков, а «Рожковы» – это было прозвищем семьи. Жили они на Горушках, самой захудалой части Течи. Семейство относилось к разорившимся крестьянам. Отец их уже почти оторвался от хозяйства и работал камерником (сторожем) в волости. Мать время от времени ходила на подённые работы. Мальчиков в семье было четверо, а Александр по старшинству был третьим из них. Два парня – Иван и Василий – как только достигли 16-17 лет ушли в наймы: один к зажиточному крестьянину в Тече, другой в «казаки» - в работники к одному из уральских казаков, проживавших около Челябинска. Подрастала ещё девочка, их сестра, чуть постарше Александра и младшего Егора. Санку было 5-6 лет, когда с ним играл, шалил, ходил купаться и пр. автор сего. Среди других детей Санко отличался тем, что он выдумывал различные пошлые выражения и обязательно в рифму. Например, он предлагал кому-либо из своих товарищей сказать «май» и когда тот произносил это слово, то он сейчас же в рифму добавлял: «я ... ну, так имай». Или он предлагал произнести: «на приступочке песочек» и когда кто-либо произносил это выражение, он добавлял в рифму: «откуси ... на кусочек». Подобного рода измышления его были только ещё, образно выражаясь, листочками, а дальше он перешёл уже к рифмованию самых отвратительных картинок, которые при его детском возрасте не могли быть его практикой, но уже отравили его мозг. Он явно кичился таким своим искусством, хотя его приятели не подавали ему для этого повода и хотя открыто не выражали протеста, но давали понять, что им противны эти его упражнения. Уже тогда возникал вопрос у детей: откуда это у него возникла любовь к таким пошлостям? Кто его учил? Опыт последующей жизни ещё больше углубил эти вопросы.

В 1902 г. в августе, когда мы поступали в Пермскую дух[овную] семинарию, среди нас, сдававший экзамены, был ученик екатеринбургского дух[овного] училища – Егоров [Александр], который читал нам некую поэму о Луке, которую якобы написал А. С. Пушкин. Поэма была густо порнографической. Он читал её с увлечением. Нам было 15-16 лет. Откуда он взял эту поэму – нам было не известно. В 1904 г., когда автор сего зимой жил в деревне, некие приятели рекламировали в ближнем к Тече селе Нижне-Петропавловском одного самобытного поэта. Собрались на чтение, и он стал читать стихи исключительно пошлые. Сам сочинял и гордился этим.

Возникал уже вопрос не о том, кто его учил, а о том, как возникла у человека мысль заниматься такой пошлостью, и что питало у него интерес к этому делу?

Было ясно, что это увлечение пошлостью во всяком случае не является результатом грехопадения в раю, и не находится в соответствии с

выражением псалмопевца: «се бо во гресех роди мя мати моя», иначе бы оно было и у других детей, а не только у Санка «Рожкова». Но ни Костя Пименов, ни Алёшка Комельков, ни Васька-копалка не имели такой склонности, мало того: они не разделяли Санкова увлечения. Это с одной стороны. С другой стороны, было ясно, что зараза эта может обнаружиться с детских лет. Но как? Ответом на это может послужить событие, которое произошло в Свердловске лет 10-15 тому назад. Замечено было, что кто-то душил девочек в возрасте 5-6 лет. Долго не могли найти виновника, пока, наконец, не был пойман мальчик, ученик 10-го класса одной из свердловских школ, сын артистов музыкальной комедии, хороший ученик. Всего он задушил 8 девочек и был схвачен при попытке удушить девятую. С ним долго беседовал покойный Л. В. Лепешинский и выяснилось, что в раннем детстве он однажды подслушал рассказ своего отца об удушении и это сказалось роковым в его жизни. Когда он сделал первый опыт удушения девочки, то судьба его была уже решена: он стал садистом. Очевидно, и Санко «Рожков» ещё в детстве под влиянием кого-то вкусил удовольствие от упражнения в пошлости и стал развивать у себя этот талант.

В детстве мы вместе играли шариком, «бызовали», купались, но потом дороги наши стали расходиться: он не пошёл даже в сельскую школу. Чем больше мы входили в возраст, тем больше отдалялись, но воспоминания о играх всё-таки соединяли: виделись, разговаривали и он уже не упражнялся в пошлостях, очевидно, стеснялся, а впечатление от его пошлых рассказов всё равно отделяло от него. Потом я узнал, что он женился, и опять мелькнула мысль: каков он теперь – изменился или остался прежним пошляком. Потом я узнал, что он сделался хорошим пимокатом, жил хозяйственно, хорошо. Наконец, три года тому назад я узнал о его гибели в Челябинске: он поехал повидаться с сыном и попал под паровоз. И опять вспомнились детские годы – купания, игры шариком, хождение за берёзовкой и пр., но вместе с этим, как рубец после раны, осталось непреодолимое пятно в воспоминаниях и тот же вопрос: зачем он это делал?

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 381-385.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Костюха Пименов

[1961 г.]

Фамилия у него – Ключин, а Пименов – изменённое или сокращённое – Пименович. Костюха Пименов – это его название, с детства ему присвоенное, особая форма не то уменьшительного, не то ласкательного значения, хотя в других случаях, например, по отношению к взрослым выражения Васюха, Петруха приобретали уже пренебрежительный оттенок. Такова была диалектика этих и подобных имён в деревне. Родители его были выходцами из «Расеи». Дети этих выходцев, которых в Тече было несколько семей,

сохраняли ещё кое-какие следы «расейского» происхождения, а у Костюхи Пименова таких следов уже никаких не осталось. Они жили по соседству с нами и вблизи с «Рожковыми», так что знакомство было территориальное, но совершенно по другой линии, чем с Санком «Рожковым», а именно не через игры, а через участие в хозяйственной жизни. Последнее выражение – громкое для детского возраста, но оказывается совершенно реальное. Костя был старше меня на два года. В отличие от Санка «Рожкова», семья которого относилась к обедневшим крестьянам, его родители относились к крепким середнякам, и это именно обстоятельство наложило на его характер с детства черты, отличные от Санка. Санко с детства был уже деревенским люмпен-пролетарием, а Костя с детства был связан с сельским хозяйством: сначала был борноволокном, ездил с лошадьми в ночное, потом постепенно привыкал пахать. Санко в детстве торчал дома, а Костю дома всё лето почти не видно было. Больше того, я никогда его не видел играющим. Может быть, поэтому он был каким-то неуклюжим: сильно вытянулся кверху и был худой и костлявый. Очень рано у него в фигуре его стала заметна та особенность мужицкого склада, которую иностранцы называли «тяжёлыми задами». «Почему у них у всех (т. е. у русских крестьян) тяжёлые зады?» - так спрашивали они о русских крестьянах.

Когда я учился в школе и было мне 8-9 лет, Костя тоже должен был бы учиться в школе, но он походил в неё немного и бросил. Другие дети «расейских» этого не делали: они учились в школе до конца и, как правило, учились хорошо. Зимой Костя под вечер, когда я возвращался домой уже из школы, имел обыкновение ездить на гумно за мякиной и брать меня с собой. Ездил он с коробом, в который до краёв накладывал мякину, мы усаживались в неё, как в перину, и мчались домой. С этого началось знакомство, а так как гумна наши находились одно против другого, то между нами установились взаимные визиты на гумнах. В те времена обмолот производили после просушивания снопов в овинах, и на гумнах оставались горы мякины.

За гумном Кости находилась свалка назьма. Сюда Костя тоже время от времени «совершал путешествие» и брал меня в компанию. Я часто бывал во дворе у Кости и изучил его как свой двор. Костя гордился своими конями.

Со временем его взяли в солдаты. Военная учёба ему не давалась, и он домой по этому поводу писал, чтобы дома молились за него. Почему ему не давалось военное учение? Тут, очевидно, сказалась его замкнутость в детстве и то, что он не доучился в школе. В его развитии получился изъян, и это можно было заметить при общении с ним: он иногда высказывал наивные, детские суждения. В армии за него походатайствовал теченец-земляк А. П. Постников, с которым они служили вместе и его перевели в денщики. По окончании солдатчины Костя взялся за ведение хозяйства. В 1914 г. нам нужно было поехать из Течи в Сугояк в Ильин день, и Костя подал нам пару своих лошадей. «Рысаки» рвались, и он сиял.

После О[ктябрьской] р[еволюции] Костя продал отцовский дом из-за боязни, что его у него возьмут в фонд сельсовета и вошёл в колхоз. В

последнее время он работал пастухом. В 1959 г. мне удалось повидаться с ним. Жил он тогда и, очевидно, и в настоящее время в избушке на той улице, по которой мы ездили с ним за мякиной. Ко мне подошёл старик, высокий и худой, каким был и его отец – Пимен Фёдорович. Он был босой, беззубый. Старость, старость! Что только она делает! Мы перебрали всю его и нашу семью, и оказалось, что все наши родственники перемерли, и только мы двое остались в живых. На свою жизнь он не жаловался, говорил, что хлеб у него есть, есть корова. Не утерпели, пошли на то место, где были наши гумна. Теперь на их месте разросся лесок. Подвёл он меня к одному месту и сказал: «Вот здесь был ваш овин, а здесь была лазея (ход в подполье, где была сушильная печь), а берёзы тогда не было». Высказывал он обиду только на то, что ему не дают пенсию.

И были мы в Константином Пименовичем как два осколка от прежней Течи.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 385 об.-388 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Нюнька, Алешка Комельков и Васька «копалкин»

[1961 г.]

Это друзья по играм в прятки и отчасти по школе. Сделались же они друзьями, так как родители их жили по соседству с нами. Подальше только жил Вася. «Копалкин» - это было прозвище, а фамилия была, кажется, Макаров, потому что они жили в Макаровке. Игры в прятки производились и у них во дворе, и у нас, благодаря чему их дворы были хорошо известны мне, а им наш настолько, что мы хорошо знали, где нужно прятаться. Нюнька был постарше и прибился в нашу компанию. Алёша Комельков был ближайшим соседом. У него живы были родители. В семье ещё были: старший брат Артемий и сестра Пелагея. Она тоже училась в школе и была запевалой молитв. Семья относилась к середнякам, но они тоже арендовали немного лугов у татар, и поэтому у них мы встречали татарина и его апайку, которые приезжали к ним в гости.

Нужно сказать, что татары очень любят гостить и пользуются любым случаем, чтобы заявиться в гости, а уж если кто у них арендовал пашню или луг, то в гости ездят часто, назойливо: подавай им то, подавай другое. В связи с тем, что мы встречали у Комельковых татар, запомнился такой случай: кто-то научил татарку материться по-русски, а больше она ничего по-русски не говорила. И вот ребята её чем-нибудь рассердят, она говорит, говорит по-татарски и матерится по-русски.

Запомнился также случай, который произошёл однажды с Васькой-калешкой. Васька не принадлежал к нашей компании, но вот однажды прибился к нам со своей собакой, притащил чуть ли не целый калач хлеба, бросал ей по кусочкам, чтобы она выделявала перед нами разные фортели.

Все мы смеялись и не заметили, как подошёл к нам отец Васи – Евсей Степанович, схватил его и ну «дубасить» со словами: «Калачи собаке таскаешь». Это был первый и последний случай в моей жизни, когда я «удостоился» лицезреть, как чересседельник «гулял» по Васиной спине.

Вспоминается ещё бабье дето. День чудесный: тепло, светло, но признаки приближающейся осени были налицо: в огородах всё желтело, в воздухе летали отрывки паутины. Комельковские женщины накануне закончили трепать коноплю и справляли «бабье лето». Около дома ещё не была убрана кострина от трепения. Из избы неслись на улицу пьяные женские голоса, визг, шум. Алексей подговорил нас посмотреть в окошко. Боже мой! Что началось: крики, ругань: «пырки отрежем!» Приходится сказать: «пьяных мужчин видеть противно, а видеть пьяных женщин – отвратительно. В этом случае у них появляется какое-то бесстыдство и наглость. Помнится опять-таки с детских лет, как вечером мы с братом Иваном сидели за воротами, а мимо проходили пьяные с «помочи» у соседей. И вот подошли две пьяные женщины и подняли перед нами свои подолы.

У избушки Комельковых, которая расположена на горке, вечерами устраивались танцы. Танцевали универсальную «кадрельку». Вот сюда-то после О[ктябрьской] р[еволюции] и похаживали молодые «женатики» танцевать с девушками.

Мне рассказывали, что Алексей Комельков был активным деятелем О[ктябрьской] р[еволюции] и, кажется, был первым администратором (милиционером) Течи.

Васю-копалку, кроме игр, часто приходилось видеть, как он зимой прогонял скот на водопой. В Тече, как и в других зауральских сёлах, было принято зимой гонять к проруби на водопой. Часа в четыре вечера вереницы скота по хозяйствам сгонялись на реку, где для скота устраивались длинные проруби. Вот видим, как мимо нашего дома прогоняет своей скот Вася-копалка: три лошади, жеребёнок, две коровы, тёлку. За ним кто-нибудь тоже гонит своё «богатство». Дорога вся в следах от копыт. На дороге там и здесь «памятники нерукотворные», замёрзшие шариками и лепёшками. Получался своеобразный смотр «живота». Иногда чей-либо конь, отдохнувши за зиму, начнёт бегать и играть: взмахнёт головой, взлягнёт и носится на воле. У проруби толчея: коровы бодаются, кони стараются их оттеснить. Знакомые деревенские картины!

Вот так указанная выше наша компания и играла в пряталки в нашей ограде. Было жарко. Около завозни стоял приспособление для спуска верёвок: на двух столбиках были расположена доска, а на ней лежало седло для верховой езды. У ворот завозни стояла железная лопатка. Это было время, когда автор сего начал обучаться верховой езде. Шесть лет. Соблазнился: с разбегу прыгнул в седло, не удержался, повалился и левой рукой на всём маху хлопнул по углу железной лопатки. Не сам первым заметил, что рука сломана и раздробленная кость вышла наружу. Тут его и окружила вся компания игроков в пряталки. Картина эта и сейчас со всеми

детальями стоит перед моими глазами. Случилось это в июне или июле, но с точки зрения возраста можно сказать: «То было раннею весной»...

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 388 об.-391 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Спильша

[1965 г.]

При крещении его назвали Спиридоном, и он, как все дети в детстве, не выговаривал «р» и на вопрос: «Как тебя зовут?» - отвечал: «Спиридон». Всё было бы ничего, но у него это детское произношение затянулось чуть ли не до десяти лет и над ним стали смеяться и называть «Спильшей» по типу Петьша – от Петра, Ваньша – от Ивана. Этим суффиксом «ш» с окончанием на «а» выражалось признание приятельских отношений, добродушных, близких к дружбе. Любопытно, что девушки, очевидно, в подражание такому способу выражения дружбы тоже употребляли слово «девша» по отношению друг к другу.

Спильша не был в числе моих близких друзей, как Санко-рожков, Васька-копалка, Нюнька и др., с которыми я играл в прятки и шариком, но он был в поле моего зрения потому, что жил в соседях, я встречался с ним, и мне приходилось слышать о нём речи других. Мне приходилось также бывать на усадьбе и в доме его родителей. Так, когда справлялась свадьба его старшего брата Николая, то я, мальчишка лет шести, тоже был в числе зевак, которые являются обязательными свидетелями подобного рода событий.

Меня интересовала судьба Спильши, в некотором роде поучительная для изучения и понимания жизни крестьян в Зауралье в конце прошлого столетия.

Детство Спильши прошло в достатке. Когда отец его – Александр Матвеевич, был в силе, то в хозяйстве у них было до шести-семи рабочих лошадей, три-четыре коровы, телята, овечки и разная птица – гуси, курицы, утки. Как-то случайно мне пришлось обозревать их «службы», не помню – по какому поводу, но вероятнее всего при игре в «прятки» и я увидел целый лабиринт стоек, не бревенчатых, а сплетённых из прутьев: чуть ли не для каждого телёнка была отдельная стойка. Каждый вечер мимо нашего домика прогонялось в гумна целое стадо телят – от двух лет до только что отсаженных от матери. Приходилось видеть добротные хозяйственные принадлежности у них: коробки, телеги, сбрую и т. д. Александр Матвеевич, кроме того, был в нашем селе на славе, как самоучка-ветеринар, и ему кое-что перепало и по этой линии. Когда справлялась свадьба Николая, то было видно, что семья живёт в достатке.

Вскоре после свадьбы Николая Александр Матвеевич умер. Как грибы после дождя стала расти семья Николая, причём одна девочка после болезни скарлатиной осталась немой. Соседи Александра Матвеевича обстраивались:

пятистенный дом выстроил Михаил Леонтьевич на юг от усадьбы его, а на север «Рыбины» (прозвище) тоже на пятистенный дом перестроили старый и покрыли его железом. Наискосок через дорогу отстроил пятистенный дом под железом Володя Ключин, а дом Александра Матвеевича всё больше и больше оседал, сени покривились, а лабиринт «служб» таял и таял. Когда женили Ивана, то свадьба была уже бедной, без помпы. Иван ушёл в солдаты, а вскоре из запаса был призван на войну и там и остался. Хозяйство стало больше хиреть и хиреть, а когда подошло время жениться Спиридону, то ему открылась только дорога – уйти в дом, а хозяйство совсем развалилось. Это была картина гибели сельского хозяйства, которую не раз мне приходилось с грустью наблюдать.

Когда после последней отечественной войны мне приходилось бывать в Тече, то я видел только жалкие остатки от домика, в котором проходили детские годы Спильши.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 71-76 (рукопись), 107-110 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Ванька «Еленин»

[1965 г.]

Как получилось, что его называли по матери, а не по отцу, или не по прозвищу – осталось неизвестным. Может быть потому, что мы знали больше Елену, его мать, а знали больше потому, что она приходила к нам помогать нашей матушке стирать белье. Но опять же мы хорошо знали его отца – Андрея Михайловича Южакова, известного теченского звонаря и изобретателя. Но вот пошло: «Еленин» и «Еленин».

У Ваньки был брат Васька, моложе его и Санко-идиот. Мы ходили к ним в ограду играть в «прятки». Ограда у них была одна с Южаковыми – «Рожковыми», а у «Рожковых» были тоже наши друзья – Санко и Егорка. В ограде было много незаконченных строений – срубов, без крыш и дверей. Мы лазали по срубам и были свидетелями, как срубы всё таяли и таяли: их «проедали» разоряющиеся хозяева. Особенно нас привлекали «изобретения» Андрея Михайловича. Как только он увидел велосипед у сына теченского земского начальника, так и решил тоже построить велосипед с колёсами от телеги. Мы наблюдали, как незадачливый горе-механик строил его в поте лица, чтобы убедиться в своем бессилии. Зато ему удалось сшить себе шапку или фуражку из шкурки ежа. У него получилось что-то вроде шлема у римского воина.

Мы часто бывали в избе Ваньки «Еленина» и были свидетелями бедноты. Изба была как бы пустая: только были лавки у стен и стол. Не было стульев или табуреток. При нужде к столу подкладывали доски с опорой на скамейки у стен. Мы залезали на печку и полати.

Жалко было видеть Елену, худую и погруженную в работу. Ребята иногда начинали «скулить»:

*Тятя, мама! Ись хочу,
На палаты заскочу.*

Ужасный вид был у Санка: грязный, он съедал свои желудочные отходы. В семье были ещё две девочки: Оринка и Аниска. Они иногда прислуживали у нас. Аниска была белобрысая, любила собирать разные сведения по селу, а потом передавать в своей интерпретации. На селе она потом прославилась тем, что сильно болела малярией, что было редким в Тече.

В таких условиях жил наш друг – Ванька «Еленин».

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 46-49 (рукопись), 129-130 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Вася Бобыкин

[1965 г.]

Мне пришлось четыре раза менять товарищей по учению: в сельской школе, в духовном училище, духовной семинарии и духовной академии. Встреча с товарищами в сельской школе – это было, очевидно, чем-то вроде первой любви: первое знакомство, первые опыты наблюдения за характерами, индивидуальными особенностями по бытовым привычкам и, как видимо, по способностям. На всю жизнь осталось в памяти, что первым всегда решал задачи Ваня Кротов, рассказывать о праздниках и читать тропари к ним лучше всех мог Гриша Гурлев, а вот Вася Бобыкин, мой сосед по парте, остался у меня в памяти с противоположными качествами: наука ему давалась туго. Я не блистал математическими способностями, но и то помогал ему, а иногда просто давал списывать. В третьем классе нас учили считать на счётах, и Вася никак не мог усвоить этой премудрости. Я старался разъяснить ему и так и этак, а он «ни в какую» - что хочешь с ним делай. Туго давалось ему и чтение. Его лицо, выражение его, казались мне не по возрасту старыми, и он казался мне мужичком-серячком. Был он, кроме того, мало подвижным, не по-детски, но добряга, душевный мальчик. Он был из деревни Баклановой и в числе трёх-четырёх [ребят] приходил в школу пешком за две версты. Я знал его отца – Семёна Ивановича, и он мне всегда казался человеком хозяйственным, солидным. Я бывал у них, видел их хозяйство, и меня всегда покорял порядок в нём.

Особенность Семёна Ивановича состояла в том, что он возил зерно на помол на мельницу в деревню Муслимову, где перемалывали его на крупчатку, правда, не высокого сорта, и Вася приходил в школу с калачами более белыми, чем все мы. Это не ускользнуло от наших глаз, и Вася заметил, как его товарищи «зарились» на его калачи. Он иногда угощал меня своим калачом, как соседа по парте.

В десятилетнем возрасте я расстался с Васей и больше с ним никогда не встречался, но я всегда вспоминал о нём, как о первом моём школьном друге. Я был ещё на половине своего учебного пути, когда узнал, что Вася женился, и мне как-то странно показалось, что он переходит на положение мужика, а я всё ещё был мальчишкой.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 95-98 (рукопись), 137-140 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Саша Уфимцева

[1965 г.]

Саша Уфимцева была моей соученицей по сельской школе. Девочек в нашем классе было пять: Женя Бирюкова – поповская дочь, Люба и Саша Кокшаровы – внучки знаменитого теченского ямщика – Ивана Петровича Кокшарова, Саша Макарова – дочь бедного землероба и Саша Уфимцева – дочь зажиточного крестьянина Александра Петровича Уфимцева. Девочки в виде островка сидели около стола учительницы как-бы под защитой от «сильного пола», да, пожалуй, можно сказать и без «как-бы», а прямо под защитой учительницы. Помимо того, что в деревне не были в моде рыцарские отношения к «прекрасному полу», женский сектор в классе являлся ещё одной из мер наказания для мальчиков: посадить мальчика к девочкам считалось самой строгой формой наказания – опозорить виновника. Когда пытались применить к кому-либо из мальчиков эту меру, то он сопротивлялся, сколько мог; если же удавалось его всё-таки усадить, то он в перемену старался взыскать с девочки, к которой его подсаживали, за свой позор, т. е. как-то отомстить. Так было!

Саша Уфимцева среди других казалась и ростом меньше и какой-то как-бы забитой, обиженной. У ней были тонкие черты лица, излишняя бледность, карие красивые глаза, которые казались немного воспалёнными, как это бывает у людей, имеющих повышенную температуру. В общем девочка производила жалкое впечатление.

Такой Саша и сохранилась в моей памяти. Я время от времени спрашивал у родителей или знакомых о судьбе своих бывших соучеников по сельской школе и о Саше, и мне сказали, что её выдали замуж, как водилось в деревне, при достижении семнадцати лет, но семейная жизнь у ней сложилась неудачно, и она сходила с ума – так мне и сказали. Мне было жаль Сашу, и образ этой моей соученицы, школьный её вид, и ранее казавшийся жалким, теперь предстал передо мной сугубо жалким. Позднее мне сообщили, что Саша оправилась от болезни, но положение её в семье не улучшилось.

Я учился уже в высшем учебном заведении и однажды возвращался домой из Шадринска. Когда я подъезжал к теченским польским воротам, вижу: какая-то женщина, шедшая впереди, открыла мне ворота для проезда,

стояла и улыбалась мне. Я растерялся и старался объяснить себе, чем же я заслужил внимание этой женщины и при этом её улыбку. Я отъехал уже значительное расстояние, и меня осенила мысль: «Ба! Да это же была Саша!» Я выпрыгнул из экипажа и стал искать Сашу, но она, очевидно, углубилась в лес, и я не нашел её. Я больше не видал Сашу, и в глубине моей души остался какой-то мучительный осадок, что не состоялась моя встреча с моей бывшей соученицей. Вечером того же дня, потратив все время на сборы, я уехал из Течи. Когда же через много лет я приехал в Течу, то мне сообщили, что Саша уже умерла.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 2-6 (рукопись), 110-112 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Рярко

[1965 г.]

Полностью его имя было Андриан, а по деревенскому произношению – Андриян – Андриянко, а отсюда сокращенно: «Ярко». Когда я в первый раз услышал это слово, то оно мне напомнило название горьковского романтического Данко, признаться меня заинтересовала личность этого мальчика, Я узнал, что родители его жили на Горушках, а потом отец его выстроил дом около базарной площади, на пустыре. Это был дом, на который я давно уже обратил внимание, но не знал, что в нём именно живет Рярко. Дом был двухэтажный, каменный, под железной крышей. Человеку, даже не искушённому в архитектурной науке, бросалась в глаза грубость кирпичной кладки. В Тече было пять двухэтажных домов, с устройством которых я был знаком, но только два из них были полностью кирпичными: один был деревянный на кирпичном фундаменте городского типа, два деревянных, причём низ у одного из них был приспособлен для торговой цели – для лавочки; то же было и у другого каменного дома. Меня интересовало и строение ряркового дома и сам Рярко. Случай встречи с Рярком, а значит – и ознакомления с домом мне представился во время моего пребывания на летних каникулах, когда я заканчивал учение в Пермской духовной семинарии.

Приходит однажды к нам мать Рярка, вся в слезах, и сообщает, что Рярко умирает, что у него невыносимые боли в животе. Нам в шестом классе семинарии читал лекции по медицине наш школьный врач, доктор медицины – Павел Николаевич Серебренников, и я, естественно, посчитал своим долгом помочь Рярку. Я зашёл в дом на второй этаж по внутреннему входу – по лестнице и подошёл к больному. Он лежал на печке, представляющей какую-то смесь русской печки (пекурной) с голландской, построенной, очевидно, по проекту местного мастера. Больной стонал и метался. Я порекомендовал сделать больному согревающий компресс, и объяснил, как это сделать. Из дома я захватил с собой рюмки две кагору, как средство

тонизирующее и вяжущее, потому что мать больного говорила, что у него были и явления поноса. Рянко выздоровел, что я отнёс к его крепкой натуре, а не к своему искусству врачевания. Но с этого момента дом этот стал у меня ассоциироваться с личностью Рянко и напоминал мне о моём опыте лечения.

Много лет спустя я узнал, что Рянко отделился от родителей и выстроил себе дом на тракту. В моём представлении Рянко так и остался, как мне рисовали раньше его друзья сверстники, каким-то мальчишкой легкомысленным, подбитым ветерком, а когда я узнал, что выровнялся, остепенился, стал хозяйственным человеком, эта метаморфоза порадовала меня.

...

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 89-94 (рукопись), 135-137 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Митя Бобыкин

[1965 г.]

В 1900 г. в заштатном городе Шадринского уезда – Далматове в помещении существовавшего здесь до осени 1888 г. духовного училища, переведённого потом в г. Камышлов, открыто было двух-годичное училище для подготовки учителей в церковно-приходские школы. По мысли учредителей такого типа училища должны были представлять нечто вроде обычных тогда духовных училищ, но без изучения классических языков – греческого и латинского. Ставилась, кратко говоря, задача обучения «четырьмя-пятью церковному», в соответствии с примитивным взглядом на народное образование обер-прокурора Святейшего Синода – Константина Петровича Победоносцева, сторонника самых крайних монархических взглядов, за что он и был самым признанным авторитетом у Александра Ш-го.

В училище принимались перезрелые «дети» с пробивавшимися усами. В числе их был и Митя Бобыкин, сын крестьянина из деревни Баклановой Теченского прихода, что была в 2-2,5 верстах от Течи. Митя, таким образом, оказался, взыскующим образования выше сельской школы, что было тогда симптоматичным для деревенской молодежи того времени. Так, в этой же школе учились три сына местного мельника Попова. Учиться в этой школе было доступно для детей крестьян со средним достатком, каковым и был отец Мити.

В сельской школе Митя был на положении вундеркинда, благодаря чему и родилась у Ивана Степановича, его отца, мысль учить его «дальше».

Воспитанники училища вращались в среде грубых и невежественных монахов и видели всю «поднаготную» сторону их жизни. Наш брат Иван, который тоже учился здесь, приводил много примеров невежества некоего отца Филофея.

Обстановка, в которой жили и вращались юноши, была тоже примитивной и невежественной. Был такой случай: среди воспитанников был некий Кудряшов, который возомнил себя обладателем шаляпинского голоса, чем бредили тогда многие юноши с голосами и безголосые. И вот этого юношу как-то на вечернике попросили «показать себя» - что-нибудь спеть. Кудряшов долго не соглашался, как говорят, «ломался», и, наконец, снисходительно заявил: «Ну, ладно – так и быть, спою вам из «Демона» и запел: «Ревела буря, дождь шумел...» Как говорится: «попал пальцем в небо».

Каким вышел из этого училища Митя?

Овидий Назон в своих «Метаморфозах» изобразил много причудливых картин из жизни своих персонажей, но не смог создать такую метаморфозу, какую явил собой Митя. Он предстал перед Теченским обществом в виде Хлестакова – назовём точнее – баклановского Хлестакова. Началось с того, что он стал писать любовные письма одной учительнице, которая была старше его на 6-7 лет. Он оттолкнулся от своих деревенских красавиц – перестроился. Своей учительнице он однажды посвятил свой учёный трактат о воробье, который начал так: «Воробей – это пролетарий и ярый коммунист в царстве пернатых». Учительница выписывала «Ниву», иллюстрированный журнал, прочитала его трактат с посвящением ей и сразу вспомнила, что она об этом воробье где-то читала, открыла «Ниву» и нашла Митин трактат. «Ну, и прокурат, ну и прокурат» - подумала она, а потом оказалось, что слово «прокурат» она употребила пророчески по звучанию: Митя потом остепенился и, как передавали, работал после «Октября» прокурором.

Овидий Назон давным-давно лежал в бессарабской земле, а метаморфозы продолжали существовать в мире, да ещё в таком виде, до которого он не смог додуматься.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 22-27 (рукопись), 118-121 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

«Университеты» Григория Гурлева и Вениамина Пеутина

05 июня 1967 г.

У того и другого, поименованных в заголовке персонажей настоящего очерка, «университеты» начинались с лавочки теченского торговца – Антона Лазаревича Новикова. Когда лавочка его переросла в приличествующее ей название – «магазин», а сам он вырос в купца пока без гильдии, явилась у него потребность взять в услужение на обучение торговле какого-либо мальчика, с чего и он сам когда-то начинал свою «карьеру». Как выходец из «Расеи» он полагал и не без основания, что лучше всего к этому делу «способны» дети тоже выходцев из «Расеи», а у него насчёт подыскания подходящего на это дело мальчика был хороший нюх. Вот так и оказался у него сначала на «учении» Гриша Гурлев. Дед этого парня был из «Расеи», а осел в Тече, организовав красивое предприятие суровых ниток, холстов и

пр. В его руках была монополия на это дело, и оно пошло в гору. Когда он умер, то предприятие оказалось в руках его сына, Гришиного отца – Семёна Моисеевича. Он не уронил марку предприятия и пока справлялся сам, а Гриша был, как говорится, «не у рук». Вот тут-то и подглядел его Антон Лазаревич.

Гриша закончил обучение в сельской школе хорошо, правда, проявил способность не по связи с особенностями торговли, но зато характеризующие его со стороны благонравия, что считалось хорошим качеством и по линии торговли. Гриша лучше всех «шёл» по закону Божию, а в торговом мире обладатели капиталов проявляли иногда рвение к «божьему делу»: жертвовали на храмы и строили их.

Когда Гриша был принят в ученики на приказчика, то возник коварный вопрос, особенно у молодёжи, как же Антон Лазаревич доверит ему доступ к соблазнительной стороне его магазина у правой от входа стены, где были кедровые орехи, пряники – воздушные, парёные и даже «сибирские пирожки», а у дверей висели крендели, правда, уже окаменевшие. Самым же большим соблазном были конфеты – грошовые, леденцы и даже шоколадные с передвижными картинками: повернёшь за бумажное «ушко» в одну сторону – одна рожа, повернёшь в другую сторону – другая, занятно! Простоватые люди склонны были считать Антона Лазаревича ротозеем: дескать, допустил «козла к капусте». Другие рассуждали: «Нет, Антон Лазаревич – не ротозей, и не промахнётся».

И пошла такая версия разрешения спора, что Антон сначала разрешал Грише есть всего до отвала, до «лихоты», чтобы отбить у него всякую тягу к сладостям, даже принуждал его к обжорству. Было ли это так, или иначе, об этом история умалчивает.

Пришло время призыва на военную службу. Служба, война и Гриша порвал связь с торговлей. Когда после Октябрьской социалистической революции стали организовываться рабфаки, по развёрстке Тече дано было одно место, и Григорий Гурлев командирован был в Свердловск на рабфак, благополучно его закончил и, как передавали, закончил затем Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и стал агрономом.

В историю Течи он вошёл, как единственный рабфаковец от тех отдалённых времён, когда начинался путь в науку с «низов», путь упорного труда и побед.

Дед Вениамина Пеутина – Степан Васильевич Пеутин, был младшим из трёх «расейских» Пеутиных, которые осели в Тече, выстроили добротные дома с хорошими «службами» на главной улице в центре села. В Тече долго красовались три смежных дома в целый квартал, симметрично расположенных по линии с севера на юг: в центре – двухэтажный каменный дом Николая Васильевича, а на флангах – два деревянных с четырёхскатными деревянными крышами, с горницами – на северной стороне старшего из них Афанасия, а на южной – младшего Степана. Теперь дома Афанасия уже нет, а другие два разрушаются. Братья имели или арендовали

небольшие земельные участки, а подсобными у них были промыслы – у Афанасия «сбой» конопляного масла, которое при обильных церковных постах было в большом ходу. Николай имел лавочку внизу своего дома, торговал по мелочам: сахаром, чаем, пряниками, орехами и пр. Шире развернуться ему не давал Новиков, который своих конкурентов «глушил» при зачатке их. Степан занимался крашением и дублением овчин по заказам, а потом и через скупки и продажу. Это предприятие особенно окрепло, когда «дело» перешло в руки сына Степана и отца Вениамина – Ивана Степановича. Последний со временем «оперился», «отпочковался» от родителя, «сгрохал», как выражались в Тече, дом с подсобным предприятием, которое оформилось в торговое предприятие.

Вениамин, таким образом, с детства был в атмосфере торговых отношений, приобретал вкус к деньгам и интерес к счёту их, а в школе обнаружил математические способности. Его признали в этом отношении вундеркиндом и пророчили блестящее будущее. Пророки, как увидим ниже, были неплохими.

Вениамин поступил в ученики на приказчика в магазин Новиковых, таким образом, уже с лучшей подготовкой для этого, чем это было у Гурлева, с более острым зрением и пониманием механизма торговли – «что к чему». Особенно он учился калькуляции, скажем, как получалось, что коробку спичек нужно давать за яйцо, восьмушку махорки за три или четыре яйца и пр. Цифры у него преобразовывались в материальные вещи и наоборот, вырабатывался вкус к счётному делу.

Работать в магазине ему приходилось уже не при Антоне, а при Василии Новикове, но он был в это время уже «в форме», и, значит, Вениамину было у кого учиться.

Октябрьская революция «спутала» карты у Новиковых и Пеутиных. «Подсекло!» Так определил их новое положение один любитель острых летучих слов. Новиковы покинули Течу, а Пеутиным «помогли» покинуть её.

Около сорокового года – то ли в 37-ом, то ли в 38-ом я случайно встретил Вениамина на ВИЗе, неподалёку от домика, где мы жили. Он шёл с портфелем, как видно, торопясь на работу. На мой вопрос: где он работает, от ответил, что работает он в тресте Уралзолото, и работает бухгалтером. Я подумал: «Жив, жив, Курилка!».

Вскоре после этого мы однажды направлялись на дачу к одному знакомому, расположенную вблизи станции «Таватуй». В вагон, где мы только что заняли места, с шумом вошла группа женщин и девушек, элегантно одетых по-летнему. Неожиданно для меня подходит ко мне одна из женщин с вопросом – «Василий Алексеевич, Вы не узнали меня?» Я признался, что не узнал. «Я из Течи, жена Вениамина Пеутина. А это, - показала она на девушку, - моя дочь. Она готовится поступать в университет». Поговорили, вспомнили Течу, общих знакомых. Компания ехала на ст[анцию] «Исеть», на пикник. Мы расстались, а у меня в мозгу

«Гвоздило»: «Ох, и «пробойные» эти «расейские»: закроешь перед ними двери – лезут в окна, закроешь окна – лезут носом в щели» ...

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 35-45 (рукопись), 124-129 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Миша Суханов

[1965 г.]

Миша Суханов был внуком известного в Тече богатея Александра Степановича Суханова и сыном его «первака» - старшего сына – Павла Александровича. Мальчик обнаружил недюжинные способности и тягу к учению, что отметила в нём его учительница. О нём она отзывалась, как о вундеркинде. Сухановы, как уже указано выше, были в «силе», а мальчик усиленно просил, чтобы его учили дальше. Пословица гласит: «Капля точит камень не силой, а частым падением» (из произведения Вергилия Марона: «*Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*»). Миша добился при помощи учительницы своего, и когда в Шадринске открыто было реальное училище, его отдали в него на учение. Это был единственный в своём роде случай в жизни деревни, и Миша был пионером в этом случае. «Мужицкий парень, и вот поди-ты, стал учиться, чтобы сделаться барином» - так это обстоятельство преломлялось в сознании деревенских обывателей.

Миша закончил реальное училище и поступил в университет на юридический факультет и закончил его уже накануне Октябрьской революции, а после неё работал в органах прокуратуры.

Как такая перемена в быте в условиях жизни – перестройке на интеллигентный труд вместо грубого и тяжёлого землеробного труда, отразилась на сознании Миши? К чести его нужно сказать, что он избежал той ошибки, в некотором роде роковой, которую часто допускают люди, попавшие «из грязи в князи». Он не оторвался от деревенской среды: не чуждался землеробной работы, не чуждался деревенской молодёжи, правда, из тех, которые относились к «полусвету» теченского общества, из семейства, так называемых, «расейских». Его положение среди деревенской молодёжи из семейств аборигенов было противоречивым: его сверстники переженились, а сверстницы повыходили замуж, пока он выходил «в люди», и на него косо смотрели, как на соперника парни. Был случай, что его подстерегли и стреляли в него, но безуспешно. Таковы были гримасы жизни в ту пору, перед коренным «переворотом» жизни в деревне.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 390. Л. 18-21 (рукопись), 117-118 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[Разные]

Самсоныч

[1961 г.]

В дореволюционное время нас, десятилетних мальчишек в городских школах известного типа заставляли зазубривать так называемую Священную историю Ветхого Завета. В учебнике по этому предмету в сто с небольшим страниц мелкого шрифта рассказывалась история «избранного народа», известная под названием «Библейской истории». Повествование было сухим, а учебник не имел иллюстраций. Чего-чего только не было в этом повествовании. Здесь говорилось о том, как жили в раю Адам и Ева, и о том, как Каин убил Авеля. Рассказывалось о Ное, любившем выпить. Описывался Всемирный потоп, строительство Вавилонской башни. Повествовалось о том, как Иисус Навин остановил солнце над Гаваоном и луну над долиною Аиалонскою; как погибли города Содом и Гоморра; как жена Лота превратилась в каменный столб и пр. Описывалось странствование «избранного народа» по пустыне, рассказывалось о том, как падала для питания этого народа с неба манна; как он был в египетском плену и подвергался египетским казням. Говорилось о войнах его с филистимлянами и пр.

Позднее, когда мы читали «Декамерона» Боккачио²²⁴⁷, то эпический тон помещённых в нём рассказов напоминал чем-то эти библейские повествования.

Настоящим жупелом для нашей памяти было изучение пророков, судей, царей, которых было много и они казались нам какими-то тенями, похожими друг на друга, и только некоторые из них затрагивали наше воображение и даже вызывали некоторые, по-детски наивные, нравственные оценки их поступков. Так, мы радовались победе мальчика Давида над Голиафом, вражеским великаном; хвалили Юдифь за убийство Олоферна; смутно сознавали, что Давид поступил нехорошо отбив Вирсавию у её законного мужа; смеялись над Валаамовой ослицей, которая заговорила. Моё же внимание особенно привлекла судьба библейского богатыря Самсона. У нас, мальчишек, был свой идеал человека сильного, ловкого и я находил в образе библейского Самсона воплощение идеала сильного человека, но никак не мог понять, как он мог поддаться Далилке, как мы называли его возлюбленную на своём жаргоне. Может быть, это именно непонятная для меня сторона образа Самсона обострила мне моё внимание к нему, и у меня появилось мучительное желание создать зрительный образ моего героя, но моё воображение оказалось бессильным создать этот образ, потому что мой жизненный опыт был ещё очень ограниченным. Так, пока что создание этого образа осталось для меня проблемой.

---

²²⁴⁷ Боккачио Джованни (1313-1375) – итальянский писатель и поэт. Автор «Декамерона» (1352-1354).

Мне было пятнадцать или шестнадцать лет, когда к нам в качестве приложения к какому-то выписанному нашим батюшкой журналу пришёл альбом с репродукциями картин на библейские темы французского художника Альфонса Доре. Одновременно с этим я знакомился с некоторыми произведениями великих итальянских художников эпохи Возрождения, в копиях изданными на открытках и теперь не помню, то ли у Доре, то ли у кого-то из последних видел изображение моего героя – Самсона, но это изображение мне показалось схематичным, лишённым, как говорится, плоти и крови, нет, не таким мне рисовался в моём воображении Самсон, не таким бы я мог встретить его в жизни. Это было, очевидно, следствием того, что я по своему художественному развитию был ещё далёк от понимания шедевров мирового искусства. И опять-таки образ моего Самсона не получил законченного мною вида.

И философы, и простые люди сходятся в своих мнениях о том, что в жизни людей бывают случайности, которые имеют иногда роковые последствия. Так, говорят, что Наполеон не добился в битве под Бородино победы потому, что у него был в это время насморк. Мне же на всю жизнь запомнилась одна случайность в моей жизни, которая, наоборот, была благодетельной для меня, так как помогал, наконец, разрешить проблему, которая стояла над моей душой, а именно найти искомый мной образ Самсона. Это произошло в одно из моих посещений Течи, но закончилось несколько позднее – в другое посещение, когда Теча предстала передо мной в своём «новом качестве».

В первом случае было так: я слышал, что мои родители в своём разговоре упоминают имя какого-то Василия Самсоныча. На основании созвучия – Самсон и Самсоныч – я насторожился: опять в порядок моих мыслей выплыл Самсон.

Рядом с нашим домом было волостное правление, на дворе которого происходили сельские сходы. Мне захотелось повидаться на «сходе» кое с кем из знакомых мужиков и я вышел во двор. Среди пёстрой толпы их – и высоких и низких, приземистых, старых и молодых, с широкими пушистыми бородами и бородами вехоткой, наконец, довольно упитанными и поджарых, со странной ещё фигурой и кособоких – я заметил человека, который выделялся своей массивной фигурой, невысоким ростом, но крепким сложением – плечами с широким размахом в «косую сажень» и особенно – крупными чертами лица, шевелюрой непокорных волос на подобие львиной гривы едва схваченных в кружок под поярковой шляпой.

При первом взгляде на него я ощутил радость и удовлетворение, которые бывают, когда долго бьёшься над решением какой-либо задачи, которая не даётся, возмущаешься с досады сам себя ругать и, вдруг, находишь это решение. Говорят, что Архимед в одном таком именно случае воскликнул: «Эврика!» Я был уверен, что это он – Самсоныч, а для меня – мой Самсон. Мой сосед на собрании подтвердил, что это был Василий Самсонович Уфимцев, живший на задах нашего огорода. Раньше я его не

знал, потому что он жил в нижнем конце села, в северной части, а потом поселился на пустыре за нашим огородом.

По своей привычке анализировать свои переживания, я старался потом разобраться в том, как же у меня получилось такое откровение образа моего героя: то ли тут сказалось магическое влияние созвучных слов – Самсоныч и Самсон, то ли образ нашёл, наконец, своё оформление при виде Самсоныча, но вероятнее всего здесь сказалось диалектическое сочетание того и другого познавательного момента.

Раз я нашёл в Самсоныче искомый мною образ Самсона, то не мог удовлетвориться только одним видением его на сходе, а захотел подробнее узнать о его личности и его жизни. Я побывал у его домины и осмотрел его хозяйство. Я предполагал, что у такого великана и силача всё будет большим по масштабу, чем у других, но увы! Всё было маленьким: маленькая избушка с двумя окнами на улицу, крытая дёрном, маленький дворик с небольшими тёсовыми воротами, маленькие «службы» - амбар, конюшни и пр. От знакомых я узнал, что хозяйство у Самсоныча тоже небольшое: две рабочие лошади, коровка с телёнком, десять овец, немного птицы. И всё это было от того, что у него был небольшой «надел» земли: мужику просто негде и не на чем развернуть свою силушку. Сколько он не старался «залучить» побольше земельки – это не удавалось: её расхватывали богатеи, а арендовать в «татарах» не было средств. Помню – это противоречие, вернее – несоответствие натолкнуло меня на глубокое размышление, которое привело меня в конце концов к мысли о несправедливости существовавшего тогда социального строя, дескать, сила человека сковывалась какой-то другой силой, но какой – я ещё тогда не понимал.

Моё первое признание в Самсоныче моего Самсона, очевидно, основывалось на внешних признаках сходства: на его фигуре и наличии силы. Библейский Самсон, как известно, был человеком богатырской силы: он расшатал здание, в котором «гуляли» филистимские вожди и они погибли. Сила же его была в волосах, но Далиле удалось лишить его силы, потому что она остригла ему волосы. Этот момент библейского повествования в образ библейского героя вносил новую черту: необходимость понять его с внутренней стороны, со стороны психологической. В детском возрасте такое понимание для меня было просто недоступным. Совсем другое дело было в момент моей встречи с Самсонычем: у меня был уже большой опыт жизни, обогащённый к тому же чтением таких художественных произведений, как «Отелло» В. Шекспира, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и др., в которых раскрывались тайники человеческих душ. Теперь для меня вопрос о том, как могло случиться, что библейский Самсон стал жертвой происков Далилы, не представлялся полной загадкой как раньше, а у меня был ключ к пониманию его психологии. Естественно, поэтому, что в характере Самсоныча искал ту же черту, которая была и у библейского Самсона. Я расспрашивал о нём у знакомых, что он за человек в быту, в жизни. Зная повадку наших мужичков иногда развернуться и показать свою «силу сильную и волю вольную», я

особенно интересовался тем, как Самсоныч проявлял себя в этом отношении. Легко можно было представить по аналогии с другими мужичками, которые, бывало, когда входили в буйный раж, то били всех и всё, крушили, а если бы Самсоныч взялся за это, то он в щепы превратил бы своё хозяйство. Мне говорили, что Самсоныч никогда не злоупотреблял пьянкой, всегда выдержан и примерный семьянин. В его натуре слились сила и кротость, т. е. те качества, которые мне казались присущими и библейскому Самсону. Самсон погубил филистимских вождей, но это был акт политический, но не проявление буйной самоуправской силы, в отношениях же к Далиле он проявил качество, составным элементом которого, как я думал, была кротость. В те времена, о которых идёт речь, распространена была репродукция одной картины известного художника, на которой был изображён лев, символизирующий силу у ног женщины. Эта картина, как мне кажется, могла бы частично символизировать характер отношений библейских Самсона и Далилы, но только частично. В характере Самсона я видел и черты Отелло – доверчивость, пока что не омрачённую ещё ревностью, и это всё при наличии чисто детской простоты души. Я предполагал это качество и у Самсоныча, но пока не имел наглядного подтверждения этому. Этим и закончилось моё знакомство с Самсонычем, точнее – мои знания о нём после первой встречи.

Прошло много лет и я увидел его в совершенно иной обстановке – после Октябрьской революции. Совершенно изменилась Теча и её жители. Здание, в которой была волость, теперь стала избой-читальней. В той части здания, где сидели писарь и писарёнок и где на столе с зелёным сукном стояло зеркало с орлом – символ самодержавия, была сцена, а в большей части комнаты, где раньше производились суды, теперь стояла мебель для публики при спектаклях. На спектаклях, как я заметил при посещении одного из них, была совсем другая публика, как в дореволюционное время: в «партере» сидели те, кто раньше мальчишками и девчонками торчали у окон в попытке заглянуть в зал. Сидели раздетые в чинном порядке, семьями, смотрели, временами аплодировали. Тут я видел своих знакомых – Постниковых супругов – Андрея Павловича, Агафью Николаевну и Татьяну Павловну Ключину и дочь её Марию Николаевну и многих, многих других. И вдруг мой взгляд упал и остановился на человеке, который почему-то снаружи, со стороны публики поднимал и опускал занавес. Всмотриваюсь пристальнее и узнаю в этом человеке Василия Самсоновича. Он немного сжался в корпусе, но шапка седоватых теперь волос по-прежнему выдаётся на его голове. Придет лучше: в тужурке военного образца, хотя и поношенной уж. Вид у него подобранный, а главное – выражение достоинства, в котором так сквозит мысль: вот смотрите – я тоже служу культуре. Когда он накручивал на руку верёвочку для подъёма занавеса, то в его жилистых и узловатых руках она казалась ниткой, и вся операция эта казалась детской, а он простоватым, по-детски наивным великаном. Я заговорил с ним, и он рассказал мне, как составила «труппа» артистов из

доморощенных талантов, которые нашлись на Горушках и Макаровке. С горечью упомянул о том, что был безграмотным и был рад, что его пригласили участвовать в спектаклях. Говорил о своих отношениях к артистам, называя того или другого ласково по имени. Я слушал и думал, какая же у тебя Василия Самсонович простецкая, но добрая открытая душа. Вот такой же, я думал, должна была быть душа и моего героя – библейского Самсона, чем наверно и воспользовалась Далила.

Так через знакомство с Василием Самсоновичем Уфимцевым мне удалось, наконец, создать образ моего героя – библейского Самсона.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 122-128.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» также имеется очерк «Самсоныч» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Челябинской области» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 306-310 об.), который менее информативен. В «свердловской коллекции» также имеется очерк «Самсоныч» в составе «Автобиографических воспоминаний». (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 130-153).

Диоген теченский

[1961 г.]

Он, конечно, не жил в бочке и не грелся на солнышке, лёжа на песке у моря. К нему не подходил Александр Македонский, но, как тот грек, он всегда стремился к уединению и созерцанию жизни. На его примере именно можно проследить, как в жизни меняются формы, а сохраняется содержание, и убедиться, как прав был Овидий Назон, назвав одно из своих произведений «Метаморфозами».

Их было три брата: Матвей, Пётр и он, Ефим. Первым «отказался от жизни» Матвей Иванович, оставив сына Александра, у которого в свою очередь было три сына, и от них пошло многочисленное потомство. Вторым умер Пётр Иванович, оставив сына Василия, у которого было два сына, и от них тоже пошло многочисленное потомство. А вот он, Ефим Иванович, остался бобылём. Была у него, передавали, единственная дочь, но она в семейном отношении оказалась неудачницей. Жена у него умерла рано, дочь совсем оторвалась от него, и стал он жить анахоретом. Хлеб ему выпекали, а иногда и что-нибудь варили к обеду соседки, добрые души. Избушка его старела и старела, и он тоже старел и дряхлел. Звали его жить к себе племянники и неродные внуки, но не шёл к ним, всё больше и больше замыкался в уединении. Любил он «поблаженствовать» на лоне природы: возьмёт под мышку самовар с трубой, лабазнику за неимением чая, краюшку хлеба и марш в маленький лесок, что против Черепановой. Вот тут то мы, дети, и подружились Ефима Ивановича в таком положении, в каком Александр Македонский нашёл Диогена на берегу моря. Этот маленький лесок был излюбленным местом для наших прогулок, потому что он был маленький, и мы, дети, не могли в нём заблудиться. Он был близко от села, и поэтому

было безопасно в нём в отношении встречи с бродягами. Ох, эти бродяги! Сколько на них только возводилось несправедливых поклёпов! Наберут девки ягод и сами же съедят, а скажут: «бродяга отнял». Поскользнётся какая-нибудь баба в сохранении супружеской верности, а свалит на бродягу.

Подходя к лесочку, мы уже издали заметили, что из него тонкой стрункой поднимается дымок. Что за «притча»! Что это может быть? Войдя в лесок, мы увидели закипающий самовар, а неподалёку от него грелся на солнышке на берегу реки Течи в «адамовой костюме» Ефим Иванович. Он только что вылез из воды и обсыхал на солнце. У нас, в селе, не принято было у крестьян делать такие экскурсии в лес, а вот Ефим Иванович придумал. Может быть, на это толкнуло его то, что он наблюдал когда-нибудь, как это делается у «бар», и вот «соблазн был велик, и решился старик». Как хотите, но поступок этот, конечно, был проявлением индивидуализма Ефима Ивановича, его отчуждённости и замкнутости.

Под старость, имеется в виду глубокая старость, эта черта характера Ефима Ивановича перешла уже в такую крайность, как это было у Диогена. В бочке он не жил: у нас другой климат, но жил в не менее оригинальной обстановке. Однажды мы, сидя вечером у ворот своего дома, наблюдали крайне поразившую нас картину: по пыльной дороге медленно ползло какое-то существо, издали казавшееся бесформенным, сказочным «колобком». Когда «колобок» приблизился, то мы с ужасом узнали в нём Ефима Ивановича! Как, что? Мы были возмущены жестокостью судьбы и людей, когда нам сказали, что Ефим Иванович полз к Григорию Семёновичу Макарову, не так далеко живущему от нас мужичку, и что там он «ночует» в хлеву с овечками. Вскоре после того, как прополз мимо нас Ефим Иванович, по дороге прогоняла телят Даниловна, жена племянника его Василия Петровича, и мы в порыве возмущения накинулись на неё с упрёками: как они, многочисленные родственники Ефима Ивановича, допустили его «до жизни такой», она ответила: «А вот подите и уговорите его. Сколько раз его звала, а он, то ли гордость у него, то ли что: не идёт!»

Когда Александр Македонский, загородив от Диогена солнце, сказал ему: «Скажи мне, в чём ты нуждаешься, я это сделаю для тебя», Диоген ему сказал: «Посторонись и не закрывай мне солнце!» У Ефима Ивановича, очевидно, были столь же непритязательные требования к жизни, как у греческого Диогена.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 311-313 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермско коллекции» также имеется очерк «Теченский Диоген» в составе «Очерков по истории Зауралья» (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 116-121). В «свердловской коллекции» также имеется отдельный очерк «Теченский Диоген» (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 407).

Если бы мы поставили перед собой вопрос: в каком произведении из всей мировой литературы, включая и классическую античную литературу, можно найти у писателя такую силу обобщения, силу типизации характеров изображённых в ней людей, что образы этих людей переживут века, переживут смены исторических эпох и сохранят свою свежесть и обаяние, то мы с полным основанием назвали бы «Метаморфозы» Овидия Назона. С каким другими произведениями можно было бы их сравнить в этом отношении? Разве только с «Божественной комедией» Данте, или «Декамероном» Бокаччио. Как сердцеведца Назона можно только сравнить с Шекспиром. Такие образы «Метаморфоз», как Филемон и Бавкида универсальны и живут в различных вариантах: у Н. В. Гоголя, например, в «Старосветских помещиках», в своеобразной форме – у А. С. Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке».

В Тече была мне известна одна супружеская чета, которая так воскрешала образы овидиевых Филемона и Бавкиды, что их хочется поименовать этими словами, именами, с прибавлением слова «теченские». Начать с того, что и имена у них были особые, не деревенские, но распространённые в деревне: его звали Евсей, а её – Калерия. Сокращённое его звали Евсей. Уже в их именах слышится что[-то] классическое, античное. Далее, словно кто-то подшутил над ними, соединив в одну семью: именинниками они были в один день. В деревне это считалось не маловажным событием. Главное же было то, что они жили так дружно, что один без другого никуда. Их материальное положение было где-то на середине от бедняка к середняку, с тенденцией, однако, оформиться в последнего, в середняка. Немного сеяли, имели лошадь, коровку, небольшую избушку с пристроем, но в дополнение к этому летом ходили на подённые работы: косить, жать, сгребать сено, молотить, одним словом на разные случайные приработки. Вот тут-то они проявляли себя Филемоном и Бавкидой. Прежде всего, выходили на работу вместе. Что бы они не делали, обязательно рядом. Садись за стол – обедать, «паужинать», ужинать рядом. Было что-то трогательное в этом их единении, что внушало уважение к ним. Что скрывать, в деревне иногда позволялись непристойные выходки к «бабам», пошлые замечания, зубоскальство по поводу той или другой семьи, семейных отношений. По отношению к ним – нет. Да и сами – некоторые муж и жена, - особенно под хмельком тоже «распоясывались» иногда настолько, что давали повод к такого рода отношениям к ним. У Евсевия и Калерии этого не было: в их поведении среди «общества» и на работе проявлялась та черта наших крестьян, которая называется «важеватостью», степенством, сознанием своего достоинства.

Был у них, в отличие от античных Филемона и Бавкиды, единственный сын – «Васька-калешка». Любопытно, что прозвище «калешка» ему было

дано по имени матери – Калерии. Объясняется это, очевидно, тем, что имя её так поразило изобретателя прозвищ своей оригинальностью, что он использовал его придумывающим прозвища. Было видно, что отец – Евсей, по согласованию с матерью – Калерией, по отношению к своему единственному сыну придерживались строгой системы. Однажды мы, приятели этого «Васька-калешки», были свидетелями того, как Евсей «дубасил» его за расточительность: излишнее скармливание их хлеба собаке. Впрочем, это был единственный случай, когда мне приходилось видеть Евсея вышедшим из его обычного, нормального состояния. Перед глазами у меня, наоборот, Евсей и Калерия стоят, как живые, в идиллической картине: «подёнщики» возвращаются после работы усталые, но обязательно с песнями, сидят на телеге тесно, «грудно» и среди них, как голубки, рядышком Евсей и Калерия.

В момент развития революционных событий Евсей «проштрафился»: у него тоже найден был зарытый в землю хлеб. Революция, таким образом, застигла его уже в момент, когда он начинал «вызревать» в кулака, или, по крайней мере, становился подголоском их, кулаков.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 314-316 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Две теченские леди Макбет и детские размышления по поводу совершённых ими убийств

[1961 г.]

Не убий! Шестая заповедь
Моисеева законодательства.

Не убивать, нельзя убивать, как и самое слово «убийство» вошли в наш детский разговорный язык из школьного изучения закона Божия. Это изучение начиналось с запоминания, зазубривания десяти заповедей Моисея. Так же, как заучивалась таблица умножения и по порядку и в разбивку, нужно было уметь прочесть любую заповедь. Знание этих заповедей было альфой и омегой изучения закона Божия. Можно было, например, сбиться на чтении тропаря, но нельзя сбиться на знании заповедей; знание их было тем, что в логике выражается словами *condition sine qua non* – условие без которого ответ не может быть признан удовлетворительным. Вовсе не требовалось разбираться в том, что означают эти заповеди, например, «не прелюбы сотвори»: для школьника считалось достаточным суметь прочесть, а что обозначает та или другая заповедь – по этому поводу рассуждали так: подрастёшь – узнаешь, жизнь научит. Вот так воспринята была нами, школьниками Теченского села, и шестая заповедь Моисея, так сказать, голословно, формально, но жизнь поторопилась преподнести содержание её в конкретной форме и этим дать материал для детского мышления.

Во дворе школы находилась каталажка для уголовных пересыльных преступников. Это была кирпичная изба, на половину как бы вдавленная в землю: окна её уже были на уровне земли. Если каталажка при волости в сознании населения представлялась чем-то вроде карцера, т. е. не особенно страшным местом заключения, то каталажка у школы считалась если не настоящей тюрьмой, то, во всяком случае, преддверием тюрьмы. Она и на самом деле имела отвратительный вид тюремного каземата. Соседство её со школой объяснялось тем, что в том здании, где была теперь школа, жил раньше на квартире становой пристав Селивестров, а эта каталажка и была в непосредственном подчинении его и вообще всех теченских приставов. В каталажке всегда сторожил татарин, а неподалёку жил стражник Алексей Яковлевич Лебедев.²²⁴⁸

Нужно сказать, что эта изба мало интересовала школьников, просто сказать: они и не понимали её назначения. Но вот произошло событие, которое сразу привлекло внимание школьников к этой избе, больше того взбудоражило их, как магнит, приковало их внимание к ней: по школе прошёл слух о том, что в эту каталажку только что из Баклановой привезли молодую женщину, которая убила мужа. Сторожиха даже рассказывала, что она знает эту женщину, что она, эта женщина, теченская и не так давно вышла замуж. Сообщение об этом событии стало известно школьникам в перемену перед последним уроком, и на уроке чувствовалось возбуждение школьников. Был март. Занятия кончились засветло и школьники с некоторым опасением кинулись к окошкам избы – посмотреть на преступницу. Всё внимание их было сосредоточено на внешнем виде преступницы и в их воображении она рисовалась чуть ли не зверем, если не мохнатым, то, во всяком случае, со страшными глазами. Любопытно именно то, что внимание их было сосредоточено на внешней стороне этого события: как оно произошло. Все согласны были, например, признать, что она убила мужа, когда она спал (иначе он не дался бы); согласны были с тем, что она зарубила его топором (нож для этого казался слабым орудием), но расходились только в том, был ли удар по темени – плашмя, или остриём. Дальше интереса к внешней стороне события мышление школьников не пошло: не было моральной оценки его. В их сознании только отразилось одно: зверь (в данном случае убийца) совершил преступление так-то: взял топор и зарубил ... всё. По правде сказать, и суждения взрослых по этому вопросу вращались тоже преимущественно в таком же духе.

Года через два – после этого события много шума в Тече вызвало убийство одной женщиной мужа в самом селе, причём убийцей оказалась уже не молодая женщина, а мать семейства. Любопытно, что это событие среди населения, наоборот, подверглось главным образом моральному разбору его, моральной оценке. Может быть, это произошло от того, что и убитый и убийца были очень хорошо знакомы всем с хорошей стороны, а

---

²²⁴⁸ Николай Яковлевич Уфимцев. См. очерк.

поэтому оно глубоко всех взволновало. Толковали о том, что жена заметила в отношении мужа к его и её родной дочери нечто ненормально сексуальное... и зарубила. Эти толки, однако, не дошли до детского сознания. Когда же взрослые стали разбирать вопрос о том, что убийца будет отдана под суд и понесёт определённую кару в наказание, этот момент очень своеобразно преломился в сознании и выразился в вопросе: «за что же будут её судить, ведь, она убила своего мужа, а не чужого». Это детское суждение как нельзя лучше всего свидетельствует о том, насколько детские мозги были не подготовлены к тому, чтобы воспринимать те «глубокие» истины, которые заключались в заповедях Моисея.²²⁴⁹

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 347-351.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Люди «странные» и люди, «обиженные богом»

[1961 г.]

Как разговоришься с кем-нибудь из жителей соседних с Течей сёл о житье-бытье их, так и узнаешь, что в каждом из них есть свои, чем-либо из ряда других выделяющиеся люди, не славой, не трудом, а каким-нибудь отклонением от обычного быта или нормального состояния. Так, в Сугояке, например, в этом отношении указывали на Васю Курника, совершенно оторвавшегося от земли и крестьянства и странствовавшего «по городам и весям» с кружкой «на украшение храма», или на Микулу-мужика – идиота и летом, и зимой расхаживавшего по селу в одной длинной рубахе, с пёрышком в руке, которое он крутил, поворачивая на солнце.²²⁵⁰ В Беликуле

---

²²⁴⁹ Из письма В. А. Игнатьева И. С. Богословскому от 01 марта 1961 г.: «Много ли убийств? Я показал только маленькую часть этого. Чтобы понять эти явления, нужно помнить, что Теча расположена у ворот Сибири. Арестантов через Течу не прогоняли, а вот бродяги по нашим краям летом шлялись» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 61-61 об. Из письма от 19 марта 1961 г.: «Нравы в Тече были суровыми: убийства, воровство. Надо думать – это было по следующим причинам:

1) Это были последствия жестокой вражды между аборигенами края: башкирами и колонизаторами – выходцами из Расаи. Ещё в наши времена были в этом отношении настоящие войны – из-за земли. Русские называли в и в наше время татар не иначе, как собаки.

2) Близость Сибири.

3) В Течу, например, приходили ремесленники, которые влияли на землеробов» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 215. Л. 66 об.-67.

²²⁵⁰ В очерке «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминания автора: «Опять же в Сугояке Никула – ему под сорок лет, а он дурак дураком, «идиотом» зовут. И лето, и зиму в одной долгой рубахе, как у бабы становина, бегаёт по улице да пёрышко крутит перед глазами. Зимой холод – надеть на него пимы или шапку – сбросит. Ноги у него красные, как сафьян. Ничего не понимает, а дашь кусок хлеба – начнёт жевать. Покарает же так Бог человека за наши грехи» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 63. Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе

указывали на карликов брата и сестру Афоню и Проню²²⁵¹, а в Нижне-Петропавловском селе, короче называемом – Нижней, был мужичок-поэт, у которого был талант говорить рифмованными стихами, но по содержанию стихи были густо циничными, порнографическими. На него и указывали, как на некое редкое явление, на талант, и были любители послушать его «стихи» и проводились «чтения», на которых он являлся с полным сознанием своего редкого таланта и «читал». В Тече тоже были свои замечательные люди, хотя не с таким талантом, как у последнего дяденьки, а, наоборот, люди бесталанные, «богом обиженные», вроде вышеуказанных Афони и Прони. О них-то вот и будет ниже речь.

«Екимушко»

Он по месту рождения не был теченским, а нижновским, но, как говорится, «прибился» к Тече, а по-учёному сказать – акклиматизировался. Началось с того, что он приходил в Течу в престольные праздники – «Девятую» и «Первый Спас», приходил, как и многие тогда делали – помолиться Богу. Его, как «богом обиженного», заметили, зазывали в гости. угощали шаньгами, пирогами. Завязалось знакомство, и он стал в Течу приходить и в простые дни. И в этих случаях тоже то туда, то сюда зазывали чай пить, пообедать, а то и переночевать. Вот так он и привык к Тече: сходит на день-два в Нижну, где у него жила мать, а потом приходит в Течу. Бог его обидел зрением: он был слепым. Сам про себя он по этому поводу говорил так: «вижу, что под ногами чуть брезжит, а больше ничо́ не вижу». И так, если посмотреть ему в глаза, то ничего как будто бы ненормального в них нет: карие, как у многих, а приглядишься повнимательнее: да, что-то не то: как бы глазка́ в них нет, мёртвые. Так бывает на болоте, когда в нём неподвижная, стоячая вода и в ней ничего не отражается.²²⁵² Когда Екимушко

«Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Зимой он, заколевший от холода, с ногами красными иссиня, приходил в кухню поповского дома, отогревался, а потом снова мчался куда-либо по домам сельчан. На население он производил гнетущее впечатление, и жители села смотрели на него, как на Божие наказание за грехи. Несчастный умер от холеры» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 20 об.

²²⁵¹ В очерке «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Вот в Беликуле брат и сестра – Проня и Дуня. Как подросли к десяти годочкам, так и перестали больше расти. Ему уже за тридцать, а ей около того, а они всё ростом, как дети. И смеяться охота над ними и нельзя: Бог накажет» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 63.

²²⁵² Из очерка «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как у всякого человека, не занимавшегося физическим трудом, у него были слабо развиты руки: они были бледные, с недоразвитой мускулатурой. Он сильно вытянулся кверху, с узкими плечами, с лицом святого византийского письма. Волосы были у него прямые, без завитков, сильно припущенные к

сделался в Тече, как говорится, завсегдаем, ему было за двадцать лет. Волосы у него были чёрные, подстрижены в кружок по-деревенски, лицо бледное, как это бывает, например, у сектантов. Так как он с детства не занимался физическим трудом, то был слабого сложения: тонкие руки висели, как плети, ноги при ходьбе гнулись в коленях, и вообще вид был довольно жалкий. Обычный его внешний вид был таков: бредёт он с палочкой, бочком, ощупью, а глаза устремлены куда-то вверх, как это делают все слепые. Что можно сказать об его одежде? Можно ли её подвести под какой-либо стиль? Вопрос этот кому-либо может показаться странным и пустопорожним, дескать: какой же может быть стиль одежды в деревне? А вот и нужно сказать, что не только он может быть, а и был. Например: зипун, пониток, частобор, шуба с бархатной или сафьяновой отторожкой, круглая поярковая шляпа – разве это не стиль? Но в отношении Екимушкиной одежды нужно сказать, что она была не в этом стиле, а была смешением различных стилей. Как составлялся его гардероб, если можно так выразиться? Он составлялся по пословице: «С миру по нитке – голому руба». Скажем так: Новиков дал ему визитку с плеч своего сына Васи, конечно, обносок; Николай Иванович Лебедев дал обношенные свои плисовые шаровары; на ноги кто-то дал, так называемые, бахилы, а шляпу подарил со своей головы Паша Бирюков. Вот и получается, что сверху на половину он походил на барина, а второй половиной – на крестьянина. Где уж тут говорить о стиле – лишь бы не ходить голым.

Как питался Екимушко? Можно ли было его отнести к нищим? Если бы его кто-либо назвал нищим, то он бы нанёс ему смертельную обиду. Нищие в Тече были «кусошниками»: они сидели, например, по праздникам у церкви, где для них о[тец] протоиерей, настоятель церкви, распорядился поставить длинную скамейку, на которой они сидели рядышком, как воробьи осенью на электрическом проводе, а идущие в церковь, главным образом, женщины подавали им шаньги, кральки со словами: «помяни раба Божия» такого-то. У этих нищих была даже своя организация: они иногда продадут подаяние, коллективно купят штоф вина и где-нибудь на Горушках устроят настоящий пир с песнями и танцами. Были «кусошники», которые ходили по домам, а один парень из Черепановой – Стёпка или Егорко – даже возил тележку с ящиком, прикрытым скатёркой, и распевал: «батюшко, матушка, сотворите святую милостинку ради Христа, что Господь послал», причём последние слова так выкрикивал, что слышно было издалека. Екимушко не примыкал ни к той, ни к другой группе: он был не «кусошник», а приходил в «гости», «гостил» и если ему при этом что-либо давали, то не как «ради Христа», а как подарок. Так это понимала и та и другая сторона, т. е. и рука дающая и рука принимающая. Екимушко и молитвы пел иначе, чем нищие. Он, например, пел: «Заступнице усербная» (*sic!*), а в конце слова: «ты бо еси

плечам, а глаза светлые, но безжизненные, не отражающие его внутреннего мира» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 64.

спасение рода христианского» - переделывал по-своему: «ты и сама то роду нашего хрестьянского». Никто из нищих такой молитвы петь не умел.²²⁵³ Кроме того, когда Екимушко приходил в гости, то сколько было разговоров: он обо всех расспросит из родни: и про Колю, и про Петю, про всех, а когда уходит, то обязательно закажет приветы тому и другому и не как-нибудь, а со словами: «ты так и скажи ему, что Екимушко, мол, велел кланяться». Если же он с кем-либо встретится после длительной разлуки, то и общупает его: какой, дескать, ты стал, как вырос. Так, когда он встретил однажды через 15 лет Петю Иконникова, то стал его ощупывать всего, а особенно шарил у него по груди, когда же тот в недоумении спросил его, что он там ищет на груди, то Екимушко сказал: «смотрю, какие у тебя есть «заслуги», т. е. он искал медали, кресты и пр. Любил Екимушко переделывать и новости: уж если что у него есть, не утаит, а, наоборот, хотя с трудом, придёт и расскажет. Бывало, что Екимушко пристраивался и на работу подомовничать и даже и на «житьё». Так, в Тече же на угоре жила одна женщина – не то вдова, не то старая дева. Она подговорила его поселиться у ней: кроме избёнки у ней ничего не было, да и в избе-то мало что, а всё-таки хоть он и слепой, а в избе закроется – будет домовничать, вечером – придёт она с «подёнщины» - откроет. Если кто днём придёт, по делу или так, узнает и ей передаст. Да и так всё-таки есть с кем поговорить. Так люди стали «языки чесать», что Екимушко женился и что «та» его «сомутила». Чего-чего только не наговорили, а и не подумали того, что чем ему жениться-то: у самого еле душа в теле, что «плоть немощна» его. Обижали этим его. «Подцыганивали» над ним иногда и «бирючата», известные по Тече «охаверники»: прикинутся, что ушли от него, а он начинает кричать, звать их, а потом откроются ему. Он начнёт грозить им: «ребята, я на вас буду жаловаться матушке Поликсении Петровне». Нашёл, кому жаловаться! Матушка Поликсения Петровна сама сколько натерпелась от озорства своих деток, сколько раз всячески старалась выгородить их от всех жалоб на них, боялась, как бы не узнал об этом о[тец] протоиерей: крутой он был человек.

---

²²⁵³ Из очерка «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Якимушко стоял с мешочком, но люди проходили мимо него, с удивлением поглядывая на здорового мужика: никто не знал, что он слепой, когда же всё-таки кто-то из знавших его сказал, что он «богом обиженный», а именно слепой, то его заподозрили в симуляции и начали испытывать его зрение. К услугам испытателей явились мальчишки, которые подталкивали его и прятались, но скоро полная беспомощность слепого была обнаружена и окончательное заключение об его слепоте сделала Катерина Ивановна, заявив авторитетно: «глазёньки-то у него ясные, чистые, а свету в них Бог не дал». У русских людей в характере при переходе от одного настроения к другому впадать в крайность: если казнить – так казнить, жаловать – так жаловать, как поступил Пугачёв по отношению к Гринёву. Так получилось и с Якимушкой: после испытания его зрения, в чём люди считали себя погрешившими перед ним, теперь, когда убедились, что он на самом деле слепой, все пустились жалеть «богом обиженного» и приглашать его в гости – на чай» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 64-65.

Однажды в Тече составила́сь группа богомолков для поклонения мощам чудотворца Симеона Верхотурского. Группу эту согласилась вести Феврония, которую попросту звали Ховронья. Она была всем известная паломница по святым местам. Это собственно и было её жизненным призванием. Была она одинокая, сестра жены известного по Тече Семы чёрного, в прошлом конокрада. Про неё говорили, что она ходила пешком в Киев на поклонение киевским угодникам и мечтала добраться до «святой земли» и поклониться Гробу Господню. Она всегда приносила с собой крестики, иконки и пр. Для неё хождение в Верхотурье, примерно, за 500 вёрст – было небольшой лёгкой прогулкой. В компанию вошли большей частью пожилые, но крепкие женщины из тех, у которых в доме были снохи, на которых можно было переложить хлопоты по хозяйству. Кстати под предлогом поклонения святому увильнуть и от муторного сидения и стукания за «кроснами». Самым благоприятным временем считалось после «паски» до Филиппова поста, но с расчётом, чтобы в «Девятую» быть дома. В эту компанию был включен и Екимушко: в компании он мог довольно бойко шагать. Может быть, думали, и чудо с ним случится: прозреет – тогда и им будет слава – вот, дескать, как это было – упомянут и их. Была, возможно, и такая мысль, что с ним легче будет прокормиться «Христовым именем», потому что им если не всем, то кое-кому могут и отказать в милостыне: в это время появились уже безбожники и можно нарваться на неприятности, что кто-нибудь посмотрит на ту или другую богомолку и скажет: «ты смотри, какое у тебя мурло спереди головы, а ты ходишь да побираешься». Тут вот и можно подставить слепого – убогого. Сказать по правде, даже и не безбожник это мог сказать: богомольцы шли на поклонение, как саранча – тамбовские, орловские и всякие и все хотят питаться «Христовым именем». Население в деревнях, через которые они шли, жило богато: у них были понастроены дома целые крепости, в оградах был деревянный настил, как пол, но ведь такую уйму людей «ради Христа» не накормишь; за деньги, пожалуйста. Вот таким образом Екимушко и побывал у Симеона чудотворца, но не прозрел.

Перед Октябрьской революцией на короткое время Екимушке выпало счастье: он устроился на работу; да, он слепой, устроился и кем бы вы думали? К самому Павлу Владимировичу Бирюкову, поступившему в Течу на какую-то юридическую должность. Работа его состояла в том, чтобы за несколько шагов ходить, относить и получать корреспонденцию. Если бы Екимушко был поэтом, то он мог бы словами А. С. Пушкина сказать о своей работе: «Моей души предел желанный» и вместе с Гёте воскликнуть об этом моменте своей жизни: «Остановись – ты так прекрасен», но он не был поэтом и к счастью: иначе падение бы его было с ещё большей высоты и вызвало мгновенную смерть, чего всё-таки не случилось. Прошёл Октябрь, и произошло падение Павла Владимировича, а Екимушко вернулся в «первобытное» состояние. Стал он понемногу хиреть и вдруг его не стало: ни в Тече, ни в Нижней. Так весной полая вода забросил на островок льдинку.

Все видят, как льдинка тает, но когда однажды люди проснулись и посмотрели на островок, льдинки уже не оказалось: она растаяла.

Иван Степанович Просвирнин

Могут ли психиатры предусмотреть тот момент, с которого в душе человека количество известных душевных переживаний перерастёт в качество, и он перейдёт в то состояние, про которое у человека говорят: «он сбился с панталыку». Могут ли также психиатры установить связь между старым и новым состояниями, чтобы объяснить, как возникло новое качество. Например: однажды среди дороги сидел мужчина, уже седеющий, и усиленно сгребал в кучку землю. Он был явно в невменяемом состоянии. Собралась кругом публика и все старались узнать: что с ним, зачем он это делает? Подошла одна женщина и сказала: «он вчера похоронил свою единственную дочь». Всем стало ясно, что несчастный воспроизводил ту картину похорон, когда над могилой делали холм, и в этот момент его сознание помутилось. Но как эта беда случилась с Иваном Степановичем, что он, нормальный мужичок-среднячок, муж хорошей работающей жены, отец такой же дочери, вдруг помешался на «тысячах», сохранив при этом и нормальное мышление?²²⁵⁴ Вот он принёс на продажу рыбу и раков и назвал цену всему двадцать пять копеек. Спросите его, как он установил такую цену: может быть, её подсказал ему кто-нибудь? Ошибаетесь. Спросите его об этом, и он вам продемонстрирует такую калькуляцию, которая под стать учёному человеку. Он вам всё оценит по копейкам: вот этот окунь побольше ценой пять коп[еек], раки – две копейки, окуни поменьше – десять коп[еек], а остальное – за чебачок. Вы просмотрите его расчёт и отдадите деньги. Всё ясно: суждение у Ивана Степановича трезвое. Но вот получил он свой четвертак и перемахнул на «тысяцы». Начинает делиться своими тысячными операциями. «Мне – говорит, - Антон Лазаревич «поплатился»: уплатил пять тысяч из пятнадцати тысяч долга. Достает свои «тысяцы» и показывает пять фабричных этикеток к кускам мануфактуры, которые фабрикой наклеивались как клеймо: на них большей частью изображалась фабрика. Что это?

---

²²⁵⁴ Из очерка «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Жили в Тече два брата: Димитрий Степаныч и Иван Степаныч Просвирнины. Только двое они и были на селе с этой фамилией, что явно говорило, что они прибились откуда-то к костяку села из Лебедевых, Кокшаровых и пр. Жили братья, как говорится, «ни шатко, ни валко, ни на стофку». У каждого была избушка с необходимыми в хозяйстве службами – амбаром, погребушкой и пр., по паре рабочих лошадей, коровёнка, немного овец, птицы. Мужики были работающие, имели семьи. И вот с Иваном случилась беда: стал заговариваться и о чём? О тысячах. Он немного ещё рыбачил и по пословице: «чудак рыбак – рыбу ловит, а сам не ест» - продавал рыбу. Ставил он на разных местах реки, большею частью – проточных морды и удачно. Принесёт он бывало летом к нам рыбу – шуренку, несколько окуней, и чебаков, и начинается торг» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 68.

Насмешка? И насмешка и единственный выход из положения: он не уйдёт, пока что-либо не получит.²²⁵⁵ И ему не один Новиков так был должен, а должны были и протоиерей, и Пеутины, а вот дьячок не был должен: он понимал, что тут нечего взять. Логика? Да – по Аристотелю. Но как объяснить скачок от копеек к «тысячам»? Это не всё: у Ивана Степановича ещё есть странный, даже более странный, чем на «тысяцы» ход мысли. Вот он сообщает, что прошлой ночью к нему в голбец приезжал его императорское величество со своим семейством. Что это такое? Если бы он был жив в настоящее время и об этом узнали нынешние сектанты, они бы объявили его провидцем и сказали, что он провидел трагедию, разыгравшуюся в подвале Ипатьевского дома много позднее. Но как всё-таки у него зарождалась в мозгу такая картина, о которой он тогда рассказывал? Как-то из волости с диким криком выбежал Иван Степанович: «Спасите: меня хотели зарубить чингалом» (кинжалом). Что было на самом деле? Он стоял у стола писарёнка, а на столе лежал ножичек из кости, которым разрезают бумагу, листы не обрезанные у книги. Форма этого канцелярского ножа действительно имела форму кинжала. Когда писарёнок взял в руки нож, ему показалось, что на него нападают с «чингалом». Повышенная чувствительность, самовнушение. А вот подчинение внушению. Приходил к нему нечестный человек и внушает: «И. Ст.! Ты что не жнёшь свою пшеницу там-то. Зерно-то ведь осыпается». И. С. берёт серп и сжинает пшеницу на «своей», как внушено, полосе, а подлец-внушитель снопы свозил на своё гумно. Он никого не обижал, а его обижали. Так он и жил. Жаль, что он не попался на глаза, а вместе с ним и те, которые потешались над ним, Фёдору Михайловичу Достоевскому: он бы сумел и его и «тех» показать с обнажённой душой – по-карамазовски.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 536-547.

Настенька черепановская

Её именовали черепановской по названию деревни, в которой она родилась и жила постоянно. Деревенька эта – Черепанова – находилась (теперь её уже нет) вблизи нашей Течи, на левом берегу одноимённой с селом речки, против юго-западной окраины его, именуемой Горушками.

Мне было пять-шесть лет, когда она девушкой шестнадцатилетних приходила иногда к нам в гости помогать нашей матушке по хозяйству: то постирать бельё, то пополоть в огороде и т. п. Между нами –

---

²²⁵⁵ Из очерка «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Пойду, говорит, к Новикову – за тем осталось ещё три тысячи, а двумя поплатился. Новиков, теченский купец, расплачивался с ним фабричными наклейками на кусках мануфактуры Саввы Морозова, а иначе не мог никак «отбояриться» от его настойчивых требований» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 68-69.

ею и мной, так сказать, было большое различие в возрасте, и я знал её лишь по наблюдениям за ней, да по разговорам, которые велись о ней в нашей семье. Этих двух источников знакомства с ней, однако, было достаточно для того, чтобы яркий образ её сохранился в моей душе. Вот он.

Природа наградила Настеньку богатырским сложением и силой, какие можно встретить лишь у мужчин в пору их зрелого возраста. Бывало зимой какой-либо большой, тяжёлый воз с сеном свалится на раскате на бок; Настенька подойдёт, подопрёт его своим плечом, и он становится «на попа». Так же летом, в распутицу, какой-либо тяжёлый воз застрянет от того, что колёса «заест» в колее; несчастную лошадёнку начинают стегать кнутом; она рвётся направо, налево, но не может вытащить телегу на лужи; Настенька подойдёт, возьмётся за тяж, ухнет, чтобы лошадка согласовала свои силы с её силой, рванут в две силы, и воз становится на гладкой дороге.

Только бы радоваться Настеньке, что природа наградила её такой силой, так нет: этот её дар природы обернулся против неё – появились завистники её силе из среды парней-зубоскалов да некоторых мужиков-бородачей, которые стали осмеивать её, «галиться» над ней по разным случаям какой-либо беды. Случалось иногда так: не может опять-таки какая-либо лошадка завезти воз на гору из-за перегрузки его; и вот какой-либо зубоскал заявит: «Надо Настю позвать – она, кобыла, разом подмахнёт телегу на гору». Или: строят дом и не могут поднять тяжёлое бревно, и опять начинают трясти Настенькино имя с разными обидными для неё присловьями – дескать, «такая-сякая». Старались поднять её на смех по всякому подходящему и неподходящему случаю. Так, на селе не принято было, чтобы женщины ездили «на верге» по-мужицки – «на расшарашку», но бывали случаи, что какая-либо тётушка, по нужде, появится среди бела дня таким «рыцарем» и ничего – кто отвернётся, а кто погорячее «нравом» – плюнет, но промолчит. А покажись в таком виде Настенька, так зубоскалы начинали язвить: «Эй, Настя, Настя, смотри»... и дальше шли непристойные слова, обидные для чести девушки.

А была Настенька добрая и ласковая. Любила детей. Не дай Бог, если она увидит, что кто-то бьёт ребёнка. Подбежит, выхватит его из рук обидчика-истязателя, а самого его возьмёт за руки, взмахнёт вокруг себя, и он «вверх тормажками» летит. Возьмёт потом ребёнка на руки, и лицо её засияет счастливой улыбкой, а сама она боится дохнуть на ребёнка своей могучей грудью.

Любила также Настенька помогать другим и обижалась, если ей за услугу предлагали деньги, как за подённую работу. Единственно, что она принимала за услугу, то чтобы её угостили чайком. Пить чай – это было её душой, и в этом случае одним самоваром, даже ведерным, от неё не отделаются: сядет она за стол, и чашка чайная с блюдечком только разговор ведут в её руках. Вся разопрет, смахнёт платок с головы, вытрет им потное лицо и шею, подвяжет им опять голову, подоткнувши пряди выбившиеся из косы волос, и снова за чай. Напьётся чаю, опрокинет чашку на блюдечко,

сверху на неё положит желтоватый «обсосок» сахару, повернётся к иконе, покрестится, обернётся к хозяевам и с поклоном скажет: «Спасибо на чайке, на сахарке».

И вот случилась с девкой беда: «заскудалась и заскудалась». Любила Настенька попариться в баньке. Изба у них стояла близко у речки, а баня – «курная», дымная, с одним окошечком-глазком, устроена была в яме, образовавшейся в берегу от стока талой воды. В баню ходили по субботам вечером, а топить её поручали Настеньке: она знала, как истопить, чтобы пар был лёгкий, но крепкий. В баню Настенька ходила одна, чтобы никто не помешал ей попариться вволю. Придёт она в баню, поставит в окошке-глазке огарочек свечи, поскидает с себя своё «немудрёное» одеяние, раскидает волосы, возьмёт в ковшик воды и «бзданёт» в загнетку на краснощёкие чугунные обломки. Пар как рванёт, чуть не сорвёт дверцу с петель, Настенька прихлопнет дверку, заберётся на «полок» и хлещет себя веником пуще прежнего.

И вот однажды девка не рассчитала правильно: сколько нужно было принять в себя жару и холода, застудила себя и стала хиреть и хиреть. Позвали деревенскую лекарку Степаниду, та дула на неё пламя с пасхальной свечи, парила в бане, но ничего не помогло: умерла Настенька в «семик» перед Троицей. Матушка её убивалась в горе до безумия: руки «ломала», причитала – «доченька моя родимая, почо ты нас покинула...» В гробу прикрыла её полотенцем, которое ткала и вышивала ей в «приданое», положила цветочков – медунок. Девушки одногодки, Настенькины подружки, в эти дни водили хороводы, заплетали венки и кидали их в печку: о судьбе своей гадали, а Настеньку похоронили под ракитовым кустом как «Христову невесту».

Люди не постоянны в своих отношениях к другим и часто живут по пословице: «Что имеем – не храним, потеряли – плачем». Так было и с Настенькой: как она жива была, то «галились» над ней, а когда умерла – жалели её, поминали добром.

Всякий раз как мне случалось бывать в Черепановой, я подходил к избушке, где раньше жила Настенька. Я вглядывался в дверь избушки, которая вела из сеней во двор, и ждал, что вот-вот, может быть, выйдет Настенька, но только в сказке так бывает – приходят к людям покойники. Тщётно я ждал, но благодарен я своей памяти за то, что она сберегла в моей душе образ этой доброй и ласковой девушки, которую не оценили свои же деревенские люди, её земляки.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 83-86.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» имеется ещё один одноимённый очерк «Настенька Черепановская» в составе очерка «Люди «странные» и люди «обиженные Богом» в «Очерках по истории села Русская Теча Челябинской области». (ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 546-547.), в который наименее информативный. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Настенька Черепановская» в составе «Очерков по истории села Русская Теча

Данилко

Жаркий, летний день. Солнце ещё на подъёме к полдню. Откуда-то издалека – не то из Макаровка, не то с Горушек доносится крикливый голос, который на высоких нотах бросает в эфир слова: «что Господь послал». Голос всё ближе, и уже слышатся слова: «батюшка, матушка, подайте святую мылостыньку» и опять с выкриком: «что Господь послал». Голос уже совсем близко, и слышится законченный текст молитвы: «Господи Иисусе Христе, батюшка, матушка, сотворите святую мылостыньку, что Господь послал». А вот на горке, у церкви появляется и сам обладатель этого голоса, парнишка 14-15 лет, с непокрытой вихреватой головой, в старой рубаше с открытым воротом, как видно с чужого плеча, выцветших картовых штатах и какому-то подобию сапогов, явно не по ноге, больших и в довершении ко всему этому с тележкой на четырёх колесах деревенского изделия с ящиком камней, прикрытым скатёркой. И сейчас же около него образовалась толпа мальчишек, шествовавших за ним. Вот он подошёл к дому Пимена Фёдоровича Клюхина и запел свою молитву, а из калитки вышла женщина и подала ему кусок калача. Издали смотришь на него и кажется, парень как парень, а подойдёшь ближе и видно, что он «богом обиженный», ноги у него при ходьбе вихляют и не поймёшь: то ли он волочит тележку, то ли больше держится за её дышло, чтобы не упасть, а главное – на лице у него явные следы вырождения – туповатый, бессмысленный взгляд и косноязычие: он скорее издаёт мычание, чем слова. Сразу приходит мысль: кому-то очевидно стоило многих трудов выдрессировать его на произношение молитвы.

По мере того, как он удалялся от церкви, голос его слышался около нас слабее, и, наконец, не стало слышно. После полудня он тащился с пыльным ящиком кусков калачей, булок, шанег и пр. к себе в Черепанову через мостик, который связывал Течу с Заречьем. В северной оконечности Черепановой, не въезжая в деревню, он скрывался в одной из землянок, где жили его родители. Данилко был кормильцем своей семьи.

В двух землянках жили Тит и Борис со своими семьями. Около землянок проходила дорога и зимой, когда эти «здания» заносило снегом, можно было по ошибке проехать по крышам их. Тит ещё немного сеял, а Борис [превратился] уже в полном смысле слова в деревенского «люмпен-пролетария». Была у них ещё девочка, которую родители с 13 лет отдали в услужение. Мать и отец могли работать по найму, но они предпочитали кормиться при помощи своего сына Данилки, «обиженного богом». Это было возможно при помощи существовавшего тогда социального устройства жизни.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 63-72.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. Последние два очерка находятся только в составе «Очерков по истории Зауралья» и в «Очерках по истории села Русская Теча Челябинской области» отсутствуют. В «свердловской коллекции» имеется очерк «О людях, богом обиженных» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть III. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 380).

СЕЛО СУГОЯК

(из юношеских воспоминаний)

[1965 г.]

«Историческое» событие в Тече

Летом 1896 г. в нашей семье произошли два важных события, которые можно назвать для неё историческими: во-первых, вступление в брак нашего старшего брата Александра со старшей дочерью Теченского протоиерея Владимира Бирюкова, Марией Владимировной и, во-вторых, назначение его и проводы на работу в Сугояк, соседнее с Течей село. В результате первого события в Тече установились родственные отношения между двумя многодетными семьями – Игнатьевых и Бирюковых, в нашем житейском лексиконе между членами новой родни стали фигурировать новые слова «сват», «сватья», подкрепляемые сентенцией – «сват – большая родня». В результате же второго события установились родственные отношения между указанными выше обитателями Течи и Сугояка, если выразиться конкретнее – установился обмен гостями с той и другой стороны. Состоялись в торжественной обстановке проводы «молодых» в Сугояк с разными напутствиями в их жизни, а потом началось «паломничество» туда членов наших семей и, прежде всего, торжественные выезды глав семейств с хлебом-солью и другими возданиями по случаю новоселья молодых хозяев. ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 179.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Первый выезд в Сугояк

Как сейчас вижу картину выезда в Сугояк первый раз в жизни наших родителей. Им подан был для поездки наш лучший летний экипаж, а впряжены были много поработавшие в период подготовки к свадьбе «рысаки» маленькие Бурко и Воронко, и впряжены они были парой, что делалось только в торжественных случаях. На козлах сидел наш многолетний работник, к которому мы привыкли уже как к неперемому члену семьи Илья Петрович Ерёмин – баклановский мужичок, в прошлом – рядовой гвардии. Уселись в экипаж наши родители с хлебом солью, Илья тронул «рысаков», и пара помчала их в Сугояк. Такая же пара выехала и со двора Бирюковых. Потом, через день-два, двинулась в Сугояк и наша «армада», целый поезд молодежи – детей, девушек и парней двух семейств. Целый букет. Парни одеты были по традиционному деревенскому образцу: в рубахах-косоворотках, стянутых поясами, изделиями верх-теченских монашек со словами «кого люблю, тому дарю», в плисовых шароварах,

заправленных в голенища сапог, сшитых теченским модельером обуви Николаем Фёдоровичем Лебедевым и с картузами на голове. Помнится, было воскресенье, кончилась обедня, и когда сугоякские аборигены увидели наших парней, то умозаклучили: «приехали крашельшики красить церковь». ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 179-180.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Дорога в Сугояк

Я теперь не помню, какими глазами я обозревал всё, что попадалось нам по пути в Сугояк, но со временем эта дорога, которую мы называли сугоякской, запомнилась мне так рельефно, как бы была заснята на фотоплёнку шаг за шагом, а снимки были собраны в альбом в территориальной последовательности изображённых на них видов. Кто теперь из нас, когда-то побывавших в Сугояке, может исчислить, сколько раз он проезжал по этой дорожке летом, зимой, при ясном небе, в бурю. Отправлялись мы в путь, конечно, с наших дворов, но сугоякской дорогой в собственном её значении называли тот её отрезок, который начинался в Черепановой от незабвенных землянок Тита и Бориса. Стояли они на склоне горки, у самого берега реки Течи. Крыша крайней из них, которая была ближе к дороге и принадлежала Титу, была почти на уровне дороги, и стоило только кучеру немного не доглядеть за конём, он мог «прокатить» по Титовой избе. Сколько греха было из-за того, что хозяин землянки не хотел поставить какой-либо заслон от дороги. Бывало, что какой-либо горячий проезжий грозил Титу: «по избе твоей проеду», но Тит больше уповал на русский «авось». Землянки, однако, служили вехами дороги, показывали дальше путь на Сугояк. Зимой, правда, из Черепановой проезжали прямо через реку на Горушки, минуя землянок, а то угроза проезда при заснеженности дороги была очевидной.

Кому приходилось много ездить по грунтовым, а особенно просёлочным, дорогам, тот не мог не заметить, что у каждой из них была такая примета, по которой можно было ориентироваться в пути, которая помогала определять пройденный путь и по которой можно было подсчитать, сколько ещё осталось пути до заданной точки. Такими ориентирами были, например, чем-либо выделяющиеся из ряда других деревья, особенности рельефа местности – пригорки, ложки, развилки дороги и пр.

А) «Половинное».

На Сугоякской дороге такой приметой было болотце, именуемое «Половинным», которое сохранилось и до настоящего времени. Было ли оно на самом деле на половине дороги в Сугояк или нет, об этом нельзя сказать с полной точностью, потому что известно, что расстояние между посёлками в наше время определялось на глазок. Пожалуй, лучше сказать, что это

название дано было болотцу по психологическим мотивам – для некоего успокоения, что, дескать, кажется, слава Богу, половину проехали. Такое настроение очень легко появляется, когда приходится ехать в непогоду, бока в коробке так набьёт, что захочется хоть чем-либо утешить себя.

С этим болотцем, помимо всего прочего, связывались эстетические переживания: около него росли цветочки ярко красного цвета, которые в простонародье назывались «татарским мылом». Примерно, в середине лета среди прочей зелени они производили впечатление капель крови, разлитой на зелёной скатёрке. Должен оговориться, что такое впечатление от них у меня было, очевидно, сугубо субъективным, а ещё более субъективной была моя ассоциация цвета их с кровью на картине И. Е. Репина «Убийство И. Грозным своего сына», находившейся в Третьяковской художественной галерее. «Половинное» сохранило свою власть над моей памятью, и всякий раз, вспоминая о Сугояке, я мысленно переносился в нему, а когда приходилось, хотя очень редко, бывать в тех краях, то какая-то неведомая сила побуждала меня побывать на нём и посмотреть на это болотце. Так было и в мой последний проезд через Сугояк в Течу. Мы – я и мои спутники – проехали к «Половинному», хотя дороги уже здесь не было. Болотце сохранилось, но около него не было берёзки, а по обочинам его не было «татарского мыла».

Оно как бы потускло в моей памяти. Было грустно так, как бывает, когда смотришь на клумбу с повядшими цветами.

За болотцем была чья-то загородка уже из Сугоякских владений. Мне несколько раз приходилось видеть загородки, подобные этой, и у меня всегда, как и на этот раз, появлялось желание забраться через изгородь, но удерживал страх, что хозяин схватит меня и накажет. Так с детства в моё сознание внедрялось уважение к чужой собственности. Проехав загородку, мы всегда устремляли свой взор к польским воротам, которые виднелись вдали. Кто много странствовал по зауральским просёлочным дорогам, с их двухколёсной колеёй и «конотопом» на низких местах, с их обветренной и пыльной колеёй на буграх, по дорогам тряским в том и другом случае, тот не мог с душевным волнением и нетерпением не ждать появления польских ворот в надежде, что за ними дорога по поскотине будет глаже. С таким же настроением и мы каждый раз подъезжали к сугоякским польским воротам с желанием поскорее увидеть Сугояк. Польские ворота! Сколько их приходилось проезжать по разным дорогам, и все они обычно походили одна на другую, отличаясь друг от друга только окружающей природой: то они были в лесу, то они стояли на площадке, украшенной цветами, а сугоякские ворота стояли у болотца, к которому вела накатанная дорожка, трава около них была примята, а ворота мне показались прозаическими.

Кому случалось часто и много странствовать по нашим зауральским просёлочным дорогам пешком или на лошадях, тому едва ли обходились эти путешествия без каких-либо дорожных приключений. В моей памяти сохраняются два приключения со мной на Сугоякской дороге в детские годы,

причём, и в том и в другом случае я был с кем-либо другим из моих родственников. Вот первый из них. Нужно было привезти в Сугояк мешок с огурцами, закупленными в Шадринске. До Течи его привёз один знакомый с «оказией», т. е. попутно, а из Течи взялся везти в Сугояк наш родитель, взяв меня с собой в качестве некоего подручного. Мешок был поставлен сзади коробка на дрожки и привязан к коробку, но, как потом оказалось, слабо был завязан мешок. Мы ехали по подсохшей после дождя дороге со многими ухабами, и экипаж мотало почём зря. Подъезжая к «Половинному» решили проверить состояние мешка и ..., Боже мой, что тут мы увидели: на дрожках была только половина мешка – нижняя, а верхняя беспомощно болталась. Оглянувшись вдоль дороги, мы заметили наши огурчики по счастью, ещё не повреждёнными от падения. Было ясно, что задача собирать огурцы ложилась на меня. Захватив случайно оказавшуюся корзиночку, я с быстротой, которой, вероятно, мог бы позавидовать быстроногий Улисс, ринулся собирать огурцы на расстоянии, примерно, версты, на ходу нос обдувал от пыли и собрал все до единого. О происшествии доложили хозяевам их, а так как всё кончилось благополучно, то наше сообщение было принято только со смехом.

Второе происшествие было, когда мы возвращались из гостей в Течу со сватом Колей – в будущем – Николаем Владимировичем Бирюковым. Мы возвращались пешком и при том босяком с закинутыми через плечо, связанными верёвочкой сапогами. Мне было лет 9, а моему спутнику – 10. Признаться, трусили. Ещё в поскотине мы заметили, что за нами на почтительном расстоянии от нас следовала какая-то мужская фигура, шли и временами оглядывались. Около «Половинного» оглянулись и заметили, что тот, шедший за нами, перепрыгнул через изгородь и скрылся в загородке. «А, он хочет обогнать нас по лесу и ..., убить» - мелькнуло у нас в уме. И мы понеслись! Нет, Улисс не мог бы бежать с такой быстротой. Сапоги болтались у нас и били по груди и спине. Пот лился с нас ручьём, потому что был жаркий полдень. Временами мы на бегу оглядывались, но не видели нашего супостата. А в мозгу всё гнездилась мысль: он, наверное, где-нибудь лесом обходит нас, и мы усиливали «стрекача».

Добежали мы до черепановской поскотины, а у польских ворот тогда стоял соломенный сарай, в который сносили подсохший саман. Мы растянулись в тени с мыслью: ну, сейчас мы дома, и никто нас здесь не убьёт. Наслаждались в тени долго, а тем временем подошёл к польским воротам и наш «супостат». Им оказался степенный старичок, благообразный и добродушный. «Вы куда, ребята, девались. Я зашёл за загородку «оправиться», вышел на дорогу, а вас нет и нет». Мы, оказалось, оправдали пословицу «У страха глаза велики».

Во время одного пребывания на нашем ближнем поле, которое находилось среди черепановских полей, в 3 ½ верстах от Течи, мы случайно узнали ещё об одной дороге в Сугояк. Эта дорога проходила по северной границе нашего поля и мы думали, что она ведёт только на поля, но однажды

заметили, что по ней проходили возы с хлебом на Еремеевскую мельницу. Вожатые, которыми были сугоякские мужички сообщили нам, что эта дорога ведёт в Сугояк. Мы тут же запрягли нашего Бурка-киргиза и «махнули» в Сугояк. Это была единственная поездка по этой дороге в Сугояк, и мы назвали её опытно-познавательной. На ней не было ничего примечательного.

б) Поскотина.

Сугоякская поскотина была безлесной, степной, какие обычно бывают у посёлков, расположенных у озёр. Небольшой лес, громко именуемый рощей, был близ дороги, по которой мы ехали в Сугояк с ближнего поля. Здесь были берёзы солидного возраста, не густо расположенные одна от другой. Роща была гордостью наших сугоякцев. Помнится, они возили нас в неё с организацией, так называемого, поля, т. е. с чаем и прочим угощением. Поскотина была обширной: от польских ворот посёлок был почти на линии горизонта. Такое степное пространство мне приходилось видеть только когда мы однажды проезжали мимо озера Маян в сторону Каменского завода, но там трава была покосной, а здесь подтравлена скотом. По сравнению с теченской поскотинной, изобилующей лесом – лиственным и хвойным, болотцами различной величины, сугоякская поскотина казалась мне голой, лишённой красоты, вроде как бы не настоящей поскотинной. Впрочем, мне однажды удалось видеть её и в своеобразной её красоте. Был солнечный день, на траве ещё лежала роса, пахло ароматом кашки, со стороны села разносился звон церковного колокола, по дороге в село или то там, то здесь разодетые в цветные платья женщины и мужчины – всё это сливалось в одну гармонию, вызывая то настроение, которое отразил М. Ю. Лермонтов в своём стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива», заканчивающееся словами: «[И] счастье я могу постигнуть на земле и в небесах я вижу Бога». Но по этой же поскотине мне приходилось проезжать в суровую зимнюю пору, когда «снега белые, пушистые» покрывали степь, ветер наметал сугробы, а в бурю по поскотине гуляла непогода, которую ярко изобразил А. С. Пушкин в своём стихотворении «Бесы». Мне передавали, что в такие бураны на колокольне церкви открывали звон для ориентирования в пути заплутавшихся в поскотине.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 180-186.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Сугояк

Село протянулось по берегу озера на добрых три версты и дороги от польских ворот расходились к нему радиально. Тот дом, который был предметом наших поездок в Сугояк, находился на северной части его, именуемой Малым Сугояком, и мы подъезжали к нему по северной обочине поскотины. Проехав небольшую улицу, мы сворачивали направо на

церковную площадку, где стоял дом, где жили наши, как обычно мы именовали, сугоякцы. На площадке мы проезжали мимо двух памятных домов: деревянного, где жила просвирня Фаина Захаровна, и каменного, где жили псаломщики посменно в период работы того или другого из них. И вот, наконец, мы у ворот «исторического» дома.... Но прежде несколько слов о дореволюционном Сугояке.

В дореволюционное время (имеется ввиду Октябрьская революция) Сугояк входил в состав Шадринского уезда, Пермской губ[ернии].

Он расположен в стороне от главной магистрали этого уезда – от тракта Шадринск-Челябинск. Ближайшей точкой его является село Русско-Теченское, в шести верстах от Сугояка, которое стоит на этом тракте. Другими ближайшими точками к нему были и теперь есть деревни: Кошкуль – на юг и Кирды – на север.

Через Кошкуль, Борисову (татарская деревня) Сугояк связан с крайним татарским селом Кунашак, а через него с Челябинским трактом по линии Екатеринбург-Челябинск. Несколько в стороне от указанной выше линии находится крупный торговый центр Зауралья село Бродокалмак, примерно в 25 верстах от Сугояка. Кунашак и Бродокалмак и были теми экономическими центрами, с которыми был связан Сугояк. В Сугояке было волостное правление, но не было земского правления – конторы земского начальника, не было почтового отделения. В последнем случае Сугояк обслуживал почтовый пункт в Тече по линии: Теча-Бродокалмак-деревня Карпино-Сугояк. Ближним врачебным пунктом была земская больница в селе Нижне-Петропавловском, в 6-7 верстах от Сугояка. В селе была земская школа со специальным зданием для неё. В селе была церковь, в приход которой входила деревня Кошкуль.²²⁵⁶

Село было большое с центральной улицей по берегу озера и ответвлениями от неё в сторону востока. Жители села имели поля с жирным чернозёмом и среди них были зажиточные, что можно было уже подметить

---

²²⁵⁶ Церковь пророка Божия Илии в селе Сугояк, каменная, построена в 1862-1868 гг., приход открыт в 1873 г., закрыта в 1932 г.

Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Если подняться на колокольню Сугоякской церкви, то можно видеть вдали Течу настолько, что можно, например, ориентироваться, в каком районе её вдруг возник пожар.

... Церковь в селе была не в центре его, как это обычно бывало в сёлах, а далеко от него. Неизвестно, чем было это вызвано. История церкви осталась не известной. Она (церковь) была расширена в передней своей части уже во время, когда священником был Александр Игнатьев. В летнем приделе церкви, посвящённом Илие-пророку, был художественный иконостас редкой для сельских церквей красоты и отделки. На площадке у церкви были сосредоточены дома – квартиры причта церкви и земская школа, расположенная рядом с усадьбой дома священника.

Здесь были: деревянный домик просфорни со «службами» и огородом, небольшой каменный дом псаломщика тоже со «службами» и огородом и дом каменный с деревянным пристроем – сенями и верандой, в которой жил священник» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 2, 8-8 об.

при проезде по главной улице: в разных местах стояли «крестовые» дома с шатровыми крышами, крытыми железом, с крепкими пристройками, тоже под железными крышами. Показателем зажиточности населения было, очевидно, и то, что в нём «свили себе гнездо» два купчика. Любопытно, что не было «казённой». Население было только русское, дифференциация была только по религиозному признаку: было 3-4 семьи кержаков, кстати сказать – из числа зажиточных. В селе жил представитель земства от «народа» – земский гласный, которого в шутку да, вероятно, и по существу именовали «безгласный гласный». Он, как мне самому приходилось наблюдать ещё в юношеские годы, был участником артели дельцов, которые в Бродокаламске на Прокопьевской ярмарке скупали топлённое масло, шерсть, лён в пасынках для отправки в Англию. В селе трудно было с питьевой водой: озеро было захлавлено, и вода в нём кишела летом мормышами и водорослями, не водилась и рыба. Мечтой было создать артезианский колодец, но эта мечта осталась *«pia desideria»*.²²⁵⁷ Воду брали в колодцах и болотце у польских ворот, о чём сказано выше.²²⁵⁸

В настоящее время Сугояк входит в Челябинскую область, Красноармейский район. В него переселились жители деревни Черепановой ввиду заражения реки Течи отходами от добычи радия.²²⁵⁹

Я видел на Малом Сугояке род домов нового типа, построенных для этих новосёлов за счёт государства. Село быстро перестраивается на новый лад – на социалистический строй и имеет тенденцию перехода к городскому типу своих новых строений.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 186-189.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

---

²²⁵⁷ *pia desideria* – по-латински благопожелания.

²²⁵⁸ Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В те времена, когда мы часто бывали в Сугояке, озеро было мелким: нужно было далеко отойти от берега, чтобы погрузиться в воду с возможностью плавания. Вода была нечистая, негодная для питья, имела зеленовато-белёсый цвет, и в озере было много мормышей. В бурю, однако, по озеру ходили внушительные волны, и было любопытно наблюдать водоплавающую птицу – уток и гусей, - как они стадами то поднимались на гребень волны, то опускались с него. Вода в озере загрязнялась по «воле» самих жителей села, которые зимой свозили на лёд разные отбросы. Водой население пользовалось через колодцы и привозили воду из одного болота, которое было расположено у польских ворот по дороге в Течу.

В некоторых случаях в зимнюю пору любители речной воды привозили лёд с реки Течи и растопляли его для пользования в питье и пище. Существовал проект устройства артезианского колодца, но он не был осуществлён» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об.-8.

²²⁵⁹ Ошибка автора, от радиоактивного загрязнения.

Усадьба «исторического» дома

Он стоял на берегу озера, против церкви, с фасадом на восток. В детские годы моим «историческим» домом был только теченский дом, в годы юности вторым таким домом был для меня сугоякский дом.²²⁶⁰ И тот, и другой со всеми их постройками и угольями я знал, как говорится, досконально. Когда мы летом подъезжали к нему, около него, у ворот, площадка была посыпана песком. Нас всегда приветливо встречали: начинался шум, беготня, суетня. Моментально открывались ворота, и мы въезжали во владения наших сугоякцев. Только один раз чёрт меня попутал: я заявился в гости в субботу. А виноват, вероятно, Моисей, что он в своей заповеди о субботе не указал, что она – день банный. И вот я поплатился за свою оплошность. Хозяйка [Мария Владимировна] встретила меня словами: «А, вшивые гости приехали». Нужно сказать, что она была доченькой своего батюшки, который любил при случае тоже сказать острое словечко. Мне пришлось «проглотить пилюлю».

Теперь мне предстоит описание владений сугоякских хозяев и дома. В ограде, у ворот, по северной стороне её стояла старая баня. Рядом с ней стоял амбар, а ещё дальше в западном направлении навес, в заплоте которого находилась дверка в огород, обрамлявший усадьбу по всей её северной стороне. В этом огороде, как и в нашем теченском огороде, было всё, что нашей детской душеньке было угодно: горох, бобы, морковь, репа, подсолнухи и пр., но главным было для меня то, что этот огород имел для меня познавательное значение: в нём культивировались новые, неизвестные мне виды овощей: морковь-каротель, цветная капуста, кольраби. У хозяев было стремление к прогрессивному использованию огорода. В западной части двора был навес, за ним пригоны, а на одной стороне – погреб. На западной стороне усадьбы, вблизи берега, была вторая половина огорода, где обычно садили капусту. На горке, в сторону сада, стояла новая баня, а около неё скамейка. Я любил летом сидеть на этой скамейке и смотреть на озеро. Я не видал ещё море в натуре и воображал, что сижу у моря. Я наблюдал озеро в тихую погоду днём.

За ним на линии горизонта виднелись купы деревьев, а за ними, мне это казалось, обязательно должны быть стога душистого сена. Так рисовала мне моя фантазия: пашня мне казалась прозой. Я обозревал озеро влево, вдоль села, и там, на линии горизонта видел его последние дома центральной улицы. Иногда над мутной водой его, обильно напитанной мормышами и водорослями, проносились блики солнца и тускло отражались в его зеленовато-молочной воде. Я видел озеро в бурю, когда по нему «гуляли» волны, а на их гребнях то поднимались, то опускались гуси. Я завидовал этим птицам. Мне казалось, что озеро при этом тяжело дышало, волны его

---

²²⁶⁰ Автор описывает усадьбу и дом своего старшего брата священника Игнатьева Александра Алексеевича. См. также Часть I. «Семейная хроника Игнатьевых».

забегали далеко на берег, и слышался шорох их «заунывный», «призывный», по выражению А. С. Пушкина о шорохе морских волн («К морю»). Я однажды видел озеро в лунную ночь, когда оно было спокойным, а в нём отражался луч луны, иссиня-золотистый, тот, который, вероятно, лунатиков побуждал забираться на высокие места домов. Я знал, что в такую лунную ночь хозяева дома тоже приходили на скамейку у бани любоваться картиной ночи и пережить минуты своей первой любви. Бывало, когда сон только ещё начинал клонить меня в свои объятия на отведённой мне кровати в кабинете хозяина, я слышал робкие шаги их в коридоре рядом: они пробирались на скамейку, как любовники, [которые] под покровом ночи спешат на свидание. Много позднее, когда при встрече на курорте «Курьи» двоюродная сестра хозяина²²⁶¹ М. С. Балакина поведала мне, что хозяйка в своём последнем письме к ней поделилась воспоминаниями о своей счастливой жизни в Сугояке, передо мной мгновенно встала картина, как они – хозяин и хозяйка дома – сидели на этой скамейке и любовались красотой ночи.

Мне всегда, однако, было досадно, что вода в озере была грязной и что оно было мелким: чтобы погрузиться в воду, нужно было зайти далеко в озеро. Запомнилось мне ещё то, что на значительном расстоянии от берега виднелась лодка, купленная у теченского купца Новикова. В Тече она стояла около Мизгирёвской мельницы. Она была большеместная и тяжёлая для плавания в ней. В Тече она редко употреблялась, а в Сугояке, по-моему, она совсем стояла без употребления. Для меня было загадкой, для чего её купили хозяева.

На южной стороне усадьбы, на угоре, по линии построек был расположен сад, а точнее сказать – цветочное хозяйство владельцев дома, потому что деревьев в нём было немного и преимущественно на восточной стороне, по линии фасада дома. По всему было видно, что любовь к цветам была слабостью хозяев. Заранее должен оговориться, что чувствую слабость своего изобразительного пера и только уповаю на снисходительность читателя. Я не считал, сколько было клумб, но их было много: круглых, квадратных, четырёхугольных разной величины. По краям они были обложены дерном. Из цветов были маргаритки, флоксы, настурции, резеда, анютины глазки, табак, левкой и пр., а над ними «царствовали» великаны-георгины вишнёвого цвета. Не было гладиолусов. Одна клумба, круглая, была с портуллаком разных цветов и походила на кудрявую голову ребёнка. Обилие цветов порождало иллюзию, что мы находимся в саду Маргариты («Фауст» - опера) и что вот-вот раздастся романс Зибеля: «О, цветочки мои!» Мне рассказывали, что хозяин даже выписывал корни гиацинтов из Голландии. На одной клумбе, около террасы, в один сезон культивировались помидоры. У хозяев, как выше было уже указано, было вечное стремление к новизне, к новым опытам по разведению растений.

---

²²⁶¹ Двоюродная сестра хозяйки дома – Игнатъевой (Бирюковой) Марии Владимировны.

У стены соседнего дома (школа) была малина, за ягодами которой зорко и ревностно следила хозяйка: они предназначались на варенье. Около малинника было несколько кустов шиповника, и однажды я был свидетелем, как хозяйка из цветов его варила варенье. Одним летом здесь же росли цветы для взятков пчёл, и стоял улей. Увы! Опыт из добычи мёда не удался по Некрасову: «суждены нам благие намерения, но свершить нам их не дано».

Почти на середине сада рос развесистый тополь, а около него было нечто похожее на сооружение беседки-ротонды для чая на вольном воздухе. Поблизости стояла метеорологическая станция – водомер и ветряк. Здесь летом 1908 г. я в погожие дни, как багдадский калиф, возлежал на ковре среди травы и пил кумыс, чтобы побороть бронхит в острой форме. В жаркие дни лета вся площадка с цветами под вечер источала аромат, а днём жар томил, и только под черёмухами, что росли у фасада дома, можно было спастись от жары. Когда-то попечение за цветами было поручено Паруньке, девушке-горничной (см. очерк «Парунька сугоякская»). У садовой ограды, у дороги, стояла длинная дощаная скамейка на двух столбиках. Около неё летом всегда толпились дети из соседних домов. Их приводили за руки, а совсем маленьких приносили на руках няньки – девочки 6-7 лет. Они приходили сюда играть с хозяйскими детьми. Привлекало их, очевидно, и то, что их иногда здесь фотографировали. Я любил сидеть среди этой детворы, и однажды мне пришлось в голову (мне было лет 18) взять одну девочку в дети. Своим таким странным намерением я поделился с хозяйкой, она улыбнулась и сказала мне! «Свои будут». Увы! Она оказалась плохим пророком. Здесь же, у этой скамейки, я однажды наблюдал хоровод девушек в Троицу: они кружились и пели песни-веснянки, а одна из них держала берёзку в центре толпы.

В ансамбль сада входила терраса, которая примыкала к парадному входу в дом и была смежной с кабинетом. Она была предметом особой заботы хозяев и, можно сказать, их гордостью. Летом её украшали шторками. Здесь стоял длинный дощаной стол и неподвижные скамейки вдоль террасы у наружной стены. В моей памяти эта терраса связывается с печальным известием о начале войны 1914-1917 гг.: здесь были только что раскрыты свежие газеты с этим известием.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 189-193.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

[«Исторический»] дом

Дом носил явные следы истории своего создания: можно было заметить, что к основной его части пристраивались сени и возможно кухня. Если о сенях можно было сказать, что они были просторными, то про кухню нужно сказать, что она была обширной, какую может позволить себе только деревня. На её русской печи могли бы в ряд растянуться 4-5 человек, а на

полатях – полдюжины. В ней первыми обитателями были: Проня – кирдинский мужичок, серячок-работник и Агафья – баклановская старушка-«куфарка» (См. очерки «Проня» и «Агафья»). Позднее были работник Егор, нянька – Олёна Ивановна и горничная Парунька (см. очерки «Проня», «Парунька сугоякская», «Ивановна»). Здесь, вероятно, и случилась беда-злосчастье с Парунькой. Сюда же часто заходил, а точнее забегал Микула – сорокалетний мужик-идиот, неопрятный, в длинной холщёвой рубахе, без штанов, босой и летом и зимой, причём, зимой у него ноги были багровые. Дурачок всегда крутил перед глазами пёрышко и издавал звуки, похожие на мычание. Его подкармливали хлебом, который он тут же съедал. Он был памятным феноменом села, своего рода знаменитостью. Мне приходилось много раз наблюдать, как Агафья «угощала» - кормила обедом и ужином всю эту служилую «братию». Мне нравилось наблюдать как степенно они совершали своё питание, как молча и сосредоточено расправлялись с предметами питания, как тщательно собирали крошки со своих коленей после еды. Было видно, что они ценили труд, который затрачивался на выращивание хлеба. В кухне я не раз наблюдал, как хозяйка «священнодействовала» за подготовкой печения, причём, однажды даже был участником этой стряпни: готовил бумажные коробочки для выпечки этого деликатеса. Также в сенях по заданию хозяйки однажды, сидя на лестнице, какой-то машинкой удалял зёрнышки из вишни.

Коварная память сохранила ещё некоторые детали «былого» в связи с воспоминаниями о событиях в сенях и кухне, в которых переплелось и комическое и трагическое в их взаимопроникновении. Так произошёл как-то такой случай в этих «местах». Агафья однажды ночью вышла во двор «до ветру» и заблудилась в сенях. Хозяин услышал возню в сенях и стал спрашивать: «Кто там? Кто там?» А Агафья не расслышала его голоса. Тогда он, заподозрив, что в сенях вор, выстрелил из револьвера, а перепуганная Агафья подняла дикий крик. Тогда перепугался и хозяин, подумав, что застрелил Агафью. Благо, всё обошлось страхом у той и у другого.

Комната, смежная с кухней к востоку от последней, по своей основной функции в соответствии с топографической целесообразностью официально именовалась столовой, но по совместительству была детской и однажды даже лазаретом, о чём речь будет ниже. Здесь, в столовой, хозяйка демонстрировала своё кулинарное мастерство, которому в детстве ещё её учила матушка её и разные деревенские доморощенные кухмашерши, здесь можно было наблюдать кое-какие новшества в рационе хозяйства. Так, здесь впервые, правда, только для гостей, подавался чёрный кофе. Как-никак – свидетельство прогресса. Коварная память, цепкая до всего, и здесь сохранила у меня один коварный случай, когда я мальчишка 10-11 лет, огорчил хозяйку, а больше опозорил сам себя.

Да, я допустил нечто такое, за что в другом случае, скажем, для взрослого человека, было бы непростительно. Был подан к чаю бисквитный пирог с маленькими частицами в нём ванили. Я посчитал, что частички

ванили – это мухи, попавшие в тесто, и... аккуратно выколупывал их из пирога. Я оказался в плену одной ассоциации, а именно: дома у нас бывало, что возьмёшь эмалированный жбанчик с квасом, а в нём мухи, уже утопленники. Тогда, «ничто же сумняшеся», отдувая их по краям и «причаститься». Вот я и посчитал, что здесь мне встретились уже знакомые существа, но их не отдуть, тогда выколупывать. Мою тщательную операцию заметила хозяйка и спросила: «Зачем ты это делаешь?» Я открыл тайну своей операции. Хозяйка вспыхнула, и только тогда я понял, что я наделал по своей детской глупости. Стыд-то какой! Я заподозрил хозяйку в неаккуратности при подготовке пирога.

Мне приходилось видеть застолье гостей в этой комнате, но мне казалось всегда, что здесь, у людей культурных, не было такого благообразия, близкого к обряду, как это я видел у людей, которых раньше называли простыми, для них хлеб был продуктом непосредственного труда и они называли его любовно «хлебушком», хотя они не придавали ему изысканных форм выпечки и «рушали» его на стол большими кусками, за что хозяйка однажды резко заметила Агафье: «Нарушала», как на свой обед».

Мне запомнилась эта комната, столовая, в моменты обычного семейного застолья, когда в течение месяца в 1908 г. я жил в Сугояке и лечился кумысом. Увы! И в этих случаях, в картине обычной обстановки моя память отмечала бытовые явления по своему характеру не имеющие ничего общего с основной функцией столовой. Получилось как-то так, что я временами был свидетелем размолвки хозяев, точнее – заключительного момента её. Он мне подчёркнуто заявлял: «Не женись». Мне, когда мне было лет 20 и о женитьбе у меня и думки не было. Никаких мотивов для этого суждения «не женись» не было. Она молчала и смотрела куда-то вдаль, а я, по правде сказать, что это какая-то вспышка неурядиц, и только. Гораздо серьёзнее было для меня другое: не знаю почему, но в этой именно комнате у меня с хозяином заводились споры на философские темы – о мировоззрении. Мой багаж в этом отношении был, конечно, тощим, но помнится, я крепко защищался от натиска хозяина, который, как мне казалось, старался подзадоривать меня. Честно, я теперь уже и не помню, о чём шли наши споры! Дело это было после первой революции, всё тогда бурлило, мысли были горячие и задорные. Хозяйка следила за нашими спорами, и в её глазах я иногда читал подбадривание «не сдавайся, не сдавайся».

Теперь мне предстоит нарисовать вторую «ипостась» этой комнаты. Она вызвана была тем, что в доме явно недоставало ещё специальной детской комнаты, и столовая время от времени выполняла «по совместительству» эту функцию. Это бывало тогда, когда являлась необходимость в постановке люльки для нового члена семьи, причём, чаще всего в зимнее время. В это время здесь «царила» Олёна Ивановна, которая тянула бесконечную песню «баю-баюшки-баю, колатушек надаю». Рыхлая старушка с выцветшими глазами. Нянька! Это слово со времён А. С. Пушкина, благодаря его музе, приобрело особое значение – его Арина

Родионовна по обличью, может быть, была другой: известно, что она была сказочница, но нити, которые связывают няньку с её питомцем, одни и те же: заботы, радости, огорчения и пр. Это воспел А. С. Пушкин в образе Арины Родионовны, и за это многие грехи его должны быть прощены. У Олёны Ивановны однажды случилось горе: от всех имён детей, которые проходили через её руки, она легко находила ласкательные имена, а вот попался Игорь и она растерялась, как его звать по-детски. Стала жаловаться: «Вот мне горюшко, как его я буду звать?» Ей подсказали «Ну, и зови его Горей!» Где, где, а здесь можно сказать по-крыловски: «А ларчик просто открывался».

Я хорошо помню, как эта комната была лазаретом: на двух кроватках лежали два мальчика: Сергей и Борис. Одна кровать опустела: Борис умер от осложнений после скарлатины. Я был свидетелем неизбежного горя матери, и подслушал, как она жаловалась на то, что Бог не принял её обета на случай выздоровления её мальчика. Она спрашивала, как ей теперь быть с её обетом – выполнять его или нет. Мне казалось, что это было уже и богоборство, начало отхода от веры в «него». Я слышал трафаретные утешения матери: «не убивайся – будут ещё они», т. е. дети. Я хорошо запомнил этого мальчика: у него было улыбчивое лицо, мягкие черты его, а позднее, читая рассказ Леонида Андреева: «Жизнь Василия Фавейского», я вторично пережил трагедию матери, а в её психологии усмотрел психологию богоборца, как это было с Василием Фавейский. Не знаю почему, но вся эта история сохранилась в моей памяти по связи с воспоминанием об этой комнате, официально названной столовой.

Смежной и средней по фасаду была спальня хозяев. Она была проходной и ширмой разделена на две части: за ширмой стояли кровать, а в проходе – комод с зеркалом и разными предметами на нём. Крайней по фасаду, в направлении на юг, была гостиная с громовым названием зал. В ней сосредоточено было всё самое главное в доме из мебели: два столика с ажурными скатёрками на них, комплект венских стульев и диван с жёстким сиденьем, из комплекта со стульями. Около стен в разных местах стояли на подставках цветы. На полу лежали коврики льняные, окрашенные в зелёный цвет, с красными полосами по краям. Главным предметом в этой комнате была фисгармония, а на ней самые разнообразные ноты, среди которых выделялась одна «Иван Сусанин». По составу нот – печатных и писанных от руки – можно было легко определить музыкальные интересы хозяев. Было явно, одно, что в семье были любители музыки, имевшие определённый вкус и понимание её. Хотя фисгармония имела тональность органа и звучала по-церковному, как в костёле, но она применялась в роли рояля, и игра на ней сопровождала пение светское, «греховное», далёкое от небесных сфер. Эта комната, именуемая гостиной или залом была вся пропитана звуками из нотных сборников типа Карасёва, опер, сборников народных песен и пр. Здесь слышались мелодии Глинки, Даргомыжского, Верстовского, Чайковского, Римского-Корсакова. Здесь исполнялись оперы, дуэты, хоры по

нотам и многие-многие песни, которые передавались из поколения в поколение по слуху.

Каждое поколение вносило в репертуар новые песни, и он рос и рос. В нашем пении, если можно так выразиться, академического характера – соло, трио и дуэты – было, очевидно что-то претенциозное, с оттенком подремания, а аккомпанемент был явно неквалифицированным, но, как говорится, смелость города берёт, дерзали и что-то получалось. Мужали голоса, приобретался опыт и кое-кому эти опыты сослужили службу: им удалось свой талант продемонстрировать для более широкой аудитории.

Особо это нужно отметить в отношении хозяйки дома. Здесь она вырастала в руководителя детским хором, как преподавательница пения в школе. Часто можно было видеть, как она с редким упорством и терпением разучивала песни со своим школьным хором. Волновалась, просила «его» помочь ей сопровождением на фисгармонии, и вот раздавалось «В чистом поле за рекой светит месяц золотой» и др. песни. Здесь под её руководством устраивались литературные вокальные вечера с декламацией стихотворений из школьной книги для чтения. Устраивались ёлки. Эти опыты помогли ей вырасти в будущем в руководителя детским хором на концертах в Каменском заводе, с неизменным успехом на них.

В моей памяти сохранились ещё выступления с «русской» [пляской] сугоякского псалмопевца Ивана Николаевича Калашникова. Как водится за всяким артистом, он любил, чтобы его уговаривали. Но вот он решил, и начиналось: пулей он влетал в комнату из коридорчика, делал круг по комнате, а потом выделывал ногами такие антраша, что трудно было уловить последовательность их движения, отбивая «дробь» каблуками, размахивал руками, гикал и крутился в бешеном темпе. Тут были и восторг, и удаль, которые заражали и других. Да, это был русский танец, в котором виден широкий, размашистый характер русского человека, который усмотрел Н. В. Гоголь в своей «Тройке».

Смежной комнатой с гостиной по южной стороне дома был кабинет хозяина. Как полагается для всякого кабинета, в нём стоял письменный стол с необходимыми для него принадлежностями, кушетка для отдыха, два или три стула. На стене, помнится, было что-то из репродукций картин. В углу стояла этажерка с книгами, среди которых красовался Брэм. На полочке стояла домашняя аптечка. В углу стоял фотоаппарат, а около него полочка с принадлежностями для выжигания по дереву. В ящике стола были разные каталоги для выращивания овощей и цветов. На столе лежали свежие газеты. По вещам, которые окружают человека, как в зеркале, можно видеть его отражение. У хозяина был широкий круг интересов, далёкий от того, чем он занимался по профессии и, казалось, что он всё время старался выбраться из той среды, в которую толкнули его обстоятельства жизни.

За этой комнатой почему-то хранилась трагическая легенда, что в ней кто-то повесился.

Между кабинетом и кухней был коридорчик, который служил парадным входом в дом.²²⁶² Описание хозяйства было бы неполным, если не упомянуть обитателей из мира животных, которые вошли в историю его.

Первым обитателем был молодой конёк – Бурко – приданное хозяйки с упряжкой в ходок. На нём молодые и приехали в Сугояк, а кучером и первым «попечителем» по хозяйству был Проня. В дальнейшем славу двора держал сивый мерин «Филька» (См. о нём очерк).²²⁶³ Вся прочая масса животных прошла, не оставив какого-либо заметного следа в истории хозяйства.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 193-201.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Агафья

[1961 г.]

По деревенской номенклатуре профессий её называли стряпкой или кухаркой, а произносили последнее слово – «кухаркой», причём считалось, что в смысл этих названий, так сказать, имманентно входило понятие о том, что она работала у «чужих людей» - по найму. Если ту же самую работу, что входила в обязанность кухарки, выполняла женщина у себя дома, в своём хозяйстве, то её нельзя назвать ни стряпкой, ни кухаркой: «она оскорбится и скажет: «какая я тебе стряпка или кухарка – я хозяйка».

Если определять обязанность стряпки или кухарки филологическим методом, т. е. разобрать точное значение корней этих двух слов, то легко можно определить, что стряпка должна стряпать, ну, например: печь хлеб, варить супы, каши и пр. То же самое нужно сказать и об обязанностях кухарки, разве только добавив к этому ещё работы по наведению порядка в кухне. Но этак можно сказать только филологически, на самом же деле круг обязанностей стряпки-кухарки бы несравненно сложнее, потому что объекты её деятельности и радиус круга, по которому она двигалась, выходили за пределы кухни и вели её и в пригон, и в огород, и на реку, а летом, в дни авралов, даже в поле. Чего-чего только ей не приходилось делать! Впрочем, это лучше всего показать, описавши какой-либо её рабочий день, типичный день, рядовой день, как это мы сделали бы для редакции «Дня мира».

Утро летнего дня. Егор ещё храпит на полатах и сопит носом. Горничная Парунька, сама ещё ребёнок, спит на голбце под понитком. Нянька Ивановна в комнате рядом дремлет у детской кровати. На половине хозяев мёртвая тишина. А она встаёт, набрасывает через голову роскошную юбку сверх своей «становины» изгребкой вниз и берётся за головной убор.

---

²²⁶² Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Теперь от этого дома сохранилась только каменная часть его, и в ней расположен магазин» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 8 об.-9.

²²⁶³ Очерк «Филин» см. в Части I. «Семейная хроника Игнатъевых».

Распустила по плечам свои жидкие волосы и начала чесать. Волосы, волосы! Была у ней когда-то коса, во всей Баклановой краса, толстая, как канат, длинная; волосы шелковистые. А теперь – заплетёт она две жалкие тонкие косички, с седыми прожилками, свяжет их на концах вплетённой в них не то верёвочкой, не то ленточкой из ситца, свернёт калачом на голове и головной убор готов. Умоется, накинёт кофточку, подвяжется платочком, подойдёт к «божнице», сложит руки на животе, пошепчет молитву, покрестится – и день начался. Первым забота о квашне. Хлеб наш насущный – с него и начинается «злоба» дня. Квашню у нас в деревнях заводили с вечера на опаре, самодельной закваске, куда входил колод от прежней квашни, дрожжевые осадки от кваса, а иногда добавляли немного хмеля для силы сквашивания и аромата. Если квашня в нормальном состоянии, т. е. поднялась до положенного уровня, то её ставят на прежнее место ещё «доходить», а стряпка, взяв подмышку подойник, накинув на руку чистую тряпку и взявши в чём-либо тёплой воды и остатки хлебных кусков от ужина, идёт к своим бурёнке и пеструхе. Из пригона слышится: «Ну, вставай!» Они всё ещё прохлаждаются на утренней прохладе и нехотя поднимаются, вытягивая корпус. Физкультура – она свойственна и животным. Затапливается печь, и она начинает священнодействовать около неё в отблеске пламени, которое и её озаряет, и орудия её производства – горшки, ухваты, чугуны и всё околопечное пространство. Здесь мы должны похвалить наших современных художников и бросить заслуженный укор прежним художникам. Как хорошо и импозантно современные художники показали литейщиков и сталеваров «у огня», а вот её «у огня» прежние художники не показали: привыкли долго спать, а её в этом положении нужно было наблюдать в 5-6 ч[асов] утра. Пламя печи языком тянется к трубе под шестком, а на шестке уже стоит огромный чугун с водой, которую нужно скипятить на разные потребности дня. И опять она берётся за квашню на окончательное приготовление теста. Ставит она её на скамейку или табуретку, крепко подпирает коленом и промешивает «весёлкой». О, это трудная работа! Квашня ходенём ходит по табуретке, только стук стоит, а она смахнёт платком со лба и опять «весёлком» сбивает и сбивает тесто, а если жидкое, добавляет немного муки и опять сбивает и сбивает, только квашня говорит. Призываю всех художников мира в свидетели: разве такая картина не заслуживает кисти художника? Надо спешить: печь ждать не будет. Надо успевать сделать заготовки варев к обеду, накатать калачей, сделать шаньги и т. д. Только успевай поворачиваться! Сеанс одновременной игры на нескольких досках. Самая трудная из её операций, конечно, хлеб. Хорошо, если мука из помола прошлогоднего урожая: стряпка знает уже все её повадки, капризы, а то бывает мука из нового урожая, особенно эта ржануха. Чистое мучение! Расплывается, плохо склеивается, вот тут и ухитрись выпечь хлеб, а ведь они, для кого она его выпекает, не будут принимать во внимание, какая мука, им что? Подай хлеб и всё.

Дрова в печке, наконец, прогорели, угли она сгребла в «заметку», подмела в печке. Калачи готовы и ждут посадки. Наготове горшки с супом, кашей и пр. Небольшая выдержка печки, и калачи на лопате отправляются в печку. Подставляется и лист с шаньгами. Главная забота теперь: в пору вынуть всё из печи – не сжечь. Но вот всё поставленное в печку «дошло», вынуто из печи и разложено на столе. В кухне аромат. В печке по-новому расставляются горшки, жаровни, подставляются более нежные ватрушки и прочее, и первый раунд борьбы закончен.

Встают хозяйева: нужно ставить самовар, готовить хлеб к чаю – нужно нарезать его аккуратными кусочками, а то хозяйка может сделать замечание: «ну и «нарушала» хлеба, как для Егора». Дальше: первая кормёжка «сих малых» в кухне, а с краешки и она примостится попить чайку и «попаужинать». На этом круг её утренних обязанностей, когда она всё делает по раз заведённому порядку, без команды, заканчивается, а дальше уже начинается жизнь и работа по команде хозяйки: «Агафья, сделай то-то, сходи туда-то» и т. д. Хозяйка сама начинает кое-что готовить к обеду, а она, Агафья, выполняет задания, например: сбить сливки, изрубить мясо и т.д. Подходит обед, и начинается её хождения на погреб. Нельзя всё сразу на день принести с погреба, а нужно приносить так, чтобы что-либо к обеду за полчаса согрелось, или, наоборот, остыло. И вот она ходит в погреб из кухни и обратно в кухню по команде: то принеси, а другое отнеси, и сколько раз ей приходится делать эти рейсы, отсчитывали бы её только ноги, если бы они могли считать. Хозяйева благополучно отобедали, её забота ещё накормить «малых сих», а их надо тоже «ублаготворить». От Егора, если он до обеда что-либо поробит покрепче, например, навоз вывезет из пригона, за обедом одним калачом не отделается: нутро у него вместительное – полтора калача за милую душу примет, да две тарелки супу и тарелка каши.

После обеда, когда жар всех морит и клонет ко сну, она тоже на каких-нибудь 30-40 минут прикурнёт на скамейке, подложив пониток под голову, а потом опять за разные работы: надо сметану снять в кринках и поставить в печь творог на выварку, а потом кринки «выжарить» в печке, чтобы молоко не так скоро скисло в них; надо поставить квас и пр. Иногда надо постирать, подмыть полы, полоть в огороде. Под вечер надо полить огурцы, цветы. Дали ей в помощь горничную Паруныку, но что с неё взять: она сама ребёнок. По субботам надо баню истопить да так, чтобы было с паром. Вечером нужно встречать коров, доить. Кипятить опять самовар, готовить паужну, ставить опять квашню. А что бывало, когда приезжали гости: команда следовала за командой. А в страду, когда были подёнщики? Дай Бог удавалось поспать три-четыре часа, а остальные двадцать часов крутись, как волчок. Вот вам и стряпка – не стряпка, а *perpetuum mobile*. Спасибо, хоть хозяйева не помогали и не оскорбляли ни руганью, ни окриками.

Агафья родом была из Баклановой и попала в Сугояк, когда её хозяйева только что туда приехали. Попала она к ним в стряпки по рекомендации родителей молодых. Была она круглой бобылкой. Она не была ещё старухой,

но всё «женское» у ней уже прошло и осень её жизни была налицо. Силы ещё были, но на тяжёлые крестьянские работы – жать, косить – она была уже не годна. Был у ней физический недостаток: плохо слышала, и на этой почве произошло одно событие, которое и её напугало и её хозяина. Вышла она ночью «до ветру», а возвращаясь с улицы, не могла сразу найти в темноте дверь и шарилась по стене. Хозяин услышал возню в сенях и, вооружившись револьвером, двинулся на мнимого вора. Стал спрашивать: кто там, а она глухая – не отвечает. Он выпалил под крышу, и тут раздался дикий крик Агафьи. Перепугались оба: мнимый вор, а ещё больше – стрелявший, который подумал, что застрелил её. Как все деревенские женщины, она была по-детски проста и непосредственна, мыслила прямолинейно и обращалась к другим в простоте сердечной тоже прямолинейно. Так, когда она встретила в первый раз жену брата её хозяина, кстати сказать – не русскую, то сразу задала ей лобовой вопрос: «ты ещё не принесла?» Она хотела спросить: не родила ли она. Та, не русская, не искушённая в тонкостях русского языка, а особенно деревенского, с такой же простотой спросила: «Что не принесла? Что тебе нужно?» Случай был сильно юмористический, но он был и поучительный в том отношении, что показал как у этой простой деревенской женщины Агафьи сильна была уверенность в силах природы: раз женщина вышла замуж, то она обязательно должна «принести».

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 404-410 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

[Олёна] Ивановна

[1961 г.]

Родом она была из Кошкуля, деревни в десяти верстах от Сугояка. Старость и бездомность побудили её пойти в няньки. Да, мы не обмолвились: в няньки, а не в няни. Няня и нянька – это не то же, что сказать: погреб и погребушка, т. е. подставить уменьшительное существительное к его прототипу, а это значит указать качественную разницу в словах. Сказавши слово «няня», мы вызовем образ няни А. С. Пушкина – Арины Родионовны, или созданный им образ няни Татьяны в романе «Евгений Онегин». Сказавши же слово «нянька», мы вызовем образ Варьки из рассказа Л. Андреева (?) «Спать хочется»²²⁶⁴ или тот момент рассказа А. П. Чехова «Ванька», где мальчик Ванька рассказывает о том, что ему была выволочка за «ейного» ребёнка. Да, Ивановна была именно нянькой, а не няней: она только «водилась» с маленькими детьми в тот период, когда они были в пелёнках. Когда же один из них выходил из этого состояния, то поспеивал другой. Её работа была у люльки, которую она покачивала и тянула тихо, себе под нос: «баю-баюшки, баю, колотушек надаю» или ещё какие-нибудь

---

²²⁶⁴ Рассказ А. П. Чехова.

стишки на эту тему. На улице вьюга, ветер колышет ставни, люлька при покачивании скрипит. В доме тишина, а она должна откликаться на вечное движение лежащего в люльке. Вот он заплакал, и она вновь и вновь качает люльку и тянет свою песню «баюшки-баю». Клонит ко сну, а ей нельзя спать, нельзя. Вот вам и «Варька» из рассказа «Спать хочется». Нянька!

По имени её звали Еленой, а по-деревенски – Олёной. Раньше её звали Олёной Ивановной, а теперь – просто Ивановной. Сила её уже была вымотана на тяжёлой деревенской работе, судьба сложилась так, что она оказалась одинокой: муж умер, а замужняя дочь сама еле-еле пробивалась со своей семьёй. Вот она и оказалась в няньках. Была у неё простецкая душа, добрая к детям. Она не просто няньчилась с детьми по службе, по обязанности, но и сама сживалась с ними, как со своими детьми. Так уж устроено женское сердце. Когда умер второй мальчик – Борис, пяти лет, горе её мало чем отличалось от горя самой матери. Так она «вынянчила» Сергея, Бориса, Нину, Елену и Веру, но вот на очереди оказался Игорь²²⁶⁵, и она задумалась: как она будет называть его сокращённо. Думала, думала и, наконец, поведала печаль свою и высказалась: «Вот горюшко-то моё – как мне звать-то его». Тут ей и подсказали: «а ты так и зови его – Горя или Горюшка». Так за Игорем Александровичем и осталось навсегда название «Горя».

Когда кто-нибудь посторонний для семьи долго живёт в ней, то и он или она как бы срастается с ней, вживается в неё. Так получилось и с Ивановной: она как бы срослась с семьёй. Было сделано много фотоснимков с неё с детьми на руках и в обществе уже подросших детей. На них она показана жизнерадостной, сияющей, такой, как бы она хочет сказать: вот смотрите, каких я вынянчила детей. Дети любили свою Ивановну. Она была для них нянькой, но она заслужила почётное название няни. Как жаль, что все фотоснимки с неё со многими другими вещами погибли, но в памяти сохранился её образ, образ старушки с морщинистым лицом, в платочке, с добрыми, чуть прищуренными глазами.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 402-404.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Парунька сугоякская

[1961 г.]

Татьяна Павловна несколько раз писала нам в своих письмах в стиле преклонных солдатских писем: «Ещё кланяется вам по низкому поклону Парасковья Петровна». Я, признаться, не сразу мог припомнить Парасковью Петровну и задавал себе вопрос: «Что это за Парасковья Петровна?» и вдруг,

---

²²⁶⁵ Дети священника Александра Алексеевича Игнатьева.

как это иногда бывает, меня мгновенно осенила мысль: да ведь это Парунька сугоякская, и перед моими глазами встала мрачная картина из её жизни.

В Сугояке в штате прислуги числилась с громким названием горничная девушка Парунька, как её все называли. Штат прислуги состоял из четырёх человек: работника Егора, стряпки Агафьи, няньки Ивановны и этой Паруньки. Её взяли в прислуги отчасти в качестве помощницы Агафье – прибирать в комнатах, а главным образом следить за подросшими уже детьми, так как Ивановна всё время занята была младенцами, которые аккуратно через 2-3 года рождались. Паруньке было лет 15-16, сама она была настоящим ребёнком, и ей под стать было играть со своими подшефными возраста 5-6 лет. Была она ростом маленькая, хотя корпус был у неё развитый. «У неё широкая кость» - так у нас говорили о девушках такого склада. У неё была круглая голова, как арбуз и насажена она была прямо на корпус без шеи. Глаза тоже были круглыми, как у совы. В таком виде мы знали её в Сугояке: маленькой, почти ребёнком.

И вдруг мы узнали, что Парунька сугоякская вышла замуж за парня, который в Тече жил в Макаровке, почти в соседях с нами. Мы хорошо знали дом, в котором он жил: дом стоял на углу по Беликульской дороге, по которой мы часто ходили и ездили за грибами, но парня не знали. И вот однажды к нам пришла Парунька. Она быстро из дверей скользнула на голбец и уселась по-детски, поджав колени к лицу и обхватив руками внизу ноги. Признаться, такая её поза, привычная для нас в прошлом, когда она играла с детьми, теперь показалась странной, и мы подумали: вот так баба! Ведёт себя по-детски. Потом мы много раз видели, как она ходила мимо нас за водой на реку и нам бросилась в глаза асимметрия: она была маленькая, а вёдра большие, нести же воды ей приходилось, по крайней мере, с полверсты да ещё с подъёмом на крутую горку. Скоро мы узнали, что муж её бьёт нещадно, что он по сравнению с ней верзила и может, по его же выражению, выбить из неё душу. Она сама об этом хранила гробовое молчание. Соседи знали, но всё молчали: нельзя впутываться в отношения мужа и жены – это закон. Не оставляла всё-таки мысль: в чём дело? Почему она молчит? Возникали всякие предположения и между прочим о том, не сделал ли с ней что-нибудь Егор? Может быть она не «уберегла» себя, а муж «взыскивал с неё за это? Мысль эта ещё больше укрепилась, когда стало известно, что Егор однажды уже «поохаверничал» так над одной девкой, и она «принесла». Вот что мне вспомнилось о Парасковье Петровне.²²⁶⁶ Когда я приехал в Течу,

---

²²⁶⁶ Из очерка «Парунька сугоякская» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Жалость к несчастной Паруньке побудила меня обратиться с просьбой к нашей бывшей соседке по дому Татьяне Павловне, проживавшей теперь в Макаровке, неподалёку от Паруньки, заступиться за неё и пристыдить её мужа драчуна. Скоро я, однако, понял, что Татьяна, находившаяся в плену обывательских взглядов на семейные отношения, по которым: «Муж и жена – одна сатана», «Милые дерутся – только тешатся» и прочее, не согласится на мою просьбу. Я предложил Паруньке написать жалобу в сельсовет (дело было при советской власти). Но

то узнал, что она в своём доме, т. е. на Макаровке, не живёт: дети её выгнали. Муж у неё уже умер. Жила она на иждивении Екатерины Ивановны Бородулиной, которая раньше часто стирала у нас бельё и жила неподалёку, в соседях. Прежде чем отправиться повидаться с Парасковьей Петровной, я ещё решил проверить слухи о том, что её избивал муж, и спросил об этом у Татьяны Павловны. Она этот слух подтвердила, но в тоне её речи я не услышал возмущения по поводу издевательства мужа над женой. Признаться, на меня это произвело неприятное впечатление. Я думал, как это Татьяна Павловна, женщина исключительной доброты и она с таким эпическим спокойствием сказала: «да, он её бил и всё!» Тут мне стало понятно, как сильна над людьми привычка смотреть на семейные отношения: о них судить другим нельзя.

Я подошёл к избе Екатерины Ивановны и, не входя во двор, вызвал Парасковью Петровну. Ко мне вышла тень человека, и я растерялся. Я не знал, что мне делать? Спрашивать о чём-либо: о жизни, о здоровье, как это обычно делается, было и бесполезно, и просто не тактично. Я поблагодарил её за приветы, передал небольшой подарок – чай и сахар – и распрощался. Огромная тяжесть легла на мою душу, и я шёл и думал: за что с ней всё это случилось? Неужели это тоже, что Л. Н. Толстой взял эпиграфом к роману: «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и аз воздам»?!²²⁶⁷

Через полгода я узнал, что Парасковья Петровна умерла. Мир праху её!!!

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 411-412 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Парунька сугоякская» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть III. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 380).

лишь только я сказал об этом ей, она подняла истерический крик и плач. «Не надо, не надо – кричала она, - пусть уж лучше он...», - она не закончила свою мысль, но можно было легко догадаться: «пусть уж лучше бьёт». Что за «притча» - подумал я. Что с Парунькой?» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 98.

²²⁶⁷ Из очерка «Парунька сугоякская» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Подошедши к дому Катерины Ивановны, где, как сказано выше, жила Парасковья Петровна, я не вошёл в дом и постучал в окно. Послышался детский голос. Я предположил, что это говорит девочка и спросил: «Скажи, девочка, дома ли Парасковья Петровна, и если она дома, то пусть подойдёт ко мне к воротам». Девочка сообщила мне, что Парасковья Петровна одевается и скоро выйдет ко мне. Прошло несколько минут ожидания: Парасковья Петровна, очевидно, собирала одеяние к выходу. Наконец, она показалась на крыльце и подошла ко мне. Это была тень человека. Я, прямо сказать, растерялся: нужно было при встрече спросить о том, как она живёт, как её здоровье и пр., но спрашивать было излишне: всё было налицо. Я спросил её, посещают ли её знакомые, хотя знал, что они её посещают, а спросил только для того, чтобы что-то спросить у неё. Я ждал, что она что-либо спросит у меня, но она молчала. Я передал ей подарки и, как говорится, «смылся» с тяжёлым чувством горечи и обиды за неё, причём мне самому было стыдно за то, что с ней случилось, как будто и я был виновником её тяжёлой судьбы» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 99-100.

«Знатные» обитатели Старого Сугояка

Дмитрий Никифорович Черёмухин

Псаломщик, выходец из Далматова²²⁶⁸, где священствует его брат Григорий.²²⁶⁹ Один из многочисленных неудачников духовного сословия, обосновавшийся в должности псалмопевца, недоучка духовной школы, или не попавших почему-либо в семинарию, или изгнанников из неё. В ту пору, когда он служил в Сугояке, старый холостяк на попечении некоей девицы с неизвестным положением в его хозяйстве: кто же она ему – экономка или подруга типа классических Аспазии при Алкивиаде. Во всяком случае это было для тех времён явлением оригинальным и «сомнительным» с точки зрения обыденной морали. Однако люди ко всему привыкают и привыкли видеть её в сущем виде, и она сама не скрывала своего «такого» положения, а держалась как полнокровная хозяйка в семье старого холостяка.²²⁷⁰ Другой особенностью Дмитрия Никифоровича было то, что у него был знаменитый конёк в наших краях – Бобко, не то рысак, не то иноходец. Среди аборигенов наших краёв находились такие любители коней, у которых эта слабость превращалась в некий культ: владелец сам себя ограничивал во всём, а коня холил, ухаживал за ним, как за любимой подругой жизни. По этому случаю уместно вспомнить пословицу: «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало». О Бобке даже шла молва о том, что он приведён был из Шадринского уезда – так сказать – его биография. Хозяин украшал его в упряжке: сбруя блестела медными бляхами и на шее его, как ожерелье, висели, что бусы на шее девушки, шаркуны, издавая целую гамму звуков. Хозяин блаженствовал.

---

²²⁶⁸ Черёмухин Дмитрий Никифорович (1867-?) – сын протоиерея Шадринского уезда. Уволен из 3-го класса Пермской духовной семинарии в 1889 г. Служил псаломщиком, после революции – счетоводом.

²²⁶⁹ Черёмухин Григорий Никифорович (1861-1927) – сын священника. Окончил Пермскую духовную семинарию по 2-му разряду в 1882 г. Служил учителем. Посвящён в сан священника в 1886 г. Священник Николаевской церкви с. Далматово Шадринского уезда с 1886 г.

²²⁷⁰ Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Как псаломщик он был ничем неприметной личностью, но как личность *«an sich»* - сама по себе имел некоторые особенности, не лишённые оригинальности, своеобразия. Прежде всего он был как будто и не холост, и не женат. На положении конкубины у него проживала не то Настенька, не то Катенька, которая определённо чувствовала себя полной хозяйкой и афишировала себя таковой. По тем временам это был очень оригинально, а для служителя культа – сверх-оригинально, но ничего – люди привыкли и молчали.

... Дмитрий Никифорович не рез пытался по «закону» жениться, но невесты косились на его конкубину и отказывались от уз Гименея с ним. Так, в сущем виде он и отбыл из Сугояка куда-то на другое место» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 12, 12 об.-13.

Каждым летом к нему приезжали погостить племянницы из Далматова: сёстры Флавиановы Александра и Мария.²²⁷¹ Мне было известно, что поклонником первой был мой брат Алексей, но судьба его обошла – счастливец оказался Кокосов Михаил Иванович. Таким образом, Сугояку не суждено было принять вторично участие в нашем семейном родстве.

Калашников Иван Николаевич

Псалмопевец обычного типа, т. е. из изгнанников какой-либо духовной школы. Выше уже сказано, что он оставил о себе память как танцор. Его жена – Мария Ивановна – училась вместе с «хозяйкой» в епархиальном училище, пела в сугоякском хоре и иногда выступала солисткой вместе с «хозяйкой» в дуэтах. Между семьями были на редкость дружественные отношения. Впоследствии, Мария Ивановна овдовев, работала библиотекарем на ст. «Богданович».

Базилевский

Имя и отчество его мне не известны. Личность туманная, типа проходимцев. Интриган.²²⁷² Известно только, что явился в Сугояк из Акадырова моста. Псалмопевец.

Оставил о себе след тем, что научил прихожан коллективно петь «Милость мира» за обедней. Мотив этого песнопения потом занесён был и в Течу под именем «сугоякского», но исполнялся не прихожанами коллективно, а теченским хором. Как-никак, но в актив Базилевского нужно отнести эту заслугу.

Шла молва, что после Октябрьской революции он работал преподавателем русской литературы в Бродокалмакской школе-семилетке. Подобная метаморфоза, как известно, только в обратном направлении произошла с Буткиным Григорием Ивановичем, бывшим заведующим Бродокалмакским двухклассным училищем, который после Октября спланировал свое «житие» на должность диакона при Шадринском соборе.

Фаина Захаровна

Просвирня Сугоякской церкви.

Вдова, какими были обычно жёны «мироносицы» этого типа.²²⁷³

---

²²⁷¹ Флавиановы Александра (1887-1964) и Надежда Николаевны – дочери священника.

²²⁷² В очерке «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «...человек отягощённый семьёй, желчный и мстительный» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 14.

²²⁷³ Зеленцова Фаина Захаровна (1853-?) – дочь псаломщика Верхотурского уезда, девица, определена просфорней к Пророко-Ильинской церкви с. Сугояк в 1890 г.

Её ампула было выпекать просфоры для совершения литургии. Её служба при церкви была чем-то вроде пенсионера при ней – нахлебника при приходе. Младшее, но необходимое звено из притча церкви, жившее «Христовым именем».

Вася-курник

Такого было его распространённое название – без указания фамилии, имени и отчества.

Отпрыск старой Руси, некрасовский «Дядя Влас, старик седой», но только по функции, которую он выполнял и в своей жизни, а не по наружному сходству с Власом. Был он низкого роста, сильно прихрамывающий мужичок, благообразной наружности. Ходил по белу свету с церковной кружкой на груди и собирал гроши «на украшение храма». Питался «Христовым именем».

Как получился такой тип человека? Что его породило на свет Божий? Было в нём кое-что и от недостатка природы, но было и то, что идёт от желания жить полегче, т. е. она, «Агашка на шее» как именуют в народе сильную настоящую лень. Этому потакал уклад жизни. Надели на него обносок старой фетровой шляпы, обносок старого малюскинового кафтана с плеч какого-нибудь богатея, такого же рода сапоги, на шею повесили кружку с церковной печатью, снабдили церковным паспортом, где было обозначено его жизненное ампула и отправили гулять по сёлам и деревням. Иногда давалось ему ещё какое-нибудь частное задание житейского характера. Так, однажды ему дано было задание привезти детскую колясочку из Екатеринбурга и он его выполнил: так шагал с колясочкой впереди.

Миша-голубиша

В деревнях и сёлах раньше всегда существовали люди с такими лаконичными названиями. Они были из тех приветливых и услужливых людей, которые в нужную минуту всегда готовы были «обслуживать» другого, помочь ему, выручить и т. д.

Их и называли лаконичники, причём это название с первого раза может показаться обидным, на самом деле было, если угодно, вроде ласкательного. Такова особенность деревенского словотворчества. В Сугояке так называли почтенного мужичка с полным названием Михаил такой-то по фамилии и отчеству, всеми уважаемый, но, тем не менее, в просторечье – Мишка-голубишка и с этим именем он и вошёл в историю села.

В моей памяти этот человек сохранился как двойник нашего «придворного» ямщика Терентия Яковлевича (см. очерк «Терентий Яковлевич»). Такой же низкорослый, щуплый, от природы добрый, он выручил нас в 1906 г. при возвращении с Пасхи из Сугояка меня в Пермь, а

моего племянника в Камышлов. Была сложная задача довести нас до любой станции железной дороги, миновав все разлившиеся реки. Стал вопрос: к кому обратиться – и мысль привела к Михаилу. «Он выручит» – было общее убеждение. И он оправдал эту веру в него: через запутанный рой башкирских деревень он вывез нас на станцию Аргаяш. Такие люди – малозаметные по внешнему виду, но с большой душой заслуживают того, чтобы память о них сохранилась в потомстве.

Шишкин Алексей Яковлевич

Типичный сельский купец, обладатель пятикомнатного деревянного под железной крышей дома и каменного магазина-лавки при нём. Выходец из известного когда-то в Бродокалмаке торгового дома Шишкиных, который послужил школой для других выходцев из «Расеи», тоже сообразивших, что в этих краях, за Уралом, с умом если, жить можно, т. е. развернуть торговлю. В своё время эту «школу» прошёл и теченский купец Антон Лазаревич Новиков и в свою очередь и других потом учил своему мастерству. Торговый дом Шишкиных постепенно хирел: в Бродокалмаке остался Иона, а Алексей поехал искать счастья в Сугояке, и выбор его, как видно, был неплохим, однако, как видно, ему не удалось так широко развернуть дело, как Новикову, у которого филиалы были в Кирдах и Нижне-Петропавловском селе. Он был, если можно так выразиться, локальным купцом, т. е. со сферой действий только в Сугояке. Но каждому своё, и он это своё брал, являясь на селе «персом-грата», т. е. был принят в высших сферах. Фигура купца в её обобщённом виде, достаточно показана как в литературе, так и в изобразительном искусстве. Что касается личных черт и особенностей жизни Алексея Яковлевича, то они мало утешительны, и, прежде всего, несчастьем для него было то, что его благоверная супруга страдала пьянством, точнее – запоем, а единственный сын Ваня был малоинициативным и не подавал надежд стать хорошим преемником отцовского «дела».

Завьялов Максим Алексеевич

Он открыл свое «предприятие» против предприятия Шишкина и был, можно сказать, по сравнению с тем едва оперившимся птенцом. Увы! В силу ему не пришлось войти. Октябрь поверг в прах соперников, как говорится, и коня, и всадника.²²⁷⁴

---

²²⁷⁴ В «свердловской коллекции» также имеется отдельный очерк «Максим Алексеевич Завьялов» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть VII. (1967 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 384).

Казанцева Мария Семёновна

Дочь черепановского зажиточного мужичка – Семёна Ивановича Черепанова. Пробилась как-то в сельские учительницы и обучила в Сугояке не одно поколение грамоте на уровне учительницы со средним образованием. Оторвавшись таким образом от крестьянства, вышла замуж за сугоякского мужичка среднего достатка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я начал своё повествование о Сугояке как некой географической точке, но оно же, моё повествование, показывает, что он, Сугояк, для меня был гораздо значительнее, чем простая точка на земле. Моё пребывание в нём, встречи с людьми, общее впечатление от них и всё прочее – отразили целый период моей жизни, причём самый яркий и богатый по содержанию, а именно: мою юность, годы роста, бурного развития – самый счастливый период жизни. Это тот период жизни, когда человек владеет самым главным богатством своим – мечтами, когда кажется, что всё тебе доступно, всё ты можешь достигнуть. В это время всё окружающее тебя ласкает и укладывается в твоей памяти как отпечаток твоих переживаний с тем, чтобы потом вновь будить память к воспроизведению пережитого. Кажется, что всё, что видишь – живое или неживое – какими-то знаками откладывается в душе с тем, чтобы по нему вновь пережить то, что тогда пережил.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 78-178 (рукопись), 179-208 (машинопись).
Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Их называли у нас ещё кержаками. Они относились к той группе раскольников, которые назывались беспоповцами. Центром их организации в наших краях была деревня Осолодка, расположенная между селом Бродокалмакским и деревней Пановой. В этой деревне население, примерно, поровну делилось на двоедан и никониан. Первые считали вторых «мирскими» и общение с ними считали греховным. Наша старшая сестра одно время была учительницей в этой деревне и имела возможность наблюдать распри между теми и другими. Чаще всего споры возникали из-за расположения пальцев для крестного знамения. Как известно, раскольники стояли за двуперстие, а над троеперстием глумились, говоря, что так пальцы складываются для «понюшки» табака. Они не курили, а никониан называли «табашниками». От такого разделения в деревне больше всего испытывала стеснение молодёжь, которой чужды были эти религиозные предрассудки, а сердца просто не желали считаться с ними.

На праздники нашу сестру из Осолодки в Течу (18 вёрст) привозила одна кержачка. Она на положении гостя пила чай и обедала, но посуду привозила свою, так как считалось, что наша посуда греховная.

В Сугояке было три или четыре семьи раскольников. Они были самыми богатыми на селе, и у каждой семьи около дома был глухой двор, как крепость. Жили они замкнуто. Они вели более строгую жизнь, чем «мирские».

Несколько семей было также в деревне Кошкуль Сугоякского прихода.²²⁷⁵

---

²²⁷⁵ Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «В Сугояке было значительное количество зажиточных мужичков, у которых были кондовые пятистенные дома с полным комплектом таких же служб, и все строения были под железными крышами. Самыми зажиточными из них были кержаки, которых в селе было три-четыре семьи. Их усадьбы походили на «замки» с крепкими тёсовыми воротами сплошным рядом служб, подогнанных под одну крышу. Кержаки держали себя изолировано от «никониан», которых они называли «табашниками» и смеялись над троеперстным сложением для совершения креста у последних, заявляя, что при таком сложении пальцев люди берут табак для «понюшки». Центром объединения кержаков была значительная группа их в деревне Кошкуль», в десяти верстах от Сугояка, причём и здесь они были самыми зажиточными. Это, может быть, объяснялось более строгим бытом этих семейств: как правило, они, например, вели более трезвенный образ жизни, чем «никониане». Самым же главным условием вообще повышенного уровня жизни сугоякцев, как и кошкульцев, были хорошие земли их хозяйств и достаточные наделы земель. В связи с тем, что кержаков в сугоякском приходе насчитывалось значительное количество, епархиальное начальство однажды выслало специального миссионера для проведения диспута, который состоялся в Кошкуле. Противоположная сторона тоже выставила своего «начётчика», и бой состоялся горячий, но, как всегда, безрезультатный: та и другая сторона, как говорится, «осталась при своих козырях» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 19-20.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 387. Л. 109-111.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

БРОДОКАЛМАК И ЕГО «ЗНАТНЫЕ» ЛЮДИ

[1965 г.]

Среди сёл, которые были вблизи Течи, Бродокалмак всегда представлялся мне центром, к которому тяготели все соседние сёла. Он казался мне и был на самом деле богаче других сёл и славился торговлей и промышленностью, конечно, кустарного вида. Прокопьевская ярмарка (8 июля ст[арого] ст[илия]) была на славе. Сюда стекались дельцы торгового мира из сельских воротил и скупали сибирское топлёное масло, шерсть, чёсанные лён в пасынках и коноплю. Здесь они встречались с агентами внешней торговли и сплавляли эту продукцию за границу. Мне запомнилось, что наш батюшка в каком-то году продал здесь пуд масла за 10,5-11 рублей.

Славилось предприятие Решетовой – «Решихи» по выделке кожи. Каждый понедельник она являлась на Теченский базар, продавала готовые кожи и скупала шкуры. Я хорошо запомнил её дом на центральной улице, деревянный, обшитый тёсом и окрашенный в бордовый цвет. Предприимчивая женщина вела торговые операции, а мастер – не то муж, не то работник выделывал кожу.

При въезде в село на гористом берегу реки Течи гончары вырабатывали кринки, корчаги. Каждый понедельник тоже привозили на базар свою продукцию.

В торговом мире центральной фигурой был Иона Яковлевич Шишкин. Когда-то на славе был торговый дом Якова Шишкина. К нему тянулись за учёбой другие выходцы из «Расеи». Поступали в приказчики, учились, а к рукам их кое-что прилетало. Сами обрастали пушком и открывали своё «предприятие», а Яков тощал. Остаток поделили братья: Иона остался в Бродокалмаке, а Алексей осел в Сугояке. Зато пышным цветком расцвело «предприятие» Антона Лазаревича Новикова в Тече.

Иона ещё сохранил силу. Один из его сыновей оказался умником: выучился и в советское время был учителем в школе II ступени. Свою дочь Анну Ионовну он выдал замуж за сына теченского протоиерея Владимира Бирюкова [Константина], но она скончалась при первых родах.

Купцом меньшого калибра был Сёма Балыхин – тип купца-ухаря.

В центре Бродокалмацкого общества стояла семья заведующего двухклассной школой повышенного типа Буткина Григория Ивановича. У него было два сына – Александр и Николай, которые закончили Уфимскую духовную семинарию, а Николай закончил дальше Казанскую дух[овную] академию. Дочь Елизавета закончила гимназию. Для меня осталось невыясненным то, каким образом Александр и Николай стали учиться в духовной школе. Между прочим, известный в Свердловске врач-хирург, фтизиатр Николай Григорьевич Буткин, б[ывший] ученик Камышловского духовного училища и Тобольской семинарии говорил мне, что его отец был сельским писарем, а он (врач) был роднёй бродокалмацких Буткиных.

Выходит, что и этот Буткин имел какую-то связь с миром духовенства, потому что учился в духовной школе.

С Г. И. Буткиным жители Течи соприкоснулись во время торжеств по поводу коронации последнего Романова – Николая II. Тогда творческая интеллигенция Бродокалмака давала в Тече спектакль. Мне было тогда 6 лет, но я хорошо помню, как у одной стены Теченской волости устроена была сцена изпологов, и они, «артисты» бродокалмацкие, показывали сцены из оперы «Иван Сусанин», причём Г. И. Буткин играл Сусанина. Показана была сцена в лесу. Бродокалмацкая мельничиха Мария Яковлевна Егорова играла Ваню и пела «Ты не плачь сиротинушка». Об Егоровых будет сказано ниже.

Вторая встреча с Буткиным была в Тече, когда бродокалмацкий хор под управлением Н. Г. Буткина пел при венчании Стефановского А. П. и Сильвановой Л. А.

Во время моего учения в Казанской дух[овной] академии мне показывали комнату, в которой обитали два Николая Григорьевича – Буткин и Младов, сын екатеринбургского протоиерея Григория Младова. Мне говорили, что в этой комнате происходила картёжная игра, нечто вроде картёжного клуба.

В 1923 г., когда я проездом был в Шадринске, виделся с протоиереем Н. Г. Буткиным и узнал, что Григорий Иванович Буткин был диаконом соборной церкви.

Позднее также узнал, что Лиза Буткина работала кем-то в Шадринске и рано скончалась. Протоиерея Н. Г. Буткина постигла судьба многих лиц на церковной службе, он был изъят из рядов священнослужителей.

Егоровы – Кирилл и Мария

Егоров был мельником. В отличие от других мельников, которые на реке Тече осели и устроили свои «предприятия», в большинстве случаев люди безграмотные, или полуграмотные, Егоров был из тех неудачников в жизни, которые вкусили образование, но в пределах 3-4 классов средней школы, супруга же его – Мария Яковлевна была в этом отношении под стать ему. В селе, отдалённом от культурного центра, имеется в виду Челябинск, это давало им возможность идти за интеллигентов, т. е. быть причастными к этим кругам. И они входили: были участниками разных вечеров – семейных и с претензией на культуру.

Мельница успешно работала. Семьёй они не были отягощены: у них была единственная дочь, кстати сказать, не пользовавшаяся особым вниманием родителей. Так жили, жили и «пролетели в трубу». Мне пришлось видеть этого мельника, всего облезлого, взятого из «общества» стада козлов, в котором он находил себе приют. В таком виде его направляли в Нижновскую больницу. Но когда-то жили, жили.

Учитель земской школы Сухов

Он, по слухам, закончил учительскую семинарию. Молодой человек, о которых говорят: «рубаша – парень». Не отягощённый ни женой, ни семьёй, являл себя «забубённой головушкой», душа молодёжи холостяцкой, выдумщик разных развлечений и походов под пьяную руку. Потом работал учителем в Верх-Тече. Здесь столкнулся уже с новым поколением молодёжи, но сохранил прежний характер поведения.

Легенда о бахилах

Владетелем их был один из членов причта, любитель «злоказовского». В числе распределителей продукции этого пивовара были на сёлах сапожники. Так было в Бродокалмаке, так было и в Тече. Шла молва, что бахилы духовной персоны часто приносились на текущий ремонт и возвращались владельцу сильно отягощёнными «злоказовским».

С переездом канцелярии земского начальника из Течи в Бродокалмак, снова переместился и культурный центр, во главе которого стояла «земчиха». Здесь устраивались спектакли, а на этой почве исстари были отношения между Течей и Бродокалмаком.

Нельзя не упомянуть, говоря о «знатных» людях Бродокалмака, о знаменитом бродокалмакском ямщике Малькове. Кто из теченцев не любовался его лихой ездой, когда он мчал какого-либо барина на своих рысаках. Когда же он проезжал мимо кабинета Теченского протоиерея, то обязательно возьмёт и ухнет. Знай, дескать, наших!

В Бродокалмаке не было своей больницы, а был только амбулаторный приём. Каждую субботу сюда приезжал из Нижней Алексей Семёнович Меньшиков.

При советской власти здесь был районный центр. Была школа-семилетка.

Можно сказать, что Теча и Бродокалмак в культурном отношении были побратимами.

Для меня же Бродокалмак остался памятью сердца (читай очерк – «Нюрочка Егорова»).

На дороге из Течи в Бродокалмак, не доезжая до него пять вёрст, находилась загородка Егоровых, в которой были насаждения сосен. Она при проезде всегда тревожила память моей юности, описанной в указанном мною очерке.

Смутно сохраняется в моей памяти, что в Бродокалмаке или около него отбывал ссылку, как видно, один из революционных деятелей – Блохатов, и передавали, что при проезде через наши края губернатора Наумова планировалась встреча с ним главы Пермской губернии.

За точность этих сведений, однако, не могу поручиться, т. к. они не были мной проверены, сам же я в это время был зелёным юношей.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 15-27.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует. В «свердловской коллекции» имеется также очерк «Село Бродокалмак» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть I. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

Нюрочка Егорова

[1963 г.]

О печальной судьбе этой девушки мне рассказал мой теченский приятель Миша Суханов. Встретились мы с ним в «Совкино» на просмотре кинокартины «А если это любовь». Поговорили ещё до начала сеанса о Тече, наших общих знакомых и пр., а после просмотра картины снова столкнулись в дверях, но не сразу разговорились: шли рядом, и у каждого из нас, как видно, шла на душе внутренняя работа, вызванная только что виденным на экране. Первым заговорил Миша, лишь только мы остановились на площадке у кинотеатра. «Как ты думаешь – обратился он ко мне – может быть, чтобы мальчик шести-семи лет полюбил девочку своего возраста, да так, что эта детская любовь оставила неизгладимый след в его душе». Я, признаться, совсем был не подготовлен к решению такой «проблемы» и смог моему приятелю ответить только так. «Я не помню то ли где-то читал, то ли кто-то мне рассказывал о том, что знаменитый английский поэт Байрон шестилетним мальчиком был влюблён в тридцатилетнюю женщину, страдал от неразделённой любви, и что это именно обстоятельство в соединении с его физическим недостатком – он был хромым – и послужило причиной того, что его поэзия получила мрачный оттенок. Я начал даже распространяться о том, что этот мрачный колорит его поэзии оказывал влияние на музу А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Миша прервал поток моего красноречия и заявил: «Нет, ты не допускаешь такой мысли, так вот послушай».

«Мне было не больше шести лет – так начал он свой рассказ, - как мой батюшка однажды летом объявил: «Завтра поедешь со мной в Бродокалмак на базар». Излишне говорить о том, как я обрадовался этому предложению. В Бродокалмаке в Прокопьев день – 8-го июля каждого года – производилась районная ярмарка, которая так и называлась Прокопьевской. На неё крестьяне из окрестных сёл и деревень привозили на продажу топлёное мало, шерсть, лён в пасвинках, которые скупали у них ловкие дельцы-негоцианты из своих же мужичков, но уже получивших деньги [с] перепродажи скупленного. Как передавали, они отправляли скупленное в Англию через знакомых им агентов.

В Прокопьев день мы выехали из Течи пораньше – часов в пять, чтобы до дневного жару прибыть в Бродокалмак, покрыв расстояние в двадцать с небольшим вёрст. Дорога туда была не ровная – уже в версте от Течи нужно

было подняться на небольшую горку, а около деревни Пановой был большой лог с крутым подъёмом, и наш Карько вёз нас мелкой трусцой, а на горки тянул с остановками и припотел. Я честно исполнял возложенные на меня обязанности: выскакивал из коробка и открывал польские ворота, занимал родителя в мере моих возможностей разговором, больше разными вопросами, и мы часов около восьми прибыли к месту назначения, но не прямо проехали на базарную площадь, а заехали к своим родственникам: батюшка, очевидно, хотел предварительно расспросить о сложившейся конъюнктуре по продаже, а привезли мы с пуд масла, мешок с шерстью и несколько пасынков льна. Въехали во двор, и батюшка пошёл в дом, а я остался в коробке. Обозревая двор, я заметил девочку лет шести под навесом, играющую с куклой. Она была в голубеньком платьице, чулочках и туфельках. Она о чём-то разговаривала со своей куклой, не то ругала её за что-то, не то выпрашивала у неё о чём-то. Мне было не видно лица девочки, но я представлял её в виде лица куклы, что была у моей сестры. Девочка мне показалась каким-то особым существом, не похожим на деревенских девчонок, часто грязных, растрёпанных, и у меня в душе появилось настроение, похожее на благоговение перед ней. Девочка играла, не обращала на меня внимания, и это вроде как бы огорчало меня. Вышел батюшка из дома, повернул нашего коня, и мы поехали на базар. Больше на этот раз я не видел эту девочку, но образ её, нет-нет, да и возникал в моей памяти. Мальчишка, но я уже в какой-то степени был во власти своих рефлексов и задумывался: что со мной. Когда я учился в школе, то старший брат, работавший учителем, дарил мне разные книжки со сказками, и в одной из них я нашёл картинку с изображением феи: она так походила на ту девочку, что у меня родилась в голове мысль: может быть, та девочка и есть моя фея – так вот почему она временами приходит ко мне на память.

И вот через три года я снова увидел свою фею. К нашему соседу земскому начальнику П. А. Стефановскому приехали гости из Бродокалмака в связи с празднованием коронации. Известно, что у детей повышенный интерес ко всему новому, а я не был в этом отношении исключением из общего правила. Зная, что Стефановские имели обыкновение вечерний чай пить в садике, что был хорошо виден с нашей «повети», я забрался на неё с явной целью подсмотреть, что за гости приехали к нашим соседям и что вообще делается там, у них. Я был уже в плену той черты характера, которая присуща деревенским обывателям: знать всех и всё о своих соседях. Мой взгляд остановился на девочке, которая была в розовом платьице, бегала по садику, склонялась к цветам и, очевидно, наслаждалась их ароматом. «Это – она – моя фея, которую я видел в Бродокалмаке» - мелькнуло у меня в голове, и я поймал себя на другой мысли, что я хотел её видеть и вот, наконец, увидел. Я заметил, что девочка вышла на двор и куда-то скрылась, и, предположив, что она, очевидно, вышла за ворота и села на скамеечку у парадного входа в дом, стремглав спрыгнув с «повети» выбежал за ворота и вижу: она сидит на скамеечке. Мне хотелось подойти к девочке и если не

поразговаривать, то, по крайней мере, посидеть с ней рядом, но опять, как было и в первый раз, у меня появилось какое-то благоговение перед ней, и я не решился это сделать, дескать, как это я, деревенский мальчишка, вахлак, и сяду с ней рядом, [с] такой красивой феей. Я решился только на то, что прошёл мимо неё к дороге, делая вид, что меня привлекло туда какое-то происшествие. Когда я проходил обратно мимо девочки и взглянул на неё, то мне показалось, что на лице её было написано недовольство тем, что какой-то мальчишка осмелился подсмотреть её сидящей на скамеечке.

Прошло ещё четыре или пять лет, и вот я узнаю, что та девочка, а теперь уже девушка-подросток – моя фея гостит у Бирюковых, в семье второго священника в нашем селе. Мне сразу пришла в голову мысль: есть что-то роковое в моих встречах с этой девочкой, а теперь девушкой-подростком. От Вениамина Бирюкова, немного постарше меня, я узнал, что эта девочка была дочерью бродокалмакского мельника Кирилла Егорова и звали её Нюрой. Она приходилась Вениамину двоюродной сестрой, и он, очевидно, заметив мой интерес к ней, сообщил мне некоторые детали из её жизни. Он рассказал, что она – единственная дочь у Егоровых, что родители её вели безалаберную жизнь, отец был пьяницей, что она не видела семейной ласки и пр. Этот рассказ Вениамина возбудил в моей душе чувство жалости к девушке, то опасное чувство, которое романтически настроенного юношу вело к любви. Мой приятель достал папиросу, зажёл её, затянулся и стал продолжать свой рассказ. «Вот как сейчас вижу её перед собой. Ростом она была небольшая, но симметрично сложена. Волосы у ней были с каштановым отблеском, чем она отличалась от наших теченских девушек, которые были или блондинками, или брюнетками. Лицо у неё было круглое, небольшой правильной формы нос с мелкими, мелкими крапинками-веснушками, которые придавали лицу живое выражение, выражение доброты и сердечности. Самыми замечательными в её лице были глаза: большие, серенькие с золотистым отливом, с длинными ресницами, которые придавали им мягкий бархатистый оттенок. Взор казался глубоким: глядишь в глаза и не видишь дна. Взгляд был «грустинкой» и так и втягивал тебя против твоей воли».

Тут мы заметили, что стали уже предметом наблюдения за нами разных ротозеев: дескать, что это за чудаки стоят, и Миша предложил мне перейти к монументу Я. М. Свердлова в скверике у оперного театра. Когда мы шли к монументу, Миша всё у меня спрашивал, люблю ли я оперу и есть ли у меня любимые певцы, а сам про себя говорил, что он поклонник Надежды Андреевны Обуховой²²⁷⁶ и расхваливал её голос в таких тонах, в каких это делают самые заядлые меломаны: и что голос у неё мягкий, грудной и пр. Этот разговор об опере с Обуховой я понимал так, что Миша решил сделать нечто вроде антракта между своим рассказом, но когда мы сели на скамеечку

---

²²⁷⁶ Обухова Надежда Андреевна (1886-1961) – российская советская оперная певица (меццо-сопрано). Народная артистка СССР (1937).

и он стал продолжать свой рассказ о Нюре, об её голосе, тоже бархатистом и «грудном», я понял, что этот разговор был подготовкой к продолжению его эпического с лирическим отступлениями, рассказа.

Миша опять подчеркнул, что голос у Нюры был с «грустинкой», которая делала его душевным, вкрадчивым в душу другого человека. Миша опять затянулся папиросой и продолжал: «И вот начались мои частые встречи с Нюрой. Но что это были за встречи! Мне казалось, что всё, что раньше нравилось и что я любил теперь, с её участием, приобретало что-то новое, дорогое для меня. Раньше я любил ходить в бор, гулять, но теперь эта любовь получила новое содержание, стала богаче, дороже. «Она со мной» - и эта мысль наполняла мою душу теплотой и радостью. Нет «её» - и я чувствую, что мне чего-то недостаёт. Я любил петь, но содержание песен было иногда для меня не конкретным, абстрактным; например, в песне «Мой костёр» в словах «Мы простимся на мосту». теперь эти слова для меня имели конкретное содержание: я пел о расставании с ней. И так в других песнях. Раньше я пел в какое-то пространство, а теперь я пел для «неё», и я находил в своём голосе новые нотки – нотки сердечности, теплоты. Раньше мне нравились наши чудесные теченские места наших прогулок: «Штатское», «Швейцария», мостик, а теперь они мне стали ещё милее: здесь была «она» со мной. И так во всём. Я ехал в поле за травой, но думал о «ней», как я сделаю букет цветов и отдам ей. Я вёз этот букет как драгоценность «и думал»: вот увижу при проезде «её» в окне и поднесу ей букет, но этого не случилось, и я с досадой бросал букет в траву, чтобы его съели животные. Так прошли мои каникулы летом при первой встрече с Нюрой.

На каникулы с следующим году я ехал с мыслью: приехала ли она уже в Течу гостить к Бирюковым, или нет. Внутренний голос мне говорил, что если и не приехала, то обязательно приедет. Начались новые встречи, и я стал понемногу догадываться о том, что со мной происходило. Мне казалось, что и Нюра «тянется» ко мне, и это доставляло мне радость. Инстинктивно я начинал, например, понимать «язык» рукопожатий, и когда «она» старалась крепче сжимать мою руку в своей маленькой ручке, я принимал это за признание её симпатии ко мне. На вечерах у нас иногда устраивались «дамские кадрили – это обычная кадрили, но инициатива выбора себе партнёра предоставлялась девушкам. По существу это была проверка сердец – у кого оно тяготело к кому-то другому. Я ждал, что избранником Нюры буду я, и она всегда выбирала меня. Это заметили другие девушки, поповские дочки, и смеялись надо мной: дескать, влюбился в мельникову дочку. Для меня социальное происхождение «её» было безразличным: для меня она существовала такой, какой я её видел. Дошло до того, что я стал ревновать Нюру. Этим летом к нашему протоиерею приехал гостить петербургский студент, красавец собой. Он не прочь был пожуировать с провинциальными девушками, и мне показалось, что Нюра благосклонно принимает его ухаживания. Боже мой! Что было со мной! Я рисовал картину, как Нюра изменяет мне (я так думал наивно), как она надругается над моим

чувством, и я мучился и не находил себе места. Мне казалось, что Нюра заметила моё настроение, и я прочитал в её взоре: «зачем, дурачок, ты так думаешь?» Ведь я люблю только тебя, и на моей душе становилось светло и радостно. Так прошло второе лето моей встречи с Нюрой: я был счастлив.

В течение третьего лета наши встречи были особенно частыми и продолжительными. Мы с хором ездили в Беликуль по приглашению одного из знакомых. Нюра не пела, и у ней были не воспитаны ни голос, ни слух, но она ездила с нами, как говорится, за компанию, и я чувствовал себя счастливым во время этой поездки.

Вениамин Бирюков после этой поездки предложил мне поехать с ним и Нюрой в гости к его брату. Я был рад: ехать с «ней», долго быть вместе было так заманчиво, и я охотно принял приглашение. Дорогой я рвал на остановках цветы и дарил «ей». В Бугаевой со мной случился новый приступ ревности: один из гостей, человек уже женатый, высказал сожаление, почему он не встретился с Нюрой раньше, до своей женитьбы. Я это послушал, и в мою душу снова пролился яд ревности: как он смел иметь виды на мою фею.

Каждый год цикл наших летних прогулок, вечеров и пр. заканчивался балом в день именин дочери второго священника – Серафимы Анатольевны Бирюковой, 29-го июля. Это значило, что на этом бале я буду танцевать с Нюрой в этом году последний раз. Я пришёл на вечер и очень удивился, что Нюра была одета в чёрное платье, а не какое-либо светлое, как всегда. «Почему?» - сквозило у меня в голове, и на душе появилась безотчётная тревога. А Нюре шло к лицу именно это платье – и она мне показалась особенно красивой в этот вечер. Мы танцевали безумно, до забвения скорого расставания, и вот настала минута расставания. Нюра крепко, крепко сжала мою руку, задержала её в своей и смотрела мне в глаза. Я и сейчас вижу этот взгляд. Она, очевидно, хотела что-то прочесть в моих глазах, заглянуть в мою душу и найти в ней какой-то ответ, но я просто растерялся, чувствовал, что я должен ей сказать что-то важное для неё – а я не сказал. Мне потом казалось, что я её обидел, и мне было стыдно за себя.

Много позднее я обдумывал, что же мне нужно было сказать ей, но так и не мог ничего придумать: сказать обычные слова любви к ней – мне казалось банальным, а сказать что-либо большее – мне не приходило на ум.

Мы расстались, и больше я Нюру не видел ни живой, ни мёртвой. Через год я узнал печальную весть: Нюра по окончании прогимназии увлеклась одним легкомысленным шадринским молодым человеком, отдалась ему, потом травилась, но была спасена и в её спасении принимал участие один из сыновей нашего протоиерея студент Павел, который питал к ней нежное чувство. Я был ошеломлён, и просто терялся в догадках, как это могло быть с моей феей, и, между тем, досужие люди болтали, что Нюра пошла уже в разменную монету на положении «*Mädchen für alles*».²²⁷⁷ Жалость моя к ней была безграничной, и, помню, только теперь у меня впервые родилась мысль,

---

²²⁷⁷ *Mädchen für alles* – по-немецки девушки на всё.

что она не только фея, но и женщина. Раньше она для меня была только феей, теперь в новом виде предстал передо мной и случай со мной при последней встрече моей с Нюрой на вечере. Я подумал, что, может быть, уже тогда в ней проснулась женщина, и она хотела узнать, понимаю ли я это, но я был беспечным мальчишкой и не смог разгадать её мысли. В связи с этим я вспомнил, как мой старший брат как-то сказал мне, показывая на моих сверстниц-девушек, в обществе которых я был: «Вот ты чувствуешь себя, что ты одного возраста с ними, это на самом деле так, но ты будешь ещё мальчишкой, а они станут уже матерями семейств. Так и получилось: я продолжал ещё два года учиться в средней школе и четыре года в высшей школе, а у моих подруг детства было уже по двое-трое детей».

«И так, - снова повторил Миша, - я больше не видел Нюру, но по привычке рыться в своей душе я стал замечать за собой новое явление.

Я встречал потом много девушек, среди которых были и красивые и некрасивые и просто симпатичные, миловидные. Я не был лишён эстетического чувства. И для меня, как и для всякого другого человека, не безразлична была красота девушки, но бывали случаи, что моё внимание останавливалось не на той девушке, которая была самой красивой, а на другой, менее красивой, и когда я спрашивал себя, почему это так, то всегда ловил себя на том, что в этой последней, я находил в чём-либо сходство с Нюрой: либо в глазах, либо в голосе, либо в чём другом. Мало этого, когда при чтении какого-либо художественного произведения, я готовился создать зрительный образ какого-либо персонажа женского рода, произведённым на меня впечатление, то я обязательно в этот образ вкладывал черты Нюры. Так было при чтении «Барышни-крестьянки», она мне казалась похожей на Нюру. Я представлял Лизу в «Пиковой даме» и пр. У меня даже создалась особая эстетическая концепция, что если женщина кому-либо нравится, то она должна обязательно походить на Нюру, как например, Анна Каренина, иначе она не могла бы понравиться Вронскому».

Выслушав эту исповедь Миши, я его спросил: «Но ты теперь сознаёшь, что это была твоя первая любовь» и он ответил: «Да, это была моя первая любовь».

Мы вернулись к только что просмотренной картине «А если это любовь?» и пришли к согласному заключению, что в ней показана самая достоверная любовь друг к другу молодых людей, и эту любовь безжалостно растоптали люди, не понявшие этого, находившиеся в плену обывательской любви. Мы распрощались и разошлись.

От референта (пересказчика)

Я знал Нюру Егорову и в своё время тоже немного увлёкся ею. Её образ, как его нарисовал Миша и мне представляется таким. Я имел печальную возможность видеть, как её отца, спившегося и потерявшего облик человеческий, провозили через Течу в больницу. Я, зная, что в пяти верстах от Бродокалмака, не доезжая до него от Течи, у Егоровых была загородка, славившаяся, между прочим, тем, что в ней росли искусственно

посаженные сосенки, и при проезде мимо этой загородки я всегда вспоминал Нюру Егорову.

Я знал студента, о котором рассказывал Миша, и слышал о печальной судьбе Нюры, но только версия о том, что она стала на путь «*Mädchen für alles*» была чистой выдумкой.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 87-95.

В очерке «Нюрочка Егорова» автор использует образ своего друга Миши Суханова при описании своей первой любви. Аналогичный приём он использовал в «Паричских рассказах» (см. Часть VI. «Годы жизни в Белоруссии»).

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Нюрочка Егоровна» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть V. (март 1966 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 382).

КАМЕНКА

[1961 г.]

Так раньше сокращённо называли у нас Каменский завод, нынешний город Каменск-Уральский. С Каменкой мы связаны были благодаря станции «Синарской», с которой мы отправлялись на учение в Камышлове, Перми и позднее – в Казани. Связь эта для автора сего продолжалась 15 лет и насыщена была многими разнообразными событиями, воспоминания о которых – радостные и весёлые – сохранились до сих пор.

Каменка, как явствует уже из сказанного выше, имела для нас значение не сама по себе, а как пункт пересадки на железную дорогу, а поэтому и воспоминания о ней будут касаться только тех событий, которые относились к этому, т. е. к приезду через неё на учение в разные города или домой на каникулы.

Самые же ранние воспоминания, примерно, до 18-летнего возраста у автора сего связаны были с домиком на берегу речки Каменки, который, если смотреть на него с каменного моста на юг, расположен был против моста на расстоянии 50-60 сажен от него. Когда мы проезжали этот мост после спуска с горы, то делали поворот налево под горку, объезжали несколько домов, расположенных тоже на берегу речки и, поворачивая немного влево, въезжали во двор домика. Домик фасадом выходил к речке, и мост из него было видно, «как на ладони». За речкой, вправо виднелся длинный ряд кузниц, в сторону которых было большое движение. Домик был расположен у подошвы крутой горы. Двор был ещё на ровном месте, а огород уже был на склоне горы и по сравнению с теченскими безбрежными огородами казался нам жалким. Баня была уже как бы прилеплена к горе. В последствие, читая «Кавказского пленника», Пушкина и Лермонтова²²⁷⁸ мы примерно так и представляли кавказские сакли в горах Кавказа тоже прилепленными к горам. Во дворе был сарай, прикрытый тощим слоем соломы. Дом имел горницу и кухню. Главным жилым помещением была кухня. Она собственно и была «номерами» для приезжих, а горница была превращена в сапожную мастерскую.

Домик принадлежал Каллистрату, рабочему на домне Каменского завода, бывшего первенцем металлургической промышленности на Урале. Каллистрата мы редко видели, и казался он нам каким-то загадочным существом. Он был худой, высокого роста, имел суровый вид. Мы привыкли видеть в селе крестьян – бородатых, кряжистых, приземистых, а он был в этом отношении не похожим на них и в нашем воображении в таком именно виде – высокий, худой, суровый – символизировал весь рабочий люд. Слово

---

²²⁷⁸ «Кавказский пленник» - рассказ Л. Н. Толстого. Автор имеет в виду произведения русских писателей, посвящённых Кавказу.

«класс» мы тогда ещё не употребляли. Каллистрат был вдовым, а жил он с дочерью и зятем, сапожником.

Как получилось, что у него именно теченцы останавливались на «постоялом дворе» - не известно, но потом мы узнали, что сюда же заезжал и теченский псаломщик Александр Димитри[еви]ч Покровский и здесь он и сложил свою буйную головушку: гулял, т. е. пьянствовал и «преставился». Сюда же заезжали теченские мужички, когда привозили на продажу хлеб. Были мужички и из других деревень. Одним словом, этот «постоялый двор» был на славе: зимой обычно вся ограда была заполнена санями и лошадьми, а пол кухни ночью походил на лежбище моржей: по всему полу в разном положении, в различных позах лежали тела, а хозяйка ютилась тоже на полу около шестка, среди ухватов и клюки, и вся эта масса людей сопела, хрипела, а воздух был так наполнен «жилым», что в нём действительно можно было повесить топор. Ночью то тот, то другой мужичок вставали, выходили «до ветру» или проверить лошадей, а потом опять на пол и в комок.

Рано утром мы отправлялись на станцию. На домне иногда было зарево огня. Было от этого непривычно жутко и думалось: где-то тут Каллистрат, опалённый огнём ворочает громадной клюкой в печке, а потом спускает огненную массу на землю в формы. Позднее, когда мы читали рассказ А. И. Куприна «Молох», то в описываемую им картину завода в этом рассказе вплеталось и впечатление от домны Каменского завода. Плотина, за которой был заводский плац, всегда внушала нам тоже страх: нам казалось, что вода пруда вот-вот прорвётся сквозь затворы и сбросит нас в заводский двор.

Не раз мне приходилось приезжать в Каменку и уезжать домой в Течу с попутчиками. Получалось это потому, что когда мне одному предстояло совершить путешествие до Течи, то я сам не вызывал себе подводу, а ехал с расчётом добраться до дому с кем-либо из попутчиков. При этом мне не всегда сразу удавалось найти попутчика, и в этих случаях я был в доме Каллистрата гостем на несколько дней. Это было в летнее время, когда длинные каникулы позволяли свободнее распорядиться каникулярным временем. Однажды я ждал попутчика дней пять-шесть. Чем я занимался? Купался, ловил бреднем, сделанным из кальсон, пескарёй для хозяйской кошки. Однажды наблюдал, как хозяйка справляла, вероятно, свои именины. Это было любопытно, потому что я был свидетелем определённого церемониала, бытового явления. «Гуляли» только женщины, четверо или пятеро. Выпивали с пением. Хозяйка начинала: «Выпьем мы за Маню (или Олю, или Лушу, применительно к именам присутствующих), за Маню дорогую», а потом хором подхватывали: «На здоровье...» повторяя эти слова несколько раз в соответствии с мелодией. Гости тоже не оставались в долгу и одна из них также запевала, называя имя хозяйки. И так круговая шла и шла... Что сказать по этому поводу? Для наблюдателя тогда уже было ясно, что видеть пьяных мужчин не принято, а видеть пьяных женщин – отвратительно: они становятся при этом развязными и циничными, потерявшими основное своё качество – женственность.

Три раза мне пришлось уезжать домой из дома Каллистрата с попутчиками. Однажды я приехал в Каменку под Троицу, когда в ней бывает ярмарка. На ярмарку привёл на продажу лошадей теченский торговец ими Иван Сергеевич. Ярмарка была где-то на горе завода, на просторной площади. Здесь мне удалось впервые наблюдать конские торги и приёмы продажи лошадей у Ивана Сергеевича. Говорят, что самыми опытными в этом деле были цыгане, но едва ли в этом деле им уступал и Иван Сергеевич. Лошадки, которых он выводил на продажу, всегда были бодрыми: стоило ему только подойти к той или другой, она сейчас же вытягивалась в струнку. Лошадей проверяли по ходу: водили под уздцы; по бегу – гоняли верхом в галопом. Проверяли зубы, бабки. Иван Сергеевич о своих лошадках «медоточил», пел им дифирамбы, клялся. Что делать? Такова была его профессия.

На другой день, в Духов, он захватил меня с собой, и мы направились в Течу. Из Иксановой мы поехали, минуя Байбускарову и Аширову, прямо на Кирды мимо Маяна, знаменитого в наших краях озера. Тогда это озеро ещё было в силе: длина его была до 20 вёрст и ширина в самом широком месте до 7-ми вёрст. «Похлебаем там у стариков уха из маянских карасей» - так мотивировал мне И. С. поездку мимо Маяна. Около 35 вёрст мы ехали степью. Как хорошо она была в это время! Безбрежное море цветов, Воздух чист и прозрачен. Впервые удалось мне видеть стаи диких гусей. Подъехали к старикам. Их было трое или четверо, жили они в землянках. Приезжали они сюда на весь сезон: живых карасей отправляли на базар, а кроме этого они заготавливали их в сухом виде: очищали от чешуи, вспарывали, убирали внутренности, нанизывали на палочки, вялили и в таком виде продавали на базаре по постам. У каждого из них были «садки» - большие корзины, в которых они держали рыбу, чтобы в любое время сварить уху. По заказу И. С. уха была моментально готова. Не нужно быть особенным гастрономом, чтобы представить себе, что это была за уха.

Ещё раз мне приходилось проезжать этой дорогой уже в Каменку в августе, когда в степи стояло много зародов сена. В воздухе был опьяняющий аромат душистого сена. Гуси уже с большим выводком были вблизи озера и на нём. Охотники вот-вот должны были приехать. В дальнейшем, когда приходилось читать об украинской степи, она представлялась в виде степи у Маяна и даже пушкинский старик «у самого синего моря» принимал конкретный образ маянского старика, хотя жил и без старухи.

Во вторую поездку мне пришлось наблюдать неизбывное крестьянское горе. Картина этого горя сейчас ещё свежо стоит перед моими глазами. Отвезти меня в Течу взялся молодой мужик из одной деревни по пути к Тече за четыре рубля. Расчёт у него был такой: половину пути он провезёт меня попутно к своему дому, а там вёрст 25-30 провезёт до Течи в порядке найма. Лошадь у него была хорошая – молодая, крепкая. Не досмотрел он: она поела ржи, а когда узнал об этом – не придавал этому значения – был не опытный. В

Тече у нас в этом случае ставили лошадь в воду до половины брюха, чтобы не дать зерну в животе её быстро разбухнуть, чтобы желудок её постепенно справлялся с перевариванием зерна.... День был жаркий,... лошадь пала верстах в двух от деревни. Рыжко погиб. Что было в семье? Плач, как по умершему человеку: причитания, плач и взрослых и детей. Рыжко был не единственным конём у семьи, и гибель его не была полным ущербом для семьи. В таком случае, почему же семья так сильно убивалась? Вот тут-то и приходится отметить, что в крестьянском быту лошади, коровы и др. животные были не голой рабочей силой или хозяйственной единицей, а предметами или лучше сказать существами, к которым была сердечная привязанность, через них именно у них появлялась и развивалась любовь к природе. Эта любовь была содержанием их души, она обогащала их души и воспитывала их в гуманности. Оторвать человека от общения с животным миром – это во многих случаях значит ограничить полноту его душевной жизни, лишить его естественного пути воспитания в нём гуманизма. Нет! Когда семья оплакивала гибель Рыжка, то она оплакивала не гибель радочей силы в нём, главным образом, а гибель живого существа – любимца семьи, жизнь которого была связана с сердечной деятельностью каждого члена семьи – будь он большим или малым.

В третий и это был последний раз с попутчиками в Течу я уезжал из дома Каллистрата в сентябре 1903 г. Летом этого года я перенёс брюшник в тяжёлой форме. В начале сентября приехал в семинарию, но мне, на основании слабого поправления после болезни, рекомендовали поехать домой, и вот в конце сентября я оказался в Каменке в избушке Каллистрата. В это время у Каллистрата на «постое» оказались теченские мужички, которые привезли на продажу пшеницу. Приехали они ещё на телегах, а вот-вот должен был выпасть снег: на носу был Покров. Продали они пшеницу, и на одной порожней телеге ехал я, прикрывшись пологам. Чтобы согреться, иногда соскакивал с телеги и бежал. Земля уже задубела, и телегу так трясло, что сама по себе езда согревала, вот только ноги нужно было согревать – бежать рядом с телегой.

Больше я в избушке Каллистрата не бывал, но всякий раз, проезжая в центр завода, с моста смотрел на этот домик и вспоминал всё пережитое в нём. Запомнилась мне навсегда роскошная мальва, которая росла у этих хозяев в огороде. Вспоминал этих добрых людей, как они подыскивали мне попутчиков, как они заботились обо мне, и чего ради? Кто я был для них? Чужой мальчишка, привязавшийся к ним из-за своих поездок на учение. С их стороны это была доброта, чистая доброта. Кто и что воспитало в них эту доброту?

С этого момента, как нашим «придворным» ямщиком сделался Терентий Яковлевич, при проезде через Каменку мы стали останавливаться ближе к станции, на горе – у Шулдакова, а ещё позднее на выезде из завода по направлению к станции – у дальних родственников Балакиных. В Каменке был открыт пункт по продаже строевого леса, а агентом по продаже был

Василий Петрович Балакин, женатый на дочери родной сестры Теченского протоиерея Таисьи Александровны Ляпустиной – Марии Сергеевне. Вот так через женитьбу нашего старшего брата на старшей дочери Теченского протоиерея мы и оказались в родстве с Балакиными. Позднее в Каменке служил псаломщиком Андрей Владимирович Бирюков, к которому мы тоже проездом заезжали.

В последний раз мы останавливались в Каменке проездом в Течу в ... году. Мы были здесь у Марии Владимировны после гибели «старшего». В Каменке тогда ещё не было большого строительства, и она имела прежний вид, но горе с гибелью брата всему придало другую окраску. Здесь мы нашли ямщика, который повёз нас в Течу по той дороге, по которой прежде приходилось ездить много раз.

Всё стало по-новому. Под Каменкой мы раньше подразумевали не один только заводской посёлок, но и связанные с ней окрестности; например, деревню Байнову. В нашем представлении она тоже входила в один комплекс того, что мы называли «Каменкой». В Байновой была высокая гора с крутым спуском к реке. Когда с этой горы нужно было спускать возы с пшеницей, то мальчишки из ближайших домов предлагали подделывать к саням «кошки» - тормоза за калач. Мы обычно в этом случае выходили из экипажа, но однажды, зимой понадеялись на лошадей и не вылезли из кашевы, и чуть было не влетели в одну ограду. Мост через реку тогда был плохой, и его сносило: приходилось весной с большим риском переезжать реку по льду. После переправы через реку дорога шла в гору, и мы обычно шли пешком. Очень часто встречали здесь возы с мукой в мешках, которые направлялись в завод с мельницы. Очень хорошо запомнился бор между рекой и заводом. При въезде в завод находится спуск через глубокий ров. С горы этого рва иногда ребята кидали в проезжих камни, так что поздно вечером рискованно было ездить.

Запомнился вид на женский монастырь²²⁷⁹, расположенный на высокой горе. У самой станции был лесок. В этом леске иногда и привязывались пугливые лошади подальше от шума поезда и гудков паровоза. Но однажды приехавший за нами брат Иван понадеялся на своих «рысаков» и поставил их вблизи станции, они перепугались, в конце концов, оторвались от привязи и понеслись в лесок. Кое-как их догнали, и успокоили.

Много было с Каменкой связано и радостей и горестей, но последнее событие – гибель «старшего» - оставило неизгладимый след горя.

Летом 1959 г. я был проездом в Каменске-Уральском. Мы подъехали к УАЗу со стороны Зырянки. Уже за 15 вёрст до него воздух был отравлен какими-то дымовыми отходами. Кругом была унылая картина: на деревьях был какой-то морок. В голове гвоздила мысль: неужели нельзя были устроить так, чтобы эти газы задержать, уловить. Обидно, что техника строится за счёт благополучия природы. Мы проезжали по тем местам, где

---

²²⁷⁹ Каменский Преображенский женский монастырь.

раньше подъезжали к Каменке. От старого ничего не осталось. На встречу нам шли из города автобусы, там, где мы когда-то подъезжали к заводу на своих усталых «рысаках». С трудом можно было рассмотреть какие-либо прежние, оставшиеся ещё дома. Прежней Каменки уже нет.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 259-269.

Находится только в «пермкой коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

[ПОЕЗДКИ И ВПЕЧАТЕНИЯ ОТ РОДНЫХ КРАЁВ]

Три поездки в Течу на «Москвиче»

[1961 г.]

1955 г.

В этом году была первая поездка после очень продолжит[ельного] перерыва.²²⁸⁰ Мне предстояло увидеть Течу в совершенно новом её виде. Какой она стала после больших событий, прошедших за последние 20 лет – с такой мыслью я ехал в Течу. Мы ехали трое: Голиков Валентин Иванович, хозяин машины и водитель её, моя племянница Вера Александровна, его жена и я. Ехал я в Течу по любезному предложению Голиковых.

Мы выехали из Свердловска в 5 часов утра на Челябинск. Путь лежал по Челябинскому тракту через Арамиль, Сысерть и далее. Дорога до села Щелкун, что за Сысертью, была мне знакома по уборочной кампании 1941 г., когда я вместе с другими преподавателями Свердловского мед[ицинского] ин[ститута]-та направлен был в сентябре. Нас направили тогда в Сысерть, а потом в Щелкун. Студенты в сопровождении преподавателя Мурашова шли пешком, а мы, несколько преподавателей подъехали на автобусе. Из Щелкуна нас перебросили обратно в Сысерть, а из Сысерти в село Ключи, куда студенты были направлены опять-таки пешком.²²⁸¹ Мне пришлось в Сысерти искать попутчика на Ключи и мне порекомендовали пойти на ветеринарный пункт, через который тогда производилась мобилизация лошадей. В Сысерти я пробыл в общей сложности около трёх суток в обществе коллеги по работе в мед[ицинском] ин[ститута]-те Павла Александровича Липина. Сысерть была родиной Липина. Он мне показал дом, где он родился. Я ждал попутчика на село Ключи и наблюдал за приёмом в армию лошадей. Боже мой! Что это были за лошади! Едва несколько можно было отобрать в обоз. Такие воспоминания у меня были при проезде через Сысерть. За Сысертью мы проехали трактом несколько сёл по местам, где в гражданскую войну были сильные бои и в одном из них видели памятник погибшим в бою. Не доезжая до Челябинска примерно трети расстояния его от Свердловска, мы свернули на проезжие дороги через татарские деревни – Кунашак и Борисову – с тем, чтобы подъехать к Тече со стороны Сугояка. Этот путь был короче, чем через Челябинск. Мы ехали, не встречая никого по дороге. За Кунашаком, районным татарским центром, мы проезжали мимо громадного озера: на нём не было ни души. Кругом было безбрежное море лугов и они были совершенно пустыми: трава пропадала

---

²²⁸⁰ Из очерка «Матрёна» Сергеевна» в составе «Очерков по истории Зауралья» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Я только что перенёс тяжёлую операцию (*resection ventriculi*), и естественно это предложение заставило меня задуматься, взвесить доводы *pro* и *contra*, прежде чем принять его, но как говорится в песне, «соблазн был велик, и решился старик», я согласился» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 722. Л. 16.

²²⁸¹ Текст автора подчёркнут, на полях тетради стоит знак вопроса.

зря. В Кошкуле нас захватил дождь и мы, было, выехали за него на Сугояк, но «Москвич» окончательно забуксовал, и пришлось перестраиваться: Вера Ал[ександровна] отвела меня в деревню ночевать, а сами они остались ночевать в поле на «Москвиче». Всю ночь лил дождь.

Кошкуль – это деревня Сугоякского в прошлом прихода. Деревня была богатая, а главными богачами здесь были кержаки. Теперь она была почти пустая: он усадеб богачей-кулаков остались только развалины. Хозяевами дома, в котором меня устроила В. А. на ночёвку, были переселенцы из Тамбовской губ[ернии]. На утро отправился в сельсовет, чтобы раздобыть лошадь для извлечения «Москвича» из грязи и доставки его обратно в Кошкуль. Туда же с такой же просьбой явился и Валентин Иванович. Лошадь была дома, и «Москвич был возвращён в Кошкуль. Мы были обречены гостить у «чернотропов», как по прозвищу называли кошкульцев.

Погода прояснилась к обеду, дорогу пообдуло и мы решили двигаться не на Сугояк, а на Бродокалмак, т. к. дорога на Сугояк была лесом и грязь, можно было думать, была непроходимая. И вот мы в Бродокалмаке. И раньше это было богатое большое село с ярмаркой в Прокопьев день 8-го июля. Сюда в детстве я приезжал с отцом на ярмарку с маслом, шерстью, мотками (пасынками) чёсанного льна. Теперь это был районный центр. Самым большим зданием раньше здесь была двухклассная школа повышенного типа, в которой заведующим был Григорий Иванович Буткин. У него было два сына, которые кончили курс Уфимской дух[овной] семинарии. Один из них, Николай, кончил, кроме того, Казанскую дух[овную] академию и до [19]30-х годов [был] настоятелем Шадринского собора. Была ещё дочь – Елизавета – предмет воздыханий Н. Н. Мавровского. Она училась в женской гимназии, очевидно, в Челябинске. В Бродокалмаке раньше жила семья мельника Егорова, очень культурная. Жена его – Мария Яковлевна – устраивала вечера, была участницей спектаклей. Одним словом, играла в Бродокалмаке такую же роль, какую в Тече играла жена земского начальника Елизавета Ивановна Стефановская. Она была инициатором различного рода культурных мероприятий. Когда была коронация, то в Тече Буткины и М. Я. Егорова давали концерт – отрывки из оп[еры] Глинки «Иван Сусанин»: Григорий Иванович, помнится, пел «Чуют правду», а Мария Яковлевна – «Ты не плачь, сиротинушка». Около волости была устроена сцена из пологов, а на сцене поставлены берёзки – сцена в лесу. Мельник Егоров, культурный человек, потом пропил мельницу и всё своё состояние, опустился до того, что летом спал на улице в обществе козла. Мне удалось его видеть, когда его этапом (почему – не известно) провозили в больницу к Алексею Семёновичу. Весь он опаршивел, на голове вместо волос были плешины и нечто похожее на пух, руки у него тряслись. Была у них дочь – Нюрочка. Она летом приезжала гостить к о[тцу] Анатолию, т. к. была родственницей этих Бирюковых. Она была очень милая девочка, но такие семейные условия, очевидно, не прошли для неё даром. Передавали, что она в пору зрелой юности, поскользнулась, травилась и спустилась.... Когда со

стороны Течи подъезжаешь к Бродокалмаку, то верстах в 5-ти от него не доезжая по тракту находилась Егоровская мельница, в которой, между прочим, была сделана посадка сосен рядками – это был редкий случай искусственного разведения леса в наших краях.

Когда мы проезжали через Бродокалмак, я старался тщательно рассмотреть те места, с которыми были связаны воспоминания. Мне удалось увидеть в прежнем виде: кладбище и неподалёку от него фельдшерский пункт. Я узнал дом, в котором жил о[тец] Михаил Золотавин. Церковь была разрушена. С трудом я рассмотрел среди новых больших построек здание 2-х-классного училища. Было выстроено много новых зданий, среди которых старые затерялись или были разрушены, и я был дезориентирован: я не нашёл дома «Решихи», торговли кожами, не нашёл дома знаменитого ямщика Малькова, я не нашёл производства гончаров при выезде из Бродокалмака. Сосны в б[ывшем] загородке мельника Егорова стали бором.

Мы ехали по дороге, хорошо мне знакомой. Дорога лесистая, интересная. Лес подрос, но в одном месте берёзы переживали болезнь и были голые. Тракт был запущен и дорога была не важная. Я с трудом узнал Осолодку и Панову. Как мне показалось, в Пановой осталось немного домов. Мы подъехали к мостику около Течи. Он мне показался маленьким и жалким. На горке у мостика, справа от моста по дороге из Бродокалмака в Течу, раньше ничего не было, теперь стоит дом лесника. Загородки у Швейцарии уже не было.

Мы подъехали к Тече по дороге, которая теперь проведена по старому кладбищу. Раньше здесь стояли могучие берёзы и часовня. Кладбище было огорожено. Теперь было голо и пыльно. На дороге была поставлена дощечка с объявлением, что в селе чума свиней и нельзя их ни вывозить, ни ввозить. Мы заехали к Андрею Павловичу Постникову. В кухне у него стояла швейная машина, хорошо знакомая нам с того времени, как мы приходили на примерку одежды, которую шил нам его отец – Павел Михайлович.

На другой день мы ездили с Андреем Павловичем на Красную горку, Поганое и Чесноковскую мельницу. Утром мы ходили на «Штатское» и «Поповское». В маленьком леске была расположена база с горючим. Кругом разбросаны были жестяные бочки, деревья исковерканы, кругом была грязь. В Баклановский бор глубоко проехать не удалось из-за совершенно испорченной дороги. Доступ к реке был воспрещён.

Андрей Павлович жил в деревянном доме на Зелёной улице, а свой кирпичный дом в Макаровке он продал Татьяне Павловне. Мы повидали Татьяну Павловну, Матрёну Сергеевичу и Марию Николаевну. Не удалось мне в этот раз увидеть Константина Пименовича и Михаила Аркадиевича. Андрей Павлович в это время чувствовал себя не важно. Женой у него была дочь Степана Фёдоровича Лебедева – Надежда Степановна. С Андреем Павловичем мы виделись последний раз: он вскоре умер.

Обратно мы ехали на Челябинск, но другой дорогой, а не той, по которой мы ездили раньше через деревню Попову. Мы проезжали через

б[ывшую] казачью станцию Есаульскую. Около Челябинска нам встретилось много озёр. Дорога была плохая. В Челябинске я был примерно через 30 лет, когда в нём не было ещё никакого строительства. Теперь всё было по-новому, и я совершенно потерял в нём всякую ориентацию. Что мне бросилось в глаза, то это то, что улицы показались мне узкими по сравнению со свердловскими. В городе были расклеены афиши о концерте К. И. Шульженко. На обратном пути мы проехали через Надыров мост и место, где раньше была Караболка. Где-то здесь были истоки реки Течи. Места эти были на славе, на Надыровом мосту, вернее около него был принят для девочек, а около Караболки – кумысный курорт.

1957 г.

На этот раз мы подъехали к Тече со стороны Сугояка, повторив до него дорогу первого приезда.

Жалкую картину представлял Сугояк: многие хорошие пятистенные дома разрушались. Церковь сохранилась, но была превращена под склад. Церковный дом был на половину разрушен, а на половину превращён в магазин. Садик перед ним и сбоку – разрушены. Сохранился великий тополь. Около дома – всё голо. Хороший вид у озера. Оно, очевидно, стало многоводнее, и вода стала в нём чище.²²⁸²

Из Сугояка в Течу мы ехали по старой Баклановской дороге. Я посетил в этот раз кладбище – новое, расположенное вблизи старого. Около него расположены были мастерские МТС. Кругом разбросаны были отдельные части машин. Новое кладбище находится в молодом березняке. Оно не благоустроено. Обидно видеть могилы в таком виде.

Обратно мы ехали на Каменск-Уральский по той дороге, по которой когда-то возил нас Терентий Яковлевич.

---

²²⁸² Из очерка «Село Сугояк и его обитатели» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автора: «Мы встречали большие пятистенные дома, почерневшие, со ржавыми железными крышами, покосившимися воротами и полуразрушенным пристроем. Шишкинский дом стоял одиноко без служб, облезлый, полинялый и около него каменное здание б[ывшего] магазина. От дома Максима Алексеевича почти ничего не осталось. В селе было выстроено новое здание школы. Церковь превращена в склад. Как выше уже было указано в б[ывшем] поповском доме устроен магазин. Около него несколько разросшихся тополей и забор. Сохранился б[ывший] каменный дом псаломщика. Теперь он показался маленьким и жалким. Сохранился дом вблизи поповского огорода, который был после перестройки освящён на Пасхе 1908 г. Площадка около церкви стала пустой. Заново оказался отстроенным Малый Сугояк. Здесь когда-то «погулял» пожар и расчистил площадь для новостроек. Сюда переселили часть жителей д[еревни] Черепановой. Для переселенцев выстроили новые дома нового типа одного образца: деревянные с кухней и горницей. Малый Сугояк принял вид посёлка нового типа. Большая метаморфоза произошла с озером: вода в нём очистилась, оно стало глубже и рыбным» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 22-23.

В Нижней знаменитый раньше мост через Течу как был разрушен, так и остался в таком виде. Деревни – Аширова, Байбускарова и Иксанова – имели запущенный вид. В Акуловой мы повернули на Зырянку. Я издала видел дом Григория, к которому мы обычно заезжали пить чай. Вспоминал горку, на которую мы поднимались с мостика через Синару. Ночевали в Борисовой около Зырянки. Я видел то место реки Синары, где мы переезжали через реку в 1898 г. и горку, по которой мы поднимались при въезде в Зырянку.

На другой день мы выехали по направлению к Каменску-Уральскому. За 15 вёрст до УАЗа весь воздух был пропитан каким-то отвратительным запахом от дыма, который выбрасывали заводские трубы. Вся зелень была поблекшей, и весь ландшафт был неприятным. Мы проехали по тому месту, где была раньше деревня Байнова. Теперь здесь было всё застроено, так что от прежнего ничего не осталось. Самый Каменск-Уральский, прежняя Каменка, изменился до неузнаваемости. С трудом можно было что-нибудь найти из прошлого.

1960 г.

Это была моя третья поездка в Течу по тому-же маршруту: Сысерть – Кунашак – Сугояк – Теча. На этот раз мы подъехали к Тече из Сугояка по старой дороге – мимо болота Половинного. Сколько раз мы проезжали раньше мимо этого болотца, которое было на половине между Сугояком и Течей, почему его и называли Половинное. Около него всегда росли ярко красные цветы, которые у нас назывались «татарское мыло».

В Тече я пробыл два дня. Я повидался со своими знакомыми – старыми друзьями: Татьяной Павловной, Марией Николаевной, Матрёной Сергеевной и Константином Пименовичем. Побывали мы опять на месте, где была Еремеевская мельница, на Поганом, на Красной горке. На этот раз удалось повидаться с Михаилом Аркадиевичем Рычковым через 58 лет. На этот раз Теченскую церковь уже доламывали, река была отгорожена колючей проволокой.

Обратно мы ехали через Сугояк – Кунашак – Сысерть.

Общее впечатление от всех трёх поездок было такое:

1. Весь путь в Течу походил на кладбище церквей. Везде они стояли, как немые свидетели прошлого.
2. По дороге было большое автомобильное движение. Лошадей редко, редко мы встречали.
3. В полях было пусто: всё свидетельствовало о том, что машина заменила труд человека и сделала ненужным его постоянное пребывание в поле.
4. Было много ещё земли целинной, не использованной.
5. Старое умирало, и повсюду были видны побегии нового.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 392-401.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

Михаил Аркадиевич Рычков

[1961 г.]

«На реках Вавилонских...

Тамо седохом и ...»

В своём последнем письме он сообщил мне, что только что в марте т[екущего] г[ода] переехал из Сугояка в посёлок Усольцево в 20 километрах от Сугояка, в 5-ти километрах от Осолодки и в 6-ти километрах от Бродокалмака. Сообщил он также о том, что Сугояк застраивается новыми домами, что дом свой в Тече он продал и что из Течи некоторые люди разъезжаются в разные стороны. Посёлок Усольцево, пишет он, «расположен среди лесов большой площадки. Воду берём из колодца, расположенного у самых наших ворот. Вода хорошая ... Переселено в посёлок Усольцево два посёлка: Панова – в начале июня 1960 г. и Осолодка с 15-го марта и до сих пор переезжают».

... Мы встретились с Михаилом Аркадиевичем через 58 лет на том месте, где были раньше деревня Черепанова, через которую мы раньше ездили в поле. Деревня эта была не большая, но довольно зажиточная, с огородами по берегу реки Течи. По существу эта деревня была заречной улицей Течи. Теперь из деревни переселялись последние жители, среди которых оказался и Михаил Аркадиевич. Мне с трудом удалось повидаться с ним во время посещения Течи в 1960 г.

Теча оказалась отрезана от Черепановой колючей проволокой вышиной в 2 ½ метра, укрепленной на цементных столбах. Эта изгородь с густо расположенной на ней колючей проволокой проходит вдоль всего села по самому краю горы и везде вывешены дощечки с предупреждением, что подходить к реке строго запрещается. Таким образом, наша любимая речка Теча, воду которой мы называли «священными водами» оказалась за колючей проволокой и всё пространство, где раньше были прекрасные огороды, теперь оказалось вымороченным, хотя было много зелени, и по-прежнему текла вода. Всё мертво там, где летом жизнь кипела.... Мертво, как на кладбище.

Подъезжать к Черепановой пришлось от Баклановского бора, где расположен жалкий мостик через реку. Я встретил Михаила Аркадиевича в доме, который был на половину уже разобран и был, очевидно, последним, предназначенным к сносу. Передо мной стоял мужичок с густой бородой в шапке-ушанке, хотя было лето, невысокий, в пиджаке и брюках, сильно поношенных и обшарпанных, в сапогах. Встреча была неожиданной. Что сказать по поводу встречи? Нужно иметь пылкую фантазию и хорошую зрительную память, чтобы через 58 лет и в такой изменившейся обстановке найти в лице то, что мы видели друг у друга тогда, когда мы были

пятнадцатилетними. Стояли мы друг против друга, смотрели друг на друга и искали прошлые черты, а находили только слабые намёки на наши «пятнадцать».

У Михаила Аркадиевича был в Тече дом, где тогда жила его жена, а он жил у дочери из-за пчёл, а дочь переезжала в Сугояк. Встреча была мимолётной, потому что меня ждала машина. Успели сняться на фото. Опять встаёт тот же вопрос: Что сказать по поводу встречи? Грусть, одна грусть! И эта несчастная река Теча, вода которой отравлена радиоотходами, и эта несчастная Черепанова, разрушенная «до основания», и мы – два старых пня – всё, всё одна грусть! Разрушенные детские воспоминания.

Михаил Аркадиевич был сыном сельского учителя Аркадия Захаровича. Отец его учительствовал в селе Нижне-Перопавловском, в шести верстах от Течи. Мы учились вместе в Камышловском духовном училище в течение четырёх лет. Камышловское духовное училище, как видно, было на славе, если даже сельский учитель за 150 вёрст отдавал в него своего сына на учение. Для проезда в Камышлов Мише Рычкову нужно было тоже держать путь на Каменку, поэтому я со своим отцом бывал у Рычковых, чтобы договориться о подводе до Каменки. Жили они тогда где-то за церковью и по-видимому в собственном доме. Что говорить – жили не богато: в доме почти не было никакой обстановки. Как ухитрялся Аркадий Захарович, получая 25 рублей в месяц жалованья, учить своего сына в духовном училище да при наличии двух дочерей, которых он потом, кажется, учил в Шадринской женской гимназии – было для нас загадкой. Учился Михаил посредственно. Жил на квартире. Ничем не выделялся из массы товарищей: не был певцом, не участвовал ни в постановках на вечерах, ни в журнале, который «духовники» выпускали. Одним словом, был незаметным мальчиком. В августе 1902 г. мы держали вступительные экзамены в Пермскую духовную семинарию, и он не был принят. С этого момента мы и потеряли друг друга: дороги наши разошлись. Теперь из его писем я узнал, что он работал учителем в Кирдах, встречался в то время с нашей старшей сестрой – Александрой Алексеевной, консультировался с ней по вопросам школьной работы и т. д. Сообщил он также, что в первую империалистическую войну был на фронте в районе Белоруссии. Из его писем я узнал, что его дядя – Александр Захарович – был долгое время учителем в Беликуле, где позднее учительствовали наши сёстры. Наконец, я выполнил его поручение – разыскал в Свердловске его племянницу – Людмилу Александровну, которая замужем за свердловским инженером Добошинским, сыном бывшего управляющего известного у нас на Урале в дореволюционное время пивовара-фабриканта Поклевского-Козелл.²²⁸³ Теперь Михаил Аркадиевич на пенсии и занимается своим любимым делом – пчеловодством. По почерку его писем я вижу, что учение в Камышловском

---

²²⁸³ Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович (1853-1929) – российский купец, меценат и общественный деятель.

духовном училище не прошло для него бесследно: в почерке определённо видна система обучения чистописанию Михаилом Михайловичем Щегловым, но вот обучение пению, очевидно, прошло втуне, потому что вспоминает он добром Михаила Михайловича и просит передать ему «большущий привет», а вот о пении ничего не говорит, между тем, главное, чему нас учил Михаил Михайлович – это было, конечно, пение.

При летучей встрече в Черепановой мы вспоминали наших учителей – Петра Васильевича Хавского, Ивана Кузьмича Сахарова, Александра Андреевича Наумова и др. Так, через 58 лет мы вспомнили нашу бурсу: вспомнили и тёмные стороны, но в основном добром, следуя традиционному правилу: «Наставникам, хранившим юность нашу, не помня зла, за благо воздадим».²²⁸⁴

Михаил Аркадиевич прожил в наших краях и удостоился «видети кончину» их. Вот он пишет о том, что из Течи уже начинают разъезжаться. Речь идёт, конечно, о конце Течи. На её месте будет такое же голое пространство, как и на месте Черепановой, Баклановой, Пановой – всех этих деревень Теченской волости. Все они, как и Осолодка, были на реке Тече. Судьба крепко подшутила над рекой Течей и над теми селениями, которые на ней были построены. Здесь останутся только могилы отцов, и бурьян покроет место прежнего жилья. Всё строится заново, а старое разрушается «до основания». В нашей стране теперь убираются посёлки, и на месте их появляются моря; вырубаются девственные леса и на месте их возникают новые города, заводы. Людская энергия разбужена до предела, и страна стремительно движется вперёд – по пути прогресса – к коммунизму.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 437-441 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

---

²²⁸⁴ См. Часть II. Камышловское духовное училище на рубеже XIX-начала XX веков».

Новое прогрессивное всегда побеждает
(Страницы из жизни теченских аборигенов)

[1963 г.]

Сколько теченцы ни старались блюсти дедовские заветы, дедовскую старину, окружив себя густым частоколом привычек и предрассудков, новое с неумолимой силой врывается в их жизнь, мутило их умы и расшатывало прежние закоренелые устои их мировоззрения и быта. Так ранней весной лучи солнца разъедают кучи снега, он начинает плавиться, ноздриться, и образуются лужи вешней воды. Новое, родившись где-то там, в верхах государства, спускалось вниз целой армией людей, задачей которых являлось как раз разрушить эту дедовскую старину и на место её поставить новое, передовое, прогрессивное. Так именно случилось, когда введены были у нас земские учреждения, и в деревнях появились «учительши», «дохтура», «фершала», «воспenniцы» и пр. Центральной фигурой при этом явился земский начальник. Земский начальник, становой пристав, сельский писарь – стали привилегированной частью сельского общества, а к ним примыкали и представители духовного сословия. Как на дрожжах поднималось сельское купечество. С образованием сельской интеллигенции, в сёла стали заглядывать различные носители и распространители культуры: фотографы и даже отдельные представители из артистического мира. Росли движение и связи, особенно необходимые для обслуживания развивающейся на селе торговли. Все эти перемены в деревенской жизни не только, как в калейдоскопе, проходили перед глазами деревенских аборигенов, но так или иначе вовлекали их в новый уклад, новый строй жизни. Не всегда гладко, а иногда прямо коряво, новое воспринималось ими, а подчас даже и шокировало их. В памяти теченцев, например, сохранилось пребывание в их селе земского начальника Габриельса. Было это как раз на рубеже столетий девятнадцатого и двадцатого. Габриельс, как видно, был из военных, в прошлом видных, а в момент пребывания в Тече – уже захудалых. Возможно, что он был отпрыском тех французов, которые после 1812 г. осели в России в роли разного рода гувернёров, а потом прибились на более высшие должности. Три дочери его воспитывались в Москве – в институте благородных девиц, а мальчик – в кадетском корпусе. Габриельс был вдовец, а при детях была бонна. Летом дети проводили в Тече, и вот в селе стали замечаться некоторые странные выходки неизвестных людей: вдруг среди белого дня кто-то закрывает в каком-либо доме ставни, когда в нём все бодрствуют и чем-либо заняты, или, наоборот, кто-то открывает ставни, когда люди спят и нарочно на ночь закрыли ставни. Тайна скоро обнаружилась, и по селу пошла молва: «Ну, и «охаверники», эти барские ребята». Особенно отличался кадет. По закону механики: действие равно противодействию. На этом основании теченские мальчишки «охаверники» тоже «сохаверничали»: научили младшую дочь Габриельса Клеопатру – сокращённо Кизу – материться. Что только из-за этого было с бонной! Она и рвала и метала, но

дело было уже сделано. Такой была для теченцев первая школа усвоения социальных отношений.

Много шуму наделало появление в Тече амазонки – жены пристава Атманского. Событие это, как и должно быть, взбудоражило больше всего женскую половину теченского населения. Среди нашего населения с дедовских времён считалось, что ездить верхом на лошади да ещё по мужичьи – не женское дело, что это противоречит самой структуре женского организма. Поэтому, если при бороновании борноволом был мальчик, то его садили «на вершину», если же, что, правда, бывало редко, роль его выполняла девчонка или женщина, то она не садилась «на вершину», а в пешем виде «пехтурой» вела под уздцы первую лошадь. Этот завет старины осмеливалась нарушать только Настенька-черепановская, у которой вообще были замашки в поведении мужские, за что её и относили к категории «полубаб» (деревенское определение гермафродита), но и то, когда видели её «на вершине», то зубоскалили и кричали: «Эй, ты, Настя, Настя, смотри ...» и дальше следовало предостережение, которое по нужде можно выслушать, но нельзя передать словами.

У Атманского была специально обученная для поездки верхом амазонки лошадь и особой формы седло для женской посадки на нём не «по мужичьи». Это обстоятельство, как видно, успокаивало теченцев насчёт опасения за организм амазонки, но опять возникал вопрос: «как это она не падает». На деревне бывало, что и мальчишки, и мужики ездили так верхом «наодносторонку», но ездили не так быстро, а амазонку они видели иногда мчащейся быстрым галопом. Вот как задачи выдвигала жизнь для умственной деятельности теченцев.

Обычно бывало так, что Атманский для себя брал лошадь у знаменитого в Тече земского ямщика Ивана Петровича Кокшарова из его резвачей, и под вечер в направлении к Бродокалмаку, в сторону бора, направлялась парочка верховых – мужчина и женщина. Подобную картину мы потом наблюдали в качестве иллюстрации к роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Что только было в этом случае в Тече, особенно среди женской половины нашего общества! Начиналось с детей, которые обычно играли на еланке около дома. Какая-нибудь Дунька или Манька, лишь только завидит верховых, стремглав мчится в избу к матери, которая, возможно, заводит квашню: «Мамка, мамка, гликошь: приставша-то «на вершине» едет». Мамка бросает квашню и за ворота мчится стрелой.

Бывало и так: в этот именно момент двигалось к реке шествие женщин и детей с зыбками, горшками, ложками, поварёжками, которые они «чередили» по реке, и вот раздавался истошный крик: «бабы, приставша едет «на вершине»! Ну, тут уже начиналось столпотворение вавилонское! Все бросали и бежали к дороге. «Девша, девша, гликошь: ноги то у ней припутаны, от чё она и не падает!» И пошли разговоры об амазонке с разными прикрасами, на что так таровата была девственная ещё тогда

фантазия теченцев, не ограниченная никакими коррективами размышления и рассудка.

Случай с амазонкой это был один их эпизодов, которые взбудоражили теченцев и заставили их мысли работать по-новому, в сторону от дедовских устоев. А что было с ними, когда они видели ручного журавля Габриельса, который расхаживал по Тече и заходил в лавку Новикова, где его угощали «прениками». Бывало так: едут с поля жнецы и видят «его» гордо расшагивающим по селу. Остановятся.... «Что за притча! Как это так: в поле у болот иногда их пытаются ловить, и ничего не выходит. А тут: накось тебе! Сам идёт в руки!»

А что было в Тече, когда летом проходи через неё караван верблюдов. Что было у мостика, через который они проходили ползком. Крик, суматоха! Началось с того, что девки, которые у мостика полоскали бельё и купались, издали увидевши таких страшных зверей, которых никогда не видали, побросали всё: и бельё и свои рубахи и спрятались в огороде. Мальчишки смелее: скорее ознакомились с верблюдами и начали даже дразнить их, а те плевались. Толпа теченцев, как окружила караван у мостика, так шла за ним по всему селу и проводила и за село. Это был для теченцев урок по природоведению.

А сколько разговоров было, когда в Течу случайно зашёл фокусник из цирка. В саду у псаломщика Покровского, глухо защищённом базарными лавками, он за пятаки и гривенники дал один концерт – сеанс. Были немногие, зато разговоров было много: и о том, как он по канату ходил со столом в зубах, особенно же о том, как он набивал себе в рот куделю-паклю, зажёт её, помешивал палочкой, а потом вытягивал изо рта разноцветные ленточки.

Нет! Жизнь в Тече становилась всё мудрёнее и мудрёнее. Она взбудоражила мозги теченцев и колебала их дедовское мировоззрение: «бытие определяло из сознание». Главные движущие силы прогресса, каковыми были деятели просвещения и медицины, вкуче со случайными факторами его, о чём шла речь выше, готовили теченцев к восприятию тех идей, которые принёс 1917 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 647-652 об.

Находится только в «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» отсутствует.

В июле 1914 года я в последний раз в жизни обозревал Течу в таком виде, в каком я наблюдал её в детском, юношеском и в начале взрослого возрасте виде. В душе воспоминание с новой яркостью возникали одно за другим и закреплялось в памяти на всю жизнь. И вот через сорок семь лет, в 1961 г. я вновь посетил Течу и с охватившим меня нетерпением устремился обозревать все те места, предметы и всё, что память моя хранила от тех отдалённых времён. Но теперь я уже стал, в возрасте, который принято называть глубокой старостью. А вот память не хочет мириться с этим: она свежа, она всё прошлое рисует так, как будто бы оно только что совершилось. Так Теча в 1961 г. и в 1914 г. предстала предо мной, как сегодняшний и вчерашний день, в едином комплексе переживаний.

Этому своему приезду в Течу я решил придать итоговое значение, в отличие от мимолётных наездов в [19]20 и [19]30 годы: приехал ещё раз посмотреть на Течу и распрощаться с ней навсегда. Тогда в [19]20-[19]30-е годы в Тече были ещё родные – мать, умершая в 1926 г., и сестра, а теперь родных никого не было, а оставались только кое-кто из близких знакомых, главным образом – из соседей.

Большинство прежних знакомых, например, из семьи нашего соседа Савелия Фёдоровича Клюхина, ещё в [19]30-х годах перебрались в город Копейск около Челябинска. О ком не спросишь из своих знакомых: где он? – ответом было: на копиях. Это было своеобразное переселение народов. Некоторые из переселенцев приезжали в Течу только в гости: летом за ягодами и грибами, или на рыбалку. Некоторые из переселенцев сумели хорошо устроиться на новом месте. Так, Михаил Клюхин, внук Савелия Фёдоровича, пробился на работу бухгалтером, построил себе на копиях дом, завёл хозяйство и имел даже «Москвича». Выходцы из Течи и их потомки приезжали в Течу с должностями то шоферов, то электриков, то слесарей. Никак не подумаешь, что они из той Течи, где они могли быть раньше только землеробами, и обречены были ходить за сабаном. Редко теперь можно было встретить езду на лошадях.

Связь со всеми крупными центрами осуществлялась теперь машинами: с Челябинском, Шадринском, Далматовым, Бродокалмаком, Верх-Течей связь осуществлялась посредством комфортабельных автобусов. Они ходили по расписанию. Около почты, в бывшем Мироновском доме, и около чайной, выстроенной на месте дома Андрея Михайловича Трапезникова, были пункты ожидания автобусов, и на них всегда небольшие группы ожидающих. Через село то и дело проходили «победы» и «москвичи» - учрежденческие и частных владельцев. Особенный буквально набег их был в субботу вечером, когда из Челябинска устремлялись в Течу любители рыбной ловли и то и дело спрашивали: как проехать на Караскуль. У многих жителей Течи появились велосипеды, и можно было наблюдать, как какая-либо тётушка

утром торжественно катила на работу. Молодёжь сплошь и рядом каталась на велосипедах. Невольно я вспомнил, что первый велосипед в Тече появился в [1]900-х годах: его купил своему сыну земский начальник П. А. Стефановский по случаю окончания им гимназии. Сколько тогда было удивления: как это он (велосипедист) не падает при езде. Первый же мотоциклет появился в Тече в 1908 или 1909 г. Его привёз с Нижегородской ярмарки сын теченского купца Новикова – Василий Антонович. Сколько было тогда греха с трескотнёй мотоцикла: бывало видишь, как стадо коров или коз мчится по улице: так и знай – вот-вот появится на мотоцикле Вася Новиков. Мотоциклов было, как видно, мало, разве только у работников МТС.

Люди привыкли уже к сельскохозяйственным машинам. Вот по Зелёной улице с шумом передвигается комбайн. Прежде, наверняка, его бы сопровождала группа ребятишек, а то и взрослых зевак, теперь никого не видно: это обычная картина.

За селом, у кладбища, расположилась МТС. Но сколько же беспорядка: машины под открытым небом, различные части их разбросаны в беспорядке по земле! Обидно! В маленьком леске, против старого кладбища, нефтяной склад. И опять беспорядок: всюду разбросаны бочки, грязь, деревца переломаны, пригнуты к земле. Обидно!

В летнее время в село наезжает много людей из Челябинска на уборочную, и избушки бывают забиты квартирантами. Тут и студенты, и служащие, и рабочие. Вот по Зелёной улице группами идут по направлению к одной избушке женщины. 8 часов утра. Спрашиваешь: кто это и куда они направляются? Это приехали на уборочную из Челябинска, а идут они на утренний завтрак. А когда же они выйдут на работу? К 9-ти часам!

По улице бегают дети. Полдень. Жар. Девочки в платицах, штанишках, на ногах ботинки, чулки, на головах платочки. Нет прежней Течи! Моды города! Только разумно ли это? Мальчики в майках и трусах, но босые. Это разумнее!

Кто же снабжает так население? А оно, несомненно, одето лучше прежнего: из учебной становины уже не найдёшь и всего прочего домотканного. У женщин – платья по моде, туфли, чулки. У мужчин – визитки, брюки, рубашки с галстуком и пр.

Заглянем в б[ывший] магазин Антона Лазаревича. Да, он крепко был в своё время сделан: на много лет его строил Новиков. Что теперь в этом магазине? Там, где у Новикова, у правой стен были выставлены пряники, конфеты, орехи, чай, сахар, крендели, теперь парфюмерия и книги. У задней стены, где у Новикова были ткани, ситцы, корты, плис, сукно, шали и пр., теперь – частью тоже материи, но кроме этого готовая одежда: платья, брюки, визитки, пальто и пр. У левой стены, где у Новикова были лампы, гвозди, топоры и пр. и тут же махорка, а у дверей – бак с керосином и большая бутылка – с конопляным маслом, теперь – велосипеды и пр.

Всё, что относится к предметам питания, сосредоточено сейчас в магазине наискосок, в б[ывшей] кладовой при доме Ивана Степановича Пеутина. Там же продаётся печёный хлеб ... стоит очередь.

Гордостью сельпо является недавно открытая чайная, упомянутая выше. В ней есть буфет с холодными закусками, пряниками, конфетами, печеньем, фруктовой водой. На меню значатся горячие блюда: суп, лапша, котлеты, компот, чай, кофе и пр. Всегда можно заказать глазунью. Вот только приходишь в один день, другой, третий, и всё одно и то же меню. Спрашиваешь: почему у вас меню не меняется. «Как это не меняется» - слышится ответ в тоне оскорбления. «А вот смотрите на листок: он уже весь затёрт и измочален» - отвечаешь. «Ну, и что же? Вы сами можете что-либо заказать!» При таком ответе что скажешь? Остаётся только признать себя побеждённым.

Кто посетители чайной? Как видно, их бывает мало: больше проезжие, кто-либо из рабочих МТС и местной интеллигенции. Но вот ввалилась компания человек пять с шумом. Заказали что-либо по меню, из кармана достали пол литра. Удар, и пробка летит к потолку. Шум, гам, курение. Сидят в шапках. Обращаешься к директору чайной: «вот это у Вас не порядок». Мнётся: «запрещено, но ничего не можем поделаться!» ... А всё-таки как хорошо? В Тече и чайная!

Торговля строго по часам с перерывом на обед и пр.

Гостил я тогда у своих бывших соседок Татьяны Павловны и Марии Николаевны. Питались они хлебом своей выпечки из «белой» муки, т. е. мелкого размола. Признаться, был удивлён. И раньше теченцы были избалованы мукой: Мизгирёв перемалывал им только пшеницу и перемалывал хорошо. Хлеб – калачи, шаньги, лепёшки – выпекали только из пшеничной муки. Про ржаной хлеб говорили: «с него брюхо пучит», и если выпекали, то только по нужде, когда не хватало пшеничной муки до нового урожая. А тут на тебе: «белая мука!» Хорошо!

Как с бытом? В избушки проведено электричество. Правда, не всем: не хватает будто бы столбов для проводки, а кругом лес. Проведено радио, но Татьяна Павловна выключает: шумно говорит, да и не всё понятно. Зато у сельсовета в 6 часов утра радио, как [и]ерихонская труба, уже разносит новости на всё село. Как далеко ушла Теча вперёд от тех времён, что были до Октябрьской революции!

Но... иконы на «божнице» у Татьяны Павловны не сняты, хотя рядом и радио и электрическая лампочка.

Под вечер вблизи магазина стоял автобус, и около него на траве валялись городские мужчины и женщины из молодёжи. Кто они? Приехали из Челябинска артисты давать концерт. Вечером молодёжь пошла в клуб (он же изба-читальня) на концерт. Там же время от времени демонстрируются картины. Есть библиотека. Нет, Течу не узнать!

В Тече школа-семилетка. Её приземистое здание вновь выстроено на том месте, где раньше был пустырь старого кладбища (у «крестика»). Было

начало учебного года, и я зашёл в школьное помещение. В нём были просторные комнаты с полным комплектом школьного оборудования. Комнаты светлые, покрашенные летом. Довольно просторная учительская комната. На дворе были хозяйственные постройки, в том числе кухня, где готовились завтраки. Интерната не было.

В Тече есть своя сельская больница в б[ывшем] доме священника. Врача нет, а есть только фельдшер.

На территории внизу б[ывшей] церковной площади, на том месте, где раньше стоял домик просфорни Марии Ивановны Маминой, родной тётки Д. Н. Мамина-Сибиряка, построен артезианский колодец. На Зелёной улице, неподалёку друг от друга, стояли два дома: один из них б[ывший] дом Андрея Михайловича Трапезникова, когда-то купленный у псаломщика Александра Димитриевича Покровского, а другой, бывший когда-то верхним этажом Мироновского дома, проданным в д[еревню] Бакланову, а оттуда вновь был привезён в Течу. В одном из них был детский сад, а в другом детский дом.

За селом, на восток, у Беликульской дороги построен большой коровник для колхозного стада и конюшня для лошадей. На Горушках заканчивалось строительство длинного деревянного здания под больницу.

И всё это было на фоне полного разрушения старой Течи. Самую унылую картину представляла центральная часть села: всё рушилось, разваливалось и, кажется, обречено было на полную гибель. От церкви остались руины. Её даже сломать до основания не сумели. Около церкви была школа церковно-приходская. Её превратили в гараж, разломив стену под ворота в него. На церковной площадке, где раньше происходили базары, устроили сарай для сушки зерна на подобие тех, какие раньше устраивались для выработки кирпича: крытые соломой, двухскатные. Стоящий вблизи церкви б[ывший] Мироновский дом, в котором размещены изба-читальня и библиотека имеет явные следы разрушения. Часть окон у него заложена кирпичами, кирпичи в стенах в некоторых местах выворочены. Около него когда-то были хозяйственные постройки и садик с черёмухами. Всё это превращено в пустырь, на котором только одиноко стоит «нужник» (деревянная уборная), в виде сторожевой будки, с открытой дверью и переполненным «содержимым», с тучей летающих около него мух. У рядом стоящего с ним дома Игнатьевых весь пристрой пал и догнивает. Самый домик разделили на две части с отдельными ходами. Он разрушается, но хорошо сохранился скверик перед домом. В нём белые акации ещё больше разрослись и совсем закрыли домик от глаз прохожих. Дом Пимена Фёдоровича на главной улице, на тракту, и раньше бывший приземистым, ещё больше припал к земле. Все постройки у рядом стоящего с ним Бирюковского дома: кирпичные амбары, конюшня, ворота, а также сад уничтожены. Около дома в сторону сада устроена была деревянная площадка с высокой стеной, которая придавала дому более удлинённый вид, а у дома было народное крыльцо с навесной железной крышей, поддерживаемой

массивными железными четырёхгранными прутьями, в нижней части завитыми в спираль и прикреплёнными к стене. У дома под крышей парадного крыльца была деревянная площадка с двумя ступенями. Перед домом вдоль фасада росли тополи, отгороженные от дороги дощатым заборчиком. Всё это было разрушено, и стоял только один кирпичный дом, одинокий, кажущийся меньшего размера, чем раньше. Раньше у этого дома было высокое подполье, часть которого ещё в прежнее время была превращена в нижнюю кухню, а большая часть была складом: тут был каретник с выходом на улицу. Теперь он превращён в нижний этаж дома: пробиты в стене окна, настлан пол и устроены печи. При всём этом дом имеет какой-то общипанный вид, хотя есть признаки хозяйственного попечения о нём, он, как видно, не так давно побелён.

Новиковский дом сохранился: крепко строил его Антон Лазаревич, но он полинял, выцвел. Около него был раньше садик с клумбами цветов и крытая железом терраса. Теперь это всё разрушено. Как передавали, весь этот садик был перекопан: в нём искали зарытые богатства Новиковых, но так ничего и не нашли. В доме теперь находится аптека. Ограда перегорожена: аптека отделена от магазина. Сохранились «слоновые» кирпичные столбы у ворот, но краска на них еле заметна, а кирпичи кое-где уже разрушились. Дальше по улице в направлении к Нижне-Петропавловскому селу сохранился дом Ивана Степановича Пеутина по правой стороне улицы, но жалкий вид имеют Пеутинский дома – знаменитая «триада». Дом Афанасия Васильевича снесён, и таким образом оказалось нарушенной симметрия триады: в центре двухэтажный каменный дом под железной крышей, а на флангах – два деревянных одноэтажных дома с шатровыми тёсовыми крышами. Теперь остались только каменный дом, принадлежавший Николаю Васильевичу и деревянный, принадлежавший Степану Васильевичу. Оба дома близки к полному разрушению. В нижнем этаже каменного дома когда-то была лавочка, в которой хозяин дома торговал разной мелочью: чаем, сахаром, орехами, пряниками. Теперь там было что-то вроде колхозной закусочной. Пристрой около домов развалился. На домах, когда-то крепких, благоустроенных лежит теперь печать бесхозяйственности. Против этих домов по левой стороне в таком же виде находятся дома Флегонтовых и Николая Ивановича Лебедева. Дом Флегонтовых когда-то был квартирой второго священника, и жизнь здесь была ключом: было много молодёжи. Потом его купил Василий Иванович Лебедев, а теперь этот дом догнивал – в нём доживала свой век хозяйка дома.

Ров, по которому был спуск к мостику, за пустырьём, где раньше было старое кладбище и «крестик», вешними водами размыло, он расширился и грозит перерезать тракт. В него сбросило много назёма, однако он растёт и угрожает обвалом близлежащим домам. Так и кажется, что он мстит за ту бесхозяйственность, которую развели новые хозяева.

По левой стороне улицы сохранились дома Николая Фёдоровича Лебедева, нашего знаменитого чеботаря и по совместительству торговца

пивом от пивовара Злоказова, и дом Александра Петровича Уфимцева. Против последнего дома сохранился дом теченского стражника Николая Яковлевича Лебедева.²²⁸⁵ За ним, в проулке в направлении к реке была когда-то знаменитая «кокшаровка», целый комбинат домов потомков знаменитого земского ямщика Ивана Петровича Кокшарова. Здесь стоял его каменный дом, во дворе которого и около дома видны были повозка, коробки летом, а зимой – кашевки разных размеров. Отсюда выезжали знаменитые кокшаровские тройки с колокольцами под дугой и с бубенцами на шее лошадей и на сбруе. Около отцовского дома, как грибы, приютились дома сыновей Ивана Петровича – Павла Ивановича, теченского почтаря, и Михаила Ивановича – землероба. Третий сын – Константин Иванович в последствии по наследству получил отцовский дом, но не смог уже удержать отцовское «предприятие» и спланировал на занятие землероба. Теперь «кокшаровка» превратилась в пустырь.

На правой стороне улицы в направлении к Нижне-Петропавловскому селу сохранился каменный дом, строитель и первоначальный хозяин которого так и остался нам неизвестным. Здесь когда-то жил пристав Селивестров, потом была школа, потом «монополька» (кабак), а теперь находится «молоканка», предприятие по переработке молока. Когда-то в этом доме устраивались спектакли, концерты. Здесь же одно время сельская интеллигенция и представители духовенства проводили обучение чтению взрослых по воскресеньям, а вечерами устраивали литературные чтения, на которых теченский протоиерей Владимир Бирюков артистически читал рассказы А. П. Чехова. Через переулок от этого дома сохранился дом, в котором жил один из моих школьных друзей Федя Кокшаров.²²⁸⁶ Федя был замечателен тем, что он на самодельном станке вытачивал веретена и раскрашивал их суриком по одному выточенному ободку. Не забуду, как я однажды рано-рано утром, до занятий в школе отправился к Феде и как он демонстрировал мне своё искусство при слабом свете лампы.

В таком виде сохранился в моей памяти центр нашего села, где все и всё было знакомым до мельчайших деталей. Горушки мы чаще всего посещали: через них мы ходили купаться под Черепанову; через них мы ездили на реку за водой; обитатели Горушек чаще всего приходили к нам на подённые работы. Мы знали здесь всех и по имени и отчеству и по прозвищам. До мелочей мы знали устройство домов. Горушки лучше было бы называть «Горюшки» - не блестили они богатством, но по крайней мере пространство их было заполнено избушками, огородами. Теперь от Горушек ничего не осталось. Каким-то чудом на самом угоре сохранилась избушка Фёдора Тимофеевича Манатина. В нём у дальней родни доживала свой век знаменитая теченская кухматерша Матрёна Сергеевна Уфимцева. В августе

---

²²⁸⁵ Уфимцев Николай Яковлевич.

²²⁸⁶ Кунгурцев Федя.

1962 г. и она скончалась. На образовавшемся пустыре строился дом под больницу и кто-то из работников МТС строил себе дом.

Старое кладбище на южной окраине села уничтожено. Когда-то, благодаря попечению Теченского протоиерея Владимира Бирюкова оно было благоустроено: огорожено, на нём были вековые берёзы. Могилы были покрыты дерном, во многих случаях на крестах были надписи. Среди кладбища была часовня. В день Радоницы приятно было видеть, как на него съезжались на могилы родных жители со всех деревень, входящих в Теченских приход. Теперь лес был вырублен и по кладбищу проведена дорога. Под кладбище отведён лесок подальше, за старым кладбищем. Он не огорожен, маленькие деревца то там, то здесь поломаны, лесок частый, деревья находятся в беспорядке, и могилы заброшены. Кладбище больше походит на скотское. Обидно за похороненных и стыдно за хозяев кладбища. Так же поступили и с кладбищем, которое было около церкви. Там были мраморные памятники, по которым можно было изучать историю села. Всё поломано, могилы затоптаны. Только валяются кое-где обломки памятников. Не есть ли это неуважение к человеку? И как это отнести к культуре человека?

Как зло надсмеялась судьба над нашей красавицей рекой Течей! Видеть её за колючей проволокой и не иметь возможности подойти к ней. Кто мог подумать об этом из нас, а вот случилось. Смотришь на неё сейчас из-за проволоки, и картины прошлого встают одна за другой. Вот между ней и горой поймы огороды. Летом море цветущих подсолнухов, маков, васильков, ноготков. Кое-где в огороде кусты бузины; редко берёзки. В Мироновском огороде вековые две талины с могучими кронами, как у библейского маврийского дуба. По обочинам огородов кое-где росла черёмуха. Вечерами здесь всё жило: шла поливка овощей. У кузницы Ивана Степановича Кузнецова растекался по берегу реки дымок из кучи, в которой топили дрова на угли. Днём по берегу реки расстилались длинные полосы.

Весь берег был усеян женщинами и детьми: там полоскали бельё и колотили его вальком; там с песком «чередили» зыбки, лопаты, которыми в печь подаётся разная стряпня, вальки для катания белья и пр. Там купались. Там набирали воду в вёдра. На реке плавали гуси, утки, а над ними кружил коршун. Тут же сторожили гусят и утят Дунька, Наташка, Грунька. У мостика через реку, что у рва, настоящая картина «крещения Руси»: всюду видны головы плавающих, мужские и женские. На перекладине свай под мостом видны русалки с распущенными волосами. Крики, визг.... Всюду жизнь бьёт ключом. Теперь там выморочное царство. Мертво. Нет и роскошных талин. Только коршуны ещё летают над рекой.

С высокой горы, на которой расположено село, раньше можно было видеть Черепанову. Теперь там пустырь. Можно было видеть вдали крайние Баклановские дома. Теперь там пустырь.

Так наша Теча, наше село лишилось самого живого своего нерва и источника жизни – воды. А когда мы раньше проезжали в Течу, считали своим долгом искупаться в «священных водах реки Течи».

Какие перемены произошли в тех расположенных на реке Тече местах, которые питали в детстве и в юношеские годы наше эстетическое чувство, с которыми связаны первые опыты нашей сердечной деятельности, наших сердечных увлечений?

Вот Еремеевская мельница! Нет: она не развалилась. Её ликвидировали люди «по своей доброй воле». «Весёлый шум колёс её умолкнул», но хозяин её – Пётр Еремеевич Чесноков ... застрелился. Его давнишней мечтой было поставить на мельнице турбину, и вот он осуществил свою мечту, но как раз перед тем, как мельницу у него должны были «национализировать». Он оставил завещание, чтобы на могиле в качестве памятника положили турбину, и это завещание его было выполнено. Долго на этом месте стоял только остов мельницы, а в своей последний приезд в Течу я не нашёл и его: здесь было пусто.

Искусственный ров, в котором была сделана дорога при спуске с горы, замыло вешними водами; его покрыла растительность: побеги берёзок, цветы, а на вершине горы сохранился вишняк. С высокой горы мы раньше, в пору уборки урожая, любовались картиной этой уборки: далеко, далеко до опушки леса по всему полю виднелись ряды жнецов, ритмично сгибавшиеся и разгибавшиеся во весь рост. Всё пространство было в движении, а вечером замирало для того, чтобы рано утром на другой день снова ожить. Виднелись кучи сжатого хлеба. Теперь здесь было мертво: машина омертвила пейзаж. Машины появлялись здесь на короткое время: спяхать, посеять, сжать, измолоть, и для этого не нужно много людей. На день, два оне сюда придут, поднимут шум, лязг, а потом всё замрёт. Чесноковская мельница всегда возникала перед нашими глазами, когда мы просматривали «Русалку» А. С. Даргомыжского.

«Поганое место», мрачное и дикое, теперь оно стало ещё более диким, потому что к реке подходить нельзя, и никого здесь не видно. Около него «наволоки» - заросли черёмухи, чёрной смородины, папоротника внизу и грозди хмеля на ветвях черёмухи. «Навыи чары».

«Красная горка». Следы бывшего здесь пионерского лагеря.

«Швейцария». Всюду здесь поработала природа. Лес ещё больше вырос, и всюду видна «первозданная» природная красота. Мостик у поскотины. Сколько здесь было перепето песен: «Мой костёр...», «Мы простимся на мосту...», «У зари, у зореньки...» Были они и грустные, элегические, и с печатью байронического разочарования: «Мне всё равно». куда это всё ушло? И сколько теперь осталось в живых, «тогда весёлых, молодых». Горка у мостика раньше была покрыта ковром цветов, теперь тут дача лесника.

«Штатское место».... С него открывался раньше вид на черепановскую поскотину. На ней виднелись коровы, овцы, сновали телеги, направлявшиеся

в поле или с поля. Слышался шум воды, падающей с плотины у запруженного рукава реки; доносился иногда зычный голос старика мельника. Теперь здесь гробовая тишина, но природа взяла своё: лес вырос и растительность стала ещё роскошнее. сколько это место впитало в себя наших радостей и подарило нам счастья, порой мимолётной грусти!

Баклановский бор пышно разросся. На обочине его кто-то посадил малину, и она густо здесь разрослась. Так природа там, где человек не препятствовал ей, бурно росла и расцветала на счастье людям.

В самом селе на улицах, за исключением главной, по которой проходят автобусы и автомобили, всё затихло. Раньше у дворов копошились люди: то возвращались на телегах с поля, то выезжали в поле. У дворов виднелись лошади, телеги. Теперь редко, редко проедет кто-либо на телеге; видно только как люди подходят за водой к колодцам, «погуторят» при встрече друг с другом и разойдутся. Ходят по улицам отдельные свиньи – «дочки», пройдёт небольшое стадо гусей и ... всё опустеет. На дворах догнивают ненужные постройки: амбары, конюшни. Но сохранились огороды. Теперь им оказывается ещё больше внимания. Смотришь и перед глазами открывается море зелени: картофельной ботвы, моркови, свёклы, подсолнухов.

Не слышно звона, и вспоминаются теченские «чародеи» - звонари: Иван Степанович Кузнецов и Андрей Михайлович Южаков. Что они только выделывали на Теченской колокольне!

Всё меньше и меньше остаётся в Тече знакомых.

Старая Теча доживает последние «дни», а новая очень медленно рождается: редко, редко ещё видно строительство, но оно всё-таки началось. Хочется сказать ему словами А. С. Пушкина, сказанными, правда, по другому случаю и в адрес другого предмета – не по поводу строительства людьми, а по поводу строительства самой природой, её живительными силами; хочется сказать всем этим, как принято у нас теперь говорить, объектам строительства:

«Здравствуй, племя младое и незнакомое! Не я увижу твой могучий возраст!»

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 780-798 об.

Публикуется только по «пермской коллекции» воспоминаний автора. В «свердловской коллекции» имеется очерк «Теча сегодня» в составе «Очерков по истории села Русская Теча Шадринского уезда Пермской губернии». Часть I. (1965 г.). (ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 378).

ОТЦЫ И ДЕТИ

или описание культурной и общегосударственной деятельности двух поколений людей – поколения непосредственных выходцев из Течи и поколения их потомков

23 сентября 1963 г.

I. Из фамилии Сильвановых (священник).

а) Боркова Александра Александровна, урожд[ённая] Сильванова, старшая дочь Сильванова. Кончила Екатеринбургское епарх[иальное] училище. Овдовев рано, всю жизнь работала деревенской учительницей в деревнях Шадринского у[езда].

б) Сын её Виктор Александрович, не закончивший Камышловское дух[овное] училище, впоследствии самоучком добился должности учителя и работал в этой должности в деревнях Шадринского уезда.

в) Её дочь Людмила Александровна, по окончании Екатеринбургского епарх[иального] училища, работала некоторое время тоже учительницей в Шадринском у[езде].

г) Стефановская Лидия Александровна, урожд[ённая] Сильванова, младшая дочь Сильванова, кончила Екатеринбург[ское] еп[архиальное] училище и работала счетоводом при Шадринск[ом] отделе народного образования при сов[етской] власти.

Её сын Владимир Александрович Стефановский в настоящее время, по окончании Свердл[овского] техникума чёрных металлов, работает заведующим плановым отделом министерства чёрных металлов в Свердл[овске].

(нет сведений о втором сыне и дочери).

II. Из фамилии Бирюкова Влад[имира] Александр[овича] (священник).

а) Игнатьева Мария Владимировна, урожд[ённая] Бирюкова, старшая дочь, по окончании Екатеринбургского епарх[иального] уч[илища] работала учителем пения в Сугоякской с[ельской] школе, учительницей в Баклановской дер[евенской] школе учительницей и зав[едующей] детской библиотекой в Каменском зав[оде], ныне Каменск-Уральский. Там же руководила детским хором и давала с большим успехом концерты.

См. приложение.

б) Бирюков Михаил Владимирович по окончании Тобольской дух[овной] семинарии был в течение года учителем в Кирдинской школе Теченской волости Шадринского у[езда], а по окончании Ярославского Демидовского лицея работал мировым судьёй в г. Ялуторовске Тобольской губ[ернии]. В годы обучения в семинарии участвовал в теченских спектаклях и имел большой успех.

в) Бирюков Павел Владимирович по окончании Казанского университета некоторое время работал в Тече мировым судьёй.

г) Бирюков Николай Владимирович в течение нескольких лет был учителем в Пановской церковно-приходской школе Теченской волости Шадринского у[езда]. Не закончил Камышловского дух[овного] училища.

д) Смирнова Софья Владимировна, урожд[ённая] Бирюкова, по окончании Екатеринб[ургского] епар[хиального] уч[илища], много лет работала в с[ельских] школах Шадрин[ского] у[езда], получила орден Ленина и сейчас на пенсии.

Её дочь Ангелина Александровна работала учительницей в шк[олах] Шадринского у[езда]. Образование закончила при советской власти.

Сын её Михаил Александрович работает в настоящее время директором Исовского геологического техникума.

е) Измайлова Евгения Владимировна, по окончании Екатер[инбургского] епарх[иального] уч[илища] работала сначала пом[ощницей] сельской уч[ительницы], а позднее учительницей в Лобановской школе Шадринского у[езда]. Нет сведений об её семье.

Приложение к описанию деятельности Игнатъевой Марии Владимировны.

Старший сын её Сергей Александрович по окончании Пермской дух[овной] семинарии и двух лет обучения на медицинском факультете Казанского ун[иверсите]-та, работал в Свердловске в шк[оле] ФЗУ фабрики им[ени] В. И. Ленина и в Бийске в пед[агогическом] институте. Сейчас на пенсии и ведёт научную работу.

Дочь её Вера Александровна, по мужу Голикова, по окончании школы II ст[упени] работала учительницей в деревне Борисовой, б[ывшего] Шадринского у[езда].

Сын её Игорь Александрович, по окончании шк[олы] II ст[упени] сначала работал в Далматовском дет[ском] доме б[ывшего] Шадр[инского] у[езда], был на Великой Отечеств[енной] войне, по окончании которой работал зам[естителем] директора по АХО Свердл[овского] лесотехн[ического] института. В настоящее время на инвалидной пенсии.

III. Из фамилии Бирюкова Анатолия Афанасьевича (священник).

а) Игнатъева Серафима Анатольевна, ур[ождёная] Бирюкова, старшая дочь, по окончании Екатер[инбургского] епар[хиального] училища работала в течение некоторого времени учительницей в одной деревне Шадр[инского] у[езда].

Её сын Николай Иванович, после окончания школы II ст[упени] работал заведующим школой в с[еле] Тамакульском б[ывшего] Камышл[овского] у[езда].

Её дочь Антонина Ивановна Панова, урожд[ённая] Игнатъева, по окончании школы II ст[упени] работала сельской учительницей, а сейчас на пенсии.

Её дочь Мария Ивановна Вахонина, урожд[ённая] Игнат[ьева], кончила шк[олу] II ст[упени]. В настоящее время работает на Свердл[овском] мясокомбинате.

Сын её Аркадий Иванович, по окончании шк[олы] II ст[упени] работал по комсомольской линии. Погиб в Великую отечеств[енную] войну.

IV. Из фамилии Игнат[ьевых] (диако[н]).

а) Игнат[ьев] Александр Алексеевич, старший сын, по окончании Пермской дух[овной] семинарии два года работал учителем в Колединских песках Шадринского у[езда].

(О детях – см. выше приложение к описанию деятельности Игнат[ьевой] Марии Владим[ировны]).

б) Игнат[ьева] Александра Алексеевна, старшая дочь, по окончании Екатеринбург[ского] епар[хиального] уч[илища] работала учительницей в Соровском селе, в деревнях – Осолодке, Кошкуле, Баклановой, в сёлах – Тече, Нижне-Петропавловском, Беликульском Шадринск[ого] у[езда] и в Верхней Пышме (около Свердловска) – в общей сложности около пятидесяти лет.

в) Игнат[ьев] Алексей Алексеевич, второй сын, по окончании Казанской дух[овной] академии работал в Екатеринбург[ском] музыкальном училище и по обучению хоровому делу на курсах. Работал зав[едующим] уч[ебной] частью и преподавателем пения в Томском музыкальном техникуме. В Казани закончил музыкальное училище и руководил хором при нём. Имел учёную степень магистра за научную работу по истории пения.

Его дочь [Зенова] Елена Алексеевна, по окончании гимназии и высшего уч[ебного] заведения работала учительницей в средних уч[ебных] заведениях.

Его сын Вадим Алексеевич, по окончании высшего технического уч[ебного] заведения работал инженером в Новосибирске.

(Об одной дочери нет сведений).²²⁸⁷

г) Игнат[ьев] Иван Алексеевич, третий сын, по окончании Далматовского двухклассного училища год работал учителем церковно-приходской школы в деревне Боровушке Шадр[инского] у[езда].

Его дочь Тамара Ивановна (от второй жены) после неполного обучения в филиале Свердл[овского] металлургического техникума в Верхней Пышме работает на телефонной станции Свердловска.

Вторая дочь Капитолина Ивановна (от второй жены) по окончании обучения в филиале Свердл[овского] металлург[ического] техникума в Верхне Пышме работает на медеплавильном заводе в г. Верхняя Пышма.

---

²²⁸⁷ В очерке «Государственные деятели и деятели культуры, выходцы из Русской Течи» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний автор дополняет: «Козьмина Ангелина Алексеевна, сестра Вадима и Елены, работает зав[едующей] кафедрой иностранных языков в Волгограде, доцент, кандидат филологических наук» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 59.

(О детях от первой жены см. III. Игнатъева Серафима Анатольевна).

д) Игнатъев Василий Алексеевич, четвёртый сын, по окончании Казанской дух[овной] академии работал в реальном училище г. Бугуруслана б[ывшей] Самарск[ой] г[убернии] – преподавателем литературы, в Пермск[ой] дух[овной] семинарии – пом[ощником] ин[спекто]-ра и преп[одавателем] латинского яз[ыка], в Пермск[ой] мужск[ой] гимназии Циммерман – преп[одавателем] лат[инского] яз[ыка], в Пермск[ой] мужск[ой] правительств[енной] гимназии – препод[авателем] философской пропедевтики, в Слуцком дух[овном] уч[илище] б[ывшей] Минской губ[ернии] – преподавателем лат[инского] яз[ыка], в Слуцкой женск[ой] гимназии – преподавателем литературы, в Слуцком коммерческом училище – преподавателем литературы, тоже в [школе] II ст[упени]. В Свердловске – губ[ернским] инспектором, преподавателем и зав[едующим] уч[ебной] ч[астью] в школе ФЗУ ВИЗа и препод[авателем] латинского яз[ыка] в институтах: медицинском, юридическом, сельскохозяйственном, педагогическом и иностранных языков. В общей сложности – 43 г[ода]. В настоящее время на пенсии.

е) Игнатъев Николай Алексеевич, пятый сын, по окончании Казанской дух[овной] ак[адемии] работал в Шадринске инструктором по народному образованию и в Перми инспектором при губоно и преподавателем русского яз[ыка] и литературы.

ж) Игнатъева Юлия Алексеевна, вторая дочь, по окончании Екатеринбург[ского] епарх[иального] училища работала учительницей в деревне Кошкуль, в сёлах – Тече, Нижне-Петропавловском и Беликульском.

Сын её – Игнатъев Димитрий Иванович, по окончании Ленинградск[ого] артиллерийского уч[илища] участвовал в Великой Отечественной войне, а в настоящее время работает в Свердловске в одном из военкоматов.

Все дети Игнатъевых – Александра, Алексей, Василий, Николай – были активными участниками теченской общестственности по устройству спектаклей, концертов и пр.

V. Из семейства Архипа Григорьевича Югова (теченский клирик – регент хора).

Дочь его ... Архиповна работала учительницей в Тече.

VI. Из фамилии Чеснокова Петра Еремеевича (мельника).

Дочь его Мария Петровна работала в Тече учительницей.

Примечание: и Юговы и Чесноковы кончили советскую школу.

VII. Из фамилии Суханова Павла Александр[овича].

Сын его Михаил Павлович по окончании университета работал юристом.

Примечание. В этом списке не отмечена деятельности по линии религиозного культа и неквалифицированные виды деятельности.²²⁸⁸

23/IX 1963 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 734-740 об.

---

²²⁸⁸ В очерке «Государственные деятели и деятели культуры, выходцы из Русской Течи» в составе «Автобиографических воспоминаний» в «свердловской коллекции» воспоминаний более короткий, но автор добавляет в него следующих лиц:

«Казанцева Мария Семёновна, урождённая Черепанова, дочь черепановского крестьянина Семёна Ивановича Черепанова, выучилась на учительницу и работала в Сугоякской земской школе.

Бобыкин Дмитрий Иванович, сын баклановского крестьянина Ивана Степановича Бобыкина, выдвиженец, работал в советское время прокурором.

Гурлев Григорий Семёнович, сын теченского ремесленника Семёна Моисеевича, кончил в Свердловске рабфак и лесной институт. Работал по специальности лесника.

Пеутин Вениамин Иванович, сын теченского ремесленника Ивана Степановича Пеутина, самоуком выучился на бухгалтера и работал в Свердловске бухгалтером в тресте «Уралзолото».

Клюхин Михаил Александрович, сын теченского крестьянина Александра Савельевича Клюхина, самоуком выучился на бухгалтера и работал бухгалтером в Копейске.

Работники на железнодорожном транспорте в Челябинском отделении жел[езной] дороги. Лебедев Пётр Васильевич работал обер-кондуктором на станции железной дороги.

Брат его, Лебедев Павел Васильевич работал тоже на станции железной дороги» // ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 57-58, 59-60.

[ЗАМЕТКИ ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ]

Мостик

[1965 г.]

Шадринское земство, после своего учреждения, первой задачей поставило обеспечение связи в пределах подведомственной ему территории и со своими соседями – Челябинским и Камышловским уездами. Магистральной дорогой явился тракт между Шадринском и Челябинском. На пути его построения оказалось две реки: Исеть и Теча, которая впадает в первую около Далматово. Явилась необходимость строить мосты через эти реки, а также небольшие мосты через постоянные ручьи, или просто в ложбинах. Мостик, о котором будет речь, относится к типу последних. Он находится в живописном месте, а под ним родничок, немного восточнее его берёт начало в горке, покрытой соснами. Всё русло родничка заросло травой и цветами, и с трудом можно его увидеть сквозь эту зелёную завесу. Скорее по звуку его струи можно догадаться, что он где-то тут. За мостиком он образует небольшое болотце, окружённое тоже травой и цветами. Из болотца избыток воды ручейком стекает в речку. Под мостиком стоит небольшая лужа. Мостик небольшой по величине: шириной сажени в три и длиной тоже в три-четыре сажени, но крепко сделан. Нужно отдать честь земству, что оно строило мосты и мостики кондово, как немного позднее строило и школы.

Мне приходилось несколько раз проезжать в Шадринск по тракту и я всегда [пользовался] мостом в селе Нижне-Нетропавловском: к телу его была подведена дамба, а в реке были устроены крепкие защитные «быки» от стока льда. К мостику дорога проходила между двух холмов, усеянных цветами. За ним, справа, идёт высокая гряда бора, именуемая «Швейцарией». Так называли её наши первооткрыватели. Раньше здесь была загородка черепановского мельника Мизгирёва. Слева, за мостиком, тоже горка, так что дорога проходит как бы по оврагу. По краям правого холма росли низкие берёзки с шиповником.

С этого холма, когда однажды проезжал из Течи в Бродокалмак губернатор Наумов, наши барышни из-за кустарника кидали цветы. Как по этому случаю не вспомнить известное изречение И. А. Хлестакова: «Деревня, впрочем, тоже имеет свои привычки и уголки». Особо притягательную силу к себе имел мостик вечером, когда воздух свежел, слышалось только журчание родничка, бор слегка шумел и навевал такое состояние меланхолии, которое бывает в минуты отдыха. Мы рассаживались на перила мостика. Нужно ли говорить о том, что рассаживались парочками. Этому, как известно, учил ещё Дон-Кихот Ламанчский – рыцарь Дульцинеи Тобозской. Меланхолия меланхолией, но основным законом для теченцев было петь. И мы пели. Природа подсказывала нам сюжет песен. Пели: «Возле речки, возле мосту» и, конечно, меланхолические

«Мой костёр в тумане светит,

*Искры гаснут на лету,
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.
На прощанье шаль с каймою
Ты узлом на мне свяжи.
Как концы её с тобою
Мы встречались в эти дни.
Вспоминай, когда другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя».*

Сердца были молодые. Кровь горячая. Жизнь казалась широкой скатертью, широко раскинутой для нас, полной радостей и счастья.

Лыбопытно, что эту же песню «Мой костёр», помню, пели наши верхисетские фабзавучники, но после слов «Мы простимся на мосту» добавляли: «Может быть, и под мостом».

«Чтый, да разумеет!»

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 72-78 (рукопись), 79-81 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Наша речка Теча с незапамятных времён, подчиняясь закону движения Земли вокруг оси с запада на восток, отклоняла своё русло на запад от восточной гористой местности, которая начиналась за несколько вёрст выше села. Село расположено на восточной возвышенной стороне, и между ним и руслом реки в излучине образовывалась пойма, достигающая в самом широком месте ширины в полуверсту. В этой пойме выше села был берёзовый лесок, в котором были гумна, а у самого села – огороды. Здесь было сплошное море огородной зелени с весны и до поздней осени. Лишь в некоторых огородах были кусты бузины, чахлой черёмухи. В некоторых огородах были устроены дымные бани, ближе и речке, и по субботам от них по огородам и речке расходился едкий дым. Летом в огородах было море разной зелени: картофельной ботвы, моркови, репы, луку, гороху, бобов, а около Преображения (в ав[густе]) над этим морем зелени красовались подсолнухи-великаны. Ближе к речке обычно выращивалась капуста с громадными вилками. Особенную красоту в огородах составляли цветы, которые рассаживали на «рёбрах» гряд. Тут были васильки, ноготки, а по всему полю огорода бутоны мака самых разнообразных цветов. Аромат от цветов, а особенно бобов в пору их цветения, дополнял чарующую красоту этого пространства. Но глаз любителя леса не мог не почувствовать недостатка здесь этой красоты природного пейзажа.

Правда, в одном месте, на склоне горки, на которой расположено было село, красовалась одинокая берёзка, но что она могла дать глазу любителя леса кроме сознания горечи её одиночества? И вот в поле зрения наблюдателя попадают две пышные кудрявые талины. Они росли в огороде «расейских» выходцев в нашем селе – Мироновых. Огород был у самого берега речки. Взглянешь на них и не знаешь, чему больше отдать предпочтение: их ли могучей величине, или чарующей красоте. Тольке по стволам их можно было различать, что их две, как две сестры, а вершины их сливались в один пышный шатёр, в котором мелкие листья, казалось, перешёптывались друг с другом. То обстоятельство, что талины росли на берегу речки, подталкивало мою фантазию на мысль о том, что между ними и речкой есть какая-то внутренняя связь и что между ними иногда происходит такой разговор:

Талины – «Спасибо тебе речка за то, что ты питаешь нас водой»,
а речка – «Растите, растите красавицы и радуйте человеческий глаз». Ведь именно в этом и состоит назначение природы.

Талины были на пути моего следования к месту купания у мостика. В середине горки, по которой я спускался к речке, была терраса, на которой я останавливался и любовался талинами. Мне они представлялись сёстрами, которые вели между собой какой-то разговор. Я чувствовал, что между мной и талинами есть какая-то связь: их мощь и красота возбуждали во мне какое-

то ещё неясное, неосознанное мною чувство восторга и восхищения. Много позднее я понял, что это были составные части того чувства, которое называется любовью. Да, я любил эти деревья и много позднее, когда я приезжал в Течу, эти талины манили меня к себе: я спешил посмотреть на них, а если не мог это сделать, то расспрашивал у других – живы ли они и что с ними.

Прошло много лет, и я был свидетелем гибели речки и моих талин: речка была отгорожена от села колючей проволокой, потому что вода в ней была отравлена отходами от добычи радия, огороды заброшены, талины срублены во время устройства изгороди. Я почувствовал, что часть моих детских радостей и увлечений загублена во имя новых государственных задач в том месте страны, в которое входила наша злополучная Теча.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 61-68 (рукопись), 69-71 (машинопись).

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

Я не помню, когда её увидел впервые. Думаю, однако, что это случилось ещё в моём раннем детстве, когда нам, мальчишкам 3-4 лет, разрешалось ходить купаться в жаркие летние дни на свой берег речки. Течи. Тогда я начинал овладевать окружающим меня пространством со всеми, входящими в него предметами и явлениями. Тогда, очевидно, в одно из своих «путешествий» на речку я и увидел эту берёзку в ряде других предметов, которые были в поле моего зрения.

Шумной стайкой мы, мальчишки, примерно, одногодки, сбегали с горки через огороды к речке и с криками «чую не мне воду греть» бросались в «священные» воды Течи, побросав на берег свои рубашонки и штанишки, уже при спуске с горки на ходу снятые и зажатые под мышками.

Берёзка росла на крутом склоне горки, на половине между вершиной и подошвой её. К ней можно было только подползти, на что я не решался, примерно, до пяти лет. Помню, как я, наконец, набрался храбрости и вместе с другими мальчишками подползал к берёзке: я цеплялся руками за траву, росшую около неё, а ногами вгрызался в землю. Издали берёзка казалась мне более молодой, а когда я подполз к ней, то увидел что ствол её внизу уже был в трещинах, кора сухая и в разных местах ствола были следы топора или ножа, когда брали у неё берёзовку. Верхушка её, однако, была пышной: берёзка была кудрявой, как в песнях о ней поётся: «ах, ты, берёзка, ты моя, берёзка; «ах, ты, кудрявая, моя берёзка».

Много лет позже, когда я слушал романс «Острою секирой ранена берёза», панорама этой берёзки стояла перед моими глазами, и я прочувствованно подпевал:

*«Ты не плачь, берёза,
бедная, не сетуй;
рана не смертельна –
вылечишься к лету.
Будешь красоваться,
листьями убрана.
Лишь больного сердца
не залечить раны».*

Помню ещё, что когда я подполз к берёзке, то у меня появилось желание – по сучьям забраться на вершину берёзки (такова природа мальчишек), но я побоялся, что берёзка под моей тяжестью опрокинется и свалится со мной в огород. Мы было не поняли, чем эта берёзка прикреплена к земле: где у неё корни.

Когда мне исполнилось семь лет, я нашёл себе более глубокое место для купания, где можно было поплавать, понырять. Это у мостика.

Особенно же здесь нам, мальчишкам, нравилось прыгать в воду с мостика. Реже стали мои «свидания» с речкой, но не прекратились. По дороге

к мостику я бросил на неё свои взгляды со словами: «я не забыл тебя, моя красавица».

По мере развития моего душевного мира мои размышления – детские, наивные становились всё серьёзнее и глубже. В раннем детстве они сводились к узким вопросам: чья эта берёзка, кто её здесь посадил – обычный круг вопросов, которые прививались ребёнку от взрослых. Позднее, когда меня стали интересовать социальные вопросы, мной овладела с какой-то навязчивостью мысль об одиночестве берёзки, а вместе с этим жалость к ней. Меня преследовала мысль: случай ли выпал ей такой, или это произошло по чьей-то злой воле. Моя фантазия рисовала мне её тоску по другим берёзкам. Мне казалось, что она всматривалась в окружающее её пространство, но в поле её зрения были только огороды, кое-где с кустами бузины и чахлой черёмухи. Вправо виднелись две талины, с пышными кронами, но то, что их было две, а она – одна, только усугубляло сознание его своего одиночества. Слева временами закрывал от неё огороды и речку едкий дымок от томящихся в куче около кузницы углей, но этот дымок ещё больше увеличивал её тоску.

Эту берёзку я видел всегда только летом во всей её красоте. Такой она сохранилась и в моей памяти. Теперь её уже давно нет. Нет огородов. Речка отравлена отходами от добычи атомной энергии неподалёку от неё. Однако берёзка, одинокая и жалкая в этом отношении никак не покидает мысли о ней: она служит для меня немым укором людям, обрекающим на одиночество других людей, их жестокость, которая, увы! далеко ещё не изжита до сих пор.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 82-94 об.

Находится только в «свердловской коллекции» воспоминаний автора. В «пермской коллекции» отсутствует.

1815

Окрестности села Русская Теча. У Еремеевской мельницы. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 39.

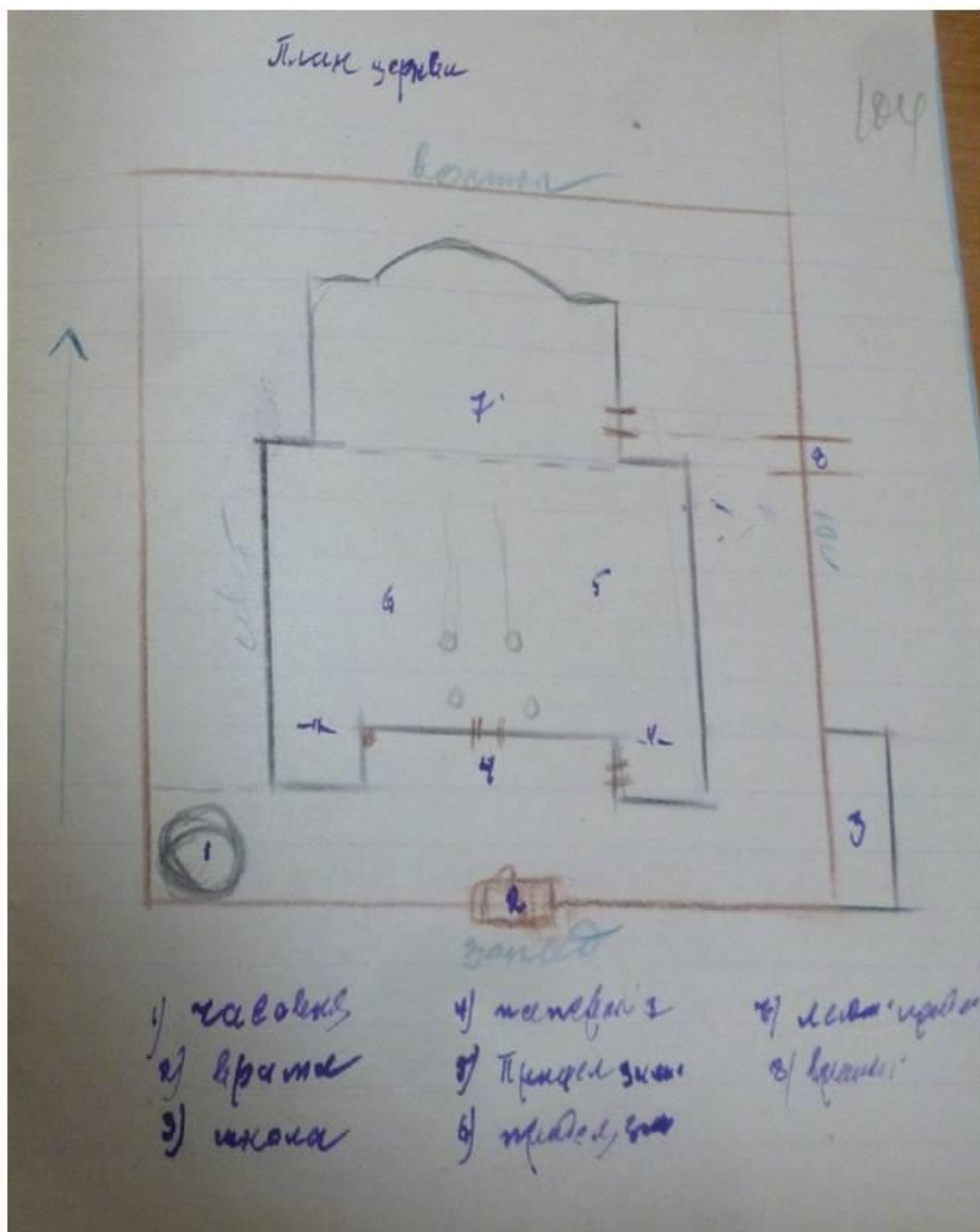
Окрестности села Русская Теча. Поганое. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 40.

1817

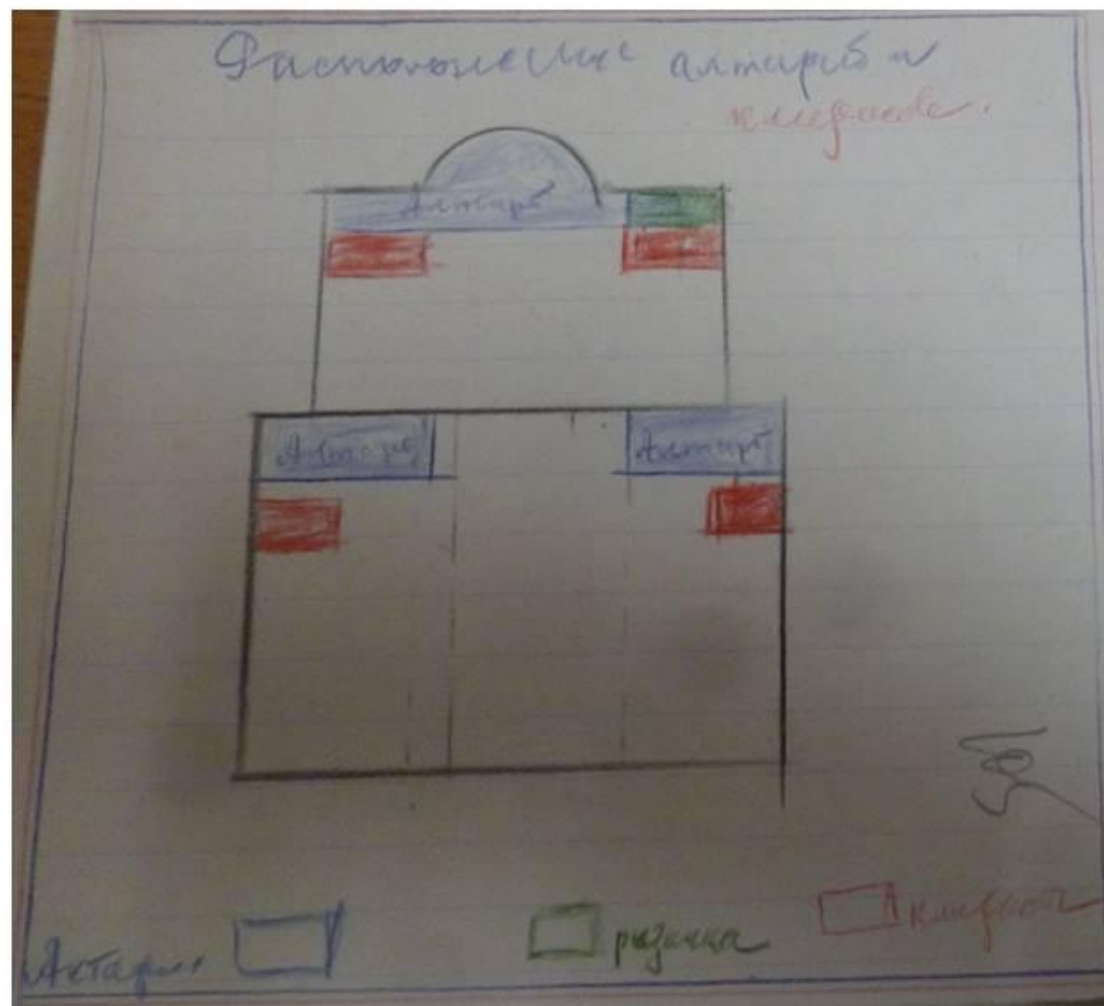

Окрестности ела Русская Теча. Красная горка. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

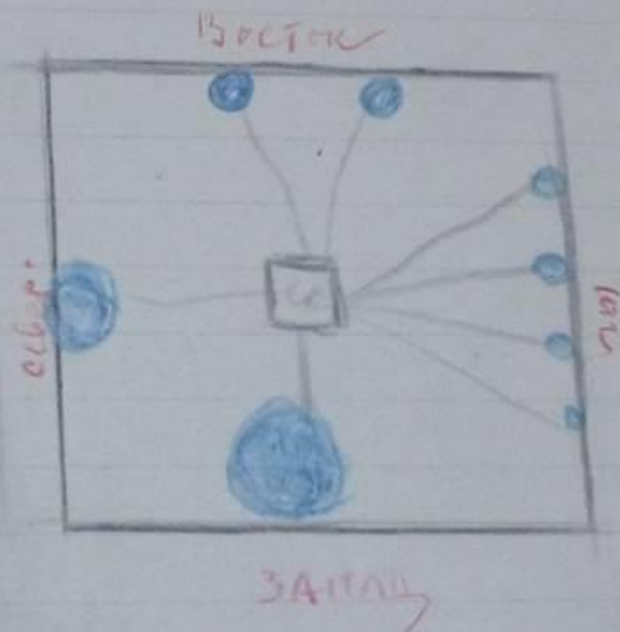
План Теченской церкви. Рисунок Игнатъева В. А.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 104.

Расположение алтарей и клиросов. Рисунок Игнатъева В. А.
 ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 105.

106
Схема расположения колоколов

Юг: 4 колокола
восток: 2 колокола
север: 1 колокол
Запад: 5 колоколов

Схема расположения колоколов. Рисунок Игнатъева В. А.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 106.

Руины Теченской церкви. 1960 г.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 92.

1822

Село Русская Теча. Дом Бирюковых.

1823

Дом Бирюковых с пристроем. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 9.

1824

Деревня Бакланова. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 5.

1825

Баклановская школа. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 7.

1826

Деревня Черепанова.

1827

Сугояк. Вид со стороны озера. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 15.

Вид на село Сугояк от Теченской поскотины. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 4.

Сугояк. У Половинного. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 6.

1830

Сугояк. Дом священника и церковь (вид с запада). 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 11.

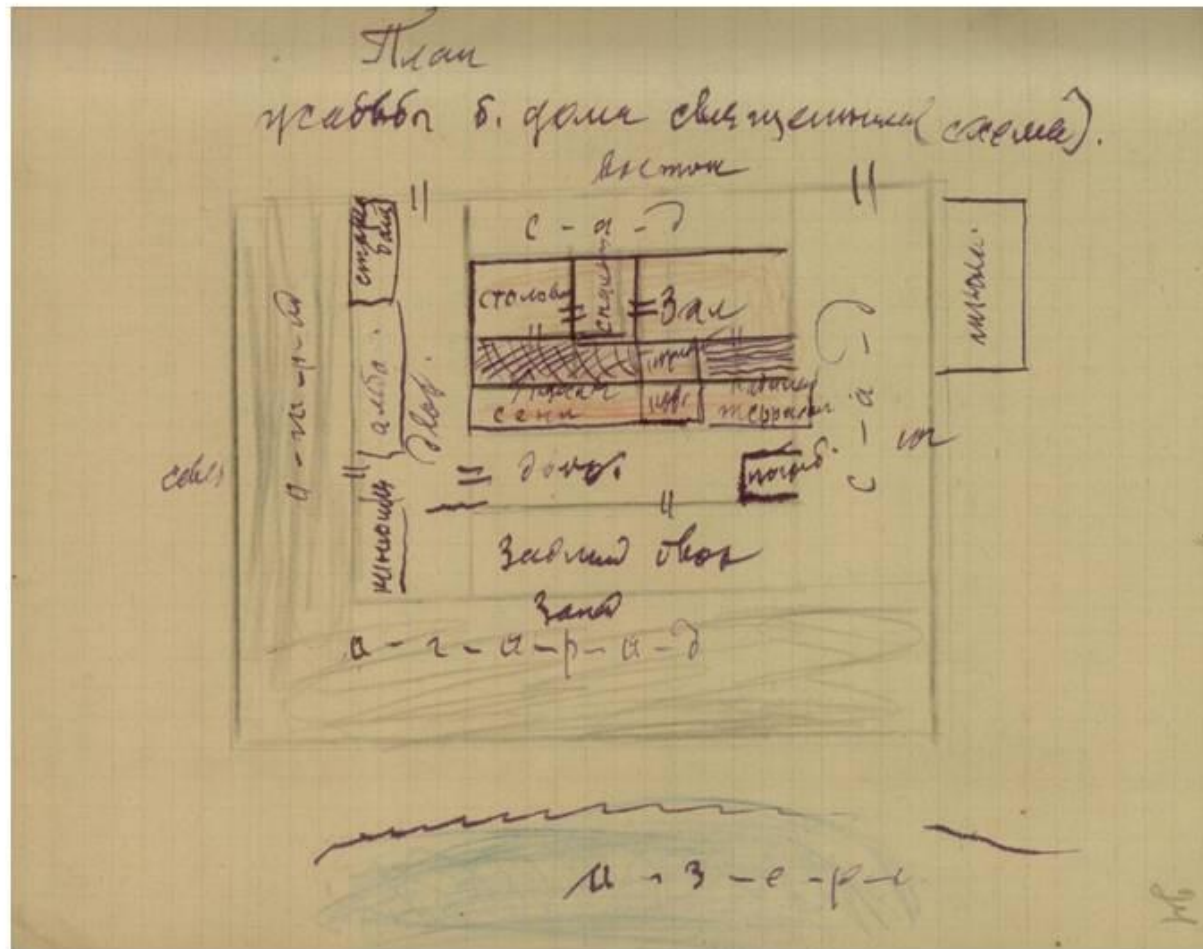

1831

Сугоякская церковь. Слева часть дома священника. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 10.

Сугояк. План усадьбы бывшего дома священника. Рисунок Игнатъева В. А.
 ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 24.

1834

Село Русская Теча. Бывший дом Новиковых. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 12.

1835

Село Русская Теча. Дом Клюхиных. 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 13.

Торец нового дома и бывшее здание волостного правления (бывший дом Сильвановых). 1960-е гг.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 425. Л. 15.

1837

Протоиерей Владимир Александрович Бирюков и его супруга Поликсения Петровна, урождённая Богомолова.

Матрёна Сергеевна Уфимцева.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 204.

Татьяна Павловна Ключина.
ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 711. Л. 215.

1840

Игнатъев В. А. и Постников А. П. 1961 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 423. Л. 3.

1841

Игнатъев В. А. и Рычков М. А. Встреча через 59 лет. Деревня Черепанова. 1961 г.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 422. Л. 6.

1842

Село Русская Теча с высоты птичьего полёта. 2018 г.

1843

Дом культуры села Русская Теча и мемориальный комплекс в ограде.
Место перед оградой – где находилась Теченская церковь. На месте Дома культуры находился церковный погост.

Фотография места, где находилась Теченская церковь. 2018 г.

1846

Бывший дом Бирюковых. 2018 г.

1847

Сельский магазин (бывший дом Новиковых). 2018 г.

1848

Здание старой библиотеки (бывший дом Сильвановых). 2018 г.

1849

Развалины старой школы (молокозавода). 2018 г.

1850

Река Теча и Горушки вдали. 2018 г.

1851

Баклановский бор. 2018 г.

1852

Река Теча. 2018 г.

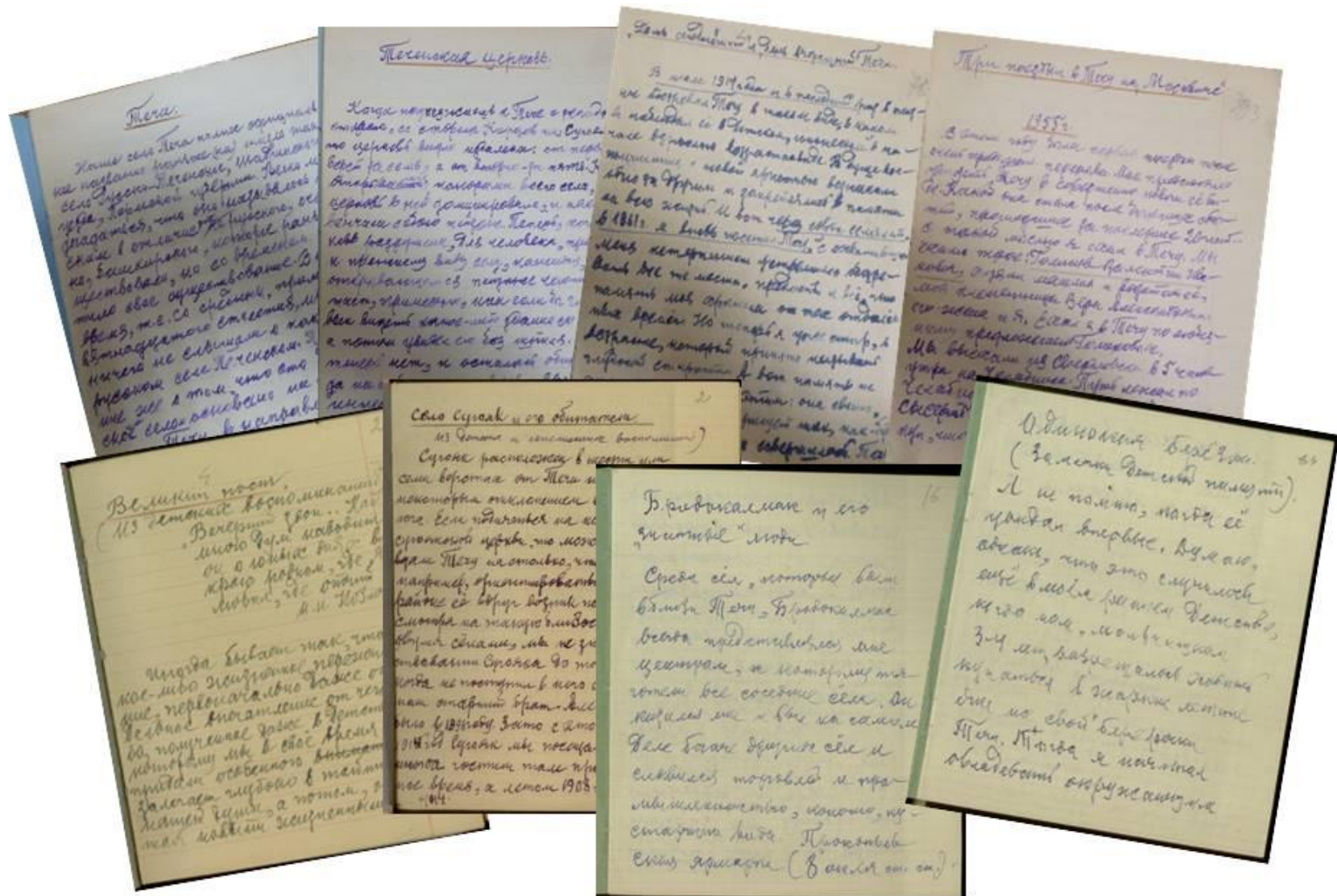
1853

Река Теча. 2018 г.

1854

Рукописи В. А. Игнатьева по истории Зауралья в «пермской» и «свердловской» коллекциях.

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть X.

В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Часть X.

ОБ «ОЧАРОВАННОЙ» ДУШЕ И НЕОСУЩЕСТВЛЁННОЙ МЕЧТЕ

(наблюдения, размышления, встречи, раздумья, радости и огорчения
– всё то, что является результатом «ума холодных наблюдений
и сердца горестных замет»)

[1965 г.]

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ОЧАРОВАННАЯ» ДУША.

Если бы кто-нибудь спросил меня в эту минуту, спросил неожиданно, врасплох, и потребовал немедленно ответить: что я любил в жизни больше всего, «как душу», по выражению А. В. Кольцова; чем больше всего увлекался в жизни; что было главным содержанием моей души и тогда, когда над моей головой проносились чёрные тучи, и тогда, когда жизнь улыбалась мне и манила к счастью – я ответил бы одним словом – пение.²²⁸⁹

Я не помню ни одного этапа своей жизни, когда бы я не пел, не увлекался пением. Вот и теперь, когда потерял уже голос, я не перестаю петь, как говорится, «в душе»; «мурлыкаю» про себя знакомые, дорогие мне, мелодии, иногда забывая обстановку, в которой нахожусь.

Если бы кто-либо спросил меня, когда со мной «это» случилось, что я оказался во власти такого увлечения, то я, конечно, не смог бы указать год,

---

²²⁸⁹ Очерк «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» (15 февраля 1963 г.) в «пермской коллекции» автор начинает так: «Теперь, когда жизнь моя уже, несомненно, клонится к концу, для меня стало ясно, что в неё (жизни) была одна область, которую я любил, «как душу» - это искусство пения. До сих пор в моей душе совершенно произвольно, стихийно возникают мелодии песен, которые я слушал в детстве, а потом и сам пел, пел с увлечением. Я слышу голоса исполнителей этих песен, особенности этих голосов. Позднее я узнал, как называются эти голоса, как они распределяются в хоровом исполнении и как различаются по тембру. Я живо представляю обстановку, в которой я слушал эти песни, а позднее и песнопения, включая и духовные песнопения. Эти обряды настойчиво возникают в моей памяти и побуждают меня ещё и ещё раз запечатлеть их в биографическом порядке и развитии и, таким образом, самому себе ответить на вопрос, как зародилось у меня увлечение пением, как оно развивалось и как, в конце концов, стало одним из мотивов моей жизни, хотя моя служебная биография по ряду причин прошла в другом направлении. Пение, однако, было для меня именно тем, что называется *alter ego* («второе» «я») кого-либо. Жизнь неоднократно подтверждала возможность такого дуализма и правомерность его существования» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 2-2 об.

день и час этого события, но зато уверенно могу сказать, что «это» случилось в моём раннем детстве. Случилось же «это» тогда потому, что в нашей семье пели все – и стар, и млад. Только, как это ни странно, не пела одна наша матушка. Я никогда не слышал её поющего голоса: ни колыбельных песен, ни каких-либо других. Почему? Это осталось для меня тайной; она не пела может быть, потому, что заботы о большой семье да ещё при разных недостатках слишком поглощали её время. Как бы напоить, накормить такую ораву ртов – вот чем заняты были её мысли. Где уж тут до песен?

С детства мне запомнилась одна семейная бытовая картина, которая может пролить свет на то, как в моей душе зарождалась тогда любовь к пению.

Была у нас старенькая гитара, обшарпанная, полинялая. Дека у ней носила явные следы ударов по ней пальцами, когда наш батюшка входил при игре в азарт и отбивал по ней «дробь» пальцами. Эта гитара была семейной реликвией от тех времён, когда наш батюшка старался покорить сердце нашей матушки. Батюшка любил иногда вспомнить «старинку»: спеть что-либо под аккомпанемент гитары. Бывало и так, что он по всем признакам утомлён, а наша старшая сестра привяжется к нему, «как банный лист»: «Папа, сыграй что-нибудь на гитаре и спой». Папа старается отмахнуться от назойливой просьбы, но сдаётся ... и вот начинается «концерт». Папа берёт в руки гитару, приободрится, как делал, очевидно, в молодости, и полилась его любимая песня:

*Ивушка, ивушка, зелёная моя,
Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
Или тебя, ивушка, солнышком печёт,
Солнышком печёт, частым дождичком сечёт?*

*Ехали бояре из Нова-городка
Срубили ивушку под самый корешок.*

*Тятинька с мамонькой неправдами живут,
Неправдами живут - силой замуж выдают ...*

Последние две строки батюшка исполнял, придерживаясь простонародной фонетики (тятинька с мамонькёй), а всю песню пел в простонародной тональности. Мне, тогда ещё ребёнку удалось уловить особенную прелесть этой тональности, и я сохранил увлечение этой манерой исполнения народных песен до сих пор. Такие песни, как «Эх, ты, Ваня», «Не велят Маше» и др. в чудесном исполнении Ф. И. Шаляпина чаруют меня своей красотой.

Очень трудно определить в цифрах, как увеличивается у ребёнка словарный состав, скажем, к году и т. д. Ещё труднее выразить в определённых дозах нарастание его эмоций, того, что более скрыто от постороннего глаза и уха.

Как нарастало увлечение пением у меня в детстве, я сам не мог этого сознательно определить до известного времени. Детская душа сама по себе представляет инструмент, на котором кто-то играет с тем отличием, что у немого инструмента звуки не задерживаются в памяти, а в детской душе они остаются наслоением, пока ещё не опознанным, где-то в подсознательной области, но потом входят в область сознания, как след, как сгусток пережитого. В моём раннем детстве я был окружён пением, как атмосферой: и в семье, и у других людей, где приходилось бывать по разным случаям жизни, и в общественных местах. Всё это, конечно, влияло на меня, на моё эмоциональное развитие, но безотчётно.²²⁹⁰ Только с поступлением в школу пение стало для меня предметом сознательного отношения к нему, предметом изучения. С этого момента различные песни стали входить в мой репертуар, в список песен, которые я любил.

Нас учил петь песни по слуху, с голоса старенький дьячок²²⁹¹, очень добродушный, но который иногда пытался показаться нам строгим и грозил кому-либо: «Я поставлю тебя на колени на горох!». Мы знали, что он только грозит, но никогда так не накажет, и в общем поддерживали самодисциплину. Хорошо помню, как мы разучивали гимн «Коль славен наш Господь в Сионе – не может изъяснить язык», слова которого приписывались поэту Жуковскому В. А. Мы пели его, как молитву. Любимой же песней у нас было стихотворение А. В. Кольцова «Красным полымем заря вспыхнула, по лицу земли туман стелется». Я не помню, как звучал тогда мой детский голос, но хорошо помню, что мы пели так звонко, что у окон школы «говорили» стёкла.

---

²²⁹⁰ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Как сквозь туман, вспоминаются мне песни и песнопения «Святок». Деревенские мальчишки, кто в чём только мог – то в больших отцовских пимах и с большими отцовскими шапками на голове, то вместо шапки с укутанными в расшитые тряпки головами, в шубёнках или каком-то подобии им, шумной толпой врываются в нашу кухню с облаком холода и «славили» иногда дружно, а иногда, как говорится, «кто в лес, кто по дрова» с запеваляй: *«Рождество Твое Христе Боже наш... Тебе кланяемся солнцу правды»* и т. д.

Вечером они же бегали по улице и «колядовали» у домов – пели «Ходим мы, ребята, колядовщики» и что-то про «розан, мой розан и виноград зелёный». Утром собирали копейки, а вечером – «сырчики». Их унисонное пение было для меня уже первым образцом детского хорового пения.

Вечерами по домам в течение всей «святочной» недели ходили маскированные – «шилйкуны» - в большинстве молодые женщины, девчонки, мальчишки и «славили» хозяев и их детей. Они по очереди пели тому или другому члену хозяйской семьи:

*«Кто у нас хороший, кто у нас пригожий,
да Васинья хороший, Васинья пригожий,
розан, мой розан, виноград зелёный».*

Впоследствии я узнал историю происхождения этих песен // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 4-5.

²²⁹¹ «Старенький дьячок» - отец автора, учитель пения в школе.

Мы пели ещё молитвы: «Отче наш», «Достойно». Я опять не помню, как звучал мой голос, но хорошо помню, как звучал голос у Анки Комельковой²²⁹², когда она запевала эти молитвы. Голос у неё был густой, звучный, и позднее, когда я научился различать голоса по тембру их, отнёс голос Анки к меццо-сопрано или контральто. Когда мне приходилось потом слышать голос такого тембра, я вспоминал Анку Комелькову.

Мне приходилось в детстве слушать церковное пение, известного под названием партесного, но оно пока что не затрагивало меня. Другое дело, песни по нотам моих старших братьев и сестёр привлекали к себе моё внимание, будили интерес и я кое-что из них запоминал, но в целом они были ещё недоступны для меня.²²⁹³

Запомнилась мне ещё одна деталь из моих детских впечатлений. В дни подготовки к празднованию коронации последнего Романова писарь нашего земского начальника – П. А. Стефановского Грацевич, любитель пения, составил из школьников хор и научил их петь песню: «Мы, славные артисты, на всём играть умеем. У нас есть кларнетисты ...» и т. д. Мне понравилась эта песня своим оригинальным содержанием, хотя она была не совсем понятной. Так, я не имел тогда представления о кларнете.

[²²⁹⁴]

---

²²⁹² В очерке «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: Палашка Комелькова.

²²⁹³ Там же: «Не могу забыть, как этот хор исполнял концерт «Бог богов» - шумно, но, как я тогда уже мог различить, недружно, неслаженно» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 7. Автор имеет в виду хоровой концерт С. А. Дегтярёва «Бог богов Господь глагола».

²²⁹⁴ Там же: «Два события от этого времени, несомненно, отразились на моей «музыкальной истории». Первое – это концерт, который дали в нашей Тече бродокалмацкие «артисты» в дни коронации. Как сейчас помню сцену на подмостках, сделанную из пологов у одной из стен нашей волости; несколько невысоких сосенок на ней, долженствовавших изображать дремучий лес; солидную фигуру заведующего бродокалмацкой двух-классной школой Григория Ивановича Буткина, исполнявшего роль Ивана Сусанина из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» - в зипуне и мужицкой шляпе; небольшую группу «поляков», угрожавших ему смертью. Это – в заключение оперы, а перед этим пение Вани о себе «сиротинушке» в исполнении бродокалмацкой мельничихи Марии Яковлевны Егоровой; пение «Не о том скорблю, подруженьки» неизвестной «артистки»; и, наконец, заключительное «Славься!» в исполнении хора. Впоследствии просмотр настоящей оперы в исполнении профессиональных артистов не смог всё-таки заглушить детских впечатлений!

Вторым событием, ещё более оставившим след в моей душе и, может быть, впервые возбуждавшим у меня желание сделаться певцом, было посещение нашей Течи группой товарищей моего брата Алексея, о котором я упомянул уже выше, товарищей его по семинарии, которые представляли собой цвет семинарских певцов того времени. Событие это было исключительным и навсегда осталось в памяти теченцев – старых и молодых. Подобрался на редкость слаженный квартет с прекрасными голосами. Что только было тогда в Тече! Для них устраивались вечера; их нарасхват приглашали в гости; их заставляли петь до появления храпов в их голосах. Они давали концерт в Тече. Их заставляли без конца петь «Закувала та сыза зозуля», и когда они переходили на слова «Гей як зачулы», начинался вихрь аплодисментов. Кумиром теченских невест был тенор

В августе 1897 г. я поступил учиться в Камышловское духовное училище. Нас обучали в нём петь по нотам, принятым в церковных книгах – по Октоиху – восьмигласнику. Впервые мне стало ясно, что звуки, издаваемые голосом при пении, можно записывать и что для этого существует нотная грамота.²²⁹⁵

В училище существовал хор из учеников. Чаще всего его можно было слушать в церкви, но иногда, реже, и в так называемом, светском пении. Я восторгался голосами некоторых учеников. Это были мои кумиры: Иван Переберин, Вася Лирман и др. Я до сих пор слышу, конечно умственно, их голоса. Я стал с голоса, по слуху, запоминать некоторые песнопения, которые мне понравились по линии церковного пения, а особенно песни, например: «Зазвучали наши хоры», «Над Невою резво вьются» с запевкой Васи Лирмана.

Иван Васильевич Смирнов, обладатель нежного голоса. Да, это был апофеоз гостей-певцов!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 7-8.

²²⁹⁵ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Приходится сожалеть, что никто из наших отечественных художников не запечатлел такую умильную картину, как какой-либо карапуз в возрасте 11-12 лет, развернув перед собой сию объемистую книгу, *in folio*, в поте лица, бил себя правой рукой по бедру для отсчитывания тактов, не установившись ещё *soprano* или *contralto* выводил тягучие мотивы «Всемирную славу», или «Царю Небесный». Он пел, не отдавая себе отчёта в том, что в этих мелодиях отразилось музыкальное искусство, художественные приёмы и художественный вкус наших предков, что в них встречаются уже в законченном виде такие приёмы музыкального выражения, как *lento*, синкопы и др. А ведь классические образцы напевности имеются именно в произведениях этого типа, как например, «Како не дивимся» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 11-11 об.

in folio – по-латински в формате сложенного вдвое типографского листа большого формата, отсюда – фолиант, книга больших размеров.

soprano – высокий певческий голос.

contralto – самый низкий певческий голос.

Традиция церковного пения сохраняла исполнение некоторых важнейших знаменных песнопений при общем гармоническом хоровом стиле. Вероятно, автор говорит о разучивании семинаристами знаменных («тягучие мотивы») стихир – догматика 1-го гласа «Всемирную славу от человек прозябшую», стихир Пятидесятницы «Царю Небесный» и догматика 6-го гласа «Како не дивимся богомужному рождеству».

lento – медленный, слабый, тихий темп в музыке.

Синкопа (*syncopa*) – буквально «обрубание», смещение акцента с сильной доли такта на слабую.

Там же: «Для усвоения переходов по интервалам – терции, кварты, квинты и т. д. – существовала небольшая книжка, так сказать, с «сольфеджио», которая, правда, редко применялась, но помнится, как мы ещё в первом классе по ней выводили фугу «Кто-то может убежать, смертный час!» Мы не знали тогда и названия этого приёма исполнения («*fuga*» - «бег»), хотя во втором классе уже начинали изучать латинский язык. Позднее мы встретились с фугой при исполнении народной песни «С вьюном я хожу» // Там же. Л. 12.

fuga – буквально, «бег», композиционная техника и форма полифонической музыки. В классической однотемной фуге несколько голосов, каждый из которых повторяет (имитирует) заданную тему.

В моей душе зародилась тяга к пению. В этот именно момент на меня обратил внимание наш учитель пения и чистописания Михаил Михайлович Щеглов. Я хорошо помню тот момент, когда он определил меня в ученический хор. Я учился тогда в третьем классе, и было мне четырнадцать лет. Как-то в классе, в послеобеденные часы собралась у нас группа друзей – мальчишек, у которых голосовые связки, как видно, чесались, и мы грамогласно распевали канон «Отверзу уста моя». Я хорошо помню, что я впервые ощутил, что у меня есть голос, что я слышу его, а пение доставляет мне удовольствие и радость. В самый разгар нашего «концерта» вошёл в класс Михаил Михайлович, спросил, кто пел высоким голосом, попросил ещё раз пропеть и ... определил меня в хор. Я сам в этот момент ещё не знал, какое значение для меня имело это определение в хор, но потом оказалось, что это было началом моего увлечения пением на всю жизнь.

Именно тогда и появилось на свете, как Афродита из морской волны, моя «очарованная» душа.

Избрание меня в хористы не прошло для меня бесследно, незаметно: психологически я испытал удовлетворение по поводу того, что осуществилось моё желание попасть в состав хора, туда, где раньше находились мои кумиры, о чём сказано выше. Кроме того, я получил подтверждение того, что у меня есть голос, что я могу быть певцом. Михаил Михайлович определил меня в партию тенора. Конечно, такое направление меня было сугубо условным, о чём позднее мне говорил и сам мой учитель пения. Какой может быть тенор у мальчика 14-15 лет, однако, такое определение тембра моего голоса было, если можно так сказать, пророческим: мой голос после «перелома» стал развиваться именно в этом направлении.

[²²⁹⁶]

---

²²⁹⁶ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Самым трудоёмким и для учителя и для учеников, несомненно, было обучение и усвоение пения по «гласам». Восемь «гласов» с различными вариациями, иногда трудно различаемыми – это было нелёгкой школой усвоения. Особенную трудность представляло усвоение по «гласам», так называемого, запева «Исповедатися имени Твоему». Для облегчения усвоения мотива в этом случае приходилось прибегать даже к своеобразному мнемоническому приёму, а именно, чтобы усвоить, например, мелодию этого запева на третий «глас», мы, по совету ещё отцов, пели на этот мотив «Наши-то с дровами приехали». Боже мой! До чего же изворотлива и изобретательна натура человека!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 11 об.-12.

Исполнение важнейшего жанра церковных песнопений – стихир – связано с пением определенных псалмических стихов. Стихиры (по форме это гимнографические строфы) как бы «прослаивают» последовательное исполнение стихов псалма. Стих 141-го псалма (Библия. Псалтырь. 141:8) «Изведи из темницы душу мою / исповедатися имени Твоему» начинает такое чередование псаломских стихов и гимнографических строф-стихир, составляющее первый цикл стихир на вечерне (из 10-ти, 8-ми, 6-ти или 4-х стихир). Стихи псалмов получают название «запевы» (к стихирам) и поются на особые мелодии. Автор пишет о разучивании на уроке церковного пения напевов псалмических стихов.

Для меня с поступлением в хор открылась возможность ознакомиться с так называемой итальянской нотной системой: скрипичным ключом, целой системой ритмических обозначений и т. д. С этого момента началось овладение мною теории музыки.

Итак, то, что раньше я воспринимал только ухом и что, тем не менее, было предметом моего увлечения, теперь стало для меня зримым в виде нот, а сам я стал участником исполнения этих произведений. Михаил Михайлович Щеглов, воспитанник Синодального училища в Москве, ученик музыкальных корифеев Кастаньского, Чеснокова²²⁹⁷ и др., сам энтузиаст музыки, не пожалел сил для того, чтобы передать нам, своим ученикам, шедевры этих произведений. Через наши руки прошло несколько сборников нот, расписанных по партиям его рукой. Теперь, когда бросишь ретроспективный взгляд в то отдалённое прошлое, то приходится удивляться, как за короткий срок – в полтора-два года мы разучили столько музыкальных произведений духовного, церковного жанра. Мы пели произведения Веделя, Сарти, Бортнянского, Турчанинова, Львова²²⁹⁸, Ломакина, Металлова, Аллеманова, Дегтярёва и многих других композиторов. Пели то, что было лучшим в их творчестве. Среди этих произведений были такие, которые отличались быстрым темпом исполнения; были протяжные; были величественные, чем особенно отличаются произведения Турчанинова; были и такие, которые исполнялись пиано. Были произведения концертного типа; произведения, исполнявшиеся хором и трио. Да простят меня атеисты разных типов: и те, которые стали таковыми от науки, и те, мимо которых религиозные предрассудки прошли мимо от рождения, я на всю жизнь сохранил в памяти красоту их напевов. Позднее, в пору юности, я, как и другие юноши в моём положении, пережил полосу исканий, сомнений, какие были у Ивана Карамазова (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»), мой разум снял мистический налёт, мистический оттенок с этих произведений, и содержание их в моём сознании получило характер легенд, но разум не был в состоянии разрушить художественные эмоции, порождённые этими произведениями. Так, мы восторгаемся известной картиной Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», хотя в основе её лежит религиозный сюжет. Также нас очаровывает «Сикстинская мадонна», хотя в основу её положен религиозный мотив, но он лишён мистической окраски: мы не смотрим на эту картину, как на икону.

То, что в католической церкви увековечено было великими мастерами – художниками эпохи Возрождения в камне, глине и краской, то в православной церкви отражено в музыкальных произведениях целой плеяды

Традиция обучения церковному пению до сих пор сохранила такое шуточное «памятогласие», например, на запев 1-го гласа: «О, дивное чудо! В монастыре жить худо».

²²⁹⁷ Чесноков Павел Григорьевич (1877-1944) – русский композитор.

²²⁹⁸ Львов Алексей Фёдорович (1798-1870) – русский композитор, дирижёр, музыкальный писатель и общественный деятель. Создатель музыки гимна «Боже, Царя храни!» (1833) и других сочинений.

композиторов (см. выше). Нелишне отметить, что и Чайковский, и Римский-Корсаков пробовала свои силы в этом жанре, но не создали сколько-нибудь заметных произведений в этой области.

Наш хор не только пел в церкви, но и выступал на литературно-музыкальных вечерах, которые устраивались в училище. В конце прошлого века и начале нового коллектив учителей, а под его руководством и ученики нашего училища поставили перед собой задачу очистить бурсу, как именовали тогда духовное училище, от родимых пятен бурсы, как она показана в известном произведении Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы». Потомки «тессараконты» (см. «Очерки бурсы») принялись за чистку своего быта, чтобы «стать с веком наравне». Слов нет, задача была тяжёлой, потому что наследие было усложнено рядом привычек, а о них ещё в классическом мире люди высказывались как о второй природе. Но решение было твёрдым, а пословица гласит: «Терпение и труд всё перетрут».

Насколько смело взялись за перестройку своего быта наши «бурсаки» свидетельствует то, что однажды даже решили поставить отрывки из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» (тогда она называлась «Жизнь за царя»). Хор исполнял: «Разгулялася, разливалася», «Славься», а в качестве иллюстрации к сцене в лесу песню «Какой непроглядный и сумрачный лес». Надзиратель училища Иван Николаевич Ставровский в гриме и соответствующем одеянии исполнял «всухую», т. е. без аккомпанемента «Чуют правду», а один из учеников, солист хора, тоже в гриме и женском облачении, пропел «Не о том скорблю, подруженьки».

По драматической линии свои силы «бурсаки наши пробовали через постановку отрывков из «Недоросля» Фонвизина.

Весной 1902 г. в училище отмечались два исторических события: девятисотлетие (900) изобретения славянской азбуки - «Кириллицы» братьями-македонцами Кириллом и Мефодием и пятидесятилетие (50) со дня смерти Н. В. Гоголя. По поводу этих событий в училище были проведены небольшие собрания, на которых ученический хор исполнял гимны. Гимн в честь Кирилла и Мефодия, признанных православной церковью святыми, немного напоминал акафист в словах: «Радуйся, Кирилле, радуйся, Мефодие, радуйтесь славянских стран учителя!».

Вот содержание гимна Н. В. Гоголя.

Перед именем твоим мы склонились,

Гоголь вдохновенный,

Дышит юмором родным,

Сонм твоих созданий незабвенных.

Ты впервые нам открыл

Жизни нашей язвы и пороки,

Правде и любви учил

И твои творенья и уроки

Наш народ уж оценил.

Участвуя в хоре, я многому научился, что мне потом пригодилось в жизни. Я научился понимать необходимость дружеской спайки в коллективе, значение дисциплины в любом общественном предприятии. Главным же было то, что пение для меня стало органической потребностью. Эту любовь к пению зажёл во мне мой учитель и поныне здравствующий в Камышлове (ему 92 г.) Михаил Михайлович Щеглов.²²⁹⁹

В июне 1902 г. я окончил Камышловское духовное училище. Подходила к концу и пора отрочества и я вступил в пору юности, которая проходила в период обучения в Пермской духовной семинарии.

Быть увлечённым каким-то искусством, а в отношении ко мне пением, это значило быть в какой-то степени романтиком, и я ехал на учение в семинарию настроенным сугубо романтично, потому что к тому, что я выносил в своей душе по части увлечения пением, присоединялись ещё романтические воздействия на меня моего старшего брата, только что окончившего семинарию. Он всегда был настроен восторженно и чем-либо увлекался. Увлечение пением было для него «ахиллесовой пятой», только стоило заговорить о пении какого-либо артиста-солиста или хора духовного или светского, он моментально загорался восторженной речью.

У него были кумиры из певцов и избранные произведения духовной музыки, которые он терпеливо заносил в свою нотную тетрадь *in folio* (в лист), переплетённую и оклеенную чёрным коленкором. Я ещё не слышал семинарского хора, но уже кое-что знал из его репертуара, а главное из строения этого хора, а именно то, что партии дисканта и альты в этом хоре составлялись из учеников духовного училища, а партии тенора и баса – из семинаристов. Этим именно хор семинарии отличался от хора Камышловского духовного училища, в котором моим амплуа была партия тенора, не соответствующая голосу этого тембра. Ясно, что эта особенность семинарского хора подкупала моё внимание к нему и, сказать прямо, увлечение им, хотя я не принимал участия в нём по мотиву, о котором будет сказано несколько ниже. Вторым отличием семинарского хора от хора духовного училища в Камышлове было то, что регентами были выдвинуты из хористов семинарии, восторженные энтузиасты и музыкально одаренные люди. В Перми было много церковных хоров, из которых «заглавным» был по достоинству архиерейский. Были хорошие хоры в различных церквях, более богатые по составу, но семинарский хор имел одно преимущество перед другими, а именно – его певцы отличались свежестью голосов, молодых, чистых по звучанию, а особенно хор отличался молодым задором, увлеченностью певцов его искусством пения. Эту особенность его нельзя было не заметить. Один любитель пения так говорил по этому поводу: «Закройте мне глаза и дайте прослушать десять хоров и я безошибочно выделю из них семинарский хор. Этот хор любили слушать оперные артисты

---

²²⁹⁹ М. М. Щеглов умер на 97 году жизни, пережив своего ученика – автора воспоминаний (ред.).

и тонкие знатоки светского пения. Его нельзя было не любить, и я его любил, но сам не принимал участия в хоре из-за боязни принести вред своему голосу, а мечтал я в это время стать настоящим певцом, т. е. певцом не типа хориста, а типа певца солиста. Как у меня зародилась эта «идея» в моём сознании – я теперь не помню. Помню только, что когда летом 1899 г. к моему брату приезжали товарищи по семинарии – цвет талантов и голосов. Я восхищён был особенно голосом одного, который пел в архиерейском хоре, и, возможно, в этот именно момент в моё сознание и вклинилась мысль: хочу быть певцом. Что касается голоса – есть ли он у меня или нет, я имел возможность убедиться в хоре духовного училища, где временами мне поручалось исполнение *solo*. Вопрос передо мной стоял так: как переломится мой голос, так возьмусь за его обработку.

Итак, я был увлечён семинарским хором, так сказать, платонически, и это было единственно то, что примиряло меня, а думаю и других моих товарищей с тем, что вынуждены были иногда по 1,5-2 часа стоять в рядах в церкви шпалерами, стоять статуями под неослабным оком инспектора семинарии. С хор неслись чудесные звуки хора, благодаря чему богослужение превращалось в концерт. Не будучи участником хора *de facto*, душевно я как-бы участвовал в нём. Я в музыкальных номерах узнавал иногда своих прежних знакомых по духовному училищу. Вслушивался в те номера, о которых мне раньше говорил брат и напевал отрывки из них, но чаще всего слушал нечто новое и из репертуара и по части исполнения. В годы моего учения в семинарии хору посчастливилось иметь регентом бесценно в течение четырёх лет одного лица – Попова Михаила Васильевича, человека одарённого и ставшего потом регентом-профессионалом, а до этого частая смена регентов только лихорадила хор. Попов обновил репертуар хора произведениями Архангельского, композитора и регента Казанского собора в Петербурге. Архангельский в своих композициях обнаружил и то, что он в равной степени владеет искусством как лирической тональности, так и драматической, особенно в своих концертах. Композитор ввёл новую манеру концертов с началом *solo*.²³⁰⁰

---

²³⁰⁰ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Так, среди сольных выступлений у семинаристов было в большом почёте исполнение песнопения «Да исправится молитва» в Великом посте. Это исполнение было своеобразным состязанием певцов в искусстве пения – нечто вроде оперы «Тангейзер» Р. Вагнера. Участие в исполнении этого было единственным проявлением голоса и пения автора сего за период учения его в семинарии, так сказать, публичного, общественного проявления. Правда, ещё однажды вспомнилось пение в духовном училище и, по предложению однокурсника по бурсе, по старой памяти исполнено было «Разбойника благоразумного» в Великий четверг» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 19 об.-20. Песнопение «Да исправится молитва моя» – великий прокимен на литургии преждеосвящённых даров – привлекало особое внимание благодаря традиции исполнения тремя солистами.

Нужно сказать, что увлечение исполнением с *solo* было характерным для того времени в духовной музыке, причём не в качестве только композиционного компонента произведения, а в качестве основного элемента: мотив *solo* под аккомпанемент хора. В таком виде, например, было построено «Ныне отпускаеши», комп[озитова] Степанова. Такое исполнение было эффектным, но в сильной степени смахивало на стиль светского произведения. В хоре появились солисты особого типа с пошибом на театральное исполнение.

В семинарском хоре в этом типе исполнения прославился ученик Свечников Александр, обладатель лирического тенора. Его приглашали на «гастроли» в этом направлении даже в другие хоры.

К знакомым мне композиторам прибавились новые имена: Архангельский, Беневский, Соколов, Степанов, но лидером среди них в смысле того, чьи произведения чаще исполнялись, был Архангельский, и это придавало хору вид единого стиля исполнения произведений духовной музыки.

Как и в Камышловском духовном училище, семинарский хор и отдельные его певцы принимали участие в другой области музыки – светской и пользовались заслуженной популярностью даже в городе. Петь вообще было стихией, постоянно окружавшей семинарию и бушевавшей внутри её. Песня начиналась где-либо стихийно, как пожар начинается от брошенной горящей спички. Раздался один голос, к нему присоединился другой, третий, а там, подобно снежному кому, обрастающему снегом при его вращении, выходит на сцену полный хор в каком-либо классе в перемену между вечерними занятиями и раздаётся:

*«Сторона-ль, сторонка,
Сторонка родная.*

*Темными лесами поросла,
покрылась
Широка, просторна ты, страна
родная!»*

Весной во время экзаменов вечером группа семинаристов, любителей пения, собиралась в саду на беседке-ротонде, с которой открывался вид на Каму, усеянную огнями от пароходов, и пели свои любимые песни кто чем мог: кто тенором, кто басом, а кто и просто чем Бог послал. Песня неслась на Каму, гуляла по её широкому и спокойному лону, и люди знали: это поют семинаристы.

В хор отбирались лучшие голоса и энтузиасты пения, а из них Элита – солисты. Это были те, кто составлял гордость семинарии и кто демонстрировал своё искусство на семинарских вечерах.

Вечера устраивались редко, зато с исключительной подготовкой. Для меня, не участвовавшего в хоре и пока что скрывавшего свои певческие способности, эти вечера, точнее, исполнительская часть их – были

«университетами», которые формировали мои эстетические эмоции. В моей памяти сохранились, например, такие песни, которые после первого исполнения на вечере, спускались в массы и становились составной частью нашего обычного песенного репертуара.

Сумрак ночи пал на землю (исполнялось в унисон)

ХОР: *Пора нам, пора нам всем на отдых*
Сумрак ночи пал на землю (унисон)

ХОР: *Всем пора на отдых*
Звездной ночью на просторе
Нам привольно отдыхать,
Будем песни мы лихие
Братья дружно распевать.
Пусть напевы молодые
Наше сердце веселят (исполняет стаккато)
Сумрак ночи пал на землю,
Всем пора на отдых (унисон)

Эта песня исполнялась однородным мужским хором в величественном тоне.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец
Живу пустынно, одинокий
И жду – придёт ли мой конец.

Эта песня исполнялась *solo* под немое сопровождение хора, как исполняются теперь «Грёзы» Шумана. Любопытно, что эта сугубо пессимистическая песня находила отзвук у некоторых сторонников «мировой тоски» в духе байротизма, но больше она привлекала к себе внимание оригинальной формой своего исполнения.

ДУЭТ. Звёзды блещут, точно очи,
Соловей в лесу поёт.
И подругу в сумрак ночи
На свидание зовёт.
И счастливый, и довольный,
Он порхает перед ней.
Мне завидно птичке вольной -
Милый друг, приходи скорей.

Этот дуэт исполнялся всухую, т. е. без аккомпанемента.

Любопытно, что его сентиментальное содержание допускалось к исполнению в духовном учебном заведении, но следующий дуэт такого же характера был разрешён для исполнения лишь при условии если его заглавием будет «Привет весне».

*Привет тебе, красавица,
Но где же ты?
Я полон грёз и пылких ожиданий.*

Мой друг, приходи ко мне!

Репертуар хора и солистов обновлялся и пополнялся через знакомства с представителями музыкального мира Перми. Одним из тех был известный музыкальный деятель А. Д. Городцов, бывший оперный артист. А также пополнение репертуара и формы исполнения песен и романсов шли через преподавателей пения семинарии. Так, в одном году преподавателем пения был регент архирейского хора Потеряйко, украинец, и он пропагандировал украинские песни. Особенно же большое влияние оказал учитель пения в 1906-1907 уч[ебном] году Николай Васильевич Пиликин, кончивший консерваторию и сам композитор. Он же выдвинул из среды семинарского хора певцов-солистов, исполнявших романсы под аккомпанемент фортепьяно. До него, как легенду, передавали о том, что один ученик – Захаров однажды на вечере пел *Ave, Maria* под аккомпанемент пианино.

Зимой 1907 г. в семинарии был устроен грандиозный вечер со следующей исполнительской программой:

1. Однородный мужской хор под управлением Н. В. Пиликина пополнил:

а) «Ноченьку» из оперы «Демон» Рубинштейна при участии пианино, причём украшением хора был октава ученик Александр Меркурьев;

б) «Жук и роза»;

в) «Прощание с лесом» Клауэра;

г) «Дощик», украинская песня – смешанный хор под управлением Н. В. Пиликина при участии дискантов и альтов, мальчиков духовного училища.

2. Смешанный хор под управлением ученика М. В. Попова, регента семинарского хора, исполнил:

а) «Как во горнице-светлице» из оперы Даргомыжского «Русалка»;

б) Народную песню «Ай во поле липонька»;

в) «Слети к нам тихий вечер», музыка Николая Васильевича Пиликина.

Солисты, подготовленные Пиликиным, исполнили:

а) ученик Чирков романс Пасхалова «Нет, за тебя молиться я не мог»,

б) ученик Ласин – романс Денца «Вернись»

в) ученик Свечников – романс Денца: «Я не любим тобой».

Это была полная концертная программа.

На этом вечере присутствовала известная в Перми артистка оперы М. Л. Василенко-Левитон, которая потом стала меценатом талантливых певцов-семинаристов. К указанным уже выше певцам, ставшими кумирами, присоединились потом имена – Иваницкий Пётр, Шестаков Пётр и др. Популярности этих певцов способствовало то, что они выступали в любительских концертах в городе и в качестве хористов, и в качестве солистов. В частности, они выступали на вечерах в женской гимназии

Барбатенко. Для меня увлечение их пением не прошло мимо, о чём будет сказано ниже.

Во время революции 1905 г. отдельные импровизированные хоры возникали в семинарии то там, то здесь, а точнее сказать – вся семинария превратилась в один хор. Ноты расписывались конспиративно, а репертуар был подчинён моменту. В него входили: «Интернационал», положенный для исполнения развёрнутым хором, «Варшавянка», «Отречёмся от старого мира», «Похороны рабочего». Любимой песней была:

Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темно,

Дни и ночи часовые

Стерегут моё окно.

Как хотите стерегите,

Я и так не убегу.

Мне и хочется на волю –

Цепь порвать я не могу.

Ах, вы, цепи, мои цепи,

Вы железны сторожа

Не разбить вас, не сломать вас,

Крепко держите меня.

Когда в семинарии была объявлена забастовка, то здание было запрещено отоплять, чтобы выморозить всех и отправить по домам, и когда оставшиеся последними, чтобы не замёрзнуть ночью, прикрывали себя горой тюфяков, инспектор иронизировал над ними и говорил: «Вам в тюрьме темно, так убирайтесь поскорей домой».

Особое место в жизни семинаристов имел оперный театр, который разрешалось посещать без особых ограничений. В Перми этот театр был на славе на весь Урал, а пермяки были завзятыми меломанами. Я много слышал об этом театре и артистах его ещё до поступления в семинарию от старшего брата, всегда чем-либо увлекавшегося. Я, например, знал, что в этом театре когда-то пел баритон Круглов, и что он приводил зрителей в восторг, когда он исполнял партию Демона в одноимённой опере А. Рубинштейна. Я видел у одного из братьев в нотной тетради дуэт из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» «Мой миленький дружок». Я знал, что когда наши старики пели «В старину жилали деда» - это был отрывок из оперы Верстовского «Аскольдова могила». Я знал, что это их пение было данью их увлечения в молодости этой оперой.

И вот я первый раз в жизни пробирался на какую-то оперу (только не помню) по узким лестницам театра на самый верх его – в парадиз за пятак, где, стоя в толпе, мне нужно было любоваться оперой. Когда занавес открылся, то моим глазам представилась сказка, а голоса исполнителей показались чарующими, каких я раньше не слышал.

В парадизе было тесно, шумно и просто неприятно, потому что возникали споры, вздоры и разные «выражения». Постепенно

ознакомившись с театром – расположением в нём зрительных мест, мы спустились на ярус, где были ложи.

Так всегда следили за порядком «капельдинеры», которые за пятак впускали нас в ложи, где они могли рассчитывать на безнаказанность этого «преступления». Делалось это очень просто: покажешь ему пятак, он подмигнёт – что, дескать, «понял», а когда зрительный зал погружался в темноту, возьмёт и втолкнёт в какую-либо ложу. Мы называли своих «благодетелей» вместо высокопарного «капельдинер» прозаичнее – «пяташник». Когда мы возмужали уже настолько, что стали у нас пробиваться усы, а головы наши украсились «ерошками» и «шевелюрами», нам пользоваться услугами «пяташников» было зазорно, и мы стали арендовать ложи. В этом случае в театре из этой ложи разносились бурные аплодисменты в адрес какого-либо артиста, потому что мы заранее договаривались: «Ребята, сегодня будем вызывать кого-либо из своих кумиров», без которых, вопреки второй заповеди Моисея - «не сотвори себе кумира» - у нас никогда не обходилось. Ещё до начала сезона на главной улице Перми - «Сибирке» в окнах магазинов обычно выставлялись фотографии артистов труппы в костюмах на тот или иной год, и мы заранее знакомились с теми, кто будет услаждать наш слух в очередном сезоне. Мы приходили в восторг, когда встречали уже знакомых нам «кумиров». Из оперных певцов антрепризы А. А. Левицкого у нас были тенора – Хлюстин, Комиссаржевский, Евгеньев-Дарский²³⁰¹, Борисенко, Саянов и др. Мы различали из них теноров лирических, драматических и лирико-драматических, причём особенно восхищались лирическими тенорами. Из баритонов любимцем был Томский, певший в сезоны 1904, 1905 гг. Из сопрано нашими «кумирами» были: Де-Вос-Соболева, Калиновская, Позднякова, Осипова, Борина. Из басов – Квашенко, певший в сезоны 1904-1905 г. Де-Вос-Соболева вторую половину своей фамилии – Соболева приобрела уже в Перми, вышедши замуж за инженера Соболева, и таким образом, навсегда осела в Перми и увы! потом покинула сцену.

В 1914-1915 уч[ебном] году я имел честь обучать её сына Соболева латинскому языку в гимназии Циммерман. Я не могу похвалиться удовольствием заниматься с её сыном. В чём выражалось наше преклонение перед своими кумирами? Кроме дружных аплодисментов, которыми мы выделяли их, о чём сказано выше, мы участвовали в чествовании их во время «бенефисов». Бенефициантам, а особенно бенефицианткам, подносились подарки. Купечество своим кумирам женского пола подносило золотые вещи и пр., а мы? Мы выступали с адресами, художественно оформленными. Наш «учинённый брат», одетый комильфо – в сюртуке и пр. выступал на сцене и зачитывал адрес с восхвалением того или иного «кумира». Когда по окончании сезона артисты уезжали, мы ходили провожать их на вокзал.

---

²³⁰¹ Евгеньев-Дарский (Фон-Якобсон) Евгений Эдмундович – артист оперы (тенор).

Объявлялся устный анонс: «Ребята, завтра Осипова (или кто-либо другой) уезжает – на вокзал!» И ребята отправлялись на проводы.

Среди семинаристов были парни, которые работали статистами на сцене. Они имели «счастье» ближе встречаться с «кумирами» и при случае даже чем-либо похвастаться чем-либо из своей «деятельности». Так, один из «таких», здоровенный детина, однажды объявил: «Ребята! Я вчера тащил Калиновскую со сцены за кулисы!». Лицо счастливец при этом сияло блаженством, как у кота, который хорошо полакомился чем-либо по воровской линии. Нам приходилось быть иногда и свидетелями трагедии некоторых певцов. Так, помнится, через 3-4 года в Пермь приехала на очередной сезон артистка Позднякова, которая всех пленила своим чудесным сопрано в одном из предыдущих сезонов, и вот: выступила она в первой же опере и оказалось, что она уже потеряла красоту своего сопрано. Так же получилось с артистом Саяновым. Приехал он в Казань в 1909 году, и мы, пермяки, его поклонники, устремились в оперный театр, чтобы послушать его чудесный лирический тенор, но увы! Он уже оказался безголосым. Ещё печальнее это получалось со знаменитостями.

Так, в Пермь приехал с концертом знаменитый тенор, солист его императорского величества Н. Н. Фигнер. Развешаны были по городу афиши, на которых его фамилия отпечатана была громаднейшими буквами. Все, кто слышал знаменитого певца раньше, собрались на концерте, но когда он запел романс М. И. Глинки «Северная звезда», все увидели, услышали, что их прежний кумир безголосый. Передавали, что великого Шаляпина однажды освистали в Париже. Так, прежние рабы своего «кумира» жестоко мстили ему за своё бывшее и миновавшее «рабство» - такова логика увлечения меломанами, своим «кумиром» и разочарования им. Мы не освистывали своих «жертв», но горечь разочарования, всегда была мучительной.

В пермской опере мы смотрели и слушали следующие оперы: «Аскольдова могила»; часто ставились «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Садко» Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Демон» А. Рубинштейна, «Кармен» Бизе²³⁰², «Севильский цирюльник» Россини, «Галька» Монюшко²³⁰³, «Жидовка» Галеви и целый ряд менее популярных опер - «Миньон», «Вертер», «Песня про купца Калашникова», «Ганс».

Посещение оперного театра было для семинаристов «отдушиной», окном в мир из замкнутой жизни в стенах училища. Здесь мы видели бомонд города, а уходили из театра в состоянии восторга, увлекались, и это увлечение выливалось в подражании оперным певцам, детски наивное по существу; то слышится, что кто-то распевает арию Елецкого «Я Вас люблю», то кто-то «трудился» над исполнением «Клеветы», то кто-то распевает «Не плачь, дитя» и т. д. Любопытно, что к опере «Демон» было какое-то

---

²³⁰² Бизе Жорж (1838-1875) – французский композитор.

²³⁰³ Монюшко Станислав (1819-1872) – польский композитор.

особенное отношение, как бы в её содержании находили что-то созвучное для себя, что-то из психологии «мировой скорби». С каждой оперой связывалось имя какого-либо кумира. Так, Ленский – это значит Хлюстин, Онегин – Томский, Дон-Базилио – Квашенко, Элиазар – Борисенко, Монтек – Саянов, Татьяна – Позднякова.

От шуточных и легкомысленных подражаний оперным певцам и хорам переходили к серьёзному исполнению в первую очередь хоровых произведений. Выше уже указаны «Ноченька» из «Демона» и «Как во горнице-светлице» из «Русалки».

На одном вечере, например, исполнялось *trio* (трио) из оперы «Песня о купце Калашникове» и хор жрецов из оперы «Аида» Верди. Ученику семинарии Шестакову Петру однажды было предложено исполнить арию норвежского гостя из оперы «Садко». Когда в городе однажды устроен был концерт с участием «своих» артистов – любителей, нечто вроде того, что теперь именуется у нас самодеятельностью, причем имелось в виду соревнование, точнее состязание певцов в искусстве сольного исполнения, то на нём пальму первенства получил семинарист Петр Иваницкий, исполнив арию Дубровского из одноимённой оперы «О, дай мне забвенье, родная!».

Нужно ли говорить о том, что в числе восторженных поклонников оперных певцов был автор сего, но сам я не принимал участия на публичных выступлениях. Я был убеждён, что голос мой креп и оформлялся с диапазонов в две октавы. Иногда я обнаруживал его в воспроизведении некоторых, хорошо усвоенных по слуху арий, например: «Невольню к этим грустным берегам», не раз прослушанной мною через граммофон. Мои товарищи усиленно уговаривали меня обратиться к известной в Перми учительнице пения артистке М. Л. Василенко-Левитон на предмет проверки моего голоса и уроков по постановке его. Я это сделал, но недостаток средств на учение в этой школе привёл меня к тому, что я проучился месяц с небольшим и усвоил кое-что только по части постановки дыхания. Впоследствии обнаружилось, что у меня стала развиваться вредная привычка зажимать звук и форсировать, с чем пришлось бороться, о чём речь будет ниже. Но тот, если можно так выразиться, пост, на который я обрёл себя в пении в стенах семинарии, я усиленно компенсировал у себя, в теченских палестинах, во время летних каникул, а началось это с того, что после болезни тифом я жил целую зиму дома. Было ли это влиянием перенесённой тяжёлой болезни, брюшняка, при котором, как мне говорили, происходит перерождение некоторых клеток организма, или пришёл уже такой возраст (мне было семнадцать лет), что нужно было проявиться голосу и одновременно с этим желанию петь, но я почувствовал уверенность в голосе, что таил в семинарии, но не таил у себя, дома. Голос, очевидно, «сломился» и проявился в новом тембре, чистом лишённом ещё-каких-либо отклонений. Пелось свободно, увлечённо, по велению юности. Вся жизнь впереди казалась открытой скатертью. Мечталось, любилось! «Мечты, мечты! Где ваша сладость» - спрашивает поэт. Эта сладость у юности – в её мечтах. В

мире нет других владельцев богатствами – ни у Ротшильдов, ни у Рокфеллеров, какие есть у юности. Это её мечты. Я мечтал быть певцом, и мой батюшка как-то заметил эту мою мечту и сказал: «Васька у меня будет артистом!»

В Тече у меня впервые родилась тяга к пению. В ней же росло моё увлечение пением, активное участие в нём.

В Тече все пели за исключением считанных единиц: пели отцы, уже старцы, все три поколения их потомков. Репертуар песен был очень велик и разнообразен. Он рос в течение ряда лет и рост его непрерывно продолжался. Песни пелись в самых разнообразных жанрах: в мажорной и минорной тонации, но преобладали в той душевной, чисто русской тональности, которую охарактеризовал А. С. Пушкин в словах: «Мы все – от ямщика до первого поэта – поём уныло: ... начнём за здоровье, сведём – за упокой». Поэт, несомненно, сгустил смысл своей мысли, но верно отметил общую, преобладающую направленность специфически русского пения и музыкального звучания. Достаточно услышать увертюру к опере «Иван Сусанин» М. И. Глинки, чтобы уловить особенного звучания музыки по-русски. Сразу можно сказать, что эту оперу писал русский композитор, а не иностранец.

Моё участие в Теченском хоре было разнообразным, и я его разделял на две группы: пение в общем хоре и пение в роли солиста по нотам, так сказать, академическое, квалифицированное пение.

Описывая репертуар общего пения, я не могу поставить себе задачи исчерпать эту тему в целом, а могу описать только то, что пользовалось большей популярностью и любовью. Выбор тематики песен иногда определялся обстановкой исполнения их, а возможность хорового пения чаще всего предоставлялась во время прогулок по окрестностям Течи и на вечерах, организуемых в традиционные семейные праздники.

На прогулках сама природа подсказывала песни. Они происходили вечером на лоне чудесных окрестностей Течи, где представлены все виды природы: лес, вода, вид на поля и пр. Обязательно исполнялся гимн уходящему дню:

*Слети к нам, тихий вечер
На мирные поля,
Тебе поём мы песню,
Вечерняя заря.*

*Как тихо всюду стало,
Как воздух освежел
И в ближней роще звонко
Уж соловей пропел.*

*Темнеет уж в долине
И ночи близок час
На маковке березы
Последний луч погас.*

С обрыва на «Штатское» мы пели, наблюдая за закатом солнца:
*Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.*

*До гроба вы клялись любить поэта
Вы не исполнили священного обета* и т. д.
Вдали виднелся лес, уже потемневший после заката солнца, и мы пели:
*«В тёмном лесе, в тёмном лесе
Распашу ль я пашенку.
Посею ль я лён-конопель»,*

а дальше о том, как повадился прилетать туда вор-воробей, и как мы расправились с ним.

*«За горами, за долами,
За дремучими лесами –
Там лужочек был
На лужке росли цветочки»,* и как вышли танцевать два мужичка.
*«Я вечор в лужках гуляла,
Грусть хотела разогнать»* и т. д.

А по созвучию пели песню Параши Жемчуговой, впоследствии графини Шереметьевой:

*«Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала
И спустилась к ручеёчку
Близ зелёного лужка*

*Вижу, вижу идёт барин,
Две собачки впереди,
Два лакея позади.*

Поравнявшись со мною,

*Он приветливо сказал:
«Здравствуй, милая красотка,
Из какого ты села?»
«Вашей милости крестьянка» -*

*Отвечала я ему,
Господину моему.*

*«Ты родилась крестьянкой –
Завтра будешь госпожой ...»*

Память о ней увековечена в Останкинском дворце – музее Шереметьева в Москве.

Конечным пунктом наших прогулок был мостик у поскотины. Он был расположен в живописном месте: справа была горка, покрытая соснами, известная у нас под названием «Швейцария». Под ним протекал родничок прозрачной воды, который образовал небольшое болотце, обрамлённое незабудками. Лужайка покрыта была сочной зелёной травой. Мы часто пели, сидя на перилах мостика:

*«Возле речки, возле моста
Трава росла муравая, зелёная
Уж я в три косы косила, говорила
Ради друга, ради гостя,
Ради батюшки родного»* и т. д.

Пели также:

*«Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит –
Мы простимся на мосту»* и т. д.

Мы возвращались с прогулки после пения и игр уже когда весь купол над нами был усеян звёздами, и пели задушевную песню, до сих пор сохранившую своё обаяние:

*«У зари, у зореньки
Много ясных звёзд,
А у тёмной ноченьки
Им и счёту нет.*

Ходят звёзды по небу

Ясно так горят.

Что-то сердцу бедному

Тихо говорят.

*Говорят о радостях,
О минувших днях,
Говорят о горестях,
о постигших нас»* и т. д.

Нам казалось, что звёзды смотрят на нас, перекликаются с нами и что наши голоса сливаются со звуками, которые несутся откуда-то из вселенной, в одну мировую гармонию, напоминающую наши души.

Когда мы возвращались с последней прогулки перед отъездом с летних каникул, то пели:

*«Ты прости, прощай, мой край родной,
Грустно расставаться мне с тобой.
А я, быть может, я в последний раз,
Нивы, луга смотрю на вас,
Смотрю в последний раз».*

Более широкий фронт песен развёртывался на вечерах по поводу какого-либо семейного торжества, причём, если на прогулках пела преимущественно молодёжь, то на вечерах пели все: и отцы, и их потомки двух-трёх поколений. Тематика, темпы и тональность песен были разнообразными: от мрачного пессимизма до самого ухарского оптимизма.

ВОЛГА

Может ли русский человек петь песни и не спеть о Волге? Нет, не может. Он приносит к ней свои горести, свои надежды, свои просьбы. Поэт видел в ней символ за-битой и униженной России.

Тема гражданской скорби

Волга, Волга, весной многоводной

Ты ж так заливаешь поля,

Как великою скорбью народной

Переполнилась наша земля.

Выдь же на Волгу: чей стон раздаётся

Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовётся –

То бурлаки идут с бичевой.

И мы пели: *Эй, ухнем, эй, ухнем!*

Ещё разик, ещё раз

Разовьём мы берёзу и т. д.

Тема одиночества

Вниз по матушке, по Волге

По широкому раздолью

Поднялася погода,

Погодушка не малая, волновая

Ничего в волнах не видно

Одна лодочка чернеет.

М. Ю. Лермонтов аналогичную картину нарисовал в ст[ихотворении] «Парус», рельефнее подчеркнув психологию одиночества.

Лирические мотивы

а) жалобы неудачников в любви

«Вниз по Волге-реке

С Нижня-Новгорода

Молодой стружок,

Как стрела летит.

На нём добрый молодец просит:

Киньте, бросите меня

В Волгу-матушку,

Утопите в ней грусть-тоску мою.

Лучше в Волге мне быть утопленному,

Чем на свете жить разлюбленному».

б) Ямщик жалуется на свою судьбу:

«Вот мчится тройка почтовая

По Волге-матушке реке

Ямщик уныло напевает

Ах, милый барин, добрый барин

*Скоро святки, а ей не быть уже моей
Богатый выбрал да постылый,
Ей не видать уж ясных дней».*

в) просьба девушки:

*«Волга-реченька глубока,
Прихожу к тебе с мольбой:
Мой сердечный друг далёко,
Ты верни его скорей».*

г) тоже на эту тему:

*«Вей сильнее, ветер игривый,
Белый парус, парус челнока,
Унеси нас в край счастливый,
Волга-матушка река».*

Пели и эту часто исполняемую и теперь песню, к тому же такими певцами, как Шаляпин, Штоколов²³⁰⁴ и др. Пели также не вникая в грубый смысл этой песни, как это дела-ется и сейчас, а ведь, если задуматься, то позорный смысл того, что донской казак в качестве подарка Волге бросает в реку персидскую княжну, очевиден. Наша совесть не мирится с картиной утопления собаки («Муму» И. С. Тургенева), но мы легкомысленно соглашаемся с безобразной картиной утопления человека, и, что особенно поражает, дочери Евы с лёгкой душой исполняют эту песню, которую следовало бы изъять из репертуара.

Мы пели о раздумьях поэтов.

Об одиночестве и грусти:

а) «Среди долины ровныя» Мерзлякова уроженца г. Далматова;

б) «Сяду я за стол да подумаю» А. В. Кольцова.

О горькой изменчивой юности: «Вечерний звон» И. И. Козлова. Эту песню мы пели под немое звучание голосов, имитирующих звон. Мы пели о тяжёлой доле русской женщины: «В полном разгаре страда деревенская» Н. А. Некрасова.

Мы пели воодушевляющую и призывную песню:

*«Медленно движется время.
Веруй, надейся и жди,
Зрей наше юное племя –
Путь твой широк впереди,
Стыд, кто бессмысленно тужит,
Листья зашепчут ... он нем
Слава, кто истине служит,
Истине жертвует всем».*

Наряду с этим звучали иногда и грустные мотивы:

---

²³⁰⁴ Штоколов Борис Тимофеевич (1930-2005) – советский российский оперный певец (бас). Народный артист СССР (1966).

*«Быстры, как волны, дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь,
Налей, товарищ, задравную чару ...»*

«Что не ветер ветку клонит», «Не брани меня, родная», «Что так жадно
глядишь на дорогу», «Выхожу один я на дорогу...», «Море синее, море
бурное...», «Лучина, лучинушка».

*«Мне всё равно: любить иль нет,
Страдать иль счастьем наслаждаться.
Пускай меня забудет свет –
Мне всё равно, мне всё равно.
Любовь – сердечная отрада
Забыта мною навсегда.
Меня не любят и не надо –
Мне всё равно, мне всё равно.
Мне всё равно, и я любил,
Не быв никем любим взаимно
Я всё святое разлюбил –
Мне всё равно, мне всё равно».*

Рефрен: «Мне всё равно» исполнялся фугой.

Грусть и слёзы.

*1. О чём дева плачешь,
О чём слёзы льёшь...*
*2. Ах, о чём ты проливаешь
Слёзы горькие ручьём,
И украдкой утираешь
Их кисейным рукавом...*
*3. Что склонилась ты над рекою
И задумчиво в волны глядишь...*
*4. Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман.
Слёзы горькие льёт молодец
На свой бархатный кафтан
Полно, брат-молодец, ты ведь не девица
Верь, тоска пройдет (дважды)
Ах, тоска, братцы-товарищи,
В грудь запала глубоко
Дни прошедшие, дни радости
Улетели далеко
Полно, брат-молодец, ты ведь не девица».*
И вдруг на смену тоски и грусти студенческая:
*«Проведёмте, друзья, эту ночь веселей,
Прусть вся наша семья соберётся дружной
Не любить – загубить значит жизнь молодую.*

*Сердцу рай – выбирай каждый деву младую
Проведёмте ...»*

И голоса парней и «дев молодых» сливались в один бурный поток счастья и радости.

И дальше шли песни: «Во лузях», плясовая - «Ах, вы сени мои, сени ...» «Калинка», «Не велят Маше за реченьку ходить...», «По улице мостовой!», «Вдоль по улице широкой молодой кузнец идёт», «За морем синичка не пышно жила», «Вдоль по Питерской...», «Как на матушке, на Неве-реке», По улице мостовой шла девица за водой», «Дуня – тонко-пряха...», «Ты взойди, солнце красное...», старинная «Крамбамбули отцов наследства», любовная:

*«Ты причаль, моя рыбацка,
Лёгкий к берегу челнок,
Подойди и дай мне ручку,
Сядь со мною на песок.*

*Если ножка не обута
В твой прелестный башмачок,
Ты не бойся ветра буйна –
Перейдёшь через поток.*

*И на грудь склони головку
И не бойся так меня
Ведь без страха же вверяла
Морю бурному себя».*

При этом вспоминалась горьковская «Мальва». Пели бурную молодежную:

*Заложу я тройку борзых
Тёмно-карих лошадей
И помчусь я в ночь морозную
Прямо к Любушке моей.*

*Гей вы, други молодые,
Мчитесь сокола быстрей,
Не теряйте дни золотые
Их немного в жизни сей.*

*Пока в груди сердце бьётся,
Будем весело мы жить,
Пока кудри в кольца вьются
Будем девушек любить.*

Припев: Гей, вы ...

*Ночь была темна, морозна,
Ямщик тройку осадил
С поцелуем жарким, нежным
В сани деву посадил
И, махнув кнутом по тройке,
Громко песню он запел:*

Припев: Гей, вы ...

Пели песни с играми:

а) *«Как у дяди Трифона Было семеро детей,
Они не пили, не ели,
Друг на друга все смотрели,
Разом делали вот так»*

И дальше следовала загаданная шуточная фигура. Если кто не успевал её выполнить, тот объявлялся Трифоном,

б) *«Уж я золото хорошо, хорошо,
Чисто серебро хорошо, хорошо*

*Гадай, гадай, девица,
Разгадай, красавица!
Где твой перстень,
Где твой золотой...»*

в) *«А мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли,
А мы просо вытопчем, вытопчем*

Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем» исполнялась путём схождения и расхождения двух колонн играющих. Эта песня исполняется в опере Римского-Корсакова «Майская ночь».

Пели украинские песни: «Дощик», «Баламуты» и «Засвистали казаченьки» с запевами.

Пели песню от времён борьбы за освобождение славян от турецкого ига: «Гей, славяне, ещё ваша речь свободно льётся». Это не полный список нашего песенного репертуара.

Репертуар моего пения, которое я условно назвал громко академическим, потому что песни исполнялись по нотам в составе *trio* и дуэтов, а состоял он преимущественно из произведений классиков музыкального искусства, которые были помещены в сборнике Карасёва, популярном в наши юные годы, а частично в него вошли записанные мною в мою нотную тетрадь песни из таких же тетрадей у моих товарищей по классу.

Из последних наиболее популярными были:

а) *«Ах, ты, ночка, ноченька,
Ах, ты, ночка тёмная!
Отчего ты с вечера до глубокой полночи
Не сияешь звёздами, не сверкаешь месяцем,
Всё темнеешь тучами.
И с тобой, знать, ноченька,
Грусть – злодейка сведалась».*

б) *«Что ты склонилась, зелёная ивушка
Что так уныло глядишь,
Или о горе моём ты проведала –
Вместе со мною грустишь.
Шепчутся листья твои серебристые,*

*Шепчутся с чистой водой
Не обо мне ли тот шопот таинственный
Вы завели меж собой.*

*Знать не укрылася дума,
Гнетущая чёрная дума от вас
Вы разгадали, о чём эти жгучие
Слёзы лилися из глав.*

*В шопоте вашем я слышу участие,
Мне вам отрадно внимать.
Только природе страданья незримые
Духа дано врачевать».*

«Похороны рабочего».

*«Слышишь! В селе за рекою
Тихо разносится звон погребальный».*

Это идут похороны «апостола труда и терпенья» рабочего. Стихотворение, помнится, принадлежит Надсону и имеет специфический оттенок надсоновского пессимизма, сдобренного известной долей сентиментализма.

«Вакхическая песня».

*«Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте,
Осушайте в рюмках дно!»*

В отличие от «Вакхической песни» А. С. Пушкина «Что смолкнул веселия глас» и классической песни Горация «Теперь нужно петь и танцевать, как на празднике» песня изобилует предложениями и панегириком в честь вина и заканчивается призывом:

*«Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нём любовь,
Как вино искрится в чаше
Озаряемо луной».*

В оригинальной форме положен на музыку русский алфавит: а, бэ, вэ, гэ и т. д.

В этой же тетради у меня записан был «Интернационал» для концертного пополнения, «Варшавянка» и «Отречёмся от старого мира» - память о революции 1905 г.

Пение по сборнику Карасёва.

Я не помню, откуда появился у нас этот сборник, но хорошо запомнил наружный вид этой книжки. Была она сильно потрёпана, обшарпана, углы у ней были загнуты и обломаны. По всему было видно, что она была в «работе». В сборнике были хоровые номера из опер, отдельные музыкальные произведения в форме дуэтов и трио. Для меня эти ноты были первой

ступенью к овладению светской музыкой, причём в лучших её образцах. Счастливым случаем для меня при этом было то, что в числе наших сельских певцов - «артистов» был один из тобольских семинаристов, обладатель красивого баритона и тоже увлечённый пением и имевший навык «ходить по нотам».

При исполнении дуэтов мы составляли с ним неплохой ансамбль а при исполнении трио к нам присоединялся кто-либо из рядовых певцов на вторую роль – второго тенора. Трудно указать на то, что мы особенно любили петь, но начинали обыкновенно с гимна в честь Днепра из оперы «Аскольдова могила» Верстовского. К нам присоединялись иногда и наши отцы, когда-то в семинарские годы тоже увлекавшиеся этой оперой, и получался величественный хорал в честь красавца Днепра:

*«Гой ты, Днепр, ли мой широкий,
Лейся быстрою волной,
Днепр широкий и глубокий,
Ты кормилец мой родной.
Ну-те, братцы, поскорее
Раскидайте невода.
Мы при помощи Перуна
Лодку рыбой нагрузим
И наловим на продажу
Серебристых осетров.*

*Я забыл свою кручину
На волнах твоих седых,
Горемыку-сиротину
Ты баюкаешь на них
Ну-те, братцы ...»*

Мы пели восторженно, а нам представлялась картина Днепра, нарисованная Н. В. Гоголем: «Чуден Днепр при тихой погоде...» и т. д. В связи с этим вспоминали и песенку Торопа из этой оперы:

*«Заходили чарочки по столику,
Заплясали молодцы по горенке
Ой, жги, жги говори, говори, договаривай
Старики седые в присядку пошли,
А старушки подрумянились
Ой, жги, жги ...»*

Пели и «В старину живали деды» из оперы «Руслан и Людмила» М. И. Глинки:

*«Не проснётся птичка утром,
Если солнце не увидит,
Не проснётся, не очнётся,
Звонкой песней не зальётся» и т. д.*

Из оперы «Рогнеда» Серова пели песню пилигримов:

*«Во Иордан-реке мы от грехов омылись,
Господень гроб сподобились узреть,
Святым местам усредно поклонились,
Теперь спокойно можем умереть.
Благословен Господь отныне и довеку
Да просветится Русская земля...»*

Пели величественный гимн князю киевскому Владимиру: «Древле-престольного Киева Князю Владимиру слава!»

*«После бурной запевки в гимне пелось протяжно:
Девять веков миновало,
В пене десятой волны,
Щит нашей веры надёжен,
Крепок завет старины...»*

Пели о русской «стороне-сторонке»:

*«Сторона-ль, сторонка,
Сторона-ль родная,
Тёмными лесами
Поросла, покрылась,
Ты, страна родная...»*

Из произведений А. С. Даргомыжского пели величественное в этическом стиле «На севере диком», в драматическом стиле - «Ночевала тучка золотая» и лирическое - «По волнам спокойным».

Пели песни про Явора, «Мой сын, зачем спешишь ты в лес» и Мендельсона-Бартольди - «Скоро, увы, проходят дни счастья...»

Из источников, которые питали моё увлечение пением и вообще музыкой, но шли не по магистральной линии, а по боковым линиям, я должен отметить следующие:

а) Шарманку, которую иногда третировали, как затасканный пошловатый инструмент, но которой отдал честь А. И. Куприн в рассказе «Белый пудель». Когда я учился в Камышловском духовном училище, то иногда шарманщик с попугаем подходил к нашему общежитию, и проигрывал заунывные: «Ах, зачем эта ночь так была хороша! Не болела бы грудь, не болела душа. Полюбил я её, полюбил горячо, а она на меня смотрит так холодно. Звуки вальса неслись...» или: «Зажигай-ка ты, мать, лампадыку: скоро, скоро я умру. С белым светом я прощаюсь...»

б) Граммофон. Любопытно, что моё первое знакомство с этим, изобретённым в самом начале 20-го века, инструментом состоялось в Тече в 1903 г. Теченский купчик А. Л. Новиков привёз его с Нижегородской ярмарки. Хорошо помню, что в числе пластинок, которые купил Новиков, были: а) арии - «Прости, небесное создание» из оперы «Пиковая дама» в исполнении солиста его императорского величества Н. Н. Фигнера и б)

«Чуют правду» из оперы «Жизнь за царя» в исполнении Бухтоярова.²³⁰⁵ Из народных песен: а) «Ах, сегодня день ненастный» и б) «Шла я Маша». Позднее несколько в семинарии я слушал: «Как король шёл на войну» в исполнении Ф. И. Шаляпина и «Невольню к этим грустным берегам» («Русалка» А. С. Даргомыжского) в исполнении Налбадяна. Интересно, что в числе пластинок была одна, на которой было напето: «Тебе поем» - трио. В 1907 г., когда я состоял воспитателем в доме пермского городского ветеринарного врача В. И. Ракшинского, я слушал романс Блейхмана «Уста мои молчат» в исполнении Камионского²³⁰⁶ (Киевская опера) и отрывка из оперы «Риголетто» в исполнении тенора Иванова. Кое-что из произведений, прослушанных мною через граммофон, вошло потом в мой певческий репертуар, например: «Невольню к этим грустным берегам» и «Уста мои молчат».

в) Народное пение.

Детство моё проходило в деревне, и мне иногда приходилось слушать народное пение. По условиям своего детского развития мне больше приходилось слушать народное пение в церкви во время богослужения и очень мало в быту. В последнем случае я слушал пение подёнщиков-мужчин и женщин – во время страды, что было при близком соприкосновении с представителями народных масс. Считалось, что когда подёнщики возвращались под вечер с работы, то они должны с песнями въехать на двор хозяина и этим оказать ему честь. К сожалению, эти песни мне пришлось слушать в моём раннем детстве, и у меня в памяти сохранились лишь жалкие отрывки их, например, из одной песни: «Нейдёт, нейдёт мой ненаглядный, нейдёт – не любит он меня». Я хорошо запомнил мотив песни и звучание голосов, особенно женских. Я слышал, как мой брат Иван иногда напевал песенку: «Огонёк черкел да дров подкладывал», в которой рассказывалось о раздумьях пахаря в поле у костра. Теперь я не могу себе простить, что уже в юности, когда мне приходилось бывать в Тече на каникулах, а тем более когда был студентом, я упустил возможность активно вмешаться в этом отношении в народную среду и собрать песни, красота мотивов которых доносилась до моего слуха иногда издали во время праздничных гуляний или при возвращении с работы, о чём сказано выше.

Участие в церковном пении отдельных певцов из народа имело своеобразный колорит, причём среди певцов были на славе отдельные певцы - «соловьи», увлечённые этим искусством. Из мужчин певцов на славе был Александр Степанович Суханов, обладатель лирического тенора. Он становился всегда около клироса и пел вдохновенно. Из женских голосов на славе была Катерина Ивановна, «спасённая душа», обладательница сопрано. Она становилась всегда около одной из колонн, в тени, и подпевала только

---

²³⁰⁵ Бухтояров Дмитрий Иванович (1866-1918) – артист оперы (бас-кантанте), режиссер и педагог.

²³⁰⁶ Камионский Оскар Исаевич (1869-1917) – прусский оперный и камерный певец (лирический баритон) и музыкальный педагог.

тогда, когда общее пение, а это бывало во время Великого поста после вечерни в воскресные дни. Церемония эта проводилась следующим образом: настоятель церкви, протоиерей Владимир Бирюков становился перед амвоном и запевал все песнопения богослужений, а присутствующие подхватывали, и голоса их сливались в один хор. В этом хоре выделялся голос Катерины Ивановны. Она пела с увлечением, особенно, когда исполнялось великопостное «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». Она «заливалась», и в голосе её слышались скорбь и покаяние в грехах.

В обычные дни любимым песнопением, в котором принимали участие все, было «запричастное» «О, Всепетая Мати». Дьячок запевал, а хор подхватывал: «Родшая всех святых Святейшее Слово» и «Нынешнее приемши приношение». В этом случае голоса Александра Степановича Суханова (тенор) и Катерины Ивановны (сопрано) соревновались в силе и звучности.

На Пасхе во время ночного богослужения в первый день праздника на клиросе собиралась целая группа любителей пения. В церкви пахло овчинами, ладаном и от сосновых ветвей, разбросанных по полу. Было жарко от горящих свечей и множества людей. Хор то и дело пел «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Пение было восторженным, особенно когда распевали антифоны. Запевали Нюнька и Тима Казанцев: «Горы ливанские ребра северова, Град царя великого», а хор подхватывал: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас». Запевалы пели с книгой в руках, причём Тима даже отмечал такты кивком головы, как регент. Картина получалась умилительная, достойная кисти художника.

В Сугояке псаломщик Базилевский научил петь «Милость мира» хором, которое пели все. Это «Милость мира» и получи- ло название «сугоякского».

г) Детский хор.

Этот хор создан был из школьников в Сугояке Марией Владимировной Игнатъевой. В моей памяти сохранилась картина репетиции этого хора для выступления на школьной ёлке. Пели под аккомпанемент фисгармонии протяжную песню из свадебных обрядов «В чистом поле, за рекой, светит месяц. Ай, люли, ай, люли ... золотой...» Трогательная картина и впечатляющая.

Этот же хор пел и в церкви по партесной линии. Репертуар его напомнил мне о моём пении в духовном училище.

д) Канты.

Во время моего учения в семинарии у нас был кружок исполнителей кантов, «духовных стихов», положенных на ноты. Например, пели кант: «Когда угодно было Богу, на смерть родиться бедняком. Он пролагал себе дорогу ... терпением и трудом». Рефреном были слова: «И никогда не унывай!».

Говорили, что канты эти положены были на ноты пермским архиереем Петром и изданы литографским способом. Для меня участие в исполнении их имело познавательное значение, как об одной оригинальной форме пения.

е) Художественное чтение былин.

Это мне удалось прослушать тоже во время учения в семинарии, когда приглашён был один сказитель былин, артист своего дела. В его исполнении речитатив соединялся с некоторым подобием пения. Это вызывало большое художественное впечатление.

ж) Колокольный звон.

У кого-нибудь возникнет вопрос: какое этот звон имеет отношение к пению и вообще к музыке? Нужно на это ответить: прямое отношение. Вот доказательства к этому. В Тече на церковной колокольне было повешено восемь колоколов, которые издавали звуки согласованного ансамбля музыкантов. На южной стороне звонницы было четыре малых колокола разной величины последовательно увеличивающихся, на восточной стороне – два, на северной стороне – один и на западной – один самый большой. Все эти колокола тоже расположены были в порядке увеличения по объёму и издавали звук, возрастающий по густоте звучания. Можно сказать, что в целом колокола по звучанию построены были в порядке гаммы. Это было заслугой настоятеля церкви, протоиерея Владимира Бирюкова, уроженца Каслинского завода, где эти колокола отливались, благодаря чему он и был знатоком отливки колоколов. Звонарь для звона поднимался на квадратный ящик – возвышение и впрягался в целую систему верёвок, связывающих его с колоколами: в руки брал верёвки от четырёх малых колоколов, на левую руку надевал две верёвки от колоколов, расположенных на восточной стороне, к ноге подвязывал верёвку от колокола на северной стороне, а ногу ставил на верёвку от большого колокола. При звоне, человек, взявшийся за это дело, представлял фигуру, ходящую вращающуюся на помосте.

В Тече были два мастера звона, в самом полном значении два артиста этого дела: кузнец Иван Степанович Кузнецов и беднячок – землерой Андрей Михайлович Южак. Первый был больше лириком, а второй – сторонником бравурной музыки, драматизированной. Иван Степанович звонил обычно в большие праздники, причём в таком порядке: начинал с самого маленького колокола, потом через особый манёвр переходил ко второму и т. д. После этого переходил на звон «во вся», причём то спускался на *piano* так, что колокола рассказывали как-бы какую-то сказку – сагу, то последовательно *crescendo* поднимался к *forte*, и тогда колокола рвали воздух и звон далеко уносился в окрестность села. Я слышу ещё и сейчас музыку Теченского звона.

В марте 1904 г. я слушал в Тече последний раз вечерний звон – заунывный и вызывающий на раздумья. Я ощутил при этом психологию автора «Вечернего звона», Ивана Ивановича Козлова до тонкости, идентичной с моей психологией. День клонился к вечеру, люди с разных улиц медленно стекали к церкви, а звон разносился томительно и грустно,

как при похоронах, подчёркивая слова поэта: «Уже не зреть мне светлых дней весны обманчивой моей» и: «певец другой по ней пройдет, и уж не я, а будет он в раздумьи петь – «Вечерний звон».

6-го июня 1909 г. я закончил учение в Пермской духовной семинарии в возрасте 22 лет. Эта дата в моём сознании отложилась рубежом в двух отношениях: с одной стороны как окончание мною среднего образования, а, с другой стороны, как момент расставания моего, правда с некоторым опозданием, с моей юностью. Я бросил обратный взгляд на свою юность чтобы ответить себе на вопрос: как же прошла моя юность.

Я перебрал все отдельные стороны всего пережитого за это время: и того, что питало мой ум-разум, и того, что питало мои чувства, эмоции, чтобы дать себе отчётливый ответ на свой вопрос. Перебрал стороны быта за это время и т. д. Я должен был отметить иногда ненужную нагрузку на мою память, туманные и путанные идеи, которые прививались мне.

Я не мог не отметить мрачные стороны быта за это время, но всё это тускнело перед тем богатством эмоций, увлечений пением, музыкой, что наполняли мою душу. Да, я жил в мире этих чувств, хотя сам ещё не включился активно в этот мир. Я считал, что я только подошёл к тому, что мной владело с детства – стать певцом. С этой мыслью я и перешёл в следующую стадию своей жизни – в пору возмужания. Я оказался на распутье, но не имел возможности выбора будущего по своему желанию за отсутствием средств и поступил учиться в духовную академию, где представлялась возможность учиться на «казённый счет», но в душе имел намерение продвигаться к своей идее – стать певцом, так сказать, окольным путём. Что из этого получилось об этом будет речь ниже.

С 1-го сентября 1909 г. я стал студентом Казанской духовной академии. Условия моего обучения по сравнению с условиями в семинарии в корне изменились: системой обучения стали лекции, а непосредственная встреча с лекторами была только в конце учебного года на экзаменах. Посещение лекций никем не контролировалось, и можно было планировать своё время в течение дня по собственному усмотрению. Изменились также условия быта: у студентов были отдельные рабочие комнаты на 3-4-х человек. Для меня самой привлекательной комнатой была комната для приёма студентами посетителей – гостей, в которой стоял рояль для общего пользования, диван и мебель типа гостиной комнаты. На стенах были развешены фотокарточки всех выпусков, и поэтому эту комнату образно называли пантеоном. Я нашел себе аккомпаниатора из студентов, и впервые в жизни стал пробовать свои силы в пении под аккомпанемент. Сразу я почувствовал, что для меня не прошла бесследно болезнь лёгких весной 1908 г. – острый бронхит, от которого я с трудом отделался через лечение кумысом: голос мой утратил прежнюю силу, а дыхание стало затруднять пение. Некоторое время я не мог овладеть ритмом; мне всё казалось, что я должен быть слепым подчинённым аккомпанементу, закованным им в тиски. Со временем я научился «дружить» с ритмом аккомпанементу.

Для меня было ясно, что мне нужно пройти школу по постановке голоса, и я, собрав свои гроши, поступил на обучение по постановке голоса к артистке Марии Ульяновне Янишевской-Елецкой, которая в числе достоинств моего голоса указала на определившийся уже тембр. Артистка отметила, однако, вредную привычку у меня сжимать звук. Артистка объяснила мне технику постановки звука, и начались мои упражнения – вокализы и пение по «конконам». Увы! Через три месяца мой кошелёк оказался пустым, и я вынужден был объявить о своём банкротстве. Артистка делала намёк, что она согласна заниматься бесплатно, но какой-то внутренний голос подсказал мне избежать этих «бесплатных занятий», и на этом мои «университеты», а точнее - «консерватории» закончились навсегда. Бедность – это, конечно, не порок, если судить о ней с точки зрения морали личности, но зло, если оценивать её с позиции общественного строя. Я понял, что мне суждено заниматься пением «без руля и без ветрил», но, как говорится, «охота пуще неволи», и я поплыл по «воле воли». Прежде всего, я вооружился нотами на все те музыкальные произведения, которые коснулись моего уха с живого голоса или через граммофон и остались в моей памяти как следы пережитых эмоций.

Что же из себя представляло мое пение? Голое подражание? Нет! Уже потому не голое подражание, что пел я произведения, исполняемые разными голосами и в разных жанрах, но на моей интерпретации конечно сказывалась известная доля подражания, неизбежного в силу внушения; честно: я пытался в меру своих сил тоже «творить».

Самым любимым моим романсом был «Новгород» Дютша.²³⁰⁷ В нём я находил чудесное сочетание величественного эпоса – рассказ о падении новгородской вольности, и, овеянное лирикой, изображение исторического события. Меня увлекало в романсе чередование *forte* и *piano*, особенно в конце романса: «Путник тихо внемлет плеску синих волн и опять задремлет, тайной думы полн». Я напрягал все свои усилия на то, чтобы придать своему голосу звучность и выразительность при исполнении этих слов, близких к речитативу.

Я был очарован балладой Калининкова²³⁰⁸ «На старом кургане», где эпическое спокойствие вначале произведения переходит в экспрессивное: «И грудь он с досады ногтями терзает, и каплями кровь из груди вытекает», а в конце опять изображается величественная картина: «Летят в синеве облака, а степь широка, широка» с выразительной форматой на «ро» в последнем слове.

Мне нравилось петь: «Реквием» Корнилова, «Ах, ты, солнце, солнце красное» Слонова, «Реквием» Черепнина.

---

²³⁰⁷ Дютш Оттон Иванович (1825-1863) – русский композитор, дирижёр.

²³⁰⁸ Калининков Василий Сергеевич (1866-1901) – русский композитор.

Из колыбельных песен мне больше всего нравились: Гречанинова²³⁰⁹ «Спи, малютка мой прекрасный...» и Корнилова «Спи, моя девочка, спи, моя милая, в сладких объятьях весны». В первой мне больше всего понравился спокойный тон, а во второй – наоборот бурный: «Время придёт, ураганы могучие грозно тревогу забьют» и «всё же теперь непогода суровая гневно не пенит волны» И переход к лирической концовке: «Спи, моя девочка, спи, моя милая, в сладких объятьях весны».

Я пел романсы Денца и «Колыбельную» Годара из оперы «Жоселен», но, откровенно говоря, мне не нравились их слащавость, а у Годара к тому же одобренная религиозным мотивом.

В мой репертуар входили: М. И. Глинки «Северная звезда», «Жаворонок», «Век юный, прелестный», Шуберта «Серенада», «Приют», «Утренняя серенада», «К востоку, все к востоку», Длусского²³¹⁰ «Спой мне, родимая, песню», Балабанова «В тени задумчивого сада», Блейхмана «Уста мои молчат», Гурилёва «Вьётся ласточка сизокрылая», Варламова «Красный сарафан», Пригожий²³¹¹ - «Кари глазки». Из дуэтов: Вильбоа - «Моряки», Гроздский - «Крики чайки», «Это недавно так было», «Не шуми ты, рожь», Булахов²³¹² - «Тихо вечер догорает».

Моим присяжным аккомпаниатором был студент Кочергин, а наши «концерты» проходили в указанной выше приёмной студенческой комнате. Эта комната была расположена вдали от студенческих студий против квартиры одинокого помощника инспектора. Никто нам не мешал, и мы никому не мешали. Сколько здесь было перепето по вечерам – никто не учитывал: пелось вволю и безотказно. Здесь я и «творил»: пел одно и тоже произведение по частям раз, два, три, повторял в целом, чтобы добиться того, что рисовалось моему воображению в виде законченного исполнения, терпел поражение и редко-редко уходил с «концерта» довольный своим пением. Чаще всего недоволен был своим дыханием, которое часто было недостаточным. Неизменно, однако, доволен был тем, что пел без слушателей – один в тиши вечеров.

В результате постигшей меня неудачи в постановке голоса, у меня выработался рефлекс торможения: я избегал выступлений для кого-то «постороннего» и нарушал этот наложенный на себя «пост» в редких случаях. Выступал, например, на ёлках, которые студенты устраивали ежегодно на Рождестве для детей обслуживающего академией низшего технического персонала, и очень редко в частных домах профессоров высших казанских учебных заведений, в семьях, где имелись невесты, иногда

---

²³⁰⁹ Гречанинов Александр Тихонович (1864-1956) – русский композитор. Заслуженный артист РСФСР (1925).

²³¹⁰ Длусский Эразм Яковлевич (1857-1923) – российский и польский композитор, пианист, педагог.

²³¹¹ Пригожий Яков Фёдорович (1840-1920) – российский пианист, дирижёр, композитор. Руководитель русских и цыганских хоров, автор романсов.

²³¹² Булахов Пётр Петрович (1822-1885) – русский композитор, автор романсов.

«заматеревшие во днех своих», для услаждения которых и приглашались студенты – певцы и музыканты. Наше положение – положение студентов академии в смысле опасности попасть в сети, было защищено бронёй устава, одна статья которого гласила, что жениться студентам запрещено до окончания курса, и они могли быть только потенциальными женихами, женихами «на завтра», а не на «сегодня», а это: не синица в рукавице, а сокол в небесах. Я пел на этих вечеринках, но, по всем признакам, без интереса к моей личности, потому что был только на первом курсе, а в этом случае – какой же я жених. Был, правда, один случай, когда я выступал, учась на четвёртом курсе, т. е., так сказать, как без пяти минут жених, но я был в созвездии других, более счастливых, женихов и не привлёк на себя внимание, тем более, что выступал со своими балладами, а те жгли романсами, в которых было: «И буду тебя я ласкать, обнимать, целовать» или: «и больно, и сладко», а что - «чтый, да разумеет». Пели это люди в мундирах, а слушали девушки из Казанского родионовского института благородных девиц. Нет, я не обижался на то, что оказался в этом случае где-то на задах.

В июне 1910 г., когда я ехал на летние каникулы на пароходе из Казани до Перми, неожиданно для себя самого я дебютировал в салоне парохода в «концерте». Я имел неосторожность вечером первого дня своего путешествия подсесть к пианино для разучивания романса Денца «Вернись», был буквально схвачен на месте «преступления» скучающими дамами и подвергнут настойчивым просьбам спеть. И вот... соблазн был велик, и решился старик ... Я пел две первые половины романса, с которыми был знаком раньше. Лиха беда начать, а дальше ... пой, пой, и я пел одно и тоже два вечера. Это и был первый случай в моей жизни выступления на «общественной арене» с «концертом». Помнится, что было что-то похожее на успех.

Летом, в августе того же года я попал ещё в более сильный «переплёт», когда гостил у брата в г. Слободском б[ывшей] Вятской губернии. Мне посчастливилось с аккомпаниатором. Им оказался ученик брата, реалист, который оказался довольно подготовленным для аккомпанирования мне. Я пел много и с удовлетворением своими успехами, что со мной было очень редко. Вот в такой момент меня и «сосватали» выступить на студенческом вечере-концерте. Я согласился, сознавая, что поторопился, погорячился, но отказываться было уже поздно. На вечере я пел два романса: «Вьётся ласточка сизокрылая» Гурилёва и Блейхмана - «Уста мои молчат», а перед этим ещё дуэт с одной девушкой Вильбоа «Моряки». Концерт проходил в клубе, в деревянном здании, с очень плохими акустическими данными. Было многолюдно, душно, и петь было очень трудно. Моим последним номером был романс Блейхмана, очень эффектный, но трудный для исполнения, требующий крепкого дыхания. В финале романса предлагалось двоякое решение одного выражения: на высокой ноте, что много эффектнее, и на низкой ноте.

«Уста мои молчат,

*В тоске немой и жгучей,
Я не могу – мне тяжело говорить.
Расскажет пусть тебе аккорд моих созвучий,
Как хочется мне верить и любить.
Мне верить хочется, что этих глаз сиянье
Не омрачит гроза житейских бурь,
Что вечно будет их могучее обаянье,
Прелестное, как вешняя лазурь.
Мне хочется любви неясной, как мечтанья
Нетронутых и девственных сердец.
Мне хочется любить в тебе венец созданья,
Земной красоты чистейший образец».*

Я обычно пел по первому варианту и заканчивал романс с большим эффектом, но на этот раз я уже «выдохся» и пропел по второму варианту. Я воспринял это как поражение и ушёл с концерта с тяжёлым настроением. Мне много аплодировали, но эти аплодисменты мне казались насмешкой. Мне потом передавали, что один ценитель моего пения так выразился о нём: «У него хороший голос, но он не умеет петь». Как видно, он понимал «ахиллесову пяту» моего пения, а именно – недостаток школы пения, что я сам, может быть, более, чем кто-либо другой, всегда сознавал.

Во время обучения в академии я временами посещал Казанский оперный театр. Студентам в театре продавались контрамарки на свободные места за 50 коп. Часто приходилось «восседать» в партере. Не было уже прежнего восторженного отношения к артистам, как это было в юности в Перми. Запомнились, однако, ведущие артисты оперы: Секар-Рожанский²³¹³ (тенор), которого считали создателем партии Садко в одноимённой опере Римского-Корсакова; Мозжухин²³¹⁴, коронной партией которого был Борис в опере «Борис Годунов» Мусоргского, Дружинин, Княгинин, Борина, известная мне по Перми, и другие.

Мне не удалось быть на концерте Ф. И. Шаляпина в 1911 г., но я был на концерте Л. В. Собинова в 1912 г. У меня осталось не совсем хорошее впечатление от этого концерта. Когда ждёшь послушать кого-либо из знаменитых, то вольно или невольно хочется услышать что-то особенное, особенный голос, но этого не случилось. Неприятное впечатление прежде всего произвело заявление организатора концерта перед выступлением артиста: «Господин Собинов просит снисхождения, потому что ему пришлось переправляться через Волгу во время ледохода (моста тогда ещё не было), и он перенёс нервное напряжение». Только в самом конце концерта (во втором отделении) он исполнил арии Лёвки из оперы «Майская ночь» Римского-Корсакова - «Спи, моя красавица», и Надира из «Искателей жемчуга» Бизе чудесно так, что привёл всех в восторг. Я до сих пор слышу блестящее

---

²³¹³ Секар-Рожанский Антон Владиславович (1863-1953) – русский оперный певец (тенор).

²³¹⁴ Мозжухин Иван Ильич (1889-1939) – русский актёр немого кино.

звучание его голоса и ему только одному присущее чарующее исполнение этих арий.

Я был всегда поклонником хорового пения. В Казани был на славе хор под руководством Ивана Семёновича Морева. Слава о нём шла широко по всему Поволжью. Мне приходилось несколько раз слышать этот хор по линии церковного пения, и я испытывал действительное восхищение этим хором и его исполнением песнопений. У И. С. Морева было неотъемлемое искусство подобрать ансамбль голосов, безупречное звучание голосов, лёгкость темпа и выразительность. Мне удалось слышать этот хор во время панихиды по поводу смерти одного знаменитого политического деятеля, причём мне запомнилось чудесное исполнение им «Покой, Спасе наш», известного под названием «киевского». Это было на самом деле проявлением удивительного мастерства исполнения: лёгкость, выразительность были доведены до совершенства. Однажды этот хор выступал в актовом зале академии по поводу юбилея М. В. Ломоносова в светском жанре с таким же успехом, который всегда сопутствовал его выступлению. В моей памяти сохранилось много хороших впечатлений о хоре И. С. Морева, которые вошли в общий баланс моих увлечений музыкой и пением.

В академии был однородный хор в составе: баса, баритона, теноров – первого и второго. После семинарского смешанного хора он показался мне однобоким и в какой-то степени неполноценным, но он имел свою прелесть, потому что в нём было несколько прекрасных голосов. В составе его был один студент, который учился в популярной в Казани музыкальной школе Генжиан. На славе были: Мотрохин, Миронов, только что упомянутый, и Эсливанов. Баритон Круглов прославился на всю Казань своим выступлением в концерте академического хора, в котором он исполнил *solo* «Ныне отпускаеши» под сопровождение хора. По окончании первого курса он ушёл учиться в консерваторию.

Студент Эсливанов под сопровождение хора исполнял «Благослови, душе моя, Господа».

Хор исполнял восьмиголосные произведения, а особенно эффектно концерт Бортнянского «Тебе Бога хвалим».

В городе были поклонники академического хора, часто посещавшие академическую церковь.

В моей памяти этот хор сохранился как своеобразный хор монастырского типа, имеющий свою красоту. Он ассоциировался у меня с хором жрецов в опере Верди «Аида», могучей и величественной. Репертуар хора расширил несколько моё знакомство с духовной музыкой: я больше нигде не слышал восьмиголосного пения, которое произвело на меня большое впечатление.

Летние каникулы в мои студенческие годы проходили в Тече уже в другой обстановке, чем раньше в годы «туманной юности». На сцену вышло другое, более юное поколение теченской молодежи, а я больше являлся созерцателем, чем участником жизни этого поколения. Для исполнения моих

романсов совсем не было условий: не было рояля, а фисгармония в Сугояке не могла заменить его; не было и аккомпаниатора. Пелось мало и чаще «всухую», т. е. без музыкального сопровождения.

Летом 1911 и 1912 гг. я принимал участие в хоре Верх-Теченского женского монастыря в его престольный праздник. Был даже солистом этого хора. Участие в этом хоре мне напоминало моё пение в хоре Камышловского духовного училища, а именно тем, что в хоре монашек на партиях басов и теноров были женские голоса, а в хоре «духовников» - детские голоса, близкие по тембру женским, хотя среди «духовников» иногда встречались «дети» 17-18 лет с пробивавшимися уже усами.

Меня интересовала (каюсь – мутил, вероятно, дьявол) бытовая сторона жизни монашек-хористок. Они пригласили меня на спевку перед обедней в одну из их келий. Я охотно принял это приглашение и утром в день праздника часов в семь отправился на спевку. Когда я проходил по двору с купами цветов, ко мне подбежала робко оглядываясь по сторонам, девушка-монашка и подала японскую розочку. Наконец, я подошёл к длинному каменному двухэтажному зданию, прошёл по длинному коридору и поднялся на второй этаж. Мне указали на комнату, где будет спевка. В просторной келье было 25-30 хористок. Среди них были женщины за тридцать лет – это были басы и тенора хора. Половину его составляли девушки 17-18 лет – это были дисканты и альты. Такое распределение по партиям я заметил, когда они построились для пения. Все хористки были в обычном домашнем облачении в сарафанах синего цвета из деревенского домотканного холста, надетых поверх белых сорочек. На головах у них были белые платочки из произведений фабрики Саввы Морозова. Я сразу же заметил, что платочки были подвязаны различно: у басов и теноров туго, так что выглядывали только лица, сухие, как на иконах византийского письма, а у дискантов и альтов – свободнее, так что лица были более открыты и из-под платков выглядывали чуть-чуть выпущенные букли волос. Женщины всегда остаются женщинами. Меня заинтересовали две девушки из дискантов. Одна была смуглянка, немного скуластая, с волосами черными, как ночь и глазами, как ягоды чёрной смородины после дождя. Мне по секрету сказали, что она – башкирка. Мне вспомнился рассказ Мамина-Сибиряка «Охонины брови». Другая девушка имела резко выраженный тип чистокровной арийки. У ней были русые волосы, правильные черты лица, серые глаза, обрамлённые длинными ресницами. Мне показалось, что она лучше одета, чем другие, и мне по секрету сказали, что она племянница игумении Эмилии и состоит у ней келейной послушницей. Она походила на сестру Беатрису на картине какого-то художника. Такой же я представлял возлюбленную Данте «Беатриче». В комнате было чисто; на полу лежали половички из суровых ниток, сотканые под серпинку; стояли два-три комода и некое подобие дивана. На комодах были коврики, связанные хозяйками, кое-что из принадлежностей альбомного типа – карточки, тут же зеркала: женщины всегда есть женщины. На стенах картинки на библейские темы: «Притча о

блудном сыне», «О мытаре и фарисее» и др. На окнах стояли горшочки с геранью. Воздух был пропитан смесью аромата от герани и ароматных свечек, известных под названием «монашки».

В перерывы между пением завязывалась беседа. Они знали, что я учился в духовной академии, и знали о том, что архиереи тоже бывают выходцами из духовных академий после пострижения в монахи. И они меня спрашивали, буду ли я архиереем. Этот чин им представлялся, очевидно, самым заманчивым. Я сказал, что в монахи я не собираюсь и заметил в глазах моих хористок подтверждение моего намерения, одобрения. Я опять-таки понял, что женщины всегда есть женщины, даже монашки. Одобрение я заметил и в глазах племянницы игумени Эмилии – Настеньки.

В юные годы я увлекался чтением произведений Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», и мне казалось, что когда у меня с монашками-хористками происходила беседа на житейские темы, выйдет вдруг из среды них Алёнушка, так красочно описанная Мельниковым-Печерским, зальётся весёлой песней, и мои хористки пойдут в пляс. Каюсь опять-таки: это внушил мне, вероятно, бес.

Этих же хористок, одетых в черные платья типа поповских ряс, в чёрных клобуках на головах, с кисейными пелеринами, развеянными по спине и плечам, я увидел на хорах. Боже мой! Это были другие люди. Что было у них на душе?! Как бы я хотел проникнуть в душу Настеньки и той башкирки – как они себя чувствуют в этой мрачной обстановке.

В 1923 г. мы встретили Настеньку в с[еле] Полевском около Шадринска, а немного раньше я встретил в Шадринске игуменью Эмилию. Она мне сказала, что Настенька во время войны 1914-1917 гг. была взята в армию в сёстры милосердия, потеряла «святость», «омирщилась». *Sic transit gloria mundi!*

В июле 1912 г. я был в Верх-Тече на концерте пермских семинаристов. Концерт был устроен в волостном правлении села. Вот его программа:

1. Романс Тальяfico «Давно малиновки звенят» - *solo* Медведев, рояль – Богомолов.

2. Серенада Речкулова «Вновь я здесь перед тобой» - *solo* Топорков, рояль Богомолов.

3. Трио «Белеет парус одинокий». Муз[ыка] Корнилова – Медведев, Топорков, Олесов, рояль – Богомолов.

4. Дуэт – народная несня «Ах, сегодня день ненастный» - Медведев, Олесов, рояль – Богомолов.

5. Рояль *solo* «Песни без слов» Мендельсона-Бартольди – Богомолов.

6. Дуэт на скрипке и балалайке – народные песни – Боголепов и Игнатъев Н.

Все исполнители были учениками М. М. Щеглова и казалось что он невидимо присутствовал на этом концерте. Концерт был проведён на высоком художественном уровне. Я должен был констатировать, насколько

далеко пермские семинаристы ушли вперёд в искусстве пения, а особенно в музыке по сравнению с тем, что было во время моего учения в семинарии.

В начале июня 1913 г. я окончил академию и в августе получил назначение на работу преподавателем литературы и русского языка в Бугурусланском реальном училище б[ывшей] Самарской губернии. 15 сентября я приступил к работе.

Я почувствовал себя оторванным от обычной атмосферы пения, которая меня раньше окружала и была привычной для меня. Как только что начинающий педагогическую работу я, кроме того, загружен был по горло ею, и было не до пения. Только на одном ученическом вечере я принял участие в исполнении трио - «Ночевала тучка золотая» Даргомыжского. Голодный паёк! В реальном училище в числе предметов преподавания было пение – это был предмет преподавания, но не было души, увлечения. Не было увлечения пением и у моих товарищей по работе. Пели, правда, но какой же бедный был у них репертуар: «Белой акации» - нудное брюзжание и «Гай-да тройка». Нет! Меня не окружала привычная атмосфера пения, и год работы в реальном училище оставил в моей душе грустное сознание отрыва от привычной стихии пения.²³¹⁵

---

²³¹⁵ Автор очень кратко описывает пребывание в г. Бугуруслане и не упоминает ни о своей женьитьбе, ни о выступлении в церковном хоре.

Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «14-го сентября 1913 г. автор сего прибыл в г. Бугуруслан б[ывшей] Самарской губ[ернии] на работу преподавателем реального училища, и с этого времени пение и увлечение им отодвинулось на второй план: первый год работы педагогом был естественно тяжёлым, потому что приходилось много готовиться к урокам. Кроме того, преподавательская работа сама по себе была большой нагрузкой на голосовые связки, так что приходилось ограничивать себя в пении. Всё же принимал участие в одном из вечеров, организованных реальным училищем, а именно – в исполнении *trio* «Ночевала тучка золотая» Даргомыжского. Исполнителями были учителя: двое – С. И. Шиляев и автор сего из реального училища и учительница из женской гимназии, фамилию которой не помню. Этот вечер оказался роковым для автора сего: на нём именно состоялось близкое знакомство с преподавательницей немецкого яз[ыка] второй женской гимназии и реального уч[или]-ща города, принимавшей в ней участие в качестве хозяйки буфета – Иоанной-Луизой Фридриховной Зигер, знакомство, приведшее к семейной жизни. Отдана была дань и выступлению в церковном хоре: в великий четверг принял участие в исполнении *trio* в соборном хоре «Разбойника благоразумного» Воротникова.

В общем же что могла дать «для души» жизнь в провинциальном захолустье, художественно изображённом С. Т. Аксаковым в его романе «Детство Багрова-внука». Правда, в Гоголевской аудитории города выступала труппа артистки Дунаевой с драматическими спектаклями, а иногда и с концертами. Правда, в доме генерала-пенсионера Арнольда собирался небольшой кружок молодёжи – любителей музыки и пения, но после Казанской оперы, блестящего хора Ивана Семёновича Морева и, наконец, после концерта в Казани Леонида Витальевича Собинова – всё это было тусклым и примитивным. Естественным, поэтому, было стремление вырваться отсюда, из провинции, в более культурное место, и в августе 1914 г. состоялся переезд в Пермь на должность помощника инспектора семинарии // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 24-28.

В августе 1914 г. мы переехали в Пермь, где я был назначен помощником инспектора семинарии, которую я закончил в 1909 г. Увы! Я не узнал свою *alma mater*: она на три четверти превращена была в казармы и лазарет. Семинаристы предстали передо мной в новом виде: в форме, а не в сюртуках и тужурках разного цвета, как было раньше. Помолодели! Но по-прежнему пение было их стихией, культом. По-прежнему был смешанный хор, были солисты, но стиль исполнения был совершенно другой: по примеру архиерейского хора, где был регентом Чумаков, уклон был сделан в сторону «древлего» стиля, близкого к старообрядческому унисону. На славе были новые певцы: Медведев Еварест, Спасский [Сергей] и пр. По-прежнему семинаристы выступали на вечерах в женской гимназии Барбатенко. По-прежнему распевали полюбившиеся мелодии из опер, а на одном вечере исполнялся хор жрецов из «Аиды» Верди. Впервые я услышал в исполнении семинарского однородного хора фрагмент из «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова «Поднялася с полуночи дружинушка хрестьянская». Исполнено было на высоком уровне – вдохновенно и увлекательно. Новым было то, что исполнялись гимны – сербский и др. Во время моей работы в Пермской семинарии у меня была встреча с одним её учеником, очень оригинальным юношей. Он пел канты под аккомпанемент цымбала. Это был номер, который переносил в область отдалённого прошлого, ко времени гусяров. Его любимым кантом был кант о каменном горохе. В канте говорилось о слезах Богородицы, которые превращались в каменный горох. Рефреном были слова: «Только каменный горох».

Во время Великого поста в 1915 г. в зале женской гимназии был устроен духовный концерт, на котором выступали хоры: архиерейский, Богородицкой церкви, женской гимназии под управлением Тиме и учительской женской гимназии под управлением Словцова. Четыре хора, из которых два первые смешанные, а два последние однородные – женские, показали четыре стиля исполнения. Архиерейские хор под управление Михаила Васильевича Попова, когда-то регента семинарского хора, в пору его учения в последней показал высокий, строго выдержанный стиль духовного пения, а хор Богородицкой церкви под управлением Степанова блеснул голосами и сильным креном в сторону светского пения. Концерт получился своеобразным состязанием в певческом исполнении *a capella* единственным в своём роде.

За полтора года работы в семинарии я вновь погрузился в атмосферы переживаний юности, но увы! уже не было в ней прежних ярких красок юношеской романтики. Посещал оперный театр, но здесь именно больше всего чувствовалось что время сделало свое дело: юность осталась только в воспоминаниях.

В феврале 1916 г. я получил перевод в Слуцкое духовное училище Минской губернии. Я покидал свою *alma mater* с грустным чувством. Было грустно оттого, что так неудачно пришлось видеть её в скорбном виде, в положении, лишённом прежнего величия, и оттого, что под влиянием

ушедших от юности лет у меня уже не было прежнего романтического отношения к ней и, наконец, приходилось уезжать от неё куда-то далеко с мыслью, что, вероятно, уже не придётся видеть её в том виде, в каком она сохранилась в моей памяти.

Слуцкое духовное училище, как и другие учебные заведения в прифронтовой полосе, было эвакуировано вглубь страны, и занятия в нём не производились. Лишь со середины апреля 1916 г. военное командование разрешило открыть занятия для всех трёх духовных училищ Минской губернии – Минскому, Пинскому и Слуцкому в местечке Паричи Бобруйского уезда. Сюда я и выехал из Перми, а жена оставалась в Перми заканчивать учебный год в Пермской мужской гимназии, где преподавала немецкий язык. Расставание, следовательно, предполагалось на два с небольшим месяца. Это примерно после двух лет нашей семейной жизни.

Уже после г. Борисова, который был на железной дороге между Москвой и Минском, из окна вагона были видны окопы на случай дальнейшего отступления нашей армии. Чем ближе к Минску мы подъезжали, тем больше увеличивались признаки близости фронта, но, не доезжая до Минска, мне пришлось повернуть на Бобруйск, а дальше по Припяти на пароходе добраться до местечка Паричи. В Бобруйске я встретил одного из своих будущих сослуживцев по духовному училищу.²³¹⁶ В числе наших спутников оказался один болтливый, как видно, из «наших», а по профессии подрядчик по устройству окопов. Эти негоцианты из местных предприимчивых обывателей ворочали миллионами на постройке окопов, рубили леса почём зря. Болтун осведомился, кто мы и по какому поводу едем в Паричи, прежде всего, поставил нас в известность, что слёт в Паричи таких, как мы, т. е. учителей духовных училищ, уже в разгаре и что съехавшиеся оформились уже в «парочки» с учительницами и классными дамами Паричского окружного женского училища ведомства императрицы Марии Фёдоровны, задержавшимися здесь после только что закончившихся краткосрочных занятий. Болтун поведал нам об этом в тоне предупреждения, чтобы мы (моему спутнику было под пятьдесят лет) не вздумали расстраивать «парочки». Он, правда, не предупреждал о возможности «дуэли» в данном случае, но старался внушать словесно. Такова была прелюдия к нашим занятиям в Паричах.

Мы переночевали в какой-то грязной корчме такого типа, который существовал ещё во времена Н. В. Гоголя и описан им в «Тарасе Бульбе». За Припятью тянулась большая пойма, на которой только что закончена была постройка деревянного моста длиной два с лишним километра. От моста пахло ещё древесиной, и по нему движение было запрещено по всей его длине, а разрешались прогулки только на четверть километра. На этой трассе на другой день вечером я и наблюдал «парочки», о которых рассказывал наш болтливый спутник на пароходе. «Парочки» были и из молодёжи, и из

---

²³¹⁶ Автор имеет в виду Новицкого Ивана Александровича.

седовласых, в штатском одеянии, а одна с персоной духовного звания. По всему было видно, что прогулка по мосту для них была не первой, а уже привычной, традиционной – таков был спокойный вид этих «парочек».

Я был всецело занят новой обстановкой жизни. Здесь всё было для меня новым: природа, люди, их быт и пр. В первый раз в жизни я увидел здесь громадные деревья белой акации, пышные купы персидской сирени и жасминов. Вблизи местечка была дубовая роща, а по дороге к ней, что проходила мимо имения Набоковой, наследницы по майорату имения, принадлежавшего лицейскому другу А. С. Пушкина И. И. Пущину, в разных местах были кусты волоцких орехов. В имении была роща с липовой аллеей, сохранившаяся, очевидно, от времени, когда здесь жил И. И. Пущин, который отсюда и ездил в Михайловское навестить своего друга.

Училище, в которое мы приехали на занятия, было расположено у самого имения. В посёлке в разных местах были белые акации, и когда они цвели, аромат и прямо опьянял меня. Только здесь я зримо ощутил содержание романса «Белой акации гроздь душистые вновь аромата полны» и той части романса Кашеварова «Тишина», где говорится: «Из-за лип кружевных выплывает луна...»

За усадьбой училища находилась деревянная церковка с площадкой, обрамлённой серебристыми тополями, а за ней море приземистых деревянных строений, в которых обитали потомки Израиля, разные ремесленники, деятели мелкого гешефта, и иногда крупные его мастера. Все эти виды – и природы, и быта людей – воскрешали в моей памяти описания Н. В. Гоголем того края Российской империи, где мне пришлось быть впервые.

Люди, среди которых я оказался – учителя, обслуживающий технический персонал и т. д. были за исключением двух-трёх, украинцы и белорусы. С отдельными представителями из них мне приходилось встречаться в привычной мне среде и во время учения в академии и на работе в школе, но здесь, в своей специфической бытовой обстановке они предстали передо мной в новом виде. Это я скоро заметил, например, на том, что они пели преимущественно украинские песни, и пели так увлечённо, как мне не приходилось ещё слышать. Я был очарован их пением. Из русских песен, которые они пели, впервые я услышал песню «На заре туманной юности» для хора. Я испытал при этом редкое удовольствие. Но мне показалось куда хуже, чем у нас, на Урале, церковное пение мальчиков, а особенно бросался в глаза низкий уровень музыкального образования руководителей хором, который обслуживал нас во время наших учебных занятий.

Я ожидал приезда из Перми моей жены, и честно – у меня не было никакого желания «опариться», если бы к этому и представилась возможность. Я был доволен своим положением анахорета, и, как мне казалось, никому не приходило в голову, конечно, из дочерей Евы вывести меня из этого состояния. Я чувствовал себя защищённым бронёй свежего чувства к своей избраннице и сознанием долга, что нахожусь в «законе».

В середине июня ко мне приехала жена, и я как семьянин вышел из рамок своего анахоретского пребывания. До её приезда я жил в общежитии на общих для всех основаниях, а после приезда мы сняли квартиру в одном доме, хозяева которого эвакуировались вглубь страны. В квартире стоял раскрашенный беккеровский рояль, и я оказался во власти непреодолимого желания петь и петь. Уже прошло три года, как я расстался с пением под аккомпанемент рояля в академии. Был поистине, образно выражаясь, «пост» и петь хотелось с особенной силой.²³¹⁷ Нужен был аккомпаниатор, и мне прямо посчастливилось найти его. Среди эвакуированных обитателей Паричей оставалась небольшая группа не оформившихся в «парочки» сотрудниц Минского женского окружного имени императрицы Марии училища: начальницы его Краузе и две воспитательницы солидного уже возраста, из которых одна играла на рояле. Я теперь не помню, как произошло наше знакомство, но получилось так, что я часто пел под аккомпанемент рояля, пел увлечённо под влиянием роскошной природы, окружавшей меня. Я чувствовал приток сил и пел в меру проснувшегося желания, стараясь использовать все ресурсы своего голоса. Я теперь совсем не помню, как случилось, что в числе моих слушателей оказалась дочь управляющего именем Иосифа Сервачинского – Юличка Сервачинская, о беде, случившейся с которой, мне приходилось поведать в связи с моими «концертами». Дальше мне приходится воспользоваться дневником моего друга, Иосифа Флоровича Диолидовича, чтобы описать «беду» Юлички Сервачинской. Вот что он записал в своём дневнике.²³¹⁸

Юличка только что кончила Бобруйскую женскую гимназию. Ей было семнадцать лет, и она нигде ещё не работала. Редко можно встретить лицо и вообще вид человека, которые в такой степени лишены были привлекательности, как это было у Юлички. У неё были редкие волосы, пепельного цвета без блеска, воспалённые ресницы, слезящиеся глаза, румяный не в меру жирный, как это бывает у людей туберкулёзных, слабо развитый бюст. При этом природа наградила её повышенной склонностью к романтике, доходящей до экзальтации.

Я не помню, как, по какому поводу между мной и Юличкой завязалась беседа на литературную тему, помню только, что инициативу в этом случае

---

²³¹⁷ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Заветная нотная тетрадь, как бы отдыхавшая со времён академии, снова не сходила с рояля. Пелось вволю, и было нечто вроде удовлетворения своим пением: по крайней мере, тот голос, что обычно шептал: «не так, не так надо петь» - до некоторой степени приумолк» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 29.

²³¹⁸ Автор использует своеобразный литературный трюк с привлечением воображаемого дневника, приписываемого им реальному лицу – надзирателю Слуцкого духовного училища Иосифу Флоровича Диомидову, с искажением фамилии последнего. В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора эпизод знакомства с Юлией Сервачинской короткий.

проявила Юличка. Вероятнее всего это она сделала, осведомившись о том, что я по образованию и филолог, и работал преподавателем литературы в Бугурусланском реальном училище. Она была полька, и наш разговор начат был с польской литературы. Я ещё в юношеские годы увлекался чтением романов Генрика Сенкевича, а особенно его романами «Камо грядеши», и романами Иосифа Крашевского. Я восторженно рассказывал о произведениях этих писателей, а Юличка, очевидно, не желая остаться в долгу передо мной, также говорила мне о произведениях русских писателей. Во время беседы я придерживался тона, каким был самый благочестивый преподаватель литературы в каком-либо женском учебном заведении, раскрывал какую-либо литературную тему, тщательно избегая подогревать повышенную эмоциональность своей ученицы, памятуя, что мне под тридцать лет, а ей, моей слушательнице, семнадцать лет. Мне казалось, да так и на самом деле было, что Юличка очень хорошо поняла тон моих рассказов, что я учитель, а она ученица – не больше. Увы – случилось так, что она перешагнула через эту грань, сделав сильный крен в сторону эмоций, чего не должно было бы быть. Тут сказалось, очевидно, то, что женщины более склонны руководствоваться чувствами иногда в ущерб здравому смыслу. Юличка присутствовала на одном моём «концерте» и увидела меня в иной, не привычной для неё, форме певца, а не учителя. Я пел романсы. Романс есть романс. Как всякий исполнитель музыкального произведения для пения я подчинён был тексту его и музыкальному оформлению и, не будучи чурбаном, я вносил в исполнение часть своей души, своих переживаний. И вот... когда я пел, то время от времени бросал взор на Юличку и заметил, что с девушкой творится что-то неладное: то на лице её появлялось облачно сомнения и тревоги – признак разочарования, то просветление – разгадка чего-то неясного для неё. Когда мой «концерт» был закончен, и «публика» стала расходиться, Юличка конфиденциально, под сурдинку, заявила мне: «А Вы совсем не тот, кем я Вас считала раньше». И с этого момента, плутовка, всякий раз как наши руки соединялись при встрече или расставании, старалась крепче сжимать мою руку. Я понял, что с Юличкой случилась «беда», что вместо сухого педанта, каким я ей казался раньше, она открыла во мне человека с тонкой эмоциональной натурой. После этого она вела себя по отношению ко мне неосторожно и ставила меня в двусмысленное положение перед женой. Я был шокирован её отношением ко мне, и передо мной стал вопрос, где искать выхода из создавшегося положения. Принять позу Евгений Онегина и сказать: «учитесь властвовать собой» - по-человечески, мне было жаль огорчить её и так обиженную судьбой по части «достоинств» и «совершенств», о чём толковал Онегин Татьяне в роковую минуту встречи с ней в саду. Предстояло скорое расставание с ней ввиду переезда в Слуцк, и, как я думал, тогда само собой разрешится запутанное положение с отношением ко мне Юлички. Увы! Юличка пошла ещё дальше в своём отношении ко мне, в привязанности ко мне: она стала уговаривать сообщить ей из Слуцка мой адрес с явной целью

поддержать свои отношения ко мне письменно. Мне стоило больших трудов уговорить её не делать этого.

Настал день нашего отъезда из Паричей в Слуцк. Мы стояли на горке у пристани в ожидании посадки на пароход. Нас провожала Юличка. Наконец мы перешли на пароход и стояли на трапе и смотрели на Юличку, стоящую на горке. Тяжёлая минута расставания! Пароход тронулся, из трубы его вышел густой дым и скрыл от нас Юличку. Когда же он рассеялся, то было видно, что часть провожавших уже разошлась, но Юличка всё стояла на горке и махала белым платочком. Пароход удалялся и удалялся, и фигура Юлички становилась меньше и меньше, но можно было ещё различать, что она махала платочком. Наконец, пароход повернул влево за лесок, и фигура Юлички скрылась с наших глаз.

По-человечески, мне жаль было Юличку, но у меня навсегда осталось доброе чувство к ней и желание ей счастья в жизни. Вместе с этим в моём мозгу «гвоздила» мысль: зачем это было, и где причина «беды», случившейся с Юличкой. Впервые я задумался над тем, что я пел. Я вспомнил, что в числе романсов, которые я пел в тот роковой для Юлички вечер, был, например, романс Денца «Я не любим тобой». Вот его содержание:

*«Если любовь в душе твоей зажглася,
Лучом участия жизнь мою согрев,
Песня б моя могуче понеслася –
Тебя пленил бы мой живой напев.
И я тебе твердил бы неустанно
То, чем давно смущаем и томим,
Что лишь тобой живу, мой друг прелестный,
Что божеством ты сделалась моим.
Но горек жребий мой –
Я не любим тобою,
Нет, нет! Знаю: не любим тобой!
Если б могла то чувство разделяя,
Мученьям всем ты положить конец,
Я бы сумел, о, верь мне, дорогая,
Всю жизнь тебя лелеять и хранить!
И суету вседневной жалкой прозы
Прочь отгоня, открыл бы светлый путь
Всюду на нём я рассеял бы розы
И стал бы мил когда-нибудь.
Но горек жребий мой...»*

...

Не значило ли это зажечь спичку у склада с горючим! Особенно если слушателем окажется неопытная девушка вроде Юлички, не сумевшей отделить личность певца о персонажа этого романа. Юличка стала жертвой этого неумения, отождествив меня с персонажем романа «.

В августе 1916 г. мы переехали в Слуцк. Город находился в 65 верстах от линии фронта, а ближайшей точкой были Барановичи. Из Слуцка военные отправлялись прямо на линию фронта. Город был забит военными. В нём была грязь от частых дождей.

Духовное училище было занято военными, а занятия производились в здании высшего начального училища. Я временно преподавал словесность в 5 и 6 классах женской гимназии. Мне пришлось впервые иметь своими учениками представительниц прекрасного пола. Скоро пришлось ощутить своеобразную обстановку работы в этом типе учебного заведения. Пылкие и экспансивные дочери Израиля, которых в училище было большинство, баловали меня своим вниманием. Бывало, когда я направлялся после уроков домой, у входа в здание меня поджидали двое или трое жгучих брюнеток с просьбой: «Можно Вас проводить?» И я торжественно шествовал домой под «конвоем» их по грязному городу. Один мой знакомый этих «конвоиров» назвал «слетками» прекрасного пола. Также бывало на уроках, когда классная дама дремала, а то и засыпала, вдруг раздавался откуда-то из задних рядов робкий голос: «В. А! Что такое любовь?» Я делал вид, что ничего не слышал, а потом стороной приходилось слышать такой отзыв обо мне: «Что за педант наш учитель словесности? Всё говорит о высоких материях, а о любви ничего».

«Во время немецкой оккупации я преподавал группе учениц гимназии, желавших поступить на высшие медицинские курсы, латинский язык. В этой группе были уже девушки, которых по-латински называли *virgo viripotens* (невеста). Я преподавал язык в развёрнутом виде с герундием и герундивом и прочими «красотами» его, а мои ученицы иногда изнывали, томились, и вдруг раздавался голос: «В. А! Споёмте *Gaudeamus igitur*»²³¹⁹ Я уступал их желанию.

В гимназии устраивались литературно-вокальные вечера, и на одном из них я, забыв урок прошлого (случай с Юличкой Сервачинской) решил выступить с романсом, причём аккомпаниатором была ученица Таня Щука. Она училась у другого преподавателя. Я узнал, что она была дочь бывшего таможенного чиновника. Я познакомился с ней только во время репетиции. Она была гордой девушкой. При счастливой наружности, она отличалась высоким умственным развитием, и в этом отношении она была на голову выше своих соучениц, дочерей Израиля. Последние никак не могли простить ей этого превосходства и, побуждаемые завистью, старались подставлять ей «ножку». Гордая девушка держалась с достоинством. И вот эта девушка оказалась моим аккомпаниатором. Это, вероятно, было уникальным случаем в училище, что ученица была аккомпаниатором учителя, который пел романсы, т. е. о любви. Да и можно ли это делать? А вот случилось. Я пел романс Тальяфико «Когда малиновки звенят». Вот его слова:

«Вставай скорей – не стыдно ль спать,

---

²³¹⁹ Известный студенческий гимн.

*Пусть солнца луч рассеет грёзы (?).
Давно малиновки звенят,
И для тебя раскрылись розы.
Оставь пленительные грёзы,
Вставай скорей, вставай скорей.
Подумай-ка: если б солнышко вмиг,
Не выдавши тебя, разом остановилось,
Иль ручей, вдруг замолкнув, затих,
Или воды его возвратились,
Когда бы весна сказала цветам:
Влюблённые поймут ошибку.
Уйдём от них – совет мой вам,
Поищем у другой улыбки» и т.д.
А на бис я пел серенаду Балакирева²³²⁰:
«Взошёл на небо месяц ясный
Туманы в поле улеглись.
Я жду тебя, мой друг прекрасный,
На зов мой нежный отзовись (дважды)
Сойди сюда на берег тёмный,
Нас скроет сумрак голубой,
И не приметит взор нескромный
Твоей беседы здесь со мной.
О, ты узнаешь, как люблю я,
Для чувств сердечных нету слов –
Их скажет сладость поцелуя,
Объятий жар, огонь речей».*

Эти романсы напоминали мне серенады Шуберта. И ... «вот что наделали песни твои»... Таня мне: «Я буду аккомпанировать только Вам «... «Я буду просить, чтобы меня перевели в Вашу группу». Я уговорил Таню не делать этого. Я понял, что с Таней тоже случилась «беда». Ах, Таня, Таня! И ты?..

Я долго после этого не встречался с Таней, но однажды встретился с ней. Я был рад, что она от него освободилась.

Через три-четыре года, когда я работал счетоводом в кооперации, я встретился с отцом Тани и спросил у него о ней. Он мне сказал, что Таня прошлой весной умерла от туберкулёза. Узнав эту роковую весть, я шепнул про себя: «*Sit tibi, милая Таня, terra levis!*».²³²¹

---

²³²⁰ Балакирев Милий Алексеевич (1837-1910) – русский композитор, пианист, дирижёр, педагог.

²³²¹ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора эпизод знакомства с Таней Щукой короткий.

Во время польской оккупации я работал в коммерческом училище. Здесь был роскошный зал, и под аккомпанемент рояля я распевал в нём свои любимые романсы: «Новгород» Дютша и «Прощание с лесом» Клауэра.²³²²

Я даже временами нанимал аккомпаниаторов по чьей-либо рекомендации.²³²³ Первым аккомпаниатором такого рода была полька – панна Габриеля, девушка из тех, кому исполняли романс «Астрам». Я любил этот романс, и когда у меня бывало минорное настроение охотно пел его с приподнятой экспрессией.

*«Астры осенние, грусти цветы!
Тихи, задумчивы ваши кусты.
Грустно качаетесь,
Словно склоняетесь
Осенью, поздней порой.
Яркое солнышко вас не пригреет.
Осень ненастная – ваша весна.
Глядя на вас, моё сердце сжимается
Грустью одета душа.
Сад весь осыпался, всё отцвело,
Листья увядшие вдаль унесло,
Лишь одинокие сёстры осенние
Ждут, не дождутся весны».*

Я любил астры больше других цветов за их пышность, величавость и за то, что они возбуждали у меня желание мечтать.

Панна Габриеля, как видно, не тяготилась этой работой, хотя я иногда по несколько раз заставлял её повторять одно и то же в ворчливом тоне. И вот результат наших музыкальных упражнений: девушка стала убеждать меня дать концерт в городе и заверяла меня, что будет несомненный успех. Безднадёжной провинциалке казалось, что она в моём лице нашла настоящего певца! Когда уговоры её стали настойчивее, я решил, что мне пора прекратить с ней мои музыкальные экзерцисы, я перешёл с ними к пани Рачевской.

Вальжная полька вела себя с польским гонором и только однажды почему-то решила перейти на интимный разговор. Она меня спросила: не знаю ли я одного человека из того общества, в котором я вращался, а попутно осведомилась – не знаю ли я её сестру, польскую учительницу. На первый вопрос я ответил отрицательно, а на второй – уклончиво, что с её сестрой я не знаком, а только мне приходилось видеть её издали. Я больше ничего не сказал пани Рачевской, но задумался об этой, как мне передавали, девушке. Она производила на меня впечатление помятого цветка. У неё было

---

²³²² В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автор ещё упоминает романсы Гурилёва и Варламова.

²³²³ Там же: «Пелось лучше всего: сам себя слушаю, сам себя критикую, стараюсь петь лучше» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 34.

миловидное лицо, но излишне бледное. Во всех её движениях была какая-то сдержанность, скованность, словно её тяготило что-то, что отделяло её от других людей, что у неё была какая-то роковая тайна, которую она скрывала и боялась, как бы другие люли её (тайну) не разгадали.

Эту её тайну удалось узнать позднее как раз от того человека, о котором спрашивала меня пани Рачевская. Это был регент Слуцкого соборного хора Николаевич, скрывавшийся на Украине в связи с событием, связанным с судьбой сестры пани Рачевской. Он вернулся в Слуцк после того, как белополяки покинули этот город, и отбыла из него и эта особа.

Николаевич в тоне похваляющегося Дон-Жуана поведал мне, что он в один из моментов его любовных увлечений «той» девушки похитил её девичество и скрылся на Украину, бросив опозоренную им девушку, любившую его. Такова была «тайна» этой девушки.

Кружок любителей музыки в Слуцке.

Я именовал его иначе. Кружок Александра Васильевича Хвалебнова, потому что он группировался около него в его квартире и около его рояля «Беккер». А. В. Хвалебнов был смотрителем духовного училища, в котором я был преподавателем латинского языка. Моё знакомство с ним состоялось в апреле 1916 г. в Паричах, о чём сказано выше. До 1918 г. наши отношения с ним были только служебными, а с этого года они перешли в отношения на музыкально почве, а служебные прекратились ввиду моего перехода на работу преподавателем литературы в коммерческое училище.

Пословица «Рыбак рыбака видит издалека» вернее всего в других аналогичных случаях относится ко встрече любителей музыки и пения. Так случилось и с нами. Первоначально наш кружок состоял из трёх человек: из А. В. Хвалебнова, меня и нашего аккомпаниатора М. М. Лебедева, причём из нас троих я младшим был – мне было тридцать лет.²³²⁴ Первым музыкальным

---

²³²⁴ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Первоначально это, точнее говоря, был только триумвират меломанов-дилетантов, составившийся в условиях совместной работы и обусловленный этими именно условиями. Старшим из трёх его участников и по служебной субординации и по возрасту был Александр Васильевич, а именно: он был смотрителем училища, где работали трое, а возраст его был где-то около или за пятьдесят лет, а у одного из них в пределах сорока лет и третьего около тридцати лет. Впрочем, когда речь идёт о людях, увлечённых музыкой и пением, то возраст их меньше всего играет роль в их взаимоотношениях, где-где, а в этом случае именно подтверждается открытый А. С. Пушкиным закон – «Любви все возрасты покорны» - любви к одному и тому же искусству, а всякое сознание субординации – подчинённости быстро сменяется установлением товарищеской интимности: таков психологический закон, установленный для лиц такой категории. Таланты трёх участников «кружка» распределялись так: двое – Александр Васильевич и автор сего – певцы: первый – тенор, близкий к баритону, как принято было называть – второй тенор; второй – высокий тенор; третий – Михаил Михайлович Лебедев – аккомпаниатор. Такое сочетание голосовых

произведением, которое мы разучили и пели неплохо, был дуэт Вильбоа «Моряки».²³²⁵ А потом перешли на романсы, и я разучил из нот А. В. Хвалёбнова следующие романсы: Штейнберга²³²⁶ «Последнее прости», Шумана «Если бы на небе я солнышком блистал», Шапито «Астрам», неизвестного автора «Весна идёт». Хвалёбнову было тогда за пятьдесят лет, и мой голос, естественно, был свежее, но он был зато опытнее меня и кое в чём давал мне советы. Оба мы, однако, были певцами «без школы», самоучки, да и наш аккомпаниатор был подстать нам.

Наш кружок скоро пополнился ещё одним членом. Это был юноша – Игнатий Игнатьевич Криводубский. Я теперь не помню, как состоялось наше знакомство с ним, но он стал часто навещать наш кружок, причём пел романс Кашеварова «Тишина». У него был чудесный тенор с широким диапазоном, и исполнял он этот романс неплохо. Он, очевидно, слышал его исполнение каким-либо настоящим певцом, может быть, Лабинским, которому и посвятил этот романс композитор. Но этот романс в репертуаре Криводубского и был единственным. Потом Хвалёбнов помог ему разучить ещё романс Глиэра²³²⁷ «Жить, будем жить» и ещё один романс, который я не запомнил.²³²⁸ Позднее Криводубский включился в состав соборного хора и выступал в нём солистом.

Интересна судьба этого юноши. В детстве он был взят в известный в те времена хор Славянского, которым после смерти отца руководила его дочь.²³²⁹ Когда же его голос «переломился», то он появился в своих палестинах в виде тенора. Юноша мечтал попасть в консерваторию, но дальнейшая судьба его осталась мне известной.²³³⁰

данных у двух певцов позволяло исполнять дуэты, например, «Моряки» Вильбоа...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 30 об.-31 об.

²³²⁵ Там же автор указывает, что этот дуэт был «коронной» вещью, в репертуаре «кружковцев», по крайней мере, всякий раз, как они были среди «поклонников» их искусства, последние неизменно просили спеть именно этот дуэт» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 31 об.

²³²⁶ Штейнберг Михаил Карлович (1867-?) – российский композитор-любитель, поэт и аранжировщик, автор музыки и стихов более трёх сотен популярных песен и «цыганских» романсов начала XX века.

²³²⁷ Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874-1956) – советский, украинский и российский композитор, дирижёр, педагог, музыкальный и общественный деятель.

²³²⁸ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автор называет этот романс: «Я видел сон вчера...» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 32 об.

²³²⁹ Автор имеет в виду Д. А. Агрёва-Славянского и его дочь Маргариту Дмитриевну.

²³³⁰ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Четвёртым в «кружок» вступил юноша лет двадцати двух-трёх – Игнатий Игнатьевич Криводубский, природный белорус в отличие [от] трёх великорусов, родиной из одной близлежащих к Слуцку деревень. Он был обладатель лирического тенора большого диапазона, голоса свежеего, молодого, со всеми преимуществами, присущими молодому возрасту. Как получилось, что сей юноша оказался среди кружковцев – тут, очевидно, сказалось

С Хвалебновым позднее я встречался в хоре, которым я руководил, о чём речь будет ниже, участие в «кружке Хвалебнова» было одним из этапов моих музыкальных упражнений.²³³¹

Я регент и солист Слуцких хоров.

В планы моей жизни не входило сделаться когда-либо регентом хора да ещё церковного, но обстоятельства жизни поставили меня в такое положение. Началось с того, что у нас составилась кружок этого пения при монастыре. В него первоначально входили: трое из семьи вдовы священника Прушинской: Глаша (сопрано), Наташа (контральто), Коля (что-то вроде баса), одна девушка из деревни Бранович – Поля Криводубская (сопрано) и послушники монастыря: Кирилл (бас) и не помню имени (тенор).

Позднее в хор вошли полковник – фамилию его не помню, и сын его кадет (оба басы, причём у кадета голос был скрипучий, как у немазанной телеги). Ещё позднее в хор вошли две институтки Руссакович (сопрано), а в партии контральто временами принимала участие дочь Хвалебнова, тогда ещё девочка, а в последствии известная в Москве деятельница по женскому движению – Ольга Александровна Хвалебнова. Все участники хора были энтузиасты.

действие известного закона общественной жизни, выраженного в пословице: «Рыбак рыбака видит издалека», но получилось так, что однажды в компании трёх оказался и он – высокий, сухощавый, с тонкими чертами лица, типичными для белоруса. Он положил на пюпитр рояля ноты – «Тишина», муз[ыка] Кашеварова, аккомпаниатор взял аккорды, и он запел. Присутствующие (это были гости А. В.) были поражены. Посыпались вопросы к певцу: как, что, откуда он такой явился! И он поведал: в детском возрасте он был принят в «хор Славянского», которым уже руководила дочь последнего; со временем он «вырос» из детского возраста и... вот предстал в «сущем виде»: волею Божиею – лирический тенор исключительной красоты. В юности зародилась в голове мысль – учиться больше пению в «Консиватории»; он даже пришел к мысли, что ему для развития голоса нужны «окулисы» (вокализы). «*O, sancta simplicitas!*» («святая простота!»). Что с ним было дальше? Поступил ли он в «Консиваторию»? Не известно, но больше встречать его фамилию в жизненных анналах не приходилось, может быть, и он явился жертвой тех, кто устанавливал «новый порядок в Европе»? // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 31 об.-32 об.

²³³¹ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками «в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Но что было главным? Главным было то, что собралась кучка любителей музыки и пения, она «отводила душу» в музыкальных «эзерцицах», она «жила» в музыке.... Вот это и есть главное. События проходили так, что кружковцы то теряли место для своих собраний, то инструмент, то, наконец, события разъединяли их, но когда создавалась благоприятная обстановка, они снова собирались у рояля и «музицировали». Только 23-го июля 1923 г. автор сего навсегда выбыл из «кружка» с переездом на родину – на Урал, и провожал его Александр Васильевич. Было грустно, потому что было ясно, что это расставание будет уже навсегда. «*Sic transit gloria mundi!*» («Так проходит слава мира!»)» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 32 об.-33.

Стал вопрос: кому быть регентом? И меня нарекли таковым. Вспоминая своё прошлое, я мог бы сказать: тень Михаила Михайловича Щеглова, моего первого учителя, меня усыновила и нарекла регентом. Конечно же, я начал с того, что стал воспроизводить эту «тень», т. е. копировать те приёмы управления хором, которые были у моего учителя, а в выборе репертуара следовать тому, что мне было раньше знакомо, и что я любил. Кое-что я учил своих хористов петь по нотам, а кое-что разучивали с ними по слуху. Сам я выступал в партии тенора, а временами в хоре принимал участие и Хвалебнов. Большим удобством было то, что все хористы жили около монастыря. Отдалённо жила только Поля Криводубская, но девушка так была увлечена пением, что её не удерживали ни холод, ни снег, ни дождь, ни грязь. Иногда думалось: ну, сегодня Поля не придёт на спевку, смотришь – она заявила первой, а уж петь – хлебом не корми – вся душа у ней тут.

Теперь я должен покаяться в том, что, подобно своему первому учителю и регенту – М. М. Щеглову, грешил иногда вспыльчивостью и, прямо сказать, грубостью. Не забыть случая с Наташей Прушинской: в ответственный момент «соврала», а я «сбесился» и кинулся неё с кулаками. Девушка убежала с хор и спряталась. Надо петь, а её нет и нет. Посылаю к ней парламентёров для переговоров, а ответ один: «Не пойду – боюсь его». Пришлось самому идти и кланяться «в ножку».

Я вкладывал в своё руководство хором всё своё увлечение пением, как говорится, «всю душу», У меня были известные образы музыкального исполнения, и я старался их осуществить.

В конце концов, я добился того, что хор монастыря был признан соперником соборного хора.

Я всегда дружил с хористами и это было хорошо, но, увы! и здесь не обошлось без того, что именуется словом «страсти-мордасти». Одна из хористок, Елизавета Руссакович, бывшая институтка, а в ту пору учительница немецкого языка в коммерческом училище, оказалась в «бед». «Вот что наделали песни твои»...

Участие в монастырском хоре и руководство им было только началом моей карьеры, а расцвет её относился уже сначала к участию, а потом и к руководству соборным хором.

О хоре в Слуцком соборе нужно сделать несколько предварительных замечаний. Во время войны в этом прифронтовом городе было много военных людей, любителей пения. Были настоящие артисты. Они принимали участие в этом хоре, причём регентом был талантливый руководитель этого коллектива – Михаил Ипполитович Николаевич, тот самый, которого разыскивала моя аккомпаниаторша пани Рачевская (см. выше). Об этом хоре ходили прямо легенды, как о «Золотом веке» его. Но Николаевич скрылся (см. выше), и регентом оказался менее одарённый человек – псаломщик церкви Белоголовик Василий Николаевич. Костяк хора сохранился, но «гости», случайные участники хора со временем ушли на позиции.

Временами, однако, вдруг появлялся или какой-либо регент или певец, которые вносили новую струю в исполнительскую деятельность хора. Я теперь не помню, как случилось то, что я оказался в хоре в роли его солиста.

В церковное пение уже с довольно давних времён у нас внедрялось исполнение «соло». Это было следствием западного влияния – из католических и протестантских песнопений. Типичным представителем этого направления в России был композитор Ведель. С начала двадцатого века вошло в моду пение соло под сопровождение хора. Это уже нечто в виде «*Ave, Maria*» Шуберта с тем отличием, что аккомпанировал хор, а не оркестр. При исполнении богослужений встречались такие моменты, которые удачно подходили к применению этой формы исполнения. Так, существовала молитва «Ныне отпускаеши», относящаяся к легенде о том, что когда Христа принесли в церковь в первый раз, то его встретил там старец Симеон, который будто бы и обратился к нему со словами: «Ныне отпускаеши раба твоего по глаголу Твоему с миром, яко видеша очи мои спасение Твое. Свет во откровение языков и в славу людей твоих Израиля». Эта картина легенды, очень красочная для внешнего выражения, также вдохновляла на выражение музыкальным языком. Вот почему очень многие композиторы пробовали свои силы на выражение этого сюжета в музыке, а вершиной этого выражения было исполнение «соло» под пение хора. В таком же духе появились и другие композиции, например, на псалом «Благослови, душе моя Господа...» Нельзя отрицать художественной формы такого исполнения, похожего на ораторию. У меня в памяти сохранились эти песнопения, и мне поручено было исполнять их. Заранее я должен оговориться, что меня при этом увлекала художественная форма этих произведений, а не религиозное назначение их. Сама форма моего исполнения напоминала концертное выступление: я пел на авансцене, хор пел по всем правилам светского исполнения – с нажимом на бель-канто, вариациями от пиано к форте и наоборот. Это исполнение очень напоминало исполнение в костёле под орган, что и являлось привлекательным для молящихся слушателей.

Мне пришлось управлять этим хором непродолжительное время. Здесь я, как регент, был в совершенно других условиях, чем в монастырском хоре: коллектив хористов был уже опытным, его репертуар определившимся, и мне приходилось только накладывать свои «краски» на исполнение. Придать исполнению индивидуальную окраску, отразить личный интерес и вкус на исполнении – всегда привлекало меня, и я испытывал удовлетворение своей работой только в том случае, когда мне удавалось добиться этого. Должен покаяться в том, что меня увлекала именно власть над другими людьми, стремление подчинить их своей идее, и в этом я видел преимущество руководителя хора как художника перед другими, например, перед скульптором, который имел дело с глиной или камнем. Но зато это была более трудная работа. Помнится, в хоре у меня была певица Аня Коханович, обладательница прекрасного контральто. Девушка со счастливой наружностью, избалованная вниманием поклонников, она и в хоре хотела,

чтобы к ней было какое-то особое отношение, и вот что из этого получалось. Она должна выступить в «соло», но не даёт того звучания, какое требуется. Предлагаешь повторить – начинает бурчать, ворчать, но не даёт требуемого звучания. Требуешь повторить, ответ – «не буду». «Нет, будешь» - требую. «Нет!» - «Не, тогда я оставляю хор и ухожу!» Все начинают убеждать капризницу. Поёт... Повторите! Повторила. «Вот так и пойте!» - Простите: теперь я поняла, чего Вы от меня хотели!». Да, поняла, но, сколько вымотала нервов. Это, однако, редкий случай, а обычно: согласие и дружба. Никогда и нигде в жизни я не испытывал такой атмосферы дружбы, какая была у меня с хористами. У меня были друзья из мужчин: Шахлевич, Зданко, Захаров – басы; тенора: Шейко, Турчинский; сопрано: Маланя Ковальская, Соня Хаустович; контральто: сёстры Аня и Маруся Коханович. Я много думал над проблемой отношений полов, чему в жизни всегда представлялось много мрачных случаев, и мне всегда вспоминалась атмосфера отношений, какая была в хоре: здесь всё было определено законами музыки и подчинено им, но увы! и сюда прокрадывались иногда «страсти-мордасти», как исключение, как отступление от нормы, но было. Как руководитель коллектива, где были представители из «горючего материала», я понимал, что объективность отношений ко всем – закон, который нельзя нарушать, а то пойдёт ревность, это жестокое женское жало, и всё пойдёт прахом, и вот извольте... Здесь я вынужден опять прибегнуть к дневнику Иосифа Флоровича Диомидова.²³³² Поля Криводубская из монастырского хора однажды заявила мне претензию: «Вы ко всем нам (читай – хористам) относитесь одинаково», и дальше пошла речь о том, чтобы я отметил её своим особым вниманием... «Поухаживайте за мной!» Боже мой! Святая простота! Но не столь святая. Намёки на некоторые особенности своего организма... Советы врачей... Поля, Поля! ... Сделал вид, что всё пропустил мимо ушей, но на душе что-то осталось мутное, серое, чего не хотелось бы иметь в общем тоне дружественных отношений в хоре. Когда уезжали, она была в числе двух человек, провожавших нас. Что же это было?

Приходилось стороной слышать кое-что зазорное о других из певичек, которые по профессии были чаще всего швеями, что некоторые из них выступали и в роли «товара». Однако, я не могу не отдать им дань уважения за их действительно бескорыстное увлечение пением. Никто не оплачивал им этот труд, но они отдавались этому делу самоотверженно, увлечённо, не взирая ни на какие затруднения. Часто в непогоду они являлись на хоры с аккуратностью, которой многим недостаёт даже по служебному долгу.²³³³

---

²³³² Здесь автор во второй раз использует литературный трюк с привлечением воображаемого дневника реального человека, не имеющего отношения в описываемым воспоминаниям.

²³³³ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Белорусы были любителями церковного пения. В хоре они пели только из любви, «за здорово живёшь», как в шутку сами же говорили себе» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 34.

Слуцк, в мирное время тихий уездный городок, в военное время бурлил, и на нём отражались все перемены, которые совершались во всей стране. В частности, на его облик, как и на всю страну, наложила яркий отпечаток Октябрьская революция: забила общественная жизнь, поднялось национальное самосознание масс. Громче заговорила национальная поэзия, шире понеслись народные песни. Самой популярной в это время была песня, которой придавали значение национального гимна.

*«Ад веку мы спали и нас разбудили,
Сказали, что треба робить.
Что треба свабоды, зямлі чловеку
Что треба злодеев побить.
Мы долгло тярпели, тярпеть больш не будем
И пойдём мы долю шукать».*

В этой песне сконцентрировался весь гнев народа, который веками скоплялся в народе против его угнетателей.

Пелись песни:

*«Гарни, гарни бульбу с ноги,
Торбочку мне дай за плечи,
А из торбочки в куточек
Подай бульба голосочек...*

...

*Чамуж мне не петь,
Чамуж не гудеть,
Коли в моей хатнице
Парадок идёт.
Пасючек под лавцей
Бульбочку грызець».*

Эта протяжная песня менялась бравурной про Янку:

*«Янко стоит на горе,
А я у дороги...»*

Белорусские песни обычно соединялись в репертуаре с украинскими, как две сестры с разными темпераментами, но близкие друг к другу, пользующиеся одинаковой любовью и вниманием к ним.

Руководителем хора был некто Плышевский, а выступления хора чаще всего производились в городском скверике, где была устроена площадка-ротонда для выступлений. Здесь часто проходили митинги, а они сопровождалась выступлениями хора и гуляниями. Хор был любимцем жителей и баловнем. Казалось, прежде скованная народная стихия вырвалась на свободу и торжествовала свою победу.

Эти выступления хора были для меня настоящими «университетами» музыкальной культуры белорусов, впечатлительными и увлекательными.

Но город переходил из рук в руки: его оккупировали то немцы, то поляки, и белорусские песни то затихали, то возникали с новой силой.²³³⁴

Во время первой оккупации поляками города ежедневно вечерами на центральной площади устраивались сборы польских солдат нечто вроде вечерних молитв, организуемых ксёндзами, после чего раздавались польские песни: «Еще *Polska* не сгинела» и «Наши флаги бялы и червлёны – пшилено наша польска края». Это было единственным случаем моего знакомства с польскими песнями.

В перерывы между оккупациями города его навещали гастролёры. Так, во время наступления на Варшаву в 1920 году Слуцк посетила бригада артистов, курсирующая в военном вагоне. Среди них я встретил пермяков – земляков артиста оперы Демерта и артистку драмы Прозоровскую. Они давали концерт в клубе, принадлежащем частному лицу – гр. Ивановой. Программа была следующая:

1. «Ночь любви» - музыкальная картинка в одном действии;
2. Соло – ария Ленского из оперы «Евгений Онегин»;
3. Ария Онегина – оттуда же.
4. Ария Лизы из оперы «Пиковая дама».
5. «Октябрь» из «Времени года» Чайковского, соло на скрипке;
6. «Умиравший лебедь» мелодекламация под музыку Сен-Санса.

Я имел встречу с земляками и поделился воспоминаниями о пермской опере.

Выступление этой бригады было наиболее выдающимся событием в музыкальной жизни города.

За время нашего проживания в Слуцке город этот навещали ещё гастролёры:

а) оперные артисты, ставили отрывки из оперы «Евгений Онегин» в летнем театре Соловейчика (бревенчатый сарай);

б) два деятеля Минской консерватории: пианист исполнял произведения Листа и тенор – «Жаворонка» Глинки и Песню Алёши Поповича «Расцветали в поле цветики». Выступали в здании женской гимназии;

в) хор Терравского из Минска исполнял народные песни в клубе Ивановой и выступал в церкви.

20 июля 1923 г. мы покидали Слуцк, направляясь на Урал после почти семилетнего пребывания в Белоруссии. За эти годы мы разделяли с народом этой страны и горе, и радости военных лет.

Мы увозили с собой хорошую память о гостеприимном народе, талантливом и сердечном. Я увозил с собой добрую память о годах,

---

²³³⁴ В «Воспоминаниях «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автор называет себя одним из участников белорусского хора: «Слуцкий белорусский хор уговорил принять участие в концерте. Пел народные песни в сопровождении хора... в гриме: «То не белая берёза к земле клонится» и др. Было, было!» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 33 об.

насыщенных пением и музыкой, о годах в этом отношении лучших в моей жизни. Я увозил любовь к Белоруссии, любовь ко многим моим друзьям в этом отношении.

Я при отъезде ещё не знал, что на Урал я прибуду уже почти с полной потерей голоса, но скоро это обнаружилось. В годы 23-28 я еще пробовал свои силы – пел под аккомпанемент одного из своих сослуживцев, но было ясно, что конец уже близок.²³³⁵

К сорока годам мой голос перестал подчиняться моей воле. Учительская профессия с нагрузкой на голосовые связки и табакокурение, к которому я пристрастился уже после 30 лет, сделали своё дело. Но не умерло моё увлечение пением и музыкой, правда, уже не в качестве певца, а в качестве поклонника его: певцом и музыкантом. Мне удалось в тридцатых годах и несколько позднее послушать Л. В. Собинова в концерте и в оперном театре в опере «Лоенгрин». Было обидно за знаменитого певца с мировым именем, что ему для концерта не предоставили даже оперного театра, а старую деревянную калошу, так называемый Верх-Исетский театр. В «Уральском рабочем» концерт его отмечен был статьёй артиста Аграновского²³³⁶, в которой подчёркнута была тридцатилетняя слава певца. Артист пел больше романсы и только по настойчивой просьбе публики спел «О, дай мне забвеньё, родная» из оперы «Дубровский» Направника. Эффектный конец арии артист спел на вариант нижней ноты, и было видно, что диапазон его ограничен, но на средних нотах голос певца звучал по-прежнему чарующе, а исполнение в целом было «собиновским». Артист через два-три года после концерта выступил в опере «Лоэнгрин», его последней коронной партии. Нельзя было не отметить, что не было уже прежней силы голоса, тускнели верхи, но когда артист пел «Рассказ Лоэнгрина» вблизи рампы голов имел достаточную силу, а выразительность поразительная, «собиновская». Каждое слово было отточенным и поданным в поразительном звучании. Публика слушала очарованная. По окончании арии сцену заполнили артисты, окружив певца, аплодисменты гремели в зале. Это был апофеоз таланта, дань певцу, гордости русской оперы.

Мне посчастливилось также быть на концерте А. В. Неждановой в Перми в оперном театре в 1930 г. и видеть её в опере «Лакмэ» в Свердловском оперном театре. Дива предстала в прежнем блеске своего

---

²³³⁵ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Во время работы в фабзавуче ([19]23-30 гг.) была ещё встреча с одним «служителем « музыкальной музе: врачом школы Владимиром Дмитриевичем Диевым. Были попытки петь, но стало ясным: «укатали сивку крутые горки» - учительская работа и благоприобретённая привычка злоупотреблять табаком сделали свое дело: «скончал певец» [из басни И. А. Крылова «Осёл и соловей» - ред.]. А огонь в душе всё-таки остался, и теперь, когда воскреснет что-либо из прошлого, «мурлыкаю», или ставлю на проигрыватель какую-либо оперу» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 36.

²³³⁶ Аграновский Давид Самойлович (1890-1953) – советский оперный певец (тенор). Заслуженный артист РСФСР (1934).

чудного голоса и в концерте исполнила в числе прочих номеров «Соловья» Алябьева, созданного ею ещё в её молодые годы.

Свердловск навещал с концертами С. И. Мигай²³³⁷, и должен был выступить в «Демоне», но покинул сцену после первого действия ввиду того, что администрация театра не обеспечила ему настоящего оформления его выступления: оркестр был представлен в половинном составе. Оперу заканчивал Бочаров²³³⁸, состоящий тогда в труппе.

В Свердловском оперном театре с 20-х годов и до сороковых принимали участие певцы и дирижёры с большими именами. Так, в числе дирижёров были Арнольд Маргулян²³³⁹, Палицын²³⁴⁰, Штейнберг²³⁴¹, Бердяев²³⁴². Басы, певшие в разные годы; Григорий и Александр Пироговы²³⁴³, Рейзен²³⁴⁴, Донец²³⁴⁵, Месняев, Серебровский²³⁴⁶, Луканин, Керский и Новиков; баритоны: Ухов²³⁴⁷, Бочаров; тенора: Аграновский, Козловский, Витинг²³⁴⁸, Оржельский, Сеницкий, Фирсанов²³⁴⁹; сопрано: Баратова²³⁵⁰, Соколова²³⁵¹, Окунева, Сиришевская, Сливинская; меццо-сопрано – Фатма Мухтарова.²³⁵²

---

²³³⁷ Мигай Сергей Иванович (1888-1959) – российский и советский певец (баритон). Народный артист РСФСР (1939).

²³³⁸ Бочаров Михаил Васильевич (1872-1936) – русский и советский оперный певец (бас-баритон), педагог. Заслуженный артист РСФСР (1925).

²³³⁹ Маргулян Арнольд Эвадьевич (1879-1950) – советский оперный дирижёр. Народный артист РСФСР (1944).

²³⁴⁰ Палицын Иван Осипович (1868-1931) – русский и советский дирижёр. Заслуженный артист РСФСР (1925).

²³⁴¹ Штейнберг Лев Петрович (1870-1945) – советский дирижёр, композитор. Народный артист СССР (1937).

²³⁴² Бердяев Валериан Валерианович (1885-1956) – русский, советский и польский дирижёр.

²³⁴³ Пирогов Григорий (1885-1931) и Александр (1899-1964) Степановичи – русские и советские оперные певцы (бас). Александр – Народный артист СССР (1937).

²³⁴⁴ Рейзен Марк Осипович (1895-1992) – советский российский и украинский оперный певец (бас), педагог. Народный артист СССР (1937).

²³⁴⁵ Донец Михаил Иванович (1883-1941) – украинский советский певец (бас). Народный артист УССР (1930).

²³⁴⁶ Серебровский Глеб Владимирович (1896-1975) – советский оперный певец (бас). Заслуженный артист РСФСР (1934).

²³⁴⁷ Усов Василий Герасимович (1881-1966) – русский и советский оперный певец (баритон) и музыкальный педагог.

²³⁴⁸ Витинг Евгений Эдуардович (1882-1959) – советский певец (драматический тенор) и педагог.

²³⁴⁹ Фирсанов Андрей Семенович (1896-?) – советский оперный певец (тенор). Заслуженный артист РСФСР (1948).

²³⁵⁰ Баратова Мария Викторовна (1895-1957) – советская оперная певица (лирическое сопрано). Заслуженная артистка РСФСР (1937).

²³⁵¹ Соколова Наталья Петровна (1914-1988) – советская оперная певица (лирико-драматическое сопрано). Заслуженная артистка РСФСР (1955).

²³⁵² Мухтарова Фатма Саттаровна (1893-1972) – азербайджанская советская оперная певица (меццо-сопрано). Народная артистка Азербайджанской ССР (1940).

С концертами выступали: Аграновский и Ухов.

Екатеринбург (нынешний Свердловск) всегда славился церковными хорами. Хор, существовавший во время возглавлявшего церковь на Среднем Урале архиерея Владимира, славился далеко за пределами Урала. Последний хор в городе был под руководством М. П. Баталова в церкви «[Иоанна] Златоуста».

После окончания Великой империалистической войны 1941-1945 гг. я фактически оторвался от театра и других зрелищ города вследствие ограничения зрения, слуха и общего состояния организма. Источником восприятия музыки и пения для меня стало радио, а преимущественно телевизор. Мой интерес к музыке и пению не ослабел, но сам я уже полностью потерял свой голос. Радио дало мне возможность знакомиться с новыми формами музыки и пения: с народными и самодеятельными хорами, народными театрами, таким образом я держался с «веком наравне». Я имел возможность сравнивать «век нынешний и век минувший». Я увидел и услышал широкое развитие искусств в народе, чего раньше и не было. У старых людей есть привычка при сравнении нынешнего с прошлым часто быть пристрастным в пользу прошлого. Я стараюсь этого избежать. Так, не так давно я видел через телевизор постановку оперы «Демон» в исполнении артистов Свердловского оперного театра. Я должен признаться, что ничего подобного мы не видали в Перми в годы нашей юности. Особенно не идёт ни в какое сравнение внешнее оформление, то, что называется бутафорией: нынешняя постановка пленяет своим техническим оформлением.

Я подошёл к подведению итога своей жизни в музыкальном искусстве, в частности, в области пения. Мне в жизни предоставлена была широкая возможность участия в пении во всех периодах жизни, когда оно, пение, доступно было для меня по физиологическим условиям, но я не использовал вполне эти возможности по разным причинам, из которых главной было то, что я избрал себе профессию учителя, а не певца. У меня всегда было убеждение в том, что я обладаю голосом, который позволил бы мне сделаться певцом, но мне не удалось получить специальное музыкальное образование по недостатке средств. Известны случаи, что другие люди в этом случае преодолевали это препятствие и добивались желаемого результата, но не стал на этот путь, очевидно потому, что у меня оказалось недостаточным увлечение пением, такое состояние, которое поэт охарактеризовал словами: «суждены нам благие порывы, но свершить их нам не дано». Я не сумел выйти из рамок дилетанта. Это и было причиной раздвоения личности: «очарованная» душа и неосуществлённая мечта.²³⁵³

---

²³⁵³ Из очерка «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» воспоминаний автора: «Все ноты недавно отправлены в Пермь душеприказчику по мемуарам: доктору медицины, профессору Ивану Степановичу Богословскому. Он печатные передал в нотную библиотеку Перми, а писанные от руки присоединил к фонду мемуаров. Он верит, что эти мемуары где-то

сохранятся, я же думаю, что они с божией помощью будут преданы кремации» // ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 714. Л. 36-36 об.

Очерк «Как создавалась «очарованная душа», об увлечении пением и хоровыми кружками» в «пермской коллекции» автор завершает так: «Возвращаюсь к началу сего мемуара. «Теперь, когда жизнь моя, уже, несомненно, клонится к концу, что в ней (жизни) была одна область, которую я любил, «как душу» - это искусство пения» – так я сказал в начале мемуара, а теперь ещё нужно добавить: но на всю жизнь остался дилетантом. Да, дилетантом! И, пожалуй, типичным дилетантом! Теперь, когда я анализирую своё прошлое (а это, очевидно, наша врождённая интеллигентская привычка), то я задаю себе вопрос: как это получилось и не могло ли быть иначе?

Если могло быть иначе, то кто же или что виновато в том, что не получилось так, как это должно бы случиться. Хотелось бы избежать лёгкой привычки ссылаться на объективные обстоятельства и честно, в порядке открытой самокритики разобраться и ответить на этот вопрос. Уже дважды в настоящем мемуаре я ссылался по поводу некоторых жизненных условий на материальные недостатки, как на мотив своих известных решений и поступков, как на объективные обстоятельства, но если, положа руки на сердце, поразмыслить о том, это ли было главным мотивом действий, и често дать ответ на данный вопрос, то нужно, конечно, сказать: нет, это не единственный и во всяком случае не главный мотив. Ведь бывает же и так, что люди даже в худших условиях добиваются поставленной ими цели, а вот тут этого не случилось. Я иногда ставил для себя такой вопрос: смог ли бы я целиком, как говорится, без остатка отдаться пению, как профессиональному делу, но не мог себе полностью ответить «да». Какой-то внутренний голос мне говорил: «нет, тебя не удовлетворит такая жизнь». Разъедающий душу самоанализ говорил именно так. Да, я любил пение и, можно сказать, «как душу», но не всю душу, а часть её, как момент отдыха, но никак не мог себе представить, как это можно, скажем, петь без конца... и только. Но всё-таки, чтобы выразить степень моего увлечения пением, я считаю и считаю правильным это выражение: любил «как душу».

Что обозначает моё самоопределение словом – дилетант? Оно определяет точное моё субъективное состояние и, конечно, объективное, т. е. то, что даже в пределах певца, как любителя, а не профессионала я мог-бы больше постичь это искусство, но остановился на полдороге, если не больше. В этом пункте именно совершается суд мой над самим собой. Но, может быть, я ошибаюсь в том, что мне было что-то дано, а я не использовал, «зарыл в землю данный мне талант». Обстоятельства моей жизни, именно убеждают меня в том, что мне было дано больше, чем я использовал данное: я мог бы быть в меньшей степени дилетантом, чем им оказался. Так мне говорит моё самосознание» // Там же. Л. 36 об.-38.

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ

ноябрь 1962 г.-июнь 1963 г.

Человек – земля – космос

Человек и нормы его человечности

Когда Ему пришло время «явиться народу», чтобы открыть ему тайну человеческого существа, научить его понимать это существо и жить в соответствии с этим пониманием, Он удалился в пустыню, чтобы здесь, вдали от «мира», самому проверить себя, исследовать свою внутреннюю человеческую природу, познать себя, определить свою человечность. Люди по-разному определяли это состояние человека – стремление его к познанию своей человечности. Один греческий философ определил его словами: γνῶρι σεαυτό²³⁵⁴ – «познай самого себя» и этим указал путь, по которому человек должен идти в поисках истины и, таким образом, удовлетворить своё извечное стремление найти эту «синюю птицу». Другие указывали другой путь: нужно искать истину не в себе, а во внешнем мире, потому что «бытие определяет сознание человека, а не сознание – бытие». Он же был Человеком и знал, что только в нём, в Человеке, нужно искать разгадку его природы, его человечности.

И вот, когда Он оказался в пустыне один, предоставленный только своей человеческой природе, отрешённой от всего земного, к Нему явился тот извечный враг человека и его человечности – жертва гордыни, падший ангел, которого люди не раз изображали в своих искусствах – в поэзии, архитектуре, музыке и т. д. Они то проклинали его, то делали его своим кумиром и подражали ему. Он предложил Ему, Великому Пустыннику, всё то, что может убить в нём человечность, всё то, что должно в нём убить его человеческое достоинство, потопить его (достоинство) в мелочах житейского бытия. Он поставил перед Ним дилемму: или Ты – человек, высочайшее творение мира, носитель образа высшего существа или Ты – раб внешнего мира, окружающего Тебя, одна из вещей этого мира, жертва человеческих мирских страстей. И он, этот враг человечности, открыл пред Ним все соблазны мира, которые должны убить в Нём человека и человечность.

Он предложил ему ринуться долу с высоты и прославиться. Он знал эту слабую сторону человека – стремление к славе, которое делает человека глухим и слепым по отношению к другим людям. Оно возбуждает в их душе гордость – начало всех человеческих пороков. Гордость отчуждает людей друг от друга. М. Ю. Лермонтов подметил это даже у таких людей, которых люди избрали своими пророками. В своей оде «Пророк», написанной явно в

---

²³⁵⁴ Правильно γνῶρισε τον εαυτό σου (*gnórise ton eaftó sou*).

развитие идеи пушкинской оды на эту же тему он говорит: «Он горд был, он не ужился с нами...» Но люди это же стремление к славе сделали приманкой для достижения своих целей и стрелем своей деятельности. Они возбуждали в их душе тщеславие, они манили их к славе, используя тщеславие их в своих корыстных целях. «Молодца ему, молодца» - хвалил хозяин своего работника, и тот отдавал ему свои последние силы, чтобы создать ему богатство. Люди создали различные способы будить в душе человека этого «зверя»: они придумали разные внешние отличия для тех, кто жадно тянулся к славе. Даже после смерти человека они придумали различные знаки отличия его от других: монументы и памятники. Они призывали и призывают человека к гордости, забывая, что гордость именно ведёт к отчуждению людей друг от друга, что она в себе содержит унижение другого человека и в конечном счёте губит душу и самого гордеца, делая его чёрствым, глухим к беде и несчастью другого. Гордость убивает социальный инстинкт человека и превращает его в сухого эгоиста. В редких только случаях она является справедливым признанием человеком своих заслуг, но в этом случае она социально оправдывается и другими людьми как их собственное сознание, не противостоящее их самосознанию, а поэтому лишённое эгоизма. Но чаще бывает как раз наоборот: стремление к славе, тщеславие и эгоизм сосуществуют друг с другом. Люди, однако, не хотят этого замечать и верят в то, что в стремлении к славе и в гордости нет ничего порочного. Бывают такие эпохи, когда они избирают и то и другое – стремление к славе и гордость своим девизом: они призывают человека быть гордым, видя в этом его человеческое достоинство, они возбуждают в нём стремление, рычаг прогресса. Они в этом случае уподобляются мотыльку, который летит на огонь и поджигает свои крылышки. Так и они «обжигались», но потом снова «летели на огонёк»...

Он отверг это предложение искусителя как противоречащее природе Человека и его человечности. И когда он «явился людям», то объявил им, что смирение и кротость – вот те качества, которые соответствуют их природе – изменчивой и далеко не идеальной, но они обвинили его в принижении человеческой природы и ещё с большим ожесточением стали стремиться к славе и провозглашать своим девизом гордость. Они свергали одних кумиров и создавали новых. Потом стали свергать ими же самими созданных кумиров и заменять их другими кумирами, утверждая, что они нашли какую-то новую истину, во имя которой они ломали всё «старое», заменяя его яко бы чем-то «новым», на самом же деле они изменяли только внешние формы бытия, а человек оставался всё тем же, чем он был и раньше. Они забывали один жизненный факт, что сколько бы человек ни был на славе и гордым, ему суждено быть смертным. Фатальным для него является изречение древних: «*Sic transit gloria mundi!*»

Дальше Искуситель предложил ему²³⁵⁵ совершить новое чудо: превратить камни в хлеб. Это означало ничто иное, как освободить человека от всех тех тягостей и трудов, которыми он связан с природой для обеспечения своего существования. Ему ещё в начале его существования было сказано, что он в трудах только получит себе хлеб, и вся его история сложилась так, что жизнь оказалась борьбой за существование, за хлеб. Хлеб и владение им стали мерой связи его с природой и постоянным напоминанием, что он материален. Люди по-разному поставили себя по отношению к природе, и это определило нормы их жизни, их поведения. Но одно их объединяло – это как бы сделать легче труд, необходимый для добывания хлеба. И это определило их поступательное движение вперёд, их культуру поведения. За хлеб они боролись с природой, за хлеб они вели войны. Они старались переложить тяжести добывания хлеба со своих плеч на другие плечи, и это составило содержание их существования, их историю. Они стали составлять различные учения и о том, как пользоваться хлебом, как средством питания, и как распределять его для пользования. Они превратили хлеб из необходимого предмета для питания в предмет наслаждения. Одни из них создали целую систему наслаждений хлебом, питанием и за этой системой утратили всё то, что составляет вторую половину человеческой природы – их психику. Нашлись и такие, которые потеряли связь между хлебом и средствами его добывания и провозгласили своим девизом: *panem et circenses* («Хлеба и зрелищ!»). По-разному люди стали разрешать вопрос и о распределении хлеба между собой. Они стали придумывать для этого различные экономические учения, теории. Так в истории человечества началась борьба за хлеб. Одни предлагали разрешить этот вопрос в рамках нравственной природы человека, а другие – в рамках социального переустройства мира. В таком виде проблема хлеба предстала для человека в своём историческом аспекте и в настоящее время. Из этого становится ясно, какой глубокий и трудный для разрешения вопрос поставил Искуситель перед Пустынником. И он на это ответил: «не хлебом единым жив человек», т. е. что этот вопрос нужно разрешать в рамках нравственной его природы. Позднее, когда Он «явился народу», учил, что преобладающими мотивами в жизни человека должны быть те, которые исходят от его духовной природы, а не от его физической природы. Так, он учил, что не нужно создавать соковищ на земле, «идеже тля тлит, и татие подкапывают и крадут», а нужно создавать соковища «на небеси, идеже ни тля не тлит, ни татие не подкапывают и не крадут». И это именно явилось главным соблазном для людей, и они стали отвергать его учение.

Наконец, Искуситель поставил перед Ним, Великим Пустынником, третий и самый коварный вопрос – о власти. Он показал ему все царства земные и сказал: «поклонись мне, и я отдам тебе все земные царства». Власть

---

²³⁵⁵ Так в тексте автора: «искуситель» с заглавной, «Ему» – со строчной буквы. Далее аналогично оригинальному тексту.

всегда была приманкой для людей. Утверждают, что было время, когда у людей не было стремления к власти и вообще не было насилия одних людей над другими людьми. В «Метаморфозах» Овидия Назона повествуется о «золотом веке», когда не было вражды между людьми, а в книге пророка Исаяи, входящей в Библию, повествуется о том, что «золотой век» ещё впереди и что мир будет установлен не только между людьми, но и в животном мире. Но история человечества, поскольку она сохранилась с древних времён в преданиях и письменах, говорит о том, в каких жестоких формах велась между людьми борьба за власть и угнетение одних людей другими людьми. Целые народы нападали на другие народы и или подчиняли их своей власти и господствовали над ними, или просто уничтожали их. Во главе их становились люди, которые осуществляли власть над своими народами, а через них и над другими народами. Со временем люди стали искать различные формы смягчения проявлений грубой власти одних над другими. Стали, наконец, искать объяснение происхождения власти и искать путей для ликвидации власти одних людей над другими людьми, но они не смогли ничего другого придумать, как избрать для этого опять-таки насилие для получения власти над ними. Так замкнулся круг борьбы людей за власть. Они утверждали, что это последнее насилие и что целью их является уничтожение насилия, уничтожение власти и всех тех органов, через которые власть утверждалась. Они учат о том, что наступит когда-то такая гармония людских отношений, что власть и органы утверждения её сами собой отпадут. Он, когда «явился людям», учил о непротивлении злу. Он говорил, что если кто-либо кого-либо ударит в щёку, то нужно подставить ему и другую. Нашлись последователи этого учения, но большинство отвергло его и признало его губительным для человека. Один из Его учеников даже утверждал, что власть у людей от Бога²³⁵⁶, но люди отвергали этот тезис, как ложный и преследующий цели закабаления их другими людьми.

Когда он «явился людям», то в своих поучениях, в притчах он излагал им свои взгляды, как то, что составляет природу человека, основы его человечности. Люди по-разному восприняли его учение и по-разному стали следовать его учению. Появилось даже мнение, что если бы Он появился сейчас среди его последователей, то они не приняли бы Его. Однако, не подлежит сомнению то, что учение его оказало глубокое влияние на историю человечества, указав людям те нормы поведения, которые свидетельствуют о человечности Человека. Могут быть временные отступления от этих норм, но человеческое в людях восторжествует. Справедливо один из художников, создавши мыслимый образ Его, подписал свою картину словами: «*Esse homo!*» - «Се – Человек!»²³⁵⁷

---

²³⁵⁶ Из Послания к Римлянам св. апостола Павла: «Всяка душа властем предержажым да повинуется: несть бо власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть». (Рим. 13:1).

²³⁵⁷ Слова Понтия Пилата об Иисусе Христе в Евангелие от Иоанна (19:5), крылатое выражение, которое стало употребляться в искусстве в отношении достойного

Человек и кибернетика

8 ноября 1962 г.

Когда началась полемика между «физиками» и «лириками» по вопросу о кибернетике, то сначала казалось, что борьба шла по линии каких-то принципиальных научных положений – будут ли они из области естествознания, математики и философии, на самом же деле в основе спора стоял вопрос о достоинстве человека. Тезис кибернетиков о «человеке-машине», как бы его не трактовать, содержит в себе мысль, унижающую достоинство человека. Ещё сильнее противоречит самосознанию человека, его достоинству, то положение кибернетиков, в котором утверждается, что человек может создать машину умнее себя. Это именно обстоятельство, очевидно, побудило вице-президента Академии наук УССР В. М. Глушкова²³⁵⁸ в его статье «Кибернетика, прогресс, будущее» («Лит[ературная] газета») заметить, что машина может быть «умнее» «любого отдельно взятого человека», но «она никогда не будет умнее человечества в целом, ибо каждый новый шаг вперёд, каждое новое открытие, сделанное машиной, будет базироваться на всём предыдущем опыте, накопленном человечеством, и в свою очередь снова обогащать этот опыт. В социальном же плане машина никогда не станет членом общества, и человек всегда будет сохранять контроль над ней». Легко можно заметить всю путаницу мысли, которая так выпирает наружу в этом суждении автора. Автор предлагает примириться с мыслью о том, что определённая машина, результат деятельности, труда определённого конкретного человека может оказаться «умнее» её создателя и успокоиться на мысли, что она, по крайней мере, не умнее всего человечества, которое, очевидно, нужно мыслить абстрактно как некоего коллективного творца её, конкретной машины, конкретной вещи. В этом суждении можно легко заметить сильный крен в сторону панпсихизма. Ещё менее успокоительным для человека, если его действительно нужно успокоить от мысли, что машина может «умнее» его, может быть ссылка автора на положение машины в социальном плане», что по существу и обозначает признание её наряду с человеком; в одном качестве с человеком. В этом случае действительно можно было бы говорить о сравнении ума человека с «умом» машины, но автор правильно замечает, что человек всегда будет сохранять контроль над ней, т. е. над машиной. Но не является ли это признанием и того положения, что человек во всех случаях,

---

сострадания положения человека. Возможно, автор имеет в виду картину итальянского художника Микеланджело Меризи да Караваджо (1571-1610).

²³⁵⁸ Глушков Виктор Михайлович (1923-1982) – советский математик, кибернетик. Академик Академии наук СССР (1964) и Академии наук УССР (1961), депутат Верховного Совета СССР. Вице-президент Академии наук УССР в 1962-1982 гг.

мыслимых им, должен быть признан умнее созданного им предмета, и говорить о том, что машина может быть «умнее» человека – это грубейшая ошибка человеческого мышления, свидетельствующая о снижении самосознания человека, о принижении его достоинства. Сама неудачная попытка академика Глушкова сгладить как-то впечатление от тезиса кибернетиков о том, что машина может быть умнее создателя её, человека, свидетельствует о признании им порочности этого тезиса, и нужно говорить не о смягчении впечатления от этого тезиса, а о признании его порочности без всякой оговорки и вредности его по ряду причин употреблять в настоящее время в метафорическом даже смысле, т. к. в нём намечается тенденция к неправильному взгляду на человека. В чём корень заблуждения о том, что человек может создать машину «умнее» себя, а это именно и вытекает из тезиса, что машина может «умнее» человека? А ещё более того – в чём ошибочность тезиса о том, что машина может сделать открытие чего-либо, усовершенствовать что-либо? Корень заблуждений кроется в том, что машина мыслится как самостоятельный деятель, не зависимый от человека, тогда как на самом деле во всех её акциях присутствует человеческий ум, а не «ум» машины. Машина в своей деятельности усиливает различные природные способности человека: его органы движения, зрение, слух и различные элементы его умственной деятельности, но сама их не имеет и не создаёт. Актором во всех её процессах является человек и его ум. Машина может создать разные ситуации процессов, на основании которых человек может сделать открытие, но все эти ситуации никогда не сделают открытия: роль будет не больше роли упавшего с дерева яблока, что навело Ньютона на открытие закона всемирного тяготения. В работе машины, таким образом, «потерян» был бы человек, с одной стороны, а машина была бы «очеловечена», с другой стороны, как это и раскрывается в термине кибернетики «человек – машина». В этом термине мыслится, что какую-то долю работы выполняет машина как некий *actor*, а другую долю выполняет человек, причём признаётся, что, по крайней мере, главную самую важную часть работы выполняет он, человек. Ложность, неправильность построения этого термина заключается в том, что на правах актора в нём выступает машина, а между тем *actor*`ом является только человек, а машина является только орудием человека. Этот своеобразный «дуализм», столь невинный в понимании кибернетиков, служит, однако, отражением глубочайших исторических событий и имеет на себе родимые пятна исторической борьбы идеализма и материализма, поскольку в нём ставится вопрос о человеке и его природе. В этой борьбе, которая в настоящее время приняла сугубо политическую окраску, кибернетика, образно выражаясь, является «левофланговым» в рядах материалистов и замыкает исторический процесс развития материализма, или, по крайней мере, претендует на это. Сторонники кибернетики *de officio* объявляют себя исповедующими марксистский диалектический материализм, однако из философия настолько затуманена их терминологией, что только люди с помощью лупы всматривающиеся в

основные тезисы их философии с оговорками «я думаю» и «по-моему», решаются высказаться о том, что эта философия не противоречит марксизму-ленинизму. Находятся, однако, такие люди, сведущие в истории философии, которые с большим основанием относят философию кибернетиков к типу механического метафизического материализма, поскольку в их философии превалирует взгляд на человека, обще, и на его мышление, в частности, как не некий механизм, поддающийся моделированию без какого-либо ограничения. Кибернетики именно утверждают, что *a principio* можно признать существование, точнее – создание мозга, который будет мыслить без человека. Но не значит ли это довести мысль *ad absurdum*? И не является ли такой тезис свидетельством утраты человеческого достоинства человеком? И это происходит в то время, когда человечество переживает расцвет могущества человеческого ума, которое (могущество) больше всего и обнаруживается полно в кибернетике. Человек теряет самого себя. Он сам вызвал из ада силы, и сам же не может справиться с ними, и это в тот момент, когда он вышел на орбиту изучения и овладения космическим пространством. Как можно объяснить этот *nonsense*? Не объясняется ли это тем, что мы, т. е. все люди, мыслящие в меру тех или иных своих мыслительных возможностей, были слишком беспечными по отношению к своему человеческому достоинству. Мы иногда топтали его и топили в мутных водах эпикуреизма и прогоняли от себя прочь пророков, которые обличали наш порочный образ жизни. Мы легко поддавались на зов людей, которые всячески принижали достоинство человека и утверждали в нём примат его материальной природы над его духовной природой. Под видом борьбы за его человеческое достоинство в порыве гордости они призывали к бунту против его духовной природы. Когда же наука доказала, что человек – продукт эволюционного развития природы и жизни на ней, то мы слишком легко позволили себе забыть, что определяющим моментом его существа является не то, чем он был, а то, чем он стал; что история его начинается с того момента, когда он осознал себя человеком, а не с того, когда он был на положении животного в процессе движения к Человеку. Мы слишком легкомысленно позволили себе увлекаться мыслью о своём прошлом, о котором ещё и не имели права употреблять название «человек», и уже тогда затоптали достоинство человека, создав философию грубого материализма с циничным тезисом: «человек есть то, что он ест» (Страус).²³⁵⁹ Мы создали себе кумир из учёных, которые стали искать в человеке его животное состояние с тем, чтобы убедить его «последовательно» в том, что он кусок материи не больше, что все его претензии на какой-то особый вид проявления жизни в его существе, то, что он считает своей психикой, - это только рефлексы головного мозга. И, наконец, родилась идея моделирования мозга, идея создания мозга, который может мыслить без человека, и этим

---

²³⁵⁹ Выражение «Человек есть то, что он ест» из рецензии немецкого философа Людвиг Андреаса Фейербаха (1804-1872) на книгу немецкого философа и физиолога Якоба Молешотта (1822-1893) «Популярное учение о питательных продуктах» (1850).

занялась новая, гордая и, как выразился о ней писатель Леонов, самая претенциозная наука – кибернетика. Эта наука является венцом деятельности человеческого ума, поскольку он раскрывается в техническом прогрессе, но она же является для человека соблазном окончательно потерять своё человеческое достоинство и раствориться в мире вещей под видом «человека-машины». Ведь сколько бы не разьясняли кибернетики содержание этого термина, чтобы доказать, что в нём нет ничего страшного, всё-таки страшным остаётся самое создание этого термина, потому что в нём чувствуется *volens-nolens*²³⁶⁰ принижение человеческого достоинства. Кибернетики – великие учёные, но зачем же всё-таки так играть с достоинством человека? Из истории мы знаем великого учёного, который был материалистом, но сохранил при этом преисполненный дух мыслителя, который он отразил в своих стихотворениях «Об утреннем и вечернем размышлениях»... Теперь, когда благодаря успехам кибернетики, представилась возможность заглянуть в ту область, которую вышеуказанный великий учёный изобразил в словах «Открылась бездна звёзд полна...» в особенности кибернетикам следовало бы вспомнить об этом учёном и позаимствовать у него его великий дух и ум.

Несомненно, на претенциозных тезисах философии кибернетиков отразилось головокружение от успехов в науке, может быть сомнения в том, что проникновение в тайны космоса не пройдёт бесследно для кибернетиков, поскольку оно поставит перед ними ряд вопросов, разрешение которых нельзя будет свести к моделированию процессов мозга. Такими вопросами опять будут проблемы мироздания, проблемы человека в космосе, те «проклятые» вопросы, на которые человек ещё не дал исчерпывающего ответа, а отнёс их к поискам абсолютной истины. Перед гордым умом человека, перед мышлением человека, которое кибернетики решили уложить в рамках моделирования человеческого мозга, встанут проблемы, для разрешения которых потребуется более выдержка и скромность, чего, к сожалению, нет в настоящее время. В этом именно и будет для человека значение вступления его в космическую эру. И кто знает и может поручиться за то, что, несмотря на изгнание всяких пророков в наше время, появится Человек, лучше сказать, люди, коллектив, который разобьёт узкие рамки моделирования мозга и вместо признания человека-машины, ограниченного рамками земли, утвердит признание за человеком высшего чуда в мироздании.

8/XI 1962 г. Получено 13.XI.62.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 9-12 об., 22-24 об.

---

²³⁶⁰ *volens-nolens* – по-латински волей-неволей.

«Пройдёт совсем немного времени, и мы сможем установить радиосвязь с обитателями других населённых планет, находящихся в системе дальних звёзд. Сможем принять сигналы иных цивилизаций нашими радиотелескопами. Сможем вести беседы с неведомыми разумными существами...» («Литературная газета». № 135, 13 ноября 1962 г. В. И. Сифоров: «Самое трудное – предсказывать»)²³⁶¹.

«Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых, т. е. уверенность в невидимом как бы в видимом и в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем» (Филарет: «Катехизис»).

Греческий философ Аристотель, с именем которого связано происхождение философского термина метафизики, этим словом назвал ту часть своей философской системы, которая следовала за физикой (после физики) и в которой он свои материалистические взгляды «сдобрил» в значительной степени идеалистическими взглядами, встав, таким образом, на позиции дуализма. В последующий период истории в различных философских течениях термин «метафизика», «метафизический» стал употребляться как антитеза диалектике в области гносеологии и как антитеза эволюционной теории в натурфилософии. Своё крайнее развитие и применение метафизика Аристотеля получила у схоластов средневековья, когда на ней именно и обосновывалось богословие с его религиозной верой в потусторонний мир; когда в самой сильной степени богословами вроде Августина была разработана метафизика христианства на основе известного тезиса: «*Credo, quia absurdum est*».²³⁶² Стало банальным для иллюстрации крайнего увлечения схоластов метафизикой приводить споры их о количестве бесов, которые могут разместиться на кончике иголки. Но христианская метафизика появилась не на пустом месте, а была продолжением и развитием так называемой ветхозаветной библейской метафизики: христианская метафизика, раскрытая в так называемом Новом завете, корнями своими уходит в так называемый Ветхий завет, представлявший религию, философию и идеологию юдаизма. Учёные ориенталисты находят корни христианской метафизики ещё глубже в воззрениях древних народов: египтян, ассириян и вавилонян. В задачу настоящей статьи не входит рассмотрение генеалогии христианской метафизики от верований и учений указанных древних народов, а задача не ограничивается только прямой связью с юдаизмом, причём автор ставит целью нарисовать метафизическую систему христианства в связи с юдаизмом и вскрыть внутренние мотивы возникновения этих метафизических систем.

²³⁶¹ Сифоров Владимир Иванович (1904-1993) – советский учёный в области радиотехники и электроники, член-корреспондент Академии наук СССР (1953).

²³⁶² *Credo, quia absurdum est* – по-латински «Верую, ибо абсурдно».

Метафизика юдаизма построена на национальной идее об избранном народе и его покровителе – Иегове. Во всех случаях, когда Иегова упоминается в Библии он персонифицируется как деятель и участник раскрытия национальной идеи еврейского народа, его избранника. Иегова определяет законы для Израиля на горе Синае. Он карает своих людей, когда они начинают терять национальную идею – веру в то, что они избранный народ; когда они начинают поддаваться влиянию других национальных идеологий – начинают поклоняться Ваалу и Астарте. Для спасения в их сознании их национальной идеи Иегова проводит их через ряд испытаний: через пленение египтянами и вавилонянами. Ещё раньше этого он подвергает их мировой катастрофе – всемирному потопу. Но для того, чтобы он мог вершить всё это, он должен располагать огромной силой и иметь своих агентов. Для этого у него существует «воинства небесные»: ангелы, архангелы, архистратиги, херувимы и серафимы. Они вступают в непосредственное общение с людьми. Так, ангел Господень спас первенцев евреев от гибели во время египетской казни. В распоряжении Иеговы имеется целый ряд людей, которым он передаёт свою чудодейственную силу. Так, Иисус Навин сотворил чудо, остановив солнце над Гаваоном и луну над долиной Аиалонскою. Чудеса творил Моисей. Например, ударом жезла он извлёк воду из камня. Он также жезлом разделил воду, и евреи прошли через море «яко по суху». Сам Иегова для избранного народа подчинял законы природы. Например, он послал им небесную манну в пустыне. Иегова вёл свой народ в землю обетованную и зародил в его душе высшую идею о том, что придёт некогда Мессия и устроит для них счастливую жизнь на земле. Чтобы эта идея не ослабевала в их сознании, у Иеговы были его агенты из людей – пророки, которые не давали затухнуть этой идее, а вместе с этим эти пророки поддерживали всё время идею о том, что они, евреи – избранный народ. Один из пророков – Илия – вознёсся на небо. Пророки – бессмертны, и с ними можно советоваться после оставления ими земной оболочки. Так, царь Саул вызвал тень пророка Самуила для беседы с ним. В природе может быть много чудес. Например, пророк Иона был проглочен морским зверем и три дня жил в его чреве; пророк Даниил укротил зверей; еврейские юноши не горели в вавилонской «печи», а халдейские – горели. И всё это делал Иегова для своего избранного народа. Таким образом, вся библейская метафизика была построена на национальной идее евреев и, как таковая, приобрела характер «материальной силы». Доказательством этому является история еврейского народа в материальных формах её развития.

Христианская метафизика явилась прямым продолжением метафизики юдаизма, полностью усвоив идею единого Бога – Саваофа. В неё также вошли: признание потустороннего мира, признание существования в мире чудес, признание бессмертия души и т. д. Но христианство отвергло узконациональную основу юдаизма и провозгласило идею общечеловеческого существа людей. Эту идею христианство выразило в своём учении о Боге-человеке, который пришёл в мир спасти всё

человечество. То, что в юдаизме было воплощено в идее о Мессии, который должен явиться, христианство выразило в идее о Христе-Спасителе. Таким образом, считается, что в христианстве уже реализована идея Мессии, что в юдаизме является ещё идеей, подлежащей реализации. Христианская метафизика, овладев массами, также явилась «материальной силой», которая реализовалась в конкретной истории человечества.

Отсюда естественно вытекает вывод о том, что метафизика и реальность, как две категории мышления в каждом пункте человеческого сознания скрещиваются: метафизическое начало приобретает силу реального вещественного начала, поскольку последствия действия его получают конкретную форму, реальный результат. И, наоборот, реальное начало может в сознании человека возбудить метафизическое начало, т. е. направить мысль в область метафизических представлений, лишённых реального конкретного содержания, т. е. найти тот путь, который мы называем верой. Об этом как раз и свидетельствует статья В. И. Сифорова: «Самое трудное – предсказывать». Автор её, не имея ещё пока что никаких данных об «обитателях других населённых планет», уже рисует картину радиосвязи с ними, тем самым подтверждая тезис о вере, как источнике знания, что блестяще сформулировано в «Катехизисе» Филарета. Не является ли это сдвигом от узости мышления категориями материализма в сторону более широкого мышления в соответствии со сложной, многогранной природой человека.

С выходом человека в космос, тезис «Бытие определяет сознание» приобретает другое значение – не ограничительное, а расширительное, а именно, что не бытие, как некая материальная среда, ограничивающая человека, а сознание его идёт впереди, и этим именно обеспечивается прогресс человечества. В противном случае человек стал бы жертвой ползучего реализма, и только. Такова диалектика человеческого прогресса. Такова диалектика, между прочим, и овладения космосом: конечно, для этого необходимы условия материальной культуры. «В начале было слово» - в этом смысл человеческой истории.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 13-16 об.

О геоцентризме

10 ноября 1962 г.

Библейская космогония, с чего начинается Библия, уже несколько веков служит предметом научной критики и одной из точек антирелигиозной борьбы. Главным соблазном для учёных в этой космогонии является тезис о шести днях творения, между тем как наукой доказано, во-первых, что материя – вечна и что процесс мироздания – явление эволюционное, исчисляемое миллиардами лет. Теперь уже высказывается, например, мнение, что земля и все связанные с ней процессы имеют давность в два

миллиарда лет. Известно, что в настоящее время на смену канто-лапласовской теории космогонии выдвинута другая теория русским учёным О. Ю. Шмидтом.²³⁶³ И та и другая теория являются, конечно, только гипотезами, и нельзя думать, что они уже исчерпали поиски человека разгадать тайну мироздания: с дальнейшим развитием науки могут появиться ещё новые взгляды на происхождение мира. Но библейская космогония, поскольку Библия считается книгой, имеющей божественное происхождение, считается, так сказать, божественным откровением, в котором не может быть изменена даже буква её. Отсюда толкование богословов о том, что под днями творения нужно понимать целые эпохи творения, объявляется приспособлением их к современному развитию науки, подделкой под науку, нечестную изворотливость их. Но это только одна линия критики библейской космогонии – критики с позиции науки. Есть ещё другая линия критики и тоже с позиции науки, только не с позиции естествознания, а с позиции истории и археологии. Обе эти линии нашли, так сказать, своё классическое выражение в сочинениях двух немецких учёных: Геккеля «Мировые загадки» и Делича в его сочинении «*Bibel und Babel*». В последнем произведении доказывается, что Библия, а в том числе, значит, и её космогония, вовсе не божественного происхождения, а продукт заимствования из разных древних учений – в частности имевших место в древнем Вавилоне. Но, как можно легко заметить, это положение Делича направлено против тезиса о божественном происхождении библейской космогонии, а вовсе не дискредитируется как проявление глубокой народной мудрости, гениальной догадки человеческого ума. Между тем известны из истории человеческой культуры случаи гениальных догадок человека задолго [до] научных открытий, подтверждающих правильность этих догадок. Доказательства этого можно найти в истории философии. Такими, например, догадками были воззрения греческих философов-гилозоистов – Фалеса, Анаксимена – о материальности мира, Демокрита – об атомистическом строении материи, Гераклита – о движении: Πάντα ῥεῖ.²³⁶⁴ Библейская космогония, если даже признать существование её на правах гипотезы, ничем ещё не опровергнута и представляет удивительное строение человеческого ума, если не подходить к ней предвзято, а с принципиальной точки зрения: с точки зрения хотя бы последовательности изображения в ходе эволюционного развития. Человек – вершина божьего творения – по Библии, он же вершина эволюционного развития – по утверждению науки. В этом положении, как в фокусе, соединились две различные точки зрения. В настоящее время, пока ещё не осознанно, даже по недоразумению в порядке отрицания и критики, обнаруживается ещё одна параллель в библейском учении и современной науке. Как это ни парадоксально, но факт. Она (параллель) состоит в том, что центром мировой науки становится космос, а земля именно становится

---

²³⁶³ Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) – советский математик, географ, геофизик, астроном.

²³⁶⁴ «Всё течёт, всё меняется».

центром изучения космоса, и человек – высшим деятелем в освоении космоса. Как известно, в результате библейского космогонии земля считалась центральным телом небесной планетной системы, около которого вращались другие планеты. Этот библейский геоцентризм был опровергнут наукой: земля была развенчана как центральное мировое тело, как центральная планета мира. Но теперь именно при овладении космосом земля снова сделалась, как принято у нас говорить, «стартовой площадкой», т. е. центральной планетой мироздания, но на новой основе – на основе овладения человеком космоса. Мы имеем, таким образом, дело с новой фазой геоцентризма, с такой фазой, даже контуры которой для нас ещё не ясны, но которая поставит перед человеком извечные вопросы о том, «кто он, откуда идёт, и кто там, над звёздами живёт» (Гейне). Человек создан из земли, эта библейская идея выражена в латинском языке – *homo* от *humus* – земля, почва, но он – образ Божий, - так учит Библия. И в этом смысле он – венец мироздания. В этом суть библейского учения о человеке и положении его в мире. Человек овладеет постепенно всем околосолянным пространством – основной тезис современной науки. И в том и другом случае он – вершина мироздания. На этой идее скрещиваются оба вида геоцентризма. Таким образом, замкнулся круг человеческих взглядов на мироздание. Это положение, пока ещё не осознанное, в дальнейшем, при большем изучении космоса, будет больше и больше входить в сознание людей, и наведёт порядок в том хаосе воззрений людей, который имеется в настоящее время. Будет преодолена та узость воззрения на человека и на космос, которая роковым образом давит на сознание человека, а именно: что человек обречён на борьбу с человеком, а космос является объектом изучения с какой-то особой площадки старта, принадлежащей ему в силу особой классовой принадлежности. Это будет величайшим актом мировой истории, в котором в одинаковой степени будет раскрыто и то, что земля как планета, ничтожная среди других планет и миров, является чудом мироздания и таким же чудом мироздания является и живущий на ней человек. Является ли он носителем «образа Божия» или обладателем высшего разума с его могуществом – это будут только два определения, две формулировки одной и той же идеи, с идентичным пониманием её содержания. Но теперь именно и нужно человеку подчёркивать в его сознании не то, что он развился из животного состояния – от обезьяны, - а то, что он – человек – носитель высшего дара – разума. С этой точки зрения становится особенно важной та осторожность, какую люди должны проявлять в своих суждениях о достоинстве человека, чтобы не растворить его в мире вещей, как некую материальную частицу в ряде других материальных вещей.

Пол[учено] 10/XI-1962 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 18-21 об.

Размышления простого человека по поводу статьи литературоведа и критика Корнелия Зелинского²³⁶⁵ («Литературная газета», № 107, четверг 6-го сентября 1962 г. «С точки зрения литературоведа...»).

После выступлений на страницах «Литературной газеты» в дискуссии о кибернетике лидеров литературоведения – академика Б. Бялика²³⁶⁶ и профессора Ермилова²³⁶⁷, а также лидеров философии – ректора Института философии Чехословацкой академии наук Э. Кольмана²³⁶⁸ и президента Болгарской академии наук Т. Д. Павлова²³⁶⁹, - выступлений с критикой основных тезисов кибернетики о «машине» и «человеке-машине» - выступление Корнелия Зелинского со статьёй «С точки зрения литературоведа...» в защиту кибернетики и её основных тезисов произвело впечатление грома среди ясного дня. Оказалось, что в том секторе «лириков», который именуется литературоведением, произошёл «раскол», и именно К. Зелинский явился «отступником» и перебежчиком в лагерь «физиков». Статья К. Зелинского и является как бы «исповедью», изложением мотивов его шага, а также изложением его нового «символа веры». Прежде всего, автор статьи высказывает своё опасение по поводу выступления его коллег – литературоведов на страницах «Литературной газеты» с критикой основных положений кибернетики. Он говорит: «По правде говоря, я с некоторой опаской следил за своими собратьями по перу, подозревая что мы, литературоведы, психологически не подготовлены к пониманию происходящей научной революции... мы, люди, далёкие от этого (кибернетики – В. И.) начинаем с учёным видом знатоков рассуждать о том, чего мы решительно не понимаем». Автор определённо указал, что это замечание направлено в адрес академика Б. Бялика по поводу выступления его в «Литературной газете» со статьёй «Вы это серьёзно, товарищи?». Автор пришёл к выводу о том, что «литературоведение не сумело занять свои позиции, с которых нужно подходить к кибернетике» и подчеркнул, что «для того, чтобы судить о какой-либо науке, нужно, прежде всего, её знать и понимать её терминологию». Дальше в своей статье Корнелий Зелинский и раскрывает значение кибернетических терминов: «машины» и «человека-

---

²³⁶⁵ Зелинский Корнелий Люцианович (1896-1970) – советский литературовед, литературный критик, член Союза писателей СССР (1934). Доктор филологических наук (1964).

²³⁶⁶ Бялик Борис Аронович (1911-1988) – советский литературовед и литературный критик. Заслуженный деятель науки РСФСР (1981).

²³⁶⁷ Ермилов Владимир Владимирович (1904-1965) – советский литературовед и литературный критик.

²³⁶⁸ Кольман Эрнест Яромирович (1892-1979) – советский философ-марксист, академик. Доктор философских наук (1934).

²³⁶⁹ Павлов Тодор Димитров (1890-1977) – болгарский философ-марксист. Президент Болгарской академии наук в 1947-1962 гг.

машины». Определение термина «машина» он приводит в формулировке академика С. Соболева²³⁷⁰, данной им в его статье, опубликованной в «Литературной газете» - «Да, это вполне серьезно». Формулировка эта следующая:

«... В кибернетике машиной называют систему, способную совершать действия, ведущие к определённой цели. Значит, и живые существа, человек в частности, в этом смысле являются машинами».

Так как такая формулировка термина в той части, где говорится о человеке, признавалась самой одиозной противникам кибернетики, то К. Зелинский нашёл необходимым заметить от себя: «Машина здесь материалистический символ обусловленности, а вовсе не комбинация шестерёнок и гаек» и добавил: «Мне близок пафос поисков этого учёного».

Формулировку термина «человек-машина» автор взял из описания методики решения задач при помощи кибернетики, сделанного молодым учёным – историком В. Устиновым²³⁷¹ и применённого им при выполнении научной диссертации на историческую тему. Этот метод В. Устинов описал в своей статье «О применении электронных математических машин в исторической науке» (журнал «Вопросы истории». № 8, 1961 г.). В этой своей статье В. Устинов описал три процесса исследования предмета, взятого для изучения. В предложенную им схему входит: 1) запись информации, 2) обработка информации и 3) «оценка достоверности выдвинутых гипотез по принятым критериям и воссоздание полной картины исследуемого объекта». «Схема такого процесса исследования, - говорит В. Устинов, получила название «человек-машина», при этом наиболее важная часть работы выполняется учёным, а электронная математическая машина используется как инструмент исследования». Таким образом, в предложенной В. Устиновым схеме исследование достоинство человека как главного участника в творческом процессе полностью сохраняется и снимается всякое опасение превращения его в машину, которое особенно ярко подчёркнуто было в статье Т. Д. Павлова «Человек – не машина» («Лит[ературная] газ[ета]», № 104, 30/V). К. Зелинский признал полную пригодность вышеуказанной схемы для исследовательских работ в литературоведении. Автор, однако, очень осторожно подходит к решению вопроса об использовании методов кибернетики в литературоведении и заявляет: «Разумеется, было бы нелепо преувеличивать сегодняшние возможности применения кибернетической методики в литературоведении, но и совсем отрицать возможность применения такой методики также было бы нелепо. Мы стоим пока что только на пороге кибернетического анализа работы развитого человеческого сознания в его взаимодействии с подсознательной сферой». Автор ещё раз переходит к своим раздумьям на ту же тему и

---

²³⁷⁰ Соболев Сергей Львович (1908-1989) – советский математик. Академик Академии наук СССР (1939).

²³⁷¹ Устинов Виктор Михайлович (род. 1929) – советский и российский историк. Заслуженный деятель науки РСФСР (1989).

говорит: «Конечно, заранее трудно предположить, во что могут вылиться попытки применения кибернетических методов и понятий при анализе художественных образов», и на этом оканчиваются его колебания, а дальше начинается крепкая уверенность в правильности занятой им позиции в дискуссии о кибернетике. «Но я уверен, - говорит он, что кибернетическая методика даст нам не только подсобный материал, но и откроет новые аспекты, как она их открыла во многих других областях науки». Так Корнелий Зелинский, литературовед и критик, призвал своих коллег на широкую дорогу применения кибернетических методов исследований в области литературоведения. В кибернетической литературе, приводит он слова академика А. Колмогорова²³⁷², формальный анализ художественного творчества уже давно достиг высокого уровня. Внесение в эти исследования идей теории информации и кибернетики может принести большую пользу. Но реальное продвижение в этом направлении требует существенного повышения уровня гуманитарных интересов и знаний в среде работников в области кибернетики. Повышение это вообще необходимо, если ставить в серьёз задачу понимания с позиций кибернетики действительной сложности психической жизни человека». (Доклад «Жизнь и мышление с точки зрения кибернетики»). В этих словах академика А. Колмогорова К. Зелинский находит выражение своего философского *credo*. В дискуссии со своими коллегами, инакомыслящими по вопросу о роли кибернетики в литературоведческих исследованиях, литературовед и критик Корнелий Зелинский положил на весы: 1) свой авторитет учёного; 2) живое сознание особенностей переживаемой эпохи и велений её; 3) широкое знакомство с опытом применения кибернетической методики в различных науках; 4) благородное беспокойство за судьбы своей науки с пониманием её ущербного состояния в настоящий момент и, наконец, 5) молодость и смелость его мысли. Он оттолкнулся от мрачного «сегодня» в литературоведении и устремил свой взор вперёд: в этом и заключается сила его научной позиции. К. Зелинский указал своим коллегам по литературоведению, каким образом они должны подходить правильно к кибернетике, а именно: к правильному пониманию её научной терминологии, а главное – к оценке результатов, проявившихся уже в области различных наук, в том числе гуманитарных, где методика её применялась.

Итак, литературовед и критик Корнелий Зелинский открыл «зелёную улицу» применению кибернетики, экспериментированию её методами в литературоведении. Лёд тронулся, и литературоведам, вооружённым хорошо проверенным компасом марксистской материалистической философии, открыт путь новых научных опытов, рассчитанных на то, чтобы научить нашу молодёжь мыслить, а не «стругать диссертации по принципу сапожной колодки», как образно выразился в своей статье К. Зелинский.

---

²³⁷² Колмогоров Андрей Николаевич (1903-1987) – советский математик. Академик Академии наук СССР (1939).

Указатель статей, упомянутых в настоящей работе.

1. Академик Б. Бялик: «Вы это серьезно, товарищи». «Лит[ературная] газ[ета]». №...

2. Академик С. Соболев: «Да, это вполне серьезно». «Лит[ературная] газета». № 65, суббота 2/VI 1962 г.

3. Академик В. В. Парин: «Езда в незнаемое» – Ibidem, № 93 от 7/VIII [19]62 г.

4. Э. Кольман: «Чувство меры». Ibid. № 104, 30/VIII.

5. Т. Д. Павлов: «Человек – не машина». Ibid.

6. К. Зелинский: «С точки зрения литературоведа». Ibid. № 107, четверг, 6/IX.[19]62 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 28-31 об.

Разные

О статье Р. Грачёва «Присутствие духа»
(«Лит[ературная] газета». № 136, от 15/XI – [19]62 г.).²³⁷³

22 ноября 1962 г.

«Нужно возродить Человека! Он – суть моей культуры. Я буду сражаться за главенство Человека над единицей...» Это слова из сочинения-романа Сент-Экзюпери «Военный лётчик», очевидно, главным образом, и дали повод автору озаглавить свою статью «Присутствие духа». Название статьи, заглавие её едва ли можно признать удачным. Сам же он ниже в своей статье говорит следующее:

«Экзюпери мучается невыразимостью той общности людей, которую предчувствует. Речь идёт о том, чтобы изнутри преобразовать гигантский механизм, каким стал мир людей. Речь идёт о том, чтобы превратить его в организм, в Существо, оживить его. И для этого человек должен отказаться от самосознания «колёсика».

(Кибернетики! Читайте и поучайтесь! В. И.).

«Не службу надо искоренить, но психологию чиновника, не машины нужно убрать (? В. И.), но механизированную душу излечить». Роковое слово «душу» сказано, и автору, не прикрываясь никаким фиговым листком следовало бы озаглавить статью словами: «Присутствие души».

А ведь можно сказать: «Чуют правду».

«Ты же заря, скорее возвести»... О человеке с заглавной буквы.

22/XI – 62 г.

Дорогой Иван Степанович!

Примите ещё частицу из моей философии.

С приветом Ваш В. Игнатъев.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 17-17 об.

О вечной революции

19 июня 1963 г.

Ф. Кастро говорит о своей беседе с писателем Борисом Полевым²³⁷⁴
(«Правда». 7 июня 1963 г. № 158):

«... предстоит вечная революция. Революции заканчиваются, когда ликвидируются классы и система эксплуатации, когда появляется коммунистическое общество и эпохе социальных революций приходит конец... Молодёжь – беспокойный народ, всегда охваченный этим вечным

---

²³⁷³ Грачёв Рид Иосифович (1935-2004) – русский писатель, переводчик, эссеист.

²³⁷⁴ Полевой Борис Николаевич (1908-1981) – русский советский писатель и киносценарист.

стремлением к обновлению, к прогрессу, которое свойственно человечеству, и прежде всего молодёжи. Однако вслед за этими поколениями, строящими коммунизм, придут другие поколения, новая молодёжь, которой придётся иметь дело с вечной революцией, революционным преобразованием природы. Так это представляется».

Мысль о «вечной революции» очень любопытна с точки зрения психологической, а именно: не есть ли это у автора её проявление желания мыслить категориями, так называемой на богословском языке, «эсхатологии», учения о том, что же будет дальше.... Нужно ли ставить такие вопросы? Не являются ли они ненужным балластом для так уже отягощённой мыслями души человека? Наконец, не являются ли такие мысли просто вредными, бесплодными гаданиями о будущем и не уведут ли они нас в ту область, от направления в которую нас теперь усиленно предостерегают, т. е. в область религии. Припоминается при этом известный случай, имевший место на заре нашей революции, а именно: однажды вывешен был плакат, на который обратил внимание В. И. Ленин и подверг его жестокой критике: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». Если же всё-таки мысли о будущем являются необходимой составной частью психологии человека, то, очевидно, этот вопрос должен быть детальнее раскрыт в философии марксизма-ленинизма, чем это сказано у Ф. Кастро. Вопрос этот особенно актуальным становится теперь, когда с выходом человека в космос мысль его неизбежно будет расширяться, углубляться и испытывать небывалую нагрузку. Необходимо, кому следует, это предусмотреть заблаговременно.

19/VI – 1963 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 25-26.

«Творец жизни или песчинка в море бытия»

(Н. Гей, В. Пискунов). («Литературная газета» от 11/VI – 1963 г. № 69).

19 июня 1963 г.

Авторы этой статьи неправильно поставили союз «или», вместо союза «и». Формулировка темы и её развитие должны быть:

«Творец жизни и песчинка в мире бытия».

Человек по своей природе и как понятие – явление противоречивое, диалектическое. Если мы определим его только словом «творец», то это будет суждение ограниченное, не полное, а поэтому неправильное; если мы определим его только словом «песчинка», то это будет суждение ещё более ограниченное, а поэтому неправильное. Диалектика человека как существа и как понятия лучше всего раскрывается в латинском языке, где имеются однокоренные слова: *homo* – человек, *humus* – земля, почва, *humanus* – человеческий. Представлять человека односторонне вредно, а тем более внушать ему это, потому что это неизбежно приведёт его к трагическому противоречию в жизни между ним и природой. Аналогичное суждение у нас

встречалось в вопросе о бесконфликтности в драматических произведениях, что получило общее суждение. В человеке идёт вечная борьба двух начал: одного, которое мы определяем словом – «творец», а другого, которое мы определяем словом – «песчинка». Последнее особенно нужно помнить в эпоху освоения космоса, когда мир предстанет перед человеком реально, а не умозрительно только вечным и беспредельным, а он осознаёт себя действительным чудом природы во всём противоречии своего существа.

19/VI – 1963 г.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 26 об.-27.

«Синтез» идеологий или борьба?

(«Литературная газета». Т. Тимофеев. 28/V - № 63 и 4/VI - № 66).

1963 г.

Американский профессор Альфред Мейер надеется на постепенную, как он выражается, «идеологическую эрозию коммунизма» (28/V - № 63).

Правомочно ли синтез и борьбу разделять союзом «или»? Синтез является результатом борьбы и по закону Пánта рéї содержит в себе уже признак, точнее – элемент борьбы, имманентно присутствующий в нём (синтезе). Это раскрывается в схеме диалектики: тезис – антитезис – синтезис, причём все смены этих положений пронизывают движение. Возможно ли, чтобы какая-либо идеология оставалась неизменной? Не ведёт ли это положение к отрицанию всякого прогресса в развитии идей и идеологий?

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 27 об.

Что такое сосуществование?

1963 г.

Сосуществование – абсолютный закон бытия, и прежде всего – космический закон. Всё то, что мы называем космосом, т. е. различные тела, находящиеся в космосе, подчинено абсолютному закону сосуществования. Возьмём ли мы Солнечную систему, или галактики, о чём нам говорит наука – все они сосуществуют по определённым законам бытия. Нарушить систему их сосуществования – это значило бы вызвать катастрофу во всём космосе. Закон космического сосуществования для человека является абсолютно объективным и, как таковой, предстаёт перед человеком в качестве категорического императива, т. е. признание или непризнание его, принятие или непринятие его не зависит от воли человека. Далее сосуществование является биологическим законом в пределах пока нам известных только на одной из планет Солнечной системы – на Земле. На Земле существует много различных особей живых существ, враждующих между собой или мирно уживающихся между собой, среди которых находится и человек. Этот закон

сосуществования исторически ограничивается космическим законом: как известно, мир живых существ за большие периоды существования на Земле изменялся. По отношению к человеку этот закон сосуществования не является абсолютно объективным, потому что человек в своей деятельности вмешивается в существование живых существ и влияет на их изменение. Однако эти изменения он может делать только в известных пределах, так как он не является абсолютным творцом на Земле: природа противостоит ему, как нечто объективное. Всякие изменения в природе он может производить только на основе изучения и использования объективных законов природы и её развития. Дальше сосуществование является социальным законом. В качестве такового, он в отличие от предыдущих двух законов, по отношению к человеку является субъективным, т. е. зависящим от воли человека, но не абсолютно субъективным, а ограниченным историческими условиями существования и развития человека. В силу этого сосуществования людей исторически имело различные формы. Каждая форма сосуществования людей воспринималась ими, прежде всего, субъективно, как нечто постоянное и неизменное (одними, а другими, наоборот, как нечто подлежащее изменению), и на этом именно и основана была социальная борьба, как проявление различных взглядов на существующую форму сосуществования. Бытие по различному определяло сознание людей. В конечном счёте, эта борьба сводилась к борьбе за существование: социальные противоречия разрешались борьбой. Борьба заканчивалась сменой общественных формаций, однако каждая новая формация, являясь господствующей, не вытесняла совсем другие формации, остатки которых продолжали сосуществовать с нею. Так, перед Окт[ябрьской] соц[иалистической] революцией в России существовали пять хозяйственных укладов, которые являлись пережитками прошлых формаций и сосуществовали с новой формацией. Это были: натуральный, феодальный, мелкотоварный и капиталистический. При утверждении социалистического строя, вследствие того, что распределение материальных средств существования дифференцировано по количеству и качеству труда, осталось сосуществование людей с различным материальным обеспечением. Сосуществование всегда предполагает различие в чём-либо, в том числе и в идеологии. Будет ли почва для различия у людей при коммунизме, когда блага будут распределяться по принципу: от каждого по способности, каждому по потребности? Очевидно, будут, так как способности будут различными, а также различными будут и физиологические данные людей. Следовательно изменится только форма сосуществования, а не будет уничтожено само сосуществование. Сосуществование может быть в состоянии покоя, но этот покой никогда не может быть абсолютным, т. к. он, как и всё в мире, подчинён диалектическому процессу развития. Люди могут сознать или не сознать этот процесс, признавать или не признавать его, но они не могут его изменить. Всякие противоречия в вопросе сосуществования могут разрешаться только в борьбе. Убедать кого-либо в

необходимости сосуществования можно, но это значит отказаться от диалектики, спрятать её карман. Практически это походило бы на то, как если бы человек, получающий зарплату в 800 руб. месячных стал уговаривать получающего 30 руб. в месяц сосуществовать с ним на веки веков. Сосуществование в состоянии покоя основывается на привычке людей, как выразился А. С. Пушкин в «Борисе Годунове»: «привычка – душа держав». Привычки закрепляются традицией. Люди при смене форм общественного бытия разрушают прежние традиции, но тут же учреждают новые традиции, без которых существовать не могут. При этом люди часто ошибочно принимают смену форм существования за перемену их самих (люди изменяются, но этот процесс очень медленный). Особенно это бывает в борьбе на идеологическом фронте при спешке, когда желаемое принимается за настоящее.

Существует мнение, что идеологические расхождения не могут препятствовать сосуществованию. Это глубокая ошибка: идеологическая борьба есть основа всякой борьбы. Можно договариваться о внешних формах борьбы, например, соперничать, но не воевать, но в области идеологии компромиссов быть не может. Различные идеологии самим фактом своего существования находятся в состоянии борьбы. Борьба эта субъективно разрешается каждым отдельным человеком, а объективно её разрешает сама жизнь. И это обозначает, что люди в каждый отдельный период жизни владеют только относительной истиной и двигаются в направлении к абсолютной истине. В этом заключается глубокая трагедия людей, потому что им нужна не какая-то истина в неведомом будущем, а сейчас, при их жизни, и чтобы она именно была истиной абсолютной.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 712. Л. 28-31 об.

Иродиада

Иродиада зачата была во чреве матери в тот момент, когда отец её, Ирод, напуганный слухами о рождении одной еврейкой «царя иудейского», обдумывал свой приказ об убийстве всех еврейских мальчиков, достигших уже, или не достигших ещё годового возраста. Слухи эти доходили до него постепенно, но он не придавал им значения до тех пор, как ему стало известно, что халдейские звездочёты, руководимые звездой, вновь появившейся на небе, приходили в Вифлеем на поклонение новорожденному «иудейскому царю». Руководимый идеей, что только Рим может господствовать над всеми в мире, он не мог допустить существование какого-то «царя иудейского» и издал свой знаменитый приказ, прославивший его на все века.

Иродиада родилась, когда приказ её отца был выполнен, и одна из трагических страниц истории избранного Богом – Иеговой народа была уже перевёрнута.

По пословице: «Яблоко падает недалеко от яблони» - Иродиада ещё с молоком матери впитала в себя жестокость своего отца, а вместе с ней и другие, сопутствующие ей, отрицательные черты характера. В детстве она любила слушать рассказы одной своей служанки – еврейки о судьбе её (еврейки) «богоизбранного» народа, но воспринимала их по-своему, с позиции своего «морального кодекса».

Так, когда служанка рассказала ей об одном эпизоде из времён пребывания евреев в египетском плену, а именно: о том, как жена фараона Пентефрия, пленённая красотой Иосифа-прекрасного, склоняла его на любовь, а он, воспитанный в духе целомудрия, отказался от предложенной ему чести, Иродиада назвала его дураком-ротозеем. Иродиаду совершенно не интересовали патриотические подвиги людей, как проявление высоких моральных качеств, зато проявления низменных страстей – обмана, лжи, хитрости всегда задерживали её внимание и вызывали похвалу. Так, когда служанка ей рассказала о том, как мальчик Давид камнем, ловко брошенным при помощи пращи, сразил филистимского великана Голиафа и таким образом обеспечил своему народу победу над врагами – она отнеслась в этому событию безучастно, усмотря в нём только мелкую детскую забаву. Когда же служанка рассказала ей о том, как тот же Давид, богоотец, отобрал красавицу Вирсавию у мужа, она оживилась и готова была похвалить за это богоотца. Когда служанка рассказала о покаянии Давида, ей было совершенно непонятно, почему он стал каяться в этом «беззаконии» и написал знаменитый псалом «Помилуй мя, Боже по велицей милости Твоей ...». Также было и тогда, когда служанка ей рассказала о богатыре Самсоне:

то, что он погубил филистимских вождей и совершил патриотический подвиг, не остановило на себе её внимание, а вот то, что Далила перехитрила его и погубила – привело её в восторг. А от рассказа служанки о патриотическом подвиге Юдифи, отрубившей голову Олоферну, вождю врагов её народа, она пришла в восторг от самого факта убийства, и у ней появилось желание самой совершить такой же «подвиг» или быть участницей его. Она добродушно смеялась над тем, что валаамова ослица однажды заговорила. Ей было понятно, что на Саула напал злой дух Асмодей, т. к. она сама была подвержена такому психозу, но для неё было открытием, что музыка может действовать в этом случае успокаивающе.

Большой интерес проявила Иродиада к рассказам своей служанки о мрачных днях порочной жизни Ахава и Иелизавели. В этих рассказах она находила созвучие со своим представлением о жизни, к которой она стремилась. Ей совершенно непонятной была причина гибели Содома и Гоморры, где пороки общественной жизни превысили всякие нормы моральных требований. Её привлекло всё порочное, и наоборот, отталкивало от себя всё то, что стояло препятствием к такой жизни. Так, когда служанка стала рассказывать ей о пророках, которые обличали и даже бичевали пороки, то она прямо заявила рассказчице, что ей ненавистны они. Особенно она это подчеркнула после прослушивания рассказа о пророке Иеремии, который написал обличительный памфлет под названием «Плач Иеремии», а сам юродствовал – лежал в канаве, чтоб и обратить на себя внимание. Она сказала, что если бы она увидела такое «безобразия», то попросила бы своего отца убрать его из канавы. Когда ей служанка рассказала ещё о пророке Исаяи, который предсказывал о пришествии в мир Мессии, и рассказывала о том, что среди евреев находятся люди, которые уверяют, что новорожденный «царь иудейский» и есть этот Мессия Иродиада сказала ей, что её пророк Исаяя просто шарлатан, а новорожденный «царь иудейский» давно уже убит по приказу её отца. Тогда служанка открыла ей под её клятвенные заверения хранить тайну, что идут упорные слухи о том, что тот младенец, родившийся в Вифлееме, спасся: его родители – старик отец и мать, чудом сохранившая свою девственность, сбежали с ним в Египет, а теперь, когда «изомроша ищущие отрочата» вернулись домой. «А сейчас, - подчеркнула рассказчица, - этот «царь иудейский» уже большой, у него много сторонников, а особенно есть один пустынный, который ведёт дикий образ жизни – одет в шкуры, а питается одним мёдом и акридами. Он именно и должен объявить его людям как Божьего сына и «царя иудейского». «Этот» пустынный, - добавила рассказчица, - враг людей, ведущих роскошную жизнь и разоблачитель людских пороков, обличитель их. Перед воображением Иродиады при этом предстал образ пророка Иеремии, о котором она когда-то заметила, что если бы она его встретила, то попросила отца своего убрать его с дороги.

По мере возрастания Иродиада впитывала в себя все пороки римской «знати». Её идеалом была Мессалина, одна из развратнейших женщин Рима. Иродиада была неременной посетительницей Колизея, когда там

происходили бои гладиаторов. Для неё музыкой звучали их слова приветствия императору при прохождении мимо его ложи: *Morituri te salutant* (готовые умереть тебя приветствуют). Она предвкушала удовольствие – видеть смерть одного из гладиаторов, и когда озверевшая толпа зрителей в конце поединка кричала счастливому победителю: «добей, добей его!» - в диком хоре голосов слышался и её сухой и визгливый голос.

Она увлекалась танцами и была участницей диких оргий. Её жизненные запросы были такие же элементарные, какие были у римских люмпен-пролетариев, которые жили за счёт продажи своих голосов на выборах в сенат и требовали *panem et circenses* (хлеба и зрелищ!). Она была, несомненно, красавицей, обладательницей чистокровной, породистой красоты римлянки из высшего круга, но красота её была красотой хищной птицы. Она, кроме того, знала все приёмы поддержания своей красоты, всё, что изобрела для этого косметика того времени. Она танцевала с изяществом, доступным мастерам высокого класса, но в её движениях проглядывала гибкость львицы и бесстыдство одалиски, а этого именно и требовали от неё поклонники её таланта. Она была настолько порочна, что единственным своим врагом считала всё, что ей напоминало о другом мире, мире нравственной чистоты. Вот почему когда она однажды танцевала и угодила своим танцем императору и он предложил ей в награду полцарства, она назвала в качестве желанной награды Главу того пустынного, о котором ей когда-то рассказывала её служанка. Она видела в нём отрицание её жизни и как цену за это потребовала его жизнь. Когда ей принесли его главу на блюде, она испытала тот восторг, который бывает у садиста после удовлетворения его потребности причинить боль другому.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405. Л. 2-16 об. (рукопись), 28-33 (машинопись).

Мария Магдалина

Мария родилась в самом начале нашей эры, в момент её зарождения, в Эфиопии, в деревне «Магдалы». От названия деревни «Магдалы» её и стали называть «Магдалина». Какое было у неё социальное происхождение – сведений об этом не сохранилось, а дошли до нас только следующие сведения об её личности и жизни. Она по своей природе была женщиной, ищущей правды жизни, взыскующей её с юного возраста. У неё был недюжинный ум, способность мыслить, но руководителем её в этом деле никого не было: она была предоставлена только окружающей её среде да созерцанию природы, среди которой происходила её жизнь.

Эта последняя была богатой и давала обильную пищу для её размышлений. Девушка быстро подрастала, созревала, но руководимая только простым, естественным разумом и природными влечениями рано перешла «Рубикон» девичества и стала игрушкой людей, ищущих «любовных утех». Это состояние её со временем стало тяготить и, повинуюсь

позыву искать «правды жизни», она обратила внимание на распространявшиеся тогда слухи о том, что в Палестине появился необычный человек, учитель жизни. Первоначально эти слухи распространялись в Египте, с которым Эфиопия временами вела войны. Слухи эти зародились тогда, когда «он», преследуемый римлянином Иродом, спасался здесь со своими родителями. Тогда говорили, что он – «царь иудейский», а потом пошла молва, что он – проповедник нового учения, спаситель человечества. У Марии появилось желание во что бы то ни стало увидеть этого человека, и она через Египет пробралась в Палестину. Здесь она продолжала свой прежний образ жизни, позорный для женщины.

Впервые она увидела «его» и слушала, когда «он» произносил свою знаменитую «Нагорную проповедь». Он говорил:

«Блажени нищие духом, потому что им принадлежит царство небесное».

«Блажени плачущие, п. ч. они утешатся».

«Блажени ищущие и жаждущие правды, п. ч. они насытятся».

Она тоже искала правду жизни и поняла, что это о ней именно идёт речь.

Особенно она обратила внимание на те его слова, где он говорил о грехе блуда: «Кто посмотрит на женщину с «вожделением», тот уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». «Он» осудил грех блуда, и она невольно задумалась над тем, а она чем занимается? Впервые она критически посмотрела на свою жизнь. Был ещё случай, который она однажды наблюдала, как толпа хотела забросать одну блудницу камнями, а «он» остановил её со словами: «Кто первый осмелится бросить в неё камень, т. е. сам признает себя безгрешным». Все остановились, и это значило, что он спас блудницу. Было однажды ещё так, что «он» обратился к одной женщине, скрывавшей свой распутный образ жизни, и сказал ей: «Ты имела семь мужей, которого ты имеешь – не муж тебе». Ей показалось, что это «он» заглянул ей в душу и сказал это.

Когда «его» однажды с «его» матерью пригласили на свадьбу в Кану галилейскую, Мария тоже направилась туда в качестве соглядатая. Ей хотелось видеть его в обычной житейской обстановке. Ей казался «он» всегда суровым и даже женоненавистником, потому что «он» представал перед ней в роли обличителя. Она увидела его теперь благодушным человеком, внимательным и добрым. Так, когда оказалось, что вина не хватило, а его матушка сообщила ему об этом, «он» раздобыл его, а потом распустили слух, что он превратил воду в вино, т. е. совершил чудо. Мария тоже поверила в то, что он совершил чудо.

Теперь в душе Марии появилось новое чувство к «нему» - смешанное чувство преданности этому человеку, такое состояние, когда человек становится медиумом в руках гипнотизёра. Она подчинилась «его» воле, и то, что раньше составляло содержание её души – её привязанности, привычки, из которой главной была привязанность к блуду – стали отходить,

а на смену им пришло состояние экзальтации, мистическое состояние. Она стала видеть в этом человеке божество. Так, её естественное сознание было подавлено мистическим сознанием. Она готова была следовать за ним «и в огонь, и в воду». Она познакомилась с его матерью и с другими женщинами, приближёнными к «нему». Её мистическое состояние достигло своего высшего накала, когда «он» переживал свои «страсти», а когда «он» был распят на кресте, она стояла с его матерью на Голгофе, вблизи трёх распятых, и была в состоянии экстаза. Она слышала, как его мать плакала и причитала: «Увы, мне чадо мое ... Симеоном бо предреченное в церкви днесь событсся: твое сердце оружие пройдет».

Его похоронили, и уже три дня он лежал в гробу.

Все эти дни она и другие женщины из «его» окружения были в состоянии экстаза, когда человек находится на грани галлюцинации. Когда на четвёртый день рано утром трое из них, в том числе и Мария, измученные переживанием горя и под впечатлением рассказов о том, что «он» должен воскреснуть, подходили ко гробу, они впали в галлюцинацию: им показалось, что камень у могилы был отвален и вместо него стоял ангел, который сказал им: «Идите и миру проповедите, яко воскресе Христос, умертвивый смерть, яко есть сын Божий». Они пошли и прежде всего объявили об этом «его» ученикам, а потом рассказывали, что и «он» сам являлся своим ученикам.

Мария с прозвищем Магдалина сделалась потом символом грешницы, покаявшейся в грехах, и вместе с Марией египетской, тоже покаявшейся грешницей, была причислена к лику святых. Её образ привлёк внимание знаменитых художников, которые обессмертили её образ, вдохнув в его душу и плоть обыкновенного человека.

ПРИМЕЧАНИЕ: В Евангелии нет названия «Магдалина», но имеется ввиду, что это была та Мария, из которой будто бы Христос изгнал семь бесов.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405. Л. 17-27 об. (рукопись), 34-38 (машинопись).

*Последний визит «царя иудейского» в Вифанию
и отправление его на «страсти»*

21 июля 1967 г.

За свою короткую тридцатидвухлетнюю жизнь «он» не раз бывал в этой маленькой и бедной деревушке вблизи Иерусалима. Здесь жила небольшая семья из брата и двух сестёр, с которой он дружил, и члены которой относились к «нему» с уважением и любовью. Две сестры, обладательницы противоположных характеров, являли собой два типа женщин, которые прошли через всё человечество за всё время его существования: старшая, Марфа, была хлопотуньей, хозяйкой, как говорят, вся земная, а младшая, Мария, была экзальтированной мечтательницей, из тех, о ком говорят: «Она не от мира сего». Ему нравились в этой семье дружественные отношения, спокойная жизнь и трудолюбие всех членов её.

«Он» шёл в Вифанию, вспоминал об этой семье и думал о том, что это будет его последнее посещение этой деревушки, т. к. дальше он намеревался пройти в Иерусалим, где, «он» это знал, «его» ожидает неминуемая гибель, смерть от руки его заклятых врагов – книжников и фарисеев.

Когда «он» подходил уже к деревушке, навстречу ему бежали сёстры – Марфа и Мария и приблизившись, в слезах бросились «ему» в ноги со словами: «Учитель, брат наш, Лазарь, умер», - а он спокойно сказал им: «Встаньте. Брат ваш, Лазарь, не умер, а спит». Сёстры же стали уверять «его» в том, что брат их умер и уже прошло четыре дня, как он похоронен. На это «он» уже твёрдил и властным голосом повторил им, что Лазарь не умер, а спит.

«Он» знал многочисленные случаи летаргического сна, который люди принимали за смерть, а также хорошо знал и то, что он обладает силой внушения, гипнотизма, такой, которая способна творить «чудеса». Так, было однажды, что он «воскресил» девушку, якобы умершую, а на самом деле – пробудил её от летаргического сна. Не раз он проявлял силу своего внушения – исцелял людей и пр. Так, он однажды зашёл в купель «Вифезду», в которую обычно приходили роженицы на омовение после родов, но в которую, по мнению людей, раз в году опускался с неба ангел и «возмущал» воду – делал её целебной, и если кто первым после «возмущения» воды погружался в неё, то исцелялся от любой болезни. Понятно, что здесь всегда была очередь и битва за погружение в воду. Так вот он встретил здесь однажды одного расслабленного, который годами добивался очереди, но не было человека, который бы помог ему погрузиться в воду. Он сказал этому несчастному: «Встань и ходи!». Тот встал и пошёл. Опыт жизни «ему» подсказал, что «он» может «воскресить» Лазаря, поэтому «он» так уверенно и сказал о нём, что Лазарь спит, а не умер.

Когда пришли к могиле Лазаря, «он» сказал: «Лазарь, гряди вон!» «Мертвец» встал и вышел из могилы. Все это приняли за «воскрешение»

Лазаря, и миф этот был взят на вооружение верующими в «его» божественное происхождение.

Вечером был устроен в семье Лазаря приём- «вечеря» в честь «него», и Мария, по существовавшему восточному обряду омыла «ему» ноги, пыльные и щербатые, ароматной водой из «алавастра», сосуда, а эту драгоценную воду из «нарда пистика» она заготовила для него уже давно на этот случай прощальной встречи с «ним» перед «его» «страстями». После омовения она обтерла «ему» ноги своими пышными волосами и в состоянии экзальтации поцеловала их, как целуют покойников.

«Он», по своему обычаю, излагал своё учение, а в последнее время «он» чаще всего в связи с этим вспоминал то, как «он» готовился к проповедыванию своего учения. Он говорил, что прежде чем выйти к народу с изложением своего учения, «он» удалился в пустыню и здесь наедине с самим собой вырабатывал основы своего учения, подвергался соблазну со стороны дьявола, через зависть к богу когда-то погибшего ангела. Он рассказывал, что сатана поставил его на «крыло церковное» и предложил ему броситься вниз и, таким образом, совершить чудо. Потом он показал ему все царства земные и сказал: «Всё отдам тебе, только поклонись мне». Но «он» всё отверг: славу, богатство, власть – все соблазны сатаны и сказал: «Не о хлебе едином жив будет человек, а о всяком слове, исходящих из уст божиих», и прогнал сатану со словами: «Отойди от меня, сатана! Господу Богу единому послужи!». Затем «он» привёл несколько афоризмов из своего учения, например: «Не пецытеса на утрей: утренний бо сам о себе печетса» и: «Не собирайте себе сокровищ на земле, идеже тля тлит и татие подкапывают и крадут, а собирайте себе сокровища на небеси, идеже ни тля не тлит и татие не подкапывают и не крадут». Он призывал в другую жизнь – жизнь на небе, к которой земная жизнь является лишь подготовкой.

Мария внимала учению своего Учителя, она с восторгом смотрела на «него», а Марфа в это время хлопотала по хозяйству. Тогда «он» подозвал её к себе и сказал ей: «Марфа, Марфа, печешися и моляше о мнозем, едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже и не отыметса от нея». Это поучение было лебединой песней «его» в этой семье.

Утром все жители Вифании узнали, что «он» собирается уходить в Иерусалим на свои «страсти». Они собрались к «нему» с пальмовыми ветвями, посадили «его» на молодого осла, на котором ещё никто не ездил верхом, и провожали «его» выкриками: «Осанна! Благословен грядый во имя Господне, царь израилев!».

Потом рассказывали, что когда «он» вошёл в Иерусалим, то в нём произошло землетрясение, а в церкви разорвалась церковная завеса. «Он» вошёл в храм, где было много торговцев, валютников, менял. «Он» ваял верёвку – вервие и выгнал их со словами: «Храм мой, храм молитвы, вы превратили в вертеп разбойников».

Этот случай явился вызовом его врагам – книжникам и фарисеям, и они стали искать случая, чтобы убить «его». С этого и начались «его» «страсти», которые закончились «его» распятием на Голгофе.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405. Л. 50-61 (рукопись), 39-43 (машинопись).

Иуда Искарот
(ответ Леониду Андрееву)

Искаротом его называли по происхождению из деревни «Кариоты». Он был одним на двенадцати учеников – апостолов Христа. В числе их были четыре евангелиста, два писателя «посланий», были проповедники, как, например, Андрей, который по преданию проповедывал христианство в Скифии и смежных с ней странах. А Иуде было определено судьбой быть предателем своего учителя, в связи с чем имя его сделалось символом предателя – Иуды.

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах он стал апостолом, в чём выражалась его деятельность и когда у него созрела мысль предать своего Учителя. Известно только время, когда он был объявлен предателем и с какого момента он приступил к выполнению роли предателя. Рассказывали, что когда происходила «тайная вечеря» Учителя со своими учениками перед отправлением его на «страсти», он, Учитель, делал завещание своим ученикам и сказал, что один из них должен предать его. Когда они всполошились и стали спрашивать его каждый о себе: «Не я ли, Господи», - он сказал, что предаст его тот, кто обмакнул вместе с ним руку в солило за столом, где они «вечеряли». А это и был Иуда.

Тогда Иуда ушёл и стал готовиться к предательству своего Учителя.

Из истории предательства Иуды ещё известно, что он пришёл в Гефсиманский сад, где томился в предчувствии страданий его Учитель, провёл с собой людей, которые должны были его арестовать, и предал его, причём, как деталь этого события, передавали, что он поцеловал его, а это было условным знаком, кого нужно было взять.

Говорили ещё о том, что предательство он совершил в корыстных целях – за тридцать серебрянников, а потом удавился, а в одной старообрядческой книге («Кормчей») слово «удавился» пояснено: «т. е. женился».

Миф об Иуде Искариоте самый жестокий по своему содержанию и направленности из известных нам мифов. Его, как и другие, создала необузданная человеческая фантазия, лишённая опоры в нормальной умственной деятельности, основанной на опыте жизни, организованном в систему науки. Этот миф родился на перекрёстке двух других мифов, как производное от их скрещивания. Один из этих мифов представлял из себя проекцию человеческой фантазии в прошлое, а другой – проекцию в будущее, причём оба они построены были на одних и тех же явлениях жизни,

которые никак не могла объяснить человеческая мысль. Этими явлениями были различные формы человеческих страданий – тяжёлого, изнурительного труда и физических мучений, например, при родах. Когда люди, бессильные преодолеть эти мучения, страдания, направляли свою мысль в прошлое, то лёгкая фантазия рисовала им картину «золотого века» о жизни в раю, а вместе с этим и то, как они не сумели удержать это своё счастье. В мифе рассказывается, что они позавидовали Богу, своему создателю – захотели всё знать, как это доступно было ему одному, и были за это жестоко наказаны: мужчине было определено в поте лица добывать хлеб, а женщине – в болях родить детей. Люди сами придумали этот жестокий миф и сами не смогли примириться с жестокостью его. Тогда они направили свою фантазию в будущее – создали проекцию в него, и стали жить надеждой на то, что должен явиться человек – Мессия, который своими страданиями и смертью искупит «первородный грех» людей и освободит их от того наказания, «проклятия», которое было наложено на них за «первородный грех» их предков. Такой человек, по признанию некоторых людей, нетерпеливых, по мнению других, явился. Это был учитель Иуды. Встреча с ним была роковой для Иуды, потому что на него именно, совершенно необоснованно, возложена была задача подвезти его Учителя к «страстям», через которые он должен был снять клятву, заклание с людей. Расправиться с Учителем враги его могли и без «услуг» Иуды, тем более что эта расправа была предусмотрена, так сказать, была запланирована уже мифом, а Иуда введён был в миф в качестве мелодраматического героя, как Риголетто в одноимённой опере Дж. Верди. В самом деле, Иуда показан в мифе в критические моменты: во время «вечери», когда Учитель делал завещание своим ученикам; дальше в Гефсиманском саду, когда Учитель переживал мучительный страх перед «страстями» - просил своего отца, чтобы миновала его эта «чаша», но оговаривался: однако чтобы он сделал по своей, отцовской, воле, а не по его, сыновней. И в той, и другой картине подчеркнут драматизм развивающихся в мифе событий, рассчитанной на сильное эмоциональное впечатление. В мифе в образе Иуды объективизированы самые отрицательные черты человека: предательство, корыстолюбие, лицемерие. Опозорен самый высокий акт проявления человеческой любви – поцелуй. Возникает вопрос: для чего это потребовалось? Чтобы найти виновника? Но ведь трагическая развязка мифа была уже predetermined: Учитель должен был пострадать для искупления рода человеческого от «первородного греха»; это было то, что выражается логическим законом *conditio sine qua non* (основание, без которого суждение не может существовать). Не была определена только форма, какую должны были принять «страсти». Ясно, что сгусток Иудиных пороков нужен был для того, чтобы свалить на него жестокость самой концепции искупления – сделать Иуду лично ответственным за «страсти» Учителя. Так именно и поступили почитатели Учителя. Они сложили о нём такие, например, песнопения: «Лучше бы было тебе, Иуда, не родиться», - сравнивая его поступок с

поступком «разбойника благоразумного», говорили, обращаясь к Учителю в памятные дни о «нём»: «не дам тебе лобзания, как Иуда, а признаю тебя, как разбойник». Они назвали его незаконным сребролюбцем. Но это было заведомым желанием «спутать карты», в данном случае спутать две плоскости, на которых построен миф, а именно: плоскость, на которой лежала основа мифа – неизбежность «страстей» и плоскость личного участия в мифе Иуды, что относилось только к форме проведения «страстей». Образ Иуды показан противоречиво: он признаётся лично ответственным за то, что в основе своей было детерминировано, т. е. определено помимо его воли. Миф о Прометее был построен по строгому закону «достаточного основания»: он похитил с неба огонь, и за это был прикован к скале. А за что был наказан Иуда? В одном из мифов о нём говорится, что он повесился, но за что? За то, что судьба связала его жизнь с жизнью другого человека, обречённого на «страсти», но он за это не может быть признан лично ответственным, как не может быть признан лично ответственным человек, сброшенный с высоты и при полёте сбивший другого, оказавшегося на его пути. Миф об Иуде построен в обход логики, он алогичен. Путаница эта идёт от неправильного понимания свободы личности, что является камнем преткновения для многих мыслителей аристотелевой логики.

Своеобразное понимание образа Иуды мы находим у Леонида Андреева. Он показал Иуду в своём рассказе наизусть, а именно, что он предал своего Учителя из любви к нему – из желания его обожествления. Ошибка Л. Андреева состояла в том, что он изобразил Иуду в отрыве от концепции идеи о Спасителе, по которой значится, что Иуда был участником только «страстей» своего Учителя, а не был проповедником его божественного происхождения.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 405. Л. 62-76 об. (рукопись), 44-49 (машинопись).

ВСТРЕЧА

(«Жизнь прожить – не поле перейти» - пословица)

20 декабря 1969 г.

В жизни иногда бывают случайные встречи... Непредвиденные... Незапланированные... Встретились, на минуту задержались, обменялись короткими речами, разошлись, и встреча канула в вечность. Но бывает и так, что встреча была случайная, а что-то в ней зацепилось, прильнуло, и она повлекла другие встречи. Так снежный ком, чем больше его катить, растёт, растёт; или на дереве появится среди других веточек маленький бутон, а из него разовьётся ветка в среде многих других веток. Если перевести это явление на язык психологии, то можно сказать: на душе отложится какая-то чёрточка, а она разовьётся в рубец. Подобная встреча произошла у меня с одной девушкой. ... Случайная, незагаданная, незапланированная.

Это произошло в г. Загорске²³⁷⁵, по старой привычке именуемом иногда «Сергиевым Посадом». До сих пор в этом городе притягательной силой внимания и интереса является Троице-Сергиевская Лавра, преобразованная теперь в заповедник.²³⁷⁶ По разным мотивам приходят в неё люди: верующие поклониться мощам преподобного Сергия и помолиться; историки – обозреть исторические памятники старины; художники – полюбоваться художественным творчеством древне-русских мастеров архитектуры и изобразительного искусства. Меня же сюда привлекала вся прошлая моя судьба, в которой представлены были все указанные выше моменты. Как-то в беседе о моём желании побывать в Лавре узнала одна из знакомых мне женщин, уроженка Загорска, имеющая там родню, и предложила свозить меня туда, да, буквально, свозить, т.е. с опекой в дороге. Так, в апреле 1967 г. я оказался в Загорске. Мы, т. е. я и моя знакомая с мальчиком, зашли сначала к старой сестре её, которая жила ближе к вокзалу. Состоялось моё знакомство с хозяйкой дома и её дочерью. Мы сидели в гостинной комнате и вели летучий разговор, какой всегда бывает у только что познакомившихся людей. Я был гостем, а у русских людей, известно, что это значит. Хозяйка дала знак своей дочери приступить к подготовке чая и, сидевшая рядом со мной девушка: стройная и крепкого сложения, приступила к сервировке стола. Мы продолжали беседу с её мамашей, а я внимательно следил за ритмичными спокойными движениями девушки. Она «священнодействовала». Иногда она на какую-то секунду останавливала движение своих рук, как будто что-то соображала, производила перестановку предметов на столе, и это было похоже на то, как составитель пасьянса

²³⁷⁵ Сергиев Посад – город в Московской области, в 1930-1991 гг. назывался – Загорск.

²³⁷⁶ Троице-Сергиева лавра – крупнейший мужской монастырь Русской православной церкви, основана в 1337 г., закрыта в 1920 г., возобновлена в 1946 г. На её территории действует Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, образованный в 1920 г.

переставляет карты для решения поставленной им задачи. Казалось, девушка вспоминала что-то из обучения этому мастерству своей матушкой и старалась точно следовать преподанному ей уроку. Легко можно было подметить, что девушка являла собой, всеми чертами своего облика тип чистокровной русачки (Светлана – Жуковского, Татьяна – Пушкина): у неё было открытое русское лицо, серые с поволокой глаза, русые с явными следами химической обработки волосы. Ритмичные движения рук и всего корпуса, спокойное выражение глаз указывали на характер девушки, очевидно, твердый и настойчивый.

Итак, я был гостем. Кто не знает хлебосольства русских людей! И. А. Крылов в своей басне «Демьянова уха» показал изнанку его, которая сформулирована была потом в словах: «Гость – мученик». Меня тоже прилежно угощали, но я нет – не чувствовал себя мучеником в присутствии приветливой хозяйки и её миловидной дочери.

Двухчасовое обозрение исторических памятников Лавры утомило меня и когда апрельское солнце уже скрылось за горы и две мои спутницы – тётка и племянница – двинулись к конечной остановке в Загорске, к домику матери моей Свердловской спутницы. Было довольно грязно и ноги скользили, поэтому меня подпирали с той и другой стороны крепкие женские руки. У меня было такое впечатление, что я не шёл по земле, а меня несли, причём то и дело раздавалась команда: «держитесь, держитесь». Особенно у самого домика нужно было перейти через дорогу, и меня, почти как на руках, перетасили через неё мои спутницы. В доме я испытал уют семейного очага. Вспомнились детские годы, когда вот также меня окружала наша семья в тихие вечерние часы. Чувствовалась только однобокость состава семьи: сильный пол представлен был только двумя полярными точками – юным, ещё ребенком и сильно постаревшим человеком при четырёх персонах женского пола. Вся обстановка указывала на то, что для гостя был устроен приём: во главе стола сидела хозяйка дома, старушка из тех, которые всегда возбуждают участие к себе. Между ней и её дочерью, моей свердловской спутницей, по боковой, сидел я в полном сознании того, что сижу на почётном месте. Две семейные идиллии дополнял уют домашнего очага. На коленях моей соседки по столу сидел мальчик. Мне никогда раньше не приходилось видеть такой картины любви ребенка к матери, какую я наблюдал теперь. Нет, мальчик не сидел, а всё время обнимал, целовал, гладил её волосы и что-то шептал. Кто-то из присутствующих сказал, что он целый день ждал возвращения мамы из Москвы, то и дело поскакивал к тому или другому окну в надежде видеть её возвращающейся домой и теперь всю энергию своего сердца изливал в своих детских ласках. Это достойно кисти какого-либо великого художника или скульптора. Сам великий Мурильо²³⁷⁷ в своей Секстинской мадонне [не] смог передать тех красок, которые даёт сама жизнь. В некотором отдалении от стола, в стороне выхода, сидела девушка, а

---

²³⁷⁷ Мурильо Бартоломе Эстебан (1617-1682) – испанский живописец.

на коленях у неё была девочка, дочь одной из дочерей хозяйки дома, присутствующей рядом с ней. В таком сочетании девушка, уже готовая стать матерью, и девочка, свидетельница осуществлённого кем-то материнства, всегда есть что-то пророческое: если о первой матери с мальчиком на руках можно сказать, что она мадонна, то о второй, что она будущая мадонна. Таков закон жизни.

Шла непринуждённая беседа на семейные темы. Но вот девушка стала собираться домой. Подавая мне руку, она, как показалось мне, подчёркнуто, в духе известного песенного выражения «И кто его знает, на что намекает» она сказала «до встречи в Свердловске». У меня возникли туманные предположения о значении этих слов на основании того, что мне известно было об этой девушке, об её планах на ближайшее будущее из рассказов о ней её тетки. Однако точный смысл их стал ясным, когда она, тётка, сказала мне, что девушка надеется на меня, на мою помощь при поступлении в Свердловскую зубоветеринарную школу. Надежда эта у неё, очевидно, появилась в связи с тем, что я как-то проговорился о своих связях с этой школой.

Открытие тёткой девушкиного секрета о том, что она имеет какие-то виды на меня – надежду, подтолкнули мой мозг на усиленную работу, как это могло быть, когда я не подавал никакого повода к этому. Раскрывая диалектику этого чувства, я упёрся в известную триаду, в которой слово надежда играет роль среднего компонента: вера, надежда, любовь. Это привело меня к мысли, что девушка усмотрела, очевидно, во мне что-то такое, что позволило ей уверовать в меня, а отсюда и надежда. Поверить, уверовать в человека. Это неотъемлемая черта нашей современной молодёжи, проявление её открытого характера. Мой мозг работал с быстротой электронной вычислительной машины и где-то в нём я уловил категорическое: ты должен помочь этой девушке, а психологически это отложилось в душе как *idée fixe*.²³⁷⁸ Так, завязался психологический узел, который, как пружинка, вёл меня.

То обстоятельство, что девушку постигла неудача при попытке поступить на учение в Московскую зубоветеринарную школу, о чём мне рассказала её тетка, настораживало меня, а также то, что девушка последние три года учение проходила без отрыва от производства, ни то, что в её теоретическом балансе не всё на уровне, какой требовался от поступающих в школу вышеуказанного типа в Свердловске. Мне удалось устроить девушку на подготовительные курсы для поступления в ВУЗ. «Козырями» у девушки на этот случай были три года практической работы в мед[ицинском] учреждении и очень лестный отзыв о её работе в бригаде коммунистического труда. Образно выражаясь, в её руках была «ариаднина нить», которая вела её по лабиринту экзаменов к цели. Но московский опыт говорил о том, что

---

²³⁷⁸ *idée fixe* – по-французски идея фикс, сверхценная идея, которая преобладает в сознании личности над всеми остальными суждениями.

эта нить может выпасть из рук и не сыграть своего назначения. Мне представилось, что девушке нужно помочь не затеряться среди других, и я принял решение поддержать её в этом отношении. Я буквально ходил по пятам экзаменационной комиссии, что[бы] фиксировать её внимание на несомненных достоинствах девушки. Когда прошёл экзамен по сочинению, я на другой же день осведомился у ответственного секретаря об оценке её сочинения. Он сообщил мне, что работа её признана очень плохой, но я ему указал на список с опубликованными оценками, где было помечено «посредственно». У меня осталось впечатление, что ответственный секретарь просто спутал её с кем-то. Он, очевидно, сам признал это и заявил: «передайте ей, чтобы она готовилась химию сдать на пятерку». Я сам когда-то занимался проведением вступительных экзаменов для поступающих в ВУЗ и попросил посмотреть работу девушки. В сочинении её оказалась досадная ошибка в слове «апатия». Что говорить, она, конечно, свидетельствовала о каком-то недостатке в развитии девушки, но в общем плане – развития темы, в стиле изложения – сочинение можно было оценить где-то между 3-мя и 4-мя (3 ½).

Мы сидели с девушкой около учебной части, и я ей сообщил о предложении ответственного секретаря по проведению экзаменов. Девушка реалистично призналась, что для неё это будет непосильным.

Были мучительные минуты сомнения в том, что я не оправдаю доверия ко мне девушки – веры в меня. Когда на другой день девушка сообщила мне о том, что ответ её по химии оценили четверкой, что мои усилия помочь девушке были не напрасными, что признала и она.

Я разделял её радость по поводу зачисления в школу. Нет!

Я не жалею, что произошла эта встреча, хотя она была заботливой и под час, нервной. Я верю в то, что эта девушка будет хорошим зубным врачом, и я желаю ей счастья в жизни. Конечно, я не чужд эгоизма и хотел бы, чтобы девушка тоже сохранила хорошую память об этой встрече.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 391. Л. 15-27 об. (рукопись), 28-33 (машинопись).

АЛЬКА

б/д

Мне рассказывали, что Алька ещё восьмилетней девчонкой приносила по утрам молоко «нашим», когда они жили в Первотаровке, около Исиль-Куля Омской области. Это было в сороковых годах. Я два раза летом бывал в Первотаровке, но совершенно не помню об этом случае. Получилось же так потому, что, вероятно, это обстоятельство просто не попадало в поле моего зрения.

Спустя лет десять после этого, Алька приехала в Свердловск к своей тётке Симе Оришак, которая работала тогда на мукомольной фабрике, и здесь я впервые увидел Альку. С Серафимой я был знаком по Первотаровке. Пришли они к нам, и Симка, там мы привыкли называть ещё по Первотаровке, отрекомендовала Альку нам. Алька приехала в Свердловск с целины, куда переехали её родители – мать со своим новым муженьком. Альке не было тогда ещё восемнадцать лет, и это осложнило её переезд в Свердловск. На целине её приучали к шитью, но ей это не нравилось, и она мечтала устроиться куда-либо на производство. Получилось так, что тётка её Серафима в одном из своих писем только намекнула Альке о возможности устроиться где-либо в Свердловске, и она явилась сюда, приняв намёк уже за вызов в Свердловск. Поторопилась, и поставила Серафиму в затруднительное положение: что с ней делать – ей не было ещё 18 лет, и на работу её никуда нельзя было устроить. Между тёткой и племянницей произошла досадная размолвка, которая омрачила приезд Альки в Свердловск. Тётка иногда ворчала на Альку, пеняла ей за необдуманный шаг.

Об этой размолвке мы узнали из рассказа самой Альки: она жаловалась на Симку и обмолвилась, что её при этом защищала одна из работниц, с которой у ней установилась потом дружба. Конфликт разрешился следующим образом: было признано, что Алька будет жить в общежитии с тёткой и «вызреть» до 18 лет, а потом Серафима её устроит на завод первоначально разнорабочей. Так Алька предстала перед нами «ником» в ожидании совершеннолетия для поступления на работу. Мы решили принять участие в судьбе Алька, и предложила ей два раза в неделю приходить к нам: производить уборку комнаты, приносить дрова и воду и производить прочие услуги с оплатой в 20 руб. за месяц, как говорится «на хлеб». Так Алька и вошла в нашу семью.

Альке был предложен следующий режим поведения при посещении нас: она не должна считать себя гостьей в нашей комнате. Она сама себе должна готовить чай, подогреть обед и пр., сама себе устроить место для отдыха. Одним словом поступать во всех случаях так, как вёл бы себя кто-либо из членов нашей семьи.

Алька быстро привыкла к этому режиму. Она приходила иногда к нам прямо с работы усталая, не выспавшаяся. Она готовила себе чай, закуску и

заваливалась спать на раскладушке. Иногда я договорился с ней об уборке комнаты. «Аля, давай с тобой очистим «авгиевы конюшни», т. е. произведём коренную уборку комнаты. Мы с Алькой выносили на двор спальные принадлежности, «ковры», всё основательно потрясли. Потом Алька забиралась на наш универсальный шкаф и там под самым потолком наводили порядок.

Алька явилась к нам деревня-деревней и с круглым скулистым листом, бесформенным носом, мясистыми губами и с явными признаками развиваться в телеса с буферами под подбородком, обещающими превратиться в «гималаи». Деревня всегда содействовала этому, давая развиваться человеческому организму без разных ограничений в условной одежде. Но душа у Альки уже была тронута желанием городской жизни, о чём замечено уже выше.

Алька была непременным участником наших семейных торжеств. При этом она любила следить за одеянием присутствующих и делала оценку его. В одной из наших родственниц она однажды нашла свой идеал одеяния комиль-фо и заявила: «Вот это настоящая дама».

Во время моей болезни Алька была связистом между мной и *meine Frau*. Она аккуратно навещала меня, приносила передачи, письма и сидела со мной в палате или коридоре. Наши беседы были очень сердечными породственному, и я всегда был доволен посещением её. Люди из работавших в больнице и некоторые больные интересовались личностью Альки и моим родством с ней. Был один случай, что личностью Альки заинтересовался один из больных, лежавших со мной в палате. Он оказался земляком Альки и заинтересовался ею на предмет подыскания невесты своему сыну, который вот-вот должен был демобилизоваться. Этот его секрет открыл Альке, и она задумалась, но потом призналась, что у неё уже есть жених.

Теперь уже определённо можно сказать, что Алька бросила нас. Бросила нас так постыдно, как бывает, что человек сделает какую-либо гадость и бежит от неё, чтобы не видеть её и скорее её забыть. Зачем они это сделала, этот вопрос навязчиво стоит перед нами, но мы не находили на него ответа. Грустно и грустно! Когда я поведал об этом одной моей хорошо знакомой девушке, она, очевидно, что[бы] смягчить горечь нашей обиды и из жалости ко мне сказала, что Алька ещё вернётся к нам, ко мне. Милая, добрая девушка! Она к нам, ко мне уже никогда не вернётся прежней Алькой, такой, какой мы её считали и представляли. Этот прежний её образ уже разрушен и не может быть восстановлен. Так картина после реставрации может быть вновь экспонирована на выставке, но она уже будет у всех в сознании, что она не прежняя картина, а реставрированная, хотя бы с исключительным мастерством художника-реставратора. Ваза, когда-то небрежно разбитая, но вновь склеенная виртуозом мастером, всегда будет в сознании человека, знающего об её судьбе, находящейся в опасности вновь разлететься на черепки.

Вместе с этими грустными размышлениями я понял, что я (=мы) любил Альку, иначе, почему же мне (=нам) так грустно сознавать, что Алька бросила нае меня (=нас). Не зря ведь сказано: жизнь была без радости – разлука будет без печали, и, значит, наоборот, печаль по поводу разлуки – верный показатель любви при жизни, пусть обманчивой и поэтому обидной и горькой.

ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 395. Л. 100-109.

ИВАНОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

б/д

*«...Земля еси и в землю отыдеши,
амо же вси человецы пойдем»*
(Из погребальных церковных песнопений).

От бывшего Екатеринбурга Свердловск получил в наследство несколько кладбищ. Одни из них предназначены были для погребения православных христиан и по имени того или иного святого, которого чтит Православная церковь, назывались: Ивановским – в честь Иоанна Крестителя, Михайловским – в честь Михаила-архангела и Никольским – в честь святителя Николая-угодника. Существовали ещё кладбища старообрядческое, еврейское и татарское. Последние два существуют и донныне: одно (еврейское) рядом с Михайловским, другое (татарское) в отдалении от города по Московскому тракту. Так дифференциация по религиозным взглядам сохранилась и по сие время – на сорок четвертом году после Октябрьской социалистической революции.

Из кладбищ для православных в настоящее время главным является Ивановское кладбище. Оно теперь является и центром церковной организации: здесь находится собор²³⁷⁹, храм, в котором совершаются богослужения местным архиереем. Кладбище находится в западной части города, точнее – в юго-западной его части. Когда-то здесь была глухая окраина города, прилегавшая к Московскому тракту.

Единственным соседом его была тюрьма – мрачное здание, которое и теперь ещё выделяется в общем ансамбле зданий, которые окружили его уже в наше время. Теперь в соседстве с кладбищем оказались медицинский институт и совсем еще недавно выстроенный центральный стадион города, а со стороны целого комбината «исправительных» учреждений непосредственно примыкающий к нему юридический институт, областная прокуратура, областной суд и громадные дома с квартирами для служащих этих учреждений. Так из места «успокоения» - уединения и тишины, каким оно должно бы быть, кладбище оказалось расположенным на одной из главных магистралей города, по которой постоянно движется непрерывный ряд автомашин, в месте шумном по причине близости стадиона. Да и само оно как центр церковной общины стало более оживлённым, людным и неизбежно отразило на себе те перемены, которые произошли в стране.

Что ни говорить, но оно является по своему назначению не просто местом захоронения, но и учреждением идеологическим, и здесь именно

---

²³⁷⁹ Собор Рождества Иоанна Предтечи на Ивановском кладбище г. Екатеринбурга открыт в 1842 г. Кафедральный собор Свердловской (с 1991 г. Екатеринбургской) епархии с 1943 г., единственный храм в г. Свердловске в советское время.

можно проследить отдельные проявления и этапы развития идеологии обитателей этого печального места. Всех их земля, точнее сказать – могила сровняла, привела к общему знаменателю, но оставшиеся в живых люди не хотят никак примириться с этим фактом, нет, они и после смерти их разделяют их по тем категориям, по которым разделяли их и при жизни. Здесь, где погребён прах умерших, также различаются бывшие люди, по месту, положению и чинам, как было и в жизни. Здесь есть свои центры, около которых сгруппированы те, кто в жизни был выделен из ряда других. И какая же получилась пестрота положений, судеб людей, которые когда-то жили, выделялись среди других, и, в конце концов, нашли один приют в «земле сырой».

Вот места около церкви – места привилегированных людей. Здесь могилы бывших знатных людей, связанных с культом – архиереев, протоиереев, священнослужителей. Здесь же около самого алтаря могилы артистов – Борина²³⁸⁰, Бец[кого]²³⁸¹ ... [отсутствует часть страницы – ред.]. Вблизи церкви похоронена схимонахиня Магдалина (Досманова), которая шестьдесят лет прожила в монастыре. Около церкви похоронен Талашманов Илья Ефимович, известный подрядчик по гужевым перевозкам грузов. Был он пробойный вятский мужичок, оборотливый, сумел приспособиться к новым условиям жизни после революции, держал целый обоз битюков и обслуживал внутризаводской транспорт ВИЗа. Знался в «бывшими» людьми и устраивал для них угощения. На видном месте у церкви мраморный обелиск с мраморной террасой на могиле генерала авиации Емельянова²³⁸², а неподалеку от неё могила знаменитого врача.

Понятны соображения тех людей, которые выбирали место для могилы этим знатным людям: были на виду у людей при жизни – похоронить нужно на видном месте. Тщеславие – вот что руководило людьми в данном случае, а любовь к ним, на что обычно люди ссылаются в данном случае – это было уже производным чувством. Вблизи церкви похоронены жертвы авиационной катастрофы и жертвы зверского убийства: двое детей и одна старушка с девушкой. Жестокость судьбы и людей. Наконец, совсем недавно у самого входа на кладбище, даже с выступом к площадке у церкви похоронен инженер Земако, бывший заведующий химическим предприятием Свердловского совнархоза.

Центральная аллея кладбища. По ту и другую стороны находятся места захоронения бывших видных людей города. Здесь находятся могилы:

---

²³⁸⁰ Борин Макар Семёнович (1875-1938) – артист. В 1924-1926 гг. руководитель театра в Соловецком лагере.

²³⁸¹ Бецкий (Кобецкий) Михаил Александрович (1880-1937) – артист, актёр и режиссёр Свердловского драматического театра (с 1930); театральный педагог (с 1911 г.). Заслуженный артист РСФСР 1933 г.

²³⁸² Емельянов Фёдор Емельянович (1893-1944) – генерал-майор авиации. Командующий Военно-воздушными силами Уральского военного округа.

артистов драмы Зари²³⁸³, Дыбчо²³⁸⁴, оперы – Шадина, профессора Величкина²³⁸⁵ и несколько семейных кладбище, например – Квасовых. Есть могилы молодёжи – студентов, учеников школ. Приятно видеть тщательный уход за этими могилами: аккуратные изгороди, цветы, скамейки у могил, дорожки, посыпанные песком. А за этими могилами в ту и другую сторону по лесу вся площадь усеяна крестами и звёздами на могилах тех, кому не нашлось места у главной дорожки.

В конце аллеи, справа, каменистый холм – место захоронения самых видных людей современности, «аристократическое кладбище», как говорят некоторые люди. Здесь место упокоения писателей: Бажова, Ликстанова²³⁸⁶, видных государственных деятелей – Земляниченко²³⁸⁷, Копылова, организатора дружин на Верх-Исетском заводе против Дутова – П. З. Ермакова²³⁸⁸ и др. Кстати сказать, останки его сюда перенесены с другого места, которое показалось вдове его низким для захоронения её мужа. Таково тщеславие!

Представил себе на минуту, что все эти обитатели этого мрачного места поднялись бы из могил и стали делиться воспоминаниями о своей прошлой жизни, какая бы получилась пестрота общественных положений, классовых различий, мировоззрений, характеров и пр. А здесь они приведены в одно состояние праха и уравниены.

Много различных мыслей возбуждает вид кладбища, будет ли оно Ивановским, Никольским или Михайловским, будет ли оно в Свердловске, Москве или Риге, будет ли оно, наконец, в России, во Франции или Египте. Вид могил на них может быть самый различный: от пирамид, базилик, пантеонов и обычных кладбищ, но все они в большинстве случаев являются окаменевшими свидетельствами человеческого тщеславия. Реже они являются свидетелями заслуг человека, признанием их благодарным потомством. Имеет ли для мёртвого название его доктором медицины, лауреатом и прочими эпитетами, а все надгробные памятники пестрят этими эпитетами. Тщеславие, только тщеславие людей диктует, увековечивает это явление. Меняются формы его проявления, но содержание его остается одно и то же. Иной раз явно проявляется при этом противоречивость его (явления) проявление. Разве не является явным противоречием то, что, например, в

---

²³⁸³ Заря Иван Григорьевич – артист. В 1935-1940 годах – актёр Свердловского драматического театра. Заслуженный артист РСФСР (1950).

²³⁸⁴ Дыбчо Сергей Афанасьевич (1894-1952) – актёр, артист оперетты. Заслуженный артист РСФСР (1944).

²³⁸⁵ Величкин Владимир Иванович (1890-1953) – учёный-гигиенист, организатор здравоохранения на Урале. Директор Свердловского медицинского института в 1941-1947 гг., доктор медицинских наук 1946 г., профессор.

²³⁸⁶ Ликстанов Иосиф Исаакович (1900-1955) – русский советский писатель.

²³⁸⁷ Земляниченко Виктор Фёдорович (1906-1956) – председатель Свердловского горисполкома в 1948-1955 гг.

²³⁸⁸ Ермаков Пётр Захарович (1884-1952) – русский революционер, один из непосредственных участников расстрела Николая II и его семьи и захоронения убитых.

наше время господства атеистического мировоззрения около церкви захоронены генерал, видный деятель совнархоза и др. Нет, люди охваченные тщеславием, идут и на это противоречие, лишь бы похоронить своих родных на видном месте. Вот мы видим, что артисты похоронены у самого алтаря церкви. Вот это возвышенная идея, которую Леонкавалло²³⁸⁹ отразил в своей опере «Паяцы», а Герцен в романе «Сорока-воровка». Они были «комедиантами», но они были людьми. Это гуманно, это не тщеславие, а утверждение человеческого достоинства, и наше нравственное самосознание удовлетворено.

Семейные кладбища несут в себе благородную и поучительную идею общественной организации людей, особенно поучительную для тех людей, которые собираются строить свою семью. Мы испытываем нравственное удовлетворение при виде таких кладбищ.

На кладбище можно прочитать различные жизненные сентенции на темы самых разнообразных мировоззрений: и религиозных, и философских, и просто житейских. Вот читаем на памятнике-монументе П. П. Бажова: «Работа, она штука долговечная: человек умирает, а дело его живет». Поразному в них люди выражают свои мысли, свои чувства, и это является отражением различных идеологий авторов этих сентенций.

Кладбища напоминают людям о смерти – *memento mori*, - они дают материал для элегий, как, например, у В. А. Жуковского, но они же свидетельствуют о сосуществовании жизни и смерти, живых и мёртвых. Такова сила человеческих чувств, что они побуждают людей приходить сюда и вести мысленную беседу с теми, кого уже нет в живых. Именно здесь, по словам философа-материалиста Фейербаха, и рождается вера в Бога. А с ним на эту же тему перекликается Лиза из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева в словах: «верить в Бога нужно потому, что нужно умереть». Смерть, её трагическая необходимость, всегда напоминает о себе здесь, на кладбище.

Много горя и слёз впитало [в] себя Ивановское кладбище и различные судьбы привели обитателей его в их земельных убежищах сюда под сень пышных сосен и тополей. Люди всех возрастов, различных профессий, социального происхождения, все они объединились на одной территории. Здесь, вблизи ограды тюремного заключения покоится прах соратника бывшего вождя партии кадетов П. Н. Милюкова – Александра Марковича Винавера, закончившего свой путь профессором юридического института. Неподалёку от главной аллеи, налево покоится прах Георгия Павловича Мурашова, за один год перенёсшего три беды семейных и личных, которые свели его в могилу. Неподалеку от церкви покоится прах знаменитого врача, свердловского «доктора Гааза», [Л. В.] Лепешинского, а чуть подалее – прах юноши студента Риделя. Дикий случай свёл его в могилу: пошли студенты в лес на прогулку, он упал в глубокий шурф и разбился на смерть.

---

²³⁸⁹ Леонкавалло Руджеро (1857-1919) – итальянский композитор.

Около церкви покоится прах двух юношей, разбившихся при падении самолёта.

На кладбище всегда есть посетители могил захороненных из родственников и людей, связанных с умершими при жизни. За изгородью могилы артиста Зари можно иногда увидеть сидящей в глубокой задумчивости артистку Малиновскую²³⁹⁰. Всегда кто-либо находится у величественного памятника, воздвигнутого на могиле П. П. Бажова. Часто можно видеть у фамильной могилы Игноратовых врача-пенсионера Игноратова. Постоянной посетительницей могилы Л. В. Лепешинского является его дочь с бесконечным оплакиванием своего отца. Особенно на кладбище бывает оживлённо весной и летом, а в Радоницу всё кладбище бывает заполнено людьми.

Так осуществляется за всю историю существования людей сосуществование живых и мёртвых. Люди бессильные против смерти, этим самым утверждают свою веру в бессмертие своё: таково веление их нравственной природы.

ГАПК. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 724. Л. 1-11 об.

---

²³⁹⁰ Малиновская Зоя Кронидовна – актриса, в 1940-х-1960-х работала в Свердловском драматическом театре. Заслуженная артистка РСФСР 1950 г.

1961

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ X

Игнатъев В. А. и его жена Анна Фридриховна.
ГАСО. Ф. р-2757. Оп. 1. Д. 392. Л. 7.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов, 124, 1615
Абрикосов Андрей Львович, 442
Аввакум, протопоп, 453, 819
Августин, 1925
Авель, 482, 1719
Аврелий Августин, 818
Автократов, 299
Агалаков, 1146
Агафуровы, 494, 652
Агеевы, 990
Аграновский Давид Самойлович, 1913, 1914
Агрёнова-Славянская Маргарита Дмитриевна, 1070, 1906
Агрёнов-Славянский Дмитрий Александрович, 1070, 1906
Адам, 1719
Азеев Евстафий Степанович, 639
Азеф Евно Фишелевич, 662
Акимов, 1116
Аксаков Сергей Тимофеевич, 809, 989, 1895
Алафузовы, 252, 336
Александр I, император, 36, 565, 604, 668
Александр II, император, 241, 305, 437, 1647
Александр III, император, 146, 437, 1320, 1388, 1649, 1714
Александр Македонский, 589, 1723, 1724
Александров Александр Иванович. См. Анастасий (Александров), епископ
Александров Николай Павлович, 1210, 1229
Александровы, 796
Алексей Михайлович, царь, 1406
Алексей Петрович, царевич, 438, 1499
Алексий (Дородницын), епископ, 801, 802, 805, 806, 898, 911
Алексий (Палицын), архиепископ, 669
Алексий (Тарасенко), иеромонах, 866
Аллеманов Дмитрий Васильевич, 244, 287, 317, 533, 1538, 1862
Алмазов, 900, 910
Алмазов, священник, 901
Алхутов Михаил Георгиевич, священник, 458
Альстер Оскар Семёнович, 682
Алябьев Александр Александрович, 547, 1914
Амвросий (Гренков), иеромонах, 54
Амфилохий (Скворцов), епископ, 836, 865, 893
Анаксимандр Милетский, 424
Анаксимен Милетский, 424, 1928
Анастасий (Александров), епископ, 804, 805, 806, 807, 810, 848, 865, 885, 889, 893, 918
Анатолий (Грисюк), епископ, 807
Анатолий (Луппов), архимандрит, 244, 287
Андерсен Ганс Христиан, 187
Андреев Димитрий, священник, 857, 865, 876
Андреев Леонид Николаевич, 119, 261, 451, 453, 493, 527, 594, 619, 661, 662, 684, 711, 1676, 1751, 1756, 1948
Андреева Иордана Димитриевна, 876
Андрей Критский, святой, 389, 545
Андрей, апостол, 1946
Анрианов Фёдор Маркович, 1113, 1143, 1156

Андриевский Тихон Петрович, протоиерей, 55, 66, 296, 434, 442, 443, 444, 446, 447, 449, 450, 451, 453, 454, 493, 516, 624, 625, 626, 662, 663, 681, 700, 877, 914
Андроник (Никольский), архиепископ, 55, 517
Анисимов Александр Ильич, 31, 44, 45, 241, 271, 280, 291, 298, 314, 315, 317, 319, 320, 395, 489, 490, 528, 563, 659, 664, 665, 666, 667, 669, 681
Анисимова А. А., 1116
Анисимова Нина Павловна, 668
Анненков Вениамин, 230, 315
Анохин Андрей Викторович, 560
Антоний (Вадковский), митрополит, 1512
Антоний (Храповицкий), митрополит, 64, 394, 811, 820, 848, 866, 867, 871, 874, 876, 895, 919, 1031, 1032
Антонин (Капустин), архимандрит, 294, 381, 411, 833
Антонова Наталья Петровна, 1149
Ануфриева Ольга Вильевна, 92
Анфим (Димов), иеромонах, 857, 865, 866, 876
Арефьев Пётр, 313, 315
Аристотель, 424, 427, 651, 660, 1734, 1925
Аркадий (Ершов), архиепископ, 50
Арнольд, 1000, 1895
Архангельский Александр Андреевич, 533, 545, 599, 627, 635, 888, 1865, 1866
Архангельский В. А., 492
Архимед, 1720
Атаманов, 908, 1224
Атманская, 1463
Атманский, 1333, 1463, 1464, 1606, 1792
Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1031, 1032
Афанасий (Малинин), архиепископ, 57, 64, 807, 825, 847, 848, 865, 878, 885, 917, 918
Афанасьев, 1242, 1243
Ахав, 1940

Б

Бабина Екатерина Тимофеевна, 1518, 1661
Бабыкина, 1237
Баженов Александр, 292, 298, 314, 315, 317, 319
Бажов Павел Петрович, 45, 50, 370, 575, 605, 630, 695, 706, 878, 1259, 1958, 1959, 1960
Базилевский Вячеслав Николаевич, псаломщик, 1537, 1761, 1885
Байдалин, 1149
Байрон Джордж Гордон, 1770
Бакалдин Димитрий Александрович, 491, 627, 667
Балабанов Алексей, 1889
Балакин Василий Петрович, 1512, 1781
Балакина (Ляпустина) Мария Сергеевна, 289, 290, 706, 1511, 1512, 1559, 1747, 1781
Балакины, 1780, 1781
Балакирев Милий Алексеевич, 1903
Балыхин Сёма, 1767
Бальмонт Константин Дмитриевич, 657, 1065, 1287
Баранов Алексей Григорьевич, 159, 161, 375, 1408
Баратова Мария Викторовна, 1914
Барбатенко Любовь Васильевна, 280, 295, 366, 370, 439, 482, 491, 538, 539, 541, 574, 627, 678, 1869, 1896
Баталов Михаил Павлович, 1165, 1166, 1915
Батов Пётр Романович, 305
Баттистини Маттиа, 802, 1481

Батылин, 1168
 Бахаревский А. П., 232
 Башарины, 1632
 Бебель Август, 434, 438, 619
 Бедный Демьян, 831, 1493, 1557
 Бедчер Шолом Менделевич, 1030, 1062
 Безбородов Александр, 313, 315, 316
 Безыменский Александр Ильич, 1123, 1184
 Бейлис Менахем Мендель, 1031
 Беклемышев, 364
 Бекленищев Стёпка, 1591
 Бекленищевы, 1590
 Беллини Винченцо, 597
 Белов Пётр Михайлович, 534
 Белоглазов Валентин, 1120, 1137, 1171, 1184
 Белоголовик Василий Николаевич, 1908
 Белоусов Владимир Семёнович, 30, 672, 684, 685, 686
 Белоусова Мария, 1559
 Белый Василий Фёдорович, 147, 619
 Беляев, 1244
 Беляевский Иоанн Неофитович, 461
 Белякова А. С., 1116
 Беневский Василий Дмитриевич, 533, 1866
 Бенедиктов Сергей, 313, 315
 Бердников Илья Степанович, 809, 840, 866, 885, 918
 Бердоносова Антонина Владимировна, 1051, 1055, 1061
 Бердяев Валериан Валерианович, 1914
 Бережнёв Пётр Вячеславович, 582, 589
 Березин Николай Александрович, 910
 Бересенёва, 1211
 Берио Шарль Огюст де, 240, 279, 658
 Беркли, 1478
 Бетховен Людвиг ван, 489
 Бецкий (Кобецкий) Михаил Александрович, 1957
 Бизе Жорж, 1871, 1891
 Бирюков Алексей Владимирович, 132
 Бирюков Анатолий Афанасьевич, священник, 99, 147, 194, 1334, 1367, 1516, 1518, 1519, 1520, 1543, 1552, 1555, 1557, 1581, 1636, 1661, 1784, 1804
 Бирюков Андрей Владимирович, 116, 245, 261, 289, 307, 568, 1502, 1505, 1506, 1781
 Бирюков Аркадий (Сергей) Афанасьевич, 157, 194, 1299, 1403
 Бирюков Аркадий Павлович, 45, 495, 575
 Бирюков Василий Павлович, 564, 1181
 Бирюков Вениамин Анатольевич, священник, 1518, 1519, 1520, 1555, 1772, 1774
 Бирюков Вениамин Афанасьевич, 672
 Бирюков Виталий Анатольевич, священник, 631, 1518, 1519
 Бирюков Владимир Александрович, протоиерей, 85, 86, 115, 116, 117, 118, 122, 129, 147, 160, 289, 290, 307, 612, 705, 1307, 1312, 1316, 1322, 1323, 1325, 1374, 1377, 1390, 1392, 1409, 1411, 1416, 1418, 1424, 1426, 1430, 1457, 1459, 1466, 1483, 1487, 1489, 1493, 1494, 1496, 1497, 1498, 1500, 1502, 1505, 1506, 1507, 1509, 1511, 1516, 1518, 1519, 1520, 1538, 1539, 1541, 1552, 1591, 1592, 1609, 1647, 1648, 1658, 1739, 1767, 1797, 1799, 1803, 1885, 1886
 Бирюков Владимир Павлович, 25, 32, 33, 34, 36, 37, 44, 46, 55, 58, 61, 62, 87, 88, 91, 291, 295, 314, 315, 317, 319, 371, 395, 397, 410, 434, 435, 453, 454, 564, 574, 630, 669, 673, 674, 1558
 Бирюков Всеволод Владимирович, 290, 1502, 1560
 Бирюков Григорий Владимирович, 289, 1499, 1502, 1507
 Бирюков Евлампий Ионович, священник, 1518
 Бирюков Константин Владимирович, 129, 1503, 1516, 1767
 Бирюков Михаил Владимирович, 135, 567, 1322, 1324, 1496, 1500, 1503, 1504, 1554, 1803
 Бирюков Николай Анатольевич, 1518
 Бирюков Николай Владимирович, священник, 263, 289, 315, 1323, 1499, 1507, 1508, 1510, 1538, 1539, 1553, 1555, 1742, 1804
 Бирюков Николай Владимирович, священник, 313
 Бирюков Павел Владимирович, 289, 1418, 1487, 1499, 1500, 1505, 1506, 1554, 1730, 1732, 1803
 Бирюкова (Богомолова) Поликсения Петровна, 1441, 1496, 1498, 1499, 1500, 1501, 1505, 1622, 1658, 1676, 1701, 1731
 Бирюкова (Ганимедова) Надежда Васильевна, 1502
 Бирюкова (Дягилева) Александра Александровна, 1518, 1519
 Бирюкова (Коптякова), 1502
 Бирюкова (Логинова), 1502
 Бирюкова (Медведчикова), 1520
 Бирюкова (Плотникова) Калерия Стефановна, 1518
 Бирюкова (Шишкина) Анна Ионовна, 1503, 1767
 Бирюкова Екатерина Анатольевна, 568
 Бирюкова Екатерина Борисовна, 1520
 Бирюкова Клавдия Всеволодовна, 1502, 1560
 Бирюкова Мария Гавриловна, 1504
 Бирюковы, 567, 906, 1437, 1500, 1512, 1555, 1592, 1675, 1739, 1772, 1773, 1784
 Битнер, 415
 Благовещенский Александр Афанасьевич, 60
 Благовидов Фёдор Васильевич, 824, 825, 848, 850, 865, 887
 Блейхман Юлий Иванович, 333, 1884, 1889, 1890
 Блинов, 1160
 Блохатов, 1769
 Бобров Константин Димитриевич, 1168
 Бобыкин Василий Семёнович, 160, 1392, 1406, 1407, 1413, 1711
 Бобыкин Дмитрий Иванович, 130, 145, 146, 1320, 1714, 1807
 Бобыкин Иван Степанович, 145, 1320, 1714, 1807
 Бобыкин Семён Иванович, 1711
 Бобыкины, 1319, 1324
 Богатырёв, 1398
 Богатырёв Василий Яковлевич младший, 1319
 Богатырёв Василий Яковлевич старший, 1319, 1453, 1467
 Богатырёв Иван Яковлевич, 1319
 Богатырёв Пётр Кириллович, 1319, 1327, 1367, 1467, 1644
 Богатырёвы, 1324, 1327, 1330
 Боголепов В. М., 1209, 1230
 Боголепов Валериан Николаевич, 541
 Боголепов Виталий Николаевич, 241, 246, 302, 541, 570, 1894
 Боголепова Ларисса Николаевна, 1558
 Богомолов Александр, 313, 315
 Богомолов Григорий Иванович, 149, 242, 245, 246, 280, 302, 533, 534, 541, 569, 570, 1894
 Богомолов Николай, 296, 314, 316, 317, 319
 Богомолова Касиния, 1558
 Богомолова Катя, 569

Богомолы, 570
Богословская (Антипина) Екатерина Фёдоровна, 708, 712, 715, 716
Богословская Анна Михайловна, 1560
Богословская Милица Сергеевна, 642
Богословские, 91, 373, 642, 643, 709, 711, 713, 715, 716, 718
Богословский Борис Степанович, 715
Богословский Иван Степанович, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 45, 46, 55, 57, 58, 61, 62, 74, 75, 81, 82, 83, 89, 90, 329, 330, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 361, 364, 368, 371, 373, 380, 417, 431, 435, 453, 459, 460, 529, 546, 569, 570, 571, 575, 577, 591, 611, 691, 697, 708, 709, 710, 712, 713, 715, 716, 717, 718, 806, 1323, 1497, 1556, 1560, 1624, 1728, 1915, 1934
Богословский Михаил Иванович, 829, 831, 884, 885, 915
Богословский Нестор Павлович, 35
Богословский Николай Степанович, 339, 642, 709, 715
Богословский Павел Степанович, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 45, 46, 74, 82, 83, 89, 339, 371, 389, 509, 511, 561, 574, 643, 669, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 1236, 1241, 1260
Богословский Семён Степанович, протоиерей, 715
Богословский Сергей Степанович, 66, 380, 582, 587, 588, 605, 641, 642, 643, 714, 716, 717, 718, 913, 914, 918
Богословский Стефан Михайлович, протоиерей, 587, 605, 640, 642, 643, 708, 712, 715
Богословских, 671
Бойцов Иван Иванович, 1236
Бокаччио Джованни, 824, 1719, 1725
Болотова Зоя Димитриевна, 1132, 1159, 1186
Болтинский Иван Петрович, 914
Болярский Василий, 238, 297, 315, 316, 317, 319
Болярский Кронид, 264, 297, 306, 307, 315, 316, 317, 319
Бонапарт Наполеон, 197, 1022, 1046, 1720
Борейша Александр Викторович, 1030
Борин Макар Семёнович, 1957
Борина, 1870, 1891
Борисенко Алексей Григорьевич, 490, 526, 1870, 1872
Борисова Александра Вячеславовна, 992, 1000
Борков Александр Александрович, священник, 1514
Борков Виктор Александрович, 1514, 1803
Борков Вячеслав, 1514
Боркова (Сильванова) Александра Александровна, 1514, 1557, 1803
Боркова Людмила Александровна, 1514, 1557, 1803
Бородин, 1129
Бородулина Екатерина Ивановна, 1694, 1695, 1696, 1699, 1759
Бортнянский Дмитрий Степанович, 244, 287, 317, 381, 532, 544, 545, 616, 633, 635, 802, 888, 1537, 1862, 1892
Борчанинов Александр, 31, 44, 45, 241, 271, 283, 284, 285, 293, 298, 315, 316, 317, 318, 319, 338, 552, 595, 645, 646, 647, 648
Борчанинов Павел, 241, 267, 280, 295, 298, 302, 317, 319, 334, 491, 552, 645, 649, 650, 652, 668
Босх Иероним, 401
Бочаров Михаил Васильевич, 1914
Бояршинов Николай Петрович, 1111, 1141, 1158, 1180
Брагин Митрофан Димитриевич, 1131, 1132, 1186
Брагины, 1477
Бржозовский, 1027
Бритвин А. М., 140
Бронштейн Саул Симонович, раввин, 1053

Брэм, 117, 1752
Будде Евгений Фёдорович, 997
Будённый Семён Михайлович, 200
Будзилович Николай Феофилович, 1025, 1047, 1063
Будрин Андрей, священник, 133, 532
Будрин Иоанн Андреевич, протоиерей, 416
Будрин Михаил, 132, 133
Булавин В., 1136
Булахов Пётр Петрович, 1889
Булгаков Сергей Николаевич, 804, 805
Бунаков Николай Владимирович, 1221, 1231, 1248, 1262, 1266
Бурдов, 1147
Бутарова Елизавета Григорьевна, 1116, 1144, 1155
Бутин Сергей, 1697
Бутина Агафья Сергеевна, 1697, 1698
Бутины, 1696
Буткин Александр Григорьевич, протоиерей, 566, 1767
Буткин Григорий Иванович, 566, 1761, 1767, 1768, 1784, 1859
Буткин Николай Григорьевич, 45, 300, 566, 1767
Буткин Николай Григорьевич, протоиерей, 1767, 1768, 1784
Буткина Елизавета Григорьевна, 1767, 1768, 1784
Буткины, 1767, 1784
Бухвалов, 1136, 1146
Бухтояров Дмитрий Иванович, 1485, 1884
Буялов Михаил Осипович, 1155
Буяров, 1159
Быстрицкий Иван, 273, 309
Бялик Борис Аронович, 1930, 1933

В

Вагнер Рихард, 1865
Важенин, 1136, 1146
Валенсов В. Ф., 1233
Ванцев Василий Иванович, 1469, 1588
Варламов Александр Егорович, 333, 1889, 1904
Варнава (Накропин), епископ, 147
Варсонофий (Лебедев), архимандрит, 866, 867, 870
Варсонофий (Лузин), епископ, 868, 870, 871
Васев Стоян Вассович, 857, 876
Василенко-Левитон Мария Львовна, 371, 415, 490, 525, 539, 637, 1868, 1872
Васильев, 1122
Васильев Авксентий Яковлевич, 1026
Васильев В., 1153
Васильев Евгений Михайлович, 604
Васильева Раиса Ивановна, 1155
Васнецов Виктор Михайлович, 202
Вахонина (Игнатьева) Мария Ивановна, 1805
Вашляев, 1167, 1168
Введенский Александр Иванович, 804, 805, 812
Ведель Артемий Лукьянович, 244, 287, 334, 533, 543, 544, 634, 639, 888, 1862, 1909
Векшин Е., 1137, 1146, 1153
Велизарий Мария Ивановна, 490, 527
Величкин Владимир Иванович, 1958
Вениамин (Салабашев), иеромонах, 811, 857, 866, 876
Вергилий Марон, 232, 249, 420, 514, 579, 616, 651, 1250, 1718
Верди Джузеппе, 393, 490, 524, 538, 1627, 1628, 1872, 1892, 1896, 1947
Вересаев Викентий Викентьевич, 619

Верещагин Василий Васильевич, 111, 618
Верниковский Александр Львович, 857
Верстовский Алексей Николаевич, 525, 537, 1438, 1751, 1869, 1882
Верхариа, 661
Верховец В., 1137, 1147
Верхоланцев Владимир Степанович, 50
Верхотуров Василий, 1164
Верхотуров Николай Васильевич, 1164
Верхотуров Павел Васильевич, 1164
Верхотурова Александра Самойловна, 1164
Весновский, 1026
Вечтомова Александра Владимировна, 1155
Виктор (Высоцкий), иеромонах, 287
Вильбоа Константин Петрович, 898, 1889, 1890
Вильгельм II, император, 603, 876
Вильгельм-Завоеватель, 263
Винавер Александр Маркович, 1214, 1215, 1236, 1239, 1240, 1244, 1246, 1272, 1959
Виноградов Михаил Александрович, протоиерей, 123, 287, 1537
Виноградов Николай Петрович, протоиерей, 808, 809, 811, 865, 885, 903, 913, 917
Винчи Леонардо да, 548
Вирсавия, 1719, 1939
Висковатов Павел Александрович, 472
Виссарион (Зорин), архимандрит, 608
Витинг Евгений Эдуардович, 1914
Виткин, 143
Вишневский, 488
Вишняков Сергей, 1136, 1146, 1159
Владимир (Соколовский-Автономов), епископ, 639, 1528, 1915
Владимир Мономах, великий князь, 409, 699
Владимир, великий князь, 1883
Владимиров, 1043, 1044, 1053, 1055
Владимирова, 697
Вогулкины, 361
Воеводкин Всеволод, 292
Воеводкин Вячеслав, 315, 317, 319
Войнилович Эдвард Адамович, 1049
«Волковы», 1302, 1303
Волосевич Михаил Иванович, 1025, 1063
Вольфсон З. М., 1116, 1157
Воронихин Андрей Никифорович, 717
Воронский Александр Константинович, 62
Воротников Павел Максимович, 526, 550, 552, 1895
Ворошилов Климент Ефремович, 269
Воскресенский Александр Александрович, протоиерей, 506
Воскресенский Андрей Андреевич, 1029, 1033, 1067
Всехвалных Борис Иванович, 1152, 1212, 1233
Вульпиус Кристиан Август, 378
Вшивков, 1160

Г

Гааз Фридрих-Иосиф (Фёдор Петрович), 161, 433, 690, 1408
Габриельс, 155, 1333, 1457, 1496, 1541, 1562, 1592, 1791, 1793
Габриельс Клеопатра, 1457, 1791
Габриельс Лёля, 1457
Габриельс Нина, 1457
Габриельсы, 1458

Гавриил (Зырянов), архимандрит, 65
Гавриил Белостокский, святой, 1031, 1032, 1038
Гаврилюк М. Г., 1116
Гагарин Юрий Алексеевич, 89
Гай, 1267
Галаган Григорий Евдокимович, 541
Галахов Алексей Дмитриевич, 409
Галеви Фроманталь, 526, 1871
Галкин Александр, 1159
Галкин Георгий, 1159
Галкин Димитрий, 1135, 1147, 1159
Гапон Георгий Аполлонович, священник, 450
Гахович Геннадий, священник, 1047
Гегель Георг Вильгельм Фридрих, 374, 427
Гедеонова, 296, 674
Гей Николай Константинович, 1935
Гейне Генрих, 846, 917, 1929
Геккель Эрнст Генрих, 838, 916, 1928
Генжиан, 888, 1892
Генкель Герман Германович, 604
Генкин Борис Михайлович, 1133
Георгиевский Александр Петрович, 696, 1250, 1272
Гераклит Эфесский, 259, 424, 660, 1928
Гервасий (Малинин), иеромонах, 810, 869
Геркен Николай Александрович, 902
Гермоген (Долганов), епископ, 802, 919
Гермоген, патриарх, 696
Геронтий, иеромонах, 544
Герцен Александр Иванович, 841, 1959
Гёте Иоганн Вольфганг фон, 479, 824, 846, 1732
Гецов, 1029
Гецов Григорий Ефимович, 1035
Гецова Рахиль, 1035
Гладков Фёдор Васильевич, 1176
Глазко, 1023, 1027
Глебов Пётр Иванович, 1216, 1231, 1251, 1252, 1265
Глика В. П., 1214
Глинка Михаил Иванович, 132, 179, 245, 318, 336, 525, 526, 557, 566, 1174, 1751, 1784, 1859, 1863, 1871, 1873, 1882, 1889
Глиэр Рейнгольд Морицевич, 1906
Гломбоцкий Марк, 1042
Глухов, 999
Глушков Виктор Михайлович, 1921, 1922
Глыбовский Николай, 315
Говоров Алексей Васильевич, 865
Гоголь Николай Васильевич, 134, 154, 173, 182, 183, 194, 245, 271, 277, 281, 311, 317, 323, 385, 403, 492, 581, 592, 653, 658, 714, 873, 989, 1035, 1037, 1061, 1285, 1343, 1464, 1500, 1552, 1562, 1588, 1693, 1725, 1752, 1863, 1882, 1897
Годар Бенджамен Луи Поль, 280, 295, 491, 1889
Годунов Борис Фёдорович, царь, 556
Голендухина, 1165
Голиаф, 1719, 1939
Голиков Валентин Иванович, 125, 330, 331, 332, 335, 336, 338, 1509, 1783, 1784
Голиков Филипп Иванович, 125, 451, 452, 1509
Голикова (Игнатьева) Вера Александровна, 330, 1509, 1674, 1757, 1783, 1784, 1804
Голиковы, 1674, 1680, 1783
Голованов, 365
Головин, 1151
Голубинский Евгений Евсигнеевич, 892
Гольдберг, 1029

Гольцисон Михаил Александрович, 539, 541, 564, 678
Гомер, 229, 514, 666, 1245
Гончаров Иван Александрович, 133, 481, 714, 825, 1287, 1460, 1465
Гораций Флакк, 555, 603, 1440
Горбунов Александр Степанович, 134, 530, 568, 1415, 1482
Горбунова (Новикова) Анна Антоновна, 134, 135, 1361, 1414, 1415, 1480, 1481, 1482, 1483
Горбуновы, 1482
Горовой Фёдор Семёнович, 52
Городцов Александр Дмитриевич, 132, 371, 1868
Горошня, 1027, 1038
Горький Максим (Пешков Алексей Максимович), 175, 262, 310, 365, 375, 376, 377, 384, 450, 451, 463, 474, 493, 498, 527, 559, 619, 682, 825, 828, 873, 1164, 1350, 1454, 1499, 1511, 1541, 1879
Готде-Грот, 1210, 1230
Гофман, 1236
Граников Георгий Александрович, 914
Грацевич, 1859
Грачёв Рид Иосифович, 1934
Грейсх, 1029
Греков Борис Дмитриевич, 643, 716
Гремин, 1066
Гречанинов Александр Тихонович, 1889
Грибоедов Александр Сергеевич, 820, 1039, 1419
Грибушины, 553
Григорьев, 1236
Григорьев Александр Григорьевич, 993
Григорьев Константин Григорьевич, 812, 838, 839, 884, 885, 911, 916
Гринвальд, 1029, 1043
Гродис Ян, 1042, 1536
Гроздский, 376, 1889
Громов В. И., 1214
Грязнова (Игнатьева) Тамара Ивановна, 1805
Губе, 1236, 1237
Губкинский Иван Ермилович, 387, 514, 515, 685, 1273
Гуно Шарль Франсуа, 525
Гуревич Л., 1126, 1136, 1146
Гурий (Степанов), архиепископ, 810, 811, 818, 836, 848, 865, 871, 892, 901
Гурилёв Александр Львович, 333, 1889, 1890, 1904
Гурлев Григорий Семёнович, 160, 1412, 1610, 1631, 1711, 1715, 1716, 1807
Гурлев Моисей, 1630, 1631
Гурлев Семён Моисеевич, 1412, 1614, 1631, 1716, 1807
Гурлева Анна Семёновна, 1631
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович, 85, 451, 620, 704, 1551
Гусейн Хан Нахичеванский, 618
Гутцайт, 1029

Д

да Винчи Леонардо, 1862
да Караваджо Микеланджело Меризи, 1921
Давид, царь, 89, 912, 1719, 1939
Давыдов А., 596
Давыдов Николай Михайлович, 1110, 1149
Дайбов, 1149
Далила, 1719, 1721, 1722, 1723, 1940
Далматов Иван Александрович, 891
Даллак Иван Петрович, 1030, 1040, 1063

Даниил, пророк, 1926
Данилин Николай Михайлович, 242
Данте Алигьери, 654, 824, 877, 1590, 1725, 1893
Даргомыжский Александр Сергеевич, 132, 182, 336, 479, 524, 538, 568, 637, 904, 1385, 1431, 1539, 1599, 1751, 1801, 1868, 1883, 1884, 1895
Дарий I, царь, 418
Дворянчик, 1075
де Сент-Экзюпери Антуан, 1934
Де-Вос-Соболева Елена Викторовна, 490, 526, 604, 1870
Дегтёва Н. И., 1152
Дегтярёв Степан Аникиевич, 244, 287, 1859, 1862
Декарт Рене, 427, 660
Делич Фридрих, 439, 845, 916, 1928
Демерий/Демерт, 540, 1065, 1912
Демидов Пётр Демидович, 363, 477
Демидовы, 361
Демокрит Абдерский, 424, 1928
Денца Луиджи, 333, 539, 627, 637, 1078, 1868, 1889, 1890, 1901
Дергачёв Алексей Иванович, 114, 299, 411, 421, 422, 423, 437, 511, 615, 1254, 1255, 1256, 1258, 1260
Дергачёв Андрей Алексеевич, 1253
Дергачёв Иван Алексеевич, 421, 423, 1251, 1253, 1256, 1258, 1259, 1260
Дергачёв Иван Алексеевич, протоиерей, 421, 1253, 1254
Державин Гавриил Романович, 409, 510, 578, 615, 1380, 1489
Дерябин, 1146
Деянов Д., 1134, 1136, 1146, 1147
Диев Владимир Димитриевич, 1133, 1913
Диккенс Чарльз, 824
Димитрий Донской, великий князь, 405, 607, 1382
Диоген, 1723, 1724
Диомидов (Болбас) Иосиф Флорович, 1026, 1899, 1910
Диомидовская Валентина, 1559
Длусский Эразм Яковлевич, 1889
Добошинская (Рычкова) Людмила Александровна, 1789
Добошинский, 1789
Добрин, 459
Добролюбов Алексей Иванович, 411, 418, 420, 511, 609, 615
Добролюбов Николай Александрович, 573, 1472, 1557
Добронравов Вячеслав Николаевич, 389
Добронравов Константин Михайлович, протоиерей, 55, 110, 114, 218, 385, 386, 387, 388, 415, 435, 436, 460, 463, 464, 472, 478, 534, 604, 610, 611, 626, 661
Добронравов Михаил Константинович, 389
Добронравов Николай Константинович, 388, 389
Добронравова (Рихтер) Маргарита Яковлевна, 388
Добронравова Александра Константиновна, 386, 389
Добронравова Лия Константиновна, 110, 386
Добронравова Рахиль Константиновна, 110, 386, 389
Добротворский Михаил Михайлович, 604
Доброхотов Николай Иванович, 604
Добрынин Спиридон, 1661
Добрынина Марина Спиридоновна, 569, 1594, 1661
Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович), 1045
Догель Александр Станиславович, 434, 620
Домени Елизавета, 1040
Домени Надежда, 1040
Домени Нина, 1040
Донец Михаил Иванович, 1914
Доре Альфонс, 1720

Досманов Павел Степанович, 95, 96, 112
Достоевский Фёдор Михайлович, 54, 193, 200, 261, 327, 391, 392, 393, 444, 447, 506, 517, 615, 622, 624, 868, 873, 1168, 1261, 1629, 1734, 1862
Дроздов Арсений Алексеевич, 430, 436, 514, 617, 878
Дружинин, 1891
Дружинин Алексей Иванович, протоиерей, 837, 885, 917
Дубровин Николай Павлович, 219, 228, 297
Дубровина (Флорова) Ксения Михайловна, 219, 228
Дунаева, 998, 1000, 1895
Дункан Айседора, 1426
Дутов Александр Ильич, 819, 1112, 1142, 1152, 1958
Дыбчо Сергей Афанасьевич, 1958
Дьяконов Димитрий Константинович, 824, 825, 887
Дьяконова Анна Яковлевна, 1237
Дюков Евгений, священник, 706
Дюма-сын Александр, 393, 1628
Дютш Оттон Иванович, 1888
Дягилев Александр, священник, 1518
Дягилев Алексей, 316, 317
Дягилев Всеволод Александрович, 1519
Дягилев Евгений Александрович, 1519
Дягилев Сергей Павлович, 366

Е

Ева, 1719
Евгеньев-Дарский (Фон-Якобсон) Евгений Эдмундович, 1870
Евграфов Михаил, 999
Евграфов Николай, 998
Евграфова Мария Михайловна, 991, 998, 999
Евдокимов Иван Иванович, 992
Евлогий (Георгиевский), митрополит, 53, 54
Егоров Александр, 613, 1704
Егоров Кирилл, 1768, 1772, 1784
Егорова, 1437
Егорова Мария Яковлевна, 1768, 1784, 1859
Егорова Нюра Кирилловна, 1770, 1771, 1772, 1773, 1774, 1775, 1776, 1784
Егоровы, 1768, 1769
Екатерина II, императрица, 408, 1266, 1331, 1525
Елизавета Петровна, императрица, 409, 1530
Елизавета Фёдоровна, великая княгиня, 806, 807, 893
Елькина, 1219, 1220
Емельянов Фёдор Емельянович, 1957
Ерёмин Илья Петрович, 1320, 1360, 1388, 1392, 1444, 1648, 1649, 1650, 1651, 1657, 1739
Ермаков И., 1133, 1137, 1147
Ермаков Пётр Захарович, 1958
Ермилов Владимир Владимирович, 1930
Ермолаев С/, 492
Ермолаев Анатолий Константинович, 1151
Ершов Владимир Львович, 1175
Ершов Матвей Николаевич, 864
Ефимов Константин, 313, 315
Ефимов Михаил, 315, 316
Ефрем Сирин, 1370

Ж

Жаврид, 1027, 1038
Жадин Павел Андреевич, 897
Жаркова Анна Вавиловна, 1237

Жданова, 1187, 1242, 1243
Жемчужников Александр Михайлович, 241
Жемчужников Алексей Михайлович, 241
Жемчужников Владимир Михайлович, 241
Жидкова, 1149
Жидята Лука, 409
Жонсон Брайан, 367
Жүзе, 885
Жуков Георгий Иванович, 1159
Жуковский Василий Андреевич, 479, 1245, 1262, 1285, 1325, 1858, 1950, 1959
Журавлёв, 622
Журавский Александр Владимирович, 61
Журавский Митрофан Александрович, 1025, 1063

З

Забалуев Константин Петрович, 1165
Забалуев Николай Петрович, 1165
Забалуев Пётр Семёнович, 1165
Забалуева (Верхотурова) Клавдия Васильевна, 1164, 1165
Забалуева Клавдия Васильевна, 1454
Завьялов Максим Алексеевич, 1327, 1763
Загуменных, 380
Залесский, 1049
Замотайло Иван, 897
Замятин, 631
Заря Иван Григорьевич, 1958, 1960
Затопляев Александр Владимирович, 30, 575, 630, 695, 696, 891, 1176, 1250, 1272
Затопляев Димитрий Александрович, диакон, 430
Затопляев Михаил Владимирович, 582, 599
Заусцинский Сергей Платонович, 1051, 1052
Захаров, 1910
Захаров Алексей, 386, 534, 539, 540, 616, 1868
Звездин Василий Иванович, 115, 1316, 1390
Зданко, 1030, 1069, 1910
Зеленцов Василий, 268, 316, 317, 657
Зеленцова Фаина Захаровна, 1744, 1761
Зелинский Корнелий Люцианович, 1930, 1931, 1932, 1933
Зельдович Григорий Соломонович, 1214, 1237, 1240, 1241, 1244
Земако, 1957
Земляниченко Виктор Фёдорович, 1958
Зенова (Игнатьева) Елена Алексеевна, 1805
Зиганшина, 481, 1607
Зигер Артур, 1001
Зигер Карл-Фридрих Георгиевич, 36
Зигер Отт, 1001
Зигер Фридрих-Карл, 1001
Зимин Александр Петрович, 1114, 1116, 1144, 1157, 1186
Зимницкий Семён Семёнович, 710, 900
Зиновьева М. Н., 370
Златорунский Валериан Иванович, 991, 994, 996, 998, 999
Злоказов Африкан Александрович, 1157
Злоказовы, 1387, 1573, 1586, 1623, 1799
Знаменский Пётр Васильевич, 60
Знамировский Николай Иванович, 53, 55, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 445, 448, 451, 454, 485, 491, 493, 516, 590, 606, 609, 610, 624, 625, 642, 662, 681, 695, 697, 699, 877

Знамировский Николай Николаевич. См.
Зобнин, 997
Золотавин Михаил, священник, 1559, 1785
Золотавина Мария Михайловна, 1559, 1560
Золотухин Николай, 295, 314, 316, 317, 319, 666
Золотухин Пётр Павлович, 1403, 1606
Зосимовская Анна Андреевна, 1151, 1152
Зубарев Леонид Васильевич, протоиерей, 607
Зубов Илья, 1151, 1167
Зубова, графиня, 806, 893
Зубрицкий, 1138
Зыков Василий Захарович, 1187
Зырянов, 1149

И

Иван Грозный, царь, 1487
Иваницкий Николай Петрович, 493, 582, 585
Иваницкий Пётр Петрович, 415, 490, 525, 537, 539, 540,
586, 627, 636, 638, 1868, 1872
Иванов, 245, 1043, 1136, 1146, 1151, 1884
Иванов Виктор Ананиевич, 857, 914
Иванов Владимир Иосифович, 857
Иванов Димитрий Иванович, 1030, 1049, 1050, 1051,
1052, 1063
Иванова, 1030, 1065, 1237, 1912
Иванова Надежда Михайловна, 1051
Ивановский Николай Иванович, 821, 884, 885, 918
Ивануха Иван Михайлович, 1049
Игнатъев Александр Алексеевич, священник, 39, 57, 65,
100, 105, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123,
124, 125, 129, 141, 147, 307, 361, 612, 714, 1415,
1509, 1739, 1744, 1746, 1749, 1757, 1781, 1805
Игнатъев Алексей Алексеевич, 34, 39, 42, 43, 57, 63, 65,
66, 94, 98, 100, 105, 109, 111, 131, 132, 133, 135, 136,
137, 138, 139, 140, 141, 162, 170, 261, 299, 304, 337,
361, 385, 399, 524, 530, 567, 568, 612, 656, 823, 851,
878, 908, 909, 910, 913, 1458, 1461, 1504, 1761, 1805,
1806, 1859, 1890
Игнатъев Алексей Иоаннович, диакон, 42, 43, 94, 96, 99,
100, 101, 102, 104, 107, 117, 129, 131, 138, 145, 150,
151, 157, 158, 169, 307, 311, 312, 1314, 1392, 1403,
1458, 1541, 1547, 1554, 1558, 1857
Игнатъев Аркадий Иванович, 148, 1805
Игнатъев Борис Александрович, 119, 1751, 1757
Игнатъев Вадим Алексеевич, 1805
Игнатъев Василий Алексеевич, 25, 28, 29, 30, 31, 33, 34,
35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 45, 46, 47, 52, 53, 54, 55, 56,
57, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 75, 76,
77, 80, 81, 82, 84, 86, 87, 89, 90, 91, 105, 141, 170,
292, 298, 313, 314, 315, 317, 319, 328, 380, 389, 454,
459, 460, 546, 561, 564, 571, 575, 577, 582, 591, 599,
611, 630, 641, 668, 669, 691, 697, 703, 806, 891, 913,
918, 1041, 1078, 1106, 1109, 1114, 1116, 1127, 1142,
1144, 1155, 1158, 1159, 1171, 1172, 1211, 1236, 1241,
1271, 1273, 1323, 1497, 1554, 1556, 1728, 1806
Игнатъев Димитрий Иванович, 128, 129, 1806
Игнатъев Иван Алексеевич, 65, 105, 128, 130, 145, 146,
147, 148, 156, 170, 177, 181, 194, 304, 619, 988, 1292,
1309, 1451, 1520, 1531, 1547, 1583, 1634, 1656, 1688,
1714, 1781, 1805
Игнатъев Игорь Александрович, 124, 1509, 1751, 1757,
1804
Игнатъев Иоанн Иосифович, дьячок, 94
Игнатъев Иосиф Григорьевич, дьячок, 94

Игнатъев Николай Алексеевич, 30, 57, 105, 113, 120,
141, 142, 143, 144, 151, 246, 299, 461, 541, 564, 568,
570, 620, 1554, 1806, 1894
Игнатъев Николай Иванович, 148, 1804
Игнатъев Пётр Иоаннович, священник, 95, 114
Игнатъев Сергей Александрович, 30, 57, 120, 122, 149,
564, 1509, 1751, 1757, 1804
Игнатъева (Бирюкова) Мария Владимировна, 115, 117,
118, 120, 122, 123, 124, 125, 1414, 1415, 1499, 1509,
1557, 1676, 1739, 1746, 1781, 1803, 1804, 1805, 1885
Игнатъева (Бирюкова) Серафима Анатольевна, 147,
1518, 1520, 1557, 1774, 1804, 1806
Игнатъева (Зигер) Анна Фридриховна, 36, 76, 116, 604,
608, 699, 993, 1001, 1004, 1005, 1006, 1041, 1051,
1072, 1073, 1150, 1161, 1212, 1213, 1583, 1674, 1675,
1678, 1682, 1895, 1954
Игнатъева (Исакова) Зинаида Ивановна, 143
Игнатъева (Соловьёва) Клавдия Владимировна, 147,
148
Игнатъева (Тетюева) Александра Иоанновна, 42, 97, 99,
105, 107, 127, 128, 143, 151, 312, 361, 605, 619
Игнатъева (Удников) Вера Алексеевна, 135
Игнатъева (Черноскутова) А., 149
Игнатъева Агриппина Ивановна, 95
Игнатъева Александра Алексеевна, 96, 98, 101, 105,
126, 128, 129, 130, 135, 145, 146, 148, 361, 568, 605,
908, 1292, 1414, 1460, 1558, 1560, 1789, 1805, 1806
Игнатъева Анастасия Васильевна, 94
Игнатъева Галина Александровна, 124
Игнатъева Екатерина Алексеевна, 104, 126, 1326
Игнатъева Елена Александровна, 1757
Игнатъева Нина Александровна, 119, 1757
Игнатъева Юлия Алексеевна, 105, 128, 142, 143, 147,
151, 620, 1418, 1459, 1558, 1806
Игнатъевы, 567, 1365, 1739, 1797, 1805, 1806
Игноратова З. И., 1265
Игноратовы, 1960
Иелизавель, 1940
Иеремия, пророк, 1940
Иероним (Лаговский), архимандрит, 51
Измайлов Александр Григорьевич, священник, 1500,
1510
Измайлов Александр Григорьевич, священник, 1529
Измайлова (Бирюкова) Евгения Владимировна, 1415,
1417, 1441, 1495, 1510, 1557, 1659, 1712, 1804
Иисус Навин, 1719, 1926
Иисус Христос, 90, 176, 402, 422, 438, 439, 522, 527, 545,
549, 551, 553, 617, 702, 711, 829, 831, 839, 1054,
1363, 1373, 1374, 1376, 1377, 1382, 1391, 1394, 1493,
1506, 1527, 1541, 1568, 1700, 1730, 1732, 1909, 1917,
1918, 1919, 1920, 1927, 1942, 1943, 1944, 1945, 1946,
1948
Илиодор (Труфанов), иеромонах, 450, 802, 919
Илия, пророк, 1926
Иловыйский Дмитрий Иванович, 418, 420, 615
Иннокентий (Коровин), архиепископ, 49
Иннокентий (Кульчицкий), епископ, 893
Иоанн (Алексеев), епископ, 387, 390
Иоанн Богослов, апостол, 381, 401, 424, 438, 499, 507,
509, 545, 549, 616, 1920
Иоанн Грозный, царь, 442, 446, 909
Иоанн Златоуст, святой, 402, 522, 1377
Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич),
протоиерей, 146, 448, 451, 492, 527, 620, 668, 1494,
1499

Иоанн Лествичник, святой, 847
Иоанн Предтеча, 1941, 1956
Иоасаф (Удалов), епископ, 869, 870
Иовлев Димитрий Васильевич, 232, 316
Иона (Капустин), епископ, 49
Иона (Покровский), епископ, 819, 870, 1066
Иона, пророк, 1926
Ионий Марцелл, 1272
Ионин Павел Петрович, 134, 530, 568
Иосиф, 1939
Ипатов, 1134
Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович, 415
Ириней (Орда), епископ, 240, 279, 295, 318, 645, 658
Ирод, царь, 702, 1939, 1942
Иродиада, 1939, 1940, 1941
Исайя, пророк, 1920, 1940
Истомин, 364
Исупов Димитрий Николаевич, 1236, 1241
Исупов Николай Акимович, 1114, 1115, 1144, 1157, 1186
Иуда Искариот, 176, 552, 619, 711, 1373, 1946, 1947, 1948
Ишутина Зинаида Фёдоровна, 415, 638

К

К. Василий, священник, 714
Казаков, 631, 1146
Казанцев Миша, 178
Казанцев Тима, 1376, 1377, 1522, 1527, 1530, 1533, 1536, 1885
Казанцева (Черепанова) Мария Семёновна, 1763, 1807
Казанцевы, 1561
Казлас, 1053
Каин, 482, 565, 623, 1719
Калашников Иван Михайлович, 569
Калашников Иван Николаевич, псаломщик, 123, 579, 1442, 1752, 1761
Калашников Павел Николаевич, 579
Калашникова Мария Ивановна, 123, 1560, 1761
Калинин Михаил Иванович, 200, 682
Калинина Тамара Алексеевна, 52
Калиновская, 490, 526, 1870
Калокуцкий Т. И., 1153
Камаганцев, 1155
Каменские, братья, 364, 365
Камионский Оскар Исаевич, 1884
Кандауров Владимир Александрович, 114, 382, 414, 415, 416, 540, 605, 609, 615, 696
Кандаурова (Будрина) Клавдия Ивановна, 416
Кант Иммануил, 90, 1478, 1479
Кантемир Дмитрий Константинович, 409
Капа Мило Георгиевич, 857, 874, 875, 876
Капустин Борис, 294, 298, 316, 317, 319, 410
Карамзин Николай Михайлович, 409, 615
Карасёв Алексей Николаевич, 124, 516, 525, 538, 1751, 1880, 1881
Карасёва Зинаида Максимовна, 1262
Карл XII, король, 419, 449, 877
Карл XIV, король, 419
Карл XVI, король, 419
Карл Великий, король, 418
Карлейль Томас, 913
Карпенкова (Мехоношина), 1166, 1167
Карпов Пётр Ефремович, 1307, 1400, 1640
Карпова Парасковья, 1307, 1375, 1590, 1683
Карповы, 1307, 1561, 1590
Карташёв Анатолий Константинович, 1143
Карташёв Антон Владимирович, 50
Касаткин Коля, 193
Кассо Лев Аристидович, 452, 994
Кастальский Александр Дмитриевич, 247, 1536, 1862
Кастро Фидель, 877, 1934, 1935
Катанов Николай Фёдорович, 836, 885
Катилина, 138, 413
Катранов Владимир Петрович, 1030, 1036
Катулл, 1251
Качалов Василий Иванович, 402, 403
Кашеваров Сергей Александрович, 247, 1024, 1070, 1898, 1906, 1907
Кашихин Леон Сергеевич, 35
Каштанов, 1244
Квасовы, 1958
Квашенко, 491, 526, 1870, 1872
Квятковская Инна Петровна, 1051
Керенский Александр Фёдорович, 834
Керенский Владимир Александрович, 834, 885, 918
Керзон Джордж Натаниэл, 1067
Керский, 1914
Кетов Николай, 633
Кириаков Михаил Михайлович, 1049, 1055
Кирилл Туровский, епископ, 409
Кирилл, святой, 246, 281, 317, 318, 1863
Киркевич (Рынейская) Ольга Константиновна, 1062
Киркевич (Фёдорова) Мария Васильевна, 1041, 1062, 1064, 1067
Киркевич Диомид Степанович, 1030, 1036, 1062
Кирст, 291, 319
Киселёв, 615
Киселёв Константин, 300
Киселёв М. А., 301
Киселёв Степан Алексеевич, псаломщик, 1525
Киселёв Целлестин Андреевич, 62, 242, 299, 698
Киселёва Афанасия Степановна, 1525
Кисментьев И. В., 1187
Кисня, 1027
Китин Николай, 1136, 1145, 1159
Клауэр Мартин Готтлиб, 538, 563, 637, 1868, 1904
Клюхин Александр Пименович, 1612, 1614, 1615, 1618, 1621
Клюхин Александр Савельевич, 1611, 1621, 1643, 1653, 1680, 1807
Клюхин Василий Александрович, 1612
Клюхин Владимир Александрович, 1306, 1611, 1643, 1654, 1710
Клюхин Владимир Пименович, 1612, 1615, 1618
Клюхин Иван Александрович младший, 1612, 1619, 1621, 1653, 1654
Клюхин Иван Александрович старший, 1611
Клюхин Иван Пименович, 1612, 1615, 1616
Клюхин Константин Пименович, 162, 1291, 1310, 1311, 1612, 1613, 1615, 1616, 1617, 1618, 1651, 1705, 1706, 1785, 1787
Клюхин Михаил Александрович, 1654, 1794, 1807
Клюхин Николай Савельевич, 1611, 1612, 1679, 1680, 1683
Клюхин Пётр Пименович, 1612, 1614
Клюхин Пимен Фёдорович, 1610, 1612, 1613, 1614, 1615, 1616, 1617, 1618, 1619, 1621, 1689, 1707, 1737, 1797

Ключин Савелий Фёдорович, 151, 1610, 1611, 1612, 1613, 1614, 1619, 1620, 1621, 1643, 1679, 1794
 Ключин Семён Савельевич, 1612, 1614, 1621
 Ключина (Постникова) Татьяна Павловна, 128, 1307, 1414, 1415, 1444, 1612, 1623, 1626, 1629, 1673, 1679, 1680, 1681, 1682, 1683, 1695, 1722, 1757, 1758, 1759, 1785, 1787, 1796
 Ключина Анастасия Александровна, 1619, 1621, 1653, 1654
 Ключина Анна Ивановна, 1612, 1614, 1618
 Ключина Анна Николаевна, 1682
 Ключина Анна Петровна, 1611, 1653, 1654, 1655, 1680
 Ключина Анна Пименовна, 1612, 1618
 Ключина Антонина Александровна, 1612, 1654
 Ключина Евгения Пименовна, 1414, 1415, 1612, 1618
 Ключина Мария Николаевна, 1681, 1682, 1722, 1785, 1787, 1796
 Ключина Настасья Александровна, 1612
 Ключина Наталья Александровна, 1612, 1654
 Ключины, 1310, 1532, 1561, 1611, 1619, 1620, 1621, 1624, 1643, 1680
 Ключевской Василий Осипович, 822
 Кнеля, 1038
 Княгинин К. Г., 1891
 Кобурги, династия, 876
 Кобылины, 990
 Кобычкин Григорий Лукьянович, 1030
 Кобяк Георгий Игнатьевич, 363, 602
 Кобяк Константин Георгиевич, 363
 Ковальская Малая, 1069, 1910
 Ковальский Василий Антонович, 482, 576, 674
 Коврелис, братья, 480
 Ковылин Илья Алексеевич, 821
 Кожевников Алексей Владимирович, 914, 915
 Кожевников Павел Андреевич, 158, 1334, 1406, 1420
 Козельский Владимир Петрович, 66, 517, 699, 700, 701, 702
 Козельский Григорий Михайлович, священник, 31, 44, 45, 262, 263, 268, 279, 280, 284, 291, 298, 306, 313, 314, 315, 317, 319, 320, 451, 582, 588, 654, 655, 656, 658, 660, 663, 681
 Козельский Михаил Михайлович, псаломщик, 298, 654
 Козельский Феликс Михайлович, протоиерей, 451, 453, 588, 654, 663
 Козлов Б. Д., 1153
 Козлов Ваня, 1632
 Козлов Г. Д., 1153
 Козлов Иван Иванович, 547, 1369, 1877, 1886
 Козлович Владимир, 1246, 1247
 Козловская Ольга Константиновна, 1155
 Козловский Иван Семёнович, 550, 1628, 1914
 Козловский Николай Иванович, 1121, 1135, 1145, 1159, 1173, 1174
 Козловы, 1329, 1336, 1418, 1588, 1614, 1632
 Козьмина (Игнатьева) Ангелина Алексеевна, 1805
 Кокорин, 367
 Кокосов Аркадий Иванович, 313, 315, 316, 317, 704
 Кокосов Владимир Яковлевич, 97, 705
 Кокосов Иван Яковлевич, священник, 704, 705
 Кокосов Михаил Иванович, 704, 1761
 Кокосов Михаил Яковлевич, 299
 Кокосов Яков, священник, 705
 Кокосова (Флавианова) Александра Николаевна, 1559, 1761
 Кокотько Татьяна Порфирьевна, 1116, 1144
 Кокшаров А., 87
 Кокшаров Александр Матвеевич, 199, 1304, 1308, 1364, 1567, 1577, 1709, 1723
 Кокшаров Александр Николаевич, 300
 Кокшаров Алексей Васильевич, 1564, 1664
 Кокшаров Алексей Петрович, 1304
 Кокшаров Алёша, 131
 Кокшаров Василий Петрович, 1371, 1564, 1664, 1665, 1689, 1723, 1724
 Кокшаров Дмитрий Михайлович, 131, 1441, 1563, 1565, 1566
 Кокшаров Ефим Иванович, 1305, 1565, 1723, 1724
 Кокшаров Иван Александрович, 1304, 1567, 1710
 Кокшаров Иван Константинович, 1564
 Кокшаров Иван Петрович, 1417, 1561, 1562, 1563, 1566, 1623, 1712, 1792, 1799
 Кокшаров Константин Иванович, 1417, 1562, 1563, 1564, 1799
 Кокшаров Матвей Иванович, 1723
 Кокшаров Михаил Иванович, 1562, 1563, 1566, 1799
 Кокшаров Николай Александрович, 1304, 1567, 1709
 Кокшаров Николай, священник, 1254
 Кокшаров Павел Иванович, 1417, 1562, 1563, 1564, 1799
 Кокшаров Пётр Иванович, 1304, 1564, 1723
 Кокшаров Прокопий Васильевич, 1564, 1664
 Кокшаров Прокопий Петрович, 1304
 Кокшаров Спиридон Александрович, 1304, 1567, 1709, 1710
 Кокшарова Н Даниловна, 1365, 1564, 1664, 1665, 1669, 1671, 1724
 Кокшарова Любовь Константиновна, 1415, 1417, 1712
 Кокшарова Мария Васильевна, 1365, 1564, 1664, 1665, 1666, 1667, 1668, 1669, 1670, 1671, 1672
 Кокшарова Нюра Павловна, 1415, 1417
 Кокшарова Саша, 1712
 Кокшаровы, 155, 1307, 1324, 1339, 1561, 1563, 1564, 1623, 1733
 Колесникова Анна Васильевна, 1150
 Колмогоров Андрей Николаевич, 1932
 Колмогоров Вася, 1122
 Колмогоров С., 1137, 1146
 Колобаев Георгий Георгиевич, 1154, 1187
 Колосов Михаил, 313, 315
 Колосов Николай Иванович, 401, 416, 608, 609, 610
 Колчак Александр Васильевич, 149, 242, 488, 852
 Колчак Александр Владимирович, 301
 Колчина Ольга Николаевна, 493
 Колчины, 566
 Кольчѳв Фѳдор, боярин, 442
 Кольман Эрнест Яромирович, 1930, 1933
 Кольцов Алексей Васильевич, 102, 133, 137, 1409, 1410, 1858, 1877
 Колясников Иван Николаевич, 1131, 1186
 Колясникова, 1131
 Комельков Алексей, 161, 1291, 1413, 1416, 1705, 1707, 1708
 Комельков Артемий, 1707
 Комелькова Пелагея, 161, 1407, 1415, 1707, 1859
 Комельковы, 1399, 1416, 1707
 Комиссаржевский Фѳдор Петрович, 491, 526, 1870
 Кондинская И. Я., 1186
 Кондратьев, 1162
 Кони Анатолий Фѳдорович, 161, 433, 690, 1408
 Константинов Александр Алексеевич, 1114, 1144, 1156
 Конюхов Константин Иванович, 541

Копылов, 1958
Копылов В., 1136, 1146, 1153
Корелин, 1126
Корнилов Иван Иванович, 246, 538, 541, 570, 1888, 1894
Коробка Б. А., 1152
Коровин Василий, 245, 278, 287, 316
Коровин Дмитрий, 395
Коровин Иван Петрович, 709
Коровин Марин Александрович, 537, 582, 594
Корсунь Алексей Александрович, 1041, 1062, 1063
Корчемкин, 613
Корчемкины, 369
Косолапов, 1134
Косолапов Георгий Николаевич, 541
Костюк, 1030
Косяков, 1268
Коуров И. П., 126
Коханович Аня, 1069, 1909
Коханович Маруся, 1069, 1910
Кочергин И. Я., 1153
Кочергин Николай Евтропиевич, 915, 1889
Кочнев Михаил, 582, 593
Крамер Ваня, 480, 614
Крамник, 1161
Красильников Афанасий Гаврилович, 857
Краузе Мария Алексеевна, 1026, 1027, 1075, 1899
Крашевский Юзеф Игнацы, 1076, 1900
Криводубская Поля, 1069, 1072, 1907, 1910
Криводубский Игнатий Игнатьевич, 1069, 1070, 1906
Кротов Ваня, 160, 1412, 1711
Крохалёвы, 1297, 1353, 1387, 1464, 1642, 1643
Круглов, 888, 1892
Круглов Алексей Николаевич, 132, 524, 1869
Крупин, 664
Крупницкий В. Е., 543
Крылов Иван Андреевич, 335, 409, 421, 704, 1218, 1223, 1224, 1255, 1409, 1452, 1599, 1913, 1950
Крылова, 1160
Крюков Анатолий Константинович, 992
Ксенофонт, 229, 249, 514, 579, 616
Кудрявцев Василий, священник, 705
Кудрявцев Сергей Кесаревич, 1041
Кудряшов, 146, 655, 1715
Кузнецов (Манатин) Яша, 1303
Кузнецов Вячеслав, 293, 316, 317, 319
Кузнецов Иван Иванович, 1305, 1642
Кузнецов Иван Степанович, 1301, 1305, 1378, 1387, 1388, 1390, 1641, 1642, 1701, 1800, 1802, 1886
Кузнецов К. М., 415, 490, 525
Кузнецов Пётр Евстигнеевич, 1121, 1123, 1124, 1184
Кузнецовы, 1324
Кузьмин А., 1136, 1146
Кузякин В. П., 687
Куинджи Архип Иванович, 1687
Кукетков, 1138, 1146
Куклин, 1122
Кулеш, 1463, 1464
Кульчицкий Николай Константинович, 893
Кунгурова Анна Алексеевна, 1132, 1186
Кунгурцев Максим, 1402
Кунгурцев Фёдор, 160, 1412, 1423, 1799
Кунгурцевы, 1561
Куприн Александр Иванович, 192, 327, 451, 493, 594, 619, 1778, 1883
Купцов, 1149

Курбатов, 364
Курбатова Ирина Викторовна, 92
Курбатовы, 175, 1695
Курганов Фёдор Афанасиевич, 583, 841, 842, 843, 884, 911, 912
Куренных Мария Емельяновна, 1151, 1152
Курлов Михаил Георгиевич, 710
Курманов, мулла, 1650
Куропаткин Алексей Николаевич, 110, 619
Курсанов Георгий Алексеевич, 1268
Кусакин Семён Епимахович, 467, 477
Кусков Иван Васильевич, 541
Кустанович Савин Осипович, 1231, 1266
Кутузов Михаил Илларионович, 161
Кутунов Сергей Иванович, 1106, 1112, 1113, 1143, 1156, 1178, 1179, 1262
Кухарёнок Пётр Степанович, 1268
Кушелевский Борис Павлович, 371
Кушнерёв, 494
Кюи Юлия Мечиславовна, 1030, 1063
Кюнтцель фон Владимир Александрович, 604

Л

Лабинский Андрей Маркович, 1519, 1906
Лавр, святой, 1568, 1700
Лавринов Валерий Вениаминович, протоиерей, 92, 669
Лавров Пётр Николаевич, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 269, 285, 286, 291, 304, 313, 314, 315, 320, 337
Ладыжников Пётр, священник, 1558
Лазарь, 1944
Лактанций, 809, 913
Ламзин Константин, 596
Лангеншейдт Густав, 846, 917
Ландышев Вячеслав Иванович, 993
Ландышев Михаил Иванович, 993
Лапин Павел Дмитриевич, 885, 918
Ласин Сергей, 415, 490, 525, 537, 539, 540, 542, 574, 627, 630, 636, 637, 638, 1868
Лбов Александр Михайлович, 378, 596, 619
Лебедев Андрей (Алексей) Иванович, 1568, 1571
Лебедев Василий Иванович, 1334, 1569, 1798
Лебедев Григорий Александрович, 191, 1307, 1334
Лебедев Димитрий Фёдорович, 1325, 1569, 1570, 1586, 1587, 1588
Лебедев Иван Васильевич, 1570
Лебедев Иван Иванович, 1568, 1569, 1571
Лебедев Иван Иванович старший, 1571, 1572
Лебедев Иван Семёнович, 1401
Лебедев Михаил Михайлович, 1069, 1905
Лебедев Никанор Алексеевич, 894
Лебедев Николай Иванович, 1376, 1387, 1536, 1569, 1571, 1572, 1604, 1730, 1798
Лебедев Николай Тимофеевич, 866
Лебедев Николай Фёдорович младший, 170, 1307, 1542, 1569, 1573, 1575, 1586, 1587, 1588, 1623
Лебедев Николай Фёдорович старший, 1304, 1573, 1574, 1668, 1740, 1798
Лебедев Павел Васильевич, 128, 1468, 1560, 1570, 1807
Лебедев Пётр Васильевич, 1334, 1414, 1515, 1516, 1570, 1807
Лебедев Семён Осипович, 1306, 1401, 1402, 1579, 1580, 1581, 1582, 1584, 1585
Лебедев Степан Фёдорович, 1568, 1785
Лебедев Фёдор Иванович, 1547, 1548, 1568, 1571

Лебедева (Сильванова) Мария Александровна, 1334, 1414, 1515, 1516, 1570
Лебедева Антонина Петровна, 1515
Лебедева Надежда Степановна, 1568
Лебедевы, 1561, 1568, 1569, 1570, 1571, 1733
Лебёдкина (Игнатъева) Капитолина Ивановна, 1805
Лев (Черепанов), епископ, 405, См. Черепанов Леонид Всеволодович
Левитан Исаак Ильич, 1687
Левицкий А. А., 525, 627, 1870
Лёвкин, 1123
Легоненко Василий Павлович, 1118, 1143
Лейбниц Готфрид Вильгельм, 1247
Лейсле Александр Фёдорович, 992, 998, 999
Лекарев Владимир Иванович, 1165
Лекарев Гога Иванович, 1165
Лекарев Иван, 1165
Лекарев Иван Иванович, 1165
Лекарев Николай Иванович, 1165
Лекарев Яков Иванович, 1165
Лекарева Александра Ивановна, 1165
Ленин Владимир Ильич, 804, 1043, 1935
Лентул, 1255
Леонкавалло Руджеро, 1959
Леонов Леонид Максимович, 563, 1687, 1924
Леохар, 589
Лепешинский Василий Иванович, протоиерей, 691
Лепешинский Василий Леонидович, 77
Лепешинский Леонид Васильевич, 30, 575, 630, 689, 690, 691, 693, 1959, 1960
Лермонтов Михаил Юрьевич, 81, 190, 427, 472, 516, 593, 991, 1210, 1218, 1373, 1378, 1380, 1381, 1409, 1425, 1743, 1770, 1777, 1792, 1876, 1917
Лесков Николай Семёнович, 85, 1551, 1612, 1615
Лещинский, 1067
Ливанов, 409
Ликстанов Иосиф Исаакович, 1958
Линевич Николай Петрович, 110
Липаков Е. В., 61
Липин Герман Павлович, 1270
Липин Павел Александрович, 30, 57, 299, 575, 630, 891, 1208, 1211, 1231, 1235, 1264, 1269, 1270, 1273, 1783
Липина Мария Ивановна, 1151
Липкина А. Я., 1161
Лирман Василий, 243, 279, 287, 664, 1860
Литвинов, 1241
Литвишко Б. Т., 1153
Лихтинберг, 619
Лобачевский Николай Иванович, 795
Логиновы, 289
Лодий Зоя Петровна, 1175
Ложкин, 1182
Локк Джон, 184, 660
Ломакин Гавриил Якимович, 287, 336, 533, 1862
Ломоносов Михаил Васильевич, 409, 511, 615, 806, 889, 1181, 1892
Лот, 1719
Лохвицкая-Скалон Мария Александровна, 905, 1559
Лоцманов Николай Андреевич, 1101, 1111, 1141, 1158, 1180
Лоцманов Павел Андреевич, 1117, 1143, 1158
Лощёнов Иван Иванович, 1150, 1151
Лощёнова Татьяна Владимировна, 1116, 1144
Лубе Эмиль Франсуа, 1512
Лука, апостол, 545, 613, 829

Луканин Александр Матвеевич, протоиерей, 50
Луканин Василий Михайлович, 630, 1914
Луканин Владимир Павлович, 30, 313, 315, 574, 630, 693, 694
Луканин Стефан Александрович, протоиерей, 412, 455, 456, 502, 544, 678, 703
Лукашевич Михаил, священник, 1034, 1047
Лукашенко Николай Семёнович, 860, 861, 914
Лукина Е. В., 1153
Луначарский Анатолий Васильевич, 804
Лунин Георгий, 316, 317
Лыжин П., 1146
Львов Алексей Фёдорович, 1862
Любавский Михаил Михайлович, 1214, 1239, 1247
Любимовы, 361, 364, 365
Лютер Мартин, 83, 846, 917, 1237
Ляндо, 1030, 1039, 1062, 1064
Ляпустин Александр Сергеевич, 135, 289, 290, 299, 705, 1499, 1511, 1512
Ляпустин Владимир Сергеевич, 289, 290, 705, 1424, 1511
Ляпустин Иван Александрович, 1512
Ляпустин Михаил Сергеевич, 289, 290, 612, 705, 1511, 1512
Ляпустин Сергей, священник, 289, 705
Ляпустина (Бирюкова) Таисья Александровна, 289, 290, 664, 665, 705, 1495, 1498, 1511, 1513, 1781
Ляпустины, 1511, 1512

М

Медведев Евarest Панфилович, 1896
Мавровская, 1559
Мавровский Николай Николаевич, 66, 489, 582, 583, 584, 641, 642, 886, 906, 913, 918, 1784
Мавровский, священник, 1559
Магазинер Яков Миронович, 1236
Магдалина (Досманов), игуменья, 95
Магдалина (Досманова), игуменья, 96, 1957
Мажин П., 1137
Мазеин Борис, 1116, 1134, 1147
Майзель, 1030
Майков Аполлон Николаевич, 180, 182, 1410
Макавеев, 1160
Макаров Василий Евсеевич, 1291, 1306, 1705, 1707, 1708, 1709, 1725, 1726
Макаров Григорий Семёнович, 159, 1340, 1350, 1406, 1420, 1662, 1724
Макаров Евсевий Степанович, 1306, 1398, 1708, 1725, 1726
Макаров Степан Осипович, 111
Макарова Калерия, 1306, 1725, 1726
Макарова Катя, 1003, 1004, 1005, 1006
Макарова Саша, 1413, 1415, 1417, 1669, 1712
Макаровы, 1561
Маковский, 279
Максимов Андрей Яковлевич, 492, 569, 582, 597
Максимов Иван Яковлевич, 497, 631, 672, 685
Максимовский С., 1136, 1145
Макушин Пётр Иванович, 50
Малаховский Всеволод Антонович, 604
Малиновская Зоя Кронидовна, 1960
Малис Иулий (Африкан) Александрович, 1029, 1063
Малов Евфимий Александрович, протоиерей, 835, 836, 885

Мальков, 1563, 1769, 1785
 Маляева Ольга Афанасьевна, 131
 Мамин Адриан Иоаннович, священник, 1540
 Мамина Мария Ивановна, 135, 1335, 1540, 1541, 1542, 1543, 1548, 1697, 1797
 Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович, 31, 135, 370, 573, 575, 579, 595, 605, 693, 695, 706, 1258, 1259, 1260, 1335, 1484, 1540, 1679, 1797, 1893
 Мамчиц, 1038
 Манатин Фёдор Тимофеевич, 1469, 1589, 1799
 Манатины, 1561, 1589
 Мануил (Лемешевский), митрополит, 64
 Маргулян Арнольд Эвадьевич, 1914
 Мария Египетская, святая, 545, 1537, 1943
 Мария Магдалина, 1537, 1663, 1941, 1942, 1943, 1944, 1945
 Мария Фёдоровна, императрица, 1023, 1024, 1074, 1075, 1897, 1899
 Марк Теренций Варрон, 1267, 1272
 Марк, апостол, 545
 Маркачѳв, 1187
 Маркевич Николай Андреевич, 533
 Марков Николай Евгеньевич, 1001
 Маркович М. М., 1214
 Маркс Карл, 1122, 1184
 Марр Николай Яковлевич, 1186, 1216, 1252
 Мартьянова Е. В., 687
 Марусов, 1147
 Марусов Василий Николаевич, 1166
 Марусов Константин Николаевич, 1166
 Марусов Николай, 1166
 Марусов Павел Николаевич, 1166
 Марфа, 1944, 1945
 Марченко Алексей Николаевич, протоиерей, 53
 Масальский, 1047
 Матвеев Александр Константинович, 1251, 1259
 Матфей (Померанцев), архимандрит, 55
 Матфей, апостол, 545, 548, 702, 829
 Маяковский Владимир Владимирович, 1115, 1123, 1124, 1184, 1218
 Медведев А. Н., 74, 1101
 Медведев Виктор Константинович, 1121, 1122, 1123, 1138, 1147, 1170, 1171, 1184
 Медведев Еварест Панфилович, 243, 246, 287, 302, 537, 538, 539, 541, 570, 574, 636, 678, 679, 1894
 Медведев Иван Панфилович, 243, 258, 287, 302, 455, 536, 638, 658, 677, 678
 Медведев Константин Иванович, 1122
 Медведев С., 1147
 Медведев, священник, 1559
 Медведева Антонина, 1559
 Медведчикова Анна Михайловна, 672
 Медяков Виссарион, 313
 Мезенцев Иван Нилович, 691, 1208, 1214, 1217, 1219, 1220, 1221, 1222, 1231, 1232, 1248, 1262, 1264, 1265, 1269
 Мезенцев Леонид Иванович, 1221
 Мейер Альфред, 1936
 Мейман, 885, 918
 Мельков С., 1136, 1146
 Мельников-Печерский Павел Иванович, 371, 821, 1894
 Мельчакова Ольга Александровна, 35
 Мендельсон-Бартольди Якоб Людвиг Феликс, 246, 570, 1883, 1894
 Меньшиков Алексей Семёнович, 112, 201, 1362, 1471, 1472, 1473, 1474, 1475, 1476, 1552, 1624, 1626, 1769, 1784
 Меньшиков Виктор Константинович, 1476
 Меньшиков Коля, 1475
 Меньшикова (Оранская) Александра Николаевна, 1472, 1475
 Мережковский Дмитрий Сергеевич, 438, 805
 Мерзляков Алексей Фёдорович, 895, 1433, 1877
 Меркурьев Александр Алексеевич, 292, 298, 313, 315, 316, 317, 319, 320, 334, 537, 542, 630, 637, 638, 670, 671, 672, 673, 675, 685, 1868
 Месняев, 1914
 Мессалина, 1940
 Металлов Василий Михайлович, 244, 287, 317, 533, 1862
 Метельский Василий, 1058, 1059
 Метенков, 116
 Метерлинк Морис, 527
 Мефодий, святой, 246, 281, 317, 318, 1863
 Мехоношин Василий Димитриевич, 1116, 1166
 Мехоношин Виктор Димитриевич, 1167
 Мехоношин Димитрий, 1104, 1166
 Мехоношин Николай Димитриевич, 1114, 1115, 1120, 1121, 1144, 1157, 1158, 1167, 1184, 1186
 Мехоношин Сергей Геннадьевич, 92
 Мешков Николай Васильевич, 364, 480
 Мещерский, князь, 409
 Мигай Сергей Иванович, 1914
 Мигдал, 1029, 1063
 Мизгирѳв, 175
 Мизгирѳва Афонюшка, 1645, 1661, 1663
 Мизгирѳва Лиза, 162, 175, 1406, 1415, 1420
 Мизгирѳвы, 1324, 1397, 1601, 1796, 1808
 Миллер, 995
 Мильтон Джон, 824
 Милюков Павел Николаевич, 1214, 1239, 1959
 Миролубов Александр Павлович, 55, 387, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 401, 402, 404, 434, 439, 444, 447, 448, 458, 460, 479, 485, 488, 489, 497, 506, 560, 615, 619, 624, 625, 662, 833, 877, 912
 Миролубова Ольга Козьминична, 1051
 Миронов Владимир Димитриевич, 1251, 1262
 Миронов Иван Максимилианович, 132, 1480, 1621, 1622
 Миронов Максимилиан Ефимович, 1307, 1339, 1479, 1621, 1623
 Миронов Сергей Димитриевич, 888, 1892
 Миронова Анна Ивановна, 1333, 1587, 1621, 1622, 1623, 1695
 Мироновы, 1333, 1457, 1480, 1561, 1621, 1622, 1810
 Мирский Д., 682
 Михаил Александрович, великий князь, 367
 Михаил Фёдорович, царь, 802
 Михайлов Максим Дормидонтович, протоиерей, 550
 Михайлов Филагрий Александрович, 575, 580, 581, 582, 590, 623
 Михайловские, 566
 Михайловский Николай Константинович, 620
 Михалѳв Иаков, диакон, 541
 Мицкевич Адам, 655
 Мичков Василий Матвеевич, 488
 Мичкова М. М., 488
 Мичурин Иван Владимирович, 495
 Мишарины, 1477

Мишель Луиза, 1006
Младов Григорий, протоиерей, 1768
Младов Николай Григорьевич, 878, 891, 1768
Модестов Василий Иванович, 913
Модин Василий Степанович, 991, 997
Модин Иван Сергеевич, 1307, 1504
Можаровский Аполлон Фёдорович, 60
Можгинский Виктор Михайлович, 436, 451, 513, 617, 878
Мозер Вячеслав Иванович, 991
Мозжухин Иван Ильич, 1891
Моисеев Игорь Александрович, 1429
Моисей, 1358, 1394, 1409, 1532, 1726, 1728, 1746, 1870, 1926
Мокеева, 1211
Моле-шотт Якоб, 1923
Молотов Вячеслав Михайлович, 1182
Молчанов Е. Ф., 306
Мольер Жан-Батист, 824
Монюшко Станислав, 1871
Морев Иван Семёнович, 543, 1892, 1895
Морозов Василий Георгиевич, протоиерей, 502
Морозов Иван Тимофеевич, 1121, 1124, 1185
Морозов Николай Александрович, 437, 438, 579, 617
Морозов Савва Тимофеевич, 1734, 1893
Морозова Татьяна Леонидовна, 92
Москвин, 116
Московкин, 1126
Мостов Николай, 313, 315
Мотрохин Александр, 888, 1892
Моцарт Вольфганг Амадей, 670
Музыкаску Гавриил Вакулович, 533
Мультиановский, 536, 542, 616
Мультиановский Николай Михайлович, 542
Мультиановский П. Н., 575
Мурашов Георгий Павлович, 1959
Мурзин, 1328, 1357
Мурзина, 162
Мурзина Нюра, 1408, 1415, 1418
Мурильо Бартоломе Эстебан, 1950
Мусоргский Модест Петрович, 556, 565, 822, 1003, 1302, 1388, 1891
Мутин Сергей, 404, 405
Мухин Александр Александрович, 299, 575, 704, 1476, 1554, 1558
Мухин Александр, священник, 704, 1386, 1476, 1551, 1552, 1553, 1554, 1558
Мухин Владимир Степанович, 494
Мухин Николай Александрович, 1554
Мухина Анфиса Александровна, 1558
Мухина Любовь Александровна, 704, 1423, 1554, 1558
Мухина Надежда Александровна, 704, 1423, 1476, 1554, 1558
Мухина Софья Александровна, 1553, 1558
Мухины, 1035, 1551, 1552
Мухтарова Фатма Саттаровна, 1914
Мышалов, 1029, 1055
Мышковский, 1053
Мюллер (Миллер) Иоганнес Петер, 1115, 1167
Мюненко Василий Павлович, 1158
Мяконьких, 1126
Мясоедов Григорий Григорьевич, 1687

Н

Набокова, 1024, 1074
Навроцкая Т., 1137
Нагибины, 337
Нагуевский Дарий Ильич, 809, 913
Надсон Семён Яковлевич, 560, 561, 1252, 1881
Наймарк Бася, 1071
Накамура Михей Иванович, 857, 872, 873
Накамура Хакуё, 873
Накаряков Анфиноген Филиппович, 243, 287, 903, 905
Накаряков Нафанаил Филиппович, 903, 905
Налбадьян, 1884
Направник Эдуард Францевич, 490, 539, 1913
Нарбеков Василий Андреевич, 800, 816, 885, 918
Наркевич, 1027
Наркевич Леонтий, священник, 1042
Насонов Владимир, 313, 315, 316
Насонов Антонин Петрович, 299, 575
Насонов Димитрий, 460
Насонов Сергей Петрович, 300
Наумов Александр Андреевич, 45, 235, 316, 338, 1790
Наумов Александр Петрович, 367, 1460, 1466, 1769, 1808
Наумов Владимир Александрович, 30, 57, 301, 575, 630, 685, 687, 1231, 1248, 1266, 1270, 1273
Наумов, священник, 1324
Нафанаил (Леандров), епископ, 97
Неверов Пётр Меркурьевич, 1336
Неверов Степан, 130, 231, 319, 681
Неверова Иундина Яковлевна, 1132
Неверовы, 1366
Нежданова Антонина Васильевна, 365, 1913
Некрасов Александр Иванович, 476
Некрасов Николай Алексеевич, 126, 156, 1124, 1397, 1477, 1481, 1486, 1557, 1648, 1653, 1664, 1687, 1688, 1690, 1695, 1748, 1877
Некрич, 1029, 1037
Неофит (Соснин), архиепископ, 97
Несмелов Виктор Иванович, 714, 800, 812, 813, 814, 815, 838, 853, 854, 856, 884, 885, 897, 901, 916
Нестеров В., 1268
Нестеров П. И., 1187
Нестор Летописец, 714, 1167
Неуймин Вениамин, 313, 315
Нечаев Алексей Павлович, 835, 918
Нечаев Михаил Геннадьевич, 52
Никанор (Надеждин), епископ, 396, 478
Никитин Александр, 582, 597
Никитин Андрей Алексеевич, протоиерей, 361, 605, 703
Никитин Иван Саввич, 1409
Никитин Иоанн Алексеевич, протоиерей, 42, 50, 99, 101, 112, 131, 361, 517, 605, 634, 704
Никитин Николай Иванович, 704
Николаев Николай, 315
Николаевич Михаил Ипполитович, 1070, 1905, 1908
Николаевич С., 1551
Николай (Касаткин), архиепископ, 872
Николай I, император, 1647, 1693
Николай II, император, 603, 806, 1227, 1415, 1464, 1527, 1768, 1859, 1958
Николай Николаевич (младший), великий князь, 662
Николай Чудотворец, святой, 266, 324, 371, 1376, 1527, 1568, 1582, 1700, 1956

Никольский Владимир Александрович, 846, 885, 916, 917
Никон, патриарх, 502
Никулин, 1187, 1242
Нил (Жуков), иеродиакон, 869, 870, 871, 914, 1066
Ницше Фридрих, 854, 1122
Новгородцев И., 1137, 1146
Новиков, 1914
Новиков Антон Лазаревич, 134, 156, 1307, 1320, 1322, 1327, 1330, 1332, 1333, 1336, 1339, 1340, 1348, 1349, 1360, 1361, 1372, 1374, 1375, 1387, 1389, 1417, 1421, 1425, 1452, 1457, 1466, 1477, 1478, 1479, 1480, 1482, 1483, 1485, 1486, 1487, 1488, 1489, 1490, 1547, 1548, 1552, 1574, 1580, 1591, 1593, 1609, 1610, 1614, 1619, 1621, 1622, 1623, 1624, 1625, 1631, 1632, 1644, 1670, 1685, 1715, 1717, 1730, 1733, 1747, 1763, 1767, 1793, 1795, 1798, 1883
Новиков Василий Антонович, 1287, 1291, 1418, 1478, 1480, 1483, 1485, 1486, 1487, 1489, 1490, 1507, 1534, 1795
Новиков Иван Лазаревич, 1479, 1552
Новиков Николай Николаевич, 51
Новикова (Проскурова) Мария Егоровна, 1322, 1477, 1478, 1479, 1480, 1482, 1483, 1490, 1491, 1574, 1695
Новикова Антонина Петровна, 1490, 1491
Новикова Павла Ивановна, 1479
Новиковы, 1314, 1487, 1491, 1492, 1717, 1798
Новицкий Иван Александрович, 1023, 1026, 1047, 1897
Ноги Марэсукэ, 872
Ной, 1719
Носань Иван Самойлович, 1051, 1063
Носов Леонид, 1123, 1184
Нума Помпилий, 1230

О

Оборин Михаил, 132, 133
Образцов Лев Михайлович, 1175
Обтемперанский Александр Сергеевич, 232, 233
Обухова Надежда Андреевна, 1772
Овидий Назон, 134, 597, 870, 1066, 1077, 1250, 1381, 1482, 1598, 1715, 1723, 1725, 1920
Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич, 1633, 1634
Огарков М., 1147
Огарышев П., 1136, 1146
Околов-Кулак Сергей Григорьевич, 898
Окулин, 1062
Окунева, 1914
Олеарий Адам, 519
Олесов Алексей, псаломщик, 246, 570, 1894
Олоферн, 1719, 1940
Оняма, 872
Оранские, 1472, 1476
Оранский Виктор Александрович, псаломщик, 516, 1524, 1526
Орджоникидзе Григорий Константинович, 1163
Оржельский, 1914
Оришак Серафима, 1953
Орлин Михаил Иванович, священник, 1025
Орлов, 409
Орлов Александр, 491
Осипов, 1160
Осипова, 490, 526, 1870
Осипова Екатерина Кузьминична, 1151

Осколков, 130
Осовский, 1029
Осокин Николай Димитриевич, 1106, 1112, 1142, 1156, 1178, 1186
Островский, 1027, 1029
Островский Александр Николаевич, 301, 454, 527, 1479, 1481, 1542
Острогорский Моисей Яковлевич, 993
Остроумов Александр, 621, 622
Остроумов Иван Григорьевич, 371
Отев Алексей, священник, 1555

П

Павел, апостол, 189, 195, 1920
Павлинов Анатолий, 294, 316, 317, 319
Павлинов Иван, 316
Павлинов Михаил, 582, 592
Павлинов Павлин, 315, 316, 317
Павлинов Сергей Николаевич, 490, 528
Павлов Иван Петрович, 193, 328, 573, 1557
Павлов Тодор Димитров, 1930, 1931, 1933
Пазовский Арий Моисеевич, 371
Палицын Иван Осипович, 1914
Палладий (Добронравов), епископ, 413
Палладий (Пьянков), епископ, 49
Пальмин Лиодор Иванович, 561
Панин Мефодий, 260, 313, 315, 657
Панина Варвара Васильевна, 1004
Панов Иван Павлович, 1117, 1118, 1143, 1163, 1164
Панова (Игнатьева) Антонина Ивановна, 1804
Пановы, 1323
Пантелеимон, великомученик, 1700
Пантелеймонова Анна Ивановна, 1026, 1027
Панхилевич, 1044
Парин Василий Васильевич, 1210, 1211, 1933
Пасхалов Виктор Никандрович, 539, 627, 637, 1868
Пентефрий, фараон, 1939
Первушин Иван Михеевич, священник, 594
Первушин Николай, 582, 593
Переберин Иван, 242, 260, 268, 279, 287, 310, 311, 657, 1860
Перевалова Екатерина Сергеевна, 1155, 1161
Перегуд-Погорельская Мария Михайловна, 1062
Перегуд-Погорельский Степан Герасимович, 1040, 1062
Перескоков Лев Валентинович, 52
Перминов Алексей Димитриевич, 1030, 1064
Пермяк Евгений Андреевич, 682
Пермяков, 613, 1125, 1185
Пермяков Федя, 1124, 1126, 1135, 1136, 1185
Перов Василий Григорьевич, 153, 714, 1377, 1494
Перцель Абрам Яковлевич, 1160
Песке Александр Иванович, 59
Песталоцци Иоганн Генрих, 633
Петерсон, 242, 280, 371, 569
Петкевич, 1027
Петкевич (Рынейская) Ольга Константиновна, 1041, 1065
Петкевич (Таран) Александра Георгиевна, 1034, 1035, 1041
Петкевич (Фёдорова) Мария Васильевна, 1065
Петкевич Александр Кузьмич, 1034, 1035, 1065
Петкевичи, 1034, 1035
Пётр (Лосев), епископ, 386, 387, 457, 516, 699, 1886
Пётр (Мовиле), митрополит, 545

Пётр I, император, 130, 259, 400, 438, 667, 1499, 1595, 1634
 Пётр, апостол, 454, 549, 1037
 Петрарка Франческо, 654
 Петрашен Мария Васильевна, 1040, 1041, 1062
 Петров, 1137
 Петров Василий, 313, 315, 316
 Петров Григорий Спиридонович, 449, 450, 620, 662, 804
 Петров Миша, 497, 1322, 1485, 1487, 1489
 Петров Николай Васильевич, протоиерей, 855, 885, 913
 Петрова Агафья Петровна, 1051
 Петровская Ольга Платоновна, 437, 481, 482
 Петропавловский, священник, 1004
 Петухов Павел Васильевич, 1113, 1142, 1143, 1159, 1166
 Пеутин Афанасий Васильевич, 1608, 1609, 1610, 1716, 1798
 Пеутин Вениамин Иванович, 1609, 1610, 1716, 1717, 1807
 Пеутин Иван Степанович, 1609, 1610, 1717, 1796, 1798, 1807
 Пеутин Николай Васильевич, 1407, 1479, 1594, 1608, 1609, 1610, 1716, 1798
 Пеутин Степан Васильевич, 1372, 1608, 1609, 1610, 1716, 1798
 Пеутина Таисья, 1414, 1415
 Пеутины, 1307, 1418, 1561, 1571, 1588, 1593, 1608, 1609, 1610, 1614, 1623, 1624, 1632, 1716, 1717, 1734
 Печевич, 1062
 Печерин Андрей Владимирович, 140
 Пешков, 1406
 Пилат Понтий, 1373
 Пиликин Николай Васильевич, 292, 371, 538, 539, 553, 627, 634, 636, 637, 1868
 Пильников Владимир Степанович, 1136, 1145, 1159
 Пимен (Белоликов), епископ, 39, 608, 609
 Пинский, 490, 527
 Пирогов Александр Степанович, 1914
 Пирогов Григорий Степанович, 1914
 Писарев Дмитрий Иванович, 620
 Писарев Леонид Иванович, 852, 885, 918
 Писарев Николай Николаевич, протоиерей, 885
 Писемский Алексей Феофилактович, 392
 Пискунов В., 1935
 Платон, 303, 424, 425, 427, 660
 Платонов Анатолий Иванович, 1051
 Плевако Фёдор Никифорович, 1034
 Плетнёв Дмитрий Иванович, 514
 Плетнёв Пётр Александрович, 409
 Плеханов Павел Николаевич, 1119, 1125, 1137, 1141, 1147, 1170, 1171
 Плотников, артист, 490, 527
 Плотников, семинарист, 537, 638
 Плотников Григорий Стефанович, 1518
 Плушкова Серафима Михайловна, 1155
 Плышевский, 1055, 1911
 Победоносцев Димитрий Петрович, священник, 237, 1254
 Победоносцев Константин Петрович, 146, 391, 817, 1714
 Поздняков Михаил, 878
 Позднякова, 490, 526, 1870, 1872
 Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович, 1789
 Покровская Мария Александровна, 1414, 1415, 1524, 1557
 Покровский Александр Димитриевич, псаломщик, 1522, 1523, 1524, 1525, 1533, 1537, 1543, 1557, 1778, 1793, 1797
 Покровский Иван Михайлович, 137, 850, 851, 884, 916
 Полевый Борис Николаевич, 1934
 Половинкин Владимир Александрович, 1113, 1143, 1156, 1178
 Половников, 487
 Полозов, 1246
 Полухин, 664, 681
 Поляков Василий, священник, 1518
 Поляков Савва Иванович, 489, 563
 Полянский Евлампий Яковлевич, 833, 885, 912
 Помяловский Николай Герасимович, 46, 230, 240, 246, 259, 270, 271, 279, 280, 282, 286, 288, 323, 336, 565, 651, 680, 1863
 Пономарёв Аристарх Рафаилович, 535, 536, 542, 608, 616, 675
 Пономарёв Виталий, 582, 586
 Пономарёв Вячеслав, 315
 Пономарёв Иоанн, священник, 114
 Пономарёв Константин Авраамиевич, протодиакон, 430
 Пономарёв Константин Петрович, 404
 Пономарёв Константин, священник, 1518, 1558
 Пономарёв Никанор Николаевич, протоиерей, 430, 506
 Пономарёв Павел Петрович, 57, 114, 120, 800, 817, 818, 819, 877, 878, 885, 917
 Пономарёв Пётр, 313, 315
 Пономарёва Елисавета Иоанновна, 114
 Пономарёва Лина, 569
 Понтий Пилат, 549, 1920
 Попов, 145, 1714
 Попов А. В., 1320
 Попов А. Н., 1251
 Попов Александр Степанович, 50, 370, 476, 575, 605, 695, 1557
 Попов Алексей Васильевич, 824, 912, 915
 Попов Анатолий, 297, 313, 315, 316, 317, 319
 Попов Викентий, 1661
 Попов Владимир, священник, 146
 Попов Евгений Алексеевич, протоиерей, 50
 Попов Иван Сергеевич, 1304, 1328, 1573, 1574, 1575, 1576, 1577, 1578, 1579, 1595, 1779
 Попов Матфей Яковлевич, протодиакон, 457, 579, 607, 611
 Попов Михаил Васильевич, 30, 522, 531, 534, 539, 542, 553, 574, 627, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 667, 1865, 1868, 1896
 Попов Н. И., 541
 Попов Николай Николаевич, 582, 595
 Попов Павел, 313
 Попова, 490, 527, 528
 Попова Александра Алексеевна, 915
 Попова Марфа Васильевна, 1418, 1661, 1695
 Попова Юлия, 1415, 1418, 1661
 Попович, 1043
 Попович Екатерина Васильевна, 1047
 Попович Иван Васильевич, 1026, 1047
 Порошин Н., 1136, 1145, 1153
 Посошков Иван Тихонович, 825
 Постников Андрей Павлович, 1603, 1612, 1616, 1623, 1626, 1627, 1628, 1629, 1651, 1681, 1706, 1722, 1785
 Постников Николай Павлович, 1623, 1629

- Постников Павел Михайлович, 1336, 1375, 1444, 1593, 1623, 1624, 1625, 1626, 1627, 1629, 1679, 1785
Постникова (Лебедева) Надежда Степановна, 1785
Постникова Агафья Николаевна, 1627, 1628, 1681, 1722
Постниковы, 1561, 1623, 1629, 1680, 1722
Потёмкин Григорий Александрович, 1210
Потеряйко Пётр Кузьмич, 553, 616, 634, 639, 1868
Потехин Александр Николаевич, 865
Потоцкий Павел Семёнович, 390, 401, 593, 615
Почечуев Иван Филиппович, 689
Пошляков, 1134
Праотцев Сергей Васильевич, 1050, 1051
Предтеченский Сергей Александрович, 400, 853, 884, 885
Пригожий Яков Фёдорович, 1889
Присадский Владимир Михайлович, 134, 530, 568
Присёлков Василий Захарович, 224, 225, 288, 313, 319
Прозоровская, 540, 1065, 1912
Просвирнин Димитрий Степанович, 1733
Просвирнин Иван Степанович, 1733, 1734
Проскуров Алексей Егорович, 1479, 1486
Проскуров Василий Егорович, 1322, 1478, 1484
Проскурякова, 1437
Протопопов Василий Иванович, 845, 878, 885, 915
Протопопов Виктор Викторович, 451, 527
Прохановы, 175
Прушинская Глаша, 1069, 1907
Прушинская Наташа (Тоня), 1069, 1907
Прушинский Коля, 1069, 1907
Птицын, 1136, 1146
Пугачёв Емельян Иванович, 470, 1731
Пузырёв Виктор Иванович, 631
Пунин, 1212, 1235
Пучковская Ирина Васильевна, 1252
Пушкин Александр Сергеевич, 81, 123, 176, 203, 364, 366, 401, 408, 414, 418, 448, 449, 479, 488, 497, 548, 555, 565, 613, 654, 667, 670, 831, 874, 902, 903, 992, 1024, 1035, 1053, 1074, 1075, 1077, 1123, 1184, 1209, 1218, 1219, 1220, 1229, 1240, 1252, 1313, 1364, 1370, 1372, 1381, 1409, 1427, 1460, 1511, 1516, 1530, 1542, 1553, 1557, 1599, 1637, 1661, 1673, 1674, 1675, 1679, 1685, 1690, 1693, 1704, 1725, 1732, 1743, 1747, 1750, 1751, 1756, 1770, 1777, 1802, 1873, 1881, 1898, 1905, 1938, 1950
Пуцин Иван Иванович, 1024, 1025, 1074, 1898
Пьянков Георгий Антипович, протоиерей, 50
Пятницкая Надежда Петровна, 135, 568, 1540, 1541, 1559
Пятницкая Софья Петровна, 135, 568, 1559
Пятницкий Константин Петрович, 1540, 1541
Пятницкий Михаил Петрович, 1541
- Р**
- Рабле Франсуа, 824
Рабцевич П., 1162
Разин Степан Тимофеевич, 557
Разумовский Алексей Григорьевич, 1530
Ракшинская Варвара Ефимовна, 621
Ракшинская Фаина Васильевна, 621, 623
Ракшинские, 621, 622, 623
Ракшинский Василий Иванович, 373, 460, 482, 620, 621, 623, 1884
Раменский Алексей Пахомович, 681
Распутин Григорий Ефимович, 609, 669, 691, 802, 803, 897, 919, 1321
Рассохин Кирилл Михайлович, 376, 458, 462, 463, 464, 469, 470, 472, 474, 497, 521, 522, 576, 610, 1446, 1485
Рассохина, 464
Ратнер Лев Моисеевич, 143, 691
Рахманинов Сергей Васильевич, 1172
Рачевская, 1057, 1070, 1904, 1908
Рачевские, 1032
Рачинский Сергей Александрович, 398, 919
Рашковский А., 140
Резчикова Вера Ивановна, 135
Рейзен Марк Осипович, 1914
Ренан Эрнест, 438, 829, 830
Репин Илья Ефимович, 801, 1377, 1390, 1741
Речкулов, 246, 570, 1894
Решетников Фёдор Михайлович, 371, 372
Решетов И. В., 1152
Решетова, 1328, 1589, 1767
Ржевин, 364
Ридель, 1959
Римский-Корсаков Николай Андреевич, 247, 334, 1174, 1385, 1388, 1394, 1431, 1751, 1863, 1871, 1880, 1891, 1896
Роганов, 1127
Рогозников Алексей Васильевич, 1165
Родников Николай Павлович, 915
Родыгин Евгений Павлович, 1670
Рождественский Зиновий Петрович, 618
Рожнов Александр Иванович, 543
Рожновская Антонина Алексеевна, 1155
Розанцев Николай Александрович, 1118, 1143, 1158, 1159
Розенталь И. С., 1238
Розмарин, 1236
Рокфеллеры, 1873
Романович, 1027
Романовский, 1122, 1184
Романовы, царский род, 610, 802, 860, 889, 991, 992, 1027
Россини Джоаккино, 490, 1871
Ростан Эдмон, 527
Ротшильды, 1873
Рубенс Питер Пауль, 548
Рубинов Александр Стефанович, 578, 627
Рубинштейн Антон Григорьевич, 182, 292, 402, 472, 489, 490, 524, 537, 538, 574, 637, 671, 1868, 1869, 1871
Русаков, 1469
Руссакович Елизавета Полиэвктовна, 1051, 1908
Руссакович, сёстры, 1069, 1907
Руссо Жан-Жак, 824
Рыбаков Александр Константинович, 609, 864, 878, 900, 907, 910
Рыжков Павел Иванович, 1469, 1588
Рычков Александр Захарович, 1789
Рычков Аркадий Захарович, 706, 1551, 1789
Рычков Михаил Аркадьевич, 297, 316, 317, 319, 320, 706, 1322, 1323, 1324, 1618, 1785, 1787, 1788, 1789
Рычков Николай Николаевич, 67
Рябинин Борис Степанович, 193, 327
Рябинин Иван Трофимович, 510
Рябов Филипп Иванович, 1114, 1144, 1157, 1159, 1180, 1184, 1186
Рябухо Людмила Викторовна, 92

Рядкин, 1137, 1146
Рязанцев Николай Иванович, 1129
Рянко, 431

С

Саул, царь, 1940
Савич Александр Антонович, 1030
Савонарола Джироламо, 401, 402, 830, 1367
Садовский Вячеслав Алексеевич, 236
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович, 81, 195, 327, 817, 1562, 1596
Сальери Антонио, 670
Самарцев П. Е., 891
Самков, 1137, 1146
Самсон, 1719, 1721, 1722, 1723, 1939
Самсыгина Зинаида Арефьевна, 1041, 1062
Самуил, пророк, 1926
Сарти Джузеппе, 123, 1862
Сатрапинский Иван Иванович, 57, 854, 878, 885
Саул, царь, 1926
Сахаров Иван Кузьмич, 232, 233, 234, 288, 319, 513, 1273, 1790
Саянов, 491, 526, 540, 661, 1870, 1872
Свердлов Яков Михайлович, 1772
Светилин Александр Емельянович, 374, 426, 813
Светлосанов, 1151
Свечников Александр, 1866, 1868
Свечников Николай, 525, 537, 539, 561, 627, 635, 636, 637, 638
Свешников Александр Владимирович, 561
Свешникова Александра Васильевна, 1041, 1062
Свигузова, 1491
Свигузова (Новикова) Елена Антоновна, 1414, 1415, 1478, 1480, 1491
Свирельщиков Вениамин, 316, 317
Севастьянов Даниил, 1399
Севастьяновы, 1561
Седых Николай Павлович, 51
Секар-Рожанский Антон Владиславович, 1891
Секст Помпоний Фест, 1267, 1272
Селиванов Вениамин Иванович, 433, 460, 461, 498, 610
Селиванов Е., 1136, 1145, 1153
Селиванова Мария Ильинична, 1292, 1333, 1423, 1465, 1528
Селивестров, 155, 1297, 1457, 1463, 1464
Селивестрова Маша, 155, 1297
Селицкий Алоизий Александрович, 1030, 1058
Семёнов Василий Иванович, 1110
Семенчук Клара Лазаревна, 1154
Сенгалычев, 1583
Сенкевич Генрик, 1076, 1900
Сен-Санс Шарль Камиль, 1065, 1912
Серафим (Голубятников), епископ, 691
Серафимович Александр Серафимович, 1123, 1124
Сервантес Мигель де, 824
Сервачинская Юлия Иосифовна, 1075, 1076, 1077, 1078, 1899, 1900, 1901
Сервачинский Иосиф, 1025, 1899
Сергеев Фёдор Андреевич (Артём), 373, 380
Сергей Александрович, великий князь, 806
Сергий Радонежский, святой, 44, 215, 217, 405, 457, 607, 646, 1949
Сердобольская, 819
Сердобольский Николай Александрович, 819
Серебренников Александр Иванович, 298, 313, 315, 316, 317, 319, 631, 891
Серебренников Павел Николаевич, 28, 50, 380, 425, 431, 432, 433, 434, 435, 460, 463, 525, 574, 605, 609, 610, 624, 625, 626, 663, 706, 717, 1552, 1713
Серебренникова Евгения Павловна, 432
Серебровский Глеб Владимирович, 1914
Серов Александр Николаевич, 1364, 1882
Серов Валентин Александрович, 400
Силкин Степан Иванович, 1237
Сильванов Александр, священник, 703, 1314, 1333, 1514, 1515, 1516, 1518, 1522, 1570, 1803
Сильванова (Покровская) Мария Димитриевна, 1514, 1515, 1516, 1522
Сильвановы, 1333, 1516, 1803
Сильвестр, протопоп, 446
Симановский Михаил Данилович, 237, 240, 279, 313, 705
Симеон Верхотурский, святой, 266, 700, 1572, 1732
Симеон Полоцкий, 259, 318
Симеон Столпник, святой, 847
Симонович Владимир Флавианович, 710
Синицкий, 1914
Синицын, 1058
Синицын Павел Иванович, 1308, 1589, 1590
Синицыны, 1561
Синягин, псаломщик, 654, 655
Сиришевская, 1914
Сифоров Владимир Иванович, 1925, 1927
Скворцов Василий Алексеевич, 575
Скворцов Николай П., 891
Скобелев Михаил Дмитриевич, 875, 1496
Скрипицын, 1463, 1464
Скрябин, 1606
Славнин Павел Петрович, диакон, 393, 457, 458, 459, 461, 463, 611
Сливинская, 1914
Словцов Константин, 313, 315
Словцов Семён, 582, 591
Словцов Юлий Михайлович, 531, 639, 1896
Слонов Михаил Акимович, 539, 1888
Слуцкая, 1161
Слюнков В., 492
Смирнов, 1213, 1234
Смирнов Александр Васильевич, священник, 61
Смирнов Александр Иванович, священник, 377, 530, 568, 1509
Смирнов Владимир Васильевич, 541
Смирнов Иван Васильевич, 134, 543, 1516, 1860
Смирнов Михаил Александрович, 1510, 1804
Смирнов С., 1138, 1147
Смирнова (Бирюкова) Софья Владимировна, 572, 1415, 1416, 1441, 1502, 1509, 1557, 1659, 1804
Смирнова Ангелина Александровна, 1510, 1804
Смит Адам, 276
Смолина (Накарякова) Валентина Филипповна, 903, 904, 905, 907, 1559
Смольский Яков Онуфриевич, 1030
Смышляев Дмитрий Дмитриевич, 371
Смышляев, священник, 590
Смышляева, 581
Снежницкий Иван Алексеевич, 992
Снежницкий Константин, 313, 315
Собинов Леонид Витальевич, 801, 1891, 1895, 1913
Соболев, 526, 1136, 1870

Соболев Леонид Алексеевич, 1138, 1147
 Соболев Пётр Алексеевич, 1119, 1120, 1122, 1134, 1141, 1147, 1159, 1170, 1171, 1184, 1185
 Соболев Сергей Львович, 1931, 1933
 Собянин, 494
 Собянин Константин, 295, 317, 319
 Собянин Николай Егорович, 541, 708
 Соколов В. С., 1238
 Соколов Владимир Константинович, 1029, 1033, 1040, 1043, 1066, 1067
 Соколов Михаил Михайлович, 609
 Соколов Николай Александрович, 533, 627, 635, 1866
 Соколова (Филимонова) Нина, 1066
 Соколова Александра Гавриловна, 1187, 1242
 Соколова Наталья Петровна, 1914
 Сократ, 303, 917
 Соловейчик, 1029, 1030, 1034, 1055, 1912
 Соловьёв Александр Титович, 860, 861, 914
 Соловьёв Василий Евгеньевич, 1150
 Соловьёв Владимир, священник, 147
 Соловьёв Михаил Федотович, 862, 863
 Соловьёва Анна Григорьевна, 148
 Соловьёва Ольга Александровна, 914
 Соловьёв-Седой Василий Павлович, 797
 Соломин, 1069
 Соломяк, 1029, 1055
 Сомов Коля, 1123, 1124, 1184
 Соничев Сергей Георгиевич, 1128, 1129, 1182, 1183
 Сорвин Николай Александрович, 996, 997
 София Слуцкая, святая, 1031, 1032
 Софроний (Арефьев), архиепископ, 44
 Спасский Михаил Иванович, псаломщик, 1423, 1465, 1524, 1527
 Спасский Сергей Михайлович, 535, 538, 636, 638, 1896
 Спасский Сергей Павлович, 513
 Сперанский Михаил Михайлович, 364, 488, 565
 Спиноза Бенедикт, 660, 667
 Ставровский Алексей Евграфович, 244, 287
 Ставровский Иван Николаевич, 30, 57, 225, 226, 227, 228, 232, 233, 245, 247, 274, 278, 297, 300, 318, 320, 333, 575, 666, 1863
 Сталин Иосиф Виссарионович, 690, 691, 1125, 1185, 1252
 Старцев Анект Антонович, 582, 596
 Старцев Василий Николаевич, 245, 296, 298, 315, 316, 317, 319, 320, 542, 631, 674, 675, 676
 Степанов, 531, 635, 638, 639, 1069, 1866, 1896
 Стерн Лоренс, 116
 Стессель Анатолий Михайлович, 147, 618, 619
 Стефан (Знамировский), архиепископ. См. Знамировский Николай Иванович
 Стефан Великопермский, святой, 697
 Стефановская, 1462
 Стефановская (Сильванова) Лидия Александровна, 135, 1334, 1414, 1461, 1462, 1514, 1515, 1516, 1557, 1768, 1803
 Стефановская Елизавета Ивановна, 134, 135, 567, 568, 1316, 1459, 1460, 1462, 1503, 1784
 Стефановские, 1458, 1459, 1460, 1462, 1516, 1606
 Стефановский Александр Павлович, 135, 567, 1414, 1458, 1459, 1460, 1461, 1462, 1480, 1516, 1768
 Стефановский Б. А., 1153
 Стефановский Владимир Александрович, 1803
 Стефановский Михаил Павлович, 1459, 1461, 1462

Стефановский Павел Александрович, 1297, 1333, 1334, 1414, 1458, 1459, 1460, 1461, 1462, 1466, 1771, 1795, 1859
 Столыпин Пётр Аркадьевич, 662, 804, 840
 Страхов Николай Николаевич, 374, 425, 426, 427, 618, 660
 Страшкевич Сергей Александрович, 430
 Строкин Михаил Порфирьевич, 533
 Струминский Василий Яковлевич, 397, 425, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 482, 617, 667, 812, 813
 Суворов Александр Васильевич, 161, 1408, 1530, 1545, 1647
 Суворов Пётр Михайлович, 1133
 Султанов (Сулейманов), 1466, 1606
 Сумароков Александр Петрович, 409
 Сусанин Б. И., 608
 Сусанин Иван, 802, 1424
 Сутрис Пётр Иванович, 1029, 1039, 1063
 Суханов Александр Степанович, 1308, 1332, 1377, 1535, 1536, 1537, 1538, 1568, 1598, 1599, 1700, 1718, 1884
 Суханов Коля, 1413
 Суханов Михаил Павлович, 1353, 1535, 1594, 1599, 1718, 1770, 1772, 1775, 1776, 1806
 Суханов Павел Александрович, 1535, 1594, 1599, 1718, 1806
 Сухановы, 1561, 1718
 Сухарев Сергей Аркадиевич, 430
 Сухарев Юрий Михайлович, 39, 92, 140, 454
 Сухов, 1769
 Сущинский Иван Яковлевич, 1026

Т

Талашманов Илья Ефимович, 1101, 1957
 Тальяфико Джузеппе, 539, 541, 570, 678, 1894, 1902
 Танов, 459
 Тараны, 1035
 Татур Пётр Гилярович, 1030
 Теккерей Уильям Мейкпис, 824
 Телицын, 1109, 1184
 Теодорович Иван Михайлович, 1030, 1063
 Теодорович Софья Оскаровна, 1063
 Теравский Владимир Васильевич, 1070, 1912
 Терентьев Николай Дмитриевич, 856, 885
 Терновский Сергей Алексеевич, 60, 391, 833, 912
 Терравский Степан Степанович, 1027, 1047
 Тёткин Андрей, 1126
 Тетюев Борис Иванович, 98, 112
 Тетюев Василий Иоаннович, протоиерей, 97, 98, 111, 112, 133, 361, 605
 Тетюев Иоанн Васильевич, диакон, 42
 Тетюев Иоанн Иоаннович, священник, 97, 98, 111, 112, 126, 131
 Тетюева Алла Петровна, 111, 112
 Тетюева Антонина Иоанновна, 98, 99, 108, 110, 111, 112, 113, 361, 372, 385, 605, 619
 Тетюева Милица Васильевна, 98, 112
 Тиме, 531, 639
 Тимофеев Т., 1936
 Тимухин Евлампий, 1137, 1172
 Тимухина Марина Евлампиевна, 1173
 Тинский, 490, 527
 Тит Ливий, 603
 Тихомиров Александр Иванович, 106, 133, 1254
 Тихомиров Андрей, 313, 315

Того Хэйхатири, 872
Толпин, священник, 901
Толстой Алексей Константинович, 177, 241
Толстой Лев Николаевич, 195, 197, 327, 393, 394, 449, 527, 620, 806, 809, 818, 828, 831, 833, 839, 873, 915, 917, 1315, 1364, 1562, 1633, 1651, 1693, 1721, 1759, 1777
Томский, 491, 1870, 1872
Топорков Аркадий, 317
Топорков Николай Алексеевич, 492, 566, 1661
Топорков Пётр Михайлович, 246, 287, 302, 541, 570, 1894
Топорков С., 492
Трапезников Андрей Михайлович, 1525, 1623, 1794, 1797
Трапезниковы, 1561
Третьяков Константин, 582, 598
Третьяков Леонид Аполлонович, 903
Троицкий Александр, 313, 315, 316
Троицкий Алексей Иванович, 613
Троицкий Николай Алексеевич, 301
Троицкий Николай Михайлович, протоиерей, 860, 861
Троицкий Фёдор Иванович, 799
Трофимов Иван Владимирович, 1110
Трошин И., 1136, 1146
Тузова, 1162
Тузова Александра Модестовна, 1236
Тупицины, 364
Тургенев Иван Сергеевич, 173, 192, 313, 327, 336, 370, 432, 435, 454, 470, 473, 481, 714, 805, 841, 996, 1077, 1298, 1339, 1498, 1524, 1530, 1548, 1568, 1599, 1601, 1650, 1659, 1689, 1699, 1877, 1959
Турчанинов Пётр Иванович, протоиерей, 244, 287, 317, 522, 532, 544, 548, 549, 551, 635, 639, 671, 888, 1862
Турчинский Иван Степанович, 1069, 1910
Турьгин Игорь Глебович, 1117, 1143, 1158
Турьшев Борис Фёдорович, 1155, 1541
Турьшева (Пятницкая) Софья Петровна, 1540, 1541
Туссен Шарль, 846, 917
Тюменцев Алёша, 1135, 1139, 1145
Тютчев Фёдор Иванович, 156, 175, 480, 673
Тюшняков Иван Григорьевич, 1422
Тюшнякова Елизавета Григорьевна, 131, 159, 160, 161, 162, 1335, 1361, 1406, 1407, 1409, 1410, 1412, 1415, 1416, 1418, 1420, 1421, 1422, 1480, 1481, 1496, 1532, 1593, 1665, 1682
Тююшев Константин, 1123, 1184
Тяжелов Виктор Викторович, 604

У

Увицкий Сергей Александрович, священник, 219
Удинцев Александр Николаевич, 292, 300, 575
Удинцев Александр Павлович, 582, 595
Удинцев Анатолий Тихонович, 296, 298, 314, 315, 317, 319, 320, 496
Удинцев Иван Павлович, 582, 595
Удинцев Константин Антонович, 96, 373, 380, 623
Удинцев Пётр, 315, 316
Удников Алексей, 135
Ундольский Александр, 313
Упоров, 136
Упоров Василий Дмитриевич, псаломщик, 1528
Ураевская Катя, 622
Ураевский, 622

Ураевский Коля, 622
Усов Василий Герасимович, 1914
Усов Сергей, 315
Успенская (Меркурьева) Елизавета Николаевна, 429, 430
Успенский Александр Павлович, 460, 479, 575, 623, 624, 1476
Успенский Александр Федосеевич, 429, 430, 624, 625, 626, 877
Успенский Владимир Павлович, 299, 1476
Устинов Виктор Михайлович, 1931
Устинов Иван Иванович, 236, 313, 706
Уфимцев Александр Петрович, 1712, 1799
Уфимцев Василий Самсонович, 1306, 1719, 1720, 1721, 1722, 1723
Уфимцев Николай Яковлевич, 1307, 1334, 1464, 1465, 1466, 1467, 1468, 1643, 1727, 1799
Уфимцева Александра Александровна, 1415, 1417, 1712
Уфимцева Матрёна Сергеевна, 128, 1375, 1590, 1674, 1676, 1678, 1682, 1695, 1785, 1787, 1799
Уфимцевы, 1561
Ушаков В., 1136, 1146
Ушинский Константин Дмитриевич, 440, 712

Ф

Фадеев Александр Александрович, 1663
Фадеевы, 990
Файтельсон, 1029
Фалалеев Александр Васильевич, 1304, 1630
Фалалеев Андрей Васильевич, 1303, 1630
Фалалеев Василий, 1375, 1630
Фалалеев Павел Васильевич, 1303, 1630
Фалалеевы, 1303, 1569, 1586, 1630
Фалес Милетский, 424, 1928
Фальковский Иосиф Львович, 44
Фаминский Валериан Александрович, 136, 381, 397, 407, 408, 410, 411, 412, 413, 421, 435, 437, 456, 511, 609, 613, 615, 654, 661, 1254
Фёдор Стратилат, 1568
Фейербах Людвиг Андреас, 1923, 1959
Фейт, 562, 637
Феофан (Ильменский), епископ, 55
Феофан (Моисеев), иеромонах, 870, 871, 914
Феофан (Прокопович), епископ, 259, 318, 409
Фигнер Медея Ивановна, 1485
Фигнер Николай Николаевич, 525, 526, 1484, 1871, 1883
Филарет (Дроздов), митрополит, 90, 1408, 1925, 1927
Филатов Н. М., 1233
Филимонова Галина Васильевна, 92
Филимонова Нина Владимировна, 1042
Филиппов Владимир Александрович, 293, 298, 313, 315, 316, 317, 319, 320
Филиппов Сергей Александрович, 243, 278, 287, 295, 298, 316, 317, 319, 320, 666
Филофей, иеродиакон, 145
Фирсанов Андрей Семенович, 1914
Флавианова Надежда Николаевна, 1559, 1761
Флегонтовы, 1334, 1400, 1798
Флёров Иван Александрович, 136, 410, 493, 904
Флёров Пётр, 309
Флор, святой, 1568, 1700
Флоринский Василий Маркович, 50
Флоров Иван, 315

Флоров Михаил Николаевич, 216, 217, 218, 219, 220, 228, 246, 253, 257, 279, 316, 319, 337, 387, 583
Флоров Сергей Михайлович, 219
Флорова Ольга Михайловна, 219
Флотов Фридрих Адольф Фердинанд фон, 1075
Фома, апостол, 1382
Фоменко Анатолий Тимофеевич, 437
Фонвизин Денис Иванович, 154, 271, 280, 291, 318, 323, 409, 492, 499, 659, 665, 1210, 1863
Фосс (де Фосс), 480, 614
Фофанов Павел, 316, 317
Фош Фердинанд, 1060
Фрейд Зигмунд, 1077
Фруэнтов Павел Иванович, 891

Х

Хавский Пётр Васильевич, 225, 229, 230, 231, 232, 288, 297, 316, 319, 513, 649, 898, 899, 1790
Хайдуков Владимир Иванович, 1136, 1146, 1159
Харин, 714
Харин Евфимий Дмитриевич, 582, 584, 585
Харитонов, 367
Харитоновна Екатерина Дмитриевна, 39
Харлампович Константин Васильевич, 60
Хаустович Соня, 1069, 1910
Хвалевнов Александр Васильевич, священник, 1025, 1026, 1027, 1053, 1069, 1070, 1072, 1905, 1906, 1907, 1908
Хвалевнов Георгий (Юрий) Александрович, 1053, 1054, 1055
Хвалевнов Пётр Александрович, 1030, 1036
Хвалевнова Валентина Ивановна, 1053
Хвалевнова Ольга Александровна, 1053, 1055, 1069, 1907
Хворов Владимир Анатольевич, 92
Хильми-паша Хусейн, 136
Хильтов Николай Николаевич, 609, 610
Хинич, 1029
Хирин, 1033, 1043
Хитров Николай, 315
Хлопин Константин, священник, 1398, 1559, 1699
Хлопина Валентина Константиновна, 1559
Хлопина Нина Константиновна, 1559
Хлынов, 1261
Хлюстин Гордей Давидович, 491, 526, 540, 667, 1423, 1870, 1872
Хмельнов Николай Иванович, 38, 582, 590, 591, 596, 641, 661, 680, 681, 682, 683
Ходаковская Ольга Ивановна, 39
Хомяков Алексей Степанович, 374, 375, 1409
Хомяков Иван, 313, 315, 316
Хохлов Александр Иванович, 494, 495, 538, 582, 597
Хохлов Михаил, 534, 535
Хохлов Павел Акинфиевич, 490, 527
Хрищевская, 1237

Ц

Царевский Алексей Александрович, 362, 823, 824, 825, 847, 884, 885, 887, 912, 913
Цветков Лев Николаевич, 1026
Целебровский Алексей Иванович, 574
Цельс, 1209, 1230
Церешкевич, 367

Церих, 1146
Циммерман Маргарита Владимировна, 603
Циммерман Оттилия Владимировна, 603
Циммерман Эвелина Владимировна, 603
Циммерман, сёстры, 26, 370, 526, 579, 603, 608, 1271, 1870
Цицерон Марк Туллий, 138, 413, 666, 1238, 1250, 1255
Цыпин Владислав Александрович, протоиерей, 64

Ч

Ч. Алексей Иванович, 498
Чадаев Александр, 623, 624
Чадаева Александра Константиновна, 1558
Чадаева Мария Константиновна, 1558
Чайковский Пётр Ильич, 247, 376, 479, 481, 486, 489, 497, 525, 562, 603, 1000, 1036, 1065, 1174, 1388, 1485, 1751, 1863, 1869, 1871, 1912
Чаклин Василий Дмитриевич, 1266, 1271
Чаплин Чарли, 1255
Чарушников Александр Игнатъевич, 1149, 1150, 1153
Челищев Михаил Николаевич, 1111, 1141, 1158, 1180
Челпанов Георгий Иванович, 426
Чемезов, 664
Чемезова, 284
Чепкасов, 1136, 1146
Чепурин Иван Андреевич, 1118, 1143, 1157
Черёмухин Григорий Никифорович, священник, 1760
Черёмухин Дмитрий Никифорович, псаломщик, 1760
Черёмухин Иван, 292, 315, 317, 319
Черёмухин Михаил, 296, 313, 315, 316, 317, 319
Черепанов Прокопий Васильевич (Проня), 1326
Черепанов Леонид Всеволодович, 582, 589
Черепанов Николай Андрианович, 1657
Черепанов Пётр Данилович, 1323, 1392, 1543, 1547, 1548, 1549, 1550
Черепанов Пётр Еремеевич, 1801
Черепанов Прокопий Константинович, 116, 1323, 1447, 1633, 1634, 1635, 1636, 1657, 1749, 1753
Черепанов Семён Иванович, 175, 1318, 1419, 1764, 1807
Черепанов Сергей, 385
Черепанов Сергей Данилович, 1321, 1452, 1548
Черепанова Мария Андриановна, 1657
Черепанова Мария Ильинична, 1322, 1350, 1388, 1392, 1656, 1657
Черепанова Мария Семёновна, 1319, 1419
Черепяхин Борис Борисович, 1215, 1236, 1238, 1240, 1241
Черепяхина Татьяна Борисовна, 1240, 1241
Черепнин Николай Николаевич, 561, 1888
Черкасов Николай Константинович, 442
Чернавин Алексей Иванович, 536, 616
Чернавин Борис Иванович, 1152
Чернавин Георгий, 582, 592
Чернавин Николай, 316
Черноуцан Александр Минович, протоиерей, 1026
Чернышевский Николай Гаврилович, 432, 573, 815, 1472, 1557
Черняев Пётр Николаевич, протоиерей, 605
Ческидовы, 1324
Чесноков, 535, 1406
Чесноков Александр Еремеевич, 1601, 1602
Чесноков Еремей, 1600
Чесноков Константин Еремеевич, 1601, 1602
Чесноков Павел Григорьевич, 1862

Чесноков Пётр Еремеевич, 1601, 1806
Чеснокова Мария Петровна, 1602, 1806
Чесноковы, 1319, 1418, 1600, 1806
Чехов Антон Павлович, 192, 230, 288, 291, 327, 492, 527,
528, 603, 620, 667, 817, 873, 898, 1131, 1359, 1361,
1401, 1464, 1476, 1477, 1480, 1495, 1499, 1589, 1676,
1689, 1756, 1799
Чечулин Б. Н., 596
Чирков Аркадий Яковлевич, 415, 416, 489, 525, 537, 539,
574, 627, 636, 637, 638, 1868
Чистяков Михаил Васильевич, 1112, 1113, 1119, 1121,
1142, 1157, 1158, 1170, 1171, 1179, 1180, 1186
Чумаков Иван Семёнович, 242, 639, 1896

Ш

Шадин, 1958
Шаляпин Фёдор Иванович, 401, 402, 455, 496, 510, 526,
556, 870, 1364, 1387, 1430, 1485, 1530, 1599, 1857,
1871, 1877, 1884, 1891
Шанявский Альфонс Леонович, 604
Шаров Александр Григорьевич, 1117, 1143, 1158
Шатобриан Франсуа Рене де, 824
Шахлевич, 1069, 1910
Шварёва, 368, 1454
Шевелины, 1261
Шевченко Тарас Григорьевич, 1069
Шейко, 1069, 1910
Шекспир Уильям, 221, 332, 824, 1004, 1258, 1721, 1725
Шелковкины, 1223, 1246
Шеломенцев Александр, 243, 287, 1254
Шенбах Эммануил Иванович, 992
Шендяпин П. М., 1251
Шепелёв Иван Михайлович, 1116, 1144
Шереметев Николай Петрович, граф, 1436, 1679, 1874
Шереметева (Ковалёва-Жемчугова) Прасковья
Ивановна, 1436, 1679, 1874
Шерстобитова Елена Степановна, 1410, 1413, 1423,
1558
Шестаков Василий, 396
Шестаков Иаков Васильевич, священник, 34, 35, 51, 57,
95, 703, 705, 707
Шестаков Константин Александрович, протоиерей, 456,
461
Шестаков Пётр Евгеньевич, 415, 525, 537, 539, 540, 574,
627, 636, 638, 1065, 1868, 1872
Шестидесятная А. С., 1116
Шефер, 1221, 1265
Шибакин, 1136, 1146
Шиллер Фридрих, 824, 846
Шилов Алексей Павлович, 430
Шилов Анатолий Владимирович, 39, 52
Шильдкрет Лейба Гиршевич, 1030
Шиляев Иван Антонович, 1610
Шиляев Сергей Иванович, 991, 992, 995, 1004, 1895
Шимановская Н. П., 1153
Шипиловский, 369, 459, 469
Ширман Григорий Игнатъевич, 241, 280, 295, 395, 396,
491, 541, 603, 661
Широков Михаил Михайлович, 1106, 1114, 1122, 1144,
1157, 1159, 1178, 1186
Ширяев Ваня, 160
Ширяев Гриша, 1412
Ширяев Иван Антонович, 1593
Ширяев Иван Иванович, 1593

Шитов, 415
Шишёв Александр Николаевич, 47, 55, 57, 149, 453, 493,
529, 1624
Шишкин Алексей Яковлевич, 124, 1680, 1763, 1767
Шишкин Иван Алексеевич, 1763
Шишкин Иван Иванович, 1687
Шишкин Иона Яковлевич, 1503, 1763, 1767
Шишкин Максим Алексеевич, 1786
Шишкин Яков, 1767
Шишкины, 1327, 1477, 1763, 1786
Шшонко Василий Никифорович, 371
Шкляев Александр, 582, 598
Шкулёв Николай, 313, 315
Шлиппенбах фон (Хоёцкая) Валентина Михайловна,
баронесса, 1041, 1062, 1063
Шлиппенбах фон Теодор Георг Элиз (Фёдор
Альбертович), барон, 1041, 1062
Шмидт Отто Юльевич, 1928
Шминке, 623, 624
Шнейдер, 622
Шнейдер Иосиф Яковлевич, 622
Шнейдер Яков Григорьевич, 482, 622, 623
«Шолин» Стёпа, 1457
«Шолины», 1303
Шопенгауэр Артур, 374, 645, 660, 1521
Шорштейн Константин Осипович, 490, 527
Штейнберг Лев Петрович, 1914
Штейнберг Михаил Карлович, 1906
Штейников Александр, 262, 295, 315, 317, 319
Штиглиц, 879
Штоколов Борис Тимофеевич, 1877
Штраус Давид Фридрих, 439, 829, 830
Шуберт Франц Петер, 386, 1164, 1599, 1889, 1909
Шубина, 1237
Шуйский Павел Александрович, 1262
Шулдаков, 1780
Шулина Зоя Михайловна, 1116, 1144, 1186
Шульженко Клавдия Ивановна, 1786
Шуман Роберт, 539, 1867
Шумская Елизавета Владимировна, 1628

Щ

Щеглов Михаил Михайлович, 31, 33, 45, 46, 55, 123,
237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247,
251, 268, 278, 279, 280, 281, 287, 302, 313, 314, 317,
320, 329, 330, 332, 333, 334, 336, 338, 339, 453, 491,
541, 542, 551, 561, 569, 570, 639, 645, 656, 658, 670,
705, 907, 1790, 1861, 1862, 1864, 1894, 1908
Щеглов Михаил Михайлович младший, 335, 338
Щеглова Варвара Михайловна, 332, 333, 334, 335, 338
Щеглова Людмила Алексеевна, 333
Щегловитов Иван Григорьевич, 662
Щепина Клавдия Васильевна, 1161
Щербович-Вечер Владимир Степанович, 1051, 1052,
1060
Щербович-Вечер Григорий Данилович, 1030
Щипанов Максим Фёдорович, 1163
Щука Таня, 1040, 1070, 1902, 1903
Щука Шура, 1040

Э

Эбгард, 1151
Эйзенштейн Сергей Михайлович, 442

Элледер Ричард Осипович, 1216, 1251, 1266
Эмилия, игуменья, 1893
Эпштейн, 1029, 1037, 1047
Эпштейн Беля, 1037, 1043
Эпштейн Гита, 1037
Эпштейн Додл, 1037
Эпштейн Зейде, 1037
Эпштейн Лева, 1037
Эпштейн Мардохей (Мордху), 1037, 1038
Эпштейн Нюня, 1037
Эпштейн Роза, 1037
Эпштейн Рохл, 1037
Эпштейн Соня, 1037
Эсливанов Василий Никитич, 888, 1892
Эшман Абрам, 1042

Ю

Югов Архип Григорьевич, 1315, 1316, 1538, 1806
Югова N Архиповна, 1806
Юговы, 1418, 1806
Юдельсон Карл Сергеевич, 1236
Юдифь, 1719, 1940
Южаков Александр Андреевич, 1710, 1711
Южаков Александр Вениаминович, 152, 155, 157, 162, 163, 1301, 1310, 1667, 1692, 1704, 1705, 1706, 1709, 1710
Южаков Алексей Егорович, 1301, 1350, 1662, 1690
Южаков Андрей Михайлович, 1299, 1301, 1302, 1378, 1710, 1802, 1886
Южаков Василий Андреевич, 1710
Южаков Василий Вениаминович, 1301, 1691, 1704
Южаков Вениамин Егорович, 1300, 1302, 1587, 1689, 1690, 1693
Южаков Егор Вениаминович, 157, 1301, 1692, 1704, 1710
Южаков Иван Андреевич, 1302, 1710
Южаков Иван Вениаминович, 1301, 1691, 1704
Южакова Анистья Андреевна, 1711
Южакова Анна Вениаминовна, 1301, 1692
Южакова Елена, 1302, 1710, 1711
Южакова Орина Андреевна, 1711
Южакова Парасковья, 1300, 1302, 1689, 1690, 1692, 1696
Южаковы, 1444, 1561, 1710
Юлиан Отступник, 263, 438
Юлий Цезарь, 513, 603, 616, 1228, 1230, 1238, 1250, 1453
Юмин Александр Васильевич, 582, 591, 592
Юмин Константин Васильевич, 582, 591, 681
Юнгеров Павел Александрович, 826, 827, 828, 829, 830, 884, 885, 910, 911, 912
Юрьев Александр Николаевич, 114, 374, 381, 424, 425, 426, 427, 428, 433, 437, 439, 447, 616, 617, 618, 660, 662
Юстиниан Великий, 1215
Юшков Борис Евгеньевич, 30, 301, 687, 688
Юшков Владимир, 313
Юшков Е., 1136, 1145
Юшков Евгений, священник, 333
Юшкова (Лирман) А. Е., 301
Ющинский Андрей, 1031

Я

Яворский Стефан, 409
Ягодовский Константин Павлович, 1161, 1186
Яковкин Александр, 582, 592, 593
Яковлев Савва Яковлевич, 72, 1166
Якушин Михаил Андреевич, 1151
Янишевская-Елецкая Мария Ульяновна, 910, 914, 1070, 1075, 1076, 1888
Янушевич, 1047
Ясинский Николай Михайлович, 1026
Ястребов, 1559
Ястребова (Ладыжниковна) Валентина, 1558
Ящинский, 624, 625

Н

N Агафья, 116, 1348, 1749, 1750, 1754, 1755, 1756, 1758
N Александра, 1655
N Алексеич, 1645, 1646
N Алексей Тихонович, 1594, 1595, 1596, 1597, 1598
N Алька, 1953, 1954, 1955
N Анатолий Константинович, 1167
N Андрей Абрамович, 895, 898, 1287, 1303, 1591, 1675
N Андрей Гурьянович, 1306, 1644
N Андриан, 1713
N Андриан Тимофеевич, 1322, 1474, 1656
N Анисим Михайлович, 199
N Анистья, 1607
N Анна Ивановна, 546, 1322, 1350, 1388, 1392, 1656, 1657, 1658
N Анна Петровна, 163
N Анна Степановна, 1479
N Анфиса Андриановна, 1540
N Архип, 1303, 1399, 1603, 1604, 1675
N Афоня (Дуня), 1729
N Ахмет, 1606
N Борис Семёнович, 1318, 1737, 1740
N Ванька, 152, 159
N Ваня, 151
N Варвара Артемьевна, 1212, 1233
N Варвара Ивановна, 153, 187, 1319, 1388, 1684, 1685, 1686, 1687
N Варвара Никитична, 1532
N Вася Курник, 1728, 1762
N Вера Ивановна, 1460, 1462
N Владимир, 1122, 1123, 1171
N Габриеля, 1070, 1904
N Григорий, 1787
N Григорич, 1645, 1646
N Гурьян, 1307, 1644
N Даниил, 1069
N Данилко, 1737
N Евдоким Никитич (Нюнька), 1291, 1307, 1376, 1377, 1522, 1527, 1531, 1532, 1533, 1534, 1536, 1568, 1709, 1885
N Егор, 124, 1749, 1755, 1758
N Егор Николаевич, 1323
N Екатерина Ивановна, 1377, 1535, 1536, 1537, 1598, 1699, 1700, 1701, 1702, 1731
N Екимушко (Якимушко), 1389, 1583, 1659, 1677, 1701, 1729, 1730, 1731, 1732
N Ермолай (Ермошка), 1299, 1402, 1470, 1581
N Ермошка, 157, 158
N Зинаида Цезаревна, 993

N Иван, 1685, 1702
N Иван Антонович, 469, 577
N Иван Иванович, 465, 466
N Иван Максимович, 1168
N Иван Михайлович, 1661
N Иван Степанович, 469
N Илья Сергеевич, 1469
N Иосиф, 462, 469, 470, 474, 576
N Каллистрат, 1777, 1778, 1779, 1780
N Карым, 1607, 1639
N Катерина, 1693
N Катерина Ивановна, 1884
N Кирилл, 1907
N Клаша, 1505
N Кондратий, 470, 478, 519, 520, 576, 577, 610
N Лола, 490, 527
N Людмила Григорьевна, 1261
N Максим, 1498
N Максим Фёдорович, 1618
N Мария Ильинична, 546
N Мария Петровна, 1655
N Мария Семёновна, 124
N Мария Сергеевна, 125
N Марья, 1350, 1662
N Марьяна, 1513
N Матвеич, 156
N Матрёна, 1490
N Микула, 1728, 1749
N Михаил, 467, 610
N Михаил Иванович, 1306, 1533, 1567
N Михаил Леонтьевич, 1710
N Михаил Павлович, 1305, 1399, 1592
N Миша-голубиша, 1762
N Настенька, 1735, 1736, 1792, 1894
N Настя, 151
N Никита, 1532, 1533
N Нина, 1534, 1607
N Олёна Ивановна, 1749, 1750, 1753, 1756, 1757, 1758
N Павел Игнатъевич, 1319, 1390, 1544, 1545, 1546
N Палагеюшка, 1658, 1659, 1660
N Парасковья Петровна, 1350, 1682, 1748, 1753, 1755,
1757, 1758, 1759
N Парфёныч, 486, 498, 573
N Петя, 470, 471
N Платон, 471, 610
N Прокопий, 998
N Проня, 1729
N Савватий, 1656
N Самсониха, 1402
N Степанида, 1736
N Стёпка (Егорко), 1730
N Стефан, священник, 1508
N Сусанна, 1559
N Терентий Яковлевич, 142, 1342, 1363, 1583, 1596,
1636, 1637, 1638, 1639, 1640, 1762, 1786
N Тима, 1498, 1647, 1648, 1649, 1650, 1660
N Тит Семёнович, 1318, 1737, 1740
N Ухват Карымович, 1604, 1607
N Фазыл, 1604
N Феврония, 1580, 1582, 1701, 1732
N Фёдор, 1675
N Фёдор, 1303, 1398
N Фёдор «Копалкин», 1398
N Фёдор Тимофеевич, 1675
N Федосья, 1037
N Филипп Григорьевич, 1543, 1659, 1660
N Филофей, 1714
N Ядвига, 1067
N Яша, 472, 473, 474, 475, 504, 509, 521, 610, 620, 695,
1675, 1693

ДЛЯ ЗАМЕТОК

DIXI ET ANIMAM LEVA VI.
В. А. ИГНАТЬЕВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

(составитель В. Г. Бояршинов)

- Часть I.
Семейная хроника Игнатъевых
- Часть II.
Камышловское духовное училище
на рубеже XIX – начала XX веков
- Часть III.
Пермская духовная семинария начала XX века
- Часть IV.
Казанская духовная академия начала XX века
- Часть V.
Бугурусланское реальное училище (1913-1914)
- Часть VI.
Годы жизни в Белоруссии (1916-1923)
- Часть VII.
Фабрично-заводские школы Верх-Исетского завода (1923-1939)
- Часть VIII.
Педагогическая деятельность в Свердловских институтах (1939-1956)
- Часть IX.
Очерки по истории Зауралья
- Часть X.

По всем вопросам и замечаниям
можно обратиться по электронной почте:
vitaboyarsh@yandex.ru

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 21.12.2018.
Объем 31,5 Мб. Электрон. текстовые данные. Заказ 877.